ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

МАЙ, 1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1881 г.

Стр.

ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ИЛОВАЙСКІЙ.

Съ современной фотографіи, рѣз. на деревѣ Пíанемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля 1881 г.

Типографія А. С. Суворина Эртелевъ пер., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ V

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ V

1881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1881

КАЛЕЙДОСКОПЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

1818, 1819 и 1820 годы.

(Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ князю П. А. Вяземскому).

Въ БЫТНОСТЬ нашего поэта, князя П. А. Вяземскаго, въ Варшавѣ, однимъ изъ наиболѣе плодовитыхъ его московскихъ корреспондентовъ былъ А. Я. Булгаковъ, впослѣдствіи занявшій мѣсто московскаго почтдиректора. А. Я. Булгаковъ являлся нѣкотораго рода центромъ, чрезъ который проходила корреспонденція и другихъ лицъ, близкихъ князю П. А. Вяземскому. Въ одномъ изъ писемъ своихъ А. Я. прямо говоритъ: „Ко мнѣ носятъ письма къ тебѣ, какъ бы въ нарочно для того учрежденный почтамтъ" [1]). Дружескій кружокъ лицъ, сгруппированный главнымъ образомъ около семейства графа А. И. Мусина-Пушкина, братья Тургеневы, Жуковскій, Ив. Ив. Дмитріевъ и многіе другіе, читали и перечитывали письма, приходившія изъ Варшавы, и переписка князя П. А. Вяземскаго совершенно утрачивала свой частный характеръ, становясь, по выраженію А. Я. Булгакова, „собственностью почти общественною". „Кто тебя здѣсь не знаетъ?—говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ князю Вяземскому. Кто тебя не любитъ? Кто не желаетъ знать, что̀ ты дѣлаешь? Ка̀къ время проводишь? А кто можетъ лучше все это пересказать тебя самого? Что̀ же выходитъ? Выходитъ, что письма твои малому числу избранныхъ даю читать цѣликомъ, второму разряду любопытныхъ прочитываю самъ параграфы, а подлому народу, сирѣчь черни, говорю: Вяземскій пишетъ вотъ то и то" [2]). А. Я. менѣе другихъ лѣнился писать къ князю П. А. и справедливо самъ себя называетъ „московскимъ исторіографомъ" поэта. Описывая, по его собственному выраженію, всѣ „обыденности"

---

[1]) Письмо 7-го октября 1818 года.
[2]) Письмо 22-го апрѣля 1818 года.

изъ жизни Москвы, А. Я. Булгаковъ нерѣдко улавливалъ какіе-нибудь полчаса, чтобы, воспользовавшись случаемъ отправленія курьера или эстафеты въ Варшаву, написать хотя нѣсколько строкъ не о личныхъ дѣлахъ, а именно о томъ, что̀ въ данный моментъ интересовало москвичей.

И дѣйствительно, помѣщаемое ниже извлеченіе изъ его писемъ, находящихся нынѣ въ архивѣ князя П. П. Вяземскаго, рисуетъ намъ московскую жизнь того времени въ мельчайшихъ подробностяхъ. Характеристики пользовавшихся тогда извѣстностью лицъ, на служебномъ поприщѣ, или просто въ общественныхъ и салонныхъ кружкахъ, политическіе взгляды, занимавшіе московское общество высшаго круга, новости дня, интимныя стороны московскихъ происшествій, увеселенія и празднества,—все это, какъ въ калейдоскопѣ, смѣняется одно другимъ въ письмахъ А. Я. Булгакова. Эта-то безсистемность придаетъ особенную оживленность письмамъ А. Я. Булгакова, которыя отличаются, сверхъ того, веселостью, мѣстами переходящею въ игривость. „Меня сахаромъ не корми"—говоритъ А. Я.,—а дай посмѣяться. „Cela ne me passera que quand la mort aura fini ma carrière" [1]. „Тургеневъ увѣренъ"—замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ [2]) — что я обо всемъ тебѣ пишу. Тамъ, гдѣ сражается перомъ Александръ Булгаковъ, союзника не нужно—говоритъ Жуковскій. Ладно! Для общихъ свѣдѣній, но какъ мы ни дружны въ нашемъ кругу, все есть нѣкоторые оттѣнки, кои одного минуютъ, а другого нѣтъ".

Въ своемъ извлеченіи мы выбирали изъ писемъ именно только „общія свѣдѣнія", гдѣ „союзниковъ" А. Я. Булгакову не нужно, и полагаемъ, что въ немъ достаточно обрисовывается московская жизнь 1818—1820 годовъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ. Всякая отдѣлка писемъ А. Я. намъ представлялась излишней въ тѣхъ видахъ, что, сглаживая нѣкоторыя шероховатости, по нынѣшнимъ требованіямъ литературнаго изложенія, мы, незамѣтно для себя самихъ, могли бы лишить печатаемыя письма ихъ живости и оригинальности.

Въ заключеніе два слова о полнотѣ описанія московской жизни въ письмахъ А. Я. Булгакова. Въ 1818 г. только за августъ мѣсяцъ нѣтъ писемъ изъ Москвы, такъ какъ въ то время А. Я. находился въ Петербургѣ; въ 1819 году съ 20 февраля по 17 марта А. Я. былъ въ своихъ бѣлорусскихъ деревняхъ, а съ 6 мая до конца года пробылъ за границей на лѣченіи. Что касается, наконецъ, писемъ 1820 года, то въ нихъ мы видимъ нѣкоторый перерывъ, приходящійся на лѣтніе мѣсяцы, когда А. Я. находился въ своей подмосковной.

Ѳ. Булгаковъ.

---

[1]) Письмо 6-го мая 1819 года.
[2] Письмо 6-го іюня 1818 года.

1818-й годъ.

Парадъ. — Новости дня. — Исторія Карамзина. — Ея критики. — Рѣчь Александра I въ Варшавѣ. — 1-е апрѣля. — Похороны князя В. В. Хованскаго.— Смерть Татищева. — День Свѣтлаго Христова Воскресенья. — Встрѣча съ А. И. Тургеневымъ.—Гроза.—Московскіе слухи: о смерти Бонапарта и о рѣчи государя въ Варшавѣ.—Рожденіе великаго князя Александра Николаевича.— Бригадиры.—Погода и гулянье на Пречистенкѣ.—Приготовленія къ крещенію великаго князя.—И. А. Нарышкинъ и графъ Лаваль.—Гренландецъ, покрытый чешуею —Влюбчивость А. И. Тургенева. — Радость государя по случаю рожденія великаго князя Александра Николаевича.—Крещеніе великаго князя.— Грусть Жуковскаго. — Несчастье съ Еловайскимъ. — По поводу пожалованія бригадира въ дѣйствительные статскіе совѣтники (Н. А. Дурасова).—Пріѣздъ въ Москву великаго князя Николая Павловича. — Путешествіе государя въ Одессу.—Вѣсти о Франціи.—По возвращеніи государя въ Москву. — Въ ожиданіи пріѣзда прусскаго короля.—Въѣздъ прусскаго короля въ Москву.—Росписаніе баловъ по случаю пріѣзда прусскаго короля.—Посѣщеніе ихъ величествами достопримѣчательностей города Москвы.—Отъѣздъ двора изъ Москвы.— Болѣзнь Жуковскаго.—А. Ѳ. Малиновскій.—Кончина Н. А. Дурасова.—Гроза и буря въ Москвѣ.—Магницкій.—Его пародія на „взятіе Бастиліи" въ Саратовской губерніи.—Волненія въ средѣ крестьянъ.—40 опекъ въ Симбирскѣ.— Плясунъ Финарди.—Н. И. Тургеневъ.—Отзывъ о Ермоловѣ. — Актриса Семенова.—Отзывъ о А. А. Майковѣ.—Смерть кн. А. Б. Куракина.—Скандалъ съ Сушковымъ.—Отзывъ о сочиненіи Н. И. Тургенева: „Опытъ о теоріи налоговъ".

Москва, 23 февраля, 1818 г.

Новости здѣшнія суть слѣдующія: монументъ Пожарскаго открытъ. Парадъ былъ хорошъ, народу бездна. Всѣ стѣны, башни, кровли, колокольни, были имъ усыпаны, но все обошлось холодно и безъ энтузіазма, коему противился полицейскій распорядокъ. И Шульгинъ [1]) съ хвастовствомъ говорилъ: „каково же—100 тысячъ было народу и никто ниже пикнулъ"; дивится, что ему не сказано спасибо, а я бы его разругалъ за это. Тоже было и въ вечеру въ собраніи, гдѣ давалась ораторія Пожарскаго (музыка Дехтерева, слова Горчакова), въ пользу инвалидовъ, собрано до 20,000 р.; было множество людей.— И. И. Дмитріевъ [2]) пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и получилъ, сверхъ того, столовыя деньги. Мартосъ [3]) пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а жалованье обращено въ пансіонъ. Ермоловъ [4]) за посольство въ Персію пожалованъ въ полные генералы и вся его свита награждена. Августинъ пожалованъ въ архіепископы московскіе.—Сегодня балъ (!) у Апраксиныхъ.— Козодавлевъ [5]) пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.—

[1]) Московскій оберъ-полиціймейстеръ.

[2]) Извѣстный баснописецъ и министръ юстиціи.

[3]) Извѣстный скульпторъ, составившій проектъ памятника Минину и Пожарскому

[4]) Алексѣй Петровичъ.

[5]) Министръ внутреннихъ дѣлъ.

Завтра dejeuné dansant у Ф. А. Толстого и балъ у князя Ф. Ар. Голицына (!!!).—Михаилъ Васильевичъ Гудовичъ [6]) отправился на тотъ свѣтъ.—Жихаревъ [7]) женится на какой то Нечаевой, которую очень хвалятъ.—Здѣсь только и чтенія, что исторія Карамзина.—Критикъ не видать еще.

По-французски: Basile Pouchkin [8]) dit que c'est le second livre après la Bible et les fables de Dmitrieff.

15 марта, 1818 г.

Появилось двое жестокихъ критиковъ на Карамзина. Это П. И. Сумароковъ [9]) и Ник. Ев. Кашкинъ; первый только жестокъ, а послѣдній былъ бы опасенъ, но, къ счастью, писать кажется не умѣетъ, а словесная критика недостаточна для сочиненія въ восьми большихъ томахъ.—Василій Львовичъ (Пушкинъ) здоровъ, плюетъ и потѣетъ, читая свои басенки.

26 марта, 1818 г.

Брату [10]) прислали рѣчь государеву. Есть пасажи замѣчательные, и здѣсь много толкуютъ о будущемъ, дѣлаютъ догадки и пр. [11]). Ну ты знаешь нашу Москву...

Изъ Европы, изъ Россіи, изъ Москвы, изъ Разгуляя,
въ день вшествія русскихъ въ Парижъ 1818 г.

День славный, конечно, но лучше бы днемъ позже, было бы 1-е апрѣля и... красавицы Разгуляйскія [12]) помогли бы мнѣ тебя помистифировать; увѣрилъ бы тебя, что Василій Львовичъ, не внемля воплю брата, сестеръ, друзей и цѣлаго Парнаса, вдругъ влюбился, женился на вдовѣ Пикара [13]), что Софья прелестная идетъ волею, а не неволею, за Николая Алексѣевича Дурасова [14]), что графиня Орлова пошла въ монастырь, что Жуковскій, поссорясь за вздоръ съ

---

[6]) Братъ фельдмаршала графа И. В. Гудовича.

[7]) Степанъ Петровичъ, авторъ „Дневника студента", и проч.

[8]) Василій Львовичъ.

[9]) Павелъ Ивановичъ, извѣстный въ то время писатель, авторъ „Досуговъ крымскаго судьи", „Обозрѣнія царствованія и свойствъ Екатерины II" и др.

[10]) Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, съ 1816 года почтъ директоръ въ Москвѣ, а съ 1819 г. по 1835 г.—въ Петербургѣ.

[11]) Рѣчь, сказанная императоромъ Александромъ I въ Варшавѣ при открытіи перваго сейма по возстановленіи Польскаго королевства. Въ этой рѣчи, государь обѣщалъ распространить либеральныя учрежденія на всѣ области своего государства.

[12]) Разгуляевскимъ обществомъ называлось семейство графа Мусина-Пушкина, по мѣстожительству на Разгуляѣ. Князь П. А. Вяземскій въ 1816 г. 8-го декабря написалъ стихотворное посланіе „Разгуляевскому обществу, которое гуляетъ на чужой счетъ, отъ Никитскаго отшельника, который прогуливается по комнатѣ". Подъ такимъ названіемъ это посланіе сохранилось въ автографѣ поэта, находящемся у внучки Пушкина, княжны Шаховской. Самое стихотвореніе напечатано въ III т. „Полнаго собранія соч. князя П. А. Вяземскаго", стр. 126—127.

[13]) По почерку можно читать: „Пекера" и „Пакера".

[14]) См. ниже письмо 17-го мая.

Анненковымъ, и именно за стихи, убилъ его изъ пистолета и пр., и пр... Жуковскій читалъ твой „Халатъ“ [15]), который лучше сенаторскаго мундира стихотворца Кутузова.

Сегодня хоронили мы бѣднаго старичка князя Василія Васильевича Хованскаго, который умеръ вдругъ за обѣдомъ у графини Строгоновой.

15 апрѣля, 1818 г.

Очень поразила всѣхъ внезапная смерть молодого Татищева, сына Алекс. Евграфовича. Все, что я знаю о немъ: что онъ былъ любимцемъ матери своей и что похороны его стоить будутъ 16,000 р.!! Нашего старика князя Василія Хованскаго дешевле похоронили; правда и то, что онъ не былъ любимцемъ никого съ тѣхъ поръ, что онъ лишился милостей государыни Елизаветы Петровны (у коей былъ пажемъ) за то, что засталъ ее на суднѣ.

Заутреню и обѣдню слушалъ во дворцѣ, гдѣ было большое стеченіе людей comme il faut и baisemain, пушечные выстрѣлы въ три пріема и тому подобное. Наши фрейлины были одна прелестнѣе другой, затоптали петербургскихъ. Ну гдѣ Валуевой, Волконской и пр. равняться съ Урусовой, съ Киселевой, съ Вяземской, съ Щербатовой, съ вашею Гагариной, съ Корсаковой и пр., и пр., и пр. Было очень тѣсно у Спаса за золотою рѣшеткой. Повѣрь мнѣ, эдакое богомолье предпочелъ бы ты и самому котиліону. Гляжу около барынь и барышень порхаетъ сердечкинъ нашъ... нѣтъ, угадай кто—ну, вѣрно не придетъ тебѣ въ голову, что Тургеневъ [16]), только что успѣвшій съ дороги выбриться и одѣться. Онъ проживетъ съ нами недѣли три. Подурнѣлъ, состарѣлся и все также вѣтренъ. „Что Вяземскій?“— Здоровъ, пишетъ и не по твоему, часто.—„Ахъ! когда будешь къ нему писать, мнѣ надобно ему писать“.—Мое письмо уже готово и отправляется по утру рано.—„Ахъ, бѣгу сейчасъ къ Бабкину, напишу хоть пару строкъ“.—Съ симъ словомъ бѣжитъ, встрѣчаетъ Туркестанову, говоритъ съ нею о библіи, забываетъ и Спаса, и золотую рѣшетку, и тебя, и фрейлинъ, пробуждается отъ пушечныхъ выстрѣловъ, возвѣщающихъ Воскресеніе Христово. Афишки Шульгина *) такъ безтолково и глупо были написаны, что всѣ съѣхались къ заутренѣ съ тѣмъ, чтобы цѣловать руку у государя, полагая, что Его Величество пріѣхалъ вдругъ, неожиданно, желая обрадовать матушекъ своихъ—Марію и Москву. Не тутъ то было. Процессъ по сему поводу между Шульгинымъ и Пашковымъ еще не конченъ.

Вчера былъ здѣсь ужасный громъ, молнія ударила у насъ въ слободѣ въ домъ Гаркера, ранила служанку, выбѣжала на дворъ, вошла

---

[15]) Стихотвореніе „Прощаніе съ Халатомъ“ написано въ 1817 г. 21-го сентября въ Остафьевѣ. Потомъ было напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г., № 37. См. III-й т. „Полн. Собр. Соч.“, стр. 150 и слѣд.

[16]) Александръ Ивановичъ.

*) Прим. I.

на кухню, переклеймила всю посуду мѣдную, мимо кошки, кинулась въ трубу и исчезла.

Въ воскресенье вѣнчаютъ длиннаго Обрезкова Семеновскаго, который женится на Шереметьевой. Въ Страстную по церквамъ не шатались, потому что время было дурное — вдругъ выпало снѣгу на пол-аршина.

Трубецкой собирается на встрѣчу къ прусскому королю. Бригадиры теперь говорятъ о смерти Бонапарта, возвѣщенной довольно подробно въ берлинскихъ газетахъ; нелѣпостей ихъ не стану тебѣ передавать. Здѣсь увѣрены многіе, что поляки протестовали противъ рѣчи государевой, что на ихъ артикулъ не согласны и именно на свободу крестьянъ. Все это такъ глупо, что не стоитъ труда быть повтореннымъ. По ихъ увѣреніямъ, зачинщики сопротивленія согласны въ Сибирь.

17 апрѣля, 1818 г.

Хотя я писалъ тебѣ вчера, любезный князь, но долженъ сегодня возвѣстить тебѣ радостное происшествіе для цѣлой Россіи. Великая княгиня Александра Θедоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени. Гдѣ? въ Москвѣ, въ Кремлѣ! Когда? Въ святую недѣлю! Чѣмъ? Сыномъ!! Великимъ княземъ! Имя? Александръ. Какое стеченіе радостныхъ обстоятельствъ!!! Въ городѣ радость, торжество, народъ стекается въ Кремль, гдѣ, по московскому обычаю, тотчасъ образовалось гулянье, въ каретахъ, колясках, дрожкахъ. Время прекрасное. Жуковскій былъ ввечеру у ея высочества, отъ которой получилъ приказаніе быть по утру въ восемь часовъ для обыкновенныхъ упражненій.—Муки начались въ десять часовъ вечера; въ пять часовъ великій князь (Николай Павловичъ), по незнанію, нѣсколько оробѣлъ, велѣлъ запречь карету, послалъ за своею матушкою, которая черезъ полчаса явилась, а въ 10 часовъ принчикъ взвидѣлъ свѣтъ. Завтра съѣздъ во дворецъ по утру и молебствіе въ Успенскомъ соборѣ. Съ радостнымъ возвѣщеніемъ отправляются въ Берлинъ Фридериксъ, къ императору Перовской [17]). По разсчету, государя достигнутъ въ Волынской губерніи.

18 апрѣля, 1818 г.

Пишу тебѣ только двѣ строчки, любезный князь, для препровожденія писемъ отъ Жуковскаго и Пушкина. Всѣ они и Тургеневъ обѣдаютъ у меня. Въ Кремлѣ было сегодня прекрасное зрѣлище. Народу тьма. Крещеніе черезъ три дня, съ большою пальбою. Волковъ очень занемогъ [18]).

---

[17]) Левъ Алексѣевичъ, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

[18]) Генералъ-лейтенантъ Александръ Александровичъ Волковъ, окружный начальникъ въ Москвѣ.

22 апрѣля, 1818 г.

Толстой, тотъ, котораго жена выписываетъ вина изъ Варшавы, вчера меня спросилъ, что пишетъ Вяземскій изъ Польши? Ну, думаю я себѣ на умѣ, кабы ты, бригадиръ, зналъ да вѣдалъ, что онъ пишетъ, какъ онъ выхваляетъ твои четверги и ту прелестную супругу, для которой ни одинъ столяръ не могъ еще сдѣлать надежной кровати, на случай какихъ-нибудь бригадирскихъ любовныхъ шалостей...

Журналъ сейма въ ту же минуту послалъ Ив. Ив. Дмитріеву, который благодаритъ тебя за его сообщеніе, а я ожидать буду продолженія. Глаза теперь обращены всѣ на васъ. Много выдумываютъ здѣсь нелѣпостей.

И при покойной Екатеринѣ бригадиръ былъ всегда твореніе жалкое, достигнувшее высочайшую степень своего превосходства. Кто съ 1796 года не умѣлъ выдти изъ круга сего, не умѣлъ пріобрѣсти ничего, не умѣлъ устыдиться ничтожества своего, кто въ одну милицію и въ одно ополченіе не умѣлъ какъ нибудь съ себя скинуть золотой темлякъ и пуговку на красныхъ обшлагахъ, чтобы сдѣлать шагъ впередъ, кто былъ въ халатѣ и въ Рязани, когда вся Россія была въ латахъ, и въ Можайскѣ, отъ того полезнаго, Вяземскій, чего ждать? Нелѣпостей! je les abandonne à leur triste sort!

Время у насъ очень холодное. Множество дамъ въ четвергъ на гуляньѣ простудилось. Въ пятницу на Пречистенкѣ былъ балъ у Потемкиной. Гулянье, не смотря на холодъ, было очень многочисленно. У всѣхъ одно плечо прѣло отъ солнца, а другое въ тѣни мерзло. Потемкина въ девяти-тысячномъ ландо, запряженномъ четырьмя (говорятъ) сорока-тысячными рысаками, выѣхала на гулянье съ Кайсаровою, Ланскою и княжною Софьею Голицыною. На Дѣвичьемъ Полѣ поровнялся съ ландо самъ Потемкинъ невидимка, сидѣвшій въ колясвѣ съ княземъ Андреемъ Голицинымъ, и у него четыре рысака. Вдругъ оба экипажа пустились скакаться во весь духъ. Все гулянье остановилось и съ ужасомъ смотрѣло на сіе небывалое зрѣлище. Лошадей насилу удержали подъ Воробьевыми горами. Бѣды не было никакой, а прекрасный полъ побѣду одержалъ надъ графомъ невидимкою.

Сегодня иду по всѣмъ комедіямъ подъ Новинское, а ихъ тамъ съ семь, и есть очень хорошія и человѣчьи, и лошадиныя, и собачьи и пр. Сегодня послѣднее веселье, но провозглашено много баловъ на Ѳоминой недѣлѣ и Тургеневъ *) востритъ свои ноги, (онъ) успѣлъ влюбиться въ Трусову, которая (кажется ему) похожа, какъ двѣ капли воды, на Марью Антоновну [19]). Еще нѣсколько часовъ и не станетъ двухъ цвѣтковъ: Нелединской и Шереметьевой. Азоръ вознаграждаетъ

*) Примѣчаніе 16.

[19]) М. А. Нарышкина, извѣстная любовью, которую къ ней питалъ императоръ Александръ I.

немиловидность своего лица богатыми подарками. Онъ подарилъ Земирѣ жемчужныя три нитки въ 35,000 р., фермуаръ въ 15,000 р. и шаль голубую въ 8,000 р. Я думаю, что въ четвертомъ актѣ оперы услышимъ Земиру, поющую „je t'aime, Azor", а ежели не Азору, то запоетъ другому. Онъ, мнѣ кажется, будетъ ревнивъ. Это — самая вѣрная дорога подпасть подъ пару вашему Коткевичу. Ихъ вѣнчаютъ во дворцѣ со всѣми обыкновенными почестями.—Жуковскій собирается къ своимъ въ деревню, недѣли на двѣ. Великія дѣлаются приготовленія для крещенія. Ив. Алек. Нарышкинъ прискакалъ безъ ума изъ Петербурга, думая, что въ таковыхъ случаяхъ церемоніймейстеръ нужнѣе кума и кумы. Лаваль, говорятъ, въ отчаяньи, что не хватился и далъ себя опередить. Какой бы случай получить Анну по всему брюху!

28 апрѣля, 1818 г.

Что ты меня дразнишь афишами! и у насъ есть на что деньги тратить. Пріѣхалъ сюда славный гренландецъ, внукъ еще славнѣйшаго гренладца, о коемъ говоритъ Бюфонъ. Человѣкъ сей въ 29 лѣтъ весь покрытъ черною чешуею, длиною въ иныхъ мѣстахъ въ ноготь. Лице бѣлое. Чешуя эта производитъ трескъ.

. . . .

У васъ слона показываютъ, а у насъ продаютъ слоновъ, такъ ихъ много; и такъ, время хорошее!

Тургеневъ *) собирался самъ тебѣ писать, но я что-то сомнѣваюсь. Развѣ вздумаютъ въ котиліонѣ фигуру, по которой всякое дѣйствующее или вальсирующее лицо обязано тебѣ написать что-нибудь. Вчера влюбился бы онъ въ Урусову, но молодая Обрескова (молодая по лѣтамъ и молодая по обручальной церемоніи) сбила его съ пути и онъ не знаетъ самъ, на что рѣшиться; вѣроятно, созоветъ для этого предмета всѣхъ архіепископовъ, не выключая и смиренномудраго монсиніора Бадоуца. Подлинно хороша Обрескова: вальсируя, какъ-то мечется съ боку на бокъ очень сладострастно и дышетъ кавалеру своему въ ротъ какимъ-то пламеннымъ ароматомъ...

Благодарю за рѣчь государеву. У насъ теперь время хорошее, дѣло гулевое и, кромѣ пахабныхъ рѣчей, нечего тебѣ сообщить...

Крещеніе великаго князя отложено до будущаго воскресенья. Странно, что великій князь родился во время парада, въ ту минуту, какъ скомандовали скорый маршъ. Извѣстіе сіе радостное получено въ Петербургѣ также во время парада и также въ ту минуту, какъ разводъ пошелъ скорымъ маршемъ.

2 мая, 1818 г.

Пріѣхалъ Перовскій **) отъ государя, который чрезмѣрно былъ обрадованъ племянникомъ. Гонецъ-вѣстникъ пожалованъ капитаномъ,

---

*) Примѣчаніе 16.

**) Примѣчаніе 18.

а новорожденный — шефомъ лейбъ-гусарскаго полка. Великій князь сказалъ, что получилъ прекрасное письмо отъ государя. Жуковскій спросилъ, можно ли прочесть оное. Великій князь отвѣчалъ, что оно не для всѣхъ. Перовскій возразилъ, что, по крайвей мѣрѣ, письмо для немногихъ. Великій князь посмотрѣлъ на Жуковскаго, улыбнулся и перемѣнилъ рѣчь.

6 мая, 1818 г.

...Вчера происходило крещеніе великаго князя. Время было прекрасное. Страшное стеченіе народа, пушечная пальба и пр. Четверо отправляются съ извѣстіемъ о разрѣшеніи отъ бремени великой княгини. Чернышевъ [20]) надѣлъ свой капотъ, поскачетъ туда, гдѣ Бернардотъ; Ожаровскій [21]) ѣдетъ въ Вѣну, mais comme Vienne n'est plus dans Vienne, il ira chercher Vienne en Dalmatie. Не знаю, кто другіе два гонца и куда именно слѣдуютъ; одинъ, кажется, въ Голландію и Англію...

Встрѣчаю вчера Жуковскаго: „Стой! стой! здорово! здорово! Куда ты?"—Къ Тургеневу! А ты?—„Къ нему-же!"—Сядемъ вмѣстѣ!—„Что ты, братъ Жуковскій, такъ нахмуренъ?"—Не очень здоровъ, да и грустно.—„Грустно? Что за печаль?"—Мнѣ грустно, что давно не писалъ къ Вяземскому.—„Ха! ха! ха! вотъ забавно, да кто же тебѣ мѣшаетъ писать, возьми перо, обмакни въ чернила, напиши письмо, и отдай мнѣ, а я отправлю въ Варшаву, только и дѣла".—Да оно такъ, знаю, да все не ходится, не пишется, оттого-то и грустно, серьозно грустно!.. Онъ (Жуковскій) послѣзавтра ѣдетъ въ деревню, говоритъ — на мѣсяцъ, тамъ я думаю еще будетъ грустнѣе ему, и оттуда еще менѣе будешь получать писемъ отъ него...

13 мая, 1818 г.

...Въ случаѣ индижестіи закуси прилагаемыми здѣсь стихами Жуковскаго, на рожденіе московскаго великаго князя Александра Николаевича. Сочинитель уѣхалъ въ деревню. Тебѣ извѣстно, должно быть, въ грусти ли онъ поѣхалъ или нѣтъ...

Лихорадка завладѣла всей Москвой. Тургеневъ *) со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступаетъ къ отъѣзду въ Петербургъ. Онъ безъ памяти отъ Москвы, отъ здѣшнихъ кулебякъ и отъ Марьи Алексѣевны Толстой...

Въ городѣ нѣтъ ничего новаго. Императрица Марія Федоровна изволила возвратиться изъ богомольнаго путешествія въ Троицу, Ростовъ и Воскресенскъ. Свита была большая: Пашковъ, Мухановъ, Неждановъ, графиня Орлова и пр. и пр. Завтра отправляется въ тѣ же

[20]) Генералъ-адъютантъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ, впослѣдствіи князь, военный министръ и предсѣдатель государственнаго совѣта.

[21]) Генералъ-адъютантъ, другъ Карамзина и приближенное лицо къ императору Александру.

*) Примѣчаніе 16.

святыя мѣста императрица Елизавета Алексѣевна. Алекс. Львовичъ [22]) готовитъ въ Кунцовѣ большіе праздники: одинъ для прусскаго короля и для двора, а другой, большой, для всего города. Здѣсь очень жалѣютъ о молодомъ Еловайскомъ, который намедни на ученьѣ былъ сбитъ съ лошади, затоптанъ кавалеріею и убитъ на мѣстѣ. Въ Москвѣ скучно.

17 мая, 1818 г.

Съ появленіемъ новорожденнаго твоего сына отъ всей души тебя поздравляю... Новорожденному желаю умъ отца, любезность матери и здоровье Геркулеса Фарнезскаго. Ты велишь мнѣ препоручить его благосклонности московскихъ бригадировъ: одного нѣтъ какъ нѣтъ! Ты вѣдь зналъ отличнѣйшаго изъ нашихъ бригадировъ, ну, зналъ Николая Алексѣевича Дурасова! Увы!! Вчера поѣхалъ онъ въ Люблино, послѣ обѣда ожидали его назадъ. Въ вечеру пріѣзжаетъ губернаторъ Дурасовъ, объявляетъ, что родственникъ его, милый хлѣбосолъ, украшеніе бригадировъ, однимъ словомъ, Николай Алексѣевичъ Дурасовъ неожиданно... пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Ты спросишь, за что? А я у тебя спрошу: а за что былъ онъ пожалованъ въ бригадиры-то? Ну, за то же и въ слѣдующій чинъ. Придрались къ коммисіи гр. Головина, въ коей онъ присутствовалъ. Не дай Богъ Кошкину, Уксуснику Волконскому, Степанидскому мужу и прочему стаду бригадировъ попасться въ коммиссіи. Ну какъ всѣхъ пережалуютъ? Чѣмъ будетъ славиться, или, лучше сказать, гордиться наша Москва? Полно, нечего бояться: по милости фонъ-Визина, бригадиры безсмертны. Пусть ихъ смерть истребляетъ, пусть царь жалуетъ, не боимся... Тургеневъ *) уѣхалъ въ Петербургъ, а Жуковскій — въ деревню. Отсутствіе ихъ очень для насъ чувствительно...

Въ городѣ много больныхъ; время все стоитъ холодное, никого не пускаетъ въ деревню, куда, впрочемъ, никому не хочется отъ прусскаго короля...

За журналъ сейма благодарю [23]). Ожидать буду продолженіе, а Ив. Ив. Дмитріеву сообщу прилагаемый листокъ. Въ городѣ нѣтъ совершенно ничего новаго. Родила полиціймейстерша Ровинская, да что тутъ за польза и что тутъ за радость?.. Умеръ Хрущовъ воспитательнаго дома. Ну что тутъ за потеря и что тутъ за горе? Завтра въ Нескучномъ пускаютъ шаръ. Ну что тутъ за небывальщина? Всѣ наши новости этого же разбора, а писать тебѣ слухи московскіе, такъ не напасешься бумаги... Великій князь всякій день учитъ здѣшнее войско. Будетъ чему любоваться прусскому королю.

---

[22]) А. Л. Нарышкинъ, оберъ-камергеръ, канцлеръ россійскихъ орденовъ, въ 1798 г. послѣ князя Юсупова, управлявшій театральными зрѣлищами.

*) Примѣчаніе 16.

[23]) Т. е. польскаго сейма.

23 мая, 1818 г.

....Великій князь пріѣхалъ сюда вчера по утру прямо къ матушкѣ своей, потомъ, снявъ ленту, поѣхалъ къ Тормасову [24]), не засталъ дома, вызвалъ швейцара и сказалъ ему: „доложи графу А. П., что я, пріѣхавъ въ Москву явился къ московскому военному генералъ-губернатору". Къ Юсупову [25]) было писано отъ князя П. М. Волконскаго [26]) слѣдующее: для великаго князя не дѣлать никакихъ приготовленій, ибо его императорское величество и его высочество согласились жить вмѣстѣ. И подлинно цесаревичъ живетъ въ государевой уборной. Тормасовъ хотѣлъ представить всѣхъ московскихъ, но великій князь отвѣчалъ, что не надобно, что принимать у себя мѣста нѣтъ, а въ государевыхъ покояхъ неприлично. Москва очень понравилась его высочеству. Il a dit à Tormassow: j'aime mieux Moscou, c'est une ville, Petersbourg est une caserne. Сегодня князь Сер. Мих. Голицынъ угощаетъ императрицу Марію Федоровну въ своей подмосковной (мельницѣ). Государь будетъ здѣсь 1 іюня, а прусскій король 5-го. Первую ночь проведетъ въ Кунцовѣ у Алек. Львов. [27]), который готовитъ большое угощеніе, а на другой день въѣдетъ парадомъ въ Москву—вотъ всѣ наши новости...

Государь очень былъ доволенъ Одессою. Ассигновалъ важныя суммы на украшеніе города. Ланжерону [28]) пожалована аренда въ 10.000 руб. сер. Аббату Николю [29]) пожалована алмазная Анна, а дюку Ришелье [30]) отправлены изъ Одессы андреевскіе знаки. Въ Кишиневѣ надѣта на Бахметева [31]) александровская лента. Милости сыплются на пути государевомъ. Вездѣ принимаютъ его съ восторгомъ.

28 мая, 1818 г.

Вѣсти твои о Франціи неутѣшительны, но забавны. Подлинно для нихъ пѣсни то, что̀ для нашихъ бригадировъ вистъ. Только того и гляжу, что въ томъ вистѣ станутъ бить своихъ, а тамъ придетъ охота бить чужихъ и выйдутъ такіе ремизы, что не разыграешь ихъ лѣтъ въ пять. Будь воля Божія.

---

[24]) Тогдашній Московскій генералъ-губернаторъ.

[25]) Князь Николай Борисовичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, главноуправлявшій экспедиціею Кремлевскихъ строеній и оружейною палатою.

[26]) Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, министръ двора.

[27]) Нарышкина.

[28]) Генералъ-отъ-инфантеріи графъ Ланжеронъ, тогдашній начальникъ Новороссійскаго края.

[29]) Извѣстный педагогъ.

[30]) Одесскій генералъ-губернаторъ.

[31]) Генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣй Николаевичъ, Нижегородскій и Казанскій генералъ-губернаторъ.

30 мая, 1818 г. (эстафета).

Въ губерніяхъ мужички шалятъ, не повинуются, бредятъ о вольности.

3 іюня, 1818 г.

Вчера видѣлъ я государя, выходящаго изъ церкви (Троица, на Пречистенкѣ), гдѣ была обѣдня и весь измайловскій полкъ. Свѣжъ и бодръ. Кто бы подумалъ, что исколесилъ нѣсколько тысячъ верстъ? Пріѣхавъ сюда 1-го числа въ половинѣ четвертаго по утру, государь тотчасъ сѣлъ работать, въ шесть часовъ былъ у императрицы, въ семь—у великой княгини, въ 9 верхомъ у развода, а въ первомъ объѣзжалъ городъ въ дрожкахъ. Иной несвѣдущій, право, полагалъ государя въ Ришельевскомъ лицеѣ, а онъ передъ московскимъ университетомъ. Возвращаюсь ко вчерашнему дню. Вышедъ изъ церкви, государь сѣлъ на лошадь, прокомандовалъ самъ измайловцамъ, пошедшимъ домой, изволилъ нѣсколько проѣхать по Пречистенкѣ, потомъ сѣлъ съ цесаревичемъ въ коляску свою и поѣхалъ во дворецъ, гдѣ обѣдалъ генералитетъ и всѣ офицеры измайловскаго полка. Вчера былъ ихъ полковой праздникъ... Прусскій король будетъ завтра, говорятъ. Не можешь представить себѣ любопытство всѣхъ его видѣть. Окна на тѣхъ улицахъ, гдѣ ему ѣхать, нанимаются, платятъ по 50 р. за окно. Сегодня король долженъ ночевать въ Кунцовѣ, куда поѣдетъ великая княгиня, а завтра въѣздъ въ городъ парадомъ съ императоромъ, великимъ княземъ, дворомъ и генералитетомъ верхомъ по Арбату, Вдвиженкѣ (мимо тебя!!), мимо экзерцизгауза, университета, въ Воскресенскія вороты, мимо Пожарскаго и Минина, въ Спасскія вороты.

Вотъ какъ дѣло разсказываютъ, но дѣло въ томъ, что два дня идетъ проливной дождь и холодно. Возлѣ Москвы дѣлаются чудеса: у П. П. **Нарышкина** явилось въ деревнѣ, по смоленской дорогѣ, столько жуковъ черныхъ, что они объѣли маленькую березовую рощу, а у С. С. **Апраксина** [32]) шелъ 8 часовъ снѣгъ, такъ что принуждены были скотину загнать съ поля. Здѣсь баронъ **Сакенъ** [33]) коего ты, помнишь, **воспѣлъ у брата** за обѣдомъ. Онъ, говорятъ, заступитъ мѣсто Барклая, его же заступитъ мѣсто [34]) генералъ адъютантъ **Щербатовъ**, а Витгенштейново—князь **Д. В. Голицынъ** [35]). Го-

---

[32]) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, бывшій въ 1803 г. смоленскимъ военнымъ губернаторомъ.

[33]) Стихи на обѣдѣ, устроенномъ барону Сакену 13 декабря 1816 г. (впослѣдствіи фельдмаршалу и князю), помѣщены были въ „Сынѣ Отечества" 1816 г., № 52 въ статьѣ „Два губернатора", подписанной А. Б. (Александръ Булгаковъ). См. III т. „Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго", стр. 125 и примѣчаній стр. III-ю.

[34]) Князь Алексѣй Григорьевичъ, командиръ одного изъ армейскихъ корпусовъ.

[35]) Князь Дмитрій Владиміровичъ, извѣстный впослѣдствіи Московскій генералъ губернаторъ.

ворятъ, что и Евгеній Марковъ [36]) будетъ имѣть корпусъ. Гулянье въ Марьиной рощѣ было прекрасно. Императорская фамилія и куча народу.

6 іюня, 1818 г.

О чемъ говоритъ весь городъ? О прусскомъ королѣ. Ну и я тебѣ буду говорить о немъ, любезный князь.

Король въѣхалъ въ Москву 4-го числа въ первомъ часу, но начну сказку съ начала. Наканунѣ, 3-го, подъ вечеръ, прислали къ брату за двумя курьерскими тройками. Вышло, что лошади для самого Государя, который, получа отъ Трубецкаго фельдъегеря съ извѣщеніемъ, что король подъѣзжаетъ къ Москвѣ, поскакалъ къ нему на встрѣчу. Государь встрѣтился съ королемъ, не доѣзжая Перхушкова, на 23-й верстѣ. Оба въ одно время закричали: „стой!" Выскочили, не смотря на грязь, изъ повозокъ и кинулись другъ другу въ объятія. Императоръ сѣлъ къ королю въ коляску и такимъ образомъ ихъ величества прибыли въ Кунцово къ Александру Львовичу. Тутъ великая княгиня Александра Федоровна ожидала родителя своего на лѣстницѣ. Свиданіе сіе нѣжное очень было трогательно. Долго цѣловались и насилу оставили другъ друга. Король ночевалъ въ Кунцовѣ, а Государь возвратился при факелахъ въ Москву. На другой день, 4-го, время было скверное, дождь и холодъ; но государь нашъ, кажется, не довольствуясь славою царствовать надъ русскими, повелѣваетъ и стихіями. Онъ только что на коня, погода въ 11 часовъ сдѣлалась прекрасная, теплая и теперь такая же стоитъ. Отъ Дорогомиловской заставы, вдоль по Арбату, по Знаменкѣ, до Боровицкихъ воротъ, потомъ вправо, по набережной, противъ Москворѣцкаго моста, вверхъ къ Лобному мѣсту, стояла по лѣвую сторону гвардія и корпусъ графа Толстого (кавалерія по набережной). Тротуары со всѣхъ сторонъ были набиты народомъ. Окна, балконы и подмостки, нарочно сдѣланные за заборами, были усѣяны дамами и такъ называемыми gens comme il faut. Шляпокъ то! Цвѣтовъ! Платочковъ! Шалей! etc. Ну, конца нѣтъ! Прекрасная картина! Какъ скоро король подъѣхалъ къ заставѣ, выстрѣлили изъ пушекъ 101 разъ и колокола пошли трезвонить. Государь тутъ ожидалъ своего союзника и всѣ сѣли на коней и пустились вышеозначеннымъ трактомъ. Народъ и войско кричали „ура!" Крикъ этотъ не прерывался до самаго дворца. Король и принцъ были въ голубой лентѣ, а государь и великіе князья въ Черномъ Орлѣ и всѣ прочіе наши генералы, имѣющіе Чернаго или Краснаго Орловъ, оныхъ не скидаютъ. Король ѣхалъ впереди, а государь немного позади вправо. Король часто повторялъ войску: „Здорово ребята"!... За парадъ отдано благоволеніе и, особенно, корпусу Толстого, въ которомъ, по приказу, замѣчена отличная чистота, исправ-

[36]) Евгеній Ивановичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, бывшій командиръ 2 армейскаго корпуса.

ность; пожаловано по рублю, фунту говядины и чаркѣ вина. Сегодня большой съѣздъ во дворцѣ и государь самъ всѣхъ изволилъ представить прусскому королю. Сегодня балъ въ Грановитой. Онъ длился менѣе обыкновеннаго. Король бралъ все тѣхъ дамъ, коихъ государь удостоивалъ выбирать... Вотъ что происходило до сихъ поръ, а вотъ что еще виситъ на носу: 7-го—балъ у графа Тормасова. 9-го—балъ въ Благородномъ Собраніи. 11-го—у графини Орловой. 12-го—праздникъ въ Архангельскомъ у Юсупова. 13—праздникъ въ Коломенскомъ и Царицынѣ. 14-го—гулянье и иллюминація въ дворцовомъ саду. Въ промежуточные дни роздыхъ. Государь изволитъ отбыть 12-го числа въ Петербургъ одинъ. При королѣ: князь Трубецкій, Стан. Потоцкій, Александръ Львовичъ (Нарышкинъ), оберъ-шталмейстеръ Мухановъ и князь Сер. Мих. Голицынъ. При принцѣ—Киселевъ и Шепингъ.—Объявлена помолвка Закревскаго [37]). Государь послалъ вчера князя Петра Михаиловича *) къ бригадиру и Степанидѣ поздравить ихъ и сказать, что они не могли сдѣлать лучшаго выбора для своей дочери...

Брату лучше, и онъ вчера представлялся королю. Въ свитѣ короля пятизвѣздный принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій, а съ государемъ пріѣхалъ краснoштанный принцъ Гессе-Гомбургскій. Дамы, да и многіе бригадиры, смѣются его одѣянію, ну, точно какъ будто двѣ палочки сургучу разгуливаютъ по залѣ...

8 іюня, 1818 г.

...Я тебѣ послалъ росписаніе всѣхъ баловъ. Кромѣ того, всякое утро государь возитъ короля прусскаго смотрѣть все, что есть примѣчательнаго въ городѣ. Сію минуту возвращаюсь изъ Архива, который былъ посѣщенъ ихъ величествами: государь былъ доволенъ порядкомъ, а ужъ какъ вралъ по-французски Малиновскій [38]), такъ изъ рукъ вонъ. Какъ потѣлъ! Чуть насъ всѣхъ не потопилъ. Изъ Архива поѣхали въ Покровскія казармы, въ Донской монастырь и въ комисаріатъ... Вчера на балѣ объявлена помолвка Полторацкаго съ княгинею Голицыною. ...Здѣсь говорятъ объ отъѣздѣ (изъ Москвы): 9-го іюня—великій князь Александръ Николаевичъ. 12-го—государь; 13-го — императрица Елизавета Алексѣевна; 14-го — великій князь Николай Павловичъ въ Воскресенскъ закладывать церковь, по обѣщанію, а оттуда въ Петербургъ; 15-го—прусскій король и 16—императрица Марія Θедоровна.

11 Іюня, 1818 г.

...Король прусскій, кажется, усталъ отъ этой чрезмѣрной дѣятельности тѣла (на ежедневныхъ балахъ), къ которой не привыкъ. Въ

---

[37]) Арсенія Андреевича, впослѣдствіи графа и московскаго генералъ-губернатора.

*) См. прим. 26.

[38]) Алексѣй Θедоровичъ Малиновскій, директоръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

городѣ нѣтъ ничего, кромѣ назначенія барона Сакена на мѣсто покойнаго Барклая. Tout lui sourit maintenant. Володя Пушкинъ добивается къ нему въ адъютанты. Дибичъ [39]) пожалованъ въ генералъ-адъютанты третьяго дня. Жуковскій пріѣхалъ, наконецъ; не очень здоровъ, жалуется грудью, однако же, мы его причесали, одѣли и повезли на балъ въ собраніе. Онъ говоритъ, что нѣтъ, но мы его увѣрили, что ему очень было тамъ весело. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ и все еще грустить, что давно къ тебѣ не писалъ...

14 іюня, 1818 г.

...Государь взялъ Тормасовскія представленія съ собою въ Петербургъ, но его очень благодарилъ за Москву и сказалъ, что будетъ сюда опять зимою, и велѣлъ впредь посылать себѣ рапорты дневные московскіе, гдѣ бы онъ ни находился. Юсуповъ, который помирился послѣ долгихъ споровъ на 150 тысячахъ вмѣсто трехсотъ, сыномъ его проигранныхъ, былъ довольно подлъ (чтобъ) жаловаться государю. Государь приказалъ сказать старику Алябьеву, что, въ уваженіе его службы и лѣтъ, онъ прощаетъ этотъ разъ Шатилову и сыну его Василію Ан., а Дмитріеву приказалъ воспретить въѣздъ въ столицы. Voilà une vengeance basse et tardive...

Жуковскій и Батюшковъ уѣхали очень рано, первый—въ Петербургъ, а послѣдній—въ Одессу, купаться въ море. Послѣзавтра ѣдетъ императрица Марія Феодоровна. Съ симъ отъѣздомъ настанетъ здѣсь прежняя тишина...

27 іюня, 1818 г.

...Да что ты ко мнѣ привязался—одно да одно! Кто былъ воспріемникомъ великаго князя Александра Николаевича? Ну, прусскій король, да императрица Марія Федоровна. Успокоился ли, мой батюшка? Всѣ отсюда уѣхали, всѣ уже въ Петербургѣ. День поговорили, а тамъ какъ будто и не бывало двора здѣсь. Закрытіе англійскаго клуба болѣе бы заставило лепетать, нежели отъѣздъ двора. Ты угадалъ: Шульгинъ подлинно показывалъ пожарныя трубы королю. „Il faut voir l'armée à un jour de bataille" — сказалъ нѣкто изъ свиты. На другой день явился и пожаръ. Многіе подумали, что Шульгинъ зажегъ нарочно; ежели бы и было что, то онъ бы доказалъ, что плохо гаситъ, но мастеръ зажигать. Шесть домовъ сгорѣли, а можно было расплатиться двумя. Ты угадалъ, что Малиновскій потѣлъ въ Архивѣ и вспахивалъ французскія фразы. Государь сказалъ ему спасибо, но намъ хотѣлось не того, а какого-нибудь орденка. Онъ приготовилъ выписку изъ прусскихъ дѣлъ, написалъ пышную дедикасу, надоѣлъ всѣмъ этимъ Несельроду [40]) до того, что далъ Малиновскому дружескій совѣтъ выписокъ своихъ не подносить. Малинов-

---

[39]) Иванъ Ивановичъ Дибичъ, впослѣдствіи графъ Забалканскій, генералъ-фельдмаршалъ.

[40]) Министръ иностранныхъ дѣлъ.

скій въ отчаяніи дуется, хочетъ Архиву изъ супругъ выписать въ наложницы...

Пожалѣй, братъ, о Дурасовѣ. Онъ умеръ, но не Давыдовскою смертію [41]), точно умеръ. Я видѣлъ похороны, кои были пышны слезами. Добрый былъ человѣкъ! Весь городъ жалѣетъ о смерти его. Сдѣлался желвакъ, называемый карбункулъ, на шеѣ, попался въ руки скотинѣ, который ему чирей растравилъ свинцовымъ пластыремъ, прикинулся антоновъ огонь, и мучительная операція не могла спасти отъ смерти. Придетъ время, что будутъ со свѣчками искать бригадировъ. Доказанная истина, что бригадиръ самый молодой долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, 50 лѣтъ. Переводится порода бригадирская, а не воскресать же Екатерину Великую, чтобы пожаловать новыхъ... Прусское величество не такъ-то былъ щедръ. Ничего никому, кромѣ Черныхъ Орловъ гр. Тормасову и кн. Юсупову, да нѣсколько табакерокъ, да перстенковъ! Императрица Марія Федоровна подарила передъ отъѣздомъ на полтораста тысячъ... Ты знавалъ Нарышкина? Онъ бѣдный умеръ въ деревнѣ. Какое было его житье? Онъ жилъ, какъ растеніе, а подъ конецъ не пилъ, не ѣлъ, не говорилъ, не спалъ— вотъ товарищъ моего дѣтства!..

Мы думали третьяго дня вечеромъ, что свѣта преставленіе. Эдакой грозы и бури не видано. Крышъ до 100 сорвано и снесено: у графини Орловой, въ Голицынской больницѣ, у Полторацкаго, и во всемъ томъ краю не осталось ни единаго стекла въ цѣлости. Чудо! умора! страсть!

26 іюля, 1818 г.

...Здѣсь много дѣлаетъ шуму лишеніе Моисея Нижегородскаго [42]) архіерейскаго сана за лихоимство и прелюбодѣяніе. О семъ говорили намедни у Тормасова... Много шуму дѣлаетъ также поступокъ Магницкаго [43]), который пожелалъ демократизировать симбирскую губернію. Своими циркулярами къ предводителямъ онъ поднялъ крестьянъ противъ помѣщиковъ. Поистинѣ печально подумать, что у крестьянъ только и есть защитники, что Богъ и царь, одинъ высоко, а другой

---

[41]) А. Я. Булгаковъ, слишкомъ поспѣшилъ сообщить князю П. А. Вяземскому распространившійся въ Москвѣ слухъ о смерти Д. Давыдова, который, по разсказамъ, будто-бы застрѣлился на охотѣ нечаянно. Оказалось, что это извѣстіе „совершенно ложно". Вотъ письмо отъ 20 іюля, въ которомъ Булгаковъ оправдываетъ свою поспѣшность: „Я не могу себѣ простить, что тебѣ написалъ о семъ несчастіи, но какъ было не вѣрить тому, что говорилъ весь городъ съ величайшими подробностями. Князь Шаховской самъ былъ напуганъ, но, къ счастью, въ ту же минуту получилъ отъ дочери письмо, его успокоившее. Никто не понимаетъ, что могло даже дать поводъ къ вздорному этому слуху. Видно, Давыдову долго жить!.. Экая болтушка Москва! Что съ нею дѣлать и можно ли чему-нибудь вѣрить послѣ этого? Прости мнѣ невольное прегрѣшеніе"...

[42]) Моисей Близнецовъ-Платоновъ.

[43]) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, извѣстный „бичь Божій" народнаго просвѣщенія, въ бытность министромъ князя А. Н. Голицына.

далеко... Магницкій устроилъ нѣчто въ родѣ 14 іюля въ Парижѣ. Il a envoyé un maitre de police dans une terre de M. Наумовъ (homme doux et bon) y a fait prendre un bonnet en fer et des chaines dont on assembloit les paysans coupables, les a foit mettre en mille pièces par les paysans et jetter dans le Volga. Комитетъ министровъ нашелъ эту пародію на взятіе Бастиліи довольно смѣшной, отказалъ въ наградахъ тѣмъ, за которыхъ Магницкій ходатайствовалъ, какъ принимавшихъ участіе въ этой глупой выходкѣ. Дѣло, сверхъ того, было перенесено въ московскій сенатъ для болѣе полнаго разслѣдованія. Вообще, есть нѣкоторыя безпокойства и неповиновеніе въ губерніяхъ. У Берхмана крестьяне убили своего управляющаго и грозили тѣмъ же самому господину, но Берхманъ поступилъ умно, поѣхавъ въ деревни свои, гдѣ, я увѣренъ, не сдѣлаютъ ему ни малѣйшаго вреда. Въ Симбирскѣ Магницкій учинилъ 40 опекъ и тамошніе помѣщики послали къ государю депутатовъ съ представленіями...

25 сентября, 1818 г.

Благодарю тебя за письмо отъ 22 августа, описывающее твое путешествіе въ вольный городъ Краковъ. Поди, суди о чемъ-нибудь по слухамъ? Ты мнѣ даешь понятіе объ истинномъ положеніи сего мнимаго гнѣзда свободы. И у насъ есть здѣсь плясунъ, который всѣмъ, а особенно дамамъ (въ него влюбились страстно гр. Мамонова и гр. М. Г. Разумовская), вскружилъ головы. Финарди дѣлаетъ чудеса: стоя на лошади, онъ прыгаетъ черезъ 6 лошадей, на коихъ стоятъ шесть пребольшихъ ѣздоковъ. Это чертъ, а не человѣкъ. И хорошъ собой... Заповѣди Карамзина написалъ, говорятъ, какой то четырнадцатилѣтній студентъ московскаго университета. Николай Тургеневъ малый умный и съ самыми благородными чувствами, я говорю благородными въ отношеніи къ человѣчеству, т. е. не ханжа, не чернокнижникъ, не библіянинъ, не подлецъ, а христіанинъ и патріотъ. Кстати сказать, въ болѣзнь мою читалъ я съ отрадою журналъ Ермолова [44]) и посольство его въ Персію. Voilà encore un homme qui s'élève diablement de la trempe ordinaire. Il est ce que les allemands appellent „erhaben". Уменъ, твердъ, гордится отечествомъ и обожаетъ его.

7 октября, 1818 г.

Къ намъ пріѣхала погостить россійская Жоржина. Все стремится въ театръ и Майковъ [45]) сдѣлался почти важнѣе Тормасова. Семенова играла Антигону, Меропу, Ифигенію, будетъ играть Аменаиду, Ксенію, Марію Стюартъ, и уѣдетъ послѣ бенефиса. Театръ биткомъ набитъ.

---

[44]) Алексѣя Петровича.

[45]) Аполлонъ Александровичъ, директоръ театровъ.

Если Тормасовъ не завидуетъ Майкову, то послѣдній очень завидуетъ Финарди, къ которому онъ питаетъ ненависть на смерть. Онъ оказался довольно глупымъ, и потребовалъ, чтобы Финарди скакалъ только по субботамъ. Онъ говоритъ, что это дѣлаетъ подрывъ театру. Какая конкуренція! какъ будто, когда нѣтъ Финарди. пойдутъ въ театръ, если онъ дуренъ! Майковъ силенъ въ тройномъ бостонѣ, но не въ логикѣ.

16 октября, 1818 г.

Благодарю за приказъ. Не мастерская рука писала его. Онъ доставленъ къ Кушникову, съ обѣщаніемъ медалей. Я понимаю, что ваши республиканцы были любезны съ августѣйшею вдовою государя, даровавшаго свободу Костюшкѣ! Впрочемъ, говоря правду, республика—хорошая вещь въ теоріи. Давай мнѣ Генриховъ IV, а я готовъ дать имъ неограниченную власть.—Вчера не икалось ли тебѣ? Я много говорилъ о тебѣ съ Иванъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Кто сказалъ, что „матушка Москва и краше, и милѣе“, тотъ легко понялъ, что Сарматскій праздникъ не усладилъ душу твою и что ты въ самую пріятную минуту вечера сказалъ себѣ на ухо:

Il n'y a pas de fête
Quand le coeur n'en est pas.

Ну что сказать о Москвѣ? Семенова намедни упала въ пьесѣ Сульеты съ мосту. Могла бы убиться до смерти—только голову себѣ проломила. Вышла бѣдная на сцену и насилу доиграла пятый актъ. Ничто! не унижай себя,—не идетъ Аменаидѣ, Меропѣ, Антигонѣ драться на сабляхъ въ мерзкой пьесѣ для удовольствія райка, набитаго лавочниками, разнощиками и сидѣльцами. Слухъ носился, что умерла Аникѣева въ Дрезденѣ, ибо было сказано „une dame russe“, но это вышло Малышева, жаль и ее. Князь Феодоръ Голицынъ имѣлъ ударъ, но заграничныя вѣсти тебѣ должны быть извѣстнѣе, и я одинъ разъ навсегда не ручаюсь ни за чью смерть, кромѣ смерти Алекс. Борисовича Куракина [46]), потому что видѣлъ гробъ его, окруженный знаками почти всѣхъ европейскихъ орденовъ и множествомъ людей, оплакивавшихъ покойнаго. Давыдовъ меня проучилъ—намедни игралъ какую-то комедію. Является въ кресла Сушковъ [47]) (тобою клопомъ названный). Опускается занавѣсъ, онъ кричитъ Семенову! Ему говоритъ офицеръ: „да, помилуйте, Семенова не играла сегодня!“ Пьяный Сушковъ выругалъ офицера и кричитъ:

---

[46]) Александръ Борисовичъ, другъ дѣтства Павла Петровича, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ и канцлеръ россійскихъ орденовъ. † въ Веймарѣ 24 іюня 1818 года на 67-мъ г. отъ рожденія.

[47]) О Сушковѣ, извѣстномъ театралѣ, вслѣдствіе его низкаго роста была въ ходу поговорка:

Андрей Сушковъ
Лишь пять вершковъ.

Семенову! Полицмейстеръ дѣлаетъ ему тоже замѣчаніе, а онъ отвѣчаетъ: „Семенову! у меня для нея 1,000 рублей за пазухой, я ей брошу деньги на сцену, Семенову! Семенову!“ Шульгинъ выводитъ молодца, который кричитъ, кланяясь на всѣ стороны: mes amis, delivrez moi de la police, mes amis, sauvez moi! Въ сѣняхъ, видя себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ солдатами, онъ воскликнулъ: „Mon Dieu, comme c'est tragique.“ На другой день взята съ него подписка, что онъ никогда не будетъ въ театрѣ.

25 ноября, 1818 г.

Nicolas Tourgueneff vient d'imprimer son ouvrage: „Опытъ о теоріи налоговъ“. Сколь ни ненавистно слово сіе для всякаго, имѣющаго какую нибудь собственность (пишу я сочинителю), но я, преодолѣвъ предубѣжденіе, прочелъ статью и такъ былъ увлеченъ, что почти всю книгу прочелъ. Не мое дѣло рѣшить, долженъ ли Гурьевъ [48]), взявъ книгу эту въ руки, сказать: теорія будь практикою для Россіи; но работа обширная, надобно было прочесть бездну книгъ; писано ясно, убѣдительно, нравственно. Лучше заниматься опытами о финансахъ, какъ Николай, нежели (Боже, прости мое прегрѣшеніе!!) отчетами библейскаго общества, какъ Александръ. Третій, Сергѣй, пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ.—У насъ хлопочутъ Юсуповъ и Апраксины, выписываютъ французскую труппу сюда. Будутъ дѣлать подписки. Вообще теперь становится здѣсь лучше, а зимою будетъ весело. Весною ѣду въ Карлсбадъ, можетъ быть и братъ поѣдетъ...

1819-й годъ.

Разговоръ камердинеровъ и господъ. — Скандальная „исторія“ князя Юсупова и Оболъянинова. — Проектъ И. В. Черткова о возстановленіи благороднаго собранія. — Мнѣніе графа Апраксина. — Протестъ англійскаго клуба. — Свадьбы въ Москвѣ. — Выходъ въ отставку Шульгина. — Московскія афишки. — Индѣецъ, глотающій саблю. — Сватовство Н. А. Корсаковой. — Кончина и похороны преосвященнаго Августина. — Московскій парламентаризмъ. — Процвѣтаніе рода Апраксиныхъ. — Великопостныя развлеченія въ Москвѣ. — „Исторія“ въ англійскомъ клубѣ съ княземъ П. И. Долгоруковымъ и княземъ Козловскимъ. — Смерть генерала Репинскаго. — Планъ сочиненія Киселева о нашихъ войнахъ съ турками. — Завтракъ у Толбухина и пѣтушиное сраженіе. — Квакеры въ Москвѣ. — Сардинскіе путешественники: маркизъ Дорія и графъ Видуа. — В. Л. Пушкинъ. — Особенность бала у Потемкина. — Кандидаты на должность московскаго оберъ-полицмейстера. — Графиня Бѣлинская. — Слухи о назначеніи А. Я. Булгакова губернаторомъ въ Москвѣ. — Къ характеристикѣ В. Л. Пушкина.

18 февраля, 1819 г.

... Разговоръ камердинеровъ и господъ [1]) очень хорошъ. Мнѣ тотчасъ пришла мысль второго акта, но и ты злодѣй попалъ

---

[48]) Графъ Гурьевъ, министръ финансовъ.

[1]) Не смотря на все стараніе, мы не могли узнать, что это за „Разговоръ“, комедія ли это, водевиль, или стихотвореніе, и когда именно былъ написанъ княземъ П. А. Вяземскимъ.

на нее самъ. Пушкинымъ очень былъ пріятенъ оборотъ тобою данный. Я ихъ увѣрялъ, что у тебя все, и письма всѣ оканчиваются Разгуляемъ [2]). Пренія собранія кончились. Il y a et en verité de scandale. Юсуповъ [3]) и Обольяниновъ [4]) побранились; послѣдній сказалъ первому: всѣ тебя знаютъ стараго б...... — „Ну ужъ и ты хорошъ, отвѣчалъ Юсуповъ; ты всегда дѣлалъ мерзости, да что здѣсь школа что ли? Не думаешь ли ты написать меня на черную доску, анъ, на вотъ тебѣ! (показываетъ ему шишъ).“

Не думай, что эта шутка мною выдумана; ни одного слова прибавленнаго. Но такъ какъ Юсуповъ не Коцебу, а Обольяниновъ ни въ Ерлангенѣ, ни въ Вѣнѣ, да и нигдѣ не учился, то все обошлось безъ кровопролитія, и оба вспомнили, что подпорамъ отечества надобно быть въ согласіи и дружбѣ. Не смотря на крики и шумъ, проектъ Черткова Ив. Вас. [5]), поддержанный братомъ [6]), Волковымъ [7]), а тамъ и всѣми, прошелъ и утвержденъ. Оппозицію, подъ предводительствомъ Апутова, Кологриваго (А. С)., Апраксина, засмѣяли, а бумагу сего послѣдняго не стали и баллотировать. Онъ сердитъ и говоритъ, что его не поняли (видно ясно писалъ!). Тутъ дѣло идетъ о пріисканіи средствъ къ возстановленію благороднаго собранія, а Апраксинъ начинаетъ бумагу: надобно, чтобы было только три директора и двѣнадцать директрисъ! Братъ замѣтилъ, что директорамъ жалованья не положено, что, впрочемъ, ежели отъ того обогатится собраніе, то онъ согласенъ, чтобы одинъ Ст. Ст. былъ директоромъ. Какой-то чудакъ закричалъ: „На что директрисы, я того мнѣнія, чтобы директрисами были всѣ жены членовъ. „Je Vous assure que si j'avais le temps, il y aurait de quoi faire quelque chose de charmant en decrivant les débats de l'Assemblée. Мысль Черткова есть та — отдѣлать другую часть дома, отдавать въ наймы (англійская лавка наняла уже часть на 10 лѣтъ по 7,000 р.) и учредить клубъ русскій на подобіе англійскаго, съ тѣмъ, что всякій членъ клуба русскаго долженъ быть и членомъ благороднаго собранія. Англійскій клубъ возсталъ подъ начальствомъ Кикина. Я боюсь, чтобы Чертковъ не имѣлъ участи Марата, Робеспьера, или Коцебу. Не могутъ вдолбить имъ, что англійскій клубъ напрасно изволитъ гнѣваться, ибо, ежели и выбудутъ изъ него всѣ въ тотъ клубъ, то готовы 600 кандидатовъ, которымъ пріятнѣе занять мѣсто выбылаго, нежели усопшаго, да большая часть захочетъ быть и тутъ, и тамъ. Выйдетъ соревнованіе, всегда для общества полезное. Чудаки! Дѣло въ томъ, что

---

[2]) См. 1818 годъ, примѣч. 12.

[3]) См. 1818 годъ, примѣч. 25.

[4]) Петръ Хрисанфовичъ, бывшій генералъ-прокуроръ, съ 1800 года жилъ въ Москвѣ, въ отставкѣ.

[5]) Проектъ о возстановленіи благороднаго собранія.

[6]) К. Я. Булгаковъ. См. 1818 г., примѣч. 10,

[7]) См. 1818 годъ, примѣч. 18.

въ два дня подписано на 85,000 р. Ce sont les avances pour les dépenses nécessaires et l'arrangement de la maison et du club. Il me semble que cela ira bien.

Въ воскресенье было здѣсь шесть свадебъ. Какъ бы вспомнить всѣхъ: Петра Обрескова съ княжною Софьею, какого-то Аксакова съ младшею Валуевой, Кашинцова съ Бахметевою; не упомню прочихъ. Теперь въ виду — Апраксина съ Толстою, Пашкова гадкаго съ миленькою Панчулидзовою, Корсаковой съ Акинфіевымъ. Вчера собирали городъ смотрѣть приданое, говорятъ, что великолѣпно, а старая Офросимова даже сказала: ай да Марьища (Мар. Ив.), не ударила лицомъ въ грязь!

Увы! Шульгинъ [8]) подалъ въ отставку. По нѣкоторымъ отношеніямъ жаль: проворенъ, дѣятеленъ, устроилъ удивительно тюремный замокъ и пожарную команду, но деспотъ страшный, баламутъ; приказываетъ, а тамъ отпирается отъ своихъ словъ. Самъ виноватъ, ежели не ужился съ Тормасовымъ. Ни съ кѣмъ не уживется. Тормасовъ для него единственно удалилъ Брокера [9]), а государевъ рескриптъ доказываетъ, что Тормасовъ его всегда хвалилъ. Приговоръ его сдѣланъ въ Питерѣ, и хотя онъ найденъ виноватымъ, Тормасовъ ему предлагалъ остаться, требуя, чтобы онъ только исправился, но Шульгинъ разгорячился и подалъ въ отставку. Будетъ жалѣть, но поздно. Кого-то сюда пришлютъ?

17 марта, 1819 г.

...Поздравляю тебя дворнымъ [10]). Я и не зналъ этого. Все равно, чѣмъ не быть. Пустяки! Было бы здоровье, друзья, спокойствіе и деньги. Афишки твои насъ позабавили. У насъ тоже страшныя афишки въ квадратный аршинъ и великое соревнованіе между Финарди, Готье и Серафини. Готье объявилъ въ газетахъ, что онъ, какъ другіе (?!) хвастать и хвалить себя не умѣетъ, но... а тамъ и прибавляетъ себѣ цѣлую страницу похвалъ. Финарди ѣдетъ съ 40,000 р.; въ середу даетъ онъ представленіе безденежно въ пользу инвалидовъ. Умно! Теперь у насъ славящійся индѣецъ, который глотаетъ шпагу въ 12 вершковъ...

...Наташа Корсакова помолвлена за полковника Акинфіева. Я его не знаю. Онъ влюбился въ нее на масляницѣ на балѣ у Спичинскаго. Ей это сказали, она этому смѣялась. Ржевскій пріѣхалъ сватать. Марья Ивановна сказала, какъ Наташа хочетъ, а Наташа: „какъ вамъ, маменька, угодно.“ Только вышло угодно всѣмъ тремъ и по рукамъ...

Преосвященный Августинъ [11]) скончался, какъ христіанинъ и съ твердостью, исповѣдовался, причастился, соборовался масломъ, самъ

---

[8]) Московскій оберъ-полиціймейстеръ.

[9]) Извѣстнаго въ то время полиціймейстера.

[10]) Т. е. надворный совѣтникъ.

[11]) Августинъ Виноградскій, архіепископъ московскій.

началъ читать отходную, но слабость одолѣла и онъ сказалъ: „продолжайте, силы оставляютъ меня, а я—сію временную жизнь...“ и умеръ. Похороны были великолѣпны. Москва не видала подобнаго зрѣлища болѣе полвѣка, т. е. со времени убитаго въ бунтѣ архіерея. Время все открываетъ: Августинъ оставилъ только 25,000 руб., онъ всѣ свои доходы обращалъ на бѣдныхъ, содержалъ цѣлыя семейства, безъ вѣдома даже самыхъ приближенныхъ къ нему... Увы! Божинская уѣхала въ Петербургъ на два года. Adieu, comtesse! Adieu, plaisirs! On dira maintenant, madame, à qui destinez-vous votre cotillon ce soir!..

Новые директоры выбраны въ собраніи, между ними Юсуповъ, Волковъ, братъ. Большой шумъ, сеймъ, толкуютъ о способахъ возстановить собраніе. Пригласили дворянство выбрать 12 депутатовъ, выбрали Ираклія, Апраксина и много другихъ крикуновъ. Такъ врутъ, что любо слушать. Ну, куда англійскому парламенту, камерѣ депутатовъ съ нами равняться. Толстой Ѳедоръ Андреевичъ закричалъ прежде всего: вонъ эконома, онъ воръ!—„Онъ воръ! повторили многіе голоса. Позовите вора“! Воръ является. Юсуповъ, указывая на Толстого: графъ говоритъ и всѣ повторяютъ, что ты воръ, оправдывайся!—„Въ чемъ-же меня обвиняютъ?“—Графъ! почему онъ воръ? „Да я не знаю, но весь англійскій клубъ говоритъ, что онъ воръ“.—Voilà un petit échantillon de notre representation nationale...

Объявлена помолвка Влад. Апраксина съ Фофкою Толстою. Говорятъ, что они не очень другъ въ друга влюблены; родные все устроили. Голицына родитъ скоро. Щербатова родила во Флоренціи. Владиміръ женится. Станетъ процвѣтать родъ Апраксиныхъ. За то погасли Репнины, Безбородковы. Tout va bien dans ce monde le meilleur possible.

27 марта, 1819 г.

И это называется великій постъ?! Да это хуже всякой великой масляницы! Тò туда, тò сюда, тò Серафимію смотрѣть, кàкъ Серафина Самсоновна волосами подымаетъ тяжесть въ 40 пудъ, то къ индѣйцу, глотающему шпаги, какъ будто спаржу, то по концертамъ, коихъ тьма (одинъ другого хуже), то по улицамъ пользоваться прекраснымъ временемъ, то по Разгуляямъ, бульварамъ и пр. и пр. и пр. Ну, однимъ словомъ, такъ меня затаскали, что я сбился съ пути; не знаю, какъ пишутъ даже письма къ тѣмъ, кого любишь, какъ пишутъ въ Варшаву...

Что бы тебѣ сказать о Москвѣ? Въ англійскомъ клубѣ была исторія. Привезли какого-то гостя, полковника князя Козловскаго, который сѣлъ возлѣ игравшаго въ пикетъ князя П. И. Долгорукова—dit l'enfant prodigue,—и котораго въ глаза не знаетъ. Долгоруковъ проигрываетъ, по старому суевѣрію приписываетъ усачу свое несчастіе. Этому понадобилось встать. Блудный сынъ тотчасъ кричитъ:—„человѣкъ, поставь мнѣ столъ съ бутербродомъ!—Приносятъ столъ. Является князь

усачъ и говоритъ:—„возьми столъ прочь!“ Князь—игрокъ жалуется старшинѣ гр. Маркову, который, въ силу данной ему Богомъ или народомъ власти, велитъ столъ подставить возлѣ требовавшаго бутерброды, объявя гостю усачу, что это сходственно съ правилами англійскаго клуба, изложенными въ 7-ой статьѣ, 13 капитула 17 параграфа кодекса англійскаго клуба. Столъ ставятъ, гдѣ должно. Козловскій отходитъ въ другую комнату; только что онъ шаговъ на восемь удалился отъ стола, Долгоруковъ кричитъ:—„ну, выкурилъ я этого молодца; человѣкъ, возьми бутербродъ и столъ, вѣдь я ѣсть не хотѣлъ!“ Козловскій, которому это пересказали, спросилъ, послѣ игры, у Долгорукова, гдѣ онъ живетъ? Этотъ вбѣгаетъ въ залу и жалуется Маркову:—„ну, вотъ графъ! вотъ исторія: тотъ меня на дуэль вызываетъ, защитите меня; вотъ вашъ клубъ! Я для васъ же ѣзжу, а мнѣ чертъ съ нимъ, я буду лучше ѣздить къ Маргар. Александровнѣ. Ну, съ кѣмъ вы будете играть въ большую игру тогда?“ Вышелъ шумъ, преніе, баллотированіе и рѣшили предать исторію сію вѣчному забвенію, усача не пускать болѣе въ клубъ, а Марковъ этого уговорилъ оставить Долгорукова въ покоѣ. Le role de celui-ci est très bête. Вмѣсто глупой французской пословицы, не идущей къ нему, лучше бы ему сказать о себѣ: блудливъ какъ котъ, труслив какъ заяцъ. Въ благородномъ собраніи затѣвается родъ англійскаго клуба, объ ономъ теперь трактуютъ и кажется пойдетъ на ладъ. Исключая человѣкъ 40, въ англійскомъ клубѣ все дрянь. Между 600 кандидатами, право, едва 20 человѣкъ, коихъ имена извѣстны ушамъ нашимъ.

Вчера умеръ здѣсь генералъ Репинской, который извѣстенъ тѣмъ, что у него на рукахъ умеръ князь Кутузовъ, извѣстный подъ именемъ спасителя отечества...

Павелъ Киселевъ [12]) сталъ заботливъ, трудолюбивъ, бросилъ карты, ѣздитъ въ нашъ архивъ, роется тамъ съ Малиновскимъ въ бумагахъ, ибо намѣревается что-то написать о войнахъ нашихъ съ турками. Онъ читалъ мнѣ планъ, который очень благоразуменъ. Книга будетъ полезна для военныхъ людей, особливо тѣхъ, коимъ достанется воевать въ тѣхъ мѣстахъ...

31 марта, 1819 г.

Ну что мнѣ съ. тобой дѣлать? Опять умолкъ! Тебя надобно безпрестанно то по головкѣ, то прутомъ, а я такъ глупъ, что на тебя сердиться не умѣю. Страстная недѣля—время милости, а не гнѣва. Помнишь, какъ мы съ тобою шатались по соборамъ, и (Господи, прости мое прегрѣшеніе) не изъ богомолья, а все ты, все твои выдумки. И теперь ты, я чаю, ходишь по кляшторамъ и косціоламъ, а я сижу дома, безъ тебя ничего на умъ не идетъ. Стану тебѣ говорить о Москвѣ.

---

[12]) Павелъ Дмитріевичъ, впослѣдствіи графъ, министръ государственныхъ имуществъ.

Поутру видѣлъ я у Тормасова генералъ-адъютанта Чернышева [13]), сегодня пріѣхавшаго и сегодня же ѣдущаго далѣе, т. е. на Донъ, куда посланъ, не знаю зачѣмъ. Онъ сказывалъ, что Пестель вдругъ отставленъ и на его мѣсто Сперанскій, который, надобно думать, слишкомъ близорукъ, чтобы изъ Петербурга и даже изъ Пензы видѣть, что дѣлаться будетъ въ Сибири. Киселевъ ѣдетъ на этихъ дняхъ въ Тульчинъ. Ему давалъ Толбухинъ завтракъ, чѣмъ же потчивалъ? Пѣтушьимъ сраженіемъ. Штукъ десять убили себя до смерти. Какъ злы животныя кукурикующія! Одинъ съ раздробленною головою и съ выколотыми глазами все не переставалъ драться. Одинъ изъ присутствующихъ, убѣжденный, что и между пѣтухами не должно лежачаго бить, хотѣлъ вырвать жертву, но разъяренный пѣтухъ клюнулъ и сдѣлалъ въ рукѣ рану насквозь. Je ne trouve ce spectacle amusant.

Надѣнь-ка ты, или я, шляпу въ комнатѣ, скажутъ, что мы свиньи, а пріѣхавшихъ двухъ квакеровъ всѣ жадничаютъ видѣть и всѣ находятъ, что они милы и ни передъ кѣмъ не снимаютъ шляпы. Шульгинъ говоритъ: „дай-ко волю, такъ весь Кузнецкій мостъ захочетъ быть въ шляпахъ въ комнатѣ.“ Братъ звалъ ихъ къ себѣ поговорить о нѣкоторомъ боготворительномъ заведеніи, которое здѣсь учреждается. Одинъ изъ нихъ Stephen Gresset отвѣчаетъ: nous acceptons, mon cher ami, l'invitation de passer chez toi demain pour parler et faire la connaissance de ton ami etc.

По-французски: Здѣсь два путешественника изъ Сардиніи, маркизъ Дорія и графъ Видуа, оба очень милые люди. Одинъ изъ нихъ пишетъ и издаетъ описаніе своего путешествія. Обѣдъ у брата прошелъ очень весело. Киселевъ вскружилъ голову Василью Львовичу (Пушкину), отрекомендовавъ его Видуа, какъ одного изъ лучшихъ поэтовъ и Васил. Львов. декламировалъ свои стихи. Видуа прибавляетъ, что у васъ есть еще замѣчательный поэтъ князь Вяземскій. Voilà le староста qui fait d'un éclat de rire, qui saute sur sa chaise, qui crie: Wiazemsky? Но это мой наилучшій другъ, онъ мнѣ пишетъ съ каждой почтой изъ Варшавы. Комедія, ты бы умеръ со смѣху, а Киселевъ его все поджигалъ, напоминая ему, что имя его будетъ блистать въ запискахъ сардинскаго путешественника, бывшаго даже въ Лапландіи... Я тебя подпишу на прекрасное сочиненіе Броневскаго, коего двѣ части уже вышли и доставлю тебѣ съ первымъ случаемъ.

28 апрѣля, 1819 г.

...Ничего не могу тебѣ сказать московскаго, потому что не выѣзжаю изъ дому. Братъ очень расхваливаетъ балъ, данный Потемкинымъ въ именины жены. Новое явленіе: ужину нѣтъ. Всякій ужинаетъ, когда ему угодно, начиная съ 12 часовъ до шести утра, да-

---

[13]) См. 1818 годъ, примѣч. 20.

ютъ тебѣ печатную щегольски карту и ты по ней требуешь любое кушанье и любое вино, ѣшь скоро, тихо и съ кѣмъ хочешь. Балъ не прерывается и не убивается ужиномъ обыкновенно часа два продолжающимся...

Всѣ ожидаютъ новаго оберъ-полицмейстера. Кандидатовъ тьма: Бибиковъ, графъ П. И. Апраксинъ, Брокеръ, князь Ст. Хилковъ (lequel par parenthèse épouse la belle Abreskoff!!) и пр. и пр. Графъ Тормасовъ предоставилъ назначеніе государю. Славная графиня Билинская, жившая у И. Н. Корсакова и выгнанная оттуда Вас. Ник. Нарышкиною, явилась здѣсь опять у богатаго Собакина на Кузнецкомъ мосту. Этотъ старикъ укрѣпилъ ей уже 1000 душъ и подарилъ множество драгоцѣнныхъ вещей, хотѣлъ жениться, но викарный не позволилъ; ему, говорятъ, за 70 лѣтъ. Кологривовы продали домъ свой, а съ нимъ и комнату, гдѣ ты жилъ, и залу, гдѣ мы отличались во время перевозки Царскаго села въ Москву, за 40,000 р. Говорятъ, что теперь продаютъ всю начинку и такъ дешево, что все въ мигъ скупаютъ. Хоть убей, болѣе не знаю, что сказать. A propos: меня славятъ сюда въ губернаторы. Слишкомъ много чести! Могу ли я осмѣлиться занять мѣсто, столь прославленное Спиридовымъ, Дурасовымъ!.. И такъ не вѣрь этому...

6 мая, 1819 г.

...1-е мая было холодно, и хотя весь день шелъ дождь, на гуляньѣ было (говорятъ) много, а въ палаткѣ у Пашковыхъ былъ даже балъ, гдѣ потѣли отъ котиліона и мокли отъ дождя... Экой народъ! Всякій день слышу о свадьбахъ, всѣхъ не упомню, а сдѣлаю реэстръ. Впрочемъ, нѣтъ новаго ничего въ городѣ, даже нѣтъ еще и новаго оберъ-полицмейстера.

Василій Львовичъ старѣетъ и тупѣетъ. На Разгуляѣ намедни были таблò; онъ цѣлый вечеръ просидѣлъ, прождалъ. Сдѣланы были имъ стишки, которые пропѣли старухѣ графинѣ. Только ну, сговорились хвалить стихи: прекрасные! кто ихъ сочинилъ?

„Ils sont de moi“, кричитъ Василій Львовичъ.

— Ахъ, батюшка, говоритъ старуха Офросимова, спиши мнѣ стихи.

Списалъ. Другой:—„спиши и мнѣ“—еще списалъ.„—Вотъ стихъ! говоритъ третья. Нельзя ли, батюшка, Василій Львовичъ, списать и для меня?“—Извольте и пишетъ. Однимъ словомъ, цѣлый вечеръ прописалъ, не догадываясь, что это заговоръ...

1820-й годъ.

Маскарадъ у князя Барятинскаго.—Кандидаты на мѣсто генералъ-губернатора въ Москвѣ. — Московскіе слухи о князѣ П. А. Вяземскомъ. — Каламбуры А. Л. Нарышкина и сенатора Багратіона.—Дуэль.—Господство князя Юсупова въ благородномъ собраніи.—Въ ожиданіи пріѣзда въ Москву пѣвицы Бургондіо.—Д. П. Татищевъ.—Новый градоначальникъ въ Москвѣ. — Политическое легкомысліе французовъ.—Извѣстіе о смерти герцога Берри. — Пѣніе Бургондіо.—Ея концертъ въ благородномъ собраніи.—Извѣщеніе объ этомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ".—А. И. и С. И. Тургеневы. — Стоитъ ли подражать французамъ въ ихъ стремленіи къ свободѣ?—В. Л. Пушкинъ.—Успѣхъ пѣвицы Бургондіо въ Москвѣ. — Князь Голицынъ, какъ градоначальникъ Москвы.— Дуэль между Ланскимъ и Анненковымъ.—По поводу испанской конституціи.— Веселая недѣля.—Въ ожиданіи революціи въ Испаніи. — Вѣсть объ этомъ въ англійскомъ клубѣ. — „Насильственный" маскарадъ у графини Бобринской.— Князь Юсуповъ и актрисы.—Безденежье и мотовство Москвы. — Старыя русачки и молодыя полячки.

1 января, 1820 г.

Съ новымъ годомъ поздравляю,
Счастья новаго желаю.

Наконецъ, любезный другъ, я въ Москвѣ... Къ совершенному моему благополучію одного не доставало—брата. Онъ дожидался до 17-го, принужденъ былъ ѣхать въ Петербургъ. 23 онъ сдѣланъ петербургскимъ почт-директоромъ. Это очень растроиваетъ дѣла его, и полагаетъ конецъ блаженному нашему житію въ Москвѣ послѣ 14-тилѣтней разлуки.

Мы оба огорчены перемѣною этою, но избѣжать было невозможно. И моя судьба перемѣнилась, я иду въ отставку и отправляюсь въ апрѣлѣ въ дальнія деревни на два года...

Красавицъ твоихъ [1]) видѣлъ я вчера въ маскарадѣ у князя Барятинскаго. Не думалъ тамъ быть, но хозяинъ не далъ мнѣ отбою, я кое-какъ одѣлся волшебникомъ, побылъ тамъ съ часъ и уѣхалъ домой встрѣтить новый годъ. Было человѣкъ съ 250. Блестящее собраніе, множество прекрасныхъ масокъ, proverbe, игранный какими-то двумя французами, разныя кадрили. Урусова — совершенная богиня, еще похорошѣла, восхитила всѣхъ своею русскою пляской. Въ полночь меня уже не было, но говорятъ, что какъ ударило 12 часовъ, явилось Время съ косою, крыльями, часами песочными и пр. Маска читала всѣмъ довольно глупые стихи. Мысль была хороша, но дурно выполнена, а былъ это Василій Львовичъ (Пушкинъ)...

Здѣсь мрутъ, какъ мухи. Красавица Арсеньева не умерла, но овдовѣла, а вчера умерла адъютанта Тимирязева жена. Наша столица на рукахъ у плацъ-маіора; на мѣсто Тормасова нѣтъ никого. Кандидатовъ тьма: Толстой, Голицынъ, Эссенъ, Лобановъ, Корсаковъ, князь Куракинъ, даже полумертвый Бенигсонъ...

---

[1]) Семейство Пушкиныхъ.

Здѣсь всѣ увѣрены, что ты скоро будешь сюда съ женою и будешь оберъ-прокуроромъ, всѣ тебя славятъ камергеромъ. Я отвѣчаю, que c'était pour Kokoschkin, который въ сокрушеніи, что лицо, а особливъ глаза у него не назади...

4 января, 1820.

Новаго не слышу ничего, а вотъ каламбуры Александра Львовича [2]), какъ Гурьева [3]) сдѣлали графомъ. Онъ говоритъ, какъ потребуютъ у министра финансовъ отчетовъ, онъ скажетъ, представляя государю своихъ дѣтей:—Sire! voici mes comtes (comptes). Еще у него спросили, отчего такъ много поѣхало губернаторовъ въ Петербургъ? Онъ отвѣчалъ, что они пріѣхали всѣ проситься въ вице-губернаторы.

Сенатору Багратіону дѣлали поздравленіе съ новымъ сотоварищемъ Калининымъ.

— Да! отвѣчалъ онъ, чего хочешь, того просишь, чего нѣтъ въ сенатѣ? И калина, и малина! (Ты знаешь, что и Малиновскій [4]) сенаторъ).

13 февраля, 1820.

На déjeuné dansant у М. И. Корсаковой видѣлъ я молодаго человѣка, который такъ много съѣлъ блиновъ, что любопытство заставило меня спросить, кто онъ? Мнѣ отвѣчали: англичанинъ Wilson, ѣдущій на дняхъ въ Варшаву. Дай ему, присовокупили, письмо къ Вяземскому! Зачѣмъ же нѣтъ?..

У насъ новаго только дуэль между свитскимъ офицеромъ Бакунинымъ и офицеромъ Сомовымъ, который сопернику всадилъ пулю сквозь ногу, которую, говорятъ, отпилятъ. Этого Бакунина не хвалятъ и никто не жалѣетъ о немъ, тѣмъ болѣе, что онъ ни дай не вынеси за что̀ далъ оплеуху Сомову. Комендантъ сердитъ на Гришу Корсакова, который тутъ замѣшался секундантомъ, а надобно было донести государю обо всемъ...

Писалъ ли я тебѣ, что я выбранъ въ директоры благороднаго собранія? Весною имъ откланяюсь. Юсуповъ старался всѣмъ завладѣть и товарищи мои смотрятъ на него, какъ на другаго Людовика XIV. Жаль, что Кашкину не управиться съ ролью принца Евгенія, а Башилову — далеко до Мальборуга. Съ такими соперниками какъ не сладить нашему старому изнеможенному волокитѣ. Въ городѣ всѣ постятся, никого не вижу. Время безподобное!..

4 марта, 1820 г.

...У насъ теперь Бургондіо! Петербургъ отъ нея въ восторгѣ; Москва по обезьянству также въ восторгѣ, не слыша еще ея пѣнія.

---

[2]) Нарышкинъ.
[3]) См. 1818 годъ, прим. 48.
[4]) См. 1818 годъ, прим. 38.

Ожиданія и нетерпѣніе столь велики, что мы собираемся въ субботу, дабы опровергнуть законъ, коимъ залы благороднаго собранія нельзя дать никому на концертъ. Бургондіо въ ней хочется дать концертъ свой, и ежели опроверженіе состоится, то впослѣдствіи всѣ великіе таланты ей будутъ обязаны пріятностью восхищать публику въ единственной сей залѣ. Я у нея былъ два раза, но не слыхалъ еще ея, она мила, обходительна; что то скажетъ голосъ ея не ушамъ (!!), а сердцу...

Здѣсь теперь Дмитрій Павловичъ Татищевъ [5]) мой бывшій начальникъ въ Неаполѣ и Сициліи. Мы очень рады другъ другу, и всякій день вмѣстѣ. Ежели бы не такъ далеко, я не умѣлъ бы себя отговорить отъ лестныхъ его приглашеній опять вмѣстѣ служить. Начальникъ рѣдкій, да и вкусы, мнѣнія, привычки у насъ одинакія, вспоминаемъ вмѣстѣ старое, блаженное житье. Но всякій возрастъ имѣетъ свое удовольствіе.—У насъ всѣ заняты обѣдами въ честь новаго градоначальника (кн. Дм. В. Голицына). Онъ очень ласковъ, учтивъ и желаетъ душевно добра...

Кстати. Какое ужасное злодѣйство совершилось въ Парижѣ! Что будетъ говорить Минерва Бунтовщицовна объ этомъ? Бывъ во Франціи только три мѣсяца, я убѣдился истиною, что кто управляетъ журналами, тотъ управляетъ и французами. Газеты—ихъ евангеліе, ихъ заповѣди, а feuilleton—символъ вѣры. Не слѣдовало никогда распространять свободу тисненія на газеты, а все зло происходитъ отъ газетныхъ дерзостей. Начали шутками, продолжали презрѣніемъ, а кончили ненавистью къ Бурбонамъ. Кто смотритъ сбоку, долженъ признаться, что французами очень легко управлять, но правда и то, что, поживъ съ ними, самъ заразишься и видишь вещи уже инако. Теперь предстоитъ королю случай весьма удобный ниспровергнуть нынѣшній образъ правленія и никто не пикнетъ; но оставимъ сихъ тупоумныхъ! Растопчинъ [6]) пишетъ мнѣ, что у него все готово для отъѣзда въ Брюссель, ежели царствующее въ Парижѣ смятеніе возьметъ дурной оборотъ. Теперь журналы любопытны...

У Василія Львовича опять подагра; Christini нѣсколько помѣшался, Масальскій не ѣдетъ въ чужіе края,—все это причинило извѣстіе о смерти несчастнаго Берри. Алекс. Мих. выходитъ изъ англійскаго клуба, проигравъ 9 робертовъ, ему говорятъ на лѣстницѣ:—Слышалъ ты?—„Что̀?“—Ка̀къ что̀—убитъ Берри.—„Ну, чортъ его дери!“ отвѣчалъ Пушкинъ...

8 марта, 1820 г.

Бургондіо меня восхитила!.. Я нахожу, что у нея плѣнительный голосъ; пѣніе ея исполнено вкуса и чѣмъ оно проще, тѣмъ пріятнѣе,

---

[5]) Бывшій посланникъ въ Вѣнѣ.

[6]) Графъ Ѳедоръ Васильевичъ, извѣстный главнокомандующій Москвы, въ 1812 г. впослѣдствіи оберъ-камергеръ. Подъ начальствомъ Ростопчина служилъ А. Я. Булгаковъ.

voce di petta e canta di maniera, метода совсѣмъ особенная. Она чувствуетъ, что поетъ. По музыкѣ Танкреда видно, что сочинитель былъ самъ влюбленъ въ Аменаиду... И я еще слышалъ ее въ маленькой ея комнатѣ за клавикордами, безъ accompagnement. Я увѣренъ, что въ большой залѣ собранія, въ которую я ее водилъ вчера и отъ которой она въ восхищеніи, elle fera fureur. Elle y a trouvé une juste raisonnance et y a essayé sa voix.—Законъ состоялся у насъ, и положено баллотированіемъ (одного шара противъ 54), что, когда прибывать будутъ въ Москву отличнѣйшіе въ Европѣ, первостатейные артисты, то зала будетъ имъ дана для своего концерта съ тѣмъ, чтобы они одинъ разъ пѣли или играли для членовъ за подарокъ, который заблагоразсудится имъ дать. Бургондіо поетъ въ четвергъ въ свою пользу, а въ слѣдующій вторникъ для насъ. Я надѣюсь, что много соберетъ. У всѣхъ ужасное любопытство слышать ее. Я просилъ Шаликова возвѣстить пышно въ московскихъ газетахъ прибытіе сюда воспѣтой тобою и рекомендованной мнѣ Бургондіо, что онъ въ точности и выполнилъ. Вотъ тебѣ выписка изъ № 19 „Московскихъ Вѣдомостей“:

„На сихъ дняхъ прибыла въ сію столицу г-жа Бургондіо, въ сопровожденіи знаменитаго капельмейстера Коста. Сія славная пѣвица найдетъ, безъ сомнѣнія, и здѣсь справедливыхъ цѣнителей рѣдкаго ея таланта, которымъ плѣняла она повсюду, гдѣ только ни выходила на сцену. Читатели наши вспомнятъ, съ какою похвалою нѣкогда писано было въ сихъ вѣдомостяхъ подъ статьею „изъ Варшавы“ о прелестномъ, трогательномъ, восхитительномъ голосѣ, о живой игрѣ и привлекательной наружности (не согласенъ!?), отличающихъ, какъ говорятъ, г-жу Бургондіо отъ всѣхъ ея соперницъ. Многіе даже даютъ ей преимущество предъ самою Каталани“ [7]).

Таковое пышное возвѣщеніе въ газетѣ, славившейся безмолвіемъ своимъ, возбудило всеобщее любопытство. Старшины возьмутъ на себя раздачу бо̀льшаго числа билетовъ. Ихъ напечатано внизъ 1000, да на хоры 500—первые по 10 р., а тѣ по 5 р., что и составитъ слишкомъ 12,000 руб. Князь Юсуповъ сдѣлаетъ освѣщеніе на свой счетъ. Бургондіо переѣзжаетъ изъ трактира къ М. И. Корсаковой въ верхъ, но я сомнѣваюсь, чтобы ей было тамъ лучше. Ты знаешь М. И. новый градоначальникъ, обожатель музыки и женскаго пола, очень покровительствуетъ Аменаидѣ; но признаюсь тебѣ, что я нахожу ее весьма непригожею, слѣдовательно, можно и вѣрить сужденіямъ моимъ о ней, яко безпристрастнымъ. Каталанша собою хороша...

---

[7]) Въ письмахъ А. Я. Булгакова сохранилась параллель между Бургондіо и Каталани, сдѣланная вскользь. Вотъ эта параллель: „Каталани меня удивила, а эта плѣнила, та поетъ для уха, а эта—для сердца, та—райскій инструментъ, а эта—ангельскій голосъ“.

29 марта, 1820 г.

...Тургеневъ здѣсь [8]). Читали твое письмо. Обжора очень хохоталъ касающемуся до него и „старому положенію", и „состоянію". Александръ нынѣ звѣзды съ неба хватаетъ, пропустилъ уже себѣ Владимірскую къ синему фраку наряду съ пуговицами, коихъ кажется она маткою или предводительницею. Болѣе разсѣянъ, чѣмъ когда либо; не знаю еще какъ ѣстъ, но полагаю, что по старому. Онъ отпущенъ только на 28 дней, слѣдовательно, до Одессы Сергѣя [9]) проводить не можетъ. Этотъ все сѣтуетъ о нашемъ невѣжествѣ и о томъ, что мы въ Азіи. Не промѣнять и нашу дикую Сибирь на вашу просвѣщенную богатую Польшу? По-франц. Вчера они провели вечеръ у насъ, nous sommes tombé sur le chapitre и я былъ того мнѣнія, что нужно laisser aux français finir leur cours de liberté, чтобы видѣть, наконецъ, стоитъ ли имъ подражать.

Сергѣй увѣряетъ, что имъ все мѣшаютъ. Однакоже, кажется, отъ 1789 до 1799 года никто не мѣшалъ; довольно пробовали, умствовали, перемѣняли и кровь проливали... Со всѣмъ тѣмъ я очень обрадовался Тургеневымъ. Люблю ихъ съ малолѣтства, а бесѣда съ ними пріятна... Воля твоя — Василій Львовичъ очень глупѣетъ. Ты пишешь, говоря объ англійскомъ заговорѣ: „скажи Василью Львовичу, что я ему на время не совѣтовалъ бы ѣздить въ англійскій клубъ и носить сапоги съ отворотами". Онъ немного сконфузился и сказалъ: Ге! въ англійскій клубъ? отчего же, вѣдь всѣ туда ѣздятъ по прежнему! Ге? Не правда ли c'est une plaisanterie (je crois) que Wiazemsky fait? Ге! Ге? А о сапогахъ сказалъ: „почему же не носить сапоговъ съ отворотами"? Для подагры, что ли? Il y a quelque pointe là-dessous. Vous-savez vous-même que W. est empli d'esprit, il n'a pas dit cela sans raison. Не? et puis de me regarder dans les yeux et de répéter entre ses dents: „сапоги съ отворотами" et de rire avec éclats. 'Ecce homo!..

О Бургондіо я тебѣ много писалъ. Она уѣхала въ Питеръ, накопивъ здѣсь 20 тысячъ руб. Всѣмъ генерально не понравилась. Подавай толпѣ Каталаншу, толпа любитъ гаргульяды, скачки и пр. Но истинные охотники восхищались ея пѣньемъ, есть струны, трогающія душу, но все таки это не перваго разбора пѣвица. Я послалъ статью въ „Инвалидъ", а прекрасные стихи Шаликова „Сыну Отечества" для напечатанія. Въ день отъѣзда была страшная баталія между нею и Коста, ея капельмейстеромъ. Il voulait rester ici pour donner de leçons. Споръ начался по утру и кончился только къ вечеру. Танкредъ побѣдилъ Орбасана!..

Ты знаешь, что всѣ новые градоначальники хороши и что всѣхъ любятъ до поры и времени, но за Голицына можно кажется ручаться,

---

[8]) Александръ Ивановичъ.

[9]) Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ.

что онъ будетъ всегда хорошъ и всегда любимъ. Прекрасный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Что тебѣ сказать о Москвѣ? Всѣ сожалѣютъ объ убитомъ на дуэли молодомъ Ланскомъ, братѣ Кайсаровой. Соперникъ его Анненковъ, сынъ Ан. Ив., а дрались за лошадь. Какъ разсказываютъ, секунданты виноваты. Добрые люди подожгли Анненкова. Дерутся на 8 шагахъ; достается стрѣлять Ланскому, который, по прекрасному движенію души, выстрѣливаетъ на воздухъ! Анненковъ, которому бы, бросся пистолетъ, слѣдовало летѣть въ объятія соперника, вмѣсто того цѣлитъ пять минутъ въ него и попадаетъ ему прямо въ сердце. На что секунданты? Чтобы не было насилія, разбоя, чтобы до послѣдней минуты стараться примирить соперниковъ. Ежели-бы я былъ секундантомъ, я бы Анненкову сказалъ: или ступай и поцѣлуйся съ Ланскимъ, или я тебя обезоруживаю и везу предать суду. Обвиняютъ, по разсказамъ, очень молодого графа Панина, секунданта Анненкова. Послѣдствія еще неизвѣстны. Мнѣ любопытно узнать, что будетъ съ Анненковымъ...

Время негодное, падаетъ не снѣгъ, а грязь, возбуждаетъ эта погода сплинъ... Фердинандъ [10]) созываетъ кортесы и даетъ конституцію. Благодарность, политика, доброе сердце требовали сдѣлать это, вступая отъ заточенія на престолъ, мужествомъ и любовью подданныхъ пріобрѣтенный. Теперь, на мѣстѣ Фердинанда, я бы молодую жену сдѣлалъ бы правительницею, а самъ поѣхалъ бы взять мѣсто фрейра, сѣлъ бы верхомъ, показался войску и народу, обезоружилъ бы бунтовщиковъ, все усмирилъ и, объявя всемірное прощеніе, объявилъ бы непринужденно желаніе дать конституцію. А теперь король даетъ мѣру своей слабости и потеряетъ всякое уваженіе, теперь будутъ возрастать требованія недовольныхъ. Тоже воспослѣдуетъ въ маломъ видѣ, что̀ во Франціи. Хорошаго можно предвидѣть только то, что не требуется инквизиція и у монаховъ отнимутъ страшныя имѣнія и доходы, коими они пользуются.

8 апрѣля, 1820 г.

Теперь весельямъ нѣтъ конца! У нашего принца регента [11]) былъ славный балъ въ воскресенье, человѣкъ съ 300. Онъ и княгиня премилые. Звали на всѣ слѣдующія воскресенья, но не всѣхъ. Понедѣльникъ—отдыхъ, во вторникъ—собраніе, въ среду—у Бѣлосельской, въ четвергъ—у Власова, въ пятницу—у Бобринской, суббота—отдыхъ, воскресенье опять Голицыны. Экая недѣля! И на той многіе собираются давать балы. Тургеневъ танцуетъ умѣренно, за то ѣстъ немилосердно, а спитъ какъ добрый лакей. Его закормили здѣсь. Общество его—отрада моя, какой добрый малый. Мы въ запуски тебя вспоминаемъ. Василій Львовичъ все собирается дать обѣдъ, но не

---

[10]) Испанскій король.

[11]) Московскаго градоначальника князя Голицына.

рѣшается, кого именно звать и который выбрать день. Онъ отъ недоумѣнія съ ума сходитъ и совѣтуется то со мною, то съ Сонцевымъ, то съ Тургеневымъ...

Революція перевалилась черезъ Пиренейскія горы. Увидишь, что̀ за потѣха тамъ будетъ! Это не французы! Испанцы ненавистливѣе, тверже, основательнѣе сосѣдей своихъ. Личность, суевѣріе и мщеніе еще болѣе будутъ у нихъ дѣйствовать. Мѣстное положеніе способствовать будетъ междоусобной войнѣ. Дай-ка воротиться измѣнникамъ! Я гроша не парирую, что и у нихъ будутъ не только 13 вандоміеры, но (увы!) и 21 генваря! Мнѣ было любопытно знать, будетъ ли имѣть объявленіе конституціи спасительное вліяніе на колоніи? Обратятся ли онѣ? Въ какомъ мы живемъ любопытномъ вѣкѣ! Я Василью Львовичу сказалъ, что хотѣлъ бы быть въ Тургеневой кожѣ! Почему? Какъ почему? Того и гляди, іезуиты его отравятъ. Мой Василій Львовичъ чуть не въ слезы и все добивается у Тургенева, всѣхъ ли выслали іезуитовъ. Тотъ не постигалъ любопытства подагрика, сталъ меня допрашивать, а я насилу добрался до разрѣшенія задачи. Вчера Василій Львовичъ, поцѣловавъ меня, покрылъ меня пòтомъ и слезами, сказавъ съ восторгомъ: „Soyez tranquille, mon cher, tous les jésuits sont renvoyés, tous“. Съ нимъ, равно, и шутить нынѣ опасно...

Теперь всѣ заняты манифестомъ 31 марта. Я лишнимъ почитаю распложать эту матерію, ты, вѣрно, тѣ же дѣлаешь размышленія. Объ этомъ ты основательнѣе еще меня можешь судить, а лучше говорить о другомъ. Напримѣръ, въ англійскомъ клубѣ разнеслась вѣсть о испанскомъ переворотѣ. Одинъ почтенный членъ, подпора общества, старый генералъ, сказалъ на это съ вѣрностью: „Да это можно было предвидѣть, ибо Фердинандъ впалъ въ какое то презрѣніе; вы знаете что якобинцы сочинили оперу, родъ пасквиля, и осмѣлились ее наименовать Фернандъ и Кортесы!“ Ты не улыбаешься, а хохочешь одинъ. Я это отсюда вижу...

30 декабря, 1820 г.

Завтрашній маскарадъ у князя Бориса [12]) занимаетъ весь городъ до сумасшествія. Мы дѣлаемъ комплотъ вотъ какого рода. 9 числа Бобринскую отзовутъ къ дочери ея (и та въ заговорѣ), а между тѣмъ домъ ея освѣтятъ и соберется тамъ избранное наше общество въ маскахъ. Въ 9 часовъ Гагарина скажетъ: Maman, allons chez vous. Графиня выходитъ изъ кареты. Давыдовъ, въ ливреѣ ея швейцара, скажетъ ей „сейчасъ доложу графинѣ“. Потомъ „приказали просить“ и звонитъ. Въ верху оффиціантъ (я) снимаетъ съ нея шубу, провожаетъ въ залъ. Тутъ Афросимовъ въ видѣ хозяина въ шитомъ кафтанѣ провожаетъ графиню въ гостиную и, относясь къ Наташѣ Волконской (это будетъ Бобринская), говоритъ: „представляю вамъ даму

[12]) Юсупова.

пріѣхавшую недавно изъ Берлина". Потомъ начинается пьэска „Le couronement de la Rosière". Тамъ будутъ танцовать. Вотъ въ двухъ словахъ canevas. У насъ столько богатыхъ мыслей, что не знаемъ на чемъ остановиться. Ты знаешь, какъ Бобринская добра и какъ всякая шутка съ нею удается. Она бы хотѣла дать маскарадъ, но воспрещаетъ благопристойность, ибо у нея умеръ братъ не очень давно, а тутъ выйдетъ, что ей сдѣлали какъ будто насиліе. Претензіи быть не можетъ, ибо мы сзываемъ, кого хотимъ, а не она. Всего народа будетъ человѣкъ съ 40 и все отборные.

Юсуповъ не только не содержитъ танцовщицъ, но едва содержитъ людей своихъ; сталъ еще скупѣе, шатается по обѣдамъ въ трактирахъ и всякій день въ театрѣ. Выписываетъ итальянскую труппу...

Къ Юсупову пріѣхала звать на свой бенефисъ цѣломудренная Окунева и истаскавшаяся Медвѣдева. Старый б......, взявъ за руку Медвѣдеву, сказалъ ей съ чувствомъ: „Ты себя ведешь очень хорошо. Это дѣлаетъ тебѣ честь, продолжай все также, я желаю, чтобы всѣ тебѣ послѣдовали. Вотъ тебѣ 50 р. за мою ложу; а ей (Окуневой) отдѣли что тебѣ угодно. Прощай моя милая!..."

Здѣсь всѣ туги на деньги, а сорятъ ими. Новая парижская лавка, здѣсь недавно открывшаяся, продала на 100,000 рублей въ двѣ недѣли. Этотъ магазинъ подорвалъ всѣхъ. Того и гляжу, что косметикъ утопится, а Цихлеръ удавится...

У Ислентьевыхъ является на балъ блѣдная тѣнь старушечья. Кто это?—Разбитая параличемъ Афросимова и всѣмъ говоритъ: лѣкарства бросила, докторовъ прогнала, а лѣченіе отложила до великаго поста. Наши старыя русачки стоютъ вашихъ молодыхъ полячекъ.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.

(Римско-католическій священникъ-миссіонеръ Августинъ).

1770—1840 г.

I.

Князь Дмитрій Дмитріевичъ Голицынъ, извѣстный въ Германіи и Сѣверной Америкѣ подъ именемъ „Дмитрія,—Августина Голицына“ (Demetrius Augustin Gallitzin) [1]), личность чрезвычайно замѣчательная, а жизнь и подвиги его — необыкновенные. Память о нихъ хорошо сохранилась въ Германіи и особенно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки; но они очень мало извѣстны или, лучше сказать, вовсе неизвѣстны въ Россіи, даже въ собственномъ родѣ его. Ни то, ни другое, неудивительно: принадлежа Россіи единственно лишь по происхожденію, имени, отчеству и фамильному прозванію своимъ, онъ никогда въ ней не былъ, ибо родился въ Гаагѣ, отъ отца-русскаго и отъ матери-нѣмки, и до 22 лѣтъ отъ роду прожилъ въ Гаагѣ и Мюнстерѣ, а остальныя 48 лѣтъ своей жизни—въ Сѣверной Америкѣ, американскимъ гражданиномъ, римско-католическимъ священникомъ-миссіонеромъ и великимъ подвижникомъ. Память о немъ, какъ я уже сказалъ, до нынѣ живо и свято чтится тамъ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ подвизался

[1]) Такова орѳографія фамильнаго прозванія его и вообще рода князей Голицыныхъ на французскомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ. Начало ей положилъ—Вольтеръ, почему она и носитъ названіе: „orthographe Voltaire“, и съ тѣхъ поръ упорно держится не только между иностранцами, но и между русскими, даже между самими членами рода князей Голицыныхъ, хотя совершенно невѣрна и даже не имѣетъ смысла. Это фамильное прозваніе произошло отъ стариннаго русскаго слова „Голица“—рукавица безъ пальцевъ, почему и на французскомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ слѣдуетъ означать его, буква въ букву, какъ на русскомъ языкѣ, именно Golitzyne (буква „y“ въ польскомъ, сродномъ намъ славянскомъ языкѣ, соотвѣтствуетъ русской гласной „ы“).

41 годъ, до смерти—на вершинѣ Аллеганскихъ горъ въ Пенсильваніи, надъ прахомъ его сооруженъ памятникъ, а вблизи находится селеніе, носящее фамильное прозваніе его „Gallitzin". Въ Россіи же онъ извѣстенъ только по краткимъ свѣдѣніямъ о немъ въ родословіяхъ рода князей Голицыныхъ: князя П. В. Долгорукова (Спб. 1840) и Е. Серчевскаго (Спб. 1853), да и эти свѣдѣнія не вполнѣ вѣрны. Но въ Америкѣ и въ Германіи о немъ были изданы полныя, обстоятельныя, достовѣрныя и весьма любопытныя свѣдѣнія. Главнѣйшія изъ этихъ сочиненій, слѣдующія: 1) Discourse on the life and virtues of the Rever. Demetrius Augustine Gallitzin, late Pastor of St. Michaels Church, Loretto.—Delivered on the occasion of the removal of his remains to the new and splendid monument erected to his memory by a grateful flock. By the Very Rever. Thomas Heyden (т. е. Рѣчь или слово о жизни и добродѣтеляхъ преподобнаго Дмитрія Августина Голицына, послѣдняго, или покойнаго, священника церкви св. Михаила въ Лоретто. Роздано по случаю перенесенія останковъ его къ новому и благолѣпному памятнику, сооруженному въ память его благодарною паствой. Соч. высокопреподобнаго Томаса Хейдена). Эта рѣчь или слово было напечатано въ 1859 г. въ апрѣльской книжкѣ „North American Review". А на основаніи его, въ концѣ того же 1859 г., составлена была неизвѣстнымъ нѣмецкимъ авторомъ-протестантомъ и напечатана въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ небольшого нѣмецкаго-протестантскаго миссіонерскаго журнала „Fliegende Blätter aus dem Rauhen Hause zu Horn bei Hamburg, Organ des Central-Ausschusses für die innere Mission der deutschen evangelischen Kirche" [1]), статья подъ заглавіемъ „Fürst Gallitzin", съ многими важными и любопытными подстрочными примѣчаніями и дополненіями неизвѣстнаго лица, обозначеннаго инициалами J. M. Ѣ., вѣроятно, редактора этого журнала.

На основаніи этой-то послѣдней, болѣе другихъ полной статьи, я и составилъ настоящій очеркъ жизни и подвиговъ князя Дмитрія Дмитріевича Голицына, какъ справедливую дань достойной памяти его: во первыхъ, какъ близкаго сродника моего, двоюроднаго брата моего отца и двоюроднаго дяди моего, и во вторыхъ, въ особенности, какъ достойнаго представителя нашего рода, хотя и отрекшагося, и отъ міра, и отъ сродниковъ своихъ, и отъ Россіи, но, какъ объяснено будетъ, не отступника отъ православія, а обратившагося изъ „невольнаго" безвѣрія до 17 лѣтъ возраста своего—въ римско-католическое вѣроисповѣданіе, поступившаго въ немъ въ духовное званіе и, какъ сказано, 41 годъ до смерти своей подвизав-

[1]) Т. е. „Летучіе листки изъ Суроваго Дома въ Горнѣ близъ Гамбурга, органъ центральнаго комитета для внутренней миссіи нѣмецкой евангелической церкви". Этотъ „Суровый Домъ" былъ воспитательнымъ учебнымъ заведеніемъ для образованія и приготовленія нѣмецкихъ евангелическихъ миссіонеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—центральнымъ управленіемъ такой же миссіи.

шагося въ Сѣверной Америкѣ священникомъ-миссіонеромъ, съ замѣчательными усердіемъ, трудами и добродѣтелями. Съ очеркомъ жизни и подвиговъ этого достойнаго и замѣчательнаго человѣка, по необходимости, неразрывно связанъ такой же очеркъ жизни его отца и матери, необходимый для яснаго уразумѣнія характера и дѣятельности князя Дмитрія Августина.

II.

Отецъ его, князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, родившійся 23 сентября 1734 г. былъ четвертымъ сыномъ князя Алексѣя Ивановича и супруги его, Даріи Васильевны, урожденной княжны Гагариной, и внукомъ князя Ивана Алексѣевича, младшаго брата извѣстнаго князя Бориса Алексѣевича, дядьки и воспитателя Петра Великаго, и роднымъ дядей моего отца, князя Сергія Ивановича. Въ 1754 г., при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, будучи 20 лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ состоять при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Во время 14 лѣтняго пребыванія своего въ Парижѣ (1754—1768), въ то самое время, когда французская философская школа сильно распространяла свои идеи между знатными и вліятельными лицами французскаго двора,—князь Дмитрій Алексѣевичъ сблизился съ Вольтеромъ и Дидеротомъ, и, по молодости лѣтъ и восторженности характера, увлекся ихъ ученіемъ. Вольтеръ и Дидеротъ, со времени воцаренія Екатерины II далеко не безкорыстно льстившіе ей, оказывали и князю Дмитрію Алексѣевичу особенное вниманіе, по поводу его усердія къ собранію рѣдкихъ художественныхъ предметовъ и антиковъ для Царскосельскаго музея. Изящный вкусъ его, свободомысленныя воззрѣнія, замѣчательныя способности, образованность и научные труды, сдѣлали его близкимъ другомъ и постояннымъ корреспондентомъ многихъ современныхъ ему философовъ. Все это имѣло слѣдствіемъ, что князь Дмитрій Алексѣевичъ, заразившись тогдашнимъ философскимъ вольнодумствомъ и безвѣріемъ, въ религіозномъ отношеніи самъ сталъ вполнѣ невѣрующимъ и атеемъ, какимъ и остался до конца своей жизни.

Въ 1768 г., при императрицѣ Екатеринѣ II, будучи 34 лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Гаагу, гдѣ и пробылъ до своей смерти въ 1803 г. По однимъ свѣдѣніямъ, при проѣздѣ его изъ Петербурга въ Гаагу черезъ Берлинъ, онъ познакомился въ немъ съ 20-лѣтнею красавицею, весьма умною и высокообразованною, графинею Амаліей фонъ-Шметтау, дочерью католическаго рейхсграфа и прусскаго генералъ-лейтенанта фонъ-Шметтау, и фрейлиной супруги принца Фердинанда прусскаго, брата Фридриха Великаго. По другимъ свѣдѣніямъ, князь

Дмитрій Алексѣевичъ короче познакомился съ нею позже въ Ахенѣ, гдѣ она находилась въ свитѣ принца Фердинанда и его супруги. Рожденная и воспитанная въ римско-католическомъ вѣроисповѣданіи, одаренная необыкновенными красотою и умомъ и получившая высокое, всестороннее образованіе, но очень тщеславная и также заразившаяся современнымъ вольномысліемъ и безвѣріемъ, она очаровала князя Дмитрія Алексѣевича. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе, получилъ согласіе и въ 1769 г. вступилъ въ бракъ съ нею. Отъ этого брака родились въ Гаагѣ: 7 декабря 1769 г. — дочь Маріамна или Марія, а 22 декабря 1770 г.—сынъ Дмитрій. Этотъ послѣдній, также отъ природы одаренный замѣчательными умственными и душевными способностями, получилъ блистательное, всестороннее свѣтское образованіе, но — никакого религіознаго, по причинѣ полнаго безвѣрія отца его и религіознаго индиферентизма матери. Отецъ приставилъ къ сыну отличнѣйшихъ учителей, но религіозныхъ вольнодумцовъ, и рѣшительно отстранилъ доступъ къ нему духовныхъ лицъ и книгъ. Мать же воспитывала и сына, и дочь, по правиламъ Руссо, изложеннымъ въ его „Эмилѣ“. Въ 1779 г. она съ сыномъ и дочерью переселилась изъ Гааги въ Мюнстеръ, въ Вестфаліи, славившійся въ то время отличными педагогами и учителями. Мужъ же ея, по своимъ обязанностямъ постоянно пребывавшій въ Гаагѣ, или же путешествовавшій, лишь изрѣдка навѣщалъ жену и дѣтей своихъ въ Мюнстерѣ.

Во время пребыванія княгини Голицыной въ Мюнстерѣ, съ 1779 по 1783 г., она вошла въ близкія соотношенія съ многими отличнѣйшими по уму, знаніямъ, ученымъ и литературнымъ трудамъ, людьми того времени. Изъ нихъ Эмстергюйсъ (Hemsterhuis), Хаманъ (Haman), Якоби (Iacobi) и Гете (Goethe) были ближайшими друзьями ея.

1783 годъ былъ годомъ внезапнаго, рѣшительнаго и спасительнаго переворота въ ея жизни и вѣрованіяхъ. Она такъ опасно занемогла, что ей угрожала смерть — и она просила ученаго епископа мюнстерскаго, фонъ Фюрстенберга, прислать ей собственнаго духовника своего, священника Бернгарда Оверберга, для религіознаго совѣщанія съ нимъ. Овербергъ часто навѣщалъ ее, но она постоянно утверждала, что не боится смерти, и духовникъ успѣлъ уговорить ее единственно въ томъ, чтобы она, въ случаѣ выздоровленія, искренно и серьезно занялась изученіемъ христіанскаго ученія. Она выздоровѣла—и сдержала свое обѣщаніе. Три года сряду (1784—1786) она усердно изучала это ученіе подъ руководствомъ Фюрстенберга и Оверберга—и въ 1786 г. рѣшительно обратилась къ Христу и въ римско-католическое вѣроисповѣданіе. 28 августа этого года, въ день памяти особенно чтимаго ею св. Августина, она впервые причастилась св. тайнъ и съ тѣхъ поръ до самой смерти своей въ 1806 г. провела все время, въ Мюнстерѣ, въ постоянной молитвѣ и глубокомъ благочестіи и раскаяніи.

Обращеніе ея произвело необыкновенное впечатлѣніе на ея любя-

щаго сына — и его также, во мракѣ безвѣрія, освѣтилъ истинный свѣтъ вѣры. Однажды, въ книжной лавкѣ случайно увидѣлъ онъ библію, купилъ ее, изучилъ — и почувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ ею. Въ 1787 г., 17 лѣтъ отъ роду, онъ вполнѣ обратился ко Христу и при конфирмаціи своей принялъ имя Августина.

Обращеніе сына и жены было весьма непріятно князю Дмитрію Алексѣевичу, но тѣмъ не менѣе онъ не измѣнилъ своихъ честолюбивыхъ видовъ касательно будущности своего сына. Давъ ему воспитаніе, соотвѣтствовавшее этимъ видамъ и его происхожденію, онъ готовилъ его къ военной службѣ. Между прочимъ, онъ озаботился о развитіи въ немъ силъ и ловкости всякаго рода тѣлесными упражненіями: гимнастикой, вольтижированіемъ, верховою ѣздою, фехтованіемъ, стрѣльбою въ цѣль и пр., и сынъ его дѣйствительно достигъ во всемъ этомъ большихъ успѣховъ. Въ 22 года отъ роду (въ 1792 г.) онъ зналъ уже все, что въ то время требовалось отъ знатнаго, благовоспитаннаго и образованнаго молодого человѣка, и хотѣлъ ѣхать въ Вѣну, чтобы поступить въ одинъ изъ полковъ австрійской гвардіи. Но, вмѣсто того, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу фонъ-Лиліену, который тогда, передъ началомъ похода 1792 года во Францію, начальствовалъ австрійскимъ корпусомъ въ Брабантѣ. Въ мартѣ же этого года императоръ Леопольдъ умеръ, при чемъ возникло подозрѣніе (не оправдавшееся) въ отравленіи, а шведскій король Густавъ III былъ убитъ. Это подало поводъ къ опасеніямъ, чтобы французскіе якобинцы не вкрались въ австрійскія и прусскія арміи, для умерщвленія начальниковъ ихъ. Вслѣдствіе того, всѣмъ иностранцамъ былъ закрытъ доступъ въ эти арміи, а въ томъ числѣ и князю Дмитрію Дмитріевичу. Здѣсь представляется естественный вопросъ: почему же онъ не поступилъ тогда въ русскую армію, какъ и слѣдовало бы? американскій и нѣмецкій авторы статей о немъ замѣчаютъ по этому поводу, что такъ какъ Россія въ то время не участвовала въ походѣ Австріи и Пруссіи во Францію, то князю Дмитрію Дмитріевичу и не представлялось, будто бы, случая поступить въ какую-либо другую армію. Голландскій же писатель Каттеркампъ говоритъ, будто мать князя Дмитрія Дмитріевича не желала, чтобы онъ, послѣ домашняго воспитанія, прямо поступилъ въ русскую военную службу. Но ни то, ни другое, нельзя признать достаточными причинами. Скорѣе можно предположить, что ни мать, ни сынъ, оба римскіе католики и ничего общаго съ Россіей, кромѣ фамильнаго прозванія, не имѣвшіе (хотя у князя Дмитрія Алексѣевича были въ ней имѣнія) не желали посвятить, она—сына, а сынъ—себя, службѣ Россіи; иначе почему же первоначальною мыслію ихъ было опредѣленіе князя Д. Д. въ службу католической Австріи? Не безъ вѣроятности можно предполагать, что причины этого происходили не отъ сына и даже не отъ отца, но скорѣе отъ матери. Какъ бы то ни было, за невозможностью сыну вступить въ военную службу Австріи, рѣшено было —

послать его путешествовать: ибо въ то время существовалъ обычай, чтобы знатные молодые люди годъ или два путешествовали, для довершенія домашняго воспитанія и образованія своего. Но какъ въ то время путешествіе по Европѣ, встревоженной политическими и военными событіями, было неудобно и даже небезопасно, то князь Дмитрій Алексѣевичъ и положилъ послать сына своего, года на два, въ Америку, особенно въ Сѣверную, на которую подвиги Уашингтона и открытія Франклина привлекали вниманіе всего Стараго Свѣта. Вслѣдствіе этого, князь Дмитрій Дмитріевичъ, осенью 1792 года, имѣвшій тогда 22 года отъ роду, отправился въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, по словамъ Томаса Хейдена и автора нѣмецкой статьи (см. выше)—въ сопровожденіи друга молодости своей, 20-ти лѣтняго наслѣднаго принца Вильгельма Оранскаго (въ послѣдствіи короля Вильгельма I Нидерландскаго [1]), съ которымъ его связывала тѣсная дружба; причемъ они поклялись другъ другу всячески взаимно помогать одинъ другому во всякой опасности или нуждѣ. Но Каттеркампъ говоритъ, что ему ничего объ этомъ неизвѣстно и все это кажется невѣроятнымъ, и прибавляетъ, что князю Дмитрію Дмитріевичу данъ былъ, въ качествѣ спутника и наставника, молодой и очень ревностный нѣмецкій католическій свящённикъ-миссіонеръ Брозіусъ, который и употребилъ во время путешествія все свое стараніе на то, чтобы настроить умъ и сердце князя Дмитрія Дмитріевича къ духовно-созерцательной жизни. И онъ успѣлъ въ этомъ тѣмъ легче и скорѣе, что нашелъ вполнѣ благопріятную для того почву въ душевныхъ качествахъ и стремленіяхъ князя Дмитрія Дмитріевича. Дѣйствительно, послѣдній обладалъ всѣми преимуществами основательнаго, полезнаго и пріятнаго образованія, и нравами и обычаями, утонченными пребываніемъ при пышныхъ европейскихъ дворахъ. Вся внѣшность его, имѣвшая въ себѣ много внушительнаго достоинства, его красивое, выразительное лицо, его привлекательное обхожденіе, его даръ слова—дѣйствовали на всѣхъ обворожительно. Къ этимъ личнымъ преимуществамъ присоединялись еще его знатное происхожденіе и родовое богатство, такъ что въ немъ, по справедливости, можно было видѣть человѣка, съ преизбыткомъ надѣленнаго всѣми дарами, какіе счастіе только можетъ удѣлить человѣку. И при всемъ томъ, онъ—какъ выражается о немъ Томасъ Хейденъ—„внялъ гласу Христа, сказавшаго богатому юношѣ: одного недостаетъ тебѣ: продай все, что имѣешь, раздай нищимъ и послѣдуй за мной“. Онъ созналъ въ себѣ высшее призваніе къ духовной жизни и ни что не могло отвратить его отъ него, ни труды и лишенія, предстоявшіе ему на этомъ пути, ни память о своихъ родныхъ и друзьяхъ, которыхъ онъ долженъ былъ покинуть.

Въ такомъ настроеніи князь Д. Д. высадился въ Балтиморѣ — и

---

[1]) Супруга великой княгини Анны Павловны.

уже 5 ноября 1792 г. поступилъ въ богословскую семинарію, не задолго передъ тѣмъ основанную въ этомъ городѣ монахами ордена св. Сулпиція. Въ этомъ же городѣ, въ 1789 г., было учреждено первое въ Сѣверной Америкѣ римско-католическое епископство (въ 1808 году обращенное въ архіепископство). Семинарія же св. Сулпиція была три года послѣ того основана, по образцу упраздненной въ 1789 г. парижской того же названія, бывшимъ ректоромъ ея, аббатомъ Наго (Nagot).

Этимъ положено было первое начало духовной жизни и миссіонерскихъ подвиговъ князя Д. Д., въ католичествѣ Августина, въ Сѣверной Америкѣ.

III.

Вскорѣ послѣ поступленія своего въ Балтиморскую семинарію, князь Дмитрій Дмитріевичъ написалъ одному другу своему въ Германіи, чтобы „онъ расположилъ мать его въ пользу перемѣны его плановъ“ и прибавилъ, „что онъ со всѣмъ, чѣмъ обладаетъ, посвятилъ себя служенію Богу и спасенію своихъ братій въ Америкѣ, гдѣ жатвы такъ много, а дѣлателей такъ мало“. (Каттеркампъ). Это извѣстіе было для матери его совершенно неожиданнымъ и она въ письмѣ къ предстоятелямъ семинаріи выразила свои сомнѣнія и опасенія касательно призванія сына своего. Въ отвѣтъ на это она получила увѣреніе аббата Наго и епископа, что они никогда еще не приводили къ алтарю Божію кандидата духовнаго званія, въ полной преданности котораго были бы столь твердо убѣждены.

18 марта 1795 г. князь Д. Д. былъ посвященъ въ священники первымъ, по времени, епископомъ Балтиморскимъ и Соединенныхъ Штатовъ, Кароллемъ (Caroll). Онъ былъ вторымъ, посвященнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ, римско-католическимъ священникомъ и такъ восхищенъ всею духовною обстановкою своею въ семинаріи, что пожелалъ всю жизнь свою остаться въ ней, и дѣйствительно—сдѣлался членомъ ордена св. Сулпиція. Между тѣмъ, епископъ Кароллъ вскорѣ призналъ нужнымъ возложить на молодого священника Августина особенныя миссіонерскія обязанности, и онъ исполнилъ ихъ такъ хорошо, что послѣ того ему уже постоянно поручали ихъ. Но какъ эти обязанности показались ему несовмѣстимыми съ обязанностями члена ордена св. Сулпиція, то онъ и не признавалъ уже себя членомъ его. Первое миссіонерское странствіе его было въ Конневаго (Connevago), гдѣ тогда находилась уже цвѣтущая община. Конневаго было однимъ изъ трехъ римско-католическихъ поселеній внутри Пенсильваніи, основанныхъ по завѣщанію одного англійскаго католика, сэра Джона Джемса. Завѣщаніе послѣдняго было оспорено родственниками, но священники сохранили въ тайнѣ состояніе его, обращенное во французскіе государственные фонды, и такимъ образомъ въ католическую

миссію въ Пенсильваніи ежегодно высылались 100 ф. стерлинговъ. Изъ Конневаго патеръ Августинъ странствовалъ по различнымъ городамъ и поселеніямъ въ трехъ штатахъ: Мериландѣ, Виргиніи и Пенсильваніи, и въ обширныхъ, тогда еще неизслѣдованныхъ, Аллеганскихъ горахъ. Миссіонерскіе труды его на этомъ обширномъ пространствѣ были въ высшей степени тяжки, потому что онъ не боялся и не щадилъ никакихъ жертвъ, если только представлялся ему случай пріобрѣсти хотя одну душу для паствы своей церкви. Опытъ научилъ его, между тѣмъ, что ему правильнѣе и вѣрнѣе было бы избрать одну часть этого обширнаго пространства, для особеннаго духовнаго попеченія о жителяхъ его, и въ ней одинъ центральный пунктъ, гдѣ ему можно было бы устроить поселеніе и изъ него уже постепенно распространять кругъ своихъ дѣйствій. Согласно съ этимъ, въ 1799 году, онъ избралъ мѣстомъ своего постояннаго пребыванія одинъ изъ высшихъ пунктовъ Аллеганскаго горнаго хребта въ Пенсильваніи, на западной сторонѣ его, въ разстояніи около 150 миль отъ Филадельфіи. Здѣсь онъ построилъ изъ древесныхъ стволовъ небольшую деревянную церковь, въ 25 футовъ ширины и въ 30 футовъ длины, достаточную для вмѣщенія лишь тѣхъ 10 или 12 семействъ, которыя разсѣянно обитали въ горахъ. До того времени не было ни одного священника и ни одной церкви, или иного религіознаго католическаго учрежденія, на всемъ обширномъ пространствѣ отъ озера Эріо до Конневаго и отъ Сускеганны до Потомака. По этому можно судить сколько трудовъ и лишеній перенесъ патеръ Августинъ, странствуя по этимъ дикимъ пустынямъ, для духовнаго утѣшенія нѣкоторыхъ изъ членовъ его общины, жившихъ въ отдаленныхъ и отдѣльныхъ поселеніяхъ. Въ этихъ дальнихъ странствованіяхъ ложемъ ему часто служила голая земля, изголовьемъ—сѣдло, а пищей—самые грубые припасы.

При основаніи поселенія въ томъ мѣстѣ, которое имъ было избрано, онъ нашелъ себя вынужденнымъ покупать большіе участки земли и раздѣлять ихъ на малыя фермы, чтобы этимъ побудить переселенцевъ водворяться въ нихъ. Эти участки земель онъ продавалъ примѣрно по 4 доллара каждый, но часто уступалъ ихъ и даромъ. Затѣмъ онъ строилъ мукомольныя и лѣсопильныя мельницы и иныя полезныя заведенія, которыхъ тогда ни гдѣ въ окрестностяхъ не находилось, такъ что поселенцы должны были ѣздить за 30 или 40 миль, чтобы молоть свой хлѣбъ и добывать жизненные припасы. Вслѣдствіе этого, онъ вошелъ въ большіе долги, въ надеждѣ на уплату ихъ изъ состоянія, которое могло бы достаться ему впослѣдствіи отъ отца.

Основанное имъ, такимъ образомъ, поселеніе онъ назвалъ Лоретто, въ честь Божіей Матери, мѣстопребываніе которой, по мнѣнію католиковъ, перенесено было изъ Палестины въ городъ этого имени на берегу Адріатическаго моря, всегда привѣтствуемый по

этой причинѣ моряками, возвращающихся къ нему кораблей, пѣніемъ: „Ave, maris stella!“ (Радуйся, звѣзда моря!)

Въ мартѣ 1803 года, когда патеръ Августинъ усердно занимался исполненіемъ своихъ человѣколюбивыхъ замысловъ, въ Браунштейгѣ умеръ (и погребенъ на тамошнемъ кладбищѣ) отецъ его, до самой смерти своей пребывшій въ безвѣріи и сильно огорчавшій жену свою тѣмъ, что ей приписывалъ утрату единственнаго сына своего. Каттеркампъ говоритъ, что этотъ послѣдній уже въ 1798 г. нѣсколько примирился, повидимому, съ своимъ отцомъ, равно какъ и съ знатными родственниками своими въ Россіи, которые очень непріязненно относились къ его обращенію въ римско-католическое вѣроисповѣданіе и поступленію въ духовное и миссіонерское званіе.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти отца, онъ получилъ отъ матери и друзей своихъ настоятельнѣйшія просьбы о немедленной поѣздкѣ въ Россію, съ надлежащими свидѣтельствами о своей личности, для предъявленія правъ своихъ на наслѣдство отца. Они представляли ему, какое благодѣяніе онъ могъ оказать своему бѣдному поселенію такими богатствами [1]). Мать его писала также и аббату Наго, и епископу Кароллю, съ такими же доводами и настоятельными просьбами, и успѣла побудить ихъ совѣтовать сыну ея ѣхать въ Россію. Но сынъ поступилъ благоразумнѣе и справедливѣе ихъ всѣхъ, возразивъ, что „не можетъ, возложивъ руку на рало (плугъ), обратиться вспять“ и писалъ епископу, что онъ, патеръ Августинъ, побудилъ многія католическія семейства поселиться въ дикой, необитаемой мѣстности, гдѣ они уже образовали многочисленную общину; что правительство уже положило учредить въ этой мѣстности графство (административный округъ) и что многіе еще стремятся поселиться въ ней. Такъ какъ епископъ не былъ въ состояніи назначить на его мѣсто другого священника, то и рѣшилъ, что пастырь долженъ остаться при своей паствѣ. А теперь Августинъ написалъ своей матери, что все, что онъ выигралъ бы временно, поѣздкою въ Россію, не могло, по его убѣжденію, идти въ сравненіе съ гибелью хотя одной души вслѣдствіе его отсутствія. Однако, по настоятельной просьбѣ матери, патеръ Августинъ уполномочилъ барона Фюрстенберга, перваго министра и генеральнаго викарія курфирста Кёльнскаго, и рейнграфовъ Штольберга и Мерфельта, быть его представителями въ дѣлѣ полученія законнаго наслѣдства.

[1]) Странно и тяжко намъ русскимъ читать такого рода разсужденія матери и друзей патера Августина, столько же несправедливыя, сколько и корыстныя. Имъ, кажется, и въ умъ не приходило, что несправедливо было бы домогаться наслѣдства въ Россіи тому, кто въ ней не родился и не жилъ, и своимъ отреченіемъ отъ нея и отъ міра и поступленіемъ въ католичество и монашество въ чужой странѣ, навсегда прервалъ всѣ связи съ Россіей и утратилъ всѣ законныя права на наслѣдство отца своего въ ней и всякую надежду поддержать свою католическую миссію въ Америкѣ на счетъ русскихъ денегъ! Корыстныя соображенія, кажется, совершенно помрачили въ нихъ самыя простыя понятія о законности и справедливости!

Въ 1808 г. (два года послѣ смерти матери его, умершей 7 апрѣля 1806 г. въ Ангельмюдде близь Мюнстера) онъ получилъ отъ нихъ слѣдующее увѣдомленіе:

„Вопросъ о вашихъ и сестры вашей притязаніяхъ на наслѣдство вашего отца въ Россіи рѣшенъ сенатомъ въ С.-Петербургѣ такимъ образомъ, что вы, дорогой князь, по случаю вашего обращенія въ римско-католическое вѣроисповѣданіе и поступленія въ духовное званіе, не можете вступить во владѣніе имѣніями вашего умершаго отца, и что, вслѣдствіе этого, сестра ваша должна быть признана единственной наслѣдницей упомянутыхъ имѣній и, въ качествѣ таковой, введена во владѣніе ими. Государственный совѣтъ постановилъ такое же рѣшеніе, которое и было утверждено императоромъ и вошло въ законную силу. Ваша сестра, по русскимъ законамъ, можетъ распоряжаться доходами съ имѣній по своей волѣ, но не можетъ отчуждать недвижимаго имущества, или отказывать его по духовному завѣщанію. Между тѣмъ она вольна продать его и запродажную сумму употребить по своей волѣ. Изъ этого вы видите, любезный князь, что вы устранены только номинально. Ваша любезная и достойная мать часто считала возможнымъ, даже вѣроятнымъ, что таково будетъ рѣшеніе, и прибавляла къ этому: „все равно, если судъ въ Россіи рѣшитъ въ пользу обоихъ моихъ дѣтей, или только одной дочери, сынъ мой не можетъ ничего потерять отъ этого". И въ Россіи смотрятъ на это точно такъ же. А потому мы выражаемъ вамъ наше наилучшее желаніе счастія по случаю благопріятнаго исхода этого дѣла, ибо намъ не нужно заботиться о мертвой буквѣ закона, такъ какъ въ этомъ случаѣ чувство справедливости и любви вознаграждаетъ вамъ потерю наслѣдства".

Сестра патера Августина, княжна Марія-Анна (или, какъ она называется въ другихъ источникахъ, Маріамна-Доротея) Голицына, объявленная по закону наслѣдницей всего имущества умершаго отца своего, обязалась при жизни своей дѣлить доходы по ровну съ братомъ, а по смерти своей предоставить ему все. Но это обѣщаніе, данное ею вполнѣ искренно, оказалось недѣйствительнымъ въ послѣдствіи, по вступленіи ея, въ 1818 г., 49 лѣтъ отъ роду, въ бракъ съ весьма бѣднымъ римско-католическимъ княземъ Сальмъ-Краутгеймъ, до 1803 г. бывшимъ графомъ Сальмъ-Рейфершейдъ-Бребургъ въ Дюссельдорфѣ. Подобно матери и брату своимъ, она, послѣ нихъ, и преимущественно подъ вліяніемъ писемъ брата, обратилась въ римское католичество (послѣ 1787 г.). Между нею и братомъ всегда существовала самая нѣжная дружба. Послѣ 1808 г. она сдѣлала духовное завѣщаніе и увѣдомила брата, что назначила ему, по этому завѣщанію, значительную сумму денегъ. Но передъ самою кончиною ея, 23 декабря 1823 г., когда она, на смертномъ одрѣ, уже боролась съ смертію, ей поданъ былъ къ подписанію предварительно изготовленный документъ; чужая рука водила ея уже безсильной рукой—и все

состояніе было передано мужу ея, князю Сальму (онъ умеръ въ маѣ 1831 рода бездѣтнымъ). По смерти сестры, патеръ Августинъ былъ увѣдомленъ о всѣхъ подробностяхъ совершеннаго подлога; ему совѣтовали оспорить его и возвратить себѣ законное достояніе. Такъ какъ имѣлись явныя доказательства подлога, то несомнѣнно было, что предсмертное завѣщаніе княгини Сальмъ было бы уничтожено. Но патеръ Августинъ не хотѣлъ поднимать этого дѣла, говоря, что „судебное дѣло могло бы повредить кому нибудь, а онъ считаетъ, что лучше претерпѣть несправедливость, нежели совершить ее“ [1]).

И такъ, вслѣдствіе преступнаго подлога князя Сальма, патеръ Августинъ лишился того, что ему назначила сестра первымъ, подлиннымъ завѣщаніемъ своимъ, и былъ приведенъ этимъ въ крайне стѣснительное положеніе. Но судьба неожиданно послала ему помощь.

Мать его скончалась въ 1806 г., когда рѣшеніе русскихъ судовъ еще не было извѣстно. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи она означила, чтобы большое и драгоцѣнное собраніе греческихъ и римскихъ древностей, доставшихся ей отъ мужа, было продано и вырученныя за это деньги были употреблены аббатомъ Овербергомъ на духовныя и благотворительныя дѣла. Овербергъ призналъ, что поселеніе патера Августина въ Аллеганскихъ горахъ было именно такимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ и потому пріобрѣтя для себя отъ князя Сальма это собраніе за 20,000 долларовъ, уплатилъ ему деньги съ тѣмъ, чтобы онъ переслалъ ихъ патеру Августину въ Америку. Но князь Сальмъ выслалъ ему только половину, а другою воспользовался самъ [1]).

Патеръ Августинъ, обнадеженный, что получитъ значительную часть своего отцовскаго наслѣдства, вошелъ въ долги на пользу столь любимыхъ имъ поселенцевъ своихъ. Самымъ горячимъ желаніемъ его было создать на вершинѣ Аллеганскаго хребта большое католическое поселеніе и съ этою цѣлью онъ терпѣливо трудился, не устрашаясь и не останавливаясь передъ такими затрудненіями и препятствіями,

---

[1]) По словамъ иностранныхъ біографовъ патера Августина, такъ какъ княгиня Сальмъ не имѣла права отказывать своего недвижимаго имущества по духовному завѣщанію (см. выше) оно, по смерти ея, перешло, на основаніи закона, къ ближнему въ мужскомъ колѣнѣ родственнику князя Димитрія Алексѣевича Голицына, неизвѣстному по имени, но находившемуся въ мартѣ 1814 г. въ Парижѣ, въ званіи флигель-адъютанта императора Александра I.

Дѣйствительно ли это было такъ и кто именно былъ этотъ князь Голицынъ, мы не знаемъ. Ближайшимъ, по нашимъ законамъ, наслѣдникомъ князя Димитрія Алексѣевича долженствовалъ быть кто-либо изъ князей Голицыныхъ ближайшихъ боковыхъ вѣтвей, происходившихъ отъ братьевъ его: Ивана, Петра и Өеодора, но изъ нихъ не было никого въ званіи флигель-адъютанта императора Александра I въ мартѣ 1814 года; позже, изъ этихъ вѣтвей только старшій братъ мой, князь Василій Сергѣевичъ, былъ флигель-адъютантомъ, съ января 1821 года, но онъ ничего не наслѣдовалъ послѣ князя Димитрія Алексѣевича.

[1]) Это собраніе рѣдкостей долго находилось у Гете, которому дано было для изученія; въ послѣдствіи же оно перешло во владѣніе короля Нидерландскаго.

которыя одолѣли бы другого человѣка съ менѣе сильнымъ характеромъ. Разсчитывали, что онъ издержалъ для этой завѣтной мечты своей около 750,000 франковъ или 150,000 долларовъ и ничего изъ всѣхъ этихъ денегъ не употребилъ на собственныя удобства, потому что образъ жизни его былъ въ высшей степени простой. Пища его состояла обыкновенно изъ простого хлѣба, плодовъ и овощей, одежда изготовлялась изъ грубаго домашняго холста, а жилищемъ служила досчатая хижинка, дверь которой всегда была гостепріимно открыта бѣднымъ и чужимъ людямъ. Для полнаго довершенія своего самопожертвованія, онъ отрекся также отъ своего родового прозванія „Голицынъ" и носилъ между своими прихожанами названіе г. Смита (Smith). Онъ избралъ его по сходству съ фамильнымъ прозваніемъ матери своей — Шметтау, и при томъ, чтобы еще вѣрнѣе избѣжать всѣхъ розысковъ о себѣ, которыми этого „князя-миссіонера" утруждали даже въ столь дальнемъ краѣ земли. При утвержденіи его въ судѣ въ должности опекуна надъ порученнымъ ему ребенкомъ и выдачѣ ему свидѣтельства на опредѣленные ему участки земли, въ судебный протоколъ имя его записано такъ: „Димитрій Августинъ Смитъ" (Demetrius Augustine Smith).

Однажды, когда онъ, вслѣдствіе продолжительнаго неполученія изъ Европы обѣщанныхъ ему денегъ, боролся съ большими препятствіями въ своихъ работахъ, принцъ Оранскій, по замиреніи Европы въ 1815 г., сдѣлавшійся уже королемъ Нидерландскимъ, приказалъ своему посланнику въ Уашингтонѣ розыскать мѣстопребываніе своего друга юности. Послѣ многихъ и тщательныхъ розысковъ, бывшій князь Голицынъ былъ наконецъ найденъ подъ скромнымъ именемъ патера Смита въ Лоретто. Король выказалъ самую сердечную любовь къ своему прежнему другу и готовность сдѣлать для него все, что было возможно; но миссіонеръ Смитъ отвергъ всякую денежную помощь. Тогда король, узнавшій о его стѣсненномъ положеніи, увѣдомилъ его черезъ своего посланника, что у него (короля) находятся еще разныя драгоцѣнности, принадлежавшія князю Димитрію Димитріевичу, золотая часовая цѣпочка, табакерка и перстни съ драгоцѣнными камнями, которыя онъ, князь, далъ ему, королю, на храненіе, когда предпринялъ свое странствіе въ Аллеганскія горы, и за которыя теперь король велѣлъ уплатить ему 2,000 долларовъ.

— Я очень хорошо зналъ—говорилъ патеръ Смитъ, разсказывая это — что король все это сдѣлалъ единственно изъ дружбы ко мнѣ, такъ какъ эти деньги значительно превосходили дѣйствительную цѣнность моихъ вещей. Онъ думалъ, что я бѣденъ, и такимъ деликатнымъ образомъ пришелъ ко мнѣ на помощь. Я не могъ отказать ему въ его подаркѣ, потому что онъ заклиналъ меня нашими юношескими обѣтами, нашей дружбой и всѣмъ, что только могло побудить меня къ согласію.

Этотъ трогательный фактъ постоянства въ дружбѣ съ обѣихъ

сторонъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ упоминанія, что король былъ представителемъ и покровителемъ протестантства, а бывшій русскій князь въ Америкѣ—миссіонеромъ римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Въ то время, когда патеръ Смитъ крайне нуждался въ деньгахъ, онъ занялъ у русскаго посланника въ Уашингтонѣ, г. Дашкова, 5,000 долларовъ, письменно обязавшись вскорѣ возвратить ихъ, въ ожиданіи присылки ему изъ Европы денегъ. Но, не получая ихъ, онъ отправился въ Уашингтонъ, чтобы видѣться съ Дашковымъ. Послѣдній пригласилъ его къ себѣ обѣдать, вмѣстѣ съ Генри Клеемъ (Henry Clay), американскимъ коммиссаромъ по заключенію мирнаго договора съ Англіей въ Гентѣ, въ 1815 году, только что возвратившимся изъ Европы, а также и другими знатными гостями. Когда послѣ обѣда на столъ поданы были сигары и свѣчи, патеръ Смитъ, сидѣвшій возлѣ Дашкова, замѣтилъ, какъ послѣдній тщательно свернулъ какую-то бумагу и поднесъ ее къ свѣчѣ. Невольно слѣдя глазами за его движеніями, патеръ Смитъ увидалъ на бумагѣ собственную свою подпись и въ загорѣвшейся бумагѣ узналъ свою долговую росписку въ полученіи 5,000 долларовъ! При первой возможности, онъ началъ говорить объ этомъ долгѣ Дашкову, но послѣдній объявилъ ему, что это — дѣло вполнѣ поконченное и что онъ ничего болѣе слышать о немъ не хочетъ.

Въ добавокъ къ этимъ разсказамъ о великодушіи короля Нидерландскаго и Дашкова, можно прибавить еще слѣдующій, касающійся болѣе скромнаго круга людей. Когда рабочіе на Пенсильванскомъ каналѣ, который устроивался въ то время, услыхали, что жилище патера Смита назначено къ продажѣ по суду шерифомъ, то собрали между собою деньги, которыми и уплатили долгъ миссіонера!

Въ 1837 г. патеръ Смитъ писалъ одному другу своему въ Европѣ, настаивавшему, чтобы онъ возвратился въ нее и попытался бы получить свои наслѣдственныя имѣнія: „Боюсь, чтобы мое путешествіе въ Европу не было отложено до греческихъ календъ (ad Graecas Kalendas). Мнѣ уже 67 лѣтъ и сверхъ того я обремененъ остающимися долгами. Съ 18,000 долларовъ я сократилъ ихъ до 1,500, и года два еще — если только буду ихъ имѣть — употреблю лучше на то, чтобы уплатить и этотъ остатокъ и приготовить себя къ болѣе дальнему путешествію“. Онъ сознавалъ, что при удаленіи его съ своего поста, его упрекнутъ въ томъ, что онъ покинулъ свою возлюбленную общину и хотѣлъ избѣжать исполненія своихъ денежныхъ обязательствъ. Паства его часто роптала противъ него, какъ израильтяне противъ Моисея, говоря: „Ты привелъ насъ въ эту дикую пустыню для того, чтобы мы умерли въ ней съ голоду“.

Исчисляя труды патера Смита въ его холодномъ, горномъ жилищѣ, нельзя не упомянуть, что онъ находилъ еще время писать назидательныя книги, снискавшія себѣ извѣстность какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ. Люди, которые могутъ считаться спеціальными судьями въ

оцѣнкѣ этихъ книгъ, сравнили ихъ съ объясненіями вѣры, писанными Боссюэтомъ. Поводомъ къ составленію этихъ книгъ послужила проповѣдь по случаю поста, произнесенная однимъ пресвитеріанскимъ пасторомъ въ сосѣднемъ городѣ Хунтингдонъ (Huntingtdon). Она была подражаніемъ другой, произнесенной ранѣе, около времени похода англійскаго генерала Браддока [1]), Уильямомъ Смитомъ, епископальнымъ пасторомъ въ Филадельфіи и владѣльцамъ города Хунтингдона. Въ этой послѣдней проповѣди шла рѣчь о „папистскихъ и языческихъ сосѣдяхъ“ — французахъ и индѣйцахъ, занимавшихъ тогда фортъ Дюкэнъ (Duquesne) и границы Пенсильваніи. Возобновленіе этой давней проповѣди произвело, кажется, чрезвычайно дурное впечатлѣніе, потому что демократическая партія въ областномъ собраніи, по поводу нѣкоторыхъ замѣчаній противъ управленія президента Мадисона, уклонилась отъ спора, между тѣмъ какъ патеръ Августинъ Смитъ потребовалъ объясненія и опроверженія касательно „папистскихъ и языческихъ сосѣдей“. Этотъ споръ былъ нѣсколько времени веденъ всѣми мѣстными газетами, но въ заключеніе пресвитеріанскій проповѣдникъ обнародовалъ памфлетъ противъ патера Августина и его вѣроисповѣданія. Въ отвѣтъ на это, послѣдній издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Защита католическихъ религіозныхъ основныхъ началъ“. Книга эта свободно распространялась между протестантами, и всѣ сознали значительное превосходство ея надъ пресвитеріанскою проповѣдью. При скромности и умѣренности патера Августина, побудившихъ его сказать въ предисловіи, что „онъ радуется, что тотъ же Богъ, который нѣкогда даровалъ глаголъ ослу, и его также, въ его невѣдѣніи, сподобилъ сказать нѣчто въ пользу католичества“, — онъ никакъ не ожидалъ, что книга его обратитъ на себя такое вниманіе. Поэтому онъ издалъ еще два другія сочиненія, одно подъ заглавіемъ: „Письмо къ одному протестантскому другу“, а другое: „Просьба протестантской публикѣ“. Оба сочиненія свидѣтельствуютъ о его образованности, твердости характера и искреннемъ вѣрованіи въ изложенное ученіе. Они были читаны всѣми, которымъ были посвящены, и при этомъ всѣ узнали также, съ какимъ самопожертвованіемъ авторъ этихъ сочиненій посвятилъ всю свою жизнь защищаемому имъ дѣлу, а потому не слѣдуетъ и удивляться, что эти книги побудили нѣсколькихъ протестантовъ обратиться въ то вѣроисповѣданіе, которое производило такія прекрасные плоды.

Не смотря на свое удаленіе отъ міра, патеръ Августинъ принималъ живое участіе и въ общественныхъ дѣлахъ своего новаго отечества. Во время войны 1812 года въ Сѣверной Америкѣ, почти всѣ способные къ военной службѣ члены его общины пошли на войну. Но одинъ изъ нихъ, по малодушію, ушелъ изъ войска и, воротясь

---

[1]) Англійскій генералъ Браддокъ въ іюлѣ 1775 года былъ разбитъ и убитъ въ двухъ миляхъ выше Питтсбурга.

домой, посѣтилъ своего духовнаго отца, патера Августина. Послѣдній отстранилъ поданную ему руку и укорилъ дезертира суровыми словами: „прочь съ моихъ глазъ, я никогда не подамъ руки трусу".

Строгій къ самому себѣ, патеръ Августинъ, былъ очень добръ къ другимъ; но когда получавшій его дары дурно употреблялъ ихъ, то онъ имѣлъ обыкновеніе говорить: „Я далъ это не ему, а Богу". Послѣдняя зима передъ его смертію была особенно сурова. Снѣга выпало необыкновенно много, такъ что не только бѣдные, но даже и многіе достаточные люди очень нуждались въ топливѣ. Узнавъ объ этомъ, патеръ Августинъ пригласилъ всѣхъ нуждавшихся къ себѣ— и его небольшой запасъ дровъ сталъ общимъ достояніемъ. При этомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что онъ никогда не допускалъ устройства печей въ своей церкви. Въ самые холодные зимніе дни, и притомъ на одной изъ самыхъ ледяныхъ высотъ Аллеганскаго хребта, онъ совершалъ божественную службу, согрѣваясь лишь своимъ пламеннымъ, благочестивымъ усердіемъ. И однако ни отъ него, ни отъ его общины, никогда не слышно было жалобъ на холодъ. Столько же не расположенъ былъ онъ и ко всякимъ украшеніямъ въ церкви: стулья и скамьи въ ней были неизвѣстны при немъ, и всѣ присутствовавшіе во всё продолженіе службы стояли на ногахъ, или на колѣняхъ.

Слѣдующій отзывъ о патерѣ Августинѣ, какъ проповѣдникѣ, принадлежитъ одному протестанту, который былъ лично знакомъ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ:

„Когда онъ, послѣ моленія передъ престоломъ, обращался къ своей паствѣ, то имѣлъ наружный видъ состарѣвшагося, но вовсе не разслабленнаго лѣтами и болѣзнію человѣка, хотя и не особенно крѣпкаго, однако еще сильнаго и подвижнаго. Слѣдуетъ вспомнить, что это было за годъ передъ его смертію, когда ему шелъ уже 70 годъ. Проповѣди свои онъ начиналъ простымъ, разговорнымъ, замѣчательно чистымъ англійскимъ языкомъ и въ простѣйшихъ словахъ, какія только могъ избрать для выраженія своихъ мыслей. По мѣрѣ того, какъ онъ продолжалъ проповѣдь далѣе, увеличивался и интересъ слушателей къ говорившему и къ его темѣ, хотя при этомъ нельзя было замѣчать никакой перемѣны ни въ его голосѣ, ни въ его рѣчи. Замѣчанія его проникали въ сердце всѣхъ; казалось, что каждый изъ присутствовавшихъ относилъ проповѣдь къ самому себѣ и въ ней шла рѣчь о предметахъ, касавшихся его болѣе, чѣмъ другихъ. Разъ или два въ продолженіи проповѣди, онъ бывалъ истинно краснорѣчивъ. Тогда онъ слегка выпрямлялся, лицо его воспламенялось и глаза горѣли необыкновеннымъ блескомъ. Но это было лишь скоропроходящимъ увлеченіемъ, столь мало искуственнымъ, что даже казалось противнымъ собственному его разсудку, и послѣ перваго или второго такого невольнаго увлеченія, онъ снова возвращался къ своему обыкновенному и простому способу выраженія. Проповѣдь его,

если только можно такъ назвать ее, продолжалась не менѣе получаса".

Здоровье патера Августина всегда было слабое: непрерывные труды его на Страстной недѣлѣ 1840 г., кажется, причинили болѣзнь, повлекшую за собою смерть его. Столь святая жизнь имѣла столь же святой конецъ: въ единственномъ уповаціи на заслуги распятаго Христа, мирно перешелъ онъ отъ временной жизни къ вѣчной и лучшей. По собственному побужденію отрекшись отъ своего отечества, вдали отъ него и отъ могилъ своихъ благородныхъ предковъ, почилъ этотъ благовѣстникъ Христа тамъ, гдѣ 41 годъ подвизался, трудился и наставлялъ.

Прямо передъ построенною имъ церковью, гдѣ погребено его тѣло, въ 1847 г. воздвигнутъ былъ ему памятникъ. Путникъ, стоящій на этой горной высотѣ, далеко внизу ея видитъ страну, которую столь часто попирала стопа этого „Божьяго человѣка", и въ снѣжныя зимы, и въ знойныя лѣта посѣщавшаго свою далеко разсѣянную паству. Въ началѣ, соединивъ около себя всего 12 семействъ, онъ умирая оставилъ въ этихъ мѣстахъ 6,000 душъ, скорбѣвшихъ о его утратѣ. Они соорудили, въ память о своемъ возлюбленномъ духовномъ отцѣ, красивый каменный мавзолей, но, къ сожалѣнію, при этомъ не довольно позаботились о продолжительной прочности его, поставивъ на немъ большую гробницу и крестъ, изъ дерева, выкрашенные подъ камень. На двухъ сторонахъ памятника утверждены доски изъ бѣлаго мрамора, треснувшаго въ послѣдствіи отъ сильнаго холода. На одной доскѣ слѣдующая надпись по латыни:

„Sacrum memoriae Dem. A. e. principibus Gallitzin. Nat. XXII Dec. A. D. 1770, in sacerdotium erectus et sacro ministerio per tot annos perfunctus fide, zelo, caritate insignis. Hic obiit die VI. Maiae A. D. MDCCCXL. R. J. P." (Посвященъ памяти Дмитрія Августина изъ князей Голицыныхъ, род. 22 декабря года Господня 1770, возведеннаго въ священство и въ священномъ званіи столько лѣтъ пребывшаго въ вѣрѣ, усердіи, любви отмѣнныхъ. Почилъ дня 6 мая Г. Г. 1840. Requiescat in Pace (почій въ мирѣ).

На другой доскѣ вырѣзаны на англійскомъ языкѣ слѣдующія слова (въ переводѣ):

„Посвященъ памяти Димитрія А. Голицына изъ благородной русской фамиліи этого имени, родившагося въ Гаагѣ 22 декабря 1770 † здѣсь 6 мая 1840 г. Онъ пребылъ 41 годъ духовнымъ отцомъ здѣшней общины. Эта любящая община, пожинавшая плоды трудовъ его, приносимыхъ въ жертву ей, соорудила ему этотъ памятникъ, какъ дань своего уваженія къ его добродѣтелямъ и въ свидѣтельство своей благодарности. Г. Г. 1847".

Патеръ Августинъ былъ ростомъ около 5 футовъ и 1 дюйма и хорошо сложенъ. Лицо имѣлъ красивое и мужественное, съ выраженіемъ бодрости и твердости. Кто разъ видѣлъ особенное выраженіе

его свѣтлаго взора, никогда не могъ забыть его. Онъ былъ необыкновенно ласковъ и привѣтливъ въ обхожденіи, однако всѣмъ приближавшимся къ нему внушалъ невольное уваженіе. Прежнія обстоятельства своей жизни онъ сообщалъ рѣдко, лишь довѣреннымъ друзьямъ, и ему было крайне непріятно, если о немъ говорили не какъ о патерѣ Смитѣ, проповѣдникѣ въ Аллеганскихъ горахъ. Ему неразъ предлагали санъ епископа и особенно настаивали на занятіи имъ епископской каѳедры въ Питтсбургѣ. Но такъ какъ онъ отрекся отъ всякихъ свѣтскихъ отличій и власти, то не желалъ и духовныхъ, и посвящалъ всѣ свои силы лишь заботамъ о малой колоніи, основанной имъ въ дикой пустынѣ.

Неизвѣстный нѣмецкій авторъ очерка жизни и подвиговъ патера Августина (см. выше) въ заключеніи его прибавляетъ слѣдующее:

„Страннымъ можетъ показаться то, что о человѣкѣ, имѣвшемъ такое значеніе въ мѣстности, гдѣ онъ жилъ, не было издано болѣе обширнаго и обстоятельнаго сочиненія. Хотя люди, принадлежавшіе къ самымъ различнымъ званіямъ и вѣроисповѣданіямъ, согласно отзывались о немъ съ отличнымъ уваженіемъ; однако католическая церковь, которая вообще слишкомъ легко расположена канонизировать новыхъ святыхъ, памяти этого человѣка, столь усердно обратившагося къ ея ученію и послѣдовавшаго ему, не посвятила ничего болѣе, кромѣ похвальнаго слова, о которомъ говорено выше (Томаса Хейдена) и нѣсколькихъ не важныхъ свѣдѣній въ журналахъ и газетахъ. Писавшему эти строки стоилъ большого труда даже этотъ краткій очеркъ дѣйствительно апостольской жизни, подвиговъ и добродѣтелей патера Августина. Нынѣ (въ 1859 г.) у западнаго конца туннеля, прорытаго въ нѣдрахъ Аллеганскаго хребта и соединяющаго востокъ съ западомъ, есть одно селеніе, носящее названіе Galitzin, которое столь честно носилъ и потомъ столь смиренно сложилъ съ себя человѣкъ, сочетавшій въ себѣ противорѣчащія, по видимому, званія князя, священника и работника. Если нынѣ путешественникъ, ѣдущій по Пенсильванской желѣзной дорогѣ, выѣдетъ изъ мрачнаго туннеля, прорытаго въ Аллеганскихъ горахъ, и снова увидитъ свѣтъ дневной, то услышитъ, что кондукторъ назоветъ станцію „Galitzin“ [1]), и узнаетъ, что на верху той горы, черезъ которую

---

[1]) Любопытно, что въ двухъ противоположныхъ краяхъ Новаго и Стараго Свѣтовъ находятся, въ одномъ селеніе, въ другомъ гора, донынѣ носящія названіе рода князей Голицыныхъ, именно: первое, какъ означено выше, на вершинѣ Аллеганскихъ горъ, въ Пенсильваніи, въ Сѣверной Америкѣ, а другая—гора, находящаяся близь Вѣны, среди горъ, опоясывающихъ ее кругомъ съ запада, и носящая названіе Galitzin's-Berg (Голицинской горы), по имени князя Дмитрія Михайловича Голицына, бывшаго русскимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ съ 1761 г. до 1792 г. и вѣроятно имѣвшаго лѣтнюю дачу на этой горѣ. Названіе этой горы его именемъ до сихъ поръ означается на картахъ окрестностей Вѣны.

поѣздъ только-что проѣхалъ, безвѣстно жилъ человѣкъ, родившійся и возросшій при пышныхъ дворахъ, но отрекшійся отъ своего земнаго наслѣдія для того, чтобы въ этихъ суровыхъ лѣсахъ вести жизнь, исполненную тяжкихъ трудовъ, въ надеждѣ обрѣтенія наслѣдія небеснаго!"

IV.

Любопытный очеркъ замѣчательной жизни и подвиговъ римско-католическаго священника—миссіонера Августина, въ мірѣ русскаго князя Дмитрія Дмитріевича Голицына, былъ съ одинаковою любовію составленъ американскимъ католическимъ священникомъ Томасомъ Хейденомъ и неизвѣстнымъ нѣмецкимъ авторомъ-протестантомъ, и наконецъ на основаніи ихъ разсказовъ мною, близкимъ сродникомъ этого замѣчательнаго человѣка, въ знакъ глубокаго и искренняго уваженія къ памяти его. Говорю это безъ всякаго пристрастія и еще менѣе предубѣжденія, не потому, что онъ принадлежалъ къ нашей фамиліи и былъ моимъ ближнимъ сродникомъ, но потому, что жизнь и подвиги его, не только любопытны и замѣчательны, но, поистинѣ, въ высшей степени трогательны и назидательны. Не самопроизвольно отрекся онъ отъ вѣры и отечества своихъ предковъ, но самимъ Богомъ, чуднымъ образомъ, обращенъ былъ изъ безвѣрія въ Христову вѣру римскаго исповѣданія, приведенъ въ Новый Свѣтъ, поставленъ въ немъ проповѣдникомъ между язычниками, и въ 41 годъ труднаго, истинно-апостольскаго подвижничества на этомъ поприщѣ, обративъ многихъ въ христіанство, умеръ, оставивъ по себѣ навсегда достойную память и глубокое уваженіе къ ней. Рожденный въ дали отъ своего отечества, отъ знатныхъ и высокообразованныхъ родителей, но отъ отца—вполнѣ невѣровавшаго и отъ матери свободномыслившей и равнодушной къ христіанской вѣрѣ, и самъ, вслѣдствіе того, до 18 лѣтъ воспитанный въ безвѣріи, могъ ли онъ нести на себѣ лично вину своихъ родителей и укоръ за данное ими ему антирелигіозное воспитаніе? Но какъ чудно, вслѣдъ за матерью своею, обратился онъ ко Христу, съ какою необыкновенною твердостью и горячностью посвятилъ онъ себя служенію Богу на многотрудномъ миссіонерскомъ поприщѣ въ пустыняхъ Америки, отрекшись отъ міра, и отъ своего отечества, и отъ своего рода и званія, и отъ самаго себя, и какъ много и безкорыстно творилъ онъ добра ближнимъ, совершенно пренебрегая самимъ собою! И можетъ-ли, послѣ всего этого, поставлено быть ему въ укоръ, что онъ обратился въ римско-католическое, а не православное вѣроисповѣданіе, и отправился въ Америку, а не въ Россію, и исполнялъ свою высокую христіанскую миссію въ чужой, а не въ родной странѣ, между иноплеменниками, а не своими соотечественниками?—Нѣтъ, говоря по совѣсти и справедливости, онъ не можетъ быть причастенъ тому, что̀ не отъ него зависѣло, но къ чему онъ приведенъ былъ самимъ Богомъ, даров-

шимъ ему великую милость: добровольнымъ, истинно-христіанскимъ подвижничествомъ, въ продолженіи 53 лѣтъ, совершенно искупить свое невольное безвѣріе въ первыя 17 лѣтъ своей жизни. Да будутъ же жизнь и подвиги его въ странахъ чуждыхъ, извѣстны у насъ въ Россіи и въ нашемъ родѣ, и оцѣнены столько же, сколько они извѣстны и оцѣнены въ Германіи, и особенно въ Америкѣ.

Князь Н. С. Голицынъ.

СВЯТИТЕЛЬСКІЯ ТѢНИ.

Любопытное сказаніе архіерея объ архіереяхъ.

Александръ бездомовный.—Іона хозяйственный.—Діонисій препростый.—Алексѣй барственный. — Лаврентій высокоумный. — Веніаминъ гостепріимный. — Варлаамъ непокорный.—Антоній плачевный.—Варѳоломей ополитикованный и Лаврентій некритикованный. — Сводъ и выводъ отъ былаго къ настоящему.

„Во обличеніе живыхъ,
Встаютъ людей усопшихъ тѣни".
Шекспиръ.

I.

Давно извѣстно и принято за истину, что нѣтъ никакого историческаго матеріала, который бы не стоилъ вниманія и изученія. Какъ бы иной памятникъ не казался съ перваго взгляда сухъ и малозначителенъ—онъ все-таки не ничтоженъ и, при случаѣ, можетъ оказать не малую услугу для того, чтобы, по бывшимъ примѣрамъ, можно было приблизительно вѣрно судить о томъ, чего можно ожидать въ будущемъ.

Съ этого начну мое объясненіе вины, ради которой я пускаю въ печать настоящую замѣтку. Къ этому меня побуждаетъ современное историческое явленіе, способное получить нѣкоторое освѣщеніе отъ одной незначительной исторической находки.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, роясь въ старинномъ книжномъ хламѣ, я нашелъ небольшую ветхую книжицу, въ которой мнѣ мелькнуло нѣсколько заинтересовавшихъ меня свѣдѣній. Книжечка эта, хранимая мною въ моей библіотекѣ, была безъ выходнаго листа, но въ корешкѣ, на которомъ уцѣлѣли слѣды тисненія съ очертаніями буквъ, изъ которыхъ составляются слова: „нов. мѣс. на 1780 г." Разнообразный, но чисто календарнаго значенія составъ книги дѣ-

лаетъ несомнѣннымъ, что это новый мѣсяцесловъ на 1780 годъ. Судя по приложенному въ концѣ книжечки объявленію — всѣ ея страницы въ цѣлости. Здѣсь мы имѣемъ: „числа россійскаго, григоріанскаго, жидовскаго и турецкаго мѣсяцеслова [1]), хронологію достопамятныхъ вещей на 1780 г.; роспись великихъ князей, царей и „любопытное извѣстіе о эпархіи Вятской и о бывшихъ въ ней архіереяхъ съ начала до нынѣ", т. е. по 1780 годъ [2]). Это самая любопытная статья мѣсяцеслова, которую я до сихъ поръ не трогалъ, но теперь мнѣ кажется ее достойно извлечь изъ забвенія и именно вотъ по какому современному, животрепещущему случаю. На сихъ дняхъ возвѣщено въ газетахъ, что самою высшею властію обращено вниманіе на упадокъ нравственности въ православномъ русскомъ духовенствѣ. А рядомъ съ тѣмъ распространился слухъ, будто подъемъ этой упадшей нравственности признается возможнымъ произвести посредствомъ уничтоженія права духовныхъ избирать изъ среды себя благочинныхъ, съ тѣмъ, чтобы на будущее время благочинные были не избираемы священниками, а назначались по волѣ епархіальныхъ владыкъ. То-есть новая мѣра, недавно только установленная при оберъ-прокурорѣ гр. Д. А. Толстомъ, опять будто бы будетъ отмѣнена и вмѣсто ея вступитъ въ дѣйствіе старинная мѣра, при которой, яко-бы, было лучше.

Такъ ли это, или не такъ? Побесѣдовать объ этомъ теперь кажется очень кстати.

Если нравственность духовенства пала отъ того, что у него теперь благочинные выборные, а не назначаемые архіереями, то значитъ, что духовенство не способно выбирать людей годныхъ къ дѣлу: оно имѣетъ несоотвѣтственное понятіе о христіанскомъ благочиніи, а архіереи знаютъ это гораздо лучше.

Есть ли какое нибудь средство показать: сколь велики преимущества архіереевъ въ сознаніи христіанскаго идеала сравнительно съ такимъ же сознаніемъ подчиненнаго имъ духовенства? Злообычливость низшаго духовенства у всѣхъ на глазахъ, — нравы архіерейскіе едва доступны для изученія, и то всякая попытка проникнуть сюда считается не только дерзостью, но даже почти преступленіемъ...

---

[1]) Это не безъинтересно для уясненія занимающаго нѣкоторыхъ вопроса: употребительно ли въ русскомъ языкѣ слово „жидъ, жидовка и жидовскій" безъ цѣли уничижительной для евреевъ. Очевидно, что сто лѣтъ тому назадъ эти слова употреблялись безъобидно. Н. Л.

[2]) Весь „новый мѣсяцесловъ" 1780 г. занимаетъ 84 странички малаго формата, изъ коихъ 39 отданы „Любопытному извѣстію объ архіереяхъ",—слѣдовательно и по объему своему это важнѣйшая статья мѣсяцеслова, такъ какъ она одна занимаетъ цѣлую половину книжечки. Авторъ „Любопытнаго извѣстія" вятской семинаріи профектъ и крестовоздвиженскаго монастыря игуменъ, впослѣдствіи казанской семинаріи ректоръ, архимандритъ и богословія профессоръ, а наконецъ и епископъ, Платонъ Любарскій. Извлеченіе изъ его „Любопытнаго извѣстія" я передаю въ самомъ сжатомъ сокращеніи. Н. Л.

Пишущій эти строки не малое время пользовался благосклонностію многихъ лицъ, которые не безъ похвалъ относились къ его трудамъ по воспроизведенію картинъ нашей церковно-бытовой жизни, но разъ что авторъ, съ тою же правдивостью, которой неуклонно старается слѣдовать, нарисовалъ нѣсколько чертъ быта архіерейскаго,—все благоволеніе къ нему пало и онъ „со беззаконными вмѣнися". Для него осталось единственнымъ утѣшеніемъ то, что какъ хвалы не дѣлали его заносчивымъ, такъ и порицанія не ввергаютъ въ унылость, но есть другая, нѣсколько высшая забота: надо быть доказательнымъ, и потому я хочу привести не свои наблюденія, а свидѣтельства лица, котораго нѣтъ никакихъ основаній заподозрить въ умыслѣ противъ носителей святительскаго сана.

Моя ветхая книжечка, безъ выходнаго листа, даетъ мнѣ таковую возможность, а современные толки заставляютъ не пренебречь этимъ.

И такъ—входимъ въ портретную галлерею архіерейскихъ ликовъ, списанныхъ рукою такого же, какъ они, архіерея.

II.

Рядъ описанныхъ преосвященнымъ Платономъ „архіереевъ на Вяткѣ" начинаетъ собою „епископъ Александръ". Онъ обновилъ каѳедру или, какъ тогда говорили „престолъ архіерейскій". Произошло это „въ лѣто отъ созданія міра 7166 (Р. X. 1658) по указу государя и великаго князя Алексія Михайловича, по благословенію св. Никона патріарха московскаго и всего освященнаго собора". До посылки Александра заводить епархію на Вяткѣ, онъ съ 1643 года былъ уже епископомъ коломенскимъ и каширскимъ. Онъ сидѣлъ на обдержанномъ престолѣ хорошо, но чуть былъ „переведенъ на Вятку со всѣми служителями своими" и здѣсь ему предстояло потрудиться зиждительно,—сейчасъ сказалось иное. Началось какъ слѣдуетъ: преосвященный „пріѣхалъ на Вятку въ городъ Хлыновъ того же года 4 апрѣля въ недѣлю цвѣтоносія, встрѣтили его въ облаченіи въ Успенскомъ Трифоновѣ монастырѣ", гдѣ онъ потомъ и жилъ „до конца бытія своего за непостроеніемъ архіерейскаго дома". „На прокормленіе же ему по указу великаго государя пожалована вотчина, Бобинскій станъ, да въ городѣ Котельничѣ Предтеческій (sic) монастырь къ (съ) вотчинами, да въ Хлыновѣ въ Кремлѣ городѣ у соборной церкви мѣсто домъ строить". Но обновитель вятской каѳедры преосвященный Александръ архіерейскаго дома для себя и для будущихъ вятскихъ архіереевъ не сталъ строить. Увидавъ себя на новомъ неустроенномъ престолѣ въ Хлыновѣ, онъ опѣшѣлъ и шестнадцать лѣтъ къ ряду просидѣлъ ничего не дѣлая, но неустанно обижаясь, а на семнадцатомъ году учинилъ слѣдующее самовластіе:

„7182 (1674 г.) генваря 8 дня, преосвященный Александръ епископъ вятскій и великоперскій (sic,—вмѣсто великопермскій) само-

вольно безъ всякаго дозволенія съ престола поѣхалъ къ Соли-Вычегодской на Коряжму, въ обитель Николая Чудотворца, гдѣ постригся, отпустилъ вятскихъ домовыхъ людей и писалъ оттуда великому государю и святѣйшему патріарху въ Москву о себѣ что правительствовать епархіею болѣе не желаетъ" (27). „Былъ онъ кромѣ славянорусской грамоты ничему не ученъ и всякихъ по своей должности учрежденій по себѣ не оставилъ, хотя насланными отъ великаго государя царя граматами велѣно ему въ Кремлѣ городѣ домъ строить и вмѣсто суммы даны двѣ вотчины, съ коихъ не менѣе трехъ тысячъ душъ считали".

Таковъ первообновитель „престола": шестнадцать лѣтъ ничего не дѣлалъ, потомъ отбѣжалъ, лишь бы не дѣлать того, что требовалось.— Теперь его наступники.

Бездомовнаго и бездѣятельнаго Александра замѣстилъ архіепископъ Іона, присланный въ неустроенный Хлыновъ изъ архимандритовъ Тихвинскаго монастыря. Этотъ былъ „рачитель благолѣпія своего престола". Онъ „съ основанія началъ строить и въ совершенство привелъ соборъ и домъ архіерейскій и другихъ умѣлъ заохотить къ церковностроительству". „При архіерействованіи его многіе какъ въ престольномъ городѣ Хлыновѣ, такъ и по прочимъ въ епархіи городамъ и селамъ, побужденіемъ его каменные и деревянные монастыри и церкви строили". Народъ, сидѣвшій во тьмѣ язычества, увидѣлъ христіанство, представленное ему въ самомъ понятномъ для него видѣ. Новые храмы въ честь христіанскаго Бога были конечно лучше всего того, что видали ранѣе въ этомъ родѣ на Вяткѣ, и пораженный монументальностію темный народъ почтилъ храмоздателя такою памятью, что даже послѣ его смерти служатъ о немъ въ день его преставленія панихиды, а это, какъ извѣстно, у насъ выпадаетъ на долю людей, которыхъ общее мнѣніе спѣшитъ сопричислить къ лику святыхъ.

О другихъ чертахъ характера и жизни втораго вятскаго архіерея извѣстно только, что онъ часто ѣздилъ въ Москву и „оттуда возвращался всегда снабдѣнъ царскою и патріаршею милостію, съ различною драгою утварью и данными по просьбамъ его граматами". Архіерей Іона „кромѣ славянороссійской грамоты ничему болѣе ученъ не былъ".

За хозяйственнымъ Іоною, который отовсюду и всѣмъ „возвращался снабдѣнъ", наступилъ архіерей опять безхозяйственный, но въ разсужденіи невѣжества превосходившій своихъ предмѣстниковъ въ томъ отношеніи, что онъ даже покровительствовалъ невѣждамъ и пренебрегалъ самою нравственностію. Это былъ архіепископъ Діонисій, который „кромѣ простоты нравовъ ничего примѣчанія достойнаго не имѣлъ". Приложить какое нибудь раченіе къ христіанскому просвѣщенію паствы преосвященный Діонисій совсѣмъ не могъ. Изъ двухъ его предмѣстниковъ, скопидомный Іона, хотя „ничему кромѣ славяно-

россійской грамоты ученъ не былъ", но по крайней мѣрѣ по „рачительству о снабдѣніяхъ" собиралъ какія то книги, а архіепископъ Діонисій и того не дѣлалъ. Наука и ученіе у него не пользовались никакимъ вниманіемъ, и самъ онъ „былъ, кромѣ россійской грамоты, ничему не ученъ, да и у епархіальныхъ своихъ учености и дальней въ чтеніи славянороссійской книгъ исправности не требовалъ". Нетребовательность Діонисія на этотъ счетъ была образцовая и притомъ отличалась большою шириною взгляда и послѣдовательностію: „умѣющіе какъ ни есть прочесть псалмы Давидовы, по его разсужденію, къ произведенію по всѣ степени священства и другіе духовные чины были достойны". Не требовательнѣе былъ онъ и въ отношеніи нравственномъ: преосвященный Діонисій даже „исполненія правилъ благочинія и воздержанія и трезвости требовалъ не строго". Какъ личность, онъ былъ столь безсодержателенъ, что даже „трудолюбія и раченія въ пріумноженіи зданій не оставилъ по себѣ ни малѣйшихъ знаковъ". А для этого уже не нужно было даже ѣздить и выпрашивать, такъ какъ все это уже было устроено преосвященнымъ Іоною.

Краткій абрисъ архіепископа Діонисія производитъ впечатлѣніе человѣка, которому не только лѣнь о чемъ нибудь думать, но даже просто лѣнь жить... При этомъ, конечно, тяжело было просвѣщать другихъ и править епархіею.

Бездѣятельнаго и едва ли что либо здраво понимавшаго Діонисія, 12 апрѣля 1719 года замѣщаетъ на Вяткѣ Алексѣй Титовъ, епископъ сарскій и подонскій, — человѣкъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Титовъ былъ съ энергіею, но очень дурно направленною. „Сей владыка былъ природою изъ дворянъ; изъ Крутицъ посланъ на Вятку за нѣкоторое преступленіе съ умаленіемъ чина и степени; но, по благоволенію государя императора Петра Втораго, при коронаціи котораго онъ присутствовалъ, возвращено ему достоинство архіепископа, и онъ первый получилъ на Вяткѣ облаченіе, т. е. саккосъ".

Это ему было кстати и на руку, потому что онъ былъ честолюбивъ и кичливъ родомъ своимъ, но, однако, не смотря на свое дворянское происхожденіе, епископъ Алексѣй Титовъ просвѣщеніемъ тоже не отличался. Онъ „также, какъ и прежніе его антецессеры, свободнымъ наукамъ ученъ не былъ, но къ украшенію церквей охотникъ", только ему мѣшалъ все какой-то секретъ, ради котораго онъ изъ крутицкой и рязанской епархій „по неизвѣстнымъ причинамъ переведенъ и живя тамъ, чрезъ немалое время такожъ былъ нерѣдко за извѣстныя только святѣйшему синоду дѣла обвиняемъ". Какія это были „извѣстныя синоду дѣла", авторъ „Любопытнаго извѣстія" умалчиваетъ, не смотря на то, что сто лѣтъ тому назадъ писать объ архіереяхъ, какъ видимъ, было несравненно удобнѣе, чѣмъ нынѣ, и даже совсѣмъ не считалось дерзостью. Въ вышедшемъ на сихъ дняхъ изслѣдованіи Владиміра Попова „О св. синодѣ" объ этомъ таинствен-

номъ секретѣ тоже нѣтъ никакого упоминанія. Извѣстный синоду секретъ тяготѣлъ на епископѣ дворянскаго рода до тѣхъ поръ, пока Алексѣй Титовъ „престарѣлъ и скончался". Для вятской епархіи онъ не пріобрѣлъ ничего, кромѣ права носить саккосъ. А епархія жестоко нуждалась въ насажденіи просвѣщенія и внушеніи святыхъ началъ христіанской нравственности, — о чемъ, кажется, не было и понятія даже въ самомъ духовенствѣ, которое было не только крайне невѣжественно, но, какъ увидимъ, и крайне безчинно.

Но вотъ Провидѣніе какъ бы начинаетъ милосердствовать о людяхъ, которымъ привелъ Богъ во Христа креститься, но которымъ не у кого научиться, какъ во Христа облекаться. На вятскую каѳедру или, какъ тогда говорили, на „престолъ" назначается епископомъ человѣкъ настоящей учености, съ широкимъ христіанскимъ взглядомъ, правдивостію и съ горячимъ сердцемъ, это былъ „Лаврентій прозваніемъ Горка, родомъ изъ малороссіянъ", ученикъ кіевскихъ школъ. „Горка имѣлъ превосходныя дарованія душевныя и тѣлесныя; ученостію славный мужъ, нравомъ простъ, совѣстенъ, благочестивъ, нелицепріятенъ и не памятозлобивъ, только чрезмѣрно горячъ и вспыльчивъ. Сіе послѣднее свойство было причиною что онъ подчиненнымъ своимъ не очень нравился". Тогдашніе владыки, какъ извѣстно, не рѣдко давали большую волю рукамъ, и можно думать, что не сильно ограничивалъ себя на этотъ счетъ и преосвященный Лаврентій, платившій въ этомъ отношеніи дань своему времени. (Послѣдній извѣстный случай рукопашной расправы архіерейской былъ въ Москвѣ всего три года сему назадъ). На пр. Лаврентія давно уже „многими святѣйшему синоду были приносимы жалобы, для прекращенія коихъ онъ переводимъ былъ во многія епархіи", пока не попалъ на крайнюю Вятку. Здѣсь этотъ образованный, но пылкій архіерей, разумѣется, не могъ отмякнуть, потому что тутъ ему „къ оной строгости подавали сугубые случаи подчиненныхъ его грубые обычаи, кои простотою его прежнихъ антецессоровъ исправляемы не были, въ наукахъ не просвѣщенность, кои онъ противу желанія ихъ заводить старался, и наконецъ заматорѣлая распустность, невоздержаніе, безчиніе и другіе пороки, которые онъ напереломъ прекратить старался". Лаврентій Горка, съ свойственною ему кипучею страстностію, ринулся въ непримиримую борьбу съ невѣжествомъ и „заматорѣлою распустностью", которой мы не имѣемъ поводовъ удивляться, зная его „антецессоровъ", какъ ихъ обрисовалъ въ этомъ „Любопытномъ извѣстіи" преосвященный Платонъ Любарскій. Всѣмъ злымъ повадкамъ, укоренившимся при четырехъ предмѣстникахъ, изъ коихъ самые лучшіе умѣли только—снабдѣваться и строиться, Горка „пошелъ на переломъ", но онъ не ограничился одною борьбою съ старыми „распустниками", на которыхъ нужна была гроза. Горка имѣлъ планы зиждительные и стремился вызвать къ жизни новыя общественныя силы, создать церкви слугъ просвѣщенныхъ и способныхъ понимать настоящіе иде-

али христіанства, которое одно въ состояніи обновить „лежащій во грѣхахъ міръ“. Лаврентій Горка вызвалъ на Вятку настоящаго учителя изъ Кіева и завелъ славяно-латинскія училища, въ кои „способныхъ священно- и церковно-служительскихъ дѣтей набиралъ почти небезъусильно. Къ искорененію прежняго суевѣрія, грубости, омерзенія къ наукамъ и къ вкорененію истинаго благочестія, вѣжливости и просвѣщенія, такое прилагалъ стараніе, что самоперсонально ежедневно почти посѣщалъ училище, обнадеживалъ учениковъ, учреждалъ для нихъ въ облегченіе скуки разныя забавы, выгоды и преимущества; выписалъ библотеку (sic)“. Уваженіе къ наукамъ въ немъ доходило до страсти, которая въ свою очередь приводила его къ крайности, плодившей ему многочисленныхъ враговъ во всѣхъ слояхъ общества. Горка „неученыхъ и чтеніемъ книгъ непросвѣщенныхъ какого бъ они званія, чина и состоянія ни были, гнушался и обхожденія съ ними не имѣлъ“. А такихъ „неученыхъ и непросвѣщенныхъ“ онъ встрѣчалъ, разумѣется, повсюду, и они, не смотря на свою непросвѣщенность, были достаточно находчивы, чтобы „слагать ему вины“. Первою общественною его виною было, что онъ не достаточно „множилъ поповъ“. Преосвященный Лаврентій „таковыхъ неученыхъ изъ подчиненныхъ своихъ не только въ священство и на другія степени, но ниже въ причетъ церковный не производилъ. Почему рукоположенія его изъ священниковъ и причетниковъ были весьма не многіе“. По преданію, съ затаеннымъ юморомъ сложенная народная пословица: „неуча и въ попы не ставятъ“ пошла при немъ. Это дало поводъ толковать, что „архирей изъ хохловъ хочетъ вятскую землю обезпопить“, а такое толкованіе наводило страхъ на всѣхъ, ожидавшихъ отъ поповъ не духовнаго просвѣщенія въ духѣ христіанскомъ, а изобилія одного обрядоваго освященія. Епископъ Лаврентій однако не обращалъ на это вниманія и еще пріумножилъ свои вины, обнаруживъ самостоятельный взглядъ на церковныя имущества. Взглядъ этотъ былъ христіанскій и вполнѣ схожій съ мнѣніями преподобнаго Нила Сорскаго (Майкова). Лаврентій Горка не только не былъ искусенъ въ „собираніи имѣній“, чѣмъ изъ его антецессоровъ такъ воспрославился преосвященный Іона, но онъ даже своего беречь не умѣлъ, и когда какая либо общая нужда требовала жертвъ, онъ являлъ безкорыстіе, доходившее до расточительства. Такъ „во время всенароднаго здѣсь голода, да и въ прочія времена, собственнаго и церковнаго имѣнія не щадя, требующимъ раздавалъ щедро, разсуждая и воспрещающимъ проговаривая, что церковное имѣніе есть нищихъ имѣніе. Сіи всегдашнія его упражненія не оставили ему времени помышлять о экономіи и стараться о пріумноженіи и украшеніи церквей“.

Такого взгляда тогдашніе нравы снести не могли, какъ можетъ быть не снесли бы этого еще и нынѣшніе. Подобно тому, какъ на такія мнѣнія преподобнаго Нила и его друзей ополчились побѣдо-

носные монументалисты партіи Іосифа Волоколамскаго, такъ нашлись позднѣйшіе „осифляне“, которые умѣли дать почувствовать горячему „хохлу“, въ чемъ слѣдуетъ видѣть истинное русское христіанство... Окончилось это для энергическаго и добраго епископа тѣмъ, что „таковая ревность на Вяткѣ ввергла его въ параличную болѣзнь“. Лаврентій Горка опочилъ, и о немъ мірскія панихиды не пѣлись... Христосъ однако, можетъ быть, и такъ „помянетъ его во царствіи своемъ“.

III.

Съ Лаврентія Горки начинается альбомъ портретовъ епископовъ не великорусскаго происхожденія, которые и являютъ въ главныхъ характерныхъ чертахъ довольно разнообразную отмѣну отъ своихъ великорусскихъ „антецессоровъ“.

Первый за Горкою идетъ Веніаминъ Сахновскій — какой-то необыкновенный красавецъ. Онъ былъ на Вяткѣ всего два года и какъ „жительствовалъ здѣсь не по собственному желанію, то и не многія оказалъ здѣсь опыты своихъ дарованій“. Прежде же этотъ статный архіерей пользовался расположеніемъ императрицы Анны Ивановны, „которое снискалъ въ проѣздъ ея величества въ Москву и жалованъ былъ членомъ въ московскую св. синода контору, а потомъ черезъ нѣсколько времени невѣдомо по какому случаю переведенъ на Вятку“. Здѣсь онъ находилъ себя не на своемъ мѣстѣ и потому не хотѣлъ ничего дѣлать. „Любопытное извѣстіе“ передаетъ о немъ, что Сахновскій былъ „тѣломъ статенъ, громогласенъ и гостепріименъ, и хотя самъ въ славяно-латинскихъ школахъ мало ученъ, однако ученыхъ любилъ“. Въ недостойной такого изящества Вяткѣ Сахновскій томился только до смерти Анны Ивановны и до паденія Бирона, который яркихъ образцовъ русской красоты на виду не любилъ... При воцареніи Елисаветы Петровны, о епископѣ Сахновскомъ вспомнили и удаленіе его тотчасъ же кончилось: онъ „отправился въ Москву быть при коронаціи“.

Вмѣсто отозваннаго красавца, въ „1743 г. священъ на Вятку въ Петербургѣ преосвященный Варлаамъ Скамницкій“. Этотъ опять „природою былъ малороссъ; обучался даже до богословія въ академіи кіевской. Позванъ былъ въ кадетскій сухопутный корпусъ и на послѣдокъ епископомъ на Вятку, гдѣ далъ о себѣ знать, что онъ мужъ строгъ, бодраго духа и гостепріименъ“. Гостепріимство пр. Варлаама объясняется однако не тѣмъ соболѣзнованіемъ о голодныхъ, которое отличало Горку и довело его до „параличной болѣзни“, а совершенно инымъ. Преосвященный Варлаамъ былъ весельчакъ и имѣлъ большую „склонность къ частымъ пиршествамъ съ великолѣпными забавами и позорищами, на что расточалъ не мало иждивенія“. По преданіямъ, онъ очень любилъ танцы и самъ будто охотно и хорошо танцовалъ. При такихъ навыкахъ, владыка Варлаамъ могъ безъ тоски жить даже

и въ Хлыновѣ, но его преосвященство, къ несчастію своему, былъ спорливъ и неуступчивъ, хотя и въ этомъ отношеніи тоже являлъ черты не малаго характера. Такъ напримѣръ, онъ завелъ „съ бывшимъ тогда здѣсь воеводою Андреемъ Писаревымъ междуусобіе, за что оба подвергли себя гнѣву государеву (и) требованы были въ Петербургъ, гдѣ вмѣсто штрафа Писаревъ опредѣленъ былъ навсегда для жительства въ своей деревнѣ, а преосвященный Варлаамъ по долговременномъ продолжительствѣ отправлялъ чреду священнослуженія при гробахъ императорскихъ". Но, собственно говоря, онъ и здѣсь проявилъ свой непобѣдимый характеръ тѣмъ, что назначенной ему „чреды священнослуженія при императорскихъ гробахъ не отправлялъ, а жилъ болѣе трехъ лѣтъ въ Невскомъ монастырѣ на собственномъ коштѣ".

Антоній Ильляшевичъ „природою польской литвы изъ воеводства виленскаго,—ученъ и ученія любитель". Жизнь этого епископа весьма трогательна и поучительна, для „хотящихъ высшаго сана святительскаго". Святитель Антоній былъ просто замученъ и перетертъ „между двухъ ножницъ".

„Любопытное извѣстіе" сообщаетъ, что преосв. Антоній имѣлъ прекрасныя душевныя свойства: онъ былъ человѣкъ умѣренный, „наблюдалъ чистоту безъ великолѣпія, обиліе безъ роскоши, строгость безъ жестокости, однако чрезъ подчиненныхъ своихъ, которые по причинѣ его смиренія могли свободно предпринимать все по своей волѣ, введенъ былъ въ непринадлежащія къ нему хлопоты". Поссорились въ его время между собою два секретаря—„консисторскій и провинціальный", а владыка попалъ „между сіи острыя ножницы", которыя и „бытіе его пресѣкли". Дѣло собственно зашло между секретарями, но „какъ сей родъ людей слѣпо слѣдуя стремленію своей злобы обыкъ сражаться не прямымъ воинскимъ оружіемъ, но кривыми приказными крючками, — безсовѣстно подобранными или натянутыми законами, то между сіи ножницы попала сія невиная душа, которыя продолженіе бытія ея на свѣтѣ пресѣкли". „Оные секретари къ (личной) ссорѣ своей присовокупили: провинціальный: яко-бы архіерейскій домъ и монастыри не правильно завладѣли черносошными". „Отъ сего всѣ архіерейскіе и монастырскіе крестьяне взбунтовали (sic) и учинили отпирательство, а консисторскій (секретарь) со стороны дому архіерейскаго и монастырей по сему дѣлу объявилъ себя адвокатомъ. Отъ сихъ-то двухъ людей, если ими ихъ назвать можно, воспламенился великій пожаръ. Учреждена (была) особливая коммисія и продолжалась нѣсколько лѣтъ причиненіемъ обѣимъ сторонамъ весьма многихъ убытковъ". Но были кромѣ „сторонъ" тяжущихся еще другія живыя существа, которыя тоже встряли въ это дѣло. Третья сторона были сами „черносошные", о которыхъ „Любопытное извѣстіе" не распространяется, но очевидно, что этимъ худороднымъ людишкамъ шло уже не о гонорѣ, и даже ни о прибыляхъ, а о самой жизни. „Черносошные", взбаламутясь подущеніями провинціальнаго секретаря, бун-

товали и „вооружаясь чинили смертное убивство и кровопролитіе“, и надо думать, что они дѣлали все это въ серьезъ, потому что „для усмиренія ихъ были отряжаемы многочисленныя военныя команды, отъ которыхъ и производились черносошнымъ усмиреніе, а архіерейской казнѣ не малые убытки“. Архіерей Антоній, видя такое нестроеніе, поѣхалъ въ Москву, „желая удалиться отъ вятской епархіи въ иную“, но не успѣлъ въ этомъ, вѣроятно потому, что не ясно понималъ, какъ ему надо было объ этомъ хлопотать. Москва, не повѣривъ слезамъ владыки Антонія, поворотила его назадъ „между ножницы“; гдѣ онъ и замучился „перемѣнивъ съ печали временную сію жизнь на безплачевную вѣчную“

Такъ истинное „смиреніе“ не могло ужиться въ ладу съ владычественностію, которой не находилъ въ себѣ „смиренный Антоній“, и самый добрый монахъ вышелъ совершенно неспособнымъ къ правленію архіереемъ.

Онъ оставилъ епархію въ жесточайшей смутѣ и тяжбахъ, а несчастныхъ „черносошныхъ“ въ обидѣ, гоненіяхъ, сварахъ и смертномъ убивствѣ... „О немъ долго вспоминали въ поговоркахъ: „при немъ толку нѣтъ, какъ при литвинѣ“.

Несчастнаго страстотерпца Антонія Ильляшевича въ 1758 г. заступилъ Вареоломей Любарскій, „природою изъ малороссіянъ, епархіи черниговской, города Мены (?)“ [1]), которому тоже было дано сильное и духу времени сообразное испытаніе. Въ бытность его архимандритомъ и ректоромъ въ Смоленскѣ, „риторики учитель іеромонахъ Кириллъ Ярошевичь, невѣдомо съ чего объявилъ за собою важность тайны государевой въ коей оговорилъ и сего архимандрита съ прочими двумя нижнихъ классовъ учителями; почему всѣ оные за стражею отвезены въ тайную петербургскую канцелярію, гдѣ въ крѣпкомъ заключеніи и весьма прискорбной тѣснотѣ содержаны были. А какъ по строгомъ изслѣдованіи явились ни въ чемъ невинны, да и оговаритель самъ ихъ во всѣхъ своихъ клеветахъ оправдалъ, то и отпущены были съ честію къ своимъ мѣстамъ по прежнему, а клеветникъ оный Кириллъ яко самъ своихъ дѣлъ причина за стражею въ Смоленскъ возвращенъ, на площади публично четвертованъ, наконецъ отсѣченіемъ головы казненъ“. Оклеветанный же имъ Вареоломей Любарскій послѣ сего „требованъ (былъ) для сказанія проповѣди въ присутствіи государыни императрицы Елисаветы Петровны и въ другой разъ на годовую чреду священнослуженія при императорскихъ гробахъ“ (53). Такимъ образомъ, послѣднее назначеніе или вызовъ одному, именно Варлааму Скамницкому, было приложено вмѣсто штрафа за его ссоры съ воеводою Писаревымъ, а другому,—Вареоломею Любарскому, какъ бы въ видѣ поощренія или вознагражденія послѣ на-

[1]) Вѣроятно Мглинъ, гдѣ фамилія Любарскихъ и о сю пору существуетъ. Любарскій недавно былъ инспекторомъ врачебной управы въ Черниговѣ. Н. Л.

празднаго содержанія его по ложному доносу іеромонаха Кирилла „въ весьма прискорбной тѣснотѣ“.

Варѳоломей Любарскій за то, во время претерпѣнныхъ имъ испытаній и горестей, успѣлъ поприсмотрѣться къ дѣламъ въ высшихъ правящихъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ и первый обнаружилъ въ себѣ свойства сообразительнаго епарха. Прежде чѣмъ ѣхать на „престолъ“ послѣ формальной отповѣди о недостоинствѣ къ таковому назначенію, Любарскій озаботился „имѣть южики во Іерусалимѣ“. „Любопытное извѣстіе“ передаетъ, что „по произведеніи его на Вятку, извѣстившись, что въ епархіи его по причинѣ начавшихся при антецессорѣ его Антоніи великихъ безпокойствъ все находится въ замѣшательствѣ, а крестьяне въ отпирательствѣ и ни какихъ не имѣется доходовъ,—не выѣзжая изъ Петербурга о поправленіи всѣхъ тѣхъ нуждъ приложилъ старанія и просьбы къ высокимъ правительствамъ“. Стараніями этими онъ достигъ такихъ результатовъ, что „въ силу данныхъ ему указовъ привелъ въ прежнее крестьянъ послушаніе, потомъ началъ вырученною съ крестьянъ, запущенною за время отпирательства суммою, чрезъ опредѣленныхъ отъ сената нарочныхъ архитекторовъ строить по регулярному плану и фасаду соборную церковь, разрушивъ прежде до основанія прежнюю“. Овладѣвъ средствами „собирать“, онъ могъ потомъ и разрушать, и строить, и расточать, и снова созидать изъ того расточенія еще большее собираніе. Такъ онъ не только при жизни имѣлъ „южики во Іерусалимѣ“, но даже оставилъ себѣ историка послѣ смерти. Въ „Извѣстіи“ сказано, что пр. Варѳоломей Любарскій также вызвалъ къ себѣ „слушавшаго богословію студента Петра Любарскаго“, который „по постриженіи въ монашество переименованъ Платонъ“. Онъ-то и помогалъ преосвященному вести школьное дѣло, и потомъ написалъ и напечаталъ занимающее насъ нынче „Любопытное извѣстіе“ о хлыновскихъ архіереяхъ, изъ котораго сдѣлано это краткое и, надѣюсь, тоже не лишенное интереса извлеченіе. Архимандритъ Платонъ Любарскій покойнаго епископа Варѳоломея Любарскаго очень одобряетъ и ему въ своемъ описаніи удѣляетъ самое пространное мѣсто [1]).

---

[1]) Платонъ Любарскій, авторъ этого сказанія, былъ потомъ самъ епископомъ въ Казани и въ Астрахани, а скончался въ Екатеринославѣ. Въ сей послѣдней епархіи о немъ извѣстенъ слѣдующій анекдотъ, имѣвшій свое мѣсто около 1810 года. Въ то время дѣла во многомъ шли проще и самые архіереи держали себя много доступнѣе и вникали въ такія малыя вещи, до которыхъ нынче не касаются. Такъ напримѣръ, тогдашніе архіереи не только присутствовали при пріемныхъ испытаніяхъ школяровъ, но даже часто сами ихъ экзаменовали, и отсюда могли получать вѣрныя понятія о заботливости родителей на счетъ подготовки дѣтей. А это едва ли менѣе полезно, чѣмъ единожды въ годъ производить форменное „предсѣданіе“ на публичномъ экзаменѣ выпускныхъ студентовъ. Случилось однажды, что преосвященному Платону въ одинъ день предстали: благочинный изъ Олешекъ съ 12-лѣтнимъ сыномъ, да дьячекъ изъ села Романково (извѣстнаго по своимъ лоцманамъ) съ двумя сыновьями 9 и 8 лѣтъ. Фамилія дьячка была Неумытый. Владыка сдѣлалъ честь благочинному и сталъ экзаменовать его сына. Первое испытаніе состояло въ гласномъ чтеніи церковно-

Послѣднимъ по „извѣстію" пр. Платона стоитъ епископъ Лаврентій Барановичъ, изъ г. Брянска, но этотъ святитель еще жилъ въ то время, когда нашъ авторъ сочинялъ свое „Любопытное извѣстіе" и потому о немъ критики нѣтъ, а сказано кратко, что „онъ и нынѣ находится въ Хлыновѣ при правленіи сея епархіи, которая, равно какъ и семинарія тамошняя, приводятся имъ въ цвѣтущее состояніе".

Такъ чистосердечно и откровенно сто лѣтъ сему назадъ было написано прочитанное нами „любопытное извѣстіе" объ архіереяхъ, и это никого не гнѣвило и не обижало, а равно и не вмѣнялось въ вину литературѣ, которой такъ естественно имѣть желаніе знать любопытныя черты изъ нравовъ правителей нашей церкви, возбуждающей теперь большой интересъ даже въ „Revue des deux Mondes" и другихъ иностранныхъ изданіяхъ.

Изъ того, что было и прошло, навѣрно можно многое объяснить въ томъ, что есть, и, можетъ быть, даже предугадать отчасти, что будетъ.

IV.

Сводя все вышеизложенное, мы, значитъ, имѣемъ передъ собою галлерею портретовъ десяти іерарховъ, трудившихся на одномъ „престолѣ" новой епархіи отъ начала ея учрежденія до тѣхъ поръ, пока она ихъ стараніями пришла „въ цвѣтущее состояніе". Десять вѣрно списанныхъ характеровъ—это не мало: по нимъ можно кое-что обсудить и придти къ какимъ нибудь заключеніямъ. Изъ десяти архіереевъ, описанныхъ преосвященнымъ Платономъ Любарскимъ, по національности четыре великоросса, пять малороссіянъ и одинъ литвинъ. Начинаютъ дѣло великороссы, а продолжаютъ его до „цвѣтущаго состоянія" малороссіяне и литвинъ (Ильляшевичъ). По образованію они рѣзко дѣлятся на двѣ группы, при чемъ прямой преферансъ въ этомъ отношеніи выпадаетъ тѣмъ изъ нихъ, которые пришли въ Россію съ юго-запада,—изъ Малороссіи и Литвы. Четыре

славянской псалтыри, но благочиннический 12-ти лѣтній сынъ читалъ плохо, въ родѣ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ столичныхъ дьяконовъ. Архіерей взялъ изъ рукъ мальчика книгу и передалъ ее дьячкову старшему сыну. Тотъ зачиталъ бойко и внятно, безъ одной ошибки. Платонъ заставилъ читать младшаго, 8-ми лѣтняго,—и тотъ прочелъ превосходно. Тогда преосвященный поднялся съ мѣста, схватилъ благочиннаго за бороду и за косы и оттаскалъ его жестокимъ обычаемъ при всѣхъ бывшихъ здѣсь „просителяхъ" и при прислугѣ. А билъ преосв. Платонъ ужасно „могуче", потому-что роста онъ былъ огромнаго и силы страшной. За свою лихую ухватку и скорость на руку пр. Платонъ получилъ отъ духовенства и міранъ прозвище „Запорожецъ".

Дьячку, который хорошо училъ своихъ дѣтей, преосвященный далъ хорошее мѣсто, а ребятъ его самъ наблюдалъ въ училищѣ. Одинъ изъ этихъ Неумытыхъ недавно еще составлялъ гордость лоцмановъ с. Романкова, которые всѣ знали, что ихъ Неумытый служилъ „плацъ-атютаномъ у самомъ Питербурзи". Это дѣйствительно такъ и было. Н. Л.

первые архіерея великорусскаго происхожденія не имѣли настоящаго образованія; трое изъ нихъ, „кромѣ словяно-русской грамоты, ничему не были учены“, да и четвертый (Титовъ), происходившій изъ дворянъ, „также, какъ антецессоры его, свободнымъ наукамъ не ученъ былъ“. Просвѣщеніе приносятъ и начинаютъ вводить въ епархіи малороссіяне и именно первый изъ нихъ ученый и пылкій Лаврентій Горка. Малороссы всѣ имѣютъ образованіе и нѣкоторые изъ нихъ отличаются свѣдѣніями весьма многосторонними. Изъ четырехъ русскихъ архіереевъ ни одинъ не заботится о школахъ, а одинъ (Діонисій) даже не считаетъ науку нужною и полезною для пастыря словеснаго стада. По его мнѣнію, „умѣющіе прочитать псалмы Давидовы по разсужденію на всѣ степени и духовные чины достойны“. Этимъ вѣрно выражается историческая черта характера древняго московскаго благочестія, которой столь же вѣрно противупоставляется научное направленіе духовенства кіевскихъ школъ. Русское благочестіе учености не уважало и ее не любило.

По характеру и по способностямъ къ правленію, изъ десяти архіереевъ два совсѣмъ негодны. Таковъ былъ самый первый, Александръ, которому выпало на долю обновить хлыновскій престолъ. Онъ былъ по преимуществу монахъ: онъ не хотѣлъ трудиться и не трудился. На него была возложена обязанность построить домъ, но онъ не захотѣлъ и не построилъ, хотя ему на это были „даны вотчины“. А чтобы къ нему не приставали съ такими требованіями, онъ „самовольно, безъ всякаго дозволенія, съ престола поѣхалъ и посхимился“. Таковъ былъ результатъ шестнадцати-лѣтняго занятія этимъ неспособнымъ человѣкомъ мѣста, на которомъ требовалась добрая воля и энергія. Другой (Іона) былъ попросливъ и добычливъ, — онъ „снабдѣвался“ и усердно строился, собиралъ утварь и рачилъ о благолѣпіи. О духѣ христіанства никакой заботы, и однако такою дѣятельностію онъ снискалъ себѣ „въ народѣ“ столь сильное благоволеніе, что „память его всегда совершается“. Вотъ, значитъ, какой видъ благочестія былъ для народа самымъ понятнымъ и внушительнымъ, — да иначе это и не могло быть.

Третій архіерей (Алексѣй) былъ совсѣмъ простецъ, а четвертый, „природою изъ дворянъ“ (Титовъ), былъ тоже „къ украшенію церквей охотникъ“, но „нерѣдко бывалъ за извѣстныя только св. синоду дѣла его обвиняемъ“. Пользы христіанству онъ не могъ принести никакой, хотя и покрытъ саккосомъ.

Такимъ образомъ, изъ четырехъ архіереевъ великороссіанъ, даже самые задачные были невѣжественны и не подняли своего архипастырскаго дѣла выше нѣкоторыхъ заботъ объ „экономіи“ и церковной внѣшности. А при томъ двое изъ нихъ своею обычливостью и „извѣстными синоду дѣлами“ могли только смущать вѣрующихъ, ожидавшихъ христіанскаго просвѣщенія живымъ примѣромъ и наученіемъ.

О духѣ христіанства въ новой епархіи впервые заговорилъ только пятый епископъ по ряду и первый изъ малороссіянъ, весьма образованный для своего вѣка человѣкъ, Лаврентій Горка. Этотъ имѣлъ своимъ идеаломъ состраданіе къ нуждамъ человѣчества и христіанскую просвѣщенность. Онъ шелъ „напереломъ грубымъ обычаямъ, заматорѣлой распустности, невоздержанію, безчинію, суевѣрію и омерзенію къ наукамъ, кои простотою прежнихъ его антецессоровъ исправляемы не были"; заводилъ школы и самъ сидѣлъ въ нихъ, а во взглядахъ своихъ на церковность и христіанство былъ таковъ, что „собственное и церковное имѣніе не щадя, раздавалъ щедро требующимъ, разсуждая и приговаривая, что церковное имѣніе есть имѣніе нищихъ". Но при всѣхъ этихъ добрыхъ свойствахъ, столь необходимыхъ на его мѣстѣ, Горку не любили, и довели его до паралича. Значитъ, такіе люди не по вкусу тому, что принято у насъ считать благочестіемъ. Это выводъ всѣхъ болѣе грустный, но неизбѣжный. За Горкою слѣдуетъ шестой (Сахновскій), какой-то „статный тѣломъ" bon-vivant, съ сомнительною фаворабельностію. Онъ беретъ представительностію, которая служитъ ему и на паденіе, и на возстаніе. Церкви отъ него никакого проку. Седьмой (Скамницкій)—ужъ совершенный бражникъ и при томъ еще съ крутымъ, хохлацкимъ нравомъ. Этотъ по силѣ характера могъ бы постоять за дѣло вѣры, но, къ сожалѣнію, не оно его занимало: онъ только не уступалъ воеводѣ, да не хотѣлъ „отправлять чреду священнослуженія при императорскихъ гробахъ". Вотъ куда ушла сила воли, и, вѣроятно, не малая. Восьмой (Ильляшевичъ), попавшій „между ножницъ", былъ воплощенная слабость. О немъ можно только жалѣть и удивляться: какъ такому человѣку могло быть вручено управленіе!..

Такимъ образомъ, изъ восьми архіереевъ, которыхъ мы сейчасъ пересчитали, ни одинъ не умѣлъ вести дѣло какъ слѣдуетъ, ибо даже самый Лаврентій Горка былъ слишкомъ крутъ,—всему „шелъ напереломъ" и не соображался съ силами.

Настоящую правительственную мудрость, примѣнимую къ нашимъ условіямъ, позналъ только девятый изъ вятскихъ архіереевъ, въ молодости своей пострадавшій отъ доносовъ и потомъ прошедшій до полученія архіерейства петербургскую служебную школу. Въ то время уже знали, что извѣстныя слова Исаіи „блаженъ иже имать южики во Іерусалимѣ" пророчены пророкомъ „на державу россійскую", и что нашъ Іерусалимъ на берегахъ Невы, на правомъ крылѣ Исаакіевской площади. Ворѳоломей Любарскій, прежде своего отшествія въ Хлыновъ, достаточно привиталъ здѣсь подъ этимъ крыломъ и завелъ себѣ „южиковъ" и поѣхалъ съ указами, добытыми по сосѣдски въ сенатѣ. Указы дали ему возможность успѣшно выбрать съ крестьянъ все, что запустили его разнохарактерные „антецессоры", а съ деньгами онъ могъ не бояться потери южиковъ. И затѣмъ онъ уже могъ что угодно

ломать и строить, и передалъ своему наступнику (десятому) епархію „въ цвѣтущемъ состояніи“.

V.

Съ той поры протекло цѣлое столѣтіе, въ теченіе котораго скованное русское слово безмолвствовало и „любопытныя извѣстія“, въ родѣ приведеннаго, были невозможны. Процвѣтаніе однако все продолжалось безъ перерыва и изъ года въ годъ удостовѣрялось подлежащими отчетами, но вдругъ внезапно пришелъ часъ плодоношенія: цвѣтные лепестки свернулись и опали, а на мѣсто ихъ показался плодъ. Этотъ плодъ была совершенно единственная, по своей безпримѣрности, русская книга въ противохристіанскомъ направленіи, составленная священникомъ той самой епархіи, архипастырскіе типы которой мы сейчасъ видѣли [1]).

Такой случай въ церкви составляетъ характерное явленіе, на которое неумѣстно только гнѣваться, а надо вникать въ условія, при которыхъ образовались подобные взгляды въ духовенствѣ. Несомнѣнно, что этого нельзя приписать вліянію выборныхъ благочинныхъ, такъ какъ выборное начало въ Россіи существуетъ, можно сказать, только со вчерашняго дня и не воспитало никакого независимаго поколѣнія духовныхъ. Навязывать выборному началу подобныя обвиненія было бы также не умно и не честно, какъ вмѣнять ему въ вину всѣ другія преступленія, неослабѣвающія въ духовенствѣ „во вся дни“. Можетъ быть, гораздо справедливѣе въ кажущемся „паденіи нравовъ духовенства“ видѣть иное: нравы духовныхъ вовсе не упадаютъ ниже, чѣмъ они стояли за сто и за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а ихъ низменность теперь только яснѣе обнаруживается... И въ этомъ, конечно, можно и даже должно видѣть заслугу, а не провинность нынѣшнихъ болѣе самостоятельныхъ выборныхъ благочинныхъ, во многомъ не похожихъ на нѣкоторыхъ прежнихъ „архіерейскихъ шепотниковъ“. Худшее тутъ могутъ видѣть только „почившіе въ законѣ“, не живые люди, которые и повторяютъ омертвѣлыми устами тупое остроcловіе, будто „обличеніе зла хуже самаго зла“.

Галлерея архіерейскихъ портретовъ, которую мы разсмотрѣли, конечно, очень не велика въ сравненіи со всѣмъ числомъ бывшихъ на Руси

---

[1]) Я не вижу нужды теперь называть эту книгу, которая, вѣроятно, памятна всѣмъ внимательнымъ къ литературѣ людямъ. Упоминаемая литературная новинка появилась ровно восемь лѣтъ тому назадъ и вскорѣ послѣ своего выхода внезапно подняла большой переполохъ. Тревога не ограничилась словами, а выражалась въ энергическихъ сношеніяхъ бывшаго Третьяго отдѣленія, св. синода, министерства народнаго просвѣщенія и министерства внутреннихъ дѣлъ. Кончилось это тѣмъ, что противохристіанскую книгу, составленную священникомъ вятской епархіи, наконецъ изъяли и настали снова „времена отрады...“ Стоило ли все это такихъ безпокойствъ,—этого можно не касаться, но что это стоитъ вниманія, какъ фруктъ извѣстнаго цвѣтенія — это кажется несомнѣнно. Все это значитъ не было пустоцвѣтъ, а „дало плодъ по роду своему“. Н. Л.

епископовъ, но и она уже въ нѣкоторой степени даетъ возможность умозаключать о томъ: какого подъема можно ожидать отъ усиленія ихъ и безъ того большаго всевластія надъ духовенствомъ. Кромѣ этого маленькаго отрывка статистики, болѣе систематическихъ свѣдѣній искать не гдѣ, такъ какъ „любопытныя извѣстія“, подобныя тѣмъ, которыя въ 1780 году напечаталъ преосвященный Платонъ Любарскій, въ теченіе почти цѣлыхъ ста лѣтъ были невозможны. Но весьма желательно, чтобы литература не пренебрегла и этимъ матеріаломъ для своихъ сужденій о современной реакціи противъ выборнаго начала въ духовенствѣ. Если печати не слѣдуетъ претендовать на вліяніе въ судьбѣ этого вопроса, то все же ей позволительно напомнить, что епископы не всегда были лучшими образцами для подначальнаго имъ духовенства и подъемъ нравственности въ семъ послѣднемъ едва ли станетъ благонадежнѣе отъ того, что у духовныхъ будетъ снова отнято такъ недавно предоставленное имъ право выбирать благочинныхъ. Выборные благочинные уже потому одному благонадежнѣе, что они отвѣтственнѣе передъ обществомъ и болѣе доступны контролю клира и мирянъ, а епископы, какъ мы сейчасъ видѣли, не только не всѣ одинаково святы, но даже далеко не всѣ одинаково способны къ управленію. Между тѣмъ ошибки ихъ поправлять уже некому. Слѣдовательно, возвращать дѣло къ старому порядку, можетъ быть, значитъ—сводить его отъ шаткаго контроля къ полной безконтрольности, а это едва ли будетъ „послѣднею вещію горше первыя“.

Слухъ, которому стоитъ вѣрить, утверждаетъ, будто нѣкоторые властные друзья реакціи стараются доказать, что „выборное начало есть языческое и республиканское“ (графъ Д. А. Толстой, значитъ, былъ республиканецъ!..) По ихъ мнѣнію: „христіанское начало все въ назначеніи свыше“. Этому приводятся будто и свидѣтельства изъ исторіи, — хотя, впрочемъ, плохія свидѣтельства, — „вѣтреныя“. Но мы не станемъ ихъ ни разбирать, ни отвергать. Мастеровъ метать въ глаза исторію много, и нерѣдко случается, что чѣмъ рѣчи ихъ бездоказательнѣе, тѣмъ онѣ производятъ на извѣстнаго рода „сосѣдящихъ“ большее впечатлѣніе, но если все это взять подъ мѣлокъ, то часто историческія раціи оказываются вздоромъ. Собственно говоря, нравственной высоты въ духовенствѣ еще не было. Что бы въ этомъ убѣдиться, стоитъ перечитать историческіе труды высокопреосвященнаго Макарія и профессоровъ Голубинскаго и Знаменскаго. О допатріаршемъ и патріаршемъ періодахъ не стоитъ и говорить: они свелись къ тому, что при мѣстоблюстителѣ „попамъ“ даже не довѣряли причащать безъ свидѣтелей, да и позже Мордвиновъ писалъ Александру I, что „духовенство навлекло на себя презрѣніе народное“, а Д. Г. Бибиковъ еще того позднѣе зналъ консисторію, которая „во всеуслышаніе проповѣдывала, будто Іисусъ Христосъ не есть Сынъ Божій, а Матерь Божія — простая женщина“ (Рѣчь Бибикова 8-го мая 1851 года). Если же для рѣшенія споровъ о законности

выборнаго начала въ духовенствѣ непремѣнно понадобилась исторія, то мы позволимъ себѣ привести на память этимъ знатокамъ одинъ примѣръ изъ той исторіи, которую имъ надо бы хорошо знать и помнить: это исторія одиннадцати мужей, которые избрали двухъ кандидатовъ, Іосифа и Матѳея, для выбора изъ нихъ одного, вмѣсто отпавшаго Іуды. Эпизодъ этотъ можно прочесть въ первой главѣ „Дѣяній апостоловъ“ и изъ него убѣдиться, что выборное начало не чуждо и христіанству.

Н. Лѣсковъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА А. П. ХРУЩОВА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Послѣ извѣстнаго севастопольскаго героя и сибирскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Александра Петровича Хрущова, остался дневникъ, обнимающій почти все время долголѣтней службы этого достойнаго уваженія человѣка. Къ сожалѣнію, дневникъ представляетъ лишь отрывочные наброски, по которымъ покойный намѣревался, вѣроятно, написать свои подробныя записки. Наиболѣе обработанная часть дневника, относящаяся къ оборонѣ Севастополя, въ которой А. П. Хрущовъ принималъ такое блистательное участіе, уже была напечатана племянникомъ покойнаго, г. Хрущовымъ-Сокольницкимъ, въ одной московской газетѣ. Теперь, при посредствѣ члена Археологическаго института Т. В. Кибальчича, намъ сообщены, печатаемые ниже, три небольшіе, но крайне любопытные, отрывка изъ дневника А. П., относящіеся къ польскому возстанію 1861 года, во время котораго Хрущовъ командовалъ 5-й пѣхотной дивизіей и исполнялъ должность люблинскаго военнаго начальника.

I.

Апрѣля 8; 1861 года.

Курьеръ привезъ мнѣ письмо отъ намѣстника о положеніи дѣлъ въ краѣ и о направленіи, которому правительственныя власти должны слѣдовать для возстановленія потрясеннаго порядка (подлинное письмо прилагается):

Варшава, 6 (18) апрѣля 1861 года

„Милостивый государь Александръ Петровичъ!

„Считаю нужнымъ объяснить вашему превосходительству настоящее положеніе дѣлъ и то направленіе, которому правительственныя власти должны слѣдовать для возстановленія потрясеннаго порядка.

„Главные элементы безпорядковъ суть слѣдующіе: бывшее сельское общество царства; оно дѣлилось на три разряда: къ пер-

вому и меньшему принадлежать люди, въ душѣ нежелающіе переворотовъ, но движимые противъ правительства вліяніемъ своихъ товарищей, духомъ времени и событіями послѣднихъ шести недѣль, изъ коихъ ошибочно заключали, что правительство потеряло силу. Ко второму разряду принадлежитъ нѣсколько большее число членовъ, такъ называемыхъ умѣренныхъ, которые хотя въ душѣ совершенно противны правительству, но опасаются уличныхъ потрясеній, и если не противятся имъ, то, по крайней мѣрѣ, не принимаютъ въ нихъ участія. Наконецъ, къ третьему и большему разряду принадлежать (преимущественно молодые люди), кои въ ненависти своей къ существующему порядку вещей, не только мечтаютъ о возстановленіи самобытной Польши въ полномъ ея составѣ, но полагаютъ, что и настало время приступить къ дѣлу, возбуждая и поддерживая всякаго рода безпорядки.

„Другой разрушительный элементъ находится въ школахъ; ученики вообще совершенно развращены, и пользуясь ненаказанностью, подвигаютъ народъ къ всякимъ безчинствамъ. Они всѣ почти дѣйствуютъ по внушеніямъ агентовъ Мирославскаго, которые имѣютъ правиломъ возбуждать сколько можно болѣе безчинствъ, съ цѣлью вынудить правительство укрощать ихъ силою. Мысль Мирославскаго та, что чѣмъ болѣе будетъ жертвъ, тѣмъ болѣе усилится ненависть противъ правительства, а тѣмъ вѣрнѣе будетъ окончательный успѣхъ его предпріятій.

„Третій вредный элементъ есть направленіе католическаго духовенства; оно вообще по одному религіозному чувству намъ враждебно, а многіе изъ членовъ онаго явно дѣйствуютъ въ духѣ послѣдователей Мирославскаго.

„Наконецъ, большая часть чиновниковъ или холодны къ правительству, или питаютъ къ нему враждебныя чувства.

„Задача теперь состоитъ въ сглаженіи вредныхъ результатовъ событій послѣднихъ шести недѣль. Къ разрѣшенію ея никто не можетъ болѣе способствовать какъ военные начальники.

„Дѣйствія высшихъ властей облегчаютъ исполненіе сего. Упраздненіе сельскаго общества лишило членовъ онаго того полуоффиціальнаго характера, коимъ они пользовались въ краѣ; увеличеніе числа войскъ въ царствѣ даетъ возможность военнымъ начальникамъ не допускать, или укрощать безпорядки; наконецъ, укрощеніе силою въ Варшавѣ демонстраціи 27 марта (8 апрѣля), арестованіе послѣ онаго многихъ зловредныхъ лицъ и обнародованіе разныхъ полицейскихъ для возстановленія порядка правилъ, навели страхъ на возбудителей безчинствъ.

„Но все это будетъ недостаточно, если мы не воспользуемся минутою для уничтоженія по возможности всего, что продолжаетъ еще нарушать общественный порядокъ.

„Для сего должно военнымъ начальникамъ дѣйствовать хотя и съ

осторожностью, но съ большею энергіею, не опасаясь отнюдь необходимости прибѣгнуть, въ случаѣ крайности, къ силѣ оружія для точнаго исполненія требованій правительства.

„Всякія сборища въ домахъ, имѣющія цѣль политическую, должны быть непремѣнно закрываемы.

„Всякія демонстраціи отъ обывателей для охраненія порядка (и это есть непремѣнная воля Государя), должны быть немедленно упразднены. Порядокъ въ городѣ долженъ быть рѣшительно охраняемъ только законною полицейскою властью при содѣйствіи военной силы.

„Въ каждомъ почти мѣстѣ есть одинъ или нѣсколько лицъ, руководящихъ безпорядками; этихъ лицъ должно непремѣнно арестовать и съ ихъ бумагами отправлять въ Александровскую цитадель, объясняя и поводы ихъ арестованія.

„Относительно школъ вамъ извѣстны уже мои распоряженія изъ отзыва № 1951. Съ вашей стороны надобно непремѣнно, при могущихъ еще встрѣтиться безчинствахъ, знать, кто изъ учениковъ главные подстрекатели, брать ихъ подъ арестъ и доносить мнѣ о томъ.

„Конечно, на пространствѣ края есть мелкіе пункты войсками не занятые, гдѣ невозможно предупредить еще безчинства, но въ главныхъ городахъ, гдѣ находится достаточное число войскъ (особенно въ губерніяхъ), никакіе безпорядки не должны уже быть терпимы, и это возлагается на вашу отвѣтственность.

„Прошу ваше превосходительство принять къ серьезному руководству все изложенное выше. Теперь настало время и есть полная возможность дѣйствовать, хотя и осторожно, но рѣшительно. Прошу мнѣ донести какихъ чиселъ и въ какихъ мѣстахъ будутъ закрыты гражданскія делегаціи.

„Отъ гражданскихъ губернаторовъ я не могу ожидать той энергіи, какъ отъ васъ, а по сему и настоящимъ письмомъ обращаюсь собственно къ вамъ; храните его, не показывая никому, и сообразно оному, требуйте настоятельнѣйшаго содѣйствія гражданской власти.

„Относительно духовенства вы получите вслѣдъ за симъ особое увѣдомленіе.

„Въ Люблинѣ находится весьма зловредный человѣкъ Станиславъ Кржицкой. Прикажите арестовать его 10 (22) апрѣля и препроводить съ бумагами въ Александровскую цитадель. Я въ тотъ же день велю сдѣлать обыскъ въ его пристанищѣ здѣсь.

„Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

„Князь Михаилъ Горчаковъ.

II.

Іюня 4; 1861 года.

Страдая глазами, я подалъ рапортъ о болѣзни и, впредь до распоряженія намѣстника, поручилъ исправленіе должности военнаго начальника коменданту г. Севастьянову. 7 числа, я получилъ письмо отъ г. Гана (дежурнаго генерала). Онъ писалъ, что по первымъ пріемамъ и словамъ генерала Сухозанета, полагали, что наступили времена болѣе энергическихъ дѣйствій и картечь рѣшитъ споръ Россіи съ Польшею, а между тѣмъ дѣла идутъ по прежнему. Въ Варшавѣ перестали бояться военнаго положенія и оскорбляютъ русскихъ въ Саксонскомъ саду и на улицахъ. 5 іюня обѣдалъ у Сухозапета графъ Андрей Замойскій, что надѣлало много шуму въ городѣ; многіе видятъ въ этомъ паденіе Велепольскаго.

Г. Рожновъ назначенъ плоцкимъ губернаторомъ и военнымъ начальникомъ. Генераловъ Шепелева и Веселитскаго уволили отъ должностей военныхъ начальниковъ, находя неудобнымъ отвлекать начальниковъ дивизій отъ своихъ прямыхъ обязанностей (есть подлинное письмо Гана). Я отвѣчалъ г. Гану, 9 числа, слѣдующее: „...весьма справедливо, что признали неудобнымъ совмѣщать обязанности начальника дивизіи и военнаго начальника и удивляюсь, почему это распоряженіе не отнесли также ко мнѣ. Должность военнаго начальника, при неопредѣленныхъ мѣрахъ правительства и при совершенномъ незнаніи мною польскаго языка, тяготитъ меня и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаетъ возможность заниматься какъ слѣдуетъ дивизіею, съ которою, въ случаѣ войны, мнѣ придется итти въ бой. По званію военнаго начальника мнѣ назначили другія столовыя (по 150 руб. въ мѣсяцъ); но, не имѣя въ виду пользы службы, я охотно отказываюсь отъ нихъ и прошу васъ передать начальнику главнаго штаба мою убѣдительную просьбу объ увольненіи меня отъ этой обязанности старшаго жандармскаго штабъ-офицера въ губерніи (такъ я понимаю права бывшихъ военныхъ начальниковъ, которыя возложили нынѣ на насъ). Если не хотятъ сосредоточить гражданскую и военно-полицейскую власть въ лицѣ военнаго губернатора, какъ это дѣлается въ Россіи, то пусть назначутъ особаго военнаго начальника въ Люблинской губерніи, какъ это было прежде въ царствѣ Польскомъ, тѣмъ болѣе что я болѣнъ. То, что сдѣлали для Шепелева и Веселитскаго, весьма правильно сдѣлать и для меня. Ежели желаютъ оставить при мнѣ право военнаго начальника потому, что покойный намѣстникъ былъ доволенъ моими дѣйствіями, то будетъ несправедливо навалить излишнюю работу на человѣка, умѣвшаго найтиться въ трудныхъ обстоятельствахъ. А чего мнѣ стоило быть зрителемъ, въ теченіи 4 мѣсяцевъ, разныхъ мерзостей поляковъ, не признававшихъ, можно сказать, власть и силу, которыя почти бездѣйствовали, и удерживать порывы справедливаго негодованія офицеровъ и сол-

дать. Подобное положеніе, въ которое мы поставлены мѣрами правительства, невыносимо, а особенно для лицъ облеченныхъ какою-то неопредѣленною властью. На Севастопольскихъ бастіонахъ мнѣ было сто разъ отраднѣе, чѣмъ здѣсь, и я съ радостью уѣхалъ бы отсюда на край свѣта. Опасности не страшатъ меня, но унизительное положеніе тяжко. Вамъ извѣстно, что въ Севастополѣ не одинъ разъ мнѣ приходилось исполнять весьма важныя порученія, отъ которыхъ другіе уклонялись, не желая ставить на карту пріобрѣтенную ими извѣстность; но тѣ порученія были въ сферѣ моей профессіи и сопряжены были съ опасностью жизни, а потому я исполнялъ оныя съ полнымъ самоотверженіемъ...“

Это письмо было доложено начальнику главнаго штаба и временно-главнокомандующему, но Сухозанетъ отозвался, что при мнѣ только можетъ быть сохранено спокойствіе въ Люблинской губерніи [1]). Г. Крыжановскій писалъ ко мнѣ, отъ 17 іюня, между прочимъ, слѣдующее: „Нездоровье вашего превосходительства озабочиваетъ военнаго министра, всѣ мы молимъ Бога, чтобы какъ можно скорѣе узнать о вашемъ выздоровленіи. Дѣятельность ваша, столь полезная и энергическая, теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, необходима службѣ и отечеству (есть подлинное письма начальника главнаго штаба). 20 іюня, я подалъ рапортъ о выздоровленіи. Г. Сухозанетъ, предписаніемъ отъ 20 іюня, изъявилъ мнѣ свою благодарность за скорое выздоровленіе: „Съ душевною радостью я прочолъ рапортъ вашего превосходительства, что вы получили облегченіе отъ постигшей васъ болѣзни и усматриваю изъ онаго, что по всегдашней готовности своей къ пользѣ службы, вы тотчасъ же вступили въ исправленіе обязанности военнаго начальника. За столь ревностную и полезную службу приношу вашему превосходительству искреннюю мою благодарность“.

Не смотря на все вышесказанное, меня не оставляла мысль отдѣлаться отъ должности военнаго начальника, которая меня чрезвычайно тяготила. Вотъ что я писалъ по сему предмету къ дежурному генералу 1 іюля: „Письмо ваше отъ 25 іюня [2]) я получилъ вчера. Ваши сомнѣнія не справедливы. Я хорошо знаю и вполнѣ умѣю цѣнить вашу дружескую пріязнь ко мнѣ. Я сержусь не на васъ, а на свою судьбу. Конечно, нельзя оправдывать и людей, которые не хотятъ принять во вниманіе, что напряженныя занятія и непрерывное душевное волненіе могутъ убить у меня всю энергію и сдѣлать меня физически и нравственно негоднымъ къ дѣлу на бу-

---

[1]) Письмо Гана отъ 11 іюля. Онъ же писалъ, что уже составленъ докладъ о назначеніи г. л. Рудзевича военнымъ губернаторомъ въ Люблинъ, но Сухозанетъ не утвердилъ его.

[2]) Есть подлинное письмо отъ Гана. Въ письмѣ выражено было безпокойство, что я сержусь на него.

дущее время. 27 іюня я получилъ благодарность отъ г. Сухозанета за скорое выздоровленіе. Весьма благодаренъ Николаю Онуфріевичу за доброе расположеніе ко мнѣ и лестное вниманіе къ моей службѣ; но онъ и другіе обманываются, что меня трудно замѣнить какъ военнаго начальника въ Люблинской губерніи. Если могутъ быть Рожновъ въ Плоцкѣ, а графъ Остерманъ въ Радомѣ, то почему не могутъ быть въ Люблинѣ Рудзевичъ и проч.; къ тому же, во мнѣ есть много недостатковъ для должности военнаго начальника въ царствѣ Польскомъ: 1) я не знаю польскаго языка, что меня затрудняетъ на каждомъ шагу; 2) не знаю здѣшнихъ кохановъ и здѣшняго быта—до назначенія въ 5 дивизію я никогда не былъ въ царствѣ Польскомъ; 3) во мнѣ нѣтъ полицейско-жандармскихъ способностей, необходимыхъ въ настоящее время для этой должности и способность эту я никогда себѣ не усвою и не желаю усвоивать, и 4) при настоящемъ положеніи дѣлъ нужны люди менѣе совѣстливые (scrupuleux), чѣмъ я, относительно голословнаго обвиненія и наказанія поляковъ, что между тѣмъ необходимо; повѣрьте, что на этомъ мѣстѣ я не могу принести большой пользы, въ этомъ я убѣжденъ, зная свою натуру, и это есть главная причина, почему я желаю увольненія отъ должности военнаго начальника. Каждый изъ насъ обязанъ сознавать свои силы и способности и не принимать на себя обязанности, которую онъ не можетъ выполнить какъ слѣдуетъ. Всякому свое: я не дурной начальникъ дивизіи и, надѣюсь, былъ бы не послѣднимъ корпуснымъ командиромъ; но было бы глупо и недобросовѣстно, если бъ я напримѣръ согласился принять портфель иностранныхъ дѣлъ, или финансовъ, а также быть оберъ-полицеймейстеромъ, кригсъ-коммисаромъ, или интендантомъ. Мнѣ часто приходитъ на мысль оставить вовсе службу и провести остальные годы моей жизни (мнѣ уже 55 лѣтъ) съ родными, которыхъ я люблю и съ которыми почти не жилъ. То, что я имѣю, вмѣстѣ съ заслуженнымъ пенсіономъ, слишкомъ достаточно для скромнаго и покойнаго существованія. Честолюбія во мнѣ нѣтъ, а долгъ отечеству я, кажется, выполнилъ своею 34 лѣтнею службою (съ Севастопольскою 46 лѣтъ). Да, эта мысль меня сильно занимаетъ и можетъ случиться, что я рѣшусь осуществить ее".

Вотъ въ какомъ я былъ настроеніи духа лѣтомъ 1861 года; но съ этими идеями у меня боролось чувство и оно превозмогло.

Еще я писалъ къ начальнику главнаго штаба, 27 іюля, слѣдующее: „Полагаю, что А. Ф. Ганъ докладывалъ вашему превосходительству мои убѣдительныя просьбы, уволить меня отъ обязанности военнаго начальника,—обязанности, которой я не сочувствую и для добросовѣстнаго выполненія которой не имѣю нужныхъ качествъ—въ этомъ я могъ убѣдиться въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ. Къ тому же, эта должность отвлекаетъ меня отъ управленія дивизіею, которую я даже не могъ видѣть въ нынѣшнемъ году (князь Горчаковъ не доз-

волилъ мнѣ инспектировать дивизію, считая необходимымъ мое присутствіе въ Люблинѣ). Сверхъ того, мое здоровье не дозволяетъ мнѣ исполнять двухъ обязанностей, ибо я болѣнъ физически и нравственно. А потому позвольте мнѣ просить вашего содѣйствія къ тому, чтобы приняли во вниманіе мою просьбу, касательно увольненія отъ должности военнаго начальника...“

Генералъ Крыжановскій отвѣчалъ мнѣ 1 августа, что раздѣляя вполнѣ нежеланіе мое оставаться полицейскимъ дѣятелемъ (его выраженіе) онъ нѣсколько разъ докладывалъ г. Сухозанету о необходимости употребить меня на какое-либо военное назначеніе. На этотъ разъ онъ не потерялъ надежды на успѣхъ и просилъ обождать двѣ или три недѣли (есть своеручное письмо Крыжановскаго). Эта надежда не состоялась. Послѣ я узналъ, что думали назначить военнымъ начальникомъ въ Люблинъ начальника 2-й кавалерійской дивизіи, графа Нирода, который старѣе меня и котораго дивизіонный штабъ вступилъ въ то время въ царство Польское. Кстати о графѣ Нироде. Его штабъ помѣщенъ въ Красноставъ и этотъ достойный человѣкъ все время начальствованія моего люблинскимъ военнымъ отдѣломъ и войсками всѣхъ оружій, жилъ въ Красноставѣ, не имѣя никакихъ порученій; въ 1863 году, полки его дивизіи инспектировали даже я и другіе военные начальники отдѣловъ.

III.

Августа 5; 1861 года.

Въ докладной запискѣ на имя начальника главнаго штаба, отъ 5 августа, я писалъ: „Изъ донесеній начальника 4 отд. корпуса жандармовъ видно было, что дѣвица Анна Пустовойтова, православнаго исповѣданія, дочь умершаго отставного генерала, проживающая въ Люблинѣ, у бабки — женщины католическаго исповѣданія, имѣя довольно сильный и обработанный голосъ, принимала участіе въ хорахъ аматоровъ, пѣвшихъ въ люблинскомъ каѳедральномъ костелѣ; а когда началось волненіе въ краѣ и пѣніе воспрещенныхъ гимновъ, то она, не только не перестала ходить въ костелъ, но напротивъ того, сдѣлалась дерижоршою пѣнія подобныхъ возмутительныхъ молитвъ. Полагая, что молодость, увлеченіе и общество, среди котораго она жила, имѣли такое пагубное вліяніе на неопытную пылкую дѣвушку и были поводомъ такого предосудительнаго поведенія Пустовойтовой, я давалъ замѣтить, что поступки ея мнѣ извѣстны и въ высшей степени не приличны, какъ русской и дочери отставного военнаго; но, не смотря на это и на совѣты родственниковъ (на ея сестрѣ женатъ отставной русскій офицеръ Никитинъ), она принимаетъ самое дѣятельное участіе въ разнаго рода уличныхъ демонстраціяхъ:

такъ 25 іюля, она несла статую въ процессіи, отправлявшейся на отпустъ въ Горбовъ; кромѣ того, 31 іюля, въ день празднованія соединенія Польши съ Литвой, имѣла столько дерзости, что прогуливалась мимо меня въ бѣломъ платьѣ съ лентами и кокардами народныхъ польскихъ цвѣтовъ"... Далѣе я просилъ дозволенія взять съ ея бабки, Косановской, подписку, что она сама отправитъ Пустовойтову къ матери въ городъ Житоміръ, въ случаѣ же упорства выслать ее съ жандармскимъ офицеромъ.

10 августа, г. Сухозанетъ предписалъ отправить дѣвицу Пустовойтову съ жандармскимъ офицеромъ въ г. Москву для посаженія ее въ монастырь.

10 августа, она была отправлена изъ Люблина съ начальникомъ Иванъ-городской жандармской команды. Вотъ что я доносилъ графу Ламберту по предмету отправленія Пустовойтовой:

„Жандармскій офицеръ, въ 8 часовъ утра, объявилъ Пустовойтовой приказаніе генералъ-адъютанта Сухозанета (не говоря, что ее приказано посадить въ монастырь), которому она несопротивлялась и дала слово чрезъ два часа быть готовой къ отъѣзду. Между тѣмъ, разнесшійся слухъ о выѣздѣ изъ Люблина Пустовойтовой, былъ поводомъ сбора въ квартирѣ знакомыхъ ея, а на улицѣ уличниковъ. Получивъ извѣстіе о сборѣ народа около дома Косановской, гдѣ жила дѣвица Пустовойтова, я самъ отправился въ квартиру и просилъ ее поторопиться отъѣздомъ; но какъ бабка не хотѣла отпустить внучку одну подъ надзоромъ жандармскаго офицера, а рѣшилась сопровождать сама, не смотря на преклонность лѣтъ, то этимъ невольно замедлилось отправленіе дѣвицы Пустовойтовой, а тѣмъ временемъ народъ, сходясь со всѣхъ сторонъ, спокойно стоялъ на улицѣ въ ожиданіи отъѣзда. Но лишь только двинулись экипажи, какъ изъ толпы было брошено нѣсколько букетовъ и жители провожали поѣздъ, тихо двигавшійся по причинѣ дряхлости и изнеможенія бабки Пустовойтовой. Проѣхавъ заставу, экипажи двинулись быстрѣе, а народъ частью началъ возвращаться въ городъ, а частью образовавъ кучки прогуливался по шоссе, наблюдая за удалявшимися экипажами. Слѣдя за движеніемъ народа, я продолжалъ идти къ лагерю стрѣлковыхъ ротъ Вологодскаго полка, какъ вдругъ услышалъ свистъ, которымъ, какъ оказалось впослѣдствіи, толпа сопровождала командира сказаннаго полка. Это заставило меня направиться къ народу, который, замѣтя мое приближеніе, началъ расходиться; большая же часть сгруппировалась около креста, находящагося за городской заставой и начала пѣть патріотическія пѣсни, но по требованію моему снова разошлась и отправилась въ городъ. Между тѣмъ, услышавъ первый шумъ толпы и не зная причины его, я приказалъ двумъ стрѣлковымъ ротамъ немедленно прибыть изъ лагеря къ заставѣ, а также въ городѣ вывести роту на плацъ; но какъ до прихода стрѣлковыхъ ротъ народъ разошелся и спокойно возвращался по домамъ, то они

вскорѣ были отпущены въ лагерь, а выведенная рота въ городѣ, послѣ удаленія жителей по домамъ, возвратилась на свои квартиры. Затѣмъ, впродолженіе цѣлыхъ сутокъ спокойствіе въ городѣ не было нарушено".

Съ первой станціи старуха Косановская прислала ко мнѣ прошеніе на имя графа Ламберта о дозволеніи ея внучкѣ возвратиться въ Люблинъ. Прошеніе это отправлено было въ Варшаву при моемъ рапортѣ, въ которомъ я просилъ не возвращать Пустовойтову въ Люблинъ, а дозволить ей жить у матери въ Житомірѣ подъ надзоромъ полиціи.

Дозволеніе это послѣдовало 18 августа, о чемъ я увѣдомилъ жандармскаго офицера, который пріостановился во Владимірѣ-Волынскомъ, по случаю болѣзни Косановской. И такъ, Анна Пустовойтова отвезена была въ Житоміръ и, живя у матери, находилась подъ надзоромъ полиціи. Тамъ, за участіе въ демонстраціяхъ, была арестована и бѣжала изъ-подъ ареста. Въ 1863 году, она фигурировала въ должности адъютанта у Лангевича, провозглашеннаго революціоннымъ правительствомъ диктаторомъ.

ЗАБЫТЫЙ УГОЛЪ.

ВЪ 1875 ГОДУ совершилось возсоединеніе съ православіемъ Холмской Руси. Этотъ фактъ первостепенной важности прошелъ незамѣтно въ нашей прессѣ: совершившіеся факты какъ-то слишкомъ мало занимали общество, а газеты и журналы ограничивались оффиціальными, или имѣющими характеръ оффиціальныхъ, извѣстіями. Такое прискорбное равнодушіе русскаго общества къ собственнымъ дѣламъ объясняется, впрочемъ, не только свойственной ему невнимательностью къ событіямъ внутренней жизни вообще, но на этотъ разъ есть причины, если и не извиняющія, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько оправдывающія это равнодушіе. Холмская Русь—земля Романа и Даніила, которую отлично знали и которую всю, вдоль и поперекъ, изъѣздили наши первые Рюриковичи, которую и нашъ первый лѣтописецъ не выдѣлялъ изъ состава русскихъ земель, теперь, по не понятнымъ для обыкновеннаго смертнаго причинамъ, входитъ въ составъ десяти польскихъ (?!!) губерній, и въ глазахъ большинства нашихъ отечествовѣдовъ является чисто польской землей, на которой, правда, нѣкогда, чуть ли не въ мифическія времена, жили какіе-то бужане, дулѣбы, но теперь... это— Люблинская и Сѣдлецкая губерніи, въ которыхъ живутъ: во-первыхъ, жиды, во-вторыхъ, поляки, въ-третьихъ, какіе-то потомки древнихъ ятвяговъ, куда, наконецъ, въ послѣднее время, все въ большемъ большемъ числѣ, являются нѣмецкіе колонисты, скупающіе землю и захватывающіе въ свои руки промышленность, чему очень рады наши политико-экономы: все-таки нѣмецъ лучше жида. При такомъ взглядѣ, преданія старины глубокой, до сихъ поръ кое-гдѣ живущія въ народѣ, Холмская икона Богоматери, памятники русскихъ древностей, какъ-бы чудомъ уцѣлѣвшіе отъ уничтожавшей ихъ враждебной руки,

являются какимъ то дикимъ, совершенно неумѣстнымъ анахронизмомъ. Не скажу, чтобы такого рода взгляды сообщались въ ученыхъ сочиненіяхъ: и въ „Народописѣ“ Шафарика, и на этнографической картѣ, приложенной къ „Документамъ и изслѣдованіямъ о Западной Россіи“, и на картѣ Мирковича, этнографическія границы малорусскаго народа проведены вѣрно,—къ территоріи, занимаемой имъ, отнесены Сѣдлецкая и Люблинская губерніи.

Но развернемъ, напримѣръ, учебникъ географіи Лебедева. На 56 страницѣ читаемъ: „Привислянскій край (царство Польское) состоитъ изъ десяти губерній: Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Сѣдлецкой... Народонаселеніе края числомъ до 6 милліоновъ состоитъ изъ поляковъ, евреевъ и небольшого числа нѣмецкихъ колонистовъ. Главную массу его составляютъ поляки, которые подраздѣляясь на мазуровъ, краковяковъ, куявцевъ, сандомировъ, курпиковъ и подляховъ, всѣ имѣютъ однѣ и тѣ же черты характера: веселость, беззаботность...“ и т. д. О русскихъ ни слова! Только, говоря о народонаселеніи Россіи вообще, географъ на 34 стр. упоминаетъ о „русинахъ“: „къ малороссамъ, говоритъ онъ, относятся русины, которые составляютъ $^2/_3$ населенія прежней Люблинской губерніи“ (т. е. нынѣшней Люблинской и Сѣдлецкой). Какъ будто эти русины составляютъ нѣчто отдѣльное! А вѣдь по такого рода учебникамъ учится вся наша молодежь.—„Изъ какой вы губерніи?“ спрашиваетъ васъ изучившій географію Россіи по Лебедеву.—„Изъ Люблинской“, отвѣчаете вы. Спрашивающій въ недоумѣніи, къ какой народности причислить васъ—къ евреямъ-ли, къ полякамъ, или къ нѣмецкимъ кололонистамъ? — „Вы полякъ?“ нерѣшительно спрашиваетъ онъ. — „Нѣтъ, русскій!“ отвѣчаете вы и повергаете спрашивающаго въ совершенное недоумѣніе. Онъ, конечно, забылъ, что, въ словѣ — русинъ, слогъ инъ служитъ только для обозначенія единичности, что прилагательное отъ него будетъ русскій, такъ же какъ отъ людинъ—людской, отъ жидовинъ—жидовскій и т. д., а что, если и употребляются фразы русинскій, русины, то это только полонизмъ, а не правильная русская форма. Повторяю, въ нашемъ обществѣ о Холмской Руси существуетъ самое смутное и неясное понятіе. Пять лѣтъ тому назадъ она была предметомъ правительственныхъ заботъ, но, не смотря на это, для русскаго общества—это совершенно неизвѣстный, давно забытый уголъ. А между тѣмъ судьбы Холмщины представляютъ для русскаго человѣка огромный интересъ уже потому, что она является передовой стѣной русской народности по сѣверо-западной ея окраинѣ. И какой, въ самомъ дѣлѣ, поучительный урокъ можетъ найти въ историческихъ судьбахъ Холмской Руси русскій человѣкъ. Правда, прежде всего онъ прочтетъ въ нихъ живой укоръ себѣ, но за то почерпаетъ и утѣшеніе: увѣрится въ необыкновенной живучести русской народности. Сообщить русскому обществу главнѣйшія

свѣдѣнія объ этомъ забытомъ уголкѣ Руси, дать ему возможность вѣрно оцѣнить нынѣшнее его положеніе — вотъ задача настоящей статьи, написанной sine ira et studio.

Слишкомъ двѣсти тысячъ малорусскаго народа составляютъ коренное населеніе Холмщины.

Кое-гдѣ, среди этой сплошной массы, попадаются отдѣльныя островки польскаго населенія, сосредоточеннаго по преимуществу, въ такъ называемыхъ, фольваркахъ, т. е. имѣніяхъ, принадлежащихъ польскимъ помѣщикамъ, которые, разумѣется, окружаютъ себя поляками и вообще протежируютъ польскій элементъ.

Такимъ образомъ, въ Холмщинѣ единственный интеллигентный классъ русскаго общества состоялъ изъ духовенства. Унія, какъ справедливо называли ее поляки, была въ полномъ смыслѣ „хлопской вѣрой". Уже изъ этого можно заключить, что положеніе русской народности въ Холмщинѣ было совсѣмъ незавидное: единственнымъ стражемъ и оберегателемъ ея было сельское духовенство, бѣдные, забитые, приниженные „помилуйки", на всякомъ шагу оскорбляемые польскими панами и гордыми, заносчивыми „оремусами". Тяжело было положеніе этихъ стражей, невозможно было имъ съ достоинствомъ исполнять свою священную обязанность; случалось, что панскій „экономъ", наравнѣ съ „хлопомъ", выгонялъ на панщину и „хлопскаго ксендза". Но надо сказать, что именно эта тяжесть положенія и послужила для русской народности якоремъ спасенія.

Въ полѣ, за сельскими работами, а подъ часъ и въ корчмѣ, за кружкой браги, завязывались тѣ твердыя узлы между народомъ и духовенствомъ, которыя скрѣплялись въ бѣдной уніатской церкви и получали тамъ высшее религіозно-нравственное освященіе. Въ польскомъ панѣ уніатскій священникъ видѣлъ, правда, въ большинствѣ случаевъ ктитора своей церкви, лицо, отъ котораго зависитъ его спокойствіе и благосостояніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, что онъ— „хлопскій ксендзъ", въ глазахъ этого пана есть своего рода парій, лицо низшей породы, въ которомъ панъ никогда не признаетъ вполнѣ человѣческаго достоинства. „Хлопскій ксендзъ" инстинктивно понималъ, что главная его сила заключается въ тѣсной связи съ народомъ и въ народѣ. Съ другой стороны, угнетаемый народъ, на каждомъ шагу обзываемый „псомъ-русиномъ", видѣлъ въ сельскомъ священникѣ единственное, непрезирающее его лицо; къ священнику приходилъ хлопъ за совѣтомъ въ трудную минуту жизни, къ нему онъ приносилъ свои убогія подаянія, и у святаго алтаря вмѣстѣ съ нимъ отводилъ душу за молитвой. Эта тѣсная, неразрывная связь народа съ духовенствомъ выработалась такимъ образомъ не искусственнымъ, а естественнымъ путемъ, въ теченіе многихъ вѣковъ все болѣе и болѣе скрѣпляясь. Духовенство было грубо, необразованно, даже невѣжественно; но требованія мужичка въ этомъ отношеніи были не велики, и трудно было не сойтись бѣдному народу съ бѣд-

нымъ духовенствомъ, когда грозная туча полонизма и латынства, въ лицѣ угнетателей-пановъ и ксендзовъ, все болѣе и болѣе заволакивала сѣрый уніатско-русскій горизонтъ. Живое сознаніе своей народности и чувство враждебности къ вѣковымъ угнетателямъ сказалось, между прочимъ, и въ тѣхъ мольбахъ объ освобожденіи, которыя возсылала Холмщина въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей къ старшимъ по силѣ и значенію братьямъ. Эти мольбы, недавно опубликованнныя въ „Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ", не были тогда выслушаны, а черезъ нѣсколько времени картина, только что нарисованная нами, значительно перемѣнилась.

Время, предшествовавшее очищенію обряда и возсоединенію, было далеко не столь благопріятно для поддержанія русской народности: въ Уніи начинало явно обнаруживаться распаденіе, „раздѣленіе на ся". Священники были уже не тѣ простые „помилуйки", которые не брезгали хлопскимъ обществомъ, не тѣ нецивилизованные „хлопскіе ксендзы", которые видѣли свою силу и не только матеріальную, но и моральную, въ тѣсномъ единеніи съ народомъ и служеніи его интересамъ, служеніи, понимаемомъ, если не умомъ, то сердцемъ; нѣтъ, это были цивилизованные, элегантные люди, прослушавшіе въ холмской семинаріи курсъ богословія по-латыни, на гимназической скамейкѣ сидѣвшіе рядомъ съ своимъ паномъ-помѣщикомъ, тяготившіеся своимъ положеніемъ хлопскаго ксендза и съ завистью посматривавшіе на жирныхъ оремусовъ, развязно, безъ всякаго стѣсненія, вращавшихся въ панскомъ обществѣ.

Эти несчастные вкусили плода западно-европейской цивилизаціи, и какою бѣдною, неприглядною, мрачною показалась имъ Русь и все русское, какую свѣтлую, очаровательную картину представляла тутъ же о-бокъ стоящая Польша. Произошло то, что нѣкогда происходило на всей почти территоріи, занимаемой малорусскимъ народомъ. „На древнемъ русскомъ займищѣ остались или закоренѣлые въ отеческихъ преданіяхъ, такъ сказать, фанатики-старовѣры, или люди, неспособные увлекаться лучшимъ посреди своего худшаго". Это было одно изъ послѣднихъ торжествъ полонизма на русской территоріи, среди русскаго элемента, торжество тѣмъ болѣе прискорбное для насъ, что оно совершилось не во время нашего безсилія, не на территоріи, оторванной отъ Россіи. Холмщина того времени представляла живую иллюстрацію къ печальнымъ разсказамъ малорусскихъ памятниковъ XVII и XVIII вѣковъ. Вотъ въ чемъ, собственно, и заключается тотъ громадный интересъ, какой представляютъ судьбы Холмщины для русскаго человѣка, вотъ гдѣ ясно можно убѣдиться въ неисповѣдимыхъ путяхъ промысла, подвергающаго русскій народъ столь многообразнымъ испытаніямъ.

Цивилизованный уніатскій священникъ пересталъ быть стражемъ и оберегателемъ русской народности; онъ явился представителемъ Уніи, т. е. обряда, а на счетъ народности очутился въ странномъ по-

ложеніи, не зная, къ какой причислить себя, и вотъ, мало по малу, словомъ — уніатъ сталъ обозначать не только вѣроисповѣданіе, но и народность, составляющую какъ бы переходъ отъ русскихъ къ полякамъ. Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Намъ не трудно было бы разразиться при этомъ упреками и порицаніями уніатскихъ священниковъ, какъ это и дѣлали возрусители, но можемъ ли мы, положа руку на сердце, бросить камень осужденія въ людей, которые виноваты лишь въ томъ, что предпочли „лучшее" „худшему". Со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ заштатный уніатскій священникъ слѣдующее (я твердо помню его слова, и теперь еще они звучатъ въ моихъ ушахъ, какъ горькій, но справедливый укоръ): „Какъ могъ я принять православіе, какъ могъ я соединиться съ русскими? И въ гимназіи, и въ семинаріи, мнѣ твердили преподаватели, назначенные русскимъ же правительствомъ, что я уніатъ, т. е., такъ сказать, нѣкоторое видоизмѣненіе поляка, что съ Россіей я ничего общаго не имѣю. Въ семинаріи доказывали мнѣ, что двери рая для схизматиковъ закрыты, что внѣ Рима нѣтъ спасенія. Въ такомъ смыслѣ я, понятно, поучалъ и свою паству въ теченіе тридцати лѣтъ; какими же глазами смотрѣлъ бы я на нихъ теперь и могъ ли бы я утверждать прихожанъ въ правилахъ православія?" Согласитесь, что онъ правъ, этотъ заштатный уніатскій священникъ, и что виноватъ не онъ, а мы, или вѣрнѣе, наше равнодушіе къ судьбамъ родной намъ Холмщины. При большемъ знаніи ея, при искреннемъ желаніи вывести ее изъ окружающаго мрака и лжи, мы, конечно, успѣли бы въ этомъ, не прибѣгая къ тѣмъ средствамъ, къ какимъ должны были прибѣгнуть въ дѣйствительности. Итакъ цивилизованный уніатскій священникъ, по естественному ходу вещей, съ завистью смотрѣлъ на высшее утонченное польское общество пановъ и ксендзовъ, онъ задыхался въ родной, мужицкой, душной атмосферѣ, гдѣ не было просвѣта, гдѣ была только бѣдность и приниженность. Туда, въ это святилище, въ храмъ утонченности, богатства, роскоши, однимъ словомъ, въ панское общество ему необходимо было проникнуть. Но его давила бѣдность, скудость средствъ, являлись новыя потребности, а тутъ еще... „жена и дѣти". Во что бы то ни стало, нужно было изыскать новыя средства, и они нашлись.

На уніатской территоріи было сравнительно много католическихъ костеловъ и монастырей, богатыхъ, славившихся своими „отпустами" (храмовыми праздниками). Туда являлся и русскій-уніатскій народъ, привлекаемый краснорѣчивыми проповѣдями монаховъ, роскошными церемоніями священнодѣйствія, а еще больше—слухами о чудесахъ, какъ-то сплошь и рядомъ происходившихъ въ католическихъ святынахъ. Туда стекалась масса приношеній, которыя потомъ раздавались духовенству, въ видѣ такъ называемыхъ „облигъ" (плата впередъ за извѣстное число обѣденъ—по 1 р. за пѣтую, по 50 к. за „шептушку"). Вотъ туда-то и устремилось уніатское духовенство за „облига-

ми", которыя являлись единственнымъ доходомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ скудныхъ средствъ сельскаго священника.

Такимъ образомъ, уніатское духовенство попало въ матеріальную зависимость къ ксендзамъ. Послѣдніе оцѣнили это и, какъ народъ опытный, съумѣли извлечь для себя пользу. Бѣдный „помилуйка" былъ, разумѣется, очень радъ, что вошелъ въ общество панскихъ ксендзовъ,—при ихъ посредствѣ, можно было надѣяться и на сближеніе съ панами, что дѣйствительно и произошло. Понятно, не разъ пришлось уніатскому священнику проглотить горькую пилюлю, не разъ гордые „оремусы" открыто выражали свое пренебреженіе къ „помилуйкамъ", но это были лишь мелкіе булавочные уколы, которымъ обыкновенно подвергаются homines novi. Окупить свой входъ въ высшее общество только этими уколами уніатскіе священники, конечно, не могли; это было бы слишкомъ дешево. Окупомъ въ данномъ случаѣ могло быть только окончательное искаженіе обряда. Починъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ давно. Началось, какъ обыкновенно бываетъ, со столицы. Въ Холмѣ — городѣ Даніила Галицкаго, заигралъ органъ, распѣвались рожанцы, годзинки, суппликаціи, а по примѣру столицы стали играть органы и пѣть суппликаціи по всей почти Холмщинѣ. Это было самое смутное и самое тяжелое время въ исторіи Холмской Руси: на всемъ ея протяженіи трудно было найдти двухъ священниковъ, которые бы совершали церковныя службы одинаково; каждый изъ нихъ перенималъ совершенно самовольно различныя новости у латынянъ, въ угоду своимъ покровителямъ. Католицизмъ и полонизмъ вездѣ торжествовали. Какъ стая хищныхъ вороновъ налетѣли католическіе монахи и ксендзы на бѣдную Унію устраивая повсюду „отпусты миссіи" и все болѣе и болѣе опутывая народъ своими коварными сѣтями. Послѣдовательная и тонко разсчитанная политика увѣнчивалась успѣхомъ: народъ, прежде съ ропотомъ принимавшій нововведенія, мало по малу привыкалъ къ нимъ; монстракціи, органы и другія принадлежности католическаго богослуженія, дѣйствующія главнымъ образомъ на чувство, понравились ему и впослѣдствіи сдѣлались предметомъ особенной любви и уваженія. Подъ сводами русскихъ церквей раздавались польскіе гимны, которые народъ въ простотѣ сердечной нерѣдко считалъ болѣе угодными Богу: въ его глазахъ это были атрибуты „панской вѣры", которая не могла же быть хуже „хлопской!"

Унія потеряла всякую самостоятельность; ее какъ ребенка водили на помочахъ. Подлясскій католическій епископъ Веніяминъ, наряду съ католическими ксендзами, разсылалъ распоряженія и къ уніатскимъ священникамъ; каждый ксендзъ считалъ себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣла уніатской церкви. Полная подчиненность Уніи всего ярче выразилась въ выборѣ въ епископы Калинскаго. Simplex parochus, никогда не мечтавшій и о протоіерействѣ, пріобрѣлъ расположеніе графовъ Александровичъ, благодаря своему неистощимому остроумію, а

для польской партіи представлялъ рѣдкую находку. Ей нуженъ былъ именно епископъ безличный, вполнѣ покорный, которому, въ случаѣ чего, можно было бы и напомнить о томъ, кому онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, и какъ, вслѣдствіе этого, онъ долженъ вести себя. А такимъ именно и былъ Калинскій. Для русской народности въ Холмщинѣ настали послѣдніе дни. Но чаша переполнилась. Съ высылкой Калинскаго во внутреннія губерніи, для Холмщины начинается эра ея духовнаго обновленія. Царь-освободитель, даровавъ народу матеріальную свободу, пожелалъ освободить его и отъ нравственнаго рабства. Начало было сдѣлано какъ нельзя болѣе удачно: священники получили жалованье и такимъ образомъ были освобождены отъ матеріальной зависимости отъ ксендзовъ. Но первая попытка къ оживленію русской народности и искорененію утвердившагося полонизма была встрѣчена недоброжелательно. Не можемъ не замѣтить, что недоброжелательство это вытекало не изъ принципальныхъ убѣжденій, а изъ условныхъ приличій: ни одинъ уніатскій священникъ не могъ имѣть ничего противъ проповѣдей на русскомъ языкѣ, потому что, какъ бы то ни было, ни одинъ изъ нихъ не могъ считать себя полякомъ; но проповѣди на народномъ языкѣ представляли нѣчто весьма непріятное латынянамъ, и уніатскіе священники, неохотно принимая разсылаемыя проповѣди, соблюдали только приличіе передъ недавними своими покровителями. Дѣло обошлось совершенно спокойно и никакихъ затрудненій, болѣе или менѣе важныхъ, не оказалось: поломались и приняли. Вскорѣ, однако, явились болѣе серьезныя затрудненія. Въ Холмщинѣ стали появляться галичане, отвоевавшіе у себя дома право для приниженной русской народности, подъ предводительствомъ двухъ знаменитыхъ вождей: Якимовича и Куземскаго.

Правительство возлагало на галичанъ большія надежды, какъ на испытанныхъ бойцовъ за свою народность съ тѣмъ самымъ элементомъ, съ которымъ приходилось бороться и въ Холмщинѣ, и хотя, конечно, невольно приходило на умъ нравоученіе басни Крылова — „Пчела и муха“, хотя трудно было предположить, чтобы галичанъ влекло въ Холмщину единственно желаніе помочь своимъ братьямъ „русинамъ“ въ борьбѣ съ поляками, тѣмъ не менѣе надежды, возлагаемыя правительствомъ на „щирыхъ русиновъ“ вполнѣ понятны.

Покровительствуемые правительствомъ новые возрусители прибыли, однако, не съ словомъ любви и мира на устахъ, а съ явною враждою къ мѣстному элементу, обнаружившеюся въ открытомъ нежеланіи сближаться съ мѣстнымъ духовенствомъ и въ какой-то страстной нетерпимости къ мѣстнымъ обычаямъ и порядкамъ, нерѣдко отличавшимся чертами древне-русской старины. Холмская консисторія, съ архипресвитеромъ во главѣ, поставлена была въ затруднительное положеніе: чувствовалась необходимость умѣрить пылъ пришельцевъ, и въ то же время у консисторіи не хватало для этого энергіи. Архипресвитеръ, съ свойственною ему ловкостью, игралъ въ „нашимъ и

вашимъ“ и этимъ еще болѣе усиливалъ смутное положеніе. Много забавныхъ анекдотовъ разсказываютъ про то время; я передамъ одинъ, живо рисующій тогдашнее положеніе дѣлъ. Архипресвитеръ разговариваетъ съ галичаниномъ; входитъ землякъ и привѣтствуетъ разговаривающихъ обычнымъ польскимъ привѣтствіемъ: „Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!“ Галичанинъ ядовито улыбается, а архипресвитеръ вскакиваетъ съ мѣста и начинаетъ читать грозное наставленіе оторопѣвшему священнику: „мы русины, мы не ляхи! повинисьмо триматися своей народности!“ Замѣчу въ скобкахъ, что архипресвитеръ вообще по-русски говоритъ уморительно. Галичанинъ вскорѣ вышелъ и архипресвитеръ чуть не со слезами на глазахъ бросается въ объятія земляка: „daruj, bracie! cóż robić? ta Galicya, psia krew, obsiadła nas, ani tchnąc nam nie dają! Na was tylko nadzieja: pamiętajcie, trzymajcie się! Ja robię, co mogę“. Что могъ подумать, въ виду такихъ противорѣчій мѣстный священникъ, что подумали всѣ земляки? Смута, безпорядокъ, какая-то тяжелая неопредѣленность, царили въ то время въ Холмщинѣ. Галичане появлялись все въ большемъ числѣ, но ни народъ, ни земляки не могли привыкнуть къ нимъ. Галичане (не всѣ, но большинство) не умѣли подойдти къ народу, ихъ образъ мыслей и привычки слишкомъ рѣзко расходились съ мѣстными, ихъ жаргонъ казался народу страннымъ; во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ замѣчается неумѣнье держать себя въ извѣстныхъ границахъ, какая-то страстная поспѣшность, въ желаніи засвидѣтельствовать свое усердіе, всего болѣе раздражавшая народъ.

Галичане, какъ сказано, не подошли и къ мѣстному духовенству, а этимъ сразу придали ложный характеръ своей миссіи. Положимъ въ глазахъ галичанъ земляки являлись отступниками отъ своей народности, исказителями своего обряда, а потому и не могли внушать уваженія къ себѣ; но для чего же другого, спрашивается, были приглашены галичане, какъ не для благотворнаго воздѣйствія на мѣстный элементъ, въ смыслѣ обращенія его къ своей народности и обряду? Быть можетъ, галичане требовали, чтобы ихъ, какъ гостей, хозяева приняли радушно, и обидѣлись, не встрѣтивъ ожидаемаго гостепріимства? Но допускать значеніе столь мелкихъ причинъ въ такомъ важномъ дѣлѣ нелѣпо. А между тѣмъ было одно весьма важное обстоятельство, не позволявшее землякамъ радушно встрѣтить галичанъ: у послѣднихъ не было отпускныхъ грамотъ (litterae dimissionales); они, по словамъ галицкаго стихотворенія, „примчались“ въ Холмщину „самохоть“, и въ глазахъ земляковъ являлись нарушителями обязательнаго каноническаго права. Сдѣлаемъ по этому поводу одно замѣчаніе: какъ ни непріятно пріобрѣсти репутацію узкаго формалиста, но какъ въ частной, такъ особенно въ общественной жизни и дѣятельности, бываютъ случаи, когда строгое соблюденіе является положительно необходимымъ. При возрусеніи Холмщины на это не обращали никакого вниманія. Положимъ, отпускныя грамоты — ме-

лочь, но будь онѣ у галичанъ, и положеніе ихъ было бы далеко не такъ щекотливо. Затѣмъ другое, весьма важное и повторившееся два раза обстоятельство: епархія, какъ послѣ Калинскаго, такъ и послѣ Куземскаго, была управляема архипресвитерами. Имъ и свѣтской власти приходилось заводить реформы, а между тѣмъ духовенство, проникнутое отчасти католическими понятіями о церкви, не могло мириться съ тѣмъ, что важныя въ его глазахъ перемѣны не санкціонируются высшей духовной властью. Будь въ Холмщинѣ епископъ, и, конечно, не было бы и десятой доли тѣхъ безпорядковъ, какіе происходили, и во-вторыхъ, половина, если не больше, священниковъ, покинувшихъ приходы, осталась бы на мѣстѣ. Итакъ галичане съ перваго шага стали на ложный путь, внесли въ Холмщину не миръ, а раздоръ и вражду; въ ихъ нетерпимости и заносчивости ясно сказалось вліяніе іезуитско-католическаго воспитанія, какое получали они въ семинаріяхъ, а нѣкоторые и въ академіяхъ (прибавимъ: католическихъ); жаль только, что ихъ воспитатели не передали имъ того такта и умѣнья вести дѣла, какимъ отличаются сами.

Замѣтивъ открытую нелюбовь народа и невозможность пріобрѣсти его расположеніе, галичане совсѣмъ перестали заботиться объ этомъ; ни одинъ изъ нихъ не далъ себѣ труда приноровиться къ народнымъ вкусамъ и привычкамъ; большинство изъ нихъ, не дожидаясь прямыхъ предписаній власти, исключило рѣшительно все, напоминавшее о латинствѣ, а были и такіе, которые, изъ усердія не по разуму, отпустили бороду и перемѣнили покрой платья. Народъ окончательно отвернулся отъ нихъ. Имена нѣкоторыхъ галичанъ стали пугаломъ въ устахъ народа, и одинъ изъ земляковъ, желая досадить провинившемуся прихожанину, назвалъ при крещеніи сына его фамиліею своего сосѣда галичанина (дѣйствительно, фамилія галичанина могла быть и именемъ). Нужно было видѣть ужасъ и горе семьи! Смѣло можно сказать, что, если мѣстное холмское духовенство, хотя и неправымъ путемъ—съ помощью католическаго клира, развило въ народѣ глубокое религіозное чувство, горячую любовь къ своей церкви, а пользуясь нравственною связью съ народомъ, высоко поставило себя въ его глазахъ, то галичане первые оттолкнули народъ отъ церкви и развили въ немъ то равнодушіе и нелюбовь къ своему духовенству, которое теперь такъ сильно поражаетъ каждаго и служитъ главнымъ препятствіемъ къ водворенію полнаго порядка въ нѣкоторыхъ частяхъ Холмщины. Объяснимъ это. Представимъ себѣ два сосѣдніе прихода; въ одномъ священникъ—галичанинъ, въ другомъ—землякъ; въ одномъ обрядъ очищенъ вполнѣ, въ другомъ—богослуженіе совершается лишь съ незначительными противъ прежняго измѣненіями. Народъ, понятно, бросаетъ церковь, гдѣ служитъ галичанинъ и идетъ къ земляку. Услужливые друзья не дремлютъ (а такихъ друзей въ Холмщинѣ много: начиная отъ ксендза и помѣщика и кончая панскимъ батракомъ — католикомъ) и на ушко нашептываютъ легковѣрному народу,

что-де въ его церкви богослуженіе совершается совсѣмъ по схизматицки. Народъ въ недоумѣніи: самъ объяснить себѣ все происходящее онъ не можетъ; за разъясненіемъ обращается къ земляку, который, конечно, старается его успокоить; но народъ сомнѣвается: ему бы желательно слышать отъ земляка подтвержденіе толковъ, да и друзья не дремлютъ, — они начинаютъ увѣрять, что и землякамъ довѣрять не слѣдуетъ, и они-де подкуплены, что ужъ если полагаться, такъ только на нихъ, друзей-доброжелателей. „Смотрите, говорили друзья народу, развѣ прежде, когда все было хорошо, священники получали жалованье? Нѣтъ, тогда имъ не за что было платить, а теперь получаютъ и не даромъ; потому что они васъ продали". Народъ, нужно замѣтить, очень косо смотрѣлъ на жалованье духовенству. Священникъ, по его мнѣнію, не чиновникъ, долженъ жить и кормиться съ прихода, а друзья даже сосчитали на досугѣ, во сколько обошлась каждая душа: „продали васъ, говорили они, и не дорого; „по повтора гроша одна душа"! Народъ окончательно сбитъ съ толку; ему трудно уже вѣрить даже земляку; сомнѣніе запало, а на этой почвѣ не трудно было вырости полному недовѣрію къ духовенству вообще и полному отчужденію отъ него. Народъ съ этого времени, не стѣсняясь, сталъ обзывать священниковъ „чмутами" (обманщиками). Ясно, что причиной смуты были „лучшія силы, самохоть причавшіяся" изъ Галичины. Смута, безпорядокъ продолжались все время при архипресвитерскомъ завѣдываніи епархіею, и не прекратились при Куземскомъ. Извѣстно, какъ обманулось правительство въ своихъ расчетахъ на Куземскаго, мы и не будемъ долго останавливаться на немъ. Скажемъ только, что Куземскій былъ совсѣмъ неспособенъ умиротворить епархію. Какъ человѣкъ извѣстныхъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій, Куземскій былъ представителемъ того галицкаго партикуляризма, который развился въ Галичинѣ въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ, но выросъ на почвѣ Уніи и папизма.

Куземскій не любилъ поляковъ, но терпѣть не могъ, когда при немъ говорили по великорусски, и самъ объяснялся уродливымъ книжнымъ-галицкимъ языкомъ. Земляки относились къ нему съ недовѣріемъ и боязнью, а Куземскій не умѣлъ расположить ихъ къ себѣ, а скорѣе отталкивалъ своимъ канцеляризмомъ и важностью; галичане относились къ нему враждебно, между прочилъ и за требованіе его предъявить litterae dimissionales, и безпорядокъ по прежнему продолжался.

Куземскій правилъ епархіей около трехъ лѣтъ; онъ уѣхалъ, не оставивъ по себѣ доброй памяти отца и пастыря, и завѣдываніе дѣлами епархіи перешло къ консисторіи съ о. Маркелломъ во главѣ. Епархія второй разъ осталась безъ епископа и заводить реформы пришлось опять протоіерею и административной власти. Народъ былъ возбужденъ въ высшей степени, появились какія-то подозрительныя личности, не упускавшія случая въ мутной водѣ половить рыбу, ка-

кія-то „пастырскія посланія" стали ходить по рукамъ, и истолкователями ихъ были или нафанатизированные католическимъ духовенствомъ крестьяне, или же само католическое духовенство, не живущее въ предѣлахъ уніатскаго населенія. Порядку и успѣшному ходу дѣла не мало мѣшало и обиліе властей, управлявшихъ дѣломъ возрусенія края. Одной центральной власти, отъ которой исходили-бы всѣ распоряженія и которой были бы подвѣдомы другія учрежденія, не было. Приходскій священникъ зависѣлъ не только отъ консисторіи и губернатора, но и отъ трехъ начальниковъ въ уѣздѣ, отъ старшаго стражника въ околодкѣ! Не рѣдко благоразумныя мѣры священниковъ истолковывались услужливыми возрусителями въ самомъ неблаговидномъ смыслѣ, и въ концѣ концовъ мѣстное духовенство опустило руки и стало заботиться только о собственной безопасности. Если бы въ то время среди земляковъ нашлось энергическое, надежное, пользующееся довѣріемъ и уваженіемъ народа лицо, если бы такому лицу поручить веденіе дѣлъ, умиротвореніе епархіи было бы дѣломъ возможнымъ, хотя, разумѣется, не легкимъ.

Но всѣ земляки, въ виду варяговъ, были отодвинуты на задній планъ. Причиной этого было не только недовѣріе къ землякамъ: земляки принадлежали, такъ сказать, къ партіи умѣренныхъ; всякаго рода насиліе не входило въ ихъ планы; они щадили народъ и всѣми силами старались возстановить пошатнувшуюся тѣсную связь съ нимъ. Галичане, какъ сказано, на народъ махнули рукой: они поняли, что съ нимъ не сойдутся, что сила ихъ, слѣдовательно, не въ народѣ и потому старались какъ можно тѣснѣе примкнуть къ администраціи, которая, правду сказать, далеко не всегда имѣла ясное понятіе о положеніи дѣлъ. Въ то время всеобщаго возбужденія, когда, дѣйствительно, трудно было сохранить спокойствіе, средняя и низшая администрація поняла ясно одно,—что такія минуты повторяются рѣдко, что упустить ихъ, не воспользовавшись—не расчетъ, что болѣе удобнаго времени для полученія наградъ и чиновъ быть не можетъ, и въ этомъ отношеніи она совершенно сходилась съ галичанами, которымъ Холмщина, скажемъ прямо, представлялась не иначе, какъ въ видѣ жирнаго пирога—и вотъ разгадка тѣсной солидарности между галичанами и администраціей. Надлежало нѣсколько разрѣдить атмосферу, дать время народу нѣсколько опомниться, прійти въ себя, но въ то же время нужно было поскорѣе указать на результаты трудовъ, представить доказательства ревности и усердія къ дѣлу. Одно съ другимъ совершенно не мирилось. Консисторія, правда, не бездѣйствовала: она ежеминутно разсылала различные циркуляры, рапорты, отношенія, предписанія, все болѣе и болѣе волновавшія народъ. Сама ограничиваясь исключительно канцелярской перепиской, она возложила всю тяжесть умиротворенія епархіи на сельское духовенство, хотя, можетъ быть, и знала, что бремя, возложенное на него, ему не по силамъ, тѣмъ болѣе, что среди сельскаго духовенства на-

ходилось столько ненавистныхъ народу лицъ. Сыны Австріи и на Руси примѣнили традиціонную габсбургскую политику: divide et impera! Они отдѣлили земляковъ отъ народа, оттолкнули ихъ отъ администраціи и дѣйствительно господствовали.

Многіе циркуляры были очень краснорѣчивы, и не трудно было сочинять ихъ въ Холмѣ, развлекаясь, такъ сказать, тѣми разнообразными вѣстями, которыя приходили съ разныхъ концовъ Холмщины; но щедро расточая краснорѣчіе на бумагѣ, консисторскіе варяги не рѣшились обратиться лично къ народу съ словомъ увѣщанія; ни одинъ изъ нихъ не пошелъ къ народу за тѣмъ духовнымъ полюдьемъ, отъ котораго не могутъ отказаться пастыри стада Христова. Хотя отцы галичане врядъ ли изучали русскую исторію, но участь Игоря вѣроятно была имъ извѣстна. Да и не было необходимости ходить за полюдьемъ: оно добывалось гораздо проще—въ видѣ новыхъ бумажекъ прямо изъ казначейства. Краснорѣчіе циркуляровъ, разумѣется, не привело ни къ какому результату; волненіе не уменьшалось и вотъ наконецъ къ 1 января 1874 г. консисторія рѣшилась сдѣлать энергическій шагъ и издала, такъ называемый, генералъ-циркуляръ (названіе весьма характерное: циркуляровъ низшихъ чиновъ было такъ много! безъ генерала они дѣйствительно сиротѣли). Изданіе генералъ-циркуляра было хорошо уже потому, что онъ представлялъ энергическую мѣру, если не къ пресѣченію народнаго неудовольствія, то по крайней мѣрѣ къ возстановленію порядка и однообразія въ способѣ совершенія церковныхъ службъ, а слѣдовательно, къ устраненію одной изъ главныхъ причинъ смутъ и недоразумѣній. Необходимость такой мѣры чувствовалась давно, и въ данномъ случаѣ консисторія совершенно напрасно соблюдала строгую послѣдовательность въ производствѣ чиновъ циркулярамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ почти приходѣ служба совершалась по иному манеру, естественно было установить однообразіе и этимъ устранить причину прискорбныхъ недоумѣній Все обѣщало хорошій результатъ, но тутъ случилось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство: нѣкоторые земляки покинули приходы. Галичане торжествовали: ясное! дѣло, что на земляковъ полагаться было нельзя, что это — польскіе патріоты фанатики. Признавая справедливость этого по отношенію къ такимъ личностямъ, какъ Старкевичъ, Теляковскій и нѣкоторые другіе, слѣдуетъ однако рѣшительно отвергнуть справедливость этого положенія вообще. Къ 74 г. большинство земляковъ уже одумалось и искренно хотѣло загладить старые грѣхи, — національное возрожденіе, даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, всегда оказываетъ благотворное вліяніе. Но нужно принять во вниманіе и положеніе дѣлъ: паденіе въ глазахъ прихожанъ, потеря надежды на успокоеніе народа, а главное, чисто административный характеръ послѣдней мѣры, не освященной авторитетомъ высшей духовной власти. Не забудемъ и того, что большая часть священниковъ, оставившихъ приходы въ 74 г.,

были люди съ состояніемъ, позволявшимъ спокойно доживать свой вѣкъ.

Съ 1874 года церкви опустѣли, народъ перестал обращаться къ священникамъ за исполненіемъ духовныхъ требъ, волненіе достигло высочайшаго пункта и обнаружилось, наконецъ, въ выкидываніи священниковъ изъ домовъ. Если и прежде дѣйствовали подозрительныя личности, ходили по рукамъ „пастырскія посланія", то теперь они появились еще въ большемъ числѣ. Лица, подобныя Теляковскому и Старкевичу, не затруднялись волновать народъ письмами и посланіями. Оставшимся на приходахъ священникамъ народъ прямо указывалъ на покинувшихъ свою паству, какъ на людей святыхъ, пострадавшихъ „за вѣру!" Какъ же дѣйствовала въ то время консисторія, старалась ли она успокоить народъ, относилась ли съ должнымъ вниманіемъ, разумѣется, въ предѣлахъ возможности, къ его требованіямъ? Отвѣтомъ на эти вопросы пусть послужитъ слѣдующій фактъ. Послѣ смерти о. Мазановскаго, настоятеля прихода Яблонь, прихожане желали имѣть у себя священникомъ сына его о. Іосифа. Съ ходатайствомъ объ его назначеніи они ѣздили къ о. администратору, и тотъ обѣщалъ. И дѣйствительно, основаній для отказа не было никакихъ. Приходъ Яблонь, положимъ, слишкомъ хорошій для молодого священника, но о. Іосифъ все-таки былъ кіевскій академикъ. Прихожане спокойно ждали къ себѣ новаго настоятеля, какъ вдругъ, вмѣсто о. Іосифа, къ нимъ является назначенный консисторіей о. Лазуркевичъ, галичанинъ. Не трудно представить себѣ, какъ встрѣтили его прихожане. Пришлось пригласить козаковъ для примиренія пастыря съ паствой. Явились козаки, а крестьяне мирно вышли къ нимъ на встрѣчу и пожелали переговорить съ офицеромъ. Вотъ что сказали они ему: „Чого вы, вельможный пане, отъ насъ хочете? Мы сего ксендза не просили, а просили, щобъ намъ дали нашого Юзя, бо мы его на рукахъ выносили и своими пирогами выгодовали, а намъ прислали якогось шматника, заволоку, горала. Въ насъ не такая парахвія, щобъ заволоки ксендзовали. А мы народъ спокойный, и не хочемо бунтоватися". Офицеръ призналъ справедливость словъ крестьянъ и не строго обошелся съ ними, но только недавно, послѣ визитаціи преосвященнаго Модеста, желаніе ихъ было исполнено. Подобныхъ примѣровъ можно бы привести и больше, но мы ограничимся этимъ: онъ достаточно яркъ и не требуетъ поясненій. Какъ бы въ награду за свои мнимые труды, галичане изъявляли притязаніе на самые лучшіе приходы и въ большинствѣ случаевъ прибирали ихъ къ своимъ рукамъ, не смотря на всеобщее неудовольствіе народа. Составилась сильная партія „щирыхъ русиновъ", безъ разбора средствъ поддерживавшая своихъ.

Съ 1875 г., со времени окончательнаго возсоединенія съ православіемъ, повидимому, должны бы потерять значеніе всякія партіи: всѣ были православными священниками холмско-варшавской епархіи,

но на дѣлѣ вышло не такъ. Различіе партій и ихъ интересовъ обнаружилось особенно ярко именно со времени окончательнаго возсоединенія. Высшая духовная власть, конечно, не могла дѣлать различія между духовенствомъ, по принадлежности его къ той или другой партіи; стали цѣнить только дѣйствительныя заслуги, и вотъ, о дерзость! заговорили о неблагодарности, поднялся тотъ шумъ, отголоскомъ котораго можно считать нѣсколько статей, появившихся въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ". Не исчезло различіе между духовенствомъ и въ глазахъ народа. Признавая въ теоріи всѣхъ одинаковыми, народъ по прежнему не благоволитъ къ галичанамъ. Очевидно, отцы галичане, не смотря на продолжительное пребываніе въ Холмщинѣ, не научились обращаться съ народомъ. Изъ множества фактовъ, подтверждающихъ это, укажу на одинъ весьма характерный. Два священника, одинъ землякъ, другой галичанинъ—задумали мѣняться приходами. Нельзя сказать, чтобы и у земляка всѣ прихожане посѣщали церковь, но, заслышавъ о его намѣреніи, они цѣлой толпой явились къ нему: мы, говорили они, конечно, не можемъ васъ заставить оставаться у насъ, но просимъ васъ объ этомъ и „мутвицькаго (галичанина, настоятеля прихода Мутвица) не пустимо!" И вездѣ гдѣ только галичане пробовали удалить изъ приходовъ земляковъ, народъ твердо стоялъ за послѣднихъ. Мы и на этотъ разъ воздержимся отъ поясненій; прибавимъ только, что народъ совсѣмъ не такъ относится къ такъ называемымъ „древле-православнымъ" священникамъ и почти не дѣлаетъ различія между ними и земляками. Послѣдніе факты представляютъ теперешнее положеніе дѣлъ въ Холмщинѣ. Не очень веселую картину можно бы нарисовать по нимъ; но есть и другая сторона, по истинѣ, утѣшительная. Какъ ни привыкли мы искать учителей за границей, какъ ни часто повторяются у насъ въ различныхъ видахъ призванія варяговъ, дѣйствительность убѣдительнѣе всего доказываетъ, что варяги не приносятъ добра землѣ русской. Случаются въ ней, и притомъ нерѣдко, болѣзненныя явленія, но передъ ними заграничные врачи, при всей тонкости своего ума, оказываются безсильными, и только простыя домашнія лѣкарства, а не заграничныя микстуры приносятъ дѣйствительную пользу.

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о духовенствѣ Холмской Руси. Скажемъ еще нѣсколько словъ о народѣ.

Я уже отмѣчалъ тотъ фактъ, что въ послѣдніе дни Уніи духовенство въ Холмщинѣ потеряло характеръ стражей и оберегателей народности, что въ этомъ отношеніи народъ былъ предоставленъ самому себѣ. Но, не смотря на безпомощное положеніе, не смотря на безчисленные соблазны и искушенія, русскій народъ въ Холмщинѣ исполнилъ свое святое назначеніе и остался передовой стѣной русской народности на западной ея окраинѣ. Въ настоящее время, когда

вопросы національные играютъ такую важную роль въ жизни народовъ вообще, мы не можемъ не сказать сердечнаго спасиба этимъ, такъ называемымъ, „русинамъ“ за ихъ стойкость и выдержку. Сохранивъ свою народность, они дали намъ возможность смѣло и открыто встрѣтить тѣ нападки, какія были возбуждены нашими благожелателями, и актъ возсоединенія въ 1875 г. послужилъ новымъ, очевиднымъ доказательствомъ, что ни одна пядь земли русской не должна пропасть и не пропадетъ для Россіи. По своему характеру, такимъ образомъ, этотъ актъ составляетъ продолженіе того историческаго процесса, который начался еще при Калитѣ, но окончится, вѣроятно, не скоро. Не будемъ однако удаляться отъ нашей прямой задачи—изображенія нынѣшняго положенія русскаго народа въ Холмщинѣ. Путешественникъ, проѣзжающій по Люблинской и Сѣдлецкой губерніямъ, будетъ прежде всего пораженъ малочисленностью польскаго элемента въ такъ называемомъ Царствѣ Польскомъ. Въ селахъ и мѣстечкахъ онъ услышитъ тотъ же малорусскій языкъ, какимъ говорятъ въ Волынской, Подольской губерніяхъ, встрѣтитъ такія же понятія и обычаи, какіе приходилось ему встрѣчать по всей территоріи, занимаемой малорусскимъ народомъ, увидитъ такихъ же молодыць и такихъ же гарныхъ дѣвчатъ, не найдетъ только характерныхъ малорусскихъ мазанокъ. И все это въ какихъ нибудь 70 верстахъ отъ Варшавы, въ Царствѣ Польскомъ! Русскій путешественникъ, повторяю, не разъ порадуется, глядя на этотъ народъ-мученикъ, которому теперь открылась возможность подышать свободнѣе, не разъ пошлетъ упрекъ г. Лебедеву и другимъ россійскимъ географамъ.

Правда, въ городахъ многіе мѣщане перешли въ католичество, а вмѣстѣ съ тѣмъ отпали отъ своей народности; правда, многіе мѣщане, оставшіеся уніатами, переняли много польскихъ обычаевъ и даже языкъ, но тѣмъ не менѣе не могли они считать себя вполнѣ поляками, и то въ одномъ, то въ другомъ сказывалась любовь къ своему родному, проявлялась чистая, древняя Русь. Эта любовь и уваженіе къ своему родному-русскому обнаруживалась иногда даже въ курьезной формѣ, но въ этомъ случаѣ и курьезовъ мы не должны оставлять безъ вниманія. Я зналъ одного старшаго братчика, въ небольшомъ городкѣ, уніата, породнившагося съ поляками и считавшаго себя поэтому аристократомъ. Онъ всегда говорилъ по польски и не только, такъ сказать, въ оффиціальныхъ случаяхъ, но даже у себя дома; однимъ словомъ, это былъ уніатъ совсѣмъ ополячившійся. „Отче нашъ“ онъ зналъ на трехъ языкахъ; начиналъ по латыни, затѣмъ говорилъ по польски и наконецъ прибавлялъ: „a dla lepszego wyrozumienia ą Panie“, „Отче нашъ, иже еси...“ и т. д. Вдумайтесь въ этотъ, повидимому, курьезный фактъ, и какимъ онъ вамъ покажется многознаменательнымъ и утѣшительнымъ: уніатъ-полякъ, съ высоты величія смотрящій на говорящихъ „по хлопски“, молится по русски

и именно русскій языкъ считаетъ наиболѣе понятнымъ Богу! Подобные факты можно было замѣчать на каждомъ шагу. Какъ видите, на такой почвѣ можно было сѣять сѣмена и ожидать хорошихъ всходовъ. Не слѣдовало только забывать, что хорошій садовникъ нѣжно ухаживаетъ за посѣянными сѣменами, что въ нихъ онъ видитъ не только прибыль, но и духовное наслажденіе. Скажемъ напередъ, что теплаго, сердечнаго отношенія къ дѣятеляхъ возрусенія и возсоединенія Холмщины нельзя было замѣтить. Какъ извѣстно, цѣль правительства состояла первоначально не въ возсоединеніи, а въ возрусеніи Холмщины. Вопросъ стоялъ не на религіозной, а на политической почвѣ. Первый починъ былъ, какъ нельзя болѣе, цѣлесообразнымъ: уніатское духовенство было освобождено въ матеріальномъ отношеніи отъ той зависимости, въ какой оно состояло все время у католическаго клира; въ холмской семинаріи преподаваніе было установлено на русскомъ языкѣ, польскіе гимны и проповѣди были запрещены, и, что всего болѣе важно, было основано три классическихъ гимназіи для греко-уніатскаго населенія и значительно увеличено число народныхъ училищъ. Этими дѣйствіями правительство заявило, что оно очень хорошо понимаетъ невозможность въ нѣсколько лѣтъ уничтожить плоды вѣковыхъ трудовъ католическаго духовенства и пановъ. Этимъ вмѣстѣ была указана программа и дальнѣйшихъ дѣйствій: мирное, медленное воздѣйствіе на уніатовъ, въ смыслѣ обращенія ихъ къ народности и вѣрѣ, въ смыслѣ постепеннаго возвращенія заблудшихъ сыновъ на материнское лоно. Правительство, очевидно, возлагало наибольшія надежды на молодыя силы, подготовляемыя къ дѣятельности вновь основанными заведеніями и, конечно, эти молодыя силы не обманули бы его ожиданій, но явились новые, чуждые элементы, и дѣло возрусенія и возсоединенія приняло совершенно другой оборотъ. Можетъ показаться страннымъ, что лица, прекрасно владѣвшія нѣмецкимъ языкомъ совершенно забыли нѣмецкую пословицу: nur immer langsam voran! Вмѣсто благоразумной осторожности въ основаніе была принята какая-то непонятная поспѣшность, во всемъ обнаруживалось желаніе поскорѣе покончить съ уніатскимъ вопросомъ. Вотъ эта-то поспѣшность въ очищеніи обряда, въ чемъ и выражалось возрусеніе, была главнымъ грѣхомъ возрусителей, принесшимъ наиболѣе зла Холмщинѣ.

Теперь, конечно, объ этомъ говорить уже поздно. Дѣло сдѣлано и слава Богу! Былъ и другой грѣхъ, не менѣе важный. Забывъ пословицу—„что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай", усердные возрусители совершенно не обратили вниманія на мѣстные обычаи, нравы и понятія. Изъ Холмщины захотѣли сдѣлать сразу самый православный край и при томъ не на малорусскій, а на великорусскій ладъ. Для очищенія обряда сочли нужнымъ перестроивать церкви. Забыли, что въ древней нашей исторіи изъ-за мѣстныхъ святынь совершались славные историческіе подвиги, что и въ на-

стоящее время вездѣ, у каждаго народа есть мѣстные святители и святыни, пользующіеся особенною любовью и уваженіемъ; уничтожить ихъ—значить отнять у народа то, что есть у него самого дорогого. Уніатскія церкви строились обыкновенно помѣщикомъ; въ Холмщинѣ существовалъ патронатъ; но украшались и получали окончательную отдѣлку, благодаря вкладамъ и приношеніямъ прихожанъ. Болѣе богатые хозяева нерѣдко дарили церквамъ хоругви, священныя ризы, строили на свой счетъ боковые престолы. Потомки ихъ гордились этими доказательствами набожности и религіозной щедрости своихъ предковъ! Нерѣдко церковь, какъ я сказалъ, украшалась и на общественный счетъ, къ чему давали поводъ болѣе или менѣе важныя событія въ селѣ: болѣзни, скотскіе падежи и т. д. Престолы, которыхъ въ уніатскихъ церквахъ было по нѣскольку, украшались не искусной, но нерѣдко очень затѣйливой рѣзьбой. У этихъ престоловъ, особенно съ иконой св. Николая, совершались по воскресньимъ и праздничнымъ днямъ молебны, акафисты, на нихъ же народъ любилъ ставить миски съ пирогами и другими приношеніями. Всѣ эти аттрибуты уніатскихъ церквей, правда, мало способствовали сохраненію обряда въ чистотѣ, но съ ними народъ сжился, сросся; они были его ларами и пенатами.

И вдругъ, всѣ эти лары и пенаты, въ одно прекрасное утро очутились на дворѣ, подъ дождемъ и стужей. Народъ завылъ, но мудрые возрусители не обращали на это вниманія: „боковые престолы!! вѣдь это—латынство; развѣ можно оставлять ихъ въ русской церкви? Убрать все это, и дѣлу конецъ“! На народъ такой вандализмъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе: „Чого мы теперь пойдемо до церкви, коли вона гола, якъ шопа“ (т. е. сарай), говорили крестьяне, и они, конечно, были совершенно правы. Не многія церкви избѣжали этого вандализма, а въ перестроенныхъ только впослѣдствіи нѣкоторые благоразумные священники рѣшились внести, на свой страхъ, выкинутые и разбитые остатки, за что, конечно, народъ былъ имъ очень благодаренъ. Можно ли удивляться, что народъ во многихъ мѣстахъ не посѣщаетъ церквей? Въ перестройкѣ и починкѣ ихъ онъ видѣлъ не улучшеніе, а разрушеніе всего того, что для него было дорого,—а какая же радость и молитвенное умиленіе на развалинахъ? Но мы еще менѣе станемъ удивляться, если обратимъ вниманіе на другія обстоятельства. Въ Холмѣ давно существовала школа причетниковъ. Кончившіе ее въ прежнее время нерѣдко занимали и должности сельскихъ учителей. Они, разумѣется, получали мѣста въ лучшихъ приходахъ, и хотя многіе изъ нихъ не уклонялись отъ своихъ причетническихъ обязанностей, хотя нѣкоторые съ любовью отдавались церковному пѣнію и устраивали прекрасный хоръ изъ мальчиковъ и крестьянъ, но въ большинствѣ случаевъ они были, такъ сказать, парадными причетниками, являвшимися для исполненія своихъ обязанностей въ торжественные праздничные дни. Обыкно-

венно же обязанности причетника исполнялись однимъ изъ крестьянъ, любителемъ пѣнія и церковной службы. Въ уніатскихъ церквахъ употреблялся древній южно-русскій напѣвъ, по изданнымъ въ Кіевѣ и Почаевѣ Ирмологіонамъ. Къ этому напѣву народъ уже привыкъ, онъ зналъ его, и очень многіе изъ крестьянъ принимали участіе въ пѣніи. Этотъ напѣвъ, особенно въ великопостныхъ службахъ, отличается и торжественностью и мелодичностью. Ревностные очистители обряда, уничтожая латинскія примѣси, не пощадили и древне-русскаго напѣва. Стали вводить такъ называемое пѣніе „по кругу", а для болѣе вѣрнаго успѣха, молодыхъ причетниковъ обучали исключительно круговому пѣнію. Старые пѣвуны изъ крестьянъ должны были стушеваться, потому что круговаго пѣнія не знали. Народу новый напѣвъ показался монотоннымъ, недостаточно торжественнымъ, а забракованные пѣвуны, понятно, постарались укрѣпить народъ въ этомъ мнѣніи.

Непріятно было народу и великорусское произношеніе новыхъ причетниковъ, которымъ они, какъ нарочно, особенно любили щеголять. Эти мелочи раздражали народъ и не позволяли ему успокоиться. Народъ каждый разъ морщился, когда причетникъ пѣлъ: Господи помилуй, а не Господы помылуй; Тебѣ, а не Тобі, Господы, и т. д., а при пѣніи херувимской происходили открытые скандалы. Дѣло въ томъ, что уніаты пѣли: „всякую нынѣ житейскую отверзѣмъ печаль!" а новые причетники—„отложимъ попеченіе!" Народъ при этомъ обыкновенно громко кричалъ: „Намъ не треба печени (т. е. жаркого), сховай ю для себя, а намъ спывай — печаль!" Всѣхъ этихъ мелкихъ, но въ сущности весьма важныхъ и весьма легко устранимыхъ причинъ народнаго неудовольствія, администрація не постаралась уничтожить. Уніатскіе священники не рѣшались дѣлать замѣчанія причетникамъ, опасаясь доносовъ, и пѣніе по кругу, вмѣстѣ съ непривычнымъ для народа произношеніемъ и до настоящаго времени продолжаетъ отпугивать народъ отъ церкви. Есть впрочемъ и болѣе тонкія вещи. Такъ, напримѣръ, въ уніатскомъ обрядѣ бракосочетанія полагалась и присяга, прямо заимствованная у католиковъ. Именно ее народъ привыкъ считать главнымъ пунктомъ въ обрядѣ, и теперь отсутствіе присяги смущаетъ его весьма сильно. Говорятъ, бывали случаи, когда мужья, недовольные своими женами, прогоняли ихъ отъ себя, вовсе не испытывая угрызеній совѣсти и не подвергаясь упрекамъ односельчанъ. „Або я тобі прысягавъ?" говорятъ они въ этомъ случаѣ женамъ. Православіе, основываясь на внутренней правдѣ, не можетъ стѣсняться мелкими обрядовыми формальностями въ томъ случаѣ, когда онѣ не измѣняютъ значенія и смысла таинства. Православіе было всегда матерью, а не мачихой народовъ, именно потому, что основаніемъ его служилъ духъ, а не форма. Православіе никогда не обнаруживало нетерпимости къ мѣстнымъ народнымъ обычаямъ и понятіямъ, и именно потому оно стало вездѣ,

гдѣ ни существуетъ, религіей народной, національной, чѣмъ никогда не было и не будетъ католичество. Вотъ почему, даже не зная въ точности церковнаго устава, можно сказать, что все указанное могло бы остаться въ прежнемъ видѣ, нисколько не вредя ни чистотѣ восточнаго обряда, ни русской народности.

Нѣтъ ничего труднѣе залѣчиванія ранъ въ давно страдающемъ, легко раздражающемся организмѣ; трудности лѣченія увеличиваются еще болѣе, когда уходъ за больнымъ поручается не искусному врачу, съ любовью относящемуся къ дѣлу, а безсердечному цырюльнику, которому разбереживаніе раны не причиняетъ никакой боли. Послѣ его операцій много труда, заботъ и усилій долженъ приложить врачъ, для возстановленія здоровья въ разстроенномъ организмѣ. За разстроеннымъ организмомъ Холмщины въ настоящее время ухаживаютъ искусные и съ любовью относящіеся къ дѣлу врачи. Ихъ вниманіе ко всѣмъ проявленіямъ болѣзни, ихъ искреннее желаніе предупреждать всевозможные неблагопріятные случаи, а главное, ихъ любовь къ дѣлу даютъ полное право надѣяться на скорое выздоровленіе больного. Больной человѣкъ имѣетъ много прихотей; ему хочется и того и другого; время, предшествующее выздоровленію, особенно опасно: больной именно тогда становится нетерпѣливымъ и прихотливымъ, но хорошій врачъ умѣетъ справляться съ этимъ: не потворствуя прихотямъ, онъ однако считаетъ полезнымъ удовлетворять имъ тогда, когда это не влечетъ за собою дурныхъ послѣдствій. Повторяю, нельзя не порадоваться, что въ Холмщинѣ теперь дѣйствуютъ люди, хорошо понявшіе это.

Мы бы сдѣлали весьма важный пропускъ, еслибы ни словомъ не упомянули о нынѣшнихъ отношеніяхъ польскаго элемента и, главнымъ образомъ, латинскаго клира къ русскому народу въ Холмщинѣ. Католическое духовенство старается принять видъ зрителя, равнодушно смотрящаго на все, что происходитъ кругомъ.

Каждый, конечно, понимаетъ, что скрывается подъ этимъ видимымъ равнодушіемъ. Въ мѣстности, сплошь заселенной русскими, католическое духовенство находится однако въ положеніи крыловской лисицы въ винограднике: трудно было не предвидѣть, а слѣдовательно, нельзя было не поставить препонъ его вліянію. Но это еще не значитъ, что вліяніе уничтожено. Изъ нѣкоторыхъ упорствующихъ приходовъ народъ толпами устремляется на католическіе „отпусты“ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя отъ русской территоріи, особенно въ Ченстоховскій монастырь, и замѣчательно: кто разъ побывалъ въ Ченстоховѣ, тотъ безвозвратно пропалъ для православія.

Всего печальнѣе, что къ числу такихъ лицъ принадлежатъ не только старики, но нерѣдко и молодежь. Какими мѣрами можно предотвратить подобныя явленія — сказать трудно, но предотвратить ихъ необходимо. Это прямая и главная задача мѣстныхъ священниковъ и властей. Можно сказать, что слишкомъ большая снисходи-

тельность въ этомъ случаѣ вредна, а то случаются такіе факты: крестьянинъ уѣзжаетъ вѣнчаться за границу—въ Краковъ или вообще въ Галицію, возвращается, предъявляетъ свидѣтельство о вѣнчаніи, и за это съ него взыскиваютъ около 10 руб. Такое взысканіе только поощряетъ къ подобнымъ продѣлкамъ, которыя слѣдуетъ наказывать со всею строгостью.

Вотъ что хотѣлось мнѣ сообщить русскому обществу о малознаемомъ и, къ сожалѣнію, мало кого интересующемъ уголкѣ нашего обширнаго отечества. Какъ я сказалъ, въ Холмщинѣ горизонтъ проясняется, но тучки кое-гдѣ еще есть.

Послѣдняя визитація преосвященнаго Модеста произвела самое благотворное впечатлѣніе на народъ, обольщенный ласковостью и доступностью владыки. Удивительный тактъ и вѣрное пониманіе характера народа выказалъ преосвященный въ свою послѣднюю поѣздку по епархіи. И какъ за то не любятъ его галичане! Его ласковость, а главное, его разумная умѣренность кажутся имъ чуть ли не преступленіемъ. Богъ да поможетъ ему совершить трудный подвигъ! Но есть одна сторона, на которую весьма мало можетъ вліять преосвященный. Это — сельская школа. Изъ сельской школы въ Холмщинѣ должны выходить не только вѣрные сыны отечества, но и вѣрные сыны православной церкви. А между тѣмъ, положеніе сельскаго учителя въ Холмщинѣ весьма незавидно. Въ настоящее время сельскій причетникъ получаетъ тамъ 200 руб. и пользуется при этомъ церковной землей, иногда въ значительномъ количествѣ, а сельскій учитель, сплошь и рядомъ, получаетъ 120 руб.! и земли не имѣетъ. Справедливо ли это?

Россія не обѣднѣла бы, еслибы назначили сельскимъ учителямъ въ Холмщинѣ по 500 руб. и надзоръ за школами поручили хорошо знающимъ мѣстныя условія лицамъ.

Въ заключеніе еще два слова. Я не щадилъ галичанъ, т. е. не скрывалъ ихъ продѣлокъ, но не могу удержаться отъ выраженія имъ глубокой благодарности за распространеніе въ Холмщинѣ прекрасныхъ галицкихъ пѣсенъ. Давно бы такъ отцы галичане! На ваши пѣсни, повѣрьте, откликнулись бы русскія сердца холмяковъ и сразу, заключивъ братскій союзъ съ ними, вы заслужили бы ихъ благодарность и любовь. Жаль, жаль, что только недавно запѣли вы открыто ваши пѣсни! Вотъ двѣ патріотическія пѣсни, распѣваемыя теперь по всей Холмщинѣ. Одна изъ нихъ отличается слишкомъ литературнымъ языкомъ.

Первая — подражаніе чешской патріотической пѣснѣ; въ ней двѣ первыя и двѣ послѣднія строчки перваго куплета повторяются.

I.

Де домъ есть мой,
Де жизнь моя?

Тамъ, де Днѣстръ быстротечный,
Безпредѣльный, безконечный;
Тамъ, де Сянъ, де Богъ, де Прутъ
Сребромъ въ руслахъ текуть.
Тамъ страна моя родная,
Тамъ мой домъ, тамъ жизнь моя!

Де Мстиславъ Храбрый, Данило,
Левъ Сапега, Радивилло
Край и вѣру стерегли
Отъ враговъ и гибели.

Де курганы и могилы,
Церкви, домы, старожилы
И церковный нашъ обрядъ [1])
О минувшемъ говорятъ.

Де русинка молодая,
Заунывно припѣвая,
Золотое жито жне,
Де краса моя живе.

Де отецъ и мать стареньки,
Сестры, братья молоденьки
Въ тихой хатынѣ живуть
И меня съ тоскою ждуть.

II.

Я щаслывъ, руську матерь маю
И честный русинъ мой отецъ,
Я тымъ надъ все ся велычаю,
Щомъ щирый руськый молодецъ!

Для руськой писни мои груды:
Спиваты—русина краса,
Для руськой славы мои труды—
Русь вознести подъ небеса!

И. Филевичъ.

[1]) Могло имѣть смыслъ только въ Галиціи, гдѣ Унія.

ЗАПИСКИ МЕТТЕРНИХА.

II.

Третій и четвертый томы „Записокъ". — Значеніе корреспонденціи. — Бумаги 1816 года.—Меттернихъ въ Италіи.—Размноженіе сектъ въ Европѣ.—Закрытіе библейскаго общества.—Чтеніе библіи въ 20 и въ 40 лѣтъ.—Г-жа Крюднеръ.— Ахенскія конференціи.—Un joli petit congrès.—Главная цѣль конгреса.—Опасенія монарховъ и рѣшимость ихъ дѣйствовать единодушно. — Австрійскія предложенія Пруссіи.—Италія.—Карлсбадская конференція.—Александръ I помѣха реакціи.—Неаполитанская революція и Троппаускій конгресъ.—Перемѣна въ Александрѣ I.—Profession de foi Меттерниха.—Принципъ откровенной реакціи.—Пьемонтская революція.—Лайбахскій конгресъ. — Отношенія Александра I къ греческой революціи.—Отзывы о немъ Меттерниха въ частныхъ письмахъ и въ официальныхъ депешахъ.—Что прежде всего охраняютъ „охранители".—Объединеніе Италіи, оттянутое на десятки лѣтъ.—Испанская революція и Веронскій конгресъ. — Каподистрія — греческій король. — Отправка Али-паши за конституціей.—Взглядъ Меттерниха на событія 1822 г.— Тайный комитетъ монарховъ.

ВЪ ПРОШЛОМЪ году, разбирая вышедшіе тогда два тома „Записокъ Меттерниха" [1]), мы обѣщали познакомить читателей „Историческаго Вѣстника" съ послѣдующими томами этого изданія, встрѣченнаго преувеличенными похвалами въ европейской журналистикѣ, но для насъ интереснаго потому, что въ этихъ томахъ является, конечно противъ желанія ихъ автора, во всей своей непривлекательной наготѣ полнѣйшее олицетвореніе самой грубой и открытой реакціи, въ лицѣ австрійскаго канцлера, у котораго до сихъ поръ, къ сожалѣнію, столько поклонниковъ и подражателей. Мы говорили тогда, что въ запискахъ Меттерниха нѣтъ ни правды, ни полноты, но все таки считали нужнымъ познакомить съ ними читателей, такъ какъ здѣсь встрѣчаются черты, разоблачающія

---

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ" 1880 г. Томъ I (февраль) стр. 374.

многія стороны европейской дипломатіи и представляющія хорошій урокъ для реакціонеровъ другихъ эпохъ и другихъ странъ. Вышедшіе на дняхъ два слѣдующіе тома „Записокъ“ представляютъ не менѣе интереса въ этомъ отношеніи, хотя съ документальной стороны еще слабѣе первыхъ томовъ. Они почти цѣликомъ состоятъ изъ офиціальныхъ дипломатическихъ бумагъ, связанныхъ между собою рѣдкими и большей частью незначительными замѣтками автора и его частною корреспонденціею. Перепискѣ этой авторъ придаетъ большое значеніе, если не съ фактической, то съ нравственной стороны, говоря, въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Я нахожу, что единственныя письма, имѣющія значеніе для друзей, тѣ, въ которыхъ выражается нравственное состояніе писателя, такъ какъ они принадлежатъ къ исторіи его жизни“.

Третій томъ записокъ начинается отдѣломъ, озаглавленнымъ „Приведеніе въ порядокъ внутреннихъ отношеній имперіи“. Но въ этомъ же отдѣлѣ, для сохраненія хронологическаго порядка, помѣщены бумаги Меттерниха, нисколько не относящіяся къ внутреннему устройству Австріи. Прежде всего, здѣсь помѣщенъ проектъ конкордата съ римскимъ дворомъ для германскаго союза, изложенный въ докладѣ Меттерниха императору Францу; затѣмъ, слѣдуетъ офиціальный Мюнхенскій трактатъ, касательно уступки Австріи нѣкоторой части баварской территоріи. Трактатъ этотъ приводится на французскомъ языкѣ, какъ и всѣ документы, вошедшіе въ составъ этихъ двухъ томовъ. Въ этомъ же 1816 году Меттернихъ бралъ короткій отпускъ для излѣченія болѣзни глазъ. Слѣдующій затѣмъ болѣе значительный проектъ касается урегулированія денежнаго положенія и постепеннаго погашенія бумажныхъ денегъ, но наполненъ чисто финансовыми соображеніями и малоинтересными цыфрами. 1817-й годъ начинается письмами Меттерниха изъ Италіи, куда онъ сопровождалъ эрцгерцогиню Леопольдину, вышедшую замужъ за наслѣднаго португальскаго принца. Во время этого путешествія, Меттернихъ видѣлъ Меццофанти, слышалъ Каталани, любовался монументомъ Альфіери, изваяннымъ Кановою, но болѣе всего распространяется объ орденѣ Елизаветы, пожалованномъ его супругѣ, и о подаркахъ, полученныхъ имъ отъ наслѣдной принцессы Португаліи, за подписаніе ея свадебнаго контракта. Онъ оставался довольно долго на водахъ въ Луккѣ, откуда принцесса отправилась въ Португалію, а онъ посѣтилъ Модену, Массу и Каррару. Въ Мантуѣ онъ былъ у герцогини Маріи Луизы, но не говоритъ ни слова о томъ, какъ приняла его супруга Наполеона I. Нѣсколько далѣе, интересно письмо его къ послу Лебцельтнеру, въ Петербургъ, о религіозныхъ сектахъ, размножившихся въ то время въ Европѣ. Въ увеличеніи ихъ числа онъ видитъ религіозную реакцію, возникшую послѣ эпохи безвѣрія. Въ особенности его безпокоитъ секта методистовъ, распространившаяся въ Англіи, и мистики, во множествѣ появившіеся въ сѣверной Гер-

маніи, Швейцаріи, Виртембергѣ и Баденѣ. Въ Вюрцбургѣ молодые люди и, въ особенности, молодыя дѣвушки добровольно истязали себя, съ единственною цѣлью „сдѣлаться достойными райской награды". Въ Швабіи секта „независимыхъ", въ одно время политическая и религіозная, проповѣдывала раздѣлъ земель и теократическое правленіе по закону Моисееву. Меттернихъ обращаетъ въ особенности вниманіе посланника на проповѣди г-жи Крюднеръ, чрезвычайно опасныя, потому что цѣль ихъ „возбудить бѣдняковъ противъ собственниковъ, поставить неимущихъ на мѣсто богачей". Канцлеръ совѣтуетъ всѣмъ дворамъ обратить вниманіе на это тревожное положеніе и старается узнать мнѣніе русскаго двора объ этомъ предметѣ. Вслѣдъ за этимъ помѣщена депеша Несельроде къ Меттерниху о предстоящемъ свиданіи государей русскаго и австрійскаго, но въ концѣ депеши заявлено сожалѣніе Александра I о закрытіи въ Австріи библейскаго общества. Меттернихъ отвѣчаетъ на это, что австрійское правительство не могло закрыть библейскаго общества потому уже, что его тамъ не было, но что императоръ никогда и не дозволилъ бы учрежденія подобнаго общества. Католицизмъ, пишетъ канцлеръ, не разрѣшаетъ чтенія библіи молодымъ людямъ, такъ какъ она наполнена разсказами о преступленіяхъ и безнравственныхъ поступкахъ. „Я полагаю, прибавляетъ Меттернихъ, что церковь права въ этомъ отношеніи. Теперь, въ сорокъ лѣтъ, читая библію, я нахожу въ ней новыя красоты и преклоняюсь передъ этою удивительною книгою, тогда какъ въ двадцать лѣтъ находилъ, что семейство Лота не заслуживало того, чтобы спастись, да и Ной тоже. Я считалъ Саула великимъ преступникомъ, также какъ и Давида. Въ двадцать лѣтъ я старался понять Апокалипсисъ, теперь вижу, что не пойму его никогда. Въ двадцать лѣтъ слишкомъ усердное чтеніе библіи сдѣлало бы изъ меня атеиста, или христіанина въ родѣ Шатобріана; теперь я вѣрю всему и ничего не изслѣдую, зная, что недостаточно читать, чтобы понимать. Тысячи людей, вѣроятно, находятся въ такомъ же положеніи, какъ и я. Точно также думаютъ императоръ и папа. Въ настоящее время есть и другая причина къ такой точкѣ зрѣнія. Міръ болѣнъ теперь мистицизмомъ. Посмотрите, что дѣлается въ Германіи, что проповѣдуетъ г-жа Крюднеръ, которую вы хорошо сдѣлали, что вернули въ Россію. Взгляните, какъ несчастные толкуютъ священныя книги на свой ладъ, а не такъ, какъ училъ Богъ и Спаситель. Обыкновенно думаютъ, что папа не хочетъ, чтобы католики читали библію, изъ боязни, чтобы они не просвѣтились. Я признаю, что Григорій VII и Александръ VI могли имѣть это въ виду; но если папа и боится иногда свѣта, то церковь тѣмъ болѣе можетъ бояться огня. Если папа не хочетъ имѣть просвѣщенныхъ вѣрующихъ, церковь можетъ не имѣть ослѣпленныхъ. Императоръ Францъ будетъ стоять всегда на сторонѣ церкви". Метернихъ доказываетъ дальше, что библія совершенно свободно продается въ

Австріи, въ разныхъ изданіяхъ, для разныхъ вѣроисповѣданій, и что ее предполагаютъ ввести даже въ школахъ, только съ урѣзками нѣкоторыхъ мѣстъ. Протестанты свободно читаютъ ее на своемъ языкѣ.

Большой проектъ организаціи центральной администраціи въ Австріи изложенъ далѣе въ докладѣ канцлера, вмѣстѣ съ его идеями объ управленіи Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ; все это, конечно, въ ретроградномъ духѣ.

Въ 1818 году, мы встрѣчаемъ Меттерниха снова на водахъ, на этотъ разъ въ Карлсбадѣ. Письма его оттуда къ женѣ, дочери и матери также неинтересны и незамѣчательны. Изъ Карлсбада онъ ѣздилъ на Рейнъ, гдѣ купилъ знаменитое помѣстье Іоганисбергъ. Тутъ онъ принималъ императора Франца и отсюда отправился съ нимъ въ Ахенъ на конгресъ. Тамъ ему, вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ, показывали святыню, тысячу лѣтъ назадъ подаренную Карломъ Великимъ собору: платье Іисуса Христа, когда онъ былъ ребенкомъ, платье Богородицы, поясъ, бывшій на Христѣ во время распятія, и покровъ, въ которомъ Иродіада несла голову Іоанна Крестителя. По прибытіи въ Ахенъ Александра I-го, Меттернихъ увѣряетъ, что встрѣтился съ нимъ въ тѣхъ же отношеніяхъ какъ и въ 1813 году, забывъ, что въ 1815 году въ Вѣнѣ русскій императоръ даже вовсе не хотѣлъ принимать его. О самомъ конгресѣ Меттернихъ сообщаетъ очень мало подробностей и говоритъ только, что никогда не видалъ „un plus joli petit congrès“.

Болѣе всего сожалѣетъ онъ о недостаткѣ развлеченій и удовольствій, упоминаетъ о томъ, что всякій вечеръ долженъ слушать концерты виртуозовъ отъ 4 до 9 лѣтъ и серьезно увѣряетъ, что какой-то ребенокъ четырехъ съ половиною лѣтъ игралъ на контрбасѣ. Мимоходомъ восхищается онъ красотою леди Кастельригъ. Въ отдѣльной главѣ помѣщена переписка Меттерниха съ императоромъ Францемъ во время конгреса, но въ этой перепискѣ ничего не говорится о ходѣ самого конгреса, хотя и упоминается о переговорахъ съ графомъ Каподистрія и помѣщена, въ приложеніи, коротенькая замѣтка объ актѣ гарантіи, четверномъ союзѣ и главныхъ пунктахъ трактата между державами. Въ отдѣльной запискѣ извѣстнаго Фридриха Генца упоминается о главной цѣли конгреса—прекращеніи занятія Франціи союзными войсками. Сверхъ того, конгресъ скрѣпилъ международныя отношенія между Австріею, Россіею, Пруссіею, Англіею и Франціею. Австрійскій дипломатъ полагаетъ, что, до заключенія трактата въ Ахенѣ, Европа опасалась, въ виду нѣкоторыхъ симптомовъ, чтобы Александръ I не заключилъ тѣснаго союза съ Бурбонами Франціи, Испаніи и Италіи. Это заставило бы Австрію, Пруссію и Англію войти въ тѣснѣйшія сношенія между собою, а второстепенныя германскія государства должны были бы примкнуть къ тому или другому союзу.

Ахенскій конгресъ разсѣялъ эти опасенія и опредѣлилъ политическое направленіе каждой изъ великихъ державъ. Четверной союзъ,

который долженъ былъ дѣйствовать единодушно, въ случаѣ новыхъ волненій во Франціи, давалъ прочныя гарантіи противъ этихъ волненій. Генцъ сознается, однако, въ своей запискѣ, что въ эту эпоху во всѣхъ державахъ господствуетъ сильное броженіе (fievre ardente), сопровождающее или предвѣщающее сильныя потрясенія всего цивилизованнаго общества. „Это борьба на смерть между старыми и новыми принципами, между прежнимъ и настоящимъ соціальнымъ порядкомъ. Вслѣдствіе роковой неизбѣжности, реакція 1813 года, остановившая, но не прекратившая революціонное движеніе во Франціи, возбудила его въ другихъ государствахъ. Всѣ элементы въ броженіи, всѣ власти готовы потерять точку опоры; самыя твердыя учрежденія потрясены въ своихъ основаніяхъ и готовы рухнуть при первомъ колебаніи почвы подъ ними". Если во время этого опаснаго кризиса монархи великихъ державъ будутъ раздѣлены между собою во взглядахъ и принципахъ; если хотя одинъ изъ нихъ захочетъ воспользоваться затрудненіями своего сосѣда или будетъ относиться равнодушно къ готовящимся событіямъ, „всѣ они будутъ унесены въ короткое время поднявшеюся бурею". Но, по счастію, монархи единодушно положили охранять прежній порядокъ въ обществѣ и замедлить, на сколько можно, перемѣны въ немъ, сдѣлавшіяся необходимыми. Это единство въ принципахъ, проявившееся въ Священномъ Союзѣ не вполнѣ и не ясно, получило полное осуществленіе на ахенскихъ конференціяхъ. Хотя онѣ не затрогивали ни одного изъ опасныхъ вопросовъ: о формѣ правленія, народномъ представительствѣ, свободѣ печати и т. п., но державы твердо рѣшились, какъ имъ дѣйствовать во время бури, для того „чтобы спасти народы отъ ихъ собственныхъ заблужденій". Поэтому, хотя цѣль конгреса и не была заявлена прямо и о ней очень мало говорилось въ печати, но „друзья порядка и мира были очень довольны конгресомъ, а новаторы и мятежники пришли въ уныніе". Дипломатическое собраніе не можетъ измѣнить судебъ мира, но можетъ затормозить ихъ, по мнѣнію Генца.

Только благодаря этой запискѣ ясно видны цѣли ахенскаго конгреса, о которомъ мы ничего не узнали бы изъ собственныхъ писемъ Меттерниха. Онъ не высказываетъ также, что главная мысль его состояла не въ томъ, чтобы обезпечить спокойствіе мира, но чтобы, съ помощью Европы, оградить, охранить выгоды Габсбургскаго дома. До какой степени было антипатично этому дому малѣйшее стремленіе другихъ державъ къ сколько нибудь либеральнымъ учрежденіямъ, доказываетъ помѣщенное, вслѣдъ затѣмъ, конфиденціальное предложеніе Меттерниха графу Витгенштейну, государственному министру Пруссіи, объ организаціи этой страны. Предложеніе это возстаетъ не только противъ общей представительной системы, но и противъ системы воспитанія. Меттернихъ увѣряетъ, что революціонный духъ хочетъ дѣйствовать на молодое, воспитывающееся поколѣніе, и что въ этомъ духѣ дѣйствуютъ нѣкоторые нѣмецкіе университеты. Канцлеръ воз-

стаетъ даже на гимнастическія общества (Turnanstallten), возникшія въ Пруссіи и всюду въ ней вводимыя. Онъ говоритъ прямо, что общества эти—приготовительная школа къ безпорядкамъ въ университетахъ, что прямая государственная обязанность короля уничтожить это зло съ корнемъ, закрывъ и запретивъ всѣ подобныя учрежденія. По отношенію къ свободѣ печати онъ совѣтуетъ отдѣлить серіозныя научныя сочиненія отъ текущей литературы и журналистики, подвергнувъ послѣднюю строгимъ предварительнымъ или карательнымъ законамъ, для чего предполагаетъ войти въ ближайшіе переговоры съ Австріею, сохраняя ихъ однако же въ строжайшей тайнѣ.

Въ 1819 году, Меттернихъ сопровождалъ Франца во время его путешествія по Италіи и описываетъ эту страну въ письмахъ къ своей женѣ. Описанія эти довольно холодны, даже тамъ, гдѣ онъ, повидимому, восхищенъ природою и мѣстностью. О людяхъ и бытѣ народа у него почти вовсе нѣтъ замѣтокъ. Приближаясь къ Риму, онъ видитъ, что окрестности его настоящая пустыня; лучшая почва въ мірѣ нуждается въ рукахъ для своей обработки, но по самой скверной дорогѣ путешественникъ приходитъ только къ развалинамъ между которыми высятся столбы, съ прикрѣпленными къ нимъ свѣжими и гніющими членами казненныхъ разбойниковъ, совершавшихъ убійства подъ стѣнами города. Восхищаясь папою, при всей своей сдержанности, Меттернихъ, однако, не можетъ не замѣтить странностей нѣкоторыхъ обрядовъ католицизма. Такъ, послѣ того, какъ папа благословитъ народъ изъ окна Ватикана, въ немъ показывается кардиналъ и бросаетъ народу индульгенціи на листочкахъ бумаги, а подъ окномъ народъ съ криками и хохотомъ дерется за эти бумажки. При видѣ подобныхъ зрѣлищъ, даже у Меттерниха вырывается слѣдующее размышленіе, которое онъ, однако же, проситъ жену свою не сообщать никому: „Признаюсь, я не понимаю, какимъ образомъ протестантъ можетъ обратиться въ Римѣ въ католицизмъ. Римъ похожъ на великолѣпный театръ, но съ весьма плохими актерами“. Мѣстами у него попадаются и другія размышленія, въ родѣ слѣдующаго: „Увѣряю васъ, что въ 1789 году міръ былъ гораздо здоровѣе въ сравненіи съ тѣмъ, каковъ онъ теперь“. Меттернихъ позволяетъ себѣ даже подсмѣиваться надъ религіозными процессіями въ Римѣ, описывая процессію св. Януарія, въ которой оборванные и грязные ладзарони носятъ 36 статуй святыхъ, толкаясь съ попами и монахами, перебраниваясь съ толпою.

Изъ Италіи Меттернихъ отправился на конференціи въ Карлсбадъ, которыми и остался очень доволенъ, такъ какъ на этихъ конференціяхъ были утверждены и приняты самыя антиреволюціонныя, энергическія и дѣйствительныя мѣры. „Все, что я хотѣлъ сдѣлать еще въ 1813 году, говоритъ Меттернихъ, и что этотъ ужасный императоръ Александръ постоянно портилъ (et ce que ce terrible empereur Alexandre a toujours gâté), я сдѣлалъ, потому что его тутъ

не было". Меттернихъ такъ доволенъ своимъ успѣхомъ, что говоритъ даже съ циничною откровенностью: „Политическіе удары надо наносить, какъ удары дубиной. Мертвые не кричатъ, а между живыми я найду много крикуновъ въ пользу моихъ правилъ".

Чему же такъ радовался Меттернихъ и въ чемъ состояли эти карлсбадскія конференціи? Поводомъ къ нимъ послужило убіеніе ретрограда Коцебу фанатикомъ Карломъ Зандомъ. Этотъ единичный и исключительный случай до того напугалъ всѣхъ ретроградовъ, что они рѣшились прибѣгнуть къ самымъ крутымъ мѣрамъ и, прежде всего, конечно, начали обуздывать печать. Меттернихъ составилъ проектъ карательныхъ законовъ для періодической печати, оставивъ въ сторонѣ большія и научныя сочиненія. Генцъ, восторгаясь проектомъ, совѣтовалъ не дѣлать исключеній и для этого рода произведеній. Германскому сейму были предложены эти мѣры, вмѣстѣ съ другими имъ подобными, какъ учрежденіе комиссій, для изслѣдованія духа университетовъ, съ правомъ удалять ненадежныхъ профессоровъ; учрежденіе спеціальной судебной комиссіи, съ цѣлью открывать заговоры и постановлять по поводу ихъ приговоры именемъ сейма и пр. Все это было принято и утверждено на карлсбадскихъ конференціяхъ представителями Австріи, Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Ганновера, Виртемберга, Бадена, Мекленбурга, Нассау, Гессенскаго курфиршества и Саксенъ-Веймара и одобрено Англіею. Въ Вѣнѣ эти предложенія были окончательно оформлены, мотивированы и имъ данъ былъ законный ходъ.

Въ 1820 году Меттернихъ потерялъ двухъ взрослыхъ дочерей, одну 16 лѣтъ, другую уже замужнюю; подобныя потери могутъ сдѣлать человѣка мало-вѣрующаго совсѣмъ невѣрующимъ, человѣка съ слабымъ характеромъ обратить къ религіознымъ и даже мистическимъ убѣжденіямъ. Меттернихъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Объ этихъ потеряхъ онъ отзывается, въ своемъ дневникѣ, довольно холодно, въ банальныхъ, избитыхъ фразахъ, упоминая только, что „на небѣ увеличилось число ангеловъ" и переходя тотчасъ же къ разсказу о другихъ обыденныхъ событіяхъ. Въ томъ же году, вслѣдствіе вспыхнувшей въ Неаполѣ революціи, состоялся, какъ извѣстно, второй конгресъ въ Троппау. Явившись туда со своимъ императоромъ Францемъ, Меттернихъ, при первомъ же свиданіи съ русскимъ премьеромъ, какъ онъ называетъ Каподистрію, удивился происшедшей съ нимъ перемѣнѣ: „въ немъ не было ничего апокалиптическаго, онъ говорилъ просто, ясно, безъ мистическихъ выходокъ и даже слегка подсмѣиваясь надъ ними". Это означало перемѣну направленія и въ его государѣ. Дѣйствительно, во время послѣдовавшаго за тѣмъ трехъ-часоваго свиданія канцлера съ Александромъ I, Меттернихъ нашелъ, что онъ такъ же привлекателенъ, какъ въ 1813 году, но „гораздо разсудительнѣе" (aber viel vernünftiger geworden). „Я просилъ его, прибавляетъ Меттернихъ, объяснить мнѣ эту перемѣну; онъ отвѣчалъ съ

полной откровенностью: „Вы не понимаете меня, вотъ что я скажу вамъ: отъ 1813 до 1820 года прошло семь лѣтъ, и эти семь лѣтъ для меня равны столѣтію. Въ 1820 году я ни за что не сдѣлаю того, что дѣлалъ въ 1813. Вы не перемѣнились, но я измѣнилъ самого себя; вамъ не въ чемъ раскаяваться, а мнѣ есть въ чемъ". Меттернихъ радуется тому, что императоръ вернулся къ 1813 году, но замѣчаетъ, что еслибы онъ былъ такимъ же въ 1815 году, то имъ не пришлось бы вступить въ конференцію въ 1820-мъ. Послѣдующія бесѣды съ Александромъ продолжались, по увѣренію Меттерниха, иногда по четыре часа сряду, по вечерамъ, причемъ, если дѣла шли хорошо, канцлера угощали чаемъ. О чемъ именно происходили эти бесѣды, Меттернихъ не говоритъ ни слова, но приводитъ только разные анекдоты. Однажды, прочтя императору важный документъ, онъ спросилъ его: „Вы поняли меня?"—„Совершенно".—„Отчего же Каподистрія никогда не понимаетъ меня?"—„Я замѣчалъ уже ему объ этомъ и онъ отвѣчалъ: ему кажется, что вы всегда хотите еще чего-то, кромѣ того, о чемъ говорили".—„Въ этомъ случаѣ онъ не ошибается: я хочу всегда, кромѣ остроумія, найти въ немъ и простой здравый смыслъ". Каподистрія съ большею основательностью могъ бы отвѣтить на это замѣчаніе Меттерниху, что именно здравый смыслъ и не позволяетъ ему вѣрить всему, въ чемъ убѣждаетъ канцлеръ.

Извѣстно, что переговорамъ въ Троппау помѣшало полученное Александромъ свѣдѣніе о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Петербургѣ, въ Семеновскомъ полку, отказавшемся повиноваться грубымъ и безтолковымъ распоряженіямъ своего командира. Государи Австріи, Россіи и Пруссіи такъ же, какъ представители Англіи и Франціи рѣшили только, что державы не признàютъ никогда ничего, что постановлено революціею; что онѣ употребятъ всѣ усилія согласить не революцію и законность, а истинные интересы королевства и Италіи съ интересами Европы. Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что неаполитанскій король совершенно свободенъ въ своихъ поступкахъ, державы пригласили его прибыть на конгресъ въ Лайбахъ. Уѣзжая въ Лайбахъ, Александръ I поручилъ Меттерниху представить ему записку о положеніи дѣлъ, и вотъ какого рода Profession de foi послалъ австрійскій канцлеръ русскому императору. Мы извлекаемъ, конечно, только главные пункты этой записки.

„Европа въ настоящее время, сказалъ одинъ знаменитый писатель, внушаетъ сожалѣніе умному человѣку и ужасъ добродѣтельному". Въ этихъ короткихъ словахъ заключается самое вѣрное изображеніе настоящаго положенія вещей. Монархи начинаютъ разсчитывать, на сколько прочно ихъ существованіе въ ближайшемъ будущемъ. Страсти сбросили съ себя сдерживавшіе ихъ узы и стремятся къ разрушенію всего, что общество считаетъ основами своего существованія. Религія, общественная нравственность, законы, права и обязанности, все опровергается; масса равнодушно смотритъ на эти

нападки и не думаетъ защищаться; большинство заботится только о своемъ спокойствіи. Какія же причины такихъ бѣдствій и есть ли возможность устранить ихъ? На людей болѣе всего имѣютъ вліяніе— правила нравственности, какъ религіозной, такъ и общественной, и потребности, созданныя мѣстностью и средою. Вмѣшиваться не въ свои дѣла заставляетъ людей самонадѣянность. Нѣмецкіе новаторы ввели въ моду нѣмецкую идею эмансипаціи народовъ. Всего вреднѣе дѣйствуетъ индивидуализація элементовъ, составляющихъ общество, позволяющая каждому судить о вещахъ по своему разумѣнію. Развитію подобныхъ вредныхъ идей много способствовали слабость и бездѣйствіе правительства, въ особенности Франціи. Не мало вреда въ этомъ отношеніи принесла и Англія, находящаяся въ совершенно исключительномъ историческомъ положеніи, такъ какъ ни одно изъ ея учрежденій, или формъ управленія, не можетъ быть принято образцомъ для континентальныхъ державъ. Развитію революціоннаго духа въ Европѣ много содѣйствовалъ военный деспотизмъ Бонапарте; духъ этотъ свободно распространился въ Германіи, Италіи и позже въ Испаніи, прикрываясь любовью къ отечеству. Революціонному духу содѣйствовала и Пруссія, возбуждая съ 1806 года народъ противъ иноземнаго владычества; въ войнѣ союзниковъ противъ Франціи не столько участвовала ненависть противъ Бонапарте, сколько ненависть противъ своихъ собственныхъ законныхъ государей. Въ этомъ случаѣ опаснѣе всего были тайныя общества, развившіяся въ Германіи. Масса народа нисколько не заражена революціоннымъ духомъ: въ революціи принимаютъ участіе только честолюбцы, да лица, испорченныя нравственно или которымъ нечего терять. Съ 1815 года девизомъ, лозунгомъ этихъ людей была конституція, т. е. перемѣны и безпорядки. Общество можетъ быть спасено только твердою и энергическою рѣшимостью правительствъ, дѣйствующихъ единодушно противъ этого духа, разлагающаго основы обществъ. Для противодѣйствія ему необходимы единодушныя усилія монарховъ. Въ религіи, основы ея подкапываются духомъ изслѣдованія и обсужденія того, во что должно слѣпо вѣрить. Янсенисты, методисты, унитаріи, библейскія общества стремятся имѣть религію безъ церкви, освободить души такъ же, какъ политическіе революціонеры, въ стремленіи опрокинуть всякую власть, желаютъ освободить личность. „Не мы одни спрашиваемъ себя, можетъ ли общество существовать при свободѣ печати, этой язвѣ, незнакомой міру до второй половины XVII вѣка. Но свѣтъ управляется фактами и законами, а не фразами и теоріями". Пусть же правительства неуклонно держатся своихъ прежнихъ постановленій, не вводятъ никакихъ реформъ, заставятъ молчать доктринеровъ, не дѣлаютъ никакихъ уступокъ партіямъ, поддерживаютъ религіозные принципы и, главное, дѣйствуютъ единодушно въ подавленіи всякаго рода безпокойствъ, недовольства и волненій.

Мы нарочно сдѣлали довольно подробное извлеченіе изъ этой за-

писки, въ которой Меттернихъ высказывается весь, какъ онъ есть. Это откровенное изложеніе реакціонной системы, получившей названіе меттерниховской, избавляетъ насъ отъ труда коментировать или оцѣнивать ее, а историческія событія послѣдовавшаго за тѣмъ времени— дѣлаютъ излишнимъ ея опроверженіе.

Въ 1821 году принципы Меттерниха приводились въ дѣйствіе на лайбахскомъ конгресѣ. Ходъ его разсказанъ въ частной корреспонденціи канцлера. Меттернихъ опять говоритъ о своихъ продолжительныхъ бесѣдахъ съ Александромъ I, но, по прежнему, не упоминаетъ ни слова о томъ, въ чемъ именно состояли онѣ, хоть и настаиваетъ на томъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на русскаго императора. Задушивъ революцію въ Неаполѣ, Австрія поняла, однако, что невозможно ввести въ немъ прежнее безграничное самодержавіе и потому установила принципъ „умѣренной монархіи", противъ которой долго спорилъ неаполитанскій король, хотя и долженъ былъ наконецъ согласиться съ державою, возвратившею ему престолъ. „Король, замѣчаетъ не безъ ироніи Меттернихъ, не пользуется никакимъ довѣріемъ въ своей странѣ, но любимъ въ ней". Пьемонтская революція также была усмирена Австріею; что же касается греческой, то на совѣтѣ между двумя императорами было рѣшено, что это возстаніе будетъ предоставлено самому себѣ. Александръ I вычеркнулъ изъ списка своей арміи всѣхъ грековъ, принявшихъ участіе въ возстаніи, начиная съ генерала Ипсиланти, и отказалъ грекамъ во всякой поддержкѣ и помощи. Оба императора заявили въ Константинополѣ, что они никогда и не въ какомъ случаѣ не будутъ поддерживать враговъ порядка и предоставляютъ Портѣ самой заботиться о своихъ интересахъ. Въ депешахъ Меттерниха объ этихъ трехъ революціяхъ встрѣчаются любопытныя черты, характеризующія этого дипломата. Такъ, о пьемонтской революціи онъ отзывается, что ничего нѣтъ легче, какъ „обратить въ прахъ ничтожное число каналій, принявшихъ ея сторону; для этого стоитъ только дать ордена генераламъ, чтобъ они перешли на сторону короля". Греческой революціи онъ предсказываетъ печальный конецъ. Въ подавленіи неаполитанской „небо покровительствовало нашему святому предпріятію". Извѣстно, что, для содѣйствія всѣмъ этимъ подавленіямъ, Александръ I обѣщалъ двинуть на помощь австрійскимъ войскамъ корпусъ русской арміи, но онъ не вступалъ даже въ Австрію. Въ любопытной депешѣ къ графу Стадіону по этому предмету, Меттернихъ защищается противъ обвиненія въ томъ, что Россія ведетъ Австрію. „Напротивъ, мы ведемъ императора Александра, говоритъ онъ, и по весьма простымъ причинамъ: онъ нуждается въ совѣтахъ и потерялъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ. На Каподистрію онъ смотритъ, какъ на предводителя карбонари; онъ не довѣряетъ своей арміи, своимъ министрамъ, своему дворянству, своему народу. Въ такомъ положеніи нельзя вести за собою другихъ. Александру I не хочется вывести за границу самый

незначительный корпусъ, такъ какъ императоръ убѣжденъ, что корпусъ этотъ перейдетъ къ непріятелю; до такой степени либеральный духъ лицъ, окружающихъ государя, либерализировалъ эту армію. Съ такою увѣренностью трудно быть завоевателемъ". Но, высказывая такія странныя мнѣнія о русскомъ императорѣ, Меттернихъ въ то же время отправляетъ ему записку, въ которой благодаритъ его за содѣйствіе на лайбахскомъ конгресѣ, не отъ имени Австріи, а отъ цѣлаго общества, которое неминуемо должно было погибнуть, еслибы конгресъ не принялъ рѣшительныхъ мѣръ и не уничтожилъ обширнаго заговора, бросившаго свои развѣтвленія по Европѣ съ 1814 года. Подъ предлогомъ конституцій, заговорщики стремились ниспровергнуть всюду законный порядокъ; монархи на конгресѣ противопоставили этому стремленію принципъ сохраненія всего, что существуетъ, и отказъ во всякомъ нововведеніи. Сверхъ того, они обязались взаимно помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ. И въ то же время, Меттернихъ сознавался въ депешѣ къ Стадіону, что „въ Вѣнѣ, какъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, во всей Германіи и Италіи, въ Россіи, какъ и въ Америкѣ наши побѣды считаются преступленіемъ, наши планы ошибочными, наши взгляды ложными". И при такомъ убѣжденіи, что большинство цѣлаго міра не на сторонѣ его принциповъ, этотъ апостолъ реакціи все-таки упорно держался ихъ и убѣждалъ другихъ дипломатовъ и довѣрявшихъ ему монарховъ отстаивать систему, которая могла поддерживаться только насиліемъ и неизбѣжно должна была рухнуть подъ напоромъ постепенно распространявшихся въ массахъ здравыхъ понятій и сознанія ихъ справедливости. Упорство реакціонныхъ принциповъ во всѣ времена зависитъ прежде всего отъ того, что такъ называемымъ „охранителямъ", охраняющимъ прежде всего свои собственные интересы, не хочется уступать свою власть другимъ, прогрессивнымъ элементамъ, и невыгодно подвергать свои дѣйствія, основанныя на произволѣ, контролю общественнаго мнѣнія.

Послѣ лайбахскаго конгреса, Меттернихъ ѣздилъ въ Ганноверъ къ англійскому королю Георгу IV и убѣдилъ его присоединиться къ Австріи по вопросу о настаиваніи передъ русскимъ императоромъ въ необходимости сохраненія мира между Россіей и Портою. Въ то же время Меттернихъ, въ депешахъ къ австрійскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, сообщалъ о подозрительныхъ поступкахъ наслѣдника пьемонтской короны, принца кариньянскаго, и участіи, какое онъ принималъ въ революціи, „хотя и не существуетъ матерьяльныхъ доказательствъ этого участія, по которымъ его можно бы предать суду на законномъ основаніи". Ясно, что канцлеръ хотѣлъ имѣть, на всякій случай, предлогъ вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣдняго съ Австріей Сардинскаго королевства, такъ какъ революція, хотя и не удавшаяся, прямо заявила, что намѣрена освободить и Ломбардію отъ чужеземнаго ига. Этого достигли только черезъ де-

сятки лѣтъ, на которыя „меттерникова система“ съумѣла оттянуть такое необходимое и законное событіе, какъ объединеніе Италіи. Но если еще въ двадцатыхъ годахъ Пьемонтъ протягивалъ руку Неаполю, кто знаетъ, не избѣгла ли бы Европа всѣхъ потрясеній тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, еслибъ тогда же оставили народы осуществить свои стремленія и не посылали австрійскіе полки въ Италію, для подавленія народнаго движенія и поддержанія невозможныхъ Бурбоновъ?..

Что эта династія, выродившаяся какъ Стюарты, „ничему не научившаяся и ничего не забывшая“, была невозможна всюду, доказала не только французская революція тридцатаго года, но и испанская, возникшая въ 1822 году. Опять понадобились конгресы, свиданія монарховъ, мѣры насилія и реакціи; опять полилась кровь и на сцену явились преслѣдованія, жестокости, казни, явленія самаго наглаго произвола, попраніе самыхъ священныхъ народныхъ правъ и законовъ гуманности. Но, въ началѣ этого года, Меттерниха озабочивало болѣе всего все возраставшее возстаніе въ Греціи, и онъ всѣми силами старался помѣшать заступничеству Россіи за своихъ единовѣрцевъ, боровшихся, съ ничтожными силами, противъ своихъ безчеловѣчныхъ, вѣковыхъ притѣснителей. Меттернихъ достигнулъ своей цѣли, оттянувъ съ помощью Пруссіи и Англіи еще на нѣсколько лѣтъ войну Россіи съ Турціей. Въ своей корреспонденціи онъ восхищается успѣхомъ своихъ дипломатическихъ интригъ и побѣдою надъ русскимъ кабинетомъ, изъ котораго удалился злѣйшій врагъ канцлера, Каподистрія. Не безъ ехидства упоминаетъ Меттернихъ, что въ это время австрійскій императоръ получилъ предложеніе сдѣлать русскаго министра греческимъ королемъ; „я убѣжденъ, прибавляетъ добродушно канцлеръ, что самъ Каподистрія не причемъ въ этой интригѣ, такъ какъ онъ думаетъ только о республикѣ“.— „Я впрочемъ, далъ бы свое согласіе на этотъ сумасшедшій шагъ, прибавляетъ Меттернихъ, такъ какъ Каподистрія былъ бы вездѣ болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ теперь“ (то-есть на мѣстѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ). При этомъ случаѣ канцлеръ „кстати“ разсказываетъ слѣдующій любопытный анекдотъ. Когда Али-паша Янины остался обладателемъ одного этого города и ждалъ каждый день конца своего владычества, въ борьбѣ съ Портою, онъ отправилъ къ Меттерниху довѣренное лицо съ письмомъ, въ которомъ, послѣ восторженныхъ восхваленій канцлера, проситъ прислать ему составителя конституцій. Заботясь о благосостояніи своихъ подданныхъ, паша убѣдился, что вѣрнѣйшій путь къ этому состоялъ въ дарованіи имъ конституціи, но не зная, „въ чемъ именно должна состоять эта конституція“, проситъ канцлера, какъ опытное въ этихъ дѣлахъ лицо—помочь ему въ этомъ случаѣ. Меттернихъ отвѣчалъ посланному паши, какому то совершенно необразованному албанскому купцу, что у него нѣтъ въ запасѣ составителей конституцій, но что

если Али-паша счелъ нужнымъ обратиться за совѣтомъ къ канцлеру, то онъ можетъ, въ благодарность за довѣріе, отвѣтить ему, что лучшею конституціей для янинскаго пашалыка будетъ—подчиненіе его верховной власти Порты. Но прежде, чѣмъ посланецъ вернулся съ этимъ отвѣтомъ къ своему повелителю, тотъ уже былъ зарѣзанъ при взятіи Янины и голова его была отправлена въ Константинополь. Къ чему понадобилось Меттерниху сообщить этотъ, хотя и интересный анекдотъ, по поводу слуховъ о Каподистріи—это принадлежитъ, вѣроятно, къ числу дипломатическихъ тайнъ.

Третій томъ „Записокъ Меттерниха", изъ шестисотъ страницъ котораго мы извлекли все, что могло сколько нибудь интересовать русскихъ читателей, оканчивается новымъ меморандумомъ канцлера русскому императору, о положеніи дѣлъ, отправленнымъ съ веронскаго конгреса. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тѣми же жалобами на революціонный духъ, губящій всю Европу, на распространеніе мистическихъ сектъ и тайныхъ обществъ, на необходимость подавленія народныхъ движеній и единодушнаго дѣйствія монарховъ. Испанскую революцію канцлеръ приписываетъ горсти заговорщиковъ, хотя въ то же время сознается, что съ ними не могло справиться правительство, находящееся въ состояніи совершеннаго ничтожества (dans l'état de la plus complète nullité), и этому то совершенному ничтожеству все-таки необходимо дать средства возстановить свою власть и по прежнему угнетать народъ. И это называется здравой политикой, разумной дипломатіей! Обвиненія печати въ возбужденіи революціи также не прекращаются въ меморандумѣ, но на этотъ разъ называются прямо мѣста и лица, виновныя въ распространеніи революціоннаго духа, хотя, собственно говоря, императору Александру не было до нихъ никакого дѣла. За одно съ французскими революціонерами дѣйствуютъ нѣмецкіе въ королевствѣ Виртембергскомъ, Франкфуртѣ на Майнѣ и нѣкоторыхъ городахъ Швейцаріи. Здѣсь дѣятельно работаютъ братья Мургардъ, редакторы „Неккерской Газеты", и другіе писатели. Но центръ управленія всѣми радикальными обществами въ Европѣ находится въ Парижѣ. Чтобы противодѣйствовать ему, необходимо учредить такой же центръ во владѣніяхъ монарховъ, заключившихъ Священный Союзъ. Для этой цѣли монархи отправятъ каждый отъ себя уполномоченное лицо въ Вѣну, и эти три лица составятъ тайный комитетъ, главнымъ занятіемъ котораго будетъ собираніе свѣдѣній о заговорахъ и волненіяхъ. Существующая уже по этому предмету слѣдственная коммисія, учрежденная въ Майнцѣ, будетъ продолжать свои дѣйствія, согласно желанію и указаніямъ германскаго союза, но представитъ свои труды комитету, у котораго гораздо больше средствъ и власти, чѣмъ у заговорщиковъ.

Таковъ проектъ тайнаго общества монарховъ, сочиненный Меттернихомъ. Надо было дойти до крайнихъ предѣловъ ослѣпленія реакціонными идеями, чтобы придумать такую организацію. И къ

чему могла послужить эта, съ такимъ трудомъ воздвигнутая плотина? Чѣмъ дальше сдерживала она народное движенiе, тѣмъ бурнѣе и неукротимѣе потокъ его разлился въ слѣдующiе годы. Это доказываетъ и четвертый томъ „Записокъ Меттерниха“, который мы разсмотримъ въ слѣдующей книжкѣ нашего изданiя.

Вл. З—ъ.

ЛЕССИНГЪ КАКЪ ГУМАНИСТЪ.

По поводу столѣтней годовщины дня его смерти.

Какъ мы цѣнимъ нашихъ литературныхъ дѣятелей.—Что придаетъ значенiе сочиненiямъ Лессинга? — Мысль, форма и чувство. — Увлеченiе и аргументы.— Аксiомы гуманизма и его представители. — Оцѣнка трудовъ Лессинга его бiографами. — Перiоды его развитiя. — Лессингъ какъ драматургъ, журналистъ, эстетикъ и теологъ.—Молодые годы писателя.—Первые лирическiе и драматическiе опыты. — Уступка семейному началу. — Редакцiя „Фоссовой Газеты".— „Миссъ Сара Сампсонъ".—Лессингъ въ армiи.—„Минна фон-Барнгельмъ".— Эстетическiя работы.—Нацiональный театръ.—„Эмилiя Галотти". — Ненависть къ тиранамъ и придворной жизни. — Герцогъ Брауншвейгскiй и наслѣдный принцъ.—Вольфенбюттельская библiотека.—Герцогъ библiофилъ.—Тяжелое положенiе. — Любовь Лессинга. — Поѣздка по Европѣ. — Годъ счастья и смерть жены.—Преслѣдованiя духовенства и цензуры.—„Натанъ мудрый".—Вѣротерпимость и равнодушiе къ религiи.—Смерть Лессинга.

УМѢЕМЪ ЛИ мы цѣнить нашихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей? отдаетъ ли наше общество полную справедливость ихъ заслугамъ, относится ли оно къ нимъ съ почетомъ, во время ихъ жизни, съ глубокимъ уваженiемъ къ ихъ памяти, когда они окончатъ земное поприще? Вопросы эти, кажется, давно рѣшены — въ отрицательномъ смыслѣ, и если намъ укажутъ на недавнее чествованiе памяти Пушкина и праха Достоевскаго, то вѣдь торжественныя сцены при двухъ этихъ случаяхъ именно потому и поразили публику, что были исключенiями, явленiями, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ. Не будь полувѣковаго лицейскаго юбилея, врядъ ли бы собрали скоро сумму и на Пушкинскiй памятникъ,—доказательствомъ этому служатъ тѣ сотни рублей, которыя въ теченiи четверти вѣка скопили на памятникъ Лермонтову. А о суммахъ, со-

бираемыхъ для увѣковѣченія памяти Грибоѣдова и Гоголя, никто и не вспоминаетъ. Въ прошломъ мартѣ только двѣ-три газеты вспомнили о столѣтней годовщинѣ основателя русской грамматики, Александра Христофоровича Востокова. А между тѣмъ, за мѣсяцъ съ небольшимъ передъ этою годовщиною, вся Германія торжественно вспоминала день кончины Готтгольда Эфраима Лессинга, какъ вспоминаетъ постоянно дни рожденія и смерти всѣхъ своихъ писателей, ставя имъ памятники во всѣхъ городахъ, гдѣ они работали на пользу человѣчества. Такъ и теперь, кромѣ городовъ, гдѣ родился и умеръ знаменитый писатель, ему воздвигъ памятникъ и Гамбургъ, гдѣ онъ писалъ свою „Драматургію". Къ этому времени вышло также новое, великолѣпно иллюстрированное изданіе его сочиненій,—и не было ни одного періодическаго нѣмецкаго изданія, которое не посвятило бы статьи столѣтней годовщинѣ 15 февраля 1781 года.

У насъ имя Лессинга извѣстно гораздо болѣе, чѣмъ имена другихъ нѣмецкихъ писателей, кромѣ Шиллера, Гете и Гейне. Четверть вѣка тому назадъ, на русскомъ языкѣ составлена такая біографія и критическая оцѣнка этого писателя, къ которой едва ли что можно прибавить и въ настоящее время. Почти всѣ главныя его произведенія извѣстны въ переводѣ. На нашей нѣмецкой сценѣ не разъ появлялись его лучшія пьесы. Что же заставляетъ современную публику до сихъ поръ обращаться къ писателю, формы котораго уже давно устарѣли, а идеи смѣнились другими, болѣе рѣзко опредѣлившимися идеями, перешедшими въ сознаніе значительнѣйшаго большинства? Что придаетъ и въ наше время значеніе сочиненіямъ Лессинга, безспорно имѣвшимъ огромное вліяніе въ прошломъ столѣтіи? То, что въ нихъ выше формы, часто выше мысли—именно: чувство, которому масса всегда симпатизируетъ больше, чѣмъ глубинѣ идеи, которую еще часто необходимо разъяснять и доказывать. Увлеченіе дѣйствуетъ благотворнѣе силлогизмовъ и аргументовъ.

Лессингъ, съ первыхъ своихъ произведеній, былъ гуманистомъ въ высшемъ, благороднѣйшемъ значеніи этого термина, то-есть онъ проповѣдывалъ идеи гуманности, вѣротерпимости, уваженія къ человѣческому достоинству, свободу мнѣній, совѣсти, печати — истины не новыя, но которыя въ XVIII-мъ столѣтіи приходилось отстаивать съ большимъ трудомъ, чѣмъ въ XIX,—да придется, пожалуй, защищать и въ XX-мъ—такъ туго прививаются у насъ къ власть имѣющимъ самыя элементарныя аксіомы естественнаго права. Теперь, по крайней мѣрѣ, не доказываютъ справедливости этихъ аксіомъ, а только оправдываютъ непринятіе ихъ несвоевременностью, неразвитостью отдѣльныхъ обществъ и цѣлыхъ націй. Но во время Лессинга надо было серьезно и долго бороться противъ обскурантизма гражданскихъ и духовныхъ властей и приводить всевозможные примѣры и доказательства, что безъ гуманныхъ идей немыслимо никакое развитіе ни отдѣльныхъ лицъ, ни цѣлаго государства. Самое слово гуманность понималось въ

то время въ его переносномъ значеніи и примѣнялось только къ области искусства и отвлеченнаго мышленія. Возродившись послѣ мрака среднихъ вѣковъ на классической почвѣ Италіи, проникнутой воспоминаніями о великихъ людяхъ и идеяхъ, гуманизмъ возникъ въ Германіи еще въ XV столѣтіи, въ лицѣ Агриколы, Гегіуса, Рейхлина, Вимпфелинга, Регіомонтануса, Пиркгеймера и другихъ дѣятелей. Онъ имѣлъ блистательныхъ представителей на всѣхъ поприщахъ науки и жизни, въ эпоху реформаціи, начиная съ благороднаго рыцаря Ульриха фон-Гуттена и оканчивая писателями, подорвавшими въ конецъ авторитетъ папства и католицизма. Но и въ XVII, и въ XVIII вѣкѣ гуманныя идеи распространялись не многими избранными личностями; правители относились къ нимъ подозрительно; для массы онѣ были совершенною новостью, часто противорѣчащею ея грубымъ инстинктамъ, нравственной апатіи. У предшественниковъ Лессинга на литературномъ поприщѣ идеи эти высказывались въ отрывочномъ видѣ, дѣлались незамѣтными въ массѣ другихъ мыслей и положеній, тогда какъ Лессингъ проводилъ ихъ всегда и вездѣ, гдѣ могъ. Поэтому-то значеніе его въ этомъ отношеніи такъ важно и обильно такими богатыми послѣдствіями.

Труды Лессинга давно уже оцѣнены въ Германіи, но именно на гуманную сторону его дѣятельности не было обращено должнаго вниманія его біографами и критиками его произведеній. Даже такія близкія къ писателю лица, какъ Гердеръ, мало цѣнятъ эту сторону характера Лессинга. Такъ, Гердеръ распространяется болѣе всего объ эстетическихъ и теологическихъ сочиненіяхъ писателя и только оканчиваетъ свою оцѣнку восторженною похвалою „благородному служителю истины“. Съ тѣхъ поръ о Лессингѣ написано множество сочиненій, но нельзя сказать, чтобы даже его литературная оцѣнка явилась вполнѣ законченною. О немъ самомъ, о его внутреннемъ развитіи очень мало говорятъ и его собственныя письма, и критическіе этюды о немъ. Послѣ блестящихъ страницъ, посвященныхъ ему Гервинусомъ, въ своей исторіи литературы 1840 года, Теодоръ Данцель предпринялъ составленіе полной научной біографіи Лессинга, но, издавъ первый томъ ея въ 1850 году, умеръ скоропостижно 32 лѣтъ. Продолжатель этого труда также не успѣлъ его окончить, и оно выходитъ только теперь отдѣльными выпусками. По словамъ знатока и историка нѣмецкой литературы, Вильгельма Шерера, это изданіе не отличается ясностью и основательностью сужденій и не отвѣчаетъ на главные вопросы, относящіеся къ дѣятельности писателя. Какимъ образомъ возникли въ его творческой фантазіи всѣ его произведенія? что̀ въ нихъ почерпнуто изъ его собственной и изъ окружающей его жизни? какія мысли и мотивы понудили его написать то или другое произведеніе? какимъ образомъ они измѣнялись и перерабатывались въ его воображеніи? Вопросовъ этихъ не рѣшаетъ вполнѣ ни одна изъ біографій Лессинга, хотя на каждое изъ его произведеній

написаны отдѣльные коментаріи. Мы взглянемъ на эти произведенія только съ точки развитія въ нихъ гуманныхъ идей, принявъ три періода въ развитіи его дѣятельности: первый, оканчивающійся его драмою „Миссъ Сара Сампсонъ"; второй—„Эмиліею Галотти" и третій—„Натаномъ". Въ первомъ періодѣ Лессингъ является преимущественно журналистомъ, во второмъ эстетикомъ, въ третьемъ теологомъ; во всѣхъ трехъ—драматургомъ. Въ первомъ, онъ служитъ интересамъ сцены, во второмъ—заставляетъ сцену подчиняться высказываемымъ имъ идеямъ, въ третьемъ—сцена дѣлается для него трибуною. Взглянемъ же на значеніе главнѣйшихъ произведеній всѣхъ этихъ періодовъ.

Жизнь не улыбалась Лессингу съ первыхъ годовъ его самостоятельнаго мышленія. Сынъ пастора маленькаго городка Верхнихъ-Лужичъ, онъ съ малолѣтства долженъ былъ, по настоянію отца, заниматься богословіемъ и, вѣроятно, вслѣдствіе этого принужденія получилъ отвращеніе отъ всѣхъ теологическихъ выводовъ, основанныхъ не на сознаніи ихъ справедливости, а на авторитетѣ. Семнадцати лѣтъ поступилъ онъ изъ мейссенской школы въ лейпцигскій университетъ на курсъ теологіи, но не вынесъ ея мертвящаго ученія, перешелъ на медицину, но еще скорѣе бросилъ и ее, занявшись изученіемъ философіи Вольфа и литературою. Тогда же, въ 1747 году, появились его первыя мелкія стихотворенія: пѣсни, басни, эпиграмы, оды и небольшія пьесы, написанныя для лейпцигскаго театра, гдѣ у него было много пріятелей между актерами, вседневными собутыльниками поэта въ винныхъ погребкахъ Лейпцига. Большой успѣхъ имѣла въ слѣдующемъ году комедія Лессинга „Молодой ученый", въ которой онъ осмѣивалъ самого себя, свои знанія и систему университетскаго образованія. Но, въ то же время, пытливый умъ его стремился ознакомиться со всѣми науками. Помимо лекцій, онъ изучалъ филологію, археологію, эстетику, исторію литературы, и слѣды основательнаго знакомства съ этими предметами видны въ его послѣдующихъ произведеніяхъ. Эстетическія знанія видны и въ его стихахъ, гдѣ даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ оды на новый годъ или на день рожденія Фридриха II, встрѣчаются серьезныя мысли и мѣткія выраженія. Подражая Геллерту въ басняхъ, онъ умѣлъ и въ нихъ затронуть важные вопросы и отвѣчать на нихъ остро и гуманно. Пѣсни его—въ анакреонтическомъ духѣ, но написанныя риѳмованными стихами, полны современныхъ взглядовъ и ощущеній. Эпиграмы его очень добродушны и принадлежатъ скорѣе къ литературнымъ сатирамъ; но въ дидактическихъ пьесахъ проявляются не разъ тѣ полные пессимизма вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ напрасно мучился Фаустъ и которые Гейне называлъ „проклятыми", оставляя ихъ, какъ и Лессингъ, безъ отвѣта.

Одинъ изъ студенческихъ друзей поэта сдѣлался въ Берлинѣ редакторомъ, распространенной въ то время, „Фоссовой газеты". Лес-

сингъ задумалъ перебраться въ тотъ же городъ, надѣясь найти въ немъ болѣе простора для своихъ литературныхъ трудовъ. Но отецъ писателя, узнавъ о переселеніи сына въ столицу Пруссіи, употребилъ вновь все свое вліяніе, чтобы обратить его на путь истины и богословія. Сынъ сдѣлалъ еще разъ уступку семейному началу, отправился въ Витенбергъ слушать догматическую экзегетику, но не выдержалъ и года этой новой нравственной ломки своихъ наклонностей, окончательно порвалъ всѣ связи съ невозможной теологіей и, въ началѣ 1751 года, былъ уже редакторомъ ученаго отдѣла „Фоссовой газеты“ и ежемѣсячнаго прибавленія къ ней, состоящаго изъ рецензій новыхъ книгъ научнаго и литературнаго содержанія. Въ теченіи пяти лѣтъ велъ онъ этотъ трудный отдѣлъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла и составилъ множество замѣчательныхъ отчетовъ, блестящихъ остроуміемъ, вѣрностью сужденій, смѣлостью взглядовъ. Въ то же время онъ работалъ и для театра, изучая Еврипида, Плавта, Сенеку, примѣняя положеніе древнихъ трагедій къ нравамъ современной жизни. Такимъ образомъ возникла его драма „Миссъ Сара Сампсонъ“—повтореніе исторіи Медеи, перенесенной въ обыденную жизнь. Не говоря уже о томъ, что сцену дѣтоубійства авторъ не могъ допустить въ наше время, онъ самое мѣсто дѣйствія перенесъ въ Англію и героинею пьесы сдѣлалъ не преступницу Марвудъ, но отравленную ею Сару. Пьеса эта длинна, скучна и сентиментальна, но въ 1755 году публика выслушивала ее съ величайшимъ вниманіемъ, въ теченіи трехъ съ половиною часовъ, заливаясь слезами и считая ее величайшимъ произведеніемъ сценическаго искусства. Только одно лицо не соглашалось съ такимъ сужденіемъ—и это былъ самъ Лессингъ. Онъ думалъ уже о дальнѣйшемъ ризвитіи нѣмецкаго театра по образцу англійскаго, съ совершеннымъ отстраненіемъ французскихъ условныхъ формъ.

За свои „Письма о литературѣ“ 1759 года Лессингъ былъ сдѣланъ членомъ берлинской академіи. Но эта эпоха была не удобна для мирныхъ занятій литературою. Прусскій король дрался со своими сосѣдями, стараясь оттянуть у Австріи Силезію. Писатель захотѣлъ познакомиться съ чуждымъ для него военнымъ міромъ и, принявъ мѣсто секретаря у генерала Тауенцина, отправился въ Бреславль. Пять лѣтъ провелъ онъ между солдатами, но, ознакомившись близко съ этой жизнью, поспѣшилъ вернуться въ Берлинъ къ театру и журналистикѣ. Плодомъ изученія военнаго быта явилась новая драма „Минна фон-Барнгельмъ“, герой которой—честный офицеръ, страдающій отъ несправедливости своихъ начальниковъ и нелѣпыхъ условій военной отчетности. Здѣсь же Лессингъ вывелъ превосходный типъ вполнѣ гуманнаго солдата, вахмистра Вернера. Женскіе типы пьесы гораздо слабѣе. Вообще Лессингъ мало зналъ и изучалъ женщинъ. Но діалогъ „Минны фон-Барнгельмъ“, живой и блестящій, гораздо выше, чѣмъ въ „Миссъ Сарѣ Сампсонъ“. Въ этотъ же періодъ

явился его „Лаокоонъ“, представляющій не результатъ изученія древней скульптуры, а трудъ мыслителя, старающагося определить границы, въ которыхъ должно дѣйствовать искусство. И въ этомъ трудѣ мало строгой системы и много полемики, какъ почти во всѣхъ произведеніяхъ Лессинга. Здѣсь осмѣяны любители описаній и аллегорій, поставлено правиломъ упрощеніе искусства и строгое раздѣленіе его видовъ. Авторъ постановляетъ, что въ древнемъ искусствѣ первымъ закономъ была красота и что идеалъ поэзіи—дѣйствіе. По этому онъ держится принциповъ Аристотеля, признающаго поэтическими произведеніями только эпопею и драму, какъ имѣющія предметомъ жизнь и дѣйствіе.

Но эстетическіе труды Лессинга, къ которымъ принадлежитъ также археологическое изслѣдованіе изображенія смерти у древнихъ и „Письма антикварія“, полныя любопытныхъ замѣтокъ и остроумныхъ выводовъ, не отвлекали его отъ главнаго занятія театромъ. Въ Берлинѣ, гдѣ главная сцена была въ зависимости отъ двора, нечего было и думать о какомъ нибудь улучшеніи по этой части. Актеры придворнаго театра были, какъ и вездѣ, чиновниками, а завѣдующія ими власти заботились не объ искусствѣ, а о набиваніи своихъ кармановъ. Поэтому Лессингъ переѣхалъ въ вольный городъ Гамбургъ, думая создать тамъ народный театръ. Съ этою цѣлью онъ сталъ издавать тамъ журналъ, въ которомъ разбирались всѣ пьесы, появлявшіяся на гамбургской сценѣ, разработывались основные законы драмы и реформы нѣмецкаго театра. Какъ необходимы были эти реформы видно изъ того, что во время болѣе чѣмъ двухлѣтняго изданія этого журнала, составившаго такъ называемую „Гамбургскую драматургію“, Лессингъ разобралъ 75 драмъ, изъ которыхъ 52 были простыми переводами французскихъ пьесъ, а остальныя—подражаніемъ. Но, давая превосходные сценическіе совѣты, Лессингъ въ то же время самъ говоритъ въ своемъ журналѣ: „я не драматургъ и не поэтъ. Не всякаго, кто рисуетъ, можно назвать живописцемъ. Я не чувствую, чтобы во мнѣ кипѣлъ живой источникъ, пробивающійся сквозь всѣ препятствія“. Гёте замѣчаетъ по поводу этихъ словъ, что Лессингъ хотѣлъ только отклонить отъ себя названіе генія. Геніемъ онъ дѣйствительно не былъ, но онъ проложилъ своими произведеніями, отрывочными и не досказанными, дорогу всѣмъ великимъ нѣмецкимъ писателямъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Онъ расчистилъ путь, по которому слѣдовало идти, указалъ на то, чего должно было избѣгать и къ чему стремиться. Пьесы его показываютъ только, въ какомъ родѣ надо писать для сцены, чтобы возбудить интересъ въ публикѣ и бросить въ нее сѣмена благотворныхъ, гуманныхъ идей и чувствъ, а съ этой точки зрѣнія, трудъ Лессинга никогда не забудется Германіею.

Всѣ пьесы его полны такихъ идей, все яснѣе высказывающихся, съ каждымъ новымъ его произведеніемъ въ этомъ родѣ. Такъ, въ „Эмиліи Галотти“ даже характеръ героини является вполнѣ отдѣлан-

нымъ и законченнымъ. Она спокойна по наружности, но это спокойствіе твердой и мрачной рѣшимости. Строго религіозная, въ борьбѣ съ принцемъ, она не останавливается на мысли о его наказаніи, говоря, что это дѣло Бога и потому видитъ свое спасеніе единственно въ своей смерти. Одѣваясь къ вѣнцу, она прикалываетъ на голову розу, потому что женихъ видѣлъ ее, въ первый разъ, съ розою въ волосахъ. Приведенная въ замокъ принца, послѣ похищенія и убійства ея жениха, она хочетъ воткнуть себѣ въ сердце длинную иголку изъ головнаго убора, схватывается за голову, находитъ на ней розу, и говоритъ: „ты еще здѣсь!“ Когда же отецъ закалываетъ ее, съ крикомъ: „что я сдѣлалъ!“—Эмилія отвѣчаетъ: „сломилъ розу прежде, чѣмъ буря оборвала съ нея лепестки“.

Но, кромѣ античныхъ характеровъ Эмиліи—этой Виргиніи нашей эпохи—и ея отца, вся пьеса дышетъ античнымъ величіемъ и современною ненавистью къ самодержавнымъ тиранамъ, мелкимъ итальянскимъ князькамъ, безнаказанно совершавшимъ самыя возмутительныя преступленія, въ концѣ прошлаго столѣтія. Еще въ „Миннѣ фон-Барнгельмъ“ маіоръ Теллыгеймъ, оскорбленный своими начальниками, говоритъ: „дальше отъ вельможъ, дальше отъ двора!“ Въ „Эмиліи“ это чувство высказывается еще сильнѣе, безъ громкихъ фразъ, безъ риторическихъ восклицаній. Отецъ, убившій свою дочь, чтобы она не сдѣлалась жертвою распутства принца, и не думаетъ о мщеніи самому принцу, какъ не думаетъ авторъ чѣмъ нибудь наказать этого негодяя, для удовлетворенія нравственнаго чувства. Смерть честной дѣвушки не вноситъ никакого разстройства въ его вседневную, обычную жизнь. Это не болѣе какъ досадный эпизодъ, на самое короткое время разстраивающій обыденное теченіе придворной жизни. Принцъ, выведенный на сцену Лессингомъ, человѣкъ образованный, съ эстетическими наклонностями, покровитель искусствъ; онъ только эгоистъ испорченный самовластіемъ, полагающій, что его княжество должно служить для удовлетворенія его страстей, не понимающій, чтобы можно было сопротивляться его желаніямъ, чтобы человѣческое достоинство заключалось въ чемъ нибудь другомъ, кромѣ исполненія всѣхъ приказаній и прихотей государя. Онъ совершенно спокойно, безъ малѣйшаго упрека совѣсти, сбирается подписать, въ концѣ перваго акта, смертный приговоръ ни въ чемъ неповинному человѣку, забывая слова вовсе не мягкосерднаго Фридриха II, что „нѣтъ болѣе драгоцѣннаго залога, ввѣреннаго въ руки монарха, какъ жизнь его подданныхъ“. Этого короля Лессингъ называетъ, въ одной прозаической одѣ, „храбрымъ, но гуманнымъ, хитрымъ, но благородномыслящимъ“, и говоритъ, что, „изо всѣхъ европейскихъ королей, онъ одинъ доказываетъ своими дѣлами, что королевское званіе только полное славы рабство“.

Гамбургская попытка Лессинга пересоздать нѣмецкій театръ не удалась точно также, какъ и его берлинскіе опыты въ томъ же родѣ.

СТАТУЯ ЛЕССИНГА ВЪ ГАМБУРГѢ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 апрѣля 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

Но если вся жизнь писателя была только борьбою съ богословами, учеными, ретроградными авторами, рутинерами-чиновниками, плохими актерами, мало-образованною публикою и еще менѣе образованными властями всякаго рода, то послѣдніе годы его литературнаго поприща были годами настоящаго мученичества. Мы остановимся нѣсколько долѣе на этомъ періодѣ, когда писатель вошелъ по неволѣ въ близкія отношенія къ придворной жизни, къ которой всегда питалъ отвращеніе и которая такъ быстро привела его къ ранней могилѣ. Обремененный долгами по журналу и типографіи, основаннымъ въ Гамбургѣ, встрѣчая въ своемъ отечествѣ холодность и безучастіе къ своимъ трудамъ, Лессингъ рѣшился навсегда покинуть Германію и переселиться въ Римъ. Напрасно звали его въ Вѣну, въ качествѣ театральнаго писателя. Лессингъ отказался, но, къ сожалѣнію, принялъ другое предложеніе, избавившее, конечно, Германію отъ упрека, что она не умѣла удержать такого писателя, но за то положительно отравившее его послѣдніе дни.

Въ маленькомъ Брауншвейгѣ, въ Вольфенбюттельскомъ герцогствѣ, скромномъ остаткѣ владѣній Гейнриха Льва, съ 1735 года царствовалъ герцогъ Карлъ I для блага—своего собственнаго, но не своихъ подданныхъ, въ конецъ раззоренныхъ роскошною жизнью самодержца. Въ увеселительномъ дворцѣ Зальцданумѣ, близъ резиденціи герцогства, Вольфенбюттеля, давались такіе праздники, которымъ завидовали сосѣдніе короли. Театры, балетъ и опера отличались великолѣпіемъ, поглощавшимъ треть общихъ государственныхъ доходовъ. Другія наклонности властителя: къ блестящимъ войскамъ и парадамъ, многочисленнымъ придворнымъ праздникамъ, къ хорошенькимъ женщинамъ и щедрымъ подаркамъ своимъ любимцамъ, довели герцогство до того, что оно не могло переносить бремени отягощавшихъ его долговъ. Народъ не въ состояніи былъ вносить наложенныхъ на него податей, а жителей въ герцогствѣ было всего 250,000. Правда, герцогъ въ то же время сдѣлалъ кое-что и для народа. Въ городѣ Брауншвейгѣ была основана коллегія „Каролинумъ", гдѣ можно было получить прекрасное образованіе; благотворительныя учрежденія были устроены на широкую ногу; общины имѣли право сами выбирать своихъ проповѣдниковъ и пасторовъ. Женатый на сестрѣ Фридриха II, герцогъ слѣдовалъ его quasi-либеральному направленію, и окружилъ себя замѣчательнѣйшими людьми той эпохи. Между ними были: придворный проповѣдникъ аббатъ Іерузалемъ, отецъ несчастнаго юноши, самоубійство котораго подало Гете мысль написать своего „Вертера", писатели: Гертнеръ, Цахаріэ, Шмидтъ, Этенбургъ, Эбертъ и др. Послѣдній былъ профессоромъ англійскаго языка въ Каролинумѣ, и наставникомъ наслѣднаго принца, Карла Вильгельма Фердинанда, который, достигнувъ совершеннолѣтія, принялъ въ свои руки правленіе, чтобы спасти герцогство отъ банкротства. Неохотно и не скрывая своего неудовольствія и ропота, герцогъ Карлъ I долженъ былъ отказаться отъ сво-

его блестящаго придворнаго штата, распустить своихъ оперныхъ пѣвицъ и сильно сократить свою гвардію. За то эти мѣры, потребованныя наслѣдникомъ престола, были встрѣчены народомъ съ такимъ восторгомъ, обнаружившимся такъ осязательно, что съ 1769 года принцъ Карлъ Вильгельмъ Фердинандъ сдѣлался фактически главою правленія, оставивъ отцу только титулъ да внѣшнія почести.

Узнавъ о намѣреніи Лессинга покинуть отечество, Эбертъ употребилъ все вліяніе на бывшаго своего ученика и, получивъ его согласіе, предложилъ писателю мѣсто библіотекаря въ Вольфенбютелѣ. Библіотека эта была одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ Германіи. Основатель ея, герцогъ Августъ, царствовавшій 32 года (1634—1666), былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени. Послѣ него осталось тридцать фоліантовъ писемъ его къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ. Любимымъ дѣтищемъ его была библіотека, которою, онъ самъ завѣдывалъ и собственноручно составилъ ея каталогъ въ четырехъ томахъ in-folio, болѣе пяти тысячъ страницъ. Кромѣ того, на поляхъ множества книгъ, преимущественно теологическаго и юридическаго содержанія, оставилъ герцогъ обширныя замѣтки, свидѣтельствующія о томъ, какъ усердно изучалъ онъ эти книги. Когда онъ умеръ, на 88 году, библіотека состояла изъ 120,000 томовъ и 2,000 рукописей. Наслѣдникамъ своимъ онъ завѣщалъ не доводить до упадка „это неоцѣненное сокровище всей страны и украшеніе нашего дома“, но заботиться о его увеличеніи. Нельзя сказать, чтобы наслѣдники особенно старались исполнить этотъ пунктъ завѣщанія, но для библіотеки много сдѣлалъ Лейбницъ, завѣдывавшій ею 28 лѣтъ. При Карлѣ I она увеличилась слишкомъ на 50,000 томовъ. Книгами отъ начала XVI до половины XVII столѣтія она богаче всѣхъ библіотекъ въ Европѣ.

Съ трудомъ выбравшись изъ Гамбурга, гдѣ онъ остался еще многимъ долженъ, Лессингъ безъ труда получилъ мѣсто библіотекаря въ Вольфенбютелѣ, хотя прежній библіотекарь, капуцинскій монахъ, сильно интриговалъ противъ писателя, и при сдачѣ книгъ и впослѣдствіи. Но мѣсто это не было особенной находкой: съ нимъ было соединено всего 600 талеровъ жалованья, квартира и освѣщеніе. Лессингъ былъ, однако, доволенъ своимъ положеніемъ и въ первый же годъ управленія библіотекою отыскалъ въ ней любопытный манускриптъ XI вѣка, Беренгера Турскаго—„о причащеніи“, утверждавшаго, что при изысканіи истины гораздо лучше слушаться разума, чѣмъ авторитета. Герцогъ былъ очень доволенъ открытіемъ и изданіемъ этого трактата и писалъ своему библіотекарю: „я усматриваю съ большимъ удовольствіемъ, что о н ъ (въ прошломъ столѣтіи нѣмецкіе государи не удостоивали въ письмахъ къ своимъ подданнымъ говорить имъ н и т ы, н и в ы, а обращались къ нимъ въ третьемъ лицѣ) не щадитъ ни стараній, ни прилежанія сдѣлать еще знаменитѣе ввѣренную е м у библіотеку“.

Скучная, однообразная жизнь въ маленькомъ Вольфенбюттелѣ не могла удовлетворять кипучей жажды дѣятельности писателя. Онъ часто пріѣзжалъ въ Брауншвейгъ, чтобы въ винномъ погребкѣ провести нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ не съ книгами, а съ живыми людьми. Но за то онъ не являлся ко двору—даже съ поздравленіями въ торжественные дни, и на это смотрѣли очень косо. Въ скоромъ времени Лессингъ совершенно потерялъ расположеніе наслѣднаго принца. Это иначе и не могло быть. Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ былъ человѣкъ холодный, самолюбивый, разсчетливый, не знавшій ни искренней привязанности, ни благодарности. Женившись въ 1764 году на сестрѣ англійскаго короля Георга III, онъ въ слѣдующемъ же году, оставивъ жену въ Лондонѣ, поѣхалъ путешествовать по Италіи, откуда привезъ съ собою красавицу, графиню Бранкони и принудилъ свою жену, пріѣхавшую къ нему съ новорожденнымъ сыномъ, принять графиню въ число придворныхъ дамъ, а своего отца, когда они вернулись всѣ вмѣстѣ въ Брауншвейгъ, заставилъ подарить графинѣ замокъ на Гарцѣ и сыну ея отъ принца—дать титулъ графа Форстенбурга. Безсердечный принцъ скоро, однако же, охладѣлъ къ графинѣ, бросилъ ее, и только старый герцогъ Карлъ поддерживалъ ее въ Брауншвейгѣ. Когда тамъ, въ 1722 году, была дана „Эмилія Галотти", весь дворъ, увидя на сценѣ графиню Орсини, покинутую любовницу, замѣтилъ: „Это Бранкони!" Принцъ не сказалъ ни слова во все продолженіе спектакля.

А между тѣмъ, къ этому же принцу Лессингъ принужденъ былъ часто обращаться съ просьбами о выдачѣ впередъ суммъ изъ жалованья, для уплаты какъ собственныхъ долговъ писателя, такъ и долговъ, оставшихся послѣ смерти, въ 1770 году, его отца. Принцъ не отказывалъ въ авансахъ, но давалъ чувствовать писателю всю зависимость его отъ милости властителя. Въ этомъ тяжеломъ положеніи утѣшала Лессинга надежда устроить въ Брауншвейгѣ свой семейный уголокъ. Уже нѣсколько лѣтъ писатель любилъ вдову своего гамбургскаго друга, Кенига, и она отвѣчала ему также нѣжною привязанностью; но дѣла ея покойнаго мужа-фабриканта были запутаны и она должна была сама заниматься ихъ устройствомъ, чтобы сохранить двоимъ дѣтямъ наслѣдство отца. При такихъ обстоятельствахъ и при ненадежномъ положеніи самого Лессинга надо было надолго отложить мысль о свадьбѣ. Понятно, что онъ почти ничего не могъ писать въ такомъ настроеніи. Только въ 1775 году онъ освѣжилъ нѣсколько свои мысли и впечатлѣнія, съѣздивъ въ Берлинъ, гдѣ встрѣтился со старыми друзьями — Моисеемъ Мендельсономъ, Рамлеромъ, Николаи и др. Ему предлагали въ Берлинѣ мѣсто учителя въ гимназіи или чиновника при сборѣ податей. Это было не лучше библіотеки — и онъ отказался. Въ Вѣнѣ его приняли съ почетомъ, но ничего не предложили. По счастью онъ встрѣтилъ тамъ принца Леопольда, младшаго сына герцога Карла—и тотъ пожелалъ, чтобы пи-

сатель сопутствовалъ ему во время поѣздки по Италіи. Они проѣхали до Неаполя и вернулись черезъ Мюнхенъ въ Брауншвейгъ. Тамъ, наконецъ, Лессингъ написалъ къ наслѣдному принцу, что онъ не можетъ жить назначеннымъ ему содержаніемъ, и что если его нельзя увеличить, то онъ проситъ увольненія. Принцъ разсчиталъ, что послѣ пріема, сдѣланнаго писателю въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Италіи, отставка Лессинга произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе,—и прибавилъ ему двѣсти талеровъ содержанія. Кромѣ того, ему даны были домикъ подлѣ библіотеки, званіе придворнаго совѣтника и тысяча талеровъ впередъ, для уплаты долговъ. Будущее улыбнулось писателю, и онъ могъ, наконецъ, на 48-мъ году жениться на своей Евѣ. Но семейное счастіе его было очень непродолжительно. Черезъ годъ жена его умерла послѣ несчастныхъ родовъ. Лессингъ совсѣмъ опустился. Съ нимъ самимъ начались болѣзненные припадки: часто на него нападала сонливость среди самой оживлённой бесѣды. Силы его вспыхивали только въ борьбѣ съ его врагами, съ врагами честной гуманности: религіозною нетерпимостью и цензурою.

Между гамбургскими друзьями писателя былъ профессоръ Реймарусъ, оставившій ему свое посмертное сочиненіе „Апологія для разумныхъ почитателей Бога“. Это сочиненіе, плодъ двадцатилѣтнихъ трудовъ, Лессингъ началъ печатать отрывками, безъ имени автора, въ своемъ изданіи: „Статьи по исторіи и литературѣ изъ сокровищъ герцогской библіотеки въ Вольфенбюттелѣ“. Сочиненіе Реймаруса проводило мысль, что религія должна основываться на разумѣ. Послѣдній отрывокъ, чисто теологическаго содержанія, былъ напечатанъ въ 1778 году, съ примѣчаніемъ редактора, что онъ не согласенъ со многими воззрѣніями автора и ждетъ критическихъ возраженій на статью со стороны компетентныхъ лицъ. Изданіе Лессинга печаталось безъ цензуры въ герцогской типографіи, доходы съ которой шли на содержаніе сиротскаго дома и приносили ему значительный доходъ. Не смотря на это, вмѣсто разбора статьи, духовное управленіе подало жалобу на издателя, за помѣщеніе противурелигіозныхъ статей. Слѣдствіемъ жалобы былъ герцогскій указъ: не печатать впредь безъ цензуры ничего, что будетъ присылать библіотекарь и придворный совѣтникъ Лессингъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено было изданіе собранія его сочиненій. Онъ изложилъ въ своемъ оправданіи всю исторію отрывковъ Реймаруса, доказывая, какъ несправедливы нападки на автора и на издателя. Отвѣтомъ было—приказаніе не печатать болѣе отрывковъ и представлять всѣ свои рукописи въ цензуру. Лессингъ попробовалъ еще разъ возражать на такой приговоръ—все было напрасно. Глубоко оскорбленный такою нетерпимостью и несправедливостью онъ въ слѣдующемъ же году отвѣчалъ своимъ врагамъ великолѣпною апологіею вѣротерпимости и вѣчной правды—„Натаномъ-мудрымъ“.

Мысль сдѣлать еврейскую религію равною всѣмъ другимъ рели-

гіямъ въ государствѣ занимала его еще въ молодые годы. Двадцати лѣтъ написалъ онъ небольшую комедію „Евреи", въ которой уже таится зародышъ „Натана". Въ этой пьесѣ путешественникъ спасаетъ на большой дорогѣ отъ разбойниковъ барона и его дочь. Дѣвушка влюбляется въ своего избавителя; отецъ самъ предлагаетъ ему руку дочери, но спаситель отказывается, потому что онъ еврей и бракъ между ними невозможенъ. Спасенные не обязаны ему никакою благодарностью: онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ изъ обыкновеннаго человѣколюбія. Онъ даже не увѣренъ, хотѣли ли грабители убить путешественниковъ. „Никого не слѣдуетъ оскорблять подозрѣніемъ". Отклоняя отъ себя всякую благодарность, онъ проситъ только барона относиться гуманнѣе къ евреямъ и не судить объ нихъ слишкомъ рѣзко и голословно. „Если еврей обманываетъ, то легко можетъ быть, что изъ девяти разъ его принуждаетъ къ этому семь разъ христіанинъ. Я сомнѣваюсь, чтобы христіане могли похвалиться тѣмъ, что относятся съ полною справедливостью къ евреямъ, почему же удивляются, что и евреи точно также къ нимъ относятся? Еслибы справедливость и честность существовали между обѣими націями, отношенія ихъ были бы другія. Но что же дѣлать, если одна нація ставила себѣ заслугою и даже религіознымъ побужденіемъ преслѣдовать другую націю?„ Въ „Натанѣ" гуманныя мысли о евреяхъ распространены и на мусульманъ. Воспользовавшись новеллою Бокачіо, взятою имъ, въ свою очередь, изъ испанскихъ разсказовъ XII столѣтія, Лессингъ возвелъ въ своей пьесѣ вѣротерпимость въ принципъ всего человѣчества. Напрасно нѣкоторые новѣйшіе историки литературы, какъ Кенигъ, упрекаютъ писателя въ томъ, что его Натанъ учитъ не терпимости, а равнодушію ко всѣмъ религіямъ. Натанъ, конечно, не еврей, Саладинъ — не мусульманинъ, Храмовникъ—не христіанинъ, въ смыслѣ фанатической приверженности къ своимъ вѣрованіямъ, но они—идеальное олицетвореніе своихъ вѣрованій и, прежде всего, люди, какими должны быть всѣ, безъ различія исповѣданій, а „человѣку всегда дороже человѣкъ, чѣмъ ангелъ", какъ говоритъ Лессингъ. Многаго онъ еще не могъ высказать въ своей пьесѣ—и потому иныя мѣста въ ней кажутся темными и не развитыми, но главная идея ея ясна и неоспорима. „Къ сожалѣнію, какъ заключаетъ историкъ Трейчке, между здравыми идеями народа и его политическимъ положеніемъ существуетъ пропасть, которая только тогда сгладится, когда идеи Натана войдутъ въ законодательство."

Еще не успѣло улечься волненіе, произведенное появленіемъ Натана, когда Лессингъ пріѣхалъ, по обыкновенію, разсѣяться изъ Вольфенбютеля въ Брауншвейгъ. 13 февраля 1781 года провелъ онъ вечеръ въ клубѣ съ своими друзьями, въ жаркомъ спорѣ о литературѣ. Въ тотъ же вечеръ онъ почувствовалъ стѣсненіе въ груди и съ трудомъ сталъ говорить, но все-таки хотѣлъ вернуться домой. Его уговорили остаться и полечиться. Утромъ, 15 февраля, ему было легче.

Больному сказали, что въ гостиную собрались его друзья. Онъ захотѣлъ выйдти къ нимъ, но, поклонившись имъ на порогѣ комнаты, вдругъ почувствовалъ, что силы его оставляютъ. Его отнесли въ постель—и вечеромъ, въ 9 часовъ, онъ умеръ, отъ водяной въ груди, 52 лѣтъ.

И черезъ сто лѣтъ, послѣ его смерти—гуманныя истины, высказанныя Лессингомъ, многимъ все еще кажутся парадоксами... Медленно идетъ впередъ человѣчество, но все-таки идетъ, не смотря на всѣ старанія затормазить его прогресивный ходъ... E pur si muove...

Вл. З—въ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА.

Под такимъ заглавіемъ недавно издана профессоромъ Харьковскаго университета г. Петровымъ брошюра, въ которой онъ поднимаетъ не разъ возбужденный въ нашей печати вопросъ о качествѣ принятыхъ у насъ источниковъ для общедоступнаго знакомства съ исторіей, о характерѣ такого знакомства и его ближайшихъ результатахъ. Это—не слабый голосъ диллетанта, неспособный пронять самодовольство рутинеровъ - „спеціалистовъ", которые считаютъ себя призванными вспахивать ниву историческихъ знаній. Тутъ нѣтъ мѣста подозрѣніямъ въ лживости или злонамѣренности критики, подозрѣніямъ въ томъ, что критика разсчитана на эффектъ и не умѣетъ цѣнить благородныхъ стремленій „спеціалистовъ". Авторъ брошюры — самъ профессоръ; онъ, конечно, знаетъ толкъ въ дѣйствительныхъ услугахъ, оказываемыхъ наукѣ; онъ видѣлъ плоды исторической подготовки на живыхъ примѣрахъ, выносимой изъ нашей школы; его, наконецъ, нѣтъ основанія заподозрить въ намѣренномъ искаженіи своихъ наблюденій. Такое слово нельзя обойти молчаніемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, критика г. Петрова является энергическимъ укоромъ невниманію, равнодушію и намѣренному коверканію исторической подготовки, какая должна быть распространена въ обществѣ. Настоящая нормальная историческая подготовка вызывается общественными требованіями и должна сообразоваться съ современнымъ состояніемъ историческихъ знаній и вообще просвѣщенія. Но такъ ли это у насъ? Общественныя требованія въ этомъ направленіи, кажется, такъ рѣзко и для всѣхъ очевидно обозначились за послѣдніе годы, что, останавливаясь на нихъ, рискуешь впасть въ банальность. Едва ли кто станетъ оспаривать, что сумма находящихся въ обращеніи въ

нашемъ обществѣ правильныхъ понятій и взглядовъ крайне ограничена. „Иной, возмущаясь всей глубиной человѣческой и русской души противъ творящихся безобразій, сознательнаго отчета въ происходящемъ все-таки дать себѣ не можетъ". А все оттого, что нашей молодежи не достаетъ правильно и разумно направленнаго общественнаго образованія. Но какое же можетъ быть „общественное образованіе" безъ основательной исторической подготовки? И однако же, у насъ давно уже принято бояться исторіи, какъ разсадника опасныхъ мнѣній, которыя сбиваютъ съ толку молодежь. Въ данномъ случаѣ г. Петровъ вполнѣ подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе въ статьѣ „Тенденціозный взглядъ на историческое преподаваніе" („Истор. Вѣстн.", январь). „Это—говоритъ авторъ брошюры—довольно ясно замѣтно на всѣхъ разнообразныхъ перипетіяхъ, какія испытывалъ ходъ нашего просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи. Какъ только въ этой области почему нибудь начиналась реакція, такъ тотчасъ, первымъ дѣломъ, принимались за исторію, — начинали ее упрощать, обрѣзывать, дѣлать невинною по формѣ и содержанію. Результатъ всегда получался обратно пропорціональный тѣмъ усиліямъ, какія дѣлались для пресѣченія заразы. Грубыя насилія надъ мыслью во времена Магницкаго привели къ обширному заговору декабристовъ; болѣе тонкая классическая система гр. Толстого увѣнчалась рядомъ безсмысленныхъ злодѣйствъ, поразительныхъ именно по глубокому невѣжеству своихъ побужденій. Не ясно ли становится еще разъ, что не наука вредна, а ея отсутствіе. Въ исторіи подъ сукно прятать нечего; тамъ все поучительно,—даже заблужденія и ошибки. Пусть же дѣти наши знаютъ все и пріучаются судить обо всемъ, но пусть знаютъ правильно и смотрятъ здраво на вещи. А такое знаніе и взглядъ на жизнь можетъ имъ дать только наука исторіи, единственная изъ общественныхъ, доступная для школы, а стало быть и единственная ихъ пропедевтика для практической жизни".

Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться вполнѣ. Намъ остается только показать, насколько практика нашей школы чуждается такого взгляда на исторію. Каждый, кто самъ учился и кто видѣлъ нашихъ „зрѣлыхъ" классиковъ, согласится, что въ школѣ сдѣлано все, чтобы свести на нѣтъ исторію. Во-первыхъ, какого рода источники для изученія исторіи наиболѣе распространены? Г. Петровъ обращается къ „лучшему" изъ такихъ руководствъ, всѣмъ извѣстному и офиціально одобренному. Прежде всего поражаетъ въ этомъ руководствѣ масса учебнаго матеріала. Судите сами. Четыре книжки—древняя, средняя, новая, русская исторія. „Если въ каждой только по 250 страницъ, а ихъ больше,—вотъ уже 1,000 страницъ. Если на каждой страницѣ только по пяти именъ, а ихъ иногда гораздо больше, — вотъ уже 5,000 именъ; да годовъ — тысячи двѣ-три. Такого подавляющаго количества данныхъ, большею частью неосмысленныхъ, не въ состояніи усвоить прочно не только дѣтскія, но и никакія человѣческія спо-

собности, кромѣ исключительныхъ". Однако жъ усвоиваютъ—быть можетъ, скажетъ читатель, такъ какъ иначе нельзя было бы получить аттестатъ. Но въ томъ-то и счастье нашихъ дѣтей, что они не только не усвоиваютъ всего, что имъ преподносится въ руководствѣ подъ именемъ историческаго матеріала, но, заучивъ его къ экзамену, быстро забываютъ. Въ памяти ихъ остаются развѣ такія вещи, которыя почему нибудь поразили ихъ воображеніе: какой нибудь анекдотъ, сказаніе, оригинальное изрѣченіе и т. п. Оттого ребенокъ долго помнитъ, „что сказалъ Крезъ, въ минуту грозившей ему казни, своему побѣдителю Киру, или—какъ св. Бонифацій убѣдилъ германскихъ язычниковъ въ безсиліи ихъ боговъ срубить священное древо, которому они поклонялись". Но, уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, по окончаніи курса, всѣ эти Штауфены, Салійцы, Бурбоны и Валуа, Фридрихъ II и Людовикъ XIV, Карлъ V и Карлъ Великій — все это уже смѣшалось, перепуталось въ головѣ ребенка и превратилось въ какой-то безразличный хламъ, изъ котораго пригоднаго для жизни не вынесено почти ничего. Но это, повторяемъ, счастливѣйшій результатъ школьнаго изученія исторіи. Не дай Богъ, если иной учащійся вдумывается въ то, что другіе заучиваютъ механически. Ему неизбѣжно придется вынести убѣжденіе изъ своего руководства, что въ мірѣ царствуетъ случай. Государства возникаютъ, процвѣтаютъ, падаютъ, одни изъ народовъ завоевываютъ, другіе покоряются, являются правители, хорошіе и дурные, сходятъ со сцены, и все это безразлично случай. Одному — счастье, другому — нѣтъ, тому повезло, а другому не удалось, — и вся судьба человѣчества представляется воображенію „въ видѣ какого-то огромнаго случая". Даже и терминъ принятъ такой въ учебной практикѣ: „въ которомъ году, спрашиваетъ учитель, случилось завоеваніе Константинополя турками?"

Нечего прибавлять, что, при такомъ взглядѣ на исторію, вполнѣ отсутствуетъ идея объ отношеніи историческихъ событій къ характеру, положенію и степени развитія народа. А историческое изложеніе въ руководствѣ безъ этой идеи представляется сборомъ случайныхъ фактовъ, связанныхъ между собою хронологически, но оторванныхъ отъ всего окружающаго, отъ всего прошедшаго и будущаго.

Позволительно спросить, послѣ этого, что же успѣваетъ вынести изъ труднаго восьмилѣтняго ученія молодежь наша для сознательнаго отношенія къ обществу, въ среду котораго готовится она вступить? Имѣетъ ли она хотя бы слабое представленіе о механизмѣ историческаго движенія, о томъ, какимъ образомъ исторія всегда совершалась, совершается и теперь? Слышала ли она когда нибудь о роковыхъ силахъ въ исторіи и объ ея случайныхъ явленіяхъ? Знаетъ ли она, что судьба каждаго народа, до извѣстной степени, предуготовлена этими силами, которыя уже заранѣе какъ бы очерчиваютъ характеръ и область его будущей дѣятельности, кругъ его возможностей, — что положеніе и свойства страны и племенные задатки его

этнографическаго состава съ самаго же начала уже даютъ его исторіи то или другое направленіе, — что, наконецъ, сама исторія эта, т. е. установившіеся такимъ путемъ отношенія и порядки, внутренніе и внѣшніе, въ свою очередь, тоже пріобрѣтаютъ, съ теченіемъ времени, роковое, почти неотразимое значеніе, становятся силой вещей, въ виду которой даже и могущественнѣйшіе монархи властны лишь настолько, насколько они исполняютъ ею поставленныя требованія? Знаетъ ли молодежь наша, что общество человѣческое есть живой организмъ, развивающійся, подобно всякому организму, по законамъ ему присущимъ,—что ростъ его совершается какъ постепеннымъ усовершенствованіемъ его внутренняго состава, такъ и расширеніемъ внѣшняго объема, и что, въ силу удовлетворенія этихъ естественныхъ потребностей и стремленій, происходятъ всѣ почти враждебныя столкновенія и войны между народами, путемъ которыхъ имъ приходится взаимно ограничивать, уравновѣшивать свои растущія силы?

На всѣ эти вопросы школьное изученіе исторіи даетъ отвѣтъ отрицательный. Народная жизнь и законы ея развитія исчезаютъ въ нашихъ учебникахъ среди подвиговъ, государственныхъ войнъ, междуусобій, личныхъ интересовъ князей и надъ всѣмъ этимъ царитъ историческая случайность, неустранимая, роковая и управляемая однимъ произволомъ. Г. Петровъ не ограничивается указаніемъ на недостатки нынѣ господствующаго историческаго преподаванія. Въ видѣ примѣра, онъ набрасываетъ общій обликъ англійской исторіи, на подобіе котораго весь ученый матеріалъ исторіи слѣдовало бы укрѣплять въ сознаніи учащихся. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести этотъ конспектъ цѣликомъ. По словамъ г. Петрова:

Исключительныя естественныя условія и положеніе Британскихъ острововъ, какъ разъ противъ устьевъ внутреннихъ морей и главныхъ судоходныхъ рѣкъ Западной Европы, уже какъ бы предопредѣляютъ эту избранную страну къ роли эмпоріума, торговаго выхода для всего континента, а затѣмъ — ко всесвѣтнымъ океаническимъ отношеніямъ. Богатый этнографическій складъ англійской народности: кельты, римляне, англо-саксы, датчане, французскіе норманы—вносятъ въ составъ ея свои разнообразныя племенныя способности, а три послѣднія націи, искони мореходныя, прививаютъ къ ней всѣ инстинкты природныхъ моряковъ. Счастливое начало самой исторіи, — не на дикой, а на культурной почвѣ: римская цивилизація и двукратно водворенное христіанство, рано кладутъ прочные основы будущей образованности,—тогда какъ норманское завоеваніе, послѣднее, которому подверглась страна, даетъ обществу аристократическій складъ и временно-военно-феодальный характеръ. Но пока столпившимся на островѣ народамъ нѣтъ дѣла ни до моря, ни до культуры. Не тѣмъ заняты, идетъ формація англійской народности,—процессъ органическаго слiянія ея составныхъ частей, продолжающійся до XIII вѣка. Но какъ только процессъ этотъ приходитъ къ концу, такъ уже начинаются попытки установить въ странѣ правильный общественный строй; но различіе интересовъ всѣхъ классовъ населенія и племенная ихъ рознь, все еще отзывающаяся для малоразвитаго и сначала бѣднаго общества, представляютъ задачу столь трудную, что на полное разрѣшеніе ея потребуется пять столѣтій... Но, по крайней мѣрѣ, ему никто не мѣшаетъ устраиваться. Англія — островъ. Послѣ

норманскихъ набѣговъ, военныхъ флотовъ нигдѣ еще нѣтъ. Вражескаго нашествія бояться нечего. Въ континентальныя войны тоже мѣшаться нѣтъ нужды. Только воинственные французы-плантагенеты пытаются дать ростъ окрѣпшему государству на востокѣ, покорить Францію. Но, получивъ отпоръ съ этой стороны, англійскій народъ тѣмъ съ большей энергіей станетъ шириться на западъ, въ странахъ океаническихъ, когда придетъ удобное время. Пока хорошо и то, что ему безопасно дома; внутренній порядокъ устраивать можно... Условія—благопріятныя: короли-иностранцы, — всѣмъ одинаково себя оградить надо,—при внѣшней безопасности, нѣтъ нужды держать много войска. А нѣтъ войска,—у королей нѣтъ и силы въ рукахъ. Да и деньги сберегаются, страна незамѣтно богатѣетъ, населеніе исподволь ростетъ. Съ накопленіемъ богатствъ, мало-по-малу, воскреснетъ и старое просвѣщеніе, которое вскорѣ, подъ вліяніемъ гуманизма, получитъ быстрый полетъ. А гдѣ образованіе и довольство, тамъ и потребность и возможность свободы. Посреди такихъ исключительныхъ условій развиваются основанія англійскаго представительнаго устройства, какъ плодъ солидарности всѣхъ классовъ общества, безсилія королей, основнаго положенія государства и другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

Такъ проходятъ для Англіи средніе вѣка. Но прежняя внутренняя работа долго еще и потомъ поглощаетъ ея вниманіе и дѣятельность, но только идетъ она уже подъ вліяніемъ проникшей сюда реформаціи и возбужденной ею религіозной борьбы, въ которой крѣпнетъ народный духъ и изощряются его силы, уже съ XVI вѣка начавшія созидать превосходную науку и литературу просвѣтительное значеніе которыхъ сдѣлается вскорѣ всемірнымъ. И только покончивъ со всѣми внутренними задачами, какъ самыми неотложными—сложившись этнографически и выработавъ главныя основанія своей гражданской и церковной жизни,—получилъ англійскій народъ возможность выйти на путь своего естественнаго призванія къ господству на моряхъ, которое именно потому и начинается съ этой поры, со временъ Елизаветы и Кромвеля, тѣмъ болѣе, что и внѣшнія обстоятельства — разныя изобрѣтенія, открытіе новыхъ земель и морскихъ путей, гибель Армады и пр.—подоспѣли благопріятныя. Съ этихъ поръ англичане, сидя спокойно на своемъ недоступномъ островѣ, огражденные могучимъ флотомъ и руководимые своей норманской аристократіей весьма искусной, какъ всѣ завоеватели, въ дѣлахъ правленія, и выросшей, вслѣдствіе всемірной торговли, аристократіей денежной, какъ всѣ купцы, не менѣе практической,—пользуются всякимъ случаемъ, чтобы расширить и упрочить свои громадныя океаническія владѣнія, дальновидно устраняя соперниковъ и извлекая все новыя и новыя колоніальныя и торговыя выгоды изъ всѣхъ континентальныхъ войнъ и замѣшательствъ. А съ распространеніемъ морскаго владычества во всѣхъ частяхъ свѣта ростетъ населеніе, богатство, образованіе, до міровыхъ размѣровъ ширится умственный кругозоръ и зрѣетъ, геній народа...

При такомъ историческомъ изложеніи, само собою разумѣется, каждое отдѣльное лицо, каждое событіе получаетъ смыслъ, цѣну, надлежащее мѣсто и освѣщеніе. Тутъ уже не придется впадать въ раздумье, чтобы рѣшить, что важнѣе—разводъ ли Генриха VIII съ Екатериной Аррагонской, или явленіе пуританизма? Равнымъ образомъ также трудно будетъ представить себѣ, что Елизавета жила и дѣйствовала въ XII вѣкѣ, какъ невозможно здравомыслящему человѣку вообразить, что у него пятки на носу. Пока же у насъ будутъ въ ходу историческіе учебники, въ родѣ вышеупомянутаго, все излагающаго, точно разсказывается сказка, до тѣхъ поръ дѣти наши совсѣмъ не

гарантированы отъ представленія себѣ пятокъ на носу. А между тѣмъ, въ такомъ именно баснословно-сказочномъ видѣ изучаетъ исторію все наше юношество, вся будущая Россія, уже давно, около пятнадцати лѣтъ, „какъ разъ достаточно, чтобы выродить цѣлое поколѣніе и слишкомъ достаточно, чтобы его испортить".

Но вотъ интересный вопросъ: кому есть надобность сознательно портить цѣлое поколѣніе? Мы не допускаемъ мысли, чтобы составители употребительныхъ у насъ учебниковъ были люди злонамѣренные и завѣдомо стремились къ такой порчѣ. Было бы также странно признать, что составители историческихъ руководствъ дѣйствуютъ въ блаженномъ невѣдѣніи всѣхъ послѣдствій собственныхъ „педагогическихъ" усилій. Какъ же понять тогда появленіе всѣхъ этихъ „классическихъ, анекдотическихъ, фактическихъ и иныхъ" сочинительствъ гг. Белярминовыхъ, Рождественскихъ, Гуревичей и пр. и пр. съ подавляющимъ объемомъ, несокрушимой фактичностью, классицизмомъ и баснословіемъ? Г-нъ Петровъ объясняетъ это очень просто. Онъ полагаетъ, что тутъ предложеніе отвѣчало только спросу. Въ данную минуту потребовались невиннѣйшія руководства, вотъ и явились разные сочинители, руководствуясь соображеніемъ:

Когда не я, другой пойдетъ
И ваши денежки возметъ...

Намъ кажется, что г. Петровъ совершенно правъ, дѣлая такое предположеніе. Побужденія подобныхъ „баснословцевъ", гораздо раньше еще, знаменитый Крекшинъ весьма характерно разъяснилъ въ своемъ признаніи, которое находится въ предисловіи къ его повѣствованію о Петрѣ. Тамъ говорится, между прочимъ: „азъ рабъ того благочестиваго императора, мній всѣхъ, милость того на себѣ имѣлъ и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ; того ради, по долгу рабства и любви, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторію писать дерзаю. Не буди то въ дерзновеніе моему худоумію, яко недостоинъ отрѣшить и ремень сапога его". Послѣ такого признанія, кажется, странно довѣрять Крекшину. А далеко ли ушли наши составители современныхъ историческихъ руководствъ отъ Крекшина? Разница между ними если и есть, то, безъ сомнѣнія, только количественная. Тотъ и другіе памятуютъ о благостынѣ, одинъ, получивъ ее, а другіе въ надеждѣ ее получить, въ видѣ хорошаго сбыта своихъ сочинительствъ. Но нельзя не признать, что разница эта все таки говоритъ въ пользу Крекшина. Тогда какъ Крекшинъ прямо, въ самомъ началѣ своего баснословія, отказался отъ всякихъ правъ на довѣріе читателя къ истинѣ своего повѣствованія, нынѣшніе „историки" не объявляютъ своихъ заднихъ мыслей во всеобщее свѣдѣніе. Школа и общество, конечно, только въ большемъ проигрышѣ оттого. Историческая наука далеко ушла со временъ Крекшина, а знакомство съ исторіей остается до крайности

слабымъ. Въ самомъ обществѣ обращаются темныя понятія объ этомъ предметѣ,—до сихъ поръ многіе еще воображаютъ, что „единственное назначеніе исторіи состоитъ въ томъ, чтобы точно и достовѣрно сообщить учащимся, что, гдѣ и когда случилось, причемъ не предполагается никакихъ прикладныхъ цѣлей для подобнаго знанія". Оттого въ массѣ нашей публики твердо укоренилось мнѣніе, что эта наука, хотя и занимательная, но въ сущности безполезная, такъ для развлеченія больше. Да что—публика. Г. Петровъ разсказываетъ, что въ Харьковѣ былъ недавно попечитель учебнаго округа—теперь уже покойникъ (А. А. Воскресенскій?), который, присутствуя на урокахъ исторіи, постоянно твердилъ ученикамъ только одно: „мѣсто и время, мѣсто и время, а иначе—это Бова-Королевичъ". „Почтенный руководитель учебнаго дѣла и не подозрѣвалъ, конечно, что весь воспитательный смыслъ исторіи заключается не столько въ томъ, чтобы знать — что, гдѣ и когда происходило, сколько въ умѣньи объяснить—почему это происходило такъ, а не иначе".

До какой степени у насъ, дѣйствительно, слаба историческая подготовка, видно изъ того, что въ самыхъ разсужденіяхъ, затрогивающихъ жизненные вопросы и обращающихся за ихъ разрѣшеніемъ къ исторіи, царитъ какое то огульное недоразумѣніе. Съ историческими фактами обращаются произвольно, не взирая на связь событій, на зависимость дѣйствій и направленій отъ среды, въ которой они развиваются и проявляются. Каждый черпаетъ, сколько потребуется, отдѣльные факты, и поворачиваетъ исторію, въ какую сторону ему вздумается.

При исторической подготовкѣ, на здоровыхъ научныхъ началахъ, не безучастной къ практическимъ интересамъ и потребностямъ общества, подобное явленіе было бы немыслимо. Такая исторія, конечно, не приготовитъ сразу ни политиковъ, ни администраторовъ, ни ученыхъ, какъ и изученіе математики еще не создаетъ астрономовъ, инженеровъ, механиковъ, а только дѣлаетъ возможными эти профессіи. Но она—по словамъ г. Петрова—по крайней мѣрѣ, съумѣетъ воспитать намъ здравомыслящую, трезвую молодежь, которая, увлекаясь всякими идеалами, какъ и свойственно юности, все же понимать будетъ, что „жизнь, какъ наслѣдіе несчетныхъ поколѣній, ее созидавшихъ, въ своемъ царственномъ теченіи, такъ же мало подвластна взмаху жезла, хотя бы самаго могущественнаго, какъ и удару кинжала, хотя бы самаго отчаяннаго".

Ѳ. В.

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ВЪ ЖИЗНИ ВАРШАВЫ.

Недавно вышло въ Варшавѣ сочиненіе подъ заглавіемъ „Варшава, ея умственная жизнь и литературное движеніе въ теченіи тридцати лѣтъ, съ 1800 по 1830 г.“. К. В. Войцицкаго [1]). Уже самое заглавіе этого сочиненія указываетъ на его интересъ и значеніе. При тѣсной политической связи съ Россіею, много отрадныхъ явленій и печальныхъ событій совершилось въ этотъ періодъ времени въ судьбахъ Польши. Интересъ книги Войцицкаго увеличивается еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ ея,—весьма даровитый польскій писатель, — былъ въ началѣ описываемаго имъ періода свидѣтелемъ, а подъ конецъ и замѣчательнымъ дѣятелемъ въ ходѣ развитія польской литературы.

Войцицкій раздѣляетъ культурную жизнь Варшавы на три періода: 1) съ 1792 по 1807, когда городъ находился подъ властью Пруссіи; 2) съ 1807 по 1815, во время существованія Польскаго королевства, и 3) съ 1815 по 1830, когда Варшава была столицей Польскаго королевства.

I.

Въ первые годы, когда прежняя столица Рѣчи-Посполитой сдѣлалась провинціальнымъ городомъ Пруссіи, дома знаменитыхъ магнатовъ опустѣли, дворы ихъ поросли травою, въ разбитыя окна врывался вѣтеръ и свободно разгуливалъ по опустѣвшимъ салонамъ; но коренные жители города не оставляли своихъ скромныхъ жилищъ. Молодежь веселилась по-прежнему, но веселилась исключительно въ

---

[1]) Warszawa, jej zycie umyslowe i ruch literacki w cią gu tezydziestu lat. Od 1800—1830. K. W. Wojcickiego. Warszawa, 1880.

частныхъ домахъ; рѣдко кто показывался на улицѣ, и взоры всѣхъ устремлялись изъ-за угла на павильонъ Краковскаго предмѣстья, гдѣ проживалъ племянникъ послѣдняго короля, Іосифъ Понятовскій. Личность Іосифа Понятовскаго сдѣлалась популярна между поляками съ того времени, когда онъ подалъ рѣзкій протестъ королю за присоединеніе его къ Торговицкой конфедераціи. Среди могильной тишины города, изъ павильона раздавались звуки шумныхъ вакханалій и французская рѣчь. Понятовскій былъ французъ по воспитанію и дурно говорилъ по-польски. Старики хмурились на князя за веселую жизнь и ломаную рѣчь, но все забывалось, когда онъ являлся на улицѣ, перепоясанный саблею, въ національномъ уланскомъ мундирѣ.

Первый годъ настоящаго столѣтія засталъ страну безъ имени и политической жизни, по улицамъ прежней столицы слышался лишь нѣмецкій говоръ; только на базарахъ стараго города, у Краковскихъ воротъ, сидѣли на прежнихъ мѣстахъ неугомонныя торговки и осыпали бранью всякаго мимо проходящаго нѣмца. Ни мало не удерживалъ ихъ положенный за это штрафъ: zapłacę, a zabyę (заплачу, но убью), кричали съ азартомъ торговки. До убійствъ, впрочемъ, дѣло не доходило, но драки были часты, и виновницы съ улыбкою платили штрафы, утѣшаясь мыслью, что хорошо поколотили нѣмца.

„Потеря отечества" сильно потрясла души поляковъ. Меланхолія и съумасшествіе сдѣлались эпидемическою болѣзнью. Епископъ Нарушевичъ, поэтъ и историкъ, умеръ въ припадкѣ съумасшествія; умопомѣшательство поэта Князнина обнаружилось гробовымъ молчаніемъ; даже голодъ не заставилъ его проронить слова; при всемъ томъ не было случаевъ самоубійствъ:—религія и общественное мнѣніе сильно осуждали самоубійства и сдерживали многихъ отъ покушенія на собственную жизнь.

Какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ, господствовало полное затишье. Выходила всего одна газета, въ которой перепечатывались извѣстія изъ прусскихъ газетъ. Нѣкто Годебскій, адвокатъ изъ Волыни, бившійся въ Италіи въ рядахъ польскихъ легіоновъ, по возвращеніи въ Варшаву, сталъ издавать газету „Развлеченіе" (Zabawy przyjemne i pożyteczne), а Дмуховскій—„Варшавскій Вѣстникъ". Въ обоихъ періодическихъ изданіяхъ этихъ помѣщались переводы изъ французскихъ газетъ и журналовъ; достойно вниманія то обстоятельство, что Годебскій помѣстилъ на страницахъ журнала переводъ „Слова о полку Игоревѣ". Переводъ былъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ французскаго, и явился въ видѣ героической поэмы, передѣланной по всѣмъ правиламъ псевдо-классической школы.

Съ 1804 года, начинаютъ появляться признаки умственнаго движенія въ городѣ; возникаетъ общество друзей наукъ и нѣкто Адамковскій издаетъ 20 томовъ переводныхъ повѣстей и романовъ. Въ то время, какъ женщины съ жадностію бросились на чтеніе романовъ, серьезные люди обратились къ чтенію литературныхъ памят-

никовъ временъ Сигизмундовъ. Все это, однако, не могло удовлетворить общества, взволнованнаго катастрофою, постигшею отечество и великими переворотами, совершавшимися въ политическомъ мірѣ: живое слово замѣнило газеты и книги. Часовыхъ дѣлъ мастеръ, ополячившійся нѣмецъ, весьма типичное лицо по одеждѣ и манерамъ, нѣкто Гогенемусъ, имѣлъ друзей, родныхъ и знакомыхъ за границею и между польскими легіонерами. Гогенемусъ велъ дѣятельную переписку, получалъ заграничныя газеты и, съ запасомъ собранныхъ свѣдѣній, расхаживая по городу, сообщалъ политическія новости и событія. Гдѣ бы не появился Гогенемусъ, вездѣ толпа окружала его. Всѣ старанія полиціи прекратить дѣятельность этой ходячей газеты оставались тщетными. Мартынъ Мольскій, странствующій риемачъ, облекалъ долетавшія до него извѣстія въ стихи, которые передавались изъ устъ въ уста, списывались и быстро расходились по всей странѣ. Иногда являлся изувѣченный легіонеръ, тайкомъ пробирался изъ дома въ домъ и, какъ странствующій бардъ, разсказывалъ о подвигахъ легіонеровъ, о Наполеонѣ, Хлопицкомъ и Домбровскомъ, возбуждая въ душѣ поляковъ великія надежды. Едва разносился слухъ, что въ такомъ-то домѣ будетъ гость изъ далекихъ странъ, домъ этотъ мигомъ наполнялся толпою гостей. Всѣ жадно внимали разсказчику. Такимъ образомъ, живое слово и пѣсня замѣнили письменную литературу; умы были экзальтированы; голосъ здраваго разсудка и критики не имѣлъ мѣста, вмѣсто ихъ господствовали энтузіазмъ и экзальтація. Все списывалось или передавалось изустно. Войцицкій свидѣтельствуетъ, что имѣлъ въ рукахъ весьма объемистый сборникъ тщательно списанныхъ пѣсенъ съ 1790 по 1830 годъ. Образовался даже особый классъ странствующихъ пѣвцовъ, распѣвавшихъ подъ звуки гитары патріотическія пѣсни. Ни картъ, ни театровъ, ни другихъ общественныхъ развлеченій не существовало. Настроеніе умовъ было исключительно религіозно-патріотическое съ меланхолическимъ оттѣнкомъ. Оно выражалось по преимуществу въ пѣсняхъ Карпинскаго и Князнина, которые до сихъ поръ поются въ костелахъ, и многіе изъ этихъ пѣсенъ сдѣлались чисто народными. Полонезъ Огинскаго, извѣстный въ польскомъ обществѣ подъ названіемъ „Раздѣлъ страны“ (Rozbiór kraju), долго можно было слышать не только въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ, но и въ отдаленныхъ углахъ внутренней Россіи; вскорѣ затѣмъ появилась глубоко-національная музыка Шопена.

II.

Быстро шло время, быстро рѣшались судьбы царствъ и народовъ по волѣ Наполеона I-го. Въ концѣ ноября 1806 года, въ стѣнахъ Варшавы появились первые отряды французскихъ войскъ и исполнилось предсказаніе Гогенемуса, что въ нѣсколько часовъ „нѣмца на лекарство не отыщется въ Варшавѣ“. Дѣйствительно, въ пани-

ческомъ переполохѣ они мгновенно очистили Варшаву, удалились сперва въ Прагу, а потомъ въ свой фатерландъ. Перемѣнились времена, повѣяло новымъ духомъ. Въ концѣ 1807 года, появился въ польской литературѣ трудъ Шумскаго. Человѣкъ этотъ мало извѣстенъ въ исторіи литературы, но при всемъ томъ онъ оказалъ громадную услугу польской образованности. Ѳома Шумскій былъ сынъ польскаго офицера, погибшаго въ сраженіи съ пруссаками въ 1794 году; павшій въ бою воинъ оставилъ сына безъ всякихъ средствъ къ жизни. Этотъ даровитый и энергическій юноша много испыталъ въ жизни, служилъ при дворахъ магнатовъ, былъ актеромъ и домашнимъ учителемъ, побывалъ въ Россіи, Франціи, Германіи и Америкѣ, оттуда прибылъ въ Гамбургъ и наконецъ въ Берлинъ, гдѣ, при содѣйствіи Радзивиловъ, получилъ мѣсто профессора военной академіи. Обучая въ нѣмецкой школѣ нѣмцевъ, онъ умѣлъ заставить ихъ изучать польскій языкъ и литературу.

Въ 1807 году, Шумскій издалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Краткій очеркъ исторіи литературы польской съ древнѣйшихъ временъ въ связи съ политическими событіями". Книга эта была первой въ этомъ родѣ и послужила основаніемъ для систематическаго и элементарнаго образованія юношества.

Княжество варшавское просуществовало всего восемь лѣтъ, но умственная жизнь Варшавы, мерцавшая едва замѣтнымъ свѣтомъ подъ властью Пруссіи, озарилась во время существованія княжества яркимъ блескомъ, какъ на поприщѣ политической, такъ и умственной жизни. Организація княжества по образцу Франціи, раздѣленіе его на департаменты съ введеніемъ новой администраціи, введеніе кодекса Наполеона и гласнаго судопроизводства, личное освобожденіе крестьянъ, пробудили умственную дѣятельность и вызвали нѣсколько серьезныхъ сочиненій юридическаго содержанія для уясненія новаго общественнаго строя. Въ этомъ отношеніи почетное мѣсто занимаетъ Венгржецкій, умершій въ 1845 году, исполнявшій неоднократно должность президента города Варшавы. Во всѣхъ отрасляхъ знанія явились весьма талантливые писатели. На сценѣ народнаго театра, основаннаго послѣднимъ королемъ, явились піесы, сильно поднявшія народный духъ. Наполеонъ сдѣлался идоломъ общества. День имянинъ императора вызывалъ массу торжествъ и манифестацій. „Помню, пишетъ Войцицкій, какъ на Краковскомъ предмѣстьи выставленъ былъ громадный транспарантъ въ окнахъ дома одного изъ главныхъ мясниковъ города. На транспарантѣ былъ изображенъ громадный быкъ, которому мясникъ снимаетъ голову огромнымъ топоромъ. Внизу транспаранта виднѣлась надпись:

„Kto nie będzie wierny Polsce, Napoleonowi,
Temu łeb utnę jak temu bykowi".

(т. е. „Кто не будетъ вѣренъ Польшѣ и Наполеону, тому сниму голову, какъ этому быку").

Люди болѣе серьезные и благоразумные не раздѣляли этого общаго увлеченія. Гуго Колонтай не усомнился печатно высказать свое мнѣніе въ сочиненіи: „Замѣчанія о современномъ положеніи княжества Варшавскаго". Въ этомъ сочиненіи Колонтай указываетъ, что княжество, будучи только обломкомъ великаго цѣлаго Рѣчи Посполитой, тѣмъ самымъ носитъ въ себѣ зародышъ неизбѣжной смерти. Многіе государственные люди раздѣляли это мнѣніе, но голосъ ихъ исчезалъ въ шумѣ восторговъ людей, готовыхъ всякаго благоразумнаго человѣка заклеймить именемъ измѣнника. Министръ юстиціи Лубенскій, чтобы заглушить голосъ оппозиціи, недовольной нарушеніемъ стариннаго строя судопроизводства, далъ балъ въ честь Наполеона по случаю учрежденія министерства юстиціи. Примѣру Лубенскаго слѣдовали другіе, при всякомъ введеніи въ дѣйствіе новыхъ учрежденій; организація польской арміи сопровождалась празднествами при участіи восторженныхъ народныхъ массъ. Издана была книга патріотическихъ пѣсенъ, гимновъ и рѣчей. Народный театръ поддерживалъ этотъ всеобщій энтузіазмъ; актеръ Жулковскій, благодаря своимъ остротамъ, юмору и каламбурамъ патріотическаго свойства, сдѣлался любимцемъ публики. Вѣра въ звѣзду Наполеона глубоко заронилась въ сердца поляковъ. Ее не изгладили ни разгромъ Наполеона въ 1812 году, ни постыдное его бѣгство чрезъ Варшаву, ни Лейпцигская битва, ни смерть Іосифа Понятовскаго. Знаменіемъ того времени были стихи поэта Венжика:

Dziś lub nigdy, śmierć lub życie
Chwała lub wieczna sromota.

(т. е.: Теперь или никогда, смерть или жизнь, слава или вѣчный позоръ). Восторгъ, въ который приходило польское общество при одномъ имени Наполеона, сталъ помрачаться при восходѣ новаго свѣтила въ лицѣ Александра I. Къ сожалѣнію, Войцицкій, говоря о настроеніи умовъ общества при образованіи княжества варшавскаго, не очертилъ впечатлѣнія, произведеннаго возстановленіемъ польскаго королевства. Но это была минута глубокаго увлеченія и искренной преданности царю-освободителю, какъ обыкновенно называли его поляки (krol wskrzesiciel), чему я самъ въ дѣтствѣ моемъ не разъ былъ свидѣтелемъ!

Разсматривая литературные памятники во время существованія варшавскаго княжества, нельзя не придти къ заключенію, что поэзія и ораторское искусство не только не стали выше произведеній XVIII вѣка, но во многомъ имъ уступали. За то періодическая печать сдѣлалась разнообразнѣе и оживленнѣе, и въ ней весьма почетное мѣсто заняла наука, особенно отечественная исторія.

Суровецкій пережилъ три раздѣла Польши. У него сложилось убѣжденіе, что его отечество лишилось не только политическаго существованія, но что даже имя Польши вычеркнуто изъ памяти народной. Суровецкій рѣшился увѣковѣчить это имя, передавъ дѣла

предковъ ихъ потомкамъ. Вооружившись необыкновеннымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ, Суровецкій сталъ изучать древнѣйшія времена Польши, какъ предшествующія славной эпохѣ Ягелоновъ. Проникая въ отдаленную древность, его логическая мысль шла дальше, къ началу великаго славянскаго племени. Онъ составилъ планъ громаднаго сочиненія: „О происхожденіи, нравахъ и обычаяхъ древнихъ славянъ".

„Я предвижу трудности,—писалъ онъ къ одному пріятелю, которыя предстоятъ мнѣ, но не унываю". Суровецкій съ необычайной энергіей сталъ собирать матеріалы, относящіеся къ исторіи славянъ, приводилъ ихъ въ систему, сравнивалъ, изучалъ и дѣлалъ критическія разслѣдованія.

Такъ составился матеріалъ, заключавшій въ себѣ 300 печатныхъ листовъ.

Раймундъ Рамбелинскій, префектъ одного изъ департаментовъ, помѣстилъ въ ученыхъ прибавленіяхъ „Варшавской Газеты" весьма живой очеркъ жизни поляковъ въ послѣдніе годы XVIII вѣка, причинъ нравственнаго упадка всѣхъ слоевъ общества и средствъ къ излеченію общественныхъ недуговъ. Раковецкій, авторъ сочиненія о „Русской Правдѣ" Ярослава, поднялъ вопросы о земледѣліи и политической экономіи. По его слѣдамъ, многіе начали заниматься разработкою вопроса объ экономическомъ положеніи страны.

Въ эту эпоху, какъ и въ предыдущую, общество любило развлекаться бесѣдами и анекдотами о временахъ давно прошедшихъ. Любимыми героями были Янъ Собескій, извѣстный въ легендарной исторіи подъ именемъ „Собки", Карлъ Радзивилъ, подъ именемъ „Пане Коханку", и Потоцкій, староста Каневскій.

III.

Въ концѣ 1814 года, Варшавское княжество окончило свое политическое существованіе. Послѣ многолѣтнихъ войнъ и внутренней анархіи, водворились въ странѣ миръ и спокойствіе. Польское общество могло оглянуться на свое прошедшее, войти въ самосознаніе и стремиться къ удовлетворенію своихъ духовныхъ потребностей.

Немного осталось въ живыхъ изъ крупныхъ дѣятелей четырехлѣтняго сейма; къ нимъ примкнули лучшія силы изъ дѣятелей временъ существованія варшавскаго княжества, и этотъ немногочисленный, но интелегентный кружокъ посвятилъ себя на служеніе умственному развитію общества. Всѣ сознавали необходимость основать ученый періодическій журналъ. Книгопродавецъ Завадскій воспользовался настроеніемъ общества и обратился съ предложеніемъ своихъ издательскихъ услугъ къ Ходкевичу, Потоцкому, Нѣмцевичу и другимъ выдающимся личностямъ. Заручившись сочувствіемъ лицъ, извѣстныхъ своею ученостью и общественнымъ положеніемъ, они от-

неслись къ дѣлу съ полнымъ сочувствіемъ. Такимъ образомъ, составился кружокъ изъ 30 лицъ, изъ которыхъ каждый обязался къ ноябрю 1815 года безплатно доставить въ редакцію статью объемомъ не менѣе двухъ печатныхъ листовъ. Редакторомъ былъ избранъ Бентковскій, авторъ исторіи литературы Польши, съ платою по сто червонцевъ въ годъ. Такъ возникъ въ Варшавѣ журналъ съ ученымъ направленіемъ, подъ заглавіемъ: „Pamiętnik Warszawskie" (Варшавскія Записки). Здѣсь кстати будетъ замѣтить одну черту, характеризирующую новое направленіе тогдашняго польскаго общества. Графъ Фридрихъ Скарбекъ занялъ каѳедру профессора политической экономіи въ варшавскомъ университетѣ. Тесть его, гордый магнатъ, требовалъ, чтобы дочь его развелась съ мужемъ, унизившимъ княжескій гербъ принятіемъ званія бакалавра. Дочь не послѣдовала совѣтамъ отца, а зять осмѣялъ тестя въ сатирѣ „Конкуррентъ".

На страницахъ новаго журнала явились имена новыхъ поэтовъ; изъ нихъ должно упомянуть Бродзинскаго, котораго можно признать предвѣстникомъ новаго направленія въ поэзіи и предшественникомъ Мицкевича. Каноникъ варшавскій и въ послѣдствіи епископъ Вороничъ, а еще раньше Нѣмцевичъ, избирали предметомъ своихъ поэтическихъ пѣсенъ историческія событія. Изабелла Чарторыйская съ большими расходами собрала древности отечественной исторіи и помѣстила ихъ въ особомъ зданіи среди роскошнаго сада. Этотъ музей древности носитъ названіе «Сивиллы». Вороничъ воспѣлъ родныя древности въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ; такъ явились поэмы: „Мечь Болеслава Храбраго", „Лехіада", „Сеймъ Вислацкій" и „Ассормать патріархъ Сарматскій". Достойно замѣчанія, что „Варшавскія Записки", во время своего семилѣтняго существованія, помѣстили всего десять повѣстей, весьма краткихъ, написанныхъ съ нравственно-назидательными цѣлями. Въ журналѣ находили мѣсто переводы изъ лучшихъ писателей европейской литературы; на его же страницахъ появилась трагедія Фелинскаго „Варвара Радзивилъ", хотя и написанная въ классическомъ духѣ, но съ чисто народными характерами. Трагедія эта имѣла блестящій успѣхъ на сценѣ. На страницахъ журнала встрѣчаются также впервые свѣдѣнія о музыкѣ Шопена и въ первый разъ появилось имя Мицкевича, какъ критика поэмы Тимковскаго „Ягелонида", воспѣвшаго актъ соединенія Литвы съ Польшею.

Журналъ вмѣщалъ въ себѣ отдѣлы по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Изъ области естествовѣдѣнія должно упомянуть о трудахъ графа Ходкевича, полковника польскихъ войскъ. Этотъ магнатъ всецѣло отдался изученію химіи, растратилъ на научныя занятія значительную часть своего имѣнія, создалъ польскую терминологію въ наукѣ, и открылъ въ растеніи верескъ—новое химическое соединеніе.

Въ 22-хъ томахъ „Варшавскихъ Записокъ" самое обширное мѣсто заняла исторія. Изъ историческихъ статей слѣдуетъ отмѣтить

двѣ, имѣвшія громадное вліяніе на общество. По случаю перенесенія тѣла Іосифа Понятовскаго, маршала французскихъ войскъ, утонувшаго въ Ельстерѣ, появилось жизнеописаніе Понятовскаго, судьба котораго такъ тѣсно связана съ судьбою польскихъ войскъ. Статья эта читалась съ несказаннымъ увлеченіемъ. Еще съ большимъ энтузіазмомъ перечитывалась статья Мрозинскаго „Взятіе Сарагоссы". Статья Мрозинскаго, лично участвовавшаго въ этомъ бою, при живости изложенія и интересѣ событія, такъ много льстившаго національной храбрости, приводила поляковъ въ сильнѣйшій восторгъ. Оставшіеся въ живыхъ легіонеры, разсѣянные по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ, съ умиленіемъ и слезами прочитывали описаніе подвиговъ своихъ собратовъ и пополняли своими замѣчаніями и воспоминаніями. Взятіе Сарагоссы обратилось въ народное сказаніе и сильно волновало умы молодежи.

Виляновская библіотека Потоцкихъ и Пулавская Чарторыйскихъ доставляла не мало богатыхъ матеріаловъ для отечественной исторіи. Свѣнцкій помѣстилъ въ „Варшавскихъ Запискахъ" описаніе древней Польши и Подляхіи, Лелевель исторію царствованія Станислава Августа, Адамъ Чарноцкій, собиратель памятниковъ древностей, извѣстный подъ псевдонимомъ Ходаковскаго, статьи о „Славянахъ въ языческую эпоху". Ходаковскій своими статьями и примѣромъ сильно повліялъ на молодое поколѣніе. Многіе, съ котомкою черезъ плечо и палкою въ рукахъ, исходили страну, собирая памятники народнаго творчества. Появились сборники пѣсенъ литовскихъ, сербскихъ, чешскихъ и переводъ рукописи Краледворской. Ковнацкій, получившій весьма основательное образованіе, совершилъ вмѣстѣ съ Яномъ Потоцкимъ, написавшимъ сочиненіе о Скиѳіи, путешествіе по южной Россіи, Греціи и Египту.

Ковнацкій, бывшій вначалѣ первымъ щеголемъ Варшавы, размотавшій на блестящіе костюмы большое состояніе, съ паденіемъ Польши занялъ мѣсто библіотекаря въ Виляновской библіотекѣ и предался наукѣ; онъ перевелъ польскихъ лѣтописцевъ съ латинскаго на польскій языкъ, доказывалъ, что Длугошъ внесъ въ свою лѣтопись отрывки изъ лѣтописцевъ языческой эпохи, написалъ исторію княжества Мазовецкаго, собиралъ и печаталъ историческіе матеріалы, изъ которыхъ представляетъ весьма интересный эпизодъ казнь Зборовскаго, по приговору гетмана Яна Замойскаго. Ковнацкій умеръ въ глубокой старости, въ 1854 году.

Графъ Станиславъ Костка Потоцкій извѣстенъ своею дѣятельностію и ораторскими рѣчами во время четырехлѣтняго сейма. Потоцкій былъ однимъ изъ главныхъ основателей общества друзей просвѣщенія и школъ юридической и медицинской въ Варшавѣ, и въ 1815 году былъ назначенъ министромъ просвѣщенія и исповѣданій. Кромѣ напечатанныхъ имъ рѣчей, разсужденій и сочиненій по части теоріи словесности, Потоцкій завѣдовалъ въ „Варшавскихъ Запи-

скахъ“ критическимъ отдѣломъ, подъ названіемъ „Свистокъ“, гдѣ мѣтко осмѣивалъ общественные пороки. Склонивъ на свою сторону архіепископа Мальчевскаго, онъ схлопоталъ въ Ватиканѣ буллу о закрытіи монастырей въ Польшѣ и въ „Свисткѣ“ объяснялъ причины, вызывавшія эту мѣру. Авторская дѣятельность Потоцкаго вызвала бурю негодованія. Его успѣли выставить въ глазахъ правительства, какъ краснаго радикала, и онъ былъ устраненъ отъ занимаемыхъ должностей, удалился въ свое имѣніе и вскорѣ умеръ.

Со смертью Потоцкаго, „Варшавскія Записки“ стали падать и затѣмъ, по причинѣ малаго числа подписчиковъ, окончили свое существованіе. Чисто-ученое направленіе не удовлетворяло уже большинство публики. Нѣкто Кицинскій, глубокій знатокъ древнихъ и новыхъ-литературъ, человѣкъ съ острымъ умомъ и бойкимъ перомъ, съ 1818 г. сталъ издавать новый журналъ „Tygodnik Polski“ (Еженедѣльникъ Польскій). Онъ первый положилъ гонораръ авторамъ по 30 злотыхъ за самостоятельный и по 15 злотыхъ за переводный листъ, далъ мѣсто повѣстямъ и романамъ, создалъ фельетонъ, и журналъ его сдѣлался органомъ текущей жизни. Затѣмъ, онъ основалъ летучую газетку „Курьеръ Варшавскій“, которая до сихъ поръ составляетъ насущную потребность всякаго жителя Варшавы. Кицинскій зорко слѣдилъ за явленіями общественной жизни. Въ то время дуель была довольно частымъ и обыкновеннымъ явленіемъ; даже образовался кружокъ дерзкихъ нахаловъ, умѣвшихъ превосходно стрѣлять; они искали ссоръ и, пользуясь, какъ вызванные, правомъ перваго выстрѣла, были причиною не одной смерти. Дерзость и нахальство ихъ не имѣли границъ. Кицинскій оружіемъ безпощаднаго сарказма нанесъ ударъ этому пагубному направленію, сильно угнетавшему общество.

Когда періодическая пресса сдѣлалась органомъ современной жизни, ученыя сочиненія стали выходить отдѣльно.

Бентковскій издалъ въ двухъ томахъ исторію литературы польской. Какъ труды Ходаковскаго пробудили страсть къ изученію энтографіи, такъ труды Бентковскаго породили массу библіомановъ. Вблизи костеловъ появились мелкія лавочки съ книгами. Евреи поняли это настроеніе общества и запаслись библіографическими рѣдкостями, особенно книгами, печатанными готическимъ шрифтомъ. Изъ этихъ торговцевъ особенною популярностію пользовался еврей Гецель. Этотъ человѣкъ не умѣлъ читать ни на одномъ языкѣ, но какимъ-то чутьемъ угадывалъ цѣну каждой рѣдкости. У него можно было достать и сбыть всякую диковинку. Книга или другой антикъ, купленные не у Гецеля, носили названіе „ворона“. Около лавченки Гецеля толпилась молодежь, профессора, ученые и любители старины. Гецель нажилъ состояніе, открылъ зеркальную фабрику, разорился и потомъ вновь взялся за прежнее дѣло; но времена перемѣнились и онъ умеръ въ бѣдности.

Изъ числа собирателей старины заслуживаютъ быть упомянутыми:

Нѣмцевичъ, Свидзинскій и графъ Дзялынскій. Нѣмцевичъ написалъ исторію царствованія Сигизмунда III и издалъ въ шести томахъ собраніе памятниковъ, относящихся къ исторіи Польши. Свидзинскій въ молодости участвовалъ во всѣхъ тогдашнихъ политическихъ переворотахъ, былъ въ числѣ эмигрантовъ, и, послѣ амнистіи возвратившись на родину, исключительно предался наукѣ. Собранную имъ библіотеку и музей, Свидзинскій сдѣлалъ общественнымъ достояніемъ и завѣщалъ на поддержку ихъ имѣніе, оцѣненное въ 45,000 р.

Графъ Дзялынскій былъ неутомимымъ собирателемъ рѣдкостей. На вѣсъ золота пріобрѣлъ онъ собственноручныя письма Наполеона I, документы, относящіеся къ его итальянскому походу, планъ похода въ Испанію и разные политическіе проекты будущихъ границъ Австріи и Франціи, писанные Абрамтессомъ подъ диктовку императора, съ собственноручными его замѣтками на поляхъ. Всѣ эти документы неизвѣстны французскимъ историкамъ и даже издателямъ писемъ Наполеона I, изданныхъ по желанію Наполеона III. Библіотека Дзялынскаго весьма богата матеріалами, относящимися къ исторіи Польши XV вѣка.

Послѣдній король Польши положилъ основаніе народному театру, но творцемъ народной сцены должно признать Богуславскаго. Въ теченіи сорока лѣтъ, онъ былъ актеромъ, антрепренеромъ и написалъ до 100 піесъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Изъ нихъ напечатано 60 піесъ, въ двѣнадцати томахъ, съ приложеніемъ исторіи театра и жизнеописанія выдающихся актеровъ и актрисъ. Богуславскій, въ предисловіи къ каждой піесѣ, излагаетъ исторію ея появленія и упоминаетъ, что поправки въ нѣкоторыхъ піесахъ дѣлалъ собственноручно король на представленной ему рукописи.

Нѣкоторыя піесы и объясненія ясно рисуютъ духъ общества, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія комедія „Modne Spazmy“ (Модная истерика).

Изученіе исторіи повело къ созданію народной поэзіи; но критика строго держалась классической школы. Появленіе произведеній въ романтическомъ направленіи вызвало строгую критику.

Началась борьба между романтиками и классиками. Въ это время глава романтической школы, Мицкевичъ, занималъ скромное мѣсто учителя въ Ковно и въ 1823 году издалъ первыя свои произведенія въ двухъ томикахъ.

Варшавскіе критики отнеслись сурово къ этимъ произведеніямъ молодого поэта. Мицкевичъ, при изданіи новыхъ своихъ сочиненій, помѣстилъ въ видѣ предисловія статью: „О критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ“. Эта громовая статья убила не только классическую теорію, но уронила въ глазахъ молодого поколѣнія корифеевъ варшавской литературы. Явилось новое направленіе въ литературѣ, и новыя политическія тучи собирались надъ горизонтомъ Варшавы и Польши.

Ф. Неслуховскій.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

ГЕРМАНІЯ.

I.

Феодальный періодъ.

Обзоръ исторіографіи, касающейся феодальнаго или средневѣковаго періода Германіи, этой классической страны научной разработки исторіи—представляетъ значительныя затрудненія какъ по обширности, такъ и по спеціальному характеру большей части относящагося сюда матеріала. Мы поэтому ограничимся указаніемъ на самыя капитальныя явленія этой исторіографіи и остановимся только на немногихъ сочиненіяхъ, которыя, въ томъ или другомъ отношеніи, представляютъ особый интересъ для читателей „Историческаго Вѣстника".

Въ 1878 году пришло къ окончанію восьмымъ своимъ томомъ одно изъ самыхъ значительныхъ по учености и по своему вліянію научныхъ произведеній нашего вѣка—предпринятая тридцать лѣтъ тому назадъ Исторія государственнаго строя Германіи, Георга Вайца [1]). Это сочиненіе на долго будетъ служить справочной и руководящей книгой для всякаго рода изслѣдованій по политической и культурной исторіи не только Германіи, но и другихъ европейскихъ государствъ, въ составъ которыхъ вошелъ германскій элементъ. Сочиненіе Вайца не первая попытка историческаго объясненія политическаго и юридическаго строя Германіи, но она представляетъ собой важный методологическій успѣхъ въ этой области. Лѣтъ

---

[1]) Deutsche Verfassungsgeschichte von G. Waitz.

60 тому назадъ, Эйхгорнъ изобразилъ въ цѣльномъ и связномъ изложеніи исторію развитія политическаго и юридическаго быта своего народа, но при этомъ ему нерѣдко случалось переносить черты позднѣйшихъ эпохъ на болѣе раннія. Яковъ Гриммъ освѣтилъ въ своихъ разнообразныхъ изслѣдованіяхъ и особенно въ своей юридической археологіи множество бытовыхъ явленій, но онъ соединялъ при этомъ аналогическія явленія, не различая эпохъ и племенъ. Принявшись за дѣло послѣ нихъ и пользуясь ихъ результатами, Вайцъ считалъ всего болѣе необходимымъ, какъ онъ самъ говоритъ, „точнѣе различить главные моменты или ступени развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможно болѣе полную картину политическихъ учрежденій и народнаго быта во время отдѣльныхъ періодовъ". Этой задачей обусловливались какъ самый характеръ и методъ предпринятой работы, такъ и весь ходъ ея.

На первомъ планѣ стояли для Вайца источники и ихъ авторитетъ; каждый періодъ долженъ былъ быть изображенъ только на основаніи относящихся къ нему источниковъ. Вслѣдствіе этого, сочиненіе Вайца разбилось на нѣсколько до такой степени самостоятельныхъ частей, что онѣ стали даже выходить подъ отдѣльнымъ заглавіемъ. Первый томъ обнималъ римскую эпоху, второй — меровингскую; третій и четвертый—періодъ каролингскій, послѣдніе 4 тома соединены подъ общимъ заглавіемъ: Исторія государственнаго устройства Германіи отъ половины IX до половины XII вѣка. Первые четыре тома послѣдовали довольно быстро другъ за другомъ, потому что источники этого періода были, можно сказать, всѣ уже извѣстны и изучены; но въ совершенно иномъ положеніи находились источники для исторіи Германіи послѣ IX вѣка; они издавались и изучались, и тщательно взвѣшивались на глазахъ у Вайца и въ значительной степени благодаря его собственнымъ трудамъ и подъ его ближайшимъ руководствомъ и вліяніемъ. Это чрезвычайно задерживало ходъ его работы, заставляло автора медлить выводами и нерѣдко ставило эти выводы въ зависимость отъ новыхъ спеціальныхъ изслѣдованій, или отъ ожидаемаго критическаго изданія извѣстныхъ источниковъ. Не смотря на всѣ эти предосторожности и не смотря на то, что онъ не щадилъ никакого труда при собираніи и разработкѣ источниковъ, Вайцу пришлось признаться, что, во время печатанія послѣднихъ частей, въ нѣкоторыхъ новыхъ изданіяхъ памятниковъ появились на свѣтъ довольно важныя извѣстія, и высказать сожалѣніе, что ему уже не удалось воспользоваться монографіями Балцера, Цеймера и другихъ о военномъ устройствѣ, податяхъ и тому подобныхъ вопросахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Вайцу пришлось заявить о многихъ важныхъ пробѣлахъ относительно изданія и критической провѣрки подлинности различныхъ грамотъ и указать на зависимость, въ которой находится изслѣдователь государственнаго строя Германіи отъ успѣховъ архивныхъ работъ въ сосѣднихъ областяхъ, особенно въ

Бельгіи и Лотарингіи. Если государственная исторія Германіи до 1150 года—на которомъ остановилась работа Вайца—представляетъ такія затрудненія, то дальнѣйшая разработка этой исторіи по методу и плану Вайца становится пока совершенно невозможной; въ этихъ условіяхъ работы, а не въ томъ, что Вайцъ заступилъ теперь мѣсто Перца и принялъ на себя руководство знаменитымъ изданіемъ „Историческихъ памятниковъ Германіи"—нужно искать причину, почему самый ученый знатокъ исторіи учрежденій, государственнаго права и быта Германіи, отказался отъ продолженія своего великаго труда, который и въ неоконченномъ своемъ видѣ послужитъ школой для многихъ поколѣній европейскихъ ученыхъ.

Какъ на характеристическое явленіе научной исторіографіи въ Германіи укажемъ на исторію Баваріи, сочиненіе Сигмунда Рицлера, первый томъ которой доводитъ исторію этой страны на 880 стр. до 1180 года, т. е. до паденія Вельфской династіи. Когда извѣстное собраніе Исторіи европейскихъ государствъ, предпринятое въ началѣ нынѣшняго вѣка Гееренoмъ и Укертомъ, было возобновлено въ недавнее время подъ редакціей Гизебрехта—исторію Баваріи взялъ на себя вышеназванный ученый, извѣстный своими спеціальными работами по средневѣковой исторіи Германіи. Это была одна изъ самыхъ трудныхъ и, прибавимъ, неблагодарныхъ задачъ на обширномъ полѣ исторіографіи. Баварія представляетъ собой въ настоящее время самое значительное и самостоятельное изъ государствъ, вошедшихъ въ составъ новой германской имперіи. Духъ племеннаго и государственнаго партикуляризма вызвалъ въ Баваріи особый мѣстный патріотизмъ, выражающійся главнымъ образомъ въ культѣ отечественной исторіи и въ прославленіи исконной связи государства съ Виттельсбахской династіей. Поэтому, осенью прошлаго года, съ особенной торжественностью былъ отпразднованъ въ Баваріи семисотлѣтній юбилей этой династіи на баварскомъ престолѣ. По всей странѣ до самыхъ отдаленныхъ крестьянскихъ дворовъ въ альпійскихъ ущельяхъ можно было встрѣтить воззванія теперешняго короля къ своему народу, въ которомъ король благодаритъ баварцевъ за оказанную его дому въ теченіи семи вѣковъ преданность. Эту неизмѣнную вѣрность король признавалъ за прочную основу своего престола, за драгоцѣннѣйшій алмазъ въ своей коронѣ. Но та область, которую получилъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ предокъ нынѣшняго короля изъ рукъ императора Фридриха Барбароссы, представляетъ не много сходства съ теперешнимъ королевствомъ баварскимъ. Еще во время французской революціи въ предѣлахъ областей, вошедшихъ въ составъ Баваріи, состояло 68 самостоятельныхъ княжескихъ территорій, 15 вольныхъ городовъ, 2 вольныя деревни и нѣсколько вольныхъ дворянскихъ помѣстій. Только вслѣдствіе Наполеоновскаго разгрома и постановленій Вѣнскаго конгресса, все это сплотилось подъ державой созданнаго Пресбургскимъ миромъ 1805 г. Баварскаго королевства.

Этимъ мы объяснили трудности задачи, взятой на себя Рицлеромъ, и причину, почему подобныя попытки не удавались его предшественникамъ. Какъ изложить въ общемъ связномъ обзорѣ исторію этой политической мозаики и освѣтить въ одной общей рамкѣ различную судьбу баварскихъ, франкскихъ, швабскихъ и пфальцскихъ территорій, признающихъ теперь надъ собою общую власть короля Людвига II. Почтенный Рудгартъ въ своей „Древнѣйшей исторіи Баваріи" (въ 1841 году) именно такимъ образомъ понялъ свою задачу; но онъ довелъ свою исторію на 732 страницахъ только до 788 года и убѣдилъ своихъ читателей въ невозможности продолжать изложеніе на такомъ широкомъ основаніи. Несмотря однако на это, Конценъ (1853) снова принялся за дѣло совершенно такимъ же способомъ, но въ первомъ и послѣднемъ томѣ своей исторіи Баваріи довелъ ее только до начала X вѣка; притомъ онъ далъ своимъ читателямъ не столько историческое изложеніе, сколько обзоръ источниковъ и оставилъ нетронутыми самые важные вопросы.

Рицлеръ приступилъ къ своей задачѣ по другому болѣе правильному и легко исполнимому плану. Онъ не разбросался въ своихъ изслѣдованіяхъ по всей территоріи теперешняго Баварскаго королевства, а сосредоточился на исторіи баварскаго племени съ тѣмъ, чтобы отъ исторіи племени постепенно перейти къ исторіи государства. Такой пріемъ особенно приложимъ къ исторіи Баваріи, такъ какъ баварское племя сохранило болѣе всѣхъ другихъ нѣмецкихъ племенъ политическую цѣлость, что въ свою очередь чрезвычайно содѣйствовало сохраненію племенной индивидуальности. Почти въ теченіи семи вѣковъ баварское племя не поддавалось территоріальному дробленію и, за исключеніемъ одной только Каринтіи, представляло одно политическое тѣло.

Трудъ Рицлера былъ очень облегченъ научными работами другихъ ученыхъ, вышедшими въ послѣднія два десятилѣтія. Особенно многимъ обязанъ Рицлеръ относящимся къ баварской исторіи сочиненіямъ Дюмлера (Ostfränkisches Reich) и Гирша (Heinrich II), входящимъ въ составъ монументальнаго собранія анналистическихъ изслѣдованій по исторіи Германіи (Jahrbücher des Deutschen Reichs) начало которому было положено историческимъ семинаріемъ Ранке. Большую помощь оказали Рицлеру также „австрійская исторія" Бюдингера и „исторія императорской эпохи Германіи" Гизебрехта. Основаніемъ для юридическаго отдѣла въ его сочиненіи послужили Рицлеру труды Меркеля по изданію „Баварской правды"; для лингвистическаго отдѣла—переизданный мюнхенской исторической коммисіей лексиконъ Шмеллера; для политической географіи и генеалогіи—изслѣдованія графа Гундта и барона Эфеле и т. д.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ первая глава сочиненія Рицлера, озаглавленная „Страна и народъ". Давнишній споръ о происхожденіи баварцевъ Рицлеръ разрѣшаетъ здѣсь съ помощью линг-

вистическихъ и юридическихъ изслѣдованій, на основаніи указываемаго имъ родства между швабами и баварами, отражающагося въ языкѣ, въ названіи мѣстностей и въ народныхъ правдахъ. Такимъ образомъ Рицлеръ рѣшительно отвергаетъ гипотезу о кельтскомъ происхожденіи древнихъ баваровъ или баюваровъ, которую онъ называетъ смѣшной, а также предположеніе, что бавары принадлежали къ готскому племени. Зерномъ баварскаго племени Рицлеръ признаетъ древнихъ обитателей Баи (Богеміи)—свевскихъ Маркомановъ, къ которымъ могли примкнуть другія мелкія свевскія племена—Квады, Нариски и т. п. Это мнѣніе впервые было высказано Луденомъ, и затѣмъ подкрѣплено изслѣдованіями Цейсса, хотя и другимъ путемъ, чѣмъ у Рицлера. Что касается до отношеній пришельцевъ къ прежнимъ романизованнымъ обитателямъ страны, то, по мнѣнію Рицлера, вліяніе романскаго элемента „отразилось преимущественно только на земледѣліи и промышленности, тогда какъ въ государственномъ и военномъ строѣ, въ правѣ и религіи, въ соціальной и духовной области, германскій элементъ въ то время не подвергся вліянію римскаго“. Особенно щекотливымъ представлялся для историка древнихъ баваровъ вопросъ о духовныхъ свойствахъ и культурныхъ способностяхъ этого племени, такъ какъ этотъ вопросъ былъ очень раздутъ племеннымъ самолюбіемъ и антагонизмомъ, вызваннымъ различіемъ культуры. Съ точки зрѣнія передовой сѣверо-германской или протестантской культуры, баварцы представлялись чѣмъ то въ родѣ тупыхъ и тяжелыхъ беотійцевъ, а на эти насмѣшки баварцы отвѣчали съ своей стороны непомѣрными притязаніями. Рицлеръ старается устранить—крайности и свести вопросъ о свойствахъ и способностяхъ племени, на вопросъ о вліяніи его исторической судьбы и условій его культурнаго развитія. Способности и историческое значеніе баварскаго племени, говоритъ Рицлеръ, также часто цѣнились внѣ предѣловъ Баваріи слишкомъ низко, какъ они преувеличивались въ самой странѣ. Не слѣдуетъ забывать, что баварцы вошли гораздо позднѣе чѣмъ ихъ сосѣди въ кругъ западно-христіанской культуры, что ихъ страна большею частью состоитъ изъ горъ или изъ суроваго плоскогорья и населеніе ея поэтому гораздо рѣже, чѣмъ во всѣхъ другихъ областяхъ Германіи. Рицлеръ находитъ „благопріятное свидѣтельство въ пользу способностей племени въ томъ, что оно несмотря на указанныя препятствія, можетъ быть, уже въ концѣ Каролвингской эпохи, во всякомъ же случаѣ въ началѣ XI вѣка, догоняетъ сосѣднія племена въ духовной культурѣ, не смотря на то, что оно было далеко отброшено назадъ венгерскимъ погромомъ въ X столѣтіи; въ XII же и XIII вѣкахъ оно въ нѣкоторыхъ направленіяхъ даже опережаетъ своихъ соплеменниковъ. Впослѣдствіи, правда, распространились по странѣ въ ужасающихъ размѣрахъ духовный застой и отупѣніе; но средневѣковое развитіе баварскаго народа побуждаетъ насъ объяснить это явленіе не прирожденными свойствами племени, а его воспитаніемъ“.

Въ первомъ своемъ томѣ Рицлеръ не имѣлъ повода полнѣе выяснить свою мысль, но изъ приведенныхъ словъ можно заключить, что и онъ объясняетъ отсталость Баваріи въ культурѣ клерикальнымъ господствомъ.

Во II книгѣ заслуживаетъ вниманія значеніе, которое придаетъ Рицлеръ владычеству каролинговъ для дальнѣйшаго развитія государственныхъ формъ въ Баваріи. Послѣ раздѣленія имперіи Карла Великаго между его потомками, нѣмецкіе каролинги—Людовикъ нѣмецкій, Карльманъ и Арнульфъ, перенесли свое мѣстопребываніе въ Баварію. Эта область сдѣлалась такимъ образомъ какъ-бы ядромъ новаго Остфранкскаго государства (Германіи) и занимала первенствующее положеніе среди другихъ нѣмецкихъ областей. Рицлеръ утверждаетъ, что послѣдствія этого преимущества еще и теперь даютъ себя чувствовать. Когда маркграфъ Арнульфъ возстановилъ, въ началѣ X вѣка послѣ прекращенія каролингской династіи, племенное герцогство въ Баваріи, онъ смотрѣлъ на свою герцогскую власть только какъ на продолженіе королевской власти баварскихъ каролинговъ и въ тѣсныхъ предѣлахъ герцогства пользовался всѣми верховными правами королей. Все что впослѣдствіи случилось, уже не могло въ главныхъ чертахъ съузить права герцогской власти и стереть слѣды ея происхожденія, и не даромъ Ламбертъ Герсфельдскій (лѣтописецъ XI вѣка) называетъ герцогскій санъ въ Баваріи „свѣтлѣйшимъ и во мнѣніи людей высшимъ званіемъ (Würde) въ имперіи“.

Какъ видно изъ этого, историкъ Баваріи старается подпереть самостоятельность и современное значеніе Баваріи въ Германской имперіи двумя исконными элементами—національнымъ (племеннымъ) и государственнымъ, выводя нынѣшнюю королевскую власть въ Баваріи непосредственно изъ древней власти Карла Великаго и первыхъ нѣмецкихъ королей. Та же мысль просвѣчиваетъ и въ третьей книгѣ, обнимающей періодъ отъ 907—995, гдѣ Рицлеръ выставляетъ родоначальника теперешняго королевскаго рода Виттельсбаховъ—потомкомъ Гуозіевъ, одного изъ пяти старинныхъ почетныхъ родовъ среди баварцевъ, о которыхъ упоминаетъ древняя Баварская правда. Изъ этого очерка видно, что книга Рицлера не смотря на археологическій предметъ ея и на чисто научное значеніе изслѣдованія, вводитъ насъ въ самую суть современныхъ политическихъ интересовъ и страстей въ Германіи; еще болѣе общаго интереса, особенно для русскихъ читателей, имѣетъ другое археологическое изслѣдованіе, на которомъ мы считаемъ нужнымъ внимательно остановиться—изслѣдованіе Инспрукскаго профессора Инамы-Штернегга „О развитіи крупнаго землевладѣнія въ Германіи въ эпоху Каролинговъ“ [1]).

Содержаніе этой небольшой книги, результаты которой уже пере-

---

[1]) Dr. K. Th. Inama-Sternegg. Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland während der Karolingerzeit.

шли въ болѣе объемистое сочиненіе того же автора — „Исторія нѣмецкаго народнаго хозяйства"—заключается въ указаніи экономическихъ причинъ, вызвавшихъ среди первобытныхъ поселенцевъ Германіи крупное землевладѣніе и вліяніи, которое имѣли помѣстья на развитіе хозяйственнаго прогресса и народнаго богатства.

Авторъ отправляется въ своемъ изслѣдованіи отъ мысли, что переселеніе народовъ отбросило германскія племена, можно сказать, на нѣсколько вѣковъ назадъ въ ихъ соціальномъ и политическомъ развитіи, такъ что хозяйственный бытъ ихъ послѣ переселенія даже скорѣе соотвѣтствуетъ быту воинствующихъ свевовъ, изображенному Цезаремъ, чѣмъ болѣе осѣдлому и развитому быту, который начертанъ полтора вѣка спустя Тацитомъ въ его Германіи. Еще въ началѣ франкскаго періода (т. е. въ концѣ V вѣка) едва можетъ быть и рѣчь о соціально-хозяйственной организаціи, такъ какъ политическимъ союзамъ того времени — ихъ нельзя еще обозначать словомъ государство—предстояло заниматься совершенно иными задачами. Другіе болѣе мелкіе союзы политическаго и административнаго характера, по которымъ группировалось населеніе — графства, волости (Gau) и сотни, также мало служили интересамъ общественнаго хозяйства, и единственнымъ органомъ послѣднихъ была землевладѣльческая община (Markgenossenschaft), которая вообще представляетъ древнѣйшую форму общественной и хозяйственной организаціи у германцевъ. Но намъ мало извѣстно о происхожденіи этой поземельной общины, о ея составѣ, вообще о ея сущности, и то, что мы можемъ сказать о ней, болѣе основано на комбинаціи различныхъ историческихъ данныхъ, чѣмъ на свидѣтельствѣ источниковъ. Что касается до вопроса о происхожденіи общины, то обыкновенно полагаютъ, что она развилась изъ семьи — изъ родового союза, но переросла его и представляетъ собой союзъ уже утратившій родовыя черты,—но Инама-Штернеггъ, опираясь на нѣкоторыя свидѣтельства источниковъ, приписываетъ поземельной общинѣ у древнихъ германцевъ чисто родовой строй; онъ вообще примыкаетъ къ ученію Зибеля и Гансена и признаетъ, вопреки теоріи Вайца, родовой бытъ первоначальной общественной формой у германцевъ, подобно тому какъ этотъ же бытъ лежалъ въ основаніи ихъ войсковаго строя, такъ какъ роды представляли собой первичныя группы или отряды, составлявшіе войско. Поземельная община, по мнѣнію Инамы-Штернегга, не имѣла никакого политическаго значенія, вліяніе ея проявлялось только въ области семейной или родовой жизни. Но при постепенномъ переустройствѣ общины, посредствомъ ухода однихъ членовъ и наплыва другихъ, „родовая связь, которою она первоначально держалась, стала слабѣть и мѣсто родовыхъ союзовъ заступили мѣстные союзы—общины сосѣдей, связанныхъ общими интересами, вытекающими изъ смежности владѣній, особенно по отношенію къ невоздѣланнымъ землямъ, т. е. лѣсамъ и пастбищамъ, находившимся въ общемъ пользованіи; при этомъ не можетъ быть рѣчи

о равномъ общественномъ положеніи членовъ общины, объ имущественномъ равенствѣ, какое могло существовать въ древнѣйшей родовой общинѣ; равенство существуетъ только относительно права пользованія общинными угодьями (Allmend). Поземельная община обнаруживаетъ мало вліянія на отдѣльныхъ членовъ своихъ; число ея членовъ безпрестанно измѣняется и она не имѣетъ возможности этому помѣшать; да и въ хозяйственномъ отношеніи ея вліяніе мало чувствуется. Въ франкскую эпоху каждый членъ общины еще сохраняетъ право свободной расчистки общественной земли подъ пашню (Rodung); подобнымъ образомъ господствовалъ принципъ, что вся земля, на которой нѣтъ плодовъ, выращенныхъ человѣческимъ трудомъ, подлежитъ общему пользованію. Поэтому, земля воздѣланная огораживалась; существовали общественные пастухи, а колодцы, родники, ручейки, дороги, мельницы и кузни, состояли подъ покровительствомъ народнаго права, такъ какъ они составляли какъ бы общественное достояніе. За то объ общей собственности полей, т. е. распаханной и воздѣлываемой земли, о которой идетъ рѣчь у Цезаря и даже еще у Тацита, въ франкскую эпоху уже нѣтъ помина,—но у всякаго свободнаго человѣка своя личная поземельная собственность; къ тому же ему принадлежитъ право пользованія общественными угодьями. Хотя источники не достаточно ясно обрисовываютъ намъ значеніе поземельной общины какъ низшаго звѣна въ группировкѣ населенія, по можно думать, что это значеніе было довольно важно для членовъ ея и даже необходимо; однако же, поземельная община была не достаточно сильна, чтобы удовлетворить возрастающимъ потребностямъ времени и потому она была оттѣснена на задній планъ другими болѣе могущественными формаціями—а именно развитіемъ господскаго помѣстья (Grundherrschaft). „Для сохраненія существующаго, говоритъ Инама-Штернеггъ (стр. 24), для спокойнаго, непрерывнаго, но связаннаго узкими рамками неразвитой хозяйственной жизни поземельная община была очень пригодна. Но какъ скоро эти предѣлы были достигнуты и потребности увеличившагося населенія, а также расширившіяся требованія отъ жизни сдѣлали необходимымъ дальнѣйшій успѣхъ, дѣятельность поземельной общины оскудѣла и только возникновеніе новыхъ организаціонныхъ силъ было въ состояніи вызвать ее къ новой жизни“.

Этими новыми организаціонными силами являются крупныя помѣстья. Прежде чѣмъ объяснить ихъ возникновеніе и ихъ хозяйственное значеніе, Инама-Штернеггъ представляетъ во второй главѣ своего изслѣдованія замѣчательную попытку статистическаго обозрѣнія крупнаго и мелкаго землевладѣнія въ Германіи въ VIII и IX вѣкѣ. Неравенство въ землевладѣніи быстро развивается въ Германіи и особенно IX вѣкъ представляетъ намъ замѣчательное скопленіе землевладѣнія. Короли, герцоги, графы, особенно же церковь владѣютъ уже очень крупными помѣстьями. Впрочемъ, что ка-

сается до Алеманніи и Баваріи, то изъ грамотъ того времени можно сдѣлать заключеніе, что здѣсь землевладѣніе, помимо отдѣльныхъ исключеній, было равномѣрнѣе распредѣлено между свободными людьми и вообще было незначительно по размѣрамъ; при чемъ въ Алеманніи помѣстья богатыхъ людей были меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ Баваріи.

При изложеніи причинъ и способа возникновенія крупныхъ помѣстій въ Германіи Инама-Штернеггъ справедливо устраняетъ вліяніе завоеванія, указывая въ этомъ отношеніи на различіе между Франціей и Германіей. Незначительное число завоевателей захватило романизованную Галлію и малоземельные до того времени франки, присвоивъ себѣ римскія латифундіи, внезапно и безъ труда превратились въ крупныхъ землевладѣльцевъ. Рядомъ съ этими крупными помѣстьями трудно было удержаться мелкимъ свободнымъ землевладѣльцамъ. Въ Германіи же, гдѣ никакое римское населеніе не повліяло на общественныя и хозяйственныя отношенія, послѣ переселенія народовъ всякому досталась подобающая ему доля (secundum dignitatem, какъ говоритъ Тацитъ о своемъ времени). Подобнымъ образомъ Инама-Штернеггъ устраняетъ и другую причину, посредствомъ которой часто объясняютъ быстрое развитіе крупнаго землевладѣнія—феодальныя отношенія и учрежденія. Инама-Штернеггъ принадлежитъ къ той школѣ историковъ, которые въ основаніе всѣхъ переворотовъ въ народной жизни кладутъ экономическія причины, политическій бытъ объясняютъ хозяйственнымъ, а не наоборотъ и потому и феодализмъ объясняютъ изъ экономическихъ условій. Крупныя перемѣны хозяйственныхъ отношеній въ Германіи, говоритъ Инама-Штернеггъ, не вызваны, какъ обыкновенно думаютъ, имунитетомъ, бенефиціяльными отношеніями, прекаріей, сеніоратомъ и вассалитетомъ и нельзя утверждать, что всѣ эти учрежденія вызваны одной, такъ сказать, руководящей политической мыслію, напротивъ „стихійныя силы народной жизни создали отношенія и бытъ (Zustände), которыя получили въ бенефиціяхъ и въ вассалитетѣ юридическое опредѣленіе и политическое значеніе".

И такъ не завоеваніе и не проникшій изъ Франціи феодализмъ создали въ Германіи крупное землевладѣніе, оно образовалось самобытно изъ естественныхъ условій страны. Уже при самомъ занятіи новыхъ земель поселенцы распредѣляли ихъ не поровну между собою, а сообразно съ достоинствомъ отдѣльныхъ лицъ. Инама-Штернеггъ полагаетъ, что подъ выраженіемъ по достоинству, которое употребилъ Тацитъ, слѣдуетъ разумѣть различіе виры. Скопленіе нѣсколькихъ участковъ въ однихъ рукахъ (особенно въ рукахъ монастырей), дробленіе другихъ между многочисленными наслѣдниками должны были еще болѣе увеличить неравномѣрность. Но этого было бы недостаточно для объясненія тѣхъ громадныхъ помѣстій, той сильной концентраціи земли, которую представляетъ намъ IX вѣкъ.

Явленіе это объясняется только общимъ ходомъ экономической жизни и неудовлетворительностью поземельной общины въ народномъ хозяйствѣ. Общественный и хозяйственный бытъ въ Германіи въ эпоху послѣ переселенія народовъ былъ крайне неразвитъ: политической организаціи, можно сказать, вовсе не существовало, и сама поземельная община только въ весьма слабыхъ размѣрахъ содѣйствовала благосостоянію своихъ членовъ. Каждый изъ нихъ стоялъ одиноко въ своей хозяйственной дѣятельности и каждое отдѣльное хозяйство должно было само производить все необходимое для жизни и само быть потребителемъ своихъ произведеній, такъ какъ обмѣнъ былъ еще совершенно неразвитъ.

„Первоначальное равенство земельныхъ участковъ, говоритъ Инама-Штернеггъ (стр. 44), по крайней мѣрѣ для громаднаго большинства свободныхъ землевладѣльцевъ, одинаковый способъ и одинакіе результаты производства, одинакія потребности жизни придаютъ экономическому быту того времени отпечатокъ первобытной простоты. Пока еще держалась родовая связь между поселянами, въ ихъ хозяйственной дѣятельности существовало хотя нѣкоторое раздѣленіе труда. Поземельная же община, т. е. смѣнившее родовую связь общество сосѣдей, не представляла никакой почвы для дальнѣйшаго развитія въ этомъ отношеніи. Въ общинахъ, гдѣ существовала подворная система, т. е. гдѣ поселенцы жили отдѣльными, раскинутыми на большомъ пространствѣ дворами не существовало даже личной связи между общинниками; тамъ гдѣ поселенцы жили деревнями, эта связь имѣла нѣкоторое значеніе, но ее парализовали особенныя затрудненія, которыя представляла черезполосность полей для отдѣльнаго хозяйства.

Торговли, продажи или обмѣна произведеній какъ бы и не было Если и случалось иному мелкому хозяину свезти на рынокъ избытокъ своего производства или сбыть ихъ проѣзжему торговцу, то это бывало слишкомъ рѣдко и невѣрно, чтобы хозяйство могло сообразоваться съ такимъ сбытомъ. Правда, община съ своими общими угодьями представляла возможность для расширенія хозяйства; но только тамъ, гдѣ населеніе возрастало, оно могло этимъ воспользоваться; затѣмъ и здѣсь разработка общественной земли только временно могла расширить хозяйство семьи. Семья дѣлилась, дѣти заводили свое особенное хозяйство и такимъ образомъ выигрывала развѣ только община тѣмъ, что площадь воздѣланной земли въ ней расширялась, отдѣльныя же хозяйства ничего не выигрывали въ экономической силѣ. Тяжелыя послѣдствія такого разъединенія должны были становиться все болѣе ощутительными по мѣрѣ истощенія легко воздѣлываемой почвы; ибо предпринимать трудную, сопряженную съ большой затратой культурную работу—мелкій хозяинъ, предоставленный собственнымъ силамъ, былъ не въ состояніи, община же ему содѣйствія не оказывала; изрѣдка только соединялись на общую работу родственники, чтобы по обычаю предковъ воздѣлать участокъ новой земли.

Такое положеніе дѣла приводило страну къ экономическому застою. Выходомъ изъ этого положенія послужили крупныя помѣстья. Крупное землевладѣніе съ одной стороны было вызвано экономическимъ неустройствомъ страны, съ другой стороны было необходимымъ средствомъ для устраненія экономическаго застоя и поднятія страны на болѣе развитую ступень хозяйственнаго быта.

Послѣ окончательнаго разселенія различныхъ племенъ по Германіи между поселеніями остались громадныя пространства пустопорожнихъ земель, преимущественно лѣсовъ. „Приступить къ этимъ пустырямъ, расчистить въ нихъ лѣсъ, воздѣлать почву должно было быть первой задачей народнаго хозяйства", первымъ залогомъ его расширенія; и дѣйствительно, говоритъ Инама-Штернеггъ, оккупація такихъ мѣстностей и слѣдовавшая за тѣмъ разработка ихъ играютъ главную роль въ экономической дѣятельности древнѣйшей эпохи. Но тутъ то и давало себя чувствовать экономическое разъединеніе членовъ общины. Нигдѣ, говоритъ нашъ авторъ, колонизаторская дѣятельность не исходитъ отъ общины; для древнѣйшей эпохи не существуетъ даже никакихъ данныхъ, которыя дозволили бы предположить участіе (Ingerenz) общины въ дѣлѣ расчистки лѣсовъ (Rodungen). Какъ въ предѣлахъ общины, такъ и внѣ ея отдѣльный хозяинъ обращаетъ лѣсъ подъ пашню по мѣрѣ своихъ экономическихъ силъ. Но расчистка лѣсной почвы требовала затраты большаго капитала, главнымъ образомъ въ рабочихъ силахъ, которыя однако были въ распоряженіи немногихъ. При такомъ положеніи дѣла понятно, что всего усерднѣе расчищался лѣсъ именно тѣми, которые располагали большимъ числомъ зависѣвшихъ отъ нихъ людей, и что крупное землевладѣніе, происшедшее отъ превращенія лѣса въ пашню, возникало преимущественно тамъ, гдѣ обширные пустыри представляли болѣе удобства для этого".

Отсюда вовсе не слѣдуетъ, что расчистка была исключительно дѣломъ тѣхъ, которые уже рано выдавались своимъ экономическимъ превосходствомъ изъ толпы свободныхъ мелкихъ хозяевъ. И эти послѣдніе также пользовались случаемъ, который представляли имъ обширныя общественныя угодья или сосѣдніе пустыри для того, чтобы пріобрѣсти землю сверхъ принадлежавшаго имъ въ общинѣ участка, чтобы расчистить новое поле для младшихъ сыновей или принятыхъ въ домъ родственниковъ. Но при ограниченности ихъ рабочихъ силъ дѣятельность ихъ происходила въ узкихъ предѣлахъ, тѣмъ болѣе, что расчищенный участокъ, если владѣлецъ потомъ не былъ въ состояніи его воздѣлать, возвращался опять въ распоряженіе общины и не могъ быть сохраненъ владѣльцемъ, чтобы впослѣдствіи служить ему предметомъ продажи или мѣны.

Поэтому все, что извѣстно о большихъ расчисткахъ въ каролингскую эпоху, исходитъ отъ крупныхъ владѣльцевъ, прежде всего отъ государей или князей—причемъ Карлъ Великій долженъ быть при-

знанъ преимущественно передъ всѣми самымъ крупнымъ колонизаторомъ—затѣмъ отъ церкви и отъ монастырей и наконецъ отъ отдѣльныхъ лицъ. Мы не станемъ останавливаться на первыхъ двухъ видахъ колонизаціи и приведемъ только относительно послѣдней категоріи два любопытныхъ примѣра. Изъ одной грамоты отъ 811 года мы узнаемъ, что саксонецъ Амалунгъ, оставившій свою родину вслѣдствіе завоеванія ея Карломъ Великимъ, пришелъ къ верховьямъ рѣкъ Везера и Фульды и занялъ тамъ (proprisit sibi) часть лѣса называвшагося Бухоніей. Объемъ этого участка, владѣніе которымъ Карлъ Великій утвердилъ въ 811 за сыномъ Амалунга, опредѣляется тѣмъ, что имѣлъ 24 версты въ окружности. Участокъ подобнаго же объема колонизировалъ около 800 года саксонскій графъ Гидди съ своимъ сыномъ.

Такимъ образомъ Инама-Штернеггъ приходитъ къ выводу, что крупное замлевладѣніе въ Германіи преимущественно произошло изъ расчистки лѣсовъ. Но если такая расчистка въ обширныхъ размѣрахъ была возможна только для людей располагавшихъ рабочею силою другихъ, то съ другой стороны возникновеніе крупныхъ владѣній сдѣлалось могущественнымъ стимуломъ въ стремленіи добывать себѣ рабочія силы, подчинять себѣ другихъ, ибо занятіе большихъ участковъ было тогда только выгодно, если соразмѣрно съ увеличеніемъ владѣній росла и рабочая сила, прилагаемая къ нимъ. Въ третьей главѣ своей Инама-Штернеггъ отчетливо обозрѣваетъ послѣдствія такого стремленія крупныхъ землевладѣльцевъ увеличивать число зависящихъ отъ нихъ людей и способы, посредствомъ которыхъ оно осуществлялось. Отсутствіе капитала исключало въ то время всякую иную форму народнаго хозяйства (напр. посредствомъ найма рабочихъ или фермеровъ) кромѣ земледѣлія посредствомъ зависимыхъ людей. Послѣдніе добывались частью посредствомъ покупки рабовъ—въ Германіи однако число рабовъ, которые могли быть предметомъ торговли, было немногочисленно и вывозъ ихъ напр. въ Галлію превосходилъ ввозъ—но въ гораздо большихъ размѣрахъ посредствомъ подчиненія свободныхъ людей. Это подчиненіе совершалось двумя путями—добровольно и по принужденію. Туземцы не имѣвшіе земли и пришельцы рѣдко находили себѣ убѣжище и осѣдлость въ поземельныхъ общинахъ, въ крупныхъ же помѣстьяхъ ихъ принимали охотно. Тамъ же находили себѣ пріютъ младшіе сыновья общинниковъ, на долю которыхъ не достало отцовскаго наслѣдства. Затѣмъ для сколькихъ мелкихъ хозяевъ, попавшихъ въ стѣсненныя обстоятельства представлялось только одно средство къ избавленію отъ вѣрнаго разоренія—передача своего участка какому нибудь крупному владѣльцу и полученіе его назадъ въ видѣ бенефиція? Особенно замѣтно распространяется обѣдненіе мелкихъ хозяевъ и вступленіе ихъ вслѣдствіе этого въ зависимое положеніе въ эпоху каролингскую. Инама-Штернеггъ объясняетъ это отчасти быстрымъ экономи-

ческимъ подъемомъ нѣмецкихъ областей имперiи, который всегда влечетъ за собой развитiе потребностей массы и быстрое обогащенiе немногихъ; но еще больше повлiяли на разоренiе мелкихъ хозяевъ многiя политическiя и соцiальныя причины, которыя давали крупнымъ собственникамъ и преимущественно должностнымъ лицамъ возможность приводить въ личную отъ себя зависимость свободныхъ хозяевъ: всеобщая военная повинность, особенно разорительная вслѣдствiе частыхъ войнъ Карла Великаго,—карательная система народныхъ правдъ, налагавшая за всѣ преступленiя большiе денежные штрафы, отчего многiе впадали въ неоплатные долги и кабалу—наконецъ предоставленная графамъ и сеньёрамъ власть для сборовъ военнаго ополченiя, которая давала имъ возможность посредствомъ различныхъ злоупотребленiй увеличивать число зависимыхъ отъ нихъ людей.

Если духовныя лица и церковныя учрежденiя и не располагали политической властью для увеличенiя на своихъ земляхъ числа подначальныхъ людей, то въ ихъ интересахъ дѣйствовали другiе сильные мотивы. Забота о спасенiи души заставила многихъ отдать себя и свое имущество церкви; церковь представляла убѣжище для раба, спасавшагося отъ гнѣва своего господина; она побуждала умирающихъ отпустить для блага души на волю рабовъ и приписать ихъ къ церкви. Такимъ образомъ соединялись политическiя и религiозныя побужденiя, экономическое стѣсненiе и принужденiе сверху, безпомощность и разсчетъ на болѣе обезпеченное и привольное положенiе подъ покровительствомъ сильнаго человѣка и все это вело къ одному общему результату—увеличенiю числа зависимаго населенiя въ крупныхъ помѣстьяхъ.

Крупныя помѣстья возникали однако не на однихъ новыхъ земляхъ, они слагались также среди поземельныхъ общинъ черезъ соединенiе нѣсколькихъ дворовъ въ одно помѣстье посредствомъ наслѣдства, или купли или же проникали извнѣ въ поземельныя общины посредствомъ прiобрѣтенiя тамъ какого-нибудь двора или участка (особенно напр. со стороны монастырей). Проникнувшiя въ общину помѣстья постепенно приводили ее къ разложенiю, такъ какъ она была основана на принципѣ равноправности членовъ, крупные же собственники прiобрѣли значительный перевѣсъ надъ другими членами общины и потому гораздо лучше могли пользоваться экономическими выгодами, которыя представляла община особенно относительно общественныхъ угодiй. Нерѣдко удавалось этимъ крупнымъ членамъ общины привести ее въ полную отъ себя зависимость. Общинныя угодья въ такихъ случаяхъ становились исключительно или покрайней мѣрѣ преимущественно владѣнiемъ главнаго собственника и участiе въ общемъ пользованiи ими, которое предоставлялъ онъ другимъ членамъ общины, все болѣе принимало видъ добровольно съ его стороны уступленной льготы. Этотъ переворотъ въ правовыхъ понятiяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ фактическомъ примѣненiи права настолько уже

совершился въ IX в., что нашелъ себѣ выраженіе въ тогдашнихъ юридическихъ памятникахъ (въ формулахъ). А отъ соціальнаго преобладанія надъ общиной былъ только одинъ шагъ къ политической власти надъ ней. Изъ среды крупныхъ собственниковъ избирались должностныя лица областнаго управленія, а эти должности сдѣлались наслѣдственными въ нѣсколькихъ семьяхъ и послужили для нихъ новымъ источникомъ обогащенія—для другихъ же членовъ общины онѣ стали причиной бѣдности и порабощенія. Послѣднимъ звѣномъ въ развитіи этого соціально-политическаго процесса было образованіе сеніората и имунитета. Такимъ образомъ крупные землевладѣльцы въ VIII и IX в. присвоили себѣ „роль народныхъ вождей въ процессѣ развитія національной жизни"; на ихъ долю выпала задача—разъясненіе этого предмета составляетъ содержаніе послѣдней главы Инамы-Штернегга — „посредствомъ болѣе крѣпкаго соціальнаго строя сдѣлать націю способной къ достиженію лучшихъ экономическихъ результатовъ и на этой основѣ къ болѣе высокой ступени культурной жизни". Конечно нельзя предположить, чтобы крупные собственники (die Grundherren) ясно сознавали эти цѣли, но сами обстоятельства ихъ на то наталкивали. Хозяйственный прогрессъ былъ возможенъ лишь подъ условіемъ, чтобы отдѣльные хозяева выступили изъ своего прежняго разъединенія (Isolirung) и во взаимной связи стремились блюсти интересы общества и содѣйствовать ихъ развитію. Въ этомъ дѣлѣ крупный землевладѣлецъ былъ естественнымъ посредникомъ и вождемъ, къ которому примыкали слабыя хозяйства. Первой его задачей была организація труда, ибо на его землѣ жили рядомъ съ многочисленными крѣпостными, чиншовые крестьяне и свободные, которые находились въ большей или меньшей зависимости отъ помѣщика. Инама-Штернеггъ дѣлаетъ очень интересное сравненіе между помѣщичьимъ хозяйствомъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ приходится опять указывать на различіе между церковными и монастырскими имѣніями относительно способа веденія хозяйства и извлеченія доходовъ. Вообще говоря у свѣтскихъ помѣщиковъ было больше крѣпостныхъ, меньше подвластныхъ крестьянъ (Schutzleute), тогда какъ послѣдній разрядъ преимущественно встрѣчается на церковныхъ земляхъ и число крѣпостныхъ (Leibeigene) здѣсь вслѣдствіе частыхъ отпущеній на волю постоянно уменьшается, число же подначальныхъ все увеличивается. Это между прочимъ зависѣло отъ того, что въ свѣтскихъ помѣстьяхъ почти вездѣ велось собственное хозяйство, была своя запашка и потому была нужна помощь рабочихъ силъ, которая достигалась посредствомъ барщины; епископы же и прелаты обыкновенно не имѣли своего хозяйства и предпочитали получать хотя небольшой оброкъ натурой и особенно деньгами. Число зависимыхъ людей различныхъ категорій въ большихъ помѣстьяхъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Всѣ эти силы нужно было распредѣлить по возможности цѣлесообразно въ обширномъ хозяйствѣ. На помѣщичьемъ

дворѣ (Herrenhof) жили тѣ, которые должны были содержать господскую семью, т. е. воздѣлывать господскія поля, нести дворовую службу, изготовлять одежду и пр.; мы находимъ поэтому на этихъ дворахъ всевозможныхъ рабочихъ и ремесленниковъ. Все что нужно было для поддержанія человѣческой жизни, для того чтобы сдѣлать ее удобной и украсить ее, производилось здѣсь. Сюда же стекались оброки и дань подначальныхъ людей, и при этомъ имѣлось въ виду, чтобы эти оброки по возможности удовлетворяли всѣмъ потребностямъ жизни и потому мы находимъ въ чиншовыхъ реестрахъ самые разнообразные предметы. Сличеніе такихъ реестровъ относящихся къ различнымъ эпохамъ и сопоставленныхъ у Инамы-Штернегга даетъ намъ возможность слѣдить за тѣмъ, какъ возникали новыя культурныя потребности и развивалось народное хозяйство. Въ древнѣйшихъ уставныхъ грамотахъ отъ церковныхъ рабовъ требуется только доставка пива, хлѣба, куръ и яицъ. Но постепенно къ этому прибавляются новые предметы: овца, воскъ, одежда, желѣзо, земледѣльческое орудіе. Однажды упоминается въ грамотѣ С. Галленскаго монастыря о дани хищными животными, что даетъ поводъ сдѣлать заключеніе о хозяйственной предусмотрительности монастыря. Но особенно разнообразенъ реестръ Прюмскаго монастыря 893 года (около Трира). Здѣсь перечисляются до 30 различныхъ предметовъ; кромѣ всевозможныхъ сортовъ зерна и домашнихъ животныхъ, тутъ упоминается о горчицѣ и о навозѣ, что конечно указываетъ на быстрое развитіе хозяйственной дѣятельности. Землевладѣльцы разводятъ виноградъ, откармливаютъ скотъ на чиншовыхъ дворахъ, стараются различными льготами и бенефиціями привлечь ремесленниковъ и содѣйствуютъ такимъ образомъ распространенію промышленности.

Эта масса подначальныхъ людей не представляла собой безсвязной толпы, но образовала новую соціально-политическую группу — господскую или дворовую общину (Hofgenossenschaft). На эту новую ассоціацію, связанную властью господина, перешли существенныя черты поземельной общины (Markgenossenschaft). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ помѣстье выросло среди поземельной общины, послѣдняя постепенно преобразовывалась, т. е. продолжала существовать непрерываясь, хотя и на иномъ юридическомъ основаніи. Членъ дворовой общины (der Hofgenosse) сохранялъ свое прежнее право пользованія общинными угодьями, хотя и не въ качествѣ члена свободной поземельной общины. Но даже и въ тѣхъ деревняхъ, которыя заводились землевладѣльцами съ помощью своихъ людей въ совершенно ненаселенныхъ мѣстностяхъ или которыя выстраивались ими на просторныхъ пустыряхъ какого нибудь одинокаго двора (Einzelhof), чрезвычайно легко и просто слагалась новая община, понятія и преданія которой всякій приносилъ съ собой изъ своего прежняго мѣстопребыванія и экономическая основа которой—общинныя угодья (die gemeine Mark) также легко создавалась на новомъ мѣстѣ, какъ она была необходима для перво-

бытнаго, неразвитого хозяйства (für den rohen Wirthschaftsbetrieb стр. 87).

Не смотря на различныя натуральныя и денежныя повинности, которыя несли подчиненные господскому двору люди, экономическое положеніе ихъ представляло много преимуществъ сравнительно съ положеніемъ членовъ свободной поземельной общины; они находились подъ покровительствомъ своего патрона, были избавлены отъ тягостной военной службы, забота объ общественныхъ дѣлахъ лежала на ихъ господинѣ и они могли спокойно воздѣлывать свое поле. Главное же преимущество состояло въ томъ, что они были болѣе обезпечены на случай нужды, которая въ тѣ времена безпрестанно представлялась въ всевозможныхъ формахъ. „Когда неурожай и война или собственная вина лишали ихъ плодовъ трудовой дѣятельности, и свободный человѣкъ въ подобномъ положеніи не зналъ бы, куда ему дѣваться и чѣмъ жить, тогда имъ приходилось оцѣнить значеніе ихъ хозяйственной связи съ господскимъ дворомъ". Инама-Штернеггъ приводитъ различные факты, указывающіе на хозяйственную помощь, которую крестьяне получали отъ своихъ помѣщиковъ—сѣмена на посѣвъ, сырье для различныхъ промысловъ, рабочій скотъ, дворы съ полнымъ инвентаремъ. Особенно же любопытны зачатки попеченія о бѣдныхъ, которые относятся къ тому времени и впервые нашли себѣ отчетливое и сознательное выраженіе въ предписаніяхъ Карла Великаго, столь часто повторявшихся особенно въ голодные годы, такъ напр., въ Франкфуртскомъ капитуляріи 794 г. „И тѣ, которымъ дано отъ насъ помѣстье, пусть тщательно заботятся на сколько въ силахъ съ Божьей помощью, чтобы никто изъ холоповъ принадлежащихъ къ тому помѣстью не умеръ съ голода"; или въ Ахенскомъ 809 г. „Пусть въ нынѣшнемъ году всякій окажетъ помощь своимъ въ нуждѣ и голодѣ какъ свободнымъ такъ и рабамъ".

Но организаціонная дѣятельность, исходившая отъ крупныхъ помѣстій и такъ существенно содѣйствовавшая развитію народнаго хозяйства, проявлялась не въ одномъ только хозяйственномъ распоряженіи рабочими силами, а также въ болѣе цѣлесообразномъ распредѣленіи земельныхъ участковъ. Эти крупныя помѣстья возникали самымъ разнообразнымъ способомъ—посредствомъ расчистки лѣсовъ, коммендаціи, т. е. перехода свободныхъ крестьянъ подъ покровительство сеньёра, посредствомъ даренія и полученія въ бенефицій и пр., и потому въ первое время представляли собой хаотически разбросанную массу участковъ. Сначала всѣ старались расширять свое землевладѣніе какъ и чѣмъ попало. Имѣнія Сан-Галленскаго монастыря напр. были разбросаны по Швейцаріи, Швабіи, Франконіи, Эльзасу и даже Италіи. То же самое можно сказать о всѣхъ духовныхъ и о большинствѣ свѣтскихъ владѣній того времени. Первое проявленіе потребности болѣе раціональнаго хозяйничанья выразилось въ стремленіи помѣщиковъ округлить свои владѣнія. Такое стремленіе ясно обнаружи-

вается въ теченiи IX и X вѣковъ. Свѣтскiе и духовные владѣльцы при прiобрѣтенiи новыхъ участковъ болѣе чѣмъ прежде руководятся потребностями своего хозяйства. Инама-Штернеггъ остроумно выводитъ это изъ наблюденiй надъ способомъ прiобрѣтенiя новыхъ участковъ большими монастырями, о которомъ можно судить по сохранившимся грамотамъ. Въ древнѣйшую эпоху главную роль играли дарения. Затѣмъ появляются въ VIII вѣкѣ (рѣчь идетъ о Баварiи) условныя даренiя, т. е. передача земли подъ условiемъ пожизненнаго владѣнiя или полученiя ея назадъ въ видѣ бенефицiя. Съ начала IX вѣка почти уже не встрѣчается безусловныхъ даренiй. Съ X же вѣка эти даренiя становятся все рѣже и къ началу XIV в. совершенно прекращаются; ихъ мѣсто занимаетъ купля и обмѣнъ, при чемъ обѣ стороны или по крайней мѣрѣ одна конечно руководятся хозяйственнымъ разсчетомъ. Но вѣроятно ни одному изъ крупныхъ владѣльцевъ не удалось въ ту эпоху совершенно округлить свои владѣнiя, которыя обыкновенно состояли изъ большаго числа разбросанныхъ дворовъ. Невозможно было вести все хозяйство изъ господской усадьбы, невозможно было при тогдашнихъ условiяхъ т. е. при отсутствiи дорогъ, средствъ къ перевозкѣ и рынковъ свозить всѣ продукты въ отдаленный господскiй дворъ и тамъ уже распредѣлять ихъ. Отсюда явилась новая задача, вытекавшая изъ потребности хозяйственнаго расчлененiя всего владѣнiя на цѣлый рядъ самостоятельныхъ управленiй и мѣстныхъ центровъ хозяйства. Такъ возникла та организацiя (Villenverfassung), о которой намъ даютъ вполнѣ наглядное понятiе капитуларiи Карла Великаго. Помимо главнаго господскаго двора въ разныхъ мѣстностяхъ устроивались подъ управленiемъ прикащиковъ особые прикащичьи дворы (villae), къ которымъ приписывались тяглые дворы (mansi servientes). Эти прикащичьи дворы служили центромъ особаго хозяйства и только уже избытки этого хозяйства доставлялись на барскую усадьбу. При такой организацiи стала все болѣе и болѣе утрачивать свое значенiе стародавняя единица земледѣльческаго хозяйства у германцевъ — такъ называемая гуфа, т. е. подворный участокъ земли, который могъ быть воздѣланъ рабочими силами одной семьи и былъ достаточенъ для ея прокормленiя. Объемъ германской гуфы составляетъ вообще 30 моргеновъ ($7^1/_2$ десятинъ), въ Швабiи же 40 моргеновъ. При первоначальномъ разселенiи германцевъ вѣроятно всякiй свободный человѣкъ получалъ полную гуфу; но затѣмъ при скопленiи населенiя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и дробленiи дворовъ многiе стали владѣть только полгуфой, четвертью и даже меньшею частью. При разъединенiи и рутинности хозяйствъ въ поземельныхъ общинахъ такая недостаточность надѣла представляла серьезныя затрудненiя. Но съ тѣхъ поръ какъ тяглые дворы вступили въ разнообразную экономическую зависимость отъ господскаго хозяйства, условiя необходимыя для содержанiя крестьянской семьи измѣнились. При довольно быстро развивавшемся раздѣленiи труда индивидуальная

способность или сноровка получила больше простора, чѣмъ это было возможно при разобщенности хозяйственнаго быта въ поземельныхъ общинахъ. Сообразно съ той ролью, которую каждый игралъ въ большомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ, былъ различенъ размѣръ земельнаго участка, необходимый для прокормленія его семьи, и вслѣдствіе этого господская экономія (Gutswirthschaft) была поставлена въ необходимость регулировать поземельные участки или гуфы на основаніи хозяйственнаго принципа. Такъ возникли крупные господскіе дворы (Herrenhufe), менѣе обширныя чиншовыя гуфы, которыя не требовали полной рабочей силы крестьянина, исполнявшаго въ то же время барщину на господской запашкѣ, наконецъ, мелкіе участки тѣхъ колоновъ и крѣпостныхъ, которые исполняли извѣстныя ремесленныя работы и занимались земледѣліемъ на своихъ участкахъ только въ дополненіе къ главному своему промыслу. Даже гуфы безъ усадебной земли (curtilis terra) и безземельные дворы выстрѣчаются теперь, что̀ по прежнимъ понятіямъ было немыслимо. „Такимъ образомъ, говоритъ Инама-Штернеггъ, въ теченіе двухъ вѣковъ народное хозяйство въ главной своей отрасли было поставлено на совершенно новую почву и было создано много условій болѣе сильнаго развитія хозяйственной дѣятельности и большаго успѣха. Нельзя также не признать, что въ то время были произведены многія улучшенія хозяйственной техники и именно въ это время достигнутъ очень существенный прогрессъ въ общей культурѣ. Авторъ сознается, что такое убѣжденіе основано болѣе на общемъ впечатлѣніи о значительномъ улучшеніи хозяйственнаго быта, выносимомъ изъ изученія современныхъ лѣтописцевъ, изъ законовъ и грамотъ той эпохи, чѣмъ можетъ быть доказано спеціальными свидѣтельствами источниковъ. Однако онъ находитъ, что нѣтъ недостатка въ особенныхъ данныхъ, которыя оправдывали бы такое заключеніе. Въ двухъ отношеніяхъ, по его мнѣнію, особенно ясно обнаруживается рѣшительное улучшеніе земледѣльческаго хозяйства помѣстій—во первыхъ, въ переходѣ отъ первобытнаго, неправильнаго хозяйничанья на залежахъ къ правильному распредѣленію и чередованію полей. Авторъ полагаетъ, однако, что совершенно произвольное распоряженіе отдѣльными моргенами, которое встрѣчается въ этомъ періодѣ, еще исключаетъ предположеніе объ окончательномъ водвореніи трехпольнаго хозяйства. Съ болѣе правильнымъ полевымъ хозяйствомъ, вѣроятно, находилось въ связи и развитіе луговаго хозяйства. Тогда какъ въ древнѣйшихъ грамотахъ луга упоминаются только какъ принадлежности дворовъ на равнѣ съ лѣсами и пастбищами, т. е. какъ часть общинныхъ угодій, и постоянно идетъ рѣчь только о покосахъ на общинной землѣ и объ общественномъ пользованіи луговъ, теперь луга все чаще и чаще являются въ видѣ особыхъ частей отдѣльныхъ имѣній. Другой хозяйственный успѣхъ, достигнутый помѣстьями заключался въ улучшеніи скотоводства. Оно особенно выразилось въ томъ, что громадный перевѣсъ мелкаго скота,

свиней и овецъ надъ крупнымъ рабочимъ скотомъ исчезаетъ и устанавливается болѣе равномѣрное отношеніе между ними. Если въ прежнее время процентное отношеніе рогатаго скота къ мелкому выражалось цыфрами 7 и 93, то потомъ встрѣчаемъ уже 23% рогатаго скота, 2% лошадей, а мелкаго скота 75%. Въ одной грамотѣ фульдскаго монастыря отъ начала IX в. отношеніе еще выгоднѣе: 2 лошади, 40 коровъ, 25 штукъ мелкаго скота. Но подобные случаи долго еще составляли исключеніе.

Всѣ эти существенныя перемѣны и улучшенія въ организаціи работы, пользованіи землей и въ способахъ производства радикально измѣнили самое положеніе помѣстій въ народномъ хозяйствѣ. Частное хозяйство стало теперь давать въ результатѣ избытокъ производства, котораго не существовало въ то время, когда каждое отдѣльное хозяйство было изолировано и предоставлено самому себѣ. Избытокъ производства надъ собственнымъ потребленіемъ далъ возможность производить для рынка, т. е. для національнаго потребленія. Хозяйство помѣстій получило вслѣдствіе этого не одно только значеніе для частнаго интереса, но общественное значеніе съ точки зрѣнія народнаго хозяйства. Помѣщики рано начали заботиться о томъ, чтобы сбывать свои избытки на рынкѣ и получать за нихъ деньги или разные предметы потребленія. Какъ значительны были эти избытки можно судить по описанію 4 королевскихъ виллъ, гдѣ, по вычетѣ зерна на сѣмена и на содержаніе дворовыхъ до новой жатвы, отъ двухъ послѣднихъ урожаевъ осталось 5420, 2040, 582 и 888, всего же 8930 модіевъ (2976 четвериковъ). Помѣщики частью сбывали эти избытки наѣзжавшимъ купцамъ. Но у крупныхъ владѣльцевъ, особенно у духовныхъ, уже проявляется стремленіе завести обширныя торговыя сношенія на свой рискъ и страхъ. Торговля эта велась посредствомъ крѣпостныхъ и министеріаловъ. Для того, чтобы воспользоваться крупными рынками и удобнѣе выжидать благопріятное для сбыта время, монастыри устроивали свои собственные амбары въ слободахъ большихъ городовъ. Отсюда слѣдуетъ, что оптовая торговля въ пригородныхъ слободахъ въ древнѣйшую эпоху Германской имперіи велась преимущественно помѣстьями и дворовыми людьми.

Такимъ образомъ, къ концу каролингскаго періода довершенъ въ существенныхъ чертахъ фундаментъ соціальнаго строя, на которомъ поднималось въ теченіе многихъ вѣковъ зданіе народнаго хозяйства, пока не пробудились новыя силы въ народной жизни, потребовавшія значительнаго расширенія фундамента. Основу, на которой была преобразована экономическая жизнь въ узкомъ кругу для общихъ, высшихъ цѣлей, составляло помѣстное устройство, поставившее на мѣсто индивидуальной свободы съ ея экономическимъ разобщеніемъ стройную кооперацію, подъ руководствомъ единой воли. Столь важный для развитія народной индивидуальности общинный (genossenschaftliche) элементъ нашелъ себѣ пріютъ въ помѣстномъ строѣ, такъ какъ по-

слѣдній выросъ изъ перваго или, по крайней мѣрѣ, сначала опирался на него. Но недостатокъ связи между свободными, равными землевладѣльцами, которымъ страдала поземельная община, въ помѣстномъ строѣ устраненъ; этотъ же помѣстный строй поставилъ народу болѣе высокія задачи и въ то же время доставилъ и средства къ ихъ достиженію съ помощью землевладѣльческаго капитала и возможнаго вслѣдствіе этого раздѣленія труда.

„Такимъ образомъ,—этимъ общимъ выводомъ изъ своего замѣчательнаго изслѣдованія заключаетъ Инама-Штернеггъ свой трудъ—экономическій прогрессъ въ низшемъ слоѣ народа обусловливался глубокимъ стремленіемъ къ организаціи, которое нашло себѣ почву не въ общинномъ началѣ и не въ поземельной общинѣ, но въ личной собственности и въ помѣстьѣ“.

Иф...лъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ пятый. Спб. 1880.

Пятый выпускъ „Исторіи Россійской Академіи", столь обстоятельно разрабатываемой М. И. Сухомлиновымъ, содержитъ въ себѣ біографіи и оцѣнку учено-литературной дѣятельности слѣдующихъ шести членовъ этого учрежденія: С. Е. Десницкаго, С. Г. Зыбелина, В. Н. Никитина, П. И. Суворова, Т. С. Малгина и И. И. Болтина. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, каковы Никитинъ, Суворовъ, Малгинъ, и въ свое время пользовались небольшою извѣстностью въ литературномъ мірѣ и въ самомъ дѣлѣ были въ немъ величинами очень незначительными; двое другихъ—юристъ Десницкій и медикъ Зыбелинъ, оба бывшіе профессора въ Московскомъ университетѣ, проявляли свою дѣятельность больше на поприщѣ преподаванія, чѣмъ въ литературѣ, въ которой отъ нихъ осталось лишь нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Московскаго университета. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ шести названныхъ лицъ только Болтинъ выдѣляется какъ силою своихъ дарованій, такъ и значеніемъ своихъ произведеній въ общемъ движеніи нашей образованности.

Обязанный своимъ образованіемъ не столько школѣ, сколько ранѣе развившейся личной любознательности, Болтинъ съумѣлъ сдѣлаться однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего вѣка. Но мало того: Болтинъ не только былъ человѣкъ высокаго образованія,—онъ старался выработать самостоятельное воззрѣніе на отношеніе нашей отечественной культуры къ просвѣщенію Западной Европы: „у него перваго (изъ русскихъ историковъ), по выраженію Соловьева—видимъ попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку народнаго самосознанія, стараніе сдѣлать изъ исторіи прямое приложеніе къ жизни, отыскать живую связь между принципомъ и настоящимъ, задать вопросъ объ отношеніяхъ стараго къ новому". Писатель съ такимъ самостоятельнымъ направленіемъ мысли, конечно, заслуживаетъ тщательнаго

изученія, и г. Сухомлиновъ поступилъ весьма благоразумно, посвятивъ Болтину болѣе чѣмъ двѣ трети V-го выпуска своей „Исторіи".

Къ сожалѣнію, свѣдѣній о жизни Болтина сохранилось очень немного; автору его біографіи удалось только отчасти пополнить этотъ пробѣлъ находками въ разныхъ архивахъ; болѣе же всего почерпнулъ онъ данныхъ о тѣхъ обстоятельствахъ жизни Болтина, которыя оказали вліяніе на складъ его воззрѣній, изъ собственныхъ его сочиненій. За то характеристика этихъ воззрѣній и опредѣленіе тѣхъ литературныхъ источниковъ, которыми Болтинъ пользовался, изложены имъ съ большою подробностью. „Въ сужденіяхъ и взглядахъ Болтина—говоритъ г. Сухомлиновъ,—отражаются въ большей или меньшей степени, тѣ начала, которыя такъ горячо отстаивала европейская литература временъ энциклопедистовъ". Въ особенности повліяли на Болтина—по мнѣнію г. Сухомлинова—знаменитый скептикъ Бель и Вольтеръ, а также Л. С. Мерсье, Монтескье и Руссо. Авторъ этюда о Болтинѣ приводитъ рядъ указаній о заимствованіяхъ его изъ этихъ писателей. Но намъ кажется, г. Сухомлиновъ не дѣлаетъ достаточнаго различія въ характерѣ этихъ заимствованій. Не споримъ, что Вольтеръ и Бель дали не мало руководящихъ идей нашему историку, въ особенности Бель, котораго ученый скептицизмъ былъ въ особенности ему симпатиченъ; что же касается Руссо и Мерсье, то отношенія къ нимъ Болтина совершенно иныя: у перваго русскій писатель беретъ только отдѣльныя мнѣнія, но въ тоже время не упускаетъ случая и возражать противъ парадоксовъ женевскаго философа; у второго, то есть, у Мерсье, Болтинъ заимствуетъ только фактическія данныя о тогдашнемъ состояніи французскаго общества, но нельзя сказать, чтобы питался его идеями.

При всемъ своемъ сочувствіи къ передовымъ мыслителямъ Западной Европы, Болтинъ однако не увлекался ими безусловно. Въ основѣ всѣхъ его воззрѣній,—какъ вѣрно говоритъ г. Сухомлиновъ,—слышится здравый смыслъ русскаго человѣка, разумно взвѣшивающаго доводы сторонъ и нежелающаго быть оттолоскомъ чужихъ понятій и воззрѣній. Эту самостоятельность своего образа мыслей Болтинъ въ особенности успѣлъ развить въ себѣ трудясь надъ вопросами русской исторіи. Какъ извѣстно, главныя его литературныя произведенія суть критическій разборъ „Исторіи Россіи", написанной французомъ Леклеркомъ, и полемическія сочиненія противъ современнаго ему русскаго историка кн. Щербатова. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ Болтинъ имѣлъ случай коснуться не только историческихъ частностей, но и основныхъ задачъ нашего бытописанія, коренныхъ основъ русской жизни, по которымъ русскій народъ во многихъ отношеніяхъ отличается отъ другихъ народовъ Европы. Свѣтлый умъ Болтина правильно понялъ многія стороны народной жизни, представлявшіяся въ ложномъ свѣтѣ не только иностранцамъ, но и тѣмъ русскимъ, которые слишкомъ поддавались чужеземнымъ воззрѣніямъ. Холодный скептикъ и аналитикъ въ большей части своихъ трудовъ, Болтинъ однако возвышался до горячей защиты добрыхъ свойствъ нашего народа и съ неподдѣльнымъ ужасомъ и скорбью описываетъ народныя бѣдствія, напримѣръ, въ эпоху Бироновщины. Въ этюдѣ г. Сухомлинова можно собрать всѣ главныя сужденія Болтина о русскомъ народномъ бытѣ, и въ этомъ отношеніи трудъ почтеннаго академика даетъ очень отчетливое понятіе о воззрѣніяхъ Болтина.

Вообще, предпринятая Сухомлиновымъ „Исторія Россійской Академіи" дала ему случай возстановить передъ современнымъ читателемъ уже не одну

изъ замѣчательныхъ личностей въ числѣ старинныхъ дѣятелей нашей образованности; безъ сомнѣнія, въ ряду этихъ лицъ Болтину принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и потому въ особенности нельзя не порадоваться, что г. Сухомлиновъ занялся имъ съ особенною любовью и представилъ богатый матеріалъ для знакомства съ этимъ оригинальнымъ русскимъ историкомъ-мыслителемъ екатерининскаго времени.

Л.

Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. С. Весина. Спб. 1881 г.

Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ указываетъ на трудность разработки такого предмета, какъ исторія журналистики. „Нужно, говоритъ онъ, перерыть и пересмотрѣть груды книгъ, чтобы можно было что нибудь сказать касательно журналистики извѣстнаго времени. Названный трудъ возможенъ только тамъ, гдѣ существуютъ библіотеки, владѣющія журналами прежнихъ лѣтъ; для полной же безупречности труда необходимы богатства, какими владѣютъ только библіотеки столичныхъ городовъ. Названный трудъ, т. е. составленіе исторіи журналистики, представляетъ и тѣ неудобства, что можетъ быть домашнимъ только для чрезвычайно ограниченнаго числа лицъ. Въ виду этого, къ каждому труду по исторіи журналистики должно, кажется, относиться снисходительнѣе, нежели ко многимъ другимъ трудамъ. Да позволено будетъ и данному труду надѣяться на эту снисходительность" (стр. 1—2). Далѣе г. Весинъ заявляетъ, что онъ не имѣетъ намѣренія дать полную исторію журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ. „Его трудъ представляетъ слѣдующіе этюды: 1) общій очеркъ журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ: 2) особенно замѣчательныя лица, упоминаемыя въ журналахъ названнаго времени (преимущественно современники); 3) явленія обыденной общественной жизни; 4) обозрѣніе различныхъ журнальныхъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ упомянуты не всѣ замѣчательныя лица, какія встрѣчаются въ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ; объясняется это тѣмъ, что авторъ хотѣлъ въ названномъ отдѣлѣ показать, какъ и какихъ родовъ дѣятели упоминались въ журналахъ даннаго времени, и не имѣлъ намѣренія говорить о всѣхъ лицахъ, какія встрѣчаются въ нихъ. При обозрѣніи журналистики 20-хъ годовъ, исключительное вниманіе обращено на государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, поэтовъ, критиковъ, журналистовъ и знаменитыхъ путешественниковъ. Въ отдѣлѣ о критикѣ 20-хъ годовъ не упоминается объ оцѣнкѣ музыкальныхъ произведеній. Нѣтъ отдѣла о замѣчательныхъ событіяхъ времени, о которыхъ упоминала журналистика. Послѣдній отдѣлъ можетъ быть данъ современемъ. Да послужитъ извиненіемъ для всѣхъ пропусковъ и недостатковъ труда малоразработанность даннаго предмета въ литературѣ. При томъ онъ назначается не для записныхъ ученыхъ, а для публики" (стр. 2).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе „Очерковъ". Оказывается, что г. Весинъ погнался заразъ за нѣсколькими зайцами и не поймалъ ни одного. Начнемъ съ того, что онъ имѣетъ въ виду только немногіе журналы 20-хъ и 30-хъ годовъ, остальные же, иногда замѣчательные въ томъ или другомъ отношеніи, имъ оставлены совершенно безъ вниманія. Изъ журналовъ 20-хъ го-

довъ г. Весинъ даетъ характеристики только слѣдующихъ: „Вѣстника Европы", „Отечественныхъ Записокъ", „Сѣвернаго Архива", „Московскаго Телеграфа", „Московскаго Вѣстника", „Соревнователя просвѣщенія и благотворенія", „Благонамѣреннаго" и „Сибирскаго Вѣстника" (стр. 7—16), и совершенно умалчиваетъ не только о „Русскомъ Вѣстникѣ" С. Н. Глинки (1808—1824) и „Дамскомъ Журналѣ" князя Шаликова (1823—1833) [1]), но даже о журналахъ А. Ѳ. Воейкова „Новости литературы" (1822—1826) и „Славянинъ" (1827—1830), хотя эти послѣдніе журналы, игравшіе не послѣднюю роль въ свое время и украшавшіеся мастерскими статьями издателя, одинаково враждовавшаго и съ Булгаринымъ, и съ Гречемъ, и съ Полевымъ [2]), заслуживаютъ вниманія если не болѣе, то и никакъ не менѣе, чѣмъ „Сѣверный Архивъ" Булгарина или „Отечественныя Записки" Свиньина. Изъ числа журналовъ 30-хъ годовъ не охарактеризованы ни „Литературная Газета" барона Дельвига (1830), извѣстная дѣятельнымъ участіемъ въ ней Пушкина и несчастною судьбою своего издателя; ни „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду" Воейкова (1831—1836), хотя на этотъ послѣдній журналъ г. Весину приходится безпрестанно ссылаться (напримѣръ, стр. 270, 273, 279, 307, 331, 361, 389). Но и тѣ журналы, которые удостоились вниманія г. Весина, охарактеризованы имъ крайне недостаточно. Вотъ, напримѣръ, характеристика „Вѣстника Европы" Каченовскаго, одна изъ наиболѣе подробныхъ: „Журналъ этотъ не оставилъ по себѣ доброй памяти въ литературѣ. Мы говоримъ о двадцатыхъ годахъ его существованія. Это былъ типъ скучнаго, сухого журнала, проповѣдывавшаго устарѣлыя теоріи и ведшаго безуспѣшную борьбу съ романтизмомъ. Его издатель, Каченовскій, возстановилъ противъ себя новое, пушкинское поколѣніе и подвергся ожесточеннымъ его нападеніямъ. Тѣмъ не менѣе были и достоинства у названнаго журнала. Въ немъ помѣщались *замѣчательныя* (?) историческія изслѣдованія издателя, одного изъ представителей *отрицательнаго* [3]) направленія въ русской исторіографіи и тонкаго (?) критика исторіи Карамзина. Предвѣстникомъ упадка „Вѣстника Европы" были его пресловутые толки *о банномъ строеніи*". Далѣе разсказывается исторія баннаго строенія и приводится „замѣчательный" отзывъ о „Вѣстникѣ" Булгарина, гдѣ Коченовскій объявляется человѣкомъ, „имѣющимъ глубокія свѣдѣнія въ отечественной исторіи и археологіи, знающимъ совершенно древніе и многіе новые языки, одареннымъ при томъ разборчивымъ вкусомъ" (стр. 7—8). Все сказанное совершенно справедливо, даже отзывъ Булгарина, хотя его авторитетъ въ томъ, что касается до учености, едва ли кто нибудь признаетъ; но г. Весинъ не примѣтилъ очень многаго, между прочимъ, даже не упомянулъ объ участіи въ „Вѣстникѣ", въ послѣдніе годы его существованія (1829—1830), Н. И. Надеждина и объ его замѣчательныхъ статьяхъ о произведеніяхъ Пушкина. Еще недостаточнѣе характеристика „Благонамѣреннаго" А. Е. Измайлова. О немъ говорится, что онъ „заключалъ въ себѣ прозу, стихотворенія и критику. Особенное вниманіе въ немъ было обращено на разборъ драматическихъ произведеній. Отличительной чертой журнала была какая-то добродушная весе-

---

[1]) Этотъ журналъ не упомянутъ г. Весинымъ даже въ перечнѣ журналовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ (стр. 6—7, 286).

[2]) Чтобы не быть голословными, укажемъ на статьи Воейкова въ „Славянинѣ" 1828 г., ч. VI и VII, 1829 г., ч. X и XI, 1830 г., ч. XVI.

[3]) Направленіе Каченовскаго еще можетъ быть названо *скептическимъ*, но названія *отрицательнаго* оно, по нашему мнѣнію, вовсе не заслуживаетъ.

лость, которая очень многимъ нравилаеь. Чрезвычайно слабъ былъ въ журналѣ отдѣлъ библіографіи. Выборъ литературныхъ статей не отличался большимъ вкусомъ. Въ журналѣ помѣщались объявленія о бѣдныхъ и печатались отчеты о присылаемыхъ вспоможеніяхъ" (стр. 16). Г. Весинъ забылъ сказать даже и о томъ, что „Благонамѣренный" принадлежалъ къ классикамъ, а не къ романтикамъ. Между провинціальными изданіями 30-хъ годовъ отмѣчены, какъ занимающія видное мѣсто: „Заволожскій Муравей", „Радуга" и „Литературное Прибавленіе къ Одесскому Вѣстнику" по слѣдующимъ причинамъ: „Въ „Муравьѣ" встрѣчаешь весьма интересныя статьи о Заволожскомъ краѣ, „Радуга", издававшаяся въ Ревелѣ и отличавшаяся мистическимъ характеромъ, сообщала иногда интересныя свѣдѣнія объ остзейскомъ краѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто стремилась къ ниспроверженію всѣхъ современныхъ успѣховъ ума, не исключая положительныхъ математическихъ истинъ. Въ „Литературныхъ Прибавленія къ Одесскому Вѣстнику" было много хорошихъ переводныхъ и интересныхъ мелкихъ статей" (стр. 285—286). Не лучше ли бы было совсѣмъ умолчать объ этихъ журналахъ, чѣмъ давать такія ничего не говорящія характеристики.

Исторіи журналовъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, въ книгѣ г. Весина нѣтъ, не смотря на ея заглавіе. О судьбѣ „Московскаго Телеграфа" онъ упоминаетъ какъ бы мимоходомъ; о судьбѣ „Телескопа" Надеждина, „Литературной Газеты" барона Дальвига и „Европейца" И. В. Кирѣевскаго нѣтъ ни слова. Впрочемъ о послѣднемъ журналѣ, котораго вышло всего два нумера, г. Весинъ даже и не упоминаетъ. Между тѣмъ, описаніе судебъ названныхъ журналовъ могло бы пролить много свѣта на положеніе русской журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ, и г. Весинъ и самъ понялъ бы, и далъ бы возможность понять другимъ, почему въ ней было такъ мало матеріала, представлявшаго живой интересъ для русскаго общества, почему, напримѣръ, въ „Московскомъ Наблюдателѣ" „статей, касавшихся собственно русской жизни, было очень мало" (стр. 280), а статьи „Телескопа" имѣли весьма мало отношенія къ русской жизни", такъ что „только разборы произведеній русской литературы удерживали нѣсколько журналъ на національной почвѣ" (стр. 283), и потому не сталъ бы увѣрять, будто наша журналистика 20-хъ годовъ „обличала, хотя и непрямымъ и сдержаннымъ образомъ, произволъ помѣщичьей власти и разныя печальныя явленія въ служебномъ мірѣ" (стр. 5); а точно также онъ не высказалъ бы предположенія, что обиліе статей по исторіи и исторіи литературы въ „Московскомъ Вѣстникѣ" объясняется, можетъ быть, обиліемъ въ западныхъ литературахъ писателей по названнымъ отдѣламъ (стр. 176). Правительственный гнетъ, лежавшій, въ царствованіе императора Николая, на нашей литературѣ и безпощадно давившій все, что въ ней было живого и имѣющаго отношеніе къ современности (о немъ г. Весинъ умалчиваетъ), могъ бы быть ясно показанъ, еслибы авторъ изложилъ содержаніе „Философическаго письма" Чаадаева, погубившаго „Телескопъ", или статьи „XIX вѣкъ", бывшей причиною преждевременной кончины „Европейца".

Мы затрудняемся сказать что нибудь хорошее и объ частностяхъ „Очерковъ". Стараясь сказать о многомъ, авторъ часто не говоритъ въ сущности ничего. „Романы и повѣсти 20-хъ годовъ, говоритъ онъ, были большею частію заимствованныя или переводныя" (стр. 182). Это извѣстно всякому, кто видѣлъ хоть одинъ нумеръ какого нибудь стараго журнала; для читателя интересно знать имена тѣхъ иностранныхъ авторовъ, которыхъ произведенія

переводились у насъ, и названія какъ этихъ послѣднихъ, такъ и тѣхъ журналовъ, въ которыхъ они были помѣщены. „Скажемъ нѣсколько словъ о степени поэтическихъ стихотвореній названнаго времени. Многимъ изъ нихъ нельзя отказать въ названномъ достоинствѣ, хотя часто встрѣчаются между ними и такія, которыя стоятъ ниже всякой критики. Многія изъ нихъ не лишены музыкальности, оригинальности сравненій, яркихъ картинъ, удачныхъ эпитетовъ, поэтичности, жара. Но есть много и такихъ, въ которыхъ нѣтъ ни капли поэзіи. Таковы, напримѣръ, стихотворенія Хвостова“ (стр. 191). То, что здѣсь сказано, опять-таки всѣмъ извѣстно и въ сущности не выражаетъ ничего. Читателю желательно знать, кому принадлежатъ стихотворенія поэтическія и кому—стихотворенія, не отличавшіяся поэзіей, и въ какихъ журналахъ, по преимуществу, помѣщались и тѣ и другія. Говоря объ „Отечественныхъ Запискахъ“ г. Краевскаго, г. Весинъ замѣчаетъ: „Въ библіографической хроникѣ встрѣчалось много дѣльныхъ отзывовъ, принадлежавшихъ не одному, а многимъ рецензентамъ“ (стр. 259). Можно ли составить хоть какое нибудь понятіе о библіографической хроникѣ „Отечественныхъ Записокъ“ на основаніи этихъ словъ г. Весина? Еще страннѣе та неопредѣленность, съ какою постоянно онъ выражается: „Первыя сцены „Бориса Годунова“ почти не были примѣчены критикою 20-хъ годовъ. Впрочемъ, некоторые изъ критиковъ сожалѣли, что эти сцены писаны не риѳмами“ (стр. 85). „Относительно стихотвореній Дельвига нѣкоторая часть журналистики высказала такія мнѣнія“ (стр. 93); „въ первое время въ „Библіотекѣ для чтенія“ участвовали многіе замѣчательные литераторы и ученые“ (стр. 248); въ ней „встрѣчались стихотворенія Козлова, Давыдова, Ростопчиной и другихъ подобныхъ (?) поэтовъ“ (стр. 251); „многія другія произведенія Пушкина были встрѣчены въ журналистикѣ порицаніями“; „произведенія Пушкина, было замѣчено въ одномъ журналѣ, являются и проходятъ почти непримѣтно“ (стр. 380); „нѣкоторые (журналы), какъ напримѣръ, „Сѣверная Пчела“, выражали сожалѣніе по поводу занятія Пушкина журналистикой“ (стр. 385) и т. п. Г. Весинъ, кажется, не замѣчаетъ, что эти „нѣкоторые“, „одни“, „другіе“ ни для кого не ясны и не интересны.

Авторъ, какъ мы видѣли, проситъ снисхожденія къ своему труду. Мы очень хорошо понимаемъ, что значитъ пересмотрѣть, не только что перечитать, массу журналовъ за 20 лѣтъ, и поэтому охотно бы отнеслись снисходительнѣе къ „Очеркамъ“, еслибы они были составлены добросовѣстно. Но г. Весинъ толкуетъ о журналахъ часто не только не читавши, но даже и не просматривавши ихъ оглавленій. „Какъ относительно „Руслана“, говоритъ онъ, такъ и относительно другихъ произведеній Пушкина мнѣнія журналистики 20-хъ годовъ были весьма различны. Серьёзные, дѣльные отзывы встрѣчались очень рѣдко. Все, что было сказано о „Кавказскомъ плѣнникѣ“, „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ и „Евгеніи Онѣгинѣ“ въ „Сынѣ Отечествѣ“, „Дамскомъ журналѣ“, „Вѣстникѣ Европы“ и „Московскомъ телеграфѣ“ ограничивалось, большею частію, простымъ извѣщеніемъ о выходѣ названныхъ произведеній или имѣло главнымъ предметомъ что нибудь постороннее, какъ, напримѣръ, романтическую поэзію и т. п. Въ журналахъ, которые хвалили, большею частію, слышались только восклицанія: Пушкинъ—поэтъ! Пушкинъ—истинный поэтъ! „Онѣгинъ“—поэма превосходная! „Цыганы“ — мастерское произведеніе!“ (стр. 80). Выписанныя нами слова принадлежатъ почти цѣли-

комъ И. В. Кирѣевскому [1]), и г. Весинъ напрасно не сдѣлалъ ссылки на его сочиненія и взялъ ихъ такимъ образомъ на свою собственную отвѣтственность. Дѣло въ томъ, что Кирѣевскій былъ не правъ въ своемъ сужденіи, по крайней мѣрѣ относительно „Вѣстника Европы" и „Московскаго Телеграфа". Еслибы г. Весинъ заблагоразсудилъ просмотрѣть страницы „Телеграфа", лучшаго, почти во всѣхъ отношеніяхъ, представителя русской журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ до „Отечественныхъ Записокъ" г. Краевскаго, то онъ нашелъ бы въ нихъ цѣлый рядъ въ высшей степени замѣчательныхъ статей о Пушкинѣ. Въ 15-й части этого журнала (1827 г.) онъ нашелъ бы разборъ „Цыганъ", сдѣланный княземъ П. А. Вяземскимъ, въ которомъ подвергнуты анализу содержаніе этой поэмы и характеры „Алеко и Земфиры", въ 27-й ч. (1829 г.) онъ увидалъ бы подробную рецензію „Полтавы", принадлежащую Полевому; въ 32-й (1830 г.) рецензію VII главы „Евгенія Онѣгина", въ 37-й (1831 г.)—отзывъ о „Борисѣ Годуновѣ". И тогда г. Весинъ не противорѣчилъ бы тому, что онъ сказалъ далѣе о „Телеграфѣ" и Полевомъ: Полевой былъ представителемъ той критики, которая „стала разъяснять значеніе литературныхъ произведеній Пушкина и Жуковскаго" (стр. 97); „къ наиболѣе замѣчательнымъ критическимъ статьямъ его принадлежатъ разборы произведеній Державина, Карамзина, Пушкина и Жуковскаго" (стр. 98). Точно такъ же мы сомнѣваемся и въ томъ, что авторъ „Очерковъ" внимательно просмотрѣлъ „Вѣстникъ Европы", за послѣдніе годы его существованія, и „Сѣверную Пчелу". Еслибы онъ это сдѣлалъ, то, конечно, замѣтилъ бы въ „Вѣстникѣ" 1829—1830 гг. критическія статьи Н. И. Надеждина о „Полтавѣ" (ч. 164 и 165) и „Евгеніи Онѣгинѣ" (ч. 170) и не сказалъ бы, что Надеждинъ началъ свою критическую дѣятельность небольшими статьями въ „Вѣстникѣ Европы". По поводу „Юрія Милославскаго", Загоскина, у г. Весина сказано о „Сѣверной Пчелѣ": „эта газета не скупилась на похвалы по отношенію къ Загоскину" (стр. 410). Мы не имѣли возможности просмотрѣть „Пчелу" за время, близкое къ времени появленія въ свѣтъ „Юрія Милославскаго", но нашли въ запискахъ Греча слѣдующій разсказъ: въ концѣ января 1830 года „вышелъ романъ Загоскина „Юрій Милославскій" и обратилъ на себя общее вниманіе не только въ публикѣ, но и при дворѣ. Булгаринъ въ то время кропалъ своего „Дмитрія Самозванца". Успѣхъ Загоскина ошеломилъ его; онъ вздумалъ унизить произведеніе соперника въ глазахъ публики и началъ побранивать его въ „Пчелѣ"; писалъ самъ и заставлялъ писать сотрудника нашего, Очкина" („Русск. Старина" 1874 г., № 3, стр. 639).

Нѣкоторымъ изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей 20-хъ и 30-хъ годовъ рѣшительно не посчастливилось у г. Весина. Такъ, о Воейковѣ, авторѣ зна-

---

[1]) Въ статьѣ Кирѣевскаго „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина" говорится: „Отчего до сихъ поръ такъ мало говорятъ о Пушкинѣ? Отчего лучшія его произведенія остаются не разобранными (все, что въ „Сынѣ Отечествѣ", „Дамскомъ Журналѣ", „Вѣстникѣ Европы" и „Московскомъ Телеграфѣ" было сказано до сихъ поръ о „Русланѣ и Людмилѣ", „Кавказскомъ Плѣнникѣ", „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ" и „Онѣгинѣ", ограничивалось простымъ извѣщеніемъ о выходѣ упомянутыхъ поэмъ, или имѣло главнымъ предметомъ своимъ что нибудь постороннее, какъ напр. романтическую поэзію, и т. п., но собственно разборовъ поэмъ Пушкина мы еще не имѣемъ), а вмѣсто разборовъ и сужденій слышимъ мы одни пустыя восклицанія: Пушкинъ—поэтъ! Пушкинъ истинный поэтъ! „Онѣгинъ" поэма превосходная! „Цыганы"—мастерское произведеніе! и т. д." См. „Полное собраніе сочиненій" Ив. Вас. Кирѣевскаго, т. I, стр. 5.

менитаго „Дома Сумасшедшихъ“ и издателѣ нѣсколькихъ журналовъ, не сказано имъ ни слова, не смотря на то, что онъ игралъ въ то время не послѣднюю роль въ литературѣ; не упомянуто даже ни объ его критикѣ „Руслана и Людмилы“ въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г. (№№ 34—37), ни о полемикѣ, происшедшей по поводу этой критики въ томъ же журналѣ (онъ издавался тогда Воейковымъ вмѣстѣ съ Гречемъ). Н. И. Надеждинъ, извѣстный своею латинскою диссертаціей объ романтической поэзіи, эпиграфъ которой многозначительно говорилъ: „гдѣ жизнь, тамъ и поэзія“ (ubi vita, ibi poesia),—названъ сначала „защитникомъ классицизма“ (стр. 13), потомъ „проводникомъ идей Канта, Шеллинга и Окена“ (стр. 282), а наконецъ о немъ сказано, что по его мнѣнію „наша поэзія не должна быть классическою“ (стр. 426). Полевому поставлено въ вину, что онъ въ 30-хъ годахъ измѣнилъ къ худшему свой взглядъ на многихъ (?) русскихъ писателей и „никакъ не могъ понять высокихъ достоинствъ „Каменнаго гостя“ Пушкина, а появленіе Гоголя привѣтствовалъ даже бранью“ (стр. 14 и 98). Не будемъ вступать въ разсужденіе, измѣнялъ ли Полевой свои взгляды, или нѣтъ, потому что объ этомъ пришлось бы намъ говорить слишкомъ много; скажемъ только, что Полевому нельзя ставить въ вину то, что онъ, старый романтикъ, остался вѣренъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ и при появленіи „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“.

А. С—кій.

Русскіе диссиденты. Старовѣры и духовные христіане. І. Юзова. С.П.В. 1881.

Къ числу наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ русской народной жизни относится несомнѣнно наше русское разновѣріе, которое принято называть — къ великому огорченію самихъ разновѣровъ — расколомъ. Говорить о значеніи этого явленія было бы излишнимъ, такъ какъ литература въ достаточной уже степени разъяснила это значеніе и трудно найти среди людей, сколько нибудь знакомыхъ съ дѣломъ, такихъ, которые усомнились бы въ громадномъ вліяніи, оказываемомъ разновѣріемъ на нравственно-религіозную и общественную жизнь русскаго крестьянства. Но странно, что это молчаливое признаніе всей важности и значенія разновѣрія случилось у насъ на Руси какъ то непослѣдовательно, безъ достаточнаго ознакомленія съ дѣломъ, будто бы на вѣру; сами офиціальные изслѣдователи разновѣрія признавали и признаютъ, что „ни администрація, ни общество, обстоятельно не знаютъ, что такое расколъ“, а потому и не могутъ прочно установиться въ своихъ возрѣніяхъ на него и подчиняются въ этомъ отношеніи такимъ вѣяніямъ и взглядамъ, которые прямо доказываютъ, что они рѣшительно не знаютъ, съ какою несломимою нравственною силою вступаютъ въ борьбу. Исторія отношеній къ разновѣрію администраціи представляетъ собою такую смѣсь заигрываній и карательныхъ мѣръ, что составить себѣ ясное понятіе о взглядахъ администраціи на свободу религіозныхъ убѣжденій рѣшительно немыслимо; то убѣждаютъ разновѣровъ не бояться репрессалій и свободно исповѣдывать то, до чего успѣли они додуматься, то, напротивъ, посылаютъ воинскія команды по раскольничьимъ мѣстностямъ для укрощенія тѣхъ, которые осмѣли-

ваются креститься не тремя, а всего лишь двумя пальцами, отправляютъ чиновниковъ особыхъ порученій и жандармскихъ офицеровъ, которые напускаютъ на себя роль защитниковъ православія и въ силу этого кощунствуютъ, зауашаютъ и всячески неистовствуютъ по селамъ, словно довелось имъ дѣйствовать въ какой то покоренной странѣ. Что касается до общества, то оно прямо взглянуло на разновѣріе симпатично, отчасти какъ на проявленіе самобытной духовной дѣятельности русскаго человѣка, отчасти какъ на явленіе, благотворно дѣйствующее на экономическій бытъ той или другой мѣстности, а отчасти, признаться сказать, просто какъ на всякій протестъ, который нравится потому уже самому, что онъ существуетъ. Подобное совершенно поверхностное, непостоянное и недоработанное отношеніе общества и администраціи не могло не оказать вліяніе на самое явленіе: находя себѣ пищу въ свойственномъ русскому человѣку стремленіи къ истинѣ, а также и въ присущей ему страсти пострадать за вѣру, разновѣріе съ году на годъ усиливалось, и въ то время, когда администрація утѣшала себя нѣсколькими единичными случаями перехода изъ старовѣрія въ православіе, сотни и даже тысячи лучшихъ людей народа обращались въ полураціональныя и чисто раціональныя секты, которыя спорили уже не о числѣ повтореній аллилуйи, а боролись вообще со всѣмъ общественнымъ строемъ и основали новыя общины, не имѣвшія ничего общаго съ прошедшимъ, и зажили новою жизнью. Теперь разновѣровъ насчитываютъ уже до 12 мил. душъ и поневолѣ приходится сознаться, что настало, наконецъ, время подробнѣе и точнѣе ознакомиться съ этимъ могучимъ проявленіемъ русскаго народа; обществу приходится посчитаться съ разновѣріемъ и рѣшить окончательно вопросъ о своемъ къ нему отношеніи: если разновѣріе представляетъ собою явленіе живучее и здоровое, то обществу придется лишь воспользоваться имъ для дѣла дальнѣйшаго развитія народа, и, наоборотъ, если разновѣріе является фактомъ патологическимъ, то постараться излечить его въ корнѣ; уничтожая не самую болѣзнь, а ея основную причину.

Такова именно цѣль, которая побудила г. Юзова обратиться къ изученію русскаго разновѣрія; признавая чисто религіозно-догматическое значеніе этого явленія, авторъ если не все, то главное вниманіе свое обращаетъ на общественно-соціальное его значеніе, которое до самаго послѣдняго времени ускользало отъ вниманія изслѣдователей, никакъ не могшихъ понять, что сила разновѣрія не въ догматѣ, а чисто въ народной соціальной его подкладкѣ, вполнѣ соотвѣтствующей духу и подвигу народному, степени народнаго развитія и подготовки, его этическимъ взглядамъ и требованіямъ.

Обращаясь къ самому труду г. Юзова, мы видимъ, что авторъ дѣлитъ всѣ секты и толки нашего разновѣрія на двѣ главныя группы: старовѣровъ и духовныхъ христіанъ; первые держатся преданій, буквы и обряда, тогда какъ послѣдніе допускаютъ свободу изслѣдованія и спорятъ уже противъ самаго догмата, т. е., другими словами, идутъ гораздо дальше старовѣровъ и, разъ усомнившись въ вѣрности догмата, не остановятся и передъ полнымъ переустройствомъ общественнаго быта. Г. Юзовъ вовсе не берется представить читателю какіе нибудь новые факты, онъ беретъ готовый уже и, притомъ, довольно богатый матеріалъ, обработываетъ его и, главное, освѣщаетъ его съ новой, непривычной для насъ точки зрѣнія. Для нашего автора расколъ вовсе не то же самое, чѣмъ были когда то разныя религіозныя секты въ первые вѣка христіанства, а протестъ чисто соціальный и даже отчасти антиправительственный, постольку, поскольку правительство уклонялось отъ управленія стра-

вою на народнорусскихъ демократическихъ началахъ. Въ ту минуту, когда въ московскомъ государствѣ христіанскія начала стали подавляться татарско-византійскими, когда національныя демократическія особенности перестали приниматься во вниманіе, расколъ сталъ указывать на этомъ регрессъ и естественно долженъ былъ предпочесть нововведеніямъ старые порядки чисто народнаго пошиба; онъ прямо и безповоротно сталъ защищать свободу личности, которую хотѣлъ совершенно изгладить Никонъ, и объявилъ крѣпостное право антихристіанскимъ учрежденіемъ. Уже съ момента своего возникновенія, или, вѣрнѣе, съ момента первой стычки своей съ администраціей, расколъ образовалъ противогосударственную общину, въ которой скоплялись всѣ недовольные въ какомъ либо отношеніи правительствомъ; „въ антипатіи раскола правительству, — говоритъ г. Юзовъ (стр. 23), въ оппозиціи его противъ новаго государственнаго порядка и устройства Россій сходились всѣ частные противугосударственныя и демократическія антипатіи и стремленія: и недовольство преобладаніемъ сильныхъ, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стѣсненіе свободы, и своеволіе законами, и тягость податнаго состоянія“ и проч.

Но если въ расколѣ и выразилось народное недовольство настоящими порядками, то все же не слѣдуетъ предполагать, что разновѣріе представляетъ собою опасный для цѣлости государственной и порядка элементъ; никогда не являлись раскольники противниками высшей власти и какъ ни старались нѣкоторые фантазеры побудить ихъ къ дѣйствію, ни разу не испытывали они успѣха; не говоря уже о тѣхъ толкахъ, которые считаютъ для себя возможнымъ молиться за царя, даже и немолящіеся за представителя верховной власти вовсе не думаютъ не признавать эту власть. „За благочестивѣйшаго, дѣйствительно, мы молиться не можемъ, а за раба Божія Александра молимся повседневно, ибо благъ онъ и, видимо, въ Бозѣ пребываетъ“, говорятъ безпоповцы разныхъ толковъ. Толки, болѣе искусившіеся въ казуистикѣ, прямо заявляютъ, что „человѣческія общества исполнены людей злыхъ, движимыхъ мятежными, зловредными страстями; общество злыхъ стоять не можетъ, они истребили бы взаимно другъ друга; по этой то причинѣ мудрѣйшіе и учредили между собою различныя власти, дабы онѣ удерживали ихъ безпутства; въ этомъ отношеніи власти, по мнѣнію разновѣровъ раціоналистовъ, благодѣтельны и поставляются на землѣ для сыновъ міра самимъ Богомъ, тогда какъ для сущихъ не отъ міра, т. е. для нихъ самихъ, и власти мірскія не нужны (138 стр.). Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что громадное большинство разновѣровъ полагаетъ еще, что „милостивая власть отъ Бога, а немилостивая—неизвѣстно отъ кого“. Понятное дѣло, что, относясь такимъ образомъ къ верховной власти, наши разновѣры не могутъ примириться съ тѣмъ, что всѣ власти, вся администрація хороша и, главное, полезна; большинство изъ нихъ полагаютъ, что если уже необходимо на землѣ существованіе управляющихъ и управляемыхъ, то послѣдніе должны избирать первыхъ; въ силу такого взгляда они хотя и не возстаютъ противъ учрежденныхъ властей, но не имѣютъ къ нимъ всецѣлой покорности и отрицаютъ для истинныхъ сыновъ Божіихъ даже необходимость судовъ. „На что тому суды, говорятъ они, кто самъ во вѣки не захочетъ кого либо обидѣть“ (стр. 139). Этотъ духъ миролюбія они хотятъ простирать и на враговъ иноземныхъ, такъ какъ войну признаютъ не вяжущеюся съ духомъ христіанской любви.

Разновѣріе всегда стояло на Руси не за одну лишь свободу отъ админи-

страціи и, кромѣ отрицательнаго протеста, создало въ качествѣ протеста дѣйствительнаго и положительнаго—общину. Идея общинности была всегда краеугольнымъ камнемъ самобытныхъ зданій русской общественности, а потому вполнѣ естественно, что и такъ называемые старовѣры и духовные христіане какъ представители и защитники самобытнаго мышленія и чувствованія русскаго народа, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и представителями усиленной общинности. Чтобы доказать это положеніе, г. Юзовъ представляетъ картину старинныхъ Выгорѣцкихъ общинъ, разсказываетъ объ устройствѣ, такъ называемаго, Сопѣлкинскаго согласія и, такимъ образомъ, у каждаго толка находитъ все ту же силу, выражающуюся въ общинѣ и союзѣ общинъ. „Весь расколъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ федераціи политико-религіозныхъ согласій, при чемъ у всѣхъ раскольниковъ вообще стремленіе къ самоуправленію гораздо выше, нежели у остальнаго народонаселенія“ (118 стр.). Вообще раскольничьи общины состоятъ въ постоянномъ, ближайшемъ общеніи между собою и ведутъ переписку, при чемъ употребляютъ шифры, условный языкъ и т. п., а письма пересылаютъ по своей собственной почтѣ, на которой въ то же время лежитъ и обязанность въ нѣсколько часовъ времени передать необходимыя свѣдѣнія по всему уѣзду. Уже Беллюстинъ замѣтилъ, что общины нашихъ разновѣровъ поставлены такъ, что и послѣдній бѣднякъ имѣетъ въ нихъ голосъ; тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ особенно оптимистически смотрѣть на отношенія капиталистовъ и рабочихъ даже въ средѣ раскольниковъ, такъ какъ, при всей мощности организаціи общины, капиталъ все таки даетъ чувствовать свое могущество; это видно изъ того, что въ послѣднее время старовѣры ухитрились найти число звѣриное въ словѣ „хозяинъ“ (стр. 121). Уже изъ этихъ нѣсколькихъ словъ достаточно видно, какъ смотритъ наше разновѣріе на общину и свободу личности, но если мы обратимся къ той главѣ, гдѣ авторъ описываетъ секту „общихъ“ (гл. III), то увидимъ, что общинная и соціалистическая идеи если и не совсѣмъ точно понимаемы были нашею интеллигенціею, то давнымъ давно уже вполнѣ усвоены лучшими людьми изъ нашего народа и примѣнены даже въ жизни такъ, какъ это рѣдко удавалось сдѣлать и въ Америкѣ на Онеидскомъ ручьѣ, въ Либертитоунѣ и др. мѣстахъ. Ради полнаго и практическаго примѣненія соціалистическихъ идей въ томъ ихъ видѣ, когда онѣ не составляютъ еще утопіи, основалась даже въ средѣ молоканъ особая секта, извѣстная подъ названіемъ „общихъ“ и представляющаяся крайнимъ, хотя и вполнѣ одностороннимъ развитіемъ началъ молоканства; здѣсь каждая слобода образуетъ особую общину, а каждая семья—церковь; имѣнья движимыя и недвижимыя и доходы съ нихъ принадлежатъ братскому общему союзу, личной же собственности, ни движимой, ни недвижимой, ни у кого нѣтъ; дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земля, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, однимъ словомъ, все сельское хозяйство и промышленность находятся въ распоряженіи семьи или дома, но принадлежатъ всей слободѣ, и доходы со всего этого имущества составляютъ общую сумму общины (стр. 164). Правда, въ настоящее время общіе значительно отклонились отъ первичной чистоты своего соціальнаго устройства; дѣло въ томъ, что сильное возбужденіе нравственныхъ чувствъ, подъ вліяніемъ котораго общіе затѣяли устроить коммунальную жизнь, не могло удержаться долго; оно, какъ и всякое другое возбужденіе или, иначе сказать, энтузіазмъ, должно было непремѣнно имѣть свой конецъ, и вотъ, когда общіе успокоились, то замѣтили, что коммунальная жизнь

невыносима для нихъ при обыкновенномъ уровнѣ ихъ нравственныхъ чувствъ; они замѣтили, что временный энтузіазмъ приняли за постоянную величину и вполнѣ искренно сознались, что „погорячились некстати“ (стр. 166). Какъ бы то ни было, однако, община, какъ выходъ изъ тяжкаго положенія, въ которомъ находится наше крестьянство, все же создана и выработана, главнымъ образомъ, нашимъ разновѣріемъ, которое, такимъ образомъ, является не однимъ лишь протестомъ религіознымъ, но и протестомъ связанной по рукамъ и по ногамъ личности, протестомъ соціальнымъ и даже по временамъ политическимъ.

Прежде всего г. Юзовъ старается выяснить читателю причины появленія и распространенія старовѣрія. Авторъ прямо обращается къ вопросу, какимъ образомъ могъ появиться у насъ на Руси на ряду съ чрезвычайнымъ индифферентизмомъ столь мощный и интенсивный религіозный протестъ? Дѣло объясняется весьма просто, такъ какъ „въ расколѣ главною двигающею силою является не религія, а нѣчто другое“ (10 стр.). Въ XVII вѣкѣ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи и гораздо раньше, начинаетъ высказываться крайнее недовольство существовавшимъ тогда положеніемъ вещей и общественными отношеніями; зачастую духовенство цѣлой области усиливалось освободиться не только отъ уплаты пошлинъ, но и отъ суда епископскаго, а за духовенствомъ добивались того же и міряне. На бѣду, Никонъ явился не только защитникомъ, но и главнымъ борцомъ за произволъ высшаго духовенства, а правительство, не понявъ тогдашняго положенія дѣлъ, открыто стало на сторону патріарха. „Начиная борьбу съ церковнымъ управленіемъ“, — говоритъ г. Юзовъ,—„старовѣры думали найти защиту въ гражданскихъ правителяхъ, но имъ пришлось очень скоро разочароваться въ своихъ мечтахъ, такъ какъ государство въ этой борьбѣ демократическихъ элементовъ противъ церковнаго управленія приняло сторону послѣдняго и стало жестоко карать его противниковъ“... Слѣдствіемъ такого вмѣшательства государства въ распрю народа съ церковнымъ управленіемъ было то, что, по словамъ Щапова, „мятежное движеніе, произведенное первоначально расколоучителями въ средѣ собственно церковной, скоро перенесено было ими въ сферу гражданской народной жизни, и во главѣ его стали являться и дѣйствовать, уже въ духѣ чисто революціонно-демократическомъ, возмутители народные, партизаны противугосударственные, каковы напримѣръ: Хованскій, Стенька Разинъ, Емельянъ Пугачевъ“ и др. (стр. 17). Понятно, что насилуя личность, правительство не могло не насиловать и областное самоуправленіе; усилившись при посредствѣ татарщины, Москва поглотила областную жизнь и, создавъ единое государство, разрушила массу отдѣльныхъ и самостоятельныхъ жизней; затѣмъ явилась реформа Петра, которая стремилась также къ поглощенію области и личности идеею государства и казны, явились массы иностранцевъ, которые не хотѣли, да и не могли понять коренныхъ народныхъ началъ и требованій національнаго духа и, послѣ смерти Петра, накинулись на русскій народъ, какъ стая воронья на лакомую добычу. Массы стали не на шутку волноваться, и разновѣріе стало пускать въ народъ сотни тысячъ подметныхъ писемъ, гдѣ говорилось, между прочимъ, что „Богъ сотворилъ человѣка по образу и подобію своему и самовластну повелѣно ему быти“ (стр. 25).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что кромѣ раскола были и другія формы протеста русскаго народа противъ татарско-нѣмецкихъ нововведеній, несоотвѣтствовавшихъ ни характеру, ни благу этого народа, но эти другія формы про-

теста мало по малу вырождаются въ то время, какъ расколъ ростетъ и усиливается. Это развитіе раскола зависѣло отъ того, что первымъ дѣломъ его была пропаганда и расширеніе общины; кромѣ того, пропаганда опиралась на единственную въ то время науку — богословіе и „расколъ систематизировалъ свое ученіе и подъ знаменемъ богословія распространялъ свои идеи". (стр. 28).

Выяснивъ такимъ образомъ причины возникновенія и распространенія разновѣрія, авторъ обращается къ вопросу объ исчисленіи раскольниковъ, которое пробовалъ уже дѣлать до него П. И. Мельниковъ, доводившій число ихъ до 10-ти милліоновъ;. сами раскольники, которые вообще весьма осторожны въ своихъ показаніяхъ, считали себя въ 1852 году, когда ихъ считалъ сыщикъ Липранди, въ числѣ до 10-ти милліоновъ. Сведя къ одной цыфрѣ число раскольниковъ, опредѣленное чиновниками-сыщиками министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Юзовъ считаетъ себя вправѣ принять 9½ м. за цыфру раскольниковъ для 1859 г., а если считать ежегодный приростъ населенія въ 1,3%, то цыфра эта въ 1880 г. обратится въ 12 милліонную и все же не будетъ достаточно вѣрна, такъ какъ число раскольниковъ возростаетъ не только посредствомъ естественнаго наростанія народонаселенія, но и путемъ пропаганды; рѣшительно всѣ, писавшіе когда-либо о расколѣ, согласны въ томъ, что народъ „обращается въ расколъ массами" (Беллюстинъ), что „теперь расколъ началъ пріобрѣтать себѣ послѣдователей даже въ такихъ приходахъ, въ которыхъ вовсе не было раскольниковъ" (Лѣсковъ), что „число обращающихся изъ православія въ расколъ увеличивается цѣлыми тысячами" (свящ. Твердынскій) и что „приходится встрѣчать большія села, въ которыхъ, по свидѣтельству жителей, лѣтъ 15 назадъ не было ни одного раскольника, а теперь цѣлая половина населенія — молокане" (Меккензи-Уоллесъ). Мы сами наблюдали одинъ хлыстовскій корабль въ Тамбовской губерніи, который основался на нашихъ глазахъ, развился въ чистое молоканство и въ настоящее время имѣетъ отъ 6—8,000 приверженцевъ. На основаніи офиціальныхъ, а отчасти и неофиціальныхъ данныхъ, г. Юзовъ насчитываетъ 3 м. поповцевъ, 8 м. безпоповцевъ, 1 м. духовныхъ христіанъ и 65 т. энтузіастовъ, т. е. хлыстовъ и скопцовъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшается.

Г. Юзовъ придерживается, на основаніи точныхъ свидѣтельствъ вполнѣ въ этомъ случаѣ компетентныхъ людей, того убѣжденія, что разновѣры вообще представляютъ собою и лучшихъ въ нравственномъ отношеніи, и болѣе грамотныхъ, и, наконецъ, болѣе развитыхъ людей среди русскаго крестьянства. Интересно, что такъ называемые раскольники и живутъ лучше, и обладаютъ болѣе высокою категоріею умственныхъ, нравственныхъ, этическихъ и естетическихъ потребностей, нежели православные; они и читаютъ, и пишутъ, и критикуютъ, и разсуждаютъ, тогда какъ „православіе есть старовѣріе—болото стоячее", какъ они утверждаютъ. Громадный каталогъ старовѣрческой церкви, составленный Павломъ Любопытнымъ, представляетъ намъ существованіе огромной литературы и написанъ, по словамъ автора, для того, „дабы ею вразумить невѣжды и обуздать шумную ихъ буйность, кричащую, что старообрядцы есть сущіе невѣжды, что они о своей вѣрѣ и ея обрядахъ не имѣютъ никакого понятія, не знаютъ никакихъ наукъ, словесности, и чужды образованія ума и сердца, чтобы они, бѣдные, въ сихъ ложныхъ мнѣніяхъ опомнились" (стр. 49). По свидѣтельству Кельсіева и Надеждина, крестьянство, одаренное духовными талантами и жаждущее примѣнить свои силы къ умствен-

ному труду, но холодно относящееся къ православію и при недовѣріи къ администраціи и духовенству, большею частью толпами обращается въ разновѣріе, представляющее для нихъ обширное поле дѣятельности,—бѣжитъ къ разновѣрамъ, гдѣ и находитъ своего рода общество людей ученыхъ, т. е. начитанныхъ, библіотеки, читателей, издателей, переписчиковъ, переплетчиковъ и всѣ пособія для свободнаго общенія мысли и слова. Авторъ совершенно справедливо находитъ, что и безпоповщина, и даже поповщина вовсе не думаютъ оставаться въ косности и отрицать критику и прогрессъ; „теперь уже времена не тѣ",—говорятъ, напримѣръ, ѳедосѣевцы,—„апостоловъ нѣтъ и писанія ихъ не имѣютъ силы неопровержимаго авторитета (Надеждинъ), а лишь имѣющему умъ дано будетъ". Въ виду того, что даже и буквенный расколъ не признаетъ власти, полагая единую лишь власть въ рукахъ Христа, понятно, что онъ отрицаетъ и всѣ частныя понятія о принадлежностяхъ власти, о законахъ, о судопроизводствѣ, о всѣхъ предметахъ, напоминающихъ эту власть, вообще обо всѣхъ обычаяхъ государственныхъ. Постоянно разсуждая и подвергая догматъ критики, безпоповство сдѣлало возможнымъ появленіе Спасова согласія, странниковъ, бѣгуновъ, нѣтовщины и живыхъ покойниковъ, которые, проповѣдуя свободное изслѣдованіе, дошли до отрицанія всякой обрядности, до полнаго раціонализма и даже до отрицанія жизни. „Вѣрь тому Евангелію",—говорятъ еще недавніе староверы,—„которое положено въ сердцѣ"; а между безпоповцами усиливается полное невѣріе и безбожіе (не атеизмъ, а индифферентизмъ) и замѣчается самымъ рѣзкимъ образомъ высказываемое стремленіе выбиться изъ подъ всего, что стѣсняетъ мысль и совѣсть человѣка. Наконецъ, въ послѣднее время повсюду стали появляться небольшія группы такъ называемыхъ немоляковъ, которые оставляютъ уже прямой переходъ къ чистому, молоканскому раціонализму.

Цѣлымъ рядомъ крайне интересныхъ цитатъ изъ разныхъ сочиненій о расколѣ, г. Юзовъ доказываетъ, что мнѣніе о невѣжествѣ и закоснѣлости такъ называемыхъ старовѣровъ есть результатъ, какъ враждебнаго отношенія къ нимъ, такъ и полнѣйшаго незнакомства съ ихъ нынѣшними воззрѣніями, что передовая часть безпоповщины проповѣдуетъ религіозный раціонализмъ, а остальная находится на пути къ нему и что эта послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не можетъ остановиться на этомъ прогрессивномъ пути по той простой причинѣ, что вражда ко всякой іерархіи не даетъ возможности сковать и закрѣпить ихъ религіозныя воззрѣнія; право свободнаго толкованія священныхъ книгъ вошло въ ихъ плоть и кровь, а тамъ, гдѣ всякій мыслящій человѣкъ имѣетъ право разрѣшать свои религіозныя сомнѣнія, опираясь на свое собственное пониманіе, тамъ раціонализму—раздолье (стр. 91).

Таково содержаніе или вѣрнѣе сущность книги г. Юзова; уже изъ того немногаго, что мы привели здѣсь, можно видѣть, насколько книга интересна, а если принять еще во вниманіе ту массу матеріала, которымъ воспользовался г. Юзовъ, то трудъ его придется признать весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу небогатую литературу о разновѣріи. Мы позволимъ себѣ лишь одно замѣчаніе, которое да проститъ намъ почтенный авторъ: видно, что г. Юзовъ, находясь подъ вліяніемъ грандіозности явленія, спѣшилъ какъ бы высказаться; повсюду видна спѣшная работа записыванія наскоро мыслей и подтвердительныхъ выписокъ и не достаетъ отдѣлки. „Русскіе диссиденты"— превосходный конспектъ, но не строго выдержанный трактатъ. Какъ бы то

ни было, но нельзя не привѣтствовать книгу г. Юзова, которая, надѣемся, внесетъ не мало новаго во взгляды нашего общества на разновѣріе.

В. М.

Художественный Журналъ, издаваемый Н. Александровымъ. 1881 годъ. №№ 1—3.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что въ то время, когда русское общество переживаетъ такую тревожную эпоху смутъ, внутренняго общественнаго броженія, несчастій—въ недавнемъ прошломъ, неувѣренности—въ будущемъ,—что въ такое именно время является журналъ, посвященный спеціально художественнымъ цѣлямъ и, что еще больше, журналъ, несомнѣнно имѣющій успѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, „Художественный Журналъ" г. Александрова, если не ошибаемся, есть первая серьезная въ Россіи попытка настоящаго художественнаго изданія совершенно въ европейскомъ смыслѣ, и эта попытка сдѣлана именно теперь, когда, казалось бы, искусство не можетъ привлекать вниманія общества. Въ сущности, однако, въ этомъ странномъ, на первый взглядъ, явленіи нѣтъ ничего непонятнаго и ненормальнаго; напротивъ того, было бы гораздо необъяснимѣе, если бы въ русскомъ обществѣ русское искусство не играло существенной, жизненной роли. Общество не живетъ и не можетъ жить одними лишь общественными заботами: у него есть интересы умственные и эстетическіе, удовлетвореніе которыхъ также необходимо, какъ удовлетвореніе и всѣхъ другихъ потребностей. Періодъ отрицанія искусства былъ періодомъ исключительнымъ и временнымъ, и едва ли когда-либо онъ можетъ вернуться. Въ то время, какъ нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ, увлекаясь дурно понятымъ утилитаризмомъ, проповѣдывали безцѣльность искусства и ничтожность его общественнаго значенія, общество по прежнему читало своихъ великихъ поэтовъ, посѣщало концерты и театры, интересовалось выставками. Да и самое отрицаніе это былъ лишь результатомъ того неудовлетворительнаго состоянія, въ которомъ русское искусство находилось лѣтъ тридцать тому назадъ. Еще не достигнувъ самостоятельности, только что выйдя изъ пеленокъ, если можно такъ выразиться, не создавъ еще своей національной школы, которая бы группировала вокругъ себя таланты, направляла ихъ, развивала бы ихъ въ данномъ смыслѣ,—въ русскомъ искусствѣ (мы понимаемъ здѣсь главнымъ образомъ живопись) уже вкоренилась академическая рутина и поглощала собою всѣ жизненные соки непосредственнаго творчества. Русское искусство, находясь въ такомъ положеніи, не могло выражать собою жизненныхъ общественныхъ явленій, стояло не на уровнѣ умственнаго роста общества; оно было лишь какимъ-то блѣднымъ и неумѣлымъ отголоскомъ чего-то стараго, мертваго, безжизненнаго. А между тѣмъ, когда искусство, — даже и не столь молодое какъ наше, а имѣющее уже богатую и великую исторію въ прошломъ, перестаетъ быть искреннимъ и непосредственнымъ выраженіемъ общаго чувства, принимается повторять прежнія уже мертвыя формы, оно неизбѣжно клонится къ упадку, и тогда, по отношенію къ искусству, общество раздѣляется обыкновенно на двѣ категоріи: диллетанты дѣлаютъ видъ, что интересуются имъ, всѣ же остальные, ничего не понимая въ этихъ, ничего не говорящихъ ихъ „уму и сердцу", произведеніяхъ, отворачиваются отъ искусства и ищутъ удовлетворенія своихъ

умственныхъ потребностей въ другихъ областяхъ знанія и въ общественной жизни. Это-то именно и случилось съ нашимъ возникающимъ искусствомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Академическое преподаваніе, рутинное, не отвѣчающее потребностямъ времени, основанное но ложно понятыхъ эстетическихъ принципахъ, въ концѣ концовъ не только оказалось безсильнымъ создать и поддержать національную школу, но даже задерживало развитіе молодыхъ талантовъ, еще не совсѣмъ обезличенныхъ этимъ преподаваніемъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о „процвѣтаніи" русскаго искусства, и тѣмъ болѣе не могло быть рѣчи о симпатіяхъ общества къ искусству, которое оказалось безсильнымъ удовлетворить даже самые умѣренныя эстетическія потребности этого общества. Но вмѣстѣ съ равнодушіемъ общества, въ самой средѣ художниковъ возникла реакція. Академія въ значительной мѣрѣ потеряла свой прежній авторитетъ; молодые художники, вмѣсто того, чтобы подчиниться указаніямъ и требованіямъ академическаго преподаванія, освободились отъ академической ферулы и стали искать творческихъ впечатлѣній въ жизни и въ природѣ. И что же мы видимъ теперь? Въ какіе нибудь двадцать пять лѣтъ, русское искусство стало на свои собственныя ноги, возникли таланты (и даже таланты первой величины), образовалась дѣйствительно національная школа, опредѣлившая свои задачи. и направленіе, выработавшая свои пріемы и могущая стать на ряду даже съ старымъ европейскимъ искусствомъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, общество, еще такъ недавно совершенно равнодушное къ интересамъ русскаго искусства, теперь уже не игнорируетъ его, а напротивъ того, поддерживаетъ на сколько можетъ, и въ средѣ его возникаетъ потребность журнала, спеціально посвященнаго художественнымъ задачамъ и интересамъ русскаго искусства. Конечно, въ настоящую минуту, трудно сказать, на сколько удовлетворительно выполнитъ эту задачу „Художественный Журналъ" г. Александрова: первые нумера, во всякомъ случаѣ, составлены прекрасно, съ большимъ знаніемъ дѣла, тщательно и внимательно; изданіе— вполнѣ художественно, рисунки замѣчательны по выполненію и вполнѣ достойны дѣйствительнаго художественнаго изданія. Если къ этому прибавить, что въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ „Художественнаго Журнала" мы встрѣчаемъ такихъ художниковъ, какъ Айвазовскій, Верещагинъ, Крамской, Клодтъ, Леманъ, Маковскій, Перовъ, Рѣпинъ, Шишкинъ и многіе другіе, то читатель пойметъ ту художественную цѣнность, которую представляетъ журналъ г. Александрова.

При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ „Художественнаго Журнала", нельзя, однако же, не сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно литературной части его. Программа журнала очень широка, но не настолько, на сколько это было бы желательно. Изъ программы, а отчасти и изъ трехъ вышедшихъ нумеровъ, видно, что „Художественный Журналъ" имѣетъ въ виду исключительнно русское искусство и въ этомъ искусствѣ, спеціальнѣе — русскую живопись, другими словами, это — журналъ, спеціально посвященный русской живописи. Такое ограниченіе задачъ журнала, такое намѣренное и сознательное исключеніе европейской живописи нельзя признать удачнымъ. Конечно, можно указать на нѣкоторые европейскіе художественные журналы, столь же ограниченные спеціально-національнымъ искусствомъ. Но въ данномъ случаѣ вполнѣ пригодна французская поговорка: „Comparaison n'est pas raison". Какой нибудь французскій художественный журналъ имѣетъ право быть узко-національнымъ. Французское искусство такъ

богато первоклассными художниками и произведеніями, сфера французскаго искусства такъ широка и къ тому же французское искусство, по характеру своему, такъ космополитично, имѣетъ такое обширное, всеобъемлющее общественное и художественное значеніе, что во Франціи — быть національнымъ значитъ, въ то же время, быть европейскимъ, т. е. обнимать всѣ проявлбнія, все выдающееся въ данной области знанія или искусства. Съ другой стороны, нельзя также забывать и того обстоятельства, что какъ бы отрицательно не смотрѣли на французское искусство,—Парижъ, тѣмъ не менѣе, является всемірнымъ художественнымъ рынкомъ, а вслѣдствіе этого, болѣе или менѣе, отражаетъ въ себѣ все то, что европейское общество создаетъ. Нѣтъ такого испанскаго, итальянскаго, нѣмецкаго, англійскаго художника, который бы не искалъ подтвержденія своей художественной славы въ Парижѣ и парижскомъ салонѣ. Мункачи, Макартъ, Матейко, Фортуни, пріобрѣли извѣстность въ Парижѣ и, по этому, могутъ считаться принадлежащими Парижу. Художники славянскихъ земель, какъ напр. Чермакъ, тоже стремятся въ Парижъ, а за частую окончательно поселяются тамъ. Даже русскіе художники чувствуютъ эту притягательную силу Парижа, какъ художественнаго центра и теперь мы видимъ тамъ цѣлую колонію русскихъ художниковъ, между которыми есть такіе, какъ напримѣръ Верещагинъ, Антокольскій, Харламовъ, Боголюбовъ, Леманъ. Даже г. Куинджи, не удовлетворившись славой, пріобрѣтенной имъ въ Петербургѣ, выставилъ, какъ говорятъ, свою послѣднюю картину въ Парижѣ. При этихъ условіяхъ, французскій художественный журналъ можетъ оставаться національнымъ, т. е. парижскимъ, и въ то же время отражать движеніе всего европейскаго искусства. А что французскіе художественные издатели именно такъ понимаютъ національность,—въ этомъ легко убѣдиться, взявъ въ руки первый попавшійся французскій журналъ, спеціально посвященный искусству. Другое дѣло — русское художественное изданіе. Узко національно оно не столько вслѣдствіе бѣдности первоклассныхъ національныхъ талантовъ, сколько вслѣдствіе бѣдности и узкости содержанія, въ которомъ невольно русское національное искусство должно вертеться. Въ началѣ своей статьи о девятой передвижной выставкѣ, г. Александровъ пишетъ: „По численности картинъ настоящую выставку можно назвать самой грандіозной,—на ней болѣе ста нумеровъ". Какой же эпитетъ придумалъ бы г. Александровъ, если бы ему пришлось писать о парижскомъ „салонѣ", на которомъ бываетъ, изъ году въ годъ, до шести тысячъ нумеровъ? Но не въ численности только дѣло,—по содержанію, объему, захвату, русское искусство также бѣдно по сравненію съ европейскимъ. На той же самой передвижной выставкѣ, о которой говоритъ г. Александровъ, мы насчитали 27 однихъ портретовъ, т. е. ровно четвертую часть всѣхъ нумеровъ. Это сопоставленіе цыфръ лучше всего говоритъ о содержательности выставки. Каждый изъ этихъ портретовъ можетъ быть своего рода chef d'oeuvre'омъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что портретъ требуетъ меньше творческой фантазіи, чѣмъ, напр., историческая картина или жанръ. На эту тему можно было бы много сказать, и сказать не въ пользу русскаго искусства, но, во всякомъ случаѣ, и то, на что мы сейчасъ указали, доказываетъ, какъ кажется, вполнѣ ясно, что художественный журналъ, издаваемый въ Россіи, для русскаго общества, не можетъ быть узко національнымъ, потому что онъ по необходимости будетъ блѣденъ и не вполнѣ будетъ отвѣчать своему назначенію, которое должно быть: распространеніе изящнаго вкуса и здравыхъ эстетическихъ понятій въ русскомъ обществѣ.

Другой пробѣлъ, замѣченный нами въ „Художественномъ Журналѣ“, тѣсно связанъ съ недостаткомъ только что нами указаннымъ. Мы говоримъ о томъ, что, повидимому, „Художественный Журналъ“ не задается никакими теоретическими цѣлями. Въ журналѣ, правда, есть критическій отдѣлъ, который ведется, насколько можно замѣтить по первымъ нумерамъ, весьма хорошо, и который занимаетъ въ общей сложности довольно почтенное мѣсто. Но въ этомъ отдѣлѣ разсматриваются произведенія и дѣятельность только современныхъ, да и то русскихъ художниковъ. Въ этихъ намѣренно съуженныхъ рамкахъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста для теоретическихъ положеній, для спорныхъ эстетическихъ пунктовъ, для обстоятельнаго изложенія, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ эстетическихъ принциповъ. Для примѣра, укажу на статью г. Александрова о значеніи Куинджи. То „новое“, что Куинджи вноситъ своими картинами въ искусство, г. Александровъ объясняетъ очень талантливо. Мы бы однакожъ сказали, что и статья написана скорѣе для художниковъ, чѣмъ для насъ, простыхъ смертныхъ. Разъясненія автора касаются преимущественно технической стороны,—насколько онѣ вѣски и новы, мы не беремся судить, но было бы желательно, чтобы критическіе этюды г. Александрова не касались одной лишь технической стороны. Мы вполнѣ готовы вѣрить, что Куинджи является значительнымъ реформаторомъ въ техникѣ своего искусства и въ этомъ отношеніи у него могутъ и должны учиться другіе художники. Но для не-художниковъ было бы и полезнѣе, и интереснѣе, если бы „Художественный Журналъ“ указалъ на значеніе Куинджи въ искусствѣ помимо техники. Картины Куинджи затрогиваютъ вопросы первостепенной важности и, при его рѣзко выдающемся реализмѣ, прямо касаются основныхъ вопросовъ, между которыми однимъ изъ первыхъ является вопросъ о предѣлахъ живописи, о томъ, насколько живопись должна и можетъ воспроизводить натуру, не теряя своего значенія, какъ искусство. Подобные вопросы имѣютъ общій интересъ и непосредственное свое мѣсто должны находить въ „Художественномъ Журналѣ“. Они касаются эстетическаго развитія общества, а этимъ развитіемъ не слѣдуетъ пренебрегать. Я указалъ на одинъ только примѣръ, но это нежеланіе касаться принциповъ и основныхъ положеній замѣтно и въ другихъ критическихъ статьяхъ г. Александрова. Говоря, напр., о нашемъ извѣстномъ жанристѣ г. В. Маковскомъ, г. Александровъ очень мѣтко характеризуетъ талантъ художника, но не трогаетъ вопроса о томъ, какое собственно мѣсто В. Маковскій занимаетъ въ ряду вообще жанристовъ; вѣдь, при одинаковомъ техническомъ совершенствѣ, при одинаковой живости наблюденія, жанровыя картины бываютъ различны по содержанію: однѣ цѣннѣе, другія менѣе цѣнны. Указывая на достоинства портретной живописи Крамскаго, г. Александровъ опять-таки имѣетъ въ виду одного лишь художника, а не указываетъ, въ какой связи онъ находится съ другими портретистами, приближается ли онъ къ Веласкезу, или Рембрандту, или къ другому великому портретисту, и если не приближается, то что своего творческаго внесъ г. Крамской въ портретную живопись?

Но все это, конечно, подробности и мелочи, нисколько не умаляющія значенія и достоинствъ самого журнала. Недостатки, пробѣлы, ошибки могутъ и должны быть, въ особенности въ началѣ. Важны не они, а существенныя достоинства новаго изданія, которыхъ очень много, и которые, безъ сомнѣнія, обезпечатъ „Художественному Журналу“ прочный успѣхъ.

В. Ч.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Выписки изъ памятныхъ книжекъ Петра Великаго [1]).

Печатаемыя ниже выписки изъ памятныхъ книжекъ Петра Великаго представляютъ сами по себѣ любопытный памятникъ того чрезвычайнаго разнообразія которое отличало всю жизнь великаго, неутомимаго строителя русскаго государства. Замѣчательно, что примѣры исторіи служили ему руководствами и оттого-то здѣсь встрѣчаются историческія справки относительно общихъ всемірно-историческихъ вопросовъ, какъ напримѣръ, о греческомъ царствѣ и о римскомъ, паденіи Карѳагена, а также и о подробностяхъ историческихъ, какъ о времени рожденія Лютера, о взятіи Цареграда и пр. Нѣкоторыя извѣстія записывались, какъ уже добытыя, напр. о годахъ протекшихъ послѣ паденія Цареграда и послѣ смерти Лютера, другіе, неизвѣстные въ то время, годы отыскивались: какъ напр. о смерти Колумба. Замѣтка „о греческомъ паденіи" истекшемъ „отъ презрѣнія войны", совпадаетъ съ рѣчью Петра, произнесенною послѣ Ништатскаго мира, гдѣ Петръ прославлялъ полезные результаты Сѣверной войны, и какъ тогда, такъ и прежде, утѣшая въ тягостяхъ производимыхъ странѣ войною, припоминалъ, что греческая имперія пала отъ того, что стала совсѣмъ не воинственною. Какъ Петръ считалъ обученіе исторіи важнымъ для народнаго образованія, показываетъ мысль составить „краткую исторію для внушенія молодымъ людямъ послѣ азбуки о нынѣшнихъ и старыхъ дѣлахъ". Тутъ видна мысль распространить чтеніе исторіи между всѣми обучившимися только какъ-нибудь читать. Исторія, такимъ образомъ, должна быть самымъ повсемѣстнымъ, распространеннымъ чтеніемъ. Занимали Петра и философскіе вопросы; такъ предполагалось, какъ видно, написать трактатъ противъ атеистовъ, трактатъ, подрывающій главное, на что атеисты въ подкрѣпленіе своего ученія всегда указывали: бѣдствіе твари, состоящее въ томъ,

---

[1]) Выписки эти были поднесены 30 августа 1730 г. императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ бывшимъ кабинетъ-секретаремъ Петра Великаго А. В. Макаровымъ. Копія съ этихъ выписокъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ, обязательно сообщена намъ Г. В. Есиповымъ, а предисловіе написано, по нашей просьбѣ, Н. И. Костомаровымъ.

что одно животное пожираетъ другого, и самъ человѣкъ принадлежитъ къ такимъ же хищнымъ животнымъ, чтò не согласуется съ премудростію всеблагого существа, создавшаго міръ и управляющаго міромъ. Занимала Петра мысль написать книгу о ханжахъ, чтò отчасти исполнено въ регламентѣ; Петру приходилось слишкомъ много бороться съ узкими религіозными понятіями, которыя проповѣдывали духовные стараго закала и оттого онъ намѣчаетъ запретить духовнымъ отцамъ держать у себя дѣтей (духовныхъ). Вѣроятно, сюда же отнести можно и справку съ зачаломъ 139 посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ. Быть можетъ, Петра интересовало тамъ сужденіе объ идоложертвенныхъ яствахъ, имѣющее цѣлію указать, что идолъ самъ по себѣ ничто, а грѣшатъ только тѣ, которые съ вѣрою въ существованіе вымышленнаго идола принимаютъ посвящаемую ему снѣдь; можетъ быть, вниманіе Петра привлекло и предшествующее этому сужденіе апостола о томъ, что можно, судя по обстоятельствамъ, съ равнымъ оправданіемъ предъ нравственнымъ долгомъ и выдавать дочерей замужъ и оставлять ихъ дѣвицами. Нѣкоторыя замѣтки прямо указываютъ на то, чтò въ царствованіе Петра вошло въ законы и указы. Напримѣръ, о гробахъ дубовыхъ, о лѣсахъ, о наслѣдствѣ, о школахъ, о посылкѣ офицеровъ для примѣчаній въ цесарской службѣ, объ опредѣленіи монаховъ во флотъ священниками, о непогребеніи умершихъ ранѣе трехъ дней и т. п. Вспоминается грамата патріарха, которую выпросилъ Петръ на разрѣшеніе военно-служащимъ отъ наблюденія постовъ. Любопытна замѣтка о запрещеніи навѣщать публично наказанныхъ и дружить съ ними, а также о запрещеніи попрекать прежними винами получившихъ прощеніе—правило господствовавшее въ духѣ всего правленія Петрова: онъ былъ безжалостенъ не только къ преступникамъ, но и къ тѣмъ, которые осмѣливались показывать состраданіе къ преступникамъ, уже испытывающимъ возмездіе закона, но за то онъ никогда не поминалъ прежняго, если оно прежде разъ было имъ прощено и не возобновлялось. Здѣсь встрѣчаются и замѣчанія по предметамъ, касающимся хозяйства и удобствъ частной жизни, и по предметамъ ремеслъ, фабрикъ, городского устройства, особенно Петербурга, какъ показываютъ замѣтки о навозѣ противъ Муханова двора или за шпиталемъ, о строеніи запаснаго двора противъ лѣтняго, о проведеніи воды изъ Невы, о плотинѣ и колесѣ... Все, о чемъ думалъ Петръ, все, чтò ему случайно приходило въ голову, онъ часто записывалъ, заносилъ какъ бы на память, одною-другою чертою въ памятную книжку, надѣясь впослѣдствіи обдумать, распросить, справиться, разсмотрѣть, присудить, рѣшить, постановить и исполнить. Такъ изъ подобныхъ отрывочныхъ заносовъ въ памятную книжку пришедшихъ случайно въ голову мыслей, или нечаянно возбужденныхъ впечатлѣній, создавались впослѣдствіи законы, учрежденія, велѣнія, событія, перевернувшія на иной ладъ русское государство и русское общество.

Яворскому о школахъ.
О грамотѣ патріарха Досифея о архіереяхъ.
О письмахъ къ вѣнчанью.
О ученьи ребятъ грамотѣ возлѣ монастырей.
О раскольщикахъ олонецкихъ.
Чтобъ ранѣе не хоронить трехъ дней.
Чтобъ духовнымъ отцамъ не держать дѣтей у себя.

О гробахъ дубовыхъ.

Къ коринфянамъ зачало 139.

Лютеръ родился въ 1483, умеръ 1546; живота его было 63 года; тому какъ умеръ 165 лѣтъ.

О зарядахъ за свадьбы отставить.

О греческомъ паденіи, отъ презрѣнія войны.

Римское отъ разоренія Карфагена.

Грамоту патріарха цареградскаго, о разрѣшеніи войску, и чтобъ указы за архіерейскою рукою попамъ по всѣмъ полкамъ.

Чтобъ во флотѣ и войскѣ быть чернымъ, а не бѣлымъ попамъ.

Чтобъ написать книгу о ханжахъ и изъявить блаженствы (кротость Давидову и прочіе), что не такъ какъ они думаютъ и приплесть къ требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи.

Такъ же бы не противились бы мученики въ свѣтскихъ дѣлахъ.

О краткой исторіи для внушенія молодымъ послѣ азбуки о нынѣшнихъ и старыхъ дѣлахъ.

(Противъ атеистовъ). Буде мнятъ законы смышленные, то для чего животное одно другаго ѣстъ, и мы, на что такое бѣдство имъ сдѣлано.

О наслѣдствѣ первыхъ.

Чтобъ всѣмъ записямъ быть съ добрымъ свидѣтельствомъ, а наипаче въ женитьбѣ, чтобъ вмѣсто зарядныхъ не дѣлали, также и о наслѣдствѣ одному сыну.

О вымыслѣ.

О особливомъ приказѣ о лѣсахъ.

Чтобъ новоуказныя статьи весьма истребить и кто станетъ въ челобитныхъ оные писать, чинить наказаніе, а ежели что не будетъ въ уложеньи, то чинить пункты и прикладывать къ уложенью.

Чтобъ публичныхъ, кои наказаны, не навѣщали и чужда имѣли, а когда простятъ, не порекали.

Написать въ уложеньи, что человѣкъ, какъ можетъ чистъ быть въ себѣ, но не во вредъ государства—въ презрѣніи и въ поманкѣ другихъ.

А ессенція, что сама течетъ изъ ягодъ, то за деньги не достанешь, но у знатныхъ и богатыхъ людей дружбою.

Чтобъ провесть воду сверху Невы по низу и сдѣлать маленькую плотину и колесо поставить.

Чтобъ на зимнемъ дворѣ убрать печатными листами своихъ дѣлъ за стекломъ съ дубомъ одинъ кабинетъ.

О пословицахъ русскихъ.

Гдѣ навозъ класть: противъ Муханова двора и за шпиталемъ.

О строеніи запаснаго двора противъ лѣтняго.

Купить секретъ, какъ кишки заливныя дѣлать.

Кои покупаютъ съ Гостиннаго Двора всякіе товары, брать пошлину противъ продавцовъ.

Черкасамъ не продавать на Москвѣ ничего, а продавать въ Воронежѣ.

Въ черкасскіе городы, и на Свинскую, и на Макарьевскую, начальныхъ и солдатъ для уему у торговъ.

Послать примѣчать офицеровъ въ цесарскомъ войскѣ.

О школахъ воинскихъ, и торговыхъ и прочихъ.

О мастерахъ кои дѣлаютъ кожи, какъ лосины.

О шляпочныхъ мастерахъ.

Сыскать о Колумбовой смерти.

Отписать къ Стельсу о кишкѣ, которою обвязываютъ кругъ себя, какъ черезъ воду ходить.

О посылкѣ учиться отъ города всему.

Яшку спросить про князя Михайлу Ромодановскаго.

О розыскѣ о пасторѣ.

О соли, отдать въ откупъ.

258 лѣтъ взятъ Цареградъ.

Кто объявитъ, кто скрывается, тому все.

О присягѣ суду, сенату и губернаторамъ, а наипаче не для денегъ поманки и боязни.

Привязать на лѣвую руку, на голое тѣло, швомъ къ тѣлу и ниточки внизъ.

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

Дуэль графа Робассома съ графомъ Биландомъ.

(Докладъ Потемкина императрицѣ Екатеринѣ II).

„Всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской.

„Отъ генералъ-аншефа, военной коллегіи вице-президента и кавалера, князя Потемкина всеподданнѣйшій докладъ.

„Въ слѣдствіе высочайшаго вашего императорскаго величества указа, надъ кавалеромъ военнаго ордена графомъ Робассомъ въ заколоніи имъ бывшаго въ россійской морской службѣ бригадира графа Биланда, произведенъ былъ военный судъ, который, разсмотрѣвъ отвѣты его и бывшихъ во время сего произшествія служителей, нашелъ, что слѣдствіе сего нещастнаго случая произошло противъ всякаго чаянія, а имянно: графъ Биландъ, будучи долженъ графу Робассомъ 500 руб. и обнадеживая его платежомъ чрезъ долгое время, наконецъ когда Робассомъ, узнавъ что Биландъ, получа увольненіе отъ службы, сбирается ѣхать въ отечество, послалъ къ нему съ человѣкомъ своимъ письмо, то графъ Биландъ, не принявъ онаго, отозвался съ грубостью, и когда графъ Робассомъ пріѣхалъ къ нему въ трактиръ, гдѣ онъ тогда находился, и требовалъ, какъ въ допросѣ своемъ объявляетъ, заплаты тѣхъ денегъ; то графъ Биландъ въ разговорахъ съ нимъ дошедъ до несносныхъ грубостей, сказалъ эму Робассомъ, что тотъ часъ пріѣдетъ его карета, и они разочтутся, по пріѣздѣ которой, вышедъ онъ изъ трактира, велѣлъ слѣдовать и ему, Робассомъ, за собою, и такъ будучи они за Калинкинымъ мостомъ на петергофской дорогѣ, остановясь тамъ и вышедъ изъ кареты, сняли свои шубы и отдали своимъ людямъ, приказавъ имъ отъ каретъ не отлучаться, сами же пошли обратно по большой дорогѣ, и отошедъ нѣсколько шаговъ, поворотя направо пошли по узкой дорогѣ, лежащей между домомъ, гдѣ саксонскій министръ Сакенъ живетъ, и дубками, къ стоящему напротивъ онаго пустому дому графа Строганова, подлѣ коего прошедъ нѣсколько шаговъ въ дубки, графъ Биландъ, обратясь, бросился вдругъ на графа Робассомъ съ обнаженною шпагою, на-

чалъ наносить ему удары и искалъ лишить его жизни. Сей послѣдній, увидя себя въ такой крайности, принужденъ былъ оборонять свою жизнь и далъ ему своею шпагою ударъ, отъ коего онъ, Биландъ, отступя нѣсколько шаговъ, упалъ и сказавъ, что онъ раненъ, просилъ помощи. Графъ Робассомъ, желая ему помочь, звалъ людей и извощиковъ, но они, узнавъ о происшествіи семъ, отъ страха и съ каретами уѣхали, отъ чего графъ Биландъ, оставшись нѣсколько часовъ безъ помощи на мѣстѣ, кончилъ свою жизнь, въ чемъ графъ Робассомъ въ допросахъ своихъ и утвердился, а чтобъ за времянное было къ дуели согласіе, въ томъ онъ не только въ судѣ, но и при увѣщеваніи каталицкаго священника непризнался, и все свое показаніе присягою подтвердилъ.

„По свидѣтельству же штабъ-лекарскому графа Биландова тѣла оказалось: что раненъ онъ шпагою тріугольнымъ клинкомъ въ грудь, которою разрѣзана межъ ребрая и ровеная (?) бьющая жила и вонзена въ правую часть легкаго, каковая рана и не смертельна; но отъ нескораго полученія помощи изошелъ онъ кровію.

„И хотя военный судъ, состоящій по волѣ вашего императорскаго величества изъ кавалеровъ того ордена, по силѣ воинскихъ 156-го и 157-го артикуловъ морскаго устава, 5-й книги, 15-й главы, 110-го артикула-жъ, по праву обороненія приговорилъ его, Робассомъ, отдавъ шпагу, освободить. Но какъ обстоятельства сего дѣла о бывшей между оными графами дуели наводятъ на него, графа Робассома, подозрѣніе въ томъ, что они, остановясь на дорогѣ, оставили шубы и согласно приказавъ людямъ за собою не ходить, пошли къ пустому дому одни, гдѣ зашедъ въ лѣсъ и произвели между собою бой; есть ли же бы графъ Робассомъ подлинно не зналъ о таковомъ намѣреніи графа Биланда, то бы подъ видомъ яко бы полученія должныхъ отъ Биланда денегъ не имѣлъ онъ причины иттить съ нимъ въ такое пустое мѣсто, а долженъ бы былъ, принявъ потребную въ семъ случаѣ осторожность, по крайней мѣрѣ спросить, куда онъ его ведетъ; но онъ того не учинилъ и шелъ за нимъ безпрепятственно, слѣдовательно и приводитъ себя въ немалое подозрѣніе, а потому какъ съ приговоромъ военнаго суда согласиться, такъ однакожъ и за злодѣйственное дѣло въ заколоніи имъ графа Биланда причесть не можно, а единственно преступленіе и вина его, графа Робассомъ, состоятъ противъ учрежденныхъ на такія дѣла законовъ.

„Я всеподданнѣйше подносup вашему императорскому величеству сей военный судъ, осмѣливаюсь представить мнѣніе мое, что графъ Робассомъ нарушеніемъ помянутыхъ узаконеній навлекъ на себя всю строгость тѣхъ законовъ; въ случаѣ-жъ подверженномъ нѣкоторому сомнѣнію военнаго процесса 5-й главы 10-й пунктъ повелѣваетъ: „Ежели судья совершеннаго основанія не имѣетъ подозрительную особу доказать, тогда пристойнѣе есть оное дѣло предать волѣ Божіей и положится въ томъ весма на Бога“, такъ же слѣдуетъ уважить молодость его, графа Робассома, лѣтъ, оказанные имъ во время прошедшей войны отмѣнные подвиги, а при томъ имовѣрнымъ быть кажется и то, что графъ Биландъ обманомъ въ платежѣ должныхъ ему денегъ наглою притчиною своей смерти состоитъ самъ. Но болѣе всего ходатуйствуетъ за него безъ прикладное вашего императорскаго величества человѣколюбіе, которое смотритъ не столь на дѣйствіе, какъ на намѣреніе виннаго, въ чемъ графа Робассомъ уличить невозможно, чтобъ онъ имѣлъ злое. Посему вашего

императорскаго величества безпримѣрному свойству подвергаю судъ, мнѣніе мое и преступника въ несумнѣнномъ упованіи смягченія законовъ.

„Графъ Потемкинъ имп. римс. князь.

Апрѣля „„ дня
1777 года.

На этомъ докладѣ императрица написала слѣдующую резолюцію.

„Въ разсужденіи заслугъ его, графа Робассома, при арміи нашей во время послѣдней войны, всемилостивѣйше облегчая наказаніе, которому по роду преступленія законы его подвергаютъ, повелѣваемъ замѣнить ему въ оное пятимѣсячное подъ стражею задержаніе, и выслать его за границы имперіи нашей съ запрещеніемъ когда либо возвращаться въ оныя; при чемъ отдать ему шпагу его. Екатерина“.

„Въ С.-Петербургѣ,
„Апрѣля 29 д. 1777 года.

Сообщено **А. П. Коломнинымъ.**

Прошеніе князя А. А. Меншикова къ императрицѣ Екатеринѣ II [1]).

„Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская

„Государыня всемилостивѣйшая.

„Естьли бы возможно было дожить покойному отцу моему, князю Меншикову, до времени благополучнаго государствованія вашего императорскаго величества, конечно былъ бы онъ участникомъ того же безприкладнаго человѣколюбія и милосердія, кои ваше императорское величество на всѣхъ въ несчастіи находившихся безъ изъятія великодушно изліять соизволили.

„Сія несомнѣнная надежда увѣряетъ меня, что ваше императорское величество всевысочайшую свою милость распространите и на сына сего несчастнаго съ фамиліею его, поелику онѣ того удостоиваются.

„Мнѣ не безъизвѣстно, всемилостивѣйшая монархиня и великая государыня, что пожалованные отцу моему отъ римскаго императора Іосифа и отъ его величества въ Бозѣ опочивающаго всероссійскаго императора Петра Великаго, дипломы на княжеское обоихъ имперій достоинство находятся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

„Но какъ сіи дипломы не токмо на будущія времена потомству моему въ доказательство произхожденія фамиліи, но мнѣ и нынѣ по иностраннымъ претензіямъ въ немалую пользу служить могутъ, тѣмъ паче, что хотя я и фамилія моя княжеское титло и гербъ носимъ, но въ документы тому ничего предъявить не имѣемъ; то въ разсужденіи сей моей крайней нужды дерзновеніе пріемлю: ваше императорское величество, припадая къ освященнымъ вашимъ стопамъ, рабски просить вышепомянутые дипломы, всемилостивѣйше

---

[1]) Князь Александръ Александровичъ Меншиковъ, сынъ извѣстнаго любимца Петра Великаго, князя Александра Даниловича, род. въ 1714 г., умеръ въ 1764 г. въ званіи сенатора и чинѣ генералъ-аншефа. Для поясненія настоящаго прошенія, считаемъ нужнымъ напомнить, что во время ссылки кн. Александра Даниловича, всѣ его имѣнія и бумаги были секвестрованы, и дѣти, послѣ смерти его, получили только часть громаднаго состоянія, которое отецъ ихъ нажилъ всѣми правдами и неправдами.

мнѣ выдать повелѣть, съ присовокупленіемъ единственно отъ монаршихъ щедротъ, въ слѣдствіе сихъ дипломовъ, такого моему титулу преимущества, какое только сродному вамъ милосердію угодно будетъ.

„Напротивъ чего дерзаю всемилостивѣйшая государыня вашему императорскому величеству донести, что я о возвращеніи пожалованныхъ въ семъ же дипломѣ отъ государя императора Петра Великаго отцу моему городовъ отнюдь не прошу, да и просить никакого права не имѣю, когда оные единственно отцу моему за собственные его тогдашнія службы персонально пожалованы.

„За толикую монаршую милость непрестану я и фамилія моя Всемогущаго о долголѣтнемъ дражайшемъ вашего императорскаго величества здравіи и благополучномъ государствованіи молить, пребывая съ всеглубочайшимъ респектомъ и благоговѣніемъ.

„Вашего императорскаго величества
„Всеподданный рабъ
„Александръ Меншиковъ".

Сообщено **П. Я. Дашковымъ.**

Письмо графа П. И. Панина къ Екатеринѣ II [1]).

„Всемилостивѣйшая государыня.

„L'ours est mort и сколь онъ Бендерскую мерлогу ни крѣпку, а когтей почти больше егерей имѣлъ, и сколь ни безпримѣрно свирѣпъ и отчаянъ былъ, но Великой Екатерины, отправленныхъ на него егерей стремленіе соблюсти достоинство славы оружія ея, со врожденными въ нихъ вѣрностію, съ усердіемъ къ своему государю, храбрость съ бодрствіемъ, нашли способъ по лѣстницамъ перелѣзть чрезъ стѣны его мерлоги и совершенно сокрушить всѣ его челюсти. Въ слѣдствіе чего, не простительно бы согрѣшилъ предъ моею государынею, еслибъ того не сказалъ: что предведенные мною на сію охоту ея егери справедливо достойны высочайшей милости Великой Екатерины, въ которую и дерзаю совокупно съ ними и себя повергнуть, пребывая съ наивѣрнѣйшимъ и глубочайшимъ подобострастіемъ

„Вашего императорскаго величества
„Всемилостивѣйшая государыня
„Всеподданнѣйшій рабъ
„Графъ Петръ Панинъ".

„16 сентября 1770 г.
„Изъ лагеря подъ Бендерами.

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

---

[1]) Крѣпость Бендеры, объ овладѣніи которой Панинъ доноситъ въ этомъ письмѣ, была взята имъ, послѣ двухмѣсячной осады, 15 сентября 1770 г., посредствомъ десятичасоваго отчаяннаго штурма, стоившаго русскимъ 2,561 ч. убитыми и ранеными. Турки потеряли около 5,000 убитыми и 11,000 плѣнными. Въ крѣпости было найдено 348 орудій и огромные запасы всякаго рода. За этотъ подвигъ Панинъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 1-й степени.

Посмертное распоряженіе князя А. Н. Голицына [1]).

„Любезный мой князь Павелъ Дмитріевичъ!

„Зная вашу ко мнѣ привязанность, считаю, что вы не почтете себѣ за трудъ сдѣлать, что я симъ возлагаю на васъ по кончинѣ моей!

„1) Увѣдомить генералъ-губернатора о моей кончинѣ, чтобы приказалъ опечатать мои бюро, столы и шкафы въ спальной и кабинетѣ и увѣдомилъ бы государя императора, кому прикажетъ разобрать мои бумаги. 2) А до тѣхъ поръ вы наблюдите, чтобы никто ни до чего не касался. 3) Какъ скоро испущу я духъ свой, то прикажите перенесть тѣло мое въ другую комнату для омовенія, а кабинетъ со всѣхъ сторонъ вы заприте и оставьте ключъ у себя, приложа печать ко всѣмъ его дверямъ, до присылки отъ государя императора довѣренной особы. 4) Тѣло мое не анатомить, но послѣ омовенія одѣть въ ту сорочку, которую пожаловалъ мнѣ государь императоръ Николай Павловичъ, снявъ ее съ себя; она хранится въ запечатанномъ пакетѣ у моего камердинера, и никакого платья сверхъ означенной сорочки на меня не надѣвать; потомъ вынесть въ домовую мою церковь, положить на столъ и покрыть покровомъ до шеи, такъ что и не примѣтно будетъ одѣяніе. 5) Гробъ отнюдь не дѣлать богатый, — мое грѣшное тѣло того не стоитъ; а сдѣлать гробъ деревянной, чистой работы, покрывъ лакомъ, безъ серебра и позолотъ; на крышку не класть ни шляпы, ни шпаги; я бы желалъ, чтобъ на крышкѣ было придѣлано распятіе. 6) Надъ гробомъ не ставить балдахина въ домовой церкви, ни при отпѣваніи; само собою разумѣется, что при простотѣ церемоніи не класть подушекъ съ орденами вокругъ гроба, ни при выносѣ къ погребенію. 7) По внесеніи тѣла моего въ домовую церковь—отправить панихиду и, оставя оное на трое сутокъ, совершать всякой день божественную литургію о упокоеніи души моей и вечеромъ панихиду 8) Комнаты траурной въ домѣ моемъ не убирать, билетовъ для званья на похороны не посылать; а положить грѣшное мое тѣло въ Георгіевскомъ монастырѣ и, ежели возможно, то въ церкви, а не внѣ оной; для провожанія моего гроба довольно одного духовника моего и домоваго моего священника. На похороны я назначилъ въ духовномъ моемъ завѣщаніи (которое най[illegible]ся въ опекунскомъ совѣтѣ с.-петербургскаго воспитательнаго дома) двадцать тысячъ рублей; но какъ похороны по распоряженію вышеописанному не будутъ дорого стоить, то остатки отъ сей суммы раздать бѣднымъ по распоряженію комитета попечительнаго о бѣдныхъ въ Симферополѣ. Ордена мои при вашемъ донесеніи представьте въ капитулъ, ордена же получите вы отъ моего камердинера.

„Я увѣренъ, что по любви вашей ко мнѣ, извѣданной мною на самомъ дѣлѣ, вы не почтете за трудъ сдѣлать мнѣ послѣдніе сіе одолженіе.

---

[1]) Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, извѣстный сотоварищъ дѣтскихъ игръ императора Александра I, пользовавшійся особенной пріязнью этого государя, бывшій при немъ оберъ-прокуроромъ синода, главноуправляющимъ почтовымъ департаментомъ и министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а, впослѣдствіи, въ царствованіе Николая I, канцлеромъ всѣхъ россійскихъ орденовъ. Онъ умеръ 22 ноября 1844 года, въ имѣніи своемъ на южномъ берегу Крыма, Александріи (Гаспра), отъ скоротечной водяной въ груди, окончившейся апоплексическимъ ударомъ. Настоящій документъ обязательно сообщенъ намъ въ подлинникѣ племянникомъ покойнаго князя П. Д. Козловскаго, Павломъ Густавовичемъ Моравекомъ.

„Копію съ сего письма доставьте государю императору, чтобъ служила вамъ рекомендаціею.

„Поручаю васъ Господу, къ нему прибѣгайте и онъ васъ не оставитъ, а государь, какъ его орудіе, обратитъ на васъ вниманіе въ уваженіе усердной вашей службы и моей къ вамъ любви и довѣренности. Христосъ съ вами.

„К. Александръ Голицынъ.

На конвертѣ надпись: „Состоящему при мнѣ чиновнику почтоваго департамента князю Павлу Дмитріевичу Козловскому, въ собственныя руки. Распечатать сей пакетъ тотчасъ по кончинѣ моей. Александръ Голицынъ.

Сообщено **П. Г. Моравекомъ.**

Письма Л. И. Боровиковскаго къ М. А. Максимовичу.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1880 (№№ 8 и 9) была помѣщена статья проф. Н. И. Петрова „Очерки изъ украинской литературы". Въ ней только мимоходомъ упомянуто имя украинскаго писателя Л. И. Боровиковскаго, вѣроятно, потому, что свѣдѣній о жизни и дѣятельности его почти не имѣется въ печати. Намъ посчастливилось найти въ обширномъ собраніи писемъ къ М. А. Максимовичу два письма Боровиковскаго, изъ которыхъ одно представляетъ весьма важныя свѣдѣнія о его литературной дѣятельности и отчасти біографическія,—и мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

„Милостивый государь, Михаилъ Александровичъ! Удостоивъ меня лестнымъ знакомствомъ и какъ любитель малороссійскаго слова, вы даете мнѣ смѣлость безпокоить васъ моею просьбой.

„Занимаясь болѣе пяти лѣтъ собраніемъ разныхъ памятниковъ языка общей намъ родины и простонароднаго быта земляковъ, я, сколько позволялъ досугъ при занятіяхъ по службѣ, приводилъ собранный запасъ въ порядокъ и посильно хотѣлъ знакомить любителей языка малороссійскаго съ преданіями и повѣріями малороссіянъ, облекая оныя въ свѣжія формы поэзіи. Вотъ плоды трудовъ моихъ:

I. Собраніе простонародныхъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, числомъ болѣе тысячи. Приведены въ алфавитный порядокъ;

II. Басенки на малороссійскомъ языкѣ, числомъ 250. Изъ нихъ болѣе 200 оригинальныхъ, прочія—подражаніе Красицкому;

III. Простонародныя малороссійскія пѣсни, (еще нигдѣ неизданныя или варіанты изданныхъ) числомъ около 150;

IV. Словарь малороссійскаго языка, съ показаніемъ корней словъ,—буквы А, Б, В, Г;

V. Собственныя стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ. (Мнѣніе ложно, якобы языкъ малороссійскій способенъ только для выраженія смѣшнаго и низкаго). Здѣсь:

1) балладъ 12; 2) думъ 12 (сюжеты—преданія, повѣрія и пр. малороссійскія); 3) переводъ семи крымскихъ сонетовъ Ад. Мицкевича; 4) пѣсенъ 20; 5) смѣсь—26 пьесъ, нѣкоторыя переведены изъ Мицкевича;

VI. Переводъ (сонетами) крымскихъ сонетовъ Ад. Мицкевича—на русскій языкъ.

„Кромѣ сего я записывалъ суевѣрія, повѣрія, преданія, способы простонароднаго леченія болѣзней, и пр.—и имѣю: переводъ (въ стихахъ) Федровыхъ басенъ (труды моихъ учениковъ-гимназистовъ), нѣсколько объясненныхъ и въ стихи переведенныхъ одъ Горація, и мелкія стихотворенія—на русскомъ языкѣ.

„Теперь я хотѣлъ бы начать изданіе кой-чего изъ сказаннаго запаса и начать—баснями. Прилагая у сего 50 (кстати и туземный подарокъ вамъ на новый годъ) на безпристрастный судъ вашъ [1]), покорнѣйше прошу—если найдете стоющими изданія—помочь мнѣ дѣломъ или совѣтомъ вашимъ въ отношеніи типографическомъ: я не могу опредѣлить на это теперь болѣе 300 рублей (думаю—недостаточно этого?); посему, для избѣжанія хлопотъ, нельзя ли продать рукопись или поручить кому либо изданіе на условіяхъ? Я самъ не могу по многимъ причинамъ...

„Истинно жаль, что желаніе мое—служить въ Малороссіи—пять лѣтъ остается только желаніемъ. А это отнимаетъ возможность употребить въ пользу любовь и пытливость мою ко всему родному-малороссійскому въ отношеніи языка. Это была цѣль, для коей изучилъ я и языкъ польскій. Изъ этого—вторая просьба моя: предметъ моихъ занятій и отдаленность отъ родины (въ Хоролѣ) заставляетъ просить васъ: не могу ли я занять мѣсто при университетѣ св. Владиміра, или въ одной изъ гимназій округа вашего инспекторское, или же—мѣсто учителя въ кіевской гимназіи русской словесности или латинскаго языка? Если нелишне—не поскучайте выпиской изъ моего формуляра: бывъ на казенномъ коштѣ въ харьковскомъ университетѣ, я окончилъ курсъ по словесному отдѣленію, со степенью кандидата за отличіе; службы моей при курской гимназіи около 5 лѣтъ (прежде читалъ предметы историческіе; теперь—латинскій языкъ); въ прошломъ году представленъ къ чину колл. асс. Лестное вниманіе начальства поощряло усердіе мое къ службѣ.

„Въ ожиданіи отвѣта вашего, съ совершеннымъ почтеніемъ... и проч.

„Курскъ. Янв. 1 дня 1836".

Что отвѣчалъ ему Максимовичъ (бывшій въ 1834—35 г. ректоромъ кіевскаго университета и правившій иногда должность попечителя округа)—мы не знаемъ. Изъ втораго письма Боровиковскаго видимъ, что онъ въ 1838 г. перешелъ въ полтавскую гимназію, гдѣ былъ тогда учителемъ и братъ его. Распространившійся въ Полтавѣ слухъ, будто бы учителя гимназіи предназначаются къ переводу въ польскія губерніи, побудилъ Боровиковскаго въ 1839 г. просить Максимовича—быть заступникомъ его. „При слабомъ здоровьѣ моемъ, я не легко перенесъ бы переводъ, который, конечно, заставитъ оставить службу".

Желаніе Боровиковскаго было исполнено: онъ остался въ Полтавѣ, былъ, сколько намъ извѣстно, инспекторомъ гимназіи и оставилъ тамъ весьма добрыя воспоминанія о себѣ. Въ началѣ 1850 годовъ онъ познакомился съ профессоромъ кіевскаго университета А. Л. Метлинскимъ, который въ 1852 г. издалъ въ Кіевѣ „**Байки и прибаютки Левка Боровыковського**", съ своимъ предисловіемъ (въ 12 д. л. XII и 118 стр.). Въ Москвитянинѣ 1852 (№ 24) Метлинскій помѣстилъ рецензію этой книги, подъ псевдонимомъ „Землякъ". Въ рецензіи онъ говоритъ, что многія басни Боровиковскаго заимствованы изъ

---

[1]) „Извините руссицизмамъ и вообще нечистотѣ слога: „barbara est, in qua scribebam, terra!"

Крылова и другихъ баснописцевъ,—другія принадлежатъ самому автору, но всѣ вообще вѣрны духу и жизни народа, исполнены юмора, шутливости, остроумія и нерѣдко могутъ служить вѣрнымъ зеркаломъ народныхъ обычаевъ. Часто мысль басни, или нравоученіе, выражается формою народной пословицы... Вообще можно сказать, что басни Боровиковскаго удачно дополняютъ литературу южно-русскаго языка такою отраслью произведеній, которая доселѣ почти не существовала (у малороссовъ, до 1852 г.), „а между тѣмъ можетъ составить назидательное и занимательное чтеніе“.

Нѣсколько стихотвореній Боровиковскаго, въ томъ числѣ переводъ изъ Пушкина („Зимній вечеръ“), нѣсколько собранныхъ имъ пословицъ и загадокъ помѣщены были въ сборникѣ, изданномъ Евгеніемъ Гребенкою: „Ластовка“ (Спб. 1841). Г. Пыпинъ указываетъ еще его переводъ „Фариса“, Мицкевича.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни Л. И. Боровиковскаго и, безъ сомнѣнія, многія произведенія его, можетъ доставить родной сынъ его А. Л. Боровиковскій, живущій нынѣ въ Петербургѣ. И то и другое, конечно, будетъ интересно для многихъ любителей малороссійскаго слова.

Сообщено С. И. Пономаревымъ.

СМѢСЬ.

Подложный портретъ князя А. Д. Меншикова. Въ № 3 „Художественнаго Журнала" напечатанъ любопытный разсказъ художника Перова о находящемся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ портретѣ сподвижника и любимца Петра Великаго, князя Александра Даниловича Меншикова.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ—разсказываетъ г. Перовъ,—жилъ и скончался въ Москвѣ нѣкто г. Юни. Онъ имѣлъ довольно большое собраніе картинъ и разныхъ древнихъ вещей. Во время продолжительной и тяжкой болѣзни г-на Юни его пользовалъ мой хорошій пріятель, докторъ М—въ. Но, не смотря на неусыпныя попеченія доктора о больномъ, не смотря на частые консиліумы съ знаменитыми врачами Москвы, г. Юни все-таки умеръ.

Вдова умершаго, по разстроившимся средствамъ со смертію мужа, предложила доктору М—ву за его заботы и визиты вмѣсто денегъ выбрать и взять нѣсколько вещей изъ собраній покойнаго мужа. Пріятель мой, такой-же любитель искусства, какъ и умершій его паціентъ, съ радостью согласился на это предложеніе и выбралъ нѣсколько предметовъ изъ собраній покойнаго. Въ числѣ выбранныхъ вещей, былъ портретъ „Князя Александра Даниловича Меншикова въ ссылкѣ въ Березовѣ въ 1728 году", какъ о томъ гласила надпись, начертанная на жестяной пластинкѣ и приколоченная къ рамѣ портрета, съ лицевой стороны.

Г-жа Юни, отдавая портретъ доктору, предложила вмѣстѣ съ тѣмъ взять и статью г. Щебальскаго, помѣщенную въ „Русскомъ Вѣстникѣ", гдѣ авторъ статьи, описывая жизнь князя и его внѣшній видъ, который онъ имѣлъ, бывши въ ссылкѣ, прямо указываетъ на вышепоименованный портретъ, даже приводитъ во всеобщую извѣстность, что портретъ князя Меншикова находится именно въ коллекціи г. Юни, увѣряя при этомъ, что онъ чрезвычайно похожъ и вполнѣ выражаетъ страдальческій видъ и состояніе духа сосланнаго и гонимаго князя. Г-нъ Щебальскій описываетъ даже отрощенную Меншиковымъ бороду и костюмъ, въ которомъ онъ ходилъ въ Березовѣ, а именно: его сѣрый арестантскій халатъ (хотя портретъ написанъ въ темно-красномъ, чуть-ли не въ бархатномъ, верхнемъ платьѣ, отороченномъ мѣхомъ).

Въ первый разъ я увидалъ этотъ портретъ уже висѣвшимъ въ гостинной доктора М—ва. Князь Меншиковъ на портретѣ имѣлъ видъ сухого, блѣдчаго, довольно древняго старика, съ блестящими темно-синими глазами и съ длинной сѣдой бородой. Написанъ портретъ былъ мѣстами бойко, мѣстами же робко, но чрезвычайно просто и широко, только не въ техническомъ отношеніи, а въ отношеніи свѣта и тѣни. Полотно, на которомъ онъ былъ написанъ, подрамокъ, даже гвозди, прикрѣплявшіе полотно къ подрамку, — все было старое,

потемнѣлое,—сразу было видно, что портретъ писанъ очень давно, что вполнѣ подтверждала и надпись, находившаяся на задней сторонѣ портрета, которая состояла въ слѣдующемъ:

„Свѣтлѣйшій князь

„Александръ Даниловичъ Меншиковъ

„Списанъ съ портрета, имѣющагося у Дениса Ивановича Чечерина, генералъ-„губернатора Тобольска и всей Сибири.

„Кн. Ал. Дан. Меншиковъ родился въ Москвѣ 17 ноября 1672 года.

„Скончался Тобольской Губерніи въ Городе Березовѣ 22 Октября 1729 года.

„Житія его было 56 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 5 дней.

„Посланіе Іаковле. Глава 1-я, стихъ 12-ой.

„Блаженъ мужъ иже претерпитъ искушеніе Да не искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни.

„Притчи Соломоновы, глава 3-я, стихъ 12-ой.

„Его же любитъ Господъ наказуетъ биетже Всякаго сына его же приемлетъ.

„Писалъ сосланный живописецъ и иностранецъ Карлъ Ивановъ Фрокъ. Тобольскъ въ 1770 году."

Кромѣ того, на рамѣ портрета есть еще слѣдующая надпись: „Графа Н. Б. Разумовскаго", изъ чего можно заключить, что портретъ этотъ побывалъ также въ коллекціи гр. Разумовскаго. Впрочемъ, можетъ быть эта надпись означаетъ совершенно что-либо другое. Оставляю вопросомъ.

Какъ-то разъ М—въ былъ у меня въ мастерской. Я писалъ въ это время картину изъ нравовъ московской жизни, а именно: „Свахи ведутъ невѣсту изъ бани передъ дѣвичникомъ, съ пляской, пѣснями и музыкой". Картина эта почему-то очень ему понравилась и онъ выразилъ желаніе ее пріобрѣсти, прося при томъ, по пріятельски, уступить ее подешевле. Я назначилъ ему за картину 200 р. Докторъ согласился на эту цѣну, но предложилъ при покупкѣ слѣдующее условіе:

— Вотъ что,—началъ онъ. Вы помните портретъ князя Меншикова, который вы не разъ хвалили. Я вамъ не однажды говорилъ, что онъ не нравится всѣмъ моимъ знакомымъ. По правдѣ вамъ сказать, онъ и мнѣ немного надоѣлъ: смотритъ какъ-то на всѣхъ, точно сердится, точно ему все на свѣтѣ опротивѣло. Да къ тому же и интересу въ немъ мало, кромѣ развѣ историческаго его значенія, что, по моему мнѣнію, совершенно лишнее украшеніе для всякой гостинной. Я уже не разъ думалъ его продать, а теперь мнѣ пришла въ голову вотъ какая мысль. Возьмите вы его, повѣсьте у себя въ мастерской. У васъ бываетъ много разныхъ любителей, быть можетъ, кто-нибудь его и купитъ, а на вырученныя деньги я бы купилъ вашу картину. Въ случаѣ-же, если за него дадутъ менѣе 200 р., то, чего не будетъ доставать, я приплачу уже изъ своихъ денегъ. Ну, что вы на это скажете? — спросилъ меня докторъ.

— Извольте! отвѣчалъ я. Присылайте портретъ. Можетъ случиться, что его кто-нибудь купитъ, хотя, сказать по совѣсти, я мало имѣю надежды на продажу.

Тѣмъ мы и кончили.

На другой день портретъ былъ у меня въ мастерской. Вмѣстѣ съ нимъ докторъ прислалъ книгу „Русскаго Вѣстника", гдѣ помѣщалась вышеупомянутая статья г-на Щебальскаго о князѣ Меншиковѣ.

Прошло не мало времени, какъ портретъ висѣлъ въ моей мастерской. Всѣ, бывшіе у меня за это время и видѣвшіе этотъ портретъ, хвалили его, но покупателя не находилось и вѣроятно еще долго-бы пришлось висѣть ему безъ покупателя, если-бы не слѣдующій случай.

Однажды ко мнѣ заѣхалъ извѣстный въ то время въ Москвѣ любитель картинъ и очень богатый человѣкъ, г-нъ Ценкеръ. Разсматривая то и другое, онъ увидалъ портретъ Меншикова, который ему понравился.

— Скажите пожалуйста, — спросилъ г-нъ Ценкеръ, — какимъ образомъ этотъ старинный портретъ попалъ къ вамъ въ мастерскую и какое его назначеніе?

Я разсказалъ ему уже изложенную исторію портрета, а также и причину почему онъ находится у меня.

— Знаете что?—подумавъ немного, сказалъ г-нъ Ценкеръ.—Я задумался надъ ловкимъ ударомъ, которымъ намѣренъ убить трехъ мухъ за-разъ. Первое—это я сдѣлаю то, что куплю портретъ Меншикова, а вслѣдствіе этой покупки продамъ вашу картину, это — второе. А третье вотъ что. Я подарю портретъ Меншикова въ Румянцовскій музей, гдѣ самое подходящее мѣсто ему и находиться, такъ какъ портретъ этотъ есть лицо историческое и притомъ такое извѣстное. Не правда-ли, это будетъ хорошо?— обратился ко мнѣ съ вопросомъ г-нъ Ценкеръ.

Понятно, что я вполнѣ одобрилъ его намѣреніе и портретъ тутъ-же былъ проданъ за 200 р.

На другой день, отправляя портретъ Меншикова, я приложилъ къ нему и статью г-на Щебальскаго. Г-нъ Ценкеръ, какъ и обѣщалъ, вскорѣ пожертвовалъ портретъ въ Румянцовскій музей, гдѣ онъ и виситъ по настоящее время, съ той-же надписью на жестяной пластинкѣ, гласящей, что сей портретъ „князя Александра Даниловича Меншикова, въ ссылкѣ, въ Березовѣ въ 1728 г.“ Къ этой надписи распорядители музея прибавили еще внизу портрета слѣдующее поясненіе:

„Копія съ портрета, писаннаго сосланнымъ живописцемъ иностранцемъ Карломъ Ивановымъ Фрокомъ.

„Тобольскъ въ 1770 г.

„Оригиналъ принадлежитъ г-жѣ В. въ Москвѣ“.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Картина моя, изображающая „Невѣсту, идущую изъ бани“, давнымъ-давно висѣла на стѣнѣ въ гостинной доктора М—ва вмѣсто портрета Меншикова, а портретъ Александра Даниловича также давно украшалъ стѣны Румянцовскаго музея. Да и вообще, какъ о портретѣ, такъ и о приключеніяхъ съ нимъ, совсѣмъ забылось.

Не помню именно сколько времени спустя послѣ всего разсказаннаго, я былъ въ Петербургѣ. Посѣтивъ Эрмитажъ и проходя по его заламъ, я остановился въ изумленіи. Представьте себѣ неожиданность и удивленіе мое! Портретъ князя Меншикова висѣлъ на стѣнѣ въ той залѣ, въ которой помѣщается Фламандская школа и удивленіе мое дошло до крайней степени, когда я прочелъ надпись надъ портретомъ, которая поясняла, что передо мною виситъ не портретъ князя Меншикова, а голова старика, работы Вандика. Какимъ образомъ Александръ Даниловичъ превратился въ старика работы Вандика, или старикъ, работы знаменитаго художника, преобразился въ князя? Я не могъ рѣшить этого ни тогда, ни въ настоящее время. Но что это было одно и то же лицо—въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія: тѣ-же устремленные и пронизывающіе зрителя жизненные глаза, та-же сѣдая борода и бѣлые, прядями, волосы. Ну, словомъ, портретъ Меншикова, проданный мною г-ну Ценкеру и пожертвованный имъ въ Румянцовскій музей, былъ не что иное, какъ повтореніе этюда, работы Вандика (голова, находящаяся въ Эрмитажѣ, написана несравненно шире и лучше) или наоборотъ: ложный Вандикъ есть не что иное, какъ портретъ князя, неизвѣстно какъ попавшій въ Эрмитажъ за работу Вандика. Но допустить, чтобы Вандикъ писалъ портретъ Меншикова уже невозможно потому, что между ихъ существованіями разница почти что въ цѣломъ столѣтіи, такъ какъ Меншиковъ умеръ въ 1729 г., а Вандикъ въ 1641 г. Да къ тому-же, еслибъ они жили и въ одно время, то врядъ-ли бы Вандикъ поѣхалъ въ Березовъ писать портретъ князя, а послѣдній изъ ссылки никуда не отлучался и бороду, по словамъ г-на Щебальскаго, отпустилъ только въ Березовѣ. Между тѣмъ достойно вниманія то, что г-нъ Щебальскій прямо указываетъ на портретъ, находившійся у г-на Юни, какъ на несомнѣнный портретъ Меншикова и съ полной достовѣрностью пишетъ о немъ, съ такими подробностями, что сомнѣваться въ истинѣ казалось-бы почти невозможно.

Во всякомъ случаѣ было бы очень интересно отыскать истину хотя для того, чтобы не вводить въ заблужденіе посѣщающую публику, которая любуется однимъ и тѣмъ-же изображеніемъ: въ Москвѣ оно представляетъ портретъ князя Александра Даниловича Меншикова, написанный сосланнымъ живописцемъ Фрокомъ, въ Тобольскѣ въ 1770 г.; а въ Петербургѣ то-же самое лицо выдается за этюдъ, писанный знаменитымъ портретистомъ Вандикомъ,

цѣлымъ столѣтіемъ раньше. Вопросъ: гдѣ-же истина? въ Петербургѣ, или въ Москвѣ?

Къ приведенному нами разсказу г. Перова, редакція „Художественнаго Журнала" сдѣлала такое примѣчаніе: „На основаніи этой статьи, ставящей подлинность портрета, находящагося въ Румянцовскомъ музеѣ, только вопросомъ, можно сдѣлать два предположенія: либо сходство портрета Меншикова съ этюдомъ Вандика, хотя и разительное, но совершенно случайное; либо-же, сосланный въ Сибирь, иностранецъ Фрокъ, бывши въ Петербургѣ, скопировалъ этюдъ Вандика, а попавъ въ Сибирь и замѣтивъ большое сходство этюда съ портретомъ Меншикова, выдалъ свою копію съ Вандика за дѣйствительный портретъ князя. Разъяснить это обстоятельство весьма интересно..."

Съ своей стороны, къ примѣчанію, сдѣланному редакціей „Художественнаго Журнала", мы можемъ присоединить еще слѣдующія соображенія:

Князь Меншиковъ былъ отправленъ въ ссылку въ Березовъ изъ города Раненбурга, въ апрѣлѣ 1728 г., подъ строгимъ карауломъ, состоявшимъ изъ 20 преображенскихъ солдатъ подъ командой гвардіи поручика Крюковскаго. Въ инструкціи, данной послѣднему Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, было, между прочимъ, сказано: „Какъ въ дорогѣ, такъ и въ Березовѣ, имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобы онъ (т. е. арестантъ) никуда и ни къ нему никакихъ писемъ и никакой пересылки ни съ кѣмъ не имѣлъ, а ежели бы какія письма отъ него явились, и тѣ брать караульному офицеру къ себѣ и присланныя къ нему и отъ него посланныя держать за карауломъ и о томъ писать въ Верховный Тайный Совѣтъ безъ замедленія".

Крюковской привезъ Меншикова въ Тобольскъ 15 іюня и сдалъ его здѣсь сибирскому губернатору, князю Долгорукому, который черезъ два дня, т. е. 17 числа, уже отправилъ Меншикова дальше въ Березовъ, подъ карауломъ капитана сибирскиго гарнизона Миклашевскаго, двухъ урядниковъ и 20 солдатъ. Въ Березовѣ, отстоящемъ отъ Тобольска въ 1065 верстахъ, ссыльный содержался въ острогѣ и хотя пользовался нѣкоторой свободой, но находился подъ постояннымъ наблюденіемъ караула. Меншиковъ умеръ въ ноябрѣ 1729 г. Кѣмъ-же могъ быть сдѣланъ въ это время его портретъ? Въ Тобольскѣ онъ пробылъ, какъ уже сказано, всего двое сутокъ; губернаторъ отнесся къ нему крайне сурово, потому что самъ попалъ въ Тобольскъ по проискамъ Меншикова и былъ его смертельнымъ врагомъ; Крюковской же не отличался снисходительностью и строго исполняя инструкцію въ теченіи всей дороги, едва ли онъ могъ допустить кого бы то ни было видѣться съ арестантомъ въ Тобольскѣ. Такимъ образомъ, въ кратковременное пребываніе Меншикова въ этомъ городѣ, сомнительно, чтобъ представилась возможность рисовать съ него портретъ. Что касается Березова, то въ этомъ глухомъ, заброшенномъ городишкѣ, не было другихъ жителей, кромѣ казаковъ и инородцевъ, которые не имѣли, разумѣется, никакого понятія о живописи. Наконецъ, въ бытность Меншикова въ Березовѣ, туда не былъ сосланъ, кромѣ него, никто другой, и писать съ него портретъ положительно было не кому.

На основаніи этихъ данныхъ, можно признать, что портретъ, будто бы писанный съ Меншикова въ Сибири, во время ссылки, и находящійся теперь въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ,—вымышленный.

Лордъ Бэконсфильдъ (Веніаминъ Дизраэли), одинъ изъ самыхъ видныхъ современныхъ государственныхъ дѣятелей, умеръ въ Лондонѣ 7 апрѣля. Старшій сынъ уважаемаго литератора, умершаго въ 1848 году, и внукъ итальянскаго купца, поселившагося въ Англіи около 1750 года, Веніаминъ Дизраэли происходилъ отъ одного изъ тѣхъ еврейскихъ семействъ, которыя, будучи изгнаны, въ концѣ XV-го вѣка, изъ Испаніи инквизиціей, нашли убѣжище во владѣніяхъ Венеціанской республики. Онъ родился въ 1805 г., получилъ воспитаніе въ одномъ изъ коллэджей, помѣщающихся въ окрестностяхъ Лондона, и поступилъ клеркомъ (писцомъ) къ одному адвокату (selicitor), подъ кровлею котораго онъ, какъ самъ разсказываетъ, спалъ три года; но внѣ дома и днемъ онъ жилъ очень весело. Его литературные дебюты относятся къ 1826 году, когда книгопродавецъ Мёррей поручилъ ему редижированіе газеты „Представитель" (The Representative"). Газета эта просуществовала всего шесть мѣсяцевъ и обошлась издателю въ 500,000 франковъ. Оставленный торіями, къ которымъ онъ чувствовалъ влеченіе, молодой писатель отплатилъ имъ за ихъ равнодушіе романомъ „Вивіанъ Грей" („Vivian Grey"), 1826 года,

въ которомъ ѣдко нарисовалъ поразительный портретъ нравовъ и притязаній аристократіи. Говорили, будто бы онъ желалъ отождествить себя съ своимъ героемъ, честолюбивымъ, смѣлымъ, который въ политикѣ не знаетъ другого средства, кромѣ интриги, и другой цѣли, кромѣ успѣха. Первая проба его пера составила ему репутацію. Одаренный блестящимъ воображеніемъ, безпощаднымъ умомъ, рѣдкою легкостью, онъ быстро извлекъ пользу изъ перваго своего успѣха и въ нѣсколько лѣтъ выпустилъ въ свѣтъ романы „Генріэтта Темплъ" („Henriette Temple"), „Молодой герцогъ" („The young duke"), 1830 г., „Венеція" („Venetia"), „Иксіонъ на небѣ" („Ixion in heaven"), „Удивительная исторія Альроя" („The wonderous tale of Alroy"), „Контарини Флемингъ" („Contarin Fleming"). Поддерживаемый радикаломъ Юмомъ и О'Коннелемъ, которые согласились представить его, въ 1832 году, избирателямъ Чипингъ-Уайкомба, онъ написалъ по этому случаю брошюру „Чтò онъ такое?" („What is he?"), озаглавивъ ее тѣми словами, которыми графъ Грей презрительно освѣдомился о немъ. Онъ не былъ выбранъ. Вскорѣ въ его идеяхъ совершился полнѣйшій переворотъ, и, когда онъ выставилъ, въ 1835 году, свою кандидатуру въ Таунтонѣ, онъ явился уже въ качествѣ абсолютнаго торія. Въ іюлѣ 1837 года, Дизраэли былъ избранъ депутатомъ отъ Мейдстона. Его появленіе на трибунѣ встрѣчено было такимъ образомъ, что другой, менѣе рѣшительный человѣкъ, былъ бы совершенно обезкураженъ. „Придетъ время, сказалъ онъ смѣявшимся коммонерамъ, когда вы меня будете слушать", и, вплоть до выборовъ 1841 года, онъ употребилъ въ дѣло, такъ сказать, талантъ молчанія. Въ это время онъ женился на вдовѣ одного бывшаго депутата, Уиндгэма Льюиса (1839 г.). Выбранный въ Шрюсбёри, онъ сдѣлался адептомъ сэра Роберта Пиля и защитникомъ свободной торговли, противъ которой такъ энергически ратовалъ впослѣдствіи. Въ то же время онъ занялся вмѣстѣ съ лордомъ Маннерсомъ, Джорджемъ Смизсомъ и другими, организаціей „партіи молодой Англіи", восторженная поддержка которой много содѣйствовала распространенію его славы.

Что касается принциповъ Дизраэли, или, лучше сказать, неопредѣленныхъ стремленій къ соціальному возрожденію, которые произвели въ то время большую сенсацію, то онъ ихъ развилъ въ цѣлой серіи романовъ: „Коннигсби или молодое поколѣніе" („Conningsby, or the New Generation", 1844, 4 vol), „Сивилла или двѣ націи" („Sybilior the two Nations", 1845), „Танкредъ, или новый крестовый походъ" („Tancred, or the New cruisade", 1847). Преданный самымъ крайнимъ теоріямъ, Дизраэли выступилъ съ нападками, за два года до разрыва 1846 года, противъ сэра Роберта Пиля съ рѣзкостью и смѣлостью рѣчи, не одинъ разъ возбуждавшими ропотъ палаты. Въ этой борьбѣ, онъ высказалъ себя первостепеннымъ ораторомъ: столь же ловкій, какъ и упрямый противникъ, онъ утомлялъ своихъ антогонистовъ своею рѣзкою діалектикою, своими неожиданными оборотами и своею злою ироніей. На выборахъ 1847 года, Дизраэли былъ выбранъ въ Бёкингэмскомъ графствѣ, а, въ слѣдующемъ затѣмъ году, смерть лорда Бентинка очистила ему поле; онъ сдѣлался единымъ вождемъ протекціонистовъ, которые, за неимѣніемъ лорда, котораго можно было бы предпочесть Дизраэли, увидѣли себя вынужденными довѣрить свои интересы человѣку, котораго они называли фабрикантомъ романовъ, человѣку безъ титула, безъ богатства и безъ земельной собственности. Когда управленіе лорда Росселя уже вполнѣ разстроилось, Дизраэли получилъ, наконецъ, въ министерствѣ Дерби важный постъ канцлера казначейства. Послѣ трехмѣсячныхъ трудовъ, Дизраэли, просвѣщенный опытомъ власти, изложилъ предъ лицомъ новаго парламента финансовый планъ, за который палата, правда, выразила ему одобреніе, но главный недостатокъ котораго заключался въ томъ, что онъ, не удовлетворяя сельскаго населенія, возбуждалъ въ то же время неудовольствіе городовъ. Дизраэли палъ подъ тяжестью задачи, превышавшей его силы, и въ своемъ паденіи увлекъ за собою своихъ товарищей. Вмѣстѣ съ нимъ пала и протекціонистская система. Дизраэли занялъ мѣсто между самыми передовыми вождями оппозиціи; но занятіе имъ министерскаго поста принесло ему ту пользу, что онъ за это время отказался отчасти отъ тѣхъ экономическихъ теорій, примѣненіе которыхъ прежде такъ упорно преслѣдовалъ. Въ 1857 году, онъ соединился съ радикалами и порицалъ политику лорда Пальмерстона въ китайскихъ дѣлахъ. Послѣ этой борьбы, приведшей къ распущенію палаты об-

щинъ, индійское возстаніе и дипломатическія затрудненія, возникшія въ началѣ 1858 года, по поводу французскихъ эмигрантовъ, дали оппозиціи новое оружіе противъ лорда Пальмерстона, который и долженъ былъ уступить. Лордъ Дерби опять призвалъ къ власти Дизраэли, который, принявъ постъ канцлера казначейства, снова сталъ главнымъ ораторомъ министерства. Но министерство это, располагавшее въ палатахъ колеблющимся большинствомъ, просуществовало только до 5-го іюля 1859 года. Отличившись, въ рядахъ оппозиціи, энергическимъ порицаніемъ политики, пожертвовавшей цѣлостью и независимостью Даніи въ ущербъ англійскому вліянію на европейскія дѣла, Дизраэли былъ приглашенъ, въ іюлѣ 1866 года, на постъ канцлера казначейства въ новомъ кабинетѣ Дерби. Первымъ его крупнымъ политическимъ актомъ было внесеніе билля объ избирательной реформѣ, который былъ принятъ громаднымъ большинствомъ въ іюлѣ 1867 года. Послѣ выхода въ отставку лорда Дерби, въ первыхъ числахъ мая 1868 года, предсѣдательство въ министерствѣ перешло къ Дизраэли. Въ качествѣ главы кабинета, онъ поддерживалъ и развивалъ дальше нѣкоторыя угодныя аристократіи реформы, но потерпѣлъ неудачу, вслѣдствіе сопротивленія одной изъ самыхъ справедливыхъ, но и самыхъ непредвидѣнныхъ реформъ — реформѣ англиканской церкви въ Ирландіи, которую такъ энергически отстаивалъ Гладстонъ. Въ качествѣ простаго депутата, Дизраэли, статьей за статьею, возражалъ противъ закона о церковномъ управленіи въ Ирландіи, который, не смотря на его усилія, на его энергію и краснорѣчіе, все-таки былъ принятъ послѣ преній, длившихся четверо сутокъ, 12-го марта 1869 года. Только спустя пять лѣтъ, въ 1874 году, Дизраэли сталъ во главѣ кабинета и при необычно благопріятныхъ обстоятельствахъ; выборы были произведены помощью тайной подачи голосовъ, на основаніи новаго билля, принятаго прежнею палатою не безъ усилій со стороны Гладстона, за которымъ билль этотъ долженъ былъ, повидимому, обезпечить побѣду въ избирательной борьбѣ. Дизраэли, принявшій постъ президента кабинета и перваго лорда казначейства, взялъ себѣ въ товарищи самыхъ выдающихся членовъ консервативной партіи. Кабинетъ Дизраэли положилъ себѣ задачею укрѣпить связь между Индіей и метрополіей посредствомъ выраженія туземному населенію невѣдомаго дотолѣ сочувствія. Эта задача и внушила Дизраэли мысль о путешествіи принца Уэльскаго по различнымъ частямъ Индійской имперіи. Съ этою цѣлью Дизраэли заставилъ палату общинъ, вопреки сильной оппозиціи, вотировать расходы на поѣздку принца Уэльскаго. Въ видахъ усиленія престижа англійской королевы въ ея индійскихъ владѣніяхъ, Дизраэли настоялъ на присвоеніи ей титула императрицы Индіи. Но при этомъ ему пришлось преодолѣть серьезное сопротивленіе общественнаго мнѣнія, печати и палатъ. Нѣсколько недѣль спустя, въ концѣ парламентской сессіи, королева, въ свою очередь, наградила Дизраэли титуломъ виконта Бэконсфильда, который открылъ ему входъ въ палату лордовъ (16-го августа 1876 года). Въ палатѣ общинъ замѣстилъ его канцлеръ казначейства, сэръ Стаффордъ Норскотъ. Дальнѣйшая дѣятельность кабинета лорда Бэконсфильда съ 1876 по 1880 годъ настолько близка къ намъ и такъ всѣмъ извѣстна, что нѣтъ надобности напоминать о ней читателямъ. Апогея своей славы и популярности лордъ Бэконсфильдъ достигъ по возвращеніи, въ 1878 году, съ берлинскаго конгреса въ Англію. Потомъ звѣзда его стала меркнуть, а неудачи афганской войны, приведшія къ рѣзнѣ въ Кабулѣ, въ сентябрѣ 1879 года, и война съ зулусами, наконецъ, разстройство финансовъ Англіи, вызвали противъ него негодованіе общественнаго мнѣнія, которое, на выборахъ въ парламентъ, весною 1880 года, дало громадное большинство либеральной партіи и поставило во главѣ управленія страною Гладстона. Съ тѣхъ поръ лордъ Бэконсфильдъ ограничился ролью вождя оппозиціи въ палатѣ лордовъ и въ послѣдній разъ напомнилъ о себѣ публикѣ, какъ литераторъ, въ концѣ прошлаго года, романомъ „Эндиміонъ". Еще въ 1870 году онъ издалъ предпослѣдній романъ свой „Лотарь" („Lothair"). Лордъ Бэконсфильдъ получилъ орденъ „Подвязки" 21-го іюля 1878 года, послѣ берлинскаго конгреса.

Памятная книжка археологическаго института. Археологическій институтъ приступилъ къ составленію памятной книжки археологическихъ трудовъ, исполненныхъ въ теченіе двадцатипятилѣтія царствованія покойнаго императора Александра Николаевича. Въ этихъ видахъ уже подготовлены нѣсколько ра-

ботъ. Такъ, г. Чернявскій составилъ перечень до 15 тысячъ статей и изданій, относящихся до археологіи, съ указаніями на содержаніе въ частности тѣхъ и другихъ, и сгруппированныхъ въ двѣнадцати отдѣлахъ по важнѣйшимъ отраслямъ науки о древностяхъ. Г. Даниловъ собралъ, въ строго опредѣленной системѣ и хронологическомъ порядкѣ, правительственныя распоряженія относительно отечественныхъ древностей со временъ Петра-Великаго и особенно въ послѣднее царствованіе, а въ дополненіе къ этой работѣ г. Гавриловъ собралъ постановленія святѣйшаго синода о храненіи и изученіи памятниковъ древностей съ 1855 по 1880 годъ. Въ составъ того же обширнаго изданія войдутъ указатели статей по предмету церковной археологіи и литургики, помѣщенныхъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а равно свѣдѣнія объ изданіяхъ монетъ и ихъ изслѣдованій съ 1780 года и обозрѣніе всѣхъ сочиненій по русской геральдикѣ.

Замѣтки и поправки.

Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей.

Подъ такимъ заглавіемъ хранится въ Румянцевскомъ музеѣ рукопись южно-русскаго происхожденія, второй половины XVIII вѣка, съ позднѣйшими замѣтками И. Бецкаго. „Сочиненіе это, — пишетъ здѣсь Бецкій, — получено было г. Анастасевичемъ въ проѣздъ его изъ Вильны обратно въ С.-Петербургъ чрезъ Смѣлое (Полтавской губерніи, Роменскаго уѣзда). Должно думать, писано въ царствованіе Елизаветы, послѣ 1739 годовъ, кои явно упоминаются прошедшими. Получено было мною отъ В. Т. Анастасевича съ слѣдующею надписью: „Копія списана для г. Домонтовича и послана 29 іюля 1833. Къ митрополиту Евгенію послалъ выписку изъ оной о Шереметевѣ; онъ въ отвѣтѣ своемъ называетъ ее прелюбопытною". Въ 1843—1844 годахъ И. Бецкій издавалъ свой альмонахъ „Молодикъ", въ которомъ хотѣлъ помѣстить и „Разговоръ"; но желаніе Бецкаго не увѣнчалось успѣхомъ. Начальникъ III-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи Дубельтъ отозвался объ этомъ „Разговорѣ" такъ: „Если бы я былъ ценсоръ, то не допустилъ бы къ напечатанію, потому что тутъ обида Россіи, обида и Малороссіи: первая дѣлаетъ глупые вопросы, вторая хвастаетъ, какъ старая баба, и наконецъ сердце ея изнемогаетъ отъ нашего ига". Къ удивленію, не только Дубельтъ, но и Бецкій не обратили вниманія на перепутанность пагинаціи рукописи, которою обусловливалась и темнота содержанія и двусмысленность нѣкоторыхъ мѣстъ рукописи. При спутанности страницъ, „Разговоръ", повидимому, оканчивался выраженіемъ какой-то глубокой скорби со стороны Малороссіи, скорби, которую можно принять за скорбь о потерѣ Малороссіей своей самостоятельности. Вотъ какъ она плачется здѣсь на свою участь:

Глаза имѣя, безъ глазъ стоимъ оцѣпенѣвъ,
    Безъ рукъ кажемся храбри, прежде руки имѣвъ,
Уже и лица наша потупились слезя,
    Падаютъ колеблющись и колѣна дрожа,
Изнемогаютъ сердца каменемъ утѣснена.

Послѣднія слова Дубельтъ и понялъ въ смыслѣ сѣтованія Малороссіи на московское будто бы иго. А между тѣмъ они суть не что иное, какъ только продолженіе стихотворнаго плача Малороссіи по поводу смерти любимаго ея

гетмана Богдана Хмельницкаго, оторванное отъ естественнаго своего начала и поставленное не кстати въ самомъ концѣ рукописи, гдѣ оно имѣетъ какой-то неопредѣленный загадочный смыслъ. Возстановивъ же естественный порядокъ и смыслъ рукописи, мы, напротивъ, не видимъ въ „Разговорѣ“ ничего обиднаго ни для Россіи, ни для Малороссіи: первая спрашиваетъ Малороссію объ ея происхожденіи, историческихъ судьбахъ и заслугахъ ея для Россіи; вторая разсказываетъ свою исторію и перечисляетъ заслуги свои, оказанныя русскому народу и государству, и особенно долго останавливается на эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Историческій разсказъ о Малороссіи ведется съ начала XVI вѣка и прерывается на царствованіи Екатерины II. Малороссія спрашиваетъ Великороссію:

Знаешь ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ?
Какъ Елисаветѣ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатеринѣ другой вѣрность открылъ?...

Очевидно, „Разговоръ“ составлёнъ не раньше царствованія Екатерины II. Почти всѣ историческіе факты изъ жизни Малороссіи, приводимые въ разсматриваемомъ „Разговорѣ“, извѣстны уже въ общихъ чертахъ изъ разныхъ малорусскихъ лѣтописей и хроникъ, доселѣ изданныхъ; но въ „Разговорѣ“ нѣкоторыя происшествія представляются въ совершенно иномъ свѣтѣ. Такъ, напр., плѣнъ боярина Шереметева подъ Чудновымъ въ „Разговорѣ“ представляется послѣдствіемъ его измѣны и злоумышленія противъ кіевлянъ, тогда какъ въ извѣстныхъ доселѣ печатныхъ источникахъ дѣло представлялось въ такомъ видѣ, что Шереметевъ отданъ поляками въ плѣнъ татарамъ вслѣдствіе своей самонадѣянности и оплошности. Въ „Разговорѣ“ прославляется также подвигъ переяславскаго полковника Думитрашка-Райча противъ крымскихъ татаръ (въ 1673 году), другими источниками представляемый въ иномъ, довольно слабомъ свѣтѣ. Не свидѣтельствуетъ ли это о близости автора „Разговора“ къ фамиліи Думитрашковъ-Райчей, имѣвшихъ гнѣздо свое въ нынѣшней Полтавской губерніи, гдѣ найденъ и самый „Разговоръ“? По тенденціи и тону нашъ „Разговоръ“ имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ историческимъ памфлетомъ „Исторіей Руссовъ“ Псевдо-Конисскаго, появившейся въ 20—30 годахъ нынѣшняго вѣка и приписываемой кружку бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора князя Рѣпнина, и, можетъ быть, послужилъ однимъ изъ источниковъ для этой „Исторіи“.

Есть извѣстіе, что П. С. Ефименко имѣетъ новый списокъ „Разговора Великороссіи съ Малороссіей“. Если онъ не представляетъ копіи нашего экземпляра и вполнѣ законченъ, то можетъ пролить новый свѣтъ на происхожденіе и характеръ „Разговора“.

Н. П.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ въ 14-мъ листѣ, въ статьѣ „Заграничная печать о цареубійствѣ 1 Марта“ сдѣлана ошибка, нарушающая въ одномъ мѣстѣ смыслъ, а именно: верхняя строка страницы 919 должна быть отнесена верхней же строкой на страницу 921.

ность короля; ему только необходимо было настолько запятнать репутацію графини Шатобріанъ, чтобы это послужило поводомъ къ ея разрыву съ королемъ.

Флорентинъ терялся въ догадкахъ относительно того, кто могъ быть у графини; встрѣтившись утромъ съ Маро, онъ не замѣтилъ его и ему было также извѣстно, что Бюде остался въ Парижѣ...

Занятый этими размышленіями, прелатъ вошелъ другимъ ходомъ со двора и обратился къ Бернару съ двусмысленнымъ вопросомъ: не помѣшаетъ ли онъ графинѣ своимъ посѣщеніемъ?

Старый слуга не забылъ обѣщанія, даннаго Маро, и вѣжливо попросилъ прелата обождать въ прихожей, пока онъ доложитъ графинѣ о приходѣ его преосвященства.

— Не безпокойся! прервалъ его поспѣшно прелатъ: служитель алтаря можетъ входить во всякое время безъ доклада. Надѣюсь, что у графини нѣтъ никого изъ постороннихъ.

— Никого, насколько мнѣ извѣстно, отвѣтилъ Бернаръ.

— Ты долженъ былъ бы знать это. Значитъ я могу войти, сказалъ Флорентинъ, направляясь къ двери.

— Нѣтъ г-нъ прелатъ, это невозможно! Мнѣ не велѣно впускать кого либо къ графинѣ безъ ея особеннаго распоряженія; въ настоящемъ случаѣ я готовъ лучше навлечь на себя ваше неудовольствіе, нежели отступить отъ своей обязанности. Не угодно ли вамъ подождать здѣсь нѣсколько минутъ.

Съ этими словами Бернаръ вѣжливо указалъ на кресло прелату и вышелъ, захлопнувъ за собой дверь.

Флорентинъ окончательно убѣдился, что у графини въ гостяхъ ея возлюбленный, котораго она должна скрывать, и, съ свойственною ему наглостью, послѣ нѣкотораго раздумья отворилъ дверь и послѣдовалъ за слугой. Когда онъ вошелъ въ первую комнату, у него явилось опасеніе встрѣтить какого нибудь сеньера, который можетъ наказать его за дерзкій поступокъ, но жгучее чувство ревности гнало его впередъ помимо всѣхъ другихъ соображеній. Онъ не могъ забыть сцены въ аббатствѣ св. Женевьевы и свои ощущенія въ тотъ моментъ, когда Франциска едва не отдалась ему. Онъ уступилъ ее королю только потому, что это былъ для него единственный путь къ достиженію почестей; но мысль, что онъ долженъ отказаться отъ нея для перваго встрѣчнаго, приводила его въ бѣшенство.

Онъ поспѣшно схватился за ручку второй двери, но оказалось, что Бернаръ заперъ ее на ключъ изъ боязни, что прелатъ пойдетъ за нимъ. Увѣренность, что онъ помѣшалъ нѣжному свиданію, заставляла Флорентина испытывать всѣ мученія ревности, хотя онъ ясно сознавалъ, что долженъ радоваться такому открытію и воспользоваться имъ на погибель графини.

Когда Бернаръ доложилъ о приходѣ Флорентина, Маро окончательно растерялся; даже графиня Шатобріанъ была сильно смущена:

она рѣшилась не подвергать поэта гнѣву правительницы и не предвидѣла для себя ничего добраго отъ этого посѣщенія. Поведеніе Флорентина ясно показывало, что онъ перешелъ на сторону правительницы, такъ что даже Франциска, при всей своей довѣрчивости, не могла не видѣть этого, но сознавала, что было слишкомъ неблагоразумно отказать ему въ пріемѣ. Маро не совѣтовалъ ей раздражать врага, и даже Бернаръ робко замѣтилъ, что г-нъ прелатъ, повидимому, въ дурномъ расположеніи духа и чѣмъ скорѣе приметъ его графиня, тѣмъ лучше.

Для Маро не оставалось иного способа къ бѣгству, кромѣ выхода въ галлерею, но Францискѣ казалось не удобнымъ проводить поэта черезъ потаенную дверь, такъ какъ король не желалъ, чтобы кто либо изъ постороннихъ зналъ объ ея существованіи.

— Я по неволѣ должна спрятать васъ куда нибудь, мосье Клеманъ! сказала графиня. Войдите сюда въ прихожую; вооружитесь терпѣніемъ и сидите тихо. Бернаръ, попроси г-на прелата въ сосѣднюю комнату!

— Позвольте вамъ замѣтить графиня...

— Скорѣе Бернаръ! Я хочу избавиться отъ его присутствія.

Бернаръ ушелъ. Маро сѣлъ въ темной прихожей; Франциска шутя посовѣтовала ему воспользоваться уединеніемъ и сочинить какіе нибудь стихи; задернувъ шелковую занавѣсь, она удалилась въ сосѣднюю комнату. Только въ ту минуту, когда прелатъ вошелъ въ противоположную дверь, Франциска замѣтила свою оплошность, противъ которой, вѣроятно, хотѣлъ предостеречь ее Бернаръ. Столъ къ ужину былъ накрытъ и на немъ поставлено три прибора; хотя Бернаръ поспѣшно подошелъ къ столу, дѣлая видъ, что только-что поставилъ третій приборъ для неожиданнаго гостя, но обстоятельство это не ускользнуло отъ вниманія прелата.

Когда слуга вышелъ изъ комнаты, Флорентинъ указалъ рукой на столъ и съ иронической улыбкой выразилъ сожалѣніе, что своимъ появленіемъ помѣшалъ дружескому ужину.

— Ты видишь, Бернаръ не раздѣляетъ твоего мнѣнія; онъ поставилъ и тебѣ приборъ, возразила графиня, досадуя на то, что ей приходится лгать и пригласить Флорентина къ ужину, на который разсчитывалъ проголодавшійся Маро.

— Должно быть Бернаръ предполагаетъ, что для духовнаго лица нужно приготовить два прибора.

— Что ты хочешь этимъ сказать? Развѣ ты не знаешь, что здѣсь Химена, и она будетъ ужинать съ нами.

— Въ такомъ случаѣ прикажи подать четвертый приборъ.

— Развѣ ты привезъ кого нибудь съ собой?

— Нѣтъ, онъ пріѣхалъ отдѣльно.

— О комъ ты говоришь?

— Ты еще спрашиваешь меня! Перестань, пожалуйста, разыгры-

вать комедію; тебѣ не удастся обмануть меня. Однако ты дѣлаешь быстрые успѣхи въ наукѣ жизни; но забываешь, что твое положеніе въ свѣтѣ виситъ на волоскѣ, потому что зависитъ отъ королевской милости, и что, едва порвется этотъ волосокъ, ты будешь выброшена на произволъ судьбы.

— Ты кажется не въ полномъ умѣ, и я не нахожу никакого смысла въ твоей проповѣди.

— Я хочу уличить тебя во лжи и въ обманѣ!

— Ты самъ, Флорентинъ, потерялъ всякую совѣсть! Уйди отъ меня сію же минуту и никогда больше не показывайся мнѣ на глаза! Въ аббатствѣ св. Женевьевы ты представлялъ мнѣ сближеніе съ королемъ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ и самъ толкнулъ меня на новый путь, не подозрѣвая во мнѣ чувства любви и преданности къ королю, которое одно могло служить, если не оправданіемъ, то извиненіемъ моего поступка. Послѣ отъѣзда короля, ты, не стѣсняясь, измѣнилъ мнѣ и даже почувствовалъ ко мнѣ непріязнь, когда увидѣлъ, что всѣ выгоды на сторонѣ моихъ враговъ. Ты открылъ мнѣ всѣ тайны своего порочнаго сердца и, не смотря на это, осмѣливаешься толковать о нравственности! Прочь отсюда негодный человѣкъ, ты не достоинъ священнической одежды, которую ты носишь, благодаря своему званію!

Флорентинъ въ первую минуту былъ совершенно озадаченъ упреками Франциски. Улыбка исчезла съ его лица, онъ угрюмо смотрѣлъ на нее, не прерывая молчанія, но, замѣтивъ, что она собирается уйти изъ комнаты, разразился длинною рѣчью, которая приковала ее къ мѣсту.

— Не чистая совѣсть часто побуждаетъ людей принимать на себя личину добродѣтели и бросать камни въ другихъ—началъ Флорентинъ.—Ты ссылаешься на твою любовь къ королю, которая будто-бы должна оправдать твой поступокъ. Только добрыя намѣренія могутъ служить для насъ оправданіемъ, а не любовь, которая ничего не стоитъ, потому что всегда вызвана чувственностью и приноситъ съ собой опьяняющее удовольствіе. Нечего сказать, велика заслуга любить и наслаждаться любовью! На это способно даже самое легкомысленное существо. Твоя любовь могла бы считаться заслугой, если бы у тебя было достаточно ума, чтобы воспользоваться своей близостью къ королю; и я, разсчитывая на это, помогалъ тебѣ. Но любовь была для тебя не болѣе какъ пріятнымъ препровожденіемъ времени, и ты вернулась къ прежнему ничтожеству, ничего не заслуживъ отъ людей, кромѣ презрѣнія. Изъ-за тебя погибъ Семблансэ; освобожденіе Жана Пуатье куплено цѣною чести его дочери. Легкомысленный образъ жизни короля, который, согласно общему ожиданію, долженъ былъ измѣниться въ силу твоей любви, сталъ еще хуже; несчастная Воланъ служитъ лучшимъ доказательствомъ этого. Ты не только внесла раздоръ въ королевскую семью, поссоривъ короля съ

матерью, но изъ-за тебя, можетъ быть, нарушено спокойствіе цѣлой страны, потому что ты открыто покровительствовала распространенію ереси. Вотъ твои заслуги! Теперь объясни мнѣ, чѣмъ ты оправдаешь свою измѣну мужу и то, что ты бросила своего ребенка для удовлетворенія страсти, которая была настолько велика, что никакая жертва не казалась тебѣ достаточной. Не тѣмъ ли, что ты измѣнила этой любви при первой возможности? Но за твое легкомысліе ты будешь выброшена изъ королевскаго дома, какъ только я вернусь въ Парижъ и разскажу правительницѣ, что ты по ночамъ скрываешь любовника въ своихъ комнатахъ, что кажется мнѣ не совсѣмъ приличнымъ для королевской невѣсты. Повтори еще разъ, что я не въ полномъ умѣ, потому что осмѣлился обличать тебя во лжи и обманѣ! Отвори всѣ двери и также эту дверь въ галлерею, и я докажу тебѣ, что я совершенно правъ.

Рѣчь прелата произвела подавляющее впечатлѣніе на Франциску. Она приходила въ ужасъ отъ одной мысли, что ей приходится выдать Марò, чтобы отвратить отъ себя опасную клевету; но въ то же время сознавала, что своимъ молчаніемъ даетъ еще большій поводъ къ подозрѣнію. Она невольно задала себѣ вопросъ: неужели она погубитъ невиннаго Марò и станетъ оправдываться передъ человѣкомъ, который такъ глубоко оскорбилъ ее?—Нѣтъ, пусть Флорентинъ вернется въ Парижъ и очернитъ мое имя передъ цѣлой Франціей! подумала она, такъ какъ въ эту минуту негодованіе заглушало въ ней всякую заботу о будущности.

Она подошла къ двери, которую Бернаръ оставилъ открытою, и молча указала на нее прелату съ повелительнымъ жестомъ, въ которомъ заключался приказъ немедленно удалиться изъ дому. Въ этомъ жестѣ и во взглядѣ выразилось столько гнѣва и презрѣнія, что прелатъ, не смотря на свое обычное нахальство, невольно повиновался. Выходя изъ комнаты, онъ слышалъ, какъ Франциска сказала кому-то вполголоса „какая низкая тварь!“ и вслѣдъ затѣмъ, позвавъ Бернара, отдала ему приказъ: „никогда не впускать къ ней прелата!“

Гнѣвъ настолько ослѣпилъ графиню Шатобріанъ, что ей даже не пришло въ голову, что Флорентинъ вышелъ отъ нея съ орудіемъ въ рукахъ, которое можетъ навсегда закрыть ей доступъ въ королевскій домъ. Въ это время вниманіе ея было привлечено неожиданнымъ шумомъ. Со стороны двора послышался стукъ копытъ нѣсколькихъ всадниковъ. Что могло привлечь ихъ въ Фонтенбло при теперешнемъ уединеніи? Не посланные ли это отъ короля? Не вернулся ли онъ самъ неожиданно для всѣхъ?

Та же мысль пришла Флорентину и онъ остановился въ нерѣшимости. Если его догадка справедлива, то онъ можетъ сразу лишиться положенія, достигнутаго такимъ трудомъ. Искреннее негодованіе Франциски ясно показывало, что его подозрѣніе, относительно ея новаго любовника, врядъ ли имѣетъ основаніе. Можетъ быть, въ послѣдней

комнатѣ находился король, а свита его только теперь пріѣхала въ Фонтенбло. Въ виду этихъ соображеній, Флорентинъ вернулся назадъ и, увидя Франциску, стоявшую у окна, подошелъ къ ней и пробормоталъ нѣсколько словъ извиненія. Она поспѣшно оглянулась и вторично указала ему на дверь съ тѣмъ же повелительнымъ жестомъ.

Флорентинъ вышелъ, не помня себя отъ ярости, и поклялся отмстить за нанесенное ему оскорбленіе, даже въ томъ случаѣ, если король дѣйствительно находится въ Фонтенбло. Сойдя съ крыльца, Флорентинъ увидѣлъ на дворѣ группу всадниковъ и, къ удивленію, узналъ, что они испанцы, пріѣхавшіе къ графинѣ Шатобріанъ, но, благодаря сдержанности, свойственной этой націи, не получилъ отъ нихъ никакихъ другихъ свѣдѣній. Равнымъ образомъ, ничего не могъ сообщить ему и проводникъ французъ, котораго онъ разспрашивалъ, когда испанцы вошли въ переднюю графини. Онъ отвѣтилъ, что его наняли въ Питивіе какіе то незнакомые господа, которые, повидимому, очень богаты и что съ ними два мулла съ дамскими сѣдлами.

— Неужели эти господа хотятъ увезти графиню! мелькнуло въ головѣ Флорентина.—Это придастъ ей еще бо̀льшую цѣну въ глазахъ короля и она ускользнетъ изъ рукъ правительницы! Но рѣшится ли она уѣхать съ испанцами—врагами государства!.. Послѣднее казалось Флорентину невѣроятнымъ; но, во всякомъ случаѣ, матеріалъ для романа былъ готовъ; оставалось только придумать связь между пріѣздомъ всадниковъ, таинственнымъ rendes-vous и императоромъ и отыскать нити воображаемаго заговора съ врагами Франціи, чтобы погубить графиню.

Не считая нужнымъ терять время на дальнѣйшіе разспросы, Флорентинъ рѣшилъ немедленно послать гонца въ Парижъ и потребовать отрядъ вооруженной конницы, которая должна быть наготовѣ, въ случаѣ бѣгства графини изъ Фонтенбло. Только возвращаясь назадъ черезъ галлерею, онъ сообразилъ, что пріѣхавшіе испанцы, вѣроятно, посланы герцогомъ Инфантадо, чтобы увезти Химену изъ страны, которая находилась во враждебныхъ отношеніяхъ съ Испаніей. Въ пользу этой догадки были всѣ шансы вѣроятія; но это открытіе не смутило прелата. Пробравшись ощупью до потаенной двери, онъ нашелъ свой фонарь нетронутымъ и сталъ подслушивать, чтобы узнать что дѣлалось въ комнатахъ Франциски. Онъ услышалъ ея голосъ, и хотя не могъ разобрать словъ, но ему показалось, что она назвала Химену и герцога Инфантадо; затѣмъ все стихло и разговаривающіе вышли изъ спальни.

— Значитъ мое предположеніе вѣрно, подумалъ Флорентинъ, выходя изъ галлереи—она уѣдетъ съ ними, если имъ удастся убѣдить ее!

Занятый этою мыслью, онъ направился быстрыми шагами въ домъ священника, отдавъ приказъ одному изъ лѣсныхъ сторожей готовиться къ немедленному отъѣзду въ Парижъ, и написалъ письма правительницѣ и Францискѣ.

Въ это время, графиня Шатобріанъ, Маро и Химена, сидя за ужиномъ, разговаривали о предстоящей разлукѣ. Герцогъ Инфантадо послалъ своей дочери приказъ немедленно пріѣхать къ нему, извѣщая ее въ своемъ письмѣ, что императоръ былъ въ высшей степени недоволенъ, когда узналъ, что единственная дочь испанскаго гранда живетъ при дворѣ непріязненнаго ему государя въ самый разгаръ войны. Въ заключеніе, герцогъ просилъ графиню Шатобріанъ, чтобы она позволила которой нибудь изъ своихъ служанокъ проводить его дочь до границы.

Химена была глубоко огорчена приказаніемъ отца и, заливаясь слезами, бросилась на шею графини Шатобріанъ, которая послѣ отъѣзда короля была ласковѣе къ ней, чѣмъ когда либо.

— Не плачь моя дорогая Химена, я сама провожу тебя до границы, сказала графиня, обнимая молодую дѣвушку.

— Ради Бога, не дѣлайте этого! воскликнулъ Маро. — Вы этимъ поступкомъ дадите въ руки правительницы опасное орудіе противъ васъ.

— Нѣтъ, Маро, вы положительно ошибаетесь! Я убѣждена, что Флорентинъ будетъ всѣми способами мучить меня, и я должна буду бѣжать отсюда въ самомъ непродолжительнымъ времени; это еще больше возбудитъ толковъ, нежели теперь, когда я хочу только проводить до границы мою милую Химену. Къ тому же, продолжала шепотомъ графиня, наклоняясь къ Маро,—у меня есть еще другая причина, почему я считаю это путешествіе необходимымъ. Оно дастъ мнѣ возможность разрушить козни правительницы, потому что я увижу короля прежде, чѣмъ кто либо изъ моихъ враговъ. Бріонъ сообщилъ мнѣ, что король хочетъ сдѣлать высадку въ Каталоніи; если онъ выполнитъ это намѣреніе, то я приведу къ нему на помощь Лотрека, въ рукахъ котораго Лангедокъ и Гіенна. Надѣюсь, это будетъ недурно...

Маро слушалъ молча и съ видимымъ недовѣріемъ.

— Развѣ вы считаете замокъ Фуа недостаточно удобнымъ мѣстомъ для моего мѣстопребыванія? добавила графиня вслухъ.

Но Маро зналъ положеніе дѣлъ и живо представлялъ себѣ все то, что могутъ сказать враги Франциски по поводу ея неожиданнаго удаленія изъ Фонтенбло. Не обращая никакого вниманія на досаду Химены, онъ упорно стоялъ на своемъ и употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы отговорить Франциску отъ ея намѣренія.

Во время этого разговора, въ комнату вошелъ Бернаръ и передалъ графинѣ письмо Флорентина.

Прелатъ писалъ, что, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности передать словесно графинѣ приказаніе правительницы, хотя это была главная цѣль его пріѣзда въ Фонтенбло, и вслѣдствіе этого обращается къ ней письменно. До свѣдѣнія правительницы дошло, что графиня Шатобріанъ довольно часто принимаетъ у себя разныхъ по-

дозрительныхъ гостей; поэтому она приказываетъ графинѣ завтра же пріѣхать въ Парижъ и поселиться въ назначенныхъ ей комнатахъ въ отелѣ Турнель.

Франциска побагровѣла отъ гнѣва, читая это письмо и, передавъ его Маро, приказала Бернару немедленно уложить ея вещи.

Маро не нашелся что сказать въ защиту своего мнѣнія, потому что враги Франциски, повидимому, все подготовили, чтобы нанести рѣшительный ударъ, который долженъ былъ ускорить ея паденіе. Онъ зналъ, что всѣ его дальнѣйшія попытки убѣдить Франциску, при ея раздраженномъ состояніи, будутъ безполезны, и отправился отыскивать свою лошадь, чтобы къ утру пріѣхать въ Парижъ и уговорить сестру короля взять подъ свое покровительство несчастную Франциску.

Живое воображеніе поэта рисовало ему какъ на картинѣ дальнѣйшую судьбу графини Шатобріанъ съ момента ея бѣгства изъ Фонтенбло. Правительница опишетъ королю это бѣгство въ самыхъ черныхъ краскахъ и выставитъ графиню передъ цѣлымъ свѣтомъ, какъ женщину не достойную оставаться среди порядочнаго общества, стремящуюся къ приключеніямъ и чувственнымъ удовольствіямъ. Маро казалось даже, что онъ читаетъ письмо, которое правительница напишетъ своему сыну въ Италію и начнетъ его слѣдующимъ образомъ: Увы, мой дорогой сынъ, какъ ошиблись мы въ этой Шатобріанъ! Она заставила меня потерять всякое терпѣніе послѣ твоего отъѣзда своимъ властолюбіемъ, кокетствомъ, ненасытной жаждой удовольствій. Всѣ мои просьбы оказались тщетными; я не могла убѣдить ее переѣхать со мною въ Парижъ. Она возненавидѣла меня, потому что мое присутствіе сдерживало ее въ границахъ приличія, и осталась въ Фонтенбло, чтобы на свободѣ проводить время со всякаго рода любовниками. Я не разъ посылала къ ней ея духовника, писала, умоляла ее опомниться; но все было напрасно. Между тѣмъ дурная молва о ней росла съ каждымъ днемъ; всѣ уговаривали меня бросить ее, доказывая, что ты, вѣроятно, не удостоишь больше своимъ вниманіемъ подобное существо. Я сама убѣждена въ этомъ; но мнѣ хотѣлось въ точности исполнить то порученіе, которое ты возложилъ на меня. Наконецъ я рѣшилась на послѣднее средство и отдала ей формальный приказъ пріѣхать въ Парижъ, тогда, въ довершеніе своего безстыдства, она велѣла сказать мнѣ, что „ея поведеніе не касается дома Валуа“, и открыто, при дневномъ свѣтѣ, отправилась въ Испанію къ твоимъ врагамъ въ сопровожденіи своихъ любовниковъ. Я убѣждена, что мой сынъ и французскій король не рѣшится опозорить насъ и свой королевскій домъ и не позволитъ подобной женщинѣ переступить еще разъ нашъ порогъ!..

— Правительница навѣрно напишетъ своему сыну такое письмо? думалъ Маро, сѣдлая въ потьмахъ свою лошадь.—А нашъ легкомысленный властелинъ, который ни надъ чѣмъ долго не задумывается, скажетъ, улыбаясь и съ нѣкоторой досадой:

Souvent femme varie
Fou qui s'y fie!

и цѣлый день будетъ жалѣть о томъ, что рыцарскіе нравы все болѣе и болѣе исчезаютъ во Франціи, и что нигдѣ нельзя найдти истинной любви. Но на другой же день онъ утѣшится, потому что не въ состояніи долго предаваться печали и даже въ душѣ почувствуетъ тайное удовлетвореніе, что избавился отъ тяготившей его обязанности. У него все-таки бываютъ проблески совѣсти; онъ чувствуетъ себя не правымъ относительно Франциски и ему нужно найдти какое нибудь оправданіе, чтобы бросить несчастную женщину на произволъ судьбы. Да, несчастная Франциска, ты сама помогаешь ему въ этомъ!..

Размышляя такимъ образомъ, Маро забылъ взять какія-либо предосторожности относительно Флорентина и, выѣхавъ изъ лѣсу, прямо направился къ той части замка, гдѣ жила графиня Шатобріанъ, такъ какъ оттуда пролегала ближайшая дорога въ Парижъ. Тутъ только, при свѣтѣ, падавшемъ изъ оконъ, онъ увидѣлъ себя рядомъ съ человѣкомъ, стоявшимъ у стѣны, который, услыхавъ топотъ его лошади, быстро оглянулся. Маро, къ ужасу своему, узналъ въ немъ Флорентина.

Такимъ образомъ, былъ данъ прямой поводъ къ подозрѣнію. Маро не имѣлъ даже того преимущества, что его не замѣтили, и, не зная на что рѣшиться, повернулъ назадъ свою лошадь въ надеждѣ, что ему удастся скрыться въ лѣсу, но онъ услышалъ за собой голосъ прелата, который звалъ его по имени.

Маро не отличался геройствомъ и своей трусливостью походилъ на страуса, который считаетъ себя внѣ опасности, если не видитъ непріятеля. Сердце бѣднаго поэта замирало отъ страха при мысли, что завтра утромъ все будетъ извѣстно правительницѣ, и она позоветъ его къ себѣ на допросъ. Онъ пришпорилъ лошадь и, не обращая вниманія на вѣтки, хлеставшія его со всѣхъ сторонъ, все болѣе и болѣе углублялся въ лѣсную чащу, пока не сбился окончательно съ дороги. Такимъ образомъ, его намѣреніе помочь Францискѣ въ рѣшительную минуту сдѣлалось не удобоисполнимымъ; и только съ разсвѣтомъ, послѣ долгаго блужданія по лѣсу, ему удалось выбраться на тропинку. Проѣхавъ нѣсколько часовъ и изнемогая отъ усталости, онъ достигъ наконецъ мѣстечка Малербъ, гдѣ узналъ отъ крестьянъ, что находится на половинѣ пути между Парижемъ и Фонтенбло, но что изъ Малерба нѣтъ прямой дороги въ Парижъ, и поэтому онъ долженъ опять вернуться въ Фонтенбло, лѣсомъ.

Маро былъ настолько измученъ отъ безсонной ночи и продолжительной верховой ѣзды, что рѣшилъ предоставить графиню Шатобріанъ ея собственной участи и заснулъ крѣпкимъ сномъ въ хижинѣ крестьянина. Когда онъ проснулся, то осеннее солнце уже было на закатѣ и крестьяне посовѣтовали ему дождаться слѣдующаго утра, такъ какъ дорога очень плоха и накрапываетъ дождь.

Такимъ образомъ, когда Маро пріѣхалъ въ Парижъ, то уже по всему городу распространился слухъ, что какой то неизвѣстный испанскій герцогъ, который скрывался нѣкоторое время въ Фонтенбло, увезъ съ собою графиню Шатобріанъ въ непріятельскую землю. Небольшой отрядъ тѣлохранителей, посланный правительницей въ предупрежденіе скандала, хотѣлъ остановить бѣгущихъ по дорогѣ изъ Фонтенбло въ Питивіе, но долженъ былъ удалиться, потому что съ герцогомъ была многочисленная свита всадниковъ и графиня презрительно отвергла сдѣланное ей предложеніе вернуться въ Фонтенбло. Вслѣдъ затѣмъ, по распоряженію правительницы, посланы были гонцы ко всѣмъ намѣстникамъ до испанской границы съ приказомъ задержать бѣглецовъ, такъ какъ существуетъ подозрѣніе, что они замѣшаны въ политическомъ заговорѣ.

ГЛАВА II.

Письмо графини Шатобріанъ къ канцлеру Бюде.

„Замокъ Фуа, 15 фавраля 1525.

„Я считала бы себя счастливой, мой добрый другъ, если бы могла видѣть короля хотя разъ въ недѣлю и прижать къ моему сердцу. Но онъ вдали отъ меня и подвергается всевозможнымъ опасностямъ; къ этому примѣшивается еще мучительное сознаніе, что между нами не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ и прочныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе я должна благодарить судьбу за свою теперешнюю жизнь! Тишина и уединеніе замка, гдѣ протекло мое дѣтство, благодѣтельно подѣйствовали на меня; а Лотрекъ, который два раза пріѣзжалъ сюда, былъ очень добръ ко мнѣ, хотя остался такимъ же суровымъ, какъ и прежде. Онъ сроднился съ желѣзомъ и сталью и не можетъ понять великодушія всепрощающей любви. Онъ считаетъ непростительнымъ съ моей стороны то горе, которое я причинила графу Шатобріанъ, но я и не желаю прощенія и готова впослѣдствіи принести покаяніе за свой проступокъ, хотя считаю себя только на половину виноватой. Зачѣмъ природа одарила короля Франциска такими большими темными глазами, выразительнымъ лицомъ, красивой бородой, высокимъ ростомъ, горделивой, величественной осанкой, необыкновеннымъ умомъ и воспріимчивостью ко всему прекрасному! Онъ сдѣлался для меня воплощеніемъ всего прекраснаго въ жизни; и если я его встрѣтила, то это было опредѣлено мнѣ свыше; и мы люди не можемъ идти противъ воли Провидѣнія. Что же касается моей Констанціи, то Лотрекъ напрасно называетъ меня без-

сердечной матерью. Нѣтъ, мой дорогой Бюде, не вѣрьте этому. Я употребила всѣ усилія, чтобы имѣть при себѣ ребенка; но люди, на которыхъ я вполнѣ разсчитывала, обманули меня. Помните ли вы широкоплечаго рыжеватаго бретанца, по имени Батиста? Можетъ быть вы видѣли его въ Блуа? Онъ казался такимъ преданнымъ и обѣщалъ привезти мнѣ Констанцію, но не сдержалъ своего слова; я слышала, онъ измѣнилъ мнѣ и помирился съ графомъ. Я не знаю на что рѣшиться! Видно и для этого дѣла, какъ для всего остальнаго, придется ожидать возвращенія короля.

„Я знаю, что вы искренно расположены ко мнѣ; и прежде, чѣмъ говорить о томъ, что особенно безпокоитъ меня, я постараюсь разсказать вамъ въ короткихъ словахъ, что было со мною, со времени нашей разлуки. Правительница воспользовалась моимъ бѣгствомъ изъ Фонтенбло, чтобы оклеветать меня передъ королемъ и цѣлымъ свѣтомъ. Господь да проститъ ее! Она мать короля Франциска! Безъ него я осталась бы ничтожнымъ существомъ и не испытала бы блаженства любви. Не смотря на всѣ вынесенныя мною страданія, я чувствую себя безконечно счастливѣе, нежели прежде среди мирнаго однообразія бретанскаго замка. Поэтому я считаю лишнимъ распространяться о первыхъ мѣсяцахъ, проведенныхъ мною въ Фуа, когда Лотрекъ и аббатъ сообщали мнѣ поочередно такія извѣстія, которыя могли бы привести въ отчаяніе всякую женщину, если у ней осталась хотя искра чувства. Самое худшее изъ всего этого было то мнѣніе, которое король будто бы выразилъ обо мнѣ. Но, къ счастью, Клеманъ Маро избавилъ меня отъ этого горя! Какъ много хорошихъ людей на свѣтѣ! Добрый Маро бѣжалъ изъ Парижа отъ преслѣдованій правительницы не ради себя одного, но имѣя въ виду и мое безвыходное положеніе. Преодолѣвъ свою робость, онъ отправился въ Италію и отыскалъ короля, не взирая ни на какія опасности. Вы видите, мой дорогой Бюде, я знаю лучше всѣхъ васъ короля Франциска! Онъ милостиво принялъ поэта, котораго правительница старалась очернить всѣми способами, и, выслушавъ его, сказалъ обо мнѣ: „да, они, кажется, сыграли съ нею плохую шутку!“ Я никогда не забуду, что добрый Клеманъ тотчасъ же написалъ мнѣ объ этомъ изъ лагеря при Павіи; съ этого времени я постоянно получала отъ него письма черезъ гонцовъ, которые пріѣзжаютъ довольно часто къ Лотреку. Само собою разумѣется, что я не могу требовать, чтобы самъ Францискъ писалъ мнѣ, потому что онъ удрученъ болѣе важными заботами. Но Маро въ своихъ письмахъ передавалъ буквально его слова, даже поклоны мнѣ, я знала что особенно занимаетъ его, въ какомъ онъ настроеніи духа... А теперь я лишилась и этого утѣшенія! Вотъ уже четырнадцать дней, какъ я не получала ни одного письма отъ Маро, между тѣмъ, въ нашихъ мѣстахъ, неизвѣстно откуда, распространился зловѣщій слухъ, который приводитъ меня въ отчаяніе по своей неопредѣленности. Говорятъ, будто бы въ цвѣтущихъ садахъ

Италіи при солнечномъ или лунномъ свѣтѣ произошло сраженіе, что всѣ французы перебиты и ихъ тѣла лежатъ грудами и что въ числѣ ихъ лежитъ убитый король съ рукой на шпагѣ и лицомъ обращеннымъ къ небу. Эта ужасная картина не даетъ мнѣ ни минуты покоя, хотя она, вѣроятно, выдумана монахами, потому что они всѣ толкуютъ здѣсь о предосудительномъ снисхожденіи короля къ еретикамъ, заслуживающимъ небесной кары. Сообщите мнѣ, ради Бога, съ посланнымъ мною гонцомъ: не получены ли какія нибудь извѣстія изъ Италіи; вы можете себѣ легко представить тѣ мученія, какія я буду испытывать всѣ десять дней до его возвращенія.

„Однако какая я неблагодарная! Я едва не забыла поблагодарить васъ за посланныя мнѣ книги, которыя я поняла только благодаря объясненіямъ одного почтеннаго прелата здѣшняго аббатства, хорошо знающаго языки. Къ сожалѣнію, мои умственныя силы не позволяютъ мнѣ вполнѣ овладѣть идеей реформаціи и прійти къ какому либо самостоятельному выводу, хотя я перечитала одно за другимъ все, что сказано по этому предмету швейцарцами, анабаптистами, разными проповѣдниками и самимъ Лютеромъ. Послѣдній произвелъ на меня болѣе глубокое впечатлѣніе, хотя онъ отвергаетъ существованіе „свободной воли“ и считаетъ „добрыя дѣла“ необходимыми для спасенія нашей души. Чѣмъ болѣе я обдумываю мое положеніе, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что моя воля не участвовала въ томъ, что случилось со мною. Въ противномъ случаѣ меня тяготили бы всѣ тѣ злыя дѣла, которыя приписываетъ мнѣ свѣтъ. Но какъ можетъ Лютеръ нападать на крестовые походы противъ невѣрныхъ! Наше прямое призваніе отстаивать то, что намъ дорого; въ этомъ проявляется наша духовная самодѣятельность. Тотъ, кто не признаетъ борьбы за вѣру, у того нѣтъ вѣры. Что сказалъ бы Францискъ, если бы кто нибудь сталъ доказывать ему безплодность рыцарской борьбы за вѣру. То и другое тѣсно связано между собой; мы упорно отстаиваемъ убѣжденія, выработанныя съ трудомъ; даже Лютеръ пережилъ періодъ сомнѣній! Поборники народа, своими возгласами о равенствѣ правъ и состояній и общности имуществъ, сначала приводили меня въ ужасъ, а затѣмъ, да проститъ меня Пресвятая Дѣва, я сама пришла едва ли не къ тѣмъ-же дерзновеннымъ мыслямъ, когда увидѣла среди народа людей богато одаренныхъ, которые, по своему уму и сдержанности, далеко превосходятъ многихъ сеніоровъ. Но я не рѣшилась идти далѣе по этому пути, когда услыхала о тѣхъ кровавыхъ сценахъ, которыя въ настоящее время происходятъ въ Германіи. Вслѣдствіе этого у меня не хватило также мужества говорить объ этомъ съ королемъ, тѣмъ болѣе, что я не могла подыскать приличной формы, чтобы выразить то, что я думала. Въ заключеніе, я позволю себѣ еще одно замѣчаніе. Какъ можно отвергать заступничество святыхъ? Быть можетъ, слова мои покажутся вамъ ребячествомъ, Бюде, но я вижу въ этой таинственной связи загробнаго міра съ живущимъ лучшее утѣшеніе

любящаго сердца. Я увѣрена, что умру раньше короля, и надѣюсь, что, благодаря ему, буду счастлива и въ другомъ мірѣ, такъ какъ онъ будетъ думать обо мнѣ и обращаться къ моему заступничеству въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Въ этомъ будетъ заключаться моя новая духовная жизнь...

„Простите меня Бюде, если я наскучила вамъ своими разсужденіями, но въ чемъ бы не состояла сущность новаго ученія, мы женщины на все смотримъ съ своей точки зрѣнія. Вѣроятно, въ этомъ заключается причина, почему я признаю справедливымъ мнѣніе здѣшняго почтеннаго прелата, который обвиняетъ реформацію въ возстановленіи грубыхъ тенденцій и традицій стараго завѣта. Все то, что онъ разсказывалъ мнѣ объ Исаакѣ и Іаковѣ и фанатизмѣ евреевъ, кажется мнѣ не особенно поучительнымъ и согласнымъ съ Евангеліемъ, такъ что я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе, что распространеніе Библіи въ народѣ можетъ возбудить въ нёмъ низкіе инстинкты.

„Во всякомъ случаѣ я желала бы знать объ этомъ и ваше мнѣніе, мой дорогой Бюде. Но прежде всего, разумѣется, вы должны сообщить мнѣ то, что вамъ извѣстно о королѣ, такъ какъ все остальное интересуетъ меня только по отношенію къ нему. Что же касается того, что вы не хотите имѣть образовъ въ вашихъ церквахъ, то я положительно возстаю противъ этого. Можно ли не признавать живописи? Мы видимъ на картинахъ все, что есть лучшаго въ мірѣ. Безъ искусства нѣтъ полнаго счастья на землѣ; и только оно даетъ намъ силу и утѣшеніе въ несчастіи“...

Письмо это прибыло въ Парижъ позднѣе, нежели разсчитывала Франциска, такъ что 24 февраля, когда она ожидала отвѣта, письмо еще не было въ рукахъ Бюде. Это произошло отчасти по винѣ Лотрека, который выѣхалъ изъ Тулузы, главнаго города своего намѣстничества, въ тотъ самый день, когда Франциска послала ему свое письмо для отсылки въ Парижъ. Въ это время Лотрекъ часто ѣздилъ за Рону, которая была границей его намѣстничества, въ надеждѣ получить какія-нибудь вѣсти изъ Италіи, такъ какъ онѣ становились все рѣже и сбивчивѣе. Французское населеніе находилось тогда въ крайне возбужденномъ состояніи, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не было конца печальнымъ догадкамъ.

Съ другой стороны, поздней получкѣ письма графини Шатобріанъ способствовалъ приказъ правительницы открывать всѣ письма, которыя по чему либо покажутся подозрительными. Герцогиня Ангулемская, дѣлая это распоряженіе, могла оправдать его возбужденнымъ состояніемъ парижскаго населенія. Всѣ считали несомнѣннымъ фактомъ, что правительница скрываетъ дурныя извѣстія, получаемыя ею изъ войска, между тѣмъ какъ нѣкоторыя духовныя лица съ своей стороны употребляли всѣ усилія, чтобы произвести шумную демон-

страцію противъ еретиковъ, которымъ покровительствуетъ сестра короля и канцлеръ Бюде, и распространяли слухъ въ народѣ, будто бы съ Рейна готовится вторженіе мятежныхъ швабскихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, канцлеръ Бюде получилъ письмо Франциски только втораго марта вмѣстѣ съ приглашеніемъ немедленно явиться къ правительницѣ.

Бюде, прочитавъ письмо, бросилъ его на письменный столъ и занялся своимъ туалетомъ. Бѣдная Франциска! подумалъ онъ съ грустью: ты все еще надѣешься на блестящую будущность, между тѣмъ какъ для тебя все кончено и безъ возврата. Только разъ въ жизни мы любимъ отъ всего сердца, а затѣмъ необходимо какое нибудь внѣшнее возбужденіе, чтобы наша привязанность имѣла силу и прочность. Нужно, чтобы предметъ любви былъ только на половину доступенъ намъ, чтобы стоялъ выше насъ по своему общественному положенію, или представлялъ собою что либо необыкновенное по уму или красотѣ, такъ, какъ въ противномъ случаѣ, наша фантазія скоро ослабѣваетъ и онъ теряетъ для насъ всякую прелесть. Какой интересъ можешь ты имѣть для короля даже въ томъ случаѣ, если онъ убѣдился, что его мать оклеветала тебя. Ему не новость исправлять зло и награждать людей. Одно только сопротивленіе имѣетъ для него извѣстную цѣну; побѣда надъ женщиной доставляетъ ему только минутное опьяненіе. Для тебя онъ уже не существуетъ, несчастная женщина, хотя бы онъ все еще признавалъ твою красоту и нравственныя достоинства...

Размышляя такимъ образомъ, почтенный канцлеръ почти машинально перешелъ деревянный мостъ, черезъ Сену, выше Луврской башни, такъ какъ основанная имъ коллегія, въ которой онъ жилъ, находилась на лѣвомъ берегу и стояла особнякомъ отъ болѣе населенной и застроенной части города. Отсюда онъ направился въ улицу St. Honoré, мимо старинной церкви St. Germain l'Auxerrois и увидѣлъ съ безпокойствомъ, что всюду стоятъ группы разговаривающихъ людей и что многіе намѣренно отворачиваются отъ него.

Это обстоятельство еще болѣе усилило дурное расположеніе духа канцлера. Онъ не рѣшился идти прямо къ правительницѣ, которая въ послѣднее время не обращала на него никакого вниманія, а хотѣлъ предварительно переговорить съ герцогиней Маргаритой, чтобы разспросить ее о настроеніи ея матери и узнать о положеніи дѣлъ вообще. По этому, онъ искренно обрадовался, когда увидѣлъ у входа слугу герцогини Маргариты, который ожидалъ его, чтобы привести къ своей госпожѣ.

Бѣдный канцлеръ и не подозрѣвалъ, что въ это время надъ нимъ собиралась гроза и что Флоріо, передавъ ему приглашеніе явиться къ правительницѣ, спрятался въ передней и похитилъ у него со стола письмо Франциски, прежде чѣмъ онъ успѣлъ выйдти изъ дому.

Это письмо уже было въ рукахъ правительницы въ тотъ моментъ,

когда канцлеръ почтительно раскланялся съ герцогиней Маргаритой, встрѣтившей его у порога своей пріемной комнаты.

— Очень рада, что вы пришли, сказала она. Мы въ большомъ горѣ; до сихъ поръ нѣтъ никакихъ извѣстій изъ войска; парижане волнуются и шумятъ какъ дѣти, а правительница, повидимому, намѣрена вымѣстить на насъ свою досаду.

— На насъ? спросилъ съ удивленіемъ канцлеръ.

— Да, и подъ тѣмъ предлогомъ—будто мы покровительствуемъ распространенію ереси. Я имѣла съ нею непріятное объясненіе. Она увѣряетъ, что народъ волнуется вслѣдствіе того, что напуганъ грознымъ предсказаніемъ, по которому самая ужасная кара должна постигнуть французскій тронъ и всю страну за то снисхожденіе, которое королевская фамилія оказываетъ еретикамъ. „Вы возбудили это броженіе, сказала, между прочимъ, моя мать: ты, Бюде, Маро и всѣ тѣ, которые примкнули къ партіи нечестивой Шатобріанъ! Я знаю, добавила она, что Бюде ведетъ переписку съ Шатобріанъ о такъ называемой церковной реформѣ, и я отдамъ ихъ обоихъ народу; пусть онъ расправится съ ними"...

Бюде молчалъ, и Маргарита продолжала, указывая на окно:

— Посмотрите, ради Бога, какая толпа идетъ сюда со всѣхъ улицъ! Что это за ребячество! Надѣюсь, г-нъ канцлеръ, вы ничего не писали такого, что могло бы попасть въ руки Дюпра. Народъ ненавидитъ его, и онъ радъ будетъ случаю заслужить популярность, затѣявъ судъ надъ еретиками. Король не въ состояніи будетъ защитить васъ, мой дорогой Бюде; кто знаетъ, можетъ быть онъ самъ будетъ нуждаться въ защитѣ!..

Вошелъ слуга и спросилъ канцлера отъ имени правительницы: получилъ ли онъ приказъ немедленно явиться къ ней?

— Я тотчасъ же буду имѣть честь представиться герцогинѣ— отвѣтилъ канцлеръ.

— Я приду вслѣдъ за вами, Бюде! сказала Маргарита. Мое присутствіе можетъ пригодиться вамъ. А propos! вчера вечеромъ, правительница насмѣхалась надъ нѣмецкимъ реформаторомъ, по поводу его поспѣшной женитьбы. Говоря откровенно, она права; Лютеру не слѣдовало бы относиться такимъ мѣщанскимъ способомъ къ своей жизненной задачѣ; онъ долженъ стоять особнякомъ и не смѣшиваться съ пошлой толпой.

Подобныя мысли въ эту минуту могли занимать только сестру короля, потому что она считала себя внѣ опасности и вообще не была труслива. Но Бюде былъ въ самомъ печальномъ расположеніи духа и нехотя направился въ покои герцогини Ангулемской. Онъ не столько боялся ея гнѣва лично для себя, сколько для своего любимаго дѣла, такъ какъ мать короля могла дойти до всякихъ крайностей, въ виду несчастныхъ политическихъ обстоятельствъ.

Стоялъ дождливый пасмурный день; весь городъ казался погружен-

нымъ въ сѣроватую мглу. Когда Бюде вошелъ въ пріемную залу, то, не смотря на полдень, было такъ темно, что онъ, по своей близорукости, съ трудомъ могъ различить правительницу, которая быстрыми шагами ходила взадъ и впередъ по каменнымъ плитамъ.

Дворъ въ зимнее время преимущественно жилъ въ отелѣ Турнель. Лувръ состоялъ тогда изъ одной башни, а на мѣстѣ Тюльери, построеннаго четырнадцать лѣтъ спустя, были кирпичные заводы. Старинный отель съ множествомъ балконовъ, выступовъ, маленькихъ башенъ, никогда не нравился королю Франциску, такъ какъ, не смотря на сдѣланныя имъ передѣлки, королевская резиденція все еще походила на скромное жилище леннаго властителя. Старинный франкскій вкусъ проявлялся въ угловатыхъ, неуклюжихъ комнатахъ, крошечныхъ окнахъ и узкихъ лѣстницахъ. Между тѣмъ, для вновь возникающей королевской власти нуженъ былъ просторъ и широкіе размѣры, что особенно замѣтно во всѣхъ постройкахъ короля Франциска I.

Деревянная обшивка окаймляла до половины пріемную королевскую залу; на нѣсколько футовъ отъ полу были устроены мѣста для сидѣнія, съ ручками изъ дубоваго дерева, такъ что зала эта, съ перваго взгляда, отчасти напоминала капеллу или старинную ратушу. Въ одномъ углу стоялъ узкій столъ, за которымъ сидѣли три человѣка: одинъ изъ нихъ былъ Флорентинъ въ фіолетовомъ одѣяніи прелата; другой—Дюпра въ красной судейской мантіи; третій былъ его писецъ, одѣтый въ длинное платье изъ черной саржи; онъ держалъ въ рукѣ очиненное перо для составленія протокола. У единственной входной двери стояли два тѣлохранителя съ копьями; у средняго изъ трехъ оконъ, обращенныхъ на дворъ, расположился камердинеръ правительницы, который долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось на дворѣ.

Между тѣмъ, усилившійся дождь загналъ народъ съ улицы подъ низкія аркады, окружавшія нижній этажъ отеля, внутри двора. Наплывъ толпы произошелъ такъ внезапно, что королевская прислуга не успѣла во-время закрыть ворота. Благодаря этому, въ пріемной залѣ, среди шума падавшаго дождя, время отъ времени, грозно раздавались смѣшанные голоса недовольной толпы.

Послѣ первыхъ-же вопросовъ и замѣчаній, Бюде могъ убѣдиться, что его положеніе далеко не безопасно и что Маргарита была права, предупреждая его о намѣреніи правительницы пожертвовать имъ для успокоенія народа.

Канцлеръ въ началѣ не догадался, что ему дѣлаютъ формальный допросъ, и не замѣтилъ Дюпра и его писца, который записывалъ каждое сказанное имъ слово, и поэтому отвѣчалъ непринужденно на вопросы правительницы о степени его участія въ реформѣ. Онъ не считалъ нужнымъ отрекаться отъ своихъ мнѣній и, благодаря этому, навлекъ на себя неминуемую опасность. Правительница, не знавшая никакой мѣры въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, ненавидѣла Бюде,

который нерѣдко публично осуждалъ ея образъ жизни и въ то же время былъ неизмѣннымъ защитникомъ графини Шатобріанъ. Она знала, что король будетъ внѣ себя отъ гнѣва, когда услышитъ о гибели ученаго канцлера, но, въ виду угрожающихъ политическихъ событій, надѣялась оправдать свой поступокъ передъ сыномъ государственною необходимостью.

— Ты нисколько не стараешься скрыть своего участія въ ереси, величаемой названіемъ реформы! замѣтила правительница, выслушавъ признаніе Бюде.

— Если вы называете участіемъ сдѣланную мною попытку примѣнить мои знанія къ разрѣшенію этого труднаго вопроса!..

— Развѣ ты не способствовалъ словесно и письменно распространенію еретическихъ мнѣній? Ты не можешь отрицать это. Не ты ли совращалъ съ истиннаго пути сестру короля? Ты-же систематически старался отклонить отъ католической церкви одну легкомысленную особу, всѣмъ извѣстную графиню Шатобріанъ, которая нѣкоторое время играла важную роль въ государствѣ и надѣялась достигнуть еще большаго почета. Въ этомъ, впрочемъ, ее поддерживали разные господа, которые разсчитывали на ея вліяніе для распространенія новыхъ идей! Можешь ли ты отрицать это?

— Да, я говорилъ съ ней на эту тему.

— Мало этого, ты осаждалъ ее письмами, стараясь склонить на сторону новыхъ идей, даже въ то время, когда она сдѣлалась недостойной того высокаго положенія, котораго она достигла съ помощью своихъ легкомысленныхъ друзей, и когда она намѣренно удалилась отъ насъ, чтобы предаться своему постыдному образу жизни. Ты...

— Графиня Шатобріанъ никогда не дѣлала ничего подобнаго и вполнѣ заслуживаетъ уваженія за свой образъ жизни.

— Мы не спрашиваемъ твоего мнѣнія объ этой падшей женщинѣ, а обвиняемъ тебя въ томъ, что ты стремился и стремишься до сихъ поръ сдѣлать изъ нея королеву, съ цѣлью распространенія ереси во Франціи, и поддерживаешь съ ней преступныя сношенія въ такое время, когда государство находится въ опасности. Можешь ли ты отрицать это?

— Да, я отрицаю это.

— Измѣнникъ! ты еще сегодня утромъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она прямо заявляетъ неимовѣрныя претензіи и высказываетъ свои еретическія мнѣнія. Канцлеръ Дюпра, представьте этому человѣку явное доказательство его лжи.

Дюпра молча подошелъ къ подсудимому.

Когда Бюде увидѣлъ въ рукѣ его письмо Франциски, то, въ первую минуту, настолько растерялся, что не могъ выговорить ни одного слова въ свое оправданіе. Правительница воспользовалась смущеніемъ канцлера, чтобы придать его молчанію видъ формальнаго признанія, потому что въ это время со двора полетѣли камни въ окна залы и

шумъ голосовъ превратился въ неистовый ревъ. Она подозвала Флорентина и приказала ему подойти къ окну и объявить собравшейся толпѣ, что „главный виновникъ ереси во Франціи, Гильомъ Бюде, признался во всемъ и будетъ выведенъ на Montfaucon въ самомъ непродолжительномъ времени, и что его сообщницу, графиню Шатобріанъ, привлекутъ къ духовному суду, который отнынѣ учреждается въ Парижѣ, и за нею будутъ немедленно посланы вооруженные всадники".

Вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ, правительница отдала приказъ тѣлохранителямъ схватить Бюде.

Но на счастье канцлера, въ этотъ самый моментъ въ залу поспѣшно вошла герцогиня Маргарита и, обращаясь къ тѣлохранителямъ, громко воскликнула: Остановитесь!..

— Прочь отсюда, Маргарита! воскликнула въ свою очередь правительница, сдѣлавъ знакъ Флорентину, чтобы онъ открылъ окно.

Прелатъ поспѣшилъ исполнить это приказаніе.

— Ради Бога, успокойся, не забудь, что Францискъ любитъ канцлера, сказала въ полголоса Маргарита своей матери.—Францискъ никогда не проститъ тебѣ, если ты, подъ вліяніемъ гнѣва, приговоришь къ смерти человѣка, котораго онъ считаетъ своимъ другомъ. Ты можешь изъ-за этого навсегда поссориться съ своимъ сыномъ.

— Молчи! воскликнула правительница, взглянувъ на открытое окно, отъ котораго Флорентинъ быстро отскочилъ, такъ какъ на него посыпался градъ щебня и кровь заструилась по его лицу.

— Проклятая чернь! продолжала она, не помня себя отъ бѣшенства, и сдѣлала движеніе, чтобы подойти къ окну, но ее удержала худощавая рука. Это былъ почтенный парижскій архіепископъ Дюшатель, который пользовался уваженіемъ всѣхъ партій; сама правительница безусловно признавала его авторитетъ. Его появленіе, даже при ея гнѣвномъ настроеніи, успокоительно подѣйствовало на нее: она замолчала и въ недоумѣніи посмотрѣла на него.

— Милостивая государыня, сказалъ медленно архіепископъ, — ваша жизнь не должна подвергаться опасности; она слишкомъ дорога для страны и тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда вся Франція тревожится за жизнь вашего сына и нашего короля. Развѣ вамъ не извѣстно, какая молва разнеслась въ Парижѣ? Никто не знаетъ ея источника, но она кажется вполнѣ правдоподобной, потому что передаетъ подлинныя слова вашего сына.

— Какая молва? я ничего не слыхала...

— Ваша милость не получали писемъ отъ короля?

— Нѣтъ.

— Но городъ получилъ письмо отъ вашего сына; и содержаніе его, при всей краткости, поразило ужасомъ парижанъ...

— Я желала бы знать содержаніе этого письма.

— Все потеряно, кромѣ чести! написалъ король Францискъ парижанамъ.

— О Боже!

На лицахъ присутствующихъ выразился испугъ.

— Вы сами читали это письмо? спросила правительница, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, герцогиня! Никто не читалъ этого письма, но тѣмъ не менѣе всѣ убѣждены, что король дѣйствительно произнесъ роковыя слова: „Tout est perdu, hors l'honneur!"

Въ залѣ наступила мертвая тишина; на дворѣ также все стихло; слышенъ былъ только шумъ падавшаго дождя и стукъ копытъ быстро приближавшейся лошади, который привлекъ вниманіе толпы и заставилъ ее умолкнуть. Изъ-за угла показался всадникъ, забрызганный грязью, и, въѣхавъ въ ворота отеля, упалъ вмѣстѣ съ лошадью среди двора, выложеннаго каменными плитами, сдѣлавшимися скользкими отъ дождя. Но прежде, чѣмъ кто нибудь успѣлъ броситься ему на помощь, онъ быстро вскочилъ на ноги и, вбѣжавъ на узкую лѣстницу, принялся разстегивать кожаную сумку, висѣвшую черезъ его плечо. Молча двинулась за нимъ вверхъ по лѣстницѣ народная толпа; но никто изъ стоявшихъ у оконъ пріемной залы, ни даже правительница не обратили на это никакого вниманія. Всѣ стояли неподвижно, въ ожиданіи страшной вѣсти, не спуская глазъ съ прибывшаго всадника, котораго тотчасъ же пропустили на средину залы.

Гонецъ, передавъ правительницѣ большой запечатанный пакетъ, спросилъ: гдѣ онъ можетъ найти канцлера Бюде, чтобы вручить ему другое письмо?

— Вотъ онъ! послышалось нѣсколько голосовъ изъ толпы, ворвавшейся въ залу.

Въ это время правительница, распечатавъ пакетъ, громко воскликнула: „Слава Богу, онъ живъ! Это рука моего сына!"

Едва успѣла она прочесть нѣсколько строкъ, какъ худощавая рука Дюпателя прикоснулась до ея плеча. Онъ потребовалъ, при громкихъ крикахъ одобренія, чтобы извѣстія, имѣвшія такую важность для всей Франціи, были прочитаны вслухъ.

Правительница, подъ вліяніемъ материнской заботливости и отчасти страха, навѣяннаго присутствіемъ толпы, прочла громкимъ, но дрожащимъ голосомъ, слѣдующее письмо короля:

„Пишу вамъ, чтобы довести до вашего свѣдѣнія, что я мужественно переношу свое несчастіе, хотя у меня ничего не осталось, кромѣ чести и жизни. Я просилъ дозволенія написать вамъ, зная, что это до извѣстной степени утѣшитъ васъ. Мнѣ разрѣшили эту милость, и я прошу васъ не предаваться отчаянію и поступать сообразно вашей обычной мудрости. Надѣюсь, что Господь не оставитъ меня! Поручаю вашей заботливости моихъ дѣтей и прошу доставить подателю моего письма свободный пропускъ въ Испанію, такъ какъ

онъ ѣдетъ къ императору, чтобы узнать, какимъ образомъ его величеству угодно будетъ распорядиться моей участью".

Это безсвязное письмо произвело подавляющее впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ проглядывалъ упадокъ духа, несвойственный королю Франциску. Правительница едва была въ состояніи дочитать послѣднія строки и съ громкимъ рыданіемъ упала на руки Бюде, котораго она только-что хотѣла предать смерти. Маргарита стояла молча; крупныя слезы струились по ея щекамъ. Молчали и всѣ присутствующіе, только время отъ времени слышались подавленные вздохи.

Архіепископъ первый прервалъ общее молчаніе и сказалъ взволнованнымъ голосомъ: — пойдемте въ церковь и призовемъ народъ къ молитвѣ за короля и Францію! Пусть онъ молится отъ всего сердца, какъ молились израильтяне, когда ассирійцы взяли въ плѣнъ ихъ царя. Пусть звонятъ во всѣ колокола и да взываетъ каждый о Божьей помощи!

— Сынъ мой! воскликнула съ громкимъ рыданіемъ правительница, приходя въ чувство. — Сынъ мой въ плѣну! Милосердый Боже, поддержи его! Идите скорѣе въ церковь! Молитесь за него, молитесь объ его спасеніи! .

Присутствовавшіе при этой сценѣ горожане, пораженные извѣстіемъ о плѣнѣ короля, пришли еще въ большее смущеніе при видѣ страстнаго порыва горя герцогини Ангулемской, которую всѣ они привыкли видѣть спокойной и горделивой, и, какъ будто сговорившись, поспѣшно вышли изъ залы.

Правительница, проводивъ глазами уходившую толпу, протянула руку Бюде и съ рыданіемъ бросилась въ объятія Маргариты.

Люди, хорошо знавшіе герцогиню Ангулемскую, не удивились ея обращенію съ Бюде, такъ какъ она принадлежала къ тѣмъ непосредственнымъ натурамъ, которыя всегда дѣйствуютъ подъ впечатлѣніемъ минуты. Ей даже и въ голову не пришло просить прощенія у Бюде въ томъ, что она грозила ему смертною казнью, и, протягивая ему руку, она подумала только о томъ, что канцлеръ одинъ изъ самыхъ надежныхъ друзей короля и всегда былъ его любимцемъ. Мысль о сынѣ всецѣло поглощала ее; она знала, что, изъ всѣхъ окружающихъ, Бюде и Маргарита всего болѣе огорчены несчастіемъ, постигшимъ короля.

— Поѣзжайте къ нему скорѣе! воскликнула она, заливаясь слезами. Ваше присутствіе можетъ принести ему хотя какое нибудь утѣшеніе и спасти отъ отчаянія! Ахъ мой бѣдный Францискъ, какъ бы я хотѣла взглянуть на тебя!.. Возьмите также съ собой графиню Шатобріанъ; онъ будетъ радъ видѣть ее... Я тотчасъ же напишу императору и буду умолять его... вѣстникъ несчастія еще здѣсь и я могу послать съ нимъ письмо...

— Милостивая герцогиня—прервалъ ее Бюде, который по своему

великодушію отъ всего сердца простилъ ей покушеніе на его жизнь,— вы должны успокоиться, прежде чѣмъ дѣлать какія либо распоряженія.

— Францискъ ждетъ! онъ томится въ плѣну...

— Мы не можемъ помочь ему, пока не узнаемъ подробно всѣхъ обстоятельствъ...

— Ты правъ Бюде, совершенно правъ!

— Посланный привезъ мнѣ письмо отъ Шабо-де-Бріона, не отдавайте никакихъ приказаній, пока мы не узнаемъ, что онъ пишетъ. Нѣтъ ли въ немъ какихъ либо объясненій?..

— Распечатай его скорѣе и прочти намъ! сказала правительница, опускаясь въ изнеможеніи на кресло.

Бюде распечаталъ письмо, но, видя, что начало его относится къ нему лично и къ графинѣ Шатобріанъ, остановился на первыхъ-же словахъ, отыскивая глазами такое мѣсто въ письмѣ, которое касалось бы общихъ интересовъ.

— Ради Бога, читай скорѣе! воскликнула съ нетерпѣніемъ правительница. Ваши личныя дѣла потеряли для меня всякій интересъ! Теперь все измѣнилось! Я заранѣе согласна на все, что вы потребуете, если научите меня, какъ спасти моего сына! Только читай скорѣе.

Бюде повиновался и прочелъ безъ пропусковъ слѣдующее письмо:

„Люди въ несчастіи, мой дорогой Бюде, особенно часто думаютъ о своихъ друзьяхъ, даже не ожидая никакой помощи, потому что воспоминаніе о нихъ само по себѣ уже приноситъ утѣшеніе. Со времени нашего отъѣзда изъ Фонтенбло, я не написалъ ни одного письма ни вамъ, ни Францискѣ, вслѣдствіе того, что я надѣялся овладѣть моей несчастной привязанностью, упорно избѣгая всего, что могло напомнить о ней. Но это не удалось мнѣ; и я знаю, что никогда не удастся, даже помимо прибытія Маро, который сообщилъ намъ о томъ, какъ недостойно вела себя герцогиня Ангулемская, относительно Франциски. Благодаря этому обстоятельству, въ королѣ снова проснулось участіе къ женщинѣ, которую онъ не умѣетъ цѣнить, а вмѣстѣ съ тѣмъ опять воскресла и моя любовь, вмѣстѣ съ ревностью. По временамъ, — мнѣ не зачѣмъ скрывать это отъ васъ, мой дорогой Бюде,—я проклинаю судьбу за то, что Францискъ мой король и ленный властелинъ, и что я не могу отнять у него ничѣмъ не заслуженное имъ сокровище. Но развѣ въ любви можетъ быть рѣчь о заслугахъ; она отличается такимъ же деспотизмомъ, къ которому стремится французскій король. Во всякомъ случаѣ не вѣрьте распространившемуся слуху, будто я принадлежу къ числу тѣхъ, которые поддерживаютъ въ немъ стремленіе къ самовластію. Только разъ въ жизни я пошелъ по тому же пути, что Бонниве, и въ этотъ единственный и послѣдній разъ я наравнѣ съ нимъ способствовалъ общей гибели. Мы дали битву при Павіи; насъ разбили на голову и взяли въ плѣнъ. Цвѣтъ нашего рыцарства погибъ; наше войско не

существуетъ; король Францискъ и его вѣрные слуги въ рукахъ алчнаго и безпощаднаго врага...“

Возгласъ невольнаго ужаса всѣхъ присутствующихъ на минуту прервалъ чтеца.

„Я пишу вамъ, Бюде, съ полною откровенностью, хотя рискую, что мое письмо будетъ распечатано, потому что оно будетъ послано черезъ руки непріятеля. Но моя судьба не особенно заботитъ меня. На что могу я надѣяться въ этомъ мірѣ? Поэтому постараюсь насколько возможно дать вамъ вѣрное описаніе постигшаго насъ несчастія; оно будетъ поучительно въ будущемъ; и въ этомъ смыслѣ я извлеку хотя какую нибудь пользу изъ дѣла при Павіи.

„У насъ не было ни одного предводителя, который совмѣщалъ бы въ своемъ лицѣ геніальность съ опытностью. Въ этомъ главная причина постигшей насъ катастрофы, причина разлада въ военномъ совѣтѣ и тупаго упрямства. Не подлежитъ сомнѣнію, что король—геніальный военачальникъ, способный на необычайные планы и на быстрый способъ дѣйствій; никакія трудности не пугаютъ его, не говоря уже объ его храбрости, которая не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но у него не достаетъ опытности, чтобы вести войну въ большихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что военное искусство чуть ли не съ каждымъ годомъ вступаетъ въ новые фазисы развитія. Что же касается предводителей, то мы, молодые любимцы короля, какъ Бонниве, Монморанси, Сенъ-Марсо и вашъ покорный слуга, выказали эту же неопытность, а болѣе свѣдующіе люди, какъ Ла-Тремуйль, Ла-Палиссъ, Лескенъ-де-Фуа, Луи д'Аръ, не захотѣли выполнить смѣлый планъ короля, вслѣдствіе чего въ нашихъ дѣйствіяхъ не было никакого единства. Все это обнаружилось въ страшный день 24-го февраля.

„Непріятель уже въ продолженіи четырехъ недѣль приближался къ намъ отъ Лоди, подъ предводительствомъ Пескары, Ланнуа и Бурбона. Всѣ наши старѣйшіе предводители и Ла-Палиссъ во главѣ ихъ совѣтовали королю снять осаду, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ запертъ между Павіей и приближавшимся императорскимъ войскомъ. Мы же, молодежь были того мнѣнія, что слѣдуетъ во что бы то ни стало продолжать осаду Павіи, такъ какъ считали неприличнымъ отступить передъ государственнымъ измѣнникомъ Бурбономъ. Бонниве съ своимъ обычнымъ высокомѣріемъ особенно горячо отстаивалъ это мнѣніе, а король заранѣе далъ себѣ слово, что скорѣе умретъ, чѣмъ сниметъ осаду. Такимъ образомъ, мы остались на мѣстѣ и укрѣпились на лѣвомъ берегу Тичино, чтобы закрыть непріятелю дорогу въ Павію. Фронтъ нашъ со стороны Лоди былъ защищенъ рвомъ и валомъ, а лѣвое крыло расположилось у парка Мирабелло, окруженнаго каменной стѣной. Здѣсь мнѣ пришлось сражаться рядомъ съ несчастнымъ герцогомъ Алансонскимъ....

— Господи!.. воскликнула невольно Маргарита, услыхавъ имя своего мужа.

„Вилла Мирабелло съ своимъ роскошнымъ паркомъ, уже покрытымъ первою весеннею зеленью, представляла собою нѣчто волшебное. Она долго была любимымъ мѣстопребываніемъ миланскихъ герцоговъ; подъ деревьями тѣнистаго парка прогуливались нѣкогда поэты и влюбленные. Но съ нашимъ прибытіемъ царившая здѣсь тишина впервые нарушилась грохотомъ пушекъ и стонами умирающихъ. Во время осады Павіи мы прожили съ герцогомъ Алансонскимъ нѣсколько недѣль въ этой виллѣ, не принимая никакого участія въ происходившихъ стычкахъ. Мы составляли аріергардъ, и потому менѣе всего разсчитывали очутиться въ центрѣ рѣшительной битвы. Стѣны парка, по своему громадному протяженію, не могли быть защищены надлежащимъ образомъ; но мы не придавали этому особеннаго значенія тѣмъ болѣе, что носились слухи, будто у непріятеля такой недостатокъ въ деньгахъ, что онъ съ трудомъ содержитъ своихъ наемниковъ. Какъ и слѣдовало ожидать, слухи эти оказались ложными, потому что испанцы нашли въ Америкѣ неисчерпаемыя сокровища; говорятъ, что они тамъ добываютъ золото, какъ у насъ желѣзо! Однимъ словомъ, противъ всякаго ожиданія, непріятель рѣшилъ проложить себѣ дорогу къ Павіи черезъ паркъ Мирабелло. Разсчетъ былъ вполнѣ вѣренъ, потому что король долженъ былъ оставить свой укрѣпленный лагерь и поспѣшить къ намъ на помощь. Въ ночь на 24-е февраля, мы спокойно сидѣли съ герцогомъ за шахматной доской, какъ вдругъ услышали усиленную канонаду со стороны королевскаго лагеря и, предполагая, что непріятель случайно попалъ подъ огонь хорошо укрѣпленныхъ баттарей Гальо-де-Женульяка, спокойно продолжали нашу игру и только послали нѣсколькихъ всадниковъ узнать въ чемъ дѣло. Тѣ еще болѣе успокоили насъ, такъ какъ привезли извѣстіе, что непріятель подъ прикрытіемъ ночи дѣлаетъ попытки прорваться черезъ ровъ въ лагерь короля. Между тѣмъ, испанцы въ это время усердно трудились у стѣны парка и пальба была начата ими съ единственною цѣлью заглушить шумъ производившихся работъ, такъ что мы только на разсвѣтѣ замѣтили, что въ стѣнѣ пробита брешь отъ тридцати до сорока туазовъ и что испанская армія идетъ форсированнымъ маршемъ черезъ паркъ по направленію къ Павіи. Вы можете себѣ представить, съ какой поспѣшностью бросились мы въ ряды непріятеля. Сначала все шло какъ нельзя лучше; мы атаковали испанцевъ съ фланга, а старикъ Гальо съ своей стороны встрѣтилъ ихъ пушечными выстрѣлами съ своихъ баттарей. Какъ живительно дѣйствовалъ на насъ тогда свѣжій утренній воздухъ и восходящее солнце; мы видѣли какъ падали испанцы подъ пулями Гальо, какъ разорвались ихъ ряды и они бросились въ разсыпную. Но тутъ счастье неожиданно измѣнило намъ; я только что послалъ гонца къ королю съ радостнымъ извѣстіемъ, что намъ удалось разстроить непріятеля съ фланга и взять нѣсколько пушекъ, какъ самъ король, видя бѣгущихъ враговъ и преждевременно увѣренный въ побѣдѣ,

бросился изъ лагеря съ своими жандармами и смѣло напалъ на непріятеля. Бурбонъ и Пескара должны были торжествовать въ этотъ моментъ, потому что король своей поспѣшностью не только лишилъ себя крѣпкой позиціи, но, заслонивъ отъ насъ непріятеля, принудилъ къ бездѣйствію. Гарнизонъ Павіи тотчасъ же воспользовался оплошностью короля, чтобы выйти изъ города, подъ предводительствомъ храбраго Антоніо-де-Лейва, и на нашихъ глазахъ присоединился къ войску Пескара и Бурбона, потому что въ лагерѣ не было достаточно людей, чтобы остановить его. Тутъ началась настоящая битва. Хотя мы потеряли выгодную позицію, но были настолько воодушевлены и исполнены мужествомъ, что быть можетъ успѣхъ остался бы на нашей сторонѣ, еслибы каждый изъ насъ исполнилъ честно свою обязанность. Къ несчастью этого не случилось, чему я самъ былъ свидѣтелемъ...

„Мы съ герцогомъ Алансонскимъ составляли лѣвый флангъ; къ намъ съ правой стороны примыкалъ сильный отрядъ швейцарцевъ; король находился въ центрѣ, окруженный цвѣтомъ дворянства; между королемъ и правымъ флангомъ стояло храброе войско нѣмецкихъ наемниковъ въ числѣ 5,000 человѣкъ; это были послѣдніе остатки старыхъ шаекъ Гельдерна и Вестфаліи, извѣстныхъ своею непримиримою ненавистью къ императорскому дому; правымъ флангомъ командовалъ ла-Палиссъ. Въ этомъ порядкѣ стояли мы въ моментъ начала битвы; никогда не забуду я величественной картины, которая представилась тогда моимъ глазамъ. Яркое южное солнце освѣщало всю нашу боевую линію, начиная отъ стараго ла-Палисса, выѣхавшаго впередъ, съ цѣлью взглянуть на расположеніе войскъ, до равнодушной физіономіи супруга герцогини Маргариты, который стоялъ въ сторонѣ у лѣваго фланга и безучастно оглядывался по сторонамъ. Въ центрѣ рельефно выдавались фигуры двухъ всадниковъ: короля Франциска въ великолѣпномъ панцырѣ и шлемѣ съ бѣлыми перьями и храбраго герцога Суффолька, послѣдняго отпрыска англійскаго королевскаго дома Іорковъ. Послѣдній предводительствовалъ у насъ нѣмецкими наемниками; его мрачная, угрюмая наружность представляла рѣзкій контрастъ съ его бѣлою лошадью и даннымъ ему прозвищемъ „бѣлый конь“. Первый натискъ непріятеля былъ съ этой стороны, потому что Бурбонъ направилъ своихъ нѣмецкихъ наемниковъ на нашихъ нѣмцевъ; эти люди ринулись другъ на друга, какъ разъяренные медвѣди. Швейцарцы не поддержали во время нашихъ нѣмцевъ, которые были осилены большинствомъ; „бѣлый конь“ палъ мертвый. Побѣда осталась за измѣнникомъ Бурбономъ, который устремился на нашъ правый флангъ и разбилъ его. Старый ла-Палиссъ не дожилъ до этого момента; его лошадь была смертельно ранена; толпа непріятелей окружила его, и одинъ неаполитанскій капитанъ отнялъ у него шпагу. Но тутъ какой-то испанецъ изъ зависти, что не ему до-

стался такой важный плѣнникъ, прицѣлился изъ своего ружья и убилъ на-поваль нашего стараго маршала.

„Что это былъ за ужасный день! Какъ вы можете себѣ представить, король не оставался празднымъ и работалъ наравнѣ съ нами. Предводительствуя своими жандармами, онъ разрывалъ одинъ за другимъ ряды непріятельской конницы, и собственноручно убилъ маркиза Сенъ-Анжъ, потомка знаменитаго албанскаго вождя Скандеръ-Бега, и еще четырехъ или пятерыхъ военачальниковъ. „Да здравствуетъ король Францискъ!“ кричали окружавшіе его сеньоры, не уступая ему въ храбрости и скашивая вокругъ себя враговъ, которые падали направо и налѣво. Мы, вѣроятно, справились бы съ испанцами, еслибы Пескара не прибѣгнулъ къ одному средству, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать рыцарскимъ, но которое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Онъ направилъ на насъ двухтысячный отрядъ бискайскихъ стрѣлковъ, ловкихъ и хитрыхъ какъ лисицы, которые моментально разсѣялись между непріятельской и нашей конницей. Мишенью для нихъ должны были служить блестящіе панцыри нашихъ рыцарей и военачальниковъ, издавна пользовавшихся военной славой. Быстро одинъ за другимъ упали съ лошадей: Луи-де-ла-Тремуйль, Луи д'Аръ—учитель и другъ Баярда, Санъ-Северинъ—шталмейстеръ короля, Савойскій, маршалъ Фуа—братъ Франциски и множество другихъ. Но все еще развѣвались перья на шлемѣ короля и ему удалось пробраться впередъ; Пескара былъ сброшенъ съ лошади и раненъ; Ланнуа принужденъ былъ отступить, такъ что въ этотъ моментъ побѣда казалась еще возможною. Я бросился впередъ съ своими людьми на помощь королю, который врѣзался въ ряды непріятеля, но тутъ, къ ужасу своему, замѣтилъ, что налѣво и сзади меня неожиданно образовалось пустое пространство. Герцогъ Алансонскій, видя, что значительная часть войска уничтожена, лучшіе изъ военачальниковъ убиты, окончательно потерялъ голову и, скомандовавъ: „sauve qui peut“, обратился въ постыдное бѣгство со всѣми жандармами лѣваго фланга...

— Остановитесь на минуту, сказалъ архіепископъ, прерывая чтеца:—герцогинѣ Алансонской сдѣлалось дурно.

— Дитя мое, опомнись! воскликнула правительница, бросаясь на помощь дочери. — Твой негодный мужъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго сожалѣнія, онъ погубилъ короля своей трусостью.

— Мнѣ сдѣлалось дурно не отъ участія къ нему, а отъ стыда, что я должна носить его имя, отвѣтила Маргарита, открывая глаза.

— А король, мой храбрый сынъ? Что сталось съ нимъ? Ради Бога, читайте дальше, Бюде.

Канцлеръ продолжалъ читать:

„Роковое „sauve qui peut“ оказало свое дѣйствіе; швейцарцы оставили меня и бросились вслѣдъ за герцогомъ Алансонскимъ; когда я оглянулся, то увидѣлъ многочисленную толпу людей, бѣжавшихъ въ

разсыпную по Миланской дорогѣ. Съ этого момента гибель наша сдѣлалась неизбѣжною, потому что вся тяжесть битвы легла на короля и окружавшихъ его сеньоровъ!..

— Нѣтъ, я не имѣю права жаловаться, сказала правательница взволнованнымъ голосомъ. — Мнѣ остается только благодарить Бога, что онъ спасъ жизнь моему сыну въ этотъ ужасный день! Кончайте скорѣе письмо, мой дорогой Бюде!

„Непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ насъ: началась настоящая бойня, я съ замираніемъ сердца вспоминаю о тѣхъ ужасахъ, которые происходили вокругъ меня. Я видѣлъ злополучнаго Бонниве, на котораго падала отвѣтственность за печальный исходъ этого дня; онъ не хотѣлъ его пережить; съ непокрытой головой, запыленный, окровавленный, онъ дѣлалъ знаки Дисбаху, предводителю бѣжавшихъ швейцарцевъ, чтобы тотъ приблизился къ нему. Затѣмъ я видѣлъ, какъ они вдвоемъ бросились прямо на штыки бурбонскихъ наемниковъ и упали замертво; въ то же время толпа непріятелей отрѣзала короля отъ его воиновъ, а онъ, покрытый кровью съ головы до ногъ, сражался одинъ, пока, наконецъ, его конь взвился на дыбы и рухнулъ на землю вмѣстѣ съ нимъ...

— Пресвятая Дѣва! воскликнула правительница.

„Въ этотъ же моментъ я также полетѣлъ съ моей раненой лошадью и такъ какъ не могъ сразу освободиться отъ тяжести лежавшаго на мнѣ животнаго, то по неволѣ видѣлъ то, что происходило вокругъ меня. Бурбонъ искалъ Бонниве, чтобы убить его, и я слышалъ, какъ онъ бранился, думая, что жертва его мести ускользнула отъ него. Но тутъ видъ убитаго врага обезоружилъ его: „Несчастный! воскликнулъ Бурбонъ, наклоняясь къ трупу, — ты виноватъ въ бѣдствіяхъ, постигшихъ Францію и меня!“ какъ будто Бонниве совѣтовалъ ему измѣнить отечеству! Когда меня вытащили изъ-подъ лошади, все было кончено. Король самъ освободился отъ своего коня и сражался пѣшій, какъ левъ, не обращая вниманія на своихъ друзей, которые совѣтовали ему положить оружіе. Его навѣрно постигла бы участь маршала ла-Палисса и другихъ военачальниковъ, еслибы въ это время къ нему не подошелъ сообщникъ Бурбона Помперанъ и не заговорилъ съ нимъ. Помперанъ упрашивалъ его довѣриться Бурбону, но король Францискъ возразилъ съ гнѣвомъ, что „онъ не хочетъ имѣть дѣло съ измѣнникомъ!“ Тогда позвали неаполитанскаго вице-короля Ланнуа, который принялъ на колѣняхъ окровавленную шпагу короля Франциска и предложилъ ему взамѣнъ свою.

„Вотъ вамъ вѣрное описаніе несчастной битвы при Павіи, мой дорогой Бюде. Французское войско уничтожено, большая часть его перебита, остальные взяты въ плѣнъ. Изъ нашихъ въ рукахъ непріятеля: король наварскій, графъ Сенъ-Поль, Флеранжъ, Монморанси и Клеманъ Маро, который былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ одновременно съ королемъ. Испанцы такъ очарованы безпримѣрною храб-

ростью короля и такъ ухаживаютъ за нами, что иногда намъ кажется, что все это былъ сонъ и мы у себя дома. Однѣ только раны постоянно напоминаютъ намъ жестокую дѣйствительность. Я слышалъ сегодня, что короля намѣреваются увезти въ какую-то крѣпость, чтобы умѣрить восторгъ нѣмецкихъ наемниковъ, которые хотятъ имѣть его своимъ предводителемъ. Кончаю мое длинное посланіе, чтобы передать его гонцу, которому дали разрѣшеніе отвезти правительницѣ письмо короля. Побѣда непріятеля такъ велика, что онъ не придаетъ никакого значенія нашимъ письмамъ. Постарайтесь утѣшить графиню Шатобріанъ; мое сердце обливается кровью, когда я думаю объ ея горѣ.

„Вашъ Шабо-де-Бріонъ.

Послѣ чтенія письма, наступила минута гробоваго молчанія. Шумныя восклицанія горестнаго удивленія замѣнились печальнымъ раздумьемъ; каждый мысленно взвѣшивалъ послѣдствія неожиданнаго исхода войны, такъ какъ существованіе Франціи теперь висѣло на волоскѣ. Она лишилась войска, военачальниковъ и храбраго короля, а побѣдитель Павіи, императоръ Карлъ V, со всѣхъ сторонъ угрожалъ ей, начиная съ Фландріи и Брабанта до Франшконте и Средиземнаго моря. Императоръ могъ безпрепятственно проникнуть черезъ Пиринеи, въ качествѣ испанскаго короля, и, какъ союзникъ Англіи, предоставить этому непримиримому врагу Франціи сѣверныя провинціи, а побѣдителя Бурбона наградить южной Франціей. Такимъ образомъ, казалось, что было достаточно одного мановенія грознаго императора, чтобы вычеркнуть имя Франціи изъ списка европейскихъ государствъ.

Герцогиня Ангулемская, не смотря на безграничную любовь къ сыну, не забыла своей роли правительницы и первая овладѣла собою. Зная, что всякое замедленіе можетъ только усилить затруднительное положеніе государства, она приказала слугѣ придвинуть маленькій столъ къ креслу, на которомъ сидѣла, и подать письменный приборъ съ судейскаго стола. Грудь ея высоко подымалась отъ волненія, но она писала твердой рукой. Стоявшій возлѣ нея Бюде, взглянувъ на начало письма, прочелъ: „Mon bon fils“ и мысленно рѣшилъ, что правительница пишетъ королю Франциску, тѣмъ болѣе, что перо ея двигалось по бумагѣ безъ малѣйшей остановки. Она писала письмо за письмомъ. Одно изъ нихъ было къ императору: она умоляла его поступить по королевски съ ея сыномъ; другое—къ начальнику Марсельской гавани, съ приказомъ послать французскія галеры къ итальянской границѣ; остальныя письма были адресованы къ Лотреку, герцогу Вандомскому и къ герцогу Гельдерну, съ требованіемъ собрать новыя наемныя войска. Въ этихъ письмахъ герцогиня Ангулемская выказала всю свою способность къ правленію и рѣдкое самообладаніе, которое было ей тѣмъ необходимѣе, что страшная вѣсть о

плѣнѣ короля распространилась по городу съ быстротой молніи, и можно было ежеминутно ожидать шумныхъ проявленій неудовольствія со стороны толпы.

Маргарита сидѣла неподвижно у стѣны, погруженная въ свое горе. Она никогда не любила своего мужа, который теперь такимъ недостойнымъ образомъ погубилъ ея брата и Францію; она принесла себя въ жертву браку по приличію, и ея жертва не только оказалась напрасною, но принесла самые горькіе плоды. Дюпра стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, у судейскаго стола, и съ ужасомъ думалъ о томъ, что несчастіе страны можетъ повлечь за собой и его паденіе. До сихъ поръ онъ заботился только о томъ, чтобы заслужить благосклонность королевскаго дома, и, изъ желанія угодить королю и правительницѣ, обходился деспотически съ парламентомъ. Зная хорошо настроеніе парламента, онъ не могъ сомнѣваться, что съ этой стороны ему грозитъ неминуемая опасность потерять свое высокое положеніе и даже, быть можетъ, свободу и жизнь. Флорентинъ также чувствовалъ нѣкоторое безпокойство, потому что желаніе правительницы послать Франциску къ королю не предвѣщало ему ничего хорошаго. Одинъ Бюде радовался благопріятной перемѣнѣ, которая могла произойти отъ этого въ судьбѣ графини Шатобріанъ. Онъ надѣялся, что съ ея возвышеніемъ исполнится его завѣтная мечта—ввести основательное образованіе во Франціи и произвести реформу въ католической церкви. Хотя онъ искренно любилъ короля и болѣе чѣмъ кто нибудь жалѣлъ о постигшей его участи, но какъ ученый теоретикъ не придавалъ особеннаго значенія послѣднимъ политическимъ событіямъ, предполагая, что все уладится само собой и для Франціи наступитъ золотой вѣкъ съ распространеніемъ высшаго образованія среди народа. Ему и въ голову не приходило, что фанатизмъ господствующей религіи можетъ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ страны для окончательнаго уничтоженія реформаціи и что теперь для короля, болѣе чѣмъ когда нибудь, выгодный политическій бракъ сдѣлался настоятельною необходимостью. Занятый своими предположеніями, онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ правительницы, выжидая момента, когда она перестанетъ писать, чтобы заговорить съ нею. Онъ былъ увѣренъ, что мать короля съ радостью согласится на его предложеніе ѣхать за Франциской съ герцогиней Алансонской и позволитъ ему проводить обѣихъ женщинъ къ королю.

Но правительница не переставала писать; и только скрипъ ея пера и однообразный шумъ падавшаго дождя нарушали тишину парадной залы отеля Турнель.

Бюде, стоя спиной къ выходной двери, вдругъ замѣтилъ по безпокойству, выразившемуся на лицѣ Дюпра, что произошло нѣчто необыкновенное. Оглянувшись, онъ увидѣлъ черныя фигуры членовъ парламента, которые входили одинъ за другимъ въ залу и становились полукругомъ у дверей.

Правительница не замѣтила ихъ и продолжала писать.

Дюпра сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ присоединиться къ своимъ товарищамъ, но тотчасъ же отказался отъ своего намѣренія. Неизвѣстно, боялся ли онъ потревожить правительницу или его приковали къ мѣсту ледяные взгляды тѣхъ людей, надъ которыми онъ до сихъ поръ властвовалъ безгранично.

— Не желалъ бы я быть на его мѣстѣ—подумалъ Бюде, вглядываясь въ блѣдное лицо Дюпра. Видно упреки совѣсти не пустое слово! Даже этотъ безсердечный и смѣлый человѣкъ сдѣлался робкимъ и застѣнчивымъ...

Наконецъ правительница подняла голову и увидѣла черныя фигуры членовъ парламента. Ихъ появленіе поразило ее, какъ неожиданный ударъ грома, потому что въ этомъ заключался протестъ противъ ея правленія; она знала, что это послужитъ началомъ трудной борьбы, гдѣ ей придется шагъ за шагомъ отстаивать свою власть. Но она обладала достаточной силой воли, чтобы скрыть свою тревогу, и бросила смѣлый, вызывающій взглядъ на мрачныя морщинистыя лица своихъ противниковъ. Привычка властвовать играетъ важную роль въ умѣньи пользоваться властью. Члены парламента вполнѣ сознавали правоту своего дѣла, но полувопросительный, карающій взглядъ правительницы привелъ ихъ въ смущеніе, и они почувствовали себя въ положеніи подсудимыхъ. Она не сказала имъ ни одного слова, но подозвала слугу и отдала ему нѣмое приказаніе жестомъ руки.

Слуга вышелъ. Правительница медленно сложила письма одно за другимъ, а затѣмъ подошла на нѣсколько шаговъ къ представителямъ парламента. Вице-президентъ счелъ эту минуту удобною, чтобы начать свою рѣчь; но она остановила его.

— Подождите немного, сказала она: я должна кончить болѣе важныя дѣла, чѣмъ выслушивать ваши сожалѣнія о постигшемъ насъ несчастіи.

— Мы пришли не для этой цѣли, а хотѣли...

— Вы вѣрны себѣ! продолжала правительница, вторично прерывая вице-президента—и всегда придумываете какіе нибудь затрудненія. Само собою разумѣется, что въ минуту, когда государство въ опасности, вы первые употребите всѣ усилія, чтобы посѣять раздоръ, хотя вамъ хорошо извѣстно, что теперь согласіе необходимѣе, чѣмъ когда либо. Благодаря этой незавидной роли, вы были удалены отъ власти, и въ недалекомъ будущемъ окончательно потеряете всякое значеніе, если будете дѣйствовать тѣмъ же способомъ...

Слуга принесъ канделябръ съ двумя зажженными свѣчами и поставилъ на столъ, гдѣ лежали письма, написанныя правительницей, затѣмъ положилъ сюргучъ, печать и шелковые шнурки. Правительница сѣла у стола и стала перебирать письма, но, услышавъ шумъ, остановилась. Въ залу вошла толпа прилично одѣтыхъ горожанъ и

остановилась у дверей, возлѣ членовъ парламента. Это были представители парижскаго муниципалитета; правительница знала, что и они явились не съ цѣлью выражать ей свои соболѣзнованія по поводу плѣна короля. Нервное подергиваніе ея губъ ясно показывало, что она не чувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы преодолѣть всѣ тѣ препятствія, которыя она встрѣтила на своемъ пути, и видѣла, что ей придется по неволѣ сдѣлать нѣкоторыя уступки. Но ей нужно было выиграть время, чтобы обдумать свое настоящее положеніе, и она съ видимымъ равнодушіемъ занялась отправкой писемъ. Запечатавъ первый пакетъ, она велѣла позвать пріѣхавшаго гонца, стоявшаго въ углу залы, и, подавая ему открытый листъ съ королевскою печатью, сказала:

— Ты получишь щедрую награду за свою услугу. Хотя ты принесъ намъ печальную вѣсть, но все таки несчастіе не такъ велико, какъ мы воображали себѣ. Окажи намъ еще услугу и доставь это письмо въ Мадридъ. Чѣмъ быстрѣе исполнишь ты наше порученіе, тѣмъ скорѣе вернется французскій король въ Парижъ. Возьми этотъ листъ и поѣзжай съ Богомъ!

Гонецъ, едва передвигавшій ноги отъ усталости, вышелъ изъ залы съ низкимъ поклономъ.

Правительница запечатала еще три письма и передала ихъ слугѣ. —Вотъ это письмо—сказала она громкимъ голосомъ—ты отправишь немедленно къ герцору Гельдерну; пусть посланный летитъ стремглавъ и передастъ отъ меня герцогу, чтобы онъ, не теряя ни минуты, привелъ въ Парижъ своихъ нѣмцевъ; это письмо ты пошлешь герцогу Гизу; онъ также долженъ привести сюда войско изъ Шампаньи; а это — графу Лотреку де-Фуа, которому я отдала приказъ занять Савойскую границу!

Слуга вышелъ; но правительница все еще стояла спиной къ дверямъ и, машинально взявъ со стола не запечатанное письмо, разглядывала его. Между тѣмъ дождь все усиливался; двѣ восковыя свѣчи тускло освѣщали мрачную залу.

Вице-президентъ опять нарушилъ общее молчаніе, и правительница не имѣла теперь никакого предлога, чтобы остановить его. Онъ изложилъ, въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, жалобы парламента, права котораго уже нѣсколько лѣтъ нарушались королемъ. Парламентъ, признавая законность прежнихъ церковныхъ постановленій, не изъявлялъ своего согласія на конкордатъ, который постоянно приводится въ дѣйствіе правительствомъ, какъ непреложный законъ. Парламентъ требуетъ, чтобы всѣ мѣста на государственной службѣ на будущее время не покупались бы за деньги и въ особенности мѣста судей, такъ какъ это крайне унижаетъ званіе. Парламентъ настоятельно требуетъ уничтоженія чрезвычайныхъ коммисій. Онѣ лишаютъ подсудимаго предоставленнаго ему права на свободный приговоръ судьи и унижаютъ законъ, дѣлая его орудіемъ власти. Та-

кимъ способомъ,—добавилъ президентъ,—Семблансэ былъ неправильно осужденъ на казнь, вслѣдствіе пристрастія коммисіи, которая изъ-за личныхъ цѣлей рѣшилась на убійство человѣка, пользовавшагося общимъ уваженіемъ за свою честность. Въ заключеніе, мы должны заявить, что нашъ президентъ былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ беззаконій; и данною намъ властью объявляемъ его недостойнымъ того поста, который онъ занималъ до сихъ поръ, и настоятельно трѣбуемъ, чтобы онъ отказался отъ своей должности и явился передъ судомъ парламента.

— О комъ вы говорите? Надѣюсь, не о канцлерѣ Дюпра?—спросила правительница.

— Да, Дюпра! — послышалось разомъ нѣсколько голосовъ. — Мы будемъ судить его за смерть Семблансэ!

— Не ожидала я подобныхъ требованій и еще въ такую благопріятную минуту!—сказала правительница послѣ нѣкотораго молчанія.

— Пусть несчастія, постигшія нашу страну, послужатъ, по крайней мѣрѣ, въ пользу правъ французскихъ гражданъ, которыя едва не были уничтожены самовластіемъ короля Франциска. Небо наказало его! Мечъ, на который болѣе всего разсчитывалъ король, выпалъ изъ его рукъ, и для насъ не можетъ быть болѣе удобной минуты, чтобы вытребовать то, что отнято у народа. Битва при Павіи была прямымъ слѣдствіемъ беззаконныхъ дѣйствій правительства. Вы открыто покровительствуете распространенію ереси; развѣ можете вы ожидать отъ насъ соблюденія данной вамъ присягѣ, когда вы позволяете открыто осуждать нашу святую религію. Мы требуемъ суда надъ еретиками!

— Предайте суду еретиковъ, закричали въ одинъ голосъ члены парламента и представители муниципалитета, подступая все ближе и ближе къ правительницѣ, которая невольно смутилась и бросила тревожный взглядъ на Дюпра и Бюде и, казалось, обдумывала: не пожертвовать ли ей этими двумя людьми, чтобы утишить разразившуюся бурю. Бюде съ ужасомъ увидѣлъ всю несостоятельность своихъ плановъ относительно церковной реформы во Франціи; и въ эту минуту онъ долженъ былъ думать о спасеніи собственной жизни. Съ инстинктомъ утопающаго, онъ схватилъ руку архіепископа, указывая глазами на разъяренную толпу. Дюшатель съ трудомъ поднялся съ кресла и, выйдя на средину залы, сдѣлалъ знакъ, что желаетъ говорить.

Въ залѣ тотчасъ-же водворилась тишина; но едва архіепископъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ опять поднялся шумъ.

— Чего вы медлите, господа?—крикнулъ кто-то изъ толпы представителей парижскаго муниципалитета. — Валуа не можетъ больше защищать Францію и Парижъ; мы должны сами приняться за дѣло! Арестуйте Бюде, онъ портитъ нашихъ сыновей своимъ безтолковымъ воспитаніемъ! Онъ еретикъ; изъ-за него мы попали въ бѣду!..

— Жаль, что онъ такъ худощавъ и не годится на жаркое!—замѣтилъ одинъ толстякъ, мѣдникъ по ремеслу, который пользовался большимъ авторитетомъ въ своемъ кварталѣ и считался острякомъ.— Но это не бѣда! Въ нынѣшнія тяжелыя времена и еще въ посту ничѣмъ не слѣдуетъ брезгать, схватите его!

Этого возгласа было достаточно, чтобы вся толпа парижскаго муниципалитета ринулась впередъ, чтобы схватить оторопѣвшаго канцлера. Правительница поспѣшно отошла въ сторону и отдала какое-то приказаніе стоявшему возлѣ нея Флорентину, который незамѣтно вышелъ изъ залы. Но тутъ передъ толпой неожиданно явилась герцогиня Алансонская, которая до этого момента не принимала никакого участія въ томъ, что происходило вокругъ нея. Видя неминуемую опасность, угрожавшую любимцу ея брата, она рѣшилась защитить его, хотя бы цѣною собственной жизни, и, схвативъ шпагу одного изъ членовъ парламента, подняла ее надъ головами тѣснившихся впереди зачинщиковъ. Тѣ невольно отступили при видѣ блеснувшаго оружія; въ залѣ опять наступила минутная тишина.

— Вы забыли, что вы французы! — воскликнула съ горячностью Маргарита.—Я никогда не слыхала, чтобы французы не уважали несчастье, обращались грубо съ женщинами и страждущими! Развѣ вамъ неизвѣстно, что я сестра короля, принадлежу къ роду Валуа и что меня постигло неслыханное горе! Мой недостойный мужъ, благодаря своей трусости, былъ главнымъ виновникомъ пораженія при Павіи...

— Тѣмъ хуже для насъ, — возразилъ мѣдникъ, — если кровные принцы, при своемъ высокомѣріи, еще отличаются трусостью!

— Развѣ большая степень виновности даетъ намъ право на особенное снисхожденіе!—замѣтилъ одинъ изъ членовъ парламента.

Шумъ все усиливался, такъ что вмѣшательство герцогини, повидимому, еще больше увеличило волненіе толпы; архіепископъ Дюшатель напрасно возвышалъ голосъ, призывая къ спокойствію. Члены парламента самовольно арестовали ненавистнаго для нихъ Дюпра,— въ то время, какъ представители муниципалитета схватили канцлера Бюде. У тѣхъ и другихъ была одна цѣль: положить конецъ владычеству женщинъ изъ дома Валуа и провозгласить регентомъ герцога Вандомскаго, который, послѣ мужа Маргариты, имѣлъ на это наибольшія права. Они уже собирались удалиться съ своими плѣнниками, но ихъ остановило неожиданное появленіе многочисленнаго отряда королевскихъ тѣлохранителей, призванныхъ Флорентиномъ по приказанію правительницы. Они вошли мѣрнымъ шагомъ и, прокладывая себѣ дорогу алебардами, заняли всю средину залы отъ дверей до противоположной стѣны. Испуганная толпа поспѣшно разступилась передъ ними на обѣ стороны. Правительница спокойно смотрѣла на эту сцену; и когда въ залѣ наступила мертвая тишина, она сказала, возвысивъ голосъ:

— Я требую, чтобы парижскій парламентъ выдалъ своего вице-президента за непочтительное обращеніе съ нами; пусть онъ ожидаетъ въ Шателэ результатовъ жалобы, поданной имъ на канцлера Дюпра. Парижскій муниципалитетъ долженъ выдать мѣдника Дюренна! продолжала правительница. Если муниципалитетъ еще разъ позволитъ себѣ поступать такъ, какъ сегодня, то Дюреннъ будетъ немедленно казненъ. Въ случаѣ, если вамъ угодно будетъ вести дальнѣйшіе переговоры, то вы можете обратиться къ герцогу Вандомскому; ему будетъ не трудно разрѣшить ваши недоумѣнія, такъ какъ на помощь ему скоро явятся Гельдернъ и Гизъ съ своими войсками!

Начальникъ тѣлохранителей, по знаку правительницы, арестовалъ вице-президента парламента и мѣдника Дюренна, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія со стороны ихъ товарищей, которые торопливо вышли изъ залы, какъ только тѣлохранители очистили имъ дорогу.

Въ ту же ночь правительница отправилась въ Ліонъ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя распоряженія относительно набора войскъ на югѣ и защиты границъ. Герцогиня Маргарита и Бюде выѣхали вслѣдъ за нею, съ цѣлью раздѣлить плѣнъ короля и утѣшить его въ несчастіи; въ Авиньонѣ къ нимъ должна была присоединиться графиня Шатобріанъ, которую они вызвали черезъ особаго гонца.

Въ настоящемъ случаѣ правительница дѣйствовала подъ вліяніемъ материнскаго великодушія и готова была пожертвовать всѣми предразсудками, чтобы облегчить печальное положеніе сына.

— Я не придаю никакого значенія тому мнѣнію, которое я составила о графинѣ Шатобріанъ, — сказала правительница, прощаясь съ Бюде:—она дорога моему сыну; я не хочу лишать его общества любимой женщины, ему необходимо утѣшеніе. Съ перемѣной обстоятельствъ прошелъ и мой гнѣвъ противъ васъ, Бюде; теперь вы можете вполнѣ разсчитывать на мое покровительство. Мой сынъ всегда дорожилъ вашей дружбой; похлопочите объ его освобожденіи и постарайтесь избавить насъ отъ печальныхъ послѣдствій битвы при Павіи. Благодаря вашему послѣднему посольству къ папѣ, васъ знаютъ въ Ватиканѣ, и вы сами имѣли возможность изучить политическое положеніе Италіи; поэтому, болѣе чѣмъ кто нибудь, вы можете извлечь пользу изъ того неудовольствія, которое должно было возбудить въ итальянцахъ усиленіе власти императора Карла. Вы найдете въ Италіи готовую почву; народъ ненавидитъ испанцевъ; остерегайтесь только Ланнуа, который всей душой преданъ императору, а съ Пескарой вы можете смѣло вступить въ сношенія, онъ умный человѣкъ и съумѣетъ уговорить Бурбона. Но, разумѣется, прежде всего постарайтесь освободить моего сына; посовѣтуйте ему признать себя плѣнникомъ Италіи, а не императора. Употребите все свое вліяніе, чтобы его перевели въ какой нибудь приморскій городъ. Поѣзжайте скорѣе; мы должны дорожить каждой минутой...

ГЛАВА III.

Послѣ знойнаго осенняго дня, наступила пріятная вечерняя прохлада; съ закатомъ солнца подулъ легкій вѣтерокъ вдоль высокихъ заборовъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ вѣковыя стѣны башни. Во время дневной жары башня эта казалась необитаемой, такъ какъ въ ней не видно было ни малѣйшихъ признаковъ жизни; но теперь двое слугъ сошли по каменной лѣстницѣ въ садъ, отдѣленный отъ окружающей мѣстности непроницаемою изгородью фиговыхъ деревьевъ и алоэ и глубокими рвами. На дальнемъ концѣ сада виднѣлся старинный испанскій замокъ, который величественно возвышался надъ лежащимъ внизу городомъ.

Этотъ городъ былъ Мадридъ; въ старинномъ замкѣ жилъ герцогъ Инфантадо, а башня была извѣстная крѣпость Альказаръ, построенная во времена мавровъ. Подобныя крѣпости были тогда при всѣхъ значительныхъ городахъ средней и южной Испаніи.

Испанскій король и римско-германскій императоръ Карлъ V, воспользовавшись довѣріемъ Франциска, приказалъ перевезти его въ Альказаръ, такъ какъ только эта крѣпость казалась ему достаточно надежнымъ убѣжищемъ для такого важнаго плѣнника.

Послѣ побѣды при Павіи, Ланнуа, видя восторгъ, который король Францискъ внушилъ императорскимъ солдатамъ своею храбростью и, ожидая съ ихъ стороны попытки къ освобожденію плѣнника, перевелъ его въ крѣпость Пиччигетоне у рѣки Адды, между Лоди и Кремоной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, неаполитанскій вице-король хотѣлъ удалить Франциска отъ всякихъ сношеній съ Пескарой и Бурбономъ, считавшими себя побѣдителями при Павіи, а равно и отъ французовъ, которые, подъ разными предлогами, старались проникнуть къ королю. Такимъ образомъ, надежда правительницы доставить утѣшеніе своему сыну пріѣздомъ дорогихъ для него людей не могла осуществиться. Маргарита, изъ благоразумія, осталась въ Марсели, а графиня Шатобріанъ и Бюде отправились впередъ, чтобы узнать возможно ли будетъ добиться свиданія съ королемъ Францискомъ. Но Ланнуа не счелъ нужнымъ уступить ихъ просьбамъ, а вслѣдъ за тѣмъ они съ ужасомъ узнали, что въ ночь, 8-го іюня, плѣнника увезли изъ Пиччигетоне.

Ланнуа удалось, безъ особеннаго труда, убѣдить Франциска въ благородствѣ императора Карла, такъ что плѣнникъ рѣшилъ послѣдовать его совѣту и довѣрить свою судьбу великодушію побѣдителя. Поведеніе императора, послѣ битвы при Павіи, могло ввести въ заблужденіе даже человѣка болѣе хладнокровнаго и трезво смотрящаго на вещи, нежели король Францискъ. Императоръ, по словамъ Ланнуа, не велѣлъ зажигать побѣдныхъ огней, ни звонить въ коло-

чальствомъ двухъ адмираловъ, для крейсированія у итальянскихъ береговъ, съ цѣлью освобожденія короля, былъ въ точности исполненъ. Ланнуа не рѣшился бы сопровождать своего плѣнника въ его поѣздкѣ въ Испанію, если бы самъ Францискъ не вызвался послать письменный приказъ французскимъ адмираламъ, чтобы они не препятствовали переѣзду Ланнуа и отправили бы шесть галеръ, для его охраны, къ испанской границѣ.

Такимъ образомъ, неаполитанскій вице-король выѣхалъ, ночью 8 іюня, съ своимъ плѣнникомъ изъ Пиччигетоне прямо въ Генуя.

Была одна изъ тѣхъ чудныхъ итальянскихъ ночей, которыя такъ часто изображаются на картинахъ; мѣсяцъ тихо поднимался по небу въ бѣловатомъ туманѣ, освѣщая предметы своимъ фантастическимъ свѣтомъ. Между виноградниками и маисовыми полями виднѣлись группы гуляющихъ. Франциска и Бюде были въ числѣ ихъ. Слышался говоръ и пѣніе. Изъ крѣпости Пиччигетоне выѣхала толпа всадниковъ; они со всѣхъ сторонъ окружали плѣнника; но предчувствіе подсказало Франдискѣ, что между ними король; она узнала его по горделивой манерѣ держать голову и по шляпѣ съ бѣлымъ перомъ, и, не обращая вниманія на Бюде, который хотѣлъ удержать ее, бросилась впередъ и громко вскрикнула: „Францискъ!" Всадникъ съ бѣлымъ перомъ оглянулся; но поѣздъ продолжалъ свой путь.

На слѣдующее утро всѣмъ сдѣлалось извѣстно, что король Францискъ увезенъ изъ крѣпости Пиччигетоне. Бюде съ графиней Шатобріанъ отправились въ Миланъ, такъ какъ пронесся слухъ, что плѣнникъ увезенъ туда и отданъ подъ охрану Пескары. Но его не оказалось въ Миланѣ; Пескара былъ, видимо, удивленъ этимъ внезапнымъ исчезновеніемъ и послѣ нѣкотораго раздумья сказалъ, что слышалъ о намѣреніи Ланнуа перевезти плѣннаго короля въ Неаполь.

— Поѣдемъ въ Неаполь мой дорогой Бюде! сказала съ живостью графиня Шатобріанъ.

Но и здѣсь ихъ поиски оказались напрасными. Пескара и Бурбонъ были одинаково обмануты. Ни тотъ, ни другой не знали, куда увезенъ плѣнникъ.

Король Францискъ высадился въ Валенсіи; ожиданіе не обмануло его; онъ былъ встрѣченъ на берегу множествомъ красивыхъ женщинъ и знатныхъ грандовъ, которые отнеслись къ нему съ видимымъ участіемъ. Всѣ преимущества были на его сторонѣ, при сравненіи его наружности и обращенія съ серьезнымъ и молчаливымъ Карломъ V, который былъ вѣчно занятъ своими политическими планами и не обращалъ никакого вниманія на внѣшній блескъ. Карлу не понравились оваціи жителей Валенсіи плѣнному королю; онъ приказалъ перевезти его въ Мадридъ изъ крѣпости Ксатива, гдѣ онъ былъ временно помѣщенъ и гдѣ можно было опасаться попытки освободить его со стороны моря.

Короля Франциска перевезли въ Мадридъ и помѣстили въ крѣпости Альказаръ; садъ былъ назначенъ мѣстомъ для его прогулокъ; ему предложили также мула для верховой ѣзды по окрестностямъ съ сильнымъ конвоемъ; но плѣнникъ наотрѣзъ отказался отъ этого предложенія. Между тѣмъ, испанскій король и римско-германскій императоръ Карлъ, на котораго Францискъ возлагалъ такія блестящія надежды, не появлялся ни въ Мадридѣ, ни въ Альказарѣ. Онъ оставался въ Толедо, объясняя свое отсутствіе важными государственными дѣлами. Какъ разсудительный политикъ, онъ хотѣлъ извлечь возможно большую выгоду изъ настоящаго положенія дѣлъ и не безъ основанія опасался, что при личномъ свиданіи съ королемъ Францискомъ, онъ долженъ будетъ выказать великодушіе побѣдителя.

Лѣто и осень прошли печально для обманутаго короля; имъ овладѣло меланхолическое настроеніе, несвойственное его сангвиническому темпераменту; лицо поблѣднѣло и осунулось; его гордая походка сдѣлалась нерѣшительной. По вечерамъ онъ выходилъ въ садъ; слуги обыкновенно выносили за нимъ кресло и ставили на открытомъ воздухѣ, потому что онъ настолько ослабѣлъ, что, пройдя нѣсколько шаговъ, долженъ былъ отдыхать. Могло ли быть иначе? Францискъ, баловень судьбы, не могъ помириться съ утратой счастья, которое было необходимо ему, какъ солнце цвѣтку; онъ видѣлъ торжество людей, которыхъ презиралъ, униженіе всего того, что составляло для него сущность жизни. Измѣна Бурбона увѣнчалась побѣдой; императоръ, обманувшій довѣріе плѣнника, вопреки всѣмъ правиламъ рыцарства, пользовался небывалымъ могуществомъ. „Низкіе люди управляютъ свѣтомъ, а рыцарскія идеи о чести сдѣлались химерой!“ мысленно повторялъ себѣ Францискъ въ минуту тяжелаго раздумья.

Вечерніе часы, которые онъ проводилъ въ саду въ продолженіи послѣднихъ мѣсяцевъ, имѣли для него особенную прелесть. Его товарищи по заключенію, Шабо де-Бріонъ и Монморанси, съ неудовольствіемъ замѣчали, что онъ всегда удаляется отъ нихъ въ это время дня, предполагая, что онъ ищетъ уединенія, чтобы на свободѣ предаться отчаянію. Но не такъ было на дѣлѣ; король въ эти часы наслаждался пѣніемъ, съ простодушіемъ увлеченнаго юноши, потому что оно напоминало ему счастливыя минуты, проведенныя имъ въ Блуа. Это былъ тотъ самый романсъ, который такъ часто пѣла Франциска на балконѣ его сестры, а онъ, подъ очарованіемъ первыхъ дней любви къ робкой бретанской графинѣ, слушалъ ее съ терасы. Онъ не зналъ, былъ ли это испанскій романсъ, распространенный въ Мадридѣ, или тутъ скрывалась болѣе близкая связь съ нимъ, но онъ смутно чувствовалъ, что пѣніе, напоминавшее ему объ утраченномъ счастьѣ, сулило ему новыя наслажденія въ будущемъ. Таинственность, окружавшая пѣвицу, еще болѣе усиливала прелесть приключенія для плѣннаго короля. Голосъ доносился изъ стариннаго замка, стоявшаго въ концѣ сада; по временамъ на балконѣ лѣваго

флигеля, показывалась женская фигура. Францискъ мысленно рѣшилъ, что это сама пѣвица, хотя она никогда не пѣла въ этихъ случаяхъ и всегда появлялась въ темные вечера, а не въ лунные. Нѣсколько разъ онъ заговаривалъ съ ней, потому что только желѣзная рѣшетка отдѣляла его отъ узкой площадки передъ дворцомъ, но никогда не получалъ отвѣта, потому что она тотчасъ же исчезала съ балкона.

У рѣшетки не было стражи и королю дозволяли бывать въ замкѣ, гдѣ жили Бріонъ и Монморанси, которые пользовались сравнительно большей свободой и часто посѣщали его. Но Францискъ, зная, что императоръ смотритъ на него, какъ на плѣнника, хотѣлъ придать своему заточенію еще болѣе строгій характеръ, нежели было на дѣлѣ, и никогда не входилъ въ замокъ. Онъ слышалъ отъ прислуги, что въ дворахъ, окружавшихъ замокъ, и около рвовъ разставлены многочисленные караулы и что герцогъ Инфантадо, хотя неоффиціально, но исполняетъ роль его тюремщика. Много разъ герцогъ приглашалъ его на обѣдъ и на партію шахматовъ, но король Францискъ отвѣчалъ гордымъ отказомъ, говоря, что онъ узникъ въ Альказарѣ и, не желая нарушать покоя римскаго императора, не сдѣлаетъ ни одного шагу изъ своей тюрьмы. Если испанскій грандъ желаетъ обѣдать съ французскимъ королемъ, то можетъ пожаловать въ Альказаръ.

Бріонъ и Монморанси не могли сообщить королю никакихъ свѣдѣній о таинственной пѣвицѣ; они знали только, что герцогъ Инфантадо дѣйствительно имѣетъ красивую дочь, но онъ отправилъ ее въ какой-то отдаленный монастырь, потому что совершенно равнодушенъ къ ней; а въ замкѣ, насколько имъ извѣстно, нѣтъ ни одной молодой дамы, которую можно было бы принять за пѣвицу.

Между тѣмъ, король Францискъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя хуже; докторъ, позванный къ нему по приказанію герцога Инфантадо, объявилъ, что больной страдаетъ изнурительной лихорадкой, и если не найдется какого нибудь средства возбудить въ немъ нравственную энергію, то дѣло, вѣроятно, кончится смертью. Герцогъ недовольный, какъ и всѣ испанскіе гранды, поведеніемъ императора относительно несчастнаго французскаго короля, послалъ гонца въ Толедо съ письмомъ къ императору, въ которомъ писалъ, что его величеству грозитъ опасность потерять важнаго плѣнника, такъ какъ дни послѣдняго, повидимому, сочтены. Слухъ объ этой болѣзни быстро распространился въ Мадридѣ и тотчасъ же представители испанскаго дворянства, какъ будто сговорившись, отправились толпами въ церкви и монастыри молиться о здоровьѣ французскаго короля. Всѣ осуждали императора и разсказывали съ злорадствомъ, что нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ получилъ письмо отъ Иразма, самаго ученаго человѣка въ христіанскомъ мірѣ, и что Иразмъ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы расположить Карла V-го въ пользу храбраго французскаго короля, доказывая ему отвѣтственность, которая падетъ на него передъ цѣлой Европой, если свѣтъ, вслѣдствіе его жесто-

кости, лишится такого просвѣщеннаго государя, какъ король Францискъ.

Между тѣмъ, плѣнникъ чувствовалъ себя хуже, чѣмъ когда-либо, и, полулежа въ своемъ креслѣ въ саду Альказара, предавался своимъ печальнымъ думамъ. Мѣсяцъ высоко поднялся на безоблачномъ небѣ; воздухъ былъ необыкновенно прозраченъ; ничто не нарушало торжественной тишины южной ночи. Но эта тишина еще болѣе усиливала тоску, наполнявшую сердце Франциска. Онъ такъ долго томился въ плѣну, чувствуя полноту силъ, жажду жизни и творческой дѣятельности; а теперь, когда силы начали измѣнять ему, онъ не видѣлъ для себя иного исхода изъ своего мучительнаго положенія; кромѣ смерти. Онъ рѣшилъ никогда не покидать тюрьмы, если свобода должна быть куплена такими тяжелыми жертвами, которыхъ требовалъ отъ него императоръ. Но и здѣсь фантазія его не оставалась праздною; она создала ему цѣлый міръ надеждъ и желаній, гдѣ образъ таинственной пѣвицы игралъ главную роль. Онъ представлялъ себѣ ее въ видѣ знатной испанской дамы, необычайной красоты, которая должна была усладить для него томительные дни заключенія и со временемъ возвратить ему свободу какимъ нибудь способомъ, согласнымъ съ его рыцарскими правилами о чести. Мечтая о пѣвицѣ, онъ невольно устремилъ глаза на балконъ, гдѣ, нѣсколько секундъ спустя, появилась женская фигура въ бѣломъ платьѣ. Сердце Франциска усиленно забилось отъ радости; онъ вскочилъ на ноги и быстро подошелъ къ рѣшеткѣ въ надеждѣ, что наконецъ разрѣшится тайна, такъ долго занимавшая его.

— Объясни мнѣ кто ты, ангелъ, посланный мнѣ для утѣшенія въ моемъ горѣ! сказалъ король Францискъ, обращаясь къ дамѣ своего сердца на кастильскомъ нарѣчіи, голосомъ, дрожащимъ отъ волненія.

— Я желала бы утѣшить васъ! отвѣтила она чистымъ французскимъ языкомъ. — Если бы я была ангеломъ, то давно помогла бы вамъ, а теперь могу только сообщить узнику, что для него скоро наступятъ лучшія времена.

— Эти времена уже наступили съ появленіемъ прекрасной вѣстницы.

— Императоръ, вѣроятно, скоро пріѣдетъ сюда, такъ какъ ему писали объ васъ. Вы объяснитесь съ нимъ при личномъ свиданіи; ваша судьба должна измѣниться къ лучшему...

— Скажи мнѣ твое имя!

— Вооружитесь терпѣніемъ и выслушайте меня! Ваша сестра Маргарита просила императора о пропускѣ въ Испанію и Альказаръ. Она получила на это разрѣшеніе и ѣдетъ сюда, чтобы утѣшить васъ и ухаживать за вами въ болѣзни. Она увѣрена, что ей удастся освободить васъ. Вмѣстѣ съ нею пріѣдетъ...

— Послѣдуешь ли ты за нами, если мнѣ посчастливится уѣхать

отсюда? Нѣтъ, милое дитя мое, это невозможно! Путь черезъ Пиренеи слишкомъ длиненъ и тяжелъ для плѣннаго французскаго короля, а императоръ не выѣдетъ изъ Толедо; не легко тронуть его сердце; для этого нужны слишкомъ радикальныя средства. Для меня не существуетъ иного утѣшенія, кромѣ сердца женщины.

— Вы скоро увидите женщину, которой сердце предано вамъ!

— Я желалъ бы теперь видѣть ее!

— Можетъ быть, завтра она будетъ здѣсь.

— Отчего не сегодня и не сейчасъ! Я не могу ждать; мнѣ недолго осталось жить! Пусть эта женщина утѣшитъ меня теперь-же! Дай мнѣ твою руку; вашъ императоръ предоставилъ мнѣ настолько свободы, что я могу прикоснуться до твоихъ пальцевъ, чтобы снова оживить мою похолодѣвшую кровь!

— Вы не спрашиваете меня, кто пріѣдетъ съ вашей сестрой?

— У меня нѣтъ будущности; дай мнѣ насладиться настоящимъ!

— Тише! Кто-то идетъ!

Съ этими словами таинственное видѣніе быстро исчезло съ балкона. Король Францискъ неподвижно стоялъ у рѣшетки, въ надеждѣ снова увидѣть свою собесѣдницу. Но все было тихо; никакой шорохъ не нарушалъ ночнаго безмолвія. Прошло четверть часа, а на балконѣ все еще не видно было ни малѣйшаго признака жизни. Но, вслѣдъ затѣмъ, изъ темной комнаты за балкономъ послышался знакомый голосъ. На этотъ разъ пѣвица, вмѣсто обычнаго романса, пѣла кастильскую пѣсню такимъ медленнымъ протяжнымъ тономъ, что онъ могъ разслышать каждое слово:

Ѣхалъ король изъ-за горъ
На вороноиъ конѣ.
Онъ былъ красивѣе всѣхъ
Среди красивой свиты!

* * *

Онъ остановилъ своего коня
У зáмка на утесѣ
Подъ каменнымъ балкономъ:
„Зачѣмъ ты блѣдная дѣвушка
Не при моемъ дворѣ,
Не въ объятіяхъ твоего короля?"

* * *

Никто не видѣлъ блѣдной дѣвушки.
Онъ только слышалъ ея голосъ:
„Боюсь я, о мой король!
Любви наслажденій и горя,
Боюсь любви короля!

* * *

„Блѣдная дѣвушка не вѣритъ
Постоянству короля и солнца:
Они видятъ столько женщинъ
И столько сердецъ обмануто
Блескомъ солнца и короля!

* * *

„Продолжай свой путь король!
Ты вездѣ нарушаешь свои обѣты!
Мои объятія не примутъ тебя,
Но сердце мое полно тобой,
Тобой однимъ, о мой король!“

Отсутствующіе всегда оказываются виноватыми! Такъ было и съ королемъ Францискомъ. Онъ совершенно равнодушно принялъ извѣстіе о пріѣздѣ графини Шатобріанъ, хотя зналъ, что незнакомая дама намекала на нее, говоря о спутницѣ Маргариты. Иначе и быть не могло! Они не видѣлись цѣлый годъ. Сколько перемѣнъ могло въ это время произойти въ наружности, умѣ и характерѣ женщины! Король не задалъ себѣ вопроса: не потому ли графиня Шатобріанъ будетъ казаться тебѣ некрасивой, что ты не любишь ее, и она будетъ тебѣ въ тягость въ эту минуту? Онъ не зналъ, проснется ли въ его сердцѣ любовь къ ней, если онъ увидитъ ее, потому что не могъ интересоваться вѣроятнымъ и относился непосредственно къ жизни. Онъ думалъ только о таинственной пѣвицѣ, которая, пропѣвъ ему пѣсню, не появлялась больше на балконѣ. Цѣлую ночь въ ушахъ его звучали ея послѣднія слова:

Но сердце мое полно тобой,
Тобой однимъ, о мой король!

Онъ припомнилъ ихъ и на другое утро, и, чувствуя себя въ какомъ то странномъ, восторженномъ состояніи, съ нетерпѣніемъ ожидалъ Бріона, чтобы сообщить ему о своемъ романическомъ приключеніи, такъ какъ молодой сеньеръ былъ для него самымъ близкимъ человѣкомъ, послѣ смерти Бонниве.

Бріонъ, слушая короля, не могъ подавить радостнаго ощущенія. Онъ зналъ, что король по своей живой и чувственной натурѣ, могъ не разъ измѣнить графинѣ Шатобріанъ, сохраняя къ ней прежнюю сердечную привязанность; но теперь его увлеченіе, повидимому, имѣло болѣе серьезное значеніе. Хотя Бріонъ живо представлялъ себѣ горе Франциски, но надѣялся утѣшить ее своей безконечной любовью и дать ей новое безмятежное счастье. Въ виду этого, онъ рѣшился высказать свое предположеніе о таинственной пѣвицѣ и напомнилъ королю, что у графини Шатобріанъ въ Фонтенбло гостила одна молодая дама.

— Foi de gentilhomme! Я видѣлъ ее въ послѣдній вечеръ и помню, что она хороша, какъ ангелъ!

— Эта дама, насколько мнѣ извѣстно, долго жила въ замкѣ Фуа у старой графини. Ее зовутъ Хименой; она дочь нашего хозяина, герцога Инфантадо, который, судя по слухамъ, чувствуетъ къ ней непреодолимое отвращеніе и даже говорили одно время, что онъ хотѣлъ запереть ее въ монастырь.

— Неужели?

— Я слышалъ отъ Маро, что Химена, вмѣстѣ съ графиней, отправилась изъ Фонтенбло въ Испанію. Онъ говорилъ мнѣ также, что у ней хорошій голосъ, такъ что мнѣ кажется несомнѣннымъ, что ваша незнакомка и Химена одно и то же лицо. Но я рѣшительно не понимаю, почему герцогъ прячетъ ее отъ насъ. Тутъ можетъ быть только одна причина, что онъ не хочетъ, чтобы такая красавица досталась французу...

Это былъ первый счастливый день короля въ плѣну. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія вечера, стараясь вызвать въ своей памяти образъ молодой герцогини, который былъ настолько украшенъ его фантазіей, что, наконецъ, овладѣлъ всѣми его чувствами и помыслами. Онъ равнодушно принялъ офиціально заявленное ему извѣстіе о пріѣздѣ сестры и не обратилъ никакого вниманія на то, что герцогъ Инфантадо, архіепископъ Осма и другіе гранды были необыкновенно предупредительны къ нему въ этотъ день и говорили съ особенною увѣренностью о скоромъ пріѣздѣ императора въ Мадридъ. Король Францискъ ожидалъ только заката солнца и жаловался на дневной зной.

Но это напряженное состояніе короля перешло въ полное уныніе, когда наступилъ вечеръ, и, послѣ нѣсколькихъ часовъ напраснаго ожиданія у рѣшетки сада, дверь на балконъ оставалась закрытой. Изъ города доносились серенады влюбленныхъ кастильцевъ, но около стариннаго замка не слышно было ни одного звука; только ночной вѣтеръ тихо шелестилъ вѣтвями кипарисъ, подъ которымъ стоялъ король.

Это новое разочарованіе подѣйствовало на него подавляющимъ образомъ. Потерявъ вѣру въ свое счастье, онъ теперь еще болѣе убѣдился, что судьба неумолимо преслѣдуетъ его.

— Она не любитъ меня! воскликнулъ съ отчаяніемъ король Францискъ, поднимаясь въ полночь по лѣстницѣ Альказара.—Робкое, безумное дитя! она почувствовала состраданіе къ любовнику своей подруги и испугалась проявленія моихъ чувствъ. Все кончено! Даже тѣнь счастья ускользаетъ отъ меня! Я потерялъ власть и не могу возбудить къ себѣ иного чувства, кромѣ состраданія! Я готовъ умереть; смерть будетъ для меня желанной гостьей!..

Съ королемъ сдѣлался сильный приступъ лихорадки. Слуги тотчасъ же были посланы за докторомъ. Бріонъ и Монморанси цѣлую ночь провели возлѣ больнаго, который метался на постели, бредилъ и наконецъ впалъ въ безсознательное состояніе.

Наступило утро 18 сентября 1525 года. Хотя король пришелъ въ себя, но былъ въ такомъ апатичномъ состояніи и настолько ослабѣлъ, что окружающіе начали серьезно опасаться за его жизнь. Тѣсное помѣщеніе Альказарской башни, построенной въ мавританскія времена, еще болѣе увеличивало мучительное состояніе больнаго ко-

роля; его спальня была необыкновенно узка и свѣтъ едва проникалъ въ нее со стороны сада. Тотъ же полумракъ царилъ и въ остальныхъ комнатахъ и корридорахъ, такъ какъ крошечныя окна Альказара были вездѣ закрыты деревянными ставнями.

Въ полдень послышалась пушечная пальба; выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ съ равномѣрными промежутками. Вѣроятно, пріѣхалъ императоръ! воскликнули въ одинъ голосъ Бріонъ и Монморанси, вскакивая съ своихъ мѣстъ.

Король Францискъ равнодушно принялъ извѣстіе, которое онъ такъ долго ожидалъ съ томительнымъ терпѣніемъ. Бріонъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что ненавистный противникъ является въ тотъ моментъ, когда могущественная личность Франциска находится въ такомъ безпомощномъ состояніи, что трудно ожидать какихъ-либо благопріятныхъ результатовъ отъ предстоящаго свиданія. Занятый этой мыслью, онъ поспѣшилъ въ замокъ Инфантадо, въ надеждѣ получить болѣе точныя свѣдѣнія.

Въ замкѣ ожидали прибытія императора. Когда Бріонъ вошелъ въ галлерею, откуда видны были дворы и вся мѣстность передъ городомъ, то увидѣлъ императорскихъ тѣлохранителей въ черныхъ красныхъ одеждахъ съ обнаженными палашами, блестѣвшими на солнцѣ, которые въѣзжали въ первый дворъ на своихъ колоссальныхъ, черныхъ, какъ уголь, нидерландскихъ коняхъ. За ними слѣдовала толпа испанскихъ грандовъ верхами.

— Доложите вашему королю о пріѣздѣ императора, г. Шабо! сказалъ герцогъ Инфантадо, поспѣшно подходя къ нему.

— Испанскій король можетъ самъ приказать доложить о себѣ! возразилъ Бріонъ, послѣ нѣкотораго молчанія, пристально вглядываясь въ приближавшуюся толпу.—Врядъ ли король Франціи будетъ въ состояніи поддерживать сегодня какой нибудь разговоръ!

— Ради Бога, г. Шабо де-Бріонъ, не поддавайтесь мелочной обидчивости! Мы всѣ не меньше васъ желаемъ освобожденія короля Франциска. Не дайте нашему императору повода къ новому замедленію.

Бріонъ направился быстрыми шагами къ Альказару.

— Гаттинара ѣдетъ съ императоромъ! крикнулъ ему вслѣдъ герцогъ Инфантадо.—Это добрый знакъ для вашего короля!..

Но Бріонъ не слышалъ этой фразы. Онъ замѣтилъ въ толпѣ знакомую шляпу Бурбона, и сердце его замирало отъ тоски и опасенія, что его прославленный король окажется ничтожною и слабою личностью въ такой рѣшительный моментъ. Отъ этого зависѣла свобода всѣхъ ихъ; онъ и Монморанси болѣе чѣмъ кто нибудь мечтали о возвращеніи на родину.

Съ этими мыслями Бріонъ вошелъ въ комнату короля и, сообщивъ шепотомъ Монморанси о пріѣздѣ императора, судорожно пожалъ ему руку.

— Карлъ V черезъ нѣсколько секундъ будетъ здѣсь — воскли-

нулъ онъ — что намъ дѣлать съ нашимъ больнымъ королемъ? Онъ представляетъ собой олицетворенную безпомощность, вмѣсто нашего прежняго гордаго Франциска!

— Что дѣлать! возразилъ рѣзко Монморанси.—Онъ долженъ преодолѣть себя! Если онъ властвуетъ надъ Франціей, то долженъ властвовать и надъ собственнымъ тѣломъ! Ваше величество! добавилъ онъ громкимъ голосомъ, взявъ короля за руку: — императоръ Карлъ пріѣхалъ сюда! Онъ рѣшился, наконецъ, исполнить свой долгъ и переговорить съ вами!

— Императоръ Карлъ? спросилъ Францискъ слабымъ голосомъ.

— Развѣ вамъ не угодно будетъ встать и явиться передъ нимъ достойнымъ властелиномъ Франціи? спросилъ Монморанси.

— Я ослабѣлъ отъ болѣзни и упалъ духомъ, Монморанси! поговори съ нимъ вмѣсто меня...

— Пресвятая Дѣва! Блѣдный, немощный императоръ, наконецъ, удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ, а нашъ могущественный король оказывается немощнѣе его вслѣдствіе лихорадки...

Вошелъ слуга и доложилъ о прибытіи канцлера Гаттинара.

— Пусть онъ войдетъ! сказалъ поспѣшно Бріонъ.

— Пусть онъ подождетъ! воскликнулъ Монморанси, прерывая его. — Испанскій грандъ не долженъ видѣть нашего короля въ такомъ положеніи!

— Испанскій король вступаетъ въ Альказаръ! громко провозгласили тѣлохранители Карла V.—Испанскій король вступаетъ въ Альказаръ! повторила стража у дверей больного короля. Но въ спальнѣ царила мертвая тишина. Видно было, что Францискъ сознавалъ то, что происходило вокругъ него. Густая краска разлилась по его похудѣвшему лицу, но тотчасъ же замѣнилась смертельною блѣдностью. Онъ лежалъ неподвижно на постели и только по его дрожащей рукѣ, можно было замѣтить, что онъ усиленно дышалъ. Физическая слабость оказывалась сильнѣе нравственнаго порыва.

— Дѣлать нечего! сказалъ Монморанси, направляясь къ двери. — Я скажу императору, что онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно!

— Какое несчастіе! проговорилъ съ отчаяніемъ Бріонъ.

Вошелъ Монпеза — французскій дворянинъ, добровольно сдѣлавшійся камердинеромъ короля Франциска послѣ битвы при Павіи, и доложилъ, что за нимъ „идетъ императоръ!“

— Попроси его въ звѣздную залу! воскликнулъ неожиданно король Францискъ, порывисто поднимаясь съ постели. — Я скоро выйду и приму его.

Никто, кромѣ Монморанси, не придалъ никакого значенія этому приказу, потому что король Францискъ, поднявшись на ноги, пошатнулся и долженъ былъ схватиться обѣими руками за Бріона, чтобы не упасть.

Монморанси вышелъ, а король Францискъ, не смотря на возра-

женія Монпезы, приказалъ одѣть себя. Когда туалетъ былъ оконченъ, онъ сѣлъ на постель, чтобы собраться съ силами.

Черезъ минуту онъ всталъ и, опираясь на плечо Бріона, направился въ двери, опять остановился, чтобы отдохнуть, и, наконецъ, вышелъ въ корридоръ.

Звѣздная зала, занимавшая весь верхній этажъ башни, получила свое названіе отъ куполообразнаго потолка, открытаго по срединѣ, черезъ который даже днемъ на небѣ видны были звѣзды. Потолокъ этотъ на зиму заколачивался наглухо, а въ остальное время онъ оставался открытымъ для воздуха и свѣта, такъ какъ въ залѣ не было ни одного окна. На темныхъ стѣнахъ фантастически украшенныхъ лѣпной работой, въ пяти мѣстахъ, висѣли жирандоли; горѣвшія въ нихъ день и ночь восковыя свѣчи замѣняли дневной свѣтъ.

Монморанси, проникнутый гордостью французскаго дворянства, молча поклонился императору и, проводивъ его въ звѣздную залу, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Карлъ V, молчавшій въ свою очередь, пристально взглянулъ на молодого скромно одѣтаго сеньора, съ рѣзкими и выразительными чертами лица, и спросилъ его:

— Я желалъ бы знать ваше имя, милостивый государь.

— Монморанси.

— Очень пріятно познакомиться съ представителемъ такого древняго и извѣстнаго рода.

— Къ сожалѣнію, ваше величество видитъ насъ при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

— Вашъ король боленъ?

— Скука вредно дѣйствуетъ на здоровье. Мы лучше чувствуемъ себя на лошадяхъ, при звукахъ боевыхъ трубъ.

— Несомнѣнно! вы доказали это при Павіи! сказалъ поспѣшно императоръ,—французскіе сеньоры сражались съ безпримѣрною храбростью; и я обязанъ своимъ успѣхомъ только вашему несчастью и Божьей милости. Что я вижу! Неужели властелину Франціи нужна опора, чтобы пройти по комнатѣ!

— Да, это французскій король!—рѣзко возразилъ Монморанси.

— Извините меня, мой дорогой кузенъ, сказалъ императоръ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу королю,—что я такъ поздно исполняю свою обязанность хозяина и до сихъ поръ не привѣтствовалъ васъ въ Испаніи.

— Испанскій король пожелалъ теперь взглянуть на своего плѣнника.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ, чтобы возвратить свободу моему кузену и другу.

— Лучшіе плоды зрѣютъ позже всего, отвѣтилъ король Францискъ съ грустной улыбкой.—Я желалъ бы для себя и вашей славы, чтобы не было слишкомъ поздно и Господь помогъ мнѣ вкусить медленно

дозрѣвшій плодъ. Какъ видите, воздухъ Альказара окончательно разстроилъ мое здоровье.

— Да поможетъ намъ въ этомъ Пресвятая Дѣва! На моей душѣ былъ бы вѣчный упрекъ совѣсти, еслибы пребываніе въ Испаніи вредно отозвалось на вашемъ здоровьѣ. Я надѣюсь, что Богъ поможетъ намъ уладить наши дѣла и привести къ быстрому концу.

Подобный оборотъ разговора былъ не выгоденъ для короля Франциска, который легко поддавался неосновательнымъ надеждамъ и, по своей рыцарской натурѣ, вѣрилъ благороднымъ побужденіямъ другихъ людей. Онъ былъ глубоко тронутъ словами императора и, не желая пользоваться преимуществами своего положенія, мысленно рѣшилъ не заявлять никакихъ требованій относительно своего освобожденія и держать себя съ полнымъ достоинствомъ.

Карлъ V тотчасъ же замѣтилъ благопріятную для него перемѣну въ настроеніи противника. Онъ боялся, что Францискъ точно и рѣзко опредѣлитъ условія своего освобожденія и поставитъ его въ затрудненіе. Помимо Гаттинары еще три гранда присутствовали при этомъ свиданіи. Если Карлъ V рѣшался прибѣгать къ мелкимъ и недостойнымъ средствамъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей, то дѣлалъ это втайнѣ отъ великодушныхъ и гордыхъ испанскихъ грандовъ. Онъ не могъ безнаказанно оскорбить ихъ, предложивъ въ ихъ присутствіи слишкомъ тяжелыя условія своему коронованному плѣннику, уважаемому всей европейской аристократіей, или отвѣтить уклончивымъ отказомъ на его справедливыя требованія. Помимо нравственныхъ преимуществъ французскаго короля, Карлъ V не могъ и съ внѣшней стороны сравниться съ своимъ плѣнникомъ и, не безъ основанія, опасался его соперничества. Когда оба короля сѣли на стулья, поставленные для нихъ среди залы, то высокая, изящная фигура широкоплечаго Франциска совершенно уничтожила собой блѣднаго императора. Красноватый свѣтъ восковыхъ свѣчей красиво оттѣнялъ худощавое энергическое лицо съ длинной бородой, темными глазами и рѣзко очерченнымъ носомъ, между тѣмъ какъ рыжевато-бѣлокурый цвѣтъ волосъ и бороды императора и сѣрый цвѣтъ лица казались еще некрасивѣе отъ этого освѣщенія. Его невзрачная, средняго роста фигура, имѣла жалкій видъ, сравнительно съ представительной личностью французскаго короля. Но внимательный наблюдатель подмѣтилъ бы въ темно-голубыхъ глазахъ императора недюженный умъ, разсудительность и непоколебимую волю, что давало ему преимущество надъ французскимъ королемъ и сказалось въ разговорѣ съ нимъ.

Когда они сѣли, императоръ нѣсколько минутъ молча слушалъ своего противника и, повидимому, отыскивалъ его слабую сторону, чтобы начать нападеніе. При этомъ въ спокойныхъ и твердыхъ глазахъ императора мелькнуло свойственное имъ неопредѣленное и непріятное выраженіе, которое не разъ заставляло его окружающихъ предполагать въ немъ наслѣдственную склонность къ сумасшествію.

Но это продолжалось всего нѣсколько секундъ; онъ овладѣлъ собой, сознавая, что холодный разумъ его единственное оружіе противъ поэтическаго короля Франциска.

Онъ далъ ему высказаться и отвѣчалъ короткими фразами на его любезности. Пока всѣ преимущества величественной осанки и ловкаго обращенія были на сторонѣ французскаго короля, что видно было и по лицамъ испанскихъ грандовъ, которые съ замѣтнымъ презрѣніемъ смотрѣли на невзрачную фигуру своего повелителя. Но тѣмъ не менѣе настоящая побѣда все-таки осталась за императоромъ, слова и обѣщанія котораго были заранѣе взвѣшены и обдуманы.

— Я надѣюсь, сказалъ въ заключеніе Карлъ V, съ видимымъ желаніемъ положить конецъ безплодному обмѣну любезностей,—что бывшее между нами недоразумѣніе разъяснится само собою, и мы разстанемся друзьями. Намъ поможетъ въ этомъ ваша сестра, герцогиня Алансонская! Она писала мнѣ и просила дозволенія пріѣхать сюда; я скоро буду имѣть удовольствіе познакомиться съ этой даровитой женщиной и привести ее къ вамъ.

Съ этими словами императоръ поднялся съ своего мѣста. Наступила рѣшительная минута, гдѣ болѣе чѣмъ когда нибудь король Францискъ могъ заручиться формальнымъ обѣщаніемъ относительно своего освобожденія. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, что скажетъ плѣнникъ, который, благодаря нервному возбужденію, чувствовалъ себя настолько бодрымъ, что могъ стоять безъ посторонней помощи. Самъ Францискъ, видя необходимость отступить отъ принятой имъ тактики, возразилъ, что свиданіе съ сестрой доставитъ ему большое удовольствіе и онъ надѣется, что съ ея пріѣздомъ будутъ окончательно опредѣлены условія его освобожденія.

— Вы не можете сомнѣваться въ моей искренней готовности возвратить вамъ свободу, сказалъ поспѣшно императоръ.—Герцогиня будетъ посредницей между нами; она сообщитъ вамъ самыя новыя извѣстія изъ Франціи; и вы, сообразно съ этимъ, предложите мнѣ свои условія. Германская ересь съ ея неизбѣжными послѣдствіями и суровой крестьянской войной, проникла и черезъ вашу лотарингскую границу, такъ что мы, въ силу настоятельной необходимости, должны дѣйствовать заодно, и я надѣюсь имѣть въ васъ союзника противъ новаго вторженія варваровъ.

Отстранивъ такимъ образомъ всякіе дальнѣйшіе переговоры, императоръ пожелалъ своему плѣннику скораго выздоровленія и вышелъ изъ Альказара.

Король Францискъ, Монморанси и Бріонъ остались одни въ звѣздной залѣ. Всѣ трое были довольны тѣмъ, что въ этомъ свиданіи соблюдено было достоинство французской націи, но вслѣдъ затѣмъ, взглянувъ другъ на друга, они разразились громкимъ хохотомъ.

— Мы ничего не выиграли отъ этого свиданія! замѣтилъ со смѣхомъ Бріонъ,—и можемъ утѣшать себя тѣмъ, что честь наша осталась нетронутою!

Этотъ хитрый римскій императоръ ухаживаетъ за нами какъ лисица, которая боится напасть на добычу и выпустить ее.

— Foi de gentilhomme, сказалъ король,—во всякомъ случаѣ, можно надѣяться, что скоро наступитъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ! Карлъ V могъ убѣдиться сегодня, что мы не намѣрены просить у него помилованія; къ тому же за насъ общественное мнѣніе, и онъ долженъ будетъ сдѣлать извѣстныя уступки!

Легкомысленные французы должны были скоро убѣдиться въ несбыточности своихъ надеждъ.

Король Францискъ опять чувствовалъ себя бодрымъ и здоровымъ. Подкрѣпивъ свои силы веселымъ обѣдомъ съ товарищами своего бѣдствія, онъ рѣшилъ снова заняться любовнымъ приключеніемъ, которое было прервано пароксизмомъ его болѣзни и свиданіемъ съ императоромъ. Когда Бріонъ и Монморанси ушли изъ Альказара съ наступленіемъ сумерокъ, въ немъ проснулась неудержимая потребность прижать къ своему сердцу таинственную пѣвицу, которая теперь казалась ему очаровательнѣе, чѣмъ когда либо.

— Да зравствуетъ любовь и красивыя женщины! мысленно воскликнулъ король, возбужденный сытнымъ обѣдомъ и виномъ, и отправился въ садъ, съ твердой рѣшимостью взять приступомъ балконъ.

Между тѣмъ, въ замкѣ Инфантадо замѣтно было необычайное движеніе; въ окнахъ мелькали свѣчи и темныя тѣни бѣгавшей взадъ и впередъ прислуги. Король Францискъ не придалъ этому особеннаго значенія, предполагая, что у герцога остановилось нѣсколько господъ изъ императорской свиты. Онъ зналъ, по разсказамъ Бріона, что это обстоятельство не можетъ помѣшать его плану, потому что жилище таинственной красавицы находилось въ отдаленномъ углу замка и, выйдя за садовую рѣшетку, онъ могъ безпрепятственно проникнуть туда по наружной лѣстницѣ. Онъ рѣшился начать осаду съ этой стороны, какъ только удостовѣрится въ присутствіи дамы на балконѣ, если не будетъ возможности встрѣтиться съ нею инымъ способомъ или взобраться на невысокій балконъ.

Послѣ визита императора, Францискъ уже не считалъ нужнымъ упорствовать въ своей рѣшимости: не переходить рѣшетки сада. Между тѣмъ, ничто не могло болѣе скомпрометировать его, какъ это намѣреніе въ такой день, когда весь Мадридъ и замокъ Инфантадо были переполнены народомъ. Но не было человѣка смѣлѣе и предпріимчивѣе короля Франциска, когда дѣло шло объ исполненіи его желанія. Въ этихъ случаяхъ онъ хотѣлъ тотчасъ-же достигнуть своей цѣли, хотя бы отъ этого зависѣло благосостояніе или злополучіе цѣлаго свѣта, и черезъ день получить желаемое безъ малѣйшаго препятствія.

ДѢЛО

О СОВЕРШЕННОМЪ 1 МАРТА 1881 ГОДА ЗЛОДѢЯНІИ, ЖЕРТВОЮ КОЕГО ПАЛЪ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШІЙ

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ ЖУРНАЛУ
«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1881

Дѣло о совершенномъ 1-го марта 1881 года злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

(Засѣданіе особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ).

Составъ присутствія: первоприсутствующій, сенаторъ Э. Я. Фуксъ; присутствовали сенаторы: Н. Н. Биппенъ, Н. С. Писаревъ, И. Н. Орловъ, А. И. Синицынъ и А. В. Бѣлостоцкій; сословные представители: предводители дворянства: с.-петербургскій губернскій—графъ А. А. Бобринскій и петергофскій уѣздный—баронъ М. Н. Корфъ, московскій городской голова Третьяковъ и волостной старшина Московской волости, С.-Петербургской губерніи и уѣзда, А. Гелькеръ, при оберъ-секретарѣ В. В. Поповѣ. Обвинялъ исполняющій обязанности прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената товарищъ прокурора с.-петербургской судебной палаты, П. В. Муравьевъ.

Защитники подсудимыхъ, присяжные повѣренные: Унковскій—Рысакова, Хартулари—крестьянина Тимоѳея Михайлова, Герке 1-й — мѣщанки Геси Гельфманъ, Герардъ—сына священника Николая Кибальчича и Кедринъ—дворянки Софьи Перовской.

Подсудимый крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ защитника имѣть не пожелалъ.

Засѣданіе 26-го марта 1881 г.

Засѣданіе открыто въ 11 часовъ дня объявленіемъ первоприсутствующаго о подлежащемъ разсмотрѣнію особаго присутствія дѣла о подсудимыхъ Рысаковѣ, Михайловѣ, Гельфманъ, Перовской, Кибальчичѣ и Желябовѣ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

Затѣмъ были введены подсудимые, которые заняли на скамьѣ подсудимыхъ мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Рысаковъ, 2) Михайловъ, 3) Гельфманъ, 4) Кибальчичъ, 5) Перовская и 6) Желябовъ.

По распоряженію первоприсутствующаго, оберъ-секретарь прочелъ предложенія г. министра юстиціи особому присутствію, изъ коихъ видно, что по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, испрошенному на основаніи 2-го пункта 1,031 ст. уст. уг. суд. (по прод. 1879 г.), настоящее дѣло отнесено къ вѣдѣнію особаго присутствія правительствующаго сената.

Первоприс. Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, особое присутствіе правительствующаго сената приступаетъ къ разсмотрѣнію означеннаго дѣла. Подсудимый Рысаковъ, объявите ваше званіе, имя, отечество и фамилію.

Подсудимый Рысаковъ. Мѣщанинъ города Тихвина, Николай Ивановъ Рысаковъ.— В. Сколько вамъ лѣтъ?—О. 19-ть.—В. Какого вѣроисповѣданія? — О. Православнаго. — В. Гдѣ проживали въ послѣднее время?— О. Въ Петербургѣ, на Пескахъ и на Петербургской сторонѣ.—В. Получили копіи съ обвинительнаго акта?—О. Получилъ.

На тѣ же вопросы, обращенные къ остальнымъ подсудимымъ, они отвѣчали:

Михайловъ—крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гавриклова, Тимоѳей Михайловъ, 21 года; православный; занимался котельными работами; жилъ на Пескахъ. Копіи съ обвинительнаго акта получилъ.

Гельфманъ—мѣщанка Геся Мирова Гельфманъ; проживала въ Телѣжной улицѣ; занималась революціонными дѣлами; 26 лѣтъ. Копіи съ обвинительнаго акта получила.

Кибальчичъ—сынъ священника Николай Кибальчичъ; православный, жилъ по Лиговкѣ № 83; занимался отчасти литературой; 27 лѣтъ. Копіи съ обвинительнаго акта получилъ.

Перовская—дворянка Софья Перовская 27 лѣтъ; жила по 1-й ротѣ Измайловскаго полка; занималась революціонными дѣлами.

Желябовъ—Я получилъ документъ...

Первоприс. Прежде объясните суду ваше званіе, имя и фамилію.

Подс. Желябовъ. Крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, села Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ. Я получилъ документъ, относящійся къ этому дѣлу. По нѣкоторымъ признакамъ я сомнѣваюсь, чтобы онъ исходилъ отъ того учрежденія, которое въ немъ значится, и прошу удостовѣрить подлинность этого документа. Документъ за нумеромъ неизвѣстнымъ; полученъ мною безъ 20-ти минутъ въ 11-ть часовъ сегодня. Онъ озаглавленъ: «Объявленіе отъ исполняющаго обязанность прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената»; подписанъ: «Плеве». Сравнивая его съ постановленіемъ особаго присутствія правительствующаго сената въ распорядительномъ засѣданіи 22-го марта, я нахожу большую разницу. Не говоря о томъ, что первый документъ не имѣетъ нумера, въ немъ не сказано, изъ кого состояло особое присутствіе сената, и постановленіе его подписано ли кѣмъ нибудь или нѣтъ. Между тѣмъ этотъ документъ отвѣчаетъ на заявленіе, имѣющее по дѣлу крайне серьёзное значеніе, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію. Я 25-го числа подалъ въ особое присутствіе изъ крѣпости заявленіе о неподсудности моего дѣла особому присутствію сената, какъ суду коронному, такъ какъ признаю правительство одною изъ заинтересованныхъ сторонъ въ этомъ дѣлѣ и полагаю, что судьею между нами, партіей революціонеровъ, и правительствомъ можетъ быть только одинъ—всенародный судъ или черезъ непосредственное голосованіе народа, или въ лицѣ его законныхъ представителей, избранныхъ правильно въ учредительное собраніе. Полагая, что настоящая форма суда лично къ намъ непримѣнима, я заявлялъ о томъ, что по справедливости и по духу даже нашихъ русскихъ законовъ, наше дѣло подлежитъ разсмотрѣнію суда присяжныхъ засѣдателей, какъ представляющихъ собою общественную совѣсть, и просилъ на это заявленіе отвѣта. Я получилъ это объявленіе и прошу удостовѣрить, дѣйствительно ли это есть постановленіе особаго присутствія правительствующаго сената въ распорядительномъ его засѣданіи.

Первоприс. Я сейчасъ разрѣшу ваше сомнѣніе. Г. оберъ-секретарь, прочтите опредѣленіе особаго присутствія, состоявшееся въ распорядительномъ засѣданіи сегодня.

Оберъ-секретарь прочелъ слѣдующее: 1881 года, марта 26-го дня, въ распорядительномъ засѣданіи особаго присутствія, по указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: Заявленіе Желябова о неподсудности его дѣла особому присутствію и о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе суда присяжныхъ засѣдателей. Заявленіе это онъ основываетъ на томъ, что дѣйствія, за которыя онъ преданъ суду, направлены противъ Правительства; что Правительство есть заинтересованная сторона; что особое присутствіе, состоящее изъ правительственныхъ чиновниковъ, не можетъ разсматривать это дѣло, и оно должно подлежать разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей, какъ представителей общественной совѣсти. Выслушавъ это заявленіе и заключеніе исполняющаго обязанности прокурора, особое присутствіе находитъ, что отводъ о неподсудности дѣла, за силою 2 п. 1031 ст. уст. угол. суд., 2-й части XV т. свод. зак. по продолженію 1879 года, и 600 ст. того же устава, лишенъ всякаго основанія и не подлежитъ удовлетворенію, а потому опредѣляетъ: заявленіе Желябова оставить безъ послѣдствій, о чемъ ему и объявить.

Желябовъ. Я этимъ объясненіемъ удовлетворенъ.

Первоприс. Опредѣленіе это подписано всѣми членами присутствія.

Желябовъ. Я удовлетворенъ.

Первоприс. Теперь я приглашаю васъ отвѣтить на мои вопросы, сколько вамъ лѣтъ? Подс. Желябовъ. 30 лѣтъ.—В. Вѣры православной?—О. Крещенъ въ православіе, но православіе отрицаю, хотя сущность ученія Іисуса Христа признаю. Эта сущность ученія среди моихъ нравственныхъ побужденій занимаетъ почетное мѣсто. Я вѣрю въ истину и справедливость этого вѣроученія и

торжественно признаю, что вѣра безъ дѣлъ—мертва есть и что всякій истинный христіанинъ долженъ бороться за правду, за права угнетенныхъ и слабыхъ, и если нужно, то за нихъ и пострадать: такова моя вѣра.—В. Гдѣ вы проживали въ послѣднее время и чѣмъ занимались?—О. Въ послѣднее время я жилъ въ первой ротѣ Измайловскаго полка, и вообще жилъ тамъ, гдѣ требовало дѣло, указанное мнѣ исполнительнымъ комитетомъ. Служилъ я дѣлу освобожденія народа. Это мое единственное занятіе, которому я много лѣтъ служу всѣмъ моимъ существомъ.—В. Получили копію съ обвинительнаго акта?—О. Получилъ копіи съ трехъ обвинительныхъ актовъ, въ томъ числѣ одну съ дополнительнаго обвинительнаго акта.

Первоприс. Вторую копію вы получили взамѣнъ первой. Г. судебный приставъ, всѣ ли лица вызванныя явились?

Судебн. приставъ. Имѣю честь доложить, что не явилось четверо: полковникъ Дворжицкій, ротмистръ Кулебякинъ, городовой Денисовъ и сынъ купца Гольденбергъ.

Оберъ-секретарь доложилъ особому присутствію причины неявки означенныхъ свидѣтелей, а именно: первые трое, по медицинскимъ удостовѣреніямъ, не могли явиться вслѣдствіе болѣзни отъ ранъ и поврежденій, а Гольденбергъ—за смертью.

Первоприс. Прошу заключенія г. прокурора.

Исп. об. прокурора Муравьевъ. Принимая во вниманіе, что свидѣтели Дворжицкій, Кулебякинъ и Денисовъ не явились въ судъ вслѣдствіе законно удостовѣреннаго болѣзненнаго состоянія и руководствуясь 4 пунк. 388 ст. уст. уг. суд., я полагалъ бы неявку ихъ признать законною. Затѣмъ, признавая эти показанія имѣющими въ дѣлѣ существенное значеніе и, на основаніи 626 ст. уст. уг. суд., подлежащими прочтенію по ходатайству сторонъ, я отсутствіе ихъ не считаю препятствіемъ къ слушанію дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣю сдѣлать заявленіе, касающееся умершаго Гольденберга. Обвинительная власть указала свидѣтеля Гольденберга въ спискѣ, приложенномъ къ обвинительному акту, и тѣмъ самымъ заявила о своемъ предположеніи воспользоваться на судѣ показаніемъ этого свидѣтеля посредствомъ его прочтенія, на основаніи 626 ст. уст. уг. суд., разъясненной рѣшеніями правительствующаго сената. Руководствуясь этими рѣшеніями, именно 1869 г., № 137, того же года № 831, затѣмъ 1874 г. № 456, я въ настоящее время имѣю честь заявить, что показаніе Гольденберга, имѣющее значеніе свидѣтельскаго показанія по отношенію къ другимъ подсудимымъ, должно быть прочитано на судебномъ слѣдствіи, и подъ условіемъ этого прочтенія обвинительная власть считаетъ возможнымъ продолжать судебное слѣдствіе.

Первоприс. Что можетъ заявить защита по вопросу о продолженіи засѣданія?

Прис. пов. Унковскій. Я съ своей стороны полагаю, что неявка четырехъ свидѣтелей не можетъ служить препятствіемъ къ продолженію дѣла, и также не вижу никакой причины къ неудовлетворенію ходатайства г. прокурора.

Прис. пов. Хартулари. Я присоединяюсь.

Прис. пов. Герке 1-й. Я тоже.

Прис. пов. Герардъ. Я не вижу препятствія къ слушанію дѣла, но что касается показанія умершаго Гольденберга, то въ свое время, когда явится моментъ для прочтенія его показанія, я прошу предоставить мнѣ слово о возможности или невозможности чтенія этого показанія.

Первоприс. Не признаете ли вы возможнымъ сдѣлать это заявленіе теперь же.

Прис. пов. Герардъ. Я полагаю, что чтеніе показанія Гольденберга съ формальной стороны не можетъ быть допущено въ настоящемъ засѣданіи. Я это основываю на слѣдующемъ соображеніи. Правительствующій сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ многократно разъяснялъ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. прокуроръ, что показанія умершихъ сообвиняемыхъ могутъ читаться какъ показанія свидѣтелей, но Гольденбергъ никогда не былъ сообвиняемымъ съ настоящими подсудимыми. Онъ судился по совершенно другому дѣлу, и въ преступленіи 1-го марта Гольденбергъ не обвиняется; онъ не былъ привлекаемъ ни въ качествѣ свидѣтеля, ни въ качествѣ обвиняемаго. Поэтому чтеніе его показанія съ формальной стороны не можетъ быть допущено и не можетъ оправдываться ни закономъ, ни рѣшеніями кассаціоннаго сената.

Прис. пов. Кедринъ. Я присоединяюсь къ только что высказанному заявленію.

Прокуроръ. Въ объясненіяхъ г. защитника подсудимаго Кибальчича очевидно есть недоразумѣніе. Дѣйствительно, Гольденбергъ не былъ преданъ суду, и за смертью не могъ привлекаться къ дѣлу о преступленіи 1-го

марта; но подсудимый Желябовъ, одинъ изъ настоящихъ подсудимыхъ, подлежалъ привлеченію къ суду и не былъ привлеченъ только за неразысканіемъ по тому же дѣлу, по которому былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго при своей жизни Гольденбергъ. Поэтому Гольденбергъ и Желябовъ являются обвиняемыми по одному и тому же дѣлу. Въ числѣ обвиненій, падающихъ на Желябова, есть обвиненіе въ приготовленіи взрыва на лозово-севастопольской желѣзной дорогѣ, подъ городомъ Александровскомъ, падающее также и на Гольденберга. Въ виду изложенныхъ фактовъ, обвиненіе продолжаетъ настаивать на прочтеніи показанія Гольденберга.

Прис. пов. Герардъ. Въ такомъ случаѣ особое присутствіе можетъ изъ показанія Гольденберга ограничиться прочтеніемъ только тѣхъ частей, которыя касаются виновности Желябова и Гольденберга относительно взрыва подъ Александровскомъ.

Первоприс. Г. прокуроръ, вы просите прочесть все показаніе Гольденберга, или только выдержки, относящіяся до Желябова.

Прок. На основаніи рѣшенія сената по дѣлу Багрянцова, на представителя стороны, требующей прочтенія показаній такого свидѣтеля, какъ Гольденбергъ, возложена обязанность точно указать въ свое время чтенія, какихъ именно частей онъ желаетъ: эту обязанность и исполнитъ обвинительная власть. Она имѣетъ въ виду воспользоваться не всѣмъ показаніемъ Гольденберга, а лишь извѣстными частями, касающимися Желябова, Перовской и Кибальчича.

Желябовъ. Я имѣю сдѣлать заявленіе. Мое заявленіе касается вызова или, правильнѣе сказать, ссылки г. прокурора на показаніе Гольденберга. Я въ русскихъ законахъ не силенъ, и потому становлюсь подъ защиту суда въ отношеніи толкованія закона. На мою просьбу вызвать свидѣтелями Кошурникова и Колоткевича, особое присутствіе отвѣчало (читаетъ): «Особое присутствіе правительствующаго сената, останавливаясь на ходатайствѣ Желябова о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей Кошурникова и Колоткевича, находитъ, что по общему смыслу законовъ, относящихся до свидѣтелей, къ числу ихъ не могутъ быть отнесены такія лица, которыя совмѣстно преслѣдуются за одно и то же дѣяніе; что цѣль допроса свидѣтелей состоитъ въ успѣшномъ разъясненіи обстоятельствъ дѣла въ интересахъ истины; а такъ какъ отъ лицъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ подсудимыми за одно и то же преступленіе, нельзя ожидать безпристрастныхъ, согласныхъ съ истиною показаній, и законъ разрѣшаетъ свидѣтелямъ не отвѣчать» и т. д., то Кошурникова и Колоткевича не вызывать. Обвиняемый Гольденбергъ находится въ томъ же положеніи, какъ Кошурниковъ и Колоткевичъ, т. е. состоитъ обвиняемымъ по одному со мною дѣлу. Спрашивается: духъ русскаго закона, распространяющійся на Кошурникова и Колоткевича, не долженъ ли распространяться и на Гольденберга, смерть котораго, т. е. причина его неявки, не удостовѣрена пока, и я прошу удостовѣрить: дѣйствительно ли Гольденбергъ умеръ и какія есть на это данныя. Причины неявки Дворжицкаго и другихъ свидѣтелей удостовѣрены медицинскими свидѣтельствами, и я желалъ бы знать, какія имѣются доказательства, что Гольденбергъ дѣйствительно умеръ?

Особое присутствіе удалилось для совѣщанія.

По возобновленіи засѣданія первоприсутствующій объявилъ слѣдующее: Особое присутствіе, по выслушаніи доклада оберъ-секретаря, заключенія прокурора и заявленій защиты и подсудимаго Желябова, постановило слѣдующее опредѣленіе: признавая причину неявки свидѣтелей Дворжицкаго, Кулебякина и Денисова законною, отвѣтственности ихъ не подвергать; судебное засѣданіе, не смотря на неявку свидѣтелей—продолжать, и показанія ихъ, согласно 626 ст. уст. угол. суд., прочесть въ свое время. Что касается до заявленія подсудимаго Желябова и защитниковъ другихъ подсудимыхъ относительно не прочтенія показанія Гольденберга, о смерти коего имѣется удостовѣреніе въ приложенномъ къ дѣлу производствѣ о 16 лицахъ, осужденныхъ за государственныя преступленія, то въ виду имѣющихся по сему предмету кассаціонныхъ рѣшеній, особое присутствіе признаетъ, что Гольденбергъ, одинъ изъ обвиняемыхъ по упомянутому выше преступленію, оговорившій при жизни своихъ соучастниковъ и не допрашиваемый по содержанію сего оговора за смертью, находится въ иномъ положеніи нежели лица, указанныя Желябовымъ, такъ какъ послѣднія являются сообвиняемыми съ нимъ по дѣлу еще въ отношеніи ихъ не оконченному, посему и постановляетъ показаніе Гольденберга въ частяхъ, относящихся до подсудимыхъ по настоящему дѣлу, прочесть.

Затѣмъ, по распоряженію первоприсутствующаго, оберъ-секретарь прочелъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

которымъ предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ: тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ; крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, дер. Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, 30 лѣтъ; дворянка Софья Львова Перовская, 27 лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимоѳей Михайловъ, 21 года, и мозырская, Минской губерніи, мѣщанка Геся Мирова Гельфманъ, 26 лѣтъ, обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ.

I.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ третьемъ часу пополудни, въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала, противъ сада Михайловскаго дворца, совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. Неслыханное по гнусности своей и бѣдственнымъ послѣдствіямъ преступленіе это и сопровождавшее его причиненіе смерти и пораненій многимъ лицамъ, совершены были посредствомъ двухъ производившихъ взрывы метательныхъ снарядовъ.

Обстоятельства злодѣянія, изслѣдованнаго дознаніемъ въ порядкѣ, установленномъ въ I главѣ 2 разд. 3 книги уст. угол. суд., 2 ч. XV т. св. зак., изд. 1876, по продолж. 1879 года, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, были выяснены какъ осмотрами мѣста и вещественныхъ доказательствъ преступленія, такъ и показаніями нижепоименованныхъ свидѣтелей-очевидцевъ: полиціймейстера 1-го отдѣленія полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха, ротмистра терскаго казачьяго эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя Кулебякина, конвойныхъ казаковъ: унтеръ-офицера Кузьмы Мачнева и рядовыхъ Михея Луценко и Петра Козьменко, адъютанта с.-петербургской крѣпостной артиллеріи штабсъ-капитана Кюстера, офицеровъ кадроваго батальона лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитановъ: Новикова и Франка и подпоручика Рудыковскаго, лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка поручика графа Гендрикова, 139-го моршанскаго пѣхотнаго полка подпоручика Митрофана Крахоткина, камеръ-пажа Косинскаго, младшаго медицинскаго фельдшера лейбъ-гвардіи павловскаго полка Василія Горохова, рядовыхъ лейбъ - гвардіи преображенскаго полка Ивана Евченко и Платона Макарова, городового 3-го участка Александро-Невской части Василія Несговорова, отставного рядового Петра Павлова и крестьянина Новгородской губерніи, Старорусскаго уѣзда, дер. Пяти-Горки Михаила Назарова.

На основаніи совокупности приведенныхъ данныхъ, горестное событіе преступленія представляется въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ:

Въ третьемъ часу дня, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе 2 саженъ отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полиціймейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи саженъ 50-ти отъ угла Инженерной улицы, въ 2¼ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ бы вѣеромъ. Выскочивъ изъ саней и въ то же мгновеніе замѣтивъ, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ Государя Императора, доложилъ Его Величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію Государя, свидѣтель проводилъ Его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный толпою народа задержанный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудыковскій, не узнавъ сразу Его Величество, спросилъ: «Что съ Государемъ?» на что Государь Императоръ,

оглянувшись и не доходя шаговъ десяти до Рысакова, изволилъ сказать: «Слава Богу, Я уцѣлѣлъ, но вотъ...» указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: «Еще слава ли Богу?» Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ—онъ ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова: кто онъ такой,—на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направленію къ экипажу, сзади, у самыхъ ногъ Его, раздался новый оглушительный взрывъ, причемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ, поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государь Императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго Страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ же лежала шинель Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ, полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, услышалъ едва внятно произнесенныя слова Государя: «**Помоги**», и вскочивъ, подбѣжалъ къ Нему вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то подалъ платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: «**Холодно, холодно**». Тогда, приподнявъ Государя, уже начавшаго терять сознаніе, окружавшія Его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера павловскаго военнаго училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли Его къ санямъ полковника Дворжицкаго, причемъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову Страдальца. Наклонившись къ своему Августѣйшему Брату, великій князь спросилъ, слышитъ ли Его Величество, — на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: «**Слышу**»; на дальнѣйшій вопросъ его высочества о томъ, какъ Государь Себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: «**Скорѣе... во Дворецъ**», а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнесъ: «**Несите Меня во Дворецъ... тамъ... умереть...**» То были послѣднія слышанныя свидѣтелями слова умирающаго Монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулебякинъ и, съ помощью конвойныхъ казаковъ Козьменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній Дворецъ.

Неисповѣдимыя велѣнія Промысла совершились. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того же 1-го марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 минутъ пополудни, въ Бозѣ почилъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ при дознаніи, оказывается, что изъ свиты Государя Императора при взрывахъ было болѣе или менѣе опасно ранено 9 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уже скончался, а изъ числа чиновъ полиціи и постороннихъ лицъ, находившихся на мѣстѣ преступленія, ранено 11, изъ которыхъ двое (въ томъ числѣ 14-тилѣтній крестьянскій мальчикъ Николай Максимовъ) умерли черезъ нѣсколько часовъ.

По соображеніи данныхъ, обнаруженныхъ осмотромъ мѣстности преступленія и оказавшихся на ней предметовъ, спрошенные въ качествѣ экспертовъ: командиръ гальванической учебной роты полковникъ Лисовскій, командиръ 1-го военнотелеграфнаго парка подполковникъ Шахъ-Назаровъ и капитанъ 4-го сапернаго батальона Родивановскій, пришли къ заключенію, что по внѣшнему виду и свойствамъ вышеозначенныхъ предметовъ, взрывы были произведены двумя брошенными снарядами, заключенными въ жестяныя обо-

ючки, причемъ зарядъ каждаго состоялъ приблизительно изъ 5 фунтовъ ударнаго состава и взрывчатаго вещества, повидимому нитроглицерина.

Метательный снарядъ, причинившій первый взрывъ, какъ установлено единогласными свидѣтельскими показаніями, былъ брошенъ подъ карету Государя Императора именно Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Свидѣтели Назаровъ и Гороховъ видѣли Рысакова, передъ самымъ проѣздомъ Государя, тихо шедшимъ по панели канала на встрѣчу Императорской каретѣ, причемъ Гороховъ замѣтилъ у него въ рукахъ что-то круглое, въ родѣ тарелки, завернутое въ бѣлый платокъ, а Назаровъ удостовѣрилъ, что поровнявшись съ каретой Государя, Рысаковъ бросилъ подъ лошадей что-то бѣлое, похожее на комъ снѣга, и побѣжалъ, но былъ задержанъ бросившимися на него свидѣтелями. По словамъ Назарова, Рысаковъ, по задержаніи его, казался спокойнымъ и даже смѣялся, а по объясненію свидѣтелей Горохова, Несговорова и Макарова, доставившихъ Рысакова въ управленіе градоначальника, онъ просилъ ихъ оградить его отъ разъяреннаго народа, за исполненіе чего благодарилъ ихъ.

Что же касается до виновника второго взрыва, то крестьянинъ Петръ Павловъ показалъ, что когда Государь, отойдя отъ задержаннаго Рысакова, направился по панели канала, то неизвѣстный человѣкъ, стоявшій бокомъ и прислонившись къ рѣшеткѣ, выждалъ приближеніе Государя Императора на разстояніе не болѣе двухъ аршинъ и, приподнявъ руки вверхъ, бросилъ что-то на панель, отчего и послѣдовалъ второй взрывъ.

Несмотря на отсутствіе прямыхъ указаній на личность упомянутаго виновника второго взрыва, при производствѣ дознанія были собраны данныя, приводящія съ полною вѣроятностью къ заключенію о томъ, что означенный взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ пострадавшихъ отъ него же неизвѣстнымъ человѣкомъ, который былъ поднятъ на мѣстѣ преступленія и доставленъ въ безсознательномъ состояніи въ придворный госпиталь конюшеннаго вѣдомства, гдѣ и умеръ спустя 8 часовъ, придя нѣсколько въ себя и отвѣтивъ передъ смертью на вопросъ о своемъ имени и званіи— «не знаю».

По судебно-медицинскому осмотру и вскрытію трупа этого неизвѣстнаго человѣка, на тѣлѣ его и преимущественно на передней части тѣла, въ томъ числѣ, въ особенности, на правой рукѣ, оказалось множество пораненій, причиненныхъ, по мнѣнію врачей-экспертовъ, при взрывѣ, который по характеру поврежденій, въ связи съ свойствами взрывчатаго вещества, долженъ былъ произойти въ весьма близкомъ разстояніи отъ умершаго, не далѣе какъ на три шага.

II.

При производствѣ совокупнаго разслѣдованія по дѣламъ о предшествовавшихъ покушеніяхъ на жизнь Священной Особы нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора: 2-го апрѣля, 18-го и 19-го ноября 1879 и 5-го февраля 1880 года, были обнаружены данныя, послѣдовательный рядъ которыхъ приводилъ къ предположенію о задуманномъ и уже готовящемся въ средѣ извѣстныхъ по прежнимъ дѣламъ преступныхъ дѣятелей новомъ таковомъ же посягательствѣ, а при возникновеніи настоящаго дѣла выяснились указанія на принадлежавшихъ къ этой средѣ истинныхъ зачинщиковъ и руководителей злодѣянія 1-го марта 1881 года. Изъ имѣющихся въ настоящемъ дѣлѣ свѣдѣній объ означенныхъ данныхъ, составляющихъ предметъ еще производящагося, но уже близкаго къ окончанію особаго дознанія, видно, что въ ноябрѣ 1880 года былъ арестованъ дворянинъ Александръ Михайловъ, проживавшій подъ фамиліею Поливанова, при обыскѣ у котораго найденъ динамитъ и другіе предметы, свидѣтельствующіе о его преступной дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ, при дальнѣйшихъ розыскахъ, были обнаружены двѣ занимаемыя членами партіи квартиры, изъ которыхъ въ первой, по Большой Подъяческой улицѣ, д. № 37, производилось заготовленіе значительнаго количества динамита, а въ другой, по Подольской улицѣ, д. № 11, помѣщалась тайная типографія. Посѣтители этихъ квартиръ, проживавшіе подъ чужими именами и по подложнымъ видамъ на жительство, были задержаны одинъ за другимъ, причемъ въ числѣ ихъ оказались извѣстные по прежнимъ розыскамъ и процессамъ агитаторы: Фриденсонъ (Агаческуловъ), Баранниковъ (онъ же Кошурниковъ и Алафузовъ) и Колоткевичъ (Петровъ). Затѣмъ результаты изслѣдованія привели къ заключенію, что въ кружкѣ означенныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль: проживавшій подъ своимъ собственнымъ именемъ дѣйствительный студентъ Михаилъ Тригони и

крестьянинъ Таврической губерніи, Өеодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки Андрей Ивановъ Желябовъ, розыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества, совершенномъ 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27-го февраля сего года, одновременно съ Тригони, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

По обнаруженіи мѣстожительства Желябова, проживающаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидіею Антоновою Войновою, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ № 37—18, кв. № 23, подъ именемъ Николая Иванова Слатвинскаго, въ квартирѣ его, утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки изъ-подъ конфектъ и одна изъ-подъ сахару, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфектъ и одной изъ-подъ сахару) чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

По заключенію эксперта, завѣдывающаго химическою лабораторіею Михайловской артиллерійской академіи и училища, генералъ-маіора Федорова, означенное вещество есть черный динамитъ, а каучуковыя трубки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ нижеупомянутыхъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Федорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28-го февраля вечеромъ, и была задержана лишь 10-го марта, на Невскомъ проспектѣ, околоточнымъ надзирателемъ Широковымъ.

Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовою Перовскою, обвиняемою и разыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенномъ 19-го ноября 1879 года, близъ города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2-го марта 1881 года, по поводу событія 1-го марта, 18 экземпляровъ отъ «Исполнительнаго комитета» и 14 экземпляровъ отъ «Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли».

Дознаніемъ выяснено, что въ іюнѣ 1880 года Перовская, подъ именемъ Войновой, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ и еще неразысканною, выбыла изъ д. № 32—4 Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой-Бѣлозерскихъ улицъ, и переѣхала на жительство въ кв. № 23, д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, по заявленію ея, въ Ораніенбаумъ, а вскорѣ послѣ ея отъѣзда, у Перовской, подъ видомъ ея брата, поселился Желябовъ, проживавшій подъ именемъ Николая Ивановича Слатвинскаго.

Изъ показаній свидѣтелей: старшаго дворника д. № 17 — 18, крестьянина Харитона Пѣтушкова, его подручнаго дворника, запаснаго рядового Григорія Аөанасьева, и содержательницы мелочной лавочки въ домѣ, крестьянки Ирины Аөанасьевой, называвшіеся Слатвинскимъ (Желябовъ) и Войновою (Перовская) жили весьма уединенно, гостей не принимали, писемъ не получали, прислуги не имѣли, такъ что Войнова (Перовская) сама покупала провизію и готовила кушанье. 27-го февраля она вышла изъ квартиры вмѣстѣ съ Слатвинскимъ (Желябовымъ), который уже болѣе не возвращался; Войнова же (Перовская) вернулась вечеромъ и провела ночь дома. 28-го февраля она два раза, чрезъ задній ходъ, приходила въ лавочку Аөанасьевой, причемъ въ первый разъ купила коленкору, а во второй тесьмы, говоря, что покупаетъ это для платья. Въ оба свои прихода въ лавочку она выходила изъ нея чистымъ ходомъ прямо на улицу, причемъ, послѣ вторичнаго ея появленія у Аөанасьевой, около 9 часовъ вечера, Войнову (Перовскую) уже въ домѣ не видѣли, и 1-го марта, по пріѣздѣ должностныхъ лицъ для производства обыска въ квартирѣ Желябова — квартира эта оказалась пустою.

III.

Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ властями при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу о томъ, что по Телѣжной ули-

цѣ, въ домѣ № 5, находится такъ называемая «конспиративная» квартира, т. е. такое помѣщеніе, въ которомъ собирались злоумышленники и производились приготовленія къ преступленію 1-го марта, въ означенномъ домѣ, въ квартирѣ № 5, сдѣланъ былъ въ ночь на 3-е марта внезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о цѣли ихъ прибытія — лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ какая-то женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ, направо, они нашли лежащимъ на полу окровавленнымъ только что повидимому застрѣлившагося человѣка. По заключенію приглашеннаго для подачи ему медицинской помощи врача Павлова, человѣкъ этотъ нанесъ себѣ выстрѣлами изъ револьвера нѣсколько ранъ, въ томъ числѣ одну безусловно смертельную въ високъ. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный тутъ же вскорѣ умеръ. По осмотру домовой книги и по показаніямъ свидѣтелей оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5, вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней женщиною, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ, по подложному паспорту на имя коллежскаго регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкаго.

При разслѣдованіи, произведенномъ съ цѣлью обнаружить личность застрѣлившагося человѣка, проживавшаго подъ именемъ коллежскаго регистратора Ивана Фесенко-Навроцкаго, подполковникъ 1-го лейбъ-гренадерскаго екатеринославскаго полка Иванъ Алексѣевъ Саблинъ, призналъ въ предъявленномъ ему фотографическомъ снимкѣ застрѣлившагося, родного брата своего, дворянина Николая Алексѣева Саблина, который въ 1878 году выѣхалъ изъ города Москвы неизвѣстно куда, причемъ съ тѣхъ поръ родные его никакихъ извѣстій о немъ не имѣли.

Женщина, задержанная въ «конспиративной» квартирѣ, оказалась мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. По ея объясненію, проживавшій вмѣстѣ съ нею въ этой квартирѣ неизвѣстный, называвшійся Фесенко-Навроцкимъ, застрѣлившійся предъ обыскомъ, былъ дѣйствительно Николай Алексѣевъ Саблинъ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что означенный Саблинъ въ 1873 и 1874 годахъ, принадлежа къ революціонному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ, и дѣйствуя какъ здѣсь, такъ и въ Ярославской губерніи, занимался преступной пропагандой въ народѣ совмѣстно съ скрывающимися нынѣ революціонными дѣятелями Николаемъ Морозовымъ и Иванчинымъ-Писаревымъ. Затѣмъ, уѣхавъ въ 1874 году за границу, Саблинъ въ мартѣ 1875 года вмѣстѣ съ Морозовымъ возвратился въ Россію, причемъ былъ задержанъ въ пограничномъ селеніи Кибарты, съ прусскою легитимаціонною картою на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи и преданный суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Саблинъ былъ признанъ виновнымъ во вступленіи въ преступное тайное сообщество, предусмотрѣнное 2 отд. ст. 250 уложенія о наказаніяхъ, съ знаніемъ о цѣляхъ его, за что, какъ изложено въ приговорѣ особаго присутствія, состоявшемся 18-го октября (23-го января) 1877—78 годовъ, онъ подлежалъ наказанію, указанному въ 3 степ. 31 ст. улож. о наказ., причемъ особое присутствіе, принявъ во вниманіе обстоятельства смягчающія, въ числѣ другихъ и его Саблина, вину въ размѣрахъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти суда, и между прочимъ долговременное содержаніе его подъ стражей и молодость, опредѣлило: ходатайствовать предъ Монаршимъ Милосердіемъ о вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго ареста, на каковое ходатайство и послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора соизволеніе.

По обыску въ «конспиративной» квартирѣ былъ найденъ рядъ вещественныхъ доказательствъ, имѣющихъ непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1 марта. Изъ числа означенныхъ вещественныхъ доказательствъ особое значеніе, по заключенію экспертовъ, представляютъ нижеслѣдующіе предметы: 1) двѣ метательныя мины, взрывающіяся при бросаніи отъ удара, въ жестянкахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ подробно объяснено въ заключеніи и чертежахъ генералъ-маіора Федорова, взрывчатый аппаратъ, который представляетъ систему сообщающихся другъ съ другомъ снарядовъ: а) съ сѣрною кислотою, б) съ смѣсью бертолетовой соли, сахара и сѣрнистой сюрьмы, в) съ гремучей ртутью и г) изъ пироксилина, пропитаннаго

нитроглицериномъ. Передавая другъ другу посредствомъ стопина воспламененіе, вслѣдствіе удара или сотрясенія, снаряды эти доводятъ его наконецъ до смѣси гремучаго студня съ камфарой, дѣйствующаго при взрывѣ въ шесть разъ сильнѣе пороха; часть означеннаго аппарата устроена вдвойнѣ такимъ образомъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ при паденіи метательной мины въ какомъ бы то ни было направленіи; 2) колба и реторта, служащія для химическихъ опытовъ; 3) стеклянные шарики съ сѣрною кислотою; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предложенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 5) фарфоровая ступка, въ которой перетиралась бертолетовая соль; 6) записка на клочкѣ бумаги о вышеупомянутой смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и сюрьмой; 7) рисунокъ карандашомъ, на оборотѣ транспаранта, какого-то аппарата для производства гальваническаго тока, не имѣющій, впрочемъ, отношенія къ метательнымъ снарядамъ; 8) планъ города С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ, на зданіи Зимняго дворца, и съ слабыми карандашными же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу, и 9) сдѣланныя карандашомъ на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличенію его съ планомъ города С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ по срединѣ Малой Садовой.

IV.

По указаніямъ, сдѣланнымъ обвиняемымъ Рысаковымъ, была обнаружена квартира, въ которой обвиняемая Гельфманъ проживала до переѣзда своего въ домъ № 5 по Телѣжной улицѣ. Квартира эта помѣщалась подъ № 25, въ д. № 27—1 по Троицкому переулку, причемъ Гельфманъ жила въ немъ подъ именемъ Елизаветы Андреевой Николаевой, вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, проживавшимъ подъ именемъ московскаго мѣщанина Андрея Иванова Николаева, котораго она выдавала за своего мужа.

Осмотромъ домовой книги означеннаго дома № 27—1, а также показаніемъ дворника его—отставнаго рядоваго Усмана Булатова удостовѣрено, что Николаевы записаны переѣхавшими въ этотъ домъ 15-го сентября 1880 года изъ Петергофа, а выбывшими 17-го февраля 1881 года въ Москву. По словамъ Булатова, Николаева (Гельфманъ), жившая съ мужемъ очень скромно и уединенно, носила куда-то изъ своей квартиры картонные листы. Человѣкъ, называвшійся Николаевымъ, выбылъ изъ квартиры на нѣсколько дней раньше Гельфманъ, причемъ отмѣтился выбывшимъ въ Москву. Вскорѣ и Гельфманъ, заявивъ, что мужъ ея умираетъ въ Москвѣ и что она ѣдетъ къ нему, продала свою мебель и съ однимъ чемоданомъ выѣхала изъ квартиры.

3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска, въ домѣ № 5, по Телѣжной улицѣ, гдѣ были оставлены чины полиціи съ приказаніемъ задерживать каждаго, кто придетъ въ обысканную квартиру—явился молодой человѣкъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Мирономъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго—«куда онъ идетъ?» — неизвѣстный, спросивъ кучера, указалъ на квартиру № 12, каковой вовсе въ домѣ не имѣется, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ въ кв. № 5, гдѣ и задержанъ. Когда же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, изъ которыхъ нанесъ схватившему дуло револьвера городовому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану въ правый пахъ и помощчику пристава 1-го участка Александро-Невской части Слуцкому контузію груди, съ ушибомъ праваго легкаго. Обезоруженный и, вслѣдствіе описаннаго сопротивленія, связанный неизвѣстный человѣкъ былъ доставленъ въ управленіе с.-петербургскаго градоначальника, гдѣ и оказался крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова Тимоѳеемъ Михайловымъ.

Изложенное удостовѣряется показаніями прикомандированнаго въ 1-му участку Александро-Невской части коллежскаго ассесора Рейнгольдта, помощника пристава Слуцкаго,

околодочнаго надзирателя Зезюкина, городовыхъ Ивана Шлыкова, Ефима Денисова и дворника Мирона Сергѣева, а также протоколами обыска у Тимоѳея Михайлова и судебно - медицинскаго освидѣтельствованія Слуцкаго.

При обыскѣ у Тимоѳея Михайлова былъ найденъ печатный экземпляръ Высочайшаго манифеста отъ 1-го марта 1881 года о восшествіи на Всероссійскій Престолъ Его Императорскаго Величества Императора Александра II; на оборотѣ этой бумаги оказались написанными карандашемъ адресы трехъ пунктовъ въ городѣ С.-Петербургѣ, съ означеніемъ при каждомъ извѣстныхъ часовъ и между прочимъ съ указаніемъ кондитерской Исакова, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой, и съ отмѣткою противъ этой записи о 4 часахъ.

Вслѣдствіе такого указанія, въ означенной кондитерской, въ 4-мъ часу пополудни, 3-го марта, были приведены въ извѣстность всѣ лица, оказавшіяся въ ней въ этотъ часъ, причемъ былъ задержанъ сынъ священника Иванъ Григорьевъ Орловъ, назвавшійся мѣщаниномъ Козыревымъ, имѣвшій при себѣ чужой видъ на жительство на это послѣднее имя, а также небольшой кинжалъ. У него же, по обыску, кромѣ противоправительственныхъ изданій и рукописей, указывающихъ на его преступную агитаціонную дѣятельность въ народѣ, оказалось два исписанныхъ листа бумаги, въ которыхъ говорится о бѣдственномъ положеніи крестьянъ и рабочихъ.

Листы эти, по собственному признанію Тимоѳея Михайлова, оказались писанными его рукою.

О задержанномъ при вышеприведенныхъ обстоятельствахъ сынѣ священника Орловѣ, заявившемъ при допросѣ о принадлежности своей къ «соціально-революціонной партіи», возбуждено и производится особое отъ настоящаго дѣла дознаніе.

V.

4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома № 56—8 (графа Менгдена), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самого, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки, въ подвальномъ этажѣ того же дома, крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ, скрылся вмѣстѣ съ женою своею Еленою Ѳедоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, причемъ, по приглашеніи на мѣсто судебнаго слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую.

По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ: генералъ-маіора Федорова, военнаго инженера штабсъ-капитана Родивановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и, офицеровъ той же роты: штабсъ-капитана Линденера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ къ ней помѣщеній, такъ и самаго подкопа, изслѣдованнаго съ помощью поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, не имѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянною обшивкою нижней части, задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая же земля найдена подъ сидѣньемъ дивана и рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, повидимому, носили землю. Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопные и минные инструменты, какъ-то буравъ съ его принадлежностями, ручной фонарикъ съ лампочкой и проч. Въ жильѣ стѣна, подъ первымъ отъ входа окномъ, пробита и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до средины улицы. Въ отверстіи оказалась стклянка съ жидкостью (двухромокислымъ кали) для заряженія гальванической баттареи, системы Грене, 4 элемента которой найдены тутъ же въ корзинѣ. Отъ батареи шли по минѣ проводы, оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генералъ-маіора Федорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы чернаго динамита, количествомъ около 2-хъ пудовъ, капсюли съ гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполнѣ обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2^1/_2$ саженъ въ діаметрѣ, а въ со-

сѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобозева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соотвѣтствуетъ объему земли, вынутой изъ галлереи.

Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобозевыми наняли лавку въ д. графа Менгденъ въ декабрѣ 1880 г., по контракту за 1,200 руб. въ годъ и, переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ несоотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и внѣшности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась неумѣло и какъ бы лишь для виду, Кобозевъ казался человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія, жена его обнаруживала привычки, несвойственныя женѣ простого торговца, кромѣ того часто не ночевала дома. Вслѣдствіе павшаго поэтому на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28 февраля 1881 г., по распоряженію градоначальника, мѣстною полиціею, при участіи техника генералъ-маіора Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ подъ видомъ техническихъ и санитарныхъ цѣлей. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ, причемъ однако же, по удостовѣренію свидѣтелей: Мровинскаго, пристава 1-го участ. Спасской части Теглева и дворника Никифора Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра 1-го и 2-го марта Кобозевы поочередно уходили изъ дома, а 3-го марта Кобозевъ ушелъ утромъ, жена же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались.

Изложенное удостовѣряется, кромѣ показаній Мровинскаго, Теглева и Самойлова, еще показаніями посѣщавшихъ лавку Кобозевыхъ: управляющаго домомъ графа Менгдена Георгія Петерсона, дворниковъ Никифора Ульянова и Павла Андреева, околоточнаго надзирателя Исаія Дмитріева, старшаго помощника пристава Лерепланда, с.-петербургскаго 2-й гильдіи купца Өедора Новикова, содержателя живописно-лакировальной мастерской Ивана Шмидта.

Паспортъ, по которому проживали Кобозевы, оказался подложнымъ, а настоящій Евдокимъ Андреевъ Кобозевъ—безвыѣздно проживающимъ въ гор. Воронежѣ.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ было обнаружено, что, до переѣзда своего въ лавку на Малой Садовой, Кобозевы, съ 28-го ноября 1880 года, проживали въ д. № 75, на углу Невскаго проспекта и Новой улицы, въ меблированныхъ комнатахъ Афанасьева, гдѣ дочь хозяина, Екатерина Афанасьева, видѣла у нихъ на столѣ сто рублевые кредитные билеты, которые они, уходя, оставляли неприбранными.

По показаніямъ дворниковъ Никифора Самойлова и Никифора Ульянова, въ лавку Кобозевыхъ ходили люди, казавшіеся подозрительными. Такъ, свидѣтель Самойловъ замѣтилъ, что двое изъ этихъ людей, прошедшихъ мимо него 27-го февраля, закрывали свои лица воротниками. Узнавъ отъ Самойлова о приходѣ къ Кобозевымъ одного изъ этихъ людей, молодого человѣка, околоточный надзиратель Исаія Дмитріевъ прослѣдилъ его отъ лавки Кобозевыхъ до угла Невскаго и Малой Садовой, гдѣ означенный человѣкъ нанялъ извозчика, такъ называемаго «лихача», на Вознесенскій проспектъ, за 1 рубль. По словамъ этого извозчика, крестьянина Өедора Гордина, неизвѣстный дорогой измѣнилъ цѣль своей поѣздки и приказалъ ѣхать въ Измайловскій полкъ, гдѣ, на углу 1-й роты и Тарасова переулка, остановивъ извозчика по срединѣ улицы, сошелъ, бросилъ ему 3 р. 20 к., повернулъ въ переулокъ сзади саней и скрылся.

По предъявленіи всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу дворникамъ Никифору Самойлову и Никифору Ульянову, они признали въ Андреѣ Желябовѣ: первый—положительно, а второй—по сходству, одного изъ людей, приходившихъ къ Кобозевымъ 27 февраля.

По предъявленіи обвиняемаго Тимоѳея Михайлова околоточному надзирателю Исаіи Дмитріеву и извозчику Өедору Гордину, они признали въ немъ большое сходство съ тѣмъ вышеупомянутымъ человѣкомъ, который 27-го февраля, выйдя изъ лавки Кобозевыхъ, нанялъ Гордина на Вознесенскій проспектъ, а затѣмъ сошелъ въ Измайловскомъ полку.

При производствѣ упомянутаго выше обыска въ квартирѣ Желябова и начатаго еще утромъ 1-го марта осмотра всего при этомъ обыскѣ найденнаго, между предметами, находящимися у Желябова, оказались 4 куска сыру, изъ которыхъ два круга русскаго зеленаго сыра съ клеймомъ «С. А. С», одинъ кругъ русскаго голландскаго сыра и одинъ—русска-

го честера. По сличеніи чрезъ экспертовъ этихъ сыровъ съ найденными въ лавкѣ Кобозева, они оказались тождественными между собою, причемъ въ лавкѣ были и сыры съ клеймами «С. А. С.».

VI.

По задержаніи и привлеченіи къ настоящему дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ Николая Рысакова, Андрея Желябова, Софьи Перовской, Геси Гельфманъ и Тимофея Михайлова, означеннымъ дознаніемъ было обнаружено, что между названными лицами, соединенными другъ съ другомъ общностью превратныхъ воззрѣній и преступной дѣятельности, существовали близкія отношенія, непосредственно предшествовавшія злодѣянію и несомнѣнно свидѣтельствующія о принадлежности ихъ къ одному и тому же тайному сообществу, которое, замысливъ это злодѣяніе, привело его въ исполненіе.

Признаки таковаго сообщества усматриваются, независимо отъ изложенныхъ ниже показаній обвиняемыхъ, въ слѣдующихъ данныхъ настоящаго дознанія:

Вслѣдъ за арестомъ обвиняемаго Рысакова были обнаружены двѣ квартиры его: въ первой изъ нихъ, на углу 9-й улицы Песковъ и Мытнинской, въ д. № 32—44, кв. № 17, онъ занималъ комнату, подъ именемъ вятскаго мѣщанина Макара Егорова Глазова, у коллежскаго регистратора Ермолина, представивъ и паспортъ на означенное имя; во второй квартирѣ, на углу 5-й улицы Песковъ и Греческаго проспекта, въ д. № 6—14, кв. № 18, онъ проживалъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, занимая комнату у вдовы надворнаго совѣтника Ксеніи Холодковской. Въ первой изъ означенныхъ квартиръ, кромѣ разныхъ рукописей противоправительственнаго содержанія, были найдены: 1) №№ 2 и 3 «Народной Воли»; 2) рукопись подъ заглавіемъ: «Объяснительная записка къ програмиѣ рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли»; 3) печатный экземпляръ самой програмиы, и 4) рукопись подъ заглавіемъ: «Задачи боевой рабочей организаціи», содержащая воззваніе къ «товарищамъ», которые приглашаются вести борьбу съ правительствомъ путемъ открытыхъ насильственныхъ дѣйствій.

Изъ показаній хозяекъ квартиръ, въ которыхъ проживалъ Рысаковъ—Ксеніи Холодковской и Прасковьи Ермолиной, видно, что у первой изъ нихъ онъ жилъ до 31-го января сего года, причемъ къ нему ходилъ лишь одинъ молодой человѣкъ, котораго онъ называлъ своимъ товарищемъ-студентомъ. Во время проживанія Рысакова у Ермолиной его посѣщали по вечерамъ, вмѣстѣ и порознь, 6 человѣкъ его знакомыхъ, съ которыми онъ и уходилъ вмѣстѣ, возвращаясь домой поздно ночью.

3-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самаго неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ поврежденій, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подъ именемъ виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6 экземпляровъ «Рабочей Газеты», напечатанныхъ въ «Летучей типографіи Народной Воли» и экземпляра упомянутой уже, найденной и у Рысакова «Програмиы рабочихъ членовъ партіи», оказались еще: 1) счетъ въ израсходованіи за ноябрь 33 рублей, съ надписью внизу: «отчетъ Федорова», и 2) платокъ съ мѣткою «Н. И. Р.».

По предъявленіи Артамоновой и служанкѣ ея, солдатской вдовѣ Акулинѣ Смѣлковой, трупа неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ придворномъ госпиталѣ, онѣ признали въ немъ своего жильца Ельникова.

Изъ показаній Смѣлковой видно, что Ельниковъ переѣхалъ къ Артамоновой 15-го января 1881 года и велъ весьма уединенную жизнь, принимая лишь по вечерамъ гостей: 3-хъ мужчинъ и 2-хъ женщинъ, изъ которыхъ одинъ мужчина, высокій и черный, приходилъ обыкновенно вмѣстѣ съ женщиною съ большимъ лбомъ, казавшеюся его женою. Въ ночь на 26 февраля Ельниковъ первый разъ ночевалъ дома; 26 числа вечеромъ пришли къ нему упомянутые мужчина съ женщиной и кромѣ того еще другой свѣтлорусый его знакомый, причемъ пробыли у него до 12 часовъ ночи; 27 и 28 февраля Ельникова дома не было, а 1 марта онъ всталъ раньше обыкновеннаго, въ 8 часовъ утра, быстро одѣлся и ушелъ, послѣ чего уже не возвращался.

По предъявленіи Смѣлковой обвиняемыхъ: Рысакова, Желябова, Софьи Перовской и Геси Гельфманъ, свидѣтельница признала въ нихъ лицъ, приходившихъ къ Ельникову и,

въ частности: въ Рысаковѣ—свѣтлорусаго человѣка, нерѣдко приходившаго съ высокимъ, черным мужчиною и его спутницею и бывшаго у Ельникова съ ними же 26 февраля; въ Желябовѣ—человѣка, приходившаго къ Ельникову не менѣе 3 разъ; въ Перовской—упомянутую спутницу высокаго черваго мужчины; въ Гельфманъ—женщину, три раза не заставшую Ельникова дома и въ послѣдній разъ оставившую ему записку.

По предъявленіи свидѣтельницѣ трупа Николая Саблина, проживавшаго въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго и застрѣлившагося предъ обыскомъ въ ночь на 3-е марта, Смѣлкова признала въ немъ высокаго, черваго мужчину, часто приходившаго къ Ельникову, вмѣстѣ съ упомянутою женщиною съ большимъ лбомъ.

По предъявленіи того же трупа Саблина свидѣтельницѣ Ермолиной, она признала въ немъ сходство съ однимъ изъ шести лицъ, посѣщавшихъ Рысакова въ ея квартирѣ.

Сверхъ упомянутыхъ уже выше предметовъ, найденныхъ по обыскамъ у Желябова, у Саблина и Гельфманъ, въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, и у Перовской, у нихъ, между прочимъ, оказались:

У Желябова—кромѣ нумеровъ «Земли и Воли» и «Народной Воли»: 1) нѣсколько прокламацій, въ томъ числѣ отъ «исполнительнаго комитета», по поводу взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, 5-го февраля 1880 года; 2) гектографированная «Программа дѣйствія великорусской партіи соціалистовъ-федералистовъ», съ объяснительною запискою, и 3) шестнадцать экземпляровъ фотографическихъ группъ осужденныхъ государственныхъ преступниковъ.

У Саблина и Гельфманъ — 1) печатная прокламація отъ «исполнительнаго комитета», съ надписью внизу: «исполнительный комитетъ 1-го марта 1881 года. Типографія Народной Воли. 2-го марта 1881 года», по поводу злодѣянія 1-го марта, въ которой о немъ объявляется какъ о совершившемся уже событіи, съ изложеніемъ его причинъ и требованій, предъявляемыхъ такъ называемою «соціально-революціонною партіею» къ будущему; 2) многія революціонныя періодическія изданія и брошюры на русскомъ языкѣ; 3) два револьвера съ принадлежностями и кастетъ; 4) кусокъ грифеля, съ вырѣзанною на немъ печатью московскаго генералъ-губернатора, и 5) записка безъ адреса, подписи и числа, на небольшомъ клочкѣ бумаги, относящаяся, повидимому, до организаціи преступной дѣятельности «партіи». Въ запискѣ этой говорится о добываніи и присылкѣ револьверовъ, кинжаловъ, паспортовъ, печатей мѣщанскаго старосты, о дѣйствіи силою, и между прочимъ значится: «дѣло пошло какъ по маслу, нужна бы женщина, еврейка, для неинтеллигентной роли; попросите отъ меня Гесю, не возьмется ли она за это; если нѣтъ, то тогда пусть А. М. поручитъ ей веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ, а сама пріѣзжаетъ».

У Перовской — 1) печатная программа «исполнительнаго комитета»; 2) два экземпляра печатной програмны рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли»; 3) 17 экземпляровъ «приложенія» къ № 2 «Рабочей Газеты»; 4) рукопись подъ заглавіемъ: «Подготовительная работа партіи», содержаніе которой послѣ введенія, трактующаго объ общихъ приготовленіяхъ къ возстанію, излагается по отдѣламъ со слѣдующими заглавіями: А) центральная организація, В) организаціи мѣстныя и спеціальныя, В) городскіе рабочіе, Г) войско, Д) интеллигенція и молодежь и Е) Европа; 5) листки бумаги съ цифрами (повидимому шифромъ) и разными замѣтками противоправительственнаго направленія; 6) записная книжка съ разными чертежами и замѣтками, представляющими какъ бы условные слова и знаки.

Кинжалъ, бывшій при Рысаковѣ на мѣстѣ преступленія и полученный имъ, по его показанію, отъ Желябова, по внѣшнему своему виду, имѣющимся на немъ знакамъ и выдѣлкѣ, оказался совершенно тождественнымъ съ кинжалами, отобранными: 1) у называющаго себя харьковскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Яковенко, арестованнаго въ Петербургѣ въ день задержанія Тригони и Желябова и обвиняемаго по дѣлу объ Александрѣ Михайловѣ и другихъ такъ называемыхъ «террористахъ» и 2) у вышеупомянутаго сына священника Орлова, задержаннаго 3-го марта въ кондитерской Исакова, по одному изъ адресовъ, найденныхъ у обвиняемаго Тимоѳея Михайлова.

VII.

Независимо отъ всѣхъ приведенныхъ выше прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, показанія, данныя при разслѣдованіи настоящаго

дѣла Рысаковымъ, представляя, кромѣ полнаго его сознанія, еще и важныя разоблаченія, вполнѣ освѣщаютъ планъ, обстановку и самое совершеніе злодѣянія 1-го марта 1881 года.

Показанія эти, пространно и подробно изложенныя Рысаковымъ собственноручно, при девяти послѣдовательныхъ допросахъ и въ поданномъ имъ особо заявленіи, касаются, по своему содержанію, нижеслѣдующихъ главныхъ предметовъ.

1. Вступленіе въ соціально-революціонную партію и отношеніе къ ней.

Сочувствіе къ соціально-революціонному движенію явилось у Рысакова еще до поступленія его въ горный институтъ, т. е. до сентября 1879 года, но до января 1881 года участія въ активной дѣятельности партіи «Народной Воли» онъ не принималъ. Съ начала учебнаго 1880 — 1881 г. Рысаковъ возъимѣлъ мысль вступить въ революціонную рабочую организацію, такъ какъ сознавалъ возможность достигнуть какихъ либо результатовъ при единоличномъ дѣйствіи. Въ это же время, на квартирѣ студента Урсыновича, Рысаковъ познакомился съ Желябовымъ, называвшимся «Захаромъ», знакомство съ которымъ дало возможность ему, Рысакову, расширить и осмыслить свою дѣятельность среди рабочихъ. Въ виду успѣшнаго сближенія Рысакова съ рабочими подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, въ январѣ 1881 года, Желябовъ привелъ Рысакова въ 7-ю роту Измайловскаго полка, въ квартиру, занятую, по словамъ Желябова, нелегальными людьми, и тамъ познакомилъ его съ какимъ-то человѣкомъ, который предложилъ ему вступить въ партію членомъ рабочей организаціи. Человѣкъ этотъ доставилъ Рысакову свѣдѣнія о цѣляхъ, составѣ и средствахъ партіи и, между прочимъ, обѣщалъ ему матеріальную помощь въ размѣрѣ 30 рублей въ мѣсяцъ.

Сближаясь съ рабочими подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, Рысаковъ старался организовать рабочіе кружки, возбуждая ихъ къ открытому возстанію съ цѣлью экономическаго и политическаго переворота. Какъ членъ организаціи, Рысаковъ бывалъ на собраніяхъ агитаціонной группы и раза два или три эти собранія происходили у него. На этихъ сборищахъ, гдѣ онъ встрѣчался съ Желябовымъ, обсуждались вопросы чисто соціальные и агитаціонные, а о террористическихъ предпріятіяхъ говорилось только какъ о способѣ къ оживленію рабочаго движенія и къ охраненію партіи отъ шпіоновъ, но разсужденія эти носили на себѣ характеръ общій, принципіальный и личности для исполненія предпріятій еще не намѣчались.

Не раздѣляя всѣхъ воззрѣній «Народной Воли» и считая ее не знаменемъ, а партіею, онъ тѣмъ не менѣе думалъ, что такъ какъ народъ, неподготовленный къ открытому возстанію, можетъ выйдти изъ своего пассивнаго положенія только въ томъ случаѣ, если во главѣ его станетъ смѣлый и рѣшительный предводитель, какимъ прежде были самозванцы, то роль эта должна быть выполнена партіею «Народной Воли». Въ составъ рабочей организаціи входили: а) агитаціонная группа, для пропаганды и руководства движеніемъ, и б) образовавшаяся среди рабочихъ, въ февралѣ 1881 г., по инициативѣ Желябова—боевая дружина рабочихъ, или террористическій отдѣлъ, для охраненія движенія и рабочихъ отъ шпіоновъ. Агитаціонная группа относилась къ исполнительному комитету какъ подгруппа къ группѣ. Къ агитаціонной группѣ принадлежали, кромѣ него, Рысакова, Желябова и Перовской,—человѣкъ называвшійся «Инвалидомъ» и человѣкъ извѣстный ему, Рысакову, подъ названіемъ «Михаила Ивановича» или «Котика», котораго онъ признялъ въ предъявленномъ ему трупѣ неизвѣстнаго, умершаго въ придворномъ госпиталѣ и проживавшаго подъ именемъ Ельникова въ домѣ № 59, по Симбирской улицѣ. Террористическій же отдѣлъ состоялъ всего изъ 5—6 человѣкъ, а именно: изъ него, Рысакова, Желябова и Михаила Ивановича, какого-то изъ «интеллигентныхъ» и, кажется, Тимоѳея Михайлова.

2. Организація и совершеніе злодѣянія 1-го марта, по словамъ Рысакова, не должны были явиться и въ дѣйствительности не были прямымъ дѣломъ «террористическаго» отдѣла рабочихъ. Исходя отъ исполнительнаго комитета, это преступленіе было лишь предложено «комитетомъ» рабочей боевой дружинѣ, причемъ онъ, Рысаковъ, даже думалъ сначала, что самое посягательство будетъ совершено кѣмъ либо изъ членовъ «комитета».

Рѣчь о цареубійствѣ зашла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ особой конспиративной квартирѣ (Геси Гельфманъ) по Троицкому переулку; на этой послѣдней квартирѣ, недѣли за полторы до 1-го марта, Желябовъ «кликнулъ кличъ», или,

другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое покушеніе на жизнь Государя Императора, рѣшенное «исполнительнымъ комитетомъ». Послѣ этихъ собраній, состоялось еще одно въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи; сначала событіе, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысаковымъ въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній, представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только-что постигшими ее арестами. На категорическое предложеніе Желябова совершить покушеніе, Рысаковъ согласился приблизительно за недѣлю до 1-го марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія съ кружкомъ лицъ, устроивавшихъ посягательство, и былъ введенъ въ новую конспиративную квартиру по Тѣлежной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была нанята исключительно для подготовленія цареубійства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отозвались, кромѣ его, Рысакова, еще «Михаилъ Ивановичъ» и Тимоѳей Михайловъ, а также, повидимому, и человѣкъ, называвшійся «Михаиломъ», съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его познакомилъ Желябовъ, какъ съ «товарищемъ по дѣлу». Сверхъ названныхъ лицъ на «конспиративной квартирѣ» появилась и Перовская, съ которою Желябовъ познакомилъ его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, причемъ Рысаковъ принялъ тогда же участіе, вмѣстѣ съ «Михаиломъ Ивановичемъ», въ постоянномъ и правильномъ наблюденіи за выѣздами Государя Императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ по Тѣлежной улицѣ собирались добровольцы, т. е. онъ, Рысаковъ, «Михаилъ Ивановичъ», Тимоѳей Михайловъ и «Михаилъ». Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гесю Гельфманъ, а также человѣка, признаннаго имъ въ предъявленномъ ему трупѣ Саблина. На первое же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человѣкъ, котораго называли «техникомъ» и который подробно объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ по принесеннымъ имъ образцамъ. 28-го февраля, онъ, Рысаковъ, «техникъ», Тимоѳей Михайловъ и «Михаилъ Ивановичъ» ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смольнымъ монастыремъ, пробовать образецъ снаряда; снарядъ этотъ былъ брошенъ Тимоѳеемъ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ-то указаній отъ Желябова, который однако же не пришелъ, причемъ, кажется, Гельфманъ сказала, что если онъ не придетъ, «то значитъ занятъ». На другой день, 1-го марта, въ 9 часовъ утра, согласно состоявшемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были: онъ, Рысаковъ, Тимоѳей Михайловъ, «Михаилъ Ивановичъ» и «Михаилъ». Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собою узелъ со снарядами, въ которомъ ихъ было не больше двухъ; она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что не смотря на работу въ теченіи всей ночи, не успѣли приготовить предположеннаго прежде количества снарядовъ. «Можетъ быть и еще принесутъ», сказала Перовская, «нужно довольствоваться малымъ». Затѣмъ явился «техникъ» и, какъ кажется Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія злодѣянія были даны Перовскою, которая начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ назначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣдующее распредѣленіе: на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ при проѣздѣ Государя, а лица, вооруженныя метательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатерининскаго сквера, а «Михаилъ» на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой. На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Б.-Итальянской, близъ манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, болѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытныя и съ лучшимъ революціоннымъ прошлымъ; здѣсь могли стать «Михаилъ Ивановичъ» и Тимоѳей Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ по словамъ Перовской, Государя «уже ждутъ», всѣ лица со снарядами должны были, на случай неудачи, спѣшить къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ же, если бы Государь Императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданіе съ Перовскою было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія Имъ Михайловскаго дворца. Когда

же оказалось, что Государь Императоръ проследовалъ въ манежъ не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ, завернутый въ платкѣ, подъ ноги лошадямъ ѣхавшей ему на встрѣчу Императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ. Тутъ же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ предъ собою на далекомъ разстояніи «Михаила Ивановича»..

3. Стараясь объяснить причины, побудившія его рѣшиться на цареубійство, Рысаковъ показалъ, что партія «Народной Воли» считаетъ терроръ однимъ изъ средствъ предпринятой ею политической борьбы: вопервыхъ, для охраненія революціоннаго движенія; вовторыхъ, для того, чтобы доказать народу силу и тѣмъ «высоко держать свое знамя и доставить ему обаяніе», втретьихъ, какъ отвѣтъ на строгія репрессивныя мѣры правительства. Этими же соображеніями обусловливалась и рѣшимость партіи стремиться къ цареубійству. Не раздѣляя ихъ въ цѣломъ ихъ составѣ и не сочувствуя террору вообще, какъ постоянному средству борьбы, онъ, Рысаковъ, однако же видѣлъ въ террорѣ и въ особенности въ посягательствѣ на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Монарха, въ данное время единственный, по его мнѣнію, выходъ изъ общаго натянутаго и тягостного положенія, единственное средство создать новыя, удобнѣйшія условія жизни и дѣятельности соціалиста, какъ дѣятеля во имя блага народа. «Соціалистъ», заявляетъ обвиняемый, «если образно выразиться, носилъ свое право въ дулѣ револьвера». Въ частности, съ своей собственной точки зрѣнія, онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ удачномъ цареубійствѣ средство: 1) прекращенія вообще террора, уже ненужнаго при новомъ строѣ; 2) свободное развитіе мирной соціалистической пропаганды; 3) устраненіе экономическихъ причинъ, могущихъ вызвать кровавый деревенскій, аграрный терроръ, направленный противъ ближнихъ враговъ крестьянства, или безформенный народный бунтъ, недоступный руководству партіи и притомъ столь страшный по своимъ послѣдствіямъ, что, по подлиннымъ словамъ Рысакова, даже «мы закоренѣлые злодѣи и тѣ пугались его», и, наконецъ, 4) устраненія непримиримо-враждебнаго отношенія верховной власти къ соціалистамъ. Въ силу всего этого онъ, по справедливому выраженію Желябова, дѣйствительно рвался на цареубійство. Такимъ образомъ онъ, Рысаковъ, выступивъ, по предложенію Желябова, добровольцемъ для совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, въ сущности совершенно расходился со своею партіею во взглядахъ на значеніе и цѣли этого дѣянія, посредствомъ котораго онъ хотѣлъ вызвать, при измѣнившихся условіяхъ внутренней политической жизни всей страны, переходъ отъ несочувственной ему исключительно политической борьбы къ болѣе согласной съ его убѣжденіями мирной экономической борьбѣ за истинныя, чуждыя посторонней примѣси, соціалистическія начала. Потому, давая Желябову согласіе на преступленіе 1-го марта, онъ поступалъ не какъ слѣпое орудіе, а, по его выраженію, «по чистой совѣсти и побужденіямъ своей души и сердца».

Въ разъясненіи прошедшей жизни и личной обстановки Рысакова, дознаніемъ обнаружены нѣкоторыя характеристическія данныя, а именно:

Сынъ управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Громова, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, Рысаковъ родился 2-го мая 1861 года, а въ 1874 году поступилъ въ череповецкое реальное училище, гдѣ успѣшно окончилъ курсъ въ 1878 году и затѣмъ поступилъ въ горный институтъ, отъ котораго, по крайней бѣдности, неоднократно получалъ единовременныя пособія въ 30—50 руб., въ томъ числѣ деньги для внесенія платы за слушаніе лекцій и на практическія занятія. Кромѣ того, онъ получалъ еще изъ конторы Громова по 30 рублей въ мѣсяцъ за счетъ своего отца. Въ декабрѣ 1879 года, по арестованіи государственнаго преступника Степана Ширяева, Рысаковъ съ товарищемъ своимъ Коновкинымъ явился на квартиру Ширяева требовать выдачи оставшихся послѣ него вещей, вслѣдствіе чего и былъ задержанъ, причемъ оказалось, что передъ этимъ Рысаковъ жилъ на одной квартирѣ съ обвиняемою по одному съ Ширяевымъ дѣлу, Анною Долгоруковою. Въ декабрѣ 1880 года былъ произведенъ обыскъ у заподозрѣннаго въ политической неблагонадежности рабочаго Ивана Гаврилова, у котораго проживалъ и Рысаковъ. Это обстоятельство, по объясненію Рысакова, и побудило его, во избѣжаніе ареста, перейдти на такъ называемое «нелегальное» положеніе, т. е. проживать по чужому

паспорту на имя Глазова. Съ того же времени, приблизительно съ января 1881 года, онъ окончательно примкнулъ къ «соціально-революціонной партіи» и сталъ чрезъ Желябова получать содержаніе изъ ея фонда по 30 руб. въ мѣсяцъ. За недѣлю до перехода его на нелегальное положеніе, Желябовъ, заявивъ ему о крайней недостаточности средствъ «соціально-революціонной партіи», просилъ его достать денегъ, вслѣдствіе чего Рысаковъ, подъ предлогомъ практическихъ занятій, взялъ у кассира Громова свое содержаніе за три мѣсяца впередъ, изъ котораго и передалъ Желябову около 50 р.

По отзывамъ свидѣтелей, знавшихъ Рысакова въ череповецкомъ реальномъ училищѣ и въ горномъ институтѣ, онъ учился усердно и велъ весьма скромную жизнь.

По показанію свидѣтельницы Ермолиной, Рысаковъ, обыкновенно встававшій послѣ ночныхъ отлучекъ весьма поздно, 1-го марта всталъ рано и, въ противоположность своей всегдашней угрюмости, казался особенно веселымъ и разговорчивымъ. На вопросъ Ермолиной, куда онъ собрался такъ рано, Рысаковъ, уходя, отвѣчалъ: «служба», а на замѣчаніе ея, что сегодня воскресенье и нигдѣ присутствія нѣтъ, обвиняемый сказалъ, что онъ идетъ въ гости и что это—«все равно служба».

Обвиняемый Андрей Ивановъ Желябовъ, признавая фактическую сторону приписываемыхъ ему преступныхъ дѣяній и сообщая нѣкоторыя подробности объ организаціи «соціально-революціонной партіи», объяснилъ, что служитъ дѣлу народнаго освобожденія и принадлежитъ къ партіи «Народной Воли», которая считаетъ уничтоженіе правителей однимъ изъ средствъ активной борьбы для достиженія своихъ цѣлей. Состоя агентомъ третьей степени при «исполнительномъ комитетѣ», т. е. пользуясь его полнымъ довѣріемъ, онъ получилъ отъ «комитета» порученіе организовать посягательство на жизнь Государя Императора. Для этой цѣли изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ партіи, которыхъ въ распоряженіи «комитета» имѣется нѣсколько, и въ томъ числѣ боевая рабочая дружина, были вызваны «добровольцы». Изъ числа отвѣтившихъ на этотъ призывъ 47 человѣкъ, онъ, Желябовъ, выбралъ наиболѣе, по его мнѣнію, пригодныхъ, въ томъ числѣ и Рысакова, котораго онъ считалъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ революціонному дѣлу дѣятелей, но которому, однако же, онъ, Желябовъ, отводилъ лишь мѣсто пособника, для выправки изъ него самостоятельнаго бойца на будущее время. Не сообщая объ этомъ Рысакову, обвиняемый заставлялъ его переживать самыя серьезныя ожиданія. Тѣмъ не менѣе вліяніе его, Желябова, подъ которымъ въ извѣстной степени находился Рысаковъ, не исключало его самобытнаго развитія и таковой же дѣятельности. Для совершенія цареубійства были избраны метательные снаряды. Тимоѳей Михайловъ въ этомъ дѣлѣ не принималъ никакого участія. Что же касается до него, Желябова, то арестъ помѣшалъ ему принять физическое участіе въ посягательствѣ на жизнь Государя Императора, нравственное же его участіе было полное.

2-го марта, обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора с.-петербургской судебной палаты заявленіе, въ которомъ, высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя, по его выраженію, «пріобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта», объясняетъ, «что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и не принялъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь по «случайности». Далѣе, восхваляя Рысакова, онъ выражаетъ опасеніе, что правительство «за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, «ветерана революціи», предпочтетъ «внѣшнюю законность внутренней справедливости», во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ Желябова, котораго умершій обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ террористахъ Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность «въ высшей степени развитую и геніальную», оказывается, что Желябовъ въ 1872 году былъ исключенъ изъ новороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и по оправданіи, по собственному его показанію, проживалъ подъ разными именами въ разныхъ мѣстахъ, на средства, изъ фонда народа.

Обвиняемая Софья Львова Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи «Народной Воли», такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 года, показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домаш-

нее образованіе и поступивъ въ 1869 году на высшіе женскіе курсы при 5-й с.-петербургской мужской гимназіи, она въ 1870 году оставила родительскій домъ и послѣ нѣкотораго подготовленія сдѣлалась народною учительницей, а въ 1872 году примкнула къ революціонному движенію, причемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 году, она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ Олонецкую губернію, но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила «нелегально» подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 года, подъ фамиліею Войновой, она поселилась въ Петербургѣ, въ д. № 17 — 18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, вмѣстѣ съ своею знакомою, настоящей фамиліи которой она назвать не желаетъ и которая проживала подъ фамиліею Сиповичъ. Въ сентябрѣ къ ней на квартиру, вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ «партіи» «Народной Воли» и «агентъ исполнительнаго комитета», она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами Государя Императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28-го февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подкопъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда Государя но этой улицѣ. Независимо отъ этого подкопа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ, именно два, она, Перовская, утромъ привезла въ домъ № 5, по Телѣжной улицѣ, въ квартиру, хозяевами которой были застрѣлившійся въ ней передъ обыскомъ человѣкъ (Саблинъ) и Геся Гельфманъ. Своихъ снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды, принесенные другими, она объяснить не желаетъ. По спѣшности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго наканунѣ рѣшенія совершить преступленіе 1-го марта, не могло быть приготовлено большаго количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская, и объяснила своимъ соучастникамъ, по пріѣздѣ своемъ на квартиру по Телѣжной улицѣ, утромъ названнаго дня. Здѣсь же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждаго, она нарисовала на конвертѣ найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, также получившаго снарядъ. По заранѣе составленному плану, отправивъ на условленныя мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, причемъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направленіемъ пути, принимаемымъ Государемъ Императоромъ. Увидя, что Его Величество, не проѣхавъ по Малой Садовой и, такимъ образомъ, благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ, а затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченнымъ ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала, молча, сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно идти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ таковаго для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала, для того, чтобы оттуда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обоихъ взрывовъ она находилась на противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась.

Что же касается до мотивовъ своей преступной дѣятельности въ составѣ «партіи Народной Воли», то Перовская дала имъ слѣдующее объясненіе: стремясь къ поднятію экономическаго благосостоянія народа, а также уровня его нравственнаго и умственнаго развитія, члены партіи, съ цѣлью пробудить въ народѣ общественную жизнь и сознаніе его гражданскихъ правъ, стали селиться въ разныхъ мѣстностяхъ среди народа для пропаганды. Когда же Правительство отвѣтило на это рядомъ репрессивныхъ мѣръ и тѣхъ

сдѣлало такую постановку дѣятельности невозможною, «партія», послѣ долгаго колебанія, была вынуждена перейти къ политической борьбѣ противъ существующихъ государственныхъ формъ, какъ главнаго препятствія къ достиженію цѣлей «партіи». Большинство «партіи» не сочувствовало этой борьбѣ, порицало ее, но она тѣмъ не менѣе была предпринята и притомъ, главнымъ образомъ, посредствомъ «террористическихъ фактовъ». Упорство же въ покушеніяхъ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора было вызвано убѣжденіемъ, что усопшій Государь никогда не измѣнитъ «ни Своего отношенія къ партіи», ни Своей внутренней политики.

Кромѣ вышеприведенныхъ, сообщенныхъ самою обвиняемою Перовскою, свѣдѣній о ея прошломъ, изъ дѣла видно: 1) что въ 1871 году Софья Перовская, бывшая тогда 18-ти лѣтъ отъ роду, привлекалась къ дознанію о Николаѣ Гончаровѣ и тайномъ кружкѣ, въ составъ котораго входили, кромѣ Гончарова, обвинявшіеся впослѣдствіи въ государственныхъ преступленіяхъ Натансонъ, Чудновскій, Чайковскій и др.; 2) что по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи Перовская привлекалась къ суду по обвиненію въ принадлежности къ тайному преступному кружку «Чайковцевъ», образовавшемуся въ 1873 году, но была оправдана.

Обвиняемая Геся Мирова Гельфманъ, не признавая себя ни въ чемъ виновною, первоначально отказалась дать какія-либо объясненія какъ по содержанію предъявленныхъ къ ней обвиненій, такъ и вообще по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, а затѣмъ, на допросѣ 12-го марта сего года, по признаніи ея свидѣтелемъ Усманомъ Булатовымъ за личность, жившую въ д. № 27—1, по Троицкому переулку, подъ именемъ Николаевой, показала, что она, дѣйствительно, жила въ этой квартирѣ, которая была «конспиративною», съ человѣкомъ, называвшимся ея мужемъ, Андреемъ Николаевымъ; настоящаго же имени его она сказать не желаетъ. Здѣсь бывали у нихъ Желябовъ, Перовская и человѣкъ, умершій 1-го марта въ Придворномъ госпиталѣ, извѣстный ей, Гельфманъ, подъ именемъ «Михаила Ивановича» или «Котика». Здѣсь же, у Гельфманъ и ея сожителя, помѣщалась тайная типографія «Рабочей Газеты», 1-й нумеръ которой, а также «Программа рабочихъ членовъ партіи» и были ими напечатаны, причемъ она, Гельфманъ, исполняла обязанности наборщицы. «Рабочую Газету» она сама раздавала между рабочими. Желябовъ былъ сотрудникомъ этой газеты, печатаніе которой у нихъ въ квартирѣ прекратилось недѣли за двѣ до переѣзда обвиняемой изъ Троицкаго переулка, когда всѣ принадлежности типографіи были куда-то увезены отъ нихъ. Послѣ того какъ называвшійся мужемъ ея Николаевымъ былъ, по выраженію Гельфманъ, «отозванъ по дѣлу», она вмѣстѣ съ Саблинымъ, который подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго назывался также ея мужемъ, переѣхала въ д. № 4 по Телѣжной улицѣ.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, Геся Гельфманъ была осуждена въ 1877 году по дѣлу о распространеніи книгъ преступнаго содержанія въ губерніяхъ Московской и другихъ и приговорена особымъ присутствіемъ правительствующаго сената за принадлежность къ преступному тайному сообществу (по 2 отд. ст. 250 улож. о нак.) по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 2 года. Приговоръ этотъ былъ обращенъ къ исполненію, причемъ срокъ содержанія Гельфманъ въ рабочемъ домѣ истекъ 7-го марта 1879 г.

Обвиняемый Тимоѳей Михайловъ, отказываясь отвѣчать на большую часть предложенныхъ ему вопросовъ, между прочимъ и на вопросы о предметахъ обвиненія, призналъ свою принадлежность, какъ къ той части «русской соціально-революціонной партіи», которая придерживается террористическаго направленія, такъ въ частности и къ «боевой рабочей дружинѣ», имѣющей, по его словамъ, цѣлью охранять рабочихъ отъ ихъ враговъ, напримѣръ, отъ шпіоновъ, а также подвергать избіенію нелюбимыхъ рабочими мастеровъ. Дружину эту обвиняемый называетъ «терромъ». 3-го марта онъ пришелъ въ домъ № 5 по Телѣжной улицѣ, по приглашенію своего товарища, назвать котораго не желаетъ. Все, что въ показаніяхъ Рысакова относится до него, Михайлова, онъ признаетъ ложью. Предъ задержаніемъ своимъ онъ проживалъ на углу Дегтярной и 5-й улицъ Песковъ, въ домѣ № 33—14, подъ именемъ и по паспорту черниговскаго мѣщанина Сергѣя Лапина.

По собраннымъ при дознаніи свѣдѣніямъ, Тимоѳей Михайловъ, по прозвищу Махровъ, ремесломъ котельщикъ, прибылъ въ С.-Петербургъ съ родины лѣтъ 6 тому назадъ и затѣмъ работалъ на разныхъ заводахъ, при-

чемъ, по удостовѣренію сына дьячка Александра Бѣличева, работавшаго вмѣстѣ съ Михайловымъ на заводѣ Фридланда, Михайловъ уже года 1½ тому назадъ, повидимому, принадлежалъ къ тайному сообществу или кружку рабочихъ, въ которомъ читались запрещенныя брошюры и газета «Земля и Воля». По показанію брата Тимоѳея Михайлова, Григорія Михайлова, онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ, въ началѣ февраля, на заводѣ, бывшемъ Макферсона, гдѣ Тимоѳей Михайловъ проработалъ всего полтора дня, и затѣмъ, взявъ свой паспортъ, ушелъ, послѣ чего братъ его уже болѣе не видѣлъ.

VIII.

Сверхъ вышеизложенныхъ предметовъ настоящаго дѣла, на обвиняемыхъ Андрея Иванова Желябова и Софью Львову Перовскую падаетъ еще обвиненіе въ участіи вмѣстѣ съ другими лицами: на перваго—въ покушеніи на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, произведенномъ 18 ноября 1879 года, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, а на вторую—въ таковомъ же покушеніи, совершенномъ 19 того же ноября, близъ города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

1. Къ изобличенію Желябова въ вышеуказанномъ преступленіи служатъ слѣдующія данныя дознанія:

Привлеченный къ дознанію по обвиненію въ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Кропоткина, совершенномъ 9 февраля 1879 г. въ городѣ Харьковѣ и въ покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенномъ 2 апрѣля 1879 г., сынъ купца Григорій Гольденбергъ, нынѣ умершій, въ показаніи своемъ, данномъ въ маѣ 1880 года, между прочимъ, объяснилъ, что во второй половинѣ іюня мѣсяца 1879 года, въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, состоялся общій съѣздъ дѣятелей социально-революціонной партіи въ Россіи, для пересмотра программы народнической партіи и совѣщанія о мѣрахъ противодѣйствія строгимъ правительственнымъ распоряженіямъ. Въ числѣ лицъ, собравшихся въ Липецкѣ, въ количествѣ около 15 человѣкъ, на съѣздѣ этомъ былъ крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, проживавшій въ то время подъ именемъ Чернявскаго. Совѣщанія липецкаго съѣзда привели къ рѣшенію предпринять цѣлый рядъ покушеній на жизнь Священной Особы Государя Императора, и между прочимъ—произвести взрывъ полотна желѣзной дороги близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, во время слѣдованія императорскаго поѣзда по пути изъ Крыма. По словамъ Гольденберга, въ двадцатыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 г., въ городъ Харьковъ прибыли: нѣкто Кошурниковъ и Андрей Прѣсняковъ (нынѣ казненный), которые привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита и проволоку для употребленія ихъ при взрывѣ близъ города Александровска; въ то же время, въ городѣ Харьковѣ устраивали сходки для обсужденія вопроса о способѣ осуществленія этого посягательства на жизнь Государя Императора. Здѣсь Гольденбергъ и Желябовъ (подъ именемъ Борисова), доказывая на сходкахъ необходимость террористическаго образа дѣйствій, подготовляли все нужное для приведенія въ исполненіе своего преступнаго умысла.

Изъ числа лицъ, участвовавшихъ на сходкахъ—Желябову, Акимовой (то же Баска) и нынѣ осужденнымъ Тихонову и Окладскому было поручено произвести взрывъ подъ Императорскимъ поѣздомъ въ городѣ Александровскѣ, куда Желябовъ послѣ этого и отправился, подъ именемъ купца Черемисова. Въ октябрѣ же мѣсяцѣ 1879 г., какъ удостовѣрили спрошенные при дознаніи свидѣтели: мѣщане—Тимоѳей и Марья Бовенко, въ гор. Александровскъ пріѣхалъ молодой человѣкъ, назвавшійся ярославскимъ купцомъ Черемисовымъ, и сталъ хлопотать объ отводѣ ему участка земли для устройства кожевеннаго завода. Получивъ разрѣшеніе думы на устройство этого завода, онъ выбралъ себѣ участокъ земли близъ полотна желѣзной дороги, но въ отводѣ этого участка ему было отказано, послѣ чего онъ указалъ другой участокъ, вблизи селенія Вознесенки, въ сторонѣ, противоположной отъ желѣзной дороги. Въ концѣ октября мѣсяца Черемисовъ (Желябовъ) поселился въ домѣ мѣщанъ Бовенко съ какою-то женщиною, которую онъ называлъ своею женою; съ этого времени у него стали появляться новыя лица, изъ коихъ двое оставались и жили у него—одинъ около мѣсяца, а другой нѣсколько дней; постоянно говоря съ своими хозяевами и сосѣдями о своемъ намѣреніи устроить кожевенный заводъ, онъ однако же не принималъ никакихъ мѣръ къ его устройству; въ половинѣ ноября мѣсяца выѣхали изъ города Александровска женщина, называвшая себя женою Черемисова, а въ двадцатыхъ числахъ ноября

уѣхали оттуда—Черемисовъ и находившіяся съ нимъ въ сношеніяхъ два лица; при этомъ Черемисовъ наскоро продалъ имѣющихся у него лошадей и телѣгу и оставилъ въ домѣ Бевенко всю мебель. По справкѣ въ ярославской мѣщанской управѣ, паспортъ, предъявленный Черемисовымъ въ александровскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, оказался подложнымъ.

Указанные Гольденбергомъ, какъ бывшіе кромѣ Желябова участниками злодѣйскаго покушенія на жизнь Государя Императора въ городѣ Александровскѣ, Андрей Прѣсняковъ, Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій сознались въ этомъ преступленіи и были осуждены за это приговоромъ с.-петербургскаго военнаго окружнаго суда, состоявшимся въ октябрѣ 1880 года; Якимова же осталась неразысканною. Изъ показаній упомянутыхъ осужденныхъ, а также изъ протокола осмотра мѣста закладки ими динамитной мины, видно, что два мѣдные цилиндра съ динамитомъ и другія приспособленія для работъ по устройству взрыва были заблагозременно привезены кѣмъ-то изъ злоумышленниковъ въ городъ Александровскъ, въ квартиру Бовенко. Въ теченіи двухъ ночей производилась работа по укладкѣ проволоки отъ грунтовой дороги, идущей отъ города Александровска въ окрестныя селенія, къ полотну желѣзной дороги, на четвертой верстѣ отъ города, по пути къ станціи Лозовой; затѣмъ послѣдовала самая закладка двухъ цилиндровъ съ динамитомъ подъ шпалы, гдѣ они были уложены одинъ отъ другого на разстояніи 34-хъ саженъ; проволока, проложенная отъ проѣзжей дороги до обрыва, спускалась въ оврагъ и затѣмъ, поднимаясь на насыпь желѣзнодорожнаго пути, вышиною въ 11 саженъ, соединялась тамъ съ заложенными подъ шпалы цилиндрами, а отъ нихъ шла къ ближайшему цинковому листу, который сообщался со вторымъ листомъ, уложеннымъ въ 7 саженяхъ отъ проѣзжей дороги и въ свою очередь соединившимся проволокою съ аппаратомъ, помѣщеннымъ въ телѣгѣ въ моментъ неудавшагося взрыва. 16-го ноября, Прѣсняковъ, поселившійся въ г. Симферополѣ, для полученія свѣдѣній о времени выѣзда Государя Императора изъ Крыма пріѣхалъ въ г. Александровскъ и сообщилъ своимъ единомышленникамъ, что Государь Императоръ послѣдуетъ чрезъ г. Александровскъ 18-го числа того же мѣсяца. Въ этотъ послѣдній день, часовъ въ 9 утра, Тихоновъ, Желябовъ, Окладскій и Прѣсняковъ, помѣстивъ въ телѣгу аппаратъ, поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ были заложены минныя проволоки, и здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли концы проволоки, передалъ ихъ Желябову; когда императорскій поѣздъ вышелъ со станціи и нѣсколько вагоновъ его прошли уже надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была положена мина, по сигналу Окладскаго: «Жарь»—Желябовъ сомкнулъ цѣпь, но, по неизвѣстной причинѣ, взрыва не произошло и императорскій поѣздъ прослѣдовалъ благополучно мимо злоумышленниковъ. По изслѣдованіи цилиндровъ, найденныхъ, по указанію осужденнаго Тихонова, подъ шпалами, экспертъ генералъ-маіоръ Федоровъ нашелъ, что цилиндры эти представляютъ собою двѣ мины, снаряженныя магнезіальнымъ динамитомъ и снабженныя электрическими запалами, причемъ одинъ цилиндръ сполна наполненъ динамитомъ, а другой—только до половины. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, по задержаніи его 27-го февраля въ Петербургѣ, Желябовъ объяснилъ, что какъ членъ соціально-революціонной партіи, онъ, для осуществленія идеи уничтоженія правителей и по порученію исполнительнаго комитета, организовалъ покушеніе близь г. Александровска и принималъ въ осуществленіи его непосредственное участіе.

2. Обстоятельства покушенія 19-го ноября 1879 года на линіи московско-курской желѣзной дороги представляются, какъ выяснено дознаніемъ, въ слѣдующемъ общемъ видѣ:

19-го ноября 1879 года, въ одиннадцатомъ часу вечера, на третьей верстѣ отъ московской станціи московско-курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою Свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ злоумышленники очевидно предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора. По удостовѣренію управляющаго московско-курской желѣзной дороги и помощника начальника первой дистанціи, Потемкина, входившіе въ составъ этого поѣзда два паровоза и первый багажный вагонъ оторвались, одинъ багажный вагонъ повернулся вверхъ колесами и восемь вагоновъ сошли съ рельсовъ, съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями, но при этомъ ни лица, слѣдовавшія на поѣздѣ, ни постороннія лица не понесли никакихъ поврежденій.

При осмотрѣ мѣста взрыва, было обнаруже-

ю, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго въ 20 саженяхъ отъ желѣзно-дорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшею себя саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ; изъ нижняго этажа этого дома была выведена имѣвшая видъ трехгранной призмы галлерея, размѣромъ 0,37 саж. въ основаніи и 0,5 саж. въ высоту, обшитая въ основаніи и по бокамъ досками; при осмотрѣ упомянутаго дома оказалось, что взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, находившейся въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальванической батареи, помѣщенной въ сараѣ. Два проводника, покрытые слоемъ земли, шли отъ батареи по двору до стѣны дома и затѣмъ поднимались по плинтусамъ во второй этажъ, гдѣ они, соединявшись со спиралью Румкорфа, спускались по стѣнѣ въ нижній этажъ дома и затѣмъ вступали въ галлерею, ведущую къ минѣ, заложенной на глубинѣ около двухъ саженъ подъ рельсами. Около батареи, въ сараѣ, имѣлось отверстіе, чрезъ которое можно было удобно наблюдать за желѣзнодорожнымъ путемъ.

По заключенію экспертовъ, на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней, причемъ работа эта, по ихъ мнѣнію, производилась не менѣе чѣмъ двумя, а скорѣй и большимъ числомъ лицъ; самый взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, относящихся къ группѣ содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Допрошенными при дознаніи свидѣтелями: Анной Трофимовой, вдовой купца Матреной Сувзцевой, крестьяниномъ Алексѣемъ Морозовымъ, мѣщанкой Александрой Кузьминой, Василіемъ Кононовымъ, Ириной и Иваномъ Сѣдковымъ удостовѣрено, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 года съ женщиною, именовавшеюся его женою; первоначально онъ поселился въ домѣ Кузьмина, у Чистыхъ прудовъ, въ Кривомъ переулкѣ, а 13-го сентября пріобрѣлъ покупкою домъ у мѣщанина Кононова, при посредничествѣ мѣщанки Трофимовой; 19-го сентября онъ переѣхалъ въ этотъ домъ и, удаливъ оттуда жильцовъ, подъ предлогомъ необходимыхъ въ домѣ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Послѣ того окна нижняго этажа были наглухо заколочены, двери же заперты, а въ домъ были привезены доски и желѣзныя трубы, найденные впослѣдствіи въ минной галлереѣ. Сухоруковъ оставался въ Москвѣ вмѣстѣ съ жившею съ нимъ женщиною до взрыва Императорскаго поѣзда, а вслѣдъ за взрывомъ оба они скрылись.

Дознаніемъ обраружено, что по подложному паспорту на имя Сухорукова проживалъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Николаевичъ Гартманъ, скрывающійся въ настоящее время заграницей; проживающая же съ Гартманомъ женщина, именовавшая себя его женою, была признана свидѣтельницею Марьею Соловьевой въ предъявленномъ ей фотографическомъ снимкѣ обвиняемой Софьи Львовой Перовской.

По предъявленіи того же снимка свидѣтельницамъ Иринѣ Сѣдовой, Аннѣ Трофимовой и Екатеринѣ Григорьевой, онѣ показали, что изображенная на этомъ снимкѣ личность очень похожа на женщину, называвшую себя женою Сухорукова.

Участіе Перовской въ устройствѣ подкопа и взрыва подъ полотномъ московско-курской желѣзной дороги выяснилось главнымъ образомъ изъ показаній обвинявшагося въ государственныхъ преступленіяхъ, нынѣ умершаго, сына купца Григорія Гольденберга, который, по задержаніи его 14-го ноября 1879 года на станціи желѣзной дороги «Елизаветградъ», призналъ себя виновнымъ въ приготовленіяхъ къ означенному взрыву и указалъ своихъ соучастниковъ въ этомъ посягательствѣ на жизнь Государя Императора. По показанію Гольденберга, въ половинѣ октября 1879 года, въ городъ Харьковъ пріѣхалъ участвовавшій въ липецкомъ съѣздѣ и нынѣ осужденный государственный преступникъ Степанъ Ширяевъ, и сообщая о подробностяхъ преступленія, предположеннаго въ Москвѣ, объяснилъ, что тамъ на имя Сухорукова купленъ уже домъ, изъ котораго ведется галлерея подъ полотно желѣзной дороги, при участіи: Гартмана, студентовъ Гришки и Арончика, Александра Михайлова и Софьи Перовской, именовавшей себя Мариной Семеновой—женою Сухорукова. Вслѣдствіи этихъ свѣдѣній, Гольденбергъ пріѣхалъ въ Москву и, присоединившись къ кружку названныхъ лицъ, принималъ участіе въ работахъ по устройству подкопа; въ то время между ними уже было рѣшено, что для самаго производства взрыва должны остаться въ домѣ Сухорукова—Ширяевъ и Перовская, а остальные участники должны были выѣхать оттуда наканунѣ при-

бытія въ Москву Императорскаго поѣзда; Перовской было поручено наблюдать у полотна желѣзной дороги за приближеніемъ поѣзда, а Ширяеву—сомкнуть цѣпь по сигналу, данному Перовскою, которая очень гордилась возложеннымъ на нее порученіемъ.

Ширяевъ, задержанный въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 года въ Петербургѣ, подтвердилъ сущность приведенныхъ выше объясненій Гольденберга, и добавилъ, что передъ самымъ проѣздомъ Государя Императора состоявшееся у нихъ рѣшеніе о распредѣленіи занятій при взрывѣ было измѣнено, причемъ вмѣсто него, Ширяева, въ домѣ остались для производства взрыва Гартманъ и Перовская.

Обвиняемая Софья Перовская на допросѣ при дознаніи по настоящему дѣлу объяснила, что дѣйствительно, осенью 1879 года, она подъ именемъ жены Сухорукова—Марины Семеновой, поселилась вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ въ домѣ, купленномъ имъ въ Москвѣ, въ Рогожской части, и проживала тамъ во все время веденія подкопа подъ полотно московско-курской желѣзной дороги; 19-го ноября она вышла изъ дома около 10 часовъ вечера, а въ моментъ взрыва находилась дома, съ цѣлью отвлечь подозрѣніе полиціи, если бы послѣдняя явилась къ нимъ въ это время, въ сараѣ же, въ моментъ взрыва, для соединенія батареи, было другое лицо, имени котораго она назвать не желаетъ.

IX.

Изложенныя обстоятельства совершеннаго 1-го марта сего года злодѣйскаго посягательства на жизнь Священной особы Государя Императора, несомнѣнно указываютъ на непосредственную и тѣсную связь его съ рядомъ покушеній на таковое же злодѣяніе, совершенныхъ въ послѣднее время тайнымъ сообществомъ лицъ, именующихъ себя членами «русской соціально-революціонной партіи». Сформировавшаяся около лѣта 1879 года, какъ обнаружено при разслѣдованіи и разсмотрѣніи въ ноябрѣ 1880 года въ с.-петербургскомъ военномъ окружномъ судѣ дѣла объ осужденныхъ имъ 16 государственныхъ преступникахъ, въ такъ называемую «террористическую фракцію», она поставила себѣ задачею стремиться къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя путемъ политической борьбы, вѣрнѣйшимъ средствомъ которой, по ея воззрѣніямъ, должны были служить повторяемыя, въ случаѣ неудачи, покушенія на цареубійство. Плодами такой рѣшимости явились послѣдовательныя покушенія на жизнь Его Императорскаго Величества: 18-го ноября 1879 года близь Александровска, Екатеринославской губерніи; 19-го того же ноября близь города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги, и, наконецъ, 5-го февраля 1880 года, посредствомъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Въ печатныхъ объявленіяхъ отъ «исполнительнаго комитета», появляющихся послѣ каждаго изъ этихъ покушеній, злоумышленники не только провозглашали совершеніе ихъ отъ имени своей, такъ называемой «партіи», но и дерзостно заявляли о твердомъ намѣреніи своемъ продолжать дѣло крови, бунта и цареубійства.

Злодѣйское преступленіе 1-го марта было новымъ и тягчайшимъ звеномъ въ кровавой цѣпи злодѣяній «русской соціально-революціонной партіи». Въ этомъ съ очевидностью убѣждаютъ какъ совокупность всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, такъ и содержаніе двухъ упомянутыхъ выше прокламацій по поводу злодѣянія 1-го марта 1881 года: 1) «Отъ исполнительнаго комитета», отъ 1-го марта и 2) «Отъ рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли», отъ 2-го марта, напечатанныхъ, какъ значится въ нихъ: первая—2-го марта въ типографіи «Народной Воли», а вторая—3-го марта въ «Летучей типографіи» того же названія. Въ обоихъ листкахъ заявляется, что злодѣяніе совершено «соціально-революціонной партіей» двумя агентами «исполнительнаго комитета», по его постановленію, какъ значится въ первомъ листкѣ, или вообще «соціалистами», какъ выражено во второмъ. Затѣмъ, въ прокламаціяхъ, изъ которыхъ первая изложена весьма сбивчиво и неясно, а вторая представляетъ очевидную поддѣлку подъ простонародный языкъ, о преступленіи, обагрившемъ Русскую землю Царственною кровью, говорится, какъ о средствѣ для достиженія цѣлей партіи, заключающихся, насколько можно убѣдиться изъ прокламаціи, въ насильственномъ ниспроверженіи существующаго государственнаго, общественнаго и экономическаго строя.

На основаніи вышеизложеннаго, тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ; крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, села Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, 30 лѣтъ; дворянка Софья Львова Перовская, 27

лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гаврилкова, Тимоѳей Михайловъ, 21 года, и мозырская, Минской губерніи, мѣщанка Геся Мирова Гельфманъ, 26 лѣтъ, обвиняются:

Во I) въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя «русской соціально-революціоной партіей», имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, причемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій властямъ.

Во II) въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, согласились между собою и съ другими лицами лишить жизни Его Императорское Величество Государя Императора, во исполненіе каковаго умысла: а) изъ подвальной лавки въ домѣ гр. Менгдена № 56—8, по Малой Садовой, завѣдомо для названныхъ обвиняемыхъ, былъ проведенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ устроеннымъ въ немъ аппаратомъ для взрыва динамита при проѣздѣ Государя Императора и б) 1-го марта 1881 года, при проѣздѣ Его Императорскаго Величества, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, по набережной Екатерининскаго канала, Рысаковъ бросилъ метательный взрывчатый снарядъ подъ Императорскую карету, послѣдствіемъ чего былъ взрывъ, послѣ котораго произошелъ другой такой же, произведенный съ тою же цѣлью другимъ соучастникомъ означеннаго сообщества и причинившій Государю Императору тяжкія пораненія, повлекшія за собою кончину Его Императорскаго Величества, причемъ при составленіи упомянутаго злоумышленія и приготовленіяхъ къ нему: Желябовъ, умысливъ таковое, склонилъ на него Рысакова и управлялъ приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями; Перовская, по задержаніи Желябова 27-го февраля, руководила не только тѣми же дѣйствіями, но и самымъ совершеніемъ злодѣянія; Тимоѳей Михайловъ участвовалъ въ означенныхъ, совокупными силами совершенныхъ приготовительныхъ дѣйствіяхъ и, вооруженный метательнымъ снарядомъ, находился на мѣстѣ совершенія злодѣянія для принятія въ немъ участія, а Гельфманъ завѣдывала, въ качествѣ хозяйки, такъ называемыми «конспиративными» квартирами, въ которыхъ происходили совѣщанія о злодѣяніи и производились приготовленія къ нему. Преступленія эти предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о наказ. угол. и исправит., изд. 1866 года.

Кромѣ того: III) Андрей Желябовъ обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому же названному преступному сообществу, 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, вмѣстѣ съ другими лицами, съ цѣлью лишить жизни нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, устроилъ подъ полотномъ желѣзной дороги мину для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ изволилъ находиться Его Императорское Величество, и при проходѣ означеннаго поѣзда сомкнулъ проведенныя чрезъ мину проводники гальваническаго тока, причемъ однако же, по обстоятельствамъ, независящимъ отъ Желябова, взрыва не послѣдовало,—и

IV) Софья Перовская обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому же преступному сообществу и съ тою же цѣлью лишенія жизни нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, принимала вмѣстѣ съ другими лицами непосредственное участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву полотна московско-курской желѣзной дороги, близъ города Москвы, при прохожденіи Императорскаго поѣзда, во время каковаго прохожденія, 19-го ноября 1879 года наблюдала за приближеніемъ означеннаго поѣзда и подала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по которому взрывъ дѣйствительно послѣдовалъ, не причинивъ однако же, по обстоятельствамъ отъ обвиняемой независившимъ, никакого вреда лицамъ, слѣдовавшимъ въ поѣздѣ. Преступленія эти, по отношенію къ Желябову и Перовской, предусмотрѣны ст. 241 улож. о наказ.

Наконецъ V) Тимоѳей Михайловъ обвиняется въ томъ, что 3-го марта 1881 года, при задержаніи его въ квартирѣ № 5, дома № 5 по Тележной улицѣ, умышленно, съ цѣлью лишить жизни кого-либо изъ задержавшихъ его лицъ, сдѣлалъ въ нихъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, чѣмъ причинилъ опасную рану городовому Ефиму Денисову и контузію помощнику участковаго пристава Слуцкому. Преступленіе это предусмотрѣно 2 отд. ст. 1459 улож. о наказ., по продолж. 1876 года.

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ отъ 6-го и 13-го сего марта и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. уг. суд., 2 ч. XV т. св. зак., изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше Николай Ивановъ Рысаковъ, Андрей Ивановъ Желябовъ, Софья Львова Перовская, Тимоѳей Михайловъ и Геся Мирова Гельфманъ предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената, съ участіемъ сословныхъ представителей.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

которымъ предается суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ сынъ священника, Николай Ивановъ Кибальчичъ, 28 лѣтъ, обвиняемый въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 241 и 249 улож. о наказ.

17-го марта 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ разыскиваемый, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, проживавшій по Лиговкѣ, въ д. № 83, кв. № 2, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степанова Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1 марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя:

I.

По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго «техника», о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Тележной улицѣ, въ д. № 5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся «техникомъ», 28-го февраля находился съ нимъ, «Михаиломъ Ивановичемъ» и Тимоѳеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а 1-го марта, послѣ прибытія Перовской къ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется, ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежды на мину въ Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ «больше иллюзіей» мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

Обвиняемый Николай Ивановъ Кибальчичъ, сознаваясь въ приписываемомъ ему участіи въ злодѣяніи 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ въ 1871 году въ число студентовъ института инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, во время пребыванія въ которой и составилъ себѣ соціалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подъ стражу, которому онъ подвергся въ 1875 году за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи освобожденъ въ іюнѣ 1878 года, послѣ слѣдствія и отбытія наказанія, онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генералъ-адъютанта Мезенцева, перешелъ на нелегальное положеніе, но до весны 1879 г., не имѣя ни связей среди «партіи», ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея дѣятельности. Весною 1879 года, онъ предложилъ чрезъ казненнаго нынѣ государственнаго преступника Квятковскаго свои услуги революціонной организаціи, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ правительствомъ, всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе. Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 года липецкаго съѣзда членовъ соціально-революціонной партіи, о которомъ упоминается въ показаніи Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, пріобрѣтя необходимыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, и, рѣшившись изу-

чить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовлять какъ это вещество, такъ и динамитъ домашними средствами.

Въ декабрѣ 1879 года, послѣ покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, и приготовленія къ таковому же покушенію близъ города Одессы, обвиняемый переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

Рѣшившись во что бы то ни стало совершить удачно посягательство на жизнь Государя Императора, «партія» составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обставлено всѣми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ съ одной стороны было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, посредствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія посредствомъ мины. О заложеніи этой послѣдней въ Малой Садовой, онъ, Кибальчичъ, узналъ лишь незадолго до 1-го марта, причемъ, не участвуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлалъ запалъ для заряда мины. Что же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготовлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно—объяснить не желаетъ. Подтверждая вообще показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда, Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Телѣжной улицы — Гельфманъ и Саблинъ; проба же снаряда производилась кромѣ него, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно Рысаковымъ и «Михаиломъ Ивановичемъ». Въ планѣ посягательства 1 марта главное мѣсто отводилось нынѣ на Малой Садовой, и лица, вооруженныя метательными снарядами, разставленныя по обоимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, причемъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-е марта. Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два же другихъ, запасные, привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ. При выборѣ времени и мѣста совершенія посягательства, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время проѣзда Государя Императора въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло. О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

Излагая собственноручно на письмѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица-техника, которыхъ онъ назвать не желаетъ.

По обыску въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, у него, кромѣ разныхъ рукописей и замѣтокъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра, подъ заглавіемъ: «Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремучей-кислой ртутью малаго и большаго сопротивленія».

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти и изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ новгородъ-сѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году, поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ императорскую медико-хирургическую академію. Въ 1875 году, Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ» — въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказались два тюка съ разными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду особаго присутствія правительствующаго се-

пата для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Кибальчичъ приговоромъ особаго присутствія, состоявшимся 1 мая 1878 года, былъ присужденъ, на основаніи 4 отд. ст. 251 ул., къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По пріѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ въ концѣ 1878 года, онъ проживалъ подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 г. по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10, въ «Серапинской гостинницѣ»; 2) лѣтомъ того же года, по Подольской улицѣ, д. № 11, вмѣстѣ съ неизвѣстной женщиной, называвшейся его женою; 3) осенью 1880 года по Невскому проспекту, д. № 124, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Мареою Кононовою. Въ послѣднюю квартиру свою на Лиговкѣ, Кибальчичъ переѣхалъ 23-го января 1881 года, причемъ, по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой, и дворника крестьянина Өедора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ изъ дома часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ.

При производствѣ еще неоконченнаго дознанія о дворянинѣ Александрѣ Михайловѣ и другихъ, собраны, между прочимъ, свѣдѣнія о томъ: 1) что въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 11, по Подольской улицѣ, помѣщалась тайная типографія, и 2) что посѣщая въ теченіи первой половины 1880 года другую конспиративную квартиру, по Подъяческой улицѣ, въ д. № 37, Кибальчичъ занимался въ ней приготовленіемъ динамита. Это послѣднее обстоятельство не отвергается и самимъ Кибальчичемъ.

II.

Привлеченный, въ качествѣ обвиняемаго, къ дознанію о 16 лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ купца Григорій Гольденбергъ (нынѣ умершій), между прочимъ показалъ, что во исполненіе рѣшенія, состоявшагося на липецкомъ съѣздѣ «соціально-революціонной партіи», въ іюнѣ 1879 года были предприняты приготовленія къ взрыву императорскаго поѣзда близъ города Одессы и близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи; въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ приготовленіяхъ, находился сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, участіе котораго, по словамъ Гольденберга, заключалось въ слѣдующемъ: 9-го ноября 1879 года Гольденбергъ отправился изъ Москвы въ Одессу за динамитомъ для взрыва на московско-курской желѣзной дорогѣ; на станціи Елисаветградъ онъ встрѣтилъ Кибальчича, ѣхавшаго изъ Одессы, причемъ этотъ послѣдній объяснилъ, что онъ везетъ въ Александровскъ проволоку къ Желябову и что онъ проживалъ передъ этимъ въ Одессѣ подъ именемъ Иваницкаго; Гольденбергъ сообщилъ Кибальчичу, что ѣдетъ въ Одессу за динамитомъ, на что Кибальчичъ заявилъ ему, что въ Одессѣ, быть можетъ, уже успѣли заложить динамитъ подъ рельсы; вслѣдствіе этого Гольденбергъ рѣшилъ, что ѣхать въ Одессу за динамитомъ безполезно, и послалъ по этому поводу, по соглашенію съ Кибальчичемъ, телеграмму Колоткевичу, распоряжавшемуся одесскими приготовленіями.

Дознаніемъ обнаружено, что 11-го ноября 1879 года дѣйствительно была послана со станціи Елисаветградъ, харьково-николаевской желѣзной дороги, телеграмма, адресованная въ Одессу Михаилу Өедорову Сидоренко (подъ именемъ котораго проживалъ тамъ Колоткевичъ) слѣдующаго содержанія: «Не посылайте напрасно вина, подождите моего повѣреннаго, завтра утромъ пріѣдетъ— Максимовъ», причемъ, по показанію Гольденберга, подъ виномъ слѣдовало разумѣть динамитъ.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Кибальчичъ объяснилъ, что проживая въ 1879 году въ Одессѣ по Екатерининской улицѣ, № 66, подъ именемъ Максима Петрова Иваницкаго, онъ зналъ о всѣхъ покушеніяхъ на жизнь Государя Императора, предпринятыхъ осенью въ 1879 году, и принималъ активное участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда близъ города Одессы, причемъ имѣлъ у себя всѣ матеріалы, необходимые для взрыва; такъ, съ этою цѣлью, онъ отдалъ въ магазинъ Левенгаля для починки спираль Румкорфа, а когда починка была произведена неудовлетворительно, онъ купилъ новую спираль въ магазинѣ Розенталя; вслѣдъ затѣмъ онъ узналъ, что Государь Императоръ на обратномъ пути изъ Крыма не поѣдетъ черезъ Одессу, и потому счелъ полезнымъ отвезти одну изъ спиралей въ Александровскъ, гдѣ она была въ неудовлетворительномъ видѣ; исполняя это послѣднее рѣ-

ніе, онъ поѣхалъ въ Александровскъ и по дорогѣ встрѣтился съ Гольденбергомъ.

Показаніе обвиняемаго Кибальчича о пріобрѣтеніи въ Одессѣ матеріаловъ, необходимыхъ для взрывовъ, подтверждается показаніями свидѣтелей: Людвига Левенталя, Самуила Левенсона и Давида Розенталя.

При осмотрѣ домовой книги въ д. № 66, по Екатерининской улицѣ, гор. Одессы, оказалось, что въ квартирѣ № 22 дѣйствительно проживалъ въ этомъ домѣ, въ 1879 году, коллежскій регистраторъ Максимъ Петровъ Иваницкій съ женою Елизаветой, по аттестату херсонско-бессарабскаго губернскаго управленія государственными имуществами, отъ 24 марта 1876 года за № 5,729.

На основаніи вышеизложеннаго, сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ обвиняется:

I. Въ принадлежности къ тайному сообществу, именующему себя соціально-революціонной партіей, имѣющему цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, причемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ, и вооруженныхъ сопротивленій властямъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 249 ст. улож. о наказ. изд. 1876 года.

II. Въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, онъ согласился съ другими лицами лишить жизни Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, во исполненіе каковаго умысла:

1) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву, 18-го ноября 1870 года, полотна желѣзной дороги при проходѣ императорскаго поѣзда изъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, посредствомъ доставленія одному изъ участниковъ означеннаго взрыва, Андрею Иванову Желябову, необходимой, для совершенія этого преступленія, спирали Румкорфа.

2) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію, въ томъ же 1879 году, таковаго же взрыва на одесской желѣзной дорогѣ, близъ города Одессы, посредствомъ храненія у себя всѣхъ нужныхъ для совершенія этого преступленія снарядовъ, и между прочимъ посредствомъ пріобрѣтенія и приспособленія спиралей Румкорфа. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 242 улож. о нак. 1866 года.

3) Изобрѣлъ, изготовилъ и приспособилъ четыре метательныхъ снаряда, посредствомъ которыхъ совершено было 1-го марта сего 1881 года злодѣйское посягательство на жизнь Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, причемъ однимъ изъ означенныхъ снарядовъ произведенъ былъ взрывъ, причинившій Его Величеству тяжкія пораненія, отъ которыхъ того же 1-го марта Государь Императоръ въ Бозѣ почилъ. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 241 улож. о нак. изд. 1866 года.

По перечисленнымъ обвиненіямъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 6-го и 13-го сего марта и ст. 1,032, 1,052 уст. уг. суд., 2 ч. XV т. св. зак., изд. 1876 года, по прод. 1879 года, Николай Ивановъ Кибальчичъ предается суду особаго присутствія правительствующаго сената, съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ марта 21-го дня 1881 года въ С.-Петербургѣ.

Первоприсутствующій. Подсудимый Рысаковъ, вы обвиняетесь во-первыхъ въ томъ, что принадлежали къ тайному сообществу, называвшему себя русской соціально-революціонной партіей, имѣющею цѣлью ниспровергнуть существующій въ Россійской Имперіи государственный и общественный строй путемъ насильственнаго переворота и предпринявшей для достиженія этой цѣли рядъ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, рядъ убійствъ и покушеній на убійства должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій законнымъ властямъ, и во-вторыхъ въ томъ, что, принадлежа къ этому сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, вошли въ соглашеніе съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе каковаго соглашенія, завѣдомо для васъ: а) изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ, былъ устроенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ зарядомъ для взрыва полотна улицы при проѣздѣ Государя Императора, и б) 1-го марта, при проѣздѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича по набережной Екатерининскаго канала были брошены два метательныхъ взрывча-

тыхъ снаряда — одинъ вами, а другой вашимъ сообщникомъ, причемъ послѣдствіемъ одного изъ взрывовъ, произведеннаго собственно вами, было причиненіе тяжкихъ пораненій разнымъ лицамъ, а послѣдствіемъ другого взрыва, произведеннаго вашимъ сообщникомъ, причиненіе Государю Императору тяжкихъ пораненій, повлекшихъ за собой кончину Его Императорскаго Величества. Признаете-ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

Подс. Рысаковъ. Виновнымъ себя въ принадлежности къ той соціально-революціонной партіи, признаки которой описаны въ предложенномъ мнѣ вопросѣ, я отрицаю. Я себя членомъ этой партіи «Народной Воли» въ полномъ смыслѣ слога не считаю, а въ преступленіи 1-го марта я себя признаю виновнымъ.

Первоприс. Въ виду сознанія вашего въ совершеніи преступленія 1-го марта, я приглашаю васъ разъяснить суду то различіе, которое вы дѣлаете между партіей, къ кототой считаете себя принадлежащимъ, и той партіей, отъ принадлежности къ которой вы отказываетесь.

Подс. Рысаковъ. Я долженъ объяснить, что соціально-революціонному движенію, которое началось въ Россіи, сколько извѣстно, съ семидесятыхъ и даже съ шестидесятыхъ годовъ, я сочувствую. При этомъ я долженъ замѣтить, что есть двѣ партіи: партія «Народной Воли» и партія «Чернаго Передѣла». Я отрицаю вполнѣ свою принадлежность къ партіи «Народной Воли» и полагаю, что къ ней можетъ примкнуть только тотъ, кто имѣетъ за собою какое-либо революціонное прошлое, за мною же этого революціоннаго прошлаго до настоящаго времени не имѣлось. Я, какъ соціалистъ, имѣю отличное отъ партіи «Народной Воли» воззрѣніе. По моему взгляду, чистый соціалистъ-революціонеръ долженъ воздерживаться отъ революціонной борьбы и я скорѣе принадлежу къ партіи «Чернаго Передѣла».

На замѣчаніе первоприсутствующаго, что онъ уклоняется отъ вопроса и на предложеніе, не входя въ оцѣнку теорій названныхъ партій, Рысаковъ, говоря крайне тихо и невнятно, заявилъ: во время каникулъ я имѣлъ случай убѣдиться въ несчастіи народа, происходившемъ отъ разныхъ бѣдствій, какъ-то: сибирской язвы, истребленія хлѣба жучкомъ и т. д. Въ это время я познакомился съ членомъ партіи Желябовымъ, который обѣщалъ мнѣ содѣйствіе къ тому, чтобы я могъ имѣть болѣе широкое поле дѣятельности въ средѣ рабочаго народа, и ввелъ меня въ агитаціонную группу. Сколько мнѣ извѣстно, Желябовъ организовалъ террористическій отдѣлъ и впослѣдствіи сообщилъ мнѣ, что исполнительный комитетъ замышляетъ новое покушеніе на жизнь Государя Императора.. Сначала общія разсужденія объ этомъ велись у меня, на квартирѣ Ермолиной, а потомъ собирались въ Троицкомъ переулкѣ, разъ или два, гдѣ Желябовъ кликнулъ кличъ. Затѣмъ Желябовъ пригласилъ на квартиру въ Телѣжную ул., которая была устроена исключительно для совѣщаній по сему предмету и называлась конспиративной квартирой. Здѣсь велись разговоры уже болѣе точно и тутъ же Кибальчичъ читалъ лекцію по устройству снарядовъ и приспособленій къ нимъ. На этой квартирѣ опытовъ не производилось, чтобы не привлечь вниманія; сжигался только стапинъ. Когда кто-нибудь приходилъ въ квартиру, то отворяли хозяева и проводили приходившихъ въ угловую комнату; тутъ никакихъ приспособленій къ снарядамъ, никакихъ метательныхъ снарядовъ не было, кромѣ вещей, принесенныхъ «техникомъ». Самая проба снарядовъ была сдѣлана за Смольнымъ монастыремъ, въ пустынномъ мѣстѣ. Послѣ этой пробы, въ воскресенье, 1-го марта, мы собрались на квартирѣ въ Телѣжной улицѣ. Утромъ, часовъ въ 9—10, Перовская принесла снаряды и начертила планъ дѣйствія; снарядовъ было четыре. Этотъ планъ дѣйствія состоялъ въ томъ, что четверо изъ участниковъ должны были находиться во время проѣзда Государя Императора въ трехъ различныхъ мѣстахъ, но при этомъ Перовская не объясняла всѣхъ подробностей. Если бы взрыва на Малой Садовой не произошло, то намъ надо было идти на Михайловскую улицу и на Екатерининскій каналъ. При этомъ я долженъ сказать, что о подкопѣ въ Малой Садовой и о другихъ приготовленіяхъ я не зналъ, такъ какъ меня не считали возможнымъ посвящать въ эти подробности. Когда я встрѣтился на улицѣ съ Перовской, то она подала мнѣ условный знакъ, сморкаясь въ платокъ, что означало, что мнѣ нужно идти на Екатерининскій каналъ. Здѣсь я встрѣтилъ карету Государя Императора и бросилъ снарядъ. Что касается до приписываемыхъ мнѣ въ обвинительномъ актѣ словъ: «еще слава ли Богу», то я не помню, говорилъ ли это, и если сказалъ, то

совершенно несознательно. Въ заключеніе, отвѣчая на вопросы Первоприсутсвующаго, Рысаковъ подтвердилъ прежнія объясненія о предшествовавшихъ злодѣянію 1-го марта совѣщаніяхъ въ Троицкомъ переулкѣ и Тележной улицѣ, а также объ отношеніи къ злодѣянію Гельфманъ и Михайлова.

На предложенный засимъ первоприсутствующимъ подсудимому Тимоѳею Михайлову вопросъ объ его виновности, согласно выводамъ обвинительнаго акта, Михайловъ отвѣчалъ: Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что принадлежу къ «русской соціально-революціонной партіи», которая принадлежитъ къ террористическому направленію. Но все остальное я отрицаю. Я подтверждаю лишь, что принадлежу къ той партіи, которая защищаетъ среду рабочихъ, потому что я и самъ человѣкъ рабочій, и признаю, что я сопротивлялся властямъ, чтобы не отдавать себя даромъ. Въ этомъ я признаю себя виновнымъ, а что на Садовой и 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ, въ этомъ я не признаю себя виновнымъ, потому и признаю все показаніе Рысакова ложнымъ. Ну, а теперича, что меня побудило къ этой соціально-революціонной партіи принадлежать, то я хотѣлъ коснуться моей біографіи, т. е. разсказать мою жизнь... Далѣе подсудимый сталъ излагать обстоятельства своей жизни съ малыхъ лѣтъ съ подробностями, по поводу которыхъ первоприсутствующій ему замѣтилъ, что они къ дѣлу не относятся, и когда Михайловъ заявилъ, что онъ, познакомившись на общественныхъ сходкахъ съ потребностями крестьянъ, узналъ, сколько съ крестьянъ требуется всѣхъ расходовъ, то первоприсутствующій вновь указалъ ему, что онъ опять уклоняется отъ существа дѣла и говоритъ вещи, которыя для суда не имѣютъ значенія. Затѣмъ первоприсутствующій сталъ предлагать подсудимому вопросы.

Первоприс. Когда вы работали въ Петербургѣ, то сколько заработывали?

Подс. Михайловъ. Я получалъ въ день 70—60 к., получалъ и 30.

Первоприс. А съ тѣхъ поръ какъ вы перестали работать, вы чѣмъ жили?

Подс. Михайловъ. Я жилъ безъ работы только одинъ мѣсяцъ, и получалъ помощь отъ своего знакомаго, Желябова. Я видѣлъ, что трудъ рабочаго поглощается капиталистомъ, который эксплуатируетъ рабочаго человѣка. Я не зналъ, какъ выйдти изъ этого затруднительнаго положенія, я думалъ, что неужели рабочій человѣкъ долженъ всегда существовать такъ, какъ существуетъ теперь. Когда я познакомился съ соціальнымъ ученіемъ, я принялъ его сторону. Что меня побудило быть террористомъ,—то, что, когда я развивалъ своихъ рабочихъ товарищей, предлагалъ дѣлать забастовки на заводахъ, группировалъ ихъ въ артели для того, чтобы они работали не на однихъ капиталистовъ, за мной поставили шпіоновъ. Вотъ тогда я отказался отъ заводской работы и заявилъ Желябову, что я буду террористомъ; онъ меня прикомандировалъ къ группѣ, которая принадлежитъ къ соціально-революціонной партіи, къ боевой дружинѣ, которая защищаетъ рабочаго человѣка. Къ ней я дѣйствительно принадлежу.

Сенаторъ Писаревъ. Вы сказали, что принадлежите къ террористическому отдѣлу революціонной партіи. Какія средства были этого террористическаго отдѣла?

Подс. Михайловъ. Средствами были убіеніе шпіоновъ и избіеніе нелюбимыхъ рабочими мастеровъ, потому что я находилъ, что эти мастера предаютъ своихъ товарищей, какъ Іуда предалъ Спасителя, и которые эксплуатируютъ рабочаго человѣка больше всего.

Сенаторъ Писаревъ. Такимъ образомъ вы не имѣли въ виду ни правительства, ни власти, вы только желали защитить рабочихъ?

Подс. Михайловъ. Да, защитить рабочихъ. Я желалъ сгруппировать рабочихъ въ артели и ассоціаціи.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ: вы обвиняетесь въ томъ, что, принадлежа къ тому же тайному сообществу, которое называется соціально-революціонной партіей, цѣли которой я описалъ въ предъидущихъ вопросахъ, и для достиженія этихъ цѣлей вы пришли къ соглашенію съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, по исполненіи каковаго умысла вы завѣдывали въ качествѣ хозяйки конспиративными квартирами, которыя были устроены для надобностей сообщества, и, согласившись на преступленіе 1-го марта, допускали въ своей квартирѣ совѣщанія, причемъ вамъ было извѣстно о проведеніи подкопа по Малой Садовой. Признаете ли вы себя въ этомъ виновною?

Подс. Гельфманъ. Я признаю себя виновною въ томъ, что по своимъ убѣжденіямъ принадлежу къ соціально-революціонной партіи, принимала участіе въ дѣлахъ этой партіи и раздѣляю программу партіи «Народной Воли»; была хозяйкою конспиративной квартиры, на которой происходили собранія, но въ этихъ собраніяхъ я не участвовала и не принимала активнаго участія въ совершеніи преступленія 1-го марта. При этомъ считаю долгомъ заявить, что у меня на квартирѣ, какъ на собраніяхъ, бывшихъ до 1-го марта, такъ и утромъ 1-го марта, Тимофей Михайловъ не былъ.

Сдѣланъ перерывъ на полчаса.

По возобновленіи засѣданія.

Первоприс. Подсудимый Кибальчичъ: вы обвиняетесь въ томъ, что, принадлежа къ партіи тайнаго сообщества, называемой соціально-революціонной партіей, которую я описалъ въ первомъ вопросѣ, и дѣйствуя для достиженія ея цѣлей, вы пришли къ соглашенію съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе каковаго умысла: 1) вы принимали участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву 19-го ноября 1879 года полотна желѣзной дороги близъ города Александровска, при проходѣ поѣзда, на которомъ слѣдовалъ Государь Императоръ, причемъ участіе ваше выразилось въ томъ, что необходимую для производства этого взрыва спираль Румкорфа вы доставили одному изъ главныхъ участниковъ этого преступленія, Андрею Желябову; 2) принимали участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію въ томъ же 1879 году таковаго же взрыва полотна на одесской желѣзной дорогѣ, по которой предполагался проѣздъ Государя Императора, причемъ участіе ваше выразилось въ томъ, что вы хранили у себя всѣ нужные для совершенія этого преступленія снаряды и пріобрѣли и приспособили спирали Румкорфа; 3) изобрѣли, изготовили и приспособили четыре метательныхъ снаряда, изъ которыхъ два были употреблены въ дѣло и одним изъ нихъ былъ произведенъ взрывъ, причинившій Его Величеству тяжкія пораненія, за которыми послѣдовала кончина Государя Императора. Признаете-ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

Подс. Кибальчичъ. Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ, я позволю себѣ опредѣлить тѣ главныя задачи, которыя ставитъ себѣ та партія, къ которой я причисляю...

Первоприс. Для суда представляютъ дѣйствительный интересъ только ваши убѣжденія и задачи.

Тогда подс. Кибальчичъ подробно изложилъ въ связномъ разсказѣ стремленіе тайнаго общества, принявшаго наименованіе «Народной Воли», и причины, которыя, по мнѣнію его, заставили лицъ соціалистическаго образа мыслей перейдти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ послѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ онъ сказалъ: «Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе идти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшалъ арестъ. Конечно, если бы не этотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти соціалистическаго, а именно поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до соціалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановлѣнъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы теперь въ цареубійствѣ, а были бы среди городского крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельско-хозяйственныхъ орудій, и т. д.». Затѣмъ подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ, и на предложеніе первоприсутствующаго подтвердить таковыя показалъ: «Видя обостреніе борьбы Правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя она раньше не рѣшалась, я рѣшился запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я перечелъ все, что могъ достать на русскомъ, фран-

цузскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался идти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою, и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ изготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ вещей, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участіе ограничивалось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность приготовлять динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террористической дѣятельности ограничивалось исключительно научною, технической сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5-го февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ изъ газетъ. Точно также чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ, участвовалъ не я одинъ. Это была скорѣе коллективная работа.

Первоприс. Для суда необходимо знать: приготовляя динамитъ и снаряды, знали ли вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Подс. Кибальчичъ. Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройствомъ запала. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита въ минѣ на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, вопервыхъ, достигнуть предположенной цѣли, а вовторыхъ—не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ...

Первоприс. По этому вопросу вы можете еще высказаться во время экспертизы.

Подс. Кибальчичъ. Я не зналъ, что буду имѣть этотъ случай, поэтому я и коснулся теперь. И такъ, относительно устройства мины, найма помѣщенія, назначенія туда людей, и т. п.—въ этомъ я не принималъ участія. Но за нѣсколько дней я узналъ, какой способъ предполагается и гдѣ, узналъ также и время—1-е марта. Относительно метательныхъ снарядовъ я долженъ замѣтить еще слѣдующее. Я вмѣстѣ съ другими лицами былъ на опытѣ, и затѣмъ, какъ выражается Рысаковъ, читалъ лекціи по устройству снарядовъ. Я дѣйствительно дѣлалъ указанія и дѣйствительно былъ на опытѣ, но считаю нужнымъ заявить, что той личности, которая называется Тимоѳеемъ Михайловымъ, не было ни на опытахъ, ни на чтеніи этихъ лекцій. Вообще я его ни разу не видалъ въ квартирѣ Гельфманъ.

Закончивъ допросъ Кибальчича, первоприсутствующій обратился къ подсуд. Перовской съ вопросомъ, признаетъ ли она себя виновной по предъявленнымъ къ ней обвиненіямъ. На это подсудимая Перовская отвѣчала: Я признаю себя членомъ партіи «Народной Воли» и агентомъ исполнительнаго комитета. Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія «Народной Воли» и которыхъ придерживаюсь и я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища, я замѣчу только одно: партія «Народной Воли» отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществятъ ихъ въ жизни. Что касается до фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что по порученію исполнительнаго комитета, какъ его агентъ, принимала участіе и въ покушеніи подъ Москвою 19-го ноября 1879 года и въ покушеніи 1-го марта нынѣшняго года. Относительно участвующихъ лицъ въ послѣднемъ событіи я могу заявить одно: Гельфманъ, какъ хозяйка конспиративной

квартиры, какъ членъ партіи «Народной Воли», вовсе не примыкала къ террористической дѣятельности партіи. Она занималась только распространеніемъ ея программы. Поэтому она не участвовала въ совѣщаніяхъ, которыя собирались для террористическихъ попытокъ, точно также вообще не знала о ходѣ террористической дѣятельности. Относительно подсудимаго Михайлова я должна сказать, что онъ точно также не принималъ участія въ террористической дѣятельности партіи, не готовился въ метальщики и не былъ 1-го марта на квартирѣ, гдѣ собственно рѣшался планъ дѣйствій. Слѣдовательно, въ этомъ фактѣ онъ не принималъ никакого участія.

Первоприс. Въ виду вашего сознанія, я приглашаю васъ изложить подробнѣе ваше фактическое участіе, какъ во взрывѣ 19-го ноября, такъ и въ преступленіи 1-го марта.

Подс. Перовская. Я могу только повторить свои показанія...

Первоприс. Вы подтверждаете ваши показанія въ томъ видѣ, какъ они изложены въ обвинительномъ актѣ?

Подс. Перовская. Да, за исключеніемъ только той части показанія, гдѣ говорится о томъ, какъ я объяснила, какимъ образомъ партія «Народной Воли» пришла къ террористической дѣятельности...

Первоприс. Нѣтъ, я говорю относительно фактической части.

Подс. Перовская. Фактическую часть я вполнѣ подтверждаю.

Подсуд. Желябовъ, на предложенный ему первоприсутствующимъ по выводамъ обвинительнаго акта вопросъ о виновности отвѣчалъ: Я признаю себя членомъ партіи «Народной Воли», и эта принадлежность является слѣдствіемъ моихъ убѣжденій. Въ организаторскомъ же отношеніи я состою агентомъ исполнительнаго комитета. Такъ какъ убѣжденія партіи, ея цѣли и средства достаточно подробно изложены моими товарищами, Кибальчичемъ и Перовскою, то я остановлюсь главнымъ образомъ на второй половинѣ моихъ объясненій—на организаціи. Я долго былъ въ народѣ, работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ подсудимый Кибальчичъ. Оставляя деревню, я понималъ, что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ—власти.

Первоприс. Я долженъ предупредить васъ, что я не могу допустить въ вашихъ объясненіяхъ такихъ выраженій, которыя полны неуваженія къ существующему порядку управленія и къ власти, закономъ установленной. Вы можете высказывать ваши убѣжденія, несогласныя съ закономъ, но высказывайте ихъ въ такой формѣ, которая дала бы возможность васъ выслушать.

Подс. Желябовъ. Я это признаю. Какъ человѣкъ, изъ народа вышедшій, для народа работавшій, я такъ понималъ выгоду отъ политической борьбы.

Первоприс. Для суда не нужно знать теоріи, суду нужно знать ваши личныя отношенія къ дѣлу, личныя отношенія къ той партіи, къ которой вы принадлежите. Вы, напр., говоря объ организаціи, совершенно правильно замѣтили, что для опредѣленія роли каждаго изъ обвиняемыхъ можетъ имѣть значеніе разъясненіе организаціи, и вотъ въ этихъ предѣлахъ судъ выслушаетъ ваше объясненіе; теоретическія же воззрѣнія не могутъ быть предметомъ объясненій па судѣ.

Подс. Желябовъ. Совершенно вѣрно: я могъ бы держаться въ такихъ рамкахъ и къ нимъ возвращусь. Затѣмъ подсудимый вошелъ въ подробныя объясненія существующей будто бы организаціи тайнаго общества, основанной на подчиненіи младшихъ кружковъ старшимъ, сходящимся въ центральный. Послѣ чего Желябовъ продолжалъ: «Перехожу къ моей роли въ настоящемъ дѣлѣ. Я нѣсколько разъ участвовалъ въ подобныхъ предпріятіяхъ и заслужилъ довѣріе центра—исполнительнаго комитета, и вотъ на этомъ основаніи мнѣ въ этомъ предпріятіи была отведена роль организатора одной изъ частей предпріятія. Предпріятіе это распадается на подкопъ и на нападеніе съ метательными снарядами, и вотъ нападеніе съ метательными снарядами исполнительнымъ комитетомъ поручено было организовать мнѣ, причемъ исполнительный комитетъ указалъ мнѣ, что добровольцевъ, изъявившихъ согласіе идти на самопожертвованіе, лишь бы цѣль была достигнута,—было всего 47 человѣкъ. Изъ нихъ 19 обусловливавшихъ свое участіе вмѣстѣ съ опытнымъ въ такомъ дѣлѣ человѣкомъ, остальные же выразили безусловное согласіе. Изъ этой категоріи лицъ мнѣ было предоставлено выбрать себѣ сотоварищей и дѣйствовать съ ними съ метательными снарядами, чѣмъ я и занялся, руководствуясь соображеніями не наибольшей ихъ пригодности, какъ говорится въ обвинительномъ актѣ, я къ

этому еще возвращусь, а другими соображеніями...

Первоприс. Я считаю необходимымъ васъ предупредить, дабы не было усложненія дѣла: вы не должны теперь предъявлять объясненія по существу обвинительнаго акта, на это будетъ цѣлое судебное слѣдствіе.

Подс. Желябовъ. Я не буду возражать противъ обвинительнаго акта. Чтобы поскорѣе кончить съ этимъ вопросомъ, я скажу, что я подобралъ нужное количество лицъ, и замѣчу здѣсь, что количество было уже намѣчено исполнительнымъ комитетомъ, и моя обязанность состояла въ томъ, чтобы выбрать изъ числа этихъ лицъ сотоварищей и представить объ этомъ комитету на утвержденіе. Когда было утверждено, я вмѣстѣ съ этими лицами приступилъ къ исполненію. Я для нападенія съ метательными снарядами пригласилъ къ себѣ единственно Рысакова, отношенія же мои къ Михайлову я выясню впослѣдствіи, теперь же я утверждаю, что Михайловъ, если, по словамъ Рысакова, и имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ дѣлу, то дѣлалъ это безъ моего вѣдома, послѣ моего ареста и во всякомъ случаѣ это такой шагъ, который въ организаторскомъ отношеніи считается преступленіемъ. Теперь о подкопѣ. Совершенно вѣрно сказалъ Рысаковъ, что онъ ничего не зналъ о подкопѣ, это такъ и должно быть, потому что подкопъ велся въ интересахъ осторожности совершенно отдѣльно отъ нападенія съ метательными снарядами. Собственно нападавшіе могли знать о подкопѣ, могли участвовать въ немъ, но только въ томъ случаѣ, если группа, ведшая подкопъ, оказывала имъ довѣріе—это ихъ частное соглашеніе. Скажу отъ себя, что Рысакова изъ участниковъ подкопа, которыхъ я не стану называть, никто не зналъ, и, оставляя на мою отвѣтственность привлеченіе того или другого дѣятеля въ качествѣ метальщика, они бы конечно никогда не допустили, чтобы неизвѣстный человѣкъ принялъ участіе въ подкопѣ. Если это можно сказать относительно Рысакова, то то же самое относится и еще съ большимъ основаніемъ къ Михайлову, который о подкопѣ не могъ знать ровно ничего: это было бы младенчествомъ, въ революціонномъ веденіи дѣла, а мы уже кое-что пережили. Для того чтобы мой отвѣтъ на обвиненіе, изложенное въ обвинительномъ актѣ, былъ опредѣленнѣе, я теперь возвращусь къ самой формулировкѣ обвинительнаго акта. Я не признаю себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному сообществу, состоящему изъ шести человѣкъ и нѣсколькихъ другихъ, такъ какъ сообщества здѣсь нѣтъ, здѣсь подборъ лицъ совершенно случайный, производившійся по мѣрѣ ареста лицъ и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ принимали самое дѣятельное участіе и играли видную роль въ революціонныхъ дѣлахъ по различнымъ отраслямъ, но они не составляютъ сообщества по данному предпріятію. Михайловъ этому дѣлу человѣкъ совершенно посторонній. Рысаковъ свои отношенія къ организаціи опредѣлилъ вѣрно: онъ состоялъ членомъ агитаціонной рабочей группы, которая относилась къ исполнительному комитету какъ его развѣтвленіе, какъ одна изъ отраслей. Данные обвиняемые обвиняются въ устройствѣ подкопа на Малой Садовой...

Первоприс. Я предложилъ вамъ вопросъ о васъ, и вы высказали свой взглядъ на организацію и отношенія ваши къ этой организаціи: этимъ вамъ и слѣдуетъ ограничиться.

Подс. Желябовъ. Если я и отклоняюсь, то это потому, что, во-первыхъ, объясненія подсудимыхъ касались частію теоретической стороны, и во-вторыхъ, потому, что, говоря шестымъ, я не могу безъ повторенія быть систематичнымъ въ изложеніи. Мои отношенія къ подкопу были таковы: я зналъ о немъ и принималъ участіе какъ чернорабочій, рылъ землю, но участіе мое кончилось въ ночь со вторника на среду и это я докажу показаніями свидѣтелей, и такъ какъ я былъ чернорабочимъ, то, конечно, я зналъ о подкопѣ, зналъ лицъ, производившихъ его, и т. д.

Первоприс. А въ Александровскомъ?

Подс. Желябовъ. Моя роль тамъ была такая: въ Харьковѣ были сдѣланы кое-какія подготовительныя работы, но предпріятіе было рѣшено не такъ, какъ показываетъ Гольденбергъ, а исполнительнымъ комитетомъ 26 августа въ Петербургѣ. Для этого рѣшены были желѣзно-дорожныя предпріятія отъ Симферополя на Харьковъ, отъ Харькова на сѣверъ къ Петербургу и на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ; выборъ мѣста и всѣ остальныя подробности плана не могли быть рѣшены 25-го августа, но распредѣніе лицъ было сдѣлано тогда же. Я—южанинъ, знаю хорошо мѣстныя условія, и по нѣкоторымъ еще другимъ соображеніямъ, я хотѣлъ дѣйствовать на югѣ и просилъ, чтобы мнѣ отвели мѣсто въ южныхъ предпріятіяхъ. Въ нихъ я

и былъ участникомъ. Такъ, въ Александровскомъ, когда оказалась невозможность нападенія въ Крыму, я осматривалъ желѣзнодорожный путь отъ Симферополя, намѣтилъ пунктъ подъ Александровскомъ и изъ Харькова извѣстилъ объ этомъ исполнительный комитетъ, спрашивая, могу ли я разсчитывать на средства, а также и на участіе. Мнѣ отвѣчали, что участники есть и что я могу, не стѣсняясь средствами, начинать. Для цѣли организовать предпріятіе я отправился въ Харьковъ, гдѣ кромѣ меня находились Колоткевичъ и еще нѣкоторые другіе члены партіи, о которыхъ вы услышите на слѣдующемъ судѣ. Мы должны были обсудить предпріятіе коллегіально. Письмо мое въ Петербургъ было выраженіемъ не только моихъ личныхъ предположеній, но также и ихъ. Отвѣтъ исполнительнаго комитета былъ обсужденъ нами также коллективно. Затѣмъ исполнительный комитетъ ассигновалъ средства, назначилъ агентовъ, и я съ ними вмѣстѣ, также при содѣйствіи новыхъ лицъ, исполнительному комитету неизвѣстныхъ и привлечённыхъ на мой страхъ, таковы были Окладскій и Яковъ Тихоновъ, отправились устраивать покушеніе подъ Александровскомъ. До этихъ поръ я въ Александровскѣ никогда не былъ. По полученіи отвѣта отъ исполнительнаго комитета, чтобы начинать, я пріѣхалъ 1-го октября въ Александровскъ изъ Харькова. День былъ ярмарочный. Въ дознаніи есть показаніе свидѣтеля Сагайдака, который указываетъ обстоятельство моего пріѣзда, но вѣроятно онъ не вызывался въ судъ потому, что это свѣдѣніе не интересно, поэтому и я его не опасаюсь, а скажу только, что, явившись въ городъ съ предположеніемъ устроить кожевенный, либо мыловаренный заводъ, или макаронную фабрику, я дѣлалъ это просто какъ предлогъ, въ дѣйствительности же я пріѣхалъ, чтобы зондировать почву. Изъ разговора съ свидѣтелемъ я узналъ, что кожевенный заводъ будетъ тамъ умѣстенъ, и я на другой же день подалъ въ управу заявленіе о желаніи устроить заводъ и просилъ объ отводѣ подъ него земли на аренду. Объ этомъ состоялось постановленіе городской думы. Въ промежутокъ этого времени я съѣздилъ въ Харьковъ и вмѣстѣ съ остальными участниками, прибывшими туда, устроился въ квартирѣ Бовенка. Это было 7-го октября. Я выѣхалъ оттуда 23-го ноября и за все это время велъ подготовительныя работы и устройство кожевеннаго завода ничуть не прекращалось. Затѣмъ обстоятельство закладки мины подъ Александровскомъ фактически изложено совершенно вѣрно въ обвинительномъ актѣ, и я также подтверждаю это... Можетъ быть для суда важно, чтобы я подтвердилъ, что утромъ 18-го ноября я вмѣстѣ съ другими участниками выѣхалъ на повозкѣ къ мѣсту, гдѣ была заложена мина. Это громаднѣйшій оврагъ: по отвѣсу 11 саженъ, по откосу больше, вотъ въ этомъ мѣстѣ было заложено два снаряда по такому разсчету, чтобы они обхватывали цѣлый поѣздъ. Намъ извѣстно было, сколько вагоновъ должно быть въ Царскомъ поѣздѣ, и обѣ эти мины захватывали собою поѣздъ опредѣленнаго количества вагоновъ. И такъ, утромъ, 18-го ноября, получивъ ранѣе извѣщеніе отъ Прѣснякова о томъ, что Царскій поѣздъ выѣдетъ такого-то числа, или, правильнѣе сказать, не получивъ извѣщенія, такъ какъ, по предшествовавшему уговору, неполученіе извѣстія должно было означать, что измѣненій нѣтъ, т. е. что поѣздъ выѣзжаетъ въ день, который былъ извѣстенъ намъ ранѣе,—это я указываю потому, что мнѣ придется еще сказать, что Прѣснякова въ Александровскѣ не было. Такъ вотъ, 18-го ноября, судя по признакамъ, мы не сомнѣвались, что поѣздъ прослѣдуетъ въ опредѣленный часъ, и мы стояли на мѣстѣ, и хотя внѣшніе признаки поѣзда заставляли сомнѣваться, чтобы это былъ поѣздъ Царскій, тѣмъ не менѣе подъ поѣздомъ были сомкнуты батареи согласно тому, какъ изложено въ обвинительномъ актѣ. Я замкнулъ батарею, т. е. соединилъ токи, но взрыва не послѣдовало. Оттуда мы отправились для кое-какихъ опытовъ, чтобы распознать причину невзрыва. Спустя нѣкоторое время мы вынули проводники, а снаряды оставили подъ рельсами, такъ какъ наши техники давали ручательства, что по меньшей мѣрѣ впродолженіи двухъ лѣтъ взрыва не послѣдуетъ. Въ то время начались уже заморозки, выпалъ снѣгъ, производить раскопку не было возможности, снаряды же могли намъ пригодиться весною—по всему этому мы ихъ и оставили. Въ обвинительномъ актѣ совершенно вѣрно сказано, согласно показанію Бовенко, что раньше уѣхала моя хозяйка, затѣмъ другіе участники, наконецъ 23 ноября выѣхалъ и я изъ Александровска. Вотъ всѣ мои отношенія къ Александровскому предпріятію. Больше я ничего не имѣю сказать.

Первоприс. Г. судебный приставъ, пригласите свидѣтелей.

Тов. прокур. Муравьевъ. Нѣкоторыя изъ показаній, только что данныхъ подсудимыми, имѣютъ значеніе полнаго сознанія и въ виду ихъ не предстоитъ необходимости въ провѣркѣ всѣхъ доказательствъ, которыми прежде обвинительная власть предполагала воспользоваться. Дабы обсудить вліяніе, которое эти показанія должны оказать на ходъ судебнаго слѣдствія, мнѣ было бы желательно имѣть въ распоряженіи приблизительно четверть часа времени, чтобы предъявить свое заключеніе особому присутствію правительствующаго сената, и о предоставленіи мнѣ этого времени я ходатайствую.

Первоприсутствующій объявилъ перерывъ засѣданія на четверть часа.

По возобновленіи засѣданія.

Прокуроръ. Вызывавшіеся по настоящему дѣлу свидѣтели, по содержанію данныхъ ими при изслѣдованіи этого дѣла показаній, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Изъ нихъ одна относится къ удостовѣренію самаго событія злодѣянія 1-го марта; ко второй группѣ относятся свидѣтели, вызванные для удостовѣренія извѣстныхъ обстоятельствъ, служащихъ, по мнѣнію обвиненія, къ изобличенію подсудимыхъ. Въ показаніяхъ, данныхъ подсудимыми, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ значеніе сознанія, фактическая сторона событія 1-го марта не отрицается, и нѣтъ указанія подсудимыхъ на то, чтобы обвинительный актъ въ этомъ отношеніи былъ изложенъ невѣрно. Это даетъ мнѣ основаніе предполагать, что, по отношенію къ событію преступленія 1-го марта, между сторонами можетъ состояться соглашеніе по предмету исключенія изъ состава свидѣтелей, кромѣ одного, котораго я потомъ назову,—всѣхъ тѣхъ, показаніями которыхъ удостовѣряется событіе 1 марта. И такъ, если противною стороною будетъ признано, что событіе преступленія изложено въ обвинительномъ актѣ съ фактической стороны вѣрно и согласно съ показаніями свидѣтелей, данными при изслѣдованіи этого дѣла, и если вслѣдствіе этого мнѣ, какъ представителю обвинительной власти, будетъ разрѣшено въ моей рѣчи излагать это событіе въ этихъ указанныхъ мною предѣлахъ, то подъ этимъ условіемъ я отказываюсь отъ допроса всѣхъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ событіе, за исключеніемъ свидѣтеля, отставного рядового Павлова, котораго прошу допросить. Что касается до второй группы свидѣтелей, то, въ виду сознанія подсудимыхъ, признавая, что многія обстоятельства вполнѣ выяснены и не нуждаются въ дальнѣйшемъ разъясненіи, я нахожу возможнымъ отказаться отъ допроса значительнаго количества свидѣтелей, и укажу на тѣхъ, которыхъ прошу допросить. Кромѣ Павлова, я прошу допросить слѣдующихъ свидѣтелей: Ермолину, Бека, Холотковскую, Смѣлкову, Самойлова, Ульянова, Дмитріева, Гордина, Артамонову, Даровскую, Пѣтушкова, Аѳанасьева, Кулаковскую, Широкова и Булатова, а затѣмъ желаю воспользоваться показаніемъ Гольденберга и впослѣдствіи буду просить прочесть извѣстныя части его показанія. Затѣмъ, въ виду показанія подсудимаго Желябова, я отказываюсь отъ допроса двухъ послѣднихъ экспертовъ, Прохорова и Шарапова. Остальныхъ девять экспертовъ прошу спросить; затѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ свидѣтелей отказываюсь.

Прис. пов. Унковскій. Я долженъ заявить суду, что подсудимый Рысаковъ согласенъ на то, чтобы требованіе г. прокурора было удовлетворено, но я, какъ защитникъ, нахожу нужнымъ спросить еще сверхъ указанныхъ г. прокуроромъ свидѣтелей, рядовыхъ Макарова и Евченко, фельдшера Горохова и городового Несговорова, потому что подсудимому всего 19 лѣтъ, и ему приписываются такія дѣйствія, въ которыхъ онъ сознаній не заявлялъ, а именно, что будто бы онъ смѣялся при задержаніи и сказалъ «Еще слава ли Богу»...

Присяж. пов. Хартулари. Мнѣ кажется, что ходатайство г. прокурора подлежало бы безусловному удовлетворенію, и едва ли стороны встрѣтили бы къ тому препятствіе, если бы фактъ преступленія и даже отдѣльные факты, предшествовавшіе ему и послѣдовавшіе за нимъ, не выяснились свидѣтельскими показаніями. Разсмотримъ относящуюся къ ходатайству г. прокурора 681 ст. устава уголовнаго судопроизводства, разъясненную правительствующимъ сенатомъ по дѣлу Макарова. Такъ какъ дѣло лишь отчасти выяснилось допросомъ обвиняемыхъ и оказалось, что безусловнаго сознанія не существуетъ, что есть нѣкоторыя видоизмѣненія фактической стороны дѣла, есть показанія подсудимыхъ, которыя могутъ быть провѣрены свидѣтельскими показаніями, то для разрѣшенія вопроса достаточно обратиться къ указан-

ному мною рѣшенію сената, въ которомъ говорится, что при сознаніи только нѣкоторыхъ подсудимыхъ, не можетъ быть и возбужденъ вопросъ о непроизводствѣ судебнаго слѣдствія. Въ доказательство этого положенія я могу сослаться на весьма вѣское обстоятельство: въ числѣ свидѣтелей, устраненія которыхъ желаетъ г. прокуроръ въ видахъ сокращенія судебнаго слѣдствія, является Ермолина, показаніе которой весьма важно...

Первоприс. Г. прокуроръ заявилъ ходатайство о спросѣ этой свидѣтельницы.

Присяжн. пов. Хартулари. Въ такомъ случаѣ я беру назадъ... Затѣмъ свидѣтель Гординъ...

Первоприс. Г. прокуроръ желаетъ и его спросить. При разрѣшеніи возбужденнаго вами вопроса, особое присутствіе признаетъ необходимость имѣть отъ васъ категорическій отвѣтъ: согласны ли вы на удовлетвореніе ходатайства г. прокурора или нѣтъ?

Прис. пов. Хартулари. Я не могу категорически заявить согласіе и предоставляю разрѣшить этотъ вопросъ самому особому присутствію.

Прис. пов. Герке. Я считаю существеннымъ показаніе Рейнгольда Нормандa. Затѣмъ я ничего не имѣю противъ ходатайства г. прокурора.

Прис. пов. Герардъ. Я вовсе не желаю допроса свидѣтелей.

Прис. пов. Кедринъ. Я согласенъ, чтобы изъ свидѣтелей были допрошены только тѣ, которые указаны г. прокуроромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я позволю себѣ возобновить мое ходатайство о допросѣ вызваннаго мною свидѣтеля.

Первоприс. Этотъ вопросъ будетъ подлежать обсужденію особаго присутствія и завтра вы получите отвѣтъ.

Подс. Желябовъ. Я не ожидалъ такого заявленія со стороны г. прокурора, т. е. отвода свидѣтелей, а потому теперь затрудняюсь сказать, какія свидѣтельскія показанія имѣютъ существенное значеніе. Весьма возможно, что, отвѣчая на такую новую комбинацію, я просмотрю нѣкоторыхъ свидѣтелей, которыхъ раньше находилъ нужнымъ спросить.

Первоприс. Не находите ли вы необходимымъ, чтобы вамъ было предоставлено нѣкоторое время для обсужденія этого вопроса.

Подс. Желябовъ. Я хотѣлъ бы спросить свидѣтеля Коха, затѣмъ Макарова, Евченко и Назарова. Мнѣ они нужны для того, чтобы удостовѣрить, что толпа была разъярена и Кохъ оборонялъ Рысакова. Если подсудимые, въ томъ числѣ и я, не коснулись изложенія фактической стороны событія, то потому, что считали себя не въ правѣ этого касаться. Я коснулся бы можетъ быть весьма многаго, но я не зналъ своего права, потому нельзя ссылаться на наше умолчаніе, какъ на полное соглашеніе съ изложеніемъ фактической стороны дѣла въ обвинительномъ актѣ. Такъ на 2-й страницѣ сказано, что метательный снарядъ былъ брошенъ сзади, хотя это опровергается свидѣтелемъ Павловымъ.

Первоприс. Какое ваше заявленіе относительно размѣровъ производства судебнаго слѣдствія?

Подс. Желябовъ. Кромѣ указанныхъ мною, я прошу еще спросить Рейнгольда, Самойлова и Ульянова.

Первоприс. Что вы имѣете заявить по поводу указанія г. прокурора относительно производства судебнаго слѣдствія о покушеніи на взрывъ подъ Александровскомъ?

Подс. Желябовъ. Для упрощенія дѣла я согласенъ не спрашивать Бовенко и его жену.

Первоприс. Другіе подсудимые не имѣютъ ли чего по этому поводу?

Подсудимые ничего не заявили.

Первоприс. Не имѣютъ ли подсудимые что нибудь возразить по вопросу о непроизводствѣ судебнаго слѣдствія по предмету взрыва подъ Москвой?

Подсудимые ничего не имѣютъ.

Затѣмъ г. прокуроръ просилъ еще спросить свидѣтеля Рудыковскаго, а подсудимый Желябовъ—Кюстера.

Послѣ совѣщанія, первоприсутствующій объявилъ, что особое присутствіе, въ виду сдѣланныхъ сторонами заявленій, признаетъ возможнымъ не производить судебнаго слѣдствія по обвиненію подсудимыхъ Желябова—въ покушеніи къ взрыву подъ Александровскомъ; Перовской—въ производствѣ взрыва подъ Москвой и Кибальчича—въ приготовленіи къ взрыву подъ Одессой, а также отстраняетъ изъ числа экспертовъ гг. Прохорова и Шарапова и нѣсколькихъ свидѣтелей.

Послѣ этого были приглашены свидѣтели и эксперты въ залу засѣданія, опрошены и приведены къ присягѣ, за исключеніемъ свидѣтеля Михайлова, родного брата подсудимаго, вызваннаго по просьбѣ послѣдняго. На объ-

ясненіе г. первоприсутствующаго, что свидѣтель, по закону, какъ братъ подсудимаго, имѣетъ право отказаться отъ своего показанія, Михайловъ заявилъ, что онъ можетъ показать, о чемъ его спросятъ. Напомнивъ всѣмъ свидѣтелямъ и экспертамъ святость присяги и отвѣтственность за ложное показаніе, г. первоприсутствующій объявилъ перерывъ для обѣда на два часа.

По возобновленіи засѣданія въ 8-мь часовъ вечера, первоприсутствовавшій, съ согласія сторонъ, предложилъ экспертамъ остаться въ залѣ и внимательно прослушать все слѣдствіе, чтобы дать потомъ заключеніе. Свидѣтелямъ, которыхъ не предполагалось спросить въ настоящее засѣданіе, было разрѣшено удалиться изъ зданія суда. Послѣ этого судъ приступилъ къ допросу оставленныхъ свидѣтелей, причемъ каждому первоприсутствующій передъ допросомъ напоминалъ о данной имъ присягѣ.

Введенъ свидѣтель Фролъ Сергѣевъ (лейбъ-кучеръ усопшаго Государя Императора), который показалъ: Когда я подалъ карету къ подъѣзду Зимняго дворца, покойный Государь вышелъ и сказалъ: «въ Михайловскій манежъ, черезъ Пѣвческій мостъ». Какъ прежде ѣздили, такъ и въ этотъ разъ тою же дорогой поѣхали. Изъ манежа Государь приказалъ ѣхать въ Михайловскій дворецъ. Вмѣстѣ съ Государемъ сѣлъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Изъ Михайловскаго дворца Государь вышелъ одинъ и приказалъ мнѣ: «Домой, и той же дорогой». Когда я поѣхалъ на Екатерининскую канаву, то пустилъ лошадей очень шибко. Вдругъ я услышалъ взрывъ сзади. Передъ этимъ я ничего особеннаго не замѣтилъ, народу не видалъ. Государь сказалъ: «Стой», вышелъ изъ лѣвой дверцы и пошелъ назадъ, а я повернулъ лошадей и подъѣхалъ ближе къ публикѣ. Потомъ второй взрывъ сдѣлался, и вскорѣ поднесли къ каретѣ Государя Императора. Тутъ кто говоритъ нельзя везти въ каретѣ, кто говоритъ надо на извозчика... я хорошенько не помню; уже потомъ мнѣ велѣли отъѣхать прочь. Я отъѣхалъ и погналъ лошадей домой. Когда пріѣхалъ, то говорю начальнику, что въ Государя Императора выстрѣляли и ранили ноги... Не помню, что въ то время я говорилъ. Потомъ начальникъ пріѣхалъ обратно изъ дворца и сказалъ, что Государь скончался.

Свид. капитанъ Кохъ показалъ, что когда въ Бозѣ почившій Государь изволилъ выѣхать изъ дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны въ 2 часа 30 минутъ, то карета направилась по Инженерной улицѣ и повернула направо по Екатерининскому каналу. Карету сопровождали: конвой, полицеймейстеръ Дворжицкій и свидѣтель, ѣхавшій вплотную съ Дворжицкимъ. Когда Государь изволилъ доѣхать до половины протяженія Михайловскаго сада, раздался взрывъ. Я, продолжалъ свидѣтель, выскочилъ изъ саней и побѣжалъ по направленію къ экипажу Его Величества и увидѣлъ, что Государь выходитъ изъ кареты съ правой стороны и наклонился къ одному изъ раненыхъ. Въ то же время я увидѣлъ бѣгущаго мнѣ на встрѣчу неизвѣстнаго человѣка, котораго я остановилъ, не помню одинъ, или съ кѣмъ нибудь еще. Затѣмъ я вижу, что Государь Императоръ въ сопровожденіи Дворжицкаго и еще нѣсколькихъ лицъ приближается къ преступнику. У преступника, пока Государь подходилъ къ нему, успѣли отобрать револьверъ и кинжалъ въ чехлѣ. Въ промежутокъ времени, какъ былъ задержанъ неизвѣстный и пока приближался Государь, я успѣлъ спросить преступника, кто онъ такой, и онъ назвалъ себя мѣщаниномъ Грязновымъ. Когда же я его спросилъ, онъ ли произвелъ взрывъ?—онъ отвѣтилъ: «Я, ваше благородіе», Государь подойдя изволилъ спросить: «Этотъ»? Я назвалъ фамилію преступника. Государь произнесъ: «Хорошо», и повернулся назадъ. За нимъ слѣдовалъ полковникъ Дворжицкій и нѣсколько другихъ лицъ, а часть людей осталась при преступникѣ. Покойный Государь Императоръ отошелъ не болѣе шести или семи шаговъ, какъ раздался снова страшный взрывъ, отъ котораго я потерялъ память. Черезъ нѣсколько секундъ, очнувшись, я подбѣжалъ къ экипажу Государя и спросилъ кучера Фрола: «Гдѣ Императоръ»? Фролъ сказалъ, что Онъ раненъ, и указалъ по направленію, гдѣ находился Государь. Я подбѣжалъ и увидѣлъ Государя Императора на рукахъ у казаковъ, безъ шапки, раненаго, съ окровавленными ногами. Когда я замѣтилъ, что Государь Императоръ опасно раненъ, я бросился къ преступнику, увидѣлъ, что его держатъ четверо, и потомъ пошелъ къ Театральному мосту. Не помню, кто-то меня взялъ и привелъ къ графу Лорисъ-Меликову. Отъ сильной головной боли я хорошо не могъ помнить и отчетливо сознавать подробностей.

Прок. Государь Императоръ, какъ вы го-

ворили, изволилъ наклониться надъ однимъ изъ раненыхъ. Не былъ ли это раненый мальчикъ?

Свид. Кохъ. Не могу припомнить.

В. Вы видѣли, что Государь Императоръ наклонился надъ раненымъ?—О. Да, видѣлъ, и потомъ онъ поднялся и пошелъ.—В. Сколько всего было раненыхъ при первомъ взрывѣ?—О. Помню двухъ казаковъ.

Первоприсутств. Подсудимые, я не буду предлагать вамъ, послѣ каждаго свидѣтельскаго показанія и вообще послѣ каждаго доказательства, предъявленнаго на судѣ, дѣлать ваши замѣчанія и заявляю, что это ваше право и что вы можете заявлять мнѣ о своемъ желаніи дать объясненіе по всякому доказательству.

Подс. Желябовъ. Я просилъ бы объяснить мнѣ маленькую формальность: долженъ ли я стоять или сидѣть, дѣлая заявленіе?

Первоприс. Обращаясь къ суду, вы должны давать объясненія стоя.

Затѣмъ на предложенные вопросы свид. Кохъ объяснилъ: Когда я убѣдился, что преступникъ въ рукахъ народа и увидѣлъ Государя въ такомъ состояніи, то побѣжалъ къ мосту, гдѣ увидѣлъ, что нѣсколько человѣкъ держатъ какого-то господина въ золотыхъ очкахъ и повидимому народъ хотѣлъ съ нимъ расправиться. Тогда я его отвелъ отъ толпы и приказалъ передать въ руки полиціи.

Прис. пов. Унковскій. Не помните ли, свидѣтель, Рысаковъ самъ разстегнулся и показалъ кинжалъ?

Свид. Кохъ. Нѣтъ, я приказалъ его обыскать; изъ боковаго кармана пальто у него вынули револьверъ, а затѣмъ съ груди кинжалъ въ чехлѣ. Ни того, ни другого онъ не могъ вынуть самъ, такъ какъ его держали за руки.

Подс. Рысаковъ. Я солдатамъ объяснилъ, что у меня есть револьверъ и кинжалъ, который висѣлъ на ремнѣ. Его взяли у меня у градоначальника.

Свид. Кохъ. Я помню, что былъ кинжалъ въ чемъ-то, но кто передалъ кинжалъ и револьверъ полиціймейстеру Дворжицкому—не знаю.

Свидѣтелю предъявленъ кинжалъ, который, по осмотрѣ, онъ призналъ за отобранный у Рысакова.

Подсудимый Рысаковъ призналъ этотъ кинжалъ за тотъ, который у него былъ 1-го марта.

Подс. Желябовъ. На дознаніи есть показаніе, что свидѣтель обнажилъ саблю.

Первоприс. (свидѣтелю). Что заставило васъ обнажить саблю?

Свид. Кохъ. Въ первый моментъ я обнажилъ саблю, предполагая, что народъ будетъ рвать преступника, но затѣмъ я тотчасъ же вложилъ ее въ ножны.

Прис. пов. Унковскій. Кромѣ тѣхъ словъ Рысакова, о которыхъ вы упомянули, вы ничего болѣе отъ него не слыхали.

Свид. Кохъ. Онъ сказалъ только: «Я, ваше благородіе, произвелъ взрывъ», и затѣмъ назвалъ себя мѣщаниномъ Грязновымъ.

Прок. На основаніи 626 ст. уст. угол. суд. и состоявшагося опредѣленія особаго присутствія, имѣю честь ходатайствовать о прочтеніи показанія полковника Дворжицкаго, не явившагося на судъ по законной причинѣ.

Прочитано слѣдующее показаніе полковника Дворжицкаго: «Вчера, 1-го марта, около 2 часовъ пополудни, Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ изъ Михайловскаго дворца и поѣхалъ по Инженерной улицѣ, гдѣ при поворотѣ направо по набережной Екатерининскаго канала обогналъ взводъ 8-го флотскаго экипажа, который отдалъ Государю честь съ барабаннымъ боемъ. Я ѣхалъ вслѣдъ за каретою Государя, въ разстояніи не болѣе двухъ саженъ, позади двухъ конвоировъ-казаковъ. Кучеръ Государя ѣхалъ очень шибко. На разстояніи около 50-ти саженъ отъ угла Инженерной улицы, въ то время какъ съ лѣвой стороны у рѣшетки набережной шелъ какой-то человѣкъ, а съ другой шелъ солдатъ, подъ каретой Государя раздался ужасный взрывъ, распространившійся какъ бы вѣеромъ. Я въ это время стоялъ въ своихъ саняхъ, и отъ взрыва упалъ на кучера, такъ какъ лошади мои, взвившись на дыбы, моментально остановились. Оглянувшись инстинктивно назадъ, я увидѣлъ солдатъ, хватавшихъ какого-то человѣка. Бросившись къ каретѣ Государя, я отворилъ дверцу Его Величеству и заявилъ, что преступникъ задержанъ, а затѣмъ предложилъ Государю взять мои сани и прослѣдовать во дворецъ. Но Государь изволилъ пожелать прежде посмотрѣть на задержаннаго, и въ сопровожденіи меня, по тротуару, около рѣшетки канала, направился назадъ къ тому мѣсту, гдѣ находился преступникъ, схваченный въ разстояніи шаговъ 18—20 отъ остановив-

шагося экипажа. Подойдя къ задержанному, около котораго уже стояла толпа народа, я опередилъ Государя и, подойдя къ задержанному, вынулъ у него изъ-за борта на лѣвую сторону застегнутаго пальто—револьверъ, а одинъ изъ солдатъ въ то же время вынулъ изъ бокового наружнаго кармана пальто небольшой кинжалъ съ позолотою. Государь Императоръ, подойдя къ нему, изволилъ спросить, кто онъ такой, причемъ задержанный отвѣтилъ: «Мѣщанинъ», назвалъ свою фамилію, но какую именно—я теперь не упомню. Государь, стоявшій на панели канала и говорившій съ преступникомъ въ полъ-оборота, повернулся и, сдѣлавъ два шага по направленію къ экипажу, обратился ко мнѣ съ приказаніемъ показать ему мѣсто взрыва. Въ это время толпа народа находилась на набережной около преступника. На всемъ же пространствѣ по ширинѣ улицы и ближе къ экипажу я никого не замѣтилъ. Затѣмъ, получивъ приказаніе Государя, я сдѣлалъ не болѣе двухъ шаговъ къ мѣсту взрыва, Государь же остановился на панели. Въ это время раздался вторичный взрывъ, повидимому около правой ноги Государя, т. е. со стороны улицы. Я услышалъ оглушительный звукъ взрыва. Меня точно обдало кипяткомъ и я получилъ такой толчокъ въ спину, что, сдѣлавъ невольно шага два впередъ—упалъ на руки. Падая, я замѣтилъ какую-то женщину въ черномъ бурнусѣ,—бросившуюся бѣжать къ Театральному мостику. Въ это же время я услышалъ за собою голосъ Государя, сказавшаго, кажется, слово: «Помогите». Вскочивъ и обернувшись, я подбѣжалъ къ Нему. Онъ находился въ полусидячемъ положеніи на тротуарѣ канала, спиною къ толпѣ народа и къ задержанному, а лицомъ къ Театральному мостику. Схвативъ Государя подъ руки, въ предположеніи, что Онъ только раненъ, я увидѣлъ, что обѣ Его ноги были обнажены: кровь сильно струилась и тѣло висѣло кусками. Тогда, опустивъ тяжело дышавшаго и бывшаго безъ сознанія Государя, я крикнулъ о помощи. Когда нѣсколько подбѣжавшихъ и повидимому раненыхъ взрывомъ лицъ подняли Государя и понесли по направленію къ каретѣ, подъѣхалъ Его Императорское Высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ, и такъ какъ въ карету, поврежденную уже первымъ взрывомъ, положить Государя Императора было нельзя, Его помѣстили въ мои сани, въ которыя сѣлъ Его Высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ и еще какой-то офицеръ. Затѣмъ я, какъ израненый, ослабѣлъ, со мною сдѣлалось дурно и я былъ отправленъ домой.

Свид. Козьменко (рядовой терскаго эскадрона конвоя Его Величества) показалъ: Мы шли изъ Исаакіевскаго собора; не доходя моста услыхали выстрѣлъ и побѣжали. Какой-то голосъ сказалъ, что стрѣляютъ въ Государя Императора. Когда я вскочилъ на мостикъ, вижу карету и на козлахъ сидитъ кучеръ. Такъ какъ я его зналъ, то спросилъ: Фролъ Сергѣевичъ, гдѣ Государь Императоръ? Онъ указалъ рукой на панель. Я побѣжалъ. Государь былъ окруженъ,но кѣмъ—не помню. Я сказалъ: «Ваше Императорское Величество, Вы здоровы?» Они ничего не сказали. Я побѣгъ къ преступнику, у котораго солдаты при мнѣ взяли кинжалъ и револьверъ. Я обратно вернулся, но когда сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, раздался взрывъ и меня откинуло. Я вскочилъ и побѣгъ до Государя Императора. Его держали казаки. Подошелъ и я, и сказалъ: «Ваше Императорское Величество, позвольте Вашу руку.» Онъ поднялъ правую руку и положилъ мнѣ на плечо. Мы подняли Его Величество и стали сходить съ панели. Въ это время подъѣхалъ Его Высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ и кинулся къ намъ. Когда увидѣли Они, то прослезились и приказали: «Несите за мной къ каретѣ». Когда поднесли, то я сказалъ, что въ карету нельзя положить, и просилъ позволить намъ нести Его Величество. Послѣ этого подали сани, въ которыя мы посадили Государя. Мы поддерживали Его Величество съ боковъ, а ротмистръ Кулебякинъ сталъ спиной къ кучеру и поддерживалъ ноги Государя. Потомъ еще какой-то солдатикъ стоялъ сзади саней. Какой-то офицеръ снялъ фуражку, а я снялъ каску съ Его Величества и надѣлъ эту фуражку, и этотъ же офицеръ далъ шинель. Я держалъ руку передъ глазами Государя, чтобы не закидывало снѣгомъ. Дорогой Его Величество спросили ротмистра Кулебякина: «Ты раненъ»?—Г. ротмистръ молчитъ. Государь другой разъ спросилъ, и я сказалъ г. ротмистру, что его изволитъ спрашивать Государь. Тогда онъ отвѣтилъ Его Величеству: «Обо мнѣ нѣтъ словъ, я легко раненъ», и самъ заплакалъ. Потомъ Его Величество болѣе ничего не говорили. Когда пріѣхали во дворецъ, то мы внесли Его въ покои и положили на койку.

Свид. Луценко (рядовой терскаго эскадрона конвоя Его Величества), объяснивъ, что

плохо слышитъ вслѣдствіе полученнаго 1-го марта поврежденія головы, показалъ: ѣхали мы изъ Михайловскаго дворца и повернули по Екатерининскому каналу. Встрѣчался народъ и отдавалъ честь. Нельзя было замѣтить какого нибудь дурного человѣка. По каналу народу было немного. Встрѣтился мальчикъ съ санками, на которыхъ была корзина. Мы проводили его глазами, и я не успѣлъ повернуться, какъ сдѣлался взрывъ. Я глянулъ въ карету, и увидалъ, что Его Величество наклонился и потомъ вышли изъ кареты и пошли. Я повернулъ лошадь, соскочилъ съ нея и побѣжалъ къ Государю Императору. Они подходили къ преступнику. Я не слыхалъ, что онъ отвѣчалъ. Когда Государь отвернулся отъ преступника, то черезъ нѣсколько шаговъ раздался новый взрывъ подъ ногами Самого Государя. Тутъ я не припомню, кто ухватилъ Его подъ руки. Я съ лѣвой стороны подскочилъ и мы подняли Его на руки и казакъ Козьменко тутъ же подскочилъ и командиръ нашъ. Шагнули шагъ, и его высочество Михаилъ Николаевичъ подбѣжалъ. У него сильно слезы полились. Въ карету нельзя было посадить. Ноги были сильно разбиты. Тогда подали сани полковника Дворжицкаго. Мы посадили Государя. Я съ лѣвой стороны, Козьменко съ правой, и сзади не помню кто, а ротмистръ Кулебякинъ держалъ ноги Государя. Когда мы въѣхали на мостикъ, Его Величество изволили спросить г. Кулебякина: «Ты раненъ», а онъ ничего не говоритъ; Государь повторилъ: «Ты раненъ», и ротмистръ отвѣтилъ: «Объ насъ словъ нѣтъ: Васъ, Государь, жаль». На это Его Величество ничего не отвѣтили. Привозимъ къ собственному Его Величества подъѣзду, приподняли и понесли во дворецъ. Отворили одну дверь, а другую нельзя отворить было, ее сломали. Съ нами слѣдовалъ его высочество Михаилъ Николаевичъ, и у него сильно слезы текли изъ глазъ. Принесли въ комнату, гдѣ Государь Императоръ постоянно занимались, и положили на кровать. Его высочество Михаилъ Николаевичъ сказалъ намъ: «Идите, ребята»; тогда и у насъ сильно полились слезы, и не знаемъ какъ мы и вышли изъ дворца.

Свид. Гороховъ (младшій фельдшеръ лейбъ-гвардіи павловскаго полка) показалъ: Я былъ уволенъ въ отпускъ въ воскресенье 1-го марта. Около двухъ часовъ, проходя, я увидалъ, что на Театральномъ мосту полицейскій офицеръ и двое околодочныхъ. Съ моста я пошелъ къ Невскому, по набережной Екатерининскаго канала и обогналъ какого-то молодого человѣка въ пальто, который что-то несъ въ узелкѣ. Пройдя шаговъ 15, я увидѣлъ появившуюся изъ Инженерной улицы карету, окруженную конвойными казаками; я сталъ во фронтъ нѣсколько ранѣе, чѣмъ положено; я стоялъ близъ канавы, а тотъ человѣкъ ближе къ панели. Когда я отдалъ честь и хотѣлъ повернуться къ Невскому, услышалъ оглушительный выстрѣлъ. Я обернулся и увидѣлъ человѣка, котораго обогналъ и который побѣжалъ, а за нимъ городовой. Какъ только онъ поровнялся со мною, кажется городовой попалъ ему на ногу, и онъ сейчасъ же упалъ, опершись на руки. Въ это время я подскочилъ и схватилъ его за руки. Тутъ подбѣжали двое преображенскихъ солдатъ и офицеръ, личность котораго я не замѣтилъ, съ желтымъ или краснымъ околышкомъ. Когда задержали этого человѣка, Государь Императоръ вышли изъ кареты съ лѣвыхъ дверей и направились къ намъ. Подойдя, Государь Императоръ спросили: «Это тотъ, который бросилъ?» Мы отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ: «Такъ точно, Ваше Императорское Величество». У преступника торчала ручка отъ револьвера изъ-за пазухи. Солдаты стали вынимать, а Государь Императоръ велѣли передать офицеру. Послѣ взрыва я замѣтилъ, какъ два казака свалились: одинъ свалился, а другой или свалился или слѣзалъ—хорошенько не замѣтилъ. Затѣмъ, когда отобрали револьверъ, Его Величество пошли къ каретѣ и офицеры съ Нимъ. Въ этотъ моментъ изъ публики выдѣлился какой-то молодой человѣкъ, личность котораго я хорошо не замѣтилъ, и увидѣлъ, что или отъ этого человѣка, или со стороны канавы мелькнуло что-то въ ноги Государя Императора, отъ чего послѣдовалъ сильный выстрѣлъ, который всѣхъ подкосилъ и Государь упалъ, и этотъ человѣкъ упалъ и всѣ окружающіе упали. Потомъ началось общее смятеніе. Когда послѣдовалъ второй взрывъ, публика бросалась назадъ, и на тѣхъ, которые бѣжали прочь, накидывались встрѣчные съ кулаками, такъ что, если одинъ ударитъ, то на него удары сыпались десятками и сотнями, такъ что образовались кучки—словомъ, была страшная суматоха. Слышны были крики: кто говорилъ со стороны канавы, кто со стороны сада. Тутъ подбѣжали солдаты флотскіе и стали ломать вороты сада. Нѣкоторые изъ публики забрались на заборъ и говорили, что въ саду нѣтъ

слѣдовъ. Мы стояли и держали преступника. Кто говоритъ: ведите его въ канцелярію, кто—въ участокъ. Мы держали его въ полусогнутомъ, полусидячемъ положеніи. Потомъ повели его къ Театральному мосту, гдѣ нашли извозчика, на котораго и посадили преступника. Я сѣлъ справа, преображенецъ слѣва, а городовой и другой преображенецъ стали къ извозчику спиной и держали за руки. Въ то время, когда мы вели преступника до извозчика, многіе изъ публики накидывались на него и били кулаками и сзади и спереди. Онъ просилъ насъ не давать бить. Потомъ привезли къ градоначальнику, гдѣ преступника обыскали.

Прокур. Взгляните на скамью подсудимыхъ, не признаете ли изъ числа ихъ того, котораго задержали.—Свид. Гороховъ (указывая на Рысакова). Вотъ этомъ.—В. Какой формы узелокъ вы видѣли у него въ рукахъ, не найдете ли подобнаго изъ числа вещественныхъ доказательствъ.—Гороховъ указалъ на цилиндръ, завернутый въ бумагу. В. Вы сказали, что передъ вторымъ взрывомъ изъ толпы выдѣлился какой-то человѣкъ: вы не видали—онъ бросилъ снарядъ? О. Нѣтъ, не видалъ. Видѣлъ только что-то промелькнуло.

Прис. пов. Унковскій. Подсудимый Рысаковъ говорилъ какія нибудь слова, кромѣ тѣхъ, о которыхъ вы сказали?—Свид. Гороховъ. Когда мы спросили, кто онъ, то онъ сказалъ, что мѣщанинъ, и еще просилъ, чтобы мы не давали его бить. Потомъ еще, когда раздался второй взрывъ и Государь Императоръ упалъ, то одинъ изъ преображенцевъ ударилъ преступника въ голову и сказалъ: «Что вы дѣлаете?» На это преступникъ отвѣтилъ: «Послѣ узнаете, такъ какъ вы люди темные».

Подс. Желябовъ. Не помнитъ ли свидѣтель наружности того человѣка, который выступилъ изъ толпы?—Свид. Гороховъ. Нѣтъ, это было мгновенно, черезъ секунду всѣ и упали.—В. Не было ли передъ вторымъ взрывомъ, послѣ того, какъ Государь повернулся отъ Рысакова къ своей каретѣ, движенія вокругъ, такъ что одни шли впередъ, другіе назадъ?—О. Тутъ нѣкоторые рвались глядѣть, что за происшествіе; тутъ вообще было такое волненіе, изъ котораго я ничего не могъ понять.—В. Какое мѣсто занималъ этотъ выдѣлившійся изъ толпы человѣкъ: между Государемъ и свидѣтелемъ, или Государь былъ между этимъ человѣкомъ и свидѣтелемъ?—О. Государь Императоръ шелъ отъ насъ, а на встрѣчу Ему толпа людей, и когда Они подходили къ ней, то и выдѣлился человѣкъ, такъ что Его Величество были между мною и имъ.

Свид. Несговоровъ (городовой) показалъ: Когда Государь Императоръ изволили проѣзжать въ Михайловскій манежъ по Екатерининскому каналу, то я занималъ постъ отъ Театральнаго моста до Инженерной улицы. Изъ Михайловскаго Дворца Государь Императоръ изволили слѣдовать обратно этимъ же путемъ. Когда карета стала равняться со мною, я отдалъ честь. Его Величество проѣхалъ нѣсколько саженей, какъ вдругъ случился взрывъ неизвѣстно откуда. Смотрю лежатъ двое конвойныхъ и кто-то кричитъ: держи, держи. На встрѣчу мнѣ бѣжитъ человѣкъ въ дыму, и когда замѣтилъ меня, то бросился на панель, а я побѣжалъ за нимъ. Такъ какъ было скользко, то ужъ не знаю, его ли ноги поскользнулись или я наступилъ, но онъ упалъ, а я на него. Онъ ухватилъ меня за портупею и оторвалъ. Тутъ подскочили солдаты, и стала подбѣгать публика и свалилась на насъ. Когда мы подняли этого человѣка на ноги, народъ кричитъ: «Дайте его, мы его разорвемъ». Я спросилъ преступника: есть ли при тебѣ что, а онъ сказалъ, что ничего нѣтъ; мы же нашли въ боковомъ его карманѣ револьверъ, который былъ переданъ полковнику Дворжицкому. Тутъ Государь Императоръ изволили подойти на нѣсколько шаговъ и спросили: «Задержали преступника»?—Мы отвѣчали: «Такъ точно, Ваше Величество». Затѣмъ Государь Императоръ пошелъ обратнымъ путемъ, и тутъ случился другой взрывъ. Государя убили, а другихъ ранили. Мы держали преступника и потомъ довели до Театральнаго моста. Публика нападала на насъ. Потомъ взяли извозчика и привезли въ сыскное отдѣленіе, гдѣ его обыскали.

Прис. пов. Унковскій. Вы первый задержали преступника?—Свид. Несговоровъ. Такъ точно.—В. Что онъ говорилъ?—О. Онъ говорилъ: «Не бейте меня, оставьте».

Подс. Желябовъ. Постъ свидѣтеля, по его словамъ, находился отъ Театральнаго моста до Инженерной улицы. Я желалъ бы знать, видѣлъ ли онъ передъ проѣздомъ Государя въ этомъ мѣстѣ публику, и много ли людей было?

Первоприс. Видѣли вы, свидѣтель, чтобы

передъ проѣздомъ Государя въ предѣлахъ вашего поста проходили люди?—Свид. Несговоровъ. Публика проходила.—В. Вы обращали на нее вниманіе?—О. Такъ точно.—В. Не обращали ли вы вниманія на то, кто проходилъ, и не казался ли вамъ кто нибудь подозрительнымъ?—О. Нѣтъ, не видалъ.—В. Не видѣли ли какого-нибудь человѣка или двухъ съ узелками?—О. Нѣтъ, никто не проходилъ.

Свид. Назаровъ (мостовой сторожъ конно-желѣзной дороги) показалъ: 1-го марта, когда Государь Императоръ ѣхалъ изъ манежа по Инженерной улицѣ, я работалъ по Екатерининскому каналу—ухабы сравнивалъ. Увидавъ карету Государя, я поставилъ кирку, и Государь проѣхалъ мимо, я снялъ шапку. Вижу идетъ неизвѣстный мужчина и кинулъ подъ карету какъ будто комъ снѣга. Я подумалъ—что это онъ кидаетъ, какъ вдругъ сдѣлался взрывъ и человѣкъ побѣжалъ. Я какъ стоялъ въ рукавицахъ, такъ его схватилъ и повалился на панель. Ко мнѣ подбѣжали два офицера, два солдата преображенскихъ и потомъ еще измайловскіе, потомъ городовой или солдатъ, и набралось много публики. У задержаннаго вынули револьверъ. Государь Императоръ подошелъ къ намъ въ толпу и спросилъ: «Этотъ стрѣлялъ?» Мы отвѣтили: «Такъ точно, Ваше Императорское Величество». Затѣмъ Государь Императоръ повернулся назадъ, отошелъ шаговъ десять, какъ произошелъ взрывъ сильный, такъ что меня даже прочь откинуло отъ преступника. Я поднялся и вернулся назадъ къ преступнику, а его уже держатъ. Тогда я подошелъ къ Государю Императору. У Него лицо было въ крови. Привели Его подъ руки къ каретѣ, но Онъ не могъ сѣсть. Я больше ничего не видалъ.

Прок. Посмотрите на подсудимыхъ: не можете ли въ числѣ ихъ признать того, который бросилъ подъ карету комъ снѣга?—Свид. Назаровъ (указывая на Рысакова). Вотъ первый сидитъ.—В. Когда его задержали, онъ спокоенъ былъ?—О. Совсѣмъ спокоенъ, веселый какъ есть: смѣялся даже.

Прис. пов. Унковскій. Говорилъ онъ что-нибудь?—Свид. Назаровъ. Тогда ничего не говорилъ.—В. Вы первый его задержали?—О. Я первый, а городовой уже послѣ.

Свид. Макаровъ (рядовой лейбъ-гвардіи преображенскаго полка) показалъ: Мы ходили на работу, и въ 2 часа шли домой по Екатерининскому каналу. Около сада мы услышали топотъ лошадей и увидали карету Государя. Мы стали во фронтъ, и тутъ послѣдовалъ первый взрывъ. Казаки упали. Мы кинулись за преступникомъ и схватили его. Карета остановилась, и Его Величество изволили выйдти и подойти къ преступнику и спросили: «Этотъ самый стрѣлялъ»? Мы отвѣчали: «Точно такъ, Ваше Императорское Величество». Мы держали его уже четверо. Потомъ у него нашли револьверъ, который полковникъ Дворжицкій взялъ, и кинжалъ. Тутъ еще какой-то генералъ былъ—не знаю. Тогда Государь Императоръ отошелъ отъ преступника шаговъ шесть, тутъ сдѣлался второй взрывъ, а этотъ человѣкъ, котораго мы держали, говоритъ: «Не бойтесь, помирать все равно, когда ни убьютъ». Государь Императоръ упалъ. Преступникъ проговорилъ: «Хоть убить не убили, но все же ранили». Государь Императоръ не могъ подняться Самъ на ноги, и кто Его поднялъ—я не знаю.

Прок. Кому преступникъ сказалъ то, что вы сейчасъ говорили?—Свид. Макаровъ. Намъ. Мы испугались, а онъ, увидѣвъ, что лицо Государя въ крови, говоритъ: «Убить не убили, а поранили».

Подс. Рысаковъ. Я Государя Императора и не видалъ послѣ того, какъ Онъ отошелъ отъ меня.

Свид. Евченко (рядовой лейбъ-гвардіи преображенскаго полка): Когда мы проходили съ товарищемъ по Екатерининскому каналу и дошли до Михайловскаго сада, то изъ Инженерной улицы выѣхала карета Государя Императора. Мы стали во фронтъ и отдали честь. Какъ только лошади стали равняться съ нами, съ противоположной стороны отъ канавы послѣдовалъ взрывъ подъ карету, но карета проскочила, такъ что взрывъ повредилъ только лѣвый уголъ и ранилъ казака. Преступникъ бросился бѣжать, а мы за нимъ и схватили его около перилъ канала. Потомъ уже вытащили револьверъ. Государь Императоръ вышелъ изъ кареты, подошелъ къ преступнику и спросилъ: «Это тотъ, который сдѣлалъ выстрѣлъ?» Мы сказали: «Точно такъ, Ваше Императорское Величество». Тутъ подбѣжалъ полковникъ Дворжицкій, взялъ револьверъ и кинжалъ. Государь повернулся и прошелъ шаговъ 10, какъ послѣдовалъ второй выстрѣлъ. Въ этой суматохѣ я не видалъ, откуда сдѣлался второй взрывъ. Государь Императоръ упалъ и полковникъ Дворжицкій также упалъ. Государя подняли, посадили на сани и увезли. Мы вели преступника на Теа-

тральный мостъ, гдѣ подали извозчика и отправили его въ полицію.

Прис. пов. Унковскій. Преступникъ говорилъ что нибудь?—Свид. Евченко. Онъ сказалъ: «Ну, хоть не убили, а все же ранили, не промахнулись».

Свид. Крахоткинъ (подпоручикъ 139-го пѣхотнаго моршанскаго полка) показалъ, что онъ ѣхалъ по канавѣ къ Театральному мосту и услышалъ, что по направленію экипажа, сопровождаемаго казаками, вдругъ раздался взрывъ. Свидѣтель соскочилъ съ извозчика и побѣжалъ къ мѣсту взрыва. Тутъ онъ услышалъ крики: «Держи, держи», вмѣстѣ съ другими окружилъ Рысакова, котораго прижали къ чугунной рѣшеткѣ канала. Онъ сначала говорилъ: «Не я стрѣлялъ, не я». Затѣмъ, продолжалъ свидѣтель, я побѣжалъ къ каретѣ Государя Императора, Который направлялся къ преступнику. Подойдя на нѣсколько шаговъ, Государь спросилъ: «Это онъ?» Затѣмъ полковникъ Дворжицкій что-то сталъ докладывать Его Величеству и показалъ что-то по направленію къ преступнику. Въ то время пришелъ взводъ морскихъ нижнихъ чиновъ и сталъ около канала. Я стоялъ на дорогѣ. Потомъ произошелъ второй взрывъ и я потерялъ сознаніе. Очнулся на противоположной сторонѣ, головой къ забору сада Михайловскаго дворца. Когда я всталъ, проходила какая-то дама и говоритъ, что Государь убитъ. Я кинулся къ тому мѣсту. Потомъ не помню: меня увезли. Получилъ разрывъ барабанной перепонки и сильную контузію; чувствую постоянный шумъ въ головѣ.

Свид. Коссинскій (камеръ-пажъ) показалъ: 1-го марта, около 2 часовъ дня, я ѣхалъ съ товарищемъ моимъ по Большой Конюшенной улицѣ и повернулъ на набережную Екатерининскаго канала. Изъ Инженерной улицы показалась карета Государя. Черезъ нѣсколько времени раздался страшный выстрѣлъ и мы видѣли, какъ карета остановилась. Кромѣ того намъ показалось, что нѣсколько конвойныхъ упало. Тогда мы соскочили съ саней, перебѣжали каналъ по льду и поднялись на противоположную сторону въ тотъ моментъ, когда карета стояла и Государь уже вышелъ. Мы пошли рядомъ съ Его Величествомъ по дорогѣ, а Онъ отправился по панели, по направленію къ Невскому, гдѣ былъ задержанъ преступникъ. Государь спросилъ: «Тотъ ли это человѣкъ, который произвелъ взрывъ»—и получилъ утвердительный отвѣтъ. Потомъ кто-то сказалъ, что онъ назвалъ себя мѣщаниномъ Грязновымъ. Государь направился назадъ къ Лѣтнему саду. Въ это время къ нему подошелъ полковникъ Дворжицкій. Мы съ товарищемъ на нѣсколько шаговъ отстали. Между нами и Его Величествомъ собралось нѣсколько человѣкъ народа. Прошли не болѣе 20 шаговъ, какъ раздался второй взрывъ, которымъ меня отбросило по направленію къ Невскому и оглушило. Вмѣстѣ съ другими упалъ и я, и далѣе ничего не помню. Меня встрѣтилъ товарищъ и отвезъ въ корпусъ. Лѣвымъ ухомъ теперь не слышу и была обожжена лѣвая сторона лица.

Свид. Павловъ (отставной рядовой) показалъ: я шелъ съ работы. Дохожу до Малаго Конюшеннаго моста и сдѣлался выстрѣлъ, но не ружейный, а больше. Военные офицеры ѣхали и вдругъ остановились и побѣжали шибко черезъ Малый Конюшенный мостъ и черезъ Театральный. Я за ними также побѣжалъ туда. На набережной я увидѣлъ: карета стоитъ и кучеръ одинъ сидитъ. Карета была разбивши. Смотрю, Государь Императоръ идутъ на встрѣчу мнѣ, возлѣ рѣшетки. Съ правой стороны идетъ полковникъ Дворжицкій. Я только что хотѣлъ сойти съ панели, и вижу стоитъ человѣкъ облокотившись на рѣшетку и вдругъ онъ что-то бросилъ прямо подъ ноги Его Величеству. Раздался взрывъ и я упалъ. Когда всталъ, видѣлъ, какъ поднимали Государя Императора, потомъ Его понесли на проспектъ. Съ меня фуражка слетѣла, и когда Государя Императора отнесли, я нашелъ свою фуражку и пошелъ обратно.

Прок. Государь Императоръ поровнялся съ этимъ человѣкомъ, который что-то бросилъ?—Свид. Павловъ. Немного не дошелъ.—В. Онъ лицомъ къ лицу стоялъ?—О. Да, стоялъ облокотившись на рѣшетку.—В. Вы разсмотрѣли лицо этого человѣка?—О. Нѣтъ, онъ задомъ ко мнѣ стоялъ.—В. Какого онъ былъ роста?—О. Повыше моего (повыше средняго роста). Одѣтъ былъ въ теплое пальто; какая была шапка—не замѣтилъ.

Свид. штабсъ-капитанъ Франкъ. Послѣ развода я проѣзжалъ около Михайловскаго театра, и когда объѣзжалъ его, то видѣлъ на углу, что меня обогналъ царскій конюхъ. При поворотѣ на набережную Екатерининскаго канала мы ѣхали шагомъ, и въ это время раздался сильный выстрѣлъ. Конюхъ погналъ лошадей, а вслѣдъ за нимъ и я. По слуху я могъ заключить, что взрывъ произо-

шелъ на пути слѣдованія Государя Императора. Не доѣзжая до мѣста, гдѣ находился Государь Императоръ, я остановился у кучки народа, въ числѣ котораго былъ и капитанъ Кохъ. Онъ стоялъ около молодого человѣка, котораго держали солдаты, отнималъ у него кинжалъ и револьверъ. Въ это время раздался говоръ, что Государь идетъ, и дѣйствительно въ нѣсколькихъ шагахъ появился Государь Императоръ, который шелъ по панели и остановился около насъ. Тутъ же былъ и полковникъ Дворжицкій. Ему были переданы кинжалъ и револьверъ, которые онъ показалъ Его Величеству. Что при этомъ говорилъ Дворжицкій—я не припомню, но помню, что онъ предлагалъ Государю Императору сѣсть въ карету и ѣхать обратно во дворецъ. Не успѣлъ Государь отойдти отъ насъ на 20 шаговъ, какъ раздался второй выстрѣлъ—я рванулся впередъ и, подбѣжавъ къ мѣсту, увидѣлъ, что Государь Императоръ находится на мостовой въ полулежачемъ положеніи, опершись на рѣшетку и безъ шинели: ноги Его были въ ужасномъ видѣ. Въ то же время подвимался около Него и полковникъ Дворжицкій. Не помню, кажется я помогъ Дворжицкому встать, и первое слово его было: «экипажъ». Вблизи находилась карета Государя Императора—она оборачивала съ мѣста, а сани проѣзжали къ мосту. Я и еще кто-то побѣжалъ за санями Дворжицкаго. Я вернулъ лошадей и возвратился къ тому мѣсту, по которому несли Государя Императора. Его уложили въ сани и повезли.

Свид. подпоручикъ Рудыковскій. Послѣ развода я подходилъ къ Театральному мосту, и когда услышалъ взрывъ, бросился бѣжать по направленію звука, и затѣмъ увидѣлъ остановившуюся карету Государя Императора, по другую сторону которой собралась толпа, державшая преступника. Шагахъ въ десяти отъ этого мѣста, около рѣшетки канала, я съ однимъ офицеромъ почти набѣжалъ на Государя Императора, не подозрѣвая, что это идетъ Его Величество, и спросилъ—что съ Государемъ? Его Величество снялъ фуражку, перекрестился и сказалъ: «Я, слава Богу, а вотъ»—указывая на казака и мальчика. На эти слова преступникъ обернулся, озираясь кругомъ, и сказалъ: «Еще слава ли Богу?» Государь Императоръ подошелъ, остановился шагахъ въ двухъ отъ преступника и спросилъ его: «Ты кто такой?» Изъ толпы кто-то отвѣтилъ, что мѣщанинъ Грязновъ. Въ это время я слышалъ крики, что стрѣляли изъ-за забора, и бросился посмотрѣть, нѣтъ ли чего за заборомъ Михайловскаго дворца. Тутъ подходила команда солдатъ, которымъ я скомандовалъ: «За мной» и приказалъ выламывать ворота прикладами, что и было исполненно. Потомъ я приказалъ имъ осмотрѣть садъ—все это было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ, и я сейчасъ же опять отошелъ къ рѣшеткѣ канала и былъ уже шагахъ въ десяти отъ полковника Дворжицкаго, какъ вдругъ въ эту минуту раздался другой трескъ, поднялась масса дыма, такъ что я рѣшительно не помню, что такое произошло. Я бросился еще впередъ, и когда дымъ сталъ расходиться, то увидѣлъ, что Государь Императоръ упалъ на мостовую и около него лежало нѣсколько человѣкъ. Всѣ стояли, не зная что случилось. Въ это же время подбѣжалъ штабсъ-капитанъ Новиковъ и еще нѣсколько человѣкъ, и тутъ, когда дымъ совершенно исчезъ, мы увидѣли то страшное положеніе, въ которомъ были ноги Его Величества. Мы хотѣли внести Государя Императора куда нибудь, чтобы оказать Ему медицинское пособіе. Но въ это время подъѣхалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, и Новиковъ спросилъ его высочество—нельзя ли внести Государя въ ближайшій домъ. Государь Императоръ, услышавъ эти слова, изволилъ произнести: «Во дворецъ, тамъ хочу умереть». Мы крикнули сани полицімейстера Дворжицкаго, потому что они широкіе и въ нихъ удобно было помѣстить Государя Императора, и вотъ штабсъ-капитанъ Франкъ побѣжалъ за ними. Когда сани подъѣхали, мы положили въ нихъ Государя, накрыли и повезли. Что было дальше—я не знаю.

Тов. прок. Кто упалъ отъ перваго взрыва?—Свид. Рудыковскій. Казакъ и мальчикъ, но къ нимъ я не подходилъ. Мальчикъ валялся, визжалъ, и я заключилъ, что онъ пострадавшій.

Прис. пов. Унковскій. Вы хорошо помните, что Рысаковъ сказалъ: «Еще слава ли Богу?»

Свид. Рудыковскій. Государь Императоръ сказалъ: «Слава Богу, я уцѣлѣлъ, а вотъ», причемъ указалъ рукою въ сторону, и я въ это время видѣлъ, какъ Рысаковъ, приподнявши голову, сказалъ эти слова.

Свид. штабсъ-капитанъ Новиковъ. 1 марта, по окончаніи развода, спустя четверть часа, когда Государь Императоръ уѣхалъ

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ,

ІЮНЬ, 1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1881 г.

МОДЕСТЪ ИВАНОВИЧЪ БОГДАНОВИЧЪ.

Съ современной фотографіи рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 мая 1881 г.

НАШИ ДВѢ ПОЛИТИКИ ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

КАКЪ ни недостаточны еще наши свѣдѣнія о политической жизни Россіи въ связи съ общеевропейскими отношеніями въ теченіи послѣдняго полувѣка—обстоятельство, стоящее въ прямой зависимости отъ недоступности и отрывочности матеріаловъ для исторіи этого времени, и особенно для первой его половины,—относительно котораго у насъ завелась несчастная привычка обильно сообщать ничтожные, чиновничьи мемуары — кто ѣлъ что, пилъ, анекдоты,—но и немногіе матеріалы, извѣстные теперь, могутъ обрисовать, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ физіономію нашихъ европейскихъ отношеній той эпохи.

Вполнѣ въ порядкѣ вещей, что чѣмъ ближе прошлое къ намъ, тѣмъ живѣе интересъ у насъ къ нему, и въ виду этого интереса нашего прошлаго вчера, мы позволили себѣ остановиться на исторіи только что минувшихъ лѣтъ, причемъ отмежевали для себя самую ограниченную, но, можетъ быть, и наиболѣе живую область — область нашихъ славянскихъ отношеній.

I.

Эпоха послѣдняго полувѣка—это время Николая I и покойнаго императора Александра II, это двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ, различныя и по своимъ принципамъ, стремленіямъ, и по своимъ результатамъ. На межѣ этихъ двухъ политикъ-эпохъ стоитъ одно событіе, намъ много памятное—Севастополь.

Тамъ, четверть вѣка назадъ, завершалась тяжелая драма. Подъ грудами окровавленныхъ развалинъ погребалось старое, вѣковое по-

литическое значеніе Россіи въ судьбахъ европейскаго юго-востока— въ судьбахъ славянства. Медленнымъ, тяжелымъ трудомъ,—трудомъ многихъ поколѣній добытое достояніе, видимо гибло подъ напоромъ сплоченнаго эгоизма западной Европы, готовившейся наложить свою руку на послѣднюю землю, еще свободную отъ нея.

Тамъ хоронилось наслѣдіе международное, основаніе которому было положено полтораста съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ безвѣстнымъ теперь дьякомъ Московскаго государства, Прокофіемъ Возницынымъ: въ послѣдній годъ XVII вѣка, въ маленькомъ венгерскомъ городкѣ на Дунаѣ, въ Карловцахъ, московскій дьякъ впервые отъ имени Россіи диктовалъ старому врагу южнаго славянства, только что побѣжденной Турціи, условія политической жизни для порабощенныхъ народовъ близкаго и дорогого въ преданіяхъ нашихъ Юго-Востока.

Карловицкій конгресъ 1699 года закончилъ семнадцатилѣтнюю освободительную войну, въ которой мы, въ союзѣ съ цесаремъ (Австріей), явились впервые активнымъ политическимъ дѣятелемъ въ отношеніяхъ Балканскаго полуострова. Это былъ первый дебютъ нашъ въ европейской политикѣ Восточнаго вопроса.

Любопытно пониманіе современнаго Возницыну серба политики новой, Петровской Москвы, приближенія Россіи къ берегамъ Чернаго моря. Это пониманіе въ своеобразной формѣ сказалось въ одной сербской народной пѣснѣ XVII — XVIII вѣка, посвященной сношеніямъ Петра съ цесаремъ въ эпоху священной войны, въ фантастическомъ разсказѣ о томъ, какъ цесарь и „Петар од Москова“ овладѣли Бѣлградомъ на Дунаѣ. Мы пользуемся только что вышедшимъ собраніемъ старыхъ сербскихъ пѣсенъ одес. проф. В. В. Богишича.

Пѣсня начинается съ того, что **вила** (непремѣнное лицо народной пѣсни серба) страшитъ бѣлградскаго пашу Петромъ. И, дѣйствительно, было чего бояться! Петръ является къ цесарю въ Вѣну, что Илья Муромецъ въ Кіевъ; онъ

„Не целива рука, ни кольена,
На чесара у бијело лице
И ове му речи говораше...
Да ти Бог да и среча јуначка
Освоити турске државине (державу)
Од Стамбола тер до Адринета...
Босну земльу и Херцеговину!..“

Цесарь въ пѣснѣ еще чуждъ желаній единовластно хозяйничать за Дунаемъ, и онъ великодушно предоставляетъ и Петру нѣкоторую долю отъ богатаго наслѣдія: „љети Шан и Видин“, т. е. сѣверную Болгарію.

Такимъ образомъ, цесарь и Петръ дѣлятъ больного человѣка еще въ XVII вѣкѣ.

Но Москва была не цесарь: она не думала о турецкомъ наслѣдіи для себя. Ея думы шли въ иную сторону, какъ это ясно сказалось

на Карловицкомъ конгресѣ, въ условіяхъ, предложенныхъ представителемъ Россіи на немъ, Возницынымъ. Вотъ два главныя условія, „на каковыхъ царь желаетъ быть съ салтановымъ величествомъ въ дружбѣ и въ миру“:

1) „Гробъ Господень, противъ древняго обычая, во владѣніе іерусалимскаго греческія вѣры патріарха.

2) „Церквамъ и монастырямъ, греческую вѣру имѣющимъ, вездѣ во владѣніи его салтанова величества сущимъ, также и разныхъ народовъ людемъ: грекомъ, сербомъ, болгаромъ, словакомъ и инымъ всѣмъ, тоежъ вѣры употребляющимъ, да будетъ всякая свобода и вольности, безъ всякаго отягченія и лишнихъ податей, а накладныя дани да отымутся отъ нихъ, а впредь къ тому принуждаемы не будутъ“.

Вспомнимъ 1853 годъ, юридическій поводъ роковой Севастопольской войны: права на гробъ Господень „противъ древняго обычая греческія вѣры патріарха“, и ясно видимъ, что такъ дорого ставшее намъ отстаиванье правъ іерусалимскаго патріарха ведетъ свою исторію съ Возницына, съ Карловицкаго конгреса. Кто не увидитъ, далѣе, во второмъ „пунктѣ“ Возницына, намѣченную программу нашихъ политическихъ отношеній къ Востоку и православному славянству, на выполненіе которой Россія работала послѣдующія столѣтія, которая обошлась намъ въ десять войнъ и только недавно приведена къ полуконцу!..

Но съ высокомѣріемъ отнеслась, хотя и побѣжденная, Турція къ „пунктамъ“ Возницына, благодаря интригамъ друзей того времени и особенно Польшѣ. Тогда же Возницынъ „чаялъ“ новой войны съ Турціей, но теперь одинъ на одинъ, чтобы добиться вниманія къ пренебреженнымъ „пунктамъ“ 1699 года. Возницынъ не ошибся. Прошло десять лѣтъ, и Петръ, взявъ отместку за Нарву подъ Полтавой, хотя и крайне истомленный, рѣшается на послѣдній шагъ, не слыханный еще въ русской политикѣ—двинуться прямо за Дунай, и тамъ, въ сердцѣ самой Турціи, свести счеты по требованіямъ, сдѣланнымъ въ Карловцахъ.

Насъ не можетъ не занимать одно — на что же разсчитывалъ Петръ въ своемъ смѣломъ предпріятіи? Онъ разсчитывалъ на общее поднятіе славянъ и всѣхъ христіанъ Турціи — на внутреннюю революцію. Сынъ революціонной эпохи, Петръ шелъ своимъ путемъ. Агенты его думали и дѣйствовали иначе, чѣмъ въ наше время, когда князь Меншиковъ на знаменитой аудіенціи 1-го мая 1853 года гордился откровеннымъ признаніемъ, что какъ въ мирное, такъ и въ военное время, Россія воздерживалась отъ призыва къ себѣ симпатій въ своихъ единовѣрцахъ; агенты русскіе „всегда склоняли ихъ къ слѣпому повиновенію верховной власти“, и, какъ увидимъ, говорили правду. Возницынъ, оскорбленный безрезультатностью для русской политики конгреса 1699 года, спѣшитъ тогда же узнать и на

мѣстѣ: „помогутъ ли и пристанутъ ли къ намъ греки, валахи, мултяне, сербы, болгаре и иные православные народы и можно-ль на нихъ надежду имѣть?“ (подробнѣе въ нашей книгѣ „Мы и Они“. Одесса, 1878, 82).

Предъ нами знаменитый походъ 1711 года. Онъ разсчитанъ былъ за Дунай, но окончился, едва мы достигли только Прута. Энтузіазмъ однихъ „христіанъ“ былъ парализованъ измѣной другихъ („мултянъ“), и исходъ похода былъ тяжелъ: онъ снова отбросилъ Россію отъ славянства назадъ, отнявъ у нея только что возвращенный доступъ къ Черному, русскому морю, и съ крайними усиліями. Такъ удалось Турціи отвѣтить на „пункты“ дьяка Возницына. Порта съ торжествомъ заносила теперь въ актъ договора слова: „...при брегѣ рѣки Прута царь Московскій отъ великаго притѣсненія и смертоносныя баталіи понеже обезсилѣлъ благостію милостиваго и благого Бога, молилъ, чтобы помириться“ (текстами договоровъ нашихъ съ Турціей мы пользуемся по изданію г. Юзефовича, 1869 года).

Живо чувствовалъ Петръ всю горечь договора 1711 года, и онъ собирался съ новой войной, и снова пошли у него сношенія съ турецкими славянами. Но обстоятельства слагались все противъ Петра, не такъ, какъ это было до 1711 года, когда и мадьяры (протестанты), съ своимъ знаменитымъ Ракоци во главѣ, шли подъ знамена Петра.

Но, не смотря на потерю первой морской полосы у Дона, начатое Россіей политическое движеніе къ югу не остановилось послѣ Петра: оно шло тихимъ, мало замѣтнымъ шагомъ. Побѣда у Ставучанъ и взятіе Хотина загладили терпкое воспоминаніе 1711 года, а дочь Петра колонизуетъ сербами-граничарами изъ Австріи Приднѣпровье и Побужье, заготовляетъ кадры въ походъ на Дунай. Призадумалась и Австрія надъ этой практической политикой Россіи.

Впрочемъ, коснувшись похода Миниха 1739 года, нельзя не остановиться на одномъ поразительномъ явленіи. Миръ, заключенный нами съ Турціей въ Бѣлградѣ въ 1739 году, былъ позорнѣе Прутскаго договора, хотя мы теперь были побѣдителями. Отъ имени Россіи велъ переговоры и заключилъ миръ — иностранецъ, французскій посолъ въ Константинополѣ. Второго подобнаго примѣра въ исторіи не найдется. Укажемъ на заключеніе 3-го артикула: „...чтобъ Россійская держава ни на Азовскомъ морѣ, ни на Черномъ морѣ, никакой корабельный флотъ ниже иныхъ кораблей имѣть и построить не могла“, — языкъ побѣжденнаго, но не побѣдителя. А чего мы только ни требовали на предварительной конференціи, въ Немировѣ: „...земли татарскія—Кубань, Крымъ и прочія, до рѣки Дуная лежащія, должны остаться со всѣми жителями и крѣпостями во владѣніи Россійской имперіи“ (Соловьевъ, XX, 130)! Вспомнилась намъ здѣсь несчастная теорія, объясняющая и законность бироновщины и всякихъ мерзостей прошлаго вѣка: неужели и для постыднаго мира 1739 года не хватило бы ума русскаго человѣка?

Миромъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ (10-го іюня 1774) мы достигли самаго дѣйствительнаго залога успѣха въ нашей восточной политикѣ: сдѣлавъ изъ Крыма „самодержавное и независимое владѣніе“ (артик. 3), мы наложили руку на послѣднее наслѣдіе отъ монгольскаго порабощенія, устранявшее насъ отъ славянскаго юга и связывавшее насъ вѣка. Одинъ изъ главныхъ „пунктовъ“ Возницына былъ наконецъ принятъ Портой: „Порта обѣщаетъ твердую защиту христіанскому закону и церквамъ онаго“ (артик. 7). Впрочемъ, рано намъ было торжествовать — „веселиться храброму Росу“. Ровно чрезъ 80 лѣтъ, послѣ побѣдъ Румянцева нужно было сдѣлать еще разъ попытку — дать силу „пункту“ Возницына...

Возвращая Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ Портѣ Бессарабію и оба Дунайскія господарства, мы въ то же время создавали хотя этимъ землямъ впервые условія человѣческой жизни: мы передавали ихъ на „кондиціяхъ, съ торжественнымъ обѣщаніемъ свято наблюдать оныя“. Эти „кондиціи“ были: свободное исповѣданіе вѣры, свободное владѣніе собственностью, правильное взиманіе податей и т. д. (артик. 16). Замѣтимъ, что на Немировской конференціи мы требовали Молдавіи и Валахіи себѣ.

Но главное — мы приблизились еще на шагъ къ славянству: рубежемъ нашимъ теперь сталъ Бугъ.

Вскорѣ послѣдовалъ новый шагъ: по Ясскому договору 1791 года мы стали у Днѣстра. Третья статья гласила: „рѣка Днѣстръ на вѣки имѣетъ быть границею между обѣими имперіями“. Но это „на вѣки“ не протянулось и четверти вѣка, и мы очутились уже у самаго Дуная: по четвертой статьѣ Букарештскаго договора 1812 года, „рѣка Прутъ со входа ея въ Молдавію до соединенія ея съ Дунаемъ и лѣвый берегъ Дуная съ сего соединенія до устья Килійскаго и до моря будутъ составлять границу обѣихъ имперій“.

Каждый поступательный шагъ Россіи на югъ звучалъ для славянина, какъ отрадный благовѣстъ ближащагося воскресенья, какъ вѣстникъ-предтеча свободы. Когда же мы коснулись, наконецъ, водъ стараго славянскаго Дуная, обязательства Турціи переставали быть пустымъ звукомъ трактата, ибо возможно было и напоминаніе. Но остановимся на договорѣ 1812 года: съ него ведутъ свою политическую исторію нынѣшнія Дунайскія княжества—Румынія и Сербія.

Букарештскій договоръ утверждалъ съ новою силою права и вольности Молдавіи и Валахіи, выговоренныя нами въ нашихъ прежнихъ трактатахъ—Кайнарджійскомъ и Ясскомъ.

Но была и новинка: мы заговорили въ немъ впервые о **сербахъ**, потребовали для нихъ особыхъ правъ. Восьмая статья гласила: „взирая на участіе, **какое сербы принимали въ дѣйствіяхъ сей войны**, признано за приличное постановить нарочныя условія о ихъ безопасности“. Этими „нарочными условіями“ даровалась амнистія за „прошедшія дѣянія“ народу, который примкнулъ къ намъ съ поля

возстанія, сражался въ рядахъ нашихъ; Турція обязывалась принять мѣры, „нужныя для безопасности“ противъ своихъ гарнизоновъ въ сербскихъ крѣпостяхъ, но не иначе, какъ по соглашенію съ самимъ народомъ, а главное—„даруетъ сербамъ, по ихъ просьбамъ, тѣ самыя выгоды, коими пользуются подданные ея острововъ Архипелажскихъ“ и предоставляетъ имъ самимъ „управленіе внутреннихъ дѣлъ, опредѣливъ мѣру ихъ податей, получая оныя изъ собственныхъ ихъ рукъ“.

Такимъ образомъ, восьмой статьей Букарештскаго договора мы нашихъ союзниковъ—сербскихъ повстанцевъ Шумадіи, хотя и осторожно, вводили подъ покровительство международнаго права и впервые намѣтили черты независимости будущаго княжества (мѣста первыхъ дѣйствій Кара-Георгія) въ формѣ внутренней автономіи. Конечно, условія наши были довольно скромны и гарантіи противная сторона намъ не давала. Могли ли мы предписывать Портѣ какія либо рѣшительныя, категорическія требованія въ пользу нашихъ союзниковъ-сербовъ въ минуту заключенія договора? Вопросъ этотъ является необходимо въ виду нерѣдкихъ заявленій политиковъ и историковъ княжества, обвиняющихъ насъ за наше почти безучастіе къ судьбѣ сербовъ Кара-Георгія при заключеніи трактата, за скромность нашихъ требованій и эластичность формы.

Дѣйствительно, были моменты въ теченіе нашей семилѣтней войны съ Турціей (1805—1812), когда, кончай мы тогда войну, инымъ языкомъ мы говорили бы съ Портой при заключеніи мира. Особенно благопріятствующимъ моментомъ былъ 1809 годъ. Этотъ годъ принесъ полное уничтоженіе политическаго значенія того государства, которое всегда ревниво смотрѣло за каждымъ проявленіемъ жизни на югъ отъ Дуная, среди славянъ—Австріи. Шенбрунскій миръ, заключившій ея послѣднюю войну съ Франціей, низвелъ ее на степень второстепенной державы.

Вотъ въ какихъ безотрадныхъ краскахъ рисуетъ въ своихъ „Мемуарахъ“, недавно изданныхъ, положеніе Австріи Меттернихъ, принимая, вслѣдъ за Шенбрунскимъ миромъ, въ свои руки судьбы ея иностранной политики. Нельзя вѣрить Меттерниху, когда онъ говоритъ о себѣ, своихъ заслугахъ, когда золотитъ пилюли, напр., разсказывая басню объ исторіи заключенія Шенбрунскаго мира, что онъ прошелъ обманнымъ путемъ; но можемъ вполнѣ вѣрить, когда онъ региструетъ будничные факты. „Послѣдствія попытки 1809 года, говоритъ Меттернихъ, были ужасны для Австріи. Вѣнскій миръ заключилъ имперію въ желѣзное кольцо, отнялъ ея сообщенія съ Адріатическимъ моремъ и окружилъ ее, начиная съ Бродъ, конечнаго пункта на сѣверо-востокѣ со стороны Россіи, до границъ съ Оттоманской имперіей на юго-востокѣ, линіей государствъ, находившихся подъ властью Наполеона или подъ его прямымъ вліяніемъ. Имперія, заключенная какъ въ тискахъ, не была свободна сдѣлать ни малѣйшаго движенія; болѣе того, побѣдитель сдѣлалъ все, что зависѣло

отъ него, чтобы помѣшать побѣжденному оправиться: въ силу секретной статьи мирнаго договора, онъ опредѣлилъ maximum дѣйствующей австрійской арміи въ 150,000 человѣкъ“ (I, 93). Прибавимъ къ этому, что съ 1809 года мы владѣли восточной Галиціей, почти до Львова, уступленной опять Австріи уже на Вѣнскомъ конгресѣ—по нашему безкорыстію!

Совершенно ясно, что если бы отношенія, которыя установились между нами и Наполеономъ во время заключенія Тильзитскаго мира (1807), не успѣли значительно охладиться къ 1809 году, наши руки на югѣ были бы совершенно свободными, при благопріятномъ теченіи турецкой войны. Но уничтоженная Австрія зорко слѣдитъ за нашими успѣхами на югѣ, сближается съ Наполеономъ, и это сближеніе, наконецъ, завершается выдачей замужъ Маріи-Луизы, дочери самого императора Франца, за Наполеона. Подъ предлогомъ проводъ молодой императрицы во Францію, Меттернихъ отправляется въ Парижъ— изслѣдовать почву. „Побѣды и успѣхи русскихъ въ Турціи, говоритъ въ „Мемуарахъ“ Меттернихъ, предлагали удобный поводъ зондировать Наполеона на счетъ турецкаго вопроса“ (I, 107). Результатъ зондированья былъ поразителенъ для Меттерниха: обнаружилось уже полное охлажденіе между Россіей и Франціей, съ перспективой войны.

„Нельзя противиться водворенію русскихъ въ дунайскихъ княжествахъ, объяснялъ Меттерниху Наполеонъ. Они были болѣе русскія, чѣмъ турецкія; Ерфуртская конвенція воспрещаетъ. Но этотъ успѣхъ русскихъ—основа союза между Франціей и Австріей, политическаго союза, покоющагося на общихъ интересахъ... Я ни въ какомъ случаѣ не дозволю русскимъ подвинуться на правый берегъ Дуная, еще менѣе признàю покровительство Россіи надъ Сербіей. Бѣлградъ долженъ принадлежать Австріи“ (I, 108).

Шведскій вопросъ (избраніе французскаго маршала на престолъ), происки берлинскихъ эмигрантовъ, осѣвшихся въ Петербургѣ, ускорили охлажденіе и разрывъ между Россіей и Франціей настолько, что, когда Меттернихъ въ концѣ 1810 года возвратился въ Вѣну изъ своей развѣдочной поѣздки въ Парижъ, онъ могъ представить императору Францу такую программу событій ближайшаго будущаго:

„Въ 1811 году матеріальный миръ европейскаго континента не будетъ нарушенъ никакимъ новымъ нападеніемъ Наполеона.

„Въ теченіе этого года Наполеонъ, увеличивши свои собственныя силы, соберетъ своихъ союзниковъ съ намѣреніемъ атаковать Россію и нанести ей рѣшительный ударъ.

„Наполеонъ откроетъ кампанію весной 1812 года“ (I, 112).

Меттернихъ въ своемъ пророчествѣ не ошибся. Весной 1812 года Наполеонъ двинулся на Россію. Россія должна была спѣшить съ прекращеніемъ войны на югѣ, помириться съ Турціей во что бы то ни стало, между тѣмъ какъ французскій посолъ въ Константинополѣ употреблялъ всѣ усилія—не допустить заключенія мира.

При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ мы вели мирные переговоры съ Портой въ Букарештѣ въ 1812 году. Если для нашихъ сербскихъ союзниковъ мы могли выговорить одно обѣщаніе внутренней независимости, то только по невозможности дѣйствовать иначе, а желали многаго. Достаточно привести небольшой отрывокъ изъ депеши Меттерниха (изъ Парижа) своему министру, гр. Стадіону, отъ 26 февраля 1808 года. Меттернихъ сообщаетъ о бесѣдахъ своихъ съ русскимъ посломъ въ Парижѣ, гр. Толстымъ: „Во время нашихъ разговоровъ часто приходится касаться сербовъ. Гр. Толстой никогда не противорѣчитъ себѣ относительно условій, на которыхъ онъ не задумался бы подписать миръ съ Турціей: независимость Молдавіи и Валахіи, независимость Сербіи, подъ покровительствомъ и гарантіей Россіи и Австріи“ (I, 165). Прибавимъ, что на этихъ условіяхъ особенно настаивалъ знаменитый канцлеръ Румянцевъ.

Въ нашей физической невозможности въ 1812 году—отвѣтъ на сербскія нареканія. Мы не оставили нашихъ союзниковъ изъ Шумадіи, сдѣлали что могли.

Такимъ образомъ, старая Россія, Россія петровскаго преданія, не останавливалась предъ словомъ „революція“, смѣло и твердо протягивала ей руку, входила въ союзъ съ дѣтьми революціи, рука въ руку шла съ ними въ общій бой за общее дѣло. Въ критическую минуту своего собственнаго существованія она не позабыла о сербахъ, создавши изъ нихъ свой первый этапъ за Дунаемъ, чего такъ опасался Наполеонъ съ Австріей, точку опоры среди самихъ славянъ, для совмѣстной дѣятельности на Востокѣ.

Такъ понимала старая Россія свои отношенія къ „подданнымъ его величества султана“.

Но скоро, скоро все перемѣнилось: мы открыли новую политику въ Европѣ и въ своихъ историческихъ отношеніяхъ къ славянству, которою еще мы такъ долго и такъ несчастно гордились...

II.

Прошла гроза 1812 года. За ней слѣдовали не менѣе кровавые 13 и 14 годы, годъ 15-й, когда по классическому солдатскому выраженію прусскаго фельдмаршала Блюхера „die schönste Schlacht ist geschlagen“—при Ватерло, когда, наконецъ, и Меттернихъ могъ сообщить несчастной жертвѣ австрійской политики, экс-императрицѣ Маріѣ Луизѣ, успокоительную вѣсть: „Madame, Napoléon est à bord du Northumberland et en route pour Sainte-Hélène“ (отъ 13 августа 1815).

Открылась эпоха, тянувшаяся слишкомъ тридцать лѣтъ (1815—1848), когда Меттернихъ, это воплощеніе своекорыстія, фальши и самохвальства, „творилъ исторію Европы“, какъ онъ выражается о себѣ въ своихъ „Мемуарахъ“. Въ извѣстной и значительной мѣрѣ

онъ былъ правъ. Къ чему онъ долго и настойчиво стремился, достигъ наконецъ: онъ почувствовалъ себя хозяиномъ въ Европѣ.

Въ 1807 году, въ пору нашихъ нѣжнѣйшихъ отношенiй къ Францiи, Меттернихъ говорилъ своему товарищу, русскому послу въ Парижѣ, графу Толстому: „Наполеонъ будетъ ласкать васъ сегодня, чтобы броситься на васъ завтра, и также онъ поступитъ съ нами; мы будемъ имѣть оба вѣчную борьбу противъ его разрушительныхъ и завоевательныхъ плановъ". Такъ писалъ онъ своему министру, графу Стадiону („Memoires", II, 137).

Прошло шесть лѣтъ, въ промежуткѣ которыхъ Наполеонъ и разрушилъ, и завоевалъ Австрiю. Союзники, мы и пруссаки, теряемъ последовательно битвы: подъ Люценомъ и Будышиномъ (Bautzen), и въ эту-то минуту, когда счастье сново улыбнулось „разрушителю", Меттернихъ передается съ „самоотверженiемъ" на нашу сторону: „дѣло шло о спасенiи мiра", говоритъ Меттернихъ въ своихъ „Мемуарахъ", вспоминая свой переходъ (I, 146). „Спасителемъ мiра" былъ никто иной, какъ онъ, Меттернихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ не единственный „спаситель", когда онъ союзниковъ: „армiю русскую, дурно организованную и деморализованную, и армiю прусскую, которая существовала только по имени" (I, 140), повелъ отъ пораженiя къ побѣдѣ—однимъ своимъ переходомъ—и къ побѣдѣ надъ тѣмъ, съ которымъ онъ собирался сводить счеты болѣе десяти лѣтъ!.. Если въ предварительномъ разговорѣ съ императоромъ Александромъ Меттернихъ и своему высокому собесѣднику не отказалъ въ титулѣ спасителя: „...ничто не можетъ свести насъ—говорилъ австрiйскiй министръ—съ нашего пути, который привелъ насъ въ положенiе, которое дѣлаетъ изъ насъ спасителей Европы, и мы ее спасемъ" (I, 143),—то, конечно, изъ одной великодушной любезности.

Сонмъ побѣдителей собрался именно тамъ, гдѣ Меттернихъ много лѣтъ уже измышлялъ, какъ стереть главу „разрушителя", собрался, чтобы произнести судъ надъ побѣжденнымъ, а главное, подъ руководствомъ Меттерниха, рѣшить навсегда дѣло революцiи, противъ котораго онъ былъ уже со школьной семьи, если не съ пеленокъ, по его собственнымъ признанiямъ. Формула разрѣшенiя была давно готова у Меттерниха. Онъ сказалъ о себѣ: „мы никогда не уклонялись отъ пути, который намъ указала справедливость" (I, 138). А эта справедливость заключалась, выражаясь его словами, „въ возстановленiи спокойствiя, основаннаго на порядкѣ" (I, 160), т. е. въ возвращенiи порядковъ старой Европы.

Какъ казалось, цѣль конгреса была достигнута. Переговаривающiя стороны были увѣрены въ полной годности своихъ распорядковъ. „Европа—заключаетъ свои воспоминанiя о работахъ конгреса Меттернихъ—была обезпечена, насколько возможно, въ солидномъ и продолжительномъ мирѣ" (I, 215). Тревожная эпоха революцiй замѣщалась эпохой мирнаго развитiя, хотя, какъ не безъ ехидства замѣ-

чаетъ прусскій дипломатъ конгреса, Фр. Генцъ (Gentz), „громкія фразы: переустройство общественнаго строя, возрожденіе политической системы Европы, прочный миръ, основанный на справедливомъ распредѣленіи силъ и т. д. и т. д., явились на сцену только для того, чтобы убаюкать народы и придать этому торжественному собранію (т. е. конгресу) видъ величія и достоинства, а настоящая цѣль конгреса—былъ раздѣлъ между побѣдителями пожитковъ, забранныхъ у побѣжденнаго“ (въ „Мемуарахъ“ Меттерниха, II, 474).

Меттернихъ торжествовалъ. Гидра революціи поражена. Австрія въ небываломъ величіи: главная доля изъ „пожитковъ побѣжденнаго“ перепала ей. Чѣмъ былъ Наполеонъ, отнынѣ сталъ онъ, Меттернихъ: „спаситель“ Европы, естественно, хозяинъ Европы...

Франція введена въ старыя границы. Старый, безтолковый германскій союзъ былъ обновленъ, упрощенъ, а въ голову его посадила себя Австрія. Она возстановила свои прежнія границы, возвратила Адріатическое побережье, увеличивъ его на счетъ славянской республики Дубровника (Ragusa). Въ Италіи на мѣсто Наполеоновскихъ республикъ водворенъ порядокъ въ фамильныхъ интересахъ габсбургскаго дома. Мелкая Пруссія получила щедрое приращеніе на счетъ измѣннической Саксоніи. Правда, получили и мы приращеніе — въ конгресовской Польшѣ, но съ потерей восточныхъ округовъ русской Галиціи, а главное—вышли изъ конгреса преображенными, побѣжденными нравственно, отказавшись отъ путей своей старой, исторической политики... Была одна польза въ польскомъ приращеніи: мы отбросили, хотя и безсознательно, обратно на западъ нѣмца, зашедшаго было уже очень далеко—въ самую Бѣлостоцкую область.

Положивши фундаментъ „новому, прочному общественному и политическому устройству Европы“, конгресъ, по крайней мѣрѣ, рѣшающіе члены его, не могъ не остановиться на мысли о гарантіи: какъ обезпечить это новое устройство на случай, напримѣръ, новаго Наполеона? Всѣ говорятъ: миръ теперь прочный. Вѣдь одна Австрія сколько разъ устраивала миръ съ Наполеономъ, и вѣдь каждый разъ миръ былъ „прочный“. Предостереженіе было на лицо: ново-королевская Франція легко пристала къ бѣглецу Наполеону. Стодневное правленіе, и какая явилась армія, какъ билась подъ Ватерло! Между тѣмъ казалось, когда герцогъ д'Артуа (Лудовикъ XVIII) былъ введенъ въ Парижъ союзниками, все предвѣщало „прочный“ миръ.

Но и помимо Франціи, Германія—не менѣе хлопотливая сторона. Еще на студенческой скамьѣ въ Майнцѣ, Меттернихъ воочію видѣлъ, какъ революціонной духъ входилъ въ его профессоровъ, не говоря о молодежи нѣмецкой. Давно уже Меттернихъ выработалъ для себя аксіому: „патріоты прусскіе—это скрытые революціонеры“, при чемъ для него не существовали даже ранги, — Меттернихъ съ ужасомъ вспоминаетъ, говоря о событіяхъ 13 года: „революціонный духъ, который въ 1807 году былъ припрятанъ подъ плащъ прусскаго патріо-

тизма, и который позже водрузилъ германскіе цвѣта, былъ введенъ въ 1812 и 1813 годахъ въ совѣты императора Россіи барономъ Штейномъ, генераломъ Гнейзенау и другими прусскими и нѣмецкими бѣглецами" (I, 168).

Желанная гарантія вышла отъ императора Александра, предложившаго своимъ недавнимъ боевымъ товарищамъ къ подписи знаменитый „Актъ Священнаго Союза".

Свидѣтель, съ перваго дня управленія, чрезвычайныхъ превратностей судебъ человѣка, съ природой мягкой, женски-впечатлительной, Александръ, естественно, былъ рано открытъ для сильнаго религіознаго чувства, и съ годами эта склонность могла только крѣпчать. Справедливо говоритъ Меттернихъ, хотя и въ витіеватой формѣ, вспоминая объ исходѣ страшной битвы подъ Лейпцигомъ (6 (18) октября 1813 г.): „достаточно знать религіозныя чувства трехъ монарховъ, чтобы быть убѣждену, что съ глубокой благодарностью душа ихъ возносилась въ этотъ торжественный день къ Судіѣ всѣхъ судебъ, что Ему единому они приносили свою благодарность за торжество" (I, 168).

Извѣстны вліянія, среди которыхъ сложилось въ Александрѣ окончательно его мистико-религіозное воззрѣніе. Этотъ актъ психической жизни Александра совпалъ какъ разъ съ эпохой Вѣнскаго конгреса, и въ результатѣ его явилась необыкновенная попытка — примѣнить религію къ политикѣ, низвести небо на грѣшную, грязную землю.

Но для насъ не безъинтересно здѣсь одно: первое впечатлѣніе, какое произвела Александрова гарантія только-что „обновленнаго" общества на его боевыхъ товарищей, ихъ первое отношеніе къ ней. Для этой цѣли намъ послужатъ знакомые уже „Мемуары" Меттерниха.

Послѣ Ватерло, во время переговоровъ о второмъ Парижскомъ мирѣ, Александръ пригласилъ однажды къ себѣ Меттерниха и сообщилъ ему, что онъ занятъ однимъ „великимъ вопросомъ", но относительно котораго ему нужно переговорить прежде всего съ императоромъ Францомъ.

— Когда бы, пояснилъ Александръ, рѣчь шла о дѣлѣ, я спросилъ бы совѣта у васъ; но вещь, о которой я говорю, такого сорта, что министры не могутъ быть въ помощь: одни государи въ состояніи произнести о ней свое слово. Скажите императору, что я желаю переговорить о предметѣ, который открыть я могу только ему лично. Послѣ разговора со мной, онъ будетъ вправѣ посовѣтоваться съ вами, мой дорогой князь.

Черезъ нѣсколько дней, свиданіе состоялось, и тогда же императоръ Францъ объяснилъ тайну Меттерниху: „Предметъ вы узнаете изъ этой бумаги, которую вручилъ мнѣ императоръ Александръ для обсужденія самаго глубокаго. Я принялъ автографъ царя, но сохранилъ за собой право свое мнѣніе высказать позже. Прочтите, обсудите бумагу, а затѣмъ скажите ваше мнѣніе о ней. Что касается меня, то

она мнѣ не по вкусу, и мысли, которыя я нашелъ тамъ, наводятъ меня скорѣй на очень серьезныя размышленія".

Эта бумага-автографъ была будущій актъ Священнаго Союза.

Практическому Меттерниху сразу было не понравился проектъ: „Я не имѣлъ нужды въ глубокомъ изученіи его, чтобы узнать, что онъ не имѣетъ иной цѣны и смысла, какъ филантропическаго стремленія, облеченнаго въ покровъ религіи; я нашелъ, что онъ не можетъ составить предмета договора между государей, и заключаетъ предложеніе, которое можетъ быть дурно истолковано по отношенію къ религіи".

Въ этомъ неодобрительномъ смыслѣ Меттернихъ говорилъ и Францу, и прусскому королю. Послѣдній, по словамъ Меттерниха, даже настоятельно требовалъ отклонить безусловно мысли Александра. По порученію обоихъ союзниковъ, Меттернихъ отправился къ Александру для передачи замѣчаній. „Послѣ разговора, продолжавшагося болѣе часа, мнѣ удалось подѣйствовать отчасти на автора проекта и дать ему почувствовать, что надо безусловно измѣнить нѣкоторыя фразы и выпустить совершенно нѣкоторыя страницы".

Въ заключеніе Меттернихъ объяснилъ Францу, что предпріятіе Александра, „по меньшей мѣрѣ, безполезное", и тотъ вполнѣ согласился...

Послѣ такой дружной оппозиціи Франца и Фридриха-Вильгельма мыслямъ русскаго императора, естественнѣе всего было ожидать, что проектъ Священнаго Союза останется не принятымъ: но не такъ было на дѣлѣ. Союзники, съ Меттернихомъ во главѣ, сначала погорячились, чтобы потомъ сейчасъ же согласиться: они раскусили значеніе такой гарантіи, какъ „безполезный" Священный Союзъ, для себя, для своихъ интересовъ, въ виду весьма возможныхъ непріятныхъ случайностей въ умиренной, повидимому, Европѣ. „Не смотря на естественное отвращеніе, которое внушалъ императору Францу проектъ, даже съ измѣненіями—говоритъ Меттернихъ—онъ рѣшился скрѣпить договоръ—изъ-за *соображеній, которымъ я ничего не могъ противоставить съ своей стороны*" (I, 209—211). Какія это соображенія (raisons), а, несомнѣнно, важныя, Меттернихъ не говоритъ. Но они объясняются послѣдующими вслѣдъ за подписаніемъ „Акта Священнаго Союза" отношеніями Меттерниха къ Россіи, втянувшаго насъ безповоротно въ службу себѣ, своимъ *реакціоннымъ* планамъ, гдѣ только оказывалась надобность, заставившаго насъ отречься отъ нашей исторической политики. Въ виду признанія самого Меттерниха, не правы тѣ историки, которые утверждаютъ, что императоръ Францъ, по совѣту Меттерниха, согласился „безъ разсужденія", ибо „оба они говорили, что этотъ трактатъ безъ содержанія, эти совершенно общія сентенціи, полныя помазанія, на дѣлѣ ни къ чему не обязываютъ" (Bernhardi. „Geschichte Russlands", I, 482). Что же касается мотивовъ короля прусскаго, заставившихъ его покинуть свою

оппозицію, то объ этомъ вѣрно замѣчаетъ тотъ же Бернгарди: „Фридрихъ-Вильгельмъ III подписался, можетъ быть, и даже вѣроятно, въ простомъ соображеніи, что этимъ еще лучше обезпечивается братская связь въ хорошіе и дурные часы, именно противъ всѣхъ опасностей, которыя еще могли грозить со стороны Франціи“ (тамъ же).

Мы вышли изъ Вѣны съ „Актомъ“ въ рукахъ и—преображенные.

Еще такъ недавно Меттернихъ такъ заботливо сторонился императора Александра: въ его глазахъ онъ былъ почти якобинецъ. Меттернихъ вмѣняетъ себѣ въ особенную услугу, что онъ, при переходѣ черезъ Рейнъ союзниковъ, всячески мѣшалъ императору Александру гуманно относиться къ Франціи, а „задача была не легкая“—прибавляетъ онъ. „Русскій императоръ—характеризуетъ Меттернихъ Александра въ 1813 году—былъ пропитанъ революціонными идеями (imbu d'idées révolutionnaires) и, окруженный такими совѣтниками, какъ Лагарпъ, Штейнъ, Жомини, питалъ внутри себя проекты, которые повели бы міръ къ гибели“. (I, 172).

А теперь, послѣ „Акта“, русскій императоръ переставалъ быть страшенъ: онъ, „пропитанный революціонными идеями“, входитъ въ тѣснѣйшія отношенія съ „спасителемъ Европы“—Меттернихомъ, словомъ, свой человѣкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ пріятно должна была звучать въ ушахъ Меттерниха вторая статья „Акта Священнаго Союза“, гдѣ Австрія, Россія и Пруссія опредѣлялись „аки поставленныя отъ Провидѣнія для управленія тремя единаго семейства отраслями“. Отсюда вытекалъ простой практическій результатъ, что отнынѣ и всѣ силы этихъ „трехъ отраслей единаго семейства“ объединялись въ преслѣдованіи общихъ интересовъ, т. е. интересовъ реакціонной политики Меттерниха. Если раньше интересы сталкивались, особенно Россіи и Австріи на Дунаѣ, то теперь всякое такое столкновеніе само собой устранялось. Но, понятно, не Меттернихъ съ Австріей будетъ въ роли жертвоприносителя!.. Австрію „Актъ“ не обязывалъ ни къ чему, Россію ко многому.

Первымъ пробнымъ камнемъ нашей новой политики для Меттерниха былъ сербскій вопросъ.

Въ 1808 году, Меттернихъ сдѣлалъ оригинальную попытку убѣдить русскаго посла въ Парижѣ, гр. Толстого, въ необходимости вмѣстѣ съ Австріей спасать Турцію отъ завоеванія ея Наполеономъ. „Турціи—объяснялъ Меттернихъ—грозитъ Наполеонъ; она погибнетъ, потому что этотъ человѣкъ никогда не грозитъ по-пусту, а я нигдѣ не вижу готовыхъ средствъ, чтобы ее спасти... Но предположимъ, что возможно установить гармонію между Россіей и Австріей. Въ порядкѣ вещей—оба эти государства употребили бы всѣ усилія, чтобы отклонить Наполеона отъ его разрушительныхъ плановъ противъ Порты“ („Mémoires“, II, 170). Понятно, подобныя предложенія не могли приниматься нами серьезно: на Тильзитскомъ свиданіи мы заручились на-

передъ согласіемъ Наполеона на присоединеніе Молдавіи и Валахіи, и, не ухудшись наши отношенія съ Наполеономъ позже, турецкій вопросъ мы подвинули бы далеко къ 1812 году.

Между тѣмъ, въ Вѣнскомъ кабинетѣ задунайскіе сербы были опредѣлены давно, какъ жертва Австріи. Когда Наполеонъ однажды, въ 1810 году, замѣтилъ Меттерниху, что сербы какъ-то уже желали подчиниться Австріи, тотъ отвѣчалъ чуть не со слезами на глазахъ: „Да, дѣйствительно, этотъ несчастный народъ, связанный съ нами ежедневными сношеніями и массой интересовъ, часто обращался къ намъ за помощью“ (II, 362). Ясно, что съ ревностью горячаго любовника слѣдилъ Меттернихъ за успѣхами русскихъ и сербовъ за Дунаемъ, какъ это мы видѣли выше...

Но уничтоженъ Наполеонъ. Мы въ Вѣнѣ дѣлимъ, умиротворяемъ Европу, а позабыли объ одномъ умиротвореніи — сербовъ. Въ 1812 году, мы цѣнили „участіе“ возставшихъ сербовъ и, переживая самую критическую минуту, тѣмъ не менѣе кое-что выговорили для сербовъ; но въ 1815 г., когда насъ всѣ славили, какъ побѣдителей, мы и не заикнулись о сербахъ. Мало того, когда именно въ 1815 году, послѣ того, какъ турки снова обратили полуосвобожденныхъ сербовъ княжества въ райю и такимъ вызывательнымъ образомъ отвѣтили на 8-ю статью бухарестскаго договора, посланцы сербскіе, и во главѣ ихъ неутомимый прота (протоіерей) М. Ненадовичъ, прибыли въ Вѣну просить защиты у насъ, предписавшихъ договоръ 1812 года, ихъ мало кто слушалъ. Безполезно толкались они съ „прошеніями“ въ рукахъ по переднимъ русскихъ дипломатовъ, Нессельроде и другихъ. Просто, но трогательно разсказываетъ объ этихъ тасканіяхъ самъ Ненадовичъ въ своихъ „Мемуарахъ“, изданныхъ въ 1867 году его сыномъ, въ главѣ „Дѣла съ русскими“.

Кто отмежевалъ для себя Сербію, того рука теперь водила нашими новыми отношеніями къ нашимъ „союзникамъ“ за Дунаемъ въ 1812 году.

Съ нашей новой политикой „Акта Священнаго Союза“ выступаютъ на сцену новые дѣятели, иностранцы на мѣсто старыхъ, русскихъ. Во главѣ ихъ стояли два человѣка: Нессельроде, чуть ли не изъ Португаліи, и Каподистрія изъ Корфу.

Нессельроде былъ старый пріятель Меттерниха, еще съ 1808 года, и былъ съ нимъ въ довольно интимныхъ отношеніяхъ. Въ 1813 году, Меттернихъ, между прочимъ, однажды писалъ Нессельроду: „я не хочу задерживать отъѣзда настоящаго курьера; я васъ прошу, однако, сохранить для меня дружбу и, сверхъ всего, много, много довѣрія“ („Memoires“, I, 242). Мы увидимъ, что въ царствованіе Николая вице-канцлеръ Нессельроде былъ эхомъ Меттерниха.

Но первенствующую роль въ русской политикѣ игралъ Каподистрія. Безвѣстный корфіотъ, по профессіи медикъ изъ Падуи, секретарь республики Корфу, съ 1807 года мелкій чиновникъ нашего ми-

нистерства иностранныхъ дѣлъ, этотъ византіецъ, съ тонкимъ, вкрадчивымъ умомъ, умѣлъ обворожить императора Александра, и съ вѣнскаго конгреса онъ дѣлается его рѣшающимъ другомъ. Что-жъ онъ былъ самъ по себѣ? Россія для него была средство; родная, греческая идея—цѣль. „Одно ясно изъ всей дѣятельности Каподистріи, говоритъ Бернгарди — именно, что при всѣхъ условіяхъ онъ всегда имѣлъ передъ глазами одно—свое отечество; онъ руководилъ не только русской, но и греческой политикой, которая особенно близка была его сердцу". („Geschichte Russlands", I, 8). Характерный разсказъ ходилъ нѣсколько позже о Каподистріи. Въ 1827 году, въ разгаръ греческой революціи, русскій посолъ въ Вѣнѣ, Татищевъ, доносилъ, что будто бы, когда прусскій министръ замѣтилъ Каподистріи, что Россія играетъ въ опасную игру, вступаясь за бунтовщиковъ-грековъ, тотъ отвѣчалъ ему, что это ея дѣло, а онъ—прежде всего грекъ.

Открывается эпоха конгресовъ, эпоха, какъ говорили и добродушно вѣрили мы, правды и свободы въ земляхъ священнаго союза, христіанскаго мира и братской любви въ международныхъ отношеніяхъ Европы. На самомъ же дѣлѣ то было время беззастѣнчивой, безграничной эксплоатаціи Меттернихомъ средствами Священнаго Союза, что сводилось собственно, какъ увидимъ сейчасъ, къ доенью одной „прямодушной" Россіи—„для блага, тишины и спокойствія Европы". И эта возвышенная цѣль заключалась въ подавленіи всякой свободной мысли, свободнаго народнаго движенія, угрозой и обсужденіемъ широкихъ экзекуцій—тамъ, гдѣ интересы разношерстной, какъ нарядъ арлекина, имперіи габсбурговъ сталкивались съ мѣстными стремленіями. Этихъ столкновеній было не мало: въ Германіи, Италіи и даже, казалось, вполнѣ изолированной Испаніи.

Главная честь быть угрозой экзекуцій въ рукахъ Меттерниха выпала на долю намъ, на долю нашей довѣрчивости, такъ какъ относительно третьяго члена, „поставленнаго отъ Провидѣнія" для наблюденія за общеевропейскимъ благополучіемъ, Пруссіи, Меттернихъ не измѣнилъ своего стараго убѣжденія; не смотря на свое состояніе въ союзѣ, Пруссія была для него политически неблагонадежнымъ членомъ. „Страшные" Арндты не извелись въ Германіи, напротивъ число ихъ увеличивалось; но всѣ они прикрывались именемъ патріотовъ, которые группировались около Берлина, и Меттернихъ жаловался на Пруссію, что она „красная", революціонная. За то нами шефъ полиціи Священнаго Союза былъ просто очарованъ: Меттернихъ выражалъ неоднократно намъ свое благоволѣніе и иногда въ формѣ откровенности, переходящей въ наглость. „Онъ—говоритъ проф. Мартенсъ въ своемъ любопытномъ „Собраніи трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей"—не однократно объявлялъ Головкину (это былъ русскій посолъ въ Вѣнѣ въ 20-хъ годахъ, и, прибавимъ, человѣкъ рѣдкой проницательности), что политика Россіи великолѣпна и превосходна, такъ что даже австрійскій министръ не можетъ

имѣть лучшей“ (въ первой части IV тома „Трактаты съ Австріей“ 271).

Художественно умѣлъ пользоваться Меттернихъ „заразой революціи“. Управившись съ Германіей послѣ дѣла Коцебу, онъ, въ 1820 г., собираетъ „три отрасли единаго семейства“ въ Тропавѣ (Troppau)—для „зрѣлаго обсужденія опасностей, которымъ подвергается Европа вслѣдствіе революцій, вспыхнувшихъ во многихъ государствахъ отъ преступнаго забвенія всѣхъ обязанностей“ (слова „Предварительнаго протокола“, въ началѣ). Здѣсь обсуждается общая экзекуція по адресу Италіи, хотя, къ чести русскаго имени, чисто русскій дипломатъ на итальянскую революцію глядѣлъ нѣсколько иначе, чѣмъ иностранцы на русской службѣ. Головкинъ, тотъ самый, котораго здоровый взглядъ на вещи не затмили комплименты Меттерниха, въ родѣ указанныхъ выше, писалъ своему шефу, Нессельроду, 15 іюля 1820 года, т. е. за три мѣсяца до Тропавскаго съѣзда: „Наполеонъ далъ Италіи три вещи, за которыя народы готовы жертвовать своею жизнью, а именно національность, славу и конституцію“. Головкинъ указывалъ далѣе, что Австрія отняла все у Италіи и желаетъ онѣмечить самихъ итальянцевъ, а потому, по его мнѣнію, итальянцы имѣютъ право на соболѣзнованіе и сочувствіе Россіи (Мартенсъ, „Собраніе“, IV, I. 272). Иными словами, въ виду итальянскаго движенія, Россія умѣла бы отнестись съ соболѣзнованіемъ къ ихъ несчастіямъ и сочувствовать ихъ политическому стремленію.

Но могъ ли Нессельроде раздѣлять воззрѣнія вѣнскаго посла—сочувствовать революціи и выступить противъ своего довѣреннаго друга, Меттерниха? Выбора не могло и быть—чью сторону принять...

Въ слѣдующемъ 1821 году, собирается новый конгресъ въ Любляне (Laibach). Онъ продолжаетъ обсужденіе итальянскаго движенія, и на немъ положена была, наконецъ, совмѣстная экзекуція, Австріи и Россіи: русскими войсками долженъ былъ командовать Ермоловъ. Еще черезъ годъ новый конгресъ—въ Веронѣ: здѣсь принимаются мѣры противъ „заразы революціи“ въ далекой Испаніи.

Такимъ образомъ, мы совались всюду. Мы, въ рукахъ Меттерниха, стали охранителями общеевропейскаго порядка. Конечно, намъ то и могли указать съ правомъ, что мы сами и держимъ этотъ порядокъ въ напряженномъ состояніи своими ежегодными конгресами, съ ихъ протоколами, декларадіями...

Теперь, послѣ конгресовъ, собиравшихся на зовъ Меттерниха, послѣ усвоенной политики военныхъ экзекуцій, направляемыхъ тѣмъ же Меттернихомъ, мы можемъ отгадать тѣ доводы (raisons), которые имѣли про себя императоръ Францъ и его министръ, когда, оставивъ оппозицію, согласились принять „Актъ Священнаго Союза“.

Но этотъ Меттернихъ, который такой щедрой рукой пользовался выгодами, которыя давалъ Союзъ австрійской политикѣ, въ своихъ „Мемуарахъ“ представляетъ себя, какъ невинную овечку, отрекается

отъ всякой мысли, чтобы онъ когда-либо могъ искать какой выгоды отъ „безполезной выдумки“ императора Александра, и разражается противъ „хулителей“, тѣхъ, кто заподозрѣвалъ его чистоту. „Священный союзъ, говоритъ Меттернихъ, даже въ умѣ своего виновника долженъ былъ быть не болѣе, какъ моральной манифестаціей, тогда какъ въ глазахъ другихъ, подписавшихся подъ актомъ, онъ не имѣлъ даже этого значенія; почему, онъ и не заслуживаетъ ни одного изъ тѣхъ толкованій, которыя духъ партій давалъ ему позже. Самымъ неопровержимымъ доказательствомъ этого является, по моему мнѣнію, тотъ фактъ, что позже никогда даже не было вопроса между кабинетами о „Священномъ Союзѣ“ и никогда не могло быть. Только партіи, враждебныя монархамъ, однѣ пользовались этимъ актомъ и пользовались имъ, какъ оружіемъ для оклеветанія самыхъ чистыхъ побужденій своихъ противниковъ. Священный Союзъ не былъ основанъ, чтобы стянуть права народовъ, или чтобы благопріятствовать абсолютизму и тираніи подъ какой бы то ни было формой. Онъ былъ исключительно выраженіемъ мистическихъ чувствъ императора Александра и примѣненіемъ принциповъ христіанства къ политикѣ“. (I, 211).

Меттернихъ тщательно прикрывается именемъ Александра. Что у русскаго императора не было никакихъ злостныхъ намѣреній, объ этомъ не можетъ быть дѣйствительно вопроса. Что же касается австрійскаго кознодѣя, то намъ достаточно сослаться хоть на приведенныя выше слова Головкина къ Нессельроду.

Чтобы окончить съ эпохой политики экзекуцій, отмѣтимъ еще слѣдующее. Мы упомянули выше, что иностранная политика Россіи съ Вѣнскаго конгреса сдѣлалась достояніемъ иностранцевъ. Къ этому прибавимъ еще одну иллюстрацію — подписи представителей Россіи подъ работами конгресовъ. Подъ Тропавскимъ протоколомъ подписались: Нессельроде, Каподистрія; подъ Люблянской (Лайбахской) декларацiей: тѣ же и Поццо-ди-Борго; подъ Веронскимъ протоколомъ: Нессельроде, Поццо-ди-Борго и Ливенъ, Татищевъ.

И вотъ мы преобразились въ блюстителей благочинія въ Европѣ и эту роль излюбили такъ, что даже глухи были ко всякому современному предостереженію, что насъ только проводятъ. Знакомый намъ нашъ посолъ въ Вѣнѣ, Головкинъ, понимавшій дѣйствія Меттерниха и политику Пруссіи, писалъ уже въ 1820 году Нессельроду: „Только одни мы остались стражами и вѣрными исполнителями началъ, на которыхъ основывается союзъ“ (Мартенсъ, IV, 1, 276). Другія „отрасли единаго семейства“ только обдѣлывали свои дѣла на счетъ честности Россіи, и мы, въ медовые мѣсяцы союза, подарили прусскому королю хоръ военныхъ музыкантовъ (извѣстная колонія Александровка около Потсдама, съ 1818 года). Въ 1875 году, намъ пришлось посѣтить колонію Александровку, этотъ несчастный памятникъ государственно-крѣпостныхъ порядковъ. Она состоитъ изъ одной улицы домовъ. Можетъ быть, русскому читателю небезъинтересно

знать фамиліи этихъ колонистовъ по неволѣ, прихотью судьбы отторгнутыхъ отъ своей родной земли и давно сложившихъ свои кости. Многіе дома перешли въ руки нѣмецкія; поэтому можемъ сообщить фамиліи тѣхъ только колонистовъ, дома которыхъ остались во владѣніи ихъ потомковъ-нѣмцевъ православной вѣры. По лѣвой сторонѣ, идя отъ церкви: унтеръ-офицеръ Ивановъ, Тимофеевъ, Григорій Фокинъ, фельдфебель Иванъ Вавиловъ, Иванъ Стариковъ, Wassili Fokin; по правой: унтеръ-офицеръ Иванъ Яблоковъ, Иванъ Волгинъ, Петръ Ушаровъ, Дмитрій Сергѣевъ, Григорій Ангеловъ. Всѣ эти имена мы списали съ домовыхъ дощечекъ, кое-гдѣ сохранившихся на домахъ: на черномъ фонѣ бѣлыми красками военно-канцелярскимъ почеркомъ того времени. Латинская надпись—новая.

Наши старые историческіе пути оставлены нами, а съ ними и наши вѣковые политическіе идеалы — съ Петра Великаго. Извѣстно политическое завѣщаніе Петра. Оно, несомнѣнно, выдумка, но выдумка, отъ которой намъ не отврещиваться, надъ которой намъ можно бы и подумать. Со стороны виднѣе положеніе, и въ „завѣщаніи" вѣрно понятъ смыслъ политики Петра, по истинѣ политики великаго человѣка. Тогда, при Петрѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи и Австріи, мы шли свободною и смѣлою дорогою. По отношенію, напр., къ Австріи, Петръ не стѣснялся сноситься и входить въ союзъ съ ея „ребелянтами"—употребляемъ современное австрійское выраженіе,—какъ знаменитый мадьярскій герой, Ракоци, или сербы—недавніе переселенцы изъ-за Дуная, которые были проведены Австріей и волновались. Мы, такъ сказать, искали революціи.

Остановимся еще нѣсколько на походѣ за Прутъ 1711 года. Какая цѣль была указана имъ? Пусть этотъ смѣлый шагъ пояснитъ мадьярскій союзникъ Петра.

Въ маѣ 1710 года, Ракоци писалъ Петру: „Рано или поздно, но австрійскій домъ воспользуется тѣми интригами, что онъ сталъ сѣять въ Константинополѣ, чтобы возжечь войну между Портой и Россіей... Пусть потому его величество разсудитъ, насколько могутъ быть полезны ему Венгрія и Трансильванія при этой встрѣчѣ. Если австрійскій домъ одолѣетъ Венгрію, и турки станутъ наступать, мы не будемъ въ состояніи помочь его величеству: австрійскій домъ не дозволитъ ему сдѣлать никакихъ побѣдъ въ этихъ странахъ. Но свободныя Венгрія и Трансильванія вмѣнятъ себѣ въ удовольствіе и обязанность соединить свои силы съ силами его величества и помочь тѣмъ возстановить престолъ въ Константинополѣ". Соображенія турецко-австрійскихъ отношеній указали Петру, въ интересѣ славянства, остановиться на цесарскомъ бунтовщикѣ. Только заручившись Ракоци, Петръ шелъ за Прутъ. Тогда же, такой же „революціонный" союзъ былъ заключенъ и со вторымъ диссидентомъ въ Австріи—австрійскими сербами. Петръ шелъ за Прутъ, чтобъ поднять Дунайскія княжества, славянъ Турціи, всѣхъ тѣхъ, о которыхъ

наводилъ справки еще Возницынъ на Карловицкомъ конгресѣ— „можно-ль на нихъ разсчитывать", а затѣмъ, чтобы счесться съ Турціей, „исполнить наконецъ свои намѣренія", по словамъ московскаго агента Ракоци.

Завѣщанія не было. Но было нѣчто болѣе писаннаго завѣщанія: было дано Петромъ завѣщаніе въ духѣ и стремленіяхъ его политики. И этотъ духъ и эти стремленія, когда яснѣй, когда тусклѣй, понимали въ теченіе всего XVIII стол. и въ первые годы царствованія Александра I; только съ священнымъ союзомъ мы отшатнулись отъ традиціоннаго пути и очутились въ новой, навязанной нами же избранными друзьями роли—блюстителя политической нравственности. Одними мы были въ періодъ нашихъ національныхъ политическихъ преданій; другими мы стали теперь, возносимые Меттернихомъ, который въ то же время смѣялся надъ нами—въ сторону.

Если Петръ Великій сталъ однимъ изъ національныхъ героевъ исторической пѣсни сербовъ—онъ виновникъ небывалаго взятія Бѣлграда (см. въ началѣ), предъ именемъ его трепещетъ турокъ,—то теперь, съ своими началами Священнаго Союза, мы почти стали для славянства второй Австріей. Мы порвали связи съ своимъ прекраснымъ прошлымъ и прилѣпились къ чуждымъ интересамъ, и въ то время, какъ политическое положеніе въ Европѣ оставило далеко за собой начало „Акта Священнаго Союза", мы не обращали на это измѣненіе тона и фона жизни никакого вниманія, стояли крѣпко на своей новой старинѣ, пока не остались одни, но все съ тѣмъ же знаменемъ Меттерниховой реакціи въ рукѣ, вплоть до Севастопольскаго разгрома.

III.

Греческая революція, поддерживаемая въ русской политикѣ Каподистріей, едва было не развела друзей-союзниковъ. Но событія въ нашей домашней жизни конца царствованія Александра и особенно первыхъ дней Николая, только утвердили насъ въ спасительности единоначалъ священнаго союза, какъ они установились въ реакціонной политикѣ Меттерниха.

Греческое движеніе вызвало нашу турецкую войну 1828—29 годовъ, но также нечаянно, какъ нежданно совершился Наваринскій погромъ. Война была тяжелая, но велась безъ строго опредѣленныхъ цѣлей, и ея политическая сторона была съ значительной долей комическаго элемента, какъ увидимъ сейчасъ. Самое веденіе ея, затѣмъ послѣдующіе наши шаги показали всю фальшь нашей политики, всю неестественность нашихъ отношеній къ славянскому вопросу.

Греческій вопросъ имѣлъ за себя старыя симпатіи Европы, имѣлъ и традиціонныя симпатіи русскаго народа, для котораго и понынѣ сербъ, болгаринъ, не представляются иначе, какъ въ образѣ грека. Но онъ—безспорное „исчадіе революціи", какъ его окрестили сей-

часъ же въ Вѣнѣ, и это исчадіе настолько обострило отношенія „трехъ отраслей единаго семейства", т. е. Австріи и Россіи (Пруссія занималась только своимъ дѣломъ), что старый австрійскій Францъ II и самого императора Николая не далекъ былъ объявить революціонеромъ: „императоръ противорѣчитъ своимъ принципамъ", сказалъ онъ прямо на аудіенціи русскому послу въ Вѣнѣ, Татищеву. Когда же, не смотря на всяческія пуганья Меттерниха, мы все-таки начали войну съ Турціей, Австрія рѣшилась демонстрировать—контръ-войной. Открылись комическія отношенія между нами и Вѣной.

Князь Виттенштейнъ, назначенный главнокомандующимъ русскими войсками на Дунаѣ, получилъ „секретныя" инструкціи, любопытнаго содержанія. Онѣ заключались въ трехъ пунктахъ: 1) „Если австрійскія войска сдѣлаютъ попытку остановить дѣйствія русской арміи въ княжествахъ (т. е. въ Молдавіи и Валахіи), главнокомандующій долженъ пригласить ихъ отступить назадъ". 2) „Если австрійскія войска не отступятъ, наша армія должна, не останавливаясь, идти впередъ". Наконецъ 3) „если австрійцы окажутъ сопротивленіе нашему движенію, войскамъ повелѣвается отвѣчать на силу силою и обезоруживъ отправить ихъ назадъ чрезъ австрійскую границу".

Въ этомъ секретномъ наставленіи былъ просмотрѣнъ одинъ случай: что, если австрійцевъ будетъ не очень мало, и, вмѣсто того, чтобы ихъ обезоружить, они принудили бы насъ къ отступленію?.. Но Витгенштейну къ справкѣ съ „секретными" инструкціями прибѣгать не пришлось. Комическая наша война съ Австріей окончилась тѣмъ, что, хоть сквозь зубы, императоръ Францъ объявилъ намъ свой „добросовѣстный и полный нейтралитетъ" (Мартенсъ, IV, 1, 371, 374). Союзники сошлись по старому.

Но императору Николаю было мало объявленія нейтралитета Австріей: мы видѣли изъ „секретныхъ" инструкцій, какъ мало (иной вопросъ—справедливо ли) онъ придавалъ значенія австрійскому вмѣшательству. Вопросъ шелъ о принципѣ: ему желалось остаться вѣрнымъ своимъ „принципамъ", а Меттернихъ черезъ Франца обвиняетъ его въ противорѣчіи имъ — въ потворствѣ „исчадію революціи". И вотъ Петербургскій кабинетъ добивается у Вѣнскаго кабинета признанія — „законности" нашей турецкой войны, но увы! этого-то добиться никакъ не могъ. Старый Францъ сказалъ послу Татищеву, объявляя свой нейтралитетъ: „не спрашивайте меня, признаю ли я эту войну справедливою. По совѣсти, я не могу оправдать Наваринскаго погрома, которымъ вызвана настоящая война".

Съ точки зрѣнія Меттерниховой политики, установившихся практикою началъ Священнаго Союза, императоръ Францъ, отказываясь на отрѣзъ „оправдать" войну, былъ вѣренъ себѣ: „гдѣ революція, тамъ не я"; мы же были, безспорно, въ противорѣчіи съ самими собой; мы, подъ давленіемъ народнаго традиціоннаго чувства, посту-

пили въ 1828 году такъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ совѣтовалъ намъ поступить Головкинъ по отношенію къ итальянскому движенію.

Война шла долго и несчастливо. Но, не смотря на это, мы во все время войны тщательно заботились объ одномъ—и, вѣроятно, не безъ соображенія австрійскихъ интересовъ — чтобы славянское населеніе Турціи, на защиту котораго мы, повидимому, шли войной — не шевельнулось, сохраняло свою лойяльность—„слѣпое повиновеніе его величеству султану", выражаясь позднѣйшими словами Меншикова. Мы этого, дѣйствительно, достигли и безъ особаго труда. Какъ въ войну 1805—1812 годовъ, намъ дорого было „участіе, какое сербы принимали въ дѣйствіяхъ сей войны", такъ теперь намъ желательно было безучастіе славянъ за Дунаемъ: ибо, по нашему убѣжденію, строптивость турокъ, государства, должна была быть наказана не иначе, какъ лойяльными средствами, но не поднятіемъ подданныхъ противъ ихъ государя. Впрочемъ, можетъ быть, мы поступали хорошо тогда: воюя и въ то же время свято охраняя начала законности, мы должны были, во всякомъ случаѣ, возвратить Турціи ея болгаръ, ибо они — подданные, слѣдовательно компрометировать было бы непростительно.

А между тѣмъ тому же самому императору Николаю положеніе Турціи въ 1829 году представлялось критическимъ: „больной человѣкъ" — сказалъ онъ о ней тогда, хотя упорство этого „больного" стоило намъ ужасныхъ потерь. Въ европейской политикѣ появился вопросъ: кто же будетъ наслѣдовать? Вопросъ, который лично императору Николаю былъ непріятенъ. Мы хорошо знали, что и наши западные соперники, и сотоварищъ по Священному Союзу, какъ Австрія, были бы весьма охочи до захвата. Уже сейчасъ послѣ Наваринской битвы Татищевъ доносилъ изъ Вѣны, что Австрія имѣетъ намѣреніе, въ случаѣ войны между Россіей и Турціей, сдѣлать „coup de main"— взять Бѣлградъ и занять Сербію. Негодуя за „двуличную игру Меттерниха", русское правительство отвѣчало Татищеву на донесеніе его ясно, что оно останется по отношенію къ Турціи глубоко-лойяльнымъ: „Австрія поддакиваетъ Турціи начинать войну и инсинуируетъ, что союзъ между тремя державами (т. е. Россіей, Англіей и Франціей) крайне непроченъ. Но чего добивается Вѣнскій дворъ? Неужели разрушенія Оттоманской имперіи?!" (Мартенсъ, IV, I, 369). Австрія просидѣла смирно.

Императоръ Николай сохранилъ лойяльность Европы, какъ сохранилъ во время войны лойяльность болгаръ, сербовъ. Мы наказали строптивость, и все должно остаться по старому — только упрочена была немного автономія Сербскаго княжества.

Но въ нашей политикѣ охраненія мы, сейчасъ послѣ войны, пошли еще далѣе: мы стояли на стражѣ Турціи, ея ангеломъ-хранителемъ.

Прежде всего мы простили Турціи контрибуцію, а затѣмъ вва-

зались въ опекуны ея по Ункяръ-Искелесійскому договору 26-го іюня 1833 года: стороны договаривались „единственно съ цѣлью взаимной защиты ихъ государствъ противъ всякаго покушенія (статья 1).

За нѣсколько мѣсяцевъ до заключенія этого охраннаго договора, императоръ Николай имѣлъ откровенный разговоръ съ австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, графомъ Фикельмономъ, о своихъ отношеніяхъ къ Турціи. „Если султанъ—сказалъ императоръ—попроситъ помощи, я готовъ ему ее оказать... Впрочемъ, я не скрою, что это жертва... Это слишкомъ противорѣчитъ всѣмъ нашимъ старымъ отношеніямъ къ Турціи... Но это все, что я въ состояніи сдѣлать: я не могу дать жизни Турецкой имперіи, которая скончалась". Чтобы выработать общій планъ дѣйствій, удобный для австрійской политики, императоръ Николай вошелъ въ весьма характерныя подробности. „Россія, продолжалъ онъ, отреклась отъ цѣли, которую ей поставила Екатерина II... Я желалъ бы поддержать Турецкую имперію. Если она разрушится, я ничего не желаю отъ ея обломковъ—я ни въ чемъ не нуждаюсь".

Конечно, Меттерниху было дорого выслушать это откровенное заявленіе русскаго императора. Онъ поспѣшилъ заявить свое полное согласіе съ политикой Россіи — поддерживать больную имперію до послѣдней крайности. Но Меттернихъ сдѣлалъ весьма существенную оговорку, что если катастрофа совершится, то Вѣнскій кабинетъ рѣшилъ: „отдать предпочтеніе предъ всѣми комбинаціями учрежденію вполнѣ независимыхъ государствъ, составляющихъ Европейскую Турцію, по современнымъ ихъ названіямъ; такимъ образомъ, Молдавія, Валахія, Сербія, Боснія, Болгарія, Албанія, составляютъ столько же независимыхъ другъ отъ друга государствъ"... Такъ говорилъ самъ Меттернихъ послу Татищеву. Эта оговорка получаетъ свое значеніе, когда мы сравнимъ австрійскую „комбинацію" съ той, которую предлагалъ императоръ Николай въ томъ же разговорѣ съ графомъ Фикельмономъ, какъ „наилучшую", по его мнѣнію, на случай „если Турецкая имперія сама себя разрушаетъ". Императоръ сказалъ: „Почему намъ не возстановить Греческую имперію? Начало греческому государству уже положено... Съ своей стороны я ничего лучшаго не знаю сдѣлать" (Мартенсъ, IV, 1, 442—443).

Ясно, что простая мысль, что земли Балканскаго полуострова могутъ принадлежать его народамъ, была совершенно чужда русской политикѣ 30-хъ годовъ, и, наоборотъ, Австрія не только думала о ней, но на ней, по крайней мѣрѣ, на словахъ и остановилась. Въ своей „наилучшей" комбинаціи враждебная славянству Австрія оказывалась въ эту минуту большимъ другомъ славянъ, чѣмъ мы, представители славянства, которые не знали ничего лучшаго, какъ ухватиться снова за „греческій прожектъ".

Взаимное желаніе Россіи и Австріи сохранить Турцію, которая, по словамъ императора Николая, „скончалась", нашло свое формаль-

ное выраженіе въ „секретной конвенціи", заключенной между обоими государствами въ сентябрѣ 1833 года, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ Искелесійскаго договора, въ чешскомъ городкѣ Мнихово-Градище (Münchengraetz). Здѣсь постановлено было въ турецкомъ вопросѣ дѣйствовать сообща и поддерживать существующій порядокъ „самыми дѣйствительными мѣрами" (статья II).

Опасенія, высказанныя въ Мниховомъ-Градищѣ, были преждевременны и потому напрасны. „Арабская" имперія Мехмета-Али египетскаго не сѣла въ Константинополѣ. Все осталось по старому. Владѣнія „скончавшагося" человѣка остались при немъ. Греція, благодаря дѣятельному сочувствію Запада, (не безъ задней мысли о противовѣсѣ славизму, что такъ ярко сказалось въ войну 1877 года) успѣла сформироваться сразу въ независимое вполнѣ королевство. А славяне—были тихи, послушны, ихъ какъ бы не существовало на землѣ.

На что было надѣяться славянамъ? Политика легитимизма Священнаго Союза смотрѣла на нихъ недружелюбно, заподозрѣвала и учила ихъ одному—„слѣпому повиновенію". Если бы славяне знали о „наилучшей комбинаціи" Меттерниха, что сдѣлать съ Турціей, на случай ея разрушенія, они, нельзя сомнѣваться, легко бы сдѣлались самыми приверженными слугами Австріи въ родѣ нынѣшнихъ сербовъ Босны и Герцеговины католическаго исповѣданія. Впечатлѣніе, конечно, усилилось бы при извѣстности между славянъ русской „комбинаціи" по тому же вопросу — воскрешенія „греческаго прожекта" временъ Очаковскихъ. Но, къ общему благу, и та, и другая комбинація оставались канцелярской тайной и не портили крови у славянъ. Мы все возились съ греками, а славянъ за Дунаемъ, своихъ старыхъ, приверженныхъ людей (вспомнимъ адмирала Сенявина и черногорцевъ въ 1805 году, гр. Орурка и гайдука Вельку, Кара-Георгіевича въ 1807 году) сторонились или обращались съ ними рѣзко, не щадя присущаго каждому человѣку его самолюбія.

Приведемъ одинъ примѣръ: онъ пояснитъ вполнѣ насъ и ихъ. Былъ 1842 годъ. Въ Бѣлградѣ, гдѣ, по утвердившемуся обычаю, распоряжался, и не всегда удачно, русскій генеральный консулъ, произошла домашняя революція: князь Михаилъ Обреновичъ былъ изгнанъ старыми интриганами—Вучичемъ и Петроніевичемъ, и избранъ на скупщинѣ Александръ Кара-Георгіевичъ. Императоръ Николай протестовалъ противъ незаконнаго избранія и рѣшилъ тотчасъ же произвести экзекуцію—послать въ Сербію русскаго генерала (барона Ливена) во главѣ двадцатитысячнаго корпуса. Но, по счастію, предварительно былъ посланъ Ливенъ одинъ, безъ корпуса. Когда въ присутствіи Ливена былъ избранъ Кара-Георгіевичъ вторично на народный скупщинѣ, императоръ болѣе не протестовалъ: принципъ законности не былъ оскорбленъ; новый князь не вышелъ изъ революціи. Понятно, какое удобное оружіе противъ себя давали мы нашимъ врагамъ всякими подобными угрозами экзекуцій.

Мы хвалились слѣпымъ повиновеніемъ славянъ султану, какъ дѣломъ нашихъ рукъ. Всякій намекъ на возможность пользоваться движеніемъ среди славянъ разсматривался въ русской политикѣ, какъ тяжкій грѣхъ. Люди самые сильные, какъ князь Паскевичъ, и тѣ, даже въ самыя критическія минуты политики Россіи, осмѣливались напоминать о славянахъ, говорить о возможномъ значеніи ихъ для нея, съ необыкновенной осторожностью, робостью, прибѣгая къ уверткамъ, софизмамъ.

Говоря объ этой робости, мы забѣжимъ нѣсколько впередъ — въ ту эпоху, когда стали подводиться послѣдніе итоги нашей несчастной политики легитимизма.

Канунъ войны 1853 года. Взвѣшиваются шансы успѣха, обсуждаются средства наши.

Князь Паскевичъ, перебирая разныя комбинаціи, рѣшается заговорить предъ императоромъ Николаемъ о славянахъ. Но какъ? Робость пріема и казуистическія оправданія въ соображеніяхъ Паскевича прекрасно иллюструютъ наши отношенія къ славянству, нашу „освободительную“ политику второй четверти текущаго столѣтія.

„У насъ—пишетъ Паскевичъ—есть страшное для Турецкой имперіи оружіе, успѣху котораго ни одно изъ европейскихъ государствъ не можетъ препятствовать: это вліяніе Россіи на христіанскія племена Турціи“. Но, понятно, чтобы воспользоваться этимъ вліяніемъ, нужно поднять „христіанскія племена“ противъ легитимной власти, и вотъ Паскевичъ силится сгладить прежде всего возможное непріятное впечатлѣніе отъ его совѣта на императора Николая: онъ указываетъ, что поднять намъ славянъ въ Турціи это не значитъ дѣлать революцію, напротивъ, дѣло законное, такъ какъ „племена“ не будутъ подымаемы противъ ихъ правительства. „Мѣру сію—продолжаетъ Паскевичъ—нельзя, мнѣ кажется, смѣшивать съ средствами революціонными. Мы не возмущаемъ подданныхъ противъ ихъ государя; но если христіане, подданные султана, захотятъ свергнуть съ себя иго мусульманъ, ведущихъ съ нами войну, то нельзя, безъ несправедливости, отказать въ помощи нашимъ единовѣрцамъ... Правительство тамъ безсильно на защиту христіанъ“. Конечно, послѣднія слова надо понимать такъ: христіане подымутся не противъ своего безсильнаго правительства, а противъ своихъ утѣснителей, слѣдовательно, принципъ законности не нарушенъ.

Паскевичъ не скрываетъ, что старое „вліяніе“ Россіи, можетъ быть, и ослабло, но приписываетъ это „козням и проискамъ Запада“. Трудно думать, что такой умный человѣкъ, какъ Паскевичъ, дѣлалъ это объясненіе искренно: вѣдь практика „слѣпого повиновенія“ и безъ мысли о возстановленіи Византійской имперіи, въ теченіе десятковъ лѣтъ, могла не только ослабить вліяніе Россіи на „христіанскія племена“. (Записка Паскевича напечатана у Богдановича „Восточная война“, I, 84).

Какое осторожное примѣненіе нашли осторожныя указанія Паскевича о славянахъ въ войнѣ 1853 года, видно изъ инструкціи Воронцову, при занятіи уже нами Дунайскихъ княжествъ. Для воздѣйствія на упорство Порты указывается рядъ мѣръ-полумѣръ, и только подъ конецъ, какъ самая радикальная мѣра, выпускаются на сцену „христіанскія племена“: „признаніе независимости княжествъ (т. е. обоихъ Дунайскихъ и Сербіи) будетъ—говорила инструкція—началомъ разрушенія Оттоманской имперіи“. Но предварительно, во „вторую эпоху“ нашихъ дѣйствій противъ Порты, это признаніе должно было быть одной угрозой: „имѣется въ виду предварить турецкое правительство, что дальнѣйшее его упорство можетъ имѣть послѣдствіемъ объявленіе независимости Дунайскихъ княжествъ и Сербіи“. И тутъ же было выражено грустное желаніе, правильно, впрочемъ, повторявшееся вплоть до Берлинскаго конгреса: „желательно, чтобы австрійцы, раздѣляя наши виды (увы! какъ же мы обманулись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ!), заняли Герцоговину и Сербію“. Кажется, мы могли бы подумать, что, по занятіи Австріей обѣихъ областей, врядъ ли принесло намъ какую пользу объявленіе въ разгаръ войны независимости Сербіи. Вѣдь ясно, ни одного солдата не поставила бы „независимая„ Сербія, имѣя въ тылу и дома австрійцевъ... Или для защиты „независимой“ Сербіи отъ турокъ? Но тогда можно бы было намъ и повременить съ объявленіемъ независимости до результатовъ войны. (Инструкція у того же Богдановича, I, 90).

Удивляться ли намъ, что мы потеряли обаяніе среди „христіанскихъ племенъ“, послѣ политики Священнаго Союза 30—40-хъ годовъ, какъ удивляется военный историкъ „Восточной войны“, говоря, что „послѣдствія не оправдали предположеній князя Варшавскаго на счетъ ополченія христіанскихъ подданныхъ Порты: жители Дунайскихъ княжествъ не выказали сочувствія къ Россіи, а прочіе народы частью выжидали послѣдствій (болгары), частью же были удержаны вооруженіями Австріи (сербы)?!“ Да мы же сами указывали Австріи Сербію для сдержанія!..

Да, можно ли было „христіанскимъ племенамъ“ забыть насъ, насъ—Австрію № 2, когда и десяти лѣтъ еще не прошло съ того времени, какъ мы устами нашихъ официальныхъ агентовъ категорически и искренно объявляли „старшинамъ мѣстныхъ христіанъ“ ни больше, ни меньше, что имъ нечего ждать помощи отъ Россіи, которая не желаетъ знать ни о какихъ возстаніяхъ?! Прибавимъ еще одинъ фактъ, прелюбопытный, изъ нашей политики 40-хъ годовъ: остановимся на всеподданнѣйшемъ „отчетѣ“ по дѣламъ внѣшней политики за 1845 годъ вице-канцлера, графа Нессельроде. Въ своемъ „отчетѣ“ гр. Нессельроде съ удареніемъ говорилъ, что Россія и Австрія связаны другъ съ другомъ посредствомъ „могущественной солидарности въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ“. Несомнѣнно, для того времени подобное своеобразное пониманіе Австріи,

какъ государства, которое можетъ быть солидарно въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ съ Россіей по отношенію къ славянскому вопросу, почиталось высшею политическою мудростью; для нашего времени—оно только наивно. Въ чемъ же солидарность? И Нессельроде далѣе отвѣчаетъ: „на Востокѣ мы поддерживаемъ вмѣстѣ съ нею (т. е. Австріей) независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи; мы присоединяемъ наши усилія къ ея стараніямъ, чтобы открыть потаенные планы, подготовляемые въ Болгаріи, Албаніи и въ другихъ провинціяхъ коноводами французской и польской пропаганды, принявшей маску славянофильства“ (Мартенсъ, IV, I, 539).

Какъ кажется, подъ этими страшными „потаенными планами“ Нессельроде разумѣлъ невинное движеніе среди южныхъ славянъ, по существу, и, замѣтимъ, начатое не безъ содѣйствія самой Австріи—иллиризмъ, о чемъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Если бы мы не имѣли предъ собой всеподданнѣйшаго „отчета“ вице-канцлера Россійской имперіи, мы, конечно, подумали бы, что имѣемъ дѣло съ запугивающей нотой Меттерниха, гдѣ и заговоры, и польскіе революціонеры, и все это въ одномъ мѣшкѣ—въ славянофильствѣ. Какъ увидимъ ниже, Нессельроде писалъ свой „отчетъ“ за 1845 годъ, кажется, не безъ вліянія изъ Вѣны.

Кто изъ русскихъ читателей вспомнитъ недавнія назойливыя домогательства современнаго Меттерниха на Шпре навязать намъ свою политику, эти черненья лучшихъ людей Россіи, по правилу—„клевещи, что нибудь да останется“, эти пуганья панславизмомъ, революціей,—тотъ не можетъ не сказать себѣ, что Бисмарку желается только возвратить невозвратимое, желается сыграть въ нашихъ дѣлахъ соблазнительную роль Меттерниха въ политикѣ Россіи сороковыхъ годовъ. Ничего новаго подъ солнцемъ...

IV.

Императоръ Николай началъ свои отношенія къ Турціи войной и кончилъ ихъ войной; а въ длинномъ антрактѣ мы блюли ея „независимость и неприкосновенность“. Славяне не помѣщались въ узкія рамки нашей политики легитимизма на Востокѣ, политики Священнаго Союза; „они—элементъ революціи“, выучили насъ, и мы повторяли съ чужого голоса, ревностно розыскивали „потаенные планы“, открыто говорили славянамъ: „вамъ нечего ждать помощи отъ насъ, ибо мы не потерпимъ никакого возстанія“. И наша угроза не была пустымъ словомъ: 1842 годъ въ Сербіи доказалъ это. А у себя дома преслѣдовали славянофильство. Впрочемъ мы были искренни: мы были убѣждены въ нашей непогрѣшимости, какъ и въ нашей несокрушимости.

Вполнѣ понятно, что то же сторонене славянъ, то же заподазриваніе въ нихъ одного страшнаго духа революціи, та же ревнивая охрана условій, разрушающихъ славянство, были основными регуляторами нашихъ отношеній, нашихъ дѣйствій и касательно славянъ Австріи, этого особенно интимнаго повѣреннаго нашей политики той эпохи.

Наиболѣе западные славяне, чехи, были уже очень рано въ немилости у насъ, были заподозрѣны: опытная полиція Меттерниха сумѣла связать патріотическія стремленія чеховъ эпохи возрожденія, и даже дѣятельность знаменитаго лексикографа Іосифа Юнгманна съ петербургскимъ заговоромъ 1825 года. Въ своихъ драгоцѣнныхъ „Запискахъ“, изданныхъ только въ 1871 году, Юнгманнъ говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ, къ сожалѣнію, темно. Но въ его частной перепискѣ съ другомъ Антоніемъ Маркомъ († 1877), горячимъ сторонникомъ Россіи, еще 1823 года, есть уже любопытныя указанія, какъ подготовлялось позднѣйшее обвиненіе. Юнгманнъ пишетъ: „въ городѣ (Прагѣ) говорятъ, что проф. Неѣдлый обжаловалъ чеховъ, какъ тайныхъ союзниковъ поляковъ и русскихъ... Мои враги уже выдаютъ меня за вождя партіи, которая яко бы замышляетъ какой то политическій союзъ славянъ“. Другія указанія того же рода читатель нашелъ бы въ интересной чешской біографіи Юнгманна В. Зеленаго и въ только что изданныхъ воспоминаніяхъ стараго чешскаго патріота, Якуба Малаго: „Наше воскрешеніе“.

Злосчастная исторія съ знаменитымъ чешскимъ поэтомъ, и, прибавимъ, руссофиломъ, Франтишкомъ Челаковскимъ, который, въ выходившей подъ его редакціей пражской офиціальной газетѣ въ 1831 году, по усмиреніи польскаго возстанія, написалъ нѣсколько укоризненныхъ строкъ для русскаго правительства, и за то, по настоянію нашего посла въ Вѣнѣ, лишился куска хлѣба, еще болѣе утвердила насъ въ политической опасности чеховъ.

По отношенію къ другимъ славянамъ Австріи, ловкій Меттернихъ велъ, и съ полнымъ успѣхомъ, двойную игру.

Не смотря на видимый мертвый покой среди разношерстаго населенія Австріи, съ утвержденія попечительной полицейской системы Меттерниха, племенное броженіе, начавшееся съ конца прошлаго столѣтія, не замерло. Бродила мадьярская идея, бродила славянская.

Въ то время какъ у западныхъ славянъ, во главѣ которыхъ стояли чехи, національное движеніе выражалось, главнымъ образомъ, въ наукѣ и литературѣ; на югѣ и, особенно, у хорватовъ, оно рано получило опредѣленную политическую форму, извѣстную подъ именемъ иллиризма (старыхъ иллировъ патріоты считали тогда предками славянъ). Ростъ иллиризма ускоряла узурпація мадьярской идеи. Въ послѣднихъ своихъ цѣляхъ иллиризмъ стремился къ объединенію и, несомнѣнно, политическому, всѣхъ южныхъ славянъ, всѣхъ наименованій.

Конечно, мы удивимся, если узнаемъ, что иллиризмъ, центръ кораго былъ въ Загребѣ, въ Хорватіи, пользовался милостью Меттер-

ниха; а между тѣмъ это несомнѣнный фактъ. Иллиризмъ былъ единственной формой движенія австрійскихъ славянъ, которая встрѣчала въ Вѣнѣ не противодѣйствіе, а поддержку, и моральную, и, какъ говорятъ, матеріальную. Это исключительное отношеніе Вѣны къ славянскому движенію Загреба понять не трудно. Во-первыхъ, иллиризмъ былъ прежде всего желанной поддержкой Меттерниха въ его, пока скрытой, борьбѣ съ мадьярской идеей, которая уже къ сороковымъ годамъ ясно опредѣлила свои конечныя цѣли; еще въ прошломъ столѣтіи, Бартенштейнъ, воспитатель Іосифа II, указывалъ на пригодность славянъ южной Венгріи въ дѣйствіяхъ противъ удерженія мадьяръ. Во вторыхъ, тотъ же иллиризмъ, стремившійся къ литературному и затѣмъ къ политическому объединенію южныхъ славянъ, слѣдовательно и славянъ Турціи, не выпущенный изъ рукъ Вѣны, могъ проложить удобную дорогу для распространенія вліянія и, наконецъ, государственной власти Австріи среди славянъ юга. Мысль о подобраніи подъ свою власть славянъ задунайскихъ является уже въ политикѣ Австріи конца XVII вѣка. Что Меттернихъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ, предположивъ заставить иллирійское движеніе служить себѣ, австрійской идеѣ, лучше всего видно изъ современнаго положенія дѣлъ въ Хорватіи. Нынѣшніе такъ называемые „патріоты" Загреба вмѣняютъ себѣ въ особенную честь и заслугу, что они были „мостомъ", чрезъ который провели Австрію въ Босну и Герцоговину. Во время нашей послѣдней войны съ Турціей, теорія „моста" была популярнѣйшей темой въ хорватской публицистикѣ (напр. газета „Obzor"). Хорватское правительство, состоящее, конечно, изъ „патріотовъ", съ остервенѣніемъ преслѣдуетъ несогласныхъ съ теоріей „моста"—а это сторонники славянофила д-ра Антуна Старчевича, съ русскими симпатіями—какъ „государственныхъ измѣнниковъ".

И такъ, какъ средство, иллиризмъ цѣнился въ Вѣнѣ; но, какъ цѣль, онъ былъ отрицаніемъ Австріи. Очевидно, Вѣнскій кабинетъ долженъ былъ бдить о томъ, чтобы иллирійское движеніе не вышло изъ среды спеціальныхъ австрійскихъ интересовъ. И Меттернихъ, съ привычной ловкостью, начинаетъ двойную игру. Провести нужно было русское правительство, и онъ исполнилъ свою задачу не безъ художества.

Лудевитъ Гай, виновникъ иллирійскаго движенія, ищетъ сочувствія своимъ освободительнымъ общеславянскимъ видамъ у русскаго правительства и общества. Спеціально для этой цѣли онъ пробирается въ Петербургъ, Москву, живетъ въ Россіи довольно долго, и, хотя въ высокихъ сферахъ Петербурга, нашелъ полное невниманіе къ себѣ, онъ тѣмъ не менѣе познакомилъ съ собой славянофиловъ Москвы, съ своими тайными видами, и чрезъ Погодина сдѣлался даже извѣстнымъ министру Уварову, которому, замѣтимъ въ скобкахъ, современная Россія не можетъ не быть признательна, что онъ былъ единственный государственный человѣкъ того темнаго времени, ко-

торый сильно поддерживалъ, и поддержалъ, интересы славянства: онъ открылъ и славянскія каѳедры въ университетахъ. Смѣлое путешествіе Лудевита Гая въ Россію относится къ самому началу 40 годовъ. Его интересныя письма по пути читатель могъ бы найти въ статьѣ профессора Н. А. Попова въ „Древней и Новой Россіи“ (1879, № 8).

И вотъ, въ то время, какъ одна рука Меттерниха покровительствуетъ иллиризму въ Загребѣ, другая тотъ же иллиризмъ чернитъ, какъ только можно, въ Петербургѣ, предъ русскимъ правительствомъ: что онъ и исчадіе революціи, и польская пропаганда и пр., и пр. Чрезъ дѣтски послушныхъ ему русскихъ дипломатовъ, его намѣренныя измышленія встрѣчаютъ радушный пріемъ въ Петербургѣ, принимаются безъ возраженія, безъ критики, и, къ довершенію всего, мы еще объявляли нашу признательность нашему искреннему благожелателю за предупрежденіе опасности.

Въ ноябрѣ 1842 года, нашъ посолъ въ Вѣнѣ, графъ Медемъ, доносилъ въ Петербургѣ графу Нессельроде, что австрійское правительство „откровенно“ высказало ему, представителю Россіи, свои опасенія по поводу иллирійскаго движенія, что послѣднему „особенно содѣйствовали выходцы изъ Россіи и Польши“. Меттернихъ хорошо зналъ, какъ побольнѣе уколоть. Въ отвѣтъ на сообщеніе Медема, императоръ Николай собственноручно написалъ на его депешѣ, что никогда русское правительство не опустилось бы до того, чтобъ поддерживать революціонную агитацію въ сосѣднемъ дружественномъ государствѣ. Въ этомъ смыслѣ и отвѣчалъ Нессельроде Медему отъ 12 декабря 1842 года. Говорить ли, какой желанной гостьею былъ отвѣтъ россійскаго вицеканцлера въ Вѣнѣ? Меттернихъ чрезъ того же Медема поспѣшилъ изъявить искреннюю свою признательность Нессельроде, прибавивъ, что онъ „убѣжденъ, что никогда панславистская пропаганда не найдетъ поддержки со стороны русскаго правительства.“ (Мартенсъ, IV, I, 501).

И такъ, хорошее дѣло было сдѣлано у Меттерниха: иллиризмъ Л. Гая поддержанъ въ Загребѣ, и противъ него возбужденъ Петербургскій кабинетъ; слѣдовательно, опасаться нечего, что онъ можетъ ускользнуть изъ-подъ сферы спеціальнаго вліянія Австріи. Теперь-то намъ и понятно „ужасающее“ содержаніе всеподданнѣйшаго „Отчета“ графа Нессельроде за 1845 годъ, съ его ужасами на ужасахъ... А Меттерниху, вѣроятно, вспомнилась игра, которую онъ сыгралъ съ нами, ровно 20 лѣтъ назадъ, во время движенія греческихъ гетеристовъ, и ея намъ нельзя не напомнить.

Императоръ Александръ, подъ вліяніемъ Каподистріи и другихъ обстоятельствъ, слѣдилъ не безъ сочувствія за движеніемъ гетеристовъ, а это былъ ножъ въ сердце Меттерниха. Волненія въ Италіи имѣли династическій интересъ, но движеніе на Балканскомъ полуостровѣ— государственно-австрійскій, и вотъ Меттерниху нужно было во что

бы ни стало уничтожить симпатіи Александра къ этому движенію, и онъ воспользовался для этого пріѣздомъ русскаго императора въ Вѣну, лѣтомъ 1822 года, и достигъ цѣли. „Императоръ Александръ, говоритъ спеціальный историкъ новой Австріи, Штенцлеръ, будучи позднимъ лѣтомъ 1822 года въ Вѣнѣ, подвергся снова чарующему, магическому вліянію государственнаго канцлера и соглашался со всѣмъ, что только тотъ счелъ за благо разсказать. Онъ предалъ проклятію всѣ народныя движенія, повѣрилъ въ существованіе революціоннаго союза и переселился снова въ полныя опасеній воззрѣнія Вѣнскаго двора“ („Исторія Австріи и Вѣнскаго мира“, I, 373).

Ловко прикрытыя австрійскія опасенія сдѣлались нашими — въ виду иллирійскаго движенія среди южныхъ славянъ: мы еще болѣе утвердились въ убѣжденіи, что славяне—одна революція, и съ тѣмъ большимъ негодованіемъ, и вполнѣ, конечно, оправданнымъ, относились къ нимъ и къ Австріи.

Въ настоящую минуту жизни Россіи мы уже не будемъ дуться, оскорбляться тѣмъ обстоятельствомъ, что наиболѣе проницательные умы въ славянствѣ того времени глядѣли весьма косо на направленіе политики Россіи, предостерегали своихъ отъ нея, съ твердымъ „убѣжденіемъ, что и исторія ее строго осудитъ“. Здѣсь мы не можемъ не привести одинъ эпизодъ изъ жизни нашего покойнаго знаменитаго слависта, В. И. Григоровича († 1876), къ сожалѣнію, такъ мало еще извѣстной и доселѣ. Этотъ эпизодъ имѣлъ мѣсто во время путешествія Григоровича по славянскимъ землямъ, которое какъ-разъ падаетъ на половину сороковыхъ годовъ и касается отношеній Григоровича къ Николаю Томашичу или Томассео (Tomasseo), геніальному итальянскому и славянскому поэту, родомъ сербу изъ Далмаціи. При этомъ пользуемся рукописными матеріалами, которые когда-то, весной 1874 г., покойнымъ Григоровичемъ, въ минуты нечастой откровенности, были сообщены намъ и нами списаны.

Въ іюнѣ 1846 года, Григоровичъ долженъ былъ оставить Венецію. Здѣсь онъ окончилъ свои работы въ архивахъ, доступъ въ которые былъ ему любезно открытъ австрійскимъ губернаторомъ, гр. Эрдёди, тогда какъ мѣстный русскій консулъ поступилъ съ нимъ грубо. „Прежде всего, сообщалъ намъ устно Григоровичъ, я обратился съ просьбой объ архивахъ къ русскому консулу, величая его Monsieur le consul; но тотъ рѣзко отвѣчалъ мнѣ: „pardonnez, Monsieur, je ne suis Monsieur le consul, mais Votre Excellence“ и ничего не сдѣлалъ. Тогда я подалъ прошеніе Эрдёди“. Въ Венеціи жилъ тогда Томассео; Григоровичъ былъ съ нимъ знакомъ и, оставляя Венецію, чтобы посѣтить Далмацію, родину поэта, и особенно Дубровникъ (Ragusa), получилъ отъ него нѣсколько препоручительныхъ писемъ на имя извѣстныхъ тогда юго-славянскихъ патріотовъ, д-ра Ант. Казначича и др. Вмѣстѣ съ этими письмами Томассео далъ Григоровичу особенное напутственное письмо, въ которомъ онъ откровенно выска-

залъ свои взгляды на славянскую взаимность того времени и на политику Россіи. Это-то письмо знаменитаго славянина-итальянца заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться. Мы приведемъ его цѣликомъ. Замѣтимъ, что Томассео († 1874) былъ старше Григоровича на 13 лѣтъ.

„Путешествуя по Далмаціи и по другимъ славянскимъ землямъ—пишетъ Томассео Григоровичу,—вы не слишкомъ вѣрьте тѣмъ симпатіямъ, которыя производитъ кое-гдѣ имя русскаго. Правда, это чувство—вполнѣ законнаго братства; надѣюсь, время сдѣлаетъ его болѣе и болѣе живымъ; но это только несчастное положеніе, въ которомъ находятся нѣкоторыя народности или, лучше, нѣкоторыя личности, которое заставляетъ ихъ желать того, чего они никогда не достигли бы и что было бы для нихъ послѣднимъ изъ несчастій. Насколько я люблю русскій народъ, насколько желаю ему отъ всей души счастія и славы, настолько я считаю себя обязаннымъ отклонять всякое сочувствіе, даже молчаливое, ошибкамъ русской политики, которая дѣлаетъ такъ мало для настоящаго блага народовъ и которая будетъ судима весьма строго исторіей. Я буду просить васъ, цѣль котораго—чисто литературная и національная, выводить славянъ юга изъ ихъ заблужденія, если только когда-либо вы встрѣтите среди нихъ такихъ, которые питаютъ въ себѣ болѣзненныя и разрушительныя надежды“ [1]).

Въ своемъ славянскомъ пессимизмѣ знаменитый поэтъ былъ правъ, его нельзя осудить въ безусловномъ пристрастіи: и десяти лѣтъ не прошло, а жизнь осудила русскую политику. Зданіе, построенное на пескѣ, на довѣрчивости къ чужимъ и пренебрежительномъ вниманіи къ своимъ, рухнуло, и паденіе бысть велико...

Австрійское пониманіе славянскаго вопроса мы показали, когда пошли спасать Австрію отъ грозы мадьярской революціи, ту Австрію, которая еще такъ недавно казалась намъ столь прочной, непоколебимой.

По видимому, вмѣшиваясь въ революцію мадьяръ, мы шли за одно съ славянами Австріи: иллирійцы-хорваты, сербы, чехи-пансла-

---

[1]) Приводимъ и самый французскій подлинникъ письма Томашича съ копіи, сдѣланной нами, какъ было сказано выше. „Monsieur! Voici quelques lettres qui pourront ne pas vous être tout-à-fait inutiles. En parcourant la Dalmatie et les autres pays slaves ne vous fiez pas trop, M-eur, aux sympathies, qu'excite quelques part (!) le nom russe. C'est d'abord un sentiment fort legitime de fraternité, que le temps rendra, je l'espére, de plus en plus vif; puis c'est le malaise où quelques populations ou bien quelques hommes se trouvent, qui leur fait désirer ce qu'ils ne sauraient atteindu et ce qui serait pour eux le dernier des malheurs. Autant j'aime la nation russe et lui souhaite tout bonheur et toute gloire; autant je me crois en devoir de refuser tout consentiment, même tacite, aux errement (!) de la politique russe, qui fait si peu pour les véritables avantages des peuples et qui sera fort séverement jugée par l'histoire. Je vous prie, M-eur, vous, dont le but est purement littéraire et national, de desabuser les Slaves du midi, si jamais vous en rencontriez, qui nourissent des maladivites et ruineuses espérances“.

висты сражались за габсбурга противъ мадьяръ; сражались и мы противъ того же за туже австрійскую идею. Но когда не безъ усилія мы усмирили мадьярскую революцію, мы только усилили въ Австріи мадьярскую идею: мы побѣдители, но мы—ангелъ хранитель всякаго легитимизма на землѣ и потому великодушно сдали мадьяръ цѣликомъ и безусловно Вѣнѣ. Ну, а за то, чрезъ немного лѣтъ, на мѣстѣ старой, враждебной мадьяризму Австріи, Меттернихи создали мадьярскую имперію въ формѣ австро-венгерскаго дуализма, который вызванъ и мотивированъ однимъ чувствомъ—вражды къ славянству.

Итакъ, съ момента Священнаго Союза, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, мы были—отъ головы до пятъ—воплощенные политики европейскаго легитимизма, пожертвовавшіе своими славными историческими преданіями и особенно демонстративно выступавшіе съ этимъ знаменемъ „бѣлыхъ лилій“ на той почвѣ, гдѣ наши политическіе интересы требовали какъ разъ противнаго: стоять по возможности на почвѣ дѣйствія, и самостоятельнаго—въ Турціи и Австріи.

Было поздно, когда была распознана ошибка многихъ десятилѣтій: русскія войска поспѣшно отступали изъ-за Дуная и Прута, минами защищая себя отъ тыльнаго обхода австрійцевъ, когда императоръ Николай писалъ главнокомандующему, кн. Горчакову, о „вѣроломствѣ спасенной нами Австріи“, питая уже весьма сомнительную надежду на добрый исходъ: „тебѣ, можетъ быть, суждено Провидѣніемъ положить начало торжеству Россіи“. (Богдановичъ, „Восточная война“ II, 107).

Увы! Насталъ судъ. Подводились итоги...

А. Кочубинскій.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

ОЧЕРКИ РУССКАГО ПРИДВОРНАГО БЫТА ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

I.

Разработка нашей бытовой исторіи. — Относящіяся къ ней архивныя дѣла.— Распоряженіе императрицы Елизаветы Петровны. — Бумаги и дѣла „съ извѣстнымъ титуломъ". — Указъ Екатерины II о неистребленіи ихъ. — Повелѣніе императора Александра II-го о храненіи ихъ въ цѣлости и изданіи ихъ. — Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачева.—Изданіе, предпринятое этою коммиссіею. — Его значеніе для исторіи. — Способы литературно-исторической разработки матеріаловъ, находящихся въ этомъ изданіи.— Придворный бытъ.—Приживалки, итальянская компанія, живописныхъ историческихъ дѣлъ мастеръ. — Дворцовыя строенія.—Богослуженіе и духовенство при дворѣ. — Продовольствіе о. протопопа. — Монахини при дворѣ. — Пришельцы изъ раскольничьихъ скитовъ. — Мундиры псаломщиковъ. — Придворные пѣвчіе. — Малороссы и великороссы. — Будущій графъ Разумовскій. — Облаченіе и иконопись. — Священнодѣйствія и обряды при дворѣ. — Духовникъ государыни Варлаамъ. — Набожность Анны Леопольдовны. — Ея супругъ. — Опроверженіе мнѣнія объ угнетеніи православной церкви.

Бумаги, хранящіяся въ разныхъ нашихъ архивахъ, имѣютъ важность не только при разъясненіи какихъ нибудь замѣчательныхъ историческихъ событій, но и для ознакомленія съ бытомъ прежняго времени, который во многихъ случаяхъ представляется не менѣе любопытнымъ, какъ и политическія событія. Изученіе бытовой нашей старины началось у насъ очень недавно, отчасти вслѣдствіе недостатка подходящихъ къ тому матеріаловъ, а отчасти потому, что на этотъ предметъ не считали нужнымъ обращать особаго вниманія, считая его слишкомъ мелочнымъ, а потому и не заслуживающимъ научной обработки. Въ настоящее время историческая наука получаетъ у насъ, сравнительно съ прежнимъ, болѣе широкое и разностороннее развитіе. Такому ея направленію должно въ особенности содѣйствовать изданіе въ свѣтъ архивныхъ докумен-

товъ. Какъ на изданіе подобнаго рода, можно указать на вышедшій недавно сборникъ, подъ заглавіемъ: „Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 апрѣля 1740 года по 25 ноября 1741 года, по документамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи". Пока вышла только первая книга этого изданія; содержаніе ея составляютъ: „Верховная власть и императорскій домъ".

Съ перваго взгляда можетъ показаться крайне недостаточнымъ тотъ чрезвычайно краткій промежутокъ времени, заключающій въ себѣ только годъ, мѣсяцъ и восемь дней, къ которому относятся упомянутыя выше свѣдѣнія о „внутреннемъ бытѣ русскаго государства". Но такая обусловленность временемъ не лишаетъ разсматриваемаго нами изданія ни его занимательности, ни его историческо-научнаго значенія, потому что бытовая обстановка въ своихъ главныхъ чертахъ не измѣняется такъ быстро, чтобъ относящіяся къ ней за одинъ годъ свѣдѣнія не могли имѣть примѣненія къ болѣе или менѣе продолжительному ряду, какъ предшествовавшихъ, такъ и послѣдующихъ годовъ. Кромѣ того, изданіе бытовыхъ документовъ за означенное выше, весьма краткое время было поставлено въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ.

Цесаревна Елизавета Петровна, лишивъ престола императора Іоанна Антоновича, признала неизлишнимъ изгладить всѣ слѣды его кратковременнаго царствованія. Съ этою цѣлью, она повелѣла: печати, государственныя и казенныя, передѣлать, монету, съ его изображеніемъ, перелить, а изъ бумагъ, относившихся ко времени его правленія, собрать во всѣхъ концахъ Россіи и выслать въ правительствующій сенатъ (частью въ Петербургъ, частью въ Москву) не только манифесты съ именемъ Іоанна III, но также и разнообразные оффиціальные акты и производства, въ которыхъ упоминается его титулъ и имя, какъ императора. Изъ числа собранныхъ бумагъ манифесты, присяжные листы, церковныя книги, формы поминовеній при богослуженіи, проповѣди и паспорты предписано было сжечь, а прочіе— указы, регламенты, граматы и другіе документы хранить въ сенатѣ и тайной канцеляріи за печатью, при выпискѣ же изъ нихъ справокъ, не упоминать высочайшаго титула и имени, вслѣдствіе чего подлинные документы, въ коихъ они значились, получили названіе бумагъ и дѣлъ „съ извѣстнымъ титуломъ". Тѣмъ не менѣе, впослѣдствіе нѣкоторые изъ упомянутыхъ указовъ, какъ именныхъ, такъ и сенатскихъ были подтверждены Петромъ III и Екатериною II, при чемъ въ сенатскомъ указѣ, отъ 12 марта 1762 года, упоминается о снятіи копій съ означенныхъ документовъ. Но исполненіе этого указа замедлилось въ виду предстоящихъ расходовъ, а за тѣмъ императрица Екатерина II, 19 августа 1762 года, утвердила докладъ сената „о неистребленіи дѣлъ съ извѣстнымъ титуломъ и о храненіи ихъ особо". Распоряженіе это послѣдовало въ томъ вниманіи, что упомянутыя дѣла получили юридическую силу, слѣдовательно отмѣна всего, введен-

наго ими въ дѣйствіе, была бы для многихъ крайне разорительна и несправедлива.

Существованіе этихъ дѣлъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи обнаружилось еще въ 1852 году, и впослѣдствіи, по докладу о нихъ покойному государю бывшимъ министромъ юстиціи, Д. Н. Замятнинымъ, состоялось высочайшее повелѣніе не только озаботиться о сохраненіи ихъ въ цѣлости, съ приведеніемъ въ порядокъ, но и издать ихъ въ свѣтъ съ научною цѣлью, въ надлежащей системѣ. Такое высочайшее повелѣніе начала приводить въ исполненіе въ московскомъ архивѣ особая коммисія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ управляющаго архивомъ, сенатора П. В. Калачева, которая, сверхъ уже отобранныхъ въ немъ секретныхъ дѣлъ, относящихся къ годамъ 1740—1741, производила въ архивѣ самыя тщательныя розысканія. Труды ея не остались безъ успѣха, такъ какъ въ архивѣ, въ разныхъ мѣстахъ оказалось не малое количество упомянутыхъ дѣлъ, изъ которыхъ иныя отыскивались въ чуланахъ, гдѣ были сложены дѣла, наиболѣе подвергшіяся порчѣ. Но когда, такимъ образомъ, всѣ соединенные документы означеннаго времени приведены были въ извѣстность и частію были разобраны, по различію содержанія, на отдѣльныя группы,—въ с.-петербургскомъ сенатскомъ архивѣ найдена была въ одной темной комнатѣ большая груда сваленныхъ въ безпорядкѣ дѣлъ и бумагъ, отчасти совершенно уже истлѣвшихъ, которыя оказались также относящимися къ царствованію императора Іоанна III. Онѣ привезены были въ Москву, разобраны и присоединены къ тѣмъ же отдѣламъ, на которые распредѣлены были прежде московскіе документы этого разряда.

Упомянутая выше коммиссія составила ихъ описаніе и распредѣлила ихъ въ систематическомъ порядкѣ, составивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подробную программу для ихъ изданія. По этой программѣ установлены слѣдующіе шесть отдѣловъ:

1) Верховная власть и императорскій домъ. Подъ этимъ заглавіемъ собраны всѣ свѣдѣнія, найденныя въ разсмотрѣнныхъ документахъ, не только о членахъ бывшей въ 1740—1741 годахъ императорской фамиліи, а также о наиболѣе приближенныхъ ко двору, по своему значенію и власти, лицахъ, но и обо всей ихъ обстановкѣ и самой жизни ихъ, офиціальной и домашней, какъ-то: о богослуженіи и духовенствѣ при дворѣ, о дворцахъ, садахъ, музыкѣ, театрѣ и другихъ увеселеніяхъ и празднествахъ; объ охотѣ, столѣ, выѣздахъ и пр., кончая церемоніею погребенія императрицы Анны Ивановны.

II. Государственныя и мѣстныя учрежденія. По заявленію коммиссіи, занимавшейся изданіемъ документовъ, въ нихъ имѣлись свѣдѣнія не только обо всѣхъ установленіяхъ и лицахъ, завѣдовавшихъ дѣлами имперіи въ 1740—1741 годахъ, но и характеристическія данныя о самомъ управленіи, о свойствахъ, пріемахъ и взглядахъ разныхъ органовъ власти, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и т. д.

III. Служба военная и гражданская.

IV. Государственные доходы и расходы, разныя отрасли государственнаго хозяйства и промышлености и пр.

V. Народное образованіе, торговля и другіе народные промыслы, пути сообщенія и пр.

VI. Право гражданское и уголовное.

Сообщая такую, весьма удачно-составленную программу, которая, быть можетъ, дополнится еще и свѣдѣніями объ общественномъ и домашнемъ бытѣ частныхъ лицъ разныхъ сословій, коммиссія, вполнѣ основательно, замѣчаетъ, что издаваемыя ею книги представятъ весьма значительный и самый разнообразный матеріалъ для нашихъ историковъ, юристовъ, повѣтствователей и археологовъ.

Нынѣ изданная первая книга составляетъ весьма объемистый томъ; къ нему приложены портреты, рисунки, чертежи и алфавитный указатель. Въ типографскомъ и — что̀ весьма важно для изданій подобнаго рода—въ корректурномъ отношеніи изданіе было ведено безукоризненно.

Отдавая полную справедливость главному руководителю этого труда, а также и его сотрудникамъ, должно, однако, сказать, что изданная ими книга прочитывается не слишкомъ легко. Почти на каждой страницѣ встрѣчаются только имена лицъ, большею частію, совершенно безвѣстныхъ, какъ напримѣръ, придворныхъ служителей, пѣвчихъ, музыкантовъ, портныхъ, а также указаніе на мелочное расходованіе не только денегъ, но и съѣстныхъ припасовъ. Факты встрѣчаются самые обиходные, не заслуживающіе, сами по себѣ, никакого вниманія, а предметы упоминаются самые ничтожные, относящіеся преимущественно къ домашнему хозяйству. Не смотря, однако, на все это, изданіе московскаго архива министерства юстиціи заслуживаетъ глубокой признательности со стороны всѣхъ тѣхъ, которые сочувствуютъ развитію историческихъ трудовъ въ Россіи. Въ этомъ отношеніи приведенный выше отзывъ коммиссіи справедливъ, какъ нельзя болѣе, и, можно сказать, что было бы непростительно, еслибы такое періодическое изданіе, какъ „Историческій Вѣстникъ“, не воспользовалось представляющимся ему превосходнымъ матеріаломъ, требующимъ только обдѣлки въ удобо-читаемую форму.

Въ исторической нашей литературѣ пользуются большою извѣстностію труды г. Забѣлина, и между ними изслѣдованія его о домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ. Изслѣдованія эти основаны на источникахъ, которые сами по себѣ представляютъ, быть можетъ, съ одной стороны менѣе занимательности, а съ другой — даже и большее затрудненіе въ отношеніи пониманія, какъ духа времени, такъ и самаго ихъ изложенія, нежели матеріалы 1740—1741 годовъ. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованія г. Забѣлина читаются не только легко, но съ удовольствіемъ, какъ разсказъ, представляющій весьма подробно и наглядно домашній бытъ русскихъ государей. По всей вѣроятности, по

окончаніи изданія, предпринятаго нынѣ архивомъ, кто нибудь придастъ находящимся въ этомъ изданіи матеріаламъ научно-литературное изложеніе, съ своей же стороны мы, на первый, разъ сдѣлаемъ только попытку подобнаго рода, соотвѣтственно размѣрамъ „Историческаго Вѣстника".

---

17 октября 1741 года, занялъ русскій престолъ императоръ-младенецъ Іоаннъ III Антоновичъ, собственно нѣмецкій принцъ, по отцу изъ брауншвейгскаго дома, а по матери изъ мекленбургскаго. Связывала же его съ пресѣкшеюся въ мужскомъ поколѣніи династіею Романовыхъ его бабка по матери, герцогиня мекленбургская Екатерина Ивановна, вторая дочь царя Ивана Алексѣевича, которому онъ черезъ нее приходился роднымъ правнукомъ. Извѣстно, что за малолѣтствомъ императора правленіе государствомъ перешло къ регенту Бирону, герцогу курляндскому, извѣстны также и тѣ лица, которыя были ближайшими людьми къ Бирону, но не было извѣстно, кто былъ ближе всего поставленъ къ государю-малюткѣ, и появившіеся нынѣ въ печати матеріалы даютъ относительно этого самыя удовлетворительныя указанія, приводя подробный именной списокъ лицъ, составлявшихъ дворъ императора, начиная съ гофмаршала графа Левенвольда и кончая поварами, хлѣбниками, скатертниками, съ означеніемъ при каждомъ изъ этихъ лицъ количества получаемаго имъ жалованья и содержанія. Разумѣется, что едва ли найдется охотникъ, а тѣмъ еще менѣе охотница читать такія, напримѣръ, свѣдѣнія: „для смотрѣнія надъ вареніемъ или разрѣженіемъ полпивъ—пивоваръ (50 р.); для сидѣнія водокъ—водочный мастеръ — иноземецъ (150 р.); водочныхъ мастеровъ — русскихъ 3 (по 30 р. каждому); учениковъ 3 (по 20 р. каждому); бочаровъ 3 (по 20 р. каждому); корфяной мастеръ (30 р.) и при немъ ученикъ (20 р.) и т. д.

Несомнѣнно, что перечень подобныхъ свѣдѣній нагонитъ скуку на всякаго, даже на самаго завзятаго любителя исторіи, но если сдѣлать изъ нихъ общій выводъ, сопоставить личный составъ двора императора и требовавшіяся на этотъ дворъ издержки съ дѣйствительными потребностями императора-младенца, а также съ другими государственными расходами, то эти мелочныя замѣтки примутъ совершенно иной оттѣнокъ и дадутъ довольно отчетливое понятіе о нашей государственной экономіи того времени, а также о той обстановкѣ, которая окружала представителя верховной власти въ Россіи.

Такія же свѣдѣнія встрѣчаются и о дворахъ правительницы Анны Леопольдовны, но при этомъ находится бытовая особенность того времени, заключающаяся въ томъ, что, кромѣ придворныхъ чиновъ и служителей, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ состояли разныя „персоны" въ качествѣ приживалокъ, которыя, по наслѣдству отъ нея, перешли къ ея племянницѣ, продолжавшей выдавать имъ прежнее жалованье. Въ числѣ такихъ персонъ шло жалованье: „матери безножкѣ",

„дѣвушкѣ-дворянкѣ", „бабѣ материной", а также карламъ и карлицамъ.

Отъ штатовъ и выдачъ архивное изданіе переходитъ къ дворцамъ, домамъ и дворамъ придворнаго вѣдомства, и здѣсь оказывается такое обиліе бытовыхъ свѣдѣній, которымъ весьма удобно можетъ воспользоваться и историкъ, и романистъ, и повѣствователь для живописной отдѣлки своихъ произведеній. Дворцовые аппартаменты описываются въ матеріалахъ съ большими попробностями, изъ нихъ можно узнать, между прочимъ, и о томъ, кѣмъ были заняты тѣ и другія комнаты, а въ числѣ дворцовыхъ жильцовъ встрѣчаются „итальянская компанія" (комедіанты и музыканты), а также „живописныхъ историческихъ дѣлъ мастеръ". Свѣдѣнія эти дополняются смѣтами на перестройки, починки и отдѣлку дворцовыхъ зданій; условія, заключаемыя по этимъ статьямъ съ разными подрядчиками и мастеровыми: плотниками, печниками, кровельщиками, слесарями и т. д.; короче, здѣсь можно погрузиться въ такія мелочи, которыя, навѣрно, окажутся излишними даже для самыхъ усердныхъ спеціалистовъ по строительной части, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь порою могутъ промелькнуть данныя, болѣе или менѣе пригодныя для ознакомленія съ бытовою обстановкою того времени, хотя бы, напримѣръ, свѣдѣнія о стоимости различныхъ строительныхъ матеріаловъ.

Ознакомившись съ жилищами, принадлежащими членамъ императорской фамиліи почти за полтораста лѣтъ тому назадъ, мы, изъ изданныхъ нынѣ матеріаловъ, можемъ почерпнуть свѣдѣнія „о богослуженіи и духовенствѣ при дворѣ". По штату, утвержденному правительницею, при дворѣ императора должны были состоять: 1 священникъ, 1 монахъ, 24 пѣвчихъ и 2 псаломщика, которымъ шло денежное и хлѣбное жалованье. Кромѣ такого жалованья, придворному духовенству отпускалось еще отъ двора: вино, красное и бѣлое, пиво, квасъ, кислыя щи, а одному протопопу, въ добавокъ къ этому, выдавалось еще „ежедневно 8 бутылокъ порозжихъ". Въ такихъ продовольственныхъ выдачахъ показаны также яица, говядина, баранина, ветчина, коровье масло, соленая рыба, окуни и плотицы „трехвершковые", щуки „десятивершковыя", сиги „шестивершковые", рѣпчатый лукъ, уксусъ и разные препараты, такъ что вообще, какъ видно, отецъ-протопопъ могъ продовольствоваться весьма сытно и вкусно, да и по питейной части обиженъ не былъ.

Городское петербургское духовенство ходило во дворецъ со святынею и поздравлять съ праздникомъ въ тѣ дни, когда праздновались престольные праздники въ приходскихъ церквахъ, за что выдавалась имъ извѣстная дача изъ камеръ-цальмейстерской конторы, по составленной для того росписи. Кромѣ того, при дворѣ, въ разное время, находились пріѣзжія духовныя лица, которыя лишь временно исполняли разныя церковныя службы и получали за это отъ двора содержаніе и разныя награды, а также съѣстные припасы и мате-

ріалы для одежды. Жили при дворѣ и монахини, которымъ выдавалось, между прочимъ, простое вино, „поддѣльная" водка и французское вино, а также и женщины, готовящіяся къ поступленію въ монашество; являлись также ко двору съ поднесеніемъ подарковъ лица изъ раскольничьихъ скитовъ, за что они получали высочайшія награжденія. Во дни имянинъ каждаго духовнаго лица, состоящаго при дворѣ, производилась ему денежная выдача, въ видѣ царскаго подарка. У придворныхъ псаломщиковъ были „праздничные мундиры": кафтанъ и штаны изъ зеленаго сукна, полукафтанье изъ краснаго, воротникъ и обшлага изъ малиноваго бархата, на кафтанѣ около ворота, на полахъ и по подолу былъ нашитъ золотой шнуръ, а полукафтанье было обшито краснымъ шнуркомъ, на бокахъ былъ гладкій узкій золотой позументъ, кругомъ ворота золотой шнуръ съ двумя кистями, кушакъ изъ пунцовой тафты. Повседневный ихъ мундиръ состоялъ изъ зеленаго суконнаго кафтана и китайчатаго полукафтанья лазореваго цвѣта.

Въ средѣ всего придворнаго духовенства „придворные пѣвчіе" составили какъ бы отдѣльный міръ. Они состояли въ вѣдомствѣ конторы гофъ-интендантскихъ дѣлъ и раздѣлялись на двѣ пѣвческія труппы, подъ слѣдующими названіями: 1) „придворная пѣвческая музыка" и 2) „придворный пѣвческій хоръ". Надъ придворными пѣвчими былъ особый начальникъ—монашествующее лицо, и онъ получалъ окладъ жалованья, высшій противъ окладовъ всѣхъ лицъ, находившихся въ числѣ придворнаго духовенства, и вдвое болѣе хлѣбнаго жалованья; ему же гораздо изобильнѣе, чѣмъ прочимъ духовнымъ лицамъ, производилась выдача разныхъ напитковъ. Онъ получалъ также отъ двора рясы, штофныя и гродетуровыя. Для подготовки придворныхъ пѣвчихъ, въ Малороссіи, въ городѣ Глуховѣ, существовала особая пѣвческая школа. Отрѣшеніе и увольненіе придворныхъ пѣвчихъ отъ должностей совершались не иначе, какъ по именнымъ высочайшимъ указамъ. Иногда помѣщики дарили своихъ голосистыхъ крѣпостныхъ людей въ придворный хоръ. При дворѣ великорусскіе пѣвчіе отдѣлялись отъ малороссійскихъ; въ числѣ послѣднихъ въ 1740—1741 гг. находился будущій генералъ-фельдмаршалъ и графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Облаченіе придворнаго духовенства было роскошное, а для приготовленія для придворныхъ церквей иконъ состояли при дворѣ два живописца, Каравакъ и Гротъ.

Къ нѣкоторымъ церковнымъ праздникамъ, въ которые, по чиноположенію православной церкви, совершаются особые обряды и священнодѣйствія, дѣлались чрезвычайныя приготовленія и распоряженія, для удобнѣйшаго и болѣе торжественнаго совершенія такихъ обрядовъ и священнодѣйствій. Такъ, въ крещеніе устраивалась на Невѣ Іордань. Въ вербную недѣлю употреблялись при дворѣ пальмовыя, померанцевыя и лавровыя вѣтви. Ими обвивались обыкновенно вербы, которыя обвязывались широкими зелеными лентами. Въ Свѣтлое Воскре-

сенье при дворѣ расходовались кромѣ 3,000 обыкновенныхъ, крашенныхъ сандаломъ яицъ, яйца: „лаковыя", „со стеклами", а также золотыя и серебрянныя; къ Троицыну дню „садовыхъ дѣлъ мастеромъ" доставлялись цвѣты и рѣдкая зелень. Въ 1740—1741 г. при дворѣ особенно чтили память бывшаго духовника императрицы Анны Ивановны, архимандрита Варлаама; по немъ творили торжественныя поминки, сопровождавшіяся угощеніемъ.

По случаю семейныхъ торжествъ, въ императорскомъ домѣ устроивались всѣ необходимыя принадлежности, для совершенія таковыхъ торжествъ съ подобающимъ великолѣпіемъ. Такъ, по случаю крестинъ старшей дочери правительницы, великой княжны Екатерины Антоновны, велѣно было золотыхъ дѣлъ мастеру Дону приготовить серебряную купель.

Богослужебное настроеніе проникало въ домашнюю жизнь и обстановку правительницы Анны Леопольдовны. Въ архивныхъ документахъ встрѣчаются указанія и на исполненіе ею религіозныхъ обрядностей православной церкви. Находившіяся въ ея комнатахъ иконы были окружены особыми украшеніями. Особенно чествовала она образъ св. мучениковъ Фотія и Аникиты, празднуемыхъ въ день рожденія императора Іоанна Антоновича. Икона эта была въ богатомъ окладѣ, украшенномъ двумя брильянтовыми крестами. Бывшую въ комнатахъ правительницы икону Владимірской Божіей Матери Анна Леопольдовна украсила 266 брильянтами. Къ образу Грузинской Божіей Матери былъ сдѣланъ серебряный вызолоченый кіотъ. Вообще, судя по указаніямъ документовъ, можно заключить, что украшеніе иконъ было однимъ изъ самыхъ любимыхъ занятій Анны; на этотъ предметъ она не мало употребляла и серебра, и золота, и драгоцѣнныхъ камней. Передъ иконами, находившимися въ ея покояхъ, а также въ покояхъ ея сына, теплились серебряныя лампадки, и деревянное масло, отпускаемое для нихъ, встрѣчается безпрестанно въ расходныхъ книгахъ дворцоваго вѣдомства.

Собственно при комнатахъ ея состоялъ особый священникъ, для такихъ богослуженій, совершеніе которыхъ, по уставамъ церкви, допускается и въ жиломъ помѣщеніи.

Изъ расходныхъ книгъ по части съѣстныхъ припасовъ видно, что правительница соблюдала строго всѣ посты, установленные православною церковью, хотя первоначально она была крещена въ лютеранскую вѣру.

Послѣ паденія правительницы, религіозныя чувства поддерживали ее въ мучительномъ изгнаніи, и она ни о чемъ такъ не заботилась, какъ о томъ, чтобы ея сынъ и ея дочери воспитывались среди обрядностей восточной церкви.

Что касается супруга правительницы, принца Антона Ульриха брауншвейгъ-люненбургскаго, то, хотя придворное духовенство и являлось къ нему съ поздравленіемъ въ день его тезоименитсва, 17 января,

и получало за это особое денежное вознагражденіе, тѣмъ не менѣе онъ, живя порознь съ своею супругою, въ отдѣльныхъ покояхъ дворца, присутствовалъ при богослуженіяхъ въ лютеранскихъ киркахъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ, и, для устройства въ нихъ почетнаго для него мѣста, были отпущены изъ камеръ-цальмейстерской конторы зеленое сукно и мѣдные гвозди.

По поводу свѣдѣній, найденныхъ въ разсматриваемыхъ нами архивныхъ документахъ, коммиссія, издавшая ихъ, говоритъ слѣдующее: „обращаясь къ общему характеру представленныхъ нами свѣдѣній объ отношеніи двора къ православной церкви въ кратковременное царствованіе Іоанна Антоновича, при всей неполнотѣ и необстоятельности и не смотря на всю случайность этихъ разсѣянныхъ по разнымъ документамъ описываемаго царствованія свѣдѣній, нельзя не замѣтить, что они вообще не подтверждаютъ установившагося въ нашей исторической литературѣ мнѣнія объ этомъ времени, какъ о времени, вполнѣ враждебномъ православной церкви и ея служителямъ".

II.

Дворцы въ Петербургѣ и въ Москвѣ.—Ихъ убранство.—Интендантская контора, камеръ-цальмейстерская контора и канцелярія отъ строеній.—Французскіе столяры и „кроватный мастеръ". Состоявшіе при дворѣ „купчина" и гофъ-маклеръ.—Зимній дворецъ правительницы.—Ея опочивальня.—Ея кровать.—Вышивныя обои. — Ковровая фабрика Затрапезнова. — Уборная правительницы. — Ея библіотека. — Любовь ея къ чтенію. — Пріемные покои въ Зимнемъ дворцѣ.—Ихъ омеблировка.—Карточные столики.—Особая принадлежность.—Аппартаменты младенца-императора.—Его колыбели.—Министерская комната.—Галлерея для торжествъ, празднествъ и церемоній. — Шахматная комната.—„Галлерея отъ комедіи" и „галлерея отъ церкви".—Бильярдъ.—Покои принца Антона Ульриха.—Новый Лѣтній дворецъ.—Адмиралтейскій домъ.—Дома Рагузинскаго и Бирона.

Въ изслѣдованіи г. Забѣлина о временахъ царей московскихъ встрѣчается подробное описаніе тогдашнихъ царскихъ жилищъ, но о петербургскихъ дворцахъ, до половины прошлаго столѣтія, имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія, дополнительныя же къ тому извѣстія помѣщены въ документахъ, изданныхъ архивною коммиссіею. Въ Петербургѣ, въ 1740 — 1741 годахъ, были слѣдующіе дворцы: Новый Зимній дворецъ, Старый Лѣтній, Новый (строившійся) Лѣтній дворецъ, бывшій Адмиральскій домъ, домъ Рагузинскаго, домъ Ягужинскаго, дворы Волынскаго, домъ Бирона и бывшій Скляевскій домъ.

Внутреннимъ убранствомъ этихъ дворцовъ завѣдовала контора интендантскихъ дѣлъ, на обязанности которой лежали также постройки и починки дворцовъ, и камеръ-цальмейстерская контора. Сюда же слѣдуетъ отчасти отнести и канцелярію отъ строеній, которая исполняла только требованія двухъ упомянутыхъ учрежденій относительно

доставки мастеровъ, работы и матеріаловъ. Что касается въ особенности круга дѣйствій той и другой конторы, то интендантская занималась работами печными, столярными, малярными, рѣзными, золотарными и живописными, а камеръ-цальмейстерская вѣдала работы по обивкѣ дворцовыхъ стѣнъ и мебели, которую въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама же она и приготовляла, и вообще наблюдала за сохранностію убранства стѣнъ, мебели и всего находившагося въ комнатахъ. Каждое изъ этихъ учрежденій имѣло свой штатъ и своихъ мастеровыхъ. Въ числѣ мастеровъ, состоявшихъ при конторахъ, были французскіе столяры, а также особый „кроватный" мастеръ, тоже французъ.

Независимо отъ мастеровыхъ людей, опредѣленныхъ штатами и присылаемыхъ на дворцовыя работы изъ вѣдомства канцеляріи отъ строеній, въ случаѣ спѣшныхъ и большихъ работъ, нанимались вольные мастеровые, вызываемые частью изъ Москвы или бравшіеся изъ другихъ вѣдомствъ. Необходимые для убранства дворцовъ матеріалы пріобрѣтались или покупкою чрезъ состоявшаго при дворѣ особаго „купчину", или выписывались „изъ-за моря" при посредствѣ гофъ-фактора, или же заказывались на фабрикахъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Ярославлѣ.

Первымъ дворцомъ въ Петербургѣ считался новый Зимній дворецъ, но не тотъ, однако, который нынѣ носитъ это названіе, такъ какъ онъ въ ту пору не былъ еще начатъ постройкой. Въ этомъ дворцѣ находилась, между прочимъ, библіотека правительницы; опочивальня ея была отдѣлана богатою серебряною парчею, а обои и кровать были приготовлены по рисунку придворнаго мастера Людовика Каравака. Другая ея опочивальня въ томъ же Зимнемъ дворцѣ была обита желтыми штофными обоями съ серебрянымъ позументомъ, а кровать была работы „кроватнаго мастера" Антона Рожбарта. Кровать эта была „большая, богатая, съ балдахиномъ французскимъ маниромъ, желтаго штофу съ серебреннымъ позументомъ", покрывало на ней было изъ желтой тафты, матрасъ двухспальный атласный, краснаго цвѣта. Кресла въ опочивальнѣ были дубовыя, рѣзныя, обитыя „серебреннымъ глясе". Правительница не удовольствовалась бывшими въ этой опочивальнѣ штофными обоями и приказала сдѣлать „богатыя вышивныя", къ окнамъ—зеленые гроденаплевые занавѣсы, обложенныя въ два ряда серебрянымъ позументомъ. Шитьемъ обоевъ и уборовъ для опочивальни занимались золотошвейныя мастерицы, вѣдомства цальмейстерской конторы, а также и вольныя; и тѣ и другія находились подъ надзоромъ живописца Каравака. Такъ какъ правительница желала, сколь можно скорѣе, окончить убранство своей опочивальни, то, въ помощь работавшимъ уже золотошвейкамъ, были потребованы Каравакомъ нѣсколько женъ гвардейскихъ солдатъ, а также дочь священника исаакіевской церкви. Полъ въ опочивальнѣ былъ обитъ овечьими сѣрыми полостями, которыя были покрыты ков-

рами фабрики Затрапезнова, но потомъ ковры были замѣнены обивкою изъ тонкаго зеленаго сукна.

Въ другой, прежде упомянутой опочивальнѣ, была устроена перегородка, обитая малиновымъ бархатомъ и съ занавѣсами изъ такой же матеріи. Перегородка эта была обложена въ два ряда позументомъ. Въ эту же опочивальню были приготовлены стулья, обитые тѣмъ же бархатомъ и тоже обложенные позументомъ.

Сохранились также свѣдѣнія и объ уборной правительницы въ новомъ Зимнемъ дворцѣ. Въ этой комнатѣ находилось самое большое зеркало въ мѣдной вызолоченной рамѣ. 5-го марта 1741 года правительница приказала сдѣлать въ свою уборную односпальную кровать на четырехъ столбахъ, съ занавѣсами изъ малиноваго штофа, обшитыми золотымъ позументомъ „такимъ манеромъ и мѣрою, какъ имѣлись въ Лѣтнемъ домѣ въ ея спальнѣ". Полъ въ уборной, по ея приказанію, вмѣсто зеленаго сукна, былъ обитъ коврами. Въ этой комнатѣ, между прочею мебелью, находились два орѣховые шкафа съ зеркалами. Другихъ какихъ либо подробностей относительно уборной въ Зимнемъ дворцѣ въ архивныхъ документахъ не встрѣчается.

Извѣстно, что Анна Леопольдовна была страстною любительницею чтенія. Въ библіотекѣ ея была поставлена кровать съ павильономъ изъ желтаго штофа, съ желтою тяжелою подкладкою. Въ библіотекѣ были поставлены два шкафа, работы французскаго мастера Мишеля. Шкафы эти были сдѣланы изъ голландскаго дуба, съ рѣзьбой, самой чистой работы; въ каждомъ шкафѣ было внизу по два ящика, „а сверхъ ихъ, для положенія книгъ, таблетъ, а при немъ внизу, по угламъ, караштейны". Правительница приказала сдѣлать въ библіотекѣ ширмы и обить ихъ съ одной стороны желтымъ штофомъ и по борту широкимъ серебрянымъ позументомъ, а съ другой—желтой камкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было, взамѣнъ краснаго сукна, застлать полъ коврами.

Постановка кроватей и въ уборной, и въ библіотекѣ свидѣтельствуетъ о той лѣностной неподвижности, какою отличалась 23-хъ-лѣтняя правительница, а устройство перегородокъ и павильона указываетъ на любовь ея къ уединенію: въ укромномъ уголкѣ, съ книгою въ рукахъ, лежа на постели, она готова была проводить цѣлые дни.

Пріемные покои Зимняго дворца были заново отдѣланы, при переходѣ туда на жительство Анны Леопольдовны. Шитьемъ обоевъ для ея аппартаментовъ занимались 35 солдатъ, подъ надзоромъ сержанта преображенскаго полка, и тамъ работали также 10 рѣщиковъ, присланныхъ изъ адмиралтействъ-коллегіи. Изъ 10 пріемныхъ покоевъ 3 были обиты малиновымъ штофомъ. Въ одной изъ залъ было повѣшено серебряное паникадило (люстра) о восьми шандалахъ. Другіе покои были обиты штофомъ голубаго или зеленаго цвѣта, съ золотыми и серебряными позументами.

Изъ числа мебели, бывшей въ комнатахъ правительницы, упоминаются камышевые стулья, ломберные столики пальмоваго дерева, обитые малиновымъ и зеленымъ бархатомъ, съ золотымъ позументомъ, „сафо“ (софы) и серебряные канделябры. Значительное число ломберныхъ столиковъ соотвѣтствовало той безпрестанной карточной игрѣ, которая, послѣ чтенія, была любимымъ развлеченіемъ правительницы.

Сохранилось извѣстіе даже и объ особой принадлежности въ секретномъ кабинетѣ Анны Леопольдовны. Эта принадлежность, съ мѣднымъ тазомъ, была обита краснымъ сукномъ и бѣлой шелковой тесьмой, а сидѣніе малиновымъ бархатомъ.

Изъ числа аппартаментовъ, занимаемыхъ малюткою-императоромъ, упоминаются комнаты: а) опочивальня, б) „генералъ суперъ-интендантши“, в) Анны Ѳедоровны Юшковой, состоявшей, какъ кажется, постоянно при ребенкѣ-государѣ, г) кормилицы, д) кабинетъ его императорскаго величества, е) министерская комната, ж) покой для совѣтниковъ, з) покой для секретарей, и) покои отъ адмиралтейства, к) галлерея, или семь покоевъ, л) большая зала, м) другая зала.

Въ опочивальнѣ императора сперва было убранство изъ голубаго, а потомъ изъ зеленаго штофа, и въ ней было навѣшано четыре „зеркальныхъ“ подсвѣчника на голубыхъ лентахъ, полъ былъ обитъ коврами. Одна колыбель была дубовая, оклеенная орѣховымъ деревомъ, другая обита серебряною парчею, съ бархатными цвѣтами; внутренность ихъ была обтянута тафтою, и изъ этой же матеріи были сдѣланы: тюфяки, подушки, пуховики и одѣяла. Третья колыбель была приготовлена изъ прутьевъ. Кресла и табуреты были дубовые, обитые зеленою тафтою. Собственно для императора были маленькія кресла, обитыя малиновымъ бархатомъ, высокія, на колесцахъ. Министерская комната была обита голубымъ штофомъ, покой для совѣтниковъ — пунцовымъ съ бѣлымъ, два покоя для секретарей, камергера и переводчика—обоями фабрики Затрапезнова.

Упомянутая выше галлерея назначалась, какъ видно изъ документовъ, для разныхъ придворныхъ торжествъ, празднествъ и церемоній. Въ такихъ случаяхъ полъ въ ней устилался простымъ сукномъ, съ золотымъ позументомъ, въ ней было возвышеніе, „тронъ“, на которомъ стояло кресло, обитое малиновымъ бархатомъ. Въ галлереѣ этой устраивались маскарады; оконныя въ ней стекла были зеркальныя и въ ней же были поставлены два огромныя зеркала, принадлежавшія прежде герцогу курляндскому, а также ломберные столы, оклеенные зеленымъ бархатомъ.

Примыкавшія къ галлереѣ семь комнатъ были обиты штофами, французскими и московскими, обивка мебели и занавѣсы были подъ цвѣтъ обоевъ, съ позументами. Карнизы, панели и наличники были позолочены. Изъ документовъ видно, что комнаты эти отличались особымъ убранствомъ, такъ какъ, при отдѣлкѣ ихъ, въ числѣ рабо-

чихъ были: столяры, рѣщики, литейщики, живописцы, а также производившіе мраморныя и золотарныя работы. Рѣщики были выписаны изъ Москвы самые искусные, „самые добрые" 20 человѣкъ. Изъ числа семи упоминаемыхъ комнатъ, одна, съ высеребряною отдѣлкою, называлась „шахматною". Къ этимъ комнатамъ примыкали: „галлерея отъ комедіи" и „галлерея отъ церкви". Отдѣлывали эти покои подъ главнымъ надзоромъ знаменитаго Растрелли, Каравака, живописца историческихъ дѣлъ Тарсія и скульптурнаго мастера Цвенгофа. Въ этихъ комнатахъ стояли 4 большія французскія зеркала въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ и бильярдъ, выписанный изъ Англіи.

Что касается покоевъ супруга правительницы, то сохранились свѣдѣнія, что они были обиты штофами и брокателью, что въ нихъ были занавѣсы изъ индійской тафты, англійскіе стулья и стѣнныя картины, висѣвшія на лентахъ.

Такъ какъ въ изданныхъ документахъ встрѣчаются свѣдѣнія объ убранствѣ Зимняго дворца только случайныя и отрывочныя, — въ видѣ счетовъ и распоряженій,—то они, конечно, не могутъ дать точнаго и полнаго понятія о жилищѣ русскихъ государей въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ ту пору при русскомъ дворѣ существовала вполнѣ европейская роскошь, о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуютъ и сказанія современниковъ-иностранцевъ, посѣщавшихъ Петербургъ, какъ, напримѣръ, письма леди Рондо.

Во время правленія Анны Леопольдовны, въ Петербургѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Михайловскій замокъ, производилась постройка новаго Лѣтняго дворца. Изъ найденныхъ въ архивѣ матеріаловъ видно, между прочимъ, что въ этомъ дворцѣ дѣлались штучные полы „узорчатые разныхъ видовъ", часть такихъ половъ, а также и зеркала для новаго дворца были привезены изъ Риги, гдѣ они находились въ домѣ, принадлежавшемъ Бирону.

При правительницѣ отдѣлывался также и такъ-называемый „адмиральскій" домъ. Въ этомъ домѣ работали преимущественно живописцы. Въ Рагузинскомъ домѣ были отдѣланы для правительницы два покоя, обитые голубымъ штофомъ, и былъ устроенъ кабинетъ его императорскаго величества. Бывшій домъ Бирона отдѣлывался для свадьбы любимой фрейлины правительницы, баронессы Юліаны Менгденъ, готовившейся выдти замужъ за польско-саксонскаго посланника, графа Линара. Спальня будущей графини отдѣлывалась по образцу спальни правительницы. Изъ упоминаемыхъ нами свѣдѣній видно еще, что для обивки стѣнъ въ дворцовыхъ комнатахъ, кромѣ шелковыхъ матерій, употреблялись еще обои камчатные, гарусные и печатные на холстѣ.

Вотъ все существенное, что̀ относительно петербургскихъ дворцовъ мы могли извлечь изъ архивнаго изданія, не обременяя нашихъ читателей пустыми и часто повторяющимися мелочами и, притомъ, не

представляющими въ бытовомъ отношеніи ничего, заслуживающаго вниманія. Теперь мы перейдемъ къ обстановкѣ другого рода — къ одеждѣ высочайшихъ особъ того времени.

III.

Нелюбовь правительницы къ нарядамъ. — Свѣдѣнія объ ея платьяхъ и цѣнныхъ вещахъ.—Лейбъ-шнейдеры.—Полушлафроки, юбочки, шлафоры и корсеты правительницы.—Кавалерское и турецкое платье. — Матеріи и мѣха, употреблявшіеся на платье.—Рыбья кость.—Алмазныя и золотыя вещи. — Платьица и шубки императора.—Золотая и серебряная посуда.—Сады, оранжереи, паровые ящики и „люстъ-гаузы". — Шатры, гроты, круги, фонтаны и статуи. — Порча послѣднихъ проходящими и проѣзжающими. — Фряжскіе погреба. — Поставки изъ садовъ ко двору припасовъ. — Петербургскіе дворцовые сады.—Заморскія и россійскія птицы. — Птицы „разнаго званія". — Минажеріи, бесѣдки, лавки, порталы, „фаболы изъ фигуръ", „езопскія фаболы", крытыя дороги и пр. — Выписка растеній изъ-за моря. — Цвѣты и плодовыя деревья. — „Золотыя хоромы".—Заячья садка.—Гоньба оленей. — Итальянскій садъ. — Дворцовые огороды.—Манежъ, кофейный домъ, фонтаны. — Сады петергофскіе и стрѣльнинскіе. — Трактирный домъ. — Фонтанъ Евы.—„Устерцовые звуки". — Сады въ Ревелѣ и Москвѣ.

Принцесса Анна Леопольдовна представляла рѣдкое исключеніе среди женщинъ въ томъ отношеніи, что она не только не слѣдовала модѣ, но и вообще не любила пышныхъ и стѣснительныхъ нарядовъ, предпочитая имъ простые домашніе уборы. О такой наклонности молодой женщины сохранились извѣстія въ „Запискахъ" Миниха, Манштейна и письмахъ леди Рондо. И какъ ни уклонялась она отъ роскоши въ одеждѣ, но ея высокое положеніе въ государствѣ, какъ правительницы имперіи, заставляло ее, противъ воли, одѣваться съ роскошью, подобающею ея сану. Въ разсматриваемой нами книгѣ находятся, между прочимъ, „свѣдѣнія о платьяхъ и цѣнныхъ вещахъ правительницы". Мы уже говорили о значеніи изданныхъ нынѣ архивныхъ свѣдѣній, которыя и въ данномъ случаѣ только отрывочныя, такъ какъ въ нихъ не встрѣчается полный инвентарь гардероба правительницы.

Шитье платьевъ и другихъ принадлежностей одежды для царскаго семейства и нѣкоторыхъ придворныхъ лицъ, равно какъ изготовленіе драгоцѣнныхъ уборовъ и вещей, вмѣстѣ съ отпускомъ необходимыхъ для того матеріаловъ, относилось къ вѣдѣнію цальмейстерской конторы, для чего въ штатѣ ея имѣлось нѣсколько человѣкъ портныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Матеріалы для платьевъ правительницы отпускались по требованію ея камердинера, подобно тому, „какъ при жизни императрицы Анны Ивановны таковый отпускъ по требованію лейбъ-шнейдеровъ производился". Уже одинъ такой порядокъ показываетъ, какъ мало заботилась о своихъ нарядахъ молодая правительница, не измѣнившая даже нисколько прежняго порядка по части

своего гардероба. Въ числѣ разныхъ принадлежностей одежды, заготовляемыхъ для правительницы, упоминаются: полушлафроки, „юбочки“, корсеты, шлафоры, кафтаны, „кавалерское платье св. апостола Андрея“, самара, „турецкое платье“ и шуба. Для шитья всего этого употреблялись: штофъ „по серебренной фризовой землѣ съ разными травами“ и „по темновишневой землѣ съ разными шелковыми травами“, т. е. узорами; крезетъ бѣлый гладкій, а также съ золотыми и серебряными и разныхъ цвѣтовъ шелковыми узорами, моаръ и тафта разныхъ цвѣтовъ, алый атласъ, бархатъ и гродетуръ. Изъ мѣховъ—горностай и лисица. Требовался также и „фишбенъ“, иначе тогда называемый—„рыбья кость“, т. е. китовый усъ для корсетовъ. Лисій мѣхъ, употребленный на шубу правительницы, стоилъ по оцѣнкѣ ратушскихъ цѣновщиковъ 1,000 рублей,—стоимость мѣха чрезвычайно значительная, по курсу того времени.

Что касается алмазныхъ вещей, то передѣлку ихъ правительница поручила золотыхъ дѣлъ мастеру Дункелю, которому, для отправленія его работъ, былъ отведенъ въ Зимнемъ дворцѣ, въ среднемъ аппартаментѣ, особый покой. Къ этому покою былъ поставленъ караулъ, состоявшій изъ капрала лейбъ-гвардіи семеновскаго полка и 3 солдатъ. Кромѣ вещей, поступившихъ въ передѣлку къ Дункелю, у правительницы находилось еще много драгоцѣнныхъ вещей въ сундукѣ, обитомъ простою кожею, на которомъ былъ футляръ изъ черной кожи. Въ архивныхъ документахъ сохранилась подробная опись этихъ вещей, но мы не будемъ приводить ее, а замѣтимъ только, что въ числѣ упомянутыхъ вещей были: серебряная вызолоченая шкатулка; золотые ковши, съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; золотые потиры, съ такими же украшеніями; золотые: братинки, блюдечки съ изумрудами, чашечка; кинжалы въ золотой оправѣ, съ золотыми рукоятками, украшенные алмазами; верхъ съ кальяна золотой съ финифтью; кортикъ съ золотою оправою, унизанною алмазами, и другія мелкія вещи.

У императора были платьица и кафтанчики изъ атласа, подложенные тафтою; для него же были сдѣланы „помочи“ кожаныя, обшитыя сверху малиновымъ бархатомъ, съ золотымъ позументомъ, а снизу тафтою; на однихъ изъ нихъ были серебряныя вызолоченыя пряжки. Шубки у него были подбиты лисицею, стоившею 400 рублей, и соболями.

При большомъ дворѣ, какъ видно изъ другихъ источниковъ, употреблялась въ торжественные дни золотая посуда въ значительномъ количествѣ, а изъ архивныхъ документовъ оказывается, что такую же посуду мастеръ Донъ приготовилъ и для только-что родившейся великой княжны Екатерины Антоновны. Собственно въ комнатномъ употребленіи малютки-императора было серебряной посуды 2 пуда 1 фун. и 90 зол.; она состояла: изъ кострюльки, рукомойника, солонки и т. д. Въ числѣ игрушекъ и предметовъ забавъ государя были: „четыре

печатныя книжки съ разными цвѣтными рисунками" и бархатные мячики.

При всѣхъ дворцахъ, существовавшихъ какъ въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ его, такъ и въ Москвѣ и около нея, находились сады, считавшіеся въ ту пору необходимою принадлежностію не только дворцовъ, но и господскихъ домовъ. Дворцовые сады, служа увеселительными мѣстами и для прогулокъ императорской фамиліи, имѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ, не маловажное значеніе и въ хозяйственномъ отношеніи, доставляя свои произведенія для царскаго „обихода". Такъ какъ дворцовыхъ садовъ вообще было не мало, то всѣ они, для содержанія ихъ въ надлежащей исправности и чистотѣ, а также для ухода за ними, требовали много различныхъ заботъ и попеченій и нуждались для этого въ особомъ надзорѣ со стороны придворнаго вѣдомства. Изъ напечатанныхъ архивныхъ документовъ, которыми мы пользуемся для настоящей нашей статьи, видно, что различные дворцовые сады не стояли въ томъ или другомъ придворномъ учрежденіи въ одинаковой степени завѣдованія. Тѣ изъ нихъ, которые находились въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, были подъ наблюденіемъ канцеляріи отъ строеній, а дворцовые сады, находившіеся въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, состояли въ вѣдомствѣ гофъ-интендантской конторы. „Садовые мастера" обязаны были круглый годъ доставлять различныя произведенія для двора, по назначенію кухенщрейбера, когда и сколько чего потребуется.

Во время правленія Анны Леопольдовны упомянутымъ мастерамъ неоднократно, и письменно и словесно, подтверждаемо было канцеляріею отъ строеній, „чтобы смотрѣнія ихъ въ оранжереяхъ и паровыхъ ящикахъ (парникахъ) завсегда умножаемо было всякихъ раннихъ фруктовъ, травъ и кореньевъ, а нынѣ въ канцеляріи извѣстно, что отъ оныхъ мастеровъ, въ домъ его императорскаго величества въ отпускахъ бываетъ недовольно, и то ни отъ чего иного чинится, токмо отъ ихъ мастерскаго нерадѣнія. Того ради приказано: ко всѣмъ садовымъ мастерамъ послать еще въ подтвержденіе ордеръ, чтобъ въ размноженіи всякихъ фруктовъ, травъ и кореньевъ, такожъ редису и крапивы имѣли они прилежное стараніе и въ домъ его императорскаго величества чинили отпускъ со всякимъ удовольствіемъ, ежели жъ отъ ихъ мастерскаго нерадѣнія въ отпуску будетъ недовольное число, за то неотмѣнно будутъ штрафованы". Сдѣлано было также распоряженіе канцеляріи отъ строеній, чтобы садовые мастерà сады и въ нихъ шпалеры, аллеи, оранжереи, паровые и фруктовые ящики содержали въ порядкѣ. На дворцовые сады тратились большія суммы. Сама правительница, посѣщая ихъ нерѣдко, дѣлала относительно ихъ свои замѣчанія и распоряженія. При дворцовыхъ садахъ состояли особые чиновники, имѣвшіе званіе инспекторовъ и смотрителей. Для дворцовыхъ садовъ выписывались изъ-за границы въ большомъ количествѣ сѣмена, деревья и кустарники.

Въ садахъ, кромѣ оранжерей и парниковъ, устраивались фонтаны, бассейны, шатры и круги для стрѣльбы, павильоны и „люстъ-гаузы". Въ первомъ и во второмъ садахъ, примыкавшихъ къ Лѣтнему дворцу, во время Анны Леопольдовны были разставлены разныя вызолоченыя фигуры. Гроты и фонтаны отдѣлывались раковинами и убирались привозимымъ изъ Архангельска „ноздреватымъ угольемъ" и „пѣнкою". Для лѣнивой на ходьбу правительницы при садѣ ея имѣлась „лѣтняя колясочка". Къ петербургскимъ дворцовымъ садамъ, для производства въ нихъ разныхъ работъ, было приписано 2500 крестьянскихъ душъ.

Отчетность по устройству и содержанію всѣхъ дворцовыхъ садовъ въ Петербургѣ лежала на канцеляріи отъ строеній, и общая сумма, отпускавшаяся на послѣднюю статью, простиралась въ 1740 году до 133,333 руб. 33¼ копѣйки. Изъ дворцовыхъ садовъ первый и второй были доступны для всѣхъ гуляющихъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой, въ продолженіе которой здѣсь была даже проѣзжая дорога. Но публика нерѣдко употребляла во зло предоставленную ей свободу и дѣлала въ садахъ разныя поврежденія, на что въ особенности жаловался скульптурный мастеръ. Въ январѣ 1741 года, онъ доносилъ въ канцелярію отъ строеній, что „въ тѣхъ садахъ въ лѣтнее время ходятъ множество всякаго чина люди и ломаютъ своевольно упомянутыхъ статуй персты и прочія мелкія вещи, а въ зимнее время не только всякаго подлаго народа ходятъ множество денно и нощно, но и ѣздятъ на лошадяхъ въ саняхъ, и тѣмъ ломаютъ и повреждаютъ у оныхъ статуй мелкія вещи, также похищали съ статуй чахлы и мѣшки".

Въ изданныхъ архивныхъ свѣдѣніяхъ упоминается о шести дворцовыхъ садахъ, бывшихъ въ Петербургѣ. Названія ихъ были слѣдующія: 1) Первый садъ, 2) Второй садъ, 3) Третій садъ, 4) Итальянскій садъ, 5) Новый садъ и 6) Лѣтній садъ. Не только по этимъ архивнымъ свѣдѣніямъ, но и по описаніямъ Петербурга и стариннымъ его планамъ, нельзя точно опредѣлить мѣстоположеніе трехъ первыхъ садовъ. Можно только заключить, что они были не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго. Извѣстно впрочемъ, что третій садъ шелъ вдоль берега Фонтанки, въ той мѣстности, гдѣ находится нынѣ Михайловскій замокъ и что между садами Вторымъ и Третьимъ находились „фряжскіе погреба" и деревянное строеніе, въ которомъ хранились овощные припасы. Садами же завѣдовали преимущественно нѣмецкіе мастера̀ и ихъ ученики изъ русскихъ. Мастера̀, при заключеніи съ ними дворцовымъ вѣдомствомъ контрактовъ, предъявляли большія требованія, а самому садоводству способствовали мало. Имъ поставлялось въ обязанность, кромѣ содержанія садовъ въ порядкѣ и чистотѣ, смотрѣть, чтобы „заморскія деревья были съ довольнымъ плодомъ", а также поваренныя травы и коренья, „а паче траву „пимпиріель" для отпуску про обиходъ размножать".

Первый изъ упоминаемыхъ выше садовъ имѣлъ особенное назначеніе: въ немъ содержались разнаго рода птицы, для чего въ этомъ саду находилась большая клѣтка, заключавшая въ себѣ „разныхъ родовъ заморскихъ и россійскихъ птицъ". Изъ этой клѣтки брались птицы: „для взношенія" въ комнаты императора и другихъ членовъ высочайшей фамиліи, для выпуску въ дворцовые огороды и сады и для посадки въ другія клѣтки. Взятыя птицы замѣнялись новыми, пріобрѣтенными черезъ покупку посредствомъ публичныхъ торговъ, или же канцелярія отъ строеній посылала прямо отъ себя для ловли птицъ нѣсколько охотниковъ съ особыми разрѣшительными на то билетами. Иногда ко двору сразу требовалось: 100 соловьевъ, по 50 штукъ щеглятъ, зябликовъ, подорожниковъ, снигирей, овсянокъ и дубоносокъ, до 25 чировъ, до 500 чижей, до 200 чечетовъ и чечетокъ". Въ виду значительнаго требованія соловьевъ, съ 1738 года частнымъ лицамъ запрещено было ловить, продавать и покупать ихъ въ Петербургѣ и во всей Ингерманландіи. Цѣна соловья была, около того времени, 30 копѣекъ. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ въ комнаты ея вообще требовалось весьма много „разнаго званія" птицъ.

Въ Первомъ же саду, сверхъ птицъ, содержались разные мелкіе звѣри въ особо устроенномъ для нихъ звѣринцѣ—„минажеріи". Въ числѣ ихъ были: мартышки и сурки. Посреди этого сада былъ круглый прудъ, въ которомъ плавали гуси и „красныя утки", и находилась ананасная оранжерея. Въ архивныхъ документахъ упоминается также о бывшихъ, какъ въ Первомъ, такъ и во Второмъ садахъ „бесѣдкахъ", „лавкахъ", „порталахъ" и „крытыхъ дорогахъ". Во Второмъ саду была сдѣланная изъ бѣлаго мрамора скульпторомъ Цвенгофомъ статуя, „именуемая Викторія противъ турокъ и татаръ". Здѣсь же была статуя „Фаворитки" и свинцовыя фигуры: „Фаболы изъ фигуръ" и „Езопскія фаболы".

Для обоихъ упомянутыхъ садовъ требовалось множество цвѣтовъ и деревьевъ;—этихъ послѣднихъ въ 1741 году потребовалось 7000 штукъ. Въ оранжереяхъ были слѣдующія заморскія деревья: „лавровыя", „такесовыя", „букжбоновыя", „фиговыя". Въ одномъ лишь 1738 году было выписано изъ Гамбурга 120 лавровыхъ деревьевъ. Сверхъ того, было много растеній и деревъ, доставлявшихъ плоды про обиходъ двора, какъ-то: арбузы, дыни, померанцы, вишни, финики и яблоки. Въ садахъ же разводились и разныя поваренныя травы и между ними: базилика, габервурцель, маіоранъ, пастернакъ, тартуфель, чаберъ, кольраби, кербель, спаржа. Изъ ягодъ: земляника, клубника, калина и смородина. Изъ цвѣтовъ: гіацинты, бѣлые и синіе, тюльпаны и нарцисы.

Второй садъ назывался садомъ его императорскаго величества. Въ немъ была устроена „першпективная дорога", а особенностями его были: „большая фонтана" изъ пудожскаго камня, „прудъ карпіевъ", „двѣ водопроводныя машины" и оранжерея, называвшаяся

„африканскою", въ коей содержались „кофейныя и прочія заморскія деревья". Изъ увеселеній, какія могли быть въ этомъ саду, упоминается о „стрѣльбѣ въ цѣль", для чего и были устроены мишени.

Въ то время, какъ назначеніе Перваго и Второго садовъ состояло въ томъ, чтобы быть преимущественно складочнымъ мѣстомъ, изъ котораго брались на потребы двора птицы, назначеніе Третьяго сада заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы доставлять двору всѣ потребные плоды, растенія, цвѣты и овощи. По сообщаемымъ въ архивныхъ документахъ свѣдѣніямъ, можно заключить, что садъ этотъ былъ довольно обширенъ. Въ дальнемъ концѣ его, гдѣ было посажено нѣсколько яблонь и тутъ же разведенъ разсадникъ запасныхъ кленовыхъ деревьевъ, стояли четыре дома для садоваго подмастерья и его учениковъ. Но въ 1741 году дома эти были снесены, потому что еще по распоряженію регента велѣно было сдѣлать часть Третьяго сада „площадью для экзерциціи лейбъ-гвардіи и другихъ полковъ". Между тѣмъ, для устройства этой площади требовалось уничтожить не только яблочныя и кленовыя деревья, но и 300 грядъ, которыя засѣвались разными травами и кореньями для обихода двора. Какъ объ особенности Третьяго сада, упоминается въ архивныхъ свѣдѣніяхъ о какихъ-то „золотыхъ хоромахъ", а также о „заячей садкѣ" и „гоньбѣ оленей", для чего въ саду было огорожено особое мѣсто, и каждое лѣто въ эту загородь напускивались зайцы и олени. Въ 1741 году, въ этомъ саду, по повелѣнію правительницы, строился „новый лѣтній домъ". На содержаніе въ порядкѣ Третьяго сада Анна Леопольдовна обращала особенное вниманіе. Въ оранжереяхъ этого сада разводились: тюльпаны, гвоздики, лиліи, раненкулы и анемоны.

Такъ называвшійся „Италіанскій" садъ былъ, какъ надобно полагать, любимымъ мѣстомъ прогулокъ и развлеченій принца Антона-Ульриха, который нерѣдко посѣщалъ его и катался по немъ въ экипажѣ. Вслѣдствіе этого, изъ семи построенныхъ въ Итальянскомъ саду мостовъ шесть были расширены на два аршина для проѣзда на площадяхъ цугомъ, а находившіяся близь рѣки Фонтанки палаты, однѣ деревянныя, а другія каменныя, были починены. При этомъ по Литейной улицѣ садъ былъ огороженъ рѣшеткою въ сажень высоты. Въ этомъ саду разводились также цвѣты и фрукты, и были построены каменныя оранжереи, между ними была и „абрикосовая". Ягоды собирались въ изобиліи.

Изъ дворцовыхъ огородовъ главнымъ считался „новый", устроенный по именному указу императрицы Анны Ивановны на „большомъ лугу противъ лѣтняго дома". Велѣно было: „учинить огородъ со всякимъ поспѣшеніемъ, дабы, лѣтомъ того же 1740 года, оный къ благоугодному ея императорскаго величества увеселенію служить могъ". Огородъ былъ устроенъ, и онъ „сталъ въ не малую сумму". Въ немъ, между прочимъ, было посажено 500 штамбовыхъ и 10000

шпалерныхъ деревъ. Изъ архивныхъ документовъ видно, что въ „новомъ“ огородѣ были устроены: манежъ, караульные покои, фонтанъ и люстъ-гаузы, т. е. увеселительные дома. Здѣсь же находился и такъ называвшійся „кофейный домъ“. Стѣны люстъ-гаузовъ были обиты холстомъ и выбѣлены, украшенія состояли изъ рѣзной работы.

Что касается нынѣшняго Лѣтняго сада, то въ немъ, съ 1740—1741 годъ, существовали еще фонтаны, устроенные при Петрѣ Великомъ, но они дѣйствовали уже слабо, и это объясняли тѣмъ, что „въ Красномъ Селѣ, на Лиговскомъ каналѣ, на мельницахъ бумажной и мѣдной, плотины повреждены, и отъ того въ томъ каналѣ воды умалилось“. Въ то время въ Лѣтнемъ саду, въ гротѣ, были органы—музыкальный инструментъ, приводимый въ движеніе и издававшій звуки посредствомъ воды.

Изъ дворцовыхъ садовъ, находившихся въ окрестностяхъ Петербурга, замѣчательнѣйшіе были петергофскіе и стрѣльненскіе. Для содержанія первыхъ требовался не только обширный личный штатъ, но и множество разныхъ садовыхъ инструментовъ и орудій. Въ петергофскихъ садахъ и тогда было много разныхъ увеселительныхъ зданій, фонтановъ, каскадовъ и прудовъ, а также находились манежъ и „трактирный домъ“. Въ 1741 году, перспективы у „фонтана Евы“ убраны были по карнизу „устерцовыми звуками“, т. е. раковинами устрицъ, которыя, при дуновеніи вѣтра, издавали звуки.

Императрица Анна Ивановна, любившая Петергофъ, не довольствовалась настоящимъ его состояніемъ, и изъ архивныхъ документовъ видно, что петергофскіе сады не были еще приведены въ тотъ видъ, какой они должны были получить по мысли „благоустроявшихъ“ ихъ. Въ нихъ предполагалось сдѣлать еще многое, чтобъ отъ того было „довольно плезиру и увеселеніе“. Улучшенія въ петергофскихъ садахъ продолжались дѣятельно и послѣ смерти Анны Ивановны, въ 1741 году. Въ этомъ же году производились разныя улучшенія и поправки и въ стрѣльненскомъ саду.

Дворцовые сады находились еще въ Ревелѣ и въ Москвѣ; въ этой послѣдней они носили названія: анненгофскихъ и набережныхъ. Первые были при анненгофскомъ дворцѣ, а вторые находились противъ большаго Кремлевскаго дворца, по ту сторону Москвы-рѣки.

Въ окрестностяхъ Москвы существовали заведенные еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ сады въ селахъ Измайловскомъ и Коломенскомъ. Измайловскіе сады были чрезвычайно важны въ дворцовомъ хозяйствѣ, такъ какъ изъ нихъ получался даже виноградъ, а съ кедровъ, росшихъ въ Коломенскомъ саду, собирались орѣхи, которые и высылались въ Петербургъ ко двору.

IV.

Придворная капелла и музыкальная капеллія. — Концертная музыка. — Пѣвчая.—Молдавскіе музыканты.—Головкинскіе музыканты.—Музыканты царевны.—Бандуристы и гуслисты.—Театръ.—Комедія, или комедіантскій залъ.—Костюмы и декораціи.—Комедіи, интермедіи, трагедіи и оперы.—Театральная школа.—Кордебалетъ.—Восточные актеры.—Итальянская компанія.—Прозрачныя картины.—Пробы комедій.—Нѣмецкая труппа.—Комедіантъ „персидскаго манера“.

Переходя къ главнымъ предметамъ внутренней дворцовой обстановки, нужно остановиться на музыкѣ, театрѣ и другихъ увеселеніяхъ, бывшихъ при дворѣ. Развитіе и направленіе этихъ предметовъ лучше всего свидѣтельствуетъ о развитіи изящнаго вкуса данной поры.

Издатели архивныхъ документовъ замѣчаютъ, что отдѣльныхъ документовъ, касающихся исключительно придворныхъ музыкантовъ, въ дѣлахъ описываемаго времени нѣтъ, но свѣдѣнія о нихъ находятся въ производствахъ почти всѣхъ учрежденій придворнаго вѣдомства, смотря по тому, какими сторонами жизни соприкасались музыканты съ тѣмъ или другимъ мѣстомъ. Сводя эти свѣдѣнія о придворной музыкѣ въ 1740—1741 годахъ, можно въ общихъ чертахъ сказать слѣдующее.

Въ документахъ личный составъ придворныхъ музыкантовъ означается вообще названіемъ „придворной капеллы“. Сами же музыканты называли себя принадлежащими къ „музыкальной капелліи“.

Назначеніе музыкальной капеллы было двоякое: первое и главное—исполненіе при дворѣ концертовъ, такъ какъ и главнозавѣдующій капеллою музыкантъ назывался „концертъ-мейстеръ“; на это назначеніе указываетъ и самое названіе капеллы „концертною музыкою“; второе — играть на придворныхъ балахъ. Послѣдняя обязанность музыкантовъ сдѣлалась со временемъ едва ли не болѣе важною, чѣмъ первая, а въ именномъ указѣ объ учрежденіи при капеллѣ школы выставлялась за причину необходимости пополненія капеллы музыкантами, такъ какъ многіе изъ нихъ за старостію не могли играть на придворныхъ балахъ, и потому, вмѣсто ихъ, играли музыканты изъ другихъ мѣстъ.

Учрежденіе придворной капеллы слѣдуетъ отнести гораздо ранѣе, чѣмъ къ 1740 году, такъ какъ въ именномъ указѣ, отъ 12 января 1737 года, упоминается о выдачѣ изъ камеръ-цальмейстерской конторы наградъ придворнымъ музыкантамъ, число которыхъ уже и въ этомъ году было довольно значительно. Въ послѣдній годъ царствованія Анны Ивановны число ихъ увеличилось еще болѣе; изъ нихъ уже многіе считались старыми, такъ что двѣнадцать изъ нихъ, за преклонностію лѣтъ, не могли уже исполнять свои обязанности. Число придворныхъ музыкантовъ въ 1740 году доходило до 31 человѣка и почти всѣ они были иностранцы. Въ числѣ ихъ упоминается и „пѣвчая“ (пѣвица), жена фаготиста Фридриха.

По своей спеціальности, музыканты, на основаніи штата, распредѣлялись такимъ образомъ: 3 трубача, 4 волторниста, 2 литаврщика, 1 бандуристъ и 6 музыкантовъ, изъ которыхъ одинъ назывался „басистомъ“, а инструменты прочихъ не показаны.

Изъ документовъ, въ которыхъ говорится о содержаніи придворной капеллы, видно, что придворные музыканты получали, по тому времени, достаточное содержаніе какъ деньгами, такъ и прочимъ продовольствіемъ, что отставные получали пожизненную пенсію, а если кто изъ иноземцевъ хотѣлъ отправиться въ свое отечество, то получалъ денежное пособіе на проѣздъ. Штатные музыканты имѣли казенное помѣщеніе, а тѣмъ изъ нихъ, которые жили на вольныхъ квартирахъ, отпускались дрова на счетъ придворнаго вѣдомства, а также жизненные припасы и ливреи изъ черныхъ и желтыхъ цвѣтовъ по цвѣтамъ русскаго государственнаго герба. Сверхъ денежныхъ окладовъ, придворные музыканты пользовались единовременными денежными выдачами, въ видѣ наградъ и пособій. Денежныя выдачи производились имъ за поздравленіе особъ императорской фамиліи въ высокоторжественные дни и годовые праздники. Уволенные получали пожизненную пенсію въ вознагражденіе за долговременную службу при дворѣ. Въ музыкальной школѣ, учрежденной при капеллѣ императрицею Анною Ивановною, 15 мальчиковъ обучались пѣнію и музыкѣ.

Въ числѣ музыкантовъ, бывшихъ при дворѣ въ описываемое нами время, состояли еще молдавскіе музыканты, „присланные отъ тамошняго владѣльца“ въ Петербургъ. Но въ началѣ 1741 года они были обратно отпущены на свою родину, въ Молдавію.

Не смотря на то, что при Аннѣ Ивановнѣ и при правительницѣ было значительное число придворныхъ музыкантовъ, при дворѣ игрывали еще музыканты вице-канцлера графа Головкина, а также и музыканты изъ „другихъ командъ“.

Были еще въ числѣ придворныхъ музыкантовъ „музыканты комнаты ея высочества цесаревны Елисаветы Петровны“, называвшіеся иногда музыкантами ея двора. При ней же состояли бандуристы, гуслисты и пѣвчіе. Они тоже являлись съ поздравленіями къ большому двору и получали за это денежное вознагражденіе.

Обращаясь къ одному изъ главнѣйшихъ видовъ придворныхъ увеселеній — къ театру, должно прежде всего сказать, что при Аннѣ Ивановнѣ въ Зимнемъ дворцѣ для сценическихъ представленій было устроено особое помѣщеніе, исключительно для этой цѣли, и носившее названіе „комедіи“, или „комедіантскій залъ“, съ поставленными въ немъ для зрителей скамейками, а „для стиранія съ нихъ пыли“ состоялъ особый сержантъ. При дверяхъ „комедій“ стоялъ военный караулъ изъ четырехъ солдатъ подъ командою каптенармуса. Въ архивныхъ свѣдѣніяхъ упоминается еще одно зданіе подъ названіемъ собственно „театръ“,—находилось оно близъ Лѣтняго дворца.

Хозяйственная часть театра, т. е. снабженіе его вещами и деньгами, а также доставка костюмовъ и декорацій находились въ вѣдѣніи камеръ-цальмейстерской конторы или, вѣрнѣе сказать, ея предсѣдателя, оберъ-гофмаршала графа фонъ-Левенвольда. Но ближайшее распоряженіе и смотрѣніе за всѣмъ, относившимся къ театру, было возложено на состоявшаго при камеръ-цальмейстерской конторѣ поручика, потомъ капитана, Рамбурга.

Въ архивныхъ свѣдѣніяхъ встрѣчаются указанія на то, что въ 1741 году на придворной сценѣ давались: 1) итальянскія комедіи и интермедіи, 2) трагедіи нѣмецкія, 3) оперы, а въ числѣ ихъ и русская. При театрѣ была школа для обученія русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ танцованію для того, чтобы впослѣдствіи составить изъ нихъ полный кардебалетъ. По національностямъ придворная труппа была разнообразна, такъ какъ въ составъ ея входили артисты итальянскіе, нѣмецкіе и восточные.

Итальянская труппа, или „компанія“ находилась при дворѣ еще въ 1733 году. Въ 1740 году, личный составъ ея былъ довольно значителенъ; въ него входили музыканты, „комедіанты“, пѣвчіе и танцоры. Содержаніе итальянской компаніи отпускалось почему-то изъ суммъ соляной конторы. Компанія эта помѣщалась въ старомъ Зимнемъ дворцѣ и при ея помѣщеніи стоялъ военный караулъ изъ трехъ человѣкъ солдатъ. Въ упомянутомъ же дворцѣ находились мастерскія, въ которыхъ приготовлялись декораціи итальянскими живописцами, занимавшимися также приготовленіемъ для придворнаго театра прозрачныхъ картинъ, а равно и механическою постановкою пьесъ на сценѣ. Лѣтомъ 1741 года, происходили усиленныя приготовленія къ зимнему театральному сезону. Въ это время до самой осени постоянно шли репетиціи, или, по тогдашнему, „пробы комедій“.

Итальянскіе музыканты играли при дворѣ во время торжественныхъ обѣдовъ, но главнымъ ихъ занятіемъ было исполненіе концертной музыки, и они изводили огромное количество чернилъ,—изводили ихъ ведрами, „для письма концертовъ“.

Что касается нѣмецкой труппы, то она пріѣхала въ Петербургъ изъ Лейпцига съ какимъ-то Нейберомъ, и личный составъ ея назывался „комедіантами нѣмецкой компаніи“. Труппа эта, какъ и итальянская, помѣщена была въ старомъ Зимнемъ домѣ его императорскаго величества, гдѣ занимала тринадцать покоевъ. Содержаніе получала она отъ дворцоваго вѣдомства, но, въ январѣ 1741 года, труппа эта уѣхала обратно въ Лейпцигъ, о чемъ и было донесено сенату.

Былъ, наконецъ, въ 1740—1741 годахъ, при дворѣ, „комедіантъ персидскаго манера“, по фамиліи Лазаревъ—вѣроятно армянинъ. Какого рода было его мастерство, этого изъ архивныхъ документовъ не видно, но изъ того обязательства, что онъ обучалъ своихъ учениковъ „разнымъ штукамъ“ и что для представленій его требовались такіе

предметы, какъ сабля и перчатки, можно заключить, что его штуки состояли частію въ показаніи восточныхъ фокусовъ, частію въ изображеніи разныхъ геройскихъ сценъ; въ числѣ учившихся у него была какая-то „капральская дочь".

Мы упоминали уже, что при дворцовомъ театрѣ состояли двѣ школы: музыкальная и танцовальная. Къ этому можно прибавить, что танцовальная школа, какъ надобно полагать, была учреждена въ сентябрѣ 1739 года и помѣщалась въ старомъ Зимнемъ домѣ. Въ ней обучались танцованію шесть мальчиковъ и столько же дѣвочекъ. Училъ ихъ танцмейстеръ итальянской компаніи Ланде. Танцовальные ученики и ученицы пользовались полнымъ казеннымъ содержаніемъ.

V.

Комнатныя увеселенія.—Шахматы, карты, бильярдъ, воланы, мячи.—Ученыя птицы и собаки.—Шуты и шутихи.—Карлы и карлицы.—Цетринька и князь Волконскій.—Арапки, дураки, сидѣльницы, старухи.—Распоряженіе Анны Леопольдовны.—Охота.—Ружья императрицы.—Верховая ѣзда.—Сѣдельная казна.—Катанья.—Яхты и шлюбки.—Спусканье змѣй.

Кромѣ общественныхъ увеселеній, были заведены еще при дворѣ такъ называвшіяся „комнатныя" увеселенія, которыми забавлялись, когда не было ни баловъ, ни банкетовъ, ни концертовъ, и когда во дворцѣ не собиралось большое общество. Оставаясь въ небольшомъ кругу самыхъ приближенныхъ лицъ, императорское семейство находило развлеченіе въ играхъ: шахматной, карточной, на бильярдѣ, въ воланы и въ мячи. Самая обстановка комнатъ во внутреннихъ аппартаментахъ представляла не мало развлеченія. Тамъ было въ клѣткахъ множество птицъ, собачки, цвѣты, а также не мало приживальцевъ и приживалокъ, шутовъ, шутихъ, карликовъ и карлицъ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобъ потѣшать высочайшую фамилію. Удовольствія ея разнообразились прогулками въ садахъ, уженіемъ рыбы, пусканіемъ змѣй, катаньемъ въ шлюбкахъ и верховою ѣздою.

Шахматы были издавна при дворѣ въ большомъ употребленіи и въ Зимнемъ дворцѣ для этой игры была назначена особая комната, украшенная позолотою и рѣзьбою. Тамъ же была и особая бильярдная. Въ большомъ ходу была при дворѣ и карточная игра, особенно въ царствованіи Анны Ивановны; играли преимущественно въ банкъ и для этой игры доставлялись въ комнату императрицы, изъ камерцальмейстерской конторы, значительныя суммы. Въ этой игрѣ участвовалъ и извѣстный итальянецъ Педрилло. Въ одномъ изъ именныхъ указовъ императрицы Анны Ивановны прописано: „повелѣваемъ внесенныя въ комнату нашу въ разныя числа „для игранія въ банкъ" которые отданы отъ насъ италіанцу Педриллѣ, для игранія ихъ въ

банкъ деньги 2100 рублевъ, да еще жъ внесенные въ комнату нашу 500 рублевъ, всего 2600 рублевъ, записать въ расходъ". Повидимому, большая игра велась при дворѣ и во время правленія Анны Леопольдовны. Для этого, въ іюнѣ 1741 года, было заготовлено нѣсколько ломберныхъ столовъ, „обитыхъ золотымъ позументомъ и газомъ съ городками". Игра въ карты допускалась во дворцѣ и при самыхъ торжественныхъ собраніяхъ; въ ней участвовала и правительница и ея супругъ.

Для развлеченія высокихъ обитателей и обитательницъ Зимняго дворца, тамъ имѣлись птицы „пѣвчія" и „ученыя". Въ числѣ послѣднихъ были говорившіе попугаи, которыхъ учила говорить иноземка Варлендъ. Въ комнатахъ императора Ивана Антоновича была канарейка, которая „воспѣвала куранты", а также соловьи „лучшіе и впредь надежные". Въ комнатѣ правительницы были: одинъ попугай, одна параклитка, одинъ египетскій голубь, ученый скворецъ и два соловья. Въ комнатѣ принца Антона—два „заморскихъ" снигиря, три чижа и одинъ перепелъ.

Изъ числа четвероногихъ обитателей Зимняго дворца, особенною извѣстностію пользовалась комнатная собачка императрицы Анны Ивановны, „Цытринька" или „Цетринька". Послѣ смерти государыни она перешла къ правительницѣ. При ней, для ухода и кормленія, было назначено особое лицо, князь Никита Волконскій. Содержаніе этой собачкѣ отпускалось особою статьею изъ дворцовой конторы и собака ею была подчинена общему порядку, опредѣленному для выписки въ расходъ дворцовыхъ припасовъ. Цетринькѣ опредѣлено было на каждый день „по кружкѣ сливокъ молочныхъ", для полученія которыхъ приставникъ ея ежедневно долженъ былъ обращаться къ придворному кухеншрейберу и расписываться въ полученіи назначенной ей порціи.

Мы замѣтили уже, что при императорскомъ дворѣ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, кромѣ разныхъ должностныхъ лицъ и служителей обоего пола, состояли еще приживальцы и приживалки—личности чрезвычайно разнообразныя по возрасту, наружному виду, происхожденію, званію, національности и даже умственному развитію. Они являлись толпою тунеядцевъ, не имѣвшихъ рѣшительно никакихъ должностей и обязанностей и жившихъ даромъ, на чужой счетъ, т. е. на счетъ двора. По прозвищамъ, которыя прибавлялись къ ихъ именамъ, можно видѣть, что приживальцы и приживалки отличались какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ, или физическою особенностью,—такъ, у одной изъ приживалокъ была кличка „безножка", у другой „долгая", у третьей „горбуша", были также карлы, арапки, калмычата, дураки и шуты. Безъ всякаго сомнѣнія, они служили во дворцѣ предметомъ насмѣшекъ и издѣвательства, т. е., по тогдашнимъ нравамъ, предметами потѣхи и забавы. Нѣкоторыя изъ приживалокъ были извѣстны подъ общимъ именемъ „сидѣльницъ" и „старухъ". Въ числѣ ихъ была представительница и духовнаго сана—монахиня Александра со своимъ пріемышемъ.

Въ правленіе Анны Леопольдовны озаботились сокращеніемъ числа этихъ лицъ, оказавшихся совершенно лишними при дворѣ. Малолѣтніе и лица монашескаго званія были распредѣлены по другимъ мѣстамъ, а пріемышъ монахини и какой-то „персіянецъ“ были, какъ уже взрослые, опредѣлены въ дѣйствительную службу. Что же касается калмыковъ, то ихъ „роздали разнымъ персонамъ“, а монахинь отослали въ Москву, въ монастыри: Новодѣвичій и Вознесенскій.

Изъ придворныхъ шутовъ былъ особенно замѣчателенъ итальянецъ Педрилло, человѣкъ хитрый и пронырливый, умѣвшій превосходно пользоваться личиною шута. По профессіи онъ былъ собственно музыкантъ. Императрица Анна Ивановна удостоила его своего сообщества: онъ былъ ея партнеромъ въ карточной игрѣ, на которую, какъ мы уже указали, отпускались ему значительныя суммы по писменнымъ указамъ государыни, на счетъ которой заготовлялась ему одежда отъ придворной конторы.

Въ изданныхъ нынѣ архивныхъ документахъ находится подтвержденіе разсказовъ Ведемейера о томъ, что императрица Анна Ивановна, кромѣ частыхъ выѣздовъ на охоту, любила стрѣлять изъ ружья и лука изъ оконъ своего дворца, обращенныхъ въ садъ. Для такой потѣхи изъ дворцовой „минажеріи“ выпускали въ садъ большое количество птицъ, а чтобъ онѣ не переводились, запрещено было частнымъ лицамъ охотиться на птицъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ и ловить ихъ какимъ бы то ни было образомъ. Ружья для императрицы приготовлялись частью на Сестрорѣцкомъ заводѣ, частію на петербургскомъ оружейномъ дворѣ, гдѣ приготовлялись ружья и для всей императорской охоты.Всѣ ружья, предназначавшіеся для императрицы, отдѣлывались богато, съ золотою насѣчкою. Передъ самою смертью Анны Ивановны, отдѣлывался съ особеннымъ изяществомъ новый „штуцеръ“,—на золотую на немъ насѣчку потребовалось 8 червонныхъ. Кремни и порохъ, собственно для императрицы, выписывались изъ Данцига, ружье ея заряжалъ придворный оберъ-егерь Бемъ и при томъ особымъ способомъ: пули вкладывались въ гильзы, смазанныя саломъ. Сало свиное и говяжье отпускалось по требованію Бема особою статьею, „къ заряжанію ружья ея императорскаго величества на смазываніе пластырей, въ которые обертывались пули“. Что Анна Ивановна, кромѣ стрѣльбы изъ ружей, развлекалась еще стрѣляніемъ изъ луковъ, — это видно изъ расхода на сдѣланныя къ „шниперамъ“ (лукамъ) ея величества шелковыя тетивы.

Для верховой ѣзды устроенъ былъ манежъ въ бывшемъ домѣ Ягужинскаго, или Ягужинскомъ дворцѣ. Манежъ этотъ былъ обширное теплое помѣщеніе, съ печами и каминами. Онъ былъ отдѣланъ въ 1739 году, и такъ какъ Биронъ былъ извѣстный любитель и лошадей и верховой ѣзды, то, безъ всякаго сомнѣнія, манежъ этотъ долженъ былъ отличаться и отдѣлкою, и всѣми удобствами подобнаго рода зданій въ тогдашнее время. Въ Петергофѣ, близъ дворца, былъ

выстроенъ въ 1740 году манежъ; сначала онъ былъ покрытъ парусиною, а послѣ гонтомъ и снаружи обшитъ досками. Украшенъ онъ былъ столярною рѣзьбою. При манежѣ состояли: „стремянной конюхъ", для смотрѣнія и ухода за лошадьми и для обученія ихъ, и „сѣдельный надзиратель", у котораго была въ смотрѣніи „сѣдельная казна". При обученіи придворныхъ верховыхъ и ѣздовыхъ лошадей, главнымъ образомъ, вниманіе обращено было на то, чтобы онѣ не пугались и для такъ называемаго „обстрѣливанія" ихъ расходовался порохъ въ значительномъ количествѣ. Кромѣ разъѣздныхъ лошадей, на конюшенномъ дворѣ, въ 1740 году, находилось: манежныхъ лошадей 34, дамскихъ 140, сѣдельныхъ верховыхъ 14.

При дворѣ, при Аннѣ Ивановнѣ, было въ большомъ употребленіи катанье по садамъ въ малыхъ колясочкахъ, которыя были обиты малиновымъ или зеленымъ бархатомъ съ позументами, а корпусà ихъ росписаны живописью; такихъ колясочекъ и подобныхъ имъ „качалокъ" имѣлось не мало на конюшенномъ дворѣ. Для такихъ экипажей употреблялись маленькія лошадки, которыхъ изъ разныхъ мѣстъ отправляли въ Петербургъ, по указамъ сената, на ямскихъ подводахъ.

Для плаванія и катанья по водамъ имѣлись „придворныя суда". Эту флотилію, находившуюся подъ командою одного лейтенанта, составляли „нѣсколько собственныхъ его императорскаго величества шлюпокъ", при которыхъ числились 24 гребца и 2 квартиръ-мейстера. Къ обязанности гребцовъ относилось, кромѣ службы на судахъ, отправленіе разныхъ работъ при дворцѣ, ношеніе, вмѣстѣ съ прочими придворными, столовъ для банкетовъ, топка печей и т. п. Придворные гребцы имѣли особую форменную одежду и носили на головахъ черные картузы, въ будничные дни суконные, а въ праздничные—бархатные. Придворныя суда были трехъ родовъ: шлюпки, верейки и яхты. Нѣкоторыя изъ нихъ были великолѣпно разукрашены. Такъ, напримѣръ, въ напечатанныхъ архивныхъ извѣстіяхъ упоминается, что для „собственной его императорскаго величества персоны", т. е. Ивана Антоновича, имѣется на лицо „яхтъ золоченыхъ четыре и незолоченыхъ — двѣ". На убранство ихъ требовались ленты, зеленыя узкія, для привязыванія къ зонтикамъ покрововъ.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами документовъ видно, между прочимъ, что иногда во дворецъ требовались: мячи воланы, духовыя ружья, удочки и тому подобные предметы и снаряды, а въ записной тетради мелочныхъ расходовъ по придворной конторѣ за 1740 годъ записано: „въ комнату ея императорскаго величества къ спусканію змѣевъ, нитокъ голландскихъ пятьдесятъ пятинокъ". Въ комнату правительницы были однажды доставлены, или, какъ тогда выражались, „взнесены": одинъ футляръ съ удочками, „одна трость простая, выкрашеная, что стрѣляютъ изъ нихъ духомъ", одна пара „лопаточекъ пергаментовыхъ плетеныхъ, что играютъ въ балоны", „рѣ-

шетки изъ жилъ, руковятки бархатныя, обложены тесемочкою золотою, къ нимъ два мячика съ перышками". Были также отпущены во дворецъ три пары лопаточекъ, что играютъ въ балоны, а для комнаты императора были заготовлены шесть небольшихъ бархатныхъ мячиковъ изъ хлопчатой бумаги.

VI.

Придворныя празднества. — Ихъ перечень. — Ихъ пышность и торжественность.—Пушечная пальба и ружейный огонь.—Парады войскъ.—Пріѣзды ко двору.—Явка музыкантовъ.—Обѣденные и вечерніе столы.—Балы, спектакли, концерты и маскарады.—Иллюминація и фейерверки.—Придворная гастрономія.—Вина и напитки.—Убранство столовъ.—Банкеты и трактованія.—Маркизъ Шетарди.—Освѣщеніе.—Воспоминаніе торжественныхъ дней.—Тосты.—Жалованіе къ рукѣ.—Описаніе нѣкоторыхъ празднествъ.—Рожденіе и тезоименитство принца Ивана Антоновича. — Конфектная палата.—Банкеты.—Труды профессора Штелина по увеселительной части.—Сговоръ баронессы Менгденъ съ графомъ Линаромъ.—Персидскіе танцы.—Предики.—Предположенная забава со слономъ.—Праздничные дни Бирона.

Въ царствованіе Анны Ивановны и въ правленіе Анны Леопольдовны празднества при дворѣ были очень часты. Поводомъ къ нимъ служили: 1) высокоторжественные дни царской, немногочисленной въ ту пору, фамиліи, а именно: дни рожденія и тезоименитства: а) императрицы, б) Ивана Антоновича, в) принцессы Анны Леопольдовны, г) ея супруга, д) принцессы Екатерины Антоновны и е) цесаревны Елизаветы Петровны; 2) торжественные дни въ семействѣ Бирона; 3) полковые праздники императорской гвардіи; 4) кавалерскіе праздники орденовъ: польскаго — Бѣлаго Орла, и русскихъ — Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго; 5) викторіальные дни; 6) годовые праздники православной церкви и 6) бракосочетанія разныхъ придворныхъ лицъ. Но при всей многочисленности и при всемъ разнообразіи поводовъ къ устроенію праздниковъ, они всѣ имѣютъ общія черты.

Такъ, относительно внѣшней ихъ обстановки, должно замѣтить, что всѣ они безразлично происходили съ большою пышностію и чрезвычайною торжественностію. Въ большей части случаевъ они начинались церковнымъ богослуженіемъ, литургіею и молебномъ въ придворной церкви, сопровождаемымъ пушечною пальбою съ петропавловской крѣпости, валовъ адмиралтейства и изъ орудій, разставленныхъ по нѣкоторымъ площадямъ и улицамъ Петербурга. Пушечная пальба сопровождалась бѣглымъ ружейнымъ огнемъ расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ войскъ, которыя, въ добавокъ къ этому, возглашали троекратное: виватъ! при битіи въ литавры и при играніи на трубахъ. На площади же, передъ дворцомъ, производился парадъ войскъ. Затѣмъ происходилъ съѣздъ во дворецъ знатныхъ персонъ и иностранныхъ дипломатовъ для принесенія поздравленій. Кромѣ

этихъ лицъ, являлись во дворецъ съ поздравленіями еще и музыканты, какъ гвардейскихъ, такъ и всѣхъ вообще полевыхъ полковъ, составлявшихъ петербургскій гарнизонъ, также музыканты: морскаго вѣдомства и военно-учебныхъ заведеній, придворные, цесаревны Елизаветы Петровны и вице-канцлера графа Головкина. Всѣ они получали за это денежное награжденіе, по установленной для того табели. Послѣ всѣхъ этихъ церемоній, въ залахъ дворца начинались собственно пиршества, обѣденные или вечерніе столы, балы, спектакли и маскарады. Ко всему этому присоединялись еще иллюминація и фейерверки.

Относительно обѣденныхъ и вечернихъ столовъ, иначе называвшихся въ то время „банкетами" и „трактованіями", издатели разсматриваемыхъ нами архивныхъ свѣдѣній дѣлаютъ слѣдующее замѣчаніе объ однообразіи тогдашней дворцовой гастрономіи. Они говорятъ: „въ провизіи, выдаваемой на приготовленіе стола, встрѣчаемъ все одни и тѣ же припасы,—такъ обыкновенно отпускались мясныя припасы во всѣхъ видахъ: говядина, ветчина, телятина, живность, дичь; рядомъ съ мясными кушаньями изготовлялись рыбныя блюда, на которыя отпускались живыя аршинныя стерляди, огромныя щуки и другія рыбы, вмѣстѣ съ тѣмъ изготовлялись и грибныя блюда; всѣ кушанья обильно были приправлены пряностями: корицею, гвоздикою, перцемъ, мушкатнымъ орѣхомъ; какъ особенность припасовъ упоминается „тертый оленій рогъ". Въ числѣ кушаній упоминается кабанья голова въ рейнвейнѣ и подававшаяся „въ шкаликахъ шалейна" и паштеты. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что издатели документовъ затруднялись въ другомъ объясненіи слова „шалейны", тогда какъ оно происходитъ отъ слова „шале", т. е. испорченнаго французскаго слова „желе". Снѣдь эта, какъ пирожное, подавалась въ концѣ стола.

Изъ напитковъ употреблялись при дворцовыхъ обѣдахъ: рейнвейнъ, вино бѣлое и красное, боярская водка, вино „поддѣльное", т. е. разныя настойки, наливки и ликеры, которые поддѣливались на запасныхъ дворцовыхъ погребахъ особыми мастерами.

При торжественныхъ обѣдахъ, скатерти на столахъ искусно перевязывались алыми и зелеными лентами и подшпиливались булавками. Столы во время „банкетовъ" или „трактованій" были украшены разными фигурами и атрибутами. Для этихъ случаевъ была устроена и сберегалась въ „овошенной палатѣ" „гора банкетная деревянная сверху корона съ крестомъ и скипетръ и мечи золоченые". Эта гора ставилась на столъ при банкетахъ. Сверхъ того столы убирались искусственными цвѣтами, которые ставились въ пирамидахъ. Большой запасъ такихъ цвѣтовъ хранился у кухеншрейбера,—у него имѣлось 9525 цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ перьевъ „на итальянскій видъ", да цвѣтовъ „малыхъ китайскихъ бумажныхъ на проволокѣ разныхъ маneровъ" 8570 штукъ. Покупались эти цвѣты у повара, состоявшаго

при французскомъ послѣ, извѣстномъ маркизѣ де-Шетарди, который жилъ на широкую ногу и отъ котораго, по всей вѣроятности, не только петербургская знать, но и дворъ позаимствовали многое изъ того, что относится къ щегольской и изящной домашней обстановкѣ. Столы убирались также искусственными ягодами: земляникою, барбарисомъ и т. д.

Для освѣщенія залъ во время банкетовъ употреблялись восковыя свѣчи разныхъ сортовъ съ золотомъ и безъ золота. Они приготовлялись придворнымъ свѣчнымъ мастеромъ по четыре на фунтъ, „по заморскому манеру", но имъ же приготовлялись свѣчи и по шести на фунтъ. На свѣчи надѣвались „налѣпы бѣлые банкетные большой и меньшей руки, налѣпы желтые, факелы желтые, обливные бѣлымъ воскомъ".

Относительно иллюминацій и фейерверковъ, въ изданныхъ нынѣ архивныхъ документахъ встрѣчаются указанія, что при дворѣ составлялись особыя росписанія, въ какіе изъ высокоторжественныхъ дней должны были быть или не быть иллюминаціи и фейерверки, которые, въ противность нынѣшнему обычаю, сожигались и зимою. Въ царствованіе Анны Ивановны торжественными днями считались: 1) новый годъ, 2) день ея коронованія, и въ отмѣткѣ противъ этихъ дней значится: „въ эти дни бывали фейерверки"; 4) день восшествія ея на престолъ, 5) день ея тезоименитства; противъ этихъ дней отмѣчено, что тогда бывали только одни иллюминаціи безъ фейерверка. Въ росписаніи же, какъ праздновать эти дни въ царствованіе императора Ивана Антоновича, опредѣлялось, чтобы дни рожденія его величества, восшествія на престолъ и тезоименитства, торжествовать такъ, какъ торжествовались такіе же дни усопшей императрицы. Кромѣ того, по росписанію на 1741 годъ, положено было торжествовать еще и слѣдующіе дни: рожденія правительницы государства, Анны Леопольдовны—въ этотъ день положено быть и фейерверку и иллюминаціи; тезоименитства ея; рожденія ея супруга Антона-Ульриха; противъ этихъ дней помѣчено: „кажется пристойно быть иллюминаціямъ"; тезоименитства герцога Антона-Ульриха; дни рожденія и тезоименитства великой княжны Екатерины Антоновны, рожденія и тезоименитства цесаревны Елизаветы Петровны; противъ этихъ дней отмѣчено: „отправлять одни заздравные молебны съ пушечною стрѣльбою",

Устройство иллюминацій и фейерверковъ лежало на обязанности канцеляріи главной артиллеріи, на что ежегодно отпускалось по 13,000 рублей изъ суммъ статсъ-конторы. Фейерверки и принадлежности иллюминацій заготовлялись въ особомъ строеніи, называвшемся „театромъ фейерверковъ".

Въ разсматриваемыхъ нами архивныхъ документахъ встрѣчаются свѣдѣнія о праздновании высокоторжественныхъ дней въ царствованіе Анны Ивановны. Мы указали уже общія черты такихъ празднествъ,

а теперь, въ добавокъ къ этому, присовокупимъ нѣсколько частныхъ замѣчаній. Такъ, 19 января 1740 года, въ день восшествія на престолъ Анны Ивановны, послѣ обѣдни и проповѣди въ придворной церкви, поздравленій, пушечной пальбы и „троекратнаго бѣглаго огня“, „о полудни изволила ея величество, при весьма изрядной и пріятной музыкѣ, за публичнымъ столомъ кушать, а по полудни былъ балъ; при наступленіи вечера на театрѣ фейерверковъ зажжена была иллюминація, представляющая въ перспективномъ порядкѣ цвѣтными сосудами украшенный амфитеатръ, а и кромѣ онаго все здѣшнее адмиралтейство и крѣпость преизрядными иллюминаціями украшены были“.

28 января того же года, день рожденія императрицы праздновался обычнымъ порядкомъ и празднество это заключилось фейерверкомъ, о которомъ сохранилось слѣдующее витіевато написанное извѣстіе: „съ наступившимъ смерканіемъ зажжена на большомъ театрѣ фейерверковъ изрядная иллюминація, представляющая садъ со всѣми принадлежностями, а именно: съ цвѣтниками, фонтанами, зелеными аллеями, древесными сосудами и прочими натуральными саду весьма подобными вещьми; а въ срединѣ стояла самымъ отдаленнѣйшимъ проспектомъ, до глубочайшаго горизонта идущая аллея кедроваго дерева, а надъ оными восходящее солнце преудивительный видъ дѣлало. Около девяти часовъ вечера зажженъ фейерверкъ, который въ различномъ раздѣленіи огней съ фейерверкомъ надлежащее сходство имѣлъ. Главный щитъ сего фейерверка представлялъ высокое рожденіе ея императорскаго величества, въ образѣ на колесницѣ сидящей зари и блистающей утреннею звѣздою, на которую Россія подъ образомъ жены въ надлежащемъ уборѣ и радостнымъ видомъ взирая, какъ бы написанныя слова живыми рѣчами говоритъ: „великое возвѣщаетъ намъ благополучіе“.

При этомъ же описаніи упоминается, что весь Петербургъ былъ въ этотъ вечеръ иллюминованъ, „съ начала вечера до самой полуночи не только всѣ бастіоны здѣшней крѣпости и адмиралтейства, различныхъ видовъ огнями украшены, но и всѣ дома сего столичнаго великаго города иллюминованы были, а передъ квартирою французскаго посла, также передъ дворами знатнѣйшихъ здѣшнихъ и чужестранныхъ министровъ почти во всю ночь преизрядныя иллюминаціи горѣли“.

При описаніи празднованія имянинъ императрицы 3-го февраля, между прочимъ, упоминается, что „императрица съ высочайшею фамиліею и его свѣтлость герцогъ курляндскій кушали передъ почивальною“. Въ числѣ тостовъ императрица пила за здоровье „вѣрныхъ слугъ“, причемъ была пальба изъ пушекъ. Въ 4 часа начался балъ. Затѣмъ слѣдовали иллюминація и фейерверкъ.

Но съ особенною торжественностію отпраздновала Анна Ивановна послѣднюю годовщину своей коронаціи, 28 апрѣля 1740 года. Празднество это продолжалось три дня. Наканунѣ 28 числа, въ воскре-

сенье, всѣ министры, генералитетъ, статсъ-дамы и дамы, въ четвертомъ часу пополудни, съѣхались во дворецъ для принесенія поздравленія ея величеству. Въ началѣ 5 часа государыня „изволила шествовать въ галлерею и здѣсь, принявъ поздравленіе, соизволила жаловать къ рукѣ всѣхъ министровъ, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеровъ гвардіи; потомъ оберъ-маршалъ подносилъ въ галлереѣ вино въ кубкахъ принцамъ и придворнымъ кавалерамъ; затѣмъ, гофъ-маршалъ, вышедши изъ галлереи въ переднюю камору, подносилъ вино кубками штабъ и оберъ-офицерамъ гвардіи. Того же числа придворный литаврщикъ и придворные трубачи поздравляли государыню въ то время, когда она выходила въ галлерею, гдѣ была итальянская музыка. Того же числа къ „чужестраннымъ" послано приглашеніе пріѣхать на слѣдующій день, т. е. въ самый высокоторжественный день, 28 апрѣля, во дворецъ на балъ въ четвертомъ часу пополудни".

День въ ту пору начинался рано и потому, 28 апрѣля въ 8 часовъ утра, всѣ знатныя обоего пола особы пріѣхали ко двору „для принесенія ея императорскому величеству паки поздравленія". Въ началѣ 11 часа, государыня отправилась въ придворную церковь къ обѣдни. „Предику" въ этотъ день говорилъ архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря. По окончаніи обѣдни, императрица отправилась въ большой залъ и тамъ, при троекратной пальбѣ съ крѣпостей и стоявшихъ въ ружьѣ солдатъ, приносили ей поздравленіе знатнѣйшія обоего пола особы. Послѣ того она удалилась въ свои покои.

Затѣмъ слѣдовали „столы". Когда на нихъ поставили кушанья, тогда оберъ-маршалъ и гофъ-маршалъ съ своими маршальскими „тростьми" ходили провожать императрицу къ столу. За однимъ столомъ съ нею сидѣли въ этотъ день: цесаревна Елизавета Петровна, а также герцогъ и герцогиня курляндскіе. Въ старомъ залѣ за столомъ сидѣли: ландграфъ гессенъ-гомбургскій, подлѣ него, по лѣвую сторону, фельдмаршалъ Минихъ, потомъ персидскій посолъ, подлѣ посла князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и генералитетъ по старшинству: по правую сторону ландграфа его „княгиня", потомъ оберъ-гофмейстерина, подлѣ ея супруга генералъ-фельдмаршала Миниха, статсъ-дамы и дамы. Во время столовъ, изъ которыхъ отдѣльный былъ накрытъ для синодальныхъ членовъ, играла въ старомъ залѣ итальянская музыка. Тосты провозглашались при пушечной пальбѣ. Въ 4 часу приглашенныя особы начали съѣзжаться на балъ. Въ началѣ пятаго императрица вышла въ большой залъ и тотчасъ же начался балъ, продолжавшійся до половины десятаго часа. При началѣ бала императрица пожаловала князя Никиту Юрьевича Трубецкого дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и въ сенатъ генералъ-прокуроромъ. Во время бала, въ 9 часу, въ столовой комнатѣ „поставленъ былъ столъ съ кушаньемъ и конфектами, за который, приходя сами произвольно дамы и кавалеры садились кушать". Предъ

окончаніемъ бала; знатныя обоего пола особы приглашены были на слѣдующій день, т. е. на 29 апрѣля опять на балъ.

Этотъ балъ сопровождался при его окончаніи объявленіемъ „штабъ-квартирмейстера", чтобы всѣ знатнѣйшія особы завтра, 30 числа, въ половинѣ 3-го часа по полудни, были „на комедіи". 30 апрѣля по утру „чужестраннымъ съ повѣсткою посланы были лакеи, чтобы были на комедіи. Въ 4 часа по полудни ея императорское величество изволила выйти, „отправлялась на театрѣ трагедія нѣмецкая", неизвѣстно, впрочемъ, какая именно.

Съ 28 по 30 апрѣля, передъ Зимнимъ дворцомъ стояли убранныя флагами яхты, съ которыхъ тоже производилась пушечная пальба, одновременно съ пальбою изъ крѣпости и адмиралтейства. Въ эти дни, какъ сообщалось въ тогдашнихъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", ея величество, „при весьма пріятныхъ концертахъ на музыкѣ и на голосахъ", изволила кушать.

Видомъ, размѣромъ и продолжительностію придворныхъ торжествъ опредѣлялось значеніе празднуемыхъ событій, а также и положеніе тѣхъ лицъ, въ честь которыхъ отправлялись эти торжества. 12 августа 1740 года, въ началѣ 5 часа по полудни, племянница императрицы Анны Ивановны, герцогиня брауншвейгъ-люнебургская Анна Леопольдовна, разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Государыня была чрезвычайно обрадована этимъ, и изъ сената 28 августа были разосланы указы, которыми предписывалось: „о рожденіи и тезоименитствѣ внука ея императорскаго величества, благовѣрнаго государя, принца Іоанна, надлежащее торжествованіе ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ отправлять съ будущаго 1741 года, а именно: о рожденіи 12, а о тезоименитствѣ въ 29 число".

Самое же рожденіе Ивана Антоновича праздновалось при дворѣ съ особеннымъ торжествомъ. Празднованіе это продолжалось нѣсколько дней.

Въ записной книгѣ о придворныхъ торжествахъ подъ 12 числомъ августа 1740 года значится: „по полудни, въ началѣ 5 часа, по данному сигналу имѣлась поздравительная пальба съ обѣихъ крѣпостей, а во время той пальбы знатнѣйшія и придворныя обоего пола особы съѣзжались ко двору въ покои государыни принцессы съ поздравленіемъ". Того же дня вечеромъ отъ гофъ-штабъ-квартирмейстера повѣщено было всѣмъ знатнымъ особамъ, чтобы 13 августа прибыли опять ко двору въ одиннадцатомъ часу по полудни (?), „ибо ея императорское величество соизволитъ принять съ оною Богомъ дарованною радостію поздравленіе". Такое же оповѣщеніе было разослано и къ иностраннымъ посланникамъ. Въ этотъ день во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ засѣданій не было: „для нынѣшней всенародной радости". 13-го же числа приносили поздравленіе принцу Антону, родителю новорожденнаго. 17 августа, въ воскресенье, совершено было въ собственной церкви апостоловъ Петра и Павла „публичное молебствіе", въ собраніи

правительствующаго синода, сената, генералитета, высокихъ министровъ и прочихъ знатнѣйшихъ персонъ, съ прочтеніемъ манифеста, при чемъ произведена пальба изъ пушекъ съ крѣпости и адмиралтейства.

Но первое тезоименитство будущаго преемника Анны Ивановны отпраздновать не удалось. Празднованіе этого дня назначено было на 29 августа; когда же наступило время отправлять это торжество, то оказалось, что въ этотъ день, по церковному чиноположенію, слѣдовало совершать поминовеніе по царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ, отцѣ царствующей императрицы. По докладу объ этомъ государынѣ, она повелѣла поминовеніе справлять 28 числа, а тезоименитство 29 августа. Но на этотъ разъ обошлось уже безъ всякаго празднества, такъ какъ при дворѣ даже „банкету не имѣлось“.

Но за то большими празднествами сопровождалось объявленіе принца Ивана наслѣдникомъ всероссійскаго престола. Манифестъ объ этомъ былъ объявленъ 8 октября 1740 года въ Петропавловскомъ соборѣ, послѣ чего, по сему случаю, было отправлено торжественное молебствіе.

Въ 1741 году, день рожденія Ивана Антоновича былъ отпразднованъ уже какъ день самодержавнаго государя, самымъ торжественнымъ образомъ. Празднество продолжалось два дня. Въ первый день, 12 августа, былъ парадъ всѣмъ войскамъ, затѣмъ слѣдовали „обѣденное и вечернее кушанье“, иначе—банкеты; въ заключеніе былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. На другой день былъ также банкетъ. Объ этомъ празднествѣ сохранились въ архивныхъ извѣстіяхъ подробныя свѣдѣнія. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ парадѣ, происходившемъ 12 августа, участвовали гвардейскіе полки: преображенскій, семеновскій, измайловскій и конный, пѣхотный ладожскій полкъ и гренадерская рота пѣхотнаго кіевскаго полка. Всего въ этотъ день находилось въ строю 7088 человѣкъ. Во дворецъ, для поздравленія, съѣзжались всѣ знатныя особы, а также явились музыканты всѣхъ полковъ гвардейскихъ и другихъ, бывшихъ въ Петербургѣ, музыкантскіе ученики гарнизонной школы, музыканты кадетскаго корпуса, музыканты отъ артиллеріи и трубачи галернаго флота. Всѣмъ имъ была произведена денежная выдача, а нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ парадѣ, была выдана винная порція по двѣ чарки и по одной кружкѣ пива на каждаго. При этомъ правительница приказала, что „ежели, паче чаянія, дворцовая контора наличнымъ, нынѣ имѣющимся въ вѣдомствѣ той конторы, пивомъ того отпуска удовлетворить не въ состояніи, то неотмѣнно взять, гдѣ возможно, за деньги, токмо притомъ смотрѣть, дабы то пиво было доброе и не кислое и чтобы прекѣнія на оное никакого быть не могло“.

Что касается дворцовыхъ банкетовъ, то они были изобильны и роскошны. Приготовленія къ нимъ производились въ продолженіе нѣ-

скольких дней, на всѣхъ дворцовыхъ кухняхъ, а въ „конфектной палатѣ" изготовлялись конфекты французскимъ мастеромъ по этой части. Конфекты были разставлены на банкетныхъ столахъ въ пирамидахъ, между живыхъ цвѣтовъ,. искусственныхъ плодовъ и деревьевъ, а также разныхъ золотыхъ и другихъ фигуръ, а скатерти были убраны алыми и зелеными лентами. Если къ этому прибавить золотую и серебряную посуду, прислугу въ богатыхъ статсъ-ливреяхъ, итальянскую музыку, освѣщеніе множествомъ восковыхъ свѣчей, зажженныхъ на столахъ и въ люстрахъ, то этого будетъ достаточно, чтобы дать понятіе о пышности и великолѣпіи означеннаго пиршества.

О числѣ лицъ, присутствовавшихъ на этихъ банкетахъ, въ архивныхъ документахъ свѣдѣній не встрѣчается, но оно должно быть очень значительно, если принять въ соображеніе, что только для ношенія столовъ и стульевъ отряжено было гофъ-интендантскою конторою 220 человѣкъ рабочихъ и что во время кушанья прислуживали при столахъ, кромѣ всѣхъ придворныхъ официантовъ, двадцать придворныхъ служителей конюшеннаго вѣдомства, двадцать учениковъ шпалерной фабрики и четыре гренадера, „всѣ въ придворной ливреи", да сверхъ того, при тѣхъ же столахъ, вмѣсто гайдуковъ, было пять человѣкъ гренадеръ отъ лейбъ-гвардейскихъ полковъ, которые „имѣлись въ богатой гайдуцкой штатсъ-ливреи".

Для бывшихъ 12 и 13 числа фейерверковъ и иллюминацій, юстицъ-совѣтникъ Гольдбахъ и профессоръ аллегоріи Штелинъ, по порученію академіи наукъ, составили на нѣмецкомъ языкѣ приличествующія торжеству эмблемы. По поводу этихъ эмблемъ, Штелинъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „при случаѣ приближающагося высокоторжественнаго дня рожденія его императорскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго государя, приладить, во-первыхъ, намъ сіе разсужденіе, что его императорское величество еще въ самомъ младенчествѣ, какъ наисильнѣйшій монархъ, подобно Геркулесу, очи и удивленіе всего свѣта на себя обращаетъ и что при его малолѣтствѣ благополучіе имперіи отъ времени до времени возносится и въ распространеніе и умноженіе происходитъ, такъ что праведное упованіе и надежды всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ всегдашнее свое счастіе и радости подъ благословеннымъ скипетромъ его императорскаго величества въ нѣкоторой проспектъ уже напередъ усматривать можетъ".

Можно было еще и далѣе продолжить такія льстивыя, объяснительныя разглагольствованія профессора въ честь будущаго несчастнаго шлиссельбургскаго узника—профессора, придумавшаго изобразить младенца-императора въ видѣ младенца-Геркулеса „въ круглой залѣ на подушкѣ сидящаго и, играючи, превеликую змію убивающаго и терзающаго". Штелинъ въ данномъ случаѣ не поскупился на разнообразныя миѳологическія уподобленія съ затѣйливыми надписями, равно какъ и его коллега по этой работѣ, юстицъ-совѣтникъ Гольд-

бахъ. Чего только не было въ ихъ аллегоріяхъ и надписяхъ, но желающія ознакомиться съ ними могутъ обратиться къ разсматриваемой нами книгѣ.

Фейерверки и иллюминаціи были устроены на Невѣ противъ новаго Зимняго дворца. Кромѣ этой иллюминаціи, иллюминованы были шкаликами и плошками частные дома и нѣкоторыя казенныя зданія. По случаю фейерверковъ и иллюминацій принимались въ ту пору особыя предосторожности противъ пожаровъ. Такъ, напримѣръ, гофъ-интендантская контора отрядила 220 человѣкъ рабочихъ, для охраненія во дворцѣ и въ другихъ домахъ и для носки воды на кровли.

Упомянутое празднество отличалось, между прочимъ, тѣмъ, что изъ внутреннихъ покоевъ торжественно вынесеный въ залу младенецъ-императоръ, передъ которымъ шелъ весь придворный штатъ и высокіе родители, „всему присутствующему многочисленному собранію публично показанъ былъ“. Торжество 12 августа дополнилось спускомъ въ адмиралтействѣ, въ присутствіи турецкаго посла, нововаго шестидесяти-пушечнаго корабля, названнаго „Іоаннъ III“, а также и пожалованіемъ правительницею нѣкоторымъ сановникамъ высокихъ чиновъ и ордена св. Александра Невскаго.

На другой день празднества, 13 августа, былъ при дворѣ, въ присутствіи всей высочайшей фамиліи, брачный сговоръ фаворита правительницы, польско-саксонскаго посла графа Линара, съ первою статсъ-фрейлиною, или любимою подругою Анны Леопольдовны, баронессою Юліаною фонъ-Менгденъ. Когда новобрачные размѣнялись перстнями и ихъ поздравили, правительница сѣла играть въ карты и при этомъ слушала итальянскій концертъ. Вечеромъ оберъ-гофмейстеръ, графъ фонъ-Минихъ, „приготовилъ у себя въ домѣ богатый ужинъ на 40 персонъ“, на которомъ присутствовала правительница, ея супругъ и цесаревна Елизавета Петровна.

Банкетами, устроенными во дворцѣ, праздновались въ томъ же 1741 году день тезоименитства и день вступленія на престолъ Ивана Антоновича. Это послѣднее событіе праздновалось три дня, при чемъ былъ при дворѣ обѣдъ, за которымъ гости „кушали въ маскарадномъ уборѣ“. На этомъ маскарадѣ правительница была „въ мушкарадскомъ платьѣ“. Для нея былъ приготовленъ „грузинскій“ костюмъ, обложенный собольимъ мѣхомъ и подбитый бѣлою тафтою; юбка была гродетуровая, пунцовая, подбитая также бѣлою тафтою.

Изъ архивныхъ свѣдѣній, относящихся къ этому празднеству, между прочимъ, видно, что въ ту пору было въ Петербургѣ весьма значительное число музыкантовъ, такъ какъ съ поздравленіемъ явилось ихъ во дворецъ 440 человѣкъ. Для убранства во время этихъ празднествъ банкетныхъ столовъ, были привезены во дворецъ померанцевыя деревья изъ петергофскихъ и стрѣлинскихъ садовъ.

Во время маскарада происходили разные національные танцы. Есть извѣстіе, что тогда въ особенной модѣ были персидскіе танцы,

введенные при дворѣ персіянами, находившимися въ Петербургѣ при персидскомъ посольствѣ; такъ и въ эти дни показывали свое искусство въ національныхъ персидскихъ танцахъ два персіянина и удостоились общаго одобренія, а отъ великой княгини-правительницы получили денежный подарокъ.

Для правительницы были установлены особые праздничные дни и въ числѣ ихъ справлялась годовщина ея бракосочетанія съ Антономъ-Ульрихомъ, котораго, сказать кстати, она и презирала, и ненавидѣла. При этомъ обращаетъ на себя особое вниманіе „предика", произнесенная при бракосочетаніи архіепископомъ новгородскимъ Амвросіемъ Юшкевичемъ и переведенная на латинскій языкъ извѣстнымъ Тредьяковскимъ. Въ этой рѣчи высокопреосвященный разсматривалъ: а) древность и знатность предковъ обоихъ супруговъ; б) родство ихъ съ первѣйшими европейскими монархами и в) значеніе эмблемъ на гербахъ принца и принцессы. Въ 1741 году, годовщина бракосочетанія правительницы справлялась, однако, безъ особаго торжества.

Въ 1741 году, Аннѣ Леопольдовнѣ привелось отпраздновать первую и единственную годовщину своего правленія, приходившуюся на 8-е ноября. Въ этотъ день во дворцѣ было „трактованіе", т. е. обѣденный столъ для штабъ и оберъ-офицеровъ гвардіи. О другихъ какихъ либо торжествахъ, бывшихъ по этому случаю, въ архивныхъ свѣдѣніяхъ не упоминается. Наканунѣ же этого дня ея императорское высочество, „для благополучно окончившагося перваго года своего правленія, удостоила своимъ присутствіемъ балъ въ домѣ генералъ-фельдмаршала графа Миниха, на Васильевскомъ островѣ, и здѣсь изволила, какъ объ итальянской музыкѣ, такъ о балѣ и ужинѣ показывать всемилостивѣйшее свое удовольствіе и, при томъ, высочайшею своею особою съ господиномъ генералъ-фельдмаршаломъ начать балъ. При этомъ случаѣ домъ фельдмаршала, какъ съ набережной стороны, такъ и внутри, бѣлыми восковыми факелами преизрядно былъ иллюминованъ".

Съ большою торжественностію собиралась правительница отпраздновать 7-го декабря 1741 года, день своего рожденія, когда ей должно было минуть 23 года, и 9-го декабря—день своего тезоименитства. Приготовленія къ этимъ празднествамъ начались еще въ концѣ октября. Изъ дѣлъ академіи наукъ видно, что въ эти дни предполагалось „репрезентовать фейерверкъ и на обыкновенномъ театрумѣ устроить иллюминацію". Профессоръ Штелинъ и юстицъ-совѣтникъ Гольдбахъ занялись по этому случаю сочиненіемъ эмблемъ и аллегорій. Послѣдній въ запискѣ, поданной имъ правительницѣ и объяснявшей придуманныя имъ эмблемы, между прочимъ, писалъ: „23 года тому назадъ Богъ даровалъ русскому государству принцессу, одаренную столь великими добродѣтелями, подъ высокодоблестнымъ правленіемъ коей Россія въ состояніи удержать враговъ отъ нападенія на свои

границы и внутри преуспѣвать въ благополученіи". Далѣе, въ описаніи фейерверка онъ предлагалъ два проекта, по случаю начавшейся войны со Швеціею: „или взорвать на воздухъ Вильманштрандтъ, или сдѣлать рисунокъ орла, съ молніею въ когтяхъ, которую онъ бросаетъ на крѣпость, чѣмъ и поднимаетъ ее на воздухъ".

Кромѣ иллюминаціи и фейерверка, предполагалось ко дню рожденія правительницы устроить увеселенія особаго рода, которыя должны были исполнить слоны, приведенные изъ Персіи въ Петербургъ съ персидскимъ посольствомъ. По этому поводу, командовавшій въ то время придворными охотами полковникъ фонъ-Трескоу писалъ въ канцелярію главной артиллеріи: „такъ какъ будущаго 7-го декабря, въ день рожденія ея императорскаго высочества, между приведенными изъ Персіи слонами будетъ нѣкоторая забава, то главные слоновщики требуютъ, чтобъ немедленно приготовить имъ ракетъ". Тотъ же полковникъ фонъ-Трескоу требовалъ отъ адмиралтейской коллегіи „къ той-же нѣкоторой забавѣ" 20 сажень канату, которымъ можно было бы держать слоновъ.

Петербургскимъ жителямъ не привелось, однако, узнать, въ чемъ именно могла состоять предполагаемая „забава", да и вообще всѣ приготовленія къ празднованію дня рожденія правительницы оказались напрасными, такъ какъ въ этотъ день уже правила русскимъ государствомъ не великая княгиня Анна Леопольдовна, но императрица Елизавета Петровна.

Наравнѣ съ высокоторжественными днями тезоименитствъ правительницы государства и малолѣтняго императора, праздновались при дворѣ и дни тезоименитства и рожденія герцога брауншвейгскаго Антона-Ульриха, какъ отца царствующаго императора, супруга правительницы и генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ. При большомъ дворѣ, хотя и не съ такою торжественностію, праздновались также дни рожденія и тезоименитства цесаревны Елизаветы Петровны.

Въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, пользовались царственными почестями не только члены императорской фамиліи, но и члены семейства герцога курляндскаго, Эрнста-Іоганна. Въ эти дни также съѣзжались ко двору всѣ знатнѣйшіе министры и иностранные резиденты для принесенія поздравленій, какъ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, такъ и виновнику или виновницѣ торжества.

Биронъ праздновалъ день своихъ имянинъ 13-го іюня, жена его— 13-го февраля. Кажется, впрочемъ, что въ эти дни, кромѣ съѣздовъ со „всепокорными поздравленіями" и банкетовъ, другихъ торжествъ не происходило, такъ какъ въ разсматриваемыхъ нами документахъ никакихъ свѣдѣній о нихъ не встрѣчается.

VII.

Полковые праздники. — Трактованія полковъ преображенскаго, измайловскаго, семеновскаго и коннаго. — Кавалерскіе праздники. — Викторіальные дни. — Празднованіе мира, заключеннаго съ Турціею. — Вступленіе въ Петербургъ гвардіи.—Публичное торжество.—Награды. — Народный праздникъ. — Иллюминація и фейерверкъ—Статуя Викторія.

О полковыхъ праздникахъ императорской гвардіи можемъ сказать слѣдующее:

Въ эти дни, а также въ дни объявленія императора Ивана Антоновича полковникомъ полковъ: преображенскаго, измайловскаго, семеновскаго и конногвардейскаго, были при дворѣ для штабъ и оберъ-офицеровъ означенныхъ полковъ обѣденные столы или „трактованія". Во время этихъ обѣдовъ, послѣ тостовъ за его величество и членовъ императорской фамиліи, пили за здоровье штабъ и оберъ-офицеровъ и солдатъ того полка, праздникъ котораго торжествовался. Затѣмъ, старшій представитель полка благодарилъ отъ имени своихъ однополчанъ всѣхъ присутствующихъ за честь, оказанную полку. Въ заключеніе приносилась благодарность оберъ-гофмаршалу, провозглашавшему тосты.

Въ документахъ за 1740 и 1741 годы сохранились описанія праздниковъ полковъ: преображенскаго, измайловскаго, лейбъ-гвардіи коннаго полка и семеновскаго съ подробною описью съѣстныхъ припасовъ, отпущенныхъ на „трактованія", бывшія въ эти праздники.

Сверхъ упомянутыхъ уже праздниковъ, при дворѣ справлялись еще „кавалерскіе" праздники въ честь орденовъ: польскаго Бѣлаго Орла и русскихъ—Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Первый изъ этихъ праздниковъ приходился на 23 іюля и торжествовался потому, что императрица Анна Ивановна имѣла „кавалерію" „Бѣлаго Орла". Знаки этого ордена имѣла также правительница Анна Леопольдовна и супругъ ея принцъ Антонъ. Что же касается русско-кавалерскихъ праздниковъ, то на нихъ приглашался, кромѣ кавалеровъ этихъ орденовъ и высшихъ сановниковъ, еще и дипломатическій корпусъ. Кавалеры присутствовали за столомъ въ орденскомъ одѣяніи, а тосты провозглашались, между прочимъ, за здоровье какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ кавалеровъ. Во время тостовъ происходила пушечная пальба съ яхтъ, стоявшихъ на Невѣ передъ Зимнимъ дворцомъ, „при отправленіи преизрядныхъ концертовъ". Около вечера начинался балъ, продолжавшійся до самой ночи.

Съ особенною торжественностію отпраздновала правительница Анна Леопольдовна орденскій праздникъ св. Андрея Первозваннаго въ 1741 году. Приготовленія къ этому торжеству начались почти за мѣсяцъ. Для правительницы къ означенному дню было сшито новое великолѣпное „кавалерское платье св. Андрея Первозваннаго". Оно

состояло изъ орденской мантіи, подбитой горностаемъ и крытой зеленымъ бархатомъ съ золотыми кистями.

Къ придворнымъ праздникамъ были отнесены и такъ называемые „викторіальные" дни. Такими днями, въ 1740 и 1741 годахъ, считались: 27 января, день ратификаціи мирнаго договора, заключеннаго съ Турціею, 7 сентября 1739 года. Празднику этому предшествовало торжественное вступленіе въ Петербургъ гвардіи, возвратившейся изъ похода, подъ предводительствомъ командовавшаго ею генералъ-лейтенанта, генералъ-адъютанта и гвардіи подполковника барона Густава фонъ-Бирона. Вступленіе это представляло для жителей Петербурга зрѣлище невиданное со временъ тріумфальныхъ шествій, бывавшихъ при Петрѣ Великомъ. Происходило же оно „слѣдующимъ преизряднымъ порядкомъ". Впереди шла конная гвардія съ своими штандартами, литаврами и трубами. Передъ нею вели „заводныхъ" офицерскихъ лошадей, а сзади конной гвардіи ѣхали экипажи командировъ „въ особомъ церемоніальномъ порядкѣ", а именно: 1) экипажъ майора Стрѣшнева, который составляли слѣдовавшіе одинъ за другимъ: шталмейстеръ его верхомъ, заводныя лошади, карета, заложенная цугомъ, и походная коляска, покрытая голубымъ сукномъ; 2) экипажъ гвардіи маіора Апраксина: шталмейстеръ его верхомъ, заводныхъ лошадей три, цуговая карета, по обѣимъ сторонамъ коей шли два гайдука, и походная карета, покрытая краснымъ сукномъ, цугомъ; 3) экипажъ командовавшаго всѣми батальонами гвардіи барона Густава фонъ-Бирона: шталмейстеръ его верхомъ, заводныхъ лошадей шесть, цуговая карета, передъ коею ѣхали два форрейтора, а по сторонамъ шли два гайдука, цуговая полевая коляска, за нею „покоевая коляска", покрытая краснымъ сукномъ, заложенная шестью лошадьми цугомъ; за экипажами слѣдовали заводныя лошади адютантовъ Бирона и другихъ штабъ-офицеровъ. За тѣмъ слѣдовала конно-гвардейская артиллерія, подъ командою „бонбардирскаго поручика гвардіи", шествіе замыкалъ „сержантъ отъ бонбардиръ", за артиллеріею—полковой и ротный квартирмистры, а за ними полковые конной гвардіи адъютанты. За конной гвардіею слѣдовали гвардейскіе пѣхотные батальоны; шествіе открывали гренадерскія роты: впереди ѣхалъ верхомъ маіоръ гвардіи (въ чинѣ генералъ-маіора) Апраксинъ, за нимъ вели вторую его заводную лошадь; за гренадерами шли два хора музыкантовъ, за ними оберъ-квартирмистръ верхомъ, за тѣмъ два адъютанта командовавшаго, а за ними лейтенантъ гвардіи, а потомъ ѣхалъ верхомъ самъ командовавшій гвардіею баронъ фонъ-Биронъ, подлѣ него шли два скорохода, а сзади него ѣхали верхомъ пажи и егеря; слѣдовавшая за тѣмъ гвардія шла по батальонно „обыкновеннымъ строемъ". Шествіе гвардіи замыкалъ маіоръ гвардіи Стрѣшневъ, верхомъ, съ своимъ адъютантомъ.

По поводу этой церемоніи, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" сообщалось, что „этотъ входъ тѣмъ наибольшаго зрѣнія достоинъ,

что гвардія съ такимъ же ополченіемъ къ непріятелю шла“, въ какомъ видѣ теперь вернулась въ столицу, возвратившись изъ похода, и что вся гвардія, какъ рядовые, такъ и офицеры, украшены были эмблемами мира: первые имѣли на шляпахъ „зеленые еловые и дубоваго листу пучки, а офицеры—лавровыя вѣтви“. По окончаніи церемоніи вступленія, всѣ офицеры возвратившейся конной и пѣхотной гвардіи „были у двора и къ рукѣ ея императорскаго величества всемилостивѣйше допущены“.

На другой день, когда съѣхались во дворецъ всѣ знатнѣйшія обоего пола персоны для принесенія поздравленій ея величеству, по случаю высокоторжественнаго дня ея рожденія, и когда стали къ рукѣ ея величества подходить, въ это самое время прибылъ изъ Константинополя секретарь посольства Неплюевъ „съ ратификаціею на заключенные мирные пункты“, о чемъ императрица тотчасъ самолично объявила тутъ же находившимся иностраннымъ министрамъ, въ то же время произведена была съ крѣпости и съ адмиралтейства пушечная пальба.

Черезъ три дня послѣ этого, изъ кабинета государыни было сообщено въ главную полиціймейстерскую канцелярію, что ея величество „всемилостивѣйшее намѣреніе воспріять соизволила, для дарованнаго отъ Бога благополучнаго мира, публичное торжество и праздники отправлять здѣсь въ настоящей масляничной недѣли“. Торжество же началось высочайшимъ выходомъ и объявленіемъ присутствовавшимъ при этомъ черезъ герольда о заключенномъ мирѣ. По прочтеніи манифеста, сказывалъ въ дворцовой церкви проповѣдь Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ вологодскій; по окончаніи проповѣди было отправлено благодарственное молебствіе, а за тѣмъ принесены были императрицѣ поздравленія, причемъ „многіе пожалованы перемѣною чиновъ, кавалеріями и другими награжденіями“. Затѣмъ манифестъ о мирѣ былъ читанъ двумя герольдами „на знатнѣйшихъ мѣстахъ императорской резиденціи, при играніи на трубахъ и съ литавреннымъ боемъ“. Съ своей стороны полиція, безъ барабаннаго, впрочемъ, боя, объявила, что „послѣ принесенія Богу должнаго благодаренія, передъ полуднемъ, для такого радостнаго случая, позади новаго Зимняго ея императорскаго величества дворца, на лугу будутъ въ народъ бросаны жетоны или медали золотыя и серебреныя, а по полудни жаренные быки съ другими пищами впередъ народу-жь дадутся, и послѣ того изъ приготовленныхъ фонтановъ вино пустится“.

У выставленныхъ для народа быковъ рога были позолочены сусальнымъ золотомъ. Они были поставлены на пирамидахъ и накрыты холстомъ. Всѣ другія „мясныя кушанья“, раставленныя заранѣе на лугу, были покрыты сверхъ холста еще особыми покрывалами изъ стамеда и камлота. Для пусканья фонтановъ были придворнымъ келлермейстеромъ отпущены 50 бочекъ краснаго вина. Вечеромъ на томъ же лугу была устроена иллюминація, на которую пошло говяжьяго

сала до 150 пудовъ. Устроить иллюминацію и фонтаны было затруднительно, такъ какъ по случаю зимняго холода пришлось оттаявать и сало, и землю, на что было употреблено нѣсколько саженъ дровъ. За иллюминаціею послѣдовалъ фейерверкъ, приготовленный канцеляріею главной артиллеріи. Фейерверкъ и иллюминація обошлись, по тогдашнему денежному курсу, недешево, такъ какъ на нихъ издержано было 6,000 рублей.

По случаю упомянутаго празднества, весь Петербургъ былъ иллюминованъ. Каждый житель обязанъ былъ зажигать въ своемъ домѣ иллюминацію въ продолженіе трехъ дней. Относительно устройства такой иллюминаціи кабинетъ ея величества сообщилъ главной полицiймейстерской канцеляріи, что торжество мира съ Турціею положено отправить на масляной недѣлѣ „и чтобъ тогда для такого торжества чрезъ три дня улицы и домы по всему городу нарочными иллюминаціями украшены были и того ради надлежитъ отнынѣ заблаговременно по всѣмъ домамъ повѣстить, чтобъ каждый у себя къ такой иллюминаціи надлежащее пріуготовленіе учинить могъ“.

Къ этому времени приготовлялась придворнымъ „статуйнаго дѣла“ мастеромъ Цвейнгофомъ мраморная статуя, именуемая Викторія, противъ турокъ и татаръ, съ разными къ ней атрибутами. Въ эти же дни, а именно 15, 16 и 17 февраля происходили при дворѣ банкеты, для которыхъ кушанья готовили иноземные повара иностранныхъ посланниковъ и министровъ, бывшихъ въ Петербургѣ. Столы, по обыкновенію, были убраны пирамидами и разными искусственными цвѣтами, скатерти къ столамъ были прибиты мелкими лужеными гвоздями и убраны алыми лентами.

VIII.

Церковные праздники.—Проповѣди и поздравленія.—День Богоявленія.—Іордань.—Пасха.—Куртагъ.—Троицынъ день.—Свадьба при дворѣ.—Свадьба фонъ-Бреверна съ баронессою Кейзерлингъ.—Свадьба барона Лиліенфельдта съ княжною Одоевскою.—Приготовленіе къ свадьбѣ Юліаны Менгденъ.—Ея приданое.—Народный маскарадъ.—Свадьба князя Голицына съ калмычкою Бужениновою.—Ледяной домъ.

Кромѣ чрезвычайныхъ празднествъ, при дворѣ чествовались еще съ особенною торжественностію годовые праздники православной церкви, а также и новый годъ. Въ день новаго года приносились поздравленія, была сказываема проповѣдь и совершалось молебствіе, сопровождаемое пушечной пальбою. Въ этотъ день при дворѣ былъ обѣдъ и балъ, оканчивавшійся фейерверкомъ, а также и иллюминація.

Въ праздникъ Богоявленія приносимы были государынѣ „отъ всѣхъ знатнѣйшихъ персонъ обоего пола всенижайшія поздравленія“. По окончаніи же въ дворцовой церкви литургіи, на Невѣ, противъ

Зимняго дворца, происходило освященіе воды при пушечной пальбѣ съ крѣпости и адмиралтейства, а отъ стоявшихъ въ парадѣ, около іорданской сѣни, войскъ происходила стрѣльба „бѣглымъ огнемъ". Въ 1740 году, императрица Анна Ивановна смотрѣла на эту церемонію изъ оконъ дворца. Такое же торжество происходило и въ 1741 году при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Въ 1740 году, празднованіе Пасхи было совершено съ особымъ торжествомъ. Въ полночь раздались съ крѣпости пушечные выстрѣлы, а къ самому началу заутрени императрица, въ сопровожденіи придворнаго штата, вошла въ дворцовую церковь. По окончаніи службы, ей въ ея покояхъ принесены были поздравленія знатными особами обоего пола, генералитетомъ и министрами какъ русскими, такъ и иностранными. Со второго дня Пасхи начались увеселенія при дворѣ. Въ понедѣльникъ, 7 апрѣля, былъ „куртагъ", 8-го—балъ, на которомъ всѣ кавалеры были въ польскомъ платьѣ. На Пасху упомянутаго года, собственно для обихода государыни, было заготовлено 3,500 яицъ крашеныхъ, 80 позолоченыхъ, 80 посеребреныхъ, 40 со стеклами и 15 лаковыхъ.

О празднованіи дня св. Троицы въ 1741 году встрѣчается слѣдующая замѣтка: „17 мая со случившимся торжественнѣйшимъ праздникомъ Пятидесятницы всѣ въ богатомъ платьѣ при дворѣ бывшіе здѣшніе и чужестранные господа министры, генералы и прочія обоего пола знатнѣйшія персоны ихъ императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ и правительницѣ и высокоповелительному государю генералиссимусу Всероссійской имперіи, также и всей императорской высочайшей фамиліи всенижайше поздравляли". Ко двору въ этотъ день требовались цвѣты изъ стрѣлинскихъ садовъ, а изъ дворцовой конторы березки.

Въ описываемое нами время развлеченіемъ для двора служили празднества по случаю бракосочетаній разныхъ придворныхъ лицъ. Каждый разъ, когда устроивалась такая свадьба, слѣдовалъ именной высочайшій указъ объ отпускѣ денегъ на изготовленіе невѣстѣ приданаго и на устройство пиршества, а также объ отпускѣ всего необходимаго изъ дворцовыхъ припасовъ. Для фрейлинъ, выходившихъ замужъ, изготовлялись на счетъ дворцовой казны и обручальныя кольца. Пиршества происходили въ залахъ дворца и сопровождались музыкою и танцами. Такимъ образомъ праздновались свадьбы не только придворныхъ чиновъ, но и разныхъ служителей, напримѣръ: „комнатныхъ дѣвицъ", гофъ-фурьеровъ, мундшенковъ, карлицъ и шутовъ. Въ разсматриваемыхъ нами документахъ находятся описанія нѣкоторыхъ такого рода свадьбъ, происходившихъ въ 1740 и 1741 годахъ. Такъ, 21 апрѣля 1740 года, съ чрезвычайною пышностію была справлена при дворѣ свадьба дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Бреверна съ статсъ-фрейлиною ея величества баронессою фонъ-Кейзерлингъ. По этому случаю было при дворѣ два бала. 26 октября 1741 года,

при дворѣ была свадьба камергера барона фонъ-Лиліенфельдта съ статсъ-фрейлиною княжною Одоевскою, пострадавшею впослѣдствіи по извѣстному дѣлу Лопухиной. Свадьба эта сопровождалась торжественнымъ дворцовымъ банкетомъ. Въ разсматриваемой нами книгѣ описывается также „свадьба" статсъ-фрейлины Юліаны Менгденъ съ польскимъ и саксонскимъ полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ, графомъ Линаромъ, въ августѣ 1741 года, съ прибавленіемъ, что о днѣ бракосочетанія этихъ лицъ въ документахъ свѣдѣній нѣтъ. Съ своей стороны мы замѣтимъ, что такихъ свѣдѣній и не могло быть, такъ какъ Линаръ не успѣлъ обвѣнчаться съ Юліаною. Онъ, послѣ сговора и обрученія, отправился по своимъ дѣламъ въ Дрезденъ и не успѣлъ еще оттуда вернуться въ Петербургъ, когда Елизавета низвергла правительницу, а невѣста Линара очутилась въ ссылкѣ. Къ браку этой четы дѣлались пышныя приготовленія, причемъ оберъ-гофмаршалъ, графъ Левенвольдъ, объявилъ камеръ-цальмейстерской конторѣ, что „ея высочество правительница Анна Леопольдовна именнымъ своего императорскаго высочества указомъ соизволила указать для свадьбы фрейлины госпожи Менгденъ, которая отдается въ замужество за графа Линара, обить въ домѣ бывшаго генерала Бирона одну спальню штофомъ малиновымъ, а къ окнамъ и дверямъ сдѣлать завѣсы такого же штофа, обложа по краямъ позументомъ золотнымъ въ два ряда, широкимъ и узкимъ; въ тое-жъ спальню сдѣлать шестеры креслы и два табурета, обивъ такимъ же штофомъ и въ два ряда позументомъ золотнымъ, широкимъ и узкимъ; въ оную-жъ спальню сдѣлать кровать двоеспальную изъ такого же штофу съ позументомъ и съ бахрамою золотными, широкимъ и узкимъ, таковымъ фасономъ, какова сдѣлана въ 1740 году для ея императорскаго высочества золотая штофная; и сдѣлавъ оное все изъ казенныхъ вещей и поставя креслы, табуреты и кровать въ помянутой спальнѣ, отдать ей, госпожѣ Менгденъ, ибо оное все отъ ея императорскаго высочества ей, госпожѣ Менгденъ, пожаловано". При дворѣ же, въ 1740 и 1741 годахъ, были свадьбы капитана преображенскаго полка, Юшкова и дочери „генеральши-супреденши", а также камеръ-юнгферы герцогини курляндской, двухъ комнатныхъ дѣвицъ правительницы, камеръ-шрейбера принца Антона, камеръ-медхены съ мундшенкомъ и одного гофъ-фурьера. Для свадьбъ этихъ наряжались большіе поѣзды отъ придворной конторы, а на пиршествахъ играла итальянская музыка.

Въ числѣ увеселеній, бывшихъ въ послѣдній годъ царствованія императрицы Анны Ивановны, самое видное мѣсто занимаетъ народный маскарадъ, составленный изъ разныхъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи, съ устройствомъ „ледяныхъ палатъ", гдѣ была сыграна „маскарадная свадьба". Приготовленія къ этой шутовской свадьбѣ начались въ 1739 году, для чего была учреждена „маскарадная коммиссія". О происходившей потѣхѣ, или такъ называемомъ „ледяномъ домѣ", было уже не разъ напечатано, такъ что здѣсь не приходится го-

ворить объ этомъ, и потому мы только укажемъ на расходы по упомянутому „маскарадному учрежденію“. Отчетъ о нихъ былъ представленъ упомянутою коммиссіею въ кабинетъ ея величества. Изъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу, видно, между прочимъ, что коммиссія заимствовала вещи, требовавшіяся для устройства маскарада изъ числа конфискованныхъ товаровъ. Сверхъ того, нѣкоторыя вещи коммиссія заимствовала изъ другихъ мѣстъ, а именно: отъ канцеляріи монетнаго правленія мелкія серебряныя копѣйки для сдѣланія мордвѣ, чувашамъ и черемиссамъ „по обычаю ихъ уборовъ“, а отъ придворной конюшенной конторы „линейныя сани“ съ упряжными приборами „для выѣздовъ того маскарада“.

Еще въ 1739 году, начали прибывать къ „маскарадному учрежденію“ выписанные чрезъ губернаторовъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи представители инородческихъ племенъ, по нѣсколько паръ мужскаго и женскаго пола, и для нихъ стали приготовлять соотвѣтствующую каждому племени одежду. При этомъ признано было нужнымъ трехъ крещеныхъ лопарей „обучить христіанской вѣрѣ и познанію Бога и Его святыхъ заповѣдей и нѣкоторыхъ молитвъ и другихъ нужнѣйшихъ правилъ и для того эти лопари отосланы въ синодъ, который впослѣдствіи донесъ, что означенные лопари „познанію истиннаго Бога и Его святыхъ заповѣдей христіанскаго закона совершенно обучены“.

Народный маскарадъ состоялъ изъ процессіи инородцевъ, шествовавшихъ въ національныхъ костюмахъ по улицамъ Петербурга или везомыхъ въ разнородныхъ повозкахъ разными животными. Въ числѣ повозокъ, приготовленныхъ придворною конюшенною конторою „линейныхъ саней“, были: двое „съ чанами“, двое „съ лавками“ и однѣ „съ кочелями“. Кромѣ того, въ документахъ упоминается „маскарадная большая линея“ и „маскарадный корабль“. Эта линея и этотъ корабль были отвезены потомъ въ Москву и въ 1741 году хранились тамъ въ остоженской конюшнѣ на фуражномъ дворѣ въ „твердомъ анбарѣ“ за замкомъ и печатью. Упряжные приборы для лошадей и другихъ животныхъ, запряженныхъ въ помянутыя линеи, доставлены были отъ придворной конюшенной конторы; такими приборами были: „гарусные алые чубы“, „сережки“, страусовыя перья, бѣлыя и красныя. Изъ животныхъ, везшихъ линейныя сани, упоминаются олени, въ числѣ 35 особей.

Относительно устройства ледянаго дома, называемаго въ документахъ „ледяными палатами“, есть указаніе, что онъ былъ сдѣланъ еще въ началѣ 1740 года; около него возвышались ледяныя башни съ поставленными на нихъ „круглыми фонарями“, еще не вполнѣ отдѣланными. 6-го февраля, въ „ледяныхъ палатахъ“ происходила свадьба, при чемъ имена жениха, князя Голицына, и невѣсты, калмычки Бужениновой, въ документахъ не упоминаются. Послѣдніе дни народнаго маскарада, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торжествованія мира съ Турціею

кончились въ февралѣ 1740 года, на масляницѣ. Въ документахъ упоминается о бывшихъ при этомъ иллюминаціяхъ, на которыя только отъ дворцоваго вѣдомства было отпущено 550 пудовъ говяжьяго сала.

Одновременно съ народнымъ маскарадомъ и потѣхою въ ледяномъ домѣ, былъ также и придворный маскарадъ, и участвовавшимъ въ немъ фрейлинамъ было пожаловано 600 рублей на „мушкарацкое платье".

Оставшаяся отъ народнаго маскарада мягкая рухлядь, по указу правительницы, отдана была въ конфискацію для продажи, а изъ упряжныхъ уборовъ страусовыя перья были употреблены на упряжь при погребеніи императрицы Анны Ивановны. Олени были переведены въ петергофскій дворецъ, а часть монетъ, изъ которыхъ были сдѣланы инородческіе уборы, оказалась растраченною; изъ-за нихъ возникло особое слѣдственное дѣло.

Е. Карновичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДѢЛО ПРИ ДЕМБЕ-ВЕЛЬКЕ, 19 (31) МАРТА 1831 ГОДА [1]).

(Изъ записокъ очевидца).

СРАЖЕНІЕ при Гроховѣ не имѣло тѣхъ рѣшительныхъ послѣдствій, которыхъ можно было ожидать послѣ пораженія польской арміи, и графъ Дибичъ, по всей справедливости, заслуживалъ упрекъ, сдѣланный Аннибалу послѣ побѣды, одержанной имъ при Каннахъ [2]). Поляки, отступивъ на лѣвую сторону Вислы, не только оправились отъ нанесеннаго имъ удара, но, удержавъ за собою прагскій тетъ-де-понъ, сохранили возможность переходить въ наступательное положеніе. Не смотря, однако же, на то, фельдмаршалъ, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ, обреченнымъ временно на бездѣйствіе до вскрытія Вислы [3]), расположилъ ихъ на тѣсныхъ квартирахъ [4]), гдѣ, затрудняясь полученіемъ провіанта и въ особенности фуража, мы были принуждены высылать фуражировъ на значительное разстояніе, что весьма изнуряло лошадей нашей кавалеріи.

Оставленный противъ непріятеля 6-й (бывшій литовскій) корпусъ, расположенный на брестскомъ шоссе, эшелонами отъ Милосны до

---

[1]) Описаніе этого дѣла въ сочиненіи Смита: „Geschichte des polnischen Aufstandes und Kriges in den Jahren 1830 und 1831“, изложено не совсѣмъ вѣрно, и потому очевидецъ дѣла счелъ не излишнимъ добавить и исправить показанія помянутаго военнаго историка.

[2]) „Ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдою“—сказалъ Аннибалу одинъ изъ его сподвижниковъ послѣ сраженія при Каннахъ.

[3]) Ледъ на Вислѣ былъ такъ непроченъ, что по немъ войска не могли переходить черезъ рѣку.

[4]) Такъ называемыя „тѣсныя“ квартиры были довольно просторны.

Минска и Станиславова, съ авангардомъ Гейсмара у Вавра, считалъ вообще въ рядахъ своихъ не болѣе 18 тысячъ человѣкъ. Ближайшія къ нему войска 1-го и гренадерскаго корпусовъ, всего до 36 тысячъ человѣкъ, стояли въ разстояніи отъ 25 до 30 верстъ, въ окрестностяхъ Гарволина, Парызова и Латовичи, имѣя сборнымъ пунктомъ Шеницу, гдѣ находилась главная квартира графа Дибича.

Въ половинѣ марта ст. ст. болота совершенно оттаяли и по временамъ шелъ дождь, отъ чего дороги, за исключеніемъ шоссе, сдѣлались неудобны для движенія войскъ. Наша батарея (2-я 24-й артиллерійской бригады) стояла въ селеніи Дембе-Вельке такъ спокойно, какъ въ мирное время; но фуражировки были не легки: деревни были оставлены жителями и намъ приходилось хозяйничать самимъ и отыскивать запасы, нерѣдко зарытые въ ямы; сначала мы успѣвали возвращаться къ батареѣ черезъ нѣсколько часовъ, но, по мѣрѣ истощенія запасовъ, намъ доводилось приходить на вторыя и даже на третьи сутки. Къ счастью, утромъ 19 (31) марта, когда пришла вѣсть о внезапномъ нападеніи на авангардъ Гейсмара, всѣ наши люди и лошади были на лицо.

Приготовленія поляковъ къ этому нападенію были сдѣланы въ совершенной тайнѣ. Начальники войскъ, собранныхъ въ Варшавѣ, получили приказаніе перейти на правую сторону Вислы уже вечеромъ 18 (30) марта. Мостъ на Вислѣ былъ устланъ соломою и войскамъ приказано соблюдать всевозможную тишину. Въ три часа утра 19 (31) марта, сорокъ тысячъ поляковъ, подъ начальствомъ Скржинецкаго, уже находились на правой сторонѣ Вислы, и вскорѣ затѣмъ раздались первые выстрѣлы въ авангардѣ генерала Гейсмара. Главныя силы его, въ составѣ 7-ми баталіоновъ, 6-ти эскадроновъ, 2-хъ казачьихъ полковъ, всего до 6-ти тысячъ человѣкъ, съ 10-ю орудіями, стояли у Вавра, а два баталіона Бѣлостокскаго полка (1200 человѣкъ), въ видѣ репли, въ пяти верстахъ позади, у Милосны. Атакованный въ шесть разъ большими силами, авангардъ Гейсмара, съ потерею трети людей и двухъ орудій, отступилъ, въ 4 часа пополудни, на позицію у Дембе-Вельке, гдѣ присоединился къ войскамъ генералъ Розена, успѣвшаго, между тѣмъ, собрать 5 батальоновъ и 8 эскадроновъ, въ числѣ 5-ти тысячъ человѣкъ, съ 14-ю орудіями. Всего же на позиціи находилось до 8-ми тысячъ пѣхоты и 2-хъ тысячъ кавалеріи, половина которыхъ состояла изъ совершенно изнуренныхъ и разстроенныхъ войскъ Гейсмара.

Позиція, занятая войсками Розена, представляла равнину, ограниченную справа довольно обширнымъ лѣсомъ, а слѣва — болотомъ, чрезъ которое протекала рѣчка; на лѣвой оконечности позиціи находилось селеніе Дембе-Вельке, а еще лѣвѣе, вдоль болота, проходило брестское шоссе, ведущее изъ Милосны въ мѣст. Минскъ. На правомъ флангѣ, въ лѣсу, по обѣ стороны проселочной дороги, расположились 50-й и 48-й егерскіе полки; а за ними стали два эскадрона

конныхъ егерей; туда же, на проселочную дорогу, въ продолженіе боя, было послано одно орудіе 24-й артиллерійской бригады. Одинъ баталіонъ Брестскаго полка и Бѣлостокскій полкъ, съ 11-ю орудіями 24-й и 25-й артиллерійскихъ бригадъ, и за ними 6 эскадроновъ литовскихъ уланъ, стояли въ центрѣ отъ лѣса до Дембе-Вельке; а одинъ баталіонъ Брестскаго полка, съ двумя орудіями 25-й артиллерійской бригады—влѣво отъ Дембе, на шоссе. Авангардъ Гейсмара отступилъ за лѣвый флангъ позиціи и также сталъ лѣвѣе селенія.

Поляки, рѣшась устремить главную атаку на подверженный обходу и наиболѣе доступный нашъ правый флангъ, направили противъ него, черезъ лѣсъ въ первой линіи, 8-й линейный полкъ съ двумя егерскими баталіонами, а противъ центра нашей позиціи—4-й линейный полкъ. Но какъ растворившаяся и вязкая почва не дозволяла движенія артиллеріи и кавалеріи, то обѣ атаки были поведены одною пѣхотою. Въ продолженіе трехъ часовъ напрасно истощали усилія, съ одной стороны, Малаховскій съ 8-мъ линейнымъ полкомъ и съ другой Богуславскій съ 4-мъ. Какъ только голова польской колонны выказывалась изъ лѣса, ее встрѣчала картечь изъ орудія, поставленнаго на проселочной дорогѣ, и частый огонь егерей, разсыпанныхъ въ лѣсу. Наши конные егеря порывались атаковать наступавшаго непріятеля, при выходѣ изъ лѣса, но изнуренныя ихъ лошади падали, что заставило командовавшаго войсками на этомъ пунктѣ, генерала Унгебауэра, отослать кавалерію назадъ и предоставить оборону праваго фланга 48-му и 50-му егерскимъ полкамъ, поддержаннымъ огнемъ одного орудія. Поляки наступали смѣло; ихъ пули поранили нѣсколько лошадей передка, стоявшаго за орудіемъ, но артиллерійская прислуга не обращала на то вниманія и осыпала непріятеля картечью, заряжая на-скоро орудіе и посылая за зарядами къ ближайшему ящику. Нѣсколько разъ командиръ 50-го егерскаго полка, Унгебауэръ, подъѣзжалъ къ офицеру, командовавшему орудіемъ, и благодарилъ его за успѣшное содѣйствіе егерямъ. Между тѣмъ, генералъ Розенъ, видя, что главная атака поляковъ была направлена на нашъ правый флангъ, усилилъ его тремя баталіонами Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, а на мѣсто ихъ въ центръ позиціи перевелъ съ лѣваго фланга три баталіона 47-го егерскаго и Виленскаго полковъ.

Такимъ образомъ, наше лѣвое крыло, черезъ которое проходило лучшее сообщеніе—брестское шоссе, было совершенно ослаблено. Нѣсколько часовъ и тамъ бой ограничился ружейною перестрѣлкою съ противоположныхъ береговъ болотистаго ручья, но, наконецъ, Богуславскому удалось занять крайніе дома селенія Дембе-Вельке и поставить на шоссе два орудія, на флангѣ нашей позиціи.

Уже наступали сумерки, когда Хршановскій предложилъ Скржинецкому повести рѣшительную атаку на нашъ лѣвый флангъ по шоссе кавалеріей, построенною въ колонну по шести. Исполненіе этого смѣлаго предпріятія было поручено молодому генералу Скар-

жинскому. Самъ онъ, во главѣ 2-го конно-егерскаго полка, кинулся по плотинѣ и мосту черезъ болотистую рѣчку; за конно-егерями устремились карабинеры и прочая кавалерія. Промчавшись черезъ дефиле, поляки развернулись, бросились на ближайшую пѣхоту и артиллерію, прорвали нѣсколько баталіоновъ, поспѣшно выстроившихся въ каре, и отбили семь орудій. Замѣчательно, что орудіе, стоявшее на нашемъ правомъ флангѣ, въ наибольшемъ разстояніи отъ шоссе, куда надлежало отступать нашимъ войскамъ, было спасено, благодаря самоотверженію егерей, вывезшихъ его на рукахъ. Въ числѣ плѣнныхъ, захваченныхъ поляками, былъ начальствовавшій пѣхотою генералъ Левандовскій, воинъ временъ Суворова, атлетъ тѣлосложеніемъ. Самъ Розенъ едва успѣлъ спастись; весь конвой его былъ изрубленъ.

Уронъ 6-го корпуса, въ дѣлахъ при Ваврѣ и Дембе-Вельке и при отступленіи къ Минску, вообще простирался съ нашей стороны до пяти тысячъ человѣкъ.

О потеряхъ же со стороны поляковъ не имѣется точныхъ свѣдѣній.

М. Богдановичъ.

ЦАРСКАЯ КОРОНАЦІЯ.

Любопытнѣйшія черты изъ богословско-историческаго изслѣдованія объ этомъ вопросѣ.

Вѣроятно, для многихъ въ настоящее время не безъинтересно знать: 1) какъ русская церковь смотритъ на вѣнчаніе и помазаніе государей; 2) какое этому въ церкви выводится богословско-историческое происхожденіе и 3) въ чемъ именно состоитъ коронація, т. е. какъ она справлялась у единовѣрныхъ намъ грековъ, а потомъ въ Россіи изначала и до нашихъ дней? Чтобы удовлетворить такому, весьма понятному любопытству, мы представляемъ вниманію читателей нижеслѣдующія краткія извлеченія изъ интереснѣйшаго академическаго изслѣдованія, которое въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

I.

Въ офиціальныхъ бумагахъ и историческихъ актахъ, гдѣ есть мѣсто упоминанію о короновании, оно называется „обрядомъ", или „священнымъ обрядомъ коронованія", иногда обрядомъ „боговѣнчанія", но церковь желаетъ дать коронованію значеніе выше священнаго обряда. Она ставитъ коронованіе или вѣнчаніе между обрядами и таинствами, приближая его гораздо ближе къ таинствамъ и сродняя съ ними по благодатной сущности. Коронованіе на языкѣ вселенской восточной церкви называютъ „божественнымъ установленіемъ, выше котораго нѣтъ ничего въ церкви послѣ семи таинствъ" (слова Оп. Милевійскаго, contr. Parmen, lib. III). Нѣкоторые же изъ русскихъ святителей еще рѣшительнѣе прямо приближали его къ таин-

ствамъ. Такъ, покойный московскій митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ), въ словѣ на день коронаціи императора Александра I, провозгласилъ, что это „не простой обрядъ для впечатлѣнія на зрителей, не мертвый знакъ съ означаемымъ только въ мысляхъ, а на самомъ дѣлѣ (sic) но дѣйствіе таинственное, въ которомъ чувственный видъ невидимо сопутствуется и проникнутъ духовною и божественною силою, и съ возліяніемъ елея на помазуемаго соединено наитіе благодати". Кіевскій же митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ), при коронаціи императора Николая Павловича, высказался еще опредѣлительнѣе: онъ въ рѣчи своей прямо назвалъ царское вѣнчаніе и помазаніе „богоблагодатнымъ таинствомъ".

Это мнѣніе, сколько намъ извѣстно, есть самое послѣднее, и, надо думать, оно есть также мнѣніе, установившееся въ церковномъ сознаніи, потому что, будучи проводимо и защищаемо въ сочиненіи кандидата с.-петербургской духовной академіи И. Катаева (1847 г.), оно выдержало ученую церковную критику и цензуру.

II.

Необходимость такого „тайнодѣйствія", какъ коронація, выводится изъ того, что тайнодѣйствіями церкви запечатлѣваются такіе союзы, которые сами въ себѣ заключаютъ какой нибудь глубокій смыслъ,—напримѣръ, союзъ души съ Богомъ: союзъ супруговъ въ образъ единеніе Христа съ церковью.

Исторія этого „тайнодѣйствія" въ глазахъ церкви имѣетъ весьма древнее начало. Упоминаніе о немъ указываютъ у пророка Исаіи (45, 1) и у народовъ языческихъ, напр., въ Египтѣ. Русскій ученый, защищавшій свое изслѣдованіе въ петербургской духовной академіи, сначала указываетъ на примѣры древнихъ и позднѣйшихъ народовъ языческихъ. На стѣнахъ дворцоваго храма Рамзеса III сохранился рядъ барильефовъ, изображающихъ вѣнчаніе этого фараона. Два божества изливали на фараона эмблемы жизни и власти.

У древнихъ индійцевъ (катеровъ и энгалезцевъ) новый государь не прежде восходилъ на престолъ, какъ принявши благословеніе отъ браминовъ, причемъ главный жрецъ посыпалъ его голову жаренымъ рисомъ.

У персовъ, преемникъ Дарія, Артаксерксъ, отправился въ Пассаргаду принять тамъ отъ жрецовъ посвященіе въ царское достоинство. При входѣ въ храмъ, посвящаемый долженъ былъ снять съ себя одежду и надѣть ту, которую носилъ Киръ, когда онъ былъ еще частнымъ человѣкомъ, съѣсть нѣсколько смоквъ, принять нѣсколько скипидарнаго масла и выпить чашку кислаго молока. У грековъ видятъ попытки къ освященію царской власти въ томъ, что сикіоняне украшали новаго царя діадемою Врасида, а аѳиняне—Антигона. У римлянъ былъ обрядъ „инавгурацій". Титъ Ливій описываетъ, что

верховный жрецъ взялъ въ лѣвую руку „власть“, правую возложилъ на голову Нумы и читалъ: „Отче Юпитеръ, благослови, да будетъ сей Нума Помпилій царемъ Рима“. У китайцевъ, новый богдыханъ передъ жертвенникомъ объявляетъ о своемъ вступленіи на царство „духамъ неба и земли“. У турокъ, великій муфтій молится о благоденствіи новаго султана въ то время, когда сей послѣдній препоясуется саблею въ мечети Махмуда II, и заколаются жертвы.

Такъ ведется это у народовъ языческихъ,—иначе повелось то же самое въ народѣ израильскомъ, въ его ветхозавѣтной церкви.

III.

У евреевъ помазаніе прямо было установлено Богомъ. Какъ на доказательство этого указываютъ на слѣдующій текстъ въ св. писаніи: „Сей будетъ въ людяхъ моихъ царствовати, и да помажеши его царя надъ людьми моими“. Это сказано Самуилу (1 кн. цар. 9, 16, 17). Саулъ и Давидъ были помазаны даже два раза. Надъ Сауломъ помазаніе повторено, когда нѣкоторые не хотѣли признать его царственныхъ правъ послѣ перваго помазанія, сдѣланнаго пророкомъ безъ свидѣтелей. Эти люди „безчинствовавше его (Саула) и не принесоша ему даровъ“ (1 цар. 10, 27); тогда „рече Самуилъ: идемъ въ Галгалы и обновимъ тамо царство“. И тутъ опять повторено было помазаніе торжественно и принесены жертвы.

О повтореніи помазанія надъ Давидомъ скажемъ ниже.

Библія упоминаетъ о помазаніи шести человѣкъ: Саула, Давида, Авессалома, Соломона, Іассы и Іуя, изъ которыхъ Авессаломъ хотя и былъ помазанъ, но не царствовалъ, потому что былъ, въ своемъ родѣ, самозванцемъ.

Еврейскіе ученые раввины утверждаютъ, что только и было всѣхъ помазаній, т. е. что послѣ будто бы цари израильскіе уже не помазывались, но христіанскіе богословы это оспариваютъ и доводятъ помазаніе до самаго Христа. Основательная критика этого вопроса весьма затруднительна, да и совсѣмъ едва ли возможна.

Самый способъ „тайнодѣйствія“ (такъ называетъ академическое изслѣдованіе) въ помазаніи царей у евреевъ разнообразился въ частностяхъ. Изслѣдованіе выводитъ, что иногда елей возливался на голову царя изъ рога, иногда изъ сосуда. На Давида и Соломона онъ былъ вылитъ изъ рога, а на Іуя и на Саула—изъ сосуда. Въ отношеніи сего послѣдняго, нѣкоторые прибавляютъ, что „Саулъ былъ помазанъ изъ хрупкаго сосуда, чѣмъ и была предзнаменована непрочность его царствованія“.

Помазаніе совершалось на мѣстахъ общественныхъ собраній: въ Галгалахъ, въ Хевронѣ, впослѣдствіи въ храмѣ іерусалимскомъ. Одинъ Соломонъ былъ помазанъ при источникѣ Гіонѣ, который до того ничѣмъ не былъ замѣчателенъ, но для объясненія этого при-

водится такое предположеніе, что Давидъ далъ приказаніе отвезти двѣнадцатилѣтняго Соломона къ Гіону и помазать его надъ этимъ источникомъ, „дабы видъ колеблющихся водъ напоминалъ ему непостоянство и быстротечность земнаго величія“.

Какъ „возливалось“ масло на царей израилевыхъ, — это понимаютъ неодинаково. Во всякомъ случаѣ, ихъ не обливали изъ какого нибудь большаго суда, а поливали имъ очень умѣренное количество масла на голову. Св. писаніе объ этомъ не распространяется, но въ раввинской литературѣ есть разъясненіе, изъ котораго видно, что „цари еврейскіе, изъ рода Давидова, помазывались елеемъ на темени въ видѣ короны“, однако, многимъ это кажется неосновательнымъ. По крайней мѣрѣ болѣе вѣроятнымъ признается другое сказаніе (ученаго выкреста де-Лира), что израильскихъ царей помазывали, выводя просто кружокъ и при томъ не на темени, а на лбу.

Кто помазывалъ еврейскихъ царей? Началъ это пророкъ Самуилъ; Соломона и Іоассу предполагаютъ будто помазывали первосвященники (Садокъ и Годдай), а кто помазалъ два раза въ Хевронѣ Давида и кто ненадлежаще совершилъ тоже самое надъ Авессаломомъ, этого изъ св. писанія невидно. Предполагаютъ, что Давида въ оба раза помазали просто „мужи“, т. е. вліятельные люди изъ народа, и это очень вѣроятно, ибо въ Библіи сказано такъ: „пріидоша вси старѣйшины и помазаша“ (1 ц. 5, 3), а въ другой разъ „пріидоша мужи и помазаша Давида“ (4 ц. 2, 4). Помазанниковъ, послѣ помазанія, привѣтствовали поклоненіемъ и цалованіемъ ихъ. Это видно изъ того карикатурнаго представленія, которое дѣлали въ преторіи надъ арестованнымъ Христомъ. Давши ему вѣнецъ и трость, какъ новопомазанному царю, ругатели, конечно, продѣлывали тутъ, въ видѣ оскорбительной насмѣшки, то самое, что умѣли взять съ настоящаго образца. По крайней мѣрѣ такъ предполагаетъ академическое изслѣдованіе, которое въ этомъ случаѣ, вѣроятно, очень близко къ истинѣ.

Какимъ елеемъ помазывали? Это у знатоковъ дѣла составляетъ споръ и имѣетъ довольно обширную литературу. Одни изъ еврейскихъ писателей держатся того мнѣнія, что ихъ древнихъ царей помазывали простымъ, чистымъ масломъ, какое на этотъ разъ могло быть взято, но другіе оспариваютъ это и настаиваютъ на томъ, что будто съ самаго изначала для помазанія употреблялся особенный „святой“ елей, который въ первый разъ для помазанія Саула приготовилъ и освятилъ пророкъ Самуилъ. Какое изъ этихъ двухъ мнѣній достовѣрнѣе — критика, послѣ многихъ лѣтъ, съ ясностію еще не рѣшила и едва ли рѣшитъ.

До коихъ поръ продолжалось царепомазаніе? — тоже спорно. Христіанскіе отцы церкви, касавшіеся этого вопроса, старались доказать, что помазаніе продолжалось до самаго пришествія Христова, но писатели еврейскіе, и въ числѣ ихъ извѣстный де-Лиръ, свидѣтельства

котораго пользуются заслуженнымъ довѣріемъ и авторитетомъ, держатся другаго мнѣнія. Эти утверждаютъ, что послѣ разрушенія перваго іерусалимскаго храма и отвода евреевъ въ вавилонскій плѣнъ, царей уже вовсе не помазывали, да и не могли помазывать, потому-что, при іерусалимскомъ разгромѣ вмѣстѣ съ ковчегомъ завѣта, исчезъ „святой елей", хранившійся въ этомъ ковчегѣ. Такая причина кажется, въ самомъ дѣлѣ, весьма основательною, тѣмъ болѣе, что если требовался елей святой, то его негдѣ было взять, ибо, по еврейскому разумѣнію, новаго „святого" елея посвятить было невозможно, такъ какъ это запрещено Моисеемъ. Запрещеніе же видятъ въ слѣдующихъ точныхъ словахъ одной изъ Моисеевыхъ книгъ (Исх. 30, 32): „По сложенію сему да не сотворите сами себѣ иного сице: святъ есть и освященіе будетъ вамъ". Однако русскій ученый, разсматривавшій этотъ вопросъ въ собраніи петербургской духовной академіи, этимъ не убѣждался. По его мнѣнію, въ приведенныхъ словахъ Моисея „нѣтъ никакой необходимости понимать указанное запрещеніе въ такомъ строгомъ смыслѣ, что будто нельзя было освятить новаго елея и въ такомъ случаѣ, когда какимъ нибудь несчастнымъ образомъ утраченъ будетъ елей, освященный Моисеемъ. Пока есть законные освятители, до тѣхъ поръ возможно и освященіе".

Торжественность царепомазанія у евреевъ,—когда оно производилось при спокойныхъ обстоятельствахъ, сопровождалось трубными звуками и церковнымъ поученіемъ, въ которомъ старались „поучать царя смиренію во власти и достойному прохожденію славнаго поприща. Потомъ съ трубнымъ концертомъ провожали его домой и здѣсь еще давали ему на прощаньи нѣсколько наставленій — какъ царствовать мудро, умѣренно и правосудно" [1]).

Порфира, по предположенію русскаго изслѣдователя, „должна напоминать лѣпоту славы, о которой говоритъ пророкъ". При этомъ академическое изслѣдованіе ссылается на одно историческое свидѣтельство, гдѣ сказано, что особенная одежда была нужна для народа, ибо „и послѣдній изъ простолюдиновъ, которые любятъ судить о важности лица по платью, легко соображалъ, при видѣ порфироносца, что это не простой человѣкъ, но господинъ, у котораго силы и дѣятельность такихъ же необыкновенныхъ размѣровъ, какъ и его одежда". Сходство этого облаченія съ святительскою мантіею въ позднѣйшія, христіанскія времена должно было выражать, что „царь есть предъуготовитель гражданъ земныхъ къ гражданству небесному" [2]).

Теперь обстоятельнѣе переходимъ къ помазанію во времена христіанскія.

---

[1]) См. Катаевъ, „О св. вѣнчаніи и помазаніи царей на царство". С.-Петербургъ, типографія Фишера. 1847 г., стр. 39.

[2]) Ibidem, pag. 45.

IV.

Русскаго ученаго, изслѣдованіемъ котораго мы пользуемся, останавливаетъ то обстоятельство, что въ христіанской церкви помазаніе царей началось не сразу и даже нескоро. Въ первые три вѣка христіанства совсѣмъ не было помазанія на царство ни одного изъ христіанскихъ властителей. Доведенное твердою послѣдовательностію отцевъ церкви отъ Саула до самаго Христа, оно вдругъ прерывается на томъ самомъ пунктѣ, въ связи съ которымъ видимо было особенное значеніе этого тайнодѣйствія.

О трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства, на этотъ счетъ, разумѣть не трудно, такъ какъ церковь въ это время не имѣла своихъ христіанскихъ царей, но съ четвертаго вѣка, когда уже начинаются государи изъ христіанъ, объясненіе, почему не было помазанія,—гораздо затруднительнѣе. „Казалось бы, говоритъ изслѣдователь, съ того же времени надлежало начаться и новозавѣтному царскому помазанію, но на самомъ дѣлѣ оно является въ христіанской церкви гораздо позже". А именно, изслѣдованіе принимаетъ, что „въ первый разъ это тайнодѣйствіе совершено было надъ Львомъ Великимъ, двѣнадцатымъ императоромъ послѣ Константина Великаго (457 г.)". Впрочемъ и „объ немъ только достовѣрно извѣстно, что онъ вѣнчанъ діадемою патріархомъ Анатоліемъ", а о помазаніи не упомянуто.

Продолжительный пробѣлъ въ преемственности царепомазанія, русское академическое изслѣдованіе объясняетъ тремя предположеніями: или „до насъ не дошло памятниковъ того времени", или „цари христіанскіе при вступленіи своемъ на царство были только оглашенные", или же „въ этомъ случаѣ имѣетъ свою силу законъ: время всякой вещи подъ небесемъ" (Эккл. 3, 4).

Однако, впрочемъ, и въ самомъ пробѣльномъ періодѣ, о которомъ сейчасъ сказано, изслѣдователь отмѣчаетъ нѣкоторые особенные случаи; такъ напр., Маркіанъ (450 г.) „сдѣлался самодержцемъ по божественному жребію, въ присутствіи патріарха и сената"; Ѳеодосій Младшій (408) „въ одномъ изданіи" хроники одного „чтеца", „называется вѣнчаннымъ черезъ патріарха", хотя, впрочемъ, „по другимъ это можетъ быть относимо ко Льву Великому". О Ѳеодосіи же Великомъ „есть сказаніе, что онъ во снѣ видѣлъ, будто божественный Милетій возложилъ на его голову императорскій вѣнецъ и облекъ его въ царскую хламиду". А когда онъ выходилъ изъ церкви, „въ воздухѣ показалась огромная птица, держа въ клювѣ своемъ радужный вѣнецъ, и опустила его на голову Ѳеодосія, и это сочли небеснымъ запечатлѣніемъ его императорскаго достоинства" [1]).

Впрочемъ, по заключительнымъ словамъ изслѣдованія, „ни откуда не видно, чтобы это священнодѣйствіе, ознаменованное чудомъ, было

---

[1]) Ibidem, 52.

точнымъ исполненіемъ сна на дѣлѣ". Русскій ученый, во всякомъ случаѣ, даетъ нѣкоторый вѣсъ тому историческому факту, что „Граціанъ, которому преемствовалъ Ѳеодосій, рукоположилъ его на открытомъ полѣ передъ легіонами и (здѣсь) возложилъ на него вѣнецъ" [1]).

Подробности перваго христіанскаго „тайнодѣйствія", бывшаго надъ императоромъ Львомъ (Великимъ), неизвѣстны. Нашъ авторъ, однако, находитъ себя въ возможности о нихъ „догадываться по нѣкоторымъ мѣстамъ позднѣйшихъ византійскихъ писателей", особенно Кантакузена (послѣ 1327 г.) и Кодина, жившаго еще позднѣе Кантакузена.

У Кантакузена, который самъ былъ императоромъ, находятъ обстоятельныя описанія царскихъ коронацій въ Византіи, что, по нашей религіозной близости съ греками, и представляетъ для насъ большой интересъ.

V.

Государь, которому предстояло принять „тайнодѣйствіе церкви греческой", наканунѣ дня, когда должно было совершиться это тайнодѣйствіе, входилъ съ членами своей фамиліи и съ князьями въ большой дворецъ и здѣсь проводилъ ночь. На разсвѣтѣ, для коронаціи сюда вступали вельможи, гвардія и выборные отъ всѣхъ сословій, а въ два часа дня начинался выходъ въ храмъ св. Софіи. Здѣсь императоръ подавалъ патріарху собственноручно имъ написанное „исповѣданіе вѣры". Въ свиткѣ такъ именно и говорилось: „начерталъ сіе исповѣданіе собственною моею рукою". Въ исповѣданіи этомъ писались символъ вѣры и „обѣщанія" вѣрности установленіямъ церкви, а также „обязательства воздерживаться отъ опалъ и казней".

„Основаніе этому исповѣданію или присягѣ" положено при помазаніи императора Анастасія, котораго патріархъ Евфимій не хотѣлъ вѣнчать иначе, какъ подъ условіемъ, „если онъ дастъ ему рукописное клятвенное обѣщаніе". Въ этомъ видѣли „открытіе царемъ сердца Богу и народу".

По произнесеніи присяги, императоръ входилъ въ особый притворъ храма, называемый „трикливіумъ", а народу въ это время „разбрасывали нѣсколько тысячъ эпикомбій", то есть небольшихъ суконныхъ сверточковъ, или „узельцы злата", изъ которыхъ въ каждомъ было завязано по три монеты золотыя, по три серебряныя и по три мѣдныя (обола). Народъ бросался на эти подарки и происходила большая суета и давка; а въ это самое время въ притворѣ, куда удалялся царь, послѣ произнесенія имъ присяги, пріуготовлялась самая торжественная часть церемоніи. Тамъ новаго государя „посаж-

---

[1]) Ibidem.

дали" на щитъ и поднимали надъ головами на показъ всему народу, который выражалъ громко свои восторги.

Самая церемонія „щитодержанія" у хронографовъ описывается не одинаково: болѣе древніе хронографы, повидимому, не придавали особеннаго значенія тому, кто именно держалъ щитъ, на которомъ стоялъ императоръ, и только поэтъ Корринъ, воспѣвшій въ стихахъ „стояніе Іустина", говоритъ, что, при этомъ случаѣ, щитъ держали „юноши", а „по всѣмъ соображеніямъ" русскаго изслѣдователя, „за нѣсколько царствованій передъ Андроникомъ, въ щитодержаніи началъ принимать участіе и патріархъ".

Съ этой поры и щитъ, на которомъ поднимали надъ головами новаго государя, былъ уже не обыкновенный боевой воинскій щитъ, а особенный, нарочитымъ образомъ убранный и разукрашенный. Онъ былъ „окрашенъ" пурпуровой краской, а, можетъ быть, даже покрывался дорогою тканью пурпуроваго цвѣта, а на серединѣ его былъ утвержденъ большой золоченый крестъ, въ ростъ человѣка, за который держался, стоя на щитѣ, помазанникъ. По угламъ же этого особеннаго, церемоніальнаго щита, были выкованныя изъ золота четыре греческія буквы β., означавшія четыре слова: „царь царей царствуя возцарствуетъ".

При видѣ поднятаго на щитѣ царя, народъ привѣтствовалъ его восторженными восклицаніями, въ выраженіяхъ, о которыхъ мы нѣчто знаемъ по описанію вѣнчанія Никифора Фоки. Ему кричали: „Звѣзда утренняя, Эолъ, помрачитель лучей солнечныхъ, блѣдная смерть сарациновъ,—многія лѣта!"

Когда щитъ опускался, клики народа усиливались, а приближенные тогда брали императора подъ руки и вели его во внутренность церкви, гдѣ въ удобномъ мѣстѣ устроивался на этотъ случай особенный уборный шатеръ. Здѣсь на него надѣвали порфиру и діадему, которыя, по свѣдѣніямъ нашего изслѣдователя, „предварительно были освящены благословеніемъ священнослужителей".

Между тѣмъ, начиналась литургія (очень поздно,—послѣ 2-го часа дня) и императоръ въ діадемѣ и въ порфирѣ выступалъ изъ шатра въ сопровожденіи всей царской фамиліи, восходилъ на амвонъ и садился на золотомъ престолѣ. Передъ пѣніемъ „Святый Боже", патріархъ вставалъ съ своего мѣста и посылалъ „одного изъ важнѣйшихъ священнослужителей" пригласить императора „къ принятію благодати", а самъ „начиналъ читать молитвы къ мνропомазанію". Въ это время императоръ и всѣ предстоящіе преклоняли головы, а когда патріархъ кончалъ молитву, императоръ снималъ съ себя діадему, а патріархъ помазывалъ его голову мνромъ и возглашалъ „святъ". Священнослужители три раза повторяли „святъ, святъ, святъ". Потомъ діаконы выносили изъ алтаря вѣнецъ, а патріархъ надѣвалъ его на голову государя и произносилъ „достоинъ". Клиръ и народъ повторяли это такъ же, какъ и слово „святъ".

Обыкновеніе провозглашать императора святымъ и достойнымъ, по выводамъ русскаго изслѣдователя, „взято съ обыкновенія, имѣвшаго мѣсто въ поставленіи священниковъ, и потому должно быть признано древнимъ".

VI.

По возглашеніи императору „святъ" и „достоинъ", патріархъ подавалъ ему въ одну руку крестъ, а въ другую скипетръ, съ которыми государь и стоялъ на своемъ мѣстѣ, а во время херувимской къ нему подходили два діакона и взявъ его подъ руки вели къ жертвеннику. Здѣсь государь надѣвалъ на себя златошвенную ризу и своею особою открывалъ великій выходъ. Онъ шелъ съ крестомъ въ правой рукѣ и съ золотымъ прутомъ въ лѣвой. По обѣимъ сторонамъ шли варанги съ алебардами и до ста пажей, частію безоружныхъ, а частію съ оружіемъ.

Сослужащее духовенство: священники и діаконы со священными вещами и св. дарами шли сзади. Государь, идучи „во главѣ всего священнаго собора", становился противъ царскихъ вратъ, въ которыхъ уже стоялъ патріархъ, и оба они привѣтствовали другъ друга встрѣчными поклонами. Затѣмъ, императоръ становился бокомъ, а шедшій впереди священнослужителей діаконъ „кадилъ ему съ низкимъ поклономъ и возглашалъ: да помянетъ Господь Богъ державство царствія твоего во царствіи своемъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ". За этимъ, первымъ лицомъ священнаго собора, то же самое повторяли всѣ прочіе священнослужители.

Въ русскомъ изслѣдованіи (стр. 65) сказано, что нѣкоторые изъ римско-католическихъ писателей видѣли въ этомъ „побужденія лести", но это, по мнѣнію нашего богослова „напрасно", такъ какъ это сначала дѣлалось „ради чести царскаго величества", а послѣ— „по древнѣйшему преданію". „Съ другой же стороны церковь греческая, понявъ священное отношеніе власти царей къ власти іерарховъ, даровала государямъ, согласно съ ихъ волею, скромное званіе церковныхъ депутатовъ, а депутаты въ греческой церкви стояли на степени діаконской".

Нашъ изслѣдователь приводитъ еще болѣе любопытное свидѣтельство Зосимы, который пишетъ слѣдующее:

„Всякій разъ, какъ какой либо императоръ принималъ власть, ему подносилась первосвященникомъ священническая одежда (sacerdatalis), и онъ титуловался верховнымъ первосвященникомъ (pontifex maximus)". Стало быть, это имѣло въ іерархическомъ сравненіи степеней священства гораздо высшее значеніе, чѣмъ діаконство.

У Зосимы есть и обстоятельное объясненіе, почему греческая церковь признала это нужнымъ? Онъ говоритъ; „подданные гораздо смѣлѣе рѣшались на заговоры противъ того, кого не видали освященнымъ отечественною религіею; а кого напротивъ видѣли превозне-

сеннымъ ею, чтили такъ, что всѣ начальства ставили несравненно ниже его, единой волѣ его довѣряли всѣ дѣла. Такова была связь между достоинствомъ императорскимъ и первосвященническимъ, что первое безъ послѣдняго не могло даже существовать". (Coment. Byz. hist in Cod. p. 115).

Основательность и умѣстность обычая облекаться въ ризы и присоединяться къ священнодѣйствующимъ, „предходить святымъ", утверждаетъ и Симеонъ Солунскій. Онъ находитъ, что царь „долженствуетъ мирствовати церковь, и предходити тѣй, и управляти тую, и вся подкланяти тѣй, и рабы творити". (Объ освящ. храм. гл. 150, изъ рукоп. хр. спб. дух. акад.). Нашъ же русскій изслѣдователь, смотря на дѣло съ своей точки зрѣнія, не только отстраняетъ укоризну западныхъ христіанъ византійской льстивости, но видитъ во всемъ, сейчасъ нами представленномъ, обрядѣ сходство съ „смиреннымъ служеніемъ св. Іоанна Предтечи Христова" (стр. 66).

Совершивъ великій выходъ въ священническомъ облаченіи, „императоръ давалъ снять съ себя священную ризу" и, отойдя къ своему престолу, „сидѣлъ" на немъ до причастнаго стиха, а когда начинали этотъ стихъ, онъ шелъ, „по приглашенію діакона", въ алтарь для причащенія. Но прежде, чѣмъ приступить къ причастію, государь непосредственно самъ присоединялся къ священнодѣйствующимъ, а именно, онъ бралъ изъ рукъ діакона кадило и окаждалъ престолъ, потомъ кадилъ патріарху, а патріархъ ему. Нашъ изслѣдователь убѣждаетъ, что государь долженъ былъ это дѣлать, ибо „званіе церковнаго депутата заставляло его взять у діакона кадило", и проч.

Пріобщаясь, императоръ снималъ съ себя корону и „вкушалъ по примѣру священнослужителей часть животворящаго тѣла и пилъ изъ чаши живоносную кровь", т. е. пріобщался какъ священникъ.

Симеонъ Солунскій говоритъ: „царь яко діакони причащается отъ уготованнаго на сіе потира: сіе бѣ узаконено издревлѣ, яко же познахомъ отъ древнихъ предъизображеній на столбцѣ нѣкоемъ" [1]).

Вся эта византійская церемонія заключалась характернымъ „урокомъ смиренія". Когда коронованный государь собирался выходить изъ храма, „къ нему приступалъ человѣкъ съ сосудомъ, наполненнымъ прахомъ и мертвыми костями, въ одной рукѣ, а въ другой съ клокомъ тонко расчесаннаго льна". Ко льну приближали зазженную свѣчу и онъ мгновенно вспыхивалъ и сгоралъ.

---

[1]) Съ переходомъ всего чина этого „тайнодѣйствія" къ намъ и наши помазанные государи причащали себя сами изъ чаши, но императоръ Александръ Павловичъ первый пожелалъ причаститься какъ міряининъ, т. е. въ царскихъ вратахъ и „со лжицы". Его примѣру послѣдовали Николай Павловичъ и Александръ-Освободитель.

Въ этомъ состояла аллегорія, заключавшая въ себѣ „урокъ смиренія" для государя. Такъ было въ XI в., а послѣ, напримѣръ, въ XVI, когда всякіе намеки умѣли дѣлать поделикатнѣе, человѣкъ съ „прахомъ и костями" уже не приступалъ, а „къ вѣнценосцу подходили два монументщика (qui vocantur monumentarum aedificotores) съ четырьмя или пятью кусками разноцвѣтнаго мрамора и, указывая на нихъ, спрашивали:

— Ваше величество! изъ котораго изъ этихъ камней прикажете приготовить надгробіе на вашу могилу?

Вопросъ этотъ всегда оставался безъ отвѣта, котораго вопрошавшіе, понятно, и не добивались.

Мнѣ доводилось не разъ читать (сейчасъ не могу вспомнить гдѣ), что византійскіе императоры, появляясь за тѣмъ къ народу (какъ наши выходятъ на Красное крыльцо), благословляли все множество стоящихъ передъ ними людей по-святительски, т. е. обѣими руками, и что это такъ именно и было, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но русскій изслѣдователь не упоминаетъ объ этомъ ни слова.

„Это величественное тайнодѣйствіе, на ряду съ другими таинствами и обрядами, перешло изъ греко-восточной церкви къ благословенной дщери ея, церкви русской". Такъ заключаетъ изслѣдователь описаніе церемоній византійскихъ коронацій и непосредственно переходитъ къ тому: какъ имѣетъ себя это дѣло въ Россіи, гдѣ оно по времени получило нѣкоторыя отмѣны и своеобразныя „приращенія".

VII.

Обращаясь къ своей родинѣ, русскій изслѣдователь о коронаціи видитъ слѣды или, лучше сказать, признаки этого тайнодѣйствія съ самаго основанія Руси. Онъ разсматриваетъ дѣло съ самаго начала,— изыскиваетъ, „было ли что подобное при воцареніи Рюрика съ братьями, Олега, Игоря и Святослава", и находитъ, по крайней мѣрѣ, нѣчто, достойное упоминанія, изъ „обычаевъ скандинавовъ и славянъ-каринтовъ". У тѣхъ и у другихъ была общая сходка на лугу у камня, для выбора „конунга", или предводителя. Камень тутъ имѣлъ важное значеніе: съ него избранникъ ступалъ на щитъ, на которомъ его поднимали надъ головами народа, и въ церемоніяхъ славянъ къ этому было приспособлено весьма характерное символическое „дѣйство". Все собраніе становилось у камня, къ которому долженъ былъ придти избранникъ, а на самомъ камнѣ становился одинъ поселянинъ. Этотъ земледѣлецъ, изображавшій собою народную силу, занималъ мѣсто, которое было нужно для новаго князя. Поселянинъ представлялъ собою настоящаго владѣтеля земли, „имѣющаго на нее наслѣдственное право", за свой потъ и кровь своихъ предковъ.

Земледѣлецъ стоялъ на камнѣ въ молчаніи, пока вдали показывался избранный вождь, окружённый народными старшинами. Тогда же, завидѣвъ ихъ, этотъ пахарь начипалъ „дѣйство",—онъ громко спрашивалъ у окружающихъ:

— Кто это выступаетъ такъ гордо?

Народъ, окружающій камень, отвѣчалъ:

— Это земская власть.

— Правосуденъ ли онъ? вопрошалъ пахарь.

Народъ отвѣчалъ: есть и будетъ.

Земледѣлецъ спрашивалъ далѣе: желаетъ ли онъ добра народу, достоинъ ли почтенія и можетъ ли быть заступникомъ христіанскаго благочестія? И когда народъ на всѣ эти вопросы давалъ ему вполнѣ утвердительные отвѣты, тогда пахарь, не трогаясь самъ съ мѣста, протягивалъ князю руку и помогалъ ему подняться на камень. Здѣсь, стоя на одной высотѣ, земледѣлецъ „наказывалъ избраннику быть справедливымъ" и, затѣмъ, сходилъ самъ долой съ камня, на землю. Тогда избранный говорилъ народу рѣчь и, въ заключеніе своихъ объясненій, пилъ передъ всѣми воду изъ крестьянской шляпы.

Послѣдователи Шлецера и Венелина полагаютъ, что въ такомъ родѣ, можетъ быть, происходило избраніе Рюрика и его ближайшихъ преемниковъ.

Христіанскія „тайнодѣйствія", разумѣется, были совершенно въ иномъ родѣ, но они, по мнѣнію академическаго изслѣдователя этого вопроса, имѣли мѣсто съ самаго Владиміра Великаго или Святого,—хотя тутъ, однако, есть нѣкоторая довольно серьезная неясность. Извѣстно, что въ граматѣ, присланной, въ 1561 году константинопольскимъ патріархомъ Іосифомъ, царю Ивану Васильевичу, упоминается о вѣнчаніи Владиміра, супруга царевны Анны, митрополитами ефесскимъ и антіохійскимъ, „посланными изъ Царьграда съ дарованными регаліями". Такимъ образомъ, въ довольно позднее время, на основаніи этой граматы, стали утверждать, что Владиміръ Святой былъ коронованъ царскими регаліями, присланными изъ Византіи и понынѣ хранящимися въ Москвѣ. Это многимъ было пріятно и весьма полезно для „московскаго державства", но знатокамъ исторіи извѣстно также и то, что упомянутая „грамата отъ церкви греческой" составлена по желанію Ивана IV, который хотѣлъ имѣть въ ней санкцію для вѣнчанія. Это много вредило довѣрію къ граматѣ, и хотя желавшіе ее поддержать и утвердить указывали, что грамата составлена не кѣмъ нибудь единолично, а соборне, 36 епископами и митрополитами, подъ предсѣдательствомъ самаго патріарха, однако же, значеніе ея на счетъ вѣнчанности святого Владиміра до сихъ поръ спорно. При семъ достойно замѣчанія то, что достовѣрность упомянутаго вѣнчанія св. Владиміра византійскими регаліями колеблется не иностранными, а чисто русскими источниками, и именно нашими древними „чиновниками", т. е. книгами, по которымъ совершалось

вѣнчаніе нашихъ царей. „Чиновники“ сохранили, что „превысочайшую честь, царскій вѣнецъ и діадему отъ греческаго царя Константина Мономаха воспріемъ князь Владиміръ Всеволодовичъ и сего ради мономахъ наречеся“. Но какія бы ни были недоразумѣнія исторической науки по поводу этого недоразумѣнія, нашъ академическій изслѣдователь установляетъ, что патріархъ константинопольскій и его епископы были правы, сказавъ Ивану IV, что у насъ въ Россіи первый былъ вѣнчанъ на царство Владиміръ Святой. Академическій изслѣдователь охотнѣе склоняется къ тому, что погрѣшаютъ и не содержатъ въ себѣ правды русскія записи. Къ этому онъ пришелъ черезъ такія соображенія, что хотя „чиновники“ писались каждый разъ, несомнѣнно, безъ всякаго намѣренія представить дѣло невѣрно, но „самое преданіе“ о томъ, что регаліи пришли Владиміру Мономаху, а не Владиміру Святому, „могло исказиться“...

Со времени Владиміра Мономаха, на Руси не было настоящаго вѣнчанія царей до Іоанна III, который при жизни своей вѣнчалъ на царство внука своего Дмитрія Ивановича. Русское изслѣдованіе объясняетъ этотъ пробѣлъ тѣмъ, что съ Владиміра Мономаха у насъ не было самодержавства, и въ этотъ промежутокъ „народъ лишь садилъ князей на столѣ и водилъ ихъ ко кресту“. Только о Юріѣ Долгорукомъ извѣстно, что „митрополитъ благословилъ его властвовать надъ южною Россіею, и онъ стоялъ на литургіи въ шапкѣ“ Первое извѣстіе о настоящемъ полномъ вѣнчаніи по-византійски было принесено въ Москву въ XIV вѣкѣ какимъ-то неизвѣстнымъ русскимъ путешественникомъ, который видѣлъ и списалъ „дѣйство, како вѣнчанъ бысть царь Мануилъ греческій на царство“. Списаніе это сохранилось между памятниками русской письменности XIV вѣка и излагаетъ „дѣйство“ Мануилово до малѣйшихъ подробностей, не опуская, напримѣръ, даже того, что „пѣвцы стояху чудно, ризы имѣяху яко священніи стихари, широцы и долзи, овіи камчати, друзіи же шидяны, а стояніе ихъ толико бысть чинно, яко они написанныя зряхуся. Бяше ту всѣхъ разный чинъ видѣніемъ пречудный, а старѣйшій изъ нихъ бѣ мужъ дивенъ и красенъ зѣло и сѣдинами яко снѣгъ бѣлѣяся и вся сія бяша пречудна, и страшно и несказанно, яко умъ человѣческій превосходящей“. Списатель „дѣйства“ отмѣтилъ и то, какъ показывали Мануилу цвѣтные образцы мрамора и спрашивали: „которымъ велитъ держава твоя быти гробу твоему“. Описаніе это на Руси нравилось,—его списывали, читали и себѣ желали такой же великолѣпной пышности, хотя съ нѣкоторыми отмѣнами, но за то и съ иными, какъ сказано, „приращеніями“.

Съ Дмитрія Ивановича и у насъ вѣнчаніе дѣлается уже торжественнѣе и идетъ, прерываясь за все время лишь три раза, на Василіѣ Ивановичѣ, Димитріѣ Самозванцѣ и Петрѣ III, „которыхъ чины (по словамъ изслѣдованія) утрачены“.

Здѣсь невольно бросается въ глаза очень странная, непрости-

тельная и въ то же время, какъ будто, умышленная путаница: авторъ числитъ въ перерывѣ Димитрія Самозванца, который не только самъ былъ вѣнчанъ на царство, но еще первый отвѣнчалъ и жену свою, Марину, наравнѣ съ Петромъ III, который совсѣмъ не былъ коронованъ. Если чинъ вѣнчанія Самозванца могъ быть утраченъ, то чинъ вѣнчанія Петра III утратиться не могъ, ибо его никогда не было, такъ какъ не было коронаціи. Для чего, въ 1847 году, нужно было это смѣшать и спутать—отгадать очень трудно. Впрочемъ, это было именно та пора, когда въ исторіи не дозволялось напр. говорить, что св. Владиміръ имѣлъ „отъ нѣсколькихъ женъ" двѣнадцать сыновей...

Въ русскихъ „чинахъ" вѣнчанія, построенныхъ примѣнительно къ образцамъ византійскимъ, ни въ одномъ не замѣчаютъ вопрошеній о каменіяхъ, изъ нихъ же гробу быти, но за то въ нихъ есть „приращенія" чисто русскаго характера.

Это имѣетъ не малый и достойный вниманія интересъ.

VIII.

Первое, по порядку, вѣнчаніе Дмитрія Ивановича отличалось тѣмъ, что оно происходило при жизни царствующаго государя Ивана III. Это объясняется тогдашними условіями престолонаслѣдства. Великій князь самъ ввелъ своего пятнадцатилѣтняго внука Дмитрія въ Успенскій соборъ, гдѣ, посреди церкви, возвышался просторный амвонъ съ тремя мѣстами — для Іоанна, Дмитрія и для митрополита. Возлѣ стоялъ анолой, на которомъ были положены мономахова шапка и бармы. Отпѣли молебенъ и, при окончаніи его, Іоаннъ говорилъ рѣчь святителю о томъ, что онъ по случаю, смерти своего сына, благословляетъ на царство старшаго внука. "И ты, отче, благослови его на великое княженіе".

Митрополитъ благословилъ Дмитрія, положивъ руку на его голову. Два архимандрита подали бармы. Митрополитъ осѣнилъ Дмитрія крестомъ и подалъ бармы Іоанну, а онъ ихъ возложилъ на внука. Такимъ же образомъ была возложена и шапка мономахова, послѣ чего митрополитъ сѣлъ на свое мѣсто, а архидіаконъ возгласилъ многолѣтіе обоимъ государямъ и пѣли „многая лѣта". Произошло поздравленіе отъ митрополита, членовъ царствующаго дома и бояръ, потомъ была отслужена литургія. О томъ, чтобы Дмитрій причащался за этою литургіею съ тою особенною торжественностію, какъ причащались цари греческіе въ русскомъ „чиновникѣ", не сказано. Послѣ службы, Дмитрія Ивановича водили въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій и въ дверяхъ ихъ „по трижды осыпали золотыми и серебряными деньгами".

Грозный вѣнчался точно такихъ же образомъ, но его уже „осыпали только одними золотыми деньгами". Съ Ѳедора Ивановича „тай-

нодѣйствіе“ справляется еще сложнѣе и еще торжественнѣе. Уже наканунѣ коронаціи во всей Москвѣ отправляли всенощное бдѣніе, а въ самый день вѣнчанія регаліи торжественно переносили „съ казеннаго двора“, гдѣ онѣ постоянно хранились, „въ брусяную избу“ (впослѣдствіи въ Грановитую палату), а оттуда въ Успенскій соборъ. Во время перенесенія регалій или „царскаго сана“ былъ торжественный звонъ во всѣ колокола на всѣхъ московскихъ церквахъ. Митрополитъ, или впослѣдствіи патріархъ, со всѣми священнослужителями встрѣчалъ „царскій санъ съ подобающею почестію, съ кажденіемъ, кропленіемъ св. водою и цѣлованіемъ“ и полагали его уже на трехъ аналояхъ, покрывая „драгоцѣнными наволоками“. Царь входилъ, предшествуемый своимъ духовникомъ, и путь, которымъ онъ шелъ, окропляли св. водою. Въ началѣ молебна митрополитъ или патріархъ посылали архимандрита, игумена, двухъ ключарей и двухъ діаконовъ, „повѣстить православнымъ по всей церкви, чтобы они стояли со страхомъ и трепетомъ и молились въ совершенной тишинѣ“. Въ византійскихъ вѣнчаніяхъ о такомъ обычаѣ не упоминается и это, очевидно, есть уже мѣстное, московское „прирощеніе“.

Послѣ оповѣщенія по церкви, первосвятитель вопрошалъ государя: „Како вѣруеши?“, а государь отвѣчалъ: „Вѣра моя такова“, и читалъ никейскій сѵмволъ вѣры. Засимъ, царя облекали „въ платно“ изъ бархата, и онъ бралъ въ одну руку скипетръ, а въ другую „яблоко“, т. е. державу. „Платно“ надѣвалось на государя его „дядькою“. Во время литургіи, передъ выносомъ св. даровъ, дьяки казеннаго двора постилали бархатный коверъ отъ царскаго мѣста до царскихъ вратъ, и у самыхъ вратъ сверхъ бархата еще клали для государя парчевое подножіе, а изъ алтаря выходили два архидіакона и приглашали государя къ помазанію св. мѵромъ и къ причастію. Государь подходилъ къ вратамъ, въ которыхъ становился лицомъ къ народу; первосвятитель, взявъ изъ рукъ епископа сосудъ съ мѵромъ изъ „крабійцы сердоликовой“, присланный Владиміру Мономаху изъ Греціи, погружалъ въ этотъ сосудъ „драгоцѣнный сучецъ“ и помазывалъ вѣнценосца на челѣ, на ушахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на персяхъ, на рукахъ по обѣ стороны, и всякій разъ отиралъ помазанное мѣсто вамбакомъ, или губкою. Непосредственно за этимъ, государь причащался „въ самомъ алтарѣ, по примѣру императоровъ греческихъ“. (Выше сказано, что съ Александра Благословеннаго государи стали причащаться не въ алтарѣ, а на обыкновенномъ мѣстѣ, у царскихъ вратъ).

Губку, которою отирали помазаніе, святитель самъ сжигалъ въ алтарѣ, на особенномъ мѣстѣ, а помазанный государь „изъ уваженія къ святынѣ не умывался и не снималъ съ себя бѣлья въ продолженіи восьми дней“.

Въ византійскомъ чинѣ помазанія этого установленія тоже не было.

IX.

Въ царствованіе Петра I, въ нашемъ чинѣ вѣнчанія царей введены были еще новыя „прирощенія“. „Его глава, говоритъ академическое изслѣдованіе, предзнаменовательно (курсивъ подлин.) показала уже недостаточность древнихъ царскихъ регалій“. Началось это съ того, что „для вѣнчанія Петра въ одинъ разъ съ братомъ его, Іоанномъ, потребовались вразъ два вѣнца, которые и были изготовлены по образцу мономаховой шапки“. Шапку выносили только какъ почетную древность. Сверхъ того, съ Петра царскія регаліи умножились цѣпью императорскаго ордена Андрея Первозваннаго и государственнымъ мечемъ, длиною въ 1 арш. $15^1/_4$ вершк., съ золотыми насѣчками и орлиными головами подъ царскимъ вѣнцомъ. Петръ же утвердилъ обычай вѣнчанія императрицъ, чему, впрочемъ, начало было положено еще Самозванцемъ, который вѣнчалъ вмѣстѣ съ собою Марину Мнишекъ. Петръ Великій издалъ первый манифестъ о коронаціи Екатерины, послѣ чего возвѣщеніе коронаціи особыми манифестами вошло въ обыкновеніе. При Петрѣ же, вмѣсто прежнихъ краткихъ словъ іерарховъ, новые іерархи стали „разнообразить слово свое“. Со времени Петра II, вмѣсто стариннаго обсыпанія деньгами, стали выбивать въ память коронаціи медали.

Оканчивая описаніе, изслѣдователь сравниваетъ нынѣшнее „тайнодѣйствіе“ съ ветхозавѣтнымъ и выводитъ (95), что „и тамъ, и здѣсь составныя части однѣ и тѣ же“, и потому „монархи наши въ указахъ о предстоящемъ вѣнчаніи объявляли, что они въ этомъ дѣйствіи послѣдуютъ примѣрамъ царей израильскихъ, потомъ православныхъ греческихъ императоровъ, такожъ благочестивыхъ предковъ своихъ—самодержцевъ всероссійскихъ“.

Самый высшій моментъ всего „тайнодѣйствія“ академическое изслѣдованіе усматриваетъ въ томъ, когда „царь внутрь алтаря причащается, прія честь сію ради помазанія царствія“, и здѣсь болѣе чѣмъ во всемъ другомъ, „открывается превосходство новозавѣтнаго тайнодѣйствія передъ ветхозавѣтнымъ“.

Изслѣдованіе заключается слѣдующими словами: „Не будемъ умножать объясненій, но скажемъ вообще: этотъ великій духовный смыслъ, съ котораго мы едва подняли завѣсу,—неисчерпаемъ, и тѣмъ доступнѣе всѣмъ и каждому, что православная церковь наша сохранила царское вѣнчаніе и помазаніе чистымъ и неприкосновеннымъ отъ всякой мірской примѣси, которою западная церковь уронила свои тайнодѣйствія до того, что ими стали пренебрегать собственные ея государи“.

Окончивъ этотъ пересказъ, нельзя не замѣтить и не пожалѣть, что въ академическомъ изслѣдованіи 1847 г. нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія, была ли въ виду автора „Книга дьяка Ларіона Ермолаева“ (по указанію Саввы, № 703), которой первая статья „О постановленіи благочестивыхъ князей на царство“, въ подлинникѣ взята въ государственное книгохранилище, или онъ имѣлъ дѣло только съ рукописью академіи наукъ (указат. Соколова 1818 г., № 237), которая представляетъ поздній и не вездѣ вѣрный списокъ. Между тѣмъ, это весьма важно, такъ какъ въ этой статьѣ собственно и излагается поставленіе на царство Ѳеодора Іоанновича, приводимое за образецъ въ изслѣдованіи кандидата петербургской духовной академіи, Катаева. Не менѣе любопытно и то: былъ ли въ виду изслѣдователя „Сборникъ“, принадлежавшій бывшей Соловецкой библіотекѣ (№ 852), изъ котораго кіевскій профессоръ Терновскій извлекъ любопытный отрывокъ, напечатанный въ его сочиненіи: „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе“ (Кіевъ, 1876). Оба эти источника упоминаются въ сочиненіи священника Павла Николаевскаго: „Учрежденіе патріаршества въ Россіи“ (Спб. 1880 г.). Конечно, такое опущеніе нельзя ставить въ вину изслѣдователю, занимавшемуся этимъ вопросомъ въ 1847 году, такъ какъ между средствами къ изученію источниковъ въ сороковыхъ и въ восьмидесятыхъ годахъ существовала очень большая разница, а вслѣдствіе этого такая же разница заключается и въ достоинствахъ сдѣланныхъ въ эти періоды историческихъ работъ, но за то до очевидности ясно, что самое полное изслѣдованіе, которое мы имѣемъ въ нашей литературѣ, далеко не полно и настолько несовершенно, что не можетъ удовлетворить требованіямъ современной исторической критики. А потому, если бы вопросъ о происхожденіи и значеніи вѣнчанія на царство нашелъ для себя теперь новаго, терпѣливаго и даровитаго изслѣдователя, то дѣло это могло бы явиться въ болѣе обстоятельномъ и интересномъ изложеніи. И намъ кажется,—это не было бы трудомъ неблагодарнымъ для автора и безполезнымъ для уясненія всего, что въ академическомъ изслѣдованіи 1847 г. неполно, неясно и, очевидно, тенденціозно.

Н. Лѣсковъ.

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФИНИ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, намѣреваясь писать статью о литературной дѣятельности сестры моей, графини Евдокіи Петровны Ростопчиной, выразилъ желаніе имѣть біографическія о ней свѣдѣнія, которыя я и сообщилъ ему тогда же. Князь Петръ Андреевичъ умеръ, не осуществивъ своего намѣренія; между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ журналахъ, (напр. въ „Древней и Новой Россіи", 1878 г. іюль) помѣщены біографическія замѣтки о моей сестрѣ, въ которыхъ нѣкоторые факты или пропущены вовсе, или изложены невѣрно. Поэтому, я считаю небезполезнымъ напечатать свѣдѣнія, сообщенныя мною князю Вяземскому.

Евдокія Петровна Ростопчина, урожденная Сушкова, родилась 23 декабря 1811 г. въ Москвѣ, на Чистыхъ Прудахъ, въ приходѣ Успенія Богородицы, что на Покровкѣ, въ домѣ родного дѣда нашего, съ материнской стороны, Ивана Александровича Пашкова. Отецъ нашъ, Петръ Васильевичъ Сушковъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ), находился въ то время на службѣ въ Москвѣ и былъ чиновникомъ VIII класса и коммисаріатскимъ коммисіонеромъ. Въ январѣ 1811 г. онъ женился на Дарьѣ Ивановнѣ Пашковой, дочери отставного подполковника, и Евдокія Петровна была ихъ первымъ ребенкомъ.

Въ 1812 году, по случаю приближенія французовъ къ Москвѣ, семейство Пашковыхъ и съ ними Д. И. Сушкова съ новорожденною дочерью отправились въ Симбирскую губернію, въ принадлежащую И. А. Пашкову деревню Талызино, гдѣ и прожили до выступленія Наполеона изъ Москвы, послѣ чего возвратились въ бѣлокаменную, куда еще ранѣе прибылъ, по должности своей, отецъ нашъ П. В. Сушковъ, на котораго, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, возложено было въ 1812 и 1813 годахъ заготовленіе вещей для резервной арміи и построеніе ихъ на дѣйствующія, что онъ и исполнилъ

въ разоренной Москвѣ, не возвышая цѣнъ ни на какія вещи, не смотря на сожженіе въ Москвѣ фабрикъ и заводовъ.

Въ январѣ 1816 года, Д. И. Сушкова родила сына Сергѣя, а въ мартѣ 1817 г. меня, Дмитрія, и затѣмъ, ровно чрезъ два мѣсяца, 13-го мая того же года, скончалась отъ чахотки, имѣя всего лишь 27 лѣтъ отъ роду. Вскорѣ послѣ того, отецъ нашъ, по просьбѣ своего тестя, отправился на принадлежащіе этому послѣднему Бѣлорѣцкіе желѣзные заводы въ Оренбургской губерніи, гдѣ и пробылъ довольно долго, а оттуда переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, куда, между тѣмъ, онъ былъ переведенъ на службу. Мы же, трое сиротъ, остались, по смерти нашей матери, въ Москвѣ, въ домѣ дѣда, гдѣ жили, однако-жъ, на собственный счетъ, пользуясь только даровою квартирою и столомъ. Въ этомъ домѣ Евдокія Петровна пробыла вплоть до своего замужества, а мы съ братомъ только до 1826 года, когда отецъ нашъ, будучи назначенъ начальникомъ Оренбургскаго таможеннаго округа, увезъ насъ съ собою въ Оренбургъ.

Между тѣмъ, воспитаніе Евдокіи Петровны шло своимъ чередомъ: одна гувернантка смѣнялась другою и нѣсколько учителей приходили давать ей уроки; но, говоря правду, воспитаніе это, хотя и стоило не мало денегъ отцу нашему, было довольно безалаберное, такъ какъ, въ сущности, никто не наблюдалъ за его правильностію. По счастію, ребенокъ былъ одаренъ отъ природы живымъ, острымъ умомъ, хорошею памятью и пылкимъ воображеніемъ, съ помощью которыхъ Евдокія Петровна легко научилась всему тому, что составляло тогда, да и теперь, большею частію, составляетъ еще, альфу и омегу домашняго воспитанія нашихъ великосвѣтскихъ барышень. Изъ учителей ея по разнымъ предметамъ, стоитъ упомянуть о Гавриловѣ и Раичѣ, развившихъ въ ней врожденную любовь къ поэзіи вообще и къ отечественной въ особенности. Не будь ихъ, русская словесность считала бы, можетъ быть, въ средѣ своей однимъ дарованіемъ меньше, такъ какъ въ домѣ Пашковыхъ никто литературою не занимался и даже подобное занятіе со стороны молодой дѣвушки сочтено было бы за неприличный поступокъ.

Здѣсь будетъ у мѣста перечислить главнѣйшихъ гувернантокъ и учителей Евдокіи Петровны насколько я ихъ помню. Одною изъ первыхъ ея гувернантокъ была г-жа Морино, французская эмигрантка изъ хорошей фамиліи, бывшая до революціи въ интимныхъ отношеніяхъ съ графомъ Прованскимъ, впослѣдствіи королемъ Людовикомъ XVIII; само собою разумѣется, что, за исключеніемъ природнаго своего языка и современной ей французской литературы, свѣдѣнія ея по всѣмъ другимъ предметамъ были чрезвычайно ограничены, такъ что, въ сущности, она ничэму другому обучать не могла. Непосредственно за нею слѣдовала Н. Г. Боголюбова, бывшая смолянка, имѣвшая шифръ; это была дѣвица умная, добрая, благовоспитанная, и дѣйствительно много знающая, отъ которой воспитанница ея по-

заимствовала много хорошаго и могла бы позаимствовать еще болѣе, но, къ сожалѣнію, она почему-то вскорѣ перешла на другое мѣсто. Преемницей ея была г-жа Пудрѐ, толстая, глупая, грубая и ровно ничего незнающая швейцарка, которой, по настоящему, слѣдовало бы занимать не должность гувернантки, а развѣ поломойки. Эта подлая женщина обращалась со своей воспитанницей чрезвычайно грубо и даже тиранила ее; притомъ же она была и нравственности весьма двусмысленной и, въ присутствіи Евдокіи Петровны и насъ, братьевъ ея, мальчиковъ 7—8 лѣтъ, обращалась весьма вольно, чтобы не сказать болѣе, съ гувернеромъ нашимъ, г. Фроссаромъ, своимъ соотечественникомъ, такимъ же грубымъ и такимъ же невѣждою, какъ она сама, а также и съ нашимъ общимъ учителемъ рисованія, французомъ Газомъ. Впослѣдствіи, Пудрѐ содержала въ Москвѣ дѣвичій пансіонъ и по этому поводу обратилась однажды письменно къ тогдашнему попечителю московскаго учебнаго округа графу Строганову съ просьбою о разрѣшеніи ей выписать изъ Парижа для ея воспитанницъ „les jambes de M-r Barbier“, т. е. ямбы извѣстнаго французскаго поэта Барбье. За Пудре послѣдовала — и это была послѣдняя гувернантка Евдокіи Петровны—г-жа Дювернуа, офранцуженная полячка, женщина добрая, но неимѣвшая никакихъ познаній, вслѣдствіе чего она и не обучала ничему и была въ сущности не гувернанткою, а чѣмъ-то въ родѣ компаніонки для прогулки и выѣздовъ запросто къ роднымъ и болѣе близкимъ знакомымъ.

Что же касается до учителей Евдокіи Петровны, то ей преподавали: Законъ Божій — сперва дьяконъ церкви Трехъ Святителей, а потомъ какой-то священникъ, Арсентій Ивановичъ, фамилію котораго я также позабылъ и который, обучая насъ троихъ священной исторіи и краткому катехизису, вздумалъ однажды объяснять намъ, что вальсъ—танецъ непотребный, потому что кавалеръ обнимаетъ въ немъ свою даму, а это зазорно и грѣховно. Преподавателями языковъ были: русскаго—сперва Гавриловъ, послѣ Раичъ, французскаго — Энекенъ, нѣмецкаго—кажется, Пельтъ, учителемъ рисованія былъ Газъ, о которомъ упомянуто мною выше; музыки, т. е. игры на фортепьяно— сперва Черняевъ или Чернявскій, а потомъ Экстремъ; наконецъ, танцованія—сперва Фляге, потомъ первая танцовщица московскаго театра г-жа Гюленьсоръ и, наконецъ, извѣстный Іогель, обучавшій танцамъ нѣсколько поколѣній москвичей. Что же касается до исторіи и географіи, то ихъ, кажется, вовсе не преподавали Евдокіи Петровнѣ, послѣ того какъ отъ нея отошла Н. Г. Боголюбова; по крайней мѣрѣ, особыхъ учителей по этимъ предметамъ она не имѣла, точно такъ же, какъ и особаго учителя математики; всѣмъ этимъ наукамъ она, можно сказать, вовсе не обучалась и узнала ихъ, такъ сказать, самоучкою. Впослѣдствіи, будучи уже взрослою барышнею, она выучилась еще англійскому языку, но не имѣла настоящаго англійскаго произношенія, такъ какъ языку этому она научилась у гувернантки кузинъ своихъ,

Пашковыхъ, А. Е. Горсистеръ, хотя и природной англичанки, но родившейся и жившей постоянно въ Россіи и потому говорившей поанглійски иначе, нежéли истые, чистокровные англичане. Однажды, Евдокія Петровна съ миссъ Горсистеръ встрѣтились въ одномъ магазинѣ съ какими-то англичанками; хозяинъ магазина не понималъ англичанокъ и Евдокія Петровна вызвалась быть ихъ переводчицей, но—какой ужасъ! — она только отчасти понимаетъ англичанокъ, а тѣ ни ее, ни миссъ Горсистеръ вовсе не понимаютъ, какъ будто онѣ обѣ говорили на какомъ-то другомъ, невѣдомомъ имъ языкѣ. Поневолѣ пришлось объясняться письменно и тогда лишь дѣло уладилось.

Евдокія Петровна начала писать стихи въ 1828 или 1829 году. Что побудило ее къ этому—я не знаю, но можно предполагать, что любовь къ стихотворству и вообще къ писательству была передана ей по наслѣдству, какъ родовое качество семейства нашего, въ которомъ занимались сочинительствомъ три поколѣнія подъ рядъ, а именно: бабка наша, съ отцовской стороны, Марія Васильевна Сушкова, урожденная Храповицкая, отецъ нашъ, Петръ Васильевичъ, и два брата его, Михаилъ и Николай Васильевичи, наконецъ, Евдокія Петровна и я, а отчасти и братъ нашъ, Сергѣй Петровичъ, нынѣ главный редакторъ „Правительственнаго Вѣстника", который никогда не былъ русскимъ литераторомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. беллетристомъ, но написалъ не мало статей религіознаго содержанія на французскомъ языкѣ для издававшагося въ Парижѣ журнала „Union Chretienne". Нѣкоторое время Евдокія Петровна тщательно скрывала отъ всѣхъ, что она занимается стихотворствомъ, но одно изъ ея стихотвореній, „Талисманъ", попало нечаянно въ руки князя П. А. Вяземскаго, который, безъ ея вѣдома, помѣстилъ эти стихи въ одномъ изъ петербургскихъ альманаховъ и поставилъ подъ ними подпись: Д. С...ва. Эта, повидимому, странная и непонятная подпись произошла потому, что Евдокію Петровну называли обыкновенно, въ семействѣ ея, „Додо", а князь Вяземскій, не зная настоящаго ея имени, полагалъ, что ее зовутъ Дарія и потому поставилъ букву Д. вмѣсто А., т. е. Авдотьи, какъ тогда называли въ обществѣ будущую графиню Ростопчину. Стихотвореніе это, нѣсколько передѣланное, включено впослѣдствіи въ стихотворный романъ: „Дневникъ дѣвушки" (Стихотворенія граф. Ростопчиной, изд. 1859 г., стр. 151). Когда „Талисманъ" появился въ печати и въ Москвѣ почему-то сдѣлалось извѣстнымъ имя сочинительницы, въ домѣ Пашковыхъ всѣ набросились на нее, упрекая всячески за этотъ постыдный и неприличный поступокъ, такъ что молодой поэтессѣ не разъ приходилось жутко за то, что она не съумѣла вполнѣ затаить въ себѣ даннаго ей отъ Бога дарованія.

Въ 1833 году, Евдокія Петровна вышла замужъ за графа Андрея Ѳедоровича Ростопчина, младшаго сына бывшаго въ 1812 г. москов-

скаго главнокомандующаго. Вѣнчаніе происходило въ церкви Введенія, на Лубянкѣ, въ приходѣ которой находился домъ молодого, доставшійся ему послѣ отца и въ которомъ этотъ послѣдній скончался въ 1826 году. Вскорѣ послѣ своей свадьбы, молодые отправились въ свое имѣніе, село Сенну, въ Воронежской губерніи, откуда, въ 1836 году, ѣздили на кавказскія минеральныя воды. По выходѣ въ замужество, графиня Ростопчина стала безпрепятственно печатать свои стихотворенія въ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ того времени и имя ея сдѣлалось очень скоро извѣстнымъ. Въ концѣ 1836 года, она, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ и поселилась на нѣкоторое время; здѣсь у ней бывали Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій, Плетневъ, князь Одоевскій и др. Всѣ они любили ее лично и цѣнили высоко ея дарованіе, что, разумѣется, придало ей особый prestige въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, въ которомъ она въ особенности сошлась съ графинею Воронцовой-Дашковой, А. О. Смирновой и съ семействомъ Карамзиныхъ.

Въ 1838 году, въ „Сынѣ Отечества“, издававшемся тогда Н. А. Полевымъ, напечатаны были двѣ повѣсти въ прозѣ графини Ростопчиной, безъ ея, впрочемъ, имени, а подъ псевдонимомъ „Ясновидящей“, которыя, подъ названіемъ: „Очерки большого свѣта“, сочиненіе Ясновидящей, вышли, въ 1839 году, особою книжкою, сдѣлавшейся теперь библіографической рѣдкостью. Въ 1840 г., вышло, наконецъ, первое изданіе стихотвореній графини Ростопчиной, въ одномъ томѣ, напечатанное въ Петербургѣ типографщикомъ Фишеромъ. Изданіе это разошлось очень скоро, преимущественно въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ.

Въ 1845 году, графиня Ростопчина, съ мужемъ и дѣтьми, отправилась за-границу, гдѣ и пробыла до сентября 1847 г., посѣтивъ при этомъ Италію, Францію и Германію. По возвращеніи изъ путешествія, графиня поселилась съ своимъ семействомъ въ Москвѣ, гдѣ и оставалась уже до своей кончины, послѣдовавшей отъ рака, 3 декабря 1858 года.

Въ бытность графини Ростопчиной въ Москвѣ, она написала, кромѣ многихъ мелкихъ стихотвореній, одинъ романъ, „У пристани“, и нѣсколько небольшихъ комедій, въ родѣ французскихъ драматическихъ пословицъ, изъ которыхъ одна или двѣ были представлены и на петербургской сценѣ. Въ эту же эпоху, именно въ 1856 г., придворный книгопродавецъ, Смирдинъ-сынъ, выпустилъ въ Петербургѣ, въ 4-хъ томахъ, новое изданіе стихотвореній графини. Кромѣ небольшихъ комедій, о которыхъ сказано выше, графиня Ростопчина написала еще комедію въ стихахъ: „Возвратъ Чацкаго въ Москву“, въ которой вывела большую часть дѣйствующихъ лицъ безсмертной комедіи Грибоѣдова. Петербургскій актеръ, А. М. Максимовъ, хотѣлъ поставить эту комедію въ свой бенефисъ, но, состоявшая тогда при 3-мъ Отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, драматиче-

ская цензура не рѣшилась, по особымъ соображеніямъ, дозволить представленіе этой комедіи. Однако жь, изъ уваженія къ литературной извѣстности графини Ростопчиной, объ ея пьесѣ доложено было государю императору и комедія была прочитана лично его величествомъ; но на представленіе оной высочайшаго соизволенія не послѣдовало. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ смерти сочинительницы, комедія эта была напечатана отдѣльнымъ изданіемъ, но литературнаго успѣха не имѣла, встрѣтивъ неблагопріятные и явно враждебные отзывы тогдашней нашей журналистики, старавшейся въ то время уничтожать литературные авторитеты прежняго времени.

Графиня Ростопчина похоронена въ Москвѣ, на Пятницкомъ кладбищѣ, въ семейномъ Ростопчинскомъ склепѣ, близъ своего свекра, графа Ѳ. В. Ростопчина, знаменитаго московскаго главнокомандующаго въ 1812 году.

У графини Е. П. Ростопчиной было трое дѣтей: сынъ Викторъ, служившій сперва въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, а потомъ, въ военной же службѣ, на Кавказѣ и въ Сибири, гдѣ онъ скончался въ 1878 г., и двѣ дочери: Ольга, вышедшая замужъ за итальянскаго дипломата, графа Торніели-ди-Брузати и живущая, постоянно за-границею, и Лидія, оставшаяся въ дѣвицахъ и находящаяся въ настоящее время въ Парижѣ; эта послѣдняя занимается уже нѣсколько лѣтъ литературою и, между прочимъ, пишетъ фельетоны въ одномъ изъ петербургскихъ спеціальныхъ журналовъ, но не подъ своимъ именемъ, а скрываясь подъ псевдонимомъ. Недавно она написала на французскомъ языкѣ и издала въ Парижѣ, подъ своимъ собственнымъ именемъ, книгу для дѣтей: „Belle, sage et bonne“, за которую получила отъ книгопродавца Гашетта весьма приличный гонораръ и которая имѣла во Франціи большой успѣхъ.

Д. Сушковъ.

БИСКУПЪ МАРШЕВСКІЙ ВЪ ЛЕНЧИЦѢ.

(Эпизодъ изъ послѣдней польской смуты).

УѢЗДНЫЙ городъ Ленчица, Калишской губерніи, принадлежитъ, за исключеніемъ Кракова и Гнѣзна, къ числу древнѣйшихъ городовъ бывшей Рѣчи Посполитой. Еще во времена Казиміра Справедливаго, въ 1180 году, состоялся въ немъ извѣстный духовный католическій синодъ, подъ предсѣдательствомъ самого короля. Въ этомъ же городѣ, въ XIII вѣкѣ, было нѣсколько подобныхъ же синодовъ. Въ числѣ древностей Ленчицы, сохранились до настоящаго времени развалины замка, построеннаго Казиміромъ III, и такъ называемый Тумскій костелъ, отстоящій отъ теперешняго города около версты. Означенный костелъ, бывшій зародышемъ первоначальной Ленчицы, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ польскихъ святынь. По преданію, постройка его восходитъ къ временамъ Мечислава. Уже въ буллѣ папы Инокентія II, въ 1136 году, при перечисленіи владѣній гнѣзненскаго архіепископства, говорится: „Item abbatia S. Marie in castello Lancicie cum centis servis et villis corum“.

Независимо отъ своей древности, Ленчица прославилась во всемъ краѣ разгулами и кутежами своей шляхты, достигавшими необычайныхъ размѣровъ. По этому поводу старожилы разсказываютъ не мало анекдотовъ. Для образчика приведемъ одинъ изъ болѣе характеристическихъ. Не такъ еще давно, въ Ленчицѣ, на углу ограды Бернардинскаго монастыря, существовалъ колодецъ, прославленный нижеслѣдующимъ курьезомъ. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, во время многолюднаго повѣтоваго сеймика, ленчицкая шляхта устроила попойку, едва ли не безпримѣрную въ лѣтописяхъ бахусовыхъ возліяній. Разгуливая съ музыкой по улицамъ города, сеймикующая братія наткнулась, возлѣ помянутаго колодца, на нѣсколько возовъ

сахару, въ бочкахъ. Не долго думая, собутыльники разгрузили возы и перешвыряли въ колодецъ нѣсколько десятковъ головъ сахару. Вслѣдъ затѣмъ, пользуясь сосѣдствомъ виннаго погребка, влили туда же нѣсколько бочекъ рому и перекрошили сотни лимоновъ. Этотъ импровизованный пуншъ, при громѣ жидовскаго оркестра, распивался шляхтой цѣлую ночь. Впрочемъ, отъ подобныхъ загуловъ осталось лишь воспоминаніе. Настоящему поколѣнію пришлось расхлебывать одни послѣдствія отцовскихъ оргій, да похмѣляться на чужомъ пиру. Не мало отобраннаго ленчицкаго чернозема и заливныхъ луговъ перешло въ жидовскія и нѣмецкія руки. Не одному потомку, изъ распивавшихъ бернардинскій пуншъ, довелось искать хлѣба у своихъ прежнихъ факторовъ-прислужниковъ...

Со времени послѣдняго польскаго возстанія истекаетъ уже другой десятокъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, надлежащая оцѣнка этого печальнаго событія далеко еще несвоевременна. Появились, правда, попытки въ этомъ родѣ, какъ у насъ, такъ и въ заграничной польской литературѣ, однако же, какъ тѣ, такъ и другія, по своей офиціальности или тенденціозности, не представляютъ серьезныхъ историческихъ трудовъ. Въ виду вышеизложеннаго, и настоящій разсказъ имѣетъ лишь значеніе сырого фактическаго матерьяла.

Вслѣдъ за демонстративными чествованіями и, затѣмъ, похоронами пяти февральскихъ жертвъ 1861 года, въ одной общей могилѣ повонзковскаго кладбища Варшавы, начались, по всему царству Польскому, заупокойныя панихиды. Небывалое это поминовеніе, послѣ нѣкотораго раздумья, было разрѣшено тогдашнимъ намѣстникомъ княземъ Горчаковымъ. Подобное же моленіе было совершено и въ Ленчицѣ не только въ католическихъ костелахъ и лютеранской киркѣ, но даже и въ синагогѣ. По этому случаю были отпечатаны особыя объявленія, пересыпанныя фразеологіей ad hoc. Какъ въ костелахъ, такъ и въ синагогѣ, панихиды сопровождались трескучими проповѣдями, при чемъ евреи едва ли даже не перещеголяли поляковъ своимъ напускнымъ азартомъ. Это, впрочемъ, не помѣшало новоиспеченнымъ патріотамъ, вслѣдъ за усмиреніемъ повстанья, въ той же синагогѣ и устами тѣхъ же раввиновъ произносить самыя восторженныя рѣчи по случаю радостнаго дня коронаціи государя императора. Впрочемъ, жидки и во время самого возстанія ухитрялись снимать подряды въ двухъ враждующихъ лагеряхъ.

При неопредѣленности тогдашняго положенія дѣлъ, уѣздныя гражданскія власти, состоявшія исключительно изъ мѣстныхъ уроженцевъ, допустили совершеніе помянутыхъ панихидъ, не дожидаясь офиціальнаго разрѣшенія изъ Варшавы. Такимъ образомъ было поступлено во всѣхъ городахъ царства, а въ томъ числѣ и въ Ленчицѣ.

Нашолся, однако же, городъ, въ которомъ, безъ разрѣшенія высшаго начальства, необычная панихида не была допущена. Этимъ городомъ былъ Влоцлавскъ, Варшавской губерніи. Лицо же, воспротивѣвшееся произвольному совершенію панихиды былъ епископъ Куявско-Бржеской епархіи—Маршевскій, проживавшій въ означенномъ городѣ.

По отзыву безпристрастныхъ лицъ, этотъ духовный сановникъ отличался неуклоннымъ исполненіемъ своего долга и не выходилъ изъ круга чисто духовныхъ обязанностей, каковыми качествами далеко не отличались тогдашніе польскіе владыки. Подобнаго же образа дѣйствій Маршевскій требовалъ и отъ подвѣдомственнаго ему духовенства. Онъ не потворствовалъ ихъ quasi-политическимъ поползновеніямъ, на езуитской подкладкѣ, и другимъ погрѣшностямъ, не согласовавшимся съ правилами целибата. Столь ревностное служеніе не могло не быть оцѣнено, какъ истинными сынами ввѣренной ему паствы, такъ и правительствомъ, отличавшимъ его неоднократными почетными наградами. Тѣмъ не менѣе, достойный епископъ, не поступавшійся своими убѣжденіями, нажилъ себѣ не мало враговъ, даже за предѣлами своей паствы. По этому, не трудно понять, какой поднялся вопль, когда разнеслась искаженная врагами молва, будто бы епископъ не разрѣшаетъ отслужить панихиду, имѣя въ рукахъ позволеніе даже московскаго начальства. Съ полученіемъ, однако же, дѣйствительнаго разрѣшенія, панихида была совершена и буря, повидимому, улеглась до перваго, разумѣется, шквала. Враги епископа, успѣвшіе подзадорить легковѣрныхъ, не дремали и поводъ къ новому возбужденію страстей скоро представился.

Въ Петроковской губерніи существуетъ извѣстный всему польскому католическому міру Ченстоховскій монастырь, съ весьма популярнымъ чудотворнымъ образомъ Богоматери. Сюда ежедневно стекаются вѣрующіе изъ разныхъ частей старой Польши. Особенно многолюдный приливъ паломниковъ бываетъ въ храмовой праздникъ Успенія, 15 августа. Въ этотъ день совершается и обычное въ подобные праздники и отпущеніе грѣховъ (odpust). Къ означенному торжеству съѣзжается въ Ченстоховъ много духовенства, какъ для исповѣди народа, такъ и для отправленія другихъ костельныхъ требъ. Въ первой половинѣ августа 1861 года отправился въ Ченстоховъ и епископъ Маршевскій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ канониковъ своего капитула.

12-го августа означеннаго года, къ одной изъ ленчицкихъ гостинницъ подъѣхала карета, запряженная четверикомъ, въ два цуга. Непосредственно за ней слѣдовалъ открытый экипажъ съ нѣсколькими ксендзами-каноииками. Они немедленно поспѣшили къ дверцамъ кареты и помогли сойти уже пожилому, но еще бодрому старичку, епископу Маршевскому. Не успѣли снести еще и пожитковъ достойнаго гостя въ гостинницу, какъ къ окнамъ его номера, выходившаго на городскую площадь, уже повалила толпа, съ весьма значительною

примѣсью жидовскаго элемента, по преимуществу изъ недорослей. Изъ болѣе выдающихся коноводовъ уличныхъ демонстрацій, бывшихъ тогда уже въ полномъ ходу, особенно замѣтны были въ толпѣ: кривой эскулапъ, промотавшійся долговязый шляхтичъ и два ихъ подручника, большой пройдоха еврей-картузникъ и посыльной мѣстнаго суда. Послѣдніе двое, подъ руководствомъ первыхъ, были главными запѣвалами во всѣхъ кошачьихъ концертахъ, разыгрывавшихся подъ окнами непопулярныхъ лицъ города. Въ какіе нибудь полчаса времени вся площадь была буквально запружена народомъ. Возраставшій гулъ толпы скоро разразился извѣстнымъ, по своему адскому диссонансу, концертомъ. Для достиженія болѣе реальныхъ результатовъ этой музыкальной серенады, какой-то мясникъ притащилъ подъ самыя окна гостинницы цѣлый куль котовъ. При надлежащей встряскѣ этого своеобразнаго инструмента, добывались звуки, наводившіе столбнякъ на все окружающее. Неистовство толпы, возбуждаемой агитаторами, не вѣдало границъ. При немолчныхъ восклицаніяхъ: „Маршевскій слуга москевскій", градъ булыжника сыпался въ окна комнатъ епископа. Эта своего рода бомбардировка была всесокрушительна. Полетѣли вдребезги не только уже стекла, но даже и оконныя рамы. Разсказывали, что для защиты отъ этого каменнаго дождя каноники были вынуждены прикрыть епископа столомъ и разною, бывшею подъ рукою, постельною рухлядью.

Въ самый разгаръ возбужденія толпы, на помощь епископу поспѣшили ленчицкій каноникъ со своимъ викаріемъ, молодымъ и весьма популярнымъ ксендзомъ. Первый изъ нихъ, напутствуемый бранью и плевками, едва пробрался въ номеръ епископа. Слѣдуетъ замѣтить, что означенный каноникъ считался плохимъ патріотомъ единственно потому, что не былъ слѣпымъ оружіемъ въ рукахъ коноводовъ.

День уже склонялся къ вечеру. Трудно было даже и предвидѣть, чѣмъ завершится эта неслыханная травля духовнаго сановника. Сборище разсвирѣпѣло до такой степени, что осадному положенію гостинницы не предвидѣлось конца. Бдительность была столь изобрѣтательна, что многіе забрались даже на крышу. При этомъ, неизвѣстно въ силу какой уже логики, нѣкоторые музыканты размѣстились даже на дымовыхъ трубахъ: не изъ опасенія ли, чтобы епископъ не вздумалъ улетучиться этимъ путемъ. Во время продолжавшейся свалки кто-то крикнулъ: „епископъ занемогъ, требуютъ доктора". Трудно повѣрить, что находившійся тутъ же на площади эскулапъ отказался подать помощь больному. Разсказывали, что какой-то еврей-цирульникъ оказался великодушнѣе и рѣшился отправиться къ страдальцу.

Въ виду серьезности положенія, окружавшіе епископа ксендзы рѣшились положить предѣлъ этой опасной траги-комедіи. Послѣ долгихъ совѣщаній, велѣно было кучеру запрягать лошадей. Рѣшились ѣхать обратно въ Влоцлавскъ, такъ какъ епископу, послѣ подобной

исторіи, уже неудобно было присутствовать на ченстоховскомъ празднествѣ.

Не малаго труда стоило бѣдному кучеру подъѣхать къ воротамъ гостинницы. Разъяренная толпа нѣсколько разъ заворачивала лошадей въ конюшню. Потерявшій терпѣніе кучеръ пригрозилъ нахаламъ длиннымъ краковскимъ кнутомъ, за что чуть не былъ побитъ камнями. Дѣло, однакоже, кончилось тѣмъ, что бѣдному возницѣ вышибли одинъ глазъ.

Во время означенной суматохи около лошадей, къ номерѣ поспѣшно снаряжали епископа въ путь. Вскорѣ на лѣстницѣ гостинницы показалась какая-то неопредѣленная фигура, нѣчто въ родѣ пуховика, спускавшагося внизъ. Это былъ епископъ, прикрытый цѣлымъ ворохомъ подушекъ. Въ такомъ, далеко не понтификальномъ, убранствѣ каноники сопровождали его вплоть до самой кареты. Во все продолженіе этого тернистаго пути, обильно орошаемаго каменнымъ дождемъ, ксендзамъ довелось отвѣдать не мало всяческихъ пертурбацій. Едва успѣли помѣстить епископа въ карету, какъ всѣ стекла ея разлетѣлись вдребезги. Пришлось опустить архипастыря на самое дно экипажа и защитить отъ камней тѣми же подушками. Казалось, что истязаніямъ наступилъ конецъ. Сборище разступилось, какъ бы по командѣ, и лошади подались впередъ. Но увы, это была лишь новая уловка коноводовъ. Толпа съ мѣста же заворотила лошадей и направила весь кортежъ къ городской ратушѣ, расположенной въ центрѣ площади. Шагомъ, три или четыре раза, обвезли епископа около помянутаго зданія. Объѣздъ этотъ совершался подъ тѣмъ же каменнымъ ливнемъ и зычными возгласами: „Маршевскій слуга москевскій“. Азартъ толпы возрасталъ, подобно аппетиту, съ ѣдой. Отъ ратуши карета, сопровождаемая невообразимымъ гвалтомъ, была направлена по улицѣ, населенной исключительно евреями. Она вела къ городской рогаткѣ, у которой взимался евреемъ шоссейный сборъ. Благоразумнымъ людямъ казалось, что эта рогатка будетъ уже рубикономъ дальнѣйшихъ безобразій. Не тутъ-то было. Значительная часть сборища, по распоряженію коноводовъ, предупредила карету у рогатки и воспрепятствовала жидовскому приказчику поднять шлахбаумъ. Но тутъ въ толпѣ произошелъ нѣкоторый разладъ. Въ то время, какъ одна часть сборища кричала жиду подвысить шлахбаумъ, другая требовала совершенно противнаго. Жидъ, возмущенный безобразіемъ позорища, бросилъ въ толпу ключи отъ рогатки и удалился съ своего поста. Вслѣдъ затѣмъ шлахбаумъ былъ до половины приподнятъ. Едва, однакоже, лошади успѣли проскочить за его черту какъ полосатый брусъ былъ моментально опущенъ. Отъ этого новаго маневра верхняя часть кареты была почти совсѣмъ смята. Окончательно поднятый шлахбаумъ уже высвободилъ какое-то жалкое подобіе экипажа и кучеръ, потерявъ всякое терпѣніе, погналъ лошадей во весь опоръ. Въ это же время, какъ бы изъ подъ земли, выскочили съ полдесятка

всадниковъ и, во главѣ извѣстнаго уже долговязаго шляхтича, помчались по сторонамъ изуродованной колесницы. Эта непрошеная почетная кавалькада, на всемъ скаку, сумѣла обдавать каретный остовъ уже не булыжникомъ, а щебнемъ, захваченнымъ съ шоссейныхъ кучъ. Часть толпы пустилась было вдогонку за епископомъ. На этотъ, однакоже, разъ лошадинымъ ногамъ удалось сослужить большую службу, чѣмъ людскимъ головамъ, и толпа по неволѣ отхлынула къ рогаткѣ. Въ нѣсколько минутъ кортежъ проскакалъ двухверстное пространство, отдѣлявшее Ленчицу отъ большой деревни Тополи. Тутъ ѣздокамъ, сопровождавшимъ епископа, представился неожиданный сюрпризъ. У самаго въѣзда въ деревню, поперегъ всего шоссе, стояла стѣною грозная толпа крестьянъ, въ крайне возбужденномъ состояніи. Первымъ ихъ дѣломъ было броситься лобызать руки и ноги епископа. Затѣмъ, обратясь къ всадникамъ, крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, объявили, что если эти безбожники, сейчасъ же, не уберутся восвояси, то Ленчица, сегодня же, будетъ выжжена до тла. Столь категорическое заявленіе не нуждалось въ комментаріяхъ. Долговязый шляхчичъ, отличавшійся храбростью только въ виду бутылокъ и жидовъ-кредиторовъ, мигомъ сообразилъ, что крестьяне могутъ сдѣлать ему болѣе наглядное вразумленіе. Не дожидаясь мужицкой расправы, онъ живо поворотилъ коня и умчался по направленію городской рогатки. Вслѣдъ за нимъ понеслись и остальные герои дня, а епископъ, сопутствуемый крестьянами на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, отправился въ Влацлавскъ.

Вышеописанная встрѣча и проводы епископа Маршевскаго продолжались нѣсколько часовъ подъ рядъ, на глазахъ уѣздныхъ властей и въ стѣнахъ ультра-католическаго года. Кромѣ нѣсколькихъ древнихъ костеловъ, въ Ленчицѣ существовалъ большой Бернардинскій монастырь, съ приличной фалангой братіи...

Черезъ нѣсколько дней вступилъ въ городъ цѣлый батальонъ пѣхоты, съ нѣсколькими орудіями. Началось разслѣдованіе, не приведшее ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Коноводы попрежнему творили волю пославшихъ ихъ. Только уже въ послѣдствіи, въ самый разгаръ возстанія, нѣкоторые изъ нихъ были разосланы по разнымъ отдаленнымъ и не столь отдаленнымъ мѣстамъ.

М. Серно-Соловьевичъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II ВЪ РИМѢ.

(1838—1839).

По случаю кончины императора Александра II, въ Римской газетѣ „Voce della Verità“ появился неизданный дневникъ одного современника о пребываніи покойнаго государя, бывшаго тогда еще цесаревичемъ, въ Вѣчномъ городѣ, зимою 1838 — 1839 годовъ. Приводимъ дневникъ этотъ въ дословномъ переводѣ.

Суббота, 15 декабря 1838 г. Въ палаццо Одескальки, что у St. Apostoli, дѣлаются обширныя приготовленія по случаю предстоящаго прибытія въ Римъ русскаго великаго князя, цесаревича Александра Николаевича. Цесаревичъ пріѣдетъ въ Римъ завтра, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Помѣщеніе, гдѣ остановится великій князь, нанято русскимъ посланникомъ, графомъ Потемкинымъ, на одинъ мѣсяцъ. Великій князь и его свита причиняютъ не мало затрудненій путешественникамъ, потому что на нѣкоторыхъ почтовыхъ станціяхъ имъ приходится давать до семидесяти лошадей.

Воскресенье, 16-го. Цесаревичъ Александръ, старшій сынъ императора Николая, прибылъ въ Римъ въ двадцать третьемъ часу. Онъ пріѣхалъ раньше своей свиты, чтобъ его не узнали и чтобъ лучше насладиться въѣздомъ въ Римъ, который, благодаря великолѣпной погодѣ и прекрасному закату солнца, произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

Такъ какъ весь Римъ зналъ о пріѣздѣ цесаревича и, кромѣ того, сегодня праздничный день, то отъ Порто дель-Пополо до площадки Понте-Молле, улицы были наполнены экипажами, наемными фіакрами и пѣшеходами. Желая лучше насладиться ожидавшимъ его зрѣлищемъ, великій князь въѣхалъ въ Римъ въ открытомъ экипажѣ, запряженномъ шестеркою, во главѣ котораго слѣдовалъ отрядъ пап-

скихъ драгунъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его воспитатель, а на козлахъ помѣщались два лакея въ ливреяхъ. Онъ прослѣдовалъ по Корсо до палаццо Одескальки; свита же великаго князя, помѣщавшаяся въ десяти экипажахъ, прибыла въ Римъ только послѣ „Ave Maria“.

Понедѣльникъ, 17-го. Ровно въ полдень, великій князь Александръ Николаевичъ отправился въ парадныхъ экипажахъ русскаго посланника въ Ватиканъ, чтобы сдѣлать визитъ папѣ Григорію XVI. На цесаревичѣ былъ простой, но изящнаго покроя, военный мундиръ и лента св. Андрея черезъ плечо. Легкою и бойкою поступью шелъ онъ по пріемнымъ заламъ дворца, оставивъ за собою свиту, и внезапно очутился передъ папою. Лицо его немедленно же приняло болѣе серьезное, но въ то же время радушное выраженіе; онъ быстро подошелъ къ папѣ и приложился къ его рукѣ. Папа принялъ его совершенно по-отечески и очень долго съ нимъ бесѣдовалъ. По просьбѣ великаго князя, въ комнату вошли затѣмъ русскій посланникъ и воспитатель цесаревича. Въ разговорѣ съ папою они обращались къ нему на французскомъ языкѣ, а онъ отвѣчалъ по-итальянски. Простившись съ папою, великій князь, въ сопровожденіи чиновъ папскаго двора, спустился въ соборъ св. Петра, надѣвъ предварительно, какъ и его свита, длинное пальто, опушенное мѣхомъ. Внутренность собора произвела на него сильное впечатлѣніе; чѣмъ болѣе онъ осматривалъ его, тѣмъ болѣе росло въ немъ чувство удивленія. Наконецъ, когда онъ очутился подъ куполомъ и глазамъ его представились во всемъ ихъ величіи колоссальные размѣры зданія, онъ что-то воскликнулъ на русскомъ языкѣ и внезапно снялъ и бросилъ на полъ пальто, что сдѣлано было немедленно же и всѣми сопровождавшими его лицами. Послѣ обѣда, великій князь поѣхалъ на Монте-Пинчіо. Онъ вышелъ изъ кареты, сдѣлалъ небольшую прогулку пѣшкомъ и потомъ отправился на встрѣчу курьера изъ Петербурга, котораго онъ встрѣтилъ у Порто дель-Пополо. При видѣ сына своего государя, курьеръ поспѣшно выскочилъ изъ экипажа и, поклонившись великому князю въ ноги, сказалъ ему нѣсколько словъ; затѣмъ, сѣвъ опять въ экипажъ, онъ направился къ палаццо Одескальки. Туда же отправился немного спустя и великій князь.

Вторникъ, 18-го. Такъ какъ сегодня празднуется русскими (которые всегда отказывались принять григоріанскій календарь) день св. Николая, слѣдовательно и день тезоименитства ихъ императора, то, по распоряженію русскаго посланника, графа Потемкина, палаццо Одескальки роскошно иллюминованъ. Иллюминація, приготовленія къ которой потребовали нѣсколько дней, состоитъ изъ 7,000 шкаликовъ, расположенныхъ по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ дворца, начиная съ карнизовъ и кончая отдѣляющими окна колоннами. Между гербами папы и императора всероссійскаго возвышается большихъ размѣровъ медальонъ, окруженный лучами, по середи котораго из-

ображенъ вензель императора Н. I. Сегодня же въ русскомъ посольствѣ сервированъ былъ роскошный обѣдъ. Гостей было около 60 человѣкъ, большею частью русскихъ. Масса любопытныхъ наблюдали сквозь рѣшетчатыя окна за кипучею дѣятельностью множества поваровъ, прибывшихъ въ Римъ одновременно съ великимъ княземъ. Ими истребляется невѣроятное количество мяса и другихъ съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ въ палаццо Одескальки привозятъ по нѣскольку телятъ въ день. Готовятъ они кушанья, не выпуская изо рта сигаръ, и два чиновника, въ мундирахъ и при шпагахъ, ходятъ постоянно взадъ и впередъ по кухнѣ, слѣдя за тѣмъ, чтобы все происходило въ установленномъ порядкѣ и чтобы не кинули чего нибудь въ кастрюли. По этому случаю, великій князь приказалъ раздать бѣднымъ 2,000 скуди, а сиротамъ умершихъ отъ холеры 1,000 скуди. На расходы великаго князя въ Римѣ въ распоряженіи его въ банкѣ Торлоніо находится, полученный изъ Петербурга, вексель въ милліонъ скуди. Такъ какъ вексель на такую крупную сумму никогда еще здѣсь не получали, то Торлоніо приказалъ выставить его подъ стекломъ въ пріемной банка.

Суббота, 24-го. Въ палаццо Валентино у St., Apostoli русскій посланникъ, графъ Потемкинъ, давалъ вчера великолѣпный вечеръ, съ цѣлью представить великому князю проживающее въ Римѣ римское и иностранное дворянство. Со времени пріѣзда великаго князя, въ Римѣ стоитъ необыкновенный холодъ и часто бываютъ сильные морозы. Сегодня вечеромъ, въ палаццо Фарнезе былъ у неаполитанскаго посла, графа Лудольфа, большой пріемъ въ честь великаго князя.

Вторникъ, 25, Рождество Христово. Вчера, въ Римѣ всѣ крыши домовъ были покрыты снѣгомъ, выпавшимъ ночью въ громадномъ количествѣ. Народъ говоритъ, что явленіе это, весьма рѣдкое въ Римѣ, случилось и въ прошломъ году во время пребыванія въ Вѣчномъ городѣ великаго князя Михаила Павловича, и видя, что оно возобновилось теперь какъ разъ послѣ прибытія его племянника, цесаревича, замѣчаетъ въ шутку, что эти высокопоставленныя особы пожелали познакомить насъ съ прелестями своего роднаго климата. Сегодня погода стояла ужасная, но не смотря на это въ соборѣ св. Петра, по случаю торжественнаго богослуженія при участіи самаго папы, было громадное стеченіе публики. Монсиньоромъ камергеромъ роздано до 500 билетовъ въ ложи. Въ пяти отдѣльныхъ ложахъ находились пребывающія въ настоящее время въ Римѣ царственныя особы, а именно: русскій великій князь, королева сардинская, донъ-Мигуэль португальскій, принцесса датская и принцесса саксонская. Вечеръ русскій великій князь провелъ у французскаго посла въ палаццо Колонно.

Вторникъ, 26. Сегодня вечеромъ послѣдовало открытіе театровъ, но опера, которую давали въ „Gordinona", называющаяся „Марино

Фальеро", была страшно ошикана съ начала до конца, что привело въ весьма веселое настроеніе великаго князя и его свиту, не привыкшихъ, быть можетъ, въ ихъ странѣ къ обычаю порицать не стѣсняясь и съ полною свободою то, что не нравится.

Пятница, 28. Въ 2 часа пополудни, русскій великій князь осматривалъ музеи Ватикана, гдѣ былъ принятъ монсиньоромъ камерленгомъ, который отъ имени папы вручилъ ему футляръ съ тремя медалями, изъ золота, серебра и бронзы, отчеканенными по случаю основанія новаго Грегоріанскаго музея. Вечеромъ, великій князь отправился въ Филармоническую академію, а оттуда къ австрійскому послу, у котораго собралось такъ много иностранцевъ, что приходилось буквально стоять, не двигаясь, на одномъ мѣстѣ.

Понедѣльникъ, 31. Русскій великій князь, со свитою изъ 12 человѣкъ, провелъ весь сегодняшній день на охотѣ въ Кистель-Порціано, гдѣ было сервировано великолѣпное угощеніе барономъ Граціоли, владѣльцемъ этого помѣстья; но, собственно, охота не удалась; великій князь убилъ всего двухъ дикихъ козъ. Погода все время стояла прекрасная.

Вторникъ, 1 января, 1839. Сегодня, утромъ, великій князь Александръ Николаевичъ сдѣлалъ папѣ сюрпризъ. Онъ лично пріѣхалъ поздравить его съ новымъ годомъ. Его святѣйшество остался очень доволенъ этимъ знакомъ вниманія.

Четвергъ, 3. Сегодня, русскій великій князь осматривалъ соборъ св. Павла extra muros. Отдано было распоряженіе, чтобы въ его присутствіи поставлена была на мѣсто одна изъ гранитныхъ колоннъ, но это не совсѣмъ удалось, такъ какъ вслѣдствіе порчи канатовъ колонна не поднялась съ надлежащею скоростью. Великій князь замѣтилъ смущеніе, вызванное среди рабочихъ и распорядителей его присутствіемъ, и удалился. Оттуда его императорское высочество поѣхалъ на Пинчіо, гдѣ до поздняго вечера гуляли несмѣтныя толпы народа. Великій князь очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Римѣ, онъ даже написалъ своему державному родителю письмо, въ которомъ просилъ дозволить ему провести здѣсь время, которое онъ долженъ былъ провести въ Англіи, тѣмъ болѣе, что здѣшній воздухъ оказываетъ благопріятное вліяніе на его здоровье. Но сегодня онъ получилъ отрицательный отвѣтъ; ему приказано не оставаться въ Римѣ ни однимъ днемъ болѣе установленнаго времени, такъ какъ святую недѣлю онъ долженъ провести въ Гагѣ у своей тетки. 17 числа онъ отправится въ Неаполь.

Понедѣльникъ, 7. Большой балъ въ палаццо Валентини у St. Apostoli, данный въ честь цесаревича русскимъ посланникомъ, графомъ Потемкинымъ. Цесаревичъ открылъ балъ съ графинею Потемкиною, а вторую кадриль его высочество изволилъ танцовать съ княгинею Орсини, супругою римскаго сенатора, съ которою, немного спустя, сдѣлалось дурно, вслѣдствіе сильной жары. Было вообще такъ

жарко, что въ бальной залѣ стоялъ все время какой то туманъ. Первая часть бала закончилась мазуркою, польскимъ танцемъ, которая продолжалась очень долго и въ которой принималъ также участіе великій князь. За тѣмъ, сервированъ былъ роскошный ужинъ, во время котораго произошли изъ-за мѣстовъ за столомъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Во время ужина игралъ хоръ музыки и послѣ ужина балъ возобновился и продолжался до поздней ночи.

Вторникъ, 8. Сегодня, въ честь русскаго великаго князя состоялась иллюминація музея Ватикана. Великаго князя сопровождали около 90 лицъ, такъ какъ были приглашены всѣ проживающія въ Римѣ русскія дамы. Было замѣчено, что великому князю очень понравилась ливрея изъ краснаго damas папскихъ конюховъ, державшихъ зажженныя факелы.

Среда, 9. Княгиня Волконская, русская дама римско-католическаго исповѣданія, давала сегодня завтракъ въ честь цесаревича Александра Николаевича въ ея виллѣ за Scala Santa, откуда открывается великолѣпный видъ на окрестности. Завтракъ закончился баломъ, въ которомъ принимали участіе монтидеранцы и трастеверинцы въ ихъ живописныхъ костюмахъ. Великій князь съ большимъ удовольствіемъ разговаривалъ съ этими простолюдинами, которые на его вопросы отвѣчали съ большею фамильярностью на римскомъ нарѣчіи. Сегодня же донъ Александро Торлоніо давалъ въ честь цесаревича великолѣпный вечеръ въ своемъ палаццо у Scossacavalli. Приглашенныхъ было такъ много, что линія экипажей начиналась у театра Gardinonu и произошли безпорядки, при чемъ поломано было нѣсколько каретъ. Но празднество отличалось такимъ великолѣпіемъ, что никто въ Римѣ не видалъ еще ничего подобнаго. Послѣ того, какъ всѣ приглашенные съѣхались, хозяинъ и хозяйка дома попросили великаго князя занять почетное мѣсто въ длинной галлереѣ, въ глубинѣ которой былъ устроенъ небольшой театръ, на подмосткахъ котораго знаменитая Гризи спѣла три номера изъ прекрасной оперы Беллини „Ромео и Джіуліотта“ или „Капулетти и Монтекки“. Съ донъ Александро Торлоніо случилось, однако жъ, небольшое несчастье: онъ ушибъ себѣ сильно голову, но скоро оправился. По окончаніи представленія, гости перешли въ большую залу, гдѣ великій князь танцовалъ до часу ночи; послѣ чего былъ сервированъ роскошнѣйшій ужинъ на множествѣ маленькихъ столахъ, разставленныхъ въ нѣсколькихъ залахъ. Столъ великаго князя, за которымъ заняли мѣсто 12 лицъ, находился въ особой комнатѣ. Ужинъ въ этой привиллегированной комнатѣ сопровождался вокальнымъ концертомъ, въ которомъ участвовали лучшіе пѣвцы и пѣвицы, тогда какъ въ то же время въ большомъ залѣ происходилъ вокальный и инструментальный концертъ. Балъ окончился только въ 5 часовъ утра. Все было устроено съ такою роскошью, что даже прислуга была одѣта въ новые

кафтаны изъ малиноваго бархата съ лентами на плечахъ, на которыхъ красовался вышитый золотомъ гербъ хозяина дома.

Четвергъ, 10. Цесаревичъ провелъ все утро въ Ватиканѣ. Онъ началъ съ того, что поднялся на куполъ. Тамъ часть его свиты пропѣла гимнъ въ честь императора Николая, такъ какъ это мѣсто самое высокое въ Римѣ и слѣдовательно ближе всего къ небу. Когда цесаревичъ сошелъ внизъ, ему поднесены были въ роскошныхъ переплетахъ сочиненія, въ которыхъ описывается соборъ св. Петра. Затѣмъ, великій князь отправился въ садъ, гдѣ, въ сопровожденіи монсиньора главнаго камерленга его святѣйшества, долго гулялъ, останавливаясь продолжительное время предъ содержащимися въ клѣткахъ орлами. Предъ виллою Пія IV взглядъ его остановился на изящномъ коврѣ изъ живыхъ цвѣтовъ, изображающихъ россійскій государственный гербъ. Великій князь поблагодарилъ садовника за такой знакъ вниманія и затѣмъ поднялся въ верхній этажъ виллы, гдѣ былъ сервированъ завтракъ, отличавшійся какъ роскошью и блескомъ сервизовъ и серебра, такъ и изысканностью яствъ, на которыхъ были вылѣплены и изображены различными способами русскіе гербы. Послѣ завтрака, цесаревичъ въ сопровожденіи своей свиты отправился въ музей, гдѣ встрѣтилъ папу, совершавшаго тамъ свою ежедневную прогулку. Въ галлереѣ канделябровъ великій князь остановился предъ великолѣпною вазою изъ весьма рѣдкаго зеленаго порфира, стоявшею на цоколѣ изъ драгоцѣннаго мрамора; его попросили отъ имени папы принять эту вазу въ знакъ памяти о Римѣ и не успѣлъ онъ оставить галлерею, какъ ее немедленно снесли въ палаццо Одескальки, дабы онъ нашелъ ее въ своихъ апартаментахъ по возвращеніи домой. Во время послѣдующаго затѣмъ посѣщенія цесаревичемъ мозаичной фабрики, ему поднесли также отъ имени папы великолѣпную древнюю мозаику, изображающую мѣсяцъ іюнь и найденную при раскопкахъ термовъ Каракаллы. Это художественное произведеніе окружено было роскошною и изящною золотою рамкою. Цесаревичъ изволилъ принять также диссертацію объ этой мозаикѣ, написанную извѣстнымъ ученымъ Нибби. Обрадованный всѣми этими знаками вниманія, великій князь вернулся домой, гдѣ вынесенное имъ изъ Ватикана пріятное впечатлѣніе было испорчено кончиною князя Ливена, умершаго отъ лихорадки, продолжавшейся двѣ недѣли.

Суббота, 12. Сегодня тѣло князя Ливена, воспитателя цесаревича, было перевезено въ каретѣ въ палаццо Кафарелли, гдѣ существуетъ прусская молельня. Тѣло было выставлено въ этой молельнѣ и сегодня въ присутствіи великаго князя, его свиты и многочисленной публики, было совершено тамъ отпѣваніе по обряду лютеранской церкви. Стѣны молельни были покрыты чернымъ и бѣлымъ сукномъ и вокругъ гроба, на которомъ положены были шпаги и ордена покойнаго, горѣло множество свѣчей. По произнесеніи лютеранскимъ пасторомъ надгробной рѣчи, гробъ былъ поставленъ на черную печальную колесницу,

запряженною шестеркою лошадей, которыхъ вели конюхи, въ длинныхъ черныхъ костюмахъ и большихъ шляпахъ, напоминающихъ шляпу донъ-Базиліо въ „Севильскомъ Цирюльникѣ". Великій князь поддерживалъ одинъ изъ угловъ покрова, въ то время, какъ гробъ ставили на колесницу. Траурная процессія тронулась затѣмъ по направленію къ кладбищу Тестаччіо, сопровождаемая батальономъ польскихъ солдатъ подъ командою графа Болоньетти, которые на мѣстѣ погребенія произвели установленное число залповъ, а также экипажами дипломатическаго корпуса. Послѣ обычныхъ религіозныхъ церемоній, тѣло покойнаго было предано землѣ на кладбищѣ Кая Цестья. Цесаревичъ вернулся домой глубоко опечаленный и рѣшилъ, что въ теченіи нѣсколькихъ дней не будетъ принимать участія въ увеселеніяхъ. Вслѣдствіе этого, отложены на неопредѣленное время вечера и балы, которые готовили въ честь великаго князя русскій посланникъ, австрійскій посолъ и графъ Шевсбюри. Но такъ какъ цесаревичу очень нравится пребываніе въ Римѣ, то онъ опять обратился къ своему державному родителю, съ настоятельною просьбою, чтобы ему дозволено было провести по крайней въ Римѣ весь карнавалъ.

Воскресенье, 13. Сегодня, по случаю русскаго новаго года, принесены были отъ имени папы поздравленія великому князю, который за тѣмъ поѣхалъ въ замокъ Святого Ангела, при осмотрѣ котораго, его высочество изволилъ сдѣлать помощнику коменданта генералу Бентивольо и монсиньору Пикколомини нѣсколько замѣчаній на счетъ хранящагося въ арсеналѣ оружія.

Понедѣльникъ, 14. Сегодня великій князь отправился въ Тиволи въ сопровожденіи донъ-Карла и донъ-Алессандро Торлоніо, по распоряженію которыхъ были приготовлены въ Санъ-Лугіано лошади для него и для его свиты, и которые показывали ему производящіяся въ Тиволи работы.

Вторникъ, 15. Монсиньоръ камерленгъ вручилъ сегодня великому князю одинъ экземпляръ сочиненія о сооруженіяхъ въ Тиволи, въ роскошномъ переплетѣ и съ оттиснутымъ на первомъ листѣ золотыми буквами посвященіемъ. Тѣмъ же монсиньоромъ преподнесены цесаревичу три медали изъ золота, серебра и бронзы, отчеканенныя по случаю прорытія Монте Котилло въ Тиволи, мѣстности, которую осматривалъ великій князь наканунѣ; сегодня вечеромъ цесаревичъ давалъ прощальный обѣдъ 22-мъ лицамъ, въ числѣ которыхъ находились помянутый монсиньоръ камерленгъ, отецъ его князь Массимо, монсиньоръ министръ финансовъ, герцогъ Торлоніо и др.

Пятница, 18. Вчера выпало много снѣгу, и великій князь сдѣлалъ прощальный визитъ его святѣйшеству. Сегодня въ двадцать часовъ онъ и его свита выѣхали въ 17 экипажахъ изъ Рима въ Неаполь, чрезъ Фраскати, гдѣ онъ осматривалъ тамошнія красивыя виллы и принялъ приготовленное для него угощеніе въ виллѣ Торлоніо въ Кастель-Гандольфо. Затѣмъ онъ прослѣдовалъ до Веллетри, гдѣ про-

велъ ночь. Предъ самымъ отъѣздомъ, выходя изъ греческой церкви, гдѣ происходило богослуженіе по случаю русскаго крещенія, цесаревичъ приказалъ раздать нищимъ, собравшимся въ большомъ количествѣ предъ палаццо Одескальки, по одному скуди на каждыхъ трехъ человѣкъ, что вызвало множество споровъ и дракъ, такъ какъ нашъ скуди не дѣлится на три равныя части.

Воскресенье, 3 февраля. Въ 22 часа, въ хорошую, но холодную погоду, цесаревичъ вернулся изъ Неаполя обратно въ Римъ, остановился въ палаццо Одескальки и немного спустя отправился, въ экипажѣ посланника, къ нѣкоторымъ лицамъ своей свиты, которыя вынуждены были оставаться въ Римѣ по болѣзни. Затѣмъ онъ поѣхалъ на Пинчіо, который онъ до того любилъ, что во все время своего пребыванія въ Римѣ бывалъ тамъ ежедневно. Камерленгъ, отъ имени его святѣйшества, сообщилъ ему, что въ среду будетъ иллюминованъ въ честь его куполъ св. Петра, чѣмъ онъ остался, повидимому, очень доволенъ.

Вторникъ, 5. Вчера, въ первый день карнавала, австрійскій посланникъ давалъ въ честь цесаревича большой балъ, въ громадномъ залѣ палаццо Венеція. Сегодня въ первомъ этажѣ палаццо Симонетти, что напротивъ Санъ-Марчелло, происходилъ у лорда Шевсбюри костюмированный балъ, въ честь великаго князя, который прибылъ на балъ въ военномъ мундирѣ, не смотря на то, что австрійскій посолъ утверждалъ, что на костюмированныхъ балахъ не принято бывать въ военныхъ мундирахъ и что ему и его свитѣ слѣдовало явиться во фракахъ.

Среда, 9. Великій князь и другія царственныя особы присутствовали сегодня въ Сикстинской капеллѣ при богослуженіи по случаю празднованія годовщины коронаціи его святѣйшества, но вслѣдствіе сильнаго дождя иллюминація купола св. Петра не состоялась. Цесаревичъ рѣшился оставаться въ Римѣ до перваго дня великаго поста, говоря, что изъ уваженія къ Риму онъ впервые принялъ на себя не придерживаться маршрута, установленнаго его державнымъ родителемъ. Сегодня вечеромъ онъ присутствовалъ на балу у лэди Стаффордъ, англійской дамы римско-католическаго исповѣданія, проживающей въ палаццо Симонетти.

Четвергъ (giovedi grasso), 7. День удался вполнѣ. Корсо отличался необыкноненнымъ оживленіемъ и великій князь глядѣлъ на него съ балкона, нанятаго имъ напротивъ церкви Санъ-Карло. По окончаніи Корсо, всѣ римляне въ маскахъ и безъ масокъ высыпали на площадь св. Петра, чтобы насладиться иллюминаціей купола. Эта обширная площадь, покрытая несмѣтною толпою народа, тріумфальными колесницами, костюмированными процессіями и кавалькадами, представляла единственное въ своемъ родѣ въ мірѣ зрѣлище. Великій князь наслаждался имъ съ балкона, выходящаго на площадь. Перемѣна декораціи, произведенная иллюминаціею купола,

такъ понравилась великому князю, что онъ не могъ сдержать своего энтузіазма и сталъ аплодировать. Примѣру его высочества послѣдовалъ немедленно народъ. Затѣмъ цесаревичъ отправился въ открытомъ экипажѣ на Пинчіо и на Монте-Кавалло, чтобы взглянуть оттуда на сіяющій въ огняхъ куполъ. Во все время слѣдованія цесаревича по улицамъ, народъ постоянно кланялся ему и восторженно его привѣтствовалъ. Конецъ вечера великій князь провелъ на балу у русскаго посланника.

Понедѣльникъ, 11. Третьяго дня великій князь провелъ вечеръ въ домѣ лэди Шевсбюри, вчера—въ домѣ французскаго посла, и сегодня—въ домѣ донъ-Маріано Торлоніо, гдѣ любезно прощался съ своими знакомыми.

Вторникъ, 12. Карнавалъ закончился самымъ блестящимъ образомъ—зрѣлищемъ moccoletti. Великій князь принималъ участіе въ этой игрѣ сначала на балконѣ напротивъ церкви Санъ-Карло, потомъ на колесницѣ, слѣдовавшей по Корсо. Онъ былъ предметомъ такихъ искреннихъ заявленій любви и симпатіи какъ со стороны дворянства, такъ и простого народа, что не могъ скрыть своего волненія. Замаскированные и незамаскированные подходили къ его экипажу, вручая ему сонеты и другія стихотворенія, касающіяся пребыванія его въ Римѣ; многіе протягивали ему даже руку, дѣлали ему весьма пріятные комплименты и желали добраго пути. Конецъ вечера онъ провелъ на балѣ у русскаго посланника въ палаццо Валентино.

Среда, 13. Въ 15 часовъ, великій князь выѣхалъ изъ Рима со слезами на глазахъ. Видно было, что ему было тяжело оставить городъ, который онъ такъ полюбилъ. До отъѣзда, онъ въ дорожномъ экипажѣ отправился въ послѣдній разъ на Пинчіо. Видѣли, какъ онъ устремилъ взоръ на Римъ и Ватиканъ и опять прослезился; цесаревичъ Александръ Николаевичъ сдѣлалъ на прощаніе многимъ сановникамъ папскаго двора великолѣпные подарки, по преимуществу золотые, украшенные брилліантами табакерки съ его портретомъ и вензелемъ. Прислугѣ его святѣйшества онъ приказалъ раздать 1500 скуди, а въ пользу бѣдныхъ города пожертвовалъ значительную сумму. Наконецъ, въ пріютѣ Санъ-Микеле Рипа, который онъ осматривалъ, имъ учреждены пять стипендій, назначеніе которыхъ предоставлено русскому посланнику при святомъ престолѣ.

ЗАПИСКИ МЕТТЕРНИХА [1].

III.

Четвертый томъ „Записокъ".—Восточная путаница.—Баварская конституція.—Записки г-жи Кампанъ.—Протестъ виртембергскаго короля противъ Веронскаго конгресса.—„Самое лучшее дѣло монархизма".—Безполезное отреченіе.—Съѣздъ монарховъ въ Черновицахъ.—Испанская революція.—Русскіе революціонеры въ Италіи.—Смерть Людовика XVIII.—Карлъ X.—Смерть г-жи Меттернихъ.—Положеніе Франціи.—Меттернихъ въ Парижѣ.—Петербургскія конференціи.—Смерть Александра I.—Возстаніе 14-го декабря.—Положеніе Россіи при Александрѣ I.—Союзъ Россіи, Англіи и Франціи.—Мѣры въ защиту грековъ.—Второй бракъ Меттерниха.—Инструкціи австрійскому послу въ Лондонѣ.—Участіе Австріи въ судьбѣ Турціи.—Наваринское сраженіе.—Протестъ великаго визиря.—Письмо Нессельроде.—Резолюція императора Франца.—Дантонъ-Нессельроде.—Смерть Каннинга.—Ограниченіе свободы печати во Франціи.—Объявленіе Россіею войны Турціи.—Разговоръ Николая I съ графомъ Зичи.—Интриги Австріи противъ Россіи.—Смерть второй жены и сына Меттерниха.—Инструкціи графу Фикельмону.—Адріанопольскій миръ.—Австрія, не стремящаяся къ расширенію своихъ владѣній.—Дипломатія и консерватизмъ.

СЕМИЛѢТНІЙ періодъ, обнимающій время отъ 1823 по 1829 г. включительно, которому посвященъ четвертый томъ „Записокъ Меттерниха", названъ имъ „восточной путаницею". Изложенію замѣчательнѣйшихъ событій каждаго года предпосланъ обзоръ вседневныхъ происшествій, извлеченный изъ частной переписки канцлера; затѣмъ помѣщаются документы, относящіеся къ важнѣйшимъ фактамъ, хотя—какъ и въ прежнихъ томахъ—Меттернихъ не передаетъ систематически ни главныхъ событій, ни ихъ причинъ и послѣдствій, да и документы приводитъ неполные и невѣрные, далеко не объясняющіе ни духа времени, ни смысла многихъ явленій. Такъ, въ началѣ 1823 года, австрійскій канцлеръ ѣздилъ въ Мюнхенъ съ очень важною цѣлью: попытаться если не отмѣнить, то измѣнить въ духѣ реакціи баварскую конституцію. Между тѣмъ самъ

---

[1]) См. „Историч. Вѣстникъ" стр. 100, май, 1881 г.

Меттернихъ ни слова не говоритъ о причинѣ поѣздки и только посмѣивается надъ тѣмъ, что люди вообще очень простодушны и что въ нихъ разсудительности не больше, чѣмъ въ дѣтяхъ. Тутъ же приводитъ онъ сужденіе свое о прочтенныхъ имъ „Запискахъ г-жи Кампанъ о Маріи Антуанетѣ“ и остается очень не доволенъ этою книгою, въ которой авторъ представляетъ королеву молодою, хорошенькою и доброю женщиною, но безъ всякаго уваженія къ ней. По его мнѣнію, такихъ высокопоставленныхъ особъ вовсе не должно подвергать анализу, иначе это будетъ то же, что проводить губкой по акварельному рисунку. Но кто же виноватъ въ томъ, что фигура Маріи Антуанеты не болѣе какъ акварель? Вѣдь не вредитъ же нисколько губка прочному изображенію масляными красками.

Въ началѣ этого же года, представитель монархической реакціи встрѣтилъ противодѣйствіе своимъ планамъ въ лицѣ одного изъ монарховъ, даже въ ту эпоху возставшаго противъ постановленій Веронскаго конгреса. Этотъ неожиданный, или, какъ называетъ его Меттернихъ, „необдуманный“ протестъ виртембергскаго короля поразилъ всевластнаго министра, и онъ жалуется австрійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Штутгартѣ на то, что виртембергскій кабинетъ не сообщилъ этого документа Австріи, хотя онъ составленъ въ формѣ циркулярной депеши. Въ депешѣ этой заключаются „серьезные нападки противъ трехъ монарховъ, подписавшихъ Веронскій трактатъ, и формальный протестъ противъ послѣдствій, къ какимъ поведетъ политика трехъ союзныхъ державъ по отношенію къ независимости державъ второстепенныхъ“. Канцлеръ, увѣряя, что выходка короля произошла отъ сильной ненависти его къ Меттерниху, защищаетъ, далѣе, своего государя противъ подозрѣній въ желаніи производить какое либо давленіе на независимыя государства. Императоръ австрійскій хотѣлъ только положить преграду всеобщей дезорганизаціи, быстро надвинувшейся на государства и народы. Въ его „чистыхъ и благородныхъ намѣреніяхъ“ никакъ не слѣдуетъ видѣть желанія вмѣшаться въ права народовъ. Онъ не можетъ не сожалѣть о томъ, что „самое лучшее дѣло“ (la plus belle des causes) не признается тѣми, въ чьихъ интересахъ было бы постоянно защищать его. Между тѣмъ, виртембергскій дворъ, въ своей депешѣ, указывалъ только на то, что, заключая трактаты и собирая конгресъ съ цѣлью охраненія государствъ Европы, не мѣшало бы узнать и ихъ мнѣнія объ этомъ предметѣ, а не присылать имъ только протоколы „для исполненія“. Въ дѣлахъ Испаніи и Италіи смѣшали монархическій принципъ съ принципомъ независимости, въ дѣлахъ Греціи—съ религіей и гуманностью и не пригласили на конгресъ даже германскій сеймъ, не только второстепенныя государства, которыя вовсе не чужды всѣмъ этимъ вопросамъ. Меттернихъ подробно разбираетъ эту депешу и, конечно, старается опровергнуть ее во всѣхъ пунктахъ. Но пока онъ обдумывалъ, какъ поступить съ этимъ протестомъ, виртембергскій король, „опасаясь, чтобы

его не смѣшали совершенно съ явными приверженцами революціонной системы", помѣстилъ въ „Штутгартской газетѣ" родъ отреченія отъ своего манифеста, объявивъ, что вполнѣ присоединяется къ принципамъ, изложеннымъ въ Веронскомъ трактатѣ. Австрія отвѣчала, что императоръ принимаетъ съ удовольствіемъ заявленіе, высказанное въ газетѣ, но, въ доказательство его искренности, предлагаетъ ввести „нѣкоторыя легкія измѣненія" въ отношеніяхъ Виртемберга къ сейму. Въ чемъ именно состояли эти измѣненія, Меттернихъ не говоритъ, но съ горечью замѣчаетъ, что король отказался принять ихъ и потому Австрія, вмѣстѣ съ Пруссіей, рѣшили прекратить политическія сношенія съ Виртембергомъ, отозвать свои посольства и содержать тамъ только второстепенныхъ агентовъ для текущихъ дѣлъ. Меттернихъ надѣется, что и Россія приметъ такія же мѣры, но нё упоминаетъ, были ли онѣ приняты.

Въ октябрѣ этого года, Александръ I предложилъ Францу съѣхаться для политической бесѣды. Мѣстомъ свиданія избрали Черновицы; предметомъ—возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ Портою, послѣ того какъ она вывела изъ Дунайскихъ княжествъ свои войска и отмѣнила стѣснительныя мѣры по отношенію къ судамъ въ Босфорѣ. Турецкія дѣла, впрочемъ, очень мало занимали Меттерниха и его гораздо болѣе безпокоило вмѣшательство Франціи въ испанскую революцію. Въ своихъ депешахъ къ англійскому двору, онъ старается доказать необходимость дѣятельнаго вмѣшательства союзныхъ державъ въ эту революцію, увѣряетъ, что въ 1821 году эти державы спасли Европу отъ неминуемой погибели, подготовленной неаполитанской революціей, прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ революціи испанской. Поэтому Австрія недовѣрчиво относится къ рѣшенію Франціи: занявъ столицу Испаніи, учредить тамъ временное правительство или регентство. Меттерниха безпокоитъ, что Франція не заявила какого рода власть будетъ принадлежать этому регентству: административная или учредительная. Ему хотѣлось бы, чтобы Европа приняла предложеніе подавить революцію, сдѣланное неаполитанскимъ королемъ, который самъ едва спасся отъ возстанія своихъ подданныхъ, но счелъ выгоднымъ, во имя легитимизма, вступиться за своего родственника, такого же бурбона, захваченнаго въ плѣнъ инсургентами. Французскій бурбонъ заявилъ, однако, что онъ имѣетъ больше правъ вмѣшаться въ дѣла Испаніи и отправилъ туда герцога Ангулемскаго—все во имя сохраненія принциповъ порядка, спокойствія, законности и монархическихъ началъ, провозглашенныхъ Веронскимъ конгресомъ, и Меттернихъ долженъ былъ признать это вмѣшательство. Чтобы помѣшать Франціи играть главную роль въ этомъ дѣлѣ, онъ прибѣгнулъ къ знакомому ему средству и предложилъ созвать въ Парижѣ конференцію для рѣшенія испанскаго вопроса. Но и этого предложенія не приняли. Противъ него были Франція, Англія и Россія. Поэтому канцлеръ очень недоволенъ этими державами и, въ своей перепискѣ, раз-

сказываетъ про русскихъ такіе анекдоты, которые странно встрѣтить въ серьезномъ сочиненіи. Такъ, онъ говоритъ, что уже года четыре сряду русскіе путешественники наводняютъ Италію и каждый изъ нихъ проповѣдуетъ возстаніе, давая понять, что онъ агентъ правительства. Во время путешествія великаго князя Михаила, сопровождавшій его Лагарпъ въ каждомъ городѣ являлся въ клубъ карбонари и обѣщалъ имъ содѣйствіе русскаго императора. Меттернихъ удивляется поэтому, какъ еще въ несчастной Италіи камень остался на камнѣ, и ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ открылъ Александру I глаза на счетъ окружающихъ его лицъ, не объясняя, однако, на кого и что̀ именно доносилъ.

Смерть Людовика XVIII, 6-го сентября 1824 года, вызываетъ очень немного размышленій канцлера: „Это былъ слабый монархъ и, какъ частный человѣкъ, раздѣлялъ много заблужденій своего времени. Смерть его, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была бы важнымъ событіемъ; теперь она не имѣетъ значенія; теперь въ мірѣ все идетъ лучше, и короли могутъ умирать спокойно, не опасаясь никакихъ потрясеній. Карлъ X—другой человѣкъ: у него есть сердце и здравый смыслъ; ему не достаетъ только твердости характера“. Меттернихъ смѣется надъ выраженіемъ французскаго историка, сказавшаго, что Людовикъ XVIII дважды спасъ Францію отъ иноземнаго вторженія. „Это все равно, прибавляетъ канцлеръ, что утверждать, будто Фердинандъ неаполитанскій былъ великимъ правителемъ, потому что дважды избавилъ свое королевство отъ австрійскаго вторженія“. Меттернихъ находитъ, однако, что Карлъ X сдѣлалъ слишкомъ много уступокъ либераламъ при вступленіи на престолъ.

Конецъ этого года былъ занятъ переговорами по усмиренію греческаго возстанія и по восточному вопросу. Въ депешахъ къ графу Эстергази, австрійскому посланнику въ Лондонѣ, Меттернихъ старается склонить англійскаго премьера Каннинга ко взглядамъ Австріи на необходимость помѣшать, во что бы то ни стало, войнѣ Россіи съ Турціею; въ депешахъ къ посланнику въ Берлинѣ либерализмъ Каннинга называется фальшивымъ и опаснымъ, а Пруссіи рекомендуется поддерживать въ Петербургѣ предложеніе Австріи. Отъ Каннинга требуется сохраненія въ тайнѣ сообщаемыхъ ему депешею взглядовъ и, въ то же время, Пруссіи сообщается копія съ этой депеши, также съ просьбою ничего не говорить объ ней, такъ какъ „не всегда возможно громко говорить правду“. Подобныя продѣлки составляютъ основныя правила дипломатіи. Для обсужденія греческаго вопроса положено было собраться конференціи въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1825 года умерла жена Меттерниха, положеніе которой, по его словамъ, трогало его гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другія событія въ мірѣ. „Послѣ тридцати лѣтъ ничѣмъ невозмутимаго сожительства, говоритъ онъ, я нахожусь въ страшномъ одиночествѣ. Что я буду дѣлать съ моими дочерьми? Ввѣрить ихъ гувернанткѣ—

недостаточная помощь". Эта потеря не мѣшаетъ ему, однако, сильно озабочиваться греческимъ вопросомъ и замѣчать, что не понимаетъ роли, какую игралъ въ немъ Веллингтонъ, „растерявшій на поляхъ сраженій свою энергію, обладающій своего рода военнымъ дарованіемъ, которое опирается на пушку, но безъ нея никуда не годится". Въ то же время онъ пишетъ изъ Парижа императору Францу, вслѣдъ за увѣдомленіемъ о смерти своей жены, обширныя записки о внутреннемъ положеніи Франціи. Само собою разумѣется, что положеніе это ему представляется въ самомъ плачевномъ видѣ. По его словамъ, населеніе Парижа состоитъ изъ 800,000; между ними 80,000 женщинъ и 10,000 мужчинъ не принадлежатъ ни къ какой религіи. Болѣе трети населенія некрещены. Въ кварталѣ св. Женевьевы, гдѣ живетъ низшее сословіе, изъ двадцати семействъ только одно въ законномъ бракѣ. Половина не внесена ни въ какіе гражданскіе списки. „Здѣсь надо дѣйствовать миссіонерамъ, какъ между дикарями". Въ десять лѣтъ, со времени реставраціи и введенія свободы печати, продано 2,700,000 экземпляровъ атеистическихъ, противурелигіозныхъ и безнравственныхъ сочиненій. Что сочиненія эти распространяются извѣстною партіею, доказывается тѣмъ, что молодымъ людямъ они уступаются за полцѣны, часто даже даромъ. Между высшими классами безнравственность умѣряется порядочнымъ воспитаніемъ, но тамъ господствуетъ страсть къ деньгамъ и титуламъ. 220 членовъ тогдашней палаты депутатовъ просятъ о пожалованіи имъ званія пера Франціи. Всѣ пренія и вотированія палаты депутатовъ—жалкая комедія. Политическіе виды перваго министра Виллеля и правительства совершенно согласны со взглядами Австріи. Королемъ Меттернихъ совершенно доволенъ, потому что Карлъ X далъ ему орденъ св. Духа и пригласилъ его къ обѣду, en famille, на которомъ были только дофинъ съ женою и герцогиня Беррійская. Этой чести при Людовикѣ XVIII удостоены были однажды только герцогъ Веллингтонъ послѣ Ватерлоо, да лордъ Моира—личный другъ короля.

Ходъ петербургскихъ конференцій сильно не нравился Меттерниху. Онъ утверждаетъ, что Александръ I самъ не знаетъ, чего хочетъ въ греческомъ вопросѣ, Австрія же требовала признанія власти султана и капитуляціи инсургентовъ, которымъ Порта должна была обѣщать—забвеніе прошлаго и гражданское благосостояніе, не нарушающее правъ Турціи. Франція и Пруссія присоединились къ этой программѣ, но Англія, основываясь на декларація грековъ, что всякій проектъ умиротворенія, не основанный на ихъ независимости, будетъ ими отвергнутъ, отказалась участвовать въ петербургскихъ конференціяхъ. Напрасно Меттернихъ поручалъ графу Эстергази убѣдить Георга IV, Веллингтона и самого Каннинга, что не вступить въ союзъ европейскихъ державъ по этому вопросу, значитъ не понимать своихъ собственныхъ выгодъ—Каннингъ не признавалъ цѣлесообразности конференцій, не смотря на то, что Австрія соглашалась по-

томъ требовать у Турціи независимости Мореи и Архипелага. Но Меттернихъ былъ твердо увѣренъ, что Греція погибнетъ въ борьбѣ, если Россія не объявитъ войны Турціи—а этого, разумѣется, ему не хотѣлось. Послѣдовавшее, послѣ паденія Миссолонги, рѣшеніе греческаго правительства въ Навпліи—поставить грековъ подъ покровительство Англіи было еще непріятнѣе австрійскому канцлеру. Онъ старался убѣдить нашего посла въ Вѣнѣ, Татищева, что этимъ поступкомъ греки сами отреклись отъ своей политической независимости и что султанъ, отказавшійся принять посредничество союзныхъ державъ, долженъ будетъ теперь имѣть дѣло не со своими возмутившимися подданными. Усилія Австріи привлечь Россію къ такой точкѣ зрѣнія были парализованы смертью Александра I. Получивъ извѣстіе объ этомъ неожиданномъ событіи, Меттернихъ говоритъ: „Какъ мало значатъ всѣ людскіе разсчеты! Не смотря на мое хладнокровіе, эта катастрофа глубоко поразила меня. Александръ имѣлъ особенное и сожалѣнія достойное свойство: идя къ хорошей цѣли—ошибаться въ выборѣ средствъ для ея достиженія. Такъ было и въ восточномъ вопросѣ, и въ вопросѣ о престолонаслѣдіи“. Ожидая, что на престолъ взойдетъ Константинъ, канцлеръ разбираетъ его характеръ и находитъ, что, не смотря на увлеченія молодости, сильно повредившія его репутаціи, и благодаря благотворному вліянію супруги на его раздражительный характеръ, онъ будетъ царствовать мирно. „Онъ нисколько не интересуется судьбою грековъ и постоянно отзывается о нихъ съ презрѣніемъ, какъ о націи, и съ отвращеніемъ, какъ объ возмутившихся подданныхъ. Онъ преданъ Австріи, ненавидитъ англичанъ, презираетъ французовъ и считаетъ Пруссію одержимою революціоннымъ духомъ“. Въ случаѣ вступленія на престолъ великаго князя Николая, Меттернихъ отказывается составить гороскопъ его царствованія.

Всѣ первыя письма и депеши 1826 года посвящены перемѣнѣ царствованія въ Россіи. Въ нихъ говорится, что Константинъ запретилъ сначала дамамъ въ Варшавѣ носить трауръ, не получивъ офиціальныхъ свѣдѣній о смерти императора, но что всѣ войска, кромѣ находящихся въ Польшѣ, присягнули ему. Татищевъ не приказывалъ служить молебны въ посольской церкви, не зная, за какого императора молиться. Когда, наконецъ, пришло извѣстіе объ отреченіи Константина и о возстаніи 14 декабря, Меттернихъ нашелъ, что послѣднее событіе—точная копія съ возстаній въ Мадридѣ, Неаполѣ и Туринѣ. Канцлеръ очень доволенъ тѣмъ, что оправдались его слова Александру I и Нессельроде о существованіи заговора въ Россіи — чему они не хотѣли вѣрить. Онъ убѣжденъ, что заговоръ, имѣвшій цѣлью посягнуть на жизнь императора, вспыхнулъ бы и при немъ. Отозвавъ тотчасъ же изъ Петербурга австрійскаго посла, Лебцельтерна, зятя князя Трубецкого, главы заговора, Меттернихъ говоритъ по этому поводу: „я не знаю, кого назначить на этотъ трудный постъ.

Вотъ точное положеніе Россіи: Петръ I сдѣлалъ ее частью Европы, но онъ ошибся, уничтоживъ всѣ старинныя учрежденія своего государства и не замѣнивъ ихъ ничѣмъ. Екатерина II думала только о славѣ, была слишкомъ женщиною и имѣла несчастіе жить въ эпоху энциклопедистовъ. Павелъ, еслибы не страдалъ болѣзненными припадками, оказалъ бы большія услуги странѣ, такъ какъ чувства его были вполнѣ монархическія. Александръ все хотѣлъ преобразовать и ничего не устроилъ; все въ немъ поверхностно и, предпочитая всегда дурныя средства хорошимъ, онъ, въ двадцать пять лѣтъ своего царствованія, оставилъ свою имперію въ такомъ же положеніи, до какого довелъ свою Іосифъ II, въ теченіи девяти лѣтъ. Въ Россіи цивилизованъ только высшій классъ: дворъ и чиновники. Александръ хотѣлъ ввести цивилизацію вездѣ, но она оказалась только декораціею. Старая Россія не существуетъ болѣе. Николаю предстоитъ создать новую".

Канцлеръ болѣе всего осуждаетъ манифестъ Александра I, отъ 28 августа 1823 года, объявляющій наслѣдникомъ престола великаго князя Николая, но скрытый ото всѣхъ и довѣренный только четыремъ лицамъ, которые должны были предъявить его только по смерти императора. „Россія еще счастливо отдѣлалась въ этомъ случаѣ — мѣсяцомъ междуцарствія и погибелью нѣсколькихъ сотенъ людей", прибавляетъ Меттернихъ. Что же касается до отношеній новаго императора къ Турціи, канцлеръ совершенно доволенъ его заявленіемъ, что Россія не имѣетъ ни малѣйшаго основанія вмѣшиваться въ распоряженія султана относительно его христіанскихъ подданныхъ, какъ и онъ не имѣетъ права дѣлать какія-либо замѣчанія касательно отношеній Россіи къ ея мусульманскимъ подданнымъ. Ультиматумъ, посланный въ то же время Портѣ и требующій, чтобы она исполнила всѣ данныя ею Россіи обязательства, также удовлетворилъ Меттерниха, но онъ сильно возсталъ противъ предложенія Англіи и Россіи, отъ 4 апрѣля 1826 года, что Греція должна остаться принадлежащею Турціи страною, платить ей ежегодно установленную дань, но управляться избираемыми ею властями и пользоваться полною свободою вѣроисповѣданія и торговли. Австрія и Пруссія были приглашены присоединиться къ этимъ предложеніямъ, но отказались; Франція предоставила себѣ также полную свободу дѣйствій въ греческомъ вопросѣ, и канцлеръ предсказалъ полнѣйшее фіаско этой идеѣ, какъ вдругъ Англія и Россія заключили между собою на этихъ основаніяхъ договоръ для совмѣстнаго дѣйствія противъ Турціи. Меттернихъ продолжалъ, однако, въ депешахъ къ посланникамъ, отстаивать свой взглядъ. Его озабочивало въ особенности нерасположеніе къ нему Николая I, которое онъ называетъ, даже въ конфиденціальномъ письмѣ къ принцу гессен-гомбургскому — боязнью и объясняетъ тѣмъ, что всѣ политическія ошибки Александра I приписывали вліянію австрійскаго канцлера. Онъ сожалѣетъ также въ этомъ

письмѣ, что молодому императору не на кого опереться, что подлѣ него нѣтъ ни безкорыстнаго совѣтника, ни вѣрнаго исполнителя его намѣреній. Офиціальные документы этого года оканчиваются отвѣтомъ Австріи на русско-англійское предложеніе—совмѣстнаго воздѣйствія на Порту. Австрія положительно отказалась принять участіе въ принудительныхъ мѣрахъ противъ Порты, имѣющихъ цѣлью замѣнить власть Турціи надъ Греціею вассальными отношеніями и заставить Порту принять посредничество европейскихъ державъ въ спорахъ съ ея возмутившимися подданными. Эти мѣры Австрія находитъ столько же нецѣлесообразными, какъ и предложенныя на петербургскихъ конференціяхъ и бывшія причиною ихъ неуспѣха: прерваніе дипломатическихъ сношеній съ Портою и признаніе независимости Греціи. Возвращаясь къ этимъ послѣднимъ мѣрамъ, Меттернихъ доказываетъ, что отозваніе европейскихъ пословъ убьетъ левантскую торговлю, отчего прежде всего пострадаетъ Англія, и спрашиваетъ, гдѣ же территорія Греціи, которую слѣдуетъ признать независимою? Это — городъ Навплія съ окрестностями, аѳинскій акрополь, осажденный турками, цитадели Коринѳа и Аргоса и еще нѣсколько укрѣпленій и незначительныхъ мѣстностей, занятыхъ слабыми отрядами инсургентовъ. Между тѣмъ, условіемъ независимой территоріи самъ Каинингъ признаетъ только такую, которая можетъ защитить свою независимость и гдѣ дѣйствуютъ правильно учрежденныя власти. Что же касается до обращенія Греціи къ человѣколюбію Англіи, Меттернихъ находитъ въ этомъ обращеніи сходство съ адресомъ, представленнымъ конвенту во время французской революціи, — „во имя рода человѣческаго“. На этихъ основаніяхъ Австрія отказалась отъ всякаго посредничества въ греческомъ вопросѣ.

Въ 1827 году, Меттернихъ женился вторично, 55-ти лѣтъ, на дѣвицѣ Антоніи Лейкамъ, которой австрійскій императоръ далъ титулъ графини Бейльштейнъ. До того времени, въ своей перепискѣ онъ не говоритъ ни слова о томъ, что̀ это за особа, какъ онъ съ нею познакомился и что заставило его избрать ее подругою своей жизни. Онъ говоритъ только въ одномъ письмѣ о своемъ бракѣ: „То, что я сдѣлалъ — я рѣшился на это съ полнымъ спокойствіемъ и обдуманностью въ головѣ и въ сердцѣ. Въ важныхъ рѣшеніяхъ я не спрашиваю ни у кого совѣта. Что̀ могутъ сказа̀ть мои друзья—я это знаю, потому что самъ не разъ говорилъ себѣ; что̀ могутъ сказать мои недруги — до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Я совѣтуюсь только со своей совѣстью, знаю, что долженъ дѣлать — и дѣлаю“. Далѣе онъ упоминаетъ о какихъ-то „недостойныхъ толкахъ“, заранѣе распространенныхъ о его женитьбѣ, противъ которой не возражало его семейство и на которую далъ свое согласіе императоръ Францъ — и этого для него довольно. Исторіи, конечно, нѣтъ дѣла до интимной жизни канцлера и его любовныхъ похожденій, отмѣченныхъ скандалезной хроникой его времени.

И этотъ годъ наполненъ весь документами, относящимися къ восточному вопросу. Въ нотѣ о политическомъ положеніи Европы, Меттернихъ приписываетъ запутанность этого положенія „монархическому либерализму" Каннинга и ошибочному взгляду Александра I, раздѣляемому его преемникомъ. Опасность положенія увеличивается еще ненормальнымъ ходомъ дѣлъ во Франціи и Италіи. Впрочемъ, канцлеръ увѣряетъ, что Россія старается сблизиться съ Австріей; въ то же время Англія и Россія боятся взаимно другъ друга. Въ мартѣ, Россія предложила остальнымъ четыремъ великимъ державамъ согласиться относительно единодушнаго образа дѣйствій въ греческомъ вопросѣ. По этому случаю Генцъ писалъ Меттерниху: „Русскій кабинетъ предлагаетъ проектъ конвенціи, французскій—другой, Англія—представительница грековъ—третій. Отчего бы Австріи не представить четвертаго? Она на это имѣетъ столько же правъ, какъ и другіе. Путаница отъ этого была бы, конечно, еще больше; но развѣ въ вашихъ интересахъ — вносить свѣтъ въ такое положительно плохое дѣло (grundböse Sache). Чѣмъ гуще мракъ, тѣмъ скорѣе непрошенные посредники разобьютъ себѣ лбы". Въ инструкціи, данной по этому случаю австрійскому послу въ Лондонѣ, указывается на трудность и почти невозможность достигнуть цѣли посредничества, которое должно обнимать прошедшее, настоящее и будущее. Прошедшее должна покрыть амнистія, данная султаномъ, въ настоящемъ онъ долженъ прекратить военныя дѣйствія, въ будущемъ дать гарантіи мира и спокойствія. Какими средствами побудить его къ этому? Угрозою разрыва сношеній всѣхъ пяти державъ съ Портою или войною, объявленною одною изъ нихъ? (Россіею). Ни на ту, ни на другую мѣру Австрія не соглашалась, предоставляя себѣ полную свободу дѣйствій, въ случаѣ категорическаго отказа султана принять мѣры къ умиротворенію Греціи. Меттернихъ прямо говоритъ, что Англія и Россія не знаютъ сами, чего онѣ хотятъ; что Россія хочетъ только положить конецъ смутамъ и не хочетъ войны. Австрія не хочетъ, чтобы Россія нарушала права султана. На эти австрійскія инструкціи, сообщенныя нашему послу въ Вѣнѣ, Татищевъ отвѣчалъ, что императоръ Николай не можетъ согласиться со взглядами Австріи и будетъ держаться протокола 4 апрѣля, расходясь только съ Англіею въ примѣненіи средствъ къ предположенной ими цѣли. Вслѣдствіе этой ноты, Австрія отказалась участвовать на лондонскихъ конференціяхъ, гдѣ былъ заключенъ только тройной договоръ между Англіею, Россіей и Франціей. Прусскій король объявилъ, что онъ во всѣхъ дѣлахъ будетъ сообразоваться съ мнѣніями и поступками австрійскаго императора.

Не присоединившись къ тройному союзу, Австрія тотчасъ же поспѣшила съ изъявленіемъ своего участія Турціи, а Меттернихъ, въ конфиденціальной депешѣ къ посланнику въ Константинополѣ, поручилъ ему выразить сочувствіе султану, въ виду его категорическаго отказа принять посредничество трехъ державъ. „Министры Порты,

пишетъ онъ, конечно, поняли, что между тремя державами нѣтъ единодушія, что во многихъ вопросахъ интересы ихъ діаметрально противоположны и что эта разница во взглядахъ необходимо ослабитъ ихъ дѣйствія. Союзъ ихъ только кажущійся и легко можетъ быть расторгнутъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Меттернихъ видитъ революціонное движеніе даже въ самой Турціи и убѣжденъ, что Порта не имѣетъ моральной возможности съ нимъ бороться. Поэтому онъ предлагаетъ австрійскому посланнику внушить султану, чтобы тотъ обратился къ Австріи и потребовалъ ея посредничества въ распрѣ съ тремя державами. Вслѣдствіе этой депеши, диванъ поручилъ великому визирю отвѣчать Меттерниху, и султанъ утвердилъ этотъ отвѣтъ, написавъ, что „австрійскій императоръ нашъ старый другъ и достоинъ нашего полнаго довѣрія, такъ какъ онъ во всѣ времена давалъ намъ явныя доказательства своего расположенія. Я давно знаю также превосходныя качества князя Меттерниха". Отвѣтъ, однако, не былъ посланъ, потому что въ это время пришло извѣстіе о Наваринской битвѣ. Еще прежде этой битвы, пять австрійскихъ судовъ привезли разные припасы въ Наваринъ турецко-египетскому флоту, блокированному въ этомъ портѣ соединенною англо-французскою эскадрою, и адмиралъ Кодрингтонъ объявилъ объ этомъ начальнику австрійской эскадры въ Архипелагѣ, который, конечно, опровергнулъ это извѣстіе. Меттернихъ поспѣшилъ представить по этому случаю въ Лондонъ объясненіе, въ которомъ говоритъ, что блокада Наварина не только не была формально заявлена, но и самое объявленіе войны Портѣ не было сдѣлано союзными державами. Канцлеръ въ особенности жаловался на рѣзкій тонъ англійскаго адмирала, объявившаго, что онъ не будетъ впредь дѣлать различія между турецкими и австрійскими судами. Неизвѣстно, чтó отвѣчалъ англійскій кабинетъ Меттерниху, написавшему цѣлый рядъ нотъ, по поводу „страшной Наваринской катастрофы". Канцлеръ видитъ въ ней возможность блокировать Константинополь съ моря и сухого пути, ждетъ возстанія со стороны турокъ, фанатизмъ которыхъ возбужденъ истребленіемъ всего ихъ флота въ то время, когда представители державъ, истребившихъ флотъ, спокойно живутъ въ столицѣ Турціи. Больше всѣхъ былъ огорченъ австрійскій императоръ. „Въ теченіи 18-ти лѣтъ, говоритъ Меттернихъ, съ тѣхъ поръ, какъ, по своимъ обязанностямъ, ежедневно вижусь съ императоромъ, я никогда не видалъ его болѣе опечаленнымъ, болѣе безпокойнымъ". Великій визирь прислалъ канцлеру жалобу, впрочемъ, очень темную и наполненную общими мѣстами, на отношенія союзныхъ державъ къ Турціи, и императоръ Францъ поспѣшилъ отправить эту ноту къ союзнымъ державамъ, заявивъ въ то-же время, что онъ нисколько не желаетъ быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Виновникомъ истребленія турецкаго флота Меттернихъ считаетъ Кодрингтона и говоритъ, что въ офиціальномъ рапортѣ адмирала англійскому правительству заключается „все, что маккіаве-

лизмъ, осуществленный на дѣлѣ, и несправедливость, примѣненная къ войнѣ и политикѣ, могутъ изобрѣсти самаго дерзкаго“. Онъ утверждаетъ также, что въ самой Англіи общественное мнѣніе сильно возстало противъ Наваринскаго дѣла—что весьма сомнительно, такъ-же какъ и несбывшіяся его предсказанія, что мусульмане, узнавъ о Наваринѣ, начнутъ вездѣ рѣзать христіанъ. Въ послѣднемъ докладѣ Францу, канцлеръ говоритъ о томъ, что въ Петербургѣ торжествуютъ великую и „благородную“ (edlen) Наваринскую побѣду, и приводитъ отрывокъ изъ частнаго письма Нессельроде къ Татищеву, даннаго послѣднимъ для прочтенія: „Что скажетъ нашъ другъ Меттернихъ объ этомъ громадномъ тріумфѣ? Онъ, конечно, сошлется на свои старые и скучные принципы, будетъ говорить о правѣ—да здравствуетъ сила! Теперь она управляетъ міромъ и я буду очень доволенъ, если всѣ мои товарищи-министры предоставятъ адмираламъ устраивать наши дѣла. Вотъ люди, отлично умѣющіе рѣшать вопросы! Никогда не было славы, подобной настоящей!“ Къ этой фразѣ Меттернихъ дѣлаетъ слѣдующій, любопытный коментарій: „Такъ думали и говорили Карно, Дантонъ и ихъ послѣдователи. И не смотря на это, старые и скучные принципы истребили ихъ до конца. То-же случится и съ охотникомъ шумѣть (Polterer)—графомъ Нессельроде. Вопросъ только въ томъ, кто погибнетъ прежде его и его слабыхъ товарищей?“ Резолюція Франца на этомъ докладѣ оканчивается слѣдующими словами: „Только усмиреніе грековъ можетъ положить конецъ несчастному положенію дѣлъ на Востокѣ, не потрясая священныхъ основъ и правъ, которые хочетъ оставить въ сторонѣ слабый графъ Нессельроде, послѣдствія чего будутъ ужасны“.

Въ этомъ же году неожиданно умеръ англійскій премьеръ Каннингъ, котораго Меттернихъ не любилъ столько же, какъ и Каподистрію за то, что онъ не раздѣлялъ взглядовъ канцлера. Получивъ извѣстіе о его смерти, Меттернихъ называетъ его „зловреднымъ метеоромъ, страшнымъ бичемъ“, говоритъ, что онъ „все потрясъ, многое разрушилъ и ничего не создалъ. Зло, принесенное имъ міру такъ велико, что трудно исчислить его размѣры“. И это все за то, что Каннингъ принялъ сторону грековъ, призналъ независимость колоній Южной Америки, возставшихъ противъ гнета Испаніи, содѣйствовалъ введенію конституціи въ Португаліи. Всѣмъ этимъ онъ искупилъ позорную бомбардировку Копенгагена и, конечно, принесъ бы еще болѣе пользы либеральному движенію, еслибъ его не постигла ранняя кончина: онъ умеръ 56 лѣтъ.

Еще болѣе, чѣмъ смертью Каннинга, Меттернихъ былъ доволенъ проектомъ ограниченія печати, приготовлявшимся во Франціи. Онъ говоритъ по этому поводу, что „никакой законъ, имѣющій въ виду обуздать печать, не достигнетъ своей цѣли, если не будетъ учреждена предварительная цензура“. Онъ не надѣется, впрочемъ, чтобы проектъ этотъ былъ принятъ палатою депутатовъ, составъ которой

можетъ повести къ паденію монархіи. Реставрація, вмѣсто того, чтобы почерпнуть свои силы въ историческихъ преданіяхъ и въ учрежденіяхъ имперіи, основанныхъ на твердой власти, пошла по пути нелѣпаго доктринерства. „Наполеонъ, хорошо понимавшій необходимость твердой власти, сказалъ мнѣ однажды: „Вы видите, я властелинъ Франціи,. но не возьмусь управлять ею въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, при свободѣ печати". Людовикъ XVIII, вѣроятно, считая себя выше Наполеона, не только далъ свободу печати, но и внесъ ее въ конституцію". Всѣ эти выходки и сужденія ретроградовъ, высказанныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія, повторяются и въ концѣ его. Меттернихъ со своимъ Францемъ хватилъ только черезъ край, предсказывая русскому министру иностранныхъ дѣлъ участь Дантона. Но пугать гильотиною и краснымъ призракомъ—также въ обычаѣ консерваторовъ.

Новый, 1828 годъ, Меттернихъ встрѣтилъ въ мрачномъ настроеніи. Въ прошломъ году „отсутствіе здраваго смысла въ духѣ либерализма выказалось во всей своей наготѣ". Въ настоящее время „дворы, подчинившись либераламъ, разыгрываютъ роль дикарей въ цивилизаціи" (что̀ хотѣлъ сказать этими метафорами разстроенный консерваторъ — вѣроятно, онъ и самъ не понималъ). Въ Парижѣ и Лондонѣ царствуетъ безпорядокъ; тоже было бы и въ Петербургѣ, еслибы „завоевательная автократія не была занята поглощеніемъ кусковъ міра, подбрасываемыхъ ей либеральнымъ союзомъ". Въ письмахъ къ своему сыну Виктору, состоявшему при посольствѣ въ Парижѣ, канцлеръ жалуется на всѣхъ и на все. Еще болѣе неудовольствія возбудила въ немъ экспедиція французовъ въ Мореѣ и объявленіе Россіею войны Турціи. Бездѣйствіе и апатія Дивана выводятъ его изъ себя до того, что онъ предложилъ державамъ составить независимое государство изъ Мореи съ островами Архипелага. Англія отказалась отъ этого проекта. Императоръ Николай, въ разговорѣ съ графомъ Зичи, переданномъ въ депешѣ посла къ Меттерниху, объявилъ, что война съ Турціей была рѣшена еще Александромъ I. По возстановленіи порядка послѣ подавленія ужаснаго заговора, въ Аккерманъ призваны были турецкіе уполномоченные, чтобы попытаться кончить дѣло миромъ. Въ то-же время въ Петербургъ пріѣхалъ герцогѣ Веллингтонъ, представившій, что отъ безсилія Порты возстаніе усиливается, льются рѣки крови, страдаютъ невинные, падаетъ торговля. Слѣдствіемъ его представленій былъ протоколъ 4-го апрѣля. Веллингтонъ былъ убѣжденъ, что Турція покорится рѣшенію державъ и не начнетъ войны. Сожалѣя, что Австрія и Пруссія не приступали къ тройному союзу, императоръ сказалъ: „Диванъ подчинился бы тогда нашимъ требованіямъ, и вліяніе Священнаго союза еще разъ проявилось бы въ полномъ блескѣ, развивъ неотразимую силу. Я свято придерживаюсь его консервативныхъ принциповъ и буду всегда самымъ жаркимъ приверженцемъ Священнаго союза, который

найдетъ во мнѣ, что-бы ни говорили, твердую опору. Повторяю вамъ при этомъ случаѣ, что я ненавижу грековъ и гнушаюсь ими, хотя они мои единовѣрцы; они вели себя гадко, предосудительно, даже преступно. Я продолжаю смотрѣть на нихъ, какъ на подданныхъ, возмутившихся противъ своего законнаго государя. Я вовсе не желаю ихъ освобожденія; они не заслуживаютъ его и, если достигнутъ—это будетъ очень дурнымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ странъ. Я не призналъ также независимости испанскихъ колоній въ Америкѣ, и ваше предложеніе—признать независимость Греціи, противорѣчитъ вашимъ принципамъ. Съ своей стороны я остаюсь чистъ и вѣренъ моимъ монархическимъ правиламъ... У меня нѣтъ никакихъ честолюбивыхъ и завоевательныхъ замысловъ, хотя всѣ мнѣ ихъ приписываютъ. Событія докажутъ, что я хочу только мира, внутренняго счастія и благосостоянія торговли моего народа. Но Турція постоянно относится къ намъ вызывающимъ образомъ: она не исполнила, наконецъ, постановленій Аккерманскаго договора, и это заставило меня обнажить мечъ, для защиты моихъ справедливыхъ требованій... Я стану во главѣ моей арміи, чтобы всякую минуту быть готовымъ принять предложеніе султана, какое онъ сдѣлаетъ, убѣдившись, что я твердо на все рѣшился. Никакія препятствія не заставятъ меня отказаться отъ моего намѣренія—хотя бы послѣдствіемъ этого было паденіе отоманской имперіи". Зичи отвѣчалъ на это, что, относясь снисходительно къ правительству слабому, раздраженному, подозрительному, можно побудить его къ уступкамъ. Императоръ не раздѣлялъ этого мнѣнія и утверждалъ, что необходимы пушки и штыки, чтобы побѣдить упорство султана. Николай I окончилъ этотъ разговоръ словами, что онъ не болѣе, какъ бригадный генералъ, ничего не понимающій въ политикѣ и въ дипломатическихъ тонкостяхъ, но что, если онъ и австрійскій императоръ будутъ дѣйствовать единодушно, то имъ нечего бояться никакихъ переворотовъ, потому что они у себя дома—полные хозяева, и вдвоемъ могутъ рѣшить всѣ споры въ Европѣ, потому что соединенныя силы ихъ велики, и они умѣютъ заставить себѣ повиноваться.

Эти откровенныя слова не убѣдили, повидимому, Меттерниха, не привыкшаго говорить правду въ своихъ дипломатическихъ бесѣдахъ. Въ слѣдующей же депешѣ къ посланнику въ Парижѣ, онъ приводитъ сказанныя, между прочимъ, Николаемъ I слова, что торговля одной Одессы потеряла тридцать милліоновъ, и говоритъ, что ожиданія войны могли нанести убытокъ только нѣсколькимъ спекулянтамъ. Въ депешѣ же къ лондонскому посланнику, онъ прямо заявляетъ, что „Россія, увѣряя въ своей величайшей умѣренности, открываетъ двери самымъ широкимъ требованіямъ. Она желаетъ не смерти Турціи, а ея раззоренія: хочетъ пріобрѣсти все, или большую часть всего; она наложитъ на Порту денежныя контрибуціи въ такомъ размѣрѣ, что султанъ будетъ не въ состояніи ихъ выплатить — и тогда

она возьметъ себѣ территоріальные залоги, продолжая увѣрять, что не ищетъ завоеваній." Дунайскія княжества и Сербія, по его мнѣнію, будутъ добычею Россіи. Въ отвѣтъ на прямое предложеніе русскаго императора дѣйствовать единодушно съ Австріей, канцлеръ старается возстановить Англію противъ Россіи, а послу при прусскомъ дворѣ пишетъ, что Франція, подъ видомъ сформированія волонтеровъ для филлэлинскихъ комитетовъ, мечтаетъ о завоеваніяхъ и стремится къ своимъ „естественнымъ границамъ" на Рейнѣ. Въ этихъ депешахъ виденъ весь Меттернихъ, съ его двуличной политикой и макіавелевскими инсинуаціями. Онъ не скрываетъ радости, при извѣстіяхъ о нашихъ неудачахъ въ началѣ кампаніи 1828 года, преувеличиваетъ ихъ, разсуждаетъ, какъ тактикъ, о плохомъ планѣ войны, о томъ, что она предпринята съ недостаточными силами, что Россія не разсчитывала на сопротивленіе и ждала покорности отъ Турціи, при вступленіи въ нее первыхъ отрядовъ; что огромныя потери русскихъ въ первыхъ же сраженіяхъ, дурно веденныхъ, уничтожили весь престижъ русской арміи и доказали всю неспособность ея предводителей, все неустройство ея интендантской и продовольственной части. Англіи онъ старается внушить мысль, что Россія ничего не можетъ сдѣлать безъ ея согласія, такъ какъ она можетъ нанести на морѣ огромный вредъ Россіи, а та ничѣмъ не можетъ отплатить ей. Онъ пишетъ ко всѣмъ дворамъ, что война чрезвычайно непопулярна въ Петербургѣ и даже въ арміи. Однимъ словомъ, этотъ великій дипломатъ, этотъ столбъ консерватизма употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать Европѣ, что Турція въ этой войнѣ оказалась государствомъ болѣе живучимъ, болѣе сильнымъ, болѣе заслуживающимъ участія, чѣмъ Россія,—и все это изъ-за того только, что Николай I отказался идти на помочахъ Австріи и Меттерниха!

Начало 1829 года посвящено частной жизни канцлера. Сынъ его, Викторъ, былъ переведенъ въ Римъ и несовсѣмъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ. Отецъ, въ своихъ письмахъ, старается внушить ему любовь къ этому городу, его развалинамъ и памятникамъ прошедшаго, а не къ жителямъ, но, въ половинѣ января, сообщаетъ о постигшемъ его несчастіи: вторая жена его, произведя на свѣтъ здороваго мальчика, простудившись, умерла вскорѣ послѣ родовъ... „Человѣкъ долженъ поникнуть головой и не разсуждать, говоритъ онъ: жизнь моя кончена и, что отъ нея остается, принадлежитъ моимъ дѣтямъ. Эта идея поддерживаетъ меня и даетъ мнѣ силы жить". Въ слѣдующихъ письмахъ, онъ говоритъ, что забываетъ свое горе въ работѣ, сообщаетъ сыну дипломатическія, придворныя и семейныя новости, освѣдомляется о его здоровьѣ. Въ іюнѣ, эти письма оканчиваются, а въ іюлѣ онъ пишетъ уже къ своему старому другу, графинѣ Молли Зичи-Феррарисъ, что Викторъ пріѣхалъ въ Вѣну и что его здоровье требуетъ серьезнаго леченія. Всякое леченіе было, однако, напрасно и, въ концѣ года, сынъ и наслѣдникъ Меттерниха умеръ въ чахоткѣ.

Судьба была неумолима и жестока въ отношеніи къ канцлеру и поражала его въ частной жизни тяжелыми ударами. Эти удары не мѣшали, однако, исполненію его дипломатическихъ обязанностей. Въ день смерти своей жены, вмѣстѣ съ письмомъ объ этомъ къ своему сыну, онъ посылалъ обширныя инструкціи графу Фикельмону, отправлявшемуся чрезвычайнымъ посланникомъ къ русскому двору. Въ этихъ инструкціяхъ прежде всего говорится, что „русскій монархъ легко позволилъ себя увлечь съ пути здравой политики и выказалъ недостатокъ въ разсчетахъ и обсужденіяхъ, который трудно себѣ объяснить"; что союзники сами не знаютъ—если еще знали когда нибудь,—ни куда они идутъ, ни куда могутъ придти; что одна Россія извлекла для себя изъ этого союза существенную пользу, истребивъ съ помощью англичанъ турецкій флотъ при Наваринѣ. Любопытно, далѣе, въ этихъ инструкціяхъ сознаніе Меттерниха, что между Австріею и Россіею никогда не существовало искренняго расположенія. Если обѣ державы и дѣйствовали за одно, то только въ виду общей выгоды — какъ при раздѣлѣ Польши, или общей безопасности—какъ въ войнахъ съ Наполеономъ. Причину взаимнаго нерасположенія этихъ державъ канцлеръ видитъ въ томъ, что одна изъ нихъ консервативна, по основнымъ условіямъ своего существованія, а другая постоянно стремится къ расширенію своихъ владѣній. Въ инструкціи рекомендовалось посланнику—проникнуть намѣренія императора, узнать подробно всѣ средства, на которыя онъ опирается, чтобы продолжать войну съ Турціей; дѣйствовать вообще такъ, чтобы уничтожить натянутыя отношенія между двумя сосѣдними державами. Только что Фикельмонъ уѣхалъ въ Петербургъ, канцлеръ послалъ въ догонку ему еще депешу, сообщавшую о свиданіи съ Татищевымъ, который получилъ свѣдѣнія о томъ, что Австрія старается составить коалицію противъ Россіи, чтобы принудить ее заключить миръ съ Турціей, на условіяхъ, какія предложатъ коалиціонныя державы. Само собою разумѣется, что свѣдѣнія эти Меттернихъ назвалъ выдуманными. Тогда Татищевъ предложилъ снова Австріи присоединиться къ тройному союзу и, получивъ отказъ, утверждалъ, что Россія готова идти противъ Турціи только вдвоемъ съ Австріей, отказавшись отъ другихъ союзниковъ. На это, конечно, канцлеръ отвѣчалъ также отказомъ...

Адріанопольскій миръ привелъ Меттерниха въ самое грустное настроеніе. Оно высказывается въ депешахъ къ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, къ другу канцлера, Генцу, въ докладѣ императору Францу и въ статьѣ, заготовленной имъ для газеты „Beobachter";—печатью онъ никогда не пренебрегалъ, если она могла служить его интересамъ. Высказавъ еще прежде мысль, что въ русско-турецкой войнѣ побѣдителемъ останется тотъ, кто меньше надѣлаетъ грубыхъ ошибокъ, Меттернихъ былъ пораженъ скорымъ окончаніемъ войны и ея результатами. По его мнѣнію, „отоманская имперія потрясена въ самомъ основаніи; она уже не можетъ болѣе считаться въ числѣ не-

зависимыхъ государствъ, потому что одолжена своимъ существованіемъ тому, что толпа называетъ умѣренностью побѣдителя. Потери Турціи огромны, и ея будущее сдѣлалось сомнительнымъ; а, между тѣмъ, нѣтъ державы въ Европѣ, которая была бы болѣе Австріи заинтересована въ сохраненіи этой имперіи".

Какъ всѣ эти и подобныя имъ дипломатическія фразы отзываются банальностью и общими мѣстами! Что сказалъ бы этотъ представитель консервативной державы, „не стремящейся къ расширенію своихъ владѣній", если бы одна изъ державъ, заключавшихъ миръ съ Турціей, предложила тогда же Австріи, какъ сдѣлала это сорокъ восемь лѣтъ послѣ того—захватить Боснію и Герцеговину? Неужели имперія, для которой такъ необходимо сохраненіе Турціи, отказалась бы въ то время отъ этого дипломатическаго дара? Громкимъ фразамъ о безкорыстіи и справедливости въ нашъ вѣкъ никто не вѣритъ, особенно когда начинаютъ вести войну—самое несправедливое изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Кто вспоминаетъ объ обѣщаніяхъ, даваемыхъ при объявленіи войны—въ эпоху, когда она оканчивается? И это очень естественно, потому что результаты войны могутъ быть совершенно неожиданные, а съ перемѣною обстоятельствъ должны измѣняться и первоначальныя намѣренія и разсчеты. Трудно и въ исторіи, какъ въ жизни, сказать самому себѣ: я остановлюсь на такой-то точкѣ и не сдѣлаю шагу далѣе. Событія, какъ быстрый потокъ, увлекаютъ насъ, даже противъ нашей воли, далѣе предположенной цѣли. Дипломатія, какъ наука извлекать всевозможную пользу для своей страны изъ затруднительнаго положенія сосѣдей, еще понятна въ нашъ вѣкъ, но дипломатія, старающаяся отводить глаза или провести другую державу громкими фразами о высокихъ принципахъ справедливости—умерла вмѣстѣ съ искусствомъ балансированія на фразахъ, блистательнѣйшимъ, если и не послѣднимъ представителемъ, котораго былъ этотъ непреклонный консерваторъ, князь Меттернихъ, жившій до эпохи, когда вся его консервативная система рухнула съ трескомъ, какъ плотина, опрокинутая неудержимымъ, естественнымъ потокомъ прогресса...

Вл. З—въ.

ОРИГИНАЛЬНОЕ НАРОДНИЧАНЬЕ.

„Не жаденъ русскій народъ, не завистливъ; летаетъ вокругъ него птица,—онъ не бьетъ ее; плаваетъ рыба,—онъ не ловитъ ее и довольствуется скудною и даже нездоровою пищею",—такое понятіе о русскомъ народѣ высказывалъ не особенно давно извѣстный профессоръ Шевыревъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей партіи, считавшей себя истинно русской, по преимуществу народной. Неудивительно, что находилось мало охотниковъ серьезно оспоривать подобнаго разбора воззрѣнія. Да и напрасно было бы добиваться тутъ какихъ бы то ни было резоновъ, когда источникомъ такихъ мнѣній явилась скорѣе наклонность къ риторическимъ фигурамъ, чѣмъ дѣйствительное знакомство съ жизнью. Нельзя сказать, однако, чтобы эти мнѣнія совсѣмъ отжили вѣкъ свой. И въ настоящее время находятся писатели, склонные проповѣдывать не менѣе утѣшительные взгляды о свойствахъ русской народности. Разница между прежними и нынѣшними носителями ихъ заключается въ томъ, что теперь уже не восхищаются однимъ риторизмомъ писателя-народника и не плѣняются паѳосомъ его. Теперь мы въ состояніи различить, какія начала и тенденціи скрываются подъ знаменемъ народности и риторическими вольностями. А что̀ иногда облекается у насъ такимъ покровомъ, объ этомъ можно судить по вышедшей на дняхъ брошюрѣ г. Леонтьева: „Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?"

Г. Леонтьевъ былъ главнымъ сотрудникомъ „Варшавскаго Дневника" и имя его нерѣдко встрѣчается въ „Русскомъ Вѣстникѣ", слѣдовательно, онъ—журналистъ, и его брошюра даетъ понятіе, какія мнѣнія еще возможны у насъ между журналистами. Но брошюра эта любопытна и въ другомъ отношеніи. Взгляды, въ ней высказанные, въ существенныхъ чертахъ принимаются у насъ цѣлымъ кружкомъ

людей. Правда, не сочувствуя „либераламъ“, г. Леонтьевъ не возлагаетъ большихъ надеждъ и на „консерваторовъ“. И они, по словамъ автора, „часто не въ силахъ перенестись на ту настоящую точку зрѣнія, которая одна можетъ открыть намъ глаза на наши ошибки и несчастія“. Но, тѣмъ не менѣе, между г. Леонтьевымъ и нашими націоналистами есть много пунктовъ соприкосновенія., Подобно имъ, и авторъ брошюры — противникъ всего, что можетъ напомнить ему Западъ. Подобно имъ, и онъ смотритъ на европейскую цивилизацію съ высоты своего русскаго величія, видитъ въ ней „умственное иго“, которое должно быть свергнуто для собственнаго нашего спасенія и избавленія насъ отъ всяческихъ бѣдъ и напастей. Г. Леонтьевъ старается только довести до послѣдней крайности эти воззрѣнія и тутъ-то его сужденія представляютъ особенный интересъ. Наконецъ, еще одно обстоятельство заставляетъ насъ обратить вниманіе читателей „Историческаго Вѣстника“ на брошюру г. Леонтьева. Она, очевидно, обязана своимъ появленіемъ толкамъ, которые возникли въ нашей печати въ послѣднее время на тему о сближеніи интеллигенціи съ народомъ. Брошюра, значитъ, вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ интересамъ.

И такъ, въ сужденіяхъ автора нужно различить два рода мнѣній — такъ сказать, кружковыя и личныя тенденціи. Первыя — не новы, и г. Леонтьеву принадлежитъ лишь своеобразность въ развитіи положеній, не разъ заявленныхъ славянофилами. Онъ радуется оторванности интеллигенціи отъ народа. „Радоваться надо этому“—говоритъ г. Леонтьевъ,—„потому, что идеи и политическіе вкусы, господствующіе въ интеллигенціи, все заимствованные, а у народа идеи и вкусы все свои; сближаясь съ народомъ, мы только вредимъ ему; вредимъ не въ томъ какомъ нибудь грубомъ смыслѣ, что мы его обманываемъ, или грабимъ, или можемъ отстранить его отъ какихъ нибудь вещественныхъ благъ, а въ томъ болѣе важномъ смыслѣ, что мы почти нечаянно учимъ его европейству (?); и не можемъ не учить, потому что сами до сихъ поръ выдумать ничего не были въ силахъ, и въ дѣлѣ творчества національнаго стоимъ гораздо ниже азіатскихъ народовъ, индусовъ, китайцевъ, мусульманъ, у которыхъ все почти свое“.

Этими словами вполнѣ опредѣляется воззрѣніе автора на культурное воздѣйствіе Европы. Дѣло, какъ видите, идетъ не о бездумномъ пользованіи чужими знаніями и опытомъ, безъ разбора, пригодны они къ намъ или нѣтъ. Г. Леонтьевъ сторонникъ болѣе общаго и болѣе оригинальнаго взгляда. Тутъ a priori отвергается безусловно польза и разумность какихъ бы то ни было заимствованій. Послѣднія скверны и пагубны уже потому, что они идутъ изчужа, и все хорошее на сторонѣ, непремѣнно должно сдѣлаться дурнымъ и вредоноснымъ, какъ скоро оно находитъ себѣ примѣненіе въ нашей жизни. Съ такой точки зрѣнія автору, разумѣется, ничего не оста-

валось больше, какъ, въ интересахъ послѣдовательности своихъ сужденій, выставить намъ въ примѣръ азіатскую самобытность. Въ данномъ случаѣ послѣдовательность г. Леонтьева переходитъ даже въ какое-то упрямство. Отдавая предпочтеніе самобытной азіатской неподвижности передъ европейскимъ прогрессомъ, онъ не смущается даже и тѣмъ, что азіатскіе народы фигурируютъ у него въ видѣ образца самой низшей національной группы. Справедливость требуетъ сказать, что при этомъ сравненіи въ пользу азіатцевъ не щадитъ онъ и правящіе классы. По словамъ автора, наше „онѣмеченное“ и „офранцуженное“ дворянство, „во многихъ случаяхъ лично почтенное (?) и государственно (?) всегда чрезвычайно доблестное, съ точки зрѣнія національнаго типа было ниже и хуже не только китайскихъ мандариновъ, но даже и турецкихъ пашей и беевъ, которыхъ, по крайней мѣрѣ, рѣзкія особенности ихъ религіи принуждаютъ не все свое уступать европеизму, не всѣ обычаи, не всѣ повѣрія (?!), не всѣ юридическія понятія“ и т. д.

Читая эти сопоставленія, лестныя для мандариновъ, пашей и беевъ, и оскорбительныя для Европы, иной, пожалуй, подумаетъ, что г. Леонтьевъ самъ отказывается разрѣшить поднятый въ его брошюрѣ вопросъ. О какомъ сближеніи съ народомъ можетъ быть рѣчь, въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро примѣрная косность восточныхъ человѣковъ должна служить основою упроченія „національнаго типа“ или, какъ выражается въ другомъ мѣстѣ авторъ, „культурнаго стиля народа?“ Но это ничуть не смущаетъ г. Леонтьева. Онъ послѣдователенъ до крайнихъ предѣловъ. Вотъ нѣсколько пояснительныхъ соображеній его на тему о границахъ сближенія интеллигенціи съ народомъ:

„Пока наше дворянство было отдѣлено отъ низшихъ классовъ стѣною привиллегій, оно могло вредить народу только вещественно, стѣснять его волю, наносить безнаказанно ему личныя оскорбленія, пользоваться иногда неразумно и жестоко даровымъ трудомъ мужика, брать съ купца взятки безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Все это такъ; но оно не могло тогда вредить народу духовно, государственно, воспитательно, религіозно и культурно, стирая своимъ примѣромъ и вліяніемъ драгоцѣнныя черты его національнаго характера. Нанесенію этого вреда (несравненно болѣе существеннаго, чѣмъ вредъ матеріальный) препятствовали тогда глубокіе предразсудки и закоренѣлыя привычки обѣихъ сторонъ. Эгоизмъ и открытое презрѣніе высшихъ, привиллегированныхъ, съ одной стороны; апатія и скрытое отвращеніе низшихъ — съ другой, спасали культурный стиль народа“.

Какой выводъ непосредственно вытекаетъ отсюда, не трудно понять:

„Чѣмъ больше равенства, больше общенія, больше даже открытыхъ выгодъ, больше взаимнаго пониманія, чѣмъ больше нравственнаго вліянія сверху внизъ, со стороны болѣе свѣдущей, но культурно болѣе испорченной; чѣмъ меньше сословнаго отчужденія, тѣмъ легче либеральная зараза...“ „Поэтому, кто понимаетъ, до чего дорогъ культурный, національный стиль для нашего государства, тотъ долженъ желать не дальнѣйшаго вліянія „интеллигенціи“

нашей на простолюдина русскаго, а наоборотъ—онъ долженъ искать наилучшихъ способовъ и наилегчайшихъ путей подражанія мужику".

Дѣло теперь, по увѣренію автора, не въ дальнѣйшемъ уравненіи правъ, спасеніе не въ какихъ нибудь юридическихъ, земскихъ и т. п. соглашеніяхъ, или сближеніяхъ съ народомъ, а „въ развитомъ возстановленіи (?) его идеаловъ, вѣрныхъ и самобытныхъ, но загрубѣлыхъ въ его бѣдныхъ рукахъ". Въ этомъ опредѣленіи есть нѣкоторая недосказанность. Г. Леонтьевъ умалчиваетъ, какіе это „идеалы" необходимо возстановить, чтобы заглушить реальныя потребности и нужды народной жизни, чтобы придти на встрѣчу стремленію образованнаго люда сблизиться съ народомъ и помочь ему вывести народъ изъ мрака тьмы и невѣжества. Но автору брошюры ни до чего подобнаго, очевидно, нѣтъ дѣла. Ему нужно обставить свою тенденцію такъ искусно, чтобы не сразу бросалась она въ глаза каждому. Чѣмъ туманнѣе, чѣмъ фразистѣе и съ большимъ риторизмомъ будетъ выражена она, тѣмъ лучше. Но не всякое намѣреніе можно спрятать, прикрываясь хорошими словами, въ родѣ „національной самобытности", „народныхъ идеаловъ" и пр. Это, кажется, упустилъ изъ виду авторъ, явно разсчитывая подкупить читателей своимъ „презрѣніемъ къ Европѣ", нападками на испорченность русской „интеллигенціи" и сочувствіемъ къ „стихійной мощи мужицкаго міровоззрѣнія". Его національзмъ и демократизмъ слишкомъ своеобразенъ, слишкомъ чадитъ, чтобы не распознать по немъ, куда клонятся затаенныя желанія автора.

И дѣйствительно, что предлагаетъ г. Леонтьевъ для сближенія интеллигенціи съ народомъ? Довести его до ея уровня, сдѣлать его причастнымъ свѣту и знанію? Ничуть не бывало. Бѣда народная не въ невѣжествѣ; напротивъ, въ немъ едва ли не спасеніе „національнаго типа". „Мужикъ, напримѣръ, не только молясь въ церкви, но даже и сидя въ кабакѣ, уже тѣмъ уменъ и хорошъ, что онъ въ прогрессъ не вѣритъ (т. е.—поясняетъ г. Леонтьевъ—въ прогрессъ благоденственный и вѣчный). Онъ, когда ему случается подумать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ хозяйства, податей и водки—думаетъ, что „всѣ мы подъ Богомъ" и „всѣ отъ Бога!.." „Такъ думаетъ простолюдинъ полусознательно, не размышляя много, и дѣйствуя сообразно съ этой стихійной, темной думой своей, онъ покоряется, вѣритъ и крестится". Не станемъ укорять автора за искаженіе народныхъ воззрѣній, исповѣдникомъ которыхъ онъ считаетъ себя. Не будемъ говорить, что простолюдинъ рядомъ съ вѣрою въ то, что „безъ Бога ни до порога", убѣжденъ въ правдивости и другой поговорки: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай". Для насъ важно опредѣлить, для чего именно понадобились автору подобнаго сорта искаженія.

Г. Леонтьевъ, какъ мы уже видѣли выше, не желаетъ сближенія интеллигенціи съ народомъ. Признаться въ этомъ открыто ему не хватаетъ мужества. И вотъ онъ выставляетъ давно испытанную мо-

раль, слѣды которой даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу въ жизни „темныхъ людей". Мораль эта очень не сложная: „не надѣйся на себя, смиряйся, и благо тебѣ будетъ". Съ точки зрѣнія этой морали становятся понятными и недовольство Европою, и обвиненія въ испорченности русскаго общества, и нежеланіе дѣйствительныхъ реформъ, и, наконецъ, ненависть даже къ „любовному союзу панславизма". За то въ предѣлахъ такой морали легко отыскать почву, „на которой могутъ сойтись самый ученый мужъ и самая безграмотная баба". По крайней мѣрѣ, г. Леонтьевъ берется это доказывать.

По его аргументаціи, вышеупомянутый фаталистическій взглядъ темнаго люда на свое положеніе не есть непремѣнно удѣлъ „одной простоты и невѣжества". Авторъ, презирая прогрессъ и Европу, не прочь, однако, воспользоваться тутъ и историческаго свойства доводами, и европейскими авторитетами. Въ помощь себѣ онъ избираетъ блаженнаго Августина и Гартманна. Первый долженъ доказать, что прогрессъ совершенно не примиримъ съ одной идеей христіанства и что „воцареніе на землѣ постояннаго мира, благоденствія, согласія и т. д. было бы величайшимъ бѣдствіемъ въ христіанскомъ смыслѣ". Короче сказать, христіанство никоимъ образомъ, по убѣжденію г. Леонтьева, не исключаетъ человѣконенавидѣніе. Пессимизмъ Гартманна является оъ услугамъ такой же непримиримой морали. „Всѣ христіанскіе мыслители были пессимистами. Они даже находили, что зло, обиды, горе въ высшей степени намъ полезны и даже необходимы". Такое воззрѣніе—прибавляетъ г. Леонтьевъ—на неизбѣжность въ жизни страданій, зла, обидъ, разочарованій и даже ужасовъ, на „невозможность устранить все это разумомъ, наукою и гражданской правдой и даже на огромную, косвенную пользу всѣхъ этихъ золъ, вовсе не принадлежитъ только незнанію или такъ называемой наивности". На почвѣ такихъ то воззрѣній и могутъ, вѣроятно, сойтись „самый ученый мужъ и самая безграмотная баба".

Не ясно ли, послѣ всѣхъ выписокъ и цитатъ, приведенныхъ нами, что о сближеніи интеллигенціи съ народомъ нечего думать? По разсчетамъ автора брошюры, оно возможно лишь черезъ посредство ученія Гартманна, да и то понимаемаго въ чудовищно-безобразномъ видѣ. Русскій народъ не хочетъ прогресса, ибо это—„глупая" и „ненаучная выдумка" „либеральныхъ прогрессистовъ". Все, чего добиваются благомыслящіе люди для блага народа, всѣ реформы, клонящіяся къ улучшенію матеріальнаго и духовнаго развитія Россіи—дѣло одного произвола, дѣйствующаго наперекоръ „народнымъ идеаламъ". Съ точки зрѣнія „темной стихійной думы" народа, вмѣсто жизни и движенія должны воцариться у насъ смерть и застой, упорный квіетизмъ и неподвижность. Такъ какъ русское образованное общество слишкомъ податливо на приманки и соблазны глупаго и вреднаго прогресса, который не уживается съ „стихійнымъ мужицкимъ міровоззрѣніемъ", то и примиреніе здѣсь не мыслимо.

Не обнаруживается ли въ этомъ невольно, незамѣтно, быть можетъ, для самаго автора, полное презрѣніе къ народу, во имя идеаловъ котораго онъ желалъ бы на почвѣ европейской культуры водрузить знамя азіатской косности? Не сказывается ли въ этомъ рѣшительное невѣріе во внутреннія силы Россіи? Мы полагаемъ, что внимательно прочитавъ брошюру, никто не задумается отвѣтить на это утвердительно. Всѣ іереміады автора, всѣ крѣпкія слова, обращенные по адресу „прогрессистовъ", сводятся лишь къ отрицанію національнаго развитія. А если такъ, то это, безъ сомнѣнія весьма оригинальное народничанье и черезъ чуръ ужъ искусное лицемѣріе.

Да, въ авторѣ брошюры „Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?" христіанство нашло себѣ произвольнаго толкователя, ученіе Гартманна—суевѣрнаго поклонника, цивилизація—разрушителя, а русская народность—яраго противника. Тутъ одно безнадежное отрицаніе, мрачный обскурантизмъ. Единственное утѣшеніе выноситъ читатель изъ брошюры г. Леонтьева, что положенія автора ложны отъ начала до конца.

Θ. Булгаковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О РОССІИ АРМАНА ДОМЕРГА.

(1805—1813).

Луи Антуанъ Домергъ (Domergue), прозвищемъ St. Armand, родомъ изъ Оксерра въ Іоннѣ, авторъ печатаемыхъ нами въ переводѣ „Воспоминаній", принадлежалъ къ числу тѣхъ искателей счастія, которыхъ особенно много было у насъ, въ Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вѣроятно, соблазненный ихъ разсказами о легкости составить карьеру у сѣверныхъ варваровъ, Домергъ явился въ Россію лѣтомъ 1805 года и предложилъ правительству свои услуги устроить французскій театръ въ Москвѣ. Получивъ согласіе и заключивъ условіе, Домергъ отправился обратно заграницу набирать актеровъ. Между тѣмъ, изъ Россіи не было ни извѣстій, ни денегъ; о немъ какъ будто позабыли. Домергъ, считая дѣло несостоявшимся, распустилъ набранную труппу, а самъ пристроился при дворѣ короля Іеронима Бонапарте въ Гессенъ-Касселѣ. Наконецъ, уже въ 1808 году, возобновились прерванныя сношенія съ русскимъ правительствомъ. Домергъ принялъ выгодныя предложенія, оставилъ дворъ Іеронима и вторично отправился въ Россію въ качествѣ режиссера французскаго императорскаго театра въ Москвѣ. Но здѣсь ждало его полное разочарованіе: онъ явился въ Россію не во-время. Начался 1812 годъ. Ростопчинъ выслалъ изъ Москвы французовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Домергъ. Ихъ отправили въ Макарьевъ.

Разлученный съ женою и сыномъ, вдали отъ родины, среди лишеній суровой ссылки, Домергъ задумалъ описать свои похожденія. Этими обстоятельствами обусловливаются господствующій тонъ записокъ и отношеніе автора къ Россіи и русскимъ. Виновникомъ всѣхъ своихъ несчастій онъ считаетъ Ростопчина, котораго назы-

ваетъ своимъ гонителемъ (mon persécuteur) Это необходимо имѣть въ виду при критической оцѣнкѣ „Воспоминаній“, какъ историческаго источника. Личность московскаго генералъ-губернатора является то тамъ, то сямъ, на всемъ протяженіи записокъ, и всегда вызываетъ въ авторѣ ихъ самыя горькія укоризны. Кажется, что въ числѣ мотивовъ, которыми руководился Домергъ, составляя свои „Воспоминанія“, не послѣднюю роль играла мысль отомстить путемъ литературы за свои неудачи человѣку, недоступному ни для какого другаго способа мщенія. Этотъ пріемъ былъ не новъ для Домерга: онъ схватился за него, желая отомстить и другому своему личному врагу, А. А. Майкову.

Записки Домерга были напечатаны въ 1835 году въ Парижѣ, подъ громкимъ заглавіемъ: „La Russie pendant les guerres de l'empire 1805—1815. Souvenirs historiques de M. Armand Domergue, ex-régisseur du Théâtre Impérial de Moskou et l'un des quartante exilés par le Comte Rostopchin“ съ портретомъ Ростопчина. Графъ въ мундирѣ, съ непокрытою головою, стоитъ, скрестивъ на груди руки, среди снѣжной поляны. У ногъ его лежитъ обломокъ казацкой пики, кругомъ ели, занесенныя снѣгомъ, а вдали пылающая Москва. Записки начинаются предварительными разсужденіями о томъ, какъ надо писать мемуары, какъ смотритъ на свой трудъ авторъ, который ставитъ себѣ правиломъ говорить только о томъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Il me semble que pour être vrai, la première des toutes les conditions est de ne parler que de ce que l'on a vu. Se me suis fait cette loi... Всѣ эти разсужденія очень благоразумны, но не новы и не интересны, а потому опущены въ переводѣ. Да и авторъ „Воспоминаній“ не выполняетъ условій, поставленныхъ имъ же самимъ. О многомъ онъ говоритъ со словъ другихъ. Такъ, напр., нѣсколько главъ во II томѣ заняты разсказомъ жены Домерга о пожарѣ Москвы и объ отступленіи французовъ. Весьма часто авторъ вдается въ подробныя историческія и политическія объясненія событій, которыя и безъ того хорошо извѣстны русскимъ читателямъ, почему мы ихъ также не сочли нужнымъ переводить; тѣмъ болѣе, что они не имѣютъ тѣсной связи съ главнымъ разсказомъ. Вообще, надо замѣтить, что „Воспоминанія“ отличаются растянутостью въ изложеніи. Эта не безъискусственная, хотя бы и пристрастная передача личныхъ наблюденій, но обработанное произведеніе съ литературными претензіями, бьющими на эффектъ. Впрочемъ, въ послѣднемъ недостаткѣ виноватъ, быть можетъ, не столько самъ авторъ „Воспоминаній“, сколько издатель, который приготовилъ ихъ для печати, растянулъ на два тома, снабдилъ ихъ подробными примѣчаніями и приложеніями и придалъ имъ окончательную литературную отдѣлку [1]). Эти

[1]) Cesrécits pleins de vie d'un témoin oculaire, recueillis et classés par M. Tiran, dont la plume élégante et facile a coloré plus d'une page... Il faut savoir

многочисленныя добавки, разсчитанныя исключительно на французскихъ читателей, не имѣютъ никакого значенія для русскихъ. Послѣдніе могутъ прочесть съ интересомъ разсказъ о личныхъ приключеніяхъ автора въ Россіи, съ которыхъ мы и начинаемъ нашъ переводъ.

I.

Отъѣздъ изъ Брауншвейга. — Педантизмъ русскихъ чиновниковъ. — Генералъ Денанте.—Комическое положеніе двухъ француженокъ. — Прибытіе въ Кронштадтъ.—Поступокъ русской полиціи съ французскимъ генераломъ.—Грустныя предчувствія. — Прибытіе въ Москву. — Присяга французовъ. — Русскіе рекруты.—Настроеніе дворянства. — Герцогъ Брауншвейгскій въ Петербургѣ. — Первое знакомство съ Нарышкинымъ.—Левъ Нарышкинъ. — Впечатлѣніе, произведенное Тильзитскимъ миромъ.—Отношеніе высшаго общества къ французской революціи. — Отъѣздъ въ Петербургъ.—Порученіе, данное Нарышкинымъ. — Приключеніе въ Кронштадтѣ.—Встрѣча съ англичанами.—Опасность во время плаванія и находчивость капитана. — Семейное горе. — Возвращеніе въ Брауншвейгъ. — Смерть герцога Брауншвейгскаго. — Французы въ Брауншвейгѣ.—Ученый Денонъ.—Кубокъ Митридата.—Вишневая косточка.—Нѣмецкій каламбуръ.

Мои воспоминанія о Россіи начинаются съ 1805 года. Предшествовавшія событія были для меня чисто личныя. Я жилъ долгое время въ Германіи со своею сестрою Авророю Бюрсе, директрисою французскаго театра его свѣтлости герцога Брауншвейгскаго, когда, соблазненный мечтами о блестящей будущности, которыя родятся въ молодой головѣ, я возымѣлъ мысль попытать счастья въ странахъ сѣвера.

Вслѣдствіе этого, въ іюнѣ 1805 года, я выѣхалъ изъ Брауншвейга и черезъ Гамбургъ и Любекъ достигъ маленькаго порта Травемюнде, гдѣ сѣлъ на купеческій корабль, плывшій въ Россію. Сорокъ девять человѣкъ пассажировъ наполняли палубу нашего бреннаго судна. Между ними находился генералъ Денанте съ братомъ, секретарь генерала, и еще какая-то очень хорошенькая женщина, принадлежавшая къ свитѣ его превосходительства. Эти четыре лица, дѣвица Милленъ, путешествовавшая въ обществѣ одного русскаго барина, моя жена и я—были единственные французскіе пассажиры.

---

grè à M. Tiran d'avoir recueilli avec tant de méthode, d'avoir systématiquement coordonné des souvenirs qui devaient confusément se presser dans la pensée de l'auteur. C'est à M. Tiran que l'on doit, surtout, d'avoir agrandi, par l'aspect de la situation générale, toutes ces impressions trop localisées, et qui se ressentent de ce moi, que l'homme aime tant à placer dans ses oeuvres (t. 1, p. VIII et XIII).

Послѣ двадцати одного дня пути, мы вошли въ Финскій заливъ, гдѣ офицеры береговой стражи не замедлили посѣтить нашъ корабль. Педантизмъ этихъ господъ еще не былъ ни разу выведенъ на сценѣ, а между тѣмъ среди ихъ нашелся бы не одинъ истинно комическій типъ. Намъ скоро представился случай убѣдиться въ ихъ забавномъ ригоризмѣ. Это были безконечныя формальности. Денанте сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія. Его удивительное хладнокровіе сбивало съ толку всѣ ихъ происки, разрушало всѣ ихъ хитрости. Начиная съ понтонныхъ смотрителей, на обязанности которыхъ лежитъ провѣрка паспортовъ, надзирателей надъ высадкою, полицейскихъ и кончая самимъ комендантомъ Кронштадта, никто не могъ вынудить у невозмутимаго генерала другого отвѣта, кромѣ: „я путешествую для моего образованія". Предъявленіе паспортовъ подало поводъ къ маленькой сценѣ, несовсѣмъ-то пріятной для нашихъ двухъ француженокъ. Когда имя, фамилія и званіе каждаго были громко произнесены, то вмѣсто пышныхъ титуловъ графини и генеральши, присвоенныхъ себѣ нашими прекрасными дамами, одна оказалась драматическою актрисою, а другая, хорошо не помню, кажется, бѣлошвейкою изъ Парижа.

Послѣ того, какъ паспорты были найдены въ порядкѣ, намъ предоставили свободный входъ, и генералъ Денанте со свитою могъ продолжать свое ученое путешествіе. Мы наняли въ Кронштадтѣ лодку, которая привезла насъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ, послѣ нѣкоторыхъ новыхъ формальностей, намъ позволено было, наконецъ, сѣсть въ карету, чтобы отправиться въ Петербургъ. Только что мы пріѣхали туда, какъ узнали, какую скверную шутку сыграла полиція этого города съ генераломъ Денанте. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ путешествовалъ для своего образованія, или явился съ цѣлію разузнать о средствахъ русскаго правительства, не берусь рѣшать. Какъ бы то ни было, едва онъ пріѣхалъ въ столицу, какъ появленіе его было возвѣщено полиціи множествомъ тѣхъ аргусовъ, которые шныряютъ во всякое время по улицамъ русскаго города. Французскій генералъ въ такую минуту! [1]) Неизвѣстная цѣль его путешествія, — сколько поводовъ къ подозрѣнію и тревогѣ! Ему не дали времени устроиться въ гостинницѣ „Лондонъ", гдѣ онъ остановился. Въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ развязывать свои чемоданы, ему объявили приказъ губернатора сѣсть со своею свитою въ кибитку и тотчасъ же отправляться. Напрасно генералъ съ свойственнымъ ему апломбомъ отговаривался своими великими учеными предпріятіями: на нихъ не обратили никакого вниманія. Быстро везя на сильныхъ почтовыхъ лошадяхъ, его заставили сдѣлать такимъ образомъ 1,000 верстъ и высадили въ Бродахъ, на австрійской границѣ.

---

[1]) Это было въ іюлѣ 1805 г. Аустерлицкая битва была 2-го декабря того же года.

Это происшествіе, котораго я былъ свидѣтелемъ, и всѣ тѣ мелочные допросы, которымъ насъ подвергали, дали мнѣ при первомъ моемъ шагѣ въ Россіи довольно печальное понятіе о правительствѣ этой страны. Хотя я тогда былъ еще очень молодъ, но помню невыразимое чувство грусти, которое я испыталъ. Едва коснулся я этой земли, какъ уже всѣ мои иллюзіи; мои золотыя мечты, исчезли. Это было какое-то смутное предчувствіе тѣхъ несчастій, на которыя обрекла меня подозрительная русская политика.

Я призвалъ на помощь все мое мужество и старался разсѣять мрачныя мысли. Обширное поприще открывалось предо мною для удовлетворенія природной во мнѣ наклонности къ наблюденію. Зрѣлище нравовъ, къ которому внезапный морской переходъ не далъ мнѣ приготовиться; эти длиннобородые рабы, эти подобія греческихъ туникъ, эти кафтаны, безчисленное множество блестящихъ экипажей, этотъ городъ дворцовъ среди угнетеннаго народа: вся эта смѣсь варварства и цивилизаціи, европейскаго комфорта и восточнаго сибаритства, возбуждала въ высшей степени мое любопытство.

Мы бросили мимоходомъ только поверхностный взглядъ на городъ Петра Великаго, но, какъ ни было кратковременно наше пребываніе, мы воспользовались имъ и уѣхали, получивъ высокое мнѣніе объ этой столицѣ. И дѣйствительно, такое множество каналовъ и великолѣпныхъ набережныхъ, столько зданій и пышныхъ дворцовъ, рядъ которыхъ тянется, теряясь изъ вида, широкія, прямыя и ровныя улицы, множество иностранныхъ кораблей, однимъ словомъ это проявленіе великолѣпія въ соединеніи съ коммерческою дѣятельностью, придаетъ Петербургу грандіозный видъ и особую, свойственную ему красоту. Истинно великолѣпный адмиралтейскій кварталъ, галерный портъ и конная статуя Петра Великаго привлекали особенно наше вниманіе.

Изъ Петербурга мы отправились въ Москву. Здѣсь мы скоро узнали причину чрезвычайнаго надзора, насъ окружавшаго, и суровыхъ мѣръ, принятыхъ въ отношеніи генерала Денанте. Только что былъ объявленъ трактатъ наступательнаго и оборонительнаго союза между Россіею, Англіею и Швеціею, и въ тотъ моментъ, когда сформировалась эта страшная коалиція, Наполеонъ возложилъ на свою голову корону Италіи. Съ этой минуты можно было предвидѣть страшную борьбу, которая разразилась потомъ. Послѣ раздѣла Польши, политическое равновѣсіе Европы, результатъ тридцати лѣтъ войны и Вестфальскаго мира, было нарушено. Очевидно было, что спокойствіе міра зависѣло отъ одной господствующей силы. Вопросъ состоялъ въ томъ, гдѣ будетъ эта сила, въ Парижѣ, Лондонѣ или Петербургѣ?

Нѣсколько времени спустя, когда война была объявлена, намъ приказали явиться въ главное правительственное мѣсто въ Москвѣ, чтобы дать присягу не имѣть никакихъ, ни прямыхъ, ни косвен-

ныхъ, сношеній съ Франціею. Та же мѣра предосторожности была принята на всемъ пространствѣ Россійской имперіи въ отношеніи нашихъ соотечественниковъ.

Тогда начался прогонъ рекрутъ, который не прекращался, собственно говоря, до 1807 года, до времени, наступившаго послѣ Фридландской битвы. Неисчислимо, сколько людей стоила Россіи эта десятилѣтняя война съ 1805 по 1815 годъ. Я помню, что по пріѣздѣ въ Москву, въ первое время повсюду: на площадяхъ, на гуляньяхъ, передъ казармами, мы встрѣчали толпы рекрутъ, которыхъ ученье производилось съ неимовѣрною энергіею. Они сохраняли еще коечто изъ старинной русской одежды, этого широкаго азіатскаго костюма, который Петръ I старался изгнать: остроконечныя шапки и штаны à la mameluck. Вскорѣ, за этими новобранцами послѣдовали орды кочевыхъ наѣздниковъ. Большая часть была вооружена стрѣлами и носила колчаны, почему наши солдаты и прозвали ихъ сѣверными амурами.

Мы не получали никакихъ извѣстій. До насъ не доходили ни письма, ни журналы, но рекрутскіе наборы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, по 4, 6 и 10 человѣкъ со ста, давали намъ понятіе о размѣрѣ потерь русскихъ. Графиня Орлова собрала, вооружила и одѣла въ этотъ годъ 1,000 рекрутъ изъ своихъ крѣпостныхъ. Это было извѣстно всей Москвѣ. Что еще подтверждало наши подозрѣнія о незначительности успѣховъ союзныхъ армій — это молчаніе или неудовольствіе, которыя встрѣчали наши распросы о событіяхъ и предполагаемомъ исходѣ войны.

Между тѣмъ, русскіе, и въ особенности знатные, не сомнѣвались, повидимому, ни на минуту въ окончательномъ успѣхѣ своего оружія. Легкомысліе и самоувѣренность, приписываемыя французамъ, составляли постоянный предметъ насмѣшекъ. Въ театрѣ, гдѣ лучшее русское общество никогда не проявляетъ своего одобренія, оно въ то время до крайности аплодировало всякому оскорбительному намеку на нашу націю. Такъ, въ императорскомъ московскомъ театрѣ былъ принятъ взрывомъ „браво“ слѣдующій куплетъ изъ „Турецкаго медика“:

Partout il faudra qu'on publie
Mon nom, ma gloire et mes succès,
Si je puis guérir la folie
D'un jeune homme, et surtout d'un Français [1]).

Наиболѣе восторженные кричали: „фора! фора!“—слово, употребляемое въ русскихъ театрахъ вмѣсто bis.

Все-таки, не смотря на присягу, потребованную отъ насъ, не смотря на эти манифестаціи общественнаго мнѣнія, какъ далеко было

[1]) Надо будетъ повсюду разгласить мое имя, мою славу и мои успѣхи, если я въ состояніи вылѣчить безразсудство молодого человѣка и въ особенности француза.

это нерасположеніе отъ той сильной ненависти, которая семь лѣтъ спустя, со времени московскаго похода, обнаружилась противъ французовъ. Въ это время русскіе еще охотно принимали насъ въ свое общество. Ссора между правительствами нисколько не измѣняла добраго согласія и вѣжливости въ частныхъ сношеніяхъ. Я помню очень смѣлый отвѣтъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ князю Голицыну, у котораго мы обѣдали:

— И такъ, сказалъ этотъ вельможа,—мы важно поколотимъ французовъ, господинъ Белькуръ!

— Вы, весело отвѣчалъ Белькуръ, вы хвастуны; скажите лучше, что вамъ надѣлаютъ такихъ хлопотъ, что вы скоро вернетесь сюда, чтобы угощать насъ еще этимъ превосходнымъ токайскимъ. И такъ, за здоровье французовъ!..

Такія шутки, которымъ русскіе тогда первые смѣялись, во время 1812 года были бы наказаны кнутомъ и ссылкою въ Сибирь.

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ герцогъ Брауншвейгскій. Этотъ принцъ, покровитель моего семейства, рекомендовалъ меня самымъ лучшимъ образомъ г. Нарышкину, оберъ-камергеру и главному начальнику императорскихъ театровъ. Но болѣе важная миссія, цѣль которой тщательно скрывалась, влекла герцога въ Петербургъ. Онъ явился сдѣлать секретное предложеніе отъ имени короля Фридриха-Вильгельма принять Пруссію въ коалицію сѣверныхъ державъ противъ Франціи. Герцогъ пользовался репутаціею способнаго человѣка у императора Александра и при всѣхъ дворахъ Европы. Мирабо, который зналъ толкъ въ князьяхъ, прозвалъ его сѣверною лисицею (Le renard du Nord).

Но Наполеонъ не далъ времени ни образоваться тройственному континентальному союзу, ни Пруссіи приготовиться къ войнѣ. Бросившись изъ Булонскаго лагеря съ быстротою молніи, онъ достигъ соединенныхъ армій русской и австрійской при Аустерлицѣ и одержалъ здѣсь надъ двумя императорами одну изъ самыхъ рѣшительныхъ и самыхъ славныхъ побѣдъ.

Незадолго до этой памятной эпохи, московскій императорскій театръ былъ обращенъ въ пепелъ пожаромъ. Нарышкинъ, какъ главный начальникъ театровъ, прибылъ на мѣсто и здѣсь въ первый разъ оказалъ мнѣ знаки своего благоволенія, о которыхъ просилъ его за меня герцогъ Брауншвейгскій.

— Мнѣ васъ особенно рекомендовали, сказалъ мнѣ этотъ вельможа. Что я могу сдѣлать для васъ?

— Если ваше превосходительство не находите меня слишкомъ молодымъ для того, о чемъ я васъ буду просить, то я ходатайствовалъ бы о позволеніи устроить французскій театръ въ Москвѣ подъ вашимъ начальствомъ.

— Прекрасно, но время неудобно, чтобы набирать актеровъ во

Франціи. Подождите конца войны и разсчитывайте на мое благорасположеніе.

Прошло довольно много времени, а я не имѣлъ возможности просить объ исполненіи этихъ обѣщаній, потому что не смотря на Пресбургскій договоръ, который послѣдовалъ за Аустерлицкою битвою, политическій горизонтъ снова омрачился. Пруссія, отказавшись отъ своихъ благоразумныхъ принциповъ, осмѣлилась презирать могущество Франціи: она вступила въ борьбу. Но едва мы узнали о походѣ Наполеона въ Берлинъ, какъ уже до насъ дошло извѣстіе о блистательной побѣдѣ при Іенѣ. Это было громовымъ ударомъ для нѣмцевъ, жившихъ въ Москвѣ, и для самихъ русскихъ, которые громко смѣялись, когда мы, вѣря въ судьбу великаго человѣка, предсказывали имъ, что онъ скоро утвердитъ свои побѣдоносныя знамена на стѣнахъ Берлина. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока кровавая битва при Эйлау возвратила русскимъ ихъ обычную самоувѣренность. Они открыто приписывали себѣ побѣду, торжествовали ее гимномъ „Тебѣ Бога хвалимъ", который распѣвали по всѣмъ городамъ имперіи. Но извѣстіе о достопамятномъ днѣ Фридланда, полученное весною слѣдующаго года, и Тильзитскій миръ, бывшій слѣдствіемъ этого, совершенно разрушили ихъ надежды.

Въ Петербургѣ, куда я отправился нѣсколько дней спустя, я имѣлъ случай видѣть то уныніе, которое произвели на русскихъ наши побѣды. Левъ Нарышкинъ, единственный сынъ главнаго начальника театровъ, вернулся раненый въ сраженіи подъ Фридландомъ. Какъ только отецъ увидѣлъ его, то сказалъ, обнимая: „Довольно такой славы. Русскіе исполнили свой долгъ и Нарышкины также..."

Этотъ молодой офицеръ не могъ скрыть отъ меня, въ наивной откровенности, своего удивленія блестящему поведенію мамелюковъ и французскихъ гусаръ въ дѣлѣ подъ Фридландомъ. „Въ этотъ день, прибавилъ онъ, мы принуждены были надѣть солдатскую форму, чтобы избѣжать убійственнаго искусства французскихъ стрѣлковъ. Мы слышали передъ тѣмъ команду, явственно произносимую ихъ начальниками: „Visez aux plumets, visez aux plumets" (цѣлься въ султаны, т. е. въ офицеровъ)".

Такимъ образомъ, Наполеонъ былъ правъ, когда, разговаривая объ этой битвѣ, выразилъ, что она стоила кровавыхъ слезъ русскому дворянству.

Тяжкое зрѣлище представляло впечатлѣніе, произведенное въ Россіи извѣстіемъ о Тильзитскомъ мирѣ. Онъ унизилъ національную гордость, нисколько не измѣнивъ мыслей о мщеніи. Напротивъ того, надо замѣтить, и въ продолженіи моего разсказа этому будутъ даны доказательства, что съ этого времени стала прогрессивно рости національная ненависть къ Франціи. Дворянство въ особенности сильно было встревожено сближеніемъ между двумя императорами. Идеи революціи, якобинства, составляли предметъ ужаса для всѣхъ этихъ

господъ и содержаніемъ ихъ всегдашнихъ діатрибъ. Какія опасности стали бы угрожать ихъ счастію и ихъ блестящему положенію, если бы подобные принципы были посѣяны въ Россіи! Есть такія страны, гдѣ богатство собственниковъ опредѣляется числомъ головъ скота, которымъ они владѣютъ; въ Россіи же считаютъ его головами рабовъ. При дворѣ прическа „à la Titus“ и безъ пудры могла вызвать неудовольствіе и даже гнѣвъ. „Вотъ еще черные волосы, еще одинъ изъ этихъ французскихъ якобинцевъ“, кричали они съ презрительнымъ негодованіемъ при видѣ кого нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ. Эта антипатія вела свое начало, впрочемъ, отъ причинъ болѣе давнихъ. Еще въ царствованіе Павла, I въ 1798 году, особыми указами было запрещено носить фраки, жилеты и панталоны. Академія не могла употреблять слово „возмущеніе“ (revolution), говоря о теченіи свѣтилъ небесныхъ. Актерамъ было приказано употреблять слово permission вмѣсто liberté, которое они выставляли на своихъ афишахъ. Наконецъ, было запрещено фабрикантамъ, подъ страхомъ жестокихъ наказаній, выдѣлывать какія бы то ни было трехцвѣтныя ленты и матеріи. Судите теперь о дѣйствіи Тильзитскаго мира, который, затрогивая всѣ эти старыя понятія, оскорблялъ русскую аристократію въ ея политической религіи. Не смѣя не признать этотъ миръ открыто, она терпѣла его тѣмъ съ большимъ негодованіемъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ эта, долго сдерживаемая злоба, нашла наконецъ случай проявить свою силу.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я поспѣшилъ напомнить Нарышкину о его благосклонныхъ обѣщаніяхъ. Нарышкинъ принялъ меня съ обычною любезностью. Вѣрный своему слову, онъ поручилъ мнѣ составить оперную труппу, которую очень желала имѣть московская знать. Императоръ предполагалъ успокоить этою щедростію возбужденіе умовъ, и дѣйствительно, въ день моего отъѣзда, въ московскихъ салонахъ только и говорили, что о достоинствахъ того или другого пѣвца, котораго надо было пригласить предпочтительно передъ другими. Тильзитскій миръ, казалось, былъ забытъ на минуту.

По своимъ лѣтамъ и положенію непричастный къ высокимъ государственнымъ соображеніямъ, я приготовился выполнить миссію дѣйствительно важную для моей крайней молодости. Я условился о моемъ путешествіи на кораблѣ, возвращавшемся въ Германію, и, какъ только подулъ попутный вѣтеръ, отправился вмѣстѣ съ женою въ Кронштадтъ, гдѣ садятся на суда. Мы были уже на кораблѣ и готовились войти въ пассажирскую каюту, какъ случилось происшествіе, которое я разскажу, чтобы дать новое доказательство смѣшнаго педантизма русскихъ чиновниковъ.

Передъ тѣмъ какъ поднять якорь, инспекторъ купеческихъ судовъ явился свидѣтельствовать наши паспорты. Мой онъ разсматривалъ дольше, чѣмъ другіе, но это меня не безпокоило: такъ я былъ увѣренъ, что все въ порядкѣ; когда же инспекторъ объявилъ мнѣ,

что я не могу ѣхать далѣе, то мнѣ хотѣлось засмѣяться этой шуткѣ; но ничто не могло быть серьезнѣе этого: мой паспортъ былъ выданъ на проѣздъ сухимъ путемъ, изъ чего этотъ человѣкъ и заключилъ, что я уже не могу ѣхать моремъ. Какія представленія я ему ни дѣлалъ, какъ ни повторялъ, что я ѣду по порученію и распоряженію правительства, мой чиновникъ преспокойно кланялся и опять начиналъ свою первую фразу, не измѣняя въ ней ни іоты, и все это съ хладнокровіемъ, которое могло истощить ангельское терпѣніе.

— Да, наконецъ, какое вамъ дѣло, сказалъ я ему, будетъ ли мое путешествіе по сухому пути, или по водѣ?

— Получите разрѣшеніе на путешествіе по воздуху, отвѣчалъ онъ флегматически, и я вамъ скажу, что вы отправитесь не иначе какъ по небу, хоть бы для этого мнѣ пришлось посадить васъ въ мортиру.

Я не могъ ничего болѣе добиться и волею неволею пришлось уступить. Мы опять сошли на берегъ, не успѣвши даже вынести свои пожитки, уже уложенные подъ палубою, и имѣли удовольствіе видѣть, какъ корабль, на которомъ мы должны были уѣхать, удалялся на всѣхъ парусахъ, оставя насъ на берегу въ дорожномъ платьѣ и озадаченныхъ какъ только можно себѣ представить. Я повернулся спиною къ инспектору и хотѣлъ возвратиться въ Петербургъ. Но этимъ еще не кончились наши мученія. Теперь приставъ стражи Финскаго залива явился преградить намъ путь: наши паспорты были выданы на проѣздъ въ Германію, а не на возвращеніе въ Петербургъ. Казалось, онъ былъ въ восторгѣ, что выдумалъ такое остроумное препятствіе. Мы отъ души смѣялись, хотя эта остановка была не особенно весела. Наконецъ, мы отправились сказать объ этомъ губернатору Кронштадта. Начальникъ оказался не лучше своихъ подчиненныхъ: онъ нашелъ дѣло весьма затруднительнымъ и по зрѣломъ обсужденіи приказалъ намъ не двигаться ни назадъ, ни впередъ, покуда курьеръ, котораго онъ пошлетъ на нашъ счетъ въ Петербургъ, не привезетъ отъ высшаго начальства разрѣшенія столь важнаго вопроса. Къ счастію, посланный скоро вернулся и привезъ такой морской паспортъ, къ которому уже не могъ придраться самый страшный педантъ.

Въ довершеніе несчастія вѣтеръ перемѣнился. Другой корабль, на которомъ я взялъ мѣсто, безконечно долго тянулъ свою стоянку. Во время этого ожиданія, я, чтобы не навлечь на себя, какъ на француза, подозрѣнія властей, воздерживался посѣщать прекрасныя сооруженія этого острова, которыя заслуживаютъ вниманія иностранцевъ. Но я не забылъ еще, что два года тому назадъ за подобный почти поступокъ французскій генералъ Денанте со своими спутниками былъ немедленно высланъ изъ Россіи. Поэтому я удовольствовался прогулками по берегу Балтійскаго моря, который въ этомъ мѣстѣ довольно живописенъ.

Послѣ восьми дней ожиданія, вѣтеръ позволилъ намъ, наконецъ, отправиться и мы подняли паруса. Только что вышли мы въ море, какъ увидѣли великолѣпное зрѣлище большихъ маневровъ русской эскадры, состоявшей изъ множества линейныхъ кораблей, прибывшихъ изъ Корфу, откуда они были отозваны Тильзитскимъ миромъ. По истинѣ это была одна изъ лучшихъ картинъ, которыя я видѣлъ въ моей жизни. Ничто не можетъ передать гармонію и величіе этой арміи плавучихъ колоссовъ. Не успѣли еще мы придти въ себя отъ этого удивительнаго зрѣлища, какъ около Борнгольма множество датскихъ лодокъ съ этого острова приблизилось къ намъ, окликая насъ въ рупоръ. „Поворачивайте на другой галсъ, кричали намъ въ тревогѣ ихъ хозяева, — англичане бомбардируютъ Копенгагенъ. Ихъ крейсеры захватываютъ всѣ суда, принадлежащія странамъ, съ которыми воюетъ Наполеонъ“. Ужасъ распространился на нашемъ суднѣ при этомъ извѣстіи. Невольно всѣ пассажиры стали умолять капитана послѣдовать совѣту добрыхъ датчанъ. Но капитанъ не обратилъ никакого вниманія на наши просьбы. Это былъ опытный морякъ, увѣренный въ своемъ экипажѣ, распоряжавшійся на своемъ суднѣ, какъ царь въ своемъ дворцѣ; впрочемъ, храбрый, и умѣвшій выпутываться изъ самыхъ крайнихъ затрудненій. Скоро онъ намъ доказалъ это. Оставаясь нѣсколько времени безчувственнымъ къ нашимъ замѣчаніямъ, онъ созвалъ всѣхъ пассажировъ и открылъ имъ подъ величайшей тайной, что у него есть фальшивыя каперскія свидѣтельства на портофранко Гельзингера, и что онъ отвѣчаетъ за все. Я не совсѣмъ-то былъ спокоенъ, не смотря на увѣренность, которую онъ, казалось, имѣлъ.

— Вы знаете по-нѣмецки, сказалъ онъ мнѣ: — говорите только на этомъ языкѣ. Немного хладнокровія и благоразумія—и мы безнаказанно пройдемъ подъ носомъ у всей Англіи, если это будетъ нужно.

Жена моя, находившаяся въ послѣднемъ періодѣ беременности, провела всю ночь въ сильнѣйшей тревогѣ. Утромъ мы были внезапно пробуждены криками молодой жены одного пассажира, которая бѣгала, повторяя съ ужасомъ: „Ach, Jesus! da kommen die Engländer!“ Мы всѣ вышли наверхъ и, въ самомъ дѣлѣ, увидали на половинѣ разстоянія пушечнаго выстрѣла англійскій фрегатъ, отъ котораго тотчасъ же отдѣлилась и направилась къ намъ шлюпка. Сидѣвшіе въ ней двадцать человѣкъ моряковъ, вооруженные съ ногъ до головы, закинули дрекъ на бортъ нашего судна и ловко, безъ церемоніи, овладѣли имъ. Часть ихъ отправилась искать насъ подъ палубою, гдѣ мы съ величайшимъ безпокойствомъ ожидали исхода этого абордажа. Офицеръ, командовавшій ими, началъ съ нашего капитана, котораго подвергъ довольно строгому допросу. Тотъ былъ невозмутимо спокоенъ. Онъ предъявилъ свои фальшивыя каперскія свидѣтельства съ такою самоувѣренностію, что англичанинъ нашелъ

ихъ совершенно законными. Послѣ этого, начался осмотръ нашихъ паспортовъ. Къ счастію, всѣ они были писаны по-русски, а языкъ этотъ былъ неизвѣстенъ англійскому офицеру. Онъ велѣлъ ихъ перевести. Нашъ ловкій патронъ согласился на это съ величайшимъ удовольствіемъ и когда очередь дошла до меня, то вмѣсто того, чтобы прочесть мое имя „Арманъ" по-французски, онъ прочелъ его съ нѣмецкимъ акцентомъ „Armann", а вмѣсто „Auxerre", города, гдѣ я родился, онъ подставилъ „Axerre"—небольшую гавань въ Крыму. Такимъ образомъ, въ глазахъ англійскаго офицера я пошелъ за нѣмецкаго колониста изъ Россіи и отдѣлался однимъ страхомъ. Признаюсь, что одною изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни была та, когда я увидѣлъ, что шлюпка, наконецъ, удаляется отъ нашего корабля.

Въ это время пришли мнѣ сказать, что жена моя, которая оставалась въ продолженіе посѣщенія англичанъ въ каютѣ, была такъ взволнована этимъ страшнымъ приключеніемъ, что нормальный срокъ былъ предваренъ: она уже мучилась въ родахъ. Наступившая затѣмъ ночь была ужасна. Послѣ страданій, продолжавшихся 15 часовъ, безъ всякой необходимой помощи, только при участіи молодой, неопытной подруги одного изъ пассажировъ, посреди открытаго моря, на бренномъ суднѣ, при безпрерывной качкѣ, жена моя произвела на свѣтъ мертваго ребенка. Море было ему могилою. Это было первое испытаніе, ожидавшее насъ на нашемъ пути. Несчастная мать! Это было еще самое легкое!...

Первый портъ, въ который мы пришли, былъ Травемюнде, городокъ въ разстояніи восьми съ небольшимъ верстъ отъ Любека.

Уладивъ дѣло съ паспортами, я нанялъ почтовыхъ лошадей до Брауншвейга, чтобы повидаться тамъ съ моею сестрою, Авророю Бюрсе, съ которою наши сношенія были прерваны вслѣдствіе указа императора Александра, запретившаго иностранцамъ всякое письменное сообщеніе даже съ близкими родственниками. Я нашелъ сестру далеко уже не въ томъ счастливомъ положеніи, въ какомъ ее оставилъ. Прусская война, занятіе герцогства Брауншвейгскаго французами и, въ особенности, смерть стараго герцога, нашего покровителя, способствовали ухудшенію ея положенія. Храбрый герцогъ былъ смертельно раненъ въ первой же схваткѣ подъ Лауфельдомъ. Лежа на носилкахъ, съ которыми бѣжали его разбитые солдаты, онъ достигъ Альтоны, гдѣ и умеръ, горестно шепча съ самаго поля битвы до послѣдней минуты: „какой позоръ! какой позоръ!" Такъ суждено было умереть этому благородному человѣку, который былъ бы замѣченъ и отличенъ въ какомъ бы сословіи онъ ни родился. Владѣтельныя особы сѣвера потеряли въ герцогѣ Брауншвейгскомъ Нестора своихъ совѣщаній и лучшій мечъ своихъ армій. Я лишился въ немъ лучшаго изъ людей и моего благодѣтеля.

Лишь только французы взяли Брауншвейгъ, какъ ученый Денонъ

поспѣшилъ сюда по повелѣнію Наполеона, чтобы завладѣть знаменитымъ кубкомъ Митридата, удивительнымъ созданіемъ древности, хранившимся съ величайшею заботливостью въ музеѣ герцоговъ браунштейгскихъ. Этотъ кубокъ былъ сдѣланъ изъ цѣлаго оникса и украшенъ выпуклыми изображеніями жертвоприношенія Вакху, изящной работы и самой тонкой отдѣлки. Художникъ съумѣлъ такъ хорошо согласовать переливы цвѣта въ камнѣ со своимъ сюжетомъ, что работа кажется чѣмъ-то волшебнымъ. Это была чудо-игрушка, которой нѣтъ цѣны и за которую Екатерина Великая тщетно предлагала огромныя деньги. Находясь на порогѣ смерти, понеся страшное пораженіе, старый герцогъ не забылъ скрыть отъ побѣдителя драгоцѣнное наслѣдіе, которое его предки пріобрѣли во время италіанскихъ войнъ.

Одинъ неловкій посѣтитель обломилъ кусочекъ отъ подноса этого маленькаго chef d'oeuvr'a и теперь смотритель музея никому не позволяетъ до него дотрогиваться. Онъ бережно держитъ его и поворачиваетъ по мѣрѣ надобности передъ знатоками, которые являются осматривать браунштейгскій кабинетъ натуральной исторіи. Здѣсь же можно читать рукописную исторію Митридатова кубка, подтверждающую его глубокую древность.

Г. Денонъ, явившійся по приказу Наполеона, чтобы овладѣть столь желаннымъ сокровищемъ, не нашелъ его. За то онъ отыскалъ другую рѣдкость, замѣчательную по своему малому размѣру и необычайной отчетливости работы. Это—ничто иное, какъ вишневая косточка. На одной сторонѣ ея вырѣзанъ бюстъ Генриха IV съ такимъ совершенствомъ, что самый строгій цѣнитель не могъ бы поставить въ упрекъ скульптору мельчайшей черточки. На другой сторонѣ изображена колоннада, скрывающаяся подъ аркою; передъ ней стоитъ часовой. Здѣсь Генрихъ IV изображенъ во весь ростъ. У ногъ его Сюлли, а вдали, на заднемъ планѣ картины, группа придворныхъ. Подъ ногами добраго короля надпись: „Встаньте, Сюлли, они подумаютъ, что я васъ простилъ".

„Тысяча и одна ночь" не представляютъ ничего чудеснѣе этого. Я не рѣшился бы и говорить объ этомъ, если бы множество французовъ не могли подтвердить моихъ словъ.

Побѣдители захватили много другихъ драгоцѣнныхъ вещей. Прекрасная Сальсдалленская галлерея лишилась своихъ лучшихъ картинъ, Браунштейгскій замокъ—своей мебели изъ массивнаго серебра, наконецъ, арсеналъ—всего рѣдкаго оружія, какое было въ немъ. Браунштейгцы утѣшались тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, хоть драгоцѣнный ониксъ избѣжалъ этой участи. По этому поводу они говорили, намекая на вишневую косточку, что Наполеонъ хотѣлъ взять ониксъ, а нашелъ простой камень (по нѣмецки косточка—Stein). Нѣмецкое остроуміе послѣ самыхъ долгихъ и мучительныхъ усилій не могло выдумать ничего острѣе этого. Каламбуръ все-таки при-

шелся по вкусу въ Германіи. Послѣ взятія Ольмюца нѣмцы говорили, что императоръ французовъ скоро потеряетъ свою корону, потому что онъ уже потерялъ свой старый колпакъ (на дурномъ нѣмецкомъ языкѣ Ole mütze).

ГЛАВА II.

Моя жизнь въ Гессенъ-Касселѣ. — Возобновленіе сношеній съ русскимъ правительствомъ. — Выгодныя предложенія.—Отъѣздъ артистовъ.—Пребываніе въ Мемелѣ.—Встрѣча съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.—Рига.—Пребываніе въ Нарвѣ.—Случай съ императоромъ Александромъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Оберъ-камергеръ А. Л. Нарышкинъ.—Его остроты и характеръ.—Нашъ дебютъ въ Петербургѣ. — Эрмитажъ.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.—Щедроты императора Александра.—Король и королева Пруссіи въ Петербургѣ.—Постановка на сцену „Калифа Багдадскаго“.—Костюмы для „Малабарской вдовы“.—Коленкуръ въ Петербургѣ.—Твердость французскаго посла.—Дипломатическій сонъ.—Интриги.—Князь Голицынъ.—Отъѣздъ изъ Петербурга въ Москву.

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Петербургъ. Довольный своимъ положеніемъ въ Гессенъ-Касселѣ, гдѣ я жилъ уже восьмой мѣсяцъ, я пересталъ и думать о Россіи, какъ вдругъ однажды поутру нежданно негаданно является ко мнѣ г. Негри, секретарь петербургскаго главнаго директора театровъ. Его превосходительство соблаговолилъ наконецъ вспомнить о данномъ мнѣ порученіи и посылалъ 65,000 руб. въ задатокъ труппѣ, которую я долженъ былъ набрать.

Меня приглашали на три года, съ жалованьемъ по 10,000 франковъ въ годъ, бенефисомъ въ такую же почти сумму, и званіемъ режиссера императорскаго театра, со всѣми правами и преимуществами, связанными съ этой должностью. Я хорошо видѣлъ, что мнѣ предлагаютъ условія очень выгодныя и все-таки колебался. Но возможность выгодно пристроить всѣхъ членовъ моего семейства и надежда на пенсію, которою меня льстили, сопоставленныя съ невыносимымъ высокомѣріемъ здѣшней эфемерной знати и непрочностью новаго порядка вещей, созданнаго Наполеономъ, получили въ моемъ мнѣніи перевѣсъ. Не раздумывая долго, я принялъ предложеніе. Роковое обольщеніе! О, зачѣмъ я не противился твоимъ коварнымъ приманкамъ! Зачѣмъ не остался я при королѣ Іеронимѣ! Я избѣжалъ бы всѣхъ злополучій, которыя впослѣдствіи обрушились на мою семью: я избѣжалъ бы преслѣдованія и ссылки, жена моя—нищеты и материнскихъ страданій во время отступленія изъ Москвы, всѣ мы—потери имущества!

Мнѣ стоило большихъ трудовъ добиться у начальства уничтоженія контракта. Надо было, чтобы князь Репнинъ, русскій посолъ при

вестфальскомъ дворѣ, поддержалъ просьбу г. Негри. Оберъ-гофмаршалъ, г. Лафлешь, къ которому я также обращался по этому поводу, узнавъ выгоды, которыя мнѣ предлагали, воскликнулъ: „Эти русскіе кидаютъ деньги на вѣтеръ!“

Когда доложена была королю Іерониму моя просьба объ отставкѣ, онъ, казалось, огорчился. „Я всѣмъ дѣлаю добро,—сказалъ онъ грустно,—и всѣ меня бросаютъ!..“ Слова эти, переданныя мнѣ, глубоко меня тронули. О, добрѣйшій король! Твои благодѣянія не встрѣтятъ неблагодарности, по крайней мѣрѣ, во мнѣ, и 26 лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ, не могли ослабить моей признательности.

Получивъ согласіе короля, я тотчасъ же возобновилъ мою театральную корреспонденцію. Судьба хотѣла, чтобы всѣ мои артисты были свободны отъ ангажементовъ, и вотъ всѣ они стали сходиться подъ мое драматическое знамя изъ Франціи, Италіи, Гамбурга и другихъ мѣстъ. 3-го сентября 1808 года, труппа моя въ полномъ составѣ насчитывала 22 особы обоего пола. Нашъ отъѣздъ послѣдовалъ въ тотъ же день. Онъ представлялъ довольно живописную картину.

Мы размѣстились въ семи каретахъ. Тутъ дюжій супругъ одной „jeune première“ исчезалъ въ подушкахъ, которыми окружила себя его нѣжная половина; тамъ, на колѣнахъ первой пѣвицы изъ Марсели, ангорская кошка и ручной чижикъ, живущіе между собою въ нѣжной дружбѣ. Спереди, по бокамъ и внутри каретъ, множество клѣтокъ, попугаевъ, собакъ. Тамъ и сямъ на повозкахъ разные театральные доспѣхи, костюмы съ золотыми блестками, которые уже не помѣщались въ переполненные сундуки. Этотъ пестрый караванъ представлялъ самые рѣзкіе контрасты. Скарронъ нашелъ бы здѣсь матеріалъ для веселой главы втораго „Roman comique“. Мы сами первые смѣялись надъ нашимъ страннымъ поѣздомъ. Съ живымъ, шумнымъ весельемъ покинули мы Гессенъ-Кассель, уповая на будущее, которое, между тѣмъ, готовило намъ столь суровыя испытанія.

Въ Мемелѣ мы были задержаны довольно продолжительное время вслѣдствіе не полученія паспортовъ на свободный въѣздъ въ Россію. Зная по опыту забывчивость г. Нарышкина, я уже сталъ безпокоиться и раскаяваться въ томъ, что оставилъ дворъ короля Іеронима. Наконецъ, послѣ ожиданія, продолжавшагося 26 дней, бумаги были присланы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и наше назначеніе: мы должны были ѣхать ужъ не въ Москву, а въ Петербургъ. „Я хочу показать васъ двору“, писалъ мнѣ Нарышкинъ. Согласно его предписанію я направилъ путь къ новой столицѣ.

Мы потихоньку тянулись по дорогѣ между Мемелемъ и Динабургомъ, когда поравнялась съ нами быстро катившаяся карета. Человѣкъ, въ огромной мѣховой шапкѣ, высунулся изъ окна. Удивленный безъ сомнѣнія длинною вереницею нашихъ каретъ, назначеніе кото-

рыхъ было ему неизвѣстно, и женскими лицами, онъ остановилъ свой экипажъ и послалъ спросить, кто мы такіе.

— Великій князь Константинъ спрашиваетъ, кто вы? сказалъ намъ слуга.

Это въ самомъ дѣлѣ былъ великій князь Константинъ, возвращавшійся изъ Эрфурта нѣсколькими днями раньше императора, своего брата. Когда мой отвѣтъ былъ ему переданъ, онъ совсѣмъ высунулъ голову изъ окна и удостоилъ меня весьма милостиваго поклона. Во все время этого разговора онъ не переставалъ, какъ я замѣтилъ, бросать взоры на нашихъ актрисъ.

Посмѣявшись немного надъ этой встрѣчей, мы скоро позабыли и о его высочествѣ и о пламенныхъ его взорахъ. Пріѣхавши на первую станцію, мы нашли не только 30 почтовыхъ лошадей, ожидавшихъ насъ у воротъ, но и готовый обѣдъ...

— Кому обязаны мы такимъ вниманіемъ? спросилъ я у трактирщика.

— Великому князю Константину, отвѣчалъ мнѣ онъ, держа шапку въ рукѣ. Его высочество особенно наказывалъ намъ о васъ.

Такъ продолжалось до самаго Петербурга. На всѣхъ почтовыхъ станціяхъ такой же пріемъ, такая же предупредительность, благодаря обязательному вниманію Константина.

Скоро мы очутились въ Ригѣ. Ожидавшійся пріѣздъ императора изъ Эрфурта и истощеніе нашихъ кошельковъ, вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ Мемелѣ, послужили двойнымъ препятствіемъ къ продолженію нашего путешествія. Но когда рижскій губернаторъ согласился дать мнѣ небольшую сумму въ долгъ подъ росписку, то мы нашли средство устранить послѣднее препятствіе и продолжали путь.

Русскій императоръ нагналъ насъ въ Нарвѣ. Здѣсь уже не было никакой надежды и возможности выѣхать раньше его, и опять, какъ въ Мемелѣ, начались скучныя прогулки по городу.

Ежедневныя сношенія съ властями города Нарвы сблизили меня съ тамошнимъ губернаторомъ. Это былъ очень любезный, образованный человѣкъ, изыскивавшій всѣ средства, чтобы сдѣлать наше пребываніе болѣе пріятнымъ. Однажды, за обѣдомъ, онъ намъ сказалъ, что императоръ прибудетъ на слѣдующій день и просилъ насъ присутствовать при его встрѣчѣ.

На другой день мы не замедлили явиться и, представьте наше изумленіе, русскій императоръ пріѣхалъ въ простой двухколесной тележкѣ, сидя на связкѣ соломы! Его карета сломалась и въ ту минуту, какъ сказали намъ, не нашлось другаго экипажа. Я вѣрю этому, но почему при въѣздѣ въ городъ государь не пересѣлъ на лошадь, или не предпочелъ идти пѣшкомъ? Какая беззаботность, или, лучше сказать, какое пренебреженіе къ этикету въ столь неограниченномъ монархѣ!.. Какъ бы то ни было, отъ дурнаго ли расположенія духа

причиненнаго тряскою его злополучнаго экипажа, или дѣйствительно губернаторъ былъ виноватъ въ какомъ нибудь упущеніи, только онъ былъ очень дурно принятъ государемъ. Какъ теперь вижу императора, освобождающагося отъ плаща, которымъ онъ былъ окутанъ и прерывающаго суровыми словами несчастнаго губернатора среди его рѣчи. Такіе публичные выговоры случались очень рѣдко у Александра.

По странному совпаденію обстоятельствъ, моя карета тоже сломалась въ дорогѣ. Я принужденъ былъ продолжать путь до Петербурга въ открытой тележкѣ. Это было не очень для меня пріятно, тѣмъ болѣе, что въ такомъ экипажѣ мнѣ пришлось въѣзжать въ столицу Россійской имперіи. Но мое самолюбіе нашло чѣмъ утѣшиться: если императоръ явился въ Нарву въ таратайкѣ, то артисту можно совершить свой въѣздъ въ Петербургъ въ тележкѣ.

Первою моею заботою по пріѣздѣ въ Петербургъ было явиться къ А. Л. Нарышкину. Я позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько чертъ, характеризующихъ эту личность. Съ пріятными манерами онъ соединялъ складъ ума живой и веселый. Человѣкъ удовольствій прежде всего, онъ предавался своимъ наклонностямъ съ полнѣйшей беззаботностью. Любовь къ развлеченіямъ доводила его иногда до неслыханной расточительности. Онъ владѣлъ въ высшей степени даромъ остроумія и говорилъ по французски съ изумительною легкостью. Его рѣчь изобиловала игрою словъ. Однажды, онъ былъ во дворцѣ, гдѣ зашелъ разговоръ о войнѣ, только что объявленной Россіей Портѣ. Императрица-мать, нѣсколько разъ прерываемая рѣзкимъ звукомъ двери, которая скрипѣла на своихъ петляхъ, спросила у Нарышкина о причинѣ шума. Онъ отвѣчалъ по французски: „C'est la Porte qui demande le secour à la Grèce“ [1]).

Другой разъ, играя съ императрицею въ карты, онъ всталъ и намѣревался уйти, не заплативъ проигрыша, записаннаго мѣломъ на сукнѣ.

— А кто же мнѣ будетъ платить? сказала императрица.

Нарышкинъ стеръ щеткою цифры и, намекая на одинъ банкирскій домъ въ Петербургѣ, отвѣчалъ: „Si Votre Majèsté le permet, ce sera Brosse et compagnie“.

Расположеніе, оказываемое императоромъ Александромъ прекрасной женѣ Дмитрія Нарышкина, тоже вызвало остроту со стороны его брата. Однажды вечеромъ, Дмитрій Нарышкинъ явился ко двору причесанный лучше обыкновеннаго.

— Александръ, сказалъ императоръ оберъ-камергеру, замѣть, какъ твой братъ хорошо причесанъ.

---

[1]) Тотъ же каламбуръ приписывается великому князю Михаилу Павловичу. „Русск. Стар.“ XXVI, 230.

— Eh! Sire, отвѣчалъ Нарышкинъ, ne savez-vous pas qu'il l'est de main de maître?

Будучи молодъ и нетерпѣливо ожидая получить богатое наслѣдство, котораго давно добивался, онъ называлъ своего отца „le Père éternel“.

Такъ какъ расточительность поглощала всѣ доходы Нарышкина, то ему часто приходилось быть щедрымъ только на словахъ; поэтому, когда ему нужно было кого нибудь наградить, то онъ забавно говорилъ: „Faites-moi souvenir de vous promettre quelque chose“ (Напомните мнѣ пообѣщать вамъ что нибудь).

Я привелъ эту игру словъ, какъ доказательство той легкости, съ какою этотъ вельможа объяснялся на иностранномъ языкѣ. Впрочемъ легкость эта свойственна вообще всей русской знати.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Петербургъ, начались представленія нашей драматической труппы въ Эрмитажѣ. Это зданіе, построенное Екатериною II на берегу Невы, составляетъ пристройку къ Зимнему дворцу, обычной резиденціи царской фамиліи. Зала для спектаклей въ Эрмитажѣ, расположенная громаднымъ амфитеатромъ, уступами отъ оркестра до входа, соединяла въ себѣ все, что только власть, величіе и роскошь могли произвести самаго блестящаго. Первые ряды были предназначены для царской фамиліи. Затѣмъ сидѣли высшіе государственные сановники и посланники. Дворянство помѣщалось позади, смотря по титуламъ и сообразно правиламъ этикета. Столь высокое собраніе, роскошь и великолѣпіе, которые были предъ нашими глазами, глубокое молчаніе, царствовавшее въ залѣ, все это способствовало возбужденію въ насъ робости. Но когда прошло первое впечатлѣніе, чувство соревнованія ободрило насъ. Намъ приходилось соперничать съ превосходною французскою труппою, бывшею въ Петербургѣ, и показать себя достойными той милости, которую намъ сдѣлали, пригласивъ на придворный спектакль. Нашъ дебютъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Императоръ нѣсколько разъ изъявлялъ свое удовольствіе аплодисментами, которые давали тонъ всему собранію.

Въ концѣ спектакля, великій князь Константинъ пришелъ къ намъ на сцену, чтобы поздороваться съ нашими дамами и сказать имъ нѣсколько комплиментовъ, очень тонкихъ для русскаго. Я воспользовался случаемъ, чтобы поблагодарить его высочество за благосклонный пріемъ, который намъ доставила встрѣча съ нимъ на дорогѣ.—„Не правда ли, Арманъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ, „что я хорошій гоффурьеръ?“... Императоръ Александръ простеръ свою щедрость до того, что пожаловалъ намъ награду: каждому актеру двухмѣсячное жалованье и 4000 р., которые должно было раздѣлить соразмѣрно между всѣми. Онъ соблаговолилъ прибавить мнѣ ко всѣму этому еще перстень, украшенный бриллiантами. Сверхъ того, мы имѣли даровые столъ и квартиру.

Прибытіе короля и королевы прусскихъ въ Петербургъ утвердило

меня въ мысли, что присутствіе ихъ прусскихъ величествъ было не совсѣмъ чуждо перемѣнѣ нашего назначенія, замедленію въ высылкѣ паспортовъ въ Мемель и продолженію нашего пребыванія въ Петербургѣ. Императоръ, дѣйствительно, приготовлялъ роскошныя празднества въ честь своихъ гостей.

Имѣя около тридцати лѣтъ отъ роду, королева прусская была въ это время въ полномъ блескѣ красоты. Легкая грусть, лежавшая на всѣхъ чертахъ ея лица, придавала ей, казалось, еще новую прелесть. Кроткая, добродѣтельная и привѣтливая ко всѣмъ окружающимъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, она пріобрѣла общую любовь. Что касается до меня, то я никогда не слыхалъ изъ устъ этой очаровательной государыни ничего, кромѣ привѣтливыхъ словъ. Это не значитъ, что ей не доставало энергіи въ опасностяхъ или дальновидности въ дѣлахъ. Не одинъ разъ ея царственный супругъ почерпалъ въ ея совѣтахъ увѣренность и мужество. Онъ самъ сознавался, что Пруссія въ значительной степени обязана проницательности этой государыни тѣми улучшеніями въ управленіи, которыми ознаменовалось начало царствованія Фридриха Вильгельма. Королю было 38 лѣтъ, когда я видѣлъ его при русскомъ дворѣ. Спокойная физіономія и скромная осанка составляли контрастъ съ милою прелестью манеръ его супруги. Всѣ эти празднества и расточительныя развлеченія рѣдко разглаживали его озабоченное чело. Казалось, онъ ихъ переносилъ, какъ необходимость въ его положеніи. Болѣе высокіе интересы занимали его мысль.

Оказывая особенное предпочтеніе лирическимъ произведеніямъ, королева прусская выразила желаніе видѣть представленіе „Калифа Багдадскаго“. Тотчасъ, по приказанію императора, было потребовано значительное количество рабочихъ и въ одну ночь было готово полтораста турецкихъ костюмовъ съ чисто восточною роскошью.

Быстрота эта еще болѣе возбудитъ удивленіе, если сказать, что въ то время нельзя было найти въ Россіи полосатыхъ и пестрыхъ матерій, необходимыхъ для этихъ костюмовъ, и что надо было прибѣгнуть къ нашиванію лентъ разныхъ цвѣтовъ на какой нибудь фонъ. Князь Шаховской, распорядитель императорскихъ спектаклей, показывалъ мнѣ однажды счетъ за костюмы „Малабарской вдовы“. Число лентъ, употребленныхъ на нихъ, простиралось до 11,000 аршинъ.

Поѣздка прусскаго короля въ Петербургъ имѣла политическую цѣль,—связать Пруссію и Россію договоромъ совмѣстно дѣйствовать противъ Наполеона и предвѣщала близкій разрывъ Россіи съ Франціею. Къ этому времени относится охлажденіе Александра къ Наполеону, къ которому онъ недавно еще примѣнялъ стихъ:

L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux [1].

---

[1]) Дружба великаго человѣка—благодѣяніе боговъ.

Это было въ Эрфуртѣ во время представленія „Эдипа“, котораго тамъ играли актеры французской комедіи. Александръ при этомъ стихѣ схватилъ руку Наполеона и выразительно пожалъ ее.

Если Наполеонъ, судившій о людяхъ съ рѣдкою проницательностію, сдѣлалъ вѣрный выборъ, назначивъ генерала Гюлина губернаторомъ въ Берлинѣ, то назначеніе Коленкура посломъ въ Петербургѣ было не менѣе удачно. Въ самомъ дѣлѣ, если миролюбивый характеръ перваго могъ уничтожить живучую злобу пруссаковъ, то рѣзкая прямота посланника была счастливымъ противовѣсомъ коварной политикѣ русскихъ. Онъ заставлялъ ихъ своею твердостію уважать Тильзитскій договоръ, въ основаніи котораго была положена неприкосновенность континентальной системы.

Однако, при всей непреклонности своего характера, Коленкуръ умѣлъ также покоряться требованіямъ дипломатіи. Онъ не гнушался прибѣгать иногда къ уловкамъ весьма впрочемъ невиннаго свойства. Разскажу по этому поводу слѣдующій анекдотъ, который облетѣлъ салоны Петербурга и Москвы.

Коленкуръ получилъ секретную инструкцію развѣдать, какого мнѣнія русскій дворъ насчетъ брака, замышляемаго Наполеономъ съ великою княжною Екатериною Павловною, сестрою Александра. Такъ какъ опасались сопротивленія императрицы-матери, то надо было прежде всего узнать ея намѣренія. Подобное порученіе было весьма щекотливо и требовало рѣшительной смѣлости. Коленкуръ выказалъ при этомъ много ловкости. Вотъ какъ онъ принялся за это дѣло.

Однажды, во время визита своего у императрицы-матери онъ свелъ какъ будто невзначай разговоръ на сны.

— Кстати о снахъ, сказалъ онъ, я видѣлъ сонъ, который хочу разсказать вашему величеству.

— Какой же это былъ сонъ, господинъ посланникъ? спросила императрица.

Тогда Коленкуръ выдалъ за сонъ все, что заключалось въ его секретныхъ инструкціяхъ, т. е. порученіе Наполеона просить руки великой княжны Екатерины Павловны. Онъ обставилъ свой разсказъ нѣкоторыми ораторскими предосторожностями, которыя, льстя гордости государыни, должны были приготовить успѣхъ этого перваго шага. По окончаніи разсказа, императрица, обратившись къ Коленкуру, сказала ему тономъ, который смутилъ его:

— Господинъ посланникъ, вы знаете, что сны лгутъ.

Озадаченный Коленкуръ извѣстилъ о неуспѣхѣ своего порученія, и тогда Наполеонъ обратилъ свои взоры на эрцгерцогиню австрійскую, Марію-Луизу.

Бракъ съ императоромъ-выскочкою, безъ сомнѣнія, возбудилъ бы негодованіе всей Россіи; даже сліяніе австрійскаго дома съ Наполеономъ вызвало неодобреніе. При извѣстіи объ этомъ союзѣ, князь

Голицынъ воскликнулъ при мнѣ: „Развѣ кровь цезарей такъ подешевѣла!“

Пробывъ нѣсколько времени при русскомъ дворѣ, ихъ прусскія величества простились, наконецъ, съ императоромъ Александромъ. Тогда и намъ было объявлено, что мы можемъ отправляться по назначенію. Мы получили отъ императора новую благодарность и новую награду по сту рублей на человѣка. Мы покинули Петербургъ 28 декабря 1808 г. Въ это время года холода бываютъ очень сильны. Когда мы уѣзжали изъ Петербурга, снѣгъ, падавшій большими хлопьями, тотчасъ же превращался въ ледъ. Полозья саней съ трудомъ и скрипя скользили по этому мерзлому снѣгу и намъ пришлось преодолѣть множество препятствій до Новгорода, куда мы прибыли на третій день. Термометръ показывалъ въ этомъ городѣ—32°, а черезъ два дня дошло до 36°. Холодъ былъ такой, что щеки нашихъ почтарей представляли изъ себя пузыри, подобные тѣмъ, которые бываютъ отъ обжога. Даже вино, не смотря на всѣ наши предосторожности, замерзло. Моя опытность немало способствовала предохраненію моихъ дорожныхъ спутниковъ отъ разныхъ непріятныхъ случайностей. Я зналъ, что зимою въ Россіи употребленіе спиртныхъ напитковъ производитъ сонъ, за которымъ иногда слѣдуетъ смерть. Поэтому я совѣтовалъ имъ воздержаться отъ крѣпкихъ напитковъ. Одному изъ двухъ нашихъ лакеевъ, ѣхавшему впереди, было приказано приготовлять на каждой станціи теплое питье изъ чая, вина и сахара. Этотъ напитокъ поддерживалъ въ насъ въ надлежащей степени внутреннюю теплоту.

Потерпѣвши порядочно отъ холода и трудностей неудобнаго путешествія, мы прибыли въ Москву 5 января 1809 года.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

ГЕРМАНІЯ [1]).

II.

Реформаціонный періодъ.

Мы остановимся только мимоходомъ на нѣкоторыхъ изданіяхъ новыхъ источниковъ по періоду реформаціи въ Германіи и на монографіяхъ, которыя имѣютъ только спеціальный интересъ. Между первыми заслуживаютъ вниманія „Письма и документы для исторіи тридцатилѣтней войны" и т. д., издаваемыя исторической коммисіей при мюнхенской академіи наукъ. Къ двумъ прежнимъ томамъ этого изданія присоединился теперь третій, изданный Риттеромъ, и обнимающій дѣло о наслѣдствѣ Юлихскаго герцогства. Это дѣло играло важную роль въ эпоху, предшествовавшую 30-ти лѣтней войнѣ, и главный интересъ относящихся сюда дипломатическихъ переговоровъ сосредоточивается на популярной личности Генриха IV, который хотѣлъ воспользоваться споромъ о Юлихскомъ герцогствѣ, какъ рычагомъ для своей европейской политики. Четвертый томъ этого изданія представляетъ читателю новый архивный матеріалъ не въ сыромъ видѣ, а въ обработанной формѣ. Онъ посвященъ изложенію той видной роли, которую играла Баварія въ событіяхъ, подготовившихъ тридцатилѣтнюю войну. Изслѣдователь обширнаго, вошедшаго въ четвертый томъ матеріала, Штиве (Stieve), уже извѣстный многими монографическими работами, составилъ, на основаніи его, связное, прагматическое изложеніе событій, акты же помѣстилъ въ примѣчаніяхъ частью въ извлеченіи, частью же въ буквальной передачѣ подлинника.

Въ послѣднее время, при изученіи реформаціонной эпохи все болѣе и болѣе выступаетъ стремленіе изслѣдовать, рядомъ съ политической и богословской стороной вопроса, и гуманистическій элементъ въ ре-

---

[1]) См. «Истор. Вѣстн.», стр. 144—163.

формаціи. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія труды вѣнскаго ученаго Горавица (Horawitz). Имъ изданы, между прочимъ, 72 письма различныхъ гуманистовъ юго-западной Германіи за десятилѣтіе отъ 1517 по 1527 годъ [1]), эпоху, когда, подъ вліяніемъ совершившейся реформы и вызванныхъ ею смутъ, во многихъ гуманистахъ произошелъ переломъ убѣжденій и отпаденіе отъ протестантскаго принципа; другое собраніе писемъ, изданное тѣмъ же авторомъ, въ числѣ 23, касается Эразма и бросаетъ новый свѣтъ на колеблющееся отношеніе послѣдняго къ реформаціи.

Что касается до монографій по исторіи реформаціи, то видное мѣсто между ними безспорно принадлежитъ подготовленному продолжительной работой сочиненію Варрентрапа о Германѣ фонъ-Видѣ [2]). Германъ фонъ-Видъ былъ архіепископомъ и курфюрстомъ кёльнскимъ въ эпоху реформаціи, склонился на сторону новаго ученія и сдѣлалъ попытку ввести его въ своемъ церковномъ государствѣ, что, конечно, повлекло бы за собой превращеніе архіепископства въ свѣтское владѣніе, подобно тому, какъ изъ владѣній Тевтонскаго ордена образовалась Пруссія. Еслибы планъ кёльнскаго архіепископа осуществился, то это оказало бы чрезвычайно сильное вліяніе на исторію реформаціи и судьбы Германіи. Самый крѣпкій оплотъ католицизма въ западной Германіи составляли духовныя княжества, тянувшіяся по всему Рейну. Отпаденіе архіепископа кёльнскаго произвело бы значительную брешь въ этомъ оплотѣ и, вѣроятно, повлекло бы за собой секуляризацію и другихъ духовныхъ княжествъ, что, конечно, должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ преобразованіе имперіи. Попытка Германа фонъ-Вида сначала шла успѣшно, но заключеніе мира между Франціей и императоромъ Карломъ V, затѣмъ плохая организація и доктринаризмъ протестантской (шмалкалденской) лиги лишили курфюрста всякой поддержки въ борьбѣ съ императоромъ. Отрѣшеніе же курфюрста, съ другой стороны, содѣйствовало пораженію шмалкалденскаго союза и остановило дальнѣйшее развитіе протестантизма.

Въ 1878 году вышелъ послѣдній (тринадцатый) томъ капитальнаго сочиненія извѣстнаго женевскаго историка Мерля д'Обинье (Merle d'Aubigné) объ исторіи реформаціи. Мерль д'Обинье занимаетъ почетное мѣсто среди плеяды знаменитыхъ французскихъ историковъ, прославившихъ первую половину нашего вѣка—Гизо, Тьерри, Минье и пр. И Мерль д'Обинье обязанъ, подобно имъ, своей славой не одному таланту, а одушевленію великой идеей. Въ отличіе отъ нихъ женевскаго историка одушевляла религіозная идея. Его дѣтство — онъ родился въ 1794 году—совпало съ эпохой, когда, казалось, религія утратила свою силу надъ образованнымъ обществомъ; подъ вліяніемъ культуры XVIII вѣка она превратилась въ какую-то ра-

---

[1]) Въ 89 и 90 томахъ отчетовъ о засѣд. вѣнской акад. наукъ.

[2]) C. Varrentrapp Hermann v. Wied u. sein Reformationsversuch. in Köln.

ціоналистическую мораль, и понятіе добродѣтели вмѣщало въ себѣ для людей того времени всю сущность религіозной жизни. Чрезвычайно характеристично признаніе молодого женевца, что одна сцена вольтеровской драмы „Заиры“ („Zaire“) трогала его гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ религіозныя поученія самыхъ почтенныхъ для него проповѣдниковъ. Но именно на этомъ юношѣ отразился съ особенной силой переломъ, совершившійся въ европейскомъ обществѣ въ началѣ нашего вѣка, хотя давно уже подготовлявшійся и замѣнившій раціонализмъ прошлаго вѣка новымъ пробужденіемъ религіознаго духа. Путешествіе въ Германію окончательно опредѣлило направленіе Мерля д'Обинье. Онъ присутствовалъ въ 1817 году въ Варбтургѣ на трехсотлѣтнемъ юбилеѣ реформаціи и тамъ овладѣла имъ мысль написать ея исторію. Онъ тогда уже, еще не занявшись исторіей реформаціи, совершенно вѣрно понялъ ея мысль, какъ видно изъ словъ, записанныхъ въ его дневникѣ: „Я докажу на фактахъ, что цѣлью реформаціи было не столько уничтоженіе излишнихъ наростовъ, суевѣрій и пр., сколько созиданіе того, чего не было, пробужденіе новой религіозной жизни, самого духа христіанства, оживленіе или вѣрнѣе возбужденіе вѣры“. Но осуществленіе принятаго въ раннихъ годахъ плана совершалось медленнѣе, чѣмъ предполагалъ авторъ; отчасти ему мѣшали при этомъ житейскія заботы и частая перемѣна мѣста жительства. Пробывши нѣсколько лѣтъ пасторомъ французской церкви въ Гамбургѣ, Мерль д'Обинье потомъ переселился въ Брюссель, откуда его изгнала революція 1830 года, послѣ которой онъ вернулся на родину. Наконецъ, въ 1835 году появился первый томъ его „Исторіи реформаціи въ XVI вѣкѣ“ и произвелъ сильное впечатлѣніе. Особенно широкое распространеніе нашло сочиненіе женевскаго историка въ Англіи и Америкѣ. Въ четырехъ слѣдующихъ томахъ Мерль д'Обинье довелъ исторію реформаціи до 1531 года. Послѣ десятилѣтняго перерыва, во время котораго Мерль д'Обинье написалъ сочиненіе о Кромвелѣ на основаніи матеріаловъ, изданныхъ Карлейлемъ, онъ снова возвратился къ своей работѣ, но продолжалъ ее по новому плану. Въ первой половинѣ реформаціи, до 1530 года, въ центрѣ религіознаго переворота стоитъ Лютеръ. Но съ Аугсбургскимъ сеймомъ дѣло протестантизма въ Германіи, а вмѣстѣ съ нимъ дѣло Лютера почти завершается; за то протестантизмъ проникаетъ на западъ, въ Нидерланды, Францію, Англію, и въ этомъ второмъ періодѣ исторіи реформаціи на первый планъ выступаетъ личность и дѣятельность Кальвина. Около женевскаго реформатора Мерль д'Обинье и хотѣлъ сгруппировать продолженіе своей работы и потому выпустилъ ее подъ новымъ заглавіемъ—„Исторія реформаціи въ Европѣ въ эпоху Кальвина“. Пять томовъ этого сочиненія вышли между 1863 и 1869 годами. Сочиненіе, однако, такъ разрослось подъ перомъ автора, что въ V томѣ онъ довелъ исторію реформаціи только до 1536 года и остановился на прибытіи Кальвина въ Женеву. Это былъ послѣдній томъ, издан-

ный самимъ авторомъ. Онъ умеръ въ 1872 году, можно сказать, съ перомъ въ рукахъ. Наканунѣ своей смерти, 78-лѣтній историкъ сказалъ, прощаясь съ однимъ знакомымъ: „Я возвращаюсь къ своей работѣ; прощайте. Я считаю уже не минуты, а секунды". Послѣ смерти Мерля д'Обинье, его друзьями были изданы еще три тома его сочиненій. Послѣдній—восьмой, или тринадцатый всего сочиненія—заключаетъ въ себѣ обзоръ исторіи реформаціи въ Испаніи съ 1520 по 1542 годъ, продолженіе англійской реформаціи до смерти Генриха VIII (1547) и исторію Мюнстерскихъ анабаптистовъ въ Германіи (1533—1536). Сочиненіе оканчивается небольшимъ отрывкомъ, описывающимъ смерть Лютера (Le triomphe dans la mort). И этотъ послѣдній трудъ престарѣлаго историка отличается такимъ-же интересомъ изложенія, какъ и предшествовавшіе тома, и тѣмъ же неудобствомъ для читателей—расплывчивостью матеріала, обусловленной тѣмъ, что авторъ задался планомъ слѣдить одновременно, т. е. въ синхронистическомъ порядкѣ за судьбой реформаціи въ различныхъ европейскихъ странахъ, въ которыхъ развитіе религіознаго вопроса совершалось безъ общей или взаимной связи. Къ сожалѣнію за послѣдней частью работы Мерля д'Обинье не можетъ быть признано вполнѣ научное значеніе, такъ какъ авторъ не принялъ во вниманіе относившихся къ его задачѣ новѣйшихъ изслѣдованій въ Германіи, такъ напр., извѣстнаго сочиненія Корнеліуса о мюнстерскихъ анабаптистахъ (1855—60).

Изъ всѣхъ сочиненій, входящихъ въ рамки нынѣшняго нашего обзора, наиболѣе подробнаго изложенія заслуживаетъ сочиненіе Клукгона о самомъ замѣчательномъ и достойномъ изъ нѣмецкихъ князей второй половины реформаціонной эпохи, о Курфюрстѣ Пфальцскомъ, Фридрихѣ III [1]). Эта чрезвычайно обстоятельная и добросовѣстная научная работа достойна вниманія не по одному только интересу, который внушаетъ читателю благородная и симпатичная личность Фридриха III, но потому что его образъ прекрасно освѣщаетъ безотрадную эпоху, которую представляетъ вторая половина XVI вѣка.

Едва ли найдется во всей исторіи контрастъ, подобный тому, какой представляютъ первая и вторая половины XVI в., т. е. эпоха возникновенія и дальнѣйшаго развитія реформаціи. Какъ много надеждъ сулила эта восходившая заря и какъ сильно пробуждала она умственныя и нравственныя силы нѣмецкаго народа; но какъ скоро потускнѣлъ этотъ свѣтъ и какъ быстро одушевленіе замѣнилось утомленіемъ и формализмомъ! Тогда раздавался громкій голосъ оскорбленнаго, и въ своей нравственной совѣсти заживо задѣтаго народа; потомъ же слышится одна только докучная перебранка богослововъ. Тамъ рѣчь шла о великихъ, вѣчныхъ вопросахъ, касающихся всего человѣчества, а здѣсь лишь о преходящихъ формулахъ утонченной

---

[1]) Friedrich der Fromme, Kurfürst von der Pfalz, v. Aug. Kluckhohn, 1877—1879.

схоластики. Тамъ на сценѣ весь народъ, а здѣсь передъ нами лишь школы и системы богослововъ, да развѣ еще князья-диллетанты, кующіе, заодно съ первыми, вопреки основному принципу реформаціи изъ ея ученія духовныя цѣпи своимъ подданнымъ, которые должны были подчиниться, если не хотѣли быть всячески притѣсняемы свыше. Такимъ образомъ, нѣмецкій народъ былъ оторванъ отъ самаго великаго своего историческаго подвига и былъ повергнутъ въ продолжительную, подломившую его, жизнь смуту.

Прозорливый умъ Лютера вѣрно понялъ, что послѣ его смерти возникнетъ „грызня поповъ" (Pfaffengebeiss) изъ-за буквы ученія. Конечно, это произошло не безъ его вины, потому что настойчивость, съ какою онъ, къ концу своей жизни, далъ еще болѣе рѣзкое опредѣленіе своему ученію о причастіи, оказывала свое вліяніе и послѣ его смерти, и придавала правовѣрію преданныхъ буквѣ послѣдователей его незаслуженную санкцію. Съ наибольшимъ упорствомъ и страстью спорили именно о сокровеннѣйшихъ тайнахъ христіанской вѣры, о причастіи и объ отношеніи человѣческой природы къ благодати Божіей, и этимъ навсегда разорвали протестантизмъ на двѣ половины. Умѣренное направленіе имѣло своимъ наиболѣе значительнымъ представителемъ между богословами — Меланхтона, между князьями — Фридриха III Пфальцскаго.

Что особенно отличало этого князя — это честность намѣреній и ясность пониманія, преданность своимъ убѣжденіямъ и стойкость, причемъ онъ, однако, обладалъ такою широтой взгляда и терпимостью къ отклонявшимся религіознымъ мнѣніямъ своихъ протестантскихъ единомышленниковъ, какъ никто въ то время. Онъ вообще понималъ дѣло протестантизма гораздо болѣе возвышенно и идеально, чѣмъ то допускала ограниченность другихъ князей въ Германіи. За предѣлами національности онъ хлопочетъ о союзѣ всѣхъ протестантовъ въ Европѣ. Въ какой бы странѣ имъ ни было оказано насиліе, онъ принималъ это близко къ сердцу. Противопоставить крѣпко сплоченному единству католичества подобный же союзъ всѣхъ протестантовъ — было для него самымъ высокимъ идеаломъ. Поэтому и въ настоящее время его соотечественники взираютъ на него съ уваженіемъ и почитаютъ его какъ одного изъ первыхъ героевъ реформаціонной эпохи, а жизнь его, начертанная послѣднимъ біографомъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и со стороны русскихъ читателей.

Въ первой, раньше изданной части Клукгонъ представилъ читателямъ юность этого князя, его учебные годы и его отношеніе къ важнымъ вопросамъ того времени. Далѣе — какъ онъ, ставши курфюрстомъ Пфальцскимъ, присоединился къ реформатству и устроилъ церковь въ своемъ курфюршествѣ въ духѣ новаго религіознаго ученія, давъ ей въ Гейдельбергскомъ катехизисѣ популярное изложеніе вѣроисповѣданія. Таково содержаніе, изданной въ 1877 г., первой части біографіи Фридриха.

Но со введеніемъ новаго катехизиса не все еще было сдѣлано для пфальцской церкви, ибо съ новымъ толкованіемъ догматовъ были тѣсно связаны соотвѣтствовавшія правила церковной службы, вслѣдствіе чего Фридрихъ и ввелъ новый, согласный съ новымъ ученіемъ, церковный уставъ. Въ составленіи его главное участіе принималъ, склонный къ кальвинизму, Олевіанъ, выдававшійся между пфальцскими богословами живостью ума. По этому новому уставу въ центрѣ богослуженія поставлена была проповѣдь, основанная на священномъ писаніи, а задачей ея было указано возвышеніе нравственности въ народѣ. Принятіе причастія признавалось не только исполненіемъ христіанскаго долга, но въ равной степени почетнымъ правомъ, котораго лишается человѣкъ, запятнавшій себя грубыми пороками, но такимъ образомъ, что недопущеніе къ причастію исходитъ не отъ одного только духовнаго лица, но и отъ всей общины, т. е. отъ ея представителей. Мы видимъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, какъ въ реформатской церкви выступалъ на первый планъ принципъ общины; и Фридрихъ, добровольнымъ отреченіемъ отъ своего полновластія, передалъ въ „Уставѣ о церковномъ совѣтѣ" 1564 г. всѣ свои права, въ качествѣ главы мѣстной церкви, Summus episcopus, церковному совѣту и ввѣрилъ ему, какъ высшей церковной власти, завѣдываніе всѣми дѣлами церкви и школы въ своемъ курфюршествѣ. Кто отнесется къ этому безъ предубѣжденія, тотъ долженъ будетъ отдать справедливость безпримѣрному въ эту эпоху самоотверженію Фридриха, и вмѣстѣ съ тѣмъ, признать его разумное стараніе оградить высшее церковное правленіе (состоявшее изъ трехъ свѣтскихъ и трехъ духовныхъ членовъ) отъ колебанія между благопріятнымъ къ нему расположеніемъ или нерасположеніемъ правительства, предоставивши совѣту въ полное распоряженіе всѣ богатства, въ то время еще не секуляризованнаго церковнаго имущества. А извѣстно, какъ распоряжались въ другихъ мѣстахъ имуществомъ капитуловъ и монастырей; какъ, подъ предлогомъ церковной реформы, всѣ въ имперіи, сильные и слабые, поддаваясь корысти, старались извлечь выгоду изъ смуты, чтобы поживиться церковными богатствами. Между тѣмъ, Фридрихъ, не смотря на то, что его матеріальное положеніе легко могло подвинуть его на подобную же недобросовѣстность, остался совершенно чистъ въ этомъ отношеніи и оказалъ этимъ величайшую услугу своей странѣ и дѣлу реформы; ибо богатства, пущеннаго въ оборотъ церковнаго имущества, послужили для благодѣтельнѣйшихъ цѣлей—пошли на устройство школъ и благотворительныхъ учрежденій, которыя въ тяжелыя времена могли лучше, чѣмъ многое другое, упрочить существованіе новой организаціи.

Но эта мирная дѣятельность не могла, конечно, протекать безпрепятственно, и въ то время, какъ Фридрихъ одной рукой работалъ надъ постройкой новаго зданія, ему нельзя было выпускать изъ другой меча.

Катехизисъ и церковный уставъ громко говорили, что Фридрихъ шелъ своимъ собственнымъ путемъ, а путь этотъ велъ къ Кальвину, а не къ лютеранству, и особенно не къ тому, какое выработали послѣдователи великаго нѣмецкаго реформатора. Для нихъ малѣйшее отступленіе отъ учителя казалось смертельнымъ грѣхомъ. Своимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ на богословскомъ съѣздѣ въ Маульброннѣ: что „Лютеръ не апостолъ, и онъ могъ ошибаться", Фридрихъ особенно раздражилъ такихъ яростныхъ лютеранъ, какъ Флацій и Гесгузій; но даже и безъ этого послѣдній былъ враждебенъ Фридриху, потому что изъ-за своей строптивости былъ отставленъ Фридрихомъ отъ должности и высланъ изъ Пфальца, вслѣдствіе чего онъ съ гордостью мученика называлъ себя изгнанникомъ за Христа.

Но какъ ни были ожесточенны нападки на новое церковное устройство, введенное Фридрихомъ, и съ какой бы стороны онѣ ни шли, онѣ всегда встрѣчали столь же сильный и рѣшительный отпоръ: богословъ Урсинъ принялъ на себя борьбу противъ богослововъ, а самъ Фридрихъ разъяснялъ дружественнымъ князьямъ подробно и учено несправедливость всѣхъ взводимыхъ на него подозрѣній и нареканій.

Прежде всѣхъ онъ обратился къ своему старому другу, герцогу Христофору вюртембергскому, чьему сужденію онъ придавалъ большое значеніе. Его связывала съ герцогомъ старая вѣрность и дружба, и владѣнія ихъ соприкасались — какъ же было не сдѣлать попытки соглашенія? Какъ много было бы выиграно, еслибъ оно удалось! Вслѣдствіе такого желанія курфюрста, въ пользу котораго онъ сумѣлъ расположить и герцога Христофора, состоялась „необязательная" конференція пфальцскихъ и вюртембергскихъ богослововъ въ Маульброннѣ между 10 и 15 апрѣля 1564 г. Протоколы конференціи, какъ было заранѣе рѣшено, не должны были быть опубликованы. Всѣмъ извѣстно это безплодное, но съ упрямствомъ постоянно употребляемое средство реформаціонной эпохи—сблизить и, если возможно, привести къ соглашенію спорящія стороны съ помощью диспутовъ. Можно сказать, что такого рода попытки были безчисленны, хотя всѣ онѣ имѣли одинъ результатъ, какъ разъ противоположный тому, какой имѣлся въ виду. Большею частью, расходились еще съ бо̀льшимъ предубѣжденіемъ относительно лицъ и взглядовъ противной стороны, чѣмъ было до того. И въ Маульброннѣ должно было произойдти соглашеніе; это казалось тѣмъ возможнѣе, что тутъ дѣло шло о состязаніи, которое не было разсчитано на обширную извѣстность. Главными борцами были: съ вюртембергской стороны, прославившійся своей „формулой примиренія", Андрее, со стороны пфальцской—Урсинъ и Олевіанъ. Главный, центральный пунктъ конференціи естественно составляло ученіе о причастіи, и именно самый существенный въ немъ вопросъ—о присутствіи Христа въ евхаристіи. Если на маульбронской конференціи была смягчена рѣзкость подобныхъ диспутовъ, то это нужно припи-

сать вліянію Фридриха, который своимъ вмѣшательствомъ въ самыя критическія минуты сдерживалъ слишкомъ рѣзкіе взрывы богословскаго задора. Но и это собраніе прошло безъ всякихъ результатовъ, съ однимъ только исключеніемъ, что, вопреки уговору, протоколы были опубликованы пасторомъ Бренцемъ во Франкфуртѣ и въ такомъ видѣ, что гейдельбергскіе богословы не могли оставить безъ возвраженія необузданныя нападки вюртембергцевъ. Въ этой полемикѣ зашла рѣчь объ одномъ вопросѣ, который до сихъ поръ еще не вполнѣ разъясненъ и относительно котораго едва ли когда-либо придутъ къ полному соглашенію: мы разумѣемъ, подавшій поводъ къ столькимъ спорамъ, разговоръ о тайной вечери между Меланхтономъ и Лютеромъ (который еще въ 1544 году далъ такое рѣзкое опредѣленіе своему ученію о причастіи), незадолго передъ смертью послѣдняго, въ 1546 году.

Когда Меланхтонъ открыто высказалъ, что ученіе отцовъ церкви объ этомъ вопросѣ ближе къ ученію швейцарцевъ, чѣмъ къ ученію Лютера, послѣдній помолчалъ нѣсколько минутъ, а потомъ сказалъ: „Любезный Филиппъ, я сознаюсь, что въ этомъ дѣлѣ мы слишкомъ далеко зашли“. — Такъ составимъ толкованіе, возразилъ Миланхтонъ, въ которомъ это ученіе будетъ смягчено, чтобы сохранить истину и возстановить согласіе церквей. На это Лютеръ сказалъ: „Да, любезный Филиппъ, я часто и много объ этомъ размышлялъ; но мы этимъ все ученіе могли бы подвергнуть подозрѣнію. Я полагаю все это на волю Божію. И вы, послѣ моей смерти, сдѣлайте что нибудь!“ Правдивость этого разсказа Меланхтонъ подтвердилъ при своей жизни и потому неудивительно, что это еще болѣе подкрѣпило убѣжденіе Фридриха.

Но чѣмъ болѣе Фридрихъ становился твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и чѣмъ болѣе непоколебимо онъ стоялъ за нихъ при всей своей любви къ миру и всѣхъ попыткахъ примиренія, тѣмъ болѣе увеличивалось число его противниковъ. Лучшіе изъ его друзей, отчасти даже его родственники, отошли отъ него, такъ что въ заключеніе, казалось, другого разрѣшенія несчастной распри не оставалось, какъ насильственное низложеніе Фридриха. Вотъ до чего дошли дѣла въ протестантскомъ лагерѣ, не смотря на опасности, очевидно, грозившія со стороны приверженцевъ Рима.

При этихъ обстоятельствахъ получалъ существенное значеніе вопросъ, какъ же отнесется къ положенію Фридриха императоръ?

Максимиліанъ II возбудилъ, будучи наслѣдникомъ престола, величайшія надежды въ протестантахъ, потому что онъ долгое время держалъ при себѣ лютеранскаго проповѣдника и никакъ не соглашался принять причастія по обряду старой церкви. Правда, внимательные наблюдатели и тогда замѣчали за нимъ, что онъ никогда не рвалъ послѣднихъ узъ, связывавшихъ его со старою церковью. Теперь же ясно доказано, что уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ все болѣе и

болѣе сталъ поддаваться настоянію отца и совершенно обратился къ старой церкви,—хотя не всѣ признаютъ въ этомъ случаѣ одинаковыя побудительныя причины, и многіе теперь еще того мнѣнія, что разъединеніе между протестантскими князьями заставило его искать въ неизмѣнномъ авторитетѣ римской церкви успокоенія для его совѣсти. Но не слѣдуетъ обманываться на счетъ этого. Характеръ Максимиліана былъ совсѣмъ иной; онъ находилъ удобнымъ играть двусмысленную игру и для однихъ казаться католикомъ, а передъ другими высказывать евангелическія убѣжденія. Одинъ Фридрихъ понялъ Максимиліана и твердо рѣшился на предстоящихъ имперскихъ выборахъ не подавать за него голоса; онъ рѣшился на это изъ-за своего усердія въ дѣлѣ протестантизма, а вовсе не ради пошлыхъ мотивовъ, какіе враги его не задумались ему приписать. Не смотря, однако, на это, Максимиліану удалось при самыхъ выборахъ обойти пфальцскаго курфюрста тѣмъ, что онъ снова отказался принять причастіе по римскому обряду. Тогда Фридрихъ подалъ за него голосъ и уѣхалъ къ себѣ съ полнымъ довѣріемъ къ новоизбранному императору. Когда же Максимиліанъ, два года спустя, по смерти своего отца, вступилъ, въ 1564 году, на императорскій престолъ, Фридрихъ не замедлилъ въ задушевномъ поздравительномъ посланіи внушить ему, чтобъ онъ принялъ къ сердцу интересы истинной религіи. Но въ то время, какъ Фридрихъ такъ хлопоталъ въ пользу протестантизма передъ самимъ императоромъ, враги его возбуждали противъ Фридриха другихъ протестантскихъ князей; главнымъ образомъ, хлопоталъ объ этомъ его двоюродный братъ, Вольфгангъ цвейбрюкенскій, человѣкъ не совсѣмъ чистаго характера; цѣлью ихъ было ни болѣе, ни менѣе, какъ подорвать положеніе Фридриха въ глазахъ императора и всей имперіи и возбудить вопросъ: можно ли еще причислять курфюрста къ имперскимъ чинамъ, принадлежащимъ къ аугсбургскому исповѣданію, т. е. распространять ли на него гарантіи, постановленныя аугсбургскимъ религіознымъ миромъ? Къ подобнымъ козням отчасти подалъ поводъ самъ Фридрихъ, который, въ своемъ рвеніи противъ папства, секуляризировалъ капитулы (для католиковъ изъ дворянъ), Зинцгеймъ и Нейгаусъ, причемъ было насильно устранено и отчасти даже сожжено все то, что считалось принадлежащимъ къ „идолопоклонству".

Вормскій епископъ жаловался на нарушеніе его правъ, которыя, правда, вовсе не были такъ ясны, какъ онъ выдавалъ ихъ, но онъ надѣялся привлечь курфюрста къ имперскому суду (Kammergericht) „за нарушеніе собственности, за смуту и измѣненія въ изстари установленной вѣрѣ".

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ надвигались грозныя тучи надъ головой Фридриха, а онъ, хотя и видѣлъ приближеніе бури, оставался неустрашимъ, готовый принести всякія жертвы ради своей

вѣры и „исповѣдать ее на дѣлѣ, какъ сдѣлалъ то, благой памяти, герцогъ Іоаннъ Фридрихъ, курфюрстъ саксонскій“ [1]).

Съ такими намѣреніями отправился онъ на сеймъ, который былъ назначенъ въ Аугсбургѣ на 4 января 1564 г.; его не могли отклонить отъ этого никакія непріятности, — ни интриги Вольфганга, ни равнодушіе дружественныхъ князей, ни недостойное поведеніе зятя, Іоанна Фридриха саксенъ-веймарскаго. Онъ все забывалъ, какъ скоро гдѣ нибудь нужна была его помощь, и не останавливался ни передъ какой личной жертвой, если могъ оказать услугу другимъ или повліять на нихъ примирительно.

Долго пришлось новому императору ожидать въ Аугсбургѣ прибытія князей, и только 25 марта онъ могъ открыть сеймъ. Прежде всего стоялъ на очереди вопросъ религіозный, но не въ томъ смыслѣ, какой имѣло въ виду пригласительное на сеймъ посланіе, т. е. какъ возсоединить протестантовъ съ католиками; вопросъ теперь былъ поставленъ такъ, что сеймъ долженъ былъ принять на себя формально роль судьи для рѣшенія разногласій въ протестантскомъ лагерѣ, а именно рѣшить: слѣдуетъ ли курфюрста пфальцскаго еще считать протестантскимъ княземъ и, такимъ образомъ, признавать за нимъ права, предоставленныя протестантскимъ чинамъ относительно религіознаго мира?

Съ мужествомъ героя и религіозной убѣжденностью христіанина выступилъ Фридрихъ противъ всѣхъ нападокъ и козней и разстроилъ злые замыслы, въ которыхъ самъ Максимиліанъ принималъ бо̀льшее, чѣмъ слѣдовало, участіе. Въ этихъ то затруднительныхъ обстоятельствахъ именно и высказалась въ самомъ яркомъ свѣтѣ неустрашимость преслѣдуемаго курфюрста. То было 14 мая, когда онъ передъ императоромъ и всѣмъ сеймомъ имперіи, окруженный своими совѣтниками и сыномъ, защищался въ замѣчательной рѣчи. Въ дѣлахъ вѣры, сказалъ онъ, онъ знаетъ лишь одного господина, царя всѣхъ царей, которому одному онъ отдаетъ отчетъ. Несправедливо обвинять его въ кальвинизмѣ, такъ какъ онъ никогда не читалъ ни одного сочиненія Кальвина. Катехизисъ же, введенный имъ въ его владѣніяхъ, основанъ на священномъ писаніи, и его согласіе съ писаніемъ онъ можетъ защитить противъ всякаго, кому это будетъ угодно. Вообще же онъ готовъ все перенести изъ-за своей вѣры. Эта знаменитая защитительная рѣчь произвела, правда, сильное впечатлѣніе на собраніе, но дѣлать уступки въ такого рода вопросахъ было не въ духѣ времени. „Чистота ученія“ была выше всего, и кто отступалъ отъ него хотя-бы на волосокъ, не могъ разсчитывать на снисхожденіе. На этомъ основаніи почти бы и удалось исключить курфюрста изъ общества нѣмецкихъ протестантовъ, еслибы саксонскій совѣтникъ Линдеманъ не

---

[1]) Разбитый войсками Карла V въ сраженіи при Мюльгеймѣ 1547 г. и умершій въ плѣну.

проникъ тайныя намѣренія императора и не воспротивился этому всѣми силами, такъ какъ онъ въ хитрой политикѣ, направленной противъ Фридриха, усмотрѣлъ опасность для дѣла протестантизма вообще. Поэтому протестантскіе чины соединенно отвѣтили императору, что они не дадутъ своего согласія на осужденіе тѣхъ, которые, будь это въ Германіи или въ чужихъ странахъ, съ ними расходятся лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ, даже еслибы они и должны были признать ихъ кальвинистами или людьми придерживающимися кальвинистическихъ ученій. Послѣ того, какъ представители лютеранства на сеймѣ такъ энергично отстранили всякое католическое вмѣшательство въ ихъ собственныя дѣла, они, впрочемъ, не сдѣлали попытки доказать ложность взгляда Фридриха на догму о причастіи. Онъ же съ своей стороны заявилъ, что стоитъ твердо на почвѣ аугсбургскаго исповѣданія и останется при немъ, что онъ готовъ принять поученіе, основанное на словѣ Божіемъ и вызываетъ на это кого угодно. Но никто не отозвался, и, такимъ образомъ, разногласіе осталось неустраненнымъ. Однако же, ни одна изъ сторонъ въ протестантскомъ лагерѣ не отреклась отъ другой.

Всѣхъ болѣе былъ, конечно, озлобленъ императоръ, который разсчитывалъ на то, что съ помощью протестантскихъ чиновъ ему удастся добиться осужденія Фридриха, что̀ представлялось ему главною цѣлью сейма: „Ихъ заявленіе для меня гроша не стоитъ", говорилъ онъ. (Ich wollt um ihr Confession nit einen Rübenschnitz geben). Особенно же онъ былъ раздраженъ противъ разстроившаго всѣ его планы Линдемана, котораго онъ называлъ въ присутствіи других „отъявленнымъ плутомъ". Но это, конечно, не помогло дѣлу; императору не удалось достигнуть того, чего онъ желалъ, и опасность миновала Фридриха. Однако онъ не избѣгнулъ другаго горя.

Не въ томъ была главная для него непріятность, что его склонность къ кальвинизму вовлекла его въ раздоры съ ближайшими его родственниками. Когда онъ захотѣлъ ввести реформу въ духѣ кальвинизма и въ верхнемъ Пфальцѣ, все населеніе оказало сильнѣйшее сопротивленіе, и его собственные сынъ и братъ стали противъ него, что было ему очень больно. Но 1567 г. принесъ ему еще болѣе тяжелое горе. Его упрямый и несговорчивый зять, герцогъ саксенъ-веймарскій Іоаннъ Фридрихъ Средній, доставившій ему уже до того не мало заботъ, подвергся за покровительство, оказанное опальному франконскому рыцарю Грумбаху, самъ опалѣ, былъ осажденъ въ Готѣ курфюрстомъ саксонскимъ Аугустомъ и послѣ сдачи города отведенъ въ Дрезденъ на тяжкое и вѣчное заключеніе. Какъ часто предостерегалъ его Фридрихъ отеческимъ образомъ и горячо умолялъ его отказаться отъ упрямства; но все было тщетно, онъ самъ спѣшилъ навстрѣчу своей гибели, въ которую вовлекъ съ собой жену и ребенка, дочь и внука Фридриха. Это прискорбное событіе дало, повидимому, послѣдній толчекъ и безъ того слабому здоровью курфюр-

стины Маріи, супругѣ Фридриха, вѣрно и непоколебимо твердо слѣдовавшей за мужемъ во всѣхъ превратностяхъ жизни; ея смерть была тяжкимъ ударомъ для Фридриха.

Большаго вниманія заслуживаетъ полное интереса изложеніе автора политики Фридриха въ отношеніи иностранныхъ дворовъ. Извѣстно, съ какихъ давнихъ поръ начался процессъ разложенія германскаго государственнаго устройства, и какъ нѣмецкіе князья еще до Вестфальскаго мира сражались и мирились совершенно самостоятельно съ иностранными государями, и какіе мотивы — далеко не всегда честные—руководили ими при этомъ. И Фридрихъ III не разъ давалъ себя вовлечь въ заграничныя дѣла. Близость Франціи и ея постоянное вмѣшательство въ дѣла Германіи уже достаточно объяснили-бы такое поведеніе курфюрста, еслибы его строго-евангелическія убѣжденія не обязывали его особенно поддерживать угнетаемыхъ братьевъ по вѣрѣ во Франціи и Голландіи. Притѣсненіе ихъ больно отзывалось въ его сердцѣ; истребленіе ихъ въ его глазахъ наносило самый серьезный ударъ всему протестантизму и, движимый этимъ совершенно безкорыстномъ побужденіемъ, онъ не замедлилъ открыто стать на сторону притѣсненныхъ и оказать имъ, насколько это ему было возможно, дѣятельную помощь. Здѣсь не мѣсто входить подробно въ выказанныя имъ въ этомъ случаѣ бдительность и самопожертвованіе, но нельзя не упомянуть о томъ, какъ онъ привлекъ своихъ сыновей къ участію въ борьбѣ противъ притѣснителей и какъ онъ наносилъ врагамъ ущербъ вездѣ, гдѣ только могъ; за каждымъ ихъ шагомъ онъ слѣдилъ ревнивымъ взоромъ, и чѣмъ равнодушнѣе и трусливѣе смотрѣли другіе германскіе князья на бѣдствія гугенотовъ и угнетенія голландцевъ, тѣмъ усерднѣе и неутомимѣе работалъ онъ. Потому-то даже его враги, французы, питали къ нему великое уваженіе и старались, подъ видомъ дружбы, хитро заманить его въ свои сѣти; но всѣ тонкости французской политики были безсильны передъ его честностью и неподкупностью. Нужно признать, что онъ и по отношенію къ общеевропейскимъ дѣламъ высоко выдается среди нѣмецкихъ князей того времени.

Но все-таки и эта великая личность имѣетъ свои слабыя стороны. Его религіозное рвеніе вовлекло его въ кровавый поступокъ, который ложится темнымъ пятномъ на его жизнь, хотя идеи той эпохи и то обстоятельство, что чувство человѣколюбія въ немъ подавлялось съ трудомъ и уступило только послѣ долгой внутренней борьбы—могутъ служить для него смягчающими обстоятельствами. Въ разгарѣ спора богословы часто доводили другъ друга до положеній очень сомнительнаго свойства, а господствовавшее въ тогдашнемъ обществѣ упрямство уже не дозволяло потомъ никакого отреченія. Два пфальцскихъ священника, Нейзеръ и Сильванъ, такъ далеко зашли подъ вліяніемъ появившагося въ Польшѣ унитаризма, что публично высказывались въ проповѣдяхъ и въ печати противъ Троицы и противъ

двойственной природы Христа. Они держались того мнѣнія, что только въ Исламѣ и въ его монотеистическомъ воззрѣніи заключается истина, почему они и приняли мѣры, чтобы бѣжать къ султану. Когда это намѣреніе сдѣлалось извѣстно курфюрсту изъ ихъ перехваченныхъ писемъ, онъ велѣлъ заключить ихъ въ тюрьму и назначилъ надъ ними церковный судъ, который отнесся къ своему дѣлу въ самомъ строгомъ духѣ Кальвина, осудившаго, какъ извѣстно, Серве на смертную казнь. Не смотря на это, курфюрстъ медлилъ еще цѣлые мѣсяцы, и только наконецъ, подстрекаемый курфюрстомъ саксонскимъ, велѣлъ привести въ исполненіе давно подписанный смертный приговоръ. 23 марта 1572 г. Сильванъ былъ казненъ на городской площади Гейдельберга, не смотря на отреченіе и покаяніе, между тѣмъ какъ Нейзеру удалось избѣгнуть казни бѣгствомъ въ Турцію. Преданіе еще украсило это кровавое дѣло особенно жестокою чертой,—будто Фридрихъ заставилъ двоихъ изъ своихъ сыновей быть вблизи зрителями казни—„имъ для памяти и примѣра". Болѣе справедливо, однако, то, что Фридрихъ щедро обезпечилъ вдову и сына Сильвана и, покрайней мѣрѣ, хоть такимъ образомъ доказалъ, что, не смотря на всѣ предубѣжденія, онъ все-таки не могъ и не хотѣлъ въ себѣ заглушить прирожденное чувство гуманности.

Отношенія къ прочимъ протестантскимъ князьямъ не сложились въ 70 годахъ болѣе благопріятно, чѣмъ прежде: особенно можно сказать это по отношенію къ саксонскому курфюрсту Аугусту, который прежде, подъ вліяніемъ виттенбергскихъ богослововъ и ихъ примирительной теоріи, не принималъ участія въ негодованіи крайнихъ лютеранъ противъ пфальцскаго курфюрста. Но женскому вліянію удалось, вѣроятно, измѣнить настроеніе курфюрста саксонскаго, который, послѣ смерти горцога Іоанна Вильгельма и послѣ злополучнаго брака Вильгельма Оранскаго съ принцессой Шарлотой Бурбонской, (при чемъ Фридрихъ задѣлъ щекотливость Саксоніи), счелъ себя обязаннымъ обнаружить несомнѣнныя доказательства своего лютеранскаго рвенія и ненависти къ кальвинизму. Эти личныя столкновенія симпатіи и непріязни въ другое время имѣли-бы лишь второстепенное значеніе, но тогда они помѣшали дружному образу дѣйствія протестантскихъ князей по отношенію къ главѣ имперіи и играли въ политикѣ очень большую роль. Это оказалось снова на сеймѣ 1575 г., на которомъ Максимиліану хотѣлось достигнуть избранія своего сына Рудольфа, воспитаннаго въ Испаніи, римскимъ королемъ [1]). Фридрихъ старался по крайней мѣрѣ не упустить даромъ этого случая и включить въ условія избранія нѣкоторыя благопріятныя для протестантизма постановленія. Между прочимъ, онъ требовалъ „измѣненія старинной формулы, по которой императоръ именовался защитникомъ римской церкви". Но курфюрсты, саксонскій и бранденбургскій, подали голоса

---

[1]) Это былъ титулъ лица, избраннаго въ наслѣдники германскаго императора.

противъ этого,—Аугустъ саксонскій обязался отстоять только отмѣну такъ называемаго reservatum ecclesiasticum [1]) и декларацію Фердинанда I, существованіе которой отрицалось, впрочемъ, со стороны католиковъ и было бы отвергнуто, еслибы Аугустъ не былъ въ состояніи предъявить самый подлинникъ грамоты о религіозномъ мирѣ, декларацію, въ силу которой, протестантскіе подданные католическихъ князей были ограждены отъ всякихъ притѣсненій. Но это дѣлалось имъ такъ ненастойчиво, что изъ этого ничего не вошло въ капитуляцію, и разрѣшеніе этихъ вопросовъ было отложено до слѣдующаго сейма.

Но и тутъ ничего не состоялось въ интересахъ протестантизма, благодаря холодному отношенію протестантовъ ко всему, что шло изъ Пфальца, и дружному поведенію католиковъ подъ руководствомъ умнаго кардинала Морона. Надѣяться же на будущее было тѣмъ болѣе тщетно, что къ концу сейма императоръ Максимиліанъ скончался, а его преемникъ вступилъ на престолъ съ планами, отъ которыхъ нельзя было ожидать ничего хорошаго.

И Фридрихъ близился къ своему концу, который насталъ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать по его возрасту.

Въ заключительной главѣ авторъ рисуетъ намъ превосходный образъ Фридриха, съ тѣхъ сторонъ, которыя не касались его способа дѣйствія въ политическихъ и религіозныхъ дѣлахъ. Читатель знакомится съ прекрасными чертами въ жизни этого государя, обнаруживающими въ немъ гуманность, честность и неутомимую дѣятельность. Въ поведеніи высокопоставленныхъ въ жизни дѣятелей и ихъ поступкахъ въ сферѣ политической и церковной, иногда насъ многое можетъ отталкивать отъ нихъ, но въ такихъ случаяхъ мы тѣмъ охотнѣе останавливаемся на нихъ, какъ на людяхъ, когда передъ нами раскрывается во всей полнотѣ здоровая натура, полная любви и снисхожденія, преданная служенію общимъ интересамъ и исполненная благороднаго одушевленія. Такое именно благотворное впечатлѣніе читатель выноситъ изъ жизнеописанія Фридриха Благочестиваго, чья смерть, послѣдовавшая 26 октября 1576 г., повергла въ глубокую скорбь не только Пфальцъ, но и весь протестантскій міръ, насколько этотъ міръ не ожесточился противъ него, вслѣдствіе религіозныхъ страстей.

Въ виду всего этого, авторъ вполнѣ правъ, когда онъ говоритъ о высокомъ, исключительномъ положеніи, которое Фридрихъ занималъ и до сихъ поръ занимаетъ среди протестантскихъ князей своего времени. Таковъ приговоръ исторіи, который уже болѣе не измѣнится. Этому не мало содѣйствовалъ самъ авторъ своимъ превосходнымъ

---

[1]) Подъ этимъ разумѣлось то постановленіе аугсбургскаго религіознаго міра, по которому владѣнія духовныхъ лицъ, въ случаѣ перехода ихъ въ протестантизмъ, должны были оставаться за католической церковью.

трудомъ. На каждомъ шагу чувствуется тщательность работы, внимательность и вѣрность, съ какими онъ подмѣчаетъ и изображаетъ всякую черту. Это была не легкая задача, особенно для той эпохи, къ которой принадлежалъ Фридрихъ. Утонченность богословскихъ ученій и догматическихъ опредѣленій, раздробленность политическихъ отношеній въ имперіи, неопредѣленность и неразвитость вопросовъ внутренняго управленія, чрезвычайно затрудняютъ выработку изъ этого запутаннаго матеріала полной и цѣльной картины, но авторъ прекрасно выполнилъ эту трудную задачу и создалъ предъ нами картину не только привлекательную и вѣрную въ общемъ очертаніи, но и тщательно отдѣланную въ малѣйшихъ оттѣнкахъ.

Религіозный антагонизмъ въ Германіи между католиками и протестантами, а также между лютеранами и кальвинистами, около котораго вращаются всѣ вышеупомянутыя сочиненія, наконецъ, разразился въ тридцатилѣтней войнѣ. Этой эпохи особенно посчастливилось въ послѣднее время по отношенію къ исторіографіи; цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ сочиненій представлены въ болѣе яркомъ или вѣрномъ свѣтѣ различные отдѣлы этой сложной и продолжительной войны. Между ними первое мѣсто заслуживаетъ продолженіе обширнаго труда, предпринятаго чешскимъ историкомъ Гиндели, преемникомъ Палацкаго. Во второмъ и третьемъ томѣ своей написанной по-нѣмецки исторіи тридцатилѣтней войны [1]) Гиндели знакомитъ насъ съ самымъ трагическимъ моментомъ въ исторіи габсбургской монархіи, когда все, казалось, висѣло на волоскѣ, государство совершенно распалось и отдѣльныя области его вступили въ совершенно новую, противоположную прежней—религіозную и политическую жизнь. Моментъ этотъ наступилъ въ 1619 году, послѣ смерти императора Матвѣя. Представителемъ габсбургской династіи былъ тогда двоюродный братъ Матвѣя, молодой Фердинандъ, по своей личности мало способный спасти великую католическую державу отъ разложенія и ереси. Фердинандъ не имѣлъ ничего общаго съ своимъ дядей Филиппомъ II испанскимъ, съ которымъ его нерѣдко сравнивали. Значительный успѣхъ, котораго достигла Австрія въ его царствованіе, былъ только результатомъ полнѣйшаго ничтожества его противниковъ и дѣятельной помощи, оказанной ему его союзниками. Правда, въ постѣ и молитвѣ Фердинандъ не уступалъ никакому монаху, и во всѣхъ дѣлахъ, которыя имѣли какое либо отношеніе къ религіи, слушался исключительно совѣтовъ своихъ іезуитскихъ духовниковъ, но такъ-же тщательно какъ грѣха, онъ избѣгалъ всякаго серьезнаго умственнаго напряженія и всегда оставался игрушкой своихъ придворныхъ и совѣтниковъ изъ духовенства. Въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта Фердинандъ, правда, принималъ участіе съ рутинной акуратностью, но онъ всегда подавалъ голосъ съ большинствомъ и никогда не рѣшался противо-

---

[1]) A. Gindely. Geschichte des dreissigjährigeu Kriegs. Prag. II, III.

рѣчить. Слабость и несамостоятельность государя были причиной того, что и всѣ чиновники мало заботились о своихъ обязанностяхъ, и небрежное веденіе дѣлъ при вѣнскомъ дворѣ вызывало постоянныя насмѣшки иностранныхъ пословъ. Къ тому же императоръ не имѣлъ никакого понятія о значеніи денегъ и былъ крайне расточителенъ,—всякая значительная сумма, попадавшая въ его руки, исчезала въ теченіе первыхъ сутокъ, расходясь по рукамъ его любимцевъ. Нерѣдко приходилось прибѣгать къ принудительнымъ займамъ, чтобы пополнить казну. Въ 1620 году, въ Вѣнѣ были захвачены даже сиротскіе капиталы, которые никогда не были возвращены; венеціанскій посолъ называетъ обращеніе съ императорскими кредиторами просто скандальнымъ. Какъ почти всѣ габсбурги, Фердинандъ былъ лишенъ способности и интереса къ военному дѣлу; онъ никогда не вмѣшивался въ распоряженія арміей; генералы вели себя какъ самостоятельные правители и позволяли себѣ постоянныя нарушенія дисциплины. Солдаты, которымъ плохо выплачивали жалованье, были принуждены доставлять себѣ содержаніе преимущественно грабежомъ.

И вотъ, такому-то неспособному правителю пришлось спасать свою державу въ самомъ критическомъ положеніи. Въ Прагѣ установилось независимое отъ Вѣны правленіе и, по проискамъ пражскихъ директоровъ, всѣ земли короны св. Вячеслава отпали отъ Фердинанда и составили между собой обширную конфедерацію. Между представителями чиновъ эрцгерцогства австрійскаго только незначительное католическое меньшинство держало сторону Фердинанда. Вѣнскіе чины также высказали сомнѣніе относительно правъ Фердинанда на Австрію, завѣщанную ему Матвѣемъ помимо родныхъ братьевъ послѣдняго, и радушно привѣтствовали десятитысячную чешскую армію, пришедшую къ Вѣнѣ подъ командой графа Турна. Армія же Фердинанда, надъ которой начальствовалъ Бюкоа, въ теченіе зимы уменьшилась до 5000 ч. Еслибы въ чехахъ еще жилъ древній гусситскій духъ, еслибы во главѣ ихъ стояла личность, подобная Юрію Подѣбраду,—владычеству габсбургской династіи былъ бы нанесенъ рѣшительный ударъ. Паденіе ея казалось тѣмъ болѣе неминуемымъ, что противъ нея собиралась на востокѣ еще другая гроза. Князь Седьмиградіи, Бетленъ Габоръ, поднялся на борьбу съ Фердинандомъ. Онъ происходилъ изъ воинственнаго мелкаго дворянства, съ 17 лѣтъ былъ солдатомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, питалъ интересъ къ образованію и наукѣ. Кальвинизму онъ былъ душевно преданъ. Его дѣятельности очень мѣшала страсть къ вину; къ обѣду онъ обыкновенно бывалъ уже пьянъ. Какъ политическаго дѣятеля, его, по мнѣнію Гиндели, слишкомъ строго осуждали, ибо, при его стремленіи добиться положенія владѣтельнаго князя, для него было невозможно идти всегда по стезѣ добродѣтели, что легче для человѣка, уже судьбой предназначеннаго нести корону. Въ концѣ августа 1619 г., онъ вторгнулся въ подвластную габсбургамъ часть Венгріи; Пресбургъ палъ, Вѣнѣ угрожала новая опасность.

Фердинандъ трусливо искалъ съ нѣсколькими сотъ бѣглецами убѣжища въ Грацѣ. Бюкоа поспѣшилъ вернуться изъ южной Богеміи, чтобы своимъ войскомъ прикрыть столицу, за нимъ по пятамъ шла армія чешскихъ чиновъ, предводительствуемая графами Турномъ и Гогенлое. Бетленъ Габоръ уже высказалъ чешскимъ генераламъ свое желаніе, чтобы Венгрія, съ присоединеніемъ къ ней родовыхъ габсбургскихъ земель—Австріи, Штиріи, Каринтіи и Крайны—была принята въ составъ Германской имперіи на положеніи курфюршества.

И не смотря на все это, габсбургская держава не пала; ничтожный Фердинандъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ надъ своими многочисленными врагами. Объясненіе того, какъ и почему это такъ случилось, читатель найдетъ въ интересномъ изложеніи Гиндели; мы ограничимся здѣсь указаніемъ главныхъ пунктовъ.

Первый успѣхъ Фердинанда обусловливался антагонизмомъ между лютеранскими князьями и кальвинистскимъ курфюрстомъ Пфальца, къ чему еще присоединилось политическое соперничество между Пфальцемъ и Саксоніей, двумя главными протестантскими территоріями въ Германіи того времени. Агитація Фридриха V Пфальцскаго противъ Фердинанда не удалась, и послѣдній былъ единогласно избранъ императоромъ. Такъ какъ въ это время въ Прагѣ былъ избранъ въ короли надъ всѣми землями короны св. Вячеслава тотъ же Фридрихъ Пфальцскій, то неизбраніе Фердинанда въ императоры могло бы повести къ перенесенію императорской короны на могущественнаго протестантскаго князя, что, конечно, разрушило бы политическое значеніе габсбурговъ. Еще болѣе облегчило побѣду габсбурговъ то, что творилось въ ихъ наслѣдственныхъ земляхъ, гдѣ, при эгоизмѣ и ничтожествѣ вождей оппозиціи, получили преобладаніе политическіе принципы, безсильные для борьбы и организаціи. Земли чешской короны дали себѣ новое „федеративное“ устройство, устранившее прежнее господствовавшее положеніе Богеміи. Сословные чины отдѣльныхъ областей сдѣлались независимы; мѣсто чешскаго государства заняли пять политическихъ тѣлъ, связанныхъ только личностью общаго имъ короля. Совершенно безсильная канцелярія должна была служить посредницей между провинціями и королемъ, во всемъ зависимымъ отъ своихъ совѣтниковъ. Упроченіе этой формы правленія было бы побѣдой средневѣковаго сословнаго и мѣстнаго принципа надъ государственнымъ.

Но какъ же управляли и хозяйничали представители новой власти? Успѣхъ чешскаго дѣла всего болѣе былъ въ рукахъ директоріальнаго правительства въ Прагѣ. Не смотря на всякаго рода насилія, напр. секвестръ имуществъ, остававшихся послѣ умершихъ, казна директоровъ была всегда пуста; счетныя книги были въ такомъ безпорядкѣ, что никогда нельзя было доискаться употребленія поступившихъ суммъ. Вслѣдствіе этого, положеніе чешской арміи было безвыходное. Въ 1619 г., солдатамъ выдано было до сентября жалованье только за $3^1/_2$

мѣсяца. Такъ какъ въ опустошенныхъ мѣстностяхъ солдатамъ уже нечего было грабить, они закладывали у маркитантовъ, чтобы кормиться, свое оружіе. Все болѣе и болѣе распространялся въ войскѣ мятежный духъ; директора дрожали передъ угрозами собственныхъ войскъ. Вслѣдствіе этого, Бюкоа, не смотря на свою неспособность и малочисленность, правда, лучше дисциплинированной габсбургской арміи, удалось разсѣять у Нетолица небольшой отрядъ графа Мансфельда. Говорятъ, что послѣдняго нарочно оставили безъ помощи; еслибы онъ былъ изрубленъ съ своими солдатами, этимъ была бы погашена значительная часть чешскихъ долговъ. Военные вожди, графы Турнъ, Гогенлое, Мансфельдъ и маркграфъ егерндорфскій дѣйствовали всякій по своему усмотрѣнію,—общей команды не было. Воинственный духъ прежнихъ вѣковъ совершенно покинулъ чешскую націю; вызванное для защиты страны ополченіе никуда не годилось; ему не доставало ни храбрости, ни упражненія въ военномъ дѣлѣ. Богатые дворяне подъ предлогомъ болѣзни массами убѣгали отъ своей ленной обязанности военной службы и скрывались въ своихъ замкахъ. Директора, несочувствовавшіе ни политической, ни религіозной свободѣ, имѣвшіе только въ виду исключительное владычество аристократіи, не смѣли поэтому и подумать о разнузданіи національныхъ или религіозныхъ страстей, какъ о послѣднемъ средствѣ спасенія.

Избраніе Фридриха пфальцскаго въ чешскіе короли не поправило дѣла;—ему была не по силамъ задача, которую онъ на себя принялъ. „Объ усердіи въ работѣ, о пониманіи своего положенія у него не было и рѣчи. Его несамостоятельность вскорѣ всѣмъ стала извѣстна и сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ. Это былъ добродушный князь, образъ дѣйствія котораго напоминалъ о томъ, что онъ едва вышелъ изъ младенческаго возраста; ему было по себѣ только среди развлеченій и пышныхъ процессій, и большую часть времени онъ проводилъ въ обществѣ своей страстно-любимой супруги, вмѣсто того, чтобы посѣщать засѣданія совѣта или поспѣшить на поле сраженія". Своимъ нелѣпымъ иконоборствомъ онъ безъ нужды оскорбилъ чувства простаго народа, и въ то время, какъ армія во всемъ нуждалась, въ Прагѣ господствовала самоубійственная расточительность, правда, на средства Пфальца, ибо съ своей чешской короны Фридрихъ никогда не имѣлъ ни одного гроша дохода.

Между тѣмъ, на сторонѣ Фердинанда число союзниковъ все росло. Филиппъ III испанскій напрягалъ до крайности силы Испаніи съ тѣхъ поръ, какъ ему объяснили, что борьба въ Богеміи не только политическая, но священная война. Однако, въ вознагражденіе за свою помощь онъ выговорилъ себѣ Нижній Пфальцъ. По его настоянію, папа, жадный Павелъ V, согласился платить императору субсидіи. Съ Сигизмундомъ польскимъ Фердинандъ велъ переговоры о помощи, серьезно предлагая ему за это уступить Силезію, однако, набѣгъ турокъ на Польшу помѣшалъ этому плану. Но самымъ глав-

нымъ союзникомъ императора явился Максимиліанъ баварскій. Этотъ герцогъ, воздерживаясь долго отъ всякаго вмѣшательства въ чешскія дѣла, спокойно выждалъ, пока не убѣдился, что Испанія и папа готовы на большія жертвы, что нѣмецкое духовенство намѣрено помогать императору, а Франція сохраняетъ благосклонный нейтралитетъ. Тогда, выступивъ поборникомъ католическихъ интересовъ, онъ началъ преслѣдовать свои эгоистическіе планы. Мюнхенскій договоръ предоставилъ ему главное распоряженіе католической лигой и команду надъ выставленной ею арміей. Въ обезпеченіе расходовъ императоръ далъ въ залогъ свои владѣнія и владѣнія всего габсбургскаго дома. До полнаго вознагражденія баварскій герцогъ долженъ былъ пользоваться всѣми правами владѣтельнаго князя въ Австріи. Кромѣ того, ему были устно обѣщаны курфюрстскій титулъ и Верхній Пфальцъ. Вскорѣ послѣ того, состоялось самое ловкое дѣло императорско-баварской дипломатіи — заключеніе союза между католической лигой и самымъ главнымъ изъ лютеранскихъ князей — курфюрстомъ саксонскимъ. Іоаннъ Георгъ, который передъ этимъ самъ былъ кандидатомъ на чешскій престолъ, смотрѣлъ на избраніе Фридриха пфальцскаго, какъ на свое личное пораженіе, и это недовольство, разжигаемое ядовитымъ нашептываніемъ подкупленнаго императоромъ придворнаго проповѣдника Гоё фонъ-Гоёнека, разгорѣлось до ненависти, когда герцогъ саксѐнъ-веймарскій, представитель старшей саксонской линіи, вступилъ въ соглашеніе съ чешскимъ королемъ, чтобы съ его помощью возвратить своему дому курфюрстскій санъ, перешедшій къ младшей дрезденской линіи. Іоаннъ Георгъ продалъ императору свою помощь за право захватить княжество Ангальтское, а въ обезпеченіе расходовъ ему были уступлены Фердинандомъ Верхнія и Нижнія Лужицы. Даже эрцгерцогъ Альбрехтъ, мужъ инфанты, управлявшей испанскими Нидерландами, и испанскій генералъ Спинола не хотѣли вѣрить, когда узнали о такомъ соглашеніи.

Между тѣмъ, пфальцграфъ остался, за исключеніемъ Голландіи, безъ союзниковъ. Его тесть, англійскій король Яковъ I, опутанный испанской интригой, оставилъ его безъ всякой помощи. Правда, лѣтомъ собрался въ Нейзаолѣ блестящій мадьярскій сеймъ. Фердинандъ былъ отрѣшенъ большинствомъ чиновъ и на его мѣсто провозглашенъ королемъ Бетленъ. Имущество католической церкви было конфисковано, и во всей Венгріи оставлено только три епископа съ содержаніемъ въ 2,000 гульденовъ. Султанъ, привлеченный богатыми подарками, призналъ седьмиградскаго князя королемъ Венгріи и обѣщалъ военную помощь.

Но въ это самое время битва при Бѣлой Горѣ, близъ Праги, порѣшила судьбу Фридриха, чешской короны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, судьбу протестантизма въ габсбургскихъ владѣніяхъ — и спасла австрійскую державу, а религіозная война изъ австрійскихъ владѣній была перенесена въ Германскую имперію.

Съ этой новой эпохой тридцатилѣтней войны знакомитъ насъ сочиненіе Опеля [1]), подобно первому основанное на разработкѣ обширнаго, отчасти новаго матеріала. Предметомъ изслѣдованія Опеля служитъ періодъ наступательнаго дѣйствія и торжества католической лиги, когда война послѣ побѣды лиги надъ Пфальцемъ была перенесена на сѣверъ Германіи и вызванная этимъ попытка датскаго короля Христіана IV стать во главѣ нѣмецкаго протестантизма и занять вслѣдствіе этого господствующее положеніе въ Германіи—окончилась полной неудачей. Второй томъ сочиненія Опеля, съ которымъ мы теперь имѣемъ дѣло, начинается съ изображенія военной диктатуры, установленной полководцемъ лиги, извѣстнымъ графомъ Тилли надъ значительной частью Германіи. Образъ дѣйствія и характеръ Тилли представляются здѣсь въ совершенно новомъ свѣтѣ. Вопреки опредѣленно высказанной воли императора, даже безъ полномочія со стороны главы лиги, герцога Максимиліана, Тилли распоряжается политическими дѣлами по собственному усмотрѣнію и вполнѣ произвольно. Такъ, онъ уже въ 1623 году самовластно занимаетъ Гессенъ-Касселъ, откуда ландграфъ принужденъ спасаться бѣгствомъ. Новое положеніе католической арміи вызывало опасеніе даже со стороны католическихъ князей; курфюрстъ трирскій уже собирался отстать отъ лиги. Совершенно произвольно Тилли занялъ часть маркграфства Баденскаго и Вюртенбергъ. Когда Фердинандъ рѣшительно приказалъ оставить Гессенъ, Тилли заявилъ, что „императоръ и его совѣтъ должно быть не имѣютъ вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи этой страны“ и не послушался. Пресловутое безкорыстіе Тилли вовсе не обнаруживается изъ обнародованныхъ Опелемъ документовъ. Сама инфанта, правительница испанскихъ Нидерландъ, принуждена была подкрѣпить свою просьбу поднесеніемъ Тилли „драгоцѣнности“ въ 20,000 талеровъ, и баварскій генералъ прямо обратился къ императору съ просьбой „крѣпче обязать“ его какимъ нибудь особымъ пожалованіемъ. Онъ желалъ получить чешскій городъ Лютомержицъ, но готовъ былъ удовольствоваться пфальцскими или австрійскими имѣніями. Онъ открыто заявлялъ о своихъ заслугахъ, по укрѣпленію габсбургскаго престола. На собраніяхъ членовъ лиги онъ также требовалъ себѣ награды. Аугсбургское собраніе должно было уплатить ему обѣщанную сумму въ 20,000 тал. и обѣщало новую награду въ 100,000 тал. Изъ Гессена Тилли вступилъ въ Нижне-саксонскій округъ. Здѣсь ему нечего было опасаться какого-либо сопротивленія, ибо изъ тамошнихъ князей никто не былъ способенъ справиться съ труднымъ политическимъ положеніемъ. Одинъ изъ современниковъ, проницательный полковникъ Фуксъ, называлъ всѣхъ этихъ господъ „идіотами, которые умѣютъ только играть и пить“. Положеніе этой хорошо воздѣланной области

---

[1]) Opel. Der Niedersächsische-dänische Krieg. II B. 1624—1626.

вскорѣ сдѣлалось очень печальнымъ. Многія поля остались незасѣянными; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне бѣжали, въ другихъ отказались отъ барщины; вездѣ общественныя связи разлагались. Тѣмъ не менѣе, ничто не могло побудить протестантскихъ князей къ единодушному образу дѣйствія по отношенію къ императору. Самый могущественный изъ нихъ, Христіанъ датскій, думалъ только о пріобрѣтеніи секуляризованныхъ церковныхъ владѣній, то же имѣли въ виду и другіе князья.

Во все это время, руководящей волей въ нѣмецкихъ дѣлахъ является герцогъ Максимиліанъ, который обнаруживаетъ свое преобладаніе явнымъ сопротивленіемъ императору. Его политика опредѣлялась желаніемъ сохранить все, что ему удалось пріобрѣсти. Фердинандъ желалъ окончанія борьбы, которая не обѣщала ему никакихъ новыхъ выгодъ; съ смѣлой самоувѣренностью противодѣйствовалъ ему его родственникъ Максимиліанъ. Напрасно старался Фердинандъ выпроводить изъ Богеміи все еще стоявшія тамъ баварскія войска. Самая католическая лига неохотно и противъ воли подчинялась своему вождю. Большинство ея членовъ, особенно духовные князья, желали мира. Новый курфюрстъ баварскій, энергію котораго они достаточно на себѣ испытали, сдѣлался пугаломъ для нихъ, Но, не смотря на это, Максимиліанъ одержалъ побѣду надъ своими союзниками и на аугсбургскомъ собраніи членовъ лиги настоялъ на удержаніи католической арміи въ прежней силѣ.

Характеръ нашего обзора не дозволяетъ намъ входить подробнѣе въ содержаніе книги Опеля, излагать дипломатическіе переговоры со стороны Франціи и Англіи, приведшіе, наконецъ, къ вмѣшательству Даніи въ войну, и описывать ходъ этой войны, въ которой впервые выступилъ на сцену Валленштейнъ, сдѣлавшійся, съ перваго своего появленія, благодаря своей энергіи, главнымъ руководителемъ ея и подчинившій себѣ даже негодующаго Тилли. Изображеніе военныхъ дѣйствій у Опеля очень полно и наглядно, благодаря обстоятельному изученію архивнаго матеріала и знакомству съ мѣстной исторіей. Интересно также изложено вліяніе, которое оказывала политика иностранныхъ державъ, особенно Франціи, на ходъ войны. Уже въ 1626 году, Франція охладѣла къ датскому королю, котораго она вовлекла въ войну, и перестала ему платить субсидіи. Это произошло отчасти вслѣдствіе перемѣны политики Ришелье, искавшаго сближенія съ мадридскимъ дворомъ, отчасти же потому, что въ Парижѣ усилилось вліяніе іезуитовъ. Датскій посланникъ въ Парижѣ писалъ: „если Людовикъ будетъ оказывать покровительство еретикамъ, то его жизнь подвергнется опасности іезуитскихъ убійцъ, о чемъ онъ самъ нерѣдко говоритъ и потому обрѣтается въ постоянныхъ заботахъ“.

Слѣдующее за тѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ сочиненіе о тридцатилѣтней войнѣ знакомитъ насъ съ самымъ драматическимъ событіемъ той эпохи, особенно возбуждающимъ интересъ читающей

публики съ тѣхъ поръ, какъ его выбралъ предметомъ для своей знаменитой драмы одинъ изъ великихъ европейскихъ поэтовъ—мы разумѣемъ гибель Валленштейна. Со времени убійства герцога Фридландскаго въ 1634 году въ Эгерѣ вся папистская и особенно габсбургская и баварская исторіографіи неустанно трудились обстоятельно убѣдить своихъ читателей въ справедливости этой „быстрой экзекуціи", но ни разу еще не была сдѣлана попытка, посредствомъ обнародованія относящихся къ „измѣнѣ" документовъ, доказать основательность такого взгляда на дѣло. Въ недавнее время особенно постарался императорско-королевскій исторіографъ Гуртеръ на основаніи архивныхъ матеріаловъ, которые ему одному были доступны, намѣренно окутать событіе „въ искусственный полумракъ гипотезъ и разоблаченій", усердно спутывая факты. Наконецъ классическое сочиненіе Ранке о Валленштейнѣ положило предѣлъ этой ненаучной постановкѣ вопроса. Характеристика Валленштейна, начертанная искусной рукой перваго исторіографа Германіи, впервые правильно освѣтила загадочную личность знаменитаго полководца и политика тридцатилѣтней войны. Эта характеристика получила теперь свою документальную подкладку, благодаря труду Германа Гальвиха [1]). Благодаря усердію, съ которымъ онъ разработывалъ дворцовый и государственный архивъ Австрійской имперіи, архивъ военнаго министерства въ Вѣнѣ, архивъ графовъ Вальдштейновъ въ Прагѣ, княжескій архивъ Клари-Альдрингенъ въ Теплицѣ, графовъ Шафгочъ въ Вармбруннѣ и кор. саксонскій архивъ въ Дрезденѣ, Гальвиху удалось собрать изъ переписки Валленштейна по крайней мѣрѣ 10,000 еще не напечатанныхъ документовъ, такъ что можно сказать, что въ процессѣ Валленштейна до сихъ подъ еще не былъ спрошенъ самъ Валленштейнъ. Исключивши все, что касается частной и хозяйственной дѣятельности Валленштейна, Гальвихъ издалъ въ двухъ объемистыхъ томахъ 1350 чрезвычайно важныхъ документовъ. Все, что уже прежде было напечатано, издатель намѣренно опустилъ, за исключеніемъ около десятка документовъ особенной важности, которые впрочемъ здѣсь въ первый разъ напечатаны на основаніи подлинниковъ.

Самое существенное содержаніе опубликованныхъ документовъ Гальвихъ самъ излагаетъ въ своемъ введеніи къ II тому. Результаты его изслѣдованій совпадаютъ часто и въ существенныхъ пунктахъ съ изложеніемъ Ранке. Извѣстно, что вторженіе шведовъ въ Германію и необыкновенный успѣхъ Густава Адольфа снова вызвали на сцену Валленштейна, котораго императоръ Фердинандъ не задолго предъ тѣмъ принужденъ былъ принести въ жертву на Регенсбургскомъ сеймѣ въ виду общаго неудовольствія противъ него католическихъ и протестантскихъ чиновъ имперіи, опасавшихся столько же

---

[1]) Wallensteins Ende. Ungedruckte Briefe und Acten. Herausgegeben v. H. Hawllich. Lp. 1879 I и II B.

личнаго честолюбія Валленштейна, сколько приписанныхъ ему плановъ установить военную диктатуру императора надъ Германіей. Съ своей изумительной энергіей Валленштейнъ создалъ для императора новую армію и пріостановилъ успѣхи шведскаго короля. Въ люценской битвѣ Валленштейнъ правда потерпѣлъ пораженіе; но судьба избавила въ то же время императора и католиковъ отъ самаго опаснаго ихъ противника. Къ этому моменту относится начало собранныхъ Гальвихомъ историческихъ матеріаловъ. Изъ нихъ явствуетъ прежде всего почти сверхестественная дѣятельность Валленштейна, направленная къ тому, чтобы реорганизовать свою разстроенную армію, ибо никто не понималъ лучше его, что смерть шведскаго короля еще не обезпечивала окончательное торжество императорскихъ интересовъ. Какъ и въ первый періодъ своей дѣятельности Валленштейнъ смотрѣлъ на себя не какъ на генерала, который слѣпо исполняетъ программу своего правительства, но какъ на политическаго дѣятеля, который при запутанности и сложности династическихъ и религіозныхъ интересовъ, замѣшанныхъ въ тридцатилѣтнюю войну, долженъ былъ одновременно прибѣгать къ искусству стратегіи и дипломатіи. Съ этой точки зрѣнія онъ считалъ себя обязаннымъ прежде всего сломить силу протестантской коалиціи, во главѣ которой стояла Швеція— отторженіемъ отъ нея двухъ самыхъ могущественнымъ протестантскихъ князей въ Германіи, курфюрстовъ Бранденбурга и Саксоніи, заключивъ съ ними отдѣльный миръ. Въ то же время онъ въ третій разъ доказалъ свою организаторскую способность при наборѣ и снаряженіи арміи; при чемъ онъ обнаружилъ также большую заботливость объ интересахъ земледѣлія, промышленности и торговли, которыми въ то время совершенно пренебрегали военные вожди. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя особенное вниманіе распоряженія Валленштейна для установленія военной дисциплины; въ этой отрасли войсковой администраціи онъ преимущественно обнаружилъ замѣчательный талантъ, нерѣдко прибѣгая для поддержанія ея къ личному вмѣшательству. Даже родные племянники императора, принцы тосканскіе, Матвѣй и Францъ подверглись карѣ, когда они самовольно отлучились отъ войска, чтобы принести въ Вѣнѣ жалобу своему дядѣ по поводу одного незначительнаго случая.

Съ 120,000—громадной для того времени и хорошо снаряженной арміей открылъ Валленштейнъ новую кампанію, выѣхавъ 3 мая 1633 г. изъ своего замка въ Прагѣ, который ему не пришлось болѣе видѣть. Правда, этой арміи недоставало одного — денегъ, ибо нѣкоторымъ полкамъ не было выплачено жалованья за три мѣсяца, а другимъ даже за пять, въ войсковой же казнѣ находилось всего только 9000 гульденовъ. Въ совершенной противоложности планамъ военной партіи при вѣнскомъ дворѣ Валленштейнъ былъ намѣренъ держаться чисто оборонительнаго положенія. „Охраненіе земель его императорскаго величества“ было лозунгомъ всѣхъ приказовъ, разсылавшихся имъ

къ подчиненнымъ генераламъ Галласу, Гольцу, Голку и др. Вторженіе въ Силезію имѣло только цѣлью возвращеніе этой провинціи и послѣ капитуляціи крѣпости Штейнау, гдѣ 75 шведскихъ ротъ подъ командой Турна и нѣсколько бранденбургскихъ и саксонскихъ полковъ сложили оружіе, всѣ крѣпости за исключеніемъ Бреславля были заняты австрійскими войсками и противники императора начали сильно падать духомъ. Страхъ, который внушали полки Валленштейна, былъ такъ великъ, что Франкфуртъ на Одерѣ капитулировалъ „безъ выстрѣла"; тѣмъ не менѣе императорскій генералиссимусъ сохранялъ полное самообладаніе и настойчиво преслѣдовалъ свой планъ достигнуть прочнаго мира на основаніи соглашенія съ Бранденбургомъ и Саксоніей. Но этотъ планъ находилъ мало сочувствія въ Вѣнѣ; во главѣ военной партіи стоялъ сынъ императора и наслѣдникъ престола Фердинандъ, который уже въ 1630 г., желалъ занять мѣсто главнокомандующаго, и тѣмъ болѣе негодовалъ, что теперь ему было запрещено даже находиться при войскѣ. За нимъ стоялъ почти весь Гофкригсратъ, неспособные, по большей части устраненные самимъ Валленштейномъ генералы — какъ Тифенбахъ, Маррадасъ и Савелли, подъ руководствомъ уклончиваго предсѣдателя графа Шлика,—а кромѣ того императорскій духовникъ Ламорменъ, который поддерживалъ тайныя сношенія съ главнымъ врагомъ габсбургскаго дома Ришелье, нерѣдко „за него думалъ" и въ интересахъ Франціи помѣшалъ осуществленію плана Валленштейна насчетъ Лотарингіи, наконецъ, высокомѣрный Кастаньеда, посланникъ Испаніи. Валленштейнъ имѣлъ полное право писать: „я съ нѣкоторыми министрами веду бо̀льшую войну, чѣмъ со всѣми врагами".

Стараясь отвлечь протестантскихъ курфюрстовъ отъ Швеціи на основаніи договора, по которому должно было быть возстановлено въ Германіи политическое и церковное положеніе, предшествовавшее войнѣ (status quo ante), Валленштейнъ зналъ, что императоръ на это не сразу согласится, но онъ надѣялся, по заключеніи договора, побудить императора и остальной дворъ въ виду достигнутыхъ успѣховъ одобрить и исполнить заключенныя имъ условія и такимъ образомъ принудить военную партію хотя бы и неохотно согласиться на миръ. При этомъ нужно, однако, имѣть въ виду, что не говоря уже объ общемъ „полномочіи", которое, конечно, было дано Валленштейну, когда ему было снова вручено руководство военными операціями и габсбургской политикой, императорскій генералиссимусъ въ своихъ переговорахъ съ Саксоніей и Бранденбургомъ шагъ за шагомъ обезпечивалъ себѣ безусловное полномочіе императора, относительно же „общаго установленія мира въ имперіи", хотя и дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, однако, на основаніи постоянныхъ, тѣсныхъ сношеній съ императоромъ, безъ согласія котораго и немыслимо было никакое заключеніе мира.

Главнымъ противникомъ Валленштейна во всемъ этомъ былъ Ма-

ксимиліанъ баварскій, которому напрасно даютъ прозвище „католическаго". Такъ какъ ему въ 1632 году не удалось примириться съ шведами, принося въ жертву своей политикѣ интересъ императора, то онъ теперь тѣмъ настойчивѣе побуждалъ неспособнаго Фердинанда защищать баварскія земли и заставить своего генералиссимуса служить съ своими силами цѣлямъ баварской политикѣ. „Онъ очень бы желалъ быть господиномъ надъ всѣми (Dominus Dominantium) въ имперіи", говорилъ объ немъ Валленштейнъ и тѣмъ энергичнѣе преслѣдовалъ свой планъ „охранять Богемію и, не обращая вниманія на Баварію, держаться постоянно обороны, стоять въ крѣпкой позиціи и ничѣмъ не рисковать". Но пока онъ такимъ способомъ заботился о настоящихъ интересахъ своего господина, Максимиліану, этому мастеру политической интриги, удалось съ помощью іезуитовъ лишить Валленштейна довѣрія императора. Испанская политика при этомъ содѣйствовала баварскимъ интригамъ въ Вѣнѣ. Филиппъ IV нашелъ нужнымъ выслать изъ Бельгіи на Рейнъ армію въ 24,000, подъ командою герцога Феріа, такъ какъ, по его мнѣнію, Валленштейнъ недостаточно соблюдалъ испанскіе интересы. Валленштейнъ протестовалъ противъ допущенія въ имперіи независимой отъ него арміи, тѣмъ болѣе, что это вмѣшательство Испаніи подрывало его планы на счетъ примиренія съ курфюрстами и умиротворенія имперіи. Но испанцы нанесли ему полное пораженіе при вѣнскомъ дворѣ, и Кастаньеда сталъ мстить ему за его оппозицію тѣснымъ сближеніемъ съ Баваріей. Валленштейнъ совершенно вѣрно предсказывалъ, что появленіе испанской арміи въ Германіи повлечетъ за собой вмѣшательство Франціи въ войну, а это чрезвычайно затруднитъ возстановленіе мира. Вторая половина тридцатилѣтней войны вполнѣ оправдала его опасеніе. Послѣ этой первой неудачи Валленштейна, Максимиліанъ, дружно поддерживаемый Кастаньедой и Ламорменомъ, выступилъ съ требованіемъ, чтобы австрійскій маршалъ Альдрингенъ, стоявшій въ Баваріи и командовавшій также большею частью полковъ лиги, былъ подкрѣпленъ отрядомъ валленштейновской арміи и отданъ въ его распоряженіе. Такимъ образомъ, была выставлена третья самостоятельная армія, предназначенная вести войну исключительно въ баварскомъ интересѣ, и объ общемъ руководствѣ военными и политическими дѣлами со стороны Валленштейна не могло быть уже и рѣчи. Не смотря на протесты Валленштейна Альдрингену была дана инструкція „во всемъ повиноваться курфюрсту баварскому". Когда, такимъ образомъ, положеніе Валленштейна при дворѣ уже очень пошатнулось, значительный промахъ съ его стороны подалъ поводъ въ Вѣнѣ усомниться не только въ честности его намѣреній, но и въ способностяхъ его, предъ которыми всѣ преклонялись. Договоръ съ Саксоніей не состоялся и новый главнокомандующій протестантской коалиціи, Бернгардъ саксенъ-веймарскій, направился въ южную Германію. Напрасно Максимиліанъ просилъ

помощи, Валленштейнъ былъ твердо убѣжденъ, что походъ направленъ на Эгеръ и утверждалъ, что въ интересахъ защиты императорскихъ земель онъ не можетъ ослаблять своего войска. „Я даю свою голову въ закладъ, что веймарскій герцогъ идетъ не въ Баварію, а въ Богемію", писалъ Валленштейнъ императору, но вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Фердинандъ получилъ извѣстіе, что веймарская армія уже взяла Регенсбургъ. Съ этой минуты невзгоды всякаго рода посыпались на Валленштейна, и событія быстро приносили съ собой рѣшительный кризисъ, неминуемую катастрофу.

Валленштейнъ тотчасъ рѣшился исправить свою ошибку и напасть со всѣми свободными войсками на Бернгарда, который, по его словамъ, „скоро раскается въ своемъ походѣ на Регенсбургъ"; но уже въ Пильзенѣ Валленштейну было сообщено, что „въ Вѣнѣ важныя лица ведутъ зловѣщія рѣчи о его дѣйствіяхъ, успѣхъ его объясняютъ чистымъ счастіемъ, а неудачи его нерадѣніемъ". Не смотря на это, Валленштейнъ все еще держался мнѣнія, что одинъ только миръ можетъ помочь императору и „хотя бы и были одержаны десять побѣдъ, этимъ ничего бы не было выиграно". Бернгардъ, между тѣмъ, соединившись съ войсками Горна и пфальцграфа Христіана, собралъ такую значительную армію, что полки Валленштейна, среди суровой зимы, безъ тяжелой артиллеріи были не въ силахъ помѣриться съ ней. Генералиссимусъ возвратился въ Богемію и въ краткихъ словахъ увѣдомилъ объ этомъ императора и Максимиліана,—этимъ онъ какъ бы подписалъ собственный свой приговоръ.

Не смотря на желанія и приказанія Фердинанда перейти въ наступленіе, онъ непреклонно стоялъ на своемъ намѣреніи прежде всего обезпечить императорскія земли отъ нападенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ подвергалъ свою армію очевидной гибели. Въ послѣднихъ числахъ декабря, Фердинандъ рѣшился „отнять у герцога фридландскаго руководство военными дѣлами и генералатъ". Въ Вѣнѣ шептались о томъ, что „предстоятъ существенныя перемѣны съ важными лицами". Обо всемъ этомъ зналъ Валленштейнъ черезъ своихъ агентовъ; съ этихъ поръ его отношенія къ Фердинанду совершенно измѣняются, и они становятся во враждебное другъ къ другу положеніе. Герцогъ былъ готовъ уступить свое мѣсто, но съ честью, по исполненіи главной своей задачи и заключеніи мира съ согласія императора или противъ его воли. Онъ все еще былъ „Божіей милостью герцогъ Мекленбурга, Фридланда, Сагана и Гросъ-Глогау" и „независимый, свободный членъ имперіи"; развѣ онъ не имѣлъ такое же право свободно располагать собой, какъ и курфюрсты, съ которыми онъ велъ переговоры? Задаваясь такими вопросами, онъ особенно негодовалъ на то, что Фердинандъ и его совѣтники стремились устранить его тайными интригами и коварнымъ способомъ. Въ этомъ возбужденномъ состояніи Валленштейнъ былъ окруженъ людьми, мало расположенными склонить его на уступки—Иловъ,

брандербуржецъ по происхожденію, Адамъ Трчка, тайный утраквистъ и графъ Кинскій, хлопотавшій въ 1618 году объ избраніи саксонскаго курфюрста въ короли Богеміи. Въ маѣ 1633 г., французскій посланникъ Фёкьеръ видѣлся съ Кинскимъ въ Дрезденѣ и слышалъ отъ него, что „герцогъ фридландскій, если ему помогутъ, не прочь сдѣлаться богемскимъ королемъ“. Но Кинскій занимался собственной политикой, и не былъ уполномоченъ Валленштейномъ дѣлать такія предложенія. Послѣдній, впрочемъ, состоялъ въ непосредственной перепискѣ съ французскимъ королемъ съ согласія вѣнскаго двора и потому, пока не будутъ приведены болѣе вѣскія свидѣтельства, чѣмъ заявленія Кинскаго и Фёкьера, нужно думать, что Валленштейну по крайней мѣрѣ ранѣе послѣдняго мѣсяца 1633 г. и въ голову не приходило вступать претендентомъ на чешскій престолъ.

Пока герцогъ фридландскій еще велъ переговоры съ Саксоніей на прежнемъ основаніи, въ Вѣнѣ была рѣшена его участь. Императорскій указъ отъ 24 января 1634 г. говоритъ уже объ „отставленномъ“ главнокомандующемъ и предлагаетъ амнистію „пильзенскимъ заговорщикамъ“ за исключеніемъ Валленштейна, Илова и Трчки. Въ этомъ же мѣсяцѣ эрцгерцогъ Фердинандъ былъ въ тайнѣ назначенъ главнокомандующимъ и къ вновь назначеннымъ начальникамъ отрядовъ былъ отправленъ приказъ исполнить приговоръ надъ ихъ бывшимъ генералиссимусомъ. Въ какой формѣ этотъ приказъ былъ данъ и какъ онъ былъ исполненъ, не явствуетъ изъ опубликованной переписки; но изъ нея видно, что онъ дѣйствительно былъ данъ и былъ приведенъ въ исполненіе тѣми, кто его получилъ. Фердинандъ II, впрочемъ, далъ приказъ только послѣ продолжительной борьбы съ своею совѣстью. По исполненіи приговора, т. е. убійства Валленштейна враждебными ему офицерами, вѣнскій государственный совѣтъ не считалъ болѣе нужнымъ производство слѣдствія и судъ надъ убитымъ, признавая указы отъ 24 янв. и 18 февр. равносильными судебному приговору. Король Фердинандъ (наслѣдникъ), правда, желалъ объявленія приговора надъ Валленштейномъ послѣ его смерти—sententiae post mortem, но судьи его удовольствовались тѣмъ, что признали самую казнь за судъ.

Общее впечатлѣніе, которое читатель выноситъ изъ собраннаго Гальвихомъ обширнаго архивнаго матеріала—неожиданно благопріятно для Валленштейна и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этотъ авторъ имѣлъ полное право считать прочнымъ результатомъ своихъ изслѣдованій — невиновность Валленштейна. Вѣдь эта невиновность можетъ быть доказана только въ виду отсутствія всякаго признака измѣны, даже малѣйшаго отягчающаго обстоятельства въ письменныхъ документахъ того времени, съ такой полнотой собранныхъ Гальвихомъ. Изъ всѣхъ же матеріаловъ, представленныхъ этимъ ученымъ, слѣдуетъ съ очевидностью, что императорское правительство не было въ состояніи найти какой либо документъ, который бы уличалъ „каз-

неннаго измѣнника“ и которымъ можно бы было воспользоваться для доказательства предположеннаго преступленія. А потому все, что въ свое время было офиціально написано для оправданія убійства Валленштейна—и съ этимъ не можетъ не согласиться послѣ обнародованныхъ нынѣ матеріаловъ даже самый ревностный защитникъ Фердинанда II—какъ не основанное на какихъ либо документахъ, какъ не доказанное никакими актами, должно безъ всякаго сомнѣнія быть признано клеветой. И даже еслибы Валленштейнъ дѣйствительно замышлялъ измѣну, то—какъ теперь можно утверждать съ полной достовѣрностью — правительство не имѣло въ рукахъ никакихъ доказательствъ и потому постановило смертный приговоръ только на основаніи предположеній или доносовъ. Вообще можно сказать, что Ранке, какъ часто въ иныхъ своихъ сочиненіяхъ, такъ и на этотъ разъ съ удивительной проницательностью угадалъ и пояснилъ дѣйствительный ходъ дѣла. Преимущественно только въ двухъ пунктахъ новые матеріалы оттѣняютъ нѣсколько иначе изложеніе этого историка.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія отношеніе Валленштейна къ его офицерамъ. Въ его арміи всегда были двѣ партіи, одна ему безусловно преданная, другая съ самаго начала враждебная и непокорная. Обнародованная Гальвихомъ переписка представляетъ катастрофу, постигшую Валленштейна, преимущественно въ видѣ большаго военнаго бунта противъ главнокомандующаго, бунта, который разразился при содѣйствіи и подъ вліяніемъ вѣнскаго двора. Другой пунктъ, выясненный новыми документами, касается именно образа дѣйствія двора. Слѣдствіемъ разногласія въ правительствующихъ сферахъ Вѣны было вполнѣ двусмысленное поведеніе двора по отношенію къ Валленштейну: съ одной стороны въ Вѣнѣ поддерживали по виду всѣми способами переговоры Валленштейна съ Саксоніей о мирѣ, а съ другой—возбуждали и разжигали мятежный духъ среди его офицеровъ; когда же преданные Валленштейну генералы составили Пильзенское соглашеніе, которое было манифестаціей противъ предполагавшагося раздробленія Валленштейновской арміи—дворъ рѣшился на отрѣшеніе Валленштейна и въ то же время остался въ самой интимной перепискѣ съ нимъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, мы видимъ, что еще 10 и 12 февраля Валленштейнъ получаетъ отъ императора самыя миролюбивыя депеши, тогда какъ въ то же самое время къ бунтовавшимъ офицерамъ были отправлены извѣщенія объ его отставкѣ и непосредственно затѣмъ о его обреченіи на убійство.

Въ заключеніе можно сказать, что эти акты, точно и достовѣрно обнародованные въ хронологическомъ порядкѣ, вызываютъ въ читателяхъ гораздо больше изумленія, раздраженія, больше того, что въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ называется нравственнымъ отвращеніемъ, чѣмъ гладкое изложеніе этого происшествія у Ранке, хотя изъ-за этого еще никакъ нельзя признать это изложеніе неправильнымъ. Приходишь только къ убѣжденію, что дѣйствительная жизнь

разыгрывалась на нѣсколько болѣе темномъ нравственномъ фонѣ, чѣмъ картина, набросанная историкомъ, и что многія личности, которыя подъ освѣщеніемъ академической исторіографіи могли бы быть приняты за почтенныхъ людей, по многочисленнымъ письмамъ своимъ оказываются омерзительными подлецами.

Рамки нашего о зора дозволяютъ намъ только вкратцѣ упомянуть еще объ одномъ капитальномъ изданіи для исторіи тридцатилѣтней войны. Извѣстно, какое значеніе имѣли для исторической науки колоссальные труды ученыхъ бенедиктинцевъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Какъ бы отголоскомъ этой почтенной дѣятельности и доказательствомъ, что научное преданіе продолжаетъ держаться въ Бенедиктинскомъ орденѣ, является изданіе, которое предпринялъ брюнскій бенедиктинецъ др. Дудикъ, земскій исторіографъ Моравіи, въ виду предстоящаго 1,400 лѣтняго юбилея основателя своего ордена — Бенедикта Нурсійскаго. Книга, о которой мы говоримъ, заключаетъ въ себѣ значительную часть исторіи послѣдняго десятилѣтія тридцатилѣтней войны и носитъ заглавіе—„Шведы въ Богеміи и Моравіи отъ 1640 до 1650 года“ [1]). Въ этомъ сочиненіи Дудикъ изложилъ результаты своихъ изслѣдованій, для которыхъ онъ собралъ матеріалы большею частью еще въ 1851 году во время научной командировки въ Швецію по порученію моравской земской управы. Въ государственномъ архивѣ въ Стокгольмѣ Дудикъ открылъ тогда одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для исторіи тридцатилѣтней войны, считавшійся потеряннымъ—продолженіе сочиненія Хемница объ этой войнѣ. Для разсматриваемаго нами сочиненія Дудикъ кромѣ того пользовался вѣнскими архивами, которые онъ изучалъ во время своего долголѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ. При изложеніи событій Дудикъ держится самаго простаго и въ извѣстныхъ случаяхъ наиболѣе полезнаго способа. Онъ предоставляетъ самимъ источникамъ повѣствовать о томъ, что происходило въ Богеміи и Моравіи во время шведскаго владычества и самаго крайняго униженія австрійско-католическихъ военныхъ силъ. Дудикъ „сшиваетъ отдѣльные документы“, т. е. печатаетъ ихъ большею частью дословно, связывая ихъ объяснительнымъ текстомъ. Согласно съ своей задачей, авторъ только мимоходомъ касается военныхъ событій, не прямо относящихся къ его отечеству. Напечатанные Дудикомъ документы не заключаютъ въ себѣ особенно важныхъ данныхъ относительно политики воевавшихъ другъ съ другомъ державъ, но за то даютъ чрезвычайно много интереснаго матеріала для выясненія военныхъ событій и культурной исторіи Богеміи и Моравіи за упомянутое десятилѣтіе. Главнымъ героемъ на описанной Дудикомъ сценѣ является геніальный Торстенсонъ;—этотъ удрученный подагрой полководецъ, который быстротой своихъ передвиженій представляетъ изумительный примѣръ въ военной исторіи:

---

[1]) Dudik. Schweden in Böhmen und Mähren 1640 bis 1650. Wien, 1879.

узнавъ о вторженіи датчанъ въ Швецію, онъ почти изъ-подъ Вѣны предпринялъ, въ глубокую осень, свой походъ въ Данію и, возвратившись оттуда побѣдителемъ, снова проложилъ себѣ путь побѣдами до Вѣны и взялъ бы ее, еслибы ему не помѣшало непостоянство измѣнившаго союзу съ Швеціей Ракоція. Кстати замѣтимъ, что, какъ видно изъ сочиненія Дудика, причиною страданій Торстенсона была не неумѣренность въ питьѣ, которою такъ отличались многіе изъ вождей тридцатилѣтней войны, а жестокое обращеніе съ нимъ Максимиліана баварскаго, который содержалъ молодаго капитана, взятаго въ плѣнъ при штурмѣ на лагерь Валленштейна — шесть мѣсяцевъ въ сырыхъ казематахъ въ Ингольштадтѣ.

Въ концѣ намъ приходится упомянуть о книгѣ, которая самымъ достойнымъ образомъ заключаетъ собой рядъ замѣчательныхъ сочиненій о тридцатилѣтней войнѣ, вкратцѣ разсмотрѣнныхъ нами въ предшествовавшемъ обзорѣ. Какъ ни интересны и важны для науки подобныя документальныя и ученыя изслѣдованія, какъ труды Гиндели, Опеля, Гальвиха и Дудика — для читающей публики необходимо, чтобъ отъ времени до времени результаты, добытые долгой ученой и критической работой, были изложены въ болѣе сжатой и общедоступной формѣ. Такой именно потребности соотвѣтствуетъ сочиненіе французскаго писателя Шарверіа—о тридцатилѣтней войнѣ [1]). Съ особеннымъ же сочувствіемъ можно привѣтствовать такое сочиненіе, когда оно, подобно труду Шарверіа, въ цѣломъ стоитъ совершенно на уровнѣ современной науки. Правда, авторъ лучше знакомъ съ изслѣдованіями послѣднихъ 20 лѣтъ, чѣмъ съ литературой предшествовавшаго времени, и, повидимому, не знаетъ о существованіи нѣкоторыхъ очень важныхъ монографій, какъ, напр., изслѣдованія Мюллера—1838—41, сочиненія фонъ-деръ-Декена о Георгѣ брауншвейгскомъ и Гаммера-Пургстала о Клезелѣ (Вѣна, 4 тома, 1847), отчего нѣкоторые отдѣлы исторіи Шарверіа, гдѣ онъ не могъ опереться на такихъ руководителей, какъ Гиндели, Опель (въ первыхъ томахъ ихъ сочиненій) и др., представляются значительно слабѣе другихъ. Съ другой стороны, французскіе рецензенты ставили ему въ упрекъ, что онъ не воспользовался богатыми французскими архивами въ Парижѣ, мало доступными для иностранцевъ и устоялъ предъ искушеніемъ внести самостоятельными изслѣдованіями хотя нѣкоторую лепту со стороны французской науки въ изученіе эпохи, когда политика и оружіе Франціи играли такую блестящую роль. Но оправданіемъ пробѣловъ у Шарверіа и его воздержанія отъ всякаго архивнаго изслѣдованія можетъ служить то соображеніе, что при большемъ расширеніи своей научной задачи онъ могъ бы не привести ее вовсе къ окончанію и лишилъ бы европейскую публику не только полез-

---

[1]) Histoire de la Guerre de Trente ans. 1618—1648 par E. Charvériat. Paris. Plon. 1878. 2 vll 584 и 732 стр.

наго, но и необходимаго въ настоящее время сочиненія. Задача автора и безъ того была очень обширна; въ послѣднія 20 лѣтъ вышло громадное число крупныхъ и мелкихъ изслѣдованій о множествѣ отдѣльныхъ вопросовъ продолжительной тридцатилѣтней борьбы между народами западной Европы, и изученіе этой литературы было для нашего автора затруднено еще тѣмъ, что болѣе значительная часть ея написана на языкахъ мало извѣстныхъ во Франціи, на нѣмецкомъ, шведскомъ и англійскомъ. Но Шарверіа добросовѣстно преодолѣлъ эти трудности.

Съ такою же добросовѣстностью преодолѣлъ онъ еще бо̀льшую трудность. Онъ высказывается очень рѣшительно противъ „безусловной независимости мысли"; онъ опасается, что эта свобода мысли можетъ привести Францію къ гибели, и онъ какъ будто жалѣетъ, что миновала эпоха, когда господство надъ обществомъ принадлежало государственной религіи. Съ такой точки зрѣнія было трудно написать исторію тридцатилѣтней войны, не увлекаясь невольно религіозными и политическими страстями, которыя она теперь еще возбуждаетъ. Шарверіа, однако, нигдѣ не истолковываетъ исторію въ угоду своимъ понятіямъ и личнымъ предразсудкамъ. У него есть страницы, гдѣ читатель не захочетъ согласиться съ его взглядами, но въ изложеніи самыхъ фактовъ можно вполнѣ на него положиться.

Въ сочиненіи Шарверіа есть одинъ недостатокъ, который до нѣкоторой степени помѣшаетъ заслуженному имъ успѣху. Оно хорошо изложено и тѣмъ не менѣе, чтеніе его нѣсколько утомительно. Авторъ слишкомъ пренебрегъ перспективой, столь же необходимой въ исторіографіи, какъ и въ живописи. Мелкіе факты слишкомъ часто отвлекаютъ вниманіе отъ крупныхъ событій и своимъ изобиліемъ тяготятъ нѣсколько избалованныхъ читателей. Шарверіа какъ бы самъ предугадывалъ это впечатлѣніе и понималъ необходимость дать читателю руководящую нить среди массы фактовъ, наполняющихъ его два обширныхъ тома. Онъ заключаетъ каждую изъ своихъ книгъ обзоромъ, написаннымъ ораторскимъ стилемъ, чтобы очертить передъ читателемъ самыя выдающіяся событія каждой эпохи. Такимъ же обзоромъ въ концѣ всего сочиненія онъ старается соединить эти отрывочные очерки въ одну общую картину.

Но эти неудобства, на которые посѣтуютъ многіе читатели, не умаляютъ общаго значенія книги. Во всякомъ случаѣ, за французскимъ авторомъ останется заслуга и честь — что историческая наука ему обязана первой серьезной и полной исторіей тридцатилѣтней войны въ нашемъ столѣтіи, и до тѣхъ поръ пока Гиндели не окончитъ своего монументальнаго труда, книга Шарверіа, вѣроятно, будетъ единственнымъ средствомъ для любознательныхъ читателей, чтобы основательно познакомиться съ послѣднимъ, продолжительнымъ актомъ великой драмы, вызванной столкновеніемъ между религіознымъ принципомъ романской и германской Европы. **Иф...лъ.**

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы. Я. Т. Михайловскаго, Спб. 1881 г.

Вопросъ о народномъ образованіи, или точнѣе—объ образованіи низшихъ классовъ населенія страны, составляетъ въ наше время вопросъ первостепенной важности. Не говоря уже о той тѣсной связи, той зависимости, въ какой находится матеріальное и нравственное благосостояніе народа отъ правильнаго разрѣшенія его, можно безошибочно утверждать, что въ настоящее время степенью образованія народныхъ массъ обусловливается, болѣ чѣмъ когда нибудь политическая безопасность государства. Мы всѣ хорошо помнимъ, какую блестящую службу сослужила Германіи ея народная школа въ франко-прусскую войну. „Французовъ побѣдилъ нѣмецкій школьный учитель, точно также какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ разгромилъ австрійцевъ“— эти выраженія имѣютъ болѣе точный, более собственный, такъ сказать, смыслъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. На поляхъ битвъ Германія пожинала только то, что она посѣяла въ массахъ народа, путемъ школьнаго ученія... Да, признаться, было бы верхомъ чудеснаго, чудомъ изъ чудесъ, если бы можно было представить что нибудь противное, если бы громкія, блестящія побѣды одерживало невѣжество, то есть незнаніе, неумѣнье, то есть слабость, а сила, или, другими словами, знаніе и умъ проигрывали дѣло. У насъ въ Россіи вопросъ объ образованіи низшихъ классовъ населенія, о просвѣщеніи книжнымъ ученіемъ нашего темнаго, сѣраго люда имѣетъ болѣе существенное значеніе, чѣмъ гдѣ нибудь.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить тотъ общественный фактъ, что низшіе слои населенія представляютъ у насъ огромный численный перевѣсъ надъ высшими и что преобладающій элементъ въ Россіи—сословія сельскія. Что же мы видимъ, съ какими явленіями встрѣчаемся поминутно

въ русской крестьянской средѣ, при всѣхъ прекрасныхъ природныхъ качествахъ нашего народа? Ворожба, колдовство, знахарство, привораживанья, опаиванья часто самыми вредными травами, а иногда — чего грѣха таить — и открытое сожженіе какой нибудь колдуньи за то, что она „портитъ людей" — вотъ невыразимо печальные результаты того состоянія, которое самъ же народъ такъ прекрасно характеризовалъ извѣстнымъ выраженіемъ: „неученье—тьма".

А наша народная медицина? Кто не понимаетъ, какъ прекрасно описалъ поэтъ наши сельскія „шептанья", окачиванье „водою" съ девяти веретенъ, „продѣванье сквозь потный хомутъ", положеніе „подъ куричій насѣстъ" и другіе, не менѣе затѣйливые способы леченія простуды [1])? Истребить подобнаго рода медицину въ народѣ, очевидно, можетъ только образованіе... Возьмемъ и еще одну сторону предмета. При разноплеменности населенія русской государственной области, уничтожить рѣзкія, угловатыя особенности различныхъ народностей, ослабить взаимныя предубѣжденія ихъ другъ противъ друга и, слѣдовательно, сдѣлать искреннѣе, тѣснѣе отношенія — достиженіе всего этого осуществимо только при условіяхъ возможно болѣе широкаго распространенія образованія въ массахъ. Наука по духу космополитична. Лучшее, наглядное доказательство этого представляетъ трехплеменная, трехъязычная Швейцарія, гдѣ, благодаря широкому воспитательному вліянію школы, жители всѣхъ безъ различія кантоновъ смотрятъ на себя, какъ на одно цѣлое, одинъ народъ. Въ виду такого серьезнаго и глубокаго значенія для насъ народной крестьянской школы, всякое сочиненіе, затрогивающее такъ или иначе вопросъ о народномъ образованіи въ тѣсномъ смыслѣ, должно встрѣчаться съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Вотъ почему мы смотримъ на сочиненіе г. Михайловскаго, какъ на явленіе чрезвычайно пріятное въ нашей современной литературѣ. Предметъ его — нынѣшнее состояніе народной школы на западѣ Европы. Въ связанномъ, законченномъ очеркѣ, авторъ представляетъ намъ результаты, которыхъ достигла въ наше время Европа въ дѣлѣ народнаго образованія. Что же касается до того, какъ онъ отнесся къ дѣлу, то мы положительно можемъ сказать, что даже бѣглый просмотръ его книги доказываетъ его близкое знакомство съ предметомъ. Впрочемъ, мы поступимъ, кажется, лучше, если, воздерживаясь отъ голословныхъ сужденій, которыя вообще справедливо не пользуются кредитомъ у современнаго читателя, передадимъ, съ возможною въ данномъ случаѣ подробностью, содержаніе сочиненія.

Трудъ г. Михайловскаго раздѣляется на два отдѣла. Первый—представляетъ исторію западно-европейской народной школы до послѣдняго времени; второй содержитъ въ себѣ исторію современныхъ намъ реформъ по части народнаго образованія во Франціи и Бельгіи и исторію борьбы, которую правительство должно было выдержать по этому поводу съ клерикалами. Первая глава перваго отдѣла заключаетъ въ себѣ историческія данныя, касающіяся предмета съ общей его стороны. Авторъ начинаетъ съ эпохи классической древности, со временъ грековъ и римлянъ. Упомянувъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя дѣлали невозможнымъ образованіе низшихъ классовъ народа въ древности, изъ которыхъ главное заключалось во взглядѣ на раба, какъ на существо низшей расы, авторъ дѣлаетъ бѣглый очеркъ народно-школьнаго вопроса въ средніе вѣка, и, затѣмъ, подробнѣе останавливается на эпохѣ реформаціи. Указавъ на связь религіозной реформы Лютера съ развитіемъ образованія въ

---

[1]) Некрасовъ, „Морозъ красный носъ" стр. 121; изд. 1881 г.

массахъ народа, обязательность чтенія библіи, и, слѣдовательно, необходимость развитія въ массахъ народа граматности, авторъ останавливается на церковномъ характерѣ народныхъ школъ, созданныхъ въ эпоху реформаціи и, затѣмъ, дѣлаетъ очеркъ появленія въ Западной Европѣ новыхъ педагогическихъ теорій, методовъ и пріемовъ обученія. Представивъ далѣе исторію попытокъ частныхъ лицъ въ концѣ прошлаго столѣтія къ образованію низшихъ классовъ, равно какъ исторію возникновенія въ Европѣ народно-школьнаго законодательства, авторъ переходитъ къ нашему времени, когда за народною школою всюду признано государственное значеніе.

Вторая глава посвящена авторомъ изображенію тѣхъ условій, при которыхъ развилась и существуетъ западно-европейская народная школа, при чемъ мы знакомимся, между прочимъ, съ тѣмъ противодѣйствіемъ, часто до-нельзя враждебнымъ, которое, въ большинствѣ случаевъ, доказывало ей католическое духовенство. Вотъ принципы, которые полагаютъ въ наше время повсемѣстно на западѣ въ основу народнаго образованія: 1) государственность народной школы; 2) свобода обученія; 3) необходимость непосредственнаго участія государства въ дѣлѣ народнаго образованія; 4) обязательность и, наконецъ, 5) безплатность народно-школьнаго обученія.

Наиболѣе интересное, что мы нашли въ этой главѣ, разумѣется, на нашъ взглядъ, это полемика по поводу вопроса объ обязательности ученія—система, которая въ настоящее время практикуется въ Европѣ повсюду. Съ принципомъ обязательности тѣсно связанъ другой — безплатности обученія. Авторъ приводитъ примѣръ Верхней Канады въ доказательство того, какъ благотворно дѣйствуетъ эта система. „Лѣтъ 20—30 тому назадъ", говоритъ онъ, „въ Канадѣ невѣжество массъ, по сознанію самихъ канадцевъ, было чуть не поголовное. Въ настоящее время трудно найти, даже въ какомъ нибудь провинціальномъ захолустьѣ Канады, простолюдина, который бы не получилъ начальнаго школьнаго образованія, и жители ея совершенно правы, заявляя съ благородною гордостью, что ихъ родина, по части народнаго образованія, теперь не уступитъ любой европейской странѣ [1]".

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ мы знакомимся съ организаціей школы и положеніемъ народныхъ учителей. Пятая и послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ критическую оцѣнку достигаемыхъ современною заграничною народною школою результатовъ.

Изъ этого бѣглаго обзора содержанія книги, читатель видитъ, съ какою полнотою авторъ разсматриваетъ свой предметъ. Наиболѣе интересныя страницы второй части его сочиненія, по нашему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію, это тѣ, которыя посвящены положенію народнаго образованія въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ. Авторъ отдаетъ должную справедливость великой за-атлантической республикѣ, прежде всего останавливаясь на ней, сравнительно, съ большею подробностью. Своеобразный во многихъ отношеніяхъ характеръ американской педагогіи, значительно большее участіе женщинъ, какъ учительницъ, въ дѣлѣ народнаго образованія, огромныя пожертвованія, приносимыя для этой цѣли государствомъ и обществомъ, широкое развитіе частной иниціативы въ дѣлѣ образованія и полная независимость гражданъ во всемъ, что касается постановки вопроса,—всѣ эти черты и особенности народно-образовательной системы американцевъ находятъ должную оцѣнку у г. Михайловскаго. Съ немень-

---

[1]) Очеркъ, стр. 70.

шимъ вниманіемъ останавливается онъ и на другой особенности этой системы—на безусловно-свободномъ примѣненіи начала совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ въ начальныхъ школахъ. Изъ государствъ европейскаго материка, лучшую постановку школьнаго дѣла авторъ находитъ въ Даніи и Швейцаріи, а наименѣе удовлетворительную—въ Португаліи. Но читатель, незнакомый съ статистическими данными, касающимися европейскихъ школъ, не безъ удивленія узнаетъ, что къ довольно отсталымъ по этой части странамъ принадлежитъ не только Австрія, но и Франція и Англія. Во Франціи, напр., еще въ очень недавнее время цѣлая треть населенія была рѣшительно безграмотна. Въ числѣ своеобразныхъ явленій скандинавской педагогіи нельзя не отмѣтить подвижныхъ школъ и странствующихъ учителей. Учитель, обыкновенно содержимый мѣстной общиной, въ извѣстное, опредѣленное время посѣщаетъ извѣстныя станціи, то есть опредѣленные, заранѣе назначенные пункты мѣстности, куда къ приходу его собираются дѣти... Скажемъ въ заключеніе, что наибольшею полнотою и удовлетворительностью обработки въ книгѣ г. Михайловскаго, по нашему мнѣнію, отличается статья о современномъ положеніи народно-школьнаго дѣла во Франціи. Французы, послѣ прусскаго погрома, принялись, какъ извѣстно, съ необычайною энергіей, за развитіе образованія въ массахъ народа, справедливо полагая, что въ настоящее время образованіемъ низшихъ классовъ населенія обусловливается не только благосостояніе, но политическая безопасность государства. Авторъ собиралъ съ большою тщательностью факты, относящіеся къ этому вопросу, доведя исторію его до послѣднихъ дней, такъ что въ книгѣ его разсматривается уже, какъ историческій фактъ, даже законопроектъ Жюля Ферри, который менѣе двухъ лѣтъ назадъ былъ новостью дня, занимавшею и волновавшею умы всей Франціи.

Д. Лебедевъ.

Исторія Греціи д-ра Г. Ф. Герцберга. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Прахова, доцента императорскаго С.-Петербургскаго университета. Съ политипажами въ текстѣ, отдѣльными рисунками и картами. I—III выпуски. Изданіе Н. Фену и К°. Спб. 1881.

Переводъ „Исторіи Греціи“ Герцберга—предпріятіе во многихъ отношеніяхъ достойное вниманія. Не смотря на привиллегіи, какими пользуется у насъ классицизмъ, учащемуся юношеству нѐ откуда ознакомиться не только съ доблестями античнаго міра, о чемъ мечтаютъ наши классики, а даже сколько-нибудь сносно съ крупными эпохами греко-римской исторіи. На разнаго рода „одобренныя“, „допущенныя“ и принятыя съ ограниченіями и безъ оныхъ историческія руководства въ данномъ случаѣ полагаться невозможно. Такъ ужъ составлены они отрывочно, что по нимъ толковаго знанія не получишь, если, разумѣется, преподаватель воздерживается отъ дополнительныхъ объясненій. Что до историческихъ хрестоматій, то, за единичными и вполнѣ случайными исключеніями, онѣ пригнаны все къ тому же учебнику, да и составители ихъ не особенно разборчивы въ оцѣнкѣ пригоднаго къ чтенію матеріала. Остается, значитъ, разсчитывать на внѣ школьное и самостоятельное чтеніе монографій по древней исторіи,—только въ нихъ юнымъ класси-

камъ открывается возможность пріобрѣсти знакомство съ античнымъ міромъ. Понятное дѣло, при такихъ условіяхъ дѣльная монографія, обнимающая предметъ въ полнотѣ и всесторонне, изложенная толково, общедоступно и, наконецъ, обработанная примѣнительно къ уровню современныхъ требованій исторической критики,—подобная монографія представляется неоцѣнимымъ вкладомъ въ литературу серьезнаго чтенія. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяетъ нѣмецкій подлинникъ „Исторіи Греціи" Герцберга.

Помимо упомянутыхъ соображеній, заставившихъ насъ обратить вниманіе и на переводъ труда Герцберга, нами руководило еще и другое побужденіе. На русскомъ изданіи стоитъ имя ученаго спеціалиста. Это, безъ сомнѣнія, не намъ однимъ внушитъ довѣріе къ достоинствамъ перевода. Обыкновенно у насъ ученые выставляютъ только на оберткѣ свое имя сь обозначеніемъ „подъ редакціей такого-то", и de facto не принимая на себя отвѣтственности за качества перевода.

На этотъ разъ ученый взялся самъ за переводъ. Трудъ Герцберга требовалъ, значитъ, большаго вниманія, особенной добросовѣстности и знанія дѣла, и мы вправѣ были ожидать, что переводъ выйдетъ, дѣйствительно, добросовѣстный и образцовый—не чета обычнымъ у насъ переводамъ, варварски изложеннымъ, совершенно искажающимъ смыслъ подлинника и разсчитаннымъ въ большинствѣ случаевъ на невѣжество публики и молчаніе критики. Такіе разсчеты, конечно, должны быть не доступны ученому переводчику,—въ этомъ порукою служитъ его имя, которое нельзя же приносить въ жертву постороннимъ интересамъ. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, мы принялись читать переводъ г. Прахова въ полной увѣренности, что намъ только придется привѣтствовать появленіе подобнаго изданія. Но, къ сожалѣнію, на повѣрку вышло иначе. При самомъ поверхностномъ перелистываніи вышедшихъ выпусковъ мы убѣдились сразу, что и тутъ traduttore оказывается traditore.

Начать съ того, что переводъ перваго выпуска значительно отличается отъ перевода двухъ остальныхъ. Если всѣ три выпуска переводились г. Праховымъ, что обозначено на оберткѣ и въ чемъ мы сомнѣваться не смѣемъ, такая разница просто поразительна. Трудно придумать мало-мальски резонное объясненіе этой любопытной случайности. Первый выпускъ удобочитаемъ, а второй и третій предполагаютъ въ читателѣ большое знакомство съ фактами изъ греческой исторіи и сильное напряженіе мысли, чтобы можно было понять изложеніе переводчика, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ мѣстъ. Чѣмъ же объяснить это странное обстоятельство, какъ скоро всѣ выпуски переведены однимъ лицомъ? Сравнительною легкостью отдѣла, составляющаго содержаніе I-го выпуска? Но вѣдь для спеціалиста, знатока своего предмета, это предположеніе не должно имѣть мѣста. Относительно болѣе удачнымъ изложеніемъ того же выпуска въ подлинникѣ? И тутъ намъ приходится чувствовать неосновательность своего объясненія, такъ какъ Герцбергъ нигдѣ не измѣняетъ перу своему. Поспѣшностью, наконецъ, объяснить надо крайне небрежный и безграмотный переводъ второго и третьяго выпусковъ? Но если бы ученый спеціалистъ и имѣлъ мужество сослаться на вынужденную поспѣшность въ исполненіи заказа издателя, и тогда бы не было у насъ полнаго объясненія въ настоящемъ случаѣ,—до такой степени переводы указанныхъ выпусковъ разнятся одинъ отъ другого. Можно, конечно, сдѣлать нѣсколько промаховъ, можно употребить нѣсколько неудачныхъ и неточныхъ выраженій, вслѣдствіе поспѣшности, но, какъ увидимъ сейчасъ, съ первой до послѣд-

ней страницы (2-й и 3-й выпуски) переводить съ нѣмецкаго на нѣмецкій, только русскими словами означаетъ просто очень не твердое знаніе нѣмецкаго языка и совершенное отсутствіе навыка излагать свои мысли въ приличной литературной формѣ. А именно такую несообразность съ положеніемъ г. Прахова, какъ ученаго и университетскаго лектора, слѣдовательно, уже имѣвшаго случай не разъ излагать свои мысли по русски въ литературной формѣ, представляетъ собою переводъ второго и третьяго выпусковъ „Исторіи Греціи“ Герцберга. Чтобы не подвергаться обвиненію въ бездоказательности и голословности нашего отзыва, мы заранѣе просимъ извиненія у читателей за нѣсколько приводимыхъ ниже малограмотныхъ и непонятныхъ выписокъ, по которымъ можно судить о доброкачественности перевода г. Прахова. Раскрываемъ 2-й выпускъ. Рѣчь идетъ о персидскихъ войнахъ. Разскажемъ вкратцѣ словами г. Прахова—ну, хоть о прелюдіи къ этимъ войнамъ. „Послѣдній толчекъ къ столкновенію между европейскими эллинами и аххминидами былъ данъ усобицами на о—вѣ Наксосѣ. Къ концу шестого столѣтія димократія побѣдоносно подняла здѣсь свою голову. Изгнанные аристократы, горѣвшіе жаждою мщенія, направились въ Милетъ. Князь Истіей былъ ихъ гостемъ, а его зять, Аристагоръ, былъ готовъ, чтобы только сыскать благоволеніе персидскаго монарха, начать войну противъ Наксоса для того, чтобы возстановить на этомъ о—вѣ аристократію, теперь уже подъ верховною властью персовъ... Наксосскіе бѣглецы обѣщались покрыть издержки этого похода, и вотъ сатрапъ, сейчасъ же получившій согласіе персидскаго монарха, повелѣлъ грекамъ вооружить 200 военн. кораблей, а Меганавту поручилъ вести персидское сухопутное войско. За издержки долженъ былъ отвѣчать ему (?) Аристагоръ. Эти боевые силы должны были ринуться на ничего не подозрѣвающій Наксосъ... Аристагоръ поссорился съ Меганавтомъ изъ-за какого-то вопроса о дисциплинѣ, и вотъ послѣдній (?) тотчасъ рѣшился погубить греческаго князя“... Меганавтъ предупредилъ наксосцевъ... „Аристагоръ очутился въ самомъ скверномъ положеніи. Онъ принужденъ былъ ожидать еще одного, чтобы коварный Меганавтъ ловко свалилъ бы всю вину на него одного.... Можетъ быть ему предстояло даже потерять санъ иппарха, если еще не худшее что-нибудь (будто ужъ такъ скверенъ „санъ иппарха“?). Тогда-то этому безсовѣстному тирану пришло въ голову спастись тѣмъ, что онъ сталъ убѣждать грековъ отложиться отъ Персіи“. Далѣе говорится, что фригійскіе греки подчинены были сатрапу, „распростиравшему свою власть на сердцевину (?) Фригіи“. Подати въ сатратіяхъ были значительныя. „Тѣмъ не менѣе едва ли хоть одинъ мыслящій человѣкъ въ азіатской Греціи нашелъ бы основаніе въ этихъ податныхъ условіяхъ для того, чтобы возстать. Но Аристагоръ разсчитывалъ, и не безъ основанія (ср. двѣ строки выше), на то очарованіе, какое произведетъ на его земляковъ призывъ димократіи, раздавшійся даже изъ устъ иппарха, до этихъ поръ бывшаго почти что довѣреннымъ сторонникомъ персовъ. Истіей, страстно желавшій вырваться изъ царскаго дворца и вернуться въ греческій міръ, носился съ истинно подлымъ планомъ—подбить эллиновъ къ мятежу... Аристагоръ пустилъ въ ходъ всѣ средства и началась гнусная игра счастьемъ азіатскихъ грековъ. Его другъ увлекъ экипажъ греческаго флота, все еще стоявшаго на якорѣ“. Экипажъ этотъ „поднялся съ одушевленіемъ. Самъ Аристагоръ возвратилъ диму (такъ именуется у г. Пра-

хова демосъ) свободу... Кровь еще не текла; городскіе князья были попросту (?) выгнаны... Оставляя совершенно въ сторонѣ національныя симпатіи къ греческимъ соплеменникамъ на восточномъ побережьи Эгейскаго моря, для каждаго греческаго государственнаго человѣка, дѣйствительно заслуживавшаго это имя, должно было быть ясно какъ день, что для собственной безопасности европейскихъ грековъ не могло быть болѣе благопріятнаго явленія, какъ это іонійское возстаніе, которое задавало работу аххминидамъ въ ихъ собственномъ государствѣ и лишало ихъ возможности думать объ исполненіи ихъ уже весьма выяснившихся намѣреній противъ европейской Греціи"...

Не правда ли, г. Праховъ излагаетъ занятно, хотя и не все понятно, ибо нужно большое напряженіе мысли, чтобы уразумѣть только, о чемъ собственно идетъ рѣчь на пяти страницахъ, которыя мы привели подрядъ, пропуская несущественныя подробности. Но въ особенности г. Праховъ изощряется въ выраженіяхъ надъ характеристикою Аристагора. Онъ у г. Прахова не только боится „потерять санъ иппарха, если еще не худшее что нибудь", онъ растериваетъ „главную часть своихъ надеждъ" и „задумываетъ, по крайней мѣрѣ, флотомъ подавать быструю и усердную помощь всякому мѣсту". Впрочемъ, что ужъ говорить объ одномъ Аристагорѣ! По его словамъ, „городъ (Аргосъ) былъ ослабенъ до такой степени, что былъ принужденъ для усиленія своего гражданства (?!), сократившагося болѣе чѣмъ на десятую часть, согласиться на принятіе многихъ своихъ подданныхъ", а ненависть къ Спартѣ „дѣлала аргивянъ совершенно глухими и слѣпыми по отношенію ко всѣмъ общеэллинскимъ интересамъ. Отсутствіе оплитовъ, умерщвленныхъ совершенно безцѣльно, дало себя почувствовать какъ не надо больнѣе" и пр. и пр. Вотъ еще двѣ-три выписки изъ другого отдѣла книги, которыя обличаютъ вполнѣ, какъ безъискусственно переводилъ ученый спеціалистъ. Начинается разсказъ о „пелопониссской" войнѣ. Герцберъ сопоставляетъ выгоды положенія спартанцевъ и невыгоды аѳинянъ.

Переводъ г. Прахова.	Герцбергъ.
При этомъ за нихъ (спартанцевъ) были не однѣ только весьма распространенныя во всей Греціи зависть и антипатія къ Аѳинамъ, равно какъ и иненависть почти что всѣхъ греческихъ аристократій къ величественной аттической димократіи,—нѣтъ съ ихъ стороны это въ самомъ дѣлѣ было мастерскимъ ходомъ противъ Аѳинъ, когда они напослѣдокъ потребовали возстановленія самостоятельности всѣхъ членовъ дилосскаго союза. („Исторія Греціи", 307 стр.)	Спартанцамъ способствовали весьма распространенныя въ Греціи зависть и отвращеніе къ Аѳинамъ и глубокая ненависть почти всей греческой аристократіи къ величественной аѳинской демократіи, а потому ихъ требованіе возстановить независимость всѣхъ членовъ делосскаго союза было въ сущности не что иное, какъ очень ловкій фортель, пущенный въ ходъ противъ Аѳинъ. (Нѣмецкій подлинникъ, стр. 297).

Какъ видите, слова тѣ же въ подлинникѣ и переводѣ, но маленькая разница все таки есть,—читая Герцберга, вы понимаете, что̀ хочетъ уяснить авторъ, а читая русскій переводъ, вы становитесь въ тупикъ передъ „мастерскимъ ходомъ" и т. п. А все потому, что г. Праховъ переводилъ слово въ слово, т. е. съ нѣмецкаго на нѣмецкій. Слѣдующее же мѣсто прямо свидѣтельствуетъ о неточномъ пониманіи переводчикомъ нѣмецкихъ выраженій.

Переводъ г. Прахова.	Герцбергъ.
Спартанцы пользовались еще тѣмъ преимуществомъ предъ Аѳинами, что въ Аѳинахъ и въ остальной Аттикѣ существовала значительная партія, которая противъ желанія рѣшилась принять вызовъ.	Спартанцы имѣли еще то преимущество передъ аѳинянами, что въ Аѳинахъ и Аттикѣ существовала довольно значительная партія, неохотно соглашавшаяся на войну.

Кажется, довольно приведенныхъ выдержекъ, которыхъ мы вовсе не выискивали. Въ подобномъ же родѣ сдѣланъ весь переводъ 2-го и 3-го выпусковъ. По нимъ можно судить, насколько это невозможный и неожиданный переводъ для ученаго спеціалиста. Повторяемъ, что при всемъ желаніи считать такой переводъ недостойнымъ оффиціальной профессіи г. Прахова, мы вынуждены вѣрить тому, что̀ значится на обложкѣ. Впрочемъ, было бы еще хуже для г. Прахова, еще менѣе достойно его ученаго званія, если бы онъ выдавалъ чужой трудъ за собственный и своимъ именемъ покрывалъ невѣжественную спекуляцію издателя. Лучше ужъ примириться съ плохимъ ученымъ переводчикомъ, чѣмъ съ ученымъ гешефтмахеромъ. Первый поупражняется, научится, и трудами своими можетъ вознаградить общество за оплату имъ своихъ прежнихъ неудачныхъ работъ, а втораго ничѣмъ не проймешь. Одно предпріятіе не удастся, онъ за другое возьмется и не угомонится до тѣхъ поръ, пока публика не перестанетъ вознаграждать его за свое легковѣріе.

Ѳ. В.

Студентскія пѣсни 1825—1855 г., собранныя Гр. А. В. С.-Петербургъ, 1881.

Читатели „Историческаго Вѣстника", можетъ быть, сохранили въ своей памяти статью „Университетъ и корпорація", напечатанную въ апрѣльской книгѣ упомянутаго журнала за прошлый годъ. Въ этой статьѣ мы привели небольшіе отрывки студентскихъ пѣсенъ, которыя были въ ходу въ наше время въ университетской корпораціи „Рутенія" и къ которой имѣлъ честь принадлежать авторъ настоящей замѣтки и означенной статьи. Въ недавнее время одинъ изъ нашихъ товарищей издалъ эти пѣсни подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ. Мы позволяемъ себѣ остановить вниманіе на нихъ нашихъ читателей, ибо онѣ дороги намъ по многимъ, никогда незабвеннымъ воспоминаніямъ. Особенно теперь, когда вопросъ студентскій, вопросъ о корпораціяхъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе выступаетъ на сцену, сильно и часто вызывается изъ глубины души наша минувшая далекая студентская жизнь. Въ воспоминаніяхъ о минувшей жизни особенно выдается наша самостоятельность во внутреннихъ студентскихъ дѣлахъ, нашъ судъ чести, о чемъ мы говорили въ своей статьѣ. И самостоятельность во внутреннихъ студентскихъ дѣлахъ, и судъ чести мы создали безъ всякой поддержки университетской власти, хотя на нашу дѣятельность въ этомъ отношеніи университетская власть смотрѣла, по всей вѣроятности, сквозь пальцы, по причинѣ очень понятной: наши собранія, наши стремленія, были совершенно чужды политической окраски. Ни звука, ни намека, не раздавалось на нашихъ собраніяхъ, которые имѣли бы хотя малѣйшее отношеніе къ политическимъ вопросамъ. Совершенно не

мыслить молодежь, конечно, не можетъ; мыслили и мы, относились критически ко многимъ вопросамъ жизни общественной, но далѣе словъ не шли. Въ дѣлѣ Петрашевскаго, единственномъ политическомъ дѣлѣ, прошедшемъ на нашихъ глазахъ, приняло участіе самое ограниченное число петербургскихъ студентовъ, сколько помнимъ, не болѣе пяти человѣкъ, всѣ извѣстные мнѣ по фамиліямъ. Такимъ образомъ, наши засѣданія въ судѣ чести, наши сходки, проходили относительно покойно. Особенно строго преслѣдовало университетское начальство дуэли. Въ этомъ случаѣ оно болѣе всего боялось возможнаго фатальнаго исхода поединка.

Всякій безнравственный поступокъ студента подлежалъ въ наше время суду чести, какъ только слухъ о немъ доходилъ до членовъ корпораціи. Въ этомъ случаѣ мы имѣли своеобразный и, конечно, съ точки зрѣнія условій нашей жизни, вѣрный взглядъ на нравственныя и безнравственныя дѣянія. Долги составляли обычное явленіе нашей жизни, но они не подходили подъ рубрику безнравственныхъ дѣяній, иначе пришлось бы судить огромное большинство. На всякій долгъ сапожнику, портному или кому бы то ни было, мы смотрѣли какъ на такой проступокъ, который могъ быть исправленъ въ будущемъ, напримѣръ, при выходѣ изъ университета или, впослѣдствіи, въ жизни. Всякій же намѣренный обманъ преслѣдовался строго, и въ нашей памяти сохранился судъ надъ однимъ изъ товарищей, который позволилъ себѣ обмануть извозчика, скрывшись отъ него чрезъ проходной дворъ. Судъ чести приговорилъ его къ строгому наказанію: къ лишенію права когда либо получить цвѣтную фуражку, т. е. составленную изъ цвѣтовъ Россіи. Въ нашихъ глазахъ подобное наказаніе было тяжкимъ, и мы глубоко сожалѣли товарища, въ дѣйствительности очень симпатичнаго. Вся его слабость заключалась въ любви погулять такъ, чтобы чертямъ было тошно, какъ говорили у насъ; а, между тѣмъ, средства его были очень ограничены, вслѣдствіе чего онъ нерѣдко становился въ положеніе очень печальное. Въ свое время объ его шалостяхъ и не малыхъ скандалахъ ходили не только по университету, но и по Петербургу цѣлые разсказы. Полиція знала его самымъ близкимъ образомъ. Университетское начальство снисходило къ нему за мягкость его природы, за безусловную покорность въ то время, когда онъ попадался въ тѣхъ или другихъ безчинствахъ. Покойный инспекторъ особенно много цѣнилъ въ немъ душевную мягкость, отсутствіе дерзости и грубости. Мнѣ самому удавалось слышать отъ инспектора такія слова: „Ну, скажите, есть ли во всемъ университетѣ кутила лучше Ш.....; но я всегда прощу и прощаю ему его шалости именно потому, что онъ не противорѣчитъ, когда попадется, и безъ слова идетъ въ карцеръ". Ш... благополучно кончилъ курсъ кандидатомъ и въ настоящее время добрый семьянинъ, образцовый чиновникъ, на довольно большомъ мѣстѣ. О своемъ прошломъ студенчествѣ онъ любитъ вспоминать только съ близкими товарищами, которыхъ всегда любилъ и которые всегда отвѣчали ему самымъ теплымъ расположеніемъ. Да, читатели, дѣла давно минувшихъ дней, но дней дорогихъ, никогда незабвенныхъ, чего, къ сожалѣнію, не скажутъ нынѣшніе юноши въ свои года старости, ибо юности для нихъ не было. Вспоминается мнѣ и другой случай суда чести, на которомъ студенты опредѣлили, что такой-то студентъ долженъ оставить университетъ, какъ основательно заподозрѣнный въ шпіонствѣ. Студентъ явился на судъ и, не защищаясь, заявилъ, что оставитъ университетъ, и дѣйствительно, на другой же день подалъ прошеніе объ увольненіи. Все это творилось тихо, покойно, даже громкія исторіи не

выходили изъ стѣнъ университета, о чемъ хлопотали не только студенты, но заботилось и университетское начальство.

На одномъ изъ конвентовъ корпораціи было рѣшено освистать профессора Б... за его дерзкое отношеніе къ студентамъ, хотя самый фактъ, за который его освистали, скорѣе могъ служить обвиненіемъ противъ студента-будто бы оскорбленнаго профессоромъ, чѣмъ противъ профессора. Во время лекціи одинъ изъ студентовъ довольно долго смѣялся. Профессору надоѣло смотрѣть на его смѣхъ и онъ произнесъ, ни къ кому собственно не обращаясь. per risum multum cognoscimus stultum (большой смѣхъ есть признакъ глупости). Свистали отлично. Профессоръ, увидавъ, что ему приходится пройти весь корридоръ среди свиста, между двумя рядами студентовъ, остановился, скрестивъ руки, сдѣлалъ поклонъ и спокойно отправился домой. На другой день студенты, успокоившись, пришли къ заключенію, что студентъ, смѣявшійся на лекціи, долженъ былъ просить извиненія у профессора за свой смѣхъ, а профессоръ долженъ взять назадъ свои слова. Все такъ и сдѣлалось. Студенты пошумѣли, погорячились, какъ можетъ горячиться только юность, и сами же сознали свою вину или свою ошибку.

Слѣдовательно, университетское начальство поступило очень благоразумно, что держалось въ сторонѣ въ упомянутой исторіи, и никакой драмы изъ нея не сдѣлало.

Собирали мы деньги въ пользу бѣдныхъ студентовъ, помогали бѣднымъ товарищамъ, насколько могли. Никто намъ не мѣшалъ, никто и не думалъ создавать вопроса изъ дѣла самаго обыкновеннаго. Студенты принимали живое участіе въ концертахъ, которые бывали въ университетѣ по воскреснымъ днямъ и на которые петербургская публика являлась весьма охотно.

Очень вѣроятно, что корпорація, въ которой проявлялось наше стремленіе къ самостоятельности, разумныя отношенія университетскихъ властей къ упомянутому нашему стремленію къ самостоятельности, нашъ судъ чести—все это вмѣстѣ взятое, служило, такъ сказать, фантанелью, оттягивавшей насъ отъ вопросовъ общественныхъ. Внутренняя университетская жизнь поглощала и наше время, и наше вниманіе. Изъ своей университетской жизни я вынесъ убѣжденіе величайшей важности, которое можетъ служить для всякаго человѣка, обязаннаго дѣйствовать въ обществѣ, крѣпкой точкой опоры, а именно, убѣжденіе, что судъ товарищей—самый страшный судъ, потому что онъ самый справедливый. Какое-то внутреннее убѣжденіе говоритъ осужденному этимъ судомъ, что онъ дѣйствительно виноватъ, что товарищи не имѣютъ ни малѣйшей причины быть несправедливыми относительно его. Волей неволей всякій сознаетъ справедливымъ судъ равнаго себѣ большинства, съ которымъ онъ проходитъ жизнь и которое имѣло полную возможность изучить многіе изгибы души своихъ собратьевъ. Въ воспитательномъ отношеніи подобный судъ, поставленный на разумныхъ началахъ, составляетъ дѣло величайшей важности и о немъ стоитъ подумать всѣмъ педагогамъ.

Много умственныхъ толчковъ дала мнѣ и моимъ товарищамъ наша корпорація, ея судъ чести и ея дѣятельность, захватившая весь внутренній міръ университетской жизни.

Не даромъ мы прославляли свою корпорацію въ слѣдующихъ стихахъ, которые беремъ изъ разсматриваемаго нами сборника:

Студентскихъ правъ ограда,
Здѣсь вѣче такъ вольно,

Какъ вѣче Новограда
И бурно, какъ оно.
Оно права наши хранитъ,
Дѣла бурсацкія рядитъ,
Да здравствуетъ же-вѣче
И славится далече!
Свободенъ духъ бурсацкій,
Двигатель славныхъ дѣлъ,
Ватаги нашей братской
Свобода лишь удѣлъ.
И за нее нашъ рядъ стоитъ
Неколебимый, какъ гранитъ.
Да здравствуетъ свобода
Бурсацкаго народа!

Хвалили мы свою корпорацію и свой университетъ, и съ горестью разстались съ ними, когда наступило время выхода изъ университета, что высказалось нами въ прощальной пѣснѣ, помѣщенной въ въ томъ же сборникѣ:

Припомнитъ онъ то мѣсто, гдѣ съ наукой
Въ союзъ святой свободы онъ вступилъ,
Въ безпечности, не знаяся со скукой,
Гдѣ дни свои златые проводилъ,
Онъ пожалѣетъ въ старости невольно,
Что молодость была такъ коротка,
И пожелаетъ снова, добровольно
Быть на безпечномъ мѣстѣ бурсака.
Прощайте же, товарищи лихіе!
Желаемъ вамъ счастливо жизнь провесть.
Пошли вамъ Богъ всѣ радости земныя,
Всѣ блага, все, что въ мірѣ лучше есть!
А мы, друзья, останемся съ надеждой:
Студентовъ вы забудете не вдругъ,
Разставшись завтра съ бурсака одеждой,
На вѣкъ его вы сохраните духъ.

Про всякаго ли можно сказать, что онъ пожалѣетъ въ старости, что молодость была такъ коротка? Мы сожалѣемъ. Пожалѣетъ ли современная молодежь, когда достигнетъ старости? Не о чемъ ей жалѣть, ибо она не знала молодости. Наша студентская жизнь затрогивала всѣ сердечныя струны наши: мы пѣли о свободѣ науки, пѣли о женщинѣ, которая служила для насъ идеаломъ прекраснаго и которая, по словамъ нашей пѣсни, живитъ духъ юношей; пѣли о дорогой Россіи въ такихъ словахъ:

Но съ надеждою чудесной
Мы стаканъ и полновѣсный
Нашей Руси! Будь она
Первымъ царствомъ въ поднебесной
И счастлива, и славна!

Пожеланіе, чтобы наша Русь была первымъ царствомъ въ поднебесной и счастлива, и славна, выливалось изъ глубины души каждаго изъ насъ. Я помню, сохраняю глубоко на днѣ сердца тѣ минуты, когда пѣлъ упомянутыя слова пѣсни. Какое-то особенное чувство восторга охватывало весь организмъ, на душѣ было такъ тепло, такъ хорошо, что одни воспоминанія объ этихъ минутахъ молодятъ мою старую кровь. Правда, можетъ быть, мы любили родную землю въ то время безсознательно, ибо вообще критика ума говорила не сильно въ нашихъ головахъ, но мы любили Россію, какъ дѣти любятъ мать,

не разбирая ни достоинствъ, ни недостатковъ матери; любятъ мать потому, что нѣчто лежащее на днѣ души заставляетъ любить ее. Мы говорили не ложь, а истину, когда пѣли:

Отечеству дадимъ мы жизнь и славу,
И руки и мечи,
Нальемъ, друзья, за русскую державу
Стаканы всѣ свои.

Мы мечтали, конечно, дать отечеству и славу. Мечта извинительная и понятная, когда говоритъ молодость. Гордое, хорошее чувство охватывало душу, въ моменты произнесенія такихъ словъ. И очень возможно, что упомянутое гордое, хорошее чувство, гордое сознаніемъ величія Россіи, много способствовало тому, что и въ настоящее время намъ дорога Россія, дорога законная въ ней власть, дорого все, что способствуетъ развитію благоденствія родной земли.

Въ самомъ названіи нашей корпораціи „Рутенія" высказалась наша любовь къ Россіи. Мы были русскіе люди, принадлежали къ русской корпораціи, въ которой играли роль русскіе цвѣта, пѣли русскія пѣсни, нерѣдко самыя задушевныя народныя:

О, друзья, мы все забудемъ,
Ко всему остынемъ мы,
Но гдѣ бъ ни были, мы будемъ
Помнить пѣсни старины.

Такъ пѣли мы въ пѣснѣ, сочиненной въ память умершаго студента Шишкова.

Поэзія, любовь, пѣсни? Гдѣ вы? Но мы жили среди васъ; мы знали и поэзію, и любовь, и пѣсни. Мы знали, чувствовали всѣми фибрами души и тѣла молодость, горячую, поэтическую молодость. И какъ тепло, какъ чудно хорошо теперь вспоминается объ этой молодости. Май мѣсяцъ, Черная рѣчка въ Петербургѣ. Ночь рѣдкая, какая только бываетъ, какъ особенная милость Божія, у насъ, на сѣверѣ. Шесть человѣкъ студентовъ, изъ которыхъ одинъ любитъ, какъ любятъ въ 18 лѣтъ. Онъ вмѣстѣ съ товарищами поетъ въ саду, подъ окномъ своей дорогой Лизы:

Мы здѣсь поемъ въ тиши весенней ночи,
И, пробудясь отъ шума голосовъ,
Сомкнешь ты вновь мечтательныя очи
И не поймешь ты пѣсни бурсаковъ.
Но, можетъ быть, услышавъ серенаду,
Невольно ты хоть что нибудь поймешь
И, можетъ быть, ночнымъ пѣвцамъ въ награду
Ихъ имена въ просонкахъ назовешь.

Живо, ясно, какъ вчерашній день, я помню эту серенаду; помню всѣ мелочи, всю обстановку. Помню также и свою невыразимую злобу, когда одинъ изъ товарищей, на возвратномъ пути послѣ серенады, запѣлъ упомянутую пѣсню и вмѣсто послѣдняго стиха: „Ихъ имена въ просонкахъ назовешь" пропѣлъ: „И рюмку водки алой поднесешь". Крѣпко было возмущено мое поэтическое настроеніе, и мы порядочно посчитались, хотя остальные товарищи хохотали отъ души.

Все это было и все это давно, давно отошло въ вѣчность. А вспоминается все-таки необыкновенно отрадно.

Закончимъ нашъ выборъ изъ разсматриваемаго нами сборника выдержкой изъ горячей пѣсни, отъ которой во дни давно минувшіе въ насъ ходили всѣ косточки, отъ которой дрожали окна, когда мы принимались пѣть ее хоромъ, въ разгарѣ кнейпа или комерса, и которую можетъ съ наслажденіемъ пѣть только золотая, безшабашная юность. Вотъ эта выдержка:

Но здѣсь, друзья, гдѣ нынѣ сходка наша
Бесѣдуетъ, разгульна и вольна,
Гдѣ весело, какъ праздничная чаша
Душа кипитъ, студенчески шумна,
Во славу мнѣ вы чашу круговую
Наполните блистательнымъ виномъ,
Торжественно пропойте пѣснь родную
И пьянствуйте объ имени моемъ.
Все тлѣнъ и мигъ. Блаженъ, кому съ друзьми
Свою весну пропировать дано,
Кто видитъ міръ отрадными глазами
И любитъ жизнь за пѣсни и вино.

Эта пѣсня называется „Завѣщаніе“. Какъ просты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ хороши здѣсь выраженія, нами подчеркнутыя. Сказано просто и сильно: гдѣ весело; равнымъ образомъ необыкновенно рельефно выраженіе: „душа студенчески шумна“. И какъ нормально развивается та юность, которая смотритъ на міръ, по словамъ пѣсни, „отрадными глазами“.

Искреннее, глубокое спасибо нашему старому товарищу, нашему хорошему студенту и человѣку за изданіе пѣсенъ, которыя воскресили намъ нашу золотую молодость, воспоминаніе о которой поддерживаетъ насъ на тернистомъ жизненномъ пути. О, великое дѣло свѣтлая, отрадная юность! Не разъ спасетъ она человѣка, когда житейскій гнетъ, печальныя событія тяжко придавятъ его и онъ, утомленный, ждетъ вѣчнаго покоя, какъ лучшаго отдыха. Воспоминаніе о хорошей, поэтической юности не только освѣжаетъ душу, но и очищаетъ ее отъ пріобрѣтенной въ горнилѣ жизни и всяческаго опыта грязи. Еще разъ, спасибо тебѣ, товарищъ.

И. В—въ.

„Русскій Архивъ“, 1881 г., кн. II (т. I).

Недавно вышедшая первая часть второй книги „Русскаго Архива“, за 1881 годъ, содержитъ въ себѣ много интересныхъ статей, характеризующихъ главнымъ образомъ бытъ военныхъ и высшихъ сферъ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Къ такимъ бытовымъ статьямъ можно причислить продолженіе „Воспоминаній графа М. В. Толстого“, главы IV и V, гдѣ описываются нравы и дѣлаются нѣкоторыя характеристики дѣятелей московскаго университета 30-хъ годовъ, масоновъ, ложи „Ищущихъ манны“, и вообще встрѣчается множество портретовъ и очерковъ, сохранившихся въ памяти автора за 18-тилѣтній періодъ (1830—1848 годовъ). „Подымовское дѣло“ А. М. Жемчужникова ярко рисуетъ порядки и подкупность прежнихъ присутственныхъ мѣстъ и особенно вошедшей даже въ пословицу консисторіи. Благодаря этимъ порядкамъ, оказалось возможнымъ совершенно уничтожить совершившійся законнымъ образомъ бракъ маіора Подымова съ своею крѣпостною дѣвушкою, послѣ его смерти, лишь потому, что этого захотѣлъ его братъ, предводитель

дворянства, желавшій отнять наслѣдство. Несчастная женщина была выгнана изъ дома съ троими дѣтьми, умерла, а дѣтей разобрали добрые люди. Дѣло кануло было въ вѣчность, благодаря усиліямъ подкупленныхъ чиновниковъ и присутственныхъ мѣстъ, но, по счастью для сиротъ, въ него вмѣшался честный и энергичный человѣкъ, М. Н. Жемчужниковъ. Нить за нитью, онъ распутываетъ весь узелъ подлаго и гнуснаго дѣла и возвращаетъ ограбленнымъ дѣтямъ законныя права и честное имя.

Кавказскія воспоминанія А. А. Черткова объ А. А. Баженовѣ и „Государь Николай Павловичъ“ (изъ воспоминаній кавказца),—являются, какъ дополненіе къ тому множеству воспоминаній о славной эпохѣ войнъ за покореніе Кавказа, какое существуетъ въ русской исторической литературѣ. Автобіографическія черты не мѣшаютъ этимъ очеркамъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе, потому что они даютъ много интересныхъ данныхъ о бытовой сторонѣ кавказской эпохи.

Настоящая книга „Рус. Архива“, кромѣ указанныхъ уже статей, содержитъ еще данныя о дѣятеляхъ русской литературы: А. С. Хомяковѣ — письма его и къ нему; Грибоѣдовѣ—письма къ И. Н. Ахвердовой; Пушкина—отрывокъ изъ рукописи о русскомъ и англійскомъ крестьянинѣ; письма митрополита Филарета къ преосвященному Иннокентію камчатскому (бывшему митрополиту московскому).

Статьями высокаго интереса являются также „Записка графа С. Р. Воронцова отъ 1803 года къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею о внутреннемъ управленіи Россіи“ и „Дай оглянусь“ графа Дмитрія Т. Знаменскаго. Первая статья уже была напечатана на французскомъ языкѣ въ XV томѣ „Архива князя Воронцова“ и подробно разобрана г. Бѣловымъ въ октябрской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ прошлаго года.

Вторая статья принадлежитъ перу человѣка, принимавшаго довольно дѣятельное участіе въ судьбахъ Россіи, еще живущаго и пишущаго о событіяхъ намъ близкихъ по времени и поглощающихъ теперь наше вниманіе по преимуществу. Авторъ, графъ Дмитрій Т. Знаменскій, начинаетъ свою статью съ крестьянской реформы.

„Единственнымъ источникомъ либеральныхъ реформъ былъ, неоспоримо, самъ нынѣ царствующій государь (статья писана въ январѣ 1881 года).

„Всѣ мы, имѣвшіе счастіе сколько нибудь ближе знать его, убѣждены, насколько желаетъ онъ блага Россіи. Мы знаемъ по преданіямъ, какъ сильно волновалось его любвеобильное сердце еще въ отрочествѣ, когда онъ слушалъ уроки исторіи Россіи. Но, рѣшаясь дѣятельно осуществить свои благодѣтельныя для насъ намѣренія, онъ не могъ, по самому свойству вещей, самолично привести ихъ въ исполненіе. Ему нужны были помощники, которыми, естественно, могли быть наиболѣе извѣстные ему высшіе сановники государства, а симъ послѣднимъ необходимы были канцеляріи изъ чиновниковъ и бюрократовъ. Насколько первые могли соотвѣтствовать намѣреніямъ Государя, мы можемъ отчасти судить по ихъ общественной репутаціи. Что касается до вторыхъ, то ихъ избирали изъ молодыхъ людей, наиболѣе способныхъ и попреимуществу либеральныхъ.

„Ихъ научное образованіе и умственная развитость въ большинствѣ, конечно, не подлежатъ сомнѣнію; но я, по совѣсти, не могу сказать, чтобы направленіе ихъ было безупречно, и чтобы, подвизаясь на поприщѣ первой либеральной реформы, у нихъ не таилась мысль перейти далеко за предѣлы указанной государемъ цѣли.

„Правительственные органы, вступивъ впервые на путь либеральныхъ реформъ, увлеклись этимъ направленіемъ. Либерализмъ сдѣлался модою, и мы видѣли украшенныхъ сѣдинами старцевъ, вѣрныхъ и рьяныхъ исполнителей воли императора Николая, не смѣвшихъ тогда произнести сколько нибудь самостоятельнаго слова, сдѣлавшимися внезапно крайними прогрессистами.

„Таково было положеніе въ правительственныхъ сферахъ. Съ другой стороны, въ сословіи, наиболѣе заинтересованномъ въ крестьянской реформѣ, въ которомъ издавна раздавались протесты противъ крѣпостного права, вдругъ, когда желаемая на словахъ реформа близилась къ осуществленію, явились ярые ея противники, и можно сказать, что за исключеніемъ истинно-просвѣщенныхъ и искреннихъ патріотовъ, каковы: Хомяковы, Самарины, Черкасскіе, Аксаковы, Кошелевы и имъ подобные, — все дворянство единодушно оказалось въ оппозиціи и было крайне озлоблено“.

Далѣе, описывая свою дѣятельность въ должности губернатора, авторъ приводитъ любопытный, хотя и не безъизвѣстный, фактъ. Онъ отправилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ строго-конфиденціальное письмо; но каково же было его удивленіе, когда, получивъ недѣли черезъ три газету „Колоколъ“, онъ увидѣлъ, что конфиденціальное письмо это напечатано тамъ цѣликомъ.

Вообще каждая страница этой, къ сожалѣнію, краткой статьи представляетъ такія интересныя данныя о движеніи въ высшихъ сферахъ въ знаменательную эпоху освобожденія крестьянъ, которыя могутъ быть названы разоблаченіями. Въ нихъ отчасти слышится голосъ раздраженнаго и оскорбленнаго самолюбія, чѣмъ и объясняется рѣзкій мѣстами тонъ статьи.

Авторомъ „Дай оглянусь“ обѣщано продолженіе своихъ записокъ о службѣ въ Петербургѣ...

Вышеназванными статьями исчерпывается все наиболѣе интересное въ этой книжкѣ „Русскаго Архива“, которая можетъ быть названа довольно обильною и содержательною.

А. В. Арс—въ.

Русскіе простонародные травники и лечебники. Собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтія. Профессора В. М. Флоринскаго. Казань, 1880.

Въ настоящей книгѣ изданы три рукописи медицинскаго содержанія: небольшой отрывокъ „Травника“, лечебникъ „Прохладный вертоградъ“, переведенный съ латинскаго въ 1672 году, и „Реестръ изъ дохтурскихъ наукъ“, составленный архіепископомъ холмогорскимъ Афанасіемъ, въ 1696 году. Изъ нихъ для немедиковъ особеннаго вниманія заслуживаетъ отрывокъ „Травника“, произведенія очень важнаго для исторіи русскихъ народныхъ повѣрій.

Составленный на основаніи неизвѣстныхъ намъ греческихъ источниковъ и, вѣроятно, значительно пополненный туземными свѣдѣніями, „Травникъ“ представляетъ много любопытнаго. Онъ давалъ древне-русскому читателю указанія не только на то, какъ лечить болѣзни и предупреждать ихъ, но и на то, какъ

уничтожать вредное вліяніе нечистаго духа или злаго человѣка, какъ привлекать къ себѣ людей и животныхъ, какъ добывать сэбѣ счастіе и т. п. Онъ поучалъ:

„Есть трава екумедисъ, ростетъ на старыхъ росчисткахъ, собою мохната, листочки мохнатые-жъ съ одной стороны, ростомъ впядь. Кто ее ѣстъ по-рану и тотъ человѣкъ отнюдь никакой болѣзни не узритъ".

„Есть трава маточникъ, ростетъ на межахъ и по перелогамъ, собою синяя, цвѣтъ на ней кистьми, синій же, и та трава добра ко пчеламъ, на ту траву сама летаетъ; и ту траву, кто держитъ въ дому своемъ и по весьнамъ ульи окуриваетъ,—во всѣхъ ульяхъ пчелы будутъ" (стр. 3).

„Трава дягиль кудрявый, безъ сердца, добра она отъ еретиковъ. Ту траву кто ѣстъ, и тотъ человѣкъ никакія порчи не боится, аще въ пиръ пойдетъ; грызи корень, хотя однажды въ день или въ недѣлю,—скорби избудешь, носи дягиль на главѣ,—люди любятъ" (стр. 5).

„Есть трава попугай, ростетъ по низкимъ землямъ, собой едва узнать можно отъ земли; носи при себѣ, гдѣ хочешь просить денегъ или хлѣба; аще мужеска пола, у кого просишь,—положи по правую сторону пазухи; аще женска пола—на лѣвую. А ежели скоморохи играютъ, кинь имъ подъ ноги и они передерутся" (стр. 7).

„Есть трава царевы очи, ростомъ въ иглу, собою красна и листочки красны, и та трава угодна въ дому своемъ и животу человѣка пользуетъ, и на судъ возьми съ собою — не осужденъ будешь, или въ путь идучи на который промыслъ, возьми съ собою: вельми добра. Аще который человѣкъ хощетъ въ пиръ идти—не боится еретика, а кто хощетъ жениться—держи при себѣ: ласковое житіе будетъ" (стр. 11).

„Есть трава болотный былецъ, ростетъ при всякихъ рѣкахъ, высока, что крапива, цвѣтъ походитъ на бѣль, корень черн̑ъ, мохнатъ, красноватъ, духъ тяжелъ. Добра та трава на медвѣдя ходить, борцамъ или поводильщикамъ" (стр. 13).

Составитель „Травника" придавалъ, такимъ образомъ, каждой травѣ, сверхъ обыкновенныхъ ея качествъ, еще другія, сверхестественныя, и потому думалъ, что не всякую траву можно брать, не принявъ какихъ нибудь особенныхъ предосторожностей. Вслѣдствіе этого „Травникъ" иногда содержитъ указанія и на то, какъ должно добывать ту или другую траву. Напримѣръ, трава Адамова глава, при помощи которой можно видѣть дьявола и всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ демоновъ, можетъ быть добыта только такимъ образомъ: „ту траву рвать съ крестомъ Господнимъ и говорить Отче нашъ, помилуй мя Боже. А кто грамотѣ не умѣетъ, и сотворить ему 300 молитвъ Іисусовыхъ" (стр. 4).

„Трава пострѣлъ, которая прогоняетъ отъ человѣка дьявола, можетъ быть сорвана только въ апрѣлѣ 9, 22 или 23 числа, и на мѣсто ея необходимо положить индѣйское яйцо" (стр. 7).

„Прохладный вертоградъ", для своего времени строго-научное медицинское сочиненіе, замѣчателенъ лишь по тѣмъ вставкамъ и прибавленіямъ, которыя сдѣлали его русскіе читатели и переписчики. Въ числѣ вставокъ находимъ такія: „О кукушкѣ. Кукушкинъ голосъ аще кто впервые весною услышитъ, и въ тотъ бы часъ себѣ правую ногу очертилъ, и ту бы землю изъ-подъ ноги выкопалъ, и тою бы землею въ дому и въ хоромѣхъ посыпалъ, то того году отнюдь блохи не будутъ"; „О совѣ. Сердце совино аще кто прило-

жить къ женѣ спячей, къ лѣвому боку, тогда сама на себя все выскажетъ" (стр. 62).

Въ прибавленіяхъ къ „Прохладному вертограду" помѣщены: 1) „Лунникъ", произведеніе, вѣроятно, греческаго происхожденія, указывающее, что будетъ, что должно дѣлать и чего не должно въ тотъ или другой день луннаго мѣсяца, и 2) „Зодій", сочиненіе, указывающее, когда бываетъ и какое вліяніе оказываетъ на человѣка каждый знакъ зодіака.

А. С—скій.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Собственноручная записка Екатерины II объ одномъ изъ первыхъ засѣданій ея въ сенатѣ послѣ восшествія на престолъ [1]).

Le cinq ou sixième jour de l'avenement de Catherine II au thrône elle vint au senat, qu'elle avait fait transporter au Palais d'été afin que toutes les affaires allassent plus vite. On commença par lui répresenter l'extreme disette d'argent qu'il y avait; l'armée était en Prusse et la paye manquait depuis huit mois, la cherté du pain à Pétersbourg était monté au double de ce qu'il se vend ordinairement; l'imperatrice Elisabeth avait sur la fin de sa vie amassé le plus qu'elle avait pu et tenait son argent sous ses yeux, mais ne l'employait à aucun besoin de l'Empire, celui-ci manquait de tout, presque personne n'était payé; Pierre III faisait à peu près la même chose; quand on leur en demandait pour les besoin de l'état, ils se mettaient en colère repondant: trouvez-en où vous voudrez cet argent serré est à nous, et separait ainsi que sa tante son interêt personnel de celui de l'Empire. Catherine, voyant les besoins urgents, declara en plein senat qu'etant elle même à l'état, elle pretendait que ce que lui apartenait le fut aussi et qu'entre l'interet de son état et le sien on ne mit à l'avenir aucune difference; cette declaration fit venir la larme à toute l'assemblée qui se leva et d'une voix unanime lui temoigna sa vive reconnaissance pour des sentiments si raisonables et Catherine fournit autant d'argent qu'il fut nécéssaire et défendit pour un temps l'exportation du blé ce qui dans deux mois de temps rendit l'abondance et le bon marché à toute chose. Comme au senat toutes les choses se font d'après le journal à moins d'affaires indispensables, par mal encontre il se trouva qu'à cette séance le projet de permettre aux juifs d'entrer en Russie se trouva la première sur le liste pendant qu'on votait. Catherine em-

---

[1]) Извлеченіе изъ этой записки, въ русскомъ переводѣ, напечатано С. М. Соловьевымъ въ его „Исторіи Россіи", т. 25; стр. 137. Здѣсь записка печатается вполнѣ, во французскомъ подлинникѣ.

barassée par les circonstances de donner son consentement à cette proposition reconnue unanimement pour utile, fut tirée de cette situation par le prince Adoujevsky senateur qui se leva et lui dit: Votre Majesté ne voudrait elle pas voir avant de se determiner ce que l'Imperatrice Elisabeth a mis de sa propre main en marge de pareille proposition. Catherine se fit apporter le registre et trouva qu' Elisabeth par devotion avait écrit en marge je ne souhaite point de profit des ennemis de Jesus Christ; il n'y avait pas huit jours que Catherine était montée sur le thron, Elle y avait été mis pour defendre la foi orthodoxe, Elle avait à faire à un peuple devot, à un clergé à qui on n'avait point encore rendu ses biens et qui n'avait pas le nécéssaire; par cet arrangement mal dirigé les ésprit étaient comme toujours après un aussi grand événement dans la plus grand fermentation, debuter par un tel projet n'était pas les moyens de calmer, le reconnaître pour nuisible était impossible. Catherine se tourna simplement vers le Procureur Général quand après qu'il eût amassé les voix et qu'il vint prendre sa decision et lui dit: Je souhaite qu cette affaire soit remise à un autre temps. Et voilà comme souvent il ne suffit que d'être éclairé d'avoir les meilleurs intentions de pouvoir les executer, et cependant on porte souvent des jugemens téméraires sur une conduite sage.

ПЕРЕВОДЪ:

На пятый или на шестой день по восшествіи на престолъ, Екатерина II явилась въ сенатъ, который, по ея приказанію, былъ перенесенъ въ лѣтній дворецъ для того, чтобы дѣла шли быстрѣе. Начали съ того, что указали ей на крайній недостатокъ въ деньгахъ; армія находилась въ Пруссіи и не получала платы уже восемь мѣсяцевъ; цѣна на хлѣбъ въ Петербургѣ возвысилась вдвое противъ обыкновеннаго. Императрица Елизавета къ концу своего царствованія скопила столько денегъ, сколько было возможно, и держала ихъ у себя на глазахъ, не употребляя ни на какія государственныя нужды; государство же нуждалось во всемъ, и никто почти не получалъ, что слѣдовало. Петръ III дѣлалъ то-же самое; когда у нихъ спрашивали денегъ на нужды государства, они гнѣвались и отвѣчали: „Ищите гдѣ хотите, эти деньги запасены для насъ“, и такимъ образомъ отдѣлялъ, подобно своей теткѣ, свои личные интересы отъ государственныхъ. Екатерина, видя вопіющія нужды, объявила при всемъ сенатѣ, что, принадлежа сама государству, она считаетъ и все свое принадлежащимъ ему же и повелѣла, чтобы между интересами ея личными и государственными впредь не полагалось бы никакого различія. Это заявленіе вызвало слезы у всѣхъ присутствующихъ, которые поднялись со своихъ мѣстъ и единогласно засвидѣтельствовали ей живѣйшую признательность за такія благоразумныя чувства. Екатерина доставила, сколько было необходимо, денегъ и запретила на время вывозъ хлѣба, что̀, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ привело къ изобилію и дешевизнѣ во всемъ. Въ сенатѣ всѣ или, по крайней мѣрѣ, самыя необходимыя дѣла рѣшаются по очереди; случилось, какъ на грѣхъ, что въ это засѣданіе первымъ дѣломъ въ спискѣ, подлежащимъ голосованію, приходился проектъ о дозволеніи евреямъ селиться въ Россіи. Екатерина, будучи поставлена обстоятельствами въ затрудненіе относительно изъявленія своего согласія на этотъ проектъ, признанный единогласно полезнымъ, была выведена изъ труднаго положенія сенаторомъ, княземъ Одоевскимъ, который всталъ и сказалъ ей: „Не соблаговолитъ ли ваше величество, прежде

тѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, прочесть то, что императрица Елизавета начертала собственноручно на поляхъ подобнаго же проекта?“ Екатерина приказала принести дѣло и нашла, что Елизавета, изъ чувства набожности, написала на поляхъ: „Отъ враговъ Христовыхъ не желаю корысти“. Екатерина взошла на престолъ всего недѣлю назадъ; она призвана была на защиту православной вѣры; она имѣла дѣло съ народомъ набожнымъ, съ духовенствомъ, которому еще не отдали его имуществъ и которое нуждалось въ необходимомъ. По причинѣ такого дурного распорядка во всемъ, умы находились въ сильномъ броженіи. Начать съ одобренія подобнаго проекта не представлялось средствомъ успокоенія, а признать проектъ вреднымъ не было возможности. Екатерина просто обратилась къ генералъ-прокурору и, въ то время какъ онъ, отобравъ всѣ голоса, готовился выслушать ея рѣшеніе, она сказала ему: „Я желаю, чтобъ это дѣло было отложено до другого времени“. И вотъ какъ часто достаточно лишь быть свѣдущимъ, имѣть наилучшія намѣренія и власть исполнить ихъ, не смотря на то, какъ часто благоразумное поведеніе подвергается злоумышленнымъ сужденіямъ.

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

Росписка герцогини курляндской Анны Ивановны въ займѣ у оберъ-гофмейстера Петра Бестужева 10 т. талеровъ, подъ залогъ имѣнія [1]).

„Божіею милостію мы, Анна, царевна россійская, въ Лифляндіи, Курляндіи и Семигаліи герцогиня.

„Объявляемъ симъ про насъ и нашихъ наслѣдниковъ, какимъ образомъ намъ благородный Петръ Бестужевъ-Рюминъ, ея императорскаго величества тайный совѣтникъ, а нашъ оберъ-гофмейстеръ въ Митавѣ, въ нынѣшнихъ числѣхъ десять тысячъ добрыхъ албертскихъ талеровъ къ нашимъ необходимымъ расходамъ въ займы далъ, и понеже мы такія деньги исправно приняли, того ради даемъ и записываемъ мы ему за тѣ деньги десять тысячъ талеровъ маетность, данную намъ въ Курляндіи ко вдовству по нашъ вѣкъ, Алтберхъ Фридъ, съ мужичествомъ и со всѣми угодьи, что къ той маетности изстари принадлежитъ къ его закладу, и позволяемъ ему въ той маетности посесію и укрѣпляемъ мы ему его деньги подъ тѣмъ закладомъ безъ всякой опасности возвращены быть, а между тѣмъ изъ доходовъ той маетности позволяемъ мы ему его интересъ по годно по шти процентовъ, сколько къ тому потребно отчитать, и тое маетность прежде ему не отступить по коихъ мѣстъ онъ отъ насъ въ тѣхъ заемныхъ десяти тысячахъ талерахъ заплаченъ и удовольствованъ будетъ, а для вѣрности и безопасности сіе подъ нашимъ саморучнымъ подписаніемъ и печатью дано въ Митавѣ, 25 дня апрѣля 1726 года.

Анна.

Изъ бумагъ М. Д. Хмырова.

---

[1]) Во время пребыванія своего въ Курляндіи, Анна Ивановна постоянно нуждалась въ деньгахъ, безпрестанно обращалась съ просьбами о помощи къ Петру Великому и Екатеринѣ I и прибѣгала не только къ займамъ, но и къ залогу своихъ имѣній, какъ это видно изъ настоящей росписки.

Письмо графа П. И. Шувалова къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ [1]).

„Всепресвѣтлѣйшая самодержица

„Государыня всемилостивѣйшая.

„По всевысочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, за отсутствіемъ его высочества, ибо изволилъ послѣ кушанья ѣздить въ Либерицы смотрѣть строенія, а обратно забавлялся псовою охотою, я былъ сперва у ея высочества, докладывалъ о здоровьѣ, она нижайшее благодареніе приноситъ за милость и напамятованіе вашего императорскаго величества и очень низко поклонилась, при томъ приказала донесть, что очень слаба и третій день, какъ съ постели вставать начала, также изъ комнаты выдти не въ состояніи; спросила о здоровьѣ вашего императорскаго величества, я донесъ, что, Богу благодареніе, въ совершенномъ здоровьѣ находиться изволите; вторично благодарила за милость вашего императорскаго величества и просила нижайшій ее поклонъ донести, его высочество возвратился въ девятомъ часу, тогда повелѣнное донесъ: нижайшую благодарность свою за высочайшую милость вашего императорскаго величества не токмо упомянутыми словами, но и превеликими поклонами подтвердилъ и спросилъ о здоровьѣ вашего императорскаго величества, я донесъ что свыше, потомъ повторилъ мнѣ благодарить ваше императорское величество за великую милость; я по совѣсти моей не могу оставить не донесть вашему величеству, что въ обоихъ ихъ высочествахъ, кромѣ крайняго удовольствія о великой радости, примѣтить не нашлось; его высочество въ полномъ здоровьѣ своемъ, а ея высочество весьма худа и слаба. — Катерина Борисова вашего императорскаго величества милость сей день исполнитъ. Всемилостивѣйшая государыня, повергая меня къ высокомонаршимъ стопамъ вашего императорскаго величества

„всеподданнѣйшій рабъ

„графъ П. Шуваловъ.

„Іюля 8 дня, 1753 г., Москва.

Сообщено **П. Я. Дашковымъ.**

Усмиреніе крестьянъ въ „Черной слободѣ“, Шацкаго уѣзда, въ 1861 году.

Объявленіе высочайшаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ извѣстно, вызвало въ 1861 году, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, довольно крупныя недоразумѣнія. Безпорядки эти, основанные на невѣрномъ толкованіи „Положенія 19 февраля“, потребовали такъ называемыхъ „усмиреній“ военною силою.

Къ числу болѣе крупныхъ „усмиреній“, гдѣ было употреблено въ дѣло оружіе, относится и „Кандеевское“ возстаніе, охватившее Керенскій, Чембар-

[1]) 1-го іюля 1753 г. великая княгиня Екатерина Алексѣевна, находившаяся вмѣстѣ съ императрицей Елизаветой Петровной въ Москвѣ, выкинула и была очень серьезно больна, а 6-го іюля императрица отправилась на богомолье въ Троицко-Сергіеву лавру. Къ этому именно времени и относится настоящее письмо графа Петра Ивановича Шувалова.

скій уѣзды Пензенской и Моршанскій уѣздъ Тамбовской губерніи. Спокойствіе въ этихъ мѣстностяхъ было водворено свиты его величества генералъ-маіоромъ Дренякинымъ, который крайне энергичными мѣрами сразу потушилъ пожаръ, начавшійся отъ искры, брошенной неблагонамѣренными и непрошенными толкователями „Положенія“ [1]:

Кандеевское „усмиреніе“ было усмиреніемъ въ полномъ смыслѣ этого слова: тутъ были и убитые, и раненые, и прогнанные сквозь строй, и сосланные въ каторгу. Хотя оно сразу было погашено въ апрѣлѣ 1881 года, но „отрыжка“ сказалась въ іюлѣ того же года въ Шацкомъ уѣздѣ, той же Тамбовской губерніи.

Шацкое крестьянское недоразумѣніе имѣло нѣсколько иной характеръ, чѣмъ кандеевское; но оно вызвано было тѣми же причинами, т. е. непониманіемъ или не желаніемъ понять „Положеніе 19 февраля“.

Всѣ „усмиренія“ 1861 года рѣдко или даже почти совсѣмъ еще не попадали въ печать, вѣроятно, въ виду близости отъ насъ этихъ событій. Между тѣмъ, очевидцы, еще нынѣ живые, только одни и могутъ съ точностью передать видѣнное ими, относясь къ этимъ „усмиреніямъ“ исключительно съ точки зрѣнія фактовъ, которые могутъ впослѣдствіи совершенно ускользнуть отъ потомства и будущаго составителя исторіи Россіи. Въ виду этого, я рѣшаюсь вкратцѣ передать Шацкое „усмиреніе“, которое послужитъ нѣкоторой иллюстраціей для характеристики того „переходнаго“ времени.

Послѣ объявленія манифеста, всѣ крестьяне, находившіеся не на оброкѣ, а отбывавшіе „барщину“, должны были выходить на барскую работу, т. е. выполнять натуральную повинность, впредь до перехода ихъ на оброчное положеніе. При отбываніи этой повинности натурою, крестьяне должны были руководствоваться урочнымъ положеніемъ. Въ силу урочнаго положенія, составленнаго Шацкимъ съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, для жнитва ржи было установлено высылать по 8 человѣкъ на десятину. Это распоряженіе касалось всѣхъ необрочныхъ крестьянъ названнаго уѣзда.

Крестьянамъ пригородной слободы „Черной“ и села „Барки“, съ приписными деревнями, принадлежавшими г-жѣ Мухановой, показался этотъ трудъ яко бы непосильнымъ, и они, вмѣсто 8 человѣкъ, выставили на десятину по 16 человѣкъ, утверждая, что такъ, дескать, „положено“ и что 8 человѣкамъ въ одинъ день „ни въ жизть“ не сжать десятины урожайной ржи.

Управляющій г-жи Мухановой обратился къ крестьянамъ съ заявленіемъ, что они поступаютъ не „по закону“ и что для помѣщицы „это очень обидно“.

Крестьяне словъ управляющаго въ „резонтъ“ не приняли и продолжали по прежнему жать барскую рожь, облегчивъ себѣ трудъ въ половину, т. е. выставляя, вмѣсто 8, по 16 жнецовъ.

— Э, да съ вами, ребята, ничего толкомъ и любовно не подѣлаешь! рѣшилъ управляющій.—Я поѣду къ посреднику; онъ васъ вразумитъ...

— Никакого мы твоего посредственника не боимся! порѣшилъ въ свою очередь „міръ“. — А коли жаловаться — то и совсѣмъ не пойдемъ на работу! Пускай хлѣбъ на корню гніетъ—тебѣ же хуже...

---

[1]) Уважаемый авторъ настоящей замѣтки, принимавшій непосредственное участіе въ усмиреніи такъ называемаго „Кандеевскаго бунта“, обѣщалъ доставить намъ въ скоромъ времени подробное описаніе этого событія.

Управляющій, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отправился къ мировому посреднику съ просьбой объ „усмиреніи".

Понятно, что дѣло это, какъ опасный для сосѣдей прецедентъ, не могло быть оставлено безъ изслѣдованія. На мѣсто „бунта" явился посредникъ, созвалъ крестьянъ и сталъ ихъ „усмирять", путемъ кроткихъ увѣщаній.

— Не сдѣлаемъ! отвѣчала „сходка". Вишь, вѣдь, благодать-то какая уродилась! Десятину-то въ пору сжать въ одинъ день развѣ 20 человѣкамъ... Скосить—это другое дѣло...

Такъ разсудили крестьяне, въ присутствіи „мирового", и, для большей убѣдительности своихъ доводовъ, выставили при немъ уже не 8 и не 16, а цѣлыхъ 20 человѣкъ жнецовъ на десятину, но и при такомъ количествѣ рабочихъ рукъ десятина въ концу дня все-таки не была сжата.

— Это отъ лѣни вашей!.. рѣшилъ посредникъ;—у насъ въ съѣздѣ составлено урочное положеніе... дѣлали опыты, и самая густая десятина можетъ быть сжата восмью человѣками въ одинъ день...

— Десятина десятинѣ рознь... Пробовали было, въ свою очередь, доказывать крестьяне...

— Въ послѣдній разъ прошу васъ: выставьте завтра по 8 человѣкъ и кончите работу въ одинъ день! усовѣщевалъ посредникъ.

— Никакъ невозможно... Что хошь съ нами дѣлай, а никакъ невозможно...

Видя свое безсиліе противъ упорства крестьянъ, твердо рѣшившихся настоять на своемъ совершенно незаконномъ желаніи, посредникъ вынужденъ былъ закончить свою миссію и передать это дѣло въ вѣденіе полицейскихъ властей, для производства „усмиренія" и наказанія наиболѣе строптивыхъ, уже намѣченныхъ имъ ослушниковъ.

23 іюля, по вызову посредника, въ „Черною слободу" явился шацкій земскій исправникъ. Сходка была въ полномъ сборѣ.

Началось увѣщаніе. Слова представителя полиціи однако не дѣйствовали.

— Не въ моготу! галдѣла громада;—какъ работали, такъ и будемъ работать.

— А, это вы зачинщики! обратился исправникъ къ стоявшимъ впереди толпы крестьянамъ.

— Не мы одни, а весь міръ зачинщики! отвѣчали ослушники.

— Взять ихъ! скомандовалъ исправникъ, обратившись къ своему разсыльному „ундеру".

„Ундеръ" безпрекословно началъ приводить въ исполненіе приказъ начальства. Онъ подошелъ къ толпѣ съ цѣлью „забирать" въ кутузку стоявшихъ впереди.

Мужички переглянулись и зашумѣли. Едва рука „ундера" коснулась до одного изъ строптивыхъ, какъ вся толпа въ одинъ голосъ закричала:

— Коли брать, то бери и вяжи всѣхъ, а своихъ не выдадимъ.

И дѣйствительно, не выдали. Тогда исправникъ, усмотрѣвши уже явное неповиновеніе, отправился обратно въ городъ и обратился къ содѣйствію шацкой инвалидной команды.

А толпа не расходилась съ площади, въ ожиданіи прибытія новыхъ властей. Инвалиды не заставили себя долго ждать; подъ предводительствомъ своего начальника и подъ руководствомъ исправника, они скоро собрались въ Черную слободу, съ тѣмъ чтобы взять подъ арестъ главныхъ ослушниковъ.

Завидя приближающуюся военную команду съ оружіемъ, кто-то изъ кре-

стьянъ влѣзъ на ближайшую колокольню и началъ ударять въ набатъ. На зловѣщій колоколъ, сюда быстро собрались крестьяне изъ окрестныхъ деревень; даже жители городскіе собрались въ слободу, предполагая, что тамъ случился пожаръ. Смятеніе было общее! Крестьяне кричали „караулъ! ура!“ Все смѣшалось въ общую массу. Многіе кричали, даже не понимая въ чемъ дѣло.

Исправникъ, между тѣмъ, хотѣлъ довести свое дѣло до конца и приказалъ солдатамъ связать главныхъ крикуновъ. Въ свою очередь и крестьяне упорствовали; команда инвалидовъ была слишкомъ малочисленна въ сравненіи съ толпою. Ни одного крестьянина такъ ей связать и не удалось. Не имѣя приказанія употребить въ дѣло оружіе, солдатики, не забравши никого, вынуждены были отправиться обратно въ городъ, сопровождаемые криками:

— Ни одного изъ своихъ не выдадимъ!

О всемъ этомъ происшествіи исправникъ немедленно донесъ тамбовскому губернатору, который принялъ уже энергичныя мѣры для усмиренія. Въ виду того, что полевыхъ войскъ вблизи отъ Шацка не было, губернаторъ, г. Данзасъ, телеграфировалъ въ г. Кирсановъ командиру Тарутинскаго великаго герцога Ольденбургскаго полка, съ просьбою направить четыре роты на мѣсто безпорядка въ Шацкъ.

Роты были посажены на 130 обывательскихъ подводъ и переходъ въ 210 верстъ былъ ими совершенъ въ двое сутокъ. Второй баталіонъ названнаго полка прибылъ въ Шацкъ 27 іюля и въ тотъ же день туда же прибылъ губернаторъ Данзасъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ жандармскимъ полковникомъ Сазоновымъ.

Въ этотъ день, крестьяне были вызваны на площадь Они безпрекословно вышли всѣ на вызовъ. Сюда же прибыли и четыре тарутинскія роты.

Въ присутствіи крестьянъ, губернаторъ приказалъ одной ротѣ зарядить ружья боевыми патронами.

— Если вы не выдадите тѣхъ крестьянъ, которые не слушались ни посредника, ни исправника, то я не медля прикажу стрѣлять въ васъ, какъ въ ослушниковъ царской воли!.. обратился губернаторъ къ толпѣ.

Толпа безмолствовала. Имена зачинщиковъ были извѣстны. Ихъ было восемь человѣкъ. Выкликнули и они вышли безпрекословно, безъ всякаго сопротивленія со стороны толпы. Главныхъ виновниковъ т. е. восемь человѣкъ, тотчасъ же, подъ конвоемъ, препроводили въ шацкій тюремный замокъ, для преданія ихъ суду. Затѣмъ, началась экзекуція. Привезли нѣсколько возовъ розогъ, роздали ихъ солдатамъ; тутъ же на площади около 100 человѣкъ были наказаны розгами и, по исполненіи наказанія, безъ дальнѣйшаго надъ ними суда, всѣ высѣченные оставлены на мѣстѣ жительства.

Во время экзекуціи, крестьяне громко каялись въ своихъ поступкахъ.—

— Другу и недругу, говорили они, закажемъ не слушаться начальства... Экой вѣдь грѣхъ попуталъ!..

Затѣмъ спокойствіе водворилось полное, такъ что, 30 іюля, три роты Тарутинскаго полка были обратно отправлены въ мѣсто ихъ расположенія, въ г. Кирсановъ; одна же рота, для случая, осталась въ „Черной слободѣ“ еще нѣсколько дней.

Такимъ образомъ, завершилось шацкое „усмиреніе“ и экзекуція, на долго оставившая по себѣ память въ „Черной слободѣ“.

Сообщено С. Н. Худековымъ.

СМѢСЬ.

ОБЩЕСТВО Древней Письменности. Въ полугодовомъ собраніи общества Древней Письменности, происходившемъ въ концѣ прошлаго мѣсяца, прочитаны были обычные отчеты объ издательской дѣятельности общества, денежныхъ средствахъ его и о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ библіотеку и кассу общества за послѣднее полугодіе. Одно изъ крупныхъ пожертвованій сдѣлано графомъ А. Д. Шереметевымъ. Это — замѣчательная рукопись лицевой псалтыри XIV-го столѣтія, стоющая жертвователю 18 тысячъ рублей. Тѣмъ же лицомъ на изданіе этой рукописи пожертвовано восемь тысячъ. Какъ за это пожертвованіе, такъ и за принесенныя въ даръ обществу двѣнадцать тысячъ вообще на его изданіе, собраніе постановило выразить благодарность графамъ С. Д. и А. Д. Шереметевымъ. Что касается средствъ общества, то годовой бюджетъ его въ настоящее время достигаетъ 23 тысячъ рублей. По прочтеніи этихъ отчетовъ, вся остальная часть засѣданія посвящена была слушанію интересныхъ сообщеній Н. В. Чарыкова, П. А. Гильдебрандта, Ѳ. Н. Берга и князя П. П. Вяземскаго. Г. Чарыковъ сдѣлалъ подробное и обстоятельное сообщеніе о только что изданной имъ для общества важной рукописи „Космографія, сирѣчь описаніе сего свѣта земель и государствъ великихъ“. Космографія эта принадлежитъ къ типу „76-ти главныхъ космографій“. Въ ней двѣ части — краткая и пространная. Въ составъ первой входятъ статьи византійско-русскаго начала. Вторая часть, обширнѣйшая, состоитъ изъ переводныхъ статей, изъ которыхъ до 70 главъ оказываются заимствованными изъ космографіи Меркатора, являющейся первымъ, по времени, источникомъ географическихъ свѣдѣній, какія почерпались Россіей непосредственно въ западно-европейскихъ источникахъ. Кромѣ Меркатора, древне-русскому географу служила хроника Бѣльскаго. Г. Бергъ сдѣлалъ сообщеніе о старорусскихъ деревянныхъ постройкахъ, сохранившихся по Сѣверной Двинѣ, и иллюстрировалъ это сообщеніе акварельными рисунками. Князь Вяземскій познакомилъ присутствовавшихъ съ любопытнымъ документомъ, который докладчикъ составилъ еще въ бытность свою въ Константинополѣ при нашей дипломатической миссіи, но въ недавнее время найденъ имъ въ поступившихъ къ нему бумагахъ Сербиновича. Это—предложеніе тогдашней миссіи нашей министерству народнаго просвѣщенія и св. синоду пріобрѣсти за незначительную цѣну весьма важный для пользованія русскихъ ученыхъ каталогъ библіотеки іерусалимской патріархіи въ Константинополѣ, составленный Танталиди. Небезъинтересно упомянуть, что со стороны нашего вѣдомства просвѣщенія послѣдовалъ тогда отрицательный отвѣтъ, мотивированный тѣмъ, что въ каталогѣ не проставлена нумерація описанныхъ кодексовъ. Но самый интересный докладъ сдѣланъ былъ П. А. Гильдебрандтомъ. Имъ предпринято изданіе „Справочнаго и объяснительнаго словаря къ новому завѣту“. Существенную часть составляетъ

церковно-славянскій текстъ новаго завѣта, распредѣленный по правиламъ лексикографіи. Идея такого труда, какъ извѣстно, давно уже имѣетъ свою исторію. Вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства, возникла и развилась потребность въ близкомъ изученіи Библіи. Съ теченіемъ времени обиліе и разнообразіе толкованій на Библію побудили искать истиннаго и законнаго истолкователя неясныхъ мѣстъ священнаго писанія въ немъ же самомъ, въ мѣстахъ его болѣе ясныхъ и полныхъ, параллельныхъ, въ такъ называемыхъ параллелизмахъ. Указанія на эти параллельныя мѣста дѣлались или въ особыхъ изданіяхъ Библіи, снабженныхъ цитатами, или въ такъ называемыхъ симфоніяхъ и конкордаціяхъ, трудахъ лексикографическихъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ. Симфонія означаетъ согласіе, т. е. собраніе воедино всѣхъ рѣченій и словъ въ священномъ писаніи, при чемъ цитаты, относящіяся къ тому или другому рѣченію, приводятся или въ цѣломъ предложеніи, или въ отдѣльной фразѣ, въ порядкѣ книгъ, ихъ главъ и стиховъ. Потребность въ этихъ симфоніяхъ была сознана еще задолго до книгопечатанія, но съ распространеніемъ книгопечатанія такія пособія стали появляться во множествѣ. Въ Россіи, какъ и въ другихъ славянскихъ странахъ на Западѣ, первыя книгопечатныя произведенія были посвящены текстамъ священнаго писанія. Но изданныя у насъ симфоніи заключаютъ въ себѣ много недостатковъ и несовершенствъ. Теперь у г. Гильдебрандта и родилась мысль составить полный, подробный, не только справочный, но и объяснительный словарь сперва къ новому завѣту, а затѣмъ и къ ветхому. Первый изъ нихъ уже оконченъ, вмѣщаетъ въ себѣ 95 тыс. карточекъ или до тысячи страницъ. Церковь, ея настоятель, школа и семья—вотъ для кого предназначается составителемъ этотъ словарь. Собраніе, ознакомившись съ пробными листами словаря, рѣшило оказать содѣйствіе составителю въ такомъ изданіи, требующемъ значительныхъ затратъ.

Археологическія находки.—Въ прошломъ году, археологъ Т. В. Кибальчичъ посѣтилъ окрестности села Вишенекъ, Остерскаго уѣзда, и открылъ, въ концѣ села, на берегу р. Днѣпра, на возвышенности, подымающейся саженъ на 50, по дорогѣ въ Борисполь, цѣпь песчанныхъ могильныхъ насыпей, съ слѣдами древнѣйшихъ человѣческихъ поселеній на этихъ мѣстахъ. Цѣпь эта служитъ продолженіемъ вороньковской (въ Переяславскомъ уѣздѣ) группы подобныхъ могильныхъ насыпей и затѣмъ идетъ по тому же лѣвому берегу рѣки Днѣпра къ Кіеву, образуя такія же могильныя группы: гнѣдинскую, никольскую, воскресенскую и выгуровскую—по названіямъ близъ лежащихъ селеній. Вишенская группа могильныхъ насыпей дала г. Кибальчичу наибольшее число находокъ—памятниковъ каменнаго періода. Вообще же, во всѣхъ перечисленныхъ выше группахъ могильныхъ насыпей, г. Кибальчичемъ получено, по его отчету, до 10 тысячъ предметовъ каменнаго и незначительное число предметовъ бронзоваго и желѣзнаго періодовъ. Многіе изъ этихъ предметовъ были выставлены на недавно бывшей выставкѣ древностей Кибальчича въ залѣ академіи художествъ, въ Петербургѣ.

Настоящая весна также дала большое число находокъ древнихъ предметовъ на песчаныхъ насыпяхъ близъ с. Вишенекъ. Дѣломъ отысканія и собиранія древностей занялся мѣстный священникъ с. Вишенекъ, о. Феодоръ Яновскій, человѣкъ въ немалой степени самъ интересующійся этимъ предметомъ. За одну настоящую весну, онъ успѣлъ уже получить съ песчаныхъ могильныхъ насыпей у с. Вишинекъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ предметовъ древности; изъ нихъ много есть такихъ, какихъ прежде не приходилось еще находить здѣсь. Можно смѣло сказать, что, продолжая собраніе находокъ древностей у Вишенекъ съ такимъ же успѣхомъ и дальше, о. Яновскій будетъ имѣть въ высшей степени интересную въ научномъ отношеніи и громадную по размѣрамъ археологическую коллекцію. Изъ числа найденныхъ предметовъ большинство—предметы каменнаго періода и небольшая только часть ихъ—бронзоваго и желѣзнаго. По своей сохранности, изъ найденныхъ памятниковъ древности обращаютъ особенное на себя вниманіе: кремневые ножи, стрѣлы и наконечники копій, бусы—шиферныя, костяныя и глиняныя, куски битой глиняной посуды, съ орнаментами на нихъ и дырочками, бронзовыя стрѣлы, желѣзныя копья и проч.

Церковно-Археологическое Общество при Кіевской духовной академіи. Изъ отчета этого Общества за прошлый годъ видно, что съ октября 1880 года установились очередныя засѣданія Общества, съ чтеніемъ на нихъ рефератовъ. Всѣхъ засѣданій до апрѣля мѣсяца сего года было шесть. Кромѣ извѣстій о новыхъ поступленіяхъ въ Церковно-Археологическій музей, на этихъ засѣданіяхъ сообщены были слѣдующіе рефераты: „О амбонахъ", протоіерея П. Г. Лебединцева, въ которомъ доказывалось существованіе проповѣдническихъ амбоновъ въ древнихъ храмахъ и польза подобныхъ амбоновъ въ настоящее время; о рукописной „Четьи", писанной въ 1397 году нѣкіимъ поповичемъ Березкой во градѣ Камянцѣ (нынѣшней Гродненской губерніи), при великомъ королѣ Андреѣ, съ оттѣнками мѣстнаго нарѣчія, Н. Петрова; „О обновленіи лаврской церкви", П. А. Лашкарева; „О миньятюрахъ и заставкахъ въ греческомъ евангеліи XI—XII в. и отношеніи ихъ къ мозаическимъ и фресковымъ изображеніямъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ", Н. Петрова; „О древностяхъ и замѣчательностяхъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, Кіевскомъ Златоверхо-Михайловскомъ и Кіевскомъ Пустынно-Никольскомъ монастыряхъ", П. А. Лашкарева и С. Т. Голубева; „О приписках исторического характера къ печатной хроникѣ Стрыйковскаго, начала XVII в., касающихся исторіи г. Кіева", протоіерея П. Г. Лебединцева; „О праздникѣ 8-го сентября въ Софійскомъ соборѣ"— историческая замѣтка, его же; „Объ острожской библіи 1580—1581 г., по случаю трехсотлѣтія ея", С. Т. Голубева и С. М. Сольскаго, и „О рукописномъ разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей, второй половины XVIII вѣка, представляющемъ перечень событій украинской исторіи до начала царствованія Екатерины II-й", Н. Петрова.

При Обществѣ состоитъ Церковно-Археологическій музей, открытый для публики по воскресеньямъ, съ 12 до 2-хъ часовъ пополудни. До января настоящаго года въ музей поступило 11,084 предмета, которые распредѣлены по 11-ти отдѣламъ. Въ концѣ прошлаго года изданъ печатный указатель музея.

Поступленія въ музей непрерывно почти продолжаются и въ настоящемъ году. Между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ японская коллекція изъ 70-ти предметовъ, привезенная въ Кіевъ японскимъ миссіонеромъ, архимандритомъ Анатоліемъ (Тихаемъ), бывшимъ воспитанникомъ Кіевской академіи, и пожертвованная имъ въ Церковно-Археологическій музей. Она заключаетъ въ себѣ статуетки боговъ и священные предметы синтоизма (древнѣйшей государственной японской религіи) и японскаго буддизма, а также нѣсколько предметовъ государственнаго, общественнаго и домашняго быта японцевъ. Кромѣ того, покровитель Церковно-Археологическаго Общества, его императорское высочество, великій князь Владиміръ Александровичъ сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ изъ Императорской Академіи Художествъ въ Церковно-Археологическій музей 34 гипсовыхъ моделей древнихъ христіанскихъ памятниковъ въ Крыму. Модели эти, исполненныя художникомъ Д. Струковымъ и бывшія на политехнической выставкѣ, удостоены за исполненіе золотой медали.

Новый взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ".—Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій Археологическаго института, г. Прозоровскій сдѣлалъ любопытное сообщеніе о знаменитомъ помятникѣ русской письменности XII вѣка. „Слово о полку Игоревѣ" въ теперешнемъ его видѣ, какъ извѣстно, представляетъ какой-то странный сборъ отрывковъ и безсмысленныхъ выраженій. Князь П. П. Вяземскій въ своихъ изслѣдованіяхъ о варіантахъ „Слова", сдѣлалъ попытку къ возстановленію его въ первоначальный видъ, но попытка не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ онъ смотрѣлъ на памятникъ исключительно съ литературной точки зрѣнія, тогда какъ полное достиженіе цѣли зависитъ отъ употребленія правильнаго историческаго пріема. Сопоставленіе „Слова" съ лѣтописями убѣждаетъ, что отъ вступленія—прямой переходъ къ 4 пѣсни, по изданію Гербеля („были вѣчи Трояни"), затѣмъ должна слѣдовать середина 9-й („на седьмомъ вѣцѣ Трояни"), далѣе начало этой пѣсни, а затѣмъ конецъ. Указанными мѣстами опредѣляется та часть „Слова", которая почерпнута изъ старыхъ Словесъ и которая, будучи разбросана по разнымъ мѣстамъ сочиненія, кажется чѣмъ-то совсѣмъ постороннимъ, не имѣющимъ связи съ разсказами о походѣ Игоря.

Весьма любопытнымъ представляется объясненіе самаго вступленія въ „Слово" и особенно отношеніе „старыхъ словесъ" къ „былинамъ сего времени". Подъ „старыми словами" почтенный археологъ весьма основательно видитъ старыя сказанія, записки, короче—источники, изъ которыхъ поэтъ черпалъ матерьялъ для своего труда. „Былины же сего времени" указываютъ на господствовавшій въ современной поэзіи складъ, т. е. пѣсенный. Иначе сказать, „старыя словеса" даютъ понятіе о внутреннемъ содержаніи произведенія, а былины сего времени—на форму.

Продолжая подведеніе поэтическаго разсказа подъ условія историческаго событія, г. Прозоровскій доказываетъ, во-первыхъ, что въ лицѣ „стараго Владиміра" выведенъ не Владиміръ Святой, а Мономахъ, такъ какъ „цѣлью писателя было начертать картину княжескихъ крамолъ, наведшихъ на русскую землю поганыхъ иноплеменниковъ, а не прославлять подвиги князей стараго времени". Мономахъ могъ быть названъ старымъ, какъ въ отношеніи послѣдующихъ Владиміровъ, такъ и по его личной старости. Что касается упоминаемаго въ „Словѣ" Владиміра Черниговскаго, то, по мнѣнію Д. И. Прозоровскаго, его нельзя смѣшивать съ Владиміромъ Мономахомъ, но въ немъ является Владиміръ Давыдовичъ, помогавшій Всеволоду Ольговичу добыть Кіевъ и потому получившій Черниговское княженіе. Соображеніе характеровъ нѣкоторыхъ историческихъ лицъ и событій побуждаетъ нашего изслѣдователя сдѣлать еще двѣ три перестановки въ текстѣ „Слова", благодаря которымъ все произведеніе принимаетъ органическій цѣлостный видъ.

Замѣчательна общая характеристика произведенія. По словамъ г. Прозоровскаго, „поэтъ былъ человѣкъ весьма образованный, одаренный тонкимъ умомъ и изящнымъ вкусомъ. Высокій слогъ, какимъ написана поэма, и пріемы самаго изложенія показываютъ, что его произведеніе предназначалось не для народа, а для высшаго общества, преимущественно для князей, въ отношеніи къ которымъ поэма имѣетъ то характеръ сатиры, то характеръ похвалы. Оттого-то, быть можетъ, списки поэмы были немногочисленны и могли скоро утратиться вслѣдствіе различныхъ случайностей въ судьбѣ княжескихъ и боярскихъ родовъ".

Независимо отъ этихъ общихъ историческихъ замѣчаній, г. Прозоровскій предложилъ цѣлый рядъ изысканій объ отдѣльныхъ выраженіяхъ, какъ-то: Боянъ, Троянъ, Хросъ, Сула, Дунай, Кощей, и ходы и проч.

Памятникъ Н. В. Гоголю въ Нѣжинѣ.—Въ мастерской петербургскаго скульптора Ботта изготовлена модель въ натуральную величину памятника Н. В. Гоголю, предположеннаго къ постановкѣ въ г. Нѣжинѣ. Памятникъ, величиною не болѣе 2-хъ саженъ, состоитъ изъ поясного бронзоваго бюста писателя, установленнаго на весьма ординарномъ пьедесталѣ изъ сѣраго мрамора, въ верхней части котораго, какъ разъ подъ бюстомъ, крупными буквами написано „Гоголь"; среди пьедестала помѣщается бронзовая доска, на которой будутъ вырѣзаны соотвѣтственныя надписи; въ верхней и нижней частяхъ пьедесталъ отдѣланъ бронзовымъ бордюромъ, основаніемъ же его служатъ двѣ широкія ступени, сдѣланныя изъ краснаго гранита. Всѣ каменныя работы, относящіяся къ сооруженію памятника, будутъ произведены въ мастерской Ботта; отливка же бюста и бронзовыхъ украшеній послѣдуетъ на заводѣ Шопена.

Исторія коллекцій Румянцевскаго музея. Въ Москвѣ предпринято составленіе исторіи коллекцій Румянцевскаго музея. Независимо отъ оцѣнки услугъ, какія оказаны этимъ музеемъ отечественной наукѣ, въ исторіи предположено выяснить, какіе изъ документовъ, собранныхъ графомъ Румянцевымъ, остаются до сихъ поръ ненапечатанными, какіе гдѣ напечатаны, о какихъ имѣются изслѣдованія и, наконецъ, какія изъ ученыхъ изслѣдованій основаны главнымъ образомъ на документахъ музея. Этотъ трудъ, приготовляемый г. Лебедевымъ, долженъ выйдти въ непродолжительномъ времени.

Языческое кладбище.—Петроковская газета „Tydzien" сообщаетъ, что сотрудникъ газеты, нѣкій г. Мартыновскій, нашелъ на поляхъ посада Грохолицы, въ трехъ миляхъ отъ Петрокова, языческое кладбище, заключающее въ себѣ много интереснаго для археологовъ.

Замѣтки и поправки.

Въ майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника", нынѣшняго 1881 года, помѣщена весьма любопытная статья подъ названіемъ: „Калейдоскопъ московской жизни". 1818, 1819 и 1820 гг. (изъ писемъ А. Я. Булгакова къ князю П. А. Вяземскому").

Въ одномъ изъ этихъ писемъ, а именно отъ 25-го сентября 1818 г. говорится слѣдующее:

„Является Сушковъ [1]) (тобою клопомъ названный). Опускается занавѣсъ, онъ кричитъ Семенову. Ему говоритъ офицеръ: „да, помилуйте, Семенова не играла сегодня!" Пьяный Сушковъ выругалъ офицера и кричитъ Семенову! Полицмейстеръ дѣлаетъ ему тоже замѣчаніе, а онъ отвѣчаетъ: „Семенову! Семенову! У меня для нея 1000 рублей за пазухой, я ей брошу деньги на сцену, Семенову! Семенову"! Шульгинъ выводитъ молодца, который кричитъ кланяясь на всѣ стороны: „Mes amis, délivrez moi de la police, mes amis, sauvez moi!" Въ сѣняхъ, видя себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ солдатами, онъ восклицаетъ: „Mon Dieu, comme c'est tragique". На другой день взята съ него подписка, что онъ никогда не будетъ въ театрѣ".

Въ то время, когда было писано это письмо, т. е. въ 1818 году, мнѣ было только 1½ года и потому я не могу, конечно, опровергнуть категорически разсказъ современника, но тѣмъ не менѣе я считаю его невѣрнымъ отъ начала до конца.

Родной дядя мой, Андрей Васильевичъ Сушковъ, скончавшійся въ 1846 году, какъ мнѣ положительно извѣстно, театраломъ никогда не былъ и даже очень мало интересовался театрами, предпочитая имъ, пока онъ былъ молодъ, большіе балы и маленькіе танцовальные вечера, чему причиною было, вѣроятно, то обстоятельство, что онъ былъ отличнымъ танцоромъ, а впослѣдствіи, когда вступилъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, любилъ преимущественно проводить свои вечера въ московскомъ англійскомъ клубѣ, играя тамъ по маленькой въ вистъ или бостонъ.

Пьянымъ во всю свою жизнь Андрей Васильевичъ никогда не бывалъ и даже пилъ вино весьма рѣдко и то не болѣе одной рюмки за обѣдомъ, замѣняя обыкновенно вино пивомъ, котораго выпивалъ ежедневно за столомъ одинъ или два стакана.

Не имѣя ровно никакого состоянія, онъ не могъ, если бы даже и желалъ, поднести въ подарокъ Е. С. Семеновой 1000 рублей, т. е. такую сумму, которая въ тогдашнее время считалась весьма значительною.

Что-же касается того, что, будто бы, его обязали подпискою не бывать никогда въ театрѣ, то невѣрность этого факта доказывается тѣмъ, что въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ неоднократно посѣщалъ московскіе театры, чему я самъ былъ очевидцемъ.

Ко всему этому считаю нелишнимъ присовокупить еще, что Андрей Васильевичъ вращался постоянно въ лучшемъ московскомъ обществѣ, что̀ было-бы немыслимо, если бы съ нимъ случилось что нибудь подобное.

Въ молодости своей онъ былъ особенно друженъ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, съ которымъ и впослѣдствіи сохранилъ хорошія отношенія и всегда дружески встрѣчался, хотя между ихъ встрѣчами проходили иногда многіе годы, такъ какъ князь Вяземскій жилъ преимущественно въ Петербургѣ, а Андрей Васильевичъ сперва въ Москвѣ, а потомъ въ Саратовской губерніи, откуда лишь по временамъ и не надолго пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Если князь Вяземскій, дѣйствительно, далъ Андрею Висильевичу, въ виду его маленькаго роста, прозвище клопа — о чемъ я, впрочемъ, никогда и ни отъ кого не слышалъ, — то это, со стороны князя, было, конечно, не болѣе

---

[1]) О Сушковѣ, извѣстномъ театралѣ, вслѣдствіе его низкаго роста, была въ ходу поговорка:

Андрей Сушковъ
Лишь пять вершковъ.

какъ пріятельскою шуткою, которою князь и въ умѣ не имѣлъ оскорбить Андрея Васильевича, да и дядя мой — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія—нисколько ею не обижался, зная очень хорошо, что

Порой, для остраго словца
Не пожалѣешь и отца.

Во дни моей юности я встрѣчалъ часто покойнаго А. Я. Булгакова, бывшаго тогда московскимъ почтъ-директоромъ, въ домѣ родной бабки моей А. Н. Пашковой и потому, имѣя случай знать лично Александра Яковлевича, я, конечно, никогда и не подумаю обвинять его въ преднамѣренной лжи; но въ настоящемъ случаѣ онъ, вѣроятно, былъ введенъ въ обманъ, повѣривъ какимъ нибудь нелѣпымъ слухамъ, которыми искони была богата матушка-Москва, подобно тому, какъ онъ же былъ введенъ въ обманъ ложнымъ слухомъ о томъ, что нашъ знаменитый партизанъ 1812 года и извѣстный поэтъ Д. В. Давыдовъ застрѣлился нечаянно на охотѣ, о чемъ тотъ же А. Я. Булгаковъ, какъ видно изъ этой же самой статьи, сообщилъ также князю П. А. Вяземскому въ томъ же 1818 году.

Д. Сушковъ.

Дополненіе къ „Святительскимъ тѣнямъ".

Въ статьѣ г. Лѣскова „Святительскія тѣни", напечатанной въ майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника", о Вятскомъ владыкѣ Алексѣѣ Титовѣ, между прочимъ, сказано, что онъ изъ Крутицкой и Рязанской епархій по неизвѣстнымъ причинамъ переведенъ, и живя тамъ (въ Вяткѣ), чрезъ немалое время также былъ нерѣдко за извѣстныя только св. синоду дѣла обвиняемъ. Извѣстный синоду секретъ тяготѣлъ на епископѣ древняго рода до тѣхъ поръ, пока Алексѣй Титовъ престарѣлъ и скончался. Въ дополненіе къ этому считаемъ долгомъ сказать, что намъ приводилось читать циркулярный указъ св. синода, послѣдовавшій около 1730 г., о запрещеніи святительскаго дѣйствія Вятскому архіепископу Алексѣю Титову за то, что онъ разрѣшилъ повѣнчать бракъ наканунѣ чистаго понедѣльника, впредь до разслѣдованія этого дѣла. Чѣмъ окончилось разслѣдованіе, мы съ точностью не знаемъ; но несомнѣнно, что въ скоромъ времени Алексѣй нетолько былъ возстановленъ въ своемъ званіи и санѣ, но и получилъ повышеніе. Мы имѣемъ копію указа св. синода отъ 27 сентября 1733 года, слѣдующаго содержанія: „Сего Сентября 26 дня Святѣйшему Синоду Синодальной Членъ, Преосвященный Ѳеофанъ, архіепископъ Нововеликоградскій и Великолуцкій объявилъ словесно: сегожъ де Сентября 26 дня Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская, присутствуя въ лѣтнемъ своего Императорскаго Величества домѣ, имяннымъ своего Императорскаго Величества указомъ повелѣла Св. Синоду Рязанскаго епископа Лаврентія (Горку) за нѣкакія его извѣстныя продерзости перевесть въ Вятскую епархію епископомъ же, Алексѣя архіепископа Вятскаго на ево мѣсто Лаврентіево въ Рязанскую епархію архіепископомъ же. И во исполненіе онаго Ея Императорскаго Величества имяннаго указа Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: означенныхъ архіереовъ, а имянно Лаврентія епископа Рязанскаго за нѣкакія его извѣстныя продерзости перевесть въ Вятскую епархію епископомъ же, а Алексѣя архіепископа Вятскаго съ низшія степени на вышшую въ Рязанскую епархію архіепископомъ же" и проч.

Н. П.

У него едва хватило терпѣнія выждать на каменной лѣстницѣ Альказара появленіе признаковъ жизни въ комнатѣ съ балкономъ. Рѣшимость дѣйствовать еще болѣе усиливала его нетерпѣніе. „Романическая мавританка, шепталъ онъ про себя, улыбаясь,—ты ошибаешься, если воображаешь, что можно безнаказанно начать со мною игру. Я не принадлежу къ числу томящихся въ бездѣйствіи трубадуровъ. Или быть можетъ... испанская кровь горячѣе нашей... давно пора было приступить къ рѣшительному шагу! она, вѣроятно, сердится, что я тогда не воспользовался удобнымъ случаемъ и не ворвался къ ней по лѣстницѣ или черезъ балконъ. Foi de gentilhomme, я сдѣлался жалкимъ трусомъ въ этой ужасной тюрьмѣ! Я долженъ во что бы то ни стало возстановить мою репутацію смѣлаго искателя приключеній!..“

Въ этотъ моментъ свѣчи показались на лѣвой сторонѣ замка; онѣ мелькали и исчезали, то въ тѣхъ, то въ другихъ окнахъ; наконецъ, освѣтилась комната съ балкономъ. Король вскочилъ съ своего мѣста и поспѣшилъ къ рѣшеткѣ; онъ увидѣлъ въ окнѣ женскую фигуру; но дверь оставалась закрытою, и никто не показывался на балконѣ. Нетерпѣніе окончательно овладѣло королемъ Францискомъ; онъ открылъ желѣзную рѣшетку и поспѣшно подошелъ къ балкону, но взобраться на него не было никакой возможности, такъ какъ на стѣнѣ не видно было ни малѣйшаго выступа. Онъ быстро повернулъ назадъ и вошелъ въ сѣни замка, гдѣ, совершенно неожиданно, встрѣтилъ своего врага, герцога Бурбона, который только что сошелъ съ главной лѣстницы и направился къ выходной двери. Они тотчасъ же узнали другъ друга; герцогъ на минуту остановился; король инстинктивно послѣдовалъ его примѣру, но тотчасъ-же овладѣлъ собой и пошелъ по лѣстницѣ налѣво отъ входа, непріятно взволнованный встрѣчей, которая могла имѣть для него дурныя послѣдствія.

— Впрочемъ, стоитъ ли безпокоиться о такихъ пустякахъ! сказалъ про себя король, ускоряя шагъ. Пусть онъ говоритъ обо мнѣ, что хочетъ. Положеніе вещей измѣнилось съ сегодняшняго дня; Бурбонъ все таки нуждается въ моемъ благоволеніи, хотя, быть можетъ, въ силу какого нибудь пункта трактата, онъ и будетъ водворенъ въ своихъ прежнихъ владѣніяхъ. Какъ бы ни былъ увеличенъ его Бурбонне, онъ по прежнему останется моимъ вассаломъ и моя милость будетъ имѣть для него значеніе.

Размышляя такимъ образомъ, король быстро прошелъ по длинному корридору въ полуосвѣщенную переднюю, за которой была большая комната въ три окна, также полуосвѣщенная. За нею, по разсчету короля, должна была находиться комната съ балкономъ, гдѣ теперь слышался говоръ женскихъ голосовъ. Сердце влюбленнаго Франциска замерло отъ безпокойства. Значитъ, его очаровательная незнакомка была не одна и, ни въ какомъ случаѣ, не ожидала его посѣщенія. Если съ нею была служанка, то послѣдняя должна была пройти мимо

него. Онъ хотѣлъ вернуться назадъ, но въ это время ему показалось, что кто-то идетъ по корридору, и, видя невозможность отступленія, онъ остановился въ нерѣшимости среди комнаты. „Должно быть, счастье окончательно покинуло меня! подумалъ онъ съ досадой. Моя первая попытка нарушить однообразіе несноснаго существованія приводитъ меня къ необходимости лгать и обманывать! Будь проклята такая жизнь! Я скажу, что отыскивалъ Бріона и Монморанси и заблудился въ корридорѣ. Кажется идутъ!..“

Онъ услышалъ шаги въ сосѣдней комнатѣ, и знакомый голосъ таинственной красавицы произнесъ загадочныя слова: „Не падайте духомъ! можетъ быть, счастье опять улыбнется вамъ!“ Король былъ увѣренъ, что, вслѣдъ затѣмъ, дама его сердца появится на порогѣ; но, вмѣсто того, кто-то вышелъ изъ двери съ противоположной стороны, и въ комнатѣ наступила мертвая тишина.—Наконецъ она одна! подумалъ Францискъ, и, проскользнувъ чуть слышными шагами къ полуотворенной двери, заглянулъ въ комнату. У стола сидѣла стройная женщина и перебирала свои драгоцѣнныя вещи, повернувшись къ нему спиной; онъ видѣлъ только изящную головку съ темными волнистыми волосами и роскошный станъ, охваченный чернымъ шелковымъ платьемъ. Все это представляло для него теперь особенную прелесть, послѣ долгаго заключенія, когда онъ не видѣлъ вблизи ни одной женщины. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ неподвижно и жадно слѣдилъ за легкими движеніями красивыхъ рукъ, но потомъ, отдавшись порыву своей впечатлительной натуры, быстро вошелъ въ комнату. Дама оглянулась и въ тотъ же моментъ бросилась къ нему на шею съ горячностью, которая заставила усиленно биться его сердце.

Это была Франциска.

Король, въ первую минуту, искренно обрадовался этой встрѣчѣ. Онъ съ любовью разстался съ графиней Шатобріанъ и, кромѣ мимолетныхъ увлеченій, ничто не нарушило его отношеній къ ней. Романическая склонность къ таинственной незнакомкѣ была не болѣе, какъ игра его фантазіи, разгоряченной уединеніемъ. Онъ думалъ теперь объ одной Францискѣ, которая казалась ему красивѣе и привлекательнѣе, чѣмъ когда либо, въ изъявленіяхъ своего преданнаго сердца, чуждаго всякаго эгоизма. Ея страстная любовь, съ опьяняющей силой, охватила все его существо. Со времени битвы при Павіи, счастье оставило его, и только она одна осталась вѣрна ему и явилась, какъ добрый геній, чтобы возвратить ему полной мѣрой радость жизни, свѣтлыя надежды и душевное спокойствіе.

Ея искренность и веселое расположеніе духа обоятельно дѣйствовали на короля, и онъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ, что судьба опять соединила его съ Франциской. Но такое добродушное настроеніе не могло быть продолжительнымъ, такъ какъ оно было чуждо характеру французскаго короля, который постоянно стремился къ перемѣнѣ и новымъ приключеніямъ. Быть можетъ, подъ

впечатлѣніемъ радостнаго свиданія, онъ окончательно забылъ бы о таинственной пѣвицѣ, если бы Франциска позаботилась о томъ, чтобы ничто не напоминало ему о ней. Она могла увести его къ герцогинѣ Маргаритѣ, которая пріѣхала вмѣстѣ съ нею и поселилась на другой половинѣ замка, или найти какой нибудь другой предлогъ, чтобы удалить короля изъ таинственныхъ комнатъ, гдѣ жила романическая героиня, созданная его воображеніемъ. Она только что вышла отсюда передъ входомъ короля и могла опять вернуться по какому либо поводу. Но Франциска забыла о существованіи Химены; мысль объ измѣнѣ казалась ей невозможной въ эти минуты, когда она держала въ объятіяхъ своего возлюбленнаго, послѣ долгой разлуки. Между тѣмъ, подобная предусмотрительность была необходима ей, и въ этомъ заключалась для нея единственная возможность привязать къ себѣ короля Франциска болѣе или менѣе прочнымъ способомъ. Кокетство не только въ хорошемъ, но и въ дурномъ смыслѣ было необходимо относительно этой художественной натуры. Къ несчастью, лучшія женщины не вѣрятъ тому, что любовь есть своего рода искусство и что этимъ обусловливается ея прочность, и обыкновенно ставятъ себѣ въ заслугу полную искренность отношеній. Къ числу такихъ женщинъ принадлежала и Франциска. Не задаваясь никакой предвзятой цѣлью, она хотѣла одну минуту свести короля къ его любимой сестрѣ, но тотчасъ же отказалась отъ этого намѣренія. Онъ казался такимъ счастливымъ и довольнымъ въ ея присутствіи, что у ней не хватило рѣшимости нарушить его хорошее настроеніе духа. Она разсказала ему, что Бюде и Маро пріѣхали вмѣстѣ съ ними и что поэтъ составилъ искусный планъ бѣгства и все такъ ловко подготовилъ, что если король Францискъ согласится на то предложеніе, которое ему будетъ сдѣлано, то онъ можетъ смѣло разсчитывать на свое освобожденіе.—Лошади уже заранѣе приготовлены въ Наваррѣ, добавила она.

— Для французскаго короля? спросилъ Францискъ.

— Нѣтъ, для Маро, который пріѣхалъ сюда подъ чужимъ именемъ, въ качествѣ посланника правительницы, и долженъ надняхъ вернуться во Францію съ отвѣтомъ императора. Король Францискъ можетъ незамѣтно уѣхать съ нимъ, такъ какъ его сопровождаетъ многочисленная свита, и черезъ нѣсколько часовъ, переѣхавъ испанскую границу, очутиться на свободѣ!

— Но прежде я долженъ выйти изъ этого замка, который охраняется такимъ тщательнымъ образомъ, и освободиться отъ обѣщанія, даннаго мною императору, что я буду его плѣнникомъ до заключенія мира.

— Я убѣждена, что Маро найдетъ средство, какъ устроить это дѣло; онъ неистощимъ на выдумки. Ты долженъ, во всякомъ случаѣ, выслушать его. Я не понимаю, почему тебѣ кажется невозможнымъ выдти отсюда. Мнѣ кажется, что это легко устроить даже сегодня,

потому что, благодаря нашему пріѣзду, слуги постоянно бѣгаютъ изъ замка въ городъ и обратно съ разными порученіями. Можетъ быть, уже не представится больше такого благопріятнаго случая!

— Должно быть, поэтъ окончательно обворожилъ тебя! На словахъ все дѣлается легче, нежели въ дѣйствительности. Маро не отличается опытностью въ подобныхъ дѣлахъ. Пойми, что я буду въ самомъ нелѣпомъ положеніи въ случаѣ неудачи! Я не могу безъ ужаса представить себя въ роли кающагося грѣшника передъ этими гордыми испанцами!

— Почему ты не допускаешь возможности удачи? Всѣ удивляются странному поведенію императора! Послѣ битвы при Павіи, онъ не извлекъ никакихъ выгодъ изъ своей побѣды, хлопочетъ только о томъ, чтобы вынудить у тебя тяжелыя жертвы, и въ полтора года не завоевалъ у Франціи ни одной деревушки, такъ что твоя умная мать успѣла въ это время обезпечить свои границы мирными договорами съ разными европейскими государствами и собрать новое войско. Такимъ образомъ, если только удастся тебѣ переступить испанскую границу, не связавъ себя никакими условіями съ императоромъ, то онъ лишится всѣхъ преимуществъ, пріобрѣтенныхъ имъ при Павіи!

— Давно ли ты начала заниматься политикой, Франциска?

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ меня, потому что я умирала отъ скуки. Однако, не будемъ терять времени. Пойдемъ къ твоей сестрѣ и переговоримъ съ нею.

Король поцѣловалъ Франциску и всталъ съ своего мѣста, но въ эту минуту отворилась дверь въ глубинѣ комнаты, и онъ увидѣлъ на порогѣ ту таинственную даму, которая такъ занимала его въ послѣднее время. Онъ тотчасъ же узналъ ее по ея изящной фигурѣ, одѣтой въ бѣлое платье. Франциска, которую онъ велъ подъ руку и, за минуту передъ тѣмъ, любилъ всѣмъ сердцемъ, была забыта. Душа его стремилась къ прекрасному молодому существу съ большими темными глазами, легкимъ румянцемъ на щекахъ, густыми бровями и блестящими черными волосами, которые развѣвались длинными локонами по ея плечамъ. Онъ едва узналъ ту Химену, которую видѣлъ въ Фонтенбло въ день своего отъѣзда. Дѣвочка превратилась въ женщину: серьезные глаза выражали энергію, шея и плечи округлились; сохранилась только прежняя грустная улыбка. Она оказалась лучше идеала, созданнаго его фантазіей; звучныя низкія ноты знакомаго голоса, который онъ услышалъ вблизи, пріятно поразили его слухъ.

— Простите мою невольную нескромность, сказала она.—Помимо моего желанія, я слышала вашъ разговоръ и вполнѣ раздѣляю мнѣніе графини Шатобріанъ. Спасайтесь бѣгствомъ, король Францискъ!

— Надѣюсь, вы отправитесь вмѣстѣ съ нами?

— Я узнала, чтó сказалъ императоръ послѣ своего визита въ Альказаръ, продолжала она краснѣя и дѣлая видъ, что не слышитъ сдѣланнаго ей вопроса.—Судя по его словамъ, онъ не намѣренъ ща-

дить васъ и не согласится ни на какія уступки. Поэтому вы имѣете полное право отрѣшиться отъ своихъ рыцарскихъ понятій, по которымъ вы считаете себя обязаннымъ оставаться его плѣнникомъ до заключенія мира.

— Сдѣлай одолженіе, Химена, разскажи, что сказалъ императоръ, спросила графиня Шатобріанъ, видя, что король настолько занятъ созерцаніемъ молодой дѣвушки, что не обратилъ никакого вниманія на ея слова.

— Императоръ приказалъ моему отцу удвоить караулъ и сказалъ при этомъ, что у французскаго короля составились какія-то странныя иллюзіи! Вѣроятно, съ прибытіемъ герцогини Алансонской, когда придется говорить о дѣлѣ безъ увертокъ, онъ почувствуетъ себя разочарованнымъ и сдѣлаетъ какую нибудь отчаянную попытку освободить себя... Боже мой, что это? воскликнула она, оглядываясь и быстро отворяя дверь.

— Что съ вами? спросилъ съ живостью король.—Развѣ вы хотите уйти отъ насъ?

— Нѣтъ, но мнѣ послышался шорохъ за дверью. Эта часть замка вся искрещена потаенными ходами, такъ что здѣсь трудно уберечься отъ подслушиванья. Я замѣтила сегодня вечеромъ нѣсколько новыхъ лицъ, которыя, вѣроятно, посланы сюда императоромъ. Пойдемте къ герцогинѣ Алансонской; тамъ мы будемъ безопаснѣе.

Химена была права. Ея отецъ, который съ дѣтства ея относился къ ней недовѣрчиво, замѣтилъ ея сношенія съ Альказаромъ и, узнавъ отъ Бурбона, что французскій король прошелъ въ эту часть замка, отправился туда же потаеннымъ ходомъ. Но Химена во время услышала шорохъ и поспѣшила увести своихъ гостей. Когда они вышли, въ стѣнѣ отворилось круглое отверстіе, полузакрытое большимъ портретомъ Химены, и желтое, исхудалое лицо испанца выглянуло съ высоты; онъ окинулъ внимательнымъ взглядомъ всю комнату, какъ будто хотѣлъ убѣдиться, не остался ли тутъ кто нибудь. Черезъ минуту онъ исчезъ безслѣдно, вмѣстѣ съ отверстіемъ въ стѣнѣ.

Герцогъ Инфантадо по своему характеру вовсе не былъ склоненъ разыгрывать роль тюремщика или шпіона. Ему было непріятно слѣдить за каждымъ шагомъ французскаго короля; и даже, когда императоръ Карлъ заявилъ Инфантадо о своемъ желаніи помѣстить плѣнника въ его замкѣ, онъ отвѣтилъ съ неудовольствіемъ: „домъ мой къ услугамъ вашего величества, но я выѣду изъ него или прикажу срыть, какъ только обратятъ его въ государственную тюрьму“. Такимъ образомъ, императору стоило большаго труда уговорить герцога оставаться въ замкѣ и помѣстить у себя плѣннаго короля.

Герцогъ, не задолго передъ тѣмъ, долженъ былъ сдѣлать еще одну уступку императору — вызвать изъ Франціи нелюбимую дочь, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на кару, посланную ему съ неба, и былъ убѣжденъ, что, благодаря ей, рано или поздно его постигнетъ какая

нибудь страшная катастрофа. Онъ слѣдилъ за нею съ недоброжелательствомъ Аргуса, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она наотрѣзъ отказалась поступить въ монастырь и съ твердостью, несвойственной ея лѣтамъ, объявила, что будетъ жить въ комнатѣ своей покойной матери.

Герцогъ ничего не зналъ о предполагаемомъ бѣгствѣ французскаго короля, которое могли приписать его податливости, но онъ, во всякомъ случаѣ, употребилъ бы всѣ усилія, чтобы помѣшать ему. Должность тюремщика была ненавистна ему, но, взявъ ее на себя, онъ выполнилъ бы свою обязанность съ неумолимою строгостью.

Обѣ дамы и король прошли безпрепятственно въ комнаты герцогини Маргариты, которая была въ сильномъ безпокойствѣ, узнавъ, что короля нѣтъ въ Альказарѣ, и тѣмъ болѣе обрадовалась его появленію. Король, благодаря своему возбужденному состоянію, поздоровался съ любимой сестрой нѣжнѣе обыкновеннаго и съ большимъ участіемъ разспрашивалъ ее о герцогинѣ Ангулемской, такъ что сама Маргарита свела разговоръ на главную цѣль своего пріѣзда въ Испанію и спросила его: согласенъ ли онъ бѣжать изъ своей тюрьмы? Затѣмъ, не дожидаясь его отвѣта, она воскликнула съ живостью:

— Пожалуйста, не возлагай никакихъ надеждъ на блѣднолицаго императора; онъ безсердеченъ и разсчетливъ, какъ купецъ. Я видѣлась съ нимъ; его люди встрѣтили меня у городскихъ воротъ и свели во дворецъ. Онъ ни на волосъ не отступитъ отъ своихъ требованій! Я никогда не забуду, съ какимъ ледянымъ тономъ онъ объявилъ мнѣ, что я только тогда достигну цѣли своего пріѣзда, если уговорю тебя согласиться на предлагаемыя имъ условія, и что, въ противномъ случаѣ, ты вѣчно останешься у него въ плѣну.

— Какія же это условія? спросилъ король равнодушнымъ тономъ.

— Ты долженъ уступить Бургундію, Фландрію, Артуа, выдать въ качествѣ заложниковъ своихъ друзей: короля наваррскаго, герцога Гельдерна и Ла-Марка, возвратить всѣ прежнія владѣнія коннетаблю и его сообщникамъ и заплатить 500,000 экю...

— Еще что?

— Кромѣ того, ты долженъ жениться на сестрѣ императора, хотя рука ея обѣщана Бурбону.

— Да я долженъ жениться на Элеонорѣ? Foi de gentilhomme. Это уже слишкомъ! воскликнулъ со смѣхомъ король. Я слышалъ, что у ней совсѣмъ бѣлые волосы и такая же толстая нижняя губа, какъ у ея брата.

— Не смѣйся! сказала Маргарита, это горькая дѣйствительность. Рука ея была обѣщана Бурбону, который изъ за этого получилъ Миланское герцогство. Коннетабль провожалъ меня до воротъ этого замка и объяснилъ мнѣ весь ужасъ нашего положенія. Несмотря на его гнусное поведеніе, онъ все таки остался французомъ, и сердце

его дрогнуло при встрѣчѣ съ нами. Онъ чувствуетъ себя несчастнымъ и глубоко раскаивается, что императоръ безсовѣстно обманулъ его. Этотъ безсердечный Карлъ не имѣетъ никакихъ понятій о чести и не съумѣлъ оцѣнить единственнаго человѣка, которому онъ обязанъ своимъ успѣхомъ при Павіи. Бурбонъ совѣтовалъ мнѣ, во что бы то ни стало, уговорить тебя къ бѣгству, такъ какъ это твое единственное спасеніе, а для него удобный случай для мести.

— Месть измѣнника! пробормоталъ король. Я очень радъ, что онъ наказанъ за свою измѣну. Что скажетъ Европа о моемъ бѣгствѣ, послѣ того какъ я самъ добровольно отдалъ себя въ руки императора!

— Но не въ качествѣ узника! Развѣ онъ не обманулъ вашего довѣрія? замѣтилъ Маро, который совершенно преобразился, благодаря своему богатому наряду и пріобрѣлъ нѣкоторую самоувѣренность осанки.

— Маро, разумѣется, правъ! сказалъ Бріонъ. Но интересно было бы знать твое мнѣніе, Бюде? Чувство справедливости развито въ тебѣ болѣе, нежели во всѣхъ насъ.

— По моему мнѣнію, чѣмъ скорѣе король вступитъ на правый берегъ Бидасса, тѣмъ лучше для Франціи.

— И тѣмъ менѣе потеряетъ она провинцій, добавилъ король. Но ты не далъ прямаго отвѣта, Бюде! Теперь твоя очередь, Монморанси. Ты долженъ рѣшить этотъ вопросъ. Дамы уже освободили меня отъ даннаго слова...

— Ваше величество, я не могу имѣть никакихъ обязательствъ относительно человѣка, который не довѣряетъ мнѣ, возразилъ Монморанси.

— Вопросъ рѣшенъ! воскликнулъ король. Приступимъ къ дѣлу.

Общее молчаніе было отвѣтомъ на эти слова. Нѣсколько минутъ спустя король добавилъ:—Въ случаѣ нужды, можно пожертвовать и жизнью ради свободы! Приготовьте ваши шпаги, господа! Если намъ загородятъ дорогу, то это не должно остановить насъ...

— Значитъ, мы отправимся вмѣстѣ съ вами? спросилъ Бріонъ.

— Само собою разумѣется. Кто останется здѣсь, тому придется плохо. Много ли у тебя приготовлено лошадей, Клемансъ?

— Десять лошадей, ваше величество.

— Отлично! Наша союзница, герцогиня Инфантадо, можетъ отправиться вмѣстѣ съ нами; я надѣюсь, что она не захочетъ покинуть насъ. По моему мнѣнію, дамы должны прямо отправиться на первую станцію по дорогѣ въ Каталонію; имъ спѣшить нечего, потому что погоня будетъ главнымъ образомъ отправлена за нами.

Химена не возражала, хотя она вовсе не намѣрена была провожать бѣглецовъ до Франціи. Она хотѣла только освободить короля и соединить его съ графиней Шатобріанъ, къ которой по прежнему чувствовала самую нѣжную привязанность, хотя та не разъ была

несправедлива и холодна къ ней. Ей и въ голову не приходило задать себѣ вопросъ: считаетъ ли она короля достойнымъ любви и желаетъ ли его привязанности къ себѣ? Сдѣлаться соперницей Франциски было преступленіемъ въ ея глазахъ, и чѣмъ яснѣе король высказывалъ ей свое расположеніе, тѣмъ болѣе утверждалась она въ своемъ намѣреніи вернуться во дворецъ отца, послѣ освобожденія плѣнника, и принять на себя вину его бѣгства. Подобный подвигъ не могъ испугать молодую дѣвушку, ожесточенную съ дѣтства суровымъ обращеніемъ отца и полнымъ душевнымъ одиночествомъ; она считала жертвы всякаго рода своимъ прямымъ назначеніемъ. Что могло ожидать ее во Франціи? Легкомысліе короля приводило ее въ ужасъ; она врядъ ли могла увлечься имъ даже при другихъ условіяхъ, а теперь его ухаживанье могло лишить ее дружбы Франциски, которая была для нея самымъ дорогимъ существомъ въ цѣломъ мірѣ.

Изъ боязни, что ея отказъ можетъ поколебать рѣшимость короля, Химена старательно слѣдила за собою, чтобы не подать ему никакого повода къ сомнѣнію, и приняла дѣятельно участіе въ приготовленіяхъ къ бѣгству. Королю принесли его широкій бархатный плащъ, который онъ носилъ въ лагерѣ при Павіи и ни разу не надѣвалъ въ Альказарѣ, гдѣ онъ провелъ только жаркое время года. Монморанси далъ ему свою шляпу съ широкими полями, которая закрывала ему лицо.

Было около девяти часовъ вечера. Это былъ моментъ наиболѣе удобный для осуществленія смѣлаго предпріятія.

Всѣ молча подошли къ окну, изъ котораго видны были внутренніе дворы замка. Каждый мысленно взвѣшивалъ шансы успѣха и неудачи предполагавшагося бѣгства, хотя никто не возражалъ противъ него. Для короля Франциска это былъ вопросъ жизни, такъ какъ онъ ставилъ на карту свою честь. До сихъ поръ сознаніе своей правоты поддерживало его; онъ могъ гордиться нравственнымъ превосходствомъ надъ императоромъ, который такъ не великодушно пользовался правами побѣдителя. Въ случаѣ успѣха, онъ пріобрѣталъ свободу и могъ доказать цѣлому свѣту, что вынужденъ былъ рѣшиться на такой шагъ, чтобы противодѣйствовать низкимъ поступкамъ императора. А если бѣгство кончится неудачей? Эта мысль одинаково пугала всѣхъ; она казалась такой-же грозной, какъ черная масса тучъ, нависшихъ на горахъ Гвадаррама, которыя виднѣлись изъ окна по ту сторону Мадрида. При лунномъ свѣтѣ тучи настолько сливались съ горами, что трудно было различить, гдѣ кончались горы и начинались тучи. Ни король, ни его товарищи по заключенію, не могли дать себѣ яснаго отчета, что было причиной давящей тоски которую они ощущали въ эту минуту: долгое ли заключеніе, или боязнь быть пойманными.

— Однако, намъ пора двинуться въ путь, воскликнулъ съ нетерпѣніемъ король. Если у насъ хватило мужества рѣшиться на по-

добное предпріятіе, то мы должны выполнить его. Видитъ Богъ, что я охотнѣе прошелъ бы подъ градомъ пуль, нежели черезъ эти ворота, охраняемыя испанской стражей. Я иду впередъ съ прелестной хозяйкой этого замка; въ ея лицѣ небо послало намъ ангела хранителя; Маро пойдетъ за нами, Монморанси подастъ руку Маргаритѣ, Бріонъ—графинѣ Шатобріанъ, а разсудительный Бюде долженъ замыкать собою шествіе.

Распоряженіе короля было въ точности выполнено. Такимъ образомъ, король велъ подъ руку предметъ своей новой привязанности, а Бріонъ—своей старой любви, что не совсѣмъ согласовалось съ благоразуміемъ, которое было такъ необходимо для предстоящаго опаснаго путешествія. Химена, которая до этого момента казалась спокойнѣе всѣхъ, теперь дрожала отъ страха и невѣдомаго ей волненія, слушая любезности короля и чувствуя, какъ онъ все болѣе и болѣе прижималъ ея руку къ своему сердцу. Король обладалъ въ высшей степени тѣмъ мужествомъ или, вѣрнѣе сказать, легкомысліемъ, которое въ рѣшительныя минуты заставляетъ людей забывать о грозящей имъ бѣдѣ. Онъ весь предался любви и нѣжнымъ изліяніямъ чувствъ, хотя всѣ опасности были еще впереди, и теперь ему предстояло пройти черезъ первыя ворота, гдѣ онъ всего болѣе подвергался риску быть узнаннымъ. Старый привратникъ Перезъ долженъ былъ знать короля въ лицо, такъ какъ, прохаживаясь по двору, онъ не разъ доходилъ до рѣшетки сада и, несмотря на равнодушіе, свойственное людямъ его профессіи, могъ поддаться естественному любопытству и взглянуть на „чужаго“ короля. Такъ и было на дѣлѣ. Онъ внимательно разглядѣлъ наружность плѣнника и не разъ говорилъ своимъ знакомымъ, что французскій король не въ его вкусѣ, потому что онъ такой же рослый, какъ галиційскій крестьянинъ: „Знатный господинъ, добавлялъ онъ, не долженъ быть очень высокъ, потому что иначе можетъ прійти въ голову, что его тѣло вытянулось такъ отъ физическаго труда. Посмотрите на нашихъ грандовъ, всѣ они не выше средняго роста.“

Такимъ образомъ, бѣглецы болѣе всего должны были остерегаться стараго привратника, который жилъ въ подвальномъ этажѣ направо отъ сѣней. Химена надѣялась, что ей удастся пройти съ своимъ спутникомъ черезъ полуоткрытыя створчатыя двери, не вызвавъ появленія привратника, который, противъ обыкновенія, не стоялъ у входа. Проходя мимо дверей Переза, Химена торопливо попросила короля замолчать и отвернуться отъ нея. Но Францискъ подъ вліяніемъ страсти, возбужденной близкимъ присутствіемъ Химены, думалъ только о своемъ любовномъ объясненіи и въ этомъ смыслѣ понялъ приказаніе дамы своего сердца. Поэтому онъ еще ближе наклонился къ ней и еще больше возвысилъ голосъ, умоляя ее не быть такой жестокосердой.

— Ради Бога, молчите! Перезъ сидитъ на лѣстницѣ, онъ знаетъ ваше лицо и голосъ.

— Кто такой Перезъ?

Привратникъ, услыхавъ свое имя, поднялъ голову, между тѣмъ какъ до этого момента онъ спокойно дремалъ, сидя на лѣстницѣ. Участь бѣглецовъ висѣла на волоскѣ; теперь все зависѣло отъ того, чтобы снова усыпить бдительность привратника и помѣшать ему встать съ мѣста. Химена ускорила шагъ и, подойдя къ противоположной двери, хотѣла открыть ее. Но дверь была слишкомъ тяжела для ея слабой руки; король бросился помогать ей и по своей обычной живости не могъ сдѣлать это безъ разговоровъ, которые были крайне опасны въ эту минуту. Привратникъ, услыхавъ имя Химены, рѣшилъ, что онъ долженъ встать и помочь господамъ, но король предупредилъ его и, быстро отворивъ дверь, прошелъ черезъ нее съ Хименой и Маро. Вслѣдъ за ними вышелъ Монморанси и Маргарита, прежде чѣмъ привратникъ поднялся съ своего мѣста. Но Бріонъ, взволнованный присутствіемъ любимой женщины, шелъ медленнѣе, нежели слѣдовало и, стараясь успокоить Франциску, подошелъ въ тотъ моментъ, когда Перезъ, страдая ревматизмомъ, почувствовалъ холодъ и направился къ двери, чтобы затворить ее. Бріонъ, который жилъ въ замкѣ и былъ хорошо знакомъ всей прислугѣ, остановился въ нерѣшимости, такъ какъ свѣтъ фонаря, висѣвшаго у входа, освѣтилъ бы его лицо, и привратникъ, узнавъ его, вѣроятно, поднялъ бы такой шумъ, что ближайшій караулъ могъ не пропустить остальныхъ бѣглецовъ. Но, къ счастью, Бюде, который шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Бріона, поспѣшилъ вывести его изъ затруднительнаго положенія и, подозвавъ къ себѣ привратника, сообщилъ ему, что онъ принадлежитъ къ свитѣ герцогини Маргариты и проситъ пропустить его. Этимъ онъ отвлекъ вниманіе Переза и далъ возможность Бріону незамѣтно проскользнуть въ дверь съ Франциской.

Согласно принятому плану бѣгства, никто изъ участвующихъ въ немъ не былъ обязанъ поджидать своихъ спутниковъ и могъ дѣйствовать самостоятельно. Тѣ, которые прибыли бы раньше другихъ на мѣсто, гдѣ были приготовлены лошади, должны были продолжать путь, не теряя ни минуты. Вслѣдствіе этого распоряженія, когда Бріонъ и Франциска замѣшкались въ сѣняхъ у первыхъ воротъ, король, Химена и Маро, были уже на дальнемъ концѣ внутренняго двора, устроеннаго на подобіе цирка и окруженнаго съ обѣихъ сторонъ полукруглыми флигелями, примыкавшими къ замку. Этотъ дворъ назывался „бычачьимъ“, такъ какъ онъ служилъ для боя быковъ, который герцогъ устраивалъ по временамъ для своихъ друзей и знакомыхъ. Въ нижнихъ этажахъ обоихъ флигелей жила прислуга; верхніе были заняты галлереями до того мѣста, гдѣ было оставлено небольшое пространство для воротъ, шаговъ въ тридцать; направо и налѣво отъ нихъ тянулись узкіе одноэтажные домики, которые были

теперь переполнены караульными, и здѣсь день и ночь сидѣли на порогѣ два сторожа. Эти домики плохо гармонировали съ остальнымъ строеніемъ и, очевидно, были построены въ позднѣйшее время. Помимо сторожей, сидѣвшихъ постоянно на дворѣ, караульные были разставлены у каждаго окна; укрыться отъ стольких глазъ не было никакой возможности, и вся задача бѣглецовъ состояла въ томъ, чтобы не возбудить противъ себя подозрѣнія.

Выходомъ изъ „бычачьяго“ двора служили высокія рѣшетчатыя ворота художественной работы, надъ которыми возвышалась красивая арка въ мавританскомъ вкусѣ; концы ея упирались на столбы изъ темнаго мрамора, украшенные гербами дома Инфантадо. Ворота эти, въ двадцать шаговъ шириною, служили для въѣзда и выѣзда экипажей и верховыхъ. По обѣимъ сторонамъ были такія же рѣшетчатыя желѣзныя калитки, какъ и ворота, но безъ арокъ, назначенныя для пѣшеходовъ. Всякій, кто входилъ въ замокъ, долженъ былъ звонить у правой калитки; всѣ выходившіе изъ замка звонили со двора у лѣвой калитки.

Химена, знавшая хорошо этотъ обычай, направилась съ своими спутниками къ лѣвой калиткѣ и пригласила короля остаться съ нею въ тѣни арки, пока Маро предъявитъ сторожамъ пропускной листъ, полученный имъ въ качествѣ французскаго посланника. Когда они подошли къ рѣшетчатой калиткѣ, черезъ которую видѣнъ былъ послѣдній, такъ-называемый, „главный“ дворъ, Химена съ безпокойствомъ замѣтила какой-то необыкновенный свѣтъ, мерцавшій вдали. Тѣмъ же свѣтомъ освѣщена была неуклюжая башня съ двойными воротами, служившая выходомъ съ этого послѣдняго двора.

— Вы видите это освѣщеніе? сказала съ испугомъ Химена, прерывая короля, который неутомимо преслѣдовалъ ее своимъ ухаживаньемъ. Я никогда не видала здѣсь ничего подобнаго, и считаю это дурнымъ знакомъ. Врядъ ли намъ удастся убѣжать отсюда!

Но король не привыкъ бросать начатаго дѣла, не окончивъ его, и отвѣтилъ съ живостью, что „теперь уже поздно отступать и онъ надѣется, что прекрасная испанка принесетъ ему счастье!“

Маро взялся за звонокъ, но Химена торопливо остановила его и, указавъ на сторожевой домъ, сказала ему вполголоса, что лучше позвать сторожа и попросить его отворить калитку, такъ какъ звонъ колокольчика можетъ обратить на нихъ общее вниманіе. Но эта предосторожность оказалась напрасною. У открытыхъ оконъ стояли вооруженные люди и внимательно разглядывали ихъ. Между тѣмъ, Маро не возвращался, что еще больше увеличило безпокойство Химены. Наконецъ, онъ вышелъ въ сопровожденіи сторожа.

— Отворите же калитку! сказалъ съ нетерпѣніемъ Маро, обращаясь къ сторожу.

— Четверть часа тому назадъ, отвѣтилъ сторожъ, отданъ строжайшій приказъ, что всякій, кто пожелаетъ выйти изъ замка, дол-

женъ прежде явиться къ кастеляну. Онъ живетъ на главномъ дворѣ, подождите немного, сеньеръ, я прикажу проводить васъ.

— Пустите, шепнула Химена королю.

— Ни за что!

— Ради Бога, не задерживайте меня, если сторожъ не пропуститъ насъ, то я пойду къ кастеляну, а вы оставайтесь здѣсь; онъ знаетъ васъ...

Съ этими словами Химена, вырвавъ свою руку отъ короля, подошла къ сторожу и спросила его:

— Развѣ ты не узнаешь меня? Я дочь герцога! Эти господа—мои гости. Надѣюсь, я не имѣю никакой надобности являться къ кастеляну!

Сторожъ поклонился и отвѣтилъ, что тотчасъ откроетъ калитку.

Король воспользовался этимъ моментомъ, чтобы подать руку Хименѣ.

— Идите съ правой стороны! сказала она шопотомъ. Надвиньте шляпу на лицо, васъ могутъ узнать...

— Значитъ, эти господа были у васъ въ гостяхъ? спросилъ сторожъ, отступая въ сторону, чтобы пропустить Химену и ея спутниковъ черезъ отворенную калитку.

Химена была настолько озабочена мыслью поскорѣе увести короля, что не сразу отвѣтила на этотъ вопросъ. Произошла многозначительная пауза. Маро счелъ нужнымъ вмѣшаться и замѣтилъ сторожу:

— Почему это васъ такъ интересуетъ, mon garçon?

— Что значитъ garçon? спросилъ угрюмо сторожъ, услыхавъ незнакомое слово. Онъ былъ не въ духѣ, такъ какъ, уступивъ желанію Химены, не былъ увѣренъ: хорошо ли онъ дѣлаетъ, что беретъ на себя такую отвѣтственность.

Вопросъ сторожа насмѣшилъ короля, и онъ отвѣтилъ со смѣхомъ:

— Вы хотите знать, что такое garçon? Это монахъ въ свѣтской одеждѣ!

Химена пришла въ ужасъ отъ неумѣстной шутки короля и молча пройдя съ нимъ нѣсколько шаговъ по ярко-освѣщенному двору, вернулась назадъ къ калиткѣ, чтобы сказать сторожу, что онъ долженъ пропустить еще пятерыхъ господъ, такъ какъ они ея хорошіе знакомые.

Но сторожъ не довольствовался этимъ объясненіемъ и сказалъ, что только въ томъ случаѣ исполнитъ ея желаніе, если она возьметъ на себя отвѣтственность за неисполненіе даннаго приказа.

— Я все беру на себя.

— Его свѣтлость герцогъ только что былъ здѣсь и отправился въ башню, гдѣ, вѣроятно, сдѣлаетъ такое же распоряженіе, какъ и на нашемъ дворѣ. Можетъ быть, герцогъ будетъ недоволенъ, что мы ослушались его...

— Не безпокойся, это мое дѣло! отвѣтила Химена, отходя отъ калитки, чтобы присоединиться къ своимъ спутникамъ. Извѣстіе, что ея отецъ отправился въ башню и она можетъ встрѣтиться съ нимъ, было самое ужасное изъ всего, что могло предстоять ей. Она сознавала, что сдѣлала преступленіе относительно отца, съ которымъ и помимо этого она находилась въ такихъ дурныхъ отношеніяхъ. Ноги отказывались служить ей, и она сама взяла подъ руку короля. Между тѣмъ, собрались и другіе бѣглецы, и они дошли до средины обширнаго двора, гдѣ свѣтъ мерцавшихъ кругомъ факеловъ свѣтилъ всего слабѣе.

Химена остановилась и, обращаясь къ своимъ спутникамъ, предложила имъ вернуться назадъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ заставятъ вернуться силою.

Это была совершенная неожиданность, потому что достигнувъ послѣдняго двора, всѣ считали себя внѣ опасности.

Дворъ этотъ, окруженный хозяйственными строеніями и конюшнями, былъ всего менѣе охраняемъ, потому что здѣсь почти исключительно жили конюхи и прислуга. Бревенчатыя ворота башни запирались простымъ деревяннымъ засовомъ, который подымался на цѣпяхъ, придѣланныхъ къ колесу. Должность привратника исполнялъ здѣсь подслѣповатый слуга кастеляна, который почти не выходилъ изъ своей конуры, устроенной на срединѣ лѣстницы у свода воротъ и, заслышавъ ударъ бича или громкій зовъ, не двигаясь съ мѣста, поднималъ засовъ съ помощью особеннаго механизма.

Все это было извѣстно бѣглецамъ изъ разсказовъ Химены, и потому никто изъ нихъ не хотѣлъ вѣрить, что здѣсь имъ грозитъ наибольшая опасность. Они отказались наотрѣзъ отъ ея предложенія вернуться назадъ. Неужели они не воспользуются такимъ удобнымъ случаемъ къ освобожденію и отступятъ передъ послѣднимъ препятствіемъ въ видѣ деревяннаго засова! Это казалось немыслимымъ королю Франциску; такъ далеко не простиралось его увлеченіе красивой дѣвушкой. Онъ съ нетерпѣніемъ выслушалъ ея замѣчаніе, что дворъ и башня освѣщены факелами и что это дурной знакъ, такъ какъ прежде никогда не бывало ничего подобнаго.

— Не бывало прежде и такого дня, какъ сегодня! возразилъ Бріонъ. Императоръ посѣтилъ Альказаръ. Можетъ быть предполагая, что онъ останется здѣсь до вечера, приготовили факелы, и теперь рѣшили зажечь ихъ въ честь гостей герцога, прибывшихъ изъ Франціи.

— Почему же отданъ приказъ всякаго выходящаго изъ замка, представлять кастеляну, и зачѣмъ самъ герцогъ осматривалъ караулъ?

— Въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго!

— Герцогъ никогда не выходитъ изъ дому въ это время. Я убѣждена, что онъ теперь у кастеляна и видитъ насъ. Мы навѣрно встрѣтимъ его у воротъ!

— Мы выйдемъ прежде, нежели онъ спустится съ лѣстницы!

— Можетъ быть привратнику отданъ приказъ не выпускать насъ! Боже мой, кто-то стоитъ за зубцами башни. У него шляпа съ перьями... Это мой отецъ! Вернемтесь назадъ!

— Ни въ какомъ случаѣ! воскликнулъ король. Вамъ померещилось! Я ничего не вижу кромѣ бойницъ, освѣщенныхъ луннымъ свѣтомъ. Съ нашей стороны было бы ребячествомъ отступить въ виду воображаемой опасности. Если герцогъ, дѣйствительно, здѣсь, и видитъ насъ, то тѣмъ болѣе нѣтъ смысла возвратиться назадъ, не сдѣлавъ послѣдней попытки. Если привратникъ не согласится добровольно открыть намъ ворота, то мы обойдемся безъ его помощи. Сюда, Бріонъ и Монморанси! Мы теряемъ время въ пустыхъ разговорахъ!

Всѣ въ безпорядкѣ двинулись къ башнѣ. Но и тутъ въ кругломъ окнѣ горѣлъ факелъ, освѣщая своимъ красноватымъ свѣтомъ толстыя дубовыя ворота.

— Открой ворота, привратникъ! крикнулъ король по-испански.

Нѣкоторое время никто не показывался; наконецъ, въ боковомъ окнѣ у воротъ появилась голова съ всклокоченными волосами и худощавымъ угрюмымъ лицомъ, и внимательно разсматривала стоявшее внизу общество.

— Отворяй, Педро! крикнула Химена.

— Объявите сперва пароль! отвѣтилъ привратникъ хриплымъ голосомъ.

— Какой пароль?

— Вы должны были узнать отъ кастеляна!..

Король вопросительно взглянулъ на Химену и, видя ея смущеніе, отвѣтилъ наугадъ: Францискъ!

Наступила минута молчанія. Неужели изъ тысячи возможныхъ лозунговъ этотъ оказался вѣрнымъ!..

Наконецъ привратникъ отвѣтилъ:—нѣтъ, не такъ! и скрылся изъ окна.

— Пойдемте назадъ! шепнула Химена.—Я слышу шаги на лѣстницѣ! Это, вѣроятно, кастелянъ. Онъ знаетъ васъ, король Францискъ!

— Гдѣ ходъ къ привратнику? Сведите насъ къ нему.

— Это невозможно. Нужно пройти черезъ комнату кастеляна.

— Его можно убить, какъ и всякаго другаго!

— Позвольте мнѣ встать на ваши плечи, Монморанси, сказалъ Бріонъ, — если мнѣ удастся захватить это кольцо въ стѣнѣ, я влѣзу въ комнату къ привратнику и отворю вамъ ворота.

Но, прежде чѣмъ Бріонъ успѣлъ выполнить свое намѣреніе, въ окнѣ показалась голова герцога Инфантадо!

— Мои дорогіе гости, сказалъ онъ, — мы не получали никакого увѣдомленія о томъ, что испанскій король ожидаетъ васъ сегодня ве-

черомъ, но если вы непремѣнно желаете видѣть его величество, то я пошлю спросить канцлера Гаттинара: прикажетъ ли онъ отворить вамъ ворота? Здѣсь, кстати, оставленъ отрядъ королевскихъ тѣлохранителей; онъ проводитъ васъ въ Мадридъ. Но, если вамъ угодно будетъ послушать моего совѣта, то вы отложите свой визитъ до болѣе удобнаго времени. Испанскій король пробудетъ здѣсь довольно долго, а сегодня онъ, вѣроятно, пожелаетъ отдохнуть съ дороги...

Маро спросилъ шопотомъ короля Франциска: не вернуться ли намъ въ Альказаръ, ваше величество?

— Ничего другаго не остается дѣлать! возразилъ съ досадой Францискъ.

Маро подошелъ къ окну и, обращаясь къ герцогу, сказалъ съ вѣжливымъ поклономъ:

— Позвольте поблагодарить васъ за добрый совѣтъ. Мы рѣшили отложить нашъ визитъ до слѣдующаго дня.

— Какъ вамъ будетъ угодно! возразилъ герцогъ, удаляясь отъ окна.

Бѣглецы молча двинулись въ обратный путь, подавленные и униженные постыднымъ исходомъ бѣгства. На этотъ разъ они не встрѣтили никакихъ препятствій и благополучно вернулись въ замокъ

Бюде первый прервалъ молчаніе.

— Во всякомъ случаѣ, мы должны благодарить судьбу, сказалъ онъ. — Наша попытка къ бѣгству останется въ тайнѣ. Герцогъ не могъ замѣтить, или сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ короля.

— Онъ не видѣлъ короля!.. Герцогъ, кровный дворянинъ—и никогда не выдастъ нашей тайны! сказали Бріонъ и Монморанси.

Король Францискъ въ это время молча сидѣлъ въ углу, скрестивъ руки на груди и едва замѣтно пожалъ плечами, слушая разсужденія молодыхъ сеньоровъ. Въ его обращеніи не видно было и слѣда прежняго увлеченія Хименой. Онъ казался задумчивымъ и почти не обращалъ вниманія на молодую дѣвушку.

— Вы напрасно утѣшаете себя благородствомъ герцога! сказалъ король!—Я не считаю нужнымъ, чтобы мои поступки оставались въ тайнѣ, и не желаю зависѣть отъ великодушія человѣка, который даже не принадлежитъ къ числу моихъ вассаловъ. Мы не должны были рѣшаться на подобный шагъ, если у насъ не достаетъ мужества помириться съ неудачей. Прежде всего мы обязаны принять мѣры, чтобы молодая дѣвушка, которая сопровождала насъ, не поплатилась бы за наше бѣгство! Сдѣлайте, одолженіе герцогиня, если отецъ вашъ будетъ допрашивать васъ относительно сегодняшней исторіи, пошлите его ко мнѣ, я съумѣю отвѣтить ему. Мнѣ кажется, что намъ нечего обманывать себя относительно послѣдствій нашего бѣгства. Это легкомысленное, незрѣлое предпріятіе разрушило нашу послѣднюю надежду; наше положеніе, несомнѣнно, ухудшится. Императоръ узнаетъ о нашемъ подвигѣ, хотя не сдѣлаетъ на это ни малѣйшаго намека, только

теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, намъ уже нечего ожидать отъ него какихъ-либо уступокъ. Мы должны будемъ согласиться на самыя постыдныя условія мира, или...

— Или?.. спросила съ безпокойствомъ Маргарита.

— Или отказаться отъ французскаго престола, продолжалъ король,—и навсегда остаться узникомъ въ Альказарѣ.

Это заявленіе встрѣтило горячій протестъ со стороны присутствующихъ, но король, равнодушно выслушавъ всѣ возраженія, поднялся съ своего мѣста и вышелъ изъ комнаты.

Онъ не затворилъ за собой дверей, такъ что слышно было, какъ онъ медленно спускался по лѣстницѣ. Маргарита и графиня Шатобріанъ подошли къ окну и горько заплакали, когда увидѣли высокую фигуру короля, который шелъ одинъ по саду въ мрачный Альказаръ, гдѣ, быть можетъ, ему суждено было остаться на всю жизнь.

Король Францискъ вѣрно предугадалъ свою дальнѣйшую судьбу. На слѣдующій же день начались дѣятельные переговоры о мирѣ, благодаря посредничеству Маргариты. Хотя французскій король былъ податливѣе, чѣмъ когда-либо, и соглашался возвратить герцогу Бурбону его прежнія владѣнія, въ случаѣ женитьбы послѣдняго на Маргаритѣ, но все это не имѣло никакого значенія въ глазахъ императора. Ни его собственное настроеніе духа, ни постороннія вліянія не могли заставить его сдѣлать малѣйшую уступку противъ тѣхъ условій, которыя онъ предначерталъ себѣ относительно Франціи.

Прошло два мѣсяца въ безплодныхъ переговорахъ; между тѣмъ, погода становилась все суровѣе и мрачнѣе, что должно было неизбѣжно отразиться и на нравственномъ состояніи обитателей замка Инфантадо, который Францискъ посѣщалъ теперь каждый вечеръ. Здѣсь опять около Маргариты группировался цѣлый кружокъ, но взаимныя отношенія его членовъ становились все болѣе и болѣе натянутыми. Предполагавшійся бракъ между Маргаритой и Бурбономъ не встрѣчалъ больше одобренія со стороны короля и врядъ ли могъ состояться, потому что Маргарита не чувствовала къ герцогу такой любви, которая устояла бы противъ всѣхъ препятствій. Тѣмъ не менѣе, она относилась къ нему дружелюбно; его ухаживанье льстило ея самолюбію, и она надѣялась съ его помощью возвратить прежнее величіе французскому престолу. Въ виду этого, она старательно избѣгала, чтобы Бурбонъ, приходившій почти ежедневно въ замокъ, не встрѣтился бы съ королемъ. Хотя бывшій вассалъ ревностно хлопоталъ о заключеніи мира и во время переговоровъ постоянно отстаивалъ интересы Франціи, но король былъ непреклоненъ и не могъ простить Бурбону его измѣны.

Въ этомъ случаѣ король по общечеловѣческой слабости былъ строже къ другимъ, нежели къ самому себѣ, и былъ убѣжденъ, что онъ самъ не способенъ на подобный поступокъ, такъ какъ не при-

нято называть измѣной невѣрность относительно женщинъ. По временамъ, онъ чувствовалъ искреннюю привязанность къ графинѣ Шатобріанъ и по прежнему находилъ ее красивой и привлекательной, но она, вѣроятно, показалась бы еще болѣе очаровательной, еслибы онъ не былъ такъ увѣренъ въ ея любви. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на законную жену и, хотя вполнѣ признавалъ ея красоту и нравственныя преимущества, но почти досадовалъ на нее, что она не подаетъ ему никакого повода къ неудовольствію, такъ какъ это внесло бы нѣкоторое разнообразіе въ его скучное существованіе. Это было тѣмъ болѣе необходимо для короля Франциска, что онъ привыкъ къ постояннымъ перемѣнамъ, кипучей дѣятельности, движенію на свѣжемъ воздухѣ. Онъ страдалъ отъ тѣлеснаго и умственнаго бездѣйствія, послѣдствіемъ котораго было дурное расположеніе духа и эгоистическая сосредоточенность, которыя дѣлали его вдвойнѣ неблагодарнымъ и безчувственнымъ относительно близкихъ ему людей. Послѣ неудачной попытки къ бѣгству, имъ овладѣла такая апатія и лѣнь, что жизнь потеряла для него всякій интересъ. Одно только присутствіе Химены до нѣкоторой степени развлекало его, и только она одна могла вывести его изъ дурного расположенія духа.

Послѣ вечера 18 сентября, Химена всего одинъ разъ видѣлась наединѣ съ своимъ отцемъ и разговаривала съ нимъ. Онъ не напомнилъ ей ни однимъ словомъ объ ея участіи въ неудачномъ бѣгствѣ, но только выразилъ желаніе, чтобы она переѣхала въ Толедо, пока французы въ замкѣ Инфантадо.

— Графиня Шатобріанъ мой единственный другъ, возразила Химена.—Зачѣмъ хотите вы разлучить насъ?

— Я не нахожу нужнымъ распространяться о томъ, что эта дама занимаетъ незаконное и не совсѣмъ похвальное положеніе въ свѣтѣ, но считаю своимъ долгомъ замѣтить, что это вовсе неподходящее знакомство для молодой герцогини Инфантадо.

— Она такъ несчастна, что было бы безсовѣстно съ моей стороны, если я, которая люблю ее, отнесусь къ ней такимъ же образомъ, какъ равнодушный свѣтъ.

— Ты напрасно упрекаешь свѣтъ въ ранодушіи! Говорятъ, что императоръ Карлъ во имя нравственности будетъ настоятельно просить ее удалиться отсюда.

— О Боже! до какой жестокости могутъ дойти люди, имѣющіе власть...

— Ты забываешь, о комъ ты говоришь!

— Графиня рано лишилась отца; мать и мужъ сурово обращались съ ней; братъ холоденъ къ ней, а возлюбленный... Химена не договорила своей мысли и замѣтила какъ бы про себя:—вотъ покровительство и утѣшеніе, которое оказываютъ у насъ одинокимъ женщинамъ!

Герцогъ ушелъ и больше не упоминалъ дочери объ отъѣздѣ. Если,

съ одной стороны, суевѣрный страхъ заставлялъ его желать удаленія Химены, то съ другой—упреки совѣсти мѣшали ему сурово обойтись съ ней. Онъ видѣлъ изъ ея отвѣтовъ, что она сознавала свое печальное, неестественное положеніе, и потому не рѣшился также намекнуть ей о злополучномъ бѣгствѣ, хотя узналъ ее въ тотъ вечеръ у воротъ башни.

Химена рѣдко бывала въ комнатахъ герцогини Маргариты, такъ какъ сюда ежедневно являлся король послѣ заката солнца, сначала для переговоровъ объ условіяхъ мира, а потомъ съ исключительною цѣлью поужинать или сыграть партію въ шахматы съ Монморанси, Бріономъ или Бюде, такъ какъ въ послѣднее время онъ большею частью не былъ расположенъ бесѣдовать о чемъ бы то ни было. Но сдержанность Химены не принесла желаемыхъ результатовъ; король всегда спрашивалъ о причинѣ ея отсутствія и посылалъ просить „маленькаго Давида" — какъ онъ называлъ ее — „придти къ Саулу съ своей цитрой и разсѣять его меланхолію пѣніемъ и игрой". Если эта просьба оставалась безуспѣшною, то король самъ отправлялся въ ту часть замка, гдѣ Химена жила рядомъ съ графиней Шатобріанъ, или заставлялъ свою возлюбленную позвать къ себѣ молодую дѣвушку въ комнату съ балкономъ.

Хотя Франциска ничѣмъ не проявляла ревности, которую она могла, по всей справедливости, чувствовать къ своей молодой подругѣ, и въ дѣйствительности думала только о томъ, чтобы разсѣять короля, но Химена не могла быть спокойной; она сознавала въ душѣ, что относится къ королю уже не съ прежнимъ безмятежнымъ чувствомъ, и употребляла всѣ усилія, чтобы сблизить короля съ его возлюбленной. Она уговорила Франциску опять приняться за пѣніе съ аккомпаниментомъ арфы, которымъ онѣ занимались нѣкогда въ замкѣ Фуа. Но голосъ графини Шатобріанъ утратилъ прежнюю свѣжесть, и она не настолько владѣла имъ, чтобы избѣгнуть фальшивыхъ нотъ. Король, обладавшій самымъ тонкимъ слухомъ, замѣтилъ это съ перваго же раза и съ трудомъ удержался, чтобы не высказать свое нетерпѣніе; во второй разъ онъ со смѣхомъ зажалъ себѣ уши, а на третій попросилъ Франциску бросить навсегда неудачныя попытки пѣнія.

Этимъ былъ поданъ первый предлогъ къ ссорѣ между обѣими подругами. Хотя Химена старательно скрывала отъ себя и другихъ то удовольствіе, которое доставляло ей явное предпочтеніе короля, но тѣмъ не менѣе не могла подавить нѣкоторыхъ необдуманныхъ проявленій удовлетвореннаго тщеславія и сознанія своей силы послѣ тѣхъ преувеличенныхъ похвалъ, которыя король расточалъ ея пѣнію и игрѣ. Франциска, которая никогда не относилась съ особенною нѣжностью къ Хименѣ, наконецъ потеряла терпѣніе и почувствовала ревность къ величайшей радости Маро, который внимательно слѣдилъ за нею. Въ одинъ дождливый и мрачный ноябрскій вечеръ, она

прямо выразила свое неудовольствіе королю по поводу его рѣзкой выходки и, неожиданно вставъ съ мѣста, удалилась въ свои комнаты.

Маро незамѣтно прокрался вслѣдъ за нею и нашелъ ее въ слезахъ. Когда онъ спросилъ о причинѣ ея огорченія, она отвѣтила, что всего больше плачетъ о томъ, что поддалась своей обидчивости и этимъ оскорбила короля.

— Если бы на то была воля Божія, отвѣтилъ съ нетерпѣніемъ Маро—то не мѣшало бы, чтобы вы почаще оскорбляли его! тогда онъ навѣрно больше цѣнилъ бы васъ, нежели это было до сихъ поръ.

— Что съ вами, Клеманъ! Неужели король мало испыталъ горя въ послѣдніе мѣсяцы, и вы хотите чтобы тѣ, которые его любятъ, дали ему новый поводъ къ неудовольствію!

— Всякое противорѣчіе полезно въ подобномъ случаѣ, потому что оживляетъ любовь, а постоянная уступчивость надоѣдаетъ...

— Надоѣдаетъ! Какія у васъ странныя понятія, Клеманъ! Что же это за сердце, которому можетъ надоѣсть искренняя привязанность?

— Это сердце предпріимчиваго человѣка, который не выноситъ однообразія или, другими словами, это сердце нашего короля.

Франциска вопросительно взглянула на поэта своими большими печальными глазами и сказала послѣ нѣкотораго молчанія: мнѣ кажется, Маро, что вы смѣшиваете волокитство съ серьезной любовью.

— Ничуть не бывало! Самый идеальный человѣкъ нуждается въ пищѣ и питьѣ; для самыхъ нѣжныхъ плодовъ настолько же необходимъ дождь, какъ и солнечное сіяніе. Ваше сердце не представляетъ собою нѣчто отдѣльное отъ другихъ потребностей вашего человѣческаго я. Счастье возможно только при полномъ равновѣсіи между умомъ, тѣломъ и сердцемъ. Докажите королю, что вы можете жить безъ него, и онъ тотчасъ-же почувствуетъ, что не можетъ жить безъ васъ.

— Значитъ, я должна поступать противъ моей натуры и склада моего характера.

— Несомнѣнно! Въ этомъ и заключается то, что̀ король Францискъ называетъ истиннымъ образованіемъ. Мы должны властвовать надъ нашими склонностями. Если же мы будемъ только поступать согласно нашей природѣ, то, простите мою откровенность,—это слишкомъ легко, и такъ поступаетъ всякій.

— Я не ожидала, Клеманъ, что вы такой поклонникъ хитрости!

— Въ данномъ случаѣ я считаю ее необходимою. Если бы въ васъ было побольше хитрости, то вы были бы гораздо счастливѣе, нежели теперь съ своей однообразной и неизмѣнной любовью.

— Можетъ быть, вы отчасти правы; я постараюсь показаться равнодушной.

— Но этого недостаточно! Равнодушіе оскорбляетъ людей, а вы должны раздражать его и дѣйствовать на самолюбіе. Сдѣлайте видъ, что вы поощряете ту склонность, которую чувствуетъ къ вамъ одинъ молодой сеньоръ.

— Маро!

— Не приходите въ такой священный ужасъ. Развѣ Бріонъ не стоитъ того, чтобы на него обратили вниманіе! Сдѣлайте опытъ, и вы увидите, что король вовсе не считаетъ его такимъ ничтожнымъ. Не придавайте дурнаго значенія моимъ словамъ. У меня одна цѣль видѣть васъ счастливой. Кто знаетъ, быть можетъ васъ ожидаетъ еще болѣе блестящая будущность. Бріонъ хорошій малый; я желаю ему счастья, но вовсе не хочу навѣки связать васъ съ нимъ. Искусство жить заключается въ томъ, чтобы различать важное отъ неважнаго, прочное отъ мимолетнаго. Я давно знаю короля и имѣю понятіе о томъ, какимъ онъ былъ въ дѣтствѣ, изъ разсказовъ моего отца, который всю жизнь прожилъ при дворѣ. Такимъ образомъ, при первой вашей встрѣчѣ съ королемъ я увидѣлъ, что вы будете его единственная и истинная любовь. Подобнымъ забавамъ, какъ игра на арфѣ и обмѣнъ нѣжныхъ взглядовъ съ молоденькой испанской герцогиней, я такъ-же мало придаю значенія, какъ темнымъ тучамъ на утреннемъ небѣ; они не могутъ обратить день въ ночь! Нашему королю всю жизнь нужна будетъ романическая игра въ любовь, но она не затмитъ собой солнца и будетъ проходить безслѣдно. На эти мелочи не стоитъ обращать вниманія, хотя я слышалъ, что правительница посылаетъ сюда Жана Кузена, чтобы онъ нарисовалъ портретъ испанской герцогини, которая утѣшаетъ короля въ несчастіи. Мы повѣсимъ этотъ портретъ въ вашей комнатѣ въ Луврѣ, который мы выстроимъ, какъ только король вернется во Францію, и когда нибудь въ пасмурный день, когда парижскій дождь будетъ бить въ наши окна въ родѣ этого испанскаго дождя, мы скажемъ, глядя на портретъ: „Какое счастье для короля, что онъ встрѣтилъ въ Альказарѣ это милое существо, которое развлекало его пѣніемъ и игрой!“ Я убѣжденъ, что это такъ и будетъ; но перейдемъ отъ этихъ мелочей къ болѣе важному вопросу...

Всего опаснѣе для насъ, если друзья совѣтуютъ намъ, чтобы мы перемѣнили образъ жизни и отрѣшились отъ тѣхъ свойствъ, въ которыхъ заключается наше нравственное достоинство и сила. Франциска смутно чувствовала это, но была слишкомъ разстроена, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ словахъ поэта, тѣмъ болѣе, что безусловно вѣрила въ его дружбу и свѣтскую мудрость. До сихъ поръ она видѣла, что ея честная любовь, чуждая всякихъ разсчетовъ, постоянно обращалась ей во вредъ, и у ней явилась надежда, что Маро выведетъ ее на настоящій путь.

Между тѣмъ, по странному стеченію обстоятельствъ, друзья играли самую печальную роль въ ея жизни и были главными виновниками сѣхъ ея несчастій.

Бріонъ, изнывая отъ своей безнадежной любви, счелъ нужнымъ воспользоваться досадой Франциски противъ короля и пойти за нею, чтобы поддержать ее въ этомъ настроеніи, такъ какъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ той унизительной ролью, которая выпала на ея долю въ послѣдніе дни. Ему удалось выйти незамѣтно изъ комнаты; сердце его усиленно билось; онъ самъ не зналъ, о чемъ будетъ говорить съ графиней Шатобріанъ, но чувствовалъ непреодолимую потребность подать ей руку помощи и утѣшить по мѣрѣ возможности. Онъ прошелъ быстрыми шагами черезъ сѣни и бросился вверхъ по лѣстницѣ.

Такъ прорывается иногда страсть, подавленная въ теченіи многихъ лѣтъ цѣной невѣроятныхъ усилій, и приводитъ насъ внезапно къ какой нибудь отчаянной рѣшимости.

Когда Бріонъ вошелъ въ переднюю, онъ услышалъ черезъ полуотворенную дверь голосъ Маро, свое имя и фразу:—„Развѣ Бріонъ не стоитъ того, чтобы на него обратили вниманіе!..“ Онъ зналъ, что Маро расположенъ къ нему, но не ожидалъ, что онъ станетъ расхваливать его графинѣ Шатобріанъ, и считая неудобнымъ прервать ихъ разговоръ своимъ появленіемъ, рѣшилъ отправиться въ комнату Химены и выждать тамъ, пока уйдетъ поэтъ, чтобы войти къ графинѣ черезъ потайную дверь. Химена въ это время была на другой сторонѣ замка съ королемъ, и трудно было ожидать ея скораго возвращенія. Въ случаѣ, если Маро просидитъ слишкомъ долго у графини, то ничто не могло помѣшать Бріону вернуться тѣмъ-же путемъ. Размышляя такимъ образомъ, влюбленный сеньоръ вышелъ изъ передней въ темный корридоръ и пробрался ощупью въ узкій проходъ, гдѣ было потаенное отверстіе въ стѣнѣ, изъ котораго герцогъ Инфантадо не разъ наблюдалъ за своей несчастной дочерью. Бріонъ хорошо зналъ всѣ входы и выходы въ этой части замки, потому что, со времени пріѣзда графини, онъ часто бывалъ въ комнатѣ съ балкономъ, когда зналъ, что все общество собралось у герцогини Маргариты и никто не можетъ помѣшать ему. Онъ находилъ какое-то особенное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мучительное удовольствіе быть въ той комнатѣ, гдѣ жила его возлюбленная, положить голову на ея подушку, прикоснуться къ ея вещамъ. Расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ дотронулся однажды рукой до платья Франциски, висѣвшаго на стѣнѣ, и случайно пожалъ пружину потайной двери, которая вела въ узкій темный проходъ съ ступенями по обѣимъ сторонамъ, доходившимъ до половины стѣны. Увлекаемый невольнымъ любопытствомъ, онъ внимательно осмотрѣлъ узкій проходъ и убѣдился, что такая же потайная дверь ведетъ въ комнату Химены. Но такъ какъ ничто не интересовало его кромѣ графини Шатобріанъ, онъ взобрался на ступени, примыкавшія къ комнатѣ съ балкономъ и, замѣтивъ слабую полоску свѣта въ стѣнѣ, открылъ потаенное отверстіе у портрета Химены, изъ котораго онъ могъ незамѣтно слѣдить за каждымъ движеніемъ любимой женщины и слышать каждое ея слово.

Но ни Бріонъ, ни самъ герцогъ Инфантадо, не подозрѣвали, что всѣ потайные ходы этой части замка извѣстны еще одному лицу. Со времени пріѣзда императора въ Мадридъ, надзоръ за плѣнникомъ сдѣлался еще строже, и былъ назначенъ новый надсмотрщикъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы избавить герцога отъ непріятной роли тюремщика, но въ сущности, чтобы отнять ее у него. Этотъ надсмотрщикъ, уроженецъ Брабанта, подкупивъ дворецкаго, уговорилъ его показать ему всѣ потаенные ходы во дворцѣ и постоянно пользовался ими, когда находилъ нужнымъ.

Между тѣмъ, Бріонъ, считая себя внѣ опасности быть застигнутымъ врасплохъ, поспѣшно прошелъ черезъ комнату Химены и всталъ у стѣны въ темномъ проходѣ, чтобы подслушать разговоръ графини Шатобріанъ съ Маро, который имѣлъ для него особенный интересъ, потому что, повидимому, касался его личности. Онъ слышалъ, какъ Франциска со смѣхомъ обѣщала поэту усвоить его житейскую мудрость, насколько это будетъ возможно.

— Тише! прервалъ ее Маро, подходя къ полуоткрытой двери.— Я слышу шаги на лѣстницѣ и чьи то голоса! Это король съ Хименой! Ваше противодѣйствіе принесло необыкновенно быстрые результаты. Въ первый разъ вы высказали неудовольствіе противъ его деспотизма; и въ первый разъ ему пришло въ голову отыскивать васъ. Они остановились въ передней и разговариваютъ. Вѣроятно, Химена прощается съ нимъ и пройдетъ въ свою комнату. Воспользуйтесь случаемъ и обойдитесь съ нимъ построже. Однако, выпустите меня отсюда другимъ ходомъ; я не хочу, чтобы король видѣлъ меня у васъ, потому что онъ припишетъ перемѣну вашего обращенія съ нимъ моему вліянію, и тогда всѣ наши старанія пропадутъ даромъ.

— Здѣсь нѣтъ другого выхода, какъ черезъ комнату Химены, а теперь это неудобно, потому что вы можете встрѣтиться съ королемъ. Останьтесь здѣсь!

— Ни въ какомъ случаѣ! Кто поручится, что это не послужитъ поводомъ къ той же нелѣпой клеветѣ, какъ въ Фонтенбло! Хотя трудно повѣрить, чтобы я съ своей наружностью могъ быть любовникомъ прекрасной графини Шатобріанъ, но нѣкоторые люди будутъ нарочно распространять этотъ слухъ, чтобы запятнать вашу репутацію...

— Вы слишкомъ скромны, Клеманъ!

— А вы слишкомъ вѣжливы! Если король въ первый разъ смѣялся надъ подобной клеветой, то во второй—она можетъ непонравиться ему.

— Въ такомъ случаѣ, вы будете играть ту же роль, какую придумали для Бріона...

— Оставимъ шутки. Вы знаете, что я не знатнаго происхожденія, и эта роль можетъ быть гибельна для меня. Никто не повѣритъ вашей склонности ко мнѣ, и увидятъ въ этомъ только мою назой-

ливость и найдутъ нужнымъ наказать меня. Однако, я удаляюсь, король идетъ сюда!

— Останьтесь, Маро!

— Ни за что! Я не люблю, когда мой господинъ морщитъ брови!..

Съ этими словами Маро поспѣшно вышелъ на балконъ и закрылъ за собою стеклянную дверь, завѣшанную шелковыми гардинами.

Едва Маро успѣлъ удалиться изъ комнаты, какъ вошелъ король и ласково попросилъ извиненія у графини Шатобріанъ за свое невѣжливое обращеніе съ нею.

— Этотъ противный императоръ постоянно приводитъ меня въ дурное расположеніе духа, продолжалъ король, садясь въ кресло къ ужасу Маро.—Я скоро отгоню отъ себя моихъ лучшихъ друзей. Бріонъ ушелъ сегодня раньше обыкновеннаго; Бюде послѣдовалъ его примѣру подъ предлогомъ болѣзни, такъ что разговоръ не могъ сойти съ почвы нашего несчастнаго политическаго положенія. Маргарита ждетъ сегодня гонца отъ матери; съ нимъ, вѣроятно, явятся сюда новые гости: Кузенъ и Флорентинъ. Ты, кажется, не любишь этого прелата, Франциска!

— Вѣрнѣе сказать, онъ разлюбилъ меня.

— Разлюбилъ! Объясни мнѣ, чего ты такъ испугалась при извѣстіи объ его пріѣздѣ?

— Онъ интригантъ въ душѣ.

— Что тебѣ за дѣло до этого? Онъ не можетъ имѣть никакого повода интриговать противъ тебя. Правительница хвалитъ его, какъ человѣка умнаго и искуснаго въ политикѣ, а такіе люди нужны мнѣ, чтобы освободиться изъ сѣтей императора. Наша храбрость настолько же неумѣстна здѣсь, какъ сильный конь на топкомъ болотѣ... Но кто это такъ поздно идетъ къ тебѣ?

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги, и герцогиня Маргарита, подойдя къ двери спросила: можетъ ли она войти?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Маргарита быстро вошла въ сопровожденіи Монморанси, и передавъ королю письма, сказала:—Пріѣхалъ гонецъ вмѣстѣ съ священникомъ и живописцемъ. Правительница предостерегаетъ насъ противъ козней императора. Я хотѣла спросить Бріона, что сказалъ ему Гаттинара, но его нигдѣ не могли найти. Маро также куда то исчезъ; нужно было бы послать его къ Бурбону. Бюде, вѣроятно, уже въ постелѣ; я не могу никуда отправить его по этой погодѣ!.. Неправда ли, какія странныя предостереженія!..

При этомъ Маргарита указала королю на одно мѣсто въ письмѣ и съ безпокойствомъ стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, посматривая по временамъ на читающаго короля. Наконецъ, она подошла къ балконной двери и приподняла немного гардины, чтобы посмотрѣть, не перемѣнилась ли погода.

— Мнѣ кажется это невѣроятнымъ! воскликнулъ король, дочитавъ письмо.

— Всего можно ожидать отъ торгаша, котораго они величаютъ императоромъ!

— Я не зналъ, что тебѣ позволено пробыть здѣсь только опредѣленное время. Ты никогда не говорила мнѣ объ этомъ!

— Не говорила только потому, что я не хотѣла безпокоить тебя. Плѣнному королю не можетъ быть пріятно, что его любимой сестрѣ дали такое предписаніе: „ты можешь пробыть съ твоимъ братомъ столько то дней. Если ты останешься одинъ лишній день, то мы и тебя посадимъ въ тюрьму.“ Неужели я должна была разсказать тебѣ это, Франдискъ, чтобы отнять у тебя послѣднюю надежду. Я сама считала это за простую формальность.

— Иначе и быть не можетъ!

— Тѣмъ не менѣе, императоръ хочетъ исполнить эту формальность во всей строгости. Не будемъ болѣе обманывать себя. Гаттинара намекалъ на это Бріону, но я не обратила вниманія на его слова. Бурбонъ также спросилъ меня въ разговорѣ, долго ли я намѣрена остаться здѣсь,—вѣроятно, съ цѣлью предостеречь меня. Къ несчастію мы съ тобою, Франциска, далеко не такъ умны и осторожны, какъ наша мать, которая умѣетъ вывѣдать все, что ей нужно, черезъ священниковъ и монаховъ и, сидя въ Парижѣ, знаетъ все, что думаетъ и дѣлаетъ императоръ лучше, чѣмъ мы въ Мадридѣ. Мать пишетъ мнѣ: „уѣзжай скорѣе, ты не должна оставаться долѣе въ Испаніи“. Она права! Мнѣ грозитъ неминуемая опасность, если императоръ вздумаетъ выполнить условіе, подъ которымъ мнѣ данъ былъ пропускъ. Осталось всего три дня. Если я теперь сяду на лошадь, то должна буду ѣхать день и ночь, чтобы достигнуть вовремя границы Наварры.

— Гдѣ прелатъ?

— Мнѣ показалось, что онъ шелъ за нами, сказала Маргарита, обращаясь къ Монморанси и, не дожидаясь отвѣта, подошла къ двери и позвала Флорентина.

Прелатъ всегда былъ на лицо, когда ему предстояло играть видную роль. Онъ терпѣливо ожидалъ въ прихожей, пока не явится необходимость въ его присутствіи, и тотчасъ же явился на зовъ.

Король не любилъ прелата послѣ сцены въ Фонтенбло и, встрѣтивъ его съ нахмуренными бровями, холодно спросилъ его, на чемъ основано опасеніе, что императоръ буквально исполнитъ свою угрозу, въ случаѣ, если герцогиня замедлитъ своимъ отъѣздомъ.

— Осмѣливаюсь доложить вашему величеству, отвѣтилъ Флорентинъ,—что тотчасъ по пріѣздѣ въ Мадридъ я отправился къ духовнику императора и тотъ увѣрилъ меня, что наши опасенія вполнѣ основательны.

— Я не считаю императора настолько вѣрующимъ, чтобы онъ сталъ разсказывать своему духовнику такія вещи!

— Но у духовника тонкій слухъ, ваше величество!

— Я считаю императора неспособнымъ на подобный поступокъ. Это невозможно!

— Позвольте мнѣ замѣтить, сказалъ Флорентинъ почтительнымъ тономъ,—что императору очень важно обезоружить такую горячую заступницу вашихъ интересовъ, какъ герцогиня Маргарита. Если онъ до сихъ поръ не напоминалъ о сдѣланномъ условіи, то имѣлъ въ виду, что она, узнавъ о грозившей ей опасности, въ послѣднія рѣшительныя минуты потеряетъ присутствіе духа и сдѣлается уступчивѣе, чтобы скорѣе выѣхать отсюда; или же пропустить срокъ и, въ качествѣ плѣнницы, будетъ лишена права предлагать какія либо условія и выражать свое мнѣніе.

— Но развѣ императоръ не могъ распустить слухъ о предполагаемомъ арестѣ герцогини, съ цѣлью напугать насъ!—возразилъ король.—Можетъ быть онъ вовсе не намѣренъ приводить въ исполненіе своей угрозы; мнѣ кажется, это всего вѣроятнѣе. Во всякомъ случаѣ, нужно навести болѣе точныя справки.

— И сдѣлать это какъ можно скорѣе!—добавила Маргарита.

— Разумѣется!—продолжалъ король.—Куда дѣвался Маро? Онъ хорошо знакомъ съ Гаттинара и Бурбономъ. Если герцогиня попадетъ въ плѣнъ, то ему, Бюде и Францискѣ, грозитъ та же участь. Отыщите Маро! Я пошлю его переговорить съ Гаттинара; пусть похлопочетъ о своей собственной особѣ.

— Я уже посылала за нимъ, замѣтила Маргарита, — но его нигдѣ не нашли. Не понимаю, гдѣ онъ можетъ быть въ такой поздній часъ и при такой погодѣ.

— Нужно будетъ разспросить слугъ, сказалъ Монморанси, уходя изъ комнаты.

До настоящей минуты Франциска не считала нужнымъ открыть убѣжище поэта. Ей и въ голову не могло придти, что его присутствіе окажется необходимымъ при обсужденіи такого важнаго вопроса, о которомъ шла рѣчь. Когда король отдалъ приказъ отыскать Маро, у ней явилось желаніе выдать своего друга, но отъ сильнаго смущенія она не могла выговорить ни одного слова. Кровь бросилась ей въ голову при мысли, что герцогиня, всего болѣе хлопотавшая о посылкѣ Маро въ городъ, можетъ выйти на балконъ, чтобы посмотрѣть погоду. Она знала, что поэтъ, не отличавшійся ловкостью, не рѣшится спуститься съ балкона, какъ сдѣлалъ бы всякій на его мѣстѣ. Ея замѣшательство еще болѣе усилилось отъ воспоминанія о послѣднемъ вечерѣ въ Фонтенбло, когда случайный визитъ Маро послужилъ поводомъ къ безсовѣстной клеветѣ для Флорентина, который опять явился къ ней предвѣстникомъ несчастія. Она чувствовала на себѣ его насмѣшливо-наблюдательный взглядъ

и у ней не хватило рѣшимости сознаться въ своемъ укрывательствѣ при такомъ свидѣтелѣ, чтобы не подать поводъ къ двусмысленной сценѣ. Къ тому же, король всталъ съ своего мѣста, и жалуясь на усталость, объявилъ, что намѣренъ вернуться въ Альказаръ. У нея явилась надежда, что вмѣстѣ съ нимъ уйдутъ и остальные посѣтители.

Но вышло иначе. Въ этотъ самый моментъ, вслѣдствіе несчастной случайности, Бріонъ рѣшился на необдуманный шагъ, который долженъ былъ еще больше повредить репутаціи графини Шатобріанъ и отразиться на ея дальнѣйшей будущности.

Приходъ короля въ комнату съ балкономъ поставилъ Бріона въ большое затрудненіе, потому что это было знакомъ, что Химена вернулась къ себѣ и, такимъ образомъ, выходъ былъ для него окончательно закрытъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ вышелъ на ступени съ противоположной стороны, гдѣ было отверстіе въ стѣнѣ, выходившее въ комнату Химены. Онъ увидѣлъ, что молодая дѣвушка сняла съ себя верхнее платье и задумавшись сѣла на кресло. Въ другое время подобное зрѣлище заняло бы молодого сеньора, но теперь онъ былъ весь поглощенъ мучительною мыслью, что его Франциска, вѣроятно, въ объятіяхъ короля, который, очевидно, пришелъ съ цѣлью загладить свою вину. Такимъ образомъ, для Бріона было пріятною неожиданностью, когда онъ услышалъ голосъ герцогини Маргариты. Онъ поспѣшно вернулся на прежнее мѣсто и, стоя у потаеннаго отверстія за портретомъ Химены, съ большимъ участіемъ слѣдилъ за разговоромъ собравшагося общества. Ему было непріятно, что онъ не можетъ явиться и предложить свои услуги, но въ то же время неловкое положеніе, въ которое была поставлена Франциска, благодаря трусости Маро, доставляло ему извѣстнаго рода удовольствіе. Даже лучшіе люди въ любовныхъ дѣлахъ становятся эгоистами, когда у нихъ является надежда на удовлетвореніе ихъ затаенныхъ желаній. Бріонъ былъ настолько молодъ и влюбленъ, что разсчитывалъ утѣшить Франциску въ случаѣ, если подготовлявшаяся сцена послужитъ поводомъ къ ея ссорѣ съ королемъ. Онъ помнилъ хорошо слухъ, распространившійся въ лагерѣ при Павіи, о нѣжныхъ отношеніяхъ графини Шатобріанъ съ Маро и былъ убѣжденъ, что въ случаѣ новаго подозрѣнія король придастъ этому больше значенія, нежели слѣдовало.

Но скоро эгоистическія размышленія Бріона были прерваны не особенно пріятнымъ образомъ. Онъ ясно услышалъ шумъ приближавшихся шаговъ.

Это былъ новый надсмотрщикъ, который, узнавъ, что король и одинъ изъ вновь прибывшихъ французовъ отправились въ эту часть замка, счелъ нужнымъ послѣдовать за ними и подслушать ихъ разговоръ. Онъ прошелъ черезъ низкую башню мавританской постройки, которая примыкала къ флигелю, гдѣ были комнаты Франциски и

Химены, и соединялась съ темнымъ проходомъ посредствомъ винтовой лѣстницы въ стѣнѣ, искусно замаскированной желѣзной дверью, придѣланной къ дымовой трубѣ. Бріонъ слышалъ, какъ тяжелый нидерландецъ спускался по винтовой лѣстницѣ и хотя не подозрѣвалъ существованія потаеннаго хода изъ башни, но ясно видѣлъ, что кто-то приближается съ этой стороны. Ему было безразлично, съ кѣмъ онъ могъ встрѣтиться, но онъ не хотѣлъ ни за что на свѣтѣ быть пойманнымъ въ подслушиваніи, и его первою мыслью было обратиться въ бѣгство. Онъ не зналъ, какъ далеко простирался проходъ между обѣими комнатами, и не рѣшился искать выхода этимъ способомъ, потому что могъ столкнуться съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, который, очевидно, шелъ также съ цѣлью подслушиванія. Ему пришло было въ голову притаиться въ углу, но онъ тотчасъ отказался отъ этой мысли, потому что проходъ былъ настолько узокъ, что трудно было скрыть самое легкое движеніе. Между тѣмъ, шаги замѣтно приближались и нельзя было терять ни одной минуты. Бріону оставался выборъ между двумя потайными дверями: одна изъ нихъ вела въ комнату Химены, другая—въ спальню Франциски. Куда идти, направо или налѣво? Посвятить Химену въ тайну.... но она можетъ испугаться его появленія и своимъ крикомъ привлечь вниманіе собравшагося общества. Съ другой стороны была спальня графини Шатобріанъ; пока не ушелъ король, это было самое ненадежное убѣжище. Секунда проходила за секундой; холодный потъ выступилъ на лбу Бріона, но онъ все не двигался съ мѣста. Наконецъ онъ услышалъ, что король собирается идти въ Альказаръ; это обстоятельство рѣшило его выборъ. Онъ поспѣшно сошелъ съ ступеней и, пожавъ пружину потайной двери, вошелъ въ спальню графини Шатобріанъ, въ надеждѣ, что она наединѣ съ Маро. Но тутъ его поразилъ смѣшанный говоръ нѣсколькихъ голосовъ и онъ увидѣлъ къ своему ужасу, что король еще не думаетъ уходить съ своимъ обществомъ.

Маргарита съ досадой выслушала заявленіе своего брата, что онъ чувствуетъ усталость и хочетъ удалиться въ Альказаръ, и замѣтила ему, что теперь не время поддаваться физической слабости и откладывать дѣло, которое можетъ имѣть для нихъ такія важныя послѣдствія.

— Ты долженъ тотчасъ же рѣшить: оставаться ли мнѣ здѣсь долѣе назначеннаго срока или выѣхать въ эту же ночь?

— Ну, такъ и быть! Отыщите Маро и покончимъ скорѣе эти разговоры!—воскликнулъ нетерпѣливо король, садясь снова на свое мѣсто.

Маргарита, раздраженная равнодушіемъ короля къ ея участи, сказала, подходя къ балкону:

— Кажется, мнѣ самой придется идти къ Бурбону.

— Это будетъ нелишнее, пробормоталъ король.

— Идетъ дождь,. замѣтилъ Флорентинъ.

— Если я должна бѣжать отсюда, то трудно будетъ обращать вниманіе на дождь или холодъ!

Съ этими словами Маргарита отворила дверь на балконъ и, такъ какъ надъ нимъ былъ навѣсъ, то она подошла къ периламъ и протянула руку, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли идетъ дождь; но тотчасъ же громко вскрикнула и бросилась назадъ въ комнату.

Маро, видя, что его убѣжище открыто, показался въ дверяхъ.

Наступила минута томительнаго молчанія. Веселое настроеніе духа покинуло поэта, хотя оно болѣе, чѣмъ когда нибудь, было необходимо ему, чтобы успокоить разгнѣваннаго короля. Франциска стояла среди комнаты съ лицомъ, побагровѣвшимъ отъ смущенія: она видѣла насмѣшливые взоры Флорентина и вопросительный взглядъ Маргариты, которая пристально и съ недовѣріемъ смотрѣла на нее.

Чего не могла сдѣлать клевета, то было достигнуто, благодаря случаю; и суевѣрный священникъ, видя, что его подозрѣніе оправдывается, воспользовался общимъ молчаніемъ, чтобы уличить Франциску.

— Это повтореніе того, что я видѣлъ въ прошлую осень въ Фонтебло, сказалъ онъ.

Король посмотрѣлъ не прелата, потомъ на Франциску, которая еще болѣе покраснѣла отъ гнѣва и хотѣла было объяснить причину, почему Маро спрятался на балконѣ, но запнулась и сказала нѣсколько безсвязныхъ словъ. Она не умѣла лгать и считала неудобнымъ разсказать, что Маро совѣтовалъ ей пококетничать съ Бріономъ, чтобы привязать къ себѣ короля. Такимъ образомъ, при всей своей невинности, она вела себя такъ неловко, что возбудила противъ себя общее подозрѣніе. Маро также не могъ сразу овладѣть собою, и когда, наконецъ, присутствіе духа вернулось къ нему и онъ придумалъ удовлетворительное объясненіе, вошелъ неожиданно Монморанси съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ Бурбонъ и проситъ герцогиню принять его.

— Попросите его войти, отвѣтила Маргарита.

— Подождите одну минуту, сказалъ король, вставая съ кресла.— Я не желаю мѣшать вашей бесѣдѣ. Французскій король и Карлъ Бурбонъ не должны встрѣчаться другъ съ другомъ.

Съ этими словами онъ подошелъ къ двери, ведущей въ спальню Франциски и, отворивъ ее настежь, очутился лицомъ къ лицу съ Бріономъ.

— Foi de gentilhomme! воскликнулъ онъ, хватаясь за шпагу. — Это уже слишкомъ!

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Франциска помертвѣла отъ ужаса. Человѣкъ, котораго пламенная любовь къ ней была извѣстна всѣмъ, найденъ въ ея спальнѣ, и еще въ такой поздній часъ ночи!

— Бѣдный поэтъ, вѣроятно, явился сюда, чтобы предупредить

ихъ о приходѣ короля, и не успѣлъ уйти во-время, сказалъ вполголоса Флорентинъ, обращаясь къ Маргаритѣ и нарушая этимъ наступившее безмолвіе.

Но Бріонъ обладалъ бóльшимъ мужествомъ, нежели Маро и, опомнившись отъ перваго смущенія, сказалъ королю:

— Не обвиняйте графиню Шатобріанъ, не выслушавъ меня; она невинна; всему причиной несчастная случайность; графиня даже не знала, что я здѣсь...

— Молчать! крикнулъ король, едва сдерживая свой гнѣвъ. Затѣмъ онъ обратился къ Маргаритѣ и добавилъ заикаясь:—Бурбонъ ожидаетъ отвѣта; его нисколько не интересуютъ наши домашнія дѣла... Прикажите позвать его!

Бріонъ зналъ, что дѣло идетъ о важномъ политическомъ рѣшеніи и настолько владѣлъ собою, чтобы сообразить, что за стѣной подслушиваетъ посторонній человѣкъ, вѣроятно, преданный императору. Онъ хотѣлъ посовѣтовать, чтобы совѣщаніе происходило на другой сторонѣ замка, но ему не дали выговорить ни одного слова. При его вторичной попыткѣ оправдаться, король сказалъ ему вполголоса повелительнымъ тономъ, не допускавшимъ ни малѣйшаго возраженія:

— Идите тотчасъ же въ Альказаръ и ожидайте тамъ моего возвращенія!

Бріонъ достаточно изучилъ характеръ короля и зналъ, что если онъ сдерживаетъ себя въ настоящую минуту, то тѣмъ бѣшенѣе будетъ вспышка его гнѣва, когда они останутся одни. Онъ замолчалъ и поспѣшно удалился.

Король вернулся въ спальню Франциски и, захлопнувъ за собою дверь, бросился въ кресло, ошеломленный горемъ. У него не было такого олимпійскаго спокойствія, чтобы не ощущать ревности и оставаться равнодушнымъ къ измѣнѣ возлюбленной, хотя онъ самъ уже давно охладѣлъ къ ней. Онъ видѣлъ, что счастіе оставило его и что онъ обманутъ и униженъ, ничто больше не удавалось ему; исчезло обаяніе его личности, которое дѣлало его такимъ самоувѣреннымъ въ былые времена. Даже Химена избѣгала его; онъ былъ увѣренъ, что графиня Шатобріанъ сохранила къ нему неизмѣнную привязанность и покорялась его вліянію, а теперь онъ имѣлъ въ рукахъ несомнѣнное доказательство, что и она измѣнила ему. Это новое горе глубоко поразило короля Франциска. Ему и въ голову не пришло задать себѣ вопросъ: не онъ ли самъ сотни разъ подавалъ ей поводъ къ этому, и дѣйствительно ли такъ невинно его ухаживаніе за Хименой? Его занимала только одна мысль о своемъ безвыходномъ несчастіи.

— Все кончено для тебя! подумалъ съ отчаяніемъ король подъ вліяніемъ тоски, давно наполнявшей его сердце, вслѣдствіе продолжительнаго заключенія. Ему казалось, что только одна могила можетъ успокоить его. Слезы подступили къ его глазамъ, и онъ, кото-

рый никогда не могъ отказать себѣ въ мелочахъ, готовъ былъ на высшее самоотреченіе, на какое только способенъ человѣкъ. Онъ рѣшилъ навсегда отказаться отъ власти и остаться до смерти плѣнникомъ въ Альказарѣ. Послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ несчастій, онъ хотѣлъ испытать наибольшее, которое только могло постигнуть его, такъ какъ въ этомъ видѣлъ нѣкоторое удовлетвореніе своей гордости. Рѣшившись на геройскій подвигъ, онъ всталъ съ своего мѣста и вошелъ въ комнату съ балкономъ. Встрѣча съ Бурбономъ больше не тревожила его. Онъ уже не считалъ себя властелиномъ Франціи,— какое ему было дѣло до измѣны вассала?

Неожиданное появленіе короля еще болѣе усилило смущеніе собравшагося общества, которое все еще не могло опомниться послѣ предъидущей сцены. Франциска, блѣдная какъ смерть, сидѣла неподвижно въ креслѣ; Маро стоялъ около нея и казался разстроеннымъ; на лицѣ Монморанси можно было прочесть сдержанный гнѣвъ. Бурбонъ едва ли не былъ въ болѣе тревожномъ состояніи, нежели всѣ остальные; онъ замѣтно состарѣлся въ послѣдніе два года; сѣдые волосы пробивались на его вискахъ; онъ стоялъ среди комнаты и съ испугомъ отступилъ назадъ при появленіи короля. Маргарита ходила взадъ и впередъ по комнатѣ быстрыми шагами; увидя своего брата, она бросилась къ нему на встрѣчу со словами:

— О, Францискъ! Что дѣлается на свѣтѣ! Вездѣ видишь одну измѣну и низость!

— Чѣмъ кончились ваши переговоры? спросилъ король спокойнымъ голосомъ.

— Къ стыду императора, онъ ожидаетъ только окончанія назначеннаго срока, чтобы подвергнуть меня заточенію.

— Поблагодари герцога за доставленное имъ свѣдѣніе и простись съ нимъ. Ты не должна терять ни одной минуты; мнѣ также необходимо окончить одно важное дѣло до твоего отъѣзда.

На суровомъ лицѣ Бурбона замѣтна была борьба противоположныхъ чувствъ. Онъ казался растроганнымъ и сдѣлалъ нерѣшительное движеніе, какъ будто хотѣлъ подойти къ королю и броситься къ его ногамъ. Но король Францискъ остановилъ его отъ этого порыва величественнымъ движеніемъ руки. Бурбонъ опустилъ голову; двѣ тяжелыя слезы скатились по его загорѣлымъ щекамъ на черную курчавую бороду. Но онъ овладѣлъ собою и, поцѣловавъ руку герцогини Маргариты, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Богъ да благословитъ васъ, Бурбонъ! сказала ему вслѣдъ герцогиня взволнованнымъ голосомъ, задумчиво глядя на дверь, за которой раздавались его тяжелые шаги.

— Позаботься о лошадяхъ, Маро! сказалъ король. — Герцогиня уѣзжаетъ черезъ часъ. А васъ, господинъ прелатъ, я попрошу немедленно написать одну бумагу.

— Что ты хочешь дѣлать, Францискъ?

— Я считаю необходимымъ сдѣлать одно распоряженіе.

Маро ушелъ. Флорентинъ поставилъ свѣчи на письменный столъ, стоявшій въ углу; король подошелъ къ прелату и нѣсколько минутъ шепотомъ говорилъ съ нимъ. Маргарита и Монморанси слѣдили за ними съ возрастающимъ безпокойствомъ; на лицѣ Флорентина выразилось удивленіе; король, повидимому, возражалъ ему и нѣсколько возвысилъ голосъ. Одна Франциска сидѣла неподвижно и смотрѣла на полъ, не принимая никакого участія въ томъ, что происходило вокругъ нея.

— Садитесь и пишите. Безъ противорѣчій! сказалъ вслухъ король. Флорентинъ повиновался; на лицѣ его выразилось затаенное удовольствіе.

Король Францискъ, опираясь на высокую спинку кресла, на которомъ сидѣлъ прелатъ, что-то тихо диктовалъ ему. Наконецъ, бумага была написана; оставалось подписать ее.

Король прочиталъ бумагу и молча положилъ ее назадъ; затѣмъ подошелъ къ полуоткрытой двери балкона и задумчиво смотрѣлъ на мрачную бурную ночь.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила еще разъ Маргарита.

— Увидишь! отвѣтилъ король и, бросивъ бѣглый взглядъ на Франциску, вернулся къ письменному столу и подписалъ бумагу.

— Снимите копію, г-нъ прелатъ, сказалъ онъ и, взявъ сестру подъ руку, остановился съ нею передъ дверью балкона.

— Ты свезешь эту бумагу матери, продолжалъ король, и скажешь ей, что она должна въ точности исполнить мой приказъ.

— Какой приказъ?

— Ты сейчасъ узнаешь! Благодарю тебя за твою неизмѣнную привязанность ко мнѣ. Сохрани ее и въ будущемъ; она мнѣ нужнѣе, чѣмъ когда либо.

— Мой дорогой Францискъ, что съ тобой?

— Вы, кажется, кончили, г-нъ прелатъ. Прочитайте вслухъ то, что вы написали.

Флорентинъ всталъ съ своего кресла и прочиталъ бумагу:

„Мы желаемъ и предписываемъ нижеслѣдующимъ непреложнымъ эдиктомъ, чтобы отнынѣ нашъ достойный и возлюбленный сынъ Францискъ былъ объявленъ французскимъ королемъ, коронованъ и помазанъ на королевство и чтобы мои бывшіе подданные повиновались ему, какъ настоящему королю“.

Когда прелатъ кончилъ чтеніе эдикта, ужасъ и удивленіе изобразились на лицахъ слушателей. Маргарита, графиня Шатобріанъ и Монморанси, въ одинъ голосъ умоляли короля отмѣнить свое рѣшеніе; но онъ былъ непоколебимъ и объявилъ, что его отреченіе отъ престола неизмѣнно. Маргарита, не помня себя отъ горя, опустилась на кресло; мысль о вѣчной разлукѣ съ любимымъ братомъ приводила ее въ отчаяніе. Франциска судорожно схватила руки короля и прогово-

рила сквозь слезы:—Позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, остаться при тебѣ, чтобы я могла раздѣлить твою участь до твоей смерти!

Король былъ тронутъ, но тотчасъ-же овладѣлъ собой и, отстранивъ ее отъ себя, проговорилъ равнодушнымъ тономъ:

— Графиня Шатобріанъ, вы окончательно убѣдили всѣхъ насъ, что не стоите любви французскаго короля. Прошу васъ завтра-же выѣхать изъ этого дома; я желаю остаться одинъ въ Альказарѣ.

Съ этими словами король Францискъ вышелъ изъ комнаты, вздрогнувъ отъ крика отчаянія, который вырвался изъ груди несчастной женщины.

Конецъ четвертой части.

Часть пятая.

ГЛАВА I.

Въ ЮГОЗАПАДНОЙ Франціи, нѣсколько ниже Рошфора, вливается въ океанъ мало извѣстная рѣка Шаранта, узкая, но глубокая на всемъ протяженіи. Берега ея чрезвычайно живописны; направо и налѣво тянутся роскошные луга, прерываемые холмами и группами деревьевъ. Древніе рыцарскіе замки, составляющіе рѣдкость въ остальной Франціи, отражаются въ зеленоватой чистой водѣ своими своеобразными первобытными формами. Между ними возвышается и старинный Таллебургъ съ своими стѣнами изъ свѣтлосѣраго песчаника, который упоминается въ романсахъ временъ Людовика Святаго. Окружающая мѣстность носитъ названіе Сентонжъ и въ ней главный городъ Сентъ. Римляне оставили тутъ много слѣдовъ своего существованія; и все вмѣстѣ—воспоминанія о разныхъ историческихъ эпохахъ, удаленіе отъ большой дороги, тихая могучая рѣка, богатая растительность—производитъ неотразимое впечатлѣніе. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, романическій герой могъ искать отдыха послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ бурь и разочарованій и наслаждаться природой подъ раскидистыми вѣтвями роскошныхъ лиственныхъ деревьевъ.

Три мили вверхъ отъ Сента, на холмѣ у самой рѣки, расположенъ былъ замокъ Коньякъ. Съ сѣверной стороны изъ узкихъ оконъ замка открывался широкій видъ черезъ рѣку на зеленые луга, окруженные буковыми лѣсами. Съ южной стороны отлогій склонъ холма примыкалъ къ обширному парку съ вѣковыми деревьями и длинной вязовой аллеей посрединѣ. Мѣстечко Коньякъ, расположенное у подножья хомма, было почти закрыто зеленью парка.

Подъ однимъ вязомъ этого парка, какъ извѣстно, родился король Францискъ I; въ этомъ замкѣ прожилъ онъ свою первую молодость. Сюда стремился онъ теперь душою изъ мрачнаго Альказара, который казался ему еще печальнѣе и уединеннѣе послѣ памятной для него ноябрской ночи. Когда намъ кажется, что мы кончаемъ наше земное странствованіе, мы всего охотнѣе возвращаемся мысленно къ началу нашей жизни, подобно раненому звѣрю, который, напрягая свои послѣднія силы, стремится достигнуть кустарника, гдѣ онъ нѣкогда находилъ себѣ спокойствіе и безопасность.

Король Францискъ, передавъ свою власть сыну, былъ увѣренъ, что теперь уже нѣтъ никакого повода держать его долѣе въ Альказарѣ. Быть можетъ, думалъ онъ, скоро придетъ время, когда меня выпустятъ на свободу. Тогда я уѣду въ Коньякъ и останусь тамъ до конца моей жизни!

Задавшись этою мыслью, король приказалъ привести все въ порядокъ въ замкѣ и заботиться о сбереженіи лѣсовъ и дичи. Слуги въ замкѣ, считавшіе короля пропавшимъ навсегда, не знали, что и думать объ этомъ распоряженіи. Хотя старый дворецкій часто получалъ письма изъ Испаніи, но онъ былъ человѣкъ несообщительный и отъ него было трудно узнать что либо. Наконецъ, въ мартѣ 1526 года, начались дѣятельныя приготовленія къ пріему гостей; въ замокъ прибылъ сѣдовласый камердинеръ, одѣтый въ незнакомую ливрею, и получилъ отъ дворецкаго разрѣшеніе убрать комнаты въ восточной башнѣ по своему усмотрѣнію. Все это въ высшей степени возбудило любопытство старой прислуги въ замкѣ; не было конца различнымъ догадкамъ; и такъ какъ всякая мелочь въ подобныхъ случаяхъ даетъ поводъ къ разнымъ предположеніямъ, то слуги рѣшили между собой, что дворецкій ожидаетъ пріѣзда какихъ-то дамъ. Этой догадкѣ, повидимому, суждено было оправдаться, такъ какъ пришло извѣстіе изъ Ангулема, отстоявшаго всего на нѣсколько миль отъ Коньяка, что правительница намѣрена проѣхать въ Бордо съ большой свитой. Такимъ образомъ, было полное основаніе думать, что, возвращаясь въ Парижъ, она остановится весной въ замкѣ Коньякъ; но при этомъ всѣхъ сбивало съ толку то обстоятельство, что пріѣхавшій слуга не носилъ Ангулемской ливреи.

Между тѣмъ, не только слуги въ замкѣ Коньякъ, но даже приближенные короля Франциска, затруднились бы сказать что нибудь опредѣленное относительно ближайшаго будущаго. Ноябрская ночь въ замкѣ Инфантадо привела далеко не къ тѣмъ результатамъ, какіе можно было ожидать. Король, вернувшись въ Альказаръ, не захотѣлъ видѣть Бріона и провелъ нѣсколько часовъ наединѣ съ собою. Подвигъ самоотреченія, который онъ взялъ на себя, былъ ему не по силамъ, такъ какъ былъ противенъ его эгоистической и художественной природѣ. Онъ смутно чувствовалъ, что поставилъ себя въ искусственное положеніе, и возмущался противъ насилія, которое хотѣлъ

сдѣлать надъ собой. Если бы онъ согласился во-время выслушать Бріона, то все еще могло устроиться и прійти въ равновѣсіе.

Франциска съ своей стороны испытывала не только горе и отчаяніе, но и глубокое озлобленіе, что человѣкъ, котораго она такъ безгранично любила, отвергаетъ ее, даже не потребовавъ отъ нея никакихъ объясненій. Кровь Фуа заговорила въ ней, какъ нѣкогда въ день смерти королевы Клавдіи въ Парижѣ; и теперь еще съ бо̀льшею силою, нежѐли тогда, потому что подобныя ощущенія никогда не возобновляются въ одинаковой степени, а всегда бываютъ сильнѣе или слабѣе. Обращеніе съ нею сестры короля еще болѣе усиливало ея гнѣвъ. Маргарита, которая, повидимому, была такъ расположена къ ней, выказывала ей теперь молчаливое презрѣніе. Она не знала, что герцогиня, подъ вліяніемъ собственнаго огорченія, приписывала ей рѣшеніе короля отречься отъ престола. Франциска съ своей стороны была слишкомъ горда, чтобы сдѣлать малѣйшую попытку оправдать себя даже передъ этой женщиной, которую глубоко уважала. Она вышла изъ комнаты раньше Маргариты и пошла къ Хименѣ. Хотя она не имѣла полнаго довѣрія къ молодой дѣвушкѣ, которая такъ неожиданно сдѣлалась ея соперницей, но была увѣрена, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, не встрѣтитъ свѣтскихъ предразсудковъ. Разбудивъ Химену, она попросила ее немедленно выхлопотать ей отъ дворецкаго лошадей и двухъ проводниковъ, потому что она намѣрена черезъ часъ отправиться въ путь. Въ первую минуту Химена не могла выговорить ни одного слова отъ отчаянія, и наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, спросила:—Что случилось?

Но графиня Шатобріанъ была въ такомъ настроеніи, что не имѣла никакого желанія разсказывать кому бы то ни было о своихъ страданіяхъ. Она холодно повторила свою просьбу и спросила, можетъ ли она надѣяться, что ей дадутъ лошадей и провожатыхъ и что, въ противномъ случаѣ, она уйдетъ пѣшкомъ изъ Мадрида.

Химена, видя насколько неумѣстны будутъ всякіе вопросы, молча встала съ постели и поспѣшно одѣлась; и только выходя изъ комнаты рѣшилась спросить:

— Надѣюсь, Франциска, ты не оттолкнешь меня вслѣдствіе того, что другіе причинили тебѣ горе, и возьмешь меня съ собой.

— Нѣтъ, Химена! Ты будешь теперь единственнымъ утѣшеніемъ короля; ты должна остаться здѣсь. Я не нуждаюсь въ утѣшеніяхъ.

— Но я не могу жить безъ тебя. Если ты не захочешь взять меня, то я поѣду вслѣдъ за тобою, возразила Химена и, не дожидаясь отвѣта, пошла къ отцу.

Герцогъ пришелъ въ ужасъ отъ мысли, что дочь его хочетъ открыто уѣхать изъ Мадрида съ графиней Шатобріанъ, которая пользовалась такой дурной репутаціей, и рѣзко выражалъ свое неодобреніе.

— Выбирайте между бо̀льшимъ или мѐньшимъ несчастіемъ! ска-

зала Химена.—Если я останусь здѣсь, то имени Инфантадо будетъ нанесенъ еще бо̀льшій ударъ; если я уѣду, то ваше имя останется незапятнаннымъ!

Герцогъ не понялъ значенія этихъ словъ, но, подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха, изъявилъ согласіе на отъѣздъ дочери.

Во второмъ часу ночи графиня Шатобріанъ и Химена выѣхали изъ замка въ сопровожденіи двухъ слугъ. Ворота башни на этотъ разъ отворились передъ ними безъ всякаго затрудненія. Съ горъ дулъ имъ на встрѣчу рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ, смѣшанный съ дождемъ. Обѣ женщины молчали; каждая изъ нихъ была поглощена своими думами. Полчаса спустя, выѣхала герцогиня Маргарита съ своей свитой, среди которой былъ Маро и Бюде, но и здѣсь при выѣздѣ никто не рѣшался прервать общаго молчанія.

Король, удалившись въ Альказаръ, не хотѣлъ никого видѣть и даже не простился съ сестрой. Только на слѣдующее утро, когда одиночество сдѣлалось для него невыносимымъ, онъ приказалъ позвать къ себѣ Бріона. Онъ мысленно рѣшилъ не дѣлать никакого намека на случившееся и хотѣлъ заявить Бріону, что намѣренъ просить императора о дозволеніи ему вернуться во Францію. Для короля, при его возбужденномъ состояніи, было своего рода утѣшеніемъ оказать благодѣяніе неблагодарному другу, такъ какъ этимъ удовлетворялось его оскорбленное самолюбіе.

Но случилось иначе. Бріонъ самъ началъ объясненіе, котораго такъ жаждалъ король въ глубинѣ души, хотя не хотѣлъ сознаться въ томъ передъ самимъ собой. Разсказъ Бріона показался ему настолько естественнымъ, что онъ съ первыхъ же словъ повѣрилъ его правдивости, тѣмъ болѣе, что влюбленный сеньоръ не скрылъ отъ него причины, побудившей его отправиться къ графинѣ Францискѣ.

Король почувствовалъ глубокое раскаяніе въ своей поспѣшности и, зная безупречную честность своего любимца, потребовалъ только отъ него, чтобы онъ подтвердилъ свой разсказъ рыцарской клятвой.

— Дай мнѣ договорить, продолжалъ король, прерывая Бріона на первомъ словѣ.—Во всякомъ случаѣ, я прощаю тебѣ твой романическій вымыселъ и позволяю остаться въ Альказарѣ. Если ты не можешь дать мнѣ честнаго слова въ томъ, что ты говорилъ правду, то обѣщай мнѣ, по крайней мѣрѣ, не обманывать меня намѣренно въ будущемъ.

— Клянусь вамъ моимъ рыцарскимъ честнымъ словомъ въ правдивости моего разсказа.

— Боже мой! Какъ нелѣпо велъ я себя вчера! воскликнулъ король, вскакивая съ своего мѣста. Онъ не могъ оставаться долѣе ни одной минуты въ Альказарѣ и поспѣшилъ въ замокъ къ Францискѣ, чтобы умолять ее о прощеніи.

Но уже было поздно. Ему объявили, что она уѣхала ночью изъ замка вмѣстѣ съ Хименой.

Сознаніе вопіющей несправедливости относительно любимой женщины нерѣдко побуждаетъ даже вполнѣ порядочнаго человѣка къ заявленію болѣе горячей любви, нежели та, которую онъ чувствуетъ въ дѣйствительности. Король почти не замѣчалъ отсутствія Химены, потому что весь былъ поглощенъ горемъ объ отъѣздѣ оскорбленной имъ графини Шатобріанъ и посылалъ ей гонца за гонцомъ съ письмами, въ которыхъ выражалась такая искренняя и поэтическая нѣжность къ ней, какая никогда не проявлялась съ его стороны въ продолженіи всей ихъ любовной исторіи.

Но именно теперь, когда любовь короля достигла той степени искренности и нѣжности, о которой мечтала Франциска, она рѣшилась навсегда прекратить съ нимъ всякія сношенія. Письма его настигли ее въ дорогѣ; она получала ихъ и въ Фуа, гдѣ поселилась съ Хименой; но она не читала ни одного изъ нихъ и отсылала назадъ нераспечатанными въ пакетахъ, надписанныхъ рукою Химены: „Отъ графини Шатобріанъ королю Франціи".

Между тѣмъ, послѣ печальной ноябрской ночи, для короля открылись шансы на лучшую будущность. Уроженецъ Брабанта передалъ своему властелину извѣстіе объ отреченіи короля Франциска отъ престола. Эта новость была въ высшей степени непріятна императору. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что король Франціи, который долженъ былъ купить себѣ свободу цѣною большихъ политическихъ жертвъ, сдѣлался частнымъ человѣкомъ и не въ состояніи былъ ничего предложить взамѣнъ своего освобожденія. Императоръ готовъ былъ даже сдѣлать нѣкоторыя уступки, чтобы побудить своего плѣнника къ отмѣнѣ акта отреченія отъ престола, такъ что у послѣдняго явилась надежда, что скоро наступитъ конецъ его заточенія и онъ отправится въ замокъ Фуа и скажетъ лично графинѣ Франциск ѣ все то, чтó онъ писалъ ей въ письмахъ.

Но переговоры опять затянулись. Императоръ не рѣшался ни на какія серьезныя уступки въ виду новыхъ, явившихся у него соображеній.—Правительница, думалъ онъ, любитъ своего сына и не захочетъ оставить его въ вѣчномъ заточеніи; она не допуститъ, чтобы богато одаренный Францискъ похоронилъ бы себя заживо въ тюрьмѣ и отказался навсегда отъ престола. Она надѣется, что я узнаю объ актѣ отреченія ея сына и сдѣлаюсь уступчивѣе; и, вѣроятно, сама поспѣшитъ извѣстить меня объ этомъ; тогда увидимъ, какого рода уступки окажутся необходимыми. Или, быть можетъ, въ Парижѣ придумали еще болѣе хитрую комбинацію и только тогда обнародуютъ актъ отреченія, когда мой плѣнникъ будетъ на свободѣ и вступитъ на французскую почву. Тогда они объявятъ, что я заключилъ трактатъ съ королемъ, который въ это время фактически не былъ имъ и потому онъ вовсе не обязанъ исполнить этотъ трактатъ. Что же касается акта отреченія, то король Францискъ можетъ уни-

чтожить его во всякое время; дофинъ еще ребенокъ; и я одинъ буду въ проигрышѣ.

Въ виду этихъ соображеній у императора впервые явилась мысль заключить мирный договоръ подъ личною отвѣтственностью короля Франциска, который долженъ былъ гарантировать своей особой, точное исполненіе его и дать слово, что въ противномъ случаѣ онъ добровольно вернется въ плѣнъ.

Король Францискъ не могъ не замѣтить, что недовѣріе было главной причиной кажущагося великодушія императора и это, вѣроятно, всего болѣе побудило его на поступокъ, который представляетъ такое рѣзкое противорѣчіе съ его понятіями. Онъ видѣлъ себя постоянно обманутымъ и долженъ былъ убѣдиться, что его рыцарскій образъ дѣйствій не соотвѣтствуетъ духу времени и будетъ неумѣстнымъ относительно такого разсудительнаго и ловкаго политика, какимъ былъ императоръ Карлъ. Такимъ образомъ, онъ мало по малу поддался просьбамъ и совѣтамъ матери и друзей, писавшихъ ему изъ Франціи, и своихъ приближенныхъ въ Альказарѣ, въ числѣ которыхъ былъ Флорентинъ.

Помимо отношеній къ графинѣ Шатобріанъ, о которыхъ Флорентинъ не смѣлъ упоминать, король во всемъ остальномъ безусловно подчинился его вліянію. Хотя онъ не любилъ прелата, но не могъ не признавать его рѣдкаго ума и находилъ большое удовольствіе бесѣдовать съ нимъ о господствовавшихъ въ то время суевѣріяхъ. Прелатъ былъ увлеченъ ими и своими поэтическими разсказами ввелъ короля Франциска въ волшебный міръ мистическихъ мечтаній, который имѣлъ для послѣдняго всю прелесть новизны. При этомъ, благодаря дѣятельной монашеской почтѣ, у прелата были подъ рукой самыя свѣжія политическія извѣстія о томъ, что дѣлалось во всей Европѣ. Такимъ образомъ, въ королѣ незамѣтно для него самого выработалось болѣе строгое отношеніе къ церковнымъ вопросамъ, и переговоры съ императоромъ приняли болѣе практическій оттѣнокъ, не совсѣмъ согласный съ его рыцарскими понятіями о чести. Долговременное регентство герцогини Луизы, установленное актомъ отреченія, было несравненно болѣе по сердцу священнику, нежели трудная задача подчинить себѣ короля, но онъ долженъ былъ отказаться отъ этой надежды, вслѣдствіе материнской любви правительницы къ своему сыну. Она писала въ Альказаръ, что не желаетъ оставаться правительницей въ ущербъ сыну и надѣется, что будутъ употреблены всѣ средства къ его освобожденію. Въ виду этого, прелату ничего не оставалось, какъ хлопотать изъ всѣхъ силъ о возвращеніи короля во Францію, чтобы заслужить его благосклонность и благодарность правительницы.

Неизвѣстно, насколько король Францискъ сознавалъ ту нравственную перемѣну, которая совершилась въ немъ въ послѣдніе мѣсяцы его плѣна. Но не подлежитъ сомнѣнію, что, рѣшаясь на шагъ, пред-

ставлявшій полный разладъ съ его прошлымъ, онъ долженъ былъ испытывать глубокую душевную муку и что слѣды этихъ страданій отразились въ томъ постоянномъ недовольствѣ собой и другими, которое сдѣлалось впослѣдствіи отличительной чертой его характера. Чувствуя, что почва колеблется подъ его ногами, онъ искалъ опоры въ прошломъ и болѣе, чѣмъ когда нибудь, дорожилъ своими отношеніями къ Францискѣ. Онъ былъ увѣренъ, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо обманѣ, изъ-за котораго ему пришлось бы краснѣть. Онъ снова отправилъ къ ней гонца съ письмомъ, въ которомъ написалъ ей о своемъ намѣреніи уѣхать съ нею въ замокъ Коньякъ, чтобы возобновить тамъ жизнь полную любви и поэзіи, въ родѣ той, которую они нѣкогда вели въ Фонтенбло. Онъ умолялъ ее въ послѣдній разъ простить ему и обѣщалъ быть нѣжнѣе и внимательнѣе къ ней, чѣмъ когда-либо. „Я сознаю,“ писалъ онъ, „что никогда не стоилъ твоей любви и всегда былъ слишкомъ эгоистиченъ, неблагодаренъ и невнимателенъ къ тебѣ, но не теряю надежды, что въ замкѣ Коньякъ я опять сдѣлаюсь такимъ, какимъ былъ въ молодости, когда еще придворная жизнь не успѣла испортить меня. Ты не знала меня тогда, Франциска! Это лучшее опять проснулось во мнѣ, когда мы встрѣтились съ тобой; оно не покидало меня во все время нашей счастливой любви. Позволь мнѣ вѣрить, что я опять пріобрѣту твою привязанность. Умоляю тебя во имя нашего счастливаго прошлаго, поѣзжай въ Коньякъ. Я прикажу сдѣлать тамъ всѣ нужныя приготовленія къ твоему пріѣзду. Не отказывай мнѣ въ сладкой надеждѣ, что домъ, гдѣ я провелъ мою молодость, пріютитъ тебя. Я долженъ принести тяжелую жертву противъ моей совѣсти, чтобы вырваться изъ Испаніи. Я принесу ее и надѣюсь найти утѣшеніе въ твоихъ объятіяхъ. Напиши мнѣ что нибудь о моемъ замкѣ на берегу Шаранты! Я всей душой жажду увидѣть тебя, услышать хотя одно слово“...

И это письмо было отослано въ Альказаръ нераспечатаннымъ съ надписью: „Отъ графини Шатобріанъ королю Франціи“.

Упорство Франциски глубоко огорчало короля, но онъ не считалъ себя вправѣ сердиться на нее послѣ того оскорбленія, которое она должна была вынести отъ него. Считая ея гнѣвъ вполнѣ законнымъ, онъ рѣшилъ сдѣлать еще попытку къ примиренію. Онъ положилъ въ одинъ пакетъ всѣ возвращенныя ему письма и адресовалъ его на имя Химены, объяснивъ ей въ короткихъ словахъ содержаніе посылаемыхъ писемъ, онъ просилъ ее передать ихъ графинѣ Шатобріанъ а въ случаѣ неудачи, по крайней мѣрѣ, убѣдить ее переселиться въ Коньякъ. „Быть можетъ“, добавилъ король, „черезъ нѣсколько недѣль мнѣ самому удастся пріѣхать на берега Шаранты и помириться съ оскорбленнымъ другомъ“...

Химена не вѣрила болѣе въ возможность прочнаго сближенія короля съ графиней Шатобріанъ; она знала, что рано или поздно ея

подруга будетъ безгранично несчастна. Она не хотѣла также имѣть никакихъ сношеній съ королемъ безъ вѣдома графини Шатобріанъ, и потому тотчасъ же передала ей пакетъ, посланный королемъ.

— Вѣроятно, въ этомъ пакетѣ твои письма, Франциска, сказала Химена. — Ты должна рѣшить, что мнѣ дѣлать: распечатать ли ихъ, или отослать назадъ, не читая.

— Какъ могу я рѣшить это! возразила графиня Шатобріанъ. — Ты видишь, пакетъ адресованъ на твое имя.

— У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ съ королемъ. Онъ, вѣроятно, выбралъ меня посредницей между тобой и имъ. Я сдѣлаю такъ, какъ ты захочешь!

— Между мной и королемъ не должно быть никакого посредничества! сказала съ досадой графиня, задѣтая воспоминаніемъ объ ухаживаньи короля за Хименой.—Между нами все кончено! добавила она, подходя къ окну. Глаза ея задумчиво смотрѣли на долину Арріежъ, покрытую снѣгомъ; зимнее солнце ярко освѣщало крыши убогихъ домовъ мѣстечка Фуа; два горныхъ орла медленно летѣли надъ нимъ.

— Францискъ! Францискъ! каркнулъ воронъ Жакъ, сидѣвшій на окнѣ.

Химена молча сидѣла въ своемъ креслѣ; она смотрѣла то на пакетъ съ письмами, то на свою подругу, стоявшую у окна. Но тутъ Франциска неожиданно подошла къ ней и съ рыданіемъ бросилась на шею.

Бѣдная женщина плакала въ первый разъ со дня выѣзда изъ Мадрида; обильныя слезы текли по ея щекамъ; казалось, что она хотѣла сразу выплакать горе, которое она сдерживала съ такимъ трудомъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

— Если бы ты знала, Химена, сказала она, наконецъ, среди рыданій, — какъ разрывается мое сердце при мысли, что я должна показывать видъ, какъ будто я сержусь на него и не хочу имѣть съ нимъ никакого дѣла! Но я знаю, что для меня нѣтъ иного исхода! За каждымъ новымъ примиреніемъ меня ожидаетъ еще большій позоръ, полное отчаяніе и даже, быть можетъ, смерть! Унеси эти письма; искушеніе слишкомъ сильно! Если я прочту хотя одну строку, то у меня не хватитъ силъ на дальнѣйшее сопротивленіе.

Графиня Шатобріанъ ушла, оставивъ Химену въ печальномъ убѣжденіи, что для подобной любви сближеніе можетъ принести еще больше горе, нежели разлука.

Въ это время король Францискъ былъ такъ поглощенъ хлопотами о скорѣйшемъ заключеніи мирнаго договора съ императоромъ, что довольно терпѣливо ожидалъ отвѣта на свои письма, посланныя въ замокъ Фуа. Чѣмъ ближе была свобода, тѣмъ увѣреннѣе становился онъ въ своей власти надъ Франциской и, благодаря сангвиническому темпераменту, пришелъ къ убѣжденію, что Франциска и Химена ожи-

даютъ его въ замкѣ Коньякъ. Гороскопъ Флорентина предсказалъ ему, что, по возвращеніи на родину, его будетъ привѣтствовать влюбленная въ него красавица. Король улыбался, слушая пророка, предсказывавшаго побѣду ненавистной для него Франциcкѣ; между тѣмъ, какъ тотъ въ свою очередь смѣялся въ душѣ надъ влюбчивымъ королемъ, который по его соображенію долженъ былъ неизбѣжно попасть въ сѣти, которыя готовились для него.

Флорентинъ въ тотъ же день получилъ письмо отъ правительницы, въ которомъ та извѣщала его, что, наконецъ, найдено то, чего они такъ долго искали, и что она вполнѣ увѣрена въ успѣхѣ. „Пусть только прелатъ", добавляла герцогиня въ концѣ письма, „поторопится о скорѣйшемъ заключеніи мирнаго договора и извѣститъ заранѣе о днѣ выѣзда короля, чтобы особа, о которой идетъ рѣчь, могла во-время пріѣхать въ Байонну."

Флорентинъ, получивъ это письмо, немедленно отправился къ Гаттинарѣ и въ тотъ же вечеръ принесъ королю Франциску копію съ окончательнаго трактата вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что императоръ готовъ завтра же подписать трактатъ, если король согласенъ подкрѣпить своею подписью торжественное обѣщаніе исполнить всѣ предписанныя ему условія.

— Наконецъ-то! воскликнулъ король. — Теперь исполните свою обязанность, г. прелатъ. Вы, какъ служитель алтаря, должны взять на себя отвѣтственность за тотъ грѣхъ, который вы разрѣшаете намъ

— Я беру на себя всю отвѣтственность! возразилъ прелатъ съ наглой самоувѣренностью и предложилъ королю отправиться въ звѣздную залу, гдѣ ихъ ожидали Монморанси, Бріонъ и двое другихъ господъ, посланныхъ правительницею. Одинъ изъ нихъ, президентъ парламента де-Сельвъ, былъ другомъ Дюпра и во всемъ покорялся его волѣ; другой — сѣдой какъ лунь, архіепископъ, на половину лишенный зрѣнія и слуха, и готовый выполнить всѣ предписанія Флорентина, который пользовался большимъ уваженіемъ среди высшаго духовенства.

Король вошелъ быстрыми шагами въ мрачную „звѣздную" залу, которая была теперь гораздо слабѣе освѣщена, нежели въ день его свиданія съ императоромъ. Онъ просилъ Флорентина немедленно приняться за дѣло и, обращаясь къ де-Сельву, спросилъ, готовы ли писцы.

— Они къ услугамъ вашего величества! отвѣтилъ де-Сельвъ, указывая на двухъ людей, одѣтыхъ въ черное съ головы до ногъ, которые почтительно стояли у стѣны, гдѣ былъ приготовленъ столъ съ письменными принадлежностями.

— Пусть они прежде всего запишутъ въ точности то, что обѣщаетъ намъ императоръ.

— Это лучшіе парижскіе нотаріусы, ваше величество! Ничто не ускользнетъ отъ ихъ вниманія!

— Приступимъ къ дѣлу, г. прелатъ; начните чтеніе, сказалъ король, опускаясь въ кресло и приглашая архіепископа сѣсть рядомъ съ нимъ, говоря, что ему „неудобно стоять въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ". Старикъ противился; король настаивалъ на своемъ предложеніи, такъ что содержаніе документа, который Флорентинъ прочелъ вполголоса, совсѣмъ ускользнуло отъ архіепископа. Оно было слѣдующее:

„Именемъ преосвященнаго архіепископа, присутствовавшаго при заключеніи нижеслѣдующаго договора, объявляемъ передъ Богомъ и совѣстью, что святая церковь признаетъ этотъ договоръ не имѣющимъ силы и не обязательнымъ, въ виду того, что онъ вынужденъ заточеніемъ и мученичествомъ христіанскаго короля Франціи, которому предоставляется поступить съ договоромъ по своему усмотрѣнію".

Всѣ молча слушали чтеніе; одинъ Монморанси казался встревоженнымъ и судорожно ухватился за рукоятку своей шпаги.

Флорентинъ, окончивъ чтеніе, взялъ перо съ маленькаго стола, стоявшаго передъ ними, и, обмакнувъ его въ чернильницу, положилъ свертокъ пергамента на колѣни архіепископа. Закрывъ рукопись рукавомъ, онъ подалъ архіепископу перо и указалъ ему на мѣсто, гдѣ должна быть подпись. Старикъ подписалъ свое имя дрожащей рукой; послѣ него подписался Флорентинъ и всѣ присутствующіе, кромѣ короля.

Затѣмъ Флорентинъ прочелъ мирный договоръ. Въ немъ заключались приблизительно тѣ же условія, о которыхъ Маргарита сообщила своему брату въ замкѣ Инфантадо, такъ какъ императоръ не согласился ни на какія существенныя уступки. Старшіе сыновья короля должны были быть выданы въ качествѣ заложниковъ, а самъ король Францискъ обязывался вернуться въ плѣнъ, если черезъ четыре мѣсяца не будутъ выполнены всѣ требуемыя условія. Бракъ съ Елеонорой былъ также включенъ въ договоръ.

По окончаніи чтенія, въ залѣ наступила мертвая тишина. Наконецъ, король всталъ съ мѣста. Флорентинъ воспользовался этимъ моментомъ и сказалъ ему вполголоса: „Хорошее предзнаменованіе! Юпитеръ надъ головой вашего величества!"

Король поднялъ голову и увидѣлъ надъ собой въ открытомъ куполѣ блестящую звѣзду. — Святая церковь покровительствуетъ намъ! сказалъ онъ.—Всякія колебанія неумѣстны!

Съ этими словами онъ подошелъ къ столу и подписалъ договоръ.

На слѣдующее утро Флорентинъ представилъ подписанный договоръ Гаттинарѣ съ просьбой передать его императору.

— Императору слѣдовало бы занять войсками Бургундію и разорвать этотъ договоръ! сказалъ Гаттинара, пристально взглянувъ на прелата.—Если условія слишкомъ тяжелы, то это одинаково вредно

для обѣихъ сторонъ. Согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ, г. прелатъ?

— Почему же для обѣихъ сторонъ?—спросилъ уклончиво прелатъ.

— Потому что та сторона, которой предлагаютъ слишкомъ тяжелыя условія, не выполнитъ ихъ! возразилъ итальянецъ, не спуская глазъ съ прелата.

— Если бы король Францискъ не хотѣлъ исполнить договора, то что мѣшало ему подписать его полгода тому назадъ? Условія остались почти тѣ же, что и прежде. Неужели заточеніе было такъ пріятно нашему королю, чтобы онъ добровольно захотѣлъ остаться столько времени въ Альказарѣ!

— Я былъ противъ того, чтобы его держали въ заключеніи, и теперь не могу одобрить подобнаго договора!—сказалъ Гаттинара, уходя къ императору.

Но Карлъ V упорно стоялъ на своемъ. 14 февраля договоръ былъ формально заключенъ, хотя срокъ освобожденія былъ отложенъ до 10 марта. Флорентинъ успокоилъ разгнѣваннаго короля замѣчаніемъ, что „этимъ замедленіемъ императоръ самъ нарушаетъ договоръ".

Весна въ этомъ году наступила ранѣе обыкновеннаго. Въ концѣ февраля теплый вѣтеръ подулъ съ горъ, и Лотрекъ, уступая усиленнымъ просьбамъ Химены, рѣшился, наконецъ, посѣтить свою несчастную сестру въ отцовскомъ замкѣ Фуа. Химена писала ему нѣсколько разъ въ Тулузу, что здоровье графини Шатобріанъ замѣтно слабѣетъ отъ ея печальнаго настроенія духа и что онъ долженъ чѣмъ нибудь развлечь ее, или увезти ее изъ Фуа.

Лотрекъ ѣхалъ почти безъ остановокъ и, миновавъ мѣстечко Памье, сталъ медленно подниматься на гору по глубокому снѣгу, освѣщенному яркимъ весеннимъ солнцемъ. Лошадиный топотъ заставилъ его оглянуться; онъ увидѣлъ за собой всадника, скакавшаго во всю прыть. Это былъ гонецъ съ депешами отъ правительницы, въ которыхъ она приказывала Лотреку немедленно пріѣхать въ Бордо, гдѣ онъ долженъ былъ получить дальнѣйшія инструкціи относительно торжественнаго пріема короля, котораго ожидали въ половинѣ слѣдующаго мѣсяца.

Лотрекъ всегда неохотно исполнялъ приказы ненавистной ему правительницы. Онъ не могъ простить ей, что она уничтожила успѣхъ итальянскаго похода и испортила навсегда его блестящую военную карьеру. Высокомѣрный тонъ, какимъ были написаны депеши, показался ему оскорбительнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что его преждевременно вызываютъ въ Бордо. Ему было досадно, что правительница хочетъ самовольно распоряжаться имъ въ послѣдніе дни своего правленія.

Съ этими непріятными мыслями Лотрекъ пріѣхалъ въ замокъ Фуа и, войдя въ залу, встрѣтилъ Химену, которая сообщила ему, что

графиня Шатобріанъ больна и, вѣроятно, ничего не знаетъ объ его пріѣздѣ.

— Я рада этому, добавила молодая дѣвушка,—по крайней мѣрѣ, я успѣю сообщить вамъ нѣкоторыя подробности о вашей сестрѣ; вы придумаете, что дѣлать съ нею. Какая нибудь перемѣна необходима! Франциска тоскуетъ въ разлукѣ съ своимъ возлюбленнымъ и скрываетъ это отъ всѣхъ. Она насильственно порвала всякія связи съ королемъ, который ей такъ же необходимъ, какъ воздухъ. Я сама думала сначала, добавила Химена,—что она должна навсегда разстаться съ нимъ потому, что онъ не цѣнитъ ея любви, а теперь не знаю, что посовѣтовать ей, такъ какъ пришла къ убѣжденію, что она умретъ отъ этой разлуки.

— Лучше умереть, нежели унижаться и вымаливать себѣ жизнь.

— Все измѣнилось со времени нашего отъѣзда изъ Мадрида. Теперь роль короля самая незавидная. Онъ писалъ три раза Франциснѣ, но она не открыла ни одного письма и отправила ихъ обратно въ Альказаръ.

— Можетъ быть, это только одно предположеніе, что король умоляетъ Франциску о благосклонности. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно знать содержаніе его писемъ.

— Они, вѣроятно, въ этомъ пакетѣ, который посланъ королемъ на мое имя.

— Почему вы не распечатали его?

Химена покраснѣла; она не хотѣла сознаться въ томъ, что не сдѣлала этого, чтобы не возбудить ревности Франциски, и отвѣтила уклончиво, что „не считала себя вправѣ вмѣшиваться тамъ, гдѣ не желаютъ ея посредничества“.

— Опять-таки я не понимаю, почему у васъ явилось убѣжденіе, что въ этомъ пакетѣ письма короля къ Францискѣ! Можетъ быть, здѣсь заключается какое нибудь важное порученіе ко мнѣ, а васъ только просятъ передать его. Мнѣ кажется необходимымъ открыть пакетъ.

— Я дала слово Францискѣ не распечатывать пакета.

— Если вы позволите, то я самъ сдѣлаю это, сказалъ Лотрекъ и, не дожидаясь отвѣта, сорвалъ печать.

Онъ вынулъ изъ пакета письмо къ Хименѣ и, передавъ его молодой дѣвушкѣ, внимательно прочиталъ одно за другимъ письма короля къ Францискѣ.

Лотрекъ никогда не любилъ ни одной женщины и считалъ ухаживаніе за прекраснымъ поломъ пустымъ препровожденіемъ времени. Съ королемъ у него были только дѣловыя отношенія и, не имѣя никакого понятія о личной жизни короля, онъ не могъ придти въ себя отъ удивленія, читая его письма. Если бы они были адресованы кому нибудь другому, а не его сестрѣ, то онъ, быть можетъ, нашелъ бы ихъ нелѣпыми. Но теперь письма короля въ высшей степени заинтере-

совали Лотрека, потому что льстили его семейной гордости. Король, обращаясь къ Франциске, выражалъ ей такую нѣжность и такое глубокое уваженіе, что Лотрекъ при всей своей суровости былъ тронутъ до глубины души.

Прочитавъ письма, онъ молча смотрѣлъ на нихъ, погруженный въ глубокую задумчивость. Они не только измѣнили его взглядъ на отношенія сестры къ королю, но повліяли на его внутренній міръ. Въ душѣ его шевельнулось сожалѣніе, что онъ никогда не испыталъ ничего подобнаго.

— Жаль, что я не зналъ этого раньше, сказалъ онъ вполголоса.

— Раньше? спросила Химена.—Развѣ случилось что нибудь особенное? Онъ пишетъ мнѣ только о томъ, чтобы я уговорила Франциску переѣхать въ замокъ Коньянъ.

Лотрекъ улыбнулся и внимательнѣе, чѣмъ когда нибудь, посмотрѣлъ на молодую дѣвушку.

— Пойдемте къ Франциске! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Я хочу посовѣтоваться съ ней.

— Это невозможно, графъ! Она твердо рѣшилась никогда больше не встрѣчаться съ королемъ. Если вы хотите перевести ее въ Коньякъ, то нужно устроить такимъ образомъ, чтобы Франциска не подозрѣвала, что этотъ замокъ принадлежитъ королю и что она можетъ встрѣтиться съ нимъ. Не упускайте также изъ виду, что ваша сестра теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь будетъ нуждаться въ вашей помощи противъ преслѣдованій правительницы.

— Въ этомъ не будетъ недостатка! Ихъ любовь настолько трогательна, что Франциска можетъ смѣло разсчитывать на мою помощь, и судя по настроенію короля, происки герцогини Ангулемской окажутся безсильными.

Лотрекъ не зналъ настоящаго положенія вещей и былъ увлеченъ краснорѣчіемъ короля. Ему были неизвѣстны подробности заключеннаго договора, а равно и условіе относительно брака съ Елеонорой, которая по слухамъ была обѣщана Конетаблю Бурбону. На основаніи нѣкоторыхъ выраженій въ письмахъ короля, даже человѣкъ менѣе довѣрчивый, чѣмъ Лотрекъ, могъ придти къ заключенію, что король намѣренъ возвести графиню Шатобріанъ на французскій престолъ, тѣмъ болѣе, что многіе считали это вполнѣ возможнымъ.

Въ этомъ настроеніи Лотрекъ увидѣлъ свою измученную горемъ сестру, которая въ борьбѣ страсти съ разсудкомъ постарѣла на нѣсколько лѣтъ и дошла до такого нравственнаго разстройства, что готова была плакать по всякому поводу.—Нужно спасти ее, подумалъ Лотрекъ.—Все вышло изъ-за пустаго недоразумѣнія!.. Я постараюсь помирить ихъ.

Онъ ласково побранилъ Франциску, зачѣмъ она не бережетъ свое здоровье, и объявилъ, что не позволитъ ей долѣе оставаться въ замкѣ Фуа, а увезетъ съ собой въ болѣе теплый климатъ. Франциска была

такъ благодарна своему брату за участіе къ ней, что не рѣшилась противорѣчить ему. Лотрекъ тотчасъ же велѣлъ все приготовить къ отъѣзду и послалъ впередъ стараго Бернара въ замокъ Коньякъ. Франциска была настолько слаба, что пришлось нести ее на носилкахъ; въ Тулузѣ они также остановились нѣсколько дней для отдыха. Отсюда Лотрекъ проводилъ свою сестру и Химену до береговъ Шаранты.

5-го марта, въ полдень, слуги замка Коньякъ увидѣли многочисленную группу людей, медленно подвигавшихся вдоль длинной вязовой аллеи. Былъ солнечный день; изъ оконъ парка виднѣлись верхушки деревьевъ, принявшія желтовато-зеленый оттѣнокъ—предвѣстникъ первыхъ распускавшихся почекъ и наступленія весны.

Старый незнакомый слуга, прибывшій въ замокъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, поспѣшно вышелъ на крыльцо. Вся остальная прислуга бросилась за нимъ и внимательно разглядывала пріѣзжихъ гостей. Около носилокъ съ одной стороны виднѣлись статныя фигуры Лотрека на красивомъ конѣ и Химены на малорослой наварской лошадкѣ; по другую сторону носилокъ ѣхала дородная женщина въ крестьянской одеждѣ. Это была кормилица Франциски, Марго; она сидѣла на лошади верхомъ, по обычаю крестьянокъ Сентонжа и Рошеля и, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ разсматривала великолѣпный замокъ, стоявшій на высотѣ холма. За носилками слѣдовала толпа всадниковъ, состоящая изъ сеньоровъ и вооруженныхъ слугъ.

Когда пріѣзжіе остановились у крыльца, изъ носилокъ вышла высокая дама, одѣтая въ черное, съ блѣднымъ и болѣзненнымъ лицомъ. Она ласково поздоровалась съ старымъ Бернаромъ, который помогъ ей взойти на крыльцо и при этомъ почтительно поцѣловалъ кончикъ ея платья.

— Какъ называется эта мѣстность, Лотрекъ? спросила она звучнымъ голосомъ.

— Мы на берегу Шаранты!

— Какъ хорошъ этотъ замокъ и паркъ! Я желала бы остаться здѣсь на всю жизнь. Мнѣ кажется, что все это давно знакомо мнѣ, хотя я никогда не бывала въ этихъ мѣстахъ. Посмотри какой роскошный вязъ на склонѣ холма!

— Этотъ вязъ называется королевскимъ, замѣтилъ одинъ изъ слугъ.

— Молчи! прервалъ его поспѣшно Лотрекъ, предполагая, что слуга намѣревается разсказать исторію вяза, подъ которымъ родился король Францискъ.

Лотрекъ скрылъ отъ сестры, что читалъ письма короля, и хотѣлъ оставить ее въ убѣжденіи, что замокъ Коньякъ принадлежитъ ему, изъ боязни, чтобы она не вздумала опять вернуться въ Фуа.

Водворивъ, такимъ образомъ, сестру въ ея новомъ помѣщеніи, Ло-

трекъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Бордо. На этотъ разъ онъ простился съ Хименой болѣе дружески, чѣмъ когда либо и отдалъ строгій приказъ Марго не говорить Францискѣ, что она въ королевскомъ замкѣ, и не позволять другимъ слугамъ упоминать объ этомъ въ ея присутствіи.

Марго обѣщала въ точности исполнить желаніе Лотрека, хотя подобная предосторожность была совершенно лишняя. Графиня Шатобріанъ была такъ безучастна ко всему, что дѣлалось вокругъ нея, что ей и въ голову не приходило спрашивать, гдѣ она и давно ли Лотрекъ пріобрѣлъ замокъ на берегу Шаранты, о которомъ она никогда не слыхала прежде.

Лотрекъ, по пріѣздѣ въ Бордо, засталъ правительницу въ дурномъ расположеніи духа. Она была видимо недовольна тѣмъ, что онъ, получивъ, депешу не тотчасъ явился къ ней.

— Король приказалъ, чтобы вы отправились къ Бидассоа съ его сыновьями и ожидали тамъ его прибытія, сказала она высокомѣрнымъ тономъ.—Вы должны встрѣтить его на берегу и выдать Испаніи дофина и герцога Орлеанскаго въ качествѣ заложниковъ. Оба принца уже въ Байоннѣ!

Лотрекъ тотчасъ же отправился въ путь, потому что не выносилъ пышности, которой окружала себя герцогиня Ангулемская, и скучалъ въ обществѣ придворныхъ дамъ и кавалеровъ. Не менѣе тяготило его и то почетное порученіе, которымъ удостоивали его. Узнавъ о намѣреніи правительницы отправиться въ Байонну, онъ хотѣлъ, не дожидаясь ея пріѣзда, перевезти королевскихъ сыновей въ Сенъ-Жанъ де-Люнъ, послѣдній французскій городъ у испанской границы, чтобы этимъ способомъ избѣгнуть ненавистной для него придворной жизни. Сестра короля, всегда ласковая и привѣтливая, обошлась съ нимъ холоднѣе, чѣмъ когда либо. Лотрекъ не зналъ, чѣмъ объяснить эту перемѣну и невольно подумалъ, что, быть можетъ, и Маргарита начала завидовать прочной любви короля къ Франциску. Это обстоятельство еще болѣе усилило его желаніе удалиться подальше отъ „бабьяго двора", какъ онъ называлъ дворъ правительницы, который долженъ былъ переселиться въ Байонну. Изъ всѣхъ лицъ, окружающихъ герцогиню Ангулемскую, только одна молодая дѣвушка привлекла его вниманіе. Она была поразительно похожа на Химену. Не могла же красивая испанка оставить безъ всякаго повода больную Франциску, очутиться при дворѣ и смыть смуглый мавританскій оттѣнокъ съ своего лица! Лотрекъ не рѣшился подойти къ двойнику Химены и уѣхалъ, не спросивъ объ ея имени.

Между тѣмъ, король Францискъ медленно приближался къ французской границѣ, въ сопровожденіи Ланнуа, военачальника Аларкона и многочисленнаго отряда конницы и пѣхоты. Наконецъ, 17 марта, испанскій гонецъ привезъ извѣстіе Лотреку, что король выѣхалъ изъ Тулузы и приближается къ Фонтарабіи, послѣдней станціи на испан-

ской землѣ. Пятнадцать человѣкъ конницы проводятъ его до лѣваго берега Бидассоа; такое же количество людей должно быть выслано на правый берегъ рѣки со стороны французовъ.

Лотрекъ, получивъ это извѣстіе утромъ 18 марта, отправился въ мѣстечко Андаи, въ долинѣ Бидассоа, чтобы выждать тамъ пріѣзда короля. Пятнадцать вооруженныхъ всадниковъ направились къ берегу при яркихъ лучахъ восходящаго солнца, которое подымалось изъ за французскихъ горъ, озаряя голубоватый туманъ надъ рѣкой. Налѣво передъ ними виднѣлся въ Пиринеяхъ горный потокъ между двумя высокими горами; направо мѣстность расширялась въ холмистую равнину, среди которой расположенъ невзрачный городокъ Ирунъ. Въ этомъ мѣстѣ ровное теченіе Бидассоа усиливается морскимъ приливомъ, такъ какъ океанъ находится отсюда всего за четверть мили, и можно различить издали устье рѣки, раздѣленное на двѣ блестящія полосы высокимъ утесомъ. Лотрекъ приказалъ поставить себѣ палатку на берегу и сидѣлъ у входа съ двумя маленькими принцами, Францискомъ и Генрихомъ, изъ которыхъ старшему едва исполнилось восемь лѣтъ. Оба мальчики радовались, что опять увидятъ отца, и беззаботно болтали о предстоящей поѣздкѣ въ Мадридъ. Около палатки стояла множество лошадей королевской свиты; изъ нихъ особенно выдавался красивый жеребецъ съ великолѣпнымъ турецкимъ сѣдломъ, приготовленный для короля. Ходили слухи, что правительница, употребивъ всѣ средства для освобожденія сына, вошла въ сношенія съ невѣрными и что султанъ, между прочимъ, послалъ ей въ подарокъ этого коня.

Въ тѣ времена еще не было моста черезъ Бидассоа и сообщеніе между обоими берегами производилось съ помощью лодокъ. Посреди рѣки на якорѣ виднѣлась пустая барка, которая поднималась все выше и выше отъ морскаго прилива. У испанскаго берега была привязана лодка съ краснымъ кастильскимъ флагомъ; у противоположнаго берега была такая же лодка съ бѣлымъ французскимъ флагомъ. Все было пусто на испанскомъ берегу и ничто не предвѣщало того важнаго событія, которое должно было совершиться тутъ. Лотрекъ время отъ времени задумчиво смотрѣлъ на Ирунскую долину и крѣпость Фонтарабіа, окруженную полукруглымъ валомъ со стороны океана, позади которой виднѣлись высокія вершины горъ, освѣщенныя солнцемъ. Около полудня изъ крѣпости показалась толпа вооруженныхъ людей и медленно выстроилась вдоль долины. Вслѣдъ за тѣмъ сверкнулъ огонь, раздался пушечный выстрѣлъ; бѣлый пороховой дымъ на минуту покрылъ долину и стоявшую на ней конницу. Это былъ сигналъ, что приближается король. Лотрекъ подошелъ къ берегу съ маленькими принцами и сѣлъ съ ними въ лодку.

Въ это время къ противоположному берегу подъѣхалъ рысью испанскій эскадронъ. За нимъ слѣдовали король, Бріонъ, Флорентинъ, Ланнуа и Аларконъ. (Монморанси былъ отпущенъ раньше, такъ какъ

изъ манежа, я пошелъ вмѣстѣ съ тремя товарищами по Большой Садовой улицѣ и затѣмъ по Невскому. Когда мы дошли до Казанскаго моста, то услышали взрывъ по направленію Екатерининскаго канала, на сторонѣ Театральнаго моста, и я бросился къ тому мѣсту. Когда я приближался къ мѣсту взрыва, то видѣлъ суетящуюся толпу въ сѣрыхъ и черныхъ шинеляхъ и тутъ же замѣтилъ, что здѣсь были и солдаты. Не добѣжавъ до мѣста около 35 шаговъ, я услышалъ другой взрывъ и бросился къ мѣсту этого второго взрыва. Въ это время я видѣлъ, что трое или четверо солдатъ держали какого-то статскаго человѣка, безъ фуражки, блондина. Пробѣжавъ мимо него, я подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ Государь Императоръ. Лицо Его Величества и голова были въ крови, ноги тоже окровавлены и изувѣчены. Тутъ были и матросы. Мы подняли Государя на руки, и Онъ сказалъ: «Холодно», приподнимая руки къ головѣ. Я освободилъ лѣвую руку и хотѣлъ достать изъ кармана мундира платокъ, чтобы повязать голову Его Величеству, но кто-то предупредилъ меня, положивъ на голову Государя свой платокъ. Тутъ подъѣхалъ его высочество Михаилъ Николаевичъ. Государя пронесли нѣсколько шаговъ, кто-то предлагалъ извозчика и карету, а такъ какъ въ нихъ нельзя было положить Государя Императора, то мы продолжали нести Его. Затѣмъ подъѣхали сани, запряженныя сѣрыми лошадьми, въ которыя мы и положили Его Величество. Я обратился къ великому князю Михаилу Николаевичу съ просьбою разрѣшить внести Государя въ ближайшій домъ, чтобы тамъ сдѣлать перевязку, но въ это время Его Величество пришелъ нѣсколько въ себя, можетъ быть услышалъ мои слова, и выразилъ желаніе, чтобы Его несли во дворецъ.

Первоприс. Какія слова произнесъ Государь.

Свид. Новиковъ. «Несите меня во дворецъ».

Тов. прок. Не прибавилъ ли Государь еще: «Тамъ хочу умереть».

Свид. Новиковъ. Какъ мнѣ послышалось, именно Онъ сказалъ эти слова.

Свид. поручикъ графъ Гендриковъ. Въ воскресенье, 1-го марта, я былъ въ придворномъ манежѣ у Театральнаго моста и услышалъ взрывъ—онъ такъ былъ силенъ, что стекла посыпались. Выбѣжавъ изъ манежа, я узналъ отъ своего кучера, что было покушеніе на жизнь Государя Императора, но что Онъ остался живъ и не раненъ даже. Я побѣжалъ къ мѣсту взрыва. Затѣмъ раздался второй взрывъ. Я подбѣжалъ къ Его Величеству, когда его уже несли на рукахъ; изъ всѣхъ окружающихъ я узналъ лишь великаго князя Михаила Николаевича и ротмистра Кулебякина. Кто-то надѣлъ на Государя каску, и мнѣ показалось, что Ему тяжело, а потому я снялъ ее и прикрылъ голову Государя своею фуражкою. Когда Государя повезли, Кулебякинъ держалъ Его Величество, сидя спиною къ кучеру.

Свид. адъютантъ крѣпостной артиллеріи Кюстеръ. Послѣ развода я отправился домой, переодѣлся и поѣхалъ съ женою въ каретѣ по направленію къ Казанскому мосту. Проѣзжая по Аптекарскому переулку, я услышалъ выстрѣлъ какъ будто изъ большого орудія. При поворотѣ на Театральный мостъ я услышалъ второй выстрѣлъ. Высунувшись изъ кареты, я увидѣлъ облако дыма темнаго цвѣта. Оставивъ жену въ каретѣ, я пошелъ по направленію дыма. Тутъ я увидѣлъ, что несутъ Государя нѣсколько человѣкъ, но кто—я не помню. Его Величество посадили на сани полковника Дворжицкаго. Такимъ образомъ Онъ былъ въ полулежачемъ состояніи, голова Его находилась на рукахъ двухъ солдатъ, спереди былъ Кулебякинъ, который держалъ Государя одною рукою, а рядомъ съ нимъ былъ какой-то другой конвойный, который также поддерживалъ ноги Государя Императора. Я держалъ правую руку Государя и проводилъ Его до Театральнаго моста. Когда Государя клали въ сани, я снялъ съ себя шинель, укрылъ ею Его Величество, и мы поѣхали крупною рысью. Я ѣхалъ такъ до Конюшеннаго моста, тамъ лошади поѣхали еще сильнѣе, и я упалъ. Меня взялъ полковникъ и довезъ до Дворца.

Свид. вдова надв. сов. Холодковская, отвѣчая на вопросъ первоприсутствующаго, объяснила слѣдующее: Рысаковъ переѣхалъ ко мнѣ 5-го января и потомъ жилъ у меня недѣли полторы. Послѣ того приходитъ и говоритъ, что у него мать при смерти больна, что онъ получилъ объ этомъ телеграмму и ѣдетъ домой. Онъ оставилъ у меня свои вещи. За комнату заплатилъ. Живя у меня, онъ велъ себя очень хорошо, занимался, ходилъ на урокъ... Онъ мнѣ говорилъ, что имѣетъ урокъ.

Тов. прок. Ваша квартира помѣщается на углу Пятой улицы?—Свид. Холодковская. И Греческаго проспекта.—В. Сколько онъ прожилъ у васъ?—О. Недѣли полторы, не больше.—В. Посѣщалъ его въ квартирѣ кто нибудь?—О. Одинъ молодой человѣкъ, только я его не видѣла.—В. Наружность этого человѣка помните? Посмотрите на скамью подсудимыхъ, не признаете ли кого нибудь?—О. Нѣтъ.—В. Больше никого не было у него?—О. Нѣтъ.—В. Куда онъ отъ васъ перешелъ?—О. Онъ сказалъ, что поѣдетъ на свою родину, такъ и отмѣтился.—В. Письма онъ часто получалъ?—О. Ни одного не получилъ.

Прис. пов. Унковскій. Вы никогда Рысакова ни прежде, ни послѣ не знали?—Свид. Холодковская. Нѣтъ.—В. Не знаете ли, какого онъ характера?—О. Ничего не знаю.

Свид., жена колл. регистр. Ермолина, на вопросъ первоприсутствующаго показала: Я меблированныхъ комнатъ не содержу, а только одну комнату отдавала.—В. У васъ жилъ подсудимый Рысаковъ?—О. У меня жилъ Глазовъ—вотъ тотъ крайній (указывая на Рысакова).—В. Что вы можете сказать, какъ онъ себя велъ за время проживанія у васъ?—О. Очень тихо, онъ былъ скромный, я не замѣчала за нимъ ничего худого.

Товар. прок. Ваша квартира гдѣ помѣщается?

Свид. Ермолина. На углу девятой и Мытнинской улицъ.—В. Когда къ вамъ переѣхалъ Глазовъ?—О. 22-го января.—В. Такъ что онъ всего прожилъ у васъ очень недолго?—О. Мѣсяцъ и семь дней.—В. Онъ у васъ нанималъ одну комнату?—О. Да.—В. Сколько платилъ?—О. 12 рублей.—В. Какой онъ велъ образъ жизни?—О. Онъ днемъ никогда не бывалъ дома.—В. Рано уходилъ?—О. Въ 12, въ 11 и въ 9 часовъ.—В. Вставалъ рано или поздно?—О. Вставалъ и въ 8 часовъ, а въ будни вставалъ позже.—В. Возвращался домой когда?—О. Почти что ночью, часовъ въ 11 и 12.—В. По праздникамъ бывалъ дома?—О. Уходилъ раньше, чѣмъ въ будни.—В. Посѣщалъ его кто нибудь?—О. Да. Первый разъ было шесть человѣкъ, онъ седьмой.—В. Когда это было?—О. Какъ переѣхалъ, такъ чрезъ нѣсколько дней.—В. Всѣ шестеро мужчины?—О. Да.—В. Молодые или пожилые?—О. Всѣ молодые.—В. Долго оставались?—О. До 12 ночи.—В. А пришли рано?—О. Въ восьмомъ часу.—В. Въ теченіи всего времени, что онъ проживалъ у васъ, его посѣщалъ кто нибудь изъ числа этихъ шестерыхъ?—О. Да.—В. Часто посѣщали, каждый день?—О. Какъ придется.—В. Да вѣдь онъ приходилъ домой поздно ночью, когда же къ нему приходили гости?—О. Вечеромъ и утромъ, только дома не заставали.—В. По-двое ходили?—О. По одному.—В. Было ли такъ, что приходили вмѣстѣ съ нимъ?—О. Съ нимъ нѣтъ, онъ бывало придетъ раньше, а потомъ къ нему придутъ гости.—В. Когда къ нему приходили молодые люди, то онъ запиралъ комнату или нѣтъ?—О. Нѣтъ.—В. Разговоръ они вели громко или тихо?—О. Тихо.—В. Не приходилъ ли кто либо изъ этихъ лицъ (указывая на скамью подсудимыхъ)? Свидѣтельница указала на Михайлова.—В. Въ числѣ шестерыхъ, приходившихъ въ первый разъ, этотъ былъ?—О. Не знаю, когда онъ приходилъ, но помню его личность.—В. Скажите объ обстоятельствахъ 1-го марта, они вѣроятно сохранились въ вашей памяти. Не помните ли, какъ провелъ этотъ день Рысаковъ, въ которомъ часу онъ всталъ и когда ушелъ?—О. Онъ всталъ въ восьмомъ часу.—В. А наканунѣ поздно пришелъ?—О. Нѣтъ, пришелъ въ одиннадцатомъ часу. Утромъ онъ всталъ въ восьмомъ часу; услышавъ стукъ въ его комнатѣ, и я встала. Онъ пришелъ на кухню и говоритъ: вотъ какъ я рано нынче всталъ, чтобы мнѣ постоянно въ будни такъ вставать, потому что мнѣ такъ велятъ.—В. Кто?—О. Онъ говорилъ, что служитъ въ какой-то конторѣ и тамъ говорятъ, что онъ поздно является. Я сказала: я васъ бужу каждый разъ, но вы опять засыпаете. На это онъ отвѣтилъ: «ну, я буду самостоятельно вставать», и потомъ сказалъ, что хочетъ бѣлье отдать прачкѣ въ понедѣльникъ.—В. Не спрашивали вы его, куда онъ такъ торопится?—О. Спрашивала. Куда, говорю? у васъ служба стало быть есть? Да, говоритъ, есть. Я спрашиваю: что же у васъ въ конторѣ постоянная служба? Онъ мнѣ на это отвѣтилъ: какая служба! просто въ гости иду.—В. Не сказалъ ли онъ: «все равно служба?»—О. Да, сказалъ.—В. Не замѣтили ли вы, что онъ 1-го марта былъ въ особомъ настроеніи?—О. Онъ былъ трогательный... началъ разговаривать со мною, а раньше почти никогда не говорилъ.—В. Онъ обыкновенно былъ молчаливый?—О. Да.—В. А тутъ сдѣлался разговорчивымъ?—

О. Да.—В. Былъ онъ возбужденъ?—О. Да.—В. Но не печаленъ?—О. Нѣтъ.

Прис. пов. Хартулари. Вы только что признали Михайлова за лицо, посѣщавшее Рысакова; вы это точно припоминаете?—Свид. Ермолина. Да.—В. Когда васъ спрашивали объ этомъ на дознаніи, вы объ этомъ не заявляли?—О. Я тогда не узнала его, а теперь узнаю.—В. Почему же не узнали?—О. Онъ былъ тогда раскраснѣвши.

Тов. прок. По поводу показанія свидѣтельницы я имѣю честь обратить вниманіе особаго присутствія правительствующаго сената на то обстоятельство, что, какъ видно изъ дознанія, подсудимый Михайловъ былъ предъявленъ свидѣтельницѣ Ермолиной 3-го марта, немедленно вслѣдъ за арестованіемъ его, послѣ вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго имъ въ Тележной улицѣ.

Свид., вдова поручика Енько-Даровская, на вопросы первоприсутствующаго показала: когда Рысаковъ учился въ реальномъ училищѣ, въ городѣ Череповцѣ, то жилъ въ числѣ другихъ мальчиковъ у меня.—В. Объясньте, что вамъ о немъ извѣстно?—О. Когда онъ у насъ жилъ, то былъ мальчикъ хорошій; потомъ я слышала, что предъ Рождествомъ онъ былъ подъ присмотромъ полиціи, и я думала, что это простой слухъ, какъ вообще разносятся сплетни.—В. Когда онъ жилъ у васъ?—О. Годъ и восемь мѣсяцевъ какъ онъ ушелъ отъ меня, кончивъ курсъ въ реальномъ училищѣ, и уѣхалъ, чтобы поступить въ горный институтъ.

Тов. прок. Къ которомъ классѣ училища онъ былъ, когда сталъ жить у васъ?—Свид. Енько-Даровская. Онъ жилъ у меня нѣсколько лѣтъ.—В. У васъ были и другіе ученики?—О. Да.—В. Онъ отдѣльную комнату занималъ?—О. Всѣ вмѣстѣ жили, по 3 по 4 человѣка въ одной комнатѣ.—В. Онъ былъ у васъ на хлѣбахъ?—О. Да.—В. Сколько онъ платилъ?—О. Онъ платилъ по 15 рублей самъ за себя, а потомъ за него сталъ платить Громовъ.—В. Хорошо онъ учился?—О. Да.—В. Поведенія былъ скромнаго?—О. Да. Другіе мальчики бывало поспорятъ между собою, а онъ былъ хорошій.—В. Не замѣчали вы, чтобы онъ велъ дурную жизнь?—О. Нѣтъ, онъ былъ скромный.—В. Былъ разговорчивый мальчикъ?—О. Иногда разговорится.—В. Видали ли вы, чтобы онъ дружился съ товарищами и чтобы на него имѣлъ кто нибудь вліяніе?—О. Нѣтъ. Я жила съ племянницей и она ему давала уроки французскаго и нѣмецкаго языка.—В. Много онъ читалъ?—О. Много.—В. На каникулы уѣзжалъ?—О. Да, лѣтомъ уѣзжалъ къ родителямъ.—В. Всегда уѣзжалъ къ родителямъ?—О. Всегда, а вотъ на праздникъ Рождества онъ у насъ не былъ.—В. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ говорилъ, что хочетъ поступить въ горный институтъ?—О. О немъ хлопоталъ князь Волконскій.—В. Не случалось ли ему въ разговорахъ съ вами высказывать свои взгляды относительно будущей дѣятельности?—О. Онъ всегда былъ поведенія хорошаго; иногда, напримѣръ, услышитъ, что мальчики выражаютъ вольныя мысли, такъ онъ опровергалъ это все.—В. Это до отъѣзда въ Петербургъ?—О. Да.—В. Что же, имѣли на него вліяніе другіе? Какой характеръ у него былъ, мягкій?—О. Лаской съ нимъ можно было сдѣлать все и онъ послушается.—В. Такъ что вы сохранили о немъ воспоминаніе, какъ о мальчикѣ хорошемъ?—О. Да.—В. И васъ удивило то обстоятельство, по которому вы теперь вызваны въ качествѣ свидѣтельницы?—О. Да.—В. По тому, какъ велъ себя Рысаковъ, проживая въ Череповцѣ, вы не можете себѣ объяснить того, какъ случилось настоящее событіе?—О. Нѣтъ, не могу объяснить.

Прис. пов. Унковскій. Онъ жилъ у васъ пять лѣтъ?—Свид. Енько-Даровская. Да.—В. До осени 1879 года?—О. Нѣтъ, до лѣта, до 20-го.—В. Вы удостовѣряете, что онъ характера былъ мягкаго?—О. Да. Мы бывало съ другими мальчиками поспоримъ, они нагрубятъ, а мнѣ этотъ мальчикъ очень нравился и я жалѣю его просто какъ сына. Въ училищѣ онъ также былъ примѣрный. Другіе ученики шалятъ, а онъ поведенія былъ весьма хорошаго. Первый годъ онъ плохо учился, но потомъ сталъ развиваться довольно хорошо.—В. Онъ былъ набожный мальчикъ?—О. Набожнѣе другихъ; онъ больше другихъ и съ охотою ходилъ въ церковь. Я разъ какъ-то сказала ему, что, вотъ, когда поступишь въ горный институтъ въ Петербургѣ, то пожалуй перемѣнишь свои мысли; но онъ мнѣ сказалъ, что не пойдетъ на такія вещи, потому что много читалъ. Я стариннаго духа и мнѣ горько видѣть такихъ людей.

Свид. учительница гимназіи Кулаковская показала: Рысаковъ жилъ въ Череповцѣ въ домѣ моей тетки, какъ квартирантъ, въ числѣ прочихъ мальчиковъ. Я жила въ этомъ же домѣ, и когда ученики младшаго

класса въ чемъ нибудь затруднялись, я имъ разъясняла уроки. Во все время Рысаковъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и по поведенію, и по ученію, былъ всегда прилеженъ. Затѣмъ, когда онъ поступилъ въ горный институтъ, то оттуда писалъ мнѣ нѣсколько писемъ, въ которыхъ говорилъ о томъ, какъ онъ поступилъ; писалъ о своихъ занятіяхъ, говорилъ также, что онъ съ большимъ удовольствіемъ посѣщаетъ лекціи, что онъ сошелся лишь съ немногими изъ товарищей, что все время проводитъ въ занятіяхъ, въ библіотекѣ горнаго института. Въ августѣ 1880 года я перешла въ Новгородъ и онъ мнѣ написалъ туда два письма, въ которыхъ спрашивалъ, какъ я устроилась? Я ему отвѣтила на это и спрашивала о его родныхъ. Онъ мнѣ написалъ, что недавно пріѣхалъ изъ отпуска отъ родныхъ и сообщилъ мнѣ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. На это письмо я ему не отвѣчала, потому что у меня было очень много занятій и еще потому, что письмо его затерялось и я забыла его адресъ.

Тов. Прок. Вы учительница гимназіи?— Свид. Кулаковская. Да.—В. Скажите пожалуйста о характерѣ Рысакова за время пребыванія его въ Череповцѣ въ домѣ вашей тетки. Что, онъ имѣлъ характеръ мягкій, воспріимчивый?—О. Да, это былъ мальчикъ мягкаго характера.—В. И слабый, можно сказать?—О. У него была нѣкоторая настойчивость, но всегда на него можно было подѣйствовать лаской.—В. Какъ на него можно было подѣйствовать—лаской, или логикой, убѣжденіемъ?—О. Мнѣ кажется, скорѣе лаской.—В. Дѣйствуя на его чувства?—О. Да.—В. Съ товарищами въ какихъ онъ былъ отношеніяхъ?—О. Былъ хорошъ. Я никогда не замѣчала особенныхъ ссоръ и особой дружбы.—В. Не слыхали ли вы его сужденій, относительно существующаго порядка—сужденій политическихъ?—О. Нѣтъ.—В. Вообще эти вопросы не интересовали его тогда?—О. Нѣтъ.—В. Въ кружкѣ его товарищей не было ли подобныхъ разговоровъ?—О. Я не слыхала.—В. По письмамъ изъ горнаго института не замѣтили ли вы въ немъ нѣкоторой перемѣны?—О. Нѣтъ, не нашла никакой.—В. Вы семью его знаете?—О. Знаю. Когда его отдавали въ третій классъ, то тогда пріѣзжала мать, а потомъ къ нему пріѣзжалъ и отецъ. Это было тогда, когда онъ находился въ самомъ послѣднемъ классѣ, или же въ предпослѣднемъ.—В. Можете ли вы сообщить, какія были его отношенія къ семьѣ и въ частности къ отцу.—О. Отца онъ очень любилъ. —В. Отецъ переписывался съ нимъ?—О. Да.—В. Часто получалъ онъ письма.—О. Нѣтъ, не часто, потому что отецъ его часто бывалъ въ разъѣздахъ по своимъ занятіямъ.—В. По послѣднему письму къ вамъ въ Новгородъ, вы перемѣны въ Рысаковѣ не замѣтили?—О. Особеннаго ничего не было, кромѣ того, что эти письма были короче прежнихъ.—В. Они не содержали въ себѣ разсказа о его занятіяхъ въ институтѣ?—О. Онъ писалъ, что когда вернулся, то предался занятіямъ, и спрашивалъ, какъ я устроилась въ Новгородѣ.—В. Вы въ Петербургѣ его не видѣли, не навѣщали?—О. Нѣтъ.

Прис. пов. Унковскій. Какъ долго жили вы у тетки?—Свид. Кулаковская. Пять лѣтъ.—В. Въ теченіи всего этого времени жилъ у васъ Рысаковъ?—О. Да, но потомъ онъ уѣхалъ и я еще годъ оставалась въ Череповцѣ. В. Когда вы въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» прочитали, что въ числѣ лицъ, покушавшихся на жизнь Государя Императора находился и Рысаковъ, васъ это удивило?—О. Ужасно.—В. Вы являлись въ тотъ день къ губернатору?—О. Да.—В. Вамъ казалось, что это была ошибка? Вы подъ этимъ впечатлѣніемъ и пошли къ губернатору?—О. Всѣ данныя, которыя я прочитала въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», указывали, что это былъ онъ; но по тому, какимъ я его знала, мнѣ трудно было вѣрить, что это онъ?—В. Рысаковъ былъ набожный?—О. Онъ охотнѣе другихъ ходилъ въ церковь, когда это приходилось дѣлать.—В. Послѣ того, какъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, вы больше его не видали?—О. Нѣтъ.

Свид. инспекторъ горнаго института Бекъ. Предъ поступленіемъ въ институтъ, въ сентябрѣ 1879 года, Рысаковъ представилъ свидѣтельство объ удовлетворительномъ окончаніи курса въ реальномъ училищѣ и былъ допущенъ къ повѣрочному экзамену, но принятъ былъ въ институтъ только вольнымъ слушателемъ, такъ какъ въ документахъ, представленныхъ имъ, не доставало, кажется, увольнительнаго свидѣтельства отъ общества. Онъ началъ заниматься, а свободное отъ занятій время проводилъ въ библіотекѣ института, гдѣ я его часто видѣлъ; онъ преимущественно занимался чтеніемъ математическихъ книгъ. Мѣсяца три спустя, въ ноябрѣ или декабрѣ, прошелъ слухъ, что Рысаковъ находится въ

очень бѣдственномъ положеніи, питается однимъ чаемъ и черными хлѣбомъ съ солью. Такъ какъ у насъ студентамъ перваго курса не выдается пособія, то я, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли Рысаковъ находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи и, въ случаѣ нужды, помочь ему, послалъ справиться къ нему на квартиру. Экзекуторъ доложилъ мнѣ, что Рысаковъ проживаетъ гдѣ-то на углу 15-й линіи Васильевскаго острова и Большого проспекта, занимаетъ уголъ—пространство между печкою и стѣною и, какъ сообщили экзекутору, пьетъ только чай съ черныиъ хлѣбомъ. На основаніи вотъ этихъ данныхъ я сдѣлалъ представленіе директору, которое и поступило въ совѣтъ, съ предложеніемъ, чтобы Рысакову дано было пособіе. Совѣтъ это утвердилъ. Потомъ Рысаковъ выдержалъ экзаменъ, перешелъ во второй курсъ и началъ слушать лекціи съ начала сентября 1880 года. Послѣ рождественскихъ каникулъ онъ рѣже сталъ посѣщать институтъ, потомъ вдругъ скрылся. Относительно посѣщенія лекцій студенты не подвергаются особому контролю, и отсутствіе Рысакова я оставилъ безъ вниманія. Я думалъ, что онъ, можетъ быть, боленъ, хотѣлъ помѣстить его въ госпиталь, но отъ него никакого заявленія не поступило.

Товар. прок. Внѣ стѣнъ института наблюденія надъ студентами не было, слѣдовательно матеріалъ о характерѣ, о направленіи студентовъ, вы получаете во время посѣщенія студентами, въ томъ числѣ и Рысаковымъ, лекцій?—Свид. Бекъ. Да.—В. На основаніи этихъ данныхъ, какое онъ впечатлѣніе произвелъ на васъ?—О. Впечатлѣніе человѣка, занимающагося дѣломъ.—В. Замѣтно было, что онъ посѣщалъ лекціи исправно?—О. Постоянно.—В. Со стороны его характера, что вы замѣтили?—О. Онъ держался особнякомъ, по крайней мѣрѣ я не видалъ, чтобы онъ съ кѣмъ нибудь сближался въ институтѣ.—В. Вы говорите, что Рысаковъ держалъ себя особнякомъ?—О. Да.—В. О перемѣнѣ въ образѣ жизни Рысакова вы говорите, что къ концу 1880 года онъ сталъ рѣже посѣщать институтъ?—О. Въ 1881 году, послѣ рождественскихъ каникулъ, онъ началъ рѣже ходить.—В. А въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ? — О. Продолжалъ заниматься.—В. Вы имѣете возможность удостовѣряться въ посѣщеніи студентами института?—О. Я часто ходилъ въ библіотеку, раза 3 или 4 въ день, и часто видѣлъ его тамъ.—В. Вы оказывали ему пособіе одинъ или нѣсколько разъ?—О. Нѣсколько разъ. Первый разъ по бѣдности, второй—когда перешелъ на другой курсъ, то ему нужно было отправиться на практическія занятія, и такъ какъ онъ человѣкъ бѣдный, то ему было дано пособіе, не помню лишь сколько, кажется, рублей сорокъ. Затѣмъ въ августѣ внесли за слушаніе лекцій 30 или 40 рублей, такъ какъ онъ перешелъ въ слѣдующій курсъ.—В. Сколько разъ вы узнавали про обстановку Рысакова?—О. Только одинъ разъ.—В. Она была крайне бѣдна?—О. Экзекуторъ говорилъ, что онъ занималъ одинъ уголъ.—В. Спрашивали вы у Рысакова, отъ кого онъ получаетъ средства къ жизни.—О. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Свидѣтельница, дочь урядника Артамонова показала: 4-го января я вывѣсила билетъ на сдачу комнаты. Потомъ мнѣ кухарка говоритъ, что приходилъ какой-то господинъ и она сказала, что комната маленькая, а большой нѣтъ. Оказалось, что это приходилъ Ельниковъ. Я попросила его придти въ 10 часовъ утра. Это было около 7-го или 8-го января. Онъ далъ мнѣ рубль задатку, а я спросила, чѣмъ онъ занимается, кто онъ такой? Онъ отвѣтилъ, что занимается просто въ конторѣ письменною работою. Я попросила его быть скромнѣе; онъ сказалъ, что у него никто не бываетъ, что онъ выходитъ изъ дому въ 10 часовъ утра, а приходитъ въ 11 часовъ ночи. Я предложила ему ключъ, чтобы, если когда поздно вернется, самому войти въ квартиру. Потомъ онъ передалъ мнѣ деньги за квартиру 1-го февраля черезъ кухарку. Приходили къ нему гости, но ихъ было немного; слышала мужскіе и женскіе голоса. Велъ себя Ельниковъ скромно. Я спрашивала кухарку, кто такіе приходили, и она сказала, что все такіе же, какъ и онъ, въ лицо же я сама никого не видала.

Тов. прок. А служанка имѣла возможность видѣть гостей?—Свид. Артамонова. Да.—В. При производствѣ дознанія вамъ былъ предъявленъ трупъ человѣка?—О. Да.—В. Вы признали въ этомъ трупѣ вашего бывшаго жильца?—О. Да, признала потому, что за три дня до смерти его видѣла.—В. Это тотъ самый, который подъ фамиліею Ельникова снималъ у васъ комнату?—О. Да.—В. Показывали вамъ его платье, ключъ?—О. Показывали. Ключъ былъ отъ наружной двери квартиры, я ему отдала.—В. У него было много вещей съ собою?—О. Онъ былъ очень

бѣдный. Я на третій день пришла посмотрѣть въ его комнату и видѣла, по его книгамъ, что онъ просто какой-нибудь конторщикъ.—В. Ваша квартира помѣщается на Симбирской улицѣ?—О. Да.—В. Это мѣсто глухое?—О. Кажется, ничего... Я первый разъ живу на Выборгской.

Свидѣтельница,вдова солдата Смѣлкова, отвѣчая на вопросы первоприсутствующаго, показала, что она была служанкою у Артамоновой.—В. У васъ проживало лицо, которое называло себя Ельниковымъ?—О. Да.—В. Что вы можете сообщить суду о его жизни?—О. Онъ велъ очень хорошую жизнь, жилъ смирно и тихо; больше ничего не знаю.

Тов. прок. Помните, когда этотъ человѣкъ, называвшійся Ельниковымъ, переѣхалъ на квартиру къ вамъ?—Свид. Смѣлкова. Я числа вѣрно не могу сказать, около 15-го января, должно быть.—В. Вамъ показывали трупъ человѣка, при производствѣ этого дѣла?—О. Самого человѣка не показывали.—В. А показывали карточку?—О.Да.—В. Вы признали въ ней вашего жильца?—О. Да.—В. Показывали вещи?—О. Да.—В. Вы признали ихъ принадлежащими Ельникову?—О. Да.—В. Въ томъ числѣ былъ и ключъ?—О. Да.—В. Ключъ былъ отъ наружной двери вашей квартиры?—О. Да.—В. Онъ съ собою его бралъ, когда уходилъ?—О. Да.—В. Днемъ онъ оставался дома, или же уходилъ?—О. Уходилъ. Онъ вставалъ въ 9-мъ часу, а уходилъ въ началѣ одиннадцатаго, возвращался же около 11 часовъ или въ половинѣ двѣнадцатаго ночи.—В. А по праздникамъ?—О. И по праздникамъ.—В. Круглый день дома не бывалъ?—О. Да.—В. Навѣщалъ его кто нибудь въ квартирѣ?—О. Да.—В. Нѣсколько человѣкъ?—О. Да, нѣсколько. В. По сколько же человѣкъ вмѣстѣ приходили?—О. По одиночкѣ; они приходили въ 6 час. вечера, когда онъ ждалъ гостей.—В. Въ числѣ этихъ гостей были и женщины? — О. Да. —В. Сколько ихъ было?—О. Всегда приходила одна.—В. А мужчины?—О. Въ другой разъ трое, четверо придутъ.—В. Подолго они сидѣли, эти гости?—О. Въ 12, кажется, уходили.—В. Не уводили ли они и самого Ельникова съ собою?—О. Никогда.—В. Они сидѣли запершись въ комнатѣ?—О. Да.—В. Разговоръ вели тихій или нѣтъ?—О. Тихій.—В. Посмотрите на скамью подсудимыхъ и скажите, кого изъ нихъ вы признаете за лицъ, бывавшихъ у вашего жильца?

Свидѣтельница указала на Рысакова и Гельфманъ, которая, по ея словамъ, приходила три раза.—В. Въ послѣдній разъ она не оставила Ельникову записки? — О. Да, оставила.—Потомъ Смѣлкова указала на Перовскую, какъ приходившую къ Ельникову.—В. Не эта ли женщина съ большимъ лбомъ, о которой вы показывали?—О. Та самая.—Наконецъ свидѣтельница указала на Желябова, какъ на одного изъ лицъ, посѣщающихъ Ельникова.—В. Не показывали ли вамъ трупа другого человѣка, черноволосаго?—О. Да, показывали.—В. Этотъ человѣкъ приходилъ къ Ельникову?—О. Я ошиблась, сказавъ, что онъ часто приходилъ; онъ приходилъ рѣже.—В. Кто вмѣстѣ приходили изъ тѣхъ, которыхъ вы признали?—О. Приходилъ всегда одинъ Рысаковъ, потомъ всѣ по одиночкѣ, а въ послѣдній разъ женщина приходила.—В. Когда это было?—О. Было 26 февраля.—В. Въ этотъ день кто пришелъ къ Ельникову?—О. Вотъ она... (указывая на Перовскую).—В. Одна приходила?—О. Да.—В. Рано утромъ?—О. Такъ, часовъ въ пять дня. Ельниковъ дома не ночевалъ со среды на четвергъ. Когда онъ вернулся въ 4 часа, она пришла въ пять, и я спросила ее, почему вы не будите его, и она сказала, что пускай поспитъ. Когда пришелъ Рысаковъ и всталъ Ельниковъ, я поставила ему самоваръ и тогда пришелъ Желябовъ.—В. Долго они пробыли въ четвергъ?—О. До половины двѣнадцатаго.—В. Ушли всѣ вмѣстѣ?—О. Прежде ушли Желябовъ и Перовская, а Ельниковъ оставался еще дома.

Прис. пов. Герке 1-й. Когда женщина брюнетка приходила къ Ельникову, это было всего три раза, вечеромъ?—Свид. Смѣлкова. Да.—В. И не заставала дома Ельникова?—О. Да.—В. У васъ въ квартирѣ свѣтло, вы не могли ошибиться?—О. Нѣтъ.—В. Такъ что вы увѣрены, что это приходила она?—О. Да.—В. Оставила записку и сказала, чтобы передать ее Ельникову?—О. Я слышала объ этой запискѣ отъ самого Ельникова; она посидѣла у него въ комнатѣ нѣсколько времени, оставивъ записку на столѣ.

Подсуд. Желябовъ. Помните ли вы хорошо, что Рысаковъ и насъ двое были у Ельникова 26-го числа, а не въ другой день, не въ четвергъ?—Свидѣт. Смѣлкова.

Я думаю, что въ четвергъ, если же не въ четвергъ, то въ среду.—В. Приходило ли къ Ельникову двое черныхъ или одинъ?—О. Раньше двое приходило, но въ это время приходилъ одинъ.

Первоприс. То есть въ послѣдній разъ приходилъ одинъ? — Свид. Смѣлкова. Да.—В. И это то лицо, которое сидитъ крайнимъ на скамьѣ (Желябовъ)?—О. Да.

Подс. Желябовъ. Въ послѣдній день, по вашему 26-го, я съ этою дамой пришелъ вмѣстѣ?—Свид. Смѣлкова. Нѣтъ. Вы послѣ пришли.—В. Не показывали ли вы на дознаніи, что въ тотъ день меня не было, а былъ тотъ мужчина, карточку котораго вамъ предъявляли?—О. Я думаю, что это были вы.

Подс. Гельфманъ. Свидѣтельница ошибается, вѣроятно, смѣшивая лица: я у Ельникова не была ни разу, хотя и не отрицаю знакомства съ нимъ.

Свид. Смѣлкова. Я не смѣшиваю личности ихъ, а это доказываетъ только, что у нихъ прическа тогда была другая.

Подс. Желябовъ. Свидѣтельница показывала, что приходилъ Навроцкій; это невѣрно, никакого другого чернаго кромѣ меня приходить не могло. Гельфманъ также не могла приходить къ нему, какъ и Фесенко-Навроцкій.

Тов. прок. Кромѣ 26-го февраля, Желябовъ приходилъ еще съ женщиной, сидящей рядомъ съ нимъ (Перовская)?—Свидѣт. Смѣлкова. Приходилъ.—В. Разъ или больше?—О. Больше.—В. Вмѣстѣ?—О. Порознь. —В. Но сходились вмѣстѣ у Ельникова?—О. Да.—В. Человѣкъ, трупъ котораго вамъ показывали, былъ рѣже?—О. Да.—В. Вы раньше говорили, что признали въ трупѣ того самаго, который приходилъ съ женщиною, а теперь говорите, что съ женщиной приходилъ Желябовъ?—О. Да.

Первоприс. Стороны не желаютъ ли предложить вопросы кому либо изъ допрошенныхъ свидѣтелей?

Тов. прок. Я желаю предложить вопросъ свидѣтельницѣ Ермолиной.

Свид. Ермолина подходитъ.

Тов. прок. Вамъ показывали на дознаніи трупъ человѣка?—Свид. Ермолина. Показывали.—В. Одинъ трупъ или два?—О. Одного, а другого карточку показывали.—В. Относительно трупа, не признаете ли вы сходство съ кѣмъ нибудь изъ лицъ, посѣщавшихъ Рысакова?—О. Признаю, что это одинъ изъ бывшихъ у Глазова.

Подс. Рысаковъ. Я утверждаю, что Фесенко-Навроцкій у меня никогда не былъ.

Подс. Михайловъ. Я также не приходилъ къ Рысакову.

Свид. Смѣлкова. Нѣтъ, приходили.

Подс. Желябовъ. Я приходилъ на квартиру Рысакова и могу удостовѣрить, что по расположенію прихожей комнаты, свидѣтельница не могла видѣть приходящихъ, хотя для меня безразлично, утверждаетъ ли она это или отрицаетъ. Но я могу подробно описать комнаты въ удостовѣреніе того, что я тамъ былъ, и утверждаю, что свидѣтельница не могла всмотрѣться въ приходящаго, какъ напримѣръ, Михайлова. Я бывалъ постоянно у Рысакова, зналъ, что происходило у него на собраніяхъ, и за всѣ эти разы былъ одинъ только случай, что свидѣтельница вошла въ комнату, чтобы подбросить углей въ самоваръ изъ печи, находящейся въ комнатѣ Рысакова, причемъ посѣтители сидѣли затылками къ дверямъ, такъ что лицъ ихъ не было видно. Это доказываетъ и самое положеніе стола, который стоялъ у стѣны, противоположной дверямъ. На столѣ былъ самоваръ и посуда, посѣтители сидѣли вокругъ стола и имѣли много основаній скрывать свои лица. Когда же нужно было подбросить углей въ самоваръ, то Рысаковъ отнесъ его къ двери, и это единственный случай, когда Ермолина могла видѣть кого нибудь, но она не видѣла, потому что къ этому принимались мѣры.

Первоприс. Болѣе нужды въ спрошенныхъ свидѣтеляхъ стороны не имѣютъ?

Тов. прок. Я бы просилъ оставить свидѣтельницу Смѣлкову, а относительно другихъ я ничего не имѣю.

Первоприс. Всѣ допрошенные свидѣтели могутъ удалиться и болѣе не возвращаться, кромѣ свидѣтельницы Смѣлковой, которую прошу явиться завтра къ 10 часамъ утра. Затѣмъ я хочу пригласить стороны, въ виду того, что предстоитъ чтеніе множества протоколовъ обысковъ и осмотровъ, а также осмотръ значительнаго числа вещественныхъ доказательствъ, представить письменныя указанія, передъ открытіемъ завтрашняго засѣданія, относительно тѣхъ актовъ и бумагъ, о прочтеніи которыхъ онѣ намѣрены просить особое присутствіе, а также указать тѣ вещественныя доказательства, осмотрѣть кото-

рыя онѣ желаютъ. Это въ значительной мѣрѣ облегчитъ судъ и будетъ способствовать болѣе правильному разъясненію дѣла. Я приглашаю къ этому стороны, если онѣ на это согласны.

Тов. прок. Обвиненіе не преминетъ исполнить это требованіе.

Защитники также изъявили согласіе.

Затѣмъ въ 11 часовъ 20 минутъ пополудни первоприсутствующій объявилъ перерывъ засѣданія до 11 часовъ утра слѣдующаго дня.

Засѣданіе 27-го марта.

По открытіи засѣданія (въ 11 час. утра), первоприсутствующій объявилъ, что вслѣдствіе сдѣланнаго имъ во вчерашнемъ засѣданіи предложенія сторонамъ представить письменныя заявленія о тѣхъ документахъ и протоколахъ, на которые онѣ считаютъ необходимымъ ссылаться въ заключительныхъ преніяхъ, прокуроръ и защитники представили таковыя заявленія. При этомъ первоприсутствующій прочелъ представленныя заявленія, заключающія въ себѣ перечень различныхъ протоколовъ и документовъ.

Подс. Желябовъ. Могу ли я просить о прочтеніи нѣкоторыхъ моихъ показаній, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ свои выводы о моихъ отношеніяхъ къ Рысакову? Такъ, я просилъ бы прочитать въ подлинникѣ мое заявленіе отъ 2-го марта и нѣкоторые изъ протоколовъ, содержащихъ въ себѣ мои показанія, на которые ссылается прокуроръ въ обвинительномъ актѣ, передавая ихъ содержаніе невѣрно.

Первоприс. Я сперва предложу гг. защитникамъ вопросъ, не имѣютъ ли они чего-нибудь противъ просьбы г. прокурора о предоставленіи ему права ссылаться на указанные имъ документы и протоколы.

Защита заявила, что она никакихъ возраженій не имѣетъ.

Тов. прок. Я тоже ничего не имѣю противъ подобныхъ же просьбъ, заявленныхъ защитою. Что же касается до заявленія подсудимаго Желябова, то я нахожу, что законъ не воспрещаетъ прочтенія показаній, данныхъ подсудимымъ, по его о томъ ходатайству, хотя надобности въ прочтеніи показаній Желябова я не вижу, такъ какъ подсудимый находится здѣсь на лицо, давалъ уже пространныя показанія на судѣ и имѣетъ право давать ихъ во время судебнаго слѣдствія, такъ что онъ можетъ возстановить всѣ тѣ невѣрности, которыя будто бы допущены при изложеніи его показаній въ обвинительномъ актѣ, составляющемъ только програму обвиненія, подлежащую провѣркѣ на судѣ. Наконецъ, относительно заявленія, поданнаго Желябовымъ 2-го марта прокурору палаты, я долженъ сказать, что оно пріобщено къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства, о чемъ и составленъ особый протоколъ, а потому я не возражаю противъ прочтенія его, или того протокола осмотра, въ которомъ оно изложено цѣликомъ.

Первоприс. (по совѣщаніи). Особое присутствіе правительствующаго сената, выслушавъ заявленіе сторонъ и заключеніе г. прокурора, опредѣляетъ: на основаніи 687 ст. уст. уг. суд., разрѣшить сторонамъ какъ во время судебнаго слѣдствія, такъ и въ преніяхъ, ссылаться на указанные ими протоколы и документы. Протоколы же, заключающіе въ себѣ показанія подсудимаго Желябова, данныя имъ при дознаніи, а ровно и поданное имъ 2-го марта заявленіе, какъ не принадлежащіе къ числу документовъ, чтеніе которыхъ допускается на судѣ—не читать.—Подсудимый Желябовъ! Вы будете имѣть возможность указать во время суда на тѣ неправильности, которыя вы замѣчаете въ обвинительномъ актѣ.

Затѣмъ продолжался допросъ свидѣтелей.

Введенъ свидѣтель отставной рядовой Булатовъ.

Первоприс. Вы были дворникомъ дома № 27 по Троицкому переулку?—Свид. Булатовъ. Точно такъ.—В. Посмотрите на скамью подсудимыхъ и скажите, не проживалъ ли кто-нибудь изъ нихъ въ вашемъ домѣ?—О. Вотъ эта (указываетъ на подсудимую Гельфманъ).—В. Когда она къ вамъ переѣхала?—О. 15 сентября. Послѣ того, какъ они переѣхали, я нѣсколько дней спустя спросилъ: гдѣ вашъ супругъ служитъ? Они отвѣчали: на желѣзной дорогѣ. Потомъ я замѣтилъ, что дѣйствительно онъ туда ходитъ—изъ воротъ выходитъ налѣво, а она куда-то направо уходила.

На вопросы товарища прокурора свидѣтель Булатовъ объяснилъ, что подсудимая Гельфманъ жила у нихъ не одна, а съ Андреемъ Ивановичемъ Николаевымъ, про котораго она говорила, что это ея мужъ; выѣхали они изъ дому 16-го февраля.

Тов. прокур. Въ одно время они переѣхали?—Свид. Булатовъ. Нѣтъ, мужъ нѣсколь-

ко дней раньше уѣхалъ, какъ она говорила, въ Москву. Оттуда она получила отъ мужа письмо, что его родители здоровьемъ ненадежны, такъ что онъ не пріѣдетъ сюда обратно и придется ей къ нему ѣхать.—В. Что же, послѣ того, перевозили куда-нибудь мебель?—О. Купецъ какой-то приходилъ покупать. 15 числа онъ пріѣхалъ съ двумя лошадьми, но уѣхалъ порожній. Я спрашиваю: что же вы не сошлись вѣрно? Да, говоритъ, она просила завтра пріѣхать. Потомъ 16-го числа онъ пріѣхалъ съ тѣми же лошадьми и тѣми же извощиками и взялъ мебель. Я спросилъ: почемъ купилъ? Онъ сказалъ, что за 56 рублей.—В. Такъ что у нея не осталось вещей, а только одинъ чемоданъ и съ нимъ она уѣхала?—О. Да.—В. Много ходило къ ней гостей?—О. Никого не замѣчалъ.—В. Въ которомъ этажѣ была квартира?—О. Въ шестомъ.—В. Окна выходили на улицу?—О. Нѣтъ, во дворъ, противъ воротъ?—В. Такъ что съ улицы ни одного окна не видно?—О. Нѣтъ, не видно. Только, когда въ ворота войдешь, такъ одно окно будетъ видно.—В. Въ этомъ окнѣ была опущена занавѣска на половину?—О. Нѣтъ, не замѣчалъ.

Введенъ свидѣтель Смородинъ (дворникъ дома № 5, по Телѣжной улицѣ).

Первоприсут. Кто проживалъ у васъ въ домѣ, въ квартирѣ № 5-й.

Свид. Смородинъ. Иванъ Петровъ Навроцкій съ женою... вотъ эта третья отсюда (указываетъ на подсуд. Гельфманъ). Жили они у насъ совсѣмъ мирно и ничего я за ними не замѣчалъ.

Тов. прок. Когда они переѣхали къ вамъ.

Свид. Смородинъ. Около 26-го февраля.—В. А въ домовой книгѣ они были помѣчены прибывшими раньше?—О. Когда я взялъ у Навроцкаго паспортъ, то онъ обѣщалъ дать переходные листки, но потомъ ихъ не представилъ. Я ввелъ ихъ въ книгу, а числа не поставилъ. У насъ постоянно полагается такъ.—В. Кто приходилъ нанимать квартиру: самъ Навроцкій или его жена?—О. Квартиру смотрѣлъ онъ одинъ.—В. А когда вы увидали его жену? Когда они вмѣстѣ переѣхали?—О. Да, когда вмѣстѣ.—В. Они безъ мебели нанимали квартиру?—О. Безъ мебели; свою привезли.—В. Когда они у васъ жили, въ теченіи двухъ недѣль много народа къ нимъ ходило?—О. Они не двѣ недѣли жили, а меньше, недѣлю только. Народа у нихъ я никого не видалъ. Только разъ какъ-то одинъ господинъ спросилъ, тутъ ли живетъ Навроцкій. Тогда у меня была работа и я не могъ замѣтить его личности.

Свид. крестьянинъ Сергѣевъ (дворникъ дома № 5-й по Телѣжной улицѣ). Я спалъ. Приходитъ околодочный и разбудилъ меня. Пошли въ квартиру № 5-й. Потомъ полиція пришла, помощникъ пристава и всѣ. Взошли наверхъ. Дворникъ позвонилъ. Подошелъ человѣкъ къ дверямъ и опять отошелъ отъ дверей. Потомъ опять пришелъ. Опрашивали его. Потомъ дверь ломать начали. Стали ломать—слышимъ выстрѣлъ. Начали стрѣлять—а мы дверь ломать. Прошла эта стрѣльба, чрезъ нѣсколько времени женщина выходитъ, вотъ эта самая (указывая на подсудимую Гельфманъ). Выходитъ она и говоритъ: «Помогите; я сдаюсь». Начали осматривать. Она и говоритъ: «Тутъ есть опасное мѣсто, опасныя вещи». Потомъ стали обыскивать и все описали.

Тов. прок. А что сдѣлалось съ человѣкомъ, который назывался ея мужемъ?—**Свид. Сергѣевъ.** Когда мы пришли туда, онъ уже лежалъ на полу, въ крови; застрѣлился онъ.—В. Это Фесенко-Навроцкій?—О. Да, такъ точно.—В. А что было на другой день, 3-го марта утромъ, когда въ квартирѣ оставалась полиція и пришелъ человѣкъ?—О. Послалъ меня помощникъ пристава за папиросками. Я побѣжалъ внизъ, встрѣчается мнѣ на лѣстницѣ одинъ молодой человѣкъ, вотъ этотъ самый (указываетъ на подсудимаго Михайлова); спрашиваетъ онъ 12-й померъ: кучера видѣть. Мнѣ былъ данъ приказъ, если кто придетъ, въ квартиру ввести. Я и говорю: «пожалуйте, старшій дворникъ наверху покажетъ». Подошелъ городовой. Человѣкъ этотъ хотѣлъ внизъ сдаться, а его представили наверхъ. Потомъ я опять побѣжалъ за папиросками. Прихожу съ папиросками. Молодой человѣкъ сидитъ въ прихожей около дверей. Я папироски подалъ. Потомъ сейчасъ помощникъ пристава сказываетъ: «его нужно обыскать». Начали его обыскивать. Онъ что-то выложилъ. Потомъ съ него шубу стали снимать. Какъ стали шубу снимать, онъ револьверъ изъ рукава или кармана вынулъ. Кто-то замѣтилъ, что онъ револьверъ вытащилъ, и прямо взялъ за руку этого человѣка: «держите, говоритъ, его», а онъ и началъ стрѣлять, помощника пристава Слуцкаго и городового ранилъ, и всѣ шесть патроновъ выпустилъ.

Подс. Гельфманъ. Я желаю объяснить,

что когда я открыла дверь, то просила только, чтобы позвали доктора, который могъ бы подать помощь.

Прис. пов. Хартулари. У васъ 12 й нумеръ существуетъ? — Свид. Сергѣевъ. Это пустая квартира, и кто тамъ жилъ раньше, я не знаю, потому что въ этомъ домѣ я недавно живу.—В. Когда вы встрѣтили этого человѣка на лѣстницѣ, онъ на предложеніе идти наверхъ не отказывался?—О. Нѣтъ, ничего. Онъ только хотѣлъ назадъ сдаться, внизъ идти хотѣлъ. Потомъ, какъ городовой подошелъ, мы сейчасъ вверхъ его преспокойно взяли. Тутъ онъ ужъ не упрямился.—В. Онъ не пытался бѣжать?—О. Не могу этого сказать.—В. Сколько времени прошло до возвращенія вашего назадъ, когда его стали обыскивать?—О. Минутъ 15—20.

Прис. пов. Герке. Когда вы вошли въ квартиру съ полиціей, то эта женщина сказала вамъ, что есть опасныя вещи. Она не объясняла вамъ, въ чемъ опасность?—Свид. Сергѣевъ. Нѣтъ, ничего. Говоритъ только: не ходите, у насъ есть опасныя вещи.—В. Вы ломали дверь топоромъ, когда пришла полиція?—О. Старшій дворникъ ломалъ.

Свид. Рейнгольдъ (состоящій въ прикомандированіи къ 1-му участку Александро-Невской части). Въ домѣ № 5-й по Тѣлежной улицѣ я былъ два раза. Въ первый разъ, въ половинѣ перваго часа ночи, по приглашенію товарища прокурора судебной палаты Добржинскаго. Какъ только мы пришли къ дому, сейчасъ же взошли на лѣстницу. При насъ былъ старшій дворникъ. Я приказалъ ему позвонить. Онъ позвонилъ. Долго не было отвѣта. Наконецъ вторично позвонилъ. Тоже нѣтъ отвѣта, такъ что звонили нѣсколько разъ, но отвѣта все не было. Наконецъ внутри квартиры послышались шаги какого-то человѣка, который приблизился къ двери и спросилъ: «Кто тамъ?» Я отвѣтилъ: Полиція и прокуроръ. «Что же вамъ нужно»?—былъ вопросъ. Я отвѣтилъ: Отворите, иначе я прикажу дверь сломать,—и сію же минуту дворнику было приказано рубить дверь. Какъ только раздался первый стукъ топора, послышался внутри квартиры выстрѣлъ, за нимъ другой, съ нѣкоторыми промежутками всего было сдѣлано шесть выстрѣловъ. Послѣ шестого выстрѣла все утихло. Въ это время изъ боковой двери показалась женщина, которая довольно громко сказала: «Сдаемся, подайте помощь». Затѣмъ, захлопнувъ дверь, она опять скрылась, и послѣ этого отворилась парадная дверь на лѣстницу. Тогда я приказалъ взять эту женщину. Двое городовыхъ взяли ее за руки и держали. Въ это время я вошелъ въ квартиру. Какъ только я началъ входить, она закричала: «Не входите въ комнату направо: тамъ взрывчатыя вещества». Когда я вошелъ въ комнату направо, то увидалъ, что тамъ лежитъ человѣкъ въ крови и около него револьверъ. Слѣдующая за этой комната налѣво была гостиная. Я вошелъ туда и увидѣлъ направо на окнѣ двѣ жестянки, но съ чѣмъ онѣ были—этого я тогда не зналъ. Затѣмъ приступлено было къ осмотру.

Тов. прок. Найденныя вами жестянки были такой же формы, какъ и тѣ, которыя находятся здѣсь въ числѣ вещественныхъ доказательствъ? (Свидѣтелю были предъявлены жестянки).

Свид. Рейнгольдъ. Да, такія же. Одна изъ нихъ была завязана въ простой платокъ, а другая была просто въ газетной бумагѣ.—В. Затѣмъ вы оставались въ этой квартирѣ до утра 3-го марта?—О. Да, до половины седьмого, когда былъ оконченъ осмотръ.—В. При васъ пришелъ человѣкъ, который былъ потомъ задержанъ?—О. Да, при мнѣ. Мнѣ доложили, что какой-то человѣкъ спрашиваетъ 12 нумеръ квартиры и что онъ задержанъ. Я вышелъ, и дѣйствительно увидѣлъ молодого человѣка, который стоялъ въ передней. Я спросилъ, что ему нужно. Онъ сказалъ, что пришелъ къ кучеру, но къ какому—этого не объяснилъ, а говорилъ только, что ему нужно въ 12-й нумеръ. Въ это время, кажется, старшій дворникъ сказалъ, что 12-й нумеръ не занятъ. Тогда я спросилъ, кто онъ такой. Онъ сталъ называть себя то крестьяниномъ Степановымъ, то крестьяниномъ Ивановымъ, то просто мѣщаниномъ. Замѣтивъ, что его показаніе неправильно, я приказалъ его обыскать. Когда онъ былъ введенъ изъ передней въ первую комнату для обыска и съ него сняли шубу—онъ быстро опустилъ правую руку въ карманъ и выстрѣлами изъ револьвера нанесъ городовому Денисову рану, а помощнику пристава Слуцкому контузію.—В. Кого вы признаете изъ подсудимыхъ?—О. Признаю второго, это тотъ, который стрѣлялъ (указываетъ на подсудимаго Михайлова) и третью, какъ хозяйку квартиры (указываетъ на подсудимую Гельфманъ).

Прис. пов. Герке. Вы не замѣтили, ка-

кимъ голосомъ были произнесены слова: «Кто тамъ»?—спрашивалъ ли это мужчина или женщина?—Свид. Рейнгольдъ. Это былъ положительно мужской голосъ.—В. Когда вы вошли въ квартиру, то женщина сказала вамъ: не входите въ комнату направо, тамъ взрывчатыя вещества?—О. Да. Когда ее задержали и взяли за руки, она сказала: не входите направо.—В. Револьверъ лежалъ около трупа мужчины или подъ нимъ?—О. Нѣтъ, около него.—В. Когда вы стояли передъ дверьми квартиры, до того времени, какъ васъ впустили въ квартиру, выстрѣлы раздавались въ ней съ значительными промежутками?—О. Промежутки были не одинаковые, въ двѣ-три и одну секунду.—В. Но кромѣ этихъ выстрѣловъ все было тихо, и вы не слышали разговоровъ?—О. Ничего не было слышно, никакого движенія не было.

Подс. Желябовъ. Я желалъ бы спросить свидѣтеля, былъ ли онъ въ форменномъ платьѣ или нѣтъ?

Свид. Рейнгольдъ. Былъ въ форменномъ пальто.

Тов. прок. Такъ что не могло быть сомнѣнія, что вы чинъ мѣстной полиціи?—Свид. Рейнгольдъ. Нѣтъ, не могло быть сомнѣнія.—В. Всѣ чины полиціи были въ форменномъ платьѣ?—О. Нѣтъ, нѣкоторые были въ статскомъ. Помощникъ пристава Слуцкой былъ въ форменномъ платьѣ.

Подс. Гельфманъ. На дознаніи мнѣ задавали вопросы, указавшіе на существованіе предположенія, что я застрѣлила Саблина.

Первоприс. Такого обвиненія противъ васъ не предъявлено.

Подс. Гельфманъ. Но я все-таки считаю нужнымъ объяснить это.

Тов. прок. Не удовлетворится ли подсудимая Гельфманъ категорическимъ заявленіемъ, что на ней вовсе не тяготѣетъ подозрѣнія въ томъ, что она убила Саблина?

Подс. Гельфманъ. Я желаю объяснить обстоятельства убійства. Когда мы переѣхали на квартиру, мы условились, что въ случаѣ обыска должно дать нѣсколько выстрѣловъ съ цѣлью, чтобы произвести шумъ, т. е. чтобы объ этомъ знало побольше людей, чтобы это распространилось и чтобы тѣ лица, которыя ходили къ намъ въ квартиру, могли узнать объ этомъ. Я дѣйствительно признаю, что Саблинъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ съ цѣлью, чтобы произвести шумъ. Что касается до того, какъ онъ застрѣлился, то въ это время я была въ своей комнатѣ, а также и тогда, когда услышала звонокъ и слышала, какъ Саблинъ спросилъ: кто тамъ? Потомъ Саблинъ подошелъ къ моей комнатѣ и сказалъ, что пришла полиція. Пока я одѣвалась, я услышала выстрѣлы. Когда я вышла изъ комнаты и услышала на лѣстницѣ голоса: «стрѣляйте», то я, зная, что банки стояли не въ средней комнатѣ, а въ той, гдѣ лежалъ окровавленный Саблинъ, опасаясь, чтобы пули не попали въ банки, ибо тогда могъ бы взорваться цѣлый домъ и, конечно, было бы очень много жертвъ,—поэтому я взяла банки изъ первой комнаты и перенесла ихъ въ среднюю. Затѣмъ, увидя, что Саблинъ лежитъ окровавленный, я открыла дверь и сказала: «прошу позвать доктора» но больше ничего не произнесла. Я объясняю, что ни я, ни Саблинъ, не желали другъ друга убить. Я объясняю это для того, чтобы не дать пищи людямъ безъ всякаго основанія клеветать на человѣка, бросать на него тѣнь, что для него ничего не значитъ лишить жизни человѣка, тѣмъ болѣе своего товарища.

Первоприс. Вѣдь противъ васъ никакого обвиненія по этому предмету не предъявлено.

Тов. прок. Такъ какъ обстоятельства обыска въ домѣ № 5-й по Телѣжной улицѣ и вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго 3-го марта Михайловымъ, допрошенными свидѣтелями вполнѣ выяснены, то не признаетъ ли защита Михайлова и Гельфманъ возможнымъ сократить эту часть судебнаго слѣдствія и по соглашенію со мною отказаться отъ допроса другихъ свидѣтелей, которые ничего не могутъ показать новаго?

Прис. пов. Хартулари. Защита Михайлова вполнѣ присоединяется къ этому заявленію и находитъ допросъ остальныхъ свидѣтелей излишнимъ.

Прис. пов. Герке. Я тоже ничего не имѣю противъ этого.

Первоприс. (послѣ совѣщанія). Особое присутствіе признаетъ необходимымъ продолжать судебное слѣдствіе по этимъ двумъ частямъ дѣла, на основаніи тѣхъ же соображеній, которыми оно руководствовалось во вчерашнемъ засѣданіи, при постановленіи о допросѣ свидѣтелей. Пригласите свидѣтеля Норманда.

Свид. Нормандъ (околоточный надзи-

ратель). 2-го марта, по распоряженію прикомандированнаго къ 1-му участку Александро-Невской части г. Рейнгольда, я въ числѣ прочихъ лицъ отправился въ Телѣжную улицу. Я не зналъ, для чего это нужно, и только догадывался, что вѣроятно надо задержать политическаго преступника. Когда мы прибыли къ квартирѣ, то г. Рейнгольдъ позвонилъ. Отвѣта на это нѣкоторое время не послѣдовало. Минуты черезъ 2 или 3, мужской голосъ спросилъ: «Кто тамъ?» Я отвѣчалъ, что полиція. Нѣкоторое время спустя онъ опять повторилъ тотъ же вопросъ. Въ отвѣтъ на это было сдѣлано предупрежденіе, что если не отворятъ двери, то она будетъ сломана, но и послѣ этого дверь не отворялась. Тогда послѣдовало распоряженіе топоромъ сломать дверь. Дворникъ принесъ топоръ, ударилъ нѣсколько разъ по двери. Затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ. Дворникъ испугался и бросилъ топоръ. Я поднялъ его и продолжалъ рубить дверь, ударилъ нѣсколько разъ, но она не подавалась. Тогда Рейнгольдъ, находя, что насъ мало, сдѣлалъ распоряженіе позвать солдатъ. Но въ это время повыше площадки, на которой мы находились, послышался женскій голосъ: «мы сдаемся», а черезъ нѣкоторое время женщина отворила дверь извнутри и говоритъ: «помогите, дайте помощь». Когда мы вошли, то прежде всего она предупредила и говоритъ: «не ходите въ комнату направо, тамъ опасно!» Прежде всего что бросилось мнѣ въ глаза—это мужчина, который плавалъ въ крови.

Свид. Зезюкинъ (околодочный надзиратель). 3-го марта, въ 6 часовъ утра, я былъ командированъ г. Рейнгольдомъ въ домъ № 5 по Телѣжной улицѣ, чтобы оставаться тамъ дежурить и задерживать тѣхъ, кто будетъ туда приходить. Около 10 часовъ пришелъ ко мнѣ младшій дворникъ и сказалъ, что внизу ходитъ какой-то господинъ и ищетъ кучера Петрова. Тогда было приказано, чтобы дворникъ передалъ его городовому, стоящему на лѣстницѣ. Затѣмъ этого человѣка привели въ квартиру, гдѣ онъ и просидѣлъ съ полчаса. Г. Рейнгольдъ спросилъ его, кто онъ такой, какого званія, но онъ называлъ себя то крестьяниномъ, то мѣщаниномъ. На вопросъ, чѣмъ занимается, онъ сказалъ, что прежде служилъ на заводахъ, а теперь безъ мѣста. Намѣреваясь отправить его въ полицію, его стали обыскивать. Когда съ него сняли пальто, онъ моментально опустилъ руку въ правый карманъ, вынулъ револьверъ и сталъ стрѣлять во всѣ стороны. Сдѣлалъ шесть выстрѣловъ и ранилъ помощника пристава и городоваго.

Первоприс. Долго ли подсудимый Михайловъ оставался до обыска.

Свид. Зезюкинъ. Въ квартирѣ онъ былъ минутъ 10—15.

Свид. Шлыковъ (городовой). Я былъ въ домѣ № 5 по Телѣжной улицѣ два раза. Первый разъ мы все время стояли на дворѣ, въ запасѣ, а потомъ отпустили насъ домой. Затѣмъ вторично прибѣгаетъ околодочный надзиратель и требуетъ пять городовыхъ. Пришли мы въ квартиру № 5, гдѣ находился приставъ и помощникъ пристава. Тамъ описывали имѣніе того, который застрѣлился. Когда описали имѣніе, насъ оставили при квартирѣ: троихъ городовыхъ и околодочнаго. Мы заперли всѣ ходы и потомъ я вышелъ на парадную лѣстницу. Околодочный приказалъ, чтобы въ случаѣ, если кто покажется на лѣстницѣ, просить того въ квартиру. Когда я смотрѣлъ съ лѣстницы внизъ, приходитъ этотъ самый молодой человѣкъ (при этомъ свидѣтель указалъ на подсудимаго Михайлова) и спрашиваетъ у дворника 12-й нумеръ квартиры. Я не далъ имъ говорить и попросилъ наверхъ. Онъ пошелъ ко мнѣ кверху, спросилъ, здѣсь ли 12-й нумеръ; я сказалъ, что здѣсь, и отворилъ дверь въ квартиру. Онъ вошелъ туда безъ сопротивленія и, какъ пришелъ, прямо сѣлъ на диванъ, ничего не говоря. Я вышелъ въ коррридоръ, и не знаю, что затѣмъ было. Пріѣхалъ старшій помощникъ пристава, потомъ младшій. Когда я вошелъ вторично въ квартиру, этотъ господинъ опять сидитъ на диванѣ, на томъ самомъ мѣстѣ. Старшій помощникъ пристава попросилъ его выйдти на средину комнаты, чтобы его обыскать. Мы подходимъ двое и стали снимать съ него пальто. Не успѣли мы спустить внизъ пальто, какъ онъ бросился правой рукой въ карманъ... Тутъ сзади кто-то схватилъ его за руки, закричалъ: «Держи, держи». Въ это время человѣкъ тотъ началъ уже выстрѣлы дѣлать. Первый, второй и третій выстрѣлы онъ внизъ дѣлалъ, у него рука не поднималась, потому что всѣ его схватили. Какъ всѣ шесть выстрѣловъ онъ сдѣлалъ, то бросилъ револьверъ. Тогда мы связали ему руки. Когда мы связали его, одинъ городовой говоритъ: «меня ранили въ ногу». Я разстегнулъ его и перевязалъ его полотенцемъ. Потомъ помощникъ пристава, тоже раненый ходитъ. Я разстегнулъ и его и перевязалъ ска-

тертью. Явился докторъ и приказалъ отправить ихъ въ больницу.

Свид. Борисовъ (городовой). Это было 3-го марта, часовъ въ 6 утра. Было назначено три человѣка въ квартиру по Телѣжной улицѣ. Часу въ 10-мъ утра пришелъ туда подсудимый Михайловъ. Его пригласилъ на лѣстницѣ городовой Шлыковъ. Онъ вошелъ въ дверь и спросилъ кучера Петра Андреева. Я сейчасъ доложилъ околодочному надзирателю. Онъ спросилъ Михайлова, что вамъ нужно? На это Михайловъ отвѣтилъ тоже, что и мнѣ. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ старшій помощникъ пристава и сталъ разспрашивать его, а онъ объяснилъ: гдѣ я жилъ, вамъ—говоритъ—до этого нѣтъ дѣла, ну, жилъ я на чугунно-литейномъ заводѣ. Спрашиваютъ его: вы изъ какихъ? Изъ крестьянъ, говоритъ. Какой губерніи? Онъ сказалъ, Воронежской или другой какой губерніи, этого я не припомню. Потомъ спрашиваютъ: гдѣ теперь живете? Я, говоритъ, теперь живу безъ мѣста, такъ два мѣсяца времени.—А гдѣ же жительство?—Гдѣ ночь, гдѣ день, такъ и проживаемъ.—Зачѣмъ сюда пришли?—Къ кучеру, говоритъ, пришелъ: онъ знакомый мнѣ.—На мѣстѣ онъ?—Да, говоритъ, на мѣстѣ; если бы былъ безъ мѣста, онъ бы не приглашалъ. Потомъ его пригласили для обыска въ переднюю комнату. Намъ приказали снять съ него шубу. Когда сняли шубу, онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и началъ стрѣлять. Мы его схватили по бокамъ, а кто-то сзади за руки. Въ это время онъ шесть выстрѣловъ сдѣлалъ, потомъ бросилъ револьверъ: на-те, говоритъ, возьмите. Мы и отвезли его въ секретное отдѣленіе.

Свид. Слуцкій (младшій помощникъ пристава). 3 марта, въ 11 часу утра, я возвратился въ квартиру на Телѣжной улицѣ, гдѣ былъ оставленъ караулъ съ тою цѣлью, чтобы задерживать приходящихъ. Мнѣ сказали, что задержанъ одинъ человѣкъ. Тутъ же я узналъ, что онъ еще не былъ обысканъ. Я доложилъ объ этомъ г. Рейнгольду и распорядился осмотрѣть задержаннаго. Его стали выводить изъ передней въ слѣдующую комнату, а я пошелъ чрезъ другую комнату къ нему на встрѣчу. Когда его стали обыскивать, я стоялъ напротивъ него и смотрѣлъ, не приметъ ли онъ чего нибудь отравительнаго. Въ это время онъ досталъ изъ кармана брюкъ револьверъ и началъ стрѣлять. Меня три раза откидывало выстрѣлами изъ револьвера, но я поднимался и старался ловить стрѣлявшаго вмѣстѣ съ другими лицами. Въ послѣдній разъ я не могъ собраться съ силами, у меня сперло дыханіе. Потомъ меня отправили въ рождественскую больницу.

Первоприс. Вы были ранены?—Свид. Слуцкій. Да, въ грудь.—В. Теперь какъ вы себя чувствуете?—О. Чувствую ломоту въ ребрахъ. Я лежалъ недѣлю въ постелѣ забинтованный; потомъ сталъ ходить.

Свид. Павловъ (докторъ). Когда я пришелъ около часу ночи въ домъ № 5 по Телѣжной улицѣ, въ квартиру № 5, то меня попросили оказать помощь застрѣлившемуся. При осмотрѣ его, я нашелъ пораненія черепа, а именно: проникающую рану сквозь мозгъ, причемъ мозговыя частицы были на полу. Вскорѣ послѣ осмотра мнѣ былъ предложенъ арестованною женщиною вопросъ, будетъ-ли жить застрѣлившійся? На это я отвѣтилъ, что раненіе въ черепъ очень серьезно, но я еще не могу дать положительнаго отвѣта, такъ какъ не осматривалъ подробно. Увидѣвъ три раненія черепа, я попросилъ позволенія спросить эту женщину, не видала ли она, какъ онъ стрѣлялъ, и на это былъ полученъ отвѣтъ, что она не видала, что во время выстрѣловъ она была въ другой комнатѣ и пришла уже тогда, когда онъ лежалъ на полу.

Тов. прок. Эти три раненія должны были произойдти отъ трехъ выстрѣловъ?

Свид. Павловъ. Въ первый моментъ, когда я осмотрѣлъ застрѣлившагося, я не могъ дать себѣ положительнаго отчета, такъ какъ была тѣснота и довольно темно. Но когда я былъ на вскрытіи, то тогда для меня опредѣлилась вся картина пораненій. Я нашелъ такіе признаки, которые указываютъ на то, что имъ было направлено въ себя три выстрѣла, изъ нихъ два положительныхъ, а третій я предполагаю. Первый выстрѣлъ я предполагаю въ силу того, что выше лба налѣво было нѣсколько порошинокъ въ кожѣ. Затѣмъ второй выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ ротъ. Онъ попалъ не въ небо, а въ зубы, въ лѣвый клыкъ и въ лѣвый рѣзецъ; пуля скользнула по челюсти подъ кожей, вышла въ глазъ и здѣсь разбила глазное яблоко. Третій выстрѣлъ, который свалилъ его, былъ сдѣланъ въ правый високъ; пуля вышла насквозь чрезъ мозговое полушаріе около лѣваго теменнаго бугра.

Затѣмъ было приступлено къ осмотру вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ

при обыскахъ. Доказательства эти были предъявлены суду, сторонамъ и подсудимымъ. Тов. прок. просилъ предъявить подсудимому Михайлову находящійся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ листъ бѣлой бумаги съ исписанною первою страницею, и спросить его, не можетъ ли онъ объяснить, его ли это почеркъ? Подсудимый Михайловъ, по предъявленіи ему этого листа, призналъ почеркъ своимъ. При перечисленіи вещественныхъ доказательствъ, о предъявленіи которыхъ просилъ товарищъ прокурора, онъ обратилъ вниманіе особаго присутствія на гектографированную рукопись въ нѣсколькихъ листахъ и экземплярахъ, по обозрѣніи содержанія которой она оказалась статьею,—повидимому, приготовленною для распространенія—о парижской коммунѣ 1870 года и о комитетѣ общественнаго спасенія 1793 года.

Затѣмъ къ столу вещественныхъ доказательствъ были приглашены находившіеся въ залѣ засѣданія эксперты: генералъ-маіоръ Федоровъ, полковникъ Лисовскій и подполковникъ Шахъ-Назаровъ. Первоприсутствующій предложилъ имъ осмотрѣть находящіеся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ и отобранные при обыскѣ въ конспиративной квартирѣ, въ домѣ № 5 по Телѣжной улицѣ, два метательныхъ снаряда, причемъ просилъ эксперта Федорова объяснить ихъ устройство и дѣйствіе.

Генералъ-маіоръ Федоровъ. Эти снаряды были мнѣ предъявлены при дознаніи въ снаряженномъ видѣ, а теперь они разряжены и разобраны. Особое приспособленіе, посредствомъ котораго долженъ взрываться такой снарядъ, состоитъ въ томъ, что внутри его были помѣщены двѣ латунныхъ трубки: одна—вертикальная, другая—горизонтальная. Въ каждую трубку была вставлена пробка и внутри проходила стеклянная трубочка. Внутри этихъ барабановъ на стеклянную трубочку надѣты свинцовые грузики, а чтобы они не скользили по трубкѣ, на стеклянную трубочку надѣта маленькая каучуковая трубочка; стеклянная трубочка была наполнена сѣрною кислотою и при бросаніи снаряда она непремѣнно бы разбилась. Поверхность стеклянной трубочки была обмотана фитилемъ, напудреннымъ смѣсью бертолетовой соли, антимонія и сахара. Эта смѣсь загорается, если на нее пролить крѣпкой сѣрной кислоты. Отъ этихъ трубочекъ и барабановъ шли два фитиля, которые потомъ соединялись въ одинъ фитиль. Это были хлопчато-бумажныя нитки, напудренныя тоже смѣсью изъ бертолетовой соли, антимонія и сахара. Помѣщались онѣ внутри каучуковой трубки. Наконецъ, общій фитиль шелъ въ капсюлю, который входилъ въ цилиндрикъ, и здѣсь была маленькая трубочка. Цилиндрикъ былъ наполненъ пироксилиномъ, пропитаннымъ нитроглицериномъ, а капсюль устроенъ такимъ образомъ: самая нижняя его часть была наполнена гремучею ртутью, а въ верхнюю его часть была вставлена латунная трубочка безъ дна и вмѣсто дна была вставлена пробка изъ крѣпкаго твердаго дерева. Сверху дна былъ составъ, который главнѣйшимъ образомъ заключалъ въ себѣ желѣзисто-синеродистый свинецъ и бертолетовую соль. Снарядъ дѣйствовалъ такимъ образомъ: при паденіи снаряда ломалась стеклянная трубочка. Если онъ упадаетъ вертикально, то ломалась вертикальная трубочка, если же горизонтально, то ломалась бы горизонтальная трубочка. Сѣрная кислота пролилась бы на смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ и появился бы огонь. Этотъ огонь передавался бы капсюлѣ и сначала загорѣлся бы составъ изъ бертолетовой соли съ желѣзисто-синеродистымъ свинцомъ. Отъ этого взрыва пробка ударялась бы въ гремучую ртуть, дѣлался бы взрывъ гремучей ртути и взрывался бы цилиндрикъ, наполненный пироксилиномъ, пропитанный нитроглицериномъ, а затѣмъ произошелъ бы взрывъ гремучаго студня съ камфорою. Оба эти снаряда одинаковаго устройства.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, эти два снаряда были найдены у васъ въ квартирѣ, по Телѣжной улицѣ?

Подс. Гельфманъ. Да, они стояли на окнѣ.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, вы получили снарядъ такой же, какъ эти два?

Подс. Рысаковъ. Да, такой же формы былъ.

Первоприс. Подсудимый Кибальчичъ, эти снаряды вами изготовлялись?

Подс. Кибальчичъ. Да, я участвовалъ въ ихъ изготовленіи. Я просилъ бы г. эксперта опредѣлить, какой радіусъ сферы разрушенія долженъ былъ бы произойдти отъ такого количества гремучаго студня, какое тутъ должно заключаться?

Первоприс. Съ какою цѣлью вы дѣлаете этотъ вопросъ?

Подс. Кибальчичъ. Онъ имѣетъ практическое значеніе. Впослѣдствіи, когда я буду говорить о зарядѣ динамита въ минѣ на Малой Садовой...

Первоприс. Тогда сторонамъ и будетъ предоставлено право предлагать вопросы.

Товар. прок. Я желалъ бы обратиться съ вопросами къ экспертамъ гг. Лисовскому и Шахъ-Назарову. Вы, гг. эксперты, кажется, осматривали жестяные остатки, найденные на Екатерининскомъ каналѣ, и признали, что эти остатки указываютъ на жестяную оболочку брошенныхъ снарядовъ? Свид. Лисовскій и Шахъ-Назаровъ. Да.—В. Остатки, вами разсмотрѣнные, оказываются тождественными съ этими?—О. Совершенно.—В. Такъ что можно предположить, что разорвавшіеся на Екатерининскомъ каналѣ снаряды имѣли такую же оболочку и были такого же вида, какъ и эти?—О. Да.—В. Можете ли вы по этимъ остаткамъ сдѣлать дальнѣйшее заключеніе о тождествѣ тѣхъ снарядовъ съ этими? О. Трудно сдѣлать.—В. Но оболочка была такая же, жестяная?—О. Да.

Тов. прок. Затѣмъ, я просилъ бы эксперта г. Федорова разъяснить слѣдующее: Вы изволили сказать, что въ этомъ метательномъ снарядѣ были устроены двѣ одинаковыя трубочки, но только въ разномъ направленіи?—Экспертъ Федоровъ. Да, одна въ горизонтальномъ, другая въ вертикальномъ, одна длиннѣе, другая короче.—В. Такъ что устройство этихъ трубочекъ обезпечивало разрывъ снаряда, въ какомъ бы направленіи онъ ни упалъ?—О. Да.—В. Слѣдовательно, собственно говоря, это былъ двойной аппаратъ?—О. Да.—В. Судя по тому, какъ сдѣлана эта жестянка, т. е. оболочка снаряда, нельзя ли вывести предположеніе, что оболочка была уже готовая?—О. Я думаю, что она была готовая, потому что хорошо сдѣлана.—В. А внутреннее устройство не указываетъ ли на ручную работу?—О. Оно плохо сдѣлано, такъ что можно навѣрно сказать, что это ручная домашняя работа.—В. Съ точки зрѣнія науки техники, какое вы можете дать заключеніе объ этихъ снарядахъ? Извѣстенъ ли вамъ въ наукѣ такой типъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, или это совершенно новый типъ, котораго до сихъ поръ вы еще не видѣли и о которомъ не читали въ научныхъ сочиненіяхъ?—О. Эти трубочки съ сѣрною кислотою и соединеніе ихъ съ смѣсью бертолетовой соли, антимонія и сахара употребляются на практикѣ и извѣстно, что отъ разрыва трубочки съ сѣрною кислотой эта смѣсь воспламеняется. Но собственно о такомъ аппаратѣ, гдѣ сдѣлано такое приспособленіе, что отъ гремучей ртути взрывается пироксилинъ, пропитанный нитроглицериномъ, и затѣмъ гремучій студенъ съ камфорой—я еще не слышалъ.—В. Всѣ эти приспособленія, сдѣланныя въ снарядѣ, достаточно ли обезпечивали взрывъ? Можно ли предположить, что всетаки взрывъ могъ бы не произойти, или же приспособленія были таковы, что взрывъ былъ бы неминуемъ?—О. Я думаю, что эти снаряды нельзя долго сохранять. Они не обезпечены отъ сырости. Если бы смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ и сахаромъ пролежала нѣсколько мѣсяцевъ, то она не взорвалась бы, но самое соединеніе было такого рода, что оно обезпечивало взрывъ.—В. Имѣя уже взрывчатые составы, могъ ли одинъ человѣкъ устроить эти снаряды безъ помощника.—О. Да, могъ и безъ помощника.—В. Предполагая все это заранѣе приготовленнымъ, сколько времени потребовалось бы, чтобы собрать и снарядить этотъ снарядъ?—О. Можно скоро сдѣлать. Можно одному человѣку сдѣлать 4 снаряда въ ночь.—В. А изготовить все въ одну ночь немыслимо?—О. Это очень трудно сдѣлать. Трудно приготовить гремучій студень. — В. Домашними средствами его нельзя приготовить?—О. Это сопряжено съ большою опасностью.

Эксп. Шахъ-Назаровъ. Этотъ составъ извѣстенъ только недавно, такъ что онъ вѣроятно былъ привезенъ, очень можетъ быть, изъ-за границы. Я не думаю, чтобы онъ былъ приготовленъ здѣсь.

Эксп. Федоровъ. Я того же мнѣнія. Для приготовленія его нужны большія приспособленія, нужно имѣть маленькую лабораторію.

Тов. прок. А вь квартирѣ, при одной домашней печкѣ, можно приготовить гремучій студень.

Эксп. Федоровъ. Трудно.

Прис. пов. Герардъ. Въ чемъ вы видите затрудненіе при приготовленіи гремучаго студня домашнимъ образомъ?—Эскп. Федоровъ. Нитроглицеринъ легко приготовить но довольно трудно получить гремучій студень, довольно затруднительно растворить пироксилинъ въ нитроглицеринѣ. Это требуетъ

много времени и большаго умѣнья.—В. Но требуются ли при этомъ особенныя приспособленія, какія нибудь реторты и т. п.?—О. Нужно сперва кипятокъ нагрѣть, поставить на него чашку, взять нитроглицеринъ и растворить въ немъ пироксилинъ, или же прямо предварительно растворить его въ эфирѣ.

Подсуд. Кибальчичъ. Я долженъ возразить противъ мнѣнія экспертизы о томъ, что гремучій студень заграничнаго приготовленія. Онъ сдѣланъ нами. Относительно приговленія его есть указанія въ русской литературѣ, помимо иностранной. Такъ, я могу указать на «Артиллерійскій Журналъ» 1878 г., (августовская книжка), гдѣ очевидецъ, бывшій въ лабораторіи у Нобеля, видѣлъ приготовленіе гремучаго студня и подробно описалъ. Приготовленіе его не представляетъ опасности. Вообще приготовленіе нитроглицерина, динамита, если оно ведется человѣкомъ, знающимъ дѣло, представляетъ меньшую опасность, чѣмъ приготовленіе пороха, и сколько ни было приготовляемо динамита домашнимъ образомъ, взрыва никогда не было. Затѣмъ приготовленіе его не представляетъ особенныхъ затрудненій и можетъ быть сдѣлано домашнимъ способомъ. Приготовленіе нитроглицерина, какъ говорятъ и эксперты, не трудно. Остается приготовленіе растворимаго пироксилина, что можетъ быть легко сдѣлано, а для того чтобы растворить нитроглицеринъ въ пироксилинѣ, нужна только теплая вода, которую можно нагрѣть въ самоварѣ или въ печкѣ.

Первоприс. Этотъ метательный снарядъ устроенъ такимъ образомъ, что отъ удара искра передается отъ одной части въ другую, потомъ въ третью, но дѣйствіе снаряда отъ этихъ передачъ не должно было замедлиться? Экспертъ Федоровъ. Нѣтъ, стопинъ—это быстро горящее вещество.—В. То есть въ одинъ ли моментъ при ударѣ снаряда о твердое тѣло могъ послѣдовать взрывъ снаряда?—О. Мгновенно, безъ всякихъ промежутковъ.

Тов. прок. Возвращаясь къ вопросу, возбужденному подсудимымъ Кибальчичемъ, я прошу дать заключеніе, хотя приблизительное, о кругѣ дѣйствія такого метательнаго снаряда. Предположимъ, что на улицѣ брошенъ одинъ метательный снарядъ, какой будетъ максимальный кругъ дѣйствія.

Эксп. Федоровъ. Небольшой.

Эксп. Лисовскій. Трудно опредѣлить.

Эксп. Шахъ-Назаровъ. По моему мнѣнію, это тоже очень трудно опредѣлить. Кругъ дѣйствія взрыва бываетъ различный.

Прис. пов. Герардъ. Не можете ли вы хотя приблизительно сказать, какой районъ смертельнаго пораженія будетъ отъ такого снаряда?—Эксп. Лисовскій. Особенно великъ не можетъ быть.—В. Это очень условно. Скажите хотя приблизительно.—О. Нѣсколько саженъ.—В. Это кругъ смертельнаго пораженія? Такъ ли это?

Эксп. Федоровъ. На сажень навѣрно будетъ смертельное пораженіе.

Прис. пов. Герардъ. Но на дальнѣйшее разстояніе происходитъ только сотрясеніе воздуха, которое не можетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, можетъ только, напр., стекла разбить, но костей человѣка переломать не можетъ?—Эксп. Федоровъ. Я знаю изъ опыта такой случай, что разъ разорвался капсюль съ пироксилиномъ, котораго было фунтовъ 15, и при этомъ капсюль отлетѣлъ сажень на 10 и ранилъ.—В. Но это случайность и произошла отъ того, что капсюль полетѣлъ; а какое обыкновенно бываетъ дѣйствіе?—О. На сажень.—В. Смертельное пораженіе отъ дѣйствія этого снаряда бываетъ не потому, что чѣмъ нибудь ударить, а вслѣдствіе самаго взрыва?—О. Да.—В. Слѣдовательно напоръ газовъ производитъ пораженіе?—О. На сажень будетъ навѣрное смертельное пораженіе.

Тов. прок. Для разъясненія этого вопроса я долженъ обратить вниманіе на то, что мы имѣемъ слѣдующія данныя относительно фактическихъ послѣдствій: при взрывѣ 1-го марта было ранено 20 человѣкъ, изъ которыхъ 3 умерло.

Подс. Кибальчичъ. По поводу этого заявленія я долженъ сказать слѣдующее: Первый взрывъ произвелъ очень небольшое разрушеніе. Большинство было ранено при второмъ взрывѣ. Относительно сферы разрушенія тутъ, конечно, не можетъ быть точнаго вычисленія, но по моимъ вычисленіямъ и соображеніямъ, она сходится съ тѣми данными, которыя даетъ экспертъ Федоровъ, а именно радіусъ сферы разрушенія около 1 сажени, но никакъ не больше. Если при второмъ взрывѣ было такъ много раненыхъ, то это произошло отъ того, что около Государя толпился народъ на очень близкомъ разстояніи, такъ что снарядъ попалъ, такъ сказать, въ самую толпу и этимъ объясняется значительное число раненыхъ. Во всякомъ случаѣ громадное

большинство этихъ раненыхъ очень легко ранено и получили самыя незначительныя раны.

Тов. прок. Я замѣчу только, что последнее Особому Присутствію неизвѣстно. Напротивъ того, Особое Присутствіе имѣетъ въ дѣлѣ и вчера имѣло доказательства противнаго.

Затѣмъ экспертамъ было предложено осмотрѣть вещественныя доказательства, отобранныя при обыскѣ въ Телѣжной улицѣ. Въ числѣ ихъ находились: фарфоровая ступка, стеклянные шарики, небольшая деревянная призма и др.

Первоприс. (къ экспертамъ). Объясните намъ значеніе всѣхъ этихъ предметовъ, для какой цѣли они служили?

Эксп. Федоровъ. Въ этой ступкѣ толкли бертолетовую соль, которая была необходима при устройствѣ фитиля. Затѣмъ это вещество—парафинъ, которымъ иногда заливаются взрывчатыя составы, напр. черный динамитъ, чтобы онъ не сырѣлъ. Въ этихъ меленькихъ шарикахъ и трубочкахъ была сѣрная кислота, такъ что можно предполагать, что дѣлались какіе нибудь опыты, пробовалось, какимъ образомъ будетъ загораться смѣсь изъ бертолетовой соли, антимонія и сахара. Вообще всѣ эти предметы указываютъ на то, что вѣроятно предварительно дѣлались опыты. Эта деревянная призма есть вѣроятно модель метательнаго снаряда. Затѣмъ здѣсь въ числѣ вещественныхъ доказательствъ я вижу желтый кали, который могъ служить для приготовленія желѣзисто-синеродистаго свинца, и азотно-кислый амміакъ, который, между прочимъ, употребляется для приготовленія динамита.

Тов. прок. Всѣ эти предметы, которые вы обозрѣли, не указываютъ ли на то, что всѣ они вмѣстѣ взятые, найденные въ одномъ мѣстѣ, служили не для снаряженія этихъ снарядовъ, не для окончательнаго приготовленія, а для опытовъ?—Экс. Федоровъ. Да, для опытовъ.—В. Такъ что, если бы дѣлалось объясненіе о составѣ снарядовъ, то всѣ они имѣли бы значеніе?—О. Да.—В. Затѣмъ вамъ была предъявлена записка о смѣси бертолетовой соли и сахара. Какая это смѣсь?—О. Это какъ разъ та смѣсь, которая воспламеняется отъ сѣрной кислоты.—В. То есть смѣсь, которая входила въ составъ метательнаго снаряда?—О. Да, тамъ означено и количество смѣси.

Прис. пов. Герардъ. Я долженъ передать заявленіе подсудимаго Кибальчича, что это деревянная призма, которую считаютъ моделью, но его объясненію, совершенно никакого значенія не имѣла.

Тов. прок. Я прошу предъявить гг. экспертамъ рисунокъ карандашемъ, на оборотѣ транспаранта, и спросить ихъ, что онъ собою представляетъ и на что указываетъ?

Экс. Федоровъ (по обозрѣніи рисунка). Мое мнѣніе, что это какой-то аппаратъ для производства взрыва, для производства гальваническаго тока, но какой именно—этого сказать нельзя.

Эксп. Лисовскій и Шахъ-Назаровъ присоединились къ заключенію г. Федорова.

Затѣмъ къ столу вещественныхъ доказательствъ были приглашены эксперты: архитекторъ Рылло, землемѣръ Свиринъ и инженеръ-капитанъ Смирновъ. По просьбѣ товар. прокурора, имъ были предъявлены два плана, найденные при обыскѣ конспиративной квартиры въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, и предложено дать заключеніе о томъ, что представляютъ собою эти планы.

Эксперты объяснили, что одинъ изъ этихъ плановъ есть планъ гор. Петербурга, а другой планъ, на которомъ нѣтъ никакихъ надписей и который сдѣланъ отъ руки карандашемъ, безъ соблюденія масштаба, представляетъ, какъ можно предполагать, одну изъ мѣстностей Петербурга, граничащую съ одной стороны Невскимъ проспектомъ, съ присоединеніемъ площади, на которой находится Екатерининскій скверъ и памятникъ. Затѣмъ на этомъ планѣ показаны улицы: Караванная, М. Садовая, Б. Садовая, Михайловская и Екатерининскій каналъ; вмѣстѣ съ этимъ проведена В. Итальянская до Михайловской площади, а дальше она уже не показана.

Тов. прок. Можете ли вы, гг. эксперты, сказать, что сдѣланный здѣсь кругъ представляетъ то мѣсто, гдѣ долженъ быть Екатерининскій скверъ?—О. Да.—В. Затѣмъ этотъ кругъ (указываетъ на планѣ) посрединѣ не представляетъ ли собою Михайловскаго сквера?—О. Да.—В. Этотъ полукругъ соотвѣтствуетъ Михайловскому дворцу.—О. Да.—В. Эта линія, идущая подъ тупымъ угломъ не есть ли линія манежа?—О. Да.—В. Затѣмъ здѣсь Екатерининскій каналъ?—О. Да.—В. Усматриваете ли вы тутъ тоненькую карандашную линію и допускаете ли, что это Невскій проспектъ?—О. Да.—В. Она проходитъ мимо Екатерининскаго сквера и поворачиваетъ на Малую Садовую?—О. Да.—В. Что вы ви-

дите здѣсь въ срединѣ Малой Садовой?—О. Кругъ и точки.—В. Затѣмъ вы видите черныя точки въ кругу, обозначающія Екатерининскій скверъ?—О. Да, есть.—В. Видите ли вы точку, соотвѣтствующую углу Малой Садовой и Невскаго проспекта?—О. Тоже есть. —В. Видите ли вы точку, соотвѣтствующую противоположному углу Малой Садовой и Большой Итальянской, наискось манежа?—О. Да.—В. Затѣмъ имѣется кругъ на Манежной площади—это скверъ?—О. Да.—В. Затѣмъ идетъ линія отъ начала Большой Итальянской; куда она идетъ дальше?—О. Къ Михайловскому скверу.—В. Далѣе она заворачиваетъ ко Дворцу, доходитъ до Дворца, отъ Дворца идетъ другая линія по направленію къ Екатерининскому каналу, заворачиваетъ направо и здѣсь исчезаетъ, причемъ въ этомъ мѣстѣ имѣются точки?—О. Да.—В. Затѣмъ на другомъ планѣ, на планѣ города Петербурга, не видите ли вы тоненькихъ карандашныхъ отмѣтокъ, едва замѣтныхъ съ помощью лупы?—О. Мы ихъ разсматривали и описали ихъ.—В. Есть ли линія на зданіи Зимняго дворца?—О. Здѣсь есть какъ будто бы кругъ, но только неправильный.—В. Видите ли вы слабую карандашную линію отъ зданія Михайловскаго манежа, идущую по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу? — О. Да, есть.

Первоприс. Подсудимая Перовская, этотъ планъ на конвертѣ есть тотъ планъ, который былъ въ квартирѣ № 5 и по которому вы объясняли?—Подс. Перовская. Да, это тотъ планъ. Только относительно точекъ я должна заявить, что онѣ не имѣютъ такого значенія. Такъ какъ этотъ планъ сдѣланъ отъ руки, грубо и совершенно неаккуратно, то при черченіи были сдѣланы нѣкоторыя черты, которыя не имѣютъ никакого значенія.—В. Что означаютъ кружки на этомъ планѣ?—О. Одинъ кружокъ означаетъ Екатерининскій скверъ, другой Михайловскій скверъ, а затѣмъ третій—скверъ, находящійся на Манежной площади.—В. Но тамъ есть извѣстныя замѣтки, не желаете ли вы ихъ объяснить?—О. Онѣ точно также не имѣютъ никакого значенія.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, этотъ планъ находился въ вашей квартирѣ?

Подс. Гельфманъ. Да.—В. Кому онъ принадлежалъ?—О. Не знаю... Его кто-то оставилъ.—В. Когда?—О. За нѣсколько дней до 1-го марта.—В. Задолго?—О. Нѣтъ.—В. Вы ничего не желаете объяснить о немъ?—О. Нѣтъ, я только видѣла его на окнѣ.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, когда вы были 1 марта на квартирѣ въ Телѣжной улицѣ, то Перовская объясняла вамъ по плану?—Подс. Рысаковъ. Да по плану, который нарисованъ на конвертѣ. Точки здѣсь дѣйствительно не имѣютъ никакого значенія. Большой планъ принадлежитъ мнѣ. Я принесъ его дня за три. Такъ какъ я зналъ, что будетъ объясняться мѣсто, гдѣ можетъ произойдти взрывъ, то я принесъ его. Раньше онъ былъ у меня безъ этой цѣли.—В. Что означаютъ на планѣ линіи? Вы ихъ сдѣлали?—О. Нѣтъ, не я. Я даже не знаю, что онѣ значатъ.—В. Вы купили этотъ планъ?—О. Да. —В. Слѣдовательно купили новый?—О. Да, новый, но давно; кажется, еще въ прошломъ году.—В. А. когда вы принесли его въ квартиру на Телѣжной улицѣ?—О. Кажется, въ субботу.

Подс. Желябовъ. Этотъ планъ принесенъ на квартиру Гельфманъ Рысаковымъ, если не ошибаюсь, во вторникъ. Тѣ черты, которыя сдѣланы на планѣ, проведены моею рукою, а что онѣ означаютъ—я объяснить не желаю.

Затѣмъ, по просьбѣ прокурора, была прочитана записка слѣдующаго содержанія: «Наши еще на мѣстѣ. Здѣсь слѣдили за каждымъ поѣздомъ. Придумамъ очень удачный способъ сношеній и есть нужные для того люди. Я остаюсь здѣсь ждать денегъ. Посылалъ телеграмму къ Жерому. Изъ Нижняго получилъ телеграмму, что Анна выздоровѣла, значитъ деньги добытыя: посылайте какъ можно скорѣй вы. С. А. Выѣзжайте сейчасъ же по полученіи этого письма. Берите съ собою рев. пат. к. хорошо бы 3 рев. 3 к. Если не найдено еще людей для дѣйствія силою, то передайте эти хлопоты А. М. Заѣзжайте сначала сюда, здѣсь узнаете, куда дальше. Володя очень энергичный человѣкъ. Дѣло пошло какъ по маслу. Нужна будетъ женщина еврейка для неинтеллигентной роли. Попросите отъ меня Гесю, не возьмется ли она за это. Если нѣтъ, то пусть А. М. поручитъ ей веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ, а сама пріѣзжаетъ. Достаньте 3—4 чиновничьихъ мужскихъ паспорта, мѣщанскіе сдѣлаютъ здѣсь. Привезите хотя одну печ. мѣщанскаго старосты. Все это устройте черезъ Гесю. Деньги у меня всѣ вышли уже. Буду писать пока на этотъ адресъ.

Пусть братъ И. возьметъ вещи изъ багажа и кто-нибудь привезетъ съ собою сюда».

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, вамъ извѣстна эта записка?—Подс. Гельфманъ. Да.—В. Она была писана не на ваше имя?—О. Нѣтъ.—В. Не желаете ли сказать на чье?—О. Нѣтъ, не желаю сказать.—В. Въ ней говорится о васъ. Что вы можете сказать по этому поводу?—О. Никакихъ объясненій давать не желаю.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, что вамъ извѣстно по поводу этой записки?

Подс. Рысаковъ. Содержаніе этой записки я слышу только здѣсь въ первый разъ.

Подс. Желябовъ. Я тоже ничего не могу объяснить по этому поводу.

Введенъ свидѣтель Афанасьевъ (дворникъ дома № 18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка).

Первоприс. Въ вашемъ домѣ жили Войнова и Слатвинскій?

Свид. Афанасьевъ. Да, дѣйствительно они жили. Жили они скромно, ничего за ними замѣтно не было.

Тов. прок. Когда они къ вамъ переѣхали?—Свид. Афанасьевъ. Сначала переѣхала Войнова съ Сиповичъ.—Прок. Посмотрите на подсудимыхъ. Узнаете ли въ комъ нибудь изъ нихъ Войнову.—Свид. Афанасьевъ (указывая на Перовскую). Вотъ эта. Потомъ Сиповичъ уѣхала на должность въ Ораніенбаумъ, т. е. такъ отмѣтилась. Потомъ переѣхалъ братъ ея Николай Ивановъ Слатвинскій.—В. Кто же вамъ говорилъ, что это ея братъ?—О. Войнова говорила.—В. Не признаете ли вы его въ числѣ подсудимыхъ?—О. (указывая на Желябова). Вотъ этотъ. Какъ Сиповичъ уѣхала, такъ Слатвинскій переѣхалъ.—В. Когда это было?—О. Въ октябрѣ мѣсяцѣ.—В. Долго ли они жили?—О. Отъ октября до первой недѣли поста.—В. Большая у нихъ была квартира?—О. Двѣ комнаты и кухня.—В. Часто они уходили изъ дома или все дома сидѣли?—О. Каждый день уходили, и порознь, и вмѣстѣ.—В. Ночевали дома, или часто бывало, что не ночевали?—О. Не знаю. Замѣчалъ, что приходили иногда въ 10, иногда въ 11, 12 часовъ вечера.—В. Ходили къ нимъ гости?—О. Не замѣчалъ.—В. Письма получали?—О. Нѣтъ, не получали.—В. Прислугу они держали?—О. Нѣтъ.—В. Кто же ходилъ за провизіей и кушанье готовилъ?—О. Она сама.

Свидѣтельница Афанасьева. Я знаю только, что Войнова и Слатвинскій жили въ нашемъ домѣ по 1-й ротѣ, гдѣ у насъ табачная лавочка, и приходили къ намъ покупать, но очень рѣдко.

Тов. прок. Посмотрите на подсудимыхъ и скажите, не узнаете ли въ комъ нибудь изъ нихъ Войнову.—Свид. Афанасьева. Да, узнаю: вотъ эта (указываетъ на подсудимую Перовскую).—В. Когда она приходила къ вамъ въ послѣдній разъ?—Свид. Афанасьева. Въ субботу, 28-го, днемъ, часа въ 4 или раньше.—В. Она пришла къ вамъ съ наружнаго входа?—О. Нѣтъ, съ внутренняго, съ чернаго.—В. Куда ведетъ наружный входъ?—О. На первую роту.—В. А черный ходъ во дворъ?—О. Во дворъ.—В. Можно изъ квартиры, занимаемой Войновой, выйдти во дворъ, не проходя на улицу, и войдти въ лавочку?—О. Можно.—В. Что она у васъ покупала въ первый разъ?—О. Три аршина коленкору. Говорила, что нужно для шитья платья.—В. Больше она къ вамъ уже не приходила?—О. Нѣтъ, приходила въ 9 или 10-мъ часу.—В. И тоже чрезъ черный ходъ?—О. Да.—В. Что же она купила?—О. Шесть аршинъ тесьмы сѣрой, сказала, что для платья.—В. Она ушла также черезъ черный ходъ?—О. Нѣтъ, она ушла черезъ парадный ходъ на улицу и была одѣта такъ, какъ выходятъ на улицу.

Свид. Пѣтушковъ (дворникъ дома № 18 по 1-й ротѣ). Жила у насъ Войнова съ іюля мѣсяца съ товаркою своею. Потомъ товарка выбыла въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Ораніенбаумъ и въ октябрѣ пріѣхалъ подъ названіемъ брата ея Николай Ивановъ Слатвинскій.

Первоприс. Вы узнаете ихъ въ числѣ подсудимыхъ?

Свид. Пѣтушковъ. Да. Вотъ они (указываетъ на подсудимыхъ Желябова и Перовскую).

Тов. прок. Какую они вели жизнь?—Свид. Пѣтушковъ. Выходили часто. Уходили въ 5 часу, являлись обратно въ 11 часу, а утромъ она сама стряпала.—В. 1-го марта, когда полиція явилась производить обыскъ, она дома была?—О. Нѣтъ, 1-го марта ея не было. Квартира была заперта.—В. Когда же она ушла?—О. Не могу знать. Она пошла съ своимъ братомъ Слатвинскимъ въ пятницу 27-го, около 5 часовъ, а явилась одна около 9 часовъ вечера. Въ субботу, когда полиція велѣла освидѣтельствовать квартиру, нѣтъ ли кого нибудь отлучившагося, кто не ночевалъ дома, то мы вошли въ ихъ квартиру,

звонили, но никто намъ не отвѣчалъ. Тогда я заявилъ объ этомъ полиціи. Полиція сказала, чтобы дали знать, не явится ли кто нибудь. Впослѣдствіи времени она явилась домой въ 2 часа дня, въ субботу. Я заявилъ, что она пришла. Послали меня узнать, не пришелъ ли и Слатвинскій. Я прихожу къ ней, говорю, что вотъ листки выданы, нужно написать, кто чѣмъ занимается. Она отвѣчаетъ, что братца ея нѣтъ дома, что онъ на службѣ. Я говорю, что вотъ, когда они придутъ, то заявите, что вотъ требуютъ написать, гдѣ они служатъ. Она говоритъ: хорошо. Потомъ вечеромъ въ субботу она опять ушла и явилась обратно около 9—10 часовъ.—В. Съ субботы на воскресенье она ночевала дома? — О. Не могу подтвердить этого.

Подс. Желябовъ. Въ которомъ часу въ пятницу вышелъ я вмѣстѣ съ Войновой изъ дому? Мы васъ встрѣтили въ воротахъ. Припомните часъ поточнѣе.

Свид. Пѣтушковъ. Надо полагать, что вы вышли въ исходѣ 4 часа или въ началѣ 5-го.

Тов. прок. Не желаютъ ли подсудимые Желябовъ и Перовская объяснить, кто такая была Сиповичъ, жившая вмѣстѣ съ Перовской.

Подс. Желябовъ. Я не желаю.

Подс. Перовская. Я тоже.

Затѣмъ было приступлено къ осмотру вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ при обыскѣ въ квартирѣ Перовской и Желябова въ домѣ № 16 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ числѣ которыхъ находятся пять жестянокъ изъ-подъ конфектъ и сахара.

Приглашены вновь эксперты: гг. Федоровъ, Лисовскій и Шахъ-Назаровъ.

Первоприс. Вамъ были предъявлены эти жестянки?—Эксп. Федоровъ. Да.—В. Что вы въ нихъ нашли?—О. Въ трехъ жестянкахъ отъ конфектъ были остатки черного динамита. Въ жестянкѣ отъ сахара тоже былъ динамитъ.—В. Если бы всѣ эти жестянки были полны, то какое количество должно было быть въ нихъ динамита?—О. Приблизительно въ каждой изъ нихъ по 15 фунтовъ, слѣдовательно всего фунтовъ 60.

Тов. прок. А если предположить, что и пятая жестянка была наполнена, то выйдетъ около 2 пудовъ?—Эксп. Федоровъ. Да.—В. Вы не можете сказать, какое количество динамита было въ минѣ на Малой Садовой?—О. Около 2 пудовъ.—В. Вамъ были предъявлены двѣ каучуковыя трубки (найденныя у Перовской). Для чего онѣ могутъ служить?—О. Онѣ похожи на тѣ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ снарядовъ.—В. Приготовленіе чернаго динамита представляетъ ли трудность?—О. Нѣтъ, не представляетъ. Его можно приготовить и домашнимъ способомъ. Онъ состоитъ изъ 6 проц угля, 17—20 проц. нитроглицерина, а остальное количество—азотно-кислый аммiакъ.—В. Для чего употребляется черный динамитъ?—О. Это есть пороховая смѣсь, пропитанная нитроглицериномъ, такъ что онъ имѣетъ свойства и пороха, и динамита и служитъ для взрыва.—В. Вы дѣлали опытъ взрыва чернаго динамита?—О. Да, я взялъ четырехъ-фунтовую гранату, сверху была положена гильза, наполненная ½ фунтомъ чернаго динамита. Посредствомъ гальваническаго приспособленія было сдѣлано воспламененіе и эту гранату совершенно разбило въ мелкіе куски.

Первоприс. Подсудимый Желябовъ, не желаете ли дать объясненіе?

Подс. Желябовъ. Эти жестянки, какъ и другія вещи, отобранныя на моей квартирѣ, составляютъ нашу общественую собственность и были въ распоряженіи моемъ и Перовской для надобностей партіи.

Первоприс. Для чего служатъ эти трубки?

Подс. Желябовъ. Болѣе подробныхъ объясненій я давать не желаю.

Тов. прок. Гг. эксперты, вы говорите, что эти каучуковыя трубочки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ снарядовъ.

Эксп. Федоровъ. Да, онѣ похожи.

Тов. прок. Я прошу обратить вниманіе особаго присутствія, что двѣ такія трубочки были найдены у Желябова, а другія были въ метательныхъ снарядахъ.

Подс. Кибальчичъ. Я хотѣлъ спросить эксперта г. Федорова. Вы дѣлали опытъ съ 4-хъ фунтовою гранатою, причемъ граната была разорвана на куски. Отлетѣли ли эти куски въ сторону или они остались на мѣстѣ? — Эксп. Федоровъ. Остались на мѣстѣ.—В. Такъ что метательнаго дѣйствія этотъ динамитъ не обнаружилъ?—О. Но вѣдь онъ лежалъ сверху гранаты. Слѣдовательно

тутъ этого и не могло быть...—В. Но если бы онъ обнаружилъ метательное дѣйствіе, то куски гранаты попали бы глубоко въ землю, это было бы замѣтно?—О. Была бы воронка.—В. Имѣетъ ли этотъ динамитъ сильное метательное дѣйствіе?—О. Это пороховая смѣсь, пропитанная нитроглицериномъ, и дѣйствуетъ какъ порохъ...—В. Но вѣдь метательное дѣйствіе имѣетъ только медленно горящая смѣсь, но быстро горящая имѣетъ слабое метательное дѣйствіе. Такъ какъ это есть быстро горящая смѣсь, то качество пороха теряется...—О. Все-таки тутъ порохъ.—В. Наконецъ, здѣсь не тѣ составныя части, которыя входятъ въ порохъ...—О. Этотъ динамитъ считается весьма хорошимъ при земляныхъ работахъ, онъ имѣетъ и свойство пороха и динамита.—В. Мнѣ кажется, что свойства пороха въ немъ теряются. Мнѣ важно выяснить, имѣетъ ли этотъ динамитъ сильное метательное дѣйствіе?—О. Онъ будетъ имѣть большее метательное дѣйствіе, нежели другіе сорты динамита, напримѣръ, кремнистый динамитъ или гремучій студень.—В. А мѣсто разрушенія какое будетъ?—О. Дѣйствіе его будетъ слабѣе нежели другихъ сортовъ динамита. Нужно различать и самую сферу дѣйствія. При черномъ динамитѣ сфера дѣйствія больше, а при другихъ, напримѣръ, при кремнистомъ—мѣсто дѣйствія будетъ сильнѣе.—В. Но въ сферѣ дѣйствія чернаго динамита разрушеніе будетъ сравнительно меньшее, чѣмъ въ сферѣ дѣйствія кремнистаго динамита?—О. На маленькомъ пространствѣ онъ будетъ очень сильно дѣйствовать.—В. Вы полагаете, что этотъ динамитъ обладаетъ сильнымъ метательнымъ дѣйствіемъ?—О. Не сильнымъ, но онъ сильнѣе нежели другіе сорты динамита.

Эксперты Лисовскій и Шахъ-Назаровъ заявили, что они присоединяются къ заключенію г. Федорова.

Сдѣланъ перерывъ на полчаса.

По возобновленіи засѣданія спрошенъ **свид. Широковъ** (околодочный надзиратель 1 уч. Нарвской части), который показалъ: 28 февраля, когда скрылась Войнова, приставъ поручилъ мнѣ розыскать ее. Такъ какъ примѣты ея не были хорошо извѣстны, то сначала мнѣ было трудно искать ее, но затѣмъ 9-го марта я узналъ, что въ томъ домѣ, гдѣ жила Войнова, есть сливочная лавка, гдѣ она покупала товаръ, и жившая тамъ женщина хорошо знала ее въ лицо; я ѣздилъ съ этой женщиной по многолюднымъ улицамъ и случайно на Невскомъ проспектѣ мы встрѣтили Войнову. Я соскочилъ съ извозчика, подбѣжалъ къ ней, вскочилъ къ ней на дрожки и взялъ ее за руки, такъ какъ опасался, что при ней могло быть оружіе, и такимъ образомъ доставилъ ее въ участокъ. При ней были найдены возмутительныя прокламаціи и другія вещи.

На вопросы тов. прокурора, свидѣтель показалъ, что когда онъ задержалъ Войнову, она предлагала ему 30 руб., чтобы онъ ее отпустилъ, но денегъ ему не показывала, потому что онъ держалъ ее за руки.

Свид. крестьянка Аѳанасьева показала, что у нея на квартирѣ по Новой ул., въ д. № 14, проживалъ Кобозевъ съ женой.

Тов. прокур. Вы бывали у нихъ въ помѣщеніи?

Аѳанасьева. Бывала.—В. Кто бывалъ у нихъ еще изъ вашей семьи?—О. Прислуга и старшая дочь.—В. Не случалось ли вамъ замѣчать или слышать отъ старшей дочери, что на столѣ оказывались сторублевыя бумажки, когда Кобозевыхъ не было дома?—О. Я сама видѣла и говорила имъ, чтобы они были осторожнѣй, потому что я не могу поручиться за прислугу.—В. Когда они къ вамъ переѣхали?—О. Около Новаго года.

Свид. крестьянинъ Самойловъ (старшій дворникъ дома гр. Менгдена) показалъ: Кобозевъ пріѣхалъ 2-го января. Торговля у него шла плохо. Въ послѣднее время мы стали его подозрѣвать, такъ какъ 27-го числа приходили неизвѣстные люди, какъ оказалось послѣ Желябовъ, а потомъ Кобозевы скрылись 3-го числа.

На вопросы тов. прокур. свидѣтель показалъ, что Кобозевъ снялъ лавку со 2-го декабря 1880 года по контракту за 100 р. въ мѣсяцъ. Прислуги у нихъ не было. Въ магазинѣ обстановка была обыкновенная, какъ слѣдуетъ. Въ лавкѣ Кобозева свидѣтель бывалъ неоднократно: разъ онъ былъ потому, что показалась течь, а потомъ приходилъ за паспортомъ и деньгами. Торговцы эти казались ему странными, потому что торговали плохо, а говорили, что хорошо торгуютъ.

Тов. прокур. Къ Кобозевымъ въ послѣднее время приходили молодые люди.

Свид. Самойловъ. Да, 27-го числа троихъ видѣли.—В. Не признаете ли кого изъ подсудимыхъ?—О. (Показываетъ на Желябова). Онъ приходилъ часовъ около 4-хъ, а

другіе пришли послѣ, когда я уже смѣнился.— В. Онъ не закрывалъ лица, такъ что вы его разсмотрѣли?—О. Да, разсмотрѣлъ.

Присяжн. повѣренный Кедринъ. Не узнаете ли, свидѣтель, въ подсудимой Перовской лицо, которое также приходило къ Кобозевымъ?

Свид. Самойловъ. Нѣтъ, я не видалъ ее.

Подсуд. Желябовъ. Гдѣ меня вамъ предъявили: въ крѣпости или въ III отдѣленіи?

Свид. Самойловъ. Въ жандармскомъ управленіи.—В. Въ чемъ тогда я былъ, въ сюртукѣ?—О. Въ сюртукѣ.—В. Какого цвѣта?—О. Черный сюртукъ. Я смотрѣлъ больше на лицо.—В. На улицѣ въ чемъ вы меня видѣли?—О. Въ пальто.

Подсуд. Желябовъ. Я обращаю вниманіе на то, что при предъявленіи меня свидѣтелю я былъ не въ томъ костюмѣ, въ какомъ меня видѣлъ свидѣтель, т.-е. не въ пальто и не въ шапкѣ. Я утверждаю, что если костюмъ мѣняетъ внѣшній видъ человѣка, то мои пріемы таковы, что если бы я прошелъ мимо свидѣтеля въ одномъ костюмѣ, то почти увѣренъ, что меня свидѣтель не узналъ бы въ другомъ костюмѣ. Такимъ образомъ дознаніе, на мой взглядъ, производилось недостаточно обстоятельно. Я указываю на это потому, что это важно не только по отношенію ко мнѣ, но, напримѣръ, но отношенію къ Тимофею Михайлову, о которомъ я скажу послѣ. Скажите, свидѣтель:—вы утверждаете, что я въ 4 часа проходилъ?—Свид. Самойловъ. Приблизительно около 4-хъ.—В. Въ какомъ я былъ пальто?—О. Съ воротникомъ.—В. Какая шапка?—О. Барашковая, на верху складная.—В. Съ какой стороны я взошелъ?—О. Отъ Итальянской улицы, и еще остановились у рѣшетки и осматривались.

Подсуд. Желябовъ. Я 27-го февраля не былъ въ лавкѣ Кобозевыхъ; не былъ послѣ ночи съ вторника на среду. Для того чтобы опровергнуть показаніе Самойлова, я представлю кое-какія данныя. Я заявляю, что въ числѣ другихъ лицъ я пріѣзжалъ осматривать лавку и съ дворникомъ осматривалъ не только этотъ, но и сосѣдній подвалъ. Въ декабрѣ, во дворѣ дома графа Менгдена шла перестройка. Я пришелъ и позвонилъ. Вышелъ младшій дворникъ, и на вопросъ, отдается ли магазинъ, онъ отвѣчалъ утвердительно, но объяснилъ при этомъ, что показать не можетъ, потому что нѣтъ старшаго дворника. Отдѣленіе, занятое потомъ Кобозевымъ, мы осматривали подробно. Въ это время тамъ работали штукатуры. Я нанималъ это помѣщеніе подъ магазинъ освѣтительныхъ матеріаловъ. Мы съ дворникомъ толковали о цѣнѣ. Но изъ осмотра я вынесъ такое заключеніе, что останавливаться на этомъ мѣстѣ не слѣдуетъ и что слѣдуетъ предпочесть метательные снаряды. Мнѣніе другихъ было иное, и оно было принято. Работа подкопа была доведена до конца, и слѣдовательно мое мнѣніе было ошибочно. Я ссылаюсь на это обстоятельство, чтобы представить мои соображенія относительно справедливости показаній свидѣтеля. Послѣ найма этого магазина мнѣ пріѣзжать къ Кобозеву днемъ, въ такое мѣсто, которое нужно было беречь, какъ свой глазъ—было невозможно. За все время съ декабря по 28-е февраля я днемъ ни разу даже не проходилъ по Малой Садовой улицѣ. Мину работали въ двѣ смѣны, и я приходилъ на смѣну только ночью, руководствуясь тѣмъ, что живу на собственной квартирѣ, слѣдовательно моя неночевка дома не будетъ извѣстна. Убѣдительна ли будетъ для васъ эта ссылка или нѣтъ, я не знаю, но по этимъ соображеніямъ днемъ я не могъ придти, да еще останавливаться у лѣстницы и осматриваться. Затѣмъ я прошу васъ сравнить показаніе Самойлова и Пѣтушкова относительно времени. Пѣтушковъ утверждаетъ, что вмѣстѣ съ Войновою, то-есть Перовской, я вышелъ изъ квартиры въ Измайловскомъ полку въ 4¹/₄, а Самойловъ утверждаетъ, что видѣлъ меня въ 4 часа. Въ 4¹/₄ мы дѣйствительно вышли съ Войновою изъ своихъ воротъ, взяли извозчика и поѣхали по Большой Садовой. Около публичной библіотеки мы съ Перовской распрощались и встрѣтились лишь здѣсь на судѣ. По Большой Садовой сталъ за мной слѣдить переодѣтый сыщикъ, одинъ изъ тѣхъ, который бросился на меня въ квартирѣ Тригони, такъ что мнѣ нужно было сдѣлать отъ него нѣсколько круговъ. Затѣмъ я отправился на нѣсколько свиданій и пришелъ къ Тригони. Изъ протокола видно, что я былъ арестованъ у Тригони въ 7 часовъ. Ошибка произошла оттого, что предъявляютъ свидѣтелю лицо при обстоятельствахъ совершенно новыхъ, какъ напр., меня предъявляли Самойлову, а затѣмъ свойство русскаго человѣка стоять во что бы то ни стало на разъ разсказанномъ поставило Самойлова въ положеніе человѣка, который подъ присягою утверждаетъ несообразность.

Первоприс. Свидѣтель, вы утверждаете, что видѣли подсудимаго въ лавкѣ Кобозева?—Свид. Самойловъ. Точно такъ.—В. Вы прежде его видѣли, когда онъ осматривалъ помѣщеніе?—О. Не могу припомнить, потому что каждый день ходятъ, а тутъ еще постройка была.

Тов. прок. Въ настоящее время, всматриваясь въ лицо подсудимаго, признаете ли вы его за того человѣка, который приходилъ въ лавку Кобозева 27-го февраля?—Свид. Самойловъ. Признаю.—В. Затѣмъ, когда вамъ предъявляли его 27-го февраля, то въ вашихъ глазахъ это былъ все тотъ же Желябовъ?—О. Да.—В. Вамъ предъявляли его въ сюртукѣ?—О. Да.—В. И все-таки вы признали въ немъ Желябова?—О. Да.—В. И теперь признаете?—О. И теперь признаю, потому что я больше по лицу признаю.

Свид. крестьян. Ульяновъ (подручный дворникъ въ домѣ графа Менгдена) показалъ: въ первыхъ числахъ января пріѣхалъ въ лавку Кобозевъ.

Тов. прок. Ходили къ Кобозевымъ какіе нибудь люди?—Свид. Ульяновъ. Ходили въ послѣднее время.—В. Замѣтили вы кого нибудь?—О. Замѣтилъ.—В. Посмотрите на подсудимыхъ: есть кто нибудь изъ нихъ похожій на того, котораго вы видѣли?—О. Вотъ крайній похожъ (Желябовъ) походкой и выходкой, но только борода была свѣтлѣе.—В. Когда вы его видѣли?—О. Въ пятницу, часу въ шестомъ, когда онъ выходилъ отъ Кобозевыхъ. Когда онъ приходилъ—я не видалъ.

Прис. пов. Кедринъ. Видѣли вы когда нибудь эту женщину (Перовскую)?—Свид. Ульяновъ. Нѣтъ, не видалъ, она не приходила.

Свид. Петерсонъ (управляющій домомъ Менгдена) показалъ, что 2-го декабря Кобозевъ снялъ помѣщеніе и далъ 50 рублей задатка, а затѣмъ началъ передѣлывать магазинъ на свой счетъ. Послѣ того онъ уѣхалъ въ Москву, какъ говорилъ свидѣтелю, чтобы привезти сыру. Въ началѣ января, онъ заплатилъ 250 р. Свидѣтель, замѣтивъ хорошій почеркъ Кобозева, заявилъ околодочному о подозрѣніи. Справились на родинѣ и нашли, что бумаги Кобозева совершенно вѣрны.

Свид. Шмидтъ показалъ, что по заказу Кобозева дѣлалъ ему вывѣску за 35 рублей. Деньги за работу отъ Кобозева получилъ сполна.

Свид. Новиковъ (торговецъ сыромъ) показалъ, что изъ любопытства зашелъ въ лавку Кобозева и купилъ полкруга сыра 4-го февраля. За деньгами Кобозевъ зашелъ къ свидѣтелю и получилъ ихъ. Онъ показался свидѣтелю человѣкомъ «ни то, ни се», но не торговымъ.

Тов. прокур. Изъ чего вы заключили объ этомъ?—Свид. Новиковъ. Мы судили по своему навыку. Видно было, что онъ не такой, какъ нашъ братъ-торговецъ. Я пришелъ въ свою лавку и сказалъ: «ну, господа, въ томъ торговцѣ сомнѣваться нечего, потому что онъ моей торговлѣ вредить не можетъ».

Свид. Дмитріевъ (околодочный надзиратель 1 уч. Спасской части) показалъ: Въ первыхъ числахъ декабря мнѣ стало извѣстно, что Кобозевъ пожелалъ открыть сливочную лавку въ домѣ гр. Менгдена. Приставъ приказалъ мнѣ разузнать объ этой личности. Получивъ его адресъ, я передалъ его приставу, который сообщилъ въ Московскую часть. Въ январѣ Кобозевъ переѣхалъ въ помѣщеніе. До 27 февраля, по всѣмъ негласнымъ наблюденіямъ, оказалось, что Кобозева никто изъ подозрительныхъ не посѣщалъ. 27-го вечеромъ я встрѣтилъ на углу Садовой у Невскаго пристава, разговаривавшаго съ дворникомъ дома гр. Менгдена, и тутъ я отъ пристава узналъ, что въ лавку Кобозева пришелъ кто-то. Приставъ приказалъ мнѣ прослѣдить за этимъ человѣкомъ, когда онъ выйдетъ. Я пошелъ переодѣться въ статское платье и приказалъ двумъ дворникамъ, пока я вернусь, слѣдить за этимъ человѣкомъ. Возвратившись, я засталъ только одного дворника, и онъ сказалъ мнѣ, что другой пошелъ за тѣмъ человѣкомъ, который вышелъ изъ лавки, но что въ лавку пришелъ другой человѣкъ. Только что я сталъ переходить на другую сторону улицы, какъ замѣтилъ молодого человѣка, который вышелъ изъ лавки довольно быстро и направился по Невскому къ Пассажу. Идя по Невскому, онъ останавливался у магазиновъ и, не желая, чтобы замѣтили его лицо, утирался платкомъ. Затѣмъ, когда онъ вернулся изъ Пассажа, то нанялъ лихача къ Вознесенскому мосту за одинъ рубль. Какъ только онъ сѣлъ въ сани, я обратился къ другому лихачу, но меня не узнали сначала, и только когда я подалъ голосъ, меня узнали. Я сѣлъ въ сани и отправился за уѣхавшимъ. Около Казанскаго собора я потерялъ слѣдъ, вернулся назадъ и сталъ ожидать возвращенія лихача. Вернувшись, онъ объяснилъ мнѣ,

что отъ Вознесенскаго моста сѣдокъ приказалъ ѣхать въ Измайловскій полкъ, гдѣ у Тарасова переулка сошелъ и скрылся въ переулкѣ. Я доложилъ объ этомъ приставу и просилъ, нельзя ли пригласить техника для осмотра лавки Кобозева, на что приставъ согласился. Находясь на посту на Невскомъ, въ ожиданіи проѣзда Государя Императора и Наслѣдника, я получилъ свѣдѣніе, что прибудетъ приставъ съ инженеромъ. Дѣйствительно, они пріѣхали и отправились въ помѣщеніе Кобозева, а мнѣ приказали остаться. По выходѣ оттуда я слышалъ, какъ они говорили, что ничего подозрительнаго нѣтъ, и потомъ отправились въ сосѣдній пустой подвалъ, осмотрѣли его и разъѣхались. Такимъ образомъ въ субботу я просидѣлъ ночь въ статскомъ платьѣ, наблюдая, не придетъ ли кто нибудь къ Кобозеву, но никто не приходилъ. На другой день я сталъ приготовлять улицу въ ожиданіи проѣзда Государя: осмотрѣлъ нежилыя помѣщенія, что лежало на моей обязанности. Отдежурилъ я до понедѣльника, когда дворникъ мнѣ сказалъ, что Кобозевъ вчера возвратился въ нетрезвомъ видѣ и, не заперевъ лавку, заснулъ. Я доложилъ объ этомъ приставу. Во вторникъ мы всѣ были заняты по случаю панихиды. Въ среду я отправился на Невскій проспектъ утромъ, и дворникъ заявилъ мнѣ, что Кобозевъ не ночевалъ дома, а въ 10-мъ часу я узнаю, что онъ не возвращался. Затѣмъ пришелъ дворникъ и говоритъ, что пришли въ лавку покупатели, а тамъ никого нѣтъ. Я сказалъ, что мнѣ некогда идти смотрѣть. Дворникъ заявилъ, что онъ замѣтилъ въ лавкѣ землю и инструменты какіе-то. Я доложилъ объ этомъ приставу, который далъ знать о томъ властямъ.

Тов. прокур. Можете ли вы признать того молодого человѣка, который уѣхалъ на лихачѣ?—Свид. Дмитріевъ. Узнаю. В. Посмотрите на подсудимыхъ?—О. Онъ былъ похожъ на второго (Михайлова). В. Вы черты лица его замѣтили?—О. Да. Но тогда лицо было чистое.

Подс. Михайловъ. Я въ лавкѣ Кобозева никогда не былъ и не зналъ, кто ее держитъ. Я даже не былъ и на Малой Садовой никогда, но что проходилъ по улицѣ—можетъ быть, за это не могу ручаться.

Тов. прокур. Вы увидѣли этого человѣка на улицѣ?—Свид. Дмитріевъ. Я стоялъ по срединѣ Малой Садовой, и на моихъ глазахъ онъ вышелъ изъ лавки, а я пошелъ за нимъ.

Подс. Желябовъ. Въ которомъ часу неизвѣстный человѣкъ вышелъ изъ лавки Кобозева?—Свид. Дмитріевъ. Въ 10-тъ, въ 11-мъ часу вечера.—В. Въ какомъ костюмѣ былъ этотъ человѣкъ?—О. Въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и въ драповой шапкѣ котелкомъ.

Подс. Желябовъ. Я долженъ сказать суду, что знаю, кто это былъ, но не Михайловъ. Если мое заявленіе что нибудь значитъ, то прошу принять его во вниманіе. Такой и одежды у Михайлова не было. У него была невзрачная шуба, въ которой садиться на лихача не приходится и едва ли онъ дастъ такому человѣку мѣсто. Затѣмъ Михайловъ не имѣлъ и не могъ имѣть никакого отношенія къ лавкѣ Кобозева. Изъ показанія свидѣтеля и зная лицо, бывшее тамъ въ то время, я вижу, что свидѣтель недостаточно всмотрѣлся въ этого человѣка. Современемъ вы будете видѣть на этой скамьѣ подсудимыхъ дѣйствительнаго посѣтителя лавки Кобозева. Теперь же я прошу васъ имѣть въ виду мое показаніе, что это не былъ Тимоѳей Михайловъ.

Тов. прок. Я прошу занести въ протоколъ это заявленіе подсудимаго.

Передопрошенъ свидѣтель Самойловъ по просьбѣ товарища прокурора.

Тов. прок. Вы видѣли сами двухъ людей которые пріѣхали въ лавку Кобозева въ пятницу?

Самойловъ. Я видѣлъ только одного, вотъ перваго (показываетъ на Желябова).—В. Кобозевъ когда вернулся въ воскресенье?—О. Я слышалъ отъ Ульянова, что въ четвертомъ часу утра, но самъ не видалъ. Я видѣлъ его только вечеромъ, когда покупатели заявили мнѣ, что онъ спитъ, а лавка растворена. Я вошелъ туда, покричалъ, но онъ не откликнулся. Я подошелъ къ кровати, разбудилъ его и спрашиваю: что съ вами? Онъ отвѣтилъ: «Ахъ, да, неловко въ самомъ дѣлѣ».—В. Вамъ онъ показался пьянымъ?—О. Нѣтъ, можетъ быть немножко выпивши былъ и заснулъ.

Подс. Желябовъ. Слѣдовательно я пришелъ въ 3 часа. Видѣлъ ли свидѣтель, какъ я вышелъ?

Свид. Самойловъ. Нѣтъ я тогда смѣнился, а Ульяновъ видѣлъ.—В. Ульяновъ говоритъ, что я вышелъ въ шестомъ часу. Говорилъ ли свидѣтель Дмитріеву что нибудь такое, изъ чего Дмитріевъ могъ бы заключить, что Кобо-

зевъ былъ пьянъ?—В. Въ воскресенье полиція была занята и намъ приказано было отъ дома не отлучаться, поэтому я заявилъ полиціи на другой день, въ понедѣльникъ, что Кобозевъ спалъ.—В. Говорилъ ли свидѣтель Дмитріеву о томъ, что онъ засталъ Кобозева въ пьяномъ видѣ или что засталъ его въ разстроенномъ видѣ?—О. Видать было, что онъ выпивши, но вошелъ не шатаясь.

Подс. Желябовъ. Если бы не было на это обстоятельство обращено вниманіе прокурора, то я не спрашивалъ бы свидѣтеля, потому что полагаю, что наша дѣятельность такова, что перерождаетъ людей и пьянству мы не предаемся, особенно такой человѣкъ, какъ Кобозевъ. Онъ совершенно непьющій.

Передопрошенъ свидѣтель Ульяновъ.

Тов. прок. Видѣли ли вы двухъ людей, которые выходили изъ лавки Кобозева въ пятницу?

Свид. Ульяновъ. Я видѣлъ, когда одинъ человѣкъ уходилъ, а другой внизъ спускался.

Свид. Гординъ (извощикъ-лихачъ) показалъ: часовъ въ 10—11 вечера какой-то молодой человѣкъ подошелъ и сталъ нанимать къ Вознесенскому мосту за 1 р. Я его посадилъ. Когда стали подъѣзжать къ Вознесенскому мосту, онъ сказалъ: «поѣзжай въ 1-ю роту Измайловскаго полка, я за это тебѣ заплачу 3 р.». Подъѣзжаемъ къ 1-й ротѣ и я хочу сворачивать, но онъ говоритъ: «поѣзжай во 2-ю». Я спросилъ, гдѣ прикажите остановиться, онъ сказалъ: «стой». Это на углу Тарасова переулка. Онъ вышелъ изъ саней и заплатилъ мнѣ 3 р. и 20 к. на чай, а самъ пошелъ въ переулокъ. Когда я вернулся назадъ, околодочный Дмитріевъ спросилъ меня, куда я его возилъ. Я сказалъ.

Первоприс. Посмотрите на подсудимыхъ, узнаете ли между ними того, котораго вы возили?

Свид. Гординъ (показывая на Михайлова). Вотъ этотъ господинъ похожъ, только тогда бороды не было.

Тов. прок. А по сложенію и вообще по виду похожъ?—Свид. Гординъ. Похожъ.—В. Во что онъ былъ одѣтъ?—О. Въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и круглой шапкѣ.

Прис. пов. Хартулари. Вы припомните голосъ этого человѣка?—Свид. Гординъ. Словъ немного онъ говорилъ... не знаю.—В. Онъ говорилъ, какъ изученный человѣкъ?—О. Да, товарищи спрашивали съ него 3 рубля, а онъ говоритъ рубль, я и свезъ.

Подс. Михайловъ. Въ которомъ часу это было?

Свид. Гординъ. Въ 10—11-мъ.

Прис. пов. Хартулари. Ну, что, этотъ голосъ похожъ?—Свид. Гординъ. Нѣтъ, этотъ голосъ измѣненъ, не похожъ. Голосъ былъ чище.

Подс. Желябовъ. Въ голосѣ того человѣка слышалась привычка повелѣвать, или это былъ простой человѣкъ, въ родѣ торговца.

Свид. Гординъ. Онъ говорилъ: «поѣзжай пошибче».

Подс. Михайловъ. Мнѣ не приходилось ѣздить на рысакахъ, и тогда я имѣлъ у себя только 5 коп. Показаніе свидѣтеля невѣрно.

Передопрошенъ свидѣтель Дмитріевъ по просьбѣ защиты.

Прис. пов. Хартулари. Вы начали выслѣживать вышедшаго изъ лавки Кобозева человѣка на Малой Садовой?

Свид. Дмитріевъ. Я хотѣлъ только перейдти на другую сторону, какъ онъ вышелъ и направился къ Невскому, повернувъ къ Пассажу. Я прошелъ мимо его, не давая признаковъ, что слѣжу за нимъ, но онъ утиралъ лицо платкомъ.—В. Осталась у васъ въ памяти физіономія этого человѣка?—О. Это былъ только одинъ моментъ, такъ что хорошо не могу припомнить.

Свидѣт. Теглевъ (приставъ 1-го участка Спасской части). Когда Кобозевъ желалъ открыть лавку и первый разъ явился въ управленіе участка, онъ обратилъ на себя мое вниманіе бойкостью своихъ отвѣтовъ. Я тогда же поручилъ околодочному надзирателю, чтобы онъ наблюдалъ за этимъ человѣкомъ. Когда онъ въ январѣ открылъ лавку, то спустя нѣкоторое время я получилъ заявленіе, что торговля Кобозева идетъ очень плохо, вслѣдствіе чего мною было заявляемо въ секретное отдѣленіе, которое я просилъ узнать, существуетъ ли дѣйствительно Кобозевъ на родинѣ и гдѣ находится. Вслѣдствіе этого черезъ нѣкоторое время полученъ былъ отвѣтъ съ родины Кобозева, что дѣйствительно такое лицо существуетъ и что ему выданъ паспортъ отъ такого-то числа за такимъ-то нумеромъ и изъ такого-то правленія. Это свѣдѣніе было совершенно тождественно съ тѣмъ паспортомъ, который мнѣ былъ предъявленъ Кобозевымъ. Тѣмъ не менѣе, продолжая получать извѣщенія, что торговля Кобозева идетъ плохо, я просилъ секретное отдѣленіе узнать въ торго-

вомъ мірѣ: не знаетъ ли его кто-нибудь. Когда кто-то изъ присутствующихъ сказалъ, что можно спросить одного оптоваго торговца сыромъ, я обратился къ этому торговцу, и отъ одного изъ его приказчиковъ узналъ, что онъ былъ въ лавкѣ Кобозева и что онъ дѣйствительно торгуетъ. Когда въ концѣ масляницы мнѣ заявили, что лавку Кобозева стали посѣщать молодые люди, то я велѣлъ еще болѣе слѣдить за ней. За однимъ изъ такихъ людей отправился наблюдать дворникъ, но онъ у него скрылся изъ виду. Другой человѣкъ уѣхалъ на извозчикѣ. Это еще болѣе возбудило мое подозрѣніе. Тогда я обратился къ градоначальнику и просилъ разрѣшенія освидѣтельствовать лавку, причемъ указалъ на благовидный предлогъ, а именно сырость. Я получилъ разрѣшеніе осмотрѣть подъ этимъ предлогомъ лавку, и въ помощь мнѣ былъ командированъ генералъ Мровинскій. Ему я заявилъ всѣ мои подозрѣнія и просилъ отправиться вмѣстѣ со мною посмотрѣть, нѣтъ ли подкопа.

Первоприс. Слѣдовательно, у васъ была уже мысль о возможности подкопа.

Теглевъ. Точно такъ. Я разсказалъ генералу Мровинскому всѣ мои подозрѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказалъ, что есть благовидный предлогъ осмотра, именно не сочится ли вода. Мы вошли въ лавку, и я обратилъ вниманіе техника на обшивку. Онъ посмотрѣлъ, постучалъ, и мы вошли во вторую комнату. Я отодвинулъ сундукъ, который стоялъ въ углу, техникъ осмотрѣлъ стѣны, и мы перешли въ третью комнату. Я указалъ на кучу, которая тутъ была, такъ какъ самъ не могъ войти, потому что въ комнатѣ было уже трое. Кобозевъ сказалъ, что это коксъ, и генералъ Мровинскій подошелъ, взялъ кусокъ и сказалъ, что это дѣйствительно коксъ. Выходя, генералъ Мровинскій сказалъ мнѣ, что онъ ничего подозрительнаго не видитъ. Когда пошли опять во вторую комнату, я снова обратилъ его вниманіе на обшивку, и говорю Кобозеву: здѣсь прежде была сырость, и вы, обшивши стѣну, мѣшаете проникать воздуху. Генералъ Мровинскій сказалъ, что дѣйствительно такъ, что за обшивку попадаютъ крошки сыра, онѣ гніютъ и портятъ воздухъ. Я ожидалъ, что онъ прикажетъ отодрать доску, но онъ сказалъ, что подозрительнаго ничего не видитъ, и я успокоился.

Свид. Лерепландъ (помощникъ пристава 1-го участка Спасской части). 27-го февраля околодочный Дмитріевъ передалъ мнѣ, что имѣетъ на лавку Кобозева подозрѣніе. Я обратился къ приставу и просилъ его позволить мнѣ сходить на мѣсто. Получивши разрѣшеніе, я отправился, вызвалъ дворника, разспросилъ о томъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь данныхъ, по которымъ можно было бы заподозрить Кобозева. Дворникъ сказалъ, что ничего не слыхалъ и не видалъ, но что четверть часа назадъ въ лавку вошелъ молодой человѣкъ, котораго онъ видѣлъ раза два до этого, и что выходя онъ какъ будто бы осматривался. Я доложилъ объ этомъ приставу. Въ виду этого былъ командированъ околодочный надзиратель Дмитріевъ, съ тѣмъ чтобы слѣдить за лавкой, и затѣмъ было предписано технику Аникину прибыть для освидѣтельствованія подвала. На утро мнѣ сказали, что Аникинъ занятъ исполненіемъ другого порученія. Я просилъ пристава, нельзя ли доложить градоначальнику. Приставъ съѣздилъ и, возвратившись, велѣлъ мнѣ ждать на углу Невскаго и Малой Садовой, причемъ сказалъ, что онъ явится вмѣстѣ съ старшимъ техникомъ, генераломъ Мровинскимъ. Дѣйствительно, они явились и приказали мнѣ слѣдовать за собой. Я спросилъ, не взять ли кого-нибудь, но приставъ сказалъ, что никого не нужно, для того чтобы не подавать ни малѣйшаго повода полагать, что осматривается что нибудь другое, кромѣ сырости стѣнъ. Въ лавку вошли генералъ Мровинскій, приставъ и дворникъ, а я вошелъ послѣдній. Обошли комнаты, въ нихъ было чисто, аккуратно, такъ что ничего замѣтно не было. Когда вышли изъ лавки, я спросилъ, что же оказалось. Приставъ говоритъ, что, по увѣренію генерала Мровинскаго, стѣны совершенно цѣлы и что относительно подкопа нечего опасаться.

Свид. инженеръ-генералъ Мровинскій. 28 февраля, около 12 часовъ дня, прибылъ ко мнѣ приставъ 1-го участка Спасской части и заявилъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ открылась лавка въ подвалѣ, которая платитъ большую сумму, а торговля идетъ плохо, и что лавка эта становится подозрительною; что поэтому онъ обратился съ ходатайствомъ о моемъ содѣйствіи посмотрѣть, что дѣлается въ лавкѣ. Какъ технику, мнѣ первая мысль пришла, не дѣлается ли какая работа по подкопу. При этомъ приставъ сказалъ, что нужно въ лавку войти подъ благовиднымъ предлогомъ, а именно, что въ сосѣднемъ подвалѣ про-

сачивается вода; я спросилъ, нужно ли сейчасъ сдѣлать осмотръ или можно отложить; приставъ отвѣтилъ, что нужно сейчасъ. Мы поѣхали; вошли въ помѣщеніе. Въ первой комнатѣ никого не было, но затѣмъ вышелъ мужчина высокаго роста съ рыжеватыми волосами; приставъ объявилъ ему причину нашего посѣщенія. Тогда онъ отозвался, что у него сырости никакой нѣтъ. Мы вошли въ сосѣднюю комнату, и я подъ предлогомъ осмотра сырости стѣнъ, конечно, устремилъ все свое вниманіе на наружныя стѣны. На наружной стѣнѣ посрединѣ висѣла лампадка; около входа направо не было ничего, затѣмъ въ комнатѣ стоялъ небольшой столикъ и легкая этажерка, а далѣе большой сундукъ и потомъ шкафъ, а въ углу лежали войлоки. Я просилъ, чтобы отодвинули сундукъ, столъ и войлоки; ихъ отодвинули. Комната была освѣщена однимъ окномъ, а другое было закрыто. Такъ какъ я хотѣлъ внимательно осмотрѣть, то просилъ зажечь свѣчку. По наружной стѣнѣ, какъ я видѣлъ, прежде протекала вода, и домовладѣлецъ утолстилъ эту стѣну, такъ что образовался выступъ, въ родѣ лавки. Я осмотрѣлъ стѣну и никакихъ признаковъ не было. За сундукомъ, на стѣнѣ, было большое пятно; я внимательно осмотрѣлъ его и велѣлъ стереть, оказалось, что это была просто налетная пыль. Затѣмъ по дальнѣйшему осмотру ни въ штукатуркѣ, ни въ стѣнѣ никакихъ признаковъ, которые могли бы навести на сомнѣніе—не оказалось. Я обратился къ остальной части комнаты, гдѣ тоже не было никакихъ слѣдовъ. Въ задней и послѣдней комнатѣ лежала небольшая куча сѣна, и я спросилъ, откуда это сѣно. Хозяинъ лавки сказалъ, что это отъ сыровъ. Мы вернулись въ первую комнату; тамъ стояла большая бочка въ углу и на ней сдѣлана надпись на днѣ. Я спросилъ, что это такое, и мнѣ отвѣтили что это сыръ. Я прочиталъ надпись; на ней значилось: С. Кобозеву. Такъ какъ я знаю одного торговца Кобозева, то спросилъ хозяина лавки, не родственникъ ли онъ ему. Онъ сказалъ, что нѣтъ. Затѣмъ вдоль стѣны были полки, на которыхъ разложены были сыры, а пространство за ними зашито было досками. Я попробовалъ лицевую доску, но она оказалась крѣпко прибитой. Хозяинъ сказалъ, что забили стѣну отъ сырости. Я сказалъ, что это дурно сдѣлали, потому что въ щели будутъ попадать остатки сыра и разлагаться. Затѣмъ стояли кадки, прилавокъ былъ довольно чистый и нигдѣ никакихъ царапинъ и признаковъ не было. Мнѣ еще разъ хотѣлось взглянуть на вторую комнату. Войдя, я облокотился на подоконникъ, смотря на улицу и въ это время довольно сильно дернулъ рукою подоконникъ; но онъ не подался. Мы вышли изъ помѣщенія и перешли въ другой подвалъ.

Товар. прок. Не замѣтили ли вы во время осмотра, чтобы Кобозевъ былъ смущенъ?—Свид. Мровинскій. Онъ все время былъ около меня.—В. Въ его лицѣ и поведеніи не замѣтили ли вы чего нибудь?—О. Да, онъ былъ безпокоенъ и встревоженъ.

Свид. Ванденъ-Бергенъ (младшій помощникъ пристава 1-го участка Спасской части). Я былъ командированъ сообщить судебному слѣдователю о томъ, что Кобозевъ и его жена скрылись. Судебный слѣдователь приказалъ мнѣ ожидать его прибытія. Когда онъ явился, мы съ понятыми вошли въ лавку и начали осмотръ. Въ двухъ ящикахъ оказался песокъ. Я осмотрѣлъ диванъ и увидѣлъ, что онъ также былъ наполненъ пескомъ и инструментами.

Затѣмъ были предъявлены вещественныя доказательства, относящіяся къ подкопу на Малой Садовой: ломъ, съ загнутой лопатой, приспособленный для выломки кирпичей, буравы, лопатки и проч. Что же касается самаго снаряда и бутылки, вынутыхъ изъ мины, то такъ какъ запалъ еще не разряженъ, то эти вещи, по заявленію первоприсутствующаго, были осмотрѣны особымъ присутствіемъ въ отдѣльномъ помѣщеніи при участіи обвиненія и защитою, такъ что въ залу суда онѣ внесены не были.

Затѣмъ были приглашены эксперты дать заключеніе о томъ, что было найдено въ минѣ и какъ были вынуты снаряды.

Полковникъ Лисовскій объяснилъ, что съ начала открытія подкопа онъ не присутствовалъ и пріѣхалъ тогда, когда отверстіе мины было уже открыто. Изъ отверстія были вынуты элементы, находившіеся въ корзинкѣ, затѣмъ усмотрѣны новые проводы и далѣе виднѣлась галлерея. Приступили ко вскрытію мостовой и рытью почвы подъ снарядомъ. Экспертъ приказалъ рядовому Смирнову войдти въ галлерею, чтобы обслѣдовать ее. Смирновъ влѣзъ въ отверстіе съ большимъ трудомъ и при помощи фонаря обслѣдовалъ галлерею. Ему дали веревку, къ концу которой привязана была палка, которую онъ уткнулъ въ то мѣсто,

гдѣ началась забивка, около сточной трубы. Смѣривши разстояніе отъ внутренней стѣны до края забивки, такое же разстояніе отмѣрили по поверхности мостовой, и это мѣсто избрали за центръ работъ, гдѣ люди и начали производить раскопку. Смирновъ заявилъ, что кромѣ проводовъ въ галлереѣ лежитъ еще канатъ. Предполагая, что этотъ канатъ имѣетъ значеніе провода, который могъ служить для взрыва мины автоматическимъ способомъ, если бы не удался гальваническій,— работы вечеромъ были остановлены до утра. Когда на другой день дорылись до основанія галлереи, люди съ большою осторожностью стали отрывать землю, которая служила забивкою. Вмѣстѣ съ землею вынимались куски войлока. Забивку вынимали крайне осторожно, чтобы не тронуть проводниковъ и каната. Когда наконецъ дошли до головы миннаго отверстія, минеръ заявилъ, что видится нѣчто. Подобравшись ближе, онъ вытащилъ бутыль. Ее осторожно вынули, поставили на мостовую, и по приказанію генералъ-маіора Федорова она была вскрыта извѣстнымъ образомъ, именно посредствомъ нагрѣтыхъ войлоковъ, которые накладывались на пробку. Затѣмъ минеръ сказалъ, что видится еще жестяная вещь, вытащили и ее вмѣстѣ съ проводниками и канатомъ, который, какъ оказалось, служилъ просто для передвиженія снарядовъ.

Генералъ-маіоръ Федоровъ объяснилъ, что такъ какъ замерзшій динамитъ трудно воспламеняется, то въ запалѣ было сдѣлано особенное приспособленіе, а именно: запалъ входилъ въ шашку пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Этотъ зарядъ долженъ былъ взорваться посредствомъ тока, а бутыль должна была взорваться отъ сотрясенія взрыва перваго снаряда, такъ что она была поставлена для усиленія взрыва. Затѣмъ всѣ эксперты, а именно: гг. Федоровъ, Лисовскій, Родивановскій, Линденеръ и Тишковъ, въ своихъ заключеніяхъ въ сущности высказали, что въ корзинѣ оказалось четыре элемента батареи Грене. Жидкость оказалась зеленаго цвѣта и до нѣкоторой степени была въ работѣ. Крышки были неплотно привернуты; цинкъ былъ съѣденъ; концы проволоки были защищены, такъ что батарея была совершенно приготовлена ко взрыву и нѣсколько времени уже работала. Чтобы произвести взрывъ оставалось только соединить проводники. Одинъ изъ экспертовъ, желая посмотрѣть отверстіе, хотѣлъ туда войдти, но пролѣзть не могъ. Изъ канала шелъ весьма сильный запахъ сѣрнистаго водорода, что объясняется присутствіемъ разрѣзанной трубы. Вынутыя впослѣдствіи доски были сильно насыщены карболовой кислотой. Когда вынули раму, то увидѣли, что отверстіе расширяется. Въ лавкѣ была открыта масса земли. По вычисленіямъ экспертовъ оказалось, что изъ галлереи должно быть вынуто 82 фута земли, а въ лавкѣ ее оказалось 109 футовъ. Если принять во вниманіе, что вынутая изъ галлереи земля разрыхлилась, то это даетъ увеличеніе, такъ что количество вынутой земли совпадало съ найденнымъ въ лавкѣ, а потому эксперты заключили, что изъ лавки земля никуда не вывозилась. Въ одной изъ комнатъ земля находилась просто въ кучѣ, прикрытой сѣномъ.

На вопросъ прокурора, сколько времени понадобилось для производства этихъ земляныхъ работъ, предполагая, что онѣ производились двумя или четырьмя лицами, полковникъ Лисовскій объяснилъ, что работа эта потребовала отъ трехъ до четырехъ недѣль, причемъ онъ полагаетъ, что болѣе двухъ человѣкъ одновременно работать не могли, и именно одинъ работалъ въ головѣ, а другой у отверстія.

На дальнѣйшіе вопросы прокурора эксперты объяснили, что работа ведена съ знаніемъ дѣла. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ находился ломъ съ особенно устроенной лапой, посредствомъ котораго можно выламывать кирпичъ безъ шуму. Подкопъ велся тѣмъ же способомъ, который употребляется въ горномъ дѣлѣ. Вести галлерею особеннаго труда не представлялось, и только, когда прорѣзали сточную трубу, то изъ нея много выдѣлялось газовъ, для противодѣйствія которымъ употреблялась въ сильныхъ дозахъ карболовая кислота. Въ зарядѣ и бутыли чернаго динамита оказалось съ посудою 89 фунтовъ. Большую мину генералъ-маіоръ Федоровъ разрядилъ, а бутыль осталась нетронутою, такъ какъ она залита парафиномъ. Динамитъ въ минѣ былъ того же качества, какъ и остатокъ въ жестянкахъ, найденныхъ въ квартирѣ Желябова. Если взять емкость этихъ трехъ жестянокъ, то она подходитъ къ емкости большого заряда, а емкость сахарницы, если она была наполнена динамитомъ, соотвѣтствуетъ емкости бутыли. Относительно степени разрушенія, эксперты полагали, что взрывъ

мины образовалъ бы воронку отъ $2^1/_2$ до 3 саженъ въ діаметрѣ. Въ окружающихъ домахъ были бы выбиты рамы, обвалилась бы штукатурка и куски асфальта взлетѣли бы кверху; кромѣ того въ домахъ могли бы разрушиться и печки. Что же касается стѣнъ домовъ, то смотря по степени ихъ прочности, онѣ могли бы дать болѣе или менѣе значительныя трещины. Отъ взрыва пострадали бы всѣ проходившія по панелямъ, ѣхавшіе по мостовой и даже люди, стоявшіе въ окнахъ нижнихъ этажей. Люди могли пострадать какъ отъ дѣйствія газовъ и сотрясенія, такъ и отъ кусковъ падающаго асфальта и карнизовъ.

Подс. Кибальчичъ, выслушавъ экспертизу, заявилъ: Принимая діаметръ воронки въ три сажени, оказывается, что сфера разрушенія, происшедшаго отъ взрыва, была бы очень мѣстная; разстояніе отъ краевъ воронки до панелей, гдѣ стояли или шли люди, было бы все-таки значительное, такъ что мнѣ кажется неоспоримымъ, что стоявшіе на панеляхъ не пострадали бы отъ сотрясенія и газовъ: могли бы пострадать только отъ обломковъ асфальта, по они взлетѣли бы вверхъ и только падая внизъ могли произвести ушибы. Вотъ весь вредъ, который могъ быть причиненъ взрывомъ постороннимъ лицамъ. Что касается до вреда домамъ, то не спорю, что окна были бы выбиты, какъ показалъ взрывъ метательныхъ снарядовъ, но чтобы обрушились печи и потолки, то я считаю это совершенно невѣроятнымъ. Я просилъ бы гг. экспертовъ привести изъ литературы предмета примѣръ, чтобы два пуда динамита на такомъ разстояніи произвели такое разрушительное дѣйствіе, о которомъ они говорятъ. Я полагаю, что взрывъ этой мины былъ бы даже менѣе разрушителенъ, чѣмъ взрывъ двухъ метательныхъ снарядовъ. Конечно, все, что находилось бы надъ воронкой, т. е. экипажъ и конвой, погибли бы, но не больше.

Свид. Смирновъ. и Гурьевъ (рядовые гальванической роты) показали, какъ первый изъ нихъ влѣзалъ въ галлерею для ея осмотра, и второй—какъ онъ раскапывалъ забивку, вынулъ бутыль и потомъ цилиндръ съ главнымъ зарядомъ, что уже извѣстно изъ показаній экспертовъ.

Свид. Михайловъ (братъ подсудимаго) на вопросы защитника показалъ, что изъ числа подсудимыхъ одного признаетъ своимъ братомъ.

Прис. пов. Хартулари. Когда онъ уѣхалъ изъ деревни на заработки?—Свид. Михайловъ. Съ 15-ти лѣтъ уѣхалъ.—В. До того времени что онъ дѣлалъ?—О. Грамотѣ учился.—В. Гдѣ учился—въ Петербургѣ или въ деревнѣ?—О. Въ деревнѣ онъ зналъ только читать.—В. Какъ онъ велъ себя въ Петербургѣ?—О. Онъ прежде хорошо велъ себя; работалъ на заводахъ. Только нынѣшнею зимою онъ работалъ вмѣстѣ со мною у Петрова, а то одинъ работалъ.—В. Имѣлъ онъ большіе заработки?—О. Нѣтъ. Прежде, когда работалъ у Голубева, онъ зарабатывалъ хорошія деньги, достаточно высылалъ роднымъ. До работы у Петрова мы всѣ врозь жили.

Подс. Михайловъ. Я въ деревнѣ занимался крестьянскою работою, такъ что я знаю ее всю, а грамотѣ учился только 2—3 недѣли; выучился церковной азбукѣ и могъ читать по складамъ.

На вопросъ первоприсутствующаго, чѣмъ стороны желаютъ дополнить судебное слѣдствіе, тов. прокурора просилъ предъявить особому присутствію и обратить вниманіе на разныя вещественныя доказательства, между прочимъ на отобранныя у Рысакова револьверъ съ шестью патронами, паспортъ на имя Грязнова, тетрадь, подъ заглавіемъ: «Объяснительная записка», обертка съ планомъ Петербурга, письмо, писанное Рысаковымъ къ отцу, стихотвореніе, начинающееся словами: «Когда придетъ то времячко», и т. д.

Относительно стихотворенія подсудимый Рысаковъ объяснилъ, что оно писано его рукою, но онъ не помнитъ гдѣ и откуда онъ его писалъ.

Далѣе товар. прокур. обратилъ вниманіе на вещественныя доказательства, отобранныя въ квартирѣ умершаго въ госпиталѣ, именовавшагося Ельниковымъ, между прочимъ на платокъ съ мѣткой Н. Р., который по предъявленіи подсудимому Рысакову онъ призналъ своимъ.

Объяснивъ, что особое присутствіе предоставляетъ сторонамъ ссылаться на всѣ имѣющіяся въ дѣлѣ вещественныя доказательства, первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ и прервалъ засѣданіе до 10 часовъ утра слѣдующаго 28-го марта.

Засѣданіе 28-го марта.

По открытіи засѣданія въ 10 часовъ утра, первоприсутств. предложилъ исполняю-

щему обязанности прокурора произнести обвинительную рѣчь.

Исполняющій обязанность прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената Н. В. Муравьевъ: Гг. сенаторы, гг. сословные представители!—Призванный быть на судѣ обвинителемъ величайшаго изъ злодѣяній когда либо совершившихся на русской землѣ, я чувствую себя совершенно подавленнымъ скорбнымъ величіемъ лежащей на мнѣ задачи. Передъ свѣжею, едва закрывшеюся могилою нашего возлюбленнаго Монарха, среди всеобщаго плача отечества, потерявшаго такъ неожиданно и такъ ужасно своего незабвеннаго Отца и Преобразователя, я боюсь не найти въ своихъ слабыхъ силахъ достаточно яркаго и могучаго слова, достойнаго того великаго народнаго горя, во имя котораго я являюсь теперь передъ вами требовать правосудія, виновнымъ требовать возмездія, а поруганной ими, проклинающей ихъ Россіи — удовлетворенія! Какъ русскій и вѣрноподданный, какъ гражданинъ и какъ человѣкъ, я исполню свою обязанность положивъ въ нее всѣ силы, всю душу свою; но на моемъ пути есть одно не легко преодолимое препятствіе, о которомъ я не могу не сказать вамъ, потому что увѣренъ, что съ нимъ столкнетесь—или уже столкнулись и вы. Трудно, милостивые государи, быть юристомъ, слугою безличнаго и безстрастнаго закона въ такую роковую историческую минуту, когда и въ себѣ самомъ и вокругъ все содрогается отъ ужаса и негодованія, когда при одномъ воспоминаніи о событіи 1 марта—неудержимыя слезы подступаютъ къ глазамъ и дрожатъ въ голосѣ, когда все, что есть въ странѣ честнаго и вѣрнаго своему долгу, громко вопіетъ объ отмщеніи; трудно, но для насъ, людей суда, обязательно и необходимо прежде всего потому, что о безпристрастіи и спокойствіи всесторонняго судебнаго разсмотрѣнія, о судѣ на точномъ основаніи всѣхъ правилъ и гарантій судопроизводства, говоритъ намъ самый законъ, данный тѣмъ же Мудрымъ Законодателемъ обновленной Россіи, чей еще такъ недавно свѣтлый и милостивый образъ мы съ горестью видимъ теперь передъ собою облеченнымъ въ трауръ по Его безвременной кончинѣ. Судебное слѣдствіе, полное потрясающихъ фактовъ и страшныхъ подробностей, раскрыло такую мрачную бездну человѣческой гибели, такую ужасающую картину извращенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ и инстинктовъ, что намъ понадобится все мужество и все хладнокровіе гражданина, предъ которымъ внезапно открылась зіяющая глубокая язва родины, и отъ котораго эта родина ждетъ перваго ближайшаго спѣшнаго средства для своего исцѣленія. Для того, чтобы произнести надъ подсудимыми судъ справедливости и закона, намъ предстоитъ спокойно изслѣдовать и оцѣнить во всей совокупности несмываемыя пятна злодѣйски пролитой царственной крови, область безумной подпольной крамолы, фанатическое исповѣданіе убійства, всеобщаго разрушенія—и въ этой горестной, но священной работѣ да поможетъ намъ Богъ!

Велѣнія Промысла неисповѣдимы. Совершилось событіе неслыханное и невиданное: на нашу долю выпала печальная участь быть современниками и свидѣтелями преступленія, подобнаго которому не знаетъ исторія человѣчества. Великій Царь-Освободитель, благословляемый милліонами вѣковыхъ рабовъ, которымъ Онъ даровалъ свободу, Государь, открывшій Своей обширной странѣ новые пути къ развитію и благоденствію, человѣкъ, чья личная кротость и возвышенное благородство помысловъ и дѣяній были хорошо извѣстны всему цивилизованному міру, словомъ Тотъ, на Комъ въ теченіе четверти столѣтія покоились всѣ лучшія надежды русскаго народа—палъ мученическою смертью на улицахъ своей столицы, среди бѣлаго дня, среди кипящей кругомъ жизни и вѣрнаго престолу населенія! Я постараюсь доказать впослѣдствіи, что въ этой обстановкѣ преступленія, которую убійцы въ своемъ циническомъ самомнѣніи приписываютъ своему могуществу, сказалась лишь особая злостность адски задуманнаго плана и простое сцѣпленіе роковыхъ случайностей; теперь же я долженъ остановить вниманіе особаго присутствія на самомъ событіи этого преступленія и пригласить высокое судилище вмѣстѣ со мною углубиться въ его невыразимо тягостныя подробности. Это не фактъ, это исторія. Съ глубокосердечною болью я вызываю это страшное воспоминаніе о цареубійствѣ, но я не могу сдѣлать иначе, по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому, что изъ кроваваго тумана, застилающаго печальную святыню Екатерининскаго канала, выступаютъ передъ нами мрачные облики цареубійцъ; вовторыхъ... но здѣсь меня останавливаетъ на минуту смѣхъ Желябова, тотъ веселый, или ироническій смѣхъ, кото-

рый не оставлялъ его во время судебнаго слѣдствія и который, вѣроятно, заставитъ его и потрясающую картину событія 1-го марта встрѣтить глумленіемъ. Но я вижу среди подсудимыхъ людей, которые, каковы бы они ни были, все-таки не въ такомъ настроеніи, какъ Желябовъ, и потому я рѣшаюсь еще разъ подвергнуть общую печаль его глумленію—я знаю что такъ и быть должно: вѣдь когда люди плачутъ, Желябовы смѣются! И такъ я не могу не говорить о самомъ событіи 1-го марта, во-вторыхъ, потому, что въ настоящія торжественныя минуты суда я хотѣлъ бы въ послѣдній разъ широко развернуть передъ подсудимыми картину событія 1-го марта и сказать имъ: «если у васъ осталась еще хоть капля способности чувствовать и понимать то, что чувствуютъ и понимаютъ другіе люди, носящіе образъ Божій—любуйтесь! Вы этого хотѣли, это дѣло рукъ вашихъ, на васъ лежитъ эта чистая кровь»!

День 1-го марта... кто изъ насъ, кто изъ жителей Петербурга не помнитъ, какъ начался и какъ проходилъ этотъ во истину черный день, мельчайшія особенности котораго неизгладимо врѣзались въ память каждаго. Обычною чередою шла воскресная, праздничная суета огромнаго города, несмотря на нависшее свинцовыми тучами пасмурное снѣжное небо; на улицахъ привычнымъ потокомъ переливалось людское движеніе, и ничто среди этой нестрой, спокойной, своими личными интересами занятой толпы не говорило о томъ, что надъ ней уже вѣяло дыханіе смерти, уже носились кровожадныя мысли убійцъ. Около часу дня окончился въ михайловскомъ манежѣ разводъ въ Высочайшемъ присутствіи, на этотъ разъ отъ лейбъ-гвардіи саппернаго батальона, и Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, оставивъ манежъ, изволилъ заѣхать для завтрака въ Михайловскій дворецъ. Въ 3-мъ часу дня императорская карета, выѣхавъ изъ дворца, проѣхала по Инженерной улицѣ и повернула направо по набережной Екатерининскаго канала, по направленію къ Театральному мосту. Карета ѣхала быстро въ сопровожденіи обыкновеннаго коннаго конвоя изъ шести казаковъ и слѣдовавшихъ сзади, въ саняхъ, другъ за другомъ, полицеймейстера полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха и ротмистра Кулебякина. Недалеко отъ угла Инженерной улицы, подъ Императорскою каретою внезапно раздался взрывъ, похожій на пушечный выстрѣлъ, повлекшій за собою всеобщее смятеніе. Испуганные, еще не отдавая себѣ отчета въ случившемся, смутились всѣ: не смутился лишь Онъ одинъ, Помазанникъ Божій, невредимый, но уже двумя часами отдѣленный отъ вѣчности. Спокойный и твердый, какъ нѣкогда подъ турецкимъ огнемъ на поляхъ имъ же освобожденной Болгаріи, онъ вышелъ изъ поврежденной и остановившейся кареты и былъ встрѣченъ полковникомъ Дворжицкимъ, который доложилъ, что на панели канала только что задержанъ народомъ повидимому причинившій взрывъ злоумышленникъ. Выслушавъ докладъ, Государь Императоръ въ сопровожденіи полковника Дворжицкаго направился къ задержанному, уже окруженному едва не растерзавшею его толпою. Эта толпа—что бы ни говорилъ Желябовъ—кричала: «Дайте намъ, мы его разорвемъ»! Не узнавъ Государя, мучимый страхомъ за Его участь, стоявшій по близости подпоручикъ Рудыковскій спросилъ у окружающихъ: что съ Государемъ? Вопросъ былъ услышанъ Самимъ Монархомъ, Который, оглянувшись и какъ бы отвѣчая на него, изволилъ произнести: «Слава Богу, Я уцѣлѣлъ, но вотъ»... и съ этимъ неоконченнымъ восклицаніемъ Государь Императоръ обратилъ и свои мысли и свое вниманіе на лежавшихъ тутъ же у ногъ Его раненыхъ взрывомъ конвойнаго казака и 14-тилѣтняго крестьянскаго мальчика Николая Максимова. Бѣдный мальчикъ—да будетъ вѣчно сохранена его память—кричалъ отъ невыносимыхъ страданій. Тогда опечаленный Повелитель Русской земли умиленно наклонился надъ истерзаннымъ сыномъ народа. Это послѣднее участіе, оказанное умирающему ребенку-подданному, было и послѣднимъ земнымъ дѣяніемъ Государя, уже предстоявшаго своей собственной мученической кончинѣ. Уже на встрѣчу Ему неслась зловѣщая угроза схваченнаго преступника: «Еще слава ли Богу»—было злобнымъ отвѣтомъ Рысакова на услышанное имъ восклицаніе Государя, что слава Богу, Онъ уцѣлѣлъ. Рысаковъ зналъ что говорилъ. Промахнувшійся и обезоруженный, онъ зналъ, что за нимъ въ той же засадѣ стоитъ другой, такой же, какъ и онъ, отверженецъ, а тамъ третій, четвертый, которые постараются не промахнуться и адски задуманное довести до конца. Далекій отъ мысли беречь Себя отъ опасности, Государь Императоръ, несмотря на мольбы полковника

Дворжицкаго, не соизволилъ немедленно отбыть во дворецъ, а выразилъ намѣреніе осмотрѣть мѣсто взрыва. Твердою, спокойною поступью направился Онъ, удаляясь отъ Рысакова, по тротуару канала, окруженный ближайшею свитою и тѣснившимися къ Нему отовсюду народомъ. Несчастные, они радовались избавленію своего Обожаемаго Монарха отъ опасности и не помышляли, что Онъ идетъ къ ней навстрѣчу, что не дни, не часы, а минуты Его уже сочтены! Не успѣлъ Государь сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ у самыхъ ногъ Его раздался новый, второй, оглушительный взрывъ. На мгновеніе все пространство скрылось въ поднятой какъ бы вихремъ перемѣшанной массѣ дыма, снѣжной пыли, какихъ-то безформенныхъ, ужасныхъ клочковъ и обломковъ. Мгновеніе это, мучительное какъ смерть, длинное какъ вѣчность, миновало, масса разсѣялась, и пораженнымъ взорамъ присутствующихъ—и уцѣлѣвшихъ и пострадавшихъ, но еще не потерявшихъ сознанія—представилось кровь леденящее зрѣлище, котораго никто изъ нихъ не забудетъ до послѣдняго своего издыханія. Вездѣ кругомъ были павшіе, раненые, но никто не смотрѣлъ на нихъ, и сами они, подобно полковнику Дворжицкому, не думали о себѣ: среди павшихъ и раненыхъ былъ Государь. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, Царь - Страстотерпецъ, покрытый кровью, полулежалъ на землѣ и уже трудно дышалъ. Обнажившіяся при взрывѣ ноги, были раздроблены ниже колѣнъ, тѣло висѣло кусками... Живой образъ нечеловѣческихъ мукъ!.. Обрывается голосъ, цѣпенѣетъ языкъ и спираетъ дыханіе, когда приходится говорить объ этомъ теперь: судите же сами, каково было тогда несчастнымъ очевидцамъ событія! До полковника Дворжицкаго, раненаго и упавшаго, донесся слабый полустонъ: «Помоги», заставившій его вскочить, какъ здороваго. Раненые подползали, уцѣлѣвшіе бросились къ простертому на землѣ Монарху и услышали едва внятно произнесенныя имъ слова: «холодно, холодно», вызванныя охватившимъ его ощущеніемъ зимняго холода. Увы, то былъ предвѣстникъ близкаго могильнаго холода! Кѣмъ-то былъ поданъ платокъ, которымъ покрыли голову Вѣнчаннаго Страдальца. Сотни вѣрныхъ рукъ протянулись къ Нему, и тихо, бережно, среди всеобщаго невыразимаго отчаянія, подняли Его съ земли и понесли по направленію къ экипажамъ. Это не была свита, несущая пострадавшаго Государя—это была толпа, въ которой рядомъ съ приближенными Монарха сошлись и моряки мимо шедшаго караула, и юноши павловскаго училища, и случайные прохожіе, прибѣжавшіе на взрывъ—то были пораженныя горемъ дѣти, несущія умирающаго Отца! Дорогой поручикъ графъ Гендриковъ замѣнилъ своею фуражкою тяжелую каску, въ торопяхъ надѣтую на обнаженную голову Государя. Между тѣмъ на мѣсто подоспѣлъ его высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ. Припавъ къ своему Августѣйшему Брату, Онъ спросилъ, слышитъ ли Его Императорское Величество?—«Слышу» было отвѣтомъ, за которымъ послышалось слабо выраженное желаніе быть поскорѣе доставленнымъ во дворецъ. Слова свидѣтельствовали о сознаніи—сознаніе о страданіи, физическій ужасъ котораго умъ отказывается представить себѣ даже приблизительно. Оно было еще такъ ясно, это предсмертное страдальческое сознаніе Государя, что Онъ, услышавъ предложеніе одного изъ Его несшихъ, штабсъ-капитана Новикова, внести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, имѣлъ еще силу объявить другую Свою послѣднюю волю: «Несите меня во дворецъ... тамъ... умереть». Это были предпослѣднія слова Монарха-человѣка, пожелавшаго умереть христіанскою кончиною дома, въ кругу близкихъ, среди своей семьи... Богу было угодно исполнить это желаніе. Государь Императоръ былъ помѣщенъ, вмѣсто своей разбитой кареты, въ сани полковника Дворжицкаго, и чины конвоя, ротмистръ Кулябкинъ съ казаками Луценко и Кузьменко, сослужили своему Вѣнценосному Вождю послѣднюю службу—перевезли Его умирающаго во дворецъ. Дорогой, забывъ о мукахъ Своихъ и думая только о томъ израненномъ вѣрномъ слугѣ, котораго Онъ видѣлъ передъ собою, Государь два раза тихо, но настойчиво спросилъ: «Ты раненъ, Кулебякинъ?» Горькія слезы раненаго, о своихъ ранахъ забывшаго, были отвѣтомъ... А на мѣстѣ событія подбирали убитыхъ, раненыхъ, изувѣченныхъ, раздавались ихъ раздирающіе душу стоны и крики, смѣшавшіеся съ крикомъ ужаса стекавшагося отовсюду, обезумѣвшаго отъ горя народа. Скоро живымъ, неудержимымъ потокомъ онъ наполнилъ собою Дворцовую площадь, куда привела новыя огромныя толпы быстро разлетѣв-

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

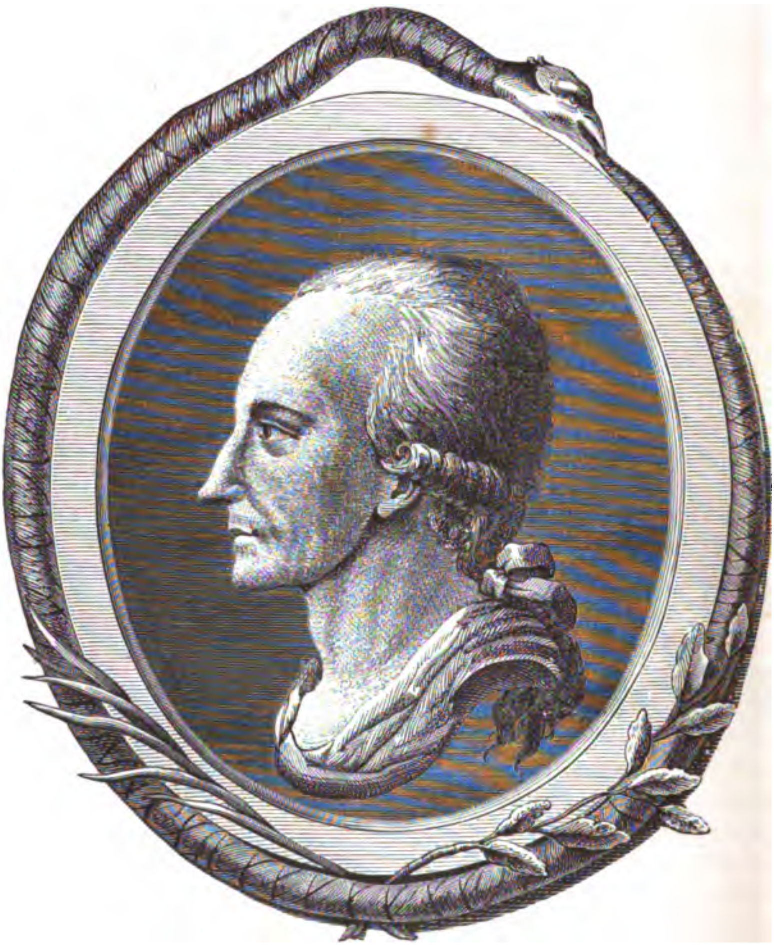
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ІЮЛЬ, 1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1881 г.



Я. Б. КНЯЖНИНЪ.

Съ гравированнаго портрета (Феропонтова) рѣз. на деревѣ А. Зубчаниновъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 іюня 1880 г.
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

КНЯЖНИНЪ-ПИСАТЕЛЬ.

I.

КТО ЗАДУМЫВАЕТСЯ надъ своей общественной и гражданской жизнью съ цѣлью полнѣе выяснить себѣ понятіе о ней, или дойти до возможно широкаго общественнаго самопознанія, тому полезно время отъ времени останавливаться передъ жизнью кого либо изъ отжившихъ соотечественниковъ, которая чѣмъ нибудь отмѣтилась среди ихъ современниковъ. Польза, между прочимъ, вытекаетъ отъ взаимнаго освѣщенія: наша жизнь лучше освѣщаетъ смыслъ жизни прежняго дѣятеля, а эта яснѣе освѣщаетъ нашу собственную. Тогда мы глубже будемъ сознавать наше историческое родство съ прошедшимъ, вѣрнѣе можемъ опредѣлить, насколько мы подвинулись впередъ и по какому неизбѣжному пути обстоятельства должны были повести насъ, чтобы намъ очутиться въ настоящемъ положеніи. Мы менѣе всего можемъ похвалиться тѣмъ, что въ насъ развито общественное самопознаніе, которое тѣсно связано съ историческимъ взглядомъ на жизнь; недостатокъ его особенно выказывается въ тѣхъ общественныхъ дѣятеляхъ, которые считаютъ себя призванными дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Это усмотрѣніе по большей части вытекаетъ изъ ихъ личныхъ взглядовъ и даже разсчетовъ безъ всякой связи съ тѣмъ, что сдѣлано по тому же дѣлу до нихъ. И въ этомъ случаѣ, чѣмъ трудолюбивѣе и ретивѣе вновь призванный дѣятель, тѣмъ хуже. Онъ рвется, какъ можно скорѣе, заявить себя личнымъ трудомъ и, незнакомый исторически ни съ чѣмъ, не сознавая себя какъ частицу силы общественной, которая должна разумно развиваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, онъ смотритъ на себя какъ на цѣльную единицу, призванную сломать то, что сдѣлано предшественникомъ, и на развали-

нахъ поставить свое, а съ этимъ вмѣстѣ и заявить свою личную власть, свою силу, что обыкновенно стоитъ на первомъ планѣ. Такимъ людямъ даже не приходитъ мысль, что преемникъ ихъ, дѣйствуя по тому же собственному усмотрѣнію, можетъ такъ же легко сломать ихъ дѣло, какъ костоправъ ломаетъ кость, неискусно срощенную его предшественникомъ, ломаетъ съ намѣреніемъ снова сростить ее. Но сколько костоправовъ перемѣнится у инаго дѣла и сколько томительнаго времени придется пролежать безъ движенія иному организму, у котораго переломаны всѣ кости. Какое же тутъ свободное развитіе силъ, какая же тутъ жизнь? Ничего бы этого не было, если бы наши дѣятели приступали къ дѣлу съ инымъ взглядомъ на себя и на общественную дѣятельность. Но для этого нужно историческое пониманіе жизни, слѣдовательно нужна историческая подготовка, а съ нею и общественное самопознаніе. Оно не только не допуститъ мысли о насильственной безполезной ломкѣ по собственному усмотрѣнію, но и укажетъ на естественный путь улучшенія и самоусовершенствованія. И не пора ли намъ обратить на это особенное вниманіе? Не пора ли усиленно поискать тѣхъ путей, какіе насъ могутъ довести до общественнаго самопознанія. Кому же первому позаботиться о томъ, какъ не людямъ, нашедшимъ свое призваніе въ литературной дѣятельности? Намъ не разъ случалось слышать замѣчанія, что напрасно мы льстимъ себя надеждою, будто общественные дѣятели читаютъ насъ, или читая, сознаютъ свои недостатки. Никогда такая надежда не прельщала насъ. Мы вѣримъ, что изъ нихъ большей части некогда читать съ поучительною цѣлью, сознаваться же въ своей малой подготовкѣ безполезно, потому что для того уже прошло время. Но не ихъ мы и имѣемъ въ виду. Мы пишемъ для того, можетъ быть, небольшаго общества, для котораго умственные интересы жизни стоятъ не на послѣднемъ планѣ даже и въ дѣятельности общественной. Почему оно такъ особенно для насъ важно, и на это хорошо можетъ отвѣтить только историческое изученіе жизни.

Въ настоящей статьѣ я выставляю жизнь человѣка, жившаго за сто лѣтъ до насъ, жизнь скромнаго труженика, очень бѣдную внѣшними фактами, труженика, теперь совсѣмъ забытаго; назвавъ его по имени, я даже не надѣюсь вызвать съ нимъ какое либо представленіе въ большинствѣ своихъ читателей. А между тѣмъ, Яковъ Борисовичъ Княжнинъ въ кругу своихъ современниковъ, тѣхъ русскихъ людей, которые имѣли какое либо отношеніе къ скудной русской литературѣ того времени, слылъ за человѣка весьма почтеннаго и писателя, выдающагося талантами. Онъ былъ прославленъ ими за свои трагедіи и комедіи, а на могильномъ его памятникѣ [1]), можетъ быть, и теперь съ нѣкоторымъ усиліемъ прочитаются слова:

---

[1]) На Смоленскомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ.

„Творенія его Россія не забудетъ!
Онъ былъ и нѣтъ его—онъ есть и вѣчно будетъ!"

Но, какъ водится, Россія забыла его творенія, и это я говорю не въ укоръ ей. Не забываются только Шекспиры и Данты, а все, что возвеличивается современниками съ ихъ узкой точки зрѣнія, по ихъ односторонней теоріи, то обыкновенно легко и скоро забывается. Добровольными читателями такихъ твореній являются только люди, изучающіе по источникамъ пережитое предками. И такъ, намъ не нужно дѣлать изслѣдованій, чтобы сказать, что Княжнина нельзя причислить къ тѣмъ писателямъ, которые не забываются; значитъ, читатель и не будетъ ожидать отъ насъ, что мы станемъ извлекать передъ нимъ міровыя идеи, или указывать на какіе нибудь общечеловѣческіе или даже національные типы. Здѣсь, конечно, мы разойдемся со взглядами современниковъ Княжнина и не повторимъ той же надписи на его памятникѣ. Но за то мы не вправѣ отвергнуть оцѣнку младшихъ его современниковъ, сдѣланную уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, слѣдственно болѣе или менѣе безпристрастную, оцѣнку нравственную. Она должна возбудить въ насъ симпатію къ забытой личности.

„Тихій, благонравный характеръ, обработанный чтеніемъ и опытами всей его жизни, привлекалъ къ себѣ любовь и уваженіе тѣхъ, которые были съ нимъ знакомы, и тѣхъ, которые только слышали о немъ. Бывъ занятъ различными должностями, объемлющими большой кругъ, удовлетворялъ онъ желаніямъ бѣднаго, ожидающаго подаянія. Со всѣми знакомыми былъ одинаковъ, но уважалъ старость, почиталъ достоинство, не отличалъ богатыхъ, не кланялся гордымъ, не искалъ случайныхъ и не старался отличать себя въ другомъ лицѣ. Ласковый, обходительный видъ, пріятнѣйшая улыбка, привѣтствовали каждаго искреннею пріязнію; всякій, кто только начиналъ говорить съ нимъ, напередъ уже видѣлъ, что поэтъ сей устремляетъ къ словамъ его все свое вниманіе; хотя бы разговоръ клонился къ самымъ ничтожнымъ вещамъ, но онъ никогда не терялъ внимательнаго вида, чтобы тѣмъ не огорчить своего собесѣдника. Удалялся отъ всѣхъ ссоръ, отъ всѣхъ споровъ, какъ отъ самыхъ опаснѣйшихъ случаевъ. Онъ всегда говаривалъ: тутъ самолюбіе людей имѣетъ необузданную власть надъ всѣми чувствами и заставляетъ вооружаться на всѣхъ сопротивниковъ самымъ жесточайшимъ образомъ. И для того часто, подавъ свое мнѣніе и видя, что его съ запальчивостью отвергаютъ, защищалъ его однимъ молчаніемъ. Но со всѣмъ тѣмъ любилъ слушать ученыя распри, любилъ въ это самое время примѣчать измѣненіе страстей человѣческихъ, чтобы дать болѣе дѣйствія кисти своей къ начертанію различныхъ характеровъ. Зная совершенно сердце человѣческое, онъ всегда предвидѣлъ, кому можно сказать правду, кому нѣтъ. И такъ небольшое число людей наслаждалось ею отъ нашего писателя. Коль скоро онъ открывалъ свое мнѣніе о какихъ нибудь

погрѣшностяхъ, то взоръ его быстро проникалъ въ глубину души того, съ кѣмъ онъ намѣревался говорить откровенно; страшась навлечь себѣ непріятелей, онъ лучше желалъ быть болѣе скрытенъ, нежели менѣе любимъ".

Эта оцѣнка подтверждается свидѣтельствомъ нѣсколькихъ лицъ, и въ числѣ ихъ извѣстнымъ ученымъ митрополитомъ Евгеніемъ и почтеннымъ по своимъ нравственнымъ качествамъ ученикомъ Княжнина, Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою. Въ ихъ изображеніе входятъ тѣ черты, которыя не испортятъ какого бы ни было нравственнаго идеала. Намъ остается только выяснить, какъ съ ними онъ прожилъ свою жизнь и что въ ней успѣло отразиться изъ общей жизни.

Княжнинъ принадлежитъ къ тому поколѣнію русскихъ писателей, которое начало свою дѣятельность въ началѣ царствованія Екатерины II. Это поколѣніе можно назвать вторымъ въ новой русской литературѣ, относя къ первому Ломоносова съ его старшими учениками и Сумарокова. Эти внесли въ литературу новые образцы, выработанные по европейской теоріи, образцы, признанные вторымъ поколѣніемъ достойными подражанія. Правда, первые много и горячо спорили между собою, но только въ такихъ вопросахъ, разрѣшить которые не могли европейскіе авторитеты, какъ напр., вопросы о правилахъ русскаго языка, о русскомъ стихосложеніи и т. п. Но эти споры уже не столько занимали второе поколѣніе, которое раздѣлило свои отечественные авторитеты, признавъ за Ломоносовымъ авторитетъ въ однихъ вопросахъ, за Сумароковымъ авторитетъ въ другихъ. Принявъ отъ нихъ литературные образцы, оно, сколько могло, воспользовалось ими, чтобы выразить тотъ процессъ дальнѣйшаго духовнаго развитія, какое выразилось въ людяхъ, воспитанныхъ на европейскихъ взглядахъ подъ впечатлѣніемъ русской жизни. Это поколѣніе по воспитанію принадлежитъ царствованію Елизаветы Петровны. Ея время представляетъ соединеніе двухъ вліяній, которыя на первый взглядъ могутъ показаться противорѣчащими — крайнее пристрастіе ко всему французскому, начиная съ языка, и сильное возбужденіе патріотизма. Но эти вліянія легко ладили между собою, потому что патріотизмъ былъ только политическій или, лучше, правительственный; въ немъ разрѣшался вопросъ, кому преобладать въ правительственной сферѣ — русскимъ или нѣмцамъ. Но такимъ патріотамъ, получившимъ силу при дворѣ, нисколько не мѣшало воспитывать дѣтей на французскій ладъ, вдали отъ русскихъ вліяній. Поспѣшимъ сказать, что не это воспитаніе произвело русскихъ писателей. Изъ него вышли люди, которые сдѣлались предметомъ остроумныхъ наблюденій для своихъ сверстниковъ-писателей и дали обильный матеріалъ для русской сатиры. Кромѣ такого домашняго воспитанія, получившаго направленіе отъ придворной жизни, начиналось въ то время воспитаніе школьное въ нѣсколькихъ правительствен-

ныхъ и частныхъ заведеніяхъ. Они, конечно, представляли болѣе матеріала для правильнаго умственнаго развитія, чѣмъ семьи въ домашнемъ воспитаніи, и хотя изъ нихъ и выносилось немного познаній, но все же ученикъ тамъ проходилъ школу, въ которой была какая нибудь дисциплина, что и составляло воспитательную силу. Не могу сказать, которыя изъ нихъ были лучшими въ педагогическомъ отношеніи — казенныя или частныя, но болѣе достаточные люди предпочитали послѣднія, можетъ быть потому, что въ нихъ скорѣе научались иностраннымъ языкамъ и *вся* обстановка ихъ была богаче и приглядпѣе. И тѣ и другія были мѣстомъ образованія нашихъ писателей сказаннаго періода. Хотя, вообще, образовательныхъ школъ въ то время у насъ было очень немного, но и запросъ на нихъ былъ очень небольшой. Бо̀льшая часть изъ нихъ открывались въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Сюда-то свозились молодые люди изъ разныхъ концовъ Россіи тѣми отцами, которые, сами пройдя суровую петровскую школу, хотѣли дать какое либо образованіе своимъ сыновьямъ. Все это были люди чиновные и въ то же время помѣщики, прожившіе внѣ придворнаго вліянія, выдержавшіе своихъ дѣтей до двѣнадцати-четырнадцати лѣтъ въ своей провинціальной семьѣ, еще не отставшей отъ старыхъ русскихъ обычаевъ и нравовъ, по большей части, на свободѣ. Набравшись впечатлѣній отъ русской жизни и природы, молодые люди являлись въ ту или другую столицу для школьной жизни; но она уже не успѣвала подавлять въ нихъ тѣ чувства, которыя подавлялись столичнымъ домашнимъ воспитаніемъ. Они и въ нравственномъ отношеніи оставались болѣе стойкими и крѣпче привязанными къ русской почвѣ, тогда какъ лица изъ высшаго круга этого поколѣнія съ придворнымъ воспитаніемъ выходили легко податливыми на всякія чуждыя вліянія.

Подобнаго юношу на пятнадцатомъ году возраста привезъ, въ 1757 году, въ Петербургъ изъ Пскова отецъ его, дѣйствительный статскій совѣтникъ Борисъ Ивановичъ Княжнинъ. Въ Петербургѣ бралъ на воспитаніе дѣтей изъ благородныхъ семействъ профессоръ академіи наукъ Модерахъ, о которомъ мы имѣемъ основаніе отозваться, какъ о хорошемъ педагогѣ. Это заставляетъ насъ заключить и о хорошемъ нравственномъ вліяніи его на молодыхъ людей, хотя подробностей его воспитательной системы мы и не знаемъ. Подъ его наблюденіемъ, кромѣ обыкновенныхъ школьныхъ наукъ, юный Княжнинъ занимался тремя иностранными языками — французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ, и при ихъ помощи успѣлъ получить основательное литературное образованіе, которое долгое время у насъ преобладало надъ образованіемъ научнымъ. На юношей съ пылкимъ воображеніемъ или нѣжнымъ по природѣ сердцемъ оно хорошо дѣйствовало нравственно, хотя во многихъ и развивало излишнюю чувствительность или болѣзненную сентиментальность. На Княжнина оно отчасти подѣйствовало такимъ же образомъ. Оно же вызвало его

къ раннимъ попыткамъ пробовать свои силы въ поэзіи. Судя по тѣмъ скуднымъ біографическимъ даннымъ, какія до насъ дошли о немъ, мы съ нѣкоторымъ недовѣріемъ замѣчаемъ, что онъ сошелъ съ ученической скамьи на двадцать второмъ году жизни—фактъ удивительный въ то время, когда всѣ стремились, какъ можно раньше, начать служебную карьеру (другой же для дворянина никакой не было), и для нея только учились; она же не требовала многаго. Если дѣйствительно онъ провелъ лучшіе юношескіе годы въ ученіи, то онъ долженъ былъ выдаваться своимъ образованіемъ въ томъ кругу, гдѣ вообще уровень образованія былъ очень не высокъ. Княжнинъ сначала выбралъ дипломатическое поприще. Въ то время спеціальную подготовку къ той или другой гражданской службѣ молодые дворяне получали въ школахъ особаго рода, при сенатѣ и коллегіяхъ, гдѣ, подъ именемъ юнкера, они должны были нѣсколько ознакомиться теоретически и практически съ дѣлами, какія имъ предстояли на дѣйствительной службѣ. Конечно, подготовка не могла быть удовлетворительною, такъ какъ мало заботились о назначеніи знающихъ и опытныхъ лицъ, которыя могли бы руководить молодыхъ людей и пріохотить ихъ къ труду. Юнкера по большей части или проводили время въ праздности, или съ первыхъ же дней обращались въ канцелярскихъ чиновниковъ.

Въ 1764 г. Княжнинъ вступилъ юнкеромъ въ иностранную коллегію и въ знаніи языковъ оказался настолько удовлетворительнымъ, что скоро былъ произведенъ въ переводчики и вступилъ на дѣйствительную службу. Но, подобно многимъ молодымъ талантливымъ и образованнымъ русскимъ людямъ, онъ долго колебался въ окончательномъ выборѣ службы. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ характеровъ, которыхъ не можетъ удовлетворить сухая канцелярская дѣятельность. Скромный и мечтательный, онъ всю жизнь не зналъ чиновничьяго честолюбія, которое заставляетъ терпѣливо проходить первые чины за скучными мелочными работами. Его душевное расположеніе влекло его къ поэтическому выраженію своихъ впечатлѣній, къ мечтамъ о славѣ, и не удивительно, что онъ наконецъ заскучалъ за этими дѣловыми переводами, изъ которыхъ могъ узнать только разные отрывочные факты въ сферѣ таинственныхъ дипломатическихъ сношеній. Оставить службу съ безчиновнымъ званіемъ поэта или стихотворца въ то время хотя и было уже возможно, по вольности дворянства, но было совершенно противъ дворянскаго обычая и было бы болѣе чѣмъ смѣшно. Уже позже Державинъ, самъ поэтъ, какъ идеальную черту вмѣнялъ императрицѣ Екатеринѣ, что поэзія ей „любезна, пріятна, сладостна, полезна", не болѣе „какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ". Остаться молодому человѣку такимъ кондитеромъ, поставляющимъ вкусный лимонадъ, было совсѣмъ не прилично для честнаго дворянина. Едва-ли и Княжнинъ въ своихъ мечтахъ могъ заходить такъ далеко. Онъ только попытался перемѣнить родъ службы

и перешелъ въ Канцелярію строенія домовъ и садовъ, къ извѣстному Бецкому; но и здѣсь была все та же сухая канцелярія. Пришла мысль попробовать военной службы: она въ то время привлекала лучшую молодежь и въ мирное время предоставляла больше свободы распоряжаться своимъ временемъ. Протекція фельдмаршала графа Кирила Григорьевича Разумовскаго помогла ему: съ чиномъ капитана онъ былъ назначенъ адъютантомъ при дежурныхъ генералахъ. Настала дѣйствительно жизнь веселая. Впослѣдствіи, въ своемъ стихотворномъ воспоминаніи объ этомъ времени, Княжнинъ съ нѣкоторымъ восторгомъ говорилъ о ней. Онъ могъ на свободѣ

Въ спокойномъ тихомъ кабинетѣ
Межъ грацій, межъ пріятныхъ музъ

безпечно зарываться въ книгахъ и посвящать часы нѣжной поэзіи,

Или въ исторьи древнихъ вѣковъ
Летѣлъ къ протекшимъ временамъ,
Зрѣлъ римлянъ, египтянъ и грековъ,
Какъ будто съ ними жилъ я тамъ.
Потомъ пущусь гулять по свѣту,
За книгой обтеку весь міръ,
Или въ романахъ безъ предмета
Влюблялся въ тысячу Плѣниръ,
Съ живымъ воображеньемъ вольнымъ,
Бывало какъ орелъ парилъ,
И будучи собой довольнымъ,
Въ себѣ все благо находилъ.

Это одна сторона жизни, а вотъ и другая:

Когда-жъ мое уединенье
Возьметъ унылый, мрачный видъ:
Оставя кабинетъ и чтенье
И зданье древнихъ пирамидъ —
Скачу на балъ богатый, пышный,
Гдѣ нектаръ изъ сосудовъ бьетъ,
И гдѣ умѣренность гость лишній,
Гдѣ роскошь царствуя живетъ.
Тамъ съ нимфами въ кругу рѣзвяся,
Себя Парисомъ воображалъ,
И всѣми до одной прельстяся,
Мое всѣмъ сердце отдавалъ.

Это описаніе мы не вправѣ назвать одною игрою воображенія, имѣя въ виду свидѣтельство современниковъ Княжнина о томъ, какъ богатая молодежь отдавала тогда дань своей молодости. Хотя Княжнинъ и не могъ назваться богачемъ, но онъ попалъ въ кругъ такихъ разгульныхъ богачей, какъ былъ Каринъ, который, по словамъ С. Глинки, въ цвѣтущіе годы жизни не уступалъ въ пышности сатрапамъ древней Персіи и у котораго изъ семи тысячъ крестьянскихъ душъ молодость похитила четыре тысячи. Молодому человѣку съ пылкой натурою трудно было отстать отъ такихъ пріятелей. Княж-

нину пришлось заплатить за свою молодость дороже, чѣмъ ему позволяли его средства. Изъ желанія ли увеличить ихъ или изъ страсти, онъ увлекся картежною игрою и попалъ въ общество отъявленныхъ игроковъ. Въ то время страсть къ картежной игрѣ была какою-то общественною заразою. Она вызывалась съ одной стороны праздностью и роскошью жизни, съ другой — примѣрами быстраго обогащенія и человѣческою слабостью вѣрить въ слѣпое счастье. Въ Петербургѣ были игорные домà, гдѣ игра обращалась въ промышленность нѣсколькихъ плутовъ, которые ловили неопытныхъ и дочиста обыгрывали. Около нихъ, конечно, вертѣлись ростовщики, предлагая свои услуги несчастнымъ, утѣшавшимся надеждою отъиграться, и въ конецъ разоряли ихъ.

Живописное описаніе подобныхъ сборищъ оставилъ намъ Лукинъ, писатель комедій, одинъ изъ тѣхъ, которые были въ рукахъ картежныхъ плутовъ:

„Вообрази, читатель, толпу людей, нерѣдко болѣе ста человѣкъ составляющую. Обычайно (обыкновенно) собираются оные художники въ большую палату. Иные изъ нихъ сидятъ за столомъ, иные ходятъ по комнатѣ... хитрѣйшіе изъ нихъ скопомъ условливаются очистить простаковъ, вновь появившихся„. Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу и Мидасу, имѣютъ предъ собой золотыя горы, возвышенныя отъ иждивенія нечестивыхъ ихъ противуборниковъ или, лучше сказать, изъ крови и жизни ихъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столъ облокотяся и имѣя видъ веселый, изъявляютъ полное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злостные игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды. Иные блѣдностію лицъ подобны мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ, иные кровавыми очами — ужаснымъ фуріямъ; иные унылостію духа — преступникамъ на казнь ведущимся; иные необычайнымъ румянцемъ — ягодѣ клюквѣ; а съ иныхъ течетъ потъ ручьями, будто-бы они полезное дѣлаютъ дѣло. Большая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе, клянутъ день своего рожденія, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты какъ гибельныя несчастья своего орудія...“

Княжнинъ самъ оставилъ намъ стихотворное описаніе этого ада:

Для должности и славы мертвы
Какія тѣни тамъ сидятъ?
Своей преступной страсти жертвы
Въ порочномъ бдѣньи дни губятъ.
Фортуна въ выборахъ слѣпая,
Бумагой ихъ судьбу бросая
Изъ нихъ невиннѣйшихъ разитъ...
Какихъ страшилищей я зрю?
Отчаяніе тамъ скрежещетъ
И ярость пылки взоры мещетъ,
Нѣтъ жалости и чести нѣтъ;
Корысть и алчность ими правитъ,
Коварство люты сѣти ставитъ
И златомъ къ бѣдности влечетъ.

Уже изъ этихъ стиховъ видно, какія минуты приходилось переживать нашему стихотворцу въ своей страсти. Но онъ образумился не прежде, когда увидѣлъ, что половина его имѣнія проиграна, а остальное разстроено. Здѣсь онъ показалъ свой характеръ и, не думая отъигрываться, бросилъ навсегда карты. Этотъ фактъ имѣлъ важное значеніе въ жизни Княжнина: черезъ него онъ познакомился съ нуждою и съ трудомъ и не рѣдко долженъ былъ брать разныя заказныя работы отъ книгопродавцевъ. Зато черезъ него онъ вышелъ и на путь литературный. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ мелкихъ трудахъ его, видимо, вызванныхъ заботами о средствахъ къ существованію, а укажемъ только на такія произведенія, которыя, по нашему мнѣнію, имѣютъ историческое значеніе. Но прежде оговоримся, что вообще у него было мало самостоятельнаго творчества, и это дало поводъ Пушкину вѣрно охарактеризовать его словомъ переимчивый. Онъ не только подражалъ иностраннымъ, преимущественно французскимъ поэтамъ, что было для того времени у всѣхъ нашихъ писателей дѣломъ обыкновеннымъ; но заимствовалъ у нихъ цѣлыя сцены для своихъ трагедій и комедій; изъ двухъ и трехъ піесъ выкраивалъ одну, умѣя придать ей и свою, особенную черту, вызванную временемъ. Въ его трудахъ повторялись и Расинъ, и Вольтеръ, и Мольеръ, и Бомарше, и Детушъ, и даже итальянскій поэтъ Метастазіо и друг.; но, не смотря на всю ихъ искусственность, въ нихъ значительно отразилось то живое стремленіе времени, какое мы ищемъ въ старинныхъ произведеніяхъ, съ цѣлью дать имъ историческую оцѣнку. Со стороны заимствованія и подражанія мы не будемъ разбирать произведеній Княжнина; здѣсь пришлось бы намъ долго останавливаться на сравненіяхъ, дѣлать длинныя выписки и въ заключеніе только бы повторить все тотъ же пушкинскій эпитетъ переимчивый. Мы, напротивъ, хотимъ прослѣдить, что̀ живаго выразилось отъ живаго человѣка въ этихъ искусственныхъ и заимствованныхъ формахъ.

II.

Какъ ни подражательна кажется наша поэзія половины XVIII столѣтія, но въ ней постоянно звучитъ одна основная идея, проходившая черезъ сознаніе наиболѣе образованныхъ русскихъ людей и тѣсно связанная съ преобразованіями Петра Великаго. Въ основаніи всѣхъ его преобразованій лежитъ одна отвлеченная идея государственности, идея, которой онъ хотѣлъ подчинить всѣ силы народа и отдѣльныхъ личностей. Какъ развилась у него эта идея, здѣсь мы разсуждать не станемъ, но намъ только необходимо замѣтить, что онъ не сливалъ ее съ своею собственною личностью, какъ напр. сливалъ Іоаннъ Грозный идею царизма, а представлялъ совершенно отвлеченно, подчиняя ей и свою власть, и свою силу, и всѣ свои даже

личные или семейные интересы. Этимъ строгимъ единствомъ и объясняется прочность и долговѣчность всѣхъ его дѣяній, не смотря на массу враговъ, которые старались подкапывать ихъ, считая не по совѣсти подчинить свои убѣжденія чуждой имъ идеѣ: даже убѣжденія религіозныя должны были признать надъ собою власть той же самой всесильной идеи царя. Нѣтъ сомнѣнія, что во всемъ этомъ была крайняя односторонность, которой принесено много жертвъ, но зато быстро выросло государственное могущество Россіи, хотя и на счетъ другихъ сторонъ жизни. Рядомъ съ этою силою не могла стать никакая другая сила: ею соединялись всѣ сословія въ одно крѣпкое цѣлое, несмотря на ихъ чрезмѣрное неравенство; только она давала значеніе каждой личности въ отдѣльности; все, что ни учреждалось, все, что ни заводилось, все это въ интересахъ одной и той же идеи. Понятно, что умы новаго поколѣнія, воспитанные преимущественно въ новыхъ школахъ, подъ такимъ впечатлѣніемъ принимали ту же идею въ основаніе своей дѣятельности, или лучше сказать, настраивались на ту же дѣятельность. Понятно, что эта идея перешла и въ зачинавшуюся новую литературу. Какъ ни рѣзко выставляется въ сочиненіяхъ Ломоносова служеніе наукѣ, какъ ни сильны его старанія ввести въ сознаніе русскихъ людей пользу и необходимость науки для жизни, но все это сводится къ одному и тому же: все для государства, которому должна быть посвящена жизнь каждаго, все для его силы и славы. Хотя эта идея и представлялась ему отвлеченно, но онъ старался олицетворить ее въ одномъ—въ царствующемъ лицѣ, которое и возносилъ до обожанія. Онъ горячо боролся, повидимому, за науку, но въ то же время и противъ ущерба, какой приносили государству лѣнивые и своекорыстные иноземцы, призванные усиливать его распространеніемъ наукъ въ Россіи. Патріотизмъ его сводился къ той же идеѣ; это былъ патріотизмъ государственный; онъ заботился только о внѣшней славѣ Россіи передъ другими государствами, о томъ, чтобъ Россія могла передъ другими похвалиться своею силою, богатствомъ, блескомъ и иными качествами. Даже въ разработкѣ литературнаго языка, въ наукѣ, повидимому, далекой отъ политической жизни, и тутъ онъ одушевляется тѣмъ же государственнымъ патріотизмомъ: языкъ, хорошо выработанный, по его мнѣнію, нуженъ для того, чтобы увѣковѣчить въ образцовыхъ сочиненіяхъ могущество и славу Россіи, какъ греки и римляне увѣковѣчили себя своими прекрасными произведеніями въ отдаленныхъ вѣкахъ. Ломоносовъ въ своей разнообразной литературной дѣятельности является и публицистомъ, но не для публики, а только для государственной сферы. Онъ пишетъ довольно соображеній и проектовъ по вопросамъ той жизни, которую мы теперь называемъ общественною, но назначаетъ ихъ для чтенія однихъ правительственныхъ лицъ, которыя должны были заботиться о государственныхъ интересахъ по своему уразумѣнію; съ государственной точки зрѣнія онъ и старается разрѣшить

всѣ эти вопросы и не считаетъ себя вправѣ напечатать свои труды для общаго свѣдѣнія: въ его время не было общества, что нибудь дѣлающаго для себя по собственному почину; дѣлало только государство; ему, или лучше лицамъ, которыя управляли разными частями его, и нужны были указанія и совѣты. И не одинъ Ломоносовъ оставилъ свои произведенія въ этой рукописной государственной литературѣ, съ которою мы еще мало знакомы.

Сумароковъ имѣлъ наибольшее значеніе въ публикѣ своими трагедіями и всегда слышалъ отъ нея одобреніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представлялась мораль; она же вытекала изъ той общей мысли, что долгъ каждаго приносить свои личные интересы въ жертву обществу. Но подъ именемъ общества мы должны здѣсь разумѣть также государство, потому что трагическіе герои Сумарокова представляли отношенія государственныя въ связи съ своими страстями.

Мы указываемъ только на ту идеализацію, которая съ сочувствіемъ принималась въ тогдашней литературѣ немногочисленнымъ кругомъ людей, воспитанныхъ подъ впечатлѣніемъ новыхъ стремленій, связанныхъ съ формами европейской жизни. Но огромная масса, незнавшая никакой литературы, сознательно не могла принимать этихъ стремленій и подчинялась имъ только государственною силою. Подчиненіе было вдвойнѣ ей тяжко: во-первыхъ, потому, что она не поняла всѣхъ требованій, во-вторыхъ, чиновничій классъ, который долженъ былъ служить исключительно интересамъ государственнымъ, былъ также невѣжественъ и также мало понималъ сущность государственныхъ требованій; онъ имѣлъ въ виду въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе личныя выгоды, благодаря которымъ вездѣ господствовало злоупотребленіе власти. Все это понимали наиболѣе образованные люди и старались ввести въ общее сознаніе идею государственности, изъ которой должно было выходить и опредѣленіе д о л г а человѣка и гражданина. Наши писатели и второго поколѣнія выступали также съ идеализаціей этого долга и иногда доводили ее до крайности, что особенно выразилось въ первой трагедіи Княжнина „Дидона", написанной въ 1769 году, по образцу французской трагедіи Лефранка Помпиньяна и отчасти итальянской драмы Метастазіо. Здѣсь Эней, троянскій герой, послѣ сильной борьбы съ собою, приноситъ, наконецъ, свою страсть къ Дидонѣ и свое счастіе въ жертву отвлеченной идеѣ государства, котораго еще и не было въ дѣйствительности: было только назначеніе судьбы и велѣніе Зевеса основать въ Италіи новое государство, чтобы возстановить племя троянцевъ. Эней почелъ своимъ д о л г о м ъ остаться вѣрнымъ этому будущему государству, хотя то и стоило жизни женщины, которую онъ страстно любилъ. Вотъ въ чемъ заключается главный интересъ трагедіи, но ея драматическое развитіе не выдерживаетъ критики; страсти Энея, Дидоны и Ярба, претендента на ея руку, выражаются въ крайне-искусственной реторичности и порой доходятъ до комизма; а между тѣмъ, она почти

сорокъ лѣтъ держалась на русской сценѣ. Императрица Екатерина съ большой похвалой отнеслась къ автору, который и отвѣчалъ ей восторженнымъ посланіемъ. Новиковъ, въ своемъ „Словарѣ россійскихъ писателей“ (1772 г.), прежде чѣмъ она была напечатана, замѣтилъ, что она весьма много похваляется знающими людьми и почитается въ числѣ лучшихъ въ россійскомъ театрѣ; черезъ пятнадцать лѣтъ (1787 г.) въ „Драматическомъ сборникѣ“ говорится, что трагедія написана „отмѣнно съ удачею“ и что много разъ съ похвалою представлена на петербургскомъ театрѣ; а въ 1804 г. къ портрету уже давно умершаго Княжнина отнесены слѣдующіе стихи:

> Покорны нѣжности чувствительны сердца
> Вѣнчайте похвалой Дидонина творца.

Что же могло способствовать долговѣчности этой трагедіи, если не интересъ борьбы за идею и, конечно, при этомъ искусная игра актеровъ, которые дѣйствовали на „чувствительныя сердца“. Въ ту пору, когда писалась трагедія, императрицѣ Екатеринѣ самой представлялась борьба за идею государственности, ту идею, какая выразилась въ ея „Наказѣ комиссіи“. Здѣсь она приведена въ связь, съ одной стороны, съ просвѣщенными идеями половины XVIII столѣтія, съ другой — съ „умоначертаніемъ“ народа. Выше всего поставлена власть законовъ, передъ которыми должно быть общее равенство; отсюда является признаніе вольности за каждымъ гражданиномъ; отсюда же исключается и власть произвола, силы, богатства. „Равенство требуетъ хорошаго установленія, которое бы воспрещало богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только какъ правительствующимъ особамъ государства“. Наказъ выяснялъ идею государственности согласно съ выводами лучшихъ европейскихъ умовъ и ставилъ подвластныхъ въ болѣе правильныя отношенія къ властямъ и между собою. Понятно, что этой идеѣ противорѣчили многіе установленія, порядки, взгляды, обычаи и привычки, выработавшіеся въ русской жизни, на что нельзя было не указать въ Наказѣ. Безъ значительныхъ уступокъ съ этой стороны, нельзя было и думать о торжествѣ самой идеи въ жизни. Такъ, она ни подъ какимъ видомъ не допускала рабства, а между тѣмъ, весь экономическій бытъ русскаго народа былъ основанъ на рабствѣ. Прежде чѣмъ Наказъ былъ переданъ въ руки депутатовъ, авторъ его долженъ былъ сдѣлать значительныя въ немъ сокращенія, конечно, сообразно съ тѣми возраженіями, какія ему пришлось выслушивать отъ людей довѣренныхъ, которыми Наказъ читался. Но и это сокращеніе не уцѣлѣло въ настоящемъ видѣ въ рукахъ „разныхъ персонъ“ изъ депутатовъ, на критику которыхъ предварительно былъ отданъ Наказъ по волѣ императрицы. И послѣ всего этого онъ явился уже въ печати, какъ основаніе для составленія „Новаго уложенія“. Теперь нужно было

узнать „умоначертаніе“ народа, чтобы съ нимъ согласовать законы, которые и должны были провести въ жизнь эту отвлеченную идею государственности. Что же услышала императрица и всѣ тѣ, которые раздѣляли ея взгляды? Отъ большинства дворянства, купечества и духовенства, по словамъ Соловьева, послышался дружный и страшно-печальный крикъ: „рабовъ!“ Въ каждомъ оказалось только сознаніе своихъ сословныхъ, а съ ними и личныхъ интересовъ; до той идеи государственности, какая проходила черезъ весь Наказъ, никто не могъ возвыситься. Старое или родовое дворянство требовало себѣ исключительнаго права на рабовъ; новое или чиновное дворянство отстаивало свое право на пріобрѣтеніе рабовъ; о томъ же кричали фабриканты и заводчики; наконецъ, купечество и даже духовенство требовали себѣ тѣхъ же правъ: рабовъ и рабовъ! И всѣ эти милліоны народа, съ „умоначертаніемъ“ котораго предполагалось согласовать законы новаго государства, требовались въ жертву интересамъ другихъ сословій, названныхъ свободными. И всѣ эти сословія объявили себя несостоятельными передъ государствомъ, если они не будутъ рабовладѣльцами. Что же оставалось дѣлать? Стоять ли за идею, или сословные интересы нѣкоторыхъ принять за умоначертаніе всего народа и сдѣлать какую либо сдѣлку? Въ первомъ случаѣ нужно было быть Петромъ Великимъ и подчинить себя и всѣхъ одной идеѣ, не взирая ни на какія препятствія. На такую борьбу, конечно, императрица не могла рѣшиться,—борьбу, которая могла угрожать и личнымъ ея интересамъ. Ей, слѣдовательно, пришлось раздвоиться: свои убѣжденія сохранять въ теоріи, а въ практикѣ держаться порядковъ, которые противорѣчили этой теоріи [1]), не смотря даже на грозный отвѣтъ, какъ бы посланный раболюбивой комиссіи со стороны пугачевцевъ и разныхъ заводскихъ крестьянъ, задыхавшихся отъ рабства.

Комиссія не кончила своихъ работъ: она была распущена подъ предлогомъ начавшейся турецкой войны, на которую должны были отправиться депутаты изъ военныхъ. Война отвлекла общее вниманіе отъ законодательныхъ вопросовъ; раздвоенность слова и дѣла могла ясно высказаться только впослѣдствіи; наиболѣе образованные люди остались подъ впечатлѣніемъ идей Наказа и были увѣрены въ своемъ единомысліи съ императрицею, ожидая, что наконецъ слово перейдетъ въ дѣло. Можетъ быть, и сама императрица сначала думала, что съ распространеніемъ ея взглядовъ масса мало по малу подготовится къ перевороту. Но тѣмъ не менѣе она нашла необходимымъ ограничить извѣстнымъ кругомъ распространеніе Наказа.

[1]) Въ этомъ, между прочимъ, заключалась и политическая теорія Екатерины: „Снисходительность, примирительный духъ властителя, — говорила она, — сдѣлаютъ болѣе, чѣмъ милліоны законовъ, а политическая свобода даетъ душу всему. Часто лучше вдохновлять къ преобразованіямъ, чѣмъ приказывать о нихъ“.

Такъ какъ онъ развивалъ идеи въ пользу низшаго класса, составляющаго огромное большинство въ государствѣ, то сдѣлалось уже опасно распространеніе ихъ прежде, чѣмъ онѣ войдутъ въ убѣжденіе того меньшинства, которое еще горячо стояло за свои крѣпостническія права. И вотъ, на второй мѣсяцъ засѣданій комиссіи (въ сентябрѣ 1767 г.), когда обнаружилось рѣзкое противорѣчіе дѣйствительности съ идеальнымъ государствомъ, Наказъ не былъ допущенъ въ низшія учрежденія, какъ напр. въ губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи. По сенатскому указу, только присутствующіе въ высшихъ учрежденіяхъ (коллегіяхъ, департаментахъ) должны были читать Наказъ въ свободное отъ текущихъ дѣлъ время, т. е. по субботамъ, но при чтеніи могли находиться, кромѣ нихъ, только секретари и протоколисты. При этомъ было высказано требованіе, чтобы Наказъ не попадалъ въ руки низшихъ канцелярскихъ служителей или постороннихъ лицъ не только для списыванія, но даже для прочтенія. „Такимъ образомъ,—говоритъ историкъ Соловьевъ,—Наказъ былъ доступенъ только старшимъ и составлялъ запрещеную книгу для младшихъ; о немъ сдѣлано постановленіе подобное тому, какое сдѣлано въ латинской церкви относительно св. писанія. Найдено, что сочиненіе самодержавной государыни и прошедшее чрезъ строгую цензуру подданныхъ, все еще содержитъ въ себѣ аксіомы, способныя разрушить стѣны, по выраженію Никиты Ив. Панина“ [1]).

Ограниченныя въ офиціальной сферѣ, идеи Наказа сдѣлались полнымъ достояніемъ русской литературы, какъ выраженіе высшихъ интересовъ общей жизни. Онѣ стали идеализироваться у новыхъ писателей; за нихъ восхвалялась императрица во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ; отъ нихъ ожидалось дѣло, но тутъ-то и вышелъ, наконецъ, разладъ, жертвами котораго уже въ концѣ царствованія сдѣлались нѣсколько литературныхъ личностей. Но сначала Екатерина показала сочувствіе стремленіямъ новыхъ писателей и даже съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ отнеслась къ замѣчаніямъ старика Сумарокова, некстати оказавшагося консерваторомъ. Эней Княжнина, уступившій велѣніямъ судьбы основать новое государство, долженъ былъ понравиться императрицѣ, мечтавшей также о созданіи новаго государства. Не меньшее сочувствіе нашла въ императрицѣ и ѣдкая комедія того же автора „Несчастіе отъ кареты“, написанная черезъ десять лѣтъ послѣ „Дидоны“, какъ бы въ отзывъ на голоса, раздавшіяся въ комиссіи: рабовъ, рабовъ! Авторъ показалъ, съ одной стороны, до какой нравственной нестойкости могли доходить эти родовые дворяне, которые во имя иноземнаго просвѣщенія отрекались отъ своей національности и отъ всякой нравственной связи съ народомъ, и, съ другой стороны, какъ жалка можетъ быть участь этихъ

---

[1]) Исторія Соловьева, т. XXVII, стр. 145.

несчастныхъ рабовъ, которымъ судили оставаться въ рукахъ такихъ господъ—главной опоры государства, какъ возглашалось въ комиссіи. Въ этой комедіи Княжнинъ даже не воспользовался никакими заимствованіями, и хотя не обнаружилъ большаго творчества, хотя впалъ въ нѣкоторую карикатурность, какая вообще допускалась въ комедіи тогдашняго времени, но тѣмъ не менѣе онъ вѣрно представилъ отношенія французолюбивыхъ баръ къ ихъ крестьянамъ. Еще прежде него, въ 1765 году, упомянутый нами Лукинъ напечаталъ такое замѣчаніе: „Есть у насъ довольно такихъ помѣщиковъ, которые отъ чрезмѣрнаго изобилія о крестьянахъ инако и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Сіи надменные люди, живучи въ роскоши, нерѣдко добросердечныхъ поселянъ, для пробавленія жизни нашей трудящихся, безъ всякой жалости раззоряютъ. Иногда же и то увидишь, что съ ихъ раззолоченныхъ каретъ, шестью лошадьми безъ нужды запряженныхъ, течетъ кровь невинныхъ земледѣльцевъ".

Вотъ этотъ-то фактъ и взятъ Княжнинымъ въ основаніе комедіи. Ея искусственная сторона заключается въ нѣжной сентиментальной или пасторальной любви Лукьяна и Анюты, крестьянъ господъ Фирюлиныхъ. Ихъ мечты о свадьбѣ уничтожаетъ спѣсивый прикащикъ. Онъ приказываетъ схватить и сковать Лукьяна и свой поступокъ объясняетъ слѣдующимъ барскимъ указомъ, который тутъ же и читается передъ мужиками.

„О ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили, изъ особенной моей къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по-французски, жалую тебя Клеманомъ... (Прикащикъ при этомъ словѣ смотритъ на всѣхъ, мужики кланяются).

Мужики. Дай Богъ счастья въ новомъ чинѣ.

Прикащикъ (продолжаетъ читать). „И впредь повелѣваю всѣмъ не оф...ан...си...ро...вать..." Не офансировать—это, кажется, не чинъ, однако я не разумѣю... „Не офансировать тебя словомъ Клементія, а называть Клеманомъ (спѣсиво смотритъ на всѣхъ)..." называть Клеманомъ! слышите ли?

Мужики. Слышали-ста; слава Богу, мы всѣ рады!

Прикащикъ (читаетъ). „Между тѣмъ знай, что мнѣ прекрайняя нужда въ деньгахъ. Къ празднику надобна мнѣ необходимо новая карета. Хотя у меня и много ихъ, но эта вывезена изъ Парижа. Вообрази себѣ, господинъ Клеманъ, какое безчестіе не только мнѣ, да и вамъ всѣмъ, что вашъ баринъ не будетъ ѣздить въ прекрасной каретѣ, а барыня ваша не купитъ себѣ тѣхъ прекрасныхъ головныхъ уборовъ, которые также прямо изъ Парижа привезены. Отъ такого стыда честный человѣкъ долженъ удавиться. Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился; это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня, найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь по моей синьёрской милости платье французскаго бальи; и такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало ли есть способовъ достать денегъ. Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты. И такъ нахватай ихъ и продай..."

На бѣду Лукьянъ былъ рослый малый, а прикащикъ самъ былъ неравнодушенъ къ Анютѣ. Этого было достаточно, чтобы къ Лукьяну къ первому примѣнить совѣтъ барина. Прикащикъ назначаетъ его въ продажу и исторгаетъ изъ его устъ слѣдующее горькое восклицаніе: „Боже мой, какъ мы несчастливы, намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли“.

Въ этихъ словахъ слышится протестъ маленькаго кружка просвѣщенныхъ русскихъ людей того времени противъ укоренившагося крѣпостничества.

Передъ смущенною толпою крестьянъ неожиданно является шутъ Фирюлиныхъ и объявляетъ мужикамъ, что въ деревню ѣдутъ сами господа для охоты. Узнавъ о бѣдѣ Лукьяна, за разные подарки шутъ берется помогать любовникамъ. Но сначала дѣло не клеится. Прикащикъ пересиливаетъ всѣхъ: баринъ соглашается выдать за него Анюту. Вдругъ шутъ узнаетъ слѣдующее важное обстоятельство: Лукьянъ и Анюта, живя во дворѣ своихъ прежнихъ господъ, выучили нѣсколько французскихъ словъ. Тогда шутъ объявляетъ заранѣе, что дѣло ихъ выиграно. Въ слѣдующей сценѣ авторъ ѣдко осмѣиваетъ современное ему французжество:

Фирюлинъ. Варварскій народъ! дикая сторона! какое невѣжество! какіе грубыя имена! какъ ими деликатесъ моего слуха повреждается! Видно, что мнѣ самому приняться за экономію и перемѣнить всѣ названія, которыя портятъ уши. Это первое мое дѣло будетъ.

Фирюлина. Я удивляюсь, душа моя, наша деревня такъ близко отъ столицы, а никто здѣсь по-французски не умѣетъ; а во Франціи отъ столицы верстъ за сто, всѣ по-французски говорятъ.

Шутъ. Есть чему дивиться! Вы, я думаю, съ мужемъ скоро и тому станете удивляться, что собаки лаютъ, а не говорятъ.

Фирюлинъ. Ха ха ха! какъ это хорошо сказано. По чести, здѣсь говорятъ какъ лаютъ, какіе врали, не правда ли?

Шутъ. То такъ, когда посмотришь на васъ.

Фирюлинъ. Когда посмотришь на насъ, великую разницу увидишь, не правда ли? А и мы еще, и мы, ахъ! ничего передъ французами...

Шутъ. Стоило ѣздить за тѣмъ, чтобъ вывезти одно презрѣнье не только къ землякамъ, да и къ самимъ себѣ.

Фирюлинъ. Довольно бы, правду сказать, было и этого; но мы съ женою вывезли еще много диковинокъ для просвѣщенія грубаго народа: красные каблуки я, а она чепчики...

Фирюлина. Которые почти всѣ разошлися, и теперь необходимо самой покупать, а денегъ...

Фирюлинъ. Клеманъ, дорогой Клеманъ, намъ поможетъ.

Прикащикъ. Извольте быть надежны, деньги будутъ.

Шутъ. Вывезли много вы диковинокъ, а жалости къ слугамъ своимъ ничего не привезли; знать, тамъ этого нѣтъ.

Фирюлинъ. Жалости къ русскимъ? ты рехнулся, буфонъ! Жалость моя

вся осталась во Франціи, и теперь отъ слезъ не могу воздержаться, вспомнивъ... о Parіs...

Шутъ. Это хорошо! Плакать о томъ, что вы не тамъ, а слугъ своихъ безъ жалости мучить, и за что? чтобъ французскую карету купить.

Фирюлинъ. Перестань, и не говори объ этомъ! Намъ, несчастнымъ, возвратившимся изъ Франціи въ эту дикую страну, одно только утѣшеніе и осталось, что на русскую дрянь, сдѣлавъ честный оборотъ, можно дѣлать что нибудь порядочное, да и того удовольствія хотятъ насъ лишить.

Шутъ. Теперь живите, какъ хотите. Я вамъ сказываю, что отъ васъ уйду. И можно ли при васъ жить? Того и бойся, что промѣняютъ на красный французскій каблукъ.

Фирюлинъ. Нѣтъ, нѣтъ, тебя я не отдамъ.

Шутъ. Да развѣ хуже меня продаете? (указывая на Лукьяна).. Посмотрите, какого молодца, который еще по французски знаетъ...

Фирюлинъ. И по французски? mon Dieu, что я слышу!

Фирюлина. Ахъ, mon coeur, онъ по французски знаетъ, а скованъ [1]). это никакъ нейдетъ.

Фирюлинъ. Это ужасно, horrible! Снимите съ него цѣпи. Mon ami! я предъ тобою виноватъ... а это что за дѣвочка? она не дурна!..

Лукьянъ. Ахъ сударь, это та, которую я люблю больше себя, которая меня любитъ и которую вы отдаете за прикащика.

Фирюлинъ. Parbleu! я этому бъ не повѣрилъ, чтобы и русскіе люди могли такъ нѣжно любить. Я внѣ себя отъ удивленія. Да не во Франціи ль я? Что онъ чувствуетъ любовь, тому не такъ дивлюсь... онъ говоритъ по французски. А ты, дѣвчоночка, а ты?..

Шутъ. И она разумѣетъ...

Фирюлинъ. И она? теперь меньше дивлюсь!..

Лукьянъ (на колѣняхъ). Monseigneur! сжальтесь надъ нами.

Анюта. Madame! вступитесь за насъ.

Фирюлинъ. Monseigneur, Madame!.. встаньте! вы меня этими словами въ такую жалость привели, что отъ слезъ удержаться не могу...

Шутъ. Оставленную жалость во Франціи вытащили оттуда два французскія слова. Видите ли вы, какого сокровища лишалъ васъ плутъ прикащикъ?..

Фирюлина. Mon cher! соединимъ ихъ; они достойны другъ друга и достойны жить при насъ.

Прикащикъ. Развѣ вы изволили отдумать карету покупать.

Фирюлинъ. Нѣтъ! но у меня есть много людей и безъ него, а мнѣ такой лакей надобенъ, который бы зналъ по французски, чтобъ ѣздить за мной. Соглашаешься ли ты никогда не говорить по русски?

Лукьянъ. Я вамъ клянусь, что это мое послѣднее русское слово...

Авторъ влагаетъ въ уста шута много справедливыхъ мыслей и упрековъ, за которые бы дорого поплатился шутъ того времени; отъ шута требовалось, чтобъ онъ вралъ и занималъ своихъ господъ, а никакъ не позволялось произносить суровыхъ истинъ. Шутъ Княжнина—лицо искуственное; оно иногда замѣняетъ собою роль благоразумныхъ людей, въ уста которыхъ наши комики влагали свои собственныя мнѣнія и сужденія.

Комедія оканчивается, какъ и всѣ тогдашніе комедія, свадьбой, конечно, къ удовольствію „чувствительныхъ сердецъ". Нельзя не вспомнить добрымъ словомъ попытку автора вступиться за человѣческое

[1]) На рекрутовъ обыкновенно надѣвали оковы, чтобы они не убѣжали.

достоинство, униженное крѣпостнымъ правомъ, въ томъ обществѣ, гдѣ понятіе о человѣческомъ достоинствѣ не входило въ кругъ нравственныхъ идей. Такими произведеніями поддерживается достоинство самой литературы, обязанной вносить свѣтъ въ жизнь общества, загрубѣлаго въ своихъ понятіяхъ. Пусть даже эта попытка была безплодною, такъ какъ къ комедіи не могло отнестись сочувственно большинство не многочисленной публики придворнаго театра; на которомъ она сначала игралась довольно часто, по желанію императрицы; но въ глазахъ историка она представляетъ важный фактъ, какъ первое выраженіе тѣхъ понятій, которыя впослѣдствіи должны были лечь въ основу истиннаго образованія и внести новые отношенія между сословіями. Кстати пришлась комедія послѣ требованій большинства депутатовъ въ комиссіи, и за тѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ была уже не кстати, когда императрица отказалась отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ идей, выраженныхъ въ Наказѣ: ее перестали играть и скоро совсѣмъ забыли; въ печати же она появилась въ собраніи сочиненій Княжнина, въ 1787 году. Нельзя не замѣтить, что въ другихъ своихъ произведеніяхъ Княжнинъ уже больше не касался той же темы, какою вызвана комедія „Несчастіе отъ кареты".

Къ числу первыхъ трагедій Княжнина, написанныхъ до тридцатилѣтняго возраста, относится также трагедія „Владиміръ и Ярополкъ". Она основана на лѣтописномъ сказаніи о соперничествѣ двухъ братьевъ-князей Ярополка и Владиміра въ любви къ полоцкой княжнѣ Рогнѣдѣ и построена по образцу Расиновой Андромахи: вмѣсто Герміоны подставлена Рогнѣда, вмѣсто Андромахи—гречанка Клеомена, вмѣсто Ореста—Владиміръ. Авторъ здѣсь перемѣшалъ всѣ монологи своего подлинника, вставилъ между ними многіе свои собсвенные, ввелъ нѣкоторыя новыя сцены, хотя все это не могло сдѣлать его ни оригинальнымъ, ни приблизить къ Расину. Но, какъ мы уже сказали, для насъ важна не художественная сторона произведеній нашего писателя, сторона, которую мы и не будемъ подвергать критикѣ. Идея трагедіи та же отвлеченная идея государственности, которая налагаетъ и на князя извѣстныя обязанности и терзаетъ его совѣсть, если страсти его не подчинятся ей. Вотъ какъ терзается князь Владиміръ за то, что поддался любви къ Рогнѣдѣ и забылъ свои государственныя обязанности:

Все мои вины вѣщаетъ.
Стыжусь воззрѣть на свѣтъ и сихъ стыжуся стѣнъ,
Средь лавровъ отческихъ, гдѣ былъ я возращенъ,
Гдѣ добродѣтели великой зрѣлъ примѣры;
А я... о рокъ! моимъ злодѣйствіямъ нѣтъ мѣры!
О бѣдоносна страсть!.. о пагубна любовь!
Вокругъ меня моихъ гражданъ дымится кровь!
Остатки зданія разрушена курятся!
Опустошеніе и смерть повсюду зрятся!
Безславны толь слѣды загладить чѣмъ могу?

Ко брату миръ несу, какъ лютому врагу.
Свадель [1]), зри съ ужасомъ ты сына Святослава,
Увидь чудовище, низринувше всѣ права!
Нелицемѣрный другъ героя и отца,
Какъ долженъ презирать ты россскихъ бѣдъ творца'..
. . . . . . Какъ врага отечества жалѣть,
Который самъ себя не долженъ бы терпѣть,
Который громъ небесъ злодѣйствомъ привлекаетъ,
Котораго сей громъ на то не истребляетъ,
Что не достоинъ онъ быть небомъ пораженъ,
А только челюстью лишь ада поглощенъ!..
На мѣсто чтобъ мои страданья укрощать,
Ты горести мои старайся умножать,
Къ усугубленію полезнаго мученья,
Коль можешь, увеличь мнѣ совѣсти грызенья.
Убійца яростный Рогнѣдина отца,
Рушитель града ихъ и хищникъ ихъ вѣнца,
Врагъ брату моему, Россіи возмутитель
И смертныхъ и боговъ кровавый оскорбитель,
Вселенной ужасъ, страхъ и извергъ естества,
Кому лишь фуріи едины божества...
Когда-бъ не совѣсти терпѣлъ я казни строги,
Забылъ бы, можетъ быть, что мстители есть боги!

Эта трагедія также была поставлена на придворную сцену, но, какъ говоритъ преданіе, оставлена безъ вниманія за многія театральныя неисправности. Мы можемъ только догадываться, что эти неисправности заключались въ лицѣ князя Владиміра, котораго по понятіямъ вѣка не удобно было выводить на театральную сцену, особенно въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ авторомъ [2]). Къ этому, можетъ быть, присоединялись и кое-какіе монологи, которые могли показаться не совсѣмъ умѣстными, какъ напримѣръ:

Къ чему Россія ты теперь приведена
Волненіемъ страстей твоихъ князей строптивыхъ!
Твоя зависитъ часть отъ взоровъ женъ кичливыхъ,
Страна героевъ днесь игралище любви,
Вѣрнѣйшихъ чадъ твоихъ ты плаваешь въ крови!

III.

„Дидона" сблизила Княжнина съ прославленнымъ Сумароковымъ, а еще болѣе съ младшей его дочерью Екатериной Александровной.

---

[1]) Свадель—вельможа Ярополка.

[2]) Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, Екатерина, льстя народной набожности и духовенству, объявила, что она не желаетъ видѣть на придворномъ театрѣ (въ домѣ русской благочестивой императрицы) представленія языческихъ сценъ. „Я—писала она, когда сюжеты вообще суть того вѣка, когда идоламъ приносили жертвы, страдаю всегда, видя то на театрѣ, хотя иногда для костюма того избѣгнуть не можно". (Сборникъ рус. истор. общ. VII).

На ней онъ женился и, увлекаясь примѣромъ другихъ, сталъ жить въ Петербургѣ открытымъ домомъ. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, пиры и вечера у Княжниныхъ отличались веселостью, а самъ хозяинъ былъ душею общества. Эпикуреизмъ въ то время преобладалъ въ жизни столичнаго общества, и онъ-то въ поэзіи вызывалъ похвалу умѣренности, можетъ быть, въ подражаніе Горацію. Державинъ, посылая И. И. Шувалову стихотворное приглашеніе на роскошный обѣдъ, заключаетъ словами: умѣренность есть лучшій пиръ. Княжнинъ, соединяя идею счастія съ мірскими утѣхами и забавами, развивалъ такую философію:

> Совѣтовалъ я вамъ
> Утѣхъ не опасаться,
> Но столько наслаждаться,
> Колико должно намъ.
> Все счастье составляетъ
> Умѣренность одна:
> Кто черезъ край хватаетъ
> И кто все пьетъ до дна,
> Одинъ лишь тотъ страдаетъ,
> Одинъ порочень тотъ.
> Вкушать блаженства плодъ,
> Не притупляя чувства,
> Знай мѣру, вотъ искуство.
> Мы счастьемъ всѣ равны;
> И низкіе, и славны,
> Богатый и бѣднякъ,
> Ученый и простякъ
> Имѣютъ счастья долю.
> Иль мыслите вы такъ,
> Что Богъ святую волю
> Тогда перемѣнилъ,
> Какъ случай наградилъ
> Кого богатствомъ, знатью,
> Что къ лентѣ прилѣпилъ
> Онъ милость съ благодатью?

Во времена значительно позднѣйшія, эти послѣдніе стихи уже считались слишкомъ либеральными и не могли проходить въ печать. Для насъ интересно здѣсь то, что въ то время, когда всѣ пировали на счетъ своихъ крестьянъ, наслѣдственныхъ, купленныхъ и пожалованныхъ, проводилась идея о правѣ каждаго на долю счастья, правѣ, согласномъ съ Божеской святой волей. Но самъ Княжнинъ не долго могъ искать счастья въ веселой жизни. Въ началѣ 1773 года съ нимъ случилось несчастіе. Онъ растратилъ казенныхъ денегъ 5773 руб. и не имѣлъ возможности заплатить ихъ. Его отдали подъ судъ. Военная коллегія не была къ нему снисходительна и присудила его въ солдаты. Но скоро императрица сжалилась надъ нимъ, приказала его имѣніе, въ Псковской губерніи, Пусторжевскомъ уѣздѣ, въ числѣ 296 душъ мужскаго пола отдать въ управленіе его матери

и казеннаго долга съ него не взыскивать, а черезъ нѣсколько времени князь Потемкинъ объявилъ военной коллегіи, что императрица прощаетъ бывшаго капитана Якова Княжнина въ содѣянномъ имъ преступленіи и приказываетъ возвратить ему прежній чинъ [1]). Но въ службѣ Княжнинъ уже не могъ оставаться. Онъ вышелъ въ отставку и удалился изъ столицы. По словамъ одного изъ его біографовъ, эти непріятныя обстоятельства растерзали его чувствительную душу. На это намекаетъ и самъ Княжнинъ въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой:

Однѣ заслуги чтя моя не подла Муза,
Бѣжа порочнаго со лестію союза
Въ терпѣніи своемъ несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда.

Вотъ что заставило писателя уже извѣстнаго провести нѣсколько лѣтъ въ уединеніи и во все время только разъ напомнить о себѣ переводомъ Вольтеровой Генріады. Выборъ произведенія, развивающаго идею вѣротерпимости, говоритъ опять въ пользу переводчика, хотя трудъ и оказался ему несовсѣмъ по силамъ: бѣлые незвучные русскіе стихи никакъ не могли идти въ сравненіе со звучнымъ стихомъ Вольтера.

Неизвѣстно, какъ провелъ Княжнинъ самые лучшіе годы для дѣятельности. По тѣмъ біографическимъ даннымъ, какія у насъ есть, мы только знаемъ, что въ 1779 году, когда ему было уже подъ сорокъ лѣтъ, онъ снова является въ службѣ секретаремъ у Бецкаго, который могъ знать о немъ еще прежде, когда Княжнинъ служилъ въ канцеляріи императорскихъ строеній, домовъ и садовъ: въ ней главнымъ директоромъ былъ Бецкій. Этотъ вельможа екатерининскихъ временъ можетъ назваться по преимуществу филантропомъ: подъ его вѣдѣніемъ состояли почти всѣ воспитательныя и благотворительныя заведенія, которыми онъ занимался не какъ чиновникъ, но какъ отецъ и благодѣтель, отдавая имъ всю свою душу. Въ Княжнинѣ онъ нашелъ себѣ достойнаго помощника.

Развивая идею новаго государства, основаннаго на общей свободѣ, или, какъ тогда говорили, вольности и на общемъ равенствѣ передъ закономъ, императрица Екатерина хотѣла создать особенное сословіе, значеніе котораго заключалось бы въ образованіи и въ свободномъ трудѣ. Сферою его дѣятельности не должна быть сфера государственной службы, какъ у сословія дворянскаго, но оно должно приносить пользу государству наукою, искусствомъ, обученіемъ, честною торговлею, изобрѣтательностью, оставаясь совершенно свободнымъ въ своей жизни и отвѣтственнымъ только передъ законами. Эта дѣятельность должна была вести къ пріобрѣтенію не чиновъ и дворянства, а богатства и того почтенія и уваженія, какого заслу-

---

[1]) „Рус. Арх.“ 1873 г., № 9.

живаютъ честный умъ, трудъ и образованіе. Екатерина понимала, какая сила заключается во всемъ этомъ, понимала, что эта сила наконецъ должна подавить наклонность къ рабству, выказанную существовавшими сословіями. Въ образецъ она взяла то сословіе, какое во Франціи было извѣстно подъ именемъ tiers états, и назвала его третьимъ сословіемъ, хотя у насъ уже существовало по крайней мѣрѣ четыре сословія — дворянство, духовенство, городское сословіе (купцы и мѣщане) и крестьянство (вольные и крѣпостные) [1]. Она была увѣрена въ возможности создать такое сословіе и возложила это дѣло на Бецкаго. Онъ въ свою очередь увлекался тою же идеею и обратилъ особенное вниманіе на тѣ подвѣдомственныя ему заведенія, изъ которыхъ должны были выходить люди третьяго сословія — академію художествъ, коммерческія училища, воспитательные дома. Княжнинъ также вѣрилъ въ практичность этой идеи и сдѣлался ревностнымъ сотрудникомъ Бецкаго. Въ первый же годъ своей службы, онъ тщательно старается выяснить идею вольности, связанной съ воспитаніемъ и образованіемъ, какъ неотъемлемымъ качествамъ будущаго третьяго сословія, и высказывается въ публичномъ собраніи императорской академіи художествъ при выпускѣ ея питомцевъ-художниковъ. По его мысли, человѣкъ долженъ быть во все теченіе своей жизни достойнымъ сего священнаго имени. Къ этому его можетъ приготовить только воспитаніе; безъ него же человѣкъ, даже и обогащенный дарами природы, не умѣя править собою, часто падаетъ и не оставляетъ по себѣ ничего или весьма мало плодовъ, которые каждый гражданинъ обязанъ приносить въ жертву своему отечеству. И такъ, въ понятіяхъ Княжнина человѣкъ и гражданинъ отождествляются. Слѣдственно, чтобы быть истиннымъ гражданиномъ, нужно быть хорошо воспитаннымъ человѣкомъ. Но граждане могутъ быть только въ такомъ государствѣ, какое представлялось въ Наказѣ Екатерины. „Ея намѣренія", говоритъ Княжнинъ, „достойныя правителей земныхъ,—владычествовать не пресмыкающимися узниками, но свободными, но приносящими самоизвольно сердца свои въ даръ человѣколюбивому величію, сердца, для сея жертвы долженствующія быть очищены отъ грубонравія и могущія пособіемъ добродѣтели сносить счастіе вольности, которая безъ того была-бы необузданное своеволіе, разрушающее союзы общества". Слово „вольность" въ то время было такъ ново и юно, что не могло быть произнесено безъ объясненія. „Вольность", говоритъ Княжнинъ, „подобна тѣмъ крѣпкимъ питіямъ, которыя, съ умѣренностью употребляемыя, привыкшимъ къ тому сильнымъ и бодрымъ сложеніемъ тѣлъ, служатъ укрѣпленіемъ, а сла-

---

[1]) Въ коммиссіи депутатовъ гр. Ф. Орловъ предложилъ раздѣлить весь народъ на три класса: дворянство съ четырьмя степенями (князь, графъ, баронъ, дворянинъ), средній родъ или мѣщанство съ восмью степенями (бѣлое духовенство, ученые, художники, ремесленники, купцы, приказные, разночинцы, вольные), крестьянство съ двумя степенями (свободные и крѣпостные).

быхъ и непривычныхъ обуяютъ разумъ, приводятъ въ истощеніе и разрушаютъ; и такъ, чтобы вкусить свободу, сію небесную пищу, укрѣпляющую душу, надлежитъ, чтобы душа была достойна наслаждаться оною. Что-жъ удобнѣе возможетъ ее возвысить на сію чреду человѣчества? Безъ сомнѣнія, единое воспитаніе!“

И такъ, свобода и воспитаніе, по взгляду оратора, не раздѣлимы въ гражданинѣ. „А титло полезнаго гражданина“, замѣчаетъ онъ, „титло благородное, котораго ни рабъ, ниже дерзкій своеволецъ, никогда заслужить не можетъ, титло, принадлежащее только единымъ благовоспитаннымъ: нѣтъ нужды, на блистательной-ли, или мрачной степени онъ поставленъ своими талантами; довольно, если онъ полезенъ, исполняя то, что должность его званія ему повелѣваетъ...“

Такъ какъ дѣятельность третьяго сословія предполагалась внѣ той сферы, гдѣ пріобрѣтались чины и гдѣ свойственное человѣку честолюбіе могло выражаться только въ формѣ чинолюбія, то Княжнинъ указываетъ, что этому чувству или страсти есть также исходъ и въ новой средѣ людей: вмѣсто чиновъ, онъ указываетъ на славу, которая должна привлекать талантливыхъ тружениковъ. „Благонравіе“, говорилъ онъ, „съ великими талантами должно тѣсно сопряжено быть; и въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кому воспитаніемъ не дано благородныхъ и возвышенныхъ чувствованій, можетъ-ли любить славу? а не любящій славы къ чему способенъ? Славолюбіе, поддерживаемое добродѣтелью, есть та лѣствица, по которой человѣкъ, одаренный способностями, превышаетъ само человѣчество. Сія страсть великихъ и благородныхъ душъ, очищенная благонравіемъ, производила смертныхъ, коихъ имена, вписанныя въ храмѣ вѣчности, остались безсмертными; она даровала вселенной Апелесовъ и Праксителевъ въ древнія и новѣйшія имена; она оныхъ и Россіи даруетъ“. При этомъ Княжнинъ совѣтуетъ молодымъ художникамъ имѣть хоть искру того всеоживляющаго пламени, хоть часть благотворящей души Екатерины, которая, предпочитая всему быть матерью подданныхъ, печется воспитаніемъ „сотворять прямыхъ человѣковъ, дабы они, необремененные свободою, но паче укрѣпленные, разліялись по лицу Россіи, населяя грады, распространяя наиболѣе благонравіе—сіе украшеніе народовъ, споспѣшествовали-бы къ утвержденію благоденствія составленіемъ новой, прежде невиданной въ Россіи, степени гражданства“, т. е. третьяго сословія.

Наконецъ, желая счастія молодымъ людямъ на этомъ новомъ поприщѣ, Княжнинъ прибавляетъ: „Будьте счастливы, но такъ, чтобы отечество ваше было вами блаженно, и для сего будьте свободны, но такъ, какъ должно человѣкамъ, почитая честію носить преславныя узы гражданскихъ должностей“...

Всѣ эти мысли дополняются стихотвореніемъ Княжнина „Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ“, гдѣ авторъ доказываетъ, что для славы

Талантъ единый слабъ къ свершенію пути,
Когда не озаренъ пространнымъ просвѣщеньемъ...
Безъ просвѣщенія напрасно все старанье:
Скульптура—кукольство, а живопись—маранье...
Сравняйтесь съ знаніемъ великихъ вы людей,
А безъ того иныхъ къ успѣху нѣтъ путей—
Художникъ завсегда останется безславенъ,
Художникъ безъ наукъ ремесленнику равенъ...
Не воображайте вы, чтобы Апелъ
Лишь только кистію одной владѣть умѣлъ.
Списатель естества, премудрости любитель
Онъ въ краскахъ философъ и смертныхъ просвѣтитель.

Далѣе стихотворецъ развиваетъ идею, имѣющую значеніе для того времени, когда только чинъ давалъ достоинство человѣку и когда каждый умный и талантливый человѣкъ, наряду со всѣми прочими, мѣтилъ въ чиновники. Авторъ старается отдѣлить идеалъ человѣка отъ чиновника, возвысить его и имъ охранить чистоту нравовъ новаго сословія отъ развращающаго чинолюбія:

Напредъ талантовъ всѣхъ намъ нуженъ человѣкъ!..
Почтенье заслужить отъ свѣта въ нашей волѣ...
Не мните также, чтобъ почтеніе обрѣсть,
Нужна бы вамъ была чиновъ степенна честь.
Не занимаяся во вѣкъ о рангахъ споромъ,
Рафаель не бывалъ колежскимъ ассесоромъ.
Животворящею онъ кистію одной
Не меньше славенъ сталъ, какъ славенъ и герой.
Художникъ, своему способствуя незнанью,
Желаетъ чина лишь въ добавокъ дарованью
И льстится звуками предлинныхъ въ титлѣ словъ,
Но духомъ кто великъ, великъ и безъ чиновъ.

Такія идеи сталъ развивать Княжнинъ, подготовляя вмѣстѣ съ Бецкимъ новое идеальное сословіе, которое должно было помочь образовать новое государство по мысли Наказа Екатерины. Хотя мысли автора и были вѣрны, но, въ ряду съ сильными и своекорыстными чиновниками и помѣщиками, не могло развиться это идеальное сословіе. Тѣмъ не менѣе стремленіе создать его принесло хорошіе плоды для другихъ сословій.

IV.

Въ 1784 году Княжнинъ снова явился передъ публикой съ трагедіей „Росславъ". Хотя она и восторженно была принята зрителями, хотя и много разъ потомъ давалась на сценѣ, но, какъ трагедія, она не можетъ занять насъ, потомковъ: она не отличается ни поэтическимъ творчествомъ, ни вѣрными живыми характерами, ни естественнымъ выраженіемъ страсти; въ ней все слабо, фальшиво, все вымучено изъ фантазіи. Но, не смотря на то, вниманіе историка останавливается на ней по тому замыслу, который обнаруживаетъ въ

авторѣ передоваго человѣка своего времени. Онъ понималъ, что среда, куда вносилась идея новаго идеальнаго государства, еще не успѣла сложить идеалъ гражданина; безъ него же не осуществима была и самая идея. Передъ его глазами люди, русскіе по рожденію, черезъ неправильное образованіе поступали въ разрядъ не русскихъ, готовыхъ отречься отъ своего отечества, отъ народнаго имени, въ родѣ тѣхъ Фирюлиныхъ, которыхъ онъ представилъ въ комедіи „Несчастіе отъ кареты". Эта крайняя общественная нестойкость, допускавшая быстрое перерожденіе русскихъ людей преимущественно въ карикатурныхъ французовъ, обнаруживала совершенный недостатокъ тѣхъ высшихъ общественныхъ идеаловъ, которые создаются при участіи патріотическаго чувства. Такимъ людямъ, какъ Княжнинъ, чувствовалась потребность создать идеалъ русскаго гражданина и противупоставить его идеалу всѣхъ Фирюлиныхъ и имъ подобныхъ. Вотъ что̀ и вызвало трагедію „Росславъ". Самъ Княжнинъ, въ посвятительномъ письмѣ извѣстной княгинѣ Дашковой, указываетъ, что въ его трагедіи „изображена не обыкновенная страсть любви, которая на россійскомъ театрѣ только одна и была представляема, но страсть великихъ душъ—любовь къ отечеству". Тамъ же онъ льстится надеждою, что своимъ примѣромъ вызоветъ русскихъ даровитыхъ писателей „вводить въ храмъ вѣчности нашихъ истинныхъ героевъ и благотворителей согражданъ"; другими словами, идеализировать всѣ гражданскіе подвиги, съ цѣлью развить идеалъ гражданина. Патріотизмъ въ то время иначе не понимался, какъ государственный: понятія отечество, общество, пока еще сливались въ одно понятіе „государство". Патріотизмъ, по опредѣленію Княжнина, есть добродѣтельная страсть къ своему обществу. Его „Росславъ" также безпрестанно смѣшиваетъ эти слова. Отъ такого смѣшенія онъ является для насъ какимъ то фантастическимъ, сказочнымъ богатыремъ, котораго трудно разобрать, о чемъ онъ хлопочетъ. Какъ бы въ доказательство своей фантастичности, онъ не хочетъ называться простымъ **русскимъ** именемъ. Онъ всѣмъ твердитъ, что онъ **Россъ**, и это имя отождествляетъ съ понятіемъ стойкаго, непоколебимаго гражданина. Онъ весь олицетвореніе стойкости въ своемъ гражданскомъ чувствѣ, которое смѣшивается съ патріотизмомъ. Эта стойкость въ идеальномъ Россѣ, конечно, вызвана тою нестойкостью, какая выказывалась въ русскомъ образованномъ обществѣ XVIII столѣтія.

Чтобы представить намѣреніе Княжнина и ясно видѣть, чѣмъ восхищались его современники, я изложу ходъ самой трагедіи. Въ ней идетъ рѣчь о какомъ то Густавѣ, шведскомъ принцѣ, который, будто бы, скрывался въ „нѣкіихъ" странахъ, подвластныхъ Россіи. Объ этомъ тайномъ убѣжищѣ его зналъ только Росславъ, русскій полководецъ, который въ одномъ сраженіи со шведами

> Влекомый пламенемъ стремленія геройска
> Израненъ, весь въ крови во узы шведовъ палъ.

Король Христіернъ, занимавшій престолъ незаконно, вмѣсто Густава, и потому не иной, какъ тиранъ, требовалъ отъ Росслава открыть ему тайну, но тотъ, не смотря ни на какія мученья, не удовлетворилъ требованію шведскаго властителя. За него вступился полководецъ Христіерна, Кедаръ, который называлъ плѣнника своимъ другомъ и обѣщалъ своему государю выпытать у него тайну. Росславъ былъ освобожденъ отъ оковъ и отданъ Кедару. Въ это время откуда-то явились сарматы, напали на Швецію и привели ее въ трепетъ. Противъ нихъ отправился Кедаръ и взялъ съ собою Росслава. Шведскій полководецъ проигралъ было битву,

Но лютый другъ, Росславъ, геройскимъ полонъ жаромъ,
Унылыхъ ратниковъ надеждою, стыдомъ
Ко славѣ обратя, свой страшный кинулъ громъ,

во мракѣ ночи скрылъ свой подвигъ и приписалъ его Кедару. Кедаръ былъ награжденъ почестями, но изъ зависти къ другу не взлюбилъ его, боясь, чтобы тотъ не открылъ всей правды. Къ тому же онъ сталъ подозрѣвать Росслава въ любви къ шведской княжнѣ Зафирѣ, послѣдней отрасли изъ кореннаго шведскаго княжескаго дома. Кедаръ былъ самъ влюбленъ въ Зафиру и, въ надеждѣ склонить ее на бракъ, мечталъ уже о престолѣ. А между тѣмъ и Христіернъ вздумалъ жениться на ней. Зафира же страстно любила Росслава, который, въ свою очередь, питалъ къ ней то-же чувство, но въ своихъ обстоятельствахъ называлъ любовь порокомъ, порочнымъ волненьемъ, безчестьемъ и т. п. Борьба съ этой любовью при многихъ искушеніяхъ составляетъ трагическій интересъ произведенія. Вначалѣ Росславъ еще крѣпко надѣется на свои силы.

Чтобъ пламень погасить, я Россъ, сего довольно!

говоритъ онъ Зафирѣ.

Чѣмъ болѣе мой духъ къ тебѣ стремится,
Тѣмъ болѣй я стремлюсь огнь страсти истребить,
И мнѣ ли, жертвою гражданъ родяся быть,
Забывъ отечество, любовію плѣняясь,
Законной ярости тирана подвергаясь
И страстью помрача мою невинну кровь,
Не за отечество умрети, за любовь?
Пускай за общество тиранъ разитъ Росслава,
Тогда послѣдуетъ во гробъ за мною слава,
За добродѣтель я умру, не за порокъ.

Зафира предлагаетъ Росславу съ своею рукою шведскій престолъ, который она надѣется получить, опираясь на усердіе народа. Росславъ негодуетъ:

Чтобъ я забывъ въ себѣ россійска гражданина,
Порочнымъ сдѣлался для царска пышна чина!
Отечество мое чтя выше и тебя,
Могу ль его забыть я, троны возлюбя.

Пускай престола блескъ гордыню обольщаетъ,
Безъ добродѣтели корона помрачаетъ.
Росславу царскій тронъ безславье навлечетъ;
Вселенна обо мнѣ съ презрѣніемъ речетъ:
Се царь любовію на чуждый тронъ взнесенный,
Невѣрный гражданинъ и властелинъ презрѣнный,
Ни Готфъ, ни Россъ, любви не могшій одолѣть...

Выслушавъ эти слова, Зафира объявляетъ, что послѣ того ей не къ чему и жить. Тогда обнаруживается, что любовь умѣла справляться и съ Россомъ. У него вырывается такая рѣчь:

Не оскорбивъ меня, то можно ль вобразить!
Кто? ты противна мнѣ? о слово преужасно!
Ахъ, еслибъ я возмогъ открыти сердце страстно,
Когда бъ во грудь мою проникнуть ты могла,
Въ какомъ бы торжествѣ себя ты обрѣла!..
Узрѣла бы любви позорно совершенство!
Увидѣла бъ, какъ твой прелестный взоръ, о стыдъ!
То все мрачить, что мнѣ мой строгій долгъ велитъ.
Увидѣла бъ, какъ кровь на сердцѣ замерзаетъ,
Когда отсель меня Россія отвлекаетъ.
Россіи отчужденъ... симъ страсть мою измѣрь,
Тобой крушуся я... довольна ль ты теперь?
Ужъ гласъ гражданъ моихъ во сердцѣ семъ слабѣетъ,
Быть россіяниномъ уже Росславъ робѣетъ...

При такомъ сознаніи своей слабости, Росславъ рѣшается во что бы то ни стало не видѣть больше Зафиры. На бѣду онъ проговорился о своей любви влюбленному Кедару, которому это было не по сердцу. Онъ сталъ думать, какъ бы устранить своего соперника. Между тѣмъ, на сцену является другой Россъ, русскій посланникъ Любомиръ, который прибылъ къ Христіерну требовать освобожденія Росслава. На вопросъ плѣнника: „что виной тому, что присланъ Россъ тирану моему“, онъ слышитъ, что русскій князь хочетъ возвратить отечеству героя и за него предлагаетъ врагамъ все, что отнято „храбрюю его рукою“. Росславъ приходитъ въ ужасъ отъ такого извѣстія:

Что слышу? за меня онъ грады отдаетъ;
Чтобъ гражданина спасть, отмещетъ плодъ побѣдъ,
И уступая верхъ надъ Россами безъ брани,
Съ прошеньемъ ко врагамъ простеръ съ престола длани.

Когда же Любомиръ заявляетъ, что ему непонятна такая рѣчь, тогда Росславъ накидывается и на него:

Ты Россъ, а ты того не можешь ощущать,
Ты Россъ, а князю ты сего не могъ представить,
Колико можетъ тѣмъ онъ тронъ свой обезславить.
О стыдъ отечества! Монархъ свой долгъ забывъ
И санъ величія пристрастьемъ помрачивъ,
Блаженству общества меня предпочитаетъ...
Когда бъ мой князь мнѣ рекъ: умри ты такъ, какъ жилъ,
Тогда бъ онъ мнѣ, тогда бъ по-царски другомъ былъ.

Христіернъ отвергаетъ предложенья Любомира, хвастаетъ, что своимъ мечемъ отниметъ у Россіи всѣ завоеванія и обѣщаетъ Росславу свободу только въ такомъ случаѣ, если тотъ откроетъ тайну о Густавѣ. На это опять пошло въ ходъ слово Россъ, затѣмъ множество грубостей, за что Росславъ въ оковахъ снова отосланъ въ тюрьму. А тутъ еще Кедаръ намекаетъ королю на любовь Зафиры къ плѣннику. Христіернъ яростно грозится и, при новой встрѣчѣ съ Росславомъ, слышитъ отъ него тѣ-же восклицанія, что онъ Россъ, тѣ-же грубости и дерзости, какъ бы неразлучныя съ Россомъ, что и повлекло къ осужденію на смертную казнь. При этомъ Зафира уже ясно обнаруживаетъ любовь къ осужденному и тоже получаетъ приказаніе готовиться къ смерти. Росславъ недоволенъ такимъ исходомъ:

Я въ гробъ не за одно отечество вхожу,
Участницей любовь во смерти нахожу:
Се что меня крушитъ; но такъ судьбамъ угодно,
Престань рыдать! Прервавъ стенаніе безплодно,
Себя Росславовой любовницей явп,
Неколебимостью тирана удиви...
Мужайся, укрѣпись! меня не ослабляя,
Взирай на смерть мою, не мучась, не стеная,
Не обезславь часа послѣдня моего.

Но Зафирѣ не пришлось обезславить Росса: она получила прощенье. Тогда вмѣстѣ съ Любомиромъ она задумываетъ устроить побѣгъ Росслава. Все уже было готово. Она является въ тюрьму къ плѣннику и заклинаетъ его бѣжать съ нею. Онъ и тутъ неумолимъ:

Какой я гнусный даръ Зафирѣ принесу,
Когда безчестьемъ жизнь и робостью спасу,
Когда позорный бѣгъ предпочитая гробу,
Подвигну варвара несытую я злобу,
Плѣненнымъ Россамъ здѣсь за стыдъ мой отомщать
И кровь гражданъ моихъ невинну проливать...

Но когда Зафира въ отчаяньи хочетъ заколоться, тогда Росславъ высказываетъ рѣшимость слѣдовать за нею изъ тюрьмы. Бѣдная невѣста обрадована только на одинъ мигъ. Россъ отдумалъ спасаться и, чтобы поддержать свое достоинство, замѣчаетъ изумленной принцессѣ: „довольствуйся и тѣмъ, что я поколебался". А между тѣмъ время, назначенное для бѣгства, уже прошло. Любомиръ объявляетъ, что Кедаръ подстерегъ ихъ приготовленія и разрушилъ весь планъ ихъ побѣга.

Се твердости твоей печальнѣйшія слѣдства!
Содѣтель бѣдъ твоихъ, ты гибнешь наконецъ!

Но это замѣчаніе только даетъ Росславу новый поводъ выказать въ себѣ настоящаго Росса:

Не гибну, славы я пріемлю въ даръ вѣнецъ!
Ты смерть за общество бѣдою почитаешь,

А ты, мой другъ, себя ты Россомъ называешь...
Сокройте отъ меня вы ваше сожалѣнье,
Престаньте повергать мой духъ во ослабленье.
Почто о мнѣ рыдать? Я съ славой въ гробъ иду
И за отечество отъ варвара паду.
Почто о мнѣ рыдать? безчестья не причастенъ;
Кончаю жизнь, какъ Россъ, я страху не подвластенъ.
Но если вашими стенаньями смущенъ
Хоть каплю слезъ пролить я буду принужденъ,
Тогда погибну я, но я погибну вами,
Не сдѣлайте того, явилъ чтобъ слабость я.
Чтобы тиранъ меня со свѣтомъ разлучая,
Утѣшился, во мнѣ унынье примѣчая,
Чтобъ въ ярости своей хвалиться онъ возмогъ,
Что Росса онъ своимъ терзаніемъ содрогъ.

Далѣе Росславу еще не разъ пришлось браниться съ Христіерномъ, говорить ему разныя дерзости и въ заключеніе спасти шведовъ отъ тиранства ихъ короля, которому ничего не осталось, какъ заколоться. Росславъ же въ награду за свои доблестныя свойства получаетъ Зафиру.

Я не указывалъ здѣсь на всѣ несообразности и преувеличенія, доходящія иногда до комизма. Но современники автора не замѣчали всего этого; имъ нравилась трагедія и нравилась въ особенности несообразная личность Росслава. Онъ представлялся имъ патріотическимъ героемъ, который названъ авторомъ русскимъ гражданиномъ. Но для насъ интересно то, что этотъ гражданинъ представленъ въ иноземной средѣ, какъ представитель интересовъ государственныхъ и за нихъ не только готовый умереть, но даже ищущій смерти отъ руки враговъ. Это идеальное мученичество для прославленія русскаго имени передъ иноземцами заслуживаетъ вниманія въ тотъ вѣкъ, когда преимущественно развивалась государственная сторона жизни народа, когда почти только въ ней и могъ выказаться патріотизмъ, слѣдовательно, при политическомъ столкновеніи съ другимъ народомъ. Передъ этимъ послѣднимъ русскій человѣкъ и являлся гражданиномъ; но въ его родной средѣ авторъ не нашелъ ему мѣста; здѣсь не было ему и дѣятельности. Она вся принадлежала чиновникамъ, какъ государственнымъ представителямъ передъ народомъ. Зрители рукоплескали Россу тѣмъ охотнѣе, что въ дѣйствительности тѣ русскіе, которые могли бы назваться образованными по европейски, попавъ въ иноземную среду, не особенно старались гордиться своимъ народнымъ именемъ; иные съ большою охотою даже отреклись бы отъ него. Росславъ въ этомъ случаѣ могъ служить имъ и укоромъ и примѣромъ. Возвысить русское имя передъ иностранцами, которые составили не очень лестное понятіе о Россіи, стало идеальнымъ патріотическимъ стремленіемъ, такъ сказать, потребностью государственною. Это сознаніе сильно утвердилось даже въ самомъ русскомъ правительствѣ, которое болѣе всего заботилось о томъ, чтобы выста-

вить себя съ лучшей стороны передъ иностранными державами, безъ особенной заботы о правдѣ и о дѣйствительной нуждѣ подданныхъ. Эти заботы иногда доходили даже до простаго и вреднаго пусканія дыма въ глаза. Въ послѣдствіи, во времена позднѣйшія, въ самой публикѣ патріотизмъ иначе не понимался, какъ въ связи съ отношеніемъ къ иноземцамъ. Онъ выказывался только въ заботахъ, чтобы иностранцы думали о насъ не худо, въ стараньи прикрывать всѣ общественные недостатки даже благовидною ложью, въ упрекахъ тѣмъ, которые изъ дѣйствительно-патріотическаго чувства хотѣли ввести въ общественное сознаніе общественныя язвы или выносили соръ изъ избы. Эти послѣдніе провозглашались не патріотами и даже отъявленными врагами отечества. Стоитъ только вспомнить, какъ отнеслась часть публики и нѣкоторые литературные критики къ „Ревизору" и „Мертвымъ душамъ" Гоголя, чтобы видѣть, до какихъ косыхъ взглядовъ довелъ наконецъ этотъ односторонній патріотизмъ.

Но во времена Княжнина инаго патріотизма и не сознавалось, а между тѣмъ чувствовалась потребность противупоставить какой нибудь патріотизмъ тому отчужденію отъ русской среды, какое выказывалось въ русскихъ людяхъ съ французскимъ воспитаніемъ.

Эта потребность выразилась въ сочувствіи къ тому невозможному гражданину, который съ именемъ Росса явился въ трагедіи Княжнина. Къ храбрости, честности, стойкости и народной гордости авторъ прибавляетъ еще рвеніе принести пользу обществу, хотя, какъ мы видѣли, съ словомъ „общество" соединяется у него какое-то смѣшанное понятіе. Эти идеальныя черты, дѣйствительно, могутъ образовать хорошаго гражданина, если къ нимъ присоединить немножко разсудительности, которой мало обнаруживается въ Росславѣ и безъ которой невозможна никакая дѣятельность.

Изъ всего нашего разсужденія можно заключить, что какъ ни фальшивъ идеалъ, искусственно созданный Княжнинымъ, но для насъ онъ имѣетъ историческое значеніе.

В. Стоюнинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАШИ ДВѢ ПОЛИТИКИ ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ [1].

V.

Плоды политики Священнаго Союза, которая вышла изъ „примѣненія началъ христіанства къ политикѣ“, а окончилась практикой военныхъ экзекуцій—превращеніе совершалось быстро—политики Меттерниховой реакціи, прикрытой интересами легитимизма, въ которую втянулись мы до самозабвенія, созрѣли къ концу царствованія Николая: мы, опекуны всѣхъ, должны были теперь, съ самыми тяжкими усиліями, отбиваться отъ опеченныхъ, спасенныхъ, друзей-союзниковъ и т. под. Съ хохотомъ говорили они теперь намъ: врачу, изцѣлися самъ!

Трагическая минута переживалась нами четверть вѣка назадъ. Но никто безвыходности нашей не чувствовалъ такъ больно, какъ самъ виновникъ ея, и невольный, выстрадавшій много въ послѣднія минуты своей земной жизни...

Предъ глазами исторіи императоръ Николай имѣетъ одно оправданіе: онъ былъ человѣкъ характера, принципа, и, разъ усвоивши одно, онъ оставался вѣренъ до конца. Но—онъ не умѣлъ разбираться, не умѣлъ и не могъ примѣняться. Европейскій легитимизмъ, реакція Меттерниха, были приняты императоромъ Николаемъ, какъ святое завѣщаніе Священнаго Союза, и онъ свято хранилъ его, а между тѣмъ оно было слишкомъ чуждо дѣйствительной Россіи, съ исторіей главнымъ образомъ впереди: ей прежде всего нужно пріобрѣтать, а не охранять—для охраны. „Мы, по справедливымъ словамъ Тургенева, народъ юный и сильный, который вѣруетъ и имѣетъ право вѣровать въ свое будущее“ (I, 217). Далѣе, Европа 1815 года и Европа эпохи

[1]) Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ“ стр. 201—232

Николая были далеки другъ друга; но для императора Николая историческія требованія времени не существовали, и онъ понималъ ихъ не иначе, какъ въ образѣ всеразрушающей революціи. Вмѣстѣ съ этимъ, дома общее заблужденіе—самовлюбленность—которое поддерживалось извѣстной частью прессы, научно-политической школой Погодина, которая забывала простое правило жизни: тотъ менѣе любитъ свой народъ, кто видитъ въ немъ однѣ добродѣтели. Изъ господствовавшаго духа объясняется и то замѣчательное явленіе въ нашей внутренней жизни, что никогда не было такой плеяды талантовъ и никогда не проходили они такъ малослѣдно въ жизни своей эпохи.

Николай умиралъ подъ тяжестью признанія — желать искренне добра Россіи и видѣть, какъ все его обращалось на погубу ей...

Грустно касаться событій, непосредственно предшествовавшихъ 19 февраля 1855 года. Грустно вспоминать, какъ ничтожныя обстоятельства повели насъ къ страшному финалу. Ужели утверждать, что безъ севастопольской жертвы невозможно было искупленіе и поворотъ?.. Время взяло бы свое, и исчезли бы и реакція европейскаго легитимизма, и самомнѣніе...

Въ самомъ дѣлѣ, недоразумѣніе между нами и Портой, извѣстное подъ именемъ спора за гробъ Господень, весьма и весьма посредственно касалось насъ. Меншиковъ утверждалъ: „куполъ церкви гроба Господня пора чинить“. Редклифъ возражалъ: „нѣтъ, по словамъ англійскихъ техниковъ, онъ можетъ простоять еще семь лѣтъ!“ Второе обстоятельство спора не менѣе несложно: кому раньше служить въ Геѳсиманской церкви—греческому или латинскому священнику?

Еслибы мы взвѣсили съ бо́льшимъ хладнокровіемъ шансы свои и противниковъ, мы, вѣроятно, остановились бы доводить довольно незначащій споръ до столкновенія, которое быстро приняло грандіозные размѣры. Вѣдь понимали мы, что споръ одинъ предлогъ, что на Западѣ искали придирки вызвать Россію, въ не невѣрномъ разсчетѣ уничтожить и нравственное значеніе ея и ея права на Востокѣ. Французскій авантюристъ велъ свои личные счеты, Англія — старые. Въ инструкціи Меншикову говорилось: „...для Франціи шло дѣло не столько о религіозномъ сомнѣніи, сколько о политической цѣли“.

Въ нашей памяти мы довольно ясно помнимъ 1853 годъ, полный какихъ-то таинственныхъ надеждъ, предчувствій,—и о св. Софіи, и о концѣ владычества магометанъ... Вѣру въ легкую побѣду поддерживала печать, летучіе стихи Глинки, Шевырева, Бенедиктова. Помню хорошо, какъ мой отецъ (въ Аккерманѣ) заставлялъ меня, ребенка, заучивать: „Ура! на трехъ ударимъ разомъ, не даромъ же трехгранный штыкъ!“ Забывали только, что съ голыми руками на медвѣдя не ходятъ, съ гладкоствольнымъ ружьемъ—противъ штуцера...

Турція упрямилась, видимо водила. Франція, Англія не скрыто поддерживали упрямство. Разсчетъ Запада—наша самоувѣренность и чувство законности, не допускающее отказа отъ своего.

Сознаніе своего права и общественное самомнѣніе не дозволяли возраженія, и голосъ тѣхъ немногихъ, что указывали опасность риска, былъ очень тихъ.

Мы помнимъ предостереженія, какія сдѣлалъ Тьеръ Франціи наканунѣ объявленія войны Пруссіи. Такимъ Тьеромъ у насъ въ 1854 году былъ князь Воронцовъ.

Когда обнаружилась ясно старая безупречность русскаго солдата и съ гладкоствольнымъ ружьемъ и почти негодность русскаго генерала на Дунаѣ (вспомнимъ первую битву, при Олтеницѣ: ведутъ на штурмъ, чтобы приказать отступить, когда солдаты были на валу, или вторую при Четати, по поводу которой разгнѣванный императоръ Николай отправилъ кн. Горчакову запросные пункты убійственнаго характера. Объ этомъ у Богдановича, „Восточная война", I, 182); когда западный флотъ вошелъ уже въ Черное море, кн. Воронцовъ, съ Кавказа, рѣшился заговорить объ уступкахъ, чтобы только предупредить разрывъ. „Больно мнѣ—пишетъ онъ Николаю 18 января, 1854 г.—какъ русскому, и какъ русскому совершенно преданному вамъ, говорить о нѣкоторыхъ уступкахъ въ справедливыхъ требованіяхъ, нами прежде объявленныхъ; но по вѣрноподданическому долгу я долженъ сказать, что потеря, и варварская потеря, укрѣпленій нашихъ на восточномъ берегу (т. е. Кавказа), съ истребленіемъ ихъ гарнизоновъ, заслуживаетъ нѣкоторыхъ пожертвованій".

Какъ ни окутана мысль Воронцова, но она ясна: онъ предостерегаетъ въ виду того, что наличныя наши средства не въ уровень съ силами противниковъ; благоразуміе говоритъ—не воевать.

Предостереженіе „съ нѣкоторыми уступками" было тщетно. Императоръ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ на рѣчь объ уступкахъ указаніемъ своихъ трактатныхъ, слѣдовательно законныхъ правъ. Николай писалъ: „предположеніе твое сдѣлать незначительныя уступки въ нашихъ требованіяхъ, чтобы избѣжать разрывовъ, несбыточно... Не знаю такихъ незначительныхъ уступокъ въ нашихъ требованіяхъ; оно было бы не согласно съ достоинствомъ Россіи: Россія требуетъ того, что̀ ей слѣдуетъ по трактатамъ, ни болѣе, ни менѣе—гдѣ же тутъ случай къ уступкамъ?" (Богдановичъ, „Восточная война", II, 143, 44).

Воронцовъ могъ бы пояснить свою мысль, что уступить въ спорѣ о куполѣ, о чинѣ службы въ Геѳсиманіи, не касаясь принципа, именно и значитъ сдѣлать „незначительныя уступки". Такъ прямо сказать онъ, очевидно, не рѣшался. Воронцовъ, какъ и Тьеръ, былъ въ трагическомъ положеніи каждаго, кто одинокъ съ своимъ пониманіемъ среди возбужденнаго общества: среди своихъ тотъ въ эти минуты иностранецъ.

Не нужно было долго ждать: не только ближайшіе мѣсяцы 1854 года показали правоту, дальновидность старика Воронцова; его скептицизмъ оправдывался ходомъ самыхъ первыхъ дѣйствій.

Порта не уступила—мы открыли войну. Въ такомъ положеніи мы могли только наступать: если отступать и обороняться, то зачѣмъ война? Мы наступали за Дунай; но прошло немного мѣсяцевъ, и мы должны были быстро отступать. Уже въ фактѣ отступленія, при условіяхъ, вызвавшихъ его, мы проигрывали кампанію: первый шагъ восточной драмы былъ прямо не въ нашу пользу. Въ эту-то минуту Воронцовъ и заговорилъ объ уступкахъ. Правда, для успокоенія себя мы могли прибѣгнуть къ воспоминанію 12 года; но это воспоминаніе — роковое предзнаменованіе: во-первыхъ, вспоминать было рано; во-вторыхъ, тогда на насъ напали. „Богъ намъ помощь, защита и утѣшеніе, не будемъ унывать", успокоивалъ императоръ главнокомандующаго при отступленіи изъ-за Дуная; но въ этихъ словахъ — на половину признаніе, что дѣло наше проигрывалось...

Еще яснѣе обозначился нашъ проигрышъ, когда сцена дѣйствія перенеслась въ Крымъ. Первая встрѣча съ союзнымъ врагомъ—и мы въ положеніи обороняющагося: защищаться на своей землѣ. Дѣлаются послѣдовательныя попытки къ наступленію, но съ каждой — намъ только тяжеле обороняться.

Политическая сторона кампаніи была проиграна, когда мы стали окапываться въ Севастополѣ: по мѣрѣ съуживанья сцены дѣйствія, съуживалась задача наша; когда же она очертилась бастіонами Севастополя, задача перешла въ самооборону. Фатальный ходъ дѣйствія шелъ быстро къ своей развязкѣ. Критическое положеніе наше, тѣхъ, кто открылъ войну и отвергъ всякую мысль объ „уступкахъ", было безусловно ясно.

Ни средствъ, ни людей, египетская кара — интенданты, а между тѣмъ политическій горизонтъ затемнялся и на послѣднихъ прогалинахъ свѣта: „вѣроломство спасенной нами имперіи" — Австріи—чувствовалось сильнѣе, чѣмъ открытая вражда другихъ.

Императоръ Николай изнемогалъ—и умирающаго напутствуетъ тяжелая вѣсть о штурмѣ Евпаторіи (5 февр.), этой предпослѣдней отчаянной попыткѣ поворотить колесо войны, выйти побѣдителемъ изъ потерянной давно кампаніи. Старый императоръ писать уже не могъ; писалъ сынъ—наслѣдникъ. Это была послѣдняя укоризна въ неспособности вести дѣло. „Его величество не можетъ удивляться, что, пропустивъ три мѣсяца для аттаки сего пункта, когда въ немъ находился самый незначительный гарнизонъ, не успѣвшій еще укрѣпиться, вы (Меншиковъ) выждали теперешній моментъ... Его величество не можетъ не припомнить вамъ, что онъ предвидѣлъ этотъ грустный результатъ". Въ это самое время, какъ бы для отягченія и безъ того трудныхъ послѣднихъ дней, Австрія приготовилась зайти въ тылъ защитникамъ Севастополя. Горчаковъ, смѣнившій Меншикова послѣ Евпаторіи, получаетъ инструкцію умирающаго Николая: „сохраненіе Севастополя есть вопросъ первѣйшей важности; въ случаѣ разрыва съ Австріею и наступленія непріятеля, жертвовать временно Бес-

сарабіею и частью даже Новороссійскаго края до Днѣпра, для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова" (отъ 16 февр.).

Такъ писалъ за два дня до смерти тотъ императоръ, у ногъ котораго еще недавно пресмыкалась Австрія, моля о спасеніи (генералъ Кабога), и лежала покоренная Венгрія. По истинѣ у ней „и башмаки еще не износились".

Черезъ три дня по сообщеніи въ Крымъ объ австрійскомъ вторженіи, не стало послѣдняго хранителя давно заброшенныхъ жизнью началъ Священнаго Союза... Страшный былъ судъ для него, страшное наслѣдіе передавалъ онъ сыну.

Оборонялся еще Севастополь, дни котораго могли быть изочтены. Поясъ обороны съуживался болѣе и болѣе: редутъ падалъ за редутомъ. Подъ диктовку штурма 25 мая Горчаковъ откровенно писалъ, что не объ оборонѣ уже рѣчь, а о томъ, какъ выбраться изъ Севастополя: „... теперь я думаю объ одномъ, какъ оставить Севастополь... Я не въ возможности болѣе защищать этотъ несчастный городъ... Въ надеждѣ на какой либо неожиданный оборотъ, я долженъ (!) былъ упорствовать до крайности; но теперь она настала... Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что, можетъ быть, отстою полуостровъ".

Не смотря на неприглядную дѣйствительность этого донесенія, въ Петербургѣ все еще не вѣрили, все еще надѣялись; на что? На „можетъ быть". Изъ Петербурга Горчаковъ получилъ ободреніе, что съ потерей Севастополя еще не все потеряно, что „можетъ быть, суждено въ открытомъ полѣ нанести рѣшительный ударъ" (отъ 4 іюня).

Слова эти не дошли, когда грудью отбитъ былъ штурмъ 6 іюня. Мы одержали побѣду, чтобы продлить агонію: ударъ въ „открытомъ полѣ" сдѣлался тѣмъ возможнѣе — въ Петербургѣ. При поздравленіи съ побѣдой, Горчаковъ получилъ прямое указаніе, что объ оставленіи Севастополя теперь не будетъ рѣчи. На мѣстѣ дѣйствія и въ далекой столицѣ глядѣли разными глазами: отчаяніе здѣсь, розовыя надежды тамъ. А между тѣмъ главный вождь былъ изъ тѣхъ несчастныхъ характеровъ, которые только справляются съ столичнымъ барометромъ, что скажутъ тамъ... Онъ не могъ понять своего единорѣшающаго положенія, и хотя имѣлъ еще на-столько гражданскаго мужества, что не далъ себя увлечь блестящимъ пораженіемъ врага 6 іюня и на-другой день писалъ по старому, что Севастополь онъ долженъ будетъ очистить, и съ страшными потерями,—онъ не воспротивился столичному взгляду и далъ свое роковое согласіе на битву у Черной рѣчки (5 авг.), согласіе на попытку въ „открытомъ полѣ нанести врагамъ рѣшительный ударъ". Легли тысячи, воротились немногіе.

Эпоха Николая вырабатывала самомнѣніе и выработала, но не допускала выработки характера, самостоятельности: характеръ замѣщался одной добродѣтелью—повиновеніемъ; иллюстрація—Горчаковъ.

Прошелъ 21 день, и Севастополь палъ, какъ груда давно без-

пріютныхъ развалинъ. Былъ положенъ, но, къ сожалѣнію, невольный, конецъ „сей ужасной бойнѣ", какъ вѣрно назвалъ государь императоръ осаду послѣднихъ недѣль.

Неизбѣжность „конца" и самый моментъ его наступленія можно было давно вычислить. У насъ выбываютъ тысячи, у врага сотни. Принимая въ соображеніе отношеніе ежедневнаго урона (болѣе 1000 ч. въ послѣднія недѣли) и прибывающей подмоги, можно ли было не знать, когда „несчастный" городъ долженъ былъ пасть, если бы мы продолжали „упорствовать" до послѣдняго издыханія? Таковой день опредѣлялся съ тою же точностью, съ какою ученикъ вычисляетъ минуту гибели натравленнаго собаками зайца, зная относительную скорость бѣга одного и другаго [1]).

Съ гибелью Севастополя, т. е. того, что̀ погребъ подъ собой онъ, намъ оставалось одно—думать о мирѣ и соглашаться на все... Послѣдніе итоги были подведены: выбора—никакого.

VI.

Такъ, четверть вѣка назадъ, подъ развалинами Севастополя мы оканчивали наши вѣковые счеты въ дѣлѣ Востока, въ дѣлѣ „обезпеченія правъ христіанскаго населенія Турціи", какъ теперь сталъ говорить и не добромъ памятный намъ Нессельроде (въ письмѣ къ Горчакову въ Вѣну), послѣ перваго дебюта нашего на Дунаѣ.

Дѣло, открытое нами оффиціально на Карловицкомъ конгрессѣ 1699 года, и подвинутое, казалось, нами на-столько къ половинѣ XIX вѣка, что мы водружали уже крестъ на Ай-Софіи, теперь выпало изъ рукъ нашихъ. Начали мы съ починки купола въ Іерусалимѣ, продолжили самоувѣренностью въ свою побѣду (объ уступкахъ старика Воронцова и слышать не хотѣли), а закончили Парижскимъ конгрессомъ.

Принявъ не по доброй волѣ Парижскій договоръ, (30 марта, 1856 г.), мы проигрывали не трактаты, одна мысль объ умаленіи которыхъ приводила, какъ мы видѣли, въ негодованіе императора Николая, а цѣлое славянское дѣло. Въ традиціонномъ вѣковомъ фонѣ восточнаго вопроса произошла теперь одна, но существенная перемѣна: произошелъ подмѣнъ старой знакомой Турціи коллективнымъ лицомъ цѣлой Европы. По мысли диктовавшихъ намъ условія мира, была исключена всякая возможность повторенія въ будущемъ традиціонныхъ отношеній между нами и Турціей: Турція введена въ „концертъ", и ея неприкосновенность гарантирована Европой. „Блистательная Порта при-

[1]) Матеріалы, которыми мы пользовались въ V-ой главѣ, помѣщены въ трудѣ генер. Богдановича „Восточная война", 4 тома. Со стороны матеріаловъ трудъ этотъ незамѣнимый; но самъ по себѣ весьма слабый, по отсутствію серьезной критики.

знается участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ. Ихъ величества обязуются каждый съ своей стороны уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской (l'intégrité territoriale), обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства, и въ слѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ, касающимся общихъ правъ и пользы". (ст. VIII).

Пророчество Меншикова наканунѣ высадки союзниковъ, что „Крымъ теперь чувствительная точка — здѣсь долженъ рѣшиться вопросъ о нашемъ вліяніи на Востокѣ", исполнилось (въ письмѣ къ военному министру): предъ Россіей и порабощеннымъ славянствомъ стояла отнынѣ не слабая Турція, съ которой привыкли и мы и они обращаться по-свойски, а авторитетъ цѣлой Европы. Всякое движеніе въ славянствѣ переставало быть мѣстнаго характера, а принимало значеніе общеевропейскаго вопроса. Но, конечно чтобы скрыть концы, не забыли помѣстить въ текстъ договора нѣсколько пустыхъ фразъ объ улучшеніи жизни христіанъ въ Турціи: ихъ препоручали испытанному великодушію—„великодушнымъ намѣреніямъ султана" (ст. IX).

Есть еще одна малая статья, но которая въ виду общаго характера договора, пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ. Эта статья объ уступкѣ клочка Бессарабіи Дунайскимъ княжествамъ, которыя теперь приняты подъ спеціальное покровительство Европы и въ частности—Франціи.

Уже ходъ предварительныхъ переговоровъ по бессарабской уступкѣ показываетъ, что замыслы противъ цѣльности нашей государственной территоріи лежали далеко. Пятой статьей Вѣнскаго протокола отъ насъ урѣзывалась половина Бессарабіи, съ сѣвера на югъ. Въ ней говорилось: „граница, исправленная согласно общимъ интересамъ, начнется у окрестностей Хотина, послѣдуетъ вдоль горъ, которыя тянутся въ направленіи юго-восточномъ, и окончится у озера Салцикъ... Уступленная территорія возвращается княжествамъ и верховной власти Порты". Изъ стилизаціи этой статьи („возвращается") можно полагать, что первоначально въ Вѣнѣ потребовали уступки всей Бессарабіи. Но въ засѣданіи 8-го марта Парижскаго конгресса Бруновъ предложилъ менѣе оскорбительную для чести Россіи границу, отъ Вадулуй-Исакчи на Прутѣ вдоль Троянова вала и до Ялпуха, замѣтивъ не безъ лукавства, что вѣдь державы, при требованіи новой границы, ищутъ одного — „обезпеченія свободнаго сообщенія по Дунаю". Это неожиданное предложеніе представителя Россіи вызвало бурю — ясный знакъ, какъ заинтересованы были наши противники бессарабской уступкой. Валевскій возразилъ, что предложеніе Брунова „слишкомъ осязательно" отдаляется отъ самыхъ основаній переговоровъ, чтобы „уполномоченные союзныхъ державъ могли принять его въ серьезное разсмотрѣніе". Представитель Австріи былъ откровеннѣе и наглѣе: онъ замѣтилъ, что „граница, предлагаемая Бруно-

вымъ, обнимаетъ лишь небольшую часть той территоріи, на уступку которой Россія согласилась, принимая австрійскія условія", что онъ „надѣется, что русскіе уполномоченные внесутъ въ конгрессъ предложеніе, которое будетъ болѣе приближаться къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ открытію переговоровъ". Только въ засѣданіи 10-го марта была сдѣлана наконецъ уступка Брунову (протоколы конгресса въ „Annuaire des Deux Mondes", т. VI).

Но скажутъ: что̀ значилъ для Россіи уступленный клочекъ Бессарабіи? Этотъ клочекъ — устье Дуная. Онъ единственный, оставшійся отъ исторіи пунктъ, гдѣ еще встрѣчались лицомъ къ лицу Россія и дунайское славянство. Развести навсегда этихъ опасныхъ сосѣдей, уничтожить послѣдній мостъ—вотъ первая цѣль затребованной уступки. Для бо̀льшаго обезпеченія потребовали вначалѣ половину Бессарабіи, съ сѣвера на югъ. А Румынскія княжества—это свои люди, спеціально выдвинутыя Европой противъ славянской идеи. Какъ пріятно щекотало самолюбіе только что родившихся румынъ выраженіе: Россія имъ возвращаетъ, а не уступаетъ!.. И это та Россія, которая первая подняла ихъ изъ грязи.

Чтобы насъ вполнѣ очистить, на конгрессѣ была сдѣлана Австріей весьма дерзкая попытка—регулировать наши отношенія къ свободной Черногоріи, не участвовавшей даже въ войнѣ. Русскіе уполномоченные протестовали, и конгрессъ ограничился словеснымъ завѣреніемъ ихъ, что Россія никакихъ особенныхъ плановъ не питаетъ, и это было занесено въ протоколъ.

Уничтоживъ Россію на востокѣ, дѣятели конгресса 1856 года славянству юга, для свободы котораго мы такъ систематично работали до наступленія политики Священнаго Союза, приготовляли судьбу, которую можно сравнить съ современнымъ положеніемъ Босніи и Герцеговины. Коренному населенію Босніи и Герцеговины Австрія съ европейскимъ указомъ въ рукахъ, не стѣсняясь объявляетъ: „ты никогда не имѣла земли и никогда имѣть ее не будешь—она принадлежитъ европейской колонизаціи", т. е. нѣмецкой. Та же, но нѣсколько прикрытая, цѣль заключалась въ постановленіи конгресса 1856 года объ обезпеченіи „територіальной неприкосновенности" Турціи въ Европѣ. Судьба славянъ Австріи (на нихъ Европа привыкла смотрѣть какъ на временно-терпимое зло) и Германіи, гдѣ они заботливо истребляются, открывалась затѣмъ въ преспективѣ.

Въ русской части исторіи восточнаго, вопроса въ параллель съ Парижскимъ трактатомъ, можно поставить одинъ только договоръ Прутскій, 1711 года. Не смотря на пространство раздѣляющее ихъ, оба они близки другъ къ другу. И тогда, и теперь, и только въ эти два момента нашихъ отношеній къ Турціи, мы—въ положеніи побѣжденнаго; намъ диктуютъ, хотя оба раза была увѣренность въ побѣдѣ. И тогда и теперь введенъ былъ въ дѣло одинаковый пріемъ для „обузданія" насъ и славянъ юга: развести симпатизирующія

стороны и предупредить новое сближеніе. Москва придвинулась при Петрѣ къ Черному морю, и договоръ 1711 года постановлялъ: отдать Азовъ назадъ, а „купецкимъ людямъ“ пріѣзжать въ Константинополь и отъѣзжать не иначе, какъ „сухимъ путемъ“. Мы приблизились наконецъ къ Дунаю, и трактатъ 1856 года отнялъ отъ насъ устье, отбросилъ назадъ, создавъ между нами и югомъ стѣну — Румынскіе княжества.

Результаты политики Священнаго Союза были на лицо, результаты нашей крайней самоувѣренности, нашего самоублаженія. Кто думалъ о нихъ, когда у насъ заходила рѣчь о починкѣ купола и чинѣ службы?.. Старикъ Воронцовъ ихъ предчувствовалъ, да предвидѣли ихъ немногіе опальные, напр. первые славянофилы, для которыхъ родная земля была мерзостью запустѣнія:

„. . . игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна“,

сказалъ знаменитый Хомяковъ, при самомъ началѣ нашего несчастнаго спора... Но голосъ ихъ былъ неслышимъ въ шумѣ преждевременно ликовавшаго большинства...

VII.

„Россія собирается“, сказалъ князь Горчаковъ въ своемъ первомъ циркулярѣ, принявъ несчастное наслѣдіе Нессельроде. Этимъ онъ заявлялъ, что Россія ликвидируетъ свои счеты съ своей недавней стариной въ вопросахъ и внутренней, и внѣшней политики.

Политическая муза славянофильскаго поэта не льстила народному чувству, такъ склонному къ снисходительной критикѣ своихъ отношеній, и рѣзкимъ словомъ указывала своей землѣ:

„. . . на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!“

Самый тяжкій грѣхъ было „клеймо рабства“. Не будемъ скрывать отъ себя, что крестьянская реформа, задѣвшая заживо доселѣ обезпеченный безпечный классъ, не малый и не безъ силы, какъ и другія стремленія новаго царствованія въ интересѣ внутренняго обновленія, встрѣтила отпоръ со стороны крупныхъ представителей этого класса, которыхъ и тяжелый опытъ послѣднихъ лѣтъ не умудрилъ. Вспомнимъ только рѣзкія мнѣнія по крестьянскому вопросу князя Орлова, подписывавшаго Парижскій трактатъ, соблазнительныя указанія на крестьянскую реформу въ Прибалтійскомъ краѣ, ловко проведшую человѣколюбивые планы Александра I. Только твердая воля новаго императора не допустила столь любимаго пріема у насъ,—

отложить, повременить. Это „повременить" знакомо намъ еще съ Карамзина и обошлось намъ по дорогой цѣнѣ. Не забудемъ словъ императора въ государственномъ совѣтѣ 26-го января 1861 года: „дѣло объ освобожденіи крестьянъ я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества... Откладывать этого дѣла нельзя". Финалъ несчастной „освободительной" войны 1853 года такъ и свѣтится изъ-за этихъ словъ. Время освободить народъ „не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ", пояснилъ свою мысль императоръ.

Реформа совершилась. Были возвращены наконецъ человѣческія права народу, тому, который въ это время доживалъ послѣдній годъ своей тысячелѣтней исторической жизни и который потрудился не мало. Послѣдующіе годы вели ту же освободительную политику разрушенія, и спѣшнаго, тѣхъ началъ, на которыхъ стояла жизнь столь недавняго суетнаго, фальшиво-блестящаго прошлаго, и заложенія началъ новыхъ, „да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство", но, говоря словами манифеста 19-го марта 1856 г., чтобы перестали вытыкать намъ: „врачу, изцѣлися самъ!.." Начала эти извѣстны—въ земствѣ, судѣ, школѣ.

Если у себя дома мы болѣе и болѣе отвыкали отъ фальшфейеровъ и переходили къ мозолистому самостоятельному труду, то вполнѣ естественно, что наше отрезвленіе должно было сказаться и въ нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ: на мѣсто недавней политики „стараго добраго времени", политики мишурной славы, отводившей насъ отъ нашихъ цѣлей и тѣмъ правильно ослаблявшей насъ, мы должны были поставить осмотрительность, осторожность.

Мы видѣли, севастопольскій погромъ Россіи, нашей политики, окрашенный въ европейскій легитимизмъ, былъ похоронною пѣснью и для восточнаго вопроса, въ его основной, славянской части. Такъ разсчитывали на Западѣ. Громъ пушекъ изъ крѣпости въ Бѣлградѣ оповѣстилъ сербовъ княжества, этой крохотной земельки на Востокѣ, успѣвшей полуосвободиться, о „радостномъ" днѣ паденія Севастополя.

Этотъ пушечный грохотъ должна же была понять Россія, какъ отзвукъ общаго злорадственнаго ликованья. Намъ оставалось въ утѣху одно—помнить слова поэта изъ опальнаго лагеря—И. С. Аксакова:

„Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень!"

Долгій трудъ червяка открылся теперь для Россіи и славянства.

Вынесенное огненное испытаніе очистило нашу тактику отъ традиціоннаго служенія интересамъ старой Европы, такъ часто шедшимъ въ разрѣзъ съ нашими. По крайней мѣрѣ, выяснилось, что защищать интересы славянства, оставаясь на почвѣ европейскаго легитимизма, нельзя: интересы одной стороны должны жертвоваться. Мы

приходили къ убѣжденію, что Европу надо оставить Европѣ, а намъ—заниматься собой, своимъ.

Начала новой, русской полититики (старую политику удобнѣе всего назвать „россійской“) были указаны недвусмысленно въ извѣстномъ первомъ циркулярѣ Горчакова, въ сентябрѣ 1856 года, т. е. сейчасъ послѣ коронованія. „Императоръ рѣшилъ—говорилъ Горчаковъ—прежде всего свои заботы посвятить благу своихъ подданныхъ и направить свою дѣятельность на развитіе внутреннихъ средствъ страны. Эта дѣятельность обратится во-внѣ только тогда, когда того потребуютъ безусловно положительные интересы Россіи. Россію упрекаютъ, что она держитъ себя особнякомъ и, не смотря на событія, которыя не согласуются ни съ правомъ, ни съ справедливостью, упорно молчитъ, дуясь. Россія не дуется, Россія собирается“.

Такимъ образомъ, вмѣшательство наше въ европейскія отношенія опредѣлялось теперь однимъ, категорически заявленнымъ, условіемъ—положительными интересами Россіи. Какъ ясно изъ тѣхъ же словъ Горчакова, не просохла еще кровь на бастіонахъ Севастополя, а уже сдѣланы были попытки соблазнить Россію на старый путь Священнаго Союза: указывали Россіи на событія, которыя „не согласуются ни съ правомъ, ни съ справедливостью“, т. е. съ европейскими трактатами. Какъ ни глухо выражается вице-канцлеръ о сдѣланныхъ указаніяхъ, но можно и изъ намековъ его почти безошибочно догадываться, откуда они шли, и какого рода они были. Итальянскій вопросъ, послѣ Парижскаго трактата, явно сталъ на очереди европейской политики, а онъ живо затрогивалъ интересы Австріи, точнѣе Габсбургскаго дома, члены котораго свили себѣ гнѣзда отъ Феррары и до Мессины. Циркуляръ Горчакова не двусмысленно отвѣчалъ на указанія трактатовъ: пора фиктивныхъ интересовъ прошла для Россіи.

Мы можемъ легко представить себѣ, какъ должно было подѣйствовать простое, ясное слово русскаго, а не „россійскаго“ министра, преемника Нессельроде, пріучившаго Европу къ инымъ рѣчамъ, обращикъ которыхъ мы имѣли выше въ сношеніяхъ съ Меттернихомъ въ 1842 году по вопросу объ иллиризмѣ. Слова сентябрскаго циркуляра находили поддержку въ характерѣ внутренней политики.

Германскіе и австро-нѣмецкіе публицисты встрепенулись прежде всего: они захлопотали за судьбу Австріи, этой старой грѣшницы въ тяжелыхъ судьбахъ народовъ средней и южной Европы.

Въ 1857 году произошло штутгардское свиданіе русскаго и французскаго императоровъ—сближеніе недавнихъ враговъ очевидно; нѣмецкая печать заволновалась. „Весьма естественно—говоритъ французскій публицистъ того времени—что петербургскій кабинетъ даетъ цѣну дружбѣ Франціи. Но слѣдуетъ ли отсюда, что надо принимать серьезно тѣ предположенія, которымъ дало мѣсто въ нѣмецкой прессѣ штутгардское свиданіе?“ (Annuaire des Deux Mondes, t. VII, 688).

Противъ кого же направлено сближеніе? Отвѣтъ дали сейчасъ, когда замѣтили, что Россія стала „подозрительно шептаться" съ ничтожной дотолѣ Сардиніей, выводимой Наполеономъ въ люди, но еще не выведенной. Для выведенія нужно было рѣшить итальянскій вопросъ, и въ него была посвящена Россія. Съ ужасомъ взглянули публицисты Германіи и Австріи на шептаніе Россіи съ Сардиніей по случаю пріобрѣтенія нами Виллафранкской гавани. „Подъ видомъ склада для угля только что открытаго одесскаго пароходнаго общества, Россія желаетъ утвердиться на Средиземномъ морѣ, чтобы оттуда дѣйствовать на юго-славянъ, а чрезъ нихъ на Австрію", закричали они.

И у всѣхъ у нихъ на устахъ Виллафранка и Австрія. Но нужна ли была Россіи какая-то тамъ пристань на Средиземномъ морѣ противъ Австріи, когда сами европейскія отношенія складывались противъ нея такъ, какъ именно могла только желать Россія, оскорбленная ею до живаго?

Мы познакомились съ ехидствомъ Австріи на Дунаѣ, затѣмъ въ Севастополѣ. Мы помнимъ сообщеніе умирающаго Николая главнокомандующему въ Крыму: „Австрія близка къ разрыву и готовится занять Южный край по Днѣпръ..." Посредничество ея при заключеніи мира стоило ея ранняго ехидства: она выпудила у Горчакова (онъ былъ посломъ въ Вѣнѣ) подпись подъ Вѣнскимъ протоколомъ на уступку половины Бессарабіи. Нагло держала она себя въ Парижѣ, на конгрессѣ, и пыталась было подчинить полицейскому надзору Европы (понимай—Австріи) наши свободныя отношенія къ послѣднему уголку свободнаго славянства—къ Черногоріи.

Весьма естественно, что при такомъ урокѣ недавняго прошлаго, политика „положительныхъ русскихъ интересовъ", указывала прямо— не колеблясь протянуть руку прежде всего своему недавнему открытому врагу—Франціи, войти даже въ виды ея политики въ Италіи (они не противорѣчили нашимъ) и первой своей цѣлью назначить свою ехидную сосѣдку. Не слѣпая отместка здѣсь говорила, а разсудительная подготовка необходимыхъ условій для дѣйствій въ будущемъ, для очищенія загрязненной политической почвы. Почти излишне упоминать, что каждый успѣхъ въ достиженіи „положительныхъ" интересовъ Россіи былъ и успѣхомъ славянства.

Во время парижскаго конгресса Франція довольно ясно показала цвѣтъ своей политики: покровительствуя идеѣ народности, она искала тѣмъ осуществленія своихъ національныхъ счетовъ.

Въ январѣ 1855 года Пьемонтъ примкнулъ безусловно, по настоянію Кавура, къ союзу западныхъ державъ противъ Россіи: формально было обѣщано одно—обезпеченіе неприкосновенности Сардинской территоріи. При вѣнскихъ переговорахъ Пьемонтъ былъ исключенъ, по требованію Австріи. Когда уполномоченные великихъ державъ собрались на конгрессъ, та же Австрія объявила себя противъ допущенія ничтожной Сардиніи къ участію, не говоря уже о правѣ равнаго.

Видимо, смѣлый шагъ Кавура—принять безсловное участіе въ войнѣ—терпѣлъ неудачу: для чего же было посылать 15 тыс. въ Крымъ и лѣзть въ долги? Но на этотъ шагъ Кавуръ пошелъ съ указанія изъ Парижа, и теперь Наполеонъ не оставилъ своей Сардиніи на бездорожьи. Послѣ значительнаго промедленія, 5—17 іюня Валевскій, вслѣдствіе прямаго приказанія Наполеона, письменно сообщилъ Кавуру, что сардинскій уполномоченный „непосредственно и лично будетъ участвовать во всѣхъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ могли бы быть затронуты частные интересы Сардиніи", что представители Франціи и Англіи озаботятся, чтобы сардинскій уполномоченный былъ извѣщаемъ постоянно о переговорахъ общаго интереса, и что, наконецъ, подпись его будетъ подъ мирнымъ договоромъ.

Было ясно, что Наполеонъ подготовлялъ общественное мнѣніе Европы къ итальянскому вопросу, выводя на сцену Пьемонтъ, сначала въ Крыму, затѣмъ въ Парижѣ.

Уже во второмъ засѣданіи парижскаго конгресса представитель Франціи сдѣлалъ вторую попытку по тому же пути—политическаго укрѣпленія латинской рассы: Валевскій предложилъ соединеніе обоихъ Дунайскихъ княжествъ, въ виду общности ихъ происхожденія. „Я думаю—сказалъ онъ—что соединеніе обѣихъ провинцій отвѣчаетъ нуждамъ, открывающимся при внимательномъ обсужденіи ихъ настоящихъ интересовъ, и конгрессъ долженъ бы былъ принять соединеніе и объявить". На сдѣланныя возраженія, особенно горячія со стороны представителя Австріи, Валевскій отвѣчалъ, что „всѣ указанія согласуются въ томъ, что молдаво-валахи воодушевлены, какъ одинъ человѣкъ, желаніемъ образовать въ будущемъ лишь одно государство: это желаніе объясняется общностью происхожденія и религіи" („Annuaire d. D. M." VI, 916).

„Положительные" интересы Россіи не могли требовать ослабленія латинской рассы въ Европѣ, и на смѣлое предложеніе Валевскаго о сплоченіи румынскаго элемента на нижнемъ Дунаѣ, захватывающаго, какъ извѣстно, и всю Трансильванію и восточныя части Венгріи, представители Россіи отвѣчали полнымъ согласіемъ. Мы остались, между прочимъ, вѣрны и нашимъ историческимъ преданіямъ, хотя въ данную минуту, на парижскомъ конгрессѣ, „молдаво-валахи" не могли быть намъ особенно симпатичны и по воспоминаніямъ послѣднихъ лѣтъ (вспомнимъ публичное сожженіе нашего „Органическаго устава" въ 1848 году), и по тѣмъ разсчетамъ, которые возлагала на нихъ теперь Европа, въ видахъ парализаціи славянства; а они не были ни для кого тайной.

Итальянскій вопросъ, въ смыслѣ объединенія латинской рассы Аппенинскаго полуострова, шелъ прямо противъ Австріи. Разрѣшеніе его могло быть только въ интересахъ Россіи—обезпечить себя отъ коварнаго сосѣда ослабленіемъ его, гдѣ только можно.

Мало сказать, что Австрія повелѣвала Италіей съ заключенія вѣн-

скаго конгресса, при помощи различныхъ герцоговъ Габсбургскаго дома: она была тамъ вполнѣ у себя дома. Позволимъ привести здѣсь характерныя слова извѣстнаго мадьярскаго диктатора 48 года, изъ его эмиграціонныхъ воспоминаній („Meine Schriften aus der Emigration. I. Die Periode des 1859-er italienischen Krieges"). „Австрія—говоритъ Кошутъ—не только владѣла Венеціей и Ломбардіей съ грознымъ четыреугольникомъ,—она занимала папскія области и Романью. Въ Коммакіо, Анконѣ, Феррарѣ, Болоньѣ и Пьяченцѣ стояли австрійскіе гарнизоны, а герцогство Парма было прямо австрійской провинціей, съ солдатскимъ управленіемъ. Въ Пармѣ командовалъ австрійскій генералъ, въ военныхъ судахъ австрійскіе судьи поставляли приговоры и, подъ видомъ сохраненія порядка, жизнь, свобода и честь гражданъ были въ рукахъ австрійскихъ полицейскихъ" (24). Одинъ только маленькій Пьемонтъ держалъ себя задорно и, побѣжденный въ 1848 году, онъ не оставилъ итальянской идеи. Если Австрія съ своими креатурами измышляла разныя „лиги" и прежде всего противъ Франціи, съ донкихотскими планами (о нихъ съ улыбкой вспоминаетъ Кошутъ, 25); то Пьемонтъ, вопреки Маззини, искалъ помощи въ Парижѣ. „Туринскіе политики—говоритъ Кошутъ—не одобрили лозунга: „Italia farà da se", и считали необходимымъ чужую помощь". (27).

Эта помощь была условлена Кавуромъ во время парижскаго конгресса. Заручившись Франціей и согласіемъ Россіи, Пьемонтъ „братался открыто и повсюду съ національной демократіей"—замѣчаетъ съ ужасомъ современный австро-германскій публицисгъ. („Russland unter Alexander II, 341). Въ отношеніи Россіи къ итальянскому движенію публицисты нѣмецкаго единства видѣли однѣ козни для новой попытки разрушенія Турціи. По ихъ убѣжденію, „отъ Адріатическаго и до Чернаго моря вожди славянскихъ народовъ только и ожидали сигнала къ разрыву, готовые, съ угрозой гнилой имперіи османовъ, поднять революцію въ пограничныхъ племенахъ Австріи, уничтожить которую была бы не въ состояніи имперія, занятая франко-итальянской войной" (тамъ же, 337).

Россія такъ далеко не шла, и не зачѣмъ было. Мы могли оставаться спокойнымъ зрителемъ и быть въ выгодѣ. Наше вмѣшательство было скромныхъ размѣровъ.

Въ циркулярѣ 4 февр. 1859, Кавуръ прямо обвинилъ Австрію, что, не смотря на то, что уже три года назадъ Пьемонтъ протестовалъ противъ расширенія австрійскаго господства на полуостровѣ, „вопреки указаній трактатовъ", она не унимается, и потому за послѣдствія въ отвѣтѣ она будетъ одна („Annuaire d. D. M." I, 969). Война была ясна. Но, чтобы умирить австро-пьемонтскіе счеты, русское правительство предложило было посредничество для пересмотра „указаній трактатовъ". Но оно не привело ни къ чему: Австрія дулась, что ее третирують на одной ногѣ съ „ничтожнымъ" Пьемон-

томъ, для котораго у нея былъ свой языкъ, откровенный. Австрійскій посланникъ въ Парижѣ, бар. Гюбнеръ, однажды прямо сказалъ французскому представителю въ Туринѣ: „мира на полуостровѣ до тѣхъ поръ не будетъ, пока вы и Аппони (представитель Австріи тамъ же) не отправитесь вмѣстѣ къ королю Виктору Эммануилу, чтобы объявить ему, что всѣ либеральныя учрежденія Пьемонта должны быть выброшены вонъ". Въ отвѣтъ на предложеніе о посредничествѣ Россіи, Австрія потребовала общаго разоруженія всѣхъ причастныхъ сторонъ, слѣд. и Франціи. Она видимо желала войны.

Имѣя сильный голосъ въ германскомъ союзѣ, вѣнскій кабинетъ не обратилъ никакого вниманія, что его теперь обозвали „нарушителемъ мира": онъ крѣпко разсчитывалъ на нѣмецкую демонстрацію у Рейна. Расчетъ Австріи былъ не безъ основанія. Идея національнаго единства уже сильно волновала умы въ Германіи, и побѣда Италіи, а съ ней усиленіе латинскаго элемента въ Европѣ могли только болѣзненно отзываться въ патріотическихъ сердцахъ нѣмцевъ союза. Естественная рейнская граница стояла передъ глазами, и общественное мнѣніе Германіи было въ пользу Австріи.

Въ то самое время, когда первые французскіе отряды переходили границу у Кюло (Culoz), въ Берлинѣ разнеслась вѣсть о французско-русскомъ наступательномъ и оборонительномъ союзѣ. Броженіе умовъ въ Германіи усилилось. Правда, вскорѣ объяснилось, что эта вѣсть— биржевая утка; но она вызвала Горчакова на объявленіе, которое еще болѣе ухудшило настроеніе. „Политика его величества—писалъ Горчаковъ—сохраняетъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, **полную свободу дѣйствій**, и едва ли нужно прибавлять, что она одушевлена единственно и только чувствомъ достоинства короны и **интересами страны**".

Опять „интересы страны!" А они у нѣмецкихъ публицистовъ тогда уже понимались не иначе, какъ „panslawistisch-russische Interessen", слѣд. и противъ Австріи. Болѣе чѣмъ когда утвердилось теперь среди нѣмцевъ убѣжденіе, что для Германіи „дѣло идетъ не о спеціальномъ вопросѣ между Франціей и Австріей, но просто о необходимомъ актѣ самозащиты" („Russland unter Alexander II", 351).

Война открылась и пошла несчастно для Австріи. Ей пришлось двоиться и обращать серьезное вниманіе на Венгрію, такъ какъ для нея не были тайной переговоры, которые велъ Кошутъ съ Наполеономъ и Кавуромъ объ общемъ возстаніи мадьяръ, но съ признаніемъ заранѣе Венгріи воюющей союзной стороной. Австрія всю надежду возлагала на мобилизацію Германіи, когда Горчаковъ разослалъ весьма энергическій циркуляръ по поводу нѣмецкихъ похотѣній (3—15 мая). „Наше желаніе въ настоящую минуту, какъ и большинства великихъ державъ—писалъ Горчаковъ—локализовать войну, такъ какъ она и вышла изъ мѣстныхъ интересовъ, и въ этомъ—единственное средство ускорить возвращеніе мира. Образъ дѣйствій нѣкоторыхъ государствъ

германскаго союза какъ разъ идетъ къ тому, чтобы войну сдѣлать общей". Горчаковъ указывалъ на гарантіи, которыя имѣетъ Германія въ „положительныхъ объявленіяхъ французскаго правительства", и продолжалъ: „Германскій союзъ есть комбинація чисто и исключительно оборонительная. Если же союзъ перейдетъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Франціи, въ виду воображаемыхъ плановъ, противъ которыхъ онъ получилъ болѣе, чѣмъ гарантію, онъ погрѣшилъ бы противъ цѣли своего образованія и пренебрегъ бы духомъ трактатовъ, которые—база его существованія. Мы вполнѣ надѣемся, что мудрость союзнаго правительства устранитъ заключенія, которыя могли бы привести его къ его собственному вреду и не дать ничего для его внутренняго усиленія. Если же, отъ чего Боже упаси, должно случиться иное (понимай — объявленіе войны Германіей Франціи), то мы, во всякомъ случаѣ, исполнимъ обязанности вѣрной и прямой дружбы (но къ кому?). Каковъ бы ни былъ исходъ настоящихъ затрудненій, императоръ, мой августѣйшій государь, вполнѣ свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, будетъ руководиться исключительно интересами своей страны и достоинствомъ короны въ заключеніяхъ, на которыя его величество будетъ вызванъ".

„Опять—исключительно интересы своей страны", закричали нѣмцы. „Конечно, интересы эти противъ Австріи, слѣд. въ пользу Франціи. Россія дѣлаетъ намъ предостереженіе. Таковъ смыслъ циркуляра, который почти перешелъ въ угрозу!" Публицисты были внѣ себя отъ раздраженія. „Это—анахронистическое воспоминаніе несельродовскихъ нотъ изъ восточной войны", объявили они. Вопреки ожиданіямъ Горчакова, нѣмцы не унялись. „Вождь Германіи"—Пруссія, долго колебалась въ нерѣшимости; но, наконецъ, мобилизовала войска—на русскую границу.

Опасность общеевропейской войны миновалась, когда австрійцы теряли битву за битвой и поспѣшили заключить миръ въ Виллафранкѣ. Потеря Ломбардіи и консолидація полуострова около Пьемонта, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ габсбургскихъ креатуръ, были результатами войны для Австріи. Франція получили свою лепту. Но въ тоже время уже ясно обнаружилось ревнивое взаимное отношеніе Германіи и Франціи, которое выразилось, наконецъ, въ войнѣ 1870 года.

Можетъ быть, безъ Россіи 1870 годъ былъ бы ужъ въ 1859 году, и кто знаетъ—справилась бы Франція съ обоими тогдашними нѣмецкими государствами: Австріей и „Бундомъ?" Если русская политика свободно попустила войну, ей нужно было дать урокъ Австріи; если она производила давленіе на правительства „оборонительной комбинаціи", чтобы удержать ихъ отъ вмѣшательства, то, вѣроятнѣе всего, она видѣла, что при осложненіи войны Австрія могла бы выйти побѣдительницей, а Франціи не справиться. Легкимъ вмѣшательствомъ своимъ Россія помогла Франціи и задержала ту войну, которая воз-

горѣлась только черезъ десять лѣтъ, при иномъ политическомъ положеніи Европы.

Такимъ образомъ, пораженіе Австріи и возникновеніе изъ революціи перваго національнаго королевства съ характеромъ шестой великой державы, могущей имѣть несомнѣнное значеніе при балканской ликвидаціи, были плодами перваго примѣненія къ Европѣ политики „положительныхъ интересовъ“, политики послѣ Севастополя. Понятно, старая политика—легитимизма Николая—не допустила бы Россію стать на сторону недавнихъ „карбонаріевъ“, для которыхъ у нея было одно отношеніе—экзекуція, и на повтореніе преданій несельродовской старины не переставали все еще расчитывать ни въ Австріи, ни въ Германіи.

Мы остановились нѣсколько дольше на австро-итальянскомъ вопросѣ 1859 года потому, что на немъ впервые выяснился характеръ новой русской политики — „собиранія“; съ другой стороны, уже въ 1859 году слышались симптомы будущаго черезъ десять лѣтъ.

VIII.

Итальянскій вопросъ сблизилъ Францію съ Россіей, сейчасъ-же послѣ крымской войны; но каждая сторона преслѣдовала свои интерессы. У Россіи были счеты съ Австріей; у Франціи—политика усиленія латинской рассы, въ виду предвидѣвшихся счетовъ на Рейнѣ, расширеніе французской территоріи. Но небезкорыстное служеніе наполеоновской Франціи идеѣ національности, а въ этой роли она являлась въ Италіи—привело ее въ дальнѣйшихъ шагахъ въ непріязненное положеніе къ Россіи.

Объединивъ Италію, обративъ „молдаво-валаховъ“ въ румынъ, Наполеонъ направилъ свою политику національности противъ Россіи. Въ этихъ интересахъ онъ дѣйствовалъ противъ нея съ одной стороны прямо, непосредственнно, съ другой—окольными путями.

Прямо, непосредственно, Наполеонъ дѣйствовалъ въ русской Польшѣ, выбросивъ здѣсь національное знамя. Польское возстаніе 1863 года возникло подъ диктовку Наполеона. Австрія теперь охотно вплеталась въ польскій вопросъ (хотя, повидимому, онъ былъ направленъ и противъ ея интересовъ), не безъ воспоминанья о 1859 годѣ: „вотъ тебѣ братанье съ принципомъ національности...“ Съ сердечнымъ удовольствіемъ графъ Рехбергъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, провелъ нашего вѣнскаго посла, Балабина (замѣтимъ, что Балабинъ—единственный человѣкъ изъ той массы лицъ, которыя перебывали нашими послами въ Вѣнѣ, оставившій теплую сочувственную память въ славянскомъ населеніи Австріи, предпочитавшій всегда симпатіи этого населенія всякимъ инымъ австрійскимъ милостямъ),

и тотъ впалъ въ тяжкую душевную болѣзнь. Конечно, не легко пришлось намъ расхлебать наполеоновскую кашу въ Польшѣ, но урокъ былъ не безъ пользы. Онъ укрѣпилъ въ насъ наше національное призваніе: онъ указалъ намъ освободить польскаго хлопа, польскую райю, и перестать вязжаться съ исторически враждебнымъ намъ слоемъ польскаго народа.

Косвенно таже политика національности была пущена Наполеономъ, какъ таранъ противъ Россіи, на югѣ, среди южныхъ славянъ у хорватовъ и болгаръ, но еще съ мѣньшимъ успѣхомъ.

Въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, тотчасъ послѣ итальянскаго разгрома Австріи, среди оживавшихъ хорватовъ (старая идея иллиризма Гая и Станка Враза къ этому времени уже почти вся выдохлась) образовалась небольшая политическая партія—партія „права", какъ она сама себя величала. Точнѣе ее назвали „великохорватской", а теперь она извѣстна подъ именемъ старчевичіанской. Во главѣ партіи „права" стояли два человѣка: Евгеній Кватерникъ, нѣсколько позже головой поплатившійся за свое увлеченіе, поднявши возстаніе среди граничаръ въ 1871 году, и другой—Антунъ Старчевичъ, дѣйствующій, и весьма сильно, и понынѣ.

Кватерникъ, Старчевичъ и ихъ люди, всѣми своими симпатіями, упованіями жили во Франціи. Наполеонъ III сталъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Наполеонъ I для поляковъ: символомъ ихъ историческаго воскресенія, идоломъ поклоненія. Своихъ отношеній, связей съ Тюльери они не скрывали и, проповѣдуя обновленіе „великохорватскаго королевства" отъ Адріатическаго моря и до Чернаго, требовали у народа всѣ свои надежды возложить на Наполеона. Въ этой проповѣди мы имѣемъ какъ бы повтореніе извѣстной польской программы— „отъ моря до моря". Хорватовъ партіи „права" не стѣсняло присутствіе сербовъ и болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ: эти народы, по ихъ терминологіи „скотья порода", должны безусловно обратиться въ хорватовъ. Ненавидя всей душей и открыто Австрію (въ этомъ ихъ нравственное превосходство предъ такъ называемой „народной" партіей въ Хорватіи), они, для полной параллели съ поляками, ненавидѣли столько же и Россію.

Такимъ образомъ, создались своего рода поляки среди южныхъ славянъ, которые должны были парализовать въ корнѣ славянскую политику Россіи на югѣ проповѣдью фанатической ненависти однихъ безсильныхъ славянъ противъ другихъ, проповѣдью взаимнаго ослабленія, и именно въ то время, когда, по энергическому вмѣшательству Россіи, удалось очистить сербское княжество отъ турецкихъ гарнизоновъ (1862).

Вмѣстѣ съ поддержкой „великохорватскихъ" тенденцій, французская политика работала противъ Россіи среди забитыхъ болгаръ. Изъ всѣхъ болгаръ, болгаре македонскіе выносили болѣе всего, страдая подъ двойнымъ игомъ—грековъ и турокъ. Въ 1845 году, путешествуя

по Македоніи, проф. Григоровичъ замѣчаетъ о тамошнихъ болгарахъ: „на пути я встрѣчалъ очень часто селянъ, не знающихъ повседневныхъ молитвъ, селянокъ, которыя даже при совершеніи креста не умѣли произносить слова. Какое-то одеревенѣніе замѣчалъ я въ этомъ бѣдномъ народѣ, такъ явно презираемомъ своими пастырями". Такое же впечатлѣніе вынесъ и французскій путешественникъ 60-хъ годовъ: „продолжительный упадокъ, нищета—говоритъ Dumon — напечатлѣли на лицѣ болгарина рѣзкія черты какой-то примитивной рассы; бѣдно одѣтый, путаясь, когда говоритъ, онъ даетъ намъ представленіе народа несчастнаго и забитаго" („Le Balkan et l'Adriatique", 134). Среди этой-то благодарной почвы Наполеонъ поднялъ вопросъ о церковной уніи съ Римомъ. Началось религіозное движеніе въ Македоніи... Но оно не успѣло принять широкихъ размѣровъ, благодаря рѣшительной политикѣ новаго русскаго посла въ Константинополѣ, Игнатьева, который, въ противодѣйствіе интригамъ Наполеона, принялъ горячо сторону болгарскихъ національовъ въ ихъ домогательствахъ независимой болгарской церкви, увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ нѣсколько позже (1870). Политика Игнатьева облегчила дальнѣйшіе пути болгарскаго движенія, сконцетрировавъ его интересы—въ церкви.

Политика Наполеона противъ Россіи, открытая на сѣверѣ и югѣ славянства, была безъ успѣха: напротивъ, она двинула впередъ, и весьма значительно, славянское освободительное дѣло, заставивъ насъ приняться за рѣшительныя средства. Въ польской революціи мы прибѣгаемъ къ рѣзкой мѣрѣ освобожденія **хлопа**, тѣмъ подсѣкаемъ жизненный нервъ политической революціи пановъ, прочищаемъ путь славянскаго единенія. Въ Болгаріи мы принимаемъ не менѣе рѣшительно сторону болгаръ—это будущіе „еретики"—и не даемъ себя болѣе проводить идеей православія, укрываясь за которую такъ долго и ловко работали византійскіе греки. Что же касается, наконецъ, людей партіи Старчевича среди хорватовъ, то волна событій, чрезъ немного лѣтъ, прибила ихъ какъ разъ къ противоположному берегу: въ настоящее время, непріязненные намъ старчевичіанцы—самые горячіе и искренніе сторонники Россіи среди славянъ Австріи, сторонники до самоотреченія. Освободительная, съ точки зрѣнія стараго легитимизма Николая, **опасная**, политика наша **внѣ** была прекраснымъ корелативомъ той же политики **внутри**.

Но въ то самое время, какъ Франція такъ фатально-безрезультатно выдвигала національный вопросъ противъ Россіи то здѣсь, то тамъ, и тѣмъ готовила для себя въ перспективѣ роковыя усложненія, у нея подъ бокомъ идея національнаго объединенія формировалась въ силу, которая въ концѣ снесла и самого Наполеона съ его имперіей. Какъ слѣпецъ, Франція не видѣла, чтò творилось около, и гналась за призраками.

Мы слышали оскорбительный, по взгляду нѣмецкихъ патріотовъ,

отзывъ Горчакова о Германіи 1859 года: „комбинація исключительно оборонительнаго характера". Конечно, Горчаковъ могъ бы сослаться на заключительную статью Священнаго Союза, которой „Бундъ" былъ поставленъ подъ общее ручательство европейскихъ державъ. Но эта ссылка была бы въ дѣйствительности уже анахронизмомъ. Германская идея работала давно и сильно, и на ростъ ея не безъ вліянія былъ 1859 годъ. Этотъ ростъ сказался весьма явственно, когда въ 1863 году австрійскій императоръ, глава союза, вздумалъ было подарить его новой конституціей, распредѣливъ иначе голоса. Попытка была ниже нуждъ времени, и на Франкфуртскомъ съѣздѣ предложеніе Австріи осталось безъ вниманія. Живое сознаніе своего національнаго единства указывало нѣмцамъ иные пути для возрожденія.

Нѣмецкое національное чувство глубоко возмутилось, прежде всего, гнетомъ трехъ съ половиною нѣмцевъ подъ игомъ злыхъ датчанъ, и вотъ открывается комическая борьба двухъ голіафовъ противъ лилипута Даніи за освобожденіе трехъ съ половиною голштинскихъ нѣмцевъ. Обобранная Данія — первые листки въ нѣмецкомъ побѣдномъ вѣнкѣ. На первое время побѣдные лавры были подѣлены по-ровну между обоими завидными побѣдителями: одинъ взялъ Шлезвигъ, другой—Голштинію. Но затѣмъ они разгрызлись, и лавръ соединился на одной главѣ.

Шестинедѣльная война 1866 года была результатомъ этой грызни недавнихъ счастливыхъ друзей. Наполеонъ весь жилъ въ этой „братоубійственной" войнѣ. Онъ участвовалъ въ ней и былъ ловко проведенъ: нейтралитетъ Франціи по отношенію къ Пруссіи былъ купленъ притворнымъ обѣщаніемъ лѣваго берега Рейна со стороны Берлина. Россія стояла въ сторонѣ: ея „положительные интересы" не затрогивались борьбой двухъ „братьевъ", приведшей къ ослабленію Австріи.

Непосредственное вмѣшательство Наполеона, не ожидавшаго такого быстраго пораженія Австріи, прекратило войну, и въ гостинницѣ „Zur blauen Sterne" въ Прагѣ былъ подписанъ миръ. Прежняя нива, Австрія, теперь выброшена была изъ „комбинаціи", какъ инородная величина въ чужой для нея стихіи нѣмецкаго единства (хотя нынче не безъ сожалѣнія вспоминаютъ объ этомъ шагѣ Берлина). Ея послѣднее итальянское владѣніе—Венеція—было выдано единой теперь Италіи. Австрія осталась съ своими наслѣдственными, историческими землями.

Война 1866 года имѣла глубокое значеніе и для Австріи, и для славянства. Прежде всего старая имперія потеряла свое вѣковое европейское положеніе: до войны она жила своей австрійской государственной идеей, имѣла свой смыслъ, хотя и была членомъ „комбинаціи", т. е. союза; теперь же, внѣ союза, она стала временной лабораторіей германизма для обработки славянъ и всякихъ не нѣмцевъ, простымъ орудіемъ Берлина противъ славянскаго востока. Въ пер-

вые минуты она подумывала и о „реваншѣ" — она пригласила саксонца Бейста, врага Бисмарка, и ему вручила свои судьбы: но этотъ Бейстъ привелъ ее сейчасъ же къ дуализму — къ добровольному отреченію отъ своей государственной идеи — въ смыслѣ исторически сложившейся монархической федераціи народовъ. Орудіе „возмездія", Бейстъ, для обновленія Австріи остановился на программѣ, которая самымъ теплымъ образомъ препоручалась изъ Берлина—на подѣленіи старой имперіи между нѣмцами на западѣ и мадьярами на востокѣ: и генералъ Клапка, и гр. Андраши были желанными гостми не только въ Парижѣ, но и въ Берлинѣ. Настало „австро-мадьярское соглашеніе", которое привело къ ожесточенной взаимной ненависти народовъ имперіи, готовыхъ кинуться другъ на друга. Къ чему оно еще приведетъ, когда идеи Кошута о независимости Венгріи возьмутъ верхъ надъ примирительной политикой Деака, сказать трудно. Одно вѣрно: событія складываются съ каждымъ почти днемъ болѣе и болѣе въ пользу политики Кошута...

Такимъ образомъ, черезъ десять лѣтъ послѣ Севастополя, были покончены у русской политики счеты съ Австріей. Австрія временъ Севастополя исчезла съ карты Европы. На мѣстѣ ея появилась своеобразная „комбинація" съ характеромъ политическаго авантюризма. Мѣсто Австріи въ союзѣ и Европѣ заняла Пруссія, пріобрѣтшая въ два года, нежданно для всѣхъ, имя грознаго солдата, причемъ сила ея еще не была серьезно взвѣшена въ Европѣ и, главнымъ образомъ, въ сосѣдней Франціи.

Франція проспала нѣмецкое объединеніе. Она все играла идеей національности и была поражена, когда пришлось, наконецъ, ей самой извѣдать значеніе этой идеи въ примѣненіи къ себѣ. Тихо готовилось квитанье счетовъ наполеоновской политикѣ.

Вторая половина шестидесятыхъ и первая семидесятыхъ (по май 1875) въ политикѣ Европы отмѣчены одной чертой: я бы ее назвалъ — кровавой практикой **рассовой** идеи, дальнѣйшей трансформаціи старой идеи національности. Сначала идутъ приготовленія къ рассовой встрѣчѣ, а затѣмъ систематическая утилизація слѣдствій ея. Эта встрѣча — нѣмецко-французская война 1870 года, борьба двухъ наиболѣе образованныхъ народовъ Европы, но въ которой такъ ярко выступили наружу грубые рассовые инстинкты человѣка, особенно на сторонѣ нѣмецкой.

Событія этого времени такъ свѣжи въ памяти у всѣхъ, что на нихъ нѣзачѣмъ особенно останавливаться.

Мы видѣли, какъ еще въ 1859 году идея племеннаго единства „комбинаціи" прорывала свою ветхую средневѣковую форму и искала войны на Рейнѣ. Вліяніе Россіи сдержало этотъ порывъ и тѣмъ помогло Франціи счесться съ Австріей по итальянскому вопросу. Считая по привычкѣ главой „комбинаціи" Австрію, Наполеонъ пренебрегалъ нѣмецкимъ племеннымъ броженіемъ и по привычкѣ считалъ себя

политическимъ хозяиномъ Германіи, когда посредничалъ при никольсбургскихъ переговорахъ, остановившихъ войну 66 года.

Отплата за невмѣшательство въ дѣло двухъ „братьевъ" носилась предъ глазами Наполеона въ видѣ обѣщаннаго лакомаго берега Рейна. Но сейчасъ же пошла проволочка. Наполеонъ не задалъ себѣ вопроса: въ порядкѣ ли вещей было разсчитывать серьезно, что, увѣнчанный лаврами Садовой и Градца, Берлинъ въ состояніи рѣшиться уступить вѣковому врагу лучшую часть нѣмецкой земли, рѣшиться оскорбить національное достоинство своего народа, и когда—въ разгаръ его патріотизма? И сердечно вѣрилъ Наполеонъ въ возможность уступки. Но люксенбургскій вопросъ уже черезъ годъ (1867) едва не привелъ къ войнѣ между порейнскими сосѣдями: онъ выяснилъ напряженное отношеніе Франціи и Германіи — стараго солдата съ старыми лаврами, немного поощипанными въ Мексикѣ, и молодаго, только что выступившаго съ лаврами Алзера и Садовой.

Пошли приготовленія — въ Германіи на дѣлѣ, во Франціи на бумагѣ. Кровавая война предчувствовалась, носилась въ воздухѣ. Въ отечествѣ Шиллера и Гёте интересы барабана и „налѣво-кругомъ" стали впереди всего. Нѣмецкое сердце болѣе и болѣе переставало биться для старыхъ идеаловъ и свое удовлетвореніе находило въ гармоніи „трахъ-тарарахъ"... Мнѣ живо помнится сентябрь 1869 года, проведенный мною въ Берлинѣ, слѣдовательно еще въ старомъ Берлинѣ, но за немного мѣсяцевъ до гогенцолернской кандидатуры на испанскій престолъ. Позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ моей записной книжки, воскресить впечатлѣнія того времени. Вотъ что̀ я тогда занесъ на память. „Въ Берлинѣ только и видно, что марширующихъ солдатъ. Впереди ихъ по улицамъ всегда необозримыя толпы мальчишекъ, непремѣнно съ военными значками, а въ гармонію съ ними старики, женщины, усердно маршируютъ по тротуару, вдоль рядовъ, подъ тактъ музыки. Но особенно воинственենъ Берлинъ по воскресеньямъ. На лицахъ встрѣчныхъ — не то высокомѣріе, не то задирчивость. Вмѣстѣ съ самоупоеніемъ особенно непріязненное отношеніе ко всему не нѣмецкому, переходящее въ фанатизмъ. Два дня нафанатизованныя толпы черни (былъ праздникъ Гумбольдта) штурмуютъ недавно отстроенный католическій монастырь въ предмѣстьѣ Моабитъ, и онъ едва не сталъ грудой".

Въ своемъ самоупоеніи Берлинъ не обманулся, что̀ бываетъ такъ не часто.

Кандидатура невзрачнаго принца Гогенцолерна привела, наконецъ, къ давно лелѣянному въ Берлинѣ столкновенію. Наполеонъ не понялъ задирки и пошелъ... Результаты извѣстны. Имперія авантюриста, такъ долго державшаяся на вулканѣ, пала вмѣстѣ съ нимъ. Франція, окровавленная, обобранная, выплыла на свѣтъ въ формѣ республики.

Подъ Седаномъ и Мецемъ погребаются послѣдніе отблески славы

Севастополя, славы наполеоновской Франціи, созданной на счетъ русскаго имени.

IX.

Произошло послѣднее очищеніе политической атмосферы Европы: разнесено гнѣздо, столь памятное намъ четверть вѣка назадъ, диктовавшее намъ унизительныя условія мира.

Но вѣрно ли, что ниспроверженіе авантюриста, воздвигшаго свой тронъ на декабрскихъ баррикадахъ Парижа и бастіонахъ Севастополя, на національномъ униженіи Россіи и ослабленіи славянства, сталось безъ насъ—другіе сработали за насъ?..

Ясно припоминаются жаркіе дни конца іюля 1870 года. Ясно помнится лаконическая, но много содержательная телеграмма императора Александра къ прусскому королю, уѣзжавшему изъ Берлина на Рейнъ: „нейтралитетъ Австріи я обезпечиваю". Вѣна въ началѣ войны какъ-то глупо закопошилась. Мало дала Германіи русская телеграмма? Ею сотни тысячъ нѣмецкихъ солдатъ двинуты на Рейнъ. Участь Наполеона была заранѣе написана рукой, писавшей тѣ четыре слова, чтó бы и какъ бы ни говорили нѣмецкіе патріоты черезчуръ...

Иной вопросъ—что же мы получили за тѣ четыре слова? Ниспроверженіе Наполеона—прямо въ нашу выгоду; а затѣмъ послѣдовала быстрая перемѣна фронта самымъ осязательнымъ образомъ поддержаннаго нами Берлина—по отношенію къ намъ же самимъ. Обнаружилась весьма серьезная игра. Бисмаркъ и „его люди" давно предали забвенію наше рѣшительное вмѣшательство въ событія 1870 года, хотя старикъ Вильгельмъ что-то и говорилъ о „незабвеніи".

Мы должны признать справедливымъ, что политика считается исключительно съ одними интересами, и никакой рѣчи о благодарности быть не можетъ. Слѣдовательно, если Берлинъ такъ скоро перемѣнилъ къ намъ фронтъ, то это ясный знакъ того, что въ нашемъ вмѣшательствѣ въ событія 1870 года было что-то лишнее, былъ сдѣланъ нами въ преслѣдованіи нашихъ интересовъ шагъ, который не оправдала дѣйствительность. Мы не соблюли мѣры. Правда, борьба, открытая противъ наполеоновской Франціи со стороны Германіи, была, несомнѣнно, тотъ случай, который требовалъ, во имя нашихъ „положительныхъ интересовъ", нашего вмѣшательства въ дѣла чужихъ государствъ — это условіе было заявлено въ извѣстномъ циркулярѣ 1856 года: но тѣ же интересы требовали во французско-нѣмецкой войнѣ не пропустить момента, когда намъ нужно было перемѣнить фронтъ...

Чтó могло бы случиться, если бы не было знаменитыхъ четырехъ іюльскихъ словъ? Вѣроятно, Австрія, въ силу династическихъ преданій, попыталась бы напасть на Пруссію съ юга, а на это очень расчитывали въ Парижѣ, какъ заявлялъ позже въ своихъ „Воспоминаніяхъ" герцогъ Граммонъ. Не забудемъ, что южно-нѣмецкія, т. е.

католическія, государства не съ охотой шли подъ знамена Пруссіи (а образчикъ отношенія протестантскаго населенія ко всему католическому въ Берлинѣ 1869 года мы имѣли выше), и въ рѣшительную минуту могли бы оставить своего гегемона... Воспоминанія 1866 года, когда католическій нѣмецъ сражался противъ лютеранскаго, были свѣжи. Въ виду этихъ возможностей, какую политику требовали наши „положительные интересы?“ Отвѣтъ былъ не сомнительный: намъ нельзя было допустить, чтобы Наполеонъ вышелъ съ побѣдой; иначе— сегодня онъ въ Берлинѣ, завтра—польское возстаніе по всей линіи, и мы продолжаемъ войну между Франціей и Германіей. Въ соображеніи, конечно, этого обстоятельства прежде всего, мы произвели сильное давленіе на Австрію и молча, но осязательнымъ образомъ участвовали въ направленіи и результатахъ войны 70 года. Безспорно, возможенъ былъ и иной путь для нашей политики въ французско-нѣмецкой борьбѣ: повременить съ давленіемъ на Австрію, предоставивъ на первое время теченіе дѣлъ ихъ естественному ходу, и вмѣшаться съ своимъ вѣскимъ словомъ только тогда, когда можно было замѣтить, что шансы успѣха склоняются на сторону Наполеона... Можетъ быть, слово пришлось бы нѣсколько подкрѣпить дѣломъ...

Мы избрали первый путь — открытой, прямой политики, не безъ увѣренности, что нашъ образъ дѣйствій оцѣнится по достоинству заинтересованной стороной. Насколько его оцѣнили, показали послѣдующіе годы, особенно памятный намъ 1878 годъ. Но, участвуя въ качествѣ негласнаго союзника въ открывшейся борьбѣ, мы должны бы были замѣтить, что съ седанской катастрофы борьба перемѣнила свой характеръ: столкновеніе двухъ государствъ превратилось въ борьбу двухъ рассъ. Наступилъ моментъ, когда наши интересы, послѣ уничтоженія наполеоновской Франціи, указывали намъ вмѣшательство, но въ иную сторону. Мы этого не сдѣлали. Мы предоставили Францію, теперь уже народъ, на милость и немилость торжествовавшей Германіи.

Исторія Европы ближайшихъ лѣтъ послѣ войны и особенно исторія нашихъ отношеній къ новой имперіи показываетъ, что, оставшись непоколебимымъ союзникомъ Берлина до конца, не смотря на самую горячую защиту дѣла Франціи предъ нами старика Тьера, мы сдѣлали ошибку.

Одна имперія нами, въ нашихъ интересахъ, ниспровергнута, другая—создана и, какъ слѣдовало бы ожидать, также не противъ выгодъ нашихъ. Но та была далеко на западѣ, а эта—ближайшая, подъ бокомъ сосѣдка, и на мѣстѣ старой безсильной „комбинаціи“, тяжелая, какъ самъ нѣмецъ, узко-своекорыстная, зазнающаяся, какъ каждый, кто только вчера вышелъ въ князи.

Новая имперія прежде всего изъ старой, гордой, независимой Австріи сдѣлала свою „комбинацію“, и безповоротно, но комбинацію, примѣняя выраженіе Горчакова, „преимущественно агрессивнаго ха-

рактера", выставленную противъ Россіи и славянства: попытка династической политики освободить Австрію отъ опеки Берлина въ министерствѣ Гоэнварта въ 1871 года, т. е. сейчасъ по заключеніи войны, не продержалась и пяти мѣсяцевъ, и Берлинъ назначилъ свое министерство (Ауэрсперга), которое управляло судьбами Австріи (Цислейтаніи) ровно восемь лѣтъ. Когда затѣмъ французская республика, благодаря патріотизму Тьера и народа, выплатила чудовищную контрибуцію и до срока, побѣдитель-сосѣдъ, убѣдясь, что недавняя жертва воскресла и цѣль не достигнута, рѣшилъ поспѣшить съ новымъ ударомъ противъ Франціи.

Это было въ апрѣлѣ 1875 года. И что же? Русская политика вынуждена была вмѣшаться въ политику рассовыхъ инстинктовъ нѣмецкой имперіи, объявить ей свое неодобреніе и тѣмъ спасти Францію отъ математически-разсчитаннаго удара. Каждый изъ насъ помнитъ посѣщеніе Берлина русскимъ императоромъ въ маѣ 1877 г. и послѣдовавшій затѣмъ циркуляръ Горчакова—„войны не будетъ".

Такимъ образомъ, мы сдѣлали въ 1875 году тотъ шагъ, который должны бы были сдѣлать пять лѣтъ назадъ, сейчасъ же послѣ Седана... Оплошность была признана, и сдѣланъ былъ шагъ и благородный, и смѣлый одинаково. Мы остановили—кого? Бисмарка...

Легко пойметъ каждый, что̀ почувствовалъ въ своемъ сердцѣ гордый, деспотическій канцлеръ въ виду рѣшительнаго вмѣшательства Горчакова въ его „личное", нѣмецкое дѣло. Чувства своего канцлера — досаду и затаенную злобу — раздѣлялъ и каждый нѣмецкій патріотъ.

Мнѣ довелось іюнь 1875 года провести въ Саксоніи, въ сербо-лужицкомъ городкѣ Будышинѣ (Bautzen). Хорошо помню впечатлѣніе отъ русскаго вмѣшательства въ нѣмецкой провинціи—вмѣшательства въ „наше домашнее дѣло", какъ выражались съ досадой нѣмецкіе офицеры. Одинъ изъ нихъ какъ-то признался прямо: „мы всѣ были давно готовы, ждали съ минуты на минуту послѣдняго слова, и это послѣднее слово было — войны не будетъ по тому, что ея не желаетъ Россія". Понятно, послѣднія слова были подчеркнуты.

Ударъ былъ отведенъ. Русская политика торжествовала побѣду, къ сожалѣнію, нѣсколько позднюю.

Судя a priori, нельзя никакъ допустить мысли, что Бисмаркъ, прочтя въ газетахъ ославившую его телеграмму старика Горчакова, рѣшился сидѣть сложа руки. Но въ тоже время—полная тайна, что̀ замышлялъ онъ въ маѣ 1875 года въ отвѣтъ на вмѣшательство Россіи, испортившей ему всѣ его планы, разсчеты. Ясныхъ указаній—фактовъ мы не имѣемъ. Въ виду этого, я позволю себѣ предложить нѣкоторыя свои гаданія: можетъ быть, въ будущемъ онѣ и оправдаются.

Дѣло въ томъ, что не успѣли еще прекратиться газетные толки о русскомъ вмѣшательствѣ въ Берлинѣ, какъ неожиданно-негаданно вспыхиваетъ невесиньское возстаніе, приведшее насъ подъ Констан-

тинополь, а затѣмъ и въ Берлинъ, гдѣ намъ пришлось выслушать напоминанія о маѣ 1875 года, гдѣ, и не употребляя поэтическихъ образовъ Аксакова, мы были глубоко оскорблены Бисмаркомъ. Есть ли между этими двумя событіями—маемъ и іюнемъ 1875 года—связь? Кажется, возможенъ одинъ положительный отвѣтъ.

Посредника между Берлиномъ и Невесиньемъ я ищу и нахожу въ Вѣнѣ. Поѣздка императора Франца-Іосифа въ Далмацію во второй половинѣ мая 1875 года является мнѣ съ характеромъ вызывательно-политической миссіи, по указанію изъ Берлина.

Проведши позднюю осень 1875 года въ Загребѣ (Agram, въ Хорватіи), я, подъ вліяніемъ загребскихъ впечатлѣній, писалъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя изъ Праги: „недалекое будущее поставитъ внѣ сомнѣнія, что герцоговинское возстаніе началось съ указанія Вѣны, а пока извѣстны слѣдующіе факты. Первые поднялись герцоговинскіе католики на границѣ съ Далмаціей, которая, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, была осчастливлена впервые пріѣздомъ Франца-Іосифа. Первые повстанцы дрались подъ черножелтымъ, т. е. австрійскимъ знаменемъ, считая въ рядахъ своихъ не мало австрійскихъ солдатъ" (см. нашу книгу „Мы и они", 206). Теперь я могу прибавить къ старому, изъ тѣхъ же загребскихъ воспоминаній, что Францъ-Іосифъ, во время своего путешествія по Далмаціи, съ особенною любезностью посѣщалъ православныя, т. е. сербскія, народныя школы, конечно, на югѣ, демонстративно расписывался тамъ въ преподносимыхъ ему книгахъ по сербски: „Франьо", т. е. употреблялъ серборусскія буквы, чего, замѣтимъ мимоходомъ, онъ никогда не позволялъ себѣ въ Галиціи между русскихъ, и даже въ одной школѣ сдѣлалъ замѣчаніе, отъ чего онъ не видитъ сербской газеты „Застава" (Знамя)? А „Застава"—это радикальный славянскій органъ того Милетича, котораго чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ позже схватили мадьярскія власти, беззаконно судили и продержали въ тюрьмѣ болѣе $2^1/_2$ лѣтъ, и въ настоящую минуту газета эта изъята изъ обращенія въ Цислейтаніи. Когда лѣтомъ 1875 года старый эрцгерцогъ Альбрехтъ былъ въ Загребѣ, онъ прямо сообщилъ одному сановнику изъ такъ называемыхъ хорватскихъ патріотовъ, что „скоро мы войдемъ въ Боснію". Конечно, не отъ Альбрехта зависѣло, что давно лелѣемое Австріей „Ein marschiren" въ Боснію не сладилось тогда и имѣло мѣсто только черезъ три года, при совершенно иной обстановки—послѣ страшной войны Россіи 1877 года за освобожденіе славянства.

Россія видимо не желала вызова на сцену славянскаго вопроса,—стремленіе весьма естественное, послѣ ея майскаго шага въ Берлинѣ. Она всячески силилась затормозить и потушить движеніе въ Герцеговинѣ. Она понимала раздраженное состояніе Берлина, который еще такъ недавно сулилъ горы золотыя, и видѣла свою изолированность. Правда, въ скоромъ времени герцеговинское движеніе перешло въ руки Черногоріи, пріобрѣло православно-славянскій характеръ, „черно-

желтые“ элементы отошли, и Вѣна стала къ нему враждебна — самаго надувательскаго характера были умиротворительные проэкты Андраши 30 декабря 1875 года, какъ признавались позже органы министра: но Россія все продолжала мирную политику, какъ бы заслонялась за Европу, раздражая тѣмъ горячія сербскія головы. Октябрь 1875 года я провелъ въ Бѣлградѣ, откуда заглядывалъ въ Панчево (городъ австрійскихъ сербовъ въ Банатѣ). Помню нареканія, ворчанія сербовъ, рѣзкія нападки газетъ на Россію и во главѣ ихъ „Панчевац“. Позже, косые взгляды смѣнились ликованіемъ, когда Россія сдѣлала извѣстное заявленіе, что она не приносила интересовъ славянства въ жертву европейской политикѣ и не принесетъ.

Въ Берлинѣ кричали, и эти неистовые крики не унялись и по сегодняшій день, о панславистахъ, виновникахъ послѣдней нашей войны съ Турціей; но это самое неистовствованіе весьма подозрительно. Настоящій виновникъ, вѣроятно, смѣялся себѣ въ кулакъ.

Обстоятельства осложнялись, Россія должна была принять войну...

Россія употребляла всѣ усилія, чтобы локализовать войну. Но кто не пойметъ обаятельнаго дѣйствія слова свободы среди вѣковыхъ илотовъ славянскаго полуострова? Объединенная, свободная Италія, Германія: не на очереди ли освобожденіе славянства? Задвигалось все славянство; энтузіазмъ былъ общій, а чувство не разсуждаетъ. Ближайшій къ мѣсту дѣйствія полусвободный Бѣлградъ сталъ желаннымъ пунктомъ, куда стремился болгаринъ изъ Ниша и Румыніи, словенецъ изъ Краины, чехъ, моравянинъ. Все это была молодежь, студенты. За ними пошли и русскіе добровольцы. Помню я пошлыхъ авантюристовъ (одинъ изъ нихъ, М., кутилъ и обиралъ довѣрчивыхъ людей); но помню я и благороднаго энтузіаста Далматова, перваго добровольца, помню честнаго нѣмца изъ Риги, помню и сына извѣстнаго поэта Баратынскаго, Льва, тощаго старичка, кажется, изъ Тамбовской губерніи, который чрезъ Бѣлградъ намѣревался пробраться въ Герцеговину, чтобы тамъ предложить свои посильныя услуги для устройства дипломатической части у повстанцевъ. Съ Баратынскимъ я плылъ на одномъ пароходѣ изъ Пешта до Бѣлграда; затѣмъ остановились мы вмѣстѣ въ гостинницѣ „У сербской короны“, и за ужиномъ старикъ посвятилъ меня въ свои планы, когда я ему замѣтилъ, что такому тщедушному и слабому, какъ онъ, не мѣсто въ осеннемъ лагерѣ возставшихъ. „Я знаю—отвѣчалъ онъ—четыре языка, и этимъ я, быть можетъ, буду полезенъ возстанію“. За справками, какъ пробраться изъ Сербіи въ Герцоговину, я посовѣтывалъ обратиться въ редакцію „Истока“. Но на другой день онъ, при встрѣчѣ со мной, объявилъ, что пробраться, оказывается, невозможно, и сейчасъ же уѣхалъ въ Осѣкъ, а оттуда въ Тріестъ, моремъ пробрался въ Герцеговину, гдѣ, кажется, и погибъ.

Между тѣмъ возстаніе росло, благодаря патріотической дѣятельности Бѣлграда, перешло въ сѣверную Боснію, гдѣ руководство имъ

взялъ въ свои руки извѣстный одноногій севастопольскій капитанъ, Георгій Влайковичъ. Въ Босніи погибъ, между прочимъ, Далматовъ. Въ слѣдующемъ 1876 году революціонное движеніе охватило центральную Болгарію. Возстаніе болгаръ вызвало суммарное вѣшанье, рѣзню въ маѣ, вмѣшательство сербовъ въ іюнѣ и, наконецъ, походъ Россіи.

Время для русской политики въ восточномъ вопросѣ было критическое. Поистребивъ болгаръ, Турція продиктовала бы миръ въ Бѣлградѣ по своей волѣ; европейская конституція Митхада отняла бы у пригнетеннаго славянства всякое легальное право протеста, напр. предъ Россіей, а совокупно съ Австріей и Германіей, Порта озаботилась бы объ остальномъ. Черезъ десятокъ лѣтъ мы имѣли бы за Дунаемъ Австрію магометанскаго закона. Теперь Россія должна была припомнить свое октябрское слово: „въ жертву славянъ не принесетъ".

Оффиціальный Берлинъ собирался съ своей стороны съ оффиціальной отплатой за помощь, оказанную знаменитой телеграммой въ 4 слова. Онъ объявилъ, что съ турками противъ насъ не пойдетъ: „Германія и однимъ померанскимъ мушкатеромъ не пожертвуетъ для восточнаго вопроса" — сказалъ Бисмаркъ тѣмъ, кто уже тогда подумывалъ о войнѣ съ Россіей [1]).

Послѣ многихъ ошибокъ (медлительность, нѣкоторое самомнѣніе 1853 года и др.), неудачъ, мы дошли до вратъ стараго „Царяграда", вызвали къ жизни болгаръ отъ моря и до моря, а затѣмъ, крайне обезсиленные, должны были явиться въ свою Каноссу и предъ Европой, у которой мы похитили славянъ юга, искать унизительнаго согласія хоть на нѣкоторые результаты своего тяжелаго дѣла. Оскорбительно было русскому человѣку, а съ нимъ каждому честному славянину. За то вольно билось сердце у руководителя нѣмецкой политики. Для него настала минута его торжества, минута отплаты. Правильно назвалъ онъ себя маклеромъ сдѣлки: онъ предложилъ Горчакову квитанье счетовъ мая 1875 года.

На знаменитомъ конгрессѣ опредѣлились, наконецъ, наши отношенія къ Берлину, опредѣлилось и значеніе славянскаго вопроса въ Европѣ и, вѣроятно, характеръ нашей политики будущаго. Мы по-

[1]) Въ сентябрѣ 1875 г., слѣдовательно въ разгаръ возстанія, благонравный журналъ нѣмецкихъ семей „Ueber Land und Meer", такъ откровенно-умилительно успокоивалъ свою публику: „Слышно, что Турція болѣе и болѣе освобождается отъ помочей генерала Игнатьева и склоняется къ Германіи. На случай нѣмецко-русской войны, турецкая армія могла бы сдѣлать не маловажную диверсію противъ русской границы. Конечно, Германія — царство мира и желаетъ быть такой; но тѣмъ не менѣе, для войны она должна искать союзниковъ во время мира (№ 50, въ статьѣ „Нѣмецкая стихія въ Турціи"). Что Германія—царство мира, объ этомъ недавно поучалъ насъ Мольтке, расписывая нѣмецкаго Михеля. Но также недавно нѣмецкіе публицисты отыскивали новаго союзника „im Falle eines deutsch-russischen Krieges"—въ Китаѣ и, кажется, нашли.

теряли матеріально много; но пріобрѣли, вѣроятно, одинъ не легко дающійся урокъ — умѣть распознавать свои и не свои интересы, не ставить довѣрія тамъ, гдѣ мѣсто простому цифровому расчету. Знаменитый конгрессъ еще не сошелъ со сцены европейской политики, и трудно сказать, когда сойдетъ, и какой и гдѣ оставитъ слѣдъ за собой. Но и теперь предъ нами любопытная картина перетасовавшихся европейскихъ отношеній: старый врагъ по Балкану идетъ съ нами рука объ руку, одушевленный самымъ горячимъ чувствомъ для свободы славянства, а „столѣтній" союзникъ — во главѣ политическихъ враговъ Россіи и славянства. Кто скомандовалъ Австріи: „руки по швамъ", тотъ, конечно, не остановится на полупути и поможетъ намъ наложить послѣднюю руку на дѣло, которое вѣка нашей политической исторіи тѣсно связали съ нами—дѣло славянства, какъ бы громко ни повторяла Австрія: „Ein Grossbulgarien verletze die Lebensinteressen der habsburgischen Monarchie..."—Болгарія Санъ-Стефанскаго договора нарушаетъ жизненные интерены монархіи Габсбурговъ...

Предъ нами прошли двѣ политики: Россіи до и послѣ 19-го февраля 1855 года, политика отца и политика сына.

Политика отца привела насъ къ общей ликвидаціи. Мы видѣли, политика эта жила и для интересовъ славянства; но она понимала ихъ своеобразно: въ порабощенномъ славянствѣ опасалась прежде всего всякаго стремленія къ свободѣ. Итоги ея подведены были на развалинахъ Севастополя, въ погромѣ насъ—того народа, который

„... упивался ложнымъ блескомъ,
Величья въ прахѣ онъ искалъ,
И въ вихрѣ браней, съ шумомъ, съ трескомъ,
Непобѣдимый, общимъ плескомъ
Себѣ онъ самъ рукоплескалъ!" (Бенедиктовъ).

Политика сына рѣзко свернула въ сторону отъ соблазнительнаго, но скользкаго пути вмѣшательства и добровольныхъ заботъ объ общемъ порядкѣ, который такъ сросся съ нами въ теченіи первой половины вѣка, работала въ себѣ и для себя, стараясь руководиться своими „положительными" интересами, а ошибалась — сознавала ошибку. Славянству въ исходѣ послѣдней четверти вѣка естьподо что подвести итогъ:

„Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась —

малыхъ славянскихъ государствъ...

X.

Мы у конца. Но въ заключеніе нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

Я предвижу упрекъ — чего ради я такъ интересуюсь политикой славянства, этой крупицы въ мірѣ человѣчества, и съ удареніемъ говорилъ о „Младой рощѣ?“ Не „положительный“ ли нашъ интересъ оставить славянъ въ покоѣ, славянъ, которые, конечно, могутъ интересоваться нами, но ужъ не мы ими? Можетъ быть, вся наша двувѣковая исторія славянскихъ отношеній была основана на одномъ недоразумѣніи, на сентиментализмѣ въ политикѣ?

Въ политикѣ возможны грубыя и глубокія ошибки, возможенъ и вредный сентиментализмъ. Примѣръ послѣдняго мы имѣемъ въ политикѣ Священнаго Союза. Но всякія такія ошибки въ изысканіи средствъ для укрѣпленія своей національной, государственной жизни, составляютъ явленіе случайное, обнимаютъ извѣстный періодъ времени; если же заботы о славянствѣ проходятъ въ теченіи вѣковъ чрезъ русскую политику, начиная съ первыхъ же лѣтъ возрожденія погибавшаго Московскаго государства въ XVIII вѣкѣ (въ формѣ пожеланій онѣ могутъ быть указаны уже въ европейскихъ отношеніяхъ Ивана Грознаго), то это одно постоянство въ преслѣдованіи однихъ и тѣхъ же цѣлей у руководителей русской политики, различнаго времени и различной подготовки, не позволяетъ видѣть въ этомъ явленіи результатъ случайнаго чувства, безъ признаковъ серьозной мысли.

Иванъ Грозный сносится съ папой, съ цесарями, чтобъ „мусульманская рука впередъ на крестьянъ не высылалася, кровь бы крестьянская не разливалася, крестьянство-бъ въ тишинѣ и въ покоѣ было и выслобожено изъ рукъ мусульманскихъ“.

Петръ пишетъ патріарху Адріану: „мы въ Нидерландахъ трудимся, дабы могли христіанъ свободителями быть, чего до послѣдняго издыханія желать не престану“. Говорило ли въ этихъ словахъ увлеченіе пылкаго юноши, или государственная мысль будущаго? Знаменитый походъ за Прутъ въ 1711 году даетъ отвѣтъ въ пользу втораго предположенія.

Вспомнимъ и слова русскаго правительства 1875 года: „Россія не приносила въ жертву европейской политикѣ интересовъ славянства и не принесетъ“.

Сознаніе единства вѣры и былыхъ отношеній на зарѣ русской государственной жизни, сознаніе затѣмъ необходимости помочь себѣ противъ строго изолированнаго положенія Россіи въ европейскихъ отношеніяхъ,—вотъ та серьозная мысль, которая натолкнула нашу политику на интересы славянства. Пролагая путь для осуществленія жизненныхъ, справедливыхъ стремленій славянства, мы помогали самимъ себѣ. Мы не отстранялись отъ интересовъ славянства, а шли на встрѣчу имъ. Если же мы (извѣстная часть насъ) готовы теперь

оттолкнуться отъ славянства, пренебрежительно повторяя—„что намъ славяне!"—въ насъ говоритъ не серьезная мысль, а чувство слѣпаго раздраженія, неумѣнье разобраться въ нашихъ собственныхъ интересахъ.

Не лишнее будетъ одно историческое соображеніе.

Пробѣжимъ мысленно тысячелѣтнюю исторію славянства, и что̀ въ ней не можетъ не остановить нашего вниманія, такъ это—послѣдовательное, правильное схожденіе съ исторической сцены однихъ славянъ за другими, и всегда въ порядкѣ—отъ запада къ востоку. Этотъ процессъ разложенія, историческаго вымиранія славянства, начался на далекой Салѣ (Солява, Saale) и Лабы (Elbe) и остановился теперь—пока—на Вислѣ, уже подъ бокомъ у насъ. По пятамъ отступающаго славянина наступалъ нѣмецъ и зашелъ уже очень далеко. Исторія Средней Европы—одинъ разсказъ о постоянно проигрываемыхъ славяниномъ ставкахъ въ игрѣ съ нѣмцемъ, но въ игрѣ головами. Фатально-равнодушно глядѣлъ сосѣдъ-славянинъ, что̀ былъ по-восточнѣе, каждый разъ на проигрываемую ставку своимъ братомъ-сосѣдомъ налѣво, а бывало и хуже—самъ приносилъ свою лепту участія. Такъ, полякъ помогалъ истребленію прибалтійскаго славянства, не безъ участія былъ и въ историческомъ уничтоженіи чеховъ у Бѣлой горы (1620 г.). „Hodie mihi, cras tibi", сегодня я, а завтра ты—такое завѣщаніе оставляла жизнь падающаго собрата, но его никто не понималъ.

Такъ шло колесо славянской исторіи. Въ порядкѣ сходили со сцены: славяне по Лабѣ и у Балтійскаго моря, славяне чешскіе, славяне польскіе... Не сошли со сцены мы, славяне русскіе, мы, съ вѣрой въ наше будущее; но мы же должны понимать уроки исторіи, понимать, что мы на очереди—принять игру, которую пока славянство только проигрывало.

Весьма ясно, какъ кстати намъ въ настоящую минуту пренебрежительно относиться къ вопросамъ славянства! Нашимъ отношеніемъ мы только свидѣтельствуемъ, какъ мало мы понимаемъ наше историческое положеніе минуты, какъ мало понимали свое наши погибшіе и погибающіе собратья на западѣ въ свое время, когда на призывъ сосѣда слышался флегматическій отвѣтъ: „наша хата съ краю"... „Что намъ славяне"? повторяемъ мы.

Конечно, мы сильнѣе чеха, поляка. „Насъ, говоримъ мы—много десятковъ милліоновъ"! Да, но не забудемъ, что и нашъ историческій противникъ не тотъ, что былъ вчера.

Ясно, не намъ пренебрегать славянствомъ, хоть ужъ потому, что это пренебреженіе такъ тепло, такъ сердечно препоручается намъ старымъ знакомцемъ славянства: „оставьте чеха, поляка ихъ судьбѣ, да перестаньте носиться и съ славянами за Дунаемъ". Намъ помнить: „сегодня я, завтра ты".

Теплое препорученіе съ запада не найдетъ доступа къ людямъ, которые не руководятся однимъ слѣпымъ чувствомъ. Они, напротивъ,

будутъ утверждать необходимость тѣснаго общенія съ славянствомъ, какъ условіе политическаго положенія Россіи въ Европѣ; будутъ понимать славянскій вопросъ, какъ вопросъ своей внутренней жизни, а каждую пядь земли, теряемую славянами на западѣ отъ своей территоріи, какъ потерю Россіи, какъ шансъ нашего проигрыша, перешедшій въ руки противника, потерю, которая усугубляется, а не возмѣщается нашимъ расплываніемъ на Востокъ, въ Азію.

А. Кочубинскій.

ОЧЕРКИ РУССКАГО ПРИДВОРНАГО БЫТА XVIII СТОЛѢТІЯ [1].

IX.

Придворная охота.—Яхтъ-штатъ.—Ограниченіе правъ охоты частныхъ лицъ.—Запрещеніе ловить лосей и соколовъ. — Угожденіе голландскимъ и цезарско-римскимъ подданнымъ.—Придворные звѣринцы.—Собаки борзыя, гончія и для пріискиванія „труфилей“. — „Яхтъ-гартенъ“. — „Парфорсъ-яхтъ“. — „Яхтъ-вагенъ“.—Газетное сообщеніе объ императорской охотѣ.—Охота по англійскому обычаю.—Охота полевая.—Ястребиная охота.—Волынскій.—Полковникъ фонъ-Трескоу.—Способы содержанія придворной охоты.—Оберъ-егерь.—Егеря и пикеры.—Ихъ обмундированіе.—Псовая охота.—Охотничій домъ Волынскаго.—Выписка собакъ изъ Англіи.—Прозванія собакъ.—Отписныя собаки.—Кража придворныхъ собакъ.

ВЕСЬМА важною статьею и попеченія и расходовъ со стороны дворцоваго вѣдомства была, въ царствованіе Анны Ивановны, придворная охота. За нѣсколько дней до своей кончины она утвердила „яхтъ-штатъ“, но изложенныя въ немъ правила оказались и неясными, и недостаточными, почему въ правленіе Анны Леопольдовны изданы были къ этому штату разныя поясненія и дополненія. Въ описываемое время царскія охоты составляли такъ называемую „регалію“, такъ какъ право охоты частныхъ лицъ было чрезвычайно ограничено, а на нѣкоторыхъ звѣрей и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ охота была запрещена даже и самимъ земельнымъ владѣльцамъ. Такъ, въ 1740 году, подтверждено было запрещеніе ловить и стрѣлять звѣрей и птицъ на тридцати-верстномъ разстояніи отъ Петербурга и близъ него лежащихъ мѣстъ. Подтвержденіе это въ особенности было вызвано тѣмъ, что „партикулярные люди“ перестрѣляли куропатокъ, выпущенныхъ нарочно, по высочайшему указу, изъ Петергофа. и Краснаго Села. За нарушеніе запрещенія относительно

---

[1]) Окончаніе. См. „Историч. Вѣстникъ“, стр. 233—278.

охоты обѣщаны были „жестокое наказаніе“ и „ссылка, безъ всякаго милосердія, въ каторжныя работы“.

Такъ какъ, несмотря на такую угрозу, упомянутый указъ не соблюдался, то въ слѣдующемъ году не только послѣдовало его подтвержденіе, но и запрещеніе о не ловленіи и не стрѣляніи птицъ и звѣрей во всей Ингермаландіи и въ Выборгскомъ уѣздѣ, а также и во всѣхъ другихъ заповѣдныхъ мѣстахъ. Касательно неловленія лосей былъ данъ особый указъ, въ которомъ отъ лица императрицы Анны Ивановны объявлялось, чтобъ „никакихъ лосей въ нашемъ государствѣ не бить, но оные разведены и къ нашей диспозиціи, яко регалія заповѣданы быть имѣютъ, дабы кожи оныхъ на всякій потребный мундиръ нашей милиціи употребляемы быть могли“. Существовало также запрещеніе на счетъ ловли соколовъ. Ловля этой птицы въ Архангельской губерніи дозволена была, и то лишь въ видѣ исключенія, „голландскимъ и цезарско-римскимъ подданнымъ для ихъ дворовъ, для особливаго онымъ дворамъ угожденія“.

Въ дворцовомъ вѣдомствѣ находились звѣринцы, имѣвшіе, между прочимъ, экономическое значеніе: въ нихъ содержались животныя не для одной только охоты, но между ними были и такія, которыя употреблялись для императорскаго стола, какъ-то: кабаны, дикія козы, олени и зайцы. Начальство надъ охотами заботилось о размноженіи числа животныхъ, употреблявшихся для стола высочайшихъ особъ. Такого рода животныя переводимы были изъ московскихъ звѣренцевъ въ петербургскіе „съ добрымъ смотрѣніемъ, дабы въ пути помереть не могли“. Особенно употреблялись при парадныхъ столахъ: тертый олений рогъ, какъ приправа къ кушаньямъ, и кабаньи головы, разваренныя въ рейнвейнѣ. При охотѣ, кромѣ борзыхъ и гончихъ, имѣлись еще, въ 1741 году, двѣ собаки особой породы собственно „для прiисканія труфилей“. Въ 1739 году предположено было устроить въ Петербургѣ для императорскихъ охотъ особый паркъ подъ названіемъ „яхтъ-гартенъ“. Съ переѣздомъ двора въ Петергофъ, охота производилась въ тамошнихъ паркахъ. Здѣсь преимущественно занимались гоньбою оленей въ Нижнемъ саду, гдѣ разставлялись полотна, между которыми и происходила гоньба оленей гончими псами. Былъ въ употребленіи еще и другой способъ охоты, называвшійся „парфорсъ-яхтъ“ или просто „парфорсъ“. Охота эта была травля разнаго рода звѣрей цѣлымъ обществомъ охотниковъ. Для этой цѣли устроивалась прежде облава, а затѣмъ производились ружейная стрѣльба и травля гончими дикихъ козъ, кабановъ, оленей, лосей и зайцевъ. Общество выѣзжало на такую охоту въ особыхъ экипажахъ, называвшихся „яхтъ-вагонъ“, и имѣло при себѣ цѣлую команду „парфорсъ-егерей“ и пикеровъ. Въ 1740 году 26-го августа о такой охотѣ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано слѣдующее сообщеніе: „Ея величество, для особливаго своего удовольствія, какъ парфорсъ-ягдою, такъ и собственноручно, слѣдующихъ звѣрей и птицъ

застрѣлить изволила: 9 оленей, у которыхъ по 24, по 18 и по 14 отростковъ на рогахъ было, 16 дикихъ козъ, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 дикихъ утокъ и 16 большихъ морскихъ птицъ".

Въ то же время входило въ употребленіе охотиться съ собаками „по англійскому обычаю", заимствованному отъ англичанъ-пикеровъ, прибывшихъ въ 1740 году въ Петербургъ съ купленными въ Англіи собаками. Кромѣ того, при дворѣ была охота „полевая"—на зайцевъ, на лисицъ, а также травля волковъ и медвѣдей. Хотя въ эту пору на птицъ преимущественно охотились съ ружьемъ, но не вышла еще изъ обычая и охота на нихъ съ ястребами. Этотъ родъ охоты былъ въ большомъ ходу въ первые годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Охоты при Аннѣ Ивановнѣ были очень часто, чему доказательствомъ служитъ то, что лошади пикеровъ въ лѣтнее время не выпускались на подножный кормъ, но постоянно находились въ стойлахъ для того, чтобы по первому требованію быть готовыми для выѣзда.

Придворныя охоты состояли въ вѣдѣніи особаго учрежденія, главнымъ начальникомъ котораго, до половины апрѣля 1740 года, былъ оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ Волынскій. Напечатанные нынѣ документы относительно егермейстерской дѣятельности Волынскаго содержатъ въ себѣ какъ общія распоряженія по ввѣренной ему части, такъ равно и доклады кабинету и самой императрицѣ съ испрашиваніемъ разрѣшенія на такія дѣйствія, которыя выходили изъ предѣловъ власти, предоставленной непосредственно егермейстеру. Мѣсто Волынскаго, считавшееся такимъ почетнымъ, заступила, послѣ его казни, личность вовсе неизвѣстная—полковникъ 2-го Московскаго полка фонъ-Трескоу, съ званіемъ „командующаго охотами". Полковникъ этотъ сперва распоряжался какъ лицо непосредственно подчиненное кабинету, но при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ такое важное положеніе полковника измѣнилось, такъ какъ онъ былъ „врученъ въ полную команду придворной конторѣ". Въ вѣдѣніи командующаго охотами состояли охоты: псовая, звѣриная и птичья, какъ въ Петербургѣ и въ Петергофѣ, такъ и въ Москвѣ. Онъ обязанъ былъ смотрѣть за сохраненіемъ собакъ, звѣрей и птицъ „въ полномъ ихъ составѣ, здоровьѣ и цѣлости, за достаточнымъ ихъ продовольствіемъ и удобномъ безопасномъ отъ огня помѣщеніи ихъ". На немъ же лежало наблюденіе за сохраніемъ въ цѣлости и исправности охотничьихъ вещей, какъ-то: императорскихъ ружей, различныхъ охотничьихъ приборовъ и мундировъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ главнымъ начальникомъ всего личнаго состава въ егермейстерскомъ вѣдомствѣ. По званію командующаго охотами, онъ получалъ въ годъ по тысячѣ рублей жалованья, съ сохраненіемъ жалованья, слѣдовавшаго ему по полку, и пользовался даровымъ помѣщеніемъ въ отписанномъ загородномъ дворѣ Волынскаго, бывшемъ за Фонтанкою, у Обухова моста. При охотахъ полагался секретарь, который „искусенъ былъ бы нѣмецкому и французскому языкамъ".

Первоначально, съ 1735 года, на содержаніе императорской охоты въ Москвѣ, въ 1735 году, поручена была генералъ-директору дворцовыхъ волостей, барону фонъ-Розену, въ особое вѣдѣніе приписанная къ дворцу отъ князя Алексѣя Долгорукова Хотунская волость съ тѣмъ, чтобы доходы этой волости поступали на содержаніе охотъ и состоявшихъ при нихъ служителей, но такъ какъ доходы эти оказались спорными, то въ 1739 году Волынскій донесъ императрицѣ, что онъ, по неполученію денегъ, „рискуетъ поморить звѣрей". Вслѣдствіе этого доклада, императрица до аппробаціи ея яхтъ-штата повѣлѣла продовольствовать охоты доходами съ ближнихъ волостей, зданія же въ звѣринцахъ на Потѣшномъ и Охотномъ дворахъ исправлять и вновь строить, а также дрова отпускать отъ дворцовой канцеляріи.

На охоты въ Петербургѣ и Петергофѣ отпускались деньги изъ придворной конюшенной конторы, хлѣбное же жалованье и кормовые припасы—отъ петербургской придворной конторы. Изъ дѣлъ статсъ-конторы видно, что въ 1740 году отпущено было изъ этой конторы „на надлежащіе въ канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ и на охоты исчисленные расходы 8339 рублей". По штату 1740 года положено было отпускать на петербургскую и петергофскую охоты деньгами 7102 руб. 44 коп. и натурою или деньгами 6965 руб. 23 коп., а на московскія примѣрно, натурою или деньгами, 4803 руб. 58 коп.

Ближайшее завѣдываніе охотами въ Петербургѣ было возложено на оберъ-егеря. Онъ же имѣлъ надзоръ за сохраненіемъ „императорскихъ ружей", находившихся въ лѣтнемъ дворцѣ, и за оружейнымъ дворомъ, гдѣ изготовлялись и исправлялись придворныя ружья. Онъ же наблюдалъ за исполненіемъ высочайшихъ указовъ, воспрещавшихъ охоту въ окрестностяхъ Петербурга на 30-ти верстномъ разстояніи. Подъ начальствомъ оберъ-егеря состояли егеря и пикеры—придворные охотники, назначенные для выѣздовъ на охоты. Число этихъ лицъ прежде не было опредѣлено, но по яхтъ-штату положено было 6 пикеровъ изъ нѣмцевъ, англичанъ и французовъ; этимъ послѣднимъ, кромѣ общаго жалованья пикерамъ отъ 180 до 360 рублей, отпускалось еще „на всякія мелочи при дачѣ мундира" по 30 ливровъ, что составляло по тогдашнему курсу 6 рублей. Къ обязанностямъ пикеровъ, кромѣ ухода за прибывшими съ ними иноземными собаками, относилось обученіе русскихъ придворныхъ охотниковъ способу охоты, употреблявшемуся за-границей. Егеря и пикеры имѣли особый, присвоенный имъ мундиръ изъ зеленаго сукна, а сверхъ мундира они надѣвали такого же цвѣта кафтанъ. Мундиры были парадные и ординарные; къ нимъ принадлежали приборы: мѣдные гербы, перевязи, портупеи, кортики и ружья. Послѣ того, какъ въ ноябрѣ 1741 года, нѣкоторые изъ охотниковъ потонули въ Невѣ со всѣмъ охотничьимъ приборомъ, командующій охотами приказалъ цѣнные приборы, какъ-то: гербы и ружья, отобравъ отъ охотниковъ, содержать у егермейстерскихъ дѣлъ подъ сохраненіемъ и выдавать ихъ

только въ случаѣ надобности; у охотниковъ же оставить лишь перевязи, портупеи и кортики.

Для снабженія придворныхъ охотъ оружіемъ, снарядами и приборами состоялъ оружейный дворъ, на которомъ изготовлялись охотничьи ружья и принадлежности къ нимъ. Въ 1740 году, на этомъ дворѣ отдѣлывался, между прочимъ, для императрицы Анны Ивановны штуцеръ съ золотою насѣчкою на стволѣ, замкѣ, заверткѣ, затравкѣ и на всемъ приборѣ.

Псовая охота, до 1740 года, помѣщалась въ Петербургѣ на старомъ Псарномъ дворѣ. Въ этомъ году предполагалось построить для нея новое помѣщеніе около Фонтанки, но прежде чѣмъ приступили къ этой работѣ, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отдачѣ подъ псарный дворъ загороднаго двора, принадлежавшаго казненному передъ этимъ Артемію Петровичу Волынскому. По случаю такой передачи, сохранилась подробная опись упомянутому двору. Эта опись даетъ возможность составить понятіе о загородныхъ домахъ тогдашнихъ русскихъ вельможъ, и мы воспользуемся ею для означенной цѣли. Въ загородномъ домѣ Волынскаго было 3 горницы, 7 свѣтлицъ, 1 зала, 1 спальня и 1 каморка. Одна изъ горницъ была обита красною камкою, а одна полотномъ. Въ этихъ двухъ были синія кафельныя печки. Подлѣ горницъ были „свѣтлицы“ со стѣнами, обитыми голубою камкою и выбѣленнымъ полотномъ; въ одной изъ свѣтлицъ былъ каминъ. Изъ мебели въ описи значатся только столярныя скамьи, шесть плетеныхъ орѣховыхъ стульевъ и одинъ дубовый столъ. Судя по этому, надобно полагать, что загородный дворъ Волынскаго къ тому времени, какъ онъ попалъ въ конфискацію, еще не былъ окончательно отдѣланъ или находившаяся въ немъ мебель и прочее убранство были уже вывезены до передачи этого двора въ егермейстерское вѣдомство. При домѣ были: поварская изба съ кухнею, баня съ передбанникомъ, въ которомъ устроенъ каминъ, а также столярная изба. Кромѣ того, къ дому принадлежали: 8 людскихъ избъ, погребъ, 5 амбаровъ, 3 конюшни на 24 стойла и сарай. Вся эта усадьба была огорожена барочными досками. Послѣ нѣкоторыхъ приспособленій, во дворъ Волынскаго было переведено 195 собакъ и 63 служителя, не считая женщинъ и дѣтей. Новое помѣщеніе оказалось, однако, недостаточнымъ для предназначенной цѣли, такъ что пришлось строить для собакъ особые сараи.

Охоты, о которыхъ шла у насъ теперь рѣчь, считались собственною охотою государя, т. е. сперва императрицы Анны Ивановны, а потомъ императора Ивана Антоновича; у правительницы же и ея супруга были особыя охоты, такъ что число всѣхъ придворныхъ собакъ доходило до 319. Такое число было признано излишнимъ и, по указу Анны Леопольдовны, оно было значительно сокращено раздачею собакъ лицамъ, желавшимъ ихъ получить. Надобно, впрочемъ, полагать, что принцъ Антонъ былъ большой любитель охоты, такъ какъ

въ его покои потребовалось 400 крючковъ для развѣшиванія ружей.

Составлявшія придворную охоту собаки были различныхъ породъ: борзыя, гончія, меделянскія, датскія, лягавыя, таксы или „таксели", бассерты, хорты и русскія. Особенно замѣчательны были собаки, выписанныя изъ-за границы, въ 1740 году, для императрицы Анны Ивановны, а именно: малыя гончія, называвшіяся „биклесы", весьма рѣдкія въ Англіи; борзыя, самыя большія, употребляемыя для травли звѣрей и „хорты" или „тарсіерсы"—для „норъ лисичьихъ". Объ этихъ собакахъ русскій посланникъ при англійскомъ дворѣ, князь Ив. Щербатовъ, увѣдомилъ, 2-го мая 1741 года, императорскій кабинетъ, что отыскивалъ и выбиралъ ихъ въ Англіи славный тамъ охотникъ сэра Роберта Вальполя, Смитъ, который „болѣе за одну честь, по рекомендаціи шевалье Роберта Вальполя, служилъ и имѣетъ не малое затрудненіе въ пріискѣ, паче же малыхъ „биклесовъ", которыхъ весьма рѣдко сыскать нынѣ въ Англіи". Говоря о собакахъ псовой охоты, должно замѣтить, что въ числѣ ихъ не было коренныхъ лягавыхъ собакъ, такъ какъ придворные стрѣлки имѣли своихъ собственныхъ собакъ этой породы, на кормъ которыхъ до яхтъ-штата, изданнаго въ 1741 году, отпускалась казенная овсяная мука изъ оставшейся отъ корма псовой охоты. Съ изданіемъ же означеннаго штата, отпускъ корма на собакъ, принадлежавшихъ стрѣлкамъ, былъ прекращенъ, и они обязаны были кормить собакъ на свой счетъ. Въ документахъ сохранились имена нѣкоторыхъ собакъ, какъ напримѣръ: Отланъ, Скозырь, Трубей, Галфестъ и т. д.

Охотничьи собаки въ 1740 году распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: „къ травлѣ оленей 60, травлѣ зайцевъ 60, борзыхъ 23, русскихъ разныхъ породъ 21, меделянскихъ 3, большихъ меделянскихъ 18, датскихъ 2, такселей 6, для труфли 2". Но въ этомъ же году число ихъ значительно увеличилось, такъ какъ поступило на псарный дворъ собакъ: Волынскаго 57, отъ Бирона 68 и купленныхъ во Франціи и Англіи 194. Во Франціи покупкою собакъ занимался русскій посолъ, извѣстный сатирикъ князь Кантеміръ. За 34 пары коротконогихъ собакъ, такъ называемыхъ „басатовъ", въ томъ числѣ нѣсколько „ищущихъ труфель", было заплачено 1100 рублей, да доставка ихъ въ Петербургъ обошлась въ 281 рубль 37 копѣекъ. Покупка же собакъ въ Англіи княземъ Щербатовымъ, о которой мы упоминали выше, въ числѣ 63 паръ, обошлась въ 481 фунтъ стерлинговъ или по тогдашнему курсу 2234 рубля. Не смотря на ту бдительность, съ какою надсматривали за придворными собаками, ихъ очень часто воровали, чѣмъ преимущественно занимались солдаты семеновскаго полка.

X.

Придворные звѣринцы.—Содержавшіеся въ нихъ звѣри.—Доставка звѣрей.—Подарки персидскаго шаха и хивинскаго султана.—Подводъ звѣрей членамъ императорской фамиліи.—Кормежъ звѣрей.—Содержаніе слона.—Обиды, наносимыя ему на улицахъ.—Приводъ 14 слоновъ изъ Персіи.—Мѣры, принятыя при ихъ препровожденіи.—Постройка слоновыхъ амбаровъ.—Выборъ мѣста для нихъ въ Петербургѣ.—„Слоновый мастеръ“ Асатій.—Исправленіе дорогъ и мостовъ для провода слоновъ.—Участіе въ этомъ дѣлѣ сената.—Буйства слоновъ.—Малый звѣринецъ.—Содержаніе черныхъ медвѣдей на счетъ купечества.—Постройка новаго звѣринца.—Звѣринецъ въ Петергофѣ.—Придворная охота въ Москвѣ.—Мертводеры или живодеры. — Измайловскій звѣринецъ. — Гостиный дворъ.

При придворной охотѣ, въ Петербургѣ содержались многочисленныя и весьма разнообразныя породы звѣрей, какъ-то: львы, бабры (леопарды), медвѣди бѣлые и черные, волки, кабаны, дикія кошки, дикобразы, слоны, ауроксы (дикіе быки), олени, дикія индѣйскія козы, обезьяны, лисицы, куницы, россомахи, самуры, барсуки, рыси, зайцы, песцы и сурки. Одни изъ этихъ звѣрей назначались собственно для охоты, т. е. для травли и гоньбы, какъ-то: медвѣди, волки, лисицы, кабаны, олени, зайцы; другіе же содержались по рѣдкости, „курьезности“.

Придворные звѣринцы наполнялись преимущественно животными, изловленными въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, на основаніи высочайшихъ указовъ, повелѣвавшихъ почему либо замѣчательныхъ звѣрей ловить и присылать ко двору. Такъ, въ 1741 году, доставлены были въ Петербургъ отъ тобольской губернской канцеляріи, черезъ сибирскій приказъ, изловленные въ Сибири дикіе звѣри: „два барана, маралъ (изъ породы оленей), два оленя и двѣ лошади“. Въ сентябрѣ того же года присланы были отъ астраханской губернской канцеляріи дикобразы и барсуки, а отъ бѣлогородской — два сурка. Кромѣ того, егермейстерское начальство приказывало подвѣдомственнымъ ему людямъ дополнять звѣринцы ловлею мѣстныхъ дикихъ звѣрей, такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Москвы ловили лисицъ для немедленной ихъ доставки въ Петербургъ живыми. Доставляли звѣрей ко двору и частныя лица, въ числѣ ихъ были купцы. Иностранные государи присылали порою подарки въ видѣ рѣдкихъ животныхъ; такъ персидскій шахъ и хивинскій султанъ присылали въ Петербургъ слоновъ и леопардовъ (бабровъ). Наконецъ, иныя общества „подводили“ животныхъ государямъ. Такъ, въ 1741 году, „подведены“ были императору Ивану Антоновичу „отъ выгорѣцкихъ (Олонецкаго уѣзда) пустынныхъ жителей, Стахѣя съ товарищи, девять живыхъ оленей“. Число звѣрей, содержавшихся въ императорскихъ звѣринцахъ, колебалось, смотря по ихъ прибыли и убыли. По яхтъ-штату 1741 года, положено было имѣть при дворѣ въ Петербургѣ только 45 звѣрей, а

именно: 2 львицъ (при одной изъ нихъ жила собачка), 2 бабровъ, 10 медвѣдей (изъ нихъ 4 бѣлыхъ и 6 черныхъ), 20 оленей американскихъ, 4 мараловъ, индѣйскую козу, рысь, куницу, 3 лисицъ (чернобурую и 2 молодыхъ), но въ наличности число звѣрей было всегда значительнѣе, чѣмъ положенное по штату. Для содержанія звѣрей, числившихся при охотѣ, имѣлись особыя помѣщенія, такъ называемые дворы: Звѣровой, Ауроксовъ и Слоновой, а также звѣринцы: Малый и Екатерингофскій и, наконецъ, садки въ дворцовыхъ садахъ.

Въ разсматриваемыхъ нами документахъ находится подробное описаніе всѣхъ этихъ дворовъ, звѣринцевъ и садовъ; изъ этого же видно, между прочимъ, какая была неурядица по этой отрасли дворцоваго хозяйства. Такъ, напримѣръ, заводилась особая переписка объ отпускѣ молока бабрамъ и корма мартышкамъ. Кромѣ того, лица, ходившія за звѣрями, были не прочь отъ того, чтобы поживиться на ихъ счетъ. Такъ, напримѣръ, одному изъ слоновъ отпускалась водка, въ зимніе семь мѣсяцевъ по четверти ведра въ день, а въ лѣтніе пять мѣсяцевъ по одному ведру въ недѣлю. Водка эта должна была быть лучшаго качества, между тѣмъ оказалось, что она была „ко удовольствію слона неудобна, понеже явилась съ пригарью и не крѣпка“. Сверхъ того, слону на кормъ отпускалось: сырой тростникъ, трава, сорочинское пшено, пшеничная мука, сахаръ, коровье масло, пряности, виноградное бѣлое вино и соль. Вѣроятно, однако, что изъ числа этихъ припасовъ доходило до него не слишкомъ многое. При слонѣ „обрѣтались“ особый „коммисаръ“ и пріемщикъ продовольственыхъ припасовъ, а также „слоновщикъ“ изъ арабовъ и нѣсколько служителей; въ числѣ ихъ были одинъ армянинъ и одинъ персіянинъ. При слонѣ же находились: „персидскій слоновый мастеръ“ и „слоновый учитель“. Слона изъ звѣринца водили гулять по улицамъ, но его прогулки не обходились безъ нѣкоторыхъ особыхъ приключеній. Такъ, солдаты гвардейскихъ полковъ смѣялись надъ вожаками, бранились „скверными словами“ и бросали и въ вожаковъ и самаго слона камни и палки и даже не разъ били „слоновщика“ Ага-Садыка. Своеволіе солдатъ доходило до того, что слонъ вслѣдствіе этого не могъ прогуливаться по улицамъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца. По этому командующій охотами сообщилъ въ главную полицейскую канцелярію: „о учиненіи публикаціи во всемъ Петербургѣ и объ объявленіи обывателямъ съ подпискою, о неучиненіи помѣшательства слоновщику въ провожаніи слона“.

Но хлопоты по части слоновъ увеличились въ особенности въ концѣ сентября 1741 года, когда прибыло въ Петербургъ посольство отъ персидскаго шаха Надира, съ многочисленными для русскаго двора дарами, въ числѣ которыхъ находилось 14 приведенныхъ слоновъ. Въ виду ихъ привода, еще весною этого года было отъ сената сдѣлано по канцеляріи отъ строеній такое распоряженіе: „Для обрѣ-

тающихся при слѣдующемъ сюда отъ шаха персидскаго торжественномъ посольствѣ четырнадцати слоновъ, удобные амбары или храмины сдѣлать и приготовить заблаговременно оной канцеляріи, употребляя на то деньги изъ положенной на публичныя строенія суммы". Вслѣдствіе этого указа, „комиссія о петербургскомъ строеніи" поручила архитекторамъ Земцову и Шухамеру „обыскивать" удобныя для означенной цѣли мѣста. Такое мѣсто для „слоновыхъ амбаровъ" и было обыскано ими у Лиговскаго канала при бассейнѣ. Мѣсто это, обросшее еловымъ лѣсомъ, оказалось песчано и сухо, но тѣмъ не менѣе, по совѣщанію со „слоновымъ мастеромъ" Асатіемъ, признано было болѣе удобнымъ помѣстить ожидаемыхъ слоновъ на прежнемъ слоновомъ дворѣ, близь рѣчки Фонтанки, „какъ для лучшаго надъ ними надзора, такъ и потому, что для купанья слоновъ вода въ Фонтанкѣ лучше и здоровѣе, чѣмъ въ Лиговскомъ каналѣ, которая извѣстковата и твердость въ себѣ имѣетъ". На этомъ мѣстѣ предположила комиссія произвести постройку слоновыхъ „храминъ", съ тѣмъ, чтобы по рѣкѣ Фонтанкѣ сдѣлать для прогулки слонамъ площадь, которую называть слоновою и „для лучшей способности всѣмъ слонамъ ради купанья сдѣлать къ рѣкѣ скатомъ удобный мостъ". Между тѣмъ, „слоновый мастеръ" Асатій представилъ, что въ числѣ препровождаемыхъ съ персидскимъ посольствомъ 14-ти слоновъ, находятся „два слона мужеска полу одинъ, да женска полу одинъ, которые обыкли въ одномъ мѣстѣ особо быть, а съ прочими слонами вмѣстѣ и въ близости имъ быть никакъ невозможно, понеже слонъ весьма сердитъ и высокъ", и потому онъ, Асатій, просилъ, чтобы „про нихъ сдѣлать одну теплую храмину не въ близости съ прочими слоновыми амбарами". Заявленіе это было принято въ уваженіе и къ августу былъ построенъ этотъ амбаръ, а также приспособлены прежніе амбары.

Кромѣ постройки означенныхъ помѣщеній, пришлось еще, по случаю привода слоновъ, озаботиться объ исправленіи не только загородныхъ дорогъ, но и петербургскихъ улицъ и мостовыхъ. Такъ оказалось, что „Аничковской мостъ черезъ Фонтанную рѣчку находится въ не малой ветхости", настилка на немъ во многихъ мѣстахъ сгнила и насквозь пробивается, и что надобно заблаговременно мостъ починить, „дабы въ томъ было безъ опасности и слонамъ не могло быть какого поврежденія". Кромѣ этого моста, были перемощены и другіе четыре моста внутри города и, кромѣ того, для осмотра дороги, по которой слоны должны были подходить къ Петербургу, былъ отправленъ „слоновый мастеръ" Ага-Садыкъ. 2-го октября, 1741 года, персидскій посолъ имѣлъ торжественную аудіенцію у правительницы Анны Леопольдовны, причемъ представилъ и слоновъ. Хлопоты о способахъ содержанія слоновъ продолжались и въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе, между прочимъ, и сенатъ. Къ прежнимъ хлопотамъ присоединились еще и новыя. Въ октябрѣ слоны начали буйствовать, „осердясь между собою о самкахъ", трое изъ нихъ сорвались и ушли,

изъ нихъ двоихъ поймали, а третій „пошелъ черезъ садъ и изломалъ деревянную изгородь и прошелъ на Васильевскій островъ и тамъ изломалъ сенатъ и чухонскую деревню“ и только здѣсь былъ поймалъ. Ага-Садыкъ требовалъ выдачи ему крѣпкихъ цѣпей, предваряя, что если не исполнятъ его требованія, то слоны „ночью много бѣдъ надѣлаютъ“. Требованіе его исполнено не было и на другой день раннимъ утромъ четыре слона снова вырвались, изломавъ ворота.

Въ маломъ звѣринцѣ, находившемся противъ Лѣтняго дворца, содержались американскіе или вестъ-индскіе олени, называвшіеся въ документахъ „малою американскою дичиною“. Число ихъ умножалось отъ приплода. Кромѣ ихъ были еще въ этомъ звѣринцѣ „двѣ малыя иностранныя дикія козы“. Въ этомъ же звѣринцѣ находились зайцы, бѣлые сурки и куницы.

Замѣчателенъ способъ содержанія черныхъ медвѣдей. Они въ числѣ пяти штукъ отданы были въ 1737 году на прокормъ въ петербургскіе мясные ряды. Приказано было: „содержать ихъ и кормить надлежащимъ кормомъ, безъ отговорокъ, и чтобъ тѣ медвѣди заморены не были; буде же отъ недовольнаго корму заморены будутъ, то альтерману и старшинѣ учинено будетъ наказаніе, ибо оные медвѣди приводятся дли травли ко двору“. Но когда одинъ медвѣдь ушелъ изъ мясныхъ рядовъ, то прочихъ велѣно было вывести оттуда и содержать за Невою, „дабы впредь людямъ какого поврежденія не было“, причемъ, однако, приказано было продовольствовать медвѣдей по прежнему, отъ мясныхъ рядовъ. Между тѣмъ, мясные торговцы подали въ придворную контору просьбу о выдачѣ имъ 2334 руб. 78 коп., за прокормъ медвѣдей, за наемъ съ 1737 по 1741 годъ къ нимъ рабочихъ, покупку канатовъ, ошейниковъ и т. д., причемъ просили напредъ уволить ихъ отъ такой повинности. Но командующій охотами, полковникъ фонъ-Трескоу, объявилъ имъ, что за изустнымъ высочайшимъ по сему предмету повелѣніемъ просителямъ „удовольствія никакого учинить—невозможно“. Чѣмъ кончилось это дѣло—неизвѣстно. Зайцы въ маломъ звѣринцѣ содержались въ огромномъ количествѣ. Это видно изъ того, что въ концѣ 1740 года туда должны были быть привезены изъ Москвы разомъ 600 русаковъ.

Изъ числа звѣрей петербургской придворной охоты нѣкоторые и, преимущественно, присылаемые изъ губерній „для курьезности“ содержались въ дворцовыхъ садахъ. Тамъ находились: бѣлые медвѣди, россомахи, барсуки, лисицы, соболи, песцы, дикая кошка, самуръ и дикобразы, олени и сурки. Что же касается екатерингофскаго звѣринца, то о немъ значится въ описи за 1741 годъ: „огороженъ кольемъ, городьба которая развалилась и погнила, въ немъ одинъ анбаръ, да изба съ сѣньми ветхая“. Содержавшіеся въ немъ выгорѣцкіе олени были переведены въ петергофскій звѣринецъ, а въ Екатерингофѣ на лугу положено было выстроить новый звѣринецъ.

Кромѣ звѣрей, при императорскихъ охотахъ содержались еще и птицы, „выхоженныя за дичью", соколы и ястребы—какъ ловцы, а также тетерева и куропатки, предназначенные для охоты. О числѣ соколовъ свѣдѣній въ документахъ 1740—1741 года не находится, число же ястребовъ въ это время простиралось только до 3 штукъ; для нихъ требовалось прислать изъ Москвы клобучки и обножцы. Дичи въ 1740 году состояло: тетеревей 14 и куропатокъ 110 паръ. При выхоженныхъ птицахъ состоялъ „птичій помытчикъ", а при тетеревахъ и куропаткахъ особый смотритель, называвшійся „гегеретеръ". Для стрѣльбы же и ловли дичи состояли при дворѣ егеря, ихъ ученики, охотившіеся вмѣстѣ съ тѣмъ и за звѣрями, и стрѣлки.

Придворныя охоты въ Петергофѣ составляли отдѣльную часть егермейстерскаго вѣдомства, подъ начальствомъ особаго смотрителя-форштмейстера изъ иноземцевъ, которому, по заключенному съ нимъ контракту, полагалось, между прочимъ, въ годъ два мундира: одинъ—ординарный, а другой—„богатый съ позументами". Подъ вѣдѣніемъ этого форштмейстера находились „парфорсъ-егеря" и звѣровщики. Въ Петергофѣ при охотахъ содержались ауроксы, зубры, олени, кабаны, лось и дикія козы. Зимою 1741—1742 года въ Петергофѣ были построены новые звѣринцы: кабаній, гдѣ находилось 52 кабана, заячій, въ которомъ къ концу 1740 года „за перестрѣляніемъ ничего не осталось". Существованіе же при маломъ звѣринцѣ „фазанъ-егеря" заставляетъ предполагать, что въ этомъ звѣринцѣ содержались или разныя птицы или, въ частности, только фазаны.

Московскій отдѣлъ императорскихъ охотъ, по жительству двора въ Петербургѣ, имѣлъ значеніе лишь запаснаго депо, и частнымъ лицамъ запрещено было охотиться въ окрестностяхъ Москвы на пятидесятиверстномъ разстояніи. Въ этихъ мѣстностяхъ указомъ 1738 г. запрещено было даже ѣздить и ходить пѣшкомъ „со псовыми охотами, борзыми и гончими, съ тенетами и пищальми". Къ московскимъ охотамъ, по указу императрицы Анны Ивановны „опредѣлены для корма птицъ и звѣрей и собакъ въ мертводеры, что̀ называютъ живодеры, 30 человѣкъ, а за ту ихъ службу, указомъ правительствующаго сената, учинено въ награжденье отъ повинностей и другихъ полицейскихъ службъ, по оному указу, уволить". Живодеры эти, называвшіеся „записными", управлялись старостою, избиравшимся изъ ихъ же среды на извѣстный срокъ, съ ручательствомъ, что выбранный „человѣкъ добрый и ему можно вѣрить".

Псовая московская охота помѣщалась въ селѣ Измайловскомъ. Здѣсь же находились и „отписныя", т. е. конфискованныя собаки князя Алексѣя Голицына, а также генерала Карла Бирона и казненнаго Волынскаго. Вмѣстѣ съ собаками князя Голицына были отписаны и его крѣпостные охотники. По яхтъ-штату 1740 года, псовая охота въ Москвѣ была упразднена: собакъ роздали генералъ-аншефу Ушакову „и прочимъ господамъ", а служителей отослали въ герольд-

мейстерскую канцелярію для опредѣленія „къ другимъ дѣламъ". Въ Измайловѣ помѣщались также и звѣри, причисленные къ московской охотѣ, за которыми надсматривали „лучшіе" изъ дворцовыхъ крестьянъ. Измайловскій звѣринецъ былъ чрезвычайно обширенъ; въ немъ были прорублены проспекты и въ немъ же, между прочимъ, были устроены омшаники „для размноженія кабановъ". Въ немъ къ 1741 году находились: 1 бабръ, 145 кабановъ, 2 медвѣдя, 7 сибирскихъ волковъ, 8 зубровъ, 257 оленей (нѣмецкихъ и сибирскихъ), 3 лося, 53 козы и 622 зайца. Число этихъ животныхъ убавилось вслѣдствіе высылки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 1741 году „для стола его величества", т. е. Ивана Антоновича. Звѣрей этихъ, а между прочимъ и куропатокъ, везли въ Петербургъ въ особыхъ ящикахъ на 63 ямскихъ, подводахъ, подъ конвоемъ 10 солдатъ московскаго гарнизона при офицерѣ и капралѣ. Но присылка такого продовольствія изъ Измайловскаго звѣринца оказалась малою, и управляющій охотою потребовалъ на счетъ этого объясненія отъ тамошняго форштмейстера, указывая въ особенности на незначительное число отправленныхъ зайцевъ,—всего въ количествѣ 200 штукъ, тогда какъ въ звѣринцѣ ихъ считалось 622 штуки. На это форштмейстеръ, изъ нѣмцевъ, отвѣчалъ, что число зайцевъ убавилось отъ „раубтировъ", т. е. хищныхъ звѣрей, и что, кромѣ того, многіе изъ нихъ оказались хворыми и „ломаными", что число зайцевъ „познать невозможно понеже оные зайцы не скотина". Къ этому онъ прибавлялъ, что „ломаннаго" зайца посылать ко двору его императорскаго величества онъ, форштмейстеръ, „опасенъ и не слѣдуетъ". На это объясненіе никакихъ возраженій не послѣдовало.

Птичья охота содержалась въ подмосковномъ селѣ Семеновскомъ, на Потѣшномъ дворѣ. Тамъ съ 1-го іюня 1740 года находилось: 25 кречетовъ, 12 челиговъ кречатьихъ, 24 сокола, 4 ястреба, 4 челига ястребиныхъ и балабанъ (порода ястреба). Птицы на потѣшномъ дворѣ помѣщались въ „птичьихъ покояхъ", въ числѣ которыхъ было 5 свѣтлицъ, т. е. зимнихъ птичниковъ.

XI.

Придворный столъ.—Завѣдываніе придворнымъ столомъ.—Кормовые погреба.—Запасные и повседневные фряжскіе погреба.—Поддѣлка водокъ.—Овощная и конфектная палаты.—Посуда.—Кофишенскія.—Кухни.—Столъ Анны Леопольдовны.—Расходныя книги.—Вина.—Отпускъ отъ двора съѣстныхъ припасовъ и напитковъ разнымъ лицамъ.—Дессертъ и фрукты.—Денежныя сбереженія.—Доставка пеклеванной муки. — Поставка ко двору мясныхъ и рыбныхъ припасовъ и овощей. — Виноградныя и венгерскія вина. — Полковникъ Вишневскій.—Медъ-липецъ.—Французская водка.—Пиво, полпиво и кислыя щи.

Мы видѣли, что „звѣринцы" служили, между прочимъ, такими заведеніями, которыя доставляли припасы для придворнаго стола, а теперь мы перейдемъ къ общимъ свѣдѣніямъ, сохранившимся объ этомъ послѣднемъ.

Въ 1740—1741 годахъ, придворнымъ столомъ завѣдывала придворная контора. Главнымъ же начальникомъ этой конторы былъ оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ, получавшій непосредственныя приказанія отъ правительницы Анны Леопольдовны. Контора дѣлала распоряженія по заготовленію для двора разныхъ съѣстныхъ припасовъ и питій; сама заготовляла многіе изъ нихъ и, главное, исполняла все то, что касалось ежедневнаго стола царской фамиліи и придворныхъ лицъ. На обязанности той же конторы лежало опредѣленіе и увольненіе должностныхъ лицъ по этой части придворнаго хозяйства.

По своей обширности и разнообразію, хозяйство это распадалось на нѣсколько отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ каждая находилась въ завѣдываніи особаго лица. Части эти были:

„Кормовые погреба", въ которыхъ хранились столовые припасы всякаго рода, поступавшіе сюда ежедневно изъ дворцовой конторы и другихъ мѣстъ для отпуска ко двору, а также поваренная мѣдная, оловянная и желѣзная посуда. Погребами этими завѣдывали кухеншрейберы. „Запасные и повседневные фряжскіе погреба"—въ первыхъ изъ нихъ съ запасами винъ и водокъ разнаго рода и другихъ питій, также свѣчей восковыхъ и сальныхъ, посуды хрустальной, стеклянной и деревянной, бумаги, холста, смолы, сюргуча и пр., хранились еще матеріалы—сахаръ и разныя пряности, изъ которыхъ, а вмѣстѣ и изъ винъ, приготовлялись разныя поддѣльныя водки, какъ напримѣръ, боярская, гданская и прочія. Повседневные погреба, получавшіе вина и другіе напитки изъ запасныхъ, были, собственно, назначены для удовлетворенія ежедневныхъ требованій двора, почему и помѣщались при дворцахъ лѣтнемъ и зимнемъ. Тѣ и другіе погреба находились въ вѣдѣніи келлермейстеровъ. Запасные фряжскіе погреба представляли одинъ изъ самыхъ значительныхъ отдѣловъ придворнаго хозяйства. Въ инструкціяхъ, которыми должны были руководствоваться келлермейстеры, встрѣчается, между прочимъ, статья о „поддѣлываніи" винъ. „Виноградныя вина, — говорится въ ней—которыя надлежитъ поддѣлывать, онымъ объявлять въ придворной конторѣ пробы и тѣ вина велѣть купору поддѣлывать". Подъ вѣдѣніемъ келлермейстеровъ находились разные мастера по части напитковъ и ученики, какъ-то: водочные мастера съ учениками, купоръ и подкупоры, „корфяной" (пробочный) мастеръ съ ученикомъ и служители для разливанія питій, мытья посуды и исполненія разныхъ служебныхъ потребностей. Для письмоводства состояли при келлермейстерахъ три писаря. Въ „овощныхъ и конфектныхъ палатахъ" хранились запасы чая и сахара, разныя „овощныя и конфектныя принадлежности", а также фарфоровая и „порцлиновая" посуда для кофе и чая. „Кофишенскія", изъ которыхъ одна называлась „большою", а прочія „малыми", находились при дворцахъ лѣтнемъ и зимнемъ. Въ нихъ приготовлялись чай, кофе и шоколадъ, подававшіеся членамъ царскаго семейства и придворнымъ лицамъ по нѣ-

скольку разъ въ день. Наконецъ, при дворцахъ находились кухни: „верхняя, средняя и нижняя". Относительно назначенія каждой изъ нихъ въ документахъ есть только указаніе, что въ верхней кухнѣ приготовлялись кушанья для особъ высочайшей фамиліи и разныхъ придворныхъ лицъ. Кухнями завѣдывали мундъ-кохи; при нихъ находились кохи, повара съ учениками и поваренные работники. Кромѣ того, при кухняхъ были брандмейстеръ съ учениками и „шляхтеръ" съ ученикомъ для приготовленія колбасъ, провѣса и копченія окороковъ, и скатертники.

До провозглашенія принца Ивана Антоновича наслѣдникомъ престола, принцесса Анна Леопольдовна имѣла свой особый, отдѣльный отъ императорскаго двора, столъ. Затѣмъ, по указу императора отъ 4-го марта, 1740 года, въ „ея комнату" была отпущена серебряная и разная поваренная посуда, а также велѣно было ежегодно отпускать всякіе столовые припасы и питія, которыя отпускались отъ придворной и дворцовой конторъ, по требованію ея гофмаршала, князя Черкасова. Послѣ низложенія регента Бирона, отдѣльное хозяйство Анны Леопольдовны было прекращено и вошло въ общій составъ придворнаго хозяйства.

Судя по расходнымъ книгамъ, слѣдуетъ, между прочимъ, заключить, что молодая правительница любила плотно покушать. Такъ, въ документахъ находятся свѣдѣнія о припасахъ и кушаньяхъ, предназначавшихся собственно „про обиходъ" ея высочества. Изъ этихъ документовъ оказывается, что ей отпускалось въ день по два каплуна, по шести свиныхъ копченыхъ окороковъ въ недѣлю, а изъ деревни Лиги и Стрѣльнинской мызы — ловившіяся въ различныхъ прудахъ стерляди и разной величины щуки, карпы, караси и форели, а изъ стрѣльнинскаго сада разныя свѣжія оранжерейныя овощи и ягоды. Особенно любимымъ лакомствомъ правительницы были молодые гороховые стручья, которые черезъ день присылались ей изъ Стрѣльны съ нарочнымъ по двѣ тарелки.

Что касается напитковъ, то въ описываемое время употреблялись при дворѣ слѣдующіе напитки: водки разныхъ названій, а именно: „приказная" и коричневая, приготовленная изъ краснаго вина, не поддѣльная и поддѣльная, первая изъ французскаго вина, а вторая— изъ простаго; гданская заморская, гданская „здѣшняго сидѣнья", боярская водка, ратафія, простое вино, французское вино и спиртъ; венгерское: антыльное, ленертовское и доставленное ко двору въ „презентъ" отъ князя Любомірскаго, шампанское, секттъ, рейнвейнъ, „базаракъ", „корзикъ", „шпанское", наливное или венгерскій лягиръ; португальское, бѣлое, волошское, бургонское; красное двухъ сортовъ, мозельвейнъ и венгерскій лягиръ; пиво, полпиво, медъ, квасъ и кислыя щи. Отпускомъ отъ двора разныхъ напитковъ, пользовалось множество лицъ, въ числѣ которыхъ были священники, монахи, протодіаконъ, прислуга фрейлины Менгденъ, лейбъ-шней-

дерша, кофишенки, истопники, серебряники и даже какіе-то люди „ночевавшіе во дворцѣ для всякихъ приключавшихся опасностей". Смотря по званію лицъ, имъ отпускали разные напитки, начиная отъ „хорошаго" краснаго вина и кончая квасомъ. Такъ же расходовались отъ двора сахаръ, леденецъ, кофе и шоколадъ; эти припасы отпускались дежурнымъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, фрейлинамъ, „португальскому доктору", „супреденшѣ съ дочерью", „мамзелѣ", карлицамъ, какой-то Катеринѣ Михайловнѣ Муторчиной „съ дѣвченками", „комнатнымъ старушкамъ", „гофмейстеринѣ-иноземпѣ" и другимъ.

Изъ расходныхъ записей по „конфектной палатѣ" видно, что для дессерта при дворѣ употреблялись: конфекты и разнаго рода сласти плоды, ягоды и орѣхи. Конфекты были или домашняго приготовленія, или покупныя—французскія и италіанскія. Къ первымъ принадлежали: цукербротъ и печеный, сладкій и горькій, миндаль. Это были „ординарныя" при дворѣ конфекты и заготовлялись каждый мѣсяцъ для ежедневнаго стола. Изъ сластей упоминаются: яблочная пастила, мармеладъ изъ сливъ, инбирь въ патокѣ, „жалей" (желе) изъ ягодъ, варенье изъ померанцевъ, дуль, грушъ, сливъ, вишенъ (черныхъ, красныхъ и бѣлыхъ) „крыжъ-берсеня", барбариса, малины и смородины. Изъ фруктовъ употреблялись: апельсины, персики, фиги, яблоки, виноградъ (астраханскій и чугуевскій), арбузы, дыни, каштаны, орѣхи грецкіе и кедровые, вишни, клубника, малина, „шпаргель" и гороховые стручья.

Заготовленіе столовыхъ припасовъ для двора производилось, какъ замѣчено выше, главною дворцовою канцелярію и петербургскою дворцовою и придворною конторою. Припасы заготовлялись частью доставкою ихъ ко двору изъ дворцовыхъ имѣній, частію подрядомъ и покупкою. На расходы по придворному столу, высочайшимъ указомъ 1-го августа 1733 года, повелѣно было изъ опредѣленной на содержаніе двора суммы 260,000 рублей отпускать въ петербургскую дворцовую контору „въ прибавокъ къ дворцовымъ временнымъ доходамъ" по 67,215 руб. 49 коп. ежегодно. Должно, однако, замѣтить, что сумма эта требовалась сполна дворцовою конторою только до 1736 года; съ этого же года контора, довольствуясь дворцовыми сборами, брала изъ нея ежегодно или половину или еще мѣньшія части, такъ что къ январю 1741 года въ дворцовой конторѣ накопилось и подлежало къ отпуску въ дворцовую контору 138,861 р. 96 к.

Въ разсматрѣваемыхъ нами документахъ находятся весьма подробныя свѣдѣнія о томъ, какимъ способомъ и откуда доставлялись ко двору разные съѣстные припасы, а также и свѣдѣнія объ ихъ стоимости. Такъ оказывается, что пеклеванная мука, употреблявшаяся при дворѣ и предназначавшаяся собственно для царскаго семейства, доставлялась изъ Лифляндіи съ дворцовыхъ оберъ-паленскихъ мызъ. Въ мартѣ 1741 года, мызы эти были подарены правительницею своей

подругѣ, баронессѣ Юліанѣ Менгденъ и, такимъ образомъ, отошли изъ дворцоваго вѣдомства, а вслѣдствіе этого прекратился и отпускъ ко двору пеклеванной муки. Тогда для дворцовой конторы представлялось чрезвычайное затрудненіе по пріобрѣтенію хорошей пеклеванной муки и ее начали заготовлять въ московскихъ дворцовыхъ вотчинахъ.

Мясные припасы поставлялись ко двору подрядчикомъ „ежедневно, сколько востребуется“. Вотъ указанія на цѣны нѣкоторымъ изъ нихъ въ 1740 году: говядина по 1 р. 20 к. за пудъ, баранина 1 р. 30 к. за пудъ, теленокъ 3 руб. штука, барашекъ 1 р., поросенокъ 27 коп., гусь 38 к., индѣйка 1 р. 3 к., кура 25 к.; каплуны по 1300 штукъ на каждый годъ заготовлялись живыми дворцовою канцеляріею въ смоленскихъ дворцовыхъ волостяхъ. Дичь, какъ уже сообщено выше, заготовлялась придворными охотами и стрѣлками придворнаго вѣдомства. Рыба доставлялась ко двору разными способами; во-первыхъ, съ двухъ дворцовыхъ рыбныхъ промысловъ: малыковскаго (симбирскаго уѣзда) и ладожскихъ рядковъ; съ перваго привозилась крупная рыба: бѣлуга, осетры и ихъ икра, но привозимой оттуда рыбы не всегда оказывалось въ достаточномъ количествѣ, которое и дополнялось доставкою по подряду. Съ ладожскихъ рядковъ привозилась ко двору только соленая рыба: сиги, лодоги и сиговая (красная) икра. Во-вторыхъ, рыба получалась у торговцевъ въ самомъ Петербургѣ, какъ напримѣръ, селедки и „нейногены“, навага и палтусы. Въ Псковѣ закупались снятки „самые добрые и душистыя“, а въ-третьихъ, рыбу и икру подносили ко двору въ подарокъ съ Урала, отъ Яицкаго казачьяго войска. Въ Ревелѣ закупались привозимые туда на корабляхъ раки и устрицы. Молочные припасы получались, главнымъ образомъ, съ казеннаго скотнаго двора, на которомъ содержалось до 62 коровъ. Кромѣ того, сливки, молоко, сметана и масло русское поставлялось еще какъ и яица, по подряду. Овощи доставлялись изъ придворныхъ огородовъ и садовъ, а недостающее ихъ количество поставлялось по подряду. Для собственнаго же обихода правительницы Анны Леопольдовны, соленые огурцы заготовлялись въ монастыряхъ Николько-Угрѣшскомъ и Перервинскомъ до 10 кадокъ. Огурцы высылались также изъ Нижняго-Новгорода. Грибы доставлялись по подряду. Лимоны покупались въ Ригѣ, разныя пряности у петербургскихъ купцовъ, а уксусъ доставлялся по подряду.

Что касается напитковъ, то виноградныя вина закупались у петербургскихъ виноторговцевъ. Вотъ тогдашнія цѣны этихъ винъ въ Петербургѣ: 6 бочекъ оксофтъ съ посудою бѣлаго вина 63 р., бочка хорошаго краснаго 80 руб., рейнвейна 3 бочки оксофты по 88 р. за бочку. Венгерское вино доставлялось ко двору особою комиссіею. Въ 1733 году подполковникъ Вишневскій, родомъ сербъ, обязался впредь на 10 лѣтъ ставить прямо изъ Венгріи, про обиходъ двора, по 150 антылей ежегодно, съ тѣмъ, чтобы придворная контора выдала ему

впередъ 20,000 рублей, которыя онъ обязывался возвратить по истеченіи 10 лѣтъ, и чтобы вино, остающееся отъ поставки ко двору, отдавать въ его „диспозицію" для вольной и безпошлинной продажи въ Россіи. Придворная контора приняла эти условія, но въ 1740 году такой способъ доставки венгерскаго вина былъ прекращенъ, и высочайшимъ указомъ относительно дальнѣйшей заготовки этого вина повелѣно было: „изыскивать мѣры и лучшіе способы". Въ придворные „фряжскіе" погреба поступали также запасы винъ, сдѣланные знатными придворными лицами. Такъ, 12 февраля 1741 г., были приняты на запасный фряжскій погребъ Густава Бирона и Алексѣя Бестужева-Рюмина вина: венгерское, рейнвейнъ, мозельвейнъ, базаракъ, красное, бѣлое, испанское, португальское, „липецъ" или старый польскій медъ и вишневка. Простое вино поставлялось ко двору изъ Москвы. Французская водка, заморская гданская и ратафія покупались у петербургскихъ купцовъ. Кромѣ того, водки—между ними и боярская—приготовлялись придворными водочными мастерами. Пиво, полпиво и кислыя щи заготовлялись также придворными мастерами на Сытномъ дворѣ и „въ покояхъ во дворѣ царевича Алексѣя Петровича". Вареніе пива обыкновенно усиливалось въ виду пріѣзда ко двору „разныхъ персонъ".

XII.

Конюшенное вѣдомство. — Биронъ. — Важное значеніе этого вѣдомства.—Его присутственная камера. — Стоимость его содержанія. — Его штатъ. — Рейтъпажи.—Берейторы.—Лейбъ-кучера. — Ихъ мундиры. — Число придворныхъ лошадей.—Лошади отписанныя отъ Бирона.—Экипажи. — Конюшенный дворъ.—Бывшія при немъ мастерскія.—Богатство и разнообразіе „сѣдельной казны".—Шорная казна.—Сбруя отъ Густава Бирона.—„Шатерная казна".—Оффиціальные выѣзды правительницы.

Однимъ изъ весьма важныхъ отдѣловъ придворнаго управленія было конюшенное вѣдомство, на которое обращалъ особенное вниманіе Биронъ, страстный охотникъ до лошадей. Изъ документовъ видно, что даже самое присутствіе конюшенной конторы, или такъ называвшіяся „судейскія палаты" для засѣданія „господъ присутствующихъ", было отдѣлано съ большою для того времени роскошью. Въ этой палатѣ, въ двухъ комнатахъ были тканые шерстяные обои желтаго и малиноваго цвѣта, цѣнные англійскіе часы, нѣмецкой работы стулья и кресла обитые трипомъ и пара большихъ зеркалъ. Въ конюшенной конторѣ присутствовали оберъ-шталмейстеръ, шталмейстеръ и, съ 1739 года, совѣтникъ и 21 канцелярскихъ чиновниковъ и писцовъ. Съ 1733 года, на все придворное конюшенное вѣдомство отпускалось 100,000 рублей ежегодно; одна половина этой суммы шла собственно на придворную конюшенную контору, а другая на дворцовые конскіе заводы. Кромѣ того, отпускалось конюшенному вѣдом-

ству особо на провіантъ по 10,00 рублей въ годъ. При конюшенномъ дворѣ состояли: оберъ-берейторъ, унтеръ-берейторъ, берейторъ, берейторскіе учиники, экипажмейстеръ, футеръ-маршалъ, коммисары, стременные конюхи, магазейнъ-вахтеры, лекарь, цирульникъ, лейбъ-кучеръ, лейбъ-форейторъ, кучера изъ иноземцевъ, русскихъ кучеровъ разныхъ статей 30 человѣкъ, ѣздовые конюхи, лейбъ-кнехтъ, конюхи изъ иноземцевъ, стряпчіе конюхи—90 человѣкъ, стадные конюхи, коновалы изъ иноземцевъ, подковщики, шатерный мастеръ, а также разные мастера по живописной, столярной, шорной и экипажной части. Всего же служителей и мастеровъ было 393 человѣка. Кромѣ ихъ, въ составъ конюшеннаго вѣдомства входили еще 6 рейтъ-пажей. О „должностяхъ" ихъ въ конюшенномъ штатѣ 1733 года сказано: „рейтъ-пажи имѣютъ быть изъ шляхетства, которымъ надлежитъ обучиться у берейторовъ въ манежѣ ѣздить на лошадяхъ и самимъ молодыхъ лошадей учить; имъ же надлежитъ и въ прочемъ, что до конюшенныхъ порядковъ и содержанія лошадей касается, оное все примѣчать, и тому обучиться, дабы со временемъ сами въ томъ искусны могли быть; они-жъ должны обучены быть какъ чужестраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, такъ и прочимъ наукамъ и экзерциціямъ; при томъ должны они, рейтъ-пажи, содержать себя порядочно и честно, какъ добрымъ и честнымъ людямъ надлежитъ. Когда же они, рейтъ-пажи, порядочно продолжать свою бытность и совершенно обучатся, то могутъ оные всемилостивѣйше награждены и произведены быть въ унтеръ-шталмейстеры и въ прочіе чины по своему достоинству, а если при конюшнѣ мѣста для произведенія не случится, то оные имѣютъ опредѣлены быть, по ихъ достоинству, въ кавалерію въ оберъ-офицеры, а именно въ прапорщики и въ поручики".

Одежда или „мундиръ" рейтъ-пажей, лейбъ-кучера, лейбъ-форейтора, кучеровъ, форейторовъ и ѣздовыхъ конюховъ была, по штату 1733 года, слѣдующая: кафтаны зеленаго сукна съ красными обшлагами, штаны изъ того же сукна, камзолы и епанчи краснаго сукна, пуговицы мѣдныя, золоченыя у рейтъ-пажей, лейбъ-кучера и лейбъ-форейтора, у остальныхъ просто мѣдныя. Обувь: у лейбъ-кучера чулки гарусные красные и башмаки, у рейтъ-пажей и у форейтора сапоги на китовыхъ усахъ со шпорами, шляпы съ золотымъ позументомъ и перчатки. Въ 1739 году, цвѣтъ мундира былъ измѣненъ, а именно кафтаны и епанчи велѣно было дѣлать изъ желтаго сукна, а камзолы изъ чернаго. Въ 1740 году, по случаю кончины императрицы Анны Ивановны, упомянутые конюшенные служители носили одежду чернаго цвѣта. По окончаніи же траура были возстановлены мундиры, положенные по штату 1733 года.

Число придворныхъ лошадей было весьма значительно. Къ 28-му марта 1741 года содержалось на конюшенномъ дворѣ: манежныхъ 35, дамскихъ 14, сѣдельныхъ 14, цуговыхъ—главныхъ 52 и полевыхъ разъѣзжихъ 181, каретныхъ 20, одиночныхъ 40, линейныхъ 3,

„малаго рода" 7, приведенныхъ изъ Риги: жеребцовъ 10 и клеперовъ 3, всего 379. Кромѣ того, на томъ же дворѣ находилось въ ту пору 9 верблюдовъ. Придворныя конюшни пополнялись, главнымъ образомъ, лошадьми дворцовыхъ конскихъ заводовъ, а также купленными и конфискованными. Такъ, въ 1741 году принята была туда изъ отписанныхъ у герцога курляндскаго Бирона и его брата Густава 31 лошадь, въ числѣ ихъ былъ вороной испанскій жеребецъ „Фаворитъ", подаренный правительницею графу Миниху.

Что касается придворныхъ экипажей, то къ концу марта 1741 года ихъ числилось: каретъ 27, берлиновъ 6, колясокъ городскихъ одноперсонныхъ и двухперсонныхъ 23, колясокъ четырехмѣстныхъ 13, яхдвагенъ 1, колясочекъ огородныхъ 6, одноколокъ 7, линей лѣтнихъ 17 и одна зимняя, возковъ 8, саней городскихъ 65, колясочекъ дорожныхъ 49, саней дорожныхъ 84, фургановъ 17, фуръ 22, колышекъ (двухколесокъ) 5, паквагеновъ 16, „палубъ" 7, „саней болковней" 67 и качалокъ 4. Въ числѣ выѣздныхъ каретъ находились: „цесарская малая", берлинская одноперсонная, парижская большая, новая, подвезенная бывшимъ герцогомъ курляндскимъ, шафировская, „короскопея" — общая малиновая бархатная, съ золотымъ позументомъ, „бондевская", „карета съ золочеными полями" и рѣзьбою, обитая малиновымъ бархатомъ съ шелковыми желтаго цвѣта бахрамою и тесьмою, и карета „саксонская" двухперсонная.

Въ 1741 году, въ мастерскихъ конюшеннаго двора сдѣлана была, между прочимъ, дѣтская колясочка для императора, внутри она была обита малиновымъ бархатомъ и выложена въ два ряда золотымъ позументомъ, снаружи была живопись по золоту, въ серединѣ вензелевое имя императора, пазы были обшиты малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, колеса и станокъ зеленые. Для него же былъ сдѣланъ „ходячій стулецъ" на мѣдныхъ колесцахъ, покрытый бархатомъ, дерево же было вызолочено червоннымъ золотомъ.

Въ 1741 году, на конюшенный дворъ принятъ былъ принадлежавшій бывшему герцогу курляндскому полуберлинъ, обитый краснымъ сукномъ и бѣлою нитяною тесьмою; полость суконная красная, подложенная лисьимъ мѣхомъ, а кругомъ обложенная собольимъ хвостомъ; посрединѣ полости былъ вензель князя Долгорукаго, обложенный узкимъ серебрянымъ позументомъ съ четырьмя на шелку серебряными кистями.

Съ конюшеннаго двора отпускались разнымъ лицамъ городскіе и загородные экипажи.

Особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ отличалась такъ называвшаяся „сѣдельная казна". Въ ней, между прочимъ, хранились: 65 богатыхъ выходныхъ бархатныхъ сѣделъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, также были вышиты и разъѣзжія суконныя сѣдла; персидское сѣдло, оправленное золотомъ; китайское — оправленное мѣдью; бархатныя, шитыя серебромъ и золотомъ, сѣдла для придворныхъ

кавалеровъ. Въ сѣдельной казнѣ хранились также: 5 мундштуковъ съ сплошнымъ золотымъ наборомъ, были также 31 мундштукъ съ серебрянымъ вызолоченнымъ наборомъ, трензеля серебряные и золотые, наметы на сѣдла бархатные, шитые серебромъ и золотомъ и отдѣланные кружевами „понть деспаніе". Туда же поступили и дорогіе конскіе уборы, конфискованные въ 1741 году у Густава Бирона; въ числѣ этихъ вещей была верховая сбруя, отдѣланная финифтью, хрусталемъ, бирюзою, золотомъ и серебромъ, яшмою, и сѣдло съ китайскою рѣзьбою. Находившіеся на нѣкоторыхъ вещахъ бироновскіе гербы были замѣнены россійскими.

При сѣдельной казнѣ въ 1741 году, между прочимъ, хранилось старинное оружіе: ружья, сайдаки, латы, палаши, сабли и „прочія другія вещи, къ конюшенному двору не подлежащія", а также чучело лошади императора Петра I—„Лизетки" со всѣмъ къ ней прибором, „какъ была подъ Полтавой". Но въ этомъ же году старинныя вещи были отправлены въ московскую оружейную палату, а чучело „Лизетки" было сдано въ кунстъ-камеру при академіи наукъ.

Шорная казна была также разнообразна; тамъ между прочею упряжью были бархатныя барсовыя попоны и чубы, украшенные золотомъ, и сѣтка на садовую лошадку изъ „цѣвочнаго" шелку. Отобранная при конфискаціи имущества Густава Бирона конская сбруя значительно умножила шорную казну; такъ, между прочимъ, въ нее поступили 6 бобровыхъ попонъ.

Въ „шатерной казнѣ" находились: ставки, палатки, „галдареи", „киса персидская", наметы, калмыцкія кибитки, походныя отхожія мѣста, полы дворовые и парусинные, стулья походные, шпалеры и складной кожаный столъ. Въ августѣ 1741 года, изъ шатерной казны отпущена была тайному совѣтнику Татищеву, отправлявшемуся по именному указу „для нѣкоторой калмыцкой коммиссія и для успокоенія калмыцкаго народа", палатка петербургской работы, съ условіемъ, чтобы она была возвращена на конюшенный дворъ въ цѣлости, по окончаніи означенной комиссіи.

Въ разсматриваемыхъ нами, нынѣ изданныхъ, документахъ находятся свѣдѣнія объ оффиціальныхъ выѣздахъ правительницы Анны Леопольдовны и ея супруга. Такъ, встрѣчается извѣстіе о посѣщеніяхъ академіи наукъ принцемъ Антономъ съ братомъ его Людовикомъ и особо правительницею. О посѣщеніи академіи этою послѣднею сообщалось слѣдующее: „Въ прошлую субботу (10-го октября 1741 года), послѣ полудни, изволила ея императорское высочество наша всемилостивѣйшая государыня великая княгиня быть въ академіи наукъ, и изволила смотрѣть какъ работы разныхъ художниковъ, также и библіотеку, кунстъ-камеру и кабинетъ съ дорогими вещьми и медалями, и притомъ оказывая высочайшее свое удовольствіе о изрядномъ оныхъ расположеніи, пожаловать въ кунстъ-камеру присланный въ подарокъ отъ персицкаго шаха Надыра, между прочими дорогими вещьми, до-

рогой жемчугомъ и алмазами украшенный поясъ супруги Великаго Могола".

Изъ частныхъ лицъ правительница, какъ слѣдуетъ заключить изъ сохранившихся объ этомъ свѣдѣній, посѣщала только семейство графовъ Миниховъ. Такъ, 16-го декабря 1740 года, она прибыла въ домъ генералъ-фельдмаршала въ сопровожденіи своего многочисленнаго придворнаго штата. Въ 1741 году, 16-го февраля, у Миниха „пребогатый трактаментъ былъ. Ея императорское высочество государыня великая княгиня и правительница всея Россіи соизволила при семъ случаѣ, высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ его высокографское сіятельство генералъ-фельдмаршала пополудни почтить, и до восьми часовъ вечера со всякимъ удовольствіемъ въ домѣ его высокографскаго сіятельства забавиться благоволила". Въ томъ же 1741 году, 9-го мая, по случаю празднованія фельдмаршаломъ дня своего рожденія, были въ домѣ его богатый ужинъ и балъ, а затѣмъ, 11-го мая, происходило крещеніе дочери гофмейстера, графа Миниха. Объ этихъ празднествахъ напечатано: „его высокографское сіятельство господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, для случившагося торжественнаго дня своего рожденія, въ которомъ его высокографское сіятельство на 59 лѣто старости своей счастливо вступилъ, трактовалъ прошлой субботы, т. е. 9-го числа сего мая, въ домѣ своемъ на Васильевскомъ острову многихъ знатнѣйшихъ персонъ, также придворныхъ дамъ и кавалеровъ пребогатою ужиною, за которою италіанскій концертъ и балъ слѣдовалъ. Ея императорское высочество государыня великая княгиня и правительница всея Россіи соизволила, для сего случая, его высокографское сіятельство господина генералъ-фельдмаршала золотою, брильянтами богато украшенною табатеркою всемилостивѣйше пожаловать". 7-го ноября, 1741 года, наканунѣ годовщины вступленія Анны Леопольдовны въ правленіе имперіею, она, въ сопровожденіи своего мужа и его брата, принца Людовика, посѣтила фельдмаршала и „какъ о италіанской музыкѣ и послѣ того учрежденномъ балѣ и о ужинѣ изволила показывать свое всемилостивѣйшее удовольствіе".

12-го сентября, 1741 года, правительница присутствовала при торжественной закладкѣ 80-ти пушечнаго корабля въ петербургскомъ адмиралтействѣ.

XIII.

Печальная комиссія по погребенію императрицы Анны Ивановны.—Ея продолжительность и помѣщеніе.— Ея личный составъ. — Заготовленіе траурныхъ матерій и прочихъ вещей.—Цѣловальники. — Траурное убранство дворцовъ.— Устройство пути для погребальной процессіи. — Разсылка повѣстокъ.— Сумма расходовъ на погребеніе императрицы.—Составленіе церемоніала.—Объявленіе о трауръ. — Обязательное и необязательное его ношеніе. — Траурное одѣяніе принцессы Анны Леопольдовны, цесаревны Елизаветы Петровны и принца Антона-Ульриха. — Трауръ для дамъ первыхъ 8-ми классовъ. — Запрещеніе вѣнчать свадьбы. — Отпускъ денегъ на трауръ. — Понужденіе дамъ шить траурныя платья.

Переходимъ теперь къ послѣднему отдѣлу изданныхъ документовъ — къ свѣдѣніямъ о „печальной коммиссіи", учрежденной для распоряженій по погребенію императрицы Анны Ивановны. Засѣданія этой комиссіи начались 23-го октября 1740 года и продолжались до конца слѣдующаго года. Въ первые два мѣсяца дѣятельность „печальной" комиссіи заключалась въ установленіи общаго траура по покойной государынѣ и приготовленіи къ ея погребенію, во весь же 1741 годъ — въ разборкѣ сооруженій, устроенныхъ для погребальной церемоніи, уборкѣ матеріаловъ, раздачѣ медалей и денежныхъ наградъ и, наконецъ, въ приготовленіи дѣлъ къ сдачѣ.

Печальная комиссія помѣщалась въ старомъ Лѣтнемъ дворцѣ, въ одной изъ отведенныхъ для нея комнатъ былъ поставленъ „судейскій столъ", т. е. помѣщалось присутствіе, а въ другой было поставлено нѣсколько „подъяческихъ столовъ", т. е. канцелярія. Для очищенія воздуха въ комнатахъ зажигались „благоуханныя свѣчи". При комиссіи находился постоянный военный караулъ подъ начальствомъ ефрейтора.

Въ составъ печальной комиссіи входили: присутствующіе, канцелярскіе чины, комиссары, „купчины", цѣловальники, лица, состоявшія при изготовленіи потребныхъ для печальной комиссіи предметовъ, разсыльные и служители. Присутствующими членами комиссіи были назначены, отъ имени императора Іоанна III, за оберъ-церемоніймейстера генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Люберасъ и за унтеръ-церемоніймейстеровъ—совѣтники Эмме и Генингеръ. Указъ объ учрежденіи этой комиссіи былъ подписанъ регентомъ. Канцелярскіе чины, собранные изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, были присланы въ комиссію сенатомъ. Отъ комиссіи они получали помѣщеніе и столъ, а также и напитки. Денежно-приходною частью завѣдывалъ комиссаръ. Заготовленіе покупкою траурныхъ матерій и прочихъ вещей поручено было сперва двумъ русскимъ купцамъ, командированнымъ въ комиссію, которые по ихъ должности въ комиссіи назывались „купчинами". Такъ какъ вскорѣ потребовалась покупка и заграничныхъ вещей, то въ комиссію былъ опредѣленъ одинъ петербургскій купецъ изъ ино

земцевъ; для храненія пріобрѣтаемыхъ вещей были назначены изъ мѣстнаго купечества „цѣловальники". Для изготовленія траурныхъ уборовъ и платья были отряжены отъ гвардейскихъ полковъ офицеры. У каждаго изъ нихъ была въ командѣ особая часть. Траурное убранство дворцовъ, отдѣлка трона, балдахиновъ, катафалка, разрисовка знаменъ, золоченіе латъ и другія подобныя тому работы состояли въ завѣдываніи придворнаго живописца Каравака, при которомъ состояли живописцы, маляры, лакировщики, скорняки, столяры, скульпторы, мастера „статуйнаго дѣла" и „колокольнаго игранія", и золотошвейки. Для устройства пути печальной процессіи, катафалка, камеры и могилы, а также для другихъ работъ въ Петропавловскомъ соборѣ, были командированы архитекторы и „архитектурные подмастерья", „кроватный мастеръ", кондукторы и гедеозистъ, состоявшіе у сочиненія чертежей. Всѣ эти лица, а также и рабочіе получали особое жалованье и содержаніе отъ дворцовой конторы. Для разсылокъ были назначены отъ главнаго дежурства при дворѣ гвардейцы изъ дворянъ, которые прежде этого въ придворныхъ комиссіяхъ бывали. Для разсылки же съ повѣстками къ особамъ первыхъ 5-ти классовъ присланы изъ шляхетскаго кадетскаго корпуса поручикъ, капралъ и каптенармусъ. Вся сумма, израсходованная на погребеніе императрицы Анны Ивановны, простиралась до 64,000 рублей; изъ нихъ главный расходъ, въ количествѣ 45,000 рублей, былъ произведенъ на покупку траурныхъ матерій: бархата, сукна, тафты, фланели и т. д. При составленіи погребальнаго церемоніала, комиссія приняла за образецъ церемоніалъ погребенія Петра I, а потому обращалась, по мѣрѣ надобности, въ различныя учрежденія за свѣдѣніями объ этомъ церемоніалѣ. Такъ, отъ военной коллегіи требовала она свѣдѣній о военныхъ почестяхъ, отъ синода—о церковныхъ приготовленіяхъ, отъ придворной конторы—о распоряженіяхъ, бывшихъ по этому случаю при дворѣ.

Особыя объявленія о траурѣ были напечатаны отъ имени комиссіи въ типографіи академіи наукъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и были выставлены въ „пристойныхъ" мѣстахъ для всеобщаго свѣдѣнія. Трауръ былъ назначенъ на цѣлый годъ, съ распредѣленіемъ на четыре квартала, съ подраздѣленіемъ послѣдняго, тоже трехмѣсячнаго, на два шестинедѣльные срока. Особый трауръ былъ назначенъ для принцессы Анны Леопольдовны, ея мужа и цесаревны Елизаветы Петровны. Общій трауръ былъ обязателенъ для „персонъ" первыхъ 8-ми классовъ и предоставлено ношеніе его лицамъ обоего пола всѣхъ званій, „кто пожелаетъ". Трауръ былъ опредѣленъ весьма подробно, какъ относительно качества матерій и покроя платья, такъ и прочихъ принадлежностей одежды.

Вотъ какъ было описано въ объявленіи комиссіи траурное одѣяніе принцессы Анны Леопольдовны и цесаревны Елизаветы Петровны: „Въ теченіе перваго квартала глубокій трауръ: ратинные печальные

кафтаны съ узкимъ воротомъ и рукавами, съ широкими плерезами около воротника, рукавовъ и крагена; шлейфъ въ 4 аршина; головной уборъ изъ чернаго крепа съ черною глубокою повязкою и съ двойнымъ печальнымъ капоромъ; перчатки и муфы (муфты), пахала (вѣеры), чулки и башмаки черные. Въ день погребенія или когда къ тѣлу ея императорскаго величества пріѣзжать изволятъ, имѣть на головѣ большую крепoвую каппу, такъ, чтобы все платье закрыло". Во второй кварталъ тотъ же уборъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что рукава должны быть „двойные", а капоръ—„одинакій". Въ третій кварталъ носить „самары" изъ гладкаго сукна безъ плерезовъ; головной уборъ черный батистовый съ узкими „снипами и граворомъ", муфы, пахала и башмаки бѣлые съ чернымъ. Въ четвертый кварталъ, первыя 6 недѣль носить камеръ-трауръ: шелковое черное платье, головной уборъ и „ангажанты" изъ бѣлаго флера, пахала и перчатки бѣлыя; въ слѣдующія же 6 недѣль—полутрауръ: шелковое черное платье, головной уборъ и ангажанты кружевные съ черными лентами.

Въ траурѣ принца Антона-Ульриха, состоявшаго главнымъ образомъ изъ чернаго кафтана, замѣчательно то, что въ первомъ кварталѣ на его кафтанъ полагались крючки, вмѣсто пуговицъ, во второмъ кварталѣ ему было назначено только четыре пуговицы „до пояса", и только въ четвертомъ кварталѣ ему возвращены были всѣ пуговицы. Шпага его отличалась особымъ трауромъ. Въ первомъ и во второмъ кварталахъ она была обшита чернымъ ратиномъ, въ третьемъ онъ долженъ былъ носить „синюю" и въ четвертомъ „бѣлую" шпагу.

Для дамъ первыхъ 5-ти классовъ была установлена общая траурная одежда, съ тою только разницею, что шлейфы были у первыхъ двухъ классовъ въ 2 аршина, у третьяго въ 1½ и у четвертаго и пятаго въ 1 аршинъ. При выѣздахъ со двора они обязаны были надѣвать капоры изъ флера, которымъ лицо было бы завѣшано. Дамамъ 6-го и 7-го классовъ такое же платье „шириною противу мужскихъ персонъ по классамъ", а 8-го класса черное „ординарное" платье. Для мужскихъ персонъ трауръ былъ также раздѣленъ по классамъ. Трауръ состоялъ, между прочимъ, въ кафтанахъ суконныхъ „безъ шишекъ" и въ галстукахъ, „напередъ завязанныхъ". Первые два класса обязаны были обить трауромъ экипажи и по одной „камерѣ", а на лошадяхъ имѣть траурные попоны, длиною отъ земли 6 вершковъ. На лошадяхъ у придворныхъ кавалеровъ попоны полагались „до колѣна, ибо оные въ градусѣ печальномъ передъ другими преимущество имѣютъ". Наконецъ, послѣдній пунктъ объявленія, обнародованнаго комиссіею, заключаетъ указаніе объ употребленіи траура всѣмъ вообще лицамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „всѣмъ мужеска и женска полу, кто бъ какого званія ни былъ, во время траура въ ординарномъ черномъ платьѣ ходить позволяется".

Вскорѣ послѣ объявленія о траурѣ, кабинетъ его величества пре-

проводилъ въ синодъ слѣдующее сообщеніе: „Его императорское величество указалъ отъ времени преставленія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества, считая впредь четверть года, въ С.-Петербургѣ никакихъ свадебъ не вѣнчать и о томъ во всѣхъ церквахъ тотчасъ съ запрещеніемъ объявить. О чемъ чрезъ сіе св. синоду сообщается для исполненія. Ноября 4-го дня 1740 г.".

Трауръ приготовлялся для Анны Леопольдовны печальною комиссіею, а цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ было отпущено на этотъ предметъ 6,000 рублей изъ „соляной суммы". Трауръ лицамъ женскаго пола, состоявшимъ или только жившимъ при дворѣ, а также и придворнымъ служителямъ, заготовлялся на счетъ дворцоваго вѣдомства, то же было сдѣлано и въ отношеніи придворнаго духовенства, для котораго было сшито траурное платье „обыкновенное, по званіямъ". Для „дневанья" при гробѣ императрицы были сдѣланы траурныя „епанчи" съ долгими шлейфами. Для непридворныхъ дежурныхъ дамъ траурнаго отъ казны платья не полагалось, но онѣ обязаны были шить его на свой счетъ. Такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ не являлись на „дневанье", отговариваясь тѣмъ, что траурное платье еще не готово, то комиссія черезъ главную полиціймейстерскую канцелярію объявила этимъ дамамъ, „дабы у оныхъ, по силѣ выданнаго передъ симъ печатнаго объявленія, траурное платье сдѣлано было въ возможной скорости, такъ какъ", говорилось въ томъ сообщеніи— „нѣкоторыя дамы, къ немалому удивленію, при повѣсткѣ имъ о прибытіи на дневанье объявили, что у нихъ платье еще не сдѣлано". Затѣмъ комиссія вновь сообщила упомянутой канцеляріи о подтвержденіи тѣмъ дамамъ „пристойнымъ образомъ", чтобы онѣ „неотмѣнно приготовили траурное платье ко дню перенесенія тѣла ея величества въ Петропавловскій соборъ". Комиссія распорядилась также о томъ, чтобы придворные экипажи были обиты снаружи черною „съ шишками", а внутри черною фланелью.

XIV.

Траурное убранство стараго Лѣтняго дворца. — Опочивальня государыни.— Залы малый и „фюнеральный" или „печальный".—Гробъ императрицы.—„Эпитафіумъ".—Тронъ.—Присяга императору и торжественная панихида.—Одежда покойницы.—Башмачки.—Перенесеніе тѣла государыни въ малый залъ.—Парадная кровать.—Положеніе тѣла въ гробъ и перенесеніе его въ „фюнеральный" залъ.—Отдѣлка и обстановка этого зала.—Царскія регалія.—Смотрѣніе тѣла.—Многочисленность посѣтителей.—Личный составъ процессіи.—Высылка изъ провинцій для участія въ ней знатнаго шляхетства.—Запрещеніе выѣзда изъ Петербурга лицамъ, назначеннымъ въ процессію.—Заготовка разныхъ предметовъ.—Убранство Петропавловскаго собора.—Вырытіе могилы.—Особыя распоряженія.

Въ старомъ Лѣтнемъ доорцѣ, гдѣ стояла тѣло императрицы, во всѣхъ аппартаментахъ стѣны, потолки и полы были обиты чернымъ сукномъ; печи, зеркала и ширмы обтянуты черною фланелью, изъ нея

же были сдѣланы чахлы на столовыя часы, столы, стулья, а также занавѣсы надъ дверями и окнами, съ перевязями изъ бѣлыхъ и черныхъ лентъ; стѣнные шандалы были покрыты чернымъ флеромъ, двери подъѣздовъ и самые подъѣзды обиты чернымъ сукномъ съ бантами изъ чернаго флера и бѣлой кисеи. Особенно богато отдѣланы были въ этомъ дворцѣ опочивальня государыни, „малый" залъ и „фюнеральный" или „печальный" залъ. Стѣны опочивальни, обитыя до того серебрянымъ муаре, покрыты были штофомъ малиноваго цвѣта, изъ этого же штофа были сдѣланы занавѣсы надъ дверями и окнами; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ. Въ маломъ залѣ, также роскошно убранномъ, была поставлена вновь сдѣланная придворнымъ „кроватнымъ" мастеромъ Рожбартомъ „парадная кровать", штофная малиновая съ балдахиномъ, отдѣланнымъ серебрянымъ позументомъ съ бахромою. Въ этомъ залѣ поставленъ былъ дубовый гробъ, сдѣланный столярныхъ дѣлъ мастеромъ, французомъ Мишелемъ, безъ торга за 100 рублей; въ опредѣленіи комиссіи о выдачѣ Мишелю этой суммы, между прочимъ, сказано: „понеже при таковыхъ случаяхъ и у партикулярныхъ людей за то дается по требованіямъ мастеровъ безъ ряды". Гробъ былъ обитъ золотою парчею и серебрянымъ позументомъ. Внутри онъ былъ обитъ бѣлымъ нѣмецкимъ атласомъ. Въ „фюнеральномъ" залѣ стѣны были обтянуты чернымъ сукномъ, верхи же стѣнъ, около потолка, были убраны бѣлою кисеею; надъ окнами и дверями были повѣшены черные суконные занавѣсы на тафтяной подкладкѣ, обшитые горностаемъ. По сторонамъ залы были разставлены портреты и гербы. Здѣсь же была помѣщена „рѣзная фигура" на пьедесталѣ. Первоначально предполагалось устроить вмѣсто нея „эпитафіумъ", въ формѣ ящика, вышиною въ 7, шириною въ 5 аршинъ, на которомъ „начертать описаніе"—вѣроятно, дѣяній покойной государыни. Посреди залы возвышалось особое мѣсто—„тронъ", съ балдахиномъ изъ бархата кармазиннаго цвѣта; сперва цвѣтъ этотъ хотѣли замѣнить чернымъ, роскошно обложеннымъ золотымъ травчатымъ позументомъ и украшеннымъ золотою бахромою и такими же кистями. Балдахинъ этотъ былъ установленъ на серебряныхъ штангахъ. Ступени трона были обиты бархатомъ также кармазиннаго цвѣта и обшиты широкимъ золотымъ позументомъ. Полъ вокругъ трона былъ выстланъ сукномъ кармазиннаго цвѣта, а отъ выходной двери зала по лѣстницѣ и крыльцу было постлано черное сукно. Въ этомъ же дворцѣ была отведена комната кавалерамъ и дамамъ дежурнымъ при тѣлѣ императрицы.

На другой день послѣ кончины государыни, 18 октября 1740 года, въ одиннадцатомъ часу ночи, вслѣдъ за объявленіемъ въ Старомъ лѣтнемъ дворцѣ объ этомъ событіи и воспріятіи всероссійскаго престола внукомъ ея, „наслѣднымъ великимъ государемъ Іоаномъ III", въ придворной церкви императора, въ присутствіи высочайшихъ особъ, министрами, членами синода, сенатомъ и генералитетомъ была прине-

сена присяга новому императору, а затѣмъ бывшими въ то время въ Петербургѣ архіереями, вмѣстѣ съ архимандритами и высшимъ духовенствомъ, совершена была по усопшей императрицѣ „торжественная панихида", послѣ которой у тѣла ея началось чтеніе евангелія. Затѣмъ повседневно отправлялись здѣсь панихиды очередными архіереями и архимандритами.

Для покойной императрицы изготовлена была слѣдующая одежда: „шлафоръ" изъ серебряной парчи на бѣлой тафтѣ и такая же „роба" украшенная серебрянымъ шнуромъ и широкими бѣлыми лентами; „башмачки", убранные широкими бѣлыми и желтыми лентами. Относительно этихъ башмачковъ въ расходной книгѣ цалмейстерской конторы записано: „24 октября 1740 года, куплены двои рукавицы бѣлыя лайковыя, по 40 копѣекъ за каждыя, для дѣла на тѣло блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества башмачковъ". Кромѣ того, было приготовлено „одѣяло" изъ пунцоваго бархата, обшитое золотымъ позументомъ. На всю одежду, вмѣстѣ съ одѣяломъ или покровомъ, израсходовано было изъ суммъ соляной конторы 494 руб. 80 копѣекъ.

16 ноября, въ 4 часа по полудни, по отслуженіи въ придворной церкви императора торжественной панихиды, тѣло императрицы изъ опочивальни было перенесено въ малый залъ и положено на вышеописанную „парадную кровать", гдѣ и оставалось до 16 декабря. При тѣлѣ все время стоялъ почетный караулъ изъ 31 гвардейца, въ числѣ ихъ было 18 рейтаровъ, вмѣсто „драбантовъ".

16 декабря, въ 5 часовъ по полудни, тѣло императрицы было положено въ приготовленный гробъ и перенесено генералитетомъ въ „фюнеральный" залъ и поставлено на „тронъ". У гроба была положена „епанча"—императорская мантія изъ золотой парчи „гласе", подложенная горностаевымъ мѣхомъ и ушитая золотымъ шнуромъ съ шестью золотыми кистями. На ступеняхъ трона поставлено было 12 большихъ серебряныхъ подсвѣчниковъ со свѣчами изъ бѣлаго воска, украшенныхъ клеймами и гербами. По обѣимъ сторонамъ трона, на 10 золотыхъ табуретахъ, обитыхъ кармазиннымъ бархатомъ съ золотымъ галуномъ и такою же бахрамою, на пуховыхъ подушкахъ изъ золотой парчи съ золотыми кистями, положены были императорскія регаліи: императорская корона, сдѣланная въ Петербургѣ собственно для этого случая, и доставленныя изъ Москвы изъ тамошней мастерской и оружейной палаты древнія короны: казанская, астраханская и сибирская, императорскій скипетръ, „глобусъ" или держава и четыре государственныхъ меча. По установкѣ гроба была совершена торжественная панихида. Еще до перенесенія тѣла императрицы въ „фюнеральный" залъ, печальною комиссіею 16 нобяря черезъ главную полицейскую канцелярію было объявлено, что съ этого числа ежедневно, съ 9 часовъ утра передъ полуднемъ до 9 часовъ по полудни, всѣ будутъ допускаемы „къ смотрѣнію тѣла" усопшей государыни; а

16 декабря послѣдовало новое объявленіе о томъ, что съ этого дня „всякаго чина люди, кромѣ самыхъ подлыхъ", будутъ ежедневно допускаться въ фюнеральный залъ. О значительномъ числѣ посѣтителей, являвшихся въ упомянутый залъ, можно заключить изъ того, что крыльцо, черезъ которое они проходили, было дважды обиваемо, такъ какъ оно „отъ многаго народу все было изодрано".

Съ первыхъ дней открытія своихъ дѣйствій, печальная комиссія приступила къ составленію списковъ лицъ, долженствовавшихъ участвовать какъ въ процессіи перенесенія тѣла усопшей императрицы изъ Лѣтняго дворца въ Петропавловскій соборъ, такъ и при самомъ погребеніи. Изъ синода доставлены были списки духовенства, находившагося въ Петербургѣ; изъ сената—списки „состоявшихъ не у дѣлъ" военныхъ и статскихъ особъ первыхъ 5-ти классовъ, дамъ всѣхъ 8-ми первыхъ классовъ и дочерей особъ первыхъ 5-ти классовъ, которыя „въ процессіи быть могутъ". Изъ военнаго вѣдомства—списки штабъ и оберъ-офицеровъ и ихъ женъ—только штабъ-офицеровъ арміи, а по гвардейскимъ полкамъ—и капитановъ и капитанъ-поручиковъ; присланы были также списки изъ адмиралтейства, коллегій, академіи наукъ, медицинской канцеляріи и ратуши, о русскихъ и иноземныхъ купцахъ. Кромѣ лицъ, назначенныхъ по этимъ спискамъ, печальная комиссія отнеслась въ сенатъ о высылкѣ къ 10-му числу декабря въ Петербургъ „отъ россійскаго знатнаго шляхетства" изъ Новгородской губерніи и Псковской провинціи до 40 человѣкъ, отъ Лифляндскаго и Эстляндскаго княжествъ по 8-ми человѣкъ, отъ купечества: изъ городовъ Риги 5 человѣкъ, Выборга 4, Ревеля 5, Дерпта и Пернова по 2, Нарвы 5 и Аренсбурга 2 человѣка. Предписывалось выслать всѣхъ этихъ лицъ съ посланными за ними курьерами „неотложно, не пріемля никакихъ отговорокъ". За недостаткомъ пажей были командированы кадеты. Классным чинамъ военнымъ и статскимъ запрещено было выѣзжать изъ Петербурга до дня погребенія ея величества. Для лицъ, долженствовавшихъ участвовать въ процессіи, сшито было 1238 черныхъ епанчей. Для двухъ герольдовъ была сшита особая одежда, „сообразно новоустановленной ливреи по цвѣту государственнаго герба, т. е. золотая съ чернымъ". Живописцу Караваку заказано было сдѣлать: черныя знамена, одно большое и нѣсколько малыхъ изъ черной тафты съ государственными гербами; цвѣтное знамя, называемое тоже „бѣлымъ", съ государственнымъ же гербомъ и 335 траурныхъ гербовъ, писанныхъ на жести. Адмиралтействъ-коллегія должна была заготовить, на счетъ комиссіи, штандартъ и флагъ. Потребованы были въ комиссію изъ Александроневскаго монастыря для рыцарей черныя и золоченыя латы, бывшія въ употребленіи при погребеніи Петра I, а также и протазаны съ кистями. Факеловъ было заготовлено 2050 штукъ.

Въ похоронной процессіи должны были участвовать, между прочими, и два коня: „фрейденъ-пфердъ" — парадная лошадь, для ко-

торой былъ сдѣланъ богатый „наметъ“ изъ желтаго бархата съ вышитыми гербами и вензелями подъ коронами, и „лейбъ-пфердъ“ — строевая лошадь, для которой было приготовлено вышитое сѣдло. Для перевозки гроба исправлены были Каравакомъ сани, употреблявшіяся при прежнихъ церемоніяхъ; сани эти были обиты чернымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ. На восемь лошадей, назначенныхъ везти эти сани, сдѣланы траурныя покрывала и капоры изъ чернаго бархата. Для кучеровъ и конюховъ, въ числѣ 45 человѣкъ, была сшита черная суконная одежда.

Съ 23-го ноября занялись устройствомъ пути, по которому назначено было шествіе печальной процессіи; перила на мостахъ были покрыты траурными покрывалами, весь путь былъ усыпанъ ельникомъ и пескомъ, а на Невѣ была проложена широкая дорога, улитая для ровности водою и потомъ усыпанная пескомъ; по сторонамъ этой дороги было уставлено до 500 елокъ.

Въ убранствѣ Петропавловскаго собора, начавшемся еще съ 26-го октября, участвовали живописцы, скульпторы, рѣщики, токари, золотыхъ дѣлъ мастера, паяльщики, обойщики, маляры, столяры, портные, кузнецы и плотники, и къ половинѣ декабря число всѣхъ этихъ рабочихъ доходило до 500 человѣкъ. Работы въ соборѣ производились и днемъ и ночью. Стѣны его, плафонъ и пилястры, хоры и двери, были обиты чернымъ съ плерезами изъ бѣлыхъ лентъ и фестонами изъ кисеи. Завѣсы въ царскихъ вратахъ были сдѣланы изъ черной шелковой матеріи, полъ и крыльцо было обито чернымъ сукномъ.

Въ срединѣ собора, для постановки гроба былъ устроенъ катафалкъ, украшенный различными орнаментами. Въ барельефѣ былъ помѣщенъ портретъ покойной императрицы, а на капителяхъ алебастровые „головы“, „девизы“, „гербы“, „ангелы“ и „картины“. Около катафалка было поставлено 12 „золоченыхъ статуй“. Балдахинъ надъ катафалкомъ былъ сдѣланъ изъ кармазиннаго бархата. Могила была вырыта солдатами петербургскаго гарнизона и выложена мраморомъ. Одновременно съ устройствомъ могилы былъ приготовленъ свинцовый гробъ, для помѣщенія въ немъ дубоваго—съ тѣломъ императрицы и мѣдный „ковчегъ“. Самая церемонія должна была совершиться въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ происходило погребеніе императора Петра I-го въ 1730 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы 22-го декабря, наканунѣ погребенія, „съ половины дня всѣмъ кабакамъ и вольнымъ домамъ полиція заказала накрѣпко, чтобъ какъ въ оныхъ, такъ и въ лавкахъ, ничего не продавать и не торговать и по всей дорогѣ, если гдѣ какая нечистота явится, также и хламъ какой есть, все очистить, чтобы ничего того не было и чтобы отъ того въ процессіи не послѣдовало какого замѣшательства“.

XV.

Объявленіе черезъ герольдовъ.—Погребеніе.—Порядокъ погребальнаго шествія.—Выносъ тѣла.—Маршальства.—„Лейбъ-пфердъ" и „фрейденъ-пфердъ".—Латники.—Знамена, пѣвчіе, духовенство, придворные чины.—Герольды.—Орденскіе знаки.—Царскія регаліи.—„Печальныя сани".—Дамское маршальство.—Пушечная пальба и ружейный огонь.—Благовѣстъ и „колокольная музыка".—Отданіе чести.—Похоронный маршъ.—Черный флагъ.—Походъ въ соборъ.—Отпѣваніе.—„Благовонныя свѣчи".—Слово архіепископа Амвросія Юшкевича.—Вторичное посыпаніе тѣла императрицы землею.—Опущеніе гроба въ могилу.—Мѣдный ковчегъ.—Гробница.—Поминки.—Медали и кресты.—Отправка царскихъ регалій въ Москву.—Распредѣленіе предметовъ, бывшихъ въ употребленіи во время погребенія.

22 декабря, передъ полуднемъ, выѣхали изъ воротъ стараго Лѣтняго дворца на дворцовую площадь два герольда, въ сопровожденіи литаврщиковъ и трубачей и „при литавренномъ боѣ и играніи на трубахъ о высокомъ погребеніи ея императорскаго величества въ Бозѣ почившей государыни императрицы Анны Іоанновны, на знатнѣйшихъ мѣстахъ города, публиковали". Въ рукахъ герольды имѣли серебряные жезлы съ государственными гербами на яблокѣ.

23 декабря, ровно въ 7 часовъ утра, раздался съ Петропавловской крѣпости сигналъ изъ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ и въ то же время на адмиралтействѣ былъ выкинутъ черный флагъ, а въ 8 часовъ войска заняли назначенныя имъ мѣста. Между тѣмъ, во дворецъ собрались высочайшія особы, придворные чины и генералитетъ, а прочія участвовавшія въ церемоніи лица размѣстились, согласно росписанію, передъ дворцомъ. По совершеніи торжественной панихиды въ „фюнеральномъ" залѣ, въ первомъ часу по полудни, раздался второй сигналъ также изъ трехъ пушекъ, и вслѣдъ за тѣмъ гробъ императрицы былъ вынесенъ и поставленъ на „печальныя сани" 12-ю штабъ-офицерами. Погребальное шествіе открылось четырмя полевыми полками, рядовые которыхъ были въ длинныхъ черныхъ епанчахъ съ факелами въ рукахъ. Общій личный составъ этихъ полковъ простирался до 2222 человѣкъ; за ними ѣхали верхомъ 86 рейтаровъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка съ „протазанами", за конногвардейцами слѣдовали 128 гренадеровъ лейбъ-гвардейскихъ полковъ, за ними четыре хора трубачей и литаврщиковъ. Далѣе слѣдовали „маршальства" — депутаціи отъ сословій и представители разныхъ вѣдомствъ, подъ предводительствомъ своего „маршала"; при нѣкоторыхъ маршалахъ находились особыя лица „за адъютантовъ". Маршалы имѣли жезлы съ гербами, обвитые чернымъ флеромъ.

Маршальство или депутація шли въ такомъ порядкѣ: 1) отъ купечества, 2) отъ шляхетства, 3) отъ государственныхъ учрежденій, 4) маршальство „полковника Орлова"; здѣсь за маршаломъ везли „красное военное знамя", за нимъ вели строевую лошадь (лейбъ-пфердъ)

съ богато вышитымъ сѣдломъ и пучкомъ страусовыхъ перьевъ между ушами, далѣе штабъ и оберъ-офицеры несли „красное военное знамя“ и знамена областныхъ и другихъ гербовъ; за этими знаменами вели парадную лошадь въ длинной черной попонѣ съ вышитыми по обѣимъ сторонамъ гербами. Затѣмъ были несены: адмиралтейскій штандартъ, знамя съ государственнымъ гербомъ, сдѣланное изъ черной тафты съ черными кистями и такою же бахрамою, и „цвѣтное знамя“ съ вышитыми по угламъ вензелями покойной императрицы. За этими знаменемъ вели „фрейденъ-пфердъ“ въ желтой бархатной попонѣ. За этой лошадью слѣдовали верхомъ два латника: одинъ въ золоченыхъ латахъ, съ обнаженнымъ мечемъ, въ сопровожденіи двухъ пѣшихъ въ черныхъ епанчахъ съ алебардами; другой—въ черныхъ латахъ, также съ обнаженнымъ, но опущеннымъ внизъ мечемъ. За ними несено было „печальное знамя“.

За знаменами слѣдовали: двое пѣвчихъ, несшіе двѣ хоругви и крестъ, и шли 106 пѣвчихъ по шести въ рядъ, бѣлое духовенство по три въ рядъ: 20 дьяконовъ, 2 протодьякона, 8 священниковъ и 5 протоіереевъ; за ними, по два въ рядъ, черное духовенство: 52 иподіакона, 29 іеромонаховъ, 20 игуменовъ и архимандритовъ и 8 архіереевъ; они шли каждый особо, въ сопровожденіи іеродіаконовъ.

За духовенствомъ слѣдовали придворные чины въ числѣ 150 человѣкъ, за ними 37 пажей. За пажами ѣхали 2 герольда, за которыми высшіе сановники несли орденъ Андрея Первозваннаго и прочія кавалеріи; потомъ герольдмейстеры несли царскія регаліи, а именно: короны—казанскую, астраханскую, сибирскую и императорскую всероссійскую, державу, скипетръ и государственный мечъ. За регаліями былъ несенъ государственный гербъ, а за нимъ слѣдовали „печальныя сани“ съ гробомъ императрицы, на которомъ балдахинъ поддерживали бригадиры и статскіе совѣтники. Сани везли 8 лошадей, „облоченныя чернымъ бархатомъ съ гербами“, при каждой лошади находился конюхъ въ епанчѣ „съ длиннымъ флеромъ“ и ассистенты штабъ-офицерскаго чина. По обѣимъ сторонамъ гроба шли 60 лейбъ-гвардейскихъ бомбардировъ въ мантіяхъ, со свѣчами изъ бѣлаго воска и 40 кадетъ шляхетскаго корпуса. За гробомъ выступало особое маршальство изъ 80 человѣкъ военныхъ чиновъ отъ капитана до полковника, а затѣмъ въ экипажахъ слѣдовали принцесса Анна Леопольдовна, герцогъ Антонъ-Ульрихъ и цесаревна Елизавета Петровна, въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ и придворныхъ дамъ. При придворныхъ дамахъ состояли кавалеры въ качествѣ ассистентовъ. Это дамское маршальство состояло изъ супругъ и дочерей особъ первыхъ 5-ти классовъ, т. е. до супругъ бригадировъ и статскихъ совѣтниковъ включительно. Затѣмъ слѣдовали дамы 6-го, 7-го и 8-го классовъ. За дамами шли придворные чины подъ предводительствомъ своихъ маршаловъ.

Процессія съ самаго выноса тѣла изъ дворца и во весь путь со-

провождалась „ежеминутною“ пушечною пальбою и вслѣдъ за нею ружейною, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ города; въ то же время въ Петропавловскомъ соборѣ происходилъ благовѣстъ. По мѣрѣ приближенія гроба къ расположеннымъ по пути процессіи войскамъ, послѣднія отдавали честь: рядовые сначала брали ружья „на караулъ“, а потомъ „на погребеніе“, офицеры снимали шляпы и держали „эспантоны на погребеніе“, знамена преклонялись до земли, и въ такомъ положеніи войска оставались во все время слѣдованія мимо нихъ гроба и высочайшихъ особъ; въ то же время полковая музыка играла похоронный маршъ. Съ приближеніемъ процессіи къ Петропавловской крѣпости, на ней выставленъ былъ черный флагъ, а благовѣстъ на соборной колокольнѣ смѣнился звономъ и „колокольной музыкой“. Шедшіе впереди отряды рейтаръ конной гвардіи и гренадеръ лейбъ-гвардейскихъ полковъ, остановясь у собора, построились въ двѣ линіи, трубачи и литаврщики заняли мѣста за большими церковными дверями; затѣмъ вступили въ соборъ депутаты отъ сословій и представители разныхъ учрежденій и, пройдя его, выходили чрезъ боковыя лѣвыя двери; латники, войдя въ соборъ, встали впереди, близъ „особо устроеннаго для гроба мѣста—трона“; несшіе знамена гербовъ помѣстились въ большой церкви по лѣвой ея сторонѣ; герольдмейстеры, положивъ регаліи на табуреты, окружавшіе тронъ, расположились у его ступеней; духовенство, вступивъ въ соборъ, раздѣлилось: тѣ, которымъ назначено было совершать чинъ погребенія, прошли въ алтарь, прочіе же, не останавливаясь, выходили чрезъ сѣверныя двери; затѣмъ внесенъ гробъ подъ балдахиномъ тѣми же лицами, которыя выносили его изъ дворца, и поставленъ на „тронъ“; за гробомъ вступили въ соборъ высочайшія особы, придворные чины обоего пола, особы первыхъ трехъ классовъ и генералитетъ.

Отпѣваніе императрицы совершали всѣ наличные архіереи и архимандриты. Пѣвчіе находились на обоихъ клиросахъ, на правомъ придворные и цесаревны Елизаветы, а на лѣвомъ синодальные. Во время богослуженія „курились благовонныя свѣчи“, и по сигналамъ оберъ-церемонійместера произведена была троекратная пальба „бѣглымъ огнемъ каждый разъ изъ 101 пушки“: при чтеніи евангелія, при пѣніи славника: „плачу и рыдаю“ и при посыпаніи тѣла землею. Вслѣдъ за пушечною пальбою слѣдовала ружейная. По окончаніи отпѣванія, было произнесено епископомъ псковскимъ Стефаномъ надгробное слово, сочиненное архіепископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ.

Сочинитель въ этой рѣчи спрашиваетъ, по комъ идутъ такой плачъ и такое рыданіе, и слѣдуя обычному ораторскому пріему, самъ же отвѣчаетъ такими словами: „По общей всѣхъ матери нашей, по дражайшей надъ царскія порфиры, надъ драгоцѣнные виссоны и неоцѣненныя сокровища обладательницѣ нашей. Всемилостивѣйшая го-

сударыня наша, Анна Іоанновна, императрица и самодержица всероссійская, вѣры православныя бодрая защитница, обидимыхъ прибѣжище, странныхъ и бѣдныхъ пристанище, беззаступныхъ покровительница, сиротъ и вдовъ питательница, монастырямъ и церквамъ убогимъ милостыни прещедрая подавательница, плачущихъ скорое утѣшеніе, нечаянно преставися". Далѣе Амвросій говорилъ: „Толь великихъ и славныхъ, и почти въ свѣтѣ неслыханныхъ викторій и тріумфовъ ходатайцу смерть отъ насъ похитила, непобѣдимую героиню, неиспытанныя судьбы Божія съ престола монаршаго въ смертномъ гробѣ положили; словомъ сказать, безчисленныхъ даровъ и благодѣяній Божіихъ, чрезъ оную намъ дарованныхъ, сокровище мы, бѣдные, утратили". Говоря въ такомъ тонѣ, Амвросій полагалъ, что Анну у Россіи отняло „завистное", а между тѣмъ, говорилъ неумѣренно льстивый проповѣдникъ: „ея здравіемъ и житіемъ дражайшимъ мы всегда счастливо жили и здравіе наше въ цѣлости содержали, благополучнымъ надъ нами царствованіемъ страшны всѣмъ врагамъ были и отъ всѣхъ непріятельскихъ нападеній и разззореній подъ крѣпкою и самодержавною ея рукою, яко подъ защитою нерушимою безопасны пребывали и не только сладкаго живота, но и всѣхъ имѣній нашихъ въ мирѣ и тишинѣ наслаждались; кратко сказать: были мы между военными громами цѣлы и неприкосновенны, между дымомъ и мракомъ марсовымъ свѣтлы, между кровавыми войнами спокойны, между раззореніями и падежами, славою и побѣдами даже до небесъ вознесенные, наконецъ, по славной и долговременной войнѣ нашей, миромъ блаженнымъ вѣчнымъ и тишиною превождѣленною обрадованы". Онъ заявлялъ, что по случаю кончины Анны, „красота лица Россіи потемнѣла и радость ея сердца разсыпалася". „Сѣтуй на подобіе жалостной горлицы, всероссійской двоеглавый орле—восклицалъ Юшкевичъ—яко не токмо съ короны твоея драгоцѣнный выкатился бисеръ, но и всепресвѣтлѣйшее солнце твое, въ немъ же зѣницы твоя погружалъ еси, смертнымъ помраченное мракомъ западъ свой познало". Далѣе онъ взывалъ: „Прослези невѣсто Христова православно-каѳолическая церковь!.. Подвигнися къ рыданію царствующій граде святаго Петра со всѣми россійскими грады! Напослѣдокъ вси обще возрыдайте, о сынове россійскіи, яко благоутробія вашего мати скончася, тріумфальныхъ побѣдъ вашихъ лавры и торжествъ россійскихъ вѣнцы мразомъ смерти увядоша!"

Вспоминая затѣмъ о побѣдахъ Анны, Амвросій говоритъ, что „ея враги во крайнюю торопость и конфузію приходили", и добавляетъ: „Видѣлъ свѣтъ и курьезными очима посматривалъ на луну оттоманскую, какъ она высоко подымалась, и роги своя до небесъ возносила, и коль тяжкимъ Россійскому государству грозила затменіемъ, да и увидѣлъ же и то надъ все свое чаяніе, какъ помощію и благословеніемъ Божіимъ счастливою же державою блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества Анны Іоанновны

самодержицы всероссійскія природную гордыню свою смирила, и высокоумія своего много убавила, ибо всепресвѣтлѣйшая монархиня наша облеченна бывше въ солнце праведнаго оружія, купно же и поощренна истиннымъ сожалѣніемъ надъ обидою и разореніемъ своего государства, примѣромъ жены апокалиптической не токмо оную оттоманскую луну дымомъ огня воинскаго затмила, помрачила и подъ нозѣ свои подвергнула, но и порту ея на вредъ россійскій отворенную, отъ которой непрестанныя набѣги, страшныя татаръ полчища, несказанныя обиды и неописанныя разоренія происходили, блаженнымъ, крѣпкимъ и благополучнымъ миромъ, съ великою пользою и безсмертною Россіи славою, вѣчно заключила".

Упомянулъ онъ и о „матернемъ попеченіи" относительно будущности Россіи со стороны покойной государыни, которая, по словамъ его, „достохвальнымъ и богодухновеннымъ опредѣленія своего завѣтомъ за истиннаго императорскаго престола наслѣдника утвердила и законнымъ преемникомъ скипетра всероссійской державы удостоила и все, что токмо слѣдовало къ пользѣ и безопасію государства заблаговременно предъизготовила, промыслила и премудро устроила" Въ концѣ этого слѣдовало обращеніе къ младенцу-императору и его матери, Аннѣ Леопольдовнѣ.

На другой день послѣ отпѣванія, была совершена соборне панихида, послѣ которой усопшая государыня была снова посыпана землею, а 15-го января, въ присутствіи высочайшихъ особъ, двора и генералитета, гробъ, въ которомъ находилось тѣло императрицы, былъ поставленъ въ другой свинцовый гробъ и опущенъ въ мѣдный ковчегъ, поставленный въ могилу, устроенную близъ могилъ Петра I и Екатерины I. При могилѣ былъ поставленъ военный караулъ и начато надъ ней причетниками и псаломщиками чтеніе псалтири, которое и продолжалось въ теченіи цѣлаго года. Гробница надъ Анною была устроена „равномѣрно такая же", какія сдѣланы были надъ могилами Петра I и Екатерины I. Надпись надъ нею была составлена особою комиссіею и затѣмъ „апробована" архіепископомъ Амвросіемъ и оберъ-гофмаршаломъ графомъ фонъ-Левенвольде. Поминовеніе по усопшей императрицѣ велѣно было производить въ теченіи года во всѣхъ церквахъ, по примѣру того, какъ это было учреждено по кончинѣ императора Петра I-го. Что же касается Петропавловскаго собора, то, какъ доносилъ соборный протоіерей Слонскій, „въ соборѣ служба имѣется непрестанная и всегда въ служеніи бываютъ архіереи и прочія духовныя персоны съ удовольствіемъ".

По прошествіи года со дня кончины императрицы, совершено поминовеніе „трактованіемъ", т. е. при дворѣ были обѣденные столы для разныхъ знатныхъ персонъ. На первый разъ угостили лицъ, бывшихъ въ дежурствѣ при гробѣ императрицы. Въ память Анны Ивановны были выбиты медали и жетоны, розданные лицамъ, принимавшимъ участіе въ ея погребеніи. Золотыхъ медалей, въ 30 и 20 чер-

вонцевъ каждая, было выбито 50 штукъ, въ 12 червонцевъ — 100; серебряныхъ въ 30 червонцевъ—500, въ 12 червонцевъ—1,000 штукъ; жетоновъ: въ червонецъ золотыхъ 500 и серебряныхъ 10,000 штукъ. На изготовленіе медалей и жетоновъ было употреблено 15,116 руб., въ томъ числѣ на золотыя 9,108 и на серебряныя 5,879 руб., остальные пошли на жалованье и содержаніе мастерамъ, вытребованнымъ изъ Москвы. На медаляхъ съ одной стороны былъ изображенъ портретъ императрицы, съ надписью вокругъ: „Анна, императрица и самодержица всероссійская", съ другой—„родися 28 генваря 1693 года, владѣла съ 19 генваря 1730 года, преставися 17 октября 1740 года". На жетонахъ—съ одной стороны портретъ императора съ надписью: „Іоаннъ III императоръ и самодержецъ всероссійскій", съ другой—„тако плачъ народа утоляетъ".

Послѣ погребенія Анны, царскія регаліи были отправлены въ Москву, въ оружейную палату, часть вещей сдана была въ придворную контору или въ церковныя ризницы. Траурныя матеріи розданы канцелярскимъ чинамъ, мастеровымъ и золотошвеямъ. Мостъ былъ отданъ на построеніе церквей, а траурныя матеріи, которыми были обиты его перила — въ церковь Николая Чудотворца, что̀ въ Татарской. Составить описаніе погребенія поручено было академіи наукъ, а изготовленіе къ нему рисунковъ придворному живописцу Караваку. Въ началѣ іюля 1741 года описаніе было окончено.

Е. Карновичъ.

ВАРЛААМЪ ШИШАЦКІЙ БЫВШІЙ АРХІЕПИСКОПЪ МОГИЛЕВСКІЙ.

(Изъ исторіи 1812 года).

Есть въ исторіи личности, о которыхъ судъ науки не рѣшается сказать послѣднее слово. Такія личности обыкновенно называются неразгаданными,—и чѣмъ дальше онѣ жили отъ насъ, чѣмъ меньше имѣемъ мы свѣдѣній о ихъ жизни и дѣятельности, тѣмъ, само собою разумѣется, онѣ темнѣе и неразгаданнѣе.

Но вотъ фактъ самаго интереснаго свойства. Прошло не много болѣе полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ жилъ и дѣйствовалъ извѣстный у насъ на Руси Варлаамъ Шишацкій, бывшій архіепископъ могилевскій, разстриженный за присягу, принесенную Наполеону I, при нашествіи послѣдняго на Россію въ двѣнадцатомъ году; самое обстоятельство измѣны Варлаама и послѣдовавшее за тѣмъ разстриженіе его и ссылка въ монастырь, въ качествѣ простаго монаха, совершились, повидимому, столь гласно;—а между тѣмъ объ этомъ человѣкѣ у насъ до сихъ поръ имѣются самыя неопредѣленныя свѣдѣнія, или вѣрнѣе сказать, свѣдѣнія столь сбивчивыя и большею частію пристрастныя, что по нимъ не возможно составить о Варлаамѣ мнѣнія не только окончательнаго, но и болѣе или менѣе опредѣленнаго.

Впрочемъ, говоря такимъ образомъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду тѣхъ свѣдѣній, которыя распространяются въ послѣднее время о Варлаамѣ во многихъ нашихъ изданіяхъ. Благодаря этимъ свѣдѣніямъ, мы всѣ теперь знаемъ, что несчастный Варлаамъ былъ отъявленный злодѣй, крамольникъ и гордый честолюбецъ, погибшій изъ-за желанія быть патріархомъ православной церкви на юго-западѣ Россіи... Но не то мы слышимъ изъ другаго источника, на который никто еще не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Источникъ этотъ есть общественное мнѣніе, во всей полнотѣ своей сохранившееся на Волыни, гдѣ Варлаамъ былъ первымъ православнымъ епископомъ по присоединеніи Волынской земли къ

Россіи, также въ Черниговской губерніи, гдѣ онъ родился, служилъ и скончался въ заточеніи, и т. п. Вопреки всѣмъ современнымъ печатнымъ толкамъ и пересудамъ, общественное мнѣніе это не только не осуждаетъ Варлаама, но считаетъ его прямо невольною жертвою, павшею подъ вліяніемъ не крамолы и честолюбія, а въ неравной борьбѣ съ обстоятельствами, противъ которыхъ устоять у него не хватило ни силъ, ни умѣнья.

Вотъ это то послѣднее мнѣніе мы и намѣрены провѣрить съ тѣми данными, какія имѣются о Варлаамѣ въ печати. Не дастъ ли это возможности составить объ этомъ человѣкѣ мнѣніе болѣе вѣрное и соотвѣтствующее исторической правдѣ?

Вопросъ о Варлаамѣ имѣетъ свою литературу, которая стоитъ того, чтобы на нее обратить вниманіе,—тѣмъ болѣе, что въ ней именно, главнымъ образомъ, и высказываются тѣ неблагопріятныя мнѣнія о Варлаамѣ, о которыхъ мы сказали.

Первыя свѣдѣнія о Варлаамѣ появились въ 1867 и 71-мъ годахъ, во второмъ и пятомъ томахъ „Археологическаго Сборника документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западнаго края Россіи", въ напечатанной здѣсь „Исторіи Могилева", принадлежащей современнику Варлаама, игумену Оресту. Но интересно, что эти свѣдѣнія какъ бы канули въ вѣчность непосредственно по своемъ появленіи въ свѣтъ, не задѣвъ любопытства не только лучшихъ, но и второстепенныхъ нашихъ историковъ. То же самое должно сказать и о небольшой замѣткѣ о Варлаамѣ, помѣщенной въ „Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи", при описаніи Новгородъ-Сѣверскаго Преображенскаго монастыря, Черниговской губерніи, гдѣ Варлаамъ жилъ послѣ разстриженія и скончался въ заточеніи. Мы сюда не включаемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются о Варлаамѣ въ „Исторіи россійской іерархіи" и въ „Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей" Г. Строева, такъ какъ свѣдѣнія эти, по самому существу своему, теряются въ массѣ другихъ свѣдѣній и—что всего важнѣе—надъ измѣной Варлаама не останавливаются,—первая потому, что, хотя и издана въ 1812 году, но до измѣны Варлаама, когда онъ былъ еще архіепископомъ могилевскимъ. Въ третьемъ томѣ этой „Исторіи" при перечисленіи игуменовъ Вяжицкаго монастыря, гдѣ настоятельствовалъ между прочимъ и Варлаамъ, о немъ говорится: „нынѣ архіепископъ могилевскій"; Строеву же не было и надобности говорить объ измѣнѣ Варлаама, потому что это не входило въ его программу, хотя свѣдѣнія, сообщаемыя о Варлаамѣ у него, равно какъ и въ „Исторіи россійской іерархіи" имѣютъ неоспоримую важность, какъ содержащія въ себѣ главнѣйшія хронологическія данныя о жизни Варлаама, хотя и предшествовавшей его измѣнѣ, но необходимыя для уясненія его личности и поступка.

Только небольшой замѣткѣ нѣжинскаго старожила, не мало потрудившагося на поприщѣ отечественной исторіи и литературы, И. Г.

Кулжинскаго, напечатанной имъ въ „Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ" 1878 года, подъ заглавіемъ: „Изъ воспоминаній стариннаго черниговскаго семинариста", гдѣ авторъ, между прочимъ, говорить и о разстриженіи Варлаама, котораго самъ былъ очевидцемъ, суждено было вывести дѣло и судьбу этого интереснаго человѣка на свѣтъ Божій и дать ему тотъ ходъ, котораго оно несомнѣнно заслуживаетъ по своему характеру и значенію. Замѣтка г. Кулжинскаго о Варлаамѣ была перепечатана въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ" и, если не ошибаемся, также въ „Древней и Новой Россіи". Но на нее не обратилъ вниманія авторъ „Историческаго очерка волынской духовной семинаріи", печатавшагося въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" 1878 — 79 гг., и въ своемъ очеркѣ допустилъ ошибку о Варлаамѣ, которую мы сочли долгомъ исправить на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Кулжинскимъ въ особой статьѣ, напечатанной въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ", подъ заглавіемъ: „Правда о Варлаамѣ, бывшемъ первомъ епископѣ волынскомъ, а потомъ архіепископѣ могилевскомъ, скончавшемся въ званіи простаго монаха". На эту замѣтку, напечатанную въ 1879 году, отозвался въ томъ же году извѣстный знатокъ и любитель волынской старины, г. И. Павловскій, двумя статьями, помѣщенными первоначально въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ" подъ заглавіемъ „Къ Правдѣ относительно Варлаама" и „Крамольная присяга", въ которыхъ, особенно въ послѣдней, онъ старается выяснить мотивы, заставившіе Варлаама совершить „столь страшное дѣло". Но, къ сожалѣнію, въ этой статьѣ авторъ столь сурово отнесся къ злополучному Варлааму, что невольно заставляетъ поискать о немъ еще другой новой правды; не окажется ли она болѣе правдивою и основательною? Это тѣмъ болѣе необходимо, что съ легкой руки г. Павловскаго пошли осуждать Варлаама и другіе, какъ это должно сказать, напр., о постоянномъ сотрудникѣ „Древней и Новой Россіи", г. Гильтебрандтѣ, который напечаталъ въ декабрской книжкѣ этого журнала за 1879 г. весьма злую статью о Варлаамѣ, подъ заглавіемъ: „Разстриженный архіепископъ Варлаамъ Шишацкій". Если вѣрить этимъ и другимъ подобнымъ статьямъ, то Варлаамъ дѣйствительно былъ страшный извергъ и „крамольникъ".

Но такъ ли, спрашивается, было въ дѣйствительности? Мы тѣмъ смѣлѣе задаемъ себѣ этотъ вопросъ, что, помимо указаннаго нами сохранившагося „общественнаго мнѣнія", имѣемъ подъ руками все слѣдственное дѣло о Варлаамѣ, напечатанное въ издаваемомъ г. Калачовымъ „Сборникѣ Археологическаго Института", подъ заглавіемъ: „Дѣло о поступкахъ могилевскаго архіепископа Варлаама во время нашествія французовъ въ 1812 году" (изъ архива св. синода [1]). Нужно

[1]) Книга II-я, 1879 г., III, стр. 93—108. Копія съ помѣщеннаго дѣла доставлена въ редакцію „Сборника" А. В. Гавриловымъ.

всмотрѣться въ это дѣло какъ слѣдуетъ, и оно скажетъ намъ много такого, до чего пока немногіе додумывались.

Но прежде всего, кто таковъ былъ Варлаамъ до своей измѣны? Нельзя не обратить вниманія на эту первую половину его біографіи, чтобы вѣрнѣе судить о дальнѣйшей его дѣятельности.

Какъ видимъ изъ краткаго послужнаго списка Варлаама, помѣщеннаго „въ справкѣ" при „дѣлѣ о его поступкахъ" въ „Сборникѣ Археологическаго Института", онъ былъ „природою изъ малороссійскихъ поселянъ", но отнюдь не „изъ переяславскихъ поселянъ", какъ читаемъ въ „Древней и Новой Россіи", у г. Гильтебрандта. Въ „Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи" авторъ историческаго очерка Новгородъ-Сѣверскаго Преображенскаго монастыря, безъ сомнѣнія, ближе знакомый съ личностію Варлаама, говоритъ положительно, что Варлаамъ родился „въ селѣ Красиловкѣ, Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи", гдѣ и доселѣ хранится въ церкви евангеліе, подаренное имъ и подписанное его собственною рукою [1]).

Въ мірѣ Григорій, Варлаамъ родился въ 1750 году и первоначально обучался въ переяславской семинаріи. Отсюда онъ поступилъ въ кіевскую академію, гдѣ обучался „философіи и богословію, языкамъ латинскому, греческому и нѣмецкому; зналъ и польскій языкъ" (изъ синод. дѣла). Изъ академіи, „яко первѣйшій по превосходнымъ успѣхамъ", онъ, по распоряженію императрицы Екатерины II-й, посланъ былъ, вмѣстѣ съ другимъ своимъ товарищемъ, на казенный счетъ, въ Италію, въ Римъ, „для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ". Но въ то время въ Италіи происходили „военныя дѣйствія" и Шишацкій долженъ былъ возвратиться въ Кіевъ, не доѣхавши до Рима. Въ монашество Варлаамъ постриженъ былъ въ 1776 году. Но еще до этого, равно какъ и по постриженіи въ монашество, „онъ находился въ переяславской семинаріи разныхъ классовъ учителемъ, префектомъ и ректоромъ" (изъ синод. дѣла). Спустя нѣсколько времени по постриженіи, Варлаамъ (1780 г.) произведенъ былъ „во игумена минской епархіи, въ бывшій прежде заштатный, Польской области, Мошногорскій монастырь" (ibid.). Но здѣсь пробылъ онъ не долго. Испросивши увольненіе отъ должности мошногорскаго игумена по болѣзни, Варлаамъ снова возвратился въ Переяславль и поселился въ тамошнемъ Михайловскомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ онъ прожилъ безъ должности около двухъ лѣтъ. Въ 1781 году, должно быть по кончинѣ переяславскаго настоятеля, Варлаамъ опредѣленъ былъ игуменомъ того же монастыря и въ то же время назначенъ префектомъ и ректоромъ переяславской

---

[1]) „Историко-стат. опис", т. III, стр. 109. Нѣтъ еще и десяти лѣтъ, какъ въ Красиловкѣ скончался священникъ Василій Иличь-Шишацкій, безъ сомнѣнія, родственникъ Варлаама.

семинаріи. Въ этихъ должностяхъ Варлаамъ прожилъ до 1785 года, состоя въ то же время профессоромъ богословія и философскихъ наукъ въ завѣдываемой имъ семинаріи. По указанію Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, „изъ указовъ, послѣдовавшихъ на имя его—Варлаама, и изъ подписовъ его на указахъ видно, что онъ былъ изъ числа ученыхъ мужей", и сверхъ указанныхъ должностей состоялъ еще въ Переяславлѣ „цензоромъ проповѣдей и членомъ консисторіи" [1]).

Въ 1785 году, марта 31-го дня, послѣдовало высочайшее повелѣніе императрицы Екатерины, въ силу котораго бывшій переяславскій епископъ Иларіонъ Кондратковскій переведенъ былъ на вновь учрежденную въ предѣлахъ бывшаго Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества новгородъ-сѣверскую епархію. Отбывая на свое мѣсто, Иларіонъ, между прочимъ, обратился съ просьбою въ св. синодъ, чтобы ему дозволено было взять съ собою въ Новгородъ-Сѣверскъ и библіотеку упраздненной переяславской семинаріи, а равно и учителей ея, съ Варлаамомъ во главѣ, для открытія новой семинаріи въ своей епархіи. Св. синодъ отвѣчалъ, что соизволеніе на это Иларіонъ долженъ испросить у митрополита кіевскаго, такъ какъ упраздненная переяславская епархія присоединена была къ кіевской митрополичьей каѳедрѣ. Митрополитъ изъявилъ согласіе на желаніе Иларіона и въ томъ же году уволилъ Варлаама отъ должности настоятеля переяславскаго Михайловскаго монастыря, чтобы открыть ему путь на новое служеніе. Такимъ образомъ, „по упраздненіи епархіи переяславской и по учрежденіи вмѣсто нея новгородъ-сѣверской, Варлаамъ переведенъ былъ въ 1785 году въ ректорскую тамошней семинаріи должность и начальствовалъ въ Макотинскомъ монастырѣ, присутствуя въ консисторіи той епархіи" (изъ синод. дѣла о Варлаамѣ).

Извѣстно, впрочемъ, что новгородъ-сѣверская епархія, какъ и Новгородъ-Сѣверское намѣстничество, существовала не долго. Еще менѣе служилъ здѣсь Варлаамъ. Въ 1787 году, „по указу св. синода, онъ отправленъ былъ въ Польшу для управленія тамъ виленскимъ Свято-Духовскимъ и другими приписными къ нему монастырями". Но какъ вскорѣ послѣ этого въ Польшѣ возникло „возмущеніе", то Варлаамъ, „будучи въ опасности", долженъ былъ бѣжать оттуда въ Россію, гдѣ и опредѣленъ былъ въ 1791 году настоятелемъ новгородскаго Вяжицкаго монастыря, съ производствомъ въ санъ архимандрита. Когда же вслѣдъ затѣмъ открыта была въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ православная минская епархія, то Варлаамъ изъ Новгорода, „вслѣдствіе имяннаго высочайшаго повелѣнія отправленъ былъ къ минскому архіепископу Виктору Садковскому", съ спеціальнымъ назначеніемъ „для пособія ему, Виктору, въ обращеніи тамошнихъ уніатовъ въ православіе, съ опредѣленіемъ въ настоятеля

---

[1]) „Полтавск. Еп. Вѣд.", 1868 г., вып. XX, отд. II, стр. 524.

въ Дьятловицкій Спасопреображенскій монастырь" (изъ синодальнаго дѣла о Варлаамѣ).

Есть положительное извѣстіе, что въ этомъ новомъ положеніи своемъ Варлаамъ вполнѣ оправдалъ виды правительства и въ особенности не мало потрудился на поприщѣ обращенія уніатовъ въ православіе. Такіе труды, соединенные съ явными выгодами правительства, обратили вниманіе на Варлаама. Потому, когда понадобилось назначить Садковскому викарія для содѣйствія ему въ управленіи, то выборъ палъ на Варлаама, который, 3-го іюня, 1795 года, и посвященъ былъ въ Кіевѣ въ архіереи, съ наименованіемъ епископомъ житомірскимъ, викаріемъ минскимъ.

Спустя четыре года, епархія Волынская объявлена была самостоятельною и Варлаамъ 16-го октября, 1796 года, опредѣленъ мѣстнымъ самостоятельнымъ архипастыремъ на Волыни, съ титуломъ епископа волынскаго и житомірскаго. Въ этомъ новомъ положеніи своемъ Варлаамъ, какъ и прежде, потрудился съ честію и замѣчательною ревностію. Въ особенности много онъ сдѣлалъ для волынской семинаріи, которую пришлось ему открывать и ставить на ноги. Въ этомъ отношеніи Варлаамъ могъ дѣйствовать тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что раньше этого не мало искусился въ опытахъ административнаго устройства и педагогической дѣятельности, когда состоялъ ректоромъ семинарій переяславской и новгородъ-сѣверской.

Волынская духовная семинарія учреждена въ 1796 году въ гор. Острогѣ и съ перваго же разу поставлена была въ непосредственное завѣдываніе Варлаама, который въ томъ же году заботливостью своею открылъ для нея такъ называемый грамматическій классъ, съ подраздѣленіемъ его на три отдѣленія—высшее, среднее и низшее. Затѣмъ, въ 1797 году открытъ былъ философскій классъ и чрезъ два года, въ 1799 году — богословскій. Преосвященный самъ долженъ былъ искать учителей для своей семинаріи, самъ входилъ во всѣ подробности преподаванія, такъ что, благодаря его заботливости, семинарія на первыхъ же порахъ стала въ самое благопріятное положеніе. Кромѣ того, стараніями Варлаама въ 1798 году учреждена была при волынской семинаріи особая „русская катехетическая школа для приготовляющихся къ священнослужительскимъ чинамъ, которые, по молодымъ ихъ лѣтамъ или по другимъ причинамъ, въ семинарію не опредѣлялись, а желали бы къ священнослужительскимъ чинамъ, по надлежащему себя приготовленію, опредѣлить". Особою резолюціею по этому предмету преосвященный постановилъ: „во учрежденной въ пользу приготовляющихся къ священнослужительскимъ чинамъ при здѣшней семинаріи русской школѣ быть учителями изъ мѣстныхъ священниковъ г. Острога", которые съ знаніемъ вѣры знали и обряды церковные и такимъ образомъ легко могли преподавать ихъ для желающихъ.

Лучшимъ выраженіемъ педагогическихъ воззрѣній Варлаама мо-

жетъ служить его резолюція, данная въ 1800 году одному изъ учителей волынской семинаріи при опредѣленіи его на должность смотрителя надъ семинарскими казенными воспитанниками. „Долгомъ его, смотрителя, будетъ подъ начальствомъ префекта пещись о всемъ томъ, что нужно къ выгодному ввѣренныхъ ему пищею и другими потребностями содержанію, сохраненію ихъ здоровья, доставленію имъ въ наукѣ добраго успѣха и надежному ихъ во страхѣ Божіемъ и во всякомъ благонравіи воспитанію. Смотритель сей имѣетъ давать мнѣ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ ежемѣсячными репортами" [1]).

Вообще извѣстно, что Варлаамъ оставилъ по себѣ самую добрую память на Волыни, и эта память, замѣчательно, держится особенно между старожилами изъ волынскаго духовенства и до настоящаго времени. Безъ сомнѣнія вниманіе къ такой, достойной памяти, дѣятельности преосвященнаго и было причиною того, что въ 1805 году, когда извѣстный могилевскій архіепископъ-проповѣдникъ Анастасій Братановскій былъ переведенъ въ Астрахань, то на его мѣсто опредѣленъ былъ Варлаамъ, съ возведеніемъ вскорѣ, въ 1808 году марта 23-го, въ санъ архіепископа могилевскаго.

Но испытанный въ борьбѣ съ врагами православія и въ рѣдкой преданности дѣлу отечественнаго духовнаго просвѣщенія, Варлаамъ не устоялъ въ душевной крѣпости предъ врагами Россіи. Въ 1812 году, когда во время слѣдованія войскъ Наполеона въ Москву Могилевъ былъ занятъ французскими войсками, Варлаамъ не только самъ присягнулъ Наполеону, но и велѣлъ сдѣлать это по всей своей епархіи.

Дѣло происходило такимъ образомъ. По вступленіи въ Могилевъ французовъ, маршалъ Даву былъ назначенъ могилевскимъ губернаторомъ. Въ то-же время здѣсь учреждена была особая временная комиссія подъ его управленіемъ. Вторымъ начальникомъ послѣ Даву въ Могилевѣ былъ польскій графъ Пакошъ, помѣстившійся въ архіерейскомъ домѣ. 13-го іюля Варлаамъ получилъ отношеніе отъ временной коммиссіи „о учиненіи на вѣрность французскому императору присяги и о воспоминаніи его при богослуженіи". Вслѣдствіе этого, на другой день, 14-го іюля, Варлаамъ, „поговоря напередъ объ ономъ требованіи съ консисторскими членами и секретаремъ и особенно съ посѣтившимъ его на ту пору греко-россійскаго исповѣданія генералъ-маіоромъ Хоментовскимъ", отправился въ каѳедральный соборъ и тамъ присягнулъ Наполеону. При этомъ тутъ же Варлаамъ „отслужилъ литургію и молебенъ со воспоминаніемъ имени того императора, что̀ наблюдалъ и въ другое при священнослуженіи время" (изъ синод. дѣла). Къ этому игуменъ Орестъ, въ своей исторіи, присовокупляетъ, что „секретарь консисторіи (могилевской) Демьяновичъ

---

[1]) „Историческій очеркъ волынской семинаріи, Ѳ. Четыркина". „Волынск. Епар. Вѣд." 1879 г. Часть неоффиціальная, стр. 753—763.

(будто бы) уговаривалъ Варлаама, чтобы онъ не дѣлалъ этого, или, по крайней мѣрѣ, помедлилъ, указывая между прочимъ на то, что Франція еще не совсѣмъ овладѣла Бѣлоруссіей".

— Что, если Бѣлоруссія опять будетъ подъ державою россійской, говорилъ Демяновичъ; насъ тогда будутъ судить.

— Ты думаешь, отвѣчалъ Варлаамъ, что Россія будетъ благополучна?!!.. Пусть будетъ благополучна; я одинъ тогда буду несчастенъ.

То-жа самое отчасти читаемъ и въ синодальномъ дѣлѣ о Варлаамѣ, въ показаніяхъ ключаря каѳедральнаго могилевскаго собора Стратановича, „что когда непріятель приближался къ границамъ могилевскимъ, то многократно просили архіепископа Варлаама нѣкоторые изъ градскаго духовенства, а тѣмъ болѣе консисторіи присутствующіе, въ числѣ коихъ и онъ, ключарь, о позволеніи имъ удалиться. Но онъ (Варлаамъ) даже накрѣпко запретилъ имъ выѣзжать изъ Могилева, сказавъ наконецъ:

— Я остаюсь—и вамъ всѣмъ оставаться.

Затѣмъ, разъ сбившись съ пути, Варлаамъ идетъ уже все далѣе и далѣе. Прежде всего, онъ велитъ „изъ консисторіи дать предписаніе всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ о подобномъ же исполненіи учиненной имъ присяги по всей могилевской епархіи", при чемъ указана была и особая форма какъ поминать Наполеона при богослуженіи:

„О великодержнемъ государѣ, французскомъ императорѣ и италійскомъ королѣ, великомъ Наполеонѣ и супругѣ его императрицѣ и королевѣ Маріи-Луизѣ".

Дальше. „По отношенію могилевской (французской) градской полиціи, послѣдовавшему 1 августа, о торжествованіи того августа 3 числа тезоименитства французскаго императора и объ освѣщеніи церквей и домовъ, сдѣлано имъ архіепископомъ Варлаамомъ слѣдующее предписаніе: всѣмъ чернаго и бѣлаго духовенсва начальникамъ дать надлежащее предписаніе, и чтобы съ точностію и со всею исправностію было выполнено, на сей конецъ учинить надзирателей". (Изъ синод. дѣла). Такого же рода распоряженія даны были Варлаамомъ и на счетъ празднованія дня рожденія французской императрицы 13 августа. Варлаамъ же въ эти дни не только служилъ литургіи и молебны, но повелѣлъ также священнику могилевскаго собора Піючевскому говорить „его архіепископа сочиненія" проповѣди, или, какъ потомъ самъ Варлаамъ объяснялъ, „велѣлъ поспѣшнѣе, за краткостію времени, списать печатныя (проповѣди) съ отмѣною нѣкоторыхъ словъ и со включеніемъ имени французскаго императора". (Изъ синод. дѣла).

Третіе. „По поводу дошедшаго къ нему, архіепископу Варлааму, свѣдѣнія, что могилевской градской Воскресенской церкви священникъ Андрей Добровольскій, по совершеніи, іюля 22 числа, литургіи

отправилъ молебствіе, воспоминая во время онаго фамилію императорскаго россійскаго двора, велѣно отъ него архіепископа учинить о томъ строжайшее изысканіе".

Четвертое. „По отношенію, писанному на польскомъ языкѣ, отъ бывшаго въ городѣ Могилевѣ мера (французскаго) о подаваніи ему священно-церковно-служителями понедѣльно вѣдомостей о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, на учиненномъ могилевскою консисторіею сентября 9 опредѣленіи для опубликованія онаго по церквамъ прихожанамъ и подтвержденія священно-церковно-служителямъ чинить неотложно исполненіе,—резолюція отъ архіепископа Варлаама послѣдовала таковая: „исполнить".

Пятое. „Августа, 11 далъ онъ, архіепископъ, консисторіи свое опредѣленіе, съ означеніемъ требованія генералъ-губернатора (французскаго) о строжайшемъ подтвержденіи всему духовенству, чтобы въ городѣ при церквахъ отъ захожденія до совершеннаго восхожденія солнца въ колокола отнюдь нигдѣ не звонить, да и въ день къ литургіи и вечернѣ звонили бы тихо и не продолжительно, что и исполнялось".

Шестое. „На учиненномъ консисторіею 22 іюля опредѣленіи о разсылкѣ въ подчиненные мѣста присланныхъ въ оную изъ временной комиссіи трехъ бумагъ на польскомъ языкѣ, дабы крестьяне повиновались помѣщикамъ своимъ и чинили арміи французской въ требованіяхъ ея вспомоществованіе, резолюція архіепископа Варлаама послѣдовала такова: „исполнить", и т. д. [1]).

Спрашивается, что же заставило Варлаама совершить столь страшное и безпримѣрное преступленіе?

Нѣкоторые пытаются рѣшить этотъ вопросъ, обращаясь къ „сдѣланному игуменомъ Орестомъ описанію пребыванія французовъ въ Могилевѣ". Въ этомъ описаніи, изложивши обстоятельства измѣны Варлаама, игуменъ Орестъ, между прочимъ, разсуждаетъ такимъ образомъ: „Архіепископъ Варлаамъ прежде посвященія своего во епископа волыно-житомірскаго находился долгое время въ Польшѣ и былъ настоятелемъ Виленскаго монастыря. Живя въ Польшѣ, онъ свѣдомъ былъ о всѣхъ узаконеніяхъ и конституціяхъ польскаго королевства, зная, какъ самъ неоднократно говорилъ, что послѣдній король польскій Станиславъ-Августъ и вся Рѣчь Посполитая учинили конституцію, дабы духовенство греческаго православнаго вѣроисповѣданія, жительствующее въ Польшѣ, въ польскомъ королевствѣ имѣло своего верховнаго патріарха, независимаго отъ россійскаго синода, и не относилось бы въ другое государство по своимъ духовнымъ дѣламъ отнюдь и тѣмъ прекращены были бы переписки ихъ и по политическимъ государственнымъ дѣламъ, въ которыхъ правительствомъ польскимъ подозрѣваемо было духовенство греческое право-

[1]) „Сборникъ Археологич. Инст.", книга II, отд. II, стр. 94—98.

славное. Зная архіепископъ Варлаамъ таковое польскаго правительства постановленіе, полагалъ въ своемъ мнѣніи, что когда польское королевство Наполеономъ возстановлено будетъ, то по прежде предполагаемой и узаконенной королемъ Понятовскимъ конституціи учрежденъ будетъ въ Польшѣ православный патріархъ, въ чемъ, можетъ быть, и самъ имѣлъ намѣреніе содѣйствовать. И какъ изъ всѣхъ бывшихъ въ польскихъ областяхъ православныхъ архіереевъ остался на своемъ мѣстѣ въ Могилевѣ одинъ только онъ, Варлаамъ, прочіе же всѣ предъ нашествіемъ французовъ выѣхали въ Россію, и при томъ, слыша отъ французскихъ генераловъ, квартировавшихъ въ Могилевѣ, что императоръ французскій очень доволенъ имъ Варлаамомъ за учиненную ему присягу, льстилъ собя надеждою, какъ и самъ отзывался иногда, что онъ будетъ православнымъ патріархомъ въ Польшѣ надъ всѣмъ духовенствомъ греческой религіи и всѣми православными, независимымъ отъ всероссійскаго синода, и уже о кандидатахъ думалъ, кого въ Могилевъ и другіе польскіе города поставить во епископы".

Основываясь на приведенныхъ словахъ игумена Ореста, нѣкто г. П. въ статьѣ своей о Варлаамѣ, напечатанной въ „Древней и Новой Россіи", съ нѣкотораго рода злорадствомъ замѣчаетъ: „Легкомысленный архіерей обманулся въ своихъ разсчетахъ. Но онъ обманулся бы и тогда, если бы планы Наполеона и желанія поляковъ осуществились. Еще далеко было до возстановленія Польши, а ужъ іюля 20-го 1812 года, къ архіерею-измѣннику, по поводу церковнаго трезвона въ день пророка Иліи, явился (по сказанію Ореста) членъ духовной римско-католической консисторіи ксендзъ Маевскій и сказалъ: „Нынѣ уже въ Могилевѣ господствующая религія римско-католическая, а не русская. Посему вы, русскіе, должны сообразоваться съ католическими костелами, а не голосить по всему городу своими звонами. Мы, кармелиты, пророка Илію хотя и имѣемъ за своего патріарха кармелитанскаго ордена и называемся кармелитами по имени горы Кармила, на которой пророкъ Илія чудодѣйствовалъ, но не голосуемъ такъ, какъ вы,—звонами, потому что день пророка Иліи—не праздничный день. Русскіе имѣютъ обыкновеніе больше звонить, чѣмъ молиться..." Въ землѣ искони русской, какъ справедливо замѣчаетъ г. П, среди русскаго народа объявлялась господствующею религіею римско-католическая, тогда какъ предъ прибытіемъ Наполеона была та, которой представителемъ былъ архіерей".

„Уже этимъ однимъ былъ достаточно наказанъ и поруганъ измѣнникъ",—скажемъ и мы чужими словами. Но чтобы планами на патріаршество въ Польшѣ объяснять измѣну Варлаама, — это еще вопросъ, требующій самаго серьезнаго изслѣдованія и разсужденія. Самъ же г. П. цитуетъ показаніе, данное Варлаамомъ на слѣдствіи, что онъ „какъ бы (?) для смягченія своего дѣла приводилъ на память обстоятельство въ своей жизни, свидѣтельствовавшее о его, какъ онъ говорилъ, непоколебимой вѣрности къ престолу. Когда въ 1789

году онъ былъ настоятелемъ Виленскаго монастыря, его принуждали дать присягу польскому королю и Рѣчи-Посполитой, онъ отказался отъ этого въ минскомъ повѣтовомъ судѣ и съ величайшею опасностію жизни убѣжалъ въ Россію. Но нынѣшнее состояніе его, какъ показывалъ (справедливо) далѣе Варлаамъ, весьма различествовало отъ тогдашняго. Месть раздраженнаго противъ него врага, конечно, излилась бы и на его, архіепископа, паству и онъ бы невольно сдѣлался причиною злоключенія для тѣхъ, за которыхъ въ нужномъ случаѣ долженъ былъ „душу свою положити". „По сему-то уваженію рѣшился онъ обязательство вѣрноподданнаго по наружности [1]) нарушить, дабы въ самомъ дѣлѣ тѣмъ паче ихъ выполнить, сохраняя въ спокойствіи и тишинѣ врученную ему церковь. Что же онъ, архіепископъ, въ мнѣніи своемъ не обманулся, то, повидимому, доказываютъ Божіи храмы, къ которымъ вражеская рука не прикоснулась, и весь православный народъ съ его духовенствомъ, которымъ за вѣру ихъ ни отъ кого оскорбленія не учинено" [2]).

Хотя, какъ и слѣдовало, синодъ не принялъ этой оговорки во вниманіе, потому что она все-таки не уничтожала самаго факта измѣны, но въ оговоркѣ этой, по нашему крайнему разумѣнію, гораздо болѣе правды, чѣмъ въ мнѣніи, будто Варлаамъ измѣнилъ русскому правительству потому, что желалъ быть православнымъ патріархомъ въ Польшѣ.—Почему?—

Потому прежде всего, что объ этомъ его желаніи такъ или иначе выяснилось бы на слѣдствіи, произведенномъ объ измѣнѣ, тѣмъ болѣе, если правда, какъ говоритъ игуменъ Орестъ, что Варлаамъ „самъ отзывался иногда, что онъ будетъ православнымъ патріархомъ въ Польшѣ"... Между тѣмъ, во всемъ слѣдственномъ дѣлѣ о Варлаамѣ, которое цѣликомъ напечатано въ „Сборникѣ Археологическаго Института", объ этомъ нѣтъ даже малѣйшаго намека.

Дальше, игуменъ Орестъ, желая обвинить Варлаама въ измѣнѣ въ виду ожидаемаго патріаршества, самъ же замѣчаетъ, что онъ, Варлаамъ, „живя въ Польшѣ, свѣдомъ былъ о всѣхъ узаконеніяхъ и конституціяхъ Польскаго королевства"... Если это такъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ Варлаамъ долженъ былъ также знать и то, что поляки во все время своего самостоятельнаго существованія никогда не оставались вѣрными никакимъ конституціоннымъ учрежденіямъ своего правительства, а тѣмъ болѣе по отношенію къ православнымъ. Послѣ этого, какъ человѣкъ практичный, онъ скорѣе долженъ былъ посмѣяться надъ предполагаемымъ патріаршествомъ въ Польшѣ, чѣмъ ради его измѣнять русскому правительству, которому столько былъ обязанъ и столько времени служилъ съ честію.

---

[1]) Слова эти и слѣдующія за ними пропущены у г. П.....

[2]) „Сборникъ Археол. Инст." Книга II, отд. II, стр. 98, 99.

Къ тому же, кто такой игуменъ Орестъ, чтобы вѣрить ему безусловно? Отчего же не вѣрить въ этомъ случаѣ самому Варлааму, который въ слѣдственныхъ показаніяхъ своихъ положительно свидѣтельствуетъ, что, присягая Наполеону, онъ имѣлъ только въ виду „сохранить въ спокойствіи и тишинѣ врученную ему церковь отъ мести раздраженныхъ французовъ?..“ Только слова эти надобно понимать проще и глубже, чѣмъ какъ понимаютъ ихъ обвинители Варлаама. Въ этомъ отношеніи на помощь намъ являются слова, сказанныя Варлаамомъ секретарю Демьяновичу еще до вступленія французовъ въ Могилевъ:

— Ты думаешь, что Россія будетъ благополучна?!.. Пусть будетъ благополучна; я одинъ тогда буду несчастенъ.

Такъ, очевидно, говоритъ не честолюбецъ, мечтающій о высокомъ санѣ въ церкви, а скорѣе человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ гнетущей его мысли, которую мы назовемъ „обаяніемъ имени Наполеона и сопровождавшихъ его побѣды небывалыхъ успѣховъ и ужасовъ“. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на это обстоятельство, что подобнаго рода обаяніе не было тогда только достояніемъ одного Варлаама. Его раздѣляли въ то время едва ли не большинство лучшихъ умовъ въ Европѣ; оно было достояніемъ многихъ и у насъ въ Россіи. За что, между прочимъ, сосланъ былъ Сперанскій въ томъ же 1812 году, когда послѣдовала и несчастная измѣна Варлаама? За то, какъ читаемъ у Богдановича, что онъ „самъ возбуждалъ сомнѣніе въ своемъ патріотизмѣ, расточая похвалы чужеземнымъ учрежденіямъ, порицая все русское и изъявляя удивленіе къ ненавистному тогда въ Россіи Наполеону“ [1]). Когда вслѣдъ затѣмъ прибылъ къ императору Александру въ Вильну посланный отъ Наполеона съ письмомъ графъ Нарбоннъ, то самъ императоръ сказалъ ему:

— Я не ослѣпляюсь мечтами; я знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ обладаетъ способностями великаго полководца; но на моей сторонѣ пространство и время [2]).

Если такъ смотрѣлъ на Наполеона одинъ изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ умовъ тогдашней Россіи, если подобное мнѣніе раздѣлялъ даже самъ императоръ Александръ Павловичъ, то что же сказать о Варлаамѣ?

Прибавимъ къ этому, что Варлаамъ самъ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ на западѣ Россіи и, безъ сомнѣнія, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что творилось тогда въ Европѣ; не забудемъ, что въ моментъ вступленія въ предѣлы Россіи слава Наполеона была въ апогеѣ своего величія и что Варлааму суждено было встрѣтиться лицомъ къ лицу съ могущественнѣйшею многотысячною или, какъ

---

[1]) „Исторія царствованія Александра I“, т. III, стр. 142.

[2]) Тамъ же, стр. 207.

тогда называли, великою, непобѣдимою вражескою арміею тотчасъ непосредственно по вступленіи ея въ наше отечество, когда вся Россія и самъ даже императоръ Александръ не были увѣрены въ ея пораженіи... Тутъ, дѣйствительно, и не одинъ Варлаамъ могъ поколебаться. Онъ оглушенъ былъ громомъ наполеоновскихъ побѣдъ, ослѣпленъ его могуществомъ и славою, устрашился за силы Россіи, повѣрилъ горделивому воззванію врага, что „Россія увлечена своимъ рокомъ"... и самъ палъ подъ неумолимыми ударами этого рока.

При этомъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя отвергать и заявленнаго Варлаамомъ желанія „спасти врученную ему паству". Врагъ непобѣдимъ, думалъ онъ въ опьяненіи своего заблужденія, Россіи ни подъ какимъ условіемъ не устоять въ неравной борьбѣ, а между тѣмъ сопротивленіе можетъ „сдѣлаться невольною причиною злоключенія для тѣхъ, за которыхъ въ нужныхъ случаяхъ онъ, яко архіерей, душу свою положить долженъ"... и присягнулъ Наполеону.

А изъ всего этого уже сами по себѣ должны были явиться у Варлаама дальше и жалкіе архіерейскіе орлецы съ изображеніемъ на нихъ французскихъ орловъ, надъ которыми подтруниваетъ г. Гильтебрандтъ, и вся угодливость Варлаама французскому правительству, принужденіе народа и священнослужителей Могилевской епархіи поскорѣе присягать Наполеону и пр. и пр. Такова уже природа человѣческая.

Замѣчательно, что напечатанное слѣдственное дѣло о Варлаамѣ не только не опровергаетъ такого нашего воззрѣнія, но напротивъ того подтверждаетъ его самымъ положительнымъ образомъ. Самъ же Варлаамъ въ показаніяхъ своихъ на слѣдствіи объясняетъ, что онъ, дѣйствительно, какъ до вступленія французовъ въ Россію, такъ и во время присяги, учиненной Наполеону, находился въ неестественномъ положеніи, ссылаясь „на свой—архіепископа плѣнъ, отъ коего гражданское могилевское начальство мѣстнаго своего архіерея предохранить не захотѣло, и на тѣ страхи, которые тогда каждаго человѣка почти и на минуту не оставляли"... Показаніе это въ слѣдствіи ничѣмъ не опровергается; значитъ, оно такъ и остается во всей силѣ своей правды; а эта правда только подтверждаетъ слова наши, что Варлаамъ находился тогда подъ обаяніемъ имени Наполеона и сопровождавшихъ его побѣды и успѣхи ужасовъ. То же самое еще въ большей мѣрѣ подтверждаютъ слова священника Піючевскаго, говорившаго, по распоряженію Варлаама, 3-го и 13-го августа, списанныя имъ, Варлаамомъ, проповѣди. Піючевскій показываетъ, что содержаніе первой изъ этихъ проповѣдей было вообще о воздѣйствующемъ Промыслѣ Божіемъ съ обращеніемъ въ заключеніи, какъ припомнитъ онъ, къ французскому императору Наполеону такимъ выраженіемъ: „На комъ болѣе дѣйствуетъ Всевышній Промыселъ, какъ не на великомъ Наполеонѣ? Предпріятія его чрезвычайны, подвиги велики, дѣла пресловуты; событія

дальновидныхъ его намѣреній приводятъ въ удивленіе всю вселенную!!!“ Какъ же было устоять предъ такими убѣжденіями, чтобы не присягнуть Наполеону?!!...

Есть въ слѣдственномъ дѣлѣ о Варлаамѣ еще пунктъ, который невольно напрашивается, чтобы обратить на него вниманіе, или, точнѣе сказать, повторить, такъ какъ мы уже о немъ упомянули. Тамъ говорится, что Варлаамъ присягнулъ Наполеону, „поговоря напередъ съ консисторскими членами и секретаремъ и особенно съ посѣтившимъ его на ту пору греко-россійскаго исповѣданія генералъ-маіоромъ Хоментовскимъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что съ русскимъ генераломъ Варлаамомъ совѣтовался тогда по вопросу о силахъ Россіи и, получивъ отъ послѣдняго неудовлетворительный отвѣтъ, рѣшился преклониться предъ Наполеономъ, какъ неизбѣжнымъ побѣдителемъ, которому поклонилась почти вся Европа.

Но еще болѣе требуютъ вниманія показанія Варлаама въ слѣдственномъ дѣлѣ о насильственныхъ мѣрахъ со стороны французовъ, заставившихъ его измѣнить русскому правительству. Такъ, говоря о сказываніи проповѣдей въ 3-й и 13-й день августа, онъ свидѣтельствуетъ, „что тѣ проповѣди на высокоторжественные два дни, по требованію французскаго правительства, приказалъ изготовить соборнымъ протоіереямъ и ключарю, но какъ они за краткостію времени сдѣлать того не успѣли, то онъ архіепископъ, опасаясь истязаній, велѣлъ поспѣшнѣе списать печатныя съ отмѣной нѣкоторыхъ словъ“, и т. д. А что подобнаго рода истязанія тогда были, объ этомъ читаемъ въ томъ же слѣдственномъ дѣлѣ, въ показаніяхъ бывшихъ въ то время присутствующими въ могилевской консисторіи архимандрита Іосифа и ключаря Стратиловича, изъ коихъ первый прямо говоритъ, „что онъ отнюдь не желая сдѣлать таковую присягу, искалъ средства скрыться, но будучи не въ силахъ отъ причиненныхъ ему непріятелемъ побоевъ сего учинить, оставался въ монастырѣ и по настоянію консисторскому, подписалъ 15-го августа только присяжный листъ“, и т. д.

Мы тѣмъ болѣе склоняемся на сторону Варлаама по вопросу о засвидѣтельствованномъ имъ опасеніи насилій со стороныя французской власти, что въ этомъ дѣлѣ принимаютъ ближайшее участіе поляки, въ родѣ генерала Пакоша, сразу поселившагося въ архіерейскомъ его, Варлаама, домѣ, члена могилевской духовной консисторіи ксендза Маевскаго и др. Кто знаетъ, не поляки-ли первые и внушили французамъ мысль о необходимости заставить православнаго могилевскаго архіепископа присягнуть Наполеону, чтобы тѣмъ „сдѣлать римско-католическую свою религію господствующею въ этомъ краѣ“, въ надеждѣ на дальнѣйшее господство Рѣчи-Посполитой, воскрешенной французскимъ императоромъ? Такъ ли это, или иначе, но и одного участія поляковъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, и при томъ такого близкаго, вполнѣ достаточно для того, чтобы понять всю тя-

жесть положенія Варлаама среди окружающихъ его обстоятельствъ, потому что поляки никогда не отличались разборчивостію въ средствахъ, когда дѣло касается интересовъ латинства и излюбленной Рѣчи-Посполитой... А тутъ еще во главѣ всего дѣла стоялъ польскій генералъ, который, конечно, не считалъ нужнымъ обращаться деликатно съ русскимъ схизматицкимъ архіереемъ, и въ случаѣ надобности, безъ сомнѣнія, могъ принять противъ него какія угодно мѣры.

Само собою разумѣется, что говоря все это, мы нисколько не думаемъ оправдывать самый фактъ измѣны Варлаамовой, равно какъ и послѣдующія за тѣмъ его дѣйствія. По какимъ бы побужденіямъ онъ ни присягнулъ Наполеону, его измѣна остается измѣной, которая требовала законнаго возмездія. Но если существуетъ разница между побужденіями обаянія, увлеченія и принужденія, и побужденіями корысти и честолюбія,—а таковая всегда существуетъ по всѣмъ правиламъ здравой логики, — то также должно быть различіе и въ виновности проступка или преступленія, совершеннаго по тѣмъ или другимъ нобужденіямъ. Отчего же различіе это не прилагаютъ къ дѣлу объ измѣнѣ Варлаама? Тогда бы, по крайней мѣрѣ, слова „крамольникъ, обманутый честолюбецъ“ едва ли были здѣсь умѣстны.

Въ ноябрѣ 1812 года, французы должны были оставить Могилевъ. Въ благодарность за гостепріимство они хотѣли было, какъ извѣстно, сжечь городъ. Только русскій генералъ-адъютантъ Ожаровскій успѣлъ во время занять городъ своими войсками и такимъ образомъ спасъ его отъ погибели. Когда русскіе солдаты вступали въ Могилевъ, то полковые командиры, какъ разсказываетъ игуменъ Орестъ, видя въ городѣ всѣ строенія въ цѣлости, говорили между собою съ удивленіемъ:

— Городъ Могилевъ благополученъ, весь уцѣлѣлъ, да и нѣтъ благополучнѣйшаго изъ всѣхъ городовъ, забранныхъ непріятелемъ, какъ Могилевъ. А нашу-то матушку Москву непріятель деревнею сдѣлалъ.

Тогда одинъ офицеръ, указывая на стоящаго по пути монаха, сказалъ:

— Вотъ эти игумены причиною благополучія Могилева; они съ крестомъ и евангеліемъ пали на колѣни предъ Наполеономъ и присягнули ему.

— Что городъ защитили, это хорошо, отвѣтили другіе; да то худо, что они подданными Наполеона стали.

Такъ, по словамъ Ореста, заключали русскіе. Да можно ли было и заключать иначе?

Въ декабрѣ 1812 года, Варлаама потребовали на судъ. Слѣдователемъ по его несчастному дѣлу назначенъ былъ отъ синода рязанскій архіепископъ Ѳеофилактъ Русановъ. Во все время производства слѣдствія, съ января 1813 года до рѣшенія дѣла въ іюнѣ того же года, Варлаамъ находился подъ стражею въ архіерейскомъ домѣ;

при дверяхъ его келіи постоянно стояли солдаты съ ружьями; къ нему никого не допускали безъ особаго губернаторскаго на то разрѣшенія. Варлаамъ постоянно обливался слезами.

Синодъ справедливо „нашелъ его—архіепископа виновнымъ въ томъ, что онъ, будучи извѣстенъ о приближеніи непріятеля, не только не настоялъ требованіями своими къ гражданскому правительству о пособіяхъ къ удаленію своему съ подчиненными изъ предѣловъ его епархіи, но когда сіи на таковое его удаленіе просили у него неоднократно дозволенія, то вмѣсто того приказалъ имъ остаться съ собою. А хотя онъ архіепископъ въ объясненіи своемъ и старается къ оправданію своему приводить, что тогдашніе страхи его не оставляли его ни на минуту, что месть раздраженнаго противу его врага могла бы излиться и на его, архіепископа епархію, и наконецъ, что учиненная имъ присяга сдѣлана только по наружности, и тѣмъ самымъ сохранена въ спокойствіи и тишинѣ врученная ему церковь съ духовенствомъ и прихожанами; напротивъ того не видно изъ дѣлъ, чтобы къ такой присягѣ было какое принужденіе или насиліе, кромѣ одного изъ временной комиссіи отношенія;—да ежели-бъ и было таковое, тогда слѣдовало ему, архіепископу, поступить, по долгу званія и по долгу учиненной его императорскому величеству россійскому императору присяги, чего не только не соблюлъ во всей точности, и не показалъ себя примѣромъ паствѣ своей въ непоколебимой вѣрности законному своему государю, но и вовлекъ въ такое преступленіе многихъ изъ подчиненныхъ ему, кои хотя и не желали впасть въ оное, но доведены были до того неоднократными отъ него, архіепископа, предписаніями. А покоря себя такимъ образомъ непріятелю, не только выполнилъ съ крайнею поспѣшностію требованія его, но даже по слухамъ о не воспоминаніи якобы Наполеона на молебствіи подвергалъ священника строжайшему сужденію".

За тѣмъ слѣдуетъ рѣшеніе синода: „По таковымъ (изложеннымъ выше) обстоятельствамъ, синодъ, пріемля въ основаніе слово Божіе, правила апостоловъ и государственныя узаконенія, положилъ мнѣніе:

„Первое: Его—архіепископа Варлаама, яко сознавшагося явнымъ клятвопреступникомъ, и потому нетерпимаго болѣе въ семъ санѣ, лишивъ архіепископства и священства, и при томъ отобравъ знаки ордена св. Анны первой степени, оставить только въ монашескомъ чинѣ, и пребываніе имѣть ему Черниговской губерніи, въ первокласномъ Новгородъ-сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ на содержаніи монашескомъ

„Второе: Священно-и-церковно-служители, участвовавшіе въ такомъ же преступленіи, хотя по законамъ подлежатъ равному лишенію ихъ званія; но пріемля въ уваженіе, что сіи священно-и-церковнослужители доведены были до клятвопреступленія, ими сдѣланнаго, примѣромъ его, архіепископа, и настоятельными предписаніями и подтвержденіями, оставить всѣхъ ихъ въ прежнихъ званіяхъ, предоставя св. синоду для очищенія совѣсти ихъ сдѣлать сообразное тому.

„Третье: Что касается до секретаря консисторскаго, на мѣсто коего опредѣленъ другой, а также и приказныхъ служителей и прочихъ свѣтскаго званія, учинившихъ таковую присягу, то на благоусмотрѣніе и сужденіе объ нихъ вмѣстѣ съ подобными имъ по гражданскому вѣдомству представить ихъ свѣтскому начальству" [1]).

1 апрѣля, 1813 года, государь утвердилъ рѣшеніе св. синода.— Вслѣдъ затѣмъ, могилевскій губернаторъ графъ Толстой отправилъ осужденнаго Варлаама въ Черниговъ подъ надзоромъ гражданскаго чиновника и одного протоіерея Могилевской епархіи, не присягнувшаго Наполеону, такъ какъ исполненіе приговора возложено было на тогдашняго архіепископа черниговскаго Михаила (Десницкаго), бывшаго въ послѣдствіи митрополитомъ с.-петербургскимъ.

Мы имѣемъ подъ руками двѣ редакціи описанія этого печальнаго обряда, совершеннаго, по свидѣтельству очевидца, 29 іюня, 1813 года, въ день праздника св. апостолъ Петра и Павла. Одну свобщаетъ г. Павловскій, со словъ игумена Ореста. „Въ городѣ Черниговѣ, въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ было собрано все мѣстное духовенство, ввели архіепископа Варлаама въ полномъ облаченіи и поставили посреди церкви. Прочитали чрезъ консисторскаго секретаря Павловскаго рѣшеніе. Потомъ, снявъ съ него, Варлаама, чрезъ ключаря съ протодіакономъ все архіерейское облаченіе со знаками ордена св. Анны и возложа приличное монаху одѣяніе, обязали подпискою, чтобъ онъ отъ того времени не токмо архіереемъ но ниже іеромонахомъ отнюдь ни подъ какимъ видомъ, ни письменно, ни словесно, не именовался, и благословеніе рукою никому не преподавалъ, подъ опасеніемъ, если что тому противное послѣдуетъ, строжайшаго наказанія. По исполненіи же сего отправленъ на пребываніе въ Новгородъ-Сѣверскій первоклассный Спасскій монастырь, коего настоятелю подтверждено строжайше имѣть за нимъ наблюденіе, чтобы онъ, Варлаамъ, какъ себѣ не могъ причинить никакого вреда, такъ и ни съ кѣмъ изъ стороннихъ не имѣлъ никакого сношенія и переписки; а содержаніе ему, монаху Варлааму, производить велѣно противъ прочихъ того монастыря монашествующихъ".

Болѣе подробно сообщаетъ объ этомъ И. Г. Кулжинскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ черниговскаго семинариста". „Лѣтомъ, говоритъ онъ, когда мы, послѣ обѣда, въ ожиданіи классическаго звонка, гуляли на монастырскомъ дворѣ, тогда и Варлаамъ, (доставленный изъ Могилева въ Черниговъ) выходилъ изъ своей кельи на дворъ, сближался съ нами—дѣтьми и заговаривалъ съ нами; но мы боялись его и дичились. Наконецъ, оповѣщено было, что 29 іюня 1813 года, въ праздникъ св. Апостолъ Петра и Павла будетъ разстриженіе. Это печальное дѣйствіе совершено было въ черниговскомъ каѳедральномъ

---

[1]) Копія съ опредѣленія св. синода 1873 года по этому предмету и доселѣ хранится въ архивѣ Новгородсѣверскаго монастыря.

Спасо-Преображенскомъ соборѣ, предъ литургіей. Пріѣхали вмѣстѣ оба архіерея, Михаилъ и Варлаамъ, оба были встрѣчены со славою, и облачены оба на амвонѣ среди церкви также со славою. Вдругъ, секретарь консисторіи Павловскій восходитъ на каѳедру и громогласно читаетъ указъ св. синода, исчисляющій преступленія Варлаама и осуждающій его на снятіе священнаго сана съ оставленіемъ при немъ только монашества и съ опредѣленіемъ его на вакансію простаго монаха въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь. Вмѣстѣ съ симъ протодіаконъ Іустинъ снялъ съ Варлаама митру, омофоръ, саккосъ и прочія облаченія... Подали ему рясу и клобукъ и онъ быстро сбѣжалъ съ амвона въ олтарь чрезъ боковую дверь, потребовалъ въ олтарѣ воды, напился, и потомъ чрезъ пономарню выбѣжалъ изъ церкви, побѣжалъ къ каретѣ и уѣхалъ въ Елецкій монастырь".

Въ слѣдственномъ „дѣлѣ о поступкахъ Варлаама", сохранилась подписка, данная имъ по растриженіи, слѣдующаго содержанія: „1813 года іюня 24 день. По указу его императорскаго величества и по докладу св. правительствующаго синода, его императорскимъ величествомъ высочайше конфирмованному, я нижеподписавшійся, бывшій могилевскій архіепископъ сего числа въ каѳедральномъ Спасскомъ черниговскомъ соборѣ, въ присутствіи преосвященнаго Михаила архіепископа черниговскаго и кавалера, при собраніи монастырскихъ настоятелей, градскаго духовенства и свѣтскаго начальства, лишенный архіепископства и священства за учиненіе мною непріятелю во время нашествія его присяги и другіе противозаконные поступки, обязуюсь отнынѣ впредь не токмо архіереемъ, но ниже іеромонахомъ отнюдь, ни подъ какимъ видомъ ни письменно, ни словесно не именоваться и не писаться, и благословенія рукою никому не преподавать, подъ опасеніемъ, есть ли что противное тому отъ меня послѣдуетъ, строжайшаго наказанія. Монахъ Варлаамъ".

Къ этому г. Кулжинскій прибавляетъ, что „архіепископъ Михаилъ во все время снятія сана съ Варлаама плакалъ горькими слезами, и потомъ, по удаленіи Варлаама, совершая литургію, постоянно плакалъ... Многіе стоявшіе во храмѣ также не могли удержаться отъ слезъ [1])".

Послѣ этого, Варлаамъ прожилъ еще цѣлыхъ десять лѣтъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ и скончался въ сентябрѣ 1823 года. Такъ какъ онъ имѣлъ богатую библіотеку, то по его смерти библіотека эта была передана въ черниговскую духовную семинарію, откуда, между прочимъ, нѣкоторыя книги, не имѣвшіяся въ с.-петербургской духовной академіи, вытребованы были въ послѣднюю. По свидѣтельству игумена Ореста, у Варлаама будто бы были также и большія деньги „около 40,000 рублей", оставшіяся по его смерти. Ничего объ этихъ деньгахъ мы не знаемъ. Но если бы онѣ даже и были

[1]) См. „Черниговскія Епарх. Извѣст." 1877 г. №№ 7 и 8.

у Варлаама, то отсюда еще страннѣе было бы объяснять измѣну его, какъ это дѣлаетъ между тѣмъ г. Гильтебрандтъ, слѣдуя Оресту, чѣмъ изъ другихъ помянутыхъ нами обстоятельствъ. Если Варлаамъ, „наблюдая свой собственный интересъ, и опасался лишиться своего довольно порядочнаго капитала", то ему оставалось только бѣжать изъ Могилева съ своими деньгами... Тогда бы безъ всякаго труда сохранились у него и капиталы и честь. Отъ чего же, спрашивается, онъ не сдѣлалъ этого?

Говорятъ, что послѣ разстриженія Варлаамъ постоянно заливался слезами до самой своей смерти и, конечно, отъ перенесенныхъ столь сильныхъ нравственныхъ потрясеній въ своей богатой приключеніями жизни, въ послѣдніе годы сдѣлался до того раздражительнымъ, что ни одинъ келейникъ не могъ ужиться съ нимъ на долгое время. Къ тому же на старость отъ слезъ онъ лишился зрѣнія, вслѣдствіе чего, между прочимъ, нѣкоторые изъ учителей новгородъ-сѣверской гимназіи и тамошняго духовнаго училища ходили къ нему по вечерамъ и читали книги, которыя теперь доставляли злополучному старцу единственное утѣшеніе, такъ что Варлаамъ прослушивалъ чтеніе иногда по нѣсколько часовъ сряду. А для того, чтобы слѣпой старецъ могъ хоть сколько нибудь прогуливаться на чистомъ воздухѣ, протянута была между братскимъ монастырскимъ корпусомъ, гдѣ онъ жилъ, и Преображенскою церковью веревка, за которую держась Варлаамъ могъ ходить, сколько угодно [1]).

Интересно, что на Волыни и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговской епархіи сохранилось преданіе, будто императоръ Александръ Благословенный хотѣлъ было помиловать Варлаама и даже предлагалъ возвратить ему снятый санъ архіерейства. Но Варлаамъ, удрученный недугами и слѣпотою, самъ, будто бы, отказался отъ этого, выражая желаніе до конца жизни понести наказаніе, справедливо заслуженное.

„Прочія лица могилевской епархіи духовнаго званія, имѣвшія несчастіе присягнуть Наполеону вмѣстѣ съ Варлаамомъ, отдѣлались— какъ говоритъ г. Павловскій—тѣмъ, что велѣно было имъ, по учиненіи вновь присяги на вѣрность, въ шесть воскресныхъ дней, послѣ отправленія божественной литургіи, при собраніи народномъ, полагать предъ мѣстными святыми иконами по пятидесяти земныхъ поклоновъ [1]).

Интересно, чѣмъ отдѣлались ксендзы могилевскіе, присягавшіе, конечно, не наружно, а преискренно Наполеону? Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ явятся новые факты и новыя свѣдѣнія какъ относительно административной дѣятельности, такъ и измѣны Варлаама,

---

[1]) „Историко-статистическое описаніе Чернигов. епархіи", кн. III, стр. 110, 111.

[1]) „Церковно - Общественный Вѣстникъ", 1879 г. Сравн. „Волынскія Епархіальныя Вѣдомости", 1879 г., Часть неоффиціальная, № 12.

которые должны будутъ пролить болѣе свѣта на его столь интересную личность. Но каковы бы ни были эти факты и свѣдѣнія, намъ думается, они должны будутъ еще яснѣе обнаружить, что, дѣйствуя извѣстнымъ образомъ при встрѣчѣ съ Наполеономъ, Варлаамъ дѣйствительно имѣлъ на то болѣе честныя основанія, чѣмъ это вообще представляется и, такимъ образомъ, если не уничтожится вполнѣ, то въ значительной степени ослабится печальное значеніе его поступка для успокоенія русской общественной совѣсти и къ чести отечественной нашей православной церкви, которая никогда не представляла въ средѣ своей, а тѣмъ болѣе въ лицѣ своихъ архипастырей, закоренѣлыхъ злодѣевъ или опасныхъ государственныхъ преступниковъ. Ошибся же императоръ Александръ Павловичъ, осуждая Сперанскаго. Потомъ онъ же самъ и возвратилъ его съ честію. Отъ чего же въ извѣстной мѣрѣ то-же самое не могло случиться и съ несчастнымъ Варлаамомъ?...

На Волыни и въ черниговской епархіи сохранилась оригинальная пѣсня, составленіе которой общественное мнѣніе приписываетъ Варлааму послѣ его разстриженія. Еще не далеко ушло то время, когда пѣсня эта была одною изъ любимѣйшихъ первостатейныхъ пѣсень, особенно въ средѣ духовенства. Она начинается словами [1]):

Ахъ ты свѣте лестный,
Ты сердце крушишь;
Лютыми печальми
Только мя смутишь.
Теперь я сталъ знать,
Крѣпко замѣчать,
Когда твои стрѣлы
Меня уязвили
Ядовитыя.

Если эта пѣсня дѣйствительно составлена. Варлаамомъ, то она какъ нельзя болѣе характеризуетъ внутреннее настроеніе несчастнаго, вполнѣ доказывающее, что онъ не былъ и не могъ быть отъявленнымъ злодѣемъ, а напротивъ—дѣйствовалъ только подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій свѣта, противъ которыхъ не въ силахъ былъ устоять и за это поплатился. Онъ поетъ далѣе:

Лестей твоихъ, свѣте,
Я прежде не зналъ,
И за вѣрна друга
Я тебя считалъ.
Ахъ ты хитрый воръ,
Въ томъ больше не спорь.

---

[1]) Печатаемъ выдержки изъ этой пѣсни не потому, чтобы она несомнѣнно принадлежала Варлааму, тѣмъ болѣе не за ея достоинства, а чтобы сообщить читателямъ по возможности всѣ, доселѣ извѣстные, матеріалы, относящіеся къ жизни Варлаама, чтобы другіе могли воспользоваться при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ о немъ.

Въ тебѣ лесть обмана,
Горька сердцу рана
Весьма не сносна.
Ахъ какой несчастный
Времени манеръ
Точно мнѣ случился,
Какъ вижу теперь.
Какъ счастливъ бывалъ,
Печали не зналъ,
Котра мя терзаетъ,
Сердце сокрушаетъ
Зубами враговъ...
Нравомъ добротливымъ
Многимъ услужилъ,
Чаялъ себѣ вѣрныхъ,
Тѣмъ враговъ нажилъ.
Какъ вижу, не такъ!
Звѣремъ смотритъ всякъ;
Иной желалъ неба,
Кирпичъ вмѣсто хлѣба
Даетъ въ замѣну.

Затѣмъ авторъ оригинально изображаетъ состояніе, испытываемое имъ въ униженіи послѣ бывшихъ лучшихъ дней.

Силенъ, какъ высоко
Летаетъ орелъ;
Птицы всѣ боятся,
Какъ граетъ веселъ.
Надъ пѣшимъ орломъ
Вороны кругомъ
Летаютъ крокочутъ,
Голову хлопочутъ,
Ахъ несносный жаль.
Крѣпость когтей львовыхъ
Медведей деретъ,
Лисо́въ, волковъ, рысей
Въ мелки части рветъ.
Какъ только рыкнетъ,
Звѣрь долой пойдетъ;
А какъ захромаетъ,
Въ посмѣхъ всѣмъ бываетъ,
И заяцъ грозитъ.
Кругомъ враговъ лестныхъ
Смотритъ на мя глазъ,
Какъ то я примѣтилъ
И уже не разъ.
Въ глазахъ: братъ, здоровъ!
За глазами съѣсть готовъ;
Аспидскія рѣчи,
Летятъ, какъ картечи,
Ахъ за мною вслѣдъ.

Но въ особенности въ той-же пѣснѣ замѣчательны мѣста, гдѣ авторъ явственно высказываетъ свою невиновность въ возведенномъ на

него преступленіи и выражаетъ надежду, что его дѣло должно быть оправдано предъ судомъ если не настоящаго, то будущаго.

Движетъ ревность сердца,
Что совсѣмъ я правъ;
Только уличаетъ
Свѣтъ мя прелукавъ.
　Отъ враговъ тѣхъ нынѣ,
　Коихъ чаялъ всѣхъ,
　Что друзья любезны,
　Отъ тѣхъ нынѣ слезны
　　Терплю напасти...
Еще ли же только
Сердце мнѣ крушить,
Вороги лукавы
Хотятъ мя сгубить.
　Но Богъ милосердъ,
　Сотретъ камень твердъ
　На мелкія части,
　Всѣ мои напасти
　　На нихъ обратитъ [1]).

Несчастному не суждено было оправдаться при жизни. Не станемъ же бросать въ него камнемъ и послѣ смерти... Кто знаетъ, можетъ быть, онъ и не даромъ пѣлъ въ заключеніе своей пѣсни:

Ревность моя тое
Сдѣлаетъ упредъ;
На васъ всѣхъ злохитрый
Обратитъ совѣтъ;
　Главу сокрушитъ
　И роги сломитъ,
　Пособитъ надеждѣ,
　Чтобъ сдѣлать то прежде,
　　Враговъ скоренитъ.

А. Ѳ. Хойнацкій.

[1]) Желающіе могутъ найти эту пѣсню въ полномъ видѣ, въ 15 куплетовъ, въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ", 1879 г., часть неоффиціальная, стр. 759—760. Только нѣкоторыя мѣста здѣсь напечатаны несовсѣмъ правильно. У насъ имѣется подъ руками болѣе вѣрная редакція.

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ СТУДЕНТЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

I.

Смягченіе русскаго взгляда на иностранцевъ. — Книги космографическія. — Четыре Галеновскія стихіи, составляющія человѣка. — Любовь Годунова къ иностранцамъ.—Англійскій докторъ экзаменуется у русскаго дьяка.—Посылка „робятъ“ въ чужіе края.—„Непослушливые“ и бѣглецы.—„Англинской гость, вѣрный человѣчекъ“. — Обученные въ Москвѣ нѣмцы. — Отправка четверыхъ „робятъ“ въ „Лундунъ“.—Увлеченіе заморщиной.—Русскія историческія передряги. — Недовѣріе русскихъ къ краснорѣчію своихъ пословъ. — „Посольскій наказъ“. — „Затѣйная грамота“. — Дипломатическая твердость русскаго посла.

Въ НАЧАЛѢ XVII столѣтія, русскій верхній слой, боярство и знать, уже не глядѣлъ волкомъ на иностранца. Тяжеловѣсное, расшитое золотомъ, укутанное мѣхами и высокошапчатое боярство, хотя по прежнему относилось нѣсколько иронически къ поджарымъ иностраннымъ посламъ и „худогамъ“, облеченнымъ въ легкій атласъ и шелкъ съ лентами, съ обтянутыми икрами и въ башмакахъ на манеръ бабьихъ, но все-таки это спѣсивое боярство уже чувствовало, что „нѣмецъ“ куда далеко обогналъ его относительно образованія, развитія художествъ, промышленности и торговли.

Географическія и этнографическія свѣдѣнія вошли въ Русь прежде всякихъ другихъ наукъ, и этому способствовала обширность границъ Руси, вокругъ которыхъ обитало много всякихъ самыхъ разнообразныхъ народовъ: съ запада сама утонченная Европа, съ сѣвера, востока и юга—дикіе инородцы и азіятскія племена.

Въ XVII вѣкѣ, верхній боярскій слой уже не вѣрилъ, что за предѣлами Руси живутъ „люди съ песьими головами“, а хорошо зналъ, что нѣмцы такой народъ, у котораго многое „добро зѣло“, народъ, могущій многому и многому научить русскаго человѣка.

Сама исторія подготовила и развила этотъ новый взглядъ на иностранцевъ въ русскомъ болѣе образованномъ слоѣ. Византія уже давно проникла въ Россію въ книгахъ, и въ иконописи, и въ религіи; Софья Палеологъ уже въ концѣ XV столѣтія привезла съ собою многихъ иностранцевъ; въ самой Москвѣ, въ Яузской слободѣ, на виду всего православнаго народа, шумѣла цѣлая колонія нѣмцевъ, занимавшихся разными хитрыми художествами и жившихъ до того достаточно, что жены ихъ не ходили иначе, какъ въ шелкахъ и бархатахъ.

Наконецъ, въ самомъ сердцѣ Москвы, какъ жаръ горѣлъ, пестрый и многоглавый соборъ Василія Блаженнаго—чудо и удивленіе эпохи—созданіе рукъ иностранца.

Бояре, ходившіе „въ послѣхъ" къ иностраннымъ государямъ, разсказывали чудеса о благолѣпіи и диковинахъ посѣщенныхъ ими странъ и городовъ.

Въ войскѣ русскомъ служили на ряду съ другими нѣмцы, поляки, литовскіе казаки, шотландцы, датчане, шведы и греки.

Въ литературѣ къ искони-вѣчной духовной пищѣ русскаго граматнаго человѣка, состоявшей изъ житій, посланій архипастырей, поучительныхъ словъ и пр., начали появляться переводы съ средневѣковыхъ книгъ космографическаго, естественно-историческаго содержанія. Жажда знанія русскаго граматнаго человѣка, блуждавшая доселѣ въ неисходныхъ дебряхъ византійскаго краснорѣчія, тутъ попала въ міръ средневѣковаго алхимическаго вздора, фантастическихъ описаній разныхъ „естествъ" и „стихій".

Вотъ что, напримѣръ, говорилось въ переведенной уже въ XVI вѣкѣ книгѣ Галена (Пергамскаго) „О большомъ и маломъ мірѣ":

„Міръ отъ четырехъ вещей составися: отъ огня, отъ воздуха, отъ земли и отъ воды. Составленъ же бысть и малый міръ, сирѣчь человѣкъ, отъ четырехъ стихій, сирѣчь отъ крови, отъ мокроты, отъ чермныя желчи и отъ черныя.

„И убо кровь видѣніемъ червлена, вкушеніемъ же сладка; подобно есть убо воздуху, мокра и тепла. Флегма же, яже есть мокрота, видѣніемъ бѣла, внушеніемъ же слана (солона); подобна убо есть водѣ, яко мокра и студена. Чермная желчь видѣніемъ жолта, вкушеніемъ же горька, подобна убо есть огню, яко суха и тепла. Черная желчь видѣніемъ черна, вкушеніемъ же кисела; подобна убо есть землѣ, яко суха и студена".

Читалъ русскій грамотникъ такія описанія человѣческаго тѣла, въ головѣ его водворялся еще бо́льшій сумбуръ, чѣмъ былъ прежде.

Одно хорошее внесли эти книги въ сознаніе ихъ читателей—это уваженіе предъ наукою и учеными. Самому понять эту „науку" и примѣнить ее не представлялось возможности по такимъ руководствамъ, а потому всякій иностранецъ, осилившій ее и лечившій по наукѣ, представлялся человѣкомъ необыкновеннаго ума.

Царствованіе Бориса Годунова было праздникомъ для всѣхъ иностранцевъ, какъ жившихъ въ Россіи, такъ и имѣвшихъ торговыя сношенія съ нею.

Онъ, предтеча Петра Великаго, ласкалъ и ублажалъ ихъ, призывалъ на службу и щедро одаривалъ. Но такъ же, какъ и при Петрѣ, ближній къ царю боярскій слой несовсѣмъ довѣрчиво относился къ заморскимъ искусникамъ, особенно докторамъ.

Довольно курьезенъ слѣдующій, подтверждающій наши слова, случай.

Англійская королева Елизавета, съ которой Борисъ Годуновъ былъ въ большой дружбѣ, прислала ему около 1600 года ученаго доктора Виллиса на мѣсто уѣхавшаго изъ Россіи доктора Марка Ридлея.

Виллиса дали на испытаніе нашему доморощенному мудрецу, дьяку Василію Щелкалову, начитавшемуся, вѣроятно, сочиненій въ родѣ Галена, и потому пользовавшемуся славой ученаго.

Какъ бы тамъ ни было, только Щелкаловъ взялся испытать въ знаніяхъ англійскаго доктора и началъ его допрашивать такимъ образомъ:

— Есть ли у тебя книги, и какія?

— Книгъ у меня здѣсь нѣтъ никакихъ; тѣ, которыя были взяты съ собою, я оставилъ въ Любекѣ, на пути сюда, потому что нѣмцы не пропускаютъ ѣдущихъ въ Россію докторовъ, и я проѣхалъ сюда подъ видомъ купца.

— Какъ же это такъ безъ книгъ-то лечить? изумился Щелкаловъ.

— Самая лучшая книга находится у меня въ головѣ, отвѣчалъ Виллисъ, потому что въ ней содержится все прочитанное и изученное.

— А лекарства ты привезъ съ собой?

— И лекарствъ я не привезъ, потому что ихъ приготовляютъ аптекаря, которые есть у васъ; какая будетъ болѣзнь, такое и лекарство прикажу сдѣлать, а на всѣ болѣзни сразу лекарствъ не напасешься.

И этотъ отвѣтъ не понравился Щелкалову, но онъ продолжалъ испытаніе.

— А какъ ты болѣзни лечишь? по пульсу ли ты узнаешь болѣзни, или по состоянію жидкостей въ тѣлѣ?

— И пульсъ, и состояніе жидкостей, и всѣ малыя примѣты при распознаваніи болѣзни равно важны въ глазахъ искуснаго доктора, отвѣчалъ Виллисъ.

Щелкаловъ остался недоволенъ новопріѣзжимъ докторомъ и не похвалилъ его царю, а его отзывъ сдѣлалъ то, что Виллиса приказано было въ Москвѣ не задерживать; дескать, гнать не гонимъ, да и держать не хотимъ!

До Бориса Годунова Россія никогда не входила въ такія частыя и дружескія сношенія съ иностранными дворами.

Свои просвѣтительныя стремленія умный Годуновъ простеръ до того, что хотѣлъ даже основать университеты, но эта мысль не пришла въ исполненіе. Зато исполнилось другое дѣло, не менѣе новое и смѣлое для той эпохи,—это посылка молодыхъ людей въ иностранныя земли „для науки разныхъ языковъ и грамотъ".

Не безъ колебанія, конечно, рѣшились на это русскіе, и должно быть только неуклонная воля монарха заставила нѣкоторыя боярскія семьи разстаться съ своими сыновьями для отправки ихъ въ чужіе края, хотя на ихъ глазахъ и бывали примѣры, что иностранцы посылали своихъ дѣтей въ Москву для обученія русскому языку.

Молодые люди, въ числѣ 18 человѣкъ, были посланы въ разныя страны—во Францію, Любекъ и Англію въ 1601—1602 годахъ.

О посланныхъ во Францію неизвѣстно ничего — пропали-ли они или воротились?—вѣроятнѣе, что пропали.

Посланные въ Любекъ въ царствованіе Бориса Годунова не возвратились; объ нихъ вспомнили только при Василіи Шуйскомъ и спросили любекскихъ бургомистровъ и ратмановъ.

Бургомистры и ратманы Любека отвѣтили царю въ ноябрѣ 1606 года:

„Чинимъ вѣдомо вашему царскому величеству, что прежней царь и великій государь Борисъ Ѳедоровичъ блаженныя памяти, какъ третево году были послы наши на Москвѣ, и какъ отпущены съ Москвы, и ѣдучи къ Новугороду, прислано къ намъ русскихъ пятеро робятъ, чтобъ наши послы тѣхъ робятъ взяли въ Любку (Любекъ) учити языку и грамотѣ нѣмецкой, и поити, и кормити, и одежду на нихъ класти; и мы тѣхъ робятъ давали учити, и поили, и кормили, и чинили имъ по нашему возможенью все добро; а они не послушливы, и поученья не слушали, и нынѣ двое робятъ отъ насъ побѣжали, невѣдомо за што... Бьемъ челомъ, штобъ ваше величество пожаловали отписали о достальныхъ трехъ робятахъ, ещо-ли намъ ихъ у себя держати, или ихъ къ себѣ велите прислать"...

Неизвѣстно, присланы ли молодые люди изъ Любека обратно.

О посланныхъ въ Англію молодыхъ боярскихъ дѣтяхъ мы имѣемъ изъ разныхъ источниковъ болѣе свѣдѣній.

Въ іюнѣ 1600 года „имянитый англинской гость Иванъ Ульяновъ" (такъ передѣлали русскіе имя Джона Мерика, члена англійской факторіи въ Москвѣ) свезъ черезъ Архангельскъ изъ Россіи за море двоихъ иностранцевъ: „Францовскаго нѣмчина Жана Паркета, лѣтъ въ 18, да Англиченина Ульяна Колера, лѣтъ въ 15, робята молоди, а на Москвѣ учились русскому языку".

Черезъ два года тому же „вѣрному человѣчку" Ивану Ульянову были поручены и четверо русскихъ боярскихъ дѣтей: „Микифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ, да Софонъ Михайловъ сынъ Кожуховъ, да Казаринъ Давыдовъ, да Фетька Костомаровъ для отвоза въ аглин-

скую землю для науки латынскому и аглинскому и иныхъ разныхъ нѣмецкихъ государствъ языковъ и грамотѣ".

30-го іюля, 1602 года, отплыли изъ Архангельска русскіе юноши „въ Лундунъ" просвѣщаться и обучаться наукамъ, напутствуемые строгими наказами родителей не прельщаться заморщиною, не забывать родины и прилежно учиться.

Трудно сказать, какія чувства волновали этихъ молодыхъ людей, покуда они не пріѣхали въ Лондонъ; очень можетъ быть, что тоска по родинѣ и страхъ предъ неизвѣстностью щемили имъ сердца, но по пріѣздѣ въ столицу Англіи, какъ видно, имъ понравилось новое житье.

Свобода, отсутствіе строгаго надзора, обиліе денежныхъ средствъ при открытыхъ нравахъ и обычаяхъ, начали мало-по-малу привлекать ихъ къ заморщинѣ, а родная Сарматія стала отходить все дальше и дальше на задній планъ.

„Вѣрный человѣчекъ", Иванъ Ульяновъ, должно быть не особенно старался отвлекать ихъ отъ увлеченія заморщиной, и молодая русская отрасль совсѣмъ перестала думать о родинѣ.

По свидѣтельству „Московской хроники" Мартина Бера [1]), молодые люди скоро выучились всему, что имъ было наказано, но возвращаться въ Россію и не думали!.. Вѣрно они научились многому такому, чего не имѣли въ виду въ Москвѣ, посылая ихъ на чужбину.

Такъ или иначе, но проходитъ установленное время для ихъ пребыванія заграницей, а ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ; проходитъ шесть и, наконецъ, десять лѣтъ, а нашихъ молодыхъ ученыхъ и слѣдъ простылъ.

Въ этотъ періодъ времени въ Россіи много разныхъ дѣлъ передѣлалось и много совершилось быстрыхъ политическихъ переворотовъ.

Борисъ Годуновъ такъ и умеръ, не дождавшись своихъ молодыхъ ученыхъ; поцарствовалъ два мѣсяца сынъ его Ѳеодоръ; блеснулъ, какъ метеоръ, отважный самозванецъ, посидѣлъ на престолѣ Василій Шуйскій, сунулъ носъ королевичъ Владиславъ, и наконецъ взошелъ на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

О молодыхъ людяхъ, посланныхъ за море, и забыли среди внутреннихъ смутъ и неурядицъ.

Когда все успокоилось и пришло кое-какъ въ порядокъ, посольскій приказъ вспомнилъ, наконецъ, и о юношахъ, отосланныхъ въ Англію, гдѣ въ этотъ періодъ тоже перемѣнилась царствующая особа— вмѣсто Елизаветы былъ королемъ недалекій Іаковъ, сынъ несчастной Маріи Стюартъ.

---

[1]) Мартинъ Беръ былъ во время Бориса Годунова проповѣдникомъ при возобновленной лютеранской церкви въ московской Яузской Нѣмецкой слободѣ. Онъ составилъ сочиненіе о современныхъ ему событіяхъ въ Москвѣ и Россіи.

Къ Іакову должно было отправиться посольство отъ новаго русскаго государя съ жалобами на „великія неправды“ поляковъ и шведовъ, вмѣшавшихся съ вооруженною рукою въ наши внутреннія неустройства и передряги.

Въ тѣ времена русскіе на краснорѣчіе и искусство своихъ пословъ въ дипломатическихъ переговорахъ не очень полагались и потому уже заранѣе, дома, обсуждали всѣ случаи и всѣ затрудненія и возраженія, могущія возникнуть при переговорахъ и, сообразно этому, составляли подробнѣйшій „посольскій наказъ“.

Въ составленіи „посольскаго наказа“ участвовали всѣ умнѣйшія головы царской думы, каждое слово обсуждалось сообща, предвидѣлись всѣ случаи и вопросы со стороны иностранцевъ и на каждый вопросъ обдумывался отвѣтъ. Въ результатѣ выходило нѣчто такое, гдѣ посолъ находилъ разрѣшеніе всѣхъ затрудненій при дипломатическихъ переговорахъ.

Да и сами послы, зная, что за каждымъ ихъ словомъ и шагомъ будутъ ревниво и зорко слѣдить дома и за каждую ошибку жестоко карать, просили о наивозможной подробности наказа, чтобы ничего не говорить отъ себя, а все на основаніи наказа. Даже выраженія наказа становились обязательными для посла, и онъ долженъ былъ свой наказъ просто-на-просто выучить наизустъ и потомъ читать изъ него подходящія мѣста.

Если же случалось что либо не предусмотрѣнное въ наказѣ, то посолъ немедленно писалъ объ этомъ въ посольскій приказъ, прося инструкцій и отвѣта, и только тогда рѣшался дѣйствовать.

Для такой дипломатической переписки уже въ древности у насъ существовало шифрованное письмо, которое называлось „закрытою, затѣйною грамотою, новою азбукою и литтореею [1]).

Такая „литторея“ была нами перенята отъ императорскаго посла Николая Варкоча, пріѣхавшаго въ 1589 году къ царю Өеодору Іоанновичу.

Варкочъ писалъ изъ Москвы къ цесарю „письмомъ мудрою азбукою, чтобъ опричь цесарскаго величества никто не разумѣлъ“.

Черезъ годъ, въ 1590 году, такою „затѣйною грамотою“ уже писалъ въ Москву изъ Литвы нашъ гонецъ Ивановъ.

„Литторея“ въ тѣхъ образцахъ, какіе намъ удалось видѣть, представляетъ наивное переворачиваніе буквъ кверху ногами или на бокъ и небольшое ихъ видоизмѣненіе, не представляющее большого затрудненія при чтеніи, но наша „кириллица“ для иностранныхъ земель (кромѣ Литвы и Польши) и въ чистомъ-то своемъ видѣ, не-

---

[1]) Четыре образца древне-русскаго „затѣйнаго письма“ или шифра можно видѣть въ книгѣ А. Попова: „Русское посольство въ Польшѣ въ 1673 — 1677 гг.“. Спб. 1854 г. Тамъ же есть указанія и на другіе документы, касающіеся русской дипломатической тайнописи.

исковерканномъ, представляла нѣчто въ родѣ шифра, и потому особенной надобности въ большомъ коверканіи буквъ не встрѣчалось.

Отправленный посолъ дѣйствовалъ въ иностранной землѣ именно „по писанному", считался съ придворными ступенями и поклонами, боясь лишнимъ поклономъ „учинить поруху" царскому достоинству, и на всѣ подходы и хитросплетенія заморскихъ дипломатовъ рубилъ въ отвѣтъ мѣста изъ выученнаго посольскаго наказа, и заставить его проговориться не было никакой возможности.

II.

Посольство къ королю Якубу. — Приказъ воротить студентовъ. — Щекотливое дѣло.—Русскіе дипломатическіе подходы въ переговорахъ о возвращеніи.— Чувствительныя струны. — Рѣшительный тонъ. — Переговоры на чистоту. — Послѣднія крайнія мѣры и секретные розыски. — Неуспѣхъ посольства Зюзина. — Новая попытка черезъ восемь лѣтъ. — Извѣстія объ окончательной потерѣ студентовъ. — Смутное свѣдѣніе объ одномъ возвращенномъ.

Новый государь, Михаилъ Өеодоровичъ, уже черезъ четыре мѣсяца послѣ своего воцаренія, 30-го іюня 7121 (1613) года, послалъ дворянина и намѣстника шацкаго Алексѣя Ивановича Зюзина да дьяка Алексѣя Витовтова „для своего государевва и земскаго дѣла итти къ англинскому королю Якубу въ послѣхъ".

Въ наказѣ, данномъ этимъ посламъ, были вспомянуты, наконецъ, и молодые люди, посланные десять слишкомъ лѣтъ назадъ въ Англію въ науку, но не торопившіеся воротиться изъ поганой земли, гдѣ даже ни „службы велелѣпной, ни проповѣди красной узрѣти и услышати не можно".

Посламъ велѣно было, такъ или иначе, воротить этихъ эмигрантовъ, для чего пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе, всю силу убѣжденій, образцы которыхъ имъ были преподаны въ наказѣ.

Приводимъ любопытныя мѣста изъ этого наказа, касающіяся первыхъ русскихъ студентовъ, посланныхъ заграницу—это прекрасный образецъ нашихъ старинныхъ дипломатическихъ переговоровъ.

„Да память Алексѣю Ивановичу да дьяку Алексѣю: въ прошломъ 111 году при царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Өедоровичѣ всея Русіи посланы изъ московскаго государства въ аглинскую землю для науки латынскому и англинскому и иныхъ разныхъ нѣмецкихъ государствъ языковъ и грамотѣ Гришка (Микифоръ?) Олферьевъ сынъ Григорьевъ съ товарищи пять человѣкъ".

Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что за давностію лѣтъ русскіе забыли даже имена посланныхъ молодыхъ людей и Никифора Григорь-

ева называютъ Гришкой, а также перепутываютъ и число ихъ—говорится о пяти, тогда какъ послано въ Англію было четверо [1]).

Далѣе въ наказѣ идутъ уже наставленія для самыхъ переговоровъ объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, такъ какъ русскіе понимали, что тутъ дѣло не въ простомъ недоразумѣніи, и что молодые люди остались или своею охотою, или задержаны англичанами насильно. Надо при этомъ сказать, что главною цѣлью посольства было просить помощи деньгами или военными людьми противъ польскаго короля, а также посредничества для заключенія прочнаго мира съ шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ.

„И Алексѣю Ивановичу, да дьяку Алексѣю говорити королевскимъ ближнимъ людемъ: въ прошломъ во 111 году блаженныя памяти при царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ, всеа Русіи самодержцѣ, и при великой государынѣ вашей славныя памяти при Елисаветѣ королевнѣ, посланы въ аглинское государство великаго государя нашего подданные на время, для науки латынскому и аглинскому и нѣмецкимъ языкомъ и грамотѣ учитца Гришка (Никифоръ) Ольферьевъ сынъ Григорьевъ, да Ѳетька Семеновъ (Костомаровъ?) съ товарыщи пять человѣкъ.

И тѣ царскаго величества подданные, будучи въ наукѣ, тому всему, для чего посланы, и изучены. И нынѣ они царскаго величества къ посольскому дѣлу надобны“.

Въ посольскомъ наказѣ, далѣе, было приказано выставить и причины ихъ непріѣзда.

„А позадавнѣли они въ аглинскомъ государствѣ потому, что Московскомъ государствѣ по грѣхомъ отъ злыхъ людей была смута и нестроенье; а нынѣ по милости Божіей, и великаго государя нашего царскаго величества доброопаснымъ премудрымъ разумомъ и счастьемъ, и милостивымъ призрѣньемъ ко всѣмъ его царскаго величества подданнымъ, московское государство строитца и вся добрая дѣетца. И они королевсково величества думные люди тѣхъ царскаго величества подданныхъ, которые въ аглинскомъ государствѣ жили для науки, отдали-бъ всѣхъ ему, ц. в. послу, Алексѣю Ивановичу, да дьяку Алексѣю Витовтову, а они ихъ возьмутъ съ собою и поставятъ предъ царскимъ величествомъ. Да какъ королевскіе думные люди Гришу (?) Олферьева съ товарыщи имъ дадутъ, и Алексѣю Ивановичу, да дьяку Алексѣю взяти ихъ къ себѣ и велѣти имъ у себя быти и взяти ихъ съ собою къ государю, къ Москвѣ“.

---

[1]) Впрочемъ, о количествѣ посланныхъ при Борисѣ Годуновѣ молодыхъ людей свѣдѣнія довольно сбивчивы: по инымъ источникамъ читаемъ, что было послано: въ Англію шесть, во Францію шесть и въ Любекъ шесть человѣкъ. Въ Любекѣ, какъ мы видѣли изъ отписки бургомистровъ, было шесть человѣкъ, а въ Англіи четверо.

Это приказывалось на случай благопріятнаго исхода переговоровъ о бѣглецахъ, но русскіе думные люди предусмотрѣли и затрудненія.

„А будетъ, королевскіе думные люди тѣхъ государевыхъ людей Гриши Олферьева съ товарыщи отдати не похотятъ и скажутъ про котораго, что умеръ, или самъ, своею охотою поѣхалъ куды для науки зъ гостьми въ которыя дальныя государства, и того имъ невѣдомо, есть онъ живъ или нѣтъ, а хотя и живъ, и его ждати долго".

На такія отговорки нашимъ посламъ велѣно было отвѣчать слѣдующее:

„И Алексѣю Ивановичу да дьяку Алексѣю говорити: чтобъ они дали имъ тѣхъ, которые нынѣ здѣся въ аглинской землѣ. А будетъ которово судомъ Божіимъ не стало—и въ томъ воля Божья; а которые въ отъѣздѣ въ дальнемъ государствѣ, и имъ (посламъ) для царскаго величества промышляти о томъ; въ то государство, гдѣ которой посланъ, отписати, чтобъ его оттолѣ вскорѣ взяти, и всѣхъ ихъ сыскавъ, которые живы, имъ (посламъ) отдати".

При этомъ предписывалось даже тронуть чувствительную струну.

„А царскому величеству тѣхъ подданныхъ отцы и матери безъ престани, съ великою докукою объ нихъ бьютъ челомъ, чтобы царское величество ихъ пожаловалъ велѣлъ ихъ изъ аглинскія земли взяти къ Москвѣ, чтобъ они, будучи долгое время въ чужихъ государствахъ, вѣры крестьянскія греческаго закона не отбыли и съ ними ся не разлучили".

Потомъ велѣно было принять болѣе рѣшительный тонъ.

„И царскаго величества имъ объ нихъ приказъ имянной, что велѣно имъ взяти и привести къ Москвѣ. И мы вамъ о тѣхъ царскаго величества подданныхъ говоримъ по приказу государя своего, и вамъ бы ихъ, однолично сыскавъ, всѣхъ намъ отдати".

Затѣмъ, если ни упоминаціе о горюющихъ родителяхъ, ни намекъ на грозную государеву волю не подѣйствуетъ, то повести переговоры болѣе откровенно:

„И будетъ, королевскіе люди учнутъ говорити, что они тѣхъ царскаго величества подданныхъ безъ королевского вѣдома отдати не смѣютъ, потому что они здѣся задавнѣли, и они и сами отсюды ни которой не хочетъ въ московское государство, потому что извыкли всякимъ обычеемъ здѣшнимъ; а иной изъ нихъ служитъ при королевскомъ дворѣ или у котораго великаго человѣка.

И коли они сами не хотятъ — и ихъ какъ неволить и въ неволю отдавати?

А хотя ихъ нынѣ въ неволю отдати, а впередъ ихъ не удержати".

На эти, уже открытыя отговорки англичанъ, посламъ предписывалось держать такой отвѣтъ:

„И Алексѣю Иванову да дьяку Алексѣю говорити думнымъ людямъ: тѣ, царскаго величества, подданные природные московскаго государства, а не иноземцы и вѣры крестьянскія греческаго закону; и отцы, и матери, и братья у всѣхъ живы; а при царѣ Борисѣ посланы они для науки, а даны были всѣ на руки государя нашего аглинскому имянитому гостю Ивану Ульянову".

При этомъ попытаться опять свести на дружелюбіе.

„А какъ и почела быти прежнимъ великимъ государемъ нашимъ славныя памяти зъ государынею съ Елисаветъ королевною и съ нынѣшнимъ государемъ вашимъ братственная любовь и крѣпкая дружба, и соединенье; съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣстъ съ аглинскими гостьми малые робята для науки русскому языку и грамотѣ бывали и задержанья имъ и причины объ нихъ никакія не было: живутъ въ наукѣ лѣтъ по шти (шести) и десяти и пріѣзжаютъ и отъѣзжаютъ по волѣ.

А королевское величество государя нашего подданныхъ держати не похочетъ: чаю, у королевсково величества и природныхъ его подданныхъ, которые русской грамотѣ и языку многіе умѣютъ.

А что они говорятъ, будто тѣ робята въ Московское государство отъ нихъ, изъ аглинскія земли, не хотятъ — и тому нечему вѣриты! да и не статочное то дѣло, какъ имъ православные крестьянскіе вѣры греческаго закона отбыти и природново государства и государя своего, и отцовъ своихъ, и матерей, и роду своего и племени забыти—о томъ имъ, разумнымъ людемъ и честнымъ говорити не пригоже!"

Сильный и трогательный доводъ, послѣ котораго трудно не отдать насильно задерживаемыхъ людей, еслибъ они оставались не по собственной волѣ!

Далѣе въ наказѣ о русскихъ юношахъ говорилось:

„И говорити Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю о тѣхъ государевыхъ людехъ, всякими мѣрами накрѣпко, чтобы ихъ всѣхъ, которые малыми... притча... не была... или въ отъѣздѣ. Да дьяку Алексѣю про нихъ, толмачей... и отъ того кому что и да... вѣдати таки... [1]) который умеръ и сколь давно, и о кою пору, и гдѣ положили. И которой въ отъѣздѣ, въ которое государство, и съ кѣмъ, и сколь давно, и для чего поѣхалъ, и есть ли про него слухъ, что онъ живъ, и какъ чаяти будетъ—на время ли туды поѣхалъ или на житье? И нѣтъ ли изъ нихъ кого при королевскомъ дворѣ или у кого у великаго человѣка" (т. е. дознаться секретно, не скрываютъ ли).

---

[1]) Противъ этихъ словъ въ рукописи, представляющей списокъ съ подлиннаго наказа, на полѣ замѣчено: „не справчиво на сей строкѣ, потому что въ подлинныхъ мѣстахъ краи выдраны въ списку, въ наказу".

А провѣдавъ про то подлинно, по тому объ нихъ зъ думными людьми и говорити... Государевыхъ и учнутъ манить... съѣхались изъ аглин... подданнымъ государствамъ... а они про нихъ не вѣда... въ аглинской землѣ [1]).

И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю о тѣхъ государевыхъ... (людѣхъ говорити) королю самому, какъ велитъ быти посольству... одноличио имъ о тѣхъ государевыхъ людѣхъ королю и его ближнимъ людемъ говорити.

А и Ивану Ульянову говорити, чтобъ онъ тѣмъ промышлялъ для себя, потому что даны были для науки ему на руки, чтобъ одноличио тѣхъ, которые живы здѣся, тѣхъ бы имъ отдали, а которые въ отъѣздѣ, то тѣхъ бы послали или отписали, чтобъ ѣхали въ Лундунъ..."

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ приказано было русскому посольству хлопотать о выручкѣ изъ иностранной земли нашихъ первыхъ русскихъ студентовъ.

Какъ видитъ читатель, посолъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, пустить въ ходъ всѣ средства: и ласку, и просьбу, и угрозу, и логику, и секретные розыски, и даже намеки на разрывъ, чтобы только какъ нибудь и во что бы то ни стало вырвать изъ Англіи молодыхъ людей.

И мы можемъ себѣ ясно представить горе русскаго государя и горе родителей этихъ молодыхъ людей при потерѣ столькихъ свѣжихъ силъ, образованныхъ за границею, которыя были необходимы для устраивающагося государства, пережившаго столько бѣдъ междоусобія!

Но, какъ видно, всѣ старанія и убѣжденія русскаго посольства не привели ни къ чему на этотъ разъ:—русскихъ эмигрантовъ англичане не выдали, и Алексѣй Ивановъ Зюзинъ воротился въ Москву безъ молодыхъ ученыхъ.

Но дѣло объ англійскихъ студентахъ на этомъ не кончилось: русскому государю слишкомъ была чувствительна, обидна и даже непонятна такая потеря своихъ подданныхъ. Бѣдные интеллектуальными силами, мы не могли скоро примириться съ такой утратой.

Попытка воротить ихъ повторилась черезъ восемь лѣтъ послѣ посольства Алексѣя Зюзина. Дворянинъ Волынской да дьякъ Марко Поздѣевъ, посланные въ Англію, снова усиленно просили о выдачѣ молодыхъ людей (теперь ставшихъ уже взрослыми и солидными людьми) и наводили о нихъ справки, но воротить ихъ и на этотъ разъ не удалось, а по наведеннымъ справкамъ оказалось:

„Подлинно вѣдомо, что тѣ дѣти боярскіе Никифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ, да Софонко Кожуховъ съ товарищи четыре

---

[1]) Замѣтка: „Не справчиво потому-жъ, что въ списку въ наказу выдрано въ тетрадѣхъ".

человѣка въ аглинской землѣ задержаны неволею, а Никифорко Олферьевъ и вѣры нашея православныя отступилъ и, несвѣдомо по какой прелести, въ попы сталъ или буде надъ нимъ учинили то неволею...“

Такъ на этомъ „учинили неволею“ и кончили свои тщетныя попытки воротить молодыхъ людей изъ-за моря.

Предположеніе о „невольной“ ихъ задержкѣ русскимъ представлялось всего болѣе вѣроятнымъ, тогда какъ фактъ поступленія Никифора Алферьева Григорьева въ англиканскіе пасторы свидѣтельствуетъ, что если не всѣ, то нѣкоторые, дѣйствительно учились въ Англіи, а, ставъ на высоту европейскаго образованія, не захотѣли возвращаться на родину, о которой уже и забыли.

Фактъ грустный, говорящій, что родина въ тогдашнее время не тянула къ себѣ русскихъ, отторгнутыхъ съ молодыхъ годовъ отъ семейства и брошенныхъ въ водоворотъ европейской жизни.

Изо всѣхъ, посланныхъ въ Борисово время молодыхъ людей за границу, воротился только одинъ, какъ глухо говорятъ нѣкоторые источники, да и то неизвѣстно—который. По Мартину Беру — это нѣкто, именемъ Димитрій, данный шведскимъ королемъ въ переводчики генералу П. Делагарди, а другіе разсѣялись по Европѣ...

Вотъ каковъ результатъ первой попытки послать русскихъ юношей за границу для обученія наукамъ, вотъ какова судьба этихъ первыхъ русскихъ студентовъ, навсегда погибшихъ для Россіи.

Черезъ сто лѣтъ Петръ Великій былъ гораздо счастливѣе въ своихъ заграничныхъ студентахъ.

А. В. Арсеньевъ.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ БУНТЪ ВЪ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1842 ГОДУ.

По случаю неурожая, постигшаго нѣкоторыя губерніи въ 1839 и 1840 годахъ, министерство государственныхъ имуществъ, обращая вниманіе „на всѣ вообще способы, коими можно бы было, хотя частію, отвратить на будущее время послѣдствія сего бѣдствія", признало однимъ изъ таковыхъ способовъ посадку картофеля. 8-го августа, 1840 г., состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе: „1) приступить къ разведенію картофеля во всѣхъ селеніяхъ, имѣющихъ общественныя запашки, отдѣливъ изъ оныхъ на сей предметъ нѣкоторое пространство земли въ каждомъ полѣ, такъ чтобы количество сбора картофеля выходило не болѣе получетверти или одной осьмой на душу; 2) по тѣмъ волостямъ и селеніямъ, гдѣ нѣтъ общественныхъ запашекъ, посадку картофеля дѣлать при волостномъ правленіи, хотя на одной десятинѣ, отдѣленной отъ земли, принадлежащей обществу; 3) для поощренія крестьянъ къ посѣву картофеля, предоставить министерству государственныхъ имуществъ назначать имъ за успѣхи въ разведеніи онаго, какъ денежныя, такъ и другія награды и знаки отличія, для крестьянъ установленные".

Начальство Вятской губерніи, получивъ циркулярное предписаніе министерства, затребовавшаго свѣдѣній о количествѣ удобной для картофеля земли и о числѣ „свѣдущихъ по сей части" людей, не достаточно, какъ видно, поняло мотивы, въ силу которыхъ признавалась необходимой повсемѣстная посадка картофеля. Забывая, что картофель предназначается именно для потребленія крестьянами, на случай неурожая хлѣбовъ, губернское начальство обратило особенное вниманіе на вопросъ о сбытѣ картофеля. Оно пришло къ выводу, что при существующихъ путяхъ сообщеній сбытъ этотъ крайне затруднителенъ, а потому де и посѣвъ картофеля для крестьянъ едва ли

выгоденъ, и представило высшему правительству свои соображенія о выгодѣ постройки казенныхъ заводовъ для выкуриванія вина изъ картофеля и о другихъ мѣрахъ для выгоднѣйшаго сбыта этого „овоща“.

Правительство отклонило всѣ эти проэкты, хотя въ то же время и представило нѣкоторыя льготы заводамъ, выкуривающимъ вино изъ картофеля. Министерство же государственныхъ имуществъ, въ разъясненіе прежнихъ циркуляровъ, подтвердило губернаторамъ, что распоряженіе о разведеніи картофеля имѣетъ въ виду исключительно непосредственныя нужды крестьянства, которому желательно дать хорошій питательный суррогатъ на случай неурожая хлѣба.

Тогда пошли предписанія исправникамъ всѣми мѣрами способствовать разведенію картофеля. Изъ отвѣтовъ исправниковъ оказалось, что людей, свѣдущихъ въ обращеніи съ картофелемъ, было очень мало: во всей Вятской губерніи нашлись только два пункта, гдѣ раньше министерскаго циркуляра практиковалось болѣе или менѣе широкое разведеніе картофеля, а именно при Павловскомъ винокуренномъ заводѣ, Слободскаго уѣзда, на казенной фермѣ, и въ Малмыжскомъ уѣздѣ, въ имѣніи г-жи Овцыной.

Исправники прежде всего распорядились отвести для посадки картофеля особые участки земли при волостныхъ правленіяхъ, но при этомъ встрѣтили неожиданное сопротивленіе со стороны крестьянъ. Напримѣръ, глазовскій исправникъ, несмотря на всѣ убѣжденія, не могъ склонить крестьянъ къ отведенію земли и принужденъ былъ исполнить это помимо ихъ воли и участія.

Хотя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и былъ въ 1841 году уже засѣянъ картофель, но, или благодаря плохому лѣту, или неблагопріятнымъ условіямъ почвы, его уродилось такъ мало, что одна эта неудача могла поселить въ крестьянахъ недовѣріе къ этому культурному нововведенію. Слѣдующій годъ принесъ съ собой цѣлый рядъ волненій и смутъ.

Съ перваго взгляда непонятно, почему такая мѣра, какъ разведеніе картофеля, очевидно, клонившаяся „ко благу“ крестьянства, могла породить въ его средѣ какія либо недоразумѣнія. Тѣмъ не менѣе эти „недоразумѣнія“ возникли и превратились скоро въ такъ называемый „картофельный бунтъ“, потребовавшій усмиренія вооруженною силою. Истинныхъ причинъ этого бунта не объясняетъ вся сложная переписка, возникшая по поводу его. Государственные крестьяне, какъ это видно и изъ рапортовъ исправниковъ, убѣждены были почему-то, что посѣвъ картофеля влечетъ за собой переходъ ихъ въ крѣпостную зависимость къ помѣщикамъ, или къ удѣльному вѣдомству. Одновременно съ этимъ, весьма сильное неудовольствіе въ крестьянствѣ возбуждено было точнымъ исполненіемъ циркуляра, изданнаго въ октябрѣ 1841 года, которымъ министерство государственныхъ имуществъ, опять ради „блага“ крестьянства, въ виду частаго повторенія неурожаевъ, предписывало принять особыя мѣры къ со-

храненію сѣмянъ для будущихъ посѣвовъ, и съ этою цѣлію съ каждой крестьянской души взыскивалось по полторы четверти хлѣба. Каждые 10 или 20 домохозяевъ должны были избрать особыхъ „добросовѣстныхъ“, которые получали бы отъ нихъ хлѣбъ, а съ наступленіемъ весны возвращали бы его для посѣва. И въ этой мѣрѣ крестьяне нашли для себя неудобства и стѣсненіе: малоимущіе хозяева едва ли могли удѣлить что-либо въ магазины изъ своего скуднаго дохода, а для богатыхъ въ такомъ сохраненіи сѣмянъ не предвидѣлось надобности. Такъ или иначе, но и въ этомъ дѣлѣ мѣстныя власти прибѣгли къ принудительнымъ мѣрамъ, что усилило неудовольствіе крестьянъ, когда имъ пришлось исполнять распоряженіе о посѣвѣ картофеля.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1842 г., начались волненія въ Пермской губерніи, а въ маѣ они проявились въ Вятской. Замѣчательно, что хотя возмущеніе пермскихъ крестьянъ размѣрами своими значительно превосходили вятское и выразилось многими насильственными дѣйствіями со стороны крестьянъ, оскорбленіемъ священниковъ и грубою расправою надъ начальствующими лицами,—но оно не повлекло за собою такихъ печальныхъ для крестьянъ послѣдствій, какими сопровождалось, напримѣръ, волненіе крестьянъ Нолинскаго уѣзда. Тамъ военная команда хотя и призывалась, но крестьяне были усмирены безъ кровопролитія, безъ котораго не обошлось усмиреніе въ Вятской губерніи.

Волненіе крестьянъ въ Вятской губерніи ограничилось нѣсколькими волостями Нолинскаго, Слободскаго, Вятскаго и Глазовскаго уѣздовъ. Началось оно въ Нолинскомъ уѣздѣ.

Крестьяне Телицынскаго сельскаго общества, Осиповской волости, отказались избрать „добросовѣстныхъ“ и сѣять картофель, не смотря на внушенія со стороны окружнаго начальства и убѣжденія священника. Исправникъ, донося объ этомъ 12 мая губернатору, писалъ, что примѣръ Телицынскаго общества можетъ оказать дурное вліяніе на умы крестьянъ сосѣднихъ волостей, и онъ не ошибся: 14-го мая крестьяне Быковскаго общества, Горбуновской волости, не только не согласились на посѣвъ картофеля, но порѣшили запахать и засѣять яровымъ хлѣбомъ назначенный подъ картофель участокъ.

Вмѣстѣ съ толками о закрѣпощеніи „барину“ или переходѣ въ удѣлъ, появились въ народѣ толки о новой, антихристовой вѣрѣ, причемъ распространялся слухъ, что изъ села Кучумъ вывезли образъ великомученицы Екатерины, а на мѣсто его привезли „ликъ съ однимъ глазомъ, какъ коневое копыто“. Собираясь толпами на сходки, крестьяне рѣшили противиться введенію „новыхъ порядковъ“ и посѣву картофеля, а гдѣ онъ былъ уже засѣянъ, туда посылали депутатовъ, съ цѣлью склонить къ общимъ дѣйствіямъ. Крестьяне Солтыковскаго общества, побывавши на сходкѣ у быковцевъ, вернулись домой и сломали изгородь, окружавшую мѣсто, уже засаженное картофелемъ, а самый картофель вырыли и разбросали по сторонамъ.

Внушенія и убѣжденія исправника и окружнаго начальника не помогали: крестьяне не выдавали тѣхъ, кого требовалъ къ себѣ исправникъ, какъ „зачинщиковъ", а посланнымъ наносили оскорбленія и грозили смертью. Наконецъ, 2 іюня, посланнаго за главнымъ возмутителемъ Калининымъ, засѣдателя Матушкина, крестьяне заковали въ кандалы и, отправивъ его въ деревню Быковскую, гдѣ заковали также старшину и писаря, принудили засѣдателя написать на имя исправника повѣстку съ требованіемъ явиться къ нимъ. Въ это же время и крестьяне Талакмочинской волости, собравшись въ числѣ 500 душъ, сломали всѣ изгороди, вырыли и разбросали картофель, порѣшивъ противиться нововведеніямъ. Волненіе разросталось. Исправникъ 19 іюня доносилъ, что бунтовщики, „выйдя изъ границъ повиновенія и даже приличной крестьянину благопристойности", грозили убивать всѣхъ его посланцевъ, отказываясь исполнять какія либо повинности и пахать для озимаго хлѣба землю до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшено дѣло о картофелѣ. Тогда изъ Вятки была послана въ возмутившіяся волости воинская команда, чтобы „квартирной экзекуціей" принудить крестьянъ къ покорности.

Тѣмъ временемъ, къ возмутившимся волостямъ примкнула и Ходыревская, повторившая то же разрушеніе изгородей и вырываніе картофеля. Сюда былъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій и приставъ, которымъ и удалось, при помощи энергическихъ „полицейскихъ мѣръ", подавить волненіе и отдѣлить ходыревцевъ отъ вліянія талакмочинцевъ надежнымъ карауломъ.

Между тѣмъ, военная команда расположилась въ деревнѣ Быковской, около которой скоро стали собираться толпы крестьянъ, угрожавшія солдатамъ нападеніемъ. Увѣщанія не помогали.

— Что намъ солдаты? кричали нѣкоторые: насъ тысячи соберутся; вотъ какъ расчешемъ кольями, такъ будетъ по нашему.

Опасаясь нападенія, команда отступила въ послѣдній починокъ быковскаго общества; но крестьяне, провожая команду, карауля ее даже ночью, окружили деревню и вновь грозили нападеніемъ. На убѣжденія окружнаго начальника и жандармскаго офицера толпа отвѣчала требованіемъ выдачи исправника. Въ виду такого поведенія крестьянъ, исправникъ просилъ губернатора о дозволеніи пустить въ ходъ огнестрѣльное оружіе. Назвавъ главнымъ возмутителемъ зажиточнаго крестьянина деревни Калининской Ефима Калинина, исправникъ доложилъ, что и днемъ и ночью Калинина сопровождаетъ толпа однодеревенцевъ и арестовать его нѣтъ возможности; сообщалъ также, что при Тараньковскомъ селеніи собралась толпа въ 800 человѣкъ и не расходится уже нѣсколько дней. На это губернаторъ, увѣдомляя о своемъ немедленномъ выѣздѣ на мѣсто происшествія, предписывалъ воздержаться, сколько возможно, отъ употребленія оружія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи подробностей усмиренія, мы будемъ придерживаться всеподданѣйшаго рапорта самого губернатора. „13 іюня,

доносилъ онъ, привелъ я воинскую команду къ селенію Быкову, при которомъ нашелъ въ сборищѣ 600 человѣкъ крестьянъ, ничѣмъ не вооруженныхъ. Оставивъ команду въ 200 шагахъ отъ толпы, я пошелъ къ крестьянамъ въ сопровожденіи духовенства для убѣжденія ихъ. Убѣжденія мои остались безплодными, крестьяне всѣ единогласно объявили мнѣ, что картофель имъ не способенъ и что они расходиться не будутъ. Возвратясь къ командѣ, я еще нѣсколько разъ посылалъ къ толпѣ объявлять, что буду въ нее стрѣлять, но толпа не двигалась. Замѣтивъ, что крестьяне начинаютъ разбирать изгороди и намѣрены вооружиться, и боясь, чтобы, вступивъ съ ними въ рукопашный бой, не произвести между ними значительнаго кровопролитія, я въ сей крайности нашелся уже вынужденнымъ прибѣгнуть къ огнестрѣльному оружію. Залпъ былъ произведенъ изъ 48 ружей. Нѣсколько человѣкъ было ранено [1]). Это дѣйствіе навлекло на крестьянъ нѣкоторый страхъ: они перестали вооружаться, но толпа оставалась на мѣстѣ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Видя, что дальнѣйшее употребленіе огнестрѣльнаго оружія значило бы уже просто разстрѣливать людей безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія, я со всею командою сошелъ съ занимаемаго мѣста, обошелъ деревню и, придя на назначенный для посѣва картофеля участокъ, велѣлъ находившимся при мнѣ крестьянамъ мирныхъ селеній участокъ тотъ вспахать и засадить картофелемъ, что и было исполнено; но неповинующіеся все оставались въ прежнемъ положеніи и не трогались съ мѣста". Тогда губернаторъ велѣлъ солдатамъ броситься въ толпу, дѣйствуя только прикладами ружей, и перевязать бунтовщиковъ. Когда это было исполнено, крестьянамъ произведенъ „разборъ": отдѣлены зачинщики для заключенія подъ стражу и суда надъ ними, а изъ числа прочихъ восьмой человѣкъ наказаны были розгами, послѣ чего „всѣ объявили покорность".

Затѣмъ оставалась Талакмочинская волость. Отправившись туда съ командою, губернаторъ засталъ при селеніи Таранкахъ толпу въ 1500 человѣкъ. Не предвидя возможности справиться съ такою массою людей рукопашнымъ боемъ, губернаторъ, „для приведенія толпы въ нѣкоторое смущеніе", велѣлъ дать залпъ изъ 46 ружей, и 30 человѣкъ были „повержены на землю". Хотя это и произвело „нѣкоторое впечатлѣніе", но толпа оставалась неподвижною и пришлось прибѣгнуть къ тѣмъ же мѣрамъ, которыя оказались дѣйствительными при усмиреніи Горбуновской волости т. е. солдаты, раздѣлившись на три отряда, бросились на толпу съ трехъ различныхъ сторонъ и послѣ кратковременной борьбы „повергли крестьянъ на землю и перевязали". Но въ это время изъ лѣса показались крестьяне, шедшіе на помощь бунтовщикамъ. „Въ сей крайности" губернаторъ приказалъ дать по новой толпѣ еще выстрѣлъ изъ орудія: 18 человѣкъ пало и толпа

---

[1]) Ранено было 18 человѣкъ.

разсѣялась. Началось обычное отбиранiе зачинщиковъ и сѣченiе розгами всѣхъ остальныхъ.

Черезъ нѣсколько дней картофель былъ вездѣ засѣянъ и сопротивленiе въ Нолинскомъ уѣздѣ окончательно усмирено.

Такимъ образомъ, при этомъ усмиренiи оказалось убитыхъ 8, умерло отъ ранъ 4 и ранено 39.

Образованная за тѣмъ, по усмиренiи бунта, военно-судная комиссiя, сужденiю которой подпало 231 человѣкъ, приговорила бо́льшую часть виновныхъ къ „исправительному наказанiю“ съ возвращенiемъ на мѣсто жительства; 19 человѣкъ, послѣ наказанiя шпицрутенами, къ работамъ въ Бобруйской крѣпости, а 24 человѣка къ тѣмъ же работамъ безъ предварительнаго наказанiя шпицрутенами.

Волненiе крестьянъ въ Слободскомъ уѣздѣ, болѣе или менѣе продолжительное въ одной лишь волости, въ другихъ же очень скоро улегшееся, было подавлено безъ кровопролитiя. Собравшись на сходъ, крестьяне Баевскаго и Широковскаго сельскихъ обществъ, порѣшивъ не садить картофеля и не платить лишнихъ противъ прошлаго года податей въ количествѣ 27½ коп. съ души, выбрали изъ своей среды и послали въ Вятку трехъ ходоковъ—разузнать о распоряженiяхъ относительно посѣва картофеля и подать прошенiе по начальству. Въ чемъ состояло это прошенiе и кому оно подано—неизвѣстно, но изъ рапортовъ исправника видно, что собранныя ходоками свѣдѣнiя, какъ нельзя болѣе, согласовались съ видами и желанiями крестьянъ, такъ какъ вернувшiеся ходоки заявили, что, по полученному ими якобы отъ чиновниковъ губернскаго правленiя удостовѣренiю, прибавка 27½ коп. съ души въ податяхъ собирается по высочайшему повелѣнiю, сѣять же картофель—приказано министромъ. Повѣривъ словамъ ходоковъ, крестьянство рѣшило противиться послѣднему распоряженiю. Послѣ обычныхъ внушенiй полицiи и священническихъ увѣщанiй, крестьяне нѣкоторыхъ волновавшихся обществъ, по словамъ исправника, „убѣдившись въ существенной пользѣ отъ посѣва картофеля проистекающей“, подчинились требованiямъ начальства; баевцы же еще болѣе укрѣпились въ своемъ рѣшенiи сопротивляться, пока хватитъ силъ. Но нѣкоторые домохозяева и здѣсь поддались внушенiямъ начальства; возникли раздоры, и 6-го iюня произошла драка, при которой избили десятника и грозили тѣмъ же старшинѣ и писарю за то, что они „продали общество“. Большинство крестьянъ заявляло, что готово подвергнуться ссылкѣ въ Сибирь и всякимъ наказанiямъ, но сѣять картофеля не будутъ. Считая главнымъ виновникомъ волненiй бывшаго сельскаго голову Бармина, исправникъ арестовалъ его и подвергъ допросу; Барминъ назвалъ главныхъ зачинщиковъ и ходоковъ, самъ же не призналъ себя ослушникомъ, но, по словамъ исправника, „хотя изъ словъ его, Бармина, и видѣлось совершенное повиновенiе, но въ глазахъ и выраженiяхъ была хитрость“.

Для того чтобы испытать, какое вліяніе имѣетъ Барминъ на умы крестьянъ, исправникъ предложилъ ему запахать и засѣять картофелемъ причитающуюся на его долю часть земли. Отправивъ Бармина въ деревню, исправникъ и самъ поѣхалъ туда же, чтобы „видѣть въ натурѣ это дѣйствіе“, т. е. работу Бармина. Лишь только послѣдній приступилъ къ исполненію возложенной на него обязанности, какъ собравшіеся крестьяне, схвативъ его за руки, отвели вмѣстѣ съ лошадью и не дозволили ему пахать, въ чемъ и выразилось, по мнѣнію исправника, вліяніе Бармина на остальныхъ крестьянъ. Его вновь арестовали вмѣстѣ съ двумя выборными, ходившими въ Вятку. Крестьяне продолжали волноваться, а исправникъ, требуя къ себѣ зачинщиковъ, составлялъ лишь рапорты и журналы о неявкѣ ихъ, чѣмъ и возбудилъ противъ себя неудовольствіе губернскаго начальства. „За то, что вы непосредственно своимъ лицомъ пребывали все время покойными“, писалъ этому исправнику губернаторъ, „я нахожу себя вынужденнымъ сдѣлать вамъ строжайшее замѣчаніе“. Въ дѣйствительности же, это пребываніе исправника „покойнымъ“ было не послѣднею причиною мирнаго настроенія крестьянъ, противившихся посѣву картофеля; послѣдовавшія же затѣмъ „быстрыя мѣры“ повлекли за собой цѣлый рядъ насилій со стороны крестьянъ. Командированный въ Слободской уѣздъ чиновникъ особыхъ порученій Эссенъ думалъ быстротою и натискомъ мгновенно усмирить бунтовавшихъ крестьянъ, но, по его собственному, нѣсколько преувеличенному, заявленію, „едва самъ остался живъ“. Отправившись въ „центръ возмущенія“, т. е. въ домъ крестьянина Зорина, онъ подвергся тамъ оскорбленіямъ и угрозамъ. Толпа крестьянъ, вооруженныхъ кольями, ножами и топорами, окружила его, ругалась и грозила смертью, какъ ему, такъ и бывшему съ нимъ окружному начальнику и исправнику. „Въ сей крайности“ чиновники хотѣли уѣхать, но толпа жердями загородила имъ путь и не допустила возвратиться въ волостное правленіе. Въ то же время крестьяне били всѣхъ согласившихся сѣять картофель, потомъ схватили пріѣхавшаго съ чиновниками засѣдателя Зязянова и бывшаго въ числѣ понятыхъ волостнаго голову Косарева, сорвали съ нихъ кафтаны, избили и выгнали изъ деревни. Чиновники, видя это, „постепенно останавливали ихъ свирѣпство внушеніями духа кротости и всевозможными наставленіями“.—Такимъ образомъ, доноситъ Эссенъ, — я былъ остановленъ въ исполненіи возложеннаго на меня порученія вслѣдствіе дальнѣйшихъ безпримѣрныхъ въ здѣшнемъ краѣ дерзостей крестьянъ и свирѣпства ихъ, дикимъ звѣрямъ подобнаго. „Изъ всѣхъ неистовыхъ возгласовъ, угрозъ, крика и шума постепенно возроставшей толпы, окружавшей меня болѣе трехъ часовъ, въ памяти моей осталось непосредственно къ причинамъ начальнаго ихъ неповиновенія и строптивости относящееся: 1) что они не всѣ были своевременно удовлетворены выдачею магазейнаго хлѣба, 2) что начальная роспашка и изгорода участка земли,

назначенной подъ засѣвъ картофелемъ, была произведена безъ предварительнаго собранія и увѣдомленія всего сельскаго общества, 3) увѣренность, что ихъ хотятъ отдать господамъ во владѣніе, чему доказательствомъ служатъ, по мнѣнію ихъ, нововведенія и особенно зеленые съ галунами кафтаны волостныхъ и сельскихъ начальниковъ и 4) неудовольствіе ихъ на волостнаго писаря и сельскихъ старшинъ.

Къ этому времени окончилось усмиреніе крестьянъ Нолинскаго уѣзда и въ воинской командѣ тамъ не было болѣе надобности. Замѣтивъ, что „строгій примѣръ, оказанный надъ тамошними крестьянами, имѣлъ самое благодѣтельное дѣйствіе на всѣхъ остальныхъ“, губернаторъ предписалъ воинской командѣ пройти черезъ всѣ мѣста, гдѣ только происходили волненія. Пройдя Глазовскій уѣздъ, команда подошла къ бунтовавшимъ деревнямъ Слободскаго уѣзда. Остановившись на границѣ обоихъ уѣздовъ, въ селѣ Верхосуньѣ, начальствовавшій командой полковникъ Гудимъ послалъ помощника окружнаго начальника, Чеботаревскаго, съ пятью солдатами для рекогносцировки. Прибывъ въ деревню Шаманаевскую, Чеботаревскій не замѣтилъ никакихъ признаковъ волненія. Но когда онъ подозвалъ къ себѣ проходившаго мимо мужика, то послѣдній мгновенно скрылся въ воротахъ ближайшаго дома и сейчасъ же выскочилъ оттуда съ коломъ въ рукахъ. На крикъ его быстро сбѣжалось человѣкъ до двадцати крестьянъ съ кольями и вилами. Чеботаревскій, „не смутясь“, быстро повернулъ лошадей и поскакалъ назадъ, преслѣдуемый крестьянами, грозившими убить его. 20-го іюня команда выступила изъ Верхосунья и за деревней Шаманаевской встрѣтила большую толпу крестьянъ, „изъ коихъ многіе, усмотрѣвъ команду, разбѣжались въ разныя стороны, а многіе остались на мѣстѣ, составляя все еще довольно большую толпу; тотчасъ одинъ взводъ въ 75 человѣкъ солдатъ поставленъ былъ противъ возмутителей, а прочіе три взвода расположились въ противной сторонѣ для предосторожности“.

Послѣ убѣжденій, „видя непреклонность возмутителей и опасаясь, чтобы, разойдясь по домамъ, не пригласили разбѣжавшихся“ рѣшено было „скорымъ приступомъ опрокинуть толпу прикладами“.

„Опрокинувъ“ и перевязавъ крестьянъ, приступили къ отдѣленію зачинщиковъ и къ употребленію „исправительныхъ мѣръ“. На другой день изъ всѣхъ волновавшихся деревень были созваны крестьяне, которые, „павъ на колѣни, отозвались, что они по глупости своей и по принужденію другихъ крестьянъ были вовлечены въ заблужденіе, но что теперь остаются покорны начальству и готовы исполнить всѣ требуемыя повинности безпрекословно“.

По отобраніи „клятвеннаго увѣренія въ покорности“, крестьянъ заставили запахать землю и засѣять картофелемъ. Затѣмъ учрежденная въ г. Слободскомъ военно-судная комиссія, послѣ многихъ откладываній и пересмотровъ дѣла, въ январѣ 1843 года приговорила къ

наказанію 36 человѣкъ, въ томъ числѣ одну женщину, которая во время пріѣзда чиновника Эссена въ деревню Зоринскую, била палкой засѣдателя Зязянова.

Крестьяне, не изобличенные въ сопротивленіи воинской командѣ, были преданы распоряженію земскаго суда.

Въ Вятскомъ уѣздѣ волненія начались позднѣе другихъ и мирно окончились еще до прибытія воинской команды. Въ первой половинѣ іюня, крестьяне нѣсколькихъ починковъ и деревень Сулаевской волости сломали изгороди, вырыли и разбросали картофель. 14-го числа отправились туда исправникъ и окружной начальникъ. На ихъ требованіе—собраться немедленно при волостномъ правленіи, крестьяне отвѣчали отказомъ, а вечеромъ собрались въ полѣ недалеко отъ волости въ количествѣ 300 человѣкъ. На увѣщанія исправника крестьяне заявили, что имъ не надо „сельскихъ управленій, расправъ, картофеля и никакого нововведенія", что они согласны „лучше умереть, нежели повиноваться къ исполненію". Но на другой день послѣ произнесенія такихъ громкихъ словъ, крестьяне собрались у волостнаго правленія съ изъявленіемъ покорности и, раскаяваясь въ своей „глупости", обвиняли баевскихъ крестьянъ въ „смущеніи", при чемъ, какъ милости, просили дозволенія вновь перепахать и огородить землю и засадить ее картофелемъ. Позволеніе, разумѣется, было дано и отъ крестьянъ отобраны подписки въ покорности. Причиной такой внезапной перемѣны настроенія былъ распространившійся слухъ о расправѣ надъ нолинцами. Это было одно изъ тѣхъ „благодѣтельныхъ послѣдствій строгаго примѣра", о которомъ говорилъ губернаторъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ волненія происходили въ нѣсколькихъ обществахъ трехъ волостей, но только въ одномъ изъ нихъ потребовалось присутствіе воинской команды. Насильственныя дѣйствія выразились только въ ломаніи изгородей и разбрасываніи посаженнаго картофеля. Побоевъ и оскорбленій должностныхъ лицъ, которыми сопровождалось волненіе нолинскихъ и слободскихъ крестьянъ, не было. Не было даже единства въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ „бунтовщиковъ". 9-го іюня крестьяне Ветошкинскаго общества Тишинской волости сломали изгороди и выбросили картофель, а уже 12-го, ассесоръ Тлущиковскій доносилъ, что большинство тѣхъ же ветошкинцевъ согласны дать подписку въ покорности. То же повторилось и въ Дворищенскомъ обществѣ. Малочисленная непокорная часть крестьянъ, заперевъ свои дома, удалилась въ лѣса. Но скоро и эта часть обратилась къ повиновенію. Нѣсколько дней спустя послѣ изъявленія покорности тишинцами, повторилось то же самое въ Паломскомъ обществѣ Елганской волости: послѣ выбрасыванія картофеля, крестьяне обратились къ повиновенію. Хотя посланный туда ассесоръ Тлущиковскій и полагалъ, что для окончательнаго усмиренія могутъ потребоваться „нолинскія мѣры", но уже одного упоминанія

о Нолинскѣ было достаточно, чтобы уничтожить „духъ неповиновенія и водворить духъ кротости и покорности".

Одновременно съ паломцами заволновалось Забалуевское общество Рябинской волости. Увѣщанія и кроткія мѣры не помогали; пришлось требовать воинскую команду. По предписанію губернатора, тотчасъ же за усмиреніемъ талакмочинцевъ, солдаты должны были перейти въ Глазовскій уѣздъ, чтобы затѣмъ слѣдовать далѣе. Поэтому 19-го іюня команда прибыла въ Рябинскую волость. „Бунтовщики" стояли въ сборѣ и ожидали. Къ нимъ обратились съ увѣщаніемъ покориться и посадить картофель. Тогда въ виду команды, „убѣдившись въ пользѣ мѣръ правительства къ разведенію сего овоща", крестьяне пали на колѣни и просили прощенія. „Употребивши надъ нѣкоторыми исправительныя мѣры", крестьянъ отпустили по домамъ, а на слѣдующій день ихъ заставили посадить картофель и отобрали подписки въ покорности.

„Теперь", писалъ губернаторъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, „зло остановлено и дальнѣйшей надобности въ употребленіи силы оружія уже не предстоитъ".

Такимъ образомъ, не безъ кровопролитія было введено въ Вятской губерніи повсемѣстное употребленіе картофеля.

А. Андріевскій.

КОНСИСТОРСКО-СУДНЫЯ МЫТАРСТВА.

(Къ біографіи протоіерея Андрея Прокоповича).

Въ числѣ лицъ бѣлаго духовенства, стоявшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія во главѣ духовныхъ семинарій, т. е. бывшихъ въ нихъ ректорами и префектами, наиболѣе видное мѣсто занимаетъ ректоръ харьковскаго коллегіума и настоятель Успѣнскаго собора г. Харькова, протоіерей Андрей Семеновичъ Прокоповичъ. Обстоятельной біографіи его нѣтъ. Онъ уроженецъ Полтавской губерніи [1]); образованіе получилъ въ харьковскомъ коллегіумѣ; съ 1794 года онъ префектъ коллегіума и учитель богословія; въ 1795 году произведенъ въ протоіерея и настоятеля собора; въ 1798 году получилъ золотой наперстный крестъ; съ 1801 по 1820 годъ былъ ректоромъ коллегіума и профессоромъ богословія; въ 1803 году сопричисленъ къ ордену Анны второй степени, въ 1811 получилъ алмазные знаки того же ордена и степени и въ 1816 году пожалованъ камилавкою. Изъ сочиненій его напечатаны: 1) Нѣсколько сборниковъ проповѣдей, 2) Изъясненіе на посланіе апостола Павла, въ четырехъ частяхъ, 3) Латинская хрестоматія, 4) Lexicon ecclesiasticorum scriptorum nec non haereticorum adjecto cyclo paschali, 5) Календарь харьковскій, гдѣ между прочимъ помѣщено описаніе коллегіума. Прокоповичъ скончался въ 1826 году 70 лѣтъ.

Эта канцелярская справка, сухое извлеченіе изъ формуляра не можетъ, конечно, дать никакого понятія о живой личности многолѣтняго труженика на полѣ духовной науки.

Располагая нѣкоторыми архивными документами, мы имѣемъ возможность коснуться послѣднихъ годовъ жизни Прокоповича послѣ

---

[1]) Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи, архіепископа Филарета, отд. втор., стр. 22.

оставленія имъ ректуры, его отношеній къ представительству епархіальной власти; она довольно неблагосклонно смотрѣла на бывшаго ректора и не мало употребила усилій къ преогорченію Прокоповича. Послѣдній не поддавался, стоялъ за себя, отношенія обострялись до крайности, такъ что притупить ихъ смогъ только св. синодъ.

Въ 1823 году, Прокоповичъ вступилъ съ жалобой въ св. синодъ на „пристрастіе“ двухъ членовъ слободо-украинской консисторіи, протоіерея Стефана Антоновскаго и тестя его, протодіакона Іакова Александрова, въ наведеніи „справки“ о Прокоповичѣ. Справка была затребована комиссіею духовныхъ училищъ по поводу поданной Прокоповичемъ просьбы о пенсіи за службу. Прокоповичъ объяснялъ, что помянутые члены по родству между собою, недоброхотству и по личнымъ отношеніямъ протоіерея Антоновскаго, служащаго съ нимъ при одномъ соборѣ и состоявшаго смотрителемъ духовнаго училища, съ намѣреніемъ скрыли въ консисторской справкѣ, что за Прокоповичемъ не показывались нерѣшенными дѣла, имѣвшіяся за нимъ о сомнительномъ употребленіи библіотечныхъ суммъ по коллегіуму. Прокоповичъ изъяснялъ, что дѣла эти рѣшены въ 1814 году и въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ въ св. синодъ, въ числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ не показывались. А если бы и не были рѣшены, то за силою высочайшаго манифеста 30 августа 1814 года должны быть оставлены безъ дѣйствія; къ этому протоіерей добавилъ, что онъ въ 1818 году получилъ наперстный крестъ за войну 1812 года, каковаго знака онъ не имѣлъ бы права получить, если бы состоялъ подъ судомъ. Прокоповичъ просилъ консисторію провѣрить справку чрезъ другихъ членовъ, несообразныя съ дѣломъ показанія записать въ журналъ, дѣло перенумеровать и скрѣпить и выдать ему копію съ журнала; просьба эта возвращена съ надписью, что на устраненіе протоіерея Антоновскаго и протодіакона Александрова не представлено доказательствъ и что справка, будучи составлена сообразно съ дѣломъ, не требуетъ повѣрки. Жалобу свою Прокоповичъ заключилъ указаніемъ на то, что преосвященный слободо-украинскій [1]), руководясь внушеніями реченныхъ двухъ членовъ консисторіи, повелѣлъ розыскать дѣла о Прокоповичѣ, пересмотрѣть, дополнить и рѣшить вопреки прежней рекомендаціи его въ спискахъ.

Эта жалоба вызвала „справку“ въ синодальной канцеляріи. Здѣсь оказалось, что состоявшее за Прокоповичемъ дѣло о растратѣ коллегіумскихъ денегъ, на основаніи манифеста 30 августа 1814 года, 29 декабря того же года велѣно оставить безъ дальнѣйшаго производства; дѣлъ, касавшихся до протоіеря Прокоповича, съ 1815 по 1821 годъ не было; рекомендованъ онъ поведенія отличнаго. Въ вѣ-

---

[1]) Павелъ Саббатовскій назначенъ 18 февраля 1817 года изъ архимандритовъ смоленскаго Авраамієва монастыря; 26 января 1826 года, переведенъ въ Астрахань и здѣсь умеръ архіепископомъ 7 февраля 1832 года.

домости за 1821 годъ показано, что онъ, по предложенію преосвященнаго, состоитъ подъ слѣдствіемъ за повѣнчаніе брака по полудни въ восемь часовъ и объ утратѣ библіотечныхъ книгъ. Св. синодъ на основаніи этой справки предписалъ преосвященному слободо-украинскому доставить по прошенію Прокоповича подробныя свѣдѣнія и за тѣмъ приказалъ: „а какъ въ консисторіи присутствуютъ тесть и зять, чего допускать не слѣдовало, и что неприлично кругу іерархіи церковной, чтобы протодіаконъ имѣлъ преимущество предъ священниками, коихъ въ Харьковѣ имѣется достаточно и которые по самому своему сану имѣютъ преимущество предъ протодіакономъ, то удалить его, Александрова, отъ присутствія, опредѣливъ на его мѣсто другаго изъ протоіереевъ или священниковъ, а протоіерея Антоновскаго по дѣламъ Прокоповича устранить [1])“.

Казалось бы, что это „предостереженіе“ должно было посдержать прыть ретивыхъ не въ мѣру слободо-украинскихъ консисторіаловъ; такъ, вѣроятно, мыслилъ на этотъ счетъ и самъ бывшій ректоръ коллегіума; но въ консисторіи сидѣли закоренѣлые дѣльцы, пропустившіе мимо ушей „предостереженіе“. Консисторскія передряги, которымъ подвергся Прокоповичъ, развернулись во всею своей безобразной лѣпотѣ въ дѣлѣ о повѣнчаніи Прокоповичемъ брака дворянина Слюза [2]) съ раскольничьею купеческою дочерью Карповою въ восемь часовъ вечера.

Дѣло это „начато производствомъ“ въ 1821 году, по вчинанію епископа Павла. Прокоповичъ обвинялся въ томъ, что, свершая бракосочетаніе въ восемь часовъ по полудни, нарушилъ постановленіе „Кормчей книги“ (часть вторая, гл. 50). Прокоповичъ и сослужившій съ нимъ протодіаконъ Гнѣдичъ показали, что бракосочетаніе было совершено ими въ семь часовъ по полудни, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій о бракахъ; что, далѣе, по установившемуся обычаю, многіе вѣнчаютъ въ вечернее время; самъ Прокоповичъ вѣнчалъ, съ разрѣшенія преосвященнаго, племянника его въ восемъ часовъ вечера. Отецъ невѣсты, купецъ Ѳедотъ Карповъ, во время бракосочетанія былъ боленъ и лежалъ въ постелѣ; а потому для привода его къ присягѣ ходилъ священникъ Стефанъ Прокоповичъ, и хотя онъ не присягалъ, но выслушалъ прочитанную ему священникомъ присягу и подписалъ. По исповѣднымъ росписямъ онъ значится многіе годы не бывшимъ у исповѣди; а дочь его бывала. Относительно жениха харьковская консисторія наводила справку черезъ полтавскую — не былъ ли онъ прежде женатъ.

Въ рукоприкладствѣ къ дѣлу, Прокоповичъ просилъ консисторію принять во вниманіе слѣдующее. Отецъ невѣсты, Карповъ, хотя и по-

---

[1]) Указъ св. синода на имя епископа Павла отъ 15 марта 1823 года, № 1034.

[2]) Слюзы — полтавцы. Нынѣ это совсѣмъ захудалый родъ. Гнѣздо ихъ — село Юсковцы-Сенчанскіе, Лохвицкаго уѣзда.

казывался въ росписяхъ неисповѣдывавшимся, но онъ ходилъ въ церковь, принималъ православныхъ священниковъ въ свой домъ, предъ смертью былъ напутствованъ и самъ преосвященный отпѣвалъ его. Правило „Кормчей книги", заключающееся въ 50 главѣ второй части, почерпнуто въ древнія времена изъ существовавшаго тогда обычая и не есть постановленіе вселенскаго или помѣстнаго собора [1]), „и потому полагать нужно—заключаетъ Прокоповичъ—впослѣдствіи оно ослабѣло и совершенно забыто. Нынѣ вѣнчають въ харьковской и другихъ епархіяхъ и ядшихъ и пившихъ, и послѣ обѣда, и предъ вечеромъ, и въ вечеру". Прокоповичъ просилъ внести въ экстрактъ для соображенія при рѣшеніи дѣла указъ св. синода о повѣнчаніи священникомъ Благовѣщенской церкви г. Харькова, Базилевичемъ, брака на сырной недѣли, за что св. синодъ взыскалъ съ него на вдовъ и сиротъ десять рублей—наказаніе самое легкое. Въ справкѣ, посланной преосвященнымъ въ св. синодъ, Прокоповичъ отмѣченъ „малоспособнымъ по старости къ должности іерея"; Прокоповичъ относительно этого замѣтилъ, что онъ сорокъ лѣтъ служилъ исправно, никогда не дѣлалъ и не дѣлаетъ упущеній, въ доказательство чего представилъ адресъ, поднесенный ему отъ прихожанъ и отъ другихъ жителей города. По дѣлу о сомнительномъ употребленіи библіотечныхъ денегъ въ бытность ректоромъ коллегіума, Прокоповичъ объяснилъ, что это дѣло еще съ 1814 года консисторіею рѣшено и въ 1822 году признано рѣшеннымъ и преосвященнымъ, о чемъ и было сообщено указомъ въ коллегіумское правленіе.

Изложенное заявленіе Прокоповича, которое онъ далъ въ рукоприкладствѣ подъ дѣломъ, консисторія признала не заслуживающимъ вниманія въ своемъ опредѣленіи отъ 29-го ноября 1824 года. По мнѣнію консисторіи, малоспособность Прокоповича къ службѣ доказывается самыми лѣтами его, коихъ за 1823 годъ ему было 67, и восемдесятъ девятымъ псалмомъ царя Давида о предѣлѣ жизни человѣческой, а также и тѣмъ, что онъ, когда еще былъ ректоромъ, а потомъ и уволившись, не держалъ седьмицы, а исправлялъ требы только такія, гдѣ предвидѣлъ, по знатности и богатству людей, интересъ; такія-то лица поднесли ему и адресъ. Затѣмъ консисторія про-

[1]) Въ нынѣшнемъ году вышло обширное изслѣдованіе профессора каноническаго права с.-петербургскаго университета М. И. Горчакова „О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50 главы „Кормчей книги". Въ этомъ изслѣдованіи строго-научнымъ путемъ подтверждается мысль Прокоповича о полномъ отсутствіи каноническаго достоинства помянутой главы „Кормчей книги". Оказывается, что она есть переводъ буллы папы Павла V (1605—1621) въ одной своей части, а въ другой есть сводъ частныхъ мнѣній греческихъ канонистовъ, и какъ составленная изъ такихъ клочковъ, не имѣетъ въ себѣ оффиціальнаго значенія, ни законодательнаго акта для православной церкви, ни руководственной инструкціи церковно-правительственной власти; внесеніе этой главы въ „Кормчей" не было обставлено никакимъ законодательнымъ актомъ.

должаетъ свое опредѣленіе въ такихъ выраженіяхъ: „Правило изъ „Кормчей книги“ во всѣхъ приличныхъ случаяхъ церковію и церковнымъ правительствомъ принято и принимается за неизмѣнный законъ, объ отмѣнѣ коего предписанія не было и слѣдовательно консисторія обязана согласоваться съ онымъ. Почему всѣ пункты его, Прокоповича, оставить безъ дѣйствія и представленное имъ отъ прихожанъ свидѣтельство (адресъ), какъ неотносящееся къ дѣлу, возвратить со внушеніемъ, чтобы онъ весьма удержался опровергать аттестацію объ немъ начальниковъ его, имѣющихъ право и довѣріе цѣнить недостатки и достоинства подчиненныхъ;—и по своему мнѣнію объяснять происхожденіе и измѣненіе церковныхъ законоположеній вовся не дерзалъ. А за тѣмъ бракъ Слюза и купеческой дочери, хотя повѣнчанныхъ безъ соблюденія установленныхъ предосторожностей, оставить въ силѣ; но совершившій бракъ съ опущеніемъ весьма важныхъ законныхъ обязанностей Прокоповичъ не по какой либо неумышленной слабости, а по одной мечтательности (sic), какъ изъ дѣла видно, — въ силу правила на 201 листѣ второй части „Кормчей книги“ и „Морскаго устава“ пятой книги, главы первой пун. 146, заслужилъ вину запрещенія; изъ уваженія же однако къ долговременной службѣ протоіерея и исправному прохожденію должности другими, замѣшанными въ семъ дѣлѣ лицами, и дабы строгимъ оштрафованіемъ не отяготить судьбы ихъ выше мѣры, взыскать съ нихъ въ пеню: съ протоіерея, яко виновнѣйшаго, и настоятеля 25 рублей, съ священника Прокоповича 10 рублей, а съ протодіакона Гнѣдича 5 рублей въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія, и чтобъ впредь подобныхъ противузаконныхъ поступковъ и упущеній при вѣнчаніи браковъ не происходило, подтвердить о томъ указами по епархіи. А какъ протоіерей Прокоповичъ, будучи нынѣ отъ всѣхъ должностей свободнымъ, и хвалится силою своею и неопустительнымъ прохожденіемъ должности, поседмичнаго служенія не держитъ, а только служитъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; требы же вѣнчанія и погребенія исправляетъ у знатныхъ и богатыхъ гражданъ; то для возстановленія между соборянами добраго порядка велѣть ему держать на ряду съ прочими седьмицу и отправлять всѣ случающіяся требы по примѣру своихъ собратій и съ согласія ихъ, а не принужденно имѣть соборное служеніе“.

Преосвященный Павелъ, утвердивъ 14-го марта 1825 года это опредѣленіе, прибавилъ отъ себя такое внушеніе Прокоповичу: „Желаю душевно, чтобы протоіерей Прокоповичъ восчувствовалъ свою немаловажную виновность противъ церковныхъ уставовъ и толь снисходительное опредѣленіе, вмѣсто довлѣющаго по законамъ штрафа въ запрещеніи и отрѣшеніи отъ мѣста состоящаго, денежной пени, — примирился съ своею совѣстію и противъ власти начальства не возставалъ укоризнами и строптивыми защищеніями своей мнимой непогрѣшительности, когда поступокъ его явно правилами изобличается.

А ежели и за симъ снисхожденіемъ не будетъ поступать по уставамъ церковнымъ при исправленіи мірскихъ требъ и седмичнаго священнослуженія имѣть, тогда отрѣшенъ долженъ быть отъ церкви".

Прокоповичъ, осужденный консисторіалами и пригвозженный владычнимъ внушеніемъ, не потерялъ бодрости, вѣры въ правоту своего дѣла. Подъ консисторскимъ опредѣленіемъ онъ подписалъ неудовольствіе и въ опредѣленный срокъ подалъ отзывъ. Въ послѣднемъ онъ объяснилъ, что консисторія отвергла требованіе его въ рукоприкладствѣ подъ экстрактомъ для обремененія его участи и—какъ онъ думаетъ — по „нотѣ" его преосвященства; ибо преосвященному угодно было это дѣло начать, а дѣло о библіотечныхъ деньгахъ, рѣшенное въ 1814 году и приведенное въ исполненіе, возобновить, вопреки высочайшаго учрежденія о губерніяхъ ст. 130, желая симъ способомъ очернить его предъ высшимъ начальствомъ и тѣмъ затмить долговременную и безпорочную его по училищу службу; затѣмъ Прокоповичъ изъяснялъ, что бракъ обвѣнчанъ имъ въ седьмомъ часу вечера не по мечтательности, а потому, что новобрачные заставили себя ждать въ церкви болѣе двухъ часовъ; отказаться же отъ вѣнчанья онъ счелъ неудобнымъ; подпасть за это суду онъ не думалъ, и тѣмъ болѣе, что самъ же съ разрѣшенія архіерея вѣнчалъ въ восемь часовъ вечера племянника его преосвященства, да и другіе по обычаю были вѣнчаны въ такое же время; аттестацій начальства онъ не опровергалъ, а только въ свое оправданіе и въ доказательство исправности по службѣ представилъ свидѣтельство отъ прихожанъ. Консисторія и преосвященный, оставивъ безъ вниманія его службу, опредѣлили заниматься къ поношенію заслугъ его очереднымъ служеніемъ, не принявъ въ соображеніе, что въ соборѣ для очереднаго служенія имѣется довольно священниковъ. Консисторія наложила штрафъ въ 25 рублей, который, по отзыву Прокоповича, оказывается несправедливымъ, какъ по приведеннымъ выше причинамъ, такъ и потому, что дочь купца Карпова обращена была отъ старообрядста, исповѣдана и пріобщена протоіереемъ Антоновскимъ, и самъ Карповъ ходилъ въ церковь, предъ смертью былъ напутствованъ таинствами и самимъ преосвященнымъ погребенъ. Заключая свой отзывъ, Прокоповичъ просилъ св. синодъ освободить его отъ приговореннаго взысканія и предоставить ему по прежнему право не держать седьмицы.

Дѣло приняло такой ходъ, что должно было поступить на рѣшеніе св. синода. Представляя дѣло въ синодъ, преосвященный Павелъ прибавилъ къ нему отъ себя „разъяснительные пункты". Онъ писалъ, что 1) „прошеніе, а не требованіе Прокоповича въ рукоприкладствѣ подъ экстрактомъ изображенное, консисторія рѣшеніемъ не опровергала и оставила безъ дѣйствія не для обремененія его участи, а по прописаннымъ въ томъ рѣшеніи законнымъ обстоятельствамъ, руководствуясь инструкціею канцеляріи конфискаціи 1730 года 16-мъ пункт., коимъ повелѣно правосудіе съ милостію не мѣ-

шать и судомъ штрафовъ не облегчать и не снимать; 2) дѣло о повѣнчаніи въ неузаконенное время брака начать, а дѣло о сомнительномъ употребленіи Прокоповичемъ коллегіумскихъ книжныхъ денегъ, которое яко-бы консисторіею 1813 года іюня 21-го дня рѣшено, угодно было мнѣ возобновить предложеніями не по какой либо личности, дабы очернить его предъ высшимъ начальствомъ и тѣмъ затмить долговременную и безпорочную его по училищу службу, но единственно потому, что дѣло сіе о книжныхъ дѣлахъ, отысканное въ архивѣ, признано мною, съ чѣмъ согласился и синодъ по донесеніи ему о томъ [1]), нерѣшеннымъ. Ибо, хотя по оному умершимъ уже бывшимъ присутствующимъ консисторіи протоіереемъ Курасовскимъ въ докладномъ реестрѣ собственноручно и отмѣчено, чтобы исключить его изъ числа нерѣшенныхъ, но эта резолюція въ журналъ не внесена и всѣми присутствующими подписаніемъ и епархіальнымъ архіереемъ не утверждена; а посему, какъ оставалась она не дѣйствительною, то и повелѣно оное дѣло окончаніемъ рѣшить, по начальнической присягѣ, по утвержденной должности и къ отвращенію соблазновъ и всякаго зла, возникать могущаго, равно и во избѣжаніе собственной отвѣтственности за несоблюденіе о выполненіи въ точности законныхъ постановленій, къ пресѣченію безпорядковъ до ущерба государственнаго интереса касающихся".

Весь этотъ клубокъ разнорѣчивыхъ сплетеній довелось распутывать св. синоду. Сурово и характеристично, но вмѣстѣ съ тѣмъ юридически правильно и правдиво по самому существу, было синодское опредѣленіе по прокоповичевскому дѣлу. Опредѣленіе это заслуживаетъ быть приведеннымъ не въ пересказѣ, а полностью.

Св. синодъ опредѣлилъ: „Дѣло сіе, при подробномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ онаго съ мнѣніемъ епархіальнаго начальства, не столько представляетъ въ существѣ своемъ настоящій предметъ начала его, сколько противузаконныхъ дѣйствій, сопровождаемыхъ вводными, въ противность именнаго высочайшаго указа 1723 года ноября 5-го третьяго пункта, посторонними о бракѣ безпрепятственномъ розысканіями, ненужными и къ дѣлу совсѣмъ неотносящимися—объ отцѣ невѣсты, объ ней самой, изъ исповѣдныхъ росписей справками, неумѣстными разсужденіями о восемьдесятѣ девятомъ псалмѣ царя Давида, и объ уклоненіи отъ правовѣрія отца невѣсты и ея самой, тогда какъ ваше преосвященство [2]) при погребеніи перваго, по уставамъ нашей церкви, сами находились; помѣщеніемъ между сужденій матеріи о исправленіи будто бы Прокоповичемъ требъ тамъ только, гдѣ предвидитъ онъ по знатности и богатству интересъ свой, въ дѣлѣ

[1]) Это увѣреніе рѣшительно противорѣчитъ раньше приведенному указу св. синода отъ 15 марта 1823. Синодъ призналъ дѣло Прокоповича по библіотекѣ рѣшеннымъ еще въ 1814 году, безповоротно. На что было расчитано увѣреніе преосвященнаго Павла? На забывчивость и никакъ ни на что другое.

[2]) Опредѣленіе изложено въ указѣ синода на имя Епископа Павла.

нигдѣ невидной и слѣдовательно взятой изъ собственныхъ умствованій судей; и наконецъ, наклонностію изъ всего этого вывести заключеніе о поступкѣ его, Прокоповича, наравнѣ съ тѣми, которые подлежатъ запрещенію въ священнослуженіи, каковаго онъ, Прокоповичъ, не только не навлекъ, но судя по роду его дѣла, требующаго болѣе личнаго приватнаго архіерейскаго распоряженія, не представлялось даже надобнымъ вести оное судебнымъ порядкомъ, затруднять ненужною перепискою и подвергать подсудности его, Прокоповича, около четырехъ лѣтъ къ немалому его отягощенію, а впослѣдствіи и обремененію даже высшаго начальства. И поелику съ такимъ производствомъ дѣла св. синодъ признаетъ наказаніемъ для Прокоповича сверхъ мѣры и то, что онъ столь долгое время по столь маловажному предмету, въ самомъ началѣ дѣла сдѣлавшемуся яснымъ, отягощался подсудностью; то оное дѣло, яко при томъ и произведенное противузаконно, уничтожить и протоіерея Прокоповича освободить отъ всякаго взысканія; равномѣрно освободить его и отъ чреды седмичнаго служенія, по уваженію лѣтъ и заслугъ его, предоставивъ ему токмо заниматься службою соборне, по воскреснымъ, праздничнымъ и высокоторжественнымъ днямъ. Епархіальному же начальству сдѣлать строгое замѣчаніе, какъ за незаконныя отступленія отъ порядка и дѣйствія по производству дѣла, за неумѣстныя и вымышленныя разсужденія, показывающія пристрастіе, за неосновательную наклонность къ отяготительному обвиненію протоіерея Прокоповича; такъ и за то, что по принятіи отъ него, Прокоповича, на рѣшеніе неудовольственнаго отзыва, епархіальное начальство не должно было допускать никакихъ въ видѣ замѣчанія возраженій на оный [1]; по согласію указамъ именному высочайшему 1802 года декабря 23-го и 1803 года сентября 23-го числа, обязано было отправить дѣло въ св. синодъ безъ всякаго отзыва и опроверженій, которые уже относятся непосредственно до разсмотрѣнія онаго. А вашему преосвященству особенно взять во вниманіе, что вы по духу пастырскому всемѣрно должны уклоняться и уклонять подчиненныхъ отъ подобныхъ дѣйствій, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неминуемаго взысканія. А какъ изъ дѣла видно, что до протоіерея Прокоповича имѣется еще дѣло, бывшее въ 1814 году оконченнымъ и въ 1822 году вновь начатое, то поставить въ обязанность епархіальному начальству, чтобы дѣло сіе немедленно было окончено. Въ противномъ случаѣ всякая медленность или излишнія противу закона наполненія падутъ на собственную отвѣтственность онаго" [2]).

[1]) Эти энергическія выраженія, опредѣляющія характеръ юридической дѣятельности епископа Павла, должны бы удержать казенныхъ его біографовъ отъ воспѣтія ему панегириковъ. На дѣлѣ же выходитъ совсѣмъ не то. Въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" данъ слѣдующій отзывъ о епископѣ Павлѣ: „любовь къ наукѣ (Богъ вѣсть чѣмъ доказанная), безпристрастная строгость къ подчиненнымъ (примѣръ на Прокоповичѣ) и особая энергія въ управленіи епархій — вотъ отличительныя черты этого архипастыря". „Вѣдомости", изд. 1869 г. вып. I, стр. 31.

[2]) Указъ св. синода на имя епископа Павла, отъ 29-го іюля 1825 года, № 4169.

Прокоповичъ не поцѣловалъ руки, которая его била—и добро сдѣлалъ.

Процессъ Прокоповича возникъ, внѣ всякаго сомнѣнія, подъ вліяніемъ побужденій чисто личнаго свойства. Епархіальная харьковская память хранитъ преданіе о епископѣ Павлѣ Саббатовскомъ, какъ о владыкѣ грозномъ; его непріятно поражала болѣе или менѣе видная осанка, если приходилось встрѣчать таковую у духовнаго лица [1]. Видная и по внѣшности и по внутреннимъ качествамъ фигура протоіерея Прокоповича не могла быть persona grata для преосвященнаго. Но пока Прокоповичъ не принадлежалъ вполнѣ епархіальному вѣдомству, находясь на учебной службѣ, его не трогали. Вступилъ онъ всецѣло въ вѣдомство епархіальной администраціи—и дѣло пошло иначе. Человѣкъ, болѣе двадцати пяти лѣтъ находившійся во главѣ духовно-учебнаго заведенія, которое пользовалось если не правами, то извѣстностью высшаго; почтенный отличіями, которыя тогда были диковиной не малой въ епархіальной провинціи; авторъ на русскомъ и латинскомъ языкѣ, примѣтный при тогдашней скудости духовно-литературныхъ силъ; проповѣдникъ, собиравшій къ своему аналою толпы слушателей,—такой человѣкъ не могъ не сознавать собственнаго достоинства, не могъ стать въ ряды приниженнаго харьковскаго пастырства. И возмездіе не замедлило. Благодаря готовому къ услугамъ посредству закаленныхъ консисторскихъ крюковъ, вытащено изъ архива уже разъ рѣшенное дѣло о Прокоповичѣ. Незначительное нарушеніе имъ дисциплинарнаго церковнаго правила раздуто въ сложный объектъ обвиненія, возведено въ важный криминалъ, и Прокоповичъ, послѣ сорокалѣтней службы, чуть не конфирмованъ къ запрещенію въ священнодѣйствіи. Пошли прицѣпки, придирки, дикія обвиненія въ мечтательности, упреки въ „непогрѣшительности"; рѣшеніе объ оштрафованіи Прокоповича деньгами велѣно сдѣлать извѣстнымъ по всей епархіи, въ видахъ, конечно, вящаго поношенія имени протоіерея предъ духовенствомъ епархіи, значительная часть священства которой училась у Прокоповича. Всѣ эти моральныя истязанія были для опальнаго бывшаго ректора иглами терновыми; но однако онъ устоялъ и возстановилъ свою глубоко поруганную честь, которую силилось загрязнить своимъ тлетворнымъ прикосновеніемъ консисторское повытье.

Процессъ Прокоповича имѣетъ нѣкоторыя поучительныя стороны. Для исторіи каноническаго права отечественной церкви имѣетъ значеніе то обстоятельство, что собственно церковная цитатологія законовъ въ процессѣ почти отсутствуетъ. „Кормчая книга" не имѣетъ авторизованнаго церковью законодательнаго смысла, а на нее одну только ссылалась консисторія, изрекая свой приговоръ. Затѣмъ въ качествѣ законодательныхъ устоевъ, на которыхъ покоились поста-

---

[1]) „Духовный Вѣстникъ", издан. 1864 г., т. VII, стр. 394.

новленія консисторіи, оказались псаломъ царя Давида и... „Морской Уставъ". Ссылка на послѣдній сдѣлана въ тѣхѣ видахъ, чтобы вывести изъ морскаго постановленія необходимость запретить Прокоповичу священнослуженіе. Слишкомъ ужъ окольный путь; да и правовая подкладка крайне жидка. Но особенно тяжелое впечатлѣніе производитъ цитата подъ перомъ преосвященнаго изъ устава конфискацій 1730 года. Незначительное отступленіе отъ церковной дисциплины подводилось подъ дѣйствіе акта гражданскаго правительства, и какой поры? Самой кнутобойной, когда Россія была превращена въ повальный застѣнокъ, облита народною кровью населенія, горѣвшаго въ огнѣ правежа. Прокоповичъ, оправдываясь, а св. синодъ, оправдывая его, опираются тоже на постановленія гражданскія, а не церковныя. Все это даетъ неутѣшительный выводъ о состояніи у насъ церковнаго права въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

О внѣшнемъ видѣ Прокоповича остался довольно характеристическій разсказъ, принадлежащій ученику харьковскаго коллегіума. Разсказъ составленъ по воспоминаніямъ дѣтства, по первому впечатлѣнію, какое произвелъ на школяра Прокоповичъ.

„Опредѣленіе мое продолжалось не долго. Меня представили къ ректору; онъ показался мнѣ похожимъ на Мельхиседека, котораго я видѣлъ изображеннымъ на церковныхъ дверяхъ. Прекрасной шелковой матеріи яркаго зеленаго цвѣта одежда, серебряный съ золотомъ широкій поясъ на подрясникѣ и орденъ Анны на шеѣ, котораго лента своимъ краснымъ цвѣтомъ придавала ему особенно пріятный видъ, выказываясь изъ подъ густой бѣлой бороды. Я стоялъ полный страха и благоговѣнія. При первомъ вопросѣ, которымъ ректоръ меня удостоилъ, я перекрестился собственно въ честь его особы и поклонился съ такимъ забавнымъ благочестіемъ, что онъ при всей своей серьезности засмѣялся и спросилъ, какъ моя фамилія?" [1]).

О проповѣдяхъ Прокоповича преосвящ. Филаретъ Гумилевскій отзывается такъ: „Слова и рѣчи Андрея Прокоповича—скучныя по латинскому складу рѣчи, мало питательныя для мыслей" [2]). Критикъ преосвящ. Филарета, Ст. Ив. Пономаревъ, отмѣчая этотъ отзывъ какъ сухой, рѣзкій, бездоказательный, указываетъ, что одно изъ словъ Прокоповича приписано было Левандѣ [3]) и вообще о словахъ его современники отзывались съ уваженіемъ [4]). Стоять наравнѣ съ Левандою—не велика еще честь. Этотъ знаменитый ораторъ производилъ впечатлѣніе не внутренними достоинствами своихъ рѣчей, а способомъ произношенія, своею наружностью, внѣшними пріемами. Въ церковномъ словѣ Прокоповича преобладаетъ мысль, иногда весьма

---

[1]) „Духовный Вѣстникъ", издан. 1865 г., вып. VII, стр. 418.
[2]) „Обзоръ русской духовной литературы", книга II, стр. 73.
[3]) „Духовный Вѣстникъ", издан. 1862 г., т. III, стр. 87.
[4]) „Сынъ Отечества", издан. 1817 г., т. 38, стр. 237.

крѣпкая. Аргументація неизбѣжности одного изъ необходимыхъ человѣческихъ золъ—войны, представленная имъ въ рѣчи къ вновь собраннымъ отпускнымъ солдатамъ, оказывается болѣе убѣдительною, чѣмъ въ подобномъ же случаѣ у Филарета московскаго. Всякому, стало быть, свое.

Ив. Павловскій.

ЗАВОЕВАНІЕ АХАЛЪ-ТЕКИНСКАГО ОАЗИСА.

Историческій очеркъ [1]).

Ende gut—alles gut.

I.

Ахалъ-Теке и роковые пути исторіи.

Русскіе завоеванія въ средней Азіи идутъ быстро. Въ 1869 году, полковникъ Столѣтовъ, въ составѣ отряда котораго находился штабсъ-капитанъ Скобелевъ, высадился въ Красноводскомъ заливѣ и, разбивъ свою ставку за косою, отдѣляющей этотъ заливъ отъ Каспія, основалъ городъ Красноводскъ. Занятый край представлялъ безводную, солончаковую пустыню, кое гдѣ взволнованную, лишенными растительности, вызженными солнцемъ холмами и возвышенностями, которые по своему суровому и непривѣтливому очертанію мало оживляли эту скучную мѣстность.

Шестьюдесятью верстами южнѣе Красноводска, противъ одной изъ косъ нефтянаго острова Челекеня, былъ въ то же время построенъ

[1]) Предлагаемая статья составлена по источникамъ объ ахалъ-текинской экспедиціи, появившимся до настоящаго времени въ Россіи. Изъ нихъ важнѣйшіе: Русскіе въ Ахалъ-Теке 1879 года. В. Тугана-Мирзы-Барановскаго; Ахалъ-текинскій оазисъ, статья М. Анненкова. „Вѣстн. Европы", № 5 и 6. 1881 г., Ахалъ-текинская экспедиція, корреспонденція г. Б. „Голосъ", №№ 82, 85, 95, 101, 105, 110 и 117; Изъ Закаспійскаго края, корреспонденція въ „Новомъ Времени": Ахалъ-текинскія женщины, г. Поповичь-Липовца; Штурмъ Денгли-Тепе, г. Демурова. „Истор. Вѣстн." № 3, 1881. и др.

редутъ, названный фортомъ Михайловскимъ, мѣстоположеніе котораго не разнообразилось даже и тѣми прибрежными холмами, которые хотя сколько нибудь скрашивали у Красноводска общую монотонность занятыхъ нами степей. Голый песокъ окружалъ этотъ скучнѣйшій постъ на скучнѣйшій берегу скучнѣйшаго изъ морей земнаго шара. Но въ 200 верстахъ отъ Михайловскаго, по направленію прямо на юго-востокъ, начиналась полоса плодородной земли, столь во всѣхъ отношеніяхъ прекрасной, что жители ея увѣряли, будто Адамъ, по изгнаніи его изъ рая, выбралъ именно этотъ оазисъ для своего новаго поселенія, такъ какъ нигдѣ не нашелъ ни лучшаго мѣста, ни лучшей почвы, какъ мѣстность и почва оазиса Ахалъ-Теке, расположеннаго по скатамъ и вдоль подошвы не особенно высокаго горнаго кряжа Копетъ-Дага, вершина котораго опредѣляетъ въ этомъ мѣстѣ границу ханствъ Буджкурта, Дерёгёзъ, и Келятъ, находящихся въ вассальной зависимости отъ Персіи.

Характеръ южнаго и сѣвернаго склоновъ этого кряжа не одинаковъ. Съ персидской—южной онъ образуетъ пологіе скаты, спускающіеся террасами и дающими начало нѣсколькимъ значительнымъ рѣкамъ, образующимъ въ послѣдствіи рѣку Атрекъ, низовья которой и составляютъ нашу границу съ Персіей. На сѣверной сторонѣ Копетъ-Дагъ имѣетъ болѣе суровый характеръ; крутые, обрывистые скаты большею частью не доступны, но вмѣстѣ съ этимъ, онъ же даетъ начало многимъ (числомъ до 35) горнымъ ручьямъ и источникамъ, со свѣтлой, прекрасной водою, присутствіе которой и составляетъ главное богатство и достоинство Ахалъ-Текинскаго оазиса. Благодаря только этой влагѣ и превосходному искусственному орошенію, глинистая почва оазиса дѣлается способной къ обработкѣ и даетъ двѣ жатвы въ годъ, тогда какъ сосѣдняя Каракумыкская пустыня не производитъ даже колючки—растенія, которымъ умудряются питаться верблюды. Весь оазисъ имѣетъ около 200 верстъ длины, начинается выше аула Кизилъ-Арвата (500 киб.) и доходитъ до аула Гяурсъ (40 киб.); но за то ширина его, не превышая вообще 10 верстъ, во многихъ мѣстахъ съуживается только до 4-хъ. Ручьи горныхъ ключей, вытекая изъ горныхъ разсѣлинъ на равнину, пропадаютъ въ пескахъ Кара-Кумъ, непосредственно примыкающихъ съ сѣвера къ оазису.

Вотъ эта-то полоса земли, въ результатѣ блистательной побѣды генерала Скобелева, одержанной имъ черезъ 12 лѣтъ послѣ высадки и основанія полковникомъ Столѣтовымъ Красноводска, нынѣ присоединена къ землямъ обширнаго Россійскаго государства.

На этотъ разъ, однако, побѣдителямъ Туркестана и Ферганской области—войскамъ, штурмовавшимъ Ташкентъ, Самаркандъ и Хиву, завоеваніе Ахалъ-Текинскаго оазиса досталась не даромъ. Первый разъ русскій солдатъ встрѣтилъ среди пустынныхъ степей средней Азіи достойнаго себѣ противника въ лицѣ текинца, и потому-то, болѣе чѣмъ когда либо, обыкновенные мотивы нашего наступленія въ

этотъ далекій край покажутся будущему историку недостаточными. Защита мало или вовсе не принадлежащихъ намъ кочевниковъ гоклановъ, джафарбаевцевъ, аттабаевцевъ и іомудовъ—мотивъ, очевидно слишкомъ бѣдный для объясненія причинъ, вызвавшихъ новый подвигъ русскихъ войскъ, для оправданія тѣхъ огромныхъ тратъ, которыхъ потребовало отъ русской казны новое расширеніе и безъ того куда выше нужды и мѣры расширенныхъ во всѣ пустынныя стороны владѣній нашихъ, и даже совсѣмъ не объясняющій самаго присоединенія къ намъ этой далеко выступающей полосы земли, весьма уязвимой (какъ показываетъ прошедшее) со стороны Хивы, Мерва и Персіи. Понятно, что если защита іомудовъ и аттабаевцевъ отъ текинцевъ обошлась намъ такъ дорого, то защита новыхъ подданыхъ—текинцевъ отъ персіянъ можетъ стать еще дороже и потребовать еще бо̀льшихъ жертвъ, безъ всякой надежды на вознагражденіе. Между тѣмъ, свидѣтелями, что не всегда текинцы обижали Персію, служитъ напримѣръ разказъ Бульгера о коварномъ нападеніи губернатора Ширвана, родственника Нуръ-Верды-хана, на текинскій караванъ, отправленный въ Буджнурдъ съ богатымъ выкупомъ за плѣнныхъ, уведенныхъ персіянами въ 1859 году, нападеніе, которое, по показанію Бульгера, повело къ несчастному походу Нуръ-Верды въ Персію, послѣ котораго ему и пришлось бѣжать изъ Теке въ Мервъ, опасаясь мести недовольныхъ его распоряженіями соплеменниковъ. Но если мы шли подъ стѣны Геокъ-Тепе не для защиты іомудовъ и наказанія хищниковъ и даже не для прямаго завоеванія оазиса, который, при всѣхъ его достоинствахъ, врядъ ли можетъ прельстить насъ такъ, ка̀къ нѣкогда прельстилъ Адама, то причины похода все таки остаются непонятными. Между тѣмъ, что̀ интереснѣе непонятнаго?

Желая, въ интересахъ исторической истины, открыть дѣйствительные мотивы штурма и осады Геокъ-Тепе — лица, писавшія по этому поводу, останавливаются на роковыхъ путяхъ историческаго хода міровыхъ событій!

Прекрасное объясненіе, если бы оно было хоть сколько нибудь осязательно понятно. Къ несчастію, роковой ходъ міровыхъ событій—звонкая фраза, подъ которой кроется весьма разнообразное содержаніе, и лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить разногласіе двухъ авторовъ, трудами которыхъ мы пользуемся для составленія этой монографіи.

Участникъ перваго похода, въ качествѣ рядоваго Переяславскаго драгунскаго полка, В. А. Туганъ-Мирза Барановскій, авторъ прекрасной книги „Русскіе въ Ахалъ-Теке 1879 г.“, говоритъ о роковомъ ходѣ событій слѣдующее:

„Единственная причина нашего похода въ Текинскій оазисъ есть наше сосѣдство съ нимъ. Сосѣдство же цивилизованнаго государства съ нецивилизованнымъ, на основаніи историческаго закона, должно всегда кончаться полнымъ подчиненіемъ послѣдняго первому“.

Участникъ втораго похода, въ качествѣ начальника желѣзно-дорожныхъ сообщеній въ тылу отряда, генералъ М. Н. Анненковъ, въ статьѣ „Ахалъ-текинскій оазисъ" („Вѣст. Евр." № 5, 6), опровергаетъ это мнѣніе такъ:

Съ первыхъ временъ исторіи, въ мірѣ совершается два великихъ движенія: одно влекло нѣкогда родъ человѣческій съ востока на западъ, другое же возвращаетъ его съ запада на востокъ; первое изъ этихъ движеній, съ которымъ связаны великія переселенія, наполнившія западъ Европы народами Азіи, началось, вѣроятно (?!), еще задолго до историческихъ временъ; второе, открывшееся троянскою войною, продолжаемое государствомъ Александра, римскою имперіею, крестовыми походами, открытіемъ мыса Доброй-Надежды.. (и, прибавимъ отъ себя, осадой Геокъ-Тепе), существуетъ и до настоящаго времени.

Затѣмъ генералъ Анненковъ продолжаетъ:

Безъ сомнѣнія (!), тутъ оказывается какая-то историческая необходимость, какой-то законъ, который еще неизвѣстенъ, но который тѣмъ не менѣе существуетъ и неумолимо подчиняетъ себѣ судьбу народовъ!

Не слишкомъ ли, однако, все это безусловно, да и дѣйствительно ли несомнѣнны роковые пути исторіи, на которые указываютъ оба автора?

Путь г. Т. М. Барановскаго — роковое вліяніе разнокультурнаго сосѣдства — сомнителенъ, по причинѣ слишкомъ широкаго понятія о сосѣдствѣ. Цѣлое море и 200-верстная степь отдѣляютъ ближайшіе торговые центры Россіи отъ завоеваннаго оазиса,—что же ужъ это за сосѣдство? Если же сила роковаго значенія закона такъ велика, что даже культура Красноводска и форта Михайловскаго могла вліять на необходимость покоренія страны, крайняя точка которой отстоитъ отъ него на 400 верстъ, то гдѣ же предѣлъ нашего наступательнаго движенія въ Азіи, въ силу высоты нашей культуры надъ сосѣдней, понимая послѣднею отстоящей на 200, 300 и даже 400 верстъ отъ послѣдняго казачьяго разъѣзда, или отъ мѣста расположенія послѣдней линейной роты? Не ясно ли, что при такомъ широкомъ примѣненіи историческаго закона, экспедиція не могла бы имѣть конца и рядомъ съ этимъ начало ея не имѣло бы обыкновеннаго (а не историческаго) смысла для современниковъ!

Путь г. Анненкова — еще болѣе не ясный путь. Безспорно, его историческій законъ универсальнѣе и общѣе закона разно-культурнаго сосѣдства, но въ такой же мѣрѣ и непонятнѣе. Положимъ, что завладѣвъ Грузіей, намъ пришлось—частію, дѣйствительно, роковымъ путемъ сосѣдства, завладѣть наконецъ и Дагестаномъ, но врядъ ли покореніе Грузіи Россіею есть результатъ того же громаднаго инстинктивнаго возвращенія человѣчества на востокъ, которое подчиняло себѣ и честолюбивые планы Александра Македонскаго, и походы римлянъ въ Іудею. Существуетъ или нѣтъ несомнѣнная историческая необходимость въ этихъ „vat" и „vient" съ запада на востокъ исторически извѣстныхъ народовъ, — для нашихъ дѣйствій

совершенно безразлично. Если такой универсальный и на громадномъ пространствѣ времени дѣйствующій законъ и существуетъ, то вліяніе его на наши сегодняшніе поступки, дѣянія и ихъ ближайшія причины, не болѣе вліянія космическаго закона тяготѣнія. Это есть простое вліяніе среды дѣйствія, на которое могутъ указывать только крайніе фаталисты, съ точки зрѣнія которыхъ мы не можемъ даже и понять надобности какихъ либо изслѣдованій и изысканій.

Вотъ почему намъ кажется, что объяснять завоеваніе Ахалъ-Текинскаго оазиса тою же причиной, какъ и открытіе мыса Доброй-Надежды — значитъ вовсе ничего не объяснить, и если бы кромѣ исторически-роковыхъ путей гг. Барановскаго и Анненкова не существовало другихъ, болѣе осязательныхъ объясненій, то завоеваніе оазиса представлялось бы голой загадкой.

По счастію, для насъ есть еще путь исторической необходимости, болѣе ясной, чѣмъ путь разнокультурнаго сосѣдства, и болѣе близкой, чѣмъ законъ, которому люди подчинялись еще во времена доисторическія.

У Англіи, сильной на морѣ, и Россіи, сильной на континентѣ,— нѣтъ удобнаго поля брани, на которомъ можно было бы, пропорціонально дѣйствительнымъ силамъ этихъ державъ, разрѣшить нѣкорые противорѣчивые интересы. Съ теченіемъ времени, необходимость эта (чувствуемая уже очень давно) дѣлается очевиднѣе и все ближе и ближе тянетъ къ развязкѣ. Вотъ почему за послѣдніе годы, какъ указываютъ гг. Костенко и Мартенсъ, обѣ державы какъ-то невольно сближаютъ свои средне-азіатскія владѣнія, и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ни той ни другой самыя покоренныя страны съ ихъ народами не обѣщаютъ рѣшительно никакихъ выгодъ. Отсюда становится совершенно понятнымъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдитъ Англія за нашими походами въ степяхъ разныхъ кочевыхъ неудобоназываемыхъ народовъ, какъ искренно считаютъ наше пораженіе—своей побѣдой, нашу побѣду—своимъ пораженіемъ.

Съ точки зрѣнія вотъ этой, такъ же роковой исторической необходимости—послѣднее русское завоеваніе пріобрѣтаетъ громадный историческій интересъ, становится въ ряды подвиговъ народа, плодами котораго воспользуется отдаленнѣйшее его потомство.

Разумѣется и мы, подобно г. Анненкову и всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, отнюдь не принадлежимъ къ числу лицъ, готовыхъ ежеминутно воевать съ Англіей и считающихъ для Россіи выгоднымъ все то, что непріятно коварному Альбіону. Но рядомъ съ этимъ, не считаемъ выгоднымъ недоговаривать то, что и безъ того очевидно массѣ. Въ Англіи на этотъ счетъ гласности гораздо болѣе, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить книга Бульгера, въ которой нетолько англо-русское столкновеніе считается неизбѣжнымъ, но и мѣсто его опредѣляется съ достаточною точностью и прямотою. Съ другой стороны, возможно, что дѣло станетъ яснымъ безъ личнаго

столкновенія двухъ европейскихъ антагонистовъ на сѣверной грани Индустана, путемъ прямаго вліянія на аборигеновъ этихъ странъ, и тутъ-то, можетъ быть, суждено русской человѣчности, терпимости, здравому смыслу—одержать высшую, хотя въ прямомъ смыслѣ безкровную побѣду надъ предпріимчивостью, торгашествомъ и купеческою алчностью высоко-культурныхъ англичанъ.

Думая такъ, мы, разумѣется, полагаемся на прочность роковаго историческаго закона г. Туганъ-Мирзы-Барановскаго, не оставляющаго намъ никакой надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ будущимъ архи-культурнымъ сосѣдствомъ индѣйскаго Альбіона, но посягательство это оправдывается способностью русскаго солдата не только покорять страны, но и сердца ихъ обитателей, даже столь храбрыхъ и воинственныхъ, какъ сердца новыхъ нашихъ согражданъ въ оазисѣ Ахалъ-Теке.

Оставивъ поэтому исторіи слѣдовать по начертанному ей роковому пути событій, сами вернемся къ факту завоеванія и всѣмъ его поучительнымъ для будущихъ временъ деталямъ.

II.

Походъ на халатниковъ.

Военнаго уваженія, которымъ пользуются въ настоящее время текинцы, вовсе не существовало въ то время, когда пароходы общества „Кавказъ и Меркурій" одинъ за другимъ подходили къ плоскому берегу Чикишляра и съ большими трудностями высаживали войска и тяжести, необходимыя для проложенія роковыхъ путей исторіи. Роковые пути эти тогда казались шуткою и предстоящая война съ „халатниками", не пугая никого, причислялась скорѣе къ образовательнымъ военнымъ экспедиціямъ, въ которыхъ войска учатся военному дѣлу и путемъ небольшихъ потерь, кое-какихъ лишеній и трудовъ, добиваются хорошей практики и недурной славы.

Аулъ Чикишляръ, принадлежавшій іомудамъ и послужившій операціоннымъ пунктомъ экспедиціи, впервые былъ занятъ нами въ 1871 году, во время хивинскаго похода, съ цѣлію болѣе удобнаго пріобрѣтенія у кочевниковъ верблюдовъ. Съ тѣхъ поръ его оставляли и занимали нѣсколько разъ во время рекогносцировокъ по р. Атреку, но 20-го сентября 1878 года, онъ былъ занятъ окончательно, превращенъ въ небольшое укрѣпленіе и снабженъ постояннымъ гарнизономъ. Какъ морская пристань, Чикишляръ былъ въ высшей степени невыгоденъ. Суда могли останавливаться только верстахъ въ 5 отъ берега, на совершенно открытомъ для всѣхъ вѣтровъ рейдѣ, что крайне затрудняло выгрузку, которая могла производиться только съ помощію туркменскихъ лодокъ, получавшихъ по 2 р. въ день рабочій

и по 1 р. въ день прогула. Кромѣ того, Чикишляръ не рѣдко затопляется, что́ и случилось, во время пребыванія тамъ экспедиціоннаго отряда два раза, 7 и 11 іюня, при чемъ первое наводненіе, случившееся ночью, сильно перетревожило весь лагерь, внезапно очутившійся въ водѣ. Не смотря однако на всѣ эти неудобства, Чикишляръ былъ выбранъ, какъ базисъ для предстоящихъ дѣйствій потому, что войска, двигаясь по р. Атреку, не должны были страдать отъ безводія, такъ какъ до оазиса былъ только одинъ переходъ безъ воды, не болѣе 46 верстъ долиною, тогда какъ при движеніи изъ Красноводска, представлявшаго всѣ выгоды хорошей морской стоянки для судовъ, войскамъ угрожалъ походъ по безводной мѣстности почти въ 200 верстъ. Кромѣ того, генералъ Лазаревъ расчитывалъ, двигаясь вдоль границы Персіи, имѣть вездѣ готовый провіантъ, доставка котораго даже отдана была персидскимъ подрядчикамъ. Послѣдній разсчетъ не оправдался только благодаря проискамъ англичанъ при тегеранскомъ дворѣ, откуда послѣдовало приказаніе усилить пограничные кордоны и запретить всякое сношеніе съ русскимъ экспедиціоннымъ отрядомъ.

Войска начали прибывать къ Чикишляру съ апрѣля мѣсяца и къ іюню маленькій аулъ разросся въ порядочный приморскій городокъ, гдѣ шла оживленная дѣятельность, происходила торговля, и не только предметами первой необходимости, но даже ювелирными издѣліями и фотографіей. 1-го іюня, командующій ахалъ-текинскимъ экспедиціоннымъ отрядомъ, генералъ-адъютантъ И. Д. Лазаревъ, выѣхалъ со штабомъ изъ г. Баку и на слѣдующій день прибылъ въ Чикишляръ. Вслѣдъ за нимъ прибылъ отрядъ „Краснаго Креста" г. Сараджеева съ двумя докторами и 9 санитарами. Снабдивъ околотки всѣхъ частей войскъ всѣмъ необходимымъ, 17-го іюня часть отряда выступила въ Чатъ для устройства госпиталя, причемъ въ самомъ Чикишлярѣ оставлено было отдѣленіе на 200 кроватей.

На смотру генерала Лазарева, произведенномъ отряду, въ строю находилось 16 батальоновъ пѣхоты (по мирному положенію), 18 сотенъ иррегулярной и 2 эскадрона регулярной кавалеріи, 26 орудій, ракетная батарея и рота саперъ,—т. е. такая сила, которую еще никогда не посылали воевать съ халатниками. Тотчасъ послѣ смотра, рѣшено было выслать впередъ авангардъ, для устройства спусковъ къ рр. Атреку и Сумбару, рытья колодцевъ и т. п. въ составѣ 3 батальоновъ, 5 сотенъ кавалеріи при 2 горныхъ орудіяхъ, начальникомъ котораго былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій.

Авангардъ выступилъ изъ Чикишляра 6 іюня, и съ этого числа слѣдуетъ считать начало злополучнаго для насъ похода. До укрѣпленія Дузъ-Олума авангардъ этотъ двигался почти безостановочно, устраивая кое гдѣ спуски къ рр. Атреку и Сумбару, прокладывая дороги и занимаясь рытьемъ колодцевъ. Только на перевалѣ черезъ

горный отрогъ Бекъ-Тепе пришлось остановиться подолѣе, и дѣйствительно, занявъ Теръ-Саханъ, отрядъ князя Долгорукова простоялъ здѣсь до 15 іюля.

Остальныя войска почти два мѣсяца послѣ выступленія авангарда оставались еще въ Чикишлярѣ, и только къ концу іюля усиленная дѣятельность вагенбурга заявила о выступленіи главныхъ силъ. Выступленіе началось въ ночь съ 29 на 30 іюля колонною графа Борха, въ составъ которой вошли 4 батальона пѣхоты, полубатарея пѣшей артиллеріи и 4 горныхъ орудія. Кавалерія, въ составѣ 2 эскадронъ драгунъ, сотни казаковъ, полубатареи конной артиллеріи и ракетной батареи, подъ начальствомъ князя Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебурга, выступила къ 6 часамъ утра 31 іюля.

Самъ генералъ Лазаревъ, уже пораженный смертельною болѣзнью, выѣхалъ изъ Чикишляра въ коляскѣ 10 августа; 13 онъ прибылъ въ Чатъ, гдѣ у него открылись еще два карбункула. Не смотря на это, онъ все таки хотѣлъ продолжать путь, не желая задерживать долѣе движеніе отрядовъ, но неожиданно для всѣхъ, въ ночь съ 13 на 14 августа, началась агонія и онъ скончался въ Чатѣ, въ 4½ часа утра 14 августа. Отрядъ остался подъ временнымъ начальствомъ лицъ, обладавшихъ храбростію и энергіею, но не имѣвшихъ той боевой опытности и боевой выдержки, которою въ такой значительной степени обладалъ испытанный вождь кавказскаго воинства Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, которыя въ войнѣ съ неизвѣстнымъ непріятелемъ такъ особенно необходимы. Детали походнаго движенія главныхъ силъ графа Борха и князя Витгенштейна до вступленія въ Ахалъ-Текинскій оазисъ немногосложны. Путь слѣдованія всѣхъ трехъ колоннъ ясно чертится по картѣ [1]). Колонны при наступленіи изъ Чикишляра направлялись къ югу на колодцы Беюнъ-Баши, и затѣмъ слѣдовали вверхъ по теченію Атрека до укрѣпленія Чатъ. Пространство это, имѣющее около 170 верстъ, пройдено въ 6 сутокъ считая въ томъ же числѣ и дневку. Въ Чатѣ войска нѣсколько отдохнули и направились на укрѣпленіе Дузъ-Олумъ, перевалили черезъ гору Бекъ-Тепе и къ 15 августу сосредоточились у Теръ-Сахана, небольшаго аула туркменъ-гоклановъ, расположеннаго на лѣвомъ берегу р. Сумбара. Здѣсь было получено горестное извѣстіе о смерти генерала Лазарева и о принятіи начальства надъ экспедиціей генералъ-маіоромъ Ломакинымъ. Вообще, весь походъ былъ тягостенъ и однообразенъ. Первые же шаги показали неумѣнье солдатъ обращаться съ верблюдами, что вело къ безполезной мукѣ этихъ несчастныхъ по судьбѣ, неприхотливыхъ и невзыскательныхъ, кораблей пустыни. Вода въ колодцахъ оказывалась или гнилою, если застаивалась, или нерѣдко горько-соленою. Вода Атрека и Сумбара

---

[1]) Приложенная карта къ статьѣ г. Демурова въ Мартовской книжкѣ „Историч. Вѣстн.“ вполнѣ достаточна для полнаго представленія походнаго движенія нашихъ отрядовъ.

походила на желтую грязь съ огромнымъ осадкомъ глины, а войска не имѣли квасцовъ съ помощью которыхъ очищенiе такихъ водъ столь просто. Жара и жажда, вызывавшiя миражи, сильно утомляли людей и животныхъ. Появилась дезинтерiя, съ первыхъ же дней доставившая чатскому госпиталю зловѣщую репутацiю. Верблюды и лошади падали отъ недостатка корма, люди изнемогали отъ жажды и жары и нерѣдко поражались солнечными ударами. Въ Теръ-Саханѣ ко всему прочему присоединились нестерпимые ночные холода, повлекшiе къ простуднымъ и лихорадочнымъ заболѣванiямъ. Санитарное состоянiе отряда было бѣдственно.

Начиная съ Бекъ-Тепинскаго перевала, пустынная равнина уступила мѣсто высокимъ, опаснымъ, но столь же непривѣтливымъ и лишеннымъ всякой растительности холмамъ. Ни кустика, ни деревца, ни зелени! Только кое гдѣ въ глубинѣ ущелья, по которому протекала жидкая грязь рѣки Сумбара, попадалась верблюжья колючка, зеленѣла кое какая ничтожная травяная растительность. Между тѣмъ, эти голыя глыбы извѣстняка, эти песчаные скаты, кишѣли отвратительною для человѣка жизнью ядовитыхъ гадовъ. Змѣи всѣхъ породъ, ящерицы, хамелеоны, тарантулы, скорпiоны и фаланги, поминутно показываясь на раскалённой поверхности и снова куда-то исчезая, еще болѣе разстраивали нервы непривыкшему къ такимъ безотраднымъ картинамъ русскому воинству.

Но воинство не унывало и шло, боясь только, чтобы непрiятель не удралъ раньше стычки и тѣмъ не превратилъ всего похода по „проклятому“ мѣсту въ безплодную и безрезультатную рекогносцировку.

17-го августа, по приказанiю генерала Ломакина, войска отряда выступили изъ Теръ-Сахана на колодцы Маргелъ и оттуда на Хаджа-Кала и къ 20-му августа соединились въ укрѣпленiи Бендесенѣ, на перевалѣ черезъ Копетъ-Дагъ въ обѣтованный оазисъ.

III.

Въ погонѣ за славой.

Начальникъ авангарда, флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукiй, которому принадлежитъ главная роль въ дѣйствiяхъ окончившихъ походъ на халатниковъ, изъ всѣхъ хорошихъ военныхъ правилъ усвоилъ себѣ безусловное блюхеровское „vorwärts“, но забылъ при этомъ, что наступленiе впередъ и впередъ—не единственное правило, которое необходимо знать военачальнику. Съ самаго выхода изъ Чикишляра, онъ летѣлъ къ побѣдѣ, едва задерживаясь на серьезныхъ перевалахъ для работъ только—только необходимыхъ. Дойдя до Хаджи-Кала, онъ немедленно же началъ энергически дѣй-

ствовать. Тутъ онъ встрѣтилъ первую толпу текинцевъ, оберегавшихъ стада барановъ; быстрымъ налетомъ пастухи были обращены въ бѣгство, нѣкоторые убиты, а 4000 барановъ достались побѣдителю. Занявъ Бендесенъ, князь Долгорукій оставилъ здѣсь пѣхоту и съ кавалеріей, охотниками и горными орудіями, миновалъ горный перевалъ и занялъ Бами, большой аулъ (къ этому времени покинутый жителями) среди Ахалъ-Текинскаго оазиса. Изъ Бами имъ же были направлены два конные отряда къ Кара-Сигеру и Ніазу, которые нагнали текинцевъ, разбитыхъ уже подъ Хаджи-Кала, и отбили у нихъ еще 6000 барановъ и 1200 верблюдовъ. Съ этими первыми трофеями начальникъ авангарда, оставивъ Бами, вернулся къ общему сбору въ Бендесенъ.

22-го августа, генералъ Ломакинъ прибылъ со штабомъ къ собравшемуся отряду, произвелъ парадъ, отслужилъ панихиду по генералѣ Лазаревѣ, затѣмъ напутственный молебенъ, и объявилъ въ приказѣ о вступленіи въ непріятельскую землю.

По занятіи, 24-го августа, укрѣпленнаго аула Арчманъ, русскіе въ первый разъ увидѣли населеніе текинцевъ, которое въ числѣ 100 семействъ выслало на встрѣчу депутацію съ изъявленіемъ покорности, такъ какъ до этого пункта ни въ Бами, ни въ Беурмѣ, взрослыхъ и способныхъ къ самозащитѣ текинцевъ не встрѣчалось. Вообще, все населеніе оазиса распалось на три части: аулы Кизиль-Арватъ и прилегающія къ нему мелкія поселенія западныхъ текинцевъ изъявили полупокорность, сохраняя до поры до времени родъ нейтралитета; жители средней части, за исключеніемъ Арчмана, собрались въ числѣ 30000 душъ со всѣми семьями и стадами у наиболѣе изъ укрѣпленныхъ ауловъ—Геокъ-Тепе, лежащаго у подножія почти отвѣсныхъ скалъ Копетъ-Дага. Населеніе восточной части оазиса сосредоточились у Гяурса и Асхабада.

Миновавъ Арчманъ, войска принуждены были идти въ полномъ боевомъ порядкѣ, такъ какъ на слѣдующемъ же переходѣ текинцы начали ихъ тревожить внезапными выстрѣлами изъ засадъ и налетами ихъ многочисленной, хотя и плохо вооруженной конницы.

27-го августа, весь отрядъ стянулся къ аулу Яроджа, гдѣ предполагали дать ему дневку—но, замѣчаетъ г. Туганъ-Мирза-Барановскій, боязнь, чтобы текинцы какъ нибудь не ушли, вызвала немедленно движеніе впередъ.

Между тѣмъ, пѣхота отъ самаго Бендесена (4 сутокъ) шла безъ отдыха и притомъ едва ли не босая, такъ какъ вся обувь ея износилась.

— Vorwärts, immer vorwärts! гласили военачальники, жаждавшіе славы, и потому къ 8-ми часамъ вечера 27-го августа, было рѣшено наступать двумя колоннами:

Первая—авангардная, въ составѣ 3-хъ батальоновъ (по 200 человѣкъ въ батальонѣ), 6 малыхъ орудій и 4 эскадроновъ кавалеріи,

подъ начальствомъ князя Долгорукова, должна была выступить въ 2 часа по полуночи. При этой колоннѣ находились командующій отрядомъ и князь Витгенштейнъ.

Часомъ позже, слѣдовало выступить второй колоннѣ, графа Борха, съ главными силами, которыя составляли: 3 батальона пѣхоты и рота саперъ, 8 орудій и сотня кавалеріи.

Наконецъ, еще часомъ позже, назначалось выступить вагенбургу, подъ прикрытіемъ 6-ти ротъ пѣхоты, 2-хъ орудій и сотни казаковъ. На разсвѣтѣ туманнаго и роковаго для насъ 28-го августа, эта диспозиція стала приводиться въ исполненіе. Ровно въ 2 часа пополуночи, пѣхота колонны князя Долгорукова двинулась въ походъ и черезъ полчаса за нею послѣдовала и кавалерія.

Разстояніе между Ироджей и Геокъ-Тепе предполагалось въ 12 верстъ, между тѣмъ, это разстояніе оказалось вдвое большимъ. Дорога большею частію была ровная, но не доходя 10 верстъ до укрѣпленія текинцевъ, начинались довольно высокіе холмы. Только-что передовыя войска перевалили черезъ эти возвышенности, какъ текинцы, въ числѣ 2000 человѣкъ, начали фланговыя и тыльныя атаки на подступавшіе войска. Эти атаки, мало приносившія урона, однако настолько задерживали наступленіе, что колонна князя Долгорукова подошла къ Геокъ-Тепе только въ полдень, т. е. до начала боя находилась въ пути 10 часовъ безъ питья и пищи.

Посмотримъ же, что этимъ войскамъ поручили сдѣлать. Укрѣпленіе Геокъ-Тепе представляетъ прямоугольникъ, длинныя стороны котораго имѣютъ около 700, а короткія около 450 саженъ. Сѣверныя и западныя его стороны ограждены двумя параллельными валами, изъ которыхъ передъ наружнымъ, имѣющимъ около 3 саженъ высоты, находился ровъ въ 2 сажени глубиною, затѣмъ на нѣкоторомъ разстояніи тянулся водяной ровъ, сзади котораго былъ насыпанъ еще валъ, вышиною въ одну сажень. Съ восточной и южной сторонъ укрѣпленіе окружено полями джунгары (родъ кукурузнаго растенія), сзади которыхъ имѣлась невысокая (около 3 фут.) глиняная стѣнка съ треугольнымъ ровикомъ впереди. Такою же стѣнкою отдѣлялся также почти квадратный „загонъ", примыкавшій къ сѣверо-западному углу крѣпости и представлявшій закрытый ходъ изъ крѣпости въ „калу", т. е. квадратный дворъ, окруженный глиняными высокими (до 5 саженъ) стѣнами, съ небольшими ровиками впереди. Кала, примыкавшая къ загону, съ западной стороны была единственная, но недалеко отъ нея находилась еще укрѣпленная мельница, на протекавшемъ впереди всего фронта крѣпости арыкѣ. За то съ восточной стороны такихъ калъ было три, хотя только одна изъ нихъ, къ моменту штурма, была занята непріятелемъ [1].

[1] Такое описаніе Геокъ-Тепе, сопровождая его планомъ, даетъ г. Барановскій, но оно невѣрно, судя по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ и точнымъ съемкамъ топографовъ

Численность этого непріятеля г. Барановскій опредѣляетъ въ 15 тысячъ человѣкъ, но кромѣ нихъ за тѣми же валами помѣстилось еще 12 тысячъ кибитокъ, такъ что все населеніе укрѣпленія доходило до 30 тысячъ. Часть этихъ кибитокъ не умѣстилась внутри крѣпости, а потому до 400 изъ нихъ были тѣсно размѣщены между первымъ и вторымъ валомъ въ шахматномъ порядкѣ и приспособлены до нѣкоторой степени къ оборонѣ.

Къ полудню 28-го августа, передовая колонна отряда, послѣ 2-хъ часовой перестрѣлки съ джигитами и наѣздниками, подошла къ крѣпости. 800 ружей и 6 мелкихъ орудій—вотъ что составляло боевую силу этого отряда. И тѣ и другія находились въ рукахъ людей, въ высшей степени измученныхъ жаждой, жарой и усталостью. Подойдя къ Геокъ-Тепе, генералъ Ломакинъ тотчасъ же выдвинулъ 6 орудій отряда на позицію и приказалъ открыть огонь по мельницѣ и калѣ, составлявшей сѣверо-западный уголъ укрѣпленія. Огонь нашихъ орудій, снаряды которыхъ попадали въ густыя массы текинцевъ, находившихся за валами, производилъ ужасающее опустошеніе. Видя эти потери среди женъ и дѣтей своихъ и не желая умирать массами, текинцы сдѣлали вылазку. Генералъ Ломакинъ приказалъ играть наступленіе и наши батальоны, опрокинувъ нестройныя полчища „халатниковъ", ворвались въ средину первой калы. Къ этому же времени часть кавалеріи, подъ начальствомъ князя Голицына, обскакала укрѣпленія съ сѣвера на востокъ и заняла спѣшенными драгунами калу, занятую на восточной сторонѣ текинцами.

Можно себѣ представить, какія опустошенія производили снаряды нашихъ орудій, попадавшіе въ густое населеніе, собравшееся за стѣнами крѣпости. Вотъ почему нѣтъ ничего невѣроятнаго въ показаніяхъ нѣкоторыхъ, что еще въ началѣ боя часть текинцевъ выходила изъ крѣпости съ изъявленіемъ покорности; но генералъ Ломакинъ потребовалъ, чтобы сдались муллы и ишаны, безъ чего не соглашался прекратить огня. Тогда часть женщинъ и дѣтей попробовала выйти изъ крѣпости на востокъ, но и эта попытка была парализована кавалеріей князя Голицына.

Халатникамъ оставалось только... умирать. Между тѣмъ авангардъ, хотя и съ успѣхомъ, но уже дрался 3 часа, а главныя силы еще только подходили. Казакъ, посланный за ними, былъ убитъ, а начальникъ главной колонны, графъ Борхъ, не могъ не дать отдыха своимъ людямъ, рѣшительно изнемогавшимъ подъ палящимъ зноемъ.

Къ тремъ часамъ, эти войска, находившіяся въ пути 12 часовъ, подошли къ укрѣпленію и тотчасъ же стали занимать позицію.

и инженеровъ отряда генер. Скобелева. Но такъ какъ между 28 августа 1879 и 12-мъ января 1881 года текинцы могли многое измѣнить въ деталяхъ укрѣпленій, а г. Варановскій далъ описаніе, которое казалось вѣрнымъ штурмующимъ, то мы и сохранили его здѣсь, предполагая въ слѣдующемъ номерѣ „Истор. Вѣстн." дать настоящій планъ этой памятной для насъ мѣстности. В. П.

Размѣщеніе всѣхъ войскъ отряда (1300 человѣкъ) передъ штурмомъ было крайне просто. Они размѣстились на равныхъ дистанціяхъ, часть отъ части въ 500 шагахъ, противъ западнаго и сѣвернаго фасовъ возвышавшагося передъ ними укрѣпленія. Слабыя части кавалеріи наблюдали за восточной и южной его сторонами. Позади пѣхотныхъ частей стояла артиллерія, противъ каждаго фаса по 8 орудій. Ровно въ 5 часовъ раздался сигнальный выстрѣлъ изъ 4-хъ орудій и войска дружной массой бросились на крутые откосы стоявшихъ передъ ними валовъ.

Но въ тотъ же моментъ на вершинѣ тѣхъ же валовъ вдругъ выяснилась фигура муллы въ развѣвающейся одеждѣ, съ кораномъ въ рукѣ, произносившаго священное заклятіе. По его призыву изъ разныхъ выходовъ укрѣпленія на русскіе батальоны (!!) бросилась масса фанатизированныхъ храбрецовъ, разъ въ пять превышавшихъ число штурмующихъ. На каждый штыкъ приходилось 5—6 шашекъ, стрѣлять было некуда, такъ какъ наши войска утонули въ нахлынувшей толпѣ текинцевъ. Началась ужасающая свалка! Мужество русскаго воинства было подвергнуто страшному испытанію. Войска наши, застигнутыя врасплохъ, думавшія болѣе о томъ, чтобы халатникъ не бѣжалъ, и вовсе не ожидавшія такого энергическаго нападенія и притомъ измученныя, стойко выдержали ударъ этой, внезапно налетѣвшей на нихъ, лавины. Но масса взяла свое, горсть храбрецовъ должна была, наконецъ, уступить—и въ это-то критическое время только хладнокровіе русской артиллеріи, непотерявшейся въ общей суматохѣ и суетнѣ и подпустившей отчаянную аттаку текинцевъ, подъ предводительствомъ Берды-Мурадъ-хана, на 15 саженъ, спасла отрядъ отъ возможнаго окончательнаго его истребленія.

Пять мѣткихъ картечныхъ залповъ, изъ которыхъ однимъ былъ убитъ Берды-Мурадъ-ханъ, остановили отчаянную аттаку текинцевъ и заставили ихъ снова искать убѣжища за валами крѣпости.

Мы пишемъ не военную исторію, и потому опускаемъ множество поразительнѣйшихъ деталей этого чрезмѣрно энергическаго штурма. Читатели „Историческаго Вѣстника" уже имѣютъ понятіе о причинахъ неудачи, постигшей генерала Ломакина подъ стѣнами крѣпости „халатниковъ", изъ правдивой статьи г. Демурова, одного изъ участниковъ злополучнаго штурма. Въ книгѣ г. Т. М. Барановскаго, подробностей, детальныхъ свѣдѣній о дѣйствіи каждой части войскъ и едва ли не каждаго изъ офицеровъ, находится еще болѣе [1]). Но все

---

[1]) Замѣчу, для библіографической точности, нѣчто по адресу автора брошюры „Русскіе въ Ахалъ-Текѣ 1879 г." У него Переяславскимъ драгунамъ отведена слишкомъ активная роль въ злополучномъ штурмѣ. Безспорно, это одинъ изъ лучшихъ кавказскихъ полковъ, но все-таки трудно вѣрится, чтобы они всюду поспѣвали, являясь то кавалеріей, то пѣхотой, скакали въ аттаку, ходили въ штыки и, главное, вездѣ являлись главными вершителями дѣла. Увлеченіе сослуживца простительно, любовь къ своему знамени—необходимая доблесть военнаго, но правдивый историкъ

это, имѣя высокій личный интересъ и сохраняя достаточную чисто военную поучительность, все-таки мелко въ изложеніи крупнаго историческаго факта, и потому мы выпускаемъ эти подробности.

Пусть вспомнитъ читатель разсказъ г. Демурова, какъ отступавшіе подъ натискомъ халатниковъ солдаты, падая отъ изнеможенія и усталости, обращали къ не менѣе ихъ измученнымъ офицерамъ свои отчаянныя жалобы:

— Ваше благородіе, моченьки нѣтъ! Ваше благородіе, патроновъ нѣтъ! Ваше благородіе, водицы бы испить!

Пусть вспомнитъ онъ эти крики, великіе по своей простотѣ и выразительности, и этого будетъ достаточно, чтобы вполнѣ вѣрно оцѣнить размѣръ понесеннаго нами пораженія. Цифры потерь немного прибавятъ къ этому. Изъ 1300 человѣкъ сражавшихся, убыло 26 офицеровъ и 426 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, то есть, изъ трехъ бившихся пострадалъ одинъ. Въ свою очередь, текинцы потеряли до 2000 человѣкъ изъ числа сражавшихся, и 3000 женщинъ и дѣтей болѣе или менѣе пострадали отъ выстрѣловъ по крѣпости.

Очевидно, что противники были достойны другъ друга, и образъ „халатника", живущаго въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ, путемъ кровавой драмы 28-го августа, безслѣдно исчезъ въ нашемъ представленіи о текинцахъ.

IV.

Возвращеніе.

Легко гг. стратегамъ въ своихъ положеніяхъ, имѣющихъ всегда передъ глазами условія европейскихъ войнъ, писать правила объ отступленіи въ порядкѣ. Интересно было бы послушать, что бы они посовѣтовали злополучной горсти измученныхъ, обезсиленныхъ людей, передъ которыми находится побѣдитель въ 5—6 разъ ихъ сильнѣйшій, а сзади тянется 400 верстная пустыня, отдѣляющая ихъ отъ операціонной базы? Какъ въ этомъ случаѣ отступить въ порядкѣ, если на рукахъ этихъ же воиновъ находятся еще 250 человѣкъ изувѣченныхъ въ бою товарищей?

Въ теоріи—такое отступленіе немыслимо, но на практикѣ дѣлаютъ то, что можно, не задаваясь далекими цѣлями, полагаются на судьбу и случай, стараясь болѣе инстинктивно, чѣмъ умственно, поскорѣе выдти изъ сферы, ближайшей изъ всѣхъ угрожающихъ опасностей.

все-таки долженъ усмирять въ себѣ военнаго. Такъ, напримѣръ, послѣ такого штурма, какъ штурмъ 28-го августа, трудно повѣрить слѣдующему свидѣтельству автора. Описывая возвращеніе на бивакъ заблудившихся при отступленіи Переяславцевъ, г. Барановскій пишетъ: „Точно гора съ плечъ свалилась у всѣхъ; „драгуны вернулись!" пронеслось по отряду и все свободно вздохнуло... все оживилось" (стр. 125).

Что обрадовались—это вѣрно, но чтобы оживились и свободно вздохнули — навряд ъ!

В. П.

Къ 8 часамъ вечера 28-го августа, разбитый отрядъ генерала Ломакина, отступая со всѣхъ пунктовъ, стянулся у мельницы, расположенной на дальнемъ арыкѣ, въ трехъ верстахъ отъ крѣпости. Идти далѣе не было физической возможности и потому отрядъ остановился. Изъ предосторожности не приказано было разводить костровъ, и солдаты остались безъ горячей пищи, а верблюды и лошади безъ пойла. Наступила прохладная темная южная ночь. Въ лагерѣ царствовала угрюмая тишина, прерываемая иногда только стонами раненыхъ или ревомъ голодныхъ и непоеныхъ верблюдовъ. Сначала еще не знали, что̀ будетъ утромъ, повтореніе ли штурма или отступленіе. Господинъ Туганъ-Мирза Барановскій сомнѣвается въ необходимости отступленія, г. Демуровъ—признаетъ его неизбѣжнымъ. Факты рѣшаютъ разногласіе въ пользу послѣдняго. Именно потому, что въ текинцахъ видѣли простыхъ халатниковъ, а узнали въ нихъ воиновъ въ тотъ моментъ, когда уже ничего нельзя было поправить, — защитники Геокъ-Тепе одержали не только матеріальную, но и нравственную побѣду надъ русскими. Можетъ быть, учащенною стрѣльбою по семьямъ текинцевъ можно было заставить ихъ покинуть крѣпость, но отрядъ генерала Ломакина не могъ уже завоевать оазисъ—онъ почувствовалъ свою слабость, а это чувство есть главное основаніе неуспѣха всякаго, а тѣмъ болѣе военнаго, дѣла.

Отступленіе было неизбѣжно, и только впечатлѣнію богатырей, произведенному нашими войсками на текинцевъ, слѣдуетъ объяснить сравнительно счастливый характеръ этого отступленія. Зная и видя, какою цѣною покупается побѣда надъ русскими, текинцы съ удовольствіемъ построили намъ золотой мостъ отступленія, по всѣмъ правиламъ, рекомендуемымъ въ стратегіи генерала Леера. Они вѣжливо, но постоянно преслѣдовали отрядъ, какъ бы приглашая его удалиться изъ оазиса.

Справедливость такихъ соображеній подтверждается еще болѣе оцѣнкою отряда генераломъ Тергукасовымъ, прибывшаго 19-го сентября въ укрѣпленіе Чатъ и послѣ смотра рѣшившаго невозможнымъ продолжать съ тѣми же войсками экспедицію.

Очевидно, дѣйствительное значеніе пораженія при Геокъ-Тепе понимали и тѣ, которые еще наканунѣ такъ спѣшили не упустить случай немедленно наказать текинцевъ, и потому утро принесло категорическое приказаніе отряду: отступать!

Но даже и по золотому мосту, отряду, болѣе конвоируемому, нежели преслѣдованному, отступать было трудно, при чемъ, разумѣется, всего болѣе мукъ и страданій выпало на долю раненыхъ. Санитарныхъ и перевязочныхъ средствъ было мало. При отрядѣ находился отрядъ Краснаго Креста, имѣвшій 10 одноконокъ, при 9 человѣкахъ санитаровъ. Въ каждой одноконкѣ помѣщалось только по 4 человѣка, а раненыхъ было 248! Кромѣ 40 счастливцевъ, попавшихъ въ

одноконки, 8 человѣкъ были упакованы въ каруцу, принадлежавшую Переяславскимъ драгунамъ, а остальные, которые рѣшительно не въ силахъ были идти, привязывались къ бокамъ верблюдовъ!

У г. Барановскаго картины этой перевозки выражены весьма рельефно и потому мы позволимъ себѣ нѣсколько дословныхъ выписокъ.

Раненымъ, помѣщеннымъ въ одноколкахъ и каруцѣ, было сравнительно недурно, покуда ѣхали по ровному мѣсту; но имъ приходилось очень плохо, когда путь пролегалъ по мѣстностямъ, усѣянныкъ камнями.

„При каждомъ сильномъ толчкѣ—говоритъ г. Барановскій—они сталкивались другъ съ другомъ; нерѣдко отъ этихъ сотрясеній у раненаго сползала перевязка и рана открывалась, причемъ больной, до прибытія доктора или фельдшера, истекалъ кровью. Разъ я увидѣлъ каруцу, медленно подвигавшуюся впередъ; изъ боковаго отверстія ея высунулась по колѣно чья-то нога и мѣрно била тактъ о бокъ каруцы. Подъѣхавъ къ ней, я замѣтилъ шедшему рядомъ солдату, чтобы онъ поправилъ несчастному ногу. „Да ее, ваше благородіе, некуды сунуть“.—Какъ некуда? возразилъ я удивленно и слѣзъ съ лошади. Подошелъ къ каруцѣ, заглянулъ въ нее. Боже мой, что тамъ дѣлалось! Туловища, руки, головы, ноги—все было перепутано. Въ первый моментъ я не могъ разглядѣть, что кому принадлежитъ. Солдатъ почти правду сказалъ, что висѣвшую ногу некуда сунуть. Несчастный хозяинъ ея лежалъ безъ чувствъ и мало о ней заботился“.

Каково же было ѣхавшимъ на верблюдахъ?!

„Верблюдъ, какъ извѣстно, на ходу двигается иноходью, покачиваясь то въ одну; то въ другую сторону. Ѣзда на немъ въ высшей степени утомительна и для здороваго человѣка, особенно съ непривычки; какова же она была для раненыхъ, которые вдобавокъ еще были привязаны веревками, протиравшими имъ ноги? Вотъ идетъ мимо насъ верблюдъ; съ боку его привязанъ раненый солдатъ съ помертвѣлымъ лицомъ; слѣды запекшейся крови чернѣютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на рубашкѣ; онъ привязанъ въ сидячемъ положеніи къ подставкѣ. Мѣрно выступаетъ верблюдъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, раненый тоже покачивается всѣмъ тѣломъ, ударяется въ тактъ спиной о сѣдло и испускаетъ глухіе стоны. Ноги его висятъ на воздухѣ, сильно раскачиваясь. Давно уже несчастный ихъ не чувствуетъ, еще на первой верстѣ перехода онѣ у него совершенно затекли. — „Братцы, ослобоните, моченьки моей больше нѣтъ, лучше ужъ помереть“. Но бѣднаго солдата нельзя было снять съ верблюда, такъ какъ пѣшкомъ онъ не въ силахъ былъ идти, вслѣдствіе тяжелой раны въ животѣ, а въ одноколкахъ не было ни одного свободнаго мѣста.

„Въ первые два дня отступленія—прибавляетъ г. Барановскій—когда раненые не были еще разсортированы, многіе изъ нихъ съ болѣе серьезными ранами тащились пѣшкомъ. Между послѣдними были и офицеры. Такъ, напримѣръ, поручикъ лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка Ардишвили два дня шелъ пѣшкомъ въ цѣпи аріергарда. Его рана весьма замѣчательна: пуля ударила ему въ верхнюю часть правой руки, прошла надъ лопаткой, задѣла слегка позвоночный столбъ, прошла далѣе надъ лѣвой лопаткой и вышла наконецъ наружу. Вслѣдствіе этой раны, ему парализовало обѣ руки и страшно распухла спина. Къ концу втораго дня отступленія несчастный изнемогалъ и только тутъ ему дали лошадь, на которой онъ и поѣхалъ далѣе.

„Нѣсколькихъ изъ наиболѣе тяжело раненыхъ офицеровъ солдаты несли на носилкахъ“.

А кругомъ пустыня, днемъ палящій зной, а ночью до костей пронизывающій холодъ!

Кромѣ заботы о раненыхъ, отступленіе затруднялось еще отсутствіемъ провіанта и особенно фуража.

29-го августа, на разсвѣтѣ, войска отряда начали отступленіе, построившись въ родъ каре, въ головѣ и хвостѣ котораго находилась пѣхота и артиллерія, кавалерія съ ракетными станками по флангамъ, а обозы и санитарныя повозки въ срединѣ. Первое направленіе дано было на Енгіа-Батыръ-кала, по старой дорогѣ, но тутъ генералъ Ломакинъ нашелъ удобнѣе придвинуться ближе къ южному кряжу, съ цѣлью обезпечить одинъ флангъ отъ нападенія, и потому повернулъ отрядъ къ Каракарызу. Тутъ снова отрядъ, не раздѣваясь и не переcѣдлывая лошадей, провелъ тревожную ночь съ 29 на 30 августа. Текинцы на этомъ первомъ переходѣ мало тревожили отрядъ, однако все-таки самыя строгія предосторожности считались нелишними. У Каракарыза, подъ стѣнами укрѣпленія, эриванскій батальонъ похоронилъ прапорщика Григорьева, погибшаго на валахъ Геокъ-Тепе отъ 27 сабельныхъ ударовъ. Первый переходъ солдаты несли трупъ молодаго героя на носилкахъ. На этомъ же привалѣ солдаты и офицеры, послѣ двухъ-суточнаго голоданія, варили себѣ горячую пищу. Но на слѣдующемъ уже ночлегѣ сталъ оказываться недостатокъ провіанта и солдаты начали истреблять козловъ. Отъ Карыза отрядъ снова повернулъ въ сторону старой дороги и подошелъ къ Дуруну. Затѣмъ движеніе продолжалось къ Арчману, около котораго произошла довольно значительная стычка съ текинцами, спустившимися въ числѣ 800 коней съ горъ отъ аула Нахура.

4-го сентября, отрядъ, двигавшійся хотя и медленно, но постоянно, подошелъ къ Беурмѣ. Здѣсь ему рѣшено было дать отдохнуть и даже генералъ Ломакинъ думалъ было укрѣпить этотъ пунктъ и держаться въ немъ до пріѣзда къ отряду генерала Тергукасова, а также и до прихода подкрѣпленій, которыя, дѣйствительно, еще за два перехода ранѣе начали подходить къ отступавшимъ. Но бѣда заключалась въ томъ, что фуража рѣшительно не было, люди также питались лошадиными галетами (приготовленными на конопляномъ маслѣ), предпочитая ихъ тощей козлятинѣ, а лошади и верблюды буквально голодали и падали въ неимовѣрномъ числѣ. Тѣмъ не менѣе, на третій день приказано было отобрать наиболѣе крѣпкихъ животныхъ и отправить ихъ за провіантомъ въ Дузъ-Олумъ. Но черезъ 6 часовъ послѣ того, какъ эти верблюды отправились по назначенію, отрядъ неожиданно для себя получилъ приказаніе—отступить! Оказалось, что было получено извѣстіе о приближеніи Нуръ-Верды-хана съ 15-ю тысячами всадниковъ и артиллеріею, который намѣревался, занявъ Бендесенскій перевалъ, отрѣзать отряду путь отступленія. Поднялась невообразимая суматоха, драка и споры за оставшихся полуживыхъ верблюдовъ, на которыхъ только и можно было двинуть тяжести и

особенно больныхъ отряда. Какъ никакъ, но въ 1 часу дня, 6-го сентября, отрядъ, однако, выступилъ въ Бами, гдѣ и провелъ ночь, послѣднюю для него въ оазисѣ. На слѣдующій день предстоялъ трудный переходъ въ Бендесенъ черезъ горный перевалъ. Миновавъ его, русскіе вышли изъ оазиса, употребивъ на движеніе туда и обратно 17 сутокъ. Дальнѣйшее движеніе отступающихъ къ Чикишляру не представляетъ интереса. Но вотъ эпизодъ, случившійся въ Бендесенѣ, который также характеренъ для полной картины произведенной нами экспедиціи.

Вотъ какъ сообщаетъ объ этомъ удивительномъ происшествіи г. Т. М. Барановскій.

По приходѣ въ Бендесенъ, утромъ 8-го сентября, пронеслась по отряду всѣхъ поразившая вѣсть,—ночью бѣжалъ изъ нашего лагеря Тыкма-Сердаръ, ханъ бамійскій и беурмійскій, съ сыномъ своимъ Софи-ханомъ и свитой изъ 8 человѣкъ. Какимъ образомъ имъ удалось бѣжать, этого никто не могъ себѣ объяснить. Они были помѣщены почти въ центрѣ лагеря въ кибиткѣ, къ которой была приставлена стража, вокругъ же лагеря расположена аванпостная цѣпь, и несмотря на то—они бѣжали, и только утромъ это замѣтили.

Само собою, бѣгство военно-плѣнныхъ изъ среды лагеря, явленіе довольно странное—чтобы не сказать болѣе. Не вѣроятнѣе ли, что ихъ просто отпустили, не видя нужды держать долѣе, такъ какъ плѣненіе Тыкма-Сердара сдѣлано было вопреки всякихъ правилъ.

Тыкма-Сердаръ пріѣхалъ въ лагерь добровольно, съ изъявленіемъ покорности и съ обѣщаніемъ дани, но прося русскихъ не входить въ оазисъ. Такихъ условій, конечно, нельзя было принять, но удерживать пословъ, какъ военноплѣнныхъ, тащить ихъ подъ стражею до Геокъ-Тепе, дѣлать старика свидѣтелемъ, какъ русскіе снаряды ложились въ средину кибитокъ, между которыми находилась кибитка и его семьи и затѣмъ провести его назадъ, незнающаго ничего объ участи постигшей его близкихъ,—все это было непростительно безчеловѣчно и, главное, совершенно ни къ чему не нужно. Вотъ почему можно повѣрить г. Барановскому, когда онъ говоритъ, что девять десятыхъ отряда обрадовались, узнавъ объ его побѣгѣ.

Въ Бендесенѣ войска остановились и оправились; здѣсь оказались запасы сухарей и баранины, а для лошадей кое-какой фуражъ. 8-го сентября, однако, отрядъ, все-таки тревожимый еще текинцами, перешелъ въ Теръ-Саханъ, гдѣ и простоялъ до 13.

Къ этому времени прибылъ въ Чикишляръ новый начальникъ экспедиціи, генералъ Тергукасовъ, и къ 15-му числу переѣхалъ въ Чатъ. 19-го былъ смотръ частямъ отряда, находившимся въ Чатѣ, и въ тотъ же день генералъ Тергукасовъ поѣхалъ въ Теръ-Саханъ. Но уже 20-го числа было отдано приказаніе войскамъ продолжать отступленіе къ морю и далѣе на Кавказъ. Въ отрядѣ появилась диссентерія, цынга и лихорадки, уносившія людей хуже текинскихъ набѣговъ.

Къ ноябрю, перевозка войска на Кавказъ, была окончена, за исключеніемъ небольшихъ отрядовъ, оставшихся въ Чатѣ и Чикишлярѣ.

На этотъ разъ роковымъ предначертаніямъ исторіи не суждено было осуществиться. Экспедиція кончилась, принеся неоспоримое убѣжденіе, что халатъ—вовсѣ не очевидное доказательство трусости и слабости тѣхъ, кто его носитъ. Текинцы, несмотря на халатъ, пріобрѣли наше безспорное уваженіе, за которое войска на первыхъ же порахъ заплатили нѣсколькими сотнями напрасно загубленныхъ жизней, а государство 10 милліоновъ безплодно истраченныхъ рублей. Наконецъ, та же экспедиція убѣдила и въ томъ, что девизъ Цезаря—veni, vidi, vici—не годится для обыкновеннаго генерала, особенно, способнаго слишкомъ буквально ему повѣрить.

В. П.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

ВОСПОМИНАНІЯ О РОССІИ АРМАНА ДОМЕРГА [1].

III.

Наши успѣхи въ Москвѣ.—Русское дворянство.—Интриги С.-Джемскаго кабинета.—Отозваніе Коленкура изъ Россіи.—Ненависть г. Майкова къ французамъ.—Мое столкновеніе съ Майковымъ.—Покушеніе на мою жизнь.—Оскорбленіе, нанесенное Наполеономъ русскому дворянству.—Суевѣріе русскихъ.—Возрастающая строгость.—Предвѣстники войны.—Моя попытка уѣхать изъ Россіи.—Перемѣна въ обращеніи русскихъ съ французами.—Императоръ Александръ въ Москвѣ.—Произволъ Ростопчина.—Слова Ростопчина, сказанныя имъ князю Хованскому.—Происхожденіе и портретъ графа Ростопчина.

Благосклонный пріемъ, оказанный намъ по нашемъ прибытіи въ Москву тамошнею знатью, и наши успѣхи внушили намъ самыя пріятныя надежды. Къ несчастію, эта благосклонность была недолговременна, и мы незамедлили подвергнуться притѣсненіямъ, которыя сначала дѣлались не открыто и нерѣшительно, но вскорѣ обратились въ настоящія преслѣдованія. Ненависть русскихъ къ французамъ явилась постепенно. Она обнаружилась еще въ 1810 году. Толчекъ, данный изъ Петербурга, быстро отразился въ Москвѣ и разошелся отсюда по всей имперіи. Поворотъ въ политикѣ произвелъ перемѣну и въ нашемъ положеніи.

День ото дня все сильнѣе и глубже становилась національная вражда русскихъ къ гордымъ побѣдителямъ. Французы вездѣ возбуждали ненависть. Всѣ вельможы раздѣляли и поддерживали это предубѣжденіе. Во французскомъ театрѣ такъ-же, какъ и въ прежніе годы, но еще съ большимъ восторгомъ, принимались всякій случай, каждый намекъ, который могъ подвергнуть насъ презрѣнію или насмѣшкамъ. Хотя я былъ тогда еще очень молодъ и вовсе не мѣшался

---

[1]) См. „Истор. Вѣстн.“, іюнь, 1881 г. стр. 343—363.

въ политику, но меня сильно поражали эти симптомы раздраженія, все болѣе возраставшаго въ отношеніи моего отечества.

Напротивъ, тѣ пьесы, героями которыхъ являются французы, возбуждали сильный ропотъ и вызывали оскорбительныя ссоры между зрителями. Вскорѣ принуждены были исключить изъ репертуара всѣ пьесы, гдѣ фигурировали французскіе персонажи, какъ такія, которыя были способны произвести скандалъ, или оскорбить національную щекотливость.

Отъ экзальтированнаго дворянства политическій фанатизмъ незамѣтно перешелъ къ крестьянамъ и проникъ въ ряды арміи.

Понятно, какую вражду должно было возбудить среди надменныхъ петербургскихъ придворныхъ при такомъ настроеніи умовъ гордое и смѣлое поведеніе Коленкура. Его удаленіе было рѣшено. Всѣ политическія партіи соединили свои усилія для достиженія этой цѣли. Они легко восторжествовали надъ человѣкомъ, который не могъ противустоять имъ посредствомъ интриги. Утомленный непріятностями, которыя дѣлала ему русская знать, онъ въ 1811 г. просилъ о своемъ отозваніи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ получилъ его и былъ смѣненъ Лористономъ, который взялъ въ свои руки дѣла посольства. Русскіе думали, не безъ нѣкотораго основанія, что Александръ, уступая коварнымъ внушеніямъ и лукавымъ совѣтамъ, просилъ объ этой смѣнѣ Наполеона, съ которымъ онъ велъ частную переписку.

Съ этой минуты, потому ли, что смѣна посланника оставляла насъ безъ поддержки, или потому, что усложненія европейской политики допускали тѣ притѣсненія, которыми насъ удручали, только мы увидѣли, что на насъ посыпались придирки безъ конца. Наши театральныя пьесы, каковы бы онѣ ни были, подвергались строгой цензурѣ, и г. Майковъ, директоръ императорскихъ театровъ, произвольно пользовался правами, которыя ему давало его мѣсто. Онъ затѣвалъ ссоры съ нашими артистами, чтобы имѣть предлогъ жестоко поступать съ ними, и когда тѣ съ своей стороны справедливо отвѣчали обвиненіями на такіе презрѣнные поступки, то онъ довольно глупо называлъ ихъ якобинцами. Не было униженія, котораго бы намъ не пришлось перенести, а когда графъ Ростопчинъ смѣнилъ графа Гудовича въ должности московскаго губернатора, эти униженія перешли въ оскорбленія. Г. Майковъ въ особенности отличался постоянствомъ въ преслѣдованіи насъ своею низкою мстительностію. Этотъ выскочка, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ родовое дворянство презрительно называло „une espèce“, оказалъ себя наиболѣе рьянымъ въ преслѣдованіи. Однажды, по поводу какого-то разногласія, весьма, впрочемъ, незначительнаго, происшедшаго между Майковымъ и мною, разговоръ вдругъ дошелъ до того, что за ссорою непосредственно послѣдовали угрозы. Меня за эту выходку отправили въ полицію, а оттуда препроводили подъ арестъ при театрѣ. Я воспользовался досугомъ узника, чтобы сочинить по этому поводу попурри,

которое намѣренъ былъ послать къ суперъ-интенданту и распространить въ городѣ, но г. Ивашкинъ, начальникъ московской полиціи, мягкій и снисходительный нравъ котораго составлялъ контрастъ съ грубостью г. Майкова, отклонилъ меня отъ этого намѣренія, напомнивъ мнѣ о вспыльчивости и силѣ моего врага. Между тѣмъ, слухъ о томъ, что я приготовляю какую-то бумагу, касающуюся г. камергера, уже распространился. Онъ прислалъ ко мнѣ своего повѣреннаго, съ предложеніемъ даровать мнѣ свободу, подъ условіемъ, чтобъ я ничего не писалъ противъ него. Я принялъ статьи этого договора и былъ выпущенъ на свободу. Но этимъ не кончилась еще злоба г. Майкова. Я всегда подозрѣвалъ, что онъ принималъ сильное участіе въ томъ покушеніи, жертвою котораго я едва не сдѣлался. По крайней мѣрѣ, предшествовавшіе факты оправдываютъ мое предположеніе.

Черезъ нѣсколько дней по выходѣ моемъ изъ подъ ареста, въ то время, какъ я ночью работалъ въ своемъ кабинетѣ, находившемся въ нижнемъ этажѣ, сильно пущенный въ окно камень задѣлъ меня по головѣ и ударился въ противоположную стѣну. Всѣ мои усилія поймать виновнаго не привели ни къ чему. Этотъ случай показываетъ, какимъ опасностямъ я могъ подвергаться.

Наконецъ, послѣ многихъ придирокъ, администрація императорскихъ театровъ объявила намъ, что французскій театръ болѣе не будетъ существовать.

Война между Франціею и Россіею все болѣе и болѣе казалась неизбѣжною. Ненависть къ французамъ пріобрѣла себѣ популярность. Она находила себѣ поддержку въ писаніяхъ одного французскаго эмигранта, издававшаго въ Петербургѣ газету подъ названіемъ „Сѣверная Пчела“, въ которой заключалась самая грубая брань на Наполеона. Дворянство и высшее общество выражало одобреніе этимъ отвратительнымъ діатрибамъ. Одно неосторожное слово Наполеона довершило раздраженіе русской аристократіи. Князь Тюфякинъ, представлявшійся Наполеону по какому-то случаю, былъ принятъ имъ довольно небрежно. Казалось, что Наполеонъ умышленно не называлъ его во время свиданія иначе, какъ monsieur. По окончаніи аудіенціи, кто-то замѣтилъ, что Тюфякинъ — князь. Наполеонъ ограничился отвѣтомъ: „я не зналъ, что въ Россіи всякій болванъ (tout faquin-Tufakin) — князь“. Этого было достаточно, чтобы довести до крайней степени раздраженіе русскаго дворянства противъ Наполеона. Впослѣдствіи, съ умысломъ переиначивали выраженія его прокламацій, чтобы выставить его самымъ яростнымъ врагомъ дворянства. Такимъ образомъ, посредствомъ подлога, приписывали ему слѣдующую фразу, которая была суровымъ манифестомъ, направленнымъ противъ русской аристократіи. „Я накажу (сказалъ будто бы Наполеонъ) это гордое дворянство! Я поставлю этихъ варваровъ въ предѣлы, назначенные имъ самою природою“ и т. п. Всѣ подобныя хитрости имѣли

одну цѣль, которой они безошибочно достигали: — соединить весь русскій народъ въ одномъ чувствѣ мщенія. Эта задача была такъ хорошо выполнена, что въ короткое время имя Наполеона стало ненавистно всѣмъ сословіямъ. Одни смотрѣли на него, какъ на мятежника, котораго надо обуздать. Другіе, менѣе просвѣщенные, видѣли въ немъ злаго духа; это послѣднее мнѣніе не будетъ казаться столь страннымъ, если мы скажемъ, что русскіе крайне суевѣрны и слѣпо вѣрятъ въ силу магіи. Я видѣлъ въ 1811 году русскихъ дамъ, самаго знатнаго происхожденія, которыя воскрешали въ наши дни колдовство временъ невѣжества и варварства и производили воображаемыя заклятія Наполеону, протыкая булавками и иголками его изображеніе изъ воска: онѣ думали этимъ уничтожить вліяніе великаго полководца.

Строгость, съ какою давно уже обращались съ нами, увеличиваясь постепенно, заставляла насъ предчувствовать весьма серьезныя событія. Сначала всѣ французы, проживавшіе въ Россіи, были приглашены въ полицейскія управленія тѣхъ губерній, гдѣ жили; съ нихъ взяли клятву, что они не будутъ имѣть никакихъ скошеній съ своимъ отечествомъ. Ихъ заставили, такимъ образомъ, сдѣлаться русскими подданными. Въ 1812 году, ихъ арестовывали, заключали въ тюрьму или изгоняли и даже подвергали тѣлесному наказанію, какъ увидимъ впослѣдствіи. Судя по этой прогрессіи, мы должны были опасаться кроваваго возмездія, въ случаѣ, если политика объявитъ новый разрывъ между двумя народами. Пусть не думаютъ, что въ этихъ опасеніяхъ было преувеличеніе: не отъ графа Ростопчина зависѣло, что не произошло всеобщее избіеніе; но не станемъ забѣгать впередъ въ ходѣ событій.

Между тѣмъ, внушительное положеніе Франціи позволяло намъ еще сомнѣваться въ возможности войны. Но одинъ русскій господинъ, имѣвшій возможность знать положеніе своей страны, сказалъ мнѣ: „Не обманывайтесь! война будетъ. Мы подеремся, не уступимъ, вы увидите“.

— И, будьте увѣрены, мы побѣдимъ, прибавила одна пожилая дама.—Теперь вашему Наполеону уже не помогаетъ волшебная сила его первой жены. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на австрійкѣ, Жозефина не сопровождаетъ его болѣе на войну...

Это было дѣйствительно общепринятое повѣрье между русскими, будто Жозефина, обратившись въ голубя, сопровождала Наполеона въ битвахъ, что она узнавала силы и положеніе непріятеля и прилетала обратно сообщить своему супругу. Русскія дамы, которыя по своему образу жизни и воспитанію должны бы, казалось, оставаться въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ увлеченій, чувствовали непреодолимое отвращеніе къ Наполеону и вообще французамъ. Случай, который я разскажу, дастъ объ этомъ понятіе. Одна знатная дама,— фамиліи не помню—жившая въ Москвѣ, на Дмитровкѣ, вовсе не хо-

тѣла вѣрить тому, что говорилось въ началѣ кампаніи 1812 года о быстрыхъ успѣхахъ нашего оружія. Вдругъ она узнаетъ, что Наполеонъ со своей арміей готовъ вступить въ Москву. Эта новость была для нея громовымъ ударомъ. Она хочетъ въ одно и то же время и бѣжать, и остаться. Страхъ и національная гордость борются въ ея душѣ; она плачетъ, грозитъ, отчаявается. Волненіе, происходящее въ ней, до того сильно, что она падаетъ, пораженная ударомъ, и черезъ нѣсколько минутъ умираетъ.

Съ своей стороны народъ, суевѣрный и легкомысленный, видѣлъ предвѣстія войны въ великолѣпномъ каруселѣ, который былъ устроенъ дворянствомъ. Небо, казалось, хотѣло подтвердить народую вѣру стеченіемъ необыкновенныхъ явленій. Статуя Петра Великаго, стоявшая на куполѣ сената, была низвергнута сильнымъ ураганомъ. Явленіе кометы 1811 года не оставляло болѣе сомнѣнія даже въ сильныхъ умахъ Россіи. Тѣ, которые брались за предвѣщанія, видѣли въ этомъ явленіи вѣрное предвѣстіе страшной арміи, которая быстро нахлынетъ на Россію съ запада, но обратное движеніе которой будетъ еще быстрѣе.

Не давая вѣры этимъ предзнаменованіямъ, я, тѣмъ не менѣе, благоразумно разсудилъ не ожидать событій. Освободившись отъ всѣхъ обязательствъ относительно администраціи императорскихъ театровъ, я подалъ формальную просьбу о паспортѣ для возвращенія во Францію. Вдали отъ столицы эта просьба влекла за собою безконечныя формальности. Наконецъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ напраснаго ожиданія, потому ли, что петербургская канцелярія воспротивилась этому, или графъ Ростопчинъ считалъ дѣломъ высокой политической важности разрѣшить мнѣ уѣхать изъ Москвы, но только мнѣ отказали въ средствахъ возвратиться въ мое отечество. Я искалъ причины, которая могла навлечь на меня подозрѣніе правительства и не находилъ въ моей прошлой жизни ничего, что могло бы оправдать столь произвольный поступокъ. Было бы безуміемъ съ моей стороны думать, что въ глазахъ московскаго начальства я считался человѣкомъ, котораго надо было бояться въ случаѣ войны. Впрочемъ, я не могъ забыть, какъ однажды послѣ репетиціи какой-то пьесы, гдѣ я заставлялъ маневрировать сотню фигурантовъ, г. Майковъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ тономъ вкрадчивымъ и съ оттѣнкомъ лукавства: „Были ли вы въ военной службѣ!“ Дѣйствительно, это было самою черною измѣною, что французскій тактикъ упражнялъ москвичей въ военныхъ маневрахъ. Я очень склоненъ думать, что послѣ моей просьбы о паспортѣ начальникъ вспомнилъ о стратегической опытности режиссера императорскаго театра!..

Потерявъ всякую надежду добиться возвращенія на родину, я не зналъ, чѣмъ наполнить мой досугъ. Всѣ наши сношенія съ русскимъ обществомъ вдругъ прекратились. Дворяне, предваряя нарушеніе политическихъ трактатовъ, не щадили униженій и даже насилій въ от-

ношеніи французовъ-учителей ихъ дѣтей. Эти поступки, которымъ подражали ученики и даже прислуга, дѣлали положеніе учителей очень ненадежнымъ. Весною 1812 года, я рѣшился, чтобы развлечься въ моемъ бездѣйствіи, посѣтить одного вельможу, г. Всеволожскаго, который прежде очень просилъ меня побывать у него въ имѣніи, въ 50 верстахъ отъ Москвы. Сначала я былъ принятъ съ самымъ искреннимъ радушіемъ, но прошло лишь два дня, какъ сдержанность и холодность заступили мѣсто любезности. Предполагая, что новыя политическія несогласія дѣлаютъ мое пребываніе непріятнымъ, я распрощался съ моими хозяевами и уѣхалъ. Другой помѣщикъ, Плещеевъ, писалъ мнѣ, что если я желаю провести съ нимъ и его семействомъ лѣто, то онъ пришлетъ своихъ людей, карету и лошадей, чтобы отвезти меня въ его деревню, находившуюся въ Орловской губерніи. Я ждалъ напрасно: политика помѣшала отправиться въ дорогу людямъ, каретѣ и лошадямъ.

25 іюня 1812 года, Наполеонъ перешелъ Нѣманъ. Императоръ Александръ, встревоженный успѣхами непріятеля, внезапно оставилъ свою армію у Полоцка и отправился въ Москву для созданія новыхъ средствъ защиты. Все громадное населеніе города вышло на встрѣчу ему до Смоленскихъ воротъ. Императоръ отправился прямо въ сенатъ, гдѣ графъ Ростопчинъ, между прочимъ, предложилъ обнести городъ ретраншементами, вооружить населеніе для самозащиты и удвоить бдительность и строгость относительно французовъ, проживавшихъ въ городѣ. Александръ сначала энергически отвергалъ послѣднее предложеніе. „Зачѣмъ, говорилъ онъ, трогать французовъ, живущихъ въ Россіи? Я знаю, что они безвредны и любятъ меня". Ростопчинъ все-таки настаивалъ на крайней необходимости этой мѣры. Но вслѣдствіе ли убѣжденія, или по слабости характера, или, наконецъ, вслѣдствіе затруднительности положенія, императоръ предоставилъ генералъ-губернатору право принимать всякія мѣры, какія онъ сочтетъ необходимыми.

Съ этихъ поръ за нами въ Москвѣ учредился суровый надзоръ, а скоро наступилъ и терроръ.

Послѣ отъѣзда Александра, Ростопчинъ тотчасъ же воспользовался дарованною ему неограниченною властью. По его приказу, рабочіе съ купоросной фабрики одного француза, по имени Претро, должны были оставить свои мастерскія и были замѣнены нѣмцами. Подъ руководствомъ англичанина Смита, присланнаго изъ Петербурга, они дѣлали конгревовы ракеты, предназначавшіяся для зажженія города на случай его занятія, но, чтобы обмануть публику на счетъ этихъ приготовленій, было объявлено, что приготовляется большой аэростатъ, который, по наполненіи его горючими составами, будетъ пущенъ надъ непріятельской арміей.

Если народъ слѣпо вѣрилъ въ возможность этой смѣшной идеи, то для дворянъ, по крайней мѣрѣ, не было совершенною тайною

предположеніе сжечь Москву. Объ этомъ глухо поговаривали, но кромѣ приближенныхъ губернатора никто не могъ вѣрить въ осуществленіе этого ужаснаго замысла.

Графъ Ростопчинъ прежде не имѣлъ такой неограниченной власти, которой онъ жаждалъ и которою поражалъ и друга, и недруга. При всякомъ случаѣ онъ проявлялъ свой буйный, вспыльчивый и мстительный характеръ, дѣлавшій его страшнымъ даже для самыхъ мирныхъ жителей города. Его ненависть къ французамъ была извѣстна, и всѣ знали, что онъ не отступитъ предъ самыми отчаянными средствами, чтобы только вырвать у непріятельской арміи побѣду надъ Москвою. Еще за нѣсколько дней раньше этого, онъ напечаталъ брошюру, гдѣ его злоба высказалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Каждая изъ его прокламацій дышала тѣмъ же чувствомъ, выраженнымъ языкомъ балагурнымъ и простонароднымъ.

Сами русскіе, впрочемъ, не меньше иностранцевъ имѣли поводы жаловаться на Ростопчина. Онъ употреблялъ и въ отношеніи первыхъ строгость, которая доходила нерѣдко до варварства. Въ доказательство мы приведемъ слѣдующіе факты.

Со времени нашествія французовъ, всѣ иностранные журналы были тщательно задерживаемы на почтѣ. Одинъ очень молодой человѣкъ, Верещагинъ, сынъ богатаго купца, находясь въ дружбѣ съ кѣмъ-то изъ служащихъ на почтѣ, имѣлъ случай читать иногда запретные листы и немедленно сообщалъ новости одному изъ своихъ пріятелей. Губернаторъ, узнавъ о нарушеніи своихъ приказаній, приговорилъ несчастнаго молодого человѣка къ смертной казни за вину, которая съ излишкомъ была бы искуплена арестомъ на нѣсколько дней. Мы потомъ узнали ужасныя подробности этой казни. Графъ наказалъ также изъ-за пустяковъ плетьми своего повара, француза Турнэ.

Къ сказанному нами обо всѣхъ этихъ насиліяхъ, мы прибавимъ еще одну черту, которая дорисуетъ характеръ московскаго губернатора. Однажды, за обѣдомъ у графа Апраксина, на который и я былъ приглашенъ, Ростопчинъ, ведя оживленный разговоръ съ княземъ Хованскимъ, вдругъ воскликнулъ, устремивъ на меня свои сверкающіе глаза: „Я не буду доволенъ до тѣхъ поръ, пока не выкупаюсь въ крови французовъ!“ Ужасная рѣчь эта была достойна свирѣпаго герцога Альбы, имя котораго прославилось варварскими дѣяніями и который писалъ королю португальскому: „непрестанно молю Бога, дабы даровалъ онъ мнѣ милость, помогъ истребить побольше сарациновъ: я горю желаніемъ выкупаться въ ихъ крови“.

Историкъ Сегюръ утверждаетъ, что Ростопчинъ происходилъ отъ одного изъ величайшихъ завоевателей Азіи. Намъ въ точности неизвѣстно, на какомъ авторитетѣ основываетъ историкъ великой арміи доказательства этого происхожденія, такъ какъ въ Россіи я объ этомъ ничего не слышалъ. Ростопчинъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, имѣлъ выразительную физіономію, оживленную боль-

ными, чрезвычайно быстрыми глазами. Нельзя отрицать въ немъ природнаго ума. Онъ не обладалъ основательными и глубокими познаніями, но никто лучше его не умѣлъ занимать и забавлять блестящее общество. Этотъ свѣтскій талантъ составлялъ странную противоположность съ его вспыльчивостью и раздражительностью, близкими къ безумію, которымъ онъ иногда предавался. Другимъ контрастомъ въ его характерѣ было то, что не смотря на сильную ненависть, которую онъ питалъ къ французамъ, его любимое чтеніе составляли французскіе писатели.

IV.

Ссыльные французы. — Проскрипціи.—Мой арестъ.—Списки осужденныхъ.—Переселеніе въ домъ Лазарева.—Мнимое торжество русскихъ.—Плѣнники.—Г. Волковъ.—Барка.—Прокламація Ростопчина.—Отъѣздъ.—Пловучая тюрьма.—Пѣсни.—Насъ посѣщаютъ наши дамы.—Опасности, которымъ онѣ подвергались.—Плаваніе по Москвѣ рѣкѣ.—Коломна.—Генералъ Измайловъ.—Отступленіе русскихъ.—Обманутыя ожиданія.—Рязань.—Возмутительное вымогательство.

Французская армія приближалась къ Москвѣ. Наполеонъ остановился въ Витебскѣ и оттуда распоряжался военными дѣйствіями. Послѣ нѣсколькихъ сраженій съ разъединенными войсками Барклая и Багратіона, наша армія перешла на лѣвый берегъ Днѣпра и направилась къ Смоленску. Страна была оставлена почти совсѣмъ безъ защиты. Быстрое приближеніе Наполеона, возбуждая живыя опасенія въ умахъ московскихъ жителей, ухудшило наше печальное положеніе: съ этой минуты насъ стерегли, не спуская глазъ. Каждый день мы видѣли, какъ проѣзжали французы, ссылаемые изъ Петербурга въ Сибирь. На нашихъ глазахъ арестовали Этьеня, бывшаго учителемъ у одного богатаго господина, и молодого Геро, который издалъ въ то время сборникъ анекдотовъ и поэму въ честь Александра; но и панегирикъ императору не могъ спасти автора отъ суровости ссылки. Оба эти несчастные были брошены въ кибитку и отправлены въ Сибирь. Такія преслѣдованія не могли насъ успокоить насчетъ ожидавшей насъ участи. Предчувствія наши скоро оправдались.

Утромъ, 20 августа 1812 года, Робертъ, сынъ одного французскаго купца, жившаго въ Москвѣ, до свѣту прибѣжалъ извѣстить насъ о томъ, что по распоряженію Ростопчина многіе изъ нашихъ соотечественниковъ были арестованы ночью. Не разсчитывая избѣгнуть этой участи, я ожидалъ, что будетъ. Напрасно родные говорили мнѣ, что если я явился въ Россію подъ покровительствомъ власти, то нельзя нарушить международнаго права безъ явной несправедли-

вости, и что, по крайней мѣрѣ, не посмѣютъ насильно ворваться въ жилище шведскаго консула г. Сундлерса, въ домѣ котораго я жилъ. Я слишкомъ хорошо зналъ подозрительную русскую полицію, чтобы имѣть на это надежду. Я не ожидалъ, чтобы меня щадили болѣе, чѣмъ другихъ, столь же мало виновныхъ, какъ и я. Поэтому я занялся приготовленіями къ путешествію, не зная ни времени его, ни продолжительности.

Предосторожности эти не были напрасны. Въ полдень, когда мы только-что садились за столъ, я увидалъ изъ глубины двора, гдѣ былъ расположенъ флигель, въ которомъ я жилъ, что съ улицы на дворъ вошелъ квартальный въ сопровожденіи двухъ будочниковъ, вооруженныхъ алебардами. Мнѣ объявили приказъ сдаться безъ сопротивленія. Мой арестъ былъ дѣломъ графа Ростопчина и ничто съ моей стороны не могло вызвать это новое насиліе. Я обнялъ плачущую семью и, уповая на лучшее будущее, отправился подъ конвоемъ будочниковъ.

Выйдя на улицу, квартальный, которому моя покорность, безъ сомнѣнія, внушила увѣренность, отпустилъ свое подкрѣпленіе и пригласилъ меня сѣсть на свои дрожки. Сидя на нихъ между квартальнымъ и его кучеромъ, я не имѣлъ возможности сдѣлать попытку къ побѣгу, даже еслибы и хотѣлъ. Но, не говоря уже о томъ, что мое бѣгство показалось бы подтвержденіемъ вины, которую мнѣ приписывали, я сдѣлалъ бы свое положеніе еще болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе невозможности найдти убѣжище, безопасное отъ полиціи. Итакъ, мнѣ оставалось только покориться силѣ обстоятельствъ.

Мы проѣхали, такимъ образомъ, много улицъ, и въ это время я не разъ слышалъ самыя низкія ругательства и самыя грязныя восклицанія. Надо признаться, что твердость меня покинула, когда вмѣсто того, чтобы продолжать путь до того дома, гдѣ, я зналъ, находились въ предварительномъ заключеніи мои земляки, экипажъ остановился передъ полицейскимъ домомъ нашего квартала. Я начиналъ безпокоиться этой исключительной мѣры. Мысли, самыя мрачныя, представлялись моему встревоженному воображенію. Что я сдѣлалъ?.. Въ чемъ меня обвиняютъ?.. Я не видалъ никого, не получалъ и не читалъ журналовъ, не говорилъ и не занимался политикою. Я не могъ отдѣлаться отъ невольнаго страха. Я вспоминалъ о женѣ и сынѣ, и это воспоминаніе было тѣмъ тяжелѣе для меня, что я не зналъ, придется ли мнѣ еще видѣть ихъ. Я опасался судьбы Геро, Турне и многихъ другихъ, которыхъ дальняя ссылка лишила самыхъ дорогихъ привязанностей. Мнѣ мерещилась Сибирь, плети, кнутъ.... Какъ знать?...

Я уже долгое время предавался моимъ печальнымъ размышленіямъ, когда замѣтилъ въ углу залы, куда меня привели, одинъ изъ тѣхъ роковыхъ проскрипціонныхъ листовъ, о которыхъ разсказывалъ Робертъ. Списокъ былъ составленъ по категоріямъ и въ алфавитномъ

порядкѣ. На меня, безъ сомнѣнія, смотрѣли какъ на самаго опаснаго, потому что мое имя стояло первымъ въ первой категоріи. Прочитавъ этотъ списокъ, я оледенѣлъ отъ ужаса. Я написалъ женѣ записку, въ которой старался подать ей надежду, которой у самого не было, и успокоить на счетъ моей участи. Затѣмъ я попросилъ моихъ караульныхъ доставить письмо по адресу, но въ этой милости мнѣ было отказано. Тогда я придумалъ поручить посылку моей собакѣ, гордому сибирскому псу, который, не смотря на угрозы и удары нашего кучера, упорно слѣдовалъ за мною. Я прикрѣпилъ записку подъ шею собакѣ и по данному приказанію она отправилась домой.

Въ ожиданіи послѣдствій ареста, оставленный въ жертву смертельному безпокойству, я не могъ отогнать мысли о томительной ссылкѣ. Я жалѣлъ, но слишкомъ поздно, что послѣ закрытія нашего театра не уѣхалъ въ Петербургъ, откуда также, какъ и другіе артисты французскаго театра этого города, я былъ бы отправленъ на берега Швеціи, что, конечно, считалъ бы милостью для себя. Болѣе счастливые, чѣмъ мы, эти артисты отправились въ Гамбургъ, гдѣ проявляли свои таланты до и во время блокады города союзными войсками. Потомъ они возвратились во Францію гораздо раньше, чѣмъ русское правительство подумало возвратить намъ свободу. Находясь подъ арестомъ всего нѣсколько часовъ, я чувствовалъ, что неволя меня давитъ какъ камень.

Наконецъ, съ наступленіемъ ночи, я снова увидалъ будочниковъ которые пришли за мной, чтобы отвести меня въ домъ Лазарева. Послѣ десяти часовъ, проведенныхъ въ томленіи скучнаго уединенія, меня присоединили къ другимъ арестованнымъ. На слѣдующій день я имѣлъ пріятное утѣшеніе видѣться съ сестрою и женою. Онѣ мнѣ сказали, что я обязанъ ихъ стараніямъ, что меня перевели къ Лазареву.

Возрастающіе успѣхи нашихъ войскъ и взятіе Смоленска не способны были утишить вражду Ростопчина къ французамъ. Новое разочарованіе усилило въ немъ жажду мщенія. Послѣ Бородинской битвы, Кутузовъ, котораго императоръ, вопреки своему желанію, назначилъ на мѣсто Барклая де-Толли командовать русскою арміею, объявилъ, что побѣда осталась за нимъ, и что непріятельская армія разбита. Вѣсть эта послужила поводомъ къ общему ликованію. „Тебѣ Бога хвалимъ" пѣлось торжественно во всѣхъ церквахъ имперіи. Только нѣсколько дней спустя, стали извѣстны истинные результаты этого сраженія. Ростопчинъ былъ жестоко разочарованъ. Это обстоятельство было причиною того, что за нами стали смотрѣть еще строже.

Домъ Лазарева, гдѣ насъ держали, не былъ тюрьмою. Составляя частную собственность, этотъ домъ случайно сдѣлался мѣстопребываніемъ арестантовъ. Изъ видовъ мстительности не было принято никакихъ мѣръ для огражденія его отъ насилій со стороны

черни, постоянно волновавшейся подъ нашими окнами. Всего одинъ полицейскій офицеръ стерегъ насъ внутри, да часовой, все вооруженіе котораго состояло въ саблѣ, охранялъ наружную дверь. Такимъ образомъ, мы были предоставлены народной ярости, которую возбуждали противъ насъ многочисленные шпіоны. Наконецъ, уступая нашимъ настоятельнымъ просьбамъ, начальство согласилось дать намъ смѣшную стражу, состоявшую изъ шестерыхъ инвалидовъ.

Каждую минуту производились новые аресты. Число заключенныхъ въ домѣ Лазарева вскорѣ дошло до сорока человѣкъ. Мы занимали, какъ попало, три небольшія комнаты во второмъ этажѣ на улицу. По мѣрѣ того, какъ прибывало новое лицо, безпорядокъ увеличивался отъ присутствія нашихъ семей, которыя приносили намъ предметы первой необходимости: съѣстное, матрасы и т. п., потому что эти три комнаты, совершенно пустыя, представляли для нашего отдохновенія только полъ. Случалось, что намъ отказывали даже въ обыкновенномъ арестантскомъ содержаніи, а между тѣмъ, среди насъ были люди нуждающіеся.

Замѣчательная особенность этихъ арестовъ, доказывающая всю ихъ нелѣпость, состояла въ томъ, что изъ сорока арестованныхъ четвертая часть были нѣмцы изъ разныхъ германскихъ земель: австрійцы, гамбургцы, швейцарцы, пруссаки, которые всѣ, раздѣляя національную вражду того времени, обнаруживали нескрываемую антипатію къ намъ. Но для Ростопчина всѣ иностранцы были одинаково подозрительны.

Эта манія подозрительности дошла до того, что арестовали одного швейцарца, мальчика 14 лѣтъ, только что пріѣхавшаго изъ своей родины къ своему брату, купцу Веберу. Намъ стоило большого труда убѣдить полицейскаго офицера, который его арестовалъ, что возрастъ этого ребенка уже избавляетъ его отъ всякаго подозрѣнія въ измѣнѣ. Еще было труднѣе побудить графа Ростопчина, послѣ многихъ хлопотъ, выпустить свою добычу.

Утромъ втораго дня, намъ объявили офиціально, что насъ удаляютъ изъ Москвы. Нѣкоторыя свѣдѣнія, не совсѣмъ удовлетворительныя, касательно нашего назначенія, изъ котораго дѣлали тайну, а также извѣстіе, что это путешествіе должно совершиться водою, возбудили безпокойство въ нашихъ женщинахъ. Онѣ побѣжали посмотрѣть судно, предназначенное для нашей перевозки. Это плоское судно, длиною 21 аршинъ и шириною 13, было также непріютно, какъ тѣ три комнаты, которыя служили намъ мѣстомъ предварительнаго заключенія. Такъ какъ наши горькія жалобы на холодное безучастіе, управлявшее мѣрами, относившимися къ нашей перевозкѣ, оставались безъ всякаго дѣйствія у Ростопчина, то мы не хотѣли возобновлять ихъ. За недостаткомъ человѣколюбія въ губернаторѣ, мы сдѣлали добровольную складчину, каждый по десяти рублей. Полученная сумма была употреблена на покупку всего необходимаго, чтобы удобнѣе устроиться на суднѣ.

При наступленіи ночи, явился полиціймейстеръ Волковъ, съ приказомъ перебираться на судно. Этотъ достойный человѣкъ, казалось, съ сожалѣніемъ исполнялъ свой долгъ. Онъ растроганнымъ голосомъ сказалъ намъ слѣдующее: „Господа! мой долгъ возлагаетъ на меня въ отношеніи васъ непріятное порученіе, но я его исполню со всѣмъ вниманіемъ, какого требуетъ ваше положеніе. Я долженъ васъ предупредить въ вашемъ же интересѣ, что офицеръ, которому поручено васъ сопровождать, получилъ самыя строгія предписанія. Не ухудшайте же вашей участи, ставя себя въ положеніе, въ которомъ съ вами будетъ поступлено весьма строго".

Увидя толпу народа, еще болѣе увеличившуюся, при извѣстіи о нашемъ отправленіи, и ожидавшую насъ на улицѣ съ враждебными намѣреніями, многія изъ нашихъ женщинъ упали въ обморокъ. Волковъ счелъ за лучшее вывести насъ потаеннымъ ходомъ, но эта мудрая предосторожность, которая должна была спасти насъ отъ народной ярости, чуть не погубила насъ. Дѣйствительно, едва мы переступили порогъ двери, какъ народъ, замѣтивши, что насъ хотятъ скрыть отъ него, стремительно обѣжалъ кругомъ и сталъ на нашемъ пути съ угрожающими криками. Это было страшное скопище смѣшанныхъ голосовъ, угрозъ и ругательствъ. Но присутствіе Волкова, который, дружески подалъ руку мнѣ и г. Аллару, мгновенно прекратило шумъ, и народъ пропустилъ насъ. Наши спутники шли позади, подъ прикрытіемъ шестерыхъ ветерановъ.

Среди этой угрожающей толпы, при слабомъ свѣтѣ наступающихъ сумерекъ, еле дышащіе, измученные неизвѣстностію, пришли мы къ берегу Москвы рѣки на мѣсто, гдѣ надо было садиться въ лодку.

Волковъ вошелъ первый на судно. Онъ развернулъ списокъ и при свѣтѣ фонаря сдѣлалъ перекличку сорока осужденнымъ. По мѣрѣ того какъ насъ вызывали, мы быстро перебѣгали по доскѣ, положенной съ берега на барку. Три другихъ судна, стоявшія подлѣ нашего, были предназначены для будущихъ ссыльныхъ, но приближеніе французовъ помѣшало московскому губернатору продолжать аресты.

Когда мы всѣ перебрались на барку, намъ прочли прокламацію Ростопчина. Это произведеніе часто цитировалось, но ни разу не было приведено вполнѣ вѣрно. Ручаюсь за его подлинность. Вотъ слова этой прокламаціи.

„Французы! Вашъ императоръ, въ одномъ изъ своихъ воззваній къ арміи, сказалъ: „Французы! Вы мнѣ столько разъ говорили, что любите меня; докажите же это, послѣдовавъ за мною въ сѣверныя страны, гдѣ царствуетъ зима и запустѣніе, гдѣ царь открываетъ свои гавани англичанамъ, нашимъ вѣчнымъ врагамъ..." Французы! Россія дала вамъ убѣжище, а вы не перестаете выражать противъ нея свою враждебность. Дабы избѣжать кровопролитія и не запятнать страницы своей исторіи подражаніемъ вашей адской революціонной ярости, правительство увидѣло себя въ необходимости удалить васъ.

Вы оставляете Европу и отправляетесь въ Азію. Вы будете жить среди народа гостепріимнаго, вѣрнаго своимъ клятвамъ и слишкомъ васъ презирающаго, чтобы дѣлать вамъ зло... Постарайтесь сдѣлаться тамъ добрыми подданными, потому что никогда вамъ не удастся заразить народъ вашими вредными принципами. Взойдите на барку, придите въ себя (entrez dans la barque... rentrez en vous-mêmes) и постарайтесь не сдѣлать изъ нея лодку Харона..."

Эта позорная прокламація поразила насъ. Глубокое молчаніе послѣдовало за чтеніемъ ея. Волковъ, проникнутый сожалѣніемъ, что принужденъ былъ намъ прочесть это оскорбительное воззваніе, поспѣшилъ тотчасъ же сказать намъ нѣсколько любезныхъ словъ. Затѣмъ, онъ простился съ нами и сошелъ на берегъ, унося съ собою наши благословенія и оставивъ насъ исполненными признательности, которая никогда не прекратится. Черезъ минуту, съ берега былъ поданъ сигналъ къ отплытію. Общее ура толпы, стоявшей на берегу, отвѣчало ему. Полицейскій офицеръ, назначенный сопровождать насъ, приказалъ отчалить судно, которое, по теченію рѣки, медленно стало удаляться отъ берега. Вскорѣ ночь сгустилась и Москва съ безчисленными своими колокольнями скрылась во мракѣ.

Брошенные въ эту барку, въ темнотѣ, мы оставались нѣсколько времени подъ впечатлѣніемъ изумленія и ужаса, въ которые насъ повергла прокламація графа Ростопчина. Что будетъ съ нами? Это коварное воззваніе навѣрно скрываетъ самые ужасные замыслы. Какое охранительное божество защититъ наши семьи во время нашего отсутствія и послѣ нашей смерти? Таковы были наши размышленія. Сидя гдѣ попало среди тюковъ и пожитковъ всякаго рода, нагромозженныхъ вокругъ насъ, мы хранили мрачное молчаніе. Наконецъ, холодъ сталъ насъ пробирать. Каждый устроился, какъ могъ лучше, чтобы провести ночь. Между тѣмъ, наше судно, увлекаемое теченіемъ, тихо плыло вдоль берега рѣки. Мы заснули, побѣжденные усталостію, избавившись, наконецъ, отъ угрозъ кровожадной толпы, ревъ которой терялся въ отдаленіи.

На другой день, съ разсвѣтомъ, мы увидѣли съ признательностію ту заботливость, которая приняла участіе въ нашемъ отъѣздѣ. Однѣ только женщины способны къ такимъ нѣжнымъ попеченіямъ. Не говоря уже о предметахъ всякаго рода, какъ-то бѣльѣ, посудѣ и провизіи, самое судно получило значительныя улучшенія. Это была уже не открытая барка, на которой мы были представлены суровости воздуха и леденящему ночному холоду. Благодѣтельные геніи—женщины превратили ее въ удобное и уютное убѣжище. Слѣдующее описаніе дастъ объ этомъ понятіе.

Судно, какъ я уже сказалъ, имѣло 21 аршинъ въ длину и 13 въ ширину. Посрединѣ была выстроена обширная каюта, занимавшая половину всего пространства. Крыша, въ которой было пробито единственное широкое окно, была сдѣлана изъ кусковъ древесной коры,

искусно соединенныхъ между собою. Перекладины, расположенныя на равномъ разстояніи одна отъ другой и соединенныя вверху, поддерживали крышу, скаты который скрывались въ бортахъ лодки. Войдя въ эту обширную каюту, вы увидѣли бы тамъ направо и налѣво длинный рядъ походныхъ постелей. Пространство, оставленное посрединѣ, образовывало родъ коридора, ведшаго къ двумъ выходамъ изъ нашего жилища. Посредствомъ рогожъ и полотна мы устроили перегородки, которыя образовали столько же отдѣльныхъ одна отъ другой каютъ. Ссыльные называли ихъ въ шутку „моя спальня“ „мой кабинетъ“ и т. д.

Первая каюта, справа отъ кормы, была занята начальникомъ нашей стражи. Онъ могъ оттуда наблюдать за своими плѣнниками и, въ случаѣ надобности, призвать на помощь караулъ, находившійся подлѣ него, только внѣ каюты.

Я позабылъ сказать, что въ головахъ нашихъ постелей былъ оставленъ узкій проходъ, гдѣ мы могли прятаться отъ глазъ нашихъ сторожей. Это было любимое мѣсто плѣнниковъ. Въ то время какъ офиціальный корридоръ посрединѣ служилъ попеременно пріемною, залою совѣта или столовою, маленькій проходъ былъ мѣстомъ секретовъ, дружескихъ совѣщаній и коварныхъ замысловъ.

Внѣ каюты, въ передней части судна, находилась кухня, если только можно этимъ именемъ назвать деревянные ящики въ три квадратныхъ фута ширины и 18 дюймовъ высоты, наполненные землею. На этихъ то печахъ грубаго устройства мы готовили нашъ обѣдъ. Передняя же часть судна служила мѣстомъ прогулки, фойе, читальной залою и т. п. Наконецъ, если прибавить къ этому караульню—небольшой баракъ, выстроенный изъ дерева, чтобы укрыть нашихъ шестерыхъ ветерановъ, то вы будете имѣть довольно вѣрное понятіе о нашей плавучей тюрьмѣ. Принимая въ соображеніе мѣсто и обстоятельства, мы не имѣли повода слишкомъ жаловаться.

Первый день былъ употребленъ на окончательное устройство нашего помѣщенія. Каждый принялся за работу. Строгали, пилили, околачивали. Вскорѣ, вмѣстѣ съ движеніемъ и трудомъ, возвратилась веселость, и черезъ нѣсколько часовъ мы уже шутили надъ прокламаціею Ростопчина, которая вчера еще внушала намъ столь сильный страхъ. Мы вспоминали названія, которыя угодно было московскому губернатору дать намъ; мы встрѣчались и расходились не иначе, какъ со словами: „здравствуйте, мошенникъ!“ и „прощайте, мошенникъ!“ Не было недостатка въ шуткахъ и пѣсняхъ. Начало было положено и изъ нѣсколькихъ скромныхъ куплетовъ, сложенныхъ сначала однимъ изъ нашихъ товарищей—Алларомъ, образовалась цѣлая маленькая поэма, весьма остроумная, внушенная происшествіями на нашей баркѣ.

Среди порывовъ этой чисто французской веселости, сформировались артели для житья сообща. Эти маленькія общины соединили

свою мебель, посуду и припасы, которыми снабдили насъ наши женщины. Каждый получилъ свою должность, даже до кухмистера. Мы дали другъ другу названія разныхъ дней недѣли, которымъ соотвѣтвѣтствовала очередь на кухнѣ. Такимъ образомъ были у насъ: господинъ Воскресенье, господинъ Понедѣльникъ и т. д.

Покуда судно наше удалялось по излучистому теченію Москвы рѣки, самопожертвованіе нашихъ женщинъ, жившихъ въ Москвѣ, не ослабѣвало. Не смотря па увеличивающееся разстояніе и опасность, которой онѣ, какъ француженки подвергались, полагаясь на русскихъ извозчиковъ, настроеніе которыхъ было, конечно, весьма подозрительно, эти дамы отваживались неоднократно находить къ намъ дорогу. Въ самомъ дѣлѣ, было неблагоразумно путешествовать среди раздраженнаго населенія, бѣгущаго отъ приближенія Наполеона, но чувство самосохраненія уступало въ нихъ голосу сердца. Онѣ не могли рѣшиться бросить безъ помощи, не обнявъ еще разъ, несчастныхъ стариковъ, отцовъ, мужей. Выходя въ дорогу съ разсвѣтомъ, эти дамы не рѣдко блуждали цѣлый день, не находя насъ, или, если онѣ приходили къ вечеру, имъ надо было возвращаться въ Москву среди ночи. Наши замѣчанія, наши нѣжныя увѣщанія не могли ничего сдѣлать противъ ихъ слѣпой преданности. Каждое ихъ посѣщеніе сопровождалось съ ихъ стороны какимъ нибудь новымъ знакомъ вниманія, новою услугою, цѣну которыхъ еще болѣе увеличивали ихъ сострадательность и нѣжность. Онѣ являлись всегда обремененными провизіею, подушками, одѣялами, шубами, овчинами и т. п.

Четыре изъ этихъ дамъ получили отъ Волкова разрѣшеніе сопровождать насъ. Что касается меня, то, опасаясь полученнаго нами секретнаго извѣщенія, которое гласило, что мы должны быть умерщвлены казаками, я воспротивился настояніямъ моего семейства сопровождать меня. Я даже взялъ съ собою только немного денегъ, около ста рублей ассигнаціями. Жена, пользуясь днемъ св. Людовика, моими именинами, прибавила къ этому еще кошелекъ съ 50 рублями, который она мнѣ принесла сама вмѣстѣ съ чемоданомъ, наполненнымъ бѣльемъ и одеждою. Эта помощь была мнѣ очень полезна впослѣдствіи, но увы! посѣщеніе это было послѣднимъ для заключенныхъ на баркѣ: мы въ это время удалились болѣе чѣмъ на 40 верстъ по прямой линіи отъ Москвы. Этотъ печальный день, эта жестокая разлука, оставила во мнѣ столь сильное впечатлѣніе, что 22 года, прошедшіе съ тѣхъ поръ, не могли изгладить его въ моемъ воспоминаніи.

Утромъ, на другой день, послѣ этой печальной разлуки, когда я спалъ въ моемъ отдѣленіи, что-то тяжелое и мокрое внезапно упало мнѣ на грудь. Это была моя собака, вѣрный посыльный, которымъ я воспользовался, находясь подъ арестомъ. Наканунѣ она сопровождала мою жену до Москвы. Когда она дошла до воротъ города, ей, вѣроятно, показалось, что миссія ея кончена; она вернулась, бѣжала

всю ночь, достигла барки и, переплывъ рѣку, повергла къ стопамъ своего несчастнаго господина свою преданность и услуги.

Между тѣмъ, все на нашемъ суднѣ приняло видъ и организацію настоящей тюрьмы. Здѣсь, какъ и вездѣ, были богатые и бѣдные. Отсюда названіе господъ, данное людямъ болѣе достаточнымъ и прозвище pailleux, которымъ означали менѣе счастливыхъ. День былъ раздѣленъ на часы отдыха и часы работы; назначено было время для прогулокъ, наконецъ, чтобы не избѣжать ни одного изъ тюремныхъ условій, мы могли къ списку нашихъ тюремщиковъ присоединить и списокъ нашихъ шпіоновъ. Одинъ жидъ, котораго всѣ подозрѣвали въ томъ, что онъ былъ посаженъ нарочно для того, чтобы слѣдить за нашими словами и поступками, былъ отвергнутъ всѣми артелями. Это презрительное невниманіе продолжалось во всѣ 26 мѣсяцевъ нашего заключенія. Оно происходило, впрочемъ, не отъ того, чтобы мы раздѣляли общее предубѣжденіе противъ потомковъ Израиля. Еслибы оно и существовало, то несчастіе, сблизившее насъ, уничтожило бы его: мы думали только о томъ, какъ бы помочь другъ другу. Вотъ тому доказательство.

Былъ первый день нашего плаванія. Пробилъ часъ обѣда. Мы столпились вокругъ импровизированныхъ столовъ, и нашъ сильный аппетитъ отдавалъ честь поставленнымъ кушаньямъ. Въ это время мы замѣтили нѣмецкаго жида, который одинъ-одинешенекъ сидѣлъ въ углу, проливая обильныя слезы. Его жадные взгляды, бросаемые на насъ, движеніе его челюстей, которыя машинально вторили движенію нашихъ, все показывало, что онъ мысленно пожиралъ нашъ скромный обѣдъ. Мы подбѣжали къ нему... Увы! мы слишкомъ хорошо угадали причину его слезъ: несчастный умиралъ съ голоду и, удерживаемый чувствомъ стыда, не рѣшался признаться въ своемъ горѣ. Мы усадили его посреди насъ и челюсти несчастнаго человѣка вскорѣ могли исполнять свое назначеніе уже не на воображаемыхъ яствахъ. Наше доброе дѣло не остановилось на этомъ: мы сдѣлали складчину, чтобы заплатить за ежедневный столъ для него. Согласились даже поочередно оказывать ему гостепріимство, но, надо признаться, мы никакъ не могли рѣшиться приглашать его ѣсть вмѣстѣ съ нами на будущее время: до того отвратительна была въ немъ неряшливость, свойственная большей части его единовѣрцевъ.

Покуда все это происходило, наша лодка встрѣчала тысячи препятствій на своемъ пути. Вода въ Москвѣ рѣкѣ, какъ и во всѣхъ рѣкахъ Россіи въ это время, сильно спала вслѣдствіе лѣтнихъ жаровъ, и наша тяжелая барка останавливалась, садилась на мель каждую минуту впродолженіе своего извилистаго плаванія. У насъ не было морского экипажа. Мѣняя иногда роль стражи на роль матросовъ, наши ветераны одни должны были управлять судномъ, когда какое-нибудь непредвидѣнное препятствіе мѣшало ему идти внизъ по теченію. Чрезвычайная небрежность, которую мы замѣчали кругомъ

насъ, неизвѣстность назначенія, наконецъ названіе „дальніе“, подъ которымъ насъ отправили изъ столицы—все это не могло насъ успокоить насчетъ роковаго рѣшенія, о которомъ мы догадывались. Мы тоже приняли свои предосторожности: большая часть изъ насъ позаботились устроить потихоньку, въ головахъ своихъ постелей, задвижныя, секретныя лазейки, чтобы спастись вплавь въ случаѣ опасности.

1 сентября, послѣ 8 дней труднаго плаванія, мы прибыли въ Коломну. Отъ этого небольшого городка до Москвы разстояніе сухимъ путемъ сто верстъ, но извилины рѣки дѣлаютъ путь водою по крайней мѣрѣ вдвое больше.

Первою заботою нашего капитана, послѣ того какъ былъ брошенъ якорь передъ Коломною, было пойти справиться у властей, не присылалъ ли графъ Ростопчинъ сюда какихъ нибудь распоряженій насчетъ нашего назначенія. Но городничій или начальникъ, къ которому онъ обратился, не понималъ, о чемъ ему говорятъ. Онъ, впрочемъ, какъ увидимъ, долженъ былъ думать совсѣмъ о другомъ среди смятенія, царствовавшаго въ Коломнѣ. Рѣшившись продолжать путь, нашъ капитанъ, однако, позволилъ намъ подъ конвоемъ 2 ветерановъ пойти закупить свѣжую провизію. Проходя по улицамъ Коломны, мы могли судить о томъ, какая кровавая битва произошла въ ея окрестностяхъ. Дома, общественныя мѣста, были завалены русскими ранеными; не знали, куда ихъ дѣвать, а безпрестанно прибывали новыя партіи этихъ несчастныхъ. Имѣя съ собою двухъ ветерановъ (самъ я тоже умѣлъ говорить по-русски), мы разспрашивали многихъ изъ этихъ раненыхъ. Это были старые солдаты изъ корпуса князя Багратіона. Они прибыли, какъ сказали намъ, изъ подъ Бородина, гдѣ ихъ погибло около 30.000.

До сихъ поръ все шло хорошо для насъ въ Коломнѣ. Наше судно, благоразумно поставленное на разстояніи полуверсты отъ города, не возбудило подозрѣнія, даже не обратило на себя ничьего вниманія. Но послѣ полудня, странность нашихъ костюмовъ, или, вѣрнѣе, указанія нѣкоторыхъ выходцевъ изъ Москвы, которые узнали насъ, привлекли на насъ вниманіе черни. На насъ вдругъ посыпались ругательства, полетѣли камни и только съ большимъ трудомъ намъ удалось возвратиться въ нашу пловучую тюрьму. Многіе изъ насъ получили тяжелые ушибы. Передъ городомъ черезъ Москву-рѣку былъ переброшенъ такъ называемый живой мостъ. Такъ какъ наше судно, къ величайшему счастію, снова пустилось въ путь, то мы успѣли пройти это мѣсто прежде, чѣмъ достигла его разъяренная толпа. Это было счастіе, потому, что для проѣзда надо было развести мостъ. Что было бы съ нами, если бы жители этому воспротивились?.. Пройдя это опасное мѣсто, мы вздохнули свободнѣе и, забравшись подъ нашу спасительную кровлю, могли презирать гнѣвъ толпы, которая долго преслѣдовала насъ криками и угрозами.

Недалеко отъ Коломны мы встрѣтили транспортъ судовъ, нагруженныхъ боевыми запасами. Имъ начальствовалъ генералъ Измайловъ. Замѣтивъ насъ, онъ тотчасъ перешелъ къ намъ на барку. Онъ былъ ласковъ и любезенъ. Онъ первый поклонился намъ—обстоятельство, которое тѣмъ болѣе насъ удивило, что національная вражда уничтожила въ русскихъ, даже получившихъ лучшее воспитаніе, всякую вѣжливость въ отношеніи насъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, сдѣланныхъ намъ о нашемъ изгнаніи, и послѣ того какъ мы напрасно освѣдомились, въ свою очередь, не знаетъ ли онъ чего о нашемъ назначеніи, разговоръ естественно перешелъ на войну. Человѣкъ хладнокровный и мыслящій, генералъ Измайловъ имѣлъ свѣтлый умъ и его слова дышали истиннымъ патріотизмомъ. Онъ говорилъ по-французски очень правильно.—„Вашъ Наполеонъ ведетъ противъ насъ не войну—сказалъ намъ Измайловъ, это какое-то нашествіе варваровъ. Онъ насъ тѣснитъ и давитъ, будто хочетъ уничтожить, но онъ не найдетъ ни точки опоры, ни препятствія, о которое могъ бы насъ разбить. Наполеонъ любитъ прогулки: хорошо! мы доставимъ ему это удовольствіе, заставимъ его прогуляться по Руси. Она велика... Но у насъ тоже есть люди; нашъ національный характеръ несокрушимъ, а судьба оружія перемѣнчива". Въ этихъ словахъ можно было узнать планъ, который дѣйствительно принялъ Барклай де-Толли съ начала кампаніи. Отъ береговъ Нѣмана онъ завлекъ Наполеона въ необозримыя степи Россіи.

При сліяніи Москвы съ Окою, распростился съ нами генералъ Измайловъ. Его умные совѣты и ободреніе, которыми надѣлилъ онъ насъ на прощанье, оставили въ насъ чувство уваженія къ благородному его характеру. Мы вошли въ Оку до наступленія ночи. Такъ какъ рѣка эта, въ которую впадаетъ Москва, полноводнѣе, то плаваніе наше стало не такъ затруднительно и ходъ судна ускорился.

Въ продолженіи 15, 16 и 17 чиселъ сентября, мы видѣли на правомъ берегу русскіе баталіоны, партіи раненыхъ и артиллерійскіе парки, которые въ безпорядкѣ двигались по направленію къ югу. Что значилъ этотъ внезапный поворотъ въ движеніи русскихъ? Не хотѣлъ ли Кутузовъ угрожать французской арміи движеніемъ, направленнымъ противъ ея фланговъ?.. Мы скоро оставили эту мысль: безпорядокъ, господствовавшій въ непріятельскихъ рядахъ, показывалъ скорѣе бѣгство, чѣмъ разсчитанное движеніе. Но разъ воображеніе пошло себя ласкать обманчивыми надеждами, оно нелегко останавливается: мы думали, что близка минута, когда насъ освободятъ наши земляки. Мы уже придумывали средства отдѣлаться отъ нашихъ инвалидовъ: самое умѣренное мнѣніе склонялось къ тому, чтобы побросать ихъ въ воду. Но увы! Быстрое движеніе безчисленныхъ ополченій и артиллерійскихъ парковъ, отлично устроенныхъ, которые, въ слѣдующіе затѣмъ дни, шли въ противоположную сторону, уничтожили наши надежды и мечты о свободѣ.

22-го сентября, очень рано утромъ, мы увидѣли Рязань, небольшой городъ на лѣвомъ берегу Оки. Начальникъ нашей стражи отправился въ городъ, но нашелъ здѣшняго начальника такъ же, какъ и въ Коломнѣ, ничего невѣдающимъ относительно нашего назначенія. Не зная, куда насъ везти, нашъ командиръ рѣшился ожидать въ Рязани приказаній, которыя, по обѣщанію Ростопчина, должны были дойти до него въ дорогѣ. Во время этой остановки нѣкоторымъ изъ насъ было позволено сходить на берегъ, но всегда подъ присмотромъ нашихъ солдатъ. Безпорядочность отступленія русскихъ, которой мы были свидѣтелями, движеніе милиціи въ противоположномъ направленіи, наконецъ безпокойство, которое мы замѣчали въ лицѣ нашего капитана, все это вскорѣ объяснилось для насъ тѣмъ, что мы узнали въ Рязани: „Французы вступили въ Москву!“ Это извѣстіе сломило, казалось, даже тѣхъ изъ русскихъ, сердца которыхъ были сильнѣе закалены. „Горе! горе! восклицали они, поднимая руки и глаза къ небу: нечестивый врагъ проникъ въ святой городъ“. Таково было вначалѣ впечатлѣніе, произведенное во всей имперіи взятіемъ Москвы. Но это отчаяніе продолжалось недолго. Вскорѣ случился роковой пожаръ, который постарались приписать французамъ. Правительство ухватилось за этотъ предлогъ, чтобы придать войнѣ характеръ народный и религіозный. Вся Россія, казалось, почерпнула въ этой великой катастрофѣ новую энергію.

При входѣ въ улицы Рязани, насъ поразила съ перваго шага, такъ же какъ и въ Коломнѣ, картина грустныхъ послѣдствій войны: она являлась здѣсь во всемъ своемъ ужасѣ. Не только дома, но и площади и улицы, были переполнены ранеными. Дороги были загромождены длинною вереницею фургоновъ, изъ которыхъ вырывались страдальческіе крики несчастныхъ. Напрасно они взывали о помощи: средства и усердіе были безсильны предъ столькими бѣдствіями. Что касается до проводниковъ этихъ повозокъ, то они преспокойно сидѣли себѣ на краю дороги, въ ожиданіи приказаній, а выпряженныя лошади щипали траву на сосѣднихъ поляхъ.

Между тѣмъ, рязанскій губернаторъ не зналъ о нашемъ пребываніи въ окрестностяхъ. Будучи увѣдомленъ о томъ, что наше судно спокойно стоитъ на якорѣ противъ города, онъ приказалъ нашему капитану уходить скорѣе. Французы приближались сюда. Вслѣдствіе этого, на носу нашей лодки была утверждена мачта и посредствомъ завозовъ, прикрѣпленныхъ къ ней, наше судно стали буксировать лошадьми. Русское взяточничество обнаружилось при этомъ во всемъ своемъ безстыдствѣ. Насъ хотѣли заставить заплатить издержки за этотъ ускоренный проѣздъ. Какъ и слѣдовало ожидать, большинство изъ насъ съ негодованіемъ отказалось отъ этого, но нѣкоторые, болѣе трусливые, безропотно покорились.

ГЛАВА V.

Продолженіе путешествія. — Казаки. — Собака-спаситель. — Столкновеніе судовъ. — Свѣтовыя явленія. — Сѣверный миражъ.—Рыбная ловля посредствомъ огня.—Ураганъ.—Кораблекрушеніе.—Мужикъ.—Энтузіазмъ русскихъ. — Касимовъ. — Объясненіе метеора. — Наше отчаяніе. — Бѣдствія ссыльныхъ. — Болѣзни. — Муромъ. — Гибель солдата. — Нижній-Новгородъ.—Вымогательство.—Окончаніе плаванія. — Плѣнные французы. — Баринъ. — Г. Пріори и госпожа Дивова.—Ускоренные переходы.—Отвѣтъ Ростопчина.—Отъѣздъ изъ Нижняго Новгорода.—Нападеніе рекрутъ.—Безчеловѣчность нашихъ конвойныхъ.—Мужикъ и ученая собака.—Прибытіе въ Макарьевъ.

Покорность судьбѣ и уваженіе, оказываемое нами командиру судна, успокоили его подозрительность. Грубый въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, этотъ человѣкъ имѣлъ природный умъ, который замѣнялъ ему недостатокъ или, лучше сказать, полное отсутствіе образованія. Мы перестали быть въ его глазахъ ссыльными, на которыхъ ему указывали, какъ на людей буйныхъ и опасныхъ, и онъ не только не ухудшалъ нашего положенія безполезными строгостями, но, напротивъ, старался облегчить его всякими льготами, которыя только не очень противорѣчили его долгу. Пока мы были въ предѣлахъ Московской губерніи, страхъ, внушаемый ему графомъ Ростопчинымъ, и весьма естественное опасеніе, чтобы мы не были освобождены своими соотечественниками, заставляли его принимать самыя мелочныя предосторожности.

Избавившись отъ этого двойнаго безпокойства, онъ ослаблялъ мало-по-малу свою строгость. Между прочими снисхожденіями, которыя онъ намъ дѣлалъ, одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ было позволеніе сходить поочередно на берегъ для прогулки. Правда, это дѣлалось всегда подъ присмотромъ сторожей ветерановъ, но прогулки отъ этого были не менѣе полезны для нашего здоровья. Гуляющіе, разсыпавшись по обоимъ берегамъ, шли то позади, то впереди барки. Одни болтали, курили, другіе прилагали на практикѣ свои ботаническія познанія. Иногда мы позволяли себѣ доходить до сосѣдней деревни, не столько изъ любопытства, сколько съ полезною цѣлью: обыкновенно для того, чтобы утолить жажду или добыть припасовъ. Но средства крестьянъ представляли мало разнообразія, и мы не находили ничего кромѣ молока, яицъ и нѣкоторыхъ овощей. Всего чаще мужики, бабы и ребята, бѣжали при нашемъ приближеніи, однако, возвращаемые дружескими увѣреніями и въ то же время видомъ нѣсколькихъ монетъ, эти добрые люди скоро привыкали къ намъ. Чувство страха, возбуждаемое нами, ослабѣвало мало-по-малу у жителей; съ каждымъ днемъ они оказывались менѣе враждебными къ намъ, и эта перемѣна становилась тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше мы удалялись отъ Москвы. Надо ли этому удивляться? Народъ тутъ становился свободнѣе отъ непосредственнаго вліянія нелѣпыхъ прокламацій, которыя представляли французовъ людоѣдами.

Со времени нашего отплытія изъ Рязани, капитанъ взялъ за правило бросать якорь аккуратно въ часы обѣда и ночью. Онъ давалъ, такимъ образомъ, отдыхъ людямъ и лошадямъ, которыя тащили барку Однажды вечеромъ, на закатѣ солнца, когда, по обыкновенію, наша плавучая тюрьма остановилась, я съ нѣсколькими товарищами гулялъ у опушки лѣса, покрывавшаго берегъ Оки. Собака моя зашла въ кусты, вѣроятно по слѣду какого нибудь зайца. Вдругъ послышался протяжный лай. Это не было громкое и радостное тявканье собаки, почуявшей дичь, но звукъ обороны и вмѣстѣ ужаса. Подойдя къ тому мѣсту, мы нашли ее съ ощетинившеюся шерстью и на стойкѣ противъ какого-то предмета, котораго намъ не было видно. Вскорѣ при шумѣ, раздавшемся въ листьяхъ, она бросилась назадъ и стала прятаться около меня. Предполагая присутствіе какого нибудь краснаго звѣря, мы не рѣшились двигаться впередъ, какъ вдругъ, шагахъ въ пятидесяти, увидали казака, страшной наружности, съ рыжими волосами и рыжею бородою; глаза его блестѣли между листьевъ, какъ два карбункула.

Увидя себя открытымъ, онъ исчезъ въ гущинѣ лѣса, испуская рѣзкій свистъ. По этому знаку, человѣкъ тридцать или сорокъ его товарищей, выскочивъ изъ лощины, появились вооруженные саблями и пиками, образуя собою большой кругъ, какъ бы съ цѣлью обступить насъ. Возвышенность почвы и крутизна берега скрыли отъ насъ бивакъ этихъ воителей большой дороги. Мы не стали дожидаться ихъ. Такъ-же быстро, какъ и эти варвары, бросились мы съ косогора, перебѣжали берегъ, возвратились на лодку и принудили капитана бросить якорь на серединѣ рѣки, прежде чѣмъ казаки достигли берега. Ока въ этомъ мѣстѣ широка и глубока. Находясь на глубокой водѣ, мы могли не бояться ихъ угрозъ и безсильныхъ криковъ. Однако же мы находились на сторожѣ всю ночь. На слѣдующій день, поднявъ до свѣта якорь, мы поплыли, держась противоположнаго берега. Этотъ маневръ, вѣроятно, обманулъ казаковъ. Мы о нихъ не слыхали болѣе.

Не смотря на опасность попасться въ руки казачьихъ шаекъ, мы продолжали наши прогулки. Притомъ же имъ такъ благопріятствовала погода! Замѣчательно, что хотя уже наступило время, когда въ Россіи устанавливается санной путь, снѣга еще не было. Мы испытывали тѣмъ живѣйшую радость, что это лучезарное солнце должно было благопріятствовать и нашему побѣдоносному оружію. „Это солнце Аустерлица!“ говорили мы. Увы! это-то довѣріе къ измѣнчивой погодѣ и погубило Наполеона и его храбрую армію.

Вечеромъ, всѣ должны были входить въ плавучую тюрьму. Въ это время наше общество представляло въ самомъ дѣлѣ живописное зрѣлище. Повсюду зажигались фонари, фонарики и всякаго рода лампы. Русскіе приборы для приготовленія кипятка менѣе чѣмъ въ пять минутъ уже были готовы; складные столы разставлены, сундуки сдви-

нуты вмѣсто стульевъ. Какъ ни были тонки перегородки нашего убѣжища, чрезъ которыя легко проникалъ холодъ и вѣтеръ, однако, число арестантовъ, теплота выдѣляемая самоварами и множество висѣвшихъ лампъ были достаточны, чтобы согрѣть присутствующихъ, которыхъ сверхъ того оживляли: чай, пуншъ или кофе. Тѣ, которые гуляли днемъ, разсказывали другимъ свои приключенія и открытія, сдѣланныя во время экскурсій по берегу. Самое ничтожное происшествіе, малѣйшая бездѣлица, получали интересъ въ глазахъ маленькой пловучей колоніи, изолированной отъ остальнаго міра. Какъ всегда бываетъ, изобрѣтательность наша увеличивалась вмѣстѣ съ потребностями. Мы смастерили шахматную доску и пѣшки. Игра въ шашки или шахматы помогала намъ коротать день. Какъ ни однообразна была эта жизнь, она не казалась бы еще скучною, еслибы большинство изъ насъ не было разлучено съ семьею и еслибы печальныя предчувствія не омрачали наши мысли.

Во время одного изъ такихъ вечернихъ собраній, на самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа, наша барка внезапно получила сильный толчекъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что всѣ бросились изъ каюты. Не смотря на совершенную темноту, мы могли замѣтить, что стоимъ прямо противъ судна несравненно большаго, чѣмъ наше. „На насъ напали? Не разбойники ли это"?.. спрашивали всѣ другъ друга. Уже многіе изъ насъ, вооружившись чѣмъ попало, приготовились дорого отдать свою жизнь. Но пусть извинятъ этотъ страхъ, эту подозрительность, свойственную бѣднымъ изгнанникамъ... Никто и не думалъ посягать на нашу жизнь. Все скоро объяснилось. Купеческое судно, одно изъ тѣхъ, которыя изъ Каспійскаго моря подымаются по Волгѣ внутрь Россіи, было причиною этого великаго смятенія. Плывя по водамъ Оки, оно во время своего ночного хода ударилось носомъ въ нашу лубяную крышу, которую и пробило насквозь. Эту бѣду мы поправили, какъ умѣли, и на этотъ разъ отдѣлались однимъ только страхомъ.

Мучимые безсонницею и неразлучною съ нею скукою, мы прогуливались ночью по передней части нашего судна. Въ это время мы нерѣдко наблюдали весьма интересные феномены. Направо и налѣво, на берегу показывались свѣтящіяся явленія, которымъ наше воображеніе придавало самыя причудливыя формы, напоминавшія карловъ, великановъ и чудовищныхъ звѣрей Аріосто. Это въ высшей степени фантастическое зрѣлище объясняется какъ нельзя проще: оно было ничто иное, какъ слѣдствіе высохшихъ на корню деревъ, которыя, оставаясь въ огромныхъ, глухихъ лѣсахъ Россіи, сдѣлались фосфорическими, вслѣдствіе крайней своей ветхости.

Такъ какъ мы заговорили о ночныхъ явленіяхъ, то я долженъ разсказать объ одномъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, которое мы сначала не понимали, а впослѣдствіи, изъ совпаденія мѣста и времени, оно объяснилось страшною катастрофою. 16 сентября, вечеромъ, мы,

по обыкновенію, забрались въ наши каюты. Въ это время внезапный шумъ, раздавшійся извнѣ, заставилъ насъ поспѣшно выйдти. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ и всѣ солдаты собрались на кормѣ. Ихъ взоры были устремлены на сѣверъ. Верхняя часть горизонта въ этой сторонѣ была освѣщена сильнымъ свѣтомъ. Сначала думали, что это отраженіе тѣхъ огней, которые разводили нерѣдко наши провабшіе гуляки подъ вечеръ въ ожиданіи барки, но по перекличкѣ всѣ оказались на лицо. Каждый высказывалъ свои догадки, и общее мнѣніе приписало этотъ яркій свѣтъ сѣверному сіянію, явленію нерѣдкому въ полярныхъ странахъ. Удовлетворивъ свое любопытство, всѣ разошлись и уже болѣе не говорили объ этомъ.

На другой день, вечеромъ, то же явленіе повторилось, но уже съ другими особенностями. Свѣтъ болѣе яркій и болѣе близкій появился на противоположной сторонѣ. Хотя часъ остановки наступилъ, но капитанъ столь же нетерпѣливо, какъ и мы, желавшій узнать истину, приказалъ плыть далѣе, и мы приближались къ освѣщенному пространству. Черезъ какіе нибудь полчаса, обогнувъ небольшой мысъ, мы вдругъ увидѣли рѣку, покрытую огнями. Это зрѣлище, новое для насъ, тотчасъ объяснилось; это было ничто иное, какъ тысячи плавающихъ смоляныхъ факеловъ, посредствомъ которыхъ рыбаки на Окѣ приманиваютъ рыбу и получаютъ обильный уловъ. Мы улыбнулись надъ своими вчерашними предположеніями. Вся наша метеорологическая наука пропала совершенно попусту. Рыбная ловля съ огнемъ вполнѣ, повидимому, удовлетворительно объясняла явленіе.

Но 18 сентября, на горизонтѣ, по направленію къ сѣверу, снова появился зловѣщій свѣтъ. Будучи сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ, онъ представлялъ смѣсь краснаго, кровяного цвѣта съ густымъ чернымъ. Свѣтлые проблески, похожіе на искрящіяся головни, бороздили горящую атмосферу. Признаки были слишкомъ очевидны: это могъ быть только громадный пожаръ, и такъ какъ онъ былъ какъ разъ въ той сторонѣ, гдѣ находились обѣ арміи, русская и французская, то можно было думать, что неосторожность или печальная необходимость войны была причиною пожара одного изъ обширныхъ лѣсовъ, которыхъ такъ много въ этой странѣ. Увы! какъ далеко все еще мы были отъ истины!

Въ эту самую ночь сильный равноденственный вѣтеръ, настоящій ураганъ, свирѣпствовалъ и, казалось, увеличивалъ силу отдаленнаго племени. Наша барка, долго колеблемая бурею, потеряла якорь и сильно наклонилась на бокъ. При этомъ страшномъ толчкѣ всѣ тотчасъ вскочили на ноги. Вода, хлынувшая черезъ бортъ накренившагося судна, увеличивала смятеніе и ужасъ. Къ величайшему счастію, одинъ изъ нашихъ товарищей предусмотрительно запасся двумя небольшими помпами. Ихъ помощь и общія усилія спасли насъ отъ потопленія. Проработавъ усиленно цѣлыхъ пять часовъ, по поясъ въ

водѣ, мы освободили судно отъ воды. Наши караульные выказали при этомъ случаѣ изумительное рвеніе и, какъ ни было велико наше стараніе, намъ едва ли бы удалось спасти барку безъ ихъ смѣтливой расторопности. Но мы понесли большой ущербъ въ имуществѣ и запасахъ. Все, что находилось на затонувшей сторонѣ, почти совсѣмъ пропало. Мы помогли другъ другу: опасности и средства къ жизни сдѣлались у насъ общими. Мы дѣлили ихъ побратски.

На другой день послѣ этого происшествія, сойдя съ судна для обычной прогулки, мы медленно шли вдоль по берегу. Лица и разговоры носили на себѣ печать неизъяснимаго унынія. Въ это время на встрѣчу намъ попался мужикъ, распѣвавшій во все горло. Мы обратились къ нему съ расспросами о причинѣ огромнаго зарева, которое въ продолженіе трехъ дней мучило наше любопытство. „Этотъ огонь? сказалъ онъ съ глуповатою злобою, указывая пальцемъ на сѣверъ — это уваженіе русскихъ къ вашему Наполеону и французскимъ солдатамъ, которые хотѣли зимовать въ Москвѣ. Такъ какъ морозъ сталъ пробирать, то и затопили дома"!.. Простой крестьянинъ, говорящій такимъ образомъ,—какой предметъ для размышленій! Беззаботно ухмыляясь, онъ поклонился намъ и пошелъ далѣе, продолжая прерванную пѣсню. Его рѣзкій голосъ давно уже потерялся въ отдаленіи, а мы все еще стояли неподвижно, какъ бы уничтоженные его убійственными словами.

Какъ ни ужасны были слова мужика, однако-жъ, каждый изъ насъ старался толковать ихъ по своему и опровергнуть вѣроятность, заключавшуюся въ нихъ.

Во-первыхъ (разсуждали мы), въ какой изъ европейскихъ столицъ присутствіе французовъ ознаменовалось опустошеніемъ и пожаромъ? Напротивъ, развѣ заключеніе мира не было всегда результатомъ побѣды?

Правда, московское дворянство удалилось, но для того только, чтобы избавиться отъ неизбѣжныхъ послѣдствій сраженія, которое могло разыграться подъ стѣнами города, или даже внутри его. Да и какъ согласить интересы этихъ господъ съ такою громадною и безполезною жертвою, которую не вознаградятъ доходы и десяти лѣтъ?

Наконецъ, какъ бы силенъ ни былъ пожаръ, не могли же мы его видѣть, находясь на рѣкѣ, которая по самой природѣ своей должна быть ниже поверхности земли; на рѣкѣ, которая протекаетъ, большею частію, между высокими берегами и находится на разстояніи 30-ти слишкомъ лье отъ Москвы.

Такими-то размышленіями мы опровергали вѣроятность громаднаго несчастія. Притомъ же, въ первый разъ мы узнали о немъ изъ двусмысленныхъ рѣчей какого-то глупаго мужика! Наше безпокойство нѣсколько утихло. Жалкіе люди! Такъ-то мы нерѣдко истощаемъ свои силы, выискивая блестящія, несомнѣнныя, повидимому, доказа-

тельства, но вдругъ является совершенно противоположное нашимъ ожиданіямъ, и все зданіе нашихъ умствованій разрушается передъ дѣйствительностію.

Наблюденія, сдѣланныя въ теченіе дня, дали намъ болѣе точныя понятія относительно нашего положенія. Съ самой Рязани, въ продолженіе 13-ти дней, употребленныхъ на переѣздъ отъ этого города до Касимова, мы постоянно видѣли оба берега Оки покрытыми безчисленными отрядами милиціи, которые двигались на сѣверъ. Эти войска, слова мужика, да кое-какія свѣдѣнія сомнительной достовѣрности, собранныя нами тамъ и сямъ о военныхъ событіяхъ, все это заставило насъ задуматься; даже наиболѣе самоувѣренные изъ насъ опять стали тревожиться. Осеннее солнце, которое, какъ мы думали прежде, должно было ускорить наше освобожденіе, теперь, казалось, напротивъ, благопріятствовало этимъ отрядамъ, которые массами тянулись со всѣхъ концовъ русскаго царства. Новая, страшная армія формировалась, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Это былъ настоящій крестовый походъ.

И въ самомъ дѣлѣ, все здѣсь напоминало энтузіазмъ крестоносцевъ. Война, которой придавали религіозный характеръ, возбуждала въ народѣ фанатизмъ. „Французы идутъ осквернить наши храмы и сдѣлать ихъ стойлами для своихъ лошадей", говорили господа и ихъ рабы и, осѣнивъ голову и грудь крестомъ Искупителя, становились подъ священное знамя.

Передъ входомъ въ одно небольшое село, расположенное на берегу Оки, намъ встрѣтилась партія русскихъ рекрутъ, которыхъ велъ въ Калугу сержантъ, вооруженный пикою. Я не знаю, въ какой части Россіи набирали ихъ: они шли въ три ряда, въ ногу, чрезвычайно быстро и всегда сомкнувшись, какова бы ни была поверхность земли. Въ ихъ взглядахъ, боязливыхъ и вмѣстѣ свирѣпыхъ, мы читали тѣ нелѣпые разсказы, которые имъ, надо думать, передавали о французахъ, какъ разорителяхъ святыхъ храмовъ. Каждый солдатъ былъ одѣтъ въ узкую шинель, изъ грубой и жесткой ткани. Нѣкоторые говорили на неизвѣстныхъ намъ языкахъ. Мы замѣтили, что цвѣтъ лица у нихъ былъ зеленоватый. Сержантъ увѣрялъ насъ, что особенность эта вовсе не зависитъ отъ утомленія и что мы можемъ удостовѣриться въ этомъ, взглянувъ на ихъ тѣло. Волоса у нихъ были темножелтаго цвѣта, жесткіе и прямые, а глаза маленькіе и чрезвычайно блестящіе.

Насъ ужаснула русская дисциплина, которая умѣла, когда это было нужно, заключить въ узкую одежду и подчинить тягостнымъ законамъ самой мелочной выправки народы, еще недавно бродячіе и почти дикіе.

Послѣ роковыхъ словъ мужика, мы всякій разъ, какъ наступалъ вечеръ, обращали еще съ большимъ безпокойствомъ жадные взоры на сѣверъ. Но луна была въ полномъ блескѣ и сіяніе ея, смѣнившее

глубокій мракъ, благодаря которому мы видѣли тотъ яркій свѣтъ на горизонтѣ, оставило неразрѣшенными наши опасенія, но зато оставалось еще и сомнѣніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно замѣняетъ надежду.

Сомнѣнія наши вскорѣ прекратились. 26-го числа, на закатѣ, мы бросили якорь у Касимова. Два дня уже мы видѣли высокую башню главной его мечети, назначенной для богослуженія татаръ.

Нашъ капитанъ Иванычъ (Iwanitsch), сойдя на берегъ, отправился, по обыкновенію, освѣдомиться, нѣтъ ли какого распоряженія касательно ссыльныхъ. Многіе изъ моихъ товарищей пошли вмѣстѣ съ нимъ. Нашъ командиръ возвратился, обманувшись въ ожиданіяхъ, какъ и въ прежнія свои экскурсіи. Никто въ Касимовѣ не зналъ о нашей участи. Но зато о какой страшной катастрофѣ принесли намъ извѣстіе наши несчастные товарищи! Ужасная истина явилась, наконецъ, во всей наготѣ!.. Какъ теперь вижу ихъ, бѣгущихъ къ намъ, блѣдныхъ, разстроенныхъ. Кто бы не догадался по ихъ отчаянію о томъ несчастіи, которое насъ поразило. „Москвы не существуетъ болѣе! кричали они, падая совершенно безъ чувствъ въ наши объятія:—пожаръ, ужасный пожаръ истребилъ все!..“

Какъ всегда бываетъ при внезапномъ извѣстіи о какомъ нибудь большомъ несчастіи, мы первое время были въ остолбенѣніи, услышавъ ихъ отчаянные крики. Когда мы пришли въ себя, страшная истина предстала нашему воображенію во всемъ ужасѣ, со всѣми подробностями. Обильныя слезы потекли изъ нашихъ глазъ. Разореніе, грабежъ—это были еще самыя меньшія изъ бѣдствій, которымъ должны были подвергнуться наши жены и дѣти. Мысль, раздирающая сердце! Если смерть не была ихъ удѣломъ, то, скитаясь и голодая въ эту минуту, онѣ находятся, быть можетъ, въ положеніи въ тысячу разъ болѣе плачевномъ, чѣмъ мы среди бѣдствій, въ ссылкѣ! Если же наши семьи погибли, если онѣ заранѣе были обречены на смерть, то зачѣмъ же, по какой-то утонченной жестокости, было отказано отцамъ, супругамъ, въ утѣшеніи умереть вмѣстѣ съ ними!..

Такъ объяснилось явленіе, которое мы наблюдали три ночи подрядъ. Пожаръ Москвы, этотъ кровавый метеоръ, явился намъ на разстояніи 30-ти лье предвѣстникомъ грядущихъ бѣдствій.

Терзаемые зловѣщими предчувствіями, покинули мы на другой день утромъ Касимовъ. Эта ночь была ужасна для изгнанниковъ. Тишина ея часто нарушалась ихъ вздохами и рыданіями. Теперь уже не было надежды, не было средствъ противъ непоправимаго зла. Исчезла даже французская веселость; мы уединялись другъ отъ друга для того, чтобы, увы! плакать, ибо, терзаемые общимъ жестокимъ горемъ, мы лишены были даже возможности взаимнаго утѣшенія.

Памятна намъ ночь, когда буря нагнала наше судно на мель. Всѣ наши усилія не могли совершенно освободить его отъ воды. Оставаясь между дномъ и палубою, вода скоро дала вредныя испаре-

нія. Испорченный воздухъ, наполненный гнилыми міазмами, которымъ мы дышали, въ соединеніи съ душевными страданіями, сломилъ здоровье многихъ изъ насъ. Открылась эпидемія. Меня самого схватила горячка; нѣсколько дней я былъ между жизнью и смертію, лишенный необходимыхъ лекарствъ. Нѣсколько разъ спутники, считая меня уже умершимъ, покрывали мнѣ голову простынею, но Провидѣніе и сильная натура возвратили меня къ жизни. Было бы, однако, неблагодарностію не упомянуть въ числѣ причинъ моего выздоровленія усердныхъ заботъ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей. Ихъ жертва тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, что они подвергались дѣйствительной опасности. Гдѣ бы они теперь ни находились, я буду счастливъ, если эти строки дойдутъ до нихъ. Пусть они увидятъ въ этомъ признательность, которую сохранило мое сердце. Собака моя также не измѣнила своей привязанности. Во все время моей болѣзни она не тронулась съ мѣста, которое выбрала около меня. Иногда только она подымалась, чтобы полизать мои пылающія руки; выраженіе ея глазъ, ея визгъ проникали въ душу. Печальная, изнемогшая, она оживлялась только для того, чтобы осыпать ласками тѣхъ, которыхъ дружба заставляла сидѣть постоянно около меня.

Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ мы удалялись въ мѣста все болѣе и болѣе угрюмыя. 5 октября, мы прошли Муромъ. „Вы оставляете Европу и отправляетесь въ Азію“, гласилъ нашъ приговоръ. Молчаніе, которое хранилось съ тѣхъ поръ объ участи, предназначенной намъ; война, сопровождавшаяся ежедневными опустошеніями и мщеніемъ; наконецъ, хорошо извѣстный характеръ Ростопчина, — все это заставляло насъ трепетать отъ одной мысли о ссылкѣ въ Сибирь.

Погода, до сихъ поръ прекрасная, стала вдругъ пасмурна и холодна. Солнце скрылось въ густомъ, мрачномъ туманѣ, и температура, бывшая доселѣ теплою, упала на нѣсколько градусовъ ниже нуля. Ока стала покрываться льдомъ. Надо ли было этому радоваться или печалиться? Установившись разъ, зима могла прекратить дѣйствія обѣихъ армій, а наша судьба, равно какъ и судьба нашихъ семействъ, если только они пережили разрушеніе Москвы, зависѣла отъ заключенія мира. Вскорѣ холода усилились, ледоходъ увеличился и умножилъ опасности плаванія. Всякій разъ, какъ одна изъ громадныхъ глыбъ льда набѣгала на барку, которая качалась и трещала, мы думали, что наступалъ нашъ послѣдній часъ, потому что въ этомъ положеніи искусство пловца могло только продолжить на нѣсколько минутъ ужасную агонію. Печальный примѣръ этому разыгрался на нашихъ глазахъ. Одинъ изъ нашихъ солдатъ, стараясь спасти барку отъ слишкомъ сильныхъ толчковъ, упалъ въ воду. Онъ исчезъ между льдинъ, но, по изумительному счастію, которое, однако, не спасло его, снова появился, весь окровавленный, на поверхности рѣки, и мы видѣли, какъ онъ карабкался на одинъ изъ этихъ пловучихъ островонъ.

Первымъ движеніемъ его было упасть на колѣна, чтобы возблагодарить небо за избавленіе отъ смерти и молить его не оставить недовершеннымъ дѣло своего милосердія. Мы были всего на разстояніи двухъ пистолетныхъ выстрѣловъ отъ несчастнаго, мы слышали его умоляющій голосъ, но никакая помощь не была возможна. Въ довершеніе несчастія наступала ночь. Покуда было свѣтло, мы видѣли его стоящимъ на колѣнахъ, воздѣвшаго руки къ небу и удаляющагося отъ насъ съ быстротою теченія. Многіе изъ насъ и всѣ его товарищи при этомъ зрѣлищѣ пали на колѣна, моля Всевышняго о спасеніи погибающаго. Но, увы! наши молитвы не были услышаны. Съ наступленіемъ ночи крики его замолкли. Подвергаясь порывамъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, въ измокшей одеждѣ, онъ, безъ сомнѣнія, замерзъ, и прибрежные жители удивлялись, быть можетъ, на другой день, видя плывущій трупъ, которому льдина служила могилою.

Наконецъ, избѣгнувъ всякихъ опасностей, измученные и физически и нравственно, мы остановились при впаденіи Оки въ Волгу, около Нижняго Новгорода.

Здѣшній губернаторъ, находившійся также въ неизвѣстности относительно нашей участи, объявилъ сначала, что не знаетъ, что̀ ему дѣлать съ нами. Однако, благодаря представленіямъ нашего командира, столько же, какъ и мы, желавшаго избавиться отъ нездоровой тюрьмы, согласился послать эстафету къ Ростопчину, который переѣхалъ изъ Москвы во Владиміръ. Въ ожиданіи отвѣта, намъ было запрещено сходить на берегъ. Это значило прибавить ко всѣмъ нашимъ невзгодамъ мученія Тантала. Но тутъ скрывалось низкое корыстолюбіе, потому что лишь только капитанъ передалъ намъ запрещеніе нижегородскаго губернатора, какъ явился чиновникъ московской полиціи подъ предлогомъ осмотра, будто бы порученнаго ему графомъ Ростопчинымъ; при этомъ онъ секретно предложилъ одному изъ насъ за тысячу рублей выхлопотать намъ у губернатора разрѣшеніе жить въ городѣ.

Ловушка была слишкомъ проста, чтобы мы могли обмануться, но изъ желанія ли избавиться поскорѣе отъ мученій тюрьмы, или изъ боязни навлечь нерасположеніе креатуры Ростопчина, только наиболѣе богатые изъ насъ сдѣлали складчину для составленія требуемой суммы. Несмотря на перспективу будущей нищеты, я также принялъ участіе въ дорого обошедшейся милости общаго переселенія. Черезъ день мы вышли на берегъ послѣ плаванія, которое продолжалось 56 дней. Наше судно было уже оковано льдомъ, когда мы его покинули. Мы подарили инвалидамъ матеріалъ, служившій для постройки каюты. Они его продали и на вырученныя деньги отправились пить водку, чтобы, какъ они говорили, помянуть благочестивыми возліяніями память умершаго товарища. Что касается до ихъ начальника, Иваныча, то онъ, разумѣется, имѣлъ вмѣстѣ съ губернаторомъ свою долю въ нашемъ выкупѣ. Но такъ какъ мы не могли на него жаловаться,

то и разстались съ нимъ дружески. Холодное и суровое лицо его значительно смягчилось съ той минуты, какъ мы вышли на землю. Это значило, что мы выразили ему нашу признательность,—понятно, какого рода. Онъ выхлопоталъ удостовѣреніе за подписью всѣхъ ссыльныхъ въ томъ, что хорошо обращался съ нами. Странное противорѣчіе! При отправленіи, изгнанники были объявлены буйными, опасными революціонерами, а потомъ они же даютъ удостовѣреніе въ хорошемъ поведеніи тюремщику, приставленному къ нимъ!..

17 октября, мы вступили въ Нижній-Новгородъ. Не безъ труда удалось намъ нанять квартиры въ городѣ, переполненномъ бѣглецами изъ Москвы и рекрутами, для которыхъ онъ служилъ сборнымъ пунктомъ. Сверхъ того, по своему положенію, Нижній служилъ этапомъ для многочисленныхъ плѣнныхъ, которыхъ отправляли въ ссылку. Первою нашею заботою было освѣдомиться у лицъ, недавно пріѣхавшихъ изъ Москвы, и у самихъ военноплѣнныхъ о судьбѣ нашихъ семействъ. Но, увы! никто не могъ сообщить намъ ничего новаго. Всѣ говорили только о пожарѣ древней русской столицы. Его приписывали французскимъ войскамъ; поэтому раздраженіе русскихъ достигло крайнихъ предѣловъ, и наши несчастные соотечественники платились за это. Большинство ихъ, ограбленное казаками, замѣняло недостатокъ одежды рогожами, которыя служили плохою защитою отъ холода. Жаль было глядѣть на несчастное состояніе этихъ людей, но даже и въ немъ наши солдаты сохраняли мужественную гордость.

Между военноплѣнными двое изъ нашихъ, Алларъ и Лаво, встрѣтили, къ величайшему ихъ удивленію, своего родственника Пріори, того самаго, который, при нашемъ отъѣздѣ изъ Москвы, провожалъ насъ до барки. Онъ находился въ такой же нищетѣ, какъ и его товарищи по несчастію. Разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ довольно странный случай, который привелъ его на берега Волги.

Услышавъ о приближеніи французовъ, г-жа Дивова, мать секретаря русскаго посольства въ Парижѣ, просила г. Пріори остаться съ нѣсколькими людьми изъ прислуги въ своемъ имѣніи, находившемся въ 12-ти верстахъ отъ Москвы на петербургской дорогѣ. Она думала, что, изъ уваженія къ Пріори, французскія войска пощадятъ ея имущество. Случаю было угодно, чтобы, вмѣсто ожидаемыхъ французовъ, въ окрестностяхъ дома явились казаки за фуражемъ. Они схватили г. Пріори, какъ француза, и увели въ плѣнъ, не смотря на крики прислуги, которая изо всѣхъ силъ кричала: „онъ нашъ! онъ нашъ!"

Дивова, находившаяся во время прохода плѣнныхъ въ Нижнемъ Новгородѣ, поспѣшила потребовать выдачи Пріори и сама вызывалась быть порукою предъ губернаторомъ, который столь же мало былъ расположенъ выслушивать убѣжденія, какъ и казаки, взявшіе въ плѣнъ г. Пріори. Однако, по ходатайству людей, болѣе снисходительныхъ, губернаторъ согласился перевести плѣнника изъ военныхъ въ гражданскіе, присоединивъ его къ числу сорока изгнанниковъ.

Пріори радовался этой перемѣнѣ, которой былъ обязанъ заботамъ г-жи Дивовой. По крайней мѣрѣ, онъ избавился отъ продолжительнаго путешествія, во время котораго большая часть его спутниковъ погибла отъ холода и лишеній. Между ними было не мало невинныхъ жертвъ, напримѣръ: 60-тилѣтній старикъ Сенве, русскій придворный актеръ, жившій въ Москвѣ, былъ схваченъ казаками такимъ же образомъ, какъ и Пріори. Находясь вмѣстѣ съ нимъ въ числѣ военноплѣнныхъ, онъ умеръ на владимірской дорогѣ въ страшныхъ мученіяхъ.

Плѣнники должны были переносить не только лишенія и нищету, но, какъ мы уже сказали, и тягость ускоренныхъ переходовъ. Нерѣдко случалось, что казаки, конвоировавшіе плѣнниковъ, ускоряли ударами медленную походку несчастныхъ. Иногда обитатели деревень, недовольные постоемъ, содержаніемъ плѣнныхъ и обязанностію поставлять лошадей, тайно давали взятку начальникамъ конвоя, чтобы они не останавливались у нихъ. Однажды, партія этихъ бѣдняковъ въ 400 человѣкъ переправлялась недалеко отъ Нижняго черезъ Волгу, покрытую льдомъ. На другой берегъ вышло живыми только 99.

Но возвратимся въ Нижній Новгородъ.

Мои предвидѣнія о временномъ пребываніи въ этомъ городѣ не замедлили исполниться. Французскія войска очистили Москву. Ихъ бѣдствія только начинались, наши еще не могли такъ скоро кончиться. Мы были совершенно лишены извѣстій съ театра войны или, лучше сказать, тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы получали изъ устъ русскихъ, были такъ неточны и до того исполнены самодовольства, что невозможно было составить себѣ вѣрнаго понятія о дѣйствительномъ положеніи нашей арміи. Радость, блиставшая на всѣхъ лицахъ, заставляла насъ думать, что большія несчастія угрожаютъ нашимъ войскамъ. Такая неизвѣстность была невыносима. Цѣлые дни проходили въ ожиданіи положительныхъ извѣстій, а они не приходили. Скука одолѣла насъ въ этомъ бездѣйствіи. Вялая, монотонная жизнь, которую мы вели въ Нижнемъ-Новгородѣ, была печальнымъ предвкушеніемъ ссылки.

Наконецъ, послѣ 15-ти дней томительнаго ожиданія, губернаторъ получилъ отвѣтъ графа Ростопчина. Отвѣтъ этотъ лаконически гласилъ: „Дѣлайте, что вамъ угодно, съ этими плѣнными“.

Невозможно съ большимъ произволомъ играть людьми и ихъ свободою! Такъ какъ мы не могли долѣе оставаться въ Нижнемъ-Новгородѣ, то намъ было объявлено, что мы перемѣнимъ мѣстопребываніе въ ожиданіи новыхъ приказаній изъ Москвы.

Полиція предупредила насъ, что мы будемъ отправлены въ Макарьевъ, небольшой городокъ Нижегородской губерніи. Это не было именно то, что сулилъ намъ Ростопчинъ въ своей прокламаціи. „Вы отправляетесь въ Азію, говорилось тамъ,—вы будете жить среди на-

рода гостепріимнаго" и проч. Но такъ какъ это не были и степи Сибири, то мы не думали жаловаться и считали себя въ нѣкоторомъ смыслѣ весьма довольными своею судьбою.

Мы отправились изъ Нижняго 2-го ноября на саняхъ, подъ конвоемъ восьми солдатъ, которыми командовалъ сержантъ-татаринъ. Малое число стражи чуть не погубило насъ. Въ то время, когда мы выѣзжали изъ города, ополченцы, которыхъ учили на сосѣднемъ полѣ, едва не доказали несправедливость словъ Ростопчинской прокламаціи: „Вы будете жить среди народа гостепріимнаго, который слишкомъ презираетъ васъ, чтобы дѣлать вамъ зло". Завидѣвъ насъ, молодые рекруты нарушили порядокъ и бросились къ намъ крича: „французы! французы!" Они уже окружили наши сани и направили на насъ свои ружья, сдѣланныя изъ дерева, но снабженныя штыками. Офицеръ, командовавшій ими, прибѣжалъ и твердымъ голосомъ приказалъ имъ удалиться. Въ то же время, для приданія большаго вѣса своимъ словамъ, онъ сильно ударилъ палкою по плечамъ двухъ или трехъ изъ горячихъ героевъ.

Эта неожиданная помощь явилась кстати, взамѣнъ усердія охранявшей насъ стражи, которая все время оставалась совершенно безучастною. Наше безпокойство во время нападенія, которое могло худо для насъ кончиться, напротивъ, очень забавляло солдатъ и извозчиковъ. Я замѣтилъ, что они придерживали лошадей при приближеніи опасности и наоборотъ, гнали ихъ, когда кто нибудь изъ насъ былъ принужденъ идти пѣшкомъ, чтобы согрѣть члены, окоченѣвшіе отъ холода.

Не забуду я, какъ одинъ разъ, больной и усталый отъ дороги, бѣжалъ я версты три за санями, спотыкаясь на льдины, лежавшія по дорогѣ. Едва я достигалъ саней, бездѣльники, смѣясь во все горло, начинали погонять лошадей. Они, вѣроятно, заставили бы меня сдѣлать такимъ образомъ остальную часть пути, но, измучившись, я упалъ на дорогѣ и непремѣнно былъ бы раздавленъ слѣдующими санями, еслибы лошадь не остановилась вдругъ въ тотъ моментъ, когда ей приходилось перешагнуть черезъ мое тѣло.

Зима свирѣпствовала съ величайшею суровостію. Сильный сѣверный вѣтеръ потрясалъ хижины и нельзя было развести огня изъ опасенія пожара. Мы терпѣли тѣмъ болѣе отъ мороза, что, пріѣзжая на станцію, не могли согрѣть окоченѣлые члены. Въ избахъ мы находили единственное кушанье — холодные щи, т. е. вонючую похлебку изъ говядины и кислой капусты, поверхность которой представляла отвратительный слой насѣкомыхъ, называемыхъ тараканами... Даже собака, которая, умирая отъ истощенія, требовала у меня пищи, отступала при видѣ этихъ щей. Она ложилась у моихъ ногъ и тихо засыпала.

Къ концу второго дня, послѣ ужаснаго мороза, выпалъ снѣгъ въ такомъ изобиліи, что ночью часть нашего каравана сбилась съ до-

роги. Заблудившись и не зная въ какую сторону идти, мы придумали стать въ кругъ, лицами наружу, и расходиться, увеличивая окружность до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не встрѣтитъ одинъ изъ тѣхъ столбовъ, которыми отмѣчаютъ разстояніе на краяхъ дороги. Условный знакъ долженъ былъ увѣдомить остальныхъ въ случаѣ находки. Вскорѣ сигналъ былъ поданъ, но оказалось, что мы нашли, вмѣсто дороги, уединенную деревню. Чтобы добраться до нея, пришлось идти по колѣно въ снѣгу.

Окоченѣвъ отъ холода, мы долго и напрасно стучались у дверей многихъ избъ. Наконецъ, одна изъ нихъ отворилась, но хозяинъ дома, принявъ насъ сначала всѣхъ за французовъ, быстро захлопнулъ дверь и, не смотря на усиленныя просьбы, отказался дать пристанище. Тогда между нами и имъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы французы: я не отопру тѣмъ, противъ которыхъ мой сынъ пошелъ сражаться.

— А если твой сынъ будетъ, какъ мы, въ плѣну, умирать съ голоду, безъ пріюта въ такой часъ ночи, что подумалъ бы ты о тѣхъ, которые отказали бы ему въ гостепріимствѣ?

— Что это недобрые люди...

— Ну такъ сдѣлай же для насъ то, что наши родные дѣлаютъ, быть можетъ, въ эту минуту для твоего сына.

Послѣднее замѣчаніе, казалось, не подѣйствовало на него, потому что онъ прибавилъ по поводу моей собаки:

— Можетъ быть; только я не пущу вашу французскую собаку.

— Ты право ошибаешься, возразилъ со смѣхомъ одинъ изъ насъ, потому что это необыкновенное животное, которое говоритъ и поетъ.

— О, какіе пустяки! сказалъ мужикъ тономъ человѣка, который въ половину вѣритъ. Если вы сдѣлаете такое чудо, то я васъ всѣхъ пущу въ избу.

И вотъ моя собака, которую я выучилъ лаять или выть на разные голоса, сопрано, тенoромъ и басомъ, принялась удовлетворять любопытству олуха. Когда я спрашивалъ ее, какъ говорятъ и лаятъ собаки, она такъ чудесно исполняла свою рѣчь, что мужикъ тотчасъ же согласился принять насъ и цѣлый вечеръ повторялъ, глядя на нее: „Правда, она умная собака“.

Довольно было этого веселаго происшествія, чтобы заставить насъ забыть о дневныхъ трудахъ. Оно сильно насъ забавляло. Всѣхъ, даже сержанта татарина, очень занимала ловкость моей собаки. Онъ удостоилъ даже снизойти съ высоты своего величія и приласкать бѣдное животное. Такъ ужь созданы люди: мимолетная радость изглаживаетъ изъ нашей памяти годы печали. Всѣ прошедшія страданія уничтожаются одною минутою счастія: это лучъ солнца послѣ бури.

Ночь доставила намъ отдохновеніе отъ дневной усталости. Мы помѣстились какъ попало на полу избы. Въ другое время такое госте-

пріимство показалось бы непріятнымъ, но теперь и оно было благодѣяніемъ. На другой день мы отблагодарили нашего хозяина, котораго безъ труда заставили принять нѣсколько рублей. Онъ вывелъ насъ на ближайшую дорогу, и мы продолжали путь въ самый суровый морозъ.

Конецъ путешествія соотвѣтствовалъ предзнаменованіямъ, при которыхъ оно началось. Послѣ многихъ дней пути и жестокихъ лишеній, мы прибыли въ Макарьевъ. Страданія нашей скитальческой жизни кончились, начались страданія въ тюрьмѣ.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Германія въ XVII—XVIII вѣкѣ [1]).

Возвышеніе Пруссіи.

После реформаціи, которой былъ посвященъ нашъ послѣдній обзоръ, главный интересъ въ исторіи Германіи сосредоточивается на развитіи и усиленіи Прусскаго государства и этимъ вопросомъ заняты почти всѣ выдающіяся сочиненія по исторіи Германіи въ XVII и XVIII вѣкахъ, которые входятъ въ рамки нашего нынѣшняго обзора. Впрочемъ, тому, что нѣмецкая историографія съ такимъ вниманіемъ изучаетъ исторію Пруссіи, кромѣ общихъ причинъ научнаго и политическаго свойства, чрезвычайно содѣйствуетъ оживленіе, которое вноситъ въ эту область исторіографіи систематическая разработка матеріаловъ берлинскаго государственнаго архива, принявшая особенно обширные размѣры съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ этого архива сталъ извѣстный историкъ и профессоръ Зибель.

Прусскіе архивы уже два десятилѣтія открыты самымъ либеральнымъ образомъ для всякаго серьезнаго изслѣдователя, но что касается до обнародованія архивнаго матеріала, предпринимаемаго самимъ архивнымъ управленіемъ, то Пруссія до послѣдняго времени отставала въ этомъ отношеніи сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлано Англіей относительно ея „Statepapers“ или Франціей, обнародовавшей свои „Documents inédits“; за исключеніемъ нѣсколькихъ сборниковъ средневѣковыхъ грамотъ, ничего значительнаго не было публиковано изъ матеріаловъ прусскихъ архивовъ. Въ настоящее время этотъ пробѣлъ

---

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“, стр. 364—394.

пополняется самой дѣятельной работой. Первый шагъ былъ сдѣланъ Дройзеномъ, Дункеромъ и Ф. Мернеромъ, вызвавшими изданіе „Грамотъ и актовъ къ исторіи Великаго Курфюрста"; за этимъ послѣдовали другія предпріятія, имѣвшія спеціально въ виду исторію Фридриха Великаго; къ этому теперь присоединяется цѣлый рядъ публикацій, обѣщанныхъ и частью предпринятыхъ Ф. Зибелемъ. Изъ проспекта, имъ напечатаннаго, видно, что готовится 20 разнообразныхъ изданій, большая часть которыхъ будетъ относиться къ обще-германской и прусской исторіи, остальныя къ областной исторіи и къ вспомогательнымъ историческимъ дисциплинамъ, напримѣръ исторической географіи. Дирекція архива при этомъ отказалась отъ проведенія систематическаго плана; этотъ способъ изданія представляетъ то преимущество, что работа можетъ одновременно происходить по многимъ эпохамъ и вопросамъ, смотря по тому, гдѣ представляется большее обиліе матеріала и какія научныя силы могутъ быть привлечены къ дѣлу. Намѣченныя директоромъ архива публикаціи будутъ, такимъ образомъ, имѣть результатомъ важное обогащеніе нашихъ свѣдѣній по самымъ различнымъ эпохамъ нѣмецкой исторіи, отъ самой ранней поры среднихъ вѣковъ до 1815 года, и вездѣ послужатъ къ возбужденію новой научной дѣятельности.

Изъ изданій, почерпающихъ свое содержаніе изъ берлинскаго архива, первое мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ занимаютъ „Грамоты и акты для исторіи курфюрста бранденбургскаго Фридриха Вильгельма" [1]). Этотъ государь извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Великаго Курфюрста; съ него начинается историческая роль Пруссіи, ибо онъ первый вывелъ ее изъ ряда, такъ сказать, провинціальныхъ нѣмецкихъ княжествъ на европейскую сцену и своими военными и дипломатическими успѣхами, своей внутренней организаціей и значеніемъ своей личности, положилъ прочное основаніе ея будущему усиленію. Изданіе матеріаловъ для исторіи этого курфюрста дошло въ 1879 году до IX тома; это изданіе особенно цѣнно для историка тѣмъ, что печатаемые въ немъ документы сопровождаются издателями объясненіями и обзорами историческаго, біографическаго и критическаго свойства. Послѣдній томъ посвященъ политическимъ отношеніямъ Пруссіи къ Польшѣ, Франціи, Даніи и Швеціи въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка; между этими матеріалами главное мѣсто и по важности и по объему занимаютъ отношенія къ Польшѣ, наполняющія бо̀льшую половину объемистаго тома. Хотя курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ добился въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ 1660 г. въ Оливѣ между сѣверными державами, отмѣны вассальной зависимости Пруссіи отъ Польши, но практическое осуществле-

---

[1]) Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. B. IX. Politische Verhandlungen. B. VI. Herausgabe v. Prof. Th. Hirsch. p. 878. Berlin. 1879.

ніе этой независимости доставило ему еще много хлопотъ. Чины Пруссіи, опасаясь утраты своихъ корпоративныхъ правъ и вольностей, не хотѣли присягать курфюрсту, пока онъ не обѣщаетъ сохранить неприкосновенными всѣ вольности, которыми они пользовались подъ верховной властью Рѣчи Посполитой, и искали опоры въ Варшавѣ, гдѣ охотно поддерживали связь съ ними и не желали освободить ихъ отъ вассальной присяги. Точно такъ же и въ торговыхъ сношеніяхъ, въ дѣлѣ почтовой регаліи и въ вопросѣ о сообщеніяхъ, между Пруссіей и Бранденбургомъ, раздѣленныхъ польскими областями, фактическая зависимость отъ Польши давала себя тяжело чувствовать курфюрсту, не смотря на признанную за нимъ автономію. Съ другой стороны, его очень безпокоилъ вопросъ о престолонаслѣдіи: жена Яна Казиміра, вліяніе которой преобладало при варшавскомъ дворѣ, желала еще при жизни мужа доставить корону герцогу Ангіенскому (сыну принца Конде), что противорѣчило прусскимъ интересамъ, и это еще болѣе усложняло недоразумѣнія между Берлиномъ и Варшавой. Со всѣми этими вопросами насъ подробно знакомятъ обнародованные дипломатическіе документы, вводя насъ при этомъ въ самую глубь интригъ и смуты, происходившей отъ перепутанной борьбы партій при варшавскомъ дворѣ.

Курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ не только положилъ основаніе европейскому значенію Пруссіи, но къ нему же нѣмецкіе историки возводятъ начало національной политики со стороны Гогенцоллерновъ. Желаніе доказать это національное значеніе прусской политики вызвало, между прочимъ, изслѣдованіе Рохоля: „Великій Курфюрстъ Бранденбургскій въ Эльзасѣ въ 1674—75 годахъ". Авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать, какъ неохотно эльзасцы въ свое время сдѣлались подданными французскаго короля и какъ напрасно они ставили въ вину курфюрсту, что онъ содѣйствовалъ отторженію ихъ страны отъ Германіи. Съ этой точки зрѣнія онъ описываетъ происходившую въ то время войну между Германіей и Франціей, вызвавшую уже цѣлую литературу. Очень наглядно изображаетъ онъ настроеніе эльзасцевъ и состояніе города Кольмара по даннымъ, которыя онъ извлекъ изъ архивовъ Страсбурга и Кольмара.

Прославленію національной политики сына Великаго Курфюрста— Фридриха III, который потомъ принялъ титулъ короля прусскаго, посвящено слѣдующее изданіе: „Записка курфюрста Бранденбургскаго Фридриха III къ императору Леопольду I о необходимости обратнаго завоеванія Страсбурга". Эта роскошно изданная записка поднесена муниципалитетомъ Страсбурга императору Вильгельму, при его первомъ посѣщеніи этого города въ 1877 году, и сопровождается историческимъ комментаріемъ издателя Эбрарда. Записка эта относится къ 1696 году и въ ней развивается мысль, что возвращеніе Фрейбурга и Брейзаха, предложенное Франціей передъ Рисвикскимъ миромъ, какъ бы оно ни было выгодно австрійскому дому, не можетъ

быть признано достаточнымъ вознагражденіемъ за Страсбургъ, необходимый имперіи какъ въ политическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніяхъ.

Къ этому же времени, т. е. къ концу XVII вѣка, относятся изданные управленіемъ прусскаго архива Мемуары курфюрстины Софьи Ганноверской, прабабки Фридриха Великаго [1]). Нерѣдко было указываемо на то, что Фридрихъ унаслѣдовалъ свою литературную и сатирическую наклонность отъ образованныхъ и остроумныхъ ганноверскихъ принцессъ, которыя были замужемъ за его отцомъ и дѣдомъ. Особенный интересъ представляетъ бабка Фридриха, знаменитая Софья Шарлотта, ученица Лейбница въ философіи, для которой онъ написалъ свою „Теодицею".

Извѣстный французскій издатель сочиненій Лейбница, графъ Фуше де-Карель, говоритъ въ своей книгѣ „Leibniz et les deux Sophies", что въ письмахъ Софьи-Шарлотты, полныхъ игривой прелести и не уступающихъ въ своей наивной оригинальности всѣми превозносимой перепискѣ г-жи де-Севинье, можно одновременно узнать внучку Стюартовъ и бабку Великаго Фридриха. Теперь мы получили возможность познакомиться ближе съ матерью Софьи-Шарлотты, съ Софьей Ганноверской, принесшей въ приданое династіи Вельфовъ корону Стюартовъ, отъ которыхъ она происходила по своей матери Елизаветѣ, дочери Іакова I. Эта-то Софья, которая принимала и угощала Петра Великаго въ замкѣ Коппенбрюгге и оставила въ своихъ письмахъ такую мѣткую характеристику его. При ея дворѣ провелъ свой вѣкъ Лейбницъ и въ ея расположеніи и довѣріи къ нему онъ находилъ поддержку и утѣшеніе среди многихъ непріятностей и разочарованій [2]). Герцогиня Софья была извѣстна до сихъ поръ только по ея письмамъ; мемуары ея, сохранившіеся въ копіи, сдѣланной Лейбницомъ, были извѣстны нѣкоторымъ спеціалистамъ по исторіи Ганновера, но обнародованіе ихъ, задуманное много лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ ученымъ издателемъ Перцемъ, встрѣтило тогда затрудненія. Мемуары написаны въ Ганноверѣ, зимою 1680—81 года, когда Софьѣ было 50 лѣтъ. Они слегка только касаются первыхъ двадцати лѣтъ жизни Софьи, когда она жила при дворѣ матери въ Лейденѣ, гдѣ семья ея отца Фридриха V Пфальцскаго—зимняго короля—нашла убѣжище послѣ его неудавшейся попытки занять богемскій престолъ. Гораздо подробнѣе касаются мемуары жизни Софьи въ Гейдельбергѣ 1650—58 года, при дворѣ ея брата Карла-Лудвига, которому Вестфальскій миръ возвратилъ владѣніе его предковъ. Софья излагаетъ обстоятельно и съ разными романтическими эпизодами исторію брака и развода Карла

---

[1]) Publicationen aus den K. preussischen Staatsarchiven. Veranlasst und unterstietzt durch die K. archiv verwaltung. Томъ IV. Memoiren d. Herzogin Sophie, nachmahls Kurfürstin v. Hannover. Her. v. A. Köcher.

[2]) О герцогинѣ Софьѣ и ея дворѣ см. Герье: „Лейбницъ и его вѣкъ" и „Отношенія Лейбница къ Петру Великому".

Лудвига, затѣмъ сватовство герцога Георга Вильгельма, старшаго изъ ганноверскихъ принцевъ, искавшаго ея руки. Бракъ, однако, не состоялся и женихъ уступилъ невѣсту своему младшему брату Эрнсту Аугусту, выдавъ ему при этомъ письменное обязательство жить въ безбрачіи и впослѣдствіи передать свою часть родовыхъ земель Эрнсту Аугусту. Всего подробнѣе изложенъ въ мемуарахъ ганноверскій періодъ, время отъ 1658 до 1680; кромѣ того, они заключаютъ въ себѣ описаніе трехъ путешествій въ Италію, Францію и Данію, составленное, вѣроятно, на основаніи дневника. Во всѣхъ этихъ частяхъ бытовая и культурно-историческая сторона значительно преобладаетъ надъ историческимъ содержаніемъ. Особеннымъ тономъ проникнуты мемуары съ той поры, когда изложеніе коснулось тайнаго брака Георга Вильгельма съ Элеонорой d'Olbreuse; это—тонъ затаенной ревности и опасенія за главную цѣль, къ которой ганноверскій дворъ стремился всѣми средствами — усиленіе своего дома и сосредоточеніе родовыхъ владѣній въ одной линіи. Но, несмотря на личное нерасположеніе и непріятно сложившіяся отношенія, Софья при своемъ умѣ и зоркой наблюдательности изображаетъ, отчасти противъ воли, свою соперницу женщиной, одаренной самыми блестящими свойствами, какъ наружными, такъ и духовными, и признается, что нашла ее гораздо достойнѣе, чѣмъ ее представляла молва. Смерть Карла Лудвига, котораго Софья почитала какъ отца, а затѣмъ отъѣздъ ея супруга въ Италію на продолжительный срокъ налагаютъ оттѣнокъ грусти на послѣднюю часть мемуаровъ. Софья даже прямо признается, что причиной, побудившей ее взяться за перо, было желаніе разсѣяться и избавиться отъ усиливавшейся меланхоліи и что работа надъ составленіемъ мемуаровъ доставила ей истинное облегченіе. Она заявляетъ при этомъ (намекая на Элеонору д'Олбрёзъ и герцогиню Марію Колонна, урожденную Манчини, мемуары которой были напечатаны незадолго предъ тѣмъ), что не хочетъ подражать тѣмъ романтическимъ дамамъ, „qui ont rendu leur vie célèbre par leur conduite extraordinaire. Je ne prétends qu'a me divertir pendant l'absence de M. le duc mon mary, pour éviter la mélancolie et pour conserver mon humeur dans une bonne assiette. Car je suis persuadée que cela conserve la santé et la vie qui m'est bien chère". Въ этихъ словахъ высказывается очень ясно веселый и практически-разсчетливый нравъ герцогини. Но можно думать, что не для того только, чтобы занять свое время и въ невольномъ уединеніи пережить еще разъ въ воспоминаніи главнѣйшія событія своей жизни, принялась она составлять мемуары; они, повидимому, разсчитаны на то, чтобы повліять на потомковъ, а можетъ быть, даже на нѣкоторыхъ современниковъ и заставить ихъ взглянуть на событія 1650—80 годовъ съ точки зрѣнія, съ которой смотрѣла сама Софья и желала распространить. И потому и эти мемуары болѣе, чѣмъ многіе другіе, даютъ матеріала для нашего ознакомленія съ характеромъ автора и окружавшихъ его лицъ болѣе, чѣмъ съ изобра-

женными въ нихъ событіями. Но, благодаря наивной откровенности Софьи, выросшей въ нравственныхъ понятіяхъ вѣка Людовика XIV, ея мемуары представляютъ собой источникъ перваго разряда для изученія духовнаго облика и для моральной оцѣнки ея эпохи. Издатель мемуаровъ совершенно правильно характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Личная судьба Софьи и ея наблюденія, изложеніе ея надеждъ и разочарованій, выраженіе ея любви и ненависти, ея симпатіи и насмѣшки — вотъ что̀ составляетъ содержаніе ея записокъ. Въ ея настроеніи и сужденіяхъ раскрывается предъ нами ея личность и отражается не только внутренняя жизнь курпфальцскаго и брауншвейгскаго домовъ, но и культурный бытъ княжескихъ дворовъ XVII вѣка. Нельзя не удивляться мѣткости наблюденій, легкости изложенія и избытку остроумія въ нихъ. Конечно, нѣтъ и недостатка въ болѣе мягкихъ, женственныхъ чертахъ; тревожное материнское сердце, скорбь объ исчезнувшемъ супружескомъ счастьи и искреннее чувство къ брату, составлявшему опору Софьи, высказываются въ ея мемуарахъ. Но гораздо ощутительнѣе въ нихъ злой языкъ, поражающій противника, не щадящій и друга и забывающій даже по отношенію къ матери необходимое уваженіе. А что касается до основной струны душевной жизни, до правилъ руководящихъ представленіями и чувствами, то предъ нами выступаетъ гордый и скептичный образъ мысли, коренящійся въ сознаніи королевскаго происхожденія и превосходства образованія".

О дочери Софьи — Софьѣ Шарлоттѣ, первой королевѣ прусской, намъ также приходится упомянуть въ нынѣшнемъ обзорѣ, по поводу изслѣдованія Бреслау „О паденіи министра Данкельмана" [1]). Однимъ изъ выдающихся событій правленія курфюрста Фридриха III, была неожиданная отставка его всемогущаго любимца и главнаго совѣтника—оберъ-президента Данкельмана. И Ранке въ своихъ „12 книгахъ Прусской исторіи" и Дройзенъ въ своей „Исторіи Прусской политики" обстоятельно разсматривали это дѣло. Бреслау воспользовался для разъясненія его нѣкоторыми новыми источниками — реляціями ганноверскаго дипломата Дю-Кро и запиской министра Подевилса о правленіи Фридриха I—и пришелъ къ иному выводу. Ранке объяснялъ нерасположеніе Софьи Шарлотты главнымъ образомъ политическими мотивами: противодѣйствіемъ, которое Данкельманъ оказывалъ любимому проекту ганноверскаго двора—учредить въ Ганноверѣ примогенитуру, т. е. помѣшать дальнѣйшему раздробленію родовыхъ владѣній. Съ этой цѣлью Данкельманъ, будто бы, даже завелъ сношенія съ агнатами Вельфскаго дома, Софья же Шарлотта узнала о нихъ и дала знать объ этомъ въ Ганноверъ. Не соглашаясь

---

[1]) Der Fall zweier preussischer Minister d. Oberpräsidenten E. v. Dankelmann 1697 u. d. Grosskanzlers C. I. M. v. Fürst 1779. Von H. Bresslau u. S. Isaacsohn. 1878.

съ Ранке, Бреслау ищетъ причину отчужденія между Софьей Шарлоттой и Данкельманомъ преимущественно въ личныхъ мотивахъ. Однако же изъ самаго изложенія у Бреслау видно, что ганноверскіе Вельфы связывали съ паденіемъ Данкельмана какія-то политическія надежды, и что въ Берлинѣ помимо дипломатіи курфюрста существовала еще особая дипломатія его супруги. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что главной причиной паденія оберъ-президента была Софья Шарлотта. „Курфюрстина—пишетъ Дю-Кро въ Ганноверъ—есть главная пружина интригъ противъ Данкельмана". „Этотъ министръ—говоритъ Подевилсъ въ своей запискѣ—выказывалъ курфюрстинѣ очень мало вниманія, и она находила въ его паденіи утѣшеніе въ своей судьбѣ, и подъ рукой и черезъ другихъ содѣйствовала этому всѣми силами". А послѣ того, какъ онъ впалъ въ немилость, Софья ганноверская писала своей дочери: „Онъ заслужилъ то, что съ нимъ случилось, своей фальшивостью по отношенію къ вамъ. Plait à Dieu que tous ceux qui rendent de mauvais offices aux femmes fussent partout traités de même".

Мы возвратимся теперь снова къ правленію и личности Великаго Курфюрста по поводу изданія сочиненія освѣщающаго религіозную политику прусскихъ королей, охватившаго въ своемъ первомъ томѣ столѣтіе съ 1640 по 1740 годъ, т. е. царствованіе курфюрста Фридриха Вильгельма III, его сына, короля Фридриха I и болѣе извѣстнаго—солдатскаго короля Фридриха Вильгельма I. Мы разумѣемъ первый томъ обширнаго изданія прусскихъ архивныхъ матеріаловъ, организованнаго Зибелемъ, вышедшій подъ редакціей Лемана и подъ заглавіемъ: „Пруссія и католическая церковь съ 1640 г." [1]. Документальное и обстоятельное изслѣдованіе религіозной политики прусскихъ королей имѣетъ помимо современнаго политическаго интереса—въ виду того, что такъ называемый Kulturkampf, т. е. борьба германскаго правительства съ притязаніями папской куріи и съ клерикальной партіей стоитъ на первомъ планѣ въ современной политической жизни Германіи — очень важное обще-историческое значеніе, такъ какъ Пруссія была государствомъ, отдѣлившимъ государственный интересъ отъ церковнаго и практически осуществившимъ принципъ вѣротерпимости. Историкъ впервые получаетъ теперь возможность стать на твердую почву при разсмотрѣніи этой существенной стороны государственнаго и культурнаго развитія Пруссіи. Около 1000 грамотъ, писемъ, реляцій и договоровъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и по отдѣльнымъ провинціямъ, изданы Леманомъ частью въ извлеченіи, частью сполна, и двѣ богатыя содержаніемъ статьи издателя вводятъ читателя въ пониманіе даннаго матеріала.

---

[1]) Max Lehmann. Preussen und die Katolische Kirche seit 1640, nach den (Acten d. geh. Staatsarchives. Theil I: von 1640—1740. (Publicationen aus d. K. Preuss. Staatsarchiven B. I, 1878, 916 стр.)

Образъ дѣйствія курфюрста Фридриха Вильгельма въ религіозныхъ вопросахъ въ общихъ чертахъ извѣстенъ: крѣпкій въ вѣрѣ и въ личномъ благочестіи, твердо приверженный реформатскому ученію, онъ допускалъ широкую вѣротерпимость для другихъ исповѣданій, строго поддерживая права государства по отношенію ко всѣмъ церковнымъ общинамъ на основаніи идеи верховной епископіи (Summus episcopus), которую онъ присвоивалъ себѣ какъ относительно протестантовъ, такъ и относительно католиковъ. Изъ разнообразныхъ, разсѣянныхъ по сѣверной Германіи территорій, подвластныхъ Гогенцоллернамъ, особенно удобную почву для развитія государственной терпимости и безпристрастія къ разнымъ исповѣданіямъ представляло Юлихское герцогство (на Рейнѣ), гдѣ издавна жили въ полномъ смѣшеніи между собой реформаты, лютеране и католики и гдѣ Гогенцоллернамъ приходилось кромѣ того считаться съ правами совладѣльца, фанатическаго католика, пфальцграфа Нейбургскаго. Религіозное соглашеніе, которое Фридриху Вильгельму удалось заключить въ 1672 г., несмотря на всѣ эти затрудненія, и которое установило прочный миръ между тремя исповѣданіями въ Юлихѣ и Клеве, представляетъ великій подвигъ для эпохи, къ которой относится отмѣна Нантскаго эдикта и англійскій Тестактъ, и должно быть признано одной изъ главныхъ заслугъ Великаго Курфюрста. Это соглашеніе заслуживаетъ тѣмъ большее вниманіе, что договаривающіяся стороны отступили отъ относившихся къ религіозному вопросу постановленій Вестфальскаго мира, порождавшихъ много затрудненій, и независимо отъ власти императора, имперіи и папы, установили въ своей территоріи отношенія между государствомъ и церквами, исключительно руководясь началами взаимной терпимости, строгой справедливости и цѣлесообразной предусмотрительности.

Въ восточныхъ провинціяхъ затрудненій было меньше; но въ герцогствѣ Прусскомъ отношенія, особенно вначалѣ, были довольно сложны. Хотя число католиковъ здѣсь не было значительно, но церковная политика курфюрста встрѣчала преграды со стороны Польши, которую ему приходилось принимать во вниманіе даже и тогда, когда его вассальное отношеніе къ ней было прекращено. Особенной осторожности требовалъ также интересъ польскихъ диссидентовъ, такъ какъ всякое усиленіе государственнаго авторитета надъ католической церковью въ Пруссіи могло вызвать притѣсненія диссидентовъ. Вслѣдствіе этого, мы находимъ въ Пруссіи нѣкоторыя отступленія отъ общей политики курфюрста, такъ, напр., онъ терпѣлъ въ Кенигсбергѣ іезуитовъ, хотя и не былъ принужденъ къ этому договорами. Особенную же уступчивость обнаруживалъ курфюрстъ въ старостствѣ Драгеймъ, которое находилось у него въ залогѣ; населеніе этой небольшой области было лютеранское, но оно находилось въ совершенномъ рабствѣ у католическаго духовенства, курфюрстъ же относился въ этомъ случаѣ чрезвычайно снисходительно къ притяза-

ніямъ католической іерархіи изъ опасенія, чтобы Польша не поспѣшила выкупить у него свое владѣніе. Только при королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ I положеніе протестантскихъ жителей здѣсь измѣнилось къ лучшему.

Отмѣна Нантскаго эдикта и усиленіе католической пропаганды вызвали со стороны курфюрста нѣкоторыя попытки болѣе рѣзкаго обращенія съ своими католическими подданными; но эта политика возмездія была вскорѣ оставлена.

При преемникѣ Великаго Курфюрста выдвинулись на первый планъ попытки со стороны іезуитовъ обратить въ католичество и этого протестантскаго князя, какъ это удалось не задолго предъ тѣмъ по отношенію къ курфюрсту саксонскому; проводниками этой пропаганды были патеры Вота и Вольфъ. Личность перваго прусскаго короля, а также его супруги Софьи Шарлотты, воспитывавшейся до 16-ти-лѣтняго возраста одновременно въ трехъ исповѣданіяхъ—въ лютеранскомъ, реформатскомъ и католическомъ, вызвали съ римской стороны большія надежды. Послѣднія особенно оживились вслѣдствіе переговоровъ, которые завелъ Фридрихъ съ цѣлью, чтобы за нимъ былъ признанъ королевскій титулъ, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, такое повышеніе зависѣло преимущественно отъ согласія императора и папы.

Фридрихъ, однако, принялъ корону безъ соглашенія съ папской куріей и безъ всякихъ взаимныхъ уступокъ съ своей стороны. Тогда Климентъ XI отказался признать совершившійся фактъ и особой буллой пригласилъ другія державы къ тому же. Отношенія между новымъ королемъ и папой сдѣлались такъ натянуты, что король началъ мстить своимъ подданнымъ и приказалъ прусскому отряду, сражавшемуся въ Италіи, вторгнуться въ папскую область. Несмотря однако на это, іезуитская пропаганда при берлинскомъ дворѣ продолжалась непрерывно и упомянутые патеры не переставали разыгрывать свою роль.

Пропаганда не прекратилась даже при Фридрихѣ Вильгельмѣ I. Въ правленіе этого короля, католическимъ міромъ снова овладѣли фанатизмъ и наступательный духъ преслѣдованія протестантовъ въ Пфальцѣ. Торнское кровавое побоище въ 1724 г., изгнаніе протестантовъ изъ Зальцбурга и изувѣрскіе проэкты въ запискѣ римскихъ кардиналовъ отъ 1735 года были отголосками самыхъ мрачныхъ эпохъ католическаго фанатизма и Фридриху Вильгельму пришлось не разъ съ нимъ считаться. Личныя отношенія этого короля, насквозь проникнутаго принципами авторитета и субординаціи, къ католической церкви были совершенно иныя, чѣмъ при его отцѣ. Остроуміе образованныхъ патеровъ при берлинскомъ дворѣ не производило никакого впечатлѣнія на эту простую и трезвую натуру и роль этихъ ловкихъ агентовъ Рима была закончена. Замѣчательно однако, что, не смотря на все это, Фридрихъ Вильгельмъ не удалялся отъ традиціонной терпимости и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превзошелъ своихъ пред-

шественниковъ; можно даже удивляться, что, напримѣръ, Торнское побоище не оказало болѣе замѣтнаго вліянія на политику короля по отношенію къ католической церкви; онъ предпочиталъ энергически обороняться вмѣсто того, чтобы дѣйствовать наступательно. Побудительныя къ этому причины нужно частью искать въ общихъ историческихъ условіяхъ, рано вызвавшихъ и укоренившихъ въ прусскомъ государствѣ правительственную вѣротерпимость, частью же въ личныхъ свойствахъ Фридриха Вильгельма. Этотъ король былъ прежде всего хорошій хозяинъ; интересно указаніе, сдѣланное изслѣдователемъ, что и въ религіозной политикѣ его чисто хозяйственныя соображенія играли важную роль. „Религіозныя преслѣдованія раззорятъ страну", заявляетъ онъ въ одной изъ характеристическихъ для него замѣтокъ, которыя онъ дѣлалъ на поляхъ представляемыхъ ему докладовъ, и продолжаетъ на своемъ ломаномъ, но выразительномъ языкѣ: Das ist die Fautte die Luis 14 getahn. Die will ich nit nach Suhn. Ich meine Lande popelire, aber nit depopelire. Менѣе привлекательно, но совершенно согласно съ духомъ того вѣка другое побужденіе— фискальная выгода, которую король извлекаетъ подъ часъ изъ терпимости и покровительства, оказываемаго католикамъ. Наконецъ, къ этому еще присоединяется военный интересъ: вслѣдствіе господствовавшей въ то время системы пополнять полки вербовкой за границей, число католиковъ во всѣхъ прусскихъ полкахъ было очень значительно; а при этомъ было необходимо не только дозволять имъ свободно совершать свое богослуженіе, но и помогать имъ при устройствѣ его; вслѣдствіе чего часто возникали, примыкая къ гарнизонамъ, католическіе приходы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оффиціальное совмѣстное существованіе враждебныхъ исповѣданій было прежде немыслимо.

Уже въ разсмотрѣнномъ нами сочиненіи рельефно выступаетъ оригинальный образъ честнаго короля-хозяина Фридриха Вильгельма I, но въ еще болѣе выгодномъ свѣтѣ представляетъ его другая книга, изданная управленіемъ прусскихъ архивовъ. Второй томъ этого собранія обработанъ Штадельманомъ и посвященъ обозрѣнію дѣятельности Фридриха Вильгельма въ области земледѣлія и крестьянскаго быта [1]). Несмотря на спеціальный характеръ предмета, книга Штадельмана заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много обще-интересныхъ данныхъ, не говоря уже о томъ, что она совершенно измѣняетъ ходящее въ публикѣ представленіе о королѣ-солдатѣ. Рѣдко, можно сказать, господствовало въ исторіи такое одностороннее сужденіе о чрезвычайно почтенномъ историческомъ дѣятелѣ, какъ то, жертвою котораго былъ около цѣлаго вѣка отецъ Фридриха Великаго. Съ тѣхъ поръ какъ Вольтеръ осыпалъ его на первыхъ страницахъ своихъ записокъ ядовитыми насмѣшками, собравъ все, что можно было сказать смѣшнаго

---

[1]) R. Stadelmann. Friedrich Wilhelm I in seiner Thätigkeit für die Landescultur Preussens. (Publicationen aus d. K. Preus. Staatsarchiven. B. II.

и невыгоднаго о его скупости и деспотическомъ произволѣ, Фридрихъ Вильгельмъ не переставалъ служить мишенью для остряковъ просвѣтительнаго періода, непонимавшаго и ненавидѣвшаго все, что не подходило подъ шаблонъ французскаго салоннаго образованія и моднаго либерализма. Даже родная дочь Фридриха Вильгельма, маркграфиня Байрейтская, не пощадила отца въ своихъ мемуарахъ и выставила его на посмѣшище „утонченныхъ умовъ". Подъ вліяніемъ такихъ сатирическихъ выходокъ, въ исторіографіи укоренилось совершенно каррикатурное представленіе о королѣ, долго заслонявшее настоящій образъ его. Даже такой трезвый историкъ, какъ Шлоссеръ, съ своимъ здравымъ смысломъ и съ прозаической моралью не былъ въ состояніи разгадать Фридриха Вильгельма, не смотря на то, что у него самого въ натурѣ, въ житейскихъ вкусахъ и въ нравственныхъ требованіяхъ было такъ много общаго съ королемъ. Онъ, правда, беретъ его подъ свою защиту противъ непрошенной критики. Онъ оправдываетъ многіе недостатки и странности короля указаніемъ на время и на среду, въ которой онъ жилъ; скупости Фридриха Вильгельма онъ противопоставляетъ расточительность какого нибудь Августа Саксонскаго и другихъ подражателей Версаля, раззорившихъ свою страну; пренебреженіе Фридриха Вильгельма къ наукѣ и ученымъ онъ объясняетъ состояніемъ тогдашнихъ университетовъ и отчужденностью науки того времени отъ потребностей жизни; суровость Фридриха Вильгельма въ семейныхъ отношеніяхъ, его простые вкусы въ домашней жизни и его грубую обстановку, онъ ставитъ въ выгодный контрастъ съ лощенымъ развратомъ, господствовавшемъ при многихъ другихъ нѣмецкихъ дворахъ; онъ даже признается, что могъ бы легко оправдать самоуправство короля въ виду высокомѣрія и упрямства тогдашняго дворянства и чиновничества; но, такимъ образомъ, все, что говоритъ Шлоссеръ въ оправданіе или въ пользу Фридриха Вильгельма I, заключаетъ въ себѣ только относительную похвалу и нигдѣ не выступаетъ настоящее значеніе короля, несмотря на то, что характеристика довольно подробна. Среди этихъ подробностей на первомъ планѣ стоитъ личность короля съ ея болѣе или менѣе случайными свойствами и привычками; это—жанровая картинка, въ которой подобрано для минутнаго эффекта слишкомъ много яркихъ деталей, слишкомъ рельефно выступаютъ забавныя черты изображеннаго лица. И даже тамъ, гдѣ Шлоссеръ касается правительственной дѣятельности Фридриха Вильгельма, гдѣ онъ говоритъ о немъ какъ о государѣ, онъ опять останавливается на жанровыхъ полукомическихъ чертахъ; когда Шлоссеръ касается войска, составлявшаго такой важный предметъ заботъ для Фридриха Вильгельма, онъ говоритъ преимущественно о страсти короля къ рослымъ солдатамъ и о безумныхъ средствахъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ, чтобы добыть себѣ великановъ; когда онъ касается стараній короля вызвать въ Пруссіи разнаго рода фабричные промыслы, улучшить земледѣліе и оживить торговлю, то выстав-

ляетъ на видъ, что эти цѣли никогда не могутъ быть достигнуты военнымъ способомъ, утверждаетъ, что король своими попеченіями, хотя съ одной стороны и приносилъ пользу, но съ другой оказывалъ странѣ вредъ, перечисляетъ промахи короля, говоритъ о томъ, какъ онъ вводилъ улучшенія на турецкій маперъ, разорялъ богатыхъ людей и сановниковъ, заставляя ихъ строить дома на болотистой почвѣ Берлина и Потсдама съ большими издержками и т. п. Вслѣдствіе этого и у Шлоссера общая характеристика Фридриха Вильгельма отмѣчена полу-каррикатурнымъ оттѣнкомъ.

Между тѣмъ, этотъ государь заслуживаетъ серьезнаго вниманія и изученія, какъ оригинальный историческій типъ: за шероховатой корой, за грубой, иногда пошловатой, поверхностью необходимо понять и оцѣнить нравственное величіе человѣка и государя. Для русскихъ читателей къ этому присоединяется еще особый интересъ, такъ какъ Фридрихъ Вильгельмъ I напоминаетъ многими чертами своего болѣе геніальнаго современника Петра Великаго.

Въ обоихъ случаяхъ особенно привлекательно соединеніе трезвости, практическаго отношенія къ жизни и къ ея задачамъ, съ высокимъ нравственнымъ идеализмомъ; соединеніе хозяина и государя—патріархальнаго отношенія къ власти съ идеей служенія государству, которому всѣ должны всецѣло посвятить себя отъ государя до послѣдняго сторожа, всѣ одинаково—и военные и гражданскіе чиновники и духовные лица и люди науки. Изъ этого общаго фона вытекали многія сходныя черты, которыя впрочемъ отчасти объясняются и одновременностью и сходствомъ обстановки. Укажемъ, напр., на нѣкоторыя однородныя цѣли и стремленія въ общей государственной политикѣ. Какъ Фридрихъ Вильгельмъ, такъ и Петръ назначилъ для своей преобразовательной дѣятельности—безопасность государства посредствомъ хорошо устроеннаго войска и обогащеніе страны посредствомъ торговли и промышленности [1]). Оба государя одинаково старались, чтобы ихъ страны „перестали нуждаться въ иностранныхъ мануфактурныхъ товарахъ, чтобъ начинали пробавляться своими, начинали обдѣлывать сырые матеріалы и обдѣланные отпускать за границу". Оба „желали какъ можно скорѣе увеличить государственные доходы и знали очень хорошо, что они могутъ быть увеличины только поднятіемъ благосостоянія податныхъ людей [2]).

Изъ общей идеи служенія государству вытекало также много сходныхъ частныхъ чертъ: напомнимъ роль, которую играла дубинка въ рукахъ обоихъ государей при исправленіи недобросовѣстныхъ и нерадивыхъ государственныхъ служителей; напомнимъ болѣе серьезную сторону — одинаковое отношеніе къ сыну. Оба государя видѣли въ наслѣдникѣ не столько сына, сколько будущаго правителя госу-

---

[1]) Соловьевъ, XVI, стр. 198, 215.
[2]) Соловьевъ, XIII, стр. 306.

дарства; оба требовали, чтобы сынъ изучилъ службу государству лично и съ низшихъ ея ступеней; наконецъ, ни тотъ ни другой не отступили передъ принудительными средствами противъ сына и опалой.

Эти общiя замѣчанiя мы считали необходимыми, чтобы вызвать вниманiе читателей къ сочиненiю, съ которымъ мы хотимъ ихъ познакомить. Оно касается одной изъ существенныхъ сторонъ дѣятельности Фридриха Вильгельма—практическаго примѣненiя сознаннаго имъ правила, что государственные доходы могутъ быть увеличены только поднятiемъ благосостоянiя податныхъ людей. Чтенiе книги Штадельмана представляетъ, кромѣ того, большой интересъ для всякаго, кто желаетъ составить себѣ ясное понятiе о быстромъ возвышенiи Пруссiи и о характерѣ ея государственнаго устройства. Всѣмъ извѣстны воинскiе подвиги прусскихъ королей, въ которыхъ большею частiю склонны видѣть только суровыхъ воиновъ. Гораздо менѣе извѣстна ихъ роль, какъ мирныхъ правителей, употреблявшихъ всѣ усилiя для поднятiя матерiальнаго благосостоянiя своей страны, столь бѣдно надѣленной природою. Эти усилiя не остались безъ вознагражденiя: то, что было сдѣлано въ этомъ отношенiи Фридрихомъ Вильгельмомъ I, почти невѣроятно. Считая потомство колонистовъ, которыхъ онъ привлекъ изъ Швейцарiи, Вестфалiи, Зальцбурга и другихъ мѣстностей, онъ увеличилъ впродолженiе 27 лѣтъ своего царствованiя (отъ 1713 до 1740) на 600,000 душъ количество жителей своей страны, т. е. на одну четверть населенiя всей Пруссiи. Въ Литовской области, раззоренной татарами (въ 1656—57 г.), онъ создалъ 332 села, 11 городовъ, 49 фермъ, множество мельницъ и проч. До 1738 года онъ уже основалъ въ округахъ Кенигсбергскомъ и Литовскомъ 1105 новыхъ школъ, не смотря на оппозицiю со стороны чиновниковъ и дворянства. Когда власти въ Кенигсбергѣ оказались небрежными и враждебными въ школьномъ дѣлѣ, король написалъ имъ слѣдующiя слова, сдѣлавшiяся знаменитыми: „Значитъ, власти хотятъ оставить въ невѣжествѣ эту бѣдную страну. Но къ чему же бы служила забота о воздѣлыванiи земли, безъ попеченiя о томъ, чтобы люди на ней живущiе сдѣлались христiанами?“

Эта замѣчательная сторона въ дѣятельности Фридриха Вильгельма, которую Фридрихъ Великiй называетъ героической въ письмѣ къ Вольтеру, въ послѣднее время уже не разъ привлекала вниманiе изслѣдователей; на ряду съ болѣе или менѣе спецiальными трудами Ранке, Дройзена, Шмоллера, Рошера, Мейцена, Бегейнъ-Шварцбаха, Рённе и др., должно стать достойнымъ образомъ это новое разбираемое нами сочиненiе, резюмируя и пополняя прежнiя.

Сочиненiе распадается на 2 части, описательную и документальную; въ послѣдней находится 90 иногда довольно пространныхъ актовъ, избранныхъ изъ громаднаго количества до сихъ поръ не напечатанныхъ матерiаловъ берлинскаго государственнаго архива; выборъ сдѣланъ такимъ образомъ, что по возможности всѣ отдѣльныя

стороны дѣятельности короля, которыхъ касается изложеніе, получаютъ документальное объясненіе; это—преимущественно королевскіе приказы и инструкціи разнымъ волостямъ, съ другой стороны—протоколы присутственныхъ мѣстъ и донесенія; послѣднія часто сопровождаются знаменитыми отмѣтками короля на поляхъ, изученіе которыхъ король какъ-то рекомендовалъ своему сыну, наслѣдному принцу, какъ лучшее средство для ознакомленія съ управленіемъ страны. Повѣствовательная часть представляетъ опирающееся на эти и другіе документы изъ берлинскаго государственнаго архива, а также и на публикованные прежде акты и изслѣдованія, подробное изложеніе трудовъ короля въ области земледѣльческаго быта страны, наглядно сгруппированныхъ по главнымъ отраслямъ этой дѣятельности.

Какъ мы уже выше замѣтили, ни одинъ нѣмецкій государь не страдалъ такъ долго и такъ сильно отъ непониманія его и несправедливаго къ нему отношенія, какъ именно Фридрихъ Вильгельмъ I. Историки и поэты за одно состязались, чтобъ передать потомству образъ короля-солдата въ возможно рѣзкихъ краскахъ; а что̀ еще выступало свѣтлаго въ этомъ образѣ, то затмѣвалось блескомъ славнаго и великаго его сына и наслѣдника. Передъ потрясающими весь міръ войнами Фридриха II, передъ его великими дипломатическими и государственными успѣхами, передъ монархомъ, любившимъ искусство, передъ философомъ Санъ-Суси—тихая, внутренняя культурная работа короля-хозяина и отца своей страны отступала на задній планъ.

Фридрихъ Вильгельмъ I прослылъ „полу-смѣшнымъ, полу-отталкивающимъ чудакомъ, обладавшимъ, правда, кое-какими второстепенными талантами“. И, однако, Пруссія обязана этому своему „величайшему изъ внутреннихъ королей“, какъ мѣтко назвалъ его современникъ Штейна, министръ Шёнъ, тѣми основами, которыя твердо упрочили ея государственную жизнь,—своимъ войскомъ и его корпоративнымъ духомъ, добросовѣстною исполнительностью и честностью своего чиновничества, духомъ дѣятельности, бережливости, дисциплины и строгаго чина ея обитателей.

Когда Фридрихъ Вильгельмъ взошелъ на престолъ, 25-го февраля 1713 г., онъ выступилъ съ слѣдующей краткой, но ясной программой правленія: „что онъ намѣренъ быть самъ своимъ собственнымъ фельдмаршаломъ и министромъ финансовъ“. И какъ король сдержалъ свое слово! При его смерти маленькая Пруссія стала третьей по своему военному значенію державой въ Европѣ, съ такимъ штатомъ офицеровъ, который по образованію не имѣлъ себѣ подобнаго; казна была полна, вся страна представляла искусно расчлененный административный организмъ.

А въ какомъ видѣ была страна, когда Фридрихъ Вильгельмъ принялъ ее въ свои руки! Несмотря на славное управленіе дѣда, Великаго Курфюрста, Пруссія все еще не оправилась послѣ погрома трид-

цатилѣтней войны. При Фридрихѣ I болѣе выступали на первый планъ духовные интересы, наука и искусство, роскошь и блескъ жизни и прежде всего—блескъ короны. Земледѣльческая культура Пруссіи—эта первая и настоятельная задача юнаго королевства,—правда, подвигалась, но болѣе съ помощью административныхъ органовъ, чѣмъ личнаго участія государя. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ предстоялъ коренной переворотъ. Еще будучи наслѣднымъ принцемъ, Фридрихъ Вильгельмъ во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ и вкусахъ представлялъ совершенную противоположность съ обстановкой двора и руководящими началами управленія.

Его чисто нѣмецкую простодушную натуру сильно отталкивало предпочтеніе, оказываемое французскимъ обычаемъ, игра придворныхъ интригъ, расточительность и изнѣженность. Съ самаго дѣтства рѣзкій, прямой, правдивый, съ рано опредѣлившимся духомъ порядка и бережливости, съ острымъ разсудкомъ,—онъ съ каждымъ годомъ становился въ болѣе сознательное противорѣчіе съ окружающимъ его дворомъ. При такихъ свойствахъ темперамента, принцъ долженъ былъ рано пріобрѣсти вліяніе надъ слабо-характернымъ отцомъ. Довѣріемъ короля къ принцу объясняется разосланный въ августѣ 1710 г. во всѣмъ властямъ государства указъ: „донести о настоящемъ положеніи страны, ни мало не скрывая ничего, и эти донесенія доставить непосредственно въ собственныя руки короля“. Присланныя донесенія повели къ строгимъ разслѣдованіямъ и развернули печальную картину управленія. Вслѣдствіе разныхъ происшествій при раздачѣ въ наслѣдственную аренду крестьянскихъ участковъ государственныхъ имуществъ, министръ Витгенштейнъ былъ удаленъ отъ должности, а Лубенъ даже засаженъ въ крѣпость Шпандау. Результатомъ разслѣдованій было дальнѣйшее развитіе временной аренды вмѣсто наслѣдственной, которая, какъ высказался о ней король, не принесла той пользы, какую ему обѣщали отъ нея; въ добавокъ у него черезъ эту наслѣдственную аренду отнимается свобода располагать казенными имуществами. Не смотря, однако, на все это, при Фридрихѣ I не было предпринято никакихъ серьезныхъ преобразованій. Мягкая натура короля, самое свойство его ума, мало склоннаго къ матеріальнымъ интересамъ,—все это мѣшало серьезнымъ реформамъ. „Онъ имѣлъ наклонность, говоритъ Дройзенъ, къ попеченію о наукѣ и искусствѣ, и несокрушимыми памятниками этого интереса будутъ служить превосходныя зданія, возведенныя имъ, основаніе академіи художествъ и наукъ, университета въ Галле, привлеченіе замѣчательнѣйшихъ людей для разныхъ отраслей знанія“. Но при его смерти безурядица государственнаго хозяйства была хуже, чѣмъ когда-либо, государству угрожало банкротство. Къ этому присоединялось взяточничество въ чиновничьихъ кругахъ; казенныя имущества были большею частью заложены, села и города обѣднѣли и были разорены. Особенно восточная Пруссія, вслѣдствіе проникнувшей туда азіат-

ской чумы, падежей скота и неурожаевъ, пришла въ крайнюю степень нищеты. Земледѣліе мало поощрялось, повсемѣстное прикрѣпленіе крестьянъ связывало производительныя силы труда. Такимъ образомъ, неизмѣримо трудныя задачи предстали предъ Фридрихомъ Вильгельмомъ при его восшествіи на престолъ.

Первой настоятельной задачей явилось возстановленіе разстроенныхъ финансовъ. Король предпринялъ мѣру самаго радикальнаго свойства; прежніе расходы на дворъ, простиравшіеся до 276,000 талеровъ въ годъ, были сокращены на 55,000 талеровъ. Дорогія вина придворнаго погреба были проданы съ аукціона; сотня щегольскихъ лошадей, множество роскошныхъ экипажей и носилокъ также поступили въ продажу. Массивные серебряные сервизы, мебель и канделябры изъ королевскихъ увеселительныхъ и охотничьихъ дворцовъ были пудами отправляемы на монетный дворъ и затѣмъ, превращенные въ деньги и сложенные въ дворцовыхъ погребахъ, составили основной запасъ государственной казны, а опустѣвшія зданія, сады и парки были сданы въ аренду. Нуженъ былъ желѣзный трудъ для того, чтобы разрѣшить задачу, которую предпринялъ король. Около этого времени, австрійскій посланникъ фонъ-Зекендорфъ писалъ слѣдующее: „Кто этого не видитъ собственными глазами, ни за что не повѣритъ, чтобы нашелся въ мірѣ человѣкъ, какого онъ бы ни былъ большаго ума, который въ состояніи въ теченіе дня лично справить столько разнообразныхъ дѣлъ, какъ этотъ король; на это онъ употребляетъ время отъ трехъ часовъ утра до десяти, а потомъ остальную часть дня проводитъ въ военныхъ упражненіяхъ". Лѣтомъ совѣтники королевскаго кабинета и секретари короля должны были являться къ нему въ пять часовъ утра, зимою — въ семь, чтобы докладывать о текущихъ дѣлахъ и принимать относящіяся къ нимъ распоряженія. Скоро всѣ, кто работалъ для государства, были приведены въ такое же напряженное состояніе. За финансовой реформой послѣдовало переустройство высшаго государственнаго управленія. „Генеральная директорія" стала обнимать всѣ провинціи государства; король самъ предсѣдательствовалъ въ ней, самъ подписывалъ и приводилъ въ исполненіе всѣ ея постановленія. Пять министровъ стояли во главѣ пяти департаментовъ, изъ которыхъ каждый въ теченіе недѣли долженъ былъ представить докладъ по своей части. „Мы отнюдь не желаемъ лести, пишетъ король, а намъ всегда должно говорить чистую правду, ничего не скрывать и никогда не являться на глаза съ какой нибудь ложью. Вѣдь мы—господинъ и король, и можемъ дѣлать то, что намъ угодно". Желѣзная дисциплина короля простиралась даже на низшихъ чиновниковъ. „Если окажется хоть малѣйшее что нибудь среди моихъ слугъ, пишетъ онъ въ 1714 г., то я ихъ отдамъ подъ военный судъ и велю порѣшить ихъ по полевымъ законамъ. Я командую войскомъ и мнѣ ли не командовать этими щелкоперами". Министръ или совѣтникъ, который опаздывалъ на одинъ

часъ на засѣданія генеральной директоріи,—а они сначала открывались лѣтомъ въ 7, зимою въ 8 часовъ утра, — подвергался штрафному вычету изъ жалованья въ 100 червонцевъ. О „задушевности“ (Gemüthlichkeit) на прусской службѣ не было болѣе и помину. „Извѣстно, разсказываетъ Дройзенъ, какъ король однажды, замѣтивъ во время своей обычной утренней прогулки, что публика тщетно стучится въ дверь почтамта, своей дубинкой поднялъ съ постели потсдамскаго почтмейстера“.

Фридрихъ Вильгельмъ былъ въ собственномъ смыслѣ этого слова раціональный народный хозяинъ. Его политическая экономія не можетъ быть подведена подъ схему какой либо изъ извѣстныхъ системъ—это была политическая экономія здраваго человѣческаго разсудка и вниманія къ реальнымъ отношеніямъ. Но болѣе всего представляетъ она общаго съ основаніями меркантилизма въ той специфической формѣ, въ какой онъ явился въ Германіи. Правленіе Фридриха Вильгельма—пишетъ Рошеръ въ своей „Исторіи политической экономіи въ Германіи“—пытались опредѣлить формулой „косица и тесакъ“, но было бы характеристичнѣе сказать вмѣсто этого „казна и тесакъ“ (Kasse und Schwert), однако съ прибавленіемъ, что управленіе тесака было болѣе мирное, а завѣдываніе казной болѣе отеческое, чѣмъ можно вообще разумѣть подъ этими словами. У Фридриха Вильгельма уже есть нѣчто въ родѣ того возвышеннаго чувства долга, которое его наслѣдникъ выразилъ въ словахъ: „король — первый слуга государства“, но вмѣстѣ съ этимъ у него было и что-то похожее на надменное себялюбіе Людовика XIV, высказавшееся въ словахъ: „государство—это я“.

Въ области финансовой политики главный интересъ былъ сосредоточенъ на государственныхъ имуществахъ. Не безъ жесткости, даже не безъ насилія, дѣйствовалъ тутъ король. Наслѣдственная аренда была безъ церемоніи отмѣнена и вмѣсто нея введена срочная аренда, возобновлявшаяся каждыя 6 лѣтъ. Позднѣе король, правда, отчасти приблизился къ прежнему порядку вещей, посредствомъ такъ называвшейся Generalzeitpacht. Большое великодушіе обнаружилъ онъ въ указѣ 13-го августа 1713 г., уничтожавшемъ различіе между государственнымъ имуществомъ и королевскими удѣльными имѣніями и превратившемъ послѣднія въ государственную собственность. Но на первомъ планѣ хозяйственной политики короля стоитъ его дѣятельность въ области земледѣльческой культуры Пруссіи, чему и посвящены, главнымъ образомъ, обнародованные государственнымъ архивомъ документы и изслѣдованіе Штадельмана.

„Распашка и колонизація“ — таковъ былъ пароль короля. Число запустѣвшихъ мѣстъ, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ королевства, было ужасающее. Одинъ указъ 1721 г. насчитываетъ 3,257 пустопорожнихъ участковъ въ одномъ только Курмаркѣ. Въ этомъ случаѣ король старался помочь дѣлу всякаго рода поощреніями и

льготами въ пользу тѣхъ, кто брался воздѣлывать эти участки, какъ то: освобожденіемъ отъ податей на извѣстный срокъ, даровой раздачей строительнаго матеріала, денежными ссудами по низкому проценту. Особенно нуждалась въ помощи восточная Пруссія; положеніе этой несчастной части королевства было отчаянное. Шайки татаръ, призванныхъ поляками во время войны, вторгшись въ эту область, безчеловѣчно опустошили ее; 13 городовъ, 249 мѣстечекъ и множество отдѣльно стоявшихъ дворовъ было сожжено дотла, до 23,000 населенія было уведено въ плѣнъ или въ рабство. Затѣмъ послѣдовалъ голодъ и опустошительныя болѣзни; одна чума унесла до 234,000 человѣкъ. Прежде всего были приняты королемъ мѣры для пополненія жителей раззоренной области посредствомъ колонизацій. Переселенцевъ старались привлечь туда, вопервыхъ, изъ другихъ провинцій Пруссіи: изъ Магдебурга переселилось туда 200 семействъ, столько же изъ графства Маркъ. Очень важную фазу въ колонизаціи составило религіозное преслѣдованіе, какому подверглись въ Зальцбургскомъ архіепископствѣ протестанты. Король предложилъ гонимымъ убѣжище въ своихъ областяхъ; до 20,000 зальцбургскихъ протестантовъ переселилось поэтому въ Пруссію; и изъ Богеміи, а также изъ Швейцаріи и Пфальца являлись переселенцы, бывшіе благодѣяніемъ для страны.

Рядомъ и въ связи съ этими мѣрами стоитъ стремленіе освободить крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ участь болѣе сносною и оградить ихъ отъ произвола и насилія господъ. Нельзя читать безъ умиленія то, что пишетъ король послѣ частыхъ сомнѣній и отчаяній о результатахъ своихъ попеченій: „Литовцы вездѣ начинаютъ оправляться: они ѣдятъ теперь такой хлѣбъ, который мнѣ по вкусу; въ ихъ хатахъ стало хорошо и уютно, у нихъ теперь можно найти горшки съ саломъ и мясомъ, а сами крестьяне—толстые и жирные“, или когда онъ съ отеческой строгостью приказываетъ держать постоянно въ чистотѣ трубы на крестьянскихъ домахъ и осторожнѣе обходиться съ огнемъ, „чтобы не приключилось какой нибудь бѣды“, и такъ приспособлять стѣны, „чтобы легче было натопить избу“ и „чтобы меньше на это шло дровъ“.

Одно изъ самыхъ блестящихъ предпріятій короля для улучшенія страны было осушеніе и обращеніе въ пахатную землю топей, образуемыхъ Гавелемъ, такъ называемыхъ Ринъ и Луксъ. Эта мѣстность представляла болотистую низменность въ 22 квадратныхъ мили протяженія, походившую весною на большое озеро. Эти болота послѣ семилѣтнихъ трудовъ превратились въ плодородныя поля, несмотря на множество затрудненій, которыя король встрѣчалъ даже со стороны заинтересованныхъ лицъ. Съ одинаковымъ попеченіемъ король заботился какъ о нуждахъ крестьянъ, такъ и о начинавшей развиваться промышленности. Острымъ взоромъ постигъ онъ всю важность

мануфактуръ; фабричную промышленность онъ назвалъ „настоящимъ рудникомъ". „Страна безъ мануфактуръ, любилъ онъ говорить, все равно, что человѣческое тѣло безъ жизни,—значитъ, мертвая страна, вѣчно бѣдная и жалкая, которая никогда не достигнетъ процвѣтанія". Онъ особенно заботился о развитіи шерстяной мануфактуры запрещеніемъ ввоза, облегченіемъ торговыхъ сношеній и заключеніемъ торговыхъ договоровъ съ Швеціей и Россіей для того, чтобъ обезпечить сбытъ этой быстро развивавшейся промышленности.

Фридрихъ II-й признавалъ единство государственнаго управленія, взаимодѣйствіе и тѣсную связь всѣхъ отдѣльныхъ частей его — главной, характеристической чертой внутренней политики своего отца. Разбираемыя нами изданія представляютъ множество данныхъ, подтверждающихъ вѣрность и мѣткость этого опредѣленія. Подобно тому, какъ книга Лемана обнаружила, насколько церковная политика Фридриха Вильгельма I обусловливалась экономической точкой зрѣнія, вниманіемъ къ потребностямъ его полковъ, такъ книга Штадельмана показываетъ, какимъ образомъ привлекалось духовенство къ исполненію задачъ народнаго хозяйства, напримѣръ насажденію деревьевъ и разведенію тутовыхъ плантацій, какимъ образомъ войско участвовало въ осушеніи болотъ Гавеля и содѣйствовало оцѣпленію зараженныхъ мѣстностей. Особенно же наглядно выступаетъ роль войска, какъ потребителя, которымъ король пользовался для развитія мануфактурной промышленности, а слѣдовательно—опять-таки и земледѣлія, противорѣчащіе интересы которыхъ онъ старается согласить къ обоюдной пользѣ.

То, что создалъ король, здѣсь невозможно подробнѣе прослѣдить; его дѣятельность въ частностяхъ существуетъ еще и донынѣ. Она придала прусскому государству его своеобразность и наложила на него особенный отпечатокъ. Правда, Фридрихъ Вильгельмъ I во всемъ дѣйствовалъ путемъ и средствами неограниченнаго самодержавія и безпредѣльнаго самоволія. Онъ зналъ только одно—слушаться (Ordre pariren); его способъ рѣшать дѣла отличался суровой краткостью. Очень характеристичны находящіяся при документахъ собственноручныя его замѣтки на поляхъ. Большею частію встрѣчаются только отдѣльныя слова, какъ напримѣръ: „хорошо" (guht), „очень хорошо, „все благополучно", а иногда и въ другомъ родѣ: „глупости" (Narren, Possen), „отказать", „отказать безъ разговора" (platt abweisen), или же часто попадающійся вопросъ: „по какому резону?" Вездѣ прибавленное „cito" (быстро, скоро) напоминаетъ, чтобы дѣла не застаивались.

Высокій интересъ представляетъ отношеніе кронпринца Фридриха къ работамъ и планамъ отца. Первыя опредѣленныя указанія на участіе принца въ работахъ короля относятся, какъ документально удостовѣряетъ Штадельманъ, ко времени его заточенія въ Кюстринѣ, послѣ несчастной попытки бѣгства въ 1730 г. Король сдѣ-

Просто изумительно, сколько новыхъ или вновь населенныхъ мѣстечекъ, волостей и мельницъ было создано въ короткій срокъ двухъ лѣтъ. Это сильнѣе привлекало переселенцевъ, чѣмъ простыя обѣщанія, ибо давало имъ возможность тотчасъ же размѣщаться по готовымъ домамъ и дворамъ.

Съ 1722 г. и, преимущественно, до 1725 г. изъ различныхъ мѣстностей западной и южной Германіи въ Литву нашло такое множество поселенцевъ, что уже по прошествіи 5 лѣтъ дальнѣйшій приливъ оказался нежелательнымъ. Король заботился объ успѣшномъ ходѣ колонизаціи самымъ предусмотрительнымъ образомъ, входя въ мельчайшія подробности. Не все шло по его желанію, но вина въ этомъ отчасти лежала на немъ самомъ. Если онъ, напр., приказалъ повѣсить совѣтника фонъ-Шлубгута передъ залой засѣданія доменіальной палаты и на глазахъ у другихъ совѣтниковъ, то это, хотя зрѣлище и было варварское, по крайней мѣрѣ не было несправедливо, ибо этотъ чиновникъ совершилъ нѣсколько, хотя и маловажныхъ, нечестныхъ поступковъ и король хотѣлъ, чтобы этотъ примѣръ служилъ къ назиданію (ein Exempel statuiren). Но если Фридрихъ Вильгельмъ вообще относился не въ мѣру строго къ чиновникамъ, трудившимся подъ самымъ тяжелымъ бременемъ возложенныхъ на нихъ работъ, то онъ отнималъ этимъ у нихъ всякую охоту и бодрость и самъ мѣшалъ достиженію своей цѣли, ибо чиновники вымѣщали свою досаду на колонистахъ и обращались съ ними сурово и произвольно. И если король издавалъ приказъ, чтобы всѣ нерадивые (liederliche) хозяева были изгнаны изъ своихъ дворовъ, то крестьяне—такъ какъ выраженіе нерадивый допускаетъ очень субъективное толкованіе—подвергались насилію со стороны старосты и исправника и чувствовали себя необезпеченными на своемъ участкѣ. Слишкомъ суровыя мѣры имѣли послѣдствіемъ недовольство и открытое сопротивленіе и, наконецъ, все-таки пришлось прибѣгнуть къ болѣе мягкимъ средствамъ. Къ этому присоединилось нерасположеніе прежняго населенія, которое съ неудовольствіемъ относилось къ предпочтенію, оказанному переселенцамъ, и даже дозволяло себѣ противъ нихъ враждебныя дѣйствія. Неудивительно поэтому, что многіе переселенцы смотрѣли на себя какъ на изгнанниковъ, и опять уходили или дезертировали, какъ это понималъ и называлъ суровый король-солдатъ.

Чрезвычайно интересна вторая книга, излагающая результаты колонизаторскихъ усилій короля. Правда, авторъ не былъ въ состояніи извлечь изъ актовъ вполнѣ достовѣрный результатъ по отношенію къ цифрамъ; но если принять въ разсчетъ наиболѣе вѣроятныя данныя и брать максимальныя цифры, то можно сказать, что отъ чумы опустѣло въ Литовской области около 14,000 дворовъ и что изъ нихъ заселены въ правленіе Фридриха-Вильгельма не менѣе 13,200, а число переселившихся въ Литву колонистовъ составляетъ 29,446 лицъ. Авторъ считаетъ, вообще, возможнымъ утверждать, что въ 1735 году

на каждыхъ три человѣка всего населенія приходилось по одному колонисту. Изъ сопоставленія списковъ „хорошихъ“ и „плохихъ“ хозяевъ оказывается, что на литовцевъ изъ 100 хозяевъ приходилось 14 плохихъ хозяевъ, изъ колонистовъ среднимъ числомъ 16, при чемъ изъ нассауцевъ 17 процентовъ, а изъ зальцбургскихъ переселенцевъ только 9,5 были плохими хозяевами. Относительно издержекъ колонизаціи сохранилось вообще очень мало данныхъ; но онѣ, конечно, были колоссальны.

Вторая и третья книги посвящены исключительно исторіи Зальцбургской колоніи въ Пруссіи. Выселеніе зальцбургскихъ протестантовъ въ 1732 году, въ судьбѣ которыхъ приняла участіе вся Германія, и пріемъ ихъ въ Пруссіи сдѣлали имя Фридриха Вильгельма I извѣстнымъ въ самыхъ бѣдныхъ хатахъ. Король принималъ въ этомъ дѣлѣ сердечное участіе. Авторъ, послѣ краткаго изложенія извѣстныхъ происшествій въ Зальцбургѣ, описываетъ переселеніе выходцевъ въ Пруссію. Весною 1732 года, прусскіе комиссары приняли 20,694 зальцбургцевъ на границѣ ихъ прежней родины и повели ихъ въ 32 транспортахъ на сѣверо-востокъ. Многіе остались по дорогѣ въ другихъ нѣмецкихъ и бранденбургскихъ городахъ или селахъ, особенно въ Берлинѣ; 13,944 дѣйствительно достигли Кенигсберга. Затѣмъ началась колонизація. Тѣ изъ выходцевъ, которые получили осѣдлость въ качествѣ подворныхъ крестьянъ, или коссетовъ (владѣльцы усадьбы съ мелкимъ участкомъ), скоро и мирно свыклись съ новыми условіями и охотно согласились на присягу, которую отъ нихъ потребовали. Но поденьщики, батраки и работницы не хотѣли знать серьезной работы и не желали наниматься; они требовали, чтобы ихъ и безъ этого кормили; они же и не соглашались присягать. Ни снисходительность, ни угрозы не могли сломить ихъ упрямства и дезертирство приняло бы еще большіе размѣры, если бы Литва не была такъ отдалена. Король гнѣвался чрезвычайно, посылалъ строгіе указы и требовалъ каждыя двѣ недѣли отчетовъ о поведеніи зальцбургцевъ, которые большею частію были неблагопріятны: „прилежаніе — неудовлетворительно“, „поведеніе—непокорно“, вотъ обыкновенныя отмѣтки. Но, тѣмъ не менѣе, колонизація шла своимъ чередомъ и вскорѣ приняла болѣе благопріятный ходъ. Нужда заставляла работать и сопротивленіе ослабѣвало. Въ особенную заслугу нужно поставить автору, что онъ обстоятельно изложилъ затрудненія и препятствія, съ которыми пришлось бороться правительству, и исправилъ „почти идиллическое изображеніе“, которымъ увлекались прежніе повѣствователи судебъ зальцбургскихъ колонистовъ.

Сравнительно, гораздо менѣе, чѣмъ для Фридриха Вильгельма I, сдѣлано исторіографіей въ послѣдніе три года для его знаменитаго сына. И въ этомъ отношеніи приходится прежде всего упомянуть о дирекціи прусскаго архива, по побужденію и на средства которой

изданы, подъ заглавіемъ „Смѣсь къ исторіи Фридриха-Великаго" [1]), важныя данныя для ознакомленія современниковъ съ дѣятельностью и личностью знаменитаго короля. Только съ недавняго времени нѣмецкая историческая наука стала серьезно интересоваться литературными и особенно исторіографическими трудами Фридриха Вильгельма. Причину того, что нѣмецкіе историки предпочтительно интересовались многими менѣе важными и отдаленными вопросами, чѣмъ богатымъ литературнымъ наслѣдствомъ короля, который не только самъ имѣлъ существенное вліяніе на судьбы Германіи, но и описывалъ ея исторію на основаніи достовѣрныхъ источниковъ и личнаго знакомства съ дѣлами,—нужно искать, по справедливому замѣчанію одного нѣмецкаго ученаго, въ отсутствіи политической жизни въ прежней Германіи, ибо вмѣстѣ съ великимъ политическимъ переворотомъ, пережитымъ этой страной десять лѣтъ тому назадъ и пробудившимъ въ ней національный и политическій смыслъ, явился и интересъ къ этому дѣятелю, который въ значительной степени подготовилъ совершившіяся въ наше время событія. Указанное нами изданіе свидѣтельствуетъ о существенной перемѣнѣ въ отношеніяхъ литературныхъ круговъ Германіи къ Фридриху Великому и много содѣйствуетъ болѣе вѣрному пониманію индивидуальности этого самобытнаго генія.

Вышедшій подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ томъ состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ послѣдняя заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ началѣ напечатанъ полный, систематически расположенный списокъ изданій сочиненій Фридриха и переводовъ съ нихъ. Послѣ изданія этихъ сочиненій, появившагося въ 1788 году, и базельскаго изданія 1789, вышло въ свѣтъ 11 перепечатокъ этихъ изданій и 10 переводовъ на нѣмецкій языкъ, не считая частныхъ извлеченій. Въ то же время сочиненія Фридриха были переведены на латинскій, голландскій, датскій, англійскій и русскій языки. Кромѣ того, появлялось изумительное количество изданій отдѣльныхъ сочиненій: одинъ Анти-Макіавель еще при жизни Фридриха былъ напечатанъ 16 разъ.

Вторая часть указаннаго тома относится къ военной исторіи. Въ послѣднее время въ прусскихъ военныхъ кругахъ снова стали изучать съ особеннымъ рвеніемъ эпоху Фридриха Вильгельма и даже „въ пѣшій строй" прусской арміи снова введены нѣкоторыя тактическія формы, заимствованныя изъ той эпохи. Признакомъ этого интереса служитъ напечатаніе „военнаго завѣщанія Фридриха", изданнаго и объясненнаго фонъ-Тайзеномъ, маіоромъ главнаго генеральнаго штаба. Оно составляетъ часть написаннаго въ 1768 году, въ виду возможной войны съ Австріей, политическаго завѣщанія Фридриха и представляетъ чрезвычайно интересный обзоръ съ царской

---

[1]) Miscellaneen zur Geschichte Friedrichs d. Grossen. Herausg. auf. Veranlassung und mit Unterstützung der K. preuss. Archiv verwaltung. Berl. 1878.

перспективы, какъ выражается издатель, всѣхъ областей прусскаго военнаго устройства, какъ оно было организовано послѣ потрясеній и на основаніи опытовъ семилѣтней войны. Военный геній короля, равномѣрно и ясно обнимавшій всѣ отрасли военной науки и способный при обширнѣйшихъ стратегическихъ комбинаціяхъ вникать въ детали обученія отдѣльнаго солдата, проявлявшійся творческимъ образомъ даже въ области фортификаціи, особенно требующей спеціальныхъ познаній — обнаруживается въ этомъ памятникѣ съ поразительной мощью. Необыкновенное знаніе людей проявляется въ краткихъ характеристикахъ отдѣльныхъ офицеровъ, которыхъ онъ рекомендуетъ своему наслѣднику, какъ способныхъ командовать отдѣльными частями, и при этомъ на каждой страницѣ завѣщанія отпечатлѣвается отчетливое изображеніе неусыпныхъ заботъ и усилій Фридриха о поддержаніи и развитіи военныхъ силъ своего государства.

Особенно интересна третья часть—„документы и объясненія къ характеристикѣ литературной дѣятельности Фридриха Вильгельма“, составленная Познеромъ, занимающая бо́льшую половину тома и дающая совершенно новое понятіе о способѣ литературной работы короля. Впервые оказывается возможнымъ наблюдать за ходомъ историографическихъ трудовъ Фридриха во всѣхъ стадіяхъ ихъ—отъ замышленія плана, добыванія источниковъ и способа пользованія ими, до переработки написаннаго и послѣдняго стилистическаго исправленія текста. Не разъ и съ особеннымъ удареніемъ Фридрихъ заявлялъ, что его историческіе труды основаны на документальныхъ источникахъ и на архивной работѣ. Познеръ объяснилъ эту сторону вопроса и добылъ очень много интересныхъ фактовъ. Онъ не пытался установить, на сколько и какіе именно архивные акты король самъ изучалъ, ибо это потребовало бы безконечныхъ изслѣдованій; но онъ открылъ и прослѣдилъ другіе пути, которыми король пользовался для изученія архивовъ. Фридрихъ часто вовсе не касался сырого, архивнаго матеріала, но послѣдній разрабатывался по порученію и указаніямъ короля различными министерскими совѣтниками и чиновниками, преимущественно Подевильсомъ и знаменитымъ впослѣдствіи Герцбергомъ, которые и излагали его для короля въ запискахъ или извлеченіяхъ, удобныхъ для пользованія. Эти инструкціи короля Познеръ напечаталъ въ приложеніяхъ и, основываясь на открытыхъ имъ матеріалахъ, чрезвычайно ясно и основательно изложилъ генезисъ обѣихъ редакцій сочиненія—„Histoire de mon temps“, 1742 и 1746 годовъ и „Бранденбургскихъ лѣтописей“ (Mémoires de Brandenbourg).

Мы не станемъ подробно входить въ литературную исторію этихъ произведеній Фридриха и въ разсмотрѣніе многочисленныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ, вошедшихъ въ ихъ составъ и указанныхъ Познеромъ. Изъ подготовительныхъ работъ, исполненныхъ прусскими министерствами въ пособіе царственному историку, назовемъ особенно важныя: реляція бранденбургской казенной палаты

(kammer) о числѣ деревень и крестьянскихъ дворовъ до тридцатилѣтней войны и въ 1716 году; далѣе, сравненіе между старымъ устройствомъ бранденбургскаго маркграфства и государственнымъ строемъ эпохи Фридриха, составленное департаментомъ иностранныхъ дѣлъ; наконецъ, свѣдѣнія, доставленныя генеральной директоріей о государственныхъ доходахъ при послѣднихъ трехъ курфюрстахъ и при королѣ Фридрихѣ I и о развитіи шерстяной и суконной промышленности въ Бранденбургѣ, заключающія въ себѣ множество новыхъ достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ для исторіи народнаго хозяйства. О постепенномъ развитіи прусской арміи и измѣненіи въ ея организаціи князь Леопольдъ Дессаускій, Герцбергъ и другіе представили королю по его порученію свѣдѣнія въ таблицахъ. Изъ этого громаднаго, собираемаго со всѣхъ сторонъ матеріала, Фридрихъ выбиралъ необходимое съ замѣчательнымъ умѣньемъ и тактомъ, всегда сохраняя самостоятельность сужденія. Конечно, тщательное и искусное собираніе матеріала другими чрезвычайно облегчало работу Фридриха; но Познеръ по этому поводу справедливо замѣчаетъ, что въ точномъ опредѣленіи историческихъ вопросовъ, въ ясной программѣ, посредствомъ которой Фридрихъ руководилъ своими сотрудниками въ ихъ архивныхъ изслѣдованіяхъ, также обнаруживается высокій духовный трудъ историка.

Литературная исторія трудовъ Фридриха представляетъ интересъ не для характеристики одного только короля, но и другаго великаго умственнаго дѣятеля XVIII вѣка—Вольтера, который имѣлъ большое вліяніе на окончательную редакцію „Бранденбургскихъ лѣтописей" и передъ сужденіемъ котораго Фридрихъ всегда преклонялся. Познеръ посвятилъ обстоятельную главу вліянію Вольтера, и нужно сказать, что изложенныя здѣсь данныя служатъ во всѣхъ отношеніяхъ къ чести Вольтера и прибавляютъ новую свѣтлую страницу къ его біографіи, въ которой приходится отмѣтить такъ много мелкихъ человѣческихъ слабостей. Познеръ сообщаетъ примѣчанія, сдѣланныя Вольтеромъ на одномъ экземплярѣ „Бранденбургскихъ лѣтописей", хранящемся въ домашней королевской библіотекѣ, передъ окончательнымъ напечатаніемъ ихъ въ 1750 г., и измѣненія, на которыя согласился Фридрихъ. Въ этихъ корректурахъ обнаруживается не только обширное историческое знаніе Вольтера, его настояніе на болѣе точномъ, логическомъ опредѣленіи мысли и болѣе ясномъ выраженіи ея; но особенно достоинъ вниманія серьезный интересъ научнаго изслѣдованія, руководившій литературными отношеніями этихъ двухъ геніальныхъ личностей и ни въ чемъ еще не проявлявшійся такъ ясно. Вольтеръ особенно осуждаетъ не доказанныя или не достаточно удостовѣренныя утвержденія, или вызываетъ относительно ихъ сомнѣніе короля, напр. въ вопросѣ объ измѣнѣ гр. Шварценберга. Вслѣдствіе этого, Фридрихъ поручилъ Герцбергу произвести

новое архивное изслѣдованіе объ этомъ дѣлѣ, а также о вторженіи французовъ въ Вестфалію въ 1679 г.

Въ связи съ указаннымъ нами изслѣдованіемъ Познера объ исторіографическихъ трудахъ Фридриха Великаго, приходится указать на самое изданіе „Исторіи моего времени", сдѣланное тѣмъ же Познеромъ въ IV томѣ „Изданій прусскаго государственнаго архива". Это сочиненіе Фридриха Великаго напечатано по редакціи 1746 года. Въ своемъ предисловіи Познеръ дѣлаетъ нѣсколько очень цѣнныхъ общихъ соображеній по поводу критической и эстетической оцѣнки литературной дѣятельности короля. Фридрихъ всегда строго слѣдовалъ совѣту Горація, о которомъ ему напомнилъ Вольтеръ, и неустанно подвергалъ новой переработкѣ произведенія своего пера. Издатель по этому случаю напоминаетъ о критикѣ, съ которой относился Гёте въ зрѣломъ возрастѣ къ своимъ юношескимъ твореніямъ, и замѣчаетъ, что тотъ же интересъ, который побуждаетъ современниковъ отыскивать эти изгнанныя черты юношески-свѣжей индивидуальности поэта и наслаждаться ими, составляетъ достоинство и прелесть этого ранняго произведенія Фридриха. Король впослѣдствіи относился очень холодно къ этому труду своему, называя его плодомъ той „литературной маніи, которая дѣлалась въ Европѣ какой-то эпидемической болѣзнью"; даже во время самой работы онъ выразился о ней съ шутливой иронiей надъ собой въ письмѣ къ министру, графу Подевилсу; вызывая его въ Потсдамъ по государственнымъ дѣламъ, король прибавляетъ: „И такъ, я жду васъ на слѣдующей недѣлѣ и я прочту вамъ, чтобы развлечь васъ или, вѣрнѣе, чтобы наскучить вамъ, нѣсколько отрывковъ изъ моихъ новыхъ мемуаровъ, какъ это въ обычаѣ у плохихъ авторовъ". Графъ Подевилсъ, довѣренный совѣтникъ Фридриха, былъ, можетъ-быть, единственнымъ лицомъ, котораго царственный историкъ могъ безъ всякихъ ограниченій посвящать въ свою работу, со всѣми тайными разоблаченіями въ ней самыхъ интимныхъ политическихъ отношеній и съ ея саркастическими личными выходками, тогда какъ литературные друзья короля, съ Вольтеромъ во главѣ, должны были, какъ извѣстно, довольствоваться отдѣльными отрывками.

Изъ изслѣдованій, касающихся правительственной дѣятельности Фридриха Великаго, намъ приходится указать на одну небольшую по объему монографію, но относящуюся къ событію очень характеристичному для Фридриха, какъ государя. Лѣтъ сто тому назадъ, вся Европа была чрезвычайно изумлена, когда Фридрихъ неожиданно далъ отставку самымъ немилостивымъ способомъ, одному изъ высшихъ своихъ сановниковъ—канцлеру и министру юстиціи Фюрсту. Распоряженіе короля объясняли неудовольствіемъ его по поводу одного рѣшенія берлинскаго каммергерихта, въ гражданскомъ процессѣ, въ которомъ, по мнѣнію короля, жалоба истца была неправильно оставлена безъ послѣдствій. Образъ дѣйствія Фридриха и въ то время и

послѣ объяснялся выходкой капризнаго деспотизма и осуждался, какъ актъ кабинетной юстиціи. Но, на основаніи документальныхъ актовъ, Исаксонъ теперь совершенно убѣдительно доказалъ, что удаленіе Фюрста было уже въ 1776 году, т. е. за три года до отставки рѣшено Фридрихомъ, и что король только ждалъ случая, чтобы замѣстить его барономъ Кармеромъ, который обратилъ на себя вниманіе его своими тщательно выработанными проектами реформъ и въ которомъ король видѣлъ человѣка съ замѣчательными способностями иниціативы и организаціи. Фюрстъ же не обладалъ ни энергіей, ни твердостью своего знаменитаго предшественника, Кокцеи; онъ не умѣлъ ни устранить злоупотребленія, ни ввести тѣ обширныя реформы, о которыхъ мечталъ Фридрихъ. Фюрстъ былъ или неспособенъ къ этому, или слишкомъ небреженъ, чтобы довести до конца судебную реформу въ духѣ Кокцеи и съ его самостоятельностью, хотя король часто и настоятельно обращалъ его вниманіе на существующіе недостатки.

Дѣло, которое объяснено Исаксономъ окончательнымъ образомъ, имѣетъ, кромѣ того, еще болѣе общій интересъ. Современники Фридриха Великаго и, между прочимъ, его братъ, принцъ Генрихъ, обвиняли его въ томъ, что онъ разрушилъ, своимъ безпрестаннымъ вмѣшательствомъ во всѣ отрасли управленія, искусный административный организмъ своего отца, принизилъ значеніе правительственныхъ коллегій, превратилъ высшихъ сановниковъ въ машины. Дѣло Фюрста могло, какъ будто, служить подтвержденіемъ такого взгляда. Но обнаруженныя теперь настоящія причины удаленія канцлера, напротивъ, показываютъ, съ какой настоятельностью король требовалъ отъ своихъ министровъ самодѣятельности, совершенно подобно тому, какъ онъ въ своемъ военномъ завѣщаніи оцѣниваетъ офицеровъ сообразно съ тѣмъ, на сколько они способны къ самостоятельной дѣятельности. Король находился въ роковомъ кругу; чѣмъ идеальнѣе были его понятіе о положеніи и задачахъ лицъ, управлявшихъ отдѣльными частями, тѣмъ рѣже онъ находилъ удовлетвореніе своимъ требованіямъ и тѣмъ чаще онъ считалъ себя вынужденнымъ прибѣгать къ тому вмѣшательству, которое, конечено, уничтожало совершенно всякій остатокъ той самостоятельности и иниціативы, которыхъ онъ же требовалъ.

Изслѣдованіе Исаксона объ удаленіи канцлера Фюрста напечатано подъ общимъ заглавіемъ [1]) съ изслѣдованіемъ Бреслау о паденіи Данкельмана, о которомъ мы уже упоминали. Поводомъ къ этому совмѣстному изданію двухъ изслѣдованій послужило то, что они предназначались въ юбилейному подарку семидесятилѣтнему историку Дройзену, подъ руководствомъ котораго авторы начали заниматься новой

[1]) Dèr Fall zweier preussicher Minister des Oberprasidenten E. v. Danckelmann 1697 u. des Grosskanzlers v. Fürst 1779. Studien zur brandenburgisch-preus Geschichte v. H. Bresslau u. S. Isaacsohn. 1878.

исторiей. Случайное сопоставленiе этихъ изслѣдованiй о паденiи двухъ прусскихъ министровъ чрезвычайно поучительно, обнаруживая самымъ рѣзкимъ образомъ дiаметральную противоположность между характеромъ королей Фридриха I и Фридриха II — дѣда, который нехотя уступая и безъ воли поддаваясь напору своего двора, совершаетъ дѣло черной неблагодарности, вопреки своему убѣжденiю, послѣ безсонныхъ ночей, и внука, который, усвоивъ себѣ путемъ зоркаго наблюденiя извѣстное убѣжденiе — неуклоннымъ осуществленiемъ его вызываетъ противъ себя рѣзкое неудовольствiе всей окружающей его сферы.

Исторiя возвышенiя Пруссiи, составляющая предметъ настоящей статьи, представляетъ не одинъ непрерывный процессъ; какъ и въ другихъ аналогическихъ явленiяхъ, ходъ исторiи и здѣсь отмѣченъ значительными колебанiями—и за эпохой самаго быстраго возвышенiя при Фридрихѣ Великомъ скоро послѣдовало полнѣйшее паденiе и раззоренiе при наполеоновскомъ разгромѣ. Съ перiодомъ, непосредственно предшествовавшимъ этому разгрому и объясняющимъ отчасти причины и возможность его, съ эпохой Наполеона и затѣмъ съ возрожденiемъ прусскаго государства, благодаря преобразовательной дѣятельности одного изъ величайшихъ ея государственныхъ людей, мы надѣемся познакомить читателей „Историческаго Вѣстника“ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала.

Иф...лъ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ VI. Спб. 1881 г.

Въ ПЕРВЫХЪ пяти томахъ прекраснаго изданія сочиненій покойнаго князя П. А. Вяземскаго помѣщены произведенія, большею частію уже извѣстныя нашей образованной публикѣ. Теперь, при выходѣ шестаго тома, русскіе читатели знакомятся съ новымъ трудомъ нашего даровитаго писателя, до сихъ поръ мало кому извѣстнымъ и между тѣмъ въ высокой степени замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что онъ въ талантливомъ поэтѣ и остроумномъ критикѣ обнаруживаетъ еще публициста, который зорко слѣдилъ за политическими событіями, вѣрно понималъ ихъ смыслъ и энергически отстаивалъ русскіе интересы. Въ знаменательные 1853—1855 годы, покойный князь Вяземскій жилъ, по обстоятельствамъ, за-границей, и его глубоко возмущали клеветы на русское правительство и народъ, разсѣваемыя въ то время европейской печатью подъ давленіемъ враждебно настроеннаго къ намъ общественнаго мнѣнія на Западѣ. Въ опроверженіе злонамѣренныхъ мнѣній о Россіи, онъ началъ писать статьи, съ цѣлью помѣщать ихъ въ „Journal de Francfort“ или въ какихъ нибудь швейцарскихъ или бельгійскихъ газетахъ, но нигдѣ не встрѣтилъ сочувственнаго пріема и принужденъ былъ издать въ послѣдствіи отдѣльной книжкою въ Лозаннѣ, подъ заглавіемъ: „Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient“. Эти-то, мало извѣстныя у насъ, письма напечатаны теперь въ шестомъ томѣ полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго во французскомъ подлинникѣ, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, исполненнымъ, по порученію графа С. Д. Шереметева, П. И. Бартеневымъ. Вся книга состоитъ изъ тридцати болѣе или менѣе обширныхъ писемъ и добавочнаго къ нимъ приложенія, объясняющаго нѣкоторыя заключенія автора.

Читая „Письма ветерана“, нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ ясности взгляда, чувству правды и патріотической энергіи, съ какими князь Вяземскій старался разоблачать ту ложь, которая въ продолженіе восточной войны разсѣвалась нашими врагами. Изданіе этой книги проливаетъ

новый свѣтъ на прекрасную личность этого человѣка и показываетъ, какъ много потеряло въ немъ наше общество, далеко не сознавшее всей многосторонности его дарованій. Было время, когда его считали только легкимъ и пріятнымъ поэтомъ и умнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, съ нѣсколько тяжелой патріотической подкладкой. Но кто же, послѣ внимательнаго чтенія сочиненій князя Вяземскаго и знакомства съ изданными теперь политическими его письмами, не признаетъ въ немъ обширнаго литературнаго таланта, истинно высокаго патріотическаго чувства и, наконецъ, глубоко-вѣрнаго пониманія политическихъ вопросовъ. Въ „Письмахъ ветерана" высказано столько правды о европейскомъ обществѣ и его отношеніяхъ къ намъ, о значеніи восточной войны и ея тогда еще не выясненныхъ результатахъ, что вѣрность взгляда нашего публициста только теперь обнаруживается во всей его полнотѣ и ясности.

Письма начинаются съ оцѣнки обстоятельствъ, которыя вызвали столкновеніе Россіи съ Турціею по вопросу о святыхъ мѣстахъ и привели къ вмѣшательству въ это дѣло со стороны Англіи и Франціи. При этомъ, авторъ съ замѣчательной ясностью представляетъ прямоту русскаго правительства и коварство европейской дипломатіи, скрывавшей своекорыстные интересы и ненависть къ Россіи подъ видомъ поддержанія цѣлости Оттоманской имперіи. При этомъ, онъ прямо высказываетъ, что независимость Турціи будетъ гораздо сильнѣе и невозвратнѣе поколеблена вмѣшательствомъ ея коварныхъ друзей, чѣмъ нападеніями мнимаго врага. И событія послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ ясно показали справедливость этой мысли: теперь сама Турція хорошо понимаетъ, насколько соединенныя силы ея западныхъ доброжелателей успѣли поддержать ея цѣлость и независимость. Говоря о нелѣпыхъ толкахъ, какіе передъ началомъ и во все продолженіе войны распространялись о Россіи европейской печатью, князь Вяземскій доказываетъ, что это зависѣло сколько отъ недоброжелательства, столько отъ непониманія нашей жизни, и предвзятыхъ предубѣжденій. Въ какой степени это справедливо — можно видѣть изъ того, что даже въ настоящую минуту печатается въ заграничныхъ газетахъ о положеніи Россіи и какого рода предлагаются ей совѣты. На обвиненіе русскаго правительства въ томъ, будто, подъ предлогомъ вопроса о Палестинѣ, оно на самомъ дѣлѣ задавалось цѣлью окончательно поработить Турцію, авторъ „Писемъ ветерана" справедливо замѣчаетъ, что если бы у нашего правительства была, дѣйствительно, подобная цѣль, то, безъ сомнѣнія, оно приступило бы къ осуществленію ея въ такое время, когда Европѣ нельзя было думать о цѣлости наслѣдія Османа, когда она сама оборонялась отъ революцій, которыя грозили гибелью не только престоламъ, но и кореннымъ основамъ всякой общественности. Извѣстно, что этой простой истины нетолько не понимали на западѣ въ началѣ восточнаго вопроса, но не понимаютъ, или лучше сказать, нарочно не хотятъ понять даже теперь, когда мы остановились подъ самыми стѣнами Константинополя, испуганные, будто-бы, появленіемъ пяти англійскихъ броненосцевъ передъ Босфоромъ. Могли-ли же въ то время повѣрить въ Европѣ слѣдующему заявленію нашего ветерана: „За исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, у насъ не существуетъ никакой партіи, которая мечтала бы о завоеваніи Константинополя... Можно положительно сказать, что ни правительство русское, ни народъ, не имѣютъ въ настоящее время честолюбивыхъ замысловъ, которые имъ приписываются; также не подлежитъ сомнѣнію, что весь народъ всегда будетъ готовъ принести са-

ныя тяжкія жертвы и пролить до послѣдней капли свою кровь, чтобы обезпечить независимость восточной церкви. Съ самаго начала русско-турецкаго столкновенія, если-бъ императоръ Николай захотѣлъ, онъ успѣлъ бы двадцать разъ двинуть свои военныя и морскія силы и овладѣть турецкою столицею, а также и Дарданеллами, послѣ чего ему не трудно было бы отнять у морскихъ державъ охоту встрѣчаться съ нимъ въ тѣхъ мѣстахъ". Въ продолжительность существованія Турціи князь Вяземскій не вѣритъ, особенно при томъ протекторатѣ западныхъ державъ, который, вмѣсто поддержки дряхлой имперіи, долженъ еще болѣе расшатать ея колеблющіяся основы. Что касается взгляда на будущность этой страны, то въ этомъ нашъ поэтъ-публицистъ расходится съ тѣмъ мнѣніемъ, какое въ настоящее время сложилось въ нашемъ обществѣ по ходу историческихъ событій. „Вѣроятность жизненной цѣлости, пишетъ онъ, можно признать развѣ за Турціею греко-русскою... греки въ европейской Турціи представляютъ собою единственный элементъ прочности и будущности". Трудно понять, какъ могъ князь Вяземскій, при своемъ большею частію вѣрномъ и ясномъ политическомъ взглядѣ, оставить при этомъ безъ вниманія балканскихъ славянъ, которые въ лицѣ Черногоріи и Сербіи давно уже проявили свои жизненныя силы, а по своей численности значительно превосходятъ грековъ и по всему имѣютъ болѣе правъ на наслѣдство послѣ „больнаго человѣка". Послѣднія событія ясно показали, что въ этомъ, но только въ одномъ этомъ вопросѣ, нашъ публицистъ ошибался.

Сужденія князя П. А. Вяземскаго о тогдашнемъ положеніи Европы, о характерѣ англійскаго парламентаризма и имперіи Наполеона III отличаются также мѣткостью взгляда и самостоятельностью убѣжденій. Смѣлой рукою снимаетъ онъ покровъ съ мнимой искренности въ политикѣ и дѣйствіяхъ западныхъ кабинетовъ, такъ превозносимой въ то время европейской печатью. „Талейраново слово о томъ, пишетъ онъ, что языкъ данъ человѣку, чтобы скрывать свою мысль, въ особенности примѣнимо къ парламентскому правленію. Тутъ невозможно добиться истины иначе, какъ путемъ лжи... Знаменитая синяя книга, эта мнимая исповѣдная запись англійскаго министерства, которая ведется на виду у всѣхъ, есть ничто иное, какъ запись недомолвокъ по части политическаго крючкотворства... Министры и послы обыкновенно выражаютъ сущность того, что имъ надобно сказать, въ довѣренномъ письмѣ, которымъ сопровождается оффиціальная депеша, точь въ точь какъ въ женскихъ письмахъ—говорится о пустякахъ, а цѣль письма скрывается въ приискѣ". Обращаясь къ Франціи, нашъ ветеранъ говоритъ, что тамъ отводятся глаза инымъ способомъ. „Это обманъ не парламентскій, а чиновничій, пишетъ онъ... Мы были во Франціи въ эпоху 2-го декабря 1851 года, и нѣсколько знакомы съ тогдашними ея порядками. Когда вы ходили по улицамъ Парижа, люди, разставленные по разнымъ мѣстамъ и наружности довольно подозрительной, незамѣтно совали вамъ въ руку клочки бумаги съ печатнымъ обозначеніемъ утвердительнаго голоса. Голосовъ отрицательныхъ, сколько намъ извѣстно, никто не раздавалъ. Сосчитайте, сколько во Франціи людей, которые не умѣютъ читать и которые тѣмъ не менѣе приносили въ мэрію эти бумажные клочки, подобранные ими, такъ-сказать, на улицѣ, и вамъ станетъ понятно, что такое всеобщая подача голосовъ". Кто хорошо знакомъ съ событіями послѣднихъ лѣтъ, напримѣръ, съ тѣмъ, какъ велись дѣла на берлинской конференціи или что дѣлалось при тріумфальныхъ поѣздкахъ Гамбетты, тотъ легко пойметъ вѣрность замѣчаній, высказанныхъ въ „Письмахъ ветерана"

слишкомъ за двадцать пять лѣтъ до нашего времени. Мы позволимъ себѣ привести еще отзывъ князя Вяземскаго о революціонной эмиграціи, которая съ давнихъ поръ находитъ себѣ безопасный пріютъ въ Англіи. „Чтобы имѣть вѣрное понятіе о томъ, говоритъ нашъ публицистъ въ тринадцатомъ письмѣ, какихъ началъ держится великобританскій кабинетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, стоитъ взглянуть на Лондонъ, этотъ гостепріимный Ботани-бей, гдѣ находятъ себѣ убѣжище и покровительство всѣ зажигатели, всѣ составители подложныхъ бумагъ, всѣ преступники политическіе. И замѣтьте, убѣжище дается имъ не потому, что они бѣдствуютъ (въ этомъ отношеніи они имѣютъ право на общественное состраданіе), а потому, что они могутъ пригодиться: ихъ держатъ про запасъ, въ видѣ страшилища, которымъ, смотря по надобности, можно пригрозить благоденствію Европы. Эти элементы смуты принадлежатъ къ числу вѣтровъ въ мѣхахъ Эола, по извѣстному выраженію Каннинга: англійское правительство держитъ ихъ въ своемъ распоряженіи и не нынче—завтра можетъ ихъ выпустить на погибель людскую“.

Въ нашей литературѣ давно уже обсуждается вопросъ о значеніи Петровской реформы и послѣдствіяхъ ея вліянія на русское общество. Въ послѣднее время, полемика по этому предмету, которая въ прежніе годы доходила до рѣзкихъ увлеченій, значительно смягчилась и приняла спокойный характеръ, обѣщающій возможность соглашенія при окончательномъ рѣшеніи вопроса. Теперь никто уже не рѣшится упрекать славянофиловъ въ желаніи возвратиться ко времени кошихинскихъ порядковъ и нравовъ Домостроя, такъ же, какъ никто не заподозритъ и разумныхъ людей противной партіи въ стремленіи къ отреченію отъ русской народности и безусловному усвоенію государственныхъ и народныхъ формъ иноземной жизни. Князя Вяземскаго укоряли у насъ въ крайнемъ славянофильствѣ и даже нѣкоторыя шутливыя, юмористическія стихотворенія его обзывали „квасньмъ патріотизмомъ“. До какой степени несправедливы были подобные отзывы, легко убѣдиться изъ разныхъ мѣстъ „Писемъ ветерана“. Въ сужденіяхъ объ особенностяхъ русской жизни нигдѣ не высказываетъ онъ слѣпаго пристрастія къ какимъ нибудь грубымъ или темнымъ сторонамъ нашего народнаго быта и, сознавая пользу европейскаго образованія, видитъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость опираться на коренныя основы своей народности. Взглядъ его на Петровскую реформу отличается отъ убѣжденій крайнихъ партій, которыя въ то время не шли еще ни на какой компромиссъ. Вотъ что говоритъ онъ въ концѣ двѣнадцатаго письма: „Петръ I засталъ свое государство въ полной готовности къ совершенію великихъ преобразованій. Одаренный могучимъ и предпріимчивымъ геніемъ, онъ двинулся въ путь, уже приготовленный для него, и не довольствовался медленнымъ движеніемъ, какъ его предшественники, а съ горячностью и нетерпѣливостію устремился къ своей цѣли. Это въ одно и то же время хорошо и дурно. Мы воспользовались доброю стороною, и она сдѣлалась нашимъ достояніемъ, и всегда зависитъ отъ насъ видоизмѣнить и ослабить то зло или тѣ невыгоды, которыя отсюда могутъ проистекать. Будемъ лишь пользоваться умственными завоеваніями Европы, не подчиняясь ея вліянію. Останемся русскими посреди Европы; укрѣпимъ нашу народность и перестанемъ ею жертвовать для чужихъ выгодъ. Въ этомъ смыслѣ наше разобщеніе съ Европою не будетъ означать слабости и истощенія, а напротивъ, послужитъ намъ источникомъ силы и благоденствія“.

Не должно забывать, что „Письма ветерана“ писаны не для русскихъ

для иностранныхъ читателей, во время самаго разгара Восточной войны, съ цѣлью отрезвить общественное мнѣніе о Россіи, сбитое съ толку враждебной намъ печатью, подстрекаемой внушеніями французскаго и англійскаго кабинетовъ. Можно было подумать, что живя, по обстоятельствамъ, за-границей и глубоко оскорбляемый невѣжественной и злобной клеветою прессы на свое отечество, князь Вяземскій въ политическихъ письмахъ позволитъ себѣ какія нибудь увлеченія и излишества въ ущербъ чистой правдѣ. Но ничего этого нѣтъ въ его статьяхъ. Опровергая недобросовѣстныя инсинуаціи враговъ, онъ ведетъ полемику на почвѣ строгаго уваженія къ истинѣ. Въ его рѣчи, сильной, рѣзкой и энергической, нигдѣ не видать умышленнаго желанія пожертвовать справедливостью для пущаго обличенія и униженія противника. Единственное оружіе его—историческіе факты и здравая логика. Нельзя не благодарить графа С. Д. Шереметера за изданіе въ высокой степени интересныхъ „Писемъ ветерана", которыя прибавляютъ новыя привлекательныя черты къ симпатичной личности князя П. А. Вяземскаго, обнаруживая вполнѣ всю обширность его ума и многосторонность дарованій.

А. М.

Родъ дворянъ Демидовыхъ. Составилъ К. Головщиковъ, секретарь Демидовскаго лицея. Ярославль, 1881 г.

Фамилія Демидовыхъ, сдѣлавшаяся извѣстною только со времени Петра Великаго, пріобрѣла себѣ огромную популярность своимъ колоссальнымъ богатствомъ и щедрыми пожертвованіями на дѣла благотворительности и на пользу просвѣщенія. Не много въ Россіи дворянскихъ родовъ, которые по своей полезной дѣятельности и заслугами передъ обществомъ могутъ быть поставлены на ряду съ Демидовыми. Вотъ почему историческая характеристика этого рода должна представить не только фамильный, но и общественный интересъ. Въ литературѣ отъ времени до времени являлись свѣдѣнія о болѣе выдающихся лицахъ изъ рода Демидовыхъ, хотя большею частію отрывочныя и притомъ анекдотическаго характера, каковы, напримѣръ, разсказы г. Карновича въ его книгѣ—„Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи" и статьи въ „Русскомъ Архивѣ" и другихъ повременныхъ изданіяхъ. Болѣе точнымъ по этому предмету изданіемъ было, составленное изъ подлинныхъ актовъ семейнаго архива Демидовыхъ, Григоріемъ Спасскимъ „Жизнеописаніе Акинѳія Никитича Демидова", въ которое вошли свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ фамиліи. Но все это далеко не удовлетворяетъ тѣхъ, кто желалъ-бы ознакомиться подробнѣе съ исторіею этого замѣчательнаго рода. Составленная теперь г. Головщиковымъ книга значительно пополняетъ то, что до сихъ поръ существуетъ по этому предмету въ нашей литературѣ. Если автору не были извѣстны нѣкоторые печатные источники, то съ другой стороны онъ, повидимому, имѣлъ въ рукахъ и такіе матеріалы, которые до настоящаго времени не были въ печати. Хотя онъ устраняетъ отъ себя всякую претензію на литературное достоинство своего труда и смотритъ на него только какъ на сводъ возможныхъ свѣдѣній по данному предмету, тѣмъ не менѣе книга его заслуживаетъ вниманіе тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ дѣятельностью Демидовыхъ по горнозаводскому дѣлу и ихъ громадными приношеніями въ пользу науки и на общественныя нужды.

Родоначальникомъ Демидовыхъ, какъ извѣстно, былъ крестьянинъ Тульской губерніи, Демидъ Антуфьевъ, работавшій въ кузницѣ при оружейномъ заводѣ въ Тулѣ, но начало извѣстности и богатства этой фамиліи положилъ его сынъ, Никита Демидовичъ. Разсказы о томъ, какъ Петръ Великій, при проѣздѣ своемъ черезъ Тулу, въ 1696 г., узналъ Никиту Демидовича, расходятся въ нѣкоторыхъ подробностяхъ; но всѣ передаютъ тотъ фактъ, что умный и искусный оружейникъ угодилъ государю быстрой и искусной выдѣлкою алебардъ и ружей, за что пожалована была ему земля и лѣсъ въ Тульской губерніи для устройства оружейнаго завода. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, Демидову отданы были на содержаніе Верхотурскіе желѣзные заводы, куда старикъ отпустилъ для управленія своего старшаго даровитаго сына, Акинѳія Никитича, и съ этого времени развивается необыкновенно энергическая дѣятельность Демидовыхъ и быстрое возрастаніе ихъ богатства. Демидовскіе заводы на Уралѣ размножались и постоянно увеличивали свое производство желѣза, но, не довольствуясь этимъ, предпріимчивый Акинѳій Никитичъ обратилъ вниманіе на Сибирь, и открытіе посланными имъ развѣдчиками колывано-воскресенскихъ мѣдныхъ рудъ послужило началомъ устройства и развитія сибирскихъ горныхъ заводовъ на Алтаѣ. Такимъ образомъ, Демидовымъ принадлежитъ развитіе желѣзнаго производства, устройство мѣдеплавильныхъ заводовъ, открытіе добычи серебра и золота и, наконецъ, добываніе и обработка порфировъ, яшмъ и другихъ минеральныхъ сокровищъ нашего востока. Неутомимые труды дѣятельныхъ заводчиковъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ развитія государственнаго хозяйства постоянно обращали на себя вниманіе правительства. Еще въ 1820 г., Никита Демидовичъ возведенъ былъ въ дворянское достоинство, которое по смерти его распространено и на дѣтей его, а Акинѳій Никитичъ, въ 1742 г., былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Сохранилось извѣстіе, будто Петръ Великій намѣревался даже поставить въ Петербургѣ памятникъ Никитѣ Демидовичу въ ознаменованіе его заслугъ передъ отечествомъ.

Колоссальное богатство Демидовыхъ, пріобрѣтенное частію съ многочисленныхъ заводовъ, частію отъ золотыхъ пріисковъ, которые вначалѣ эксплуатировались раньше заявленія о нихъ правительству, было такъ велико, что, не смотря на огромныя пожертвованія обществу, на многоцѣнныя пріобрѣтенія различныхъ предметовъ роскоши и искусства, сыновья Акинѳія Никитича при раздѣлѣ отцовскаго достоянія на три части, остались богачами, и извѣстный своими странностями Прокофій Акинѳіевичъ внесъ милліонныя суммы на благотворительныя заведенія, а племянникъ его, Павелъ Григорьевичъ, едва-ли не превзошелъ его щедрыми приношеніями на пользу просвѣщенія. Въ книгѣ г. Головщикова собраны всѣ свѣдѣнія о заводахъ, которыми владѣли Демидовы, о ихъ многочисленныхъ пожертвованіяхъ, и читатели находятъ теперь въ одномъ сборникѣ то, что до сихъ поръ разсѣяно было по многимъ изданіямъ, частію рѣдкимъ и не многимъ доступнымъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ относился строго критически къ матеріаламъ, которые были въ его рукахъ: наряду съ несомнѣнно историческими фактами, онъ иногда съ такимъ же довѣріемъ ставитъ указанія несовсѣмъ доказанныя и даже сомнительныя. Что касается анекдотическихъ разсказовъ о различныхъ лицахъ изъ фамиліи Демидовыхъ, особенно объ извѣстномъ своими чудачествами Прокофьѣ Акинѳіевичѣ, то они взяты изъ преданій, которыя до сихъ поръ еще сохраняются у нашихъ старожиловъ, такъ же какъ и анекдоты о Суворовѣ.

Книга г. Головщикова раздѣлена на девять отдѣловъ, по числу колѣнъ рода Демидовыхъ, начиная съ Демида Григорьевича Антуфьева до настоящихъ представителей фамиліи. Въ концѣ тома помѣщены: родословная дворянъ Демидовыхъ, алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ, и различныя приложенія, поясняющія текстъ. Жаль, что г. Головщиковъ не приложилъ къ своему сочиненію ни герба Демидовыхъ, который, между прочимъ, можно найти въ книжкѣ Спасскаго, ни рисунка съ памятника основателю Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ. Это было бы далеко не лишнимъ при подобномъ изданіи.

А. М.

Исторія русской церкви. Макарія, митрополита кіевскаго и коломенскаго. Томъ X. Спб. 1881 г.

Настоящій томъ извѣстнаго труда высокопреосвященнаго Макарія содержитъ въ себѣ разсказъ о судьбахъ русской церкви въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Онъ распадается на двѣ части: въ одной говорится объ учрежденіи патріаршества въ московской Руси и о дѣятельности первыхъ трехъ патріарховъ: Іова, Игнатія и Гермогена; другая имѣетъ своимъ предметомъ введеніе уніи въ литовской Руси и ея борьбу съ православіемъ въ первыя 25 лѣтъ ея существованія.

Учрежденіе патріаршества въ Россіи еще недавно было предметомъ прекрасной статьи, помѣщенной въ „Христіанскомъ Чтеніи", 1879 и 1880 гг. Авторъ ея, священникъ Николаевскій, пользовался тѣми же источниками, которые имѣлъ въ виду и высокопреосвященный Макарій, и этимъ отчасти обусловливается то сходство, которое мы замѣчаемъ между статьею о. Николаевскаго и „Исторіею русской церкви" не только въ изложеніи подробностей событія, но также и во взглядѣ на нихъ. Такъ, напримѣръ, о. Николаевскій, сообщивъ о встрѣчѣ московскаго митрополита Діонисія съ антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ и о томъ, что митрополитъ первый преподалъ благословеніе патріарху, прибавляетъ: „митрополитъ въ настоящемъ случаѣ былъ только выразителемъ идей о чести русскаго митрополита, которыя тогда питались въ умахъ русскихъ патріотовъ; по всей вѣроятности, Діонисій дѣйствовалъ такъ по напередъ составленному царскому наказу, потому что церемоніаламъ встрѣчъ и рѣчей въ подобныхъ случаяхъ всегда придавалось особое значеніе и они напередъ разсматривались и утверждались высшею властію" („Христіанское Чтеніе", 1879, № 9—10, стр. 374). Ту же мысль высказываетъ и митрополитъ Макарій: „встрѣча митрополита съ патріархомъ, говоритъ онъ, была, безъ сомнѣнія, обдуманная, и Діонисій поступилъ такъ, вѣроятно, не по собственной только волѣ, а по соизволенію государя и его совѣтниковъ... да и вообще церемоніалы встрѣчъ въ подобныхъ случаяхъ у насъ всегда напередъ обсуждались и утверждались самимъ правительствомъ" (стр. 9). Точно такъ же оба автора сходятся во взглядѣ на причины учрежденія въ Россіи патріаршества. Оба они одинаково отвергаютъ мысль о томъ, что оно было учреждено по мысли Бориса Годунова для его личныхъ цѣлей, („Христ. Чтеніе", 1879, № 9—10, стр. 376; „Исторія р. церкви", стр. 13) и полагаютъ, что истинной причиной этого событія было возвышеніе русской церкви („Христ. Чтеніе", № 7—8, стр. 11; „Исторія р. ц.", стр. 9).

Въ изложеніи судебъ русской церкви при Борисѣ Годуновѣ и въ эпоху самозванцевъ, авторъ не сообщаетъ ничего новаго, но, разсказывая о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто послѣ кончины патріарха Гермогена и до возвращенія изъ польскаго плѣна Филарета Никитича, онъ передаетъ нѣсколько неизвѣстныхъ еще въ печати подробностей объ исправленіи требника и о литературной борьбѣ справщиковъ съ своими противниками.

Разсказъ высокопреосвященнаго Макарія о борьбѣ уніи съ православіемъ съ 1596 по 1621 г. ни по полнотѣ, ни по критической обработкѣ, не оставляетъ желать ничего лучшаго, но, мы полагаемъ, авторъ могъ бы отнестись къ уніи и ея первымъ дѣятелямъ съ большимъ безпристрастіемъ. „Неправда, насиліе и грабительство (?), говоритъ онъ, — вотъ чѣмъ ознаменовала себя унія уже въ первый періодъ своего существованія въ западно-русскомъ краѣ“ (стр. 479). Дѣйствительно, неправда и насиліе были, но винить ли въ нихъ унію? Она только отдала дань своему времени, точно такъ же, какъ отдало ему дань и православіе. Какъ уніаты отнимали у православныхъ церкви и монастыри, такъ и православные, когда могли, не щадили уніатовъ: князь К. К. Острожскій отнялъ у Кирилла Терлецкаго половину принадлежавшихъ этому послѣднему церковныхъ имѣній; епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ захватилъ находившійся въ его епархіи митрополичій Уневскій монастырь; имѣнія уніатскаго Софійскаго собора въ Кіевѣ подвергались постояннымъ опустошеніямъ со стороны православныхъ дворянъ и монаховъ Кіево-печерской лавры. Какъ Кириллъ Терлецкій утопилъ православнаго священника, какъ уніатами было сдѣлано покушеніе на жизнь православнаго проповѣдника Стефана Зизанія, такъ точно православные едва не побили камнями митрополита Рагозу; на Потѣя они сдѣлали вооруженное нападеніе въ Вильнѣ и отсѣкли ему два пальца; кіевскіе православные утопили въ Днѣпрѣ митрополичьяго оффиціала Антонія Грековича. Порицая унію за неправду и насиліе, митрополитъ Макарій оправдываетъ насильственные поступки православныхъ: „не забудемъ, говоритъ онъ, что въ глазахъ христіанъ православныхъ уніатскіе владыки были не пастыри церкви, а, по слову Спасителя, татіе и разбойници, которые старались только расхитить, разогнать и погубить православное стадо Христово, и потому не заслуживали никакой пощады“. Жалобы уніатовъ на притѣсненія со стороны православныхъ онъ прямо объявляетъ несправедливыми: православные, по его словамъ, „только защищались, хотя иногда и крутыми мѣрами“ (стр. 483). Достоуважаемый авторъ не вполнѣ справедливъ по отношенію къ Ипатію Потѣю, произнося надъ нимъ такой приговоръ: „всѣ недостойныя мѣры, какія употреблялъ онъ для своей цѣли, всѣ эти вопіющія неправды, къ какимъ не стыдился прибѣгать постоянно для одолѣнія своихъ враговъ, всѣ эти насилія и преслѣдованія, какими онъ старался навязывать православнымъ ненавистную имъ унію, кладутъ на имя Потѣя въ исторіи неизгладимое пятно вѣчнаго позора и безславія“ (стр. 413). Говоря это, онъ совершенно упустилъ изъ виду, что Потѣй дѣйствовалъ въ пользу уніи не изъ какихъ нибудь личныхъ цѣлей, а ради блага западно-русской церкви, находившейся въ его время подъ властію корыстолюбивыхъ и небрежно относившихся къ ней византійскихъ патріарховъ и дошедшей тогда до самого жалкаго состоянія; что онъ былъ несравненно выше въ нравственномъ отношеніи своего врага Гедеона Балабана, который нашелъ себѣ полную защиту у автора. Митрополитъ Макарій поставилъ ему въ большую заслугу, что онъ остался вѣренъ православію, хотя не можетъ быть сомнѣнія въ томъ,

что онъ сдѣлалъ это исключительно изъ личныхъ побужденій, и его участіе въ уніи до Брестскаго собора не подлежитъ спору!

А. С—скій.

Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ, по сочиненіямъ Максима Грека и современнымъ ему памятникамъ. Сочиненіе Ивана Преображенскаго. М. 1881.

Эпоха, изслѣдованіемъ которой занимается г. Преображенскій, принадлежитъ къ числу пользующихся особеннымъ вниманіемъ нашихъ ученыхъ: почти всѣ выдающіеся дѣятели XVI столѣтія удостоились у насъ болѣе или менѣе подробныхъ монографій; замѣчательнѣйшие литературные памятники этого времени давно уже изданы. Вслѣдствіе этого, изобразить нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ—дѣло, не представляющее большихъ трудностей, въ особенности—изобразить такъ, какъ изобразилъ г. Преображенскій. Онъ прочелъ сочиненія Максима Грека, Вассіана Косого, князя Курбскаго и Іоанна Грознаго, Стоглавъ, Домострой, нѣсколько разнаго рода грамотъ и посланій, просмотрѣлъ подходящіе томы „Исторіи Россіи" Соловьева, „Исторіи русской церкви" высокопреосв. Макарія, „Исторіи русской словесности" Шевырева, „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ" г. Костомарова, кое-какія журнальныя статьи, сдѣлалъ изъ нихъ выписки, распредѣлилъ ихъ по рубрикамъ: просвѣщеніе, притѣсненіе слабыхъ сильными, роскошь, пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ, развратъ и т. д., и, наконецъ, соединилъ весь матеріалъ въ одно цѣлое, снабдивъ его кое-какими разсужденіями и поясненіями и приправивъ вопросами и восклицаніями въ родѣ слѣдующихъ: „Кому неизвѣстно, какъ трудно и какъ опасно идти въ потьмахъ, да еще безъ провожатаго? Сколько тутъ препятствій и опасностей сбиться съ прямого пути и заблудиться? Только на долю немногихъ выпадаетъ счастіе придти такою дорогою къ назначенной цѣли!" (стр. 22), „Такъ щеголяли волокиты XVI вѣка!" (стр. 108), „Таковы были нравственныя отношенія богатаго владѣтельнаго класса къ подручному бѣдному классу!" (стр. 111), „Какъ, должно быть, вразумительны и чувствительны были эти обличенія для тогдашнихъ ханжей и фарисеевъ!" (стр. 113), „Такъ-то поживали богатые и бѣдные постриженники!" (стр. 183).

Но и при такомъ способѣ изслѣдованія, г. Преображенскій съумѣлъ выказать въ полномъ блескѣ всю скудость своихъ научныхъ познаній. Онъ, напримѣръ, увѣряетъ, что „въ нашихъ сборникахъ, хронографахъ, палеяхъ и торжественникахъ XVI вѣка, вмѣсто необходимыхъ или полезныхъ историческихъ, догматическихъ и нравственныхъ произведеній богатой богословской письменности греческой церкви, появились самыя нелѣпыя басни и повѣсти, питавшія только суевѣріе и невѣжество" (стр. 27). Между тѣмъ апокрифы (здѣсь рѣчь идетъ объ нихъ) издревле входили въ составъ разныхъ сборниковъ и мы находимъ въ торжественникѣ московскаго Успенскаго собора XII вѣка—апокрифическое „Исаіино видѣніе" (Андрей Поповъ; Библіографическіе матеріалы, вып. I-й), въ Александро-невской палеѣ XIV вѣка „Завѣты двѣнадцати патріарховъ", въ Лаврской палеѣ 1406 года „Лѣствицу Іакова патріарха" (Тихонравовъ; Памятники отреченной рус. литературы, I) и др. Стараясь доказать свое предположеніе, что „Болгарія по преимуществу снаб-

жала насъ апокрифами", г. Преображенскій указываетъ, что „существовавшіе у насъ апокрифы своимъ содержаніемъ много напоминаютъ ученіе гностиковъ-богомиловъ", которое „весьма сильно распространено было въ Болгаріи" (стр. 50). Очевидно, авторъ никогда не читывалъ большей части произведеній древнерусской апокрифической литературы и имѣетъ очень смутныя понятія объ ихъ происхожденіи; иначе онъ зналъ бы, что почти всѣ апокрифы, извѣстные въ древней Руси, переведены съ греческаго и не имѣютъ въ своемъ содержаніи ничего сходнаго съ ученіемъ болгарскихъ богомиловъ. Незнакомствомъ г. Преображенскаго съ апокрифической литературой и ея исторіей объясняются увѣренія его, что „всѣ" апокрифы отличаются сказочнымъ характеромъ (стр. 57), что „чтеніе отреченной письменности... воспоминало (!!) и утверждало въ умахъ читателей тѣ языческія понятія и представленія, съ которыми постоянно и съ такою энергіею боролись представители религіи христіанской" (стр. 61), что разсказъ объ испытаніи Соломономъ мысли мужской и женской подтверждаетъ ту истину, что „въ древней Руси женщина была унижена" (стр. 148). Надо замѣтить, что этотъ разсказъ, явившійся въ Россію изъ Греціи, извѣстенъ также въ еврейскомъ подлинникѣ въ Талмудѣ, какъ недавно показалъ академикъ Веселовскій („Журн. Мин. Нар. Просв.", 1880, № 4). Слѣдующія слова указываютъ на совершенное незнакомство г. Преображенскаго съ русской апологической литературой: „Поэтическое изображеніе красотъ природы, говоритъ онъ, среди которыхъ дѣйствительно и водворялась большая часть отшельниковъ, составляетъ элементъ (?!) многихъ древнихъ жизнеописаній этихъ отшельниковъ. Такой характеръ жизнеописаній тѣмъ естественнѣе, что наша древняя книжность (?!) исходила преимущественно отъ иноковъ, которые сами любили природу и восторгались ея красотами" (стр. 165). Житія русскихъ святыхъ, содержащія въ себѣ „поэтическое изображеніе красотъ природы", до сихъ поръ еще никому неизвѣстны... Утвержденіе г. Преображенскаго, что „громкій протестъ бѣлоозерскихъ старцевъ, на этотъ разъ въ сообществѣ съ Максимомъ Грекомъ, противъ безпорядковъ иноческой жизни, ихъ строгія, часто безпощадныя обличенія этихъ безпорядковъ,—едва ли все это осталось безъ послѣдствій для иноковъ" (стр. 234), показываетъ, что онъ не знакомъ ни съ сочиненіями протопопа Аввакума, ни съ Духовнымъ Регламентомъ и проповѣдями Θеофана Прокоповича, ни, наконецъ, съ сатирами Кантемира: изъ этихъ произведеній онъ долженъ бы былъ узнать о томъ, что голосъ Максима Грека и старцевъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Небрежность, съ какою написана книга г. Преображенскаго, настолько велика, что иногда онъ забываетъ свои собственныя слова. Такъ, на стр. 49 онъ призналъ Шестокрылъ, Воронограй, Острономій, Зодій, Альманахъ, за книги, а на стр. 142 объявилъ, что „Воронограй — гаданіе по крику врановъ, Шестокрылъ, Острономій—астрономическія наблюденія, Зодій — гаданіе по знакамъ зодіака, Альманахъ—гаданіе по погодѣ". На стр. 146, онъ сказалъ, что „астрологическія суевѣрія и заблужденія существовали у насъ издревле", а уже на слѣдующей страницѣ сталъ увѣрять, что „ересь жидовствующихъ подготовляла почву для произрастанія этихъ плевелъ" и т. п.

Что касается до точки зрѣнія, которой держится авторъ, то ее можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста: „Что такое было просвѣщеніе по понятіямъ нашихъ предковъ?—Знаніе единственно и исключительно св. писанія, особенно отеческихъ твореній и всего, что носило на себѣ печать или внѣшній характеръ (?!) этихъ послѣднихъ. Вотъ та твердая почва, съ которой

ничто не могло свести русскихъ! Вотъ единственный идеалъ знанія, къ посильному осуществленію котораго стремился „тщаливый къ наукѣ“ сынъ древней Россіи! Никакого самостоятельнаго изслѣдованія, никакого свободнаго сужденія не только въ дѣлахъ вѣры, но даже въ вопросахъ, касающихся житейскаго быта, принадлежащихъ къ области естественной любознательности и чистому знанію,—словомъ, нигдѣ и ни въ чемъ русскій человѣкъ не позволялъ себѣ мыслить иначе, нежели какъ требовали того... преданіе церкви и общій духъ ученія отцевъ, что, конечно, разумно и достойно всякой похвалы“ (стр. 29).

Языкъ г. Преображенскаго нѣсколько преизобилуетъ поэтическими вольностями. Максимъ Грекъ у него отличается „огненною ревностью къ славѣ Божіей“ (стр. 9), отношеніе русскихъ къ иностранцамъ „составляетъ одну изъ важнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ нравственно-національныхъ чертъ русскаго народа“ (стр. 12); ему представляется, что въ Россіи XVI вѣка „почти на каждомъ шагу можно было встрѣтить человѣка, кладущаго низкіе поклоны предъ многочисленными церквами и часовнями“ (стр. 42), что нѣкоторые литературные памятники XVI вѣка „преимущественно бьютъ на нравственную сторону языческаго обряда“ (стр. 63), что въ древней Руси „мужъ распоряжался своею женою почти совершенно безконтрольно“ (стр. 152)... Сверхъ того, чтобы придать особенную силу слогу, г. Преображенскій употребляетъ иногда слово „поелику“ (напримѣръ, стр. 22, 63).

А. С—скій.

Варшава и варшавяне. Наблюденія и замѣтки Вл. Михневича. С.-Петербургъ, 1881 г.

Авторъ этой книжки говоритъ въ предисловіи, что трудъ его вызванъ возникшимъ въ послѣднее время, какъ у насъ, такъ и у поляковъ, вопросомъ о взаимномъ сближеніи и установленіи какого нибудь modus vivendi между русскимъ и польскимъ обществомъ. Съ цѣлью ознакомиться на мѣстѣ съ почвою, на которой могли бы быть положены основанія для этого сближенія, онъ предпринялъ поѣздку въ Варшаву и теперь сообщаетъ результаты своихъ впечатлѣній и наблюденій. Хотя всякій пойметъ, что кратковременнаго пребыванія туриста въ городѣ, гдѣ до тѣхъ поръ онъ не бывалъ, слишкомъ недостаточно для рѣшенія важнаго и многосторонняго вопроса, до сихъ поръ составляющаго сфинксову задачу даже для людей, давно знакомыхъ съ краемъ, тѣмъ не менѣе замѣтки нашего путешественника, какъ свѣжаго и не задающагося предвзятыми заключеніями человѣка, не лишены значенія и заслуживаютъ вниманія всѣхъ интересующихся даннымъ предметомъ.

Г. Михневичъ, какъ и слѣдовало ожидать, высказывается о дѣлѣ сближенія двухъ національностей съ большой осторожностью и только съ нѣкоторыми оговорками даетъ понять, что дѣло это, не смотря на многочисленные толки о немъ, находится теперь не въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ было нѣсколько лѣтъ назадъ, и даже самое желаніе сближенія съ той и другой стороны не отличается большой горячностью. Ему кажется это особенно прискорбнымъ въ наши дни, послѣ „великихъ кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ для торжества славянской идеи, для освобожденія и духовнаго объединенія

разобщенныхъ сыновъ славянской семьи“. Но при чемъ же тутъ, замѣтимъ мы, славянская идея, когда поляки, сколько извѣстно, не только не сочувствуютъ духовному объединенію юго-восточныхъ, не католическихъ славянъ, но самое торжество этой идеи непріятно имъ потому, что оно совершается при содѣйствіи Россіи и придаетъ ей бо̀льшее значеніе въ славянскомъ мірѣ. Говоря о трудности сближенія между русскими и поляками, г. Михневичъ замѣчаетъ, что съ обѣихъ сторонъ накопилось такъ много старыхъ счетовъ и претензіи даже благоразумной части польской націи до того обширны, что Россія принуждена слѣдовать по пути, завѣщанному ей исторіей, и прежде всего заботиться о своемъ собственномъ спокойствіи и безопасности. „Становясь на точку зрѣнія государственнаго самосохраненія, пишетъ онъ, необходимо, прежде чѣмъ рѣшиться протянуть масличную вѣтвь, заручиться необходимыми гарантіями, что мы ввѣряемся искреннимъ друзьямъ, а не замаскированнымъ личиной братства недругамъ“. Это совершенно справедливо, а по заявленіямъ, какія дѣлались поляками въ то самое время, когда русская печать говорила о примиреніи, видно, что подобныхъ гарантій въ наличности очень немного. Довольно вспомнить, что̀ происходило на праздновані юбилея Крашевскаго, какъ вели себя галиційскіе поляки при извѣстіи о кончинѣ императора Александра Николаевича и какимъ смысломъ отличалась рѣчь маркиза Велепольскаго, чтобы понять степень искренности въ отношеніи къ примиренію со стороны многихъ интеллигентныхъ поляковъ. Мысль о сближеніи возникла, какъ извѣстно, въ русской средѣ и, конечно, принята большинствомъ польской интеллигенціи въ смыслѣ уступокъ ея желаніямъ; но если бы со стороны Россіи и возможно было согласиться на эти желанія въ той мѣрѣ, какъ они высказываются открыто, то во всякомъ случаѣ нельзя сказать положительно, что за этими явными желаніями не скрываются другія, которыя ведутъ на ту почву, гдѣ уже Россія не можетъ сдѣлать уступокъ, не отрекаясь отъ своего историческаго прошлаго и отъ своей будущности. Въ этомъ смыслѣ г. Михневичъ не разъясняетъ даннаго вопроса; онъ говоритъ, что сближеніе между двумя національностями, по всѣмъ вѣроятіямъ, рано или поздно устроится, но какъ именно—сказать трудно, да и все дѣло пока ограничивается одними отвлеченными разговорами, одними pia desideria. При этомъ авторъ ставитъ новый вопросъ: чего хотятъ и куда идутъ привислянскіе поляки? Для уясненія этого, онъ, какъ и слѣдовало, обращается къ польской заграничной публицистикѣ и разсматриваетъ брошюры, появившіяся съ особеннымъ обиліемъ съ прошлаго года. Изъ нихъ г. Михневичъ выводитъ заключеніе, будто мыслящіе поляки въ настоящее время кое-что забыли, кое-чему научились и дошли до отрицанія мысли объ активномъ возстановленіи независимости Польши путемъ революціи. Это весьма вѣроятно, но вопросъ на этомъ не останавливается. „Сознавъ невозможность полнаго достиженія разныхъ своихъ желаній, они предпочитаютъ идти къ этой цѣли исподволь, шагъ за шагомъ отвоевывая свои права“. Такимъ образомъ, по мнѣнію нашего автора, тутъ измѣнилась не цѣль задачи, а только способъ ея рѣшенія и, слѣдовательно самое такъ-называемое сближеніе принимается поляками какъ одинъ изъ тактическихъ способовъ къ достиженію того же прежняго плана. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ, напримѣръ, авторъ брошюры „La Russie ou la Prusse“, говоря о крамолѣ нигилистовъ, рекомендуетъ ускорить союзъ Россіи съ Польшею: „Еслибъ русское правительство захотѣло въ моментъ столь для него критическій (?) соединить вокругъ себя все, что есть честнаго, преданнаго общественному порядку и прогрессу

на почвѣ законности; если-бъ для созданія такой необходимой опоры оно возстановило начало равноправія между русскими и поляками... возстановило автономію послѣднихъ, поддержало ихъ языкъ, ихъ религію, дало имъ въ добавокъ нѣсколько либеральныхъ реформъ, — о, тогда оно смѣло могло бы требовать отъ поляковъ гарантій твердаго и искренняго примиренія!" Здѣсь не говорится, какого рода либеральныхъ реформъ желалъ бы авторъ брошюры, но у него готова уже формула для осуществленія „польско-русскаго союза": онъ рекомендуетъ устроить его по подобіе того, какъ связаны теперь Австрія и Венгрія. „Нужно только спѣшить, ибо теперь представляется случай, случай, можетъ быть, единственный, для заключенія этого спасительнаго союза". Изъ этого можно видѣть, что не всѣ еще мыслящіе поляки забыли прошлое и исцѣлились отъ старыхъ заблужденій.

Гораздо больше интереса представляетъ та часть книжки г. Михневича, въ которой онъ описываетъ, какое впечатлѣніе произвела на него Варшава и ея общественная жизнь. Въ замѣткахъ его объ общемъ характерѣ этой жизни и ея особенностяхъ, о разныхъ слояхъ городскаго населенія, ихъ бытѣ и удовольствіяхъ, понятіяхъ и потребностяхъ—не мало подробностей, обличающихъ наблюдательность автора. Главный интересъ книги—въ статьяхъ о современномъ польскомъ театрѣ и варшавской журналистикѣ: тутъ авторъ, какъ знатокъ дѣла, сообщаетъ факты, мало кому у насъ извѣстные по этому предмету. Послѣ бѣглаго историческаго очерка польскаго театра, онъ переходитъ къ современной драмѣ. Новѣйшая польская драматическая литература довольно богата, хотя у насъ едва ли знаютъ по именамъ важнѣйшихъ ея представителей. Успѣхамъ польскаго театра, по словамъ автора, способствуютъ, между прочимъ, драматическія общества въ Краковѣ и Львовѣ, которыя устраиваютъ конкурсы и выдаютъ преміи за лучшія новыя оригинальныя пьесы. Но этого, конечно, было бы недостаточно, если бы не существовало другихъ причинъ развитія драмы въ Польшѣ: вѣдь и у насъ есть подобные конкурсы, но они пока не оживили еще русской сцены. Да и въ репертуарѣ варшавскаго драматическаго театра оригинальныя пьесы составляютъ, по словамъ г. Михневича, въ общей сложности только 10%. Въ настоящее время на варшавской сценѣ господствуетъ такъ-называемая „салонная комедія", въ которой фигурируютъ обыкновенно лица аристократическаго круга, съ очевидною цѣлью выставить ихъ преимущество надъ низшими классами народа. Это, какъ видятъ читатели, совсѣмъ не похоже на нашу русскую драму. Лучшими пьесами современнаго польскаго театра нашъ туристъ считаетъ тѣ, въ которыхъ выводится типъ поляка старыхъ временъ, вѣрнаго своимъ національнымъ обычаямъ, деревенскаго жителя, усердно занятаго своимъ хозяйствомъ, и настоящаго патріарха въ своей семьѣ. Г. Михневичъ разсказываетъ при этомъ содержаніе нѣсколькихъ комедій новѣйшей школы реальнаго направленія. Относительно самой организаціи театра онъ сообщаетъ также не мало любопытныхъ свѣдѣній. Интересно, между прочимъ, какъ скудно вознаграждаетъ дирекція авторовъ: вмѣсто поспектакльной платы, здѣсь выдается единовременно за оригинальную пьесу, наполняющую весь спектакль, если она въ стихахъ—180 рублей, а если въ прозѣ—150 руб.; когда пьеса занимаетъ по времени двѣ трети спектакля, то платится 120 и 100 р. и т. д. Понятно, что если при такихъ условіяхъ находятся даровитые люди, готовые писать для театра, то ихъ привлекаютъ не матеріальныя выгоды. Варшавскіе жители любятъ зрѣлища не меньше парижанъ: въ городѣ нѣсколько театровъ и всѣ они обыкновенно

бываютъ полны, даже лѣтомъ. Этому благопріятствуетъ также и дешевизна цѣнъ: въ большинствѣ театровъ въ партерѣ нѣтъ мѣста дороже 1 р. 20 к., а задніе ряды креселъ стоютъ отъ 70 до 60 коп. По мнѣнію г. Михневича, эта общедоступность цѣнъ послужила съ одной стороны къ развитію вкуса въ массѣ публики, а съ другой стороны повела и къ образованію труппъ, въ которыхъ артисты могутъ разсчитывать на вѣрную оцѣнку ихъ игры. Авторъ даетъ понятіе о нѣкоторыхъ изъ выдающихся артистовъ современной варшавской сцены. Переходя отъ театра къ литературѣ и искусству, г. Михевичъ замѣчаетъ, что въ нихъ преобладаетъ до сихъ поръ направленіе романтическое, и только въ послѣднее время стало обнаруживаться нѣкоторое стремленіе къ реализму, причемъ на первомъ планѣ является преимущественно желаніе опоэтизировать старожитную Польшу.

Обращаясь къ общему характеру книжки г. Михневича, нужно сказать, что въ фактической сторонѣ его наблюденій и замѣтокъ много вѣрнаго и интереснаго; но тамъ, гдѣ онъ дѣлаетъ выводы изъ своихъ наблюденій, видна иногда неточность и даже нѣкоторая шаткость. Кажется, побывавъ въ Варшавѣ въ качествѣ туриста, онъ не успѣлъ вполнѣ себѣ уяснить значенія видѣнныхъ явленій и оттого колеблется въ своихъ приговорахъ. Понятно, что этого нельзя ставить въ вину человѣку добросовѣстному, который не хотѣлъ рѣшить съ плеча вопросовъ, еще недостаточно выясненныхъ. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе его, по значительному количеству собранныхъ въ немъ фактовъ о современной варшавской жизни и вообще о польскомъ обществѣ, далеко не лишено интереса и, конечно, многими прочтется съ удовольствіемъ и пользою.

А. М.

Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности. П. Лошкарева. Кіевъ, 1876 г.

Наша церковно-историческая литература не перестаетъ обогащаться интересными и полезными новостями, при чемъ нерѣдко случается замѣчать, что между отпечатаніемъ книги и выходомъ ея въ свѣтъ проходитъ болѣе или менѣе продолжительное время. Это всегда способно возбуждать любопытство въ читателяхъ, которые въ такихъ случаяхъ склонны предполагать въ книгѣ нѣчто особенно важное и занимательное. То самое происходитъ и съ книгою, которой заглавіе выше выписано и которая только на дняхъ появилась какъ новость. Ей еще въ значительной мѣрѣ помогаетъ недавно успокоившаяся исторія священника И. О. Веллюстина, призваннаго къ покаянію по поводу его увлеченій достовѣрностію историческихъ сказаній, касающихся Константина Великаго. Любознательные люди, заинтересованные вопросами первыхъ вѣковъ христіанства, ожидаютъ найти въ книгѣ г. Лошкарева любопытныя характеристики дѣятелей „просвѣтительнаго вѣка" и это обезпечиваетъ ей нѣкоторый успѣхъ. На самомъ дѣлѣ она однако можетъ отвѣтить на самое небольшое число вопросовъ и то весьма сдержанно, осторожно и даже сухо. Константинъ Великій въ его личныхъ свойствахъ представленъ здѣсь весьма слабо и въ церковно-традиціонномъ духѣ, отнюдь не обязательномъ для историка и далеко не во всемъ согласномъ съ содержаніемъ неоспоримыхъ историческихъ фактовъ. Таково же отношеніе автора, или компилятора, къ другому замѣчательному лицу той же эпохи—къ Юліану-отступнику, который очер-

ченъ еще болѣе кратко и еще болѣе шаблонно. А подобное отношеніе къ крупнымъ историческимъ характеромъ всегда непріятно и безполезно, но, съ тѣхъ поръ какъ эпоха соприкосновенія христіанскихъ идей съ государственными идеями римской имперіи обстоятельно и съ художественнымъ проникновеніемъ разработана Гастономъ де-Буасье,—подобное отношеніе въ сочиненіяхъ и компиляціяхъ, претендующихъ на научно-историческое значеніе, даже непростительно и неприлично. Если предметъ, по какимъ нибудь условіямъ и личнымъ отношеніямъ автора, неудобенъ для правильной его постановки и разработки, то, кажется, гораздо благоразумнѣе и достойнѣе вовсе его не касаться, или обходить, но ни въ какомъ случаѣ не увеличивать своею лопатою и безъ того огромную кучу непровѣяннаго историческаго мусора, наваленнаго у бѣднаго храма русской науки неразумнымъ усердіемъ людей, не имѣющихъ ничего общаго съ наукою.

Впрочемъ, въ книгѣ г. Лошкарева и нельзя искать настоящей исторической независимости, такъ какъ она есть ничто иное, какъ компиляція, составленная для украшенія журнала кіевской духовной академіи, который несовсѣмъ благопріятенъ для трудовъ историческихъ. Однако читатель и здѣсь встрѣтитъ нѣсколько указаній, которыя ему могутъ быть полезны для уясненія себѣ, какъ въ IV вѣкѣ относились къ вопросамъ, не потерявшимъ своего значенія и понынѣ. Такъ наприм. по вопросу о святости воскреснаго дня, о которомъ теперь съ какого-то повода заговорили наши газеты, г. Лошкаревъ напоминаетъ, что „по закону Константина всѣ судьи, народъ городской и ремесленники должны проводить въ покоѣ досточтимый день солнца (воскресный), но жители деревень могутъ свободно и безпрепятственно заниматься обработкою полей, ибо часто случается, что въ другой день не такъ удобно ввѣрять зерно бороздѣ или виноградную вѣтвь ямѣ: отъ потери удобнаго времени не должна гибнуть выгода, доставляемая благосостояніемъ неба“ (85). Такъ внимателенъ и снисходителенъ былъ въ этомъ случаѣ даже тотъ „византіизмъ“, который хотѣлъ все урегламентировать не только въ жизни, но и въ вѣрѣ, и тѣмъ нанесъ сей послѣдней самые неизцѣлимые удары. Ниже встрѣчается еще одно тоже очень интересное указаніе на то, какъ Константинъ Великій былъ чутокъ къ протестамъ церковнаго учительства противъ нѣкоторыхъ обычаевъ, которые осуждало христіанство IV вѣка. Тогда бывали смертныя казни, и такъ какъ онѣ совершались публично, то до такой степени дурно вліяли на общественные нравы, что люди ходили смотрѣть на казнь преступниковъ, какъ на зрѣлище. Были случаи, что распорядители, приводившіе въ исполненіе смертные приговоры, приспособливали это къ тому или другому времени, въ угоду тому или другому лицу. Это возмущало Локтанція и онъ написалъ въ книгѣ, посвященной Константину: „Кто ставитъ себѣ за удовольствіе, чтобы въ глазахъ его былъ удавленъ человѣкъ, хотя бы и осужденный на то за преступленія, тотъ грязнитъ свою совѣсть такъ же точно, какъ если бы былъ зрителемъ и участникомъ человѣкоубійства, совершаемаго втайнѣ“. Тѣ, которые смотрятъ „какъ убиваютъ души человѣческія“, по мнѣнію Локтанція „являются преступнѣйшими всѣхъ тѣхъ, чья кровь доставляетъ имъ удовольствіе“. Локтанцій спрашиваетъ себя: „могутъ ли такіе люди быть благочестивы?“ и, разумѣется, не рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Константинъ замѣнилъ казнь каторжною работою.

Н. Л.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ исторіи Пугачевщины.

ВЪ „ИСТОРІИ Пугачевскаго бунта" говорится (стр. 78 и 79), что Пугачевъ, разбитый 21 мая 1774 г. подъ Троицкою крѣпостью генералъ-поручикомъ Деколонгомъ, бѣжалъ со своимъ наперсникомъ Бѣлобородовымъ, который послѣ участвовалъ, 30 мая, въ сраженіи съ Михельсономъ, преслѣдовавшимъ мятежниковъ, и едва спасся вмѣстѣ съ Пугачевымъ (стр. 82); но въ одномъ, при надлежащемъ намъ, сборникѣ, попался ордеръ Деколонга генералъ-маіору Скалону, отъ 27 мая 1774 г., изъ котораго видно, что Бѣлобородовъ, въ сраженіи 21 мая, оказался въ числѣ убитыхъ. Такъ какъ въ ордерѣ этомъ описываются подробности сраженія и его послѣдствія, а въ приложенной къ ордеру вѣдомости исчислены отбитыя при этомъ орудія, артиллерійскіе припасы и проч.; а также выученныя изъ захваченныхъ шайкой Пугачева, при раззореніи крѣпостей, гарнизонныя команды, и понесенныя войсками потери, то полагаемъ, что ордеръ Деколонга и замѣтки наши о ссылкѣ сподвижниковъ Пугачева въ Колывано-воскресенскіе заводы, въ каторжныя работы, послужатъ дополненіемъ къ исторіи бунта и разъясненію противорѣчія о Бѣлобородовѣ.

„Ордеръ

„Господину генералъ-маіору и кавалеру Скалону.

„Мое пребываніе продолжалось въ Родокалмыцкомъ селѣ, по отогнаніи изъ тамошнихъ мѣстъ злодѣйскихъ шаекъ, сколько до ожиданія подвозовъ изъ жительствъ, къ продовольствію воискъ провіанта, а въ нихъ лошадеи фуражы не меньше же и обращались деташементы въ поискъ за ворами башкирцами; между тѣмъ получено было извѣстіе, бутьто бы первенствующій государственный злодѣй измѣнникъ, самозванецъ Пугачевъ, съ отчаянною своею, вновь собранною силою, приближнымъ сдѣлался внутръ уральскихъ горъ на заводахъ, я, ускоряя его, за непоспѣшнымъ привозомъ фуража, принужденнымъ нашелся взять на лошадей онаго половинную дачу, рѣшился къ Верхояицкой крѣпости, куда, въ прослѣдованіе чрезъ Челябу, извѣстіи увѣрили, что уже онъ на Бѣлорѣцкомъ заводѣ. Маршируя къ той крѣпости форсированными

маршами, прибылъ въ Карачайскую, гдѣ получилъ рапортъ отъ Верхояицкого коменданта, господина полковника Ступишина, что оный злодѣй, по ту сторону Верхояицкой, первую крѣпость Магнитную взялъ, и всѣмъ нужнымъ, то есть порохомъ, свинцомъ и другими припасами снабдилъ и намѣренъ (напасть) на пасть на сію послѣднюю Верхояицкую, идти одна отъ другой крѣпости до Синбирской линіи, чего, къ недопущенію не было время больше мешкать, хотя люди и лошади притомилися. Чрезъ ночь прибылъ совсѣмъ своимъ войскомъ въ Верхояицкую, и по извѣстіямъ, тутъ полученнымъ, пошолъ на Кизилъ и отошелъ верстъ пятнадцать, для сдѣланія чрезъ рѣчку мостовъ, остановился. Но въ сіе время, чрезъ пойманныхъ высланною казачьею партіею и приведенныхъ ко мнѣ двухъ башкирцевъ и одного жителя яицкаго, бухаретина, извѣстился, которые, по допросу показали, что та толпа, узнавъ мое пребываніе въ Верхояицкой, чрезъ Уралъ горами, вѣдомствомъ охансного старшины Абаима, пошла прямо на Карачайскую крѣпость, по сю сторону Верхояицкой стоящую; почему я, паки возвратясь, поспѣшилъ на выручку той крѣпости. Однакожъ какъ у него злодѣя все силы конныя, предупредя мое достиженіе ево, ту крѣпость, безъ отпору изъ оной, занялъ, и ограбя жителей со всемъ экипажемъ и лошадями. Наконецъ, забравъ и людей всѣхъ отъ большаго и до малаго обоего пола сжегліи, въ числѣ чего подвергся и храмъ Божій, провіантъ и овесъ, самъ съ толпою ударился къ Петропавловской. Я, неостанавливаясь, паки гналъ, вслѣдъ за ними ударился, хотя оставалось у меня провіанта на однѣ сутки; но, за сожженіемъ мостовъ, не ускорилъ исію защитить и отбить отъ злопагубнаго покушенія, такъ какъ и первой приничивость (?) ево сожженія мостовъ за собою, провіанта и овса, принудило меня идти внутреннею дорогою, пробираясь всячески прямымъ трактомъ, уповая хотя въ Степной ево достичь; однакожъ у Санарской крѣпости прошолъ, въ которой нашелъ всѣхъ тѣхъ несчастныхъ крѣпостей жителей, засаженныхъ. Освободя ихъ отъ сего ига, къ Троицкой поспѣшалъ, куда онъ, по намѣренію своему пошолъ, и тутъ 21 числа засталъ ево толпу, лагеремъ стоящую, подъ Троицкую крѣпостью. Поутру рано на которую, установя воинскую позицію, ударилъ, и съ седьмаго до одинадцатаго часа по полудни имѣлъ сраженіе. Разбилъ и разсыпалъ ево толпу, составляющую до десяти тысячъ собранную изъ разнаго рода людей: яицкихъ казаковъ, калмыковъ, башкиръ и заводскихъ мужиковъ, изъ которыхъ мѣсто покрыто было мошенническими трупами слишкомъ на четырехъ верстахъ, которыхъ и перечесть было не можно. Имѣвшаяся артиллерія, съ порохомъ и другими припасами, вся отнята; а сколько чего и колико людей захвачено и возвращено своихъ, регистръ у сего слѣдуетъ, сверхъ того множество его съ пограбленными вещами обоза, изъ котораго войски, кто могъ что захватить, сытно воспользовались, засвои труды и усердность къ службѣ ея императорскаго величества. Въ числѣ убитыхъ нашлись самаго злодѣя первѣйшіе на персники, полковникъ Бѣлобородовъ [1]), яицкой атаманъ, а другихъ и познать не можно. Изъ прочихъ множество разбѣжались въ свои жилища и самъ онъ не въ большихъ силахъ, котораго коручикъ Беницкой догонялъ въ саженяхъ въ пятнадцати или двадцати, также и поручикъ Борисовъ; но за усталью подъ нами лошадей, а унего за перемѣною свѣжими, да

[1]) Бѣлобородовъ былъ отставной артиллерійскій капралъ (36 стр. „Исторіи Пугач. бунта“). Пушкинъ говоритъ, однакожъ, что Бѣлобородовъ во время сраженія, происходившаго 30-го мая, съ отрядомъ Михельсона, едва спасся съ Пугачевымъ и Салаватомъ (стр. 82 „Исторіи Пугачевскаго бунта“).

и задефилееею укрыться едва могъ; чѣмъ Троицкую крѣпость отъ намѣреннаго злодѣемъ на тотъ день, какъ я прибылъ, пожога освободилъ, дабы онъ внутрь далѣе не могъ своихъ слѣдовъ злодѣяніемъ класть. На другой день занимъ отрядилъ я достаточной деташементъ, при господинѣ премьеръ майорѣ Жолобовѣ, который слѣдомъ ево поспѣшалъ догнать; но онъ, съ того себѣ страха, весьма и безостановочно скоро бѣжалъ, но ево маіоръ Жолобовъ, при всемъ томъ уже попятамъ гналъ. Но 22 числа повстрѣчался съ тѣмъ злодѣемъ отъ Уфы слѣдующіи деташементъ гусаровъ и карабинеровъ, при господинѣ подполковникѣ Михельсонѣ, которыи паки ево разбилъ, и положилъ на мѣстѣ сотъ дошести, да взялъ живьемъ въ плѣнъ, до четырехъ сотъ человѣкъ, а онъ скрылся и ушолъ въ восьмидесяти человѣкахъ; однакожъ я приказалъ, чтобы былъ сему злодѣю конецъ гнать за нимъ деташаменту господина маіора Жолобова, о чемъ ваше превосходительство изволите быть извѣстны.

„Подписали:
„Генералъ порутчикъ и кавалеръ Иванъ Деколонгъ.
„Порутчикъ Андрей Глазковъ.

„Мая 27 дня 1774 г.
„Изъ Троицкой крѣпости.

ВѢДОМОСТЬ

Сколько, прибывшемъ въ 21 день сего маія злодѣемъ, измѣнникомъ самозванцомъ, Пугачевымъ въ сраженіи, отъ ево толпы, какихъ припасовъ отбито, людей ево мошенниковъ на мѣстѣ положено и въ плѣнъ захвачено, значитъ подъ симъ.

Званіе.	Число оныхъ.
Троицкаго баталіона знаменъ съ перевязми	2 шт.
Артиллеріи.	
Пушекъ съ лафеты, окованными:	2 шт.
Мѣдныхъ: трехъ-фунтовыхъ.	2 „
одного фунта	1 „
Чугунныхъ: трехъ-фунтовыхъ	16 „
двухъ-фунтовыхъ	4 „
одного фунта	5 „
У нихъ ящиковъ	9 „
Въ оныхъ снарядовъ, наряженныхъ:	
Трехъ-фунтовыхъ съ ядрами	350 „
Картечныхъ	200 „
Двыхъ-фунтовыхъ съ ядрами	200 „
Картечныхъ	150 „
Одного фунта съ ядрами	200 „
Картечныхъ	110 „
Пороху въ бочкахъ.	
Винтовачнаго.	9 пуд.
Ручнаго.	6 „
Мушкетнаго	24 „
Пушечнаго.	17 „
Свинцу	24 „
Фитиля.	160 саж.

	Званіе.	Число оныхъ.
	Злодѣйскихъ знаковъ голевыхъ и тафтяныхъ:	
	Яицкихъ, казацкихъ и калмыцкихъ	5 шт,
	Протчей сволочи	3 „
	Въ плѣнъ взято изъ бывшихъ дѣйствительно въ злодѣйской толпѣ:	
	Наименованной у самозванца военной коллегіи секретаріи Исецкой провинціи, казачей Хорунжій Иванъ Жундѣевъ	1 „
	Той же провинціи казаковъ.	4 „
	Разныхъ заводовъ и уѣздовъ крестьянъ	53 „
	Женъ и дѣтей	12 „
		70
	Оныхъ число потому не велико, что разъяренныя войска будучи раздражены ихъ варварскими приступами, не старались ихъ живыхъ брать, но на мѣстѣ, гдѣ бы не попались, били до смерти; попримѣру положено на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только имѣли съ ними дѣло, и догоняли; иные въ десяти верстахъ	4000 „
	Выручено изъ захваченныхъ самозванцомъ разными случаи и при раззореніи крѣпостей въ свою толпу и ожидающихъ лютѣйшаго мученія:	
Легкихъ полевыхъ 8 и 14 командъ.	Лекарь	1 „
	Ундеръ офицеровъ.	2 „
	Капралъ	1 „
	Нижнихъ чиновъ	33 „
Гарнизонной артиллеріи изъ бывшихъ въ крѣпостяхъ.	Сержантъ.	1 „
	Писарь	1 „
	Бомбардиръ.	1 „
	Цырульникъ.	1 „
	Канониръ	1 „
	Мастеровыхъ и деньщиковъ .	20 „
Разныхъ баталіоновъ.	Прапорщикъ	1 „
	Ундеръ офицеровъ и капраловъ	18 „
	Протчихъ чиновъ	215 „
	Рекрутъ, состоящихъ въ крѣпостяхъ, для обороны, вооруженныхъ	170 „
	Казаковъ разныхъ крѣпостей	63 „
	Протчихъ обывателей, духовныхъ, благородныхъ фамилій, въ томъ числѣ подполковница фонъ-Витте, и другихъ, оберъ-офицерскихъ, отставныхъ и разнаго званія людей, большихъ и малыхъ обоего пола до	3000 „
	Бывшихъ для обороны въ крѣпостяхъ, Исецкой провинціи крестьянъ	131 „

Званіе.	Число оныхъ.
Съ нашей стороны убито:	
Драгунъ	1 „
Мушкатеръ	2 „
Канониръ	1 „
Егарь	1 „
Лошадей:	
Драгунскихъ	10 шт.
Артиллерійскихъ	8 „
Казачьихъ	9 „
	27 шт.
Ранено:	
Ундеръ-офицеровъ	2 челов.
Мушкатеръ, драгунъ егарей и канонеръ	40 „
Казаковъ со старшинами	18 „
	60 челов.
Лошадей.	
Драгунскихъ	20 шт.
Артиллерійскихъ	1 „
Казацкихъ	8 „
	29 шт.

У подлиннаго подписалъ, за дежуръ-маіора,
капитанъ Гаврило Пучковъ.

Изъ другихъ, приложенныхъ къ ордеру бумагъ видно, что отправленная генералъ-поручикомъ Деколонгомъ изъ Шадринска (12 марта, 1774 г.), легкая полевая команда, настигнувъ шайку Пугачева близъ слободы Пуховой, по ялуторовскому тракту, истребила ее, положивъ на мѣстѣ до 600 человѣкъ, взяла въ плѣнъ 130 бунтовщиковъ и, освободивъ взятыхъ шайкою въ разныхъ слободахъ 28 человѣкъ, отняла 6 пушекъ, со всѣми снарядами. По уничтоженіи мятежническихъ шаекъ, въ 1774 г. были отправлены въ Селенгинскіе баталіоны колодники, яицкіе казаки: Иванъ Юринъ, Максимъ Рынковъ, Иванъ Головановъ и Андрей Чаповъ. Дорогой, съ Барабинской степи, они бѣжали; но вскорѣ были пойманы и препровождены въ Змѣиногорскій рудникъ, для содержанія подъ крѣпкою стражею. Одинъ изъ нихъ, по распоряженію главнаго командира Колывано-воскресенскихъ заводовъ, Ирмана, поступилъ въ 4-ю роту находившагося въ рудникѣ Колывано-воскресенскаго баталіона.

По высочайшей конфирмаціи представленныхъ въ сенатъ Чичеринымъ экстрактовъ о содержавшихся въ Тобольскѣ мятежникахъ, фурьеръ Самойло Богомоловъ, крестьяне Иванъ Никитинъ и Родіонъ Лошкаревъ, вмѣсто смертной казни, были, въ маѣ 1775 г., сосланы въ Колывано-воскресенскіе заводы въ тягчайшую горную работу на вѣчно.

Вслѣдъ за тѣмъ, по высочайшей же конфирмаціи, присланы были казанскимъ губернаторомъ кн. Мещерскимъ къ Чичерину, а имъ препровождены къ Ирману девять колодниковъ:

Города Елатьмы, купецъ Михайла Кирпишниковъ.	По Высочайшей конфирмаціи назначенъ въ отсылкѣ на Колывано-воскресенскіе заводы въ работу вѣчно, и чтобъ былъ надъ нимъ присмотръ, дабы онъ къ дерзкимъ поступкамъ, также и къ побѣгамъ, не былъ склоненъ.
Крестьяне: Григорій Филинковъ. Анисимъ Тюринъ. Иванъ Кузнецовъ. Каторжные: Мартынъ Андреевъ. Филипъ Мартыновъ. Федоръ Григорьевъ.	На Колывано-воскресенскіе заводы въ каторжную работу, вѣчно.
Татаринъ Рахманкулъ Ганкинъ.	Туда жъ въ работу, впредь до указу.

Они назывались „секретными“ и прожили до глубокой старости въ змѣиногорской тюрьмѣ, занимаясь обученіемъ грамотѣ дѣтей тамошнихъ жителей, молотьемъ на ручныхъ жерновахъ муки и крупъ. Одного изъ нихъ называли просто „Филипушкомъ“, который былъ полковникомъ у Пугачева. Всѣ были (кромѣ татарина Ганкина) старообрядцы, читавшіе постоянно священное писаніе. Въ ноябрѣ 1775 г., по высочайшему повелѣнію были присланы къ Чичерину отъ казанскаго губернатора, князя Мещерскаго, а къ нему изъ астраханской губернской канцеляріи, для отправки въ Колывано-воскресенскіе заводы, чрезъ Томскъ, лишенные священнаго сана, бывшіе саратовскіе протопопы: Алексѣй Родіоновъ, Анисимъ Герасимовъ Дубовскій и Яковъ Совинъ, о которыхъ ея императорское величество высочайше повелѣть соизволила „какъ они были въ мѣстахъ своихъ начальниками, а Родіоновъ и Герасимовъ судьями въ духовномъ Правленіи, коимъ въ бывшее возмущеніе надлежало непоколебимою вѣрностію своею показать образъ подчиненнымъ своимъ; но они сего не исполнили, и почти первыми оказались преступниками должностей своихъ, тѣмъ самымъ и подчиненныхъ привели въ такоежъ преступленіе, въ страхъ другимъ послать въ Колывано-воскресенскіе заводы на годъ въ работы, а попрошествіи причислить къ тамошнимъ жителямъ, гдѣ имѣть имъ пропитаніе работами своими“. Въ январѣ 1776 г., Чичеринъ препроводилъ къ томскому коменданту Девильеневу, еще пять человѣкъ пугачевцевъ, сосланныхъ въ Колывано-воскресенскіе заводы, при спискѣ со слѣдующими отмѣтками:

Саратовскій казакъ Иванъ Деревягинъ.	За какое преступленіе не объяснено, а посланъ въ казенную работу.
Семенъ Кузнецовъ.	Былъ въ злодѣйской толпѣ, и отъ злодѣя самозванца посланъ былъ на Воткинскій заводъ съ присяжнымъ листомъ; посланъ въ казенную работу.
Осипъ Прохоровъ и Петръ Сучковъ.	Въ отвозѣ подпоручика Машенсина въ злодѣйскую толпу, который тамъ и умерщвленъ; посланы въ работу.
Макаръ Шульгинъ.	Былъ въ злодѣйской толпѣ капраломъ, и одного священника связавъ, отдалъ убить башкирцамъ (которой и

убитъ). Въ работу на девять лѣтъ, а по прошествіи оныхъ причислить къ тамошнимъ заводскимъ жителямъ. Наконецъ, въ 1777 г. былъ присланъ Чичеринымъ содержавшійся въ казани, рекрутъ Реимъ Якуновъ, за нахожденіе въ шайкѣ Пугачева и убійство двухъ человѣкъ.

Примѣчаніе. По отобраніи отъ Демидова въ 1747 г. Колывано-воскресенскихъ заводовъ (нынѣ Алтайскіе) въ казну, главное начальство Сибирской губерніи предполагало принимать на нихъ ссылаемыхъ въ Нерчинскіе заводы каторжныхъ; но правительствующій сенатъ указомъ отъ 4 марта 1754 г. предписалъ: „всѣхъ въ Сибирской губерніи находящихся и впредь присылаемыхъ ссыльныхъ на Колывано-воскресенскіе заводы, какъ находящіеся близь Зюнгарской границы не посылать“. Кромѣ этой причины, имѣлось въ виду „сохраненіе между заводскими жителями доброй нравственности и казенной пользы“.

Впрочемъ, въ 1772 году, по высочайшему повелѣнію были, вмѣсто смертной казни, сосланы въ Колывано-воскресенскіе заводы, въ каторжныя работы, „за важныя вины“ трое преображенскихъ гренадеръ: Алексѣй Филиповъ, Михайло Ивановъ и Ѳедоръ Мокеевъ и солдатъ Петръ Мурашовъ, на два года, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить ихъ потомъ въ тамошнія роты въ солдаты; „а буде окажутся къ службѣ неспособны, опредѣлить ихъ, какъ ссылочныхъ, на вѣчное тамъ же поселеніе, откуда ихъ во всю жизнь неотлучать и не отпускать внутрь Россіи“. По наказаніи ихъ въ Петербургѣ плетьми, они были отправлены на почтовыхъ подводахъ за карауломъ сенатскихъ ротъ, двухъ курьеровъ и 10 солдатъ, но въ чемъ состояли „тяжкія вины ихъ“—неизвѣстно. Кромѣ этихъ случаевъ ссылки гренадеровъ и пугачевцевъ въ Колывано-воскресенскіе заводы, другихъ не было; хотя же въ 1863 и 1864 г. въ городахъ Барноулѣ и Бійскѣ было размѣщено значительное число польскихъ постанцевъ, аднако жъ всѣ они въ 1864 году были выведены въ другія мѣста, за предѣлы округа и, между прочимъ, въ Устькаменогорскъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ магистръ дрезденскаго университета, Моржицкій, и нѣсколько человѣкъ, получившихъ высшее оброзованіе въ русскихъ университетахъ. Причиною высылки ихъ изъ горнаго округа были начавшіеся въ концѣ лѣта 1864 г. пожары отъ поджоговъ, которые приписывались ссыльнымъ повстанцамъ; но производившіяся полицейскими властями и жандармскими офицерами дознаніе и строгое слѣдствіе не открыли истины.

Сообщено С. И. Гуляевымъ.

Изъ народной литературы XVIII вѣка.

У насъ принято мнѣніе, что реформы Петра, коснувшись высшаго класса общества, не затронули низшихъ классовъ, что послѣдніе продолжали коснѣть въ невѣжествѣ и представляли массу инертную. Не такъ было на самомъ дѣлѣ. Въ народѣ, несмотря на видимую его консервативность, совершается, хотя и очень медленно, движеніе впередъ. Движеніе это въ прошлыхъ вѣкахъ опредѣляется съ большимъ трудомъ по недостатку матеріаловъ для его изу-

ченія. Счастливѣе всего поставлено изученіе религіознаго и нравственнаго развитія народа; это изученіе много двинули впередъ труды славянофиловъ. Но для изученія соціальнаго развитія нашего народа—и мало данныхъ, и мало сдѣлано. Отблески развитія соціальныхъ идей въ народѣ отразились отчасти въ расколѣ, отчасти въ народныхъ лирическихъ пѣсняхъ и народной литературѣ. Въ послѣдней соціальныя идеи являются или подъ религіознымъ, или подъ сказочнымъ покровомъ. Конечно, идеи эти приходится собирать по крохамъ, и вотъ почему любопытны даже самыя незначительныя народно-литературныя явленія съ этой окраской. Къ числу такихъ явленій долженъ быть отнесенъ и памятникъ, здѣсь помѣщаемый. Въ народѣ появился протестъ противъ презрительныхъ отношеній, противъ гордости высшихъ классовъ. Ниже помѣщаемая, неизвѣстная доселѣ, повѣсть является результатомъ этого протеста. Взята она изъ сборника, писаннаго въ г. Суздали въ прошломъ вѣкѣ. Предъ нею помѣщена другая статья, имѣющая къ ней прямое отношеніе и представляющая передѣлку одной изъ новеллъ сборника „Gesta Romanorum" [1]). Въ ней дѣло идетъ о наказаніи царя Аггея за его гордость. Начинается этотъ разсказъ такъ: „Бысть во градѣ Филуменѣ царь Аггей славенъ зѣло. Стоящу же ему въ церкви во время божественныя литургіи и чтущу іерею святое евангеліе и дочте до того, како богати обнищаютъ, а нищіи обогатятся. Слышавъ же сія, царь съ яростію рѣче: яко сіе писано во евангеліи по нуж(д)ѣ: Азъ есмь царь и славенъ на земли и богатъ зѣло, како могу обнищати, а нищему обогатѣть противъ меня? Егда же отслужи іерей литургію и повелѣвъ попа всадите въ темницу, а листъ изъ евангелія, въ которомъ написано, повелѣ выдрать и отыде въ домъ свой и нача ясти и пити и веселитися". Далѣе разсказывается, какъ ангелъ принялъ на себя видъ царя, а настоящаго царя признали за самозванца и т. д. Другой вполнѣ народный разсказъ идетъ о господинѣ, бранившемъ своего раба неправедно, и о наказаніи его за то. „Вся брань", говорится въ другомъ мѣстѣ нашего сборника, „отдана псомъ лаятися, а православнымъ христіанамъ отнюдь не подобаетъ бранитися". Разсказъ объ этомъ настолько боекъ по живости выраженій, что мы приведемъ его вполнѣ:

Сказаніе о гордости, иже богати поручныхъ своихъ нехотяще именемъ звати, но глаголетъ: поди чортъ! дьяволъ! бѣсъ!

Бѣ мужъ житія добродѣтельнаго и званія именитаго именемъ Стефанъ, Той убо не како, егда отъ пути возвратися, рабу своему во гнѣвѣ рече: „Пришедъ чортъ, разуй мя!" И егда точію изрече, начашася сапоги сами о себѣ съ великою прыткостью и силою сниматися—и не точію голенищемъ трещати, но и костемъ Стефановымъ трескотати. Онъ же великимъ гласомъ нача вопити и на гласъ его стекошася человѣцы и яко (тако) всѣмъ извѣстися, яко его же вспомянувъ и его же призва — той же (съ) скоростію сапоги содра, но и самъ то Стефанъ уразумѣ (и) о семъ зѣло ужасеся нача звати: отыди, отыди, злы(й) слуга и послушниче: не тебе убо, но купленнаго моего раба неправедно назва! И тако отыде демонъ; сапоги же обрѣтошася въ непристойномъ мѣстѣ, идѣ же человѣцы испражняются. Отъ сего показуется, како врагъ тщаливъ

---

[1]) Нашъ разсказъ, помѣщенный на л. 29 сборника, соотвѣтствуетъ разсказу LIX „Gesta Romanorum", изд. 1555 г., и III-му „Римскихъ Дѣяній", изданныхъ Обществомъ любителей древней письменности, подъ заглавіемъ: „Прикладъ сирѣчь притча о гордомъ цесарѣ Евиннанѣ (Jovinianus) и о его ниспаденіи" (стр. 69). Другая повѣсть о гордости богатыхъ помѣщена въ томъ же сборникѣ, л. 33.

къ работѣ тѣлесниковъ вяще, симъ къ неудобству смыслъ подая, да имъ подкрадуется (подкрадется?).

Сообщено **И. Шляпкинымъ.**

Запрещеніе частныхъ маскерадовъ въ 1748 г.

Письмо спб. оберъ-полиціймейстера Татищева къ кабинетъ-секретарю Бахиреву.

„Государь мой Яковъ Исаевичъ.

„На полученное отъ васъ сего февраля 4 дня съ высочайшимъ повелѣніемъ ея императорскаго величества письмо о произвожденіи нѣмецкой комедіи Панталономъ маскарада, объявляю, какъ только чрезъ полицейскихъ офицеровъ увѣдомленось, что оной Панталонъ предъ недавнимъ временемъ производилъ маскарадъ въ домѣ князь Сергія Гагарина, которой нанимаетъ придворный камеръ-музыкантъ Басарини, тогда я приказалъ онаго Панталона сыскать и о томъ его чего ради безъ позволенія онъ то производитъ допросить, который до полученія вышеупомянутаго высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, то есть сего февраля 3 дня и допрашиванъ и показалъ, что онъ тотъ маскарадъ содержалъ якобы за незнаніемъ россійскихъ регуловъ и по надеждѣ той, что онъ имѣетъ привиллегію о комедіи и хотя онъ по разсужденію моему за то самоизвольное произведеніе маскараду и подлежитъ не малому штрафу, однакожъ я на то, чѣмъ его штрафовать, точнаго высочайшаго ея императорскаго величества указу не имѣю и для того я о томъ имѣлъ намѣреніе всеподданнѣйше доложить ея императорскому величеству когда сюда возвратиться изволитъ, того ради васъ, государя моего, прошу о вышепредписанномъ происшествіи доложить ея императорскому величеству, а чтобъ онъ Панталонъ впредь въ силу объявленнаго высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія маскарадовъ не производилъ, о томъ ему объявлено".

5-го февраля, 1748 года.

Сообщено **А. П. Коломнинымъ.**

Проектъ императрицы Екатерины II объ учрежденіи прибѣжища для вдовъ и сиротъ.

Между собственноручными записками императрицы Екатерины Великой сохранился любопытный черновой проектъ объ учрежденіи прибѣжища для бѣдныхъ дворянскихъ вдовъ и сиротъ женскаго пола.

На первой страницѣ императрица набросала программу своего проекта:

1) Установленіе управленія.
2) Число и качество людей.
3) Правила пріема и житія.
4) Доходы.
5) Упражненія.
6) Одежда.

На этой же страницѣ императрица дѣлалала вычисленія: „капитально до 200,000".

50 руб. потребуется въ годъ на каждое лицо, предполагая каждому въ годъ: 3 четверти муки, 1 пудъ соли, 3 сажени дровъ, 270 фунтовъ мяса и 220 фунтовъ рыбы.

Жалованья назначалось: десятерымъ по 30 руб., десятерымъ по 60 руб. десятерымъ по 120 р., десятерымъ по 150 р., пяти по 180 р., одной 400 р.

Затѣмъ императрица изложила подробно свои предположенія: „На семъ жалованіи опредѣлить тѣхъ, кои не имѣютъ деревень; каждой дворъ свой; не выходить за ограду безъ дозволенія; каждой дозволить имѣть и держать одну дѣвицу, лишь бы она ее кормила; начальницѣ дозволить принять пенсіонеры за деньги; никому не быть праздной. Ходить всѣмъ ежедневно къ заутрени, къ обѣдни и къ вечерни; въ прочее время работать для себя или на продажу. Не принимать никогда безъ свидѣтельства, что безпорочнаго поведенія, что дворянки, что отцы были въ службѣ, и умерли въ оной. Кто въ домъ капиталъ отдастъ вмѣсто дочери, то она право имѣетъ быть принята и пользоваться капиталомъ, а если выдетъ замужъ, то ей въ приданое пойдетъ. Дѣвицъ и вдовъ заслуженныхъ мужей или на войнѣ убитыхъ и за кѣмъ деревень нѣту принимать можно.

„Называть Прибѣжище.

„Церковь во имя всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго образа.

„Учреждается для призрѣнія, по смерть или по замужество, безъ пропитанія остающихся дворянскихъ вдовъ или сиротъ женскаго полу; тѣ же кои тутъ же жить хотятъ, а за ними или братіями ихъ болѣе 50 душъ, тѣмъ должно единожды платить капиталъ сколько захотятъ, съ котораго имъ дастся 6 процентовъ, да прокормленія.

„Вольны всѣ выдти замужъ; ходить въ русскомъ платьѣ, въ темномъ камлотовомъ одинакомъ, рукава холстинные; зимою длинная шуба съ капюшономъ. Кружева, румянъ, бѣлилъ и сурмить брови запрещается.

„Кто погрѣшитъ противу чистоты нравовъ тою вышлютъ вонъ и она теряетъ свой капиталъ и доходъ.

„Въ домахъ наблюдать великую чистоту и чтобы всѣ были опрятны около себя; не одѣтой ни одной не выходить изъ горницъ, а наипаче въ церковь не приходить неодѣтою.

„Выѣхать и жить въ другихъ мѣстахъ дозволяется, лишь бы то было съ дозволенія начальницы.

„При начальницѣ 5 степенныя кои ей служатъ совѣтомъ.

„Начальница распредѣляетъ кому какую должность дѣлать; въ церкви кому читать, кому пѣть, кому звонить, кому ворота открыть по восхожденіи солнца, кому закрыть по захожденіи.

„Изъ класса въ классъ переходятъ по старшинству: изъ 30 руб. оклада въ 60 рублевой, изъ сего въ 120 руб. изъ того въ 150 р. изъ сего въ 180 р. Сей послѣдній классъ выбираетъ изъ сего класса начальницу коей 400 р. въ годъ, а представлять ее государю на конфирмацію, но она должна быть за 40 лѣтъ.

„Кто въ мѣсто дочери внесетъ въ прибежищѣ 500 р., тоее впишутъ въ тотъ же день въ нисшій классъ, и она старшинствомъ считается отъ того дня и переходитъ изъ класса въ классъ, хотя бы она тутъ и не жила.

„Тѣ, кои меньши внесутъ, не вписываются въ классъ, но дозволяется имъ жить тутъ.

„Кто своимъ капиталомъ домъ построитъ или у кого изъ классныхъ ку-

пить, или найметъ, то въ томъ запрещенія нѣтъ, но все сіе лишь по смерть служитъ, а роднѣ до того купленнаго, нанятаго или построеннаго дома дѣла нѣтъ, ибо онъ принадлежитъ обществу Прибѣжища, кое общество его или продастъ или въ наймы паки отдаетъ, и изъ того кормитъ тѣхъ кои прибѣжище въ домѣ имѣютъ ибо сей домъ есть домъ неимущихъ, и тѣхъ коихъ родня прокормить ихъ не можетъ, слѣдовательно и наслѣдства у неимущихъ нѣтъ, а наслѣдникъ неимущества ихъ есть домъ въ которой имѣли прибѣжище; съ деревнями же и съ имуществомъ никого не принимаютъ, а только дозволяютъ за плату жить.

„Одному старому и заслуженному мужу ввѣряютъ управленіе, какъ капитала того дома, такъ и прочее сего учрежденія имущества. Онъ засѣдаетъ въ совѣтѣ съ пятью барынями пятаго класса и съ начальницею.

„Отчетъ ежегодно отошлютъ въ коллегію экономіи, а коллегія разсмотритъ всѣ ли приходы соотвѣтствуютъ установленію сего дома и, въ противномъ случаѣ даетъ примѣтить какъ лучше оныхъ употребить можно.

„Естьли въ классы, или и не въ классы, малолѣтныхъ приведутъ въ домъ, то совѣтъ ихъ старается отдать тѣмъ изъ таможивущихъ, кои съ большимъ попеченіемъ за ними ходить и ихъ воспитать въ состояніи. Каждой въ классѣ дозволяется имѣть двѣ пенсіонеры, кои имъ платятъ, за что договорятся, за содержаніе; только смотрѣть за тѣмъ, чтобъ жили чисто, добропорядочно, опрятно, тихо и непраздно. Мущинъ чтобъ отнюдь не было внутри ограды, но естьли кто изъ самыхъ ближнихъ родственниковъ, какъ-то: отцы, братья, сыновья, кого изъ тамо живущихъ видѣть хотятъ, тѣ бы прислали къ начальницѣ, и она тогда дозволитъ имъ придти въ означенныхъ къ тому гостинныхъ и тутъ увидѣться; также въ рабочемъ покои всѣхъ видѣть можно. Что же значутъ гостинныя и рабочія покои о томъ ниже значится.

„Двухъ поповъ, одинъ діаконъ, одинъ пономарь, всѣ женатые, на содержаніи дома имѣть должны, также докторъ и лекарь съ аптекою дома; на что сумма ежегодно означается особо.

„Начальница ходитъ въ темномъ камлотовомъ русскомъ платьѣ, опушеномъ ласточками бѣлымъ мѣхомъ.

„Пять степенныя такія же платья бѣлымъ пестрымъ мѣхомъ опушенныя, прочія четыре класса ходятъ въ такомъ же камлотовомъ платьѣ безъ опушки, двумъ первымъ съ полотнянымъ бѣлымъ поясомъ, а двумъ послѣднимъ съ краснымъ кумачешнымъ.

„Сіе платье дозволяется носить и пенсіонерамъ только съ тою разницею, чтобъ висящихъ рукавовъ не носили; на головѣ же носить всѣмъ полотняное бѣлое убранство, какъ образецъ данъ.

„Шелковые башмаки, чулки и всего шелковаго, окромѣ лентъ на головѣ, запрещается носить въ Прибѣжищѣ; кто же выдетъ или внѣ дома живетъ, тѣ носятъ что хотятъ".

Сообщено Г. В. **Есиповымъ**.

СМѢСЬ.

Юбилей Н. И. Пирогова. 24 мая, Москва, а съ нею и вся Россія, праздновала юбилей 50-тилѣтней дѣятельности знаменитаго русскаго хирурга Н. И. Пирогова. Въ лицѣ Николая Ивановича чествовался не только русскій знаменитый представитель науки, но и живой русскій человѣкъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Вся дѣятельность Н. И. Пирогова можетъ и, по праву, должна быть охарактеризована однимъ словомъ: она человѣчна и въ общемъ своемъ развитіи, и въ деталяхъ; мало того — сознательно человѣчна, и въ этомъ главнѣйшая заслуга юбиляра. Это — самая заслуженная и лучшая похвала, съ какой только мы можемъ отнестись къ нему. Попытку охарактеризовать дѣятельность его на пользу общественнаго образованія мы уже имѣли случай представить раньше (см. „Историческій Вѣстникъ", 1880 г., сентябрь). На этотъ разъ мы отмѣтимъ лишь самые выразительные факты изъ многолѣтней врачебной дѣятельности знаменитаго ученаго.

Николай Ивановичъ Пироговъ родился 13-го ноября 1810 г., въ Москвѣ. Онъ — сынъ чиновника, служившаго казначеемъ въ московскомъ провіантскомъ депо. 14-ти лѣтъ съ небольшимъ, онъ поступилъ въ московскій университетъ; 17-ти лѣтъ, въ 1828 году, окончилъ курсъ съ званіемъ лекаря и вступилъ въ существовавшій тогда профессорскій институтъ для подготовки къ званію профессора. Въ 1833 году, Николай Ивановичъ защищалъ блистательно диссертацію на степень доктора медицины и въ 1836 году, 25-ти лѣтъ отъ роду, получилъ приглашеніе отъ дерптскаго университета на каѳедру хирургіи. Фактъ этотъ получаетъ особенное значеніе, если мы замѣтимъ, что дерптскій университетъ имѣетъ право приглашать ученыхъ профессоровъ, пользующихся наибольшею извѣстностью, изъ Германіи; значитъ, университетъ видѣлъ уже въ Пироговѣ значительную научную силу. И молодой докторъ вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды своимъ превосходнымъ чтеніемъ лекцій и спеціальными трудами, доставившими ему почетную извѣстность за границей.

Въ 1840 году, Н. И. былъ вызванъ въ Петербургъ, для занятія въ медико-хирургической академіи каѳедры госпитальной хирургіи. Онъ положилъ начало госпитальнымъ клиникамъ, которыя, по примѣру Петербурга, стали организоваться и въ другихъ университетскихъ городахъ. Н. И. нашелъ во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, гдѣ онъ былъ въ то же время назначенъ старшимъ врачемъ, ужасные гигиеническіе порядки, убивавшіе больныхъ, достав-

лявшіе имъ массу ненужныхъ страданій, а не облегченіе и выздоровленіе. Онъ началъ свою дѣятельность именно съ реформы этой части, и то истинно-гуманное отношеніе къ больнымъ, тѣ гигіеническія удобства, какія находитъ больной теперь въ клиникахъ медико-хирургической академіи, суть несомнѣнно дѣло Н. И. Пирогова. Въ 1846 году, онъ добился учрежденія анатомическаго института и пригласилъ ученымъ прозекторомъ въ него знаменитаго теперь профессора Грубера.

Онъ первый ввелъ въ Россіи, такъ называемую, этеризацію при операціяхъ, и широко примѣнилъ ее на театрѣ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, въ 1847 году; это одна изъ важнѣйшихъ заслугъ Н. И., и заслуга не только ума, но и чувства. Уменьшить страданіе во время операціи, ослабить чувствительность нервной системы—такова цѣль этеризаціи. Было бы слишкомъ долго, да и не вразумительно, перечислять заслуги Пирогова, какъ хирурга. Скажемъ одно: сохраненіе и оздоровленіе поврежденнаго члена тѣла, облегченіе до возможнаго минимума страданій больныхъ—вотъ общая цѣль изобрѣтеній и усовершенствованій Н. И. Пирогова въ хирургіи, цѣль—далеко не соотвѣтствующая ходячему представленію о хирургѣ, какъ безсердечномъ „живорѣзѣ“, который въ больномъ видитъ, будто бы, только говядину, полосуемую во славу науки. Дѣятельность въ лазаретахъ во время крымской войны, починъ въ организаціи „Краснаго Креста“, останутся неотъемлемыми заслугами Н. И. Пирогова, лучшимъ свидѣтельствомъ его человѣчности, какъ хирурга.

Что касается юбилея Пирогова, то въ немъ чествованіе отдѣльнаго лица совпало съ чествованіемъ нравственной идеи, которой онъ служилъ вѣрой и правдой во всѣ 50 лѣтъ и во всѣхъ направленіяхъ. Вотъ главнѣйшіе изъ эпизодовъ этого юбилея.

Н. И. пріѣхалъ въ Москву по курской желѣзной дорогѣ въ особомъ, украшенномъ гирляндами и вѣнками, вагонѣ, въ 1 часъ 20 минутъ дня. На дебаркадерѣ его ожидала толпа болѣе, чѣмъ въ тысячу человѣкъ и, конечно, исключительно интеллигентная. Во главѣ ожидавшихъ былъ ректоръ университета, городской голова, профессора, депутаты медицинскихъ обществъ и т. д. Какъ только показался Н. И., его встрѣтили продолжительными рукоплесканіями и привѣтственными криками. Первое слово было сказано ректоромъ московскаго университета, профессоромъ Тихонравовымъ, а второе—городскимъ головой. Сильно тронутый Н. И. отвѣчалъ:

„Настоящая встрѣча, мм. гг., напоминаетъ мнѣ самое дорогое, отдаленное время, когда я, будучи студентомъ и по возвращеніи изъ-за границы, мечталъ служить Россіи на моей родинѣ; я стремился занять каѳедру въ Москвѣ, я ѣхалъ туда, но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“; на дорогѣ постигла меня тяжкая болѣзнь, которая заставила много мѣсяцевъ пролежать въ Ригѣ, въ больницѣ; каѳедра въ это время была занята почтеннымъ моимъ товарищемъ, впослѣдствіи извѣстнымъ московскимъ врачемъ, Иноземцевымъ. Съ этого времени я сдѣлался бездомнымъ скитальцемъ и, хотя не жилъ въ Москвѣ, но сердце всегда стремилось къ ней. Ваша встрѣча, повѣрьте, друзья, такъ тронула меня, что я не въ состояніи высказать всего, что чувствую я теперь на родинѣ, и отъ души благодарю всѣхъ за оказываемый мнѣ привѣтъ“.

Рѣчь эта вызвала новый взрывъ аплодисментовъ и крики „ура“, послѣ чего юбиляръ поѣхалъ въ отведенное ему на счетъ города помѣщеніе въ гостинницѣ „Дрезденъ“.

Торжество 24-го мая происходило въ актовой залѣ университета, куда, во избѣжаніе чрезмѣрнаго переполненія, пришлось впустить далеко не всѣхъ желавшихъ; вслѣдствіе массы депутацій и почетныхъ гостей, для молодежи осталось, къ сожалѣнію, сравнительно очень мало мѣста. Празднество началось въ часъ появленіемъ юбиляра въ сопровожденіи ректора университета, мѣстнаго генералъ-губернатора, городскаго головы и другихъ лицъ.

Когда юбиляръ занялъ мѣсто за особымъ столомъ, влѣво отъ каѳедры и лицомъ къ публикѣ, музыка заиграла гимнъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Затѣмъ, ректоръ московскаго университета произнесъ рѣчь о значеніи автономіи университетовъ, которую всегда защищалъ Н. И. Послѣ того прочитана полученная отъ Государя Императора привѣтственная телеграмма; чтеніе ея сопровождалось гимномъ „Боже Царя Храни“. Приступили къ вызыванію депутацій и

заявленію о телеграммахъ; и то, и другое, нужно отдать справедливость распорядителямъ, происходило въ замѣчательномъ порядкѣ. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ никакой возможности привести здѣсь даже и главнѣйшихъ изъ 141 адреса и телеграммъ (телеграммы частныхъ лицъ и запоздавшія не вошли еще въ это число). Мы ограничимся только перечнемъ всѣхъ обществъ и учрежденій, почтившихъ Н. И. депутаціями или телеграммами и письмами и позволимъ себѣ отмѣтить лишь тѣ адресы и рѣчи, которые вызвали въ публикѣ особенно сильное сочувствіе. Прибавимъ также, что всякое заявленіе о какихъ либо учрежденіяхъ имени юбиляра вызывало горячіе аплодисменты. Депутаціи вызывались въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Московскій университетъ (адресъ прочитанъ Н. В. Склифосовскимъ и произвелъ глубокое впечатлѣніе); 2) Петербургскій университетъ (ректоръ А. Н. Бекетовъ); 3) Медико-хирургическая академія (депутаты Е. И. Богдановскій, С. П. Коломнинъ и П.Ф. Лесгафтъ; рѣчь Е. И.Богдановскаго,въ которой онъ назвалъ себя ученикомъ ученика Н. И., и принесъ ему, такимъ образомъ, привѣтъ „отъ внуковъ и правнуковъ", была очень эффектна); 4) Медицинскій факультетъ Московскаго университетъ (деканъ Н. А. Тольскій); 5) Студенты Московскаго университета (тепло написанный адресъ прочитанъ съ особеннымъ чувствомъ); 6) Московское хирургическое общество; 7) Московская городская дума (голова и 5 гласныхъ поднесли званіе почетнаго гражданина); 8) Академія наукъ (прислала, неизвѣстно почему, не русскій, а латинскій адресъ, прочитанный за отсутствіемъ депутатовъ проф. Н. А. Тольскимъ); 9) Дерптскій университетъ (адресъ на нѣмецкомъ языкѣ и рѣчь депутата проф. Э. К. Валя по-русски); Харьковскій университетъ (проф. В. Ѳ. Грубе, И. К. Зарубинъ и П. И. Морозовъ); 11) Медицинскій факультетъ харьковскаго университета (В. Ѳ. Грубе); 12) Харьковскій ветеринарный институтъ; 13) Кіевскій университетъ (проф. В. А. Бецъ, А. К. Ринекъ и А. С. Яценко; 14) Кіевскій учебный округъ; 15) Казанскій университетъ; 16) Варшавскій университетъ; 17) Одесскій университетъ; 18) Анатомическій институтъ медико-хирургической академіи (проф. П. Ф. Лесгафтъ); 19) Клиника С. П. Боткина; 20) Медицинскій факультетъ гельсингфорскаго университета; 21) Публичная библіотека; 22) Петербургская дума (гласный Семевскій, сказавшій также блистательную рѣчь и въ качествѣ редактора „Русской Старины"; 23) Пражскій медицинскій факультетъ; 24) Эдинбургскій университетъ; 25) Парижскій медицинскій факультетъ; 26) Мюнхенскій университетъ; 27) Страсбургскій университетъ; 28) Падуанскій университетъ; 29) Германское хирургическое общество (адресъ, роскошно украшенный виньеткой во вкусѣ XVI вѣка, доставленъ д-ромъ А. Л. Эберманомъ); 30) Петровская академія (проф. Арнольдъ, Собичевскій и Темирязевъ); 31) Петербургское 1-е реальное училище; 32) Совѣтъ кишиневской гимназіи; 33) Совѣтъ кутаисской гимназіи; 34) Медицинскій совѣтъ (проф. А. Я. Красовскій, Фробенъ и Э. Э. Эйхвальдъ); 35) Глуховскій учительскій институтъ; 36) Военномедицинскій ученый комитетъ (Выводцевъ, Обермиллеръ); 37) Главное управленіе Краснаго Креста (Обермиллеръ) и поздравительная телеграмма ея высочества великой княгини Александры Іосифовны на имя д-ра Обермиллера; 38—39) Московское, гродненское и новочеркасское управленіе Краснаго Креста; 40) военнослужащіе московскаго военнаго округа (ген. Лидерсъ и 5 офицеровъ; рѣчь ветерана Лидерса, которому Н. И. ампутировалъ ногу и который явился, такимъ образомъ, живымъ свидѣтелемъ плодотворной дѣятельности юбиляра, произвела не только эффектное, но и потрясающее впечатлѣніе; 41) В.-М. инспекторъ и врачи в. м. московскаго округа; 42) тоже кіевскаго; 43—47) врачи финляндскаго, одесскаго, варшавскаго, оренбургскаго и виленскаго военнаго округовъ; 48) Московское врачебное управленіе; 49) Московскій военный госпиталь; 50—63) Московскія больницы: Павловская, Екатерининская, Галицинская, Маріинская, 1-я городская, глазная, Старо-Екатерининская, Яузская, Мясницкая, Дѣтская, Шереметевская, 2-я городская, св. Владиміра, Полицейская; 64) врачи воспитательнаге дома; 65) Родовспомогательное заведеніе московскаго воспитательнаго дома; 66) Учрежденія императрицы Маріи Ѳедоровны въ Петербургѣ; 67) Учрежденія великой княгини Елены Павловны (проф. Э. Э. Эйхвальдъ и Н. И. Тороповъ: адресъ совѣта управленія, имянной рескриптъ великой княгини Елены Михайловны, дипломъ на званіе почетнаго консультанта за подписью великой княгини, адресъ [1]) отъ

[1]) Не можемъ не обратить вниманія на основную мысль этого адреса, вызвав-

общины и дипломъ на почетнаго члена общины, тоже за подписью великой княгини; названіе 1-го хирургическаго павильона въ будущемъ клиническомъ институтѣ „Пироговскимъ"; въ депутаціи участвовала и сестра Надежина, работавшая вмѣстѣ съ Н. И. въ Севастополѣ; 68) Обуховская больница; 69) Больница принца Петра Ольденбургскаго; 70) Одесская городская больница (д-ръ Строгановъ поднесъ сборникъ работъ врачей больницы, спеціально изданный въ честь юбиляра съ прекрасными рисунками и нѣсколькими, очень дѣльными, статьями): 71) Московское человѣколюбивое общество; 72) Московское медицинское филантропическое общество; 73) врачи рижскаго военнаго округа; 74) Тираспольскій военный госпиталь; 75) врачи бендерскаго госпиталя; 76) Ярославская лѣчебница; 77) Лѣчебница въ Николаевѣ; 78) Совѣтъ училища лѣкарскихъ помощницъ въ Петербургѣ; 79 и 80) Петербургскія общества вспомоществованія студентамъ московскимъ и кіевскимъ; 81 и 82 Петербургскаго и одесскаго общества распространенія просвѣщенія между евреями [2]); 83) Одесская талмудъ-тора; 84) отъ евреевъ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 85) отъ закавказскаго муфтія; 86—95) отъ журналовъ и газетъ: „Русской Мысли", „Юридическаго Вѣстника", „Голоса", „Порядка", „Новаго Времени", „Земства", „Русскихъ Вѣдомостей", „Московскаго Телеграфа", „Русскаго Курьера" и „Будильника"; 96) Врачебная пресса (телеграммы „Здоровья", „Врача", — были ли телеграммы отъ другихъ изданій, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ); 97—100) Депутація еврейской печати („Восходъ", „Гамелицъ", „Разсвѣтъ" и „Русскій Еврей)"; 101—127) врачебныя общества физико-медицинское, русскихъ врачей въ Москвѣ, московское мединское, русскихъ врачей въ Петербургѣ (проф. К. Ѳ. Славянскій), петербургскихъ практическихъ врачей, нѣмецкихъ врачей въ Петербургѣ, кавказское медицинское, виленское медицинское, одесское бальнеологическое, тобольское физико-медицинское, врачей новгородской губерніи, тульскихъ, кіевскихъ, минскихъ, подольскихъ, гродненскихъ, симбирскихъ, вятскихъ, екатеринославскихъ, кишиневскихъ, керченскихъ, донскихъ, оренбургскихъ, самарскихъ, рижскихъ; 128) Московское фармацевтическое общество; 129) Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (проф. Щуровскій); 130) Общество исторіи и древностей россійскихъ; 131) Общество любителей россійской словесности; 132) Юридическое общество; 133) Московское математическое общество; 134) Учебный отдѣлъ московскаго общества техническихъ знаній; 135) Комитетъ для устройства музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ; 136) Морскіе врачи Петербурга; 137) Общество морскихъ врачей въ Кронштадтѣ; 138) Общество черноморскихъ врачей; 139) Военные врачи Николаева; 140) Общество гатчинскихъ врачей; 141) Врачи Чернигова; 142) Общество желѣзнодорожныхъ врачей.

Во время представленія депутацій, получено было извѣщеніе, что разрѣшено образовать изъ собранныхъ къ юбилею 12,000 р. неприкосновенный капиталъ Н. И. Пирогова съ тѣмъ, чтобы на % съ этого капитала и съ тѣхъ суммъ, которыя будутъ собраны съ этою цѣлью еще въ теченіи 2-хъ лѣтъ, черезъ каждые 2 года посылались заграницу для усовершенствованія молодые

шаго громкое одобреніе присутствовавшихъ, а именно: въ адресѣ указанъ тотъ эпизодъ въ жизни Н. И., который, сравнительно, слишкомъ мало извѣстенъ и недостаточно оцѣненъ: дѣло въ томъ, что мы привыкли смотрѣть на общество Краснаго Креста, какъ на нѣчто иностранное, пришедшее къ намъ извнѣ, тогда какъ, въ сущности, частная помощь войскамъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, женскій уходъ за ранеными, разсѣеваніе больныхъ и раненыхъ, привлеченіе врачей-волонтеровъ, формированіе складовъ, — словомъ, всѣ отрасли дѣятельности, представляемыя нынѣ Краснымъ Крестомъ, были впервые задуманы въ Россіи и организованы Н. И. во время крымской войны. Одна только идея международной помощи, присущая Красному Кресту, родилась внѣ Россіи, но, какъ бы велика и плодотворна ни была эта идея, не слѣдуетъ забывать уроки исторіи,—что Россіи всегда приходится разсчитывать исключительно на собственныя силы.

[2]) Отъ одесскаго общества говорилъ старшій московскій раввинъ г. Миноръ, который, воспользовавшись тою мыслію, что Н. И. всегда защищалъ равноправіе національностей, доказывалъ, что единственное справедливое и разумное рѣшеніе еврейскаго вопроса,—это признать евреевъ равноправными во всемъ съ остальными русскими гражданами.

хирурги, въ выборѣ которыхъ будутъ чередоваться всѣ медицинскіе факультеты Россіи.

Не смотря на утомленіе отъ пріема депутацій, продолжавшагося почти 5 часовъ, маститый юбиляръ, глубоко тронутый и вмѣстѣ съ тѣмъ воодушевленный всѣми выпавшими на его долю оваціями, сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Мм. гг.! Считаю долгомъ заявить, прежде всего, что я, какъ вѣрноподданный, съ благоговѣніемъ принялъ привѣтственную телеграмму Государя Императора. Принимаю ее за самую высшую награду и сохраню ее навсегда, какъ драгоцѣнное воспоминаніе о Высочайшемъ вниманіи къ моей долголѣтней дѣятельности.

Высокой нравственной наградой считаю я для себя и званіе почетнаго гражданина, которымъ удостоила меня моя родина. Дѣйствительно, можетъ ли быть что нравственно выше того, когда родина даетъ это званіе одному изъ своихъ сыновъ и при томъ не за блестящіе подвиги на бранномъ полѣ, не за матеріяльныя выгоды, ей доставленныя, а за трудовую дѣятельность на поприщѣ просвѣщенія, науки и гражданственности. Представители города Москвы, удостоивъ меня званія почетнаго гражданина, какъ будто осуществили завѣтную мечту моей юности, когда я готовился посвятить всю мою дѣятельность исключительно Москвѣ,—мѣсту моего рожденія и воспитанія.

Вамъ угодно было, мм. гг., чтобы я праздновалъ этотъ торжественный день моей жизни среди васъ, здѣсь, гдѣ я впервые „вкусилъ сладость бытія". И мѣсто, и причина этого праздника возбуждаютъ во мнѣ цѣлый рядъ воспоминаній о далекомъ прошломъ; и потому не посѣтуйте, если я не придумалъ ничего лучшаго въ отвѣтъ на ваши дружескіе привѣты и пожеланія, какъ сравнительный очеркъ настоящаго съ прошлымъ, пережитымъ мною на разныхъ поприщахъ моей подвижной жизни. Но не подумайте, что я, по обычаю старыхъ людей, намѣреваюсь восхвалять передъ вами прошлое и отдавать ему преимущество передъ настоящимъ.

Нѣтъ, напротивъ, складъ моего ума не позволяетъ мнѣ смотрѣть на предметы и событія съ односторонней и личной точки зрѣнія, а относясь болѣе объективно къ прошлому и къ настоящему, я не могу не отдать предпочтеніе послѣднему.

Беру для сравненія главное—правду, не ту, для насъ недоступную правду, на вопросъ о которой и Понтійскій Пилатъ не былъ удостоенъ отвѣта, а правду нашу, земную, человѣческую, постигаемую умомъ и чувствами. Начну съ правды научной. Когда я вспоминаю, что въ стѣнахъ этого знаменитаго вмѣстилища наукъ, 53 года тому назадъ, я, 15-лѣтній подростокъ, также, какъ и другіе, зрѣлые и незрѣлые юноши, уже понималъ, что во многихъ аудиторіяхъ излагается намъ что-то не научное, а занимательное для насъ своимъ комизмомъ,—когда, говорю я, вспомню все это, то не могу не утверждать, что наука того времени и преподаваніе ея не могутъ выдержать никакого сравненія съ настоящими. Въ особенности же низокъ былъ уровень демонстративнаго преподаванія. Такъ, едва повѣрятъ мнѣ теперь, что я выдержалъ экзаменъ на степень лѣкаря, не видавъ ни одной операціи, сдѣланной на трупѣ, и не сдѣлавъ ни одной самъ. Впрочемъ, это было въ то время, когда и на западѣ Европы еще, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ университетахъ, учили дѣлать кровопусканіе на кускахъ мыла и ампутаціи на брюквѣ. Изъ всѣхъ частей врачебной науки еще одна анатомія пользовалась болѣе другихъ демонстративными пособіями, но не забудемъ, что это было время, когда хоронили анатомическіе музеи и задавались серьезно вопросомъ о возможности преподавать анатомію не на трупахъ, а на рисункахъ и манекенахъ. Современная молодежь иногда, я слышу, жалуется на недостатокъ демонстративныхъ пособій при изученіи медицины, но что сказала бы она во время моего ученія, когда мы не имѣли не только средствъ, которыми она теперь располагаетъ, но и самаго понятія о нихъ. Перейду теперь къ другой важной отрасли врачебной науки, занимавшей меня въ теченіи многихъ лѣтъ,—это госпитальное и военно-врачебное дѣло. Первый большой госпиталь, въ которомъ я началъ мою военно-врачебную дѣятельность, былъ 2-й сухопутный и представлялъ собою ничто иное, какъ огромное вмѣстилище госпитальныхъ міазмъ, пагубныхъ и для больныхъ, и для здоровыхъ организмовъ. Далѣе, во время моей первой кавказской экспедиціи я, обозрѣвъ почти всѣ госпитали Кавказа, не нашелъ буквально ни одного раненаго, которому оказано бы было какое-

нибудь серьезное хирургическое пособіе, а, напротивъ, встрѣчалъ очень многихъ съ застарѣлыми поврежденіями, находившихся по нѣскольку лѣтъ въ госпиталяхъ безъ всякой помощи. О достопамятной крымской войнѣ еще многое извѣстно современникамъ, и многіе изъ нихъ, вѣрно, помнятъ, въ какомъ жалкомъ состояніи находились военно-врачебная администрація, и полевая хирургія при осадѣ Севастополя. Правда, во время послѣдней восточной войны 1877 г. снова обнаружились и промахи, и недостатки, и злоупотребленія, но не надо забывать, что крымская война была только оборонительная, и велась не внѣ отечества. Но что всего болѣе отличаетъ обѣ войны, это научная дѣятельность врачебнаго персонала и частная помощь. Извѣстно, что всѣ профессора хирургіи русскихъ университетовъ съ ихъ ассистентами уже принимали участіе въ послѣдней войнѣ, и про ихъ дѣятельность можно, по истинѣ, сказать, что они превзошли самихъ себя. Что же касается до частной помощи, то могъ ли я 25 лѣтъ тому назадъ вообразить, что небольшая община, предоставленная мнѣ въ Бозѣ почившей великой княгиней Еленой Павловной для руководства въ госпиталяхъ, будетъ представлять зерно громаднаго учрежденія Краснаго Креста, располагавшаго огромными средствами въ послѣдней восточной войнѣ и служившаго важнымъ подспорьемъ военно-полевой администраціи.

И такъ, мм. гг., что касается до правды научной, то настоящее время неизмѣримо ближе къ ней. Обращусь къ правдѣ нравственной.

Воспитаніе молодежи, въ наше прошлое время, не руководилось основными нравственными началами. Насъ, т. е. молодежь тогдашняго времени, не учили останавливаться съ благоговѣйнымъ почтеніемъ передъ однимъ опредѣленнымъ общечеловѣческимъ, нравственнымъ идеаломъ и не учили уважать человѣческое достоинство. Правда, насъ учили уваженію, но не тому глубокому и внутреннему, которое я здѣсь разумѣю, а болѣе внѣшнему,—учили бояться; но это былъ не тотъ страхъ, о которомъ говорится въ священномъ писаніи, что онъ есть начало премудрости, а страхъ чисто внѣшній; и все это было въ то время, когда въ болѣе культурномъ западномъ обществѣ еще господствовало идеальное направленіе воспитанія. Впослѣдствіи, когда мнѣ были поручены два учебные округа, я совѣстливо и съ увлеченіемъ старался пополнить эти важные пробѣлы въ нашемъ воспитаніи, но неблагопріятныя обстоятельства, краткость времени и уже перемѣнившееся направленіе на Западѣ препятствовали осуществленію моихъ цѣлей. Сторонники прошлаго и пессимисты отдаютъ ему предпочтеніе передъ настоящимъ, потому что потрясающія событія съ пагубными ихъ слѣдствіями преимущественно разразились въ нашемъ современномъ обществѣ, но и упускаютъ изъ виду, что корни современнаго зла лежатъ глубоко въ нашемъ прошломъ. И это, впрочемъ, не даетъ намъ еще права отчаяваться. Въ жизни великихъ націй и великихъ государствъ также, какъ и въ жизни вселенной, бываютъ циклопы и ураганы, но ни тамъ, ни здѣсь, они не могутъ измѣнить предвѣчныхъ законовъ жизни. Шекспиръ, въ одномъ изъ высочайшихъ произведеній своего генія—„Бури", изобразилъ намъ наглядно въ образахъ Калибона и Проспера грубую стихійную силу, гнѣздящуюся въ человѣческой натурѣ и подвластную только наукѣ и генію, но всегда готовую возмутиться, какъ скоро она выходитъ изъ-подъ вліянія этой власти. Мораль этого произведенія Шекспира можетъ быть выражена на нашемъ научномъ медицинскомъ языкѣ изреченіемъ Гиппократа: „contraria contrariis sunt remedia"; и всѣ опытные врачи, вѣрно, согласятся со мною, что недуги, нравственные и тѣлесные, пользуются успѣшнѣе по принципу Гиппократа, чѣмъ по новому гомеопатическому правилу „similia similibus curantur".

И вотъ, мм. гг.! Вы видите передъ собою человѣка прошлаго времени, стоящаго въ дверяхъ вѣчности, который смѣло васъ одушевляетъ надеждою и провозглашаетъ благоденствіе будущему въ твердомъ упованіи, что Россія, предводимая своимъ Державнымъ Вождемъ, пойдетъ по тому великому пути, который открытъ для нея безсмертными дѣлами Царя Освободителя".

Отчетъ Публичной библіотеки.—Изъ недавно изданнаго отчета Публичной библіотеки за 1879 годъ видно, что въ отчетномъ году средства библіотеки составляли 82,206 р. 99 к., которые почти всѣ израсходованы, главнымъ образомъ, на пріобрѣтеніе рукописей и на доставку ихъ. Въ одной изъ залъ библіотеки помѣщена новая картина на фарфорѣ, изображающая портретъ, въ

овальной формѣ, императора Александра I-го, принимаемаго въ небѣ Петромъ Великимъ и Екатериною II-ю и привѣтствуемаго на землѣ аллегорическими фигурами. Надъ портретомъ двустишіе на французскомъ языкѣ. Эта картина, сочиненная по поводу восшествія на престолъ Александра I-го Фердинандомъ Мейсомъ, награвирована въ Парижѣ и посвящена императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Картина воспроизведена неизвѣстнымъ французскимъ художникомъ на фарфоровой доскѣ, которая куплена въ Парижѣ, на аукціонѣ, графомъ Ржевускимъ и принесена въ даръ библіотекѣ. Портретная галерея библіотеки обогатилась портретами двухъ русскихъ дѣятелей: 1) Ѳеофилакта (Ѳ. Г. Русанова), перваго экзарха Грузіи (портретъ принесенъ въ даръ внукою экзарха, Е. Г. Покровскою), и 2) Григорія Савича Сковороды, извѣстнаго выразителя украинской умственной жизни XVIII-го вѣка и называемаго современниками „степнымъ Ломоносовымъ". Въ витринѣ, гдѣ выставлены собственноручныя произведенія нашихъ писателей, помѣщена принесенная въ даръ К. А. Беккеромъ палка съ сердоликовымъ набалдашникомъ, принадлежавшая А. С. Пушкину и имъ подаренная своему врачу И. Т. Спасскому. Въ кабинетѣ директора библіотеки помѣщенъ списокъ съ египетскихъ древностей, подаренный библіотекѣ камергеромъ двора его святѣйшества папы, графомъ Малижé.

Изъ цѣнныхъ колекцій, въ 1879 году, пріобрѣтено 63, независимо отъ трехъ десятковъ книгъ, замѣчательныхъ по рѣдкости и важности содержанія. Пріобрѣтено также немало цѣнныхъ гравюръ и рукописей; между прочимъ, письма Гоголя къ О. А. Моллеру, 1841 года; письма Вѣлинскаго къ В. П. Боткину и „Горе отъ ума", на заглавномъ листѣ котораго собственноручная надпись автора: „Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ Грибоѣдовъ. 5-го іюня 1828 г.". Всего въ 1879 году въ библіотеку поступило: 1) печатныхъ книгъ и брошюръ 20,809 сочиненій въ 24,945 томахъ; 2) рукописей и автографовъ 130; 3) картъ, фотографій и эстамповъ 2,826 экземпляровъ. Билетовъ для занятій въ библіотекѣ было выдано 11,459 (немногимъ болѣе предшествовавшаго года). Читателей было въ общей залѣ 104,922, которые вытребовали 245,872 тома книгъ и 47,005 нумеровъ повременныхъ изданій. Посѣтителей, обозрѣвавшихъ библіотеку въ 1879 году, было 4,147.

Владѣльческая продѣлка въ XVIII вѣкѣ.—Заимствуемъ изъ „Пермскихъ губернскихъ вѣдомостей" слѣдующій, сообщенный туда г. Иваномъ Вологдинымъ, разсказъ о чудачествахъ второй половины минувшаго столѣтія:

Никита Акинф. Демидовъ, одинъ изъ богатѣйшихъ уральскихъ заводчиковъ, нуждаясь въ рабочемъ народѣ, охотно принималъ на свои заводы бродягъ всякаго рода. Объ этомъ злоупотребленіи узналъ горный начальникъ Татищевъ и донесъ въ Петербургъ (гдѣ, надобно сказать, проживалъ самъ заводовладѣлецъ). Высшія власти взглянули на доносъ очень серьезно. Сенатору князю Вяземскому высочайше повелѣно было отправиться на Уралъ и произвести строгое слѣдствіе въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, по указанію горнаго начальника, служили пристанищемъ для безпаспортнаго люда. Такимъ образомъ, началось дѣло, грозившее Демидову весьма дурною развязкой.

Теперь послушаемъ преданіе о томъ, какъ поступилъ заводчикъ, чтобъ выпутаться изъ бѣды, или вѣрнѣе, какъ прикрылъ онъ одинъ неблаговидный поступокъ другимъ, несравненно худшимъ перваго.

Пока въ Петербургѣ разсматривали донесеніе, пока назначали слѣдователя, пока тотъ собирался въ путь, протекло немало времени, можетъ быть, и годъ, а Демидовъ успѣлъ между тѣмъ принять слѣдующія мѣры къ сокрытію слѣдовъ своей продѣлки. Узнавъ, что большинство бродягъ—бѣглые крѣпостные изъ подмосковья, богачъ заводчикъ наскоро посылаетъ туда агентовъ и, съ помощію ихъ, скупаетъ у извѣстныхъ помѣщиковъ всю массу людей, которыхъ они считаютъ пропавшими безъ вѣсти. Относительно лицъ, не открывшихъ своего происхожденія, Демидовъ велѣлъ Невьянскому управителю держать разрядъ бѣглыхъ въ кучкѣ и, какъ только прибудетъ слѣдователь, запрятать въ подземелье, но такъ, чтобъ никто посторонній не могъ указать то мѣсто и, если обстоятельства потребуютъ, оставить тамъ на вѣки вѣчные.

Для помѣщенія князя Вяземскаго въ Невьянскѣ былъ наскоро выстроенъ домъ, великолѣпно отдѣланный внутри и снаружи и снабженный мебелью изъ самыхъ рѣдкихъ заграничныхъ деревъ. Жители, дивясь роскоши зданія, прозвали его „красными хоромами".

Когда прибылъ Вяземскій и приступилъ къ повѣркѣ народа, ему представлены ревизскія сказки, а затѣмъ и крѣпостные акты, совершенные заднимъ числомъ на вновь пріобрѣтенныхъ людей. Что же касается дезертировъ,—на вопросъ данъ отвѣтъ, что такихъ никогда не было и нѣтъ по заводскому имѣнію. Успѣлъ или не успѣлъ Вяземскій обличить Демидова въ укрывательствѣ бродягъ, старики-старожилы ничего положительно не сказываютъ; по словамъ ихъ, тревога кончилась пустяками и только спрятанные въ подземельѣ не выходили уже на бѣлый свѣтъ.

Вѣроятно, князь, хотя чѣмъ нибудь, не угодилъ Демидову, иначе послѣдній не выкинулъ бы такого фарса: когда Вяземскій и заводчикъ свидѣлись въ Петербургѣ и первый, между прочимъ, похвалилъ невьянскую квартиру, Демидовъ выслушалъ это одобреніе молча, но, вернувшись домой, написалъ своему управителю предать огню „красныя хоромы" со всѣмъ, что въ нихъ было. Приказъ исполненъ: зданіе немедленно сломано и бревна употреблены на обжогъ руды; мебель и уборы достались управителю, но показаны владѣльцу истребленными.

† **Некрологъ Литтре.** 2-го іюня умеръ, въ Парижѣ, знаменитый французскій публицистъ и филологъ, Максимильенъ-Поль-Эмиль Литтрè, состоявшій членомъ двухъ академій французскаго института (академіи надписей и такъ-называемой „французской академіи") и пожизненнымъ сенаторомъ. Онъ родился въ Парижѣ, 1-го февраля 1801 года, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе. Занявшись изученіемъ медицины, Литтре успѣшно выдержалъ конкурсный экзаменъ на зачисленіе въ госпитальные ординаторы, но вскорѣ, однако, отказался отъ медицинской практики и даже отъ докторскаго диплома и предался изученію филологіи и исторіи медицины, ознакомившись предварительно съ греческимъ языкомъ, арабскимъ, санскритскимъ, равно какъ и остальными древними и новыми языками. Принимая весьма дѣятельное участіе въ различныхъ журналахъ и литературныхъ сборникахъ, Литтре издалъ въ десяти томахъ французскій переводъ сочиненій Гиппократа (1839 — 1861), который тотчасъ же открылъ ему доступъ въ „академію надписей". Литтре, исповѣдывавшій демократическія убѣжденія и отличившійся въ числѣ бойцовъ іюльской революціи, участвовалъ впослѣдствіи въ газетѣ „National", однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ которой онъ оставался вплоть до 1851 года. Строго научный и систематическій характеръ позитивной философіи Огюста Конта нашелъ въ лицѣ Литтре одного изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ, и въ 1845 году, Литтре издалъ „Analyse raisonnèe du cours de philosophie positive", представляющій ясное и искусное изложеніе контовской доктрины. Встрѣтивъ съ восторгомъ февральскую революцію, какъ осуществленіе своихъ политическихъ убѣжденій, онъ, однако, вскорѣ разочаровался въ ней и, въ октябрѣ 1848 года, удалился отъ дѣятельной политики, отказавшись даже отъ обязанностей члена парижскаго городскаго совѣта. Въ 1876 году, онъ точно такъ же отказался отъ предложеннаго ему ордена почетнаго легіона. Обратившись послѣ 1848 года вновь къ научнымъ занятіямъ, Литтре вторично принялся за свои медицинскія изслѣдованія, не покидая, впрочемъ, и исторіи французскаго языка. Въ 1847 году, онъ помѣстилъ въ „Revue des Deux Mondes" статью „La Poésie homérique et l'ancienne poésie française", въ которой онъ сдѣлалъ попытку перевести на языкъ трубадуровъ первую пѣснь „Иліады". Въ 1844 году, Литтре былъ выбранъ академіей надписей въ члены комиссіи для окончанія „Histoire litteraire de la France" и былъ однимъ изъ составителей XXI-го, XXII-го и XXX-го томовъ этого громаднаго сборника. Самый капитальный трудъ Литтре — „Dictionnaire de la langue française", въ которомъ, сверхъ обычныхъ свѣдѣній французскихъ словарей, содержатся примѣры употребленія словъ въ различныхъ смыслахъ съ точнымъ указаніемъ источниковъ. Трудъ этотъ началъ Литтре въ 1844 году; первый томъ его вышелъ въ 1863 году, а послѣдній — въ 1872 году. Это прекрасное сочиненіе не удержало, однако, въ 1863 году, французской академіи отъ забаллотированія его автора, воззрѣнія котораго епископъ Дюпанлу публично объявилъ безнравственными и безбожными. Въ началѣ 1870 года, Литтре напечаталъ въ основанномъ имъ, въ 1867 году, вмѣстѣ съ г. Вырубовымъ, журналѣ „Philosophie positive" замѣчательную статью „Des origines organiques de la morale". Во время осады Парижа, Литтре, по настояніямъ своихъ друзей, переѣхалъ въ провинцію, гдѣ Гамбетта назначилъ его профессоромъ исторіи и географіи при политехниче-

своей школѣ. 30-го декабря 1871 года, Литтре былъ, наконецъ, выбранъ въ члены французской академіи, несмотря на рѣзкую оппозицію епископа Дюпанлу. По окончаніи франко-прусской войны, Литтре былъ выбранъ въ члены національнаго собранія, гдѣ всегда подавалъ голосъ вмѣстѣ съ республиканскимъ меньшинствомъ. Въ 1875 году, Литтре былъ выбранъ въ пожизненные сенаторы. Сверхъ названныхъ выше сочиненій, Литтре написалъ еще: „Histoire de la langue française" (1862 года); „Médecine et médecins" (1871 года); „La science au point de vue philosophique" (1873 года); „Fragments de physiologie positive et de sociologie contemporaine" (1876 года); „Applications de la philosophie positive au gouvernement des sociétés" (1849 года); „Conservation, révolution et positivisme" (1852 года); „Auguste Comte et la philosophie positive" (1863 года). Наконецъ, Литтре перевелъ на французскій языкъ знаменитое сочиненіе Штрауса „Das Leben Jesu" и издалъ полное собраніе сочиненій Армана Карреля.

† **Шлейденъ.** Въ Франкфуртѣ на Майнѣ скончался на дняхъ на 78 году отъ рожденія извѣстный нѣмецкій ученый и писатель, Яковъ Шлейденъ. Шлейденъ родился 5-го апрѣля 1804 года, въ Гамбургѣ. По окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, онъ отправился въ Гейдельбергъ, гдѣ успѣшно окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ. Но юридическая карьера не отвѣчала его вкусамъ и идеаламъ, и въ то время, когда молодые люди, обыкновенно, вступаютъ на жизненный путь, Шлейденъ поступилъ опять студентомъ сначала въ геттингентскій, потомъ въ берлинскій университетъ. Въ первомъ онъ изучалъ медицину, въ послѣднемъ—естественныя науки, при чемъ особенно пристрастился къ ботаникѣ. Въ то время эта отрасль естествознанія находилась въ полнѣйшемъ застоѣ; господствовала устарѣлая система Линнея, малѣйшее отступленіе отъ которой считалось чуть ли не кощунствомъ. Шлейденъ, которому скоро по выходѣ изъ берлинскаго университета досталась каѳедра профессора ботаники въ іенскомъ университетѣ, энергично выступилъ противъ господствовавшей теоріи и въ обнародованномъ имъ, въ 1840 году, „Lehrbuch der gesammten Botanik" (Учебникъ общей ботаники) намѣтилъ ботанической наукѣ новые пути, которымъ она не мало обязана своимъ развитіемъ и нынѣшнимъ процвѣтаніемъ. Большую часть своей профессорской дѣятельности Шлейденъ посвятилъ іенскому университету. Въ 1862 году онъ переселился въ Дрезденъ и на слѣдующій годъ занялъ каѳедру профессора растительной химіи и антропологіи въ дерптскомъ университетѣ. Въ Дерптѣ Шлейденъ провелъ всего одинъ годъ, который былъ также послѣднимъ годомъ его профессорской дѣятельности. Онъ удалился въ Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ проживалъ до самой своей смерти, исключительно занимаясь научными трудами. Въ этотъ періодъ своей жизни, Шлейденъ написалъ большую часть своихъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью популяризацію его любимой науки и доставившихъ ему извѣстность не въ одномъ только ученомъ мірѣ. Изъ этихъ сочиненій наибольшій успѣхъ имѣли: „Die Pflanze und ihr Leben" (Растеніе и его жизнь), которое, по строго-научному содержанію и по прекрасному, вполнѣ доступному пониманію простыхъ смертныхъ изложенію, справедливо сравниваютъ съ „Письмами о химіи" знаменитаго Либиха; затѣмъ „Das Meer" (Море) и „Die Rose" (Роза). Въ часы досуга Шлейденъ былъ также поэтомъ; отъ него остался сборникъ стихотвореній, исполненныхъ возвышенныхъ чувствъ и любви къ истинѣ и свободѣ. На закатѣ дней Шлейденъ вздумалъ принять участіе въ полемикѣ, возгорѣвшейся въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ по еврейскому вопросу: онъ сталъ на сторону евреевъ и въ двухъ сочиненіяхъ: „Die Bedeutung der Juden für die Erhaltung und Wiederbelebung der Wissenschaften in Mittelalter" (Значеніе евреевъ по отношенію къ сохраненію и возрожденію наукъ въ средніе вѣка) и „Romantik des Martyriums bei den Juden, im Mittelalter" (Романтика мученичества у евреевъ въ средніе вѣка) заявилъ себя рьянымъ защитникомъ евреевъ.

Ноева могила. Вѣроятно, очень не многіе слышали, что вблизи Нахичевани находится могила Ноя, надъ которой сооружено изъ камня нѣчто въ родѣ бесѣдки. Изъ армянскихъ историковъ съ особенной настойчивостью говоритъ объ этой могилѣ, какъ о могилѣ Ноя, Нерсесъ Шнорали. Другіе же, опровергая его, утверждаютъ, что это — могила не Ноя, а какого-то Ноинъ-Хана. Какъ бы то ни было, а здѣшніе армяне глубоко вѣрятъ, что Ной дѣйствительно похороненъ около Нахичевани, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, и самое

названіе этого города, означающее въ переводѣ на русскій языкъ — „первое убѣжище", служитъ тому доказательствомъ. На могилѣ Ноя нѣсколько разъ въ году собираются богомольцы. Могила эта находится почти рядомъ съ развалинами старинной крѣпости, въ которой и теперь расположенъ чрезвычайно многочисленный и грозный гарнизонъ, состоящій изъ черныхъ скорпіоновъ, фалангъ и ядовитыхъ змѣй.

Андрей Николаевичъ Поповъ.

(Некрологъ).

Московскому „Обществу исторіи и древностей" послѣ недавней кончины О. М. Бодянскаго, снова пришлось потерять замѣчательнаго сочлена, Андрея Николаевича Попова. Симпатичная личность покойнаго, его многочисленныя изслѣдованія въ области старинной русской письменности, наконецъ, образцовое изданіе „Чтеній", — все это невольно заставляетъ обрисовать, хотя въ узкой рамкѣ, неутомимую дѣятельность почившаго „трудолюбца".

А. Н. воспитывался въ московскомъ университетѣ и вышелъ оттуда вторымъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета, въ 1863 году. Вскорѣ по окончаніи курса, онъ занялъ мѣсто преподавателя русской словесности въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института и въ свободные часы отъ уроковъ началъ приготовлять обширный отвѣтъ на тему, давно предложенную академіей наукъ. Богатымъ плодомъ такихъ занятій явился „Обзоръ хронографовъ русской редакціи" (М. 1866 и 1869 гг., два выпуска) вмѣстѣ съ „Изборникомъ славян. русскихъ сочиненій и статей" (М. 1869 г.). Этотъ обширный трудъ, удостоенный полной Уваровской преміи, по оцѣнкѣ академика Срезневскаго [1]), представлялъ „капитальное пріобрѣтеніе для нашей ученой литературы: въ немъ, на основаніи многочисленныхъ рукописей разныхъ архивовъ и—между прочимъ—прекрасной библіотеки самого изслѣдователя, систематически были разсмотрѣны хронографы русскаго происхожденія, твердо отмѣчены три редакціи такихъ историческихъ компиляцій и сверхъ того обозрѣны такъ называемые „хронографы особаго состава". Въ промежутокъ времени отъ перваго до втораго выпуска, авторъ „Обзора" нашелъ досугъ составить „Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы" (М. 1867 г.), которое выдержало потомъ нѣсколько изданій (М. 1868, 1870, 1874 и 1878 гг.) и теперь, при изобиліи разныхъ „руководствъ", считается лучшей школьной книгой при изученіи русской словесности: на страницахъ этой книги видны сжатыя, но отчетливыя біографіи избранныхъ писателей, образцовые отрывки изъ ихъ произведеній, а главное—„руководящія замѣтки и примѣчанія", прикрѣпленныя то къ трудному мѣсту, то къ темному слову... Такъ, двумя солидными трудами покойный отмѣтилъ первые шаги своей учено-педагогической карьеры!.. Съ начала же семидесятыхъ годовъ, А. Н., къ занятіямъ въ Лазаревскомъ институтѣ прибавилъ не легкія обязанности хранителя рукописей въ извѣстной Хлудовской библіотекѣ. Эта библіотека, частію составленная изъ цѣнныхъ коллекцій А. И. Лобкова и А. Ѳ. Гильфердинга, частію собранная самимъ владѣльцемъ чрезъ частыя покупки, давно слыла богатою сокровищницей рѣдкихъ и любопытныхъ памятниковъ старины: въ ея шкафахъ помѣщалось болѣе полсотни рукописей, помѣченныхъ годами XII, XIII и XIV вѣковъ, большое число разныхъ списковъ съ древне-русскихъ произведеній и болѣе сотни полемическихъ сочиненій, то въ защиту, то въ опроверженіе русскаго раскола. Но, при такомъ обиліи рукописей, „Хлудовское собраніе" не имѣло подробнаго ученаго каталога. А. Н., какъ истый хранитель завѣтной старины, съ обычнымъ рвеніемъ принялся за работу и скоро выдалъ въ свѣтъ „Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова" (М. 1872 г. Первое прибавленіе, М. 1875 г.). Названный трудъ, по тщательной манерѣ описанія, по богатству библіографическихъ справокъ или указаній и многимъ выпискамъ изъ любопытныхъ памятниковъ, явился полнымъ „ровесникомъ" знаменитыхъ „Опи-

---

[1]) См. „Отчетъ о тринадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова". Спб., 1872 г., стр. 72—76.

саній рукописей" Румянцевскаго музея и синодальной библіотеки [1]). Высокое значеніе этого „Описанія" скоро сознали академія наукъ и московскій университетъ: первая сопричислила Попова къ кружку своихъ членовъ-корреспондентовъ (1872 г.), а второй поднесъ ему почетный дипломъ на степень доктора русской словесности (1873 г.). А. Н. и дальнѣйшими трудами оправдалъ выборъ двухъ высшихъ русскихъ учрежденій: съ одной стороны, ему удалось открыть одно изъ сочиненій извѣстнаго крестьянина Посошкова и превосходно издать свою находку, подъ такимъ заглавіемъ: „Завѣщаніе отеческое къ сыну" (М. 1873 г.), а съ другой — напечатать новое обширное изслѣдованіе — „Историко-литературный обзоръ древнихъ русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ" (М. 1875 г.). Послѣдняя монографія, по замѣчательной оцѣнкѣ проф. Павлова [2]), „рѣшительно возвышается надъ всѣмъ, что̀ до сихъ поръ было писано у насъ по тому же предмету". Авторъ по возможности указалъ всѣ греческіе источники для русскихъ произведеній, въ которыхъ обвиняются латиняне, издалъ впервые или по новымъ спискамъ нѣсколько переводныхъ полемическихъ текстовъ, привелъ въ извѣстность новые, болѣе исправные списки или новыя редакціи изданныхъ уже памятниковъ древне-русской полемической литературы, — словомъ, какъ выразился рецензентъ въ одномъ мѣстѣ, „авторъ оказалъ безспорную и капитальную заслугу для исторіи древней русской литературы". Подобный отзывъ доставилъ А. Н. одну изъ уваровскихъ премій, а самый трудъ утвердилъ за покойнымъ изслѣдователемъ такое авторитетное имя, что „Общество исторіи и древностей", за смертію Бодянскаго, почти единогласно избрало своимъ секретаремъ и редакторомъ „Чтеній" г. Попова. Съ этой поры, т. е. съ 27-го октября 1877 года, для А. Н. открылось болѣе широкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудное, поприще. На его руки перешли „Чтенія", поставленныя, благодаря Бодянскому, на степень первоклассного историко-литературнаго сборника и — въ то же время — запоздалыя въ своемъ выходѣ на свѣтъ: почти всегда четвертая книга выглядывала изъ редакціи въ началѣ слѣдующаго года. Такимъ образомъ, новому редактору невольно приходилось напрягать усилія, чтобы удержать повременное изданіе общества на прежней высотѣ и при томъ предохранить каждую книжку отъ поздняго выпуска. То и другое скоро было достигнуто, большею частію отъ „завѣдыванія" талантливаго секретаря. Уже съ 1878 года, аккуратно стали выходить полновѣсные томы „Чтеній" и въ теченіе короткаго срока (1877 — 1881 гг.) обогатили нашу ученую литературу многими цѣнными трудами. Напримѣръ, благодаря новой редакціи, увидали свѣтъ: „Матеріалы для русской библіографіи", Н. В. Губерти (1878—1881 гг. въ нѣсколькихъ книгахъ), „Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Троицкой Лавры" (1878 г., кн. 2, 4, и 1879 г., кн. 2), „Историческое описаніе Сергіевой Лавры", А. В. Горскаго (1878 г., кн. 4), „Шестодневъ Іоанна, екзарха Болгарскаго", по харатейному списку 1263 года (1879 г., кн. 3), „Описаніе рукописныхъ сочиненій архим. Фотія" (1880 г., кн. 1), „Славянскія рукописи въ ризницѣ Троицкой Лавры" (1880 г., кн. 4) и мног. друг. Но этотъ рядъ дорогихъ трудовъ все-таки не затемнялъ длинной вереницы статей, помѣщенныхъ самимъ редакторомъ: почти каждую книжку онъ снабжалъ или „точнымъ воспроизведеніемъ" рукописнаго памятника старины, или строго научнымъ изслѣдованіемъ. Такъ, на листахъ „Чтеній", постепенно появились, съ одной стороны, „Житіе Ѳеодосія", по харатейному списку московскаго Успенскаго собора (1879 г., кн. 1), „Посланіе многословное инока Зиновія" (1880 г., кн. 2), „Палея историческая" и „Посланія архим. Фотія къ граф. А. А. Орловой" (1881 г., кн. 1), а съ другой—„Древне-русскія полемическія сочиненія противъ протестантовъ" (1878 г., кн, 2, 1879 г., кн. 2), „Замѣтка о первыхъ литературныхъ упражненіяхъ кн. А. Д. Кантемира" (1878 г., кн. 3), „Матеріалы для исторіи церковной уніи" (1879 г., кн. 1), „Обличительныя писанія противъ жидовъ и латинянъ" (1879 г., кн. 1) и рядъ мелкихъ, но интересныхъ работъ, подъ общимъ заголовкомъ — „Библіографическіе матеріалы" (1879 г., кн. 1, 1880 г., кн. 3, 1880 г., кн. 4)...

---

[1]) См. отзывъ акад. Срезневскаго въ „Сборникѣ Академіи Наукъ", Спб., 1875 г., т. X, стр. XVII—XXV.

[2]) См. „Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова", Спб., 1878 г., стр. 187—396.

Можно по справедливости сказать, что такіе труды украсили „Чтенія", доставили имъ болѣе громкую славу... и рано подкосили жизнь дорогаго редактора: онъ скончался 30-го мая, еще не имѣя сорока лѣтъ...

Вотъ краткій обрисъ труженической дѣятельности Андрея Николаевича Попова... Пусть же близкіе друзья покойнаго очертятъ привлекательныя качества его души — необыкновенную скромность и чисто русскую готовность дѣлиться со всѣми своимъ знаніемъ, совѣтами, даже рукописями завѣтной библіотеки.

Москва. Дим. Языковъ.

Газета „Голосъ" и опечатки.

Въ переводной статьѣ „Пребываніе императора Александра II въ Римѣ", напечатанной въ Іюньской книжкѣ „Историческаго Вѣстника", вслѣдствіе крайней неразборчивости доставленной въ редакцію рукописи и случайной невозможности для меня просмотрѣть послѣднюю корректуру, вкралось нѣсколько буквенныхъ опечатокъ, нигдѣ не искажающихъ смысла и, въ сущности, незаслуживающихъ даже оговорки. Но газета „Голосъ", съ особеннымъ вниманіемъ слѣдящая за всѣми корректурными промахами въ „Историческомъ Вѣстникѣ", поспѣшила воспользоваться этими ничтожными опечатками для одной изъ тѣхъ инсинуацій, которыя столь обильно расточаются на ея столбцахъ. Замѣтка, помѣщенная въ № 152 „Голоса", до такой степени очевидно доказываетъ отсутствіе въ названной газетѣ всякой литературной честности, что я считаю умѣстнымъ перепечатать эту замѣтку въ „Историческомъ Вѣстникѣ":

„Въ Петербургѣ другой годъ издается журналъ подъ заглавіемъ „Историческій Вѣстникъ"; значительную часть содержанія этого журнала составляютъ статьи переводныя. Кàкъ онѣ переводятся, на это было указано въ „Голосѣ" еще по поводу первой книжки журнала [1]). Вообще надобно сказать, что небрежность въ этомъ отношеніи образцовая. Она касается не только самаго содержанія переводимаго, но и передачи собственныхъ именъ на русскій языкъ. Для примѣра можно указать на статью послѣдней (іюньской) книжки, подъ заглавіемъ „Пребываніе Императора Александра II-го въ Римѣ (1838—1839)", представляющую дневникъ современника, напечатанный недавно въ римской газетѣ „Voce della verità".

„Въ русскомъ переводѣ этой небольшой статьи нѣтъ почти ни одного собственнаго имени, касается ли оно лицà, названія города, мѣстности и т. п., которое было бы передано въ правильной формѣ. Такъ, имя извѣстнаго римскаго богача, князя Торлоніа вездѣ (пять разъ) передается въ формѣ Торлоніо, имя Колонны (Colonna, извѣстная аристократическая фамилія) въ „Историческомъ Вѣстникѣ„ превратилось въ Колонно, Валентини—въ Валентино (два раза), названіе римскаго театра Tordinona передано одинъ разъ въ формѣ *G*ordinona, а другой разъ *S*ordinon*u*, извѣстныя римскія городскія ворота Porta del Popolo (народныя ворота) измѣнились (два раза) въ Порт*о* дель Пополо (porto значитъ портъ, гавань), гора Монте Катилло является въ формѣ К*о*тилло, Кастель-Порціано передѣлалось въ К*и*стель-Порціано, и все въ этомъ родѣ. Встрѣчается далѣе какое-то невозможное Санъ-Лугіано; опера Беллини „Ромео и Джульетта" передѣлана въ „Ромео и Джуль*о*тта" и т. д. Русскій языкъ также мѣстами безподобенъ. Такъ, напри-

---

[1]) Въ Январской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" прошлаго, 1880 года, было напечатано небольшое извлеченіе изъ только что вышедшаго тогда перваго тома „Записокъ Меттерниха". По поводу одной не совсѣмъ ясно переданной фразы и небольшаго исключенія, сдѣланнаго мною по цензурнымъ условіямъ, „Голосъ" поспѣшилъ обвинить редакцію въ незнаніи нѣмецкаго языка, искаженіи подлинника, и еще въ чемъ то—хорошо не помню.

мѣръ, на страницѣ 316-й говорится: „роскошный ужинъ, во время котораго произошли изъ-за мѣстовъ за столомъ нѣкоторыя недоразумѣнія". Всѣ эти прелести разсѣяны на неполныхъ девяти страницахъ. Нѣчего сказать, хороша въ историческомъ журналѣ исторія, географія, топографія, да не дурна и граматика!"

Такимъ образомъ, по увѣренію „Голоса", „Историческій Вѣстникъ" наполняется преимущественно переводами, а нѣсколько чисто корректурныхъ недосмотровъ, въ родѣ „Торлоніо" вмѣсто „Торлонія", „Валентино" вмѣсто „Валентини", „изъ-за мѣстовъ" вмѣсто „изъ-за мѣстъ" и т. п. даютъ газетѣ предлогъ обвинить меня, ни больше, ни меньше, какъ въ незнаніи исторіи, географіи, топографіи и граматики т. е. въ кругломъ невѣжествѣ. Это прелестно и вполнѣ достойно негласнаго редактора „Голоса" г. Бильбасова! Если бъ кому нибудь пришла въ голову фантазія отыскивать опечатки въ „Голосѣ", то, конечно, ихъ можно было бы набрать цѣлую сотню, и притомъ самыхъ невѣжественныхъ, напр. въ родѣ „доктора Гилью", изобрѣтателя гильотины, или „Земли войска Донскаго", все еще продолжающей существовать для ученой редакціи, упорно придерживающейся географіи Ободовскаго, или „недавно отпразднованнаго пятисотлѣтняго юбилея Данта", тогда какъ Дантъ родился въ 1265 г. и Италія торжествовала его шестисотлѣтній юбилей еще въ 1865 г., или какихъ-то небывалыхъ „Пи-и-Марчелло" и „Кастеларатао" подъ которыми, вѣроятно, слѣдуетъ подразумѣвать извѣстныхъ испанскихъ дѣятелей—Пи-и-Маргаля и Кастеляра [1]), и т. п. Вотъ ужъ, дѣйствительно, можно сказать, что г. Бильбасовъ въ чужомъ глазу видитъ сучекъ, а въ своемъ не замѣчаетъ бревна. Но всякій знаетъ, что никакое изданіе не можетъ избѣгнуть корректурныхъ промаховъ, и пользоваться ими для мелочныхъ цѣлей можетъ только человѣкъ черезчуръ беззастѣнчивый.

Въ заключеніе, я хочу доставить г. Бильбасову удовольствіе и указать ему въ той же самой статьѣ „Пребываніе императора Александра II въ Римѣ" уже не на корректорскій, а на мой, редакторскій, недосмотръ. На стр. 317 говорится о кончинѣ воспитателя цесаревича, князя Ливена, тогда какъ воспитателемъ Александра II былъ генералъ Мердеръ, который, дѣйствительно, умеръ въ Римѣ въ 1839 году и тѣло котораго было перевезено въ Россію.

С. Шубинскій.

---

[1]) См. № 164 „Голоса", стр. 4, столб. 4.

онъ долженъ былъ передать правительницѣ мирный договоръ, подписанный императоромъ).

Король Францискъ быстро соскочилъ съ лошади и сѣлъ въ приготовленную для него испанскую лодку. Ланнуа, Аларконъ и восемь всадниковъ сошли съ лошадей и послѣдовали его примѣру. Въ тотъ же моментъ восемь французскихъ всадниковъ, по приказанію Лотрека, также спѣшились и сѣли въ лодку, гдѣ онъ находился съ принцами. Ланнуа сдѣлалъ знакъ рукой и обѣ лодки одновременно отчалили отъ берега и подъѣхали къ пустой баркѣ, стоявшей на якорѣ, на срединѣ рѣки. Лодочники прикрѣпили къ ней крюками обѣ лодки, такъ какъ она представляла собой нейтральную почву. Всѣ взошли на барку; въ испанской лодкѣ остался одинъ Аларконъ, а въ французской лодкѣ только Лотрекъ съ обоими принцами.

Всѣ молчали. Король нѣсколько минутъ пристально и печально смотрѣлъ на своихъ сыновей; затѣмъ сдѣлалъ движеніе головой, что желаетъ скорѣе прекратить тяжелую для него сцену. Ланнуа принялъ изъ рукъ Лотрека маленькаго дофина и подалъ его Аларкону въ испанскую лодку; то-же сдѣлалъ онъ и съ герцогомъ Орлеанскимъ.

— Все кончено,—сказалъ вполголоса Ланнуа. Король Францискъ поспѣшно вошелъ въ французскую лодку, опираясь на плечо Лотрека и, кивнувъ головой испанцамъ, крикнулъ „впередъ!“ гребцамъ, которые отвязывали лодку. Онъ больше не смотрѣлъ на своихъ сыновей; взглядъ его былъ устремленъ на высоты Андаи; онъ былъ внѣ себя отъ нетерпѣнія и, прежде нежели лодка успѣла причалить, онъ выскочилъ на берегъ и громко воскликнулъ: Me voici roi derechef! (Вотъ я опять король).

Не дожидаясь Лотрека и свиты, онъ бросился на приготовленную для него лошадь и погналъ ее стремглавъ по горѣ въ Андаи. Ланнуа видѣлъ это съ другаго берега и недовѣрчиво покачалъ головой. У него явилось въ эту минуту сильное сомнѣніе относительно мирнаго договора, заключеннаго въ Мадридѣ; онъ мысленно рѣшилъ послать гонца къ королю въ Байонну, чтобы напомнить ему объ исполненіи подписанныхъ имъ условій.

Король Францискъ мчался безостановочно нѣсколько часовъ съ горы на гору, по живописной дорогѣ, ведущей въ Сенъ-Жанъ де-Люкъ, и только здѣсь сошелъ на землю и повелъ за поводья свою взмыленную лошадь. Онъ остановился у моста, гдѣ морской приливъ подымается до подошвы высокой горы, находящейся за городомъ, и дождался прибытія Лотрека и своей свиты. Онъ былъ настолько погруженъ въ свои мысли, что не принималъ никакого участія въ ихъ разговорѣ, и только улыбаясь смотрѣлъ на нихъ. Почти машинально сѣлъ онъ за приготовленный для него завтракъ и выпилъ вина. Солнце было позади его и ярко освѣщало Сенъ-Жанъ де-Люкъ,— первый французскій городъ у испанской границы, пріютившійся у подножія горъ и моря.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, король снова отправился въ путь, чтобы достигнуть до ночи Байонны. Во время короткихъ остановокъ онъ разспрашивалъ Лотрека о текущихъ политическихъ событіяхъ. Наконецъ они увидѣли соборную церковь Байонны, которая одна возвышалась надъ валами, окружавшими городъ. Вечернее солнце отражалось въ окнахъ церкви. Между двумя платановыми деревьями, на которыхъ едва распускались почки, была раскинута палатка. У входа виднѣлись двѣ женскія фигуры. Король издали узналъ свою мать и сестру и, соскочивъ съ лошади, поспѣшно подошелъ къ нимъ. Онъ нѣжно обнялъ ихъ, затѣмъ бросилъ взглядъ на стоявшихъ въ отдаленіи дамъ и кавалеровъ, чтобы поздороваться со старыми знакомыми.

— Foi de gentilhomme!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, которая кокетливо улыбнулась ему въ отвѣтъ. — Химена! какъ вы очутились здѣсь!... Но вы ли это?

— Нѣтъ, сынъ мой!—возразила правительница, которая съ видимымъ удовольствіемъ слѣдила за происходившей сценой.—Эта дама— наша соотечественница! Позволь представить тебѣ Анну де-Гелльи.

— Возможно ли это? Какое поразительное сходство!

— Мнѣ очень обидно, что ваше величество не хочетъ признать моего существованія, отвѣтила молодая дѣвушка съ веселымъ смѣхомъ.

М-зель де-Гелльи была замѣчательно похожа на Химену; но это не была простая случайность. Правительница, узнавъ о пристрастіи короля къ дочери герцога Инфантадо, послала въ Мадридъ живописца Кузена съ единственною цѣлью срисовать портретъ молодой герцогини. Получивъ его, она приказала Флоріо отыскать, во что бы ни стало, молодую дѣвушку или женщину, которая представляла бы собой болѣе или менѣе отдаленное сходство съ Хименой. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. М-зель де-Гелльи, помимо требуемаго сходства, была француженка въ полномъ смыслѣ этого слова и обладала въ высшей степени кокетствомъ, свойственнымъ женщинамъ этой націи. Правительница немедленно пригласила ее къ своему двору, такъ какъ, зная вкусъ своего сына, она была заранѣе убѣждена, что ея новая protegée скоро положитъ конецъ вліянію ненавистной для нея графини Шатобріанъ. Она не ошиблась. Король въ первую минуту былъ пораженъ сходствомъ м-зель де-Гелльи съ Хименой, но, присмотрѣвшись ближе, нашелъ, что она превосходитъ молодую герцогиню во всѣхъ отношеніяхъ. Цвѣтъ лица Анны былъ свѣжѣе формы округленнѣе; глаза и ротъ имѣли болѣе живое и веселое выраженіе и, вдобавокъ, у ней былъ смѣлый и рѣшительный характеръ, что особенно приводило въ восторгъ короля.

Въ концѣ марта, въ замокъ Коньякъ пріѣхали королевскіе слуги, и Химена узнала отъ нихъ о скоромъ прибытіи короля. Теперь она должна была выполнить порученіе Лотрека—передать Франциско письма короля и объявить ей, что она находится въ замкѣ своего возлюбленнаго. Если она не сдѣлаетъ этого, то ея подруга можетъ быть поставлена въ крайне непріятное положеніе. Не лучше ли имъ обѣимъ уѣхать скорѣе изъ замка и вернуться въ Фуа? Перемѣна мѣстности не принесла тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидалъ Лотрекъ. Франциска въ такомъ же печальномъ настроеніи духа, какъ и прежде, и проводитъ тѣ-же мучительныя, безсонныя ночи!.. Какъ жаль, что здѣсь нѣтъ Лотрека! подумала Химена и рѣшила не откладывать долѣе непріятнаго объясненія. Она передала Франциско раскрытыя письма и сказала;

— Лотрекъ распечаталъ пакетъ; онъ требуетъ, чтобы ты прочитала письма короля!

Франциска поблѣднѣла какъ смерть при этихъ словахъ, но Химена все таки сочла необходимымъ удалиться, изъ боязни стѣснить ее своимъ присутствіемъ. Она вышла на балконъ, съ котораго открывался прекрасный видъ на старый паркъ и весь южный склонъ Жиронды. Но она не обращала никакого вниманія на окружавшій ея ландшафтъ и задумалась надъ будущностью своей подруги, которая была такъ тѣсно связана съ ея собственной судьбой. Наконецъ, она машинально подняла голову и первое, что бросилось ей въ глаза, было облако пыли, которое поднималось въ концѣ вязовой аллеи. Она увидѣла группу всадниковъ. Это, вѣроятно, король! мелькнуло въ ея головѣ, и она бросилась къ Франциско. Та стояла среди комнаты; хотя глаза ея были полны слезъ, но лицо имѣло кроткое и спокойное выраженіе. Письма, очевидно, произвели на нее благопріятное впечатлѣніе. Могло ли быть иначе? Любящее сердце не разстается съ надеждой даже тамъ, гдѣ она всего менѣе возможна.

— Мы въ королевскомъ замкѣ, Химена? спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Да. Но развѣ ты не подозрѣвала этого?

— Я знала, что король будетъ писать мнѣ такія письма, и боялась той радости, которую они доставятъ мнѣ. Я не могу быть спокойной и въ эту минуту. Наши характеры настолько различны, что между нами не можетъ быть прочной любви.

— Величина счастья не измѣряется его прочностью.

— Нѣтъ! я знаю это. Но я не вынесу новой ссоры, она убьетъ меня! Лучше теперь же прервать наши отношенія, пока они хороши и не унизительны ни для одного изъ насъ. Тогда я буду съ спокойнымъ сердцемъ ожидать смерти. Я напишу ему прощальное письмо, и мы тотчасъ уѣдемъ съ тобой куда нибудь, чтобы никто не зналъ, гдѣ мы. Нужно сдѣлать это теперь же, пока счастье улыбается мнѣ и даже Лотрекъ на моей сторонѣ. Пойдемъ въ паркъ; я хочу насла-

диться имъ въ послѣдній разъ; Францискъ провелъ здѣсь свою молодость! Дай мнѣ обнять старый вязъ, подъ которымъ онъ родился... Тогда я уѣду отсюда!

Съ этими словами графиня Шатобріанъ вышла на балконъ, чтобы взглянуть на мѣстность, которая была теперь такъ дорога ей. Химена хотѣла броситься за ней, чтобы увести ее съ балкона подъ какимъ нибудь предлогомъ, но это оказалось лишнимъ, потому что Франциска сама вернулась назадъ въ сильномъ волненіи.

Въ тотъ моментъ, когда она вышла на балконъ, правительница и Флорентинъ подъѣхали къ рѣшеткѣ парка въ сопровожденіи свиты. Правительница мелькомъ взглянула на нее.

— Мы опоздали съ нашимъ бѣгствомъ, Химена! сказала графиня.

— Можетъ быть все устроится къ лучшему!..

— Король! Пріѣхалъ король! воскликнула Марго, врываясь въ комнату. Наряжайтесь скорѣе! Онъ уже сошелъ съ лошади. Мой негодный Флорентинъ также здѣсь. Замолчишь ли ты, Жакъ!..

Король Францискъ былъ въ дурномъ расположеніи духа. Совѣсть упрекала его за поступокъ съ императоромъ. По прибытіи въ Байонну, онъ тотчасъ же написалъ англійскому королю Генриху о своемъ согласіи на союзъ съ Англіей, подготовленный герцогиней Луизой, и обѣщалъ свое содѣйствіе итальянцамъ противъ императора. Однимъ словомъ, сдѣлалъ все, что могло обратиться во вредъ Карлу V и не предпринялъ ни одной мѣры для исполненія мирнаго договора, подписаннаго имъ въ Мадридѣ. Посланные императора преслѣдовали его на каждой станціи и выводили его изъ терпѣнія, напоминая ему о томъ или другомъ условіи договора. Когда онъ сходилъ съ лошади у крыльца своего любимаго замка, его нагналъ гонецъ изъ Бордо съ извѣстіемъ, что Ланнуа ѣдетъ въ Коньякъ. Само собою разумѣется, что при подобныхъ условіяхъ король не могъ быть спокоенъ, и m-lle Гелльи при ея веселомъ характерѣ представляла для него самый живой интересъ, потому что въ ея обществѣ онъ забывалъ о мучившихъ его заботахъ. Естественно, что при этомъ онъ менѣе всего былъ склоненъ вспоминать о письмахъ, которыя онъ писалъ Франciскѣ три мѣсяца тому назадъ, тѣмъ болѣе, что они остались безъ отвѣта.

Король, войдя въ залу, приказалъ слугамъ накрывать столъ и объявилъ дамамъ, что тѣ, которыя скорѣе всѣхъ кончатъ свой туалетъ, получатъ достойную награду.

— Какую? спросила m-lle де Гелльи.

— Онѣ могутъ выразить какое угодно желаніе, и оно будетъ исполнено.

— Тѣмъ хуже для насъ! Мы, женщины, часто высказываемъ самыя глупыя желанія.

— Глупость не бѣда! Весь вопросъ въ томъ, чтобы не скучать. Это самое важное.

— Но я думаю, что скука прежде всего происходитъ отъ нашей неповоротливости.

— Я надѣюсь, m-lle де-Гелльи, что вы измѣните ваше мнѣніе о замкѣ Коньякъ. Правда, онъ не великъ, но здѣсь превосходные лѣса. Я тотчасъ же распоряжусь, чтобы разослали егерей и приготовили для насъ охоту.

— Къ завтрешнему утру?

— Зачѣмъ? Мы отправимся, когда вздумается; утромъ, вечеромъ, даже ночью...

Лотрекъ отвелъ короля въ сторону, чтобы переговорить съ нимъ о положеніи дѣлъ во ввѣренныхъ ему провинціяхъ. Но правительница, видѣвшая Франциску на балконѣ, внимательно слѣдила за ея братомъ и помѣшала ихъ разговору, пригласивъ короля къ столу.

Король охотно послѣдовалъ этому приглашенію. За обѣдомъ онъ посадилъ возлѣ себя веселую Анну де-Гелльи и, болтая съ нею безъ умолку, усердно пилъ бургундское вино, котораго онъ такъ долго былъ лишенъ. Благодаря такому пріятному препровожденію времени, онъ совершенно забылъ, что императоръ заявляетъ притязаніе на родину его любимаго вина—Бургундію; что Лануа почти у порога его замка и что единственная искренняя любовь его сердца, бѣдная Франциска, быть можетъ, страдаетъ въ одиночествѣ.

Дѣйствительно, Франциска въ это время переживала тяжелыя минуты. Она знала, что король въ замкѣ и окруженъ ея врагами; Марго сообщила ей, что онъ пошелъ къ столу въ сопровожденіи равнодушной толпы придворныхъ. Прошло больше часу со времени его пріѣзда, и до сихъ поръ онъ ничѣмъ не заявилъ, что помнитъ объ ея существованіи. Неужели онъ насмѣхался надъ ней, упрашивая ее пріѣхать въ Коньякъ? Слуги, вѣроятно по распоряженію правительницы, не накрыли ей стола и не принесли ни одного кушанья. Когда старикъ Бернаръ спросилъ ихъ о причинѣ, они грубо отвѣтили, что у нихъ сегодня довольно дѣла помимо этого; если его госпожа не приглашена къ королевскому столу, то она, вѣроятно, пріѣхала въ Коньякъ по ошибкѣ.

— Должно быть, Лотрекъ еще не видѣлъ короля и не сообщилъ ему о моемъ присутствіи, подумала Франциска.—Я сама виновата, что не отвѣчала на его письма...

— Графъ Лотрекъ Фуа сидитъ за королевскимъ столомъ, сказалъ Бернаръ, какъ бы угадывая ея мысли, и съ этими словами поспѣшно удалился изъ комнаты.

Старый слуга былъ огорченъ до глубины души поведеніемъ короля и, не помня себя отъ гнѣва, направился въ королевскую столовую, чтобы поговорить съ молодымъ графомъ Фуа объ унизительномъ положеніи его сестры. Въ первую минуту никто не замѣтилъ его въ толпѣ слугъ, которые приносили и уносили кушанье, а потомъ показалось неловкимъ прогнать чужаго человѣка, который искалъ кого-то

глазами. Наконецъ дворецкій подошелъ къ нему и приказалъ немедленно удалиться изъ залы. Но въ это время Бернаръ замѣтилъ мрачный взглядъ Лотрека, устремленный на короля, и прямо направился къ его стулу. Дворецкій, оскорбленный невниманіемъ къ его словамъ въ присутствіи другихъ слугъ, пошелъ за Бернаромъ и, взявъ его за плечо, заговорилъ съ нимъ громче прежняго. Старикъ былъ очень доволенъ этимъ, такъ какъ хотѣлъ обратить на себя общее вниманіе, и отвѣтилъ дворецкому тѣмъ же тономъ. Лотрекъ оглянулся и увидѣлъ слугу своей сестры. Смуглое лицо его побагровѣло и еще рѣзче обозначился шрамъ отъ удара сабли, полученный имъ при Равеннѣ. Бернаръ съ ужасомъ замѣтилъ, что навлекъ на себя гнѣвъ гордаго графа.

— Что съ вами, Лотрекъ? спросилъ король.

— Ничего, ваше величество.

Въ это время Бріонъ, сидѣвшій рядомъ съ m-lle де-Гилльи, узналъ Бернара, стоявшаго за стуломъ Лотрека, и громко воскликнулъ: Что это значитъ? Здѣсь слуга графини Шатобріанъ!

Король услышалъ слова Бріона и спросилъ съ живостью: какимъ образомъ онъ явился сюда?

— Я пріѣхалъ сюда съ моей госпожей, ваше величество! отвѣтилъ Бернаръ, почтительно раскланиваясь.

— Графиня Франциска здѣсь? спросилъ съ удивленіемъ король, поставивъ стаканъ на столъ.

— Моя госпожа уже давно здѣсь! возразилъ Бернаръ.

— О, Боже! воскликнулъ король, вскакивая съ своего мѣста. — Мои письма!.. добавилъ онъ вполголоса. — Вы знали объ этомъ, Лотрекъ?

— Да, ваше величество!

— Почему вы не сказали мнѣ ни слова?

— Вы меня не спрашивали, ваше величество.

— Сведи меня къ графинѣ, сказалъ король, обращаясь къ Бернару, и вышелъ изъ залы. Всѣ встали, не дожидаясь конца обѣда.

Придворные раздѣлились на группы. Неожиданное появленіе графини Шатобріанъ и участіе, которое выказалъ къ ней король, одинаково удивило всѣхъ, потому что причина ея послѣдняго разрыва съ королемъ ни для кого не была тайной. Но никто не зналъ, что Бріону удалось оправдать Франциску передъ королемъ, потому что влюбленный сеньоръ никому не говорилъ объ этомъ изъ боязни, чтобы опять не былъ выдвинутъ на сцену непріятный для него вопросъ о бракѣ графини съ королемъ. Когда онъ услышалъ, насколько пострадала репутація Франциски вслѣдствіе несчастной случайности, то сталъ горячо защищать ея невинность въ своихъ письмахъ на родину. Но ему не вѣрили; въ его желаніи оправдать графиню видѣли только благородное стремленіе скрыть любовный успѣхъ.

Король съ своей стороны также не упоминалъ о своемъ прими-

реніи съ Франциской. Подъ вліяніемъ горя отъ предполагаемой измѣны своей возлюбленной, онъ рѣшился отречься отъ престола. Убѣдившись въ своей ошибкѣ, онъ написалъ Францискѣ самое нѣжное письмо и въ то же время искренно пожалѣлъ, что добровольно отказался отъ власти. Онъ не напомнилъ правительницѣ, чтобы она представила эдиктъ объ отреченіи въ парламентъ и, скрывъ отъ нея причины, побудившія его написать такой эдиктъ, не считалъ нужнымъ сообщить ей, вслѣдствіе чего онъ перемѣнилъ свое намѣреніе.

Герцогиня Луиза знала только черезъ Флорентина, что были посланы гонцы въ Фуа и что отношенія между королемъ и графиней Шатобріанъ не окончательно прерваны. Она никому не говорила объ этомъ и упорно утверждала, что графиня Франциска вела себя недостойнымъ образомъ и что она потерянная женщина. Всѣ были убѣждены въ этомъ, даже Маргарита и Бюде, который не придавалъ особеннаго значенія увѣреніямъ Маро относительно невинности Франциски. Веселый поэтъ уже былъ замѣшанъ въ двумысленной исторіи въ Фонтенбло, о которой ходили такіе разнорѣчивые слухи. Почему подобная же исторія опять повторилась въ испанскомъ замкѣ?..

При этихъ условіяхъ можно себѣ легко представить, какимъ образомъ отнеслось общество къ неожиданному появленію графини Шатобріанъ. Кромѣ Бріона и Лотрека не было ни одного человѣка, который бы принималъ въ ней хотя малѣйшее участіе.

Нужно было все присутствіе духа Лотрека, чтобы вынести съ видимымъ равнодушіемъ перешептываніе и всѣ тѣ двусмысленные взгляды, которые были обращены на него, особенно въ группѣ, образовавшейся около правительницы. Но никто не осмѣлился вслухъ произнести имя графини Шатобріанъ; присутствіе ея брата до извѣстной степени удерживало придворныхъ въ границахъ приличія. Поэтому всѣ невольно смутились, когда Лотрекъ заговорилъ громкимъ голосомъ, обращаясь къ правительницѣ:

— Позвольте васъ спросить, герцогиня, чѣмъ я могу услужить вамъ? Вы и ваши окружающіе такъ внимательно смотрите на меня.

Герцогиня при всей своей смѣлости не нашлась, что отвѣтить въ первую минуту. Лотрекъ былъ единственный человѣкъ, передъ которымъ она робѣла. Встрѣчая его, она всякій разъ чувствовала нѣчто похожее на упреки совѣсти. Воспоминаніе о Семблансэ было главной причиной ея ненависти къ Лотреку и ей не хотѣлось сознаться въ этомъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, она отвѣтила:

— Мы желали бы узнать, удивлены ли вы извѣстіемъ, что графиня Шатобріанъ въ замкѣ Коньякъ?

— Нѣтъ.

— Вы знали, что она здѣсь?

— Разумѣется. Я самъ привезъ ее сюда!

— Теперь я понимаю, почему вы опоздали въ Бордо.

— Да, это отняло у меня нѣсколько дней.

— Служба королю, вѣроятно, казалась вамъ менѣе важной, чѣмъ ваши личныя дѣла.

— Я исполнилъ приказаніе короля, проводивъ графиню Франциску въ Коньякъ.

— Какимъ образомъ? воскликнули въ одинъ голосъ правительница и Маргарита.

— Король нѣсколько разъ настоятельно просилъ графиню пріѣхать сюда.

— Странно! сказала Маргарита.

— Что находите вы тутъ страннаго, герцогиня Алансонская? спросилъ Лотрекъ, подходя къ ней.

— Мы удивляемся, замѣтила поспѣшно герцогиня Луиза, — что король не говорилъ намъ объ этомъ ни одного слова и по пріѣздѣ не вспомнилъ о графинѣ.

— Почему вы знаете, что король забылъ о графинѣ? Она не отвѣчала на его письма и теперь словесно объяснитъ ему причину своего молчанія...

— Графъ Лотрекъ! Вы говорите такимъ тономъ, что...

— Такимъ тономъ долженъ былъ говорить Семблансэ, пока еще не было слишкомъ поздно!..

Этотъ смѣлый намекъ поразилъ присутствующихъ, какъ ударъ грома. Герцогиня Луиза побагровѣла отъ гнѣва. Прежде нежели она успѣла отвѣтить, въ залу вошелъ король, подъ руку съ графиней Шатобріанъ. Онъ извинился въ короткихъ словахъ, что по его винѣ прерванъ обѣдъ и, усадивъ рядомъ съ собою Франциску, пригласилъ знакомъ присутствующихъ опять занять свои мѣста за столомъ.

Придворные повиновались. Но правительница, взявъ подъ руку m-lle де-Гелльи, вышла съ нею изъ залы. Маргарита послѣдовала за ними.

Король сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, и разговаривалъ съ Франциской. Но ничто не ускользнуло отъ его вниманія; онъ говорилъ тѣмъ оживленнѣе, чѣмъ тяжелѣе у него становилось на душѣ. Къ ужасу своему онъ нашелъ большую перемѣну въ наружности Франциски; глубокое горе, болѣзненная борьба съ собственными ощущеніями, разрушительно повліяли на ея красоту; отъ ея прежней веселости не осталось и слѣда. Между тѣмъ король, при своемъ настоящемъ настроеніи, хотѣлъ забыться во чтобы то ни стало, чтобы избавиться отъ мучившихъ его упрековъ совѣсти. Все, что касалось области чувствъ и душевныхъ страданій, было для него невыносимо. Поэтому онъ сократилъ по возможности свое свиданіе съ Франциской и, несмотря на ея сопротивленіе, повелъ въ столовую, не сообразивъ, что поставитъ ее въ самое неловкое положеніе и что это неизбѣжно должно отразиться на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Только теперь, благодаря удаленію дорогихъ ему лицъ и молчанію остальныхъ, ему стало ясно, что онъ одинъ дорожитъ этой печальной Франциской.

Онъ одинъ! Даже самый твердый человѣкъ можетъ смутиться при мысли, что никто не раздѣляетъ его вкуса относительно любимой имъ женщины. Къ тому же самъ король сознавалъ невыгодную перемѣну въ наружности Франциски и испытывалъ тѣмъ большее мученіе. Онъ пилъ вино стаканъ за стаканомъ, отчасти изъ разсѣянности, отчасти въ надеждѣ развеселиться. Мысль, что онъ держитъ при себѣ возлюбленную изъ состраданія, приводила его въ бѣшенство.

Доложили о пріѣздѣ неаполитанскаго вице-короля Ланнуа. У короля Франциска едва не вырвалось восклицаніе „слава Богу", такъ какъ онъ увидѣлъ въ этомъ возможность выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Онъ поспѣшно всталъ съ своего мѣста и извинился передъ графиней, что не можетъ проводить ее, благодаря новому гостю. Бріонъ воспользовался этимъ, чтобы предложить свои услуги.

Король увидѣлъ съ возрастающимъ неудовольствіемъ, что нѣкоторые изъ присутствующихъ перешептывались между собою, бросая двусмысленныя взгляды на Бріона и Франциску.

— Foi de gentilhomme! пробормоталъ король.. — Я положу этому конецъ! Слишкомъ долго разыгрывалъ я роль добродушнаго дурака, который только потому не былъ брошенъ своей возлюбленной, что онъ король. Нужно прекратить эту глупую исторію! Лучше отказаться отъ всѣхъ радостей жизни, нежели быть обманутымъ и возбуждать къ себѣ сожалѣніе. Подождите одну мунуту, прелатъ! добавилъ онъ вслухъ.

Послѣднія слова относились къ Флорентину, который намѣревался выйти изъ залы вмѣстѣ съ другими гостями.

Король позвалъ прелата въ небольшую комнату, смежную съ столовой и подошелъ къ круглому окну, изъ котораго открывался прекрасный видъ на Шаранту и на луга, окаймленные лѣсами, лежащіе на другомъ берегу. Мѣстами виднѣлась первая весенняя зелень.

— Скоро опять украсится земля, подумалъ съ грустью король, но я уже не буду встрѣчать весну съ такою радостью, какъ прежде!..

Флорентинъ кашлянулъ, чтобы напомнить королю о своемъ присутствіи.

Король оглянулся.

— Вы должны принять Ланнуа, г-нъ прелатъ! сказалъ онъ, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ быстрыми шагами. Постарайтесь удержать его здѣсь нѣсколько дней. Я устрою разныя празднества для его развлеченія. Скажите ему, чтобы онъ не говорилъ со мной о мадридскомъ договорѣ и что я самъ очень огорченъ, встрѣтивъ неожиданныя затрудненія со стороны бургундцевъ и всего французскаго народа. Передайте ему также, что я во всякомъ случаѣ устрою, чтобы главные пункты договора были выполнены, хотя церковь въ этомъ отношеніи избавила меня отъ всякихъ обязательствъ.

— Если только это одно безпокоитъ ваше величество, то бѣда еще не такъ велика!..

— Какія же иныя заботы могутъ быть у меня въ настоящую минуту?

— Если не ошибаюсь, то ваше величество почему-то мучится воображаемымъ долгомъ къ давно исчезнувшей привязанности.

— Вы забываетесь, прелатъ!

— Правда всегда непріятно дѣйствуетъ на насъ въ первую минуту; но только она одна плодотворна. Вы сами, ваше величество, портите себѣ хорошее расположеніе духа, вносите раздоръ среди окружающихъ васъ и нарушаете самый существенный пунктъ трактата. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что императоръ хорошій семьянинъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и ожидаетъ отъ васъ того же относительно своей сестры Елеоноры, которая объявлена вашей невѣстой въ силу договора. Императоръ придаетъ особенную важность этому пункту; если вы его выполните, то остальное будетъ легче устроить. Тогда онъ дастъ вамъ время войти въ соглашеніе съ государствомъ по поводу жертвъ, которыя оно должно принести для вашего окончательнаго освобожденія. Императоръ, сдѣлавшись вашимъ зятемъ, ко многому отнесется снисходительнѣе. Какъ вамъ извѣстно, онъ тотчасъ согласился на нѣкоторыя уступки, когда разнеслась молва объ отъѣздѣ графини Шатобріанъ.

— Я слышалъ черезъ третье лицо, что королева Елеонора не повѣритъ искренности вашего намѣренія вступить съ нею въ бракъ, пока не будетъ оффиціально извѣстно, что вы порвали всякія отношенія съ графиней. Говорятъ, что эта любовная исторія не имѣетъ ничего общаго съ тѣми, какія у васъ были прежде, тѣмъ болѣе, что многіе до сихъ поръ смотрятъ на графиню Франциску, какъ на будущую королеву. Всѣмъ извѣстно, что она замужемъ, и потому ваши отношенія должны скандализировать испанцевъ при ихъ строгихъ нравахъ. Кромѣ того, графиня почти публично заявляла свою склонность къ ереси...

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать этимъ?

— Мнѣ кажется, что въ виду неожиданнаго пріѣзда Ланнуа, мы должны представить ему какое нибудь неоспоримое доказательство, что вы вовсе не желаете возобновлять своихъ отношеній съ графиней Шатобріанъ. Въ противномъ случаѣ трудно будетъ избѣжать объясненія съ Ланнуа по поводу договора, а это было бы вовсе несвоевременно, пока не заключенъ болѣе прочный союзъ съ Англіей и Италіей. Намъ необходимо выиграть время ради вашей репутаціи. Теперь взоры всей Европы устремлены на васъ, а черезъ полгода произойдетъ множество всякихъ событій и никто не обратитъ особеннаго вниманія на неисполненіе договора.

— Какое же доказательство долженъ я представить неаполитанскому вице-королю? Надѣюсь, никто не можетъ потребовать отъ меня, чтобы я прогналъ изъ замка ни въ чемъ невиновную графиню?

— Разумѣется, нѣтъ! Всякое насиліе можетъ возстановить про-

тивъ васъ Лотрека, который вообще не отличается мягкимъ характеромъ, и полчаса тому назадъ, когда вы ушли къ графинѣ, сдѣлалъ сцену вашей матери и намекнулъ ей о давно забытомъ дѣлѣ Семблансэ. Лотрекъ силенъ; вы не должны безъ крайней необходимости задѣвать его гордость.

— Къ дѣлу, прелатъ! Неужели вы думаете, что я боюсь какого-нибудь сеньора!

— Весь вопросъ заключается въ томъ, что вы намѣреваетесь жениться на сестрѣ императора,—и это, какъ вамъ извѣстно, одинъ изъ главныхъ пунктовъ договора. Поэтому приличіе требуетъ, чтобы вы взяли обратно отъ графини всѣ вещественныя доказательства вашей любовной связи, такъ какъ это можетъ успокоить сестру императора.

— Франциска никогда не принимала отъ меня дорогихъ подарковъ!

— Дорогіе подарки не имѣютъ значенія; замки и лѣса не служатъ доказательствомъ любви, но такія мелочи, какъ кольца, браслеты, нѣжныя письма—не должны оставаться въ рукахъ графини...

При этихъ словахъ въ комнату вошла герцогиня Луиза. Она была въ сильномъ волненіи и объявила своему сыну, что Маргарита намѣрена немедленно выѣхать изъ замка съ m-lle де-Гелльи.

— Глупыя женщины!—воскликнулъ король.

— Прежде всего распорядись, пожалуйста, чтобы кто нибудь принялъ Ланнуа; онъ расхаживаетъ одинъ въ залѣ. Всѣ такъ озадачены неожиданнымъ появленіемъ графини Шатобріанъ, что никто не обращаетъ на него вниманія.

— Foi de gentilhomme! Какъ тяжело быть королемъ!—сказалъ король Францискъ, выходя изъ комнаты.

Флорентинъ, оставшись наединѣ съ герцогиней, поспѣшилъ сообщить ей содержаніе своего разговора съ королемъ.

— Вы совершенно правы!—возразила съ живостью герцогиня. Одно изъ двухъ: или она выкажетъ сопротивленіе и Лотрекъ, заступившись за нее, выведетъ изъ терпѣнія короля своимъ высокомѣрнымъ сеньорскимъ тономъ, или же она впадетъ въ сентиментальность и, проливая потоки слезъ, сама добровольно удалится изъ замка. Во всякомъ случаѣ, мы будемъ избавлены отъ ея присутствія. Если тебѣ удастся провести съ успѣхомъ задуманный тобою планъ, то ты будешь немедленно назначенъ парижскимъ архіепископомъ. Ты скажешь королю, что я пошла проститься съ Маргаритой и Анной де-Гелльи; это также произведетъ на него извѣстное впечатлѣніе. Общество веселой Анны теперь необходимо для него!

Едва герцогиня вышла изъ комнаты, какъ вернулся король въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Онъ нашелъ Ланнуа въ обществѣ Лотрека и былъ раздосадованъ высокомѣрнымъ обращеніемъ неаполитанскаго вице-короля.

— Повѣрьте, что Лотрекъ виноватъ въ этомъ!—сказалъ прелатъ.

Ланнуа знаетъ, что графиня Фуа всего больше мѣшаетъ исполненію договора.

— Какое мнѣ дѣло до Лотрека и его сестры!

— Какъ только Ланнуа убѣдится въ этомъ, вы увидите, что онъ тотчасъ перемѣнитъ тонъ.

Король спросилъ о своей матери, и когда Флорентинъ передалъ ему слова герцогини, то онъ съ досадой воскликнулъ: Если уѣдетъ де-Гелльи, то можно будетъ помереть со скуки въ замкѣ Коньякъ! и съ этими словами поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Флорентинъ сѣлъ у письменнаго стола и написалъ черновую письма, которое король долженъ былъ послать графинѣ Шатобріанъ. Онъ зналъ, что легче будетъ заставить короля подписать свое имя, нежели убѣдить его сочинить подобное письмо, потому что это неизбѣжно привело бы его къ раздумью и нерѣшительности. Къ тому же, король могъ изъ любезности представить дѣло въ такомъ видѣ, что Франциска увидѣла бы въ этомъ только кажущуюся жертву, вынужденную политическими обстоятельствами.

Король поспѣшилъ къ своей матери въ надеждѣ, что ему удастся уговорить m-lle де-Гелльи остаться въ замкѣ. Но герцогиня Ангулемская объявила ему наотрѣзъ, что онъ не увидитъ ея любимицы до тѣхъ поръ, пока не разстанется окончательно съ графиней Шатобріанъ и не представитъ молодой дѣвушкѣ какого нибудь осязательнаго доказательства своей склонности. Это не такъ трудно, какъ кажется съ перваго раза; что стоитъ ему, напримѣръ, взять у графини кольцо, изображающее саламандру съ королевскимъ девизомъ, которое она нарочно надѣла сегодня напоказъ къ обѣду. Такая вещь можетъ быть только въ рукахъ дамы, которая пользуется самой нѣжной любовью короля и уваженіемъ свѣта.

— Только подъ этимъ условіемъ я позволю Аннѣ видѣться съ тобой,—добавила герцогиня. До сихъ поръ я берегла свою protegée какъ зѣницу ока; а теперь, когда она влюбилась въ тебя съ первой минуты вашей встрѣчи, я еще больше буду заботиться о ней. Я навсегда разлучу васъ, какъ бы она не плакала, бѣдняжка!

Король, выслушавъ длинную рѣчь своей матери, вошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ засталъ веселую Анну въ слезахъ и занятую укладываніемъ своихъ вещей.

— Подождите до слѣдующаго утра,—сказалъ король, обращаясь къ ней.—Можетъ, мнѣ удастся убѣдить васъ остаться въ замкѣ. Гдѣ Маргарита?

— Не знаю, отвѣтила печально молодая дѣвушка.—Она, вѣроятно, уѣхала въ Ангулемъ.

Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, король вернулся въ комнату, гдѣ Флорентинъ ждалъ его съ готовымъ письмомъ.

— Что ты написалъ? Письмо къ графинѣ?—сказалъ король, под-

ходя къ столу.—Это мой почеркъ! Развѣ ты не знаешь, прелатъ, что подобная поддѣлка—преступленіе!

— Если это преступленіе, то виновата моя рука, потому что это случилось помимо моей воли. Когда вы ушли, я такъ живо представилъ себѣ ваше положеніе, что мнѣ пришло въ голову набросать письмо, которое я написалъ бы на вашемъ мѣстѣ. Обманъ чувствъ былъ настолько великъ, что мой почеркъ сдѣлался похожимъ на вашъ.

— Не только похожъ, но это совсѣмъ мой почеркъ, сказалъ задумчиво король и, какъ бы желая убѣдиться въ этомъ, подписалъ подъ письмомъ „Францискъ“ и покачалъ головой. Содержаніе письма не занимало его; онъ только сравнивалъ почерки, которыхъ сходство было тѣмъ поразительнѣе, что въ комнатѣ уже начинало темнѣть.

Король, занятый своими мыслями, подошелъ къ противоположному окну, изъ котораго можно было видѣть дворъ и главный подъѣздъ замка. Флорентинъ воспользовался этимъ моментомъ сложилъ письмо и сдѣлалъ на немъ надпись: „Графинѣ Шатобріанъ“.

— Гдѣ Бріонъ?—спросилъ король.

— Вѣроятно у графини Франциски. Онъ такъ влюбленъ въ нее! Подобное постоянство можетъ утѣшить всякую женщину...

— Объясни ему, что при моихъ отношеніяхъ къ Ланнуа я долженъ былъ по неволѣ рѣшиться на этотъ шагъ. Пусть онъ передастъ это письмо графинѣ и убѣдитъ ее въ необходимости принятыхъ мною мѣръ. Кромѣ того, припиши въ письмѣ, что за тѣ бездѣлушки, которыя я прошу возвратить мнѣ, графиня получитъ въ подарокъ замокъ Шенонсо въ Турени...

Король видимо спѣшилъ окончить непріятное для него дѣло; едва договоривъ послѣднюю фразу, онъ отворилъ окно и подозвалъ проходившаго мимо Монпеза.

— Прикажите сѣдлать лошадей, Монпеза! — крикнулъ король.— Черезъ полчаса мы ѣдемъ на охоту. Всѣ егеря должны быть въ сборѣ! Распорядитесь также, чтобы было достаточное количество факеловъ!

Флорентинъ, послѣ нѣкотораго раздумья, рѣшился самъ передать графинѣ Шатобріанъ написанное имъ письмо. Бріонъ такъ горячо любитъ ее, что употребитъ всѣ силы, чтобы смягчить ударъ,—думалъ прелатъ.—Я самъ исполню порученіе короля и кстати передамъ ей стклянку яду, которую Флорію вручилъ мнѣ въ Фонтенбло отъ имени герцогини Луизы, на случай, если Франциска въ порывѣ отчаянія вздумаетъ покончить съ собой. Тогда это было несвоевременно; можетъ быть, сегодня у ней дѣйствительно явится такое желаніе. Послѣ этой новой ссоры съ королемъ, ничто уже не утѣшитъ Франциску, хотя, по моему мнѣнію, только одна смерть можетъ разлучить ихъ. Сердце короля, не смотря на все его непостоянство, исключительно

принадлежитъ Франциск̂ѣ; она одна составляетъ предметъ его единственной и настоящей любви. Рано или поздно онъ опять вернется къ ней и опять надѣлаетъ намъ хлопотъ; но тогда борьба будетъ труднѣе, нежели теперь.

Флорентинъ, размышляя такимъ образомъ, не чувствовалъ никакихъ угрызеній совѣсти. При полномъ отсутствіи религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій, ему не трудно было увѣрить себя въ собственной невинности. Актъ насильственной смерти долженъ былъ совершиться помимо его; онъ только хотѣлъ дать возможность несчастной женщинѣ покончить съ собой при ея безвыходномъ положеніи.

Войдя въ переднюю, онъ встрѣтилъ Марго, которая угрюмо спросила о причинѣ его появленія.

— Ты всегда приходишь къ Франциск̂ѣ съ какимъ нибудь непріятнымъ извѣстіемъ. У ней сидятъ теперь Бріонъ и Лотрекъ, которые также ненавидятъ тебя. Объясни мнѣ, пожалуйста, чѣмъ заслужилъ ты такую общую непріязнь?

Флорентинъ боялся Лотрека и не рѣшился исполнить приказанія короля въ его присутствіи. Онъ попросилъ свою мать передать письмо Бріону, который отъ имени короля долженъ былъ вручить его графинѣ.

— Вѣрно опять что нибудь непріятное? спросилъ Марго.

— Нисколько! Король хочетъ только устроить охоту при свѣтѣ факеловъ и, вѣроятно, приглашаетъ графиню... возразилъ Флорентинъ, вынимая изъ кармана маленькую стклянку.

— Это что такое?

— Вамъ, женщинамъ, нельзя давать такія вещи въ руки. Въ этой стклянкѣ сильнѣйшій ядъ. Я нарочно показываю тебѣ ее, чтобы ты видѣла, какъ ты несправедлива ко мнѣ, обвиняя въ злобныхъ намѣреніяхъ относительно Франциски. Я отнялъ этотъ ядъ у испанцевъ; они хотѣли отравить нашу Франциску въ угоду королевѣ Елеонорѣ.

— Милостивый Боже!..

— Не говори такъ громко! Опасность миновала: ядъ въ моихъ рукахъ.

— Дай мнѣ его сюда; я брошу въ рѣку.

— Будь осторожнѣе! Ядъ настолько силенъ, что имъ можно отравить всю воду Шаранты. Я оставлю его у себя.

Марго выхватила стклянку изъ рукъ своего сына и съ торжествующимъ видомъ удалилась изъ комнаты.

Письмо произвело потрясающее впечатлѣніе на Франциску. Она громко вскрикнула и упала въ кресло. Пока Химена и Марго, прибѣжавшія на крикъ, старались привести ее въ чувство, Бріонъ и Лотрекъ читали письмо.

Въ это время у короля явилось сожалѣніе, что онъ согласился потребовать отъ Франциски подаренныя имъ вещи. Флорентинъ былъ

правъ. Король любилъ графиню Шатобріанъ, насколько было способно его непостоянное сердце. Къ этому примѣшивались горькіе упреки совѣсти, которые еще больше увеличивались сознаніемъ своей неправоты въ испанскихъ дѣлахъ. Онъ такъ торопилъ своего камердинера, что тотъ съ трудомъ надѣлъ на него охотничье платье. Въ королѣ проснулись лучшіе инстинкты его природы; онъ поспѣшилъ къ Франціскѣ, чтобы взять назадъ свое требованіе и выпросить у ней прощеніе.

Въ передней онъ встрѣтилъ Лотрека, который осыпалъ его самыми оскорбительными упреками. Король въ первую миниту смутился и сказалъ, что пришелъ съ намѣреніемъ извиниться передъ графиней.

— Францискъ Валуа не достоинъ вступить на порогъ графини Фуа! воскликнулъ Лотрекъ, хватаясь за рукоятку своей шпаги.

Миролюбивое настроеніе короля исчезло. Онъ также обнажилъ шпагу и, не помня себя отъ гнѣва, бросился къ Лотреку.

— Сойди съ дороги, дерзкій вассалъ, или я убью тебя этой шпагой!

Подобная угроза не могла испугать Лотрека, особенно въ настоящую минуту, когда въ лицѣ сестры была задѣта его семейная гордость. Онъ выхватилъ свою шпагу изъ ноженъ и заставилъ короля принять оборонительное положеніе. Послѣднему грозила теперь бо̀льшая опасность, нежели во время поединка съ графомъ Шатобріаномъ, потому что Лотрекъ, не уступая королю въ ловкости, далеко превосходилъ его въ искусствѣ фехтованья. Къ тому же онъ былъ хорошо вооруженъ, а король не имѣлъ при себѣ другого оружія, кромѣ короткой шпаги, которую онъ обыкновенно носилъ на охотѣ.

На счастье короля, Франциска въ этотъ моментъ опомнилась отъ своего обморока и, услыхавъ крики и шумъ, вскочила съ своего мѣста. Она узнала голосъ короля и, не помня себя отъ ужаса, воскликнула:— Гдѣ Лотрекъ?

Бріонъ, раздраженный противъ короля, не считалъ нужнымъ вмѣшиваться въ его ссору съ Лотрекомъ и молча указалъ графинѣ Шатобріанъ на дверь въ переднюю.

— Лотрекъ убьетъ его! воскликнула Франциска, выбѣгая изъ комнаты.

— Остановитесь! сказала она, ставъ между обоими противниками, которые съ испугомъ опустили свои шпаги.—Лотрекъ, это твой король! Я прошу за тебя прощенія у его величества. Надѣюсь, что моя просьба будетъ исполнена...

— Франциска, приказывай мнѣ! возразилъ король, тронутый до слезъ блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ Франциски.

— Я прошу у васъ прощенія за моего брата. Больше мнѣ ничего не нужно!

— Я все исполню, что ты прикажешь мнѣ, Франциска! воскликнулъ король, съ судорожнымъ рыданіемъ опускаясь передъ нею на

колѣни.—Требуй, что хочешь, чтобы я могъ забыть свой стыдъ. Умоляю тебя, прими отъ меня корону!

— Благодарю васъ! Слишкомъ поздно...

— Франциска, ты ненавидишь меня! сказалъ король, поднимаясь на ноги и протягивая къ ней руки.

— Нѣтъ, отвѣтила она спокойнымъ голосомъ и не оглядываясь ушла въ свою комнату. Король и Лотрекъ слышали, что она заперла за собою дверь на ключъ.

Король Францискъ былъ внѣ себя отъ горя и бросился на шею Лотрека.

— Ты честенъ и добръ, какъ твоя сестра! сказалъ король взволнованнымъ голосомъ.—Но вы оба избавлены отъ тѣхъ заботъ, которыя налагаетъ на меня королевская власть. Мнѣ приходится дѣлать ошибки, которыя чужды моей душѣ. Сохрани мнѣ дружбу Франциски, Лотрекъ. Я пропаду безъ нея и мы всѣ...

На дворѣ послышался топотъ лошадей и протяжные звуки охотничьихъ роговъ. Флорентинъ вошелъ въ переднюю. Узнавъ отъ слугъ, что король отправился къ графинѣ Шатобріанъ, онъ послѣдовалъ за нимъ.

На этотъ разъ онъ не могъ выбрать болѣе неудобнаго момента. Король, увидя его, громко воскликнулъ:

— Ты опять здѣсь, безсовѣстный человѣкъ! и, вѣроятно, пришелъ съ цѣлью подсматривать за мной! Но ты напрасно воображаешь, что можно безнаказанно поддѣлывать почеркъ короля!.. Этотъ негодяй написалъ письмо твоей сестрѣ, Лотрекъ!.. Но я справлюсь съ нимъ! Помни, прелатъ, что если ты еще пять минутъ пробудешь въ замкѣ Коньякъ и когда нибудь опять попадешься мнѣ на глаза, то твоя одежда не избавитъ тебя отъ постыднаго наказанія. Убирайся вонъ отсюда, или я велю прогнать тебя насильно!

Флорентинъ поспѣшно удалился.

Неожиданное появленіе прелата отвлекло короля отъ мучившаго его раскаянія. Безъ этого перерыва король, вѣроятно, не былъ бы въ состояніи сѣсть на лошадь и отправиться на шумную охоту при свѣтѣ факеловъ.

Въ душѣ Франциски не было ни малѣйшаго сомнѣнія относительно постигшаго ее несчастія. Съ такимъ чувствомъ смотритъ хозяинъ на пожаръ своего дома; онъ знаетъ, что свѣтлое пламя лишитъ его крова, не оставитъ камня на камнѣ отъ его прежняго жилища и что ему придется остаться среди поля, не смотря на темную бурную ночь.—Счастье для меня невозможно! сказала себѣ Франциска. Погоня за счастьемъ заставила меня забыть мои семейныя обязанности. Я вернусь къ нимъ и вынесу месть графа...

Франциска, занятая этими мыслями, попросила всѣхъ удалиться и осталась одна въ темной комнатѣ. Она не пролила ни одной слезы; прошло то счастливое время, когда она еще могла плакать и въ душѣ

ея происходила борьба между разочарованіемъ и надеждой на лучшую будущность. Развѣ у ней могли быть какія либо сомнѣнія въ своемъ несчастіи послѣ оскорбленія, нанесеннаго ей королемъ? Быть можетъ, онъ поступилъ съ нею такимъ образомъ по совѣту ея враговъ; но одно казалось ей вѣрнымъ, что онъ больше не любитъ ея.

Въ эти полчаса, которые она провела въ темной комнатѣ, она думала все, что ей слѣдуетъ сдѣлать передъ отъѣздомъ. Затѣмъ, она позвала Бернара. Когда онъ зажегъ свѣчи, она подала ему великолѣпную шкатулку чернаго дерева, украшенную рѣзьбой и золотыми инкрустаціями. Въ этой шкатулкѣ были положены кольца, браслеты и цѣпочки, полученныя ею въ подарокъ отъ короля.

— Возьми все это, сказала она тономъ, не допускающимъ противорѣчія,—и расплавь всѣ эти вещи на огнѣ въ одинъ слитокъ.

Отправивъ слугу, она написала королю письмо и завернула въ шелковый платокъ тѣ вещи, которыя думала взять съ собой въ дорогу. При этомъ она замѣтила на коврѣ маленькую стклянку, которую Марго выронила изъ рукъ во время ея обморока. На днѣ стклянки былъ наклеенъ билетикъ съ надписью на итальянскомъ языкѣ „ядъ". Рука ея дрогнула, но она рѣшилась выполнить до конца придуманный ею планъ. Она пренебрегла своими обязанностями ради любви къ королю; неужели она вторично откажется отъ нихъ изъ-за горя, которое онъ причинилъ ей? Дремавшее материнское чувство проснулось въ ея душѣ:

— Быстрая смерть была бы всего пріятнѣе мнѣ въ эту минуту, прошептала она; но я принадлежу моему ребенку!..

Она хотѣла тотчасъ же уѣхать въ Шатобріанъ и объявила Бернару, что онъ долженъ сдѣлать всѣ нужныя приготовленія къ дорогѣ и что только онъ одинъ будетъ сопутствовать ей.

Король Францискъ не подозрѣвалъ этого, хотя охота, противъ ожиданія, не доставила ему ни малѣйшаго развлеченія. Онъ увлекъ за собою красивую Анну въ уединенную часть лѣса, но почти не обращалъ на нее никакого вниманія. Имъ овладѣло лихорадочное безпокойство; онъ казался разсѣяннымъ и безъ всякой опредѣленной цѣли гналъ свою лошадь по лѣсу, приглашая по временамъ молодую дѣвушку слѣдовать за нимъ повелительнымъ жестомъ руки. Нѣсколько разъ ей угрожала опасность паденія, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они ѣхали, было совершенно темно. Наконецъ m-lle де-Гелльи, выведенная изъ терпѣнія упорнымъ молчаніемъ короля, объявила ему наотрѣзъ, что не можетъ долѣе сидѣть на лошади.

Это случилось въ то время, когда Химена, узнавъ о намѣреніи Франциски уѣхать тайно изъ замка, позвала Лотрека, чтобы онъ уговорилъ свою сестру позволить имъ проводить ее въ Бретань. Въ этомъ заключалась ихъ единственная просьба; они знали, что имъ не удастся удержать ее отъ поѣздки въ Шатобріанъ, такъ какъ это рѣшеніе

было вызвано раскаяніемъ и могло до извѣстной степени успокоить несчастную женщину.

На всѣ ихъ просьбы и убѣжденія, Франциска отвѣчала упорнымъ отказомъ.

— Я одна убѣжала изъ замка Шатобріанъ, и одна возвращусь туда, говорила она.

Благодаря этимъ переговорамъ, отъѣздъ Франциски настолько замедлился, что король могъ вернуться съ охоты. Тяжелое предчувствіе не давало ему покоя. Уступая просьбѣ Анны, онъ снялъ ее съ сѣдла, не останавливая своего коня и безпокойно оглядываясь по сторонамъ, точно прислушивался къ шепоту невидимыхъ духовъ въ темномъ лѣсу.—Она хочетъ покинуть меня! вскрикнулъ онъ неожиданно, не помня себя отъ отчаянія. Голосъ его дико раздался въ мрачномъ буковомъ лѣсу. Анна де-Гелльи едва не бросилась бѣжать отъ испуга; ей пришло въ голову, что король сошелъ съ ума. Но прежде, чѣмъ она успѣла выполнить свое намѣреніе, король исчезъ изъ ея глазъ. Онъ остановился на минуту въ раздумьи, но вслѣдъ за тѣмъ, пришпоривъ своего коня, полетѣлъ стремглавъ по лѣсу, не разбирая дороги. Ему казалось, что, быть можетъ, ему удастся помириться съ Франциской, если онъ успѣетъ застать ее въ Коньякѣ. Онъ былъ уже на опушкѣ лѣса и видѣлъ издали освѣщенныя окна замка, но тутъ конь его, изнемогавшій отъ усталости, споткнулся и грохнулся всей тяжестью на землю. Король полетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ, при чемъ ударился головой объ стволъ буковаго дерева и на нѣсколько минутъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, то сдѣлалъ попытку подняться на ноги, но отъ сильной боли не могъ сдвинуться съ мѣста. Прошло около часу, пока одинъ изъ егерей, услыхавъ отчаянный крикъ Анны де-Гелльи, вывелъ ее изъ лѣсу, затѣмъ столько же времени отыскивали короля. Весеннее солнце высоко поднялось на небѣ, когда короля Франциска внесли въ замокъ на носилкахъ. Первымъ его вопросомъ было: гдѣ графиня?

— Она приказала передать вамъ эту шкатулку, сказалъ камердинеръ.

— Гдѣ графиня? повторилъ король.

— Говорятъ, она уѣхала въ полночь изъ замка съ графомъ Лотрекомъ.

— О, Боже!.. Этого еще не доставало!.. Открой шкатулку, Мартенъ! Нѣтъ ли въ ней чего нибудь?

— Слитокъ золота и письмо!

— Распечатай скорѣе!.. Я не могу двигаться. Держи письмо; я прочту его.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Вотъ кольца, браслеты и цѣпочки, подаренныя мнѣ королемъ; они всѣ въ этомъ слиткѣ. Письма и девизы, писанные его рукою, уничтожены; но я никогда не забуду ихъ, хотя онъ пренебрегъ моей

любовью или не понялъ ее. Желаю ему счастья! Врядъ ли найдется въ цѣломъ мірѣ человѣкъ, который желалъ бы ему счастья болѣе меня".

Франциска де-Шатобріанъ.

— Я потерялъ свое лучшее сокровище! воскликнулъ съ отчаяніемъ король, закрывая лицо руками. Изнемогая отъ нравственной и физической боли, онъ громко застоналъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой и, приподнявъ голову съ подушки, проговорилъ съ живостью:

— Пошлите тотчасъ гонцевъ по дорогамъ въ Барбезіе, Понъ и Ангулемъ, и по всѣмъ тропинкамъ, ведущимъ къ Гароннѣ. Если они не настигнутъ графиню на пути, то пусть ѣдутъ въ замокъ Фуа!.. Скажите графинѣ, что король Францискъ умоляетъ ее вернуться въ Коньякъ, что онъ боленъ и можетъ умереть, не простившись съ нею...

Герцогиня Ангулемская сидѣла въ комнатѣ и слышала распоряженіе короля. Всѣ несчастія разомъ обрушились на ея голову. Флорентинъ былъ изгнанъ; ея сынъ — при смерти, и болѣе, чѣмъ когда нибудь, любитъ ненавистную для нея графиню Шатобріанъ...

Она не подозрѣвала, что Франциска отправилась въ Бретань къ своему мужу.

ГЛАВА II.

Графъ Шатобріанъ по прежнему жилъ въ старой башнѣ своего замка. Благодаря Флорентину, который обманывалъ его ложными извѣстіями, онъ оставался въ бездѣйствіи послѣ отъѣзда короля изъ Фонтенбло. Герцогиня охотно воспользовалась бы такимъ союзникомъ для своихъ цѣлей, но, вступивъ въ роль правительницы, она считала неудобнымъ выдать Франциску, порученную ей королемъ. Правительница и Флорентинъ были убѣждены, что Франциска рано или поздно сама должна будетъ выѣхать изъ Фонтенбло и что тогда не трудно будетъ отправить ее въ замокъ Шатобріанъ. Въ виду этого, и опасаясь новой неумѣстной выходки со стороны бретанскаго графа, Флорентинъ далъ ему совѣтъ вернуться въ свой замокъ и ожидать развязки исторіи, которая должна неизбѣжно кончиться въ его пользу. При этомъ прелатъ обѣщалъ мужу Франциски заботиться объ его интересахъ и ежемѣсячно извѣщать о ходѣ событій. Графъ Шатобріанъ охотно послѣдовалъ этому совѣту и вернулся въ Бретань. Онъ не былъ способенъ предпринять теперь что либо, потому что послѣ ушиба при паденіи въ Фентенбло чувствовалъ сильную боль въ головѣ; то, что̀ не успѣло сдѣлать краснорѣчіе прелата, довершила фи-

зическая слабость и потребность покоя. Въ первое время онъ ежемѣсячно получалъ извѣстія черезъ монаха изъ Анжера и пришелъ къ убѣжденію, что онъ можетъ спокойно ждать, такъ какъ дѣло его въ надежныхъ рукахъ. Флорентинъ, извѣщая его, между прочимъ, объ отъѣздѣ графини въ Фуа, писалъ ему: „Отношенія Франциски къ королю слѣдуетъ считать порванными, благодаря ея бѣгству изъ Фонтенбло. Вы можете принять рѣшительныя мѣры, когда король вернется во Францію, а если что случится съ графиней въ настоящее время, то это только возбудитъ къ ней участіе короля. Я извѣщу васъ, когда наступитъ пора дѣйствовать, и вы можете безъ опасенія расправиться съ графиней." Въ томъ же духѣ писалъ Флорентинъ изъ Мадрида и увѣрялъ графа, что все кончено между королемъ и Франциской.

Вѣсть о возвращеніи короля во Францію дошла и до далекой Бретани, но графъ Шатобріанъ терпѣливо ждалъ извѣстій отъ Флорентина въ убѣжденіи, что можетъ вполнѣ положиться на него. Между тѣмъ, прелатъ былъ настолько занятъ событіями въ Коньякѣ, что ему и въ голову не пришло исполнять взятое имъ на себя обязательство, тѣмъ болѣе, что онъ самъ не зналъ о намѣреніи графини вернуться въ Бретань.

Такимъ образомъ, въ замкѣ Шатобріанъ никто не ожидалъ прибытія графини, когда она остановилась у воротъ съ Лотрекомъ, Хименой и Марго.

Было теплое весеннее утро. Графъ выѣхалъ въ лѣсъ на соколиную охоту; Жилловеръ сторожилъ старую башню; Луизонъ съ Констанціей сидѣли у окна, обращеннаго на сѣверъ и смотрѣли на лѣсъ за Шерой, куда отправился графъ; онѣ не могли видѣть графини и ея спутниковъ, которые подъѣхали съ южной стороны.

Мертвая тишина царила въ новомъ замкѣ, у котораго пріѣзжіе сошли съ лошадей. Сердце Франциски усилено билось; она не могла дать себѣ яснаго отчета: заговорило ли въ ней материнское чувство въ ожиданіи свиданія съ дочерью, или она думало о томъ, что ей предстоитъ очутиться лицомъ къ лицу передъ ея грознымъ судьей и покориться его приговору? Напрасно Лотрекъ и Химена отговаривали ее отъ этой поѣздки и совѣтовали удалиться въ монастырь. Она упорно стояла на своемъ.—Я хочу видѣть мою дочь, говорила она—вы забываете, что на мнѣ лѣжитъ нравственный долгъ; я должна исполнить его!

У воротъ замка она хотѣла проститься съ своими спутниками, но Лотрекъ и Химена наотрѣзъ объявили ей, что не оставятъ ее и пробудутъ въ замкѣ болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по поведенію графа. Она возражала противъ этого, хотя видно было по ея лицу, что она боится оставаться одна и готова съ благодарностью принять ихъ предложеніе.

— Здѣсь нѣтъ ни единой души, сказалъ Лотрекъ.

— Вотъ Батистъ! возразила графиня, указывая на слугу, который поспѣшно шелъ къ нимъ изъ стараго замка, но потомъ, взглянувъ украдкой на окно средняго этажа, умѣрилъ свои шаги и медленно подошелъ къ каменному мосту, ведущему въ башню, у котораго стояли пріѣзжіе.

— Ты бросилъ меня, Батистъ! сказала графиня, дѣлая усиліе чтобы улыбнуться.—Вотъ я сама пріѣхала навѣстить Констанцію! Здорова ли она?

— Да, только ради Бога не входите въ замокъ! отвѣтилъ заикаясь Батистъ, вытирая слезы, выступившія на его глазахъ.

— Графа нѣтъ дома. Замокъ пустъ, какъ церковь! Уѣзжайте скорѣе... или нѣтъ... Теперь самое удобное время! захватите Констанцію... Мы вломимся въ дверь; тамъ никого нѣтъ, кромѣ стараго Жилловера. Когда вернется графъ, вы уже будете за нѣсколько миль отсюда.

— Нѣтъ, не нужно!.. Прошло время, когда можно было это сдѣлать. Но тогда ты измѣнилъ мнѣ, Батистъ...

— Не обвиняйте меня! Это было единственное средство пріобрѣсть довѣріе графа! Я хотѣлъ бы еще разъ услужить вамъ въ моей жизни и сдѣлаю все, что вы прикажете. Только не оставайтесь здѣсь; это было бы для меня величайшимъ мученіемъ въ мірѣ.

— Я должна это сдѣлать! Пойди и доложи о нашемъ пріѣздѣ.

— Жилловеръ не отворитъ дверей, если увидитъ васъ. Если бы вы знали, что это за человѣкъ!

Батистъ былъ правъ. Жилловеръ не пустилъ графиню въ башню и лишилъ ее возможности увидѣть Констанцію. Такимъ образомъ, пріѣзжимъ оставалось только ожидать возвращенія графа, что могло быть не раньше вечера, и водвориться въ новомъ замкѣ, хотя они не были увѣрены, что вернувшійся хозяинъ позволитъ имъ остаться въ немъ. Благодаря этой неопредѣленности, они провели мучительный день, который показался имъ безконечнымъ.

Франциска удалилась въ свою комнату. Она нашла ее въ томъ видѣ, въ какомъ оставила при своемъ отъѣздѣ въ Блуа; платье, которое она сняла, одѣваясь въ дорогу, лежало на креслѣ; густой слой пыли покрывалъ всѣ предметы, какъ будто ни одна человѣческая нога не входила въ эту комнату; птица въ клѣткѣ, повидимому, околѣла съ голоду; она лежала покрытая пылью, такъ что ее съ трудомъ можно было разглядѣть; тяжелый, удушливый запахъ наполнялъ комнату.

Франциска особенно мучилась при мысли, что ей пришлось опять вернуться въ эту комнату, изъ которой, быть можетъ, ее выгонятъ черезъ нѣсколько часовъ и, вѣроятно, самымъ оскорбительнымъ образомъ. Но Марго, по обыкновенію, не задавалась никакими вопросами; она отворила окно, чтобы освѣжить воздухъ, и дѣятельно принялась стирать пыль и убирать комнату, такъ что посторонній зритель могъ поду-

мать, что дѣло идетъ только о водвореніи порядка послѣ долгаго отсутствія хозяйки дома.

Въ это время Химена и Лотрекъ ходили взадъ и впередъ по красивой галлереѣ новаго замка, украшенной арками, которая считалась чудомъ архитектурнаго искусства въ первобытной Бретани. Химена была въ печальномъ настроеніи духа. Она все еще не могла придти въ себя отъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее полнымъ невниманіемъ короля. Онъ даже не удостоилъ спросить о ней! Не смотря на всю свою преданность къ графинѣ Шатобріанъ, она чувствовала себя глубоко оскорбленной той жалкой ролью, которая выпала ей на долю, и при своемъ мрачномъ взглядѣ на жизнь, мысленно рѣшила, что она должна навсегда отказаться отъ радостей любви.—Отецъ правъ, думала она.—Мнѣ суждено быть вѣчной помѣхой для другихъ. Я принесла одно горе Франпискѣ, а для короля я была не болѣе, какъ игрушкой, представлявшей мимолетный интересъ. Если бы я имѣла право признаться ему въ любви, то, быть можетъ, и на мою долю выпало бы нѣсколько счастливыхъ минутъ. Но чѣмъ бы ни кончилась моя безотрадная и никому не нужная жизнь, я не буду обманывать другихъ кажущейся привязанностью, въ надеждѣ найти въ ней утѣшеніе.

Это относилось къ Лотреку, который полюбилъ ее со всею горячностью и чистосердечіемъ первой любви. Она боялась объясненій съ его стороны и твердо рѣшилась отказаться отъ его руки. Если графъ Шатобріанъ не позволитъ ей остаться въ замкѣ, то она поступитъ въ монастырь и броситъ навсегда этотъ свѣтъ, который до сихъ поръ ничего не принесъ ей, кромѣ горя и разочарованія. Задавшись этой мыслью, она упорно отклоняла признаніе Лотрека и старалась свести разговоръ на опасность, грозившую Франпискѣ. Въ это время залаяли собаки и послышалось ржаніе лошадей: графъ Шатобріанъ возвратился съ охоты и, не сходя съ лошади, выслушалъ докладъ Баптиста, встрѣтившаго его у воротъ.

Франциска бросилась въ испугѣ къ Лотреку и Хименѣ; руки ея дрожали; она не могла выговорить ни одного слова.

Графъ Шатобріанъ передалъ своего сокола охотнику и взялъ изъ рукъ послѣдняго убитую птицу, чтобы показать дочери. Затѣмъ, онъ сошелъ съ лошади и направился къ замку. Франциска съ волненіемъ смотрѣла на дверь, думая, что графъ пройдетъ въ башню черезъ галлерею. Химена и Лотрекъ стояли около нея въ ожиданіи бурной сцены. Но дверь не отворялась. Графъ вошелъ особымъ входомъ; когда они оглянулись, то увидѣли его на самомъ концѣ галлереи. Онъ шелъ повернувшись къ нимъ спиной и черезъ минуту скрылся изъ виду.

— Онъ не замѣтилъ насъ, сказала Химена, — или, быть можетъ, онъ хочетъ приготовиться къ предстоящему свиданію съ Франциской!

Но прошелъ часъ, а въ пустомъ замкѣ не слышно было ни малѣйшаго признака жизни.

Наконецъ Лотрекъ, потерявъ терпѣніе, воскликнулъ:—Это невыносимо! я пойду къ нему...

— Ради Бога, не оставляй меня одну...—сказала Франциска.

— Ну, такъ пойдемте втроемъ, отвѣтилъ Лотрекъ и, пригласивъ обѣихъ женщинъ слѣдовать за нимъ, онъ прошелъ быстрыми шагами висячую галлерею и постучался въ дверь. На это не послѣдовало никакого отвѣта. Лотрекъ осмотрѣлъ замокъ, чтобы убѣдиться въ его прочности, но, къ удивленію, дверь оказалась незапертою и онъ открылъ ее настежъ. Они увидѣли графа, сидящаго за ужиномъ съ Констанціей; Луизонъ стояла за стуломъ дѣвочки, Жилловеръ—за стуломъ графа.

— Констанція! воскликнула Франциска, подбѣгая къ дочери и покрывая ее поцѣлуями. Дѣвочка не узнала ее и съ испугомъ схватилась за платье Луизонъ.

— Это твоя мать, Констанція! сказалъ графъ, вставая съ мѣста и холодно раскланиваясь съ Лотрекомъ и Хименой. Онъ не сдѣлалъ ни одного вопроса Францискѣ, но вѣжливо отвѣчалъ ей, когда она обращалась къ нему, и видимо слѣдилъ за собой, чтобы не сказать ей чего нибудь непріятнаго. Когда она выразила желаніе, чтобы Констанція переселилась къ ней въ новый замокъ, онъ спокойно отказалъ ей, не объясняя причины, которая была слишкомъ очевидна: дѣвочка любила отца и едва помнила свою мать.

Такимъ образомъ, по прошествіи недѣли Лотрекъ совершенно успокоился и пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать какого либо насилія надъ Франциской со стороны графа, или особенно непріятныхъ сценъ. Онъ хотѣлъ уѣхать, считая свое присутствіе совершенно лишнимъ, но Химена упросила его пробыть еще нѣкоторое время въ замкѣ Шатобріанъ.

Лотрекъ уступилъ желанію молодой дѣвушки, хотя потерялъ всякую надежду получить ея руку, потому что она откровенно сказала ему, что не любитъ его и врядъ ли когда нибудь въ состояніи будетъ имѣть и къ нему другое чувство, кромѣ дружбы. Химена уговарила его остаться для Франциски.

— Этотъ графъ, сказала она Лотреку,—надѣлъ на себя маску, чтобы обмануть васъ; когда вы уѣдете отсюда, онъ будетъ вести себя совершенно иначе. Вы говорите, что онъ день ото дня становится мягче и разговорчивѣе. Но я не могу довѣрять ему. Выраженіе его глазъ кажется мнѣ подозрительнымъ...

Химена была права. Графъ Шатобріанъ не думалъ отказываться отъ намѣренія отомстить Францискѣ, но рѣшилъ отложить это до болѣе удобнаго времени. Составляя планъ мести, онъ не принялъ въ разсчетъ добровольнаго возвращенія Франциски и пріѣзда Лотрека, котораго онъ боялся, и потому онъ по неволѣ долженъ былъ сдер-

живать свой гнѣвъ и вести себя болѣе или менѣе приличнымъ образомъ. Присутствіе Химены также стѣсняло его; онъ нѣсколько разъ съ досадой говорилъ самому себѣ, что врядъ ли позволитъ себѣ обойтись сурово съ Франциской при этой цѣломудренной испанкѣ.

День проходилъ за днемъ въ замкѣ Шатобріанъ безъ всякихъ выдающихся событій, такъ что, наконецъ, сама Химена не считала себя болѣе вправѣ удерживать Лотрека, зная, что его призываютъ важныя общественныя обязанности. Онъ обѣщалъ вернуться въ самомъ непродолжительномъ времени, желая этимъ утѣшить сестру, которая по пріѣздѣ въ замокъ Шатобріанъ стала еще грустнѣе, нежели за нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда безъ всякой надобности рѣшилась на опасный для нея шагъ. Быть можетъ, это происходило отъ того, что она чувствовала себя въ домѣ мужа совершенно лишней. Констанція, болѣзненное и упрямое существо, совсѣмъ отвыкла отъ нея. Ни Констанція, ни графъ Шатобріанъ, больше не нуждались въ ней.

Ничто не измѣнилось съ отъѣздомъ Лотрека. Наступило жаркое бретанское лѣто, но жизнь въ замкѣ Шатобріанъ по прежному текла вяло и тихо. Химена получила письмо отъ Лотрека, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что король, въ виду болѣе тѣснаго присоединенія Бретани къ французскому королевству, намѣревается лично явиться въ Реннъ, чтобы понудить бретанскій парламентъ передать ему всѣ акты на владѣніе провинціей.—Не подлежитъ сомнѣнію, добавлялъ Лотрекъ,—что король посѣтитъ замокъ Шатобріанъ, потому что онъ постоянно говоритъ о своей привязанности къ Францискѣ, хотя, по моему мнѣнію, онъ этимъ только испортитъ все дѣло...

Химена тотчасъ же отправилась къ графу, чтобы сообщить ему это непріятное извѣстіе и попросить отъ имени Франциски, чтобы онъ принялъ мѣры противъ вѣроятнаго пріѣзда короля. Она застала графа въ старой башнѣ; онъ сидѣлъ у окна и наслаждался вечерней прохладой, смотря на рѣку, гдѣ Луизонъ и Жилловеръ катали въ лодкѣ маленькую Констанцію. Графъ былъ совсѣмъ одинъ въ старой башнѣ. Онъ выслушалъ съ видимымъ равнодушіемъ сообщенное ему извѣстіе и пристально смотрѣлъ на раскраснѣвшуюся отъ волненія дѣвушку; затѣмъ неожиданно вскочилъ съ своего мѣста и обнялъ ее. Химена сопротивлялась; она съ ужасомъ видѣла, что ей не устоять противъ бѣшенаго порыва грубой чувственности бретанскаго сеньора. Но въ это время послышался стукъ отворяемыхъ дверей въ залѣ средняго этажа и отчаянный крикъ Луизонъ: Констанція! бѣдная Констанція! Графъ Шатобріанъ помертвѣлъ отъ испуга при мысли, что случилось несчастіе съ единственнымъ существомъ, которое онъ любилъ. Онъ выпустилъ Химену изъ своихъ объятій и бросился къ лѣстницѣ.—Что случилось? Гдѣ Констанція? спрашивалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Оказалось, что дѣвочка, утомленная долгимъ катаньемъ въ лодкѣ,

упала въ обморокъ; ее принесли въ башню въ безчувственномъ состояніи. Замкнутая жизнь въ старой сырой башнѣ, гдѣ графъ изъ предосторожности держалъ въ послѣдніе годы свою дочь, гибельно отозвалась на ней и способствовала развитію болѣзни, которая проявилась теперь безъ всякаго видимаго повода.

Химена побѣжала за Франциской и объявила ей, что тотчасъ поѣдетъ въ ближайшій монастырь съ Батистомъ и пошлетъ оттуда монаха, свѣдущаго въ медицинѣ, съ необходимыми лекарствами. Въ дѣйствительности это былъ только предлогъ, чтобы удалиться изъ замка, гдѣ она не хотѣла долѣе оставаться ни минуты послѣ дерзкой выходки графа. Она рѣшилась искать убѣжища въ монастырѣ, но считала лишнимъ сообщать объ этомъ Францискѣ, въ надеждѣ, что болѣзнь дочери привлечетъ все ея вниманіе.

Химена не ошиблась Франциска провела восемь сутокъ у постели своей дочери; на девятый день Констанція умерла. Франциска, изнуренная тѣлесно и нравственно, упала безъ чувствъ на полъ у трупа своего ребенка. Когда она очнулась, то увидѣла себя въ третьемъ этажѣ старой башни, на своей постели, которая была принесена изъ новаго замка со всѣми ея вещами. Графъ объявилъ ей, что ей нѣтъ никакой необходимости переходить въ новый замокъ. Онъ страшно измѣнился послѣ смерти дочери; казалось, одинъ только ребенокъ связывалъ его съ жизнью и людьми. Вся злоба, которая накопилась въ его сердцѣ противъ жены, выразилась теперь въ суровыхъ и ѣдкихъ упрекахъ. Онъ обвинялъ ее въ смерти дочери.

— Посмотримъ, сколько времени выдержишь ты здѣсь заточеніе! говорилъ онъ ей.—Твой возлюбленный Валуа скоро явится сюда! Если ты пожелаешь вырваться на свободу, то встань на это окно; я помогу тебѣ покончить счеты съ жизнью!..

Молча выслушивала его Франциска, не дѣлая никакого возраженія. Это было своего рода мученичество, которое почти нравилось ей при ея настоящемъ настроеніи.

Послѣ нѣкотораго времени, гнѣвъ графа, повидимому, ослабѣлъ, благодаря отсутствію сопротивленія съ ея стороны. Онъ оставилъ ее въ покоѣ, только велѣлъ перенести свою постель въ ея комнату. Хотя постель была поставлена въ самомъ отдаленномъ углу за перегородкой, но эта близость была для Франциски самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ испытанныхъ ею мученій. Въ первое время графъ не обращалъ на нее никакого вниманія и даже не говорилъ съ нею; только ночью она слышала иногда его подавленныя рыданія.

— Онъ оплакиваетъ своего ребенка, и ты не можешь утѣшить его! думала она съ отчаяніемъ.—Ты навлекла на него всѣ несчастія, и не въ состояніи ничего дать ему взамѣнъ этого!..

Она глубоко сознавала свою вину передъ мужемъ, который въ былое время, по своему, любилъ ее.

Наконецъ, однажды ночью, послѣ долгаго колебанія, она встала съ

постели и, набросивъ на себя платье, подошла къ нему и на колѣняхъ, съ искреннимъ раскаяніемъ, просила у него прощенія.—Быть можетъ, сказала она,—ты успокоишься, если пересилишь свой гнѣвъ и великодушно простишь меня! Повѣрь, что я всѣмъ сердцемъ сочувствую твоему горю и желала бы утѣшить тебя.

Надъ головой графа слабо свѣтился ночникъ. Онъ приподнялся съ подушекъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Франциску; на лицѣ его отразилась борьба самыхъ противоположныхъ чувствъ. Оправившись отъ перваго смущенія, онъ опять почувствовалъ нѣжность къ своей женѣ. Слезы подступили къ его глазамъ; онъ положилъ правую руку на распустившіеся волосы Франциски, а лѣвой прикоснулся до ея плеча, съ котораго соскользнуло платье; затѣмъ онъ приподнялъ ее и усадилъ къ себѣ на постель. Въ эту минуту онъ готовъ былъ простить ей и выказать свое великодушіе; но чувственность, сдерживаемая годами, настолько овладѣла имъ, что ему казалось, что онъ слѣдуетъ нравственному побужденію, приблизивъ ее къ себѣ.

У Франциски была иная натура. Она ясно сознавала, что ничто не можетъ пополнить пропасть между ею и ея мужемъ. Супружеская связь была порвана на вѣки по ея винѣ; она не разъ думала объ этомъ съ глубокимъ раскаяніемъ, но не могла допустить, чтобы отъ нея потребовали такого искупленія.

Съ крикомъ ужаса вырвалась она изъ объятій своего мужа и бросилась отъ него къ дверямъ.

Эта сцена должна была рѣшить дальнѣйшую участь Франциски. Самолюбіе графа было уязвлено; онъ не могъ простить своей женѣ выказаннаго ею сопротивленія въ тотъ моментъ, когда онъ надѣялся осчастливить ее полнымъ забвеніемъ прошлаго. Ея „черная неблагодарность“ настолько возмутила его, что онъ поклялся отомстить ей, и только затруднялся относительно выбора наказанія, такъ какъ ни одинъ изъ извѣстныхъ ему способовъ мести не казался ему достаточнымъ. Въ этомъ настроеніи всталъ онъ на слѣдующее утро и нашелъ на своемъ столѣ письмо Флорентина, которое привело его еще въ большую ярость, такъ какъ было переполнено насмѣшками и упреками. „Какъ это могло случиться, писалъ прелатъ, что послѣ того, какъ вы подняли чуть ли не весь свѣтъ на ноги, чтобы захватить въ свои руки преступницу, нарушившую супружескую вѣрность, вы тотчасъ же сложили оружіе, какъ только это удалось вамъ. Вы какъ будто не подозрѣваете тѣхъ невѣроятныхъ усилій, которыя мы должны были употребить, чтобы намъ выдали ее. Я даже навлекъ на себя изъ-за этого гнѣвъ короля и долженъ былъ отправиться въ изгнаніе... Мы проводили ее почти до порога вашего дома, не требуя отъ васъ никакихъ жертвъ, такъ что вамъ оставалось только насладиться тріумфомъ мужа, къ которому возвращается кающаяся

жена, и подвергнуть ее достойному наказанію. Но вы, въ благодарность за наши хлопоты объ васъ разыграли роль мягко-сердечнаго рогоносца, который съ радостью принялъ захваченную у него собственность, не обращая вниманія на то, что она покрыта грязью и изношена другими. Не въ этомъ ли высказывается ваша гордость, сеньоръ, относительно деспотическаго короля? Не этимъ ли способомъ вы думаете проучить его? Развѣ онъ не будетъ имѣть основаніе насмѣхаться надъ простодушными бретанцами, когда ему скажутъ, по пріѣздѣ въ Реннъ, что въ замкѣ Шатобріанъ все обстоитъ благополучно"...

Письмо это было безъ подписи и безъ обозначенія мѣста жительства, но графъ слишкомъ хорошо зналъ почеркъ прелата и пришелъ еще въ большую ярость. Насмѣшки Флорентина задѣли его за живое; онъ тотчасъ же принялъ энергическія мѣры, чтобы поддержать свое супружеское достоинство.

До этого дня Марго могла входить въ башню во всякое время, чтобы прислуживать графинѣ; но теперь ей отданъ былъ приказъ немедленно удалиться изъ Шатобріана. Со слезами простилась она съ своей любимицей и переѣхала въ монастырь къ Хименѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Жилловеръ перевелъ графиню въ нижній этажъ замка, гдѣ былъ вѣчный полумракъ, такъ какъ окна были снабжены желѣзными рѣшетками. Уходя онъ заперъ дверь на замокъ и унесъ ключъ.

Батистъ ничего не зналъ о заключеніи Франциски, но графъ, не дожидаясь его вопросовъ по поводу внезапнаго исчезновенія графини, сообщилъ ему, что прогналъ ее изъ Шатобріана, потому, что она запятнала честь его имени.—Ты можешь разсказать это, кому сочтешь нужнымъ, добавилъ графъ.—Это даже необходимо, во избѣжаніе ложныхъ слуховъ въ нашихъ окрестностяхъ. Только не болтай объ этомъ съ Луизонъ; бабы вообще слезливы...

Луизонъ послѣ смерти Констанціи была отослана въ новый замокъ, гдѣ жила остальная прислуга. Графъ видимо старался заручиться участіемъ Батиста, въ надеждѣ, что онъ заставитъ молчать другихъ слугъ. Но Батистъ скоро догадался по нѣкоторымъ признакамъ, что графиня находится въ старой башнѣ. Онъ замѣтилъ, что Жилловеръ носитъ слишкомъ большія порціи кушаньевъ своему господину; кромѣ того, съ нѣкотораго времени по вечерамъ видѣнъ былъ свѣтъ въ окнѣ нижняго этажа башни. Кто могъ жить тамъ кромѣ Франциски? Графъ окончательно водворился въ комнатахъ Констанціи. Жилловеръ по прежнему спалъ на одѣялѣ, у дверей висячей галлереи... Но всего болѣе утверждало Батиста въ его печальной догадкѣ то обстоятельство, что воронъ Жакъ просиживалъ цѣлые часы на одномъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ нижняго этажа башни.

Батистъ зналъ, что трудно будетъ добиться какихъ либо свѣдѣній отъ Жилловера, и рѣшилъ съ наступленіемъ ночи отправиться въ лодкѣ кругомъ стараго замка, такъ какъ окна были настолько низки,

что можно было ухватиться рукой за рѣшетку и, повиснувъ на ней, заглянуть, что дѣлалось въ комнатахъ.

Къ ночи поднялся сильный южный вѣтеръ. Батистъ, никѣмъ не замѣченный, доплылъ до окна, изъ котораго былъ видѣнъ свѣтъ, и придерживая весломъ лодку, схватился другой рукой за желѣзный прутъ. Онъ увидѣлъ свою госпожу, блѣдную какъ смерть; она сидѣла на постели, опустивъ руки на колѣни; лицо ея, тускло освѣщенное лампой, выражало полное отчаяніе. Батистъ, не помня себя отъ ужаса, выпустилъ весло изъ рукъ; лодка скользнула изъ подъ его ногъ и уплыла по теченію. Онъ упалъ въ воду и, бросившись вплавь за лодкой, настигъ ее въ нѣсколькихъ саженяхъ объ башни. Тутъ онъ выскочилъ на берегъ и въ мокромъ платьѣ побѣжалъ лѣсомъ въ монастырь къ Хименѣ.

Но въ данную минуту трудно было ожидать откуда нибудь помощи. Лотрекъ былъ на другомъ концѣ Франціи и даже, быть можетъ, какъ ходили слухи, уѣхалъ съ какимъ-то порученіемъ на границу Италіи. На короля также трудно было разсчитывать; въ его настроеніи, повидимому, произошла странная перемѣна: лучшіе друзья Франциски были удалены,—Бюде отданъ подъ судъ за свои еретическія убѣжденія, Маро по тому же поводу заключенъ въ темницу. Тѣмъ не менѣе, необходимо было предпринять какія нибудь мѣры для спасенія Франциски, потому что Батистъ былъ убѣжденъ, что ея жизнь была въ опасности. Химена отправила Марго въ Парижъ, такъ какъ это было единственное существо, которому она могла довѣрить. Марго должна была просить защиты у Бріона и даже, если окажется возможнымъ, у самого короля.

Такимъ образомъ, помощь могла явиться только черезъ извѣстный промежутокъ времени; быть можетъ, сама Химена отказалось бы отъ такого ничтожнаго средства для спасенія подруги, если бы знала, что̀ происходило въ эту ночь въ замкѣ Шатобріанъ. Графъ сидѣлъ въ залѣ средняго этажа башни у дубоваго стола, слабо освѣщеннаго мѣдной лампой. Противъ графа, за тѣмъ же столомъ, сидѣлъ старый Жилловеръ, котораго онъ посадилъ съ собою, потому что намѣревался обратиться къ нему за совѣтомъ. Онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно храбрости, чтобы честно и прямо принять на себя смерть графини, тѣмъ болѣе, что не могъ придумать, какъ это устроить болѣе или менѣе приличнымъ образомъ. Жилловеръ былъ хорошо знакомъ съ старыми бретанскими обычаями и могъ вывести его изъ затрудненія.

— Если вамъ угодно знать мое мнѣніе, сказалъ медленно Жилловеръ,—то я поступилъ бы въ этомъ дѣлѣ такъ, ка̀къ, по разсказамъ моего дѣда, поступали древніе бретанцы при подобныхъ несчастіяхъ въ супружествѣ.

— Что дѣлали они въ этомъ случаѣ, Жилловеръ?

— Если сеньоръ хотѣлъ наказать свою жену за нарушеніе су-

пружеской вѣрности, то онъ посылалъ своихъ слугъ къ двѣнадцати сеньорамъ по сосѣдству, съ просьбой пріѣхать къ нему на семейный судъ. Каждый женатый сеньоръ считалъ для себя позоромъ отказаться отъ такого приглашенія, потому что въ прежнія времена у людей была совѣсть. Впрочемъ, и до сихъ поръ, слава Богу, въ Бретани найдутся двѣнадцать сеньоровъ, которымъ извѣстенъ этотъ обычай и которые навѣрно явятся сюда, если ихъ вытребовать надлежащимъ образомъ.

— Ты знаешь форму этого приглашенія?

— Какъ отче нашъ.

— Разскажи мнѣ, какимъ способомъ они собирались.

— Они пріѣзжали въ домъ въ коричневыхъ плащахъ съ капишонами, которые закрывали ихъ головы и лица, такъ что только глаза и ротъ были открыты. Каждый изъ нихъ объявлялъ у воротъ: „Я одинъ изъ судей бретанскаго супружескаго суда!“ Затѣмъ они входили въ домъ и молча садились полукругомъ. Истецъ выводилъ передъ ними свою жену, разсказывалъ, въ чемъ обвинялъ ее и требовалъ разрѣшенія для наказанія виновной.

— Наказаніе состояло въ смертной казни?..

— Да. Камердинеръ обманутаго супруга пускалъ кровь изъ жилъ на рукахъ и ногахъ жены, нарушившей супружескую вѣрность, какъ только двѣнадцать судей положатъ крестообразно свои руки на столъ, со словами: „Пусть она будетъ наказана согласно бретанскому закону о бракѣ“.

— Мы устроимъ такой судъ! воскликнулъ графъ Шатобріанъ, вскакивая съ своего мѣста.—Это будетъ ударомъ для высокомѣрнаго Валуа, который хочетъ уничтожить наши провинціи и власть сеньоровъ!

Графъ принесъ письменныя принадлежности, сѣлъ у стола и приказалъ Жилловеру продиктовать ему форму приглашенія сеньоровъ на судъ, которое онъ долженъ былъ разослать въ двѣнадцати экземплярахъ. Графъ писалъ очень медленно и провелъ за этимъ занятіемъ бо̀льшую часть ночи. Жилловеръ, хорошо знакомый съ характерами всѣхъ пожилыхъ бретанскихъ сеньоровъ, называлъ фамиліи тѣхъ изъ нихъ, къ которымъ можно было послать приглашеніе съ увѣренностью на успѣхъ. Послѣднее имя было Матиньона, о которомъ напрасно хлопоталъ Дюпра, упрашивая короля о помилованіи. Матиньонъ былъ сильно замѣшанъ въ заговорѣ Бурбона; по происхожденію онъ былъ полубретанецъ и полунорманъ. Въ Бретани упорно держался слухъ, что онъ бѣжалъ изъ тюрьмы и скрывался въ своемъ замкѣ. Можно было смѣло разсчитывать, что онъ не упуститъ такой удобный случай отомстить королю; если бы молва оказалась ложною и его не было въ замкѣ, то его братъ имѣлъ еще больше поводовъ ненавидѣть короля и съ такою же готовностью явился бы на судъ. Въ виду этого, на послѣднемъ письмѣ была сдѣлана короткая надпись: „владѣтельному

сеньору Матиньону", безъ обозначенія имени. Когда графъ кончилъ свои письма, уже стало разсвѣтать. Жилловеръ разбудилъ двѣнадцать слугъ и отдалъ имъ приказъ сѣдлать лошадей и отвезти письма по адресамъ. Батистъ, только что вернувшійся изъ монастыря, былъ также въ замкѣ и ему, какъ самому надежному изъ слугъ, поручено было отвезти письмо къ Матиньону. Этотъ сеньоръ жилъ дальше всѣхъ, на самой сѣверной границѣ Бретани, и такъ какъ никому не было извѣстно въ точности, который изъ Матиньоновъ владѣетъ замкомъ, то нужно было послать толковаго человѣка. Когда Батистъ садился на лошадь, графъ крикнулъ ему изъ окна, чтобы онъ проводилъ сеньора Матиньона въ Шатобріанъ, потому что онъ незнакомъ съ бретанскими дорогами и можетъ заблудиться.

Судъ былъ назначенъ въ день св. Андрея, въ полночь. До этого срока оставалось пять дней, которые показались безконечными несчастной Франциске. Неизвѣстно, замѣтилъ ли Жилловеръ лодку Батиста у нижняго этажа замка, или хотѣлъ усилить мученія своей жертвы, только онъ заколотилъ досками единственное окно ея темницы и окончательно лишилъ ее дневнаго свѣта. Франциска не произнесла ни одной жалобы и все время упорно молчала. Она испытывала такія нравственныя мученія, что искренно желала смерти; скляночка съ ядомъ, которая случайно попала въ ея темницу съ другими вещами, служила для нея утѣшеніемъ. Благодаря плохо запиравшимся люкамъ, она слышала почти весь разговоръ Жилловера съ графомъ и знала, какого рода судъ предстоитъ ей. Но ей хотѣлось вынести до конца ожидавшее ее испытаніе, въ видѣ покаянія за свой проступокъ, съ тѣмъ чтобы въ рѣшительный моментъ съ помощью яда избѣгнуть рукъ Жилловера, который видимо намѣревался исполнить роль палача. Она думала, что этимъ способомъ избавитъ графа отъ убійства, которое, быть можетъ, со временемъ вызоветъ въ немъ упреки совѣсти.

— Я не желала бы причинять ему новыхъ страданій даже послѣ моей смерти, говорила она самой себѣ, хотя въ настоящемъ случаѣ, помимо ея собственнаго сознанія, она рѣшалась на самоубійство, чтобы избѣгнуть постыдной смерти отъ руки палача.

Въ этомъ настроеніи ожидала она полуночи въ день св. Андрея и заблаговременно спрятала стклянку съ ядомъ на груди. Люкъ надъ лѣстницей былъ открытъ; она слышала тяжелые мужскіе шаги по каменному полу средняго этажа и зная, что для нея наступаетъ рѣшительный часъ, встала на колѣни и начала молиться. Она не чувствовала набожнаго сокрушенія въ своихъ грѣхахъ благодаря гордости, которая составляла основную черту ея характера, и тѣмъ религіознымъ воззрѣніямъ, съ которыми ее познакомилъ Бюде. Она твердо надѣялась на милосердіе Божіе, объясняя свой проступокъ несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и общечеловѣческою слабостью.

— Франциска Шатобріанъ, выйди изъ темницы и предстань предъ

своими судьями!—послышался сверху голосъ графа черезъ открытый люкъ.

Она повиновалась и, поднявшись на лѣстницу, вошла въ залу средняго этажа, освѣщенную факелами. Въ первую минуту яркій свѣтъ настолько ослѣпилъ ея глаза, привыкшіе къ темнотѣ, что она ничего не могла различить и невольно отшатнулась назадъ. Но вслѣдъ затѣмъ, она собралась съ силами и спокойно взглянула на таинственныя фигуры въ капишонахъ, сидѣвшія полукругомъ у стола, поставленнаго среди комнаты. У свободной стороны стола она увидала графа, который стоялъ обернувшись къ ней лицомъ.

Она не сдѣлала ни одного вопроса и молча остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей.

Послѣ минутнаго молчанія, графъ торжественно обратился къ судьямъ и указывая на нее рукой, сказалъ:

— Бретанскіе сеньоры! вотъ женщина, которая передъ святымъ алтаремъ была обвѣнчана со мной и поклялась соблюдать честь моего герба. Она измѣнила данной клятвѣ передъ лицомъ цѣлаго свѣта; не нужно ни свидѣтелей, ни какихъ либо доказательствъ въ нарушеніи ею супружеской вѣрности. Врядъ ли когда нибудь бретанскій судъ слышалъ, чтобы преступленіе было соединено съ большею наглостью! Она какъ раба предалась Франциску Валуа, переѣхала въ его домъ, проводила съ нимъ дни и ночи. Я, бретанскій графъ де-Шатобріанъ, требую примѣненія извѣстнаго вамъ бретанскаго закона!

Всѣ молчали. Наконецъ, одинъ изъ судей сказалъ старческимъ голосомъ:—Самый старшій изъ насъ долженъ допросить подсудимую. Мнѣ семдесятъ лѣтъ.

— Мнѣ восемдесять, возразилъ другой, и я воспользуюсь моимъ правомъ!... Франциска де-Шатобріанъ, урожденная Фуа, признаешь ли ты себя виновною? Отвѣчай утвердительно, если обвиненіе справедливо, если нѣтъ, то приведи достаточныя доказательства.

Послѣ минутнаго колебанія она отвѣтила твердымъ голосомъ:

— Обвиненіе справедливо.

Судьи были видимо озадачены такимъ прямымъ отвѣтомъ; они молчали. За дверями висячей галлереи, у которыхъ стоялъ Жилловеръ, послышался шумъ. Это замедлило произнесеніе приговора.

Но вскорѣ шумъ умолкъ; графъ Шатобріанъ снова обратился къ судьямъ и громко сказалъ:—Я требую примѣненія бретанскаго закона о нарушеніи супружеской вѣрности!

Руки судей крестообразно опустились на столъ; старѣйшій изъ нихъ хотѣлъ произнести приговоръ и началъ уже свою рѣчь:—Да совершится!... сказалъ онъ медленнымъ тономъ.

Но тутъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ прервалъ его:—Остановитесь, двѣнадцатый судья не согласенъ на приговоръ! Его руки на шпагѣ, а не на столѣ. Это не бретанецъ!...

— Нѣтъ! сказалъ звучнымъ голосомъ рослый человѣкъ, поднимаясь съ своего мѣста и сбрасывая капишонъ съ головы.—Я не бретанецъ, а вашъ король, и буду судить васъ самихъ!...

Неожиданное появленіе короля поразило бретанскихъ сеньоровъ, какъ ударъ грома. Они въ ужасѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и обнажили шпаги; королю Франциску, повидимому, грозила неминуемая смерть. Никто не замѣтилъ, что въ это время графиня Шатобріанъ, воспользовавшись удобной минутой, выпила до дна стклянку съ ядомъ. Послѣ всѣхъ вынесенныхъ ею страданій и униженій, она не хотѣла начинать новую жизнь и испытывать новыя мученія, такъ какъ, услыхавъ голосъ короля, почувствовала, что любитъ его по прежнему всѣми силами своей души.

Король Францискъ, не предвидя такой печальной развязки своей любви, спокойно ждалъ, пока опомнятся разгорячившіеся сеньоры и опустятъ свои шпаги. Онъ пріѣхалъ въ Бретань съ цѣлью присоединить эту провинцію къ французской коронѣ и явился на судъ не только для Франциски, но и съ тѣмъ, чтобы положить предѣлъ самовластію сеньоровъ. Хотя онъ видѣлъ Марго и говорилъ съ нею, но она не могла дать ему никакихъ опредѣленныхъ указаній, и только по дорогѣ въ Бретань онъ узналъ о предстоящемъ судѣ отъ Матиньона и Батиста.

Дюпра дѣйствительно спасъ Матиньона въ отсутствіе короля. Онъ упросилъ герцогиню Луизу выпустить на свободу этого сеньора, въ виду его откровеннаго признанія, доказывая, что если правительство не будетъ награждать людей въ подобныхъ случаяхъ, то этимъ лишитъ себя возможности открывать заговоры или государственную измѣну. Матиньону позволено было возвратиться въ свой замокъ, но подъ условіемъ, что онъ не долженъ показываться въ публикѣ, пока герцогиня Луиза не выпроситъ его помилованія у своего сына. Матиньонъ почти одновременно получилъ приглашеніе графа Шатобріана и извѣстіе, что короля Франциска ожидаютъ въ Лавалѣ по дорогѣ въ Реннъ и рѣшился на отчаянный шагъ, чтобы выдти изъ своего сомнительнаго положенія. Зная раздраженіе короля противъ надменныхъ сеньоровъ, онъ надѣялся оказать ему существенную услугу извѣстіемъ о предстоящемъ судѣ, тѣмъ болѣе, что дѣло касалось его бывшей возлюбленной. Съ этою цѣлью, Матиньонъ поскакалъ съ Батистомъ въ Реннъ, гдѣ засталъ короля, и въ награду за доставленныя имъ свѣдѣнія, получилъ прощеніе. Король взялся выполнить роль судьи вмѣсто Матиньона и, пріѣхавъ въ замокъ Шатобріанъ въ сопровожденіи Батиста, былъ допущенъ въ залу суда безъ всякихъ препятствій.

Въ это время, Бріонъ и Монморанси съ многочисленной толпой дворянъ прошли другимъ ходомъ въ новый замокъ. Узнавъ черезъ Батиста, что всѣ судьи въ сборѣ, они поспѣшили въ висячую галлерею и заняли свои мѣста у дверей, чтобы явиться на помощь ко-

ролю по первому его зову, хотя изъ-за этого имъ пришлось убить Жилловера, который хотѣлъ загородить имъ входъ въ висячую галлерею.

Король, услыхавъ шумъ за дверьми, замедлившій на минуту произнесеніе приговора, догадался, что это была его свита. Онъ могъ позвать ее для своей защиты, но не хотѣлъ прибѣгать къ вооруженной помощи безъ крайней надобности.

— Прочь шпаги! крикнулъ онъ повелительнымъ тономъ окружившимъ его сеньорамъ.—Выслушайте вашего короля! Я намѣренъ положить конецъ вашему варварству.

— Мы не варвары, а бретанцы, возразили сеньоры.

— Неужели такой судъ возможенъ въ цивилизованной странѣ! воскликнулъ король.—Не разобравъ дѣла, вы хотите осудить на смерть несчастную графиню Шатобріанъ. Что̀ понимаете вы, отжившіе старцы, въ сердечныхъ привязанностяхъ? Вы предаете въ руки палача эту женщину, упуская изъ виду, что она по собственному побужденію, изъ сознанія своей обязанности, вернулась къ мужу, который съ самыхъ первыхъ дней ихъ супружеской жизни дурно обращался съ нею и отъ котораго она могла ожидать самой грубой мести. Я не позволилъ бы вамъ распоряжаться такимъ самовластнымъ способомъ даже въ томъ случаѣ, если бы не любилъ этой женщины. Я—король Франціи и обязанъ охранять законъ противъ суровой формы варварскихъ обычаевъ. Давно пора положить конецъ вашему самоуправству. Я не допущу, чтобы во Франціи царствовали сотни господъ, какъ въ сосѣдней странѣ по ту сторону Вогезовъ, гдѣ они своими раздорами подрываютъ могущество имперіи. Франція должна быть во власти одного государя! Съ этою цѣлью я пріѣхалъ въ Бретань... Господи! что случилось съ Франциской? Она падаетъ!..—воскликнулъ король, подбѣгая къ графинѣ Шатобріанъ, чтобы поддержать ее.

Бретанскіе сеньоры, все еще закрытые плащами и капишонами, воспользовались этимъ моментомъ и бросились на короля съ возгласомъ:—Богъ бретанцевъ наказалъ ее!..

Но прежде чѣмъ который нибудь успѣлъ прикоснуться къ королю, дверь, выходившая въ висячую галлерею, отворилась настежъ и въ залу ворвались Бріонъ и Монморанси съ многочисленной толпой вооруженныхъ дворянъ.

— Стойте! крикнулъ король озадаченнымъ бретанцамъ, которые молча отступили отъ него.

Король бросился къ умирающей Франциске и всталъ передъ нею на колѣни. Она печально взглянула на своего возлюбленнаго и судорожно сжала его руку; губы ея шевелились, но она не могла произнести ни одного слова; черезъ минуту она скончалась.

Мертвая тишина царила въ комнатѣ; слышались только судорожныя рыданія Бріона и Батиста. Король поднялся на ноги; лицо его было покрыто мертвенною блѣдностью. Онъ обратился къ бретанскимъ

сеньорамъ и, указывая на дверь, сказалъ взволнованнымъ голосомъ: Идите! я не желаю знать, кто вы!... Господь да проститъ меня...

Сеньоры молча повиновались.

Графъ Шатобріанъ вышелъ вмѣстѣ съ ними. Луизонъ одѣла въ саванъ несчастную графиню и уложила ее въ гробъ. Батистъ отказался отъ мѣста, предложеннаго ему Бріономъ, и уѣхалъ на Женевское озеро. Но воронъ Жакъ остался въ замкѣ и привѣтствовалъ своимъ обычнымъ крикомъ: „Франциска!“ владѣльца Шатобріана, когда онъ вернулся въ домъ своихъ предковъ послѣ долгихъ лѣтъ странствованія.

Въ церкви des Mathurins въ Шатобріанѣ до сихъ поръ показываютъ памятникъ графини Франциски съ ея мраморнымъ изображеніемъ и съ слѣдующею надписью:

EPITAPHE.

†

F. F. — F. F.

PEU DE TELLES.

Prou de moins. — Point de plus.

Sous ce tombeau git Françoise de Foix,
De qui tant bien chacun voulait en dire
Et le dissant onc une seule voix
Ne s'avança d'y vouloir contre dire.
De grand beauté, de Grâce, qui attire
De bien savoir, d'intelligence prompte,
De bien d'honneur, et mieu que ne raconte
Dieu éternel richement l'étoffa.
O viateur, pour t'abreger le compte
Cy git un rien, la où tout triompha.

F. F. — F. F

КОНЕЦЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

АВГУСТЪ, 1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1881 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Въ золотомъ вѣкѣ. Историческій романъ **К. Фгцеля.** Часть I. Главы I—III. — 2) Портретъ **Г. Ѳ. Квитки-Основяненка.** 3) Планъ осады крѣпости Геокъ-Тепе.

ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

Съ современнаго литографированнаго портрета рѣзалъ на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Іюня 1881 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

II.

Сентиментальная украинская литература нынѣшняго вѣка [1]).

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ литература представляетъ прямую противоположность классической и псевдоклассической литературѣ. Взамѣнъ высокаго и торжественнаго содержанія и тона послѣдней, сентиментальная литература имѣетъ своимъ предметомъ вседневную жизнь съ ея радостями и страданіями, съ ея мелкими случайностями и великими, не всегда и для всѣхъ замѣтными, жертвами. Она возникла въ западной Европѣ непосредственно за развитіемъ средняго сословія, явилась на смѣну псевдоклассицизму и выражалась въ различныхъ формахъ — сентиментальной повѣсти, семейномъ и нравственномъ романѣ и мѣщанской драмѣ. Представляя одинъ изъ моментовъ общечеловѣческаго развитія, сентиментальность,—безъ ея крайностей и увлеченій—или истинная чувствительность, занимаетъ извѣстное мѣсто и въ жизни отдѣльнаго лица, и въ жизни цѣлаго народа или племени, причастнаго общечеловѣческому развитію. Если примѣнить это общее положеніе къ украинской литературѣ, то нужно признать, что и въ ея исторіи былъ періодъ, запечатлѣнный особенною чувствительностью или сентиментальностью въ сравненіи съ другими ея пе-

[1]) Первый очеркъ изъ украинской литературы подъ заглавіемъ „Классицизмъ въ украинской литературѣ нынѣшняго вѣка и реакція ему“ былъ напечатанъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 года, въ августовской и сентябрской книжкахъ.

ріодами. Украинская литература въ своемъ развитіи шла о бокъ съ сосѣдними литературами—польскою и особенно русскою и отражала на себѣ какъ всѣ другія литературныя направленія ихъ, такъ и сентиментальное. Еще у И. П. Котляревскаго въ его оперѣ „Наталка-Полтавка“ замѣчается значительное присутствіе сентиментальнаго элемента, роднящаго ее съ сентиментальными повѣстями Карамзина и Жуковскаго. Полнѣе же выразилось сентиментальное направленіе въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ и драматическихъ пьесахъ Квитки или Основьяненка. Но уже въ то время, когда писалась „Наталка-Полтавка“ Котляревскаго, въ русской литературѣ сентиментализмъ дошелъ уже до своихъ крайностей и незамѣтно переходилъ въ новое направленіе—романтическое. Жуковскій, написавъ свою „Марьину рощу“ по примѣру „Бѣдной Лизы“ Карамзина, въ другихъ своихъ повѣстяхъ и балладахъ является уже представителемъ романтизма, сущность котораго составляли—стремленіе души къ христіанскимъ идеаламъ, нравственная чистота, непоколебимая вѣра, семейныя добродѣтели, искреннія сердечныя привязанности и проч. Въ правильной постановкѣ новыхъ идеаловъ поэзіи, въ предпочтеніи идеальнаго реальному, нравственнаго матеріальному, въ стремленіи души къ небесному, въ грустномъ чувствѣ отъ неизбѣжныхъ сердечныхъ утратъ, заключается главная, существенная сторона романтизма Жуковскаго. Она нисколько не противорѣчитъ сентиментализму, напротивъ восполняетъ и завершаетъ его. Кромѣ того, въ романтизмѣ Жуковскаго отмѣчаютъ обыкновенно еще одну сторону второстепенной важности, а именно—особенную любовь Жуковскаго къ средневѣковымъ рыцарскимъ преданіямъ и къ средневѣковымъ суевѣріямъ, привидѣніямъ, мертвецамъ и проч. Обѣими этими сторонами романтизмъ Жуковскаго имѣлъ вліяніе и на украинскую литературу въ лицѣ Квитки и его ближайшихъ послѣдователей и умѣрялъ крайности его сентиментальнаго направленія. Среди повѣстей и разсказовъ идеально-нравственнаго характера, у Квитки встрѣчаются повѣсти, захватывающія таинственный міръ демонологіи и волшебства, какъ напр. „Мертвецькій великъ-день“, „Отъ тоби й скарбъ“, и проч. Но ближайшіе послѣдователи Квитки не останавливаются и на этомъ идеально-сентиментальномъ мірѣ и, оставаясь вѣрными основному принципу, въ значительной мѣрѣ подчиняются вліянію Пушкина и подаютъ руку романтико-художественному направленію русской литературы. Такимъ образомъ, сентиментальное направленіе въ украинской литературѣ, начинаясь подражаніями сентиментальнымъ повѣстямъ Карамзина и Жуковскаго, въ конечномъ своемъ развитіи граничитъ съ художественнымъ романтизмомъ Пушкина. Центромъ или фокусомъ этого сентиментальнаго направленія въ украинской литературѣ служитъ Григорій Өедоровичъ Квитка-Основьяненко.

I.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка (Основъяненко) [1]), родился въ подгородномъ Харьковскомъ селѣ Основѣ, отъ котораго заимствовалъ впослѣдствіи свой псевдонимъ Основъяненка. Родъ Квитки вышелъ изъ приднѣпровской Украйны и принадлежалъ къ стариннымъ дворянскимъ родамъ въ Харьковѣ. Старшій братъ нашего писателя, Андрей Ѳедоровичъ, былъ до конца жизни въ числѣ первыхъ харьковскихъ магнатовъ и около 25 лѣтъ сряду состоялъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Григорій Ѳедоровичъ родился 18 ноября, 1778 года, и съ первыхъ дней своей жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ и отъ золотухи потерялъ зрѣніе. Исцѣленіе его произошло во время поѣздки его съ матерью въ сосѣдній Озерянскій монастырь на богомолье. Это обстоятельство, въ связи съ семейными преданіями рода Квитокъ, къ которому принадлежали архимандритъ Палладій Квитка и, по женской линіи, бѣлгородскій епископъ Іосафъ Горленко, опредѣлило навсегда его религіозно-нравственное настроеніе и влекло въ тишину монастырскаго уединенія. Первоначальное образованіе свое онъ получилъ подъ руководствомъ дяди своего, настоятеля Куряжскаго монастыря, архимандрита Палладія Квитки и, достигнувъ 12 лѣтъ, изъявилъ желаніе поступить въ монашество. Но, по неотступнымъ просьбамъ матери, онъ отставался въ теченіи двухъ лѣтъ въ домѣ родителей, потомъ числился нѣсколько времени въ военной и гражданской службѣ, и только на 23 году своей жизни исполнилъ завѣтное свое желаніе и поступилъ въ Куряжскій монастырь послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутками, около четырехъ лѣтъ. Здѣсь онъ исполнялъ разныя послушанія, ходилъ за монастырскими лошадьми и проч. По другому преданію, Григорій Ѳедоровичъ Квитка и въ монастырѣ пользовался нѣкоторыми льготами и игралъ на фортепіано въ своей келліи. О томъ, какъ онъ оставилъ монастырь, разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Будто бы однажды Квитка повезъ на парѣ воловъ въ Харьковъ продавать сдѣланныя на монастырскомъ рабочемъ дворѣ бочки. Была осень и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной пло-

---

[1]) Важнѣйшіе источники: 1) „Москвитянинъ", 1843 г., № 10, ст. К. М. Сементовскаго; 2) „Южный русскій сборникъ", Метлинскаго, 1848 г.; 3) „Григорий Квітка и его повісті,—слово на новий виходъ Квитчиних повістей", Кулиша, С.-Петербургъ, 1858 г.; 4) „Украинская Старина", Г. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г.; 5) „Поэзія славянъ", Гербеля, С.-Петербургъ, 1871 года; 6) „Краткій очеркъ жизни и литературныхъ заслугъ Г. Ѳ. Квитки", В. Науменка, въ №№ 143—4 „Кіевлянина" за 1878 годъ; 7) „Григорій Ѳеодоровичъ Квитка,—біографическій очеркъ", А—ра, Одесса, 1878 года; 8) „Древняя и Новая Россія", за апрѣль 1879 года и 9) „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ", Пыпина и Спасовича, изд. 2, т. 1, С.-Петербургъ, 1879 года.

щади возъ покачнулся и засѣлъ по оси въ грязь. Напрасно Квитка хлопоталъ надъ нимъ. Мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали молодаго человѣка и стали кричать: Квитка! Квитка!.. Онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ и возвратился въ Основу.

Съ этой поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта, но религіозно-нравственное настроеніе удержалось въ немъ навсегда и проглядываетъ въ большой части его литературныхъ произведеній. Между тѣмъ, здоровье Квитки совершенно поправилось. Онъ окрѣпъ, и хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, взрывомъ пороха опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего остался на всю жизнь съ синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ, но началъ появляться въ обществѣ, котораго вначалѣ по возвращеніи изъ монастыря дичился. Молодость взяла свое,—и у него явилась веселость. Въ промежуткахъ 1804 и 1806 годовъ, Квитка занимался музыкою и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, при чемъ обыкновенно выбиралъ для себя роли самыя веселыя и трудныя. Въ 1806 году онъ снова и въ послѣдній уже разъ опредѣлился въ военную службу и оставался въ ней одинъ только годъ.

Между тѣмъ, въ 1805 году въ Харьковѣ открытъ былъ университетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилось въ городѣ сильное умственное и общественное движеніе. Явились театръ, клубы, литературные вечера, литературныя періодическія изданія, разныя общества и учрежденія. Григорій Өедоровичъ Квитка, безъ сомнѣнія, многимъ обязанъ былъ въ своемъ развитіи этому умственному и общественному движенію и вскорѣ самъ принялъ въ немъ дѣятельное и видное участіе. Въ началѣ 1812 года, въ Харьковѣ возникъ правильный и постоянный городской театръ, и директоромъ его вскорѣ явился Основъяненко. Званіе директора театра онъ бросилъ, по случаю занятій по женскому институту, который тоже открытъ былъ по его мысли харьковскимъ „Благотворительнымъ обществомъ“. Даже литературное поприще свое Г. Ө. Квитка началъ статьями, замѣтками и отчетами о названныхъ учрежденіяхъ. Особенно близкія связи онъ имѣлъ съ институтомъ. „Институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ“ открытъ былъ въ 1812 году. Квиткѣ ввѣрено было главное управленіе дѣлами института, на который онъ, по словамъ г. Срезневскаго, „принесъ въ жертву почти все достояніе свое“. Чрезъ отношенія къ нему онъ тѣсно сблизился съ талантливымъ украинскимъ писателемъ П. П. Гулакъ-Артемовскимъ, который, состоя лекторомъ и потомъ профессоромъ харьковскаго университета, съ 1818 года былъ и преподавателемъ института, и познакомился съ одной изъ достойнѣйшихъ классныхъ дамъ института, Анной Григорьевной Вульфъ, которая около 1818 года пріѣхала изъ Петербурга въ Харьковъ на мѣсто классной дамы изъ пепиньерокъ Екатерининскаго института. Тогда Квиткѣ было уже подъ 40 лѣтъ. Черезъ два года по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, около 1821 года, Анна Григорьевна

вышла за Квитку замужъ. И Гулакъ-Артемовскій, и Анна Григорьевна имѣли весьма важное значеніе въ литературной жизни Основьяненка: первый написалъ нѣсколько стихотворныхъ посланій къ Квиткѣ и имѣлъ значительную долю вліянія на выборъ предмета и характеръ нѣкоторыхъ его произведеній; Анна Григорьевна принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ своего мужа, лелѣяла его жизнь, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, выслушивала и поправляла его сочиненія и даже давала иногда темы для его украинскихъ повѣстей. По институтскому образованію своему, она склонна была къ чувствительности и къ моднымъ въ то время сентиментальнымъ повѣстямъ, въ родѣ повѣстей Карамзина и Жуковскаго, и ея-то вліяпію, безъ сомнѣнія, много обязаны украинскія повѣсти Квитки своею задушевностію и теплотою чувства. Впослѣдствіи времени и В. А. Жуковскій руководилъ Квитку своими совѣтами.

При всемъ томъ, Г. Ѳ. Квитка не былъ слѣпымъ орудіемъ стороннихъ вліяній, но, какъ человѣкъ талантливый, способенъ былъ и самъ понимать явленія окружавшей его жизни и давать имъ посильную оцѣнку и художественное выраженіе. А жизнь Квитки поочередно раздѣлялась между городомъ и селомъ и представляла для его наблюденія самые разнообразные, даже противоположные типы: съ одной стороны—чиновный міръ, выкроенный по одной формѣ и возвышающійся надъ массою народа, если не образованіемъ, то, по крайней мѣрѣ, положеніемъ; съ другой — патріархальныя, идиллическія картины сельскаго быта. Съ 1817 по 1829 годъ Григорій Ѳеодоровичъ занималъ должность предводителя дворянства Харьковскаго уѣзда и проживалъ въ самомъ Харьковѣ; но около 1831 года онъ переселился въ Основу на свой хуторъ, и хотя съ 1832 года состоялъ совѣстнымъ судьею Харькова, а съ 1840 года — предсѣдателемъ харьковской палаты уголовнаго суда, но навѣдывался въ Харьковъ только по дѣламъ службы. Онъ умеръ въ 1843 году. Эти два періода въ жизни Г. Ѳ. Квитки,—городской и сельской, — наложили рѣзкую печать на произведенія нашего автора и раздѣлили ихъ на двѣ группы: къ первой относятся комедіи и нравоописательные романы его на русскомъ языкѣ, въ которыхъ изображаются отрицательные типы изъ чиновничьей и дворянской среды; ко второй — малорусскія драматическія произведенія и чувствительныя повѣсти изъ простонароднаго быта. Впрочемъ, обѣ эти группы подходятъ подъ общее начало идилліи и сентиментальности, которое предполагаетъ собою противоположность между городскою изысканною и сельскою простою жизнью и преувеличенную наклонность автора къ послѣдней. Поэтому, обѣ означенныя группы Квиткиныхъ сочиненій должны быть разсматриваемы съ одной точки зрѣнія, какъ члены одного общаго цѣлаго.

Изъ комическихъ и нравоописательныхъ произведеній Квитки на русскомъ языкѣ болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія: 1) комедія

„Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ", написанная въ 1827 году, но напечатанная лишь въ 1840 году; 2) „Дворянскіе выборы", 1829 года; 3—4) комедіи „Шельменко-писарь", 1831 года, и „Шельменко-деньщикъ", на смѣшанномъ русско-украинскомъ языкѣ, и 5—6) два нравоучительные романа „Панъ Халявскій", 1839 года, и „Жизнь и похожденія Петра Степановича сына Столбикова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ", 1841 года, но задуманнаго и начатаго гораздо раньше означенныхъ годовъ.

Небезъинтересна по своей судьбѣ первая комедія Квитки—„Пріѣзжій изъ столицы", по сюжету имѣющая сходство съ „Ревизоромъ" Гоголя. У Квитки такъ же, какъ и въ „Ревизорѣ" Гоголя, дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводятъ мнимаго ревизора; мнимый ревизоръ также мальчишка, не окончившій ученія и ненадежный въ службѣ. Другія лица здѣсь такія же: и судья Спальникъ, и почтовый экспедиторъ Печаталкинъ, который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу, и смотритель уѣздныхъ училищъ Ученосвѣтовъ, и частный приставъ Шаринъ, напоминающій Держиморду, и, наконецъ, двѣ пріятныя дамы—сестра городничаго Трусилкина и племянница его, которыя также влюбляются въ „милашку ревизора". Здѣсь также вся кутерьма происходитъ отъ полученнаго городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и тотъ у нихъ занимаетъ деньги отъ 27 руб. 80 коп. до 500 руб. асс.,—значительнаго куша, взятаго у городничаго. Здѣсь такъ же, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о храмѣ изящества и о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль. Наконецъ, при развязкѣ также происходитъ, по словамъ Основъяненка, нѣмая сцена, и всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, настоящемъ, какъ видно, ревизорѣ: „Вотъ бумаги отъ губернатора съ жандармомъ присланныя!" Вслѣдствіе такого сходства между обѣими комедіями, явившимися въ печати почти одновременно, въ 40-хъ годахъ ходили разные толки о взаимномъ отношеніи ихъ между собою: одни считали комедію Квитки подражаніемъ „Ревизору" Гоголя, не зная, что „Пріѣзжій изъ столицы" написанъ былъ еще въ 1827 году; другіе съ бо̀льшимъ основаніемъ утверждали, что Квитка въ въ этой суматохѣ многое подмѣтилъ до „Ревизора" и донесъ ему о разныхъ безпорядкахъ въ губерніи къ свѣдѣнію. Самъ Гоголь утверждалъ, что мысль „Ревизора" передана ему Пушкинымъ, съ которымъ едва не было подобнаго событія во время его поѣздки за матеріалами для исторіи пугачевскаго бунта въ Оренбургъ, и что Пушкинъ сообщилъ ему, Гоголю, о подобной же исторіи, случившейся съ Свиньинымъ во время его поѣздки въ Бессарабію; но вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь передавалъ Аксакову, что онъ слышалъ о комедіи Квитки, хотя и не читалъ ее. Конечно, на основаніи этого показанія Гоголя,

С. Т. Аксаковъ разрѣшилъ недоумѣніе слѣдующимъ образомъ: „не подлежитъ сомнѣнію, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи издавна, съ разными варьяціями, и что одно и то же происшествіе подало мысль написать комедію обоимъ авторамъ“.

Конечно, комедія Квитки не можетъ въ художественномъ отношеніи и сравниваться съ комедіей Гоголя, но, представляя для своего времени весьма интересное изображеніе окружающей дѣйствительности, она свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какъ относился Квитка къ извѣстнымъ сторонамъ этой дѣятельности, въ которой чуть не всѣ „служащіе“ могли попадать въ положеніе чиновниковъ комедіи Гоголя, по пословицѣ—„на ворѣ и шапка горитъ“. Относясь отрицательно къ окружающему, Квитка проявилъ уже въ своей первой комедіи и достаточно живую наблюдательность, и остроуміе, что еще больше сказалось въ другой его комедіи „Дворянскіе выборы“, которая попала нѣкоторымъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. „За „Выборы“ теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ“, писалъ Квитка Плетневу. По поводу этой комедіи, В. А. Жуковскій совѣтовалъ автору продолжать въ томъ же тонѣ и съ тою же цѣлью. „Когда же я — говоритъ Квитка — изъяснилъ трудность составить изъ всей этой кутерьмы правильную драму, то онъ мнѣ совѣтовалъ помѣстить и развить все это въ романѣ, украсивъ и наполнивъ сценами изъ губернскихъ обществъ“. Результатомъ совѣтовъ В. А. Жуковскаго явились два нравоописательные романа Квитки — „Панъ Халявскій“ и „Жизнь и похожденія Петра Степановича Столбикова“ (Пустолобова), которые, поэтому, являются прямымъ и естественнымъ продолженіемъ его комедій. Первый изъ этихъ романовъ „начатъ — говоритъ Квитка—по порученію Василія Андреевича, переданному мнѣ чрезъ здѣшняго чиновника Панина, чтобы описать старинный бытъ малороссіянъ, родъ жизни, воспитаніе, занятія и все до послѣдняго... Тутъ будетъ молодость его, служба, домашняя жизнь и занятія, пребываніе въ столицѣ, раздѣлъ съ братьями, процессы, женитьба, воспитаніе дѣтей и проч.“ Краски для романа взяты изъ устныхъ разсказовъ старожиловъ и даже изъ собственнаго житейскаго опыта Квитки. Другой романъ „Жизнь и похожденія Петра Степановича Столбикова“ тоже имѣлъ въ виду осмѣяніе общественныхъ недостатковъ. „Давно я приступилъ къ описанію жизни Пустолобова (тоже, что Столбикова), имѣющаго родныхъ по всѣмъ званіямъ, говоритъ Квитка. Онъ простачекъ, не получившій образованія, чудно мыслитъ, будто понимаетъ дѣло, но превратно отъ общихъ разумѣній. Въ малолѣтствѣ остался сиротою. Его имѣніе раззоряютъ судьи, опекуны; его развращаютъ, поручаютъ въ пансіонъ мадамъ Филу; пансіонъ и потомъ дальнѣйшія его похожденія, участіе въ выборахъ и много—много“. „При первой мысли я сообразилъ, — пишетъ Квитка Плетневу, — что, по выходѣ этой книги, всѣ опекуны, судьи, содержатели пансіоновъ, предводители и всѣ описанныя мною по имено-

ваніямъ лица, всѣ возстанутъ на меня. Здѣсь пречудный народъ! Вышла „Козырь-дівка", и судья сердится на меня, что никогда Бубликовъ не принимаетъ отъ просителей; за „Выборы" теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ. Въ „Новогодникѣ" вышла статья „Скупецъ" (отрывокъ изъ романа), и всѣ додумываются, кого это я описалъ? Что же будетъ, когда выйдетъ сатира на всѣ злоупотребленія, дѣлаемыя людьми во всѣхъ званіяхъ?" Такою именно сатирою Квитка хотѣлъ сдѣлать свой романъ „Жизнь и похожденія Столбикова.

Нельзя не обратить вниманія на тѣсную связь, хотя и слабыхъ въ художественномъ отношеніи, произведеній Квитки на русскомъ языкѣ съ дѣйствительною жизнью, съ живыми интересами провинціальнаго общества. Въ этомъ отношеніи много помогала ему и его служебная дѣятельность, представлявшая обширное поле для наблюдательности. „Безъ всякаго научнаго образованія,—говоритъ о Квиткѣ одинъ изъ его біографовъ,—благодаря лишь труду, природному здравому смыслу и пламенной любви къ просвѣщенію, онъ сумѣлъ понять значеніе литературной дѣятельности, какъ служенія общему благу, и употреблять ее съ цѣлью обличенія отрицательныхъ сторонъ окружавшей его дѣйствительности".

Къ сожалѣнію, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ біографомъ Квитки, будто обличительныя произведенія его имѣли живой интересъ для провинціальнаго общества, возбуждая въ немъ всякаго рода толки, обсужденіе не однихъ только личныхъ, но и разнаго рода общественныхъ вопросовъ. Сатира его скользила только по поверхности провинціальной жизни, вырывала изъ нея частныя явленія и не приносила обществу существенной пользы, не преобразовала его въ новое, лучшее бытіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, судитъ о сатирическихъ сочиненіяхъ Квитки на русскомъ языкѣ большинство его біографовъ и рецензентовъ, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Нѣкоторые изъ малорусскихъ критиковъ приписываютъ неудачливость обличительныхъ сочиненій Квитки на русскомъ языкѣ вліянію на него чуждой русской литературы, между тѣмъ какъ русскіе критики объясняютъ ее недоразвитостью автора. Г. Кулишъ, напримѣръ, о русскихъ сочиненіяхъ Квитки говоритъ слѣдующее: „занимаясь общественными дѣлами, онъ началъ еще съ 1816 года писать для харьковскаго журнала статьи объ институтѣ, записки, письма, комедіи для театра и всякую всячину; а получивши доступъ въ столичные журналы, по совѣту пріятелей, писалъ романы по образцу журнальныхъ. И какъ все это дѣлалось для однихъ господъ, то и стало минутной забавой барскаго общества. Больше господа не знали, чего домогаться отъ Квитки: взяли они съ него, что хотѣли; онъ угождалъ всякой ихъ просьбѣ, всякому совѣту. Заплатилъ Квитка великую и тяжкую дань своему вѣку, и если бы былъ у него меньшій даръ, то онъ потонулъ бы и совсѣмъ исчезъ между современниками, потомство не

знало бы его и не считало великимъ писателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же теперь станетъ читать его недоносковъ Халявскихъ, Столбиковыхъ и всякіе другіе разсказы на иноязычной рѣчи!"

Казалось бы, если Квитка писалъ свои комедіи и романы иноземной, т. е. русской рѣчью и по требованію русскихъ господъ (Жуковскаго), то онъ долженъ бы угодить ими русскимъ читателямъ и критикамъ, какъ впослѣдствіи угодилъ имъ Гоголь. Но оказывается, что и русскіе читатели и критики холодно и даже несочувственно отнеслись къ сочиненіямъ Квитки на русскомъ языкѣ. Исключеніе составляетъ развѣ комедія „Шельменко", долго державшаяся на Александринскомъ театрѣ. Значитъ, дѣло тутъ не въ иноязычной рѣчи и не во вкусахъ русскихъ господъ, а въ чемъ-то другомъ. Это другое что́-то и указываетъ г. Пыпинъ, когда говоритъ, что „Основьяненко не производилъ благопріятнаго впечатлѣнія и степенью своего общественнаго пониманія, когда брался за сатиру въ своихъ романахъ, или за поученіе народа въ „Листахъ до любезныхъ земляковъ". Особенно доставалось въ свое время Квиткѣ за его романы „Панъ Халявскій" и „Похожденія Столбикова", и при томъ изъ самыхъ противоположныхъ литературныхъ лагерей. „Есть разнаго рода остроумія,—говорилось въ „Библіотекѣ для чтенія" о панѣ Халявскомъ,—болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство—пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже и не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними,—весь этотъ дрянной, выдохлый губернскій ядъ, котораго не боятся даже и мухи; и эти остроты, точенныя на приходскомъ оселкѣ; и эти стрѣлы, пущенныя со свистомъ и валящіяся на земь въ пяти шагахъ отъ носа стрѣлка; и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе, вмѣсто общества, на лужу грязи, которая отъ нихъ только расприскивается на читателей; раны и язвы, наносимыя пороку съ той стороны, которой порокъ никогда не видитъ у себя, если стоитъ прямо передъ зеркаломъ: все это можетъ казаться замысловатымъ какой нибудь ярмаркѣ, какому нибудь уѣзду, даже цѣлой губерніи, но и не должно переходить за границы этого горизонта, подъ опасеніемъ быть принятымъ за пошлость и безвкусіе". О „Похожденіяхъ Столбикова", Бѣлинскій писалъ слѣдующее: „Не понимаемъ, что за охота такому почтенному и талантливому писателю, какъ г. Основьяненко, тратить время и трудъ на изображеніе глупцовъ, подобныхъ Столбикову. Петръ Столбиковъ самъ, отъ своего лица, разсказываетъ исторію своей жизни и въ этомъ разсказѣ не всегда бываетъ вѣренъ

собственному характеру: изъ пошлаго глупца, идіота, иногда вдругъ становится онъ умнымъ и чувствительнымъ человѣкомъ, а потомъ опять дѣлается глупцомъ. Въ поступкахъ онъ также противорѣчитъ самому себѣ: то умно управляетъ имѣніями помѣщиковъ, то, сдѣлавшись предводителемъ дворянства, подаетъ губернатору проектъ объ истребленіи саранчи такимъ образомъ: пусть она ѣстъ хлѣбъ, а мужики должны въ это время обрѣзать у ней крылья, или что-то въ этомъ родѣ. Столбиковъ г. Основъяненка не потому, видите, дуракъ, что родился дуракомъ, не потому не могъ добиться отличать въ картахъ масть отъ масти, что у него были грубые нервы и мало мозгу, даже не потому, что мошенникъ опекунъ дурно воспитывалъ его, а потому, что оный Столбиковъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ у француза Филу".—„Эти „Похожденія"—писалъ Сеньковскій—не что иное, какъ тяжелое подражаніе тяжелымъ романамъ покойной школы Жиль-Блаза. Есть даже мѣста, въ которыхъ все заимствовано у этого писателя, исключая главнаго, что составляетъ романъ, т. е. исключая слога".

Значеніе Квитки, какъ писателя, основывается собственно на его сочиненіяхъ на малорусскомъ языкѣ, за которыя земляки Квитки даютъ ему значеніе первокласснаго малорусскаго писателя. „Имя Квитки, говоритъ Сементовскій, — лучшее украшеніе страницы малороссійской литературы,—перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы къ далекому потомству, какъ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію завѣтное сокровище, неоцѣненный перлъ".

По счету Н. И. Костомарова, Квитка написалъ по-малорусски двѣнадцать повѣстей и пять драматическихъ произведеній. Повѣсти—слѣдующія: „Солдацькый патретъ", „Маруся", „Мертвецькый велыкъдень", „Добре роби—добре й буде", „Конотопська видьма", „Отъ тоби й скарбъ", „Козырь-дивка", „Перекоти-поле", „Сердешна Оксана", „Пархимово снидание", „Божи дити", „Щира любовь" [1]), къ которымъ нужно присоединить еще разсказы „Пидбрехачъ" и „Напущаньня якъ завьязано" и повѣсть „Ганнуся". Къ драматическимъ произведеніямъ Квитки на малорусскомъ языкѣ г. Костомаровъ отчисляетъ: комедіи—„Шельменко-писарь" и „Шельменко-деньщикъ", „Сватання на Гончаривцi", „Щира любовь" и „Бой-жинка", изъ которыхъ послѣдняя не была напечатана, но игралась на харьковской сценѣ.

Всѣ почти эти украинскія произведенія Квитки переведены были и на русскій языкъ, но въ русскомъ переводѣ значительно утратили свою первоначальную свѣжесть. Самъ Квитка писалъ въ 1839 году Плетневу слѣдующее: „извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски, и совершенно по-русски, точно какъ

---

[1]) Впрочемъ, „Божіи дѣти" и „Щира любовь", насколько мы знаемъ, не были напечатаны на малорусскомъ языкѣ.

вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи,—и что же? Малороссы—не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскерадомъ: выраженія, несвойственныя обычаямъ, изъясненія — національности, дѣйствія—характерамъ, мыслящимъ по-своему". Подобнымъ образомъ отзывался о русскихъ переводахъ малорусскихъ произведеній Квитки и Даль-Луганскій. „Я думаю, говорилъ онъ, что Квитка—одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разсказщиковъ на народномъ нарѣчіи своемъ. Многословная болтовня его на природномъ языкѣ всегда простодушна и умна, на русскомъ же—нерѣдко пошловата". Изъ этого мы заключаемъ, что главное достоинство украинскихъ произведеній Квитки заключается въ томъ, что онѣ писаны не „иноязычной рѣчью", а на украинскомъ же языкѣ, который въ первый разъ у него примѣненъ къ повѣстямъ. Правда, этотъ языкъ изобилуетъ у Квитки харьковскими провинціализмами, но этотъ недостатокъ значительно искупается сочувствіемъ автора къ простому народу и желаніемъ освѣтить и возвысить его убогую жизнь. Из. И. Срезневскій говорилъ о Квиткѣ: „худо бы оцѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго разсказщика-наблюдателя. Какъ ни глубоко зналъ онъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него, не въ этомъ, однако, его истинная слава. Заслуга его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться, и любовью къ книгѣ — душевное сознаніе. Все, что написано Квиткой-Основъяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе его наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ своемъ простомъ, сельскомъ быту". „Взялъ онъ для разсказа—говоритъ г. Кулишъ объ украинскихъ повѣстяхъ Квитки — самую низшую матерію изъ всѣхъ, какія были у него предъ глазами: покинулъ дворянъ, покинулъ суды, институты, монастыри, взялъ неграмотнаго, темнаго, простаго земледѣльца и разсказалъ его же рѣчью, что дѣлается въ его хозяйствѣ, въ сельской околицѣ и въ хатѣ между бабьемъ. И вышелъ у него прекрасный Божій міръ, какъ будто еще прекраснѣе, нежели у насъ передъ глазами. Этими достоинствами Квитка имѣлъ—по словамъ г. Костомарова, — громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой безграмотный народъ, когда читали ему произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ".

Но писатель можетъ питать горячее сочувствіе къ низшему классу народа и вызывать у читателей слезы и все-таки не совсѣмъ вѣрно изображать народную жизнь: доказательствомъ тому служатъ сентиментальныя, слезливыя русскія повѣсти, начиная съ „Бѣдной Лизы" Карамзина. Поэтому спрашивается, — вѣрно-ли и насколько

вѣрно изображается въ украинскихъ произведеніяхъ Квитки малорусская народная жизнь? Вопросъ этотъ рѣшался и рѣшается различно. „Русскимъ читателямъ — говоритъ г. Пыпинъ — повѣсти Основьяненка казались вообще сентиментальными идилліями, его женскіе народные характеры слишкомъ идеализированными, фраза слишкомъ манерной и болтливой; но его соотечественники до сихъ поръ сохранили о немъ то же выгодное мнѣніе, какое произвели въ нихъ повѣсти Основьяненка при своемъ первомъ появленіи“. Приведемъ отзывы наиболѣе видныхъ представителей сѣверно-русской и южнорусской литературъ объ украинскихъ произведеніяхъ Квитки. По поводу оперетки нашего автора—„Сватання на Гончаривці“, Бѣлинскій писалъ слѣдующее: „Мужицкая жизнь сама по себѣ мало интересна для образованнаго человѣка; слѣдственно, много нужно таланта, чтобъ идеализировать ее до поэзіи... Содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интересъ ихъ—мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора. Все это нѣсколько прискучило“. Г. Костомаровъ, напротивъ, во всѣхъ украинскихъ произведеніяхъ Квитки видитъ вѣрное изображеніе мѣстной народной жизни, чуждое всякой идеализаціи и преувеличенія. „Трудно опредѣлить превосходство одной его повѣсти предъ другою, — говоритъ онъ; потому что каждая имѣетъ свои достоинства и представляетъ то ту, то другую сторону народнаго быта, нравовъ и взглядовъ. Если въ „Солдатскомъ портретѣ“ Квитка, описывая сельскую ярмарку, рисуетъ простодушіе поселянина до того комически, что возбуждаетъ смѣхъ въ самомъ серьезномъ читателѣ, то въ „Марусѣ“, „Сердечной Оксанѣ“ и въ „Божьихъ дѣтяхъ“, при разнообразіи отношеній и положеній, выражаетъ такую полноту, глубину и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу у самаго веселаго и безпечнаго. Въ повѣстяхъ „Конотопська видьма“, „Отъ тоби й скарбъ“, „Мертвецькій велыкъ-день“, онъ выставляетъ самыя затѣйливыя фантастическія представленія; въ повѣстяхъ „Добре роби — добре й буде“, „Перекотиполе“—изображаетъ народныя нравственныя понятія; въ „Козырь-дивкѣ“ выводитъ отношенія, въ которыхъ народная сельская жизнь сталкивается съ властью и администраціей; и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва-ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника Гоголя, хотя много уступаетъ ему въ художественномъ построеніи“. Чтобы отклонить упреки, дѣлаемые великорусскими критиками Квиткѣ за искусственную сентиментальность, которую онъ, будто бы, навязываетъ изображаемому имъ народу, и вмѣстѣ обезоружить этихъ критиковъ, г. Костомаровъ не разъ утверждаетъ, что „именно у Квитки какъ этого, такъ и ничего навязываемаго народу нѣтъ: незаслуженный упрекъ происходитъ отъ того, что критики не знали народа, который изображалъ малороссійскій писатель!“

Къ счастію сѣверно-русскихъ критиковъ и къ невыгодѣ г. Костомарова, извѣстную долю искусственной сентиментальности находили въ украинскихъ произведеніяхъ Квитки и нѣкоторые изъ авторитетныхъ малороссовъ. Г. Чупрына (псевдонимъ) говоритъ о Квиткѣ слѣдующее: „Сфера чувства, такъ сказать сердечная, дотолѣ почти невѣдомая въ малороссійской словесности, широко раскрывается во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ Основъяненка, и съ этой стороны его можно назвать вполнѣ народнымъ романистомъ... Но, отдавая справедливость достоинствамъ и заслугамъ Основъяненка, не забудемъ и его недостатковъ: они, по большей части, состоятъ въ невыдержанности характеровъ. Дѣло въ томъ, что онъ не былъ художникомъ. Оттого при изображеніи любви простой украинской „дивчыны" онъ такъ часто сбивается на искусственную сентиментальность, едва ли возможную въ быту простолюдина". Да и самъ г. Костомаровъ, въ 1844 году, находилъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ Квитки неестественность и сентиментальность, какъ напримѣръ, въ изображеніи характера Василя въ Квиткиной повѣсти „Маруся". К. Шейковскій замѣчаетъ о повѣстяхъ Квитки, что онѣ замѣчательны не въ художественномъ отношеніи, а какъ слабые матеріалы для изученія народнаго быта. И только въ послѣдствіи времени, сопоставляя Квитку съ Шевченкомъ, украинскіе критики стали игнорировать эти недостатки Основъяненка и приписывать ему то, чего онъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду. Г. Кулишъ необинуясь говоритъ, что „когда осіяла Квитку съ его простодушными твореніями огненная поэзія Шевченкова, тогда понятно стало намъ, что Наумъ Дротъ (въ „Марусѣ" Квитки) тотъ же Кішка Самійло народный, потому что выдержалъ онъ пробу не меньше Самойловой, живучи дома на чужинѣ, и, бѣдуя вѣкъ за вѣкомъ, не погнулся, не унизился духомъ твердымъ и высокимъ". Но, вѣдь, Квитка и Шевченко — не сіамскіе близнецы, и каждый изъ этихъ писателей долженъ быть оцѣниваемъ съ исторической точки зрѣнія.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что искусственную сентиментальность признаютъ далеко не за всѣми украинскими произведеніями Квитки и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ, дѣйствительно, является вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Въ этомъ отношеніи всѣ украинскія произведенія Квитки можно раздѣлить на два разряда: 1) веселыя, насмѣшливыя, комическія повѣсти и драматическія пьесы, съ замѣтнымъ этнографическимъ колоритомъ и 2) трогательныя, чувствительныя повѣсти и пьесы, съ легкимъ этнографическимъ оттѣнкомъ, въ которыхъ естественный элементъ чувства доводится иногда до преувеличенія и крайностей. Къ первымъ относятся „Солдацькій патретъ", „Мертвецькый велыкъ-день", „Конотопьска видьма", „Отъ тоби й скарбъ", „Купованый розумъ", „Пархимово сниданне", „Пидбрехачъ", „Напущаньня якъ завьязано"; ко вторымъ — всѣ остальныя украинскія произведенія Квитки. Разсмотримъ тѣ и другія отдѣльно.

Еще г. Мастакъ (О. Бодянскій), различая у Квитки комическія и трогательныя украинскія повѣсти и драматическія пьесы, сопоставлялъ первыя съ русскими комедіями Квитки „Дворянскіе выборы" и „Шельменко" и находилъ между ними родство. Въ самомъ дѣлѣ, эти комическія украинскія произведенія Квитки суть не что иное, какъ продолженіе его русскихъ комедій, постепенно углубляющееся въ малорусскую народную почву. Въ первой его комической повѣсти „Салдацькій патретъ" еще замѣтны литературные пріемы И. П. Котляревскаго и П. П. Гулака Артемовскаго и отчасти карикатурное изображеніе малорусской жизни; но въ дальнѣйшихъ повѣстяхъ этого рода Квитка иногда прямо беретъ содержаніе для себя изъ народныхъ преданій и народной жизни, подвергая лишь незначительной передѣлкѣ.

Повѣсть „Солдацькій патретъ" имѣетъ еще слѣдующее добавочное заглавіе: „Латыньска побрехенька, по нашему разсказана". По словамъ Бодянскаго, „основаніемъ этой повѣсти послужила извѣстная латинская пословица: ne sutor ultra (supra) crepidam [1]). Мы съ своей стороны прибавимъ, что эта повѣсть напоминаетъ намъ также басню Эзопа — Momi censura. Во всякомъ случаѣ, повѣсть основана на латинскихъ источникахъ, между тѣмъ какъ самъ Квитка не владѣлъ латинскимъ языкомъ. Поэтому позволительно предположить, что самая идея повѣсти внушена Квиткѣ кѣмъ либо другимъ и именно другомъ его, П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ, который извѣстенъ своими переложеніями съ латинскаго языка на малорусскій,—и повѣсть во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою литературную манеру Гулака-Артемовскаго и отчасти И. П. Котляревскаго и Гоголя-отца. Въ ней разсказывается объ одномъ искусномъ малороссійскомъ малярѣ (живописцѣ) Кузьмѣ Трохымовичѣ, который подрядился одному господину написать солдата, да такого, который былъ-бы какъ живой и пугалъ воробьевъ на огородѣ. Кузьма Трохымовичъ написалъ солдата, но предварительно отправился съ нимъ на ярмарку, чтобъ выставить его тамъ и выслушать, что̀ будутъ говорить люди. Здѣсь сначала всѣ принимали солдатскій портретъ за живаго солдата и только впослѣдствіи разсмотрѣли, въ чемъ дѣло. Позже всѣхъ проходила мимо портрета толпа парней, большею частію занимавшихся какимъ нибудь ремесломъ. Предводитель ихъ, „швець" (сапожникъ) Терешко, сначала отдалъ портрету честь, какъ живому; но, пристыженный другими, говорилъ, будто онъ нарочно поклонился портрету, чтобы подразнить маляра, но что на самомъ дѣлѣ, портретъ плохо написанъ, такъ какъ неправильно изображены голенище, подборы и подъемъ. Кузьма Трохымовичъ нашелъ справедливымъ замѣчаніе швеца и тотчасъ же, по уходѣ парней, исправилъ у солдата обувь. Между тѣмъ, парни воротились назадъ и замѣтили, что маляръ послушался Те-

[1]) См. „Ученыя записки московскаго университета", октябрь, 1834 года.

решки. „Эге! ище бъ то не послухавъ,—замѣтилъ самодовольный Терешко, и подбоченясь, продолжалъ: я вже кылу знаю и заразъ побачу (замѣчу), щò недошмыгы (не ладно, не такъ). Чоботы теперь якъ чоботы, якъ я навчывъ (научилъ),—такъ мундѣръ не туды дывыцьця (глядитъ). Треба (нужно), щобъ рукава ось такъ...“—„А зась (врешь), не знаешь!“ — крикнулъ Кузьма Трохымовычъ изъ своего шалаша: „швець знай свое шевство (сапожничество), а у кравецтво (портняжничество) не мишайся!“ Г-ну Бодянскому особенно нравился въ этой повѣсти „мастерской очеркъ сельской малороссійской ярмарки“ и эпизодъ о похожденіяхъ дивчатъ (дѣвицъ), „вышедшихъ на ярмарку поглазѣть,—та щобъ чи не пожартують (порѣзвятся) парубкы зъ нымы“. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что парни и дѣвушки ведутъ себя на ярмаркѣ не совсѣмъ-то скромно и прилично, и вся ярмарка представлена Квиткой въ нѣсколько карикатурномъ видѣ. Пародіей отзываются и слѣдующіе разсказы Квитки: „Пархимово снидання“, „Купованый розумъ“, „Пидбрехачъ“ и нѣкоторые другіе. Въ первомъ изъ этихъ разсказовъ „Пархомъ“—такой же набитый дуракъ, какъ и „Романъ“ въ комедіи Гоголя-отца „Простакъ“. Замѣтивъ шашни своей жены, Пархомъ требуетъ отъ нея нѣсколько копеекъ на лакомства, но по своей глупости покупаетъ хрѣну и съѣдаетъ его. „Пидбрехачъ“ это—человѣкъ, помогающій свату лгать о достоинствахъ жениха; но, по глупости, онъ преувеличиваетъ не только достоинства, но и недостатки жениха. „Купованый розумъ“ представляетъ намъ школьника, доучившагося до совершеннаго отупѣнія.

Выше этихъ пародированныхъ произведеній Квитки стоятъ его комическіе повѣсти и разсказы, заимствующіе свое содержаніе изъ народныхъ преданій, какъ то: „Мертвецькій великъ-день“, „Конотопьска відьма“ и „Отъ тобі й скарбъ“. Правда, и въ нихъ есть отчасти карикатурный элементъ, но онъ заслоняется народнымъ содержаніемъ этихъ разсказовъ и повѣстей. „Мертвецькій великъ-день“ есть пасха мертвецовъ, которую они справляютъ въ четвергъ на святой недѣлѣ, собираясь въ свою приходскую церковь на ночное богослуженіе, которое совершаетъ умершій священникъ. И горе тому живому человѣку, который случайно попадетъ на ихъ праздникъ! Квитка воспользовался этимъ народнымъ повѣрьемъ и старался объяснить его происхожденіе хмѣльнымъ бредомъ пьяныхъ мужиковъ; но почему-то пріурочилъ „Мертвецькій великъ-день“ къ масляничному заговѣнью и чистому понедѣльнику, когда въ Малороссіи справляется собственно „Полоскозубъ“. „Полоскозубъ“ состоитъ въ полосканіи зубовъ водкою, чтобы не осталось между ними масляничнаго сыра; въ противномъ случаѣ, за этимъ сыромъ придутъ вѣдьмы. Очевидно, Квитка смѣшалъ въ своей повѣсти эти два народные праздника. Повѣсть „Конотопська відьма“ основана на чисто малорусскомъ историческомъ преданіи. Повѣсть разсказываетъ о томъ, какъ казацкій сотникъ Забреха и писарь Пистрякъ, не понимая прямыхъ своихъ обязанностей, зани-

мались топленіемъ мнимыхъ вѣдьмъ въ прудѣ и сами сдѣлались жертвою мести этихъ вѣдьмъ и получили заслуженное наказаніе отъ своего начальства. „Топленіе (мнимыхъ) вѣдьмъ при засухѣ, говоритъ самъ Квитка, не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи". Объ этомъ обычаѣ говоритъ и современный Квиткѣ украинскій писатель П. П. Белецкій-Носенко. Повѣсть „Отъ тобі й скарбъ" (Вотъ тебѣ и кладъ) разсказываетъ о Хомѣ Маслякѣ изъ села Джигунивці, который помѣшался на отысканіи кладовъ, растратилъ на нихъ все свое состояніе и, наконецъ, рѣшился на послѣднее средство—продаться чорту, чтобы съ его помощію получить кладъ. Дѣло было какъ-разъ передъ Пасхой, когда его односельчане приготовлялись къ этому свѣтлому празднику. Хома Маслякъ встрѣчается съ цыганкой и при помощи ея знакомится съ Юдуномъ, т. е. съ самимъ чортомъ. Черти заводятъ его въ непроходимыя болота и справляютъ съ нимъ свой чертовскій шабашъ. Хома едва выбрался отъ нихъ и добрался до своего села, но вскорѣ послѣ того умеръ. Нѣчто подобное разсказывается въ Малороссіи объ отысканіи кладовъ и въ настоящее время [1]); слѣдовательно, повѣсть Квитки основана на народныхъ малорусскихъ преданіяхъ. Но мы имѣли уже случай замѣтить, что Квитка не остается вполнѣ вѣренъ народнымъ преданіямъ и нерѣдко измѣняетъ и перемѣшиваетъ ихъ; слѣдовательно, онъ смотрѣлъ на эти преданія, только какъ на матеріалъ для своихъ повѣстей и разсказовъ, и въ этомъ отношеніи поступалъ точно такъ же, какъ И. П. Котляревскій въ своихъ операхъ и Гоголь-отецъ въ своихъ комедіяхъ.

Совершенно почти новымъ явленіемъ въ украинской литературѣ были повѣсти и драматическія пьесы Квитки съ сентиментальнымъ и трогательнымъ содержаніемъ. Раньше Квитки написана была въ этомъ тонѣ только „Наталка-Полтавка" Котляревскаго. Квитка далъ сентиментальности широкое развитіе и въ первый разъ ввелъ ее въ украинскую повѣсть. Къ сентиментальнымъ и трогательнымъ произведеніямъ его относятся: „Маруся", „Сердешна Оксана", „Щира любовь", „Добре роби—добре й буде", „Козырь-дивка", „Перекати-поле" и др.

Содержаніе повѣсти „Маруся" слѣдующее. Жилъ-былъ Наумъ Дротъ, человѣкъ честный, трудолюбивый, хорошій хозяинъ, товарищъ, супругъ и отецъ; его жена Настя во всемъ была подъ пару ему. Долго не было у нихъ дѣтей; наконецъ Богъ послалъ имъ дочь Марусю, тихую, скромную, добрую, червоную якъ панська рожа (роза). Въ нее-то влюбился парубокъ Васыль, горожанинъ, ремесломъ свытныкъ, увидѣвши ее разъ на свадьбѣ у одной ея подруги; онъ познакомился съ ней по дорогѣ въ городъ и заслалъ сватовъ къ родите-

[1]) См. „Малорусскія преданія и разсказы", Кіевъ, 1876 г., стр. 43.

лямъ Маруси, но получилъ отказъ отъ Наума, потому что Василю была очередь идти въ рекруты; если же онъ непремѣнно хочетъ сдѣлаться его зятемъ, то впередъ долженъ позаботиться пріискать за себя наемщика. Василь пошелъ къ купцу, торговавшему желѣзомъ, въ сидѣльцы, выучился у него грамотѣ и такъ полюбился хозяину, что онъ обѣщалъ поставить на его мѣсто рекрута. Наумъ, обрадованный этимъ, сдѣлалъ сговоръ и обручилъ свою дочь съ Василемъ; но свадьба отложена была на время, по случаю отъѣзда жениха по разнымъ торговымъ дѣламъ въ Одессу, Москву и др. Въ отсутствіе его Маруся простудилась, получила воспаленіе легкихъ и умерла. Василь воротился къ похоронамъ Маруси и затѣмъ навсегда удалился изъ села. Онъ умеръ іеродіакономъ Венедиктомъ въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Этнографическаго элемента въ этой повѣсти весьма мало: онъ проглядываетъ только въ описаніи народныхъ обрядовъ сватанья и погребенія. Затѣмъ, все содержаніе Маруси—общечеловѣческаго характера, въ духѣ сентиментальности, получившей у насъ широкое развитіе съ легкой руки Н. М. Карамзина. И Квитка, подобно Карамзину, бралъ сюжеты своихъ повѣстей изъ низшаго или средняго класса народа, влагалъ въ своихъ героевъ и героинь возвышенныя, благородныя и нѣжныя чувства, располагающія въ ихъ пользу и высшіе классы общества, и заставлялъ своихъ читателей и читательницъ проливать обильныя слезы. „Написалъ Квитка свою повѣсть „Маруся", говоритъ Кулишъ, и кто не читалъ ее, всякій плакалъ. О чемъ же плакать, читая Марусю? Развѣ ея доля ужъ очень несчастна? Нѣтъ, тутъ не печаль обнимаетъ душу, не изъ этого источника текутъ у читателя слезы. Душа тутъ обновляется, смотря на роскошную красу дѣвичью и чистое дѣвическое сердце. Это—не Маруся у насъ передъ глазами: это—наша юность, это—тѣ дни святые, приснопамятные, когда и у насъ было красно, чисто и свято въ сердцѣ". „Это—первая была книжка,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — которая дышала тѣмъ же духомъ, какимъ и слово Учителя благого. Квитка посмотрѣлъ на насъ, простыхъ людей, тѣмъ же самымъ взглядомъ, какъ и тотъ великій человѣколюбецъ. Мы изумились, какъ ясно засіялъ нашъ народный образъ, даромъ что къ нему густымъ слоемъ присталъ пахарскій потъ. Глубоко заглянули мы съ Квиткой въ душу простаго народа и сами задумались, откуда у него такая неотразимая глубина... Квитка первый довелъ украинцевъ до слезъ рѣчью украинскою и тѣмъ показалъ, что мы еще не сдѣлались никуда негодными; потому что и у насъ есть-что разсказать по своему, есть надъ чѣмъ заплакать. И, должно быть, много значитъ нашъ народъ простой въ своихъ домотканныхъ свитинахъ, когда, вошедши въ семью, самый разумный и ученый изъ насъ считаетъ эту семью своею родною, самый славный и знатный изъ насъ, самый высокій и чистый духомъ, не отказался бы признать Марусю родною сестрою,

и ея матерь—родною матерью, и ея отца—роднымъ отцомъ... Одна очень развитая въ области вкуса дама выразилась о Наумѣ Дротѣ: „это—такой мужикъ, у котораго съ почтеніемъ можно поцѣловать руку". Вотъ такимъ-то людомъ, убогимъ и смиреннымъ, похвалился нашъ Квитка передъ всѣмъ свѣтомъ: есть ли, молъ, другой такой на всемъ великомъ свѣтѣ" [1]). Въ этомъ восторженномъ отзывѣ г. Кулиша о Квиткиной „Марусѣ" довольно ясно обрисованы сентиментальныя черты ея, можетъ быть—помимо сознанія самаго г. Кулиша. А Н. И. Костомаровъ въ первомъ (по времени) своемъ обзорѣ украинской литературы прямо замѣчаетъ, что „характеръ Василя неясенъ и даже неестественъ; въ немъ не видно такого простодушнаго чувства, какъ въ Марусѣ,—онъ сентименталенъ и самое его удаленіе въ монастырь не производитъ сильнаго эффекта [2]). Кромѣ того, Бодянскій находилъ, что повѣсть „Маруся" чрезвычайно растянута и невольно наводитъ скуку при чтеніи".

Совершенно подъ пару Марусѣ другая героиня Квитки, Галочка въ его повѣсти „Щира любовь" и драматической пьесѣ съ тѣмъ же заглавіемъ. Галочка, дочь обывателя подгородья Гончаривки, Таранца, полюбилась умному, честному и благородному офицеру Зорину и сама его полюбила, но любовью идеальною и самоотверженною, и не хотѣла выйти за него замужъ, чтобы неравнымъ бракомъ съ нимъ не повредить его общественному положенію и служебной карьерѣ. Она выходитъ замужъ за своего работника Миколу, сохнетъ отъ грусти и умираетъ. Повѣсть несомнѣнно написана при участіи жены Квитки, Анны Григорьевны, и отличается сильной идеализаціей и сентиментальностью. Редакторъ „Современника" Плетневъ назвалъ Галочку существомъ нѣсколько идеальнымъ. Въ отвѣтъ на это Анна Григорьевна писала ему: „Почему вы находите, что Галочка—существо не земное? Право, мнѣ жаль, что вы такъ думаете, чтобъ въ простомъ быту не было благородства души и возвышенныхъ чувствъ! Я васъ могу увѣрить, что Галочка существовала и что теперь есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила, люди, которые разсказываютъ о ея умѣ и о красотѣ ея столько похвалъ, что онѣ даже въ пѣсняхъ сохранились... Извините, что я такъ горячо вступилась за Галочку—мое милое дитя, которое тѣмъ для меня болѣе интересно, что это истинное происшествіе, о которомъ давно просила мужа описать его".—Увы!—замѣчаетъ по поводу этого письма г. Данилевскій,—почтенная Анна Григорьевна, достойная всякой похвалы и справедливости, не знала, что можно слышать объ интересномъ, живомъ происшествіи и—разсказать его все-таки сентиментально и вяло.

Болѣе живой и человѣческій характеръ представляетъ „Сердешна

---

[1]) „Основа", мартъ, 1861 г., стр. 28, и апрѣль того же года, стр. 54 и 81.

[2]) „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ", въ Молодикѣ, за 1844 годъ.

Оксана". Она была дочь вдовы Веклы Ведмедихи, которая, несмотря на свое вдовство, платитъ подушное, какъ мужчина, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ даетъ умные совѣты сельскому старостѣ. Оксана, въ противоположность сосредоточеннымъ въ себѣ Марусѣ и Галочкѣ, отличалась веселымъ характеромъ. Она привѣтлива была къ матери, но, какъ избалованное дитя, ничего не работала, хотя и способна была работать. Она согласилась выйти замужъ за крестьянина Петра, но втайнѣ мечтала о панской жизни. На бѣду, въ селѣ остановился на постой одинъ капитанъ со своими солдатами, полюбился Оксанѣ, соблазнилъ ее и увезъ съ собою. Но и для капитана она стала въ тягость, какъ только добился онъ своей нечистой цѣли, и потому онъ напоилъ ее пьяною, остригъ ей волосы и бросилъ ее на постояломъ дворѣ на произволъ судьбы. Между тѣмъ, у Оксаны родился ребенокъ. Поруганная Оксана бѣжитъ съ этимъ ребенкомъ къ родному селу и на дорогѣ встрѣчается съ Петромъ, который любитъ ее попрежнему и возобновляетъ сватовство; но Оксана считаетъ себя недостойною его руки и отказываетъ ему. Когда же и мать Оксаны была убита горемъ и дочернимъ срамомъ, Оксана соглашается поселиться въ хатѣ Петра, но все-таки не выходитъ за него замужъ. Однажды подросшій ея сынокъ увидѣлъ въ селѣ капитана, который по лицу узналъ въ немъ сына Оксаны и далъ ему гривенникъ, но Оксана догадавшись, что этотъ капитанъ былъ ея обольститель, выбросила гривенникъ за окно. Квитка самъ, какъ видно, считалъ „Сердешну Оксану" одною изъ лучшихъ своихъ повѣстей и даже сопоставлялъ ее съ „Катериной" Т. Г. Шевченка. Въ письмѣ отъ 23 октября, 1840 года, Квитка писалъ Шевченку: „А что Катерина, такъ ужъ подлинно Катерина! Хорошо, батюшка, хорошо! Больше не умѣю сказать. Вотъ такъ-то московчики военные обдуриваютъ нашихъ дѣвушекъ! Написалъ и я „Сердешну Оксану", вотъ точнехонько какъ и ваша Катерина. Прочитаете, какъ г. Гребенка напечатаетъ. Какъ это мы одно думали про бѣдныхъ дѣвушекъ да про бусурманскихъ солдатъ!"— Покрайней мѣрѣ, это совпаденіе предметовъ у двухъ лучшихъ малорусскихъ писателей показываетъ, что и „Сердешна Оксана" и „Катерина" имѣютъ подъ собою бытовую почву, дѣйствительные жизненные факты, вытекающіе изъ склада жизни бездомнаго и зачерствѣлаго солдата и простой деревенской красавицы, заглядывающейся на блестящіе военные мундиры. Но, за исключеніемъ этой правдоподобной коллизіи, остальное въ повѣсти Квитки все-таки довольно идеально. Особенно это нужно сказать о характерѣ Оксаны, ея матери и Петра.

Повѣсть Квитки „Добре роби—добре й буде" доводитъ идеализацію сельской жизни до крайнихъ предѣловъ. Герой ея, простой крестьянинъ Тихонъ Брусъ, представляетъ изъ себя олицетвореніе разума и небесной добродѣтели на землѣ, безъ всякихъ земныхъ пятенъ, безъ живыхъ, мѣняющихся красокъ. Въ виду угрожающаго го-

лода, Тихонъ Брусъ совѣтовалъ своему обществу сдѣлать складчину хлѣба и производить аккуратную и бережливую выдачу изъ общественнаго магазина. Но общество не послушалось его, а между тѣмъ голодъ приближался. Тогда Брусъ употребилъ все свое довольно значительное состояніе на покупку хлѣба, даже заложилъ вещи своихъ домашнихъ, къ ихъ великому огорченію и неудовольствію, и спасъ все общество отъ голода, продавая ему закупленный хлѣбъ по сравнительно дешевой цѣнѣ. Повидимому, такой святой подвигъ долженъ былъ найти вознагражденіе въ себѣ самомъ; но онъ награждается у Квитки самымъ обыденнымъ образомъ: Тихонъ Брусъ получаетъ серебряную медаль отъ царя и денежное вознагражденіе за убытки. Самъ издатель повѣстей Квитки, г. Кулишъ, въ своей рекламѣ объ этихъ повѣстяхъ, какъ будто чувствовалъ всю неправдоподобность подобнаго черезчуръ идеальнаго характера въ крестьянской средѣ и не разъ увѣряетъ, что это не выдумка, а сущая правда, но увѣряетъ голословно.

Значительная доля идеализаціи находится и въ повѣсти „Козырьдивка". Содержаніе повѣсти слѣдующее. Зажиточный крестьянинъ Трохимъ Микуха, содержатель постоялаго двора, имѣлъ въ своемъ семействѣ сына Тимоху—гуляющаго и безпутнаго парня, дочь Ивгу—умную и добрую дѣвушку и кромѣ того пріймита Левка—честнаго и трудолюбиваго парня. Левко и Ивга полюбили другъ друга и мечтали о взаимномъ счастіи въ супружествѣ. Но на постояломъ дворѣ у Макухи случилась пропажа денегъ. Ихъ укралъ сынъ Макухи Тимоха, а волостной писарь, самъ расчитывавшій жениться на Ивгѣ, обвинилъ въ покражѣ Левка и препроводилъ его въ уѣздный судъ. Судъ, въ которомъ засѣдали бездѣятельные и безголовые судьи, притомъ же взяточники, не разслѣдовавъ дѣла, подтвердилъ обвиненіе и отправилъ Левка въ губернію для окончательнаго утвержденія судебнаго приговора надъ Левкомъ и отправки его въ Сибирь. Ивга знала дѣйствительнаго виновника покражи и рѣшилась во что бы-то-ни-стало раскрыть передъ блюстителями правосудія истину и спасти ни въ чемъ неповиннаго и дорогаго для нея Левка. Она послѣдовала за своимъ Левкомъ въ уѣздный городъ; напрасно здѣсь домогалась того, чтобы ее выслушали уѣздные судьи. Ивга отправляется за осужденнымъ Левкомъ въ губернскій городъ и, по указанію губернаторскаго чиновника, обращается къ самому губернатору, который оказался въ высшей степени человѣкомъ безкорыстнымъ, благороднымъ и дѣятельнымъ. Разумѣется, онъ выслушалъ Ивгу, приказалъ разслѣдовать дѣло и воздалъ каждому по дѣламъ его. Кстати, и самъ виновникъ всей этой кутерьмы,—Тимоха, явился на ту пору въ губернскомъ городѣ, въ качествѣ рекрутскаго кутилы—наймита за другое лицо.—Справедливо говоритъ г. Кулишъ, что эта повѣсть есть „горькій укоръ тѣмъ людямъ, которые выбились изъ темнаго, безграмотнаго народа въ законники, да и засѣли въ законахъ, какъ мыши въ засѣкѣ". Это,

собственно, относится къ волостнымъ писарямъ и членамъ уѣзднаго суда. Но, кромѣ этихъ мышей или канцелярскихъ крысъ, у Квитки въ этой повѣсти представлены и положительные типы, не только въ лицѣ Ивги и Левка, но и въ лицѣ губернатора. Напрасно г. Кулишъ говоритъ—и притомъ не къ чести Квитки—будто бы послѣдній похвалилъ губернатора, боясь его задѣть чѣмъ либо, или оскорбить. По нашему же мнѣнію, Квитка былъ вѣренъ себѣ, изображая въ хорошихъ чертахъ губернатора. Квитка часто изображалъ людей не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а какими они должны быть по евангельскому слову и общечеловѣческому идеалу. Поэтому и губернаторъ его есть губернаторъ идеальный, существовавшій только въ воображеніи автора.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о повѣсти Квитки „Перекоти-поле". Она не можетъ быть отнесена къ сентиментальнымъ повѣстямъ, равно какъ и не принадлежитъ къ разряду шутливыхъ, комическихъ повѣстей Квитки, и составляетъ особое въ нѣкоторомъ родѣ явленіе. Повѣсть изображаетъ народныя нравственныя понятія и для этого пользуется народнымъ степнымъ преданіемъ о растеніи перекати-поле, которое, оторвавшись отъ своего корня, перекатывается вѣтромъ черезъ поля и степи и иногда пробѣгаетъ громадныя пространства. Въ фантазіи украинскихъ писателей перекати-поле часто служилъ поэтическимъ символомъ безроднаго скитальца, оторваннаго отъ роднаго корня. Квитка разсказываетъ въ своей повѣсти о двухъ парубкахъ—Денисѣ Лискотунѣ и Трохимѣ, сынѣ Венгерихи, изъ которыхъ первый издавна занимался воровствомъ, хотя и слылъ за честнаго человѣка. Оба они отправились на заработки въ одинъ городъ; Трохимъ достаточно заработалъ, а Денисъ Лискотунъ прогулялъ все время и пустился на воровство, но былъ пойманъ Трохимомъ. Домой возвращались они вмѣстѣ и Лискотунъ, опасаясь дома огласки своего воровства, убилъ и обобралъ своего спутника, который передъ смертью указалъ своему убійцѣ на перекати-поле, какъ на свидѣтеля преступленія. Дѣйствительно, перекати-поле глубоко врѣзалось въ душу убійцы, мучило его преступную совѣсть и заставило, наконецъ, сознаться въ убійствѣ Трохима. По народному колориту, поэтическому замыслу и естественности разсказа, это—одна изъ лучшихъ, по нашему мнѣнію, украинскихъ повѣстей Квитки.

Итакъ, мы видимъ, что произведенія Квитки—самаго разнообразнаго содержанія и характера: писаны частію на русскомъ, частію на малорусскомъ языкѣ, касаются то городской и панской, то сельской жизни, и изображаютъ ту и другую въ отрицательномъ и положительномъ свѣтѣ. Мы выше замѣтили, что все это разнообразіе произведеній Квитки можетъ быть подведено подъ одно общее начало идилліи и сентиментальности, которое предполагаетъ собою противоположность между городскою изысканною и сельскою простою жизнію. Тѣмъ не менѣе, не всѣ его произведенія имѣютъ равную цѣну и

значеніе. Ниже всего стоятъ его нравоописательные романы на русскомъ языкѣ—„Панъ Халявскій“ и „Похожденія Столбикова“. Выше ихъ стоятъ русскія его комедіи „Дворянскіе выборы“, „Шельменко деньщикъ“ и „Шельменко писарь“, по крайней мѣрѣ нравившіеся русской публикѣ. Но малороссы собственно цѣнили его произведенія на украинскомъ языкѣ, къ которымъ относятся его драматическія пьесы и повѣсти. Однѣ изъ нихъ представляютъ украинскую жизнь въ комическомъ и отчасти карикатурномъ видѣ и имѣли предшественниковъ своихъ въ операхъ и комедіяхъ Котляревскаго и Гоголя—отца; другія, и притомъ болѣе многочисленныя, развивали элементъ чувства, свойственный малорусской природѣ, но нерѣдко доводили его до крайностей искусственной сентиментальности и иногда только приближались къ чистѣйшимъ звукамъ украинской народной словесности и поэзіи. Послѣднія-то собственно и представляютъ новый вкладъ въ исторію украинской литературы, и поэтому должны характеризовать Квитку, какъ писателя по преимуществу сентиментальнаго.

Но современники и ближайшее поколѣніе часто обращаютъ вниманіе не на характеристическія произведенія извѣстнаго писателя, а на второстепенныя и подражательныя. Такъ случилось и съ Квиткой. Какъ талантливый писатель, онъ имѣлъ немало послѣдователей; но собственно его идиллическимъ и сентиментальнымъ повѣстямъ подражали только не многіе, и притомъ большею частію позднѣйшіе писатели, напр. Кулишъ, Марко-Вовчокъ, Ганна Барвинокъ и др. Большинство же его послѣдователей имѣло въ виду его комическія произведенія въ драматической формѣ и, такимъ образомъ, смотрѣло на него, какъ только на продолжателя литературной дѣятельности Котляревскаго въ его операхъ; но къ этому прибавляло кое-что изъ новыхъ русскихъ писателей—Крылова, Жуковскаго и даже Пушкина, а можетъ быть—и изъ польскихъ писателей.

Къ числу ближайшихъ послѣдователей Квитки, но съ примѣсью другихъ литературныхъ элементовъ, относятся — Степанъ и Петръ Писаревскіе, Степанъ Васильевичъ Александровъ, Михайло Михайловичъ Макаровскій, Кириллъ Тополя и, пожалуй, братья Карпенки [1]). Первые четыре писателя принадлежатъ лѣвобережной Украинѣ и находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ русской или малорусской литературы; послѣдніе трое, хотя писали большею частію на малорусскомъ языкѣ, но отчасти носятъ на себѣ слѣды польскаго вліянія и принадлежатъ правобережной Украинѣ.

---

[1]) Извѣстны еще слѣдующія украинскія произведенія этого времени: 1) „Маруся“, повѣсть въ стихахъ, Одесса, 1834 г.; 2) „Явтухъ-Горемыка“, Таганрогъ, 1846 года; 3) „Цыганьска Шолопутьнява, або мій шляхъ до родины“, Петра Довгоносенка (Сил...ль...ва), Петербургъ, 1836 г.; 4) „Повисть Панка, чи цвитъ пидъ судьбы косою“, Вильгельма Чеховскаго, Кіевъ, 1852 г. Но мы не могли достать этихъ повѣстей.

II.

Степанъ Писаревскій [2]).

Степанъ Писаревскій, больше извѣстный подъ псевдонимомъ Стецька Шерепери, по свидѣтельству Закревскаго, былъ харьковскимъ протопопомъ и, вѣроятно, получилъ образованіе свое въ харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ или семинаріи: произведенія его писались и печатались между 1813 и 1841 годами. Изъ числа ихъ намъ извѣстны: 1) „Писулька до мого братухи Яцька, Мірянського пан-отця, тоді-ще, якъ я бурлакувавъ“; 2) пѣсня „За Нѣмань иду“, сочиненная на походъ русскихъ войскъ за границу въ 1813 году для освобожденія Европы отъ власти Наполеона; 3) „Купала на Ивана. „Малороссійская опера въ трехъ дѣйствіяхъ, въ которой обряды купала и свадьбы, какъ водится у малороссіянъ, представлены въ подлинномъ ихъ видѣ съ національными пѣснями. Сочиненіе Стецька Ш(ерепери), Харьковъ, 1840“, но сочиненная еще въ 1838 году; 4) „Байка:— Крути, Панько, головою;“ 5) „Пісня—Дѐ-бъ-то допитаться правди“, и 5) нѣсколько народныхъ пѣсень, собранныхъ Шерепереѣю, подходящихъ къ разряду соромливыхъ.

„Писулька до мого братухи Яцька, Мірянськаго пан-отця (священника)“ есть еще школьное произведеніе автора, въ которомъ онъ описываетъ въ комическомъ тонѣ благоденственное житіе своего брата священника, въ противоположность жалкому положенію школьника:

Ти, мабуть, повні закопелки
Уже наконвъ дітвори;
И цвіркуни, буцімъ суремки,
Цвірчать до тéбе изъ нори...
Теперъ, братко, тобі ні-гадки!
Засівъ, якъ вовкъ, біля пань-матки;
Гризешъ шкоринку відъ книша,
Та дмешь сивуху изъ ківша..

* * *

Дерешъ изъ мертвого, зъ живого,
Захарамаркаешь—та й шагъ!
Чи хто окотиться у кого,
Чи мишу майдуть въ буракахъ,
Чи хто кому пашню закрутить,
Чи відъ кутти кому занудить,
То требажъ, бачъ, шобъ помоглось:
Вже тутъ тобі не безъ чогось!

* * *

---

[2]) Свѣдѣнія о его произведеніяхъ см. въ „Купала на Ивана“, опéра, Харьковъ 1840 г.; „Сніпъ“, Корсуна, Харьковъ, 1841 г., „Ластовка“, Гребенки, 1841 г., и „Старосвѣтскій бандуристъ“, Н. Закревскаго, 1860 г., стр. 29.

До тебе йде весь міръ зъ поклономъ,
Несе горілку та книши;
А якъ не такъ, то й макогономъ!
Адже? — Кажи жъ бо, не бреши!
Пани до тебе—сповидаться,
Смиренні вдови—покуматься,
Купці, цигане, шинкарі
Въ тебе, якъ бджоли, на дворі!

* * *

А нашу браттю школяруку
Теперь десь, мабуть, ні-ухомъ", и проч. [1]).

По комическому тону, впрочемъ благородному и задушевному, эта писулька напоминаетъ намъ комическія произведенія Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго и, вѣроятно, написана подъ ихъ вліяніемъ. Комическимъ тономъ отзывается и байка (басня) С. Писаревскаго „Крути, Панько,—головою!" хотя содержаніе ея, повидимому, историческое. Въ баснѣ разсказывается, какъ Панько съ своею Одаркою, заслышавъ о набѣгѣ татаръ, спрятались на чердакъ. Къ нимъ прилѣзли еще Тимішъ и Харько; но всѣ они, одинъ за другимъ, выдали себя татарамъ неумѣстными восклицаніями. Когда татары поймали Панька на арканъ, ему —

Тимішъ кричить зъ журбою:
— Та що се ти, Панько! Крути лишъ головою!
„Алла! Тутъ не одинъ Иванъ (такъ называютъ русскихъ)".

---

[1])
Ты, вѣрно, полны печурки
Уже надѣлалъ дѣтворы,
И сверчки, какъ будто дудки,
Пищатъ къ тебѣ изъ норы...
Теперь, братикъ, тебѣ не мысли!
Засѣлъ, какъ волкъ, близъ попадьи;
Грызешь корку отъ кныша (родъ булки, назначаемой для поповъ)
Да дуешь водку изъ ковша.
Дерешь съ мертваго, съ живаго,
Зашамкаешь — и грошъ!
Иль кто окотится у кого,
Или мышь найдутъ въ свеклѣ,
Иль кто кому закрутитъ (заломитъ съ злымъ умысломъ) пашню,
Или отъ кутьи кому затошнитъ,—
То нужно, вишь, чтобъ помоглось:
Ужъ тутъ тебѣ не безъ чего-то.
Къ тебѣ идетъ весь міръ съ поклономъ,
Несетъ водку и кныши,
А коли не такъ, то и толкачемъ!
А такъ?—Признайсь, не ври!
Господа къ тебѣ—исповѣдаться,
Смиренны вдовы—покуматься,
Купцы, цыгане, шинкари
У тебя, какъ пчелы, на дворѣ!
А нашу братью школьниковъ
Теперь, вѣрно, и ни ухомъ!

И Тимішъ попався на арканъ!
— Ой, сучі ви сини! Ну, шобъ було мовчати!
Харько тоді озвавсь, —
Та й самъ на той арканъ попавсь...
И досі ще, якъ хто зустрінеться зъ бідою,
То ми кричимъ ёму: крути лишъ головою! [1]).

Но болѣе замѣчательными въ историко-литературномъ отношеніи произведеніями С. Писаревскаго мы считаемъ его пѣсню „За Нѣманъ иду" и оперу „Купала на Ивана", такъ какъ въ нихъ авторъ болѣе приближается къ уровню современной русской и украинской литературы, чѣмъ въ предшествующихъ своихъ сочиненіяхъ. Его пѣсня „За Нѣманъ иду", написанная тоническимъ размѣромъ, есть подражаніе стихамъ В. А. Жуковскаго—„Дубрава шумитъ, сбираются тучи", въ его стихотвореніи „Тоска по миломъ", а опера „Купала на Ивана" похожа своимъ содержаніемъ и складомъ на Квиткины драматическія пьесы изъ народной жизни и, кромѣ того, носитъ на себѣ печать вліянія поэзіи Пушкина.

Пѣсня „За Нѣманъ иду" въ настоящее время сдѣлалась почти народною пѣснею и въ устахъ народныхъ потеряла первоначальный размѣръ свой. Мы возстановляемъ этотъ размѣръ въ первыхъ строфахъ ея, чтобы нагляднѣе видѣть ея отношеніе къ оригиналу Жуковскаго:

За Нѣмань иду.
Ой, коню мій, коню!
Заграй підо мною,
Дивчино, прощай!
— За Нѣмань идешь, мене покидаешь:
Чого жъ ти, мій милий, соби тамъ бажаешь?
Хиба жъ тобі краща чужа сторона,
Своеи милійше родини вона? —
Иду я туды,
Де роблять на диво
Червонее пиво
Зъ крові супостатъ.
— Чи вже-жъ ти задумавъ тимъ пивомъ упитись?
Чи вже-жъ ти задумавъ зо мной розлучитись?
Тобі мої слези, тобі моя кровь;
Да только не кидай за вірну любовь! и проч. [2]).

---

[1]) Тимошь кричитъ съ кручиной:
— Да что это ты, Панько! Верти лишь головой!
„Алла! Тутъ не одинъ Иванъ!"
И Тимошъ попался на арканъ.
Ой, сукины вы сыны! Ну, чтобъ было молчать
Харько тогда отозвался,
Да и самъ попался на тотъ же арканъ.
И доселѣ еще, когда кто встрѣтится съ бѣдою,
То мы кричимъ ему: верти лишь головою!

[2]) За Нѣманъ ѣду.
Ой, конь мой, конь!
Заиграй подо мной,
Дѣвица, прощай!

Содержаніе и ходъ оперы „Купала на Ивана“ слѣдующія: Парубокъ Иванъ Коваленко, влюбленный въ Любку Мирошникивну, возвращается съ Дону домой и останавливается отдохнуть въ лѣсу у стараго дуба, не вдалекѣ отъ хора дѣвицъ, справлявшихъ Купала. Отъ хоровода отдѣляется его Любка, подходитъ къ тому же дубу, отламываетъ вѣтки для купальскаго костра и, не замѣчая Ивана, обращается къ дубу, какъ къ живому существу, и высказываетъ передъ нимъ свою любовь къ Ивану и жалобу на то, что ее хотятъ отдать за немилаго, и затѣмъ возвращается къ подругамъ. Иванъ пораженъ этою новостью и не знаетъ, что̀ дѣлать. Между тѣмъ, изъ цыганскаго шатра, расположеннаго вблизи, доносится цыганская пѣся, по-малороссійски составленная изъ цыганской пѣсни Пушкина:

Мы блукаемъ по поляхъ,
По лисахъ дремучихъ.

По поводу этой пѣсни, Иванъ вспомнилъ про цыгана Шмагайла, расторопнаго и способнаго на всѣ штуки человѣка, и рѣшился обратиться къ нему за помощью. Является и самъ Шмагайло и сообщаетъ Ивану, что мать Любки Ѳеська умерла и Любку взялъ къ себѣ дядя ея Панько Шереперя (отсюда псевдонимъ С. Писаревскаго) и хочетъ отдать ее, противъ ея воли, за кривоокаго Юрка Палыводу. Цыганъ обѣщается отбить Любку у Палыводы и проучить всю его компанію, и для этого употребляетъ совершенно такой же пріемъ, какой употребилъ для той же цѣли его единоплеменникъ въ „Сорочинской ярмаркѣ“ Гоголя: перерядившись со своей компаніей въ вѣдьмъ, вовкулаковъ (оборотней) и домовыхъ, Шмагайло пугаетъ Юрка Палыводу и его компанію и заставляетъ его отказаться отъ Любки въ пользу Ивана Коваленка. Въ заключеніе празднуется свадьба Ивана съ Любкой, на которой цыганъ Шмагайло является дружкомъ.

Съ художественной стороны эта опера не замѣчательна и даже слабовата; но она заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ отношеніямъ своимъ. Квитка также писалъ оперу „Купало на Ивана“, до насъ не дошедшую [1]), и опера С. Писаревскаго-Шерепери, по всей вѣроятности, есть подражаніе Квиткиной оперѣ, если не передѣлка ея. Далѣе,

— За Нѣманъ ѣдешь, меня покидаешь:
Чего жъ ты, мой милый, себѣ тамъ желаешь?
Развѣ тебѣ краше чужа сторона,
Своей милѣе родины она? —
Иду я туда,
Гдѣ варятъ на диво
Красное пиво
Изъ крови враговъ.
— Ужель ты задумалъ темъ пивомъ упиться?
Ужель ты задумалъ со мной разлучиться?
Тебѣ мои слезы, тебѣ моя кровь,
Да только не кидай за вѣрну любовь. —

[1]) „Украинская Старина“, Г. Данилевскаго, 1866 г., стр. 284.

въ оперѣ Писаревскаго-Шерепери приведена цыганская пѣсня, по-малороссійски составленная изъ цыганской пѣсни Пушкина въ его поэмѣ „Цыганы". Очевидно, подъ вліяніемъ этой поэмы цыганъ Шмагайло является въ оперѣ С. Писаревскаго-Шерепери не вѣроломнымъ конокрадомъ, какимъ представляетъ цыгана простой народъ, а человѣкомъ честнымъ и правдивымъ, и участвуетъ на свадьбѣ Ивана и Любки въ качествѣ дружка. Съ такими же чертами цыганъ является и въ повѣсти Гоголя „Сорочинская ярмарка".

III.

Петръ Писаревскій [1]).

Петръ Писаревскій, вѣроятно, братъ Степана Писаревскаго, тоже воспитывался въ „бурсѣ", т. е. въ одномъ изъ духовно-учебныхъ заведеній, вѣроятно, въ харьковскомъ коллегіумѣ. Въ своей стихотворной повѣсти „Стецько" онъ самъ называетъ себя „бурсакомъ". Изъ его произведеній извѣстны: 1) „Мирошникъ" (мельникъ), изъ Державина; 2) басни „Панъ" и „Цыпиня" (щенокъ), изъ коихъ первая, повидимому, есть переложеніе басни Крылова „Вельможа"; 3) басни— „Панське слово — велыке дило" и „Собака та злодій" (воръ) и 4) „Стецько можебилиця", повѣсть. Изъ нихъ первыя два стихотворенія показываютъ отношеніе автора къ русской литературѣ. Басни „Собака та злодій" и „Панське слово — велике дило", по своему содержанію и характеру, ближе всего подходятъ къ малорусскимъ баснямъ П. П. Гулака-Артемовскаго. Обѣ онѣ, подобно баснѣ „Панъ та собака" послѣдняго, имѣютъ въ виду представить и осмѣять несправедливыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и иногда прямо подражаютъ баснѣ Гулака-Артемовскаго. Такъ, въ баснѣ „Собака та злодій" является тотъ же Рябко, что и у Гулака-Артемовскаго, и также допускаетъ воровъ обокрасть своего пана, но по нѣсколько-иной причинѣ: Рябка не бьютъ у Писаревскаго, но привязываютъ на цѣпь къ канурѣ и лишаютъ возможности свободно преслѣдовать воровъ.

Рябко вже бачыть, що видъ хаты
Ему пидмоги та не ма,—
Сказавъ: „теперь-то й глузоваты,
Якъ въ мене волоньки чортъ-ма! [1])

---

[1]) Стихотворенія его помѣщались въ альманахахъ: „Свѣтъ", А. Карсуна и „Ластовка", Е. Гребенки, 1841 года.

[1]) Рябко уже видитъ, что отъ хаты (избы)
Ему нѣтъ подмоги,
Сказалъ: „теперь то и насмѣхаться,
Когда у меня нѣтъ воли".

Въ другой баснѣ—„Панське слово—велике дило",крестьянинъ терпитъ отъ забывчивости своего пана, равнодушнаго къ крестьянскимъ нуждамъ. Басня эта основана на малорусской поговоркѣ — „Казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово ёго тепле" (говорилъ панъ дамъ полушубокъ, да и слово его тепло) и оканчивается слѣдующимъ выводомъ:

.... Такъ бува частенько намъ,
Що панъ намъ тильки обищае;
Згадай,—не дасть, та ще й полае [1]).

Болѣе капитальнымъ произведеніемъ П. Писаревскаго была его повѣсть или поэма—„Стецько можебилиця", написанная совершенно въ духѣ украинскихъ повѣстей Квитки. Въ началѣ авторъ разсказываетъ о себѣ, что, будучи еще школяромъ, онъ отправился домой на рождественскіе праздники пѣшкомъ и дорогой выпросился погрѣться въ одну хату. Хозяинъ, дядя Сидоръ Петровичъ Швидкій, принялъ школяра если не совсѣмъ радушно, то и не враждебно.

Узнавши жъ відъ мене, що птиця школярьська [2]),
По книжному мовить за мною звязавсь:
„А ну—лишень, Петре! (мене це такъ звати)
Що è вишче неба? а ну, відгадай!"
— Огонь би, чи що-то? я ставъ відвічати.
— „Писаніе каже, що вышче вода!"
Та й ставъ глузувати: „От-так-то, небого,
Й сёго ти не знаешъ! Чому жъ ви вчитесь?
А се è въ псалтирі: Хваліте, бачъ, Бога!
Тамъ ще якcь: Вода ще що вышче небесъ".

У этого Сидора Петровича была дочка Любка и пріемышъ Стецько, которые собственно и являются главными героями повѣсти. Любка была привѣтливая, ласковая дѣвица, которую Сидоръ Петровичъ берегъ, какъ зеницу ока, и думалъ было выдать ее за хозяйскаго сына. Но Любка полюбила безроднаго сироту-пріемыша Стецька и призналась въ этомъ отцу. Сидоръ Петровичъ разсудилъ такъ:

---

[1]) .... Такъ бываетъ частенько съ нами,
Что панъ намъ только обѣщаетъ;
Напомни,—не дастъ, да еще и обругаетъ.

[2]) Узнавши же отъ меня, что птица школьная,
Началъ говорить со мною по-книжному:
„А ну-ка, Петръ (это меня такъ звать),
Что—выше неба? а ну, отгадай!"
— Огонь, что-ли? я сталъ отвѣчать.
— „Писаніе говоритъ, что выше—вода!"
Да и сталъ насмѣхаться: „Вотъ такъ-то, дружокъ,
И этого-то ты не знаешь! Чему же вы учитесь?
А это есть въ псалтири: Хвалите, вишь, Бога!
Тамъ еще какъ-то: Вода еще, что выше небесъ".

„Кричати на неи и все-бъ то свариться—
Не в-могу, бо Любку вінъ дуже любивъ...
Пустить мимо очи, віддати за ёго—
А хто вінъ? Підкидишъ!—От-тут-то й біда!
Ще що въ ёго е?.. Охъ, багацько усёго:
И небо зъ зірками, земля и вода!..“
Вінъ здумавъ: якъ буду Стецькові сміятись:
То дурнемъ, то ще якъ ёго лицёвать;
То Любка й разлюбить и стане жохатись,
И війти за ёго не буде бажать [1]).

Онъ и сталъ при всякомъ случаѣ смѣяться надъ Стецькой; но Любка еще болѣе полюбила его, безталаннаго и несправедливо обижаемаго. Тогда отецъ послалъ Стецька за рыбою на Донъ. Въ отсутствіе его, къ Любкѣ посватался сынъ богатаго хозяина Пархома, но она отказала ему, рѣшившись идти въ монахини, если ее не отдадутъ за Стецька. Наконецъ, воротился съ Дону Стецько, какъ разъ въ то время, когда у Сидора Петровича ночевалъ авторъ.

Війшовъ парубійко облипляний снігомъ:
Високій та гарній, якъ яворъ стрійний!..
Тутъ Сидіръ спитався: чи все було справно,
Чи дуже багацько вінъ риби привізъ;
И потімъ сказавъ вінъ: „Якъ хто уже гарній,
То скверннмъ не зробишъ, хочъ якъ не мудрись!
Теперъ же, Степане, ось сердце порука!
За все твое добре, що ти ни робивъ,
Даю тобі дівку от-сю, мою Любку:
Бо знаю, ти дуже іи полюбивъ.
Кохайтесь у-правді, живіть собі з Богомъ!
А ти будь покірна и слухай Стецька,
То будешъ щаслива, й година лиха
Ніколи не буде за вашимъ порогомъ!“
Тутъ Сидіръ заплакавъ и річь закінчавъ [2]).

---

[1]) Кричать на нее и все бы браниться,—
Не въ моготу, потому что Любку онъ очень любилъ...
Пустить мимо глазъ, отдать за него—
А кто онъ? Подкидышъ! Вотъ тутъ-то и бѣда!
Еще что у него есть? Охъ, всего много:
И небо съ зорьками, земля и вода!..
Онъ придумалъ: какъ буду Степану смѣяться:
То дуракомъ, то еще какъ его выставлять,
То Любка и разлюбитъ и станетъ его пугаться
И выдти за него не будетъ хотѣть.

[2]) Вошелъ дѣтина занесенный снѣгомъ,
Высокій да хорошій, какъ яворъ стройный!..
Тутъ Сидоръ спросилъ: все-ли было исправно,
Какъ много онъ рыбы привезъ;
И потомъ сказалъ онъ: „какъ кто ужъ хорошій,
То сквернымъ не сдѣлаешь, хоть какъ не мудрись!
Теперь же, Степанъ, вотъ сердце порука!
За все твое добро, что ты ни дѣлалъ,

IV.

Степанъ Васильевичъ Александровъ.

Степанъ Васильевичъ Александровъ родился близъ гор. Изюма, Харьковской губерніи, въ казенномъ селеніи Цареборисово; воспитывался въ харьковскомъ коллегіумѣ еще до преобразованія училищъ; по окончаніи ученія (около 1815 г.), три года жилъ въ Цареборисовой, потомъ перешелъ въ Бугаивку, селеніе Изюмскаго же уѣзда, принадлежавшее помѣщикамъ Донецъ-Захаржевскимъ, и живши тамъ постоянно въ продолженіи 26-ти лѣтъ, имѣлъ случай изучить народный бытъ. Въ 1845 году, онъ перешелъ въ военное поселеніе Граково. На этомъ прерываются біографическія свѣдѣнія объ Александровѣ, который, по всему вѣроятію, былъ приходскимъ священникомъ. Отъ него дошло одно только сочиненіе: „Вовкулака, украиньське повирье, разсказъ въ стихахъ“.

Вовкулаки—это оборотни, чародѣйскою силою превращенные изъ людей въ волковъ. Герой разсказа г. Александрова, Володька, гуляетъ на Савкиной свадьбѣ; но здѣсь онъ разсердилъ, и то заочно, злую вѣдьму Колпачку, которая и превратила его на три года въ вовкулаку. Въ первой части разсказа описываются довольно вѣрно свадебные обычаи и обряды малороссовъ, а во второй изображаются трехлѣтнія страданія героя въ волчьей шкурѣ,—какъ онъ скрывался отъ людей и собакъ, какъ онъ голодалъ и съ опасностію жизни искалъ себѣ пищи, какъ его били люди и рвали собаки и проч. Черезъ три года онъ снова сталъ человѣкомъ и воротился къ семейству въ богатой одеждѣ и съ деньгами, которыя оставилъ у его убѣжища напуганный его волчьимъ воемъ человѣкъ.

Подъ какими литературными вліяніями появился этотъ разсказъ—объ этомъ говоритъ самъ г. Александровъ въ предисловіи къ нему. Здѣсь онъ упоминаетъ объ „Энеидѣ“ Котляревскаго, „Солдацькомъ патретѣ“ и „Марусѣ“ Квитки, баснѣ „Панъ та Собака“ Гулака Артемовскаго, „Думахъ“ А. Могилы (Метлинскаго) и альманахѣ „Снипъ“ Корсуна. Въ предисловіи же „до землякивъ“ Александровъ говоритъ даже, что онъ принялся за перо подъ вліяніемъ „Кобзаря“ Шевченка, который, какъ извѣстно, первымъ изданіемъ вышелъ въ С.-Петербургѣ, въ 1840 году. Вотъ слова Александрова:

Даю тобѣ дѣвку, вотъ эту, мою Любку;
Потому что знаю, что ты очень ее полюбилъ.
Любитесь по правдѣ, живите себѣ съ Богомъ!
А ты будь покорна и слушай Степана,
И будешь счастлива, и несчастье
Никогда не будетъ за вашимъ порогомъ!“
Тутъ Сидоръ заплакалъ и рѣчь окончалъ.

Дванадцять литъ проживъ я въ бурси,
Та й не прийшло тоди въ догадъ,
Що наша кобза въ Петенбурси
Колись-то буде грати въ ладъ.
Тепера жъ якъ въ мое виконце
Писень знакомихъ зъ пъять прийшло;
Мени здалося—наче сонце
Посередъ ночи изийшло [1].

Но между оригиналами Александрова и его „Вовкулакою" большая разница, и притомъ далеко не въ его пользу. Этнографическій элементъ разсказа напоминаетъ нѣсколько нѣкоторыя украинскія повѣсти Квитки; но анализъ внутренняго состоянія „Вовкулаки" или оборотня слишкомъ неестественъ и произволенъ. Г. Александровъ не имѣетъ и серьезной задачи. Вся мораль разсказа ограничивается слѣдующимъ четверостишіемъ:

Въ биду-жъ Володька-бъ не попався,
Якъ би Колпачки не страмивъ;
Та ще горилки не впивався,
То-й досе-бъ дома тихо живъ [2].

Что касается Т. Шевченка, „Кобзарь" котораго вдохновилъ собою Александрова, то, кромѣ формы разсказа и стихотворной рѣчи, между этими писателями нѣтъ ничего общаго. Да и самое стихосложеніе—тоническое, и языкъ г. Александрова отстоитъ отъ поэмъ Шевченка, какъ небо отъ земли. Въ этомъ литературномъ курьезѣ интереснѣе всего для насъ то, какъ понимали Шевченка подобные Александрову господа и пародировали его самымъ обиднымъ образомъ.

V.

Михаилъ Михайловичъ Макаровскій [3].

Михаилъ Михайловичъ Макаровскій родился въ 1783 году. Отецъ его былъ священнонамѣстникомъ во флотѣ, а потомъ священникомъ

---

[1] Двѣнадцать лѣтъ прожилъ я въ бурсѣ,
Да и не пришло тогда въ догадъ,
Что наша кобза (музыкальный инструментъ) въ Петербургѣ
Когда-то будетъ играть въ ладъ.
Теперь же, какъ въ мое оконце
Пришло съ пятокъ знакомыхъ пѣсенъ,
Мнѣ показалось, будто солнце
Посередь ночи взошло.

[2] Въ бѣду-жъ Володька-бъ не попался,
Какъ бы Колпачки не срамилъ,
Да еще водки не напивался,
То и доселѣ-бъ дома тихо жилъ.

[3] Источники: „Южный русскій сборникъ", А. Метлинскаго, Харьковъ, 1848 года, и „Русскій Вѣстникъ", 1857 г., т. XII, ч. 1, Современная Лѣтопись, стр. 231, статья Кулиша.

въ селеніи Галицкомъ (Хорольскаго или Кременчугскаго уѣзда) и въ мѣстечкѣ Кропивной (Золотоношскаго уѣзда). Макаровскій окончилъ курсъ ученія въ полтавской семинаріи, на содержаніи своего старшаго брата. До 1818 года онъ былъ домашнимъ учителемъ у помѣщиковъ Корсуна, Кодинця, Кулябки; съ этого же года опредѣлился на службу въ гадячское уѣздное училище, гдѣ былъ сначала учителемъ закона Божія, исторіи, географіи, латинскаго и русскаго языковъ, а потомъ штатнымъ смотрителемъ. Въ числѣ учениковъ его былъ Амвросій Метлинскій. Макаровскій зналъ и говорилъ по-латыни, по-французски и по-нѣмецки, имѣлъ даръ произношенія и написалъ довольно сочиненій; но русскій литературный языкъ, по обстоятельствамъ жизни, всегда оставался у него нѣсколько книжно-устарѣлымъ. „Несравненно чище и сильнѣе, говоритъ Метлинскій, его необыкновенное эпическое дарованіе проявилось въ сочиненіяхъ народныхъ, потому что онъ глубоко зналъ языкъ и бытъ народный, и, кажется, если бы онъ началъ заниматься этимъ раньше, то могъ бы сдѣлаться творцомъ замѣчательной народной эпопеи“. Онъ умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора и кавалера, 7-го сентября, 1846 года, 63 лѣтъ отъ роду. Послѣ него остались—поэма „Наталя“ и повѣсть въ стихахъ „Гарасько, або таланъ и въ неволи“, на основаніи которыхъ Метлинскій такъ высоко цѣнилъ эпическій талантъ Макаровскаго. Первая изъ нихъ написана была въ 1844 году, а „Гарасько“—нѣсколько позже.

Содержаніе поэмы „Наталя“ слѣдующее. Въ селѣ Теплицахъ женщина Харитина восемь лѣтъ горевала по своемъ мужѣ Тарасѣ, который отправился погонцемъ за Дунай и пропалъ безъ вѣсти. Но она не сидѣла сложа руки, а трудилась съ дочерью своей Натальей и имѣла хорошее хозяйство и деньги. Ея Наталья славилась красотою и расторопностью, но съ нѣкотораго времени начала грустить и сохнуть. Напрасно ей старались помочь знахарки: Наталья полюбила прохожаго молодого Опанаса и сохла по немъ. И Опанасъ, въ свою очередь, полюбилъ Наталью съ перваго взгляду, но не признался ей въ этомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ прислалъ своего дядю развѣдать о Натальѣ и вслѣдъ затѣмъ посватался къ ней. Дѣло сладилось и начали справлять „весілле“, т. е. свадьбу. Но передъ самымъ послѣсвадебнымъ обѣдомъ пришелъ къ Харитинѣ и мужъ ея Тарасъ. Бывши за Дунаемъ, онъ попалъ въ плѣнъ къ турку, убѣжалъ отъ него къ греку, облеталъ море и землю и, сколотивши копѣйку, вернулся теперь домой. Такимъ образомъ Харитина имѣла двѣ доли разомъ: дочку выдала замужъ и встрѣтила своего мужа, котораго считала пропавшимъ. Старики разбогатѣли, дождались внука и тихо умерли, отказавши имѣніе свое зятю и внуку.

Поэма эта, по словамъ Кулиша, была замѣчена всѣми знатоками малороссійской словесности. По эпическому складу, по отдѣлкѣ стиховъ и красотѣ простонародныхъ типовъ, она составляетъ истинную

драгоцѣнность. Послѣ Квитки и Шевченка, это было самое замѣчательное произведеніе въ южнорусской словесности, тѣмъ болѣе, что появилось въ эпоху внезапнаго перерыва дѣятельности малочисленныхъ южнорусскихъ писателей. Эта поэма—скажемъ отъ себя — есть панегирикъ простой, трудолюбивой жизни и домовитости малорусскаго крестьянина и отличается идиллическимъ характеромъ. При несложности содержанія, она богата вѣрнымъ изображеніемъ бытовыхъ частностей украинскаго простолюдина и отличается хорошимъ языкомъ.

Гораздо ниже цѣнится другая поэма Макаровскаго—„Гарасько, або таланъ и въ неволи", которая, по словамъ Кулиша, едва можетъ быть признана сестрою первой. Герой поэмы, Гарасько Знемога, отправленъ былъ своими родными въ чужіе края искать счастья и нанялся въ Таганрогѣ писаремъ у одного купца-грека. Этотъ грекъ велъ заморскую торговлю и отправился съ Гараськой въ Трапезонтъ на кораблѣ. Во время пути поднялась буря и потопила корабль и людей. Спасся какимъ-то чудомъ Гарасько и присталъ къ берегу, гдѣ замѣтилъ его черкесъ Баязетъ и взялъ къ себѣ въ плѣнъ. Гарасько исправно служилъ своему господину и пріобрѣлъ его довѣріе, но отказывался отъ его предложенія принять магометанство. Въ дому у Баязета жила сестра его, дѣвица Мериме, терпѣвшая отъ него притѣсненія и обиды. Она полюбила Гарасько и ухаживала за нимъ во время его болѣзни; полюбилъ ее и Гарасько. Однажды, въ отсутствіе Баязета, они бѣжали вдвоемъ при помощи одного богатаго грека Фоки, бывшаго другомъ-пріятелемъ отцу Мериме, и прибыли въ Таганрогъ. Здѣсь Мериме приняла христіанство и вышла замужъ за Гарасько, а грекъ Фока купилъ для нихъ домъ. Молодые разбогатѣли, пригласили къ себѣ жить стариковъ Знемоговъ и успокоили ихъ старость.

Языкъ этой поэмы такой же, какъ и въ „Наталѣ"; но въ ней нѣтъ уже характеристическихъ особенностей украинскаго быта, по свойству самаго разсказа переносящаго читателей на Кавказъ и въ Таганрогъ, въ среду черкесовъ и грековъ и таганрогскихъ купцовъ. Нельзя не замѣтить, что поэма „Гарасько" своимъ содержаніемъ напоминаетъ „Кавказскаго плѣнника" Пушкина, отличаясь только тѣмъ, что Гарасько не оставляетъ влюбленной въ него черкешенки, но возвращается съ ней на родину и женится на ней.

Какое же мѣсто занимаютъ поэмы Макаровскаго въ общемъ ходѣ развитія украинской литературы? Внѣшней формой своей онѣ напоминаютъ намъ поэмы Пушкина и Шевченка, и нѣтъ сомнѣнія, что авторъ написалъ свои поэмы не безъ вліянія этихъ поэтовъ. Но въ поэмахъ Макаровскаго нѣтъ ни драматическаго нерва, проходящаго почти чрезъ всѣ произведенія Шевченка, ни демоническаго жала, какимъ снабжены Пушкинскіе герои. Макаровскій просто рисуетъ идеалы семейнаго, мѣщанскаго счастія, съ разными препятствіями,

возвышающими цѣну этого счастія. Въ этомъ отношеніи его поэмы ближе всего подходятъ къ характеру украинскихъ повѣстей Квитки, дѣлая только внѣшнія уступки новому направленію русской и украинской литературы въ лицѣ Пушкина и Шевченка.

VI.

Кириллъ Тополя [1]).

О жизни этого писателя мы ничего не знаемъ положительнаго. Нѣкоторыя предположительныя свѣдѣнія можно записывать изъ его сочиненій: 1) „Чари, или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ", Москва, 1837 г., разрѣшеннаго цензурой еще въ 1834 году, и 2) „Чуръ-Чепуха, или нѣсколько фактовъ изъ жизни украинскаго панства", Казань, 1844 года. Слѣдовательно, литературная дѣятельность К. Тополя относится къ десятилѣтію между 1834—1844 годами. Дѣйствіе пьесъ происходитъ на правомъ берегу Днѣпра, въ Кіевской Украинѣ, „что ниже Кіева по Днѣпру, тамъ, гдѣ города Черкасы, Каневъ и сосѣднія имъ мѣста"; слѣдовательно, здѣсь жилъ нѣкогда авторъ и наблюдалъ малорусскую жизнь, которую потомъ изобразилъ въ своихъ пьесахъ. „Предувѣдомленіе" къ „Чарамъ" написано довольно безграмотно и обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка весьма мало знакомаго съ русскимъ языкомъ. „Въ сей піесѣ, подназваніемъ Чари и проч., говоритъ авторъ, представлены мною, частію очевидныя были, частію разсказы преданій народныхъ. А доказательствомъ чего либо, могутъ служить пѣсни. Такъ, какъ служили они и нѣкоторымъ истинамъ историческимъ". По всей вѣроятности, К. Тополя былъ полякъ, долго жившій на Украинѣ и изучившій ея языкъ, обычаи и обряды. О литературныхъ преданіяхъ его и о литературной школѣ, къ которой онъ принадлежалъ, тоже нельзя сказать ничего положительнаго. Правда, его пьесы представляютъ значительное сходство съ нѣкоторыми пьесами Квитки и съ „Купало на Ивана" Шерепери, по крайней мѣрѣ—по общему колориту; но первая пьеса Тополи „Чари" явилась раньше этихъ произведеній и скорѣе сама могла имѣть на нихъ свою долю вліянія. Поэтому съ бо̀льшимъ правомъ можно предположить, что литературныя преданія Тополи заключались въ польской литературѣ, а не въ русской или украинской. Въ польской литературѣ тоже былъ сентиментальный періодъ съ этнографическимъ оттѣнкомъ, смѣнившій собою псевдоклассическую литературу, а съ начала нынѣшняго вѣка

[1]) Источниками служили: „Чари" и „Чуръ-Чепуха" Кирилла Тополи и „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ", Іереміи Галки, въ „Молодикѣ" за 1844 г., стр. 180—182; см. ст. Кулиша въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1857 годъ.

образовалась даже цѣлая школа польско-украинскихъ поэтовъ, родомъ изъ Украйны, которые стали воспроизводить въ своихъ сочиненіяхъ необозримую ширь южнорусскихъ степей и вдохновляться заунывными мотивами пѣсенъ малорусскаго простонародья, его повѣрьями и проч. Къ числу сентиментально-идиллическихъ польскихъ писателей принадлежитъ, между прочимъ, Войтѣхъ Богуславскій (1760—1829). Его опера „Краковяки и горцы", игранная въ 1794 году, воспроизводила въ наивной простотѣ нравы, пѣсни и напѣвы крестьянъ и пастуховъ, занимающихъ предгорья Карпатъ. Такого же характера и пьеса Тополи „Чари", въ которой, кромѣ изображенія народныхъ обычаевъ, заключается болѣе 20-ти украинскихъ народныхъ пѣсенъ; разница только въ томъ, что К. Тополя писалъ свои пьесы для русской публики и потому не употреблялъ польскаго языка.

Ходъ пьесы „Чари"—слѣдующій. Въ первой вступительной сценѣ представлено народное гулянье въ жидовскомъ шинкѣ, куда, ради воскресенья, собрались войтъ и парубки съ дивчатами. Между ними выдѣляются парубки—Грицъ и Василь и дивчата—Галя, Христя и Любка. Во второмъ дѣйствіи Грицъ и Василь разговариваютъ о дивчатахъ, но, завидѣвши Галю и Любку, прячутся за колодки и подслушиваютъ ихъ разговоръ, изъ котораго узнаютъ, что Галя любитъ Грица, а Любка—Василя. Отцы этихъ парубковъ, Лопата и Коваль, застаютъ ихъ въ компаніи съ Галей и Любкой и находятъ ихъ подходящими невѣстами для своихъ сыновей. Но Грицъ былъ вѣтреный и избалованный парубокъ, обманувшій не одну дивчину и уже неспособный полюбить искренно. Однажды Галя съ подругами, спрятавшись за колодки, подслушала его насмѣшливыя рѣчи о дивчатахъ и стала сохнуть отъ безнадежной любви къ нему. Мать ея Кугутка, по происхожденію полька, пригласила къ дочкѣ Домаху Зміючиху, мѣстную знахарку и вѣдьму, къ которой, по народному повѣрью, леталъ огненный змѣй. Въ одной изъ сценъ пьесы и изображаются сборы Домахи съ ея подругами на чертовскій шабашъ и самый этотъ шабашъ на Лысой горѣ, куда попалъ и деревенскій войтъ, по ошибкѣ выпившій у Домахи вѣдомскаго зелья, вмѣсто водки. Хоромъ вѣдьмъ и знахарей на Лысой горѣ заправлялъ самъ чортъ, въ образѣ жида, и пѣлъ слѣдующую пѣсню на польско-жидовскомъ языкѣ:

Яце, таце, супарнаце [1]) —
Моя-зъ бабусенько-зъ!
У мне-зъ бендо бабусенько
Вельмы-зъ старенько-зъ.
Завше сѣньзе на пѣцу,
Ядле собѣ калацу —
— Пифъ пифъ, пифъ пифъ!
Якъ калацуфъ не достаіо-зъ,

[1]) Это латинская пословица—tace, jace sub fornace, свидѣтельствующая о школьномъ происхожденіи пѣсни.

Беньзе людзіо гадаіо-зъ.
Тшеба-зъ такзе й ворожбыць,
Цобъ цимъ бендо и позиць —
— Охъ вій, охъ вій, вій!
Яце-зъ, таце-зъ, супарнаце-зъ —
Моя-зъ бабусенько-зъ [1])!

Домаха Зміюха, по приглашенію Кугутки, лечитъ Галю отъ пристрита и привораживаетъ къ ней Гриця; а потомъ и сама Галя обращается къ Зміюхѣ, чтобы отравить Гриця, сосватаннаго на Христѣ, и получаетъ отъ нея какое-то настоенное зелье, которымъ и отравляетъ Гриця. Умирая, Грицъ сознается въ своей винѣ противъ Гали и говоритъ: „Ахъ, Боже мій! теперь тильки я бачу, що хто не поправдѣ вѣкъ живе, той не по-правдѣ и вмирае". Послѣдняя сцена представляетъ гуляющую на улицѣ деревенскую молодежь, которой однако, послѣ смерти Гриця, все какъ будто не доставало чего-то. Нѣкоторые парубки поютъ пресловутую украинскую пѣсню—„Ой, не ходы, Грицю, довго на улыцю", которая такъ шла къ положенію покойнаго Гриця и можетъ быть названа темою цѣлой пьесы.

„Чары г. Тополи,—писалъ о нихъ въ 1844 г. Н. И. Костомаровъ—какъ всякое сочиненіе, выходящее изъ обыкновеннаго круга, испытали двѣ крайности въ сужденіяхъ нашихъ критиковъ. Полевой въ „Библіотекѣ для чтенія" указывалъ на нихъ, какъ на необыкновенное, замѣчательное явленіе; другіе говорили, что въ „Чарахъ" нѣтъ здраваго смысла, ни тѣни народности. „По мнѣнію г. Костомарова, „читатель-малороссіянинъ не увидитъ въ „Чарахъ" отпечатка творчества, но онъ все-таки прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ, прочтетъ не одинъ разъ, и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы будете смотрѣть на „Чары", какъ на нѣчто полное, оконченное,—то онѣ вамъ представятся съ невыгодной стороны. Но сочинитель не заботился о цѣломъ и самъ признался въ томъ: содержаніемъ своей пьесы взялъ онъ народную пѣсню—„Не ходи, Грицю, на

---

[1]) Переводъ:

Лежи на печи да молчи,
Моя старушечка!
У меня была старушечка
Очень старенькая,
Всегда сидѣла на печи,
Ѣла себѣ калачи
— Пифъ пифъ, пифъ пифъ!
Какъ калачей не достанетъ,
Станетъ гадать людямъ...
Нужно также и ворожить
Чтобъ чѣмъ было и пожить —
— Охъ вій, охъ вій, вій!
Лежи на печи да молчи,
Моя старушечка!

вечерници"; но если бы онъ взялъ для этого и другую пѣсню, „Чары" бъ все остались „Чарами",—нужно бы только измѣнить разговоры дѣйствующихъ лицъ. Онъ самъ ихъ назвалъ „Чары, или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ",—и далъ самое опредѣлительное названіе. Всѣ сцены чрезвычайно вѣрны, интересны сами по себѣ, всѣ представлены безъ малѣйшей претензіи на творчество. Г. Тополя изображаетъ, что̀ видѣлъ, слышалъ, что̀ умѣлъ подмѣтить. У него нѣтъ развитыхъ характеровъ, но за то каждое лицо является съ своимъ отпечаткомъ: по нѣкоторымъ чертамъ дѣйствующаго лица вы можете представить себѣ въ воображеніи его пріемы, образъ выраженія, можете судить о его характерѣ. Въ „Чарахъ" нѣтъ единства и оконченности въ цѣломъ, но все окончено въ сценахъ: каждая изъ нихъ представляетъ цѣлую, вѣрную картину. Возьмите для примѣра ту сцену, гдѣ дѣвушки спрятались за колодками, чтобъ подслушать разговоры своихъ любовниковъ. Какъ здѣсь все живо, какъ вѣрно списано! Возьмите хоть фантастическую сцену изъ народныхъ повѣрій: вы видите здѣсь всю народную фантазію, какъ она существуетъ. Напримѣръ, чортъ, начальникъ вѣдьмъ, изображенъ въ видѣ жида, говорящаго по-польски: это—въ самомъ дѣлѣ малороссійскій чортъ; понятіе о немъ вытекаетъ изъ исторіи и прежней жизни! Или хоть ту сцену въ шинкѣ, гдѣ изображенъ разгулъ малороссійскій. Сочинитель ничего не утрировалъ, не идеализировалъ; онъ вамъ представляетъ эту сторону народнаго быта, какова она въ самомъ дѣлѣ, и между тѣмъ ка̀къ поэтически! дурная сторона не видна, хотя сцена списана прямо съ натуры. Это—не идеалъ, котораго разсѣянныя черты вы должны искать вездѣ: это—простое описаніе того, что̀ авторъ видѣлъ, и описаніе вѣрное, мастерское, а потому такъ и занимательно. Какъ безъискусственны у Тополи пѣсни, которыя поютъ его герои!.. Языкъ г. Тополи не можетъ даже назваться его языкомъ: это языкъ совершенно народный, чистый, простой, усѣянной затѣйливыми пословицами и поговорками...; однимъ словомъ, если вы не знаете малороссіи, прочтите „Чары",—и вы уже познакомились съ извѣстными частями ея многосторонняго быта".

Но подобные восторженные отзывы о Тополѣ значительно охладѣли съ появленіемъ второй его пьесы—„Чуръ-Чепуха", которая своимъ содержаніемъ дѣйствительно оправдывала вторую половину своего заглавія. Г. Закревскій видитъ въ этой пьесѣ необработанный матеріалъ, изъ котораго могла выйти занимательная статья только при тщательной обработкѣ. Еще строже отзывается о г. Тополѣ Кулишъ, говоря, что „въ первой своей пьесѣ—„Чары"—онъ обѣщалъ что-то похожее на талантъ, но въ слѣдующихъ затѣмъ обнаружилъ рѣшительную бездарность". Даже самъ г. Костомаровъ, такъ восхвалившій Тополю за его „Чары", не обращаетъ на него вниманія въ позднѣйшемъ своемъ очеркѣ украинской литературы.

VII.

Степанъ и Григорій Даниловичи Карпенки [1]).

Имя братьевъ Карпенковъ было въ свое время поношеніемъ и притчею между украинскими литераторами, какъ по безталанности братьевъ, такъ и по ихъ беззастѣнчивому наѣздничеству въ непринадлежащую имъ парнасскую область. Напримѣръ, въ „Маякѣ", за ноябрь 1845 года, о нихъ говорилось слѣдующее: „Стецько и Грицько Карпенки, или Стецько Карпенко 1 и Грицько Карпенко 2-й,—пусть имъ легко икнется,—совокупивши свои фантазіи, написанныя на какомъ то варварскомъ языкѣ, фантазіи, не имѣющія ни здравой мысли, ни порядочной идеи, издали ихъ въ книгѣ, подъ названіемъ „Зеленый Барвинокъ"... Почтенные господа Стецько и Грицько, чортъ знаетъ, что вы выдумали—печатать свои думки да повѣсти: право, въ цѣлой книжкѣ вашей нѣтъ ни строчки путнаго. Когда вы желаете быть полезными нашей литературѣ, не пишите своихъ выдумокъ: куда намъ до покойнаго почтеннаго писателя Основьяненка, или до пана Гребенки, до Тополи? куда вамъ куцымъ до зайцевъ?" Несмотря однако на подобные отзывы, Карпенки усердно продолжали издавать свои произведенія и издали ихъ цѣлые три сборника, а именно: 1) помянутый уже „Барвинокъ Украины", Кіевъ, 1845 г.; 2) „Ландыши Кіевской Украйны", С.-Петербургъ, 1849 г., и 3) „Альбомъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ", изд. около 1860 г. въ С.-Петербургѣ. Ихъ литературная дѣятельность, безспорно, есть патологическое явленіе. Но какъ всякая болѣзнь есть своего рода организмъ, имѣющій правильное развитіе; такъ и литературная дѣятельность братьевъ Карпенковъ подчинена въ извѣстной мѣрѣ законамъ историческаго развитія украинской литературы. Принадлежа, по мѣсту рожденія, къ правобережной Украинѣ, Карпенки, подобно Тополѣ, естественнымъ образомъ тяготѣли къ польской литературѣ, нерѣдко писали на польскомъ языкѣ и въ своемъ альбомѣ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ помѣстили стихотворенія украинофильствующихъ поляковъ—Падурры, Бонковскаго и др.; но въ то же время они хотѣли подражать и Квиткѣ. Повѣсть Грицька Карпенка „Дмитрій Войнаровскій", излагающая романическую исторію потомка гетмана Мазепы, посвящена авторомъ Грицьку Основьяненку, т. е. Квиткѣ. Такимъ образомъ, на литературной дѣятельности братьевъ Карпенковъ въ нѣкоторомъ родѣ отражается раздвоеніе и колебаніе между Малороссіей и Польшей, которое, быть можетъ, было одною изъ причинъ ихъ литературнаго убожества.

Н. Петровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Источниками служили главнымъ образомъ сочиненія самихъ же Карпенковъ.

КНЯЖНИНЪ-ПИСАТЕЛЬ. [1]

V.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАЯ жизнь не давала Княжнину достаточно матеріаловъ, чтобы создать художественный идеалъ для трагедіи; зато она же представила ему широкую сферу для наблюденій надъ лицами комическими, сферу, которая должна была привести къ убѣжденію, что нѣчего искать тамъ идеала гражданина. Проживъ болѣе сорока пяти лѣтъ и въ столичной и провинціальной жизни, Княжнинъ не могъ не замѣтить, что подтачиваетъ въ корнѣ общественную нравственность и надъ чѣмъ долженъ потрудиться писатель-патріотъ, чтобъ ввести въ общественное сознаніе убѣжденіе о безобразіи многихъ явленій русской жизни. Его комедія „Хвастунъ" интересна для насъ во многихъ отношеніяхъ, хотя и написана подъ вліяніемъ французскихъ комедій, въ особенности же комика XVIII ст. Детуша. Отъ такого вліянія она вышла нѣсколько искусственною, въ иныхъ сценахъ несовсѣмъ согласною съ тогдашними русскими нравами. Но все это не мѣшаетъ намъ признать въ авторѣ комическій талантъ, который рѣзко выдается изъ среды многихъ комиковъ того времени. Комедія отличается уже тѣмъ, что въ ней положенія лицъ дѣйствительно комическія, производящія смѣхъ, чего нельзя сказать о большинствѣ тогдашнихъ комедій. Онѣ болѣе позорили пороки, чѣмъ смѣялись, хотя авторы ихъ теоретически и признавали, что дѣло комедіи—осмѣивать то, что смѣха достойно. Хвастунъ Княжнина представляетъ тотъ общечеловѣческій типъ, который въ разныхъ видоизмѣненіяхъ является вездѣ и всегда въ одеждѣ своего времени. Чтобы проявить себя, онъ пользуется тѣми средствами, какія представляетъ ему окружающая среда. Онъ инте-

---

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн." стр. 425—454.

ресенъ тѣмъ, что обнаруживаетъ всѣ скрытые инстинкты этой среды и служитъ какъ бы мѣркою уровню нравственнаго ея развитія. Это тотъ типъ, который впослѣдствіи выставилъ Гоголь въ Хлестаковѣ. Уже по отношенію къ этому послѣднему Хвастунъ Княжнина тѣмъ болѣе интересенъ для насъ. Хлестаковъ, какъ продуктъ столичной пустоты и безпутства, является среди провинціальнаго чиновничества и взбаламучиваетъ этотъ міръ, вызывая наружу все то, что обыкновенно тщательно прикрывается и что трудно подмѣтить постороннему наблюдателю. Хвастунъ Верхолетъ, такой же продуктъ, является среди провинціальной невѣжественной простоты, такъ же волнуетъ сердца и даетъ возможность наблюдать, какая натура скрыта въ этой простотѣ. Обстоятельства у того и у другаго одни и тѣ же—оба промотались, цѣли тоже однѣ—поправить свои обстоятельства на чужой счетъ; средства также не отличаются одни отъ другихъ — воспользоваться довѣрчивостью людей, войдя въ ихъ натуру, вползя, такъ сказать, въ ихъ сердца, угадавъ ихъ тайныя желанія. Но жертвы Хлестакова отуманены страхомъ, жертвы же Верхолета—мелкимъ честолюбіемъ, вытекающимъ изъ грубаго эгоизма.

Содержаніе комедіи Княжнина очень обыкновенно и не сложно, хотя и не чуждо нѣкоторыхъ натяжекъ. Молодой человѣкъ Верхолетъ промоталъ все, что у него было, надѣлалъ долговъ и задумалъ выгодной женитьбой добыть себѣ новыя средства для мотовства. Онъ обратилъ вниманіе на богатую помѣщицу Чванкину, которая только-что пріѣхала изъ своей деревни съ молоденькой дочерью Миленой и поселилась въ одномъ съ нимъ домѣ. Передъ глупой женщиной не трудно было ему выдать себя за важнаго барина, который вертитъ всѣми государственными дѣлами. Это казалось тѣмъ правдоподобнѣе, что въ то время на глазахъ у всѣхъ могли быстро возвышаться молодые люди безъ всякихъ общественныхъ заслугъ съ ихъ стороны и занимать первыя государственныя должности; такое превращеніе изъ ничтожества въ случайные люди въ однихъ возбуждало зависть, въ другихъ вѣру въ возможность сказочныхъ чудесъ. Верхолетъ только умѣлъ воспользоваться настроеніемъ своего времени и безъ особеннаго труда увлекъ Чванкину, которая и безъ того мечтала свести знакомство со знатью, въ чемъ выражалось ея честолюбіе. Не обращая вниманія на любовь своей дочери къ скромному и честному молодому человѣку Замиру, она обѣщала ея руку мнимому вельможѣ, конечно, вмѣстѣ съ большимъ приданымъ. Въ то же время Верхолету уже неожиданно дался въ руки и другой кладъ. Пріѣхалъ изъ своей деревни дядя его, Простодумъ, съ намѣреніемъ пожурить племянника за его безпутную жизнь, о чемъ дошла вѣсть до его захолустья. Но съ помощью своего вѣрнаго слуги Полиста, племянникъ съумѣлъ обойти и дядю, увѣривъ его въ своей графской знатности и затронувъ въ немъ честолюбіе обѣщаніемъ возвести его въ сенаторы. Въ виду нѣкоторыхъ примѣровъ, дядя легко увѣровалъ въ могущество

мнимаго графа, взялся даже управлять фантастическими его имѣніями и вмѣстѣ съ тѣмъ помочь ему въ бѣдѣ. Графъ съ прискорбіемъ объявилъ, что прежній его управитель пожралъ даже и будущіе его доходы, должники же его также неисправны, а между тѣмъ ему нужны были деньги для предстоящей свадьбы. Въ надеждѣ на будущее сенаторство, новый управитель предлагаетъ знатному графу свои собственныя деньги, что̀, конечно, было принято безъ совѣстливаго колебанія. Теперь препятствіе къ полному успѣху могло быть только со стороны влюбленной Милены, которую не прельщали ни знатность, ни могущество, ни богатство Верхолета. Но и тутъ дѣло улаживалось. На помощь жениху является горничная Милены, уже изъ личныхъ разсчетовъ—выдти замужъ за мнимаго секретаря графа, все того же Полиста, на которомъ отражались величіе и сила его господина. Она съумѣла такъ обмануть Замира, что тотъ, въ виду мнимой измѣны своей суженой, сталъ клясть ее и далъ себѣ слово забыть ее навѣки. Оставалось только, чтобы Милена, изъ желанія отмстить несправедливому Замиру, протянула руку Верхолету. Но на бѣду пріѣхалъ отецъ Замира, Честонъ, и разрушилъ всѣ замыслы хвастуна. Ему показалась подозрительною знатность Верхолета; по его старанію, все дѣло выведено наружу: обманщикъ арестованъ, а Чванкина образумилась и поспѣшила отдать дочь Замиру. Комедія оканчивается стихами:

> Чтобъ глупо не упасть и чтобъ неосрамиться,
> Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться.

Но насъ можетъ занять не эта общая мораль, ни даже критика комедіи, гдѣ найдутся, какъ я уже сказалъ, разныя натяжки и заимствованія изъ французскихъ комедій. Насъ интересуютъ личныя отношенія автора къ той средѣ, которая представляется въ его комедіи. Онъ замѣтилъ, какое ложное направленіе приняла эта среда въ своемъ одностороннемъ стремленіи къ чину и какъ сильно оно мѣшаетъ выработаться нравственному идеалу человѣка. Это стремленіе должно было развиться вслѣдствіе рѣзкаго отступленія отъ основаній „табели о рангахъ“, составленной Петромъ Великимъ. По ней чины могли послѣдовательно пріобрѣтаться только вѣрною государственною службою, съ которою соединялось извѣстное образованіе, талантливость, усердіе служащаго лица и непремѣнно ревностный трудъ. Но современемъ всѣ эти требованія для полученія чина забылись. Чинъ отдѣлился отъ службы и сталъ лишь выраженіемъ идеи чести, силы и даже произвола; а съ нимъ соединялось право на наружное уваженіе и на почетъ. Чинъ ограждалъ отъ оскорбленія, и отсюда главное — русскій человѣкъ безъ чина являлся существомъ почти безправнымъ, жалкимъ, жертвою произвола каждаго чиновника. Выгода въ жизни имѣть чинъ и возможность получать чины иными путями, съ помощью покровительства разныхъ милостив-

цевъ, дали обыкновенному человѣческому честолюбію извѣстное направленіе: человѣкъ сталъ соединять свой идеалъ съ чиномъ; человѣческое счастіе стало представляться не иначе, какъ въ образѣ чиновника какого нибудь ранга. Словомъ, другой сферы желанной жизни внѣ чиновнаго круга не рисовалось въ воображеніи большинства. Отсюда—чиномъ награждалась не только служба государственная, но и всякая, даже труды литературные. Не рѣдкость была, что вельможи награждали чинами своихъ услужливыхъ камердинеровъ за ихъ честную службу. Не представлялось другой лучшей награды за что бы то ни было. Общая погоня за чинами — вотъ характеристика того времени. Понятно, что нравственныя достоинства передъ чиномъ должны были затмѣваться. Званіе какого нибудь совѣтника было видное и громче званія просто-честнаго человѣка, котораго могъ уничтожить и съ его честностью всякій нахалъ-чиновникъ, получившій чинъ однимъ изъ многихъ легкихъ путей.

Княжнинъ почувствовалъ безнравственность въ основаніи всѣхъ этихъ явленій жизни и тѣмъ сталъ выше своего времени. Правда, онъ еще не могъ видѣть, что къ этому должна была привести исключительная государственность, которая не давала свободнаго, широкаго простора для всякой другой дѣятельности. Но важно уже то, что онъ чиновнику противопоставилъ идеалъ человѣка и черезъ этотъ послѣдній хотѣлъ выработать истинный идеалъ чиновника. Въ разговорѣ съ сыномъ Честона, идеальнаго представителя небольшаго круга образованныхъ и честныхъ людей того времени, мы слышимъ голосъ самого автора:

Честонъ. Не трать ты въ праздности, мой сынъ, напрасно время,
Котораго и такъ довольно погубилъ;
Что въ свѣтѣ дѣлалъ ты? Лишь только что любилъ.
Наставленъ понимать всю должности подробность,
Имѣя обществу полезнымъ быть способность,
Не стыдно ли тебѣ, скажи, любезный сынъ?
И титломъ пользуясь природнаго дворянства,
Иныхъ правъ не имѣть, окромѣ только чванства?
Въ родъ титла государь заслугамъ отдаетъ,
Чтобъ славну предку былъ потомковъ равенъ родъ;
И всякій человѣкъ, породой отличенный,
Быть долженъ гражданинъ заслугами отмѣнный;
А впрочемъ родъ—мечта! и что дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.
Но въ чемъ она? мой сынъ, ты это точно знаешь:
Чтобъ должность исполнять! а ты не исполняешь.
Ступай въ свой полкъ, служи ты, взявъ съ меня примѣръ.
Замиръ. Замѣшанный въ толпѣ, послѣдній офицеръ,
Какую пользу тѣмъ я обществу доставлю,
Когда въ полку число поручиковъ прибавлю?
Когда бъ хоть ротою я могъ повелѣвать...
Честонъ. Тогда бъ ты самъ не зналъ, что дѣлать, что начать.
Чтобы намъ съ честію во власти показаться,

Такъ надо напередъ умѣть повиноваться.
Я могъ бы, можетъ быть, подобяся инымъ
И слишкомъ дорожа рожденіемъ своимъ,
Чрезъ хитры происки, чрезъ тетокъ, черезъ лести
Тебя довесть большихъ чиновъ къ безчестной чести,
Которые, тобой не бывъ заслужены,
Безстыдству моему лишь были бы даны,
Но я о томъ совсѣмъ иначе помышляю
И счастья легкаго я сыну не желаю...

Прибавимъ къ этому слова слуги Полиста, который, хотя и срисованъ съ французскихъ образцовъ, хотя, какъ слуга, не далекъ отъ русской дѣйствительности, но иногда очень мѣтко выражается, рисуя время автора:

Люди всѣ рехнулись на чинахъ,
Портные, столяры, всѣ одинакой вѣры,
Купцы, сапожники, всѣ мѣтятъ въ офицеры,
И кто безъ чина свой проводитъ темный вѣкъ,
Тотъ кажется у насъ совсѣмъ не человѣкъ.

Типичнѣе всѣхъ въ комедіи является, по нашему мнѣнію, дядя Верхолета, Простодумъ, который до этого времени жилъ себѣ въ своемъ муравейникѣ и былъ доволенъ тѣмъ, что нашелъ выгодный источникъ доходовъ:

Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми,

былъ по своему уменъ, слышалъ только издали о силѣ вельможъ, въ своихъ завѣтныхъ помыслахъ не залеталъ далѣе штабъ-офицерскаго чина, и вдругъ въ близкомъ будущемъ ему представляется важный чинъ и сенаторство. Понятно, что голова его должна была вскружиться и вся натура его сразу высказаться. Онъ только что угрожалъ Полисту тростью, по праву барина, и не задумался бы такъ же отнестись и къ племяннику, по праву дяди, и вдругъ узнаетъ, что его племянникъ возвышенъ судьбою въ важные люди. Въ этихъ сценахъ много натуральнаго комизма:

Полистъ. Какой же человѣкъ ты, сударь, непонятный!
Теперь племянникъ вашъ и самъ ужъ баринъ знатный,
А я секретаремъ имѣю честь служить.
Простодумъ. ...Но въ правду ль?
Полистъ. ...Стану я пустое говорить...
Простод. Да какъ секретаремъ? ты грамотѣ незнаешь!
Полистъ. Что нужды?
Простод. Какъ же ты дѣла-то отправляешь?
Полистъ. Пословицъ господинъ не помнитъ Простодумъ:
Вы это знаете, что честь рождаетъ умъ.
Какъ съ прочими въ чинахъ съ пустою головою,
Сія пословица сбылася и со мною.
Простод. Да какъ же въ письменныхъ безъ грамоты дѣлахъ?
Полистъ. Мы съ бариномъ дѣла всѣ кончимъ на словахъ.
Онъ знатный человѣкъ...

Простод. ...Какая же причина...
Какого жъ, секретарь Полистушка, ты чина?
Губернскій ли, или...
Полистъ. Не знаю я, какой,
А только вѣдаю, что самый я большой!..
Простод. Колежскій?..
Полистъ. ...Болѣе!..
Простод. Ахти! сенатскій?
Полистъ. Болѣ.
Простод. Ума не приложу! въ твоей однако жъ волѣ,
Сенатскихъ выше нѣтъ у насъ секретарей.
Полистъ. Вы ничего въ глуши не знаете своей.
Вы скудны разумомъ, хоть хлѣбомъ тамъ богаты,
Недавно новые чинамъ здѣсь вышли штаты...
Простод. И такъ, племянникъ мой не шуточный здѣсь баринъ.
За добру вѣсть, мой другъ, тебѣ я благодаренъ,
...Пожалуй, позабудь,
Прошедшую вражду и милостивъ мнѣ будь!
Полистъ. Надѣюсь на мое у барина старанье
И если нужда есть, откройте мнѣ желанье!
Простод. Какъ нужды не имѣть тому, кто дворянинъ
Есть споры по землямъ, притомъ же малый чинъ...
Полистъ. Все это сдѣлать онъ бездѣлкой почитаетъ.
Чего изволите, все, все вамъ обѣщаетъ.
Онъ губернаторства, какъ щепки раздаетъ,
И словомъ, то сказать: на милости онъ мотъ!
Простод. Что будетъ онъ таковъ, я вѣдалъ то и прежде,
Хоть онъ пошаливалъ, я былъ всегда въ надеждѣ,
Что онъ исправится и будетъ человѣкъ.
Ты видишь ли, Полистъ, я истину прорекъ.
...Съ такою головою,
Всегда я говорилъ, онъ не пойдетъ съ сумою.
Полистъ. Вотъ какъ теперь совсѣмъ оборотился листъ.
Скажите же, каковъ вамъ кажется Полистъ?
Простод. Такихъ разумниковъ на свѣтѣ, право, мало!
Полистъ. Вотъ сударь, каково на свѣтѣ выдти въ знать!
Давно ли вы меня дубинкою пугали?
Пожалуй, то оставь, теперь друзья мы стали!

А вотъ первая, при томъ неожиданная, встрѣча племянника съ дядей. Верхолетъ въ первую минуту было смутился, не зная объ объясненіи Простодума съ Полистомъ, но находчивый слуга съумѣлъ дать первый тонъ:

Сегодня при дворѣ
Необычайно какъ вы очень долго были.

Племянникъ понялъ, въ чемъ дѣло, и дальше заикаться ему не пришлось:

Верхолетъ. А, кстати, я было сказать и позабылъ...
Оно бездѣлица... я, право, не просилъ...
Иной бы вздоромъ могъ себя такимъ забавить...
Но я... поздравь меня...

Полистъ. Имѣю честь поздравить!
Да только, сударь, съ чѣмъ?
Верхолетъ. Такъ, ничего я... я графъ!
Простодумъ. Какъ счастливъ я, роднею графу ставъ.
Я, ваше графское сіятельство, желаю
Благополучія, и съ тѣмъ же поздравляю.
Верхолетъ. Чѣмъ вамъ могу служить? Полистъ, кто онъ такой?
Полистъ. Бывалъ онъ дядя вамъ, теперь пусть будетъ мой;
Когда племянникомъ его быть не хотите,
Изъ милости къ нему мнѣ въ дяди уступите.
(Къ Простод.). Полисту быть родней, ей-ей, не малый чинъ:
За счастье то сочтетъ и знатный дворянинъ.
Простод. Я радъ всѣмъ быть, чѣмъ графъ сіятельный прикажетъ,
И сдѣлавъ дядею твоимъ, меня обяжетъ.
Верхол. Современемъ опять въ мои произведу.
Простод. То-есть, когда въ чинокъ поболѣ попаду,
По вашей милости, чтобъ дядей быть достойнымъ...
Я очень многаго и не прошу,
Хотя бы штабскаго чинишка мнѣ добиться...
Верхол. Нѣтъ, я произвести хочу васъ сенатóромъ.
Простод. (струся, съ радостью). Да какъ...
Полистъ. Пожалуйте, не приводите въ гнѣвъ
Онъ втюритъ въ канцлеры, на васъ освирѣпѣвъ.
Простод. Ахти! бѣда моя... боюсь...

Простодумъ струсилъ. Какъ естественно это чувство въ грубомъ человѣкѣ, который даже не знаетъ, въ чемъ состоитъ сенаторская должность, да врядъ ли бы и понялъ, если бы ему стали объяснять ее. Его только ошеломило громкое имя, передъ которымъ онъ былъ способенъ лишь подобострастничать. Но онъ скоро оправился: грубое воображеніе стало рисовать ему веселыя картины отъ тѣхъ выгодъ, какія принесетъ ему незаслуженное сенаторство, подобно тому, какъ весело мечталъ городничій Гоголя, воображая себя съ голубой кавалеріей черезъ плечо. Но мечтанія послѣдняго были невиннѣе и безвреднѣе мечтаній сенаторскихъ. Вотъ что стало рисоваться Простодуму:

Когда у насъ о томъ услышатъ въ деревняхъ,
Всплеснувъ руками, всѣ дворяне скажутъ: ахъ!
Которые себѣ въ богатствѣ мѣръ не ставятъ,
Которые меня своею спѣсью давятъ,
Увидя пыхи тамъ вельможески мои,
Опустятъ крылышки, какъ мокры воробьи!
Какъ это мнѣ смѣшно!..

Увлекшись этими картинами, онъ сталъ какъ во снѣ. На него уже не дѣйствуетъ голосъ благоразумія, въ лицѣ Честона, который хочетъ показать ему, въ какое противорѣчіе съ самимъ собою поставленъ онъ своимъ легковѣріемъ:

Честонъ. Какъ тебѣ, мой другъ, то впало въ умъ,
Чтобъ изъ норы своей себя въ столицу втюрить?
Или въ большой ты свѣтъ вступилъ?

Простод. Чѣмъ чортъ не шутитъ?
Я только прискакалъ, а ужъ и въ сенатóры.
Честонъ. Ну полно, говоришь ты, кажется мнѣ, вздоры.
Простод. Чтобъ правда то была, не хочешь ты того,
Я вижу.
Честонъ. ...Не хочу!
Простод. Скажи же, для чего?
Честонъ. А для того, что я тебѣ добра желаю.
Простод. Я, право, этого добра не понимаю.
Честонъ. Когда изволишь, толкъ тебѣ о томъ я дамъ.
Простод. Послушаемъ! гораздъ я, братъ, на толки самъ.
Честонъ. Тѣмъ лучше... напримѣръ, когда бы былъ ты боленъ,
Въ болѣзни могъ ли бы врачемъ тѣмъ быть доволенъ,
Который, никого до тѣхъ поръ не лѣча
И не учась, себя вдругъ выдалъ за врача?
Простод. Ну, нѣтъ!
Честонъ. Не правда ль, чтобъ онъ былъ больнымъ умора,
Здоровымъ—смѣхъ?
Простод. Тутъ нѣтъ нимало спора.
Честонъ. Не спорь же, что такой ты точно сенатóръ.
Простод. Лихъ нѣтъ! вотъ тутъ у насъ и выйдетъ споръ.
Честонъ. Какой?..
Простод. Такой, что я не лѣкарь и не боленъ,
Такъ отъ сравненія я этого уволенъ.
Честонъ. А я тебя никакъ уволить не могу.
Тотъ равенъ завсегда всеобщему врагу,
Кто должность на себя такую принимаетъ,
Которой онъ и самъ совсѣмъ не понимаетъ,
Въ которой дѣйствуя, онъ только что вредитъ,
Не дѣйствуя, смѣшенъ, за то что пнемъ сидитъ,
Который...
Простод. Самъ ты пень, пожалуй, не бранися.
Честонъ. Я правду говорю, а ты себѣ бѣсися.
Простод. Какая правда то! чѣмъ я не сенатóръ?
Честонъ. Бездѣлкой,—головой!
Простод. Вотъ на! какой же вздоръ!
Скажи, иль головы тутъ надо золотыя,
Глаза алмазны?
Честонъ. Нѣтъ! однако жъ не такіе,
Какіе у тебя.
Простод. Какіе же, дружокъ?
Честонъ. Умнѣе.
Простод. ...За̀ это могу я дать толчекъ,
Какъ буду сенатóръ... и у меня забудешь...
Честонъ. Отъ этого, мой другъ, умнѣе ты не будешь,
Вся только разница, когда поступишь такъ,
Что добрый ты теперь, а будешь злой простакъ.
И потому уже, что ты толико злобенъ,
Къ сему достоинству ни мало не способенъ...
Простод. Какой же вздоръ, мой другъ, со страху мелешь ты,
Нѣтъ, нѣтъ, не бойсь меня, тебя не изувѣчу.
Я сердцемъ только лишь на тѣхъ дворяней мѣчу,
Которые вокругъ меня по деревнямъ живутъ,
Которые меня, равно какъ скотъ мой, жмутъ.

Я также ихъ пожму во время сенаторства
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ,
И какъ на собственныхъ, на ихъ косить лугахъ.
Честонъ. Такъ ты лишь для себя быть хочешь баринъ сильный?
Простод. А для кого жъ? и вотъ какой вопросъ умильный!
Неужто для другихъ?

Сколько людей найдется и въ наше время, которые съ удивленіемъ спросили бы: **неужто для другихъ?** Простодумъ, подобно извѣстному городничему, наказанъ самымъ чувствительнымъ для себя образомъ: онъ лишился и сладкихъ мечтаній и денегъ.

Чванкина также представляетъ нѣсколько типическихъ чертъ современности. Необразованная, и въ то же время спѣсивая и надменная, она выказываетъ суевѣрное уваженіе къ чинамъ и титуламъ. Впрочемъ, ея логика не рѣдко повторяется и въ наше время въ головахъ многихъ ея внучекъ:

Да знаешь ли ты, дочь, въ невѣжествѣ слѣпая,
Что долженъ завсегда чинъ чина почитать;
И въ сердцѣ у тебя, тебѣ то надо знать,
Чтобъ не подвергнуться законовъ строгихъ штрафу,
Такъ долженъ уступить дворянчикъ мѣсто графу.

Въ какой восторгъ приходитъ она, когда Полистъ хитро передаетъ ей, что графъ увѣдомилъ о ней даже дворъ:

Чванкина (съ радостью). И дворъ увѣдомилъ! Какъ въ милостяхъ онъ скоръ!
Такъ знаютъ во дворцѣ о насъ?
Полистъ. ...Не только знаютъ,
Но и по комнатѣ о вас лишь разсуждаютъ.
Чванкина. Ужъ и по комнатѣ! Смотри, какая честь!
Полистъ. И имя вашего не смѣютъ произнесть.
Иначе какъ всегда съ учтивостью, съ почтеньемъ.
Чванкина. Съ почтеньемъ! Спрячься, дочь, съ любовнымъ ты мученьемъ
И надобно тебѣ изчезнуть отъ стыда,
Полистъ. Того я и смотрю, что кучею сюда
Наѣдутъ наши всѣ придворны кавалеры;
И я, повѣрьте мнѣ, сударыня, той вѣры,
Что свадьбѣ надобно сегодня точно быть;
Вы это знаете, дворомъ нельзя шутить.
Чванкина. Такое мнѣ родство прелестно и священно,
И свадьбу кончимъ мы сегодня непремѣнно.

Для болѣе полной характеристики этой барыни выписываю нѣсколько недлинныхъ сценъ.

Чванкина. Бездѣльникъ—сей Замиръ! Милена не имѣетъ,
Повѣрьте, подлыхъ чувствъ, и графу полюбясь,
Дворяне кажутся теперь ей всѣ, какъ грязь.
Верхолетъ. Однако, слышалъ я, что вашу дочь прельстили!
Полистъ. Какъ видно, то съ пути ее романы сбили!

Чванкина. Романы! я ее поотучу отъ нихъ!
Романы! слушаться такихъ людей дурныхъ!
А гдѣ они живутъ? и гдѣ она видалась?
Марина, отъ тебя и дочь избаловалась!
Марина. Клянуся, у меня такихъ знакомцевъ нѣтъ...

Верхолетъ. Со мною встрѣтиться, и шляпы не подвинуть!
За это должно бы его съ крыльца мнѣ скинуть!
Чванкина. А кто осмѣлился, сіятельнѣйшій зять,
Такія грубости предъ вами показать?
Какой нибудь дуракъ, невѣжа и скотина!
Верхолетъ. Замиръ, сударыня!
Чванкина (испугавшись). Я, право, не причина!
Верхолетъ (Честону). Подумайте, сударь! извѣстно вамъ то буди:
И графы и князья, всѣ, словомъ, знатны люди,
То вѣдая, кто я, почтенье кажутъ мнѣ,
А мальчикъ...
Честонъ. Можетъ быть, онъ васъ и не узналъ?
Верхолет. Вотъ что смѣшно! не знать меня?
Чванкина. Нѣтъ! онъ нахалъ!
Мальчишка! (на ухо Честону) не сердись! ужъ должно тутъ браниться,
Коль знатный господинъ изволитъ разсердиться!
И развѣ виснетъ брань кому на вороту?
Иль сына твоего онъ этимъ поубавитъ?
Изволитъ побранить, а послѣ не оставитъ...
Не спорь, отецъ мой, съ нимъ: онъ, знаешь, баринъ знатный!..
Честонъ (на ухо Чванкиной). Онъ дерзкій человѣкъ, хвастунъ, шалунъ развратный.
Чванкинъ (заткнувъ уши). Не слышу я!
Верхолетъ. Что тамъ вамъ смѣютъ говорить?
Чванкина (съ трусостью). Нѣтъ!.. право ничего!.. изволитъ васъ хвалить.

После того какъ Верхолетъ, не зная Честона, вздумалъ увѣрять его, что знаетъ, и описывать непривлекательными красками, Честонъ замѣчаетъ Чванкиной:

...А вы, не стыдно ль вамъ,
Когда при васъ меня увѣрить въ томъ дерзаютъ,
Что я—не я; когда при томъ меня ругаютъ,
А вы, сударыня, молчаніе храня...
Чванкина. Охъ, Боже мой! на что ссылаться на меня...
Честонъ ты или нѣтъ, я этого не знаю!
Угодно графу такъ, я такъ и почитаю!
Честонъ. Какъ столько подлости вы можете имѣть,
Чтобъ уличить его въ толь видной лжи не смѣть!
И бывъ знакомы мнѣ, сударыня, такъ близко,
Хотите потакать, и потакать такъ низко!
Не графъ, повѣрьте мнѣ, хвастунъ престрашный онъ,
И это правда такъ, какъ то, что я Честонъ...
Чванкина. Такъ что-жъ, что ты Честонъ, хоть знаю, да не вѣрю.

Это комическое восклицаніе взялъ Пушкинъ въ эпиграфъ къ одной изъ главъ своей „Капитанской дочки".

Верхолетъ, подобно Хлестакову, лжетъ не запинаясь, и подобно артисту, такъ входитъ въ свою роль, что даже забываетъ дѣйствительность. Вотъ, напримѣръ, комическая сцена, которую онъ мастерски разыгрываетъ, чувствуя себя въ той сферѣ, гдѣ его фантазіи представляется широкій просторъ:

Вы здѣсь! простите мнѣ, я васъ и не примѣтилъ;
Народъ просителей меня вокругъ осѣтилъ
И голову вскружилъ...
Чванкина. ...Извольте продолжать!
Не безпокойтеся!
Верхолетъ. Мнѣ слова два сказать!
Вы не повѣрите, какъ жить намъ, знатнымъ, тошно....
Чванкина. Я это чувствую!..
Верхолетъ (Полисту). Такъ можно ль жить сплошно:
Въ передней я нашелъ заимодавцевъ тму;
Они надѣлали бъ ужасну кутерьму...
(громко). Отправилъ ли ты письма къ королямъ?..
Полистъ. Уже ко всѣмъ, сударь, отправлены дворамъ!..
Чванкина. Онъ пишетъ къ королямъ! Ты слышишь ли, Марина
Верхолетъ. Тотъ князь, который мнѣ отдыха не давалъ?
Полистъ. Уже опредѣленъ.
Верхолетъ. А этотъ генералъ,
Который къ моему былъ дому такъ привязанъ?
Полистъ. Онъ вамъ за пенсіонъ во весь свой вѣкъ обязанъ.
Верхолетъ. Я очень радъ тому! доволенъ я теперь!
Сегодня запереть могу щедроты дверь...
Полистъ! какъ близко намъ до срока,
Когда со всѣхъ мнѣ селъ привозятъ сборъ оброка?
Полистъ. Мнѣ кажется, еще немного не дошло...
(Къ Чванкиной). Не думаете-ль, что у насъ одно село?
Его сіятельство ихъ множество имѣетъ.
Чванкина. О томъ иначе кто, сударь, и думать смѣетъ!
Верхолетъ. Столичное село, какъ будто городокъ,
Какой бы напримѣръ...
Полистъ. Вы знаете Торжокъ?
Чванкина. Чрезъ этотъ городъ я не рѣдко проѣзжала.
Полистъ. А Тверь, сударыня?..
Чванкина. И тамо я бывала.
Полистъ. Сложите жъ вмѣстѣ вы въ умѣ Торжокъ и Тверь —
Вотъ графское село, вы видите ль теперь?
Чванкина. Отъ удивленія смутясь, мой разумъ вянетъ...
Верхолетъ. И тутъ, мнѣ кажется, чего-то не достанетъ...
Чванкина. Какъ дочь моя счастлива!

А вотъ упомянутая сцена съ Честономъ:

Верхолетъ. Честонъ? Совѣтникъ? Ба, да онъ извѣстенъ мнѣ—
За чиномъ долго здѣсь у знатныхъ волочился;
Ничто не помогло; но я уже вступился.
Честонъ. Такъ долженъ васъ Честонъ за чинъ благодарить?
Верхолетъ. Кого жъ? Неужто васъ, коль смѣю я спросить?
...Когда неймете вѣры,
Откройте только мнѣ желаній вашихъ мѣры,
Въ минуту сдѣлано, и я служить всѣмъ радъ.

Честонъ. На просьбы я, сударь, немного туговатъ.
Верхолетъ. Да безъ меня нельзя-жъ вамъ будетъ обойтиться;
Пришло бы вѣдь ни съ чѣмъ Честону воротиться,
Напрасно время здѣсь и трудъ свой погубя...
Честонъ. Да знаете ли вы его?
Верхолетъ. Какъ самъ себя!
И этотъ батюшка любовника Милены
Въ передней у меня потеръ спиною стѣны.
Не правда ли, Полистъ? Вамъ скажетъ секретарь.
Полистъ. Безплодно потопталъ онъ крыльца здѣшнихъ баръ,
Которые ему совсѣмъ ужъ отказали...
Знать невозможностью дать чинъ ему считали,
Не помню у меня какъ случай онъ нашелъ,
И я его тотчасъ чрезъ графа произвелъ.
Честонъ. Божуся вамъ, что вы не знаете Честона...
Верхолетъ. Такъ я жъ вамъ сдѣлаю его изображенье:
Лицо широкое его, какъ „Уложенье",
Одѣто въ красненькій сафьянный переплетъ;
Не вѣрю я тому, но кажется, онъ пьетъ;
Хоть сѣдъ отъ старости, но бодръ еще довольно.
Честонъ. А я вотъ слышалъ такъ, что говоритъ онъ вольно;
И если бы когда и графъ какой сталъ лгать,
Въ глаза бы онъ сказалъ, что графъ изволитъ врать...
Онъ сухъ, лицо его ни мало не широко
И хвастуновъ его далеко видитъ око
А впрочемъ онъ во всемъ походитъ на меня.
Но чтобы все сказать: Честонъ, сударь, самъ я.
Верхолетъ. Какое же вранье. Какая дерзость это!
Ну кстати ль, старичекъ, въ твои почтенны лѣта
Лгать нагло!..
Честонъ. Нѣмъ, вамъ, когда вы графъ,
Не стыдно ль честности, сударь, презрѣвъ уставъ,
Который вамъ хранить...
Верхолетъ. Я васъ не разумѣю...
Честонъ. Поди, сударь, поди, я вмѣсто васъ краснѣю,
А вы...
Верхолетъ. Полистъ! Уже ль всѣ письма къ королямъ?..
Полистъ. Готовы всѣ, сударь...
Верхолетъ. А впрочемъ, пусть по мнѣ онъ будетъ то, что̀ онъ,
Да въ свѣтѣ только ли, что онъ одинъ Честонъ?
Что членомъ одолжилъ Честона я безмѣрно,
Я это вѣдаю и знаю очень вѣрно...

Мы выписывали тѣ сцены, которыя составляютъ сущность комедіи и придаютъ ей историческое значеніе. Но въ ней есть и много сценъ лишнихъ, растягивающихъ пьесу и вредящихъ общему впечатлѣнію.

VI.

Другая стихотворная комедія Княжнина „Чудаки" слабѣе „Хвастуна", хотя и отличается такою же легкою стихотворною рѣчью. Въ нее еще [illegible]ѣе чѣмъ въ первую внесено того, что̀ совершенно чуждо

было тогдашней русской жизни и что могло быть забавно только по комическому противорѣчію, въ какое авторъ умѣлъ поставить лица, въ чемъ ему много помогали французскія комедіи. Въ то время фарсы и карикатуры считались законнымъ достояніемъ комедіи, которая по теоріи должна была смѣшить зрителей. Княжнинъ въ этомъ случаѣ не отставалъ отъ другихъ, но надо прибавить, что былъ забавнѣе другихъ, хотя также мало думалъ объ естественности. Въ „Чудакахъ“ онъ сопоставляетъ двѣ крайности: родовая спѣсь съ одной стороны, и философское отношеніе къ жизни съ другой, отношеніе, не допускающее внѣшняго различія между людьми. Нестойкость первой представляется въ лицѣ Лентягиной,—барыни, надутой своимъ родомъ и вышедшей замужъ за богатаго сына кузнеца, получившаго, впрочемъ, дворянство,—и въ лицѣ молодаго Вѣтромаха, потомка знатныхъ предковъ, готоваго жениться на богатой внучкѣ кузнеца, чтобы съ ея богатствомъ продолжать свою безпутную жизнь. Здѣсь сила денегъ поставлена выше родовой спѣси. Вообще, мысль комедіи могла бы имѣть значеніе, еслибы не затемнялась многими лишними, хотя и забавными сценами. Сатира Княжнина здѣсь повторяется: она нападаетъ на тѣхъ распущенныхъ баръ, которые уже представлены имъ въ лицѣ Фирюлиныхъ въ комедіи „Несчастіе отъ кареты“. Комизмъ ихъ заключается въ ложномъ взглядѣ на европейское образованіе и въ крайнемъ пристрастріи къ французскому языку.

Не разбирая подробностей, представлю одну характеристическую сцену между Вѣтромахомъ, Лентягиными и ихъ дочерью Улинькой.

Вѣтромахъ. Ma charmante Улинька! ахъ, какъ же вы прелестны.
Tous ces gens, madame! какъ глупы, какъ безчестны,
Которыя не найдутъ у васъ того въ глазахъ,
Что вижу я!
Улинька. А что изволите вы видѣть?
Вѣтромахъ. Friponne! будто бы не вѣдаешь того,
Что васъ, сударыня, не можно ненавидѣть,
Что вы прекраснѣе и неба самого...
(Улинька присѣдаетъ). Вы присѣдаете! какое просвѣщенье!
Имѣть такую дочь, какое утѣшенье!
Неправда ли, maman?
Лентягина. Признаться я должна,
Что воспитаніе дано пристойно роду,
И въ обращеніи имѣя всю свободу,
Какая дочери, рожденной мной, нужна,
Отъ низостей, сударь, она весьма далека,
И крѣпко все храня, что такъ велитъ намъ честь,
Она не знаетъ, что такое шить и плесть—
То все для чернаго оставя человѣка.
Танцуетъ какъ павлинъ; какъ соловей поетъ,
И какъ француженка, умѣя по-французски,
Желала бы забыть совсѣмъ она по-русски;
Ложится въ три часа, въ двѣнадцатомъ встаетъ,
Проводитъ два часа всегда у туалета...

Вѣтромахъ. Бравó, madame, вотъ все что надобно для свѣта
И для людей, какъ бишь, pour les gens du haut ton.
Меня вы извинить, madame, должны немного
Въ томъ, что и я храня свою честь такъ же строго,
Считаю нашъ языкъ за подлинный jargon,
И экспримировать на немъ всего не можно.
Чтобъ мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По нуждѣ говорю я этимъ языкомъ
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, со всѣмъ простымъ народомъ,
Гдѣ думать нужды нѣтъ. А съ нашимъ знатнымъ родомъ,
Не знавъ французскаго, я былъ бы дуракомъ.
Скажите, какъ бы мнѣ влюбиться было можно?
Je brule, je languis, мнѣ какъ бы то сказать
Прелестной Улинькѣ? Неужто бы мычать:
Я млѣю, я горю! fi donc! мнѣ думать должно,
Что по-французски вы и также вашъ époux...
Лентягина (быстро). Сомнѣнія въ томъ нѣтъ! comment vous portez-vous?
Вѣтромахъ. Бравó, madame!
Лентягина. Теперь немного поотстала,
А прежде никогда по-русски не болтала.
Вѣтромахъ. Je vous jure, madame, что русскій мнѣ языкъ
Какъ будто кляпъ во рту, притомъ же очень вреденъ.
Вы не повѣрите, я сколько съ русскимъ бѣденъ!
По-русски разумъ мой какъ узокъ, не великъ!
А по-французски... о! que le diable m'emporte!
Выходитъ разумъ мой par une grande porte.
Я разскажу о томъ, случилось что со мной:
Однажды я сидѣлъ у дамы молодой,
Французскихъ ни двухъ словъ она не разумѣла,
И оттого ma tête horriblement болѣла,
Такъ что я цѣлый день былъ дома не одѣтъ.
Лентягина. Не думала бы я, чтобъ могъ такой быть вредъ:
Отъ нажинаціи, конечно, боль случилась.
Вѣтромахъ. Imagination хотѣли вы сказать!
Лентягина. Такъ точно! Видите, что я хотя и сбилась,
Но я могу еще французскимъ украшать
Прегрубый нашъ языкъ, который мнѣ противенъ.
Какъ мой époux мнѣ тѣмъ всегда казался дивенъ,
Что, по-французски онъ умѣя какъ французъ,
Прелестнымъ языкомъ не хочетъ забавляться.
Вѣтромахъ. Тому, сударыня, я долженъ удивляться,
И дворянинъ?.....
Лентягина. О! родъ его, что въ картахъ тузъ,
И древностью никто не можетъ съ нимъ сравняться.
За тысячу онъ лѣтъ умѣетъ предковъ счесть.
Вѣтромахъ. И такъ, теперь мнѣ нѣтъ ни малаго препятства,
Ma charmante Улинька, тебя моей почесть!
(Улинька присѣдаетъ).
И все у насъ равно, и грасы и пріятства,
И умъ, je m'en flatte, и даже рода честь.
По чести, выдумка прекрасна присѣданье,
Оно—другой языкъ, и можетъ сокращать
De discours frivoles—излишнее болтанье.
На все умѣетъ та прелестно отвѣчать,
И съ скромностью казать нескромное желанье,

Подобно Улинькѣ умѣетъ кто присѣсть...
(Входитъ Лентягинъ).
Лентягина (про себя). О небо! помоги окончить мнѣ все славно!
Дрожу, боюсь, что мужъ меня изобличитъ,
Что по-французски онъ никакъ не говоритъ,
И что, къ несчастію, онъ дворянинъ недавно!
Какъ злополучна я! Какъ то мнѣ можно снесть!
(Мужу) Вы видите того презнатна кавалера,
Который дѣлаетъ отмѣнную намъ честь,
(Вѣтромахъ искривясь щегольски кланяется)
Желая зятемъ быть, сударь...
Лентягинъ (садясь). Кто хочетъ сѣсть,
Тотъ сядетъ. Не люблю я вашего манера,
Чтобъ принуждать сидѣть! Ну, знатный кавалеръ...
(Вѣтромахъ такъ же щегольски кланяется)
Да перестань водить ты вензели ногами.
Кудряво кланяясь, будь сказано межь нами,
Немного у меня найдешь себѣ ты мѣръ.
Со всѣми этими козлиными прыжками
Мнѣ всякій кажется лишь съ вѣтромъ безъ души.
Пожалуй же, въ умѣ ты это запиши,
Коль хочешь зятемъ быть...
Вѣтромахъ. Хочу ли я? o ciel!
Въ томъ только tous mes voeux! сама Agnès Sorel
Французскимъ королемъ такъ не была любима,
Какъ мною ваша дочь. Je jurerai toujours,
Что я могу сказать, не дѣлая ей куръ
И тѣмъ не сдѣлаю ни малаго я крима,
Она—divinité...
Лентягинъ (съ удивленіемъ). Гдѣ Богъ тебѣ послалъ,
О женушка моя, такого кавалера?
Вѣтромахъ. Beaucoup d'honneur, monsieur. Такъ я угоденъ сталъ?
Я зналъ то напередъ—не найдете примѣра
Другаго мнѣ, monsieur.
Лентягинъ. Опомниться мнѣ дай,
Мосье... изъ милости...
Вѣтромахъ. Но вы меня стыдите,
Вы флатируете, когда вы говорите,
Что будто отъ меня забылись...
Правда то, что есть во мнѣ меритъ,
Безъ хвастовства, j'ose vous это dire;
Однако, чтобъ онъ могъ васъ привести въ délire,
Не чаю, только свѣтъ весь это говоритъ,
Что кто бъ ни былъ, меня въ талантахъ не объѣдетъ,
Qu'un homme tel que moi...
Лентягинъ. Не вѣрь, свѣтъ часто бредитъ.
Вѣтромахъ. Comment?
Лентягинъ. Скажи-ко мнѣ: ты русскій иль французъ?
Вѣтромахъ. Hélas! я не французъ!..
Лентягинъ. О чемъ же ты стонаешь?
Вѣтромахъ. Я русскій! У меня на сердцѣ этотъ грузъ!
Лентягинъ. И такъ, ты русскимъ быть обидой почитаешь?
Вотъ знатный дворянинъ!
Вѣтромахъ. Я очень, очень радъ,
On ne peut plus, что вамъ, monsieur, попалъ я въ ладъ,

Que мысли vous avez со мною одинаки,
И благородство чѣмъ мы можемъ доказать?
По-русски не умѣть, все наше презирать—
Вотъ это знатности veritables признаки...

Когда Лентягинъ объявилъ жениху, что его невѣста внучка кузнеца, то онъ тотчасъ же нашелъ средство, какъ примириться съ этимъ фактомъ. Вотъ что онъ говоритъ знатной Лентягиной:

Довольно—ваша дочь, нѣтъ нужды до отца,
И если къ вашему, madame, мой родъ прибавлю,
Чтó подло отъ отца, я то собой поправлю!

Указывая на сатиру Княжнина противъ баръ, увлекавшихся французскимъ языкомъ, мы должны прибавить, что онъ былъ въ числѣ многихъ тогдашнихъ писателей, смѣявшихся надъ мнимымъ образованіемъ внуковъ нашихъ старыхъ бояръ. Сатира противъ нихъ высказывалась въ разнообразныхъ формахъ. У Княжнина есть также смѣхотворный разсказъ „Исповѣданіе жениха", гдѣ щеголиха повѣствуетъ о своей парижской жизни языкомъ, перемѣшаннымъ словами русскими съ французскими. Этотъ разсказъ впослѣдствіи нашелъ себѣ подражаніе въ извѣстныхъ разсказахъ госпожи Курдюковой, надъ которыми въ сороковыхъ годахъ упражнялся и даже составилъ себѣ славу Мятлевъ. Княжнинъ написалъ также нѣсколько шуточныхъ комедій, но изъ нихъ только одна заслуживаетъ вниманія, и то потому, что забавляла не только современниковъ, но и слѣдующее поколѣніе. „Сбитеньщикъ" наравнѣ съ извѣстною пьесою Аблесимова „Мельникъ" считался въ свое время народнымъ произведеніемъ, и обѣ вызывали многихъ подражателей. Если слово „народный" принять въ смыслѣ простонародный, то этотъ эпитетъ можетъ и теперь удержаться за комедіей Княжнина. Его сбитеньщикъ Степанъ нисколько не смущалъ зрителей тѣмъ, что онъ—перекрещенный цирюльникъ Фигаро, а вся комедія выкроена изъ двухъ французскихъ комедій — Бомарше „Севильскій цирюльникъ" и Мольера „Школа женщинъ". Что за дѣло,—говорили критики,—какъ составлена пьеса; лишь бы она нравилась и веселила. А Фигаро въ русскомъ кафтанѣ, съ самоваромъ, съ расторопностью и плутоватостью, которыми отличается мелкій русскій промышленникъ, нравился русской театральной публикѣ, и пьеса прославила автора. Кромѣ этого комедія не представляетъ ничего народнаго. Въ ней можно остановиться только на одномъ разговорѣ, гдѣ авторъ съ легкой сатирой относится къ своей современности. Купецъ Волдыревъ, блѣдная копія съ мольеровскаго Арнольда, разсказываетъ сбитеньщику Степану:

„Я изъ своей отчизны переселился въ Питеръ и къ старинному имени приклеилъ новое прозваніе, которое, по обычаю прочей нашей братьи, охотниковъ дворяниться, кончится на овъ. А современемъ постараюсь достать офицерскій или и выше чинъ, чтобы ходить въ шпагѣ съ темлякомъ и въ шарфѣ".

Степанъ. Ну, ну кстати ли это твоему толстому брюху, твоему плоскому широкому лицу? Не лучше ли быть полезнымъ купцомъ, нежели, сдѣлавшись офицеромъ, не быть ни тѣмъ, ни другимъ, и стать изъ чего нибудь ни то, ни се, то есть, какъ у насъ говорятъ, произвести себя въ такъ...

Волдыревъ. Пустое, хуже меня достаютъ себѣ чины.

Противъ нѣкоторыхъ явленій жизни у Княжнина всегда была наготовѣ сатира.

VII.

Для полной характеристики Княжнина необходимо остановиться еще на одной чертѣ его характера, которая болѣе зависѣла отъ его темперамента и живо отразилась въ литературной его дѣятельности. Природная его чувствительность развилась подъ впечатлѣніемъ тогдашней европейской идилической литературы, какъ въ слѣдующемъ поколѣніи у Карамзина, вызвала въ немъ любовь къ природѣ и отвлекла отъ честолюбивыхъ стремленій въ жизни. Отсюда у него развилась ненависть къ тѣмъ недостаткамъ, которые въ томъ вѣкѣ вызывались этими стремленіями, какъ напримѣръ, къ лести, къ низкопоклонству, къ угодливости. Отсюда и идеальную любовь онъ не представлялъ иначе, какъ въ формѣ пасторальной, такъ, какъ изображали ее сентиментальные идилики. Такая любовь является у русскихъ крестьянъ въ комедіи „Несчастіе отъ кареты"; въ комедіяхъ „Хвастунъ" и „Чудаки" слышится также идилическій тонъ въ объясненіяхъ влюбленныхъ лицъ. Съ любовью переводилъ Княжнинъ идиліи извѣстнаго пасторальнаго писателя Геснера и печаталъ ихъ въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ". Эти идиліи въ то время цѣнились всѣми чувствительными читателями. Карамзинъ на самой родинѣ Геснера восклицалъ: „О вы, одаренные отъ природы творческимъ духомъ! Если хотите заслужить любовь потомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ—да будетъ перо ваше посвящено добродѣтели и невинности". Стихотворный разсказъ Княжнина „Фролъ и Лиза" представляетъ сентиментальную любовь бѣдной дѣвушки Лизы, обманутой Фроломъ, который прельстился золотомъ другой невѣсты, и отчасти напоминаетъ „Бѣдную Лизу" Карамзина, надъ которою читатели плакали уже въ то время, когда Княжнина не было въ живыхъ. Такимъ образомъ, онъ можетъ назваться предшественникомъ Карамзина въ томъ направленіи, которое въ исторіи нашей литературы извѣстно подъ именемъ **сентиментальнаго**.

Нельзя также не замѣтить, что Княжнинъ подготовлялъ для Карамзина молодыхъ читателей, преподавая въ Сухопутномъ Шляхетскомъ корпусѣ уроки русскаго слога. Самъ расположенный къ чувствительнымъ сочиненіямъ, онъ развивалъ вкусъ къ нимъ и въ своихъ ученикахъ. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить и его нерасположе-

ніе къ тогдашней школьной реторикѣ, которой многіе изъ его современниковъ придавали большую силу. Своимъ ученикамъ, вмѣсто обширной реторики Ломоносова, онъ предлагалъ свои коротенькія записки, смотря вообще на реторику, какъ на нѣкоторое пособіе таланту, а не какъ на замѣну его. Въ стихотвореніи „Къ тремъ граціямъ“ онъ уничтожаетъ реторику слѣдующими стихами, давая правила каждому писателю:

„Любезенъ будь, восхити и плѣни“,
Но чтобы намъ до этого достигнуть,
Реторика! пожалуй извини:
Всѣ бисеры твои намъ должно кинуть.

или тамъ же:

Ефимъ, любезный новичекъ,
Сшибъ мастера своею драмой съ ногъ,
Вамъ, Граціи, служитель онъ покорный,
И не смотря на судъ отъ Ферта вздорный,
Понравиться безъ правилъ смѣлъ и могъ,
Реторики всея на посрамленье.

Если имѣть въ виду, что изъ Сухопутнаго корпуса выходили тогда наиболѣе образованные молодые люди, изъ которыхъ иные вступали въ кругъ писателей и пріобрѣтали себѣ извѣстность, какъ напримѣръ—Озеровъ, С. Н. Глинка, Ефимьевъ, то понятно, что скромная педагогическая дѣятельность нашего писателя должна быть также отмѣчена. Не безъ слѣдовъ должны были остаться тѣ мысли, какія выслушивали ученики изъ устъ своего учителя: „Благонравіе, говорилъ онъ имъ, не изъ послѣднихъ украшеній писателя. Похвала благонравнаго читателя должна быть первымъ предметомъ для всякаго писателя, ищущаго истинной славы. Прежде всего требуется, чтобы писатель былъ честный человѣкъ и чтобы слава его носила на себѣ знаменіе его честности. Онъ долженъ быть скроменъ: скромность есть знакъ истинной учености и истиннаго дарованія“ [1]). Къ этому же присоединимъ и его мысли о славѣ, связанныя съ стремленіемъ къ общественной пользѣ, мысли, которыми наполнена его рѣчь „Объ употребленіи времени“, обращенная къ его ученикамъ. Здѣсь онъ выводитъ, что все время жизни человѣка—не его время: оно принадлежитъ отечеству. „Укрѣпляйте голосъ славы всѣми силами, говорилъ онъ, берегитесь заглушать его и не стыдитесь любить славу страстно. Сія единая страсть достойна сердца мудраго... Несравненно легче о ней худо говорить, нежели ее заслужить... Вѣрьте по вашимъ собственнымъ чувствамъ, что она единая виновница всѣхъ великихъ дѣлъ... Единою славою сдѣлались всѣ великіе во всѣхъ родахъ люди. Ею составлялись тѣ герои, тѣ побѣдители народовъ и защитники своего отечества, тѣ законодатели, философы,

---

[1]) Изъ реторическихъ записокъ Княжнина: „Описаніе нравовъ оратора и вообще всякаго сочинителя“.

превосходные писатели—сіи благотворители и просвѣтители рода человѣческаго, которыми древняя Греція, древній Римъ и другіе новѣйшіе народы насъ приводятъ въ удивленіе и восхищеніе... Возвышенныя души, пріуча себя отъ младенчества находить выгоды свои въ выгодахъ общественныхъ и содѣлавъ своею страстію славу, почитали время для того дорогимъ, чтобы полезными быть. Вотъ мнѣніе мудрыхъ для употребленія времени въ пользу". Для образованія сердца Княжнинъ, между прочимъ, предлагаетъ исторію; къ этому—„умѣть повиноваться, умѣть повелѣвать, умѣть жить добродѣтельно—столько же необходимо, какъ и дышать". По его мнѣнію, юриспруденція также должна быть важнымъ предметомъ изученія для всякаго. „А если кому власть монаршая вручаетъ вѣсы правды, куда съ одной стороны льютъ слезы горестныя невинно-притѣсненныхъ, а съ другой—наглый порокъ дерзновенною рукою, возвыся гордое чело, подавляетъ слабость — сколько лестно единымъ наклономъ сихъ вѣсовъ, подъявъ невинность, утѣшить ея плачъ и низвергнуть алчное высокомѣріе..."

Что Княжнинъ, дѣйствительно, имѣлъ хорошее вліяніе на своихъ учениковъ, объ этомъ свидѣтельствовали они сами уже въ зрѣлые годы. Такъ, С. Н. Глинка въ своихъ воспоминаніяхъ восторженно говоритъ о немъ. Озеровъ объявлялъ, что его учитель Княжнинъ былъ ему образцомъ въ поэзіи.

Къ сдѣланной характеристикѣ Княжнина ничего не прибавятъ прочія его трагедіи, о которыхъ мы не говорили: „Софонизба", „Владисанъ", „Титово милосердіе". Но послѣдняя его трагедія, „Вадимъ Новгородскій", получила особенную извѣстность, которая даетъ ей право назваться историческимъ фактомъ [1]). Написанная не безъ благонамѣренной цѣли и напечатанная въ 1793 году, уже черезъ два года послѣ смерти автора, она была тогда же публично сожжена и тѣмъ набросила тѣнь на автора въ глазахъ такъ называемыхъ благонамѣренныхъ лицъ. Такую казнь изрекъ ей правительствующій сенатъ, вслѣдствіе предложенія, внесеннаго генералъ-прокуроромъ Самойловымъ, конечно, не безъ воли самой императрицы: „Въ публику вышла книга, писалъ онъ, напечатанная въ 1793 году подъ названіемъ „Трагедія Вадимъ Новгородскій", сочиненія покойнаго надворнаго совѣтника Якова Княжнина. Въ сей трагедіи помѣщены нѣкоторыя слова, не токмо соблазнъ подающія къ нарушенію благосостоянія общества, но даже есть израженія противу цѣлости законной власти царей, что усмотритъ правительствующій сенатъ изъ самой той трагедіи. Таковыя дерзкія изреченія противны въ началѣ божественнымъ, а потомъ и гражданскимъ законамъ. Священное писаніе гласитъ: нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть; тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію про-

---

[1]) Она вполнѣ напечатана въ „Рус. Старинѣ", 1871 г., іюнь.

тивляется. Гражданскія законоположенія на тотъ конецъ расположены: „чтобъ каждому видѣти все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія“, и охраняется ими какъ общая, такъ и личная каждаго безопасность. Пекущаяся о семъ всемилостивѣйшая наша государыня и матерь отечества доказываетъ ежедневными опытами, воздая всегда заслугѣ должное, отвращая всякое и малѣйшее отъ вѣрноподданныхъ ея утѣсненіе и соединяя праведный свой судъ съ милостію. Правительствующій сенатъ, яко хранилище законовъ и исполняющій велѣнія ея импер. величества, болѣе другихъ о томъ извѣстенъ. И какъ по тѣмъ же самымъ спасительнымъ ея величества законамъ постановлено всякое поползновеніе, клонящееся къ нарушенію безопасности общей и частной, удалять и истреблять, по сему въ основаніе принятому истинному правилу не благоугодно ли будетъ правительствующему сенату сію вышедшую съ столь дерзкими словами трагедію разсмотрѣть и сдѣлать объ ней надлежащее рѣшеніе“.

Сенатъ разсматривалъ книгу и сдѣлалъ такое рѣшеніе: „Оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями, а потому въ обществѣ Россійской имперіи нетерпимую, сжечь въ здѣшнемъ столичномъ городѣ публично: чего для и отослать ее въ санктпетербургское губернское правленіе при указѣ, и чтобы отъ Управы благочинія обывателямъ объявить, дабы они, кто бы у себя означенную книгу ни имѣлъ, тотчасъ представили оную въ губернское правленіе, съ таковымъ подтвержденіемъ, что если кто утаитъ и не представитъ оную, то подвергнетъ себя сужденію по законамъ...“

Боязнь, что книга уже распространилась и за предѣлами Петербурга, вызвала приказаніе ко всѣмъ губернскимъ и намѣстническимъ правленіямъ—отбирать ее отъ всѣхъ, у кого она окажется и немедленно доставлять въ сенатъ для истребленія. Нѣчего говорить, что отвсюда были получены отвѣты: „таковой книги не имѣется“. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи едва-ли она могла имѣться, по той быстротѣ, съ какою была захвачена. Она могла разойтись въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ дѣйствовали съ большой осторожностью, чтобы не возбудить излишнихъ толковъ. Генералъ-прокуроръ гр. Самойловъ, сообщая московскому главнокомандующему князю Прозоровскому о допросѣ поѣхавшаго въ Москву книгопродавца Глазунова и объ отобраніи у него непроданныхъ экземпляровъ „Вадима“, прибавлялъ: „благоволите исполнить все оное съ осторожностію и безъ огласки по данной вамъ власти, не вмѣшивая высочайшаго повелѣнія“. Прозоровскому было предписано отобрать и другія сочиненія Княжнина, если въ нихъ окажутся подобныя же „нелѣпыя изреченія“ или „если и безъ таковыхъ изреченій покажутся сумнительны“. Прозоровскій отвѣчалъ, что онъ успѣлъ отобрать изъ книжныхъ лавокъ только 160 экземпляровъ,

хотя Глазуновъ повезъ съ собою изъ Петербурга 400. Отъ публики же, соблюдая предписанную осторожность, отбирать книгу было нельзя, такъ какъ она продавалась по публикаціи, и трудно было узнать, кто именно покупалъ [1]). Судя по всему этому, можно бы было подумать, что въ трагедіи дѣйствительно заключается что нибудь возмутительное и крайне опасное для существующей власти или, какъ въ то время называли, якобинское. Сенатскій указъ, впрочемъ, не противорѣчилъ дѣйствительности: въ трагедіи были слова и выраженія противъ монархической власти, но вложенныя въ уста яраго республиканца, Вадима, никогда не присягавшаго той власти, которой онъ не хотѣлъ подчиниться. Но этотъ республиканецъ оказался въ то же время несостоятельнымъ передъ новгородцами въ своихъ убѣжденіяхъ и доводахъ: добровольно выбравъ себѣ въ князья Рюрика, они приняли его сторону, и Вадиму ничего не оставалось, какъ заколоться, съ однимъ утѣшеніемъ, что и родная дочь его Рамида, не смотря на свою страстную и взаимную любовь къ Рюрику, осталась такою же республиканкою и даже предупредила отца своею смертью. Понятно, что подобный республиканецъ, какъ Вадимъ, не могъ и говорить ничего другаго въ защиту своихъ стремленій, но его слова опровергаются поступками, стремленіями и словами Рюрика, который, будучи призванъ народомъ, обѣщалъ прежнее безначаліе, насиліе и грабежи въ новгородской республикѣ замѣнить порядкомъ и спокойствіемъ. Минутное разочарованіе его показываетъ не тирана, какимъ въ глазахъ Вадима являлся каждый монархъ, а напротивъ, душу, стремящуюся къ благотворенію:

Надъ пропастями здѣсь мой тронъ поставленъ,
За благости мои я злобой окруженъ
И сердце горестью мое всечасно сжато.
Се участи владыкъ, свой долгъ хранящихъ свято,
Всечасно мучася, отрады не видать.
Не стоятъ смертные, чтобъ ими обладать
Благотворителямъ содѣтели мученья,
Не стоятъ никогда они благотворенья.

Рюрикъ даже добровольно снимаетъ съ своей головы вѣнецъ, чтобы возвратить его новгородцамъ; но граждане на колѣняхъ упрашиваютъ его править ими. Самъ Вадимъ, наконецъ, обращается къ Рюрику съ такими словами:

Я вижу—власть твоя угодна небесамъ,
Иное чувство ты гражданей далъ сердцамъ,
Все пало предъ тобой...

Онъ только не хочетъ признать его власти надъ своимъ республиканскимъ духомъ:

Въ срединѣ твоего побѣдоносна войска,
Въ вѣнцѣ, могущій все у ногъ твоихъ ты зрѣть,
Что ты противъ того, кто смѣетъ умереть.

---

[1]) „Русск. Старина“, 1871 г., іюнь, Ефремовъ.

Въ заключеніе же Рюрикъ, пораженный двумя смертями, взываетъ къ богамъ и, желая уподобиться имъ, клянется никогда не совратиться съ пути добродѣтели.

Изъ всего этого читатель можетъ видѣть, что авторъ съ идеей монархической власти соединяетъ благотвореніе, добродѣтели, общую пользу, благодаря которымъ она и восторжествовала въ лицѣ Рюрика. Вся трагедія наводитъ на такую мысль: добродѣтельному монарху не слѣдуетъ бояться республиканскихъ идей посреди народа, который его любитъ и которому онъ хочетъ благотворить: здѣсь самъ республиканецъ не захочетъ жить, если онъ честный человѣкъ.

Кромѣ того, что намъ даетъ самая трагедія, мы можемъ указать и на личныя отношенія Княжнина къ власти императрицы, и убѣдиться, что ему не могла придти и мысль возмущать общественную совѣсть, или подрывать довѣріе къ власти. Прежде всего нужно имѣть въ виду, что онъ былъ честный человѣкъ, въ чемъ насъ удостовѣряютъ всѣ отзывы его современниковъ. А честный человѣкъ-писатель не взялся бы за передѣлку драмы Метастазіо „Clemenza di Tito", написанной въ честь германскаго императора Карла Шестаго, не взялся бы съ тѣмъ, чтобы въ лицѣ римскаго императора Тита, утѣхи рода человѣческаго, какъ называли его историки, представить самоё императрицу, если бы онъ не чувствовалъ къ ней любви и уваженія— тѣхъ чувствъ, какія вызывалъ образъ Тита. Богатый ея подарокъ, табакерка съ брилліантами, полученный имъ послѣ представленія трагедіи, не могъ же быть въ перспективѣ его труда и примирить совѣсть съ лживой лестью, которую онъ самъ осуждалъ въ стихахъ и въ прозѣ. Для лести въ то время была въ литературѣ удобная форма, которою иные съ успѣхомъ и пользовались,—форма оды. Но Княжнинъ не любилъ одъ именно потому, что въ нихъ было много лести:

Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать...
И такъ не чудно то, когда
Докучныхъ лиръ стишисты чада,
Твердя все то же завсегда,
Уморою сухаго склада
Могли вниманье отвратить
Воспѣтой ими героини
И только отъ своей богини
Одно зѣванье заслужить...
Во звукѣ лиръ нѣтъ нужды ей,
Въ сердцахъ хвалу любовь ей пишетъ,
Хвала ей—счастье нашихъ дней,
Отрадный кликъ блаженна міра —
Вотъ ей достойнѣйшая лира...

Въ своихъ рѣчахъ Княжнинъ указываетъ, что императрица предпочитаетъ всему „быть матерью своихъ подданныхъ", что она печется „воспитаніемъ сотворять прямыхъ человѣковъ", что она „алкаетъ

общественнаго благоденствія", что „съ престола подданнымъ вопіетъ гласъ милосердія", что „нынѣ на тронѣ россійскомъ царствуетъ все то, что достойно нашего обожанія".

Съ своей стороны Екатерина выказывала свое расположеніе писателю подарками. При посредствѣ Ермолова, любившаго драматическую литературу, она приказала напечатать сочиненіе Княжнина на казенный счетъ, и когда, въ 1787 году, Княжнинъ уже черезъ графа Мамонова поднесъ ей экземпляръ этого изданія съ посвятительными стихами, она вновь подарила автору золотую табакерку съ своимъ медальономъ и съ бриллiантами. Все это показываетъ, что у Княжнина не могло быть никакихъ личныхъ причинъ въ дѣйствіи противъ существующей власти. По позднѣйшему разсказу сына Княжнина, трагедія „Вадимъ" была передана авторомъ директору придворнаго театра Стрекалову еще въ 1789 году; по распоряженію директора ее тотчасъ же начали разучивать—Плавильщиковъ роль Вадима, Шушеринъ—роль Рюрика, Баранова—роль Рамиды. Но трагедія не была представлена. Самъ авторъ взялъ ее назадъ изъ дирекціи, такъ какъ въ это время во Франціи возникли тѣ смуты, которыми началась извѣстная революція. Опасаясь, что нѣкоторымъ стихамъ въ трагедіи могутъ дать другой толкъ, Княжнинъ отложилъ рукопись въ сторону и не думалъ печатать ее. 14 Января 1791 года, послѣ непродолжительной болѣзни онъ умеръ. Опеку надъ небольшимъ имѣніемъ и малолѣтними дѣтьми его, принялъ на себя мужъ старшей его дочери, псковскій помѣщикъ Чихачевъ. Разбирая бумаги покойнаго писателя, опекунъ нашелъ между ними нѣсколько не напечатанныхъ сочиненій. Не свѣдущій въ литературѣ, онъ обратился за совѣтомъ къ петербургскому книгопродавцу Глазунову. Глазуновъ предложилъ за всѣ рукописи двѣсти рублей. Такой оцѣнкой Чихачевъ остался доволенъ, взялъ деньги и передалъ рукописи книгопродавцу; въ числѣ ихъ попалась и трагедія „Вадимъ Новгородскій". Глазуновъ, по уговору съ президентомъ россійской академіи и академіей наукъ—княгиней Дашковой, приносилъ къ ней на разсмотрѣніе всѣ сочиненія — переводныя и оригинальныя, которыя онъ пріобрѣталъ для печати. Такимъ образомъ и трагедія Княжнина попала въ руки княгини. Недовольная императрицей, она хотѣла сдѣлать ей непріятность, не предвидя такого исхода дѣла, и приказала напечатать трагедію въ типографіи академіи наукъ. Затѣмъ кто-то постарался представить экземпляръ императруцѣ. Въ другое время, можетъ быть, она иначе посмотрѣла бы на пьесу автора, котораго не разъ хвалила и награждала; но это было въ концѣ 1793 года, когда французская революція, разгораясь все болѣе, заставила трепетать многихъ сильныхъ сего міра; когда всякая рѣчь въ защиту республики стала считаться покушеніемъ на низпровевженіе властей, когда наконецъ началось преслѣдованіе и бѣдной русской литературы за то направленіе, которое было вызвано самою же империтрицей.

Въ какомъ положеніи была императрица, прочитавъ „Вадима", можно судить по письму самой княгини Дашковой къ ея брату, графу Александру Романовичу Воронцову. Тамъ мы находимъ нѣсколько интересныхъ подробностей, которыми и воспользуемся [1]). Соображая всѣ обстоятельства съ тѣми извѣстіями, которыя сообщаетъ намъ письмо княгини, мы можемъ догадываться, что она сама была подведена своимъ чиновникомъ, ассесоромъ Чихачевымъ, двоюроднымъ братомъ опекуна малолѣтнихъ Княжниныхъ. Глазуновъ не могъ получить разрѣшенія печатать трагедію въ вольныхъ типографіяхъ, въ виду претензіи вдовы автора на произведенія своего мужа. Но опекунъ успокоилъ книгопродавца письменнымъ свидѣтельствомъ, что трагедія продана для выгоды малолѣтнихъ наслѣдниковъ, и по всей вѣроятности, устроилъ ему дѣло черезъ своего двоюроднаго брата въ типографіи академіи наукъ. По крайней мѣрѣ, изъ словъ княгини Дашковой видно, что этотъ самый ассесоръ академіи получилъ отъ нея словесное приказаніе прочитать трагедію [2]), разумѣется, съ цѣлью узнать, нѣтъ ли въ ней чего либо предосудительнаго; но что онъ не прочиталъ ее, оправдываясь уже въ то время, когда возникло дѣло, будто ему было некогда. Въ журналѣ же приказовъ президента академіи по типографіи за іюнь мѣсяцъ, было просто записано, что трагедію „Вадимъ" печатать на счетъ Глазунова, тогда какъ въ слѣдующій мѣсяцъ записанъ другой приказъ—о напечатаніи сочиненія Княжнина же, комедіи „Чудаки", съ оговоркою, если въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго. Эта оговорка обойдена въ первомъ случаѣ не безъ намѣренія и не безъ участія Чихачева, если имѣть въ виду приказаніе, данное ему словесно княгинею Дашковою. Одно остается непонятнымъ, какимъ образомъ трагедія „Вадимъ" попала въ то же время въ тридцать девятый томъ „Россійскаго ѳеатра", который считался академическимъ изданіемъ и въ которомъ печатались русскія

---

[1]) „Архивъ князя Воранцова" ч. V стр. 217—225. Письмо писано то по-французски, то по-русски. Разсказъ о той же исторіи мы находимъ и въ запискахъ княгини Дашковой, но сличая съ нимъ письмо, мы замѣчаемъ нѣкоторое разнорѣчіе, и предпочитаемъ письмо „Запискамъ", такъ какъ оно писано подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ всего случившагося, и при томъ родному брату, слѣдовательно въ немъ можно скорѣе ожидать искренности и правдивости.

[2]) Въ „Запискахъ" княгиня Дашкова называетъ совѣтника академической канцеляріи Козодавлева, который будто бы представилъ ей просьбу вдовы Княжнина о напечатаніи трагедіи. „Я сказала ему, прибавляетъ княгиня, что съ моей стороны не будетъ никакого препятствія, если онъ просмотритъ пьесу и поручится мнѣ, что въ ней нѣтъ ничего противнаго нашимъ законамъ или религіи; и тѣмъ охотнѣе я поручила ему эту рецензію, что онъ былъ совершенный знатокъ отечественнаго языка и очень строгій судья-цензоръ. Козодавлевъ доложилъ мнѣ, что трагедія основана на историческомъ событіи, происходившемъ въ Новгородѣ, что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго ни по мыслямъ, ни по языку, и что развязкой пьесы служитъ торжество монарха надъ покореннымъ Новгородомъ и бунтомъ. На основаніи этого доклада, я приказала напечатать трагедію, сколь возможно облегчивъ расходы бѣдной вдовы". Здѣсь видимо княгинѣ измѣнила память.

трагедіи и комедіи по распоряженію президента академіи. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ этомъ изданіи очень часто попадались трагедіи, въ которыхъ говорились цѣлыя стихотворныя рѣчи ни чѣмъ не мягче республиканскихъ рѣчей „Вадима". Сама княгиня Дашкова въ свое оправданіе замѣтила, что изъ ста трагедій едва ли могло найтись десять, въ которыхъ не было бы длинныхъ рѣчей противъ государей. И никому не приходило въ голову осуждать эти трагедіи и производить такой переполохъ, какой произвела трагедія Княжнина. Укажемъ, напримѣръ, на трагедію „Сорена и Замиръ", которая доставила даже славу автору ея, Николеву. Она не только была напечатана въ 1787 году въ „Россійскомъ ѳеатрѣ" (въ V части), но за два года до этого игралась на московской сценѣ и слушалась съ восторгомъ. Въ ней высказываютъ далеко не монархическія мысли уже не республиканцы, а люди сами занимающіе престолы, или ихъ приближенные, относясь при томъ несовсѣмъ сочувственно къ самому христіанству, которымъ иногда прикрываютъ себя мощные люди. Но тогда власти не вооружались противъ подобныхъ рѣчей и не считали ихъ опасными, потому что это было въ восьмидесятыхъ годахъ; а въ 1739 году подобная трагедія должна была произвести совсѣмъ иное впечатлѣніе.

На нее указалъ императрицѣ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ [1]); о немъ по этому поводу, какъ свидѣтельствуетъ сама кн. Дашкова, отозвался одинъ изъ его родственниковъ такимъ образомъ: „дуракъ, думаетъ подслуживаться доносами, а того не разумѣетъ, что ее самоё (императрицу) понапрасну мучитъ и тревожитъ". Другіе же порядочные люди по тому же случаю произносили свой приговоръ общими фразами: „есть лица, которыя безъ достоинства и способностей не могутъ сдѣлать себя необходимыми и изъ угодничества только пугаютъ государыню разными страхами". Что она была дѣйствительно напугана чужими словами, прежде чѣмъ сама прочитала трагедію, видно изъ ея записки къ княгинѣ Дашковой: „Явилась трагедія „Вадимъ Новгородскій"; изъ заглавнаго листа ея видно, что она напечатана въ академіи; говорятъ, она очень язвительна (mordante) противъ монархической власти. Вы сдѣлаете хорошо, если остановите ея продажу, пока ее сама не прочитаю". Княгиня отвѣчала, что въ академической книжной лавкѣ трагедіи нѣтъ въ продажѣ, такъ какъ ее печаталъ книгопродавецъ, купившій ее у наслѣдниковъ автора. „Это было въ среду вечеромъ, разсказываетъ княгиня Дашкова, а въ четвергъ утромъ является ко мнѣ статсъ-секретарь Поповъ съ озабоченнымъ видомъ и говоритъ, что императрица приказала ему передать ей—лучше смо-

[1]) Въ „Запискахъ" Дашкова замѣтила о немъ: „Графъ Иванъ Салтыковъ, цѣлую жизнь не читавшій ни одной книги, по наслышкѣ отъ кого нибудь утверждалъ, что трагедія, будто бы прочитанная имъ, очень опаснаго содержанія для настоящаго времени, и подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія побѣжалъ къ фавориту, чтобъ сообщить ему свое мнѣніе".

трѣть за тѣмъ, что у меня, печатается". Княгиня призналась, что не читала трагедіи, потому что не предполагала въ ней ничего другаго, кромѣ изображенія любовныхъ страстей. Когда же Поповъ указалъ ей сильныя мѣста трагедіи, то ей казалось очень естественнымъ, если въ исторической пьесѣ авторъ заставляетъ республиканца говорить свойственнымъ ему языкомъ. При этомъ она созналась, что трагедія была бы не по времени, если бы у насъ всѣ занимались чтеніемъ; но такъ какъ число читателей вообще очень невелико, то стоитъ только пожертвовать какія нибудь двѣ сотни рублей и скупить всѣ экземпляры трагедіи въ лавкахъ, гдѣ она продается, и будетъ конецъ всему дѣлу; но если изъ-за этого вздумаютъ поднять шумъ, то вызовутъ читателей и, благодаря любопытству, о книгѣ узнаютъ всѣ. Полагая, что этотъ благоразумный совѣтъ будетъ принятъ, княгиня отправилась вечеромъ ко двору и удивилась, увидя императрицу въ крайне раздраженномъ состояніи:

— Что я вамъ сдѣлала, обратилась она къ княгинѣ съ суровой рѣчью, что вы печатаете противъ меня обидныя и гнусныя вещи?

— Какъ такъ, ваше величество? возразила княгиня.

— И вы еще скажете, что мнѣ нечего бояться?

— Думаю, что такъ.

— Знаете ли, что я сдѣлаю? Я прикажу сжечь рукою палача эту трагедію, а на заглавномъ листѣ значится, что она напечатана въ академіи!

— Дѣлайте, какъ вамъ угодно [1]!..

„Здѣсь прекратился разговоръ, прибавляетъ княгиня Дашкова: она сѣла играть въ карты, и я тоже". На другой день княгиня узнала, что уже началось слѣдствіе: полиціймейстеръ дѣлалъ допросъ въ академической книжной лавкѣ и потребовалъ вырѣзать трагедію изъ „Россійскаго ѳеатра".

Тогда княгиня, видя, что дѣла разыгрались не на шутку, написала Попову письмо: „Прошу доложить ея величеству, что повинную голову и мечъ не сѣчетъ; изъ приложенныхъ выписокъ (извлеченія изъ журнала приказовъ по типографіи) увидите, что я виновата въ томъ, что не вспомнила приказать прочесть трагедію, когда о комедіи „Чудаки" помысливъ, что, можетъ быть, сатиру на кого нибудь содержитъ, я приказала оную разсмотрѣть; что я очень сожалѣю, что въ одиннадцать лѣтъ въ первой я не остереглась, и что это проскочило; но что я думаю, что никто не возьметъ на себя всегда всякое слово вспомнить, что мнѣ очень было прискорбно видѣть вчерась, что государыня гнѣвна и что если бы меня противу моего желанія не обременили академіею, то бы и я, подобно другимъ штатсъ-дамамъ, только уваженіе, ласки и милости получала"...

---

[1]) По „Запискамъ", княгиня будто бы сказала: Государыня, если она будетъ сожжена палачемъ, то не мнѣ придется краснѣть за это.

„Поповъ скоро ко мнѣ пріѣхалъ, прибавляетъ княгиня, и сказалъ мнѣ, что государыня сказала, что она сама жалѣетъ, что проскочило; но впрочемъ она гораздо мягче, а что и вчерась онъ слышалъ отъ камердинеровъ, что она, вставши изъ обѣда, господамъ какимъ-то (Самойлову и Безбородкѣ) казала въ спальнѣ эту трагедію, и слышалъ, что она сдѣлалась гнѣвнѣе, нежели поутру была. А ваше сіятельство правы въ томъ, что ежели дѣлать огласку о сей книгѣ, то даже списывать будутъ ее...“

Затѣмъ все дѣло было передано въ руки генералъ-прокурора Самойлова. О немъ княгиня Дашкова разсказываетъ, что еще за десять дней его кредитъ у императрицы сталъ сильно падать, и только эта исторія поддержала его. „Еще въ прошедшій понедѣльникъ, прибавляетъ княгиня, ея величество была въ сильномъ гнѣвѣ противъ Самойлова и говорила ему, что съ Вяземскимъ (прежнимъ генералъ-прокуроромъ) у нея не было столько заботъ и безпорядка въ финансахъ, что до четверга Самойловъ былъ совершенно разстроенъ, а въ четвергъ императрица имѣла съ нимъ длинный и довѣрчивый разговоръ по поводу этой книги; въ пятницу же онъ снова просіялъ“...

Самойловъ, дѣйствительно, горячо принялся за дѣло; потребовалъ къ допросу и ассесора Чихачева и академическаго цензора Котельникова, имѣлъ нѣсколько объясненій съ самой княгиней Дашковой. Тутъ мы должны указать на одну прекрасную черту, которая украситъ страницу въ біографіи Дашковой. Она взяла на себя всю вину, устраняя своихъ чиновниковъ отъ всякой отвѣтственности, несмотря на то, что поведеніе Чихачева въ этомъ дѣлѣ было очень двусмысленно. Для насъ только остается неяснымъ одно противорѣчіе: сначала княгиня говорила, что не читала трагедіи, полагая въ ней, какъ и во всѣхъ трагедіяхъ, обыкновенную любовную интригу; а затѣмъ указывала, что въ „Россійскомъ ѳеатрѣ“ въ рѣдкой трагедіи не встрѣчается выходокъ противъ монарховъ; а это, конечно, требовало большей цензурной внимательности по отношенію къ трагедіямъ. На совѣтъ Самойлова—объясниться съ императрицей откровенно, княгиня Дашкова отвѣчала: „съ государями объясняться трудно, и въ этомъ мнѣ нѣтъ никакой надобности: моя совѣсть спокойна; въ моемъ письмѣ къ Попову, я уже просила извиненія за оплошность: не можетъ же она подозрѣвать меня въ умышленномъ проступкѣ, тогда какъ онъ не больше, какъ невниманіе.

Послѣ этого Самойловъ объявилъ княгини, что императрицѣ уже клеветали, будто она и братъ ея Ал. Ром. Воронцовъ принимали участіе въ извѣстной книгѣ Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Отсюда понятно, что этотъ новый случай съ трагедіей Княжнина, связавшійся съ именемъ княгини Дашковой, долженъ былъ смутить императрицу. „При этомъ, замѣчаетъ княгиня, я не могла удержаться отъ смѣха, и возразила, что если бы ея величество сама высказала мнѣ подозрѣніе въ дурныхъ моихъ замыслахъ противъ нея

или отечества, я обратилась бы къ ея уму и сердцу, гдѣ я должна стоять выше подобныхъ подозрѣній".

На желаніе Самойлова успокоить княгиню она отвѣтила: „Я таки спокойна и опослѣ завтра поѣду съ тѣмъ духомъ, какъ человѣкъ, который знаетъ, что его побранятъ за неосторожность, которую я въ то же время въ совѣсти своей знать буду, что съ другаго на себя снимаю для его спасенія и для сокращенія безпокойствія ея (императрицы), для того что во мнѣ она сумнѣваться не можетъ"...

„Суббота прошла, разсказываетъ княгиня, безъ всякихъ новыхъ или какихъ либо переговоровъ отъ кого нибудь. Въ воскресенье я по обыкновенію поѣхала во дворецъ. Скоро изъ спальни вышелъ Самойловъ и, прошедъ нарочно мимо меня въ бриллiантовую комнату, въ полголоса мнѣ сказалъ: „будьте умѣренны, снисходительны". Казалось, что онъ боялся, чтобъ кто не примѣтилъ, что онъ промолвилъ со мною. Признаюсь, что мнѣ и жалко и смѣшно было. Я сказала ему: совѣсть моя чиста и спокойна [1]). Вышла императрица съ лицомъ очень суровымъ. Какъ и всегда, я подошла къ ней. Она позвала меня, такъ же какъ и всегда, въ бриллiантовую комнату. Войдя туда, я сказала ей: я очень досадую на свою неосторожность, и прошу васъ извинить меня. И прежде чѣмъ она успѣла принять сердитый тонъ, я поцѣловала у нея руку, а она поцѣловала меня въ щеку. Затѣмъ она выслала своего парикмахера-француза и сказала мнѣ:

— Признайтесь, покрайней мѣрѣ, что это очень непріятно.

— Я признаюсь, и вотъ почему я такъ досадую.

— Мнѣ всегда хотятъ мѣшать дѣлать добро; я дѣлала его, сколько могла и для личностей и для всей страны. Или хотятъ произвести здѣсь тѣ же ужасы, какіе мы видимъ во Франціи?

— Надѣюсь, что не найдется такого безумца.

— Однако, находится, какъ вы видите!

— Кромѣ того, чтобъ продолжалось ваше царствованіе, я никогда не слыхала ни иныхъ мнѣній, ни иныхъ желаній.

— Есть неблагодарные и двоедушные: у кого дурное сердце, тому хочется видѣть несчастіе другихъ.

— Извините, государыня, одно дурное сердце не произвело бы этого; нужно еще имѣть помѣшанную голову: дурное сердце можетъ повести къ злобѣ и мщенію, но никогда не пожелаетъ несчастія себѣ и своимъ дѣтямъ, никогда не захочетъ видѣть потоки крови.

— Если государь есть зло, то зло необходимое, безъ котораго не можетъ быть ни порядка, ни спокойствія.

— Слышать такое выраженіе изъ устъ государя есть уже честь, какую ваше величество мнѣ оказываете, и я вамъ отвѣчаю, что не въ ваше царствованіе будутъ думать, будто въ этомъ зло.

---

[1]) По „Запискамъ", княгиня будто бы прибавила еще такую фразу: „впрочемъ, я такъ привыкла къ несправедливости, что какъ бы она ни была велика, меня трудно удивить".

— Что касается до меня, то я могу выносить все, что будутъ говорить о мнѣ, и если преступленіе быть на томъ мѣстѣ, которое занимаю я (я признаюсь, что у меня не было на него ни права по рожденію, ни другихъ правъ), такъ вы раздѣляете со мною это преступленіе.

Я пристально посмотрѣла на нее и изъ деликатности не стала распространяться объ этомъ признаніи...

— Вотъ ужъ другое сочиненіе въ этомъ родѣ, снова начала она, и одно лучше другаго... Теперь остается ждать третьяго.

Затѣмъ рѣчь перешла къ сочиненію Радищева, о которомъ княгиня Дашкова выразилась такимъ образомъ: „онъ хотѣлъ подражать Стерну, автору „Сентиментальнаго путешествія“, читалъ Клопштока и другихъ нѣмецкихъ писателей и, не понявъ ихъ, запутался въ метафизикѣ и потерялъ разсудокъ...“

Императрица, повидимому, успокоилась и уже не возобновляла тѣхъ подозрѣній, которыя сначала такъ ее встревожили. Мы съ намѣреніемъ привели весь этотъ длинный разговоръ ея съ Дашковой, чтобъ показать, почему потерпѣла такую казнь несчастная трагедія Княжнина. Княгиня Дашкова все приписала злости Салтыкова и заключила свое письмо словами: „Я его презираю и при первомъ же случаѣ скажу при немъ, что у людей бываютъ разныя средства для жизни, что есть такіе, которые, за недостаткомъ достоинства и способностей, любятъ безпокоить и чернить честныхъ людей“.

Такимъ образомъ, трагедія „Вадимъ“ вмѣстѣ съ сочиненіемъ Радищева получила особое историческое значеніе. Сама же по себѣ, какъ трагедія, она, напоминая „Brutus“ Вольтера, отличается рѣзкими недостатками, особенно въ развитіи дѣйствія, на что и было указано въ журналѣ Клушина—„С.-Петербургскій Меркурій“ (въ 3-й части), прежде чѣмъ она успѣла попасть въ опалу.

Старшіе сыновья Княжнина Александръ и Борисъ, служившіе тогда сержантами въ Измайловскомъ полку, также призывались къ допросу генераломъ-прокуроромъ графомъ Самойловымъ, съ цѣлью узнать, дѣйствительно ли „Вадимъ“ писанъ ихъ отцомъ и не воспользовался ли его именемъ кто нибудь другой. Они подтвердили подлинность трагедіи. Чихачевъ тоже былъ вытребованъ изъ своего помѣстья, а Глазуновъ отданъ на нѣкоторое время подъ стражу, но вскорѣ все успокоилось и существенно не пострадалъ никто. Впослѣдствіи, когда многія подробности забылись, а иныя и совсѣмъ еще не были извѣстны, составился разсказъ (въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго, III часть), будто трагедія сдѣлалась извѣстна еще при жизни Княжнина, и авторъ, ея послѣ жестокаго допроса у извѣстнаго к н у т о б о й ц а (по опредѣленію князя Потемкина) Шешковскаго, сильно заболѣлъ и сошелъ въ могилу. Къ чести русской исторіи, ничего этого не было. Княжнинъ не могъ имѣть личнаго объясненія съ Шешковскимъ и умеръ съ сознаніемъ, что тѣ идеи, которыми онъ

жилъ, согласовались съ духомъ „Наказа“ Екатерины. Онѣ же, хотя на нѣсколько лѣтъ и сдѣлались запретными въ нашей литературѣ, но все же не замерли, а перешли въ слѣдующее поколѣніе и имѣютъ историческую связь съ идеями нашего времени.

В. Стоюнинъ.

ЖЕНЩИНА ВЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВѢ.

(Неизданная статья Е. А. Словцовой-Камской).

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Статья „Женщина въ семьѣ и обществѣ“ принадлежитъ перу умершей въ 1864 году даровитой писательницы, Екатерины Александровны Словцовой, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Камской. Статья эта, написанная двадцать лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ не утратила интереса, а потому мы съ удовольствіемъ даемъ ей мѣсто на страницахъ „Историческаго Вѣстника“. Рукопись Словцовой обязательно доставлена намъ изъ Перми Д. Д. Смышляевымъ, при слѣдующемъ письмѣ:

„М. Г. Года три тому назадъ, въ „Древней и Новой Россіи“ было посвящено нѣсколько словъ пермской писательницѣ, Екатеринѣ Александровнѣ Словцовой, въ которыя вкрался, къ сожалѣнію, совершенно невѣрный фактъ. Тамъ сказано было, между прочимъ, что положеніе ея въ семьѣ было тяжелымъ, такъ какъ отецъ ея, чиновникъ стараго вѣка, по своей неразвитости, не понималъ необыкновенной натуры своей дочери. Я зналъ лично Словцовыхъ, много лѣтъ былъ знакомъ съ отцомъ писательницы, Александромъ Степановичемъ (умершимъ въ 1879 году), не разъ проводилъ вечера въ бесѣдахъ съ Екатериною Александровною и могу засвидѣтельствовать невѣрность вышеприведеннаго факта.

„Даровитость въ родѣ Словцовыхъ, такъ сказать, наслѣдственная. Извѣстный авторъ „Историческаго обозрѣнія Сибири“, Петръ Андреевичъ Словцовъ [1], приходился Александру Степановичу двоюроднымъ дядей. Александръ Степановичъ, служившій все время—какъ я его помню—чиновникомъ особыхъ порученій пермской казенной палаты и умершій въ этой должности, считался всѣми, его знавшими, весьма умнымъ человѣкомъ, какимъ онъ и былъ въ дѣй-

---

[1]) Отецъ и дѣдъ его писались Слопцовыми. Пермскій лѣтописецъ Ѳ. А. Прядильщиковъ производитъ эту фамилію отъ вогульскаго слова—слопецъ, которое значитъ западня, капканъ, и на этомъ основаніи приписываетъ роду Словцовыхъ вогульское происхожденіе. Это предположеніе довольно правдоподобно, ибо Петръ Андреевичъ въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ упоминаетъ, что онъ родился близъ Урала (Уральскихъ горъ).

ствительности. Обладая громадной памятью и особенною любовью къ историческимъ наукамъ, онъ могъ поставить въ тупикъ своими историческими свѣдѣніями любого преподавателя гимназіи. Читалъ онъ много и, усвоивъ самоучкою французскій языкъ, имѣлъ въ своей небольшой библіотекѣ нѣкоторыя лучшія историческія сочиненія на этомъ языкѣ.

„Подъ вліяніемъ Александра Степановича, развилась и получила страсть къ историческимъ наукамъ и дочь его Екатерина Александровна, въ которой онъ души не чаялъ. Вотъ какимъ на самомъ дѣлѣ является отецъ пермской писательницы, представленный въ „Древней и Новой Россіи" человѣкомъ неразвитымъ, не понимавшимъ своей дочери!

„Екатерина Александровна Словцова воспитывалась въ Перми, въ частномъ пансіонѣ г-жи Штиккель и держала экзаменъ на званіе преподавательницы въ казанскомъ университетѣ, гдѣ, говорятъ, изумила экзаменаторовъ своими письменными отвѣтами. Сердцемъ она была женщина, но складъ ума имѣла мужской; она поражала собесѣдниковъ серьезными свѣдѣніями и глубокими философскими сужденіями о лицахъ и событіяхъ. Одинъ мой знакомый, теперь профессоръ университета, говорилъ о Екатеринѣ Александровнѣ: „Слушая ее, удивляешься, что такія серьезныя и глубокія мысли могутъ родиться въ головѣ женщины". Чтеніе и размышленіе были тѣмъ міромъ, внѣ котораго мало что интересовало ее. Не мудрено, что это сказывалось на ея внѣшности; она мало заботилась о ней: небрежно одѣтая, съ руками запачканными чернилами, съ подстриженными волосами, она производила на человѣка, ее не знавшаго, впечатлѣніе нигилистки, если можно такъ выразиться. Но не такова была она на самомъ дѣлѣ. Женщина, отдавшаяся мысли и наукѣ, она обладала искреннею религіозностью и теплымъ, чисто женскимъ сердцемъ, что выразилось и въ ея повѣстяхъ „Любовь или дружба" и „Моя судьба", которыми она начала, подъ псевдонимомъ Камской, свое литературное поприще и которыя были напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (1859 г., кн. 22 и 1863 г., кн. 47 и 48). Она также помѣщала свои статьи въ газетѣ „День" и вела переписку съ И. С. Аксаковымъ и М. Н. Катковымъ. По смерти ея осталось нѣсколько неоконченныхъ разнообразнаго содержанія сочиненій; рукописи ея хранились у брата ея, Михаила Александровича Словцова, служившаго въ петербургской таможнѣ, и также уже умершаго. Екатерина Александровна скончалась въ Ревелѣ въ 1864 году. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о ней были напечатаны въ „Голосѣ" (1866 г., № 298).

„Сообщивъ поправку къ напечатанному въ „Древней и Новой Россіи" и исполняя выраженное мнѣ почти передъ смертью желаніе ея отца, я препровождаю при семъ переданную мнѣ имъ единственную сохранившуюся у него и нигдѣ не напечатанную статью Екатерины Александровны „О женщинѣ", въ надеждѣ, что ей не будетъ отказано въ помѣщеніи на страницахъ уважаемаго журнала вашего. Статья эта, помимо ея достоинствъ, имѣетъ біографическій интересъ: она лучше знакомитъ съ умственнымъ кругозоромъ покойной, чѣмъ всякія другія свѣдѣнія о личности провинціальной писательницы Словцовой-Камской. Замѣчательно, что статья эта была написана въ началѣ 1860 года, вскорѣ послѣ того какъ появились трактаты о женщинѣ Милля и Прудона, сильно затронувшіе Екатерину Александровну, и когда только что заслышался въ русской печати первый робкій лепетъ по такъ называемому женскому вопросу. Статья была прочитана Екатериною Александровною на литературно-музыкальномъ вечерѣ, устроенномъ въ Перми въ пользу женской воскресной школы, чѣмъ и объясняются ея заключительныя строки".

Недовольство настоящимъ складомъ общества создало немало самыхъ разнорѣчивыхъ общественныхъ теорій, которыя частію рухнули, какъ чуждыя жизни, частію приняты жизнью къ свѣдѣнію. Полная перестройка общества невозможна безъ передѣлки основанія его — семьи. Это сознавалось иногда смутно, иногда ясно, всѣми общественными новаторами. На этомъ сознаніи выросли идеи о такъ называемой эмансипаціи женщины, скоро нашедшія путь въ общество, какъ слишкомъ заинтересованное въ этомъ вопросѣ.

Печальный разладъ, замѣчаемый въ наше время въ семьѣ, угнетеніе слабѣйшей половины, не рѣдко грубый произволъ, лицемѣріе, внѣдрившееся вслѣдствіе этого въ семью, замѣчаемый на каждомъ шагу антагонизмъ между членами семьи — всѣ эти мрачныя явленія объясняютъ противосемейственное направленіе, поднятое во Франціи соціальными философами. Не менѣе понятно и сочувствіе, пробужденное въ обществѣ ихъ системами. Чувство свободно,—говорятъ они— чувство не поддается никакому произвольному руководству; нѣтъ такихъ цѣлей, которыхъ явно или тайно оно бы не сломило. Эти мысли, понятыя вполовину, очень льстили неразвитости массы, называющей себя образованною частію общества. Ухватившись за нихъ, какъ за непогрѣшительный догматъ, но не имѣя въ то же время силы сокрушить въ жизни несовмѣстныя съ этими понятіями формы, общество ринулось въ хаосъ необузданнаго разврата.

Между тѣмъ, безъ семьи нѣтъ общества. Будь человѣкъ животное не общественное, соединенію мужчины съ женщиной не нужно было бы прочности; воспитаніе животнаго, падающее исключительно на мать, было бы вполнѣ достаточно для пользованія благами жизни. Но человѣкъ, кромѣ воспитанія физическаго, требуетъ воспитанія общественнаго, т. е. нравственнаго. Такое воспитаніе, чтобы не быть одностороннимъ, должно совершаться подъ согласнымъ вліяніемъ мужчины и женщины: изъ этого слѣдуетъ необходимость болѣе продолжительнаго сожитія мужчины съ женщиной для воспитанія своихъ дѣтей.

Замѣтное паденіе нравственности, произведенное сочиненіями соціальныхъ философовъ, вызвало реакцію крайнюю и одностороннюю; принялись осуждать не злоупотребленіе свободы, а самую свободу, готовы были видѣть идеалъ семейнаго общества у дикарей, обратить домашній бытъ въ естественное состояніе; но неужели при рѣшительномъ сознаніи несостоятельности семейныхъ отношеній нужно обращаться къ философіи, выведенной изъ быта какихъ нибудь австралійскихъ дикарей?

Однако-жъ, чуть не до этого и доходитъ дѣло. И кто же является партизаномъ такого взгляда? Историкъ Франціи, знаменитый своими учеными трудами, Мишле, и философъ, всѣ силы котораго были направлены до сихъ поръ на разрушеніе настоящаго порядка вещей, не удовлетворяющаго ни требованіямъ разума, ни желаніямъ свобо-

ды, — Прудонъ. Сущность системъ Мишле и Прудона одна и та же; тотъ и другой ограничиваютъ сферу женской дѣятельности исключительно домашнимъ бытомъ. Различіе между ихъ системами состоитъ только въ томъ, что Мишле, назвавъ женщину больной, заговорилъ съ ней отеческимъ тономъ ментора, прикрылъ свои деспотическія начала, введенныя въ семью, пышными фразами петиметра—сентиментальнымъ тономъ; между тѣмъ какъ Прудонъ, болѣе прямой и рѣзкій, высказался голосомъ конскаго заводчика, назвавъ женщину самкой.

„Женщинѣ, говоритъ Прудонъ, прирождена безнравственность; у нея нѣтъ разсудка, она не можетъ воспитать въ себѣ никакихъ обязанностей, долга для нея не существуетъ, а особенно любовь отнимаетъ у нея совершенно разсудокъ. Полюбивъ, она не затруднится увлечь и себя и любимаго человѣка въ какую бы то ни было бездну; женщина живетъ минутой увлеченія, страстью, за которой не видитъ ничего, и потому должна быть исключена, какъ существо неспособное управлять собою, изъ всякаго управленія политическаго, административнаго, ученаго и промышленнаго".

Насколько вѣрности и здраваго смысла въ положеніяхъ Прудона, не трудно рѣшить, потому что онъ вывелъ свои наблюденія надъ женщинами своего времени, характеръ котораго отличался страшною разнузданностью всѣхъ страстей, какъ между мужчинами, такъ и между отраженіемъ общества,—женщинами. Однако-жъ, въ какомъ бы хаосѣ нравственнаго паденія не находилось общество, но, увидя въ системахъ Мишле и Прудона рельефно ничѣмъ не прикрытый свой грязный образъ, оно ужаснулось и съ отвращеніемъ отступилось отъ нихъ. Пусть мы вполнѣ раздѣляемъ высказанное мнѣніе, думало общество, но все же лучше было бы, чтобы не подозрѣвали въ насъ подобныхъ взглядовъ; если ужъ показываться въ публику орангутангами, такъ хоть газомъ себя прикрыть, когда нельзя надѣть черный фракъ, лакированные башмаки и палевыя перчатки.

И такъ, всеобщее негодованіе, вызванное обѣими системами, ясно доказываетъ несостоятельность ихъ, ясно доказываетъ и то, что общество уже пережило эпоху патріархальной грубости, первобытнаго состоянія, къ которому не можетъ возвратиться, и что если произойдутъ какія нибудь реформы въ жизни женщины, такъ онѣ должны выработаться на другихъ основаніяхъ и началахъ.

Противъ Прудона, говорящаго, что женщина живетъ минутой увлеченія, страстью, и дальше ничего не видитъ, мы скажемъ, что весь характеръ исторіи женщины, начиная со временъ патріархальныхъ и кончая нашимъ просвѣщеннымъ вѣкомъ, одинъ и тотъ же: это постоянное и упорное угнетеніе съ одной стороны, со стороны сильнѣйшей, и постоянный, не менѣе упорный, протестъ другой стороны, протестъ, проявлявшійся и въ домашнемъ быту, и въ жизни общественной, протестъ, вынудившій не мало уступокъ у противной

партіи, но все не смолкающій отъ этихъ уступокъ. Намъ не позволяетъ теперь ни время, ни мѣсто прослѣдить сколько нибудь обстоятельно исторію женщины, но мы бросимъ, по крайней мѣрѣ, общій взглядъ на прогрессивное развитіе личности женщины и ея движенія впередъ въ исторіи человѣчества, хотя медленнаго, но все-таки замѣтнаго.

Начнемъ съ Востока. Востокъ—колыбель человѣчества и царство природы. Человѣкъ на востокѣ—сынъ природы; онъ младенцемъ лежитъ на ея груди и старцемъ умираетъ на ея же груди. Здѣсь онъ не находитъ въ себѣ силъ для борьбы съ физической природой, которая совершенно подчиняетъ его себѣ. Востокъ и теперь остался вѣренъ основному закону своей жизни — естественности, близкой къ животности. Любовь на Востокѣ навсегда осталась въ первомъ моментѣ своего проявленія; тамъ она всегда выражала и теперь выражаетъ не болѣе, какъ чувственное, на природѣ основанное, стремленіе одного пола къ другому. Но если бы въ любви людей все ограничивалось только этимъ разсчетомъ, то и люди не были бы выше животныхъ. Однако же Востоку суждено было остаться на первомъ моментѣ любви и въ немъ найти полное осуществленіе этого чувства. Отсюда вытекаетъ и восточное многоженство. Обитатель Востока смотритъ на женщину, какъ на рабыню, но не видитъ въ ней человѣка, потому что, самъ находясь въ полной зависимости отъ физической природы, не могъ выработать для себя никакихъ нравственныхъ понятій, свойственныхъ свободной личности человѣка. Для восточнаго жителя женщина — вещь, предназначенная природой для его наслажденія; а кто же станетъ церемониться съ вещью? Ее запираютъ въ гаремы, зашиваютъ въ мѣшки, бросаютъ въ море. Въ миѳахъ Востока мы не находимъ ни идеала красоты, ни идеала женщины. Всѣ миѳы его по преимуществу выражаютъ одно чувство — сладострастіе, и одну идею — вѣчную производительность природы. Здѣсь не могла заявить себя и женщина никакимъ протестомъ, потому что чувство свободы было чуждо понятіямъ восточнаго человѣка. Разумѣется, и на Востокѣ являлись женщины, становившіяся во главѣ общественной жизни, какъ напримѣръ, Семирамида, славная царица Вавилона, Тамара, побѣдительница Кира, и другія; особенно въ Іудеѣ мы находимъ много женщинъ пророчицъ, предъ которыми склонялись сильные міра; но всѣ эти женщины дѣйствовали не какъ женщины — для пріобрѣтенія себѣ какого нибудь права, а скорѣе какъ проводительницы какой нибудь идеи, полезной для общества — для мужчинъ. Личность женщины тогда уничтожалась, охватывалась идеей, и на вышедшую такимъ образомъ изъ среды женщину смотрѣли, какъ на исключеніе изъ общаго правила.

Но человѣчество въ своей эмиграціи отъ востока къ западу, изъ Азіи въ Европу, постепенно освобождалось отъ гнетущихъ его силъ физической природы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь человѣка пріобрѣ-

тала большую самостоятельность. Наконецъ, въ Греціи—этой первой европейской странѣ, любовь является уже въ высшемъ моментѣ своего развитія. Чувственное стремленіе одухотворено уже здѣсь идеею красоты. Впрочемъ, и любовь грека—ни болѣе, ни менѣе, какъ минута страстнаго упоенія; страсть насытилась и сердце летитъ къ новымъ предметамъ красоты; грекъ обожалъ красоту и всякая прекрасная женщина имѣла право на его обожаніе, а когда женщина лишалась блеска своей красоты, она вмѣстѣ съ тѣмъ теряла и сердце любившаго ее. Личность женщины и здѣсь не была ничѣмъ гарантирована отъ произвола мужчины; она была несовершеннолѣтній ребенокъ предъ закономъ, если, разумѣется, не нужно было судить ее; въ противномъ случаѣ, она подвергалась одинаковой отвѣтственности съ мужчиной, но мы говоримъ относительно ея правъ. Она жила въ вѣчной опекѣ, сперва у отца, потомъ у мужа; предназначена была рождать дѣтей, смотрѣть за порядкомъ дома; чтобъ выйти замужней женщинѣ изъ дому, для этого необходимо было находиться ей въ такихъ лѣтахъ, которыя бы при взглядѣ на нее заставили спросить, чья она мать, а не чья жена; чтобъ говорить въ обществѣ мужчинъ, она должна была выяснить прежде всего важность причины, которая побудила ее на такую дерзость. Знаменитѣйшій лирикъ Греціи, Сафо, говоритъ объ аѳинскихъ замужнихъ женщинахъ: „онѣ не собирали розъ съ музъ и потому объ нихъ ничего не говорятъ, точно такъ же, какъ не станутъ ничего говорить и послѣ смерти ихъ. Изъ мрака своей жизни, онѣ перейдутъ въ ничтожество могилы, подобно тѣнямъ, блуждающимъ во туманѣ ночи и исчезающимъ при восхожденіи зари". Грекъ устроилъ свою жизнь для пользованія всѣми наслажденіями и удобствами жизни. Онъ говорилъ: для рожденія дѣтей—мы имѣемъ женъ, для обыденной жизни — хорошенькихъ невольницъ, а для упоенія жизнью—гетеръ. Съ перваго взгляда кажется, что и здѣсь женщина осталась той же вещью, какъ и на Востокѣ, что съ перенесеніемъ жизни изъ Азіи въ Европу ничто не измѣнилось въ судьбѣ женщины. Да, въ семействѣ она осталась рабой, погибла для исторіи. Но Европа—страна прогрессивнаго развитія; съ развитіемъ личности человѣка не могла не заявить себя и женщина. Рядомъ съ туманными, печальными образами матерей семействъ, мы находимъ въ Греціи касту свободныхъ женщинъ — гетеръ. Во всемъ блескѣ своей красоты и молодости, онѣ собираютъ около себя гражданъ и блестятъ въ средѣ ихъ своимъ умомъ, своими талантами. Онѣ являются вездѣ непокрытыя, гордыя и блистательныя, и на площади, и въ мастерскихъ художниковъ, и на берегахъ моря въ купальняхъ; Аспазія—королева Перикла, Лосѳенія присутствуетъ при урокахъ Платона; Ѳрина дѣлаетъ вызовъ отстроить на свой счетъ Ѳивы, съ условіемъ, чтобы имя ея было вырѣзано на городскихъ воротахъ. Если аѳинскія матери семействъ, осужденныя жить въ одиночествѣ гинекеевъ, презирались даже своими мужьями,

то гетеры заставляли поклоняться себѣ: граждане свободной страны ищутъ ихъ общества, философы дѣлятъ свой досугъ съ ними, поэты воспѣваютъ ихъ, художники передаютъ безсмертію ихъ образы. И такъ, въ Греціи, въ этой первой европейской странѣ, въ лицѣ гетеръ мы находимъ первый протестъ женщины, правда, протестъ безсознательный, жалкій, рабскій; женщина пожертвовала своимъ нравственнымъ достоинствомъ для пріобрѣтенія себѣ нѣкоторыхъ правъ человѣка, утратила свою женственность, чистоту, но все же это былъ протестъ человѣческой личности противъ гнета; женщина вырвалась изъ желѣзныхъ оковъ гинекея, и мы, къ сожалѣнію, не можемъ не признать въ гетерѣ личность гораздо высшую аѳинской матери семейства, потому что послѣдняя была низведена на степень безсловеснаго животнаго.

Пойдемъ дальше. Вслѣдъ за Греціей является представителемъ прогрессивнаго развитія міровой дѣятельности народъ жесткій и воинетвенный, исключительно занятый войной и выработываніемъ гражданскихъ правъ,—римляне, вся соціальная организація которыхъ была основана на войнѣ: у этого народа меча и цѣпей, войны и невольничества, женщина по своему организму не могла имѣть большаго значенія. Поэзія, художества, красота — всѣ эстетическія наслажденія, почти лишены смысла въ глазахъ суроваго римскаго гражданина. При первомъ взглядѣ на общественную жизнь Рима, мы уже встрѣчаемъ здѣсь другія времана, другіе нравы. Свободная женщина „гетера“ превратилась у воинственнаго народа въ позорную „либертину“ и утратила весь свой блескъ, между тѣмъ какъ дочь, жена, мать, пріобрѣли нѣкоторое нравственное значеніе, впрочемъ, столь малое, что оно замѣтно только при сравненіи съ греческой женщиной, которой, какъ мы видѣли, не существовало въ семействѣ. Что̀ бросается намъ въ глаза съ первыхъ же страницъ римской исторіи—это Лукреція, жена гражданина Колатина. Оскорбленіе, нанесенное ей Тарквиніемъ Гордымъ, и вслѣдъ за этимъ ея трагическая смерть, даютъ поводъ къ возмущенію, уничтоженію царской власти и учрежденію республиканскаго образа правленія. Далѣе мы встрѣчаемъ непорочный образъ дѣвушки Виргиніи, кончившей свою жизнь такъ же трагически: ее убиваетъ отецъ, не найдя другихъ средствъ спасти отъ преслѣдованія М. Клавдія, пользовавшагося въ то время сильною властью въ республикѣ. Изъ этого видно, что духъ римлянъ уже другой. Матрона, мать гражданъ, также пользуется уже нѣкоторымъ почетомъ, хотя и совершенно внѣшнимъ. При видѣ ея бѣлой тюники, окаймленной золотомъ и пурпуромъ, народъ разступается, ликторы не смѣютъ коснуться до нее, сами консулы даютъ ей мѣсто. Одинъ оскорбительный взглядъ, брошенный на нее, подвергаетъ дерзкаго наказанію. Да, римская мать семейства имѣетъ уже въ обществѣ нѣкоторое значеніе, которое давало, по крайней мѣрѣ, возможность остаться ей женщиной и не снизойти вмѣстѣ съ этимъ на степень безсловес-

наго животнаго. Все это такъ, но если вникнемъ глубже въ общее положеніе женщинъ, то найдемъ его и здѣсь крайне печальнымъ. Предъ закономъ женщина — тотъ же несовершеннолѣтній ребенокъ, какъ и въ Греціи. Матрона, пользовавшаяся внѣшнимъ почетомъ при появленіи въ общественныхъ собраніяхъ, была угнетаема донельзя въ семьѣ, гдѣ она была лишена даже материнской власти и нерѣдко занималась образованіемъ либертинъ въ угоду своимъ мужьямъ и сыновьямъ. Бросить жену, жениться на другой и на третьей, римлянину не стоило никакого труда: онъ заявлялъ только предъ закономъ, что жена его безпокоитъ—и слѣдовалъ разводъ, чтó считалось простительнымъ, дозволеннымъ для римлянина; за то римлянку по первому обвиненію казнили, наказывали изгнаніемъ и т. д. и все на томъ основаніи, что жена, разъ оступившись, рискуетъ быть матерью. Воинственный народъ, выработывавшій права, совершенно забывалъ то, что преемственность родовъ фамилій идетъ отъ мужчины и что онъ точно такъ же, если не больше, можетъ быть отцемъ, какъ женщина матерью. Однако-жъ, чѣмъ больше стѣсняли свободу женщины, тѣмъ, разумѣется, предоставляли себѣ больше правъ, и вышло то, что нравственность, не смотря на всѣ цѣпи и оковы, приходила въ бóльшій упадокъ. Брошенныя своими мужьями, женщины, не имѣя никакой собственности, недопускаемыя ни къ какому честному труду, лишались всѣхъ средствъ къ жизни: что оставалось дѣлать имъ? не трудно угадать. Нравственныя понятія не вошли въ сознаніе древняго міра. Личность женщины здѣсь болѣе или менѣе уничтожена, ея человѣческое значеніе подавлено; и она, не уставая, протестуетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ. Стоитъ заглянуть только во внутренность римскаго семейства, чтобъ увидѣть этотъ неумолкаемый протестъ. Жена— это злая фурія, прикрывающая свою злобу лицемѣріемъ, обманомъ, вымѣщающая на своихъ невольницахъ несправедливость мужей, судьбы, за малѣйшую неловкость терзающая этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, то втыканіемъ имъ булавокъ въ плечи, то обезображиваніемъ ихъ лицъ. Съ паденіемъ нравовъ римской республики, мы нерѣдко встрѣчаемъ надменныхъ матронъ, переодѣтыхъ по ночамъ въ платья либертинъ, выходящихъ тайно изъ дому и предающихся чудовищнымъ сатурналіямъ: обманъ, ложь, хитрость, зависть другъ къ другу,—всѣ эти родовые пороки женщинъ, вызванные ихъ положеніемъ и идущіе съ незапамятныхъ временъ, достигли страшнаго развитія въ Римѣ. Римскіе писатели, касаясь нравовъ женщины, представляютъ намъ ее существомъ злымъ, лукавымъ, обманчивымъ, способнымъ на всякое зло и лишеннымъ почти совершенно инстинкта справедливости и чести; поэты расточаютъ своимъ любезнымъ, которыя, впрочемъ, принадлежатъ большею частію къ кастамъ либертинъ, расточаютъ предметамъ своей любви такія оскорбленія, что самая потерянная женщина нашего времени покраснѣла бы отъ нихъ. Римляне не затруднялись оскорблять свои собственныя чувства, потому что женщина

входила въ ихъ общество не иначе, какъ въ званіи либертины. Съ другими женщинами имъ нечего было дѣлать. Разнузданность, доходящая до цинизма, оскверняла перо лучшихъ писателей тамъ, гдѣ они обращались къ женщинѣ. При такомъ воззрѣніи общества на женщину, нисколько не удивительно появленіе такихъ личностей въ исторіи, какъ Фульвія, Агриппина и Мессалина. Мы не можемъ отвергнуть показаніе исторіи; но скажемъ только то, что, чѣмъ больше подавлена личность человѣка внѣшними условіями, тѣмъ она ниже стоитъ на ступеняхъ нравственнаго развитія, тѣмъ по естественному закону жизни долженъ быть темнѣе и извилистѣе путь ея. Впрочемъ, какъ ни низко стоитъ римская женщина, однако-жъ возможность появленія въ исторіи такихъ личностей, какъ, напримѣръ, почтенная мать Гракховъ—Корнелія, честолюбіе которой состояло въ томъ, чтобъ сдѣлать изъ своихъ сыновей первыхъ гражданъ Рима и заслужить названіе матери Гракховъ, чего она достигла своими стараніями, ибо послѣ смерти ей была воздвигнута римлянами статуя съ словами: „Матери Гракховъ"; или появленіе такихъ личностей, какъ Октавія, добродѣтельная и строгая жена развратнаго Марка-Антонія,—даютъ намъ право отдать преимущество римской женщинѣ предъ греческой. Въ Греціи—она гетера и больше ничего, такъ что, при разрушеніи греческаго общества, женщина почти совершенно исчезаетъ съ лица исторической жизни, между тѣмъ какъ въ Римѣ она, при тѣхъ же обстоятельствахъ, нѣсколько разъ становится во главѣ общества. Правда, въ это время римская женщина передала намъ свое имя большею частью мрачнымъ и опозореннымъ, но духъ времени былъ таковъ. Всѣ начала древняго міра были выжиты, вѣрованія истощились; потерявши всякую моральную опору, народъ, ничѣмъ неудерживаемый, отдался своимъ страстямъ и началъ разрушать общество. Никто не женился, не выходилъ замужъ, семейство уничтожалось, вмѣсто законныхъ дѣтей имѣли вольноотпущенниковъ, которыхъ не считали за дѣтей, нерѣдко рѣзали ихъ и по ихъ внутренностямъ гадали о своей судьбѣ. Жестокость, развратъ и суевѣріе,—вотъ что управляло умами. Наконецъ, самое развращеніе женщинъ обратилось въ законное дѣло, продажа дѣтей также; яростное, бѣшеное воображеніе ухищрялось, умирая, на выдумки мрачныхъ чудесъ; древній міръ падалъ съ Римомъ и то была страшная оргія, безъ различія половъ, родства, человѣчности, которою онъ праздновалъ свою смерть и похороны. Да, древній міръ разрушался...

Но вотъ двѣнадцать галилейскихъ рыбаковъ, бѣдныхъ и неизвѣстныхъ, выходятъ изъ Іудеи и идутъ съ словами любви, примиренія, въ грѣшный падающій міръ, бросаютъ въ него догматъ равенства и всеобщаго братства. „Мы всѣ дѣти одного Бога, говорятъ они, сотворены всѣ отъ одного человѣка, и да возлюбимъ другъ друга". Это—благая вѣсть, обѣщанная міру и такъ долго поджидаемая имъ. Вѣра, любовь, свобода,—эти добродѣтели, едва предчувствуемыя древ-

нимъ міромъ, явились человѣку для обновленія его чувствъ, сердца и разума. Вслѣдъ за откровеніемъ нахлынули на Европу и новые народы съ новыми понятіями и съ чистымъ сердцемъ, чуждымъ пороковъ древняго міра и готовымъ къ принятію божественнаго ученія: Сынъ темнаго назаретскаго ремесленника, призвавшій къ иной жизни общество, призвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и женщину. Она находится въ средѣ его учениковъ; встрѣтивши ее у колодца, онъ открываетъ ей свою божественность и дѣлаетъ проводительницей своего ученія. Онъ говоритъ: „кто безгрѣшенъ изъ васъ, тотъ пусть броситъ первый камень въ грѣшницу". Онъ же увѣщевалъ Марфу покинуть обыденныя заботы о хозяйствѣ и слушать его ученіе; наконецъ, жены встрѣтили его первыя по воскресеніи; жизнь его назначалась равно какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ; его страданія, смерть крестная и воскресеніе изъ мертвыхъ, искупили и обновили весь родъ человѣческій.

И въ первыхъ христіанскихъ обществахъ мы видимъ всѣхъ членовъ церкви равными: господинъ, невольникъ, римлянинъ, варваръ, мужъ, жена, отецъ, дитя — всѣ любятъ другъ друга и дѣлятъ свои достатки и недостатки вмѣстѣ. Всѣ безъ исключенія ведутъ жизнь трудовую, непорочную, чистую; идею христіанства проводятъ въ грѣшный міръ мужчины и женщины, тѣ и другія съ одинаковымъ безстрашіемъ и одинаковымъ геройствомъ умираютъ на крестахъ, или, сожигаемые на кострахъ, сгораютъ и иллюминуютъ своими зажженными тѣлами сады римскихъ императоровъ. Въ первыя времена христіанства, женщина, бывши членомъ небольшихъ обществъ, преслѣдуемыхъ, угнетаемыхъ и въ то же время ревностныхъ предводителей божественнаго ученія,—женщина, почитаемая здѣсь равною, имѣла въ это время возможность заявить себя, какъ христіанка, какъ мученица и какъ героиня.

Но Римская имперія мало-по-малу падала, на развалинахъ ея выростали новыя общества, христіанская религія сдѣлалась господствующею, организовались новыя государства изъ пришедшихъ народовъ, и равенство между христіанами въ массѣ, по естественному закону государственной жизни, должно было исчезнуть точно такъ же, какъ горячая вѣра въ Христа, потому только, что масса безсознательно приняла новую религію. Но то, что разъ брошено въ жизнь, даетъ свои плоды, и христіанство, освободивъ нравственно женщину, отразилось на ея жизни въ средніе вѣка, не смотря на господствовавшіе тогда произволъ, грубость нравовъ и насиліе: вмѣсто расточаемыхъ ей оскорбленій, какъ это было въ древнемъ мірѣ, средніе вѣка обоготворили ее, но возвели въ такой идеалъ и на такую высоту, что этотъ идеалъ, увы! никакъ не могъ приложиться къ жизни грубыхъ феодаловъ. Понятія среднихъ вѣковъ шли въ разладъ съ дѣйствительностію, и потому въ жизни женщины мы встрѣчаемъ странную двойственность: идеальность и дѣйствительность, духъ и матерію.

Любовь къ женщинѣ была воздухомъ, которымъ люди жили въ то время. Женщина была царицею романтическаго міра: проѣхать десятки верстъ, чтобъ только увидѣть промелькнувшую въ окнѣ тѣнь „дамы сердца“, рыцарю казалось высочайшимъ блаженствомъ. Онъ смотрѣлъ на свою даму, какъ на существо высшее; чувственное влеченіе къ ней онъ почелъ бы профанаціею, грѣхомъ; онъ призывалъ ея имя въ битвахъ, онъ умиралъ съ ея именемъ на устахъ. Къ сожалѣнію, это страстно-духовное, это трепетно-благоговѣйное обожаніе избранной „дамы сердца“, ни сколько не мѣшало жениться ему на другой, или быть въ самой грѣховной связи съ десятками другихъ женщинъ, — не мѣшало самому грубому циническому разврату. То идеалъ, а то дѣйствительность,—ихъ нельзя было мѣшать въ средніе вѣка другъ съ другомъ. Бракъ всегда бывалъ гробомъ счастія для женщины. Бѣдная дѣвушка, сдѣлавшись женой, промѣнивала свою корону и свой скипетръ на оковы, изъ царицы становилась рабой, и въ своемъ мужѣ, дотолѣ преданнѣйшемъ рабѣ ея прихотей, находила деспотическаго властелина и грознаго судію. Безусловная покорность его грубой и дикой волѣ дѣлалась ея долгомъ, безропотное рабство—ея добродѣтелью, а терпѣніе — единственной опорой въ ея жизни: пьяный и бѣшеный, онъ мстилъ ей за дурное расположеніе духа, онъ могъ бить ее, равно какъ и свою собаку, въ досадѣ на дурную погоду. При малѣйшемъ подозрѣніи въ невѣрности, онъ могъ ее удавить, зарѣзать и увы! такія исторіи не были исключительными событіями въ средніе вѣка. Кто же является здѣсь защитникомъ угнетаемой женщины? вѣдь древній міръ съ своимъ правомъ меча и цѣпей кончился. Слабость, страданіе, бѣдность имѣли, наконецъ, Бога во Христѣ. Да, и католическая церковь, возвысившись надъ грубымъ феодальнымъ міромъ, во имя Христа, умершаго на крестѣ, приняла женщину подъ свое покровительство. Буллы папъ слѣдуютъ однѣ за другими въ защиту брака, онѣ останавливаютъ произволъ царей, сокрушаютъ право сильнаго. Одна изъ французскихъ королевъ, привезенная изъ дальнихъ странъ во Францію и знавшая изъ всего французскаго языка только одно слово „Римъ“, увидѣвъ, что мужъ хочетъ бросить ее послѣ перваго дня брака, въ отчаяніи вскричала: Римъ! Римъ! Эти слова беззащитной откликнулись въ священномъ городѣ и король съ раскаяніемъ проситъ прощенія у папы и оставляетъ жену у себя. Своимъ моральнымъ духовнымъ вліяніемъ католическая церковь совершила великое дѣло, принесла огромную услугу міру. Идея крестовыхъ походовъ, также возникшая въ умѣ папъ, отразилась нравственнымъ вліяніемъ на народахъ и на жизни женщины. Рыцари, отправлявшіеся въ Палестину освобождать гробъ Господень, отражать нашествіе Азіи на Европу, магометанства на христіанство, оставляли управленіе своими имѣніями и вассалами женщинѣ, которая чрезъ это получила законную возможность имѣть свою собственность; за недостаткомъ мужскихъ наслѣдниковъ, она

могла наслѣдовать послѣ отца, управляла самостоятельно своими имѣніями, землями, клялась въ вѣрности своему ленному владыкѣ, точно такъ же получала отъ своихъ вассаловъ присягу въ вѣрности, засѣдала въ трибуналахъ. Значеніе ея такъ возвысилось, что Элеонора Аквитанская потребовала даже развода съ мужемъ, была уважена, вышла за другаго; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ несчастнаго супружества, она отправилась въ свои имѣнія и вела долгую и упорную борьбу съ своимъ вторымъ мужемъ, Генрихомъ Плантагенетомъ. Изъ этого видно, что борьба женщины находила себѣ партизановъ. Кромѣ того, какъ только жизнь женщины получила бо̀льшую сферу дѣятельности, она начинаетъ входить въ науки, въ искусства и въ государственную жизнь. Исторія среднихъ вѣковъ передала намъ множество женскихъ именъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Разумѣется, между женщинами не было ни Дантовъ, ни Рафаелей,— исторія человѣчества не обязана имъ никакимъ полезнымъ открытіемъ; но до сихъ поръ вѣдь и женщина, подобно юному народу, ищетъ пока гарантіи своей личности, пріобрѣтенія какихъ-нибудь правъ. И то великая заслуга со стороны женщины, что идея равенства между мужчиной и женщиной прикладывается уже въ настоящее время къ жизни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земнаго шара, какъ, напримѣръ, въ Америкѣ. Эта же идея равенства, понятая ложно, проводится также и во Франціи. Въ настоящее время мы переживаемъ эпоху всеобщей эмансипаціи и вопросъ объ эмансипаціи женщинъ занимаетъ болѣе или менѣе всѣ передовые умы нашего времени. Почва среднихъ вѣковъ, изъ которыхъ развивалась жизнь женщины до настоящаго времени, отжила свои начала. Это доказывается тѣмъ, что общества дошли до сознанія необходимости радикальныхъ перемѣнъ въ женскомъ воспитаніи, образованіи и родѣ жизни. Но въ чемъ должна состоять эмансипація женщины? На это отвѣчала намъ Франція нѣсколько разъ и, увы! весьма неудачно. Французскіе софисты, не имѣющіе элементарныхъ понятій о законахъ, которыми управляются общества, провозгласили свободу чувства и первый шагъ къ эмансипаціи женщинъ сдѣлали тотъ, что уравняли ее съ собой въ нравственномъ растлѣніи: что я позволяю себѣ, то позволяю и женщинѣ,—вотъ пункты равенства. Софисты, говорящіе такимъ образомъ, разумѣется, не женятся до извѣстнаго времени, перелетаютъ, подобно мотылькамъ, отъ одной женщины къ другой; ничѣмъ не связанные, они съ спокойнымъ сердцемъ и чистою совѣстью подрываютъ общественную нравственность. Наконецъ, переживши лучшее время своей жизни въ обществѣ камелій и актрисъ, французъ начинаетъ утомляться, приходитъ къ тому заключенію, что бросаетъ въ сторону всѣ идеи объ эмансипаціи, женится на восемнадцати или шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, и послѣ женитьбы софиста характеръ его измѣняется. Тщеславный до крайности, глубоко сознавая свою нравственную несостоятельность, распустившій себя

въ обществѣ камелій, лишенный мужественной твердости, онъ трепещетъ предъ общественнымъ мнѣніемъ, страшится за роль смѣшнаго мужа. И выходитъ то, что онъ подчиняетъ неустановившагося ребенка своимъ развращеннымъ вкусамъ, лишаетъ его всякой довѣренности, всякой самостоятельности, всѣхъ правъ въ семьѣ. Она уже подчиненное существо предъ нимъ, а не существо свободное, одаренное разумомъ и волей. Онъ ревнуетъ ее, между тѣмъ какъ она не смѣетъ выразить предъ нимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ авторитетѣ его развращенной особы. Онъ думаетъ и за себя и за нее, онъ знаетъ, чего нужно для нее и чего не нужно. Стало быть, личность женщины снова уничтожается во французскомъ семействѣ и гармонія жизни нарушена. Свобода человѣческой личности ищетъ себѣ исхода изъ-подъ этой деспотической власти, и француженка, вышедшая замужъ незнающимъ и невиннымъ ребенкомъ, скоро научается лгать, обманывать и, наконецъ, извращается до того подъ вліяніемъ своего мужа, что приводитъ въ негодованіе такихъ мыслителей, какъ Прудонъ, и извращаетъ на себя взглядъ такихъ людей, какъ Мишле. Изъ этого видно, что идея равенства неудачно приложилась къ жизни французовъ, видно, что не все то годится для женщины, что пригодно для мужчины; по закону жизни, сильный всегда возьметъ перевѣсъ надъ слабымъ, если только у того не достанетъ нравственной твердости и энергіи для отпора его силы. Французъ сказалъ: „что я позволилъ себѣ, то долженъ позволить и женщинѣ"; островитянинъ по другую сторону Ламанша ту же идею взялъ наоборотъ: „чего я требую отъ женщины, того же она имѣетъ право требовать отъ меня", и по мѣрѣ того, какъ нравственность падаетъ на континентѣ, въ Англіи святость семейства защищается всѣми писателями, общественное мнѣніе порицаетъ какъ жену, такъ и мужа, нарушившихъ свои обязанности. Дѣвушка въ Англіи свободна, она пользуется всѣми удовольствіями, предоставленными ей ея поломъ и положеніемъ; личность ея, какъ женщины, гарантирована нравственнымъ развитіемъ общества, она не побоится ѣхать съ мужчиной, съ молодымъ человѣкомъ, хоть за двадцать верстъ, не побоится остаться съ нимъ tête à tête въ какое бы то ни было время и гдѣ бы то ни было; она остается въ полной увѣренности, что не услышитъ отъ него ни одного оскорбительнаго намека, ни одной цинической выходки, ни двусмысленности пошлой, такъ свойственной французу. Сердце англичанина справедливо, нравственно и твердо; стоитъ только прослѣдить за той и за другой литературой послѣднихъ лѣтъ, чтобъ увидѣть неизмѣримое различіе жизни обоихъ народовъ, чтобъ увидѣть, сколько таится подъ разными мѣстными предразсудками и внѣшними угловатостями нравственнаго, здороваго, созидающаго въ англійскомъ обществѣ, и наоборотъ—сколько сгнившаго, разрушающаго, циническаго, въ разгулѣ страстей французскаго народа. На измѣнѣ женщины, на разрушеніи святости семьи держится француз-

скій романъ; между тѣмъ какъ англійскіе писатели, если и приводятъ подобные случаи, то какъ ненормальное явленіе въ жизни. Вслѣдъ за измѣной женщины, идетъ разводъ и англичанинъ, увлекшій ее на этотъ путь, женится на ней. Такую жизнь, по крайней мѣрѣ, рисуютъ намъ Диккенсъ и Теккерей, писатели по преимуществу реалисты. Тотъ же Теккерей представляетъ намъ дѣвушку изъ высшаго сословія, которая показываетъ своему жениху письмо, гдѣ описывалась его прежняя жизнь въ обществѣ француженокъ, и они расходятся. Дѣвушка въ Англіи поздно выходитъ замужъ, поэтому ей остается время для пріобрѣтенія человѣческихъ знаній. Лучшіе романисты въ Англіи въ настоящее время — дѣвушки. Англійская женщина заявила себя въ обществѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ французская; дорога, выбранная англичанкой, безукоризненна; она явилась не разрушительницей общества, а созидательницей. И хотя права ея, права гражданскія, болѣе стѣснены, чѣмъ во всякой другой странѣ, но она пользуется такимъ уваженіемъ и нравственнымъ вліяніемъ въ обществѣ, что—мы готовы предположить—она пріобрѣтетъ себѣ права раньше, чѣмъ женщина какого либо континента. Тоже явленіе мы замѣчаемъ и у одноплеменниковъ англичанъ — сѣверо-американцевъ. Женщина тамъ пользуется еще большей свободой, чѣмъ въ Англіи. Въ сложности, дѣвушка получаетъ тамъ большее образованіе, чѣмъ мужчина, разумѣется, если послѣдній не готовится къ какой нибудь спеціальности; входъ въ женскіе пансіоны не запрещенъ никому; безтолковая влюбчивость, происходящая большею частію отъ отчужденія женщины, исчезаетъ сама собой; дѣвушка здѣсь образуется и для преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Одна американка читала физіологію въ Оксфордскомъ университетѣ. Въ послѣднее время изъ писемъ Циммермана и Леомиля видно, что разводъ въ Америкѣ допущенъ, но только съ тѣмъ, чтобъ матеріальное обезпеченіе женщины было упрочено мужемъ. Американка выросла до того, что оскорбляется при малѣйшемъ подозрѣніи мужа; въ семьѣ она полная госпожа на томъ основаніи, что у нея одна жизнь, семейная, между тѣмъ какъ у мужчины есть другая, общественная. За оскорбленіе, нанесенное американкѣ измѣной мужа, мститъ народъ, если только это дойдетъ до его слуха. Тотъ же Леомиль пишетъ, что въ послѣднее время общество, состоявшее изъ тысячи женщинъ, устроило митингъ, на которомъ положено было требовать отъ мужчины, чтобъ онъ далъ права женщинѣ такія, которыя позволяли бы ей находиться въ совершенно независимомъ положеніи отъ него и управляться самой собой. Насколько было зрѣлости и обдуманности въ этомъ требованіи, мы не рѣшаемся судить, не смотря на то, что многіе мужчины увлеклись этимъ дѣломъ и приняли въ немъ участіе. Мы привели этотъ фактъ только для того, чтобъ указать на движеніе женщинъ, которое идетъ то прямо, то спотыкаясь, но все впередъ. Впрочемъ, никто не можетъ угадать конца этого движенія.

Изъ борьбы мнѣній, изъ борьбы жизни, выходитъ дѣло; въ какой формѣ оно выйдетъ, какія права дадутъ женщинѣ, въ чемъ должна состоять ея свобода и какое моральное значеніе займетъ она въ жизни, — все это должно показать намъ время. Теперь мы знаемъ только одно, что на нравственномъ паденіи женщины не можетъ быть произведена эмансипація. Надо научиться обществу прежде всего любить женщину, какъ человѣка, желать ей прежде всего добра,—на этой общечеловѣческой любви основанъ и прогрессъ народной жизни. Кто не любитъ женщину, какъ человѣка, сказалъ одинъ геніальный германскій мыслитель, тотъ не любитъ и людей.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о русскомъ обществѣ. Матерей семейства нѣтъ, воспитательницъ гражданъ также,— вотъ фразы, которыя повторяются всѣми отъ мала до велика. Мы встрѣчаемъ эти пустыя, по своей сущности, слова и въ статьяхъ критическихъ, даже историческихъ, не говоря уже о романахъ, повѣстяхъ и фельетонныхъ замѣткахъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое воспитательница гражданъ, мать семейства? Какъ будто она пользуется у насъ какимъ нибудь авторитетомъ въ семействѣ, какъ будто она, выходя замужъ, не дѣлается беззащитной, не вручаетъ свою судьбу на произволъ мужчины и дурной мужъ не всегда можетъ лишить женщину средствъ быть хорошей женой и матерью. Дѣйствительно, у насъ женщина не имѣетъ почти никакого соціальнаго значенія, не имѣетъ также значенія ни какъ жена, ни какъ мать, потому что до сихъ поръ мужчина полный властелинъ ея, и если только жена захочетъ поставить себя въ семьѣ на ногу жены, какъ англичанка, т. е. будетъ принимать у себя кого ей угодно, лишаться удовольствія видѣть тѣхъ личностей, которыхъ она не желаетъ, позволитъ себѣ воздерживать мужа отъ распущенности, т. е. вступится за свои права, какъ жена, — тогда можно навѣрное предположить, что изъ десяти девять осудятъ ее. Однимъ словомъ, на фразы — нѣтъ матерей семействъ, слѣдуетъ прямой отвѣтъ — есть ли у насъ личность отца семейства? Разумѣется, вездѣ есть исключенія, въ каждомъ уголкѣ, какъ бы онъ ни былъ малъ, найдутся хорошіе мужья и жены, отцы и матери, но мы говоримъ о господствующемъ мнѣніи, о типичныхъ личностяхъ, которыя бы составлялись по большинству и выражались въ литературѣ, этомъ зеркалѣ народной жизни. Впрочемъ, русскіе— еще юный народъ, поздніе гости на пиру европейской жизни. Только съ реформы Петра Великаго женщина освободилась изъ неволи терема. Вслѣдъ за этимъ, она явилась на престолѣ, пріобрѣла собственность, отдѣльную отъ мужа; въ концѣ восемнадцатаго вѣка мы уже встрѣчаемъ прекрасный энергическій образъ княгини Дашковой. Къ несчастію, она явилась личностью до того исключительною, выдалась такъ рѣзко, какъ политическій дѣятель, что не дала никакого движенія русской женщинѣ. Но если мы спустимся къ личностямъ менѣе блистательнымъ, войдемъ въ сферу литературы, въ един-

ственную сферу, доступную дѣятельности женщинъ, то найдемъ и протестъ противъ гнета и прогрессивное развитіе женщины. Если наша писательница берется за перо и не совершенно лишена человѣческихъ инстинктовъ, то можно ручаться, что она, по мѣрѣ своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, явится предъ обществомъ адвокатомъ всѣхъ женщинъ. Нравственно развитая женщина нашего времени страдаетъ за всякую несправедливость, нанесенную другой женщинѣ. Чувство зависти, тщеславія, кокетства, рабское желаніе понравиться мужчинѣ въ ущербъ своимъ сестрамъ, должно быть чуждо ей. Она глубоко сознаетъ, что прежде всего она человѣкъ-женщина, представительница того пола, несправедливость и гнетъ надъ которымъ идутъ съ незапамятныхъ временъ. Всякое добро, которое дѣлаетъ женщина для своей сестры, дѣлаетъ для самой себя. Общечеловѣческая любовь, завѣщанная намъ Спасителемъ, должна идти впереди всѣхъ порочныхъ страстей и другихъ наклонностей, которыя суть самые дурные проводники въ жизни. Точно такъ-же, какъ и развитой человѣкъ—мужчина нашего времени, принявши на себя разъ обязанности въ отношеніи къ женщинѣ, остается вѣренъ имъ во всю жизнь. Личность развитая любитъ только одинъ разъ въ жизни, хотя и много разъ увлекается, но каждое свое увлеченіе не называетъ чувствомъ и не требуетъ для него свободы; разъ полюбивши и женившись, онъ удовлетворяется и воздерживается отъ увлеченій, которыя наносятъ вредъ семейству и часто разрушаютъ все счастіе женщины. Въ нашей литературѣ не явилось пока такихъ личностей мужскихъ, — въ этомъ отношеніи женщина ушла впередъ. Въ послѣднее время мы встрѣтили двухъ передовыхъ женщинъ въ романахъ Гончарова и Тургенева—Ольгу и Елену. Впрочемъ, Елена Стахова только предвѣстница будущей русской женщины, что̀ и выразилъ Тургеневъ своимъ заглавіемъ романа „Наканунѣ". Всѣ шаги этой дѣвушки порывисты, не ровны и не тверды; при первой любви она отдается безъ всякой борьбы своему чувству, громко признается, что страсть ея единственный законъ съ той минуты, какъ она полюбила Инсарова; она жаждетъ дѣятельности, добра, но ничего не дѣлаетъ для женщины. Не таковой является Ольга: полюбивъ человѣка, она требуетъ отъ него полезной дѣятельности и говоритъ съ негодованіемъ, что не способна, какъ женщина, приносить свою личность въ жертву любви. Въ послѣдствіи, увидѣвъ свою ошибку въ любви къ Обломову, она со слезами, но разстается съ нимъ. Свою личность, какъ человѣка и женщины, она поставила выше страсти и увлеченій. Тамъ выразились наши передовыя женщины; но что мы скажемъ о массѣ, что скажемъ, заглянувъ въ темную низменную жизнь нашей сестры-крестьянки, на какой степени развитія стоитъ она, какими правами пользуется въ жизни, чѣмъ она заявила себя? Нѣкоторые утверждаютъ, что въ народѣ болѣе равенства между мужемъ и женой, болѣе равенства въ ихъ жизни. Дѣйствительно, въ

народѣ ее не удаляютъ отъ труда тяжелаго, физическаго, не боятся за ея слабость. Если она не платитъ податей, то все же трудится почти наравнѣ съ мужчиной. Не смотря на все это равенство, въ народѣ образовались пословицы: „предъ мужемъ жена всегда виновата“; „худое житье дѣвичье лучше самаго хорошаго замужья“; или спустимся еще на низшую ступень: „чѣмъ больше мужъ бьетъ жену, тѣмъ больше любитъ“. Въ какомъ глубокомъ нравственномъ паденіи надо находиться личности, чтобъ усвоить себѣ подобное понятіе? Признаемся, мы не можемъ даже вообразить себѣ въ человѣческомъ образѣ личность, выражающуюся такимъ образомъ, и только при воспоминаніи о томъ, что это говоритъ не человѣкъ, а женщина крестьянка, намъ становится понятною послѣдняя пословица. Жена крестьянина или безсмысленное, отупѣвшее отъ побоевъ и разныхъ житейскихъ невзгодъ существо, или злая ворчливая баба, постоянно раздраженная Богъ знаетъ чѣмъ; она учитъ своихъ дѣтей съ малолѣтства произволу и насилію, она подучаетъ и сыновей женатыхъ колотить невѣстокъ, приговаривая: когда мы были молоды, насъ еще не такъ учили. Жизнь, исполненная безвозмезднаго труда и неволи, жизнь, лишенная всѣхъ человѣческихъ радостей и счастія, выработала такую личность. Но лучше, для характеристики жизни нашей женщины крестьянки, приведемъ слова Некрасова:

. . . .
Да не то тебѣ пало на долю,
За неряху пойдешь мужика;
Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ,
А свекровь въ три погибели гнуть.
Отъ работы и черной и трудной
Отцвѣтешь, не успѣвши разцвѣсть;
Погрузишься ты въ сонъ непробудный,
Будешь няньчить, работать и ѣсть.
И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни, появится вдругъ
Выраженье тупаго терпѣнья
И безсмысленный вѣчный испугъ.
И зароютъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь —
Безполезно угаслую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Страшная судьба, горькая дѣйствительность! Гдѣ искать исцѣленія всѣмъ этимъ язвамъ? Гдѣ, какъ не въ нравственномъ развитіи общества? Мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что прогрессивное движеніе въ своемъ жизненномъ теченіи не останавливается. И въ нравственномъ развитіи общества, развитіи, основанномъ на христіанской религіи, которая уже разъ навсегда показала намъ между простымъ народомъ женщину, пользующуюся одинаковыми правами съ мужчиной, — въ

этомъ развитіи заключаются пока всѣ надежды женщины на пріобрѣтеніе себѣ справедливости и свободы.

Воспитаніе, образованіе — вотъ первые двигатели всякихъ реформъ въ общественной жизни. Участіе, которое принимаетъ общество въ открытіи учебныхъ заведеній для образованія дѣтей женскаго пола, достаточно показываетъ, что, заботясь о развитіи женщины, общество заботится о своихъ собственныхъ интересахъ и сознало уже, что только отъ обезпеченія правъ и развитія личности каждаго зависитъ благосостояніе общее. И вѣроятно каждая развитая женщина пожелаетъ отъ глубины души успѣха начатому дѣлу и, если найдетъ возможность, то приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ, касающемся столько же ея самой, сколько и младшихъ ея сестеръ.

Е. Камская.

ПРОТИВОЦЕРКОВНЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

НЕБОГАТАЯ выдающимися историческими событіями, скудная обработывающею промышленностію, лишенная благоустроенныхъ городовъ и селъ, бѣдная и малопросвѣщенная, Тамбовская губернія тѣмъ не менѣе издавна, еще со второй половины XVII столѣтія, обращала на себя у насъ общее вниманіе развитіемъ въ массѣ ея народонаселенія своеобразнаго и наивнаго религіознаго раціонализма, именно—развитіемъ раскола и въ особенности сектъ. Очевидно, тамбовскіе обыватели, забитые крѣпостнымъ правомъ и иными тяготами и недоумѣніями былой провинціальной жизни, гражданской и церковной, не лишены были критическаго анализа окружавшихъ ихъ фактовъ жизни и неудовлетворенная мысль ихъ тщетно искала выхода изъ массы многочисленныхъ житейскихъ противорѣчій. Люди непросвѣтной глуши, не забытые только тѣми, кто нуждался въ ихъ скудныхъ достояніяхъ, они естественно искали отраду для своей горемычной жизни въ религіи и находили ее по своему... Самые бѣдные тамбовскіе крестьяне, мѣщане и однодворцы, переходили иногда въ извѣстную подходящую къ ихъ міросозерцанію секту изъ матеріальныхъ выгодъ, такъ какъ сектанты всегда были зажиточнѣе большинства православныхъ и щедро помогали бѣднымъ своимъ единовѣрцамъ, изъ среды которыхъ, поэтому, на распутія городовъ и селъ нашихъ никогда не выходили тѣ толпы нищихъ, осаждающихъ паперти городскихъ церквей и грызущихъ деревенскія окна, которыя составляютъ язву православнаго народонаселенія. Крестьяне, болѣе чуткіе къ отвлеченнымъ вопросамъ вѣры и нравственности, могли увлекаться въ сектанствѣ тѣмъ, что почти всѣ его сторонники—люди воздержные, трезвые, тихіе, другъ другу всячески и отъ души помогающіе...

Впрочемъ, въ тамбовскомъ краѣ не одни крестьяне и имъ подобные простые люди увлекались расколомъ и ересями. Въ концѣ XVII столѣтія, во главѣ тамбовскаго противоцерковнаго движенія стояли первые тамбовскіе епископы, Леонтій и Игнатій,—фанатики старообрядства и послѣдователи извѣстнаго Талицкаго [1]; а въ началѣ XVIII столѣтія, въ средѣ тамбовскаго духовенства возможны были и такія явленія, какъ напримѣръ, публичный, среди базарной площади, протестъ извѣстнаго Самуила Выморкова противъ Петра I, какъ антихриста...

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы не имѣемъ въ виду выражать извѣстныхъ вѣрованій и стремленій тамбовскаго сектантства. Все это въ общихъ чертахъ обнародовано и ученой литературой и беллетристикой. Мы намѣрены остановить вниманіе читателей „Историческаго Вѣстника" на нѣкоторыхъ выдающихся фактахъ сектантской жизни, а также указать и на главныя внѣшнія причины ея развитія и распространенія.

I.

О степени распространенности въ Тамбовской губерніи раскола и сектъ, конечно, судить слишкомъ трудно, такъ какъ оффиціальныя статистическія данныя на этотъ предметъ слишкомъ подозрительны, а иныхъ положительныхъ данныхъ нѣтъ. Въ консисторскомъ отчетѣ за 1865 годъ показаны, напримѣръ, слѣдующія цифры: „всѣхъ раскольниковъ и сектантовъ въ тамбовской епархіи, молоканъ, воскресниковъ и субботниковъ, скопцовъ, хлыстовъ и старообрядцевъ—9322 человѣка; большинство сектантовъ живетъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ (2962 человѣка), въ Моршанскомъ (1475 человѣкъ), въ Кирсановскомъ (847 человѣкъ) и въ Борисоглѣбскомъ (705 человѣкъ). Старообрядцы же преимущественно обитаютъ въ Спасскомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ 1,719 человѣкъ. Два уѣзда тамбовской епархіи, Липецкій и Усманскій, совершенно свободны отъ раскола и ересей" [2].

Въ отчетѣ за 1873 годъ тамбовская консисторія показала почти тѣ же цифры о раскольникахъ и сектантахъ: „всѣхъ противниковъ церкви въ тамбовской епархіи 9491 человѣкъ, изъ коихъ большин-

---

[1]) Епископъ Леонтій былъ на тамбовской каѳедрѣ съ 1682 г. по 1684 годъ. Епископъ Игнатій—съ 1698 по 1699 годъ. Съ этого времени и до 1758 года тамбовская епархія своего епископа не имѣла и управлялась преимущественно московскою синодальною конторою.

[2]) Обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующее обстоятельство. Въ указанномъ нами консисторскомъ отчетѣ въ одной графѣ поставленъ вопросъ о средствахъ раскола и сектъ. Отвѣтъ полученъ слѣдующій: „водка и деньги". Другой консисторскій вопросъ—вліяніе раскольниковъ и сектантовъ на общественную жизнь. Рѣшеніе его такое: „не повинуются гражданской и церковной власти и имя апокалипсическаго звѣря приписываютъ государямъ и архіереямъ".

ство въ Тамбовскомъ уѣздѣ (3579 человѣкъ), Спасскомъ (1827 человѣкъ), Моршанскомъ (1090 человѣкъ), Борисоглѣбскомъ (786 человѣкъ) и Кирсановскомъ (459 человѣкъ)". Самыми значительными центрами развитія тамбовскихъ противоцерковныхъ движеній во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія, по консисторскимъ отчетамъ, были слѣдующіе города и села: Тамбовъ, Шацкъ, Спасскъ, Моршанскъ, Борисоглѣбскъ, Разсказово, Грибоѣдово, Рыбное, Липечи, Грязнуша, Пановы Кусты, Пахатный Уголъ, Митрополье, Новогоритово, Трескино, Вяжли, Нащекино, Чуево, Новоспасское, Шаморга, Текино и Васильевщина.

Замѣчательно, что въ консисторскомъ отчетѣ за 1865 годъ скопцовъ въ тамбовской епархіи показано только 15 человѣкъ: одинъ въ Козловскомъ уѣздѣ и 14—въ Моршанскомъ; а хлыстовъ не показано вовсе. Почти то же самое и въ отчетѣ за 1873 годъ: „скопцовъ 10 человѣкъ, 5 человѣкъ въ Моршанскѣ и столько же въ селѣ Нижней Ярославкѣ". Хлыстовъ, по прежнему, нѣтъ ни одного...

Считаемъ также нужнымъ замѣтить, что консисторская статистика, выражавшая развитіе сектантства въ тамбовской епархіи, за всѣ годы съ начала XIX столѣтія показывала почти одну и ту же цифру: приблизительно 9000 человѣкъ.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ раскольниковъ и сектантовъ въ тамбовскомъ краѣ за этотъ періодъ времени было гораздо болѣе. Еще въ 1830 году маіоръ Владиміровъ писалъ всеподданнѣйшее письмо императору Николаю I, въ которомъ съ увѣренностью доносилъ, что въ тамбовской епархіи сектантовъ оффиціально значится 9000, а ихъ только въ 3-хъ уѣздахъ:—Тамбовскомъ, Моршанскомъ и Шацкомъ—болѣе 70000. Припоминается намъ по этому поводу и наша бесѣда съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ молоканъ города Тамбова—С., который говорилъ, что онъ отписной молоканъ и всѣ его знаютъ съ этой стороны, а то много у нихъ и соблюдающихъ наружно православные обряды, ради мірской чести и всякихъ выгодъ, и это, по молоканскому ученію, не грѣхъ [1]).

Широкое развитіе сектантства въ тамбовской епархіи свидѣтельствуетъ, что тамбовское народонаселеніе всегда отличалось чуткостью къ религіознымъ вопросамъ, хотя понимало ихъ весьма узко и одно-сторонне. По этому-то многіе тамбовскіе крестьяне и крестьянки постригались въ монастыряхъ, или же почти всю жизнь странствовали изъ одной обители въ другую, напримѣръ, изъ Кіевской лавры—въ Соловки и изъ Троицы-Сергія—въ Почаевъ. Въ особенности аскетическая жизнь практиковалась тамбовскими крестьянками, не малое

---

[1]) Въ ноябрской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1880 годъ (страница 15) приведена цитата изъ сочиненія Варадинова, свидѣтельствующая о томъ, будто въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія, въ Тамбовской епархіи однихъ молоканъ было 200,000 человѣкъ. Цифра эта во всякомъ случаѣ всѣмъ тамбовскимъ жителямъ, знакомымъ съ сектантскимъ вопросомъ, представляется слишкомъ преувеличенною.

число которыхъ составляло всегда особый классъ свободныхъ монахинь или черничекъ, далеко не всегда вѣрныхъ ихъ полумонашескимъ обѣтамъ. Но очень часто, какъ мы сказали уже, религіозные помыслы и дѣйствія тамбовскаго народонаселенія шли по совершенно ложному пути, и усиленно распространялись тогда въ предѣлахъ тамбовскаго края разныя ереси и лжеумствованія, какъ протестъ противъ разныхъ несовершенствъ государственной, общественной и церковной жизни, и какъ выраженіе народнаго наивно-критическаго раціонализма.

Особенную антипатію между многочисленными тамбовскими ересями возбуждаетъ, конечно, скопчество. Удивительно, какъ скоро и съ какимъ легкомысліемъ многіе тамбовскіе крестьяне рѣшались на оскопленіе [1]).

25 декабря 1830 года, крестьянинъ села Русскаго, Моршанскаго уѣзда, Семенъ Куликовъ пообѣдалъ вмѣстѣ съ семьею и вышелъ погулять. Черезъ нѣсколько времени, окровавленный и согнувшійся, онъ вернулся домой и при входѣ упалъ.

— Что это съ тобою, Семенъ?—спросила его сноха Афросинья.

— Лошадь разбила меня и ушибла обѣ колѣнки.

Стали слѣдить за Куликовымъ и оказалось, что онъ оскопился.

Впослѣдствіи, на судѣ, Куликовъ, показывалъ: „Секту я содержу скопческую, но въ чемъ оная заключается, не знаю. Думаю только, что мяснаго мнѣ ѣсть нельзя. На праздникъ Рождества Христова мы обѣдали и вдругъ мнѣ пришла мысль, которую я узналъ отъ старыхъ людей, что мясную пищу употреблять—противъ Бога есть великій грѣхъ, и я сталъ ѣсть только куриныя яйца и кашу съ коровьимъ масломъ. И другая мысль пришла мнѣ: человѣкъ я бѣдный и жениться мнѣ по бѣдности нельзя; такъ лучше, чѣмъ разжигаться, глядя на женскій полъ, и грѣшить—отрѣжу я сѣменныя ядра“.

Послѣ этихъ размышленій, Куликовъ пошелъ въ клѣть, перевязалъ дѣтородныя части лычкомъ и простымъ ножомъ сразу отрѣзалъ ихъ. Не смотря на жгучую боль и сильное кровоизліяніе, Куликовъ имѣлъ на столько присутствія духа, что тщательно вытеръ снѣгомъ ножъ и пошелъ въ избу, но у такъ называемаго **коника**, обезсиленный, упалъ на полъ. Въ это время и стала разспрашивать его сноха Афросинья [2]).

Въ томъ же 1830 году, изъ Владикавказа вернулся на родину, въ село Уварово, Борисоглѣбскаго уѣзда, отставной солдатъ Никулинъ. Одна нога у него была отнята, слѣдовательно, къ сельскимъ работамъ онъ былъ мало способенъ. Никулинъ сдѣлался сельскимъ учи-

---

[1]) Скопчество, какъ это извѣстно, между прочимъ, изъ сочиненія доктора Пеликана („Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества“), явилось въ Тамбовской губерніи въ 70 гг. прошлаго столѣтія. Распространителемъ этой секты въ Тамбовскомъ и Моршанскомъ уѣздахъ былъ самъ Кондратій Селивановъ, а ревностнѣйшими его учениками были: крестьянинъ Ретивой, купцы Поповы и дьяконъ Семенъ Алексѣевъ.

[2]) Архивъ тамбовскаго окружнаго суда, № 335.

телемъ. Разъ онъ задумался, сидя въ своей бѣдной и темной хатѣ. Тутъ пришли ему на умъ извѣстныя евангельскія слова: „Скопцы сами себя исказиша царствія ради небеснаго"—и онъ, не долго думая, оскопился бритвою. При этомъ Никулинъ утолялъ свою боль тою мыслію, что безъ умерщвленія плоти нельзя получить царствія Божія.

„Скоро раны мои, говорилъ онъ потомъ судьямъ, зажили, и стали приходить ко мнѣ всякіе люди и я читалъ съ ними священное писаніе и пѣлъ псалмы и молитвы. Въ 1831 году, за недѣлю до Рождества Христова, пришли ко мнѣ три дѣвки, и пріѣзжій изъ другаго села, товарищъ мой—Сильвестръ оскопилъ ихъ, а къ порѣзаннымъ мѣстамъ приложилъ пластырь изъ воску и конопляного масла [1])".

Нѣкоторые тамбовскіе крестьяне, до поступленія въ скопческую секту, отличались чрезвычайною набожностью и готовы были идти въ православные монахи. Таковъ былъ крестьянинъ села Крюкова, Моршанскаго уѣзда, Артемъ Брюнинъ.

„Возымѣлъ я отвращеніе къ мясной пищѣ, говорилъ онъ, сталъ ѣсть только постное и намѣревался вступить въ какой либо монастырь для всегдашняго тамъ моленія, но отецъ съ матерью въ монахи меня не пустили".

Томимый постояннымъ желаніемъ душевнаго спасенія и крайне нервный, Брюнинъ однажды пошелъ къ отцу на гумно. Въ это время встрѣтилъ его какой-то странникъ, по видимому—монахъ, и упросилъ проводить его на большую дорогу. Брюнинъ пошелъ съ незнакомцемъ и сталъ, между прочимъ, жаловаться ему на свое горе. „Всей душой, говорилъ онъ, хочу я въ монастырь, да отецъ не пускаетъ".

Странникъ остановился.

— Если ты хочешь спасать себя, съ важностью возвысилъ онъ голосъ, то оскопись, умертви грѣшную плоть, и это для души твоей будетъ очень хорошо.

Брюнинъ сразу согласился на оскопленіе. Тогда мнимый монахъ повелъ его къ одоньямъ, совершилъ надъ нимъ малую скопческую операцію и не медленно пошелъ своей дорогою. Между тѣмъ, новый скопецъ истекалъ кровью и лежалъ на гумнѣ безъ памяти. Утромъ кое-какъ дотащился онъ до дому, разсказалъ обо всемъ отцу и матери, а тѣ въ тотъ же день препроводили его въ моршанскій земскій судъ. Это было въ іюнѣ 1837 года.

Странникъ, оскопившій Брюнина, не даромъ торопился уйти изъ села Крюкова. Тамъ онъ успѣлъ оскопить еще 18 человѣкъ, кого въ открытомъ полѣ, кого на гумнѣ, кого на большой дорогѣ... Въ числѣ оскопленныхъ имъ были и дѣти — мальчики и дѣвочки, напримѣръ, Дмитрій Никитинъ и Евдокимъ Митрофановъ, Анна Барсукова и Анна Брюнина. Всѣ эти несчастныя дѣти въ то время едва достигли пятнадцатилѣтняго возроста [2]).

---

[1]) Архивъ тамбовскаго окружнаго суда, № 337.

[2]) Протоколъ уголовной палаты отъ 28 іюня 1837 года. Случаи оскопленія дѣтей

Изъ тамбовскихъ консисторскихъ документовъ видно, что въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, указанное нами село Крюково было главнымъ разсадникомъ тамбовскаго скопчества. Въ 1837 году, въ этомъ селѣ найдены были у крестьянина Аристархова самыя уважаемыя скопческія рукописи, написанныя разными скопческими наставниками, напримѣръ—моршанскимъ купцомъ Егоромъ Платицынымъ. Въ рукописяхъ заключались преимущественно аллегорическія молитвы, представлявшія скопцовъ пчелами, а ихъ радѣнія — пчелинымъ жужжаніемъ.

Обращаясь затѣмъ къ духоборцамъ и молоканамъ, наиболѣе распространеннымъ въ Тамбовскомъ, Моршанскомъ, Борисоглѣбскомъ и Кирсановскомъ уѣздахъ, мы по мѣстнымъ архивнымъ источникамъ не могли не замѣтить, что эти сектанты, въ особенности духоборцы и молокане-субботники, по всей вѣроятности, вынужденные правительственными репрессаліями, обнаруживали нерѣдко крайнюю злобу къ православію и въ особенности къ духовенству [1]).

Это болѣе всего замѣтно по консисторскимъ документамъ за 30-е годы настоящаго столѣтія, когда, по инициативѣ епископа Арсенія, впослѣдствіи кіевскаго митрополита, тамбовскіе сектанты подвергались суровымъ и систематическимъ преслѣдованіямъ. Слѣдующіе факты достаточно показываютъ степень молоканско-духоборческаго озлобленія противъ служителей господствующей церкви и противъ православія.

На Пасху 1837 года, священникъ села Падовъ Алексѣй Ястребовъ вышелъ къ народу изъ алтаря христосоваться и въ это время духоборецъ Трофимъ Иконниковъ, неизвѣстно зачѣмъ попавшій въ церковь, довольно громко произнесъ слѣдующія слова: „вотъ, съ попомъ не цѣловались объ масляной, такъ надобно подойти къ нему теперь да дернуть за бороду и сказать: вотъ тебѣ, батюшка, яйцо; да и еще бы подшелъ, да кулаками вотъ какъ надавалъ бы ему яицъ“ [2]).

въ Тамбовской губерніи были не рѣдки. Въ 1838 году, въ моршанской пригородной слободѣ неизвѣстный странникъ въ видѣ монаха рѣшился оскопить даже двѣнадцатилѣтняго мальчика, Василія Бурдукина.

[1]) Молоканство явилось въ Тамбовской губерніи въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Распространителемъ его былъ извѣстный Семенъ Уклеинъ, который въ короткое время собралъ такую толпу послѣдователей, что осмѣлился торжественно, окруженный 70 учениками, вступить въ г. Тамбовъ („Всемірный Трудъ“, 1867 г., февр. книжка).

Духоборчество явилось въ Тамбовскомъ краѣ нѣсколькими годами ранѣе молоканства, и главнымъ проповѣдникомъ его былъ извѣстный крестьянинъ села Горѣлаго Побирохинъ.

Субботники же, по всей вѣроятности, появились у насъ еще раньше молоканъ и духоборцевъ, такъ какъ вообще они ведутъ свое начало со времени извѣстнаго Схаріи, между тѣмъ какъ молокане и духоборцы—только со временъ Тверитинова...

[2]) „Архивъ духовной консисторіи“, № 102.

Между молоканами села Бокина, Тамбовскаго уѣзда, въ указанное нами время выдѣлялся нѣкто Швецовъ, человѣкъ грамотный, начитанный и даже членъ Библейскаго общества. Между тѣмъ и онъ, во время вѣнчанія одной свадьбы, вошелъ въ церковь въ шапкѣ и на замѣчаніе священника о крайнемъ неприличіи такого поступка, сталъ бранить православную вѣру и духовенство [1]).

Съ особенною рѣзкостью молоканская вражда къ духовнымъ лицамъ выражалась во время самыхъ большихъ праздниковъ, когда сельскіе причты имѣли неосторожность заходить съ образами и въ молоканскіе дома. Напримѣръ, причтъ села Пахатнаго Угла, Тамбовскаго уѣзда, пришелъ однажды съ молебномъ къ молокану Илясову. Хозяинъ въ это время лежалъ на лавкѣ и притворялся спящимъ. Тогда священникъ Александръ Крыловъ сталъ будить его, но Илясовъ, быстро вскочивъ, толкнулъ священника въ грудь и изорвалъ на немъ эпитрахиль; потомъ бросилъ въ него нѣсколькими мѣдными монетами и приказывалъ поскорѣй уходить прочь и не мозолить глазъ [2]).

Въ 1835 году, въ село Бокино вернулся изъ Сибири ссыльный молоканъ Өедоръ Савельевъ. Въ то время было ему уже 80 лѣтъ. Въ молодости онъ былъ отданъ въ солдаты, но убѣжалъ изъ полка и скитался гдѣ попало 40 лѣтъ, затѣмъ пришелъ въ родное село и еще засталъ въ живыхъ жену-старушку. Скоро она умерла, и Савельевъ, не допустивъ къ ней священника, зарылъ трупъ ея въ огородѣ, по молоканскому обряду. За это-то его и сослали въ Сибирь [3]).

Въ 1836 году, молоканство сильно распространилось въ селѣ Вяжли, Кирсановскаго уѣзда. Главнымъ распространителемъ секты былъ крестьянинъ Панковъ. Причтъ далъ знать объ немъ кирсановскому земскому суду, который арестовалъ Панкова, и арестованный вотъ что говорилъ на судѣ: „я у своихъ попъ, и на поповство поставилъ меня самъ Богъ, а всѣ православные — скопище нечестивыхъ и антихристы, церкви же ихъ—конюшни".

Иные молокане сами стремились къ религіознымъ диспутамъ и съ этою цѣлью вторгались въ дома православныхъ священниковъ. Такъ, 27-го ноября 1815 года, шацкій мѣщанинъ Петровъ пришелъ къ священнику села Шаморги Семенову и, между прочимъ, затѣялъ съ нимъ слѣдующую бесѣду: „Христово распятіе не можетъ себя спасти; положи его на полку—и оно встать не можетъ, а когда встанетъ, то я буду въ него вѣровать; да и самый крестъ, который я на себѣ имѣлъ, по бытности моей въ лѣсу для рубки дровъ, нечаяннымъ образомъ зацѣпился за дерево и оторвался, и съ того времени

---

[1]) Архивъ духовной консисторіи, № 102.

[2]) Ibid., № 77.

[3]) Ibid.

онаго на себѣ не имѣю; а нынѣ вѣрую я въ Моисея, котораго вѣра ежели не справедлива, то онъ отвѣтитъ за насъ самъ" [1]).

Молоканъ Пивоваровъ пришелъ однажды къ священнику села Росляй и сталъ говорить ему: „вѣдь я тебѣ сказывалъ, чтобы ты не ходилъ въ мой домъ, а ты знай—шляешься да около меня убиваешся, да ничего: тебѣ меня не прельстить" [2]).

Самая сильная молоканская пропаганда въ Тамбовскомъ краѣ была въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Во главѣ ея стояли крестьяне: Кубышинъ, Булгаковъ, Семилѣтовъ, Гольцевъ, Ильинъ и Швецовъ. Весьма значительное участіе въ этой пропагандѣ принимали также и женщины, напримѣръ, крестьянка села Падовъ, Тамбовскаго уѣзда, Марья Алексѣева. Прежде всего она совратила въ молоканскую секту всю свою семью, при чемъ главнымъ ея аргументомъ было то, что въ молоканствѣ ея семейные ни въ чемъ не будутъ нуждаться; а затѣмъ стала при всякомъ удобномъ случаѣ говорить на міру: „православные — не христіане, потому они ѣдятъ свинину, а свинья — собачья жена". Приходскій священникъ сталъ было уговаривать Марью Алексѣеву и даже нерѣдко приходилъ къ ней съ этою цѣлью въ избу, но она твердо стояла на своемъ. „Крещеніе и причащеніе, говорила она, состоитъ въ ученіи, и оправдится всякъ своими дѣлами; и ты, попъ, напрасно разговариваешь со мной, ты думай по своему, а мы—по своему".

Въ 1837 году, совратились въ молоканство крестьянки села Аннина, Моршанскаго уѣзда,—Ксенія Федотова, Евдокія Данилова и Васса Александрова. Ихъ вызвали въ Тамбовъ, къ епископу Арсенію; но на всѣ его увѣщанія онѣ упорно отмалчивались. Когда же вернулись домой, то публично стали говорить: „всѣ православные попы шелыганы, и мы уйдемъ отъ нихъ въ Персію".

Въ томъ же году возникло дѣло о молоканкѣ села Падовъ Акулинѣ Федотовой, которая родила семерыхъ дѣтей и ни одного изъ нихъ не позволила крестить, не смотря на увѣщанія священника Олерскаго и собственнаго мужа. „Я—духовная христіанка" отвѣчала она на судѣ, и затѣмъ не говорила уже судьямъ ни слова [3]).

Нѣкоторыя молоканки, напримѣръ, черничка села Бокина, Тамбовскаго уѣзда, Баранова, занимались обученіемъ дѣтей грамотѣ и пользовались этимъ средствомъ для совращенія дѣтей въ молоканство. Насколько значительны были успѣхи молоканскихъ проповѣдниковъ и проповѣдницъ, видно изъ того, что въ 1837 году въ одномъ селѣ Грязнушѣ они обратили въ свою вѣру 224 человѣка. А крестьянинъ села Бокина Антонъ Сазоновъ, во время самыхъ энергическихъ слѣдствій по молоканскимъ дѣламъ, самъ пришелъ къ слѣдо-

[1]) Архивъ тамб. дух. конс., № 1036.
[2]) Ibid., № 275.
[3]) Ibid.

вателямъ и объявилъ имъ свое рѣшительное желаніе перейти въ молоканскую секту.

Главные молоканскіе ересеначальники, не смотря на то, что были простыми и едва грамотными крестьянами, пользовались у своихъ единовѣрцевъ громаднымъ и неизмѣннымъ значеніемъ даже и въ томъ случаѣ, если ихъ ссылали въ самыя отдаленныя мѣста имперіи.

Одинъ тамбовскій молоканъ-наставникъ, по фамиліи Журавцевъ, сосланъ былъ въ Томскъ еще въ царствованіе императора Павла. Между тѣмъ, его хорошо помнили въ Тамбовѣ даже въ 1824 году, и въ декабрѣ этого года полиція перехватила слѣдующее письмо молокана Токарева, адресованное на имя томскаго мѣщанина Петра Михайловича Журавцева.

„Благодѣтелю Преображенія Господня Петру Михайловичу добраго здравія, счастливыхъ поведеній, благословенія Божія, мира Христова и святыни. Кланяемся до стопъ ногъ вашихъ и заочно цѣлуемъ богохвалящія уста. А у насъ учрежденъ великій разбой, чтобы мира и святыни не имѣти со всѣми или цѣлованія святаго не имѣти со всѣми и оттого происходитъ у насъ вражда не малая. И просимъ васъ писаніемъ своимъ подать намъ руку помощи".

Въ консисторскихъ отчетахъ за два вышеуказанные года (1865—1873) о хлыстахъ, какъ мы сказали уже, ничего не говорится, какъ будто ихъ совсѣмъ не было въ тамбовской епархіи. Между тѣмъ, въ дѣлахъ тамбовской консисторіи намъ случайно попалось не мало оффиціальныхъ указаній на хлыстовщину въ селахъ: Разсказовѣ, Россляхъ, Верхоценьѣ, Коптевѣ, Калугинѣ, Ржаксѣ, Перевозѣ и Уваровѣ [1]).

Всѣ эти села въ 30 и 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія, были главными пунктами развитія хлыстовскаго ученія, но и кромѣ ихъ были и есть другія тамбовскія села, въ которыхъ тайно совершались и совершаются извѣстныя радѣнія. Въ донесеніяхъ приходскихъ священниковъ тамбовскимъ епархіальнымъ архіереямъ о хлыстахъ, встрѣчались намъ самыя краткія ихъ характеристики. Вотъ что, напримѣръ, писалъ епископу Арсенію одинъ священникъ: „хлысты не ѣдятъ мяса, рыбы, птицъ, луку, чесноку, картофеля; не пьютъ водки и чая и сахара не употребляютъ. Постятся временно по 7 дней сряду, и видимо принимаютъ всѣ таинства и обряды. Въ секту поступаютъ неженатые, или же разошедшіеся. Въ собраніяхъ пляшутъ, бьютъ себя по бедрамъ, другъ другу кланяются и цѣлуются, затѣмъ тушатъ огни и предаются свальному грѣху. Выраженіе: не женатый—не женись, а женатый—разженись, можетъ служить девизомъ секты. Впрочемъ, они тихи, скромны и къ духовенству ласковы, подобно скопцамъ, и въ

[1]) Первыя извѣстія о хлыстовщинѣ въ Тамбовской губерніи относятся къ 1761 году. Въ это время началось первое дѣло о тамбовскихъ хлыстахъ, по доносу священника Петра Семенова.

церковь часто ходятъ. Однимъ словомъ, они—сущіе волки въ овечьей шкурѣ“ [1]).

Въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія, въ селѣ Перевозѣ, Кирсановскаго уѣзда, жилъ главный и самый вліятельный хлыстовскій наставникъ, крестьянинъ. Перфилъ Катасановъ, который называлъ себя христомъ и живымъ іерусалимомъ. Его окружали во время хлыстовскихъ радѣній т. н. богородица, крестьянка Ксенія Копылова, и избранные имъ пророки, въ число которыхъ попалъ и приходскій дьячекъ Иванъ Органовъ. По словамъ тамбовскаго епископа Ѳеодосія, Катасановъ давалъ своимъ послѣдователямъ духовныхъ женъ за великія деньги и, такимъ образомъ, вводилъ въ крестьянскую среду т. н. свальный грѣхъ [2]).

Рѣже всего въ тамбовскихъ оффиціальныхъ документахъ встрѣчаются указанія на старообрядцевъ поповщинскаго толка (безпоповцевъ въ Тамбовской губерніи почти вовсе не было и нѣтъ). Тихо проживали они въ Спасскомъ уѣздѣ, имѣли свои часовни въ уѣздномъ городѣ и нѣкоторыхъ селахъ, напримѣръ, въ Мордовскихъ Полянахъ, въ Булдыгинѣ, въ Кириловѣ, Вышѣ и Леплейкѣ. Заманивали къ себѣ иногда бѣглыхъ священниковъ и чрезъ это навлекали на себя гнѣвъ духовной и свѣтской администраціи... Пыталась эта администрація обратить ихъ въ единовѣріе, но только въ 70-хъ годахъ настоящаго столѣтія добилась того, что теперь въ Спасскомъ уѣздѣ есть одна единовѣрческая церковь (въ селѣ Покасахъ) и при ней священникъ-начетчикъ.

Въ тамбовскихъ архивахъ мы встрѣтились только съ однимъ случаемъ рѣзкаго проявленія раскольничьей пропаганды.

Въ первый день Пасхи 1815 года, въ елатомскую Вознесенскую церковь пришелъ мѣщанинъ Дмитрій Ивановъ Макашинъ, взошелъ на амвонъ и обратился къ народу съ слѣдующими словами: „Послушайте, православные! Богъ повелѣлъ всѣмъ людямъ, духовнымъ и мірскимъ, креститься сложеніемъ трехъ перстовъ великаго съ малыми“. Весь народъ молча слушалъ неожиданнаго проповѣдника, который высоко надъ головою держалъ руку съ изображеніемъ раскольническаго креста. „Но многіе изъ васъ, продолжалъ Макашинъ, христіанской заповѣди не повинуются, и я за ваши прегрѣшенія уже 4 года мучусь душею“.

Послѣ этого, Макашинъ сталъ на обычное мѣсто свое и въ Вознесенской церкви началась пасхальная заутреня [3])...

Изрѣдка искренне и по убѣжденію принимали сторону старообрядства и сами приходскіе священники, что видно изъ слѣдующаго факта.

---

[1]) Архивъ духовной консисторіи, № 478.
[2]) Ibid., № 588.
[3]) Ibid., № 402-й.

Въ январѣ 1820 года, изъ села Несвицкаго, Кирсановскаго уѣзда, бѣжалъ въ иргизскій старообрядческій Нижне-Воскресенскій монастырь священникъ Павелъ Петровъ, бросивъ жену и дѣтей. Бѣглецъ явился къ старообрядческому настоятелю Никанору, призналъ старую вѣру единою апостольскою и, послѣ четырехнедѣльнаго искуса, сталъ служить въ монастырѣ по старопечатнымъ книгамъ. Разумѣется, бѣжавшаго священника стали розыскивать и, наконецъ, арестовали и хотѣли доставить въ Тамбовъ, но онъ слезно началъ упрашивать вольскую земскую полицію не лишать его тихой и святой обители.

Священникъ Павелъ Петровъ былъ уже пожилой человѣкъ и пользовался въ Кирсановскомъ уѣздѣ репутаціею скромнаго, воздержнаго и благочестиваго пастыря [1]).

Между тамбовскими обывателями были и такіе, которые, не принадлежа ни къ какой извѣстной сектѣ, тѣмъ не менѣе выражали ненависть или пренебреженіе къ обрядамъ господствующей церкви. Это были самостоятельные отрицатели православія, которые отличались отъ Побирохина, Уклеина, Дворецкаго и имъ подобныхъ, только отсутствіемъ извѣстной талантливости и, вслѣдствіе этого, стояли одиноко и не имѣли послѣдователей.

Во главѣ такихъ отрицателей православія, болѣе или менѣе ожесточенныхъ противъ господствующей церкви, мы ставимъ однодворца села Ольховки, Борисоглѣбскаго уѣзда, Антона Хоперскаго.

5-го августа 1803 года, этотъ изувѣръ вошелъ въ алтарь приходской церкви и учинилъ тамъ, по словамъ священника Бѣльскаго, немалое поругательство. Именно, онъ опрокинулъ ковчегъ со святыми дарами, изломалъ дароносицу и запрестольный крестъ, изорвалъ евангеліе и листы изъ него разбросалъ по полу, паникадило оторвалъ и тоже бросилъ на полъ, взломалъ свѣчной ящикъ и измялъ тамъ церковныя свѣчи. Послѣ того Хоперскій надѣлъ стихарь, взялъ хоругвь и сталъ съ пѣснями бѣгать кругомъ церкви [2]).

Подобный же случай былъ въ 1846 году. 28-го апрѣля этого года, въ пригородной Шацкой слободѣ благовѣстили къ утрени. Въ это время въ пустую еще церковь вошелъ крестьянинъ Усковъ, растворилъ царскія двери и очутился въ алтарѣ. Подобно Хоперскому, онъ сбросилъ съ престола ковчегъ, а святые дары разсыпалъ по полу. Потомъ сталъ бѣгать по церкви, выхватывать изъ подсвѣчниковъ лампады и свѣчи и топтать ихъ ногами. Между тѣмъ, въ церковь

---

[1]) Архивъ тамб. дух. консисторіи, № 148-й.

Усиленное распространеніе раскола въ Спасскомъ уѣздѣ началось во время отечественной войны, когда многіе московскіе старообрядцы, спасаясь отъ французовъ, навсегда переселились въ г. Спасскъ. Самымъ вліятельнымъ старообрядцемъ изъ этихъ переселенцевъ былъ купецъ Дворецкій. Его-то и надо считать главнымъ распространителемъ спасскаго раскола.

[2]) Архивъ тамб. губ. правл., № 2732-й.

пришелъ дьячекъ Петръ Федоровъ и сталъ ловить Ускова, но тотъ долго не давался ему въ руки и, наконецъ, въ большомъ азартѣ вбѣжалъ въ придѣльный алтарь. Тутъ его и схватилъ дьячекъ.

— Что ты дѣлаешь?.. спросилъ онъ.

— Я раззоряю гнѣзда нечестивыхъ. Ваши священники—отступники отъ вѣры и лживые пророки, а ваши иконы—идолы.

Ускова арестовали и потомъ начали судить. На судѣ рѣчи его были уже скромнѣе. „Я, говорилъ онъ судьямъ, былъ въ изступленіи разсудка отъ восторга и ничего теперь не буду ѣсть, кромѣ хлѣба и воды; а нынѣ сомнѣнія ни въ чемъ не имѣю".

Когда по поводу этого дѣла стали производить повальный обыскъ, то оказалось, что Усковъ часто заходилъ къ старообрядцамъ, пѣвалъ тамъ ирмосы и стихиры и читалъ книгу „Камень вѣры", но ничего въ ней, какъ показывалъ самъ подсудимый, понять не могъ.

Позднее раскаяніе не смягчило участи Ускова. Онъ получилъ 100 ударовъ кнутомъ и затѣмъ былъ отправленъ въ безсрочную каторгу [1]).

Иногда, впрочемъ, противоцерковные религіозные порывы среди тамбовскихъ крестьянъ принимали болѣе мирный характеръ.

26-го іюля 1826 года, крестьянинъ села Матчерки, Моршанскаго уѣзда, Сергѣй Пименовъ пришелъ въ церковь, надѣлъ на голову вѣнчальный вѣнецъ и сталъ въ царскихъ дверяхъ на молитву. Когда потомъ стали разспрашивать его о причинахъ его страннаго поведенія, Пименовъ отвѣчалъ такъ: „Старичекъ въ лаптяхъ встрѣтилъ меня въ полѣ и привелъ въ церковь, а что было дальше—не помню" [2]). Очевидно, Пименовъ не былъ какимъ нибудь сектантомъ. Онъ только по своему искалъ религіознаго утѣшенія...

А вотъ фактъ самаго страннаго отчужденія отъ православія и вообще христіанства.

1-го октября 1842 года, священникъ села Коптева, Тамбовскаго уѣзда, Спиридонъ Кидаровъ пришелъ въ домъ больнаго крестьянина Семенова со святыми дарами. Тогда больной при свидѣтеляхъ сказалъ священнику: „Я—колдунъ, отступникъ отъ Бога и отъ церкви, отъ отца и матери и, отъ всѣхъ христіанъ; чрезъ торжество злыхъ духовъ я причинялъ вредъ людямъ". Тоже самое Семеновъ сказалъ и въ другой разъ, въ церкви и при всемъ народѣ [3]).

И такъ, тамбовское крестьянство отличалось своеобразнымъ исканіемъ истинной вѣры и правды и вслѣдствіе этого, по своей умственно-нравственной отсталости и косности, уходило въ расколъ и секты.

---

[1]) Арх. тамб. окр. суда, № 553-й.
[2]) Ibid., № 340-й.
[3]) Арх. дух. конс., № 421-й.
Впослѣдствіи крестьянинъ Семеновъ просилъ у епархіальнаго начальства прощенія и присоединенія къ церкви. Просьба его была исполнена.

Причинъ такого ненормальнаго религіознаго явленія было слишкомъ много, и церковныхъ, и соціальныхъ, и экономическихъ [1]).

На этой разнообразной почвѣ свободно практиковали свои умственныя силы безхитростные тамбовскіе обыватели, самостоятельно по своимъ силамъ изслѣдовали они священное писаніе и жизнь и приходили къ соотвѣтственнымъ ихъ пониманію теоретическимъ и практическимъ результатамъ... Въ данномъ случаѣ, говоря о причинахъ противоцерковныхъ движеній въ Тамбовской губерніи, мы укажемъ сперва на то обстоятельство, что въ былыя времена не рѣдко сами наши священно-церновно-служители своимъ поведеніемъ утверждали противоцерковниковъ въ ихъ заблужденіяхъ.

II.

Мы приведемъ только нѣсколько фактовъ изъ житейской практики приходскаго духовенства и при этомъ будемъ стараться, по весьма понятному чувству уваженія къ священному сану, избѣгать указаній на самые возмутительные въ нравственномъ отношеніи поступки отжившихъ тамбовскихъ священно-церковно-служителей.

Въ мартѣ 1817 года, крестьяне села Богородицкаго, Лебедянскаго уѣзда, отправили къ тамбовскому епископу Іонѣ своего ходока Прохора Тихонова съ жалобою на священника Яковлева. „Увеличивая часъ отъ часу злость свою", жаловались богородиціе крестьяне, „нашъ приходскій священникъ почти всѣхъ нашего села обывателей отъ храма Божія отогналъ, а потому наши грѣшныя души, не слушая Евангельскаго ученія, не принося въ содѣянныхъ грѣхахъ покаянія и лишаясь св. таинъ сообщенія, погибаютъ. Взыщи, владыко, нашу погибель отъ руки нашего пастыря!"

Вслѣдствіе этого прошенія, назначено было слѣдствіе надъ священникомъ Яковлевымъ и оказалось, что онъ былъ уже подъ судомъ 15 разъ. Судили его за притѣсненіе крестьянъ излишними поборами и побоями, за непристойныя ругательства, за пьянство и озорничество въ церкви [2]).

Въ томъ же году, въ селѣ Рамзѣ, Кирсановскаго уѣзда, въ день Преполовенія, священникъ Лаврентій Дмитріевъ служилъ обѣдню. Въ это время вошелъ въ алтарь въ нетрезвомъ видѣ второй священникъ того же прихода Миронъ Ивановъ. Постоявъ немного, отецъ Миронъ за что-то сталъ бить своего маленькаго сына. Товарищъ ука-

[1]) Между прочимъ, расколъ и ереси въ Тамбовской губерніи находили для себя хорошую почву въ сельскихъ школахъ. Въ 1793 г., въ огромномъ селѣ Елатомскаго уѣзда Сосовѣ единственными распространительницами грамоты были только слѣдующія раскольницы: Дарья Прокофьева, Марья и Матрена Хорины.

[2]) Архивъ тамбовской консисторіи, № 122. Священникъ Яковлевъ былъ лишенъ права священнослуженія.

залъ ему на неприличіе такого поведенія. Тогда разгнѣванный сельскій пастырь, ни сколько не смущаясь многолюдствомъ въ церкви, ринулся на священника Дмитріева и изорвалъ на немъ ризы... Произошла возмутительная сцена. Священникъ Лаврентій выбѣжалъ изъ алтаря съ крикомъ: караулъ! За нимъ озартно бѣжалъ священникъ Миронъ. Служба Божія пріостановилась [1])...

Около того же времени, однажды ночью, часа въ два, лебедянскій соборный протоіерей Аристархъ Козлинъ внезапно разбуженъ былъ звономъ, раздавшимся съ колокольни приходской Покровской церкви. Скоро послѣ того къ нему вбѣжали покровскій дьяконъ Автономъ Ивановъ, да пономарь той же церкви Афанасій Николаевъ, и вотъ что разсказали протоіерею: „покровскій священникъ Василій Іосифовъ сейчасъ вѣнчалъ одну свадьбу, а насъ не позвалъ; когда же мы сами пришли въ церковь, то сынъ поповъ, соборный пономарь И. Васильевъ, сталъ бить насъ и за одно съ отцемъ своимъ вытолкалъ насъ изъ церкви. Тутъ поднялся въ церкви великій шумъ и кто-то ударилъ въ набатъ".

Результатомъ этого церковнаго безчинства было циркулярное предписаніе тамбовскаго епископа Іоны всему епархіальному духовенству о невѣнчаніи браковъ вечеромъ и ночью [2]).

Даже высокопоставленныя духовныя особы иногда вели себя крайне соблазнительно для прихожанъ. Такъ напримѣръ, 17 декабря 1820 г., въ одномъ домѣ въ Темниковѣ были два протоіерея—Добронравовъ и Ивановъ. О чемъ-то заспорили они и послѣдній началъ бранить перваго самою отборною руганью, рвать за волосы и бить по головѣ. Гости, бывшіе въ томъ же домѣ, удержали расходившагося протоіерея отъ дальнѣйшаго дебоширства. Тогда онъ разжалобился, сѣлъ къ избитому имъ протоіерею на колѣна и сталъ цѣловать его [3])...

Взаимныя ссоры тамбовскихъ духовныхъ лицъ часто практиковались ими по поводу споровъ о первенствѣ. Облачаются, напримѣръ, два священника и собираются выходить на средину церкви, на литію. Оба лѣзутъ на первое мѣсто и перебраниваются и, наконецъ, сильнѣйшій отталкиваетъ болѣе слабаго отъ престола [4]). А народъ, конечно, видитъ это и дивуется...

Чаще всего ссоры приходскаго духовеннства происходили въ домахъ прихожанъ во время свадебныхъ и поминальныхъ обѣдовъ. Вотъ одна изъ подобныхъ ссоръ.

20 октября 1823 года, священникъ села Татарщины, Тамбовскаго уѣзда, Андреевъ вмѣстѣ съ дьякономъ Ивановымъ обѣдали у крестьянина Данилова. Къ концу обѣда дьяконъ сталъ ссориться съ свя-

---

[1]) Архивъ тамб. конс., № 173.
[2]) Ibid., 1815 г. № 1016.
[3]) Ibid., № 471.
[4]) Ibid., № 125 за 1816 годъ.

щенникомъ, воздвигъ на него звѣрскій видъ, какъ жаловался впослѣдствіи пострадавшій, ухватилъ его за волосы и укусилъ руку. Все это случилось только потому, что священникъ Андреевъ неосторожно замѣтилъ своему дьякону о необходимости приличнаго поведенія духовенства въ церкви и приходѣ [1]).

Къ крайнему соблазну прихожанъ, въ средѣ тамбовскаго духовенства бывали и такіе случаи. Въ 1803 году, въ село Новоспасское, Козловскаго уѣзда, прибылъ новый священникъ Финогеновъ и сталъ строить себѣ домъ. Тогда старый священникъ Дмитріевъ, отрѣшенный консисторіею отъ должности, разметалъ избу своего ни въ чемъ неповиннаго преемника, бранилъ его и билъ, а за женою его гналс i разъ съ вилами. Не довольствуясь этимъ, онъ сталъ еще похваляться: „была де у тебя, попа, пропажа—и еще больше того будетъ". И дѣйствительно, когда священникъ Финогеновъ служилъ однажды обѣдню, Дмитріевъ обобралъ его клѣть дочиста [2]).

Въ особенности часто скромные и трезвые прихожане тамбовскихъ приходовъ могли возмущаться тѣмъ, что ихъ пастыри, по выраженію одного консисторскаго журнала, неугомонно исполняли пьянственныя дѣла и въ пьяномъ образѣ чинили шумства, драки и великіе крики въ церкви.

Впрочемъ, со всѣми вышеуказанными несовершенствами тамбовскаго приходскаго духовенства, отчасти намѣченными нами, прихожане, вообще снисходительные къ человѣческимъ слабостямъ, могли еще кое-какъ мириться. Всего несноснѣе для нихъ были извѣстные поборы духовенства. Какъ людямъ, испытывавшимъ большею частію

---

[1]) Изъ циркуляра епископа Іоны.

Консисторскій архивъ показываетъ, что въ первой четверти нынѣшняго столѣтія не было прихода, не было села въ тамбовской епархіи, гдѣ бы священно-церковнослужители не ссорились и не дрались, не разбирая мѣста, изъ-за гроша или изъ-за блина. Наглость и сила мышцъ вездѣ господствовали надъ смиреніемъ и слабостью силъ тѣлесныхъ. („Историко-статистическое описаніе тамбовской епархіи". Хитрова, стр. 178).

[2]) Архивъ дух. консист. № 700, за 1803 г.

Разумѣется, въ тамбовской епархіи бывали и добрые пастыри, достойные полнаго уваженія. Въ мартѣ 1809 г., елатомскій священникъ Матвѣй Ивановъ увидѣлъ, что два крестьянина, переходя рѣку Мокшу, начали тонуть. Тогда добрый пастырь снялъ съ себя верхнюю одежду и бросился за утопавшими въ холодную воду. Самоотверженіе его было вознаграждено спасеніемъ двухъ человѣкъ отъ лютой смерти, о чемъ въ свое время было доведено до свѣдѣнія императора Александра I.

Не менѣе о. Иванова заслуживали уваженіе и тѣ бывшіе тамбовскіе пастыри, которые, презирая мірскія выгоды, добровольно поступали въ алтайскія и забайкальскія миссіи для обращенія иновѣрцевъ въ православную вѣру. Къ таковымъ пастырямъ мы относимъ тамбовскихъ священно-служителей первой половины настоящаго столѣтія—Убранцева и Благонравова.

Наконецъ, нельзя умолчать и о такихъ священникахъ, которые, скромно проживая въ приходахъ, своею доброю жизнію и добрымъ ученіемъ оказывали постоянно нравственное вліяніе на прихожанъ. Къ числу такихъ священниковъ относится, напримѣръ, Тимофей Лысогорскій, извѣстный въ тамб. епархіи деревенскій лѣтописецъ.

крайнюю нищету, имъ, конечно, очень трудно было понять, что и ихъ пастырямъ, поставленнымъ въ весьма неправильныя и неблагопріятныя матеріальныя условія, нужно же было чѣмъ нибудь жить...

Между тѣмъ, поборы нашихъ сельскихъ пастырей нерѣдко принимали самый неблаговидный характеръ, что̀ видно изъ слѣдующаго.

26-го марта 1815 года, въ селѣ Архангельскомъ, Борисоглѣбскаго уѣзда, у однодворца Филиппа Фролова умеръ старикъ отецъ. Фроловъ пошелъ тогда къ своему приходскому священнику Андрею Филипову и предложилъ ему за погребеніе 8 рублей. Начался обычный торгъ. Священникъ не соглашался на 8 рублей и желалъ получить въ свою пользу пчельникъ покойнаго, на что Фроловъ съ своей стороны тоже не соглашался. „Тогда, какъ жаловался епископу Іонѣ послѣдній, священникъ началъ меня ругать, напослѣдокъ ударилъ по шеѣ и выпихнулъ вонъ. Между тѣмъ, прошло четыре дня и отъ тѣла усопшаго сдѣлалась сильная духота, отчего семейство мое вынуждено было выдти изъ дому и находиться у постороннихъ людей. И объявилъ я о семъ всему нашему селенію, но священникъ на погребеніе и послѣ того не согласился“ [1]).

Въ началѣ апрѣля, Фроловъ поѣхалъ въ Тамбовъ съ жалобой, а къ мертвому тѣлу сельскія власти приставили караулъ и обо всемъ случившемся донесли земскому суду, по требованію котораго покойникъ былъ погребенъ уже на 11-е сутки послѣ смерти. Предоставляемъ читателямъ судить о томъ, въ какомъ состояніи былъ крестьянинъ Фроловъ, потерявшій отца и въ то же время попавшій въ непріятную исторію по милости своего приходскаго священника. Беремъ другой случай.

Села Кирилова, Спасскаго уѣзда, крестьянинъ Поляковъ пригласилъ къ себѣ священника Василія Семенова **молитвовать** новорожденнаго младенца. За это священникъ взялъ съ него 80 копѣекъ, а за крещеніе потребовалъ 10 рублей. Поляковъ, по бѣдности, не далъ требуемой суммы и вслѣдствіе этого хилый младенецъ умеръ некрещеный. Тогда начались торги по поводу похоронъ и священникъ Семеновъ запросилъ уже 50 рублей... [2]). Это было въ 1809 году.

Крайне антипатичное нашему народу корыстолюбіе духовенства иногда выражалось въ самыхъ грубыхъ формахъ. Вотъ примѣръ этому.

Въ 1815 году, въ селѣ Сошкахъ, Тамбовскаго уѣзда, причтъ въ полномъ составѣ, подъ предводительствомъ священника Андрея Семенова, разгромилъ кабакъ, разграбилъ выручку и посадилъ цѣловальника въ волостное правленіе. При этомъ всего замѣчательнѣе то, что вышеуказанный священникъ Семеновъ находилъ еще возможнымъ жаловаться епархіальному начальству на товарища—священника Сидорова. „Оный Сидоровъ, написано въ его жалобѣ,—постоянно обрѣ-

---

[1]) Архивъ духовной консисторіи, 1815 г., № 305.

[2]) Ibid., № 163.

тается въ пьянствѣ, подолгу сидитъ въ кабакѣ и участвуетъ въ дракахъ" [1]).

Корыстолюбивыя поползновенія тамбовскаго духовенства вовсе не были исключительными явленіями. Издавна, съ самаго начала тамбовской епархіи, они совершались систематически и безпрерывно. Изъ множества фактовъ подобнаго рода мы приведемъ только слѣдующій, относящійся къ 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія.

Въ ноябрѣ 1767 года, священникъ Харлампій Власовъ былъ съ требою у однодворца Перфильева, который, по бѣдности, скудно расплатился съ нимъ. Тогда обидѣвшійся священникъ схватилъ бѣгавшаго по избѣ поросенка и, держа въ одной рукѣ крестъ, другою убилъ этого несчастнаго поросенка объ стѣну и швырнулъ имъ въ лицо хозяйкѣ...

Желая сорвать съ какого нибудь прихожанина за извѣстную требу побольше денегъ, нѣкоторые тамбовскіе священники прибѣгали къ самымъ оригинальнымъ и неблаговиднымъ пріемамъ. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго пастырскаго посланія епископа Іоны отъ 6 октября 1817 г.

„Къ душевному моему прискорбію, изъ дѣлъ, производящихся въ консисторіи и духовныхъ правленіяхъ, усматриваю, что изъ священно и церковно-служителей многіе, забывъ страхъ Божій и святѣйшія обязанности свои спасать и утѣшать немощную братію, ввѣренную имъ отъ Бога, вдаются въ гнусное пьянство и корыстолюбіе и для удовлетворенія сихъ богомерзкихъ страстей дѣлаютъ притѣсненіе прихожанамъ и за требы домогаются большей платы денегъ или чего другаго, нежели что закономъ повелѣно; намъ это видно изъ того дѣла, что попъ села Флоровскаго Тимофей Ивановъ, до такого безстыдства, наглости и безумія дошелъ, что новорожденному младенцу якобы нарекъ имя штофъ и бутылка". (Далѣе слѣдуетъ пространное пастырское наставленіе всему тамбовскому духовенству) [2]).

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что и извѣстные консисторскіе поборы, еще не такъ давно практиковавшіеся по отношенію ко всѣмъ просителямъ духовнаго и свѣтскаго чина, тоже немало смущали православный людъ и усиливали въ немъ разныя религіозныя сомнѣнія. Въ началѣ настоящаго столѣтія, тамбовская духовная консисторія, руководимая секретаремъ Цитовскимъ, проявила такую алчность, что епископъ Ѳеофилъ вынужденъ былъ взять со всѣхъ консисторскихъ чиновниковъ слѣдующую подписку: „Никто изъ насъ (консисторскихъ чиновниковъ) ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ допу-

---

[1]) Арх. дух. конс., № 739.

Въ томъ же году причтъ села Колаиса, Кирсановскаго уѣзда, вошелъ въ сдѣлку съ однимъ цѣловальникомъ и продалъ ему часовню, изъ которой покупатель поспѣшилъ сдѣлать кабакъ.

[2]) Священникъ Тимофей Ивановъ отосланъ былъ въ Саровскую пустынь на шесть мѣсяцевъ въ монастырскіе труды и послушаніе.

щать въ домы свои ставленниковъ и другихъ просителей, также и поползновенія имѣть не дерзнетъ къ поборамъ съ просителей деньгами и провизіей. Каждое дѣло ставленническое оканчиваемо будетъ непремѣнно въ положенный двухнедѣльный срокъ. По уѣздамъ ѣздить для раздачи указовъ и собиранія подписокъ не будемъ. Священно-церковно-служителей во многомъ числѣ, прикосновенныхъ къ одному неважному дѣлу, въ консисторію и духовныя правленія вызывать не осмѣлимся".

Вражда тамбовскаго сектантства къ господствующей церкви вызывалась и поддерживалась также и тѣми безпорядками и непристойностями, которые были далеко не рѣдкостью въ нашихъ православныхъ церквахъ. Вотъ, напримѣръ, какой случай былъ въ 1811 г. въ Елатомской соборной церкви, во время бракосочетанія учителя народнаго училища Назарова.

Въ биткомъ набитую народомъ церковь съ шумомъ вошелъ засѣдатель Владиміровъ и грубо началъ всѣхъ расталкивать, чтобы подойти поближе къ аналою. Затѣмъ онъ сталъ бѣгать по церкви, во весь ротъ смѣялся, прегромко говорилъ и самого поющаго дьячка разными тѣлодвиженіями довелъ до того, что онъ пересталъ дѣлать свое дѣло.

Желая образумить Владимірова, протоіерей Ермилъ Никитинъ съ укоромъ сталъ смотрѣть на него, но тотъ и самому священнослужителю, стоявшему около аналоя въ ризахъ, началъ показывать языкъ... Понятно, многіе изъ толпы зѣвакъ, пришедшихъ поглазѣть на свадьбу, не могли удержаться отъ громкаго смѣха и, такимъ образомъ, только усилили скандалъ [1]).

Обиліе церковныхъ непристойностей въ Тамбовской губерніи въ началѣ нынѣшняго столѣтія обращало на себя вниманіе св. синода и вызывало съ его стороны соотвѣтственные указы.

Такъ мы нашли въ тамбовскомъ консисторскомъ архивѣ за 1808 годъ слѣдующій синодскій указъ: „Во время служенія многіе олтарю внутри и внѣ въ такомъ стѣсненіи бываютъ, что служители онаго порядочно исполнять своей должности, стоящіе же внутри церкви ничего почти священнодѣйствуемаго видѣть не могутъ, и притомъ нѣкоторые обращаются къ святымъ иконамъ спиною, разговариваютъ и переходятъ съ мѣста на мѣсто, особенно во время вѣнчанія браковъ. Посему предписывается духовнымъ увѣщевать прихожанъ, а полиціи въ городахъ и сельскимъ властямъ въ селахъ нарушителей порядка выводить изъ церкви".

Этотъ указъ св. синода, не смотря на рѣшительный и властный тонъ, остался, однако, безъ исполненія. Спустя 8 лѣтъ послѣ его из-

---

[1]) Архивъ духовной консисторіи, № 87, 1811 года.

О поступкѣ засѣдателя Владимірова тамбовскій епископъ Ѳеофилъ довелъ до свѣдѣнія князя А. Н. Голицына.

данія, въ февралѣ 1816 года, с.-петербургскій главнокомандующій Вязмитиновъ, отъ имени государя императора, циркулярно предписывалъ всѣмъ губернаторамъ: „Полиціи имѣть въ церквахъ надзоръ за порядкомъ и тишиною и при малѣйшемъ отступленіи отъ правилъ, которыя наблюдаемы быть должны въ церквахъ, отсылать виновныхъ, не взирая ни на какое лицо, къ суду, при чемъ наблюдать, чтобы не происходило медленности въ судопроизводствѣ, ибо его величество считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ преступленій нарушеніе обязанностей богопочитанія и вѣроисповѣданія".

Между тѣмъ, въ самомъ Тамбовѣ, и притомъ въ каѳедральномъ соборѣ, церковное благочиніе нарушалось весьма рѣзко, что видно изъ слѣдующихъ словъ циркуляра тамбовскаго епископа Ѳеофила: „Въ церквахъ по епархіи нашей, даже и въ соборныхъ, не только въ два, но въ три и четыре голоса производится церковная служба". Циркуляръ епископа Ѳеофила заключается приглашеніемъ тамбовскаго духовенства къ совершенію богослуженія по чину и благопристойно.

Мы воздерживаемся отъ изображенія безчинствъ въ церквахъ со стороны самихъ церковно-служителей, а таковыхъ безчинствъ бывало слишкомъ много, и нѣкоторыя изъ нихъ, по чрезвычайному цинизму, даже неудобны для печати... Видѣли все это колебавшіеся въ православіи тамбовскіе обыватели и невольно разныя сомнѣнія увлекали ихъ въ расколъ и ереси. Чаще всего непристойности приходскаго духовенства проявлялись во время большихъ праздниковъ, когда, по русскому обычаю, каждый хозяинъ считалъ долгомъ своимъ угостить весь причтъ на славу. Въ это время и самые скромные наши пастыри съ трудомъ могли сохранить свое достоинство.

Въ прежніе годы, по приходамъ ходили не одни только члены причтовъ, но и ихъ жены. Ходили онѣ по крестьянскимъ дворамъ съ молебнами, Христа славить и на поминки, и по слабости женскаго языка нерѣдко бывали причиною праздничныхъ исторій. Привожу слѣдующій фактъ, одинъ изъ многихъ.

24-го августа 1820 года, въ Кочетовской слободѣ, Козловскаго уѣзда, у однодворца Фролова справлялись поминки. Въ переднемъ углу за трапезой сидѣла попадья Матрена. Противъ нея — дьчекъ Левъ Васильевъ. Къ концу обѣда дьячекъ чѣмъ-то не угодилъ матушкѣ; тогда она стащила его со скамейки, повалила на полъ и при всей публикѣ начала таскать за волосы и бить пинками... Насилу уняли расходившуюся Матрену [1]).

Къ числу причинъ, вызывавшихъ въ Тамбовской губерніи сектанство, нельзя не отнести и прежнихъ тяжелыхъ условій крестьянскаго крѣпостнаго быта. Многіе тамбовскіе помѣщики простирали свой грубый произволъ до того, что не позволяли своимъ крестья-

[1]) Арх. дух. конс., № 377-й.

намъ исполнять важнѣйшія христіанскія обязанности. Такъ, въ 1839 году, у помѣщика Тулинова не было на исповѣди и у св. причастія 1148 человѣкъ, у Татищевой — 905 человѣкъ, у Голицына — 816, у Николаева—651, у Полторацкаго—585, у Обрѣзковой—518, у Ермолова — 537, у Гагарина — 562, у Бенкендорфа — 354 и у Андреевскаго — 402 человѣка. Всѣ они не исполняли своихъ христіанскихъ обязанностей, какъ доносили объ нихъ епархіальному начальству благочинные, отъ великой работы. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ теченіи нѣскольких лѣтъ у св. причастія не бывали почти всѣ крестьяне села Новочернѣевскаго (Шацкаго уѣзда). Тогда тамбовскій епископъ Ѳеофилъ, по согласію съ свѣтскимъ начальствомъ, всѣхъ ихъ отослалъ на нѣсколько недѣль въ Вышенскую пустынь, въ работу...

Очевидно, тамбовскіе помѣщики слишкомъ небрежно относились къ религіозной жизни своихъ крестьянъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что въ 1824 году тамбовскій епископъ Афанасій настойчиво требовалъ у свѣтскихъ властей, чтобы помѣщики въ воскресные и праздничные дни не обременяли крестьянъ своихъ барщиною. И не смотря на то, что требованіе преосвященнаго Афанасія было основано на повелѣніяхъ императора Александра I-го, крестьянская жизнь шла по прежнему...

Объ отношеніи нѣкоторыхъ тамбовскихъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ — сектантамъ, а также и къ православной церкви, можно судить по слѣдующему факту.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ имѣніи кирсановскаго помѣщика Свинцова было много сектантовъ. Священникъ Семеновъ тщетно пытался обратить ихъ въ православіе и, наконецъ, пришелъ къ помѣщику и просилъ его содѣйствія къ обращенію сектантовъ. Но Свинцовъ раскричался на священника Семенова и выгналъ его изъ своего дома вонъ. „Оный помѣщикъ, жаловался консисторіи обиженный священникъ, съ дерзостію сказалъ мнѣ: никто мнѣ не указъ относительно крестьянъ моихъ! И нынѣ дозволяется, кто какъ хочетъ, такъ и вѣруетъ. А ты, попъ, какую власть имѣешь о томъ мнѣ говорить? Съ вашимъ братомъ такъ должно дѣлать: нанять мужика за 8 алтынъ съ копѣйкою, заманить васъ въ кабакъ и толкачемъ отвалять какъ угодно. И я власть имѣю васъ опредѣлять въ приходъ и власть имѣю разстричь“ [1]).

Нерѣдко и чиновники тамбовскіе мѣшали миссіонерскимъ успѣхамъ приходскаго духовенства. Такъ, въ одномъ журналѣ тамбовскаго губернскаго правленія (№ 321-й за 1845 годъ) записаны слѣдующія достойныя вниманія слова: „Моршанскій дворянскій засѣдатель Селивановъ, завидуя успѣхамъ священника Соколова въ дѣлѣ обращенія молоканъ и опасаясь лишиться своего интереса отъ сек-

---

¹) Арх. губ. правл., № 2058.

тантовъ, хвалился прекратить проповѣдническіе труды вышеозначеннаго священника и очернить его передъ начальствомъ". Разумѣется, подобныхъ случаевъ въ практикѣ тамбовскаго чиновничества, не брезгавшаго никакими средствами наживы, было не мало...

Въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, противъ тамбовскихъ сектантовъ, въ особенности противъ молоканъ и духоборцевъ, открыто было гоненіе. Конечно, и эта правительственная мѣра, которая была проводима съ замѣчательною энергіею и суровостію, могла только содѣйствовать развитію сектанства. Правда, сектанты притихли въ указанное нами время и большею частію выдавали себя за православныхъ, но зато внѣ правительственнаго надзора тѣмъ шире распространялись разныя лжеученія.

Гоненія противъ сектантовъ были предприняты тамбовскимъ епископомъ Арсеніемъ, впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ. Ревностными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были губернаторы Гамалѣй и Корниловъ. По словамъ самого св. синода, епископъ Арсеній завалилъ всѣ тамбовскія присутственныя мѣста **молоканскими дѣлами**, а это обстоятельство грозило раззореніемъ всѣмъ тамбовскимъ сектантамъ и, слѣдовательно, било чуть ли не въ самую чувствительную сторону крестьянскаго быта. Грозный тамбовскій епископъ настаивалъ даже на томъ, чтобы сектанты не смѣли ловить рыбу въ однѣхъ рѣкахъ съ православными и чтобы они обязательно и поголовно выдавали дѣтей своихъ для крещенія въ православную вѣру. Не мало обременяемы были тамбовскіе сектанты и постоянными вызовами въ Тамбовъ для архіерейскихъ увѣщаній, ожиданіе и самый процессъ которыхъ продолжались иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, а между тѣмъ хозяйственныя дѣла сектантовъ задерживались и разстроивались. Послѣ этихъ увѣщаній, обнаруживавшихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершенное упорство тамбовскихъ иновѣрцевъ въ ихъ заблужденіяхъ, начинались болѣе или менѣе суровыя кары: кого сажали въ тюрьму, кого ссылали въ Закавказскій край... Цѣлыя сотни сектантовъ невольно покидали свои пепелища и шли въ невѣдомыя страны. Разумѣется, они смотрѣли на себя, какъ на мучениковъ. Такъ же смотрѣли на нихъ и многіе изъ оставшихся въ Тамбовской губерніи. И отъ этого, во времена епископа Арсенія, въ Тамбовской губерніи былъ однажды такой случай: въ молоканство сразу совратилось 649 человѣкъ.

За излишнюю энергію въ преслѣдованіи сектантовъ епископъ Арсеній получилъ выговоръ отъ св. синода и ему вмѣнено было въ обязанность дѣйствовать противъ иновѣрцевъ въ духѣ кротости и обращать ихъ въ православіе не силой, а ученіемъ.

Вѣроятно, послѣ этого синодскаго замѣчанія, произошелъ слѣдующій случай. Въ 1836 году, нѣсколько бѣдныхъ молоканскихъ семействъ переселялись въ Закавказье и для переселенія не получили отъ своихъ богатыхъ наставниковъ никакого пособія. Тогда епископъ

Арсеній подарилъ имъ изъ своихъ суммъ 1000 рублей и для распредѣленія ихъ командировалъ въ разныя села консисторскаго члена, священника Іакова Бондарскаго [1]).

Если самъ тамбовскій епископъ сталъ во главѣ преслѣдователей сектантства, то мелкіе чины, духовные и свѣтскіе, конечно, считали долгомъ своимъ подражать высшей власти... Слѣдующій случай покажетъ намъ, каковы были отношенія къ сектантамъ со стороны нашего приходскаго духовенства.

Весною 1837 г., священникъ села Устья, Моршанскаго уѣзда, Скородумовъ, ходилъ по приходу съ крестомъ и св. водой. Въ это время онъ встрѣтилъ на улицѣ моршанскаго мѣщанина Алексѣя Иванова, принадлежавшаго къ молоканской сектѣ. „Стой", сказалъ ему священникъ. Старикъ (Алексѣю Иванову было 68 лѣтъ) остановился. „Подавай паспортъ!" Паспорта не оказалось у Иванова. Тогда священникъ Скородумовъ схватилъ старика за бороду и вырвалъ изъ нея часть волосъ, а самъ между тѣмъ сталъ кричать на все село „караулъ!" [2]).

Когда узнавали о подобныхъ происшествіяхъ тамбовскіе, моршанскіе и иные Тамбовской губерніи молокане, то, конечно, ихъ нерасположеніе къ православію отъ этого только усиливалось. И дѣйствительно, въ концѣ 30-хъ годовъ молоканство и его пропаганда довели до крайности свою энергію и вызвали противъ себя, какъ мы сказали уже, самыя сильныя мѣры со стороны бывшаго тамбовскаго епископа Арсенія.

Въ числѣ особенно ревностныхъ пропагандистовъ молоканства въ 1837 г., въ г. Тамбовѣ оказались слѣдующія лица: тамбовскій (78 лѣтъ) купецъ Ф. Малинъ, тамбовскій (76 лѣтъ) мѣщанинъ Т. Поповъ, тамбовскій же мѣщанинъ М. Малинъ (77 лѣтъ), шацкій купецъ Тихонъ Швецовъ, 82-лѣтній кирсановскій однодворецъ Копыловъ, а также села Махровки вдовая попадья Прасковья Леонтьева [3]). Въ то же время, главнымъ тамбовскимъ пропагандистомъ скопчества и такъ называемымъ скопческимъ христомъ былъ крестьянинъ Панковъ. „Самъ Богъ, говорилъ онъ про себя, поставилъ меня учителемъ надъ всѣми..."

---

[1]) Арх. дух. конс. № 478.

Надобно замѣтить, что въ тамб. архивныхъ документахъ мы встрѣтили указанія только на двухъ сектантовъ изъ привиллегированныхъ сословій—на дворянку Андріанову и поручика Богданова (молокане).

[2]) Журналъ тамбовской уголовной палаты отъ 4 іюня 1837 года.

Случалось, впрочемъ, что и сами священники подвергались оскорбленіямъ со стороны раскольниковъ и сектантовъ. Напримѣръ, въ 1838 г., на праздникъ пасхи, священникъ Вознесенскаго завода, Темниковскаго уѣзда, Павелъ Петровъ со св. крестомъ вошелъ въ домъ раскольниковъ Коноваловыхъ. Но они схватили его и силою вытащили вонъ. (Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія, № 9534).

[3]) Копыловъ умеръ въ кирсановскомъ острогѣ.

Въ какомъ состояніи находится тамбовское сектанство въ настоящее время — идетъ-ли оно впередъ или же возвращается къ православію, мы въ точности не знаемъ, такъ какъ не производили наблюденій по этому предмету. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что въ будущемъ развитіе тамбовскихъ сектъ въ ихъ теперешнемъ видѣ замедлится, а то и совсѣмъ прекратится. Порукою въ этомъ служитъ намъ постепенно усиливающееся народное образованіе въ Тамбовской губерніи, а также и постепенно нарождающійся новый строй государственно-общественной русской жизни...

И. Дубасовъ.

ХУДОЖНИКЪ А. А. ИВАНОВЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ РУССКАГО ИСКУССТВА.

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ о талантѣ извѣстнаго нашего художника Иванова прибавились новые матеріалы: вышла его переписка, изданная М. П. Боткинымъ и печатаются выпуски его композицій на сюжеты изъ ветхаго и новаго завѣта.

О значеніи Иванова въ исторіи русской живописи было говорено хотя и очень много, но нельзя сказать, чтобы вполнѣ достаточно: Иванову суждено еще долго обращать на себя вниманіе. Въ свое время, казалось, что дѣло его было проиграно безповоротно, а между тѣмъ теперь приходится заниматься чуть не за ново разборомъ: что̀ такое Ивановъ и каково значеніе его въ искусствѣ?

На этотъ вопросъ въ разное время большинство писавшихъ отвѣчало общей фразой, что значеніе Иванова въ искусствѣ огромное, хотя и не всегда можно было понять—каково оно? А вопросъ весьма важный. Такой-же вопросъ относительно равнодушія публики къ картинѣ „Явленіе Христа народу" объяснялся точно такъ же крайне не убѣдительно. Я не имѣю претензіи сказать что либо новое объ Ивановѣ; я хочу попытаться объяснить только, почему успѣхъ его картины не отвѣчалъ ея достоинствамъ, хочу опредѣлить эти достоинства съ спеціально-художественной точки зрѣнія и указать, что̀ именно внесено Ивановымъ новаго въ искусство.

Въ русскомъ искусствѣ можно назвать нѣсколько громкихъ именъ. Правильно это, или нѣтъ, — вопросъ другой, но несомнѣнно, что исторія русской живописи не можетъ обходить имена: Бруни, Брюллова, Федотова, Иванова...

Въ какой мѣрѣ каждое изъ этихъ именъ принадлежитъ національному искусству? За отсутствіемъ самой исторіи русской живо-

писи, мы положительнаго отвѣта на это не имѣемъ; однако жъ, слѣдуетъ признать за фактъ, что въ настоящую минуту не осталось никакихъ слѣдовъ вліянія на наше искусство не только чуждаго намъ по духу Бруни, но даже и Брюллова. Вліяніе Федотова приходится считать также оконченнымъ, между тѣмъ какъ значеніе Иванова возрастаетъ, и можно съ увѣренностью пророчить ему еще большее возрастаніе въ будущемъ. Скоро ли наступитъ время, когда результаты этого вліянія должны сказаться съ очевидностію, опредѣлить, разумѣется, нельзя; но тѣ, кто близко слѣдилъ за нашимъ художественнымъ развитіемъ, свидѣтельствуютъ, что глухая внутренняя работа, возбужденная Ивановымъ въ умахъ русскихъ художниковъ, ни на минуту не прекращалась.

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что даже теперь, т. е. когда, кажется, улеглись страсти, есть еще много людей, которые не согласны не только съ тѣмъ, что работы Иванова превосходили все, что имѣетъ Россія, но даже и съ тѣмъ, что дѣятельность этого человѣка была плодотворна и знаменательна. Мало того, можно слышать сужденія, что Ивановъ и его картина есть нѣчто неудавшееся. Масса же публики наивно, хотя и искренно, заявляетъ свое равнодушіе къ произведеніямъ этого художника, и при появленіи картины масса эта такъ была велика, что равнодушіе ее заслуживало серьезнаго вниманія. До сихъ поръ, цѣлыхъ 22 года, русское общество должно было судить объ Ивановѣ только на основаніи его картинъ. Положимъ, что для сужденія о живописцѣ, строго говоря, другихъ данныхъ и не требуется, или точнѣе—при рѣшеніи вопроса, эти другія данныя не имѣютъ первенствующаго значенія. Но вопросъ о значеніи Иванова въ русскомъ искусствѣ, по особымъ причинамъ, не можетъ быть уясненъ одними нѣмыми свидѣтелями. „Природа" его произведеній, уровень художественнаго развитія, а также и художественные вкусы руководящей части нашего общества, въ моментъ появленія картины Иванова, находились такъ далеко одно отъ другаго, что недоумѣніе должно было произойти неизбѣжно. Казалось бы, съ тѣхъ поръ прошло достаточно времени для того, чтобы объяснить ошибки обѣихъ сторонъ (если таковыя были), но, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени не сдѣлано и этого.

Впрочемъ, нельзя сказать чтобы такой крупный фактъ, какъ равнодушіе публики, прошелъ безслѣдно. Нѣтъ, многіе объ этомъ писали, но, какъ я сказалъ, объясняли этотъ фактъ неубѣдительно; они сваливали отвѣтственность на неразвитіе, а это значитъ только констатировать фактъ, не больше. Даже г. Стасовъ въ своей статьѣ объ Ивановѣ („Вѣстн. Европы", 1880 г.), говоритъ по этому поводу немного. Онъ говоритъ, что „большинство публики было недовольно само по себѣ собственными средствами и вкусами". Очевидно, и здѣсь признается только фактъ, дальнѣйшая же прибавка,—что Иванова замучило и уложило въ гробъ общественное мнѣніе, не иначе какъ

во имя Брюллова, это опять таки только отчасти поясняетъ дѣло. Положимъ, что вкусъ, развитый Брюлловымъ, при опредѣленіи достоинствъ Иванова, могъ значительно вліять на ту часть публики, которая почему либо интересовалась искусствомъ, или считалась къ нему прикосновенной, но таковыхъ, сравнительно, было немного между десятками тысячъ, видѣвшихъ картину. А почему эти тысячи остались равнодушными и недоумѣвающими, и даже, какъ говоритъ г. Стасовъ, „охотно перевалившими на сторону смѣльчаковъ", порицавшихъ картину,—этотъ вопросъ все таки остается неразъясненнымъ. Вѣдь въ толпѣ всегда было и будетъ многое множество людей, остающихся въ сторонѣ отъ смѣны направленій художественнаго вкуса и носящихъ въ себѣ въ натуральномъ видѣ ту долю художественнаго чутья, которая присуща человѣку на всѣхъ ступеняхъ развитія и которая художнику наиболѣе драгоцѣнна? Подкупить увлеченіе нельзя, и съ фактомъ равнодушія зрителя считаться необходимо, особенно, когда просто и наивно говорятъ вамъ: „не понимаю!"

Между произведеніями живописи, одни не возбуждаютъ въ зрителѣ никакой мозговой работы, а просто ласкаютъ глазъ и нравятся; другія, прежде чѣмъ дать художественное наслажденіе, требуютъ извѣстной подготовки; для третьихъ, наконецъ, нужны историческія знанія. Однако-жъ всѣ эти свойства художественныхъ произведеній не помѣшаютъ обыкновенному, наивному зрителю простоять съ истиннымъ удовольствіемъ даже передъ картиною и послѣдней категоріи, если въ ней будетъ сказываться исполнительный талантъ художника.

Господствующій предразсудокъ въ сужденіяхъ объ искусствѣ, по моему мнѣнію, заключается въ томъ именно, что для правоспособности, такъ сказать, голосованія по поводу какого либо художественнаго произведенія, спеціальная подготовка считается необходимою. Это не вѣрно. Это плохо согласуется съ тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что высшею судебною инстанціей для художника всегда было и будетъ то впечатлѣніе, которое выносятъ тысячи зрителей отъ картины.

Несомнѣнно, что талантливые художники, какъ напримѣръ Брюлловъ, воспитываютъ цѣлое общество въ извѣстномъ направленіи; несомнѣнно, что художественные вкусы и привычки вслѣдствіе этого образуются въ массѣ; но несомнѣнно также и то, что всякій разъ для образованія новыхъ вкусовъ и привычекъ въ дѣлѣ живописи необходимо, чтобы новое произведеніе понравилось, притянуло глазъ и остановило на себѣ, такимъ образомъ, вниманіе зрителя. Если этого не случится, тогда начинаются разныя уклончивыя восклицанія въ родѣ того, что „я ничего не понимаю въ живописи!"

Задолго до своего появленія, картина Иванова возбуждала весьма большія ожиданія, а когда она появилась, то огромное большинство просто сказало: „не понимаю". И большинство право, такъ какъ картину его, дѣйствительно, надобно прежде всего понимать. Въ этомъ

и лежитъ все рѣшеніе вопроса. Если это положеніе правильно, то не менѣе правильно и другое, еще болѣе азбучное положеніе,—что дѣло несовсѣмъ, стало быть, въ порядкѣ, когда для современниковъ необходимы комментаріи къ художественнымъ произведеніямъ. Современники могутъ не понять глубину и все значеніе художественнаго произведенія по отношенію къ будущему, къ школѣ; но всегда поймутъ и оцѣнятъ жизненность и талантъ, то есть, именно тѣ качества, безъ которыхъ художественныхъ произведеній вовсе не существуетъ для публики и къ которымъ зритель оставаться равнодушнымъ не можетъ.

Человѣкъ получаетъ впечатлѣніе отъ художественнаго произведенія живописи только посредствомъ глаза; но для того, чтобы остановить глазъ зрителя и приковать его вниманіе, необходима обворожительная внѣшность, вслѣдъ за которой является уже и содержимое, трогающее человѣческое сердце. Безъ этой же внѣшности живопись никогда не сдѣлается общедоступнымъ искусствомъ и всегда останется на степени пенсіонера немногихъ любителей и знатоковъ, причемъ разговоръ о какой либо общественной роли искусства дѣлается празднымъ.

Успѣхъ спекуляціи основанъ именно на тонкомъ изученіи человѣческихъ свойствъ, если хотите—слабостей; но это-то и обязываетъ бороться съ злоупотребленіемъ равнымъ оружіемъ.

Если вообще мы видимъ не много людей понимающихъ вполнѣ все значеніе искусства, то развитіе этого значенія путемъ наслажденія можетъ и должно быть доступно всѣмъ,—привлекательность художественнаго произведенія требуется правильной гигіеной нашей духовной природы.

Будь произведеніе глубокимъ, новымъ, имѣй оно первоклассныя достоинства ума, но лишено популярнаго—привлекательности, то не будетъ принято съ распростертыми объятіями. Одна свобода исполненія и, такъ сказать, легкость труда, не говоря уже о богатствѣ колорита, суть тѣ главныя и необходимыя качества, которыя приковываютъ глазъ зрителя. Свобода исполненія моментально завладѣваетъ зрителемъ, и нельзя даже сказать—какъ, или какимъ образомъ? Художникъ, стало быть, обязанъ скрыть отъ публики тѣ усилія, которыхъ ему стоитъ исполненіе его произведенія. Грустно въ этомъ сознаться, но это такъ. Къ несчастію для художниковъ, живопись опасна, кромѣ того, еще и тѣмъ, что равновѣсіе между содержаніемъ, если таковое есть, и исполненіемъ, какъ слѣдствіемъ таланта, невсегда совпадаютъ, даже и не всегда зависятъ отъ личныхъ усилій художника. Ниже я намѣчу тѣ положенія, при которыхъ этотъ разладъ можетъ случиться.

Путь художника рѣдко бываетъ усыпанъ розами. Если для немедленнаго сегодняшняго успѣха, онъ пожертвуетъ содержаніемъ и чувствомъ, тогда онъ очутится въ необходимости развлекать публику

и ежеминутно ей о себѣ докладывать, чтобы не быть забытымъ: состояніе каторжное для умнаго человѣка, такъ какъ, не смотря на лавровые вѣнки, рукоплесканія, медали, славу и деньги, его постоянно будетъ безпокоить то сдержанное, скептическое и равнодушное положеніе, которое къ такому человѣку сейчасъ же обнаружитъ настоящая интеллигенція. Никакіе вѣнки не залечатъ ему этихъ ранъ. Попробуетъ художникъ уйти весь въ содержаніе,—онъ опять-таки рискуетъ потерять единственный доступный путь къ человѣческому сердцу и, быть можетъ, никогда не дождаться справедливой оцѣнки. Единственный компасъ въ этомъ лабиринтѣ, это, конечно, глубочайшая увѣренность, сидящая внутри каждаго серьезнаго дарованія; увѣренность въ себя и въ свое дѣло, дающая ему силу перенести это нешуточное испытаніе, называемое творчествомъ. У Иванова такая увѣренность была. Умъ его отъ природы глубокъ, талантомъ онъ одаренъ первоклассньмъ, а между тѣмъ, обворожительной внѣшности въ его живописи не было, и даже—что самое опасное—трудъ свой онъ не могъ скрыть. А извѣстно, какое мучительное чувство мы испытываемъ передъ пѣвцомъ, которому трудно управлять своимъ голосомъ, передъ лекторомъ, едва разбирающимъ рукопись, передъ акробатомъ и гимнастомъ, которые очевидно употребляютъ напряженіе. Словомъ, наслажденіе подорвано, и искусство не достигаетъ цѣли, если отсутствуетъ виртуозность и высокая техника, играющая чуть не первенствующую роль въ искусствѣ. Точнѣе сказать, для того чтобы искусство произвело свою долю вліянія, внутреннее его содержаніе должно быть выражено просто, легко, свободно, и мало того — обворожительно. Новый вопросъ: отчего же нѣтъ этого у Иванова, если онъ обладалъ талантомъ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я долженъ сдѣлать еще разъ маленькое отступленіе.

Привлекательная внѣшность въ картинѣ является только въ то время, когда художникъ сразу охватываетъ свою задачу, когда внутренній его міръ находится въ полномъ и совершенномъ равновѣсіи, когда въ его міросозерцаніе не прокрадывается ни одна капля сомнѣнія; словомъ, когда онъ человѣкъ — вполнѣ цѣльный и, кромѣ того, почему бы то ни было, не расходится съ обществомъ, а слыша со всѣхъ сторонъ поддержку, поощреніе и пониманіе, пріобрѣтаетъ, вслѣдствіе этого, непоколебимую увѣренность, что дѣлаетъ именно то, что нужно; то есть когда есть извѣстная однородность умственной атмосферы между художникомъ и обществомъ, для котораго онъ работаетъ. Стало быть, появленіе талантливыхъ произведеній, не выходящихъ изъ сферы общественной умственной однородности возможно, такъ сказать, всегда. Но въ исторической жизни обществъ бываютъ моменты извѣстной умственной анархіи, когда, съ одной стороны, наиболѣе проницательные умы чувствуютъ, что руководящія основы ветшаютъ и что необходимо замѣнить ихъ новыми. Тогда насту-

паетъ неотложная надобность такимъ умамъ приняться за сознательную, черновую историческую работу. Но, съ другой стороны, законы психической дѣятельности (какъ доказываетъ наука рядомъ наблюденій надъ этой темной областью и вѣроятными теоріями, выведенными изъ этихъ наблюденій) состоятъ въ томъ, что многіе душевные процессы, происходящіе въ насъ безсознательно, такъ сказать, механически, стоили когда-то огромныхъ усилій сознанія и воли. Творчество—художественная безсознательность; но подъ пріемами его проявленія лежитъ огромный пластъ упорнаго научнаго и сознательнаго труда. Ивановъ жилъ на зарѣ нашей умственной анархіи, хотя и теперь далеко еще не то время, когда долженъ наступить для русскаго искусства высшій моментъ его развитія. Изъ исторіи сошедшихъ со сцены народовъ намъ знакомы такія счастливыя кульминаціонныя эпохи, когда нарождающіеся таланты находятъ готовыми, разработанными и доказанными многія главныя основы для творчества въ своей спеціальности. Никто объ этихъ основахъ уже не споритъ, идеалы понимаются всѣми одинаково, и коллективныя усилія умовъ и талантовъ направляются согласно въ одну сторону. Въ такіе счастливые историческіе моменты художникъ работаетъ быстро, съ огнемъ и талантомъ, проявленіе коихъ уже ничѣмъ не задерживается. Въ такіе моменты позволительно предсказывать появленіе высокихъ художественныхъ произведеній, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Иванову такого лотерейнаго билета на долю не выпало. Но талантъ, какъ талантъ—остается всегда, разъ онъ есть. Имѣлъ ли Ивановъ этотъ талантъ, т. е. этотъ, въ смыслѣ высокой виртуозности, придающей обворожительную внѣшность произведенію? Я говорю—имѣлъ, и для меня это ясно, хотя сомнительно, чтобы мнѣ удалось съ очевидностью доказать это другимъ. Но я надѣюсь, что на предстоящей всероссійской выставкѣ въ Москвѣ, работы самого Иванова подтвердятъ мой взглядъ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ мои слова.

Я не знаю, впрочемъ, прилично ли, говоря объ Ивановѣ, ставить этотъ вопросъ серьезно? Вѣдь по отношенію къ Иванову всѣ согласны, что картины его необыкновенно основательны, и казалось бы, незачѣмъ безпокоиться вопросомъ почти роскоши, если и безъ яркаго таланта мы имѣемъ художественное произведеніе высокой пробы?

Но, во первыхъ, мы занимаемся здѣсь разъясненіемъ равнодушія публики и опредѣленіемъ того, кто и насколько ошибался, а во вторыхъ, человѣку свойственно стремиться къ ясности и опредѣленности пониманія того, что уважаемо и чему поклоняешься. Чтобы понимать въ спорахъ другъ друга, важно установить терминологію, и потому—я оговорюсь здѣсь же—что я разумѣю подъ словомъ „талантъ“. Подъ словомъ талантъ въ живописи я разумѣю прирожденную подражательную способность; т. е. умѣнье сразу понять и вѣрно передать живую форму природы, и только. Эта способность можетъ ска-

заться весьма рано, и она была у Иванова въ высокой степени. Но отсюда далеко еще, какъ видите, до художника. Чтобы стать имъ, мало одного таланта, мало ума, мало общаго образованія и развитія, мало, наконецъ, счастливыхъ матеріальныхъ условій,—необходимъ еще и темпераментъ, т. е. чтобы человѣкъ по натурѣ своей ничего бы не любилъ больше искусства, чтобы ни одна страсть не перетянула человѣка въ сторону. Только совокупность всѣхъ этихъ условій и создаетъ художника. У Иванова условія эти были на-лицо, особенно въ началѣ его карьеры, за исключеніемъ, конечно, историческихъ причинъ. Но историческія причины и суть единственныя, которыя могутъ дѣйствовать роковымъ образомъ, какъ неподчиняющіяся личной волѣ.

Талантъ Иванова, въ связи съ его общимъ развитіемъ, давалъ нѣкоторымъ приготовительнымъ его работамъ ту особую окраску привлекательности и легкости исполненія, даже колоритности, и окраску такой неподражаемой талантливости, какую встрѣчаешь только у самыхъ большихъ и художниковъ, и виртуозовъ въ одно и то же время.

Есть нѣсколько его этюдовъ головъ и пейзажей, исполненныхъ дѣйствительнаго огня; и очевидно, что талантъ его былъ первокласснымъ, но умъ былъ еще болѣе таланта. Этотъ умъ, созрѣвая, и сталъ причиною выхода Иванова изъ узкой умственной атмосферы, окружавшей его въ дѣйствительности; благодаря ему, Ивановъ и разошелся съ господствовавшими воззрѣніями въ живописи того времени, онъ же и натолкнулъ Иванова на необходимость черновой исторической работы. Заниматься здѣсь изслѣдованіемъ вопроса, почему умъ и талантъ Иванова приняли совершенно новое направленіе въ искусствѣ, не извѣстное до тѣхъ поръ, — это безполезно. На-лицо тотъ фактъ, что въ мозгу Иванова появилось оригинальное представленіе о картинѣ, въ которой бы все было основано на законахъ. По условіямъ времени, подобныхъ образцевъ тогда еще нигдѣ не появлялось, стало быть и приходилось начинать сначала во всемъ; Ивановъ принялся за трудъ, который былъ подъ силу только его уму и характеру. Историческая заслуга Иванова та, что онъ сдѣлалъ для всѣхъ насъ, русскихъ художниковъ, огромную просѣку въ непроходимыхъ до того дебряхъ, и именно въ томъ направленіи, въ которомъ была нужна большая столбовая дорога. Онъ открылъ новые горизонты. Убрать срубленныя деревья и щепки, а тѣмъ болѣе укатать и шоссировать самую дорогу ему не пришлось, потому что къ концу своей работы, когда для его радостнаго взора стали наконецъ открываться новые виды, талантъ его оказался раздавленнымъ его умомъ; объ этомъ-то ясно и повѣствуетъ его картина. Словомъ, Ивановъ оказался жертвой за русское искусство, онъ поступился внѣшностію противъ своей воли фатально и по необходимости. Вотъ почему картина его популярною быть не могла при своемъ появленіи, да едва-ли будетъ и впослѣдствіи; но она останется надолго, если не навсегда, предметомъ удивленія и изученія для спеціалистовъ.

Вначалѣ я упомянулъ о природѣ его произведеній, или, какъ Ивановъ характерно о ней самъ выражался—„натура дѣла моего". Подойдемъ теперь къ этой натурѣ поближе и посмотримъ, въ чемъ она заключалась. Для этого лучше всего сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ его переписки. Я ограничусь только тѣми, въ которыхъ высказались его собственныя воззрѣнія на дѣло и которыя объясняютъ намъ, почему „натура" дѣла Иванова держала талантъ его въ такой тѣсной отъ себя зависимости и лишила этотъ талантъ свободы проявленія. Въ самомъ началѣ работы своей большой картины, Ивановъ уже долженъ былъ оправдываться въ медленности работы слѣдующимъ образомъ: „напрасно думаютъ, что моя метода — силою сличенія и сравненія этюдовъ подвигать впередъ трудъ—доведетъ меня до отчаянія. Способъ сей согласенъ и съ выборомъ предмета, и съ именемъ русскаго, и съ любовью къ искусству. Я бы могъ очень скоро работать, если-бы имѣлъ цѣлью деньги. Дурное (?) все остается въ пробныхъ этюдахъ, изъ которыхъ одно лучшее (?) вносится въ настоящую картину".

Приведенная выписка была мало убѣдительна для тѣхъ, для кого предназначалась. Упреки въ медленности не ослабѣвали; спорящія стороны продолжали думать по старому. Для Иванова это было не легко, тѣмъ болѣе, что кругомъ себя онъ не видалъ ни одного человѣка, говорящаго въ пользу его методы. Мучительную работу ума ему приходилось переживать въ одиночествѣ.

„Я грустеиъ потому, что при всей моей ежедневной дѣятельности, люди приближаются ко мнѣ, видятъ во мнѣ бездѣйствіе, даже покушаются придумывать способы, чтобы возбудить меня къ дѣятельности — это обиднѣе насильства невѣжественнаго властелина. Вытаскивать глубокія тайны изъ души моей въ оправданіе — значило бы истощать силы и только на короткое время заставлять ихъ, т. е. людей, убѣждаться".

Очевидно, люди близкіе, сочувствовавшіе, доброжелательные, заходя въ студію годъ-два спустя и видя картину на томъ же мѣстѣ, въ недоумѣніи спрашивали: „да что-же онъ дѣлаетъ?" А онъ наивно показывалъ: то нѣсколько этюдовъ головъ, то камни, деревья, то говорилъ, что нужно куда-то съѣздить, чтобы присмотрѣться къ выраженію и манерѣ держаться какихъ-то евреевъ, болѣе свободныхъ и обезпеченныхъ, чѣмъ тѣ, которые были въ Римѣ... Въ такихъ безплодныхъ объясненіяхъ прошли года; глубокая борозда недоразумѣній обозначилась: Ивановъ сталъ уставать. 1847 годъ,—годъ нравственныхъ бурь, былъ особенно тяжелъ для него; онъ запирался отъ людей, „но ни на волосъ не сворачивалъ съ своей дороги", и если писалъ, то писалъ—уже такимъ образомъ:

„При послѣднемъ свиданіи я выпросилъ у васъ годъ времени (для окончанія картины) и точно—дѣлаю, что̀ могу; но натура дѣла моего весьма медленна; всякая быстрота̀ и торопливость помѣшали бы

моему посильному совершенству". А потомъ, изнемогая въ неравной борьбѣ, не имѣя возможности вразумить окружающихъ, онъ говорилъ уже упавшимъ голосомъ:

„Мнѣ, какъ послѣднему по времени дѣятелю въ пути образованія, нужно самое нѣжное спокойствіе, чтобы вести въ даль дѣло. Былъ періодъ въ моей жизни, когда подъ защитой неизвѣстности созидалось у меня все любовью къ искусству, теперь нужно ждать другаго—милосердія и терпѣнія общества".

Говорить такимъ образомъ можетъ человѣкъ только раненый весьма серьезно.

Мало-по-малу его оставили, наконецъ, въ покоѣ, и онъ года три-четыре просидѣлъ одинъ и отдохнулъ. Между прочимъ, въ это время миновали и политическія волненія 48 года; а въ 1851 году раздались слова, показывающія, что Ивановъ начиналъ выздоравливать и оправляться отъ ударовъ.

„Я уже начинаю чувствовать какія-то права на художническую самостоятельность — и можетъ-ли что быть справедливѣе этого? Вѣдь мы уже подходимъ мало-по-малу къ послѣднему вопросу: быть-ли живописи, или не быть?"

Въ это время портфели Иванова стали наполняться композиціями изъ библіи и новаго завѣта; картина же его была уже съ 1848 года почти такая же, какою теперь ее мы видимъ. Но почему она простояла почти десять лѣтъ неоткрытою—мудрено догадываться; это надобно отнести къ области психологіи. Наконецъ, сцѣпленіе обстоятельствъ вырываетъ Иванова насильно опять къ людямъ; онъ и картина его дѣлаются предметомъ пристальнаго любопытства толпы. Теперь, выйдя на большую дорогу, Ивановъ спокойно говоритъ о себѣ слѣдующее:

„Картина моя не есть послѣдняя станція, за которую надобно драться. Я за нее стоялъ крѣпко въ свое время и выдерживалъ всѣ бури, работалъ посреди нихъ и сдѣлалъ все, что требовала школа, но школа — только основаніе дѣлу живописному, языкъ, которымъ мы выражаемся. Нужно учинить другую станцію искусства—его могущество приспособить къ требованіямъ времени и настоящаго положенія Россіи. Цѣль жизни искусства теперь другаго уже требуетъ". И прибавляетъ, какъ власть имѣющій:

„Вѣдь надобно же, наконецъ, выяснить, что трафаретные академическіе иконостасы съ картинками составляютъ гниль нашего времени и служатъ къ истребленію способностей, въ особенности русскихъ! Если бы мнѣ удалось только намекнуть на высокій и новый путь, стремленіе къ нему показало-бы, что онъ существуетъ впереди".

На этомъ можно остановиться.

Сдѣланныя выписки достаточно, кажется, ознакомили насъ съ природою произведеній Иванова, и изъ нихъ же видно, что Ивановъ остался до конца увѣреннымъ, несмотря на неудачу. Въ послѣднюю минуту онъ какъ будто все простилъ, потому что все понялъ.

Онъ понялъ и уважилъ впечатлѣнія массы, когда писалъ изъ Петербурга брату въ Римъ: „Взыскательный взглядъ, по большей части полный здравыхъ разсужденій ее, т. е. публику, отличаетъ“. Его картина — дѣло прошлое. Онъ спокоенъ. Передъ нимъ лежали впереди новыя задачи, о сущности которыхъ мы можемъ теперь судить по изданію его альбомовъ.

Онъ надѣялся на будущее, на возможность бороться за слѣдующую станцію, но судьба рѣшила иначе... Кто-то другіе будутъ призваны къ окончанію начатаго имъ дѣла? Изъ того, что сказано, можно вывести не преувеличенное заключеніе, что ни одинъ художникъ не сдѣлалъ для русскаго искусства больше Иванова; мало того— наступитъ время, когда и иностранцы пожелаютъ съ нимъ короче познакомиться. По моему, это не пророчество, а простая ариѳметическая истина. Опредѣлите идеалы искусства теперешняго времени—и вы увидите, что Ивановъ уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ понялъ ихъ, опредѣлилъ себя для нихъ и стремился къ осуществленію ихъ. Чего бы вы не коснулись: композиціи, рисунка, содержанія,—вы найдете, что Ивановъ удовлетворялъ въ своихъ работахъ этимъ идеаламъ сознательно. Но вотъ это-то сознаніе—великое въ художникѣ его времени, и было тѣмъ тормазомъ, который лишаетъ талантъ свободы исполненія, пока не усвоены пріемы до механической безсознательности. Это сознаніе было ядомъ, разложившимъ элементы художника на составныя его части. Всѣ выдающіеся люди его времени были на сторонѣ его труда и его почина; они только не могли понять необходимости избраннаго Ивановымъ пути. Послѣднее обстоятельство весьма естественно: кому могъ быть понятенъ путь Иванова въ то время, когда господствовало мнѣніе, что художнику, съ его талантомъ, стоитъ только писать поскорѣе, чтобы потрясать зрителей; а Ивановъ изнурялъ себя на этюдахъ, въ то время, когда уже обозначавшіеся выводы науки находились такъ еще далеко отъ искусства. Но теперь ясно, что избранный Ивановымъ путь — былъ путь научный, который одинъ способенъ привести къ благотворнымъ результатамъ. Стоитъ присмотрѣться къ тому, напримѣръ, какъ Ивановъ доходилъ до изображенія какого нибудь типа, знакомаго намъ въ картинѣ. Этюдовъ для каждаго такаго типа имѣется много. Каждый этюдъ есть, очевидно, портретъ живаго человѣка; онъ похожъ и на того, который въ картинѣ, но въ то же время въ самомъ этюдѣ только части годятся къ выраженію задуманнаго характера.

Несомнѣнно, что каждая голова въ картинѣ по замыслу характера выше и глубже этюда, но въ то же время и слабѣе его по живописи. Ивановъ былъ реалистъ самый послѣдовательный и добросовѣстный. Такого человѣка, какой ему былъ нуженъ, онъ не нашелъ, да и не могъ бы найти никогда. Оставалось переносить въ картину, такъ сказать, суммированный этюдъ, что никогда не замѣнитъ живую дѣйствительную форму; такъ какъ нужно кое-что измѣнять, а измѣнять,

не имѣя живой формы передъ глазами, значитъ, сдѣлать только намекъ, а не облечь въ плоть и кровь несомнѣнную дѣйствительность. Такимъ образомъ, у Иванова во всемъ, чему онъ давалъ значеніе подготовки къ самому дѣлу, оказалось гораздо болѣе настоящаго художественнаго, живописнаго элемента, чѣмъ въ картинѣ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что искусство не овладѣетъ новыми пріемами. Новыя требованія отъ искусства, подымая уровень и осложняя задачу, задерживаютъ его только на время. Съ новымъ поколѣніемъ, воспитаннымъ уже въ школѣ Иванова, съ первыхъ шаговъ, многое, стоившее ему большой цѣны, будетъ усвоено легко.

Посмотримъ теперь, чтѝ новаго внесено Ивановымъ въ русское искусство. Сказать словами—выходитъ немного: въ сочиненіе или композицію онъ внесъ идею не произвола, а внутренней необходимости, т. е. соображеніе о красотѣ линій отходило на послѣдній планъ, а на первомъ мѣстѣ стояло выраженіе мысли; красота же являлась сама собою, какъ слѣдствіе. Въ рисунокъ онъ внесъ чрезвычайное разнообразіе, т. е. индивидуальность не только лица, но и всей фигуры по анатомическому построенію, исканіе—какое анатомическое строеніе должно отвѣчать задуманному характеру. Въ живопись имъ внесено совершенно натуральное освѣщеніе всей картины сообразно мѣсту и времени, а во внѣшній видъ картины—необходимость эпохи. Въ какой мѣрѣ мы обладали этими качествами прежде?

Въ стройномъ и послѣдовательномъ порядкѣ мы ими не обладали. Нельзя сказать, разумѣется, чтобы указанныя стороны искусства не встрѣчались вовсе прежде, но не одно и то же—встрѣчается ли это какъ счастливый придатокъ, или какъ принципъ. Поэтому—реформаторская смѣлость перваго почина Иванова изобразить всю сцену дѣйствительно на воздухѣ и дѣйствительно въ пейзажѣ, должно быть подчеркнуто; я уже не говорю о самомъ главномъ:—о характерѣ. Всѣ старые художники, даже великіе, изображая событіе на воздухѣ, преспокойно писали свои фигуры при комнатномъ освѣщеніи. Правда, въ то время, когда Ивановъ началъ писать свою картину, во Франціи были уже первые художники, которые стали писать на воздухѣ, но они писали пейзажи, жанръ и т. п. вещи, которыя уже и простой здравый смыслъ запрещаетъ писать иначе. Но кто знаетъ исторію живописи, тотъ согласится, что и такое простое удовлетвореніе здраваго смысла ставится въ заслугу французской критикой своимъ первымъ основателямъ этого немудраго въ сущности начала. Во всякомъ случаѣ, починъ Иванова исходилъ изъ его личнаго инстинкта, и чтобы понять значеніе этого почина — надобно только внимательно посмотрѣть на все, что дѣлается теперь, когда сплошь и рядомъ даже крупные художники позволяютъ себѣ этотъ анахронизмъ. Тутъ только сторона эта въ работахъ Иванова приметѣ должные размѣры въ нашихъ глазахъ. Идею характеровъ не вымышленныхъ, а дѣйствительныхъ, если Ивановъ и могъ заимствовать, то только у

Леонардо-Винчи, у котораго,—у одного изъ всѣхъ художниковъ стараго и новаго времени, есть эта черта. Его апостолы въ „Тайной вечери“ дѣйствительно характерны и разнообразны. Не даромъ же Ивановъ такъ часто указывалъ на Леонардо-Винчи, какъ на образецъ, къ которому онъ хотѣлъ бы приблизиться. И Ивановъ приблизился; мало того, я думаю, онъ пошелъ даже дальше. Попробуйте закрыть головы въ картинѣ Иванова, посмотрите только на однѣ его фигуры, и вы будете поражены глубиною изученія человѣка вообще. Здѣсь разнообразіе обусловливается не однимъ возрастомъ, а, какъ я сказалъ раньше, анатомическимъ построеніемъ и темпераментомъ, т. е. Ивановъ пошелъ дальше настолько, насколько передвинулся вѣкъ. Въ талантахъ де-Винчи и Иванова было много общаго. Разница въ томъ только, что итальянецъ былъ свободенъ въ школьный періодъ своего времени; онъ принадлежалъ также къ націи, имѣвшей уже прошлое богатымъ, блестящимъ, и затѣмъ среду, способную откликнуться и понять усилія художника. Ивановъ же... Но для русскаго общества нѣтъ надобности объ этомъ распространяться. Упомяну только о томъ, что обществу недостаточно извѣстна сила мертвыхъ академическихъ традицій, возникшихъ изъ почтеннаго желанія сохранить мысли погасавшаго искусства, то есть — совѣты и способы сходящихъ со сцены великихъ художниковъ. Отъ угасающихъ силъ всегда остается только форма, которая отъ времени разлагается; и чѣмъ скорѣе она будетъ спрятана, тѣмъ лучше. Но академіи съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, продолжаютъ учить скорлупѣ, за невозможностью учить содержанію, существовавшему триста лѣтъ тому назадъ. Отшлифовавъ, такимъ оброзомъ, къ тридцати годамъ человѣка, академіи оставляютъ его самого приспособляться къ новому порядку вещей. Какъ сильно Ивановъ чувствовалъ, что съ нимъ сдѣлала академія, объясняетъ ранѣе приведенная выписка. Первая и вторая картины Иванова, а затѣмъ этюды и, наконецъ, эскизы показываютъ, какъ шагъ за шагомъ онъ долженъ былъ сломать въ себѣ до основанія стараго художника съ академическимъ фундаментомъ. Вся его жизнь есть печальная повѣсть о томъ, какъ ни одно знаніе, вынесенное изъ академіи, не принесло ему пользы, а напротивъ—служило только помѣхой. Человѣкъ въ тридцать лѣтъ начинаетъ учиться, не говорю мыслить и сочинять, а учиться рисунку и живописи, какъ будто ничего не знаетъ. Выходитъ очень любопытно, если сопоставить рядомъ его ученическую програму на большую золотую медаль и послѣднія произведенія, особенно этюды. Въ программѣ онъ—готовый мастеръ и живописецъ, а въ этюдахъ—чрезвычайно наивный и начинающій ученикъ, хотя и великій художникъ.

Картину свою онъ началъ еще въ то время, когда былъ полонъ уваженія къ авторитетамъ, не только давно сошедшимъ со сцены, но и къ современнымъ, какъ—къ Корнеліусу, Овербеку, Торвальдсену и даже (о ужасъ!) къ Камучини. Не имѣя ни одной черты въ своей

духовной натурѣ, сродной названнымъ господамъ, онъ вначалѣ слушался знаменитостей, портилъ свою вещь разными аллегорическими бездѣлицами, и мучительно-медленно освобождался отъ несроднаго и мертвящаго академизма. Однако-жъ, слава Богу, онъ вышелъ побѣдителемъ.

Достоинство его ума и таланта именно тѣмъ и доказывается, что, выросши въ четырехъ стѣнахъ академіи и отправившись молодымъ человѣкомъ прямо въ Римъ, онъ сидитъ почти безвыѣздно въ Италіи 28 лѣтъ, ни къ одному жизненному движенію, достойному вниманія, и ни къ одной дѣйствительно оригинальной идеѣ онъ не остается глухъ; напротивъ, всякую новую мысль встрѣчаетъ съ самымъ искреннимъ и горячимъ сочувствіемъ, серьезно ею занимается, старается понять, мало того—ежеминутно готовъ перестроить свой внутренній міръ сообразно новому пріобрѣтенію. Это драгоцѣнное качествое ни на іоту не убывало съ его возрастомъ, и къ чему оказался готовъ этотъ человѣкъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, свидѣтельствуютъ его „Апостолы", составляющіе огромный шагъ впередъ послѣ знаменитыхъ итальянцевъ XVI вѣка; его рѣшительно невиданный типъ Христа, его монументельный „Креститель", и наконецъ его эскизы изъ библіи и евангелія. Эти композиціи такъ далеко захватили будущее, что и теперь, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ его смерти, ни одинъ европейскій художникъ не смѣетъ еще трактовать евангеліе такъ серьезно-просто, такъ реально, безъ профанаціи, въ уровень предмету. Теперь это можно сказать положительно. Послѣдняя всемірная выставка съ поразительною очевидностью доказала бѣдность европейскихъ художниковъ въ этомъ отдѣлѣ. Пока дѣло касается изображеній современной намъ жизни, еще встрѣчаются художники, рисующіе людей, каждаго съ ихъ оригинальнымъ анатомическимъ складомъ лица, а иногда и фигуры. Дѣло уже значительно хуже при изображеніи сюжетовъ историческихъ. Тутъ обыкновенно нарисованы однообразные люди, а въ сюжетахъ библейскихъ и евангельскихъ—сплошная пошлость. Рѣшить—отъ чего это зависитъ болѣе: отъ художниковъ, или отъ предразсудковъ, распространяемыхъ академіями?—довольно трудно. Будемъ думать, что нашлись бы смѣльчаки, подобные Иванову, если бы внутри у нихъ горѣло настоящее чувство.

Рядомъ съ ломкой въ своемъ собственномъ дѣлѣ, у Иванова идетъ работа ума, мученія одиночества, тѣмъ болѣе тяжелыя, что выдающіеся люди, съ которыми онъ сближался, стояли передъ нимъ, какъ передъ загадкой. Многіе, если не всѣ, сострадали ему, видя его искреннее исканіе чего-то,—но чего?—это было для нихъ недоступно, потому что—чуждо. Изъ тѣхъ споровъ, которые происходили у Иванова съ Гоголемъ и другими, ясно, что смыслъ самаго дѣла былъ имъ положительно непонятенъ. Это сплошное непониманіе Иванова особенно и поражаетъ насъ при чтеніи изданной г. Боткинымъ книги. Цѣлая

книга повѣствуетъ одно—какъ Ивановъ, теплично выращенный, поѣхавши за границу, долго работалъ внѣ времени и пространства, стараясь сравняться съ избранными образцами, какъ онъ просыпался по мѣрѣ своего развитія, и сталъ замѣчать, что въ возводимомъ имъ зданіи оказались никуда негодные матеріалы. Новыя идеи толпой врываются къ нему за его монастырскую ограду, и онъ сначала фактически не можетъ работать, уѣзжаетъ изъ Рима, а возвращается другимъ человѣкомъ. Нужно время, чтобы собраться съ силами заново и привести въ порядокъ багажъ, а время идетъ, и когда, наконецъ, Ивановъ насильно воротился въ Россію, то и онъ, и Россія, были уже новые. У насъ цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ. Послѣ Пушкина возникъ и умеръ Лермонтовъ, русское общество познакомилось чрезъ Кольцова съ народомъ, а съ частью самого себя—чрезъ Федотова. Давно уже кончилъ Гоголь, работали Гончаровъ и Тургеневъ, появился Толстой, и проч., и проч. Волна національнаго сознанія поднялась чрезвычайно высоко, назрѣли вопросы первостепенной важности; и Ивановъ, вырванный изъ міра тихой художественной дѣятельности на шумное собраніе, давно и многое переварившій въ своей спеціальности, вышедшій, наконецъ, на большую художественную дорогу съ новыми горизонтами, смотрѣвшій разсудочно и холодно на прошлое въ своей дѣятельности, долженъ былъ предстать на судъ своихъ соотечественниковъ съ картиной, которую онъ и самъ называлъ „прошедшей станціей", взятой имъ когда-то съ боя, но все же съ картиной, въ которой заключалась дорогая часть его собственной жизни и огромный художественный идейный переворотъ.

Понятно, что, несмотря на скромность и природную застѣнчивость, онъ сознавалъ, что̀ имъ сдѣлано и какое мѣсто должно ему принадлежать въ средѣ русскихъ художниковъ! Но понималъ это все-таки онъ одинъ, а онъ былъ дитя, хотя глубокое и мудрое.

Онъ ошибся, предполагая найти адвоката, который ему дѣйствительно былъ нуженъ.

При столкновеніи съ дѣйствительными людьми, съ жизнью улицы и рынка, при скромно заявленномъ имъ правѣ на мѣсто, и при грубомъ отказѣ, его натура, дѣтски чистая, не выдержала. Реальная жизнь требуетъ долговременной привычки сердца не истекать кровью отъ ежеминутныхъ уколовъ эгоизма. Гдѣ же ему было справиться съ практиками, закаленными въ борьбѣ за существованіе? Онъ только и могъ, онъ только и способенъ былъ уйти въ себя, замолчать, скрыть свои мысли и чувства; но отъ реальной жизни однимъ этимъ не отдѣлаешься. Другихъ же средствъ для борьбы за свое достоинство, кромѣ документальныхъ свидѣтельствъ на свое величіе, у него не было, а документы нѣмы; тѣ-же люди, отъ которыхъ зависѣлъ приговоръ, прочитать этихъ документовъ не могли, а нѣкоторые изъ нихъ (какъ говорятъ) и не хотѣли. Въ ту критическую минуту, когда обще-

ство должно было разсчитаться съ Ивановымъ, нуженъ былъ великій адвокатъ, который горячо и съ полнымъ знаніемъ могъ-бы изложить всѣ обстоятельства дѣла; но и въ эту послѣднюю минуту (какъ и во всю жизнь Иванова), не нашлось ни одного такого человѣка,— все было глухо и нѣмо кругомъ. А роковыя событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что трагическая развязка была неизбѣжна — и дѣло прекратилось, такимъ образомъ, вмѣшательствомъ высшаго авторитета — судьбы, а не справедливости. Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, хоть то, что первые, у кого горе отозвалось особенно больно, это были—молодыя сердца и горячія головы студентовъ.

И. Н. Крамской.

ЗАВОЕВАНІЕ АХАЛЪ-ТЕКИНСКАГО ОАЗИСА [1].

V.

Текинцы и текинки.

Въ военномъ отношеніи экспедиція 1879 года въ Ахалъ-Теке имѣетъ значеніе форсированной рекогносцировки. Край загадочный сталъ краемъ извѣстнымъ, пути неизвѣданные—пройденными путями. Мы познакомились съ народомъ, съ которымъ приходилось имѣть дѣло, и въ 1880 году имѣли всѣ данныя, чтобы вести задуманное предпріятіе безъ всякаго риска, съ твердою увѣренностью въ успѣхѣ.

Подъ халатомъ текинца мы нашли энергическаго, предпріимчиваго, безмѣрно храбраго воина, но съ плохимъ огнестрѣльнымъ вооруженіемъ. Подруга его—текинка—оказалась вполнѣ достойной его супругой.

Вотъ свѣдѣнія, которыя мы находимъ о томъ и другой въ брошюрѣ г. Барановскаго и въ статьѣ г. Поповича-Липоваца „Ахалъ-текинскія женщины", помѣщенной въ фельетонѣ газеты „Новое Время", № 1493. Текинское племя, подобно всѣмъ туркестанскимъ племенамъ, подраздѣляются на роды (тайфе) и кланы (тире). Кромѣ того, они дѣлятся еще на тохтамышцевъ и утемышцевъ; къ первому принадлежитъ $^2/_3$ населенія, отличающагося болѣе мирными наклонностями, ко второму—остальная воинственная часть племени. Образъ жизни текинцевъ полукочевой. Религію исповѣдаютъ магометанскую, суннитскаго толка, но вообще не отличаются фанатическою религіозностью, и потому ихъ муллы или ишаны особеннымъ значеніемъ или властью не пользуются.

---

[1]) Окончаніе. См. „Историческій Вѣстникъ", стр. 577—595.

Не особенно большою властью пользуются и ханы, которые скорѣе совѣтники, нежели властители личнаго населенія ауловъ. Но въ минуту опасностей у нихъ всегда находится предводитель, которому остальные текинцы слѣпо подчиняются. Во время первой экспедиціи, такимъ диктаторомъ оазиса оказался Нуръ-Верды ханъ, лично однако неуспѣвшій принять участіе въ битвѣ съ русскими. Объ этомъ Нуръ-Верды ханѣ Ахалскомъ Бульгеръ пишетъ слѣдующее:

Нуръ-Верды-ханъ—55 лѣтъ отъ роду, росту высокаго (5 фут. и 10 дюйм.), имѣетъ правильныя черты и крайне внушительное обращеніе. Смѣлъ, но остороженъ. Въ 1855 году онъ одержалъ блистательную побѣду надъ ханомъ хивинскимъ Медешиномъ, который ходилъ на Мервъ съ огромной арміей. Зато дѣйствія его противъ персовъ были мало удачны, и это повело къ паденію, послѣ 1859 года, его значенія въ оазисѣ настолько, что ему приходилось бѣжать изъ Ахалъ-Теке и скрываться въ Мервѣ. Однако, приближеніе русскихъ заставило вспомнить о немъ и возвратило ему утраченное значеніе. 28-го августа Нуръ-Верды находился въ походѣ, и защитою Геокъ-Тепе руководилъ его сынъ, убитый при аттакѣ па русскую артиллерію.

Текинцы не платятъ никакихъ податей и не несутъ какихъ-либо повинностей. Обычное право у нихъ господствуетъ въ полной силѣ и ханскія распоряженія исполняются лишь до тѣхъ поръ, пока не противорѣчатъ вкоренившимся обычаямъ. Но зато сила обычая такъ велика, что на каждаго нарушителя его смотрятъ какъ на величайшаго преступника.

Если вѣрить г. Т. М. Барановскому, то текинцы, будучи большими хищниками по отношенію къ не текинцамъ—между собою отличаются большою честностью, и считаютъ воровство самымъ позорнымъ преступленіемъ для человѣка. Въ этомъ отношеніи, кажется, намъ, дѣтямъ „гуманной“ цивилизаціи, не мѣшало бы хоть у текинцевъ поучиться честности. Если тѣ нѣсколько равнодушны къ убійству, то мы черезчуръ снисходительны къ воровству, и ужъ разумѣется наши „коммерческіе благодѣтели“ должны краснѣть передъ тѣмъ туркменомъ-гокланомъ, который, продавъ полковнику Навроцкому верблюдовъ и получивъ лишнихъ 940 рублей, нарочно пріѣхалъ изъ степей и возвратилъ эти непринадлежащія ему деньги [1]).

По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя попадаются въ немногихъ имѣющихся у насъ матеріалахъ, честность текинцевъ не ограничивается деньгами, что можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа г. Тугана-Мирзы-Барановскаго.

---

[1]) Въ минувшую войну за освобожденіе Болгаріи, ту же честность нашло кавказское интендатство у дикаго шушинскаго купца Хагатуръ-Ага-Тохбазова, возвратившаго 52,000 руб., полученныхъ въ задатокъ, по контракту, который не былъ окончательно заключенъ казною.

В. П.

После отступленія русскихъ войскъ къ Беурмѣ, по предложенію полковника Малама, былъ посланъ въ Геокъ-Тепе плѣнный текинецъ, изъ четырехъ схваченныхъ передъ этимъ въ какой-то аріергардной стычкѣ. Плѣнный этотъ повезъ съ собою прокламацію съ предложеніемъ покориться (отступавшей) русской силѣ. Этому текинцу было сказано, что если онъ черезъ недѣлю не вернется съ отвѣтомъ, три его товарища будутъ разстрѣляны. Черезъ четыре дня этотъ текинецъ вернулся въ русскій лагерь съ гордымъ отвѣтомъ предводителя племени:

— Передай генералу, что Теке покорится только силѣ!

По словамъ г. Поповича-Липоваца, текинка, мало отличаясь отъ текинца по внѣшней одеждѣ (халатъ ея болѣе яркихъ цвѣтовъ, расцвѣченъ вышивкой, и она носитъ вмѣсто оружія серебряныя украшенія на поясѣ и въ ушахъ)—мало отстаетъ и энергіей. При штурмѣ Геокъ-Тепе, въ вылазкахъ несомнѣнно участвовали и женщины. Во время обхода крѣпости съ восточной стороны, по нашей кавалеріи вдругъ изъ одной канавы было сдѣлано три выстрѣла; солдаты бросились къ канавѣ, но вмѣсто текинца схватили молодую дѣвушку, стрѣлявшую изъ трехъ лежавшихъ передъ нею пистолетовъ.

— Не бойся, тебѣ ничего дурнаго не сдѣлаютъ, объявилъ командиръ черезъ переводчика своей плѣнницѣ, (къ несчастію для красоты слога—не особенно очаровательной).

Но дѣвушка отвѣчала:

— Я, сердаръ, ничего не боюсь, можете дѣлать со мной, что хотите. Но вы всѣ, гяуры, бойтесь и страшитесь насъ, такъ какъ никто изъ васъ не уйдетъ изъ нашей страны.

Замѣтимъ, что текинки не закрываютъ подобно другимъ магометанкамъ лица, хотя и напрасно, такъ какъ оно, по мнѣнію большинства, некрасиво. Разумѣется, какъ и вездѣ у поклонниковъ пророка, и у текинцевъ существуетъ многоженство, но имъ могутъ наслаждаться только богатые, такъ какъ за дѣвушку женихомъ ея вносится родителямъ богатый выкупъ. Средній калымъ за невѣсту составляетъ 10 барановъ, 2 верблюда и 300 крановъ (кранъ—30 к.) серебра. Каждая жена текинца живетъ въ отдѣльной кибиткѣ, которую обязательно приноситъ съ собой въ приданое. Въ случаяхъ развода, допускаемаго по безплодію, вслѣдствіе хронической болѣзни, или по причинѣ дурнаго запаха изо рта, все приданое невѣсты возвращается, также какъ возвращается и калымъ жениху.

Обычай запрещаетъ текинцу жениться на рабынѣ, и это служитъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ текинской поэзіи. Красота нѣжныхъ персіянокъ сильно прельщаетъ ихъ, но законъ не дозволяетъ текинцу обогащать свое племя помѣсью, и потому въ случаяхъ, когда влюбленный господинъ воспользуется своимъ правомъ побѣдителя и плѣнница затяжелѣетъ и родитъ, то ребенка или убиваютъ, или продаютъ въ рабство. Въ общемъ, семейная обстановка въ Ахалъ-Теке довольно

нравственна, хотя (или потому что?) мужья нерѣдко поколачиваютъ своихъ женъ.

Приводимые г. Поповичемъ-Липовацемъ текинскія пѣсни несомнѣнно свидѣтельствуютъ о большой теплотѣ сердца текинца. Нѣкоторыя строфы, въ вольномъ переводѣ, производятъ очаровательное впечатлѣніе. Промышленность въ Ахалъ-Теке не особенно блестящая, но выше, чѣмъ у другихъ туркменскихъ племенъ. Ковры текинскіе цѣнятся очень высоко, часто считаются даже лучше персидскихъ. Ихъ ткутъ женщины съ быстротою и ловкостью замѣчательной. Такъ, есть мастерицы, способныя сдѣлать въ годъ отъ 2 до 3 ковровъ, шириною 5, а длиною до 10 аршинъ. Текинцы кромѣ того прекрасные оружейники. Шашки ихъ заслуживаютъ самаго полнаго одобренія, а ружья настолько хороши, что первое время текинцы не дурно отстрѣливались отъ нашихъ берданокъ. Искусство и смышленость племени выказались весьма ярко въ томъ успѣхѣ, съ какимъ они научились употреблять берданки, попавшія къ нимъ послѣ отбитія штурма, и освоились съ патронами, доставшимся имъ въ Бендесенѣ, гдѣ мы принуждены были, вслѣдствіе единовременной кончины 400 верблюдовъ, зарыть 17 ящиковъ съ патронами. По указанію верблюдовожатыхъ, патроны были отрыты текинцами и въ свое время употреблены въ дѣло.

Что касается военнаго таланта, то онъ ярко выяснился во время осады Геокъ-Тепе генераломъ Скобелевымъ. Про защитниковъ этой крѣпости можно сказать, что они сдѣлали все для себя возможное при тѣхъ средствахъ защиты, которыми обладали.

Эту особенность текинцевъ раньше всѣхъ оцѣнили русскіе солдаты.

— Супротивъ текинца надо назначить важнаго генерала! говорили они еще при первой неудачѣ, постигшей ихъ подъ стѣнами текинской крѣпости.

Такая оцѣнка была признана правильной и выше. И вотъ, когда генералъ Тергукасовъ, затягивая срокъ завоеванія Ахала, видимо добивался отозванія, то на мѣсто его былъ назначенъ временно Муравьевъ, а затѣмъ уже руководить экспедиціей, дѣйствительно, пріѣхалъ „настоящій“ генералъ—Скобелевъ.

VI.

Генералъ Скобелевъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1880 года, генералъ-адъютантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ высадился въ Красноводскѣ и, вѣрный старой привычкѣ знать все и все видѣть самому—тотчасъ же принялся за рекогносцировки и развѣдки по всѣмъ направленіямъ, казавшимся удобными для успѣшнаго завоеванія оазиса.

Минувшая кампанія 1877—78 года выдвинула на арену исторіи имена многихъ храбрыхъ и талантливыхъ генераловъ, которыми русская армія имѣетъ полное право гордиться. Въ числѣ такихъ имя Скобелева 2-го было уже достаточно популярно и раньше, по его участію въ хивинскомъ походѣ. Но исключительную, рѣдкую талантливость и военное счастіе этого генерала выдвинула и подчеркнула война болгарская. Атака 30-го августа на Гривицкій редутъ, дѣятельность въ памятные дни 2—3-го ноября на Зеленыхъ горахъ и особенно безпримѣрный зимній переходъ черезъ Балканы, закончившійся блестящимъ Шейновскимъ дѣломъ,—все это такіе патенты на званіе настоящаго военачальника, которые нельзя оспаривать хотя бы съ отдаленной надеждой на успѣхъ.

Повидимому—это человѣкъ, скроенный какъ разъ по мѣркѣ полководца такъ, какъ опредѣляютъ ее Морицъ Саксонскій и Наполеонъ. Хладнокровно-безстрашный, вполнѣ владѣющій собой, никогда не теряющійся, не знающій дѣленія своихъ обязанностей на важныя и неважныя, на мелкія и крупныя; имѣющій даръ читать въ сердцахъ солдатъ и потому всегда знающій навѣрное, что можно и чего нельзя отъ нихъ требовать; энергичный, дѣятельный, строгій, но простой съ подчиненными, и при этомъ требовательный по отношенію къ сущности, снисходительный къ формѣ, онъ съ первыхъ же шаговъ на своемъ военномъ поприщѣ сдѣлался идоломъ русскаго солдата.

О генералѣ Скобелевѣ, впрочемъ, за время болгарскаго похода составилось мнѣніе, какъ о въ высшей степени горячемъ человѣкѣ, ищущемъ опасности, бросающемся въ самую свалку и не обращающемъ никакого вниманія на убыль людей въ своемъ отрядѣ. Солдаты его отчаянную храбрость и невозмутимое хладнокровіе подъ пулями приписывали заговору. По солдатской легендѣ, сообщаетъ г. В. Немировичъ-Данченко, хивинецъ девять дней и девять ночей возилъ Скобелева по Хивѣ невѣрной и заговаривалъ. Потомъ девять дней и девять ночей Скобелеву ѣсть и пить не давали и все заговаривали, пока совсѣмъ не заговорили, такъ что пуля проходитъ насквозь, не причиняя Скобелеву ни малѣйшаго вреда.

Поэтому, когда послѣ чрезмѣрно-медленнаго и колебавшагося Тергукасова, назначили Скобелева, всѣ ждали быстраго наступленія, молодецкаго налета на оазисъ, и втайнѣ боялись (а можетъ, иные и радовались), что отважный генералъ сломаетъ себѣ шею подъ стѣнами укрѣпленія „голубой горы" (Геокъ-Тепе значитъ голубая гора).

Событія показали, что боязнь и радость были одинаково напрасны. Въ походѣ на оазисъ, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ въ распоряженіяхъ передъ Шейновскимъ боемъ, выказался безспорный военный талантъ этого генерала. Походъ требовалъ исключительныхъ мѣръ—и онѣ были приняты, требовалъ непремѣннаго успѣха, при неблагопріятныхъ условіяхъ и съ малыми средствами надъ непріятелемъ, еще опьяненнымъ своею побѣдой надъ нами и, благодаря послѣдней, успѣв-

шимъ вооружиться нашими же берданками и нашими же патронами,— и всѣ эти требованія блестящимъ образомъ выполнены молодымъ русскимъ генераломъ, и потому его дѣятельность въ Ахалъ-Теке имѣетъ большую военно-историческую поучительность.

Тотчасъ по прибытіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Красноводскъ, онъ съѣздилъ осмотрѣть фортъ Александровскъ и кочевки одаевскихъ киргизовъ; потомъ, сдѣлавъ рекогносцировку Михайловскаго залива и направленія будущей желѣзной дороги до Молла-Кары, онъ отправился въ Чикишляръ, гдѣ занялся многими соображеніями по предстоящей экспедиціи и главнымъ образомъ—вопросомъ объ организаціи верблюжьихъ транспортовъ.

Съ послѣдней цѣлью онъ припугнулъ старшинъ кочевыхъ аттабаевцевъ, выписалъ изъ Ташкента отважнаго подрядчика Громова, а также поручилъ доставить верблюдовъ не выше 110 руб. за голову подрядчику Мягкову. Въ результатѣ этихъ распоряженій оказалась возможность собирать верблюдовъ съ обширной территоріи (чуть ли не до Семипалатинска), такъ что къ концу августа изъ Оренбурга Эмбинскими и Устьуртовскими степями пришло, подъ начальствомъ полковника Мореншильда, 6600 изъ подрядныхъ верблюдовъ Мягкова.

Вопросъ о водѣ и продовольствіи отряда также былъ рѣшенъ совершенно самостоятельно. Въ Красноводскѣ уже ранѣе дѣйствовалъ плавучій опрѣснитель на баржѣ общества „Кавказъ и Меркурій", дававшій ежедневно 15,000 ведеръ прѣсной воды. Этого количества показалось недостаточно, и потому Бакинскому заводу Нобеля былъ заказанъ другой аппаратъ, который, къ ноябрю 1880 года давалъ до 25000 ведеръ въ сутки прѣсной воды. Воду эту развозили по желѣзной дорогѣ въ особыхъ цистернахъ и простыхъ боченкахъ. Паръ, отработавшій въ котлахъ опрѣснителя, утилизировался въ поставленныхъ вблизи кибиткахъ, гдѣ каждый день парились свободные отъ работъ и занятій солдаты и рабочіе. До выступленія въ походъ, кавалерію и часть пѣхоты Скобелевъ держалъ на западномъ берегу Каспійскаго моря въ состояніи постоянной готовности переѣхать на восточный берегъ; это давало возможность сосредоточить массу фуража и провіанта на предстоящую экспедицію. Замѣчательно также образованіе такъ называемой передвижной артиллеріи. У Скобелева было 74 орудія, большею частію старыхъ, растрѣлянныхъ, для передвиженія которыхъ въ оазисъ нерасчетливо было имѣть полное число лошадей. Въ виду этого, была организована постепенная перевозка этой артиллеріи изъ Красноводска въ Бами лошадьми 19-й и 21-й артиллерійскихъ бригадъ.

Для почтовой службы, а также для пастьбы и управленія верблюжьими транспортами, организовано было три сотни киргизовъ аттабаевцевъ, уже въ хивинскую экспедицію оказавшихъ намъ неоцѣненныя услуги по всякаго рода степнымъ пересылкамъ. О добросовѣстности

этихъ степныхъ почтальоновъ свидѣтельствуетъ трогательный случай, разсказанный корреспондентомъ „Новаго Времени".

Въ 1873 году, въ хивинскую экспедицію, джигитъ во время сильныхъ жаровъ отправился съ почтовой сумкой изъ Киндерли въ Хиву. Гдѣ-то на пути, въ песчаныхъ барханахъ, онъ заблудился и погибъ. Двое сыновей отправились его разыскивать, но нашли только убитую лошадь, у которой онъ, вѣроятно, страдая жаждой, пилъ кровь, и палку воткнутую въ песокъ, въ которомъ была зарыта сумка.

Корреспондентъ „Голоса" г. Б. о тѣхъ же киргизахъ говоритъ слѣдующее:

„Нельзя не сказать, что киргизы служили съ большимъ рвеніемъ въ послѣднюю ахалтекинскую экспедицію, хотя служба ихъ при верблюдахъ была крайне тяжелая. Въ торговыхъ караванахъ принято за правило послѣ каждаго рейса давать три или четыре недѣли для отдыха верблюдамъ. Этимъ временемъ пользуются и верблюдовожатые. Во время же экспедиціи, войсковыя требованія заставляли верблюжьи транспорты передвигаться почти непрерывно. Такимъ образомъ, отступленіе отъ привычекъ, усвоенныхъ животными, а также отъ выработанныхъ временемъ правилъ для движенія торговыхъ каравановъ и, наконецъ, строгія требованія военныхъ властей хорошаго ухода за верблюдами—все это вмѣстѣ удесятеряло обычный трудъ киргиза. Не смотря, однако, на такой усиленный трудъ, киргизы служили съ величайшимъ самопожертвованіемъ, нерѣдко отдавая жизнь свою при выполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей".

Далѣе, тотъ же корреспондентъ прибавляетъ:

„Замѣчательны лошади у этихъ киргизовъ. Это маленькія и крайне некрасивыя лошадки, но онѣ замѣчательны по своей выносливости: сто или полтораста верстъ онѣ дѣлали въ одинъ переходъ и довольствовались, большею частью, однимъ подножнымъ кормомъ, причемъ онѣ привыкли проходить по самымъ крутымъ горнымъ тропинкамъ и переплывать самые быстрые потоки и рѣки. Сами киргизы отличаются изумительнымъ зрѣніемъ и слухомъ, а также навыкомъ оріентироваться во всякой мѣстности; такъ что въ случаѣ европейской войны, киргизскіе наѣздники могутъ оказывать неоцѣнимыя услуги арміи".

Отдавая массу времени и силъ на всю эту подготовительную работу для организаціи экспедиціи, М. Д. Скобелевъ постоянно подъ личнымъ руководствомъ производилъ самыя дальнія и смѣлыя рекогносцировки. Между тѣмъ, онъ болѣе всякаго могъ бы поручать эти развѣдки своимъ приближеннымъ, такъ какъ для него характеръ мѣстности и особенности края были не новы. Въ чинѣ штабсъ-капитана, находясь въ отрядѣ генерала Столѣтова, онъ успѣлъ уже въ 1869 году познакомиться съ этимъ печальнымъ краемъ, а въ бытность свою комендантомъ укрѣпленнаго пункта Молла-Кора даже порядочно изучить его.

Повидимому, „настоящій" генералъ былъ другого мнѣнія и ранѣе прибытія войскъ успѣлъ побывать въ кочевьяхъ аттабаевцевъ, выбрать мѣсто для направленія желѣзной дороги и, наконецъ, проѣхавъ по всей атрекской линіи, отъ Чикишляра до Бами, онъ, въ сопровожденіи сотни казаковъ и одного горнаго орудія, 6-го іюня подъѣхалъ

даже къ самому Геокъ-Тепе, чтобы убѣдиться въ значительныхъ усиленіяхъ этого пункта, сдѣланныхъ текинцами послѣ экспедиціи 1879 года. Во всѣхъ этихъ степныхъ переѣздахъ онъ поражалъ своею энергіею и силой. Проѣдетъ сотню верстъ, остановится и тотчасъ же занимается еще письменными дѣлами, тогда какъ окружающіе его чувствуютъ себя совершенно разбитыми.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда уже былъ начатъ настоящій походъ, онъ взялся самъ руководить рекогносцировкой по рѣкѣ Чандырю, которую поручено было произвести четыремъ сотнямъ Полтавскаго казачьяго полка и двумъ эскадронамъ драгунъ подъ начальствомъ полковника Навроцкаго. Войска эти должны были открыть горный проходъ прямо на Геокъ-Тепе и поразить текинцевъ внезапнымъ появленіемъ русскихъ съ той стороны, откуда ихъ не ждали.

Во время этой рекогносцировики, послѣ отдыха на одномъ изъ приваловъ, генералъ Скобелевъ приказалъ своей кавалеріи двинуться впередъ, а самъ остался съ семью человѣками, чтобы написать нѣсколько приказаній. Переписка и отправленіе приказаній заняли нѣсколько болѣе времени, чѣмъ предполагалось. Когда же командующій войсками отправился догонять отрядъ, то сбился съ дороги и, такимъ образомъ, остался въ горахъ только съ семью всадниками и безъ проводника. Въ этомъ положеніи застала его ночь и онъ остановился на ночлегъ. Только къ утру посланные имъ для развѣдокъ всадники привели изъ Нухара команду охотниковъ, которая была составлена изъ войскъ передоваго отряда и послана изъ Бами въ Нухаръ тоже для рекогносцировки. Вмѣстѣ съ этою командою генералъ Скобелевъ присоединился къ войскамъ.

За такое упущеніе полковника Навроцкаго генералъ Скобелевъ наказалъ его по своему — онъ при штурмѣ Геокъ-Тепе былъ назначенъ командиромъ резервовъ. Такое же наказаніе постигло и командира сводной кавалерійской бригады, дѣйствіями котораго 23-го декабря, въ дѣлѣ Петрусевича, „настоящій" генералъ былъ очень не доволенъ. Полковнику Арцишевскому, въ день 12-го января, была назначена скромная роль командира надъ нестроевыми командами и деньщиками.

Изъ многихъ описаній корреспондентовъ, дѣйствительныхъ или выдуманныхъ анекдотовъ, ходящихъ о М. Д. Скобелевѣ, иной ригористъ выведетъ заключеніе, что онъ слишкомъ эфектенъ, слишкомъ ярокъ для степенной роли главнокомандующаго. Исторія войнъ, однако, свидѣтельствуетъ, что всѣ молодые генералы и всѣ дѣйствительные генералы, т. е. сами водившіе войска въ бой, никогда не пренебрегали эфектомъ, зная, какъ возбудительно дѣйствуетъ этотъ эфектъ на предводимые ими войска. Слѣдовательно, нѣкоторую афектацію, извѣстную степень бравады, слѣдуетъ простить всякому генералу, а тѣмъ болѣе М. Д. Скобелеву, на долю котораго выпало добиться съ малыми силами большаго и притомъ непремѣннаго

успѣха. Но было бы крайне ошибочно полагать, что въ лицѣ этого генерала мы видимъ безучастнаго къ людскому горю и страданію человѣка. Внутри себя онъ, можетъ быть, страдаетъ болѣе прочихъ, но онъ знаетъ, какъ опасно показаться войскамъ, зашедшимъ въ глубокіе степи и стоящимъ ничтожной кучкой подъ стѣнами крѣпости, гдѣ засѣлъ смѣлый, воинственный и опьяненный старымъ успѣхомъ народъ, обороняющій свою независимость,—съ лицомъ истомленнымъ, съ думой горькой, заботой на челѣ. Вотъ почему постоянное придвиганіе лагеря къ стѣнамъ осажденной крѣпости, по мѣрѣ неудачныхъ для насъ вылазокъ текинцевъ, должно считаться рѣшительно геніальнымъ распоряженіемъ. Оно и не жестоко, разъ самъ Скобелевъ ставилъ свою ставку, отмѣченную и размѣрами и значкомъ, въ сферѣ досягаемости крѣпостныхъ выстрѣловъ. Кто самъ рискуетъ, тотъ имѣетъ нравственное право заставить рисковать и другихъ. Такъ думали, вѣроятно, въ отрядѣ всѣ, и потому превосходная обрисовка настоящаго генерала, данная корреспондентомъ „Новаго Времени“, такъ жива и понятна даже и не военнымъ:

„Не смотря на душевныя потрясенія, которыя, конечно, Скобелевъ долженъ былъ переносить въ тягостныя минуты ночныхъ нападеній, онъ не палъ духомъ и выходилъ къ войскамъ такимъ же удалымъ молодцомъ, какимъ его знала 16-я дивизія подъ Плевной и Шейновымъ: изящный, величественно-стройный, одѣтый съ иголочки, раздушеный, съ ласковой, веселой улыбкой на блѣдномъ, утомленномъ лицѣ.

„...Солдаты понимаютъ, что это идетъ ихъ истинный вождь. Бодрость и силы просыпаются въ траншеяхъ... Всякій чувствуетъ на себѣ проницательный взглядъ генерала.

„— Скобелевъ идетъ! говорятъ солдаты.

„— Здорово молодцы ширванцы!.. раздается звучный, вызывающій голосъ, и точно электрическій токъ пробѣгаетъ по измученнымъ и запыленнымъ рядамъ офицеровъ и солдатъ; и громкое и лихое „здравія желаемъ“ несется на встрѣчу настоящему генералу; онъ идетъ по рядамъ высокій, молодой, въ бѣломъ романовскомъ полушубкѣ, съ генеральскими погонами и бѣлымъ крестомъ на шеѣ, не сгибая головы подъ выстрѣлами... и по его приказанію русскіе безотвѣтные воины опять готовы не спать, не отдыхать, копать безъ устали и умирать безропотно...“

Съ вождями, которые имѣютъ такое нравственное вліяніе на порученные имъ войска, пораженіе немыслимо. Покуда Скобелевъ былъ живъ, участь Ахалъ-Теке не подлежала сомнѣнію. Разумѣется, его могли и убить, но... по странной игрѣ военной судьбы, есть генералы, дѣйствительно, какъ бы неуязвимые, какъ бы заколдованные. Имъ покровительствуетъ случай, ихъ щадятъ пули, разумѣется, до случая. Такими генералами были Ней, Милорадовичъ, отчасти Наполеонъ—и такимъ же баловнемъ военнаго счастья оказывается и неуязвимый генералъ Скобелевъ.

VII.

Походъ въ Ахалъ-Теке *).

Предпринимая походъ на халатниковъ, искали только пути, гдѣ бы проходящія войска были обезпечены прѣсною водою способами дешевыми и естественными, и потому выбрали для наступленія линію Атрека съ опорною базою въ Чикишлярѣ, не смотря на то, что Чикишляръ не имѣлъ удобнаго рейда.

Скобелевъ, наступая на ахалтекинцевъ, рѣшилъ воспользоваться всѣми путями, ведущими въ оазисъ, приспособивъ каждый изъ нихъ для какихъ либо спеціальныхъ цѣлей, и потому протянулъ свою базу по всему каспійскому побережью: отъ Красноводска черезъ Михайловское до Чикишляра. Главнымъ операціоннымъ пунктомъ служилъ Красноводскъ, гдѣ были устроены склады интендантскаго и артиллерійскаго вѣдомствъ, что обусловливалось удобствомъ выгрузки и нагрузки судовъ, стоящихъ въ Красноводскомъ заливѣ, закрытомъ отъ всякихъ вѣтровъ и притомъ достаточно глубокомъ. Укрѣпленіе Михайловское, находящееся въ 60 верстахъ южнѣе Красноводска и имѣющее съ послѣднимъ удобное морское сообщеніе, назначено было служить начальнымъ пунктомъ предполагавшейся желѣзной дороги. Изъ Михайловскаго, окруженнаго безводными, сыпучими песками, при помощи этой дороги предполагалось перевозить артиллерійскія тяжести до Кизиль-Арвата, откуда путь наступленія шелъ по плодородной почвѣ, имѣющей хорошую ключевую, горную воду. Кавалерія же и часть пѣхоты, а также фуражный и провіантскій запасы, должны были слѣдовать изъ Чикишляра по наѣзженному и извѣданному уже пути вдоль рѣкъ Атрека и Сумбара.

Оба пути сходились у аула Бами, который, послѣ іюньской рекогносцировки самого Скобелева подъ крѣпостью Геокъ-Тепе, былъ избранъ, какъ главный опорный пунктъ всей экспедиціи. Аулъ этотъ былъ укрѣпленъ, снабженъ достаточнымъ гарнизономъ и вскорѣ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ всего необходимаго для успѣха экспедиціи.

Къ концу ноября въ Бами собралось достаточно нровіанта, и Скобелевъ двинулъ свои войска въ Егіанбатыръ-кала (названное Самурскимъ укрѣпленіемъ). Желѣзная дорога отъ Михайловскаго до Молла-Кары продолжала подвигаться далѣе до Балаишена, Кутола и Айдина, имѣя впереди переносную дорогу Дековиля. Эта послѣдняя невполнѣ удовлетворила возлагавшіяся на нее надежды, такъ какъ тонкія и слабыя ея рельсы выгибались подъ тяжестью

*) Описаніе военныхъ дѣйствій похода 1880—81 года обязательно просмотрѣно и исправлено однимъ изъ видныхъ его участниковъ, инженеръ-капитаномъ А. Н. Масловымъ.

перевозимыхъ на нихъ грузовъ. Но, правду говоря, изобрѣтателю ея и въ голову не приходило, что изъ его скромной идеи сдѣлаютъ такое грандіозное примѣненіе, то есть, чисто вспомогательное средство при работахъ дороги—обратятъ въ самую дорогу. Тѣмъ не менѣе, она, очевидно, принесла свою долю пользы, такъ какъ и до сихъ поръ движеніе закаспійской дороги впередъ происходитъ съ помощью дековилевскихъ рамъ и вагонетокъ. Къ концу экспедиціи желѣзная дорога дошла до Айдина, удаленнаго отъ Михайловскаго на 70 верстъ. Дорога Дековиля протянулась еще на 20 верстъ далѣе и остановилась въ Ахча-Куимѣ. Какъ первый опытъ дороги въ сыпучихъ и переносныхъ пескахъ, закаспійскій желѣзный путь вполнѣ показалъ возможность проведенія такихъ дорогъ въ пустыняхъ. Успѣху этому способствовали талантъ инженера Усова, придумавшаго остроумныя приспособленія для защиты дороги отъ заносовъ, и главнымъ образомъ работы и указанія князя Хилкова, получившаго солидное техническое образованіе на практическихъ работахъ въ Америкѣ. По показанію корреспондентовъ, князь Хилковъ къ славянскому добродушію присоединилъ въ Америкѣ предпріимчивость и твердость янки. Все движеніе по закаспійской дорогѣ организовано трудами и заботою этого талантливаго человѣка.

Изъ средствъ, предлагаемыхъ паровой механикой къ передвиженію, экспедиція, кромѣ желѣзной дороги, имѣла еще паровую флотилію подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Макарова (въ минувшую войну командиръ парохода „Константинъ"). О характерѣ и составѣ каспійской казенной флотиліи всего лучше говоритъ казусъ, случившійся съ пароходомъ „Баку". Генералъ Петрусевичъ съ поручикомъ Кауфманомъ были командированы въ Киндерли для осмотра проходившихъ тамъ верблюжьихъ транспортовъ, слѣдовавшихъ изъ Оренбурга. Въ Киндерлійскій заливъ они отправились на пароходѣ „Баку", который былъ только что спущенъ на воду. Довезя генерала Петрусевича до залива, пароходъ испортился и остался стоять тамъ на якорѣ, а пассажиры его принуждены были скакать 400 верстъ вдоль берега, на казацкихъ лошадяхъ. Понятно само собой, что если такъ отличился новый пароходъ, то о старыхъ и говорить нечего; они рѣшительно отказались служить экспедиціи, почему ни войска, ни интендантство, не находило возможнымъ пользоваться ихъ услугами, а между частными лицами попасть на казенный пароходъ считалось величайшимъ несчастіемъ. Одинъ только пароходъ „Шахъ", съ нѣкоторымъ успѣхомъ занимался перевозкою больныхъ и раненыхъ изъ Чикишляра въ Баку; а рѣчной пароходикъ „Чикишляръ", благодаря превосходному командиру лейтенанту Іенишу, поддерживалъ сообщеніе между Красноводскомъ и Михайловскимъ. Вся остальная перевозка производилась помощью судовъ общества „Кавказъ и Меркурій".

Переходя затѣмъ къ заботамъ о санитарной части отряда, слѣдуетъ замѣтить слѣдующее.

Для передвиженія больныхъ и раненыхъ были учреждены госпитали въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Бами на 200 человѣкъ, затѣмъ по Атрекской линіи: въ Ходжамкала и Дузулумѣ на 100 въ каждомъ, въ Чикишлярѣ на 200 человѣкъ; по михайловской линіи: въ Казанчикѣ, Балаишемѣ, Молла-кара и въ Михайловскомъ заливѣ—по 50 мѣстъ въ каждомъ, и въ Красноводскѣ—на 200 человѣкъ. Всѣ эти госпитали и лазареты помѣщались въ госпитальныхъ палаткахъ и киргизскихъ кибиткахъ. Въ Красноводскѣ, Чикишлярѣ и Михайловскомъ, были устроены легкіе деревянные бараки, обшитые снаружи толемъ, а внутри картономъ (каждый баракъ на 30 больныхъ). Но, въ виду наступившаго зимняго времени, въ нихъ сдѣланы были приспособленія и для отопленія. Снабжены они были весьма широко довольствіемъ, всевозможными консервами и госпитальными потребностями.

При нѣкоторыхъ изъ госпиталей и лазаретовъ были склады „Краснаго Креста". Главный же складъ этого человѣколюбиваго учрежденія находился въ Красноводскѣ.

Главныя передвижныя силы отряда составляли все таки верблюды, несмотря на то, что этотъ корабль пустыни оказался въ высшей степени неудобнымъ для перевозки военныхъ тяжестей. Во время похода въ Афганистанъ, англичане потеряли 60,000 верблюдовъ. Въ 1879 году, изъ 10,000 верблюдовъ пало 9,400, не менѣе падало ихъ въ экспедиціи 1880—81 года, такъ какъ, по свидѣтельству М. Н. Анненкова, ихъ изъ 18 тысячъ остался къ концу только тысяча. Оба пути—Атрекскій и Михайловскій, буквально были усѣяны трупами этихъ неприхотливыхъ и несчастныхъ животныхъ, несмотря на то, что для наблюденія и ухода за ними были наняты киргизы. Но обстановка военныхъ перевозокъ, вслѣдствіе не одинаковости грузовъ, а также и вслѣдствіе несовпаденія времени, когда надо отдыхать верблюду и можно отдохнуть солдату, такого рода, что и киргизы не могли много помочь въ сохраненіи верблюжьей силы и животные падали сотнями, костями своими убѣливъ путь наступавшихъ завоевателей. Перевозкою тяжестей занимались, кромѣ вольнонаемныхъ верблюдовъ Громова, еще 12,000 верблюдовъ казенныхъ, доставленныхъ съ Мангишлакскаго полуострова, полковникомъ Навроцкимъ, и изъ оренбургскихъ степей—полковникомъ Ивановымъ.

Кромѣ верблюжьихъ транспортовъ, по Атрекской линіи былъ сформированъ конскій транспортъ, изъ нанятыхъ молоканскихъ и купленныхъ казенныхъ четырехъ-конныхъ фургоновъ. Такой же транспортъ изъ 100 фургоновъ находился въ дѣйствіи при переходѣ изъ Бами въ Самурское укрѣпленіе, при началѣ обложенія Геокъ-Тепе.

Весь подготовительный періодъ похода сопровождался стычками съ текинцами, неупускавшими случая тревожить безопасность нашего передвиженія къ оазису. Въ числѣ такихъ дѣлъ, въ августѣ, замѣчательно дѣло доктора Студитскаго, геройски въ теченіи нѣсколь-

кихъ часовъ отстрѣливавшагося съ 12-ю казаками отъ трехсотенной шайки текинцевъ. Студицкій палъ, оставивъ по себѣ память храбраго воина, хорошаго медика и превосходнаго человѣка. Съ генераломъ Скобелевымъ Студицкій былъ знакомъ еще со времени памятныхъ дѣлъ 2-го и 3-го ноября, въ траншеяхъ Зеленой горы, гдѣ этотъ мужественный докторъ, подъ градомъ пуль производилъ первые перевязки. Другая незначительная стычка въ окрестностяхъ Бами замѣчательна тѣмъ, что текинцы вырѣзали 11 нашихъ охотниковъ, пасшихъ лошадей. Въ числѣ захваченныхъ въ этой стычкѣ текинцами лошадей, находилась и знаменитая бѣлая лошадь генерала Скобелева, называвшаяся „Шеинъ", бывшая съ нимъ подъ Плевной. На этой лошади потомъ во все время экспедиціи гордо красовался туркменскій вождь, ханъ Тыкма-Сердаръ.

Болѣе серьезное дѣло происходило 24-го ноября, когда текинцы подъ начальствомъ Тыкма-Сердаря, въ числѣ 1,500 человѣкъ, атаковали Громовскій транспортъ, возвращавшійся изъ Бами въ числѣ 2,000 верблюдовъ. Транспортъ этотъ прикрывала полурота Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ подпоручика Васильева. Туркмены, давъ отряду, вышедшему изъ Кизилъ-Арвата въ Казанчикъ, подойти къ оврагамъ близъ рѣчки Узунсу, внезапно напали на него съ фланговъ, а такъ какъ въ это время киргизы, конвоировавшіе верблюжій транспортъ купца Громова, не только не захотѣли защищаться, но еще порѣзали веревки, связывавшія животныхъ между собою, вслѣдствіе чего тѣ попали въ цѣпь и стали мѣшать прикрытію защищаться, то успѣхъ оказался на сторонѣ текинцевъ и они успѣли угнать весь транспортъ. При этомъ изъ 74 человѣкъ, составлявшихъ прикрытіе, 40 были болѣе или менѣе тяжело ранены. Во время стычки, поручикъ Васильевъ послалъ двухъ киргизовъ въ укрѣпленіе Казанчикъ, съ просьбою о высылкѣ подкрѣпленій. По дорогѣ одинъ изъ киргизовъ былъ убитъ, но другой, хотя раненый, успѣлъ доскакать до укрѣпленія и поднять тревогу. По тревогѣ сотня казаковъ Лабинскаго полка, подъ начальствомъ сотника Аленникова, въ сопровожденіи 2-хъ ротъ Ставропольскаго полка, полетѣла на выручку и по свѣжему слѣду успѣла напасть на мѣсто, куда загнали верблюжій транспортъ. Тыкма-Сердаръ самъ съ малою своей конницей не находился при этомъ транспортѣ, но стоялъ на дорогѣ къ Кизилъ-Арвату, ожидая нападенія стоявшихъ тамъ 3-хъ сотенъ оренбургскихъ казаковъ. Вслѣдствіе этого, сотнику Аленникову молодецкимъ налетомъ еще до прибытія пѣхоты удалось окончить дѣло и возвратить въ Казанчикъ отбитый непріятелемъ верблюжій транспортъ. За это дѣло сотникъ Аленниковъ получилъ георгіевскій крестъ.

Къ концу ноября, всѣ дѣйствующія войска отряда стянулись къ Бами, при чемъ единовременно и безъ боя была занята Егіанъ-Батыръ кала, находившаяся въ 14 верстахъ отъ Геокъ-Тепе. Тутъ Скобелевъ, построивъ укрѣпленіе, названное Самурскимъ, приказалъ перевозить

изъ Бами, переименованнаго къ этому времени въ Таманское, провіантъ, фуражъ и снаряды. Въ первыхъ числахъ декабря 1880 года, все уже было готово для обложенія и осады опорной крѣпости текинцевъ. Ожидали только туркестанскій отрядъ Куропаткина, подходившій къ Бами со стороны степи.

Отрядъ этотъ долженъ былъ прибыть къ началу ноября, но объ немъ рѣшительно не было никакого извѣстія. Тогда генералъ Скобелевъ поручилъ хорунжему Таманскаго казачьяго полка Стеценко ѣхать на поиски за Куропаткинымъ. Стеценко выѣхалъ 31 октября, переодѣтый киргизомъ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ заводныхъ лошадей, на которыхъ былъ взятъ запасъ воды и провіанта. 31 октября хорунжій выѣхалъ изъ Дузъ-Олума, по направленію къ колодцамъ Игды. Тутъ проводники объявили, что незнаютъ дороги, и потому всей партіи пришлось три дня плутать безъ воды и хлѣба по безконечно-песчаному морю Кара-Кумыкской степи. Инстинктъ лошади Стеценко вывелъ его, наконецъ, къ колодцамъ Ортакую. Здѣсь киргизы развели огонь и стали ѣсть конину, лошади же всѣ пали. Какъ истый казакъ-кубанецъ, Стеценко, покуда его джигиты ѣли падаль, запивая соленой водой колодца, онъ, изнемогая отъ жажды и усталости, потерявъ всякую надежду выбраться изъ проклятой степи, валялся по землѣ и писалъ на камняхъ колодца всевозможныя ругательства. Должно быть это оригинальное занятіе навѣло его на счастливую мысль идти къ сѣверу, вдоль хребта Кумъ-Кира, гдѣ онъ близъ Чарышлы напалъ на отрядъ генерала Глуховскаго, прикрывавшаго ученую экспедицію къ Узбою. Въ этомъ отрядѣ Стеценко отдохнулъ, поправился и, получивъ свѣжихъ лошадей и проводниковъ, поѣхалъ черезъ хивинское ханство въ Петро-Александровскъ. Тамъ онъ узналъ, что Куропаткинъ выступилъ въ походъ, и потому слѣдомъ отправился догонять его, догналъ и вмѣстѣ съ нимъ 3 декабря прибылъ въ Бами. Колонна Куропаткина прошла тѣмъ ужаснымъ путемъ, который въ 1873 году остановилъ наступленіе полковника Маркозова. Численностью небольшой—изъ 3 ротъ, 2 сотенъ, взвода горной артиллеріи и 700 верблюдовъ, отрядъ совершилъ походъ этотъ необыкновенно счастливо. Не было ни больныхъ, ни отсталыхъ, такъ что туркестанцы удивили всѣхъ не только своимъ появленіемъ, но и тѣмъ, что вступили въ Бами въ такомъ порядкѣ и такой чистотѣ, какъ будто на парадъ. Конечно, на этотъ разъ благопріятствовала холодная зимняя погода и значительное число верблюдовъ, сравнительно съ численностью самого отряда, но что нибудь значили въ этомъ рискованномъ переходѣ черезъ пустыню также талантъ и несомнѣнныя боевые способности полковника Куропаткина. Не даромъ онъ же былъ начальникомъ штаба у Скобелева въ самые важные моменты дѣятельности послѣдняго въ войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ и справедливо дѣлилъ какъ труды, такъ славу и извѣстность послѣдняго.

Съ приходомъ колонны Куропаткина, съ переводомъ опорнаго пункта въ Самурское, походъ въ оазисъ слѣдуетъ считать оконченымъ, и потому мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ближайшихъ дѣйствій экспедиціоннаго отряда вблизи и подъ стѣнами текинской крѣпости до памятнаго дня ея кроваваго штурма.

VIII.

Обложеніе и осада Геокъ-Тепе.

Къ 1 декабря войска стянулись къ Самурскому въ числѣ 5 тысячъ человѣкъ, состоявшихъ изъ слѣдующихъ частей:

Пѣхота:

Апшеронскаго полка	2	батал.
Ширванскаго полка	2	„
Самурскаго полка	1	„
Ставропольскаго полка	1	„
Дагестанскаго полка	2	роты.
Туркестанскаго отряда	3	„
Крымскаго полка	2	„
Закаспійскаго мѣстнаго батальона .	2	„
Саперъ 2-го Кавказскаго батальона .	1	„
Желѣзно-дорожнаго батальона . . .	1	„

Кавалеріи:

Тверскихъ драгунъ	2	эскадр.
Полтавскихъ казаковъ	2	сотни.
Таманцевъ	2	„
Лабинскихъ	2	„
Оренбургскихъ	1	„
Сборныхъ оренбургско-уральскихъ .	1	„

Артиллеріи:

Новыхъ дальнобойныхъ	8	оруд.
4 и 9 фунтовыхъ старыхъ	40	„
Горная батарея	6	„
Картечницъ.	2	„
Полупудовыхъ мортиръ	16	„

Въ общемъ счетѣ, такъ какъ большая часть войскъ находилась въ мирномъ составѣ [1]), отрядъ располагалъ 4,000 штыковъ, 1,000 конями

[1]) Кромѣ Самурскаго батальона и 3 ротъ туркестанцевъ, находившихся въ полномъ боевомъ составѣ.

и 74 орудіями. Укрѣпленіе Енгіанъ-Батыръ-кала текинцы уступили безъ боя; оно и было занято Скобелевымъ 1 декабря 1880 года; а 4 декабря, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, была произведена форсированная рекогносцировка Геокъ-Тепе съ запада, во время которой войска наши потеряли убитыми одного и ранеными 22 человѣка.

Какъ сказано выше, самъ Скобелевъ еще 6 іюля, за долго до прихода войскъ, осматривалъ крѣпость и тогда уже рѣшилъ—съ которой стороны выгоднѣе атаковать ее, но, повидимому, онъ опасался за малочисленность своего отряда, которому во что бы то ни стало надлежало сломить упорство защитниковъ Геокъ-Тепе, и съ этою цѣлью онъ считалъ полезнымъ пріучить людей мало по малу къ способамъ, которые онъ для этого выбралъ, и къ опасностямъ, которыхъ имъ не слѣдовало бояться.

Въ виду этого, тотчасъ по занятіи Енгіанъ-Батыръ-кала, Скобелевъ переименовалъ его въ укрѣпленіе Самурское, по имени батальона перваго занявшаго этотъ пунктъ, и установилъ слѣдующій образъ жизни отряда, какъ описываетъ корреспондентъ „Голоса:“

„Почти во всѣхъ концахъ лагеря гремѣла постоянно музыка и ежедневно войска обучались штурмовать. Для практики устроены были временныя укрѣпленія съ глубокими рвами и брустверами сильныхъ профилей. Войска, снабженныя штурмовыми лѣстницами, обучались стройно подходить ко рву, по возможности стройно же переходить чрезъ него и быстро влѣзать на брустверъ. Саперная рота съ придаточными къ ней рабочими отъ полковъ усиленно занималась вязаніемъ туровъ, фашинъ, снаряженіемъ штурмовыхъ лѣстницъ, а также принадлежностей для минныхъ работъ.

Каждое утро лагерь пробуждался всѣми хорами музыки, игравшими въ разныхъ частяхъ лагеря сначала зорю, молитву и затѣмъ штурмовой маршъ, подъ звуки котораго войска должны были идти на приступъ къ Геокъ-Тепе. По захожденіи солнца, хоры музыки играли вечернюю зорю и заканчивали ее тѣмъ же маршемъ.

Но не довольствуясь такимъ примѣрнымъ и сравнительно безопаснымъ обученіемъ, главнокомандующій по мѣрѣ сбора частей по очереди водилъ ихъ на серьезные рекогносцировки, самъ каждый разъ ихъ сопровождая для того, чтобы лично убѣдиться какъ въ „духѣ“ ввѣренныхъ ему частей, такъ особенно для повѣрки военныхъ способностей начальниковъ. Такимъ образомъ были произведены рекогносцировки 4-го, 12-го и 18-го декабря. Самою серьезною по потерямъ была первая, когда изъ строя выбыло 23 человѣка, въ остальныхъ же двухъ потери наши ограничились 8-ю человѣками раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ первую же рекогносцировку раненъ въ руку и генералъ Анненковъ.

Впрочемъ, пребываніе въ Самурскомъ не было вполнѣ безопасно. Днемъ конные текинцы съ замѣчательною дерзостью гарцовали на своихъ необыкновенно быстрыхъ коняхъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Самурскпаго. Ночью же очень часто свистѣли ихъ пули

къ самомъ лагерѣ, особенно около ставки генерала Скобелева, несмотря на то, что, кромѣ аванпостовъ, кругомъ Самурскаго заложены были секреты, отъ которыхъ, впрочемъ, нерѣдко сильно доставалось дерзкимъ смѣльчакамъ.

Ставка Скобелева въ Самурскомъ помѣщалась въ срединѣ аула и состояла изъ обыкновенной кибитки, но рядомъ съ ней находилась общая штабная столовая, для которой разбивалась роскошная бухарская палатка. Мѣстность, на которой расположено Самурское, нѣсколько командуетъ надъ мѣстностью Геокъ-Тепе, почему изъ него видны не только укрѣпленія послѣдняго, но и сады Янги-Калы, помѣщавшейся ближе къ горному кряжу съ юго-западной стороны крѣпости. Предположивъ атаковать крѣпость именно со стороны Янги-Калы, Скобелевъ назначилъ штурмъ укрѣпленій послѣдняго на 20 декабря.

Съ этою цѣлью изъ Самурскаго двинулись три колоны: правая подъ начальствомъ Куропаткина, лѣвая подъ начальствомъ полковника Козелкова, а среднюю, составлявшую резервъ, повелъ самъ генералъ Скобелевъ.

Въ 9 часовъ утра, 20-го декабря, отслуженъ былъ молебенъ и прочитана была диспозиція, объясненная отдѣльнымъ начальникамъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія еще 18-го, во время послѣдней рекогносцировки. Въ общихъ чертахъ, приказано было Куропаткину обойти по отрогамъ горъ Янги-Калу и атаковать ее съ тыла. Полковникъ Козелковъ долженъ былъ атаковать съ фронта, прямо со стороны Самурскаго. Резервъ слѣдовалъ сзади войскъ Козелкова. Понятно, что первая колона выступила раньше, вторая часомъ позже, а еще позже пошелъ за ними резервъ. Въ полдень, Куропаткинъ, обойдя аулъ и выставивъ на позицію артиллерію, началъ дѣло. Въ это время текинцы, усѣявъ всѣ валы Геокъ-Тепе, съ любопытствомъ наблюдали за ходомъ сраженія у Янги-Калы. Въ два часа Скобелевъ вдругъ приказалъ своему резерву перемѣнить фронтъ и началъ наступленіе прямо къ Геокъ-Тепе. Текинцы, чаявшіе и желавшіе повторенія штурма 1879 г., немедленно стали перебѣгать изъ Янги-Калы въ крѣпость и вотъ въ этотъ моментъ колона полковника Козелкова получаетъ приказаніе броситься въ атаку на Янги-Кала. Но еще получасомъ ранѣе, двѣ таманскія сотни, подъ начальствомъ отважнаго и доблестнаго графа Орлова-Денисова, атаковали текинцевъ, перебѣгавшихъ цѣлыми массами въ Геокъ-Тепе и жестоко порубили ихъ. Въ три часа колонна Козелкова со стороны Самурскаго бросилась на штурмъ и въ это же время тыльныя калы началъ штурмовать и Куропаткинъ. Благодаря такимъ превосходнымъ распоряженіямъ и дружному согласію начальниковъ колоннъ, Янги-Кала была взята съ самыми малыми потерями—у насъ былъ убитъ одинъ и ранено 15 нижнихъ чиновъ.

Тотчасъ-же по занятіи Янги-Калы, Скобелевъ приказалъ перевести туда весь лагерь, укрѣпилъ его и объявилъ войскамъ, что вмѣсто штурма, онъ поведетъ на крѣпость правильную осаду.

Къ этому времени крѣпость халатниковъ, на штурмъ которой столь весело и безпечно спѣшили въ 1879 году войска Ломакина, совершенно преобразилась, частію потому, что тщательныя рекогносцировки, сопровождаемыя съемками, выяснили дѣйствительное протяженіе верковъ и ихъ настоящее положеніе, а еще болѣе потому, что текинцы не теряли даромъ времени и, собираясь защищаться, усилили свои верки такъ, какъ это вообще принято у азіатцевъ. Они поправили валы, утолстили и возвысили ихъ, заднюю, т. е. восточную и южную ограду сравняли по высотѣ съ фасами сѣвернымъ и западнымъ, насыпали „бруствера“ въ сторону непріятеля, а также „во внутрь“, въ чаяніи продолжать борьбу и послѣ прорыва штурмующихъ во внутренность укрѣпленія. Кромѣ того, они сдѣлали много выходовъ, прикрывъ послѣдніе валами въ видѣ подковы. Кромѣ того, съ восточной стороны укрѣпили нѣсколько калъ, служащихъ какъ бы передовыми укрѣпленіями позиціи. Прилагаемый планъ, обязательно сообщенный редакціи военнымъ инженеромъ А. Н. Масловымъ, дѣлаетъ все расположеніе и всѣ дальнѣйшія детали осады достаточно понятными. Тутъ же мы должны кстати выяснить, что путаница въ названіяхъ, столь затемнявшая въ свое время получаемыя изъ ахалъ-текинскаго отряда телеграммы, происходила по тому, что собственно укрѣпленіе, которое штурмовали въ 1879 и осаждали въ 1880 годахъ, носитъ названіе „Денгли-Тепе“, но вся мѣстность съ окружающими Денгли-Тепе калами, названными уже нами Ольгинской, Великокняжеской, Туркестанскій, Охотничьей, Опорной, Мельничной, вплоть до Янги-Калы называлась „крѣпостью голубыхъ горъ“ или Геокъ-Тепе.

Къ вечеру 20 декабря, Скобелевъ, укрѣпившись въ Янги-Калѣ, порѣшилъ энергически вести дѣло далѣе. Съ этою цѣлью на слѣдующій же день, 21 декабря, онъ поручилъ генералу Петрусевичу и подполковнику Рутковскому съ кавалеріею изслѣдовать юго-восточную сторону крѣпости, при чемъ въ резервѣ этой кавалеріи двигался самъ Скобелевъ съ пѣхотными частями. 22 декабря, на правомъ флангѣ полковнику Куропаткину предписано было занять Ольгинскую и Правофланговую калы.

Въ деталяхъ, во время первой рекогносцировки, генералъ Петрусевичъ долженъ былъ обойти Денгли-Тепе съ юго-восточнаго угла по восточному фасу и затѣмъ по сѣверному, чтобы разузнать о сообщеніяхъ осажденныхъ съ песками. Обойдя такимъ образомъ крѣпость, ему предписывалось пройти въ Самурское на встрѣчу слѣдующему въ Янги-Калу транспорту съ артиллерійскими снарядами и провіантомъ и вмѣстѣ съ транспортомъ вернуться въ лагерь. Но текинцы не дозволили этому движенію совершиться безъ препятствій и сильно насѣдали на отрядъ, когда онъ проходилъ вдоль сѣвернаго фаса. Завязавшаяся перестрѣлка спѣшенныхъ казаковъ заставила самого Скобелева поспѣшить на выручку Петрусевича съ пѣхотой. Когда

оба отряда сошлись на кладбищѣ, то залпами изъ ружей и горныхъ орудій принудили текинцевъ возвратиться за стѣны укрѣпленій. Въ этомъ дѣлѣ убитъ 1 и ранено 6 нижнихъ чиновъ.

Дѣло Куропаткина, 22 декабря, было счастливѣе, такъ какъ ему удалось занять Ольгинскую и Правофланговую калы безъ всякихъ потерь. Но зато при взятіи третьей, находившейся здѣсь же калы, текинцевъ пришлось выбивать изъ-за валовъ двумъ ротамъ Ширванскаго и сотнѣ Оренбургскаго полковъ, подъ начальствомъ подполковника Гогоберидзе, причемъ были ранены: самъ Гогоберидзе, сотникъ Кременецъ и четверо нижнихъ чиновъ.

Слѣдующій день — 23-го декабря, былъ чернымъ и печальнымъ днемъ для отряда. Генералу Петрусевичу съ казаками и драгунами предписано было завладѣть садами, гдѣ наканунѣ наши казаки видѣли значительный складъ фуража; онъ же долженъ былъ, отвлекая на себя вниманіе осажденныхъ, облегчить предполагавшееся одновременное съ этимъ заложеніе первой параллели. Никто не думалъ, что эта маленькая цѣль и скромное назначеніе отряда поведетъ къ такимъ чувствительнымъ потерямъ. Мѣстность, гдѣ былъ сложенъ фуражъ, оказалась весьма пересѣченною, со множествомъ арыковъ и стѣнокъ, за которыми засѣли текинцы. Пришлось спѣшить войска. Разсыпавшись и пострѣлявъ, казаки и драгуны вскочили въ одну изъ садовыхъ оградъ, а за ними въѣхалъ верхомъ Петрусевичъ съ своимъ неизмѣннымъ ординарцемъ, урядникомъ Андреемъ, и въ сопровожденіи командира Полтавскаго казачьяго полка, полковника князя Эристова. Между тѣмъ, съ другой стороны узкихъ воротъ, текинцы, поставивъ ружья на сошки, ожидали русскихъ. Раздался убійственный залпъ, поразившій многихъ и въ числѣ этихъ многихъ смертельно ранившій Петрусевича. Вмѣстѣ съ этимъ съ боку изъ другихъ воротъ сюда же ворвалось 300 человѣкъ текинцевъ и надъ умиравшимъ генераломъ завязалась отчаянная борьба. Тогда князь Эристовъ, отозвавъ нѣкоторую часть сражавшихся, вывелъ ихъ за стѣну и отсюда далъ нѣсколько залповъ; текинцы пошатнулись, благодаря чему драгуны и казаки могли выйти изъ этихъ злополучныхъ „садовъ Петрусевича“ [1]), унося съ собою умиравшаго вождя. Дѣло это вообще дорого стало отряду: кромѣ генерала, при спѣшиваніи убитъ маіоръ Булыгинъ; убитъ также есаулъ Ивановъ, раненъ отличившійся въ дѣлѣ съ Тыкма-Сердаромъ сотникъ Аленниковъ; нижнихъ чиновъ убито 19, ранено 49. Кромѣ того, главная цѣль дѣла не была достигнута,

---

[1]) Смерть этого доблестнаго воина и прекраснаго человѣка явилась не только большой потерей для отряда, но и для науки. Генералъ Петрусевичъ былъ хорошимъ оріенталистомъ, зналъ арабскій, персидскій и туркменскій языки. Имъ написаны многія сочиненія по топографіи и географіи Средней и Малой Азіи, а также пріобрѣли особенную извѣстность изысканія по древнему руслу Аму-Дарьи (Узбою) отъ лѣваго рукава рѣки до озеръ Сарыкамышъ.

такъ какъ неудалось заложить первую параллель днемъ и пришлось ее доканчивать, какъ обыкновенно, ночью.

Послѣ заложенія первой параллели 24 декабря, осадныя работы продолжались довольно успѣшно. До 28 сдѣлано было углубленіе первой параллели и устроены апроши отъ первой ко второй и, наконецъ, въ ночь съ 27 на 28 выведена была вторая параллель, приблизительно въ 400 саженяхъ отъ крѣпости. Правымъ флангомъ работъ завѣдывалъ Куропаткинъ, лѣвымъ Козелковъ. Въ это время непріятель почти не тревожилъ насъ; дѣло ограничивалось перестрѣлкой, причемъ потери были незначительны, хотя въ числѣ раненыхъ въ это именно время надо упомянуть капитанъ-лейтенанта Зубова, извѣстнаго, подобно Петрусевичу, научными работами по Средней Азіи. Рана, полученная имъ въ ногу, къ несчастію, свела его въ могилу. Произведенныя въ этотъ же промежутокъ времени фуражировки въ сторону Асхабада были очень успѣшны и значительно пополнили запасы фуража для лошадей отряда. Но роковые дни приближались.

Въ 9 часовъ вечера 28-го декабря, пользуясь наступившей темнотою, текинцы въ числѣ 6000 человѣкъ, вооруженные большею частью холоднымъ оружіемъ—шашками, кинжалами, ножами и даже овечьими ножницами, надѣтыми на палки, выйдя изъ крѣпости и построившись, внезапно бросились на работавшихъ впереди 2-й параллели съ праваго фланга нашей позиціи, саперъ и пѣхотинцевъ, смяли ихъ, и въ общей суматохѣ, добѣжавъ до 2-й параллели, набросились на находившіеся здѣсь траншейные караулы; затѣмъ ворвались въ мортирную батарею № 5-й и, пользуясь успѣхомъ натиска, дошли до горной батареи, помѣщавшейся въ 1-й параллели, вырѣзали находившійся здѣсь небольшой караулъ, взяли одно горное орудіе, много ружей и нѣсколько ящиковъ съ патронами. Одновременно съ этимъ, другая партія текинцевъ старалась обойти правофланговую калу, съ цѣлью зайти въ тылъ всей русской атакѣ. Но эта послѣдняя попытка не удалась, благодаря мѣткому дѣйствію находившихся здѣсь орудій.

Какъ только прошло первое замѣшательство отъ внезапности наступленія текинцевъ, тотчасъ же былъ открытъ огонь по крѣпости изъ всѣхъ орудій и вызванные войска изъ лагеря, направленные въ траншеи, заставили наступавшихъ снова вернуться въ крѣпость. Тѣмъ не менѣе наши потери были велики; кромѣ орудія и знамени Апшеронскаго батальона, взятаго текинцами и на другой день поставленнаго на холмѣ Денгли-Тепе, у насъ выбыло изъ строя 5 штабъ и оберъ-офицеровъ (4 убито 1 раненъ); нижнихъ чиновъ 91 убитыми и 30 ранеными.

Раздосадованный подобной неудачей, Скобелевъ, не желая оставлять непріятеля подъ впечатлѣніемъ одержанной побѣды, 29 числа приказалъ полковнику Куропаткину взять штурмомъ калы Великокняжеской позиціи. Въ 2 часа пополудни открыли изъ всѣхъ батарей

учащенную пальбу, а въ три часа отрядъ Куропаткина съ музыкою и распущенными знаменами пошелъ на приступъ. Атакованное укрѣпленіе было быстро взято, благодаря артиллерійскому огню, а также прекраснымъ распоряженіямъ командующаго колонной, причемъ убитъ 1, ранено 5 офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито 16 и ранено 46. Одновременно со штурмомъ Великокняжеской позиціи, Скобелевъ приказалъ подвинуть лагерь, помѣщавшійся въ Янги-Калѣ, къ первой параллели, версты на полторы ближе къ крѣпости.

Однако, текинцы не теряли мужества. Въ ночь съ 30-го на 31-е декабря, они сдѣлали новую вылазку, направивъ ея на лѣвый флангъ 2-й параллели, на такъ называемый Ставропольскій редутъ. Пользуясь находящимся невдалекѣ оврагомъ, они скрытно дошли до редута и внезапно вскочили во внутрь русскаго укрѣпленія. Тутъ они вырѣзали роту Закаспійскаго батальона, опять унесли горное орудіе, сотню берданокъ и большое количество патроновъ. Снова загремѣла артиллерія со всѣхъ батарей, и такъ какъ и на этотъ разъ вылазку съ фронта текинцы хотѣли поддержать фланговой атакой на Янги-Калу, то вскорѣ въ тылу лагеря послышались залпы апшеронцевъ, выведенныхъ подполковникомъ Поповымъ противъ нападающей кавалеріи. Поражаемые, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ, текинцы отступили, оставивъ массу тѣлъ и видимо понеся гораздо болѣе потерь, чѣмъ въ вылазку 28-го декабря. У насъ же убиты 1 офицеръ и 52 нижнихъ чина; ранено 2 офицера и 92 нижнихъ чина.

Генералъ Скобелевъ разсердился не на шутку, въ гнѣвѣ оборвалъ бѣднаго прапорщика Морица, отступившаго съ нѣсколькими уцѣлевшими изъ Закаспійской роты рядовыми и потерявшаго орудіе, и на утро приказалъ лагерю еще ближе подойти къ крѣпости, причемъ собственную кибитку разбилъ во 2-й параллели, тамъ гдѣ начинался центральный ходъ. Размѣщенный здѣсь лагерь находился постоянно подъ выстрѣлами изъ крѣпости и въ немъ убито и ранено нѣсколько человѣкъ больничной прислуги и лицъ изъ штаба командующаго войсками; такъ напр., здѣсь раненъ командиръ дальнобойной девяти фунтовой батареи 21-й артиллерійской бригады подполковникъ Вильде и вторично раненъ находившійся въ кибиткѣ Краснаго Креста, смертельно уже раненый 29-го декабря, военный инженеръ-капитанъ Яблочковъ. Подвинувъ лагерь къ крѣпости, генералъ приказалъ съузить протяженіе атаки, сосредоточивъ работы на меньшемъ протяженіи противъ юго-восточнаго угла. Главныя работы производились на правомъ флангѣ, у калъ Великокняжеской, Туркестанской и Охотничьей, находившихся подъ начальствомъ полковника Куропаткина, который и ставку свою разбилъ въ Великокняжеской калѣ. Мѣсто это, находившееся въ 50-ти саженяхъ отъ Денгли-Тепе, осыпалось текинцами выстрѣлами изъ нашихъ же берданокъ, уже въ достаточномъ числѣ находившихся въ крѣпости, а потому инженерные апроши здѣсь приходилось вести „тихой сапой“. 30-го декабря, на этомъ

пунктѣ было очень невесело. За ночь съ 29-го на 30-е декабря наши саперы не успѣли достаточно углубить и устроить ходы сообщенія между находящимися здѣсь калами, чтобы движеніе по нимъ было безопасно. Здѣсь-то именно и погибъ жертвой своей смѣлости инженеръ-капитанъ Яблочковъ, завѣдывавшій осадными работами праваго фланга, въ то время какъ онъ перебѣгалъ изъ Охотничьей въ Великокняжескую, интересуясь, что дѣлается въ послѣдней.

Вотъ какъ описываетъ этотъ трагическій для молодого инженера моментъ преемникъ его по обязанности продолжать начатую здѣсь инженерную атаку, военный инженеръ капитанъ Масловъ:

„Соединительный ходъ состоялъ изъ двухъ колѣнъ, составлявшихъ между собою тупой уголъ; оба колѣна обстрѣливались. Яблочковъ пробѣжалъ первое и при поворотѣ присѣлъ вздохнуть за стѣнкой, за которой лежали наши стрѣлки; потомъ всталъ и пробѣжалъ ко входу въ Великокняжескую. Но текинцы, замѣтивъ его, держали ружья на сошкахъ и шагахъ въ трехъ отъ входа всадили ему въ бокъ пулю. Яблочковъ вскочилъ въ калу какъ ужаленный, схватился за грудь, повторяя нѣсколько разъ: „Ага! есть! есть!.. смертельно раненъ!..“ и потомъ судорожно началъ разстегивать сюртукъ, изъ-подъ котораго уже лилась кровь... Тутъ его подхватили и унесли на перевязочный пунктъ“.

Не смотря, однако, на блестящій для осажденныхъ успѣхъ вылазокъ 28-го и 30-го декабря, потери, понесенныя ими, видимо поколебали мужество многихъ защитниковъ. Очевиднымъ для насъ результатомъ такой деморализаціи были уходъ изъ крѣпости 4000 всадниковъ, 1-го января удалившихся черезъ пески къ Мерву; съ ними ушло много текинцевъ, захватившихъ съ собою взятыя ими берданки. Но за то оставшіеся поклялись умереть до послѣдняго, прежде чѣмъ сдать русскимъ священную крѣпость.

Со 2-го января изъ Охотничьей калы саперы наши повели мину и вмѣстѣ съ тѣмъ было предпринято уширеніе траншей, такъ какъ даже чрезмѣрныя потери наши въ дни вылазокъ приписывались плохой профили вырытыхъ узкихъ и съ отвѣсными стѣнками траншей.

Подъ вечеръ 4-го января, часовые дали знать, что, повидимому, непріятель снова готовится къ вылазкѣ. Текинцы еще разъ хотѣли попробовать счастія.

Какъ и въ первыя двѣ вылазки, они стремительно бросились на часть нашихъ работъ лѣваго фланга и особенно на мортирную батарею. Но на этотъ разъ полковникъ Козелковъ съ своимъ батальономъ ставропольцевъ встрѣтилъ ихъ иначе, чѣмъ прежде. Нижнимъ чинамъ приказано было выйти изъ траншей и стать позади ихъ сомкнутымъ строемъ, такъ что текинцамъ, чтобъ подойти съ своимъ холоднымъ оружіемъ къ нашимъ войскамъ, нужно было вбѣжать на земляное возвышеніе и потомъ перескочить чрезъ ровъ траншей. Ставропольцы же стрѣляли въ нихъ, не сидя въ траншейномъ рву, какъ это дѣлалось въ первыя двѣ вылазки, а стоя, и меткіе залпы ихъ произвели страшное опустошеніе между текинцами.

Непріятель бѣжалъ, оставивъ массу тѣлъ между нашими работами и валами. Наши потери составили одинъ офицеръ и десять нижнихъ чиновъ убитыми, три офицера и 50 нижнихъ чиновъ ранеными. Вылазка эта признана была текинцами за пораженіе и съ этого дня до работавшихъ въ сапѣ долетали споры, крики, ссоры текинцевъ и мычанье верблюдовъ, нагружаемыхъ пожитками осажденныхъ. 7-го января, было заключено перемиріе для уборки тѣлъ павшихъ 4-го января текинцевъ. Вотъ какъ, по словамъ корреспондента „Новаго Времени" происходило дѣло:

Въ часъ пополудни на Ширванскій редутъ явился подполковникъ Юмудскій (родомъ туркменъ) съ перебѣжчикомъ персомъ и объявилъ, что онъ посланъ Скобелевымъ начать переговоры съ текинцами объ уборкѣ труповъ. На Туркестанской калѣ выкинули бѣлый флагъ и штабъ-трубачъ заигралъ „слушайте всѣ" и „отбой"... Сигналъ этотъ подхватили всѣ горнисты, но долго еще онъ протяжно разносился по позиціямъ, пока стрѣльба съ нашей стороны не стала утихать.

Для переговоровъ должны были выйдти съ обѣихъ сторонъ на середину, противъ праваго угла редута, по три человѣка. Съ нашей стороны вышелъ Юмудскій съ двумя конвойными, а одновременно и текинскіе парламентеры.

Обѣ партіи вышли и сѣли шагахъ въ шести другъ противъ друга. Послѣ обычныхъ восточныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, Юдумскій, объявилъ, что генералъ Скобелевъ, изъ вниманія къ храбрымъ текинцамъ, приказалъ заключить съ ними перемиріе часа на два, пока они не успѣютъ убрать трупы своихъ воиновъ.

Въ это время со стѣнъ кричали: „Намъ не надо ихъ; и такъ довольно въ крѣпости валяется этихъ собакъ!"

Убитые передъ Великокняжеской были большею частью асхабатцы, покинувшіе Геокъ-Топе въ самую критическую минуту, и защитники были на нихъ озлоблены. На стѣнѣ между тѣмъ постепенно появлялись текинцы, между которыми виднѣлась молодецкая фигура Мурадъ-хана. Въ красномъ халатѣ и съ копьемъ въ рукѣ, онъ ходилъ въ доль парапета и громко кричалъ своимъ: „Не смѣть стрѣлять по русскимъ, пока не подадутъ знакъ; кто выстрѣлитъ— тому смертная казнь!"

Къ 4-мъ часамъ, тѣла постепенно были убраны. Наши и текинцы начали исчезать въ траншеяхъ и за стѣною, а ружейные стволы опять легли въ бойницы, опять были намѣчены цѣли и только ожидали сигнала для возобновленія военныхъ дѣйствій. Наконецъ, текинцы, вышедшіе для переговоровъ, сказали Юмудскому:

— Ну, теперь ступай; да хранитъ тебя Аллахъ, стрѣлять будемъ.

Когда халаты парламентеровъ скрылись за парапетомъ, было сдѣлано три выстрѣла на воздухъ и затѣмъ съ обѣихъ сторонъ, какъ горохъ, посыпались пули и до самаго заката солнца съ особеннымъ ожесточеніемъ велась перестрѣлка.

Съ 8-го января саперныя работы быстро подвигались впередъ и моментъ штурма приближался.

IX.

12-го января 1881 года.

Работы инженерной атаки дѣятельно продолжались. Не смотря на множество мѣстныхъ препятствій, на необходимость употреблять

случайный матеріалъ, для котораго ежеминутно приходилось изобрѣтать особые пріемы, не смотря на то, что работали безъ нужныхъ инструментовъ или съ инструментами попорченными и неисправными,— каждый часъ приближалъ насъ къ намѣченной цѣли. Начатый 2-го января минный спускъ изъ Охотничьей калы принуждены были бросить, такъ какъ галлерея стала заливаться водою, просачивавшеюся изъ арыка, а также и потому, что она выходила слишкомъ длинною для находившагося на работахъ вентиляціоннаго рукава, имѣвшаго только тридцать саженъ. Поэтому еще 3-го января было рѣшено окончательно завладѣть плотиной, находившейся передъ Великокняжеской позиціей, вырубить деревья, стоявшія сзади плотины, и, устроивъ плацдармъ, подвинуться еще ближе къ крѣпости. Вылазка 4-го января нѣсколько замедлила исполненіе этихъ предположеній и заставила, находясь въ сферѣ самаго убійственнаго огня изъ крѣпости, гдѣ текинцы били на выборъ при малѣйшей неосторожности какъ съ главнаго вала, такъ особенно изъ фланкировавшей это мѣсто „подковки“, вести дѣло „тихой сапой“ [1]).

Въ силу этого, выйдя изъ-за плотины подступами тихой сапой въ разстояніи тридцати саженъ отъ атакованнаго вала, образовали двойной тихой сапой саперный редутъ, изъ котораго и повели уже минную галлерею. Къ этому времени работы на лѣвомъ флангѣ почти совсѣмъ прекратились, такъ какъ эти работы сильно поражались изъ мельничной калы, занятой текинцами; овладѣвать же штурмомъ этой калой Скобелевъ не считалъ нужнымъ, такъ какъ это еще болѣе растянуло бы его позицію и, по его собственному выраженію въ приказаніи подполковнику Рудковскому, „вовлекло бы насъ въ сферу случайностей“.

Тѣмъ не менѣе, съ утра 8-го января брешь-батарея, находившаяся на лѣвомъ флангѣ 2-й параллели, открыла дѣйствія противъ пункта А. (см. планъ) на юго-восточномъ углу текинской крѣпости.

Непріятель, въ свою очередь, не оставался безъ дѣла. Наблюдавшіе съ высоты башни Великокняжеской калы доносили, что въ Геокъ-Тепе шла усиленная дѣятельность, особенно по ночамъ. Въ теченіи дня текинцы внутри своихъ укрѣпленій старались укрываться отъ

---

[1]) Въ военно-инженерномъ искусствѣ различаютъ двѣ сапы: „летучую“ и „тихую“. Первая обыкновенно возводится сразу на большомъ протяженіи постановкою плетеныхъ цилиндрическихъ корзинъ (туровъ) по всей линіи будущаго хода или траншеи. Работа эта сопряжена съ потерями и потому ее предпочитаютъ производить ночью, неожиданно и на разстояніи дальняго выстрѣла отъ непріятеля. Вблизи крѣпости летучая сапа удается рѣдко, а потому предпочитаютъ работать постепенно, ставя изъ-за готовой уже траншеи туры по одному и работая только четырьмя саперами. Тихая сапа, если она обращена къ выстрѣламъ непріятеля однимъ бокомъ, называется одиночною, если же она поражается съ трехъ сторонъ, то называется двойною. Пріемы веденія той и другой различны, но это различіе составляетъ уже строго спеціальную деталь вопроса. В. П.

нашихъ выстрѣловъ и, главное, отъ артиллерійскаго огня. Для этого они также углубили свои кибитки въ пески и устроили особаго рода ямы, въ которыя помѣстили свои семейства. Брешь была пробита скоро, но, не смотря на довольно сильный огонь изъ нашихъ орудій, текинцы быстро исправляли поврежденія, набрасывая землю изъ внутренняго рва.

Въ ночь съ 8-го на 9-е января, брешь-батарея увеличена была еще на четыре орудія, а въ центрѣ работъ сапою же продолжались изъ овальной траншеи работы далѣе и доведены были до крѣпостнаго рва. Особенно тяжелою для гарнизона была ночь съ 7-го на 8-е января. Въ эту ночь, говоритъ корресп. „Нов. Вр." внутренность крѣпости, въ особенности юго-восточный уголъ, былъ подвергнутъ жестокой бомбардировкѣ. Для этого на лѣвомъ флангѣ батарея № 7 была вооружена шестью мортирами, а на правомъ—десять мортиръ было установлено въ оврагѣ, откуда можно было обстрѣливать крѣпость съ самаго близкаго разстоянія.

По распоряженію начальника артилеріи, эти мортиры по временамъ стрѣляли залпами. Десять бомбъ сразу, точно снопъ падающихъ звѣздъ, шипя и свистя своими трубками, высоко перелетали стѣны и быстро лопались одна за другою, такъ что звуки разрыва сливались въ одинъ общій раскатъ...

9-го января, весь день брешь-батарея усиленно дѣйствовала по юго-восточному углу крѣпости и, когда пробитая ею брешь была достаточно расширена, она начала стрѣлять разрывными снарядами и осыпала брешь осколками; но, тѣмъ не менѣе, текинцы не переставали усердно исправлять поврежденія.

Генералъ торопилъ штурмомъ и назначилъ его сначала на 10-е января. Побудительными причинами спѣшить служили слухи, начавшіе доходить до Скобелева, что между туркменами, живущими вдоль рѣки Атрека, начинаетъ замѣчаться враждебное намъ движеніе, грозившее, въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія, перейти въ открытое возстаніе. Но въ случаѣ неудачнаго штурма дѣло вышло бы еще хуже, и потому, когда полковникъ Рудковскій донесъ, что горнъ, назначенный образовать второй обвалъ В., можетъ быть оконченъ не ранѣе, какъ съ 11-го на 12-е января, пришлось отложить штурмъ до 12-го января.

Работы въ минѣ шли медленно, но хорошо еще, что они вообще шли. И здѣсь, какъ и всюду (таковъ ужъ видно фатумъ, преслѣдующій добродушнаго русскаго человѣка), у насъ не оказалось необходимаго. У саперъ не было угломѣра и потому галлерея сначала пріобрѣла невѣрное направленіе; вентиляторъ шумѣлъ немилосердно, и только потому, что вниманіе текинцевъ было обращено на стрѣльбу изъ брешь-батареи, они не замѣчали его зловѣщаго жужжанія. Но незадолго до окончанія мины и этотъ „штрументъ" сломался. Ученые инженеры заохали, замахали руками, теребили волосы и ругали

то „нѣчто“, которое вѣчно забавляется устраивать русскому человѣку подобные сюрпризы. Скобелевъ выходилъ изъ себя (внутренно онъ какъ-то мало вѣрилъ въ удачу взрыва). Вывезла, какъ и всегда, привычка русскаго солдата къ всякому сюрпризу и соотвѣтствующая ей готовность работать пятерней, когда сломается патентованная лопата. Клинушками, которые ежеминутно выскакивали и постоянно забивались, бичевочками, которыя ежечасно рвались и снова связывались, саперы налаживали свой „штрументъ“ и продолжали имъ посвистывать; товарищи же ихъ, сидѣвшіе въ тридцати-саженной дырѣ, прокопанной подъ вражьей крѣпостью, временами чувствуя затруднительное положеніе поломаннаго вентилятора, великодушно старались дышать „не шибко“, экономизируя притекающій кислородъ, и вотъ съ помощью такой приспособительности, къ 10 часамъ утра 12-го января, зарядивъ горнъ 72-мя пудами пороха и сдѣлавъ надлежащую забивку и, выползя назадъ въ саперную калу, они отвели душу, обругавъ изкалѣченный вентиляторъ проклятымъ. Въ 10 часовъ 12-го января, подполковникъ Рудковскій донесъ Скобелеву, что горнъ готовъ.

Артиллерійская брешь была готова раньше и, кромѣ того, въ ночь съ 11-го на 12-е января, 1-го резервнаго желѣзнодорожнаго батальона поручикъ Остолоповъ и мичманъ каспійской флотиліи Майеръ, вмѣстѣ съ охотниками отъ желѣзнодорожнаго батальона и моряками, подъ прикрытіемъ роты Апшеронскаго батальона, вызвались увеличить количество поднятой земли на бреши пироксилинными взрывами. Подвигъ храбрыхъ охотниковъ и ихъ офицеровъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: взрывы пироксилина значительно расширили брешь. Оставалось только мѣшать непріятелю чинить ее, или производить какія нибудь другія работы для усиленія своихъ верковъ. Съ этою цѣлью, всю ночь на 12-е января поддерживался ружейный и артиллерійскій огонь. За это время въ отрядѣ раненъ одинъ офицеръ, убито пять и ранено 24 нижнихъ чина.

Диспозицію, отданную для штурма Скобелевымъ, можно назвать образцовою.

Для нанесенія окончательнаго удара Геокъ-Тепе, назначена была атака его укрѣпленій съ трехъ сторонъ. Колонна полковника Куропаткина [1]) должна была двинуться на штурмъ изъ калъ, которыя она занимала, и направиться чрезъ минную брешь, взорванную гальваническою батареею, поставленною въ Охотничьей калѣ. Второй штурмовой колоннѣ, полковника Козелкова [2]), предназначалось выйти изъ ровиковъ, устроенныхъ въ третьей параллели, и атаковать брешь, пробитую артиллерійскимъ огнемъ. Третья колонна, подполковника

---

[1]) Она состояла изъ 1 бат. и 2 ротъ ширванцевъ, ½ роты саперъ и охотниковъ, сотни спѣшенныхъ казаковъ, 4-хъ горныхъ орудій, 2-хъ картечницъ и 2-хъ ракетныхъ станковъ—всего около 900 человѣкъ.

[2]) Состояла изъ 2-хъ батал., взвода саперъ и команды охотниковъ, 2-хъ орудій, 1-й картечницы и 2-хъ ракетныхъ станковъ—всего около 1000 человѣкъ.

Гайдарова [1]), имѣла преимущественно демонстративный характеръ и должна была взять мельничную калу, расположенную на р. Опорномъ, рекогносцировка которой была произведена самимъ Скобелевымъ еще 9-го января. Общій резервъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала-адъютанта Скобелева, расположенъ былъ во второй параллели у Ставропольскаго редута и долженъ былъ, смотря по надобности, поддерживать ту или другую изъ трехъ штурмовавшихъ колоннъ [2]).

Въ 6 часовъ утра, 12 января, Скобелевъ сталъ во главѣ своей колонны; саперы на правомъ флангѣ торопились еще съ забивкою горна. Увѣренный въ скоромъ окончаніи этой работы, въ 7 часовъ онъ приказалъ колоннѣ полковника Гайдарова начать дѣло.

Смѣло, карьеромъ, выскочила на позицію четвертая батарея 19-й артиллерійской бригады и начала осыпать своими выстрѣлами мельницу и окружавшія ея строенія.

Одновременно съ этимъ движеніемъ, началась сильная стрѣльба со всѣхъ нашихъ батарей по непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Брешь-батарея продолжала разбивать и уширять пространство, пробитое ею въ стѣнѣ.

Въ то же время часть выстрѣловъ была направлена во внутренность укрѣпленія, гдѣ около сѣвернаго фаса предполагалось значительное скопленіе непріятеля. Несмотря, однако, на сильный артиллерійскій и ружейный огонь, текинцы отважно держались на стѣнахъ укрѣпленій и съ большею энергіей исправляли производимыя поврежденія.

Въ 10 часовъ бой шелъ въ полномъ разгарѣ на лѣвомъ франгѣ, гдѣ Гайдаровъ успѣлъ уже завладѣть мельничной калой и намѣревался, вооруживъ охотниковъ штурмовыми лѣстницами, овладѣть валами Денгли-Тепе безъ всякихъ обваловъ. Въ центрѣ ждали только взрыва. Но какъ ни торопились минеры, все было готово только къ 10 часамъ; однако инженеры все еще не рѣшались на взрывъ, боясь, что отъ сотрясенія разрушатся всѣ глиняные калы, въ которыхъ еще укрывались войска колонны Куропаткина. Рѣшено было поэтому ихъ отвести, на что потребовалось еще 20 минутъ. Въ 10 часовъ и 20 минутъ, въ Охотничьей калѣ оставались капитанъ Масловъ, поручикъ Чернякъ и унтеръ-офицеръ Шульга; а впереди, въ траншеяхъ, почти обокъ со взрываемой стѣной, охотники поручика Воропанова [3]). Этихъ не хотѣли отводить, и рѣшились лучше нѣсколь-

[1]) Состояла изъ 1 батал. команды охотниковъ и взвода саперъ, 2-хъ орудій, 1-й картечницы, 5 ракетныхъ станковъ, 2-хъ сотенъ кавалеріи—всего 700 человѣкъ.

[2]) Резервъ состоялъ изъ 17 ротъ пѣхоты, 8-хъ ротъ спѣшенной кавалеріи, 1-й роты желѣзнодорожнаго батальона и 24-хъ орудій—всего около 2000 человѣкъ. При всѣхъ частяхъ находились геліографные станки.

[3]) Воропановъ—начальникъ охотничьей команды, молодой, но отличный офицеръ. Онъ исходилъ съ своей командой всю степь и во всѣхъ дѣлахъ былъ съ охотниками въ передовой линіи... Такъ говоритъ о немъ корреспондентъ „Новаго Времени“.

кими изъ нихъ пожертвовать, чтобы имѣть подъ руками людей, способныхъ вскочить на брешь тотчасъ послѣ взрыва.

Офицеры, находившіеся въ Охотничьей калѣ, молча смотрѣли на часы, унтеръ-офицеръ держалъ проволоки. Минута, еще... и еще минута, у всѣхъ болѣло сердце; что ежели не взорветъ? Вчера еще Скобелевъ сердито спрашивалъ у Рудковскаго, какое основаніе имѣетъ онъ надѣяться на успѣхъ взрыва, когда у самаго Вобана изъ 56-ти взрывовъ удалось только три?!

— Готово?.. Замыкай цѣпь!

Унтеръ-офицеръ сдѣлалъ какое то движеніе. Густой гулъ потрясъ почву и масса земли, камней, обломковъ и пыли, поднявшаяся надъ всѣмъ этимъ мѣстомъ, дала знать отряду, что инженеры хорошо сдѣлали свое дѣло.

Въ тотъ же мигъ дали послѣдній залпъ изъ орудій, и еще не успѣлъ разсѣяться дымъ отъ выстрѣловъ, какъ обѣ колонны уже оказались на верху своихъ обваловъ. Первая, устремившаяся на артиллерійскій обвалъ, имѣла впереди охотниковъ Апшеронскаго полка, за которымъ шелъ весь батальонъ, увлекаемый доблестнымъ командиромъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ. Впереди второй колонны шли охотники Воропанова и саперы, за которыми непосредственно слѣдовали ширванцы, подъ предводительствомъ маіора Сивиниса. Остальныя части поддерживали ихъ сзади.

Непріятель, пораженный неожиданнымъ взрывомъ, успѣлъ однако быстро оправиться, залегъ за боковыя стѣнки, оставшіяся не обрушенными, и встрѣтилъ штурмующихъ убійственнымъ залпомъ. Вся первая шеренга легла, какъ скошенная, и шедшія впереди три офицера (между которыми былъ и злополучный прапорщикъ Морицъ) пали мертвыми. На минуту въ рядахъ штурмующихъ произошло замѣшательство и Скобелевъ, зорко слѣдившій за происходившимъ, быстро послалъ для поддержанія успѣха изъ своего резерва двѣ роты ширванцевъ, приходъ которыхъ рѣшилъ дѣло. Текинцы, не находя уже болѣе защиты, отступили, и вскорѣ знамя ширванцевъ, поставленное на верху обвала, свидѣтельствовало объ одержанномъ здѣсь успѣхѣ. Такъ-же молодецки выполнила свою задачу первая колонна. Съ крикомъ „ура!“ и съ музыкою, влетѣла она на образованную снарядами брешь. Здѣсь текинцы, еще ошеломленные дѣйствіемъ взрыва у нихъ въ тылу, сопротивлялись не упорно, такъ что явилась полная возможность, даже вопреки диспозиціи, сойти съ вала и продолжать бой внутри укрѣпленія.

Къ этому же моменту, самурцы изъ колонны Гайдарова съ помощью лѣстницъ завладѣли валомъ и вошли въ связь съ колоннами, штурмовавшими обвалы. Текинцы побѣжали, хотя нѣкоторые еще продолжали отстрѣливаться, спрятавшись въ кибиткахъ, но уже это было слабое, безтолковое сопротивленіе.

Еще нѣсколько выстрѣловъ, натискъ ширванцевъ Сивиниса—и

цитадель крѣпости, священный холмъ Денгли-Тепе, сдался послѣ небольшаго сопротивленія. Водруженный сейчасъ же здѣсь императорскій штандартъ, при громѣ орудійнаго салюта, звукахъ музыки и восторженныхъ крикахъ „ура!“ опредѣлилъ моментъ покоренія новаго племени храбрыхъ азіатскихъ номадовъ могущественной власти Бѣлаго Царя Россіи.

Въ это же время, кавалерія князя Эристова, обойдя крѣпость съ сѣвера, гнала уже передъ собою спасавшихся въ отчаяніи текинцевъ. Пятнадцать верстъ преслѣдовали своего непріятеля казаки, безостановочно рубя ихъ направо и налѣво, не давая пощады никому, воздавая за погибшихъ товарищей и разхолаживая злобу, накопившуюся за время долгой, опасной и тяжелой осады.

— Спасибо, молодцы! говорилъ Скобелевъ веселымъ голосомъ, пропуская черезъ бреши войска.—Надѣюсь, что вы хорошо порубите текинцевъ. (Въ день штурма было отдано приказаніе уничтожать текинцевъ безъ пощады).

Грозныя, скажутъ, безчеловѣчныя слова! Въ кабинетѣ, да въ городѣ,—пожалуй, но въ глухой степи, среди воинственнаго народа, имѣющаго о себѣ весьма выгодное понятіе, и притомъ командуя маленькимъ, обезсиленнымъ отъ трудовъ и борьбы отрядомъ,—нисколько. Къ несчастію, силѣ (даже и природной) легче показать себя на разрушеніи, нежели на созиданіи, и потому кому надо, непремѣнно надо доказать эту силу,—тому остается только держаться безчеловѣчной логики войны.

Но человѣкъ двойственъ: повинуясь рѣзкимъ требованіямъ разума, онъ склоненъ уступать мягкости сердца.

Подъ ноги лошади грознаго побѣдителя крѣпости упало текинское дитя—дѣвочка. Скобелевъ поднялъ ребенка на руки и велѣлъ отвезти его къ себѣ въ кибитку. Тамъ онъ взялъ маленькую плѣнницу и принесъ графинѣ Милютиной на попеченіе.

Подобно вождю, и войска въ день штурма не давали пощады мужчинамъ, но взяли до 4000 женщинъ и дѣтей, поступившихъ также на попеченіе сестеръ „Краснаго Креста“, не смотря на громадную работу, заданную этому святому войску любви и милосердія едва законченнымъ штурмомъ.

Не малы были и наши потери, не дешево досталось намъ взятіе крѣпости. Убито 5 офицеровъ и 55 нижнихъ чиновъ; ранено офицеровъ 18, нижнихъ чиновъ 236; контужено офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 75. Все это досталось на поправленіе персоналу „Краснаго Креста“, который, однако, нашелъ еще время перевязать до 300 раненыхъ текинскихъ женщинъ и дѣтей.

Прослѣдивъ, что сдѣлала русская сила при завоеваніи оазиса, бросимъ теперь взглядъ на работу „милосердія“, выпавшую на долю персонала „Краснаго Креста“, — на работу, стоившую также не мало

жертвъ и совершенную путемъ изумительнаго самопожертвованія докторовъ, сестеръ и санитаровъ этого отряда.

X.

Подвиги состраданія и любви.

Завоеваніе Ахалъ-Текинскаго оазиса, въ числѣ военныхъ подвиговъ русской арміи, не можетъ занимать перваго мѣста. Въ вѣнкѣ русской военной славы,—это блестящій, яркій, но все таки маленькій листикъ. Но та же экспедиція, тотъ же походъ, имѣетъ право составить лучшую страницу въ недавней сравнительно дѣятельности „Краснаго Креста". Тутъ лица этого учрежденія выказали себя безупречными героями, подъяли колоссальный трудъ и принесли дѣлу состраданія и любви большія жертвы. Никогда и нигдѣ, быть можетъ, труженикамъ „Краснаго Креста" не приходилось такъ жертвовать собою и подвергаться столькимъ опасностямъ, какъ въ ахалъ-текинскую экспедицію. Непріятель, съ которымъ имѣли дѣло, съ ранней молодости самъ равнодушно смотрящій на жизнь, не зналъ состраданія; онъ не только убивалъ, но и мучилъ, о чемъ свидѣтельствовали случаи въ родѣ приведеннаго въ отчетѣ князя Шаховскаго:

Послѣ дѣла 21-го декабря, доставлены были два трупа пропавшихъ безъ вѣсти казаковъ въ такомъ видѣ: на рукахъ и ногахъ были вытянуты ногти, ягодичныя части прожжены, грудь разрѣзана на три части, сердца вырваны и головы отрублены. Очевидно было, что первыя три операціи произведены были надъ живыми.

Понятно поэтому, что раненыхъ слѣдовало подбирать сейчасъ же, если желали ихъ избавить отъ ужасныхъ незаслуженныхъ мукъ, а для этого нужно было людямъ, посвятившимъ себя на служеніе страданію, идти впереди или рядомъ съ тѣми, кому выпало назначеніе служить русской славѣ.

Лица, входившія въ составъ санитарнаго отряда Скобелева, буквально такъ и понимали свою обязанность: они ходили впереди войска или рядомъ съ нимъ, самоотверженно выставляясь подъ выстрѣлы непріятеля, которому не могли вредить. О величіи этого подвига, о значеніи такого процесса, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры потерь отряда. Изъ 330 человѣкъ убито: нижнихъ чиновъ 14, ранено 6; докторовъ убитъ 1, ранено 2 и контужена 1 сестра, т. е. общая потеря составляетъ болѣе 8%.

Въ деталяхъ дѣятельность Краснаго Креста представляется слѣдующею [1]):

Къ 1-му декабря 1880 года, когда Скобелевъ нашелъ нужнымъ занять Егіанъ-Батыръ калу (впослѣдствіи Самурское), военный госпи-

---

[1]) Заимствуемъ изъ статьи „Голоса"—„Дѣйствія передоваго отряда", а также изъ статей „Др"., помѣщенныхъ въ №№ 147, 156, 186 газеты „Порядокъ". В. П.

таль на 200 кроватей еще не прибылъ въ Бами, также какъ не прибыли еще и дивизіонные лазареты 19-й и 21-й дивизіи. Между тѣмъ слѣдовало ожидать раненыхъ, и потому, „Красному Кресту", находившемуся на мѣстѣ, естественно выпала роль въ передовой линіи, а не въ тылу, какъ это предполагалось сначала. Въ силу этого, въ Бами сформировали околотокъ на 30 больныхъ и подъ названіемъ самурскаго батальоннаго лазарета двинули въ Егіанъ-Батыръ калу. Съ этимъ же отрядомъ отправился и первый перевязочный пунктъ, подъ завѣдываніемъ доктора Щербака, при 2-хъ санитарахъ, съ обозомъ, состоявшимъ изъ 10-ти одноколокъ и 4-хъ фургоновъ.

4-го декабря, отряду доктора Щербака уже выпала работа, такъ какъ онъ же сопровождалъ войска въ первую рекогносцировку Денгли-Тепе и работалъ все время въ сферѣ непріятельскаго огня. Изъ 22-хъ раненыхъ въ этомъ дѣлѣ 16 на другой день были отправлены въ Бами на одноколкахъ отряда. Но подобная эвакуація представляла значительную опасность при полной необезпеченности нашего тыла, и требуя конвоя, не могла происходить безостановочно и недозволяла отправлять назадъ трудно раненыхъ. Поэтому, сформированному въ Бами лазарету общества предложено было развернуться на 50 мѣстъ въ укрѣпленіи Келяты въ 16-ти верстахъ отъ Самурскаго, 50 мѣстъ оставить въ Бами и устроить также въ Дурунѣ лазаретъ на 50 кроватей, а въ Арчманѣ ночлежно-питательный пунктъ съ 25 койками. Кромѣ того, къ организованному уже перевязочному пункту доктора Щербака прибавлено было еще два, подъ завѣдываніемъ доктора Малиновскаго. Распоряженія эти были выполнены къ 12-му декабря, когда транспорту Малиновскаго прямо съ дороги пришлось скакать на поле сраженія, такъ какъ въ этотъ же день происходила вторая рекогносцировка мѣстности вокругъ Денгли-Тепе.

13-го декабря, по приказанію Скобелева, лазаретъ общества на 100 кроватей былъ переведенъ изъ Келяты въ Самурское, такъ что съ 1-го до 17-го декабря все попеченіе о раненыхъ и больныхъ отряда лежало на личномъ составѣ персонала „Краснаго Креста".

17-го декабря, прибылъ отрядный врачъ Гейфельдеръ и съ нимъ военный госпиталь. Но тѣмъ не менѣе на рекогносцировку 18-го ходилъ докторъ Малиновскій со своими санитарами.

Во время штурма 20-го декабря на укрѣпленія Янги-Кала, перевязочные пункты „Краснаго Креста" слѣдовали при колоннахъ Куропаткина и Козелкова, а при резервѣ Скобелева находился военно-госпитальный перевязочный пунктъ и лазаретъ „Краснаго Креста". По занятіи Янги-калы, былъ устроенъ смѣшанный лазаретъ изъ матеріальной части и персонала какъ военнаго госпитальнаго, такъ и общественнаго, и къ этому же времени были вызваны подъ крѣпость графиня Милютина и Стрякова, такъ какъ число раненыхъ стало значительно возрастать.

Когда рѣшено было выписать сестеръ впередъ, то никто въ отрядѣ не могъ предполагать, чтобъ непріятель былъ настолько смѣлъ и рѣшился атаковать наши войска и лагерь, какъ это было 28-го и 30-го декабря и 4-го января. Полагали напротивъ, что при передовомъ отрядѣ сестры не могли бы подвергаться бо̀льшей опасности, чѣмъ на всякомъ другомъ пунктѣ въ тылу, такъ какъ большая часть войскъ была стянута впередъ и крѣпости защищались слабыми гарнизонами. Но и послѣ этихъ атакъ нельзя было раскаяваться въ томъ, что сестры обречены были находиться между жизнью и смертью въ теченіи трехъ недѣль. Присутствіе ихъ въ лагерѣ и неустанная работа днемъ и ночью подъ пулями имѣли громадное значеніе.

Во всѣхъ дѣлахъ 21-го, 22-го и въ злосчастномъ дѣлѣ генерала Петрусевича 23-го декабря, перевязочный пунктъ былъ отъ „Краснаго Креста". Въ Янги-Кала смѣшанный лазаретъ оставался до 29-го, т. е. до дня, когда, по приказанію Скобелева, ему пришлось вмѣстѣ съ лагеремъ передвинуться во вторую параллель.

28-го декабря, во время атаки текинцевъ на траншею, на перевязочномъ пунктѣ находились фельдшеръ, санитаръ и десять санитаровъ носильщиковъ. Видя наступавшаго непріятеля уже на площадкѣ внутри траншей, они схватили ружья, приготовившись защищаться, но пункта не покинули, даже когда увидѣли себя обойденными. При первыхъ залпахъ начавшейся атаки, пять дежурныхъ одноколокъ были немедленно отправлены изъ лагеря на подкрѣпленіе къ стоявшимъ у параллели. Доктора Щербакъ и Малиновскій бросились въ траншеи. Когда они прибыли на мѣсто, атака отбита еще не была и они оказались единственными врачами, дававшими первую перевязку въ моментъ раненія. Хладнокровіемъ и распорядительностью особенно отличились, кромѣ врачей, ротмистръ Максимовъ, подъ руководствомъ котораго, менѣе чѣмъ въ часъ послѣ отбитія атаки, не только раненые, но и убитые были подобраны и доставлены въ лагерь.

Въ лагерѣ въ лазаретѣ работы продолжались до 6 часовъ утра, причемъ много дѣла выпало и на долю сестеръ Милютиной и Стрѣковой. Въ эту ночь врачебный персоналъ вовсе не ложился спать, такъ какъ, закончивъ перевязку къ 7-ми часамъ, тотчасъ же принужденъ былъ заботиться о перенесеніи лазарета впередъ. Къ 12 часамъ лазаретъ былъ уже перенесенъ и развернутъ на новой стоянкѣ; раненые размѣщены и накормлены; складъ и пункты приведены въ порядокъ.

Въ три часа пополудни 29-го же числа, Куропаткинъ началъ штурмъ Великняжеской, и „Красному Кресту" выпала новая работа и новыя опасности. Вмѣстѣ съ штурмующей колонной отправился ротмистръ Максимовъ, взявъ съ собою санитаровъ съ носильщиками для уборки раненыхъ и доставленія ихъ на перевязочный пунктъ, находившійся по близости въ траншеѣ. Во время штурма одинъ изъ

санитаровъ раненъ. Войдя съ первыми солдатами въ непріятельское укрѣпленіе, г. Максимовъ сталъ съ санитарами подбирать убитыхъ и раненыхъ. Восемь тяжело раненыхъ, поднятые санитарами, подъ сильнымъ перекрестнымъ непріятельскимъ огнемъ, были доставлены первыми въ ближайшую траншею, а оттуда на перевязочный пунктъ „Краснаго Креста". При этой переноскѣ одинъ изъ санитаровъ былъ убитъ и два ранены.

Раненыхъ и штурмующихъ мучила жажда, и потому ротмистръ Максимовъ, взявъ изъ траншеи боченокъ воды и нѣсколько бутылокъ вина, вторично пошелъ въ Великокняжескую, но такъ какъ при этомъ нужно было пробѣжать открытымъ мѣстомъ въ 50-ти саженяхъ отъ крѣпости, то изъ сопровождавшихъ его охотниковъ одинъ былъ убитъ наповалъ. Бой шелъ жарко, въ осажденныхъ калахъ убитые и раненые падали десятками; санитары съ самоотверженіемъ выносили ихъ на перевязочный пунктъ и подъ огнемъ бѣгали за водой къ ручью, при чемъ текинскія пули били ихъ и разбивали въ ихъ рукахъ бутылки.

Съ наступленіемъ сумерекъ, всѣ раненые доставлены на перевязочный пунктъ „Краснаго Креста". При переноскѣ ихъ шесть санитаровъ ранены и двое убиты.

30-го декабря, перевязочный пунктъ изъ соединительной траншеи переведенъ въ Великокняжескую калу. Съ наступленіемъ ночи, когда непріятель сдѣлалъ свою вылазку изъ крѣпости, оставшаяся въ лагерѣ при складѣ и лазаретѣ прислуга и конюхи вооружились топорами, кольями, лопатами, и не теряя присутствія духа, ожидали съ минуты на минуту появленія въ нашихъ владѣніяхъ непріятеля. Но непріятель былъ вовремя отбитъ. Перевязка, размѣщеніе и кормленіе доставленныхъ раненыхъ продолжались до семи часовъ утра слѣдующаго дня. Въ восемь же часовъ, по приказанію временно-командующаго войсками, госпиталь подвинулся еще впередъ, къ самымъ траншеямъ, и расположился въ 800 шагахъ отъ стѣнъ крѣпости. Тутъ въ теченіи 12 дней весь лагерь находился подъ мѣткими выстрѣлами изъ крѣпости, такъ что оставаться въ траншеяхъ было безопаснѣе. Особенно привлекали на себя вниманіе два большихъ намета, въ которыхъ помѣщался складъ „Краснаго Креста". Вѣроятно, текинцы воображали, что въ нихъ живетъ Скобелевъ, и потому осыпали ихъ днемъ и ночью пулями, отчего площадка, которую занималъ складъ и персоналъ общества, считалась самымъ опаснымъ мѣстомъ въ лагерѣ.

Во время нападенія 4-го и 5-го января, перевязочные пункты находились также въ передовой линіи; съ этого времени лица врачебнаго персонала спали урывками и притомъ не раздѣваясь, такъ какъ ежеминутно приносили какого нибудь раненаго изъ передовыхъ траншей.

12-го января, во время штурма, при колоннѣ полковника Куро-

паткина находился перевязочный пунктъ № 1-й. На лѣвомъ, при колоннѣ полковника Козелкова, пунктъ № 3-й. Перевязочный пунктъ № 2-й военно-медицинскаго вѣдомства помѣщался въ тылу первыхъ двухъ.

Послѣ взрыва мины, вслѣдъ за штурмующей колонной направился и перевязочный пунктъ № 1, который въ первый моментъ штурма расположился у плотины, въ 40-ка шагахъ отъ крѣпостнаго рва, и быстро сдѣлалъ перевязку оказавшимся тамъ раненымъ. Въ слѣдующій моментъ боя перевязочный пунктъ передвинулся къ самому рву у бреши, гдѣ было перевязано 73 человѣка.

На лѣвомъ флангѣ, перевязочный пунктъ № 3-й расположился въ первый моментъ штурма въ передовой траншеѣ, а потомъ основался на самой стѣнѣ крѣпости въ бреши, пробитой артиллерійскими снарядами. На этомъ пунктѣ было перевязано 45 человѣкъ.

Вечеромъ 12-го, по уборкѣ своихъ раненыхъ и послѣ перенесенія лазаретовъ на площадку между Великокняжеской и стѣнами крѣпости, а также 13-го и 14-го января, врачи Малиновскій и Щербакъ перевязывали раненыхъ текинскихъ женщинъ и дѣтей, которыхъ оказалось свыше 300.

За все время дѣятельности отряда въ Закаспійскомъ краѣ, черезъ лазареты „Краснаго Креста" прошло до 2,000 раненыхъ и больныхъ воиновъ, т. е. $^4/_6$ изъ общаго ихъ числа, причемъ за $6^1/_2$ мѣсяцевъ отрядомъ израсходовано 91,199 р., изъ собственныхъ средствъ общества.

Такъ доблестно работали, такъ самоотверженно жертвовали во имя святаго подвига любви и состраданія люди, добровольно взявшіе на себя обязанности санитаровъ отряда. Сколько раненыхъ обязаны имъ жизнью, скольких изъ нихъ они избавили отъ мученій и медленной смерти! Но, очевидно, что кромѣ того, самое ихъ присутствіе благотворно дѣйствовало на нравственное состояніе войска, осаждавшаго Геокъ-Тепе. Чувствуя за собою такую поддержку и по пятамъ слѣдующую помощь, русскій солдатъ всю свою энергію и храбрость обращалъ къ мыслѣ о необходимой побѣдѣ, увѣренный, что въ случаѣ какого либо несчастія—будетъ кому тотчасъ же и перевязать его, въ случаѣ смерти—тѣло его ожидаетъ честное христіанское погребеніе. Послѣднюю обязанность совершалъ отецъ іеромонахъ Іоакинфій, бывшій единственнымъ духовнымъ лицомъ въ отрядѣ. Добросовѣстно неся обязанности санитара, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнялъ и всѣ требы: не будь его, некому было бы хоронить убитыхъ и умершихъ и напутствовать умиравшихъ.

Вотъ основаніе, чтобы дать дѣятелямъ общества „Краснаго Креста" въ исторіи завоеванія Ахалъ-Текинскаго оазиса самое почетное мѣсто. Не только не проливая чужой крови, но даже унимая уже текущую цѣною своей, эти люди придавали силу воинамъ Скобелева, личными примѣрами поддерживая мужество колебавшихся, безустанной работой научая не уставать и другихъ.

XI.

Золотой путь въ Индію.

Съ паденіемъ Денгли-Тепе, война была кончена. Часть текинцевъ ускакала въ пески, часть удалилась въ Мервъ. 16-го января, послѣ 4-хъ-дневнаго отдыха, Скобелевъ направился на Асхабадъ (находящійся въ 40 верстахъ отъ Геокъ-Тепе) и безъ боя занялъ его 18-го. Колонна полковника Куропаткина пошла въ песчаную степь и сдѣлала по ней около 350 верстъ, съ цѣлью детальнаго изученія края.

Съ этого же времени многіе текинцы стали приходить съ изъявленіемъ покорности. Сначала приходили единицы, затѣмъ уже цѣлыя группы и, наконецъ, явился и самъ Тыкма-Сердаръ, чтобы положить у ногъ Скобелева свою саблю. Край оказался завоеваннымъ и высочайшимъ повелѣніемъ включенъ въ число безспорныхъ владѣній русской короны.

Роковое предопредѣленіе исторіи совершилось, и мы въ настоящую минуту владѣемъ полосой плодородной земли, лежащей несомнѣнно на золотомъ пути въ Индію.

Съ незапамятныхъ временъ ищутъ здѣсь этотъ заколдованный путь въ баснословное царство, въ страну бриллiантовъ и холеры, въ страну паріевъ и божественныхъ коровъ, въ страну крокодиловъ, тигровъ, слоновъ и баядерокъ, въ страну „великаго могола“, синонима безмѣрной роскоши, въ страну факира—синонима безмѣрной нищеты и самоуничиженія.

Въ VIII и IX вѣкѣ славянскіе купцы проникали въ Багдадъ, Балхъ и даже въ Китай—Волгою и Каспійскимъ моремъ, о чемъ свидѣтельствуютъ находимые здѣсь клады съ монетами арабскими, индійскими и бактрійскими. Затѣмъ, за время монгольскаго ига, свѣдѣнія объ этомъ исчезаютъ. Въ XV вѣкѣ пытался проѣхать въ Индію купецъ Аѳанасій Никитинъ, но доѣхалъ только до Хоросана. Позднѣе генуэзецъ Паоло Чентуріоне смущалъ великаго князя Василія Ивановича прелестями и выгодами того же золотаго пути. Толкались сюда и англичане, изъ которыхъ Антонъ Дженкинсонъ, въ 1555 году, пробрался черезъ Мангишлакъ въ Бухару, а черезъ годъ онъ же попалъ въ Таврисъ, столицу тогдашней Персіи. За англичанами ѣздили нѣмцы и шведы, съ большею или меньшею неудачею. Наконецъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ два раза посылали пословъ къ великому моголу, но оба раза они не могли проѣхать черезъ Персію.

Въ 1669 году, въ Индію поѣхалъ Пазухинъ черезъ Бухару и нашелъ, что путь этотъ представляетъ достаточныя выгоды. Донесеніе Пазухина побудило послать, въ 1675 году, къ великому моголу татарина Юсупа Касимова. Касимовъ, хоть и добрался до Кабула, но

былъ выпровоженъ обратно потому, что не имѣлъ съ собою товаровъ. Только въ 1655 году съ товарами доѣхалъ до Дели купецъ Семенъ Маленькій, здѣсь распродалъ ихъ, накупилъ индійскихъ, нагрузилъ ими два корабля, но на возвратномъ пути умеръ въ Шемахѣ.

Петръ Великій снаряжалъ двѣ экспедиціи—одну со стороны Сибири, другую со стороны Астрахани. Второй отрядъ (Бековича) достигъ Хивы, но здѣсь былъ измѣннически истребленъ хивинцами.

Въ 1750 году, составилась даже русско-индійская компанія, но дѣятельность ея ограничилась посылкою одного только каравана. Въ 1753 году, въ Хиву и Бухару ѣздилъ торговать самарскій купецъ Рукавишниковъ, и съ этого времени торговыя сношенія Россіи съ этими странами все усиливались, такъ что сумма торговыхъ оборотовъ, составляя въ 1773 году около 43 тысячъ рублей ассигнаціями, въ 1867 году дошла до 53 милліоновъ руб. серебромъ [1])...

Но путь въ Индію все таки не открывался и до сихъ поръ составляетъ еще „проблему", поставленную для разрѣшенія работѣ будущихъ поколѣній. Г. Анненковъ находитъ, что проблема эта уже рѣшена проведеніемъ желѣзной дороги отъ Михайловскаго до Кизилъ-Арвата. Сопоставляя между собою пути въ Индію, онъ отдаетъ всѣ предпочтенія дорогѣ по вновь завоеванному оазису.

Первый путь изъ Фальмута въ Бомбей мимо мыса Доброй Надежды имѣетъ 18,200 верстъ и для прохожденія требуетъ 42 дня времени; второй изъ Фальмута въ Бомбей черезъ Суэцъ и Александрію имѣетъ 10,500 верстъ и требуетъ для проѣзда 24 дня. Таковы два главные морскіе пути. Путей же смѣшанныхъ, правильнѣе проектированныхъ—много, но этими путями еще никто не ѣздилъ и товаровъ не возилъ; но несмотря на это, они-то и лежатъ въ основѣ всѣхъ восточныхъ затрудненій и дракъ за преобладаніе на востокѣ между европейскими государствами. Изъ этихъ проектируемыхъ путей особенно замѣчательны четыре. Первый—отъ Парижа до Калькутты (Бриндизи, Суэцъ и Бомбей)—имѣетъ длину 10,787 верстъ, второй изъ Скутари (Константинополь) черезъ Ефратъ и Багдадъ тянется на протяженіи 4,170 верстъ, изъ коихъ 720 верстъ должно пройти по безводной и безплодной степи. Третій путь—проектируемый Лесепсомъ и Котаромъ, между Парижемъ и Калькуттой, черезъ Оренбургъ, Ташкентъ, Балхъ и Пешаверъ, будетъ имѣть 10,120 верстъ по непрерывной уже желѣзной дорогѣ. Тутъ также придется захватить 740 верстъ безлюдной пустыни. Наконецъ, четвертый, кратчай-

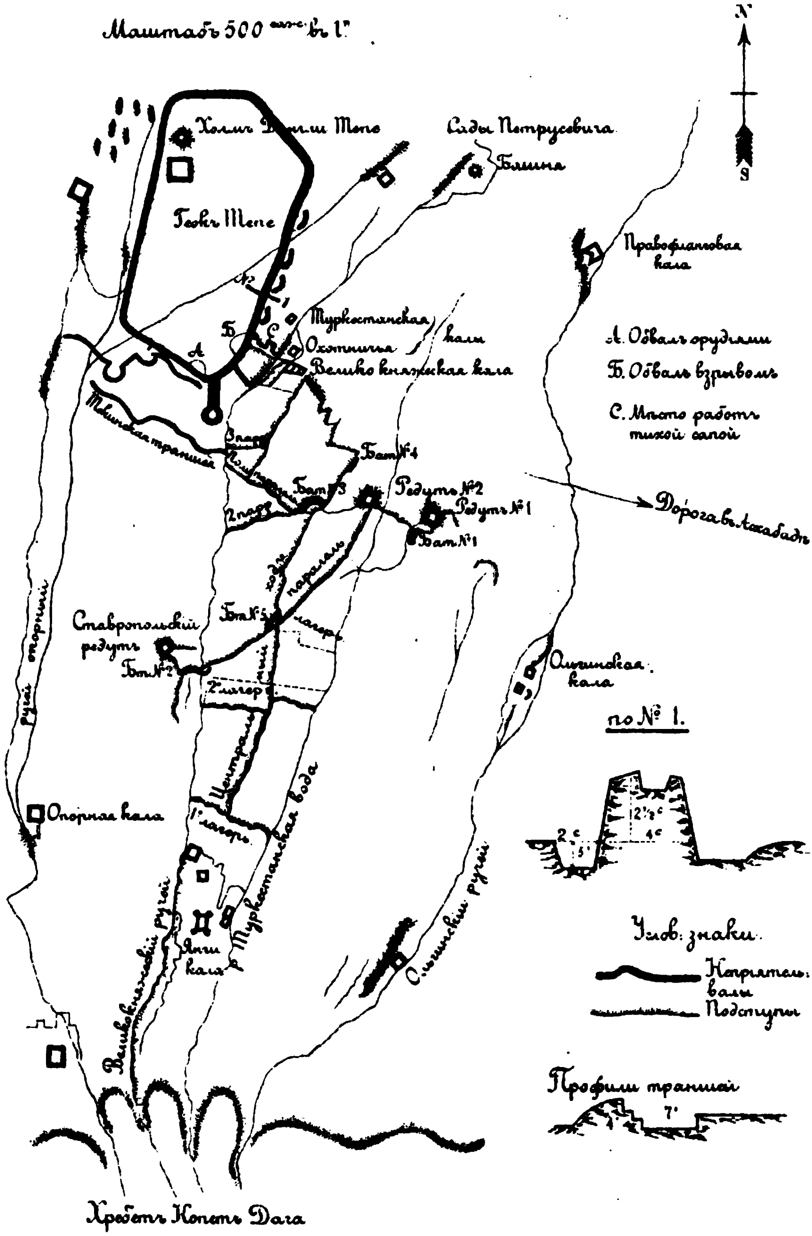
---

[1]) Такія цифры приведены въ статьѣ г. Анненкова, „Вѣстн. Европы", № 6. Но авторъ умалчиваетъ, что въ этихъ утѣшительныхъ цифрахъ главное мѣсто принадлежитъ торговлѣ съ Китаемъ, а не съ Индіею и даже не съ Афганистаномъ, куда пути еще все таки не найдены и понынѣ.

В. П.

План осады крѣпости Геокъ-Тепе.

Маштабъ 500 саж. въ 1".



шій путь между Парижемъ и Ширкапуромъ (черезъ Варшаву (?), Москву, Баку, Михайловскій заливъ, Кизилъ-Арватъ, Серахсъ, Гератъ, Кандахаръ и Кветту) равняется 7,571 верстѣ и можетъ быть пройденъ въ 11—12 дней, съ небольшими морскими переѣздами изъ Баку въ Михайловское. Тутъ, по мнѣнію г. Анненкова, придется пройти всего 125 верстъ безводными степями, и то уже фактически пройденными существующей закаспійской желѣзной дорогой.

Увлеченіе изобрѣтателей—явленіе естественное, понятное и простительное, но увлеченіе г. Анненкова еще тѣмъ простительнѣе, что его золотой путь—дѣйствительно путь увлекательный. Положимъ, отъ эксплоатаціи съ помощью товарныхъ вагоновъ и бракованыхъ локомотивовъ кое-какъ построенныхъ ста верстъ желѣзной дороги, безъ настоящаго товарнаго движенія, прямо умозаключать о возможности продолжить эту дорогу до Кветты, отстоящей отъ Кизилъ-Арвата на 3,000 неизвѣданныхъ въ точности верстъ,—нѣсколько смѣло, но, помимо такой смѣлости, золотой путь г. Анненкова весьма можетъ быть полезенъ, ограничившись даже вліяніемъ на торговлю близъ-лежащихъ ханствъ и поселеній западнаго Туркестана, и частію сѣверо-восточныхъ провинцій Персіи до Хоросана включительно. Дальнѣйшее же продолженіе этого пути будетъ возможно только при существованіи въ пустынѣ Кара-Кумъ хорошихъ каменно-угольныхъ мѣсторожденій, такъ какъ на бакинской или челекенской нефти далеко не уѣдешь, да и врядъ ли шибко разъѣдешься. Запасы нефти кажутся громадными до тѣхъ поръ, покуда продукты ея перегонки сожигаются въ лампахъ, но разъ ею начнутъ топить локомотивы и паровые котлы водокачалокъ, этого топлива, какъ его, повидимому, ни много, хватитъ не надолго, что прямо повліяетъ на разсчеты стоимости бухарскаго и хивинскаго хлопка (а тѣмъ болѣе индѣйскихъ товаровъ: корицы, ванили, кофе, рису), приведенные у г. Анненкова.

Тѣмъ не менѣе, разъ дорога дошла до Кизилъ-Арвата, разумѣется, надо сдѣлать все, чтобы дать возможность выяснить, имѣютъ ли мѣстное населеніе и мѣстные торговые интересы и традиціи наклонность учредить въ Кизилъ-Арватѣ большой караванъ-сарай. Съ этою цѣлью, безъ сомнѣнія, нужно организовать (даже путемъ казенныхъ затратъ) все движеніе по закаспійской дорогѣ на тѣхъ же началахъ быстроты, удобства и безопасности, какъ это принято для дорогъ европейскихъ. Честное веденіе дѣла въ эту сторону можетъ многое выяснить, многому помочь и, дѣйствительно, въ концѣ концовъ, опредѣлить цѣну въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ сдѣланному отрядомъ генерала Скобелева завоеванію.

По нашему мнѣнію, неособенно торопясь въ Индію, гдѣ, даже послѣ блестящей военной побѣды надъ англичаниномъ, мы едва ли сейчасъ можемъ имѣть шансы на самую скромную комерческую побѣду, но пріучая къ своимъ товарамъ и своимъ торговымъ порядкамъ народности Турана и Ирана, мы, разумѣется, и теперь могли бы из-

влекать уже не малыя выгоды изъ построенной дороги, мало-помалу развивая свою внутреннюю производительность, помогая у себя дома работѣ и творчеству національнаго генія (въ основѣ котораго не мало родственнаго востоку),—мы доживемъ до того момента, когда комерческая побѣда на равнинахъ Индіи достанется намъ безъ пролитія крови, путемъ медленнаго, мирнаго завоеванія симпатій потребителей къ хорошимъ произведеніямъ нашей фирмы.

Съ этой точки зрѣнія, завоеваніе Ахалъ-текинскаго оазиса пріобрѣтаетъ большую важность. Воинственное племя номадовъ этихъ пустынь помѣрилось съ нами силами и воочію убѣдилось въ своей слабости. Оно сдѣлало все, что было можно, что было ему доступно для сохраненія своей независимости, но сила русскихъ войскъ сломила его сопротивленіе въ честномъ бою, послѣ котораго никогда не зазорно и такъ естественно слабому покориться. Покорились и текинцы, ближайшимъ послѣдствіемъ чего будетъ прекращеніе грабежей идущихъ на русскую желѣзную дорогу каравановъ, а тамъ—одно-два поколѣнія и скитальческая жизнь текинцевъ мало-по-малу перейдетъ въ осѣдлую жизнь населенія большихъ торговыхъ центровъ. Кто знаетъ, долго ли спать этой пустынѣ, кто поручится, не суждено ли этотъ тысячелѣтній сонъ разбудить свистомъ русскаго локомотива?

Роковые пути исторіи неисповѣдимы.

Покуда, однако, золотой путь въ Индію еще только выясняется карандашемъ по картѣ, да еще по такой картѣ, гдѣ цѣлыя сотни верстъ ни въ какомъ отношеніи неизвѣданы. До практическаго осуществленія этого проектированнаго пути пройдетъ большое историческое время, въ теченіи котораго могутъ совершиться событія, вслѣдствіе которыхъ измѣнятся основы, заставляющіе людей воевать изъ-за рынковъ, восточный вопросъ разрѣшится ко всеобщему благополучію и конкуренція купцовъ потеряетъ всякую привлекательность—вслѣдствіе доступности всѣхъ рынковъ со всѣхъ сторонъ, съ помощью хотя бы воздушныхъ шаровъ, управляемыхъ сконцентрированнымъ электричествомъ. До сихъ поръ послѣдняго еще не выдумано, но вѣдь и золотой путь въ Индію еще не трасированъ по мѣстности! Въ силу такихъ соображеній, можно хладнокровнѣе смотрѣть на „кратчайшій путь“ въ Индію, проектированный г. Анненковымъ, и не дозволять себѣ, доѣхавъ до Кизилъ-Арвата, воображать, что попалъ уже въ Гератъ. Но не слѣдуетъ усиливать и скептическое отношеніе къ пользѣ нашихъ средне-азіатскихъ завоеваній, не слѣдуетъ такъ плохо цѣнить и русскую силу, и русскій талантъ, какъ это дѣлаютъ русскіе либеральныя газеты. Если г. Анненковъ вѣритъ въ слишкомъ многое, то гг. Nemo и Б., авторы фельетоновъ „Голоса“, не просто не вѣрятъ, но не вѣрятъ презрительно. Читая ихъ велемудрыя нравоученія, такъ и видишь, что эти господа ни на минуту не сомнѣваются, что у Россіи—суконное рыло, съ которымъ не только не пустятъ въ калашный рядъ, но куда даже и проситься—то не слѣдуетъ, а ужъ врываться совсѣмъ

стыдно... Вотъ, напримѣръ, какъ завершаетъ свои прекрасные фельетоны г. Б:

„Слава Богу (?!) Ахалъ-Текинскій оазисъ заканчиваетъ циклъ нашихъ завоеваній въ средней Азіи. Далѣе идти намъ нѣкуда и нѣзачѣмъ. За Ахалъ-Текинскимъ оазисомъ начинаются уже страны, которыя, по своему географическому, этнографическому и политическому положенію, тяготѣютъ совершенно къ другимъ центрамъ...“

Этимъ заканчивается описаніе блестящаго военнаго, а слѣдовательно—народнаго подвига! Согласитесь, что на всякомъ иномъ языкѣ это было бы оскорбленіемъ. У насъ... у насъ народъ, совершающій подвиги, газетъ не читаетъ и, потому, не имѣетъ возможности обижаться. Почему, спрашивается, намъ идти далѣе нѣкуда? Отчего трусливо предрѣшать, что и нѣзачѣмъ? Наконецъ, какая намъ забота, что за Асхабадомъ начинаются страны, тяготѣющія къ совершенно другимъ (?) центрамъ? Особенно, когда это неправда! Развѣ кто-либо въ Англіи (послѣ блестящаго похода, замѣтьте) позволилъ бы себѣ написатѣ такую сентенцію, позволилъ бы себѣ сказать своему народу „стой! далѣе живутъ люди, тяготѣющіе къ Россіи“? Ужъ, конечно, нѣтъ.

Г. Nemo, авторъ также интересныхъ фельетоновъ—„Отъ Кабула до Геокъ-Тепе“, высказывается на этотъ счетъ еще категоричнѣе, еще прямѣе:

„Намъ кажется, что ахалъ-текинская экспедиція была вызвана несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, предупредить которыя зависѣло въ значительной степени отъ насъ самихъ. Къ сожалѣнію, нельзя было оставить неотмщеннымъ пораженіе прошлаго года, потому что нежелательно было подвергнуть опасности всѣ наши владѣнія въ средней Азіи. Только какъ въ началѣ экспедиціи, такъ и теперь, мы не должны ни на минуту опускать изъ вида основнаго положенія среднеазіатской политики Россіи: наступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи есть роковая необходимость, едва не несчастіе, но никакъ не великое благо. До сихъ поръ мы ничего не получили отъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній и завоеваній; напротивъ, каждый бюджетный годъ они стоютъ государственной казнѣ огромныхъ суммъ. Становясь на такую точку зрѣнія, нельзя не придти къ убѣжденію, что задача нашей среднеазіатской политики должна заключаться въ томъ, чтобъ предупредить всѣми средствами новыя усложненія. Крайне необходимо положить конецъ нашему движенію въ нескончаемыя степи и пустыни средней Азіи. Пора покончить съ среднеазіатскимъ вопросомъ въ смыслѣ подготовленія почвы для борьбы съ Англіей. Отъ такой борьбы мы, ни въ какомъ случаѣ, ничего не выиграемъ, а много потеряемъ“.

По опыту зная, какъ притуплено патріотическое чувство русскаго интеллигента, я къ этой цитатѣ прибавлю, что нѣсколькими строками выше тотъ же авторъ, можетъ быть, тѣмъ же перомъ написалъ:

„Между тѣмъ какъ лордъ Литтонъ, немедленно по прибытіи въ Индію, сталъ настаивать въ Кабулѣ на принятіи англійскаго резидента, но постоянно получалъ самый категорическій отказъ, русское посольство было принято Широмъ-Али самымъ радушнымъ образомъ“.

И когда о пребываніи въ Кабулѣ генерала Столѣтова, уже послѣ подписанія Берлинскаго трактата, возникъ вопросъ въ парламентѣ, то, защищаясь отъ направленныхъ на него нареканій, глава англійскаго правительства, прибавилъ, что

„всѣ приготовленія Россіи въ средней Азіи были совершенно законны, и если бъ мы были въ положеніи русскаго правительства, то навѣрно предприняли бы подобное же предпріятіе“ [1]).

Не ясно ли, изъ послѣднихъ строкъ, что честный врагъ оказывается справедливѣе въ оцѣнкѣ русскихъ политическихъ способностей, чѣмъ либеральный журналистъ, привыкшій только къ чернильнымъ всхлипываніямъ и потому въ дѣйствительно народной славѣ ничего непонимающій и мѣряющій историческій ростъ народа колебаніемъ цѣнъ на ближайшей жидовской биржѣ. Мы указываемъ на это, повидимому, маленькое явленіе потому, что въ дѣйствительности оно сильно вліяетъ на ходъ русской исторіи, болѣе, нежели объ этомъ гдѣ либо полагаютъ. Подобные же голоса сильно повліяли на остановку русскаго войска подъ воротами (на $^1/_4$ открытыми) Константинополя, они же украсили русскую лѣтопись Берлинскимъ трактатомъ. За все это народъ, столь любимый на словахъ этими господами, скажетъ имъ свое спасибо, когда въ массѣ своей доростетъ до выражаемаго самосознанія.

По нашему, народъ такъ же, какъ и каждая изъ его частныхъ личностей, совсѣмъ не можетъ и не долженъ заботиться только о выгодныхъ въ денежномъ смыслѣ гешефтахъ. Кромѣ потребностей, у него есть идеалы, къ осуществленію которыхъ онъ роковымъ, полусознательнымъ образомъ, стремится. Исторія безпристрастная не можетъ не видѣть, что золотой путь къ востоку, гораздо ранѣе всякихъ европейскихъ усложненій, искали и находили на свой личный рискъ и страхъ какой-то Никитинъ, какой-то Семенъ, да еще маленькій, и это было тогда, когда нынѣшняя коренная по внѣшности южная Россія была достояніемъ такихъ же полудикихъ номадовъ, какъ и туркмены-теке. Что гнало этихъ людей въ непривѣтливую сторону безбрежныхъ пустынь, что заставляло платиться жизнью за безпримѣрную отвагу, за несоразмѣрный рискъ? Желая сохранить логику, мудрецы „Голоса“ на это не отвѣтятъ, такъ же, какъ имъ же должна бы казаться непонятной вся дѣятельность Колумба, Васко-де-Гама, Кука, Ливингстона, Беккера и другихъ. Положимъ г. Nemo, указавъ

---

[1]) Г. Nemo имѣетъ на этотъ счетъ другой взглядъ. На посольство Столѣтова онъ смотритъ, какъ на величайшую нашу дерзость, за которую Англія наказала Ширъ-Али изгнаніемъ, лишеніемъ власти, что и повело этого хана къ смерти. Разумѣется, съ той же точки зрѣнія обиженнаго „суконнымъ рыломъ“ человѣка, онъ удивляется, какъ Англія согласилась уступить Кабулъ Абдурахману, а еще болѣе, какъ этотъ русскій вскормленникъ и пенсіонеръ дерзнулъ настойчиво требовать раздѣленія протектората Англіи надъ Афганистаномъ съ Россіей!

В. П.

на нашу пресловутую бѣдность и на бездоходность нашихъ завоеваній, комически восклицаетъ:

„Какъ завидна въ этомъ отношеніи Англія съ своими остъ-индскими владѣніями, которыя доставляютъ англичанамъ неисчислимыя выгоды!"

Но вѣдь не можетъ же онъ не знать, что успѣхъ этотъ достался не сразу, не даромъ, да кромѣ того, основанный только на выгодѣ, онъ именно потому-то и затрудняетъ Англію гораздо болѣе, нежели наши бездоходныя покуда завоеванія.

Наконецъ, съ точки зрѣнія „денегъ", развѣ не всякая слава глупа, развѣ не всякое рыцарство забавно? Народъ же живой, сильный, историческій народъ, давно и для частныхъ случаевъ рѣшилъ, что деньги дѣло наживное, — тѣмъ болѣе никогда онъ не повѣритъ въ свою историческую незыблемую бѣдность. Этотъ народъ любитъ за то свою славу, чтитъ своихъ богатырей, начиная съ Ильи Муромца, и въ извѣстномъ направленіи не скупится на жертвы, если онѣ приносятся на алтарь его настоящей исторіи.

Географическая карта показываетъ, какъ далеко еще намъ до Индіи, но она же столь же вѣрно свидѣтельствуетъ, что до Индіи отъ русскаго Асхабада втрое ближе, чѣмъ отъ русской Москвы.

Таковы голые факты.

Объясненіе къ нимъ кроется въ будущемъ, отгадать которое съ точностью мудрено. Но догадки, довольно вѣроятныя, подсказываютъ, что если это будущее не вполнѣ осуществитъ мечту г. Анненкова, то уже навѣрное посрамитъ и тѣхъ, кто трусливо завѣряетъ, что въ Азіи намъ и дѣлать нечего, да и идти-то некуда, такъ какъ соперничество съ такою важною особой, какъ торговая Англія, намъ всегда будетъ не подъ-силу да и не подъ-стать.

Покуда же, прекраснѣе и утѣшительнѣе всего то, что къ исторіи русскихъ подвиговъ прибавилась маленькая, но краснорѣчивая, блестящая страница; къ русскимъ славнымъ именамъ—еще одно славное имя, къ русскимъ народнымъ жертвамъ—еще не одна сотня жертвъ, надъ честнымъ прахомъ которыхъ, мы обязаны повѣрить силѣ и разуму народа, ихъ принесшаго.

В. П.

ВОСПОМИНАНІЯ О РОССІИ АРМАНА ДОМЕРГА [1].

ГЛАВА VI.

Прибытіе въ Макарьевъ.—Описаніе тюрьмы. — Дурное обращеніе съ нами.— Городничій. — Князь Грузинскій. — Шутка надъ городничимъ. — Вѣсти о неудачахъ французовъ. — Занятія ссыльныхъ. — Московскія событія. — Острожники. — Вступленіе Мюрата въ Москву. — Генералъ Себастіани. — Парламентеръ. — Наполеонъ у Смоленской заставы. — Депутація. — Заботы Наполеона о ссыльныхъ.—Наполеонъ въ Кремлѣ.—Французы въ Москвѣ.

НИЧТО такъ не увеличиваетъ горя несчастнаго человѣка, какъ насмѣшка надъ тѣмъ, что наиболѣе заслуживаетъ уваженія—надъ его несчастіемъ. Мы испытали это не одинъ разъ. Со времени отъѣзда изъ Москвы, мы были предметомъ самыхъ наглыхъ и презрѣнныхъ преслѣдованій то со стороны чиновниковъ-взяточниковъ, то со стороны возбужденнаго народа. Всюду забывали, что мы плѣнники, несчастные; помнили только, что мы французы. Это обстоятельство и постоянныя преслѣдованія, которымъ мы подвергались въ дорогѣ, заставляли съ ужасомъ думать о томъ суровомъ обращеніи, которое насъ ждало въ тюрьмѣ.

При нашемъ прибытіи въ Макарьевъ, все населеніе сбѣжалось глядѣть на насъ. Среди проклятій и яростныхъ криковъ толпы, насъ повели въ домъ начальника. Городничій принялъ насъ съ комическою важностью во всемъ величіи своего сана. По его приказанію, ссыльнымъ отвели деревянный домъ, находящійся на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ пригорода, на опушкѣ лѣса. Домъ этотъ служилъ больницею во время ярмарки и теперь былъ совершенно необитаемъ. Здѣсь городничій сосчиталъ насъ, какъ считаютъ скотовъ, и тотчасъ же

---

[1]) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, стр. 596—628.

озаботился назначеніемъ тюремной прислуги. Затѣмъ онъ устроилъ караульню и приказалъ унтеръ-офицеру—татарину разставить часовыхъ. Намъ запрещено было имѣть какія бы то ни было сношенія внѣ тюрьмы, даже письменныя; затѣмъ городничій удалился, предоставя арестантамъ полную свободу заботиться о своемъ продовольствіи, не переступая, однакожъ, порога тюрьмы.

Тюрьма, окруженная крѣпкимъ палисадомъ, была въ одинъ этажъ и заключала въ себѣ восемь комнатъ. Одна изъ нихъ служила общею кухнею для арестантовъ и караульныхъ; другая была отдана въ распоряженіе стражи; наконецъ, третья, самая маленькая, на-лѣво, при входѣ въ главный корридоръ, была предоставлена вышеупомянутому жиду, котораго мы изгнали изъ своей среды, считая его за шпіона. Остальные плѣнники размѣстились артелями. Но такъ какъ и въ тюрьмѣ нѣтъ равенства, то образовались группы, смотря по состоянію. Болѣе богатые заняли комнату, отдѣленную перегородкою отъ бѣднѣйшихъ. Такое сосѣдство довольства и нищеты возбуждало горькія размышленія, заставляя сожалѣть, что даже само несчастіе не можетъ сблизить людей. Остальные арестанты составляли нѣчто въ родѣ средняго сословія. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что аристократія поддерживала съ прочими плѣнниками дружескія отношенія, очень лестныя для послѣднихъ.

Такъ какъ намъ строго было запрещено прохаживаться по обширному тюремному двору, то наши прогулки совершались по крытой галлереѣ, которая украшала фасадъ зданія во всю его ширину. Только мало по малу, посредствомъ постепенныхъ завоеваній, мы достигли того, что дерзали грѣться на солнышкѣ, сидя на послѣдней ступенькѣ галлереи. Потомъ, мы потихоньку стали прохаживаться передъ нашею тюрьмой и постепенно пріобрѣли большую свободу. Мы бѣгали уже по двору, съ наслажденіемъ топча снѣгъ, который его покрывалъ. Но тутъ случилась помѣха, которая заставила насъ войти въ предписанныя границы. Унтеръ-офицеръ—татаринъ, замѣтивъ, наконецъ, такое своевольство, вдругъ отдалъ намъ приказаніе возвратиться въ домъ, сопровождая свои слова угрозами. Видя враждебныя намѣренія унтеръ-офицера, мы схватили хлысты и приготовились къ защитѣ. Наше положеніе устрашило караульныхъ, прибѣжавшихъ на помощь къ своему начальнику. Они въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство и оставили за нами поле битвы.

Вскорѣ послѣ этого явился городничій, извѣщенный о нашемъ сопротивленіи. Онъ двигался съ трудомъ, переваливаясь отъ тучности, благодаря которой получилъ отъ насъ титулъ „ваша дородность“. Намъ пришлось объяснить свое поведеніе и оправдываться въ тяжкомъ обвиненіи: оскорбленіи власти въ особѣ унтеръ-офицера татарина. Какъ бы то ни было, мы все-таки остались побѣдителями.

Случай соединилъ трехъ французовъ и трехъ нѣмцевъ въ комнатѣ, въ которой я жилъ. Исключая разницы во мнѣніяхъ, мы жили,

можно сказать, довольно согласно. Изъ общежитія, установившагося между нами, вытекало, что мы поочередно должны были служить обществу своими кулинарными способностями. Такимъ образомъ, каждый изъ насъ исполнялъ важную должность кухмистера. Доставать провизію надо было при помощи караульныхъ, которые ходили покупать ее въ село Лысково, лежащее на другой сторонѣ Волги. Кромѣ чудовищныхъ цѣнъ на провизію, намъ нужно было еще платить посыльнымъ, вслѣдствіе чего столъ обходился очень дорого. Но матеріальное положеніе было еще ничто въ сравненіи съ нравственнымъ: каждый день мы испытывали какую нибудь новую непріятность.

Городничій, не разрѣшая намъ видѣться съ знакомыми путешественниками, случайно проѣзжавшими чрезъ Макарьевъ, позволялъ себѣ приводить своихъ друзей въ тюрьму и выставлять насъ, такимъ образомъ, напоказъ. Эти визиты были тѣмъ непріятнѣе, что постоянно служили источникомъ какого нибудь оскорбленія.

Князь Грузинскій, нашъ лысковскій сосѣдъ, былъ однимъ изъ первыхъ посѣтителей. Онъ явился въ сопровожденіи цѣлаго маленькаго двора и многочисленной свиты и безъ церемоніи сталъ осматривать внутренность тюрьмы. Я не могу забыть его гордости, даже наглости, которую онъ при этомъ выказалъ. Онъ громко хвастался, что недавно спустилъ съ лѣстницы своего дворца служившаго у него молодаго французскаго учителя.

Другіе посѣтители, столь же мало великодушные, казалось, поставили себѣ цѣлью увеличивать наше горе, растравлять наши страданія преувеличиваніемъ возраставшихъ неудачъ французской арміи. Когда извѣстія были благопріятны французамъ, русскіе скрывали это отъ насъ. Пусть такъ; политика требовала этой осторожности, но не требовала, чтобы они низко издѣвались надъ нашими несчастіями, дѣлая изъ себя вѣстниковъ своихъ мнимыхъ тріумфовъ! Съ ихъ стороны было варварствомъ терзать такимъ образомъ несчастныхъ плѣнниковъ, такъ какъ они хорошо знали, что всѣ наши надежды на освобожденіе основывались на успѣхахъ нашей арміи.

Мы рѣшились положить конецъ этимъ оскорбительнымъ посѣщеніямъ. Случай не замедлилъ представиться. Однажды, когда городничій явился въ партикулярномъ платьѣ, въ сопровожденіи двухъ новыхъ посѣтителей, мы притворились, что не узнаемъ его и холодно спросили, что ему угодно. Городничій, болѣе удивленный, чѣмъ раздраженный тѣмъ, что не признали его власти, очень любезно сталъ повторять на разные лады свои титулы. Но на всѣ его энергическія требованія мы продолжали упорствовать въ своемъ притворномъ незнаніи. Это своего рода возмущеніе взорвало „его дородность“.

— Ага! закричалъ онъ съ бѣшенствомъ, меня не узнаютъ! Посмотримъ, долго-ли вы будете меня не знать!.. Онъ ушелъ, пылая гнѣвомъ.

Не прошло получаса, какъ нашъ городничій опять явился, на этотъ разъ уже одинъ и облеченный въ знаки своего достоинства: со шпагою на боку и. размахивая палкою.

— А! здравствуйте, господинъ городничій! Какъ вы поживаете? сказали нѣкоторые изъ насъ, разыгрывая совершенно другую роль.

— Узнаете-ли вы меня теперь? сказалъ городничій съ досадою.

— Да развѣ мы васъ когда нибудь не узнавали?

— Разумѣется.

— Когда?

— Давеча.

— Давеча?

— Когда я приходилъ.

— Вы шутите. Мы видѣли двухъ господъ съ какимъ-то толстякомъ, но, уважая ваши приказанія, отказались ихъ принять.

— Полноте! это невозможно! Вы не позволяете нашимъ знакомымъ посѣщать насъ, слѣдовательно и для своихъ не можете нарушить собственнаго приказанія.

— Вы отлично знали, что это былъ я съ двумя своими пріятелями.

Въ первый разъ городничій обнаружилъ умъ и понялъ, сколько справедливости заключалось въ послѣднемъ возраженіи. Съ тѣхъ поръ онъ приходилъ къ намъ одинъ, но и это было несносно. Этотъ злобный человѣкъ спѣшилъ къ намъ всегда, когда могъ сообщить какую нибудь непріятную новость. Выдержекъ изъ русскихъ журналовъ, военныхъ извѣстій,—ничего не жалѣлъ онъ, что только могло бы насъ огорчить. Каждый день мы принуждены были выслушивать разсказы о новыхъ неудачахъ нашихъ войскъ.

Случалось-ли вамъ удивляться издѣліямъ, требовавшимъ большаго терпѣнія, которыя выходили изъ рукъ арестантовъ? Какая тонкость деталей! Что за удивительная отдѣлка! Таково общее впечатлѣніе, производимое этими работами. Но при этомъ забываютъ, что онѣ омыты горькими слезами среди долгихъ страданій. Положеніе заключеннаго имѣетъ ту особенность, что занятіе, даже самое пустое, составляетъ его единственное средство противъ мыслей, удручающихъ печальное однообразіе его дней. Тѣнь отъ какого нибудь бруска, движущаяся вмѣстѣ съ солнцемъ, указываетъ ему томительные часы; мышь, которую ободряетъ тишина, легкая пылинка, носящаяся въ воздухѣ,—все интересуетъ его, все становится для несчастнаго предметомъ долгихъ наблюденій. Можно сказать, что тѣмъ сильнѣе привязываешься къ природѣ, чѣмъ дальше она отъ насъ. Эти размышленія здѣсь вовсе не излишни: они находятся въ связи съ нашимъ положеніемъ въ Макарьевской тюрьмѣ. Скука и бездѣйствіе грызли насъ. Одинъ только трудъ могъ развлечь насъ и сдѣлать жизнь сносною. Я постарался употребить въ пользу мои прежнія занятія нѣмецкимъ языкомъ. У одного изъ моихъ товарищей сохранилась книга

Коцебу: „Jungsten Kinder meiner Launen“. Я принялся переводить ее. Но каково было мое удивленіе! Эта книга была ничто иное, какъ компиляція изъ сочиненій Лафонтена и другихъ французскихъ писателей. Я бросилъ эту работу и задумалъ привести въ порядокъ замѣтки, которыя собралъ во время пребыванія въ Москвѣ и въ продолженіе нашего плаванія; но тутъ явилось новое препятствіе: я могъ возбудить подозрѣніе караульныхъ и попалъ бы въ Сибирь, еслибъ былъ накрытъ. Но, хотя бы мнѣ и удалось обмануть ихъ бдительность, можно ли было надѣяться скрыть толстыя тетради отъ досмотрщиковъ русской таможни, когда, освободившись, я перейду границу этого государства? Далѣе увидимъ, какую хитрость я употребилъ и какой опасности подвергался, чтобы спасти простые клочки бумаги, на которыхъ были набросаны мои замѣтки. Итакъ, я принужденъ былъ послѣдовать примѣру тѣхъ изъ моихъ товарищей, которые занялись ручною работою и дѣлали мелкія вещицы изъ дерева. Я принялся за дѣло и вскорѣ успѣхи превзошли мои ожиданія. Судите сами: при помощи ножа и напилка, единственныхъ инструментовъ, которыми я могъ располагать, я смастерилъ одно за другимъ: ножъ для рѣзки бумаги, деревянный столовый приборъ, бильбоке, шаръ котораго, измѣренный впослѣдствіи однимъ французскимъ инженеромъ посредствомъ компаса, оказался правильнѣе, чѣмъ выточенный на токарномъ станкѣ; наконецъ, небольшой складной стулъ, составленный изъ тридцати семи отдѣльныхъ частей, по образцу тѣхъ стульевъ, которые восточные купцы привозятъ въ сундукахъ на Макарьевскую ярмарку. Несмотря на столь несовершенные инструменты, мнѣ, однако, было довольно 21 дня для изготовленія этой тонкой бездѣлушки, которая вмѣстѣ съ бильбоке осталась въ собраніи рѣдкостей нижегородскаго вице-губернатора.

Время текло въ этихъ занятіяхъ. Изъ режиссера императорскаго театра я сдѣлался токаремъ, краснодеревцемъ, механикомъ. Въ концѣ ноября прибыли въ Макарьевъ жены нѣкоторыхъ товарищей моихъ по несчастію, остававшіяся въ Москвѣ во время занятія ея французами. Можно судить о нашемъ волненіи, о томъ, какъ мы толпились вокругъ нихъ, сгорая желаніемъ услышать новости. Но увы! Ихъ появленіе, ихъ рѣчи, принеся утѣшеніе однимъ изъ насъ, усилили безпокойство другихъ. Убійства, грабежи, пожары, потеря имущества и при этомъ совершенная неизвѣстность о судьбѣ нашихъ семействъ во время великой московской катастрофы—таковъ былъ печальный разсказъ, услышанный нами. Попытаемся передать его:

За реляціями о побѣдѣ, которыя распространилъ Кутузовъ, за молебнами послѣ битвы подъ Москвою, вдругъ послѣдовало извѣстіе объ отступленіи русскихъ. Но довѣрчивая и наэкзальтированная прокламаціями Ростопчина чернь продолжала вѣрить въ неприкосновенность древней столицы своихъ царей. Губернаторъ увѣрялъ, что генеральное сраженіе будетъ дано въ восьми верстахъ отъ города, что пози-

ція уже заранѣе выбрана и укрѣплена; что народу будетъ роздано оружіе, и, въ случаѣ пораженія, Москву будутъ защищать до послѣдней крайности и т. п. Все, чѣмъ сильно суевѣріе въ полуобразованныхъ умахъ, все, что можетъ употребить деспотическая власть: угрозы, лесть, обманъ—ничего не щадилось, чтобы держать жителей въ этой увѣренности.

Однако, нашлись люди, недовѣрявшіе самонадѣяннымъ и причудливымъ афишкамъ Ростопчина и не раздѣлявшіе того презрѣнія, которое старались возбудить къ французамъ. Образованная часть населенія и самъ губернаторъ, при всемъ наружномъ спокойствіи, нисколько не обманывались на счетъ наступательнаго движенія непріятеля. Архивы казенные и частныхъ лицъ, сокровища Кремля и многочисленные полковые архивы тайно вывозились изъ Москвы. Университетъ, женскій институтъ и воспитательный домъ были переведены въ Казань. Наконецъ, стало извѣстно, что духовенству и дворянамъ предложили искать болѣе безопаснаго мѣста для себя и своего имущества.

Хотя и самымъ недальновиднымъ людямъ было нетрудно въ этихъ тревожныхъ мѣрахъ угадать участь, которая готовилась Москвѣ, но губернаторъ упорно держалъ жителей въ роковомъ невѣдѣніи. Самая суровая полиція, самый подозрительный надзоръ, тяготѣли надъ населеніемъ. Неосторожное слово, малѣйшій признакъ отъѣзда, были наказываемы плетью или ссылкою въ Сибирь. Такое обращеніе дѣйствовало на грубые умы пришедшаго въ отчаяніе народа, который, мстя за эти строгости, преслѣдовалъ и нападалъ на иностранцевъ даже на улицахъ. Тяжело было французамъ! Сдѣлавшись предметомъ особаго надзора, они должны были принимать самыя крайнія предосторожности даже въ томъ случаѣ, когда посылали прислугу за провизіей. Нельзя было, не подвергаясь опасности, говорить въ общественномъ мѣстѣ на иностранномъ языкѣ. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, отставной судья, проходя по городу незадолго до вступленія Наполеона, былъ избитъ народомъ за то, что, выходя изъ полицейскаго управленія, говорилъ по французски. Стоило большаго труда освободить его изъ рукъ яростной толпы.

Та же неопредѣленность продолжала царствовать относительно положенія обѣихъ армій. Но неизвѣстность продолжалась недолго. Извѣстія, приходившія со всѣхъ сторонъ, дѣлали невозможнымъ дальнѣйшій обманъ. Можетъ быть, наперекоръ очевидности генералъ-губернаторъ и теперь не отказался бы отъ системы лжи, но вотъ что произошло въ главной квартирѣ Кутузова: русская армія, разбитая при Москвѣ-рѣкѣ, придвинулась къ стѣнамъ города. Главнокомандующій пригласилъ къ себѣ Ростопчина и объявилъ ему, что, въ виду разстройства и громадныхъ потерь, русской арміи защищать столицу невозможно. „Это печальное, но необходимое рѣшеніе, сказалъ Кутузовъ, есть плодъ самыхъ зрѣлыхъ размышленій и вытекаетъ изъ на-

мѣреній всѣхъ моихъ генераловъ...“ При этомъ извѣстіи, Росто
пришелъ въ величайшій гнѣвъ и когда возвратился въ гор
на лицѣ его была замѣтна блѣдность и конвульсивныя дви

Съ этой минуты завѣса открылась. Генералъ-губернатор
маску, открыто прилагъ всѣ мѣры для сожженія Москвы,
жители могли созерцать будущее во всемъ его ужасѣ.
Ростопчинъ собираетъ полицейскихъ солдатъ, говорит
объявивъ какого рода услуги отечество ждетъ отъ
ляетъ между ними зажигательные составы. Одинъ
фамиліи Смитъ, привезъ въ Москву секретъ приго
скихъ средствъ. Солдаты, переодѣтые какъ и ихъ
приказаніе разсѣяться по городу и предать его
онъ перейдетъ во власть французовъ.

Едва распространилась между москвича
участи, которая имъ готовилась, какъ нача
изъ города. Мертвое молчаніе, царствовав
матохою и криками. Смѣшанный шумъ,
возками и лошадьми, издали возвѣщалъ
стяхъ этого внезапнаго переселенія. У
ками, обозами. Дороги—владимірская
были покрыты ранеными солдатами
и половъ, согнувшимися подъ тяж
собою. Страхъ овладѣлъ самыми с
отъ смерти и отъ французовъ.
страшнѣе и ненавистнѣе.

Губернаторскіе шпіоны ра
усилить выселеніе жителей.
безпечныхъ, насильно тащи
жечь, кричали они, заливн
рѣть или попасться въ л
васъ кожу?..“ Соединяя
домовъ трутъ и горючія
были усилить пожаръ

Смятеніе было у
проливая горькія с
было роздано ста
грабили, ругали
еще вѣрили, чт
идти на встрѣ

Вскорѣ о
правился п
ныхъ доро
вой же с
неогран
дромъ,

стоявшаго на владимірской дорогѣ. Бросивъ орудія, онъ поручилъ охрану ихъ тремъ рядовымъ и капралу. Князь Голицынъ, раненый при Можайскѣ, возвращаясь оттуда, не могъ удержаться отъ выраженій справедливаго негодованія при видѣ этого артиллерійскаго парка, который былъ отданъ непріятелю Ростопчинымъ изъ-за того только, чтобы спасти свои богатства. Эта черта политическаго эгоизма составляетъ странный контрастъ съ патріотическимъ самоотверженіемъ, которое приписывается московскому генералъ-губернатору.

Мы забыли сказать о другой мѣрѣ, принятой имъ, чтобы сдѣлать задуманный пожаръ болѣе быстрымъ и ужаснымъ. Утромъ 14-го сентября, Ростопчинъ отправился въ острогъ и приказалъ отворить двери его. 800 человѣкъ преступниковъ вырвались оттуда съ радостнымъ шумомъ. Но прежде чѣмъ выпустить ихъ на улицы столицы, губернаторъ далъ необходимыя наставленія. Его рѣчь была во вкусѣ афишекъ.

„Я вамъ даю свободу, сказалъ онъ. Ступайте, достойные сыны Россіи, искупите свои грѣхи и заслужите прощеніе Бога достойною службою отечеству!"

Великое искупленіе, о которомъ говорилъ русскій генералъ, было ничто иное, какъ разрушеніе и пожаръ.

Но предоставимъ разсказывать женѣ одного изъ нашихъ макарьевскихъ арестантовъ, которая пріѣхала къ намъ чрезъ нѣсколько дней и была свидѣтельницею этихъ печальныхъ происшествій.

„Шайки преступниковъ, господствовавшія въ городѣ, вмѣсто того, чтобы исполнять возложенное на нихъ порученіе, бросились прежде всего на лавки, разграбили ихъ и перепились. Изъ своихъ убѣжищъ мы явственно слышали ихъ пѣсни и кровожадныя угрозы. Они грозили намъ смертью. Живя неподалеку отъ острога, мы должны были пасть первыми жертвами. Ужасъ овладѣлъ нами... Къ счастію, Богъ спасъ насъ. Перепившись, злодѣи уснули, и сонъ ихъ продолжался до самаго вступленія французовъ.

„Съ того дня, какъ вы покинули стѣны Москвы, мы жили какъ въ тюрьмѣ. Запершись въ своихъ жилищахъ, закрывъ ставни и заставивъ двери, соблюдая глубокую тишину, мы не осмѣливались зажигать огня даже ночью, изъ страха привлечь вниманіе враговъ. Постоянно прислушиваясь, мы избѣгали всего, что могло обнаружить присутствіе живыхъ существъ. Однажды, это было 14-го сентября, около 10 часовъ утра, не стало слышно пѣсенъ каторжниковъ и страшное молчаніе воцарилось вокругъ нашего жилища. Я рискнула выйти на балконъ. Крики и шумъ прекратились и, подобно очарованному царству изъ „Тысячи и одной ночи", громадный городъ, казалось, спалъ сномъ смерти.

„Въ предшествовавшую ночь глухой и продолжительный шумъ, движеніе пѣхоты, стукъ оружія и ржаніе лошадей заставили насъ догадаться, что случилось что-то новое, но что именно, мы не знали.

Мой человѣкъ рѣшился отправиться на развѣдку. Онъ вышелъ изъ подвальнаго окошка, перелѣзъ через стѣну, окружавшую дворъ, и очутился на улицѣ, не отворивъ ни одной двери: такъ былъ силенъ страхъ, нагнанный угрозами каторжниковъ, которыя еще раздавались въ нашихъ ушахъ. Прошелъ часъ, показавшійся мнѣ цѣлымъ вѣкомъ, пока снова явился вѣрный слуга, запыхавшійся, тяжело дышащій. По его словамъ, онъ обѣгалъ городъ во всѣхъ направленіяхъ. Выселеніе было всеобщее: онъ едва нашелъ нѣсколько дрожекъ у Рогожской заставы, да немногихъ отсталыхъ солдатъ.

„Былъ полдень. Вдругъ раздался шумъ легкой и торопливой скачки. Вскорѣ звуки стали явственнѣе. Казалось, что мы различаемъ вдали воинственные трубные звуки, модуляціи которыхъ напоминали намъ родину. Не обманъ ли это? Мы чуть дышали... Нѣтъ, слухъ не обманулъ насъ: это приближался храбрый Мюратъ!..“

Авангардъ французовъ, подъ начальствомъ короля неаполитанскаго примкнулъ къ заднимъ колоннамъ русскихъ. У короля съ генераломъ Милорадовичемъ было заключено условіе, состоящее въ томъ, что русскіе могли спокойно отступить черезъ городъ. Цѣль ихъ была выиграть нѣсколько часовъ, чтобы спасти обозъ, который непремѣнно застигъ бы въ Москвѣ французскій авангардъ, а также—чтобы спасти множество отсталыхъ, которые разбрелись по городу, чтобы пить и грабить. Какая бы опасность ни угражала русскому человѣку, онъ рѣдко упуститъ подобные случаи. Вступая, можно сказать, вмѣстѣ съ казаками, прекрасный неаполитанскій король кричалъ имъ довольно сурово: „Ну, торопитесь же, не то я буду вынужденъ забрать васъ въ плѣнъ!“ Отрядъ кочевыхъ наѣздниковъ дивился повелительному тону въ устахъ непріятеля. Мюратъ, впрочемъ, былъ предметомъ ихъ уваженія. Его рыцарская и почти театральная наружность, высокій ростъ, еще болѣе выигрывающій отъ блестящаго мундира; наконецъ, всѣмъ извѣстная храбрость, все это соединилось въ королѣ, чтобы возбудить къ нему уваженіе варваровъ.

Въ то время какъ Мюратъ подвигался вдоль лѣваго берега Москвырѣки, корпусъ подъ начальствомъ генерала Себастіани направлялся въ Кремль. Но въ ту минуту, какъ французская колонна вступала въ ворота, выходящія на Никольскую улицу, ее встрѣтили выстрѣлы трехсотъ мужиковъ, которые заперлись въ крѣпости съ безумнымъ намѣреніемъ защищать ее. Генералъ Себастіани, обратясь къ одному любопытному, который случился тутъ подъ воротами, недалеко отъ него, спросилъ:

— Вы говорите по французски, милостивый государь? и на утвердительный отвѣтъ продолжалъ:—Въ такомъ случаѣ,—такъ какъ весьма вѣроятно, что вы знаете и по русски,—не угодно ли будетъ вамъ пойти сказать этимъ людямъ, что если они не положатъ оружія, то я ихъ разгромлю пушками.

Этотъ обыватель дѣйствительно былъ французъ, но очень плохо

знакомый съ мѣстнымъ языкомъ, такъ что очутился въ положеніи весьма затруднительномъ.

Тѣмъ не менѣе онъ готовъ былъ повиноваться, когда французы, раздраженные ружейною пальбою, которая все время продолжалась противъ нихъ, отвѣтили двумя пушечными выстрѣлами. Мужики, побросавъ оружіе, мгновенно разбѣжались въ разныя стороны.

Послѣ занятія Кремля, генералъ Себастіани не отпустилъ своего парламентера.—Теперь, сударь, сказалъ онъ, будьте такъ добры, проведите насъ къ той заставѣ, чрезъ которую вышли русскіе. Я долженъ извиниться за свою докучливость, но вы слишкомъ умны для того, чтобы не отнести этого къ потребностямъ войны.

Напрасно импровизированный проводникъ хотѣлъ увернуться отъ комплимента, который ставилъ его въ необходимость взять на себя тяжелый трудъ. Генералъ просилъ такъ вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ твердо, что надо было повиноваться и пойти во главѣ отряда. Придя къ одной заставѣ, гдѣ другія войска присоединились къ отряду генерала Себастіани, нашъ французъ, думая, что его уже оставятъ въ покоѣ, указалъ рукою на Рогожскую заставу и хотѣлъ идти, но генералъ остановилъ его:

— Я въ отчаяніи, милостивый государь, но это еще не все.

— Но, генералъ, я измучился!

— О, если только это, то можно помочь!

Тотчасъ же явилась лошадь, два дюжихъ солдата посадили на нее бѣднягу и, смѣясь, во все горло закричали: „впередъ!“ Около часу продолжалось это забавное насиліе, потому, что отрядъ достигъ Рогожской заставы, подвигаясь медленно, съ величайшими предосторожностями. Получивъ, наконецъ, свободу, М***, отъ котораго мы узнали исторію его похожденій, не слушая извиненій, расточаемыхъ генераломъ, пустился со всѣхъ ногъ, излѣчившись, но немного поздно, отъ своего неумѣстнаго любопытства.

Этотъ случай и тысячи другихъ въ томъ же родѣ рѣшили судьбу многихъ иностранцевъ, остававшихся въ Москвѣ. Нѣкоторые, считая себя сильно компрометированными, соединили свою судьбу съ судьбою французской арміи; другіе, болѣе довѣрчивые, остались послѣ ея выступленія и дорого поплатились, какъ увидимъ далѣе, за тѣ указанія, которыя они не могли не дѣлать.

Слѣдуя на незначительномъ разстояніи за своимъ авангардомъ, Наполеонъ прибылъ послѣ полудня къ Смоленской заставѣ. Онъ расположился въ пригородномъ домѣ, у трактирщика. Такъ какъ никакой депутаціи, никакихъ властей изъ Москвы не являлось, то императоръ послалъ одного польскаго генерала поторопить или выслать эту депутацію. Генералъ встрѣтилъ француза-учителя, M. Villers'а и, овладѣвъ его особою, заставилъ водить себя въ полицію, къ губернатору, однимъ словомъ всюду, гдѣ можно было надѣяться встрѣтить какой-нибудь слѣдъ власти. Всѣ усилія не привели ни къ чему, и

польскій генералъ возвратился донести Наполеону, что въ городѣ нѣтъ никого, кромѣ нѣсколькихъ иностранцевъ, встрѣтившихся на улицахъ. Когда и другіе офицеры, посланные въ Москву, не имѣли лучшаго успѣха, Наполеонъ отложилъ свой въѣздъ и провелъ ночь у Дорогомиловской заставы.

На другой день къ императору явилась депутація. Она состояла изъ иностранцевъ, большею частію богатыхъ негоціантовъ, жившихъ въ Москвѣ. Во главѣ депутаціи находились гг. Рисъ и Сосэ, компаньоны самой обширной въ имперіи французской книжной торговли. Ихъ цѣль была почтенна: побуждаемые чувствомъ человѣколюбія и общественной безопасности, они отдавали свое имущество подъ покровительство побѣдителя, которому донесли также о сорока иностранцахъ, изгнанныхъ Ростопчинымъ. Императоръ расспросилъ ихъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, но въ его благосклонномъ пріемѣ проглядывало нетерпѣніе и досада. Онъ даже сократилъ аудіенцію, безъ сомнѣнія. занятый мыслью о боярской депутаціи, обманувшей его ожиданія.

Во вторникъ утромъ, 15-го сентября, Наполеонъ отправился въ Кремль. „Вотъ эти гордыя твердыни!" сказалъ онъ съ улыбкою, глядя на высокія стѣны, нѣкогда служившія защитою отъ нападеній и стрѣлъ татарскихъ. А между тѣмъ здѣсь-то, у подножія этихъ бренныхъ укрѣпленій, судьба положила предѣлъ его побѣдамъ!

Участіе, выказанное императоромъ къ судьбѣ сорока изгнанниковъ, скоро проявилось въ дѣйствительныхъ мѣрахъ. Списокъ именъ ихъ былъ переданъ герцогу Тревизскому, назначенному губернаторомъ Москвы. Наполеонъ, которому былъ представленъ этотъ списокъ, находя въ немъ только артистовъ, ученыхъ или негоціантовъ, позвалъ Бертье и сказалъ: „Напишите отъ моего имени графу Ростопчину, что солдаты ведутъ войну съ солдатами, а не съ артистами, учителями или купцами. Скажите ему, что если посягнутъ на личность хотя одного изъ французскихъ изгнанниковъ, русскіе офицеры, находящіеся здѣсь въ плѣну, отвѣтятъ мнѣ за это своими головами".

Его заботы простирались далѣе: онъ далъ приказъ спѣшить по нашимъ слѣдамъ. Для этого былъ назначенъ адъютантъ неаполитанскаго короля, молодой графъ Людовикъ Ноянскій. Съ отрядомъ кавалеріи онъ отправился вдоль рѣки Москвы, слишкомъ на двадцать пять верстъ отъ столицы; но всѣ усилія были напрасны. Наше судно уже нѣсколько дней какъ было на водахъ Оки.

Но возвратимся къ другимъ несчастнымъ, которыхъ страхъ удерживалъ въ ихъ московскихъ жилищахъ. Предоставимъ снова разсказывать свидѣтельницѣ великой драмы.

„Въ надеждѣ, что французская армія дѣйствительно смѣнила аррьергардъ русскихъ, мы осмѣлились открыть ставни. Подняли сторы; прижавъ лица къ стекламъ, мы старались узнать, что происходило на улицѣ, какъ вдругъ сильные удары въ дверь снова возбудили въ насъ

ужасъ. Мы поскорѣй закрыли окна и ставни. Опять стучатъ. То же молчаніе съ нашей стороны. Наконецъ, энергическое восклицаніе на чистомъ французскомъ языкѣ уничтожило всякое сомнѣніе въ томъ, кто были наши посѣтители. Это французы, освободители! Мы суетимся, спѣшимъ, летимъ отворять... „Чортъ возьми, сударыня! когда люди сдѣлали восемьсотъ верстъ бѣглымъ шагомъ, чтобы имѣть удовольствіе видѣть васъ, вы могли бы, кажется, проворнѣе отворить, по тому что, если я не ошибаюсь, судя по кокардѣ нашего великаго императора, вы француженка, не такъ ли?“ Такъ грубо обошедшійся со мною былъ унтеръ-офицеръ егерей императорской гвардіи. Онъ вошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, такъ же какъ онъ умиравшихъ съ голоду. Съ полной готовностью мы дали имъ все, чѣмъ только могли располагать. По нашей заботливости скорѣе, быть можетъ, чѣмъ по языку, они могли узнать, что находятся у соотечественниковъ.

„Между тѣмъ какъ солдаты занимали опустѣлые дома, иностранцы стали показываться на улицахъ. Число ихъ, считая и тѣхъ обывателей, которые не рѣшились бросить свои очаги, доходило всетаки тысячъ до двадцати пяти. Но разсѣянные тамъ и сямъ, или скрываясь въ глубинѣ своихъ подваловъ, они терялись въ громадномъ, безмолвномъ городѣ, имѣющемъ девять льё въ окружности. Пустота, запертые дома, оставленныя богатства — все это заставляло французскую армію подозрѣвать, нѣтъ ли тутъ какой ловушки. Вслѣдствіе этого, офицеры и солдаты запирались въ своихъ квартирахъ и ложились спать не раздѣваясь, имѣя подъ рукою оружіе. Эти предосторожности дѣлались по инстинкту, потому что никакого приказа въ этомъ родѣ не было отдано. Этого было достаточно, чтобы снова возбудить подозрѣнія въ несчастныхъ иностранцахъ. Что значила подобная осторожность, недовѣрчивость, которыми сопровождались малѣйшія движенія французовъ, столь довѣрчивыхъ и легкомысленнымъ по природѣ? Не было ли это запустѣніе только притворнымъ, не скрывало ли оно какой нибудь обширный заговоръ? А куда дѣлись тѣ злодѣи, разбойничьи пѣсни которыхъ еще недавно леденили насъ ужасомъ?

„Въ то время какъ императорская гвардія и нѣкоторые другіе полки занимали Москву, остальная часть арміи, не предназначенная войти въ городъ, стояла лагеремъ въ окрестностяхъ. Запрещеніе входить въ городъ исполнялось этими войсками только до наступленія ночи. Но какимъ образомъ помѣшать изнуреннымъ людямъ взять то, что находится у нихъ подъ руками? Многіе солдаты, тайкомъ пробравшись въ городъ, разсѣялись по всѣмъ направленіямъ, чтобы поискать только пищи, но, найдя опустѣлые дома, они безъ церемоніи стали брать вещи, которыя имъ нравились и которыя прежнія владѣльцы, казалось, молча имъ уступали. Французскіе солдаты встрѣтили также нѣсколько отсталыхъ русскихъ, на которыхъ приманка

добычи и вино оказали больше дѣйствія, чѣмъ страхъ непріятеля. Вслѣдствіе этой встрѣчи, послѣдовали съ обѣихъ сторонъ ружейные выстрѣлы, но сраженіе скоро прекратилось, такъ какъ и тѣ и другіе явились сюда вовсе не за тѣмъ, чтобы драться.

„Около двѣнадцати часовъ ночи намъ пришлось подвергнуться нападенію войскъ, бывшихъ въ лагерѣ: это были итальянцы. Они уже влѣзли на стѣну, окружавшую садъ, когда наши гвардейцы, при первой тревогѣ бывшіе уже на ногахъ, мужественно ихъ отразили. Бѣдняки говорили, что умираютъ отъ голода. Имъ подали черезъ заборъ нѣсколько хлѣбовъ, послѣ чего они ушли.

„Повидимому, всѣ дома одинъ за другимъ подверглись подобной же участи. Москва, не смотря на громадное протяженіе и обезлюдѣніе, царствовавшее въ ней, не представляла для французовъ никакого затрудненія относительно распознаванія мѣстности, что обыкновенно случается въ незнакомомъ городѣ. Самыя положительныя свѣдѣнія, мельчайшія топографическія подробности, доставлены были еще до начала войны нашимъ консуломъ Дорфланомъ. Онъ находился тутъ же, при арміи, такъ что указанія его переходили ко всѣмъ, начиная съ офицеровъ и до послѣдняго солдата. Любопытно было видѣть, какъ французы среди громаднаго города, за восемьсотъ льё отъ родины, оріентировались и расходились отрядами въ Кремль, въ Китай-городъ, въ Бѣлый-городъ, какъ будто все это происходило въ городѣ отлично извѣстномъ".

VII.

Первые пожары.—Предположенія.—Большой пожаръ.—Казни поджигателей.—Буря.—Опасность, которой подвергался Наполеонъ.—Наполеонъ оставляетъ Кремль.—Фанатизмъ и заблужденіе народа.—Безпорядокъ и грабежъ.—Десять тысячъ русскихъ, сожженныхъ живьемъ.—Спасеніе моего семейства.—Бивакъ погорѣльцевъ въ Петровскомъ. — Систематическій грабежъ.—Возвращеніе въ Москву. — Видъ города. — Учрежденіе муниципальнаго управленія. — Голова Никотинъ.—Французскіе спектакли.—Концерты въ Кремлѣ.—Князь Визапурскій.

Вечеромъ, 14 сентября, т. е. наканунѣ вступленія Наполеона въ Кремль, пожаръ вспыхнулъ за-разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ: на Солянкѣ, около воспитательнаго дома, въ окрестностяхъ Кузнецкаго моста и во многихъ домахъ по сю сторону Яузы. Съ наступленіемъ дня пожаръ страшно усилился. Въ то время какъ старались затушить огонь въ первой изъ этихъ частей, неаполитанскій король быстрыми и энергическими мѣрами совершенно погасилъ его около Кузнецкаго моста. Принцъ этотъ жилъ очень близко отсюда, въ домѣ Баташева.

Едва успѣли потушить здѣсь, какъ огонь снова показался на Покровкѣ, въ домѣ князя Трубецкаго, въ Арбатской улицѣ и на всей линіи, ведущей къ Смоленской заставѣ. Французы сперва не обращали на это большаго вниманія. Они приписывали пожаръ случайностямъ, которыхъ нельзя предупредить въ городѣ, покинутомъ жителями.

Между тѣмъ пожары усиливались и распространялись съ ужасающею быстротою. Стали подозрѣвать, что причина стольких несчастій—дѣло злоумышленниковъ. Какъ только вниманіе было обращено на это, ужасная истина не замедлила обнаружиться.

Поджигателей хватали на мѣстѣ преступленія. Многіе были тутъ же убиты, другіе предавались военному суду. Разумѣется, энергическая дѣятельность французскихъ войскъ въ соединеніи съ усиліями оставшихся благонамѣренныхъ гражданъ была бы достаточна для того, чтобы остановить распространеніе бѣдствія. Но, какъ мы уже видѣли, главная часть войскъ стояла бивакомъ у разныхъ заставъ. Что же могли сдѣлать нѣсколько тысячъ солдатъ, разсѣянныхъ въ громадномъ городѣ и, надо прибавить, занятыхъ еще обереганіемъ и защитою собственныхъ жилищъ? Сдѣлавшись хозяевами удобнаго дома или великолѣпнаго дворца, они всѣ вообще думали, что купили эту минуту отдыха слишкомъ дорогою цѣною, для того чтобы идти на новыя опасности. „Пусть себѣ другіе возятся, говорили они; это насъ не касается...“

Пользуясь этимъ роковымъ равнодушіемъ, поджигатели удвоили смѣлость и дѣятельность въ ночь съ 15 на 16 число сентября. Пожаръ распространялся съ невѣроятной быстротой.

Утромъ въ среду, 16 сентября, само небо, казалось приняло участіе въ этомъ ужасномъ разрушеніи. Около девяти часовъ, когда поднялся порывистый равноденственный вѣтеръ, большой пожаръ вспыхнулъ съ яростью на всѣхъ пунктахъ одновременно. Мы говоримъ большой пожаръ, потому что пожаръ Москвы можетъ быть раздѣленъ на три періода: сначала горѣли предмѣстья, затѣмъ городъ; наконецъ, Кремль, когда, мѣсяцъ спустя, послѣдніе французы покинули столицу.

Менѣе чѣмъ въ одинъ часъ огонь появился въ ста различныхъ мѣстахъ.

„Съ крыши нашего дома, гдѣ мы сторожили день и ночь (разсказывала намъ одна изъ жертвъ этого великаго бѣдствія) мы увидѣли, что пожаръ начался внезапно позади коммисаріата и разстилался по вѣтру подобно свирѣпому потоку, пожирая и преодолѣвая на своемъ пути всѣ препятствія. Скоро вся часть Землянаго города, находящаяся по сю сторону Москвы-рѣки, представляла глазамъ огненное море, волны котораго колебались въ воздухѣ. Въ центрѣ города и всюду, гдѣ потушили въ предшествующіе дни, пожаръ начался съ новою силою.

„Китай-городъ подвергся также ужасному опустошенія. Тамъ былъ базаръ. Сила пламени, поддерживаемая множествомъ товаровъ, тѣсное пространство между лавками и ярость бури дѣлали всякую помощь безполезною и потери невознаградимыми. Другіе кварталы города также не избѣжали бѣдствія. Пречистенка, Арбатъ, Тверская и оттуда вдоль вала Красныхъ воротъ и Воронцова поля до Яузы было все зажжено добровольно. Было два часа по полудни. Великій Боже, какое зрѣлище представлялось нашимъ глазамъ! Небо изчезло за красноватымъ сводомъ, прорѣзываемымъ во всѣхъ направленіяхъ искрящимися головнями. Надъ нашими головами, подъ ногами, всюду кругомъ—ужасно-ревущее пламя. Сила вѣтра, разрѣженность воздуха, происходящая отъ жара, производили ужасный вихрь. Насъ чуть не снесло съ террасы: надо было скорѣе сойти и позаботиться о бѣгствѣ".

Въ эту-то минуту пожаръ приближался къ Кремлю и грозилъ его безопасности. Въ полдень, огонь показался въ дворцовыхъ конюшняхъ и въ башнѣ, прилегающей къ арсеналу. Нѣсколько искръ упало на дворѣ арсенала, въ паклю, которую употребляли русскіе артиллеристы, и на ящики французской артиллеріи. Опасность была очевидна. Бросились предупредить императора, который явился на мѣсто происшествія. Въ ту минуту, когда онъ находился внизу большой лѣстницы, ему представили одного поджигателя, схваченнаго подъ окнами на мѣстѣ преступленія. Наполеонъ обратился съ вопросомъ къ этому человѣку.

— Мы исполняемъ священный долгъ, отвѣчалъ русскій фанатикъ.

Къ опустошеніямъ пожара, которому способствовали сильные порывы вѣтра, вскорѣ присоединилась адская тактика. Русскіе добирались до самаго дворца императора: пожаръ, какъ огромный огненный поясъ, мало-по-малу охватывалъ Кремль со всѣхъ сторонъ.

Попы, будочники, агенты полиціи, наконецъ, нѣсколько дворянъ, надѣвъ парики, накладныя бороды и мужицкіе кафтаны, руководили шайками въ ихъ разрушительныхъ дѣйствіяхъ. Смѣшавшись съ народомъ, благодаря своимъ костюмамъ, они спачала скрывались отъ мщенія французовъ, но скоро, узнанные по походкѣ и принужденнымъ манерамъ, они и ихъ гнусные подчиненные погибли почти всѣ отъ рукъ нашихъ раздраженныхъ солдатъ. Послѣдніе кидали ихъ въ огонь, рѣзали, вѣшали безъ состраданія, и долго еще послѣ пожара на изящныхъ фонаряхъ, украшающихъ Тверской бульваръ, висѣли обезображенные трупы поджигателей.

Императоръ Наполеонъ, стоя у одного изъ оконъ Кремля, слѣдилъ печальнымъ взоромъ за распространеніемъ пожара. Не опасность обращала на себя его вниманіе, но гибель города, который онъ обѣщалъ, какъ награду, своей доблестной арміи. Коммуникаціонные пути легко могли быть прерваны, положеніе съ каждой минутой становилось опаснѣе, но все это блѣднѣло передъ сокрушительной мыслью,

занимавшею императора. Оторванный отъ своего грустнаго созерцанія просьбами окружающихъ, Наполеонъ замѣтилъ, наконецъ, опасность ему угрожавшую; но величіе духа, возрастая соразмѣрно опасности, не позволяло отступать передъ нею. Всѣ настоянія генераловъ разбивались о настойчиваcть императора оставаться въ Кремлѣ. Вдругъ являются офицеры съ извѣстіемъ, что они тщетно старались проложить себѣ путь черезъ горящій городъ. При мысли о томъ, что сообщеніе съ арміею можетъ быть прервано, Наполеонъ, наконецъ, рѣшился. Но чего ему стоилъ этотъ первый шагъ отступленія! Тѣмъ не менѣе, благодаря присутствію духа, которое никогда не покидало его въ опасностяхъ, онъ приказалъ взять одного изъ агентомъ московской полиціи, бродившихъ въ Кремлѣ. Этотъ человѣкъ долженъ былъ знать пути. Дѣйствительно, оставался еще единственный выходъ, и Наполеонъ во-время имъ воспользовался и перенесъ свою главную квартиру въ Петровскій дворецъ, находящійся на разстояніи полульё отъ Тверской.

Между тѣмъ, выгнанные силою пожара изъ своихъ подземныхъ жилищъ, болѣе двадцати тысячъ жителей, существованія которыхъ и не подозрѣвали, начали показываться на улицахъ. Они выражали полное безучастіе при видѣ своихъ горящихъ домовъ. Это былъ какой-то восточный фанатизмъ. Одни довольствовались тѣмъ, что выносили святыя иконы и, набожно ставя ихъ передъ дверьми жилищъ, казалось, ожидали помощи Всемогущаго; другіе, поклонившись въ землю въ знакъ смиренія, удалялись, говоря: „Такъ Богу угодно".

Если вы спрашивали у нѣкоторыхъ изъ нихъ, почему они не принимаютъ никакихъ мѣръ противъ пожара, то получали въ отвѣтъ: „мы спасли бы себя, но французы насъ убьютъ, потому что вѣдь это они насъ жгутъ". Прокламаціи Ростопчина сдѣлали свое дѣло. Цѣль его была достигнута: французы въ глазахъ русскаго народа сдѣлались виновниками этой ужасной катастрофы.

До общаго пожара, Москва явно щадилась солдатами. Не смотря на мученія голода и нищету, они только тайкомъ пускались на мародерство: грабежъ былъ безусловно запрещенъ. Приказы Наполеона въ этомъ случаѣ были ясны и строги, а имъ привыкли повиноваться. При томъ же эти мѣры были въ интересѣ самой арміи и всѣми раздѣлялись. Не было французскаго солдата, который бы инстинктивно не понималъ, что его спасеніе связано съ существованіемъ города. Но когда армія, собственный интересъ которой требовалъ умѣренности, увидала, что обманулась въ своихъ надеждахъ; когда это громадное скопище людей шестнадцати различныхъ націй, которое едва сдерживала воля императора, узнало, что раззореніе Москвы было дѣломъ русскихъ; тогда ярость, мщеніе, страсть къ наслажденіямъ, столь долгое время запрещеннымъ, не знали болѣе границъ. Увѣренный въ безнаказанности, солдатъ хотѣлъ въ одинъ день вознаградить

себя за всѣ лишенія, перенесенныя имъ, и обезпечить себя отъ тѣхъ, которыя еще предстояли.

Безпорядокъ дошелъ до крайности. Къ сценамъ разрушенія и смерти, которыя представлялъ пожаръ, прибавился еще самый ужасный грабежъ. Жажда корысти охватила всѣхъ: французы, нѣмцы, итальянцы и даже русскіе ломали двери, разбивали погреба, оспаривая добычу у пламени. Сахаръ, чай, мѣха, дорогія матеріи и множество другихъ предметовъ роскоши валялись среди улицъ: грабители бросали ихъ для другихъ вещей, болѣе цѣнныхъ. Окрестные крестьяне, сбѣжавшіеся при первомъ извѣстіи о грабежѣ, также приняли дѣятельное участіе въ немъ. Возвращаясь домой, они были нагружены всѣмъ, что только могли стащить. Смятеніе, безпорядокъ, все увеличивались. Это была какая-то ужасная сумятица. Проклятія и мольбы терялись въ ревѣ вѣтра и пламени, въ трескѣ зданій, въ взрывѣ водочныхъ складовъ. Таково было зрѣлище, которое представляла Москва въ теченіи цѣлыхъ пяти дней.

Со времени вступленія Наполеона въ древнюю столицу царей, русскіе воины, которыхъ удержали въ Москвѣ тяжелыя раны, находились въ самомъ плачевномъ положеніи. И можно ли, откровенно говоря, ставить это въ вину нашимъ солдатамъ? Удрученная усталостью и нищетою, французская армія, придя, прежде всего и весьма естественно позаботилась о своемъ пропитаніи и безопасности, а не о раненыхъ непріятеляхъ. Послѣдніе, оставленные на произволъ судьбы, пали жертвами голода и отсутствія медицинскихъ пособій. Но еще болѣе ужасное мученіе выпало на долю многихъ изъ этихъ несчастныхъ. Среди столь страшныхъ сценъ, которыя представляло разрушеніе Москвы, пожаръ въ русскихъ госпиталяхъ былъ самою ужасною. Какъ только огонь охватилъ зданія, гдѣ были скучены раненые, послышались раздирающіе душу крики, выходящіе какъ бы изъ громадной печи. Вскорѣ затѣмъ несчастные показались въ окнахъ и на лѣстницахъ, напрасно силясь освободить свое полусгорѣвшее тѣло отъ огня, который ихъ обгонялъ. Силы имъ измѣняли; задыхаясь отъ дыма, они не могли уже болѣе ни двигаться, ни кричать; только руки ихъ еще шевелились, показывая отчаяніе, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, охваченные пламенемъ, несчастные умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Болѣе десяти тысячъ погибло на этомъ ужасномъ кострѣ.

Не подвергаясь такимъ ужаснымъ крайностямъ, мирные граждане, жившіе въ Москвѣ, также не избѣжали жестокой участи. Нѣкоторые изъ нихъ были застигнуты пламенемъ среди ночи. Одни выбѣгали на улицу полуодѣтые и со слезами звали дорогихъ имъ лицъ, съ которыми разлучилъ ихъ огонь. Другіе, съ страшными глазами, согнувшись подъ тяжестію своихъ пожитковъ, искали пристанища въ уединенныхъ мѣстахъ, но, предоставленные произволу солдатъ, большинство изъ нихъ не далеко уходило со своимъ имуществомъ. Оскор-

бивъ и ограбивъ, солдаты нерѣдко простирали свое варварство до того, что заставляли ихъ нести до лагеря свою добычу.

Въ это печальное время какая-то женщина, француженка, спасалась изъ горѣвшаго дома. Съ распущенными волосами, въ разодранной одеждѣ, почернѣвшей отъ дыма, она мужественно шла, неся на рукахъ сына, единственное сокровище, послѣднюю свою надежду. Одной рукой, которой материнская любовь придавала силу, она прижимала его къ своей груди, другою оберегала голову ребенка и въ то же время закрывала его ротикъ отъ раскаленнаго воздуха, который могъ быть для него смертеленъ.

Въ эту самую минуту Наполеонъ оставлялъ Кремль, чтобы перебраться въ Петровскій дворецъ. Женщина бросилась въ средину его свиты. „Государь, государь! сжальтесь надо мною, спасите моего сына!“ кричала она, припавъ къ сапогу императора, за который, конвульсивно уцѣпилась рукою. При видѣ ребенка, который безъ сомнѣнія, напомнилъ ему его сына, почти тѣхъ же лѣтъ, императоръ, видимо тронутый, остановился: „успокойтесь, сударыня, сказалъ онъ плачущей матери, успокойтесь; о васъ и вашемъ сынѣ позаботятся“. Кортежъ тронулся. Она не отставала отъ Наполеона и продолжала идти рядомъ съ нимъ. Обремененная дорогою ношею, женщина пришла въ Петровскій дворецъ, гдѣ самыя усердныя заботы были наградою ея материнскаго самоотверженія.

Буря прошла. За порывистымъ равноденственнымъ вѣтромъ послѣдовалъ дождь. Бѣглецы кое-какъ расположились около Петровскаго дворца, въ лѣсу, который вскорѣ былъ совершенно затопленъ. Живя по колѣна въ грязи, употребляя въ пищу не болѣе одного фунта хлѣба въ день, они съ ужасомъ замѣчали, что запасы пищи, сбереженные отъ пожара и алчности солдатъ, съ каждымъ днемъ уменьшались. Какъ ни плачевно было подобное положеніе, но его переносили безропотно, слыша разсказы объ ужасахъ, доходившіе къ нимъ изъ центра Москвы. Находясь нѣкоторымъ образомъ подъ покровительствомъ императорской главной квартиры, они, по крайней мѣрѣ, не такъ опасались насилія со стороны грабителей, какъ несчастныя семейства, оставшіяся въ Москвѣ, которыя были предоставлены безграничному произволу разъяренныхъ солдатъ.

До минуты общаго пожара, какъ мы уже сказали, въ городѣ не было никакого безпорядка. Напротивъ, тѣ изъ обывателей, которые просили себѣ защиты, легко ее получали. Грабежъ не былъ дозволенъ. Имъ занимались тайкомъ, и еслибъ городъ не былъ покинутъ, онъ не потерпѣлъ бы иныхъ бѣдствій, кромѣ тѣхъ, которыя влечетъ за собою многочисленная окупаціонная армія. Но когда началась великая катастрофа, тщетно обыватели, даже находившіеся подъ военною охраною, хотѣли спасти изъ своего имущества что подороже: они сдѣлались первыми жертвами своихъ охранителей, которые преслѣдовали ихъ и безжалостно отнимали эти дымящіеся остатки.

Грабежъ продолжался двадцать четыре часа. Остановить его не было возможности. Съ этихъ поръ старались только регулировать его, подчинить извѣстному порядку. Всѣ части войскъ были призваны къ участію въ немъ, но послѣдовательно, какъ будто дѣло шло объ исполненіи служебной обязанности. Сначала старая гвардія получила эту привиллегію, потомъ молодая гвардія, затѣмъ, поочередно различные армейскіе корпуса. Но какъ были жестоки вымогательства пришедшихъ послѣдними! Обманувшись въ надеждѣ на добычу, вслѣдствіе жадности своихъ предшественниковъ, они предавались всѣмъ излишествамъ.

Послѣ трудовъ столь утомительной кампаніи, одежда, и въ особенности обувь войска, находились въ состояніи обветшалости, какъ это и можно себѣ представить. Армейскіе полки болѣе потерпѣли въ этомъ отношеніи, чѣмъ императорская гвардія. Поэтому, врываясь въ горящіе дома, солдаты первымъ дѣломъ отнимали у несчастныхъ погорѣльцевъ обувь, взамѣнъ которой бросали имъ свою. То же самое было и съ одеждою, которую жители должны были мѣнять на военные лохмотья. Наши войска, переодѣтыя такимъ образомъ, возвращались въ лагерь такъ странно закутанныя, что, кромѣ вооруженія, не имѣли ничего военнаго.

Одинъ русскій, разсказъ котораго, написанный 25-го сентября 1812 года, нѣсколько дней послѣ погрома, я сохранилъ, слѣдующимъ образомъ передаетъ бѣдствія, которымъ онъ подвергся во время грабежа и пожара. Его разсказъ служитъ для насъ большимъ подспорьемъ по своимъ подробностямъ и по своей точности среди этого лабиринта бѣдствій.

„Когда пожаръ охватилъ набережную Яузы, гдѣ я жилъ, разсказываетъ московскій житель, я рѣшилъ бѣжать въ другой свой домъ, находящійся въ предмѣстьи. Пара лошадей и повозка, которыя я спасъ отъ истребленія, должны были служить для перевозки мебели и необходимыхъ припасовъ въ мое новое жилище. Я пустился въ дорогу въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ, но, не доѣзжая Покровки, французскіе конные егеря внезапно остановили мой экипажъ. „Ну, долой, старикъ, да проворнѣй“, сказали они мнѣ и безъ дальнихъ церемоній принялись отпрягать моихъ лошадей, съ цѣлью завладѣть ими. При ихъ появленіи всѣ мои люди разбѣжались. Однако, при помощи французскаго языка, которымъ я владѣлъ довольно легко, я просилъ, даже умолялъ ихъ не отнимать у меня послѣднихъ средствъ. Мольбы мои имѣли успѣхъ на половину,—я добился, что мнѣ оставили одну лошадь. Но въ ту минуту, когда совершалось это возвращеніе, являются другіе всадники, берутъ послѣднюю лошадь, разрываютъ, опрокидываютъ и грабятъ повозку, которую такъ и оставляютъ среди улицы. Но это еще не все. Они хватаютъ меня самого, снимаютъ съ плечъ плащъ, обувь и бросаютъ въ обмѣнъ пару дрянныхъ сапоговъ, въ которые мои ноги влѣзаютъ только на половину

Въ довершеніе всего, какъ будто мое бѣдствіе было еще не достаточно велико, они присоединяютъ насмѣшку: „Счастье твое, сказали они удаляясь, что мы, по крайней мѣрѣ, оставили тебѣ верхнюю одежду и штаны". Я былъ оскорбленъ, взбѣшенъ, хотѣлъ жаловаться французскимъ властямъ на подобное насиліе: я еще не зналъ, что грабежъ былъ дозволенъ, но незнаніе это скоро прекратилось.

„Женщины, дѣти, слабые старики, которыхъ опасность и пожаръ не могли выгнать изъ подземныхъ жилищъ ихъ, бѣжали теперь по улицамъ, чтобы избѣгнуть ярости грабителей. Я тоже хотѣлъ спасаться, но какимъ образомъ? Какъ отважиться бѣжать босикомъ, среди развалинъ и горящихъ обломковъ? Наконецъ, снявъ чулки, я съ неимовѣрными усиліями успѣлъ надѣть сапоги коннаго егеря. Какъ ни жалка была эта обувь, но ей я обязанъ спасеніемъ. Я быстро направился къ предмѣстью, о которомъ говорилъ. Но всякій разъ, какъ только встрѣчалъ французскихъ солдатъ, кровь застывала въ моихъ жилахъ, такъ какъ я хорошо зналъ, что моя верхняя одежда и шелковые штаны привлекутъ ихъ вниманіе. Я боялся, что меня оставятъ совершенно голымъ на улицѣ, какъ это и случалось съ нѣкоторыми несчастными обывателями. Случай, или лучше сказать, счастливая мысль спасла меня отъ угрожающей опасности. Я нашелъ на улицѣ кусокъ сафьяну, поднялъ его и, неся съ видомъ осторожности, притворился настоящимъ грабителемъ. Снабженный этимъ талисманомъ, я пробѣжалъ много улицъ и благополучно миновалъ шайки грабителей, которые сновали во всѣхъ направленіяхъ. Придя на Миниску (?) (Miniska), я встрѣтился лицемъ къ лицу съ французскимъ генераломъ, окруженнымъ своимъ штабомъ.

— Говорите-ли вы по-французски? спросилъ онъ меня.

— Да, милостивый государь.

— Что же это дѣлаютъ ваши русскіе? Виданное-ли когда нибудь дѣло жечь столицу? Развѣ такія средства употребляются современными націями? Это поступокъ...

— Отчаянія, сказалъ я, перебивая его. Вотъ, видите передъ собою несчастнаго, котораго ваши солдаты въ одно и то же время бьютъ и грабятъ? Какъ не придти народу въ раздраженіе?

— Эй, солдаты! оставьте этого гражданина, закричалъ генералъ.— Впрочемъ, это дьяволы виртембергцы.

„Я не сталъ болѣе слушать и побѣжалъ къ своему жилищу, котораго такъ пламенно желалъ достигнуть. Здѣсь меня ждало новое горе. На порогѣ дома я нашелъ солдатъ, которые дѣлили мое имущество. „Ахъ, господа", сказалъ я, „какъ вы можете грабить такихъ бѣдныхъ людей, какъ мы, уже однимъ пожаромъ доведенныхъ до нищеты?" Но они не обратили никакого вниманія на мои слова. Тогда я вошелъ въ домъ, который оказался наполненнымъ русскими, евреями, армянами, искавшими въ немъ себѣ убѣжища. Здѣсь было также множество женщинъ. Онѣ своимъ плачемъ раздирали сердце. Многіе

французы, жившіе въ Москвѣ, также приходили просить у меня пріюта. Напрасно они, въ качествѣ соотечественниковъ, пытались остановить наглость грабителей. Нѣкоторые изъ нихъ, правда, слушались убѣжденій, но большая часть пользовалась правомъ сильнаго. „А, чортъ возьми! какое намъ дѣло, что вы французы! обыкновенно говорили они. Что вы здѣсь дѣлаете? Одни бездѣльники, да эмигранты не съ нами“. Таковы были рѣчи, сопровождаемыя всякаго рода оскорбленіями, которымъ мы подвергались въ эти ужасные дни“.

Приведенныя здѣсь извѣстія принадлежатъ, какъ уже замѣчено выше, русскому барину, и потому я не могу ручаться за ихъ вѣрность.

Императоръ озаботился, наконецъ, положить предѣлъ этимъ кровавымъ безпорядкамъ. Но, при всемъ уваженіи къ его распоряженіямъ и не смотря на самые строгіе дневные приказы, грабежъ прекратился вполнѣ не раньше какъ черезъ нѣсколько дней.

Бѣглецы, жившіе въ Петровской рощѣ, замѣтили, что ужасный пожаръ наконецъ прекратился. Это произошло болѣе отъ недостатка матеріала, чѣмъ отъ принимаемыхъ мѣръ, которыя были недостаточны и безполезны. Въ пятницу, 21-го сентября, Наполеонъ возвратился въ Москву и снова поселился въ Кремлѣ, который онъ покинулъ въ прошлый вторникъ. Всѣ бѣглецы возвратились съ императоромъ.

Какая плачевная перемѣна совершилась съ этимъ недавно еще столь богатымъ и цвѣтущимъ городомъ! Земля была покрыта почернѣвшими развалинами; всюду встрѣчались дымящіеся обломки, отощавшія лошади, бродившія на удачу, стаи голодныхъ собакъ, испускавшихъ ужасный вой, обезображенныя, полусгорѣвшія тѣла людей и разныхъ животныхъ. Жители, оставшіеся еще въ живыхъ, изрѣдка появлялись среди развалинъ. Одѣтые въ лохмотья, съ угрюмымъ взоромъ бродили они молча, не узнавая другъ друга. Воздухъ былъ зараженъ. Едва можно было дышать въ этой атмосферѣ, пропитанной гніеніемъ и дымомъ, который долгое время висѣлъ надъ несчастнымъ городомъ и, казалось, служилъ ему погребальнымъ покровомъ.

Изъ четырехъ тысячъ каменныхъ домовъ осталось только двѣсти; изъ восьми тысячъ деревянныхъ было пощажено только пятьсотъ; изъ тысячи шести сотъ колоколенъ восемьсотъ исчезло, прочія были значительно попорчены. Магазины всякаго рода, такъ дорого стоившіе москвичамъ, были раззорены, фабрики уничтожены. Улицы, цѣлые кварталы исчезли. Съ трудомъ можно было узнать мѣстность и отыскать жилище, оставленное всего нѣсколько дней тому назадъ. Не многимъ это удавалось. Да и къ чему служило отыскиваніе своихъ домовъ? Тѣ, которые уцѣлѣли, были обращены въ казармы, заняты солдатами, и трудно было законному владѣльцу доказать свои права. Отсюда тѣ печальныя сцены, картины ужасной нищеты стольких семействъ, еще такъ недавно богатыхъ и уважаемыхъ. Теперь они

ходили въ лохмотьяхъ, просили съ плачемъ куска хлѣба, котораго, однако, никто не могъ имъ подать.

По возвращеніи въ Москву, первою заботою императора было помочь бѣдствію, нетерпящему отлагательствъ. Онъ занялся организаціею гражданскаго и военнаго управленія. Герцогъ Тревизскій былъ назначенъ губернаторомъ Москвы, генералъ Дюронель — командующимъ войсками, Лессепсъ—генеральнымъ интендантомъ, или провинціальнымъ префектомъ. Сами москвичи, движимые чувствомъ человѣколюбія или привлеченные выгоднымъ содержаніемъ, поступали въ канцеляріи новой администраціи. Городское управленіе встрѣтило, однако, нѣкоторыя затрудненія въ своемъ образованіи, вслѣдствіе отказовъ многихъ лицъ, призванныхъ въ составъ его.

Оффиціальное заявленіе о томъ, что муниципальное правленіе не имѣетъ никакой другой цѣли кромѣ возстановленія общественнаго порядка и безопасности, и быть можетъ, страхъ за послѣдствія, какія могло повлечь дальнѣйшее упорство, заставили нѣкоторыхъ изъ московскихъ жителей принять новую должность. Это были по большей части купцы. Головою выбрали нѣкоего Никотина. Поведеніе его въ этихъ обстоятельствахъ заслуживаетъ упоминанія. Представляясь въ первый разъ Лессепсу, Никотинъ явился довольно смѣло во главѣ перваго муниципальнаго собранія и прямо обратился къ начальнику съ слѣдующими словами, сказанными по-русски:

„Ваше превосходительство! Прежде чѣмъ вступить въ исполненіе своихъ обязанностей, я долженъ оффиціально объявить, что ничего не стану дѣлать противъ вѣры и моего государя. Иначе мы скорѣе всѣ умремъ, чѣмъ не исполнимъ долга, который въ нашихъ глазахъ есть первый и священный“...

Нѣсколько удивленный неожиданною рѣчью, Лессепсъ отвѣчалъ имъ мягко:

„Васъ, господа, нисколько не касается борьба императора Наполеона съ императоромъ Александромъ. Отъ васъ требуется, отъ вашей гуманности и филантропіи ожидаютъ только возстановленія порядка и обезпеченія частной собственности; вы должны возстановить довѣріе между жителями деревень и города... Таковы, охотно повторяю, ваши единственныя обязанности, господа!“

На такихъ условіяхъ муниципалитетъ состоялся.

Сверхъ того, въ каждомъ кварталѣ были учреждены полицейскіе комиссары. Первымъ дѣломъ новыхъ чиновниковъ было собрать несчастныхъ, бродившихъ по улицамъ Москвы безъ одежды и пищи и пріютить ихъ.

Посмотримъ, что дѣлала французская армія во время пребыванія среди дымящихся развалинъ Москвы. Нашъ національный характеръ и тутъ остался вѣренъ себѣ.

Большая часть русскихъ вельможъ имѣла домашніе театры. Театръ генерала Постникова уцѣлѣлъ отъ пожара. Актеры, находившіеся въ

Москвѣ, получили приказаніе давать въ немъ представленія. Наполеонъ хотѣлъ занять, развлечь умы: онъ зналъ, какъ легко и вмѣстѣ могущественно вліяетъ это средство на воображеніе французовъ. Труппу составили, какъ могли, и представленія начались. Скоро зала оказалась несоотвѣтствующею наплыву посѣтителей. Здѣсь царило шумное веселье и раздавались оглушительные аплодисменты. На долю мадамъ Андре, очень хорошенькой актрисы, выпадали каждый день оваціи. Это была, разумѣется, тѣнь нашихъ блестящихъ спектаклей въ счастливыя времена столицы, но теперь не были такъ требовательны. Престарѣлый актеръ Санве, жившій на пенсіи отъ русскаго двора, впалъ въ нищету вслѣдствіе пожара. Онъ исполнялъ роли лакеевъ. Но увы! возрастъ дѣлалъ его неспособнымъ къ живости и ловкой расторопности, которыхъ требуетъ это амплуа. Общія затруднительныя обстоятельства отражались и на костюмахъ актеровъ: они одѣвались въ мишуру разнаго рода, нерѣдко въ священническія ризы, неузнаваемые остатки которыхъ наши солдаты отдавали за кусокъ хлѣба. Аврора Бюрсе получила приказаніе отъ Наполеона организовать новую комическую труппу. Русскіе не замедлили обвинить ее, какъ директрису, въ томъ, что она играла главную роль въ этомъ святотатствѣ и продавала священныя одежды на выдѣлку изъ нихъ театральныхъ костюмовъ. Обвиненіе нелѣпое, которое вполнѣ опровергается снисходительностью зрителей, дѣлавшею подобную продажу совершенно ненужною. Но, несмотря на неправдоподобіе обвиненій, мадамъ Бюрсе все-таки была очень счастлива, что впослѣдствіи не попалась въ руки русскихъ.

Пьесы, которыя игрались на Постниковскомъ театрѣ, были слѣдующія: „Défiance et Malice", „Guerre ouverte", „Les Folies amoureuses", „Marton et Frontin", „Le Joueur" и др. Какъ ни мало разнообразенъ былъ репертуаръ, генералы и маршалы со своими штабами такъ же прилежно посѣщали театръ, какъ и простые солдаты. Въ театръ приходили среди ночной темноты по дымящимся развалинамъ. Актрисы Домергъ и Бюрсе на силу успѣвали получать деньги, сыпавшіяся въ ихъ кассу. За недостаткомъ типографіи, афиши были писанныя и безъ означенія именъ актеровъ. Наши военные восполняли послѣдній недостатокъ насмѣшливыми прозвищами, которыя они давали каждому члену труппы. Не было также ни входныхъ билетовъ, ни кассы, устраиваемой, какъ обыкновенно дѣлается, внѣ театра. Продажа билетовъ производилась въ галлереѣ, рядомъ съ залою, гдѣ шли представленія. Герцогъ Тревизскій постоянно, входя въ театръ, клалъ на столъ кассы горсть пятифранковымъ монетъ и рублей. Простые офицеры платили также щедро и никогда не требовали сдачи; даже солдаты не пользовались обычнымъ правомъ платить половинную цѣну и бросали въ кассу больше, чѣмъ слѣдовало бы за цѣлое мѣсто.

Наполеонъ не показывался въ этомъ театрѣ. Въ Кремлѣ не было, собственно говоря, спектаклей. Туда приглашался только пѣвецъ

Тарквиніо. Съ участіемъ нѣкоторыхъ музыкантовъ императорской гвардіи, онъ давалъ концерты, на которыхъ довольно часто присутствовалъ императоръ.

Эти увеселенія, на минуту отвлекшія умы отъ мрачныхъ думъ о будущемъ, не препятствовали голоду распространяться среди французской арміи. Наполеонъ, однако, все жилъ въ Москвѣ. Оставаясь при томъ убѣжденіи, которое онъ составилъ себѣ въ Тильзитѣ о характерѣ и направленіи русскаго императора, онъ думалъ, что послѣдній рѣшится на миръ. Пораженіе русской арміи и пожаръ Москвы казались Наполеону достаточными, чтобы принудить къ этому Александра. Въ ожиданіи результатовъ переговоровъ, Наполеонъ неутомимо занимался восполненіемъ потерь своей арміи. Въ это время потребовалъ у него аудіенціи нѣкто князь Визапуръ. Интересуясь всѣмъ, что касалось мира, и введенный въ заблужденіе громкимъ именемъ князя, императоръ вообразилъ, что имѣетъ дѣло съ посланнымъ отъ Александра. Но тутъ надо сказать нѣсколько словъ въ объясненіе странной личности, послужившей причиною этого недоразумѣнія.

Князь Визапуръ происходилъ изъ рода, который царствовалъ въ Азіи. Послѣ одного изъ политическихъ переворотовъ, столь обыкновенныхъ въ этой части свѣта, предки князя нашли себѣ убѣжище въ Россіи. Вслѣдствіе ли странности характера, или чужеземнаго вліянія, бывшаго причиною вырожденія благородной крови, только ничто въ этой интересной личности не напоминало происхожденія отъ царскаго рода. Низкій ростъ, толщина, маленькіе блестящіе глазки на широкомъ, смугломъ лицѣ, черные кудрявые до плечъ волосы, наконецъ, голосъ, представлявшій странное сочетаніе самыхъ тонкихъ и низкихъ звуковъ,—все это дѣлало князя Визапура настоящимъ посмѣшищемъ. Всякій сказалъ бы, что это одинъ изъ волшебныхъ карловъ Аріосто. Умъ вознаграждалъ, однако, до нѣкоторой степени странность его наружности. Отвѣты князя были быстры, остроумны, а память изумительна. Отлично владѣя французскимъ языкомъ, онъ возбуждалъ удивленіе своимъ разговоромъ, который былъ, смотря по обстоятельствамъ, то важный, то шутливый, то легкій или поучительный и всегда оригинальный. Если вы были ему другомъ, то онъ не иначе обращался къ вамъ, какъ декламируя цѣлыя тирады стихами, которые онъ зналъ на память или импровизировалъ въ вашу честь. Я помню, что въ первый визитъ, который я получилъ отъ этого комическаго сіятельства, я познакомилъ его со своею сестрою.

— Ваше сіятельство, сказалъ я, имѣю честь представить вамъ Аврору Бюрсе, которая занимается литературою...

— Аврора! Аврора! вскричалъ онъ, перебивая меня, и тотчасъ же сталъ импровизировать слѣдующее четверостишіе:

Du dieu de mes aïeux sublime avant-courrière,
Comme je suis en tout semblable au noir Memnon,

A peine as-tu lancé ton char dans la carrière,
Que ma muse aussitôt s'émeut... et donne un son [1]).

Извѣстно чудное свойство, которое басня приписываетъ бронзовой статуѣ царя Мемнона: едва коснутся ея первые лучи утренней зари, она издаетъ гармоническіе звуки. Этотъ экспромтъ, сказанный весьма кстати, заключалъ въ себѣ двойной намекъ: на имя Авроры и на африканскій цвѣтъ лица князя. Какъ ни хороши были стихи, но произнесенные съ страшнымъ закатываніемъ глазъ и голосомъ то грубымъ, то писклявымъ, они вызвали въ насъ громкій смѣхъ. Князь не разсердился за это.

Онъ поступилъ въ военную службу при Павлѣ I. Въ числѣ многихъ другихъ нововведеній, которыми ознаменовалось царствованіе этого государя, военная русская форма была замѣнена прусскою. Одинъ Визапуръ не хотѣлъ подчиниться перемѣнѣ. Потребовались самыя строгія внушенія и именной указъ императора, чтобы принудить упрямца. Пришлось склониться предъ царскою властью. Но что же сдѣлалъ нашъ проказникъ? Онъ надѣлъ громадный напудренный парикъ, покрылъ его трехугольною шляпою, напомадилъ свои длинные, черные усы и на прусскій манеръ закрутилъ ихъ вверхъ. Узкій мундиръ сжималъ его корпусъ; животъ былъ подтянутъ широкимъ поясомъ, на которомъ висѣла длинная шпага. Перчатки à la Crispin по-локоть, ботфорты, въ которыхъ исчезали его тощія ноги, и тамбуръ-мажерская палка довершали эту странную карикатуру. Въ такомъ видѣ явился онъ на парадъ, умышленно утрируя быструю и мѣрную походку солдатъ Фридриха.

— Хотѣли, чтобъ я былъ пруссакомъ, громко сказалъ онъ, ну вотъ!

Шутка не понравилась Павлу. Сильно оскорбленный такою насмѣшкою, государь отправилъ виновника сначала въ крѣпость, а затѣмъ предалъ военному суду. Шутливый характеръ Визапура не измѣнился и въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ. Князь самъ себя защищалъ. Его защитительная рѣчь была въ стихахъ, и на всѣ свои вопросы судьи слышали въ отвѣтъ только тирады изъ французскихъ и нѣмецкихъ трагедій, которыми изобиловала его память. Не чувствуя силы обвинить князя, какъ преступника, военный судъ освободилъ его, какъ сумасшедшаго. Того только и надо было Визапуру.

Одинъ богатый московскій купецъ, сахароваръ, желавшій изъ честолюбія имѣть въ роднѣ князя, выдалъ свою дочь за Визапура. Но метроманія и чудачество царственнаго потомка, не гармонировавшія съ простотою нравовъ жениной семьи, дѣлали этотъ бракъ очень несчастливымъ. Даже дѣти, два мальчика—одинъ бѣлый, а другой

---

[1]) О высокая предвѣстница бога моихъ предковъ! Какъ похожъ я во всемъ на Мемнона: едва пустилась въ бѣгъ твоя колесница, какъ моя муза проснулась и запѣла.

смуглый, находились подъ вліяніемъ несогласія супруговъ. Въ своихъ дѣтскихъ ссорахъ, бѣлый называлъ брата Визапурскимъ, а смуглый отвѣчалъ ему презрительно: „Сахаровскій".

Выѣхавъ вмѣстѣ съ другими изъ Москвы при приближеніи французской арміи, князь Визапуръ тайно возвратился въ столицу и потребовалъ аудіенціи у Наполеона. Мы уже сказали, что подумалъ императоръ при пышномъ и громкомъ имени князя Визапура. Приказано было тотчасъ же ввести его. Представьте себѣ удивленіе и досаду Наполеона, когда, вмѣсто посланца отъ Александра, онъ увидѣлъ какое-то смѣшное существо, и вмѣсто серьезныхъ переговоровъ, услыхалъ слѣдующее:

— О великій человѣкъ! истинно великій человѣкъ! Самый нижайшій и самый восторженный изъ твоихъ почитателей имѣетъ, наконецъ, счастіе видѣть тебя!..

Постоявъ минуту неподвижно на порогѣ двери, поднявъ руки къ небу, Визапуръ мѣрными шагами приблизился и палъ къ ногамъ императора.

Совершенно разочаровавшись на счетъ характера и значенія ожидаемаго имъ лица, Наполеонъ, однако, улыбнулся, глядя на энтузіаста. Нахмуренное чело императора прояснилось. Такое обожаніе очнь ему понравилось. Онъ ласково поднялъ Визапура и спросилъ о причинѣ его визита.

— Истинно великій человѣкъ! отвѣчалъ послѣдній, я хочу служить и умереть подъ твоими побѣдоносными знаменами, но съ однимъ только условіемъ: чтобы не быть мнѣ противъ Россіи, хотя я и долженъ на нее сильно жаловаться.

— Но ваша жена? дѣти?.. замѣтилъ императоръ. Вы прежде всего имѣете обязанности относительно вашего семейства...

— Моя жена, отвѣчалъ Визапуръ, имѣетъ достаточно средствъ, чтобы обойтись безъ меня, а я со своими способностями сумѣю обойтись безъ нея. Ничто не привязываетъ меня къ этой неблагодарной странѣ. При томъ же сегодняшній мой поступокъ относительно вашего величества не допускаетъ возвращенія назадъ: его сочтутъ измѣною, и я пропалъ.

Въ безпорядочномъ полетѣ фантазіи этого человѣка Наполеонъ сумѣлъ подмѣтить проблески ума и сообразилъ пользу, которую онъ могъ ему доставить своимъ знаніемъ страны. Думая, что Визапуръ можетъ современемъ ему пригодиться, Наполеонъ на другой день отправилъ его въ каретѣ съ курьеромъ въ Парижъ. Но непріятельскіе отряды уже отрѣзали пути сообщенія: курьеръ былъ остановленъ и несчастнаго Визапура узнали. Теперь уже, не смотря на мольбы и просьбы въ александрійскихъ стихахъ, его осудили на смерть и, какъ самъ онъ себѣ напророчилъ, безъ пощады разстрѣляли за измѣну отечеству.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ г-жи ЖОБЕРЪ О ГЕЙНЕ.

Недавно изданы „Воспоминанія“ госпожи Жоберъ о Беррье, о 1847 и 1848 годахъ, объ Альфредѣ де-Мюссе, о Ланфрэ и о Генрихѣ Гейне. „Воспоминанія“ г-жи Жоберъ, ея личныя впечатлѣнія, письма и переписка съ названными лицами, ихъ отвѣты — все это очень живо рисуетъ картину нравовъ интеллигентнаго общества и интимную сторону блестящихъ парижскихъ салоновъ, почти за цѣлое полстолѣтіе, т. е. приблизительно за время съ начала 30-хъ и до конца 70-хъ годовъ. Мы остановились на „Воспоминаніяхъ“ о Гейне потому, что они обнимаютъ цѣлыя двадцать лѣтъ жизни знаменитаго поэта, имѣющаго горячихъ и многочисленныхъ поклонниковъ среди русскаго общества и, такимъ образомъ, представляютъ наиболѣе интереса для русской публики. Но и сами по себѣ, „Воспоминанія о Гейне“ являются лучшимъ отрывкомъ въ книжкѣ г-жи Жоберъ. Знакомство ея съ поэтомъ началось въ 1835 г. Первое впечатлѣніе, произведенное Гейне, было не совсѣмъ въ пользу его: безпощадная иронія, которою поэтъ преслѣдовалъ своихъ враговъ, а часто и друзей, злая насмѣшка ради желанія блеснуть своимъ остроуміемъ, — все это заставляло г-жу Жоберъ сомнѣваться нѣкоторое время въ добрыхъ чувствахъ Гейне. Но его отношенія къ своей матери и женѣ, героическая стойкость, съ которой онъ переносилъ безъ жалобы и стоновъ свои мучительныя страданія, тянувшіяся цѣлые годы, побороли эти сомнѣнія, и между Гейне и г-жею Жоберъ закрѣпилась искренняя дружба. Въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ жизни Гейне, которыя онъ провелъ почти все время сидя въ креслѣ, или лежа на постели, разбитый параличемъ, овладѣвшимъ мало по малу всѣми членами его тѣла,—г-жа Жоберъ

была одной изъ самыхъ постоянныхъ посѣтительницъ поэта. Это и дало ей возможность сообщить въ своихъ воспоминаніяхъ множество подробностей изъ интимной жизни Гейне, которыя значительно выясняютъ личность даровитѣйшаго поэта Германіи.

Генрихъ Гейне былъ представленъ мнѣ въ первый разъ на одномъ парижскомъ балу, зимой 1835 г. Онъ тогда еще несовсѣмъ свободно объяснялся по французски, но все-таки умѣлъ облекать свою мысль въ остроумную форму. Свѣтлые, нѣсколько длинные волосы молодили его. Онъ самъ опредѣлилъ мнѣ свой возрастъ, сказавъ смѣясь: „Я первый человѣкъ своего вѣка". Во время нашего оживленнаго разговора, я замѣтила, что его раздражали наши вѣчные, восторженные отзывы о Гете, Байронѣ и Викторѣ Кузенѣ. Это было причиной тому, что когда онъ увидѣлъ въ числѣ вальсирующихъ Альфреда де-Мюссе, то сказалъ: „Не могу понять этихъ парижанъ: толкуютъ столько о поэзіи, что невольно принимаешь ихъ за ея восторженныхъ почитателей. Здѣсь между вами человѣкъ, имѣющій болѣе чѣмъ кто либо право на званіе поэта, и притомъ французъ по рожденію... А между тѣмъ, я утверждаю, что его столь же мало знаютъ здѣсь, какъ поэта и писателя, какъ если бы дѣло шло о какомъ нибудь китайскомъ поэтѣ".

Счастливая встрѣча съ Гейне положила основаніе нашему близкому знакомству съ нимъ. Въ апрѣлѣ я получила отъ него слѣдующее письмо:

„Сударыня, имѣю честь поднести вамъ при этомъ книжку мою о Германіи. Рекомендую вамъ прочесть 6-ю часть ея, гдѣ рѣчь идетъ объ ундинахъ и саламандрахъ, о гномахъ и сильфахъ. Я отлично знаю, что познанія мои объ этихъ существахъ очень недостаточны, хотя я и читалъ въ оригиналѣ творенія великаго Авреолія, Теофраста, Парацельзія и Бомбаста Гогенгеймскаго.

„Но, когда я писалъ свою книгу, я ни разу не видалъ еще ни одного изъ этихъ стихійныхъ духовъ; я даже сомнѣвался, чтобы они могли быть чѣмъ либо инымъ, какъ плодомъ нашего воображенія, что они существуютъ въ природѣ, а не въ человѣческой головѣ... Однако, съ третьяго дня, я начинаю вѣрить въ дѣйствительность ихъ существованія.

„Та ножка, которую я видѣлъ третьяго дня, только лишь и можетъ принадлежать одному изъ тѣхъ волшебныхъ существъ, о которыхъ я говорю въ своей книгѣ; ножка-ли это ундины? Мнѣ кажется, что она гибка какъ волна, что она могла бы скользить по водѣ.

„Но, можетъ быть, то была ножка саламандры?

„Вовсе не холодно, говоритъ Жозефъ Марто Женевьевѣ, когда ножка самой прелестной цвѣточницы разжигаетъ его воображеніе" [1]).

„Можетъ быть, это ножка гнома—но она слишкомъ мала, миніатюрна для этого, слишкомъ очаровательна и хрупка, чтобы быть ножкой гнома;—можетъ быть это ножка сильфы? Ея обладательница въ самомъ дѣлѣ такъ воздушна, такъ волшебна... Добрая она или сердитая?

---

[1]) Изъ романа Жоржъ Зандъ „Андре".

„Не знаю—но неизвѣстность эта меня мучаетъ, безпокоитъ, гнететъ. Право, я не шучу.

„Сударыня, вы видите, что я еще очень мало смыслю въ магіи, что я еще вовсе не великій волшебникъ; я только вашъ покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга.

„Генрихъ Гейне.

Конецъ этого письма, гдѣ Гейне выражаетъ сомнѣніе относительно моей доброты, объясняется тѣмъ, что первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, заставило меня думать, что онъ не обладаетъ сердечной добротой, которая вовсе не исключаетъ насмѣшку

Впечатлѣніе это поддерживалось колкими мнѣніями Гейне, которыя мнѣ часто приходилось слышать, и это долго мѣшало мнѣ отвѣчать дружбой на его дружбу. Тѣмъ не менѣе, въ небольшомъ кружкѣ присутствіе Гейне всегда очень цѣнилось и доставляло большое удовольствіе; онъ все оживлялъ своимъ воображеніемъ, все освѣщалъ своимъ умомъ, который, преломляясь въ тысячахъ лучей, являлся истиннымъ кладомъ. Когда я знала, что гости мои ему по душѣ, я часто приглашала его къ себѣ. По отношенію къ своимъ знакомымъ, онъ являлся образцомъ самой утонченной акуратности. Если его гдѣ нибудь ждали, а между тѣмъ что либо мѣшало ему придти, то всегда получалось во-время нѣсколько строчекъ отъ него. Чтобы дать понятіе о характерѣ его писемъ, обращенныхъ къ близкимъ знакомымъ, приводимъ слѣдующія двѣ записки Гейне:

„Сударыня,

„Мнѣ доставило большое удовольствіе узнать, что вы упорно не забываете меня. Благодарю васъ за это; но развѣ вы не знаете, что я давно уже умеръ?

„Это, однако, не помѣшало бы мнѣ явиться сегодня къ вамъ къ обѣду, такъ какъ мои бренные останки пережили меня; но въ настоящую минуту меня мучаетъ довольно скучная посмертная мигрень. Я не могу быть у васъ и вѣрьте, что болѣе другихъ жалѣю объ этомъ; но вы знаете, что такое мигрень—это маленькій адъ въ мозгу.

„На дняхъ, сударыня, я явлюсь къ вамъ лично благодарить васъ. Пока, молю безсмертныхъ боговъ, дабы они свято и вѣрно охраняли васъ.

„Генрихъ Гейне.

„Понедѣльникъ, утромъ.

„Маленькая Фея!

„По своей обычной разсѣянности, я совсѣмъ забылъ вчера, что мнѣ сегодня еще необходимо вернуться въ Монморанси; поэтому я не могу обѣдать у васъ и увижу васъ только въ Марли, гдѣ буду, вѣроятно, въ субботу. Я былъ бы ужаснымъ лгуномъ, если бы не сказалъ, что удовольствіе видѣть васъ—одно изъ тѣхъ средствъ, которыя дѣлаютъ нѣсколько сноснымъ мое существованіе.

„Преданный вамъ

„Генрихъ Гейне.

„Середа, утромъ.

Въ Марли, гдѣ мы должны были встрѣтиться, жила княгиня Бельджіойозо, у которой мы часто собирались. Гейне очень восхищался ея красотой — классической и въ то же время нѣсколько странной,

ея живымъ и серьезнымъ умомъ, ея острой и страсной мыслью. Эта богатая натура, съ ея рѣзкими противорѣчіями, сильно занимала наблюдательнаго зрителя. Княгиня легко увлекалась, но ея разсудительный умъ часто заставлялъ ее обращаться вспять. Это дало было поводъ нѣмецкому поэту къ нѣсколькимъ шуткамъ; онъ хотѣлъ видѣть въ мнѣніяхъ прекрасной миланки только капризныя вспышки. Но колкіе, прямые отвѣты быстро заставили Гейне одуматься. Послѣ этого онъ всегда предпочиталъ спорить и сражаться съ тѣми литераторами, академиками и философами, которые являлись порой въ салонѣ г-жи де-Бельджіойозо. Въ числѣ философовъ былъ Викторъ Кузенъ, къ которому Гейне относился тогда особенно враждебно. По его мнѣнію, это былъ ученый самозванецъ, вырядившійся въ перья нѣмецкихъ философовъ. Гейне безпрестанно старался дать ему это понять. Когда Кузенъ, разговаривая, пытался было излагать свои мысли въ системѣ, Гейне прерывалъ его, говоря: „Знаю, знаю, что вы хотите сказать: это теорія Фихте, которую впослѣдствіи развивалъ Шеллингъ", и затѣмъ онъ пускался въ споръ, обращаясь какъ бы къ тому изъ философовъ, котораго онъ передъ этимъ назвалъ. Два-три подобныхъ перерыва подсѣкали въ конецъ философскій пылъ Кузена; онъ отступалъ, предпочитая этому философскому поединку съ Гейне свой обычный восторженный кружокъ почитателей.

Овладѣвъ такимъ образомъ позиціей, Гейне съ истинно германскимъ упорствомъ продолжалъ преслѣдованіе непріятеля. Часто справедливо сравнивали Гейне съ Вольтеромъ, съ которымъ онъ имѣлъ много общаго по мѣткости, откровенности и остротѣ ума, но ему не доставало той деликатности, которая отличаетъ француза. Онъ никогда не умѣлъ остановиться во-время и упорствовалъ въ своихъ нападкахъ. Такъ, напримѣръ, ухватившись за Кузена, Гейне начиналъ вдругъ проводить сравненіе между Кузеномъ и Минье, противополагалъ воровскимъ заимствованіямъ перваго—которыя онъ ѣдко обрисовывалъ—честность, добросовѣстность, прямодушіе, благородство таланта Минье. „Этотъ не скрываетъ источниковъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ. Вотъ это писатель! Правдивый, справедливый, скромный—чудная душа!"

И вслѣдъ за этими искренними похвалами сыпались злыя насмѣшки:

„Да, чудная душа! говорю я. Она обладаетъ той особенной прелестью, которую мигомъ постигаютъ женщины, потому что она выражается въ правильности чертъ лица; она кидается въ глаза, говоритъ на всѣхъ языкахъ,—это поистинѣ всенародная душа!"

На комъ Гейне особенно любилъ изощрять свое злое остроуміе, такъ это на миломъ Беллини, который, подобно ему, бывалъ въ числѣ лицъ, гостившихъ порой на дачѣ княгини Бельджіойозо. Бѣлокурый, бѣлый, розовый милый ребенокъ, съ дѣтскимъ голосомъ и дѣтскими манерами, юный геніальный маэстро находился тогда въ апогеѣ своей

славы; его баловали, за нимъ ухаживали прелестнѣйшія изъ парижскихъ красавицъ; онъ былъ, словомъ, моднымъ героемъ. При такихъ счастливыхъ условіяхъ жизни, насмѣшка являлась для него особенно чувствительной. Къ несчастію, онъ совершенно простодушно сознавался, что очень суевѣренъ. Гейне, зрѣніе котораго въ то время уже сильно ослабѣло, носилъ очки и, такимъ образомъ, въ глазахъ Беллини удовлетворялъ одному изъ тѣхъ существенныхъ условій, при которыхъ человѣкъ является jettatore, т. е. получаетъ способность сглаза. Нужно было видѣть, какъ Гейне пользовался нескрываемою слабостью юнаго италіанца, нужно было видѣть мефистофелевскія ужимки, которыми сопровождалась эта маленькая война; нужно было видѣть, наконецъ, какъ играя, бывало, на дачѣ съ Гейне по утрамъ на билліардѣ, Беллини, постоянно строилъ свободной рукой рожки, чтобы прогнать духа сглаза. Не смотря на всѣ старанія Беллини, Гейне удавалось подмѣчать эти предосторожности; его радовалъ внушаемый имъ страхъ и онъ усиливалъ его, говоря Беллини:

— Катайте шары, карамболируйте, наслаждайтесь жизнью полнѣе, милый другъ: вашъ громадный геній сулитъ вамъ короткую жизнь, вы умрете очень молодымъ, очень молодымъ, какъ Рафаэль, Моцартъ, Христосъ...

— Это ужасно! Не говорите такихъ словъ, восклицалъ Беллини,— не говорите о смерти! Княгиня, запретите ему это!

Но попытки княгини оказывались безуспѣшными. Гейне, прикрываясь желаніемъ объяснить свои слова, продолжалъ свои нападки:

— Мои опасенія, конечно, только воображаемыя. Развѣ сами вы, княгиня, думаете, что среди насъ проявился новый геній?

И онъ заканчивалъ послѣднимъ ударомъ, прибавляя:

— Впрочемъ, я не слыхалъ ни одной ноты изъ твореній вашего милаго соотечественника; моя угроза, такимъ образомъ, совершенно невиннаго свойства.

И затѣмъ, обращаясь къ Беллини:

— Будемъ надѣяться, милый другъ, что слава, пріобрѣтенная вами въ высшемъ свѣтѣ, сильно преувеличена. Ваше херувимское личико совершенно успокаиваетъ меня относительно вашей долговѣчности.

Эта грустная шутка не понравилась, однако, маэстро, который разсердился за нее на Гейне. Чтобы примирить ихъ, я пригласила къ себѣ Гейне, Беллини, княгиню Бельджіойозо и нѣсколько общихъ друзей.

Въ назначенный день Беллини, однако, не явился къ обѣду. Безъ сомнѣнія, онъ боится нашего jettatore, говорили мы, смѣясь. Отворяется дверь, всѣ убѣждены, что это Беллини. Не тутъ-то было,—это только записка отъ автора „Пуританъ“, въ которой онъ выражаетъ искреннее сожалѣніе, что болѣзнь мѣшаетъ ему присоединиться къ нашему обществу.

— Это меня безпокоитъ, сказала княгиня. Беллини, вѣроятно, серьезно боленъ, если онъ долженъ былъ отказаться отъ нашей компаніи. Онъ такъ радовался, что будетъ на этомъ обѣдѣ.

Я тоже выражала свое сожалѣніе, перечитывая его записку.

— Ужъ эти женщины! воскликнулъ Гейне. Только онѣ и способны печалиться надъ бюллетенемъ о здоровьи, написанномъ самимъ больнымъ на гладкой, нѣжно-желтой бумажкѣ! Позвольте мнѣ прочесть эту записку?

— Ну вотъ, по моему, не можетъ быть ничего болѣе успокоивающаго, какъ это посланіе: твердый почеркъ, раздушеная бумажка; такія выраженія сожалѣнія, что подумаешь, не написаны ли они сахарнымъ тростникомъ... ужъ воистинѣ ли великій композиторъ сочинилъ эти строки? По моему, ихъ писалъ скорѣе Вертеръ, собирающійся улизнуть отъ насъ, чтобы провести время съ своей Лолотъ.

И вслѣдъ за этимъ объясненіемъ, Гейне громко засмѣялся; его собственныя насмѣшки сильно забавляли его.

Четыре дня спустя, Беллини умеръ, подкошенный холерой. Узнавъ это отъ одного изъ нашихъ общихъ друзей, Гейне сказалъ, улыбаясь:

— Вѣдь я его предупреждалъ!

Онъ съ большимъ самодовольствомъ разыгрывалъ свою роль пророка.

Эти черты характера Гейне заставляли меня воздерживаться отъ сближенія съ нимъ; только при видѣ его мученій, при видѣ той героической стойкости, съ которой онъ ихъ переносилъ, я сдалась и между нами установилась дружба. Я не могла оставаться равнодушной также и къ той радости, которую доставляло ему мое присутствіе въ то время, когда, прикованный къ одру болѣзни, онъ отказывалъ въ пріемѣ большинству посѣтителей. Въ концѣ концовъ, я стала относиться къ Гейне еще снисходительнѣе, убѣдившись, что онъ часто злословилъ ради краснаго словца и вовсе не съ цѣлью обидѣть человѣка.

Первые признаки паралича показались у Гейне года за два, за три прежде, чѣмъ болѣзнь окончательно поборола его; самъ онъ относился къ своему недугу полушутливо; могли ли послѣ этого мы видѣть въ немъ что либо серьезное?

— Я все хуже и хуже вижу, говорилъ онъ, но это побудитъ меня, какъ соловья, все лучше и лучше пѣть.

Въ другой разъ, среди шутокъ, онъ замѣтилъ, что правый лицевой мускулъ страшно облѣнился и отказывается служить.

— Увы, говорилъ Гейне,—я могу жевать только одной стороной челюстей, плакать только однимъ глазомъ! Я уже только полу-человѣкъ! Я могу объясняться въ любви, нравиться только съ лѣвой стороны. О женщины! Неужели я впредь буду имѣть право только на половину вашихъ сердецъ?

Все это говорилось полу-трагическимъ тономъ и намъ, простымъ смертнымъ, казалось, что поэтъ только шутитъ на эту тему. Но время

бѣжало, и вскорѣ пришлось убѣдиться, что правое вѣко не приподымалась, что правая часть лица омертвѣла и выраженіе ея рѣзко отличалось отъ оживленнаго выраженія лѣвой. Казалось, на лицѣ его отражалось, что онъ на половину поэтъ, на половину прозаикъ. На самомъ дѣлѣ такъ и было, въ чемъ постоянно приходилось убѣждаться изъ разговоровъ съ Гейне. Вслѣдъ за самыми поэтическими представленіями, въ которыя облекались его образы, Гейне переходилъ къ самымъ вульгарнымъ сравненіямъ по поводу того же предмета.

Признаки паралича становились все явственнѣе и явственнѣе. Нельзя уже было сомнѣваться на счетъ будущаго Гейне. Я утѣшалась тогда тѣмъ, что онъ женатъ — хотя бракъ его, вслѣдствіе условій, при которыхъ былъ совершенъ, и долженъ былъ казаться нѣсколько страннымъ.

Въ 1835 или 1836 году, случай открылъ друзьямъ Гейне существованіе интимныхъ отношеній его къ очень молоденькой и миленькой мастерицѣ. Гейне былъ очень привязанъ къ ней, и потому разрывъ между ними, послѣдовавшій послѣ жестокой сцены ревности, повергъ его въ такое отчаяніе, въ которое можетъ впасть только человѣкъ, влюбленный безъ ума. Онъ всѣхъ посвящалъ въ свое горе— и это всѣхъ поражало. Ему припоминали его собственныя слова: „Мотылекъ не спрашиваетъ у розы: лобызалъ ли кто тебя? И роза не спрашиваетъ у мотылька: увивался ли ты около другой розы?"

Гейне вовсе не желалъ, впрочемъ, умереть съ отчаянія и не упускалъ случая влюбиться въ кого нибудь. Понятно, однако, что онъ ни въ комъ не могъ возбудить участія, вѣчно вспоминая свою *крошку*, которую онъ не переставалъ оплакивать. Его признанія вслѣдствіе этого не имѣли никакой цѣны. Вся эта любовная горячка разрѣшилась тѣмъ, что въ концѣ концовъ состоялось примиреніе. Кто изъ нихъ простилъ другъ другу? Почти въ то же время я узнала, что Гейне помѣстилъ молодую дѣвушку въ пансіонъ. Я заключила изъ этого уже тогда, что у него зародилась мысль о женитьбѣ и потому я была очень мало удивлена, когда самъ поэтъ сообщилъ мнѣ, что бракъ этотъ совершился. Онъ счелъ обязанностью выставить это дѣло долгомъ совѣсти; по случаю одной дуэли, онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ былъ подумать о судьбѣ своей крошки. Дуэль по этой причинѣ была даже отсрочена на время, необходимое для совершенія всѣхъ формальностей. Гейне разсказывалъ мнѣ эту исторію съ нѣкоторымъ смущеніемъ, которымъ замѣнилась его обычная развязность. Впрочемъ, гдѣ тотъ человѣкъ, который сообщалъ бы объ утратѣ своей свободы совершенно спокойно? Я не распрашивала его о подробностяхъ, не выразила ни малѣйшаго удивленія и, смѣясь, спросила у него только позволеніе сообщить объ этомъ событіи Россини, такъ какъ послѣдній узнаетъ объ этомъ его съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Почему? освѣдомился озабоченно Гейне.

— По духу товарищества, вѣроятно, отвѣчала я. Онъ любитъ, когда въ его полку прибываетъ знаменитыхъ людей. Еще на-дняхъ, услыхавъ, что я назвала въ разговорѣ мадамъ Беррье, Россини удивленно спросилъ меня: „какъ, развѣ мой другъ Беррье женатъ?“ „О да, возразила я, и уже довольно давно; жена его очень милая особа“. Великій маэстро, внѣ себя отъ радости, только и могъ, что воскликнуть: „Какое счастье! Подумайте только, что и у него законная супруга! Совсѣмъ какъ у меня! Это меня такъ же сильно радуетъ, какъ видъ чудеснѣйшихъ макаронъ!“

— Если такъ, возразилъ на это Гейне, собравшись уже съ духомъ,—то вы можете прибавить, что подобно ему, я теперь являюсь жертвой треволненій супружеской жизни; если онъ будетъ писать музыку на эти темы, то я могу сочинить либретто. Скажите ему, что счастіе мое родилось подъ дуломъ пистолета.

И онъ опять пустился разсказывать исторію этой дуэли, гдѣ противникомъ его являлся какой-то нѣмецъ. Онъ нарисовалъ прелестную картину мѣста дуэли и пережитыхъ ощущеній.

„Небо было такъ ясно, такъ лазурно! всѣ яблони были въ цвѣту, и я упивался душистымъ воздухомъ полей, вдыхая все новыя и новыя жизненныя силы; я сочинилъ обращеніе къ Флорѣ и Поммонѣ. При встрѣчѣ со смертью, ко мнѣ вернулось все мое язычество. Конечно, Богъ не пожелалъ, чтобы меня сразила пуля какъ разъ въ то время, когда въ головѣ моей роились самыя прекрасныя мысли— все, что говоритъ чувствамъ“.

Прошелъ цѣлый годъ, въ теченіи котораго семейныя заботы поглотили все мое существованіе. Придя нѣсколько въ себя, я попыталась возобновить знакомство съ Гейне, написавъ ему письмо, въ которомъ упоминалось и о его женѣ, о его Жюльеттѣ. Я расчитывала тронуть его этимъ. Вотъ его отвѣтъ:

„13 апрѣля 1847.

„Благодарю васъ, сударыня, за ваши послѣднія милыя письма и за присланныя конфекты. Какъ вы и расчитывали, Жюльета съѣла всю коробку. Не знаю, какъ и благодарить васъ за вашу любезность.

„Я пережилъ ужасную зиму и удивляюсь, какъ не умеръ. Очевидно, это приходится отложить до слѣдующаго раза.

„Очень радъ тому, что вы сообщаете о здоровьи вашей замужней дочери. Она молода и, безъ сомнѣнія, поправится. Я постараюсь побывать вскорѣ у васъ. Очень интересуюсь взглянуть на выздоравливающую мадамъ Гриньянъ.

„Она навѣрно сильно похудѣла и еще болѣе похорошѣла вслѣдствіе этого. Въ сущности, плоть скрываетъ красоту, которая является передъ нашими глазами во всемъ своемъ идеальномъ величіи только послѣ того, какъ какой нибудь недугъ оживитъ наше тѣло. Что касается меня, то въ этомъ отношеніи я впалъ въ совершенную крайность, обратившись просто въ скелетъ. Красивыя женщины отворачиваются отъ меня при встрѣчѣ на улицѣ; закрытыя глаза (правый глазъ открывается едва на восьмую долю), впалыя щеки, отвисшая борода, невѣрная походка, — все это придаетъ мнѣ такой предсмертный видъ, который мнѣ очень къ лицу. Увѣряю, что какъ полу-мертвецъ, я пользуюсь теперь громаднѣйшимъ успѣхомъ. Я поѣдаю сердца, но не могу

переварить ихъ. Теперь я очень опасный человѣкъ; вы увидите, что маркиза Христина Тривульче навѣрно влюбится въ меня; я какъ разъ та гробовая косточка, которую она давно ищетъ.

„Прощайте, милѣйшая и добрѣйшая! Не дай вамъ Богъ похорошѣть на мой ладъ! Поручаю васъ его святой и вѣрной охранѣ.

„Генрихъ Гейне.

Шпилька, направленная въ этомъ письмѣ противъ княгини Бельджіойозо, урожденной маркизы Тривульче, было легкой отместкой со стороны поэта противъ тѣхъ насмѣшекъ, съ которыми всегда относились къ жалобамъ Гейне на его „крошку", или когда онъ пытался обратить платоническое поклоненіе, предметомъ котораго была княгиня, въ пламенную любовь. Онъ не безъ нѣкоторой ревности смотрѣлъ на то живое сочувствіе, которое пробуждалъ въ этомъ женскомъ сердцѣ видъ физическихъ страданій и, между прочимъ, несчастіе, поразившее знаменитаго слѣпца, Огюстена Тьерри, когда онъ потерялъ жену. Княгиня сблизилась съ нимъ и какъ преданнѣйшій другъ интересовалась его историческими трудами. Впослѣдствіи, Гейне, наоборотъ, оцѣнилъ вполнѣ эту дружескую помощь и часто вздыхалъ съ сожалѣніемъ объ отсутствіи княгини, во время продолжительнаго пребыванія ея на востокѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему повѣствованію о Гейне, я приведу здѣсь замѣтку, набросанную подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ одного посѣщенія больнаго поэта. Это было 26-го ноября 1847 года.

„Генрихъ Гейне пріѣзжалъ повидаться со мной! Увы, его вѣки, пораженныя параличемъ, сковали его очи. Болѣзнь, кажется, все растетъ и растетъ. Жизнь едва держится въ его тѣлѣ, но духъ его сохранилъ всю свою мощь.

„Онъ говорилъ мнѣ о своей матери, живущей въ Гамбургѣ. Ради успокоенія ея, онъ пишетъ ей каждый день, не смотря на то, что это ему крайне затруднительно при состояніи его зрѣнія. Нѣмецкія газеты разсказали о его печальной болѣзни. Тогда онъ вздумалъ убѣдить свою старуху мать въ томъ, что выдавать его за умирающаго— было остроумной спекуляціей со стороны его книгопродавца. „Какъ я ни черствъ, прибавилъ онъ, вчера я былъ очень тронутъ, получивъ письмо отъ моей матери, въ которомъ она говоритъ, что ежедневно въ глубинѣ своего сердца возсылаетъ благодаренія къ Богу за то, что онъ сохраняетъ здоровье ея дорогаго сына. О, это Богъ варваровъ, во вкусѣ египтянъ. Ужъ конечно боги Греціи никогда не стали бы такъ мучить поэта: они сразу поразили бы его громомъ, а не издѣвались бы такъ жестоко, отдавая его въ жертву смерти по частямъ..."

„Сколько мыслей пробудилъ онъ этими словами. Послѣ долгаго молчанія, онъ продолжалъ: „Этотъ египетскій народъ не зналъ искусствъ и не заботился о нихъ... Говоря откровенно, я сознаюсь,

что, не смотря на всю физическую немощь, оставаясь самъ съ собою, я менѣе жалокъ, чѣмъ многое множество другихъ людей. Я чувствую и сознаю, не скажу—мою силу, но мою сущность, мое внутреннее я, отдѣленное отъ моего страждущаго тѣла".

— „Если такъ, спросила я, если вы дѣйствительно съ каждымъ днемъ все яснѣе и осязательнѣе чувствуете это разъединеніе духа и тѣла, то что же думаете вы о безсмертіи и небытіи?

„Гейне долго колебался съ видомъ глубокой нерѣшительности и, наконецъ, вздохнувъ, сказалъ: „А въ человѣкѣ есть-таки искорка божественнаго".

Въ началѣ 1848 года, Гейне посѣтилъ меня въ послѣдній разъ. Онъ заставилъ внести себя съ улицы ко мнѣ, во второй этажъ, держась на спинѣ своего слуги. Это стоило ему такого напряженія, что какъ только положили его въ залѣ на диванъ, съ нимъ начался одинъ изъ тѣхъ припадковъ, которымъ онъ былъ подверженъ впослѣдствіи до конца своей жизни: то были судороги, начинавшіяся съ головы и переходившія на оконечности ногъ. Нестерпимое мученіе унималось только при помощи морфина; имъ посыпали подушки, которыя прикладывали вдоль позвоночнаго столба. Впослѣдствіи, я узнала отъ него, что онъ употреблялъ этаго яда на 500 франковъ въ годъ. Въ теченіи припадка, котораго я была невольной свидѣтельницей, я повторяла про себя, вся дрожа при видѣ такого страданія: „Что за фантазія, что за безразсудство заставлять себя переносить въ такомъ состояніи!" Какъ только онъ успокоился, я стала его умолять отложить свои прогулки до тѣхъ поръ, пока разумное лѣченіе не поправитъ его здоровья. „Моя болѣзнь неизлѣчима, былъ отвѣтъ. Я слягу и не встану болѣе. Я и пришелъ къ вамъ для того, моя милая барыня, чтобы вырвать у васъ клятвенное обѣщаніе, что вы будете посѣщать меня и никогда не покинете. Если вы не поклянетесь мнѣ въ этомъ, то я снова велю принести себя къ вамъ и причиню вамъ такой же страхъ, какъ теперь". Потомъ Гейне, уже совершенно оправившійся, началъ рисовать жалостную и вмѣстѣ съ тѣмъ комическую картину затрудненія, въ которое я была бы поставлена, еслибы онъ умеръ у меня на диванѣ. Публика сейчасъ же примѣшала бы любовь къ этому происшествію.

— Я сдѣлался бы тогда героемъ прелестнѣйшаго посмертнаго романа, твердилъ онъ.—Напишите-ка мнѣ повѣсть на эту тему,—приказалъ бы Бюлозъ одному изъ своихъ адъютантовъ [1]. Впрочемъ, нѣтъ— онъ поручилъ бы это дѣло какому нибудь искусному полковнику, чтобы оказать мнѣ болѣе чести, прибавилъ Гейне немного спустя.

Шутка за шуткой слѣдовали за этой выходкой, но среди этого Гейне не упускалъ, однако, изъ виду обѣщанія, которое онъ хотѣлъ взять съ меня. Желая отправить его поскорѣе домой, я согласилась

---

[1]) Бюлозъ—редакторъ „Revue des Deux Mondes".

полушутя. Только что я дала требуемое имъ слово, какъ онъ разразился новымъ потокомъ остроумія. Онъ хвастался тѣмъ, что умѣлъ искусно обращать всякое печальное обстоятельство въ смѣшную сторону, и тѣмъ, что его положеніе полуумирающаго давало ему особыя права (droit de moribondage—по его любимому выраженію) на снисходительность, которыми онъ безцеремонно злоупотребляетъ. Какъ разъ съ этого дня онъ не вставалъ болѣе съ постели и я всегда являлась къ нему на его призывъ. Предугадывалъ ли онъ, что я сдѣлаюсь рабою своего слова? Я глядѣла съ умиленнымъ состраданіемъ на безропотное терпѣніе, съ которымъ онъ переносилъ свою слѣпоту, и на жестокія страданія, сопровождающія всегда параличъ.

Ни поэтическій геній, ни необыкновенный умъ Гейне, еще не давали права предполагать въ немъ столько мученическаго геройства. Испытаніе сдѣлало изъ него совершенно новаго для меня человѣка. Не видимъ ли мы часто, что пейзажъ мѣняется отъ того или другаго освѣщенія, что же удивительнаго, если люди намъ кажутся различными, смотря по тому, какъ наша мысль ихъ освѣщаетъ. Только болѣзнь, приковавшая его къ одру, показала намъ удивительную твердость духа поэта.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ революціи 1848 г., несчастный больной, уступая просьбамъ своей жены, согласился, чтобы его перевезли въ Пасси. Хотѣли испытать какое вліяніе окажетъ перемѣна воздуха. Оттуда получила я слѣдующую записку, неувѣренный почеркъ которой свидѣтельствовалъ о развитіи болѣзни:

„Парижъ, 16 іюля 1848 г.

„Гражданка! Если вы теперь въ Парижѣ и если вамъ случится какънибудь кататься въ Булонскомъ лѣсу, то прошу васъ—загляните въ Пасси, по Большой улицѣ—№ 6; тамъ въ глубинѣ сада, вы отыщите бѣднаго нѣмецкаго поэта, совершенно разбитаго параличемъ. Мои ноги окончательно омертвѣли и меня носятъ и кормятъ какъ ребенка.

„Привѣтъ и братство.
„Генрихъ Гейне.

Послѣ ужасныхъ іюньскихъ дней, я исполнила его желаніе и посѣтила его. Я нашла его лежащимъ на полу на двухъ матрацахъ; такое положеніе казалось для него съ тѣхъ поръ самымъ удобнымъ. Изысканная чистота свидѣтельствовала о попеченіяхъ, которыми жена окружала его. Онъ былъ помѣщенъ въ Пасси передъ открытой дверью балкона. Садъ, полный цвѣтовъ, посылалъ ему свои благоуханія. Послѣднія событія послужили намъ обильною темою для разговора. Онъ жадно распрашивалъ о подробностяхъ; мы говорили обо всемъ и ни слова не проронили только о немъ самомъ. Да и не къ чему было; достаточно было посмотрѣть на него. Я не имѣла мужества признаться ему, что покидаю Парижъ на нѣкоторое время; я медлила до дня отъѣзда и только тогда простилась съ нимъ, передавъ вмѣстѣ съ тѣмъ о неудавшемся ходатайствѣ за него передъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Женѣ его, живой и любившей удовольствія, какъ любитъ ихъ истая парижанка, праздная умомъ, благодаря полученному воспитанію, жизнь, которую она вела, должна была казаться очень тяжелой и ея отношенія къ Гейне, какъ къ мужу и больному, достойны всякой похвалы. Прогуливаться съ нимъ подъ руку, показываться съ нимъ въ обществѣ, было для нея гордостью и удовольствіемъ, которыми она рѣдко пользовалась. Ранѣе, когда болѣзнь еще не сковала его по ногамъ, она увозила его иногда въ концерты, дававшіеся въ залахъ Герца или Эрара. Это было для нея случаемъ людей посмотрѣть и себя показать. Мнѣ самой случалось видѣть эту парочку, предававшуюся такого рода трогательнымъ наслажденіямъ—что повергало Гейне въ забавное смущеніе. Онъ желалъ, чтобы его считали холостякомъ, и въ то же время не хотѣлъ разставаться съ своей женой. Если прибавить къ этому нервное раздраженіе, которое ему причиняла музыка, то мы поймемъ, почему Гейне въ подобныя минуты бывалъ похожъ на чорта, попавшаго въ кропильницу. Онъ говорилъ всегда, что любитъ только серьезную музыку. Что онъ разумѣлъ подъ этимъ—рѣшить трудно, потому что онъ одинаково избѣгалъ оперы, итальянцевъ и консерваторіи. Можетъ быть, онъ любилъ только симфоніи, звучавшія въ его собственномъ воображеніи. Любилъ ли онъ болѣе живопись? Я думаю, что да, потому что въ этомъ искусствѣ его умъ находилъ себѣ обильную пищу. Глядя на картину, онъ могъ дополнять ея содержаніе и исправлять недостатки, руководствуясь единственно своимъ чувствомъ и воображеніемъ; великія произведенія всегда оставляли въ немъ впечатлѣніе чувственное, что отчасти объясняетъ предпочтеніе, которое онъ отдавалъ скульптурѣ. Когда его поэтическое воображеніе пробуждалось подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, оно создавало тысячи драгоцѣнныхъ сравненій, аналогій и противоположеній. Нужно было послушать, какъ онъ разсказывалъ о своемъ послѣднемъ визитѣ къ Венерѣ, какъ онъ самъ выражается, чтобы понять то могучее очарованіе, которое производила на поэта прекрасная мраморная статуя. Весною 1848 г., благодаря усиліямъ доктора Груби, положеніе больнаго улучшилось; онъ опять сталъ владѣть руками, возвратилась чувствительность нёба, одно вѣко нѣсколько приподымалась, казалось, явился лучъ надежды. Гейне хотѣлъ испытать себя и вмѣстѣ съ тѣмъ подышать свѣжимъ воздухомъ, чтобы отдохнуть немного. Онъ забрался въ луврскую галлерею, гдѣ находятся статуи, и усѣлся противъ Венеры Милосской. Тамъ, въ полумракѣ, подъ впечатлѣніемъ этой божественной улыбки, подъ впечатлѣніемъ этой пластической красоты, которое съ тѣхъ поръ обратилось для него въ одно воспоминаніе, онъ впалъ въ экстазъ. Прошедшее, настоящее, будущее—все предстало передъ нимъ заразъ и все слилось въ неудержимомъ отчаяніи.

„О, почему я не умеръ тамъ же въ эту минуту, говорилъ онъ. Это была бы смерть поэтическая, языческая, чудная, и я достоинъ былъ ея. Да, я долженъ былъ угаснуть въ этому порывѣ“.

Послѣ короткаго молчанія, впадая снова въ шутливый тонъ, онъ сказалъ: „Но богиня не протянула мнѣ рукъ своихъ! Вы вѣдь знаете ея несчастіе—она лишь полубогиня, какъ я—получеловѣкъ. Увы, вопреки всѣмъ законамъ математики, наши двѣ половины не могли составить цѣлаго".

Слушать, какъ описывалъ Гейне какой нибудь пейзажъ, было истиннымъ удовольствіемъ. Онъ это дѣлалъ прелестно. Природа приводила его въ опьянѣніе и всѣ картины ея, гдѣ были вода, небо и зелень, всегда оставались какъ бы передъ его глазами.

Женщины блѣдныя, съ правильными чертами лица, съ нѣсколько фантастической красотой, особенно занимали его. Оригинальное, нѣсколько загадочное лицо тоже привлекало его вниманіе. Въ то время была одна знаменитость въ этомъ родѣ, о которой много говорили—извѣстная Reine Pomaré. По отношенію къ ней восторгъ Генриха Гейне былъ неистощимъ.

Страсть, которая убила его, была внушена ему дѣвочкой, сдѣлавшейся его женой, съ круглымъ полнымъ лицомъ, съ большими черными глазами, густыми волосами, прекрасными бѣлыми зубами, смѣющимся ртомъ, развитыми формами, съ руками аристократически изящными, словомъ—женщиной, которая олицетворяла собою типъ парижской гризетки. Звукъ ея голоса былъ для Гейне предметомъ постояннаго восхищенія; онъ часто говорилъ о немъ. Во время своей агоніи, онъ не разъ повторялъ мнѣ, что этотъ голосъ призывалъ снова на землю его душу, когда та уже готова была отлетѣть въ вѣчность.

Прислушиваясь со вниманіемъ къ этому голосу, я замѣчала, что жена Гейне никогда не держалась среднихъ нотъ, а напротивъ, пѣла малиновкой на высокихъ, убѣжденная въ ихъ чарующемъ впечатлѣніи. Благодаря этому, голосъ ея часто доносился до насъ даже изъ передней; тогда больной сразу прерывалъ разговоръ, прислушивался—и вторилъ милому голосу снисходительной, доброй улыбкой.

Не смотря на непрерывное заключеніе, къ которому онъ былъ осужденъ, и на то, что онъ жилъ преимущественно съ самимъ собой, не было ничего легче, какъ вести съ Гейне оживленный разговоръ. Все, что онъ писалъ въ стихахъ и прозѣ, стояло галереей живыхъ картинъ въ его памяти. Если разговоръ наводилъ его на одно изъ этихъ воспоминаній, онъ начиналъ говорить о немъ въ описательной формѣ, какъ будто бы дѣйствительность была тутъ передъ его глазами, и прибавлялъ при этомъ тѣ подробности, которыя были пожертвованы требованіямъ, налагаемымъ искусствомъ. Представьте себѣ, наконецъ, память, которая живо сохраняла въ себѣ все пережитое и перечувствованное съ самаго ранняго дѣтства!

Однимъ изъ способовъ выходить на время изъ своего невольнаго заключенія являлось для Гейне чтеніе путешествій по отдаленнымъ странамъ. Его интересовали всего болѣе не научныя открытія, а особенности нравовъ и религіи, странные люди и животныя. Ради раз-

влеченія онъ заставлялъ еще читать себѣ всѣ романы Александра Дюма. „Этотъ мулатъ забавляетъ меня", воскликнулъ онъ однажды въ восхищеніи, „онъ удивителенъ, его воображеніе успокоиваетъ мое".

Вышивая впродолженіи 20 лѣтъ свои узоры по канвѣ Гейне и умалчивая о его имени, французскіе писатели должны были, наконецъ, признать его, когда сочиненія поэта появились на французскомъ языкѣ. Переводъ и изданіе его „Reisebilder", статьи, напечатанныя въ „Revue des Deux Mondes", познакомили наконецъ французскую публику съ литературной знаменитостью, пользовавшейся такой огромной извѣстностью въ Германіи. Онъ былъ очень доволенъ, встрѣчая въ печати свое имя, или указанія на свои сочиненія. Я никогда не забывала сообщать ему, когда мнѣ случалось узнать о чемъ нибудь подобномъ. Часто указывала я ему на Теофиля Готье, который, дѣйствительно, былъ въ восторгѣ отъ ума и поэзіи знаменитаго писателя.

— Да, Тео милый малый, говорилъ Гейне,—я вѣрю въ его дружбу. И потомъ, помолчавъ, прибавилъ: — по отношенію къ нему я спокоенъ; онъ не испортитъ, по крайней мѣрѣ, того, до чего коснется; ахъ, если бы онъ могъ меня перевести!

— Но у васъ есть Жераръ де-Нерваль.

— Да, конечно, онъ есть у меня... очень хорошо, когда онъ есть. Но я не знаю, гдѣ его найти; подумайте только, мой другъ (и голова его приподнялась съ изголовья), подумайте только, что я чувствую себя какъ бы законопаченнымъ въ его карманѣ! (Тутъ голова его снова опустилась на подушку).

— Вы не можете требовать, мой бѣдный Гейне, чтобъ человѣкъ, который не имѣетъ жилища, имѣлъ бы портфель.

— О, маленькая фея, зачѣмъ вы не знаете нѣмецкаго языка? Вамъ я бы спокойно ввѣрялъ свои стихи по мѣрѣ того, какъ они нарождаются. Теперь же, сохраняя ихъ въ головѣ день и ночь, долженъ диктовать ихъ, и кому же? Сознаете ли вы опасность?

При этихъ словахъ онъ такъ жалобно простоналъ, какъ никогда не стоналъ отъ физической боли.

Очень недовѣрчивый вообще, онъ былъ еще вдвое недовѣрчивѣе по отношенію къ своему секретарю. Этотъ человѣкъ могъ снять копію съ его стихотвореній, послать ихъ въ Германію, продать ихъ. Иногда Гейне рѣшался вдругъ взять себѣ секретаремъ человѣка ограниченнаго, который не былъ бы въ состояніи оцѣнить записываемое; но постоянныя ошибки заставили его бросить эту систему. Онъ особенно боялся нѣмецкихъ жидовъ, какъ самыхъ неблагонадежныхъ въ этомъ отношеніи, и постоянно отклонялъ ихъ предложенія услугъ. Однажды, въ минуту такого междуцарствія секретарей, я его нашла въ совершенно безпомощномъ состояніи—некому было даже заставить читать ему газеты.

— Не можетъ ли, наконецъ, г-жа Гейне оказать вамъ эту ничтожную услугу? спросила я его совершенно просто.

— Нѣтъ, она можетъ читать только избранныя письма г-жи Севинье, а это мнѣ совершенно безполезно.

Это показываетъ, какъ Гейне, увлекаясь своимъ остроуміемъ, часто осмѣивалъ то, что ему было всего дороже на свѣтѣ.

Однажды, я совершенно невольно доставила ему случай изощряться въ этой неудержимой страсти ко всеосмѣянію. Графиня К., племянница Нессельроде, красавица въ русскомъ вкусѣ,—что было очень въ модѣ во время республики 1848 года и въ первые года имперіи,—поставила себѣ задачею познакомиться со всѣми знаменитостями Парижа. Прочитавъ всѣ сочиненія Гейне въ оригиналѣ, она страстно желала познакомиться съ ихъ авторомъ. Она меня умоляла помочь ей въ этомъ. Напрасно указывала я ей на отвращеніе, съ которымъ знаменитый больной принималъ всякую незнакомую личность. Когда нѣмецкія туристки проникали къ нему, то онъ постоянно разражался жалобами, за весьма немногими исключеніями, между которыми я могу упомянуть Фанни Левальдъ, присутствіе которой доставляло ему большое удовольствіе. Однако-же, настойчивость—сила, что и доказала графиня К. Я уступила ей, начала переговоры, которые и кончились въ ея пользу.

Знакомство состоялось. Всегда граціозная и любезная, графиня въ этотъ день удвоила свою любезность. Повидимому, они остались очень довольны другъ другомъ. Она попросила позволенія посѣтить его еще разъ и получила согласіе Гейне. Я отказалась присутствовать на этомъ второмъ свиданіи, разсчитывая побывать у него на другой день, чтобы узнать окончательное впечатлѣніе, произведенное на поэта этой красавицей.

— Ну, что же вы меня не благодарите? спросила я его входя.— Вы очарованы?

— Да, ваша барыня не женщина, мой другъ, она — монументъ; это храмъ бога любви!

Услыхавъ эти слова, я сообразила, что что-то готовится. Дѣйствительно, черезъ минуту онъ не удержался, чтобы не прочесть мнѣ только что сочиненные имъ стихи подъ заглавіемъ „Бѣлый слонъ“. Онъ мнѣ перевелъ ихъ очень краснорѣчиво и съ чисто юношескимъ увлеченіемъ. Я очень спорила съ нимъ, требуя смягченія нѣкоторыхъ грубыхъ намековъ; правда, что это были лучшія мѣста стихотворенія. Не смотря ни на какія возраженія, онъ послалъ его тотчасъ же въ Германію, чтобы помѣстить въ „Romancero“, который тогда печатался, и экземпляръ этой книги онъ поспѣшилъ поднести графинѣ К. Въ Германіи, правда, аллегорія имѣла мало значенія; но напечатать переводъ этихъ стиховъ, сдѣланный имъ самимъ, въ „Revue des Deux Mondes“ — это значило прямо обратиться къ избранному кружку, посѣщаемому графиней К. Я настаивала на неприличіи этого, но должна сознаться, что мои настоянія повели только къ весьма слабымъ измѣненіямъ.

— Зачѣмъ же эта женщина любитъ занимательныхъ животныхъ? Я хочу отучить ее отъ этого, отвѣчалъ онъ мнѣ упрямо. — И, наконецъ, развѣ стихи эти не восхваляютъ ее?

Чтобы доказать это, онъ пустился въ разные ироническіе комментаріи къ этимъ стихамъ.

Кузина прекрасной иностранки, баронесса S., тоже пожелала проникнуть къ Генриху Гейне. По отношенію къ ней онъ былъ очень милъ, нашелъ ее очень симпатичной и повѣрилъ ея волненію при видѣ несчастнаго поэта.

По возвращеніи въ городъ, я нашла извѣстіе о моемъ больномъ, продиктованное, а не написанное его рукой; только подпись была его. Письмо являлось бюллетенемъ о его здоровьи слѣдующаго содержанія:

„Маленькая фея! Я еще не благодарилъ васъ за ваше первое милое письмо, написанное вами передъ отъѣздомъ вашимъ въ Рошь (Roches) къ г-жѣ Гриньянъ. Сегодня утромъ я получилъ отъ васъ второе письмо, ласковый и сострадательный тонъ котораго доставилъ мнѣ большое удовольствіе, хотя извѣстіе, сообщаемое вами, вовсе неутѣшительно. По правдѣ сказать, я такъ измученъ физическими страданіями, что это дурное извѣстіе о неуспѣшности ходатайства въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не произвело на меня сильнаго впечатлѣнія, это — уколъ булавки для человѣка, находящагося на горячихъ угольяхъ жертвенника. Все же я очень благодарю васъ за стараніе, которое вы приложили къ этому дѣлу; прошу также и брату вашему передать мою глубокую признательность. Пишу вамъ сегодня съ цѣлью увѣдомить васъ, что завтра вы болѣе не найдете меня въ Пасси, въ этой моей villa dolorosa, такъ какъ я возвращаюсь въ Парижъ, въ Берлинскую улицу, № 9 (на углу Амстердамской улицы); я тамъ останусь до тѣхъ поръ, пока m-me Гейне не найдетъ квартиры, болѣе подходящей для моей болѣзни. Послѣ нашего свиданія съ вами, болѣзнь моя усилилась и ея неутѣшительные симптомы заставляютъ меня переѣхать въ Парижъ. Я не желаю быть погребеннымъ въ Пасси, — кладбище должно быть тамъ очень скучное! Я хочу быть поближе къ Монмартрскому кладбищу, которое я избралъ давно своей послѣдней резиденціей. Мои судороги не прекратились, напротивъ, онѣ распространились на весь позвоночный столбъ и доходятъ до мозга, гдѣ онѣ, можетъ быть, сдѣлали больше вреда, чѣмъ я себѣ представляю; у меня стали появляться религіозныя мысли... Прощайте, маленькая фея, да проститъ вамъ Господь ваши чародѣйства и да сохранитъ онъ васъ подъ своимъ покровомъ.

„Генрихъ Гейне.

Со времени этого переѣзда въ Парижъ, болѣзнь поэта развилась во всей своей жестокости; не оставалось никакой надежды на выздоровленіе, существовало, напротивъ, постоянное опасеніе, что параличъ распространится и на мозгъ; Гейне рисковалъ тогда утратой умственныхъ способностей! Къ счастію, этого не случилось. Гейне остался самимъ собою, сохранилъ до конца свое самосознаніе, his self possession, по мѣткому англійскому выраженію. Онъ преслѣдовалъ съ неутомимой, неуклонной энергіей одну цѣль — обезпечить условіемъ съ своимъ издателемъ судьбу той, которая оставалась послѣ него.

Онъ любилъ свою жену, какъ любовницу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ребенка. Недостатокъ предусмотрительности въ Жюльеттѣ трогалъ его, а ея незнаніе свѣта его очаровывало.

— Она никогда ничего не читала изъ моихъ сочиненій, сознавался онъ мнѣ въ полголоса, — она не знаетъ, что такое поэтъ. Однако-же, я открылъ, что она имѣетъ нѣкоторое представленіе, хотя и смутное, о томъ, что мое имя печатается въ какомъ-то журналѣ. Къ этому онъ прибавилъ, еще понизивъ голосъ:—но она не знаетъ, въ какомъ именно.

Всякій разъ, когда рѣчь заходила о Гёте, или о Жюльеттѣ, больной поднимался на локтѣ и понижалъ голосъ, какъ будто онъ боялся, что его подслушиваютъ у двери.

Бѣдный Гейне, онъ былъ ужасно ревнивъ! Между тѣмъ, Жюльетта хотя и не имѣла влеченія къ литературѣ, за то страстно любила театръ и циркъ. Жизнь молодой женщины была уединенная и печальная. Иногда она получала отъ мужа разрѣшеніе идти въ театръ съ какой нибудь пріятельницей. Въ такихъ случаяхъ Гейне, хотя и не повѣрялъ никому тревогъ своего сердца, но нѣсколько нечаянно вырвавшихся словъ обнаруживали его безпокойство. Я совершенно случайно познакомилась съ интимной и грустной стороной жизни этой четы.

Однажды утромъ явился ко мнѣ докторъ и сказалъ, что Гейне только что перенесъ сильный припадокъ и былъ бы очень радъ меня видѣть. Встревоженная, я стала распрашивать доктора, былъ ли больной очень опасенъ. Тотъ, думая, что мнѣ извѣстны неурядицы ихъ домашней жизни, заговорилъ со мной откровенно.

— Что можетъ сдѣлать наше искусство, сказалъ онъ, въ борьбѣ съ такой безумной любовью, съ такой безобразной ревностью! Ничто не можетъ разсѣять Гейне, такъ какъ предметъ его безумія постоянно съ нимъ. Въ такихъ условіяхъ, женитьба была для него роковой—она сильно ускорила ходъ болѣзни.

— Но, возразила я, жена его усердно за нимъ ухаживаетъ, а въ его теперешнемъ положеніи это для него большое благодѣяніе.

Пожавъ плечами, докторъ продолжалъ:

— Это вовсе не вина его жены! Какія заботы могутъ вознаградить, напримѣръ, вредъ такой ночи, какъ сегодняшняя? Я не знаю, какія несправедливыя подозрѣнія закрались въ воображеніе поэта; я только констатирую фактъ. Соскользнувъ или, вѣрнѣе, скатившись съ своего матраца, положеннаго на землю, ползя на животѣ при помощи своихъ рукъ, при усиліяхъ, на которыя способна была только его воля, онъ добрался до дверей комнаты г-жи Гейне, гдѣ и упалъ въ обморокъ. Сколько времени онъ тамъ лежалъ, никто не знаетъ. Меня, какъ доктора, пришлось посвятить въ это печальное происшествіе и объяснить, почему я нашелъ моего больнаго на постели его жены. Она передала мнѣ все это съ видимо сокрушеннымъ сердцемъ.

Потомъ зашла рѣчь о послѣдующихъ фазахъ болѣзни, о мученіяхъ, которыя поведутъ за собой параличъ внутреннихъ органовъ. Увы, сердце обливалось кровью при этой картинѣ будущаго. Гейне знаетъ, что его ожидаетъ, прибавилъ докторъ,—и я предвижу, что мужество не оставитъ его до конца. Удивительный человѣкъ: скрыть настоящее отъ своей матери и упрочить судьбу своей жены—вотъ что единственно его озабочиваетъ.

— Какой же, въ самомъ дѣлѣ, это добрый человѣкъ, воскликнула я, какъ бы упрекая себя за сомнѣнія прошлаго времени.

— Положимъ, что онъ только относительно добрый, холодно возразилъ докторъ.—Не нужно забывать, что умъ его мстительный. Его доброта ограниченна; нужно очень остерегаться его непріязни. Лучше наступить на осиное гнѣздо, чѣмъ подвергнуться его враждѣ. Посмотрите, какъ онъ преслѣдуетъ Мейербера; онъ недавно еще послалъ въ Германію для напечатанія стихотвореніе подъ заглавіемъ „Monsieur l'Ours". И изъ-за чего эта война съ человѣкомъ, который былъ его почитателемъ и другомъ? Изъ-за того, что онъ просилъ у автора „Пророка" ложу на первое представленіе и не получилъ ее въ назначенный день.

— Замѣтьте, докторъ, что и на этотъ разъ всему виною любовь. Ложа эта предназналась для его Жюльетты, которая заранѣе радовалась, что будетъ въ театрѣ, и никогда онъ не могъ простить Мейерберу ея разочарованія. Какъ быть! Это воспоминаніе запечатлѣлось въ его злой памяти.

Когда ушелъ докторъ, я задумалась, перебирая въ умѣ все, о чемъ мы говорили. Говорить ли, что я отнеслась съ нѣкоторой снисходительностью къ нападкамъ Гейне на знаменитаго композитора, которыя извинялись его любовью. Онъ такъ сильно любилъ и былъ такъ несчастливъ! Я гораздо строже судила нападки, которыя онъ позволялъ себѣ дѣлать ради собственнаго удовольствія. Дать полную волю ироніи, преслѣдовать жестокими насмѣшками съ перомъ въ рукахъ лучшихъ друзей, казалось для него дозволеннымъ развлеченіемъ. Когда же вы старались пробудить въ немъ раскаяніе, онъ слушалъ васъ съ любопытствомъ, какъ будто бы дѣло шло о комъ либо другомъ. Потомъ, впадая въ прежній тонъ, онъ прибавлялъ массу ехидныхъ подробностей, которыя онъ бы не смѣлъ напечатать и которыя теперь онъ развивалъ съ какимъ-то наслажденіемъ. Таково было его раскаяніе. Я думаю, что когда онъ, послѣ бесѣды съ своей совѣстью, говорилъ себѣ: „мое сердце тутъ не причемъ", онъ чувствовалъ себя совершенно невиннымъ. Этимъ объясняется та странность, что онъ, при случаѣ, не стѣснялся требовать услуги отъ человѣка, котораго уязвилъ своимъ перомъ. Удивленная, я спрашивала его тогда, развѣ онъ забылъ такое-то мѣсто въ своихъ сочиненіяхъ, которое я ему тутъ же и приводила.

— О, неужели же онъ могъ разсердиться, вѣдь мы же друзья.

— Оттого-то онъ и могъ обидѣться.

— Вотъ еще! меня знаютъ достаточно, знаютъ что все живописное, образное и комическое увлекаетъ меня—это моя природа.

— Полноте, сказала я ему какъ-то, выйдя изъ терпѣнія,—вы отвѣчаете такъ же, какъ отвѣтилъ въ баснѣ грибъ, когда его упрекали, зачѣмъ онъ ядовитъ: такова моя природа.

— Браво, это совершенно вѣрно, мой другъ.

И больной былъ въ восхищеніи и нисколько не заботился о дорогихъ друзьяхъ, которыхъ онъ возстановлялъ противъ себя.

Однако, я замѣтила изъ нѣкоторыхъ его разспросовъ о Беранже, что онъ относится далеко неравнодушно къ замѣтной холодности къ нему поэта, котораго онъ очень уважалъ. Онъ тѣмъ болѣе не понималъ эту холодность, что написалъ статью, наполненную похвалами Беранже и въ которую онъ „вложилъ много чувства", по его выраженію. Чтобы судить самой объ этомъ, я прочла статью его и нашла въ ней мѣсто, гдѣ онъ прилагаетъ къ Беранже прозвище polisson.

— Все дѣло въ этомъ, любезный Гейне! воскликнула я. — Очевидно, что вы не понимаете такъ хорошо, какъ мы, французы, значенія этого слова. Оно было невѣрно истолковано.

Тогда онъ началъ упрямо защищаться и никакъ не хотѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ, подбирая примѣры изъ французскихъ классиковъ.

— Если вы любите Беранже, напишите ему пару словъ въ объясненіе.

Но Гейне уперся и не написалъ. Подобныя выходки съ нимъ часто случались, какъ и вообще со всѣми поэтами. По отношенію лично ко мнѣ, онъ всегда былъ милъ и любезенъ. Каково бы ни было состояніе его здоровья, онъ принималъ меня всегда съ живою радостью. Часто, слыша, что я вхожу, онъ кричалъ мнѣ:

— Не смѣшно ли, что вы навязываете себѣ столько хлопотъ во имя всякихъ высокихъ и благородныхъ чувствъ?

Замѣчательно, что о всѣхъ своихъ болѣзняхъ и страданіяхъ онъ говорилъ очень мало и всегда чрезвычайно просто. Онъ позволялъ себѣ иногда шутить на свой собственный счетъ, но никогда не вырывалось у него ни одной фразы, разсчитанной на то, чтобы возбудить состраданіе.

Его обстановка была зажиточно-буржуазная; въ домѣ поддерживалась необыкновенная чистота. Прекрасный портретъ работы Лемлина напоминалъ ему его жену, когда та была въ отсутствіи. М-me Гейне всегда скромно удалялась при появленіи посѣтителей въ свою комнату, расположенную въ глубинѣ квартиры. Я думаю, что это распредѣленіе комнатъ было сдѣлано самимъ больнымъ для того, чтобы слышать всѣхъ входящихъ и выходящихъ. Онъ внимательно прислушивался ко всѣмъ голосамъ и шагамъ извнѣ. Влюбленный и ревнивый, прикованный къ своему ложу, этотъ геніальный человѣкъ

страдалъ душевно, можетъ быть несравенно болѣе, чѣмъ физически.

Особенное удовольствіе доставляли ему посѣщенія графини Бельджіойозо, прибывшей съ востока. Она путешествовала по св. мѣстамъ и была въ Іерусалимѣ; а это была одна изъ тѣхъ странъ, которыя поэтъ часто посѣщалъ въ своемъ воображеніи съ тѣхъ поръ, какъ библія сдѣлалась его любимымъ чтеніемъ. Въ послѣдніе годы его жизни, эта книга была для него могущественнымъ развлеченіемъ. Если онъ не могъ наслаждаться, какъ Вольтеръ, главой Езекіила, за то въ другихъ частяхъ онъ находилъ поэзію, величіе которой приводило его въ восторгъ. Слушая, съ какимъ горячимъ интересомъ Гейне разспрашивалъ ее о св. мѣстахъ, графиня подумала, что больной озарился религіознымъ свѣтомъ. Она заговорила съ нимъ объ аббатѣ Каронѣ, пользовавшемся въ то время большою славою, какъ о человѣкѣ весьма интересномъ и достойномъ всякаго уваженія. Она предложила привести его съ собою. Гейне согласился на это, но я думаю, онъ это сдѣлалъ только изъ любопытства. Послѣ двухъ или трехъ визитовъ аббата, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы знаете, что княгиня привозила ко мнѣ аббата Карона? Онъ пробудилъ было во мнѣ религіозныя вожделѣнія... прошепталъ Гейне, принимая благочестивый видъ и, разсмѣявшись вслѣдъ затѣмъ, прибавилъ: но я все-таки возвращаюсь къ моимъ припаркамъ. Право, припарки приносятъ мнѣ больше облегченія.

Чтобы понять натуру поэта, нужно помнить, что онъ былъ всегда необыкновенно воспріимчивъ ко всякой религіозной поэзіи, кто бы ни былъ ея пророкомъ—Конфуцій, Магометъ, Моисей, или Лютеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ являлся заклятымъ врагомъ всякаго наружнаго благочестія: молитва, обрядность, духовенство, были всегда для него неисчерпаемой темой для шутокъ и насмѣшекъ, которыя не прекращались даже тогда, когда ледяное дыханіе смерти коснулось его существа. Однажды, во время послѣдняго лѣта, прожитаго имъ на этомъ свѣтѣ, я отправилась навѣстить его, не смотря на ужасную жару.

— О, мой другъ! вскричалъ онъ, какъ только я взошла. Я только-что былъ ужасно испуганъ! Вообразите, здѣсь открыли окошко и при этомъ знойномъ солнцѣ вмѣсто того, чтобы мечтать о липахъ въ цвѣту, какъ на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы всякій благоразумный человѣкъ, я не могъ отдѣлаться отъ цѣлаго ряда картинъ, въ которыхъ проходили передъ моими глазами всѣ соборы, когда либо видѣнные мною во время моего путешествія по Италіи. Помогите! закричалъ я, параличъ переходитъ на мозгъ! „Пустяки, сударь, это все отъ жары" флегматически отвѣчалъ мнѣ мой секретарь, „термометръ показываетъ въ тѣни 36° по Реомюру". Это объясненіе показалось мнѣ лучемъ свѣта. Я вспомнилъ одно мѣсто въ „Reisebilder", гдѣ я называлъ католическую религію самою пригодною лѣтомъ по причинѣ прохлад-

ности ея церквей. Вы понимаете теперь, мой другъ, связь представленій, порожденныхъ ощущеніемъ?

Этотъ крикъ ужаса, о которомъ онъ разсказывалъ въ шутливомъ тонѣ, былъ однако же выраженіемъ его постояннаго страха. Жадный до всѣхъ подробностей, могущихъ служить ему для сравненія, онъ любилъ освѣдомляться о всѣхъ, кто былъ одержимъ одинаковой съ нимъ болѣзнью. Особенно занималъ его Огюстэнъ Тьерри. Если мнѣ случалось повидать послѣдняго, то Гейне забрасывалъ меня вопросами о томъ, спитъ ли онъ, ѣстъ ли, какъ работаетъ. Особенно настойчиво разспрашивалъ онъ о состояніи мозга.

— Въ самомъ ли дѣлѣ сохраняетъ знаменитый историкъ всю свою умственную силу и энергію? добивался узнать Гейне.

Вслѣдъ за моимъ утвердительнымъ отвѣтомъ, поэтъ вздохнулъ облегченно.

— Вы знаете, мой другъ, продолжалъ онъ, что наши болѣзни имѣютъ одинаковое происхожденіе.

Къ этому онъ присовокупилъ уже въ насмѣшливомъ тонѣ:

— Добрые люди увѣряютъ, что это послѣдствіе излишней работы. Излишняя—выраженіе, кажется, какъ разъ умѣстное.

Я видѣла, какъ мало-по-малу раскрывались прелестныя страницы Romancero. Авторъ, въ формѣ сновидѣній, любилъ разсказывать мнѣ о своихъ сильфахъ и гномахъ, скрывавшихъ свои маленькія утиныя лапки подъ длинными красными мантіями. „Чтобы не опечалить ихъ, я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю этого". Говоря это, Гейне дѣлалъ смѣшныя гримасы, жестикулировалъ своими блѣдными, слабыми и нѣжными руками, которыя одни только и повиновались его волѣ. Я никогда не могла разобрать, что называлъ онъ сновидѣніемъ—былъ ли это родъ возбужденія, часто сопровождающаго безсонницу, или же дѣйствительно во время сна зарождалась у него большая часть чудесъ, о которыхъ онъ такъ любилъ разсказывать и которыми отмѣчены лучшія страницы его твореній. Порой ему представлялись уморительныя вещи. Такъ, однажды утромъ, я нашла его ожидающимъ меня съ нетерпѣніемъ для того, чтобы разсказать мнѣ о сумашедшей **скачкѣ съ препятствіями**, на которой онъ присутствовалъ во снѣ. „Представьте себѣ, говорилъ онъ мнѣ, я видѣлъ собственными моими глазами скачки, на которыхъ присутствовалъ весь Парижъ. И состязавшіеся были никто иные, какъ Тьеръ, Гизо и Кузенъ; каждый изъ нихъ былъ верхомъ на страусѣ... Вмѣсто того, чтобы надѣть костюмъ жокея, какъ того требуетъ обычай, прибавилъ важно Гейне, Тьеръ былъ одѣтъ въ генеральскій мундиръ; Гизо съ тіарой на головѣ, съ посохомъ въ рукѣ вмѣсто хлыста, былъ въ своемъ обычномъ платьѣ, застегнутомъ, какъ всегда, на всѣ пуговицы; Кузенъ же былъ переодѣтъ нѣмецкимъ философомъ. Но во снѣ, не колеблясь, я его сейчасъ же узналъ"! Тутъ разсказчикъ сдѣлалъ многозначительную гримасу, остановился и, расхохотавшись

во все горло, продолжалъ: „видите ли, моя маленькая фея, если бы только сбылся мой сонъ, я бы, кажется, вскочилъ съ своей постели, чтобы посмотрѣть, какъ скачутъ на страусахъ эти три жокея".

— Мой милый Гейне, отвѣчала я ему, ваши антипатіи неизмѣнны даже во снѣ; антипатія, внушенная вамъ Кузеномъ, особенно живуча.

— Но сознайтесь, маленькая фея, что полу-философъ, скачущій на страусѣ... (тутъ напалъ на него опять припадокъ веселости).— Да, я никогда ничего не забываю. Я какъ сейчасъ представляю себѣ фигуру знаменитаго профессора, когда, однажды вечеромъ, у княгини Бельджіойозо, въ ту минуту, какъ пришли сказать, что обѣдъ поданъ, Кузенъ бросился, прыгая между креселъ и гостей, къ хозяйкѣ и любезно предложилъ ей руку. О, какое потѣшное выраженіе приняла его фигура, когда княгиня съ очаровательной улыбкой и съ ямочками на щекахъ наотрѣзъ ему отказала, сказавъ самымъ пѣвучимъ голосомъ:

— Извините, m-r Кузенъ, конечно вы не желаете поссорить меня съ Россіей, и быстрымъ и ловкимъ движеніемъ обратившись къ посланнику Поццо-ди-Борго, взяла его подъ руку! О, какой жестокій урокъ! Этотъ моментъ составляетъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моей молодости.

Давъ излиться его остроумію, я поспѣшила перевести разговоръ на тѣ страны, которыя посѣщало въ ночныхъ сновидѣніяхъ его могучее воображеніе, въ то время, какъ болѣзнь недвижно сковывала его немощное тѣло; нужно было тогда слышать, какъ прелестно описывалъ онъ свои сны.

Болѣзнь его между тѣмъ все росла и росла, но терпѣніе и мужество не измѣняли ему, хотя онъ отлично сознавалъ свое положеніе. Онъ просилъ моего мужа быть его душеприкащикомъ и указать нотаріуса, которому могъ бы онъ довѣриться и продиктовать свое завѣщаніе. Письмо это опубликовано съ моего согласія, въ посмертномъ томѣ, изданномъ Мишелемъ Леви подъ заглавіемъ: „Нѣмцы и французы".

Разговоръ какъ-то въ эти дни снова зашелъ о его смерти; больной повторилъ настоятельную просьбу, чтобы его похоронили тихо и какъ онъ жилъ—безъ пышности.

— Мои сочиненія должны говорить обо мнѣ, и только! Вы знаете, кромѣ того, что литературные лавры вовсе не составляютъ приманки для меня! Нѣтъ, я смѣлый воинъ, положившій весь свой талантъ и всю свою силу на служеніе человѣчеству. Если хотите, изобразите на моей могилѣ крестообразно пращу и лукъ.

— Съ хорошими стрѣлами? прошептала я.

Онъ улыбнулся.

— Я только прошу васъ принести туда, продолжалъ онъ, кустикъ резеды; помните ли, вѣдь это тотъ цвѣтокъ, который дала мнѣ маленькая Вероника!

— Я помню тоже, что знаю только начало этой дѣтской любви, возразила я.

— Такъ теперь можно вамъ сознаться, что у всей этой исторіи только и было, что начало. Поднимаясь на гору, ребенокъ игралъ цвѣткомъ; это и былъ кустикъ резеды. Вдругъ дѣвочка поднесла его къ своимъ губамъ и потомъ подала мнѣ. На слѣдующій годъ, когда наступили вакаціи, я поспѣшилъ туда, но маленькая Вероника ужъ умерла. Съ тѣхъ поръ это воспоминаніе живетъ въ моемъ сердцѣ и никакія треволненія не могутъ вытѣснить его оттуда. Почему? Зачѣмъ? Не странно ли, не таинственно ли это? Иногда, думая объ этомъ случаѣ, я испытываю такое горе, какъ бы при воспоминаніи о большомъ несчастіи.

Мы замолчали. И воспоминанія и настоящее, все говорило о смерти. Я хотѣла перемѣнить тему разговора, но это мнѣ не удавалось. Разсѣянно смотря вокругъ больнаго, я только теперь замѣтила какой-то приборъ изъ веревокъ, въ видѣ стремени, прибитый къ стѣнѣ у его изголовья; я спросила его, что означаетъ это.

— О, это, такъ сказать, гимнастическая выдумка, для того, чтобы упражнять мою правую руку; но, говоря между нами, я думаю, что это скорѣе приглашеніе повѣситься, знакъ деликатнаго вниманія со стороны моего доктора. Есть, однако, бездѣльники, которые удивляются мужеству, съ которымъ я продолжаю свою жизнь. Они никогда не подумали, какъ именно могу я покончить съ собой! Я не могу ни повѣситься, ни отравиться, а еще менѣе застрѣлиться, или броситься въ окошко; что же мнѣ дѣлать, уморить себя съ голоду? Фи! этотъ родъ смерти противенъ всѣмъ моимъ принципамъ. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что слѣдуетъ по крайней мѣрѣ каждому предоставить выборъ формы самоубійства,—въ это-то ужъ нельзя вмѣшиваться!

Никогда Гейне не думалъ ускорить свой конецъ, добровольно разлучиться съ своей женой. Развѣ она не нуждалась въ немъ? Развѣ онъ не былъ ея покровителемъ? Эта роль ему особенно льстила. Между тѣмъ какъ м-мъ Гейне занималась своими цвѣтами и попугаемъ, онъ, стоя одной ногой въ гробу, отдавалъ приказанія, распредѣлялъ и уплачивалъ всѣ расходы. Еще будучи холостымъ, онъ надѣлалъ долговъ, которые заплатилъ за него его дядя, богатый гамбургскій банкиръ; послѣ же своей женитьбы, онъ очень разсчетливо сводилъ приходъ съ расходомъ. Когда я смотрѣла, какъ онъ вытаскивалъ изъ подъ своего изголовья маленькій мѣшокъ съ золотыми и ощупью его развязывалъ, чтобы выдать служанкѣ требуемую сумму, я не могла удержаться, чтобы не вспомнить о его предкахъ. Несмотря на свою расчетливость, онъ очень любилъ дѣлать подарки своимъ друзьямъ въ праздники или въ новый годъ и былъ очень изобрѣтателенъ на нихъ. Между этими подарками, сдѣлавшимися для меня священными воспоминаніями дружбы, я упомяну о его профилѣ изъ бронзы, сдѣланномъ скульпторомъ Давидомъ и отличавшемся необык-

новеннымъ сходствомъ. Поднося его мнѣ, онъ велѣлъ вставить портретъ въ вѣнокъ розъ, вычеканенныхъ изъ бронзы. Ничто не могло живѣе напоминать терноваго вѣнца, доставшагося на долю генія.

Я только что говорила о томъ „покровительствѣ“, съ которымъ Гейне относился къ своей женѣ. Нужно упомянуть также, что онъ гордился тѣмъ магнетическимъ вліяніемъ, которое имѣла на него его Жюльетта. По его увѣреніямъ, вліяніе это было такъ сильно, что звукъ ея голоса, прикосновеніе ея руки, много разъ возвращали его къ жизни. Въ подтвержденіе этого могущественнаго вліянія, можно привести анекдотъ съ попугаемъ, относящійся какъ разъ къ послѣднимъ днямъ жизни Гейне.

Однажды ночью, начался съ нимъ одинъ изъ тѣхъ смертельныхъ припадковъ, который можно было принять за наступленіе послѣднихъ минутъ. Его жена прибѣжала къ нему объятая ужасомъ; она схватила руку, сжимала ее, согрѣвала, ласкала. Она заливалась горькими слезами, и голосомъ, прерываемымъ рыданіями, твердила: „Нѣтъ Генрихъ, нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого, ты не умрешь, ты сжалишься надо мной; сегодня утромъ я и такъ ужь потеряла моего попугая! Я буду слишкомъ несчастна, если еще и ты умрешь!“ — Это было приказаніе, говорилъ Гейне, я послушался,—и продолжалъ жить. Вы понимаете, мой другъ, когда мнѣ представляютъ убѣдительные доводы, то я не могу не внимать имъ...

Больной, видимо, былъ доволенъ, разсказывая мнѣ эту исторію; онъ ее повторялъ нѣсколько разъ, подражая взволнованной интонаціи m-me Гейне и подчеркивая слово „попугай“. По своей юмористической натурѣ, онъ въ одно и то же время очень трогался горемъ, которое самъ вызвалъ, и очень забавлялся формою, въ которую облекалось это горе.

Между тѣмъ, съ самаго начала 1855 г. все предсказывало близкій конецъ. Судороги начались снова, а могущественное дѣйствіе морфина оказывалось все менѣе и менѣе дѣйствительнымъ.

Приблизительно за 15 дней до смерти Гейне, я пришла къ нему очень рано. Не встрѣтивъ никого въ первой комнатѣ и видя что дверь въ его комнату отворена, я вошла туда безъ шума. Оправляли его постель, между тѣмъ какъ онъ лежалъ на длинномъ креслѣ, надъ которымъ долго трудились мебельщики, ломая голову нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы сдѣлать его пригоднымъ для больнаго. Я стояла тутъ молча, догадываясь, что онъ огорченъ тѣмъ, что я вижу его безпомощность.

Одна изъ служанокъ, хлопотавшихъ около Гейне, взяла его на руки, обернутаго во фланель, чтобы съ кресла переложить его на матрацъ, лежавшій на полу. Его атрофированное тѣло казалось тѣломъ десяти-лѣтняго ребенка. Его неподвижныя ноги висѣли, качаясь, искривленныя, сведенныя, такъ что пятки находились тамъ, гдѣ долженъ былъ быть подъемъ.

Въ послѣдній разъ я видѣла Гейне за четыре дня до его смерти. Онъ разговаривалъ такъ-же свободно, какъ всегда, только тонъ его рѣчи былъ серьезный. Твердость не покидала мужественнаго мученика. Когда, уходя отъ него, я въ знакъ прощанія пожала ему руку, онъ удержалъ меня нѣкоторое время и потомъ прошепталъ: „не опоздайте, мой другъ, это будетъ благоразумно". До послѣдняго вздоха, онъ сохранилъ въ полной ясности сознаніе и всю силу своего удивительнаго ума.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Названія московскихъ улицъ и переулковъ, съ историческими объясненіями, составленными А. Мартыновымъ. Москва. 1881 г.

КНИГА г. Мартынова не принадлежитъ къ числу выдающихся произведеній отечественной литературы. Для составленія ея прежде всего требуется усидчивость, терпѣніе; требуется мелочная, кропотливая работа. Но въ нашихъ глазахъ она заслуживаетъ полнаго вниманія и мы считаемъ дѣломъ полезнымъ познакомить съ нею читателей „Историческаго Вѣстника".

Едва ли въ какомъ либо цивилизованномъ царствѣ можно встрѣтить такое малое знакомство общества съ исторіею, языкомъ, обычаями народа, какъ у насъ на Руси. Чѣмъ выше мы будемъ подниматься по общественной лѣстницѣ, тѣмъ упомянутое незнаніе своего роднаго дѣлается болѣе и болѣе замѣтнымъ и доходитъ иногда до положительнаго незнанія простаго, обыденнаго русскаго языка, что, впрочемъ, для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ исторіею нашей цивилизаціи, не составляетъ новости. Правда, въ настояще время начинаетъ пробуждаться нѣкоторое сознаніе необходимости болѣе близкаго знакомства съ своимъ роднымъ, но, во всякомъ случаѣ, это сознаніе находится еще въ зародышѣ.

Вопросъ о маломъ знаніи въ нашемъ обществѣ своего роднаго, исторіи своего народа, есть вопросъ большой важности, играющій немалую роль во многихъ знаменательныхъ явленіяхъ, совершающихся на нашихъ глазахъ, о чемъ долго было бы распространяться. Корень невѣжественнаго отношенія къ родной землѣ, къ исторіи этой земли, лежитъ, безъ сомнѣнія, какъ въ историческихъ условіяхъ развитія нашей цивилизаціи, такъ и въ воспитаніи нашего юношества. Дѣти относятся къ своему родному, конечно, не иначе. какъ и ихъ родители; родители же относятся обыкновенно отрицательно ко всей русской жизни. Не о квасномъ патріотизмѣ идетъ дѣло; мы хорошо знаемъ, что не слѣдуетъ внѣдрять въ головы дѣтей убѣжденіе о невыразимой прелести роднаго кваса,

лучше котораго будто бы не существуетъ напитка на бѣломъ свѣтѣ. Такой взглядъ на воспитаніе чувства любви къ своему родному не принесетъ никакихъ добрыхъ плодовъ и дѣтей патріотами не сдѣлаетъ; но между крайностями есть и должна быть середина. Передавайте дѣтямъ только историческую правду и вы заставите ихъ съ любовью относиться ко всему ихъ окружающему.

Намъ извѣстны примѣры полнаго невѣдѣнія не только дѣтей, но и самихъ родителей по отношенію къ какимъ бы то ни было историческимъ памятникамъ, стоящимъ десятки лѣтъ на ихъ глазахъ. Мы говоримъ объ историческихъ памятникахъ, понимаемыхъ въ буквальномъ смыслѣ, какъ напримѣръ, памятники великимъ государямъ, замѣчательнымъ людямъ. Само собою понятно, что историческіе памятники, какъ то: храмы, курганы, городища и т. п. тѣмъ болѣе оставляются безъ малѣйшаго вниманія.

Если имѣются матери (кстати замѣтимъ, намъ извѣстныя), живущія, напримѣръ, у Казанскаго моста въ Петербургѣ и не считающія нужнымъ объяснить дѣтямъ значеніе памятниковъ Кутузова и Барклая де-Толли, то уже, конечно, подобныя матери не будутъ толковать съ дѣтьми объ историческомъ значеніи храмовъ, зданій, городищъ. А между тѣмъ, какія были бы благотворныя по своимъ послѣдствіямъ занятія, если бы родители вели съ дѣтьми подобныя живыя бесѣды, которыя недосягаемо выше въ педагогическомъ отношеніи, чѣмъ всѣ заучиванія исторіи по книгамъ. Занятія, о которыхъ говоримъ мы, служатъ прекраснымъ основаніемъ для будущихъ школьныхъ занятій исторіею. Вотъ причины, заставляющія насъ относиться съ большимъ сочувствіемъ ко всѣмъ литературнымъ трудамъ въ родѣ разсматриваемой нами книги г. Мартынова.

Авторъ говоритъ въ предисловіи: „Возстановлять старыя названія, доискиваться ихъ причины и смысла—работа трудная, но въ высшей степени интересная. Въ нихъ оживаетъ, такъ сказать, передъ нами, забытое прошедшее. Мы видимъ постепенный ростъ города, разнородныя составныя части, соединившіяся въ немъ, характеръ почвы, на которой онъ выстроился, видимъ слѣды народныхъ нравовъ, древнихъ обычаевъ, вліяніе знатныхъ родовъ выдающихся лицъ,—впечатлѣніе, оставленное историческими событіями". Съ такими взглядами г. Мартынова нельзя не согласиться, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о Москвѣ, исторія которой почти отъ Калиты до Петра Великаго есть исторія Россіи. Хороши ли, дурны, были московскіе порядки, но они въ продолженіи многихъ вѣковъ крѣпко тяготѣли надъ Русью, тяготѣли потому, что составляли историческую силу. И московская правда и московская неправда проникали далеко за предѣлы Москвы и, во всякомъ случаѣ, творили свое дѣло объединенія Россіи. Если народъ до сей поры говоритъ: „въ Москву идти—голову нести, Москва слезамъ не вѣритъ, московская волокита", то значитъ, что московскія начала по отношенію къ строенію государства русскаго оставили неизгладимый по себѣ слѣдъ.

Петръ I былъ великой нравственной силой, но и онъ едва не палъ въ борьбѣ съ старыми московскими началами и именно потому, что Москва не была пустымъ звукомъ; она въ отпоръ реформатору Петру выставила свои вѣковѣчныя традиціи и вѣрованія. Даже теперь Москва остается во многихъ отношеніяхъ вѣрна своимъ стародавнимъ преданіямъ, создавшимся подъ вліяніемъ ея историческихъ судебъ. Не только собственно народъ, т. е. населеніе, составляющее не интеллигентную массу, но даже коренные интеллигентные

московскіе люди являются чѣмъ то своеобразнымъ, чѣмъ то, какъ говорятъ естествоиспытатели, sui generis. Кому неизвѣстно изрѣченіе Грибоѣдова: „на всѣхъ московскихъ, отъ головы до пятокъ, лежитъ особый отпечатокъ". Этотъ-то особый отпечатокъ и нарѣзанъ исторіею Москвы, которая безъ многихъ присущихъ ей явленій, какъ то славянофильства, народолюбія, своеобразныхъ вѣрованій—не была бы Москвой.

Почти на первой страницѣ книги г. Мартынова мы встрѣчаемъ объясненіе названія улицы, указывающаго на печальный періодъ жизни Москвы, по преимуществу, такъ сказать, на своихъ плечахъ, вынесшей всю тяжесть татарскаго ига, указывающаго на частыя сношенія съ татарами, которые, какъ извѣстно, по дѣламъ торговымъ и политическимъ, жили въ Москвѣ подолгу, чтó подтверждается татарскими названіями многихъ улицъ, какъ увидимъ ниже.

Такъ, улица Балчугъ носитъ татарское наименованіе. Слово „балчехъ" по татарски значитъ грязь, что весьма подходитъ къ топкому и рыхлому грунту этой мѣстности. Балчугъ мы еще встрѣчаемъ близъ церкви Іоанна Предтечи, что въ Казенной слободѣ; здѣсь и по сіе время одно изъ самыхъ грязныхъ и топкихъ мѣстъ въ Москвѣ: близъ этого балчуга, на Покровкѣ, находится церковь „Живоначальныя Троицы на грязи", а близъ Балчуга замоскворѣцкаго существуетъ церковь Воскресенія Христова на грязи же (въ Кодашевѣ). Оба эти урочища, продолжаетъ г. Мартыновъ, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что слово балчехъ, передѣланное въ балчугъ, значитъ грязь, которая въ обѣихъ названныхъ нами мѣстностяхъ существуетъ со временъ татарщины. Кому неизвѣстно, бывавшему въ Бѣлокаменной, что она до настоящихъ дней имѣетъ свою историческую грязь, ибо, какъ оказывается изъ упомянутыхъ словъ г. Мартынова, ея грязь дѣйствительно историческая. То или другое явленіе, немыслимое для Петербурга, какъ города молодаго, взросшаго на закваскѣ европейской, совершенно мыслимо для Москвы. Привычки, склонности людей, ихъ взгляды на различныя жизненныя явленія, много зависятъ отъ ихъ минувшихъ историческихъ судебъ.

Вотъ эти-то историческія судьбы и должны быть предметомъ изученія всякаго, призваннаго на общественное служеніе, ибо только подобное знаніе историческихъ судебъ и уясняетъ національныя черты и свойства народа.

Москва рѣзко отмѣтила всѣ мѣста, въ которыхъ или подолгу жили, или временно останавливались не только татары, но и всѣ иноземцы, составлявшіе несовсѣмъ обычное явленіе въ русской жизни. Понятно, что пребываніе татаръ нарѣзалось особенно сильно въ памяти народа.

Въ книгѣ г. Мартынова находимъ всего болѣе татарскихъ названій. Въ ней значится, напримѣръ, кромѣ Балчуга, Барашевскій переулокъ,—названіе происшедшее отъ татарскаго слова „барашъ", что значитъ шатерничій обойщикъ. Эти-то мастеровые казеннаго приказа и жили здѣсь слободою.

Затѣмъ, очень извѣстная Басманная улица получила названіе также отъ татарскаго слова „басманъ", что значитъ, согласно словарю Даля, „казенный хлѣбъ". Тутъ была басманная хлѣбная слобода и старый Житный дворъ, что у Красныхъ воротъ. Впрочемъ, иные историки, какъ извѣстно намъ, названіе этой улицы производятъ отъ слова „басма", означавшее ханское скульптурное изображеніе, которому, будто бы, московскіе князья должны были кланяться, на мѣстѣ нынѣшней Басманной улицы.

Названіе улицы „Ордынка" (большая и малая) равнымъ образомъ указы-

ваетъ на древнія отношенія къ татарамъ. Обѣ улицы получили названіе отъ того, что здѣсь имѣли мѣстопребываніе ордынскіе послы съ своими чиновниками.

Встрѣчается улица, носящая названіе Татарской, выходящая изъ Большаго Овчинниковскаго переулка и оканчивающаяся у Землянаго вала. Здѣшняя мѣстность съ давнихъ временъ населилась татарами. Толмачевскій переулокъ прямо говоритъ о томъ, что здѣсь жили толмачи, т. е. переводчики, вѣроятно и русскіе и татарскіе, необходимые въ то время для сношеній по дѣламъ политическимъ и торговымъ. Извѣстенъ дворянскій родъ Толмачевыхъ, ведущій свое начало отъ времени великаго князя Ивана Васильевича III. Слѣдовательно, слово „толмачъ" было въ ходу въ самое давнее время. Въ Москвѣ имѣется и церковь св. Николая въ Толмачахъ.

Нѣкоторые историки, въ томъ числѣ и Соловьевъ, названіе „Бабьегородскій переулокъ", который беретъ начало отъ берега Москвы рѣки и упирается въ Большую Якиманскую улицу, объясняютъ тѣмъ, что здѣсь былъ бабій городокъ. Бабій же городокъ, будто бы, получилъ названіе отъ того, что его когда-то защищали бабы (женщины), сражавшіяся съ татарами; другіе же полагаютъ, что тутъ принимали татары дань красавицами—бабами московскими.

Мартыновъ упомянутому названію даетъ такое объясненіе. Ни того, ни другаго въ означенной мѣстности не происходило, а дѣло объясняется просто: здѣсь была деревянная городьба, которую, по причинѣ топкой мѣстности, нельзя было возвести, не углубляя бревенъ или свай въ землю; но какъ слово „баба" означаетъ, кромѣ женщины, также и копёръ, которымъ бьютъ сваи, то эта городьба, поставленная при посредствѣ бабъ, и получила названіе бабьей городни или городка, впослѣдствіи времени названной Бабьегородской плотиной.

Объясненіе г. Мартынова, хотя и прозаическое, но, пожалуй, болѣе вѣрное, чѣмъ другія толкованія упомянутаго названія.

Храмы, многія зданія, площади въ Москвѣ, остаются живыми памятниками пережитыхъ ею великихъ историческихъ событій. Москва, какъ древній Римъ, говоритъ наблюдателю или изслѣдователю ея историческихъ судебъ о годахъ не малой древности. Такъ, напримѣръ, историческая Красная площадь носитъ на себѣ слѣды минувшей исторіи Москвы. Красная площадь не постоянно сохраняла это названіе; было время, когда она отъ опустошавшихъ ее страшныхъ пожаровъ носила названіе „Пожара"; съ возведеніемъ на ней лобнаго мѣста, она стала именоваться Лобною, а потомъ снова приняла свое первое названіе. Въ прежнее время на этой площади, пишетъ г. Мартыновъ, тянулся глубокій ровъ, которымъ были окопаны кремлевскія стѣны; впослѣдствіи, на мѣстѣ рва, между Спасскими и Никольскими воротами, былъ устроенъ ботаническій садъ съ плодовыми деревьями, принадлежавшій московской главной аптекѣ; въ 1771 году, въ саду находились еще въ цѣлости 26 яблонныхъ старыхъ деревьевъ и жилая каменная палатка. Красная площадь была мѣстомъ торговли, мѣстомъ торжественныхъ религіозныхъ обрядовъ, свидѣтельницею достопамятныхъ государственныхъ событій, правительственныхъ дѣйствій; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была и позорищемъ лютыхъ казней. На ней стояли висѣлицы, столбы, рожны; здѣсь вѣшали на желѣзномъ крюкѣ за ребра, колесовали, четвертовали, жарили на сковородахъ, варили въ кипяткѣ, сажали на колъ. Гибли виновные и невинные, обличенные и заподозрѣнные. Впослѣдствіи, на крови своихъ мужей и отцевъ жены и дѣти поставили на этой

площади 16 церквей, съ кладбищами, изъ которыхъ 8 престоловъ перенесены въ Покровскій соборъ, что на Рву, а остальныя упразднены.

Красная площадь, кстати замѣтимъ, представляетъ такую разнообразную и полную многознаменательныхъ событій исторію, что заслуживаетъ совершенно отдѣльнаго изложенія. Такая брошюрка, конечно, талантливо составленная, могла бы быть прекраснымъ чтеніемъ для народа, а равнымъ образомъ и для юношества, такъ мало знакомыхъ съ своимъ роднымъ.

Въ книгѣ, нами разсматриваемой, мы находимъ живыя доказательства, что московскія окрестности представляли не мало топкихъ мѣстъ. Мы уже упоминали о „Бабьемъ Городкѣ“. Затѣмъ читаемъ у Мартынова о Дербеновскихъ переулкахъ, которыхъ въ Москвѣ цѣлыхъ три: всѣ эти переулки выходятъ изъ улицы Дербеновской и оканчиваются у берега Москвы-рѣки. Слово **дерба, дербина** означаетъ залежь съ моховиной и кочкарниками. Здѣсь, какъ и въ Дербинскомъ или на Дербеновкѣ, близъ Срѣтенки, мѣстность была вязкая, топкая, что и теперь еще замѣтно.

Вотъ какой припѣвъ сложился въ одной изъ русскихъ пѣсенъ, который знакомитъ насъ съ горемычнымъ городомъ Ладогой, какъ извѣстно, окруженнымъ болотистой мѣстностью:

Ой дербень, дербень, калуга!
Шандаръ Ладога моя!

Слово „дербень“ мы уже объяснили, „калуга“ же значитъ топь, болото; „шандаръ“ — бѣдный.

Какъ ни любила наша первопрестольная бѣлокаменная столица хранить свою историческую грязь, о чемъ мы уже имѣли случай замѣтить, но все-таки попытки къ очисткѣ города, первые проблески соблюденія порядка и чистоты, какъ видно изъ книги г. Мартынова, встрѣчаются уже въ началѣ XVII вѣка.

Такъ, мѣстность, прилежащая къ Кисловскому переулку, была въ старое время занята прислугой царскаго обихода, а именно кислошниками Сытнаго двора. Званіе это и должность существовали еще въ 1726 году. Въ XVII столѣтіи въ Кисловкѣ были слѣдующія рѣшетки для караульныхъ: 1) арбатская, 2) космодамьянская, 3) никитская, 4) воздвиженская. Для надзора надъ живущими въ Кисловкѣ были приказные изъ дѣтей боярскихъ царицына чина; они надсматривали, „чтобъ виномъ и табакомъ не торговали и корчмы и никакого воровства не чинили, пріѣзжихъ и пришлыхъ всякихъ чиновъ людей не сродичей къ себѣ во дворы никого не принимали, изъ дворовъ своихъ на улицу въ Кисловкѣ **всякаго помету не метали**, а кто будетъ нарушать эти правила, и такихъ людей винопродавцевъ, имая съ виномъ и питуховъ и корчемниковъ и воровскихъ людей, приводить вверхъ въ приказъ мастерской палаты и объявлять Авравму Никитичу Лопухину“.

Поневолѣ приходится пожалѣть, что москвичи до сихъ дней мечутъ всякій пометъ на улицу. Вспоминается мнѣ добрый и старый москвичъ-купецъ, который приходилъ въ ужасъ при одной мысли, что какой-то мировой судья можетъ оштрафовать его за бросаніе на улицу „всяческаго помета“.

— Вотъ, не угодно ли взглянуть, говорилъ онъ, показывая рукой на навозъ, лежавшій въ углу, на дворѣ: — при дѣдѣ, покойномъ батюшкѣ, да уже при мнѣ 20 лѣтъ лежитъ на этомъ мѣстѣ, а ничего, слава Богу, прожили благополучно! Новомодники! въ своемъ домѣ я не хозяинъ! Да кто смѣетъ мнѣ указывать въ моемъ домѣ? Не на чужомъ дворѣ держу, на своемъ. Завелись нѣмецкіе порядки: хозяинъ не сталъ хозяиномъ.

Что вы подѣлаете съ такимъ консерваторомъ? Въ какой верхъ или какой приказъ не води его, немного добьешься отъ человѣка, убѣжденнаго, что онъ въ своемъ домѣ можетъ накапливать грязь и никто его исторической грязи тронуть не смѣетъ.

Этотъ же самый оригинальный москвичъ, старовѣръ, во время одной пирушки въ его домѣ, гдѣ случилось быть и мнѣ, очень просто, совершенно свободно, прощаясь со мной, произнесъ: „не обезсудьте, жена маленько хмѣльна". Какъ не скажешь: o, sancta simplicitas!

Кому не приходилось слышать о московской церкви св. Николая, что на Курьѣ ножкѣ? Г. Мартыновъ даетъ такое объясненіе этому названію: „нѣкоторые, говоритъ онъ, полагаютъ, что не было ли здѣсь, вблизи Поваренной улицы, курятнаго двора, который далъ названіе урочищу Курьи ножки; но мы не лишнимъ находимъ, продолжаетъ г. Мартыновъ, представить и слѣдующее соображеніе: въ числѣ прихожанъ церкви св. Николая Явленнаго, сосѣдней съ Курьевскою, мы встрѣчаемъ, въ 1716 году, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручика князя Ивана Михайловича Черкасскаго-Курочкина, а прихожане перемѣняли приходы, то легко могло статься, что упомянутый князь былъ первоначально прихожаниномъ церкви св. Николая, что на Курьѣ ножкѣ, и не выстроилъ ли онъ эту церковь каменную на мѣсто деревянной? Тѣмъ болѣе, что въ старинныхъ книгахъ эта церковь именуется то въ Стрѣлецкой слободѣ, то въ Трубникахъ. Вѣдь названа же по строителю Башмакову церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы въ Башмачкахъ. Профессоръ московскаго университета К. Ф. Рулье въ своей рѣчи о животныхъ Московской губерніи говоритъ, что близъ этого мѣста имѣлъ собственный домъ нѣкто Никола, по прозванію Куряножка, любимый царскій сокольничій. Онъ, въ честь своего ангела, построилъ храмъ, который впослѣдствіи народъ переименовалъ „Николаемъ Чудотворцемъ на Курьихъ ножкахъ".

Мы уже имѣли случай замѣтить выше, что многія улицы носили названія различныхъ промысловъ или ремеслъ, которыми занимались отдѣльные цехи,— по преимуществу лица, входившія въ составъ царскихъ ремесленниковъ. Царскій обиходъ, какъ говорили въ древнее время, пользовался преимущественнымъ значеніемъ передъ всякимъ частнымъ промышленнымъ и торговымъ обиходомъ. Только за удовлетвореніемъ царскихъ нуждъ позволялось работать и продавать на сторону, точно такъ, какъ не позволялось торговать извѣстнымъ товаромъ на сторонѣ до той поры, пока не были удовлетворены потребности царской казны.

Книга г. Мартынова ясно подтверждаетъ упомянутые историческіе факты. Къ числу уже сообщенныхъ нами, присоединимъ и слѣдующее его объясненіе названія одного переулка „Калашнымъ". Переулокъ этотъ начинается отъ Никитской улицы и доходитъ до переулка Кисловскаго. Въ книгѣ „По бѣлогородскому столу", находящейся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, здѣсь упоминается, подъ 1638 годомъ, тяглые дворы калашниковъ—Мишки Степанова, Федьки Борисова и Савки Иванова. Пекари, жившіе здѣсь слободою, изготовляли калачи про царскій обиходъ, въ которомъ они играли не послѣднюю роль; такъ, между многими обрядами и церемоніями, бывшими во время свадьбы великаго князя Василія Ивановича въ 1526 г., находимъ такое распоряженіе: „а у мѣста поставити столъ и скатерть наслати и калачи положити"; затѣмъ, по прошествіи 3 дней, послѣ вѣнчанія, „оболоча сѣнникъ постельной запонами, втыкались по четыремъ угламъ стрѣлы, а на нихъ по со-

року соболей, или по одному соболю, какъ князь велитъ, да по калачу". Калачи подавались и на роскошныхъ обѣдахъ, посылались отъ царя патріархамъ, митрополитамъ, архимандритамъ, старцамъ, слугамъ, нищимъ, тюремнымъ сидѣльцамъ, раненымъ стрѣльцамъ и солдатамъ; для дня рожденія Петра I-го отпущено гостямъ гостиной сотни и чернослободцамъ, между прочими яствами, 240 калачей толченыхъ.

Наконецъ, про калачъ сложилась въ Москвѣ такая поговорка: „въ Москвѣ калачи, какъ огонь горячи".

Изъ всего выше сказаннаго о значеніи калача въ древней московской жизни, ясно слѣдуетъ, что названіе переулка „Калашнымъ" имѣетъ, такъ сказать, самое непреложное историческое право на существованіе, ибо названія мѣстамъ, улицамъ—даются по предметамъ, оставившимъ слѣдъ, память въ жизни общества.

Почти всѣ многознаменательные факты въ исторіи Москвы не прошли безслѣдно для ея улицъ и переулковъ. Важную роль въ московской жизни игралъ калачъ, о чемъ мы уже сказали, важное значеніе имѣло и пріобрѣтеніе Малороссіи, хотя какъ-то странно звучитъ сопоставленіе калача съ присоединеніемъ Малороссіи, но, во всякомъ случаѣ, калача изъ московской жизни не выбросишь, ибо, имѣя значеніе, онъ оставилъ по себѣ память въ исторіи Москвы.

Народъ по своему понималъ и по своему отмѣчалъ событія, свои привычки, склонности, словомъ, все, что составляло для него предметъ важный, близкій сердцу, по какимъ бы то ни было причинамъ.

Памятникомъ историческаго событія присоединенія Малороссіи является Хохловскій переулокъ, Мясницкой части. Начинается онъ отъ Покровскаго бульвара и доходитъ до Ивановскаго переулка. Мѣстность эта издавна называлась „въ Старыхъ Садахъ". По присоединеніи къ Московскому государству, въ XVII вѣкѣ, Малороссіи, когда тамошніе выходцы „хохлы" показались въ Москвѣ, то они заняли частію и Садовники, теперешнюю „Маросейку" или "Малоросейку", и съ тѣхъ поръ появляется названіе Хохловка, давшее наименованіе этому переулку. По урочищу „въ Садахъ" переулокъ этотъ назывался и Садовнической улицей.

Оставили по себѣ память въ Москвѣ и греки, съ которыми Москва такъ часто видѣлась, которые толпами живали въ городѣ для сбора милостыни и разныхъ пожертвованій на храмы и монастыри. Добродушные и религіозные русскіе люди съ избыткомъ надѣляли своихъ единовѣрцевъ, но которыхъ все-таки прекрасно изучили,—лучшимъ доказательствомъ чего служитъ до сей поры сохранившееся присловье про грековъ: „цыгана обманетъ жидъ, жида чортъ, а чорта грекъ". Эпитетъ „хитрый" въ устахъ русскаго человѣка обыкновенно соединяется со словомъ „грекъ". Патріархъ Никонъ прекрасно понималъ роль грековъ въ Россіи, которыхъ вмѣстѣ съ греческими митрополитами, прибывшими судить его, называлъ нищими, проходимцами, жадными лишь къ деньгамъ.

Память о грекахъ сохранилась въ названіи Истерійскаго (Австерійскій) переулка, который начинается отъ Никольской улицы и тянется внутри городскихъ рядовъ до Большого Ветошнаго ряда. Названъ по нижеслѣдующему: въ этой мѣстности, неподалеку отъ греческаго монастыря, на лѣвой рукѣ по дорогѣ къ Кремлю, въ узкомъ переулкѣ, былъ открытъ первый кофейный домъ, гдѣ собирались въ праздничные дни греки, совѣщались о купеческихъ дѣлахъ,

ѣли разныя кушанья, на вкусъ имъ привычныя, пили грѣтое вино, кофе и курили табакъ. Сборище это греки называли австіаторіею, т. е. мѣстомъ пированія; но русскіе скоро исказили иностранное названіе и начали называть какъ эту „евстіаторію", такъ и другія подобныя гостинницы и даже кабаки, „истеріями", а потомъ „австеріями". Въ 1773 г., здѣсь былъ кабакъ, съ прозвищемъ „Ветошная Австерія", по близости Ветошнаго ряда.

Полагаемъ, что мы достаточно познакомили читателей съ книгой г. Мартынова. Намъ остается только прибавить, пользуясь этой же книгой, что Москва имѣетъ въ окружности 32 версты, площадь ея 64 версты 1586 кв. саж.; длина этой площади отъ юго-запада съ Воробьевыхъ горъ на сѣверо-востокъ до Преображенской заставы составляетъ 11½ верстъ, а шириною отъ востока къ западу 8½ верстъ. Въ Москвѣ 602,000 жителей, строеній до 58,000, торговыхъ заведеній до 20,000, улицъ 174, переулковъ 547, не включая безъименныхъ, проектированныхъ, тупыхъ и банныхъ, названія которыхъ не представляютъ никакого матеріала къ описанію.

Поневолѣ скажешь съ безсмертнымъ Грибоѣдовымъ: дистанція огромнаго размѣра!

И. Бѣловъ.

Земельныя пріобрѣтенія Россіи въ царствованіе императора Александра II съ 1855 г. по 1881 г. Составилъ Стрѣльбицкій, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ; въ приложеніи три карты и договоры. Спб. 1881 г.

Вышедшее недавно сочиненіе г. Стрѣльбицкаго касается предмета тѣмъ болѣе интереснаго, что онъ оставался до сихъ поръ почти нетронутымъ въ нашей литературѣ. Съ именемъ императора Александра II мы привыкли соединять идею реформатора, обновившаго своими преобразованіями весь государственный строй Россіи. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что этими преобразованіями опредѣлится въ исторіи, главнымъ образомъ, значеніе царствованія государя, трагическую кончину котораго мы недавно оплакали. Онъ займетъ въ ней почетное мѣсто, какъ дѣятель, освободившій милліоны людей изъ-подъ ига крѣпостнаго права, даровавшій судъ странѣ, которая до него, строго говоря, не имѣла судовъ, наконецъ какъ государь, обновившій коренными реформами жизнь народа.

Эта реформаторская дѣятельность покойнаго императора и громадное значеніе его преобразованій совершенно заслонили отъ насъ, современниковъ, другую сторону его дѣятельности, на которую мы не обратили должнаго вниманія, но которая, тѣмъ не менѣе, имѣетъ существенную важность не только для настоящаго, но и для будущаго Россіи, и гораздо больше для будущаго, чѣмъ для настоящаго. Этой сторонѣ дѣятельности почившаго императора,—сторонѣ доселѣ почти не тронутой, и посвятилъ спеціально свое сочиненіе г. Стрѣльбицкій. Мы едва ли не до сихъ поръ думаемъ, что царствованія Екатерины II и Александра I были той эпохой, когда русская государственная область получила наибольшія территоріальныя приращенія. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ со стороны территоріальнаго расширенія Россіи царствованіе Александра II представляетъ то значеніе, котораго не имѣетъ положительно ни одно пред-

шествовавшее царствованіе. Александръ II больше расширилъ границы Россіи, больше увеличилъ русскую государственную область, чѣмъ это было сдѣлано кѣмъ бы то ни было изъ его предшественниковъ.

Г. Стрѣльбицкій доказываетъ это числовыми данными и потому выводы его получаютъ интересъ положительныхъ фактовъ. Остановимся на трудѣ почтеннаго автора, и прежде всего на томъ, какъ онъ самъ понимаетъ свою задачу. Въ предисловіи г. Стрѣльбицкій знакомитъ насъ прежде всего съ цѣлью своего сочиненія и его основною мыслью. „Трудъ этотъ", говоритъ онъ, „предпринятъ съ двоякою цѣлью. Во-первыхъ, указать, съ приведеніемъ вѣрныхъ цифръ, что, независимо тѣхъ великихъ, гуманныхъ и полезныхъ преобразованій, которыя совершились по волѣ императора Александра II, во владѣніяхъ Россійской имперіи произошли весьма важныя перемѣны, и что, кромѣ того, Россіею въ послѣдній двадцатишестилѣтній періодъ времени сдѣланы громадныя земельныя пріобрѣтенія, частію черезъ блестящія побѣды русскихъ войскъ, частію же путемъ мирныхъ переговоровъ, не стоившихъ Россіи ни жертвъ, ни издержекъ. Во-вторыхъ—оставить будущимъ изслѣдователямъ, которые станутъ составлять описаніе Россіи въ царствованіе императора Александра II, сжатый, но возможно вѣрный историко-статистическій матеріалъ". Цѣль автора, такимъ образомъ, какъ онъ опредѣляетъ ее самъ—это представить въ фактически-вѣрномъ очеркѣ ту сторону дѣятельности императора Александра II, которая доселѣ мало обращала на себя вниманія, и дать матеріалъ будущимъ историкамъ его царствованія. Предметъ сочиненія, такимъ образомъ, собственно говоря—не Россія въ ея земельномъ расширеніи за послѣднюю четверть столѣтія, а императоръ Александръ II въ одной изъ сторонъ его дѣятельности. Что касается до характера сочиненія, то мы отмѣтимъ въ немъ черту, прежде всего останавливающую на себѣ вниманіе—это поставленіе на второмъ планѣ научныхъ пріемовъ, научнаго метода изложенія. Книга г. Стрѣльбицкаго, собственно говоря—не сочиненіе. Это не больше какъ хронологически-послѣдовательный перечень территоріальныхъ пріобрѣтеній Россіи за послѣднія двадцать шесть лѣтъ. Авторъ ставитъ вверху цифру, обозначающую годъ и подъ этой цифрой даетъ намъ другія цифры—годъ и мѣсяцъ заключенія договора съ иностраннымъ государствомъ и число пріобрѣтенныхъ Россіею по договору квадратныхъ миль. Такъ ведетъ авторъ свою лѣтопись завоеваній и земельныхъ пріобрѣтеній Россіи при Александрѣ II отъ начала до конца, отъ 1856 до 1880 года включительно. Само собою разумѣется, что достоинство его книги опредѣляется, главнымъ образомъ, вѣрностью приводимыхъ имъ цифръ. Остановимся на этомъ въ высшей степени важномъ по предмету трудѣ г. Стрѣльбицкаго и, прослѣдивъ бѣглымъ образомъ самую исторію пріобрѣтеній, постараемся опредѣлить, на сколько это, разумѣется, въ настоящее время возможно и на сколько мы съумѣемъ это сдѣлать—внутреннее значеніе внѣшнихъ пріобрѣтеній Александра II, ихъ политическую и экономическую важность для Россіи. Предметъ въ высшей степени интересенъ, не говоря уже обо всемъ другомъ—интересенъ прежде всего своею новостью.

На первомъ планѣ мы поставимъ уступку и потомъ возвращеніе южной части Бессарабіи. Несчастная крымская война стоила Россіи, кромѣ другихъ потерь, южной части Бессарабіи. Недоброжелательство къ намъ Австріи, смотрѣвшей всегда крайне враждебно на наши дружескія отношенія къ славянамъ, возбудило и поставило на Парижскомъ конгрессѣ вопросъ о Бессарабіи почти уже въ концѣ переговоровъ. Невозможность противиться настойчиво

предъявленнымъ требованіемъ и нежеланіе рисковать продлить войну изъ-за одного только пункта, когда уже согласились во всемъ остальномъ, побудили русское правительство къ уступкѣ. Важность потери была очевидна—не столько, впрочемъ, въ смыслѣ экономическомъ или соціальномъ, сколько въ политическомъ. Россія потеряла Дунай, судоходство котораго перешло въ руки Австріи, получивъ черезъ это характеръ монополіи. Но еще важнѣе была другая сторона дѣла. Дунайскій бассейнъ это—земли славянскихъ племенъ. Поддерживая съ этими племенами историческія и родственныя связи, Россія непосредственно вліяла на Австрію и Турцію. Возможность этого вліянія крайне затруднялась, какъ скоро Россія теряла уголъ Бессарабіи, прилагающій непосредственно къ Дунаю. При первой войнѣ съ Турціей, намъ необходимо было торговаться съ Румыніей изъ-за пропуска нашей арміи на турецкую территоріи—(какъ это и было въ послѣднюю войну)—становиться, такимъ образомъ въ крайнѣ неловкое положеніе относительно соединеннаго молдаво-валахскаго княжества (нынѣшняго королевства). Не измѣнивъ своимъ завѣтнымъ историческимъ традиціямъ, Россія не могла отказаться отъ своего вліянія на славянскій міръ, отъ своихъ дѣятельныхъ заботъ о его будущности; а ея усилія въ стремленіи къ этой цѣли неизбѣжно должны были встрѣчать серьезныя затрудненія безъ возвращенія потерянной части Бессарабіи. Политическая важность исправленія географической карты Россіи, въ этомъ смыслѣ, была очевидна.

1858 и 60-й годы ознаменованы для Россіи территоріальными расширеніями на востокѣ—пріобрѣтеніями Амурскаго и Уссурійскаго края. 1859-й г.— эпоха взятія Гуниба и покоренія Дагестанской области.

Занятіе русскими Амура—одно изъ самыхъ блестящихъ земельныхъ пріобрѣтеній Россіи, сдѣланныхъ при императорѣ Александрѣ II. Нѣкоторые въ оцѣнкѣ этого пріобрѣтенія идутъ гораздо дальше и самымъ твердымъ образомъ выражаютъ положительное убѣжденіе, что „это пріобрѣтеніе (Амурскаго края) есть важнѣйшее изъ всѣхъ, сдѣланныхъ русскимъ народомъ не только во второй половинѣ XIX вѣка, но и вообще въ этомъ столѣтіи, и если еще нашимъ современникамъ можетъ казаться, что Кавказъ, Польша и Финляндія важнѣе, то потомки, конечно, скажутъ противное". „Для Амура", говоритъ цитируемый нами авторъ далѣе, „достаточно было бы 25—50 лѣтъ, чтобы составить одну изъ самыхъ цвѣтущихъ, вполнѣ русскихъ провинцій, когда бы онъ былъ поставленъ въ условія столь же благопріятныя для заселенія, какъ напримѣръ, Калифорнія или Австралія".

Пріобрѣтеніе Амурскаго края, важное само по себѣ, получаетъ еще бóльшую цѣну въ нашихъ глазахъ, если мы примемъ во вниманіе, какъ оно досталось намъ. Это было—„завоеваціе" мирное, пріобрѣтеніе „безкровное". „Ни одинъ выстрѣлъ не раздался за все время дѣйствія нашихъ войскъ въ новомъ краѣ; напротивъ, занятіе его шло при непрерывныхъ мирныхъ сношеніяхъ съ китайцами и туземцами". Даже въ экономическомъ, въ денежномъ отношеніи, разныя амурскія экспедиціи обошлись чрезвычайно не дорого. Это была во всѣхъ отношеніяхъ огромная услуга, оказанная Россіи Муравьевымъ, по праву получившимъ титулъ „амурскаго". Заселеніе Амурскаго края, совершившееся въ царствованіе императора Александра II, началось, впрочемъ, раньше, а именно въ послѣдній годъ правленія Николая I,—въ 1854 г. Это обстоятельство представляетъ новый блестящій фактъ въ исторіи присоединенія Амурскаго края. „Занятіе его совершилось въ эпоху борьбы Россіи съ соединенными си-

лами чуть ли не цѣлой Европы. Если мы прибавимъ къ этому, что въ самой администраціи нашей въ то время были противники присоединенія Амурскаго края, то мирной побѣды Муравьева нельзя не признать блестящею изъ блестящихъ. Айгунскій договоръ, заключенный съ Китаемъ 16-го мая 1858 г., окончательно укрѣпилъ Амурскую область за Россіей. Признавъ по айгунскому договору исключительное право Россіи на обладаніе Амуромъ, китайское правительство признало за нами право на совмѣстное владѣніе Усурійскимъ краемъ. Новый договоръ — Пекинскій, заключенный 2-го ноября 1860 г. генералъ-маіоромъ Игнатьевымъ, сдѣлалъ Уссурійскій край русскимъ владѣніемъ.

1859 годъ, какъ упомянуто выше, былъ ознаменованъ взятіемъ Гуниба и окончательнымъ покореніемъ Дагестанской области. Полное и совершенное покореніе Кавказа относится, впрочемъ, къ болѣе позднему времени, а именно къ 1864 году, когда горныя племена восточнаго побережья Чернаго моря вынуждены были признать русское владычество. Въ чемъ же заключается существенная важность этого пріобрѣтенія? Прежде всего—въ округленіи русской области на Кавказѣ. До этого времени кавказскія владѣнія наши разрѣзывались двумя вставками земли, которыя были заняты независимыми, враждебными намъ племенами. Покореніе этихъ полосъ обѣщало прекращеніе войны, длившейся болѣе полустолѣтія и ложившейся тяжелымъ бременемъ на государственное казначейство. Восточный Кавказъ, въ горахъ Чечни и Дагестана — представлялъ въ извѣстной степени сильное мусульманское государство, хорошо организованное Шамилемъ. Западный берегъ не представлялъ подобной организаціи. Естественно, что главныя заботы и усилія нужно было обратить туда, гдѣ можно было ожидать наиболѣе упорнаго и усиленнаго сопротивленія, то есть на восточную половину Кавказа. Князь Барятинскій, принявъ за основаніе планъ, составленный однимъ изъ учениковъ Ермолова, приступилъ энергически къ осуществленію этой задачи. Взятіе приступомъ Веденя, чеченской резиденціи Шамиля, положило конецъ войнѣ на сѣверъ отъ Андійскаго хребта. Въ слѣдующемъ 1859 году, съ паденіемъ Гуниба и взятіемъ въ плѣнъ Шамиля, покореніе восточнаго Кавказа было окончено. Онъ сталъ русскою областью, по крайней мѣрѣ, вынужденъ былъ признать русское господство. Оставался западный Кавказъ, покореніе котораго представляло трудности другого рода. Это былъ лѣсистый и потому чрезвычайно трудно доступный край. Но генералъ Евдокимовъ, котораго выдвинула впередъ война въ восточной половинѣ Кавказа, блестящимъ образомъ исполнилъ порученіе, возложенное на него относительно западнаго Кавказа. Въ четыре года онъ завоевалъ весь западный Кавказъ и выгналъ горцевъ въ Турцію.

Съ 1861 года начинается наступательное русское движеніе въ глубинѣ средней Азіи. Но еще гораздо ранѣе, а именно въ 1846 году, на восточномъ берегу Чернаго моря уже существовало русское укрѣпленіе Тюпъ-Караганъ или Александровское. Цѣль его, однако-жъ,—сдерживать въ должныхъ границахъ киргизовъ и туркменъ—не достигалась. Находившійся въ этомъ укрѣпленіи отрядъ былъ до того численно слабъ, что онъ положительно не смѣлъ углубляться во внутрь страны... Мало этого. Отрядъ этотъ часто до того нуждался въ самомъ необходимомъ, что едва ли могъ не только нападать, но даже защищаться съ успѣхомъ. Все необходимое для отряда получалось изъ Астрахани, которая была отрѣзана отъ крѣпости льдами иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ виду такихъ невыгодъ, русское правительство, спустя десять лѣтъ,

рѣшилось утвердиться въ Красноводскѣ, имѣющемъ удобную пристань для судовъ. Дѣло могло пойти весьма успѣшно, если бы тогда не было предпринято наступательное движеніе къ Мерву, служившему центромъ для враждебныхъ Россіи туркменскихъ племенъ. Но настоянія и совѣты изъ Лондона, гдѣ хорошо понимали, какою опасностью угрожало это русское движеніе въ близкомъ будущемъ Индіи, сдѣлали то, что мѣра, которая, сама собою, такъ сказать, просилась на очередь, не была во-время принята. Тогдашнему русскому послу въ Лондонѣ, графу Шувалову, мѣра эта почему-то не нравилась... Тѣмъ не менѣе, однако, основаніе Красноводска несомнѣнно содѣйствовало утвержденію русскаго вліянія въ мѣстности, о которой идетъ рѣчь.

Со стороны Оренбурга движеніе внутрь Средней Азіи шло въ двухъ направленіяхъ по западному берегу Арала, къ сторонѣ Хивы и на низовья Сыра, и потомъ къ югу и востоку—въ хивинскія и коканскія земли. Черняевъ, пріобрѣвшій въ послѣдствіи времени громкую извѣстность въ званіи главнокомандующаго сербскою арміею, начальствуя оренбургскимъ и сибирскимъ отрядами, съ ничтожными силами въ 1600 человѣкъ, взялъ приступомъ Ташкентъ и принялъ смѣлое намѣреніе покоренія всего Коканскаго ханства. Но его остановили на этомъ пути и помѣшали „осуществленію его плана независящія обстоятельства..." Черняевъ долженъ былъ оставить даже мѣсто военнаго губернатора Туркестанской области. Затрудняясь разбирать пререканія между двигателями дѣла, — пререканія, сводившіяся иногда на чисто личные счеты,—рѣшили образовать въ бассейнѣ Сыръ-Дарьи новое генералъ-губернаторство, гдѣ бы правитель былъ облеченъ самыми широкими полномочіями, до предоставленія ему права самостоятельно объявлять миръ и войну дикимъ племенамъ Средней Азіи. Начальникъ вновь образованнаго генералъ-губернаторства, Кауфманъ, прибылъ въ Ташкентъ осенью 1867 г. Спустя восемь мѣсяцевъ послѣ его прибытія война съ эмиромъ бухарскимъ была въ полномъ разгарѣ; древняя столица Тамерлана Самаркандъ была взята русскими войсками...

Въ 1871 году, по поводу затрудненій, возникшихъ для насъ въ Средней Азіи, вслѣдствіе небезопасности части нашихъ границъ, мы пришли въ столкновеніе съ Китаемъ; завязался узелокъ „кульджинскаго вопроса", который, спустя нѣсколько лѣтъ, такъ серьезно занималъ нашу дипломатію и нашу печать. Многочисленные проходы между горными хребтами Туркестанскаго округа дѣлали возможнымъ легкое вторженіе хищническихъ племенъ въ наши предѣлы. Учрежденные нами наблюдательные посты по долинамъ рѣкъ были недостаточны для удержанія дерзкихъ грабителей. Вторгаясь въ русскую территорію, отъ не только грабили, но и подстрекали къ волненіямъ киргизъ. Явилась необходимость уничтоженія въ Кульджѣ притона для хищническихъ шаекъ. Враждебный намъ султанъ Абилъ-Огива изъявилъ полную покорность при первыхъ дѣйствіяхъ русскаго отряда. Кульджа, а съ нею и весь кульджинскій районъ признали русское господство. Русское правительство обѣщало, впрочемъ, при извѣстныхъ условіяхъ возвратить китайцамъ „кульджинскій районъ", въ силу чего онъ, какъ временно занятый русскими, не былъ включенъ въ составъ Россіи.

1873 годъ ознаменовался покореніемъ и хивинскаго ханства. Видя быстрое завоеваніе русскими сосѣднихъ ханствъ и безпокоясь за свою будущность, Хива начала интриги противъ Россіи, высылая эмиссаровъ на нашу территорію и стараясь возмутить противу насъ киргизъ. Экспедиція, предпринятая

туркестанскимъ губернаторомъ Кауфманомъ, увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Хива была взята и вся дельта Аму-Дарьи, съ прилегающею къ ней частью Аральскаго моря, присоединены къ Россіи. Въ слѣдующемъ 1874 году, Россія присоединила къ своимъ владѣніямъ Закаспійскій край.

Въ 1875 году договоръ, заключенный съ Японіею, предоставилъ въ исключительное владѣніе Россіи островъ Сахалинъ, которымъ мы владѣли до тѣхъ поръ нераздѣльно съ Японіей. Въ обмѣнъ за Сахалинъ Россія уступила Японіи группу Курильскихъ острововъ, предоставивъ также японцамъ право рыбной ловли по берегамъ острова. Это новое, сдѣланное Россіею пріобрѣтеніе, представляетъ важное значеніе. Находясь противъ устьевъ Амура, Сахалинъ запираетъ входъ въ него, а потому, какъ скоро Россія завладѣла Амурскимъ краемъ, присоединеніе Сахалина явилось дѣломъ безусловной необходимости. Совмѣстное съ Японіею владѣніе островомъ представляло столько же ненормальное явленіе, сколько подвергало разнымъ случайностямъ добрыя отношенія обоихъ государствъ. Странность и неловкость такого положенія дѣла увеличивались еще и тѣмъ, что туземные жители острова, 5—6000 бѣдныхъ звѣролововъ оставались независимыми.

1876 годъ доставилъ Россіи Коканское ханство, изъ котораго образована Ферганская область.

Въ 1878 году, Россія, кромѣ возвращенія потерянной ею 20 лѣтъ назадъ части Бессарабіи, пріобрѣла по Берлинскому трактату значительныя владѣнія въ Азіи—Карскую и Батумскую области, съ крѣпостями Карсомъ и Батумомъ.

Говоря объ увеличеніи русской государственной области въ разсматриваемый нами періодъ времени, мы упоминали и о разныхъ, сдѣланныхъ Россіею въ разное время при разныхъ случаяхъ, уступкахъ. Назовемъ здѣсь важнѣйшую изъ уступокъ, сдѣланныхъ въ царствованіе Александра II. Это—продажа Сѣверо-Американскимъ Штатамъ русскихъ сѣверо-американскихъ владѣній. Владѣнія эти, собственно говоря, не составляли достоянія государства. Это—была собственность частной торговой компаніи. Между тѣмъ, защита владѣній на случай войны падала на государство и, конечно, могла обходиться иногда слишкомъ дорого, смотря по степени серьезности войны. Невозможность защиты ихъ во время войны нашей съ Англіей и Франціей заставила Россію поставить свою американскую территорію на все время войны подъ покровительство великой заатлантической республики. Соединенные Штаты весьма охотно согласились на предложенную имъ русскимъ правительствомъ покупку и 10.000,000 русскихъ рублей были уплачены Россіи за полуостровъ Аляску и Алеутскій архипелагъ.

Мы представили факты территоріальнаго расширенія Россіи при Александрѣ II, назвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сдѣланныя нами земельныя уступки. Приведемъ теперь, на основаніи сочиненія г. Стрѣльбицкаго, цифры и затѣмъ подведемъ итоги.

А. Уступлено Россіей въ разное время въ трехъ частяхъ свѣта:

	кв. вер.
1) въ Европѣ: по парижскому трактату уступлено Турціи (Молдавіи)	10,724
(возвращенныя Россіи опять на основаніи берлинскаго трактата).	
2) въ Азіи: уступлено разновременно	4,340
3) въ Америкѣ:	1.163,700

В. Пріобрѣтено Россіей разновременно въ Европѣ и Азіи:

а) въ Европѣ:

1) съ покореніемъ Дагестана въ 1859 г.	15,401,0
2) съ покореніемъ на Кавказѣ черноморскаго побережья	32,088,0
3) на основаніи берлинскаго трактата, съ возвращеніемъ южной части Бессарабіи	8,128,0
Итого пріобрѣтено	55,617,0

b) въ Азіи:

	кв. вер.
1) Общее протяженіе территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Россіею въ разныхъ мѣстностяхъ Азіи составляетъ . .	1.778,375,0
2) Общее пространство сдѣланныхъ разновременно уступокъ представляетъ	4,340,0
Итого пріобрѣтено	1.774,035

Какой же можно сдѣлать общій выводъ относительно значенія всѣхъ этихъ земельныхъ пріобрѣтеній? Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, г. Стрѣльбицкій, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „говорить о важности и значеніи земельныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Россіею при недавно почившемъ императорѣ Александрѣ II, не время, да это и не входитъ въ объемъ настоящаго изслѣдованія". До извѣстной степени это справедливо. Нѣтъ сомнѣнія, что время полной оцѣнки заслугъ императора Александра II съ этой стороны— еще не пришло. Настоящая оцѣнка ихъ принадлежитъ будущему, спокойному и правдивому суду исторіи. Но если пока нѣтъ возможности оцѣнить въ этомъ отношеніи дѣятельность императора Александра Николаевича вполнѣ, то, все таки, я полагаю, можно опредѣлить значеніе ея въ общихъ чертахъ, съ общей стороны. И такъ, какое значеніе представляютъ всѣ эти территоріальныя пріобрѣтенія для настоящаго и будущаго Россіи? Мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ, сообразно нашему личному взгляду на предметъ. О вѣрности же или невѣрности нашего взгляда будетъ судить читатель.

Нѣтъ, конечно, нужды говорить, что не всѣ территоріальныя пріобрѣтенія императора Александра II представляютъ одинаковое значеніе для государства. Очень естественно, что одни имѣютъ бо́льшую, а другія — меньшую важность. Необъятныя пространства средней Азіи, конечно, представляютъ не особенно много земель, цѣнныхъ по своему внутреннему достоинству. Степи и песчаныя пустыни—плохое жилье для культуры и цивилизаціи. Тѣмъ не менѣе, однако, дойти до болѣе прочныхъ окраинъ нельзя было иначе, какъ покоривъ эти степи. И такъ, прежде всего завоеваніе множества песчаныхъ и безводныхъ пустынь средней Азіи обусловилось чисто-физической необходимостью. Но, посмотримъ на вопросъ и съ другой стороны,—не могутъ ли эти азіатскія пустыни улучшить нашего положенія въ Европѣ? Мы думаемъ рѣшительно—да. Чѣмъ больше подвигается Россія на югъ Азіи, тѣмъ грознѣе становится ея положеніе относительно Индіи, что́, конечно, обладательница Индіи, гордая царица морей—понимаетъ лучше, нежели кто нибудь... И такъ, если Россія въ недалекомъ будущемъ станетъ, такъ сказать, у воротъ Индіи, и Англія будетъ ежеминутно трепетать опасности—потерять въ Азіи свое золотое дно, то не заставитъ ли это нашего непримиримаго врага быть сговор-

чивѣе и уступчивѣе къ намъ въ дѣлахъ европейской политики? Мы думаемъ, что это непремѣнно должно быть такъ и иначе не можетъ быть.

Возвращеніе южной части Бессарабіи представляется по преимуществу важнымъ въ смыслѣ чисто политическомъ. Съ одной стороны, это для Россіи удовлетвореніе чести,—отраженіе удара, нанесеннаго ей крымской войной, а съ другой—Бессарабія съ устьями Дуная—необходимое условіе для того, чтобы Россія могла въ необходимыхъ случаяхъ дѣятельно помогать славянамъ, вліять рѣшительнымъ образомъ на будущность славянскаго міра. Торговое и экономическое значеніе возвращенія намъ устьевъ Дуная—является сравнительно уже чѣмъ-то незначительнымъ передъ чисто государственной стороной того же факта.

Мы говорили выше о выгодѣ пріобрѣтенія Амурской области, при чемъ высказали сужденіе не столько свое, сколько мнѣніе извѣстнаго русскаго географа. Такъ какъ намъ кажется, что приведенный взглядъ не обнимаетъ всѣхъ сторонъ предмета, то мы позволимъ изложить нашъ личный взглядъ на этотъ вопросъ. Что пріобрѣтеніе Амурской области представляетъ огромную важность для будущности Россіи—въ этомъ едва ли кто станетъ сомнѣваться. Какъ экономическое, такъ и политическое значеніе присоединенной окраины, велико. Но, намъ кажется, что разсматривая вопросъ съ чисто политической точки зрѣнія, мы должны признать, что Кавказъ представляетъ въ этомъ отношеніи если не бо́льшую, то, конечно, ничуть не меньшую важность. Два народа призваны исторіей цивилизовать Азію — русскіе и англичане. Россія имѣетъ огромную часть своихъ владѣній на азіатскомъ материкѣ, и слѣдовательно, кромѣ другихъ сторонъ дѣла, заинтересована, такъ сказать, лично характеромъ тѣхъ или другихъ отношеній своихъ къ разнымъ азіатскимъ мѣстностямъ и народностямъ. Въ этихъ же самыхъ отношеніяхъ къ Азіи находится и Англія, благодаря своимъ индійскимъ владѣніямъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла твердые пункты опоры въ Азіи существенно необходимы для страны, желающей, чтобы вліяніе ея на азіатскомъ континентѣ, и въ смыслѣ цивилизаторской миссіи и въ смыслѣ государственныхъ нуждъ, было прочно. Такіе твердые, непоколебимые пункты опоры въ дѣлѣ политическаго вліянія на Азію Россія имѣетъ, съ одной стороны, въ Амурской области, а съ другой—въ Кавказѣ. Южная часть Амурскаго края, къ сторонѣ Кореи, имѣетъ превосходныя гавани для флота на Тихомъ Океанѣ. Пусть обладателемъ этихъ водъ сдѣлается сильный военный русскій флотъ, и вліяніе въ Азіи Англіи быстро уменьшится, если не совершенно падетъ.

Такую же несокрушимую силу Россіи относительно Азіи представляетъ, по нашему мнѣнію, и Кавказъ. Теперь, конечно, онъ пока еще не можетъ имѣть этого значенія, по незначительности русскаго элемента въ его населеніи. Но представимъ слѣдующее, положимъ не въ ближайшемъ, а хоть въ далекомъ будущемъ: Кавказъ, путемъ колонизаціи и крестьянскихъ переселеній, сдѣлался почти совершенно русской областью, такъ что туземный элементъ населенія растворился въ элементѣ русскомъ. Параллельно съ этимъ развивается промышленное и экономическое богатство края. Все это необходимо нужно предположить въ будущемъ, хотя, можетъ быть, и не близкомъ. Кавказъ, при такомъ положеніи своемъ, дѣлается несокрушимымъ оплотомъ русскаго могущества въ Азіи съ сухаго пути, точно такъ какъ Амурскій край (разумѣется, населенный и экономически развившійся), представитъ такую же несокрушимую силу на морѣ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, положительно представляется, что прі-

обрѣтеніе Кавказа даетъ Россіи возможность несравненно больше вліять въ будущемъ на дѣла Азіи, нежели какъ это было до сихъ поръ. Мы не будемъ говорить о характерѣ, такъ сказать, кавказской территоріи, о его богатѣйшей въ мірѣ природѣ, его неистощимыхъ естественныхъ богатствахъ. Все это дѣлаетъ Кавказъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ Россіи, пріобрѣтеніемъ безконечной важности, такъ что заслуга императора Александра II въ этомъ отношеніи неоцѣнима. Полстолѣтія шла на Кавказѣ дорого стоившая Россіи и людьми и деньгами война, и конца ей не предвидѣлось. Александръ II покончилъ дѣло вдругъ, благодаря энергіи, съ которой, по вступленіи его на престолъ, поведено было дѣло. Пріобрѣвши Кавказъ, Россія пріобрѣла область, необыкновенно важную для нея въ политическомъ отношеніи, чрезвычайно богатую своими естественными продуктами и одну изъ прекраснѣйшихъ странъ земнаго шара. Я ни малѣйше не сомнѣваюсь въ томъ, что исторія и потомство оцѣнятъ заслуги императора Александра Николаевича въ дѣлѣ пріобрѣтенія Кавказа несравненно больше, нежели какъ это было сдѣлано его современниками. Екатерина II называла Крымъ — лучшей жемчужиной въ своей діадемѣ. Но если Крымъ—жемчужина въ коронѣ великой царицы, то Кавказъ—огромный бриліантъ самой чистой воды въ императорскомъ вѣнцѣ Александра II.

Сочиненіе г. Стрѣльбицкаго снабжено тремя картами. Первая представляетъ владѣнія Россіи въ 1855 году, при вступленіи Александра Николаевича на престолъ; вторая—территоріальныя пріобрѣтенія Россіи, сдѣланныя въ его царствованіе, и третья — современную государственную область Россіи, со включеніемъ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній. Съ содержаніемъ книги г. Стрѣльбицкаго, ея цѣлью и взглядомъ автора на предметъ, мы уже познакомили нашихъ читателей въ началѣ статьи. Читатель, который не успѣлъ еще познакомиться съ самымъ сочиненіемъ г. Стрѣльбицкаго, надѣемся, могъ видѣть изъ нашего очерка, что трудъ г. Стрѣльбицкаго—честный, добросовѣстный трудъ.

Дмитрій Лебедевъ.

Исторія русской словесности. Составилъ П. Порфирьевъ. Часть II Новый періодъ. Отдѣлъ I. Отъ Петра Великаго до Екатерины II Казань, 1881 г. Стр. 332. Цѣна 1 р. 50 к.

Вполнѣ заслуженный успѣхъ первой части выдающагося изъ ряда труда г. Порфирьева (въ сравнительно короткое время три изданія) не заставилъ его (какъ это бываетъ) почить на лаврахъ, а побудилъ къ скорѣйшему продолженію труда. Только что вышедшій первый отдѣлъ 2-й части заключаетъ въ себѣ начало нашего просвѣтительнаго періода. Авторъ начинаетъ указаніемъ Юрія Крижанича царю Алексѣю Михайловичу на тотъ чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, какимъ можетъ служить наслѣдственное самодержавіе при совершенной покорности и послушаніи подданныхъ. „Этимъ чудодѣйственнымъ жезломъ, утверждаетъ г. Порфирьевъ, превосходно воспользовался Петръ Великій, который, опираясь на свою самодержавную власть и покорность подданныхъ, при помощи своего геніальнаго ума, въ непродолжительное время преобразовалъ Россію, хотя совершенно въ другомъ направленіи и по другому плану, чѣмъ какой представлялся воображенію славянскаго патріота“ (стр. 1). Думается, что направленіе и планъ Петра совсѣмъ не такъ

далеко уклонились отъ указаній Крижанича, который, при всемъ томъ, что его можно назвать первымъ панславистомъ, можетъ, однако же, назваться и западникомъ (вѣдь были же у него, напримѣръ, аристократическія вожделѣнія, изъ которыхъ вытекало, между прочимъ, и сочувствіе маіорату). Едва ли не отъ западническихъ высокомѣрныхъ отношеній къ Руси зависѣло у Крижанича и одностороннее опредѣленіе ея характера однимъ послушаніемъ и покорностью, хотя этотъ взглядъ усвоилъ себѣ впослѣдствіи и самъ Ломоносовъ, когда воскликнулъ: Россіяне народъ послушный! „Послушаніе" это на самомъ дѣлѣ вовсе не было рабскимъ, а заключалось въ отсутствіи властолюбія въ народѣ, судившемъ по себѣ и о самыхъ представителяхъ власти—что и для нихъ она только обязанность передъ нимъ, народомъ, которую могутъ свято выполнять они только въ томъ случаѣ, если будутъ выслушивать его откровенный голосъ. Что это дѣйствительно было такъ, свидѣтельствомъ служитъ крестьянинъ Ив. Посошковъ, подавшій Петру свою книжицу „О скудости и богатствѣ". Значеніе этого труда далеко недостаточно оцѣнено нашимъ авторомъ. „Посошковъ, говоритъ г. Порфирьевъ (стр. 77), предлагаетъ составить Уложеніе, въ которомъ должно собрать всѣ, прежнія и новыя, гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, постановленія, сдѣлавъ выписки изъ приговоровъ и дѣлъ, хранящихся въ приказахъ, и при этомъ къ русскимъ постановленіямъ приложить изъ иноземныхъ, нѣмецкихъ и даже турецкихъ судебниковъ, тѣ статьи, „кои сличны намъ и пригодны къ нашему правленію." Но вѣдь этимъ не исчерпывается мысль Посошкова. Рѣшить, слично ли и пригодно ли намъ то или другое можно, по его взгляду, только при помощи „народосовѣтія". Вотъ объ этомъ то старорусскомъ началѣ не хотѣлъ уже знать Петръ Великій, не хотѣла знать вслѣдъ за нимъ и созданная имъ у насъ „интеллигенція". Реформа Петра и характеръ нашей просвѣтительной литературы слишкомъ односторонне, по заведенному у насъ обычаю, оцѣнены и г. Порфирьевымъ, хотя въ наше время нѣтъ уже надобности быть славянофиломъ, чтобъ не судить о Петрѣ такъ односторонне. Извѣстная и притомъ значительная часть Руси оказалась, по отношенію къ Петру, совсѣмъ даже непослушною. Взгляды ея выразились въ совершенно своеобразной литературѣ, которую въ нашихъ учебникахъ обыкновенно обходятъ молчаніемъ. И г. Порфирьевъ, повидимому, намѣренъ исключить изъ литературной характеристики нашего просвѣтительнаго періода раскольническія произведенія, а не грѣхъ бы было на нихъ обратить вниманіе, чтобы избѣжать односторонности и неполноты. Такъ называемый расколъ, при всей своей обрядовой косности, хранилъ и хранитъ въ себѣ живую идею. Это идея независимой церкви, какъ понимала ее древняя Русь, церкви, въ которую не вмѣшивается государство и которая сама не вмѣшивается въ него. Церковь въ этомъ смыслѣ являлась настоящею силою въ земско-самодержавномъ государствѣ Русскомъ. Внимательное изученіе нашей древности должно бы привести къ усмотрѣнію въ нашей церковной жизни характера, своеобразно оттѣняющаго ее отъ Византійской церкви (какъ то видно отчасти и у другихъ славянъ православныхъ, а у чеховъ въ основахъ гуситства). Вліяніе византійства было однако же сильно въ нашей церковности и къ нему еще въ древнемъ періодѣ стало отчасти примѣшиваться вліяніе католичества. Духъ послѣдняго весьма уже ощутителенъ въ вожделѣніяхъ Никона придать своему патріаршеству какой-то характеръ папства, а кіевская духовная академія, черезъ нее же потомъ и московская, несомнѣнно подверглись вліянію не только западной схоластики (не безъ примѣси позд-

нѣйшаго классицизма, какъ это вѣрно замѣчено г. Порфирьевымъ на стр. 109), но и католическаго религіознаго фанатизма. При Петрѣ въ церковную нашу жизнь проникало отчасти вліяніе протестантское съ его раціонализмомъ и его готовностью допускать въ церковныхъ дѣлахъ руководство государства. „Въ то время, какъ старая партія, говоритъ, г. Порфирьевъ, упрекала людей реформы и новаго образованія въ протестантствѣ, люди новаго образованія упрекали ее въ латинствѣ". И онъ едва ли правъ, утверждая, будто эти обоюдные упреки были несправедливы (стр. 65). Основательность ихъ, какъ извѣстно, давно была признана Ю. Ѳ. Самаринымъ, и чтобы согласиться съ нимъ въ этомъ, опять-таки вовсе нѣтъ надобности стать славянофиломъ. Наша оффиціальная церковь Петровской поры въ самомъ дѣлѣ представляла старообрядцамъ соблазны далеко не обрядоваго только свойства. Г. Порфирьевъ, быть можетъ, не безъ умысла не вдается въ подробный разборъ „Камня Вѣры" Стефана Яворскаго—не даромъ же принятаго подъ свою защиту іезуитомъ Рибейрою. Но профессору духовной академіи, кажется мнѣ, слѣдовало бы опредѣлительно высказаться относительно инквизиціонныхъ костровъ „Камня Вѣры". Такъ какъ, само собою разумѣется, онъ не можетъ ихъ признать православными,то какъ же ему не согласиться со взглядомъ Самарина на католическіе отзвуки у Стефана Яворскаго? Точно также, мнѣ кажется, болѣе обстоятельный разборъ Ѳеофановскаго „Регламента" заставилъ бы автора усмотрѣть въ немъ, вмѣстѣ съ Самаринымъ, стремленіе установить для церковной власти болѣе чѣмъ должные предѣлы (по мнѣнію г. Порфирьева только должные— стр. 28). По крайней мѣрѣ Петровско-Ѳеофановское „коллегіумъ правительское" едва ли можетъ быть признано профессоромъ духовной академіи вѣрнымъ отраженіемъ соборнаго начала въ церковной жизни. Къ сожалѣнію, г. Порфирьевъ не останавливается на подобныхъ вопросахъ при своемъ стремленіи отстоять и Яворскаго и Прокоповича, какъ бы взаимно другъ друга пополняющихъ въ православномъ смыслѣ (стр. 33). Древней и чистой идеи церковности не видимъ мы въ сущности ни у того, ни у другого, ни у обоихъ вмѣстѣ. Выясненіе этой идеи въ первоначальной ея чистотѣ, составляетъ прямую обязанность церковной науки. Свобода церкви и свобода земскаго голоса были въ древней Руси силами, весьма существенными, хотя и вполнѣ мирнымъ образомъ противопоставлявшимися свободѣ власти.

Съ петровскаго, или просвѣтительнаго, періода нашей жизни, первыя двѣ свободы совершенно посторонились въ виду послѣдней, обратившейся въ такъ называемый „просвѣщенный деспотизмъ". Наша литература съ Петра долго служила вполнѣ беззавѣтно этому обоюдуострому жизненному началу, развивая на всѣ лады молитву Петру Крекшина: „Отче нашъ, Петръ Великій, ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ" и т. д. (стр. 81, книга г. Порфирьева). Долго только одинъ расколъ возмущался этимъ. Дѣло съ этой стороны было вѣрно угадано геніальнымъ чутьемъ великаго Пушкина, не даромъ отозвавшагося о Ломоносовѣ, что „его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ на ней отзывается", хотя Пушкинъ съ другой стороны совершенно вѣрно считалъ Ломоносова самого по себѣ „первымъ нашимъ университетомъ". Г. Порфирьевъ приводитъ взглядъ Пушкина (стр. 176), но далекъ отъ того, чтобы явиться во своемъ курсѣ его толкователемъ. А пора, наконецъ, наукѣ окончательно признать ту двойственность, которая заключалась въ петровской реформѣ и неизбѣжно отразилась на всей нашей литературѣ просвѣтительнаго періода. Нашъ авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ объ усвоенномъ нами

послѣ Петра западномъ классицизмѣ, что развитіе его во Франціи „зависѣло, между прочимъ, и отъ политическаго состоянія этого государства. Желая окончательно подавить феодализмъ и утвердить господство монархическаго начала, французскіе короли вздумали воспользоваться пробудившимся тогда стремленіемъ къ изученію классическихъ литературъ, чтобы оторвать французское общество отъ средневѣковыхъ феодальныхъ преданій" (стр. 109). Странно только, какъ это не послужило г. Порфирьеву указаніемъ, что и нашъ литературный классицизмъ содѣйствовалъ тому, что мы все болѣе и болѣе отрывались отъ нашихъ земскихъ преданій?

Г. Порфирьевъ увѣряетъ (стр. 218), что нашъ домашній Расинъ и Вольтеръ—Сумароковъ влагалъ въ тирады своихъ трагическихъ героей гуманныя идеи о свободѣ, о власти и управленіи, и приводитъ образцы этихъ гуманныхъ идей въ такомъ родѣ:

Тѣ люди, коими законы сотворены
Закону своему и сами покорены.

Или (говоритъ Мстиславъ):

Я должности одной хочу себя предать
И безъ утѣхъ любви народомъ обладать,
Предписывать ему полезные уставы.

Но вѣдь въ сущности это только идеи „просвѣщеннаго деспотизма", а его такъ называемая „гуманность"—аксіома довольно сомнительнаго свойства.

Г. Порфирьевъ увѣряетъ насъ также, что „преслѣдуя все грубое и злое, Сумароковъ стремился водворить въ жизни все доброе и высокое" (стр. 244). Это повидимому, подтверждается цитатами,—между прочимъ и тѣми, въ которыхъ заключаются нападки на злоупотребленія помѣщичьею властью. Но г. Порфирьевъ счелъ почему-то нужнымъ скрыть отъ читателя, что тотъ же самый Сумароковъ писалъ въ вольно-экономическое общество: „Кинарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи. Однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое для дворянина... Свобода крестьянская не только обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежитъ" (Ходнева: Исторія вольно-экономическаго общества, стр. 20—25). Нашъ авторъ, конечно, никогда не назоветъ этого „добрымъ и высокимъ", хотя самъ тогдашній умственный вождь всей Европы и нашъ, Вольтеръ, писалъ своему пріятелю: „мы не понимаемъ другъ друга, что касается народа, т. е. populace, которой даны только руки, чтобы жить... Думаю, что этимъ людямъ всегда будетъ недосугъ чему нибудь выучиться; но мнѣ даже кажется необходимымъ, чтобы всегда существовали люди невѣжественные. Если бы вамъ приходилось, какъ мнѣ, обрабатывать землю, вы бы держались моего мнѣнія". (Письмо къ Дамилавилю 1-го апрѣля 1766 г.). Недавно же открытая въ архивѣ нашего вольно-экономическаго общества записка Вольтера выставляетъ его по отношенію къ русскому народу даже прямо крѣпостникомъ [1]). Съ подобными фактами пора, наконецъ, счесться. Пора, наконецъ, посмотрѣть на нашъ просвѣтительный вѣкъ не съ одной только казовой стороны.

По установившемуся о немъ мнѣнію, литература его вполнѣ удовлетворяла тогдашнюю публику. И г. Порфирьевъ полагаетъ, что она дѣйствительно видѣла въ Сумароковѣ русскаго Расина и Вольтера. Очень можетъ быть, но

---

[1]) Открытіе это сдѣлано В. И. Семевскимъ.

это не мѣшало тогдашней публикѣ во время представленія „Семиры" грызть отъ скуки орѣхи: по крайней мѣрѣ самъ Сумароковъ жаловался на это. Такія жалобы соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя раздавались въ XII в. съ проповѣднической каѳедры Кирилла Туровскаго—въ видѣ жалобъ на пустоту въ церкви. Въ обоихъ случаяхъ, хотя и раздѣленныхъ цѣлымъ рядомъ вѣковъ, объясненіе одно: неудовлетворительность слѣпой подражательности (а она вѣдь была и у Туровскаго и у Сумарокова).

Нашъ авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, отводитъ немало мѣста проповѣди елизаветинскаго періода. Ему, какъ и другимъ до него, повидимому, слышится въ ней торжествующее народное чувство. Но вѣдь это чувство пропитано тою фанатическою нетерпимостью, которая вовсе не въ нашемъ народномъ духѣ. Въ этомъ смыслѣ тутъ надо видѣть окончательное развитіе стараго вліянія византійскаго, помноженнаго на позднѣйшее вліяніе католическое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ какъ бы совершенно простываетъ слѣдъ того чисто христіанскаго направленія, котораго самороднымъ проявленіемъ у насъ въ старину была дѣйствительно гуманная религіозная школа Нила Сорскаго. Расколу пришлось и приходится особенно терпѣть отъ того, что слѣдъ этой школы у насъ простылъ.

Пожелаемъ, въ заключеніе, что бы въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего почтеннаго труда нашъ авторъ постарался быть болѣе свободнымъ отъ шаблонныхъ воззрѣній.

Ор. Миллеръ.

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, издаваемые братствомъ св. Петра митрополита, подъ редакціей Н. Субботина. Томъ шестой. М. 1881.

Настоящій томъ „Матеріаловъ" содержитъ въ себѣ сочиненія благовѣщенскаго дьякона Ѳедора, одного изъ первыхъ расколоучителей, союзника и сначала друга, а потомъ врага знаменитаго протопопа Аввакума. По своему значенію, они много уступаютъ сочиненіямъ Аввакума: въ нихъ гораздо меньше и историческихъ, и бытовыхъ подробностей, чѣмъ въ этихъ послѣднихъ; сверхъ того и самъ Ѳедоръ никогда не пользовался у ревнителей древняго благочестія такимъ уваженіемъ и авторитетомъ, какимъ пользовался Аввакумъ; но, тѣмъ не менѣе, они вполнѣ заслуживаютъ вниманія, между прочимъ, потому, что въ нихъ сообщается много свѣдѣній о томъ раздорѣ, который произошелъ въ первое время существованія раскола между главными изъ его приверженцевъ.

Находясь въ пустозерской темницѣ, Аввакумъ вмѣстѣ съ попомъ Лазаремъ сталъ проповѣдывать, что Троица трисущна и трисоставна и что каждое лицо ея засѣдаетъ на небѣ на особомъ престолѣ—Отецъ посрединѣ, Сынъ одесную Его и Духъ ошую, Христосъ же не имѣетъ въ себѣ божественнаго существа и сидитъ на особомъ, четвертомъ престолѣ; по ихъ ученію, существо Сына и Духа Святаго никогда не сходитъ съ неба на землю, но ими посылается только ихъ сила и благодать, которыя и изліялись нѣкогда на Дѣву Марію. Сверхъ того, Аввакумъ проповѣдывалъ, что Христосъ сходилъ въ адъ съ плотію по возстаніи изъ гроба и что дѣйствительное воскресеніе его было тогда, когда онъ вышелъ изъ ада. Дьяконъ Ѳедоръ, человѣкъ замѣчательно начитанный въ св. писаніи, естественно не могъ согласиться съ своимъ това-

рищемъ по заключенію и сталъ опровергать его ученіе. Но Аввакумъ, разсказываетъ Ѳедоръ, „напалъ на мя съ яростію великою и воплемъ и сталъ меня проклинать и Савеліяномъ—еретикомъ называть". Тогда Ѳедоръ составилъ въ опроверженіе его „книжицу немалу", которую и предлагалъ ему прочесть, но Аввакумъ отказался, замысливъ злое противъ дьякона. „Нѣкогда въ полночь, говоритъ этотъ послѣдній, выходилъ азъ изъ ямы вонъ окномъ, яко же и онъ, Аввакумъ, въ тынъ и ихъ посѣщалъ и прочихъ братію внѣ ограды. И то хоженіе мое нелюбо ему стало: и сотнику сказалъ онъ. Сотникъ же, Андрей именемъ, врагъ бысть, издоимецъ, и на мя гнѣвъ имѣлъ за нѣкое обличеніе. И въ то время велѣлъ меня ухватить стрѣльцамъ въ тыну, нага суща. И яша мя, и начаша бити зѣло безъ милости двумя дубцы великими стоящаго, и все тѣло мое избиша нагое до крови. Азъ вопихъ: Господи помилуй! И посемъ связаша руцѣ мои опако и къ стѣнѣ привязали и знобили на снѣгу часа съ два. А друзи мои зряще мя и смѣющеся! А стрѣльцы, влѣзше въ мою темницу, по благословенію протопопову, и тѣ книжицы и выписки мои похитиша и ему продаша". Получивъ въ свои руки сочиненія Ѳедора, Аввакумъ выдралъ изъ него нѣсколько листовъ и отправилъ ихъ къ вѣрнымъ вмѣстѣ со своимъ опроверженіемъ. Г. Субботинъ считаетъ опроверженіе Аввакума утраченнымъ, но въ этомъ можно сомнѣваться, такъ какъ, между прочимъ, г. Есиповъ приводитъ изъ него нѣсколько отрывковъ по рукописи императорской публичной библіотеки (Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, т. II, стр. 224). Судя по нимъ, опроверженіе Аввакума отличалось большою безцеремонностью и заключало въ себѣ такія фразы: „Ѳедька, а Ѳедька! Охъ..., собака косая, дуракъ страдникъ! Коли не знаешь въ книгахъ силы и ты вопроси бабы поселянки: скажи-де, государыня матушка, о Святой Троицѣ, Троица-де что есть, такъ она тебѣ отвѣщаетъ и скажетъ... Ѳедька прелагатай! соединомышленники проклятъ да есть, да будетъ, да будетъ и будетъ во вѣкъ Собака..., адовъ песъ! Вотъ тебѣ, отступникъ, пѣсни пѣснямъ Соломоновы: играй подъ клятвою вѣчною! Затворилъ тя Богъ въ противленіе истинѣ; погибай со своими, окаянный!"

Положеніе Ѳедора было не изъ пріятныхъ. „Что се, Господи, будетъ? размышлялъ онъ. Тамо, на Москвѣ, клятвы вси власти налагаютъ на мя за старую вѣру и на прочихъ вѣрныхъ, и здѣ у насъ между собою стали клятвы, и свои друзи мя проклинаютъ за несогласіе въ вѣрѣ же, во многихъ догматѣхъ больши и никоніанскихъ!" Онъ понималъ необходимость оправдаться передъ вѣрными и написалъ съ этою цѣлью лучшее свое произведеніе, обширное „Посланіе къ сыну Максиму и прочимъ сродникамъ и братіямъ по вѣрѣ", гдѣ изложилъ все дѣло и представилъ подробное опроверженіе ученія Аввакума. Распря съ протопопомъ послужила ко благу для Ѳедора: вѣроятно, благодаря ей, онъ избавился отъ той страшной казни, которой былъ подвергнутъ Аввакумъ съ другими его товарищами по заключенію; но со смертію его она не кончилась. Много времени спустя, уже въ царствованіе Петра Великаго, происходили между раскольниками пренія о томъ, чье ученіе истинно, Аввакума или Ѳедора, завершившіяся, наконецъ, полнымъ пораженіемъ сторонниковъ Аввакума.

А. С—скій.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Челобитная вологодскаго помѣщика Ѳедора Ларіонова Долгаго о государевомъ жалованьи за рану въ бою подъ Дубровною.

ЦАРЮ-ГОСУДАРЮ и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу. Бьетъ челомъ холопъ твой бѣлозерецъ и вологодской помѣщикъ Ѳедька Ларіоновъ сынъ Долгой: въ прошломъ, государь, въ 162 году былъ я, холопъ твой, на твоей государевой службѣ въ полку твоего государева боярина, князя Якова Куденетовича Черкаскаго съ товарищи, и подъ Дубровною на приступѣ холопъ твой раненъ смертною раною изъ пищали въ грудь, пулька и по сіе время во мнѣ... и отпущенъ я, холопъ твой, изъ подъ Дубровны къ тебѣ, государю, подъ Смоленскъ и подъ Смоленскимъ я, холопъ твой, билъ челомъ тебѣ, государю за ту свою рану о твоемъ государевомъ денежномъ жалованьѣ и о четвертной прибавкѣ,—и по твоему государеву указу дано мнѣ за рану твоего государева денежного жалованья четыре рубли, а въ окладъ въ прибавку сто четей. И какъ я, холопъ твой, былъ подъ Смоленскимъ и въ то время по твоему государеву указу наша братья изъ подъ Дубровны отпущены, а моего, холопа твоего, имѣнишку въ списку въ отпуску не объявилось, потому что я время былъ подъ Смоленскимъ до отпуску... И за ту службу моей братьи дано въ прибавку помѣстного оклада по пятидесяти четей человѣку. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! пожалуй меня, холопа своего, за ту мою дубровнскую службишку своимъ царскимъ жалованьемъ—помѣстного оклада прибавкою противъ моей братьи. Царь-государь, смилуйся!

Сообщено **А. Е. Мерцаловымъ.**

Путешествіе Людвига римлянина по Африкѣ и Азіи 1493 года.

Наши предки интересовались знать не только свое отечество, но и другія страны. При отсутствіи въ прежнюю пору науки географіи, описаніе путешествій нѣкоторыхъ предпріимчивыхъ людей, или „хожденія", составляли почти единственный матеріалъ для удовлетворенія этого рода любознательности. Вслѣдствіе того, описанія путешествій, какія только были на Руси, переписывались и читались съ большимъ интересомъ; пересказывались даже путешествія иностранцевъ. Образецъ такого пересказа представляетъ нижеслѣдующій литературный памятникъ. Онъ внесенъ въ одинъ изъ неизданныхъ еще списковъ всероссійской лѣтописи,—рукопись первой четверти XVII столѣтія, принадлежащую преподавателю смоленской гимназіи С. П. Писареву, которому и приносимъ нашу благодарность за сообщеніе этого любопытнаго документа.

„Лѣта 7001 ходилъ Мидійскія земли нѣкій человѣкъ, именемъ Людвигъ, а по нашему Логинъ, при державѣ великаго князя Іоанна (III) Васильевича. Шелъ изъ Венеціи во Александрію, что по Египетстѣй странѣ, и потомъ Ниломъ рѣкою до Вавилона (Каира); и тѣмъ же Ниломъ и до своего моря, и до мѣста Финикическаго, что надъ моремъ Асирійскимъ, идѣ же святый Георгій змія убилъ. [1]) Потомъ шелъ до три поля, та же и до Македоніи, что называютъ Антіохіею; а оттуда шелъ десять дней до града Дамаска, идѣже живутъ Малухове и Греки; и оттолѣ, изъ Дамаска шелъ въ Мезабрскую землю. А тоя Мезабрскіе земли князь воюется съ Дамасчаны и съ Іерусалимляны и на Арапѣхъ день емлетъ; а кони тоя страны скорѣе птицъ. А оттолѣ шелъ до Мидіи (Медины) града, гдѣ Магметъ лежитъ. А шло насъ въ томъ пути 70 человѣкъ, и пришли въ Мидію, близъ мезгити (мечети) Магметовы; и наняли себѣ вожа (вожака-толмача). А люди на то мѣсто съѣзжаются со всѣхъ странъ; а града нѣсть, токмо мезгить стоитъ. А земля та и страна всѣмъ нужна, и не весела, и не здрава, и потруслива всякою непогодою. И поведе насъ вождь къ мезгити Магметовѣ; а мезгить вся каменная, длина ея сто ступеней (шаговъ), а поперегъ восьмьдесятъ ступеней; а двери въ ню двои, а столповъ четыреста, а на столпѣхъ тѣхъ 3000 свѣщниковъ горитъ. А внутрь тоя мезгити, посредѣ ея, сдѣлано аки гробница велика, кругомъ ея 15 саженъ, прикрыта вся сукномъ и шелкомъ; называютъ они гробницу башнею. А около гробницы тоя сдѣлана рѣшетка мѣдная, дивнымъ украшеніемъ. А въ гробницу ту сдѣланы двери малы и узки, ими же въ ту гробницу входятъ. А посторонь тоя мезгити лежитъ много книгъ; сказываютъ, что въ тѣхъ книгахъ писано житіе Магметово и его угодниковъ: Іабиново, Бубукарино (Абубекрово), Фатамово, Галиново, Антигалиново — зятя Магметова, что взялъ за себе дщерь его Фатомію. И призвали къ себѣ большаго ихъ абыза и рекли ему, что мы хотимъ видѣти гробъ пророка Магмета; и онъ отказалъ намъ: „нынѣ вы недостойны смотрити гроба пророка Магмета." И вождь нашъ рекъ тому сидону: „мы хотимъ тебѣ дати 400 златыхъ червонныхъ." И сидонъ рече: „азъ вамъ дверца отворю и покажу гробъ пророка Магмета, томко бы вамъ не осудити, что лежитъ на зломъ мѣстѣ, а мощно

---

[1]) Первоначальное сказаніе о святомъ Георгіи побѣдоносцѣ имѣетъ восточное происхожденіе.

бы ему и на добромъ мѣстѣ лещи; но то онъ учинилъ ради своего смиренія, чтобы всякъ человѣкъ не величался. А самъ Магметъ на небо пошелъ". И вождь намъ потомъ сказалъ: „не давайте попу ни единаго золотого: азъ вамъ скажу про Магметовъ гробъ, понеже азъ и самъ былъ отступникъ православныя христіанскія вѣры и о томъ много искалъ, чтобы видѣти гробъ Магметевъ, потому что сказываютъ иніи: гробъ его на воздусѣ стоитъ; а иніи сказываютъ, что гробъ его желѣзной, прицѣпленъ каменемъ магнитомъ къ стѣнѣ. И того ничего нѣсть, токмо тамо яма зѣло велика и отъ тоя ямы изрыты великія норы во всѣ страны, и отъ тѣхъ норъ изпущаютъ огнь, козньми нѣкоими и зеліемъ утворенъ, и тѣмъ простыхъ людей прельщаютъ во свою скверную вѣру." И тако отъидоша въ станы своя. Потомъ же въ нощи прибѣгоша къ станомъ Магметяне кричаще не лѣпымъ гласомъ и глаголюще къ нимъ: „видите ли, что отъ гроба Магметева исходитъ?" Они же рѣша: „не видимъ ничего." И на другую нощь такожде учиниша и глаголаху: „будете ли вы смотрити гроба Магметева?" Они же рѣша: „не будемъ и златыхъ не дадимъ." И оттолѣ пондоша до мѣста Михи (Мекки), гдѣ Магметъ жилъ и мечты творилъ. А велъ ихъ той вождь чрезъ пески великіе; а сказываютъ, что иные чрезъ тѣ пески ѣздятъ въ клѣткахъ, того ради: егда станетъ вѣтръ великій, тогда наноситъ того песку великія горы, и потомъ паки тѣмъ же вѣтромъ разноситъ; а когда человѣка въ томъ песку засыплетъ, тогда его аки кость высушитъ.

И потомъ пришли до мѣста Михи. И тамо стоятъ дворы каменные великіе, а стѣны каменной около того мѣста нѣсть, точію горы великіе. И тамо есть мезгить больши Мидійскія; а внутрь ея утворено златомъ вельми хитро, глаголютъ они,—аки во храмѣ Соломоновѣ. А двери у нея серебряны. А въ ней купецкіе люди продаютъ многіе драгіе запахи ароматные, таковыхъ индѣ нигдѣ нѣсть. И тамо у нихъ стоятъ бочки великія съ водою. Да въ той же мезгитѣ есть кладезь; изъ того кладезя емлютъ воду, и въ тѣ бочки наливаютъ, и тою водою обмываются; а сказываютъ, что тою водою грѣхи очищаются. А около тоя мезгити сдѣланы крыльца и переходы; а торгуютъ тамо всякими кореніи и зеліями пряными. Да тамо же, около тоя мезгити, летаетъ голубей множество много, и аще кто единаго голубя убіетъ, того самого казнятъ, потому что, сказываютъ, они будьто отъ того голубя плодятся, кой у Магмета на плещу садился и бралъ пшеницу изъ уха его; а Магметъ про ето сказывалъ, что будьто Духъ святой приходитъ къ нему и бесѣдуетъ во ухо ему.

И оттуду пойде на островъ, иже нарицается Камаринъ. И потомъ пойде къ Едону; а въ то мѣсто сходятся со всѣхъ странъ купцы и всякіе люди изъ Индіи и изъ Персиды, и изъ Аравскія земли. И оттолѣ шелъ до Персиды, таже во острова Индійскія, и потомъ до царства Калекутскаго. А въ Калекутскомъ царствѣ царь держитъ у себе по 300 женъ, и на праздники своя даетъ попомъ своимъ по единой, за очищеніе грѣховъ своихъ.

Потомъ шелъ до острова Кананора. Тамо приходятъ Протугальскіе корабли и на тѣхъ кораблехъ шелъ до Протугальскаго королевства. И Протугальскій король далъ Людвиту или Логину Римлянину свою грамоту и велѣлъ проводити до Рима. И оттуду сіе писаніе и къ намъ дойде.

Сообщено **С. П. Писаревымъ.**

Письма Н. П. Вильбуа къ сестрѣ [1]).

I.

„Дорогая моя сестрица Устинья Петровна!

„Доношу вамъ, здѣсь ихъ высочества государыня цесаревна и великій князь во всякомъ благополучіи и здравіи. И прошу васъ поздравь отъ меня ихъ величества съ торжественнымъ праздникомъ и поцѣлуй ихъ величества ручьки.

„Да пишите вы ко мнѣ, что жена моя часто забавляется съ тамошними обыватели и непрестанно гуляетъ по больваркамъ и я о томъ весьма радуюсь, того ради что она комплексіемъ маленколна, а сія ей частая забава и непрестанное гуляніе по болваркамъ зѣло къ пользѣ.

„Прошу я васъ, дорогая моя сестрица, не изволь ее отъ помянутой малой забавы унимать, но еще къ тому пожалуй изволь принуждать, дабы она часто гуляла и забавлялась.

„А по приказу вашему: Авдотьѣ Ильинишнѣ, Аннѣ Яковлевнѣ (вѣроятно—Кремеръ), Дарьѣ Васильевнѣ, поклонъ отъ васъ отдалъ.

„Вилимъ Ивановичъ, Петръ Николаевичъ, Дмитрій Андревичъ и всѣмъ друзьямъ. Поздравляю васъ съ праздникомъ. А мы заутра начнемъ гуся рушать и велику рюмку про здоровье ваше вина кушать".

Апрѣля 8 дня 1721 г.

II.

„Дорогая моя сестрица Устинья Петровна.

„Прошу я васъ, дабы вы на меня гнѣва не имѣли, того роди что къ вамъ давно не писалъ: подлинно могу вамъ донести: за мое недосужество, что здѣсь дѣла столько, что на силу управляюсь, не знаю я, за что приняться—за чарки, или за стаканъ, или за рюмки, или за бѣлыя руки. Однако зѣло удивляюсь, драгая моя сестрица, что вы меня своимъ писаніемъ оставили, не такъ милостива ко мнѣ стала, какъ вы были въ Ригѣ, а нынѣ больше я чаю, что вы съ Крестьяновною согласились и обѣ вы меня своимъ писаніемъ оставили, можетъ быть, что вы услышали про мое недосужество здѣсь въ Москвѣ, чтобъ мнѣ не помѣшать вашимъ писаніемъ въ чарку, или въ стаканъ, или въ рюмки глядѣть. Однако слышалъ и я здѣсь, что у васъ въ С.-Петербургѣ въ питьѣ нужды нѣтъ, что моя Крестьяновна и мазанки свои пропила. Иного не имѣю вамъ донести, токмо въ печалѣхъ своихъ и въ суетахъ на силу помню какъ въ вечеръ домой привезутъ. Прошу я васъ отъ меня всѣмъ кругомъ поклонъ.

„При семъ остаюсь слуга вашъ

„Nikite Wilboi".

Ноября 26 дня 1721 г.

---

[1]) Вице-адмиралъ Никита Петровичъ Вильбуа, родомъ французъ, находился въ русской морской службѣ съ 1696 г. и пользовался особеннымъ расположеніемъ Петра Великаго. Онъ былъ веселаго характера, любилъ женщинъ и вино, но умѣлъ также отличаться и въ морѣ. Сестра его, Устинья Петровна, по мужѣ Гриневальдъ, занимала должность камеръ-юнгферы при императрицѣ Екатеринѣ I. Фамилія первой жены Вильбуа, которую онъ называетъ въ письмахъ своихъ „Крестьяновной", неизвѣстна; во второмъ же бракѣ онъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго пастора Глюка, Елисаветѣ Ивановнѣ. Первое изъ печатаемыхъ здѣсь писемъ Вильбуа къ сестрѣ писано имъ изъ Петербурга въ Ригу, гдѣ она находилась при государынѣ, отправившейся вмѣстѣ съ Петромъ для свиданія съ Голштинскимъ принцемъ; второе и третье—изъ Москвы, куда Вильбуа былъ посланъ въ концѣ 1721 года для объявленія о заключеніи Нейштадтскаго мира и гдѣ остался дожидаться прибытія двора.

III.

„Дорогая моя сестрица Устинья Петровна. Здраствуй съ дорогою нашею имяниннúцею всемилостивѣйшею государынею царицею и прошу я васъ ручки ихъ величества отъ меня поцѣлуй и воспей за меня чарку вина про ихъ величества здравіе и заставь Крестьяновну, а какъ вы прибудете въ Москву и я для тебя про ихъ величество хоть три выпью".

Безъ означенія числа и года.

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

Собственноручный указъ императрицы Екатерины II генералъ-прокурору князю Вяземскому.

„Князь Александръ Алексѣевичъ, понеже оказалось, что у смоленскаго шляхтича князя Глинскаго, коего имѣнье 1754 года указомъ государыни императрицы Елизаветы Петровны конфисковано и 1755 полковнику Шупскому отдано было, кромѣ наследниковъ по женской линіи еще родная дочь обреталась, на долю коей ничего не досталось, понеже сенату, что видно изъ ее прошенія, мнѣ поданаво, при рѣшеніи дѣла о выморочныхъ имѣніяхъ князя Богдана достовѣрно о ией извѣстій не было, а она ныне въ возрасте обретается, то, чтобъ она никакой себѣ отъ того 1764 года рѣшенія обиды не видала и могла бы прилично своему произхожденію вытти въ замужество, повелѣваемъ ей дать столько душъ, сколько отъ нея указомъ 1764 къ дѣтямъ ея тётки отошло. А дать ей прикажите изъ конфискованыхъ или выморочныхъ имѣній въ Бѣлои Россіи".

„Екатерина".

„2 ноября, 1776 г.

Сообщено Д. П. Шипуновымъ.

Два письма Суворова къ Румянцеву [1]).

I.

„Сіятельнѣйшій графъ,

„Милостивый Государь.

„Съ турками тогда война, какъ они арміею будутъ по сю сторону Дуная и близка, какъ они собираться станутъ на чертѣ Шумлы. Нынѣ обращаюсь я въ

[1]) Въ 1794 г., когда въ Польшѣ вспыхнула революція и русскіе отряды двинулись для подавленія возникшихъ волненій, императрица Екатерина ввѣрила престарѣлому фельдмаршалу Румянцеву начальство надъ войсками, расположенными между устьями Днѣпра и границами Минской губерніи. Къ этому времени, очевидно, относится первое изъ печатаемыхъ нами писемъ къ Румянцеву Суворова, который находился тогда на югѣ Россіи, занимаясь постройкой укрѣпленій и, разумѣется, скучая подобнаго рода дѣятельностью.

Второе письмо относится уже ко времени прибытія Суворова, по приказанію императрицы, въ Немировъ, гдѣ онъ и долженъ былъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Получивъ, наконецъ, самостоятельное командованіе войсками, Суворовъ ровно черезъ три мѣсяца послѣ посылки этого письма Румянцеву уже овладѣлъ послѣднимъ оплотомъ польскихъ войскъ—Прагою.

графъ: извѣдите меня изъ оной. Могъ бы я преспособить окончанію дѣлъ въ Польшѣ и поспѣть къ строенію крѣпостей.

„Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ,

„Сіятельнѣйшій Графъ

„Милостивый Государь!

„Вашего Сіятельства

„всенижайшій слуга

„Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій“.

Іюня 13 дня,
1794 г.
Бѣлая Церковь.

II.

„Сіятельнѣйшій графъ

„Милостивый Государь!

„Ваше сіятельство во вниманіи вашемъ осыпать изволите меня милостями: но я все на мели. Остается мнѣ желать краткую мою жизнь кончить съ честью! гдѣ бы то ни было! по званію моему—не инженеромъ. Одинъ вы, великій мужъ! мнѣ паки бытіе возвратить можете.

„Каковъ Дѣевъ въ форштатѣ, таковы всѣ наши тамошнія войска въ селеніяхъ: и ограбленное продавать не стыдятся. Большая часть пользуется старшинствомъ, пріобрѣтеннымъ павлиными перьями или угодностью—безъ достоинствъ.

„По польскимъ извѣстіямъ, при Равичѣ Костюшко отправилъ свой авангардъ 9000 человѣкъ, 1500 регулярныхъ, чтобъ чрезъ всю ночь шармуцировать и тревожить прусское войско; самъ слѣдовалъ за нимъ для атаки подъ утро. Въ мятежникѣ довольно искуства! Авангардъ пришелъ днемъ, началъ и былъ побитъ, онъ долженъ былъ отойти.

„Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью до гроба,

„Сіятельный графъ

„Милостивый Государь,

„Вашего сіятельства

„нижайшій слуга

„Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій“.

Іюля 24 дня,
1694 г.
М. Немировъ.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ**.

СМѢСЬ.

Британскій музей совмѣщаетъ въ себѣ самыя разнообразныя удобства для научныхъ занятій. Вотъ почему небезъинтересно ознакомиться съ этимъ прекраснымъ учрежденіемъ въ его настоящемъ, образцевомъ видѣ. Свѣдѣнія о немъ помѣщены въ газетѣ „Порядокъ". Прежде всего, нѣсколько словъ о правилахъ, которымъ обязаны подчиняться такъ называемые „читатели" при посѣщеніи читальнаго зала музея. Залъ этотъ предназначается для научныхъ занятій, справокъ и изслѣдованій, для чего онъ открытъ ежедневно, за исключеніемъ воскресеній, четырехъ праздничныхъ дней въ году и трехъ недѣль по одной въ началѣ февраля, мая и октября. Часы для занятій установлены въ январѣ, февралѣ, ноябрѣ и декабрѣ отъ 9 часовъ утра до 4 пополудни, въ мартѣ, сентябрѣ и октябрѣ до 5, отъ начала апрѣля до конца августа до 6. Лица, желающія получить доступъ въ читальный залъ музея, должны обратиться съ письменною просьбою о томъ къ главному библіотекарю музея, прописывая въ ней свою профессію, занятія, свою квартиру, и, если потребуется, цѣль, для которой они ищутъ права посѣщенія. Всѣ подобныя свѣдѣнія должны быть заявляемы по меньшей мѣрѣ за два дня до требованія права входа, и должны быть снабжаемы приложеніемъ письменной рекомендаціи со стороны хозяина дома, или лица съ извѣстнымъ положеніемъ, въ которой упоминается полное имя и адресъ послѣдняго и утверждается, что онъ лично знакомъ съ просителемъ и убѣжденъ въ его добрыхъ намѣреніяхъ относительно пользованія читальнымъ заломъ. Если подобная рекомендація или другія свѣдѣнія окажутся неудовлетворительными, то главный библіотекарь можетъ отказать лицу въ допущеніи. Ни одно лицо ниже 21-лѣтняго возраста допущенію не подлежитъ. За нарушеніе всѣхъ означенныхъ требованій, читатель можетъ потерять право входа. Остальныя правила отличаются слишкомъ техническимъ характеромъ, чтобы стоило упоминать объ нихъ.

Входя въ читальный залъ, посѣтители прежде всего поражаются величіемъ и размѣрами этого круглаго, накрытаго высокимъ стекляннымъ куполомъ, помѣщенія. Вообще говоря, камень, стекло и металлъ суть единственные матеріалы, изъ которыхъ сооруженъ музей. Свѣтъ падаетъ сверху и, за исключеніемъ туманныхъ дней, освѣщается залъ вполнѣ достаточно. Болѣе слабую сторону музея составляетъ вентиляція. Отопленіе производится посредствомъ трубъ, чтò при непрерывномъ открываніи и закрываніи дверей порождаетъ довольно сильное движеніе воздуха съ безпрерывною перемѣною температуры.

ныя книги представляютъ уже сами по себѣ одно изъ лучшихъ украшеній британскаго музея. Не считая справочныхъ книгъ въ собственномъ смыслѣ, какъ-то: словарей, энциклопедическихъ собраній, сочиненій классическихъ писателей, посѣтители найдутъ здѣсь громаднѣйшее количество лучшихъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія, большинство ходячихъ европейскихъ журналовъ, „синія книги“ и т. п. Жаль только, что журналы и „синія книги“ не достигаютъ послѣдняго года или двухъ, но и это маленькое неудобство, говорятъ, въ скоромъ времени будетъ устранено учрежденіемъ особаго отдѣленія для періодическихъ изданій. Тогда британскій музей будетъ, по всей справедливости, перломъ библіотекъ всего міра. Всѣ справочныя книги находятся въ свободномъ распоряженіи публики, стоитъ взять любую изъ нихъ съ полки, и только, по прекращеніи надобности, поставить снова на мѣсто.

Полъ читальнаго зала покрытъ эластическимъ ковромъ, который почти совершенно скрадываетъ шаги движущихся по всѣмъ направленіямъ многочисленныхъ посѣтителей. Столы для занятій расположены сплошными радіусами отъ центра къ окружности, образуя, такимъ образомъ, рядъ отдѣленій, напоминающихъ мѣсто для прогулокъ арестантовъ въ нѣкоторыхъ пенитенціарныхъ тюрьмахъ. Каждый секторъ, образуемый двумя ближайшими радіусами столовъ, представляетъ самостоятельное цѣлое, снабженное особой буквою и рядомъ цифръ для отдѣльныхъ мѣстъ и соотвѣтствующимъ отдѣломъ справочныхъ книгъ (по внѣшнему кругу зала). Все это показано на планѣ, висящемъ у входа въ каждое отдѣленіе, и можетъ быть немедленно приведено въ ясность. Каждое мѣсто снабжено мягкимъ кресломъ (есть, впрочемъ, и твердые стулья, которые каждый охотно уступаетъ своему сосѣду, пользуясь его отсутствіемъ), широкимъ столомъ, чернильницей, простыми и стальными перьями, ножами для разрѣзыванія книгъ, раздвижнымъ пюпитромъ и палочкою для шляпы. Столъ настолько великъ, что на него безъ затрудненія можно положить пять, шесть многотомныхъ сочиненій, чего, замѣтимъ мимоходомъ, нельзя сдѣлать въ парижской національной библіотекѣ, гдѣ, впрочемъ, и не дадутъ вамъ столько книгъ. Въ центрѣ, на возвышенной и огороженной платформѣ, помѣщается персоналъ библіотечныхъ служащихъ; здѣсь же концентрическими кругами расположены низенькіе шкафы для каталоговъ, здѣсь же книги получаются, возвращаются и сберегаются отъ одного дня до другого. Помѣщеніе библіотечнаго персонала въ центрѣ даетъ ему, между прочимъ, легкую возможность слѣдить за порядкомъ въ залѣ, такъ какъ вся публика у него, какъ на ладони. Впрочемъ, это родъ наблюденія, по видимому, только потенціальный, а не дѣйствительный,—намъ ни разу не случалось видѣть или слышать, чтобы кто-нибудь изъ библіотекарей дѣлалъ выговоры или читалъ наставленія кому-либо изъ посѣтителей, что̀ въ парижской библіотекѣ бываетъ неслишкомъ рѣдко.

Порядокъ полученія книгъ въ музеѣ слѣдующій. Большой алфавитный каталогъ, если не ошибаемся, въ нѣсколькихъ стахъ томахъ, помѣщенъ, какъ мы сказали, по концентрическимъ кругамъ низенькихъ шкафовъ вокругъ центральной платформы, занимаемой персоналомъ служащихъ. Кромѣ этого каталога, есть множество другихъ частныхъ, но этотъ служитъ основой всей библіотеки музея. Труды ученыхъ обществъ, академій, періодическія изданія, нужно искать въ особыхъ каталогахъ. Найти требуемую книгу въ большомъ, роскошно переплетенномъ въ кожу и обитомъ металломъ томѣ каталога не представляется никакихъ затрудненій, кромѣ одного: вамъ непремѣнно нужно знать имя искомаго автора, въ противномъ случаѣ вы потеряете безъ толку очень много времени. Дѣло въ томъ, что на одну и ту-же фамилію имѣется иногда цѣлыхъ два тома каталога, иногда меньше, но все же достаточно, чтобы сбить съ толку самаго ревностнаго искателя. Надъ каждымъ каталогомъ написаны крупными буквами содержащіяся въ немъ буквы, такъ что въ цѣломъ найти требуемое очень легко. Тутъ же на крючкахъ висятъ во множествѣ билеты или тикеты, на которыхъ вы пишите свое требованіе, выставляя непремѣнно значекъ книги, отмѣченной въ каталогѣ, букву своего отдѣленія, цифру мѣста и другія мелкія подробности. Впрочемъ, если вы, по разсѣянности, забудете написать значекъ или даже свое имя, то вамъ не будетъ сдѣлано за это никакихъ выговоровъ и внушеній, какъ въ любой нѣмецкой

или въ парижской библіотекѣ, а спокойно и мягко укажутъ вамъ на сдѣланную вами ошибку. Дальнѣйшая процедура полученія книгъ состоитъ въ слѣдующемъ: свой билетикъ или билетики (ихъ можетъ быть сколько угодно, а не два,. какъ въ парижской библіотекѣ) вы кладете на столъ передъ библіотекаремъ; онъ отсылаетъ ихъ немедленно въ библіотеку, тамъ отыскиваютъ отдѣленіе, шкафъ, полку и нумеръ книги по указанію вашего билетика, кладутъ послѣдній на мѣсто книги для контроля надъ получателемъ, а книгу немедленно приносятъ вамъ. Билетъ, разъ онъ въ рукахъ администраціи, имѣетъ противъ получателя силу долгового документа. На все это, вмѣстѣ взятое, если нѣтъ большой публики, уходитъ минутъ двадцать, полчаса.

Этотъ способъ отыскиванія книгъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои недостатки, но не лишенъ и крупныхъ достоинствъ. Отсутствіе систематическаго каталога (въ настоящее время таковой подготовляется служащими въ музеѣ), разумѣется, нѣсколько стѣсняетъ читателя, но если принять въ соображеніе, что систематическій каталогъ всякая библіотека составляетъ на свой образецъ *) и что въ другихъ библіотекахъ, напр,, парижской, публикѣ вовсе не показываютъ каталога,—то окажется, что каталогъ британскаго музея очень и очень удовлетворителенъ. Довольно уже того, что, найдя лично въ каталогѣ требуемую книгу, онъ не можетъ услышать отъ библіотекаря отвѣтъ, что ея нѣтъ въ библіотекѣ, какъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ часто приходится слышать въ другихъ библіотекахъ, никогда не имѣя увѣренности, дѣйствительно ли это такъ. Все это, вмѣстѣ съ быстротою отыскиванія книгъ и съ правомъ получать ихъ произвольное количество, сокращаетъ до минимальной величины непроизводительную трату времени на поджиданіе, подчасъ еще напрасное, затребованныхъ вами сочиненій, и, такимъ образомъ, создаетъ, можно сказать, единственную въ мірѣ обстановку для занятій. Скажемъ прямо—возможность имѣть нужную книгу въ надлежащій и кратчайшій срокъ есть conditio sine qua non успѣшныхъ научныхъ занятій. Изъ всѣхъ извѣстныхъ крупныхъ библіотекъ, въ одномъ только британскомъ музеѣ администрація вполнѣ добросовѣстно и усердно озаботилась объ осуществленіи этого условія, взглянувъ на него не какъ на прихоть со стороны читателя, а какъ на требованіе абсолютной необходимости. Научныя занятія—дѣло въ высшей степени деликатное и чуткое: необходимость въ какомъ-нибудь свѣдѣніи или справкѣ имѣется именно въ данную минуту, въ слѣдующую же, за неудовлетвореніемъ, она можетъ быть совершенно упущена изъ виду, хотя и явился ущербъ для занятій. Къ сожалѣнію, гг. библіотекари слишкомъ часто склонны думать, что они не служатъ публикѣ, а только терпятъ ея случайное присутствіе, и этимъ до такой степени увеличиваютъ время для удовлетворенія читателя книгою, что самыя лучшія намѣренія послѣдняго разлетаются, какъ дымъ. Какая можетъ быть охота къ самостоятельному изслѣдованію, когда я напередъ увѣренъ, что mauvaise humeur библіотекаря можетъ лишить меня своевременнаго полученія требуемыхъ источниковъ? Мы совершенно убѣждены, что подобное неумѣніе дорости до своего положенія со стороны многихъ библіотекарей служитъ весьма значительнымъ препятствіемъ на пути развитія наукъ. Ничему такому, къ счастью публики, нѣтъ ни малѣйшаго подобія въ британскомъ музеѣ. Принимая во вниманіе одно только богатство этой библіотеки и энергическій надзоръ за пополненіемъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, мы можемъ положительно сказать, что во всей Европѣ нѣтъ мѣста болѣе удобнаго для самостоятельныхъ изслѣдованій. Пожелаемъ, въ заключеніе, всѣмъ другимъ библіотекамъ взять себѣ за образецъ порядки лондонскаго музея, какъ по отношенію къ отыскиванію и выдачѣ книгъ и прочимъ удобствамъ для посѣтителей, такъ и по отношенію къ вѣжливой и мягкой манерѣ обращенія лондонскихъ библіотекарей съ публикою.

Археологическая находка въ святой землѣ.—Англійская комиссія инженеровъ и археологовъ, дѣлающая раскопки уже много лѣтъ въ Палестинѣ, откопала недавно каменную ограду колодца Іакова, повидимому, глубокой древности. Этотъ камень, вытертый веревками, которыми доставали воду, говорятъ, тотъ самый, на которомъ отдыхалъ Спаситель, во время бесѣды съ самаритянкою.

---

*) Въ Мюнхенской, напр., библіотекѣ сочиненія о желѣзныхъ дорогахъ нужно бываетъ искать подъ Architectura hydraulica!

служившій имъ для поклоненія; остатки этой надстройки существуютъ до настоящаго времени.

Новое изданіе всемірной исторіи. — Въ газетѣ „Трудъ“ напечатано извѣстіе, что профессоръ новороссійскаго университета А. Трачевскій задумалъ изданіе всемірной исторіи. По плану, изданіе должно состоять изъ 20 томовъ, по 30 листовъ каждый; изъ нихъ 2 тома предназначаются на введеніе, гдѣ будетъ разсказано о первобытномъ человѣкѣ и исторіи науки, 4 тома отведены на древнюю исторію, 6 томовъ на среднюю (куда войдетъ русская исторія до воцаренія дома Романовыхъ), 8 томовъ на новую (изъ нихъ 2 тома на революцію и 2 тома на XIX вѣкъ). Разсказъ будетъ доведенъ до нынѣшняго времени. Авторъ предполагаетъ украсить изданіе иллюстраціями и картами. Печатаніе его начнется осенью 1882 года и окончится въ теченіи пяти лѣтъ. Цѣна за все изданіе предполагается 50 руб. По словамъ газеты, многіе профессора-спеціалисты уже изъявили согласіе принять участіе въ составленіи этого обширнаго изданія; съ другими же г. Трачевскій ведетъ переговоры.

Любопытный сборникъ документовъ. — Въ Лондонѣ изданъ любопытный сборникъ, содержащій въ себѣ нѣсколько номеровъ газеты „Times“ и другихъ старыхъ англійскихъ газетъ, а также историческихъ документовъ. Эти послѣдніе напечатаны въ томъ видѣ и форматѣ и на такой же бумагѣ, какъ они появлялись въ свое время. Всѣхъ перепечатокъ 18. Первый документъ— „Magna Charta“, относится къ 1215 году. Потомъ слѣдуютъ: факсимиле смертнаго приговора надъ Маріею Стюартъ 1587 г., номеръ газеты „Англійскій Меркурій“ отъ 23-го іюля 1588 г., содержащій извѣстіе о появленіи испанской армады у береговъ Англіи, номеръ „Еженедѣльныхъ Извѣстій“ отъ 31-го января 1606 г., съ описаніемъ казни Гей Фокса; факсимиле смертнаго приговора надъ Карломъ I, 1648 г.; номеръ „Газеты“ (The Gazette) отъ 6-го сентября 1658 г., съ описаніемъ смерти Кромвеля; номеръ „Извѣстій“ (The News) отъ 6-го іюня 1665 года, содержащій въ себѣ извѣстія о чумѣ; номеръ „Лондонской Газеты“ отъ 10-го сентября 1666 г., съ извѣстіемъ о лондонскомъ пожарѣ; факсимиле декларацій Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ о своей независимости, отъ 14-го іюля 1776 г., и восемь номеровъ газеты „The Times“ отъ 26-го января 1793 г., 3-го іюля 1797 г., 3-го октября 1798 г., 16-го апрѣля 1801 г., 7-го ноября 1805 г., 10-го января 1806 г., 22-го іюня 1815 г. и 15-го августа 1821 г. Въ этихъ восьми номерахъ помѣщены: описаніе казни Людовика XVIII, казни бунтовщика Ричарда Паркера, битвы при устьѣ Нила, сраженія при Копенгагенѣ, Трафальгарской битвы, похоронъ Нельсона, Ватерлооской битвы и церемоніи похоронъ королевы Каролины. Сборникъ изданъ въ форматѣ большого листа и стоитъ одинъ шиллингъ.

† Иванъ Даниловичъ Павловскій. Только недавно узнали мы о преждевременной кончинѣ въ Локощинскомъ погостѣ, близъ Полтавы, одного изъ скромныхъ и честныхъ тружениковъ науки,—Ивана Даниловича Павловскаго. Заимствуемъ изъ № 70 „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о немъ.

Покойный родился въ Полтавской губерніи въ 1852 году (30-го марта) и получилъ образованіе въ мѣстной духовной семинаріи, гдѣ былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ, но не могъ окончить курса вслѣдствіе тяжкой болѣзни, продолжавшейся цѣлый годъ. Хотя онъ и вылечился отъ этой болѣзни, но она заронила въ его организмъ сѣмена чахотки, которая, постепенно разрушая его организмъ, свела его наконецъ въ могилу.

Вскорѣ по выздоровленіи, необходимость добывать кусокъ хлѣба заставила Ивана Даниловича опредѣлиться на должность народнаго учителя въ одной изъ сельскихъ школъ Полтавской губерніи, но еще на семинарской скамьѣ у него развилась страсть къ литературѣ, которой онъ и отдался съ юношескимъ жаромъ. Литературную дѣятельность свою Иванъ Даниловичъ началъ сотрудничествомъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, куда доставлялъ корреспонденціи и бытовые очерки. Желая ознакомиться со всѣмъ движеніемъ нашей періодической литературы, онъ посылалъ статьи даже въ такія отдаленныя изданія, какъ „Оренбургскій Листокъ“ и „Сибирь“, для того

---

[1]) 1646 г. [2]) 1661 г.

только, чтобы получать ихъ безплатно, такъ какъ денежныхъ средствъ для выписки всего издающагося въ Россіи онъ не имѣлъ, а знать, что гдѣ пишутъ, для него составляло потребность. Потребность эта была въ немъ такъ велика, что онъ несказанно обрадовался, когда случай доставилъ ему однажды возможность работать въ библіотекѣ одного богатаго помѣщика, выписывавшаго, Богъ знаетъ для какой цѣли, всѣ губернскія и епархіальныя вѣдомости! Все, что было въ этой библіотекѣ, было пересмотрѣно и перечитано Иваномъ Даниловичемъ. Страсть къ чтенію у него была положительно неутолима и онъ читалъ все, что только попадалось ему подъ руку. Но особенную любовь онъ питалъ къ русской исторіи и древностямъ. Въ этомъ отношеніи, онъ не только прочитывалъ всѣ историческія сочиненія и сборники, но въ свободное отъ учительскихъ занятій время копался въ разныхъ церковныхъ архивахъ и библіотекахъ и извлекалъ изъ нихъ все, что признавалъ интереснымъ и полезнымъ для уясненія старины. Собранные имъ матеріалы онъ помѣщалъ, большею частью, въ обработанномъ видѣ, въ „Русск. Архивѣ", „Русск. Старинѣ", „Древней и Новой Россіи", „Историческомъ Вѣстникѣ" [1]), „Церковномъ Вѣстникѣ" и въ „Полтавскихъ" и „Волынскихъ" епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Съ основанія А. И. Поповицкимъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника", И. Д. сдѣлался постояннымъ и ближайшимъ сотрудникомъ этого прекраснаго изданія. Обладая необыкновенною наблюдательностью и памятью, ясностью и глубиною мысли и свѣтлымъ взглядомъ на общественные вопросы, онъ съ особенною любовію занялся составленіемъ статей по разнообразнымъ вопросамъ, входящимъ въ програму „Церковно-Общественнаго Вѣстника". Бытъ духовенства, его положеніе въ области епархіальнаго управленія, его права и обязанности, какъ члена Церкви и общества, способы его воспитанія и подготовленія къ пастырской дѣятельности, его чаянія и надежды, и весь вообще строй его жизни были предметомъ внимательнаго наблюденія и изученія Ивана Даниловича, да и былъ онъ глубокимъ знатокомъ этого дѣла. Плодомъ этихъ наблюденій и этого знанія явились многочисленныя статьи его, напечатанныя то подъ собственнымъ его именемъ, то подъ псевдонимомъ Юсковскаго, а больше всего безъ подписи, и отличавшіяся основательностью и практичностью воззрѣній, горячимъ сочувствіемъ къ интересамъ духовенства, ясностью и полнотою изложенія. Писалъ онъ быстро и легко, но болѣзнь постоянно напоминала ему о себѣ и онъ вынужденъ былъ ежегодно уѣзжать въ началѣ лѣта на родину, гдѣ проводилъ по шести и болѣе мѣсяцевъ. Укрѣпившись здоровьемъ въ родномъ воздухѣ, онъ возвращался въ Петербургъ и съ новою энергіею принимался за любимую работу. Но въ истекшемъ году, къ его обыкновенной болѣзни присоединилась простуда и онъ окончательно оставилъ Петербургъ, куда уже не суждено ему было возвратиться.

Матеріальное положеніе Ивана Даниловича въ послѣднее время было крайне стѣснительно. Получивъ съ разныхъ сторонъ (въ томъ числѣ отъ общества пособія литераторамъ и ученымъ) денежныя пособія въ довольно значительномъ размѣрѣ, онъ всѣ ихъ употреблялъ на леченіе, очень дорогое въ селѣ, такъ какъ приходилось выписывать докторовъ изъ города и за эти посѣщенія платить значительный гонораръ, не говоря о лекарствахъ, выписывавшихся тоже съ большими расходами. Но никакіе расходы не помогли: злая болѣзнь похитила его въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ разгарѣ его литературной дѣятельности. Иванъ Даниловичъ умеръ 26 апрѣля, какъ истинный христіанинъ, и передъ смертью просилъ поставить надъ его могилой надпись: „малы и злы быша дніе мои".

Да, дѣйствительно, много страданій и лишеній претерпѣлъ онъ въ своей жизни; много и нравственныхъ мукъ досталось на его долю... но у насъ, на Руси, это общая участь людей даровитыхъ и независимыхъ по своимъ убѣжденіямъ.

---

[1]) Въ іюльской книжкѣ нашего журнала напечатана предсмертная статья И. Д. „Консисторско-судныя мытарства". Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи находится нѣсколько любопытныхъ документовъ, имъ сообщенныхъ.

ВЪ ЗОЛОТОМЪ ВѢКѢ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

К. ФРЕНЦЕЛЯ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ
«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
1881

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., № 11—2.

Часть первая.

ГЛАВА I.

Наступали послѣдніе лѣтніе дни. Передъ нашими глазами прекрасный ландшафтъ. Широкая рѣка, ярко освѣщенная послѣобѣденнымъ солнцемъ, быстро несется въ своемъ величественномъ теченіи. Низменные берега ея чѣмъ дальше, тѣмъ становятся живописнѣе; все ближе и ближе подступаютъ къ водѣ скалы, овраги и холмы, поросшіе лѣсомъ. На юго-востокъ мѣстность представляетъ большой полукругъ, за которымъ поднимаются отдѣльныя горы причудливыхъ очертаній, въ видѣ пирамидъ, курфюрстскихъ шапокъ и королевскихъ коронъ. Всюду богатая лѣсная растительность; она наполняетъ лощины густой зеленью, покрываетъ собой уступы и вершины горъ. Темный лѣсъ уже начинаетъ окрашиваться мѣстами въ красный и желтый цвѣтъ. Кругомъ на поляхъ убранъ хлѣбъ. Плодовыя деревья, благодаря роскошной почвѣ, изнемогаютъ подъ тяжестью золотистыхъ плодовъ и такъ наклонили свои вѣтки, что пришлось подпереть ихъ. Эти деревья составляютъ гордость мѣстныхъ жителей, которые довели ихъ до возможнаго совершенства долголѣтнимъ тщательнымъ уходомъ.

По всей равнинѣ разбросаны маленькія деревни, домики изъ сѣраго песчаника, добываемаго изъ сосѣднихъ скалъ, съ крышами крытыми гонтомъ; среди ихъ возвышаются стройныя церковныя башни. На вершинѣ горы, подошва которой густо поросла лѣсомъ, виднѣется издали замокъ съ свѣтлыми окнами, позолоченными яркими лучами солнца. Этотъ замокъ показался бы еще красивѣе усталому путнику, идущему съ сѣвера изъ живописной саксонской столицы, если бы въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него, на выступѣ скалы, не возвышался

другой величественный замокъ съ бѣлыми стѣнами и несмѣтнымъ количествомъ оконъ, который по своей величинѣ, удачно выбранной мѣстности у поворота рѣки и своеобразной архитектурѣ, можно было легко признать за резиденцію гордаго богемскаго рода. Замокъ этотъ былъ недавно оконченъ и по своимъ ограмнымъ размѣрамъ и великолѣпному убранству составлялъ предметъ оживленныхъ толковъ для всѣхъ посѣтителей гостинницы „Краснаго Льва", стоявшей на базарной площади крошечнаго города, который пріютился у самаго подножья замка на склонѣ горы.

Какими иными разговорами могъ занять умный хозяинъ праздныхъ посѣтителей чтобы подолѣе удержать ихъ въ своей гостинницѣ и заставить выпить надлежащее количество венгерскаго?

Въ это время въ политикѣ не происходило ничего особеннаго или, по крайней мѣрѣ, событія очень медленно слѣдовали одни за другими.

Тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пруссаки вышли изъ Саксоніи и могущественная австрійская императрица заключила миръ съ королемъ; въ Турціи и Польшѣ также все было спокойно. Всюду царилъ миръ. Безпрепятственно плывутъ по рѣкѣ лодки, нагруженныя яблоками и грушами, тяжелыя барки съ щебнемъ и плитнякомъ; торговцы ходятъ взадъ и впередъ между Дрезденомъ и Прагой. Богемскіе музыканты и венгерское вино составляютъ неизбѣжную принадлежность всякаго празднества у пограничныхъ жителей. Но повседневныя дѣла не могутъ служить темой долгихъ разсказовъ,—достаточно упомянуть о нихъ. Это какъ-бы изсякшій источникъ, дающій мало воды. Между тѣмъ, въ мірѣ совершилось довольно важное событіе, которое по своимъ послѣдствіямъ отразилось и на глухомъ уголкѣ земли, о которомъ идетъ рѣчь. Это событіе было уничтоженіе іезуитскаго ордена; но умные люди молчали объ этомъ, тѣмъ болѣе, что одно духовное лицо, принадлежавшее къ ордену, жило по сосѣдству и невыгодно было раздражать его. Такимъ образомъ, у бюргеровъ главной темой разговоровъ по прежнему служила постройка новаго замка, обширный графскій садъ и графское семейство.

Трудолюбивое населеніе городка пользовалось извѣстнымъ достаткомъ, благодаря доходомъ съ полеваго хозяйства, разведенію плодовыхъ деревьевъ и судоходству по рѣкѣ. Около базара возвышалось нѣсколько красивыхъ домовъ; не послѣдне мѣсто между ними занимала гостинница „Краснаго Льва", гдѣ сегодня, по случаю субботняго дня, замѣтна особенная толкотня и суета. По улицамъ взадъ и впередъ снуютъ крестьянскія телѣги и всевозможныя повозки; всюду пьютъ, болтаютъ, смѣются или ссорятся люди.

Но по близости замка царитъ полное безмолвіе, такъ какъ не только садъ отдѣленъ отъ городской улицы рѣшеткой и каменной стѣной, но даже подъемъ на гору. обнесенъ съ обѣихъ сторонъ каменными высокими стѣнами. Между замкомъ и городомъ на полу-

стоитъ церковь въ іезуитскомъ стилѣ, съ статуями святыхъ въ стѣнныхъ нишахъ. Церковь эта, сравнительно съ маленькимъ городомъ, слишкомъ богато и великолѣпно разукрашена, что объясняется тѣми преимуществами, которыя богемскія владѣтели этой мѣстности, полтораста лѣтъ тому назадъ, предоставили церкви въ ущербъ горожанамъ.

Изъ воротъ замка вышелъ пожилой человѣкъ съ сѣдыми волосами, одѣтый въ темнозеленый сюртукъ съ большими стальными пуговицами и охотничьимъ ножемъ у пояса и направился къ гостинницѣ „Краснаго Льва“. Въ рѣзкихъ чертахъ его загорѣлаго лица, покрытаго морщинами, можно было прочесть слѣды трудовой жизни въ лѣсу и на полѣ, которая пока еще не надломила его силъ и не согнула спины. По одеждѣ его можно было принять за стараго слугу, но въ его манерахъ, увѣренной походкѣ и легкомъ поклонѣ при встрѣчѣ съ знакомыми на улицѣ и передъ гостинницей, замѣтно было спокойное сознаніе своего достоинства. Выйдя на городскую площадь, онъ остановился и повернулъ голову къ замку; приэтомъ лицо его приняло какое-то неуловимое выраженіе, а сѣрые глаза заискрились. Такого страннаго взгляда не было ни у кого изъ слугъ, носящихъ графскую ливрею, и жителей городка. „На пятьдесятъ шаговъ можно узнать чудака Рейнгарда Рехбергера“—говаривалъ обыкновенно хозяинъ гостинницы Игнатій Губъ. На этотъ разъ Рехбергеръ казался еще болѣе страннымъ, нежели въ обыкновенное время, потому что онъ стоялъ неподвижно на мѣстѣ и пристально глядѣлъ на окна замка съ полунасмѣшливымъ и торжествующимъ видомъ.

Хозяинъ гостинницы нѣкоторое время молча наблюдалъ за нимъ издали; наконецъ подошелъ къ нему и положилъ руку на плечо.

Рехбергеръ повернулъ голову и, какъ бы отвѣчая на собственную мысль, пробормоталъ вполголоса:

— Ну, женщины вездѣ одинаковы; онѣ непостоянны, какъ вѣтеръ; имъ не слѣдуетъ довѣрять все равно, что погодѣ.

— Развѣ вы слышали объ этомъ? спросилъ шепотомъ хозяинъ гостинницы съ кошачьей ужимкой.

— Вышелъ несовсѣмъ пріятный случай! Хорошо еще, если онъ ничѣмъ не кончится. Послѣ такой исторіи не дурно и выпить! Я убѣжденъ, что во всемъ виновата та барыня, наверху...

— Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій, не говорите такъ громко! шепнулъ хозяинъ, указывая своими маленькими лукавыми глазками на толпу, которая расхаживала взадъ и впередъ по базарной площади. Пусть эта исторія останется въ тайнѣ. Не нужно выметать сора изъ избы. И у такихъ знатныхъ людей...

Хозяинъ гостинницы не окончилъ своей фразы и, отвѣсивъ глубокій поклонъ, поспѣшно шмыгнулъ въ свой домъ.

Между тѣмъ, таинственный разговоръ Рехбергера съ хозяиномъ гостинницы обратили на себя общее вниманіе. Теперь многіе заговорили

громко о странномъ слухѣ, который пока передавали другъ другу на ухо подъ величайшимъ секретомъ. Нѣсколько человѣкъ подошли къ Рехбергеру, въ надеждѣ узнать отъ него нѣкоторыя подробности; а одинъ старый крестьянинъ, за благосостояніе котораго ручались серебряные гульдены, нашитые на его длинномъ сюртукѣ въ видѣ пуговицъ, ласково поклонился ему и пожалъ руку. Но остальные, и такихъ оказалось большинство, хотя и были знакомы съ Рехбергеромъ, однако держались на извѣстномъ отдаленіи отъ него, что объяснялось отчасти странностями этого человѣка и главное...

— Онъ лютеранинъ и еретикъ! сказалъ одинъ изъ толпы.

— Онъ не снимаетъ шляпы передъ образами! замѣтилъ другой.

— Если бы онъ былъ только еретикъ! Онъ служилъ вахмистромъ у пруссаковъ и еще чѣмъ-то!.. Развѣ не позоръ для всѣхъ насъ, что такіе порочные люди, которые вредно дѣйствуютъ на нравственность, могутъ свободно жить среди насъ!

— Да помогутъ намъ всѣ святые! Не упускайте изъ виду, что господа въ Прагѣ и Вѣнѣ толкуютъ, будто намъ необходимо вытягивать изъ имперіи умныхъ людей и деньги.

— Не приведи Богъ! Чѣмъ больше людей, тѣмъ дороже хлѣбъ.

— Кто собственно желаетъ этого? Наша милостивая императрица... Впрочемъ, нѣтъ; власть въ рукахъ ея сына, а нашъ нынѣшній императоръ проникнутъ странными мыслями; у него на умѣ однѣ реформы.

Послѣднее замѣчаніе было сдѣлано писаремъ, около котораго собралась толпа недовольныхъ. Разговоръ происходилъ вполголоса, и если кто осмѣливался сжимать руку въ кулакъ, то не иначе, какъ спрятавъ ее въ карманѣ.

Но совсѣмъ иного рода бесѣда шла въ группѣ, окружавшей Рехбергера. Здѣсь каждый шумно и не стѣсняясь выражалъ свои ощущенія:

— Вы ли это, Рехбергеръ? Да благословитъ васъ Господь! сказалъ старый крестьянинъ.

— Васъ уже давно не видать на базарѣ! воскликнулъ другой.

— Вы все проживаете въ лѣсу или въ вашемъ проклятомъ замкѣ!

— Ну, вѣрно недаромъ пожаловали вы къ намъ.

— Что могло случиться? ужъ не обвалились ли стѣны замка?

— Графъ Эрбахъ больше понимаетъ въ этомъ, нежели вы, почтеннѣйшій, и построилъ себѣ домъ на славу! Просто сердце радуется, глядя на множество свѣтлыхъ оконъ.

— Какъ это глупо! возразилъ насмѣшливо Рехбергеръ,—что вамъ за польза отъ множества оконъ? Вы даже не знаете, сколько они стоятъ и кто платилъ за нихъ. Во всякомъ случаѣ, я не позволю вамъ разсуждать о моемъ графѣ, а тѣмъ болѣе издѣваться надъ нимъ.

— Что вы такъ горячитесь? Нечего сказать, хорошо распоряжался вашъ графъ Эрбахъ два года тому назадъ, когда онъ жилъ у насъ.

Онъ вполнѣ выказалъ свою щедрость. Дукаты разлетались у него во всѣ стороны, точно осеннія ласточки.

— Не ваши дукаты разбрасывалъ графъ, и вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла, возразилъ Рехбергеръ. Одинъ, точно чортъ, сидитъ съ своими сокровищами и трясется надъ ними; другой проматываетъ ихъ. Кто весело пожилъ, тому и умирать не скучно. Не спорю, что, быть можетъ, мой графъ иногда перехватывалъ черезъ край; но если вы желаете знать, то я объясню вамъ, почему я не позволяю никому осуждать его. Если бы не графъ, то меня давно не было бы на свѣтѣ; и это такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь. Я всѣмъ обязанъ ему и считаюсь его вѣчнымъ должникомъ, какъ только можно быть обязаннымъ одному Богу, потому что онъ спасъ мнѣ жизнь. Въ 1774 году, 13 октября, когда во время пожара обрушилась башня надъ нашими головами, онъ вынесъ меня изъ огня на своихъ плечахъ... Да, онъ сдѣлалъ это! значитъ, баста!..

Въ то время какъ присутствующіе, уже много разъ слышавшіе эту исторію, сочли нужнымъ еще разъ выразить свое удивленіе, вышелъ къ нимъ хозяинъ гостинницы съ бутылкой и стаканами на подносѣ и началъ разливать вино.

— Баста! Дѣйствительно не стоитъ разговаривать объ этихъ мотахъ, пробормоталъ писарь съ ядовитой усмѣшкой.—Башня лежитъ въ развалинахъ, а великодушный графъ за границей.

Но слова писаря были заглушены голосомъ Рехбергера, который громко провозгласилъ, поднявъ стаканъ надъ своей головой:

— Совѣтую вамъ откупорить уши, если желаете услышать новость! Мой графъ возвращается въ свой замокъ. Его ждутъ сегодня!

Онъ выпилъ разомъ свой стаканъ и опять налилъ его, наслаждаясь живительной влагой съ чувствомъ собственнаго достоинства, которое было вполнѣ естественно въ прежнемъ вахмистрѣ лейбъ-гусарскаго полка короля Фридриха, который въ данное время исполнялъ должность управляющаго и главнаго лѣсничаго имперскаго графа Эрбаха.

Толпа, приведенная въ недоумѣніе неожиданнымъ извѣстіемъ, обступила его со всѣхъ сторонъ, осыпая вопросами: зачѣмъ возвращается графъ? долго ли останется въ замкѣ? что онъ намѣренъ дѣлать: охотиться, устраивать пиры или заниматься постройками? Привезетъ ли онъ съ собой жену? и пр.

Вопросы слѣдуютъ за вопросами, но Рехбергеръ невозмутимъ. Усѣвшись комфортабельно на скамью передъ гостинницей, онъ развязываетъ свой широкій кушакъ изъ черной глянцовитой кожи, вынимаетъ охотничій ножъ и кладетъ его на столъ, растегиваетъ двѣ пуговицы своего длиннаго жилета и вытягиваетъ ноги. Въ эту минуту онъ напоминаетъ своей неподвижностью скалу, о которую ударяютъ вѣчно шумящія волны. Многіе вопросы онъ считаетъ не достойными вниманія, на другіе отвѣчаетъ киваніемъ головы и одно-

сложными фразами. Такимъ образомъ, писарь и всѣ остальные узнали только одно извѣстіе, которое, дѣйствительно, составляетъ для нихъ новость: что графъ возвращался черезъ саксонксую границу и около недѣли пробылъ въ Дрезденѣ. Но о самомъ главномъ Рехбергеръ не сказалъ ни одного слова и въ этомъ отношеніи онъ былъ нѣмъ, какъ рыба.

Между тѣмъ, писарю очень хочется знать: привезетъ ли графъ свою жену? Писарь Венцель Свобода представляетъ собой ходячую хронику мѣстныхъ событій; онъ хорошо помнитъ, сколько было толковъ два года тому назадъ по поводу обрученія графа съ молодой княжной Ренатой Шварценбергъ, и въ особенности у графини Туркъ, жившей въ большомъ замкѣ надъ городомъ. Онъ служилъ у ея сіятельства въ качествѣ домашняго секретаря, прежде чѣмъ сдѣлался городскимъ писаремъ съ приличнымъ содержаніемъ, но это новое назначеніе не помѣшало ему исполнять до извѣстной степени прежнюю должность у своей благодѣтельницы.

Странные слухи ходили уже при обрученіи графа Эрбаха, такъ что многіе были убѣждены, что бракъ совершенно разстроится, хотя вслѣдъ затѣмъ свадьба была отпразднована въ Прагѣ съ большимъ блескомъ и новобрачные уѣхали въ Италію. „Не одни счастливцы ѣздятъ въ Италію!—замѣтила однажды въ разговорѣ старая графиня. Бракъ графа Эрбаха не особенно удаченъ: въ Венеціи молодая графиня разсталась съ своимъ легкомысленнымъ невѣрующимъ мужемъ...“ Писарь принялъ тогда-же къ свѣдѣнію это замѣчаніе, потому что оно могло пригодиться ему въ будущемъ. Въ надеждѣ узнать и теперь что нибудь новое о графинѣ, онъ старается приблизиться къ Рехбергеру и даже садится рядомъ съ еретикомъ на скамью.

Въ большомъ замкѣ произошло неслыханное событіе. Бѣдный маленькій человѣкъ съ ранняго утра, когда графиня позвала его къ себѣ, долженъ былъ имѣть сотни ушей и глазъ, чтобы слышать все, что говорилось на базарѣ. Но въ народѣ былъ извѣстенъ только самый фактъ, который казался тѣмъ ужаснѣе, что онъ былъ связанъ съ непроницаемой тайной.

Наступаетъ вечеръ; тѣни становятся все длиннѣе. Со стороны Лиліенштейна въ Саксоніи, черезъ Винтенбергъ, тянутся грозовыя тучи, сѣровато-черныя съ блѣдно-желтыми краями. Несмотря на желаніе видѣть пріѣздъ графа, крестьяне готовятся къ отъѣзду; на площади остаются женщины, дѣти и горожане. Важная новость облетѣла городъ съ быстротою вѣтра. Графа не каждый день увидишь, думаетъ ремесленникъ и бѣжитъ въ фартукѣ къ гостинницѣ, у которой преимущественно толпится народъ; въ кузницѣ лѣниво раздается стукъ молота; кузнецъ и его подмастерье безпрестанно выглядываютъ на улицу въ ожиданіи, что протрубитъ почтальонъ и прокатитъ карета, запряженная четверней.

Писарь, усѣвшись около Рехбергера, начинаетъ съ нимъ разго-

нялся съ своего мѣста скорѣе отъ нетерпѣнія, нежели отъ неудовольствія на непрошеннаго сосѣда. На церковной башнѣ пробило шесть часовъ; лицо вѣрнаго слуги такъ-же мрачно, какъ туча надъ его головой. Графъ писалъ, что онъ пріѣдетъ въ городъ около полудня, а теперь уже наступаетъ вечеръ. Ужъ не случилось ли съ нимъ какое нибудь несчастіе?..

— Убійство! совершено убійство! проносится въ толпѣ, какъ бы въ отвѣтъ на тревожныя мысли Рехбергера. Двое людей бѣгутъ съ крикомъ изъ сосѣдней улицы, ведущей въ поле и лѣсъ, черезъ который долженъ былъ проѣхать графъ Эрбахъ изъ Дрездена. Одну минуту всѣ окаменѣли на мѣстѣ, точно пораженные громовымъ ударомъ.

— Убійство! повторяли съ ужасомъ женщины. Пресвятая Дѣва, помоги намъ!

Но вотъ виновники тревоги уже на базарѣ. Это бѣдные дровосѣки, которые занимались своей работой въ чащахъ лѣса, принадлежащаго графамъ Турмъ.

— Что случилось? Какой ужасъ! Были ли вы на мѣстѣ? Это должно быть, разбойники!

Трудно было отвѣчать что либо среди всевозможныхъ перекрестныхъ вопросовъ и возгласовъ толпы. Наконецъ писарь Венцель Свобода, черезъ котораго дровосѣки получили дозволеніе рубить лѣсъ въ графскихъ владѣніяхъ, обратился къ нимъ съ допросомъ, въ качествѣ должностнаго лица и графскаго слуги. Для тѣхъ, которые не имѣли съ нимъ никакихъ дѣлъ, онъ представлялъ довольно смѣшную фигуру, благодаря коротенькимъ ножкамъ и длинной шеѣ, которую онъ вытянулъ изъ своихъ горбатыхъ плечъ, стараясь придать лицу строгое выраженіе судьи; но для мелкаго люда онъ былъ тираномъ и могъ скорѣе внушить ненависть, нежели смѣхъ. Ему прежде всего пришло въ голову арестовать обоихъ дровосѣковъ, которыхъ онъ считалъ злодѣями, причастными къ убійству, связать имъ руки и ноги и посадить въ башню. Но въ виду напряженнаго состоянія толпы, онъ не рѣшился лишить ее извѣстія о совершенномъ преступленіи. „Нужно сперва удовлетворить любопытство, подумалъ онъ, я еще успѣю засадить злодѣевъ и допросить ихъ построже“. Успокоивъ себя этими соображеніями, онъ приказалъ замолчать толпѣ своимъ крикливымъ голосомъ.

Тучи надъ городомъ и замкомъ стянулись въ одинъ темный покровъ; порывы вѣтра становились сильнѣе. Блѣдносѣрый колоритъ покрывалъ ландшафтъ, стушевывая всѣ краски. Среди базарной площади въ сѣроватомъ освѣщеніи поднималась каменная статуя святаго съ потемнѣвшимъ золотымъ сіяніемъ. У статуи, прислонившись къ пьедесталу, стоялъ писарь; кругомъ толпился народъ.

Однако, несмотря на возбужденное воображеніе и желаніе услы-

шать одну изъ тѣхъ страшныхъ исторій, которыя такъ нравятся людямъ низкаго уровня образованія, несвязный разсказъ дровосѣковъ, прерываемый перекрестными вопросами писаря, не произвелъ ожидаемаго эффекта, потому что въ немъ не доставало самаго главнаго, а именно—мертваго тѣла. Дровосѣки работали съ ранняго утра на опушкѣ большаго лѣса, въ двухчасовомъ разстояніи отъ города. Въ этой лѣсной дачѣ, перерѣзанной холмами и оврагами, проложено множество тропинокъ, ведущихъ къ проѣзжей дорогѣ, которая связываетъ городокъ съ ближайшими деревнями и доходитъ до самой границы саксонскаго курфиршества. Мѣстность считается несовсѣмъ безопасной, такъ какъ здѣсь контрабандой провозятъ вино и стеклянный товаръ, и нѣтъ недостатка въ браконьерахъ и охотникахъ попользоваться чужимъ лѣсомъ. Дровосѣки только что сѣли завтракать, какъ услышали шумъ, похожій на скрещиваніе двухъ шпагъ...

— Гмъ!.. пробормоталъ писарь, положивъ многозначительно палецъ къ носу... Это имѣетъ видъ поединка, т. е. дуэли между двумя кавалерами; между тѣмъ, они строго запрещены его величествомъ римско-германскимъ императоромъ! Да сохранитъ его Господь.

Дровосѣки продолжали свой разсказъ:

Услыхавъ шумъ, они въ испугѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и бросились къ оврагу, чтобы посмотрѣть, что дѣлается внизу. Но склонъ горы въ этомъ мѣстѣ такъ густо заросъ деревьями и кустарникомъ, что нельзя было ничего разглядѣть. Тогда они рѣшились спуститься въ оврагъ по крутизнѣ; это заняло у нихъ много времени, такъ что когда они сошли внизъ, то здѣсь уже никого не было, хотя въ одномъ мѣстѣ на травѣ видны были слѣды ногъ. Маленькій ручей, почти высохшій отъ лѣсной жары, протекалъ въ ложбинѣ. Здѣсь они нашли маленькую трехугольную шляпу съ перомъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда бѣлый носовой платокъ съ нѣсколькими каплями крови и сломанную шпагу.

Они завернули все это въ узелокъ и бросились бѣгомъ въ городъ.

Писарь по очереди вынималъ вещи и показывалъ народу. Удивленію и возгласамъ не было конца. Вещи не заключали въ себѣ ничего особеннаго, но съ ними была связана таинственная исторія; этого было достаточно, чтобы занять публику.

— Господи Іисусе Христе! Пресвятая Богородица! воскликнула неожиданно одна старуха. — Посмотрите-ка, на шляпѣ желтый шелковый шнурокъ! Вѣдь это шляпа г-на Антоніо. Господи помилуй! я хорошо помню ее, это его шляпа!

Хитрое лицо Венцеля радостно просіяло при этихъ словахъ.

— Вы говорите, что это шляпа сеньора Антоніо Росси, саксонскаго придворнаго пѣвца и музыканта? — спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, да! Это шляпа г-на Антоніо!— отвѣтило разомъ нѣсколько голосовъ.

Послышался глухой раскатъ грома и слился съ говоромъ толпы. Гремѣло вдали; но быстро надвигавшіяся тучи ясно показывали, что гроза приближается и скоро разразится надъ городомъ. Предусмотрительные люди съ женами и дѣтьми спѣшили по домамъ, изъ боязни, что молнія можетъ надѣлать бѣды въ ихъ отсутствіе. Но тѣ, у которыхъ былъ лишній крейцеръ въ карманѣ, предпочли остаться въ гостинницѣ и переждать грозу, чтобы „основательнѣе потолковать" о странномъ приключеніи съ пѣвцомъ. Писарь счелъ своей обязанностью оставить у себя найденныя вещи на храненіе и, завернувъ ихъ въ кусокъ полотна, запечаталъ съ нѣкоторою торжественностью на столѣ гостинницы.

Немного погодя, пришелъ кузнецъ, который особенно интересовался происшествіемъ съ г-номъ Антоніо. За его кузницей былъ большой садъ съ павильономъ, нѣкогда принадлежавшій графской фамиліи и лѣтъ двадцать тому назадъ пріобрѣтенный имъ въ собственность. Въ этомъ павильонѣ жилъ Антоніо Росси, который два лѣта сряду пріѣзжалъ изъ Дрездена и проводилъ мѣсяцъ въ городѣ. Никто не зналъ настоящей причины его пріѣзда, потому что всѣ его занятія состояли въ томъ, что онъ иногда игралъ и пѣлъ въ замкѣ для увеселенія старой графини.

Венцель Свобода съ своей стороны употреблялъ всѣ усилія, чтобы заслужить расположеніе старухи, и считая итальянскаго пѣвца своимъ соперникомъ, втайнѣ ненавидѣлъ его.

Антоніо Росси сдѣлался героемъ дня. Никто не обращалъ болѣе вниманія на Рехбергера, который почти потерялъ надежду на пріѣздъ своего господина. Онъ былъ въ самомъ угрюмомъ настроеніи духа и молча пилъ вино и почти не принималъ участія въ оживленной бесѣдѣ, которая происходила вокругъ него.

Всѣ были заняты итальянцемъ. Помимо того ореола, который придавала ему въ глазахъ большинства извѣстная таинственность, онъ имѣлъ въ себѣ много привлекательнаго. При стройной фигурѣ и общительности, онъ обладалъ красивою наружностью, которая была особенно эффектна, благодаря чернымъ кудрявымъ волосамъ и чернымъ блестящимъ глазамъ. Нѣкоторые настолько восхищались имъ, что называли его такимъ же красивымъ, какъ архангелъ. Вдобавокъ всѣ были въ восторгѣ отъ его голоса—нѣжнаго, высокаго и сильнаго; еще недавно онъ пѣлъ въ церкви въ праздникъ Успѣнія Богородицы и очаровалъ своихъ слушателей. Кузнецъ съ своей стороны сообщилъ нѣкоторыя мелкія черты изъ обыденной жизни его постояльца, которыя лучше всего доказывали его вѣжливость, обходительность и щедрость. При этомъ онъ былъ очень набоженъ и не пропускалъ ни одной церковной службы въ праздничные и воскресные дни, чего трудно было ожидать отъ пѣвца и музыканта. Хотя итальянцы вообще считаются легкомысленнымъ народомъ и дѣйствительно позволяютъ себѣ съ женщинами разныя шутки и вольности, которыя не приняты у серьез-

ныхъ нѣмцевъ, но и въ этомъ Антоніо составлялъ счастливое исключеніе. Онъ не имѣлъ въ городѣ ни одной любовной связи и не обращалъ никакого вниманія на самыхъ красивыхъ женщинъ; онъ всюду являлся одинъ, одѣтый въ черное платье; лицо его было всегда серьезно и задумчиво, какъ будто у него на сердцѣ была особенная забота...

Венцель Свобода молча выслушивалъ всѣ эти разсужденія; глаза его были полуоткрыты, онъ положилъ обѣ руки на запечатанный свертокъ, точно боялся, что кто нибудь похититъ у него захваченныя corporibus delicti. Но тѣмъ ревностнѣе поглащали его уши всякое произнесенное слово, и въ головѣ его мало по малу сплеталась цѣлая сѣть; когда у него являлась особенно счастливая мысль, онъ одобрительно кивалъ головой и тщательно свернутая косичка выбивала тактъ на его спинѣ.

Между тѣмъ, разговоръ собравшагося общества отъ красиваго пѣвца перешелъ къ высокопоставленнымъ обитателямъ замка. Одинъ нескромный собесѣдникъ замѣтилъ съ улыбкой:

— Я воображаю себѣ, какое лицо скорчитъ графиня Турмъ, когда услышитъ, какая печальная исторія случилась съ ея пѣвцомъ.

При этихъ словахъ писарь вскочилъ съ своего мѣста точно ужаленный змѣей; косичка его также пришла въ усиленное движеніе.

— Кто это позволяетъ себѣ сопоставлять имя ея сіятельства, графини Турмъ, съ какимъ-то бродягой! воскликнулъ онъ съ досадой.— Слыханное ли это дѣло! Развѣ можно выражаться такимъ образомъ о господахъ? Вотъ послѣдствія такъ называемыхъ реформъ, которыми всѣ восхищаются въ Вѣнѣ! Если они тамъ въ присутствіи его величества должны держать языкъ за зубами, то намъ не пристало молчать, когда дѣло идетъ о нашихъ господахъ... Вы забываете, сударь, добавилъ писарь, обращаясь къ смѣльчаку,—что у начальства тонкій слухъ и длинныя руки.

— Но, г. писарь...

— Я не желаю выслушивать вашихъ оправданій! Можете говорить о бродягѣ сколько вамъ угодно; пѣвцы и комедіанты—люди вольные; ихъ чести не затронешь, потому что у нихъ нѣтъ чести. Но ея сіятельство...

Рѣчь оратора была прервана громкимъ и веселымъ хохотомъ Регбергера, который смѣрилъ его съ головы до ногъ многозначительнымъ насмѣшливымъ взглядомъ. Венцель смутился, пробормоталъ нѣсколько словъ и, схвативъ со стола трехугольную шапку и пакетъ, бросился стремглавъ изъ комнаты.

— Что съ нимъ! Ужъ не рехнулся ли онъ? спросилъ съ удивленіемъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Пусть убирается къ чорту эта ядовитая тварь!

— Онъ переполненъ желчью и вѣчно наушничаетъ ея сіятельству.

— Вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ побѣжалъ къ замку...

— Тамъ онъ сразу выложитъ всѣ новости и клеветы!

— Онъ до смерти надоѣлъ слугамъ своимъ наушничаньемъ. Говорятъ, молодой графинѣ не сладко жилось у бабушки.

Послѣ ухода писаря, разговоръ бюргеровъ сдѣлался еще непринужденнѣе; теперь никто не стѣснялъ ихъ, и неизвѣстно до чего договорились бы они, если бы приходъ двухъ новыхъ посѣтителей не привлекъ общаго вниманія.

Въ этотъ самый моментъ гроза съ ливнемъ разразилась съ полной силой. Порывъ вѣтра вырвалъ дверь изъ рукъ вошедшаго; она съ трескомъ захлопнулась за нимъ; молнія освѣтила полумрачныя комнаты гостинницы.

— Плохой знакъ, ваше преподобіе, мы вступаемъ въ гавань подъ раскатами Юпитеровскихъ громовъ! сказалъ статный господинъ, который первый вошелъ въ комнату, и не снимая шляпы, приложилъ къ ней руку въ видѣ поклона... Добрый вечеръ...

— Какой чортъ... воскликнулъ Рехбергеръ, но не договорилъ проклятія, которымъ хотѣлъ встрѣтить непрошенныхъ гостей и, бросившись къ незнакомцу, схватилъ его руку и прижалъ къ губамъ. Сердечная радость освѣтила рѣзкія и суровыя черты его лица; слезы подступили къ его глазамъ, и онъ спросилъ заикаясь:

— Вы ли это, графъ?..

— Какъ видишь! возразилъ тотъ съ веселой улыбкой. Здоровъ и бодро держусь на ногахъ, хотя мы съ святымъ отцомъ сдѣлали порядочную прогулку. Очень радъ, Рехбергеръ, что вижу опять твое честное лицо. Почтенный патеръ, позвольте мнѣ представить вамъ моего стараго пріятеля; въ моей жизни, я не встрѣчалъ болѣе вѣрнаго и надежнаго человѣка.

— Мое нижайшее почтеніе, ваше сіятельство! сказалъ трактирщикъ, почтительно раскланиваясь передъ графомъ. Не угодно ли будетъ вашему сіятельству слѣдовать за мной... Вѣроятно, карета и слуги...

— На этотъ разъ ты ошибся, замѣтилъ со смѣхомъ графъ Эрбахъ. Мы избавили тебя отъ лишнихъ хлопотъ; позаботься только объ особѣ имперскаго графа и приготовь ему комнату наверху. А пока я отдохну здѣсь. Прошу васъ, садитесь патеръ Роттанъ, добавилъ графъ, указывая своему спутнику на маленькій столъ у окна, къ которому Рехбергеръ придвинулъ два стула.

Послѣдній не сводилъ глазъ съ своего господина, какъ будто хотѣлъ разглядѣть всякую морщину или перемѣну въ выраженіи лица, которая могла произойти во время ихъ разлуки. Рехбергеръ не сопровождалъ графа въ его послѣднемъ путешествіи и остался въ замкѣ въ качествѣ управляющаго богемскихъ имѣній графа. Онъ покорился этому, скрѣпя сердце, но для него не оставалось иного исхода: жена его умерла, и онъ не хотѣлъ оставить свою единственную взрослую дочь на чужой сторонѣ между католиками. Рехбергеръ

былъ родомъ изъ Франконіи, какъ и графъ Эрбахъ, который по своему франконскому помѣстью носилъ титулъ графа священной римско-германской имперіи. Въ началѣ столѣтія, семейство графа водворилось въ Богеміи, вслѣдствіе покупки имѣній и заключенныхъ браковъ; скоро родъ ихъ занялъ видное положеніе между мѣстной аристократіей.

Чѣмъ больше Рехбергеръ смотрѣлъ на своего господина, тѣмъ тревожнѣе становилось выраженіе его лица. Въ наружности графа не произошло никакой перемѣны, онъ какъ будто сдѣлался еще стройнѣе; но, тѣмъ не менѣе, тяжелое чувство наполняло сердце вѣрнаго слуги. Неужели графъ прошелъ горы пѣшкомъ безъ слугъ. Что за странная фантазія! Съ другой стороны, что̀ могло сблизить его съ этимъ священникомъ!.?..

Патеръ Роттанъ принадлежалъ къ бывшему іезуитскому ордену и пользовался большой милостью у правительства въ Прагѣ и у знатнаго дворянства.

Рехбергеръ, какъ истый лютеранинъ, приходилъ въ ужасъ при одномъ имени „іезуитъ". На своей франконской родинѣ, затѣмъ въ военномъ лагерѣ короля Фридриха и всюду, гдѣ ему потомъ приходилось бывать съ графомъ, онъ вездѣ слышалъ разныя исторіи объ ихъ громадномъ вліяніи, алчности, мстительности и жестокости. Ему казалось, что іезуиты играютъ ту же роль среди людей, какъ кроты и змѣи въ мірѣ животныхъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что папа Ганганелли, уничтожившій іезуитскій орденъ, былъ втайнѣ лютераниномъ и что іезуиты отравили его медленнымъ ядомъ. Когда графъ женился на католической княжнѣ Шварценбергъ, вѣрный слуга откровенно высказалъ ему свои опасенія относительно этого брака, грозившаго опасностью его протестанскимъ убѣжденіямъ и спасенію души. Графъ, при своемъ тогдашнемъ легкомысліи и вольнодумствѣ, разсмѣялся ему въ лицо и спросилъ: не находитъ ли онъ въ немъ склонности къ монашеству?.. А теперь графъ неожиданно возвращается въ свой замокъ въ обществѣ іезуита. Неужели онъ до такой степени измѣнился въ Италіи, что обратился въ католичество! Рехбергеръ терялся въ догадкахъ, не предвидя конца ужасамъ, которые представлялись его воображенію.

Тотъ, къ кому относились всѣ эти опасенія, всего менѣе подозрѣвалъ ихъ и спокойно пилъ токайское.

Графъ Эрбахъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ добрымъ, открытымъ лицомъ и ясными голубыми глазами. Его стройная, изящная фигура, высокій лобъ и тонкоочерченныя губы свидѣтельствовали о знатности происхожденія и великодушномъ сердцѣ. Но опытный физіономистъ, глядя на это красивое правильное лицо, гдѣ не было ни одной рѣзкой линіи, скоро замѣтилъ бы въ немъ отсутствіе упорной воли. Въ этомъ убѣждался всякій, кто близко зналъ графа Эрбаха. Это былъ человѣкъ, который легко подчинялся чужому вліянію;

охотно брался за всякое дѣло, но никогда не кончалъ его, такъ какъ при своей порывистой и живой натурѣ не имѣлъ никакой выдержки и всегда дѣйствовалъ сообразно первому впечатлѣнію. Онъ беззаботно сидѣлъ у стола, облокотясь о спинку стула и скрестивъ ноги, въ своемъ коричневомъ бархатномъ камзолѣ съ золотыми пуговицами и въ свѣтломъ богато-вышитомъ длинномъ жилетѣ, изъ кармана котораго висѣла тяжелая старинная цѣпочка отъ часовъ. Дорожная шляпа слегка прикрывала напудренные завитые волосы, приглаженные на вискахъ. Узкія изящныя руки были наполовину покрыты кружевными манжетами; пальцами одной руки онъ барабанилъ по столу, другая лежала на колѣняхъ. Во всей его позѣ, въ улыбкѣ, съ какой онъ осматривалъ тѣсную комнату и окружавшее его общество, не было и тѣни чванства, но только спокойное сознаніе преимуществъ, которыя даетъ богатство, образованіе и комфортабельное положеніе въ свѣтѣ.

Его спутникъ, сидѣвшій съ другой стороны стола, составлялъ рѣзкую противоположность съ нимъ. Помимо длинной одежды и темныхъ волосъ съ выбритой макушкой, маленькая, невзрачная фигура патера, съ его вкрадчивыми манерами, не имѣла ничего общаго съ рослой фигурой графа и его свободнымъ обращеніемъ. Но еще сильнѣе было другаго рода различіе между ними, которое трудно выразить на словахъ, но которое, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ всякій. При взглядѣ на открытое лицо графа, каждому казалось, что онъ свободно читаетъ въ его доброжелательной душѣ, принимающей сердечное участіе въ людскихъ дѣлахъ, радостяхъ и горѣ, между тѣмъ, какъ маленькіе зеленоватые глаза патера оставались для всѣхъ закрытой книгой. Они какъ будто скользили по предметамъ, не останавливаясь ни на одномъ изъ нихъ; въ этихъ глазахъ было что-то темное, неразгаданное, но въ высшей степени непріятное. Патеръ Роттанъ былъ нѣсколькими годами старше графа; на видъ ему было около сорока лѣтъ; цвѣтъ его лица имѣлъ какой-то свинцовый оттѣнокъ; верхняя губа была значительно длиннѣе нижней и крѣпко сжимала ее. Патеръ выпилъ только небольшой глотокъ вина изъ стоявшаго передъ нимъ стакана.

На дворѣ бушевала буря; въ гостинницѣ наступила мертвая тишина.

Бюргеры не рѣшались продолжать свой разговоръ въ присутствіи графа; многіе изъ уваженія къ нему отложили въ сторону свои трубки.

— Какая отличная буря, патеръ! сказалъ графъ. Мнѣ кажется, что она не только разгонитъ тучи на небѣ, но и заботы въ моемъ сердцѣ.

— Врядъ ли кто станетъ отвергать вліяніе могущественной природы на наши нервы и настроеніе духа; меня только удивляетъ, ваше сіятельство, почему доктора такъ мало обращаютъ вниманія на подобныя явленія...

насъ представляетъ извѣстную струну: Рехбергеръ, напримѣръ, годится для генералъ-басса, я для второй скрипки и т. д. Изъ всего этого можетъ составиться гармоническое цѣлое; такимъ, вѣроятно, и представляется Всевышнему общій концертъ вселенной, но намъ вся эта музыка рѣжетъ уши, потому что мы слышимъ скрипъ отдѣльныхъ струнъ. Одни только явленія природы настраиваютъ ихъ въ одинъ общій аккордъ. Гроза на нѣсколько часовъ заставляетъ насъ забыть всѣ диссонансы въ видѣ заботъ и тревогъ, которыя мучатъ насъ въ обыкновенное время...

— Вы не можете себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ я слушаю, ваше сіятельство. Ваши слова имѣютъ для меня тѣмъ большую цѣну, что въ здѣшнемъ уединеніи на мою долю рѣдко выпадаетъ счастье встрѣтить такого знатока и любителя природы...

— Но любителя диллетанта, почтенный патеръ. Вы, ученые люди, стараетесь изслѣдовать тайны природы; я только наслаждаюсь ею. Вы, благодаря своимъ знаніямъ, смотрите на дѣло серьезнѣе, нежели мы, которые по рожденію и воспитанію поставлены въ совершенно иныя условія. Гдѣ намъ бродить по горамъ съ молоткомъ въ рукѣ и отыскивать камни; я даже встрѣтилъ васъ за этимъ занятіемъ, а намъ мѣшаютъ сословные предразсудки.

На лицѣ патера появилась неуловимая улыбка. Онъ подумалъ: „отъ тебя зависитъ обращать на нихъ вниманіе или нѣтъ“; но не высказалъ своей мысли и скромно замѣтилъ:

— Музы снисходительны къ высокопоставленнымъ лицамъ; покровительство, оказанное ими искусству или наукѣ, имѣетъ такое же значеніе, какъ еслибы они сами были учеными или художниками, и даже болѣе этого. Такому просвѣщенному покровительству итальянцы обязаны своими лучшими картинами, своими операми и музеями...

— У васъ на все готовый отвѣтъ, патеръ. Но вернемся къ нашему предъидущему разговору. Объясните мнѣ, пожалуйста, какъ это случилось, что такой ученый естествоиспытатель, какъ вы, остается здѣсь, въ этомъ глухомъ гнѣздѣ, когда ваше настоящее назначеніе— профессорство въ Прагѣ или Вѣнѣ!

Лицо патера сдѣлалось еще непроницаемѣе и онъ торжественно произнесъ стихъ Виргилія: „Deus nobis haec otia fecit“.

— Вы намекаете на уничтоженіе вашего ордена, но я думаю, что это не можетъ помѣшать вамъ. Они должны были оцѣнить ваши знанія; какое имъ дѣло до вашего священническаго одѣянія?

— Мое начальство противъ этого, отвѣтилъ патеръ такимъ тономъ, который явно показывалъ желаніе прекратить непріятный разговоръ.— Люди безсильны противъ ударовъ судьбы и должны безропотно переносить ихъ. Я получилъ разрѣшеніе жить, гдѣ мнѣ вздумается, и пріѣхалъ сюда на нѣкоторое время, чтобы изслѣдовать эту часть горъ. Графское семейство отнеслось ко мнѣ благосклонно и,

благодаря этому, я могу назвать мое настоящее положеніе вполнѣ удовлетворительнымъ.

— Вы философъ, патеръ; если я долѣе останусь въ вашемъ обществѣ, то, вѣроятно, также почувствую склонность къ философіи. Теперь началась для человѣчества новая эра; господство меча кончилось; немало пролито крови въ безконечныхъ войнахъ. Мы дожили до золотаго вѣка. Фэбъ уже запрягаетъ своихъ лучезарныхъ коней; ему предшествуетъ миръ, въ сопровожденіи музъ и грацій, которыя посыпаютъ ему путь цвѣтами. Снова зацвѣли поля и нивы; города украшаются съ каждымъ днемъ. Старые предразсудки падаютъ; надъ бездонными пропастями воздвигаются мосты. Кому обязаны мы всѣмъ этимъ? Успѣхамъ естествознанія, развитію натуральной философіи. Лозунгъ нашего вѣка: „смѣлость мысли и рѣшимость сдѣлаться человѣкомъ!“ Наше единственное спасеніе—возвратъ къ неиспорченной природѣ, братство между людьми, религія природы...

Графъ, по своей привычкѣ, говорилъ полу-шутя и полу-серьезно; но, взглянувъ случайно на длинное черное платье своего собесѣдника, остановился. Ему показалось неумѣстнымъ превозносить поклоненіе природѣ въ присутствіи духовнаго лица и онъ тотчасъ же далъ другой оборотъ разговору.

— Вѣяніе новаго времени, продолжалъ онъ,—повидимому, коснулось и этого отдаленнаго уголка Богеміи. Я слышалъ, что мой двоюродный братъ на славу украсилъ свой садъ. Я съ удовольствіемъ думаю о томъ, что опять буду гулять подъ этими роскошными деревьями. Вы, вѣроятно, ежедневно наслаждаетесь этимъ?

— Ея сіятельство графиня позволила мнѣ пользоваться садомъ во всякое время.

— Не можете ли вы сообщить мнѣ: гдѣ молодая графиня Корона— наверху въ замкѣ или у своего отца въ Вѣнѣ? спросилъ какъ бы мимоходомъ графъ, отпивая глотокъ вина.

— Она въ замкѣ.

Рехбергеръ, стоявшій за стуломъ своего господина, не могъ удержаться отъ смѣха, который онъ напрасно старался заглушить кашлемъ, такъ что графъ оглянулся и спросилъ, что съ нимъ? Неизвѣстно, насмѣшило ли его лицо Рехбергера, который дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы казаться серьезнымъ, или въ головѣ графа промелькнула веселая мысль, только на губахъ его появилась непрошенная улыбка.

— Не удивляйтесь моему любопытству, господинъ патеръ, сказалъ онъ.—Благодаря продолжительному отсутствію, я сдѣлался совсѣмъ чужимъ человѣкомъ въ этой мѣстности, тѣмъ болѣе, что уже давно не имѣлъ извѣстій о графѣ Турмъ, его женѣ и дочери. Два года прошло съ тѣхъ поръ. Въ это время многое могло измѣниться. Когда я уѣзжалъ отсюда, Корона была молоденькой дѣвочкой...

Графъ Эрбахъ на минуту закрылъ глаза и, казалось, предался

направленіе.

— Но кто совсѣмъ не измѣнился, такъ это хозяинъ „Краснаго Льва". Онъ такой же хлопотунъ, какъ и прежде, и такъ же красенъ. Вотъ и мой старый пріятель, кузнецъ, который столько разъ подковывалъ моего Аріэля. Не правда ли, славный былъ конь—темносѣрый, въ яблокахъ! Но онъ упалъ въ одинъ прекрасный день и сломалъ себѣ ребра! Все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ: люди, лошади, деревья, великолѣпные замки!.. Однако, врядъ ли кто изъ насъ такъ радуется грозѣ, какъ нашъ почтенный стекольщикъ. Посмотрите, какое у него хитрое лицо; онъ думаетъ: пусть свирѣпствуетъ буря и перебьетъ побольше оконъ, мнѣ же будетъ работа! Вы, вѣроятно, все еще сердитесь на меня, что я не велѣлъ вставить новыхъ стеколъ въ моемъ старомъ охотничьемъ домѣ. Я непремѣнно сдѣлаю это... Не хорошо умирать на чужбинѣ. Я надѣюсь, господинъ гробовщикъ, что вы сколотите мнѣ хорошій гробъ, когда дѣло дойдетъ до того. Много ли тогда нужно человѣку: нѣсколько досокъ и фута два земли... Не приходите въ ужасъ, господинъ патеръ. За бутылкой вина у насъ всегда являются набожныя мысли... Мнѣ, вѣроятно, придется пробыть здѣсь нѣкоторое время, и потому пью за здоровье моихъ добрыхъ сосѣдей!

Графъ всталъ съ своего мѣста и обошелъ кругомъ стола, пожимая руки смущеннымъ бюргерамъ, которые были очень польщены такимъ вниманіемъ. Лицо Рехбергера сіяло отъ удовольствія; онъ охотно сказалъ бы ненавистному монаху, который былъ, видимо, удивленъ поведеніемъ графа: „вотъ тебѣ! мой баринъ не станетъ долго няньчиться съ тобой и спровадитъ тебя къ чорту съ твоимъ іезуитствомъ". Но онъ долженъ былъ молчать, и съ восхищеніемъ смотрѣлъ на графа, который умѣлъ всякому сказать что нибудь пріятное и обходился со всѣми, какъ съ старыми пріятелями. Простодушные бюргеры были тронуты до глубины души. Графъ былъ легкомысленный, расточительный господинъ, и безцеремонно обходился съ своимъ кошелькомъ, такъ что подчасъ трудно было получить отъ него плату за работу; столяръ помнилъ, что ему не заплатили по одному счету, но подобная минута заставитъ забыть и болѣе важныя вещи. Такіе господа, какъ графъ Эрбахъ, составляютъ рѣдкость. Онъ умѣетъ такъ говорить, что тепло становится на сердцѣ!..

Графъ вернулся на прежнее мѣсто и, окинувъ взглядомъ присутствующихъ, сказалъ:

— Одного недостаетъ между вами, а въ мое время онъ представлялъ собою звѣзду первой величины. Развѣ онъ не бываетъ больше въ гостинницѣ „Краснаго Льва", которая лучшая въ городѣ и гдѣ, сравнительно съ другими, всего меньше поддѣлываютъ вино? Онъ вѣрно сидитъ въ своей комнатѣ за составленіемъ актовъ. Однимъ словомъ, гдѣ вашъ писарь, Венцель Свобода?

Бюргеры смѣются, но никто не рѣшается отвѣтить; наконецъ, патеръ сказалъ:

— Если я не ошибаюсь, графъ, то мы встрѣтили его за угломъ гостинницы; онъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ въ замокъ.

Кузнецъ воспользовался наступившимъ молчаніемъ и началъ разсказывать таинственную исторію о найденной шляпѣ Антоніо Росси и окровавленномъ носовомъ платкѣ. Онъ говорилъ безсвязно и безпрестанно останавливался; однако, съ помощью Рехбергера кончилъ свой разсказъ, видимо заинтересовавшій патера, который былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ пѣвцомъ.

— Я давно замѣчалъ въ немъ склонность къ меланхоліи, сказалъ онъ, обращаясь къ графу. — Она особенно усилилась въ немъ въ послѣднее время и легко могла довести его до самоубійства. Теперь я упрекаю себя, что, видя душевное разстройство молодаго человѣка, не слѣдилъ за нимъ и не употребилъ всѣ усилія, чтобы утѣшить его. Если дѣйствительно съ нимъ случилось несчастіе!..

Волненіе патера, который казался всегда такимъ невозмутимымъ, удивило графа.

— Я неособенно вѣрю всѣмъ этимъ ужасамъ, замѣтилъ онъ, — поединки и самоубійства случаются очень рѣдко. Какъ легко можетъ поскользнуться неосторожный путникъ на этихъ горныхъ тропинкахъ и упасть въ оврагъ! Такое паденіе не всегда кончается смертью. Пѣвецъ могъ поплатиться испугомъ или сломанной ногой.

— Но дровосѣки положительно утверждали, что они слышали бряцаніе шпагъ, почтительно замѣтилъ Рехбергеръ, обращаясь къ своему господину.

Графъ приложилъ палецъ къ губамъ, дѣлая этимъ знакъ, чтобы онъ замолчалъ и, покачавъ задумчиво головой, неожиданно перемѣнилъ разговоръ, что случалось съ нимъ довольно часто.

— Въ жизни встрѣчаются еще большія несообразности, нежели въ операхъ Метастазіо. Бури, похищенія, поединки... недостаетъ только миѳическихъ боговъ, сходящихъ съ неба... Какъ бы вы себя чувствовали, почтенный патеръ, если бы мы теперь мокли подъ дождемъ въ открытомъ полѣ, вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь въ сухомъ платьѣ за бутылкой вина? Я воображаю себѣ, какое бы нашло на насъ грустное и непріятное настроеніе духа!

Гроза стихла; порывы вѣтра становились слабѣе; только изрѣдка слышались глухіе раскаты грома. На темно-свинцовомъ небѣ показались бѣловатыя пятна; дождевыя капли стали рѣже. Мало-по-малу обозначались цвѣта радуги, которая образовала широкій сводъ надъ рѣкой; одинъ конецъ ея упирался въ зубцы скалъ по ту сторону рѣки, другой опускался къ темному лѣсу на горѣ, прозванной у народа Розенбергомъ. Въ низкой комнатѣ гостинницы „Краснаго Льва" сдѣлалось невыносимо душно, и если бы присутствіе графа не стѣсняло бюргеровъ, то они отворили бы настежъ окна и двери. По-

этому всѣ были довольны, когда хозяинъ явился съ „нижайшимъ" докладомъ, что парадная комната въ верхнемъ этажѣ приготовлена для его сіятельства и что изъ ея оконъ прекрасный видъ на рѣку и садъ.

Графъ всталъ съ своего мѣста и собирался проститься съ патеромъ, но тутъ неожиданно отворилась дверь, выходившая на базарную площадь, и на порогѣ показался Венцель Свобода, въ самой почтительной позѣ и съ шляпой подъ мышкой.

— Ваше сіятельство, началъ онъ послѣ нѣсколькихъ поклоновъ,— если вамъ угодно будетъ милостиво выслушать вашего покорнаго слугу и простить его несвоевременный визитъ... Моя благородная покровительница, ея сіятельство и милостивая госпожа графиня Елизавета Турмъ, узнавъ о пріѣздѣ вашего сіятельства, предлагаетъ вамъ остановиться въ ея замкѣ.

— Передайте графинѣ мою глубочайшую благодарность; но теперь гроза прошла и я могу доѣхать до дому.

— Не согласится ли, по крайней мѣрѣ, ваше сіятельство посѣтить графиню на нѣсколько минутъ?

Графъ стоялъ въ нерѣшимости среди комнаты.

Писарь подошелъ къ нему и сказалъ шепотомъ:

— Графиня очень желаетъ переговорить съ вашимъ сіятельствомъ... Семейныя дѣла...

— Хорошо! Мы должны повиноваться дамамъ, отвѣтилъ графъ.

— Ея сіятельство прислала вамъ свой портшезъ; онъ ждетъ вашу милость на дворѣ гостинницы.

— Подождите одну минуту, я тотчасъ вернусь, сказалъ графъ и, пригласивъ Рехбергера слѣдовать за нимъ, поднялся въ верхній этажъ, гдѣ находилась парадная комната, приготовленная для него хозяиномъ гостинницы. Здѣсь графъ стряхнулъ пыль съ своего дорожнаго платья, изрѣдка обмѣниваясь односложными словами съ своимъ преданнымъ слугой. Предстоящее свиданіе привело графа въ такое дурное расположеніе духа, что онъ едва могъ владѣть собой.

— Лучше было бы сдѣлать невѣжливость, чѣмъ соглашаться на этотъ визитъ... сказалъ онъ съ досадой.

— Говорите прямо то, что вы думаете, графъ. Эту іезуитку щадить нечего.

— Она разсчитываетъ, что все забыто или, какъ она выражается, „поросло травой".

Графъ стоялъ у открытаго окна. Рѣка, горы и лѣсъ были освѣщены золотистыми лучами вечерняго солнца. Дождевыя капли на листьяхъ, травѣ и камняхъ сверкали алмазными искрами. Радуга на небѣ поблѣднѣла и приняла слабый зеленовато-красный цвѣтъ.

— Ты пріѣхалъ сюда верхомъ?

— Нѣтъ, я пришелъ пѣшкомъ, а для васъ, графъ, я приказалъ

заложить охотничій экипажъ; вы всегда охотно ѣздили въ немъ; онъ здѣсь съ полудня.

— Ты добрый и честный парень.

Графъ указалъ рукой на небольшой замокъ, виднѣвшійся издали на горѣ, поросшей лѣсомъ, надъ которымъ поднимался голубоватый туманъ. Окна и зубцы башенъ казались огненными отъ солнца.

— Это нашъ замокъ! сказалъ Рехбергеръ.

Графъ ласково кивнулъ ему головой и собирался выйти.

— Вели запречь экипажъ, мы тотчасъ же поѣдемъ, когда я вернусь изъ замка.

Рехбергеръ подошелъ къ своему господину и шепнулъ ему на ухо:

— Сегодня ночью графиня Корона убѣжала изъ замка.

Ни одна черта не шевельнулась на лицѣ графа при этомъ извѣстіи; онъ или зналъ о бѣгствѣ молодой дѣвушки, или считалъ его вполнѣ естественнымъ.

Сойдя внизъ въ общую комнату, онъ подалъ руку іезуиту Ротгану.

— До свиданія, почтенный патеръ. Надѣюсь увидѣть васъ черезъ нѣсколько дней въ моемъ домѣ. Прошу не забывать меня; я, по крайней мѣрѣ, не намѣренъ терять изъ виду такого пріятнаго собесѣдника.

Услужливый писарь и хозяинъ гостинницы бросились отворять дверь.

ГЛАВА II.

Графъ Эрбахъ предавался невеселымъ размышленіямъ, сидя въ портшезѣ, который несли слуги по дорогѣ къ замку. Неудобное положеніе въ тѣсномъ ящикѣ съ стеклянными стеклами еще болѣе увеличивало его дурное расположеніе духа. Если бы его не удерживала боязнь нарушить свѣтскія приличія, то онъ навѣрно обратился бы въ бѣгство, тѣмъ болѣе, что его ожидало самое непріятное объясненіе съ графиней. Онъ считалъ молчаніе наилучшимъ способомъ защиты и заранѣе закалялъ себя противъ колкостей, упрековъ и обвиненій старой дамы, которыя, по его мнѣнію, были неизбѣжны. Когда онъ поворачивалъ голову и видѣлъ маленькаго горбатаго писаря съ злымъ лицомъ, который, не отставая ни на одинъ шагъ, шелъ съ правой стороны портшеза, то ему казалось, что онъ государственный преступникъ, котораго влекутъ къ судьямъ на допросъ. Это представленіе мало по малу развеселило его; онъ, улыбаясь, щелкнулъ пальцами съ видомъ человѣка, который надѣется вывернуться изъ бѣды.

Въ этотъ моментъ портшезъ остановился у внутреннихъ воротъ замка и писарь отворилъ ему дверцы.

Графъ долженъ былъ подняться на нѣсколько лѣстницъ и пройти множество комнатъ въ сопровожденіи слугъ, изъ которыхъ двое шли спереди, два сзади. Всюду у дверей и въ длинныхъ корридорахъ онъ встрѣчалъ праздныхъ слугъ, которые съ любопытствомъ разсматривали рѣдкаго гостя и перешептывались между собой. Наконецъ, графа ввели въ комнату старой графини. Онъ поцѣловалъ руку ея сіятельства и повелъ ее обратно къ креслу, съ котораго она встала, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу.

Комната освѣщалась свѣчами; гардины были спущены, но окна оставались открытыми, потому что графъ почувствовалъ благодѣтельную прохладу. Стѣны были оклеены темными обоями съ широкими золотыми полосами и украшены старинными портретами предковъ— мужчинъ и женщинъ прошлаго и текущаго столѣтій. На креслѣ съ мягкой обивкой чопорно сидѣла шестидесятилѣтняя дама съ сѣдыми красиво причесанными волосами; она держала въ рукахъ вѣеръ и кружевной носовой платокъ.

— Вѣроятно, бывшая красавица не пожалѣла румянъ и разныхъ притираній, чтобы казаться моложе, подумалъ графъ, но онъ не могъ убѣдиться въ этомъ, потому что лицо дамы оставалось въ тѣни, между тѣмъ какъ онъ самъ былъ освѣщенъ полнымъ блескомъ свѣчей. На графинѣ сверхъ фижмъ была одѣта сѣрая юбка изъ тяжелой шелковой матеріи, подобранная черными кружевами и атласными буфами; черный газовый платокъ, завязанный сзади, плотно облегалъ ея шею и плечи.

Когда ея сіятельство нагибалась впередъ, чтобы лучше разслышать слова графа Эрбаха, такъ какъ она становилась туга на ухо, то можно было видѣть въ профиль выдающійся впередъ подбородокъ, орлиный носъ, большіе сѣрые неподвижные глаза. Во всей фигурѣ знатной дамы, въ тонѣ ея жесткаго повелительнаго голоса, было нѣчто, что внушало невольное уваженіе, но ни въ какомъ случаѣ не сердечную привязанность и участіе.

Послѣ первыхъ привѣтствій, хозяйка дома возобновила свое приглашеніе, чтобы графъ остался ночевать въ замкѣ; но онъ вѣжливо отказался.

— Я такъ долго жилъ на чужбинѣ, что заранѣе мечтаю о той ночи, которую опять проведу въ своемъ домѣ. Вотъ уже почти два года, дорогая кузина, какъ странствую съ мѣста на мѣсто.

— Но эта жизнь пошла вамъ впрокъ, милый кузенъ; у васъ такой цвѣтущій и веселый видъ.

— Эту веселость вы отчасти должны приписать себѣ, графиня. Могу ли я не радоваться вашему любезному пріему послѣ того, что произошло между нами.

— Ничего особеннаго не произошло между нами! Неужели, кузенъ, вы сомнѣваетесь въ моемъ расположенiи?

— Избави Богъ, дорогая кузина! Я только разъ въ жизни осмѣлился поступить противъ вашего желанія, женившись на дѣвушкѣ, которую вы выбрали для вашего внука.

Графиня закашляла, чтобы скрыть свое смущеніе. — Я не могла заставить моего внука влюбиться въ Ренату Шварценбергъ. Впрочемъ, вы привезли ее сюда, а не мой внукъ, и слѣдовательно имѣли полное право жениться на ней. Но теперь вы должны отдать справедливость моей проницательности: имперскій графъ Эрбахъ и княжна Шварценбергъ были неподходящая пара.

Слова эти были сказаны жесткимъ, сухимъ тономъ, который произвелъ тяжелое впечатлѣніе на сердце графа Эрбаха, взволнованное воспоминаніями о прежнихъ счастливыхъ дняхъ.

— Я знаю, что вашимъ сіятельствомъ въ данномъ случаѣ руководило желаніе добра, отвѣтилъ онъ полу-серьезно и полу-насмѣшливо. —Я это почувствовалъ въ Венеціи, когда моя жена разсталась со мной, быть можетъ, вслѣдствіе несходства нашихъ характеровъ. Съ тѣхъ поръ я могъ на досугѣ предаться размышленіямъ о превратностяхъ судьбы и непостоянствѣ людскаго сердца. Я знаю, что вы, графиня, намѣревались женить меня на своей внучкѣ, графинѣ Коронѣ...

— Вы насмѣхаетесь надо мной, графъ, сказала старая графиня, слегка дрожащимъ голосомъ.

— Съ моей стороны было бы нелѣпо насмѣхаться надъ намѣреніемъ, исполненіе котораго, вѣроятно, избавило бы меня отъ многихъ страданій, особенно въ настоящее время, когда я связанъ неразрывными узами съ другой женщиной. Веселость Короны и ея живая фантазія нашли бы полный отголосокъ въ моемъ душевномъ настроеніи и характерѣ. Даже въ томъ случаѣ, если бы, по молодости невѣсты, мнѣ пришлось ждать свадьбы до нынѣшняго года, то и это принесло бы пользу нашему супружеству.

— Меня всегда удивляло ваше легкое отношеніе къ самымъ серьезнымъ вещамъ. Что же касается моей особы, графъ, то вы напрасно изощряете свое остроуміе.

— Вы сегодня отыскиваете какой-то особенный смыслъ въ моихъ словахъ, графиня. Развѣ я сдѣлался еще легкомысленнѣе въ эти два года? Вы осудили меня, не зная сущности дѣла. Кто болѣе меня пострадалъ отъ этого брака! Я не думаю сваливать всю вину на мою жену. Она превосходная женщина и представляетъ собою рѣдкое соединеніе всѣхъ добродѣтелей. Но слабости—наше общее достояніе, а при совмѣстной жизни приходится столько прощать другъ другу, выносить такія шероховатости характера, мириться съ недостаткомъ чувства или выносить его дикія проявленія, такъ что нерѣдко въ борьбѣ погибаютъ лучшія личности. Въ супружествѣ, какъ въ природѣ, смерть и жизнь идутъ рука объ руку. Нѣтъ болѣе за-

путаннаго вопроса въ жизни, какъ бракъ. Патеръ Ротганъ находитъ, что смерть...

— Гдѣ вы встрѣтились съ патеромъ, кузенъ? спросила съ любопытствомъ графиня, наклоняясь къ своему собесѣднику.

— Въ горномъ оврагѣ. У моей кареты сломалось колесо на большой дорогѣ; приходилось ждать, пока его починятъ. У меня было такое нетерпѣніе поскорѣе насладиться солнечнымъ сіяніемъ и благоуханіемъ лѣса, что я рѣшился идти пѣшкомъ въ городъ. Это была дикая фантазія, но я доволенъ ею, потому что она доставила мнѣ знакомство съ умнымъ человѣкомъ.

Графинѣ хотѣлось сдѣлать одинъ вопросъ, но она не находила подходящихъ словъ, вертѣла вѣеръ въ рукахъ, и чтобы придать себѣ больше бодрости, вынула изъ кармана маленькую табакерку съ портретомъ Маріи-Терезіи и понюхала щепотку табаку.

— Скажите пожалуйста, сказала она послѣ нѣкотораго колебанія,—съ вами ничего не случилось въ дорогѣ?

— Насъ уже спрашивали объ этомъ въ гостинницѣ. Наши бюргеры живо заинтересованы исторіей съ пѣвцомъ.

Наступила минута молчанія. Глаза старой графини внимательно слѣдили за выраженіемъ лица ея собесѣдника, въ надеждѣ найти въ немъ разрѣшеніе занимавшаго ее вопроса. Но и болѣе острые глаза не могли бы ничего прочесть на беззаботномъ и добродушномъ лицѣ графа.

— Все, что разсказалъ мнѣ патеръ о пѣвцѣ, продолжалъ онъ, возбудило во мнѣ живое участіе къ нему. Такое рѣдкое соединеніе красоты и таланта должно обаятельно дѣйствовать на людей. Жаль, что мнѣ не удалось видѣть этого феникса и что я не могу ничего сказать вамъ объ его исчезновеніи.

— Странно! пробормотала графиня, я была убѣждена, что узнаю отъ васъ какія нибудь подробности.

— Я желалъ бы услышать ваше мнѣніе объ этомъ человѣкѣ, моя дорогая кузина. Кто онъ такой, не переодѣтый ли принцъ? Графиня фонъ-Турмъ не стала бы интересоваться судьбой обыкновеннаго пѣвца, которыхъ можно встрѣтить сотни по ту сторону Альпъ! Между тѣмъ, насколько я могу замѣтить, приключеніе съ Антоніо Росси не только волнуетъ мою дорогую кузину, но и приводитъ ее въ смущеніе...

Слова эти еще болѣе раздражили графиню.—Неужели я не должна смущаться, когда дѣло касается чести моего дома! проговорила она съ бѣшенствомъ и, схвативъ костыль, стоявшій у ея кресла, сердито постучала имъ по полу.—Мой милый кузенъ, вѣроятно, посмотритъ серьезнѣе на это дѣло, когда я сообщу ему одну новость... Корона убѣжала изъ замка!..

— Корона!..

— Понимаете ли вы, кузенъ: пѣвецъ и молодая дѣвушка исчезли въ одно и то же время...

— Этого быть не можетъ! воскликнулъ графъ съ громким
хомъ. Но черезъ минуту лицо его приняло серьезное выра
Имъ овладѣло сомнѣніе, или быть можетъ, гнѣвъ старухи зар
его; онъ выхватилъ на половину шпагу изъ ноженъ и прогов
дрожащимъ голосомъ:

— Клянусь честью, если бы мнѣ пришлось отыскивать собл
теля въ преисподней...

Если бы старая графиня была въ болѣе спокойномъ настр
духа, то и тогда она не могла бы рѣшить: дѣйствительно л
взволнованъ или разыгрываетъ комедію?

— Я не могу и не хочу этому вѣрить, сказалъ графъ, вкла
шпагу въ ножны.—Корона Турмъ убѣжала съ итальянскимъ пѣ
и, вдобавокъ, чуть ли не на глазахъ своей строгой и бдительно
бушки! Всѣмъ извѣстна высокая нравственность графини Елиз
Турмъ, которая во времена своей молодости, находясь при особ
величества императрицы, боролась противъ распущенности при
ныхъ нравовъ въ Вѣнѣ и съ честью занимала предсѣдательское
въ комиссіи цѣломудрія. Я воображаю, какъ она должна быть о
блена бѣгствомъ родной внучки! Я не могу опомниться отъ уд
нія! Какъ могла случиться такая неслыханная вещь!..

Старая графиня, изнуренная порывомъ гнѣва, молча выслуши
колкости, которыя говорилъ ей графъ Эрбахъ подъ видомъ уча
тѣмъ болѣе, что нуждалась въ его помощи. Рука ея судорожно
мала костыль.

— Кто можетъ сказать откуда берется буря! — возразила он
Отъ маленькой искры сгораетъ красивый замокъ. Музыкальныя з
тія въ Прагѣ, гдѣ мы проводили зиму, пѣніе, адажіо флейты, сов
вскружили голову Коронѣ. Она съ утра до ночи напѣвала разные
тивы и выводила трели не хуже любой примадонны. Уступая ея
леннымъ просьбамъ, я рѣшилась нанять ей учителя музыки, чт
отвлечь ее отъ бѣшенаго скаканія на лошадяхъ и охоты, и вы
сала этого злополучнаго Антоніо Росси. Вы не можете себѣ пред
вить наглость этого человѣка, кузенъ. Сперва онъ наотрѣзъ о
зался отъ моего предложенія учить Корону, но, когда она вошла
комнату, онъ тотчасъ-же изъявилъ свое согласіе.

— По этому пріему графиня могла бы узнать лисицу, пробир
щуюся въ курятникъ,—замѣтилъ съ улыбкой Эрбахъ.

— Такое подозрѣніе было бы слишкомъ оскорбительно для м
внучки! — отвѣтила графиня высокомѣрнымъ тономъ. Мнѣ казал
что между ею и пѣвцомъ непроходимая пропасть. Онъ давалъ
уроки въ моемъ присутствіи, и кузенъ можетъ повѣрить моему че
ному слову, что его волшебное пѣніе не усыпляло меня, какъ то с
глазое чудовище, которое сторожило греческую принцессу. Я не
мѣчала между ними ни малѣйшихъ признаковъ любви, но я возб
годарила небо, когда кончилось это ученіе и Антоніо уѣхалъ въ

родъ. Это было три дня тому назадъ. Корона, какъ всегда, пѣла цѣлые дни и въ ней не проявлялось ничего особеннаго. Только вчера вечеромъ она простилась со мной раньше обыкновеннаго и ушла въ свою комнату. Я видѣла изъ окна, какъ она погасила свѣчку. Сегодня утромъ она исчезла...

— Но какъ она могла выйти изъ замка никѣмъ не замѣченная! Отчего никто не задержалъ ее?

— Я убѣждена, что у ней есть сообщники между прислугой. Всѣ, кого я послала на поиски, вернулись ни съ чѣмъ. Это все продажныя твари, которыя рады случаю сдѣлать мнѣ что нибудь непріятное. Но я во всякомъ случаѣ прикажу произвести слѣдствіе. Сначала я вовсе не подозрѣвала пѣвца; какъ могло прійти мнѣ это въ голову?.. Писарь надоумилъ меня, и теперь, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я сама вижу, что онъ правъ. Дайте мнѣ совѣтъ, кузенъ: что мнѣ дѣлать? Отецъ этой развратной дѣвушки въ Вѣнѣ; я безсильная и безпомощная старуха, осужденная на бездѣйствіе наплывомъ новыхъ идей, какъ и моя повелительница—императрица. Лучше не доживать до старости, чѣмъ испытывать это. Но теперь я хочу жить, чтобы наказать эту легкомысленную дѣвченку. Я вмѣстѣ съ нею запрусь въ монастырь; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Глаза старой женщины сверкнули отъ злости; она стукнула костылемъ о полъ.

— Если существуетъ правосудіе на землѣ, — добавила она, — то этотъ негодяй очутится на висѣлицѣ, а эта дѣвченка...

— Но правосудіе безсильно, пока мы не захватимъ въ руки виновныхъ,—замѣтилъ графъ Эрбахъ, чтобы положить конецъ ея гнѣвнымъ изліяніямъ. Насколько я могу судить объ этой исторіи, то за бѣглецами преимущество чуть-ли не двадцати четырехъ часовъ; они уже, вѣроятно, въ Дрезденѣ. У нихъ нѣтъ недостатка въ деньгахъ, а на этомъ свѣтѣ нѣтъ такой двери, которая не открывалась бы золотымъ ключемъ.

— У меня могущественные друзья при дворѣ курфирста; я тотчасъ-же отправлю туда гонца.

— Вы можете разсчитывать на мое содѣйствіе, кузина; я также буду просить моихъ знакомыхъ выручить бѣдную дѣвушку изъ ея опаснаго положенія. Если окажется нужнымъ, то я самъ поѣду за нею въ Дрезденъ. Но кто поручится намъ, что она дѣйствительно въ Дрезденѣ! А если они направились въ Прагу? Шляпа и сломанная шпага, можетъ быть, были нарочно брошены въ оврагѣ, чтобы навести насъ на ложный слѣдъ.

— Боже мой, что за мученіе!—простона старая графиня.—Я нахожусь въ такомъ лабиринтѣ сомнѣній, что не предвижу исхода! Какое несчастіе, что я должна была взять на себя воспитаніе этого ребенка!..

Графъ Эрбахъ смотрѣлъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ на даровое

представленіе, которое невольно давала ему старуха, переходя отъ горя къ злости. Злорадство было вполнѣ естественно въ немъ, послѣ тѣхъ тайныхъ интригъ, которыми графиня Турмъ вмѣстѣ съ другими опутала сердце его жены и, повидимому, навсегда поселила между ними раздоръ. Онъ самъ испыталъ страшные часы опасеній, самообвиненія и отчаянія, когда любимое существо насильственно отрывается отъ насъ и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Мы боязливо поджидаемъ тогда всякаго извѣстія, которое могло бы навести насъ на слѣдъ; въ извѣстную минуту желаемъ одного, въ ближайшую секунду совсѣмъ другаго; гордость совѣтуетъ намъ предоставить бѣжавшую ея судьбѣ, а любовь подстрѣкаетъ броситься за ней... Онъ перенесъ все это и допилъ до дна чашу мученій.

— То, что вы испытываете теперь, графиня, — сказалъ онъ, — я выстрадалъ вдвойнѣ въ Венеціи, когда однажды утромъ моя жена исчезла изъ дому. Соберитесь съ силами и имѣйте терпѣніе выждать конца этой исторіи... Обстоятельства сложились такимъ образомъ — продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—что мы достигнемъ цѣли только въ томъ случаѣ, если будемъ дѣйствовать умно и осторожно. Напишите въ Дрезденъ и Прагу вашимъ друзьямъ и родственникамъ, но не подвергайте злословію молодую дѣвушку, а сдѣлайте видъ, что вы считаете бѣгство Короны безумной дѣтской выходкой, которой вы сами не придаете особеннаго значенія. О пѣвцѣ, разумѣется, не упоминайте вовсе. Зачѣмъ губить бѣдную дѣвушку и портить ей будущность подобнымъ обвиненіемъ? Можетъ быть, Корона убѣжала одна, а не съ г-номъ Антоніо. Догадка не есть еще совершившійся фактъ. Мнѣ не хотѣлось бы уѣхать отсюда, не утѣшивъ васъ до нѣкоторой степени. Я убѣжденъ, что ни молодой дѣвушкѣ, ни вашему дому, графиня, не грозитъ несчастіе отъ этой ребяческой выходки. Я люблю Корону, какъ родную сестру, и предчувствую, что опять увижу ее.

Ясно высказанное мнѣніе и спокойный убѣдительный тонъ благодѣтельно подѣйствовали на старую графиню, потому что она всего менѣе могла разсчитывать на участіе со стороны Эрбаха. Онъ вывелъ ее изъ ея затруднительнаго положенія. Его увѣренность въ счастливый исходъ запутанной исторіи придала ей бодрость и разсѣяла ея худшія опасенія. Она хотѣла съ своей стороны выразить ему искреннее участіе въ его судьбѣ и сказала съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Я получила недавно письмо отъ вашей жены изъ Версаля; молодая французская королева пригласила ее къ своему двору... Рената здорова, но ея сердце...

Графъ Эрбахъ отвернулся и отвѣтилъ поспѣшно:—Благодарю васъ, графиня, за ваше доброе намѣреніе...

— Неужели нѣтъ никакой надежды на ваше сближеніе! Время заставляетъ многое простить и забыть. Мы многаго не знаемъ...

забыть...

Съ этими словами, графъ простился и вышелъ изъ комнаты, отказавшись наотрѣзъ отъ провожатыхъ. Онъ прошелъ черезъ дворъ замка по тѣнистымъ аллеямъ сада, которыя тянулись вдоль холма и вышелъ на уединенную дорогу, обнесенную каменными стѣнами. Лунный свѣтъ освѣщалъ верхушки деревьевъ и башни церкви. Графъ Эрбахъ оглянулся и посмотрѣлъ на замокъ. При своеобразномъ лунномъ освѣщеніи, огромное зданіе имѣло видъ какого-то сказочнаго дворца, который рельефно выдѣлялся изъ темной зелени съ своими бѣлыми стѣнами и множествомъ оконъ. Царившая кругомъ тишина и послѣднія слова графини, помимо воли графа Арбаха, обратили его мысли къ прошлому, вызвавъ фантастическій міръ воспоминаній. Онъ машинально шелъ впередъ; въ его воображеніи проносились различные эпизоды его жизни.

Какъ весело жилось ему три года тому назадъ... Онъ только что пріѣхалъ изъ своихъ франконскихъ помѣстій свободнымъ и счастливымъ человѣкомъ, не знавшимъ ни заботъ, ни горя. Благодаря связямъ при вѣнскомъ дворѣ императора Карла VI, семейство его еще въ началѣ столѣтія породнилось съ чешскими дворянскими родами, къ величайшему неудовольствію его франконскихъ родственниковъ. Отецъ его почти всю жизнь прожилъ въ богемскихъ помѣстьяхъ и продалъ большую часть франконскихъ. Это былъ странный человѣкъ, съ всевозможными причудами, о которомъ ходили самые разнорѣчивые слухи. Такъ, напримѣръ, говорили, будто онъ перешелъ тайно въ католическую вѣру, вызывалъ духовъ и, во время осады Праги въ 1757 году, намѣревался захватить въ плѣнъ прусскаго короля, во время его прогулокъ вокругъ лагеря. Этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но послужилъ поводомъ къ преувеличеннымъ разсказамъ. Подобныя фантазіи стоятъ большихъ денегъ, и полупомѣшанный человѣкъ, вѣроятно, довелъ бы свою семью до полнаго раззоренія, если бы супруга его, урожденная Шенбруннъ, не уѣхала во-время въ Франконію съ своимъ единственнымъ сыномъ и не взяла на себя управленіе уцѣлѣвшими имѣніями. Отецъ и сынъ изрѣдка видѣлись другъ съ другомъ, но мать не позволяла сыну долго оставаться въ Богеміи; отецъ съ своей стороны не удерживалъ его. Молодой графъ, при своей впечатлительной и чуткой натурѣ, болѣе тяготился раздоромъ между его родителями, нежели они сами. Достигнувъ юношескаго возраста, онъ пытался сблизить ихъ, но эти попытки не привели ни къ какимъ результатамъ, вслѣдствіе упорства матери и полнаго равнодушія отца. Наконецъ, онъ самъ увидѣлъ невозможность сближенія людей, между которыми не было никакой нравственной связи и которые смотрѣли другъ на друга, какъ жители разныхъ міровъ. Но это не имѣло непосредственнаго вліянія на юношу; у него составилось идеальное представленіе о бракѣ, какъ о неразрывномъ союзѣ сердецъ, обусловлен-

номъ сходствомъ взглядовъ и нравственныхъ стремленій. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ убѣдиться на опытѣ, какъ далека дѣйствительность отъ этого идеала и насколько шатки всѣ наши стремленія и надежды.

Но три года тому назадъ, жизнь улыбалась ему, какъ солнце, и радостнымъ казался міръ.

Отецъ и мать умерли одинъ за другимъ. Смерть эта только временно огорчила его; но затѣмъ онъ почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ гнета, который втайнѣ тяготилъ его, потому что лишалъ его возможности свободно распоряжаться своими дѣйствіями. Теперь онъ могъ не только устроить свою жизнь по своему усмотрѣнію, но, въ качествѣ крупнаго землевладѣльца, оказать плодотворное вліяніе на людей, поставленныхъ въ зависимость отъ него. Во время своихъ путешествій, онъ видѣлъ многое, что казалось ему лучше устроеннымъ, нежели на его родинѣ. Жажда дѣятельности и стремленіе къ хозяйственнымъ нововведеніямъ побуждали его къ перемѣнамъ въ способѣ управленія имѣніями. Одно давалось ему, другое нѣтъ. Но онъ былъ одаренъ счастливой натурой, которая при солнечномъ сіяніи, быть можетъ, слишкомъ радостно и беззаботно наслаждается жизнью, но въ то же время спокойно переноситъ неудачи. По своей предпріимчивости, способности пользоваться минутой и дѣятельности, не знавшей устали, онъ составлялъ совершенную противоположность съ отцемъ, который прожилъ большую часть жизни въ полномъ уединеніи, отчужденный отъ настоящаго, не заботясь о дѣлахъ и судьбѣ окружающихъ его людей. Молодой графъ, руководимый желаніемъ добра и слѣдуя общему направленію духа того времени, мечталъ о роли друга человѣчества и искорененіи существующихъ пороковъ. Онъ нашелъ въ Богеміи богатую почву для примѣненія своей дѣятельности. Имѣнія его были запущены; мѣстное населеніе неразвито и бѣдно, благодаря продолжительной войнѣ и собственному нерадѣнію. Тѣмъ не менѣе, попытки графа Эрбаха были встрѣчены съ недоброжелательствомъ; говорили, между прочимъ, что онъ намѣревается въ маломъ видѣ произвести въ своихъ помѣстьяхъ тѣ же реформы, какія хотѣлъ проводить Іосифъ II въ Австріи. Въ этомъ была доля правды: онъ облегчилъ подати своихъ крестьянъ, уменьшилъ стоимость выкупа земли, сдѣлалъ разныя улучшенія въ деревенскихъ школахъ и слѣдилъ за правильностью судопроизводства.

Судьба Богеміи живо интересовала графа Эрбаха. Помимо дѣтскихъ воспоминаній, страна сама по себѣ могла привязать его поэтическимъ очарованіемъ своихъ живописныхъ горъ и историческихъ воспоминаній. Мрачные скалистые берега Молдавы, Прага съ ея безчисленными башнями, темные лѣса, гордые замки, ознаменованные сценами крови и насилія—все это неотразимо дѣйствовало на впечатлительную душу молодаго Эрбаха. На этомъ серьезномъ фонѣ великаго историческаго прошлаго, рядомъ съ благородными стремленіями лучшихъ людей того времени—облегчить положеніе бѣднаго, угнетен-

наго общества. Наслажденіе составляло главную цѣль этого веселаго общества съ напудренными волосами и вышитыми пестрыми платьями; жизнь его проходила среди нескончаемыхъ празднествъ, танцевъ, охоты и музыки, которая и теперь составляетъ любимое препровожденіе времени австрійцевъ.

Графъ Эрбахъ, принимая дѣятельное участіе во всевозможныхъ увеселеніяхъ, вдвойнѣ наслаждался ими, потому что ему доступна была и нравственная жизнь немногихъ избранныхъ, посвятившихъ себя служенію общественной пользѣ, и въ которой выражается духъ времени.

Въ эту счастливую пору его жизни, графъ Эрбахъ впервые испыталъ любовь со всѣми ея наслажденіями и мучительной тревогой.

Ему кажется теперь, что онъ ясно видитъ тѣнь дорогаго существа, которое онъ напрасно старается забыть, или это только мимолетный лунный отблескъ, скользнувшій черезъ верхушки деревьевъ вдоль бѣлой стѣны...

Онъ медленно шелъ по дорогѣ, ведущей къ городу, задумчиво опустивъ голову. Что за потокъ разнообразныхъ ощущеній поднимался въ душѣ его. Онъ невольно задалъ себѣ вопросъ: какъ велика была сумма наслажденій, которыя дала ему жизнь, и какой дорогой цѣной ему пришлось искупить ихъ! Сколько потерь перенесъ онъ въ небольшой промежутокъ времени; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ какъ будто утратилъ часть своей собственной личности. Послѣ перваго глубокаго разочарованія въ любви, которымъ начинается жизнь большинства, онъ смотрѣлъ съ недовѣрчивой улыбкой на свои прежнія стремленія и надежды, радости и горе, которыя проносились передъ нимъ въ видѣ танцующихъ тѣней. Воспоминанія явились непрошенныя, но онъ не старался заглушить ихъ и далъ имъ полную волю.

Занятый своими мыслями, онъ незамѣтно сошелъ съ горы около церкви и неожиданно для него самого очутился на площади городка, гдѣ у гостинницы ожидалъ его легкій охотничій экипажъ. Кучеръ чехъ, въ красной шапкѣ на темныхъ волосахъ, увидя графа, поспѣшно соскочилъ съ козелъ и, поздоровавшись съ нимъ, поцѣловалъ полу его камзола.

— Одѣньте мой плащъ, ваше сіятельство, сказалъ Рехбергеръ.— Послѣ грозы сдѣлалось прохладно, а мы врядъ ли пріѣдемъ домой раньше полудня.

Графъ укутался въ сѣрый старый плащъ своего слуги и глубже надвинулъ шляпу на лобъ.

— Садись рядомъ со мною, сказалъ онъ Рехбергеру, — мнѣ необходимо переговорить съ тобой объ одномъ дѣлѣ.

Они съ трудомъ помѣстились на узкомъ сидѣньи охотничьяго экипажа.

Окна гостинницы „Краснаго Льва“ были ярко освѣщены; бюр-

геры стояли у воротъ съ трубками въ зубахъ; тутъ же соб группа женщинъ и дѣтей, которымъ также хотѣлось взглян графа.

Его проводили почтительными поклонами и пожеланіями д пути. Если справедливо повѣрье, что у людей звенитъ въ у когда говорятъ о нихъ, то графъ долженъ былъ испытать это время своего путешествія, потому что въ гостинницѣ „Краснаго его особа служила темой оживленныхъ разговоровъ. Болѣе всѣх торствовалъ камердинеръ ея сіятельства, который пришелъ изъ чтобы выпить бутылку вина на деньги, полученныя отъ щедраго

Графъ въ это время сидѣлъ молча, погруженный въ свои

Экипажъ быстро катился по ровной дорогѣ, которая по бл города содержалась въ исправности. Можетъ ли что сравнит путешествіемъ въ лѣтнюю лунную ночь! Они ѣхали вдоль рѣки, щенной серебристымъ свѣтомъ; на тихой зеркальной повер едва замѣтно скользила лодка. Причудливыя очертанія горъ на тивоположномъ берегу бросали мѣстами свои тѣни на воду. Эк свернулъ въ сторону и дорога пошла лѣсомъ, который тянул обѣихъ сторонъ.

— Осторожнѣе! крикнулъ Рехбергеръ кучеру.

На большихъ дорогахъ тогдашней Богеміи сломанныя ко оси не были рѣдкостью. Если кому удавалось благополучно шить ночную поѣздку, тотъ могъ смѣло сказать о себѣ, что он дился подъ счастливой звѣздой. Охотничій экипажъ ѣхалъ мед но колеса не разъ стукались о камни и древесные пни, не с на осторожность кучера. Безпрестанные толчки пробудили граф его задумчивости.

— Что пользы думать о прошломъ! сказалъ онъ, обращая своему спутнику. — Когда вспомнишь людей, которые окружали въ былое время, и свою собственную личность, то невольно сишь себя: ты ли это и дѣйствительно ли произошло все то, ч себѣ представляешь теперь? Мы много надѣлали глупостей, Ре геръ, и я не увѣренъ, не надѣлаемъ ли мы новыхъ. Мы, собств мѣняемъ только одно платье, и это называется жизнью...

Рехбергеръ тяжело вздохнулъ; онъ зналъ изъ долгаго опыта графъ, по его собственному сознанію, былъ всего серьезнѣе и судительнѣе, когда намѣревался сдѣлать или уже сдѣлалъ то, онъ называлъ глупостью.

Графъ засмѣялся при вздохѣ честнаго слуги, такъ какъ зна этого вздоха было ему вполнѣ понятно; онъ выпрямился и по себѣ глаза, какъ человѣкъ, только что пробудившійся отъ сна.

— Ты мнѣ ничего не писалъ о своей дочери, Рехбергеръ, надѣюсь, что она въ замкѣ.

Рехбергеръ не ожидалъ этого вопроса и не сразу нашелся, отвѣтить.

— Да, ваше сіятельство, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Гедвига въ замкѣ; но она едва не выѣхала изъ него, благодаря Зденко.

— Очень радъ, что она осталась въ замкѣ. Мнѣ стало легче на душѣ, когда я узналъ это. Видишь ли, въ чемъ дѣло: я пригласилъ къ себѣ даму... было бы крайне неудобно, если бы дамѣ пришлось жить одной съ двумя мужчинами въ уединенномъ замкѣ.

Рехбергеръ совершенно растерялся; насмѣшливое выраженіе, которое онъ видѣлъ на лицѣ своего господина, еще болѣе смутило его, нежели неожиданная новость.

— Вы пригласили къ себѣ гостей! Почему вы не извѣстили меня объ этомъ заранѣе, ваше сіятельство? Надѣюсь, что вы распорядились такимъ образомъ, что у насъ останется нѣсколько дней на приготовленія.

— Ничуть не бывало! Дама, вѣроятно, пріѣдетъ раньше насъ! отвѣтилъ графъ, забавляясь замѣшательствомъ своего слуги.— Игнатій, добавилъ онъ по-чешски, обращаясь къ кучеру,—ты остановишь лошадей по ту сторону лѣса, у перваго креста.

Въ лѣсу было темно и тихо; беззвучно шевелились верхушки деревьевъ; кое-гдѣ изъ мрака просвѣчивалъ слабый отблескъ луннаго свѣта.

Графъ вполголоса напѣвалъ отдѣльныя слова аріи Орфея: „Я навѣки простился съ нею... Не знать мнѣ счастья прежнихъ дней..."

Черезъ минуту онъ замолчалъ и, обращаясь къ Рехбергеру, сказалъ:

— Не удивляйся, мой добрый Рейнгардъ, и не брани меня. Чудачества у насъ въ роду. Сколько разъ я намѣревался слѣдовать голосу разсудка, но болѣе недѣли не оставался вѣренъ своему рѣшенію. Тутъ случай играетъ первую роль и противъ нашего желанія приводитъ насъ къ новымъ заблужденіямъ. Разумъ отступаетъ на задній планъ и на сцену выступаетъ фантазія. Если бы мы могли устраивать обстоятельства по нашему усмотрѣнію! Когда я уѣзжалъ изъ Дрездена, я рисовалъ себѣ заманчивую картину уединенной жизни въ замкѣ и тихаго наслажденія природой. Я далъ себѣ слово избѣгать всякихъ волненій, всего необыкновеннаго и не сдѣлать ни одного шага, чтобы ускорить ходъ событій... А теперь...

— А теперь? повторилъ Рехбергеръ.

— Я знаю, что ты будешь меня проклинать въ душѣ... Но вотъ, мы доѣхали до конца лѣса. Тутъ начинается открытое поле и деревня, куда мы нѣкогда снесли Ренату, когда она упала съ лошади; за этой деревней—каменный мостъ черезъ рѣчку со статуей св. Непомука; какой-то нечестивый еретикъ отбилъ ему носъ, не обращая вниманія на его непомѣрную величину. Такіе носы я видалъ только у полишинелей въ Венеціи!..

Графъ Эрбахъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ впеча-

тлѣнія прежнихъ лѣтъ, какъ бы желая убѣдиться, что въ этой странѣ ему знакомо каждое мѣсто и чуть ли не каждое дерево.

Экипажъ доѣхалъ до опушки лѣса. Изъ-за проносившихся по небу тучъ выступилъ мѣсяцъ и освѣтилъ равнину. Направо отъ рѣки виднѣлись дома небольшой деревушки, окруженные темною зеленью садовъ. Налѣво отъ дороги возвышалось высокое деревянное распятіе; лунный свѣтъ окружалъ серебристымъ сіяніемъ склоненную голову Спатителя; голубоватыя лѣтнія сумерки скрывали и стушевывали все, что могло показаться некрасивымъ и рѣзкимъ въ грубой рѣзьбѣ, расписанной яркими красками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ креста стояла дорожная карета, запряженная парой хорошо откормленныхъ лошадей, которыя громко заржали, когда Игнатій осадилъ своихъ.

Графъ поспѣшно выскочилъ изъ экипажа и подошелъ къ каретѣ. Рехбергеръ послѣдовалъ за нимъ подъ вліяніемъ невольнаго любопытства. Слуга, сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ кучеромъ, открылъ дверцы кареты. Стройная женская фигура, укутанная въ длинный коричневый плащъ, только что входившій тогда въ моду, подъ названіемъ альмавива, соскочила на землю.

— Felicissima notte! сказалъ кроткій звучный голосъ; вслѣдъ затѣмъ показалась голова молодой дѣвушки съ каштановыми волосами, повязанная пестрымъ платкомъ, по способу мѣстныхъ крестьянокъ. При взглядѣ на эту голову, Рехбергеръ не только проклялъ своего господина въ душѣ, но громко выразилъ свое неудовольствіе.

— Чортъ побери! воскликнулъ онъ—этого еще не доставало!..

Съ рѣки подулъ вѣтеръ и распахнулъ немного плащъ дѣвушки, на которой была надѣта красная байковая юбка и корсажъ, плотно облегавшій ея талію; изящныя ноги утопали въ тяжелыхъ и неуклюжихъ деревянныхъ башмакахъ. Можетъ быть, днемъ ее можно было принять за крестьянку, но при лунномъ свѣтѣ этотъ нарядъ, благодаря коричневону плащу, сильно напоминалъ маскарадный костюмъ.

— Я заставилъ васъ долго ждать здѣсь, прекрасная кузина! сказалъ графъ въ видѣ извиненія; но меня задержало одно непредвиденное обстоятельство. Вы, вѣроятно, устали; поѣдемте скорѣе домой, чтобы вы могли отдохнуть.

— Устала! Что намъ оставалось дѣлать здѣсь, какъ не отдыхать. Вотъ уже часъ, какъ мы стоимъ среди пустыннаго поля, около этого отвратительнаго креста, который нагналъ на меня такой страхъ, что я даже видѣла его во снѣ. Мнѣ все таки удалось заснуть, не смотря на всѣ огорченія и непріятности. Мнѣ досадно, что я встрѣтила именно васъ, кузенъ.

Но не одна досада и огорченіе видны были въ эту минуту на ея хорошенькомъ лицѣ и придали ему такое своеобразное привлекательное выраженіе. У ней явилось желаніе подразнить своего непрошеннаго избавителя. Красиво очерченный лобъ сморщился; на глазкахъ были слезы; рука ея крѣпко сжимала край плаща; но ея

пунцовый, маленькій ротъ улыбался и, казалось, каждую минуту готовъ былъ разразиться веселымъ смѣхомъ.

— Можетъ быть, черезъ годъ моя прекрасная кузина скажетъ другое—возразилъ графъ на ея жалобу—и еще поблагодаритъ меня, что я самовольно разрушилъ ея планы.

— Нѣтъ, этого никогда не случится! Вы разрушили счастье моей жизни. Быть можетъ, я сдѣлалась бы знаменитой пѣвицей, а вы закрыли мнѣ путь къ славѣ! Кто васъ просилъ вмѣшиваться въ мои дѣла? Я убѣждена, что если бы Рехбергеръ встрѣтилъ меня среди скалъ, то онъ поступилъ бы совершенно иначе. Неправда, ли Рехбергеръ, вы отвезли бы меня въ Дрезденъ?

— Не знаю, какъ вамъ сказать, графиня... я... отвѣтилъ заикаясь бывшій вахмистръ Фридриха Великаго.

Никогда еще въ своей жизни онъ не чувствовалъ такого смущенія.

— Да... въ Дрезденъ!.. сказалъ онъ наконецъ.

— Значитъ, ты поѣхалъ бы за графиней куда угодно! прервалъ его графъ. Хорошо, что судьба распорядилась иначе, и я сидѣлъ на уступѣ скалы, а не ты. Однако, двинемся въ путь. Поѣзжай скорѣе впередъ и прикажи своей дочери быть на-готовѣ, что бы принять достойнымъ образомъ графиню. Надѣюсь, милая кузина, вы ничего не будете имѣть противъ того, что я приказалъ приготовить вамъ комнаты моей жены.

— Я по неволѣ должна соглашаться на все, что мнѣ предложатъ, потому что не желаю провести ночь у подножья этого распятія. Вы приглашаете меня въ комнаты Ренаты!.. Что сказала бы она, если бы видѣла насъ вдвоемъ и въ такой поздній часъ ночи.

Графъ Эрбахъ слегка вздрогнулъ при этомъ намекѣ и отдалъ еще нѣсколько приказаній Рехбергеру, который, едва дослушавъ послѣднія слова своего господина, сѣлъ въ охотничій экипажъ и отправился впередъ.

Графъ Эрбахъ подалъ руку Коронѣ и повелъ ее къ каретѣ. Но прежде чѣмъ сѣсть въ нее, она остановилась и сказала:

— Вы должны помнить, кузенъ, что я соглашаюсь исполнить ваше желаніе только подъ двумя условіями...

— Клянусь честью императорскаго графа, что вы, моя прекрасная кузина, не будете имѣть поводовъ жаловаться на меня. Ни одинъ побѣжденный не можетъ быть податливѣе меня относительно условій мира.

— Называя себя побѣжденнымъ, вы даете мнѣ поводъ думать, что вы насмѣхаетесь надо мной. Если кто нибудь можетъ считать себя побѣжденнымъ, то только я одна.

Съ этими словами она сѣла въ уголъ кареты, прислонила голову къ подушкѣ и закрыла глаза, чтобы въ полудремотѣ забыть непріятную для нея дѣйствительность.

Хотя графъ Эрбахъ на словахъ относился шутя къ побѣгу Ко-

роны изъ домя ея бубушки и называлъ всю эту исторію ребяческой выходкой, но на дѣлѣ его серіозно заботила судьба молодой дѣвушки. Сидя рядомъ съ нею въ каретѣ, которая быстро уносила ихъ къ его замку, онъ чувствовалъ всю тяжесть отвѣтственности, которую онъ бралъ на себя; но могъ ли онъ поступить иначе? Развѣ онъ имѣлъ право представить легкомысленную дѣвушку влеченію ея неопытнаго сердца?

Какъ странно разыгралась эта исторія! Онъ ѣхалъ изъ Дрездена. Было около девяти часовъ утра, когда онъ, привлеченный живописною мѣстностью, вышелъ изъ своего экипажа и, оставивъ его у гостинницы, свернулъ въ боковую долину, взобрался на гору и сѣлъ на уступъ скалы, съ которой открывался превосходный видъ на окрестныя горы и лѣсистый оврагъ у его ногъ. Въ этомъ мѣстѣ сходилось множество лѣсныхъ тропинокъ. На одной изъ нихъ онъ увидѣлъ издали пару, которая привлекла его вниманіе: это была крестьянская дѣвушка и мужчина въ одеждѣ бюргера. Обѣ фигуры показались ему настолько странными, что онъ взялъ небольшую подзорную трубку, висѣвшую у его пояса, чтобы разглядѣть ихъ. Путешественники поспѣшно спускались въ оврагъ и въ то же время какъ-то робко оглядывались. Графъ, глядя на нихъ, невольно вспомнилъ, что у гостинницы онъ встрѣтилъ кучера, который проклиналъ долгое отсутсвіе своихъ господъ. Не они ли это? мелькнуло въ головѣ графа, но онъ, вѣроятно, отнесся бы совершенно равнодушно къ этой исторіи, если бы не увидѣлъ, что дѣвушка внезапно поскользнулась и упала. Чувство состраданіе настолько овладѣло имъ, что онъ быстро вскочилъ съ своего мѣста и сталъ спускаться съ высоты; спутникъ дѣвушки бросился въ гостинницу, чтобы позвать кого нибудь на помощь. Испугъ или сильная усталость довели бѣдную дѣвушку до обморока; графъ нашелъ ее въ безсознательномъ состояніи, и въ этомъ видѣ она была перенесена въ гостинницу, какъ только возвратился ея спутникъ.

Графъ, взглянувъ на блѣдное красивое лицо съ закрытыми глазами, тотчасъ же узналъ Корону Турмъ. Въ то время какъ хозяйка гостинницы съ своими служанками суетилась около больной, графъ вступилъ въ объясненіе съ спутникомъ молодой графини, которое кончилось крупной ссорой и вызовомъ на дуэль. Оба отправились въ лѣсъ и, сойдя въ оврагъ, вынули свои шпаги. Графъ ловкимъ движеніемъ выбилъ оружіе изъ рукъ своего противника, слегка ранилъ его и объявилъ себя удовлетвореннымъ. Въ это время Корона пришла въ себя и узнавъ, что ея спутникъ отправился въ лѣсъ съ графомъ Эрбахомъ, экипажъ котораго стоялъ на дворѣ гостинницы, вырвалась изъ рукъ хозяйки и побѣжала отыскивать ихъ. Но едва успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтила графа, который возвращался назадъ съ Антоніо. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о побѣгѣ, тѣмъ болѣе, что графъ положительно объявилъ, что воспрепятствуетъ всѣми силами ихъ намѣренію. Онъ сдѣ-

лалъ это заявленіе по возможности любезно и вѣжливо, и обративъ въ шутку ихъ побѣгъ, облегчилъ до извѣстной степени непріятное положеніе, въ которомъ они очутились такъ неожиданно. Благодаря находчивости графа, все устроилось, повидимому, наилучшимъ образомъ; они мирно бесѣдовали между собой, такъ что посторонній наблюдатель не замѣтилъ бы ничего особеннаго въ ихъ отношеніяхъ. Какъ ни сильно было желаніе мести и ненависть Антоніо къ человѣку, помѣшавшему его любви и побѣдителю въ поединкѣ, какъ ни билось сердце Короны отъ безпокойства и гнѣва, но свѣтская привычка владѣть собой удержала всѣ проявленія неудовольствія. Каждый долженъ былъ покориться необходимости, чтобы сохранить свое достоинство и выйти приличнымъ образомъ изъ непріятнаго положенія. Заручиться молчаніемъ хозяевъ гостинницы было тѣмъ легче, что по наружному виду все кончилось благополучно и графъ не скупился на деньги. Корона старалась казаться веселой, но графъ видѣлъ по ея измученному и блѣдному лицу, что всего лучше оставить ее одну на нѣкоторое время и вѣжливо намекнулъ объ этомъ Антоніо. Тотъ молча кивнулъ головой въ знакъ согласія и, ставъ на колѣни передъ Короной, прижалъ ея руку къ губамъ. Затѣмъ оба вышли изъ комнаты, обмѣнявшись холоднымъ поклономъ.

— Я надѣюсь, мы еще разъ встрѣтимся съ вами, графъ,—сказалъ Антоніо по итальянски, взглянувъ на него изподлобья съ такой непріязненной интонаціей голоса, которую нельзя было не замѣтить.

— Я самъ разсчитываю на это, милостивый государь—вѣжливо воззилъ графъ, прикоснувшись къ рукояткѣ своей шпаги.

Экипажъ, который долженъ былъ увезти за предѣлы Богеміи счастливую влюбленную пару, увезъ только одного изъ нихъ, несчастнаго, раздраженнаго и съ сердцемъ, переполненнымъ жаждой мести.

Графъ стоялъ на дворѣ гостинницы скрестивъ руки и задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжавшему экипажу. Онъ не раскаивался въ своемъ поступкѣ, но пожалѣлъ въ душѣ, что судьба не избавила его отъ такого непріятнаго вмѣшательства между влюбленными.—Теперь у тебя еще одинъ непримиримый врагъ—думалъ онъ,—а какая тебѣ польза изъ всего этого!.. Онъ отправился бродить по лѣсу въ самомъ дурномъ настроеніи духа и немного успокоился, когда, вернувшись въ гостинницу, нашелъ Корону до извѣстной степени утѣшенною и въ лучшемъ нравственномъ состояніи, нежели онъ ожидалъ. Она отклонила всякія объясненія по поводу пѣвца, и графъ не счелъ нужнымъ настаивать. Но въ то же время, не дожидаясь его вопросовъ, она охотно и подробно разсказала ему свою печальную и однообразную жизнь у старой бабушки и объявила, что скорѣе бросится въ рѣку, нежели вернется къ ней. Въ замкѣ слѣдили за каждымъ ея шагомъ; она даже не могла написать письма отцу и пожаловаться ему, что бабушка хочетъ выдать ее замужъ за ненавистнаго ей че-

ловѣка, и что она вовсе не намѣрена повиноваться злой ста]
потому что природа одарила ее прекраснымъ голосомъ и предн
чила ей быть артисткой. Искусство—ея настоящее призваніе... 1
графъ обходится съ ней, какъ съ плѣнницей, но и для нея н
питъ часъ свободы...

Хотя графъ, слушая этотъ потокъ рѣчи, видѣлъ, что многое
дуетъ приписать взволнованному сердцу семнадцатилѣтней дѣву
огорченной первой неудачей, но для него было ясно, что онъ
женъ отказаться отъ мысли вести Корону къ старой графинѣ. П
нѣкотораго колебанія, онъ рѣшился пригласить Корону въ свой
мокъ и удержать ее тамъ до тѣхъ поръ, пока не помирить е
бабушкой, или не найдетъ возможности отправить ее къ отцу. Э
планъ казался ему наилучшимъ исходомъ изъ затруднительнаго
ложенія и, кромѣ того, имѣлъ для него ту прелесть, что ему і
ставлялся случай отомстить старой графинѣ. Молодая дѣвушк
колеблясь приняла это предложеніе, такъ какъ видѣла, что не
жетъ отдѣлаться отъ его покровительства и въ то же время чув
вала себя въ положеніи утопающаго, который для своего спас
готовъ ухватиться за соломенку.

Графъ, благодаря своей жизненной опытности и природной на
дательности, пришелъ къ заключенію, что главнымъ побужденіем
побѣгу была не любовь, а страсть Короны къ приключеніямъ и
стокость старой графини. Это подало ему надежду, что дѣло
или поздно устроится къ общему благополучію и все войдетъ о
въ старую колею. Корона должна была остаться до вечера въ гос
ницѣ, а затѣмъ, не заѣзжая въ городъ, отправиться въ каретѣ гр
въ его замокъ окольной дорогой и ожидать своего покровителя
опушкѣ лѣса.

Графъ, пообѣдавъ наскоро въ гостинницѣ, отправился пѣшк
въ городъ, гдѣ его ожидалъ Рехбергеръ; къ этому побуждало е
любопытство узнать нѣкоторыя подробности о пѣвцѣ и его отно
ніяхъ къ молодой графинѣ.

Можно ли удивляться тому, что теперь, сидя рядомъ съ не
невольно прикасаясь ея руки или ноги при толчкахъ экипажа и
ствуя ея дыханія, графъ забылъ все прошлое и думалъ только о нас
щей минутѣ и ближащей будущности. Страннымъ стеченіемъ обс
тельствъ молодое, прекрасное существо, всецѣло поручено ему; он
жена его, не родная сестра и не настолько чужая ему, чтобы
обязанъ былъ покровительствовать ей изъ рыцарства или сострада
Ему казалось, что демоническія силы свели ихъ вмѣстѣ такимъ с
образнымъ способомъ, чтобы завязать между ними неразрывную св
ихъ жизненныя линіи сошлись въ одной точкѣ и съ даннаго моме
будутъ идти неразрывно по одному и тому же направленію.—Вот
опять вернулся въ Богемію свободнымъ человѣкомъ, думалъ онъ
Мнѣ казалось, что я навсегда избавленъ отъ всякихъ обязанност

но едва вступилъ я на эту почву, какъ судьба опять ставитъ меня еще въ болѣе запутанныя условія и налагаетъ на мои плечи тяжесть нравственнаго долга!..

Графъ, разсуждая такимъ образомъ, платилъ дань духу времени; тогдашніе люди не довольствовались признаніемъ естественнаго хода вещей, но искали болѣе глубокаго, таинственнаго соотношенія между ними, и въ извѣстныхъ случаяхъ и явленіяхъ видимаго міра отыскивали вліяніе невидимаго. Графъ и въ настоящемъ событіи видѣлъ первое звено цѣпи, которая должна была сковать его съ Короной. Въ этомъ онъ вполнѣ сходился съ молодой графиней. Она скорѣе могла ожидать, что встрѣтитъ самаго дальняго родственника ихъ рода, нежели графа Эрбаха, котораго она считала путешествующимъ въ отдаленныхъ странахъ и о которомъ она въ теченіи года не имѣла ни одного извѣстія. Онъ явился совершенно внезапно и дерзко вмѣшался въ ея жизнь съ мужественностью, рѣшимостью и самоувѣренностью, которыя представляли полную противоположность съ робкимъ поведеніемъ Антоніо Росси и говорили въ пользу графа. Ей было даже пріятно бранить мысленно Антоніо за его слабохарактерность и выставлять героизмъ графа. Она совершенно упустила изъ виду, что различіе это, прежде всего, обусловливалось неравенствомъ ихъ общественнаго положенія. Она была убѣждена, что кузенъ поступилъ жестоко и несправедливо, разлучивъ ее съ Антоніо, но зачѣмъ же тотъ уѣхалъ молча, не заявивъ своихъ правъ? Графъ Эрбахъ не уступилъ бы такъ дешево своей дамы.

Какъ бы желая увѣриться въ своей мысли, она быстро повернула голову въ его сторону, что̀ графъ принялъ за признакъ пробужденія отъ сна.

— Изъ какого міра фей возвращаетесь вы снова на нашу землю, кузина? спросилъ онъ.

— Изъ страны, гдѣ Орфей страдаетъ по Евридикѣ, а Альсеста жертвуетъ своей жизнью за Адмета. Вы настоящій варваръ, кузенъ, не хотѣли оставить меня въ обществѣ этихъ тѣней! Неужели храмъ науки будетъ вѣчно закрытъ для меня, потому что я имѣла несчастіе родиться графиней?

— Нечего сказать, велико несчастіе! Вы, кажется, воображаете, моя милая кузина, что можно однимъ прыжкомъ перескочить изъ замка Турмъ на подмостки театра? Чтобы сдѣлать это, нужно преодолѣть невѣроятныя трудности; поймите, что между тѣмъ и другимъ — цѣлая пропасть! Театръ хорошъ на извѣстномъ разстояніи; вблизи онъ теряетъ свой блескъ, а его обитатели — свое достоинство.

— Вы нисколько не лучше моей бабушки и съ такими же предразсудками. Не тысячу ли разъ лучше родиться отъ бѣдныхъ родителей? Такому человѣку открыты всѣ дороги и ему въ удѣлъ достается поклоненіе свѣта, если онъ достигаетъ цѣли. Что ожидаетъ

насъ, несчастныхъ? Скучная старость послѣ скучной и однообразной молодости.

— Вѣроятно, вы поэтому и рѣшились сегодня внести нѣкоторое разнообразіе въ свою жизнь, замѣтилъ улыбаясь графъ Эрбахъ.

— Вы опять нарушаете наше условіе, возразила она, погрозивъ ему пальцемъ. — Вначалѣ мнѣ казалось, что все идетъ отлично. Не знаю, каковъ будетъ конецъ!

— Въ ближайшемъ будущемъ васъ ожидаетъ жизнь въ уединенномъ замкѣ, гдѣ вамъ придется скрываться отъ всѣхъ, чтобы кто нибудь не узналъ о вашемъ мѣстопребываніи. Вы тамъ познакомитесь съ одной бѣдной дѣвушкой, потому что я не могу доставить вамъ другаго общества. Вы будете изображать изъ себя спящую царевну, пока не явится принцъ и не разбудитъ васъ поцѣлуемъ.

— Я охотно избавляю его отъ поцѣлуя, но очень желала бы взглянуть на этого принца.

— Не совѣтую вамъ слишкомъ много мечтать о немъ. Дѣйствительность часто разрушаетъ воздушные замки нашей фантазіи.

— Вы меня пугаете! Неужели со мной случится такое несчастіе, что вмѣсто принца я увижу мою бабушку!

— Тогда мы откроемъ коверъ-самолетъ и улетимъ отсюда.

— И куда нибудь подальше, чтобы видѣть свѣтъ. Будемъ постоянно переживать новыя впечатлѣнія, стряхивать съ себя прошлое и жить настоящей минутой...

Графъ опустилъ окно кареты и выглянулъ изъ него.

— Мы доѣхали, сказалъ онъ,—вотъ и замокъ.

Молодая дѣвушка закрыла себѣ лицо концемъ плаща.

— Я не хочу видѣть своей будущности, сказала она съ веселымъ смѣхомъ.

ГЛАВА III.

Дождливый день смѣнилъ свѣтлую лунную ночь. Когда Корона проснулась на другое утро послѣ продолжительнаго безпокойнаго сна съ мучительными сновидѣніями, дождь билъ въ окна; сплошная сѣрая туча обволакивала все небо. Мелкій частый дождь не прекращался цѣлый день. Корона могла на досугѣ осмотрѣться въ своемъ новомъ жилищѣ и завязать знакомство съ молодой дѣвушкой, которую графъ Эрбахъ представилъ ей въ качествѣ служанки и подруги. Замокъ былъ отчасти знакомъ ей, такъ какъ два года тому назадъ она бывала здѣсь съ своей бабушкой, когда графъ, увлеченный прекрасной Ренатой Шварценбергъ, устраивалъ для нея празднества, охоту, фейерверки.

Корона только что начинала тогда выходить изъ дѣтскаго возраста и скорѣе смотрѣла на все съ любопытствомъ, нежели сознательными глазами. Мимолетныя картины, видѣнныя тогда, почти стушевались въ ея памяти; она помнила только то, что особенно поразило ея воображеніе. Въ тѣ дни, домъ графа былъ переполненъ дамами и кавалерами въ блестящихъ праздничныхъ нарядахъ. Внизу, у подножья высокаго холма, на которомъ стоялъ замокъ, виднѣлись при желтоватомъ освѣщеніи факеловъ кареты, окруженныя скороходами; конюхи держали за поводья лошадей, которыя нетерпѣливо били копытами о землю. Въ залѣ двигались танцующія пары, въ красивыхъ люстрахъ изъ богемскаго хрусталя горѣли сотни восковыхъ свѣчей; на верхней галлереѣ играли музыканты, выписанные изъ Праги. Тѣнистый садъ былъ освѣщенъ пестрыми фонарями; весь замокъ сіялъ огнями; на перилахъ и зубцахъ башенъ были зажжены плошки съ смолой; ярко выдѣлялось красноватое пламя на темномъ вечернемъ небѣ... Отъ всего это не осталось и слѣда. Тишина и уединеніе царили на крутыхъ витыхъ лѣстницахъ, въ корридорахъ и высокихъ комнатахъ. Среди камней вымощеннаго двора выросла роскошная трава; лѣниво прохаживались слуги. Кареты не въѣзжаютъ болѣе подъ высокіе своды воротъ; не видно на холмѣ оркестра музыки, наигрывающаго по дорогѣ веселый мотивъ танца. Сѣрое небо и однообразный шумъ дождя болѣе соотвѣтствуютъ безмолвію и пустотѣ этого мѣста.

Корона всего отчетливѣе помнила развалины могущественной башни, разрушенной пожаромъ. На слѣдующій день она пріѣзжала съ своимъ братомъ на пожарище, чтобы узнать о здоровьѣ графа Эрбаха, такъ какъ разнеслась молва, что онъ тяжело раненъ или даже умеръ. Этотъ слухъ оказался ложнымъ. Графъ, дѣйствительно, жилъ въ башнѣ, но онъ отдѣлался однимъ испугомъ и выказалъ такое присутствіе духа, что спасъ изъ огня своего вѣрнаго слугу, Рехбергера. Башня вся сгорѣла внутри; даже каменныя толстыя стѣны сильно пострадали,—въ нихъ сдѣлались трещины и проломы. Грозный видъ дымящихся развалинъ, изъ которыхъ время отъ времени показывалось пламя, многочисленная толпа людей суетилась на дворѣ... она напрасно силилась спасти что лобо отъ страшнаго опустошенія— все это навсегда запечатлѣлось въ памяти молодой дѣвушки. Между событіями, нарушившими однообразное теченіе ея жизни, пожаръ башни игралъ самую видную роль. Это происшествіе въ свое время возбудило много толковъ: говорили, что башню подожгли, а нѣкоторые предполагали, что это было сдѣлано съ цѣлью погубить графа. Одно было несомнѣнно, что причина пожара осталась неизвѣстною, не смотря на всѣ старанія графа Эрбаха и мѣстныхъ властей.

Когда Корона встала съ постели и подошла къ окну, то она прежде всего стала искать глазами развалины башни на западной сторонѣ двора. Но она съ трудомъ могла различить ея очертанія

сквозь густой покровъ дождя и тумана и должна была отложить до болѣе удобнаго времени свое намѣреніе посѣтить развалины.

Но и въ отведенныхъ ей комнатахъ отсутствующей графини Эрбахъ было много такого, что приковывало ея вниманіе и возбуждало желаніе вновь увидѣть любимую подругу.

Хотя Рената Шварценбергъ была нѣсколькими годами старше Короны, но, благодаря раннему развитію подрастающей дѣвочки, она любила ея общество и обходилась съ нею, какъ съ ровесницей. Такое обращеніе льстило самолюбію молоденькой графини Турмъ и она платила своей взрослой подругѣ мечтательною преданностью и поклоненіемъ; Рената была для нея олицетвореніемъ всѣхъ добродѣтелей и всего прекраснаго на землѣ. Съ завистью, къ которой примѣшивалась значительная доля ревности, смотрѣла она на сватовство графа Эрбаха и на возрастающую любовь къ нему боготворимой подруги. Замужество одной изъ подругъ неизбѣжно нарушаетъ даже самую нѣжную дѣвическую дружбу. Корона мысленно повторяла себѣ, что „никогда не будетъ въ состояніи простить своей подругѣ подобную измѣну!“ Вслѣдъ за тѣмъ наступила неожиданная развязка. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ замужества, Рената разсталась съ своимъ мужемъ, не удостоивъ Корону своимъ довѣріемъ, такъ что для послѣдней причина этой разлуки осталась непроницаемой тайной. Корона изрѣдка получала лаконическія и, по ея мнѣнію, безсодержательныя письма отъ графини Эрбахъ и въ силу своей прежней горячей любви къ ней еще больше оскорблялась ея пренебреженіемъ и сдержанностью. Сначала она приписала всю вину разлуки графу Эрбаху, но потомъ раскаялась въ своемъ поспѣшномъ приговорѣ. Упорное молчаніе Ренаты относительно этого событія не говорило въ ея пользу: Мнѣніе старой графини Турмъ, которая обвиняла во всемъ одного графа, еще болѣе расположило ея внучку въ его пользу. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ былъ только страдающимъ лицомъ въ этой печальной исторіи! Развѣ Корона не ошиблась въ своей подругѣ и не убѣдилась, что кажущаяся кротость и доброта Ренаты была только маской, подъ которой скрывались холодность и безсердечіе.

Какое странное совпаденіе обстоятельствъ! Она ходила по тѣмъ комнатамъ, въ которыхъ восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ жила Рената. Ни одна рука не дотрогивалась съ тѣхъ поръ до ея вещей. На креслѣ, въ которомъ она сидѣла, Рената положила свой молитвенникъ и она нашла его открытымъ. Передъ этимъ зеркаломъ, въ которомъ отражалось теперь ея лицо, одѣвалась графиня Эрбахъ; на этой подушкѣ покоилась ея голова.

Но Рената была далеко, въ Версали, а Корона заняла ея мѣсто! Неужели наша жизнь ничто иное, какъ игра, гдѣ мы попеременно занимаемъ мѣста, думала молодая дѣвушка. Ничто не мѣшало ея размышленіямъ, а погода и уединеніе еще болѣе способствовали имъ.

Графъ Эрбахъ съ утра прислалъ свое извиненіе, что онъ не мо-

и интригамъ, хотя самого невиннаго свойства. Она намѣрев
этотъ-же вечеръ, а самое позднее—на слѣдующее утро, поговс
этомъ съ графомъ, и чтобы не терять ни одной минуты, она
лась писать длиное, нѣжное посланіе Ренатѣ. Сердце ея
билось отъ избытка чувствъ, переполнявшихъ ея душу, отъ
наній ранней юности и надежды на скорое свиданіе съ быв
ругой.

Но, принявшись за письмо, она встрѣтила неожиданныя з
нія. Краснорѣчіе все истощилось при первыхъ увѣреніяхъ въ
ненарушимой дружбѣ. Но она еще больше смутилась, ког
шлось разсказать отсутствующей подругѣ о томъ странномъ по
въ какомъ она находилась въ данную минуту, и о своемъ неу
бѣгствѣ. При этомъ густая краска выступила на щекахъ
дѣвушки. Что могла она сказать о графѣ? Одно выраженіе
ей слишкомъ холодно, другое слишкомъ нѣжно, такъ что
могла дать ему превратное толкованіе.

Испортивъ нѣсколько листковъ бумаги, Корона бросила
въ убѣжденіи, что не можетъ писать вслѣдствіе непривычной
новки—дождя, бившаго въ окна и шуму въ сосѣдней комна
Гедвига мела полъ. Вотъ она сама стоитъ у дверей и спраш
не прикажетъ ли графиня, подать завтракъ.

Это была цвѣтущая, полная дѣвушка, двумя годами стар
роны, голубоглазая, съ бѣлокурыми волосами, заплетенными в
которыя были обвиты кругомъ головы. Линіи ея лица не б
особенно красивы, ни изящно очерчены; но въ этомъ лицѣ
лась такая сердечность и веселость, что она располагала к
всякаго съ перваго взгляда. Человѣкъ, знакомый съ старинны
даніями Франконіи, вѣроятно, призналъ бы Гедвигу за пр
Туснельды или Кримгильды. Но Корона, никогда не бывавш
Франконіи, не могла дѣлать такихъ сопоставленій и нашла
поразительное сходство дѣвушки съ ея отцемъ Рехбергеромъ не
въ наружности, но и въ голосѣ и манерѣ держать себя. При
условіяхъ, Корона, аристократка въ душѣ, несмотря на у
искусствомъ, гордая и высокомѣрная, привыкшая къ рабской
ности чешской прислуги, вѣроятно, осталась бы недовольна
геромъ и его дочерью и пожаловалась бы графу на ихъ груб
щеніе, такъ какъ они, при всей своей услужливости, держа
независимо относительно господъ и съ чувствомъ собственнаго д
ства. Но теперь она находила особенную прелесть въ обращ
отвѣтахъ Гедвиги, потому что они представляли для нея и
новизны и гармонировали съ непривычной для нея обстанов

По пріѣздѣ въ замокъ, она была настолько измучена и пог
въ свои мысли, что не обратила никакого вниманія на молод
вушку, которая предложила раздѣть ее и, получивъ отказъ,
изъ комнаты съ словами: „покойной ночи“. Утромъ Корон

мало говорила съ нею, но была удивлена ея отвѣтами, полными здраваго смысла и скромной сдержанности. Только теперь она внимательно посмотрѣла на Гедвигу, которая стояла въ дверяхъ при дневномъ освѣщеніи и пришла въ восхищеніе отъ ея наружности. Красивый бюргерскій нарядъ Гедвиги представлялъ противоположность съ простой крестьянской одеждой графини, которая сняла съ головы пестрый платокъ и распустила свои роскошные коричневые локоны. На Гедвигѣ было сѣрое платье, подобранное розовыми бантами, а на шеѣ небольшой шелковый платокъ съ широкой бахрамой, прикрывавшей плечи; косы ея были переплетены шелковыми лентами.

Коронѣ пришло въ голову, что теперь по платью могутъ принять Гедвигу за госпожу, а ее за крестьянку. Эта мысль показалась ей настолько забавною, что она расхохоталась.

— Вы предлагаете мнѣ свои услуги, Гедвига, мнѣ, простой крестьянкѣ! сказала она съ улыбкой.—Приличнѣе было бы сдѣлать наоборотъ. Дочь нашего бурмистра не умѣетъ такъ хорошо одѣваться и далеко не такъ красива, какъ вы!

— Графиня насмѣхается надо мною. Я знаю, что отецъ избаловалъ меня и наряжаетъ богаче, чѣмъ слѣдуетъ. Но ему нравятся пестрыя юбки и ленты.

— Вѣроятно, и вамъ также?

— Разумѣется, мы всѣ наслѣдовали склонность нашей прародительницы Евы. Это нашъ прирожденный грѣхъ.

— Какъ вы легко относитесь къ этому. Вы, вѣроятно, лютеранка.

— Да, потому что въ этой вѣрѣ крещены мой отецъ и покойная мать.

— Развѣ здѣшніе крестьяне лютеранскаго вѣроисповѣданія?

— Нѣтъ, большинство католики, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, привезенныхъ графомъ изъ Франконіи; тѣ всѣ лютеране. Графъ приказалъ устроить намъ капеллу въ одной изъ залъ замка; въ большіе праздники, по приглашенію графа, сюда пріѣзжаетъ пасторъ изъ Саксоніи и говоритъ намъ проповѣди.

— Я слышала, что графъ не признаетъ никакой религіи!

— Я не знаю, что вамъ сказать на это. Но я считаю графа богобоязненнымъ человѣкомъ. Онъ помогаетъ бѣднымъ, говоритъ о божьемъ всемогуществѣ и милосердіи лучше и трогательнѣе, нежели всякій приходскій священникъ.

— Онъ разговарилъ съ вами объ этомъ?

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я встрѣтила графа въ саду поздно вечеромъ; на небѣ въ это время была необыкновенно свѣтлая звѣзда. Я тогда была еще дѣвочкой и съ удивленіемъ смотрѣла на звѣзду, которую я до этого никогда не видала. Графъ ласково взялъ меня за руку, показалъ мнѣ самыя блестящія звѣзды, сказалъ, какъ онѣ называются, и объяснилъ, что планеты движутся вокругъ солнца. Онъ мнѣ позволилъ также прійти въ башню и посмотрѣть въ верхней

комнатѣ на раскрашенный глобусъ неба, купленный покойнымъ графомъ. Къ несчастью, и эта прекрасная вещь сгорѣла во время пожара башни.

Молодая графиня, сидя въ покойномъ креслѣ, разсѣянно слушала стоявшую передъ ней Гедвигу.

— Она ученая! подумала съ досадой Корона. — Посмотримъ, насколько ты понимаешь въ музыкѣ!

Она встала съ своего мѣста и открыла фортепіано, которое оказалось сильно разстроеннымъ, такъ какъ уже давно никто не прикасался къ его клавишамъ. Но это не остановило Корону. Проигравъ прелюдію, она запѣла по-итальянски арію Глюка. Звуки фортепіано становились все полнѣе и сильнѣе, сливаясь съ нотами богатаго молодаго голоса. Тихая жалоба безъисходнаго горя, которую великій маэстро выразилъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ въ своемъ „Орфеѣ", получила еще бо́льшую прелесть и задушевность при талантливомъ исполненіи Короны.

Чарующіе звуки пѣсни произвели такое сильное впечатлѣніе на простую дѣвушку, что у ней захватило дыханіе. Скрестивъ руки на груди, она пристально смотрѣла на пѣвицу, которая казалась ей какимъ-то высшимъ существомъ, слетѣвшимъ на землю изъ другаго міра.

Молодая графиня внезапно прервала пѣніе и спросила съ усмѣшкой Гедвигу:

— Вы, можетъ быть, такъ же поете и играете?

Прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ Гедвига въ состояніи была выговорить одно слово.

— Развѣ это возможно!.. Такъ поютъ только ангелы! Я никогда не слыхала ничего подобнаго...

— Никогда! повторила Корона съ веселой улыбкой. — Но вы понимаете искусство... У васъ слезы на глазахъ... Сядьте возлѣ меня.

Принужденность перваго знакомства исчезла. Обѣ дѣвушки болтали черезъ нѣсколько минутъ, какъ старыя знакомыя, напоминая своимъ щебетаньемъ весеннихъ ласточекъ. Молодая графиня отрѣшилась отъ своего обычнаго высокомѣрія и наслаждалась комической стороной приключенія. Исторія, которая могла кончиться такъ трагически, представлялась ей теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Пусть объясняютъ, какъ хотятъ, ея внезапное исчезновеніе изъ замка; пройдетъ еще нѣсколько времени, и люди забудутъ объ ея существованіи! Благодаря дождливому дню, Корона еще болѣе чувствовала свое одиночество и искренно желала сблизиться съ дочерью управляющаго. У обѣихъ была одинаковая потребность высказаться. Знатная графиня представляла для Гедвиги олицетвореніе всего прекраснаго, возвышеннаго и блестящаго въ мірѣ. Корона, въ свою очередь, съ большимъ интересомъ относилась къ дочери управляющаго. Послѣдняя нравилась ей своей своеобразной красотой, свободной рѣчью и ум-

ственнымъ развитіемъ, казавшимся ей невозможнымъ въ той средѣ, къ которой принадлежала Гедвига. Но Корона не предалась такъ откровенно и безкорыстно новому знакомству, какъ Гедвига; она была слишкомъ искусственно воспитана для этого. Полу-шутя, полу-серьезно, она преслѣдовала свою цѣль и поддразнивала Гедвигу, чтобы вывѣдать у ней нѣкоторыя подробности о супружествѣ графа. Не выскажетъ ли она какого нибудь предположенія относительно причины, побудившей молодую графиню такъ скоро разстаться съ мужемъ?..

Незамѣтно проходило время. Обѣ дѣвушки отправились осматривать замокъ. Здѣсь все нравилось Коронѣ по своей новизнѣ. Она не встрѣчала той роскоши и великолѣпія, которыя наскучили ей въ замкѣ ея бабушки; комнаты были меньше и въ нихъ не было ни такого количества золотыхъ и серебряныхъ украшеній, ни длиннаго ряда фамильныхъ портретовъ въ тяжелыхъ старинныхъ рамкахъ; но все, начиная съ мебели и кончая самой маленькой вещью въ комнатѣ, носило на себѣ отпечатокъ изящества и непосредственнаго отношенія къ жизни. Маленькія картины на стѣнахъ изображали праздничныя и пастушескія сцены; кавалеры и дамы прогуливались въ саду или танцовали. На одной картинѣ былъ изображенъ Дафнисъ, играющій на флейтѣ передъ Церерой, на другой — маскарадъ въ Италіи; тутъ шествіе Бахуса, надъ нимъ изображеніе дамы съ арфой въ свѣтло-голубомъ парчевомъ платьѣ... Это былъ новый, невѣдомый міръ для Короны, но близкій ея сердцу, міръ, въ которомъ она желала бы остаться навсегда.

— На другой сторонѣ замка, гдѣ живетъ графъ, комнаты мрачнѣе и проще по своему убранству, замѣтила Гедвига.—Ихъ устраивалъ покойный графъ; онъ любилъ темные цвѣтà, старомодные столы, стулья и шкапы... Но молодая графиня хотѣла, чтобы вокругъ нея все было свѣтло, пестро и весело. Однако, она и четырехъ недѣль не наслаждалась всѣмъ этимъ. Не помогли ни наши молитвы объ ихъ счастьи, ни наши просьбы...

Гедвига сама начала разговоръ, на который до этой минуты напрасно старалась навести ее Корона. Послѣдняя тотчасъ же воспользовалась этимъ и осыпала вопросами Гедвигу, которая отвѣчала тѣмъ охотнѣе, что она не имѣла причины скрывать то, что ей было извѣстно. Ничто не могло быть проще разсказа дочери управляющаго: бракъ былъ заключенъ въ Прагѣ; молодые супруги прожили около трехъ недѣль въ замкѣ и, повидимому, совершенно счастливо. Въ этомъ настроеніи они отправились въ Венецію. Графъ, посѣтившій Италію въ ранней молодости, хотѣлъ вновь побывать въ этой странѣ съ любимой женой. Но, едва доѣхавъ до Венеціи, они разстались. Отецъ Гедвиги узналъ объ этомъ печальномъ событіи только двѣ недѣли спустя, изъ письма, которое графъ написалъ ему изъ Рима.

Корона была не удовлетворена этимъ разсказомъ, потому что она не узнала въ немъ ничего новаго, хотя не могла сомнѣваться, что

Гедвига ничего не скрыла отъ нея. Одно только заинтересовало ее, что Гедвига не раздѣляла ея восхищенія Ренатой и откровенно призналась, что никогда не чувствовала особеннаго довѣрія къ молодой графинѣ.

— Развѣ вы узнали что нибудь дурное о ней? спросила Корона.

— Нѣтъ, я ничего не слыхала. Но во всякомъ случаѣ мнѣ неприлично разсуждать о поступкахъ графини. Я всегда видѣла ее только мелькомъ. Мнѣ не нравился ея холодный взглядъ и сжатыя губы. Я никогда не рѣшилась бы говорить съ нею такъ откровенно, какъ съ вами. Если кто не нравится намъ, то это еще не значитъ, что онъ дурной человѣкъ! Но одни люди такіе, что такъ и хочется броситься имъ на шею и вылить передъ ними все, что у тебя на сердцѣ, а другіе однимъ взглядомъ леденятъ нашу кровь. Говорятъ, что у каждаго на лицѣ написана его душа, только не всякій умѣетъ читать эту надпись, а только тотъ, кому это дано свыше.

— Вѣроятно, вы считаете себя въ числѣ этихъ избранныхъ? — спросила со смѣхомъ Корона.

— По крайней мѣрѣ, мое чувство не обмануло меня относительно графини Ренаты.

Это заявленіе дубродушной и умной дѣвушки еще болѣе убѣдило Корону въ виновности Ренаты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ невиннѣе и несчастнѣе казался графъ, тѣмъ болѣе онъ выигрывалъ въ ея мнѣніи. Быть можетъ, онъ увлекся Ренатой съ горячностью первой любви и нашелъ въ ней гордую сдержанность и чопорность святоши, годную для монастыря, а не для супружеской жизни. Примиреніе графа съ его женой показалось Коронѣ еще труднѣе, но тѣмъ выше будетъ ея заслуга, если это удастся ей. Она, вѣроятно, отлично исполнила бы свою роль посредницы, если бы могла тотчасъ же вызвать передъ собою обоихъ супруговъ съ помощью волшебнаго жезла. Но она должна была поневолѣ отложить свое предпріятіе до слѣдующаго утра, потому что дождь еще больше усилился и, по замѣчанію Гедвиги, врядъ ли можно было ожидать возвращенія графа изъ отдаленныхъ фермъ при худыхъ дорогахъ, которыя, вѣроятно, стали еще хуже отъ дождя. Корона покорилась необходимости, но ея нетерпѣніе выражалось въ полусловахъ и возгласахъ, которые становились тѣмъ чаще, чѣмъ больше подвигалась стрѣлка на фарфоровомъ циферблатѣ, изображавшемъ знаки зодіака. Наконецъ, Коронѣ показалось настолько невыносимымъ оставаться долѣе въ комнатахъ, что она рѣшила выйти изъ замка на свѣжій воздухъ, несмотря на бурю и дождь.

День уже склонялся къ вечеру и замѣтно было приближеніе сумерекъ, когда дѣвушки вышли на главное крыльцо. Старая служанка, завѣдывавшая кухней и погребами, предостерегала ихъ отъ прогулки въ сырую погоду, но обѣ дѣвушки со смѣхомъ убѣжали отъ добродушныхъ увѣщаній старухи къ развалинамъ сгорѣвшей башни. Онѣ повязали себѣ головы теплыми платками; Корона, кромѣ того, накинула

на себя плащъ. Она шла впереди, выплясывая крестьянскій танецъ по камнямъ мощенаго двора и выбивая тактъ своими толстыми деревянными башмаками. Она чувствовала себя въ радостномъ настроеніи ребенка при видѣ новой игрушки; рана, нанесенная ей любовью, еще не зажила, но неособенно безпокоила ея, потому что воображеніе ея было занято чудесами, ожидавшими ее за темнымъ покровомъ тумана. Замокъ имѣлъ видъ сѣрой тяжелой массы, нагроможденной тремя этажами. Крыша, украшенная зубцами, и три гранитныя статуи, стоявшія на стѣнѣ между фронтонами—все это исчезало въ бѣловатомъ облакѣ тумана перемѣшаннаго съ дождемъ. Въ тѣ времена, когда Валдштейнъ построилъ себѣ замокъ у подножья укрѣпленнаго императорскаго дворца въ Прагѣ, воздвигнутъ былъ и этотъ замокъ, который долженъ былъ представлять собою слѣпое подражаніе стилю Бернини, но при дальнѣйшей постройкѣ окончательно потерялъ первоначальный характеръ и цѣльность архитектурнаго плана. Теперь это было старое, обветшалое зданіе, почернѣвшее отъ времени и непогоды. Желѣзная рѣшетка соединяла его съ башней и садомъ. По толщинѣ и прочности стѣнъ, длинѣ свода надъ воротами, можно было видѣть, что замокъ построенъ былъ въ суровый, воинственный вѣкъ, и нѣкогда служилъ крѣпостью; то же назначеніе имѣла и сгорѣвшая башня. Стѣны ея съ одной стороны были почти нетронуты и надъ главнымъ ходомъ виднѣлся каменный барельефъ съ тремя головами; двѣ изъ нихъ были по бокамъ стариннаго герба, одна надъ нимъ. Послѣдняя особенно обратила на себя вниманіе Короны. Эта голова съ оскаленными зубами производила такое впечатлѣніе, что, глядя на нее, казалось, что она насмѣхается надъ геральдическими звѣрями герба и надъ серьезными вытянутыми лицами своихъ товарищей.

— Что означаютъ эти головы? спросила Корона, вскочивъ въ нишу стѣны, гдѣ она была нѣсколько защищена отъ дождя.

— Это головы трехъ дураковъ, отвѣтила Гедвига.

— Мы не умнѣе ихъ! сказала со смѣхомъ Корона.—Кто, кромѣ насъ двухъ, вздумаетъ любоваться ими въ такую погоду!

— Можетъ быть, эти барельефы имѣютъ и другое значеніе, продолжала Гедвига,—но я ничего не слыхала объ этомъ. Отецъ предполагаетъ, что это портреты трехъ любимыхъ шутовъ герцога Раудница, которому нѣкогда принадлежалъ замокъ, а крестьяне говорятъ, что кто поживетъ въ замкѣ, тотъ поглупѣетъ.

— Значитъ, кузенъ Эрбахъ долженъ благодарить небо, что башня сгорѣла, потому что это спасло его отъ идіотизма.

— Одно несомнѣнно, что въ этой башнѣ творились странныя вещи, сказала Гедвига убѣжденнымъ тономъ.

— Кто лучше васъ можетъ знать тайны старой башни! сказала ласково Корона, положивъ руку на плечо своей новой подруги.

— Если бы графиня въ тѣ времена поднялась ночью по винтовой лѣстницѣ, продолжала Гедвига,—то услыхала бы шорохъ, шепотъ,

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.